LIFE FOR GOD

Проповеди на разные случаи

Джон Уэсли

СБОРНИКИ ПРОПОВЕДЕЙ

Полный русский перевод

1846

2026

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн

Об издании

Полное историческое собрание Томаса Джексона: 141 проповедь в пяти сериях, с предисловиями и историческими примечаниями. Полный английский текст и новый русский перевод.

Русский перевод подготовлен священником Сергеем Кауди для Life for God.

Основа — полное собрание из 141 проповеди Sermons on Several Occasions в нумерации Томаса Джексона: пять серий (1–53, 54–108, 109–126, 127–133 и 134–141). Электронная транскрипция CCEL, обозначенная её издателями как издание 1872 года, сопоставлена с тремя томами печатного издания London: John Mason, 1846. Год 1846 на обложке указывает на проверенный печатный источник; это подготовленный текст для чтения, а не факсимиле или дипломатическая транскрипция отдельного издания. Сохранены все проповеди, пять предисловий к сериям, исторические примечания, стихотворные строки и таблица; отдельная биография, указатели и оглавления печатных томов не входят в выбранный корпус проповедей. Структура электронного текста сохранена; одно подтверждённое печатью повторение исторической сноски в проповеди 17 удалено, сама сноска сохранена на своём месте; выявленные пропуски и ошибки сверены с историческими печатными источниками. Позднейшие анонимные комментарии, современные варианты и служебные вставки электронной публикации исключены; исторические примечания оставлены в тексте. Полная посимвольная вычитка всех печатных страниц не заявляется. В собрание входят проповеди Чарльза Уэсли (№ 3 и 129), а также сокращённые и переработанные Джоном Уэсли тексты Бенджамина Калами (№ 137) и Уильяма Тилли (№ 138); их авторство обозначено отдельно. Историческое предисловие к пятой серии с оговорками об авторстве и ранних богословских взглядах сохранено полностью. Нумерация Псалмов и формы библейских ссылок следуют английскому источнику. Русский перевод сохраняет историческую аргументацию, богословские утверждения и полемику без сокращений.

Исторический английский текст находится в общественном достоянии в США. Новый русский перевод и подготовка данного издания — Life for God, 2026. Современные сторонние русские переводы не использованы.

Богословские суждения и исторические примеры принадлежат автору. Редакционные примечания обозначены отдельно. Номера абзацев введены для ссылок и сопоставления языков.

Читать на сайте Life for God →

Источники

John Wesley · Sermons on Several Occasions · CCEL historical-text transcription

Sermons on Several Occasions · London: John Mason, 1846 · volume I (sermons 1–39)

Sermons on Several Occasions · London: John Mason, 1846 · volume II (sermons 40–86)

Sermons on Several Occasions · London: John Mason, 1846 · volume III (sermons 87–141)

Charles Wesley · The Cause and Cure of Earthquakes · 1756 second-edition catalogue record

Wesley Center · On Grieving the Holy Spirit · attribution to William Tilly

Содержание

Об издании 2
Источники 3
Содержание 4
Первая серия — предисловие и описание 10
Спасение верой 16
Почти христианин 30
Встань, спящий 42
Библейское христианство 58
Оправдание верой 80
Праведность веры 97
Путь в Царство 114
Начатки Духа 129
Дух рабства и усыновления 144
Свидетельство Духа 163
Свидетельство Духа 180
Свидетельство нашего духа 197
О грехе в верующих 211
Покаяние верующих 228
Великий суд 248
Средства благодати 268
Обрезание сердца 292
Признаки нового рождения 307
Великое преимущество рождённых от Бога 322
Господь — оправдание наше 336
О Нагорной проповеди нашего Господа 354

О Нагорной проповеди нашего Господа 375
О Нагорной проповеди нашего Господа 397
О Нагорной проповеди нашего Господа 419
О Нагорной проповеди нашего Господа 441
О Нагорной проповеди нашего Господа 465
О Нагорной проповеди нашего Господа 489
О Нагорной проповеди нашего Господа 513
О Нагорной проповеди нашего Господа 538
О Нагорной проповеди нашего Господа 559
О Нагорной проповеди нашего Господа 575
О Нагорной проповеди нашего Господа 587
О Нагорной проповеди нашего Господа 601
Происхождение, природа, свойства и назначение закона 615
Закон, утверждаемый верой 634
Закон, утверждаемый верой 650
Природа энтузиазма 663
Предостережение против нетерпимости 681
Кафолический дух 701
Христианское совершенство 719
Блуждающие мысли 749
Козни сатаны 763
Путь спасения согласно Писанию 779
Первородный грех 795
Новое рождение 811
Состояние пустыни 828
Скорбь среди многообразных искушений 848
Самоотречение 865

Исцеление от злословия 881
Употребление денег 896
Добрый управитель 914
Исправление нравов 932
На смерть священника Джорджа Уайтфилда 959
Вторая серия — предисловие и описание 982
О вечности 985
О Троице 999
Бог одобряет Свои творения 1010
О грехопадении человека 1023
О предопределении 1036
Божия любовь к падшему человеку 1044
Всеобщее избавление 1058
Тайна беззакония 1075
Цель пришествия Христа 1096
Всеобщее распространение Евангелия 1110
Новое творение 1126
Обязанность обличать ближнего 1137
Знамения времён 1148
О Божием Провидении 1161
Премудрость Божиих замыслов 1179
Несовершенство человеческого знания 1196
Беспристрастное рассмотрение разума 1216
О добрых ангелах 1231
О злых ангелах 1245
Об аде 1261
О Церкви 1276

О расколе 1290
О совершенстве 1304
Духовное поклонение 1324
Духовное идолопоклонство 1340
О рассеянности 1354
О дружбе с миром 1366
В каком смысле нам следует оставить мир 1382
Об искушении 1398
О терпении 1411
Важный вопрос 1423
О совершении нашего спасения 1442
Призыв к отступившим 1454
Опасность богатства 1472
Об одежде 1493
Путь ещё превосходнейший 1509
Истинный израильтянин 1525
О христианской любви 1536
О ревности 1552
О выкупании времени 1566
О семейном благочестии 1579
О воспитании детей 1593
О послушании родителям 1611
О послушании пастырям 1625
О посещении больных 1637
Награда праведных 1651
О том, как угождать всем людям 1668
Об обязанности постоянно причащаться. Дж. У. 1680

О прежних временах 1696
Что есть человек? 1710
Об участии в церковном богослужении 1721
«О совести» 1737
О вере 1750
О Божием винограднике 1761
О богатстве 1777
Третья серия — описание 1789
Что есть человек? 1790
О том, что открывает вера 1799
О вездеприсутствии Бога 1809
Богач и Лазарь 1818
Различие между хождением видением и хождением верою . . 1835
Единство Божества 1847
Служение в Церкви 1860
Причины малой действенности христианства 1873
О познании Христа по плоти 1886
О едином оке 1895
О мирском безумии 1907
О брачной одежде 1915
Человеческая жизнь — сон 1925
О вере 1936
Лукавство человеческого сердца 1950
Небесное сокровище в глиняных сосудах 1962
О жизни без Бога 1970
Об опасности умножения богатства 1979
Четвёртая серия — описание 1991

Скорби и покой добрых людей 1992
Даровая благодать 2003
Причина землетрясений и средство против них 2022
Грехи и бедствия народа 2041
Недавнее дело Божье в Северной Америке 2054
На закладку новой часовни близ Сити-роуд в Лондоне 2070
На смерть преподобного Джона Флетчера, викария Мейдли в Шропшире 2087
Пятая серия — описание и замечание редактора 2114
В защиту истинного христианства 2115
О скорби об умерших 2131
Об искажении слова Божия 2139
О воскресении мёртвых 2147
Об оскорблении Святого Духа 2163
О любви 2174
Об общественных развлечениях 2184
О Святом Духе 2196
Примечания 2214

Первая серия — предисловие и описание

[1] Первая серия

[2] Состоящая из пятидесяти трёх бесед,

[3] опубликованных в четырёх томах в 1771 году,

[4] на которые ссылаются учредительные акты методистских молитвенных домов как на изложение основных вероучительных положений Методистского объединения, наряду с примечаниями господина Уэсли к Новому Завету.

[5] 1. Следующие проповеди содержат суть того, что я проповедовал в течение последних восьми-девяти лет. [В 1747 году.] За это время я неоднократно говорил публично о каждом предмете, вошедшем в настоящее собрание; и мне не известно ни одного положения учения, о котором я привык говорить публично и которое здесь, пусть попутно, а не в виде особой темы, не было бы представлено каждому читателю-христианину. Поэтому всякий серьёзный человек, прочитавший эти проповеди, с полной ясностью увидит, какие именно учения я

принимаю и преподаю как существенные основания истинной веры.

[6] 2. Но я вполне сознаю, что изложены они не так, как некоторые могли бы ожидать. Ничто здесь не облечено в изысканную, изящную или ораторскую форму. Если бы у меня и возникло желание или намерение писать таким образом, мне не хватило бы для этого свободного времени. Однако в действительности сейчас я менее всего стремился именно к этому; ибо пишу теперь, как обычно и говорю, ad populum — для большинства людей, для тех, кто не ценит и не понимает искусства красноречия, но всё же способен здраво судить об истинах, необходимых для счастья в настоящей и будущей жизни. Я упоминаю об этом, чтобы взыскательные читатели могли избавить себя от труда искать здесь то, чего они не найдут.

[7] 3. Я намерен предложить простую истину простым людям. Поэтому сознательно воздерживаюсь от всяких тонких философских умозрений, от запутанных и сложных рассуждений и, насколько возможно, даже от видимости учёности, за исключением тех случаев, когда привожу Писание на языке оригинала. Я стараюсь избегать всех слов, которые трудно понять, всех слов, не употребляемых в обыденной жизни, и особенно тех специальных выражений, которые так часто встречаются в богословских системах: оборотов речи, хорошо знакомых начитанным людям, но для простого народа являющихся неведомым языком. И всё же я не уверен, что порой невольно к ним не прибегаю: столь естественно нам воображать, будто слово, привычное для нас самих, привычно и для всего мира.

[8] 4. Более того, в некотором смысле я намерен забыть всё, что когда-либо прочёл за свою жизнь. Я хочу, вообще

говоря, говорить так, словно не читал ни одного автора, ни древнего, ни нового, — разумеется, всегда исключая богодухновенных писателей. Я убеждён, что это, с одной стороны, может помочь мне яснее выразить чувства моего сердца, когда я просто следую за ходом собственных мыслей, не запутываясь в чужих; с другой же стороны, я смогу с меньшим грузом на уме, с меньшими предрассудками и предубеждениями как искать для себя, так и передавать другим чистые, ничем не прикрытые истины Евангелия.

[9] 5. Перед искренними, рассудительными людьми я не боюсь раскрыть самые сокровенные помыслы моего сердца. Я думал: я — существо одного дня, проносящееся через жизнь, как стрела через воздух. Я — дух, пришедший от Бога и возвращающийся к Богу; ещё мгновение парю над великой бездной — и через несколько кратких мигов меня уже не видно: я погружаюсь в неизменную вечность! Я хочу знать одно — путь на небо, как благополучно достичь того счастливого берега. Сам Бог снизошёл до того, чтобы научить нас этому пути; ради этого Он и сошёл с небес. Он записал его в книге. О, дайте мне эту книгу! Любой ценой дайте мне книгу Божию! Она у меня есть: вот знания, которого мне достаточно. Пусть я буду homo unius libri. [Человеком одной книги.] Итак, вот я вдали от людской суеты. Сажусь один; здесь только Бог. В Его присутствии открываю и читаю Его книгу с одной целью: найти путь на небо. Возникает ли сомнение в смысле прочитанного? Кажется ли что-нибудь тёмным или запутанным? Я возношу сердце к Отцу светов: «Господи, разве не Ты сказал: “Если кому недостаёт мудрости, пусть просит у Бога”? Ты “даёшь щедро и не упрекаешь”. Ты сказал: “Если кто хочет творить Твою волю, тот узнает”. Я хочу творить Твою волю

— дай мне её узнать». Затем я ищу и рассматриваю параллельные места Писания, «сопоставляя духовное с духовным». Размышляю о них со всем вниманием и усердием, на которые способен мой ум. Если сомнение всё ещё остаётся, советуюсь с людьми, опытными в Божиих делах, а затем обращаюсь к сочинениям тех, кто и после смерти продолжает говорить через них. И чему я таким образом научаюсь, тому и учу.

[10] 6. Соответственно, в следующих проповедях я изложил то, что нахожу в Библии о пути на небо, стремясь отличить этот Божий путь от всех путей, изобретённых людьми. Я старался описать истинную веру, основанную на Писании и познанную в опыте, так, чтобы не упустить ничего, что действительно к ней относится, и не прибавить ничего, что ей чуждо. При этом я особенно желаю, во-первых, уберечь тех, кто только обращает свой взор к небу и, будучи мало знаком с Божиими делами, тем легче может сбиться с пути, от формализма, от одной лишь внешней религиозности, почти вытеснившей из мира сердечную веру; а во-вторых, предостеречь тех, кто знает веру сердца, веру, действующую любовью, чтобы они никогда не упраздняли закон верой и тем самым снова не попались в дьявольскую сеть.

[11] 7. По совету и просьбе некоторых друзей я предпослал остальным проповедям этого тома три моих проповеди и одну проповедь моего брата, произнесённые перед Оксфордским университетом. Мой замысел требовал нескольких бесед об этих предметах; и я предпочёл именно эти всем другим, поскольку они дают более веский ответ, чем любой ответ, который можно составить теперь, тем, кто часто утверждал, будто в последнее время мы изменили своё учение и теперь проповедуем не

то, что проповедовали несколько лет назад. Теперь всякий разумный человек сможет сам рассудить об этом, сравнив поздние проповеди с ранними.

12 8. Но кто-нибудь скажет, что я сам заблуждаюсь относительно этого пути, хотя берусь указывать его другим. Вероятно, так подумают многие; и вполне возможно, что я действительно заблуждаюсь. Но надеюсь, что во всём, в чём ошибся, мой ум открыт для убеждения. Я искренне желаю узнать лучше. Я говорю Богу и человеку: «Чего я не знаю, тому научи меня!»

13 9. Убеждены ли вы, что видите яснее меня? Вполне возможно, что так оно и есть. Тогда поступайте со мной так, как вы хотели бы, чтобы поступали с вами, если бы наши обстоятельства поменялись. Укажите мне лучший путь, чем тот, который я до сих пор знал. Докажите мне это ясным свидетельством Писания. И если я медлю на привычной дороге и потому неохотно её оставляю, потрудитесь немного надо мной: возьмите меня за руку и ведите настолько, насколько я способен следовать. Но не сердитесь, если я попрошу вас не сбивать меня с ног, чтобы ускорить мой шаг: даже в лучших условиях я иду слабо и медленно, а тогда вовсе не смогу идти. Не могу ли я также попросить вас не бранить меня, чтобы вывести на верную дорогу? Пусть даже я глубоко заблуждаюсь: сомневаюсь, что это меня исправит. Скорее это заставит меня ещё дальше бежать от вас и всё больше отклоняться от пути.

14 10. Более того, возможно, если рассердитесь вы, рассержусь и я; и тогда надежды найти истину останется мало. Как только вспыхнет гнев — Eute kapnos, как где-то выражается Гомер, — этот дым так застелет очи моей души, что я уже ничего не смогу ясно видеть. Ради Бога,

если только можно этого избежать, не будем возбуждать друг в друге гнев. Не будем разжигать друг в друге этот адский огонь, и тем более раздувать его в пламя. Если бы при этом страшном свете мы и могли различить истину, не было ли бы это скорее потерей, чем приобретением? Ведь насколько любовь, даже при множестве ошибочных мнений, предпочтительнее самой истины без любви! Мы можем умереть, не зная многих истин, и всё же быть отнесены на лоно Авраамово. Но если умрём без любви, какую пользу принесёт знание? Ровно такую, какую оно приносит дьяволу и его ангелам!

15 Да не допустит Бог любви, чтобы мы когда-либо испытали это! Да приготовит Он нас к познанию всякой истины, исполнив наши сердца Своей любовью, всякой радостью и миром в вере!

Спасение верой

[1] Произнесено в церкви Святой Марии в Оксфорде перед университетом 18 июня 1738 года.

[2] «Благодатью вы спасены через веру».

[3] Еф. 2:8.

[4] 1. Все благословения, которыми Бог одарил человека, исходят единственно из Его благодати, щедрости, благоволения — Его свободного, незаслуженного благоволения; благоволения совершенно незаслуженного, ибо человек не вправе притязать даже на малейшую из Его милостей. Свободная благодать «создала человека из праха земного и вдунула в него душу живую», запечатлела в этой душе образ Божий и «всё положила под ноги его». Та же свободная благодать и поныне сохраняет нам жизнь, дыхание и всё остальное. Ибо ни тем, что мы есть, ни тем, что имеем, ни тем, что делаем, мы не можем заслужить у Бога даже самого малого. «Все дела наши Ты, Боже, совершаешь в нас». Следовательно, и они — лишь новые свидетельства свободной милости; и какая бы праведность ни нашлась в человеке, она также есть дар Божий.

[5] 2. Чем же тогда грешный человек искупит хотя бы малейший из своих грехов? Собственными делами? Нет. Сколь бы многочисленны или святы они ни были, они принадлежат не ему, а Богу. Впрочем, сами по себе все они нечисты и греховны, так что каждое из них нуждается в новом искуплении. На худом дереве растут лишь худые плоды. А сердце его всецело испорчено и

мерзко: он «лишён славы Божией» — той славной праведности, которая первоначально была запечатлена в его душе по образу великого его Создателя. Поэтому, не имея в своё оправдание ничего — ни праведности, ни дел, — он совершенно безгласен перед Богом.

6 3. Если же грешные люди обретают Божие благоволение, то это — «благодать на благодать»! Если Бог всё ещё удостаивает нас новых благословений, и даже величайшего из всех — спасения, что можем мы сказать на это, кроме: «Благодарение Богу за неизреченный дар Его!» Так оно и есть: здесь «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками», чтобы спасти нас. Итак, «благодатью вы спасены через веру». Благодать — источник спасения, вера — его условие.

7 Итак, чтобы нам не лишиться благодати Божией, надлежит тщательно исследовать:

8 I. Какова та вера, через которую мы спасаемся.

9 II. Каково то спасение, которое обретается через веру.

10 III. Как ответить на некоторые возражения.

11 I. Какова та вера, через которую мы спасаемся.

12 1. Во-первых, это не просто вера язычника.

13 От язычника Бог требует верить, «что Он есть и ищущим Его воздаёт»; искать же Его следует, прославляя Его как Бога, благодаря Его за всё и прилежно упражняясь в нравственной добродетели — в справедливости, милосердии и правдивости по отношению к ближним. Поэтому грек или римлянин, и даже скиф или индиец, не имел оправдания, если не верил хотя бы в это: в бытие и свойства Бога, в будущую

жизнь с её воздаянием и наказанием, в обязательность нравственной добродетели. Ибо всё это — лишь вера язычника.

14 2. Во-вторых, это и не вера беса, хотя она простирается гораздо дальше веры язычника. Ведь бес верует не только в то, что существует премудрый и могущественный Бог, благой в воздаянии и справедливый в наказании, но и в то, что Иисус есть Сын Божий, Христос, Спаситель мира. Мы слышим, как он прямо заявляет: «Знаю Тебя, кто Ты, Святый Божий» (Лк. 4:34). Нельзя сомневаться и в том, что этот несчастный дух верит всем словам, вышедшим из уст Святого, а также всему прочему, написанному святыми мужами древности; о двух из них он вынужден был дать славное свидетельство: «Сии человеки — рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения». Итак, великий враг Бога и человека верует, и трепещет, веруя, что Бог явился во плоти, что Он «положит всех врагов под ноги Свои» и что «всё Писание богодухновенно». Вот до каких пределов простирается вера беса.

15 3. В-третьих, вера, через которую мы спасаемся в том смысле, какой будет объяснён далее, — не просто та вера, которую имели сами апостолы, пока Христос ещё пребывал на земле. Они веровали в Него так, что «оставили всё и последовали за Ним»; уже тогда имели силу творить чудеса, «исцелять всякую болезнь и всякую немощь»; уже тогда обладали «силой и властью над всеми бесами» и, что превосходит всё это, были посланы Учителем «проповедовать Царство Божие».

16 4. Какова же вера, через которую мы спасаемся? Прежде всего можно ответить в общем: это вера во Христа; её собственный предмет — Христос и Бог через

Христа. Уже этим она вполне и безусловно отличается от веры как древних, так и нынешних язычников. От веры же беса она всецело отличается следующим: она не есть нечто лишь умозрительное, рассудочное, холодное и безжизненное согласие, цепь понятий в голове; она есть также расположение сердца. Ибо так говорит Писание: «Сердцем веруют к праведности»; и ещё: «Если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мёртвых, то спасёшься».

17 5. От той веры, которую имели сами апостолы, пока Господь наш жил на земле, она отличается признанием необходимости и заслуги Его смерти и силы Его воскресения. Она признаёт Его смерть единственным достаточным средством искупить человека от смерти вечной, а воскресение Его — возвращением всех нас к жизни и бессмертию, поскольку Он «предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего». Следовательно, христианская вера — это не только согласие со всем Евангелием Христовым, но и всецелое упование на кровь Христову; доверие к заслугам Его жизни, смерти и воскресения; опора на Него как на наше искупление и нашу жизнь, на Него, преданного за нас и живущего в нас; и, вследствие этого, соединение с Ним и прилепление к Нему как к нашей «премудрости, праведности, освящению и искуплению» — одним словом, как к нашему спасению.

18 II. Второе, что надлежит рассмотреть, — каково спасение, обретаемое через эту веру.

19 1. Прежде всего, что бы ещё оно ни заключало в себе, это спасение нынешнее. Оно достижимо и действительно достигается уже на земле теми, кто причастен этой вере.

Ибо апостол говорит верующим в Ефесе, а в их лице — верующим всех времён, не: *«Вы будете спасены»* — хотя и это верно, — но: *«Вы спасены через веру»*.

[20] 2. *Вы спасены* — если выразить всё одним словом — от греха. Таково спасение через веру. Таково великое спасение, предсказанное ангелом прежде, чем Бог ввёл Своего Первородного в мир: «Наречёшь Ему имя Иисус, ибо Он спасёт людей Своих от грехов их». Ни здесь, ни в других местах Священного Писания нет никаких ограничений или оговорок. Всех людей Своих, или, как сказано в другом месте, «всех верующих в Него», Он спасёт от всех их грехов: от первородного греха и от совершённых ими грехов, от прошлых и нынешних, от грехов «плоти и духа». Через веру в Него они спасены и от вины греха, и от его власти.

[21] 3. Прежде всего — от вины за все прошлые грехи. Ибо весь мир виновен перед Богом, так что, если бы Он «стал замечать беззакония, никто не мог бы устоять»; а «законом» обретается лишь «познание греха», но не избавление от него, отчего «делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть». Теперь же «правда Божия через веру в Иисуса Христа явилась во всех верующих». Теперь «они оправдываются даром, по благодати Его, искуплением во Христе Иисусе». «Его Бог предложил в жертву умилостивления через веру в кровь Его, для показания праведности Его в прощении» — или через прощение — «грехов, соделанных прежде». Теперь Христос снял «клятву закона, сделавшись за нас клятвою». Он «истребил бывшее против нас рукописание, взяв его от среды и пригвоздив ко кресту». «Итак, нет ныне никакого осуждения тем», кто верует «во Христа Иисуса».

[22] 4. Спасённые от вины, они спасены и от страха. Конечно, не от сыновнего страха оскорбить Бога, но от всякого рабского страха: от страха, в котором есть мучение; от страха наказания; от страха гнева Божия, ибо теперь они видят в Нём уже не сурового Владыку, а милостивого Отца. «Они не приняли опять духа рабства, но приняли Духа усыновления, Которым взывают: Авва, Отче! Сам Дух свидетельствует духу их, что они — дети Божии». Они спасены также от страха отпасть от благодати Божией и лишиться великих и драгоценных обетований, хотя сама возможность отпадения не устранена. Так имеют они «мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа», «радуются надеждою славы Божией», и «любовь Божия излилась в сердца их Духом Святым, данным им». И благодаря этому они уверены — пусть, возможно, не во всякое время и не с одинаковой полнотой уверенности, — что «ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить их от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем».

[23] 5. Кроме того, через эту веру они спасены не только от вины греха, но и от его власти. Так объявляет апостол: «Вы знаете, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нём нет греха. Всякий, пребывающий в Нём, не согрешает» (1 Ин. 3:5 и далее). И ещё: «Дети! Да не обольщает вас никто. Кто делает грех, тот от диавола. Всякий верующий рождён от Бога. И всякий, рождённый от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нём; и он не может грешить, потому что рождён от Бога». И ещё раз: «Мы знаем, что всякий, рождённый от Бога, не грешит; но рождённый от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему» (1 Ин. 5:18).

[24] 6. Рождённый от Бога верою не грешит: (1.) Никаким привычным грехом, ибо всякий привычный грех есть грех царствующий; а грех не может царствовать ни в ком из верующих. (2.) Никаким намеренным грехом, ибо его воля, пока он пребывает в вере, всецело противится всякому греху и отвращается от него как от смертельного яда. (3.) Никаким греховным желанием, ибо он непрестанно желает святой и совершенной воли Божией; всякую же склонность к нечистому желанию он по благодати Божией подавляет в самом её зарождении. (4.) Не грешит он и по немощи — ни делом, ни словом, ни мыслью: его немощи не сопровождаются согласием воли, а без этого они, собственно, не являются грехами. Так «рождённый от Бога не делает греха»; и хотя он не может сказать, что не согрешал прежде, теперь он «не согрешает».

[25] 7. Итак, таково спасение через веру уже в нынешнем мире: спасение от греха и от последствий греха. И то и другое нередко выражается словом *оправдание*, которое в самом широком смысле означает избавление от вины и наказания посредством искупления Христова, действительно прилагаемого к душе грешника, ныне уверовавшего в Него, и избавление от власти греха через Христа, *изображённого в его сердце*. Поэтому оправданный таким образом, или спасённый верою, действительно *родился свыше*. Он *родился свыше от Духа* для новой жизни, которая «сокрыта со Христом в Боге». И, подобно новорождённому младенцу, он радостно принимает *adolon*, «*чистое* словесное молоко, чтобы от него возрастать»; силою Господа Бога своего он идёт от веры к вере, от благодати к благодати, пока наконец не достигнет «мужа совершенного, меры полного возраста Христова».

[26] III. Первое обычное возражение против этого таково:

[27] 1. Проповедовать спасение, или оправдание, одной верой — значит проповедовать против святости и добрых дел. На это можно было бы кратко ответить: «Так было бы, если бы мы говорили, как некоторые, о вере, отделённой от них; но мы говорим о вере, которая не отделена от них, а производит всякое доброе дело и всякую святость».

[28] 2. Однако полезно рассмотреть это подробнее, тем более что возражение вовсе не ново: оно известно ещё со времён святого Павла. Уже тогда спрашивали: «Итак, мы уничтожаем закон верою?» Отвечаем: во-первых, все, кто не проповедует веру, явно уничтожают закон — либо прямо и грубо, оговорками и толкованиями, которые истребляют весь дух текста, либо косвенно, не указывая единственного средства, с помощью которого возможно его исполнить. Во-вторых, мы, напротив, «утверждаем закон»: и раскрывая всю его полноту и духовный смысл, и призывая всех на тот живой путь, на котором «оправдание закона может исполниться в них». Уповающие на одну лишь кровь Христову пользуются всеми установленными Им средствами благодати, совершают все «добрые дела, которые Он прежде предназначил им исполнять», наслаждаются всеми святыми и небесными расположениями души и являют их — то самое устроение духа, какое было во Христе Иисусе.

[29] 3. Но не вводит ли проповедь этой веры людей в гордость? Отвечаем: как побочное следствие такое возможно. Поэтому всякого верующего надлежит усердно предостерегать словами великого апостола: первые ветви «отломились неверием, а ты держишься верою: не гордись, но бойся. Если Бог не пощадил природных

ветвей, то смотри, пощадит ли и тебя. Итак, видишь благость и строгость Божию: строгость к отпадшим, а благость к тебе, если пребудешь в благости Его; иначе и ты будешь отсечён». Пребывая в ней, человек будет помнить слова святого Павла, который предвидит именно это возражение и отвечает на него (Рим. 3:27): «Где же то, чем бы хвалиться? Уничтожено. Каким законом? Законом дел? Нет, но законом веры». Если бы человек оправдывался своими делами, ему было бы чем хвалиться. Но нечем хвалиться тому, кто «не делает, но верует в Оправдывающего нечестивого» (Рим. 4:5). Тот же смысл имеют слова, предшествующие нашему тексту и следующие за ним (Еф. 2:4 и далее): «Бог, богатый милостью, и нас, мёртвых по преступлениям, оживотворил со Христом — благодатью вы спасены, — дабы показать преизобильное богатство благодати Своей в благости к нам во Христе Иисусе. Ибо благодатью вы спасены через веру, и сие не от вас». От вас самих не происходит ни ваша вера, ни ваше спасение: «это Божий дар» — свободный, незаслуженный дар; как вера, через которую вы спасены, так и спасение, которое Он по Своему благоволению, по одной лишь Своей милости, соединяет с нею. То, что вы веруете, — одно проявление Его благодати; то, что, веруя, вы спасаетесь, — другое. «Не от дел, чтобы никто не хвалился». Ведь все наши дела, вся наша праведность, предшествовавшие вере, заслуживали от Бога лишь осуждения; столь далеки они были от того, чтобы заслужить веру, которая поэтому, когда бы ни даровалась, даруется не по делам. Не зависит спасение и от дел, совершаемых нами уже в вере, ибо тогда Сам Бог действует в нас; и то, что Он воздаёт нам за соделанное Им Самим, лишь являет богатство Его

милости, но не оставляет нам никакого повода для похвальбы.

30 4. «Однако не может ли такая речь о милости Божией, даром спасающей или оправдывающей одной верой, поощрить людей ко греху?» Да, может и будет поощрять: многие станут «оставаться во грехе, чтобы умножилась благодать». Но кровь их — на их собственной голове. Благость Божия должна вести их к покаянию; и она действительно приведёт к нему искренних сердцем. Узнав, что у Него ещё есть прощение, они возопиют, чтобы Он изгладил и их грехи через веру в Иисуса. И если они будут усердно взывать, не унывая; если станут искать Его во всех установленных Им средствах благодати; если не захотят утешиться, пока Он не придёт, — «Он придёт и не умедлит». А за малое время Он может совершить великое дело. В Деяниях апостолов много примеров того, как Бог производил эту веру в человеческих сердцах словно молнией, падающей с неба. В тот самый час, когда Павел и Сила начали проповедовать, темничный страж покаялся, уверовал и крестился; так же и три тысячи, обращённые святым Петром в день Пятидесятницы, — все они покаялись и уверовали при первой его проповеди. И, благословен Бог, ныне есть множество живых свидетельств того, что Он по-прежнему «силен спасти».

31 5. Но против той же истины, рассмотренной с другой стороны, выдвигают прямо противоположное возражение: «Если человек не может спастись всем, что способен сделать, это приведёт людей в отчаяние». Верно: в отчаяние спастись собственными делами, собственными заслугами или праведностью. Так и должно быть, ибо никто не может уповать на заслуги Христа, пока совершенно не отречётся от своих. Тот, кто «старается

поставить собственную праведность», не может принять праведности Божией. Праведность от веры не может быть дана ему, пока он уповает на праведность от закона.

32 6. Но это, говорят нам, учение безотрадное. Диавол говорил вполне в своём духе — без правды и без стыда, — когда осмелился внушить людям подобную мысль. Для всех грешников, погубивших и осудивших самих себя, оно — единственно утешительное, «исполненное великого утешения». «Всякий верующий в Него не постыдится»; «один Господь у всех, богатый для всех призывающих Его» — вот утешение, высокое, как небеса, и сильнее смерти! Что же? Милость для всех? Для Закхея, всем известного грабителя? Для Марии Магдалины, публичной блудницы? Мне слышится чей-то голос: «Значит, и я, даже я могу надеяться на милость!» Да, можешь, скорбящий, никем не утешенный! Бог не отвергнет твоей молитвы. Быть может, уже в следующий час Он скажет: «Дерзай, прощаются тебе грехи твои»; прощаются так, что больше не будут царствовать над тобою; и «Дух Святой будет свидетельствовать духу твоему, что ты — дитя Божие». О благовестие! Весть великой радости, посланная всем людям! «Жаждущие! Идите все к водам; идите, покупайте без серебра и без платы». Каковы бы ни были ваши грехи, пусть они «красны, как багряница», пусть их больше, чем волос на вашей голове, — «обратитесь к Господу, и Он помилует вас, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив».

33 7. Когда больше не находится возражений, нам просто говорят, что спасение одной верой не следует проповедовать как первое учение — или, по крайней мере, не следует проповедовать вовсе. Но что говорит Святой Дух? «Никто не может положить другого

основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос». Следовательно, истина о том, что «всякий верующий в Него спасётся», есть и должна быть основанием всей нашей проповеди, то есть должна проповедоваться прежде всего. «Хорошо, но не всем». Кому же тогда нам не проповедовать её? Кого исключить? Бедных? Нет: они имеют особое право слышать Евангелие. Неучёных? Нет: Бог с самого начала открывал это неучёным и простым людям. Юных? Ни в коем случае. Непременно «пускайте их приходить ко Христу и не препятствуйте им». Грешников? Их — менее всего. «Он пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию». Тогда, если уж кого и исключать, — богатых, учёных, почтенных, нравственных людей. И действительно, они слишком часто сами исключают себя из числа слушателей; но мы всё равно должны говорить слова нашего Господа. Ибо вот как звучит данное нам поручение: «Идите и проповедуйте Евангелие всей твари». Если кто исказит его или какую-либо его часть себе на погибель, пусть сам несёт своё бремя. Мы же, «жив Господь, будем говорить всё, что скажет нам Господь».

[34] 8. Особенно в нынешнее время будем возвещать, что «благодатью вы спасены через веру», ибо никогда защита этого учения не была столь своевременна, как сегодня. Только оно способно действенно остановить распространение среди нас римского заблуждения. Бесконечное дело — опровергать одну за другой все ошибки той Церкви. Но спасение верою поражает самый корень, и там, где оно утверждается, все они падают разом. Именно это учение, которое наша Церковь справедливо называет *твёрдой скалой и основанием христианской религии*, первоначально изгнало папство

из этих королевств; только оно способно и впредь удерживать его за их пределами. Только оно может обуздать ту безнравственность, которая «разлилась по земле, как потоп». Можете ли вы осушить великую бездну, вычерпывая её по капле? Тогда и нас вы можете исправить увещаниями против отдельных пороков. Но пусть будет введена «праведность от Бога по вере», и тогда остановятся её надменные волны. Только оно может заградить уста тем, кто «хвалится своим стыдом и открыто отвергает искупившего их Господа». О законе они могут рассуждать столь же возвышенно, как тот, у кого Бог написал его в сердце. Слушая их речи об этом, можно подумать, что они недалеки от Царства Божия. Но выведите их из области закона в Евангелие; начните с праведности веры, со Христа — «конца закона к праведности всякого верующего»; и те, кто только что казался почти, если не вполне, христианами, обнаружат себя сынами погибели, столь же далёкими от жизни и спасения — да помилует их Бог! — как глубины ада от высот небес.

35 9. Потому-то противник так неистовствует всякий раз, когда миру возвещается «спасение верою»; потому-то он поднял землю и ад, чтобы уничтожить тех, кто первым его проповедал. По той же причине, зная, что одна вера способна ниспровергнуть основания его царства, он созвал все свои силы и пустил в ход всё искусство лжи и клеветы, чтобы устрашить Мартина Лютера и помешать ему возродить это учение. И удивляться тут нечему: как замечает этот человек Божий, «до какого бешенства довело бы гордого, сильного и вооружённого человека то, что его останавливает и ни во что не ставит малое дитя, выступившее против него с тростинкой в руке!» — особенно если бы он знал, что это малое дитя непременно

низвергнет его и попрёт ногами. Да, Господи Иисусе! Так Твоя сила всегда «совершалась в немощи»! Выступай же, малое дитя, верующее в Него, и Его «десница научит тебя страшным делам»! Хотя ты беспомощен и слаб, как младенец от роду нескольких дней, сильный не сможет устоять перед тобою. Ты одолеешь его, покоришь, низвергнешь и попрёшь ногами. Под водительством великого Начальника твоего спасения ты пойдёшь вперёд, «побеждая и чтобы победить», пока не будут уничтожены все твои враги и «смерть не поглотится победою».

36 Благодарение же Богу, дарующему нам победу Господом нашим Иисусом Христом! Ему, со Отцом и Святым Духом, благословение и слава, премудрость и благодарение, честь, сила и могущество во веки веков. Аминь.

Почти христианин

[1] Произнесено в церкви Святой Марии в Оксфорде перед университетом 25 июля 1741 года.

[2] «Ты почти убеждаешь меня сделаться христианином».

[3] Деян. 26:28.

[4] И многие доходят до этого: с тех пор как христианская религия появилась в мире, во всякое время и среди всякого народа находилось множество людей, почти убеждённых стать христианами. Но поскольку перед Богом бесполезно дойти *лишь до этого*, нам чрезвычайно важно рассмотреть:

[5] Во-первых, что значит быть *почти* христианином;

[6] во-вторых, что значит быть *христианином вполне*.

[7] I. (I.) 1. Быть *почти христианином* — значит прежде всего обладать языческой честностью. Полагаю, никто не станет оспаривать этого, тем более что под языческой честностью я понимаю здесь не только то, что рекомендуется в сочинениях языческих философов, но и то, чего обыкновенные язычники ожидали друг от друга и что многие из них действительно исполняли. Её правила учили их не поступать несправедливо; не отнимать у ближнего имущества ни грабежом, ни воровством; не притеснять бедных и ни с кого ничего не вымогать; не обманывать и не обсчитывать ни бедного, ни богатого в каких бы то ни было сделках; никого не лишать принадлежащего ему по праву и, насколько возможно, никому ничего не быть должным.

[8] 2. Далее, обыкновенные язычники признавали, что следует уважать не только справедливость, но и правду. Поэтому они гнушались не только клятвопреступником, призывающим Бога во свидетели лжи, но и тем, кто был известен как клеветник на ближнего, ложно обвинявший кого-либо. Впрочем, немногим лучше они относились и ко всяким намеренным лжецам, считая их позором человеческого рода и бичом общества.

[9] 3. Кроме того, они ожидали друг от друга известной любви и помощи. Они ожидали всякой помощи, какую один человек способен оказать другому без ущерба для себя. Это распространялось не только на малые услуги человечности, не требующие ни расходов, ни труда, но также на кормление голодных, если оставалась лишняя пища; на одевание нагих излишком собственной одежды; вообще — на передачу нуждающимся того, в чём они нуждались, если дающему это самому не было нужно. Так далеко простиралась языческая честность даже в самом скромном её понимании; и это первое, что заключено в понятии *почти христианина*.

[10] (II.) 4. Второе, что заключено в понятии *почти христианина*, — иметь вид благочестия, предписанного Евангелием Христовым; иметь *внешний облик истинного христианина*. Поэтому почти христианин не делает ничего запрещённого Евангелием. Он не произносит имени Божия напрасно; благословляет, а не проклинает; вовсе не клянётся, но слово его — да, да; нет, нет. Он не оскверняет дня Господня и не позволяет осквернять его даже пришельцу, находящемуся в его воротах. Он избегает не только самого прелюбодеяния, блуда и нечистоты, но и всякого слова или взгляда, прямо либо косвенно ведущего к ним; и даже всякого праздного

слова, воздерживаясь от злословия, пересудов, сплетен, дурных речей и от «всякого пустословия и смехотворства» — eutrapelia, которое языческий моралист считает своего рода добродетелью. Одним словом, он воздерживается от всякой речи, не являющейся «доброй для назидания» и потому «оскорбляющей Святого Духа Божия, Которым мы запечатлены в день искупления».

11 5. Он воздерживается от «вина, от которого бывает распутство», от разгульных пиров и чревоугодия. Насколько это от него зависит, он избегает всякой ссоры и распри, непрестанно стараясь жить в мире со всеми людьми. Если его обижают, он не мстит за себя и не воздаёт злом за зло. Он не бранится, не скандалит, не насмехается ни над проступками, ни над немощами ближнего. Он не желает никого обидеть, ранить или огорчить, но во всём действует и говорит по простому правилу: «Чего не хочешь, чтобы другой сделал тебе, того не делай ему».

12 6. Делая добро, он не ограничивается дешёвыми и лёгкими услугами, но трудится и терпит ради пользы многих, чтобы всеми средствами помочь хотя бы некоторым. Не считаясь с трудами и болью, «всё, что рука его находит делать, он делает по силам своим» — для друзей ли, для врагов ли, для злых или для добрых. Не проявляя «лености» ни в этом, ни в каком другом «деле», он, «доколе есть возможность», делает «добро», всякое добро, «всем людям» — и их душам, и их телам. Он обличает нечестивых, наставляет незнающих, укрепляет колеблющихся, оживляет ревность добрых, утешает скорбящих. Он трудится над пробуждением спящих; тех, кого Бог уже пробудил, ведёт к «источнику, открытому для омытия греха и нечистоты», чтобы они омылись в нём

и очистились; а спасённых через веру побуждает во всём украшать Евангелие Христово.

13 7. Имеющий вид благочестия пользуется также средствами благодати — всеми и при всяком случае. Он постоянно посещает дом Божий; но не так, как некоторые, приходящие пред лицо Всевышнего либо увешанными золотом и одетыми в дорогие одежды, либо во всей кричащей суетности нарядов и своими несвоевременными любезностями друг к другу или неуместной весёлостью поведения отрекающиеся от всякого притязания не только на силу, но и на вид благочестия. О, если бы даже среди нас не было никого, подпадающего под то же осуждение! Никого, кто приходит в этот дом, глазея по сторонам или являя все признаки самого вялого, беспечного равнодушия, хотя иногда, *по видимости*, и обращается к Богу с молитвой о благословении начинаемого; кто во время этого внушающего благоговейный страх служения либо спит, либо устраивается так, чтобы было удобнее спать, либо, словно полагая, что Бог спит, разговаривает с соседями или смотрит вокруг с видом человека, совершенно ничем не занятого. Им нельзя приписать даже вид благочестия. Нет: обладающий хотя бы им ведёт себя серьёзно и внимательно во всех частях этого торжественного служения. Особенно же, приступая к трапезе Господней, он не проявляет легкомыслия или беспечности: его вид, движения и всё поведение говорят лишь одно: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!»

14 8. Если прибавить к этому постоянную семейную молитву у тех, кто возглавляет семейство, выделение времени для уединённого обращения к Богу и повседневную серьёзность поведения, то человек,

неизменно соблюдающий такую внешнюю религию, имеет вид благочестия. Чтобы стать *почти христианином*, ему недостаёт лишь одного — искренности.

15 (III.) 9. Под искренностью я понимаю подлинное внутреннее религиозное побуждение, из которого исходят эти внешние поступки. Если его нет, то у нас, по правде сказать, нет и языческой честности — даже в той мере, которая удовлетворила бы требования языческого поэта-эпикурейца. Даже этот жалкий человек в минуты трезвого рассуждения способен засвидетельствовать:

> 16 Oderunt peccare boni, virtutis amore;
> Oderunt peccare mali, formidine poenae.
>
> 17 [Добрые избегают греха из любви к добродетели;
> Злые избегают греха из страха наказания.]

18 Поэтому, если человек удерживается от зла лишь для того, чтобы избежать наказания, — Non pasces in cruce corvos, [Тебя не повесят], — говорит язычник, — вот, «ты получил награду свою». Но даже он не признает такого безвредного человека хотя бы *добрым язычником*. Следовательно, если кто по тому же побуждению — ради избавления от наказания, ради сохранения друзей, дохода или доброго имени — не только избегает зла, но и делает сколь угодно много добра, да ещё пользуется всеми средствами благодати, мы всё же не вправе сказать, что этот человек — даже *почти христианин*. Если в его сердце нет лучшего побуждения, он лишь совершенный лицемер.

19 10. Итак, понятие *почти христианина* необходимо предполагает искренность: подлинное намерение служить Богу, сердечное желание исполнять Его волю. Необходимо предполагается, что человек искренне

стремится угодить Богу во всём: во всём своём поведении, во всех поступках, во всём, что делает или оставляет несделанным. Если человек — *почти христианин*, это намерение проходит через весь строй его жизни. Оно движет им и в делании добра, и в воздержании от зла, и в исполнении Божиих установлений.

[20] 11. Но здесь, вероятно, спросят: «Возможно ли, чтобы живой человек зашёл так далеко и всё-таки остался *лишь почти христианином*? Что ещё, сверх этого, может означать — быть *христианином вполне*?» Прежде всего отвечаю: о том, что можно дойти так далеко и всё же остаться только *почти христианином*, я узнаю не только из слова Божия, но и из достоверного свидетельства опыта.

[21] 12. Братья, велико «моё дерзновение к вам в этом». И «простите мне эту вину», если ради вас и ради Евангелия я объявлю на кровлях о собственном безумии. Позвольте же мне свободно говорить о себе, как о другом человеке. Я готов быть униженным, лишь бы вы возвысились, и стать ещё более презренным ради славы моего Господа.

[22] 13. Много лет я доходил именно до этого, как могут засвидетельствовать многие из здешних людей: старательно избегал всякого зла и стремился иметь непорочную совесть; дорожил временем, ловил всякую возможность делать всякое добро всем людям; постоянно и тщательно пользовался всеми общественными и уединёнными средствами благодати; старался всегда и везде сохранять неизменную серьёзность поведения; и — Бог, перед Которым я стою, мне свидетель — всё это делал искренне, с подлинным намерением служить Богу, с сердечным желанием во всём исполнить Его волю, угодить Призвавшему меня «подвизаться добрым

подвигом» и «держаться вечной жизни». И всё же моя совесть свидетельствует мне в Духе Святом, что всё это время я был лишь *почти христианином*.

[23] II. Если спросят: «Что же, сверх этого, значит быть *христианином вполне*?» — отвечаю:

[24] (I.) 1. Во-первых — любовь к Богу. Ибо слово Его говорит: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею». Это любовь, овладевающая всем сердцем, занимающая все чувства, наполняющая всю вместимость души и приводящая в действие все её силы до последнего предела. Кто так любит Господа Бога своего, тот духом непрестанно «радуется о Боге, Спасителе своём». Его услада — в Господе, в его Господе и его всём, Которого он «за всё благодарит». «Всё желание его — к Богу и к воспоминанию имени Его». Сердце его непрестанно восклицает: «Кто мне на небе? И с Тобою ничего не хочу на земле». В самом деле, чего он может желать, кроме Бога? Не мира и не того, что в мире: ибо он «распят для мира, а мир — для него». Он распят для «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской». Да, он умер для всякой гордости, ибо «любовь не превозносится»; и тот, кто, «пребывая в любви, пребывает в Боге, и Бог в нём», в собственных глазах меньше, чем ничто.

[25] (II.) 2. Второе, что заключено в понятии *христианина вполне*, — любовь к ближнему. Ибо далее Господь наш сказал: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Если кто спросит: «Кто мой ближний?» — отвечаем: всякий человек на свете; всякое дитя Того, Кто есть Отец духов всякой плоти. Ни в коем случае нельзя исключить ни наших врагов, ни врагов Бога и собственных душ.

Христианин любит и их, как самого себя, — более того, «как Христос возлюбил нас». Кто желает полнее понять, какова эта любовь, пусть вникнет в её описание у святого Павла. Она «долготерпит, милосердствует», «не завидует», не судит опрометчиво или поспешно; «не превозносится», но делает любящего наименьшим, слугой всех. Любовь «не бесчинствует», но становится «для всех всем»; «не ищет своего», а лишь блага других, чтобы они спаслись. «Любовь не раздражается»; она изгоняет гнев, ибо в ком он есть, тому недостаёт любви. Она «не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит».

[26] (III.) 3. Есть ещё нечто, что можно рассмотреть отдельно, хотя в действительности оно неотделимо от предыдущего и также заключено в понятии *христианина вполне*. Это основание всего — вера. Во всём слове Божием о ней говорится самое прекрасное. «Всякий верующий рождён от Бога», — говорит возлюбленный ученик. «Тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими». И «сия есть победа, победившая мир, — вера наша». Сам Господь объявляет: «Верующий в Сына имеет жизнь вечную и на суд не приходит, но перешёл от смерти в жизнь».

[27] 4. Но здесь пусть никто не обманывает собственной души. «Следует тщательно заметить: вера, не приносящая покаяния, любви и всякого доброго дела, не есть та подлинная живая вера, но вера мёртвая и бесовская. Ведь и бесы веруют, что Христос родился от Девы; что Он совершал всевозможные чудеса, являя Себя истинным Богом; что ради нас Он претерпел мучительнейшую смерть, чтобы искупить нас от смерти вечной; что на третий день воскрес; что вознёсся на небо, сидит одесную

Отца и в конце мира придёт снова судить живых и мёртвых. В эти члены нашей веры бесы веруют, равно как веруют и во всё написанное в Ветхом и Новом Завете. Однако со всей этой верой они остаются всего лишь бесами. Они по-прежнему пребывают в своём осуждённом состоянии, не имея подлинной истинной христианской веры». [Гомилия о спасении человека.]

28 5. «Подлинная и истинная христианская вера состоит» — продолжим словами нашей собственной Церкви — «не только в убеждённости, что Священное Писание и члены нашей веры истинны, но и в твёрдом уповании и уверенности, что Христос спасёт нас от вечного осуждения. Это твёрдое упование и уверенность человека в Боге, что по заслугам Христа его грехи прощены и он примирён с Богом, обретя Его благоволение; следствием чего бывает любящее сердце, готовое повиноваться Его заповедям».

29 6. Итак, кто имеет эту веру, «очищающую сердце» силою живущего в нём Бога «от гордости, гнева, вожделения, от всякой неправды», от «всякой скверны плоти и духа»; наполняющую его любовью, которая сильнее смерти, — любовью и к Богу, и ко всему человечеству; любовью, совершающей дела Божии, почитающей славой тратить всё и саму себя ради всех людей и с радостью переносящей не только поношение Христово, насмешки, презрение и ненависть всех, но и всё, что премудрость Божия позволяет причинить злобе людей или бесов, — кто имеет эту веру, так действующую любовью, тот не почти лишь, а вполне христианин.

30 7. Но кто живые свидетели этого? Умоляю вас, братья, как перед лицом Бога, пред Которым «преисподняя и погибель открыты — тем более сердца сынов

человеческих», — пусть каждый из вас спросит своё сердце: «Принадлежу ли я к их числу? Соблюдаю ли я справедливость, милосердие и правду хотя бы в той мере, какой требуют правила языческой честности? Если да, имею ли я хотя бы *внешний облик* христианина, вид благочестия? Воздерживаюсь ли от зла — от всего, что запрещено в писаном слове Божием? Всякое ли добро, какое находит делать рука моя, я делаю со всей силой? Серьёзно ли пользуюсь всеми Божиими установлениями при всякой возможности? И всё ли это делается с искренним намерением и желанием во всём угодить Богу?»

[31] 8. Не сознают ли многие из вас, что никогда не доходили так далеко; что не были даже *почти христианами*; что не достигли мерила языческой честности, по крайней мере — вида христианского благочестия? Тем менее видел Бог в вас искренность, подлинное намерение угождать Ему во всём. Вы никогда даже не намеревались посвятить все свои слова и дела, занятия, учение, развлечения Его славе. Вы никогда даже не замышляли и не желали, чтобы всё сделанное вами совершалось «во имя Господа Иисуса» и потому было «духовной жертвой, благоугодной Богу через Христа».

[32] 9. Но допустим, что намеревались. Разве добрые намерения и добрые желания делают человека христианином? Ни в коем случае, если они не воплощаются в добром исполнении. «Ад вымощен, — сказал некто, — добрыми намерениями». Итак, великий вопрос всё ещё остаётся: излилась ли любовь Божия в твоё сердце? Можешь ли ты воскликнуть: «Бог мой и всё моё!»? Не желаешь ли ты ничего, кроме Него? Счастлив ли ты в Боге? Он ли твоя слава, твоя услада, твой венец

радости? Написана ли в твоём сердце заповедь: «Любящий Бога должен любить и брата своего»? Любишь ли ты ближнего, как самого себя? Любишь ли всякого человека, даже своих врагов, даже врагов Божиих, как собственную душу, — как Христос возлюбил тебя? Веришь ли ты, что Христос возлюбил тебя и предал Себя за тебя? Имеешь ли веру в Его кровь? Веришь ли, что Агнец Божий взял твои грехи и бросил их, как камень, в глубину моря; что Он истребил бывшее против тебя рукописание, взяв его от среды и пригвоздив ко кресту? Действительно ли имеешь искупление кровью Его, прощение грехов? Свидетельствует ли Дух Его духу твоему, что ты — дитя Божие?

[33] 10. Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Который ныне стоит посреди нас, знает: если человек умрёт без этой веры и этой любви, лучше было бы ему вовсе не родиться. Итак, пробудись, спящий, и призови Бога твоего; призови Его в день, когда можно найти Его. Не давай Ему покоя, пока Он не проведёт перед тобою «всю благость Свою»; пока не возгласит тебе имя Господа: «Господь, Господь Бог, человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину, преступление и грех». Пусть никто пустыми словами не убедит тебя остановиться, не достигнув этой награды высокого призвания. Но взывай день и ночь к Тому, Кто, «когда мы были ещё немощны, умер за нечестивых», пока не узнаешь, в Кого уверовал, и не сможешь сказать: «Господь мой и Бог мой!» Помни, что надлежит «всегда молиться и не унывать», пока и ты не сможешь поднять руку к небу и сказать Живущему во веки веков: «Господи! Ты знаешь всё; Ты знаешь, что я люблю Тебя».

[34] 11. Да испытаем же все мы, что значит быть не только почти, но вполне христианами: оправдываясь даром по Его благодати искуплением в Иисусе; зная, что имеем мир с Богом через Иисуса Христа; радуясь надеждою славы Божией; имея любовь Божию, излившуюся в сердца наши Духом Святым, данным нам!

Встань, спящий

[1] Произнесено в воскресенье 4 апреля 1742 года перед Оксфордским университетом преподобным Чарльзом Уэсли, магистром искусств, членом колледжа Крайст-черч. [1]

[2] «Встань, спящий, и воскресни из мёртвых, и осветит тебя Христос».

[3] Еф. 5:14.

[4] Рассуждая об этих словах, я с Божией помощью намерен:

[5] Во-первых, описать спящих, к которым они обращены;

[6] во-вторых, настойчиво изложить увещание: «Встань, спящий, и воскресни из мёртвых»;

[7] в-третьих, объяснить обетование, данное тем, кто пробуждается и восстаёт: «Осветит тебя Христос».

[8] I. 1. Прежде всего — о спящих, к которым обращены эти слова. Под сном здесь разумеется природное состояние человека: тот глубокий сон души, в который грех Адама погрузил всех, происходящих из чресл его; та беспечность, леность и тупость, та нечувствительность к своему истинному положению, с которой всякий человек приходит в мир и в которой остаётся, пока голос Божий не пробудит его.

[9] 2. «Спящие спят ночью». Природное состояние есть состояние полного мрака, в котором «тьма покрывает землю и мрак — народы». Несчастный непробуждённый грешник, сколь бы обширны ни были его познания в

других вещах, не знает самого себя: в этом отношении он «ещё ничего не знает так, как должно знать». Он не знает, что он падший дух, чьё единственное дело в нынешнем мире — восстать от падения, вернуть образ Божий, в котором был сотворён. Он *не видит необходимости* в *едином на потребу* — во всеобъемлющей внутренней перемене, в том «рождении свыше», которое изображается крещением и служит началом полного обновления, освящения духа, души и тела, «без которого никто не увидит Господа».

10 3. Исполненный всяких болезней, он воображает себя совершенно здоровым. Крепко связанный скорбью и железом, он мечтает, будто свободен. Он говорит: «Мир! Мир!» — тогда как диавол, словно «сильный с оружием», безраздельно владеет его душой. Он продолжает спать и покоиться, хотя преисподняя внизу пришла в движение, чтобы встретить его, хотя бездна, откуда нет возврата, раскрыла пасть, чтобы поглотить его. Вокруг него зажёгся огонь, но он не знает об этом; огонь уже жжёт его, но он не принимает этого к сердцу.

11 4. Итак, под спящим следует понимать — о, если бы все мы это поняли! — грешника, довольного своими грехами; согласного оставаться в падшем состоянии, жить и умереть без образа Божия; не знающего ни своей болезни, ни единственного лекарства от неё; никогда не слышавшего предостережения или никогда не внимавшего предостерегающему гласу Божию, зовущему «бежать от грядущего гнева»; того, кто ещё никогда не увидел, что ему грозит огонь геенны, и не возопил из глубины встревоженной души: «Что мне делать, чтобы спастись?»

12 5. Если этот спящий не предаётся явным порокам, сон его обычно бывает глубже всех прочих: обладает ли он лаодикийским духом, будучи «ни холоден, ни горяч», но спокойным, рассудительным, безвредным, добродушным исповедником религии отцов; или же он ревностен и правоверен и, «по строжайшему учению нашей веры», живёт «фарисеем», то есть, по свидетельству Писания, оправдывает самого себя и старается утвердить собственную праведность как основание своего принятия Богом.

13 6. Именно он, «имея вид благочестия, отрекается от силы его» и, вероятно, поносит её везде, где встречает, как одну лишь нелепость и заблуждение. Между тем этот несчастный самообманщик благодарит Бога за то, что он «не таков, как прочие люди: прелюбодеи, обидчики, грабители». Нет, он никого не обижает. Он «постится два раза в неделю», пользуется всеми средствами благодати, постоянно бывает в церкви и причащается, да ещё «даёт десятину из всего, что приобретает», делает всё добро, какое может; «по правде законной» он «непорочен». Ему недостаёт в благочестии лишь силы, в религии — лишь духа, в христианстве — лишь истины и жизни.

14 7. Но разве вы не знаете, что, как бы высоко ни ценили люди такого христианина, он мерзок в очах Божиих и наследует всякое горе, которое Сын Божий — вчера, сегодня и во веки Тот же — возвещает «книжникам и фарисеям, лицемерам»? Он «очистил внешность чаши и блюда», но внутри полон всякой нечистоты. «Злая болезнь всё ещё прилепилась к нему, и внутренность его есть самая неправда». Господь наш метко сравнивает его с «окрашенным гробом», который «снаружи кажется красивым», но всё же «внутри полон костей мёртвых и

всякой нечистоты». Правда, кости уже не сухи: на них появились жилы и плоть, и кожа покрыла их сверху; но дыхания в них нет, нет Духа Бога живого. А «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». «Вы Христовы, если только Дух Божий живёт в вас»; если же нет, Бог знает, что вы и доныне пребываете в смерти.

[15] 8. Это ещё одна черта спящего, к которому здесь обращаются. Он пребывает в смерти, хотя и не знает этого. Он мёртв для Бога, «мёртв по преступлениям и грехам». Ибо «помышления плотские суть смерть». Как написано: «Одним человеком грех вошёл в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков» — не только временная смерть, но также духовная и вечная. «В день, в который ты вкусишь, — сказал Бог Адаму, — смертью умрёшь»; не телесно, разве лишь в том смысле, что тогда он стал смертным, но духовно: ты потеряешь жизнь своей души; умрёшь для Бога; будешь отделён от Него, истинной жизни и счастья твоего.

[16] 9. Так впервые разорвался живой союз нашей души с Богом; поэтому теперь «посреди» естественной «жизни мы пребываем» в духовной «смерти». В ней мы и остаёмся, пока Второй Адам не станет для нас Духом животворящим; пока Он не воскресит мёртвых — мёртвых во грехе, в удовольствиях, богатстве или почестях. Но прежде чем мёртвая душа сможет ожить, она «слышит», то есть внимает, «голосу Сына Божия»: ей даётся почувствовать своё погибшее состояние, и она принимает внутри себя приговор смерти. Человек узнаёт, что он «заживо умер», мёртв для Бога и для всего Божия; что у него не больше силы совершать дела живого христианина, чем у мёртвого тела — исполнять действия живого человека.

[17] 10. Совершенно несомненно, что мёртвый во грехе не имеет «чувств, навыком приученных к различению духовного добра и зла». «Имея глаза, не видит; имеет уши и не слышит». Он не «вкушает и не видит, как благ Господь». Он «никогда не видел Бога», не «слышал гласа Его», не «осязал Слова жизни». Напрасно имя Иисуса подобно «разлитому миру», напрасно все одежды Его благоухают «смирной, алоем и кассией». Душа, спящая смертным сном, не воспринимает ничего подобного. Сердце её «потеряло чувствительность» и ничего этого не разумеет.

[18] 11. Поэтому, не имея духовных чувств, не имея путей, которыми входит духовное познание, душевный человек не принимает того, что от Духа Божия. Более того, он настолько далёк от этого, что всё духовно постигаемое кажется ему одной лишь глупостью. Он не довольствуется полным неведением духовного, но отрицает само его существование. Само духовное восприятие для него — верх нелепости. «Как, — говорит он, — это может быть? Как человек может *знать*, что он жив для Бога?» Так же, как ты знаешь, что твоё тело сейчас живо. Вера — жизнь души; и если эта жизнь пребывает в вас, то для удостоверения её *самому себе* вам не нужны иные признаки, кроме elegchos pneumatos — того божественного сознания, того *свидетельства* Божия, которое больше и выше десяти тысяч человеческих свидетельств.

[19] 12. Если Он ныне не свидетельствует духу твоему, что ты — дитя Божие, о, если бы Он Своим явлением и силой убедил тебя, несчастного непробуждённого грешника, что ты — дитя диавола! О, если бы теперь, пока я пророчествую, раздались «шум и движение», и «кости

стали сближаться, кость с костью своею»! Тогда «от четырёх ветров приди, дух, и дохни на этих убитых, и они оживут»! А вы не ожесточайте сердец и не противьтесь Святому Духу, Который и сейчас пришёл обличить вас во грехе, «потому что вы не веруете во имя Единородного Сына Божия».

[20] II. 1. Потому «встань, спящий, и воскресни из мёртвых». Бог ныне зовёт тебя моими устами и велит тебе, падшему духу, познать самого себя — своё истинное состояние и единственное дело на земле. «Что ты спишь? Встань, воззови к Богу твоему; может быть, Бог вспомнит о тебе, и ты не погибнешь». Великая буря поднялась вокруг тебя, и ты погружаешься в глубины погибели, в бездну судов Божиих. Если хочешь избежать их, предайся им. «Суди самого себя, и не будешь судим Господом».

[21] 2. Пробудись, пробудись! Встань в эту самую минуту, чтобы тебе не пришлось «выпить из руки Господней чашу ярости Его». Воспрянь, чтобы ухватиться за Господа — Господа, праведность твою, сильного спасти! «Отряси с себя прах». Пусть хотя бы землетрясение Божиих угроз потрясёт тебя. Пробудись и воскликни вместе с трепещущим темничным стражем: «Что мне делать, чтобы спастись?» И не успокаивайся, пока не уверуешь в Господа Иисуса верой, которая даруется Им через действие Его Духа.

[22] 3. Если к кому-то из вас я обращаюсь более, чем к другому, то именно к тебе, думающему, что это увещание тебя не касается. «У меня есть к тебе слово Божие». Его именем предостерегаю тебя: «Беги от грядущего гнева». Несвятая душа, увидь свой образ в осуждённом Петре, лежащем в тёмной темнице между воинами, скованном двумя цепями; стражи же перед дверью стерегут темницу.

Ночь уже прошла, близко утро, когда тебя выведут на казнь. И в этих ужасных обстоятельствах ты крепко спишь — крепко спишь в объятиях диавола, на краю бездны, в пасти вечной погибели!

[23] 4. О, да предстанет тебе Ангел Господень и да осияет свет твою темницу! Да почувствуешь ты прикосновение всемогущей руки, поднимающей тебя со словами: «Встань скорее, опояшься, обуйся, надень одежду твою и иди за Мною».

[24] 5. Пробудись, бессмертный дух, от своего сна о мирском счастье! Разве Бог сотворил тебя не для Себя? Тогда ты не сможешь обрести покой, пока не успокоишься в Нём. Вернись, скиталец! Лети обратно в свой ковчег. Здесь не твой дом. Не помышляй строить здесь кущи. Ты лишь странник, пришелец на земле; существо одного дня, только что вступающее в неизменное состояние. Поспеши. Вечность близка. От этой минуты зависит вечность — вечность блаженства или вечность страдания!

[25] 6. В каком состоянии твоя душа? Если бы Бог потребовал её у тебя сейчас, пока я ещё говорю, готов ли ты встретить смерть и суд? Можешь ли устоять перед Тем, Чьи «чистые очи не терпят вида злодеяния»? Годен ли ты «к участию в наследии святых во свете»? «Подвизался ли ты добрым подвигом и сохранил ли веру»? Приобрёл ли единое на потребу? Восстановил ли образ Божий — праведность и истинную святость? Совлёк ли ветхого человека и облёкся ли в нового? Облёкся ли во Христа?

[26] 7. Есть ли масло в твоём светильнике, благодать в твоём сердце? Любишь ли ты «Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всем разумением твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею»? Есть ли в тебе то

расположение духа, какое было во Христе Иисусе? Действительно ли ты христианин, то есть новая тварь? Прошло ли древнее, стало ли всё новым?

[27] 8. Стал ли ты «причастником Божеского естества»? Разве ты не знаешь, что «Христос в тебе, если только ты не отвержен»? Знаешь ли, что Бог «пребывает в тебе, и ты в Боге, по Духу Его, Которого Он дал тебе»? Разве не знаешь, что «тело твоё — храм Святого Духа, Которого имеешь от Бога»? Есть ли у тебя свидетельство в самом себе, залог твоего наследия? «Принял ли ты Святого Духа»? Или ты вздрагиваешь от самого вопроса, не зная, «есть ли Дух Святой»?

[28] 9. Если этот вопрос тебя оскорбляет, будь уверен: ты не христианин и не желаешь им быть. Более того, самая молитва твоя обращается в грех; сегодня ты торжественно насмехался над Богом, молясь о вдохновении Его Святого Духа и не веря, что такое вообще может быть получено.

[29] 10. И всё же, опираясь на авторитет слова Божия и нашей собственной Церкви, я должен повторить вопрос: «Принял ли ты Святого Духа?» Если нет, ты ещё не христианин. Ибо христианин есть человек, «помазанный Духом Святым и силою». Ты ещё не стал причастником чистого и непорочного благочестия. Знаешь ли ты, что есть религия? Что это — причастие Божескому естеству; жизнь Бога в душе человека; Христос, изобразившийся в сердце; «Христос в тебе, упование славы»; счастье и святость; небо, начавшееся на земле; «Царство Божие внутри тебя, не пища и питие», не что-либо внешнее, «но праведность и мир и радость во Святом Духе»; вечное Царство, внесённое в твою душу; «мир Божий,

превосходящий всякое разумение»; «радость неизреченная и преславная»?

30 11. Знаешь ли ты, что «во Христе Иисусе не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью», но новое творение? Видишь ли необходимость этой внутренней перемены, этого духовного рождения, этого оживления из мёртвых, этой святости? Вполне ли ты убеждён, что без неё никто не увидит Господа? Трудишься ли, стремясь обрести её, — «всячески стараясь сделать твёрдым своё звание и избрание», «со страхом и трепетом совершая своё спасение», «подвизаясь войти сквозь тесные врата»? Серьёзно ли заботишься о своей душе? И можешь ли сказать Испытующему сердца: «Ты, Боже, — Тот, Кого я жажду! Господи, Ты знаешь всё; Ты знаешь, что я *хочу* любить Тебя!»?

31 12. Ты надеешься спастись; но какое основание можешь привести для своей надежды? То, что не сделал зла? Или то, что сделал много добра? Или то, что ты не похож на других, но мудр, учён, честен и нравственен, уважаем людьми и имеешь доброе имя? Увы, всё это никогда не приведёт тебя к Богу. В Его глазах это легче суеты. Знаешь ли ты Иисуса Христа, Которого Он послал? Научил ли Он тебя, что «благодатью мы спасены через веру, и сие не от нас: это Божий дар; не от дел, чтобы никто не хвалился»? Принял ли ты верное слово — «Христос Иисус пришёл в мир спасти грешников» — как единственное основание всей своей надежды? Узнал ли, что значит: «Я пришёл призвать не праведников, но грешников к покаянию»; «Я послан только к погибшим овцам»? Ты — имеющий уши да разумеет! — погибший, мёртвый, *уже осуждённый на погибель*? Знаешь ли, чего заслуживаешь? Чувствуешь ли, чего тебе недостаёт?

«Нищ ли ты духом», скорбишь ли по Боге, отказываясь утешиться? «Пришёл ли в себя» блудный сын и согласен ли ради этого прослыть «вышедшим из себя» у тех, кто всё ещё питается оставленными им рожками? Желаешь ли ты жить благочестиво во Христе Иисусе? И терпишь ли поэтому гонения? Говорят ли люди о тебе всякое злое слово, клевеща на тебя ради Сына Человеческого?

[32] 13. О, да услышите вы во всех этих вопросах голос, пробуждающий мёртвых; да почувствуете молот слова, сокрушающий скалы! «Если ныне услышите глас Его, доколе говорится: ныне, не ожесточите сердец ваших». Теперь «встань, спящий» в духовной смерти, чтобы не уснуть смертью вечной! Почувствуй своё погибшее состояние и «воскресни из мёртвых». Оставь прежних товарищей по греху и смерти. Ты следуй за Иисусом, а мёртвым предоставь погребать своих мертвецов. «Спасайся от рода сего развращённого». «Выйди из среды их, и отделись, и не прикасайся к нечистому, и Господь примет тебя». «Осветит тебя Христос».

[33] III. 1. Наконец, я приступаю к объяснению этого обетования. Как ободряет мысль, что, кто бы ты ни был, если повинуешься Его зову, ты не можешь искать лица Его напрасно! Если даже сейчас «пробуждаешься и восстаёшь из мёртвых», Он обязался «осветить тебя». «Господь даст благодать и славу»: здесь — свет Своей благодати, а когда получишь неувядающий венец — свет Своей славы. «Свет твой откроется, как заря, и тьма твоя будет как полдень». «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, воссияет в сердце твоём, чтобы просветить тебя познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». Для боящихся Господа «взойдёт Солнце правды и исцеление в лучах Его». В тот день тебе будет сказано: «Восстань,

светись, ибо пришёл свет твой, и слава Господня взошла над тобою». Ибо Христос откроет Себя в тебе, а Он есть истинный Свет.

[34] 2. Бог есть свет и отдаст Себя всякому пробуждённому грешнику, ожидающему Его. Тогда ты станешь храмом Бога живого, и Христос «верою вселится в сердце твоё», и, «укоренённый и утверждённый в любви, сможешь постигнуть со всеми святыми, что есть широта и долгота, и глубина и высота той любви Христовой, которая превосходит разумение».

[35] 3. Посмотрите, братья, на ваше призвание. Мы призваны быть «жилищем Божиим в Духе» и через Духа Его, живущего в нас, быть святыми здесь и участниками наследия святых во свете. Столь чрезвычайно велики обетования, данные нам — действительно данные нам, верующим! Ибо верою «мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога» — совокупность всех обетований, — «дабы знать дарованное нам от Бога».

[36] 4. Дух Христов есть тот великий дар Божий, который Он многократно и многообразно обещал человеку и во всей полноте даровал с тех пор, как Христос был прославлен. Так исполнил Он обетования, прежде данные отцам: «Вложу внутрь вас Дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих» (Иез. 36:27). «Изолью воды на жаждущее и потоки на иссохшее; изолью Дух Мой на племя твоё и благословение Моё на потомков твоих» (Ис. 44:3).

[37] 5. Все вы можете стать живыми свидетелями этого — отпущения грехов и дара Святого Духа. «Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему». «Кто из вас боится Господа» и всё ещё

«ходит во мраке, без света»? Спрашиваю тебя во имя Иисуса: веришь ли ты, что рука Его нисколько не сократилась; что Он по-прежнему силен спасти; что Он вчера, сегодня и во веки Тот же; что и ныне имеет власть на земле прощать грехи? «Дерзай, чадо, прощаются тебе грехи твои». Бог ради Христа простил тебя. Прими это «не как слово человеческое, но как слово Божие, каково оно есть по истине», — и ты оправдан даром через веру. Через веру в Иисуса ты будешь и освящён и приложишь собственную печать к истине, что «Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его».

[38] 6. Мужи и братья, позвольте мне свободно говорить с вами и примите слово увещания, хотя бы от наименее почитаемого в Церкви. Ваша совесть свидетельствует вам в Духе Святом, что это так, если только вы вкусили, как благ Господь. «Сия же есть жизнь вечная, да знают единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа». Это опытное познание, и только оно, есть истинное христианство. Христианин — тот, кто принял Духа Христова. Не принявший Его — не христианин. Невозможно и принять Его, не зная об этом. «В тот день, — когда Он придёт, говорит Господь наш, — узнаете вы, что Я в Отце Моём, и вы во Мне, и Я в вас». Это тот «Дух истины, Которого мир не может принять, потому что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будет» (Ин. 14:17).

[39] 7. Мир не может принять Его, но совершенно отвергает обетование Отца, противореча и богохульствуя. Однако всякий дух, не исповедующий этого, не от Бога. Да, «это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придёт в мир, и теперь уже есть в мире». Антихрист — всякий, кто отрицает вдохновение Святого Духа или отрицает, что

живущий в человеке Дух Божий есть общая привилегия всех верующих, благословение Евангелия, неизреченный дар, всеобщее обетование, признак истинного христианина.

[40] 8. Им ничуть не поможет сказать: «Мы не отрицаем *помощи* Духа Божия, но лишь это *вдохновение*, это *принятие Святого Духа* и *сознание* этого. Мы отрицаем лишь то, что в здравой религии есть место такому *ощущению Духа*, такому *побуждению* Духом или *исполнению* Им». Но, *отрицая лишь это*, вы отрицаете всё Писание, всю истину, обетование и свидетельство Божие.

[41] 9. Наша превосходная Церковь ничего не знает об этом диавольском разграничении, но прямо говорит об «ощущении Духа Христова» [Артикул 17], о «побуждении Святым Духом» [Чин рукоположения в пресвитеры], о знании и «ощущении, что нет иного имени, кроме имени Иисуса» [Посещение больных], которым мы могли бы получить жизнь и спасение. Она учит всех нас молиться о «вдохновении Святого Духа» [Молитва перед святым причащением], более того — о том, чтобы нам «исполниться Святым Духом» [Чин конфирмации]. Каждый её пресвитер, кроме того, исповедует принятие Святого Духа через возложение рук. Поэтому отрицать что-либо из этого — по существу значит отречься и от Церкви Англии, и от всего христианского откровения.

[42] 10. Но «премудрость Божия» всегда была «безумием у людей». Потому неудивительно, что и теперь, как в древние дни, великая тайна Евангелия «сокрыта от мудрых и разумных»; что почти повсюду её отрицают, осмеивают и отвергают как одно лишь исступление; а всех, кто ещё осмеливается исповедовать её, клеймят

именами безумцев и фанатиков! Это и есть то «отступление», которому надлежало прийти, — всеобщее отпадение людей всех сословий и званий, которое, как мы видим, уже покрыло землю. «Походите по улицам Иерусалима и посмотрите, найдёте ли человека» — человека, любящего Господа Бога своего всем сердцем и служащего Ему всеми силами. Как стонет наша собственная страна — чтобы не смотреть дальше — под разливом нечестия! Какие злодеяния всякого рода совершаются изо дня в день, и слишком часто безнаказанно, теми, кто грешит дерзко и хвалится своим стыдом! Кто может счесть клятвы, проклятия, святотатство, богохульство; ложь, клевету, злословие; нарушение дня покоя, обжорство, пьянство, мщение; блуд, прелюбодеяния, всякую нечистоту; обман, несправедливость, угнетение, вымогательство, которые разлились по нашей земле, как потоп?

[43] 11. А даже среди тех, кто сохранил себя чистым от этих более грубых мерзостей, сколько гнева и гордости, сколько лености и праздности, сколько мягкотелости и женоподобия, сколько роскоши и потворства себе, сколько корыстолюбия и честолюбия, сколько жажды похвал, сколько любви к миру, сколько страха перед людьми! И между тем как мало истинной религии! Ибо где тот, кто любит Бога или ближнего так, как Он заповедал нам? С одной стороны — люди, не имеющие даже вида благочестия; с другой — имеющие только вид: там стоит *открытый* гроб, здесь — *окрашенный*. И потому всякий, кто внимательно посмотрел бы на любое общественное собрание людей — боюсь, собрания в наших церквах нельзя исключить, — легко заметил бы, «что одна часть — саддукеи, а другая — фарисеи»: одни почти так же мало заботятся о религии, как если бы «не было

воскресения, ни ангела, ни духа»; другие превращают её в одну лишь безжизненную форму, унылый круг внешних действий, без истинной веры, без любви к Богу, без радости во Святом Духе!

44 12. О, если бы я мог сделать исключение для *нас*, находящихся здесь! «Братья, желание моего сердца и молитва к Богу о вас — во спасение»: да спасётесь вы от этого разлива нечестия и да остановятся здесь его надменные волны! Но так ли это на самом деле? Бог знает, и наша собственная совесть тоже знает, что нет. Вы не сохранили себя чистыми. Мы тоже испорчены и мерзки; мало кто ещё разумеет, мало кто поклоняется Богу в духе и истине. Мы также — «род, неустроенный сердцем и неверный Богу духом своим». Он действительно поставил нас быть «солью земли; но если соль потеряет силу, она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон на попрание людям».

45 13. «Неужели Я не накажу за это, говорит Господь? И не отомстит душа Моя такому народу, как этот?» Да, мы не знаем, как скоро Он может сказать мечу: «Меч, пройди по этой земле!» Он дал нам долгое время для покаяния. Он оставляет нас ещё и на этот год; но громом предостерегает и пробуждает нас. Суды Его совершаются по земле, и у нас есть все основания ожидать самого тяжкого из них: что Он «скоро придёт к нам и сдвинет светильник наш с его места, если мы не покаемся и не станем творить прежние дела»; если не вернёмся к началам Реформации, к истине и простоте Евангелия. Быть может, мы ныне противимся последнему усилию божественной благодати спасти нас. Быть может, мы почти «наполнили меру беззаконий наших», отвергая совет Божий о себе и изгоняя Его посланников.

[46] 14. О Боже, «во гневе вспомни о милости»! Прославься нашим исправлением, а не нашей погибелью! Да «услышим жезл и Того, Кто поставил его»! Ныне, когда «суды Твои совершаются на земле», да «научатся правде живущие в мире»!

[47] 15. Братья мои, уже настало время пробудиться нам от сна, прежде чем «вострубит великая труба Господня» и наша земля станет полем крови. О, да увидим мы скорее то, что служит к нашему миру, прежде чем это будет сокрыто от наших глаз! «Обрати нас, благий Господи, и отврати гнев Твой от нас. Господи, призри с неба, воззри и посети виноград сей» и дай нам узнать «время посещения нашего». «Помоги нам, Боже, Спаситель наш, ради славы имени Твоего! Избавь нас и помилуй грехи наши ради имени Твоего! И мы не отступим от Тебя. Оживи нас, и будем призывать имя Твоё. Обрати нас, Господи Боже Сил! Яви свет лица Твоего, и мы спасёмся».

[48] «А Тому, Кто действующею в нас силою может сделать несравненно больше всего, чего мы просим или о чём помышляем, Тому слава в Церкви во Христе Иисусе во все роды, от века до века. Аминь!»

Библейское христианство

[1] [Эта проповедь первоначально вышла отдельной брошюрой с обращением «К читателю», под которым стояла подпись автора: «Когда я писал эту проповедь, я не намеревался когда-либо печатать её последнюю часть. Но ложные и бранные сообщения о ней, опубликованные едва ли не во всех концах страны, вынуждают меня издать её целиком, именно так, как она была произнесена, чтобы разумные люди могли судить сами». — Ред.]

[2] Произнесено в церкви Святой Марии в Оксфорде перед университетом 24 августа 1744 года.

[3] «Если кто услышит звук трубы, но не остережётся, то, когда придёт меч и захватит его, кровь его будет на его голове».

[4] Иез. 33:4.

[5] *«И исполнились все Духа Святого».*

[6] Деян. 4:31.

[7] 1. То же выражение встречается во второй главе, где мы читаем: «При наступлении дня Пятидесятницы все они» — апостолы, женщины, Матерь Иисуса и братья Его — «были единодушно вместе. И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра. И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого». Одним из непосредственных последствий этого стало то, что они «начали говорить на иных языках», так

что парфяне, мидяне, еламиты и другие пришельцы, которые «сошлись, когда сделался этот шум», слышали, как они «говорят на их собственных языках о великих делах Божиих» (Деян. 2:1–6).

[8] 2. В рассматриваемой главе мы читаем, что, когда апостолы и братья помолились и воздали хвалу Богу, «поколебалось место, где они были собраны, и исполнились все Духа Святого». Здесь мы не находим упоминания о видимом явлении, подобном прежнему; не сообщается и о том, что тогда всем или кому-либо из них были даны *чрезвычайные дары* Святого Духа: дары «исцелений», иных «чудотворений, пророчества, различения духов, разных языков и истолкования языков» (1 Кор. 12:9, 10).

[9] 3. Предназначались ли эти дары Святого Духа для пребывания в Церкви во все века и будут ли они восстановлены с приближением «совершения всего» — вопросы, которые здесь нет необходимости решать. Но необходимо отметить, что даже в младенчестве Церкви Бог раздавал их скупо. Разве все уже тогда были пророками? Все ли были чудотворцами? Все ли имели дары исцелений? Все ли говорили языками? Нет, нисколько. Возможно, и один из тысячи не имел их. Вероятно, никто, кроме учителей Церкви, да и среди них — лишь некоторые (1 Кор. 12:28–30). Следовательно, «все исполнились Духа Святого» ради иной, превосходнейшей цели.

[10] 4. Цель состояла в том, чтобы даровать им — а этого никто не станет отрицать как необходимого для всех христиан во все времена — то устроение духа, которое было во Христе; те святые плоды Духа, без которых никто не принадлежит Ему; наполнить их «любовью, радостью,

миром, долготерпением, благостью, милосердием» (Гал. 5:22–24); наделить их верой — возможно, это слово следовало бы передать как *верность*, — кротостью и воздержанием; дать им силу распять плоть со страстями и похотями, с её влечениями и желаниями и, вследствие этой внутренней перемены, исполнить всякую внешнюю праведность; «поступать, как Он поступал», в «деле веры, терпении упования и труде любви» (1 Фес. 1:3).

11 5. Поэтому, не занимаясь любопытными, но ненужными изысканиями об этих ч*резвычайных дарах* Духа, рассмотрим внимательнее Его *обычные* плоды, которые, как нам достоверно известно, останутся во все века. Рассмотрим великое дело Божие среди сынов человеческих, которое мы привыкли выражать одним словом — «христианство»: не как совокупность мнений или систему учений, но в его отношении к человеческим сердцам и жизни. Это христианство полезно рассмотреть с трёх различных сторон:

12 I. Как оно возникает в отдельных людях;

13 II. Как распространяется от одного человека к другому;

14 III. Как покрывает землю.

15 Завершить эти рассуждения я намерен простым практическим приложением.

16 I. 1. Прежде всего рассмотрим христианство при его возникновении, когда оно начинает жить в отдельных людях.

17 Предположим, что один из слушавших проповедь апостола Петра о покаянии и отпущении грехов умилился сердцем, был обличён во грехе, покаялся и затем уверовал в Иисуса. Этой верой, произведённой действием

Божиим и бывшей самой сущностью, или осуществлением, ожидаемого (Евр. 11:1), несомненным удостоверением невидимого, он тотчас принял Духа усыновления, Которым теперь взывал: «Авва, Отче!» (Рим. 8:15). Только теперь он мог назвать Иисуса Господом Духом Святым (1 Кор. 12:3), причём Сам Дух свидетельствовал духу его, что он — дитя Божие (Рим. 8:16). Теперь он мог поистине сказать: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос; а что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня» (Гал. 2:20).

[18] 2. Именно это составляло самую сущность его веры: божественное elegchos — *свидетельство*, или *убеждение*, — в любви Бога Отца, через возлюбленного Сына Его, к нему, грешнику, ныне принятому в Возлюбленном. Оправдавшись верою, он имел мир с Богом (Рим. 5:1); более того — мир Божий владычествовал в его сердце. Этот мир, превосходя всякое разумение — panta noun, всякое чисто рассудочное постижение, — хранил его сердце и ум от всякого сомнения и страха через познание Того, в Кого он уверовал. Поэтому он не мог «бояться худой молвы», ибо «сердце его было твёрдо, уповая на Господа». Он не боялся того, что может сделать ему человек, зная, что даже волосы на его голове все сочтены. Он не боялся никаких сил тьмы, которые Бог ежедневно сокрушал под ногами его. Менее всего боялся он умереть: напротив, желал «разрешиться и быть со Христом» (Флп. 1:23), Который «смертью лишил силы имеющего державу смерти, то есть диавола, и избавил тех, которые от страха смерти через всю жизнь» — до той поры — «были подвержены рабству» (Евр. 2:15).

19 3. Поэтому душа его величала Господа, а дух радовался о Боге, Спасителе своём. Он «радовался неизреченною радостью» о Примирившем его с Богом Отцом, «в Котором имел искупление кровью Его, прощение грехов». Он радовался свидетельству Духа Божия духу его, что он — дитя Божие, и ещё обильнее — «надеждою славы Божией»: надеждой на славный образ Божий и полное обновление своей души в праведности и истинной святости, надеждой на венец славы, на «наследство нетленное, чистое и неувядаемое».

20 4. «Любовь Божия также излилась в сердце его Духом Святым, данным ему» (Рим. 5:5). «А как он был сын, Бог послал в сердце его Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!» (Гал. 4:6). Эта сыновняя любовь к Богу непрестанно возрастала благодаря свидетельству, которое он имел в самом себе (1 Ин. 5:10), — свидетельству прощающей любви Божией к нему; благодаря созерцанию того, «какую любовь дал ему Отец, чтобы ему называться чадом Божиим» (1 Ин. 3:1). Так Бог стал желанием его очей и радостью сердца, уделом его во времени и в вечности.

21 5. Кто так *любил* Бога, тот не мог не любить и брата, «не словом только, но делом и истиною». «Если Бог, — говорил он, — так возлюбил нас, то и мы должны любить друг друга» (1 Ин. 4:11), и даже всякую человеческую душу, ибо «милости Божии — на всех делах Его» (Пс. 145:9). Поэтому любовь этого любящего Бога человека ради Него обнимала всё человечество: не исключала ни тех, кого он никогда не видел во плоти, ни тех, о ком не знал ничего, кроме того, что они — «род Божий» и что за их души умер Его Сын; не исключала «злых» и «неблагодарных», а менее всего — его врагов,

ненавидевших, преследовавших или оскорблявших его ради Учителя. Им принадлежало особое место и в его сердце, и в молитвах. Он любил их, «как Христос возлюбил нас».

[22] 6. «Любовь не превозносится» (1 Кор. 13:4). Она смиряет до праха всякую душу, в которой обитает. Поэтому он был смирен сердцем, мал, ничтожен и презрен в собственных глазах. Он не искал и не принимал похвалы от людей, но только той, которая от Бога. Он был кроток и долготерпелив, ласков со всеми, легко склонялся к доброму увещанию. Верность и истина никогда не оставляли его: они были «обвязаны вокруг шеи его и написаны на скрижали сердца его». Тем же Духом он получал силу быть воздержанным во всём, укрощая свою душу, как дитя, отнятое от груди. Он был «распят для мира, и мир — для него», стоял выше «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской». Та же всемогущая любовь спасала его от гневливости и гордости, от похоти и тщеславия, от честолюбия и корыстолюбия и от всякого расположения, которого не было во Христе.

[23] 7. Легко поверить, что человек, имевший в сердце эту любовь, не делал ближнему зла. Для него невозможно было сознательно и намеренно причинить вред кому-либо. Он был в высшей степени далёк от жестокости и обиды, от всякого несправедливого или недоброго поступка. С такой же заботой он «полагал охрану устам своим и ограждал двери губ своих», чтобы не согрешить языком против справедливости, милосердия или правды. Он отвергал всякую ложь, неправду и обман; лести не находилось в устах его. Он никого не злословил, и недоброе слово никогда не выходило из его уст.

[24] 8. Глубоко чувствуя истину слов «Без Меня не можете делать ничего» и, следовательно, свою нужду в том, чтобы Бог орошал его каждую минуту, он ежедневно пребывал во всех Божиих установлениях — назначенных путях передачи Его благодати человеку: «в учении апостолов», принимая эту пищу души со всей готовностью сердца; в «преломлении хлеба», которое для него было приобщением Телу Христову; в «молитвах» и хвалах, возносимых великим собранием. Так он ежедневно возрастал в благодати, укрепляясь в силе, познании и любви Божией.

[25] 9. Но одного воздержания от зла ему было недостаточно. Душа его жаждала делать добро. Сердце его непрестанно говорило: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю. Мой Господь ходил, благотворя; неужели я не пойду по Его стопам?» Поэтому при всякой возможности, если он не мог сделать добра высшего рода, он кормил голодных, одевал нагих, помогал сироте или пришельцу, посещал и поддерживал больных и заключённых. Всё своё имущество он отдавал на пропитание бедных. Он радовался труду и страданию ради них и особенно стремился «отречься от себя» во всём, чем мог послужить другому. Ничто не казалось ему слишком дорогим, чтобы не отдать это ради них, ибо он хорошо помнил слово своего Господа: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40).

[26] 10. Таково было христианство при своём возникновении. Таков был христианин в древние дни. Таков был каждый из тех, кто, услышав угрозы первосвященников и старейшин, «единодушно возвысили голос к Богу и все исполнились Духа Святого. У множества уверовавших было одно сердце и одна душа».

Так любовь Того, в Кого они уверовали, побуждала их любить друг друга! «Никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее» — столь полно были они распяты для мира и мир для них! «И они постоянно, единодушно пребывали в учении апостолов, в преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2:42). «И великая благодать была на всех их. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, которые владели землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чём кто имел нужду» (Деян. 4:31–35).

[27] II. 1. Во-вторых, рассмотрим это христианство в его распространении от одного человека к другому, в его постепенном проникновении в мир. Ибо такова была о нём воля Божия: Он не «зажигал свечу, чтобы поставить её под сосудом, но чтобы она светила всем в доме». Об этом Господь наш сказал первым ученикам: «Вы — соль земли», «вы — свет мира», одновременно дав общее повеление: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:13–16).

[28] 2. В самом деле, допустим, что несколько таких любящих человечество людей увидели «весь мир, лежащий во зле». Разве можно поверить, что они остались бы равнодушны к этому зрелищу, к бедствию тех, за кого умер их Господь? Не исполнилась бы внутренность их состраданием, не растаяли бы сердца от скорби? Могли ли они весь день стоять праздно, даже если бы не было повеления Того, Кого они любили? Не стали ли бы они, напротив, всеми возможными средствами пытаться выхватить из огня хотя бы несколько этих головней? Несомненно, стали бы: они не жалели бы

трудов, чтобы вернуть всех, кого возможно, из этих бедных «заблудших овец к великому Пастырю и Блюстителю душ их» (1 Пет. 2:25).

[29] 3. Так и поступали древние христиане. При всякой возможности они трудились, «делая добро всем людям» (Гал. 6:10), предостерегая их бежать от грядущего гнева — теперь, сейчас избежать осуждения в геенну. Они возвещали: «Времена неведения Бог оставлял без внимания; но ныне повелевает всем людям повсюду покаяться» (Деян. 17:30). Они громко взывали: обратитесь, обратитесь от злых путей ваших, «чтобы нечестие не было вам преткновением» (Иез. 18:30). Они «рассуждали» с ними о «воздержании и праведности», то есть справедливости, — о добродетелях, противоположных их господствующим грехам, — и «о будущем суде», о гневе Божием, который непременно обрушится на творящих зло в день, когда Он будет судить мир (Деян. 24:25).

[30] 4. При этом они старались говорить с каждым сообразно его нужде. Беспечным, беззаботно лежавшим во тьме и тени смертной, они громогласно возвещали: «Встань, спящий; воскресни из мёртвых, и осветит тебя Христос». Но с уже пробудившимися от сна и стонущими под сознанием гнева Божия говорили иначе: «Мы имеем Ходатая пред Отцом; Он есть умилостивление за грехи наши». А уверовавших побуждали к любви и добрым делам, к терпеливому постоянству в делании добра и к всё большему преуспеянию в святости, без которой никто не увидит Господа (Евр. 12:14).

[31] 5. И труд их не был тщетен пред Господом. Слово Его распространялось и прославлялось, могущественно возрастало и брало верх. Но тем более умножалось и

негодование против него. Мир в целом негодовал, «потому что они свидетельствовали о нём, что дела его злы» (Ин. 7:7). Любители удовольствий негодовали не только потому, что эти люди словно были созданы, чтобы обличать их помыслы: «Он объявляет себя имеющим познание о Боге, — говорили они, — и называет себя сыном Господа; жизнь его непохожа на жизнь других, и пути его иные; он удаляется от путей наших, как от нечистот, и тщеславно называет отцом своим Бога» (Прем. 2:13–16). Ещё более они негодовали оттого, что столько их товарищей было уведено и уже не бежало вместе с ними «в то же распутство» (1 Пет. 4:4). Люди именитые негодовали, потому что по мере распространения Евангелия падало уважение к ним в народе и многие уже не смели давать им льстивые титулы или воздавать человеку почтение, подобающее одному Богу. Люди торговли созывали друг друга и говорили: «Друзья! Вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше. Между тем вы видите и слышите, что эти люди убедили и отвратили немало народа, так что ремесло наше придёт в презрение» (Деян. 19:25 и далее). Но более всего негодовали так называемые религиозные люди — люди *внешней* религии, «святые мира сего», — готовые при каждом случае кричать: «Мужи Израильские, помогите! Мы нашли этих людей язвой общества, возбудителями мятежа по всему миру» (Деян. 24:5). «Это те люди, которые всех повсюду учат против народа и против этого места» (Деян. 21:28).

[32] 6. Так небо чернело от туч, и буря быстро собиралась. Ибо чем шире распространялось христианство, тем больше вреда оно причиняло, по мнению не принявших его; и росло число всё сильнее разъярённых этими людьми, «возмутившими весь свет» (Деян. 17:6). Всё

больше становилось кричавших: «Истреби с земли таких! Им не должно жить». Более того, они искренне верили, что всякий, кто убьёт их, тем послужит Богу.

33 7. Между тем они неизменно поносили имя их как бесчестное (Лк. 6:22), так что об этом «учении везде спорили» (Деян. 28:22). Люди говорили о них всякое зло, как прежде говорили о бывших до них пророках (Мф. 5:12). Что бы одни ни утверждали, другие верили, так что поводы для негодования множились, как звёзды небесные. Отсюда в предопределённое Отцом время возникло гонение во всех его видах. Некоторое время одни терпели лишь стыд и поношение; другие — «расхищение имения»; «иные испытали поругания и побои, также узы и темницу», а другие «до крови сражались» (Евр. 10:34; 11:36 и далее). [2]

34 8. Тогда-то поколебались столпы ада и Царство Божие стало распространяться всё шире. Повсюду грешники «обращались от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу». Он давал детям Своим «такие уста и премудрость, которым не могли противостоять все противящиеся им», и жизнь их имела такую же силу, как их слова. Но более всего ко всему миру взывали их страдания. Они «являли себя служителями Божиими в бедствиях, в нуждах, в тесных обстоятельствах, под ударами, в темницах, в смятениях, в трудах; в опасностях на море, в опасностях в пустыне, в изнурении и страданиях, в голоде и жажде, на стуже и в наготе» (2 Кор. 6:4 и далее). И когда, совершив добрый подвиг, они были ведомы, как овцы, на заклание и приносились в жертву и служение своей веры, кровь каждого обретала голос, и язычник признавал: «Он и по смерти ещё говорит».

[35] 9. Так христианство распространялось по земле. Но как скоро вместе с пшеницей появились плевелы и наряду с *тайной беззакония* действовала *тайна благочестия*! Как скоро сатана нашёл себе престол даже *в храме Божием*, пока «жена не убежала в пустыню» и «верные вновь не оскудели среди сынов человеческих»! Здесь мы вступаем на проторённую дорогу: всё возраставшее развращение последующих поколений было во все времена подробно описано свидетелями, которых Бог воздвигал, чтобы показать, что Он «создал Церковь Свою на камне и врата ада» не смогут совершенно «одолеть её» (Мф. 16:18).

[36] III. 1. Но не увидим ли мы большего, чем это? Да, большего, чем было от начала мира. Может ли сатана сделать Божию истину несостоятельной или обетования Его — недействительными? Если нет, то придёт время, когда христианство восторжествует над всем и покроет землю. Остановимся ненадолго и обозрим — это третья из предложенных тем — необычайное зрелище: *христианский мир*. О нём разыскивали и исследовали древние пророки (1 Пет. 1:10, 11 и далее); о нём свидетельствовал пребывавший в них Дух: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И перекуют мечи свои на орала и копья свои — на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться воевать» (Ис. 2:1–4). «И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет как знамя для народов, обратятся язычники, и покой Его будет славен. И будет в тот день: Господь снова прострёт руку Свою, чтобы возвратить остаток народа Своего; и поднимет знамя для язычников, и соберёт изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовёт от четырёх концов земли» (Ис. 11:10–12). «Тогда волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет

лежать вместе с козлёнком; телёнок, и молодой лев, и вол будут вместе, и малое дитя будет водить их. Не будут делать зла и вреда, говорит Господь, на всей святой горе Моей, ибо земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Ис. 11:6–9).

37 2. Тот же смысл имеют слова великого апостола, которые, очевидно, ещё никогда не исполнялись: «Неужели Бог отверг народ Свой? Никак». «Но от их падения спасение язычникам». «И если оскудение их — богатство язычников, то тем более полнота их». «Ибо не хочу оставить вас, братья, в неведении о тайне сей: ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдёт полное число язычников; и так весь Израиль спасётся» (Рим. 11:1, 11, 25, 26).

38 3. Представим теперь, что полнота времён настала и пророчества исполнились. Какое зрелище! Повсюду мир, «спокойствие и безопасность навеки». Здесь нет звона оружия, нет «шума сражения», нет «одежд, обагрённых кровью». «Разрушения навеки прекратились». Войны исчезли с земли. Не осталось и внутренних распрей: брат не восстаёт на брата; ни страна, ни город не разделяются сами против себя, терзая собственные внутренности. Гражданская вражда прекратилась навсегда, и нет никого, кто губил бы ближнего или причинял ему вред. Здесь нет притеснения, способного «сделать безумным» даже «мудрого»; нет вымогательства, чтобы «теснить лица бедных»; нет грабежа или обиды, хищничества или неправды, ибо все «довольны тем, что имеют». Так «правда и мир облобызались» (Пс. 85:10); они «укоренились и наполнили землю»; «правда произрастает из земли», а «мир взирает с небес».

[39] 4. Вместе с праведностью, или справедливостью, обретается и милосердие. Земля уже не полна жилищ жестокости. Господь истребил кровожадного и злонамеренного, завистливого и мстительного. Даже если бы кто-то и подал повод к раздражению, теперь никто не умеет воздавать злом за зло; но, по правде сказать, нет делающего зло, нет ни одного, ибо все незлобивы, как голуби. Исполненные мира и радости в вере, соединённые одним Духом в одно тело, они все любят друг друга как братья, у всех одно сердце и одна душа. «Никто ничего из своего имения не называет своим». Между ними нет нуждающегося, ибо каждый любит ближнего, как самого себя. И все поступают по одному правилу: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

[40] 5. Отсюда следует, что среди них невозможно услышать недоброго слова: нет препирательств, никакой распри, брани или злословия, но каждый «уста свои открывает с мудростью, и кроткое наставление на языке его». Столь же неспособны они к обману и лукавству: любовь их нелицемерна. Их слова всегда точно выражают мысли, словно открывая окно в груди, чтобы всякий желающий мог заглянуть в их сердца и увидеть, что там пребывают лишь любовь и Бог.

[41] 6. Так, когда Господь Вседержитель принимает Свою великую силу и воцаряется, Он «всё покоряет Себе», наполняет каждое сердце преизбыточествующей любовью и каждые уста — хвалою. «Блажен народ, у которого это есть; блажен народ, у которого Господь есть Бог» (Пс. 144:15). «Восстань, светись, — говорит Господь, — ибо пришёл свет твой, и слава Господня взошла над тобою». «Ты узнала, что Я Господь — Спаситель твой и

Искупитель твой, Сильный Иакова. Я поставил правителем твоим мир и надзирателями твоими — праведность. Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения — в пределах твоих; и назовёшь стены твои спасением и ворота твои — славою». «Народ твой весь будет праведный, навеки наследует землю, — отрасль насаждения Моего, дело рук Моих, к прославлению Моему». «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны — светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой — славою твоею» (Ис. 60:1, 16–19).

42 IV. Так кратко рассмотрев христианство при его возникновении, в его распространении и в его торжестве по всей земле, я должен лишь завершить всё сказанное простым практическим приложением.

43 1. Прежде всего я спрошу: где существует такое христианство ныне? Скажите, где живут христиане? В какой стране все жители так исполнены Святого Духа; все имеют одно сердце и одну душу; не могут допустить, чтобы хоть кто-то среди них терпел нужду, но непрестанно дают каждому по потребности? Где все без исключения имеют любовь Божию, наполняющую сердца и побуждающую любить ближнего, как самих себя; где все «облеклись в милосердие, смиренномудрие, кротость, долготерпение»? Где никто ни словом, ни делом не погрешает против справедливости, милосердия или правды, но во всём поступает со всеми так, как желал бы, чтобы они поступали с ним? С каким правом можем мы назвать христианской страну, не отвечающую этому описанию? Признаем же: мы ещё никогда не видели на земле христианской страны.

[44] 2. Умоляю вас, братья, милосердием Божиим: если вы считаете меня безумцем или неразумным, всё же *потерпите меня как неразумного*. Совершенно необходимо, чтобы кто-нибудь говорил с вами с великой прямотой. Особенно необходимо это в *нынешнее* время: кто знает, не *последнее* ли оно? Кто знает, как скоро праведный Судия скажет: «Я более не приму моления за этот народ»; «Если бы Ной, Даниил и Иов были в этой земле, они спасли бы только собственные души»? И кто будет говорить с такой прямотой, если не я? Поэтому я, именно я буду говорить. И заклинаю вас Богом живым: не ожесточайте сердец против благословения, которое можете получить из *моих* рук. Не говорите в сердцах ваших: Non persuadebis, etiamsi persuaseris; [Твои убеждения не возымеют над нами силы, даже если действительно убедят нас. — Ред.]; или, иными словами: «Господи, Ты не будешь *посылать того, кого хочешь послать*; лучше мне погибнуть в собственной крови, чем спастись через этого человека!»

[45] 3. Братья, «мы надеемся, что вы в лучшем состоянии, хотя так и говорим». Позвольте же спросить вас с нежной любовью и в духе кротости: христианский ли этот город? Есть ли здесь христианство — христианство по Писанию? Мы, рассматриваемые как сообщество людей, так ли «исполнены Святого Духа», чтобы наслаждаться в сердцах и являть в жизни подлинные плоды этого Духа? Все ли должностные лица, все главы и руководители колледжей и университетских домов и все их сообщества — не говоря уже о горожанах — имеют «одно сердце и одну душу»? «Излилась ли любовь Божия в сердца наши»? Такие ли у нас расположения, какие были в Нём? И соответствует ли им наша жизнь? «Святы ли мы во всех поступках, как свят Призвавший нас»?

[46] 4. Прошу вас заметить: мы рассматриваем не какие-либо особенные воззрения; поставленный вопрос касается не тех или иных *сомнительных мнений*, но несомненных основополагающих сторон — если таковые вообще существуют — нашего общего христианства. Для его решения я обращаюсь к вашей собственной совести, руководимой словом Божиим. Поэтому кого собственное сердце не осуждает, тот пусть будет свободен.

[47] 5. Итак, в страхе и перед лицом великого Бога, пред Которым вскоре предстанем и вы, и я, прошу вас, имеющих власть над нами, которых я почитаю ради вашего служения, подумать — и не так, как лицемерят перед Богом: «Исполнены ли вы Святого Духа?» Живые ли вы образы Того, Кого поставлены представлять среди людей? «Я сказал: вы — боги», вы, судьи и правители; по своему служению вы столь близки Богу Небесному! На своих местах и ступенях вы должны являть нам «Господа, Владыку нашего». Соответствуют ли все помыслы ваших сердец, все расположения и желания вашему высокому призванию? Подобны ли все ваши слова исходящим из уст Божиих? Есть ли во всех ваших поступках достоинство и любовь — невыразимое словами величие, которое может исходить лишь из сердца, «полного Бога», и всё же совместимо с участью «человека, который есть червь, и сына человеческого, который есть червь»?

[48] 6. Вы, почтенные мужи, особо призванные воспитывать восприимчивые умы юношества, рассеивать в них тени невежества и заблуждения и наставлять их к мудрости во спасение, — «исполнены ли вы Святого Духа», всех тех «плодов Духа», которых так непременно требует ваше важное служение? Все ли ваше сердце с Богом, полно ли оно любви и ревности об утверждении Его Царства на

земле? Непрестанно ли напоминаете вверенным вам, что единственная разумная цель всех наших занятий — познать, любить и служить «единому истинному Богу и Иисусу Христу, Которого Он послал»? Внушаете ли им изо дня в день, что одна любовь никогда не прекращается, тогда как языки умолкнут и философское знание упразднится; что без любви всякая учёность есть лишь блистательное невежество, пышное безумие, томление духа? Действительно ли всё, чему вы учите, ведёт к любви к Богу и ко всему человечеству ради Него? Держите ли вы в виду эту цель во всём, что предписываете относительно предмета, способа и меры их занятий, желая и трудясь над тем, чтобы, куда бы ни забросил жребий этих юных воинов Христовых, каждый стал горящим и светящим светильником, во всём украшающим Евангелие Христово? И позвольте спросить: отдаёте ли вы все силы тому великому делу, за которое взялись? Трудитесь ли над ним со всей мощью, напрягая каждую способность души, используя каждый талант, данный вам Богом взаймы, до последнего предела ваших возможностей?

[49] 7. Пусть никто не скажет, будто я говорю так, словно все вверенные вам предназначены стать священнослужителями. Нет: я говорю лишь так, словно все они предназначены стать христианами. Но какой пример подаём им мы, пользующиеся благодеяниями наших предков, — члены колледжей, студенты, стипендиаты, особенно занимающие заметное и почётное положение? Изобилуете ли вы, братья, плодами Духа: смиренномудрием, самоотречением и умерщвлением страстей, серьёзностью и собранностью духа, терпением, кротостью, трезвостью, воздержанием; неутомимыми, непрестанными усилиями делать всем людям всякое добро, облегчать их внешние нужды и приводить их души

к истинному познанию и любви Божией? Таков ли общий облик членов колледжей? Боюсь, что нет. Не ставили ли нам, напротив, в укор гордость и надменность духа, нетерпеливость и раздражительность, леность и праздность, чревоугодие и чувственность и даже вошедшую в поговорку бесполезность — и, быть может, не всегда это делали враги и не совсем без основания? О, если бы Бог снял с нас этот позор, чтобы и память о нём исчезла навеки!

[50] 8. Многие из нас непосредственно посвящены Богу, призваны к священнослужению. Являемся ли мы поэтому для остальных образцом «в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4:12)? Написано ли на нашем челе и в нашем сердце: «Святыня Господня»? С какими побуждениями вступили мы в это служение? Действительно ли с единственным намерением «служить Богу, уповая, что Святый Дух внутренне побудил нас принять это служение ради умножения Его славы и назидания Его народа»? «Твёрдо ли решили мы, по благодати Божией, всецело отдать себя этому служению»? Отвергаем ли и отлагаем, насколько это в наших силах, всякие мирские заботы и занятия? Все ли силы прилагаем к этому единому делу, направляя сюда все заботы и труды? Способны ли мы учить? Научены ли Богом, чтобы суметь научить и других? Знаем ли Бога? Знаем ли Иисуса Христа? «Открыл ли Бог в нас Сына Своего»? «Дал ли нам способность быть служителями Нового Завета»? Где же тогда «печати нашего апостольства»? Кто из мёртвых по преступлениям и грехам ожил через наше слово? Горим ли мы ревностью спасать души от смерти, так что ради них часто забываем даже поесть хлеба? Говорим ли прямо, «открывая истину, представляя себя совести всякого человека пред Богом»

(2 Кор. 4:2)? Умерли ли мы для мира и того, что в мире, «собирая всё наше сокровище на небе»? Господствуем ли над наследием Божиим или мы — наименьшие, слуги всех? Тяжело ли ложится на нас поношение Христово, когда мы его несём, или мы радуемся ему? Когда ударяют нас по одной щеке, негодуем ли мы? Не терпим ли оскорблений? Или подставляем и другую, не противясь злому, но побеждая зло добром? Есть ли в нас горькая ревность, побуждающая резко и страстно спорить с заблудшими? Или ревность наша — пламень любви, направляющий все слова с мягкостью, смирением и мудрой кротостью?

[51] 9. Ещё раз: что сказать о юношестве здешнего места? Есть ли у вас хотя бы вид или сила христианского благочестия? Смиренны ли вы, способны ли учиться и слушать совет; или упрямы, своевольны, безрассудны и надменны? Повинуетесь ли старшим, как родителям, или презираете тех, к кому обязаны относиться с самым нежным почтением? Прилежны ли вы в своём нетяжёлом деле, отдаёте ли учению все силы? Дорожите ли временем, наполняя каждый день стольким трудом, сколько он способен вместить? Не сознаёте ли вы, напротив, что растрачиваете день за днём — то читая нечто, вовсе не ведущее к христианству, то играя, то занимаясь сами не знаете чем? Лучше ли распоряжаетесь деньгами, чем временем? Заботитесь ли из принципа о том, чтобы никому ничего не быть должным? «Помните ли день субботний, чтобы святить его», проводить его в более непосредственном поклонении Богу? Находясь в Его доме, помните ли, что Бог здесь? Держитесь ли так, «как бы видя Невидимого»? «Умеете ли соблюдать свои тела в святости и чести»? Нет ли среди вас пьянства и нечистоты? Более того, нет ли среди вас тех, кто

«хвалится своим стыдом»? Не многие ли из вас «произносят имя Божие напрасно», быть может, по привычке, без раскаяния и без страха? И не множество ли среди вас клятвопреступников? Боюсь, множество, быстро растущее. Не удивляйтесь, братья. Перед Богом и этим собранием признаю, что и я принадлежал к их числу: торжественно клялся соблюдать все те обычаи, о которых тогда ничего не знал, и те уставы, которых даже не прочитал ни тогда, ни несколько лет спустя. Что же такое клятвопреступление, если не это? А если это оно, о, какая тяжесть греха, и притом греха далеко не обычного, лежит на нас! Разве Всевышний не видит этого?

[52] 10. Не может ли одним из последствий этого быть то, что столь многие из вас — род легкомысленных людей, играющих с Богом, друг с другом и с собственными душами? Ибо как мало среди вас тех, кто от недели к неделе проводит хотя бы один час в уединённой молитве! Как мало тех, кто в обычном течении своей жизни вообще помышляет о Боге! Кто из вас хоть сколько-нибудь знаком с действием Его Духа, с Его сверхъестественным действием в человеческих душах? Можете ли вы вынести разговор о Святом Духе, разве что изредка в церкви? Не сочли бы вы само собой разумеющимся, что начавший такой разговор либо лицемерит, либо предаётся фанатизму? Во имя Господа Бога Вседержителя спрашиваю: какой же вы религии? Вы не можете, не хотите терпеть даже разговор о христианстве. О братья мои, что за христианский город! «Время Тебе, Господи, действовать!»

[53] 11. В самом деле, какая вероятность, вернее — какая возможность, говоря по-человечески, существует того, что христианство, христианство по Писанию, вновь станет

религией здешнего места; что все сословия среди нас будут говорить и жить как люди, «исполненные Святого Духа»? Кто восстановит это христианство? Те из вас, кому принадлежит власть? Убеждены ли вы тогда, что это и есть христианство Писания? Желаете ли его восстановления? Не дорожите ли вы ни состоянием, ни свободой, ни жизнью, лишь бы послужить этому восстановлению? Но даже если такое желание у вас есть, у кого имеется сила, соразмерная цели? Быть может, некоторые из вас сделали несколько слабых попыток — но с каким ничтожным успехом! Неужели же христианство восстановят люди молодые, неизвестные, незначительные? Не знаю, смогли бы вы сами это стерпеть. Не воскликнули бы некоторые из вас: «Молодой человек, поступая так, ты оскорбляешь нас»? Впрочем, нет опасности, что вам придётся пройти это испытание: так разлилось среди нас беззаконие, словно потоп. Кого же пошлёт Бог: голод, моровую язву — последних Божиих вестников к виновной земле — или меч, «войска» папских «иноплеменников», чтобы возвратить нас к нашей первой любви? Нет, «лучше впадём в руку Твою, Господи, только бы не впасть в руку человеческую». Господи, спаси — погибаем! Извлеки нас из тины, чтобы нам не утонуть! Помоги нам против этих врагов, ибо тщетна помощь человеческая. Тебе всё возможно. По величию силы Твоей сохрани обречённых смерти; и сохрани нас тем способом, какой благ Тебе, — не как мы хотим, но как Ты!

Оправдание верой

[1] «А не делающему, но верующему в Того, Кто оправдывает нечестивого, вера его вменяется в праведность».

[2] Римлянам 4:5.

[3] 1. Как грешник может оправдаться пред Богом, Господом и Судией всех, — вопрос чрезвычайной важности для каждого сына человеческого. В нём заключено основание всей нашей надежды, ибо, пока мы во вражде с Богом, не может быть ни истинного мира, ни прочной радости — ни во времени, ни в вечности. Какой мир возможен, когда нас осуждает собственное сердце, а тем более Тот, Кто «больше сердца нашего и знает всё»? Какая прочная радость возможна в этом мире или в будущем, пока «гнев Божий пребывает на нас»?

[4] 2. И всё же как мало понимали этот важный вопрос! Какие смутные представления имели о нём многие! И не только смутные, но нередко совершенно ложные, столь же противоположные истине, как свет тьме; представления, совершенно несовместимые со словесами Божиими и со всем согласным строем веры. Поэтому, заблуждаясь относительно самого основания, они никак не могли строить на нём — по крайней мере, не из «золота, серебра или драгоценных камней», которые устояли бы при испытании огнём, но лишь из «сена и соломы», неугодных Богу и бесполезных человеку.

[5] 3. Чтобы, насколько это в моих силах, отдать должное чрезвычайной важности этого предмета, уберечь

искренних искателей истины от «пустословия и словопрений», рассеять ту путаницу мыслей, в которую уже столь многих они вовлекли, и дать верные и точные понятия об этой великой тайне благочестия, я постараюсь показать:

6 Во-первых, каково общее основание всего учения об оправдании.

7 Во-вторых, что такое оправдание.

8 В-третьих, кто те, которые оправдываются. И,

9 В-четвёртых, на каких условиях они оправдываются. I. Прежде всего мне предстоит показать, каково общее основание всего учения об оправдании.

10 1. Человек был сотворён по образу Божию: святым, как свят Сотворивший его; милосердным, как милосерден Творец всего; совершенным, как совершен Отец его Небесный. Как Бог есть любовь, так и человек, пребывая в любви, пребывал в Боге, и Бог в нём. Бог создал его «образом собственного вечного бытия», нетленным подобием Бога славы. Поэтому он был чист, как чист Бог, свободен от всякого пятна греха. Он не знал зла ни в каком виде и ни в какой мере, но был безгрешен и непорочен и внутренне, и внешне. Он «любил Господа Бога своего всем сердцем своим, и всем разумением своим, и всею душою своею, и всею крепостию своею».

11 2. Человеку, столь правому и совершенному, Бог дал совершенный закон и потребовал полного и совершенного послушания ему. Он требовал полного послушания в каждом пункте, причём исполнять его следовало непрерывно, от того мгновения, когда человек стал душою живою, до окончания времени его испытания. Никакого снисхождения к неполному исполнению не

предусматривалось; да в нём и не было нужды, ибо человек вполне соответствовал возложенной на него задаче и был совершенно приготовлен ко всякому доброму слову и делу.

12 3. К всеобъемлющему закону любви, написанному в его сердце (против которого он, возможно, не мог согрешить прямо), верховной премудрости Божией угодно было прибавить ещё одну особо установленную заповедь: «Не ешь плода дерева, растущего посреди сада», — присоединив к ней наказание: «В день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь».

13 4. Таково было состояние человека в раю. По свободной, незаслуженной любви Божией он был свят и счастлив. Он знал Бога, любил Его, наслаждался Им, что, по существу, и есть жизнь вечная. И в этой жизни любви он должен был пребывать вовеки, если бы продолжал во всём повиноваться Богу; но, ослушавшись Его в чём-либо, он должен был лишиться всего. «В тот день, — сказал Бог, — смертью умрёшь».

14 5. Человек ослушался Бога. Он «ел от дерева, о котором Бог заповедал ему, сказав: не ешь от него». И в тот день он был осуждён праведным судом Божиим. Тогда же начал исполняться над ним и приговор, о котором он был заранее предупреждён. Ибо в самое мгновение, когда он вкусил того плода, он умер. Его душа умерла, отделилась от Бога; а в отделении от Него душа имеет не больше жизни, чем тело, отделённое от души. Его тело также стало тленным и смертным, так что смерть тогда овладела и им. И, уже мёртвый духом, мёртвый для Бога, мёртвый во грехе, он поспешил к вечной смерти, к погибели и тела, и души в огне неугасимом.

15 6. Так «одним человеком грех вошёл в мир, и грехом смерть; и таким образом смерть перешла во всех человеков», поскольку все заключались в том, кто был общим отцом и представителем всех нас. Так «преступлением одного» все умерли: умерли для Бога, умерли во грехе, живут в тленном, смертном теле, которому вскоре предстоит разрушиться, и находятся под приговором вечной смерти. Ибо, как «непослушанием одного человека» все «сделались грешными», так через преступление одного «всем человекам осуждение». (Римлянам 5:12.)

16 7. В этом состоянии находились мы, всё человечество, когда «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы мы не погибли, но имели жизнь вечную». Когда исполнилось время, Он стал Человеком, другим общим Главою человечества, вторым общим Родоначальником и Представителем всего человеческого рода. Именно как Таковой Он «понёс наши болезни», и «Господь возложил на Него грехи всех нас». Тогда Он был «изъязвлён за грехи наши и мучим за беззакония наши». «Душу Свою Он принёс в жертву за грех»; Он излил Свою кровь за преступников; Он «грехи наши Сам вознёс телом Своим на древо», чтобы Его ранами мы исцелились. И этим единственным приношением Себя, совершённым однажды, Он искупил меня и всё человечество, совершив тем самым «полную, совершенную и достаточную жертву и удовлетворение за грехи всего мира».

17 8. В силу того, что Сын Божий «вкусил смерть за каждого человека», Бог ныне «примирил с Собою мир, не вменяя людям» прежних «преступлений их». И так, «как преступлением одного всем человекам осуждение, так праведностью одного всем человекам дар оправдания».

Поэтому ради возлюбленного Сына Своего, ради того, что Он совершил и претерпел за нас, Бог теперь, при одном только условии (исполнить которое Он Сам же и даёт нам силу), благоволит отменить наказание, причитающееся за наши грехи, вновь принять нас в Своё благоволение и возвратить нашим мёртвым душам духовную жизнь как залог жизни вечной.

[18] 9. Итак, вот общее основание всего учения об оправдании. Через грех первого Адама, который был не только отцом, но и представителем всех нас, мы все лишились Божия благоволения, все стали чадами гнева, или, как выражается апостол, «всем человекам осуждение». Равным образом через жертву за грех, принесённую Вторым Адамом как Представителем всех нас, Бог примирён со всем миром настолько, что даровал людям новый завет; как только будет исполнено ясное условие этого завета, для нас «нет уже осуждения», но «мы получаем оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Иисусе Христе».

[19] II. 1. Но что значит быть «оправданным»? Что такое «оправдание»? Это второй вопрос, который я намеревался разъяснить. И из уже сказанного очевидно, что оно не означает действительного превращения человека в праведного и святого. Это — «освящение», которое в некоторой степени действительно является непосредственным плодом оправдания, но всё же представляет собой иной дар Божий, совершенно иной по своей природе. Одно означает то, что Бог делает для нас через Своего Сына, другое — то, что Он совершает в нас Своим Духом. Поэтому, хотя и можно найти редкие случаи, когда слова «оправданный» или «оправдание» употребляются в столь широком смысле, что включают в

себя и «освящение», в обычном употреблении они достаточно ясно различаются как у святого Павла, так и у других богодухновенных писателей.

[20] 2. Равным образом нелегко доказать каким-либо ясным текстом Священного Писания и то натянутое представление, будто оправдание есть снятие с нас обвинения, в особенности обвинения сатаны. Во всём библейском изложении этого предмета, приведённом выше, ни этот обвинитель, ни его обвинение, по-видимому, вовсе не принимаются в расчёт. Конечно, нельзя отрицать, что он — «обвинитель» людей, называемый так в особенном смысле. Но ничто не указывает, что великий апостол хоть сколько-нибудь имеет это в виду во всём написанном им об оправдании — и в Послании к римлянам, и в Послании к галатам.

[21] 3. Также гораздо легче принять без доказательства, чем доказать ясным свидетельством Писания, что оправдание есть снятие с нас обвинения, предъявленного законом; по крайней мере, если этот натянутый, неестественный способ выражаться означает что-либо большее или меньшее, чем следующее: хотя мы преступили закон Божий и тем заслужили осуждение в ад, Бог не подвергает оправданных тому наказанию, которого они заслужили.

[22] 4. Менее всего оправдание предполагает, будто Бог заблуждается относительно тех, кого оправдывает; будто считает их тем, чем они в действительности не являются; будто признаёт их иными, нежели они есть. Оно никоим образом не означает, что Бог судит о нас вопреки действительной природе вещей, что считает нас лучше, чем мы есть на самом деле, или полагает нас праведными, когда мы неправедны. Конечно же, нет. Суд

всепремудрого Бога всегда сообразен истине. И с Его непогрешимой мудростью никогда не может согласоваться мысль, будто я невинен, или суждение, будто я праведен или свят, на том основании, что таков кто-то другой. Он столь же не может таким образом смешать меня со Христом, как с Давидом или Авраамом. Пусть всякий, кому Бог дал разумение, беспристрастно взвесит это, и он не сможет не увидеть, что такое понятие об оправдании несогласуемо ни с разумом, ни с Писанием.

[23] 5. Простое библейское понятие об оправдании — это помилование, прощение грехов. Это действие Бога Отца, которым Он, ради умилостивления, совершённого кровью Его Сына, «являет праведность Свою (или милость) в прощении прежде соделанных грехов». Таково простое, естественное объяснение, которое даёт святой Павел на протяжении всего этого послания. Именно так он сам поясняет его, в особенности в этой и следующей главах. Так, через один стих после нашего текста он говорит: «Блаженны, чьи беззакония прощены и чьи грехи покрыты; блажен человек, которому Господь не вменит греха». Тому, кто оправдан, то есть прощён, Бог «не вменит греха» в осуждение. Он не осудит его за это ни в нынешнем мире, ни в будущем. Его грехи, все прежние грехи — в мысли, слове и деле — покрыты, изглажены, не будут вспомянуты или приведены против него, как если бы их вовсе не было. Бог не возложит на этого грешника того страдания, которое он заслужил, потому что за него пострадал Сын Его любви. И с той поры, когда мы «приняты в Возлюбленном», «примирены с Богом Его кровью», Он любит, благословляет и хранит нас ко благу, как если бы мы никогда не грешили.

[24] Правда, в одном месте апостол, по-видимому, значительно расширяет значение этого слова, говоря: «Не слушатели закона, но исполнители закона оправданы будут». Здесь он, очевидно, относит наше оправдание к приговору великого дня. И именно так, несомненно, поступает Сам наш Господь, когда говорит: «От слов своих оправдаешься», — доказывая тем самым, что «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда». Но едва ли мы можем привести другой пример употребления этого слова святым Павлом в столь отдалённом смысле. Из общего хода его писаний ясно, что обычно он так его не употребляет, и менее всего — в рассматриваемом нами тексте, который, бесспорно, говорит не о тех, кто уже «совершил течение», а о тех, кто только теперь «выступает в путь», лишь начинает «проходить предлежащее им поприще».

[25] III. 1. Но это и есть третий вопрос, который надлежало рассмотреть: кто те, которые оправдываются? Апостол прямо отвечает: нечестивые. «Он (то есть Бог) оправдывает нечестивого» — нечестивых всякого рода и всякой степени, и только нечестивых. Как «праведные не имеют нужды в покаянии», так они не имеют нужды и в прощении. Только грешникам требуется помилование; прощён может быть только грех. Поэтому прощение непосредственно относится ко греху и в этом смысле — ни к чему иному. Именно к нашей «неправде» милостив прощающий Бог; именно наших «беззаконий» Он «не воспоминает более».

[26] 2. Этого, по-видимому, совершенно не принимают во внимание те, кто столь горячо настаивает, что человек должен быть освящён, то есть свят, прежде чем сможет быть оправдан; в особенности те из них, кто утверждает,

что оправданию должны предшествовать всецелая святость или послушание. (Если только они не имеют в виду оправдание в последний день, которое совершенно не относится к нашему нынешнему вопросу.) Это настолько далеко от истины, что само предположение не только совершенно невозможно — ибо, где нет любви к Богу, там нет святости, а любви к Богу нет иначе как от сознания Его любви к нам, — но и грубо, внутренне нелепо, противоречиво в самом себе. Ведь прощение получает не святой, а грешник, и именно как грешник. Бог оправдывает не благочестивого, а нечестивого, не уже святых, а несвятых. На каком условии Он это делает, мы вскоре рассмотрим; но каково бы оно ни было, святостью оно быть не может. Утверждать это — значит говорить, что Агнец Божий берёт на Себя только те грехи, которые уже были прежде сняты.

[27] 3. Неужели добрый Пастырь ищет и спасает только тех, кто уже найден? Нет: Он ищет и спасает погибшее. Он прощает тех, кому нужна Его прощающая милость. Он спасает от вины греха (а вместе с тем и от его власти) грешников всякого рода, всякой степени: людей, которые до той поры были совершенно нечестивы, в которых не было любви Отчей и, следовательно, не жило ничего доброго, никакого доброго или подлинно христианского расположения, но лишь злые и мерзостные — гордость, гнев, любовь к миру, настоящие плоды того «плотского помышления», которое есть «вражда против Бога».

[28] 4. Именно больные, для которых бремя грехов невыносимо, нуждаются во Враче; именно виновные, стонущие под гневом Божиим, нуждаются в прощении. Именно «уже осуждённые» — не только Богом, но и собственной совестью, словно тысячью свидетелей, за всё

своё нечестие в мыслях, словах и делах — громко взывают к Тому, Кто «оправдывает нечестивого» искуплением во Иисусе: нечестивого и «не делающего», то есть не совершающего до своего оправдания ничего доброго, ничего истинно добродетельного или святого, но непрестанно лишь злое. Ибо сердце его неизбежно, по самому своему существу зло, пока в нём не изольётся любовь Божия. И пока дерево худо, таковы и плоды, «ибо дерево худое не может приносить плоды добрые».

[29] 5. Если возразят: «Но ведь человек и до оправдания может накормить голодного или одеть нагого, а это добрые дела», — ответ прост. Он может делать это ещё до оправдания, и в известном смысле это «добрые дела»: они «хороши и полезны людям». Но отсюда не следует, что они, строго говоря, добры сами по себе или добры в очах Божиих. Все истинно «добрые дела» (употребим слова нашей Церкви) «следуют за оправданием»; потому они добры и «угодны Богу во Христе», что «проистекают из истинной и живой веры». По той же причине все «дела, совершённые прежде оправдания, не добры» в христианском смысле, «поскольку не проистекают из веры в Иисуса Христа» (хотя из некоторой веры в Бога они могут проистекать); «более того, поскольку совершаются не так, как Бог желал и повелел их совершать, мы не сомневаемся» (как бы странно это ни казалось некоторым), «что они имеют природу греха».

[30] 6. Быть может, сомневающиеся в этом не обдумали должным образом ту вескую причину, которая здесь приводится в объяснение того, почему никакие дела, совершённые прежде оправдания, не могут быть истинно и в собственном смысле добрыми. Рассуждение, очевидно, таково:

[31] Никакие дела не добры, если они совершаются не так, как Бог желал и повелел их совершать.

[32] Но никакие дела, совершённые прежде оправдания, не совершаются так, как Бог желал и повелел их совершать.

[33] Следовательно, никакие дела, совершённые прежде оправдания, не добры.

[34] Первое положение самоочевидно; а второе — что никакие дела, совершённые прежде оправдания, не совершаются так, как Бог желал и повелел их совершать, — окажется столь же ясным и неоспоримым, если мы лишь примем во внимание, что Бог пожелал и повелел, чтобы «все дела наши» совершались «с любовью» (en agape), в любви, в той любви к Богу, которая порождает любовь ко всему человечеству. Но ни одно наше дело не может совершаться в этой любви, пока в нас нет любви Отчей — любви к Богу как нашему Отцу; а этой любви не может быть в нас, пока мы не примем Духа усыновления, взывающего в наших сердцах: «Авва, Отче!» Поэтому, если Бог не оправдывает нечестивого и того, кто (в этом смысле) не делает дел, значит, Христос умер напрасно; значит, несмотря на Его смерть, никакая живая плоть не может оправдаться.

[35] IV. 1. Но на каких же условиях оправдывается тот, кто совершенно «нечестив» и до той поры «не делает»? На одном только: это вера; он «верует в Того, Кто оправдывает нечестивого». А «верующий не судится»; более того, он «перешёл от смерти в жизнь». «Ибо праведность (или милость) Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих. Его Бог предложил в жертву умилостивления через веру в кровь Его, да явится Он праведным и» (сообразно Своей праведности)

«оправдывающим верующего в Иисуса». «Поэтому мы заключаем, что человек оправдывается верою, без дел закона», без предварительного послушания нравственному закону, которое он доныне и не мог исполнять. Что здесь имеется в виду нравственный закон, и только он, ясно из следующих слов: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем». Какой закон мы утверждаем верою? Не обрядовый закон, не церемониальный закон Моисея. Отнюдь нет, но великий, неизменный закон любви, святой любви к Богу и к нашему ближнему.

[36] 2. Вера вообще есть божественное, сверхъестественное «elegchos», «свидетельство», или «убеждение», «в невидимом», недоступном нашим телесным чувствам, поскольку оно относится к прошлому, будущему или духовному. Оправдывающая вера предполагает не только божественное свидетельство или убеждение в том, что «Бог во Христе примирил с Собою мир», но и твёрдое упование и уверенность, что Христос умер за «мои» грехи, что Он возлюбил «меня» и предал Себя за «меня». И в какое бы время грешник так ни уверовал — в раннем детстве, в расцвете лет или уже состарившись и поседев, — Бог оправдывает этого нечестивого. Бог ради Сына Своего прощает и освобождает от вины того, в ком до той поры не было ничего доброго. Правда, Бог уже прежде дал ему покаяние; но это покаяние было не чем иным, как глубоким сознанием отсутствия всякого добра и присутствия всякого зла. И всё добро, которое он имеет или совершает с того часа, когда впервые уверовал в Бога через Христа, вера не «находит», а «приносит». Это плод веры. Сперва дерево становится добрым, и затем добрым становится и плод.

[37] 3. Я не могу описать природу этой веры лучше, чем словами нашей собственной Церкви: «Единственное орудие спасения» (одна из частей которого — оправдание) «есть вера, то есть твёрдое упование и уверенность, что Бог и простил, и простит наши грехи, что Он вновь принял нас в Своё благоволение ради заслуг смерти и страданий Христовых. Но здесь мы должны остерегаться, чтобы не хромать пред Богом непостоянной, колеблющейся верою. Пётр, идя ко Христу по воде, ослабел в вере и потому оказался в опасности утонуть; так и нам, если начнём колебаться или сомневаться, следует бояться, что мы погрузимся, как Пётр, только не в воду, а в бездонную пучину адского огня». («Вторая проповедь о Страстях».)

[38] «Поэтому имей твёрдую и неизменную веру не только в то, что смерть Христова действенна для всего мира, но и в то, что Он принёс полную и достаточную жертву за „тебя“, совершенное очищение „твоих“ грехов, так что ты можешь сказать вместе с апостолом: Он возлюбил „тебя“ и предал Себя за „тебя“. Ибо это значит сделать Христа „своим“ и приложить Его заслуги к „себе самому“». («Проповедь о Таинстве, часть первая».)

[39] 4. Утверждая, что эта вера есть требование, или «условие оправдания», я имею в виду, во-первых, что без неё нет оправдания. «Неверующий уже осуждён», и, пока он не верует, это осуждение не может быть снято, но «гнев Божий пребывает на нём». Как «нет другого имени под небом», кроме имени Иисуса Назарянина, нет иной заслуги, через которую осуждённый грешник мог бы когда-либо спастись от вины греха, так нет и иного пути приобщиться Его заслуге, кроме как «верою во имя Его». Поэтому, пока мы лишены этой веры, мы — «чуждые

заветов обетования», «отчуждены от общества Израильского и безбожники в мире». Какими бы добродетелями (так называемыми) человек ни обладал — я говорю о тех, кому проповедано Евангелие, ибо «что мне судить и внешних?» — какие бы добрые дела (считающиеся таковыми) он ни совершал, это не приносит пользы: он всё ещё «чадо гнева», всё ещё под проклятием, пока не уверует в Иисуса.

40 5. Итак, вера — «необходимое» условие оправдания, и притом «единственное необходимое» условие. Это второй пункт, который следует тщательно отметить: в то самое мгновение, когда Бог даёт веру (ибо «это дар Божий») «нечестивому», который «не делает», эта «вера вменяется ему в праведность». До этого у него вовсе нет праведности, даже отрицательной праведности, или невинности. Но «вера вменяется ему в праведность» в то самое мгновение, когда он уверует. Не потому, что Бог (как уже было замечено) считает его тем, чем он не является. Но как Он «сделал Христа грехом за нас», то есть поступил с Ним как с грешником, наказав Его за наши грехи, так Он считает нас праведными с того времени, как мы веруем в Него. То есть Он не наказывает нас за наши грехи; более того, обращается с нами так, словно мы невиновны и праведны.

41 6. Несомненно, трудность согласиться с положением, что «вера есть единственное условие оправдания», должна происходить от его непонимания. Мы имеем в виду лишь то, что это единственное, без чего никто не оправдывается, единственное, что непосредственно, непременно, безусловно требуется для прощения. Как, с одной стороны, если бы человек имел всё остальное, но не имел веры, он всё же не мог бы оправдаться, так, с другой

стороны, если предположить, что он лишён всего остального, но имеет веру, он не может не быть оправдан. Представим грешника любого рода и любой степени, вполне сознающего своё всецелое нечестие, полную неспособность мыслить, говорить или делать добро и то, что он вполне заслуживает адского огня; представим, говорю я, что этот грешник, бессильный и безнадёжный, всецело отдаётся милости Божией во Христе (чего он, впрочем, не может сделать иначе как по благодати Божией): кто усомнится, что в это мгновение он прощён? Кто станет утверждать, что прежде оправдания этого грешника «непременно требуется» ещё что-нибудь?

42 Итак, если от начала мира был хоть один такой случай (а разве не было и нет их тьмы тем?), то отсюда ясно следует, что вера, в указанном выше смысле, есть единственное условие оправдания.

43 7. Не подобает бедным, виновным, грешным червям, получающим все блага, которыми они пользуются, — от малейшей капли воды, охлаждающей наш язык, до безмерного богатства вечной славы, — по благодати, по одной лишь милости, а не по долгу, спрашивать у Бога основания Его поступков. Не пристало нам призывать к ответу Того, Кто «не даёт отчёта ни в одном из дел Своих», и требовать: «Почему Ты сделал веру условием, единственным условием оправдания? Зачем Ты определил: „Верующий“, и только он, „спасён будет“?» Именно на этом святой Павел столь настойчиво останавливается в девятой главе этого Послания: условия прощения и принятия должны зависеть не от нас, а «от Призывающего нас»; у Бога нет «неправды», когда Он устанавливает Свои условия не по нашему, а по собственному благоволению, и Он вправе сказать: «Кого

миловать, помилую», а именно верующего в Иисуса. «Итак, не от желающего и не от подвизающегося» зависит выбор условия, на котором он будет принят, «но от Бога милующего», Который никого не принимает иначе как по Своей свободной любви, по Своей незаслуженной благости. «Итак, кого хочет, милует», а именно верующих в Сына Его любви; «а кого хочет», то есть неверующих, «ожесточает», в конце концов оставляет в ожесточении их сердец.

44 8. Однако мы можем смиренно предположить, что одной из причин, по которым Бог установил это условие оправдания — «Если уверуешь в Господа Иисуса Христа, спасёшься», — было намерение «удалить от человека гордость». Гордость уже погубила самих ангелов Божиих, низвергла «третью часть звёзд небесных». Ей же в значительной мере обязано и то, что, когда искуситель сказал: «Вы будете как боги», Адам утратил свою твёрдость и ввёл в мир грех и смерть. Поэтому назначить для него и всего его потомства такое условие примирения, которое могло бы действенно смирить их, унизить до праха, было проявлением премудрости, достойным Бога. И такова вера. Она особенно пригодна для этой цели: ибо приходящий к Богу с такой верой должен устремить взор исключительно на собственное нечестие, на свою вину и беспомощность, нисколько не принимая в расчёт никакого предполагаемого добра в себе, никакой добродетели или праведности. Он должен прийти как «всего лишь грешник», внутренне и внешне, сам себя погубивший и осудивший, не принося Богу ничего, кроме нечестия, не ссылаясь ни на что своё, кроме греха и бедствия. Так, и только так, когда «уста его заграждаются» и он стоит пред Богом всецело «виновным», он может «взирать на Иисуса» как на полное

и единственное «Умилостивление за его грехи». Только так он может «найтись в Нём» и получить «праведность от Бога по вере».

45 9. Ты, нечестивый, слушающий или читающий эти слова! Ты, низкий, беспомощный, несчастный грешник! Пред Богом, Судией всех, заклинаю тебя: иди прямо к Нему со всем своим нечестием. Берегись погубить собственную душу, ссылаясь в большей или меньшей мере на свою праведность. Иди как совершенно нечестивый, виновный, потерянный, погибший, заслуживающий ада и уже падающий в него; и тогда ты обретёшь благоволение в Его очах и узнаешь, что Он оправдывает нечестивого. Именно таким ты будешь приведён к «крови кропления» — как погибший, беспомощный, осуждённый на вечную погибель грешник. Так «взирай на Иисуса»! Вот «Агнец Божий», Который «берёт на Себя твои грехи»! Не ссылайся ни на дела, ни на собственную праведность, ни на смирение, сокрушение, искренность! Ни в коем случае. Это и впрямь означало бы отречься от искупившего тебя Господа. Нет: ссылайся только на кровь завета, на выкуп, уплаченный за твою гордую, упорную, грешную душу. Кто ты, ныне видящий и чувствующий своё внутреннее и внешнее нечестие? Ты — тот самый человек! Ты нужен мне для моего Господа! Я требую «тебя» как дитя Божие по вере! Ты надобен Господу. Ты, чувствующий, что вполне заслуживаешь ада, как раз пригоден к возвеличению Его славы — славы Его свободной благодати, оправдывающей нечестивого и не делающего. О, приди скорее! Уверуй в Господа Иисуса, и ты, именно ты, примирён с Богом.

Праведность веры

[1] «Моисей пишет о праведности от закона: исполнивший его человек жив будет им. А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоём: кто взойдёт на небо? — то есть Христа свести; или кто сойдёт в бездну? — то есть Христа из мёртвых возвести. Но что говорит Писание? Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем».

[2] Рим. 10:5–8.

[3] 1. Апостол здесь не противопоставляет завет, данный через Моисея, завету, данному через Христа. Если мы когда-либо так думали, то лишь потому, что не замечали: и последнюю, и первую часть этих слов произнёс сам Моисей к народу Израильскому, причём о существовавшем тогда завете. (Втор. 30:11, 12, 14.) Святой Павел противопоставляет здесь завет благодати, который Бог через Христа установил с людьми во все века — как до иудейского домостроительства и при нём, так и после того, как Бог явился во плоти, — завету дел, заключённому с Адамом, когда тот находился в раю, но обычно считавшемуся единственным заветом Бога с человеком, особенно теми иудеями, о которых пишет апостол.

[4] 2. О них он с такой любовью говорит в начале этой главы: «Желание моего сердца и молитва к Богу об Израиле во спасение. Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению. Ибо, не разумея праведности Божией» (оправдания, проистекающего исключительно из Его благодати и милости, даром

прощающей наши грехи через Сына Его любви, через искупление во Иисусе), «и усиливаясь поставить собственную праведность» (собственную святость, предшествующую вере в «Оправдывающего нечестивого», как основание своего прощения и принятия), «они не покорились праведности Божией» и, следовательно, ищут смерти в заблуждении своей жизни.

[5] 3. Они не знали, что «конец закона — Христос, к праведности всякого верующего»; что единократным приношением Самого Себя Он положил конец первому закону, или завету (который был дан Богом не Моисею, а Адаму в состоянии невинности), строгое содержание которого, без всякого послабления, было таково: «Делай это и живи»; и в то же время приобрёл для нас лучший завет: «Веруй и живи», — веруй и спасёшься; спасёшься уже теперь и от вины греха, и от его власти, а следовательно, и от его возмездия.

[6] 4. И сколько людей столь же невежественны теперь, даже среди именующихся именем Христа! Сколько тех, кто и ныне имеет «ревность по Боге», однако «не по рассуждению», но всё ещё стремится «поставить собственную праведность» как основание своего прощения и принятия, а потому упорно отказывается «покориться праведности Божией»! Поистине, братья, желание моего сердца и молитва к Богу о вас — чтобы вы спаслись. И чтобы устранить с вашего пути этот великий камень преткновения, я постараюсь показать, во-первых, *что такое* праведность от закона и что такое «праведность от веры»; во-вторых, безрассудство упования на праведность от закона и мудрость покорности праведности от веры.

[7] I. 1. Во-первых, «праведность от закона говорит: исполнивший это человек жив будет этим». Неизменно и совершенно соблюдай всё это, исполняя на деле, и тогда будешь жить вовеки. Этот закон, или завет (обычно называемый заветом дел), данный Богом человеку в раю, требовал послушания, совершенного во всех своих частях, полного и ни в чём не имеющего недостатка, как условия вечного пребывания человека в святости и блаженстве, в которых он был сотворён.

[8] 2. Он требовал, чтобы человек исполнял всякую праведность — внутреннюю и внешнюю, состоящую и в воздержании от зла, и в совершении добра; чтобы он не только воздерживался от всякого праздного слова и избегал всякого злого дела, но держал каждое чувство, каждое желание, каждую мысль в послушании воле Божией; чтобы оставался святым, как свят Сотворивший его, и в сердце, и во всех поступках; чтобы был чист сердцем, как чист Бог, совершенен, как совершен Отец его Небесный; чтобы любил Господа Бога своего всем сердцем своим, всею душою своею, всем разумением своим и всею крепостию своею; чтобы любил каждую душу, созданную Богом, так же, как Бог возлюбил его; чтобы этой всеобщей благожелательностью пребывал в Боге, Который есть любовь, и Бог — в нём; чтобы служил Господу Богу своему всею крепостью и во всём стремился единственно к Его славе.

[9] 3. Вот чего требовала праведность закона, чтобы исполняющий это мог этим жить. Но она требовала также, чтобы это всецелое послушание Богу, эта внутренняя и внешняя святость, это соответствие сердца и жизни Его воле были совершенны по *степени*. Никакого послабления, никакого снисхождения нельзя

было допустить к недостатку в какой бы то ни было мере, хотя бы в одной йоте или черте внешнего либо внутреннего закона. Если бы все заповеди, относящиеся к внешнему, были соблюдены, этого всё же было бы недостаточно, если каждая не была соблюдена всеми силами, в высшей мере и совершеннейшим образом. Также не отвечало требованию этого завета любить Бога всеми силами и способностями, если Его не любили всей полнотой каждой из них, всею возможностью души.

10 4. Ещё одно непременное требование праведности закона состояло в том, чтобы это всеобщее послушание, эта совершенная святость сердца и жизни были также совершенно непрерывными, продолжались без всякого перерыва с того мгновения, когда Бог сотворил человека и вдунул в его ноздри дыхание жизни, до окончания дней его испытания, когда он был бы утверждён в жизни вечной.

11 5. Итак, праведность от закона говорит так: «Ты, человек Божий, стой твёрдо в любви, в образе Божием, по которому ты сотворён. Если хочешь оставаться в жизни, соблюдай заповеди, ныне написанные в твоём сердце. Люби Господа Бога твоего всем сердцем твоим. Люби, как себя, всякую душу, которую Он создал. Не желай ничего, кроме Бога. Устремляйся к Богу в каждой мысли, в каждом слове и деле. Ни одним движением тела или души не уклоняйся от Него, твоей цели и награды вышнего звания; и пусть всё, что в тебе, славит святое имя Его, каждая сила и способность твоей души, во всём, во всякой мере и в каждое мгновение твоего бытия. „Так поступай и будешь жить“: твой свет будет сиять, твоя любовь — пламенеть всё более, пока ты не будешь принят в дом

Божий на небесах, чтобы царствовать с Ним во веки веков».

12 6. «А праведность от веры так говорит: не говори в сердце твоём: кто взойдёт на небо? — то есть Христа свести» (словно Бог требует от тебя предварительно совершить некую невозможную задачу, чтобы принять тебя); «или кто сойдёт в бездну? — то есть Христа из мёртвых возвести» (словно ещё не совершено то, ради чего ты должен быть принят); «но что говорит она? Слово», согласно которому ты уже теперь можешь быть принят как наследник вечной жизни, «близко к тебе, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем», — новый завет, который Бог ныне установил с грешным человеком через Христа Иисуса.

13 7. Под «праведностью от веры» разумеется то условие оправдания — а следовательно, и нынешнего, и окончательного спасения, если пребудем в нём до конца, — которое Бог дал *падшему человеку* через заслуги и посредничество Своего Единородного Сына. Оно было отчасти открыто Адаму вскоре после его падения, заключаясь в первоначальном обетовании, данном ему и его потомству о Семени жены, Которое «поразит змея в голову». (Быт. 3:15.) Несколько яснее оно было открыто Аврааму через ангела Божия с неба, сказавшего: «Мною клянусь, говорит Господь, что в семени твоём благословятся все народы мира». (Быт. 22:16, 18.) Ещё полнее оно было возвещено Моисею, Давиду и последующим пророкам, а через них — многим из народа Божия в их поколениях. Но всё же большинство даже среди них не знало его, и очень немногие понимали ясно. «Жизнь и нетление» ещё не были так «явлены» древним иудеям, как теперь нам «через Евангелие». [3]

[14] 8. Итак, этот завет не говорит грешному человеку: «Исполняй безгрешное послушание и живи». Если бы условие было таково, всё, что Христос сделал и претерпел за него, принесло бы ему не больше пользы, чем если бы ради жизни от него требовалось «взойти на небо и свести Христа свыше» или «сойти в бездну», в невидимый мир, и «возвести Христа из мёртвых». Он не требует совершить что-либо невозможное (хотя для человека, предоставленного самому себе, требуемое было бы невозможно, но не для человека, которому помогает Дух Божий): это означало бы лишь насмехаться над человеческой немощью. В самом деле, строго говоря, завет *благодати* вовсе не требует от нас что-либо *сделать* как безусловно и непременно необходимое для нашего оправдания, но лишь *веровать* в Того, Кто ради Своего Сына и совершённого Им умилостивления «оправдывает нечестивого, не делающего», и вменяет ему его веру в праведность. Так и Авраам «поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность». (Быт. 15:6.) «И знак обрезания он получил как печать праведности через веру, чтобы стать отцом всех верующих, дабы и им вменилась праведность». (Рим. 4:11.) «А впрочем, не в отношении к нему одному написано, что вменилось ему», *то есть* вера, «но и в отношении к нам, которым вменится», которым вера вменится в праведность, займёт место совершенного послушания для принятия нас Богом, «если веруем в Того, Кто воскресил из мёртвых Иисуса, Господа нашего, Который предан» на смерть «за грехи наши и воскрес для оправдания нашего» (Рим. 4:23–25), — для уверения верующих в отпущении наших грехов и в иной, грядущей жизни.

[15] 9. Что же говорит завет прощения, незаслуженной любви, милости, дарующей помилование? «Веруй в

Господа Иисуса Христа, и спасёшься». В день, когда уверуешь, непременно будешь жить. Ты вновь обретёшь благоволение Божие, а в Его благоволении — жизнь. Ты будешь спасён от проклятия и от гнева Божия. Ты будешь оживлён от смерти греха к жизни праведности. И если пребудешь до конца в вере в Иисуса, то никогда не вкусишь второй смерти, но, пострадав со своим Господом, будешь также жить и царствовать с Ним во веки веков.

[16] 10. Итак, «это слово близко к тебе». Это условие жизни ясно, легко, всегда доступно. «Оно в устах твоих и в сердце твоём» действием Духа Божия. В то мгновение, когда «ты уверуешь сердцем» в Того, Кого Бог «воскресил из мёртвых», и «исповедуешь устами Господа Иисуса» как *твоего* Господа и *твоего* Бога, «спасёшься» от осуждения, от вины и наказания за прежние грехи и получишь силу служить Богу в истинной святости во все оставшиеся дни твоей жизни.

[17] 11. В чём же различие между «праведностью от закона» и «праведностью от веры», между первым заветом, или заветом дел, и вторым, заветом благодати? Существенное, неизменное различие таково: один предполагает, что тот, кому он дан, уже свят и счастлив, создан по образу Божию и пользуется Божиим благоволением, и предписывает условие, на котором он может оставаться в этом состоянии — в любви и радости, жизни и бессмертии. Другой предполагает, что тот, кому он дан, теперь несвят и несчастен, лишился славного образа Божия, находится под пребывающим на нём гневом Божиим и через грех, которым умерщвлена его душа, спешит к телесной и вечной смерти; и человеку в таком состоянии он предписывает условие, на котором тот может вновь обрести потерянную жемчужину,

возвратить благоволение и образ Божий, восстановить жизнь Божию в своей душе и вернуться к познанию и любви Бога, что и есть начало вечной жизни.

[18] 12. Далее, завет дел для *пребывания* человека в Божием благоволении, в познании и любви к Нему, в святости и счастье требовал от совершенного человека *совершенного* и непрерывного *послушания* каждому пункту закона Божия. Тогда как завет благодати для *возвращения* человеку благоволения и жизни Божией требует только *веры* — живой веры в Того, Кто через Бога оправдывает непослушного.

[19] 13. И ещё: завет дел требовал от Адама и всех его детей, чтобы они сами уплатили цену, в воздаяние за которую должны были получить все будущие Божии благословения. Но в завете благодати, видя, что нам нечем платить, Бог «даром прощает нам всё», при одном лишь условии: чтобы мы веровали в Того, Кто уплатил цену за нас, Кто отдал Себя как «Умилостивление за грехи наши, за грехи всего мира».

[20] 14. Итак, первый завет требовал того, что теперь *далеко* от всех сынов человеческих, а именно безгрешного послушания, далёкого от тех, кто «зачат и рождён во грехе». Второй же требует того, что близко, словно говоря: «Ты — грех! Бог — любовь! Ты через грех лишился славы Божией, однако у Него есть милость. Принеси же все свои грехи к прощающему Богу, и они исчезнут, как облако. Если бы ты не был нечестив, Ему не было бы места оправдать тебя как нечестивого. Но теперь приступи с полной уверенностью веры. Он говорит — и совершается. Не бойся, только веруй, ибо даже праведный Бог оправдывает всех верующих в Иисуса».

[21] II. 1. Приняв это во внимание, нетрудно было бы показать, как я и намеревался во второй части, безрассудство упования на «праведность от закона» и мудрость покорности «праведности от веры».

[22] Безрассудство тех, кто всё ещё уповает на «праведность от закона», условия которой — «Делай это и живи», с полной очевидностью обнаруживается в следующем. Они неверно начинают; уже первый их шаг — коренная ошибка. Ведь прежде, чем вообще помыслить о притязании на какое-либо благословение на условиях этого завета, им нужно предположить себя в состоянии того, с кем этот завет был заключён. Но как суетно такое предположение, поскольку он был заключён с Адамом в состоянии невинности! Как же непрочно должно быть всё здание, стоящее на таком основании! И как неразумны строящие так на песке! Они, кажется, никогда не задумывались, что завет дел был дан человеку не тогда, когда тот был «мёртв по преступлениям и грехам», а когда был жив для Бога, когда не знал греха, но был свят, как свят Бог; они забывают, что он никогда не предназначался для *возвращения* однажды утраченных благоволения и жизни Божией, но лишь для их *сохранения* и умножения, пока они не достигли бы полноты в вечной жизни.

[23] 2. Не думают стремящиеся таким образом утвердить «собственную праведность от закона» и о том, каково послушание, или праведность, которого закон непременно требует. Оно должно быть совершенным и полным в каждом пункте, иначе оно не отвечает требованию закона. Но кто из вас способен исполнить такое послушание и, следовательно, жить им? Кто среди вас исполняет каждую йоту и черту даже внешних

Божиих заповедей: не делает ничего, ни великого, ни малого, что Бог запрещает; не оставляет неисполненным ничего из того, что Он повелевает; не произносит ни одного *праздного слова*; всегда говорит так, чтобы «доставлять благодать слушающим»; и «ест ли, пьёт ли, или иное что делает, всё делает во славу Божию»? И насколько менее способны вы исполнить все внутренние Божии заповеди — те, что требуют, чтобы всякое расположение и движение вашей души были святыней Господней! Способны ли вы «любить Бога всем сердцем своим», любить всё человечество, как собственную душу, «непрестанно молиться, за всё благодарить», всегда иметь Бога пред собой и держать каждое чувство, желание и мысль в послушании Его закону?

[24] 3. Следует также учесть, что праведность закона требует не только послушания каждой Божией заповеди — запрещающей и повелевающей, внутренней и внешней, — но и послушания в совершенной степени. Во всяком случае голос закона говорит: «Служи Господу Богу твоему всею крепостью твоею». Он не допускает никакого послабления, не извиняет никакого недостатка, осуждает всякое недостижение полной меры послушания и тотчас произносит проклятие над нарушителем. Он принимает в расчёт лишь неизменные правила справедливости и говорит: «Я не умею являть милость».

[25] 4. Кто же может предстать перед таким Судией, Который «строго замечает беззакония»? Как неразумны желающие быть судимыми пред судом, где «не оправдается никакая живая плоть», никто из потомков Адама! Ведь допустим, что теперь мы соблюдаем каждую заповедь всеми силами; однако одно-единственное нарушение, когда бы то ни было совершённое,

совершенно уничтожает всё наше право на жизнь. Если мы когда-либо согрешили хотя бы в одном пункте, этой праведности положен конец. Ибо закон осуждает всех, кто не исполняет непрерывного и совершенного послушания. Поэтому, по его приговору, тому, кто однажды согрешил в какой бы то ни было степени, «остаётся только некое страшное ожидание ярости огня, готового пожрать противников» Божиих.

[26] 5. Не крайнее ли, стало быть, безрассудство — падшему человеку искать жизни через эту праведность? Человеку, который «зачат в беззаконии, и во грехе родила его мать его»; человеку, который по природе весь «земной, душевный, бесовский», совершенно развращённый и мерзостный; в котором, пока он не обретёт благодать, «не живёт ничего доброго»; более того, который сам по себе не способен помыслить ни одной доброй мысли; который весь — грех, одно лишь скопление нечестия и грешит с каждым своим вздохом; чьи действительные преступления в слове и деле многочисленнее волос на голове? Какова должна быть тупость, какое безумие такого нечистого, виновного, беспомощного червя, чтобы мечтать о принятии Богом на основании собственной праведности, о жизни «праведностью от закона»!

[27] 6. Итак, все соображения, доказывающие безрассудство упования на «праведность от закона», в равной мере доказывают мудрость покорности «праведности от Бога по вере». Это нетрудно было бы показать применительно к каждому из предшествующих соображений. Но оставим это; мудрость первого шага к ней — отречения от собственной праведности — ясно обнаруживается в том, что он соответствует истине, действительной природе вещей. Ведь что это такое, как не

признание сердцем и устами того состояния, в котором мы действительно находимся? Признание, что мы приносим с собою в мир испорченную, грешную природу — более испорченную, чем нам легко представить или выразить словами; что в силу этого мы склонны ко всякому злу и отвращаемся от всякого добра; что мы полны гордости, своеволия, необузданных страстей, неразумных желаний, низких и неумеренных привязанностей, любим мир, любим удовольствия больше, нежели Бога; что жизнь наша была ничуть не лучше сердца, но во многих отношениях нечестива и несвята, так что действительные грехи наши в слове и деле были многочисленны, как звёзды небесные; что по всем этим причинам мы неугодны Тому, Чьи очи слишком чисты, чтобы взирать на беззаконие, и не заслуживаем от Него ничего, кроме негодования, гнева и смерти — должного возмездия за грех; что мы не можем никакой своей праведностью (ибо её у нас вовсе нет) и никакими своими делами (ибо они таковы же, как дерево, на котором растут) умилостивить гнев Божий или отвратить справедливо заслуженное наказание; более того, что, предоставленные самим себе, мы будем становиться только хуже и хуже, всё глубже погружаться во грех, всё больше оскорблять Бога и злыми делами, и злыми расположениями своего плотского ума, пока не наполним меру своих беззаконий и не навлечём на себя скорую погибель? И разве не таково именно наше природное состояние? Итак, признать это и сердцем, и устами, то есть отречься от собственной праведности, от «праведности от закона», — значит поступить сообразно действительной природе вещей, а следовательно, проявить истинную мудрость.

[28] 7. Мудрость покорности «праведности от веры» обнаруживается далее в том, что это праведность Божия. Здесь я имею в виду, что это способ примирения с Богом, избранный и установленный Самим Богом не только как Богом премудрости, но и как верховным Владыкой неба и земли и каждого сотворённого Им существа. И как не подобает человеку говорить Богу: «Что Ты делаешь?» — как никто, не лишённый совершенно разумения, не станет спорить с Тем, Кто могущественнее его, с Тем, Чьё Царство владычествует над всем, — так истинная мудрость и признак здравого разумения состоят в согласии со всем, что Он избрал, в том, чтобы и здесь, как во всём, сказать: «Он — Господь; что Ему угодно, то да сотворит».

[29] 8. Можно также подумать о том, что лишь по благодати, по свободной любви, по незаслуженной милости Бог благоволил даровать грешному человеку хоть какой-нибудь путь примирения с Собою, что мы не были отсечены от Его руки и совершенно изглажены из Его памяти. Поэтому, какой бы способ Он ни благоволил назначить по Своей нежной милости, по Своей незаслуженной благости, чтобы Его враги, столь далеко отступившие от Него, столь долго и упорно восставшие против Него, всё ещё могли обрести благоволение в Его очах, несомненно, мудро с нашей стороны принять его со всей благодарностью.

[30] 9. Упомянем лишь ещё одно соображение. Мудрость состоит в стремлении к наилучшей цели наилучшими средствами. Наилучшая же цель, к которой может стремиться любое творение, — счастье в Боге. А наилучшая цель падшего творения — восстановление Божия благоволения и образа. Но лучшее, и в самом деле

единственное, данное человеку под небом средство вновь обрести благоволение Божие, лучшее самой жизни, или образ Божий, который есть истинная жизнь души, — это покориться «праведности от веры», уверовать в Единородного Сына Божия.

[31] III. 1. Поэтому, кто бы ты ни был, желающий получить прощение и вновь примириться с Богом и обрести Его благоволение, не говори в сердце своём: «Я должен *сначала сделать вот это*; я должен *сначала* победить всякий грех, прекратить всякое злое слово и дело и делать всякое добро всем людям; или я должен *сначала* ходить в церковь, принимать Вечерю Господню, слушать больше проповедей и читать больше молитв». Увы, брат мой! Ты совсем сбился с пути. Ты всё ещё «не разумеешь праведности Божией» и «ищешь поставить собственную праведность» как основание своего примирения. Разве ты не знаешь, что, пока не примирён с Богом, ничего не можешь делать, кроме греха? Зачем же ты говоришь: «Я должен *сначала* сделать то и другое, а потом уверую»? Нет, *сначала уверуй*! Уверуй в Господа Иисуса Христа, Умилостивление за твои грехи. Пусть прежде будет положено это доброе основание, и тогда ты будешь всё делать хорошо.

[32] 2. Не говори также в сердце своём: «Я ещё не могу быть принят, потому что *недостаточно хорош*». Кто *достаточно хорош* — кто когда-либо был таков, — чтобы заслужить принятие от Бога? Был ли когда-нибудь хоть один потомок Адама *достаточно хорош* для этого? Или будет ли до скончания всего? Что же до тебя, то ты вовсе не хорош: в тебе не живёт ничего доброго. И никогда не будешь, пока не уверуешь в Иисуса. Напротив, ты будешь находить себя всё хуже и хуже. Но разве нужно стать

хуже, чтобы быть принятым? Разве ты уже *недостаточно плох*? Поистине, достаточно, и Бог это знает. И сам ты не можешь этого отрицать. Тогда не медли. Всё уже готово. «Встань и омой грехи твои». Источник открыт. Теперь время убелиться в крови Агнца. Теперь Он «очистит» тебя как бы «иссопом», и ты «будешь чист»; Он «омоет» тебя, и ты «будешь белее снега».

33 3. Не говори: «Но я *недостаточно сокрушён*, я *недостаточно сознаю* свои грехи». Я знаю это. Дал бы Бог, чтобы ты в тысячу раз глубже их *сознавал*, был в тысячу раз более *сокрушён*, чем теперь. Но не жди этого. Возможно, Бог сделает тебя таким не прежде, чем ты уверуешь, а посредством веры. Возможно, ты не будешь много плакать, пока не возлюбишь много, потому что тебе много прощено. Тем временем взирай на Иисуса. Смотри, как Он любит тебя! Что ещё мог бы Он сделать для тебя, чего не сделал?

> 34 О Агнец Божий, были ль боль
> И чья-нибудь любовь подобны Твоим?

35 Неотступно взирай на Него, пока Он не взглянет на тебя и не сокрушит твоё жестокое сердце. Тогда «голова» твоя станет «водою», а «глаза — источником слёз».

36 4. И не говори: «Я должен ещё что-нибудь *сделать*, *прежде* чем прийти ко Христу». Согласен: если допустить, что твой Господь замедлит с приходом, было бы уместно и правильно ожидать Его явления, исполняя по мере сил всё, что Он повелел тебе. Но нет необходимости делать такое предположение. Откуда ты знаешь, что Он замедлит? Быть может, Он явится, как Восток свыше, прежде утреннего света. О, не назначай

Ему срока! Ожидай Его каждый час. Теперь Он близко, у самых дверей!

37 5. И ради чего ты стал бы ждать *большей искренности, прежде* чем будут изглажены твои грехи? Чтобы стать более достойным благодати Божией? Увы, ты всё ещё «утверждаешь собственную праведность». Он помилует не потому, что ты достоин милости, а потому, что Его милосердие не истощается; не потому, что ты праведен, а потому, что Иисус Христос искупил твои грехи.

38 И ещё: если в *искренности* есть что-либо доброе, почему ты ожидаешь этого *прежде*, чем обрёл веру, — ведь сама вера есть единственный корень всего действительно доброго и святого?

39 Главное же, долго ли ты будешь забывать, что всё, что ты делаешь, и всё, что имеешь прежде прощения грехов, ничего не значит перед Богом для обретения прощения? Более того, всё это должно быть отброшено за спину, попрано ногами, поставлено ни во что, иначе ты никогда не обретёшь благоволения в Божиих очах; ибо до той поры ты не можешь просить его как всего лишь грешник, виновный, потерянный, погибший, не имеющий ничего, на что можно сослаться, ничего, что можно предложить Богу, кроме заслуг Его возлюбленного Сына, «Который возлюбил *тебя* и предал Себя за *тебя»!*

40 6. В заключение: кто бы ты ни был, о человек, имеющий в себе приговор смерти, чувствующий себя осуждённым грешником и пребывающий под гневом Божиим, тебе говорит Господь не «Делай это», то есть совершенно повинуйся всем Моим заповедям, «и живи», но «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься». «Близко к тебе слово веры»: теперь, в это самое мгновение, в настоящую

минуту и в нынешнем твоём состоянии, грешник, каков ты есть, именно такой, каков ты есть, уверуй в Евангелие, и «Я буду милостив к *твоей* неправде, и *твоих* беззаконий не воспомяну более».

Путь в Царство

[1] «Приблизилось Царствие Божие: покайтесь и веруйте в Евангелие».

[2] Марка 1:15.

[3] Эти слова естественным образом побуждают нас рассмотреть, во-первых, природу истинной религии, которую наш Господь называет здесь «Царствием Божиим» и о которой говорит, что она «приблизилась»; а во-вторых, путь к ней, указанный Им в словах: «Покайтесь и веруйте в Евангелие».

[4] I. 1. Прежде всего нам предстоит рассмотреть природу истинной религии, которую наш Господь называет здесь «Царствием Божиим». То же выражение великий апостол употребляет в Послании к римлянам, где он поясняет слова своего Господа, говоря: «Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе». (Рим. 14:17.)

[5] 2. «Царствие Божие», или истинная религия, «не пища и питие». Хорошо известно, что не только необращённые иудеи, но и весьма многие из принявших веру Христову всё же были «ревнителями закона» (Деян. 21:20), даже обрядового закона Моисея. Поэтому всё, что они находили написанным в нём о хлебных приношениях и возлияниях или о различии чистой и нечистой пищи, они не только соблюдали сами, но и настойчиво навязывали даже тем «из язычников», которые «обратились к Богу»; и до такой степени, что некоторые из них, куда бы ни приходили к этим людям, учили: «Если не обрежетесь и

не соблюдёте закона» (всего обрядового закона), «не можете спастись». (Деян. 15:1, 24.)

[6] 3. В противоположность им апостол и здесь, и во многих других местах объявляет, что истинная религия состоит не в *пище* и *питии*, не в соблюдении обрядов и вообще ни в чём внешнем, ни в чём находящемся вне сердца; вся её сущность заключается в «праведности, мире и радости во Святом Духе».

[7] 4. Ни в чём *внешнем*, каковы *формы* или *обряды*, пусть даже самого превосходного рода. Допустим, они сколь угодно благопристойны и знаменательны, сколь угодно выразительно передают внутреннее; допустим, они сколь угодно полезны не только простому народу, чья мысль простирается немногим дальше зрения, но и людям разумным, обладающим сильными способностями, — каковыми они, несомненно, иногда могут быть. Допустим даже, что они, как у иудеев, установлены Самим Богом; и всё же даже в то время, когда это установление остаётся в силе, истинная религия состоит главным образом не в них; более того, строго говоря, вовсе не в них. Насколько же более это должно относиться к обрядам и формам, установленным лишь людьми! Религия Христова поднимается бесконечно выше и лежит неизмеримо глубже всего этого. Всё это хорошо на своём месте — ровно настолько, насколько в действительности служит истинной религии. И возражать против этого было бы суеверием, пока оно используется лишь как временное вспомогательное средство для человеческой немощи. Но пусть никто не идёт дальше. Пусть никто не воображает, что всё это имеет внутреннюю ценность само по себе или что без этого религия не может существовать. Это

означало бы превратить всё это в мерзость перед Господом.

[8] 5. Природа религии настолько далека от того, чтобы заключаться в этом, в формах богослужения, обрядах и церемониях, что она, собственно, не состоит ни в каких внешних поступках, какого бы рода они ни были. Правда, человек не может иметь никакой религии, если виновен в порочных, безнравственных поступках или делает другим то, чего не желал бы от них себе, окажись он в таком же положении. Верно и то, что не может иметь истинной религии тот, кто «знает, как делать добро, и не делает». Однако человек может и воздерживаться от внешнего зла, и делать добро, и всё же не иметь религии. Да, двое могут совершать одно и то же внешнее дело — например, кормить голодного или одевать нагого, — а между тем один из них может быть истинно благочестив, другой же вовсе не иметь религии: ибо один может действовать из любви к Богу, а другой — из любви к похвале. Так очевидно, что, хотя истинная религия естественно ведёт ко всякому доброму слову и делу, её подлинная природа лежит ещё глубже, в «сокровенном сердца человеке».

[9] 6. Я говорю: *сердца*. Ибо религия не состоит также в правоверии, или верных мнениях; хотя они, собственно, не относятся к внешнему, находятся они не в сердце, а в разуме. Человек может быть правоверен во всяком пункте; он может не только придерживаться верных мнений, но и ревностно защищать их от всех противников; может мыслить правильно о воплощении нашего Господа, о вечно блаженной Троице и о всяком другом учении, содержащемся в словесах Божиих; может соглашаться со всеми тремя символами веры — Апостольским, Никейским и Афанасиевским; и всё же, возможно, в нём

вовсе нет религии, не больше, чем в иудее, турке или язычнике. Он может быть почти столь же правоверен, как дьявол (хотя и не вполне, ибо всякий человек в чём-нибудь ошибается, тогда как трудно представить, чтобы тот придерживался какого-либо ошибочного мнения), и при этом оставаться столь же чуждым религии сердца, как он.

[10] 7. Только это и есть религия в истинном смысле слова; только это драгоценно в очах Божиих. Апостол сводит всё к трём положениям: «праведность, мир и радость во Святом Духе». И прежде всего — *праведность*. Нам не придётся недоумевать о ней, если мы вспомним слова нашего Господа, описывающие две великие её ветви, на которых «утверждаются весь закон и пророки»: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всем разумением твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею: сия есть первая и наибольшая заповедь» (Марк. 12:30), первая и главная ветвь христианской праведности. Наслаждайся Господом Богом твоим; ищи и находи в Нём всё счастье. Он будет «щитом твоим и весьма великою наградою твоею» во времени и в вечности. Все кости твои скажут: «Кто мне на небе, кроме Тебя? И на земле я ничего не желаю, кроме Тебя!» Ты услышишь и исполнишь слово Того, Кто говорит: «Сын мой, отдай Мне сердце твоё». И отдав Ему своё сердце, самую глубину души, чтобы Он царствовал там без соперника, ты вправе воскликнуть от полноты сердца: «Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя! Господь — твердыня моя и защита моя, Избавитель мой, Бог мой и сила моя, на Которого я уповаю; щит мой, рог спасения моего и убежище моё».

[11] 8. А вторая заповедь подобна ей; вторая великая ветвь христианской праведности тесно и неразрывно связана с первой: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». *Возлюби* — окружи нежнейшим доброжелательством, самым горячим и сердечным расположением, пламеннейшим желанием предотвратить или устранить всякое зло и доставить ему всякое возможное благо — *ближнего твоего*, то есть не только друга, родственника или знакомого; не только добродетельного, дружелюбного, любящего тебя, упреждающего твою доброту или отвечающего на неё; но каждого сына человеческого, каждое человеческое существо, каждую душу, которую создал Бог. Не исключая того, кого ты никогда не видел во плоти, кого не знаешь ни в лицо, ни по имени; не исключая того, о ком знаешь, что он зол и неблагодарен, кто всё ещё поносит и гонит тебя: его люби *как самого себя*, с той же неизменной жаждой его счастья во всех отношениях, с той же неустанной заботой оградить его от всего, что могло бы опечалить или повредить его душу либо тело.

[12] 9. И разве эта любовь не есть «исполнение закона», совокупность всей христианской праведности? Всей внутренней праведности, ибо она необходимо заключает в себе «милосердие, смиренномудрие» (поскольку «любовь не превозносится»), «благость, кротость, долготерпение» (ибо любовь «не раздражается», но «всему верит, всего надеется, всё переносит»). И всей внешней праведности, ибо «любовь не делает ближнему зла» ни словом, ни делом. Она не может намеренно причинить кому-либо боль или огорчение. И она ревностна к добрым делам. Всякий любящий человечество, пока имеет возможность, «делает добро всем людям», будучи (без пристрастия и лицемерия) «исполнен милосердия и добрых плодов».

[13] 10. Но истинная религия, или сердце, правое пред Богом и человеком, предполагает не только святость, но и счастье. Ибо она есть не только «праведность», но также «мир и радость во Святом Духе». Какой мир? «Мир Божий», который только Бог может дать и которого мир не может отнять; мир, «превосходящий всякое разумение», всякое чисто рассудочное понятие, ибо это сверхъестественное ощущение, божественное вкушение «сил будущего века», неизвестное душевному человеку, как бы мудр он ни был в делах этого мира. Да он и не может знать его в нынешнем своём состоянии, «потому что о сём надобно судить духовно». Это мир, изгоняющий всякое сомнение, всякую мучительную неуверенность: Дух Божий свидетельствует духу христианина, что тот — «дитя Божие». И он изгоняет страх, всякий страх, в котором есть мучение: страх гнева Божия, страх ада, страх дьявола и в особенности страх смерти, ибо имеющий мир Божий желает, если на то будет воля Божия, «разрешиться и быть со Христом».

[14] 11. Вместе с этим миром Божиим, где бы он ни утвердился в душе, бывает и «радость во Святом Духе» — радость, которую производит в сердце Святой Дух, вечно блаженный Дух Божий. Именно Он производит в нас это тихое, смиренное ликование в Боге через Христа Иисуса, «через Которого мы ныне получили примирение», katallagen, примирение с Богом, и даёт нам смело подтверждать истинность изречения царственного псалмопевца: блажен (или, вернее, *счастлив*) человек, которому прощено беззаконие и чей грех покрыт. Именно Он наполняет христианскую душу той ровной, прочной радостью, которая рождается из свидетельства Духа, что человек — дитя Божие, и даёт ему радоваться радостью неизреченной в надежде славы Божией: в надежде и на

славный образ Божий, который отчасти уже «открылся в нём», а ещё откроется во всей полноте, и на неувядающий венец славы, хранимый для него на небесах.

15 12. Эта святость и это счастье, соединённые воедино, в богодухновенных писаниях иногда именуются «Царствием Божиим» (как у нашего Господа в приведённом тексте), а иногда — «Царством Небесным». Они называются «Царствием Божиим», потому что являются непосредственным плодом Божия царствования в душе. Как только Он воспринимает Свою великую силу и утверждает престол в наших сердцах, они тотчас наполняются этой «праведностью, миром и радостью во Святом Духе». Это называется «Царством Небесным», потому что оно есть, в известной мере, небо, открывшееся в душе. Ибо все, кто испытал это, могут свидетельствовать пред ангелами и людьми:

> 16 Вечная жизнь обретена,
> Слава уже на земле началась,

17 согласно неизменному смыслу Писания, которое повсюду свидетельствует: Бог «даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына» (царствующего в его сердце) «имеет жизнь», именно жизнь вечную. (1 Иоан. 5:11, 12.) Ибо «сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа». (Иоан. 17:3.) И те, кому это даровано, могут с уверенностью обращаться к Богу, даже находясь посреди огненной печи:

> 18 Тебе, Господь, хранимые Твоей силой,
> Тебе, Сын Божий, Иегова, поклоняемся мы,
> Сошедшему явиться в образе человека.
> Тебе непрестанные «аллилуйя» да звучат;

Здесь, как у престола Твоего на небе, возносим хвалу:
Ибо где явлено Твоё присутствие, там небо.

19 13. И это «Царствие Божие», или Небесное, «приблизилось». Когда эти слова были произнесены впервые, они означали, что тогда «исполнилось время»: Бог «явился во плоти», чтобы установить Своё Царство среди людей и царствовать в сердцах Своего народа. И разве теперь время не исполнилось? Ибо «се, — говорит Он, — Я с вами во все дни», с вами, проповедующими во имя Моё отпущение грехов, «до скончания века». (Матф. 28:20.) Поэтому везде, где проповедуется Евангелие Христово, Его «Царство близко». Оно недалеко от каждого из вас. Вы можете в этот же час войти в него, если послушаетесь Его голоса: «Покайтесь и веруйте в Евангелие».

20 II. 1. Вот путь; идите по нему. И прежде всего — «покайтесь», то есть познайте себя. Это первое покаяние, предшествующее вере, — обличение, или самопознание. Итак, пробудись, спящий. Познай, что ты грешник и каков ты грешник. Познай повреждение своей глубочайшей природы, вследствие которого ты весьма далеко отступил от первоначальной праведности, вследствие которого «плоть» всегда «желает противного духу» через то «плотское помышление», которое есть «вражда против Бога», которое «закону Божию не покоряется, да и не может». Познай, что ты испорчен в каждой силе, в каждой способности души, что в каждой из них испорчен совершенно, ибо все основания сдвинуты. Очи твоего разумения омрачены, так что не могут различить ни Бога, ни Божия. Облака невежества и заблуждения лежат на

тебе и покрывают тебя тенью смерти. Ты ещё ничего не знаешь так, как должно знать: ни Бога, ни мира, ни себя. Твоя воля уже не есть воля Божия, но совершенно извращена и искривлена, отвращается от всякого добра, от всего, что Бог любит, и склонна ко всякому злу, ко всякой мерзости, которую Бог ненавидит. Твои привязанности отчуждены от Бога и рассеяны по всей земле. Все твои страсти — желания и отвращения, радости и печали, надежды и страхи — расстроены, либо неумеренны по степени, либо обращены к ненадлежащим предметам. Так что нет здоровья в твоей душе, но «от темени головы до подошвы ноги» (выражаясь сильными словами пророка) — одни лишь «раны, пятна и гноящиеся язвы».

[21] 2. Таково врождённое повреждение твоего сердца, самой глубины твоей природы. И каких ветвей можешь ты ожидать от столь дурного корня? Отсюда произрастает неверие, непрестанно отступающее от живого Бога, говорящее: «Кто Господь, чтобы мне служить Ему? Пустое! Ты, Боже, об этом не заботишься». Отсюда — независимость, притязающая уподобиться Всевышнему. Отсюда — гордость во всех её видах, учащая тебя говорить: «Я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды». Из этого злого источника текут горькие потоки тщеславия, жажды похвалы, честолюбия, корыстолюбия, похоти плоти, похоти очей и гордости житейской. Отсюда возникают гнев, ненависть, злоба, мстительность, зависть, ревность, злые подозрения; отсюда — все неразумные и вредные похоти, которые теперь «пронзают тебя многими скорбями» и, если вовремя их не остановить, в конце концов погрузят твою душу в вечную погибель.

22 3. И какие плоды могут расти на таких ветвях? Лишь неизменно горькие и злые. От гордости происходят раздоры, пустое хвастовство, искание и принятие человеческой похвалы и тем самым похищение у Бога славы, которой Он не может дать другому. От похоти плоти происходят чревоугодие или пьянство, роскошь или чувственность, блуд, нечистота, многообразно оскверняющие тело, предназначенное быть храмом Святого Духа; от неверия — всякое злое слово и дело. Но не хватит времени, если ты станешь перечислять всё: все праздные слова, которые ты произнёс, раздражая Всевышнего, огорчая Святого Израилева; все злые дела, которые совершил, — либо сами по себе совершенно злые, либо по крайней мере совершённые не во славу Божию. Ибо действительных грехов у тебя больше, чем можешь высказать, больше, чем волос на голове. Кто может исчислить песок морской, или капли дождя, или твои беззакония?

23 4. И разве ты не знаешь, что «возмездие за грех — смерть»? Смерть не только временная, но и вечная. «Душа согрешающая, та умрёт», ибо уста Господни изрекли это. Она умрёт второй смертью. Таков приговор: «подвергнуться наказанию» нескончаемой смерти, «вечной погибели от лица Господа и от славы могущества Его». Разве ты не знаешь, что всякий грешник — enochos estai eis ten geennan tou pyros, что, собственно, означает не «подвергается опасности геенны огненной» — это слишком слабо, — но «приговорён к геенне огненной», уже осуждён и лишь влеком к исполнению приговора. Ты виновен и заслуживаешь вечной смерти. Это справедливое воздаяние за твоё внутреннее и внешнее нечестие. Было бы справедливо, если бы приговор исполнился теперь. Видишь ли, чувствуешь ли ты это?

Убеждён ли ты вполне, что заслуживаешь Божия гнева и вечного осуждения? Не поступил бы с тобой Бог совершенно справедливо, если бы теперь повелел земле разверзнуться и поглотить тебя, если бы ты сейчас живым сошёл в бездну, в огонь, который никогда не угаснет? Если Бог дал тебе истинное покаяние, ты глубоко сознаёшь, что всё это так и что лишь по Его милости ты ещё не истреблён, не сметён с лица земли.

24 5. И что ты сделаешь, чтобы умилостивить гнев Божий, искупить все свои грехи и избежать столь справедливо заслуженного наказания? Увы, ты не можешь сделать ничего, ничего, что хоть как-нибудь возместило бы Богу одно злое дело, слово или мысль. Если бы ты теперь мог всё делать хорошо, если бы с этого самого часа до возвращения твоей души к Богу мог исполнять совершенное, непрерывное послушание, даже это не искупило бы прошлого. Не увеличивать долг — не значит погасить его. Он остался бы столь же велик, как прежде. Да, настоящее и будущее послушание всех людей на земле и всех ангелов на небе никогда не удовлетворило бы правосудию Божию за один-единственный грех. Как же суетна была мысль искупить собственные грехи чем-либо, что ты мог бы сделать! Искупление одной души стоит гораздо больше, чем способно уплатить всё человечество. Поэтому, если бы для виновного грешника не было иной помощи, он, несомненно, должен был бы погибнуть навеки.

25 6. Но допустим, что совершенное послушание в будущем могло бы искупить прошлые грехи; тебе это не принесло бы никакой пользы, ибо ты не способен его исполнить, нет, ни в одном пункте. Начни теперь, сделай попытку. Сбрось с себя тот внешний грех, который так

легко опутывает тебя. Ты не можешь. Как же ты изменишь свою жизнь от всякого зла ко всякому добру? В самом деле, это невозможно, если прежде не изменится твоё сердце. Ибо, пока дерево остаётся худым, оно не может приносить добрых плодов. Но способен ли ты изменить собственное сердце от всякого греха ко всякой святости? Оживить душу, мёртвую во грехе, мёртвую для Бога и живую только для мира? Не более, чем способен оживить мёртвое тело, возвратить к жизни лежащего во гробе. Да, ты не способен оживить свою душу ни в какой мере, как не способен дать хоть какую-то меру жизни мёртвому телу. Ты ничего не можешь сделать в этом отношении, ни большего, ни меньшего; ты совершенно бессилен. Глубоко сознавать это — свою беспомощность, а равно свою виновность и греховность — и есть то «покаяние, о котором не приходится сожалеть», которое предшествует Царствию Божию.

[26] 7. Если к этому живому убеждению в твоих внутренних и внешних грехах, в твоей совершенной виновности и беспомощности прибавляются соответствующие чувства — сердечная скорбь о том, что ты презрел предназначенные тебе милости; угрызения и самоосуждение, заграждающие твои уста; стыд поднять глаза к небу; страх пребывающего на тебе гнева Божия, висящего над твоей головой проклятия и ярости огня, готовой пожрать забывающих Бога и не повинующихся нашему Господу Иисусу Христу; горячее желание избежать этой ярости, перестать делать зло и научиться делать добро, — тогда я говорю тебе во имя Господне: «Недалеко ты от Царствия Божия». Ещё один шаг — и ты войдёшь. Ты «каешься». Теперь «веруй в Евангелие».

[27] 8. *Евангелие*, то есть благая весть, добрая весть для виновных, беспомощных грешников, в самом широком смысле слова означает всё откровение, данное людям Иисусом Христом, а иногда — всё повествование о том, что наш Господь совершил и претерпел, когда обитал среди людей. Сущность всего такова: «Иисус Христос пришёл в мир спасти грешников»; или: «Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы мы не погибли, но имели жизнь вечную»; или: «Он был мучим за преступления наши, изъязвлён за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нём, и ранами Его мы исцелились».

[28] 9. *Верь* этому — и Царствие Божие твоё. Верою ты достигаешь обетования. «Он прощает и освобождает от вины всех, кто истинно кается и нелицемерно верует в Его святое Евангелие». Как только Бог скажет твоему сердцу: «Дерзай, прощаются тебе грехи твои», — приходит Его Царство: ты имеешь «праведность, мир и радость во Святом Духе».

[29] 10. Только берегись обмануть собственную душу относительно природы этой веры. Она не есть, как некоторые неразумно полагали, лишь согласие с истинностью Библии, положений нашего символа веры или всего, что содержится в Ветхом и Новом Завете. Бесы верят этому не хуже нас с тобою! И всё же остаются бесами. Но сверх того вера есть твёрдое упование на милость Божию через Христа Иисуса. Это уверенность в прощающем Боге. Это божественное свидетельство, или убеждение, что «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям» прежних «преступлений их»; и в особенности — что Сын Божий возлюбил *меня* и предал

Себя за *меня* и что я, именно я, ныне примирён с Богом кровью креста.

[30] 11. Так ли ты веруешь? Тогда мир Божий в твоём сердце, и печаль и воздыхание удаляются. Ты больше не сомневаешься в любви Божией: она ясна, как полуденное солнце. Ты восклицаешь: «Милости Господни буду петь вечно, из рода в род возвещать истину Твою устами моими». Ты больше не боишься ни ада, ни смерти, ни того, кто некогда имел державу смерти, то есть дьявола; нет, не испытываешь мучительного страха и перед Самим Богом, но лишь нежный, сыновний страх оскорбить Его. Веруешь ли ты? Тогда «величит душа твоя Господа» и «радуется дух твой о Боге, Спасителе твоём». Ты радуешься, что имеешь «искупление кровью Его, прощение грехов». Радуешься о «Духе усыновления», Который взывает в твоём сердце: «Авва, Отче!» Радуешься «надежде, полной бессмертия», устремляясь к «цели, к почести вышнего звания», в горячем ожидании всех благ, которые Бог приготовил любящим Его.

[31] 12. Веруешь ли ты теперь? Тогда теперь «любовь Божия излилась в сердце твоё». Ты любишь Его, потому что Он прежде возлюбил нас. И поскольку любишь Бога, любишь также своего брата. Исполненный «любви, мира, радости», ты исполнен и «долготерпения, благости, верности, доброты, кротости, воздержания» и всех прочих плодов того же Духа; словом, всех расположений, какие святы, небесны или божественны. Ибо, когда ты «открытым», непокрытым «лицом» (покрывало теперь снято) «взираешь на славу Господню», на Его славную любовь и славный образ, по которому был сотворён, ты «преображаешься в тот же образ от славы в славу, от Господня Духа».

32 13. Это покаяние, эту веру, этот мир, радость, любовь, это преображение от славы в славу мудрость мира объявила безумием, чистым фанатизмом, полным помешательством. Но ты, человек Божий, не обращай на них внимания; ничто из этого да не поколеблет тебя. Ты знаешь, в Кого уверовал. Смотри, чтобы никто не отнял твоего венца. Крепко держи уже достигнутое и иди дальше, пока не достигнешь всех великих и драгоценных обетований. И ты, ещё не познавший Его, не позволяй суетным людям заставить тебя стыдиться Евангелия Христова. Ни в чём не страшись тех, кто злословит о том, чего не знает. Бог скоро обратит твою печаль в радость. О, да не опускаются твои руки! Ещё немного — и Он отнимет твои страхи и даст тебе дух целомудрия. Близок «оправдывающий; кто осуждает? Христос умер, но и воскрес: Он и ныне одесную Бога, ходатайствуя» за тебя.

33 Теперь отдайся Агнцу Божию со всеми своими грехами, сколько бы их ни было, и теперь «откроется тебе вход в Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа»!

Начатки Духа

[1] «Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по Духу».

[2] Рим. 8:1.

[3] 1. Под «теми, которые во Христе Иисусе», святой Павел, очевидно, разумеет истинно верующих в Него, тех, кто, «оправдавшись верою, имеет мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа». Верующие так уже не «живут по плоти», уже не следуют побуждениям испорченной природы, но живут «по Духу»: их мысли, слова и дела находятся под водительством благословенного Духа Божия.

[4] 2. «Итак, нет ныне никакого осуждения» таковым. Нет им осуждения от Бога, ибо Он *оправдал* их «даром, по благодати Своей, искуплением во Иисусе». Он простил все их беззакония и изгладил все их грехи. И нет им осуждения изнутри, ибо они «приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное им от Бога» (1 Кор. 2:12); этот Дух «свидетельствует духу их, что они — дети Божии». К этому прибавляется свидетельство их совести, «что они в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией жили в мире» (2 Кор. 1:12).

[5] 3. Но поскольку это место Писания так часто понималось превратно, и притом столь опасным образом; поскольку такое множество «невежд и неутверждённых» (hoi amatheis kai asteriktoi, людей, не наученных Богом и потому не утверждённых в истине, сообразной

благочестию) извращало его к собственной погибели, — я намерен показать, насколько смогу ясно, во-первых, кто те, которые во Христе Иисусе и живут не по плоти, но по Духу; а во-вторых, в каком смысле нет им осуждения. В заключение я сделаю несколько практических выводов.

[6] I. 1. Прежде всего мне предстоит показать, кто те, которые «во Христе Иисусе». Не те ли это, кто верует во имя Его, кто «нашёлся в Нём не со своею праведностью, но с праведностью от Бога по вере»? О тех, кто «имеет искупление кровью Его», справедливо говорится, что они *в Нём*, ибо они пребывают во Христе, и Христос в них. Они соединены с Господом в одном Духе. Они привиты к Нему, как ветви к виноградной лозе. Они соединены, как члены со своей главой, образом, которого слова не могут выразить и который прежде им и на сердце не приходило представить.

[7] 2. Итак, «всякий, пребывающий в Нём, не согрешает», «не живёт по плоти». Плоть на обычном языке святого Павла означает испорченную природу. В этом смысле он употребляет это слово, когда пишет галатам: «Дела плоти известны» (Гал. 5:19), а немного выше: «Поступайте по Духу, и вы не будете исполнять похоти» (или желания) «плоти» (ст. 16). Доказывая именно это — что «живущие по Духу» не «исполняют похотей плоти», — он тотчас прибавляет: «Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти (потому что они друг другу противятся), чтобы вы не делали того, чего хотели бы». Так эти слова переводятся буквально: hina me ha an thelete, tauta poiete, а не «так что вы не можете делать того, чего хотели бы», словно плоть побеждает дух. Последний перевод не только не имеет ничего общего с подлинным текстом апостола, но и обессмысливает всё его рассуждение;

более того, утверждает прямо противоположное тому, что он доказывает.

8 3. Христовы, пребывающие в Нём, «распяли плоть со страстями и похотями». Они воздерживаются от всех этих дел плоти: от «прелюбодеяния и блуда», от «нечистоты и непотребства», от «идолослужения, волшебства, вражды, ссор», от «ревности, гнева, распрей, раздоров, ересей, зависти, убийств, пьянства, бесчинств»; от всякого замысла, слова и дела, к которым ведёт испорченность природы. Хотя они чувствуют в себе горький корень, они облечены силою свыше, чтобы непрестанно попирать его, так что он не может «возникнуть и причинить им вред». Поэтому каждое новое нападение, которое они испытывают, лишь даёт им новый повод славить Бога, восклицая: «Благодарение Богу, даровавшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом!»

9 4. Теперь они «живут по Духу» и в сердце, и в жизни. Он учит их любить Бога и ближнего любовью, подобной «источнику воды, текущей в жизнь вечную». И Он ведёт их ко всякому святому желанию, ко всякому божественному и небесному расположению, пока каждая мысль, возникающая в их сердце, не станет святыней Господней.

10 5. Живущие «по Духу» также ведомы Им ко всякой святости поведения. Их «слово всегда с благодатью, приправлено солью», любовью и страхом Божиим. «Никакое гнилое слово не исходит из уст их, а только доброе», служащее «к назиданию», способное «доставлять благодать слушающим». И в том они упражняются день и ночь, чтобы делать лишь угодное Богу; во всём внешнем поведении следовать Тому, Кто «оставил нам пример, дабы мы шли по следам Его»; во

всех отношениях с ближним поступать по справедливости, милости и истине и, «что бы они ни делали», во всех обстоятельствах жизни, «всё делать во славу Божию».

[11] 6. Вот те, кто действительно «живёт по Духу». Исполненные веры и Святого Духа, они имеют в своих сердцах и являют в жизни, во всём ходе своих слов и поступков, подлинные плоды Духа Божия: «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, доброту, верность, кротость, воздержание» и всё иное, что любезно или достохвально. «Они во всём украшают Евангелие Бога, Спасителя нашего» и вполне доказывают всему человечеству, что в них действительно действует тот же Дух, «Который воскресил Иисуса из мёртвых».

[12] II. 1. Во второй части я намеревался показать, в каком смысле «нет осуждения тем, которые» таким образом «во Христе Иисусе» и так «живут не по плоти, но по Духу».

[13] Во-первых, так живущим верующим во Христа «нет осуждения» за прошлые грехи. Бог не осуждает их ни за один из них: грехи как будто никогда не существовали, они брошены «как камень в глубину моря», и Он более не вспоминает их. Бог, «предложив Сына Своего в жертву умилостивления» за них «через веру в кровь Его», явил им «праведность Свою в прощении прежде соделанных грехов». Поэтому Он ни в одном из них не обвиняет их; память об этих грехах исчезла вместе с ними.

[14] 2. И в собственной груди у них нет осуждения: нет сознания вины или ужаса перед гневом Божиим. Они «имеют свидетельство в себе», сознают своё участие в крови кропления. Они «не приняли опять духа рабства, чтобы жить в страхе», в сомнении и мучительной

неизвестности, но «приняли Духа усыновления», взывающего в их сердце: «Авва, Отче!» Так, «оправдавшись верою», они имеют царствующий в их сердцах мир Божий, проистекающий из непрестанного сознания Его прощающей милости и «ответа доброй совести перед Богом».

15 3. Если скажут: «Но иногда верующий во Христа может утратить видение Божией милости; иногда на него может сойти такой мрак, что он уже не видит Невидимого, уже не чувствует в себе свидетельства о своей доле в искупительной крови; и тогда он внутренне осуждён, снова имеет „в самом себе приговор к смерти“», — я отвечаю: допустим, это так, допустим, он не видит милости Божией; тогда он не верующий. Ибо вера предполагает свет, Божий свет, сияющий душе. Поэтому, насколько человек теряет этот свет, настолько он на время теряет веру. И, несомненно, истинно верующий во Христа может утратить свет веры; и насколько он утрачен, настолько человек может на время вновь впасть в осуждение. Но не таково состояние тех, кто теперь «во Христе Иисусе», кто теперь верует во имя Его. Ибо, пока они веруют и живут по Духу, ни Бог не осуждает их, ни собственное сердце.

16 4. Во-вторых, они не осуждаются за какие-либо нынешние грехи, за теперешнее нарушение Божиих заповедей. Ибо они не нарушают их: они «живут не по плоти, но по Духу». Неизменное доказательство их «любви к Богу — соблюдение Его заповедей», как и свидетельствует святой Иоанн: «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нём; и он не может грешить, потому что рождён от Бога». Не может, пока в нём пребывает это семя Божие, эта

любящая, святая вера. Пока он «хранит себя» в ней, «лукавый не прикасается к нему». И очевидно, что он не осуждается за грехи, которых вовсе не совершает. Поэтому так «водимые Духом не под законом» (Гал. 5:18), не под его проклятием или осуждением, ибо он осуждает только нарушителей. Так, Божия заповедь «Не кради» осуждает только крадущих. Так, «Помни день субботний, чтобы святить его» осуждает лишь тех, кто его не святит. Но против плодов Духа «нет закона» (5:23), как апостол подробнее поясняет в памятных словах своего первого Послания к Тимофею: «Мы знаем, что закон добр, если кто законно употребляет его, зная это» (если, употребляя закон Божий для обличения или наставления, он знает и помнит это), hoti dikaio nomos ou keitai, не «что закон положен не для праведника», но «что закон не стоит против праведника»: он не имеет против него силы, не имеет власти осудить его, «но против беззаконных и непокорных, против нечестивых и грешников, против несвятых и осквернённых, по славному благовестию блаженного Бога» (1 Тим. 1:8, 9, 11).

[17] 5. В-третьих, они не осуждаются за внутренний грех, хотя он и теперь остаётся. Что испорченность природы всё ещё остаётся даже в тех, кто по вере является детьми Божиими; что в них есть семена гордости и тщеславия, гнева, похоти и злого желания, да, всякого рода греха, — слишком очевидно, чтобы отрицать это, ибо это предмет ежедневного опыта. Именно поэтому святой Павел, обращаясь к тем, о ком только что свидетельствовал, что они «во Христе Иисусе» (1 Кор. 1:2, 9), «призваны Богом в общение» (или причастие) «Сына Его Иисуса Христа», всё же объявляет: «Братья, я не мог говорить с вами как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе» (1 Кор. 3:1). «Младенцами во Христе»: итак, мы

видим, что они были «во Христе», были верующими в малой степени. И всё же сколько греха оставалось в них, сколько того «плотского помышления, которое не покоряется закону Божию»!

[18] 6. И всё же, несмотря на всё это, они не осуждены. Хотя они ощущают в себе плоть, злую природу; хотя с каждым днём всё яснее сознают, что их «сердце лукаво и крайне испорчено», — всё же, пока они не уступают ему, пока не дают места дьяволу, пока ведут непрерывную войну со всяким грехом, с гордостью, гневом, вожделением, так что плоть не господствует над ними, а они по-прежнему «живут по Духу», «нет осуждения тем, которые во Христе Иисусе». Богу угодно их искреннее, хотя и несовершенное послушание; и они «имеют дерзновение к Богу», зная, что принадлежат Ему, «по Духу, Которого Он дал» им. (1 Иоан. 3:24.)

[19] 7. Более того, в-четвёртых, хотя они постоянно убеждаются, что грех пристаёт ко всему, что они делают; хотя сознают, что не исполняют совершенного закона ни мыслями, ни словами, ни делами; хотя знают, что не любят Господа Бога своего всем сердцем, разумением, душою и крепостью; хотя чувствуют, как больше или меньше гордости либо своеволия прокрадывается и примешивается к их лучшим делам благочестия; хотя даже в самом непосредственном общении с Богом, когда сходятся в великом собрании и когда втайне изливают души перед Тем, Кто видит все мысли и намерения сердца, они постоянно стыдятся блуждания своих мыслей или мёртвости и вялости своих чувств, — всё же и тогда нет им осуждения ни от Бога, ни от собственного сердца. Размышление об этих многочисленных недостатках лишь углубляет в них сознание того, что они всегда нуждаются

в крови кропления, говорящей за них в ушах Божиих, и в Ходатае пред Отцом, «Который всегда жив, чтобы ходатайствовать за них». Всё это настолько далеко от того, чтобы отогнать их от Того, в Кого они уверовали, что, напротив, ещё теснее приближает их к Тому, в Ком они ежеминутно чувствуют нужду. И вместе с тем, чем глубже они сознают эту нужду, тем горячее желание испытывают и тем усерднее стараются, «как приняли Господа Иисуса, так и ходить в Нём».

[20] 8. В-пятых, они не осуждаются за так называемые грехи немощи. Пожалуй, лучше было бы называть их просто *немощами*, чтобы, соединяя таким образом грех с немощью, не казаться оправдывающими его или хоть сколько-нибудь его умаляющими. Но если уж мы должны сохранить столь двусмысленное и опасное выражение, под грехами немощи я разумел бы такие невольные ошибки, как, например, сказать то, что мы считаем истиной, хотя в действительности оно оказывается ложным; или причинить ближнему вред, не зная и не желая этого, быть может, как раз намереваясь сделать ему добро. Хотя это отступления от святой, угодной и совершенной воли Божией, они не являются грехами в собственном смысле и не возлагают никакой вины на совесть «тех, которые во Христе Иисусе». Они не производят разделения между Богом и ими и не заслоняют света Его лица, поскольку никак не противоречат их общему свойству — «жить не по плоти, но по Духу».

[21] 9. Наконец, «нет осуждения» им за что бы то ни было, чего они не в силах избежать, будь то внутреннее или внешнее, совершение чего-либо или оставление несовершённым. Например, должна совершиться Вечеря

Господня, но вы не участвуете в ней. Почему? Вы прикованы болезнью; следовательно, не можете не пропустить её и по той же причине не осуждены. Нет вины, потому что нет выбора. Где «есть усердие, там оно принимается по тому, кто что имеет, а не по тому, чего не имеет».

[22] 10. Верующий, конечно, иногда может *скорбеть*, потому что не может сделать того, чего жаждет его душа. Когда ему не дано поклониться Богу в великом собрании, он может воскликнуть: «Как лань желает к потокам воды, так желает душа моя к Тебе, Боже. Жаждет душа моя Бога, Бога живого: когда приду и явлюсь пред лице Божие?» Он может горячо желать (всё же говоря в сердце: «Не как я хочу, но как Ты») «снова идти с множеством и вести их в дом Божий». Но если он не может пойти, то всё же не чувствует ни осуждения, ни вины, ни Божия неблаговоления, но может с радостью предать Ему эти желания, говоря: «Душа моя, уповай на Бога! Ибо я буду ещё славить Его, спасение лица моего и Бога моего».

[23] 11. Труднее судить о том, что обычно называют грехами внезапности: когда, например, человек, обычно владеющий своей душою в терпении, при внезапном и сильном искушении говорит или поступает несогласно с царским законом: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Пожалуй, нелегко установить общее правило относительно преступлений такого рода. Нельзя сказать в целом ни что люди осуждаются за грехи внезапности, ни что они за них не осуждаются. Но, по-видимому, когда верующий внезапно впадает в проступок, осуждение бывает больше или меньше в зависимости от большей или меньшей причастности его воли. Насколько греховное

желание, слово или действие более или менее добровольны, настолько, можем мы полагать, Бог более или менее недоволен и на душе лежит большая или меньшая вина.

[24] 12. Но если так, то могут быть грехи внезапности, навлекающие немалую вину и осуждение. Ибо в некоторых случаях мы оказываемся застигнуты врасплох вследствие какого-либо сознательного и предосудительного небрежения или сонливости души, которую можно было предотвратить или стряхнуть ещё до прихода искушения. Человек может быть заранее предупреждён Богом или людьми, что близки испытания и опасности, и всё же говорить в сердце: «Ещё немного подремлю, ещё немного сложу руки, чтобы отдохнуть». Если такой человек затем, хотя и неожиданно, попадёт в сеть, которой мог избежать, то неожиданность падения не служит оправданием: он мог предвидеть опасность и уклониться от неё. Падение, даже внезапное, в таком случае по существу есть сознательный грех и, как таковой, должно подвергнуть грешника осуждению и от Бога, и от собственной совести.

[25] 13. С другой стороны, бывают внезапные нападения — от мира, от бога века сего, а часто и от наших собственных злых сердец, — которых мы не предвидели и едва ли могли предвидеть. Ими даже верующий, пока слаб в вере, может быть повержен, например, до некоторой степени гнева или злого помысла о другом, почти без участия собственной воли. В таком случае ревнивый Бог, несомненно, показал бы ему, что он поступил неразумно. Он был бы обличён в уклонении от совершенного закона, от чувствований, бывших во Христе, и вследствие этого *опечален* печалью ради Бога и с

любовью *постыжён* перед Ним. Однако ему нет необходимости подпадать под осуждение. Бог не вменяет ему неразумия, но милует, «как отец милует своих детей». И сердце его не осуждает: посреди этой печали и стыда он всё ещё может сказать: «Буду уповать и не убоюсь, ибо Господь Иегова — сила моя и песнь моя, и Он стал моим спасением».

[26] III. 1. Остаётся лишь сделать несколько практических выводов из предшествующих рассуждений. Во-первых, если «нет осуждения тем, которые во Христе Иисусе» и «живут не по плоти, но по Духу», за их прошлые грехи, то зачем ты страшишься, маловерный? Хотя некогда грехов у тебя было больше, чем песчинок, что тебе до того теперь, когда ты во Христе Иисусе? «Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает: кто осуждает?» Все грехи, совершённые тобою от юности до того часа, когда ты был «принят в Возлюбленном», развеяны, как мякина, исчезли, пропали, поглощены, более не вспоминаются. Теперь ты «рождён от Духа»: станешь ли тревожиться или бояться того, что было сделано прежде твоего рождения? Прочь твои страхи! Ты призван не к страху, но к «духу любви и целомудрия». Познай своё призвание! Радуйся о Боге, Спасителе твоём, и через Него благодари Бога, Отца твоего!

[27] 2. Скажешь ли ты: «Но я снова согрешил после того, как получил искупление кровью Его; потому-то „отрекаюсь от себя и раскаиваюсь в прахе и пепле“»? Тебе подобает отвращаться от самого себя, и именно Бог привёл тебя к этому. Но веруешь ли ты теперь? Дал ли Он тебе вновь сказать: «Я знаю, Искупитель мой жив» и «что ныне живу, живу верою в Сына Божия»? Тогда эта вера вновь упраздняет всё прошлое, и нет тебе осуждения. В

какое бы время ты ни уверовал истинно во имя Сына Божия, все твои грехи, предшествующие этому часу, исчезают, как утренняя роса. Итак, теперь «стой в свободе, которую даровал тебе Христос». Он ещё раз освободил тебя и от власти греха, и от его вины и наказания. О, «не подвергайся опять игу рабства» — ни мерзкому, дьявольскому рабству греха, злых желаний, злых расположений, слов или дел, тягчайшему игу по эту сторону ада; ни рабству невольничьего, мучительного страха, вины и самоосуждения.

[28] 3. Но, во-вторых, все ли пребывающие «во Христе Иисусе живут не по плоти, но по Духу»? Тогда мы не можем не заключить, что всякий, ныне совершающий грех, не имеет в этом ни части, ни жребия. Уже теперь он осуждён собственным сердцем. Но «если сердце наше осуждает нас», если собственная совесть свидетельствует о нашей виновности, несомненно, осуждает и Бог, ибо «Он больше сердца нашего и знает всё», так что Его мы обмануть не можем, даже если можем обмануть себя. И не вздумай говорить: «Я некогда был оправдан; мои грехи некогда были мне прощены». Я этого не знаю и не стану спорить, были ли они прощены. Быть может, по прошествии такого времени почти невозможно с сколько-нибудь достаточной уверенностью узнать, было ли то истинным, подлинным делом Божиим или ты только обманывал собственную душу. Но вот что я знаю с полнейшей уверенностью: «Кто делает грех, тот от дьявола». Следовательно, твой отец — дьявол. Этого нельзя отрицать, ибо ты делаешь дела отца твоего. О, не льсти себе напрасными надеждами! Не говори душе своей: «Мир, мир!» — ибо мира нет. Возопи громко! Из глубины воззови к Богу: быть может, Он услышит твой голос. Приди к Нему, как в первый раз, жалким и бедным,

грешным, несчастным, слепым и нагим! И берегись дать душе покой, пока вновь не откроется Его прощающая любовь, пока Он не «исцелит твоего отступничества» и вновь не исполнит тебя «верой, действующей любовью».

29 4. В-третьих, нет ли осуждения «живущим по Духу» за остающийся *внутренний грех*, пока они не уступают ему, и за *грех, пристающий* ко всем их делам? Тогда не терзай себя из-за нечестия, хотя оно ещё остаётся в сердце твоём. Не ропщи оттого, что ещё не достигаешь славного образа Божия, и оттого, что гордость, своеволие или неверие пристают ко всем твоим словам и делам. И не бойся познать всё это зло своего сердца, познать себя, как ты сам познан. Да, проси Бога, чтобы не думать о себе более, нежели должно думать. Пусть постоянной твоей молитвой будет:

> 30 Покажи, насколько вынести душе возможно,
> Глубину врождённого греха;
> Всё неверие моё открой,
> Гордость, что таится внутри.

31 Но когда Он услышит твою молитву и обнажит твоё сердце, когда вполне покажет тебе, какого ты духа, тогда берегись, чтобы не оскудела твоя вера, чтобы ты не позволил вырвать у себя щит. Уничижься. Смирись до праха. Увидь, что ты ничто, менее чем ничто, и суета. Но всё же «да не смущается сердце твоё и да не устрашается». По-прежнему твёрдо держись: «Я, именно я, имею Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника». «И как небо выше земли, так любовь Его выше даже моих грехов». Поэтому Бог милостив к тебе, грешнику, к такому грешнику, как ты! Бог есть любовь, и Христос умер! Поэтому Сам Отец любит тебя! Ты — Его дитя! Поэтому Он не откажет тебе ни в каком благе.

Благо ли, чтобы всё тело греха, ныне распятого в тебе, было уничтожено? Это совершится! Ты будешь «очищен от всякой скверны плоти и духа». Благо ли, чтобы в твоём сердце не осталось ничего, кроме чистой любви к Богу? Дерзай! «Ты возлюбишь Господа Бога твоего всем сердцем, разумением, душою и крепостью». «Верен Обещавший, Который и сотворит сие». Твоя же доля — терпеливо продолжать дело веры и труд любви и в радостном мире, в смиренном уповании, с тихим, покорным и всё же горячим ожиданием ждать, пока ревность Господа Саваофа совершит это.

[32] 5. В-четвёртых, если пребывающие «во Христе» и «живущие по Духу» не осуждаются за *грехи немощи*, равно как и за *невольные ошибки* или за что бы то ни было, чего не в силах избежать, то берегись, верующий в Его кровь, чтобы сатана не получил здесь преимущества над тобой. Ты всё ещё неразумен и слаб, слеп и невежествен: слабее, чем могут выразить любые слова, неразумнее, чем тебе ещё может прийти на сердце представить, ещё ничего не знаешь так, как должно знать. Но пусть вся твоя немощь и неразумие или любой их плод, которого ты ещё не можешь избежать, не поколеблют твоей веры, твоего сыновнего доверия Богу и не нарушат твоего мира и радости в Господе. Правило, которое некоторые дают относительно сознательных грехов и которое в таком случае, возможно, опасно, несомненно, мудро и надёжно, если применять его только к слабостям и немощам. Упал ли ты, человек Божий? Всё же не лежи там, терзая себя и оплакивая свою слабость, но кротко скажи: «Господи, я буду падать каждое мгновение, если Ты не поддержишь меня Своей рукой». А затем встань! Вскочи и ходи! Продолжай свой путь! «С терпением проходи предлежащее тебе поприще».

[33] 6. Наконец, поскольку верующему нет необходимости подпадать под осуждение, даже если он *внезапно* увлечён в то, чего душа его гнушается (если только эта внезапность не вызвана его собственной беспечностью или сознательным небрежением), то, если ты, верующий, так впал в проступок, скорби пред Господом: это будет драгоценным бальзамом. Излей пред Ним сердце, поведай Ему о своей скорби и всеми силами молись Тому, Кто «сострадает немощам твоим», чтобы Он утвердил, укрепил и основал твою душу и более не допустил твоего падения. Но и тогда Он тебя не осуждает. Зачем же тебе бояться? Тебе вовсе не нужен «страх, в котором есть мучение». Люби Того, Кто любит тебя, — и этого довольно: большая любовь принесёт большую силу. И как только возлюбишь Его всем сердцем, ты будешь «совершенен во всей полноте, без всякого недостатка». В мире ожидай того часа, когда Бог мира освятит тебя всецело, так что весь твой дух, и душа, и тело сохранятся без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа!

Дух рабства и усыновления

[1] «Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“»

[2] Римлянам 8:15.

[3] 1. Святой Павел здесь говорит с теми, кто является детьми Божиими по вере. «Вы, — говорит он, — истинные Его дети, напоены Его Духом; „вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе“; но, поскольку вы сыны, Бог послал Духа Сына Своего в сердца ваши. „Вы приняли Духа усыновления, Которым взываем: Авва, Отче!“»

[4] 2. Дух рабства и страха весьма далёк от этого любящего Духа усыновления. Те, кем движет лишь рабский страх, не могут называться «сынами Божиими»; однако некоторые из них могут именоваться Его слугами и находятся «недалеко от Царства Небесного».

[5] 3. Но следует опасаться, что большинство человечества, даже так называемого христианского мира, не достигло и этого, а всё ещё далеко, «и нет Бога во всех их помыслах». Можно найти немногих любящих Бога, несколько больше тех, кто боится Его; но у большей части нет ни страха Божия перед глазами, ни любви Божией в сердцах.

[6] 4. Быть может, большинство из вас, ныне по милости Божией причастных лучшему духу, помнят время, когда вы были такими же, когда находились под тем же осуждением. Но сперва вы этого не знали, хотя ежедневно валялись в своих грехах и в своей крови, пока в

надлежащее время не «приняли духа страха» — *приняли*, ибо и это дар Божий; а впоследствии страх исчез и Дух любви наполнил ваши сердца.

[7] 5. Человек, находящийся в первом состоянии души, без страха и любви, именуется в Писании «душевным человеком». О том, кто находится под духом рабства и страха, иногда говорится, что он «под законом» (хотя это выражение чаще обозначает человека, находящегося под иудейским домостроительством или считающего себя обязанным соблюдать все обряды и церемонии иудейского закона). О том же, кто сменил дух страха на Дух любви, в собственном смысле говорится, что он «под благодатью». [4]

[8] Итак, поскольку нам чрезвычайно важно знать, какого мы духа, я постараюсь отчётливо показать, во-первых, состояние «душевного человека»; во-вторых, состояние находящегося «под законом»; и в-третьих, состояние находящегося «под благодатью».

[9] I. 1. Прежде всего — состояние *душевного человека*. Писание представляет его как состояние сна; голос Божий к нему: «Встань, спящий». Ибо его душа в глубоком сне: духовные чувства не пробудились, они не различают ни духовного добра, ни духовного зла. Очи его разумения закрыты, сомкнуты и не видят. Облака и мрак непрестанно покоятся на них, ибо он лежит в долине смертной тени. Поэтому, не имея путей к познанию духовного, поскольку все входы в его душу закрыты, он пребывает в грубом, тупом неведении относительно всего, что ему более всего надлежит знать. Он совершенно не знает Бога, ничего не знает о Нём так, как должно знать. Он совершенно чужд закону Божию в его истинном, внутреннем, духовном смысле. Он не имеет понятия ни о

евангельской святости, без которой никто не увидит Господа, ни о счастье, которое находят только те, чья «жизнь сокрыта со Христом в Боге».

[10] 2. И именно потому, что он крепко спит, он в некотором смысле покоен. Поскольку слеп, он также беспечен; говорит: «Пустое, никакого зла со мною не случится». Тьма, покрывающая его со всех сторон, сохраняет в нём своего рода мир — насколько мир совместим с делами дьявола и с земным, бесовским умом. Он не *видит*, что стоит на краю бездны, поэтому и не *боится* её. Он не может *трепетать* перед опасностью, которой не *знает*. Ему недостаёт разумения, чтобы бояться. Почему он не страшится Бога? Потому что совершенно Его не знает. Если и не говорит в сердце: «Нет Бога» или «Он восседает на круге небесном и не снисходит, чтобы взирать на происходящее на земле», то столь же успешно успокаивает себя для всех эпикурейских целей словами: «Бог милостив», — смешивая и разом поглощая в этом непомерном представлении о милости всю Его святость и присущую Ему ненависть ко греху, всё Его правосудие, премудрость и истину. Он не страшится возмездия, возвещённого непокорным благословенному закону Божию, потому что не понимает закона. Он воображает, что главное — *так поступать*, быть *внешне* безупречным, и не видит, что закон простирается на каждое расположение, желание, мысль, движение сердца. Или воображает, что обязанность соблюдать его прекратилась, что Христос пришёл «разрушить закон и пророков», спасти Свой народ *во* грехах, а не *от* грехов, привести его на небо без святости, — несмотря на Его собственные слова: «Ни одна йота или черта закона не прейдёт, пока не исполнится всё» и «Не всякий,

говорящий Мне: „Господи, Господи!“, войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного».

11 3. Он беспечен, потому что совершенно не знает себя. Отсюда его разговоры о том, что он «покается потом»: правда, он не знает точно когда, но когда-нибудь до смерти, принимая как несомненное, что это вполне в его власти. Ведь что помешает ему сделать это, если он захочет? Стоит ему только принять решение — и можно не сомневаться, что он его исполнит!

12 4. Но нигде это невежество не обнаруживается с такой силой, как в тех, кого называют *учёными людьми*. Если душевный человек принадлежит к их числу, он может пространно рассуждать о своих разумных способностях, о свободе воли и о безусловной необходимости такой свободы, чтобы человек был нравственным деятелем. Он читает, спорит и с полной доказательностью выводит, что всякий может делать, что хочет, может направить собственное сердце ко злу или добру, как кажется лучше в его собственных глазах. Так бог века сего набрасывает на его сердце двойное покрывало слепоты, чтобы ни в коем случае не «воссиял» над ним «свет славного благовествования Христова».

13 5. Из того же незнания себя и Бога в душевном человеке иногда может возникать своего рода *радость*, когда он поздравляет себя с собственной мудростью и добротой. А тем, что мир называет радостью, он может обладать нередко. Он может иметь разнообразные удовольствия — удовлетворяя похоть плоти, похоть очей или гордость житейскую, — особенно если владеет большими имениями, если пользуется богатым состоянием: тогда он может «одеваться в порфиру и виссон и каждый день пиршествовать блистательно». И

пока он так угождает себе, люди, несомненно, будут хорошо о нём говорить: «Счастливый человек». Ведь в этом и заключается всё мирское счастье: наряжаться, ездить в гости, разговаривать, есть, пить и вставать для забав.

14 6. Неудивительно, если человек в таких обстоятельствах, одурманенный опиатами лести и греха, среди прочих своих снов наяву воображает, будто живёт в великой *свободе*. Как легко ему убедить себя, что он свободен от всех *простонародных заблуждений* и от *предрассудков* воспитания, судит совершенно верно и избегает всяких крайностей. «Я свободен, — может он сказать, — от всякого *фанатизма* слабых и узких душ, от *суеверия*, болезни глупцов и трусов, всегда слишком праведных, и от *нетерпимости*, постоянно свойственной тем, кто не умеет мыслить свободно и великодушно». И слишком верно, что он совершенно свободен от «мудрости, сходящей свыше», от святости, от религии сердца, от всех чувствований, бывших во Христе.

15 7. Ибо всё это время он — раб греха. Он грешит больше или меньше день за днём. Однако это его не тревожит: он «не в рабстве», как некоторые выражаются, он не чувствует осуждения. Он довольствуется словами (даже если исповедует, что христианское Откровение — от Бога): «Человек немощен. Все мы слабы. У каждого своя слабость». Быть может, он цитирует Писание: «Разве Соломон не говорит, что праведник семь раз в день впадает в грех? И, несомненно, все, кто притязает быть лучше своих соседей, — лицемеры или фанатики». Если когда-нибудь серьёзная мысль задержится в нём, он как можно скорее заглушает её словами: «Чего мне бояться, если Бог милостив, а Христос умер за грешников?» Так он

остаётся добровольным рабом греха, довольным рабством тления, внутренне и внешне несвятым и довольным этим; не только не побеждает греха, но и не старается победить, особенно тот грех, который так легко опутывает его.

[16] 8. Таково состояние всякого *душевного человека*: будь он грубым, скандальным преступником или более почтенным и благопристойным грешником, имеющим вид благочестия, хотя и лишённым его силы. Но как такой человек может быть *обличён во грехе*? Как он приводится к покаянию, к состоянию *под законом*, к принятию *духа рабства, ведущего к страху*? Именно это нам и предстоит рассмотреть далее.

[17] II. 1. Посредством какого-либо грозного промыслительного события или Своего слова, приложенного с явлением силы Его Духа, Бог касается сердца спавшего во тьме и тени смертной. Страшное потрясение выводит его из сна, и он пробуждается к сознанию своей опасности. Быть может, в одно мгновение, а быть может, постепенно очи его разумения открываются и теперь впервые — когда покрывало отчасти снято — различают его действительное состояние. Ужасный свет врывается в душу, такой свет, какой можно представить исходящим из бездонной пропасти, из глубочайшей бездны, из озера огненного, горящего серою. Наконец он видит, что любящий, милосердный Бог есть также «огонь поядающий», что Он Бог праведный и страшный, воздающий каждому по делам его, вступающий в суд с нечестивым за всякое праздное слово и даже за помышления сердца. Теперь он ясно понимает, что великий и святой Бог «столь чист очами, что не может взирать на беззаконие», что Он

мстит всякому восстающему против Него и воздаёт нечестивому прямо в лицо и что «страшно впасть в руки Бога живого».

18 2. Внутренний, духовный смысл закона Божия теперь начинает ослепительно открываться ему. Он видит, что «заповедь чрезвычайно обширна» и «ничто не скрыто от света её». Он убеждается, что каждая её часть относится не только к внешнему греху или послушанию, но и к происходящему в тайных глубинах души, куда не может проникнуть ничей взор, кроме Божия. Если теперь он слышит: «Не убивай», — Бог громогласно говорит: «Ненавидящий брата своего есть человекоубийца»; «сказавший брату: „Безумный“, подлежит геенне огненной». Если закон говорит: «Не прелюбодействуй», — голос Господень звучит в его ушах: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём». И так в каждом пункте он чувствует, что слово Божие «живо и действенно, острее меча обоюдоострого». Оно «проникает до разделения души и духа, составов и мозгов». И тем сильнее, что он сознаёт, как пренебрегал столь великим спасением, как «попирал Сына Божия», Который хотел спасти его от грехов, и «почитал кровь завета нечистой», обыкновенной, не освящающей.

19 3. И поскольку он знает, что «всё обнажено и открыто перед очами Того, Кому дадим отчёт», то видит себя нагим, лишённым всех смоковных листьев, которые сшил, всех своих жалких притязаний на религию или добродетель и убогих оправданий греха против Бога. Теперь он видит себя подобным древним жертвам, τετραχηλισμενον, как бы рассечённым от шеи вниз, так что всё его внутреннее обнаружено. Сердце его

обнажено, и он видит, что оно — сплошной грех, «лукаво более всего и крайне испорчено», совершенно развращено и мерзостно, более, чем может выразить язык; что в нём не живёт ничего доброго, а лишь неправда и нечестие, и каждое его движение, каждое расположение и мысль — непрестанно одно только зло. [5]

[20] 4. И он не только видит, но и чувствует в себе, движением души, которого не может описать, что за грехи своего сердца, даже если бы жизнь его была безупречной (чего, однако, нет и быть не может, ибо «худое дерево не может приносить добрых плодов»), он заслуживает быть брошенным в огонь, который никогда не угаснет. Он чувствует, что «возмездие», справедливая награда «за грех», прежде всего за его грех, — «смерть», именно вторая смерть, смерть, которая не умирает, погибель тела и души в аду.

[21] 5. Здесь заканчивается его приятный сон, обманчивый покой, ложный мир, напрасная беспечность. Радость его теперь исчезает, как облако; некогда любимые удовольствия больше не услаждают. Они приедаются; ему отвратительна эта тошнотворная сладость, он устал терпеть их. Тени счастья улетают и погружаются в забвение, так что он лишён всего и скитается туда и сюда, ища покоя и не находя его.

[22] 6. Когда теперь рассеялся чад этих опиатов, он чувствует муку уязвлённого духа. Он обнаруживает, что грех, отпущенный на волю в душе, будь то гордость, гнев или злое желание, своеволие, злоба, зависть, мстительность или что-нибудь иное, есть совершенное несчастье. Он чувствует сердечную скорбь об утраченных благословениях и о постигшем его проклятии; угрызения

оттого, что так погубил себя и презрел предназначенные ему милости; страх от живого сознания гнева Божия и последствий этого гнева, наказания, которое он справедливо заслужил и видит висящим над своей головой; страх смерти, которая для него — врата ада, вход в вечную смерть; страх дьявола, исполнителя гнева и праведного возмездия Божия; страх людей, которые, если бы могли убить его тело, тем самым ввергли бы и тело, и душу в ад. Иногда страх достигает такой силы, что бедная, грешная, виновная душа страшится всего, ничего, теней, листа, колеблемого ветром. Да, иногда он может граничить с помешательством, делая человека «пьяным, хотя не от вина», приостанавливая действие памяти, разумения, всех природных способностей. Иногда он может приблизиться к самому краю отчаяния, так что трепещущий при имени смерти всё же готов каждое мгновение броситься в неё, «предпочесть удушение жизни». Неудивительно, если такой человек, подобно древнему страдальцу, рычит от смятения своего сердца. Неудивительно, если он восклицает: «Дух человека переносит его немощи, а поражённый дух — кто может перенести?»

[23] 7. Теперь он истинно желает вырваться из греха и начинает с ним бороться. Но, хотя напрягает все силы, победить не может: грех сильнее его. Он охотно убежал бы, но так крепко заключён в темнице, что не может выйти. Он решился противиться греху, однако продолжает грешить; видит сеть, гнушается ею и бросается в неё. Вот сколько пользы от его хвалёного разума: лишь увеличить вину и умножить несчастье! Такова свобода его воли: свобода только ко злу, свобода «пить беззаконие, как воду», всё дальше и дальше

отходить от живого Бога и всё больше «оскорблять Духа благодати»!

24 8. Чем больше он борется, желает, трудится, чтобы стать свободным, тем сильнее чувствует свои цепи, тяжкие цепи греха, которыми сатана связывает и «пленяет его в свою волю». Он — его раб, как бы ни роптал; хотя и восстаёт, одолеть не может. Он всё ещё в рабстве и страхе из-за греха: обычно — какого-либо внешнего греха, к которому особенно склонен по природе, привычке или внешним обстоятельствам; но всегда — какого-либо внутреннего греха, злого расположения или несвятого влечения. И чем сильнее он негодует против него, тем больше тот одолевает; он может грызть свою цепь, но не разорвать её. Так он трудится без конца, каясь и греша, и снова каясь и греша, пока наконец бедный, грешный, беспомощный страдалец совершенно не теряется и едва может лишь стонать: «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?»

25 9. Вся эта борьба человека, находящегося «под законом», под «духом страха и рабства», прекрасно описана апостолом в предыдущей главе, где он говорит от лица пробуждённого человека. «Я, — говорит он, — жил некогда без закона» (стих 9): у меня было много жизни, мудрости, силы и добродетели — так я думал. «Но когда пришла заповедь, грех ожил, а я умер»: когда заповедь в её духовном смысле пришла в моё сердце с силою Божией, мой врождённый грех пробудился, раздражился, воспламенился, и вся моя добродетель умерла. «И таким образом заповедь, данная для жизни, послужила мне к смерти, потому что грех, взяв повод от заповеди, обольстил меня и умертвил ею» (стихи 10, 11): он напал на меня неожиданно, умертвил все мои надежды и ясно

показал, что посреди жизни я нахожусь в смерти. «Посему закон свят, и заповедь свята и праведна и добра» (стих 12): я уже не возлагаю вину на неё, но на испорченность собственного сердца. Я признаю, что «закон духовен, а я плотян, продан греху» (стих 14): теперь я вижу и духовную природу закона, и своё плотское, бесовское сердце, «проданное греху», совершенно порабощённое (подобно рабам, купленным за деньги и полностью находившимся во власти господина). «Ибо что делаю, не одобряю; потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» (стих 15): таково рабство, под которым я стону, таково тиранство моего жестокого господина. «Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю» (стихи 18, 19). «Нахожу закон», внутреннюю принуждающую силу, «что, когда хочу делать добро, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием», или соглашаюсь с ним (стихи 21, 22), то есть своим «умом». (Так апостол объясняет себя в непосредственно следующих словах; и так выражение o eso anthropos, *внутренний человек*, понимается у всех прочих греческих писателей.) Но в членах своих вижу иной закон, иную принуждающую силу, противоборствующую закону моего ума, или внутреннего человека, и пленяющую меня закону, или власти, «греха» (стих 23), влекущую меня, как бы у колёс колесницы моего победителя, именно к тому, чего душа моя гнушается. «Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти?» (Стих 24.) Кто избавит меня от этой беспомощной, умирающей жизни, от этого рабства греха и бедствия? Пока это не совершилось, «я сам» (или, вернее, *этот я*, autos ego, тот человек, которого я теперь

изображаю) «умом», или внутренним человеком, «служу закону Божию» — мой ум, моя совесть на стороне Бога, — «а плотью», своим телом, «закону греха» (стих 25), увлекаемый силою, которой не могу противостоять.

[26] 10. Как живо изображён здесь человек «под законом», чувствующий бремя, которого не может сбросить, жаждущий свободы, силы и любви, но всё ещё пребывающий в страхе и рабстве! До тех пор, пока Бог не ответит несчастному, взывающему: «Кто избавит меня» от этого рабства греха, от этого тела смерти? — «Благодать Божия через Иисуса Христа, Господа твоего».

[27] III. 1. Тогда и оканчивается это бедственное рабство, и он уже не «под законом, но под благодатью». Это состояние нам предстоит рассмотреть в-третьих: состояние человека, обретшего *благодать*, или благоволение, в очах Бога Отца и имеющего *благодать*, или силу, Святого Духа, царствующего в его сердце; человека, который принял, по выражению апостола, «Духа усыновления, Которым» теперь взывает: «Авва, Отче!»

[28] 2. «Он воззвал к Господу в скорби своей, и Бог избавляет его от бедствия». Его очи открываются совсем иначе, чем прежде: он видит любящего, милостивого Бога. Когда он взывает: «Прошу Тебя, покажи мне славу Твою!» — в глубине души слышит голос: «Я проведу пред тобою всю благость Мою и провозглашу имя Господа: кого помиловать, помилую, кого пожалеть, пожалею». И вскоре «Господь сходит в облаке и провозглашает имя Господа». Тогда он видит — но не плотскими глазами — «Господа, Господа Бога, милосердного и милостивого, долготерпеливого и многомилостивого и истинного,

сохраняющего милость тысячам, прощающего беззакония, преступления и грех».

29 3. Небесный, исцеляющий свет теперь врывается в его душу. Он «взирает на Того, Кого пронзил», и «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озаряет его сердце». Он видит свет славной любви Божией в лице Иисуса Христа. Он имеет божественную «уверенность в невидимом» для чувств, даже в «глубинах Божиих», особенно — в любви Божией, в Его прощающей любви к верующему в Иисуса. Потрясённая этим видением, вся его душа восклицает: «Господь мой и Бог мой!» Ибо он видит все свои беззакония возложенными на Того, Кто «вознёс их телом Своим на древо»; видит Агнца Божия, берущего его грехи. Как ясно теперь он различает, что «Бог во Христе примирил с Собою мир, сделав грехом за нас Того, Кто не знал греха, чтобы мы стали праведностью Божией через Него», — и что он сам примирён с Богом этой кровью завета!

30 4. Здесь оканчиваются и вина, и власть греха. Теперь он может сказать: «Я сораспялся Христу; и уже не я живу, но живёт во мне Христос. А что ныне живу во плоти» (даже в этом смертном теле), «живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Здесь оканчиваются угрызения, сердечная печаль и мука уязвлённого духа. «Бог обращает его сетование в радость». Он нанёс раны, и теперь руки Его перевязывают. Здесь оканчивается и рабство страха, ибо «сердце его твёрдо, уповая на Господа». Он уже не может бояться гнева Божия, потому что знает: этот гнев теперь отвращён от него, и он смотрит на Бога уже не как на гневного Судию, а как на любящего Отца. Он не может бояться дьявола, зная, что у того «нет власти, если не

будет дано ему свыше». Он не боится ада, будучи наследником Царства Небесного; следовательно, не боится смерти, из-за которой прежде столько лет был «подвержен рабству». Напротив, зная, что, «если земной дом этой хижины разрушится, он имеет от Бога жилище, дом нерукотворенный, вечный, на небесах», он «воздыхает, желая облечься в небесное своё жилище». Он воздыхает, желая сбросить этот земной дом, чтобы «смертное» было «поглощено жизнью», зная, что Бог «на сие самое создал его и дал ему залог Своего Духа».

31 5. И «где Дух Господень, там свобода»: свобода не только от вины и страха, но и от греха, от тягчайшего из всех иг, от низшего из всех видов рабства. Теперь труд его не напрасен. Сеть расторгнута, и он избавлен. Он не только старается, но и одолевает; не только сражается, но и побеждает. «Отныне он не служит греху». (Гл. 6:6.) Он «мёртв для греха и жив для Бога»; «грех ныне не царствует» даже «в смертном его теле», и он не «повинуется ему в его похотях». Он не «предаёт членов своих греху в орудия неправды, но Богу в орудия праведности». Ибо, «освободившись ныне от греха, он стал рабом праведности».

32 6. Так, «имея мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа», «радуясь надежде славы Божией» и обладая властью над всяким грехом, над каждым злым желанием, расположением, словом и делом, он является живым свидетелем «славной свободы детей Божиих», которые все, будучи причастниками той же драгоценной веры, единогласно свидетельствуют: «Мы приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“»

33 7. Этот Дух непрестанно «производит в них и хотение и действие по Своему благоволению». Он изливает в их

сердца любовь к Богу и любовь ко всему человечеству, очищая тем самым сердца от любви к миру, от похоти плоти, похоти очей и гордости житейской. Им они избавляются от гнева и гордости, от всех низких и неумеренных привязанностей. Вследствие этого они избавляются от злых слов и дел, от всякой несвятости поведения, не причиняя зла ни одному сыну человеческому и ревнуя ко всякому доброму делу.

[34] 8. Подводя итог всему: *душевный* человек не боится Бога и не любит Его; находящийся *под законом* — боится; находящийся *под благодатью* — любит. Первый не имеет света в Божиих вещах, но ходит в полной тьме; второй видит мучительный свет ада; третий — радостный свет неба. Спящий в смерти имеет ложный мир; пробуждённый не имеет никакого мира; верующий имеет истинный мир — мир Божий, наполняющий его сердце и царствующий в нём. Язычник, крещёный или некрещёный, обладает мнимой свободой, которая в действительности есть распущенность; иудей, или находящийся под иудейским домостроительством, пребывает в тяжком, мучительном рабстве; христианин наслаждается истинной славной свободой детей Божиих. Непробуждённое дитя дьявола грешит охотно, пробуждённое — против воли; дитя Божие «не грешит», но «хранит себя, и лукавый не прикасается к нему». Наконец: душевный человек не побеждает и не сражается; человек под законом сражается с грехом, но не может победить; человек под благодатью сражается и побеждает, да, «более чем побеждает силою Возлюбившего его».

[35] IV. 1. Из этого ясного описания трёх состояний человека — *естественного*, *законного* и *евангельского* —

видно, что недостаточно делить людей на искренних и неискренних. Человек может быть искренним в любом из этих состояний: не только когда имеет «Духа усыновления», но и когда имеет «духа рабства, ведущего к страху», и даже когда не имеет ни этого страха, ни любви. Ибо, несомненно, бывают искренние язычники, как бывают искренние иудеи или христиане. Поэтому само по себе это обстоятельство никоим образом не доказывает, что человек принят Богом.

36 «Итак, испытывайте себя» не только в том, искренни ли вы, но и «в вере ли вы». Тщательно исследуйте — ибо это чрезвычайно для вас важно, — какое начало господствует в вашей душе. Любовь ли к Богу? Страх ли Божий? Или ни то ни другое? Не скорее ли любовь к миру, к удовольствиям или выгоде, к покою или доброму имени? Если так, вы ещё не достигли даже состояния иудея. Вы всё ещё лишь язычники. Есть ли небо в вашем сердце? Имеете ли вы Духа усыновления, всегда взывающего: «Авва, Отче»? Или вы взываете к Богу словно «из чрева преисподней», подавленные скорбью и страхом? Или всё это вам чуждо и вы не можете представить, о чём я говорю? Язычник, сбрось маску! Ты никогда не облекался во Христа! Предстань с открытым лицом! Взгляни на небо и признай перед Живущим во веки веков, что у тебя нет части ни среди сынов, ни среди слуг Божиих! [6]

37 Кто бы ты ни был, совершаешь ли ты грех или нет? Если совершаешь, то охотно или против воли? В обоих случаях Бог сказал тебе, чей ты: «Делающий грех — от дьявола». Если грешишь охотно, ты его верный слуга; он не преминет вознаградить твой труд. Если против воли, ты всё равно его слуга. Да избавит тебя Бог из его рук!

[38] Сражаешься ли ты ежедневно против всякого греха и каждый день более чем побеждаешь? Я признаю тебя дитём Божиим. О, стой твёрдо в своей славной свободе! Сражаешься, но не побеждаешь? Стремишься одолеть, но не можешь достичь? Тогда ты ещё не верующий во Христа; но продолжай, и познаешь Господа. Совсем не сражаешься, а ведёшь лёгкую, праздную, светскую жизнь? О, как ты осмелился именоваться именем Христа лишь затем, чтобы сделать его поношением среди язычников? Проснись, спящий! Воззови к своему Богу, прежде чем бездна поглотит тебя!

[39] 2. Быть может, одна из причин, по которым столь многие думают о себе больше, нежели должно думать, и не различают собственного состояния, заключается в том, что эти различные состояния души часто смешиваются и в некоторой мере встречаются в одном и том же человеке. Так, опыт показывает, что законное состояние, или состояние страха, часто смешивается с естественным: ибо немногие столь крепко спят во грехе, чтобы временами не пробуждаться больше или меньше. Как Дух Божий не «ждёт зова человеческого», так временами Он *непременно* даёт Себя услышать. Он наводит на них страх, так что по крайней мере на время язычники «познают, что они лишь люди». Они чувствуют бремя греха и горячо желают бежать от будущего гнева. Но ненадолго: редко они позволяют стрелам обличения глубоко проникнуть в душу, а быстро заглушают благодать Божию и возвращаются валяться в грязи.

[40] Подобным образом евангельское состояние, или состояние любви, часто смешивается с законным. Ибо немногие из имеющих дух рабства и страха постоянно остаются без надежды. Мудрый и милостивый Бог редко

допускает это, «ибо помнит, что мы — прах», и не хочет, чтобы «изнемогла пред Ним плоть или дух, который Он сотворил». Поэтому, когда Он находит нужным, Он даёт зарю света сидящим во тьме. Он проводит пред ними часть Своей благости и показывает, что Он — «Бог, слышащий молитву». Они видят обетование через веру во Христа Иисуса, хотя ещё издали, и этим ободряются «с терпением проходить предлежащее им поприще».

41 3. Другая причина самообмана многих состоит в том, что они не учитывают, как далеко может зайти человек, всё ещё оставаясь в естественном или, самое большее, в законном состоянии. Человек может иметь сострадательный и доброжелательный нрав, быть приветливым, учтивым, щедрым, дружелюбным; может обладать некоторой мерой кротости, терпения, воздержания и многих других нравственных добродетелей. Он может чувствовать многие желания сбросить с себя всякий порок и достичь высших степеней добродетели. Может воздерживаться от многого зла, быть может, от всего, что грубо противоречит справедливости, милости или истине. Может делать много добра, кормить голодных, одевать нагих, помогать вдовам и сиротам. Может посещать общественное богослужение, молиться наедине, читать множество благочестивых книг; и всё же при всём этом оставаться лишь душевным человеком, не знающим ни себя, ни Бога, одинаково чуждым и духу страха, и духу любви, не покаявшимся и не уверовавшим в Евангелие.

42 Но предположим, что ко всему этому прибавились глубокое сознание греха и сильный страх гнева Божия, горячее желание отвергнуть всякий грех и исполнить всякую праведность, частая радость в надежде и

прикосновения любви, часто озаряющие душу: и это ещё не доказывает, что человек *под благодатью*, что он имеет истинную, живую, христианскую веру, если Дух усыновления не пребывает в его сердце, если он не может непрестанно взывать: «Авва, Отче!»

[43] 4. Поэтому берегись, именующийся именем Христа, чтобы не отстать от цели своего вышнего звания. Берегись остановиться либо в естественном состоянии, вместе со слишком многими, кого считают *добрыми христианами*, либо в законном, в котором высоко почитаемые людьми обычно довольны жить и умереть. Нет, Бог приготовил для тебя лучшее, если ты будешь идти дальше, пока не достигнешь. Ты призван не бояться и трепетать, как бесы, но радоваться и любить, как ангелы Божии. «Ты возлюбишь Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею». Ты будешь «всегда радоваться», «непрестанно молиться», «за всё благодарить». Ты будешь исполнять волю Божию на земле, как она исполняется на небе. О, испытай, «что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная»! Теперь представь себя «в жертву живую, святую, благоугодную Богу». «Чего уже достиг, того держись», «простираясь вперёд», пока «Бог мира не усовершит тебя во всяком добром деле, производя в тебе благоугодное Ему через Иисуса Христа, Которому слава во веки веков! Аминь!»

Свидетельство Духа

[1] Беседа I.

[2] «Сам Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии».

[3] Рим. 8:16.

[4] 1. Сколько суетных людей, не понимая ни того, что говорят, ни того, что утверждают, извратили это место Писания к великому ущербу, если не к погибели, своих душ! Сколько людей приняли голос собственного воображения за это свидетельство Духа Божия и потому безосновательно возомнили себя детьми Божиими, в то время как совершали дела дьявола! Вот кто поистине и в собственном смысле фанатики, притом в худшем значении слова. Но как трудно убедить их в этом, особенно если они глубоко упились этим духом заблуждения! Все попытки привести их к самопознанию они тогда сочтут борьбой против Бога; а та горячность и стремительность духа, которую они называют «ревностным подвизанием за веру», ставит их так высоко над всеми обычными способами убеждения, что мы вправе сказать: «Человекам это невозможно».

[5] 2. Кто же удивится, если многие рассудительные люди, видя страшные последствия этого обмана и стараясь держаться от него как можно дальше, иногда склоняются к другой крайности? Если они не спешат верить тем, кто говорит, что имеет это свидетельство, относительно которого другие столь тяжко заблуждались? Если они

почти готовы признать фанатиками всех, кто употребляет выражения, которыми столь ужасно злоупотребляли? И даже если они сомневаются, является ли упомянутое здесь свидетельство привилегией *обычных* христиан, а не, скорее, одним из тех ч*резвычайных* даров, которые, по их мнению, принадлежали только апостольскому веку?

[6] 3. Но разве нам необходимо впадать в ту или другую крайность? Не можем ли мы держаться среднего пути — оставаться достаточно далеко от этого духа заблуждения и фанатизма, не отрицая дара Божия и не отказываясь от великой привилегии Его детей? Несомненно, можем. Для этого рассмотрим в присутствии Божием и в страхе пред Ним:

[7] Во-первых, что есть это свидетельство нашего духа, что есть свидетельство Духа Божия и как Он «свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии».

[8] Во-вторых, как ясно и надёжно отличить это совместное свидетельство Духа Божия и нашего духа от самонадеянности естественного ума и от обольщения дьявола.

[9] I. 1. Рассмотрим прежде, что есть свидетельство нашего духа. Но здесь я не могу не попросить всех, кто склонен поглотить свидетельство Духа Божия разумным свидетельством нашего собственного духа, заметить, что в этом тексте апостол настолько далёк от речи *только* о свидетельстве нашего духа, что можно усомниться, говорит ли он о нём *вообще*, не говорит ли *только* о свидетельстве Духа Божия. По-видимому, подлинный текст вполне допускает такое понимание. В предшествующем стихе апостол только что сказал: «Вы приняли Духа усыновления, Которым взываем: „Авва,

Отче!“» — и тотчас прибавляет: Auto to pneuma (в некоторых списках читается to auto pneuma) symmartyrei toi pneumati hemon, hoti esmen tekna Theou, что можно перевести: «Тот же Дух свидетельствует нашему духу, что мы — дети Божии»; предлог syn означает лишь, что Он свидетельствует об этом *одновременно* с тем, как даёт нам взывать: «Авва, Отче». Но я не настаиваю, поскольку столь многие другие тексты, вместе с опытом всех истинных христиан, достаточно показывают, что в каждом верующем есть и свидетельство Духа Божия, и свидетельство собственного духа о том, что он — дитя Божие.

[10] 2. Что касается последнего, его основание положено во множестве мест Писания, описывающих признаки детей Божиих, и притом столь ясно, что их может прочесть и бегущий. Они также собраны вместе и представлены в самом ярком свете многими древними и новыми писателями. Если кому-либо нужно больше света, он может получить его, внимая служению Слова Божия, размышляя о нём втайне перед Богом и беседуя с людьми, знающими Его пути. И благодаря разуму, или разумению, которое дал ему Бог и которое религия призвана не угасить, а усовершенствовать, — согласно апостольским словам: «Братья, не будьте дети умом; на злое», или нечестие, «будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни» (1 Кор. 14:20), — каждый, применяя к себе эти библейские признаки, может узнать, дитя ли он Божие. Так, если он знает, во-первых: «Все, водимые Духом Божиим» ко всяким святым расположениям и поступкам, «суть сыны Божии» (в чём имеет непогрешимое уверение Священного Писания); во-вторых: «Я так водим Духом Божиим», — он легко заключит: «Следовательно, я — сын Божий».

11 3. С этим согласны все те ясные высказывания святого Иоанна в его Первом послании: «А что мы познали Его, узнаём из того, что соблюдаем Его заповеди». (1 Иоан. 2:3.) «Кто соблюдает слово Его, в том истинно любовь Божия совершилась; из сего узнаём, что мы в Нём», то есть что мы действительно дети Божии. (1 Иоан. 2:5.) «Если вы знаете, что Он праведник, знайте и то, что всякий, делающий правду, рождён от Него». (1 Иоан. 2:29.) «Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев». (1 Иоан. 3:14.) «И вот по чему узнаём, что мы от истины, и успокаиваем пред Ним сердца наши», а именно потому, что «любим друг друга не словом или языком, но делом и истиною». «Что мы пребываем в Нём, узнаём из того, что Он дал нам от Духа Своего», Духа любви. (1 Иоан. 4:13.) И «что Он пребывает в нас, узнаём по духу», духу послушания, «который Он дал нам». (1 Иоан. 3:24.)

12 4. Весьма вероятно, что от начала мира до сего дня не было детей Божиих, более преуспевших в благодати Божией и познании Господа нашего Иисуса Христа, чем апостол Иоанн во время написания этих слов и отцы во Христе, которым он писал. И всё же очевидно, что и сам апостол, и все эти столпы в храме Божием были весьма далеки от пренебрежения такими признаками своего богосыновства и прилагали их к собственным душам для утверждения веры. Однако всё это — не что иное, как разумное доказательство, свидетельство нашего духа, нашего разума или разумения. Всё сводится к следующему: имеющие эти признаки — дети Божии; но мы имеем эти признаки; следовательно, мы — дети Божии.

[13] 5. Но откуда видно, что мы имеем эти признаки? Этот вопрос ещё остаётся. Откуда видно, что мы любим Бога и ближнего и соблюдаем Его заповеди? Заметьте: смысл вопроса — откуда это видно *нам самим*, а не *другим*? Тогда я спросил бы задающего такой вопрос: откуда вам видно, что вы живы и что теперь вам спокойно, а не больно? Разве вы не сознаёте это непосредственно? Через такое же непосредственное сознание вы узнаете, жива ли ваша душа для Бога, спасены ли вы от боли гордого гнева и обладаете ли покоем кроткого и тихого духа. Тем же непосредственным сознанием вы не можете не заметить, любите ли Бога, радуетесь ли и услаждаетесь ли Им. Тем же путём вы должны непосредственно удостовериться, любите ли ближнего, как себя, благожелательны ли ко всему человечеству, исполнены ли кротости и долготерпения. А что касается внешнего признака детей Божиих — соблюдения Его заповедей, согласно святому Иоанну, — вы, несомненно, знаете в собственной груди, принадлежит ли он вам по благодати Божией. Ваша совесть день за днём сообщает вам, произносите ли вы имя Божие лишь с серьёзностью и благоговением, с почтением и страхом Божиим; помните ли день субботний, чтобы святить его; почитаете ли отца и мать; поступаете ли со всеми так, как хотели бы, чтобы они поступали с вами; храните ли тело в святости и чести; воздержанны ли в еде и питье и всё ли делаете во славу Божию.

[14] 6. Это и есть, собственно, свидетельство нашего духа, то есть свидетельство совести о том, что Бог дал нам быть святыми сердцем и святыми во внешнем поведении. Это сознание того, что в Духе усыновления и через Него мы получили расположения, которые в Слове Божием описаны как принадлежащие Его усыновлённым детям:

сердце, любящее Бога и всё человечество, с детским доверием опирающееся на Бога, Отца нашего, не желающее ничего, кроме Него, возлагающее на Него все заботы и объемлющее каждого сына человеческого горячей, нежной любовью. Это сознание того, что Духом Божиим мы внутренне сообразованы с образом Его Сына и ходим пред Ним в правде, милости и истине, делая угодное в Его очах.

15 7. Но что такое то свидетельство Духа Божия, которое прибавляется к этому и соединяется с ним? Как Он «свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии»? Трудно найти в человеческом языке слова для объяснения «глубин Божиих». В самом деле, нет слов, которые вполне выразили бы переживаемое детьми Божиими. Но, быть может, можно сказать — я прошу всякого наученного Богом поправить, смягчить или усилить выражение, — что свидетельство Духа есть внутреннее впечатление в душе, посредством которого Дух Божий непосредственно свидетельствует моему духу, что я — дитя Божие, что Иисус Христос возлюбил меня и предал Себя за меня и что все мои грехи изглажены и я, именно я, примирён с Богом.

16 8. Что это свидетельство Духа Божия по самой природе вещей необходимо должно предшествовать свидетельству нашего собственного духа, видно из одного соображения. Мы должны быть святы сердцем и святы жизнью, прежде чем сможем сознавать, что таковы, прежде чем сможем иметь свидетельство нашего духа, что мы святы внутренне и внешне. Но прежде, чем вообще стать святыми, мы должны любить Бога, ибо это корень всякой святости. А любить Бога мы не можем, пока не знаем, что Он любит нас. «Мы любим Его, потому что Он прежде

возлюбил нас». И мы не можем узнать Его прощающую любовь к нам, пока Его Дух не засвидетельствует её нашему духу. Поэтому, поскольку свидетельство Его Духа должно предшествовать любви к Богу и всякой святости, оно, следовательно, должно предшествовать и нашему внутреннему сознанию их, или свидетельству нашего духа о них.

[17] 9. Тогда, и не прежде, — когда Дух Божий свидетельствует нашему духу: «Бог возлюбил тебя и отдал Сына Своего в умилостивление за твои грехи; Сын Божий возлюбил тебя и омыл тебя от грехов Своею кровью», — «мы любим Бога, потому что Он прежде возлюбил нас», и ради Него любим также нашего брата. И мы не можем не сознавать этого: мы «знаем дарованное нам от Бога». Мы знаем, что любим Бога и соблюдаем Его заповеди, и «из сего также узнаём, что мы от Бога». Это и есть свидетельство нашего духа, которое, пока мы продолжаем любить Бога и соблюдать Его заповеди, остаётся соединённым со свидетельством Духа Божия, «что мы — дети Божии».

[18] 10. Я отнюдь не хотел бы, чтобы из чего-либо сказанного об этом заключили, будто я исключаю действие Духа Божия даже из свидетельства нашего духа. Ни в коем случае. Именно Он не только производит в нас всякое добро, но и освещает собственное дело, ясно показывая, что совершил. Поэтому святой Павел говорит об этом как об одной из великих целей принятия нами Духа — «чтобы мы знали дарованное нам от Бога», чтобы Он укрепил свидетельство нашей совести о нашей «простоте и богоугодной искренности» и дал нам в более полном и сильном свете различить, что теперь мы делаем угодное Ему.

19 11. Если всё ещё спросят: «Как Дух Божий свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии, так, чтобы исключить всякое сомнение и доказать действительность нашего усыновления?» — ответ ясен из сказанного выше. Во-первых, о свидетельстве нашего духа: душа столь же непосредственно и очевидно чувствует, когда любит Бога, услаждается и радуется Им, как и когда любит что-либо земное и услаждается им. И она столь же не может сомневаться, любит ли, услаждается ли, радуется ли, как в том, существует ли она. Поэтому, если верно рассуждение:

20 Кто теперь любит Бога, услаждается и радуется Им смиренной радостью, святым услаждением и послушной любовью, тот — дитя Божие;

21 но я так люблю Бога, услаждаюсь и радуюсь Им;

22 следовательно, я — дитя Божие, — тогда христианин никоим образом не может сомневаться в том, что он дитя Божие. В первом положении он уверен столь же полно, как в том, что Писание — от Бога; а в том, что он так любит Бога, имеет внутреннее доказательство, вполне самоочевидное. Так свидетельство нашего духа явлено нашим сердцам с глубочайшим убеждением и таким образом, что вне всякого разумного сомнения удостоверяет действительность нашего усыновления.

23 12. Каким образом *божественное* свидетельство открывается сердцу, я не берусь объяснять. Такое знание слишком дивно и высоко для меня, я не могу постигнуть его. Ветер дует, и я слышу его звук, но не могу сказать, как он приходит и куда уходит. Как никто не знает человеческого, кроме духа человеческого, живущего в нём, так и *образа* Божиих действий никто не знает, кроме

Духа Божия. Но сам факт мы знаем: Дух Божий даёт верующему такое свидетельство его усыновления, что, пока оно присутствует в душе, он столь же не может сомневаться в действительности своего богосыновства, как в сиянии солнца, когда стоит в полном блеске его лучей.

[24] II. 1. Следующее, что предстоит рассмотреть, — как ясно и надёжно отличить это совместное свидетельство Духа Божия и нашего духа от самонадеянности естественного ума и от обольщения дьявола. И всем, желающим Божия спасения, чрезвычайно важно рассмотреть это с глубочайшим вниманием, если они не хотят обмануть собственные души. Как обычно замечают, ошибка здесь имеет самые гибельные последствия, тем более что заблуждающийся редко обнаруживает свою ошибку прежде, чем станет слишком поздно исправить её.

[25] 2. Во-первых, как отличить это свидетельство от самонадеянности естественного ума? Несомненно, человек, никогда не обличённый во грехе, всегда готов льстить себе и думать о себе, особенно в духовном отношении, больше, нежели должно думать. Поэтому совсем неудивительно, если тщетно надмевающийся своим плотским умом, услышав об этой привилегии истинных христиан, к числу которых он, несомненно, причисляет себя, вскоре внушит себе убеждение, что уже обладает ею. Такие примеры теперь изобилуют в мире, как изобиловали во все века. Как же отличить подлинное свидетельство Духа вместе с нашим духом от этой гибельной самонадеянности?

[26] 3. Отвечаю: Священное Писание изобилует признаками, по которым одно можно отличить от другого.

Оно яснейшим образом описывает обстоятельства, которые предшествуют истинному, подлинному свидетельству Духа Божия вместе с духом верующего, сопровождают его и следуют за ним. Тот, кто тщательно взвешивает их и внимает им, не будет вынужден принимать тьму за свет. Во всех этих отношениях он увидит столь большое различие между действительным и мнимым свидетельством Духа, что не будет опасности, я мог бы сказать — возможности, смешать одно с другим.

[27] 4. По этим признакам человек, напрасно притязающий на дар Божий, если бы действительно захотел, мог бы несомненно узнать, что доныне был «предан сильному заблуждению» и оставлен верить лжи. Ибо Писание указывает ясные, очевидные признаки, предшествующие этому дару, сопровождающие его и следующие за ним; небольшое размышление убедило бы его вне всякого сомнения, что их никогда не было в его душе. Например, Писание описывает покаяние, или обличение во грехе, как неизменно предшествующее этому свидетельству прощения. Так: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». (Матф. 3:2.) «Покайтесь и веруйте в Евангелие». (Марк. 1:15.) «Покайтесь, и да крестится каждый из вас для прощения грехов». (Деян. 2:38.) «Итак, покайтесь и обратитесь, чтобы изгладились грехи ваши». (Деян. 3:19.) Сообразно этому и наша Церковь неизменно ставит покаяние прежде прощения или свидетельства о нём: «Он прощает и освобождает от вины всех, кто истинно кается и нелицемерно верует в Его святое Евангелие». «Всемогущий Бог обещал прощение грехов всем, кто с сердечным покаянием и истинной верой обращается к Нему». Но этот человек чужд даже такого покаяния: он никогда не знал сердца сокрушённого и смиренного; «воспоминание о грехах» никогда не было

ему «тягостно», а «бремя их — невыносимо». Повторяя эти слова, он никогда не вкладывал в них подлинного смысла, а лишь произносил Богу учтивость. И уже одно отсутствие этого предварительного дела Божия даёт ему слишком веское основание полагать, что он ухватил лишь тень и до сих пор не познал действительной привилегии детей Божиих.

28 5. Далее, Писание описывает рождение от Бога, которое должно предшествовать свидетельству, что мы Его дети, как огромную и могущественную перемену: переход «от тьмы к свету» и «от власти сатаны к Богу», «переход от смерти в жизнь», воскресение из мёртвых. Так апостол говорит ефесянам: «Он оживил вас, мёртвых по преступлениям и грехам». (Еф. 2:1.) И ещё: «Когда мы были мертвы по грехам, Он оживил нас со Христом, и воскресил с Ним, и посадил на небесах во Христе Иисусе». (Еф. 2:5, 6.) Но что знает о подобной перемене тот, о ком мы теперь говорим? Ему совершенно чужд весь этот предмет. Это язык, которого он не понимает. Он говорит вам, что всегда был христианином. Он не знает времени, когда нуждался в такой перемене. И по этому также, если позволит себе задуматься, он может узнать, что не рождён от Духа, что ещё никогда не познал Бога, но принял голос природы за голос Божий.

29 6. Но оставив в стороне всё, что он пережил или не пережил в прошлом, по нынешним признакам мы легко можем отличить дитя Божие от самонадеянного обманщика самого себя. Писание описывает радость о Господе, сопровождающую свидетельство Его Духа, как смиренную радость, уничижающую до праха, заставляющую прощённого грешника восклицать: «Я ничтожен! Кто я и что дом отца моего? Теперь мои глаза

видят Тебя, и я отрекаюсь от себя в прахе и пепле!» А где смирение, там кротость, терпение, благость, долготерпение; там мягкий, уступчивый дух, незлобие и приветливость, нежность души, которых нельзя выразить словами. Но сопровождают ли эти плоды *мнимое* свидетельство Духа в самонадеянном человеке? Совсем наоборот. Чем увереннее он в Божием благоволении, тем больше надмевается; тем выше возносит себя, тем более надменно и притязательно всё его поведение. Чем более сильное свидетельство он воображает у себя, тем властнее обращается со всеми вокруг, тем неспособнее принять какое-либо обличение, тем нетерпимее к возражениям. Вместо того чтобы становиться кротче, мягче, восприимчивее к учению, более «скорым на слышание и медленным на слова», он становится медленнее на слышание и быстрее на слова, менее готовым учиться у кого-либо, более вспыльчивым и неистовым по нраву, более запальчивым в разговоре. Да, возможно, порой в его облике, манере говорить, во всём поведении проявится какая-то свирепость, словно он собирается выхватить дело из рук Божиих и сам «пожрать противников».

[30] 7. И ещё: Писание учит: «В том состоит любовь к Богу», её верный признак, «чтобы мы соблюдали Его заповеди». (1 Иоан. 5:3.) И Сам наш Господь говорит: «Соблюдающий заповеди Мои, тот любит Меня». (Иоан. 14:21.) Любовь радуется послушанию, тому, чтобы во всём делать угодное возлюбленному. Истинно любящий Бога спешит исполнить Его волю на земле, как она исполняется на небе. Но таков ли характер самонадеянного притязателя на любовь Божию? Нет, его любовь даёт ему свободу не повиноваться, нарушать Божии заповеди, а не соблюдать их. Быть может, когда он боялся гнева Божия, он

старался исполнять Его волю. Но теперь, считая себя «не под законом», думает, что уже не обязан его соблюдать. Поэтому он менее ревностен к добрым делам, менее заботится о воздержании от зла, меньше бодрствует над собственным сердцем, менее строго следит за языком. Менее усердно старается отвергать себя и ежедневно брать свой крест. Словом, весь строй его жизни изменился с тех пор, как он вообразил себя *свободным*. Он уже не «упражняется в благочестии», не «борется не только с плотью и кровью, но с начальствами и властями», не переносит тягот, не «подвизается войти сквозь тесные врата». Нет, он нашёл более лёгкий путь на небо — широкую, ровную, усыпанную цветами дорогу, на которой может сказать душе: «Душа, покойся, ешь, пей, веселись». Отсюда с неоспоримой очевидностью следует, что он не имеет истинного свидетельства собственного духа. Он не может сознавать в себе признаки, которых у него нет, — смирение, кротость и послушание. Не может и Дух Бога истины свидетельствовать о лжи или удостоверять, что человек — дитя Божие, когда он явно дитя дьявола.

31 8. Разоблачи себя, бедный обманщик самого себя! Ты, уверенный, что являешься дитём Божиим; ты, говорящий: «Я имею свидетельство в себе», — и потому бросающий вызов всем своим врагам! Ты взвешен на весах и найден недостаточным, именно на весах святилища. Слово Господне испытало твою душу и обнаружило в тебе отвергнутое серебро. Ты не смирен сердцем; следовательно, до сего дня не принял Духа Иисусова. Ты не мягок и не кроток; следовательно, твоя радость ничего не стоит, это не радость о Господе. Ты не соблюдаешь Его заповедей; следовательно, не любишь Его и не причастен Святому Духу. Поэтому настолько несомненно и

очевидно, насколько могут удостоверить словеса Божии, Его Дух не свидетельствует твоему духу, что ты — дитя Божие. О, воззови к Нему, чтобы чешуя спала с твоих глаз, чтобы ты познал себя, как сам познан, чтобы принял в себе приговор смерти, пока не услышишь воскрешающего мёртвых голоса: «Дерзай: прощаются тебе грехи твои, вера твоя исцелила тебя».

[32] 9. «Но как имеющий в себе истинное свидетельство может отличить его от самонадеянности?» Как, скажите, вы отличаете день от ночи? Как отличаете свет от тьмы или свет звезды, мерцание свечи от света полуденного солнца? Разве между одним и другим нет внутреннего, очевидного, существенного различия? И разве вы не воспринимаете его непосредственно и прямо, если ваши чувства исправны? Подобным образом существует внутреннее, существенное различие между духовным светом и духовной тьмой, между светом, которым Солнце праведности озаряет наше сердце, и тем слабым мерцанием, которое исходит лишь от «искр, нами самими зажжённых». И это различие также воспринимается непосредственно и прямо, если наши духовные чувства исправны.

[33] 10. Требовать более подробного и философского объяснения того, как мы это различаем, и *критериев*, или внутренних признаков, по которым узнаём голос Божий, — значит предъявлять требование, на которое никогда нельзя ответить, нет, даже человеку с глубочайшим познанием Бога. Предположим, что, когда Павел отвечал перед Агриппой, мудрый римлянин сказал бы: «Ты говоришь, что слышал голос Сына Божия. Откуда ты знаешь, что это был Его голос? По каким *критериям*, по каким внутренним признакам узнаёшь голос Божий?

Объясни мне, *каким образом* ты отличаешь его от человеческого или ангельского голоса». Можете ли вы поверить, что сам апостол хоть раз попытался бы ответить на столь праздное требование? И всё же, несомненно, в то мгновение, когда он услышал этот голос, он знал, что это голос Божий. Но *как* он это узнал — кто способен объяснить? Быть может, ни человек, ни ангел.

[34] 11. Подойдём ещё ближе. Предположим, что Бог теперь сказал бы какой-либо душе: «Прощаются тебе грехи твои». Он должен желать, чтобы эта душа узнала Его голос, иначе говорил бы напрасно. И Он способен это осуществить, ибо, когда хочет, Он всегда может сделать. И Он осуществляет это: душа совершенно уверена — «этот голос есть голос Божий». Но всё же имеющий это свидетельство в себе не может объяснить его не имеющему; да и нельзя ожидать, что сможет. Если бы существовало какое-либо естественное средство доказать или естественный способ объяснить Божии вещи людям, не испытавшим их, тогда душевный человек мог бы различать и знать вещи Духа Божия. Но это совершенно противоречит утверждению апостола, что «он не может их разуметь, потому что о сём надобно судить духовно», именно духовными чувствами, которых у душевного человека нет.

[35] 12. «Но как мне узнать, что мои духовные чувства исправны?» Это также вопрос чрезвычайной важности: если человек ошибётся здесь, он может идти дальше в нескончаемом заблуждении и обмане. «И как мне удостовериться, что со мной не так, что я не принимаю за голос Духа что-то другое?» Именно через свидетельство собственного духа, через «ответ доброй совести перед Богом». По плодам, которые Он произвёл в вашем духе,

вы узнаете свидетельство Духа Божия. По ним узнаете, что не заблуждаетесь, что не обманули собственной души. Непосредственные плоды Духа, царствующего в сердце, — «любовь, радость, мир, милосердие, смиренномудрие, кротость, благость, долготерпение». А внешние плоды — делать добро всем людям, не делать зла никому и ходить во свете, то есть ревностно и постоянно повиноваться всем Божиим заповедям.

[36] 13. По тем же плодам вы отличите этот голос Божий от всякого дьявольского обольщения. Тот гордый дух не может смирить тебя перед Богом. Он не может и не хочет смягчить твоё сердце и растопить его сначала в горячую скорбь по Богу, а затем в сыновнюю любовь. Не враг Бога и человека даёт тебе любить ближнего или облекаться в кротость, благость, терпение, воздержание и всеоружие Божие. Он не разделился против самого себя и не разрушает греха, собственного дела. Нет, только Сын Божий приходит «разрушить дела дьявола». Поэтому столь же несомненно, как святость — от Бога, а грех — дело дьявола, свидетельство, которое ты имеешь в себе, — не от сатаны, а от Бога.

[37] 14. Итак, ты вполне можешь сказать: «Благодарение Богу за неизреченный дар Его!» Благодарение Богу, дающему мне «знать, в Кого я уверовал», «пославшему в сердце моё Духа Сына Своего, взывающего: „Авва, Отче!“», и уже теперь «свидетельствующего духу моему, что я — дитя Божие»! И смотри, чтобы не только уста, но и жизнь твоя возвещали Его хвалу. Он запечатлел тебя как Своего; прославляй же Его в теле и духе, которые принадлежат Ему. Возлюбленный, если имеешь в себе эту надежду, очищай себя, как Он чист. Взирая на то, какую любовь дал тебе Отец, чтобы ты назывался дитём Божиим,

очищай себя «от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием»; и пусть все твои мысли, слова и дела будут духовной жертвой, святой, благоугодной Богу через Христа Иисуса!

Свидетельство Духа

[1] Беседа II.

[2] «Сам Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии».

[3] Рим. 8:16.

[4] I. 1. Никто из верующих, что Писание есть слово Божие, не может сомневаться в важности такой истины — истины, открытой в нём не однажды, не туманно, не мимоходом, но многократно и в ясных выражениях, торжественно и намеренно, как одной из особых привилегий детей Божиих.

[5] 2. И тем необходимее объяснять и защищать эту истину, что опасность есть и справа, и слева. Если мы отрицаем её, есть опасность, что наша религия выродится в простую обрядность, что, «имея вид благочестия», мы пренебрежём его силой, если не «отречёмся» от неё. Если же признаём её, не понимая, что признаём, то рискуем впасть во все безумства фанатизма. Поэтому чрезвычайно необходимо оградить боящихся Бога от обеих опасностей библейским и разумным разъяснением и подтверждением этой важной истины.

[6] 3. Нечто подобное представляется тем более нужным, что об этом предмете написано так мало сколько-нибудь ясного, если не считать некоторых рассуждений, защищающих неверную сторону вопроса и своим объяснением вовсе устраняющих сам предмет. И нельзя

сомневаться, что причиной их появления, по крайней мере в значительной степени, послужили грубые, небиблейские, неразумные толкования других, которые «не понимали ни того, что говорили, ни того, что утверждали».

[7] 4. Так называемым методистам особенно важно ясно понимать, объяснять и защищать это учение, потому что оно составляет одну из главных частей свидетельства, которое Бог поручил им нести всему человечеству. Именно благодаря Его особому благословению их исследования Писания, подтверждённому опытом Его детей, была вновь обретена эта великая евангельская истина, которая на многие годы оказалась почти утраченной и забытой.

[8] II. 1. Но что такое свидетельство Духа? Подлинное слово martyria можно передать либо словом *свидетельство*, как это сделано в нескольких местах, либо, менее двусмысленно, — *свидетельствование*, или *удостоверение*. Последним словом оно передано в нашем переводе (1 Иоан. 5:11): вот удостоверение, свидетельство, совокупность того, о чём Бог свидетельствует во всех богодухновенных писаниях: Бог даровал нам жизнь вечную, и эта жизнь в Сыне Его. Рассматриваемое нами свидетельство даётся Духом Божиим нашему духу и вместе с нашим духом; Он — свидетельствующее Лицо. Он свидетельствует нам о том, что мы — дети Божии. Непосредственный результат этого свидетельства — «плод Духа», именно «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, доброта»; без них само свидетельство продолжаться не может. Ибо оно неизбежно разрушается не только совершением какого-либо внешнего греха или упущением известного

долга, но и уступкой любому внутреннему греху; словом, всем, что огорчает Святого Духа Божия.

[9] 2. Много лет назад я заметил: «Трудно найти в человеческом языке слова для объяснения глубин Божиих. В самом деле, нет слов, которые вполне выразили бы то, что Дух Божий совершает в Своих детях. Но, быть может, можно сказать — я прошу всякого наученного Богом поправить, смягчить или усилить выражение, — что под свидетельством Духа я разумею внутреннее впечатление в душе, посредством которого Дух Божий непосредственно и прямо свидетельствует моему духу, что я — дитя Божие, что Иисус Христос возлюбил меня и предал Себя за меня, что все мои грехи изглажены и я, именно я, примирён с Богом».

[10] 3. После ещё двадцати лет размышлений я не вижу причины отказаться от какой-либо части сказанного. Не представляю и того, как изменить какое-нибудь из этих выражений, чтобы сделать его понятнее. Могу лишь прибавить: если кто-либо из детей Божиих укажет другие выражения, более ясные или более согласные со словом Божиим, я охотно оставлю эти.

[11] 4. Между тем следует заметить: я не имею в виду, будто Дух Божий свидетельствует об этом каким-либо внешним голосом; нет, и даже не всегда внутренним голосом, хотя иногда Он может делать это. Не предполагаю я и того, что Он всегда прилагает к сердцу один или несколько текстов Писания, хотя нередко может поступать так. Но непосредственным Своим воздействием, сильным, хотя и необъяснимым действием, Он так действует на душу, что бурный ветер и взволнованные волны утихают, наступает сладостный покой, сердце отдыхает словно в объятиях Иисуса, а грешник ясно удостоверяется, что Бог

примирён с ним, что все его «беззакония прощены и грехи покрыты».

12 5. О чём же здесь спор? Не о том, существует ли свидетельство Духа. Не о том, свидетельствует ли Дух вместе с нашим духом, что мы — дети Божии. Никто не может отрицать этого, не противореча прямо Писанию и не обвиняя во лжи Бога истины. Поэтому существование свидетельства Духа признаётся всеми сторонами.

13 6. Не оспаривается также существование *косвенного* свидетельства о том, что мы — дети Божии. Оно почти, если не вполне, тождественно свидетельству доброй совести перед Богом и является результатом рассуждения или размышления о том, что мы ощущаем в собственной душе. Строго говоря, это вывод, основанный отчасти на слове Божием, отчасти на собственном опыте. Слово Божие говорит: всякий, имеющий плод Духа, — дитя Божие; опыт, или внутреннее сознание, говорит мне, что я имею плод Духа; отсюда я разумно заключаю: «Следовательно, я — дитя Божие». Это также признаётся всеми и потому не составляет предмета спора.

14 7. Не утверждаем мы и того, что может существовать какое-либо действительное свидетельство Духа без плода Духа. Напротив, мы утверждаем, что плод Духа непосредственно произрастает из этого свидетельства, хотя не всегда в одинаковой мере даже при первом даровании свидетельства, а тем менее впоследствии: ни радость, ни мир не остаются всегда на одной степени, ни даже любовь, как и само свидетельство не всегда одинаково сильно и ясно.

15 8. Спорный же вопрос состоит в том, существует ли вообще какое-либо *прямое* свидетельство Духа, есть ли

иное свидетельство Духа, кроме возникающего из сознания Его плода.

16 III. 1. Я верю, что существует, потому что таков ясный, естественный смысл текста: «Сам Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии». Очевидно, здесь упомянуты два свидетеля, вместе свидетельствующие об одном и том же: Дух Божий и наш собственный дух. Покойный епископ Лондонский в проповеди на этот текст, по-видимому, удивляется, как кто-либо может сомневаться в том, что явствует из самих слов. «Свидетельство нашего духа, — говорит епископ, — есть одно из них: это сознание собственной искренности», — или, выражая ту же мысль несколько яснее, сознание плода Духа. Когда наш дух сознаёт в себе этот плод — любовь, мир, долготерпение, благость, доброту, — он легко выводит из этих посылок, что мы — дети Божии.

17 2. Правда, этот великий человек полагал, что другой свидетель — «сознание наших добрых дел». Это, утверждает он, и есть свидетельство Духа Божия. Но оно входит в свидетельство нашего духа, да и в искренность даже согласно обычному смыслу слова. Так говорит апостол: «Похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности жили в мире»; здесь, очевидно, искренность относится к нашим словам и поступкам по крайней мере не меньше, чем к внутренним расположениям. Следовательно, это не другой свидетель, а тот самый, что уже упоминался, поскольку сознание добрых дел составляет лишь одну часть сознания нашей искренности. Итак, свидетель всё ещё только один. Поэтому, если текст говорит о двух свидетелях, один из них не есть ни сознание наших

добрых дел, ни сознание искренности: всё это явно заключено в свидетельстве нашего духа.

18 3. Что же такое другой свидетель? Это легко можно было бы узнать, если бы сам текст не был достаточно ясен, из непосредственно предшествующего стиха: «Вы приняли не духа рабства, но Духа усыновления, Которым взываем: „Авва, Отче!“» Далее следует: «Сам Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии».

19 4. Это дополнительно объясняется параллельным текстом (Гал. 4:6): «А как вы — сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, взывающего: „Авва, Отче!“» Разве это не нечто *непосредственное* и *прямое*, не результат размышления или рассуждения? Разве Его Дух не взывает в наших сердцах: «Авва, Отче!» — в самое мгновение Своего дарования, прежде всякого размышления о нашей искренности, да, прежде какого бы то ни было рассуждения? И разве не таков ясный, естественный смысл слов, сразу приходящий на ум всякому, кто их слышит? Итак, все эти тексты в своём самом очевидном смысле описывают прямое свидетельство Духа.

20 5. Что свидетельство Духа Божия по самой природе вещей должно предшествовать свидетельству нашего духа, видно из одного соображения: мы должны быть святы сердцем и жизнью, прежде чем сможем сознавать, что таковы. Но прежде, чем вообще стать святыми, мы должны любить Бога, ибо это корень святости. А любить Бога мы не можем, пока не знаем, что Он любит нас: мы любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас. И мы не можем знать Его любовь к нам, пока Его Дух не засвидетельствует её нашему духу. До тех пор мы не можем поверить в неё, не можем сказать: «Что ныне

живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня».

[21] Тогда, лишь тогда мы чувствуем,
Что причастны Его крови,
И взываем с радостью неизреченной:
Ты — мой Господь, мой Бог!

[22] Поэтому, поскольку свидетельство Его Духа должно предшествовать любви к Богу и всякой святости, оно, следовательно, должно предшествовать и нашему сознанию их.

[23] 6. Именно здесь для подтверждения этого библейского учения уместно привести опыт детей Божиих: опыт не двух или трёх, не немногих, но великого множества, которого никто не может исчислить. Оно подтверждено и в нынешний век, и во все века «облаком» живущих и умирающих «свидетелей». Подтверждено *вашим* опытом и *моим*. Сам Дух свидетельствовал моему духу, что я — дитя Божие, дал мне удостоверение в этом, и я тотчас воскликнул: «Авва, Отче!» И я сделал это — как и вы — прежде, чем задумался о каком-либо плоде Духа или осознал его. Именно из принятого свидетельства излились любовь, радость, мир и весь плод Духа. Сначала я услышал:

[24] Твои грехи прощены! Ты принят!
Я внимаю — и небо рождается в сердце моём.

[25] 7. Но это подтверждается не только опытом детей Божиих, тысячи которых могут заявить, что никогда не знали о своём пребывании в Божием благоволении, пока Его Дух прямо не засвидетельствовал им об этом, но и опытом всех обличённых во грехе, чувствующих пребывающий на них гнев Божий. Они не могут

удовлетвориться ничем меньшим, чем прямое свидетельство Его Духа, что Он «милостив к неправде их и грехов и беззаконий их не воспоминает более». Скажите кому-нибудь из них: «Ты должен узнать, что являешься дитём Божиим, размышляя о том, что Он совершил в тебе, о твоей любви, радости и мире», — и разве он не ответит тотчас: «Из всего этого я знаю, что являюсь дитём дьявола. Во мне не больше любви к Богу, чем в дьяволе; моё плотское помышление — вражда против Бога. У меня нет радости во Святом Духе; душа моя скорбит смертельно. У меня нет мира; сердце моё — взволнованное море, я весь — буря и шторм»? И как могут утешиться такие души иначе, чем через божественное свидетельство — не о том, что они добры, искренни или сообразны Писанию сердцем и жизнью, а о том, что Бог *оправдывает нечестивого*? Того, кто до самого мгновения оправдания весь нечестив, лишён всякой истинной святости; того, кто не делает дел, не делает ничего истинно доброго, пока не сознает, что принят не за какие-либо совершённые им дела праведности, а исключительно по свободной милости Божией, всецело и единственно ради того, что Сын Божий совершил и претерпел за него. И может ли быть иначе, если «человек оправдывается верою без дел закона»? Если так, какое внутреннее или внешнее добро он может сознавать в себе прежде оправдания? Более того, разве не иметь ничего для уплаты долга, то есть сознавать, что «в нас не живёт ничего доброго», ни внутреннего, ни внешнего добра, не есть существенная, непременная необходимость, прежде чем мы сможем быть «оправданы даром, искуплением во Иисусе Христе»? Был ли когда-либо оправдан хоть один человек со времени своего появления в мире, или может

ли кто-либо когда-нибудь оправдаться, пока не будет приведён к этому:

26 Я отрекаюсь от всех иных доводов:

27 Господь, я осуждён на погибель; но Ты умер!

28 8. Поэтому всякий, отрицающий существование такого свидетельства, на деле отрицает оправдание верою. Отсюда следует, что либо он никогда этого не испытывал, никогда не был оправдан, либо забыл, как говорит святой Пётр, ta katharismou ton palai autou hamartion, *очищение прежних своих грехов*, опыт, который сам тогда имел, то, как Бог действовал в его душе, когда изгладились его прежние грехи.

29 9. И даже опыт детей мира здесь подтверждает опыт детей Божиих. Многие из них желают угодить Богу, некоторые прилагают немалые труды, чтобы угодить Ему. Но разве не все они считают высшей нелепостью, когда кто-либо говорит, что *знает* о прощении своих грехов? Кто из *них* хотя бы притязает на что-нибудь подобное? А между тем многие сознают собственную искренность. Многие, несомненно, в некоторой степени имеют свидетельство своего духа, сознание собственной честности. Но это не приносит им сознания, что они прощены, знания, что они — дети Божии. Да, чем они искреннее, тем обычно беспокойнее от отсутствия такого знания; это ясно показывает, что одного свидетельства нашего духа недостаточно, чтобы знать об этом удовлетворительно, без прямого Божия свидетельства, что мы — Его дети.

30 IV. Но против этого выдвинуто множество возражений; будет полезно рассмотреть главные из них.

31 1. Во-первых, возражают: «Опыта недостаточно, чтобы доказать учение, не основанное на Писании». Это, несомненно, верно, и это важная истина; но она не касается нынешнего вопроса, ибо уже показано, что это учение основано на Писании. Поэтому опыт по праву приводится для его подтверждения.

32 2. «Но безумцы, французские пророки и фанатики всякого рода воображали, что испытывают это свидетельство». Воображали, и, быть может, немало из них действительно испытывали его, хотя недолго удержали. Но если и не испытывали, это совершенно не доказывает, что его не испытывали другие, как безумец, воображающий себя королём, не доказывает отсутствия *настоящих* королей.

33 «Более того, многие горячо отстаивавшие это свидетельство совершенно отвергали Библию». Возможно; но это не было необходимым следствием: тысячи защищают его, питая величайшее почтение к Библии.

34 «Да, но многие через это гибельно обманули себя и стали недоступны всякому обличению».

35 И всё же библейское учение не становится хуже оттого, что люди злоупотребляют им к собственной погибели.

36 3. «Но я полагаю как несомненную истину: плод Духа и есть свидетельство Духа». Не несомненную: тысячи сомневаются в этом и даже прямо отрицают. Но оставим это. «Если этого свидетельства достаточно, другое не нужно. А его достаточно, кроме одного из следующих случаев: 1. *Полное отсутствие* плода Духа». Именно так бывает, когда прямое свидетельство даётся впервые. «2. Когда плод *не осознаётся*. Но отстаивать прямое

свидетельство в таком случае — значит отстаивать пребывание в Божием благоволении без знания об этом». Верно: без знания в то время каким-либо иным путём, кроме свидетельства, данного для этой цели. И именно это мы защищаем: прямое свидетельство может сиять ясно, даже когда косвенное скрыто облаком.

37 4. Во-вторых, возражают: «Цель отстаиваемого свидетельства — доказать подлинность нашего исповедания. Но этого оно не доказывает». Отвечаю: доказать это — не его цель. Оно предшествует всякому нашему исповеданию, кроме признания себя потерянными, погибшими, виновными, беспомощными грешниками. Его назначение — уверить тех, кому оно дано, что они — дети Божии, что они «оправданы даром, по Его благодати, искуплением во Иисусе Христе». И это не предполагает, будто их предшествующие мысли, слова и дела согласны с правилом Писания; предполагается прямо противоположное: что они всецело грешники, грешники и сердцем, и жизнью. Будь иначе, Бог *оправдывал бы благочестивых* и *их собственные дела вменялись бы им в праведность*. И я не могу не опасаться, что в корне всех этих возражений лежит предположение об оправдании делами; ибо всякий, кто сердечно верит, что Бог вменяет всем оправданным *праведность без дел*, не найдёт затруднения признать свидетельство Его Духа, предшествующее Его плоду.

38 5. В-третьих, возражают: «Один евангелист говорит: „Отец ваш Небесный даст Духа Святого просящим у Него“. Другой евангелист называет то же самое „благами“, вполне доказывая, что Дух свидетельствует посредством дарования благ». Нет, ни в том, ни в другом тексте вообще ничего не говорится о

свидетельствовании. Поэтому, пока это доказательство само не будет лучше доказано, я оставляю его как есть.

[39] 6. В-четвёртых, возражают: «Писание говорит: „Дерево познаётся по плодам“. „Всё испытывайте“. „Испытывайте духов“. „Исследуйте себя“». Совершенно верно. Поэтому пусть всякий, кто полагает, что имеет свидетельство в себе, испытает, от Бога ли оно: если за ним следует плод — от Бога; иначе — нет. Ибо несомненно «дерево познаётся по плоду»: этим мы *испытываем*, от Бога ли оно. «Но к прямому свидетельству никогда не отсылают в Книге Божией». Не как к обособленному, не как к единственному свидетелю, но как к соединённому с другим, дающему *совместное свидетельство*, свидетельствующему *вместе с нашим духом*, что мы — дети Божии. И кто способен доказать, что именно *так* оно не подразумевается в этом самом месте Писания: «Испытывайте самих себя, в вере ли вы; самих себя исследуйте. Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас?» Никак не ясно, что они не знали этого через *прямое*, а также через *опосредованное* свидетельство. Чем доказано, что они не знали этого сначала через внутреннее сознание, а затем — через любовь, радость и мир?

[40] 7. «Но Библия постоянно указывает на свидетельство, возникающее из внутренней и внешней перемены». Так и есть; и мы постоянно указываем на него для подтверждения свидетельства Духа.

[41] «Более того, все признаки, которые *вы* указали для различения действий Духа Божия и обольщения, относятся к перемене, произведённой в нас и с нами». И это также, несомненно, верно.

42 8. В-пятых, возражают: «Прямое свидетельство Духа не ограждает от величайшего обмана. И заслуживает ли доверия свидетель, на показания которого нельзя положиться, которому приходится обращаться к чему-то иному, чтобы доказать своё утверждение?» Отвечаю: чтобы оградить нас от всякого обмана, Бог даёт нам двух свидетелей того, что мы — Его дети. И они свидетельствуют об этом совместно. Поэтому «что Бог сочетал, того человек да не разлучает». И пока они соединены, мы не можем быть обмануты: на их свидетельство можно положиться. Они в высшей степени достойны доверия и не нуждаются ни в чём другом для доказательства того, что утверждают.

43 «Но прямое свидетельство лишь утверждает, а ничего не доказывает». При двух свидетелях будет твёрдо всякое слово. И когда Дух свидетельствует вместе с нашим духом, как и намерен Бог, это вполне доказывает, что мы — дети Божии.

44 9. В-шестых, возражают: «Вы признаёте, что произведённая перемена — достаточное свидетельство, кроме случаев тяжких испытаний, подобных испытанию нашего Спасителя на кресте; но никто из нас не может быть испытан таким образом». Однако и вы, и я, и любое другое дитя Божие можем быть испытаны так, что нам будет невозможно сохранить сыновнее доверие к Богу без прямого свидетельства Его Духа.

45 10. Наконец, возражают: «Самые ревностные его защитники принадлежат к числу самых гордых и нелюбящих людей». Возможно, некоторые из *самых горячих* защитников и горды, и лишены любви; но многие из *самых твёрдых* его защитников отличаются кротостью

и смирением сердца и, в самом деле, также во всех прочих отношениях являются

[46] Истинными последователями Господа, кроткого как агнец.

[47] Приведённые возражения — самые значительные из слышанных мною и, полагаю, заключают всю силу противоположной стороны. Однако, думаю, всякий, кто спокойно и беспристрастно рассмотрит вместе эти возражения и ответы, легко увидит, что они не уничтожают и даже не ослабляют доказательства великой истины: Дух Божий свидетельствует, что мы — дети Божии, как *прямо*, так и *косвенно*.

[48] V. 1. Суть всего сказанного такова. Свидетельство Духа — внутреннее впечатление в душах верующих, посредством которого Дух Божий прямо свидетельствует их духу, что они — дети Божии. Оспаривается не то, существует ли свидетельство Духа, а то, существует ли *прямое* свидетельство, есть ли иное, кроме возникающего из сознания плода Духа. Мы верим, что есть, потому что таков ясный, естественный смысл текста, поясняемый и предшествующими словами, и параллельным местом в Послании к галатам; потому что по природе вещей свидетельство должно предшествовать плоду, из него произрастающему; и потому что этот ясный смысл слова Божия подтверждён опытом бесчисленных детей Божиих, да и опытом всех обличённых во грехе, которые никогда не могут успокоиться, пока не получат прямого свидетельства; и даже опытом детей мира, которые, не имея свидетельства в себе, все единогласно заявляют, что никто не может *знать* о прощении своих грехов.

[49] 2. И поскольку возражают, что опыта недостаточно, чтобы доказать учение, не поддерживаемое Писанием; что безумцы и фанатики всякого рода воображали такое свидетельство; что его назначение — доказать подлинность нашего исповедания, а этой цели оно не достигает; что Писание говорит: «Дерево познаётся по плоду», «Испытывайте себя, исследуйте самих себя», тогда как к прямому свидетельству нигде во всей Книге Божией не отсылают; что оно не ограждает нас от величайших обманов; и наконец, что произведённая в нас перемена — достаточное свидетельство, кроме испытаний, которые претерпел один Христос, — мы отвечаем: 1. Опыт достаточен, чтобы *подтвердить* учение, основанное на Писании. 2. Хотя многие воображают, будто испытывают то, чего не испытывают, это не наносит ущерба действительному опыту. 3. Назначение этого свидетельства — уверить нас, что мы — дети Божии, и этой цели оно достигает. 4. Истинное свидетельство Духа узнаётся по его плоду — «любви, миру, радости», — не предшествующему ему, а следующему за ним. 5. Нельзя доказать, что как прямое, так и косвенное свидетельство не подразумевается в самом тексте: «Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас?» 6. Дух Божий, свидетельствующий вместе с нашим духом, действительно ограждает нас от всякого обмана. И наконец, все мы подвержены испытаниям, в которых свидетельства собственного духа недостаточно и ничто меньше прямого свидетельства Духа Божия не может уверить нас, что мы — Его дети.

[50] 3. Из всего этого можно сделать два вывода. Первый: пусть никто никогда не дерзает успокаиваться на каком-либо мнимом свидетельстве Духа, отделённом от Его плода. Если Дух Божий действительно

свидетельствует, что мы — дети Божии, непосредственным следствием будет плод Духа, именно «любовь, радость, мир, долготерпение, благость, доброта, верность, кротость, воздержание». И хотя этот плод на время сильного искушения может быть скрыт облаком, так что искушаемый, когда сатана просеивает его как пшеницу, не видит его, существенная его часть остаётся даже под самым густым облаком. Правда, радость во Святом Духе может быть отнята в час испытания; да, душа может быть «смертельно опечалена», пока продолжаются «час и власть тьмы». Но даже эта радость обычно возвращается с избытком, пока мы не радуемся «радостью неизреченною и преславною».

[51] 4. Второй вывод: пусть никто не успокаивается на каком-либо мнимом плоде Духа без свидетельства. Могут быть предвкушения Духа без свидетельства. Могут быть предвкушения радости, мира, любви — и не обманчивые, а действительно от Бога — задолго до того, как мы получим свидетельство в себе, прежде чем Дух Божий засвидетельствует вместе с нашим духом, что мы имеем «искупление кровью Иисуса, прощение грехов». Да, может быть некоторая степень долготерпения, благости, верности, кротости, воздержания — не их тень, а действительная степень, по предваряющей благодати Божией, — прежде чем мы «приняты в Возлюбленном», а следовательно, прежде, чем получим свидетельство о нашем принятии. Но останавливаться здесь никоим образом не следует: поступая так, мы подвергаем опасности свои души. Если мы мудры, будем непрестанно взывать к Богу, пока Его Дух не воззовёт в нашем сердце: «Авва, Отче!» Это привилегия всех детей Божиих, и без неё мы никогда не можем быть уверены, что являемся Его детьми. Без неё не можем сохранить постоянного мира и

избежать смущающих сомнений и страхов. Но когда мы однажды приняли этого Духа усыновления, этот «мир, превосходящий всякое разумение» и изгоняющий всякое мучительное сомнение и страх, «сохранит наши сердца и помышления во Христе Иисусе». И когда он принесёт свой подлинный плод — всю внутреннюю и внешнюю святость, — несомненно, воля Призывающего нас состоит в том, чтобы всегда давать нам однажды дарованное; так что нет необходимости когда-либо вновь лишаться ни свидетельства Духа Божия, ни свидетельства собственного духа — сознания, что мы ходим во всякой праведности и истинной святости. *Ньюри, 4 апреля 1767 года.*

Свидетельство нашего духа

[1] «Похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире».

[2] 2 Кор. 1:12.

[3] 1. Таков голос всякого истинно верующего во Христа, пока он пребывает в вере и любви. «Кто последует за Мною, — говорит наш Господь, — тот не будет ходить во тьме»; и пока он имеет свет, радуется в нём. Как он «принял Господа Иисуса Христа», так и ходит в Нём; и пока ходит в Нём, апостольское увещание день за днём осуществляется в его душе: «Радуйтесь всегда в Господе; и ещё говорю: радуйтесь».

[4] 2. Но чтобы мы не строили дом на песке — чтобы, когда пойдут дожди, подуют ветры, разольются реки и устремятся на него, он не упал и падение его не было велико, — в следующем рассуждении я намерен показать природу и основание христианской радости. В общем мы знаем, что это счастливый мир, тихое удовлетворение духа, рождающееся из такого свидетельства совести, какое здесь описывает апостол. Но, чтобы понять это основательнее, потребуется взвесить все его слова; отсюда легко станет ясно и что следует понимать под *совестью*, и что — под её *свидетельством*, а также каким образом имеющий это свидетельство всегда радуется.

[5] 3. Во-первых, что следует понимать под *совестью*? Каков смысл этого слова, которое у всех на устах? Можно было бы вообразить, что выяснить это чрезвычайно трудно, если принять во внимание, сколько больших томов время от времени писалось об этом предмете и как ради его объяснения были перерыты все сокровища древней и новой учёности. И всё же приходится опасаться, что все эти трудоёмкие исследования пролили на него немного света. Не скорее ли большинство этих писателей запутали дело, «помрачая совет словами без знания», усложнив предмет, сам по себе ясный и легко понятный? Ведь стоит лишь отложить трудные слова, и всякий с честным сердцем скоро поймёт суть.

[6] 4. Бог создал нас мыслящими существами, способными воспринимать настоящее и размышлять о прошлом, обращать к нему взор. В частности, мы способны воспринимать всё происходящее в собственных сердцах и жизни, знать всё, что чувствуем или делаем, — либо пока это происходит, либо когда уже произошло. Это мы имеем в виду, говоря, что человек — *сознающее* существо: он обладает *сознанием*, или внутренним восприятием, как настоящего, так и прошлого, относящегося к нему самому, его расположениям и внешнему поведению. Но то, что мы обычно называем *совестью*, предполагает несколько больше. Это не только знание настоящей или память о прежней жизни. Помнить, свидетельствовать о прошлом либо настоящем — лишь одна, и притом меньшая, обязанность совести; главное её дело — оправдывать или обвинять, одобрять или осуждать, освобождать от вины или признавать виновным.

[7] 5. Правда, некоторые новейшие писатели дали этому новое название и предпочли именовать это

нравственным чувством. Но старое слово кажется предпочтительнее нового хотя бы потому, что оно более распространено и привычно людям, а потому легче понимается. Для христиан оно, несомненно, предпочтительнее и по другой причине: оно библейское, это слово, которое премудрость Божия избрала для употребления в богодухновенных писаниях.

[8] И согласно тому смыслу, в котором оно там обычно употребляется, особенно в посланиях святого Павла, под совестью можно понимать вложенную Богом в каждую приходящую в мир душу способность, или силу, различать правильное и неправильное в собственном сердце или жизни, в расположениях, мыслях, словах и поступках.

[9] 6. Но каково правило, по которому людям следует судить о правильном и неправильном, которым должна руководствоваться их совесть? Правило язычников, как апостол учит в другом месте, — «закон, написанный в их сердцах». «Они, — говорит он, — не имея внешнего закона, сами себе закон; они показывают, что дело закона», то, что предписывает внешний закон, «написано у них в сердце» перстом Божиим, «о чём свидетельствует и совесть их» — следуют ли они этому правилу или нет, — «и мысли их, то обвиняющие, то даже оправдывающие», освобождающие от вины, защищающие их: he kai apologoumenon. (Рим. 2:14, 15.) Но христианское правило правильного и неправильного — слово Божие, писания Ветхого и Нового Завета, всё, что пророки и святые люди древности писали, движимые Святым Духом, всё Писание, данное богодухновенно и действительно полезное для научения, то есть преподавания всей воли Божией, для обличения противного ей, для исправления заблуждения

и для наставления, или воспитания нас, в праведности. (2 Тим. 3:16.)

[10] Это светильник ноге христианина и свет на всех его путях. Только это он принимает за правило правильного и неправильного, всего действительно доброго или злого. Он не считает добрым ничего, кроме того, что здесь предписано прямо или в силу ясного следствия; не считает злым ничего, кроме того, что здесь запрещено явно или в силу несомненного вывода. Всё, что Писание ни запрещает, ни предписывает, прямо или в силу ясного следствия, он считает нравственно безразличным, само по себе ни добрым, ни злым; ибо Писание — полное и единственное внешнее правило, которым совесть его должна руководствоваться во всём.

[11] 7. И если она действительно руководствуется им, он имеет ответ доброй совести перед Богом. «Добрая совесть» — то, что апостол в другом месте называет «непорочной совестью». Так, то, что однажды он выражает словами: «Я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня» (Деян. 23:1), в другой раз обозначает выражением: «И сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми». (Деян. 24:16.) Для этого безусловно требуется, во-первых, правильное понимание слова Божия, или Его «святой, угодной и совершенной воли» о нас, как она в нём открыта. Ибо невозможно следовать правилу, не зная его смысла. Во-вторых, требуется — чего достигли столь немногие! — истинное знание самих себя, знание своего сердца и жизни, то есть внутренних расположений и внешнего поведения; ведь если мы не знаем их, то не можем сравнить с правилом. В-третьих, требуется согласие сердца и жизни, расположений и поведения, мыслей, слов

и дел с этим правилом, с написанным словом Божиим. Без этого, если совесть у нас вообще есть, она может быть лишь недоброй совестью. В-четвёртых, требуется внутреннее восприятие этого согласия с правилом; и именно это постоянное восприятие, само это внутреннее сознание и есть, собственно, *добрая совесть*, или, по другому выражению апостола, «непорочная совесть пред Богом и людьми».

12 8. Но всякий, желающий иметь такую непорочную совесть, пусть позаботится положить верное основание. Пусть помнит: «Другого основания никто не может положить, кроме положенного, которое есть Иисус Христос». И пусть также помнит, что никто не строит на Нём иначе как живой верой, что никто не является причастником Христа, пока не может ясно засвидетельствовать: «Что ныне живу, живу верою в Сына Божия», в Того, Кто теперь *открыт* в моём сердце, Кто «возлюбил меня и предал Себя за меня». Одна лишь вера есть то свидетельство, то убеждение, то доказательство невидимого, посредством которого, когда очи нашего разумения открыты и в них изливается божественный свет, мы «видим чудеса закона Божия», его превосходство и чистоту, его высоту, глубину, долготу и широту и всё это в каждой содержащейся в нём заповеди. Именно верою, созерцая «свет славы Божией в лице Иисуса Христа», мы видим, словно в зеркале, всё, что в нас, даже самые сокровенные движения души. И только посредством неё может «излиться в наши сердца» та блаженная любовь Божия, которая даёт нам любить друг друга так, как Христос возлюбил нас. Ею для всего Израиля Божия исполняется благодатное обетование: «Вложу законы Мои в мысли их и напишу», или начертаю, «их на сердцах их» (Евр. 8:10), — производя тем самым в их душах полное

согласие с Его святым и совершенным законом и «пленяя всякое помышление в послушание Христу».

13 И как худое дерево не может приносить добрых плодов, так доброе дерево не может приносить худых. Поэтому, как сердце верующего, так и жизнь его совершенно согласуются с правилом Божиих заповедей; сознавая это, он может воздать славу Богу и сказать вместе с апостолом: «Похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что мы в простоте и богоугодной искренности, не по плотской мудрости, но по благодати Божией, жили в мире».

14 9. «Мы жили»: в подлиннике апостол выражает это одним словом — anestaphemen, но его смысл чрезвычайно широк, охватывая всё наше поведение, да, каждое внутреннее и внешнее обстоятельство, относится ли оно к душе или к телу. Оно включает всякое движение сердца, языка, рук и членов тела. Оно простирается на все наши дела и слова, на употребление всех наших сил и способностей, на способ применения каждого полученного таланта в отношении и к Богу, и к человеку.

15 10. «Мы жили в мире», именно в мире нечестивых: не только среди детей Божиих — это было бы сравнительно малым, — но среди детей дьявола, среди лежащих во зле, en toi poneroi, *в лукавом*. Что за мир! Как глубоко пропитан он духом, которым непрестанно дышит! Как наш Бог благ и творит добро, так бог этого мира и все его дети злы и делают зло, насколько им дозволено, всем детям Божиим. Подобно своему отцу, они постоянно подстерегают или бродят, ища, кого поглотить, пользуясь обманом или силой, тайными уловками или открытым насилием, чтобы погубить тех, кто не от мира; непрестанно воюют против наших душ и старыми либо

новыми орудиями и всевозможными ухищрениями стараются вернуть их в сеть дьявола, на широкую дорогу, ведущую в погибель.

[16] 11. В таком мире вся наша жизнь проходила «в простоте и богоугодной искренности». Во-первых, в простоте: это то, что наш Господь рекомендует под именем «чистого ока». «Светильник для тела, — говорит Он, — есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло». Смысл таков: что глаз для тела, то намерение для всех слов и поступков. Поэтому, если это око твоей души едино в своей цели, все твои дела и поведение будут «полны света», небесного света, любви, мира и радости во Святом Духе.

[17] Итак, мы просты сердцем, когда око ума устремлено единственно на Бога, когда во всём стремимся к одному Богу как к нашему Богу, нашей доле, силе, счастью, величайшей награде, нашему всему во времени и вечности. Вот простота: когда неуклонный взгляд, единое намерение содействовать Его славе, исполнять и претерпевать Его благословенную волю проходит через всю душу, наполняет всё сердце и является постоянным источником всех мыслей, желаний и намерений.

[18] 12. Во-вторых, «мы жили в мире в богоугодной искренности». Различие между простотой и искренностью, по-видимому, главным образом таково: простота относится к самому намерению, искренность — к его исполнению; причём эта искренность касается не только слов, но всего поведения, описанного выше. Её не следует понимать здесь в том узком смысле, в каком сам святой Павел иногда употребляет это слово, обозначая правдивую речь или воздержание от обмана, хитрости и притворства; смысл здесь более широкий —

действительное попадание в цель, к которой мы стремимся в простоте. Соответственно, здесь оно означает, что мы в самом деле говорим и делаем всё во славу Божию; что все наши слова не только направлены к этой цели, но и действительно содействуют ей; что все дела текут ровным потоком, неизменно служа этой великой цели; и что всю жизнь мы прямо и непрестанно движемся к Богу, неуклонно идя по большой дороге святости, по путям правды, милости и истины.

[19] 13. Апостол именует эту искренность богоугодной, или искренностью Божией, eilikrineiai Theou, чтобы мы не приняли её за искренность язычников и не смешали с нею (ибо и у них была своего рода искренность, к которой они заявляли немалое почтение); а также чтобы указать предмет и цель её, как и всякой христианской добродетели, поскольку всё, что в конечном счёте не направлено к Богу, опускается в разряд «нищенских стихий мира». Называя её искренностью Божией, он также указывает её Источник — «Отца светов, от Которого нисходит всякое даяние доброе и всякий дар совершенный», — что ещё яснее выражено в следующих словах: «Не по плотской мудрости, но по благодати Божией».

[20] 14. «Не по плотской мудрости»: словно он сказал: «Мы не можем так жить в мире ни благодаря природной силе разумения, ни благодаря естественно приобретённому знанию или мудрости. Мы не можем обрести эту простоту или осуществлять эту искренность силой здравого смысла, доброго нрава или хорошего воспитания. Это превосходит всё наше природное мужество и решимость, равно как и все наставления философии. Ни сила привычки, ни тончайшие правила человеческого

воспитания не могут приучить нас к этому. И я, Павел, никогда не мог достичь этого, несмотря на все преимущества, которыми пользовался, пока был *во плоти*, в своём естественном состоянии, и стремился к этому лишь посредством *плотской*, естественной *мудрости».*

21 И всё же, несомненно, если кто-либо мог достичь этого такой мудростью, то сам Павел: ведь едва ли можно представить человека, более щедро наделённого всеми дарами природы и воспитания. Помимо природных способностей, вероятно, не уступавших способностям кого-либо из живших тогда на земле, он имел все преимущества учёности, обучаясь в Тарсском университете, а затем воспитываясь у ног Гамалиила, человека, пользовавшегося тогда величайшим уважением во всём иудейском народе и за знания, и за честность. Он имел и все возможные преимущества религиозного воспитания: фарисей, сын фарисея, воспитанный в самой строгой секте, или исповедании, отличавшейся от всех прочих особенною строгостью. И в этом он «преуспел более многих сверстников», «будучи неумеренным ревнителем» всего, что, по его мнению, было угодно Богу, и «по правде законной — непорочным». Но таким путём он не мог достичь этой простоты и богоугодной искренности. Всё это было почти напрасным трудом; и, глубоко, пронзительно ощутив это, он в конце концов был вынужден воскликнуть: «Что для меня было преимуществом, то ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего, я почёл тщетою». (Флп. 3:7, 8.)

22 15. Он никогда не мог достичь этого иначе как через «превосходное познание Иисуса Христа», нашего Господа, или «по благодати Божией» — другое выражение

почти того же смысла. Под «благодатью Божией» иногда следует понимать ту свободную любовь, ту незаслуженную милость, по которой я, грешник, через заслуги Христа ныне примирён с Богом. Но здесь это скорее означает силу Бога Святого Духа, «производящего в нас и хотение и действие по Своему благоволению». Как только благодать Божия в первом смысле, Его прощающая любовь, открывается нашим душам, в них начинает действовать благодать Божия во втором смысле, сила Его Духа. И теперь через Бога мы можем совершить невозможное человеку. Теперь можем верно устроить свою жизнь. Мы всё можем делать в свете и силе этой любви через укрепляющего нас Христа. Теперь имеем «свидетельство совести нашей», которого никогда не могли бы иметь плотской мудростью, — что «в простоте и богоугодной искренности живём в мире».

[23] 16. Именно это и есть основание христианской радости. Поэтому теперь легко понять, как имеющий это свидетельство в себе всегда радуется. «Величит душа моя Господа, — может он сказать, — и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моём». Я радуюсь о Том, Кто по Своей незаслуженной любви, по Своей свободной и нежной милости «призвал меня в это состояние спасения», в котором Его силою я теперь стою. Радуюсь, потому что Его Дух свидетельствует моему духу, что я куплен кровью Агнца и, веруя в Него, «являюсь членом Христовым, дитём Божиим и наследником Царства Небесного». Радуюсь, потому что сознание Божией любви ко мне через того же Духа произвело во мне любовь к Нему и ради Него — к каждому сыну человеческому, к каждой сотворённой Им душе. Радуюсь, потому что Он даёт мне чувствовать в себе «чувствования, бывшие во Христе»: простоту, единое устремление к Нему в каждом движении

сердца; силу всегда обращать любящий взор души к Тому, Кто «возлюбил меня и предал Себя за меня», стремиться к Нему одному, к Его славной воле во всём, что мыслю, говорю или делаю; чистоту, не желающую ничего, кроме Бога, «распинающую плоть со страстями и похотями», «помышляющую о горнем, а не о земном»; святость, восстановление образа Божия, обновление души «по Его подобию»; и богоугодную искренность, направляющую все мои слова и дела так, чтобы они служили Его славе. В этом также радуюсь и буду радоваться, потому что совесть свидетельствует мне во Святом Духе, благодаря свету, который Он непрестанно в неё изливает, что я «поступаю достойно звания, в которое призван»; что «воздерживаюсь от всякого вида зла», бегая от греха, как от лица змея; что по мере возможности делаю всякое возможное добро, всякого рода, всем людям; что во всех своих шагах следую Господу и делаю угодное в Его очах. Радуюсь, потому что и вижу, и чувствую по вдохновению Святого Духа Божия, что все мои дела совершены в Нём и что именно Он совершает во мне все мои дела. Радуюсь, видя в свете Божием, сияющем в моём сердце, что имею силу ходить Его путями и что по Его благодати не уклоняюсь от них ни направо, ни налево.

[24] 17. Таковы основание и природа той радости, которой зрелый христианин радуется всегда. И из всего этого мы легко можем заключить, во-первых, что это не *естественная* радость. Она не возникает ни из какой естественной причины, не из внезапного прилива бодрости. Такой прилив может дать мимолётный всплеск радости, но христианин *радуется всегда*. Она не может зависеть от телесного здоровья или покоя, от силы и крепости сложения, ибо столь же сильна в болезни и боли, да, быть может, гораздо сильнее прежнего. Многие

христиане никогда не испытывали радости, сравнимой с той, что наполняла их душу, когда тело было почти истощено болью или изнурено длительной болезнью. Менее всего её можно приписать внешнему благополучию, благосклонности людей или изобилию мирских благ: именно тогда, когда вера их испытывалась словно огнём через всевозможные внешние скорби, дети Божии радовались радостью неизреченной о Том, Кого любили, не видя. И, несомненно, никогда люди не радовались так, как те, с кем обращались как с «сором и прахом мира», кто скитался туда и сюда, терпя нужду во всём, голод, холод, наготу; кто испытал не только «жестокие поругания», но «также узы и темницу»; да, кто в конце концов «не дорожил своею жизнью, только бы с радостью совершить своё поприще».

[25] 18. Из предыдущих соображений, во-вторых, можно заключить, что радость христианина не происходит от слепоты совести, от неспособности различать добро и зло. Напротив, он был совершенно чужд этой радости, пока не открылись очи его разумения; не знал её, пока не приобрёл духовных чувств, способных различать духовное добро и зло. И теперь око его души не тускнеет: никогда прежде он не был столь зорок. Он обладает такой чуткостью к малейшему, что душевного человека это совершенно изумляет. Как пылинка видна в солнечном луче, так для идущего во свете, в лучах несотворённого Солнца, видна каждая пылинка греха. И он больше не закрывает очей совести: тот сон оставил его. Душа его всегда вполне бодрствует; больше никакой дремоты, никакого складывания рук для отдыха! Он всегда стоит на башне и слушает, что скажет о нём его Господь, и всегда радуется именно этому — «видению Невидимого».

[26] 19. В-третьих, радость христианина не происходит и от тупости или ожесточения совести. Правда, своего рода радость может возникать отсюда в тех, чьи «неразумные сердца омрачены», чьё сердце загрубело, бесчувственно, тупо и потому лишено духовного разумения. Из-за бесчувственных, нечутких сердец они могут радоваться даже совершению греха, и это, вероятно, назовут *свободой*! А это на деле лишь опьянение души, гибельное оцепенение духа, тупая бесчувственность прижжённой совести. Напротив, христианин обладает тончайшей чувствительностью, какой прежде и представить не мог. Никогда не было у него такой чуткой совести, как с той поры, когда в сердце его воцарилась любовь Божия. И это также его слава и радость: Бог услышал его ежедневную молитву: [7]

> [27] О, пусть моя чуткая душа бежит
> От первого, ненавистного приближения зла;
> Пусть, словно зеница ока, мгновенно
> Чувствует малейшее касание греха.

[28] 20. В заключение: христианская радость есть радость послушания, радость любви к Богу и соблюдения Его заповедей. Однако не такого соблюдения, словно через него мы должны исполнить условия завета дел, словно какими-либо собственными делами или праведностью должны приобрести прощение и принятие у Бога. Нет: мы уже прощены и приняты по милости Божией во Христе Иисусе. Не так, словно собственным послушанием мы должны приобрести жизнь, жизнь из смерти греха: и её мы уже имеем по благодати Божией. Нас, «мёртвых по грехам, Он оживил», и теперь мы «живы для Бога через Иисуса Христа, Господа нашего». Но мы радуемся, поступая согласно завету благодати, в святой любви и

счастливом послушании. Радуемся, зная, что, «оправдавшись Его благодатью», мы «не тщетно приняли эту благодать Божию»; что, когда Бог даром примирил нас с Собою — не ради нашего хотения или подвизания, но через кровь Агнца, — мы данной Им силой бежим по пути Его заповедей. Он «препоясал нас силою для войны», и мы с радостью «подвизаемся добрым подвигом веры». Через Живущего верою в наших сердцах мы радуемся возможности «держаться вечной жизни». Вот наша радость: как «Отец наш доныне делает», так и мы — не собственной силой или мудростью, но силой Его Духа, даром данной во Христе Иисусе, — творим дела Божии. И да сотворит Он в нас всё благоугодное в Своих очах! Ему хвала во веки веков!

[29] [Нетрудно заметить, что предыдущее рассуждение описывает опыт *сильных* в вере; но этим могут быть обескуражены *слабые* в вере. Чтобы предотвратить это, может оказаться полезным следующее рассуждение.]

О грехе в верующих

[1] «Кто во Христе, тот новая тварь».

[2] 2 Кор. 5:17.

[3] I. 1. Есть ли, следовательно, грех в том, кто во Христе? *Остаётся* ли грех в верующем в Него? Есть ли какой-нибудь грех в рождённых от Бога или они совершенно от него избавлены? Пусть никто не воображает, будто это вопрос праздного любопытства или будто неважно, как его решить. Напротив, он имеет величайшее значение для всякого серьёзного христианина, и решение его весьма близко касается как нынешнего, так и вечного счастья человека.

[4] 2. И всё же я не знаю, чтобы о нём когда-либо спорили в древней Церкви. В самом деле, для спора не было места, поскольку все христиане были согласны. И насколько я мог заметить, все древние христиане, оставившие нам что-либо письменное, единогласно заявляют, что даже верующие во Христа, пока не станут «сильны в Господе и могуществе силы Его», нуждаются в борьбе «с плотью и кровью», со злою природой, а также «с начальствами и властями».

[5] 3. И здесь наша Церковь, как и в большинстве вопросов, точно следует древней, объявляя в девятом члене своего вероучения: «Первородный грех есть повреждение природы каждого человека, вследствие которого человек по своей природе склонен ко злу, так что плоть желает противного духу. И эта зараза природы остаётся даже в возрождённых, отчего похоть плоти, по-гречески

называемая phronema sarkos, не покоряется закону Божию. И хотя верующим нет осуждения, эта похоть сама по себе имеет природу греха».

[6] 4. То же свидетельство дают все другие Церкви: не только Греческая и Римская, но и каждая реформированная Церковь Европы, какого бы исповедания она ни была. Правда, некоторые из них, по-видимому, заходят слишком далеко, описывая испорченность сердца верующего так, что едва допускают его власть над нею, а скорее представляют его в рабстве у неё; и таким образом почти не оставляют различия между верующим и неверующим.

[7] 5. Избегая этой крайности, многие благонамеренные люди, особенно находившиеся под руководством покойного графа Цинцендорфа, впали в другую, утверждая, что все истинные верующие спасены не только от *господства* греха, но и от самого *существования* внутреннего и внешнего греха, так что он более не *остаётся* в них. От них около двадцати лет назад многие наши соотечественники усвоили то же мнение: что в верующих во Христа *больше нет* даже испорченности природы.

[8] 6. Правда, когда немцев стали теснить в этом вопросе, они вскоре признали — по крайней мере многие из них, — что грех всё ещё остаётся *во плоти*, но не *в сердце* верующего; а спустя некоторое время, когда им показали нелепость этого, они честно отказались от своего положения, признав, что грех ещё остаётся, хотя и не царствует, в рождённом от Бога.

[9] 7. Но англичан, принявших это мнение от них — одни непосредственно, другие из вторых или третьих рук, — не

так легко удалось убедить расстаться с любимым мнением. И даже когда большинство убедилось, что оно совершенно незащитимо, немногих нельзя было склонить к отказу от него, и они поддерживают его по сей день.

[10] II. 1. Ради этих людей, действительно боящихся Бога и желающих познать «истину, как она во Иисусе», будет уместно рассмотреть вопрос спокойно и беспристрастно. При этом я употребляю без различия слова *возрождённые, оправданные* или *верующие*, поскольку, хотя их значения не вполне одинаковы — первое подразумевает внутреннюю, действительную перемену, второе — перемену отношения к Богу, а третье — средство совершения обеих, — они всё же сходятся в одном и том же: всякий верующий и оправдан, и рождён от Бога.

[11] 2. Под грехом я здесь понимаю внутренний грех: любое греховное расположение, страсть или влечение, каковы гордость, своеволие, любовь к миру в любом виде или степени, похоть, гнев, раздражительность, любое расположение, противное чувствованиям, бывшим во Христе.

[12] 3. Вопрос не касается *внешнего греха — совершает ли грех* дитя Божие или нет. Все мы согласны и решительно утверждаем: «Делающий грех — от дьявола». Мы согласны: «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха». Не исследуем мы теперь и того, *всегда* ли внутренний грех будет оставаться в детях Божиих, будет ли грех пребывать в душе, пока душа пребывает в теле. Не спрашиваем и того, может ли оправданный человек *снова впасть* во внутренний или внешний грех, но лишь следующее: освобождается ли оправданный, или возрождённый, человек от *всякого греха* тотчас по

оправдании? Нет ли тогда никакого греха в его сердце? И не будет ли впоследствии, если только он не отпадёт от благодати?

[13] 4. Мы признаём, что состояние оправданного человека невыразимо велико и славно. Он рождён свыше, «не от крови, не от плоти, не от хотения мужа, но от Бога». Он — дитя Божие, член Христов, наследник Царства Небесного. «Мир Божий, превосходящий всякое разумение, хранит сердце его и помышления во Христе Иисусе». Само его тело — «храм Святого Духа» и «жилище Божие Духом». Он «создан заново во Христе Иисусе»: он *омыт*, он *освящён*. Сердце его очищено верою; он очищен «от господствующего в мире растления»; «любовь Божия излилась в сердце его Духом Святым, данным ему». И пока он «ходит в любви» — что может делать всегда, — он поклоняется Богу в духе и истине. Он соблюдает заповеди Божии и делает угодное в Его очах, подвизаясь так, чтобы «иметь непорочную совесть пред Богом и людьми». И с самого мгновения оправдания он имеет власть и над внешним, и над внутренним грехом.

[14] III. 1. «Но не был ли он тогда освобождён от всякого греха, так что в сердце его нет греха?» Я не могу этого сказать, не могу в это поверить, потому что святой Павел говорит противоположное. Он обращается к верующим и описывает состояние верующих вообще, когда говорит: «Плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся». (Гал. 5:17.) Яснее сказать невозможно. Апостол здесь прямо утверждает, что плоть, злая природа, противится духу даже в верующих, что даже в возрождённых есть два начала, «противные друг другу».

15 2. Далее, когда он пишет верующим в Коринфе, освящённым во Христе Иисусе (1 Кор. 1:2), он говорит: «Я, братья, не мог говорить с вами как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Вы ещё плотские: ибо если между вами зависть и споры, не плотские ли вы?» (1 Кор. 3:1, 3.) Здесь апостол говорит о несомненно верующих, которых тем же дыханием называет своими братьями во Христе, как о всё ещё в известной мере плотских. Он утверждает, что в них была зависть — злое расположение, — вызывавшая споры, и всё же ни малейшим намёком не даёт понять, что они утратили веру. Напротив, явно объявляет, что не утратили: иначе они не были бы младенцами во Христе. И, что всего замечательнее, он говорит о плотском состоянии и младенчестве во Христе как об одном и том же, ясно показывая, что всякий верующий в известной степени плотский, пока он лишь младенец во Христе. [8]

16 3. Действительно, это великое положение — что в верующих есть два противных начала, природа и благодать, плоть и дух, — проходит через все послания святого Павла, да и через всё Священное Писание. Почти все содержащиеся в нём наставления и увещания основаны на этом предположении, указывая на неверные расположения или поступки в тех, кого богодухновенные писатели тем не менее признают верующими. И их постоянно увещевают бороться с этим и побеждать силой веры, которая в них.

17 4. И кто усомнится, что в ангеле Ефесской церкви была вера, когда наш Господь сказал ему: «Знаю дела твои, и труд твой, и терпение твоё; ты имеешь терпение, и для имени Моего трудился, и не изнемог»? (Откр. 2:2–4.) Но разве при этом в сердце его не было греха? Был, иначе

Христос не прибавил бы: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою». Это был действительный грех, который Бог видел в его сердце и в котором, соответственно, он увещевается *покаяться*. И всё же у нас нет права говорить, что даже тогда у него не было веры. [9]

18 5. Более того, ангел Пергамской церкви также увещевается *покаяться*, что предполагает грех, хотя наш Господь прямо говорит: «Ты не отрёкся от веры Моей». (Откр. 2:13, 16.) А ангелу Сардийской церкви Он говорит: «Утверждай оставшееся, близкое к смерти». Оставшееся добро было *близко к смерти*, но ещё не умерло. (Откр. 3:2.) Итак, даже в нём ещё была искра веры, которую ему и повелевается *крепко держать*. (Откр. 3:3.)

19 6. И ещё: когда апостол увещевает верующих «очистить себя от всякой скверны плоти и духа» (2 Кор. 7:1), он явно учит, что эти верующие ещё не были от неё очищены.

20 Вы ответите: «Воздерживающийся от всякого вида зла *ipso facto* очищает себя от всякой скверны»? Ни в коем случае. Например, человек поносит меня; я чувствую негодование, которое есть скверна духа, но не говорю ни слова. Здесь я «воздерживаюсь от всякого вида зла», однако это не очищает меня от той скверны духа, как я с прискорбием испытываю.

21 7. И как положение «В верующем нет греха, нет плотского помышления, нет склонности к отступлению» противоречит слову Божию, так противоречит оно и опыту Его детей. Они постоянно чувствуют сердце, склонное к отступлению, естественное влечение ко злу, склонность отходить от Бога и прилепляться к земному. Ежедневно сознают грех, остающийся в сердце, —

гордость, своеволие, неверие, — и грех, пристающий ко всему, что говорят и делают, даже к лучшим поступкам и святым обязанностям. Но в то же время они «знают, что они от Бога», не могут сомневаться в этом ни мгновения. Они чувствуют, что Его Дух ясно «свидетельствует духу их, что они — дети Божии». Они «радуются в Боге через Христа Иисуса, через Которого ныне получили примирение». Так что они одинаково уверены и в том, что грех в них, и в том, что «Христос в них, упование славы».

[22] 8. «Но может ли Христос быть в том же сердце, где есть грех?» Несомненно, может; иначе сердце никогда не могло бы быть от него спасено. Где болезнь, там и Врач,

> [23] Совершающий внутри Своё дело,
> Борющийся, пока не изгонит грех.

[24] Христос, конечно, не может *царствовать* там, где *царствует* грех, и не будет *обитать* там, где какой-либо грех *допускается*. Но Он *есть* и *обитает* в сердце всякого верующего, который *борется против* всякого греха, хотя сердце ещё не очищено по очищению святилища.

[25] 9. Уже замечено, что противоположное учение — будто в верующих нет греха — совершенно ново в Церкви Христовой, что о нём не слышали семнадцать столетий, до тех пор, пока его не открыл граф Цинцендорф. Я не припомню ни малейшего намёка на него ни у какого древнего или нового писателя, разве что, быть может, у некоторых неистовых, разглагольствующих антиномистов. Но и они то говорят, то отрекаются от своих слов, признавая грех *во плоти*, хотя и не *в сердце*. Однако всякое *новое* учение должно быть ложным, ибо *древняя* религия — единственная *истинная*; и никакое учение не

может быть верным, если оно не то самое, «которое было от начала».

[26] 10. Ещё один довод против этого нового, небиблейского учения можно вывести из его страшных последствий. Один говорит: «Сегодня я почувствовал гнев». Должен ли я ответить: «Значит, у вас нет веры»? Другой говорит: «Я знаю, что ваш совет хорош, но моя воля совершенно ему противится». Должен ли я сказать ему: «Значит, вы неверующий, под гневом и проклятием Божиим»? Каково будет естественное следствие? Если он поверит моим словам, душа его будет не только опечалена и ранена, но, быть может, совершенно погублена, поскольку он «оставит» то «упование, которому предстоит великое воздаяние». А бросив свой щит, как он «угасит раскалённые стрелы лукавого»? Как победит мир, если «сия есть победа, победившая мир, — вера наша»? Он стоит безоружным среди врагов, открытый всем их нападениям. Что же удивительного, если его совершенно низвергнут, если пленят в свою волю, если он будет падать от одного нечестия к другому и уже никогда не увидит добра? Поэтому я никоим образом не могу принять утверждение, что с мгновения оправдания в верующем нет греха: во-первых, потому что оно противоречит всему строю Писания; во-вторых, потому что противоречит опыту детей Божиих; в-третьих, потому что совершенно ново, до вчерашнего дня не слыхано в мире; и наконец, потому что естественно сопровождается самыми гибельными последствиями, не только опечаливая тех, кого Бог не опечаливал, но, быть может, ввергая их в вечную погибель.

[27] IV. 1. Однако беспристрастно выслушаем главные доводы пытающихся поддержать его. Прежде всего они

стараются доказать по Писанию, что в верующем нет греха. Рассуждают так: «Писание говорит, что всякий верующий рождён от Бога, чист, свят, освящён, чист сердцем, имеет новое сердце, является храмом Святого Духа. Как рождённое от плоти есть плоть, совершенно зло, так рождённое от Духа есть дух, совершенно добро. Далее, человек не может быть чистым, освящённым, святым и в то же время нечистым, неосвящённым, несвятым. Он не может быть чист и нечист или одновременно иметь новое и старое сердце. Не может и душа его быть несвятой, пока она — храм Святого Духа».

[28] Я изложил это возражение с наибольшей возможной силой, чтобы виден был весь его вес. Рассмотрим его теперь по частям. 1. «Рождённое от Духа есть дух, совершенно добро». Я признаю текст, но не толкование. Ибо текст утверждает лишь то, что всякий «рождённый от Духа» — духовный человек. Он таков; но он может быть таковым, ещё не будучи совершенно духовным. Христиане в Коринфе были духовными людьми, иначе вовсе не были бы христианами, и всё же они не были совершенно духовными: отчасти оставались плотскими. «Но они отпали от благодати». Святой Павел говорит: нет. Они и тогда были младенцами во Христе. 2. «Но человек не может быть чистым, освящённым, святым и в то же время нечистым, неосвящённым, несвятым». Может, конечно. Таковы были коринфяне. «Вы омылись, — говорит апостол, — вы освятились», то есть очистились от «блуда, идолослужения, пьянства» и всякого другого внешнего греха (1 Кор. 6:9, 10, 11); и всё же в то же время, в ином смысле слова, они были неосвящёнными: не омыты, не очищены внутренне от зависти, злых подозрений, пристрастия. «Но уж наверно у них не было одновременно нового и старого сердца». Совершенно несомненно, было,

ибо в то самое время сердца их были *истинно*, но не *всецело* обновлены. Их плотское помышление было пригвождено ко кресту, но ещё не вполне уничтожено. «Но могли ли они быть несвятыми, оставаясь храмами Святого Духа?» Да. Что они были храмами Святого Духа, несомненно (1 Кор. 6:19); и столь же несомненно, что они в некоторой степени были плотскими, то есть несвятыми.

[29] 2. «Однако есть ещё одно место Писания, которое решит вопрос окончательно: „Кто“ верует „во Христа, тот новая тварь; древнее прошло, теперь всё новое“. (2 Кор. 5:17.) Но человек, конечно, не может быть одновременно новой и старой тварью». Да, может: он может быть обновлён отчасти, что именно и было с коринфянами. Они, несомненно, были «обновлены духом ума своего», иначе не могли бы быть даже «младенцами во Христе». Но они ещё не имели всех чувствований, бывших во Христе, ибо завидовали друг другу. «Однако прямо сказано: „Древнее прошло, всё стало новым“». Но мы не должны толковать апостольские слова так, чтобы заставить его противоречить самому себе. А если хотим сохранить его согласие с самим собой, ясный смысл слов таков: прежнее суждение человека об оправдании, святости, счастье, вообще о вещах Божиих теперь прошло; прошли и прежние желания, замыслы, привязанности, расположения и образ жизни. Всё это, несомненно, стало новым, сильно изменилось по сравнению с прежним; и всё же, хотя оно ново, оно ново не вполне. Он всё ещё с печалью и стыдом ощущает остатки ветхого человека, слишком явные следы прежних расположений и привязанностей, хотя они не могут одержать над ним верх, пока он бодрствует в молитве.

[30] 3. Всё это рассуждение — «Если он чист, то чист», «Если свят, то свят» (и ещё двадцать подобных выражений нетрудно нагромоздить) — на деле не более чем игра словами. Это ошибка перехода от *частного к общему*, выведения общего заключения из частных посылок. Выскажите предложение полностью, и получится: «Если он свят *хоть сколько-нибудь*, он свят *всецело».* Это не следует из посылки. Каждый младенец во Христе свят, однако ещё не всецело. Он спасён от греха, но не вполне: грех *остаётся*, хотя и не *царствует*. Если вы думаете, что он не *остаётся* — по крайней мере в младенцах, как бы ни обстояло дело с юношами или отцами, — вы, несомненно, не обдумали высоты, глубины, долготы и широты закона Божия, именно закона любви, изложенного святым Павлом в тринадцатой главе Послания к коринфянам, и того, что *всякое* anomia, несоответствие этому закону или отклонение от него, *есть грех*. Итак, разве нет никакого несоответствия ему в сердце или жизни верующего? Что может быть в зрелом христианине — другой вопрос; но как чужд человеческой природе должен быть тот, кто способен вообразить такое о каждом младенце во Христе!

[31] 4. «Но верующие живут по Духу [Следующие несколько страниц представляют собой ответ на статью, опубликованную в „Христианском журнале“, с. 577–582. Удивляюсь, что господин Додд отвёл в своём журнале место такой статье, прямо противоречащей девятому члену нашего вероучения. — Редактор.] (Рим. 8:1), и Дух Божий обитает в них; следовательно, они избавлены от вины, власти — одним словом, от существования греха».

[32] Всё это соединено, словно речь об одном и том же. Но это не одно и то же. *Вина* — одно, *власть* — другое,

существование — третье. Что верующие избавлены от *вины* и *власти* греха, мы признаём; что они избавлены от его *существования* — отрицаем. И это никоим образом не следует из приведённых текстов. Человек может иметь обитающего в нём Духа Божия и «жить по Духу», хотя ещё чувствует, что «плоть желает противного духу».

[33] 5. «Но „Церковь есть Тело Христово“ (Кол. 1:24); это предполагает, что её члены омыты от всякой скверны; иначе получится, что Христос и Велиар соединены в одном теле».

[34] Нет, из положения «Те, кто составляет таинственное Тело Христово, всё ещё чувствуют, что плоть желает противного духу» не следует, будто Христос имеет какое-либо общение с дьяволом или с тем грехом, которому Он даёт им противиться и который даёт побеждать.

[35] 6. «Но разве христиане не „приступили к небесному Иерусалиму“, куда „не войдёт ничто нечистое“?» (Евр. 12:22.) Да, «и к бесчисленному множеству ангелов, и к духам праведников, достигших совершенства», то есть:

> [36] Земля и небо согласны во всём;
> Всё — одна великая семья.

[37] И они также святы и непорочны, пока «живут по Духу», хотя сознают, что в них есть другое начало и что «они друг другу противятся».

[38] 7. «Но христиане примирены с Богом. А этого не могло бы быть, если бы оставалось хоть что-нибудь от плотского помышления, ибо оно — вражда против Бога. Следовательно, примирение невозможно иначе как через его полное уничтожение».

[39] Мы «примирены с Богом кровью креста», и в то мгновение phronema sarkos, испорченность природы, которая есть вражда с Богом, положена под наши ноги: плоть более не властвует над нами. Но она ещё *существует* и по своей природе всё ещё есть вражда с Богом, желающая противного Его Духу.

[40] 8. «Но Христовы распяли плоть со страстями и похотями». (Гал. 5:24.) Так и есть, однако она всё ещё остаётся в них и часто борется, стремясь сойти с креста. «Но они совлеклись ветхого человека с делами его». (Кол. 3:9.) Совлеклись; и в описанном выше смысле древнее прошло, всё стало новым. Можно привести сотню текстов того же содержания, и все допускают тот же ответ. «Но, чтобы сказать всё одним словом, Христос предал Себя за Церковь, „чтобы она была свята и непорочна“». (Еф. 5:25, 27.) И так будет в конце; но от начала до сего дня ещё никогда не было.

[41] 9. «Но пусть заговорит опыт: все оправданные в то самое время обнаруживают полную свободу от всякого греха». В этом я сомневаюсь; но если и обнаруживают, то обнаруживают ли всегда впоследствии? Иначе вы ничего не доказываете. «Если нет, то по собственной вине». Это ещё нужно доказать.

[42] 10. «Но возможно ли по самой природе вещей, чтобы человек имел в себе гордость и не был горд, гнев — и не гневался?»

[43] Человек может иметь в себе *гордость*, в некоторых отношениях думать о себе больше, чем должно, и тем самым быть гордым в данном отношении, но не быть гордым человеком по общему своему характеру. Он может иметь в себе *гнев* и даже сильную склонность к

яростному гневу, не *поддаваясь* ему. «Но могут ли гнев и гордость быть в сердце, где ощущаются *только* кротость и смирение?» Нет; но *некоторая* гордость и гнев могут быть в сердце, где много смирения и кротости.

44 «Бесполезно говорить: эти расположения есть, но они не *царствуют*. Ибо грех ни в каком виде или степени не может существовать там, где не царствует, потому что *вина* и *власть* — существенные свойства греха. Поэтому, где одно из них, там должны быть все».

45 Поистине странно! «Грех ни в каком виде или степени не может *существовать* там, где не *царствует»?* Это совершенно противоречит всякому опыту, всему Писанию, всякому здравому смыслу. Негодование на обиду — грех; это anomia, несоответствие закону любви. Оно существовало во мне тысячу раз. Но не *царствовало* и не царствует. «Однако *вина* и *власть* — существенные свойства греха; поэтому, где одно, там должны быть все». Нет. В данном случае, если я не уступаю чувству негодования ни на мгновение, вовсе нет вины, нет осуждения от Бога по этой причине. И в таком случае у него нет *власти*: хотя оно «желает противного духу», одолеть не может. Итак, здесь, как и в десяти тысячах случаев, есть *грех* без *вины* и без *власти*.

46 11. «Но предположение о грехе в верующем чревато всем страшным и обескураживающим. Оно предполагает борьбу с силой, завладевшей нашими силами, сохраняющей незаконную власть над нашими сердцами и продолжающей там войну вопреки нашему Искупителю». Не так: предполагать, что грех в нас, не значит предполагать, что он овладел нашими силами, как распятый человек не овладевает теми, кто его распинает. Столь же мало это предполагает, будто «грех сохраняет

незаконную власть над нашими сердцами». Захватчик низложен с престола. Он, правда, остаётся там, где некогда царствовал, но остаётся *в цепях*. Так что в некотором смысле он «продолжает войну», однако становится всё слабее, тогда как верующий идёт от силы в силу, побеждая и чтобы победить.

47 12. «Я всё ещё не удовлетворён: имеющий в себе грех — раб греха. Поэтому вы предполагаете, что человек оправдан, оставаясь рабом греха. И если вы допускаете, что люди могут быть оправданы, имея в себе гордость, гнев или неверие, если даже утверждаете, что они — по крайней мере некоторое время — есть во всех оправданных, то что удивительного, что у нас столько гордых, гневливых, неверующих верующих!»

48 Я не предполагаю, что какой-либо оправданный человек является рабом греха; однако предполагаю, что грех остаётся, по крайней мере некоторое время, во всех оправданных.

49 «Но если грех остаётся в верующем, он грешный человек: если, например, гордость — он горд; если своеволие — своеволен; если неверие — неверующий, следовательно, вовсе не верующий. Чем же тогда он отличается от неверующих, от невозрождённых людей?» Это всё та же игра словами. Она означает лишь: если в нём есть грех, гордость, своеволие, то в нём есть грех, гордость, своеволие. Этого никто не может отрицать. В этом смысле он, следовательно, горд или своеволен. Но он не горд и не своеволен в том смысле, в каком неверующие, то есть им не *управляет* гордость или своеволие. В этом его отличие от невозрождённых людей. Они *повинуются* греху, он — нет. Плоть есть и в тех, и в другом; но они «живут по плоти», он «живёт по Духу».

[50] «Но как в верующем может быть *неверие*?» У этого слова два значения. Оно означает либо отсутствие веры, либо малую веру, либо *отсутствие* веры, либо её *слабость*. В первом смысле неверия в верующем нет; во втором оно есть во всех младенцах. Их вера обычно смешана с сомнением или страхом, то есть с неверием во втором смысле. «Что вы так боязливы, — говорит наш Господь, — маловерные?» И ещё: «Маловерный, зачем ты усомнился?» Вы видите: здесь было *неверие* в *верующих*, мало веры и много неверия.

[51] 13. «Но это учение — что грех остаётся в верующем, что человек может пользоваться Божиим благоволением, имея грех в сердце, — несомненно, поощряет людей ко греху». Поймите положение правильно, и такого следствия не будет. Человек может пребывать в Божием благоволении, хотя чувствует грех; но не если *уступает* ему. *Наличие греха* не лишает Божия благоволения, *уступка греху* — лишает. Хотя плоть в вас «желает противного духу», вы можете оставаться дитём Божиим; но если «живёте по плоти», вы — дитя дьявола. Итак, это учение побуждает не *повиноваться* греху, а сопротивляться ему всеми силами.

[52] V. 1. Суть всего такова. В каждом человеке, даже после оправдания, есть два противных начала — природа и благодать, называемые святым Павлом *плотью* и *духом*. Поэтому, хотя даже младенцы во Христе *освящены*, это лишь отчасти. В некоторой степени, по мере своей веры, они духовны, но в некоторой степени плотски. Соответственно, верующих постоянно увещевают бодрствовать против плоти, как и против мира и дьявола. С этим согласен постоянный опыт детей Божиих. Чувствуя в себе это свидетельство, они ощущают волю, не

вполне преданную воле Божией. Знают, что они в Нём, и всё же находят сердце, готовое отойти от Него, склонность ко злу во многих случаях и неохоту к добру. Противоположное учение совершенно ново: о нём не слышали в Церкви Христовой от Его пришествия в мир до времени графа Цинцендорфа, и оно сопровождается самыми гибельными последствиями. Оно устраняет всякое бодрствование против нашей злой природы, против Далилы, о которой нам говорят, что она ушла, хотя она всё ещё лежит у нас на груди. Оно вырывает щит у слабых верующих, лишает их веры и тем самым оставляет открытыми всем нападениям мира, плоти и дьявола.

53 2. Поэтому будем твёрдо держаться здравого учения, «однажды преданного святым» и переданного ими вместе с написанным словом всем последующим поколениям: хотя в то мгновение, когда мы истинно веруем во Христа, мы обновлены, очищены, омыты, освящены, всё же мы тогда ещё не обновлены, очищены, омыты всецело; плоть, злая природа, всё ещё *остаётся*, хотя и покорена, и воюет против духа. Тем усерднее приложим всё старание, «подвизаясь добрым подвигом веры». Тем горячее будем «бодрствовать и молиться» против внутреннего врага. Тем тщательнее примем и «облечёмся во всеоружие Божие», чтобы, хотя «наша брань» и «против плоти и крови», и «против начальств, властей и духов злобы поднебесных», мы могли «противостать в день злой и, всё преодолев, устоять».

Покаяние верующих

[1] «Покайтесь и веруйте в Евангелие».

[2] Марка 1:15.

[3] 1. Обычно полагают, что покаяние и вера — лишь врата религии, что они необходимы только в начале нашего христианского поприща, когда мы вступаем на путь в Царство. Это, по-видимому, подтверждает и великий апостол, когда, увещевая христиан из евреев «поспешать к совершенству», учит их *оставить* эти начальные «начала учения Христова», «не полагая снова основания обращению от мёртвых дел и вере в Бога». По крайней мере это должно означать, что им следует сравнительно оставить то, что вначале занимало все их мысли, чтобы «стремиться к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе».

[4] 2. И несомненно верно, что существуют покаяние и вера, особенно необходимые в начале: покаяние как убеждение в нашей всецелой греховности, виновности и беспомощности, предшествующее принятию того Царствия Божия, которое, по словам нашего Господа, находится «внутри нас»; и вера, посредством которой мы принимаем это Царство, именно «праведность, мир и радость во Святом Духе».

[5] 3. Но, несмотря на это, существуют также покаяние и вера — если понимать эти слова в другом смысле, не вполне том же, но и не совершенно ином, — необходимые после того, как мы «уверовали в Евангелие», да и на каждой последующей ступени христианского пути; иначе

мы не можем «проходить предлежащее нам поприще». И эти покаяние и вера столь же необходимы для нашего *пребывания* и *возрастания* в благодати, как прежние вера и покаяние были необходимы для *вступления* в Царствие Божие.

[6] Но в каком смысле мы должны каяться и веровать после оправдания? Это важный вопрос, достойный самого внимательного рассмотрения.

[7] I. И прежде всего: в каком смысле мы должны каяться?

[8] 1. Покаяние часто означает внутреннюю перемену, перемену ума от греха к святости. Но теперь мы говорим о нём в совершенно ином смысле — как об одном виде самопознания, о знании себя грешниками, да, виновными, беспомощными грешниками, хотя знаем, что мы — дети Божии.

[9] 2. Действительно, когда мы впервые узнаём это, впервые находим искупление в крови Иисуса, когда любовь Божия впервые изливается в наши сердца и в них утверждается Его Царство, естественно предположить, что мы более не грешники, что все наши грехи не только покрыты, но и уничтожены. Поскольку мы тогда не чувствуем в сердце никакого зла, то охотно воображаем, что его там нет. Более того, некоторые благонамеренные люди воображали это не только в то время, но и всегда впоследствии, убедив себя, что при оправдании были всецело освящены; да, они возвели это в общее правило вопреки Писанию, разуму и опыту. Они искренне верят и горячо утверждают, что при оправдании уничтожается всякий грех и что в сердце верующего нет греха, но с того мгновения оно совершенно чисто. Однако, хотя мы охотно признаём, что «верующий рождён от Бога» и «рождённый

от Бога не делает греха», мы всё же не можем согласиться, что он не *чувствует* его внутри: грех не *царствует*, но остаётся. И убеждение в грехе, *остающемся* в нашем сердце, составляет одну из главных частей покаяния, о котором мы теперь говорим.

10 3. Ибо редко проходит много времени, прежде чем вообразивший, будто весь грех исчез, почувствует, что в его сердце ещё есть *гордость*. Он убеждается и в том, что во многих отношениях думал о себе больше, чем должно, и в том, что присваивал себе похвалу за нечто полученное и хвалился этим, словно не получил; и всё же знает, что находится в Божием благоволении. Он не может и не должен «оставлять своего упования». «Дух» всё ещё «свидетельствует» его «духу, что он — дитя Божие».

11 4. Вскоре он почувствует в сердце и *своеволие*, то есть волю, противную воле Божией. Волю всякий человек неизбежно должен иметь, пока имеет разумение. Это существенная часть человеческой природы, да и природы всякого разумного существа. Сам наш благословенный Господь имел волю как человек, иначе Он не был бы человеком. Но Его человеческая воля неизменно подчинялась воле Отца. Во всякое время и при всех обстоятельствах, даже в глубочайшей скорби, Он мог сказать: «Не как Я хочу, но как Ты». Но даже с истинно верующим во Христа не всегда бывает так. Он часто замечает, как его воля больше или меньше восстаёт против воли Божией. Он хочет чего-либо, потому что это приятно природе, хотя неугодно Богу; и не хочет, отвращается от чего-либо, потому что это болезненно для природы, хотя такова Божия воля о нём. Правда, если он пребывает в вере, то всеми силами борется с этим; но

сама борьба предполагает действительное существование этого своеволия и сознание его.

12 5. Итак, своеволие, как и гордость, есть вид *идолопоклонства*, и оба прямо противны любви к Богу. То же можно сказать о *любви к миру*. Но и её даже истинные верующие могут ощущать в себе, и каждый из них ощущает её больше или меньше, раньше или позже, в том или другом проявлении. Правда, когда он впервые «переходит от смерти в жизнь», то не желает ничего, кроме Бога. Он может истинно сказать: «Всё желание моё — к Тебе и к воспоминанию имени Твоего»; «Кто мне на небе, кроме Тебя? И на земле я ничего не желаю, кроме Тебя». Но так бывает не всегда. Со временем он вновь почувствует — быть может, лишь на несколько мгновений — либо «похоть плоти», либо «похоть очей», либо «гордость житейскую». Более того, если он не бодрствует и не молится непрестанно, то может обнаружить оживающую *похоть*, сильно толкающую его к падению, так что в нём едва остаются силы. Он может почувствовать нападения *неумеренной привязанности*, сильную склонность «любить творение более Творца», будь то ребёнок, родитель, муж, жена или «друг, который как собственная душа». Тысячью разных способов он может испытывать желание земных вещей или удовольствий. В той же мере он будет забывать Бога, не искать счастья в Нём и потому становиться «сластолюбивым более, нежели боголюбивым».

13 6. Если он не хранит себя каждое мгновение, то снова почувствует *похоть очей* — желание усладить воображение чем-либо великим, прекрасным или необычным. Сколькими путями это желание нападает на душу! Быть может, по поводу ничтожнейших мелочей —

одежды или обстановки, вещей, никогда не предназначенных насыщать потребность бессмертного духа. И всё же как естественно для нас, даже после «вкушения сил будущего века», вновь опускаться к этим глупым, низким желаниям вещей, истлевающих от употребления! Как трудно даже знающим, в Кого уверовали, победить хотя бы одну отрасль похоти очей — *любопытство*, постоянно попирать его ногами, не желать ничего лишь потому, что оно ново!

14 7. И как трудно даже детям Божиим совершенно победить *гордость житейскую*! Святой Иоанн, по-видимому, разумеет под этим почти то же, что мир называет «чувством чести». Это не что иное, как желание «чести от людей» и наслаждение ею, желание похвалы и любовь к ней, а вместе с этим — соразмерный *страх порицания*. Близок к нему *ложный стыд*, когда стыдятся того, чем следовало бы хвалиться. А он редко бывает отделён от *страха перед людьми*, расставляющего душе тысячи сетей. И где тот, даже среди кажущихся сильными в вере, кто не находит в себе некоторой меры всех этих злых расположений? Поэтому даже они лишь отчасти «распяты для мира», ибо злой корень всё ещё остаётся в сердце.

15 8. И разве не ощущаем мы других расположений, столь же противных любви к ближнему, как эти — любви к Богу? Любовь к ближнему «не мыслит зла». Не находим ли мы чего-либо подобного в себе? Никогда ли не находим *ревности*, *злых догадок*, беспочвенных или неразумных подозрений? Кто чист в этом отношении, пусть первым бросит камень в ближнего. Кто не ощущает иногда иных расположений или внутренних движений, о которых знает, что они противны братской любви? Если нет *злобы,*

ненависти или *горечи*, то нет ли оттенка *зависти*, особенно к тем, кто обладает каким-либо действительным или мнимым благом, которого мы желаем, но не можем достичь? Не испытываем ли мы никогда некоторой степени *негодования*, когда нам причиняют вред или оскорбляют, особенно те, кого мы особо любили и кому более всего старались помогать и угождать? Никогда ли несправедливость или неблагодарность не возбуждает в нас желания *отомстить*, отплатить злом за зло вместо того, чтобы «побеждать зло добром»? И это показывает, сколько ещё в нашем сердце противного любви к ближнему.

[16] 9. *Корыстолюбие* всякого рода и степени, несомненно, столь же противно ей, как и любви к Богу: будь то philargyri, *любовь к деньгам*, слишком часто являющаяся корнем всякого зла, или pleonexia, буквально желание *иметь больше*, умножать имущество. И как немногие даже среди истинных детей Божиих совершенно свободны от обоих! Правда, один великий человек, Мартин Лютер, говаривал, что «никогда не имел в себе никакого корыстолюбия» — не только после обращения, но «с самого рождения». Но если так, я без колебаний сказал бы, что он — единственный рождённый женщиной человек, кроме Того, Кто был Богом и человеком, у кого его не было, кто родился без него. Более того, я полагаю, что никогда не было рождённого от Бога человека, прожившего после этого сколько-нибудь значительное время, который многократно не ощущал бы его больше или меньше, особенно во втором смысле. Поэтому можно положить как несомненную истину, что корыстолюбие вместе с гордостью, своеволием и гневом остаётся в сердцах даже оправданных.

[17] 10. Именно переживание этого склонило столь многих серьёзных людей понимать последнюю часть седьмой главы Послания к римлянам не о находящихся «под законом», обличённых во грехе, — что, несомненно, и имеет в виду апостол, — а о находящихся «под благодатью», «оправданных даром искуплением во Христе». И совершенно несомненно, что в одном они правы: даже в оправданных ещё *остаётся* в некоторой мере *плотское помышление* — так апостол говорит даже верующим в Коринфе: «Вы плотские»; *сердце, склонное к отступлению*, всё ещё всегда готовое «отступить от Бога живого»; склонность к гордости, своеволию, гневу, мстительности, любви к миру, да и ко всякому злу; горький корень, который, будь сдерживающая сила снята хоть на мгновение, тотчас произрос бы; да, такая глубина испорченности, какой мы без ясного света от Бога не можем даже представить. И убеждение во всём этом грехе, *остающемся* в *их сердцах*, и есть покаяние, свойственное оправданным.

[18] 11. Но мы должны также убедиться, что, как грех остаётся в наших сердцах, так он *пристаёт* ко всем нашим словам и действиям. В самом деле, следует опасаться, что многие наши слова не просто смешаны с грехом, а греховны целиком: таковы, несомненно, все *разговоры, лишённые любви*, всё, что не проистекает из братской любви, всё, что не согласно с золотым правилом: «Как хотите, чтобы другие поступали с вами, так поступайте с ними». К этому относятся всякое злословие, передача сплетен, тайные пересуды, всякое дурное говорение, то есть пересказ недостатков отсутствующих: ведь никто не желал бы, чтобы в его отсутствие другие пересказывали его недостатки. Как же мало даже среди верующих тех, кто совсем не виновен в этом, кто

неизменно соблюдает старое доброе правило: «О мёртвых и отсутствующих — ничего, кроме доброго»! И допустим, они его соблюдают; но воздерживаются ли также от *бесполезных разговоров*? А всё это, несомненно, греховно и «огорчает Святого Духа Божия»; да и «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда».

[19] 12. Но предположим, что они постоянно «бодрствуют и молятся» и потому «не входят» в это «искушение», что неизменно поставляют стражу устам и охраняют двери губ; предположим, упражняются в том, чтобы *вся* их «речь была с благодатью, приправлена солью и способна доставлять благодать слушающим». И всё же разве при всей осторожности они не соскальзывают ежедневно в бесполезный разговор? И даже когда стараются говорить ради Бога, чисты ли их слова, свободны ли от несвятых примесей? Не находят ли они чего-нибудь неверного в самом своём *намерении*? Говорят ли исключительно для угождения Богу, а не отчасти для угождения себе? Только ли для исполнения воли Божией, а не также своей? Или, начав с единой целью, продолжают ли «взирать на Иисуса» и говорить с Ним всё то время, пока говорят с ближним? Обличая грех, не чувствуют ли гнева или недоброго расположения к грешнику? Наставляя невежд, не находят ли гордости, предпочтения себя другим? Утешая скорбящих или побуждая друг друга к любви и добрым делам, никогда ли не замечают внутренней самопохвалы: *«Вот теперь ты хорошо сказал»?* Или тщеславия — желания, чтобы и другие так подумали и за это их уважали? В некоторых или во всех этих отношениях сколько греха пристаёт даже к лучшим *разговорам* верующих! Убеждение в этом — ещё одна часть покаяния, свойственного оправданным.

[20] 13. И сколько греха, если их совесть вполне пробуждена, могут они найти пристающим также к *своим поступкам*! Более того, разве немало среди них таких, которые, хотя мир и не осудил бы их, всё же нельзя ни похвалить, ни даже извинить, если судить по Слову Божию? Разве немало их поступков, о которых они сами знают, что они не во славу Божию? Немало таких, в которых они даже не стремились к этому, которые не были предприняты со взором, обращённым к Богу? А среди предпринятых с этой целью разве немало таких, в которых их взор устремлён не только на Бога, в которых они исполняют свою волю по крайней мере не меньше, чем Его, и стараются угодить себе столько же, если не больше, чем Богу? И когда они пытаются делать добро ближнему, не чувствуют ли различных неверных расположений? Поэтому их так называемые добрые дела далеки от того, чтобы быть таковыми в строгом смысле, осквернены такой примесью зла: таковы их дела *милосердия*. И разве нет той же примеси в делах *благочестия*? Слушая слово, способное спасти их души, не находят ли они часто мыслей, заставляющих бояться, как бы оно не обратилось им скорее в осуждение, чем в спасение? Не часто ли то же происходит, когда они стараются вознести Богу молитвы, общественные или частные? Да, когда участвуют в самом торжественном служении, даже у трапезы Господней, какие мысли возникают в них! Не блуждают ли их сердца иногда до краёв земли, не наполняются ли порой такими образами, которые заставляют опасаться, как бы вся их жертва не стала мерзостью перед Господом? Так что теперь они больше стыдятся лучших своих дел благочестия, чем некогда худших грехов.

[21] 14. Далее, в скольких *грехах упущения* они виновны! Мы знаем слова апостола: «Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех». Но разве они не знают тысячи случаев, когда могли сделать добро врагам, незнакомым, братьям — в отношении тела или души, — а не сделали? Сколько упущений допустили в своём долге перед Богом! Сколькими возможностями причаститься, услышать Его слово, молиться общественно или наедине пренебрегли! Столь веское основание имел даже тот святой муж, архиепископ Ашер, после всех своих трудов для Бога почти с последним вздохом воскликнуть: «Господи, прости мне грехи упущения!»

[22] 15. Но, кроме этих внешних упущений, не могут ли они найти в себе бесчисленные *внутренние недостатки*, недостатки всякого рода? У них нет той любви, того страха, того доверия к Богу, какие должны быть. Нет любви, причитающейся ближнему, каждому сыну человеческому; нет даже любви, причитающейся братьям, каждому дитяти Божию, будь то далёкие от них или непосредственно с ними связанные. Ни одного святого расположения у них нет в должной степени; они недостаточны во всём и, глубоко сознавая это, готовы воскликнуть с господином де Ранти: «Я — земля, вся заросшая тернием», — или с Иовом: «Я ничтожен; отрекаюсь от себя и каюсь как бы в прахе и пепле».

[23] 16. Убеждение в собственной *виновности* — ещё одна часть покаяния, свойственного детям Божиим. Но понимать это следует осторожно и в особом смысле. Ибо несомненно, что «нет осуждения тем, которые во Христе Иисусе», веруют в Него и силой этой веры «живут не по плоти, но по Духу». Однако и теперь они столь же не могут выдержать *строгого правосудия* Божия, как

прежде, чем уверовали. Оно объявляет их всё ещё *достойными смерти* по всем перечисленным причинам и безусловно осудило бы на неё, если бы не искупительная кровь. Поэтому они вполне убеждены, что всё ещё *заслуживают* наказания, хотя этой кровью оно от них отвращено. Но здесь есть крайности с обеих сторон, и немногие их избегают. Большинство ударяется в ту или другую, либо считая себя осуждёнными, когда они не осуждены, либо полагая, что *заслуживают* оправдательного приговора. Нет, истина лежит между: строго говоря, они всё ещё *заслуживают* только осуждения в ад. Но заслуженное не постигает их, потому что они «имеют Ходатая пред Отцом». Его жизнь, смерть и ходатайство всё ещё стоят между ними и осуждением.

[24] 17. Убеждение в собственной *полной беспомощности* — ещё одна часть этого покаяния. Под этим я разумею две вещи. Во-первых, теперь они не более способны *сами по себе* помыслить одну добрую мысль, породить одно доброе желание, произнести одно доброе слово или совершить одно доброе дело, чем до оправдания; у них всё ещё нет никакого рода или степени *собственной* силы, ни силы делать добро или противиться злу, ни способности победить или хотя бы выдержать натиск мира, дьявола или собственной злой природы. Они, несомненно, могут всё это делать, но не собственной силой. Имеют силу победить всех этих врагов, ибо «грех более не господствует над ними»; но она не от природы, ни целиком, ни отчасти: она *исключительно* дар Божий. И даётся не вся сразу, словно у них запас на многие годы, а от мгновения к мгновению.

[25] 18. Во-вторых, под этой беспомощностью я разумею полную неспособность избавить себя от виновности, или

заслуженности наказания, которую мы ещё сознаём; да, и неспособность при всей имеющейся у нас благодати — не говоря уже о природных силах — устранить либо гордость, своеволие, любовь к миру, гнев и общую склонность отходить от Бога, которые, как мы знаем по опыту, *остаются* в сердце даже возрождённых, либо зло, которое, несмотря на все усилия, пристаёт ко всем нашим словам и действиям. Прибавьте к этому полную неспособность совершенно избегать разговоров, лишённых любви, и тем более бесполезных; неспособность избегать грехов упущения или восполнить бесчисленные недостатки, в которых мы убеждены, особенно недостаток любви и других верных расположений к Богу и человеку.

[26] 19. Если кто не убеждён в этом, если полагает, что всякий оправданный способен удалить эти грехи из своего сердца и жизни, пусть сделает опыт. Пусть попробует, может ли уже полученной благодатью изгнать гордость, своеволие или вообще врождённый грех. Пусть попробует очистить слова и дела от всякой примеси зла, избежать всех разговоров, лишённых любви и пользы, и всех грехов упущения; наконец, пусть попробует восполнить бесчисленные недостатки, которые ещё находит в себе. Пусть не падает духом после одного или двух опытов, но повторяет попытку снова и снова; чем дольше будет пробовать, тем глубже убедится в своей полной беспомощности во всех этих отношениях.

[27] 20. В самом деле, эта истина настолько очевидна, что почти все рассеянные повсюду дети Божии, как бы ни расходились в других вопросах, в этом обычно согласны: хотя мы можем «Духом умерщвлять дела плотские», противиться и побеждать внешний и внутренний грех;

хотя можем день за днём *ослаблять* врагов, всё же не можем *изгнать* их. Всей благодатью, данной при оправдании, мы не можем их искоренить. Сколько бы ни бодрствовали и ни молились, не можем совершенно очистить ни сердца, ни рук. Совершенно несомненно, не можем, пока нашему Господу не будет угодно вновь сказать нашим сердцам, сказать во второй раз: «Очистись»; и только тогда проказа очищается. Только тогда уничтожается злой корень, плотское помышление, и врождённый грех больше не существует. Но если нет такой второй перемены, если нет мгновенного избавления после оправдания, если существует *только* постепенное действие Бога — а что постепенное действие есть, никто не отрицает, — тогда мы должны как можем примириться с тем, чтобы до смерти оставаться полными греха; а если так, то должны до смерти оставаться виновными, непрестанно *заслуживая* наказания. Ибо невозможно удалить от нас вину, или заслуженность наказания, пока весь этот грех остаётся в сердце и пристаёт к словам и поступкам. Более того, по строгому правосудию всё, что мы думаем, говорим и делаем, непрестанно увеличивает её.

[28] II. 1. В этом смысле мы должны *каяться* после оправдания. И пока не делаем этого, не можем идти дальше. Ибо, пока не сознаём своей болезни, она не поддаётся исцелению. Но если мы так каемся, тогда призваны «веровать в Евангелие».

[29] 2. И это также следует понимать в особом смысле, отличном от того, в каком мы веровали ради оправдания. Верьте благой вести о великом спасении, приготовленном Богом для всех людей. Верьте, что Тот, Кто есть «сияние славы Отца, образ ипостаси Его», «может всегда и

всецело спасать приходящих через Него к Богу». Он может спасти вас от всего греха, ещё остающегося в сердце. Может спасти от всего греха, пристающего ко всем вашим словам и делам. Может спасти от грехов упущения и восполнить всё, чего вам недостаёт. Правда, человеку это невозможно; но Богочеловеку всё возможно. Ибо что может быть слишком трудно для Того, Кто имеет «всякую власть на небе и на земле»? Правда, одной Его способности сделать это недостаточно для веры, что Он сделает, что так употребит Свою силу, если Он не обещал этого. Но Он обещал, обещал вновь и вновь в самых сильных выражениях. Он дал нам эти «великие и драгоценные обетования» и в Ветхом, и в Новом Завете. Так читаем в законе, в древнейшей части словес Божиих: «Обрежет Господь Бог твой сердце твоё и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею». (Втор. 30:6.) Так в Псалмах: «Он избавит Израиля», Израиля Божия, «от всех его грехов». Так у пророка: «И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь; от всех скверн ваших и от всех идолов ваших очищу вас. И вложу внутрь вас Дух Мой, и будете соблюдать и выполнять уставы Мои. И освобожу вас от всех нечистот ваших». (Иез. 36:25.) Так же и в Новом Завете: «Благословен Господь Бог Израилев, что посетил и искупил народ Свой и воздвиг рог спасения нам, чтобы исполнить клятву, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, избавившись от рук врагов наших, безбоязненно служить Ему в святости и праведности пред Ним во все дни жизни нашей». (Лук. 1:68.)

[30] 3. Поэтому у вас есть веское основание верить, что Он не только может, но и хочет сделать это: очистить вас от всякой скверны плоти и духа, «спасти от всех ваших

нечистот». Именно этого вы теперь жаждете; именно такая вера вам теперь особенно нужна: что Великий Врач, Любящий мою душу, хочет сделать меня чистым. Но хочет ли Он сделать это завтра или сегодня? Пусть Сам ответит: «Сегодня, если услышите голос Мой, не ожесточите сердец ваших». Если откладываете до завтра, ожесточаете сердце, отказываетесь услышать Его голос. Поэтому верьте, что Он хочет спасти вас *сегодня*, хочет спасти вас *теперь*. «Вот, теперь время благоприятное». Теперь Он говорит: «Очистись!» Только верьте, и вы также тотчас обнаружите, что «всё возможно верующему».

31 4. Продолжай веровать в Того, Кто возлюбил тебя и предал Себя за тебя, Кто вознёс все твои грехи телом Своим на древо; и Он спасает тебя от всякого осуждения Своей кровью, непрестанно прилагаемой к тебе. Так мы пребываем в оправданном состоянии. И когда идём «от веры в веру», когда имеем веру в очищение от живущего внутри греха, в спасение от всех нечистот, мы также спасены от всей той *вины*, того *заслуженного* наказания, которое чувствовали прежде. Тогда мы можем сказать не только:

> 32 Каждое мгновение, Господи, я *нуждаюсь*
> В заслуге Твоей смерти,

33 но также с полною уверенностью веры:

> 34 Каждое мгновение, Господи, я *имею*
> Заслугу Твоей смерти!

35 Ибо этой верой в Его жизнь, смерть и ходатайство за нас, обновляемой от мгновения к мгновению, мы совершенно чисты; и теперь для нас не только нет

осуждения, но нет и прежней заслуженности наказания, поскольку Господь очищает и сердца наши, и жизнь.

[36] 5. Той же верою мы чувствуем силу Христову, каждое мгновение почивающую на нас, которой одной мы и являемся тем, что мы есть, которая даёт нам пребывать в духовной жизни и без которой, несмотря на всю нынешнюю святость, в следующее мгновение мы стали бы бесами. Но, пока сохраняем веру в Него, мы «черпаем воду из источников спасения». Опираясь на Возлюбленного, на Христа в нас, упование славы, обитающего в наших сердцах верою и также непрестанно ходатайствующего за нас одесную Бога, мы принимаем от Него помощь мыслить, говорить и делать угодное в Его очах. Так Он «предваряет» верующих во всех их «делах и содействует им Своею непрестанной помощью», чтобы все их замыслы, разговоры и поступки «начинались, продолжались и оканчивались в Нём». Так Он «очищает помышления их сердец вдохновением Своего Святого Духа, дабы они совершенно любили Его и достойно величали святое имя Его».

[37] 6. Так в детях Божиих покаяние и вера точно соответствуют друг другу. Покаянием мы чувствуем грех, остающийся в сердцах и пристающий к словам и поступкам; верою принимаем силу Божию во Христе, очищающую сердца и омывающую руки. Покаянием всё ещё сознаём, что заслуживаем наказания за все наши расположения, слова и дела; верою сознаём, что наш Ходатай пред Отцом непрестанно заступается за нас и тем самым непрестанно отвращает от нас всякое осуждение и наказание. Покаянием имеем постоянное убеждение, что в нас нет помощи; верою принимаем не только милость, «но и благодать для помощи» во *всякое*

«время нужды». Покаяние отвергает самую возможность какой-либо иной помощи; вера принимает всю необходимую нам помощь от Того, Кто имеет всякую власть на небе и на земле. Покаяние говорит: «Без Него я не могу делать ничего»; вера говорит: «Всё могу в укрепляющем меня Христе». Через Него я могу не только победить, но и изгнать всех врагов моей души. Через Него могу «любить Господа Бога моего всем сердцем, разумением, душою и крепостью», да, и «ходить в святости и праведности пред Ним во все дни жизни моей».

[38] III. 1. Из сказанного мы легко можем узнать пагубность мнения, будто при оправдании мы *всецело* освящены, будто сердца тогда очищены от всякого греха. Правда, как уже было замечено, мы тогда избавлены от господства внешнего греха, а вместе с тем сила внутреннего греха настолько сломлена, что нам более не нужно следовать ему или быть им водимыми. Но совершенно неверно, будто внутренний грех тогда полностью уничтожен, будто корень гордости, своеволия, гнева, любви к миру извлечён из сердца, будто плотское помышление и сердце, склонное к отступлению, совершенно искоренены. И предполагать обратное — не невинная, безвредная ошибка, как могут подумать некоторые. Нет, это причиняет огромный вред, полностью преграждая путь всякой дальнейшей перемене: ведь очевидно, что «не здоровые имеют нужду во враче, но больные». Поэтому, если считаем себя уже совершенно здоровыми, не остаётся места для искания дальнейшего исцеления. При таком предположении нелепо ожидать дальнейшего избавления от греха, постепенного или мгновенного.

[39] 2. Напротив, глубокое убеждение, что мы ещё не здоровы, что сердца не вполне очищены, что в нас ещё есть «плотское помышление», по природе своей всё ещё являющееся «враждой против Бога», что целое тело греха остаётся в сердце, хотя ослабленное, но не уничтоженное, — вне всякой возможности сомнения показывает безусловную необходимость дальнейшей перемены. Мы признаём, что в самое мгновение оправдания мы *рождаемся свыше*: в этот миг переживаем внутренний переход «от тьмы в чудный свет», от образа зверя и дьявола к образу Божию, от земного, душевного, бесовского ума к чувствованиям, бывшим во Христе Иисусе. Но *всецело* ли мы тогда изменены? *Полностью* ли преображены в образ Сотворившего нас? Далеко нет: мы всё ещё носим глубину греха, и сознание этого принуждает нас стенать о полном избавлении к Могущему спасать. Поэтому верующие, не убеждённые в глубокой испорченности своих сердец или убеждённые лишь слегка, как бы умозрительно, мало заботятся о *полном освящении*. Они могут придерживаться мнения, что оно должно совершиться либо при смерти, либо когда-нибудь до неё, сами не знают когда. Но отсутствие его не причиняет им большого беспокойства, и нет у них великого голода или жажды по нему. И не может быть, пока они лучше не познают себя, пока не покаются в описанном выше смысле, пока Бог не откроет лицо врождённого чудовища и не покажет им действительного состояния душ. Только тогда, почувствовав бремя, они будут стенать об избавлении от него. Тогда, и не прежде, они возопиют в муке души:

[40] Разбей ярмо врождённого греха
И дух мой сделай вполне свободным!

Я не могу успокоиться, пока не стану чист внутри,
Пока всецело не потеряю себя в Тебе.

[41] 3. Отсюда, во-вторых, мы можем узнать, что глубокое убеждение в нашей *недостойности* после принятия Богом, которую в известном смысле можно назвать *виной*, безусловно необходимо, чтобы увидеть истинную ценность искупительной крови, чтобы почувствовать: после оправдания мы нуждаемся в ней не меньше, чем прежде. Без этого убеждения мы неизбежно станем считать кровь завета *чем-то обыкновенным*, тем, в чём ныне не имеем большой нужды, поскольку все прежние грехи изглажены. Да, но если и сердца, и жизнь наши так нечисты, то существует своего рода вина, которую мы навлекаем каждое мгновение и которая, следовательно, каждое мгновение подвергала бы нас новому осуждению, если бы

[42] Он не жил вовеки в вышине,
Чтобы за нас ходатайствовать,
Ссылаясь на Свою всё искупающую любовь,
На Свою драгоценную кровь.

[43] Именно это покаяние и тесно связанная с ним вера выражены в сильных строках:

[44] Я грешу с каждым своим вздохом,
Не исполняю воли Твоей, не храню закона Твоего
На земле, как ангелы в вышине;
Но источник всё ещё открыт,
Омывает ноги, сердце, руки мои,
Пока я не достигну совершенства в любви.

[45] 4. В-третьих, мы можем заметить: глубокое убеждение в нашей полной *беспомощности*, совершенной

неспособности удержать что-либо из полученного, тем более избавить себя от мира неправды, остающегося и в сердце, и в жизни, учит нас истинно жить Христом через веру, не только как нашим Священником, но и как нашим Царём. Этим мы приводимся к тому, чтобы действительно «возвеличить Его», «воздать Ему всю славу Его благодати», «признать Его целым Христом, всецелым Спасителем и поистине возложить венец на Его главу». Эти прекрасные слова, как их часто употребляют, имеют мало смысла или вовсе его не имеют; но они исполняются в сильном и глубоком смысле, когда мы так словно выходим из самих себя, чтобы быть поглощёнными Им, когда погружаемся в ничто, чтобы Он стал всем во всём. Тогда, когда Его всемогущая благодать упразднила «всё высокое, возносившееся против Него», каждое расположение, мысль, слово и дело «приводится в послушание Христу».

[46] Лондондерри, 24 апреля 1767 года.

Великий суд

[1] Произнесено во время выездной судебной сессии, проходившей под председательством достопочтенного сэра Эдварда Клайва, рыцаря, одного из судей Суда общих тяжб Его Величества, в церкви Святого Павла в Бедфорде, в пятницу 10 марта 1758 года; опубликовано по просьбе Уильяма Коула, эсквайра, верховного шерифа графства, и других лиц.

[2] «Все мы предстанем на суд Христов».

[3] Рим. 14:10.

[4] 1. Сколько обстоятельств соединяется, чтобы придать нынешнему торжеству благоговейный трепет! Всеобщее *стечение* людей всякого возраста, пола, звания и положения, добровольно или поневоле собравшихся не только из соседних, но и из отдалённых мест; *преступники*, которых вскоре выведут и которым некуда бежать; *служители*, ожидающие каждый на своём посту исполнения предстоящих приказаний; и *представитель* нашего милостивого *Государя*, которого мы столь глубоко почитаем и чтим. Сам *повод* этого собрания также немало прибавляет ему торжественности: рассматривать и решать дела всякого рода, некоторые из которых имеют величайшее значение, от которых зависит не меньше чем жизнь или смерть — смерть, открывающая лицо вечности! Несомненно, именно для усиления серьёзного чувства этих вещей, и не только в умах простого народа, мудрость наших предков не пренебрегла установлением даже некоторых мелких обстоятельств этой церемонии. Ведь и они через зрение или слух могут глубже затронуть

сердце; и, рассматриваемые в этом свете, трубы, жезлы, одеяния перестают быть пустяками или бессмыслицей, но в своём роде и мере служат самым драгоценным целям общества.

5 2. Но как ни внушительно это торжество, близится другое, несравненно более грозное. Ибо ещё немного — и «все мы предстанем на суд Христов». «Живу Я, говорит Господь: предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык исповедает Бога». И в тот день «каждый из нас за себя даст отчёт Богу».

6 3. Если бы все люди глубоко сознавали это, как надёжно были бы защищены интересы общества! Ибо какое более сильное побуждение можно представить к подлинной нравственности, к неуклонному стремлению к прочной добродетели, к постоянному хождению в правде, милости и истине? Что могло бы укрепить наши руки во всяком добре и удержать от всякого зла так, как твёрдое убеждение: «Судия стоит у дверей», и вскоре мы предстанем пред Ним?

7 4. Поэтому будет, пожалуй, уместно и сообразно назначению нынешнего собрания рассмотреть:

8 I. Главные обстоятельства, которые будут предшествовать нашему предстоянию суду Христову;

9 II. Сам суд; и

10 III. Некоторые обстоятельства, которые последуют за ним.

11 I. 1. Рассмотрим прежде главные обстоятельства, которые будут предшествовать нашему предстоянию суду Христову.

[12] Во-первых, Бог явит «знамения на земле внизу» (Деян. 2:19); в особенности Он «восстанет, чтобы страшно потрясти землю». «Земля будет шататься, как пьяный, и двигаться, как хижина». (Ис. 24:20.) «Будут землетрясения», kata topous, не только «в разных», но «во всех местах», не в одном или нескольких, а в каждой части обитаемого мира (Лук. 21:11), такие «сильные и великие, каких не бывало с тех пор, как люди на земле». При одном из них «всякий остров убежит, и гор не станет». (Откр. 16:20.) Между тем все воды земноводного шара почувствуют силу этих потрясений: «море и волны восшумят» (Лук. 21:25) с таким волнением, какого никогда не знали с того часа, когда «разверзлись источники великой бездны», чтобы погубить землю, тогда «составленную из воды и водою». Воздух весь наполнится бурей и вихрем, тёмными испарениями и «столпами дыма» (Иоиль 2:30); гром будет греметь от полюса до полюса, десять тысяч молний разорвут его. Но потрясение не остановится в воздушной области: «силы небесные также поколеблются; будут знамения в солнце, луне и звёздах» (Лук. 21:25, 26), как неподвижных, так и движущихся вокруг них. «Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь, прежде нежели наступит день Господень, великий и страшный». (Иоиль 2:31.) «Звёзды потеряют свой блеск» (Иоиль 3:15) и даже «падут с неба» (Откр. 6:13), выброшенные со своих орбит. И тогда раздастся всеобщий *возглас* всех небесных воинств, за которым последует «глас архангела», возвещающий приближение Сына Божия и Человеческого, и «труба Божия», поднимающая по тревоге всех спящих в земном прахе. (1 Фес. 4:16.) Вследствие этого все гробы откроются и человеческие тела восстанут. Море также отдаст находящихся в нём мёртвых (Откр. 20:13), и каждый

восстанет «со своим собственным телом», своим по существу, хотя настолько изменённым по свойствам, что мы теперь не можем представить. «Ибо тленное сие» тогда «облечётся в нетление, и смертное сие — в бессмертие». (1 Кор. 15:53.) Да, «смерть и ад», невидимый мир, «отдадут мёртвых, которые в них». (Откр. 20:13.) Так что все, кто когда-либо жил и умер с тех пор, как Бог сотворил человека, воскреснут нетленными и бессмертными. [10]

13 2. В то же время «Сын Человеческий пошлёт ангелов Своих» по всей земле, «и они соберут избранных Его от четырёх ветров, от края небес до края их». (Матф. 24:31.) И Сам Господь придёт с облаками, в Своей славе и славе Отца, с десятками тысяч Своих святых, то есть с мириадами ангелов, и сядет на престоле славы Своей. «И соберутся пред Ним все народы; и Он отделит одних от других и поставит овец», добрых, «по правую Свою сторону, а козлов», нечестивых, «по левую». (Матф. 25:31 и далее.) Об этом всеобщем собрании возлюбленный ученик говорит так: «Я увидел мёртвых», всех, кто был мёртв, «малых и великих, стоящих пред Богом, и книги были раскрыты» — образное выражение, явно отсылающее к человеческому судопроизводству, — «и судимы были мёртвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими». (Откр. 20:12.)

14 II. Таковы главные обстоятельства, записанные в словесах Божиих как предшествующие всеобщему суду. Во-вторых, нам предстоит рассмотреть сам суд, насколько Богу угодно было открыть его.

15 1. Лицо, через Которое Бог будет судить мир, — Его Единородный Сын, Которого «происхождение от вечности», «Сущий над всем Бог, благословенный во

веки». Ему, «сиянию славы Отца, образу ипостаси Его» (Евр. 1:3), Отец «отдал весь суд, потому что Он — Сын Человеческий» (Иоан. 5:22, 27); потому что, хотя Он «был в образе Божием и не почитал хищением быть равным Богу, но уничижил Себя, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам» (Флп. 2:6, 7); да, потому что, «по виду став как человек, смирил Себя» ещё более, «быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему Бог превознёс Его», даже в Его человеческой природе, и «определил Его», как Человека, судить сынов человеческих, «быть Судиею живых и мёртвых»: и тех, кто окажется жив при Его пришествии, и тех, кто прежде приложился к своим отцам.

16 2. Время, названное пророком «великим и страшным днём», обычно именуется в Писании *днём Господним*. Пространство времени от сотворения человека на земле до конца всего — *день сынов человеческих*; время, ныне проходящее над нами, — собственно *наш день*; когда он окончится, начнётся *день Господень*. Но кто скажет, сколько он продлится? «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день». (2 Пет. 3:8.) Из этого самого выражения некоторые древние отцы вывели, что обычно называемый днём суда действительно будет тысячью лет; и, по-видимому, они не превысили истины, скорее, вероятно, ещё не достигли её. Ибо если учесть число людей, которых предстоит судить, и поступков, которые надлежит исследовать, то не кажется, что тысячи лет достаточно для дел того дня; так что он вполне может охватывать несколько тысяч лет. Но и это Бог откроет в своё время.

17 3. О месте, где человечество будет судимо, у нас нет ясного сообщения в Писании. Один выдающийся писатель

— и не он один, многие держались того же мнения — полагает, что это будет на земле, где были совершены дела, по которым люди будут судимы, и что Бог для этого употребит ангелов силы Своей —

> [18] Разровнять и расширить безграничный простор
> И раскинуть место для всего людского рода.

[19] Но, быть может, с собственным описанием Господом Своего пришествия на облаках более согласно предположение, что это произойдёт над землёй, если не «на высоте вдвое выше планет». Этому предположению немало способствует написанное святым Павлом фессалоникийцам: «Мёртвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе». (1 Фес. 4:16, 17.) Поэтому наиболее вероятным представляется, что великий белый престол будет высоко вознесён над землёй.

[20] 4. А людей, которым предстоит суд, кто может исчислить, как и капли дождя или песок морской? «Я взглянул, — говорит святой Иоанн, — и вот, великое множество, которого никто не мог перечесть, в белых одеждах и с пальмовыми ветвями в руках». Как же безмерно должно быть общее множество всех племён, колен, народов и языков, всех происшедших от чресл Адама от начала мира до прекращения времени! Если принять обычное предположение, которое вовсе не кажется нелепым, что земля в каждый данный момент носит не менее четырёхсот миллионов живых душ — мужчин, женщин и детей, — какое собрание должны составить все поколения, сменявшие друг друга на протяжении семи тысяч лет!

[21] Великий мир Ксеркса под оружием, гордое войско Канн —
Все они здесь; и все здесь теряются.
Напрасно множатся их ряды, чтобы стать различимыми:
Они теряются, как капля в безбрежном море.

[22] Каждый мужчина, каждая женщина, каждый младенец, живший хоть несколько дней, всякий, кто когда-либо вдыхал животворный воздух, услышит тогда голос Сына Божия, пробудится к жизни и предстанет пред Ним. И таков, по-видимому, естественный смысл выражения «мёртвые, малые и великие»: все вообще, все без исключения, всех возрастов, полов и степеней; все, кто когда-либо жил и умер или претерпел перемену, равнозначную смерти. Ибо задолго до того дня призрак человеческого величия исчезает и обращается в ничто. Он исчезает уже в самое мгновение смерти. Кто богат или велик во гробе?

[23] 5. И каждый человек там «даст отчёт в собственных делах», полный и правдивый отчёт обо всём, что когда-либо совершил, живя в теле, добром или злом. О, какое зрелище тогда откроется взорам ангелов и людей! Когда не вымышленный Радамант, но Господь Бог Вседержитель, знающий всё на небе и на земле, —

[24] Castigatque, auditque dolos; subigitque fateri
Quae quis apud superos, furto laetatus inani,
Distulit in seram commissa piacula mortem.

[25] [Над этими мрачными царствами властвует суровый Радамант,
Разоблачает каждого хитрого злодея и принуждает
Признать преступления, долго скрытые от людских

глаз.
Напрасно! Теперь все они выставлены в ненавистном свете.]

[26] И тогда будут открыто явлены не только все поступки каждого сына человеческого, но и все слова, ибо «за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда» (Матф. 12:36, 37); так что «от слов своих», равно как и от дел, «оправдаешься, и от слов своих осудишься». Не выведет ли Бог тогда на свет также каждое обстоятельство, сопровождавшее всякое слово или действие и если не изменявшее их природу, то уменьшавшее или увеличивавшее их доброту или злость? И как легко это Тому, Кто «у ложа нашего и на пути нашем и наблюдает все стези наши»! Мы знаем: «тьма не темна для Него, но ночь светла, как день».

[27] 6. Да, Он выведет на свет не только скрытые дела тьмы, но и самые мысли и намерения сердца. И что удивительного? Ведь Он «испытующий внутренности и разумеющий все наши помышления». «Всё обнажено и открыто перед очами Того, Кому дадим отчёт». «Преисподняя и погибель открыты пред Ним; тем более сердца сынов человеческих!»

[28] 7. И в тот день откроется каждое внутреннее действие каждой человеческой души, всякое влечение, страсть, склонность, привязанность в их различных сочетаниях, со всяким нравом и расположением, составляющими весь сложный характер каждого человека. Так ясно и безошибочно станет видно, кто был праведен и кто неправеден, в какой степени каждое действие, лицо или характер были добры или злы.

29 8. «Тогда Царь скажет стоящим по правую сторону Его: „Придите, благословенные Отца Моего. Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня“». Подобным образом пред людьми и ангелами будет перечислено всё добро, которое они совершили на земле, всё, что сделали словом или делом во имя Господа Иисуса или ради Него. Тогда вспомнятся и все их добрые желания, намерения, мысли, все святые расположения; и окажется, что, хотя люди не знали или забыли их, Бог записал их в Своей книге. Также все страдания их за имя Иисуса и за свидетельство доброй совести будут явлены им в похвалу от праведного Судии, в честь пред святыми и ангелами и в умножение «безмерного преизбытка вечной славы».

30 9. Но вспомнятся ли также их злые дела — ведь, если брать всю жизнь человека, нет на земле такого, кто живёт и не грешит, — будут ли они вспомянуты в тот день и названы в великом собрании? Многие полагают, что нет, и спрашивают: «Разве это не означало бы, что страдания их не окончились даже с окончанием жизни, раз им ещё предстояло бы переносить скорбь, стыд и смущение лица?» Спрашивают также: «Как согласовать это с Божиим словом через пророка: „Если беззаконник обратится от всех грехов своих, какие делал, и будет соблюдать все уставы Мои и поступать законно и праведно, все преступления его, какие делал, ни разу не припомнятся ему“? (Иез. 18:21, 22.) Как это согласуется с обетованием, данным Богом всем принимающим евангельский завет: „Прощу беззакония их и грехов их не воспомяну более“? (Иер. 31:34.) Или, по выражению апостола: „Буду милостив к неправдам их, и грехов их и беззаконий их не воспомяну более“?» (Евр. 8:12.)

31 10. Можно ответить: для полного явления славы Божией, для ясного и совершенного обнаружения Его премудрости, правосудия, силы и милости к наследникам спасения, очевидно, безусловно необходимо, чтобы все обстоятельства их жизни были открыто выставлены вместе со всеми расположениями, желаниями, мыслями и намерениями сердец. Иначе как было бы видно, из какой глубины греха и бедствия избавила их благодать Божия? И в самом деле, если бы вся жизнь всех сынов человеческих не была явно раскрыта, не могло бы открыться всё дивное переплетение божественного Промысла, и мы в тысяче случаев всё ещё не могли бы «оправдать перед человеком пути Божии». Если бы слова нашего Господа не исполнились в самом полном смысле, без всякого ограничения: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узнано» (Матф. 10:26), — множество Божиих устроений под солнцем всё ещё казались бы лишёнными оснований. И только тогда, когда Бог выведет на свет всё скрытое во тьме, кто бы ни был участником этих дел, станет видно, что все Его пути были мудры и благи; что Он видел сквозь густое облако и правил всем по премудрому совету Своей воли; что ничто не было оставлено случаю или людскому произволу, но Бог всё устроял могущественно и благостно и всё соединил в единую связную цепь правды, милости и истины.

32 11. И при открытии божественных совершенств праведные возрадуются радостью неизреченной, вовсе не испытывая мучительной скорби или стыда за те прежние преступления, которые давно изгладились, как облако, были омыты кровью Агнца. Для них будет вполне достаточно, что ни одно совершённое ими преступление не будет названо им во вред, что грехи, преступления и

беззакония их не будут более вспомянуты им в осуждение. Таков ясный смысл обетования, и все дети Божии найдут его истинным, к вечному своему утешению.

[33] 12. После суда над праведными Царь обратится к стоящим по левую сторону; и они также будут судимы, каждый по своим делам. Но в расчёт будут приняты не только внешние дела, а и все злые слова, когда-либо произнесённые ими, все злые желания, привязанности, расположения, которые имеют или имели место в их душах, и все злые мысли или замыслы, когда-либо лелеявшиеся в сердцах. Тогда над стоящими справа будет произнесён радостный оправдательный приговор, а над стоящими слева — страшный приговор осуждения; оба должны остаться твёрдыми и непоколебимыми, как престол Божий.

[34] III. 1. В-третьих, мы можем рассмотреть некоторые обстоятельства, которые последуют за всеобщим судом. Первое — исполнение приговора, произнесённого над злыми и добрыми: «И пойдут сии в муку вечную, а праведники — в жизнь вечную». Следует заметить, что и в первой, и во второй части употреблено одно и то же слово. Следовательно, либо наказание длится вечно, либо и награда придёт к концу. Нет, никогда, разве только Сам Бог мог бы прийти к концу или Его милость и истина — прекратиться. «Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» и «будут пить из потоков наслаждения, которые одесную Бога вовек». Но здесь всякое описание недостаточно, всякий человеческий язык бессилен! Только восхищенный до третьего неба может иметь верное понятие об этом. Но даже он не может выразить увиденного: человеку невозможно высказать эти вещи.

35 Нечестивые же будут низвержены в ад, все народы, забывающие Бога. Они «подвергнутся наказанию, вечной погибели от лица Господа и от славы могущества Его». Их «бросят в озеро огненное, горящее серою», первоначально «уготованное дьяволу и ангелам его», где они будут грызть языки от муки и боли, проклинать Бога и взирать вверх. Там адские псы — гордость, злоба, мстительность, ярость, ужас, отчаяние — непрестанно пожирают их. Там «не имеют они покоя ни днём, ни ночью, но дым мучения их восходит во веки веков»! Ибо «червь их не умирает, и огонь не угасает».

36 2. Тогда небеса свернутся, как пергаментный свиток, и прейдут с великим шумом; они «побегут от лица Сидящего на престоле, и не найдётся им места». (Откр. 20:11.) Самый образ их исчезновения открыт нам апостолом Петром: «В день Божий воспламенённые небеса разрушатся». (2 Пет. 3:12.) Всё это прекрасное здание будет ниспровергнуто бушующей стихией, связь всех его частей разрушится, каждый атом будет оторван от других. Тем же огнём «земля и все дела на ней сгорят». (Стих 10.) Огромные создания природы, вечные холмы, горы, бросавшие вызов ярости времени и стоявшие неподвижно столько тысяч лет, низринутся в огненные развалины. Насколько же менее смогут противостоять пламенному завоевателю произведения искусства, пусть самого прочного рода, высшие усилия человеческого труда — гробницы, колонны, триумфальные арки, замки, пирамиды! Всё, всё умрёт, погибнет, исчезнет, как сон по пробуждении!

37 3. Правда, некоторые великие и добрые люди полагали: поскольку для уничтожения вещей требуется та же всемогущая сила, что и для сотворения, — чтобы словом

обратить в ничто или вызвать из ничего, — ни одна часть, ни один атом вселенной не будет совершенно или окончательно уничтожен. Скорее, они предполагают: как последнее действие огня, которое мы доныне могли наблюдать, состоит в обращении в стекло того, что меньшей силой он обращал в пепел, так в назначенный Богом день вся земля, если не также вещественные небеса, претерпит эту перемену, после которой огонь уже не будет иметь над ними власти. И они полагают, что на это указывают слова Откровения, данного святому Иоанну: «Перед престолом было море стеклянное, подобное кристаллу». (Откр. 4:6.) Теперь мы не можем ни утверждать этого, ни отрицать, но впоследствии узнаем.

[38] 4. Если насмешники, мелкие философы, спросят: «Как это может быть? Откуда возьмётся столь безмерное количество огня, чтобы поглотить небеса и весь земноводный шар?» — мы позволим себе прежде напомнить им, что эта трудность свойственна не одной христианской системе. То же мнение почти повсеместно было принято среди *чуждых фанатизму* язычников. Так один из этих знаменитых *вольнодумцев* говорит согласно общепринятому воззрению:

> [39] Esse quoque in fatis reminiscitur, affore tempus,
> Quo mare, quo tellus, correptaque regia coeli
> Ardeat, et mundi moles operosa laboret.

[40] [Ниже приводится перевод Драйденом этой цитаты из Овидия:

> [41] Вспомнив, что судьбою назначено время, когда огонь
> Устремится к зубцам небесных стен,

И весь пылающий горний мир сгорит,
И весь нижний шар обратится в пепел. — Ред.]

[42] Но, во-вторых, даже при нашем скудном и поверхностном знакомстве с природными вещами нетрудно ответить: обильные запасы огня уже приготовлены и сберегаются ко дню Господню. Как скоро посланная Им комета может сойти из самых отдалённых частей вселенной! И если бы на обратном пути от солнца, когда она в несколько тысяч раз горячее раскалённого пушечного ядра, она обрушилась на землю, кто не видит, каково было бы немедленное следствие? Но, не поднимаясь так высоко, в эфирные небеса, разве те же молнии, что «освещают мир», не могли бы по повелению Господа природы принести ему гибель и полное разрушение? Или, не выходя за пределы самого земного шара: кто знает, какие огромные вместилища жидкого огня из века в век заключены в земных недрах? Этна, Гекла, Везувий и все прочие вулканы, изрыгающие пламя и горящие угли, — что они, как не многочисленные свидетельства и устья этих огненных печей, а вместе с тем доказательства, что у Бога приготовлено всё для исполнения Своего слова? Да, даже если бы мы наблюдали лишь поверхность земли и вещи, окружающие нас со всех сторон, совершенно несомненно — как тысяча опытов доказывает вне всякой возможности отрицания, — что мы сами, всё наше тело, полны огня, как и всё вокруг нас. Разве нелегко сделать этот эфирный огонь видимым даже невооружённому глазу и произвести им на горючем веществе те же действия, какие производит кухонный огонь? Нужно ли тогда что-либо ещё, кроме того, чтобы Бог разомкнул тайную цепь, которой эта непреодолимая сила теперь связана и удерживается в покое в каждой

частице вещества? И как скоро она разорвала бы всё мироздание на части и вовлекла всё в общую гибель!

43 5. Есть ещё одно обстоятельство, которое последует за судом и заслуживает нашего серьёзного рассмотрения: «Мы, — говорит апостол, — по обетованию Его ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда». (2 Пет. 3:13.) Обетование содержится в пророчестве Исаии: «Вот, Я творю новое небо и новую землю, и прежнее не будет вспоминаемо» (Ис. 65:17), — столь велика будет слава нового! Их святой Иоанн созерцал в Божиих видениях. «Я увидел, — говорит он, — новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали». (Откр. 21:1.) И только праведность обитала там; поэтому он прибавляет: «И услышал я громкий голос с» третьего «неба, говорящий: „Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог будет с ними и будет их Богом“». (21:3.) Поэтому они все неизбежно будут счастливы: «Отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет». (21:4.) «И ничего уже не будет проклятого; но они узрят лицо Его» (22:3, 4), — получат ближайший доступ к Нему и отсюда высочайшее подобие Ему. Это сильнейшее выражение на языке Писания для обозначения совершеннейшего блаженства. «И имя Его будет на челах их»: они будут открыто признаны собственностью Божией, и Его славная природа самым явным образом воссияет в них. «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков».

44 IV. Остаётся лишь приложить предыдущие рассуждения ко всем, кто здесь пред Богом. И разве нынешнее торжество, столь естественно указывающее нам на день, когда Господь будет судить мир по правде, не ведёт нас прямо к этому? Поэтому оно, напоминая о том более грозном времени, может дать много поучительных уроков. Да будет позволено мне кратко коснуться некоторых из них. Да напишет их Бог на всех наших сердцах!

45 1. Во-первых, как прекрасны ноги посланных мудрым и милостивым Промыслом Божиим творить правосудие на земле, защищать обиженных и наказывать обидчиков! Разве они не Божии служители нам на добро, не главные опоры общественного спокойствия, не покровители невинности и добродетели, не великая защита всех наших временных благ? И разве каждый из них не представляет не только земного государя, но и Судию земли, Того, у Кого «на бедре написано имя: „Царь царей и Господь господствующих“»? О, если бы все эти сыны десницы Всевышнего были святы, как свят Он; мудры мудростью, восседающей у Его престола, подобно Тому, Кто есть вечная Премудрость Отца; нелицеприятны, как Он, воздавая каждому по делам; подобно Ему непреклонно, неумолимо справедливы, хотя сострадательны и исполнены нежной милости! Тогда они будут поистине страшны делающим зло, не напрасно нося меч. Тогда законы нашей страны получат полное действие и должную честь, а престол нашего Короля по-прежнему будет утверждён правдой.

46 2. Вы, истинно достойные люди, которым Бог и Король поручили отправлять правосудие в меньшей степени, — нельзя ли сравнить вас с теми служебными духами,

которые будут сопровождать Судию, грядущего на облаках? Да пламенеете вы, подобно им, любовью к Богу и человеку! Да любите праведность и ненавидите беззаконие! Да служите все каждый в своей области — такую честь Бог даровал и вам — тем, кто будет наследовать спасение, и славе вашего великого Государя! Да останетесь вы устроителями мира, благословением и украшением страны, защитниками виновной земли, ангелами-хранителями всех окружающих!

47 3. Вы, чья должность — исполнять порученное тем, перед кем вы стоите, — как близко вас касается необходимость уподобиться предстоящим лицу Сына Человеческого, тем Его служителям, которые творят угодное Ему и внимают голосу Его слов! Разве не чрезвычайно важно вам быть столь же неподкупными, показать себя служителями Божиими, поступать справедливо, любить милосердие, делать всем то, чего желали бы от них себе? Тогда великий Судия, под Чьим взором вы непрестанно стоите, скажет и вам: «Хорошо, добрые и верные рабы: войдите в радость Господина вашего!»

48 4. Позвольте прибавить несколько слов всем вам, ныне предстоящим пред Господом. Не должны ли вы весь день помнить, что приближается более грозный день? Велико это собрание! Но что оно в сравнении с тем, которое тогда увидит всякий глаз, со всеобщим собранием всех сынов человеческих, когда-либо живших на лице всей земли? Немногие сегодня предстанут пред судилищем, чтобы быть судимыми по предъявленным обвинениям, и теперь содержатся в темнице, быть может, в цепях, пока не будут выведены для суда и приговора. Но все мы — я, говорящий, и вы, слушающие, — «предстанем на суд

Христов». И теперь мы содержимся на этой земле, которая не наш дом, в этой темнице плоти и крови, быть может, многие из нас ещё и в цепях тьмы, пока не будет повелено вывести нас. Здесь человека спрашивают об одном или двух деяниях, которые он предположительно совершил; там нам предстоит дать отчёт обо всех делах, от колыбели до могилы, обо всех словах, обо всех желаниях и расположениях, всех мыслях и намерениях сердец, обо всём употреблении наших различных талантов — ума, тела или состояния, — до того часа, когда Бог сказал: «Дай отчёт в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять». В этом суде некоторые виновные, возможно, избегнут наказания за недостатком доказательств; но в том суде недостатка доказательств нет. Все люди, с которыми вы имели самые тайные сношения, посвящённые во все ваши замыслы и дела, готовы предстать перед вашим лицом. Таковы и все духи тьмы, внушавшие злые замыслы и помогавшие их осуществлять. Таковы и все ангелы Божии, эти очи Господни, обходящие всю землю, которые наблюдали за вашей душой и трудились для вашего блага, насколько вы позволяли. Такова и ваша собственная совесть, тысяча свидетелей в одном, которую теперь уже невозможно ни ослепить, ни заставить молчать, которая вынуждена знать и говорить нагую истину обо всех ваших мыслях, словах и поступках. И совесть — как тысяча свидетелей? Да, но Бог — как тысяча совестей! О, кто может устоять перед лицом великого Бога, нашего Спасителя Иисуса Христа!

[49] Смотрите! Смотрите! Он грядёт! Он делает облака Своими колесницами! Летит на крыльях ветра! Пред Ним идёт огонь поядающий, за Ним пылает пламя! Смотрите! Он восседает на престоле, облечённый светом, как ризою,

облачённый величием и честью! Вот очи Его — как пламень огненный, голос — как шум многих вод!

50 Как вы убежите? Призовёте ли горы пасть на вас, скалы — покрыть вас? Увы, сами горы, скалы, земля, небеса уже готовы убежать! Можете ли предотвратить приговор? Чем? Всем имуществом дома твоего, тысячами золота и серебра? Слепой несчастный! Нагим вышел ты из материнского чрева и ещё более нагим вступаешь в вечность. Услышь Господа, Судию! «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». Радостный звук! Как несходен с голосом, эхом несущимся по просторам неба: «Идите, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его!» И кто может предотвратить или задержать полное исполнение любого из этих приговоров? Напрасная надежда! Вот ад внизу пришёл в движение, чтобы встретить созревших для погибели. И вечные двери поднимают главы, чтобы вошли наследники славы!

51 5. «Какими же надлежит быть нам в святой жизни и благочестии!» Мы знаем: недолго остаётся до того, как Господь сойдёт при гласе архангела и трубе Божией и каждый из нас предстанет пред Ним и даст отчёт в своих делах. «Итак, возлюбленные, ожидая сего», зная, что Он придёт и не замедлит, «потщитесь явиться пред Ним неосквернёнными и непорочными в мире». Почему бы и нет? Почему хоть один из вас должен оказаться по левую сторону при Его явлении? Он не хочет, чтобы кто-нибудь погиб, но чтобы все пришли к покаянию, через покаяние — к вере в истекающего кровью Господа, через веру — к непорочной любви, к полноте образа Божия, обновлённого в сердце и производящего всю святость

поведения. Можете ли сомневаться в этом, помня, что Судия всех есть также Спаситель всех? Разве Он не купил вас собственной кровью, чтобы вы не погибли, но имели жизнь вечную? О, испытайте Его милость, а не правосудие, Его любовь, а не гром Его могущества! Он недалеко от каждого из нас и ныне пришёл не осудить, а спасти мир; Он стоит посреди нас! Грешник, разве Он не стучит теперь, прямо теперь, в дверь твоего сердца? О, если бы ты хотя бы в этот твой день узнал, что служит к твоему миру! О, если бы вы теперь отдали себя Отдавшему Себя за вас — в смиренной вере, в святой, деятельной, терпеливой любви! Тогда вы возрадуетесь великой радостью в Его день, когда Он придёт на облаках небесных.

Средства благодати

[1] «Вы отступили от уставов Моих и не соблюдаете их».

[2] Мал. 3:7.

[3] I. 1. Но существуют ли теперь какие-либо *установления*, после того как жизнь и нетление явлены через благовестие? Есть ли при христианском устроении какие-либо *средства, установленные* Богом как обычные пути сообщения Его благодати? В апостольской Церкви такой вопрос мог бы задать лишь тот, кто открыто признавал себя язычником; ибо все христиане были согласны в том, что Христос установил определённые внешние средства для сообщения Своей благодати человеческим душам. Их неизменная практика ставила это вне всякого сомнения: пока «все верующие были вместе и имели всё общее» (Деян. 2:44), они «постоянно пребывали в учении апостолов, в преломлении хлеба и в молитвах» (Деян. 2:42).

[4] 2. Но с течением времени, когда «во многих охладела любовь», некоторые стали принимать *средства* за *цель* и полагать религию скорее в совершении этих внешних дел, нежели в сердце, обновлённом по образу Божию. Они забыли, что «цель» всякого «увещания есть любовь от чистого сердца» и «нелицемерной веры»; любовь к Господу Богу своему всем сердцем и к ближнему, как к самому себе; очищение от гордости, гнева и злого желания посредством «веры в действие Бога». Другие, по-видимому, воображали, что, хотя религия и не состоит главным образом в этих внешних средствах, в них всё же есть нечто благоугодное Богу; нечто, что позволит им

оставаться приятными в Его очах, хотя бы они и не исполняли точно важнейшего в законе: справедливости, милосердия и любви к Богу.

[5] 3. Очевидно, что у тех, кто так злоупотреблял ими, они не содействовали цели, ради которой были установлены. Напротив, то, что должно было служить их благу, становилось для них поводом к падению. Они были столь далеки от получения через них какого-либо благословения, что лишь навлекали проклятие на собственную голову; столь далеки от возрастания в небесном устроении сердца и жизни, что становились сынами геенны вдвое хуже прежнего. Другие, ясно видя, что эти средства не сообщают благодати Божией тем чадам дьявола, стали выводить из этого частного случая общее заключение: будто они вообще не являются средствами сообщения благодати Божией.

[6] 4. Однако тех, кто *злоупотреблял* установлениями Божиими, было гораздо больше, чем тех, кто *презирал* их, пока не появились некоторые люди не только большого ума, порой соединённого с немалой учёностью, но, по-видимому, и исполненные любви, на опыте познавшие истинную внутреннюю религию. Иные из них были светильниками горящими и светящими, людьми, прославленными в своём поколении и оказавшими великие услуги Церкви Христовой, стоя в проломе против разлива нечестия.

[7] Нельзя предположить, чтобы эти святые и досточтимые мужи первоначально намеревались показать что-либо сверх того, что внешняя религия ничего не стоит без религии сердца; что «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»; что поэтому внешнее богослужение без сердца, преданного Богу, есть

напрасный труд; что внешние Божии установления приносят великую пользу, когда содействуют внутренней святости, но, когда не содействуют ей, бесполезны и пусты, легче самой суеты; более того, когда ими пользуются как бы *вместо* неё, они становятся совершенной мерзостью пред Господом.

[8] 5. И всё же неудивительно, если некоторые из них, глубоко сознавая то ужасное осквернение Божиих установлений, которое распространилось по всей Церкви и едва не изгнало истинную религию из мира, в пламенной ревности о славе Божией и об избавлении душ от этого гибельного заблуждения говорили так, словно внешняя религия совершенно ничто, словно ей вовсе нет места в религии Христовой. Совсем неудивительно, если они не всегда выражались с достаточной осторожностью, так что невнимательные слушатели могли подумать, будто они осуждают все внешние средства как совершенно бесполезные и не предназначенные Богом быть обычными путями сообщения Его благодати человеческим душам.

[9] Даже возможно, что некоторые из этих святых мужей со временем сами пришли к такому мнению; особенно те, кто не по собственному выбору, но по промыслу Божию был лишён всех этих установлений: быть может, скитался без определённого пристанища или обитал в вертепах и ущельях земли. Испытывая в себе благодать Божию, хотя и будучи лишены всех внешних средств, они могли заключить, что та же благодать будет дана и тем, кто намеренно от них воздерживается.

[10] 6. Опыт показывает, как легко это представление распространяется и проникает в человеческие умы, особенно в умы тех, кто вполне пробудился от смертного

сна и начинает ощущать тяжесть своих грехов как бремя невыносимое. Такие люди обыкновенно не могут терпеть своего нынешнего состояния и, испробуя всякий способ выйти из него, всегда готовы ухватиться за что-нибудь новое, за всякое новое обещание облегчения или счастья. Вероятно, они уже испробовали большую часть внешних средств и не нашли в них облегчения; быть может, нашли лишь ещё больше угрызений совести, страха, скорби и осуждения. Поэтому их легко убедить, что лучше воздержаться от всех этих средств. Они уже устали от, по-видимому, напрасной борьбы, от труда среди огня, и потому рады любому предлогу отбросить то, в чём их душа не находит удовольствия, прекратить мучительную борьбу и погрузиться в ленивую бездеятельность.

[11] II. 1. В последующем рассуждении я намерен подробно исследовать, существуют ли какие-либо средства благодати.

[12] Под «средствами благодати» я понимаю внешние знаки, слова или действия, установленные Богом и назначенные Им для того, чтобы служить обычными путями, которыми Он сообщает людям благодать предваряющую, оправдывающую или освящающую.

[13] Я употребляю выражение «средства благодати», потому что не знаю лучшего и потому что оно на протяжении многих веков было общепринятым в христианской Церкви; в частности, в нашей собственной Церкви, которая велит нам благословлять Бога как за средства благодати, так и за надежду славы и учит, что таинство есть «внешний знак внутренней благодати и средство, которым мы её получаем».

[14] Главные из этих средств — молитва, будь то втайне или в великом собрании; исследование Писаний, включающее чтение, слушание и размышление о них; и участие в Вечере Господней, вкушение хлеба и питие вина в воспоминание о Нём. Мы веруем, что они установлены Богом как обычные пути сообщения Его благодати человеческим душам.

[15] 2. Но мы признаём, что вся ценность этих средств зависит от того, насколько они действительно служат цели религии; что, следовательно, все эти средства, отделённые от цели, — меньше, чем ничто и суета; что если они в действительности не содействуют познанию Бога и любви к Нему, то неугодны в Его очах; более того, они мерзость пред Ним, зловоние в ноздрях Его: Ему тяжело нести их. Прежде всего, если их используют как своего рода *замену* религии, которой они призваны служить, нелегко найти слова, чтобы выразить чудовищное безумие и нечестие такого обращения Божия оружия против Него Самого, такого недопущения христианства в сердце при помощи тех самых средств, которые установлены, чтобы вводить его туда.

[16] 3. Мы также признаём, что все без исключения внешние средства, если они отделены от Духа Божия, совершенно бесполезны и ни в какой мере не могут содействовать ни познанию Бога, ни любви к Нему. Несомненно, всякую помощь на земле совершает Он Сам. Он один Своею всемогущей силой производит в нас благоугодное Ему; и все внешние вещи, если Он не действует в них и через них, суть лишь немощные и бедные начала. Поэтому всякий, кто воображает, будто какое-либо средство обладает собственной внутренней силой, весьма заблуждается, не зная ни Писаний, ни силы

Божией. Мы знаем, что ни произносимые в молитве слова, ни читаемая буква Писания, ни слышимый звук его, ни хлеб и вино, принимаемые на Вечере Господней, не обладают присущей им самим силой; что лишь Бог есть Податель всякого благого дара и Источник всякой благодати; что вся сила, которой через какое-либо из этих средств сообщается благословение нашей душе, принадлежит Ему. Мы также знаем, что Он может даровать ту же благодать, хотя бы на всей земле не было никаких средств. В этом смысле мы можем утверждать, что по отношению к Богу средств вовсе не существует, ибо Он одинаково способен совершать всё, что Ему угодно, при помощи любого из них или вовсе без них.

[17] 4. Далее мы признаём, что употребление всех возможных средств никогда не искупит ни одного греха; что только кровью Христовой какой бы то ни было грешник может примириться с Богом, ибо нет иной умилостивительной жертвы за наши грехи, иного источника для омытия греха и нечистоты. Всякий верующий во Христа глубоко убеждён, что заслуги существуют лишь в Нём; что ни в одном из собственных дел верующего нет заслуги: ни в произнесении молитвы, ни в исследовании Писания, ни в слушании слова Божия, ни во вкушении того хлеба и питии той чаши. Поэтому, если употребляемое некоторыми выражение «Христос есть единственное средство благодати» означает лишь то, что Он — единственная причина её дарования по заслуге, никто, познавший благодать Божию, не может возразить против этого.

[18] 5. И ещё раз: мы признаём, хотя это прискорбная истина, что весьма значительная часть тех, кто зовётся христианами, доныне злоупотребляет средствами

благодати на погибель своим душам. Несомненно, так обстоит дело со всеми, кто довольствуется видом благочестия без его силы. Либо они неразумно полагают себя уже христианами, поскольку делают то и другое, хотя Христос ещё никогда не открывался в их сердцах и любовь Божия не изливалась в них; либо предполагают, что непременно станут христианами лишь потому, что употребляют эти средства. Они пусто мечтают, быть может, почти не сознавая этого, либо о том, что в них есть некая *сила*, благодаря которой рано или поздно, сами не зная когда, непременно сделаются святыми; либо о том, что в употреблении их есть некая *заслуга*, которая обязательно побудит Бога даровать им святость или принять их и без неё.

[19] 6. Столь мало понимают они великое основание всего христианского здания: «Благодатью вы спасены». Вы спасены от своих грехов, от их вины и власти, возвращены в Божие благоволение и восстановлены в Его образе не за какие-либо ваши дела, заслуги или достоинства, но по свободной благодати, единственно по милости Божией, через заслуги Его возлюбленного Сына. Вы спасены так не какой-либо силой, мудростью или крепостью, находящейся в вас или в каком-либо другом творении, но единственно благодатью, то есть силой Святого Духа, совершающего всё во всех.

[20] 7. Но остаётся главный вопрос: «Мы знаем, что это спасение — дар и дело Божие; но как мне, — может сказать человек, убеждённый, что ещё не имеет его, — достигнуть его?» Если ты скажешь: «Веруй, и спасёшься!» — он ответит: «Верно; но как мне уверовать?» Ты отвечаешь: «Ожидай Бога». — «Хорошо; но как мне ожидать? Пользуясь средствами благодати или оставив

их? Должен ли я ожидать спасающей благодати Божией, употребляя эти средства или отложив их?»

21 8. Совершенно невозможно представить, чтобы слово Божие не давало никакого наставления в столь важном деле или чтобы Сын Божий, сошедший с небес ради нас, людей, и ради нашего спасения, оставил нас в неопределённости относительно вопроса, столь близко касающегося нашего спасения.

22 И действительно, Он не оставил нас в неопределённости; Он показал нам путь, которым следует идти. Нам нужно лишь обратиться к изречениям Божиим, исследовать, что там написано; и если мы просто будем держаться их решения, никакого сомнения остаться не может.

23 III. 1. Согласно этому, согласно решению Святого Писания, все желающие благодати Божией должны ожидать её в установленных Им средствах, употребляя их, а не откладывая.

24 И прежде всего все желающие благодати Божией должны ожидать её на пути молитвы. Таково прямое повеление Самого нашего Господа. В Своей Нагорной проповеди, подробно объяснив, в чём состоит религия, и описав главные её стороны, Он добавляет: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Матф. 7:7, 8). Здесь самым ясным образом велено просить, чтобы получить, то есть пользоваться прошением как средством получения; искать, чтобы найти благодать Божию, многоценную жемчужину; и стучать, продолжать просить и искать, если желаем войти в Его Царство.

25 2. Чтобы не осталось никакого сомнения, наш Господь особенно настойчиво разъясняет это. Он обращается к собственному сердцу каждого человека: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? Или, когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный», Отец ангелов и людей, Отец духов всякой плоти, «даст блага просящим у Него» (Матф. 7:9–11). Или, как Он выражается в другом случае, соединяя все блага в одном: «Тем более Отец Небесный даст Духа Святого просящим у Него» (Лук. 11:13). Здесь следует особенно заметить, что люди, которым было велено просить, тогда ещё не получили Святого Духа. Тем не менее наш Господь велит им употреблять это средство и обещает, что оно будет действенным; что, прося, они получат Святого Духа от Того, Чьё милосердие простирается на все дела Его. [11]

26 3. Безусловная необходимость употреблять это средство, если мы хотим получить какой-либо дар от Бога, ещё яснее видна из замечательного отрывка, непосредственно предшествующего этим словам. «И сказал им», тем, кого только что учил молиться: «Положим, что кто-нибудь из вас, имея друга, придёт к нему в полночь и скажет ему: друг! дай мне взаймы три хлеба. А тот изнутри скажет ему в ответ: не беспокой меня; не могу встать и дать тебе. Говорю вам: если он не встанет и не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его, встав, даст ему, сколько просит. И Я скажу вам: просите, и дано будет вам» (Лук. 11:5, 7–9). «Если он не даст ему по дружбе с ним, то по неотступности его встанет и даст ему, сколько просит». Как мог бы наш благословенный Господь яснее объявить,

что этим средством, неотступной просьбой, мы можем получить от Бога то, чего иначе совсем не получили бы?

[27] 4. «Сказал также другую притчу о том, что должно всегда молиться и не унывать», пока через это средство они не получат от Бога всего, чего просили у Него: «В одном городе был судья, который Бога не боялся и людей не стыдился. В том же городе была вдова, и она, приходя к нему, говорила: защити меня от соперника моего. Но он долгое время не хотел. А после сказал сам в себе: хотя я и Бога не боюсь и людей не стыжусь, но, как эта вдова не даёт мне покоя, защищу её, чтобы она не приходила больше докучать мне» (Лук. 18:1–5). Применение этой притчи сделал Сам наш Господь: «Слышите, что говорит судья неправедный!» Поскольку она продолжает просить, поскольку не принимает отказа, я защищу её. «Бог ли не защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь? Сказываю вам, что подаст им защиту вскоре», если они будут молиться и не унывать.

[28] 5. Столь же полное и определённое повеление ожидать Божиих благословений в уединённой молитве вместе с прямым обещанием, что этим средством мы получим просимое устами нашими, Он дал нам в хорошо известных словах: «Войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно» (Матф. 6:6).

[29] 6. Если какое-либо наставление может быть ещё яснее, то это данное нам Богом через апостола относительно всякой молитвы, общественной или уединённой, и связанного с ней благословения: «Если же у кого из вас недостаёт мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто» — если просят; иначе «не имеете, потому что не

просите» (Иак. 4:2), — «и без упрёков, и дастся ему» (Иак. 1:5).

30 Если возразят: «Но это наставление не для неверующих, не для тех, кто не знает прощающей благодати Божией; ибо апостол добавляет: “Но да просит с верою”; иначе “да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа”», — я отвечу: значение слова *вера* в этом месте определено самим апостолом в последующих словах, словно нарочно для устранения такого возражения: «Да просит с верою, нимало не колеблясь», нимало *не сомневаясь*, meden dikrinomenos. Не сомневаясь, что Бог слышит его молитву и исполнит желание его сердца.

31 Грубая, богохульная нелепость предположения, будто *вера* здесь понимается в полном христианском смысле, видна из следующего. Это значило бы предполагать, что Святой Дух велит человеку, который знает, что не имеет веры, здесь именуемой *мудростью*, просить её у Бога с прямым обещанием, что она будет ему дана, — а затем немедленно добавляет, что она не будет ему дана, если он не имел её ещё до того, как попросил! Но кто может вынести подобное предположение? Поэтому из этого места Писания, как и из приведённых выше, следует заключить, что все желающие благодати Божией должны ожидать её на пути молитвы.

32 7. Во-вторых. Все желающие благодати Божией должны ожидать её в исследовании Писаний.

33 Повеление нашего Господа относительно употребления этого средства также просто и ясно. «Исследуйте Писания, — говорит Он неверующим иудеям, — ибо они свидетельствуют о Мне» (Иоан. 5:39). Именно для того Он

и велел им исследовать Писания, чтобы они уверовали в Него.

34 Возражение, будто «это не повеление, а лишь утверждение, что они исследовали Писания», есть бесстыдная ложь. Я желал бы, чтобы выдвигающие его объяснили нам, как можно выразить повеление яснее, чем словами ereunate tas graphas. Оно столь категорично, сколь только могут выразить эти слова.

35 А какое Божие благословение сопровождает употребление этого средства, видно из повествования о верийцах, которые, выслушав святого Павла, «ежедневно разбирали Писания, точно ли это так. И многие из них уверовали»; нашли благодать Божию на установленном Им пути (Деян. 17:11, 12).

36 Правда, вероятно, что у некоторых из тех, кто «принял слово со всем усердием», «вера пришла», по выражению того же апостола, «от слышания» и лишь укрепилась через чтение Писаний. Но выше уже было замечено, что общее выражение «исследование Писаний» включает и слушание, и чтение, и размышление.

37 8. А что это средство, которым Бог не только дарует, но и утверждает и умножает истинную мудрость, мы узнаём из слов святого Павла Тимофею: «Ты из детства знаешь священные Писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса» (2 Тим. 3:15). Та же истина, а именно что это великое средство, установленное Богом для сообщения человеку Его многообразной благодати, выражена самым полным из мыслимых способов в непосредственно следующих словах: «Всё Писание богодухновенно» — следовательно, всё Писание непогрешимо истинно — «и полезно для научения, для

обличения, для исправления, для наставления в праведности», с тем «да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен» (2 Тим. 3:16, 17).

[38] 9. Следует заметить, что это сказано прежде всего и непосредственно о Писаниях, которые Тимофей знал с детства, то есть, несомненно, о Ветхом Завете, ибо Новый тогда ещё не был написан. Как же далёк был святой Павел, который «ни в чём не уступал высшим апостолам», а следовательно, полагаю, и любому человеку, ныне живущему на земле, от пренебрежения Ветхим Заветом! Взгляните на это, чтобы однажды не «удивиться и исчезнуть», вы, столь мало ценящие половину изречений Божиих! И притом ту половину, о которой Святой Дух прямо объявляет, что она «полезна» как установленное Богом средство именно «для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности», с тем «да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен».

[39] 10. Полезно же это не только людям Божиим, тем, кто уже ходит во свете лица Его, но и тем, кто ещё во тьме и ищет Того, Кого не знает. Так говорит святой Пётр: «И притом мы имеем вернейшее пророческое слово»; буквально: «И мы имеем пророческое слово более твёрдым», Kai echomen bebaioteron ton prophetikon logon, подтверждённым тем, что мы были очевидцами Его величия и слышали голос, нисшедший от великолепной славы; и к этому пророческому слову — так он называет Священное Писание — «вы хорошо делаете, что обращаетесь, как к светильнику, сияющему в тёмном месте, доколе не начнёт рассветать день и не взойдёт утренняя звезда в сердцах ваших» (2 Пет. 1:19). Поэтому

пусть все желающие, чтобы тот день воссиял в их сердцах, ожидают его в исследовании Писаний.

40 11. В-третьих. Все желающие умножения благодати Божией должны ожидать его, участвуя в Вечере Господней, ибо и это — повеление, данное Им Самим. «В ту ночь, в которую предан был, Он взял хлеб и, преломив, сказал: приимите, ядите; сие есть Тело Моё», то есть священный знак Моего Тела; «сие творите в Моё воспоминание». Также «взял чашу, говоря: сия чаша есть новый завет», или союз, «в Моей Крови», священный знак этого завета; «сие творите в Моё воспоминание». «Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьёте чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он придёт» (1 Кор. 11:23). Посредством этих видимых знаков вы открыто представляете её пред Богом, ангелами и людьми; выражаете своё торжественное воспоминание о Его смерти, доколе Он не придёт на облаках небесных.

41 Только пусть сначала «испытывает себя человек», понимает ли он природу и назначение этого святого установления и действительно ли желает сам сообразоваться смерти Христовой; и так, нимало не сомневаясь, «пусть ест от хлеба сего и пьёт из чаши сей» (1 Кор. 11:28).

42 Итак, здесь повеление, первоначально данное нашим Господом, прямо повторяется апостолом: «Пусть ест; пусть пьёт», esthieto, pineto — оба глагола стоят в повелительном наклонении. Эти слова означают не одно лишь разрешение, но ясное, прямое повеление; повеление всем тем, кто либо уже исполнен мира и радости в вере, либо может искренне сказать: «Воспоминание о грехах наших тяжко нам, бремя их невыносимо».

[43] 12. А что это также обычное, постоянно установленное средство получения благодати Божией, ясно из слов апостола в предшествующей главе: «Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение», или *сообщение*, «Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?» (1 Кор. 10:16). Разве вкушение этого хлеба и питие этой чаши не есть внешнее, видимое средство, которым Бог сообщает нашим душам всю ту духовную благодать, ту праведность, мир и радость во Святом Духе, которые приобретены однажды преломлённым за нас Телом Христовым и однажды пролитой за нас Его Кровью? Поэтому пусть все истинно желающие благодати Божией едят от этого хлеба и пьют из этой чаши.

[44] IV. 1. Но как бы ясно Бог ни указал путь, на котором следует искать Его, бесчисленны возражения, которые люди, мудрые в собственных глазах, время от времени выдвигали против него. Возможно, следует рассмотреть некоторые из них: не потому, что они сами по себе весомы, а потому, что ими столь часто, особенно в последние годы, пользовались, чтобы свести хромлющих с пути и даже смутить и опрокинуть тех, кто бежал хорошо, пока сатана не явился в виде ангела света.

[45] Первое и главное из них таково: «Вы не можете употреблять эти средства, как вы их называете, не *полагаясь* на них». Скажите, прошу вас, где это написано? Я ожидаю, что вы укажете мне ясное место Писания в подтверждение своего утверждения; иначе я не смею его принять, ибо не убеждён, что вы мудрее Бога.

[46] Если бы дело действительно обстояло так, как вы утверждаете, Христос, несомненно, знал бы это. И если бы Он это знал, то, конечно, предостерёг бы нас, давно

открыл бы нам это. Поэтому, поскольку Он этого не сделал, поскольку во всём откровении Иисуса Христа нет ни йоты подобного, я столь же твёрдо уверен в ложности вашего утверждения, сколь в том, что это откровение — от Бога.

47 «Однако оставь их на короткое время, чтобы увидеть, полагался ли ты на них или нет». Значит, я должен ослушаться Бога, чтобы узнать, полагаюсь ли я на своё послушание Ему! И вы признаёте такой совет своим? Вы сознательно учите «делать зло, чтобы вышло добро»? О, трепещите пред Божиим приговором таким учителям! «Праведен суд на таковых».

48 «Нет, если, оставив их, ты тревожишься, то ясно, что ты на них полагался». Совсем нет. Если я тревожусь, когда намеренно ослушиваюсь Бога, то ясно, что Его Дух ещё борется со мною; но если я не тревожусь при намеренном грехе, то ясно, что я предан превратному уму.

49 Но что вы подразумеваете под словами *«полагаться* на них»? Ожидать через них Божия благословения? Верить, что, ожидая на этом пути, я достигну того, чего иначе не достиг бы? Да, я именно так и поступаю. И с Божией помощью буду поступать так до конца своей жизни. По благодати Божией я буду *так* полагаться на них до дня моей смерти; то есть буду верить, что Бог верен исполнить всё, что обещал. И поскольку Он обещал благословить меня на этом пути, я *уповаю*, что будет по Его слову.

50 2. Во-вторых, возражали: «Это значит искать спасения делами». Знаете ли вы смысл употребляемого вами выражения? Что значит искать спасения делами? В писаниях святого Павла это означает либо искать

спасения соблюдением обрядовых дел Моисеева закона, либо ожидать спасения ради собственных дел, по заслуге своей праведности. Но каким образом то или другое заключено в том, что я ожидаю на установленном Богом пути и надеюсь, что Он встретит меня там, поскольку обещал это сделать?

[51] Я действительно ожидаю, что Он исполнит Своё слово, встретит и благословит меня на этом пути. Однако не ради каких-либо совершённых мною дел и не по заслуге моей праведности, но единственно через заслуги, страдания и любовь Его Сына, в Котором всегда Его благоволение.

[52] 3. В-третьих, горячо возражали, что «Христос — единственное средство благодати». Отвечаю: это просто игра словами. Объясните своё выражение, и возражение исчезнет. Говоря: «Молитва — средство благодати», мы разумеем путь, через который сообщается благодать Божия. Говоря: «Христос — средство благодати», вы разумеете единственную цену её приобретения и Того, Кто её приобрёл; или то, что «никто не приходит к Отцу, как только через Него». И кто это отрицает? Но это совершенно не относится к нашему вопросу.

[53] 4. «Но разве Писание, — возражали, в-четвёртых, — не велит нам *ожидать* спасения? Разве Давид не говорит: “Душа моя ожидает Бога, ибо от Него спасение моё”? И разве Исаия не учит нас тому же, говоря: “Господи, мы уповали на Тебя”?» Всё это неоспоримо. Поскольку спасение — дар Божий, мы, несомненно, должны *ожидать* его от Него. Но как нам ожидать? Если Сам Бог назначил путь, можете ли вы найти лучший способ ожидать Его? А что Он назначил путь и каков этот путь, уже было подробно показано. Сами слова пророка,

которые вы приводите, решают этот вопрос. Ибо вся фраза звучит так: «На пути судов Твоих», или установлений Твоих, «Господи, мы уповали на Тебя» (Ис. 26:8). И на том же самом пути ожидал Давид, о чём обильно свидетельствуют его собственные слова: «Я ожидал спасения Твоего, Господи, и исполнял закон Твой. Научи меня, Господи, пути уставов Твоих, и я буду держаться его до конца».

54 5. «Да, — говорят некоторые, — но Бог назначил иной путь: “Стойте и увидите спасение Божие”».

55 Рассмотрим места Писания, на которые вы ссылаетесь. Первое из них вместе с ближайшим контекстом звучит так:

56 «И когда фараон приблизился, сыны Израилевы оглянулись и весьма устрашились. И сказали Моисею: разве нет гробов в Египте, что ты привёл нас умирать в пустыне? И сказал Моисей народу: не бойтесь, стойте и увидите спасение Господне. И сказал Господь Моисею: скажи сынам Израилевым, чтобы они шли вперёд. А ты подними жезл твой и простри руку твою на море, и раздели его; и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше» (Исх. 14:10).

57 Вот каково было *спасение Божие*, которое они *стоя* увидели, *идя вперёд* изо всех сил!

58 Другое место, в котором встречается это выражение, гласит: «И пришли и донесли Иосафату, говоря: идёт на тебя множество великое из-за моря. И убоялся Иосафат и обратил лицо своё взыскать Господа, и объявил пост по всей Иудее. И собрались иудеи просить помощи у Господа; из всех городов пришли они искать Господа. И стал Иосафат в собрании, в доме Господнем. Тогда на

Иозиила сошёл Дух Господень. И сказал он: не ужасайтесь множества сего великого. Завтра выступите против них. Не вам сражаться в сей битве; станьте, стойте и смотрите на спасение Господне. И встали рано утром, и выступили. И когда они начали восклицать и славословить, Господь возбудил засаду против сынов Моава, Аммона и горы Сеира; и стали они истреблять друг друга» (2 Пар. 20:2).

59 Таково было спасение, которое увидели сыны Иуды. Но каким образом всё это доказывает, будто нам не следует ожидать благодати Божией в установленных Им средствах?

60 6. Я упомяну лишь ещё одно возражение, которое, строго говоря, не относится к этому вопросу; однако, поскольку его столь часто выдвигали, я не могу совсем обойти его.

61 «Разве святой Павел не говорит: “Если вы со Христом умерли, то для чего вы подчиняетесь постановлениям?” (Кол. 2:20). Следовательно, христианину, умершему со Христом, больше не нужно пользоваться установлениями».

62 Итак, вы говорите: «Если я христианин, то не подчиняюсь установлениям Христа!» Конечно, сама нелепость этого должна с первого взгляда показать вам, что упомянутые здесь установления не могут быть установлениями Христа; что это непременно иудейские постановления, которым христианин, несомненно, больше не подчиняется.

63 То же самое неопровержимо явствует из непосредственно следующих слов: «Не прикасайся, не

вкушай, не дотрагивайся»; все они явно относятся к древним постановлениям иудейского закона.

64 Таким образом, это возражение — самое слабое из всех. И вопреки всем им великая истина должна остаться непоколебимой: все желающие благодати Божией должны ожидать её в установленных Им средствах.

65 V. 1. Но если признано, что все желающие благодати Божией должны ожидать её в установленных Им средствах, всё ещё можно спросить, как следует пользоваться этими средствами — каков порядок и каков образ их употребления.

66 Что касается первого, можно заметить, что существует своего рода порядок, в котором Сам Бог обыкновенно благоволит употреблять эти средства, приводя грешника ко спасению. Некий отупевший, бесчувственный несчастный идёт своим путём, вовсе не помышляя о Боге, когда Бог неожиданно посещает его: быть может, посредством пробуждающей проповеди или беседы; быть может, посредством грозного события Своего промысла; а возможно, непосредственным ударом Своего обличающего Духа, без всяких внешних средств. Теперь, возжелав бежать от грядущего гнева, он намеренно идёт *слушать*, как это сделать. Если он находит проповедника, говорящего к сердцу, то поражается и начинает исследовать Писания: так ли это? Чем больше он *слышит* и *читает*, тем глубже его обличение и тем больше он размышляет об этом день и ночь. Быть может, он находит и другую книгу, которая объясняет и усиливает услышанное им и прочитанное в Писании. И всеми этими средствами стрелы обличения всё глубже проникают в его душу. Он начинает также *говорить* о Божиих вещах, которые неизменно занимают первое место в его мыслях;

и даже говорить с Богом, *молиться* Ему, хотя от страха и стыда почти не знает, что сказать. Но может он говорить или нет, он не может не молиться, хотя бы лишь «воздыханиями неизреченными». Однако, сомневаясь, призрит ли «Высокий и Превознесённый, вечно Живущий» на такого грешника, как он, он желает молиться с теми, кто знает Бога, с верными в великом собрании. Но здесь он замечает, что другие подходят к трапезе Господней. Он размышляет: «Христос сказал: “Сие творите!” Почему же я этого не делаю? Я слишком великий грешник. Я не готов. Я недостоин». Некоторое время поборовшись с этими сомнениями, он преодолевает их. И так продолжает идти Божиим путём: слушать, читать, размышлять, молиться и участвовать в Вечере Господней, пока Бог, как Ему угодно, не скажет его сердцу: «Вера твоя спасла тебя. Иди с миром».

[67] 2. Наблюдая этот Божий порядок, мы можем научиться, какие средства советовать той или иной душе. Если какое-нибудь из них и достигнет отупевшего, беспечного грешника, то, вероятно, слушание или беседа. Их и можно посоветовать такому человеку, если у него вообще возникает мысль о спасении. Для того, кто начинает чувствовать тяжесть своих грехов, средством более глубокого обличения может послужить не только слушание слова Божия, но и чтение его, а быть может, и других серьёзных книг. Разве не можете вы посоветовать ему также размышлять о прочитанном, чтобы оно со всей силой воздействовало на его сердце? Да, и говорить об этом, не стыдясь, особенно среди тех, кто идёт тем же путём. Когда его охватят скорбь и уныние, не следует ли вам горячо увещевать его излить душу пред Богом, «всегда молиться и не унывать»? А когда он почувствует ничтожность собственных молитв, не должны ли вы

содействовать Богу и напомнить ему, чтобы он пошёл в дом Господень и молился со всеми боящимися Его? Если же он это сделает, то вскоре ему вспомнится предсмертное слово его Господа: ясное указание, что настало время поддержать побуждения благословенного Духа. Так мы можем вести его шаг за шагом через все средства, установленные Богом, — не по собственной воле, но именно так, как промысл и Дух Божий идут впереди и открывают путь.

[68] 3. Однако, как в Святом Писании мы не находим повеления соблюдать здесь какой-либо определённый порядок, так и промысл и Дух Божий не придерживаются какого-либо одного порядка неизменно; напротив, средства, к которым приводятся разные люди и в которых они находят Божие благословение, изменяются, переставляются и соединяются между собою тысячью различных способов. И всё же наша мудрость — следовать водительству Его промысла и Его Духа; руководствоваться в этом, особенно в выборе средств, через которые мы сами ищем благодати Божией, отчасти Его внешним промыслом, дающим нам возможность пользоваться то одним средством, то другим, отчасти нашим опытом того, через какое средство Его свободный Дух благоволит сильнее всего действовать в нашем сердце. Между тем несомненное и общее правило для всех воздыхающих о Божием спасении таково: всякий раз, когда представляется возможность, пользуйся всеми средствами, установленными Богом, ибо кто знает, в каком из них Бог встретит тебя со спасающей благодатью?

[69] 4. Что касается образа употребления этих средств, от которого, собственно, всецело зависит, сообщат ли они

употребляющему их какую-либо благодать, то прежде всего надлежит всегда сохранять живое сознание того, что Бог выше всех средств. Итак, остерегайся ограничивать Всемогущего. Он совершает всё, что Ему угодно, и тогда, когда Ему угодно. Он может сообщить Свою благодать как в любом из установленных Им средств, так и вне его. Быть может, так Он и сделает. «Кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» Поэтому каждое мгновение ожидай Его явления! Будет ли это в час, когда ты исполняешь Его установления, или прежде этого часа, или после него, или когда тебе препятствуют исполнять их, — Ему препятствия нет. Он всегда готов, всегда силен, всегда желает спасти. «Он — Господь; пусть творит, что Ему угодно!»

70 Во-вторых. Прежде чем употребить какое-либо средство, глубоко запечатлей в своей душе: в нём нет *силы*. Само по себе оно — нечто бедное, мёртвое, пустое; отделённое от Бога, оно сухой лист, тень. Нет и никакой *заслуги* в том, что я употребляю его; ничего самого по себе угодного Богу; ничего, чем я заслуживал бы какую-либо милость из Его рук, даже каплю воды, чтобы охладить мой язык. Но я делаю это потому, что Бог повелевает; потому что Он велит мне ожидать на этом пути, здесь я и ожидаю Его свободной милости, от которой приходит моё спасение.

71 Утверди в своём сердце, что *opus operatum*, одно лишь *совершённое дело*, не приносит пользы; что *сила* спасать есть только в Духе Божием, а *заслуга* — только в Крови Христовой; что, следовательно, даже установленное Богом не сообщает душе благодати, если ты не уповаешь на Него одного. С другой стороны, истинно уповающий на Него не останется лишённым благодати Божией, хотя бы

был отрезан от всякого внешнего установления, хотя бы был заключён в самом центре земли.

72 В-третьих. Употребляя все средства, ищи одного лишь Бога. Во всём внешнем и через него взирай только на *силу* Его Духа и *заслуги* Его Сына. Остерегайся останавливаться на самом *деле*; если остановишься, весь труд будет потерян. Ничто меньшее, чем Бог, не может насытить твоей души. Поэтому взирай на Него во всём, через всё и превыше всего.

73 Помни также, что всеми средствами нужно пользоваться *как средствами*: они установлены не ради них самих, но ради обновления твоей души в праведности и истинной святости. Поэтому, если они действительно ведут к этому, хорошо; если же нет, то они навоз и сор.

74 Наконец. Употребив какое-либо из этих средств, остерегайся высоко ценить себя за это, поздравлять себя, словно ты совершил нечто великое. Это превращает всё в яд. Подумай: «Если Бога там не было, какая польза от этого? Не прибавлял ли я грех ко греху? Доколе? Господи! Спаси, или я погибну! О, не вмени мне этого греха!» Если Бог был там, если Его любовь излилась в твоё сердце, ты как бы забыл о внешнем деле. Ты видишь, ты знаешь, ты чувствуешь: Бог — всё во всём. Смирись. Пади пред Ним. Воздай Ему всю хвалу. «Да прославится Бог во всём через Иисуса Христа». Пусть все кости твои воскликнут: «Всегда буду воспевать милости Господни; устами моими буду возвещать истину Твою из поколения в поколение!»

Обрезание сердца

[1] Произнесено в церкви Святой Марии в Оксфорде перед университетом 1 января 1733 года.

[2] «Обрезание — то, которое в сердце, по духу, а не по букве».

[3] Рим. 2:29.

[4] 1. Один превосходный человек с прискорбием заметил, что тот, кто ныне проповедует самые существенные обязанности христианства, рискует прослыть у значительной части слушателей «проповедником новых учений». Большинство людей настолько *изжило* из себя самую сущность религии, исповедание которой всё ещё сохраняет, что, едва им предлагают какую-либо из истин, отличающих Дух Христов от духа мира, они восклицают: «Ты приносишь нечто странное в уши наши; хотим знать, что это такое!» Хотя им проповедуют лишь «Иисуса и воскресение» с необходимым следствием: если Христос воскрес, то вам надлежит умереть для мира и жить всецело для Бога.

[5] 2. Это тяжёлое слово для душевного человека, который жив для мира и мёртв для Бога; и его нелегко убедить принять это слово как Божию истину, если только толкование не смягчит его настолько, что от него не останется ни пользы, ни смысла. Он «не принимает» слов «Духа Божия», взятых в их простом и очевидном значении; «они безумие для него, и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно». Они постигаются лишь тем духовным чувством, которое в нём

ещё никогда не пробуждалось; и за недостатком его он неизбежно отвергает как праздные человеческие фантазии то, что есть и мудрость, и сила Божия.

6 3. Что «обрезание — то, которое в сердце, по духу, а не по букве»; что отличительный признак истинного последователя Христа, человека, пребывающего в Божием благоволении, есть не внешнее обрезание, не крещение и не какая-либо иная внешняя форма, а правильное устроение души, ум и дух, обновлённые по образу Сотворившего их, — это одна из тех важных истин, о которых можно судить лишь духовно. Сам апостол указывает на это в следующих словах: «Ему и похвала не от людей, но от Бога». Как если бы он сказал: «Кто бы ты ни был, следующий таким образом за своим великим Учителем, не ожидай, что мир, люди, не следующие за Ним, скажет тебе: “Хорошо, добрый и верный раб!” Знай, что обрезание сердца, печать твоего призвания, для мира есть безумие. Будь доволен тем, чтобы ждать похвалы до дня явления твоего Господа. В тот день ты получишь похвалу от Бога в великом собрании людей и ангелов». [12]

7 Я намерен, во-первых, подробно исследовать, в чём состоит это обрезание сердца; и, во-вторых, привести некоторые размышления, естественно возникающие из такого исследования.

8 I. 1. Прежде всего мне предстоит исследовать, в чём состоит то обрезание сердца, которое получит похвалу от Бога. В общем можно заметить, что это постоянное расположение души, именуемое в Священных Писаниях святостью; оно прямо предполагает очищение от греха, «от всякой скверны плоти и духа», а следовательно, наделение теми добродетелями, которые были и во

Христе Иисусе; такое «обновление духом ума нашего», при котором мы становимся «совершенными, как совершен Отец наш Небесный».

[9] 2. Говоря точнее, обрезание сердца включает смирение, веру, надежду и любовь. Смирение, правильное суждение о самих себе, очищает наш ум от высокого мнения о собственном совершенстве, от чрезмерной оценки своих способностей и достижений — естественных плодов повреждённой природы. Оно совершенно отсекает тщеславную мысль: «Я богат, мудр и ни в чём не имею нужды» — и убеждает нас, что по природе мы несчастны, бедны, жалки, слепы и наги. Оно убеждает нас, что даже в лучшем своём состоянии сами по себе мы — один лишь грех и суета; что смятение, невежество и заблуждение царят в нашем разумении; что неразумные, земные, чувственные, бесовские страсти захватили власть над нашей волей; одним словом, что в нашей душе нет ни одного здорового места, что все основания нашего естества расшатаны.

[10] 3. В то же время мы убеждаемся, что сами не способны помочь себе; что без Духа Божия можем лишь прибавлять грех ко греху; что Он один Своей всемогущей силой производит в нас и желание, и совершение добра; ибо без сверхъестественной помощи Его Духа нам столь же невозможно помыслить хотя бы одну добрую мысль, как сотворить самих себя или обновить всю свою душу в праведности и истинной святости.

[11] 4. Верное следствие такого правильного суждения о греховности и беспомощности нашей природы — равнодушие к «чести, приходящей от человека», которую обыкновенно воздают какому-либо предполагаемому превосходству в нас. Знающий себя не желает и не ценит

похвалы, которой, как он знает, не заслуживает. Поэтому для него «очень мало значит быть судимым человеческим судом». Сопоставляя то, что мир говорил за него или против него, с тем, что он ощущает в собственной груди, он имеет все основания думать, что мир, как и бог мира сего, был «лжецом от начала». Даже в отношении тех, кто не от мира: хотя он предпочёл бы, если такова воля Божия, чтобы они считали его человеком, желающим оказаться верным управителем достояния своего Господа, — если это могло бы помочь ему стать полезнее своим соработникам, — однако, поскольку это единственная цель, ради которой он желает их одобрения, он вовсе на него не опирается. Ибо он уверен: чего бы Бог ни пожелал, у Него никогда не будет недостатка в орудиях исполнения, так как Он может и из этих камней воздвигнуть рабов, исполняющих Его волю.

12 5. Таково смиренномудрие, которому научились у Христа следующие Его примеру и идущие по Его стопам. И это познание своей болезни, всё более очищающее их от одной её части — гордости и тщеславия, — располагает их охотно принять второе, заключённое в обрезании сердца: ту веру, которая одна способна исцелить их, которая есть единственное данное под небом лекарство от их болезни.

13 6. Лучший вождь слепых, вернейший свет для находящихся во тьме, совершеннейший наставник неразумных — вера. Но это должна быть вера, «сильная Богом на разрушение твердынь»: на ниспровержение всех предрассудков повреждённого разума, всех ложных правил, почитаемых среди людей, всех злых обычаев и привычек, всей той «мудрости мира, которая есть безумие пред Богом»; вера, «ниспровергающая замыслы»,

рассуждения, «и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяющая всякое помышление в послушание Христу».

[14] 7. «Всё возможно» так «верующему». Поскольку «очи его разумения просвещены», он видит, к чему призван: прославлять Бога, купившего его столь высокой ценой, в своём теле и своём духе, которые ныне принадлежат Богу по праву искупления, как и по праву сотворения. Он чувствует «безмерное величие силы Его», Который, как воскресил Христа из мёртвых, так способен оживить и нас, мёртвых во грехе, «Духом Своим, живущим в нас». «Сия есть победа, победившая мир, вера наша»: та вера, которая есть не только непоколебимое согласие со всем, что Бог открыл в Писании, в особенности с важными истинами: «Иисус Христос пришёл в мир спасти грешников»; «Он грехи наши Сам вознёс Телом Своим на древо»; «Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира», — но также откровение Христа в наших сердцах; божественное свидетельство, или убеждённость, в Его любви, в Его свободной, незаслуженной любви ко мне, грешнику; твёрдая уверенность в Его прощающей милости, произведённая в нас Святым Духом; уверенность, благодаря которой всякий истинно верующий может засвидетельствовать: «Я знаю, Искупитель мой жив»; у меня есть «Ходатай пред Отцом», и «Иисус Христос, Праведник» — мой Господь и «умилостивление за мои грехи». Я знаю, что Он «возлюбил меня и предал Себя за меня»; что Он примирил меня, именно меня, с Богом; и я «имею искупление Кровью Его, прощение грехов».

[15] Примечание. Следующая часть этого абзаца ныне добавлена к проповеди, произнесённой прежде.

16 8. Такая вера непременно явит силу Внушающего её, избавляя Его детей от ига греха и «очищая их совесть от мёртвых дел»; укрепляя их так, что они более не вынуждены повиноваться греху в его похотях, но, вместо того чтобы «предавать ему члены свои в орудия неправедности», ныне всецело «предают себя Богу, как ожившие из мёртвых».

17 9. Рождённые таким образом от Бога через веру имеют также крепкое утешение в надежде. Это следующее, что заключено в обрезании сердца: свидетельство их собственного духа вместе с Духом, свидетельствующим в их сердцах, что они — дети Божии. Именно тот же Дух производит в них ясную и радостную уверенность, что сердце их право пред Богом; благую убеждённость, что они ныне по Его благодати делают угодное в Его очах; что ныне идут путём, ведущим к жизни, и по милости Божией пребудут на нём до конца. Он даёт им живое ожидание всякого блага из Божиих рук, радостное предвкушение венца славы, сохраняемого для них на небесах. Этим якорем христианин удерживается твёрдо среди волн тревожного мира и ограждается от столкновения с любой из двух гибельных скал — самонадеянностью или отчаянием. Его не приводит в уныние ложно понятая строгость его Господа, но он и не «пренебрегает богатством Его благости». Он не считает трудности предлежащего ему поприща большими, чем имеющиеся у него силы их преодолеть, но и не ожидает, что они окажутся столь малы, что уступят ему победу, прежде чем он приложит все свои силы. Уже приобретённый им опыт христианской брани, убеждая его, что «труд его не тщетен», если «всё, что рука его находит делать, он делает по силам своим», вместе с тем не позволяет ему питать пустую мысль, будто можно иначе достичь

какого-либо успеха; будто малодушные сердца и слабые руки могут явить какую-либо добродетель или заслужить похвалу; или будто на это способен кто-нибудь, кроме идущих тем же путём, что великий апостол язычников: «Я, — говорит он, — бегу не так, как на неверное; бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю и порабощаю тело моё, дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным». 10. Тем же упражнением всякий добрый воин Христов должен приучать себя переносить тяготы. Утверждённый и укреплённый им, он сможет отречься не только от дел тьмы, но и от всякого влечения и всякого чувства, не покоряющегося закону Божию. Ибо «всякий, — говорит святой Иоанн, — имеющий сию надежду, очищает себя, как Он чист». Его ежедневная забота — по благодати Божией во Христе и через кровь завета очищать сокровеннейшие глубины души от прежде владевших ею и осквернявших её похотей; от нечистоты, зависти, злобы и гнева; от всякой плотской страсти и расположения, которые либо возникают из его врождённой испорченности, либо питают её. Он хорошо знает, что тот, чьё даже тело есть храм Божий, не должен допускать в него ничего скверного или нечистого и что дому, в котором Дух святости благоволит обитать, вовеки приличествует святость. 11. Однако одного тебе ещё недостаёт, кто бы ты ни был, соединивший с глубоким смирением и твёрдой верой живую надежду и тем в значительной мере очистивший своё сердце от врождённой скверны. Если хочешь быть совершенным, прибавь ко всему этому любовь; прибавь любовь — и будешь иметь обрезание сердца. «Любовь есть исполнение закона, цель увещания». Весьма превосходное говорится о любви: она — сущность, дух, жизнь всякой добродетели. Это не только первая и

величайшая заповедь, но все заповеди в одной. «Что только справедливо, что чисто, что любезно» или досточтимо, «что только добродетель и похвала», — всё заключено в одном этом слове: любовь. В ней совершенство, слава и счастье. Царский закон неба и земли таков: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостью твоею». 12. Это не значит, что нам запрещено любить что-либо, кроме Бога: это подразумевает, что мы любим и брата своего. Не запрещено нам и находить удовольствие в чём-либо, кроме Бога, как некоторые странным образом вообразили. Предполагать это — значит предполагать, что Источник святости Сам прямо является виновником греха, ибо Он неразрывно связал удовольствие с употреблением тех творений, которые необходимы для поддержания дарованной Им жизни. Поэтому таков смысл Его повеления быть не может. Наш благословенный Господь и Его апостолы слишком часто и слишком ясно говорят нам о его подлинном смысле, чтобы можно было их не понять. Все они единогласно свидетельствуют, что истинный смысл различных изречений: «Господь Бог твой есть Господь единый»; «Да не будет у тебя других богов, кроме Меня»; «Возлюби Господа Бога твоего всею крепостью твоею»; «К Нему прилепись»; «К имени Его да будет стремление души твоей», — не иной, как этот: единое совершенное Благо да будет вашей единственной конечной целью. Одного желайте ради него самого — обладания Тем, Кто есть Всё во всём. Одно счастье поставьте целью своих душ — единение с Создавшим их, «общение с Отцом и Сыном», соединение с Господом в один дух. Один замысел преследуйте до конца времён: наслаждение Богом во времени и в вечности. Другого

желайте лишь постольку, поскольку оно ведёт к этому. Любите творение, поскольку оно ведёт к Творцу. Но при каждом вашем шаге пусть эта славная цель остаётся пределом вашего взора. Подчиняйте ей всякое чувство, мысль, слово и дело. Чего бы вы ни желали или боялись, чего бы ни искали или избегали, что бы ни думали, ни говорили, ни делали, — пусть всё служит вашему счастью в Боге, единственной Цели, равно как и Источнике вашего бытия. 13. Не имей никакой цели, никакой конечной цели, кроме Бога. Так говорит наш Господь: «Одно только нужно»; и если око твоё устремлено лишь на это одно, «всё тело твоё будет светло». Так говорит святой Павел: «Одно только делаю: стремлюсь к цели, к почести вышнего звания во Христе Иисусе». Так говорит святой Иаков: «Очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные». Так говорит святой Иоанн: «Не любите мира, ни того, что в мире. Ибо всё, что в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, — не есть от Отца, но от мира». Искание счастья в том, что удовлетворяет либо желание плоти, приятно воздействуя на внешние чувства, либо желание очей, то есть воображения, своей новизной, величием или красотой, либо гордость житейскую — пышностью, величием, властью или обычными их последствиями, похвалой и восхищением, — «не есть от Отца»: оно не исходит от Отца духов и не одобряется Им, «но от мира». Это отличительный признак тех, кто не желает, чтобы Он царствовал над ними.

[18] II. 1. Итак, я подробно исследовал, что представляет собою то обрезание сердца, которое получит похвалу от Бога. Во-вторых, мне предстоит привести некоторые размышления, естественно возникающие из такого исследования, как простое правило, по которому всякий

человек может судить о себе: от мира он или от Бога. Прежде всего из сказанного ясно, что никто не имеет права на Божию похвалу, если сердце его не обрезано смирением; если он не мал, низок и ничтожен в собственных глазах; если не убеждён глубоко в той врождённой «испорченности своей природы», «вследствие которой он весьма далеко отступил от первоначальной праведности», склонен ко всякому злу, чужд всякому добру, развращён и мерзок; если не сознаёт, что имеет «плотской ум, который есть вражда против Бога, закону Божию не покоряется, да и не может»; если в глубине души постоянно не чувствует, что без пребывающего на нём Духа Божия не может ни помыслить, ни пожелать, ни сказать, ни сделать ничего доброго и благоугодного в Его очах. Никто, говорю я, не имеет права на Божию похвалу, пока не почувствует своей нужды в Боге; более того, пока не станет искать «славы, которая от Единого Бога», не желая и не добиваясь славы от людей иначе как лишь постольку, поскольку она содействует первой.

19 2. Другая истина, естественно следующая из сказанного, такова: никто не получит чести, приходящей от Бога, если сердце его не обрезано верой, именно «верой в действие Бога»; если, отказавшись впредь следовать своим чувствам, влечениям или страстям и даже столь обоготворяемому миром слепому вождю слепых — естественному разуму, он не живёт и не ходит верою; не направляет каждый шаг, словно «видя Невидимого»; не «смотрит не на видимое, которое временно, но на невидимое, которое вечно»; и не управляет всеми своими желаниями, намерениями и мыслями, всеми поступками и речами, как человек, вошедший за завесу, где Иисус сидит одесную Бога.

[20] 3. Хотелось бы, чтобы с этой верой были лучше знакомы те, кто тратит много времени и усилий на закладку иного основания: основывает религию на вечном *соответствии* вещей, на внутреннем *достоинстве* добродетели и *красоте* проистекающих из неё действий; на так называемых *основаниях* добра и зла и *отношениях* существ друг к другу. Либо эти объяснения основ христианского долга совпадают с библейскими, либо нет. Если совпадают, то зачем смущать благонамеренных людей и отвлекать их от важнейшего в законе облаком терминов, которыми самые простые истины истолковываются до полной неясности? Если же не совпадают, им следует задуматься, кто виновник этого нового учения; может ли быть ангелом с небес тот, кто проповедует иное евангелие, нежели Евангелие Иисуса Христа? Впрочем, даже если бы он был им, Бог, а не мы, произнёс ему приговор: «Да будет анафема».

[21] 4. Наше Евангелие, как не знает иного основания добрых дел, кроме веры, а веры — кроме Христа, так и ясно сообщает нам, что мы не Его ученики, пока отрицаем, что Он — Создатель, а Его Дух — Вдохновитель и Совершитель как нашей веры, так и наших дел. «Если кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». Он один может оживить мёртвых для Бога, вдохнуть в них дыхание христианской жизни и так предварять, сопровождать и поддерживать их Своей благодатью, чтобы привести их добрые желания к благому исполнению. «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии». Таково краткое и ясное Божие описание истинной религии и добродетели, и «никто не может положить другого основания».

[22] 5. В-третьих, из сказанного мы можем научиться, что никто не является истинно «водимым Духом», если «Дух не свидетельствует его духу, что он — дитя Божие»; если он не видит перед собой награды и венца и не «радуется надеждою славы Божией». Как глубоко заблуждались те, кто учил, будто, служа Богу, нам не следует иметь в виду собственное счастье! Напротив, Бог часто и прямо учит нас взирать «на воздаяние», сопоставлять труд с «предлежащей нам радостью», эти «лёгкие страдания» — с «безмерной славой». Более того, мы остаёмся «чужды заветам обетования», остаёмся «без Бога в мире», пока Бог «по великой Своей милости не возродит нас к живому упованию на наследство нетленное, чистое и неувядаемое».

[23] 6. Но если это так, то давно пора честно обойтись с собственными душами тем людям, которые столь далеки от радостной уверенности, что исполняют условия этого завета и получат его обещания, что спорят с самим заветом и хулят его условия; жалуются, будто они слишком суровы и никто никогда не исполнял и не исполнит их. Что это, как не поношение Бога, словно Он суровый Господин, требующий от рабов больше того, что даёт им силы исполнить? Словно Он насмехался над беспомощными творениями Своих рук, обязывая их к невозможному, повелевая им побеждать там, где ни собственных сил, ни благодати было для них недостаточно?

[24] 7. Эти хулители едва ли не способны убедить считать себя невиновными тех, кто, впадая в противоположную крайность, надеется исполнить Божии повеления вовсе без труда. Напрасная надежда! Как может дитя Адама ожидать увидеть Царство Христа и Бога, прежде не

подвизаясь, не *борясь изо всех сил*, чтобы «войти сквозь тесные врата»? Как может тот, кто «зачат и рождён во грехе» и у кого «внутренность — пагуба», хоть на миг помыслить стать «чистым, как чист его Господь», если не идёт по Его стопам и не «берёт креста своего ежедневно», если не «отсекает правой руки» и не «вырывает правого глаза и не бросает его от себя»? Как может он мечтать сбросить старые мнения, страсти, расположения, «освятиться во всей полноте — в духе, душе и теле», без постоянного и непрерывного упражнения во всестороннем самоотречении?

[25] 8. Что меньшее могли бы мы вывести из приведённых выше слов святого Павла, который, живя «в немощах, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях» ради Христа, будучи исполнен «знамений, чудес и сил», будучи «восхищен до третьего неба», всё же считал, как выразительно говорит один недавний автор, что без этого постоянного самоотречения все его добродетели были бы ненадёжны и даже спасение его оказалось бы под угрозой? «Я бегу, — говорит он, — не так, как на неверное; бьюсь не так, чтобы только бить воздух». Этим он ясно учит нас, что тот, кто не бежит таким образом, кто не отрекается от себя ежедневно, бежит на неверное и сражается столь же бесплодно, как тот, кто «бьёт воздух».

[26] 9. Столь же бесплодно говорит о «добром подвиге веры» и столь же тщетно надеется получить нетленный венец — как, наконец, можно заключить из предыдущих рассуждений — тот, чьё сердце не обрезано любовью. Любовь, отсекающая похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую, вовлекающая всего человека — тело, душу и дух — в пламенное стремление к тому единственному

Предмету, столь необходима чаду Божию, что без неё всякий живущий считается пред Ним мёртвым. «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества и знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто». Более того, «если я раздам всё имение моё нищим и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».

[27] 10. Итак, вот сумма совершенного закона; вот истинное обрезание сердца. Пусть дух возвратится к Богу, давшему его, со всей совокупностью своих чувств. «В то место, откуда все реки вышли, пусть они снова текут». Иных жертв от нас Он не пожелал, но избрал живую жертву сердца. Пусть оно непрестанно возносится Богу через Христа в пламени святой любви. И пусть никакому творению не позволяется разделять его с Ним, ибо Он — Бог ревнитель. Престола Своего Он не разделит с другим; Он будет царствовать без соперника. Пусть не будет допущено туда никакое намерение, никакое желание, конечной целью которого не был бы Он. Таков путь, которым некогда ходили те дети Божии, которые и по смерти ещё говорят нам: «Желай жить лишь для того, чтобы хвалить имя Его; пусть все твои мысли, слова и дела стремятся к Его славе. Твёрдо утверди сердце своё в Нём, а в других вещах — лишь поскольку они в Нём и от Него. Пусть душа твоя исполнится столь всецелой любовью к Нему, чтобы ты не любил ничего иначе как ради Него». «Имей чистое намерение сердца, во всех своих поступках неизменно взирай на Его славу». «Устреми взор на блаженное упование твоего призвания и заставь всё мирское служить ему». Ибо тогда, и лишь

тогда, в нас будут «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе», когда в каждом движении сердца, в каждом слове языка, в каждом деле рук мы «стремимся ко всему лишь в отношении к Нему и в подчинении Его благоволению»; когда и мы не думаем, не говорим и не действуем для исполнения «своей воли, но воли Пославшего нас»; когда, «едим ли, пьём ли или иное что делаем, всё делаем во славу Божию».

Признаки нового рождения

[1] «Так бывает со всяким, рождённым от Духа».

[2] Иоан. 3:8.

[3] 1. Каков всякий «рождённый от Духа», то есть рождённый свыше, рождённый от Бога? Что значит быть рождённым свыше, рождённым от Бога или рождённым от Духа? Что заключено в том, чтобы быть сыном, или чадом Божиим, иметь Духа усыновления? Мы знаем, что эти преимущества по свободной милости Божией обыкновенно соединены с крещением, которое поэтому наш Господь в предшествующем стихе называет рождением «от воды и Духа»; но мы хотели бы знать, что представляют собой эти преимущества: что такое новое рождение?

[4] 2. Быть может, нет нужды давать этому определение, поскольку Писание его не даёт. Но так как вопрос имеет глубочайшее значение для каждого человеческого чада, ибо «если кто не родится свыше», не родится от Духа, «не может увидеть Царствия Божия», я намерен изложить признаки этого рождения самым простым образом, именно так, как нахожу их изложенными в Писании.

[5] I. 1. Первый из них и основание всех остальных — вера. Так говорит святой Павел: «Все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса» (Гал. 3:26). Так говорит святой Иоанн: «Им дал власть» (exousian; вернее было бы перевести *право* или *преимущество*) «быть чадами Божиими, верующим во имя Его, которые родились», когда уверовали, «не от крови, ни от хотения плоти», не

естественным рождением, «ни от хотения мужа», как дети, усыновлённые людьми, в которых через это не совершается никакой внутренней перемены, «но от Бога» (Иоан. 1:12, 13). И снова в своём соборном послании: «Всякий верующий, что Иисус есть Христос, от Бога рождён» (1 Иоан. 5:1).

[6] 2. Но апостолы говорят здесь не об одной лишь рассудочной или умозрительной вере. Это не простое согласие с положением «Иисус есть Христос», ни даже со всеми положениями, содержащимися в нашем Символе веры или в Ветхом и Новом Завете. Это не только согласие с каким-либо из этих достоверных положений или со всеми ими как с достоверными. Сказать так значило бы сказать — и кто мог бы это вынести? — что бесы рождены от Бога, ибо такую веру имеют и они. Они веруют и трепещут, веруют и в то, что Иисус есть Христос, и в то, что всё Писание, будучи богодухновенным, истинно, как истинен Бог. Это не только согласие с божественной истиной на основании Божия свидетельства или доказательств чудес; ибо *они* также слышали слова Его уст и знали, что Он свидетель верный и истинный. Они не могли не принять Его свидетельства как о Себе, так и об Отце, пославшем Его. Они видели и могущественные дела, которые Он совершал, и потому верили, что Он «исшёл от Бога». Однако, несмотря на эту веру, они всё ещё «соблюдаются в узах мрака на суд великого дня».

[7] 3. Ибо всё это — не более чем мёртвая вера. Истинная, живая христианская вера, имеющий которую рождён от Бога, есть не только согласие, действие разума, но расположение, произведённое Богом в сердце человека: «твёрдое упование и уверенность в Боге, что через заслуги Христа грехи его прощены и он примирён с Богом

и возвращён в Его благоволение». Это предполагает, что человек прежде отрекается от самого себя; что, желая «найтись во Христе», быть принятым через Него, он совершенно отвергает всякую «надежду на плоть»; что, «не имея чем заплатить», не надеясь на собственные дела или на какую-либо свою праведность, он приходит к Богу как погибший, жалкий, погубивший и осудивший самого себя, разорённый, беспомощный грешник; как человек, у которого совершенно заграждены уста и который всецело «виновен пред Богом». Такое чувство греха, обыкновенно называемое отчаянием теми, кто злословит о неизвестном им, вместе с полной, невыразимой никакими словами убеждённостью, что спасение наше приходит только от Христа, и горячим желанием этого спасения должно предшествовать живой вере, упованию на Того, Кто «смертью Своею уплатил за нас выкуп и в жизни Своей исполнил закон». Итак, эта вера, через которую мы рождаемся от Бога, есть «не только принятие всех членов нашей веры, но также истинная уверенность в милости Божией через Господа нашего Иисуса Христа». [13]

[8] 4. Непосредственный и постоянный плод этой веры, через которую мы рождаемся от Бога, плод, никак неотделимый от неё даже на один час, — власть над грехом; власть над всяким внешним грехом, над всяким злым словом и делом, ибо, где так прилагается Кровь Христова, она «очищает совесть от мёртвых дел»; и над внутренним грехом, ибо очищает сердце от всякого несвятого желания и расположения. Этот плод веры святой Павел подробно описал в шестой главе своего Послания к Римлянам. «Как нам, — говорит он, — умершим» через веру «для греха, жить ещё в нём?» «Ветхий наш человек распят со Христом, чтобы упразднено было тело греховное, дабы нам не быть уже

рабами греху». «Так и вы почитайте себя мёртвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем. Итак, да не царствует грех» даже «в смертном вашем теле», «но представьте себя Богу, как ожившие из мёртвых». «Грех не должен над вами господствовать. Благодарение Богу, что вы были рабами греха, но, освободившись...» Простой смысл таков: благодарение Богу, что, хотя прежде вы были рабами греха, теперь, «освободившись от греха, стали рабами праведности».

[9] 5. То же бесценное преимущество сынов Божиих столь же решительно утверждает святой Иоанн, в особенности первую его сторону, а именно власть над внешним грехом. После того как он воскликнул, словно поражённый глубиной богатства Божией благости: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться детьми Божиими! Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но ещё не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Иоан. 3:1), — он вскоре добавляет: «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нём; и он не может грешить, потому что рождён от Бога» (1 Иоан. 3:9). Но некоторые скажут: «Верно: всякий, рождённый от Бога, не грешит *по привычке*». *По привычке!* Откуда это? Я этого не читаю. Этого не написано в Книге. Бог ясно говорит: «Он не делает греха»; а ты добавляешь: *по привычке!* Кто ты такой, чтобы *поправлять* изречения Божии, «прибавлять к словам книги сей»? Берегись, умоляю тебя, чтобы Бог не «наложил на тебя язв, о которых написано в ней»! Особенно когда добавляемое тобою толкование совершенно поглощает сам текст, так что посредством этой methodeia planes, искусной уловки обмана, драгоценное обетование совсем теряется; посредством

этой kybeia anthropon, человеческого плутовства и передёргивания, слово Божие лишается силы. О, берегись, ты, так отнимающий от слов книги сей, что, отняв весь их смысл и дух, оставляешь только то, что поистине можно назвать мёртвой буквой, — берегись, чтобы Бог не отнял твоей доли в книге жизни!

10 6. Позволим апостолу самому истолковать свои слова всем ходом его рассуждения. В пятом стихе этой главы он сказал: «Вы знаете, что Он», Христос, «явился для того, чтобы взять грехи наши, и что в Нём нет греха». Какой вывод он делает отсюда? «Всякий, пребывающий в Нём, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его» (1 Иоан. 3:6). Подтверждая это важное учение, он предваряет его крайне необходимым предостережением: «Дети! да не обольщает вас никто» (1 Иоан. 3:7), ибо многие попытаются это сделать — убедить вас, что можно быть неправедными, совершать грех и всё же оставаться детьми Божиими! «Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил». Затем следует: «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нём; и он не может грешить, потому что рождён от Бога. Дети Божии и дети дьявола, — добавляет апостол, — узнаются так». Этим ясным признаком — совершают они грех или нет — они и различаются. Тот же смысл имеют слова в пятой главе: «Мы знаем, что всякий, рождённый от Бога, не грешит; но рождённый от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему» (1 Иоан. 5:18).

11 7. Другой плод этой живой веры — мир. Ибо, «оправдавшись верою», получив изглаживание всех наших грехов, «мы имеем мир с Богом через Господа

нашего Иисуса Христа» (Рим. 5:1). Этот мир Сам наш Господь в ночь перед смертью торжественно завещал всем Своим последователям: «Мир, — говорит Он, — оставляю вам», вам, которые «веруют в Бога» и «веруют также в Меня»; «мир Мой даю вам; не так, как мир даёт, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается» (Иоан. 14:27). И ещё: «Сие сказал Я вам, чтобы вы имели во Мне мир» (Иоан. 16:33). Это тот «мир Божий, который превыше всякого ума», та безмятежность души, представить которую не приходило на сердце душевному человеку и выразить которую не в силах даже духовный. И это мир, которого все силы земли и ада не могут отнять у него. Волны и бури ударяются о него, но не колеблют, ибо он основан на скале. Он хранит сердца и помышления детей Божиих во всякое время и во всяком месте. В покое ли они или в боли, в болезни или в здравии, в изобилии или в нужде — они счастливы в Боге. Во всяком состоянии они научились быть довольными и даже благодарить Бога через Иисуса Христа, твёрдо зная, что «всё, что бывает, — наилучшее», ибо такова Его воля о них. Поэтому среди всех превратностей жизни их «сердце твёрдо, уповая на Господа».

[12] II. 1. Второй библейский признак рождённых от Бога — надежда. Так святой Пётр, обращаясь ко всем детям Божиим, находившимся тогда в рассеянии, говорит: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас к упованию живому» (1 Пет. 1:3). elpida zosan, *живое*, или *живущее*, упование, говорит апостол; ибо, как есть мёртвая вера, есть и *мёртвая* надежда, надежда не от Бога, но от врага Бога и человека. Это ясно видно по её плодам: будучи порождением гордости, она сама порождает всякое злое слово и дело. Напротив, всякий, имеющий в себе эту

живую надежду, «свят, как свят Призвавший его»; всякий, кто может искренне сказать своим братьям во Христе: «Возлюбленные, мы теперь дети Божии, и увидим Его, как Он есть», — «очищает себя, как Он чист».

13 2. Эта надежда включает, во-первых, свидетельство нашего собственного духа, или совести, что мы ходим «в простоте и богоугодной искренности»; во-вторых, свидетельство Духа Божия, «свидетельствующего вместе с нашим духом», или нашему духу, «что мы — дети Божии; а если дети, то и наследники, наследники Божии и сонаследники Христу».

14 3. Хорошо заметим, чему Сам Бог учит нас здесь об этом славном преимуществе Своих детей. О ком здесь сказано, что он свидетельствует? Не только о нашем духе, но и о Другом, именно о Духе Божием; Он «свидетельствует вместе с нашим духом». О чём Он свидетельствует? О том, «что мы — дети Божии; а если дети, то и наследники, наследники Божии и сонаследники Христу» (Рим. 8:16, 17), «если только с Ним страдаем», если отрекаемся от себя, ежедневно берём свой крест, радостно переносим гонение или поношение ради Него, «чтобы с Ним и прославиться». А в ком Дух Божий даёт это свидетельство? Во всех, кто является детьми Божиими. Именно этим доводом апостол в предыдущих стихах доказывает, что они таковы: «Все, — говорит он, — водимые Духом Божиим, суть сыны Божии». «Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: “Авва, Отче!”» Затем следует: «Сей самый Дух свидетельствует вместе с нашим духом, что мы — дети Божии» (8:14–16).

15 4. Перемена выражения в пятнадцатом стихе заслуживает нашего внимания: «Вы приняли Духа

усыновления, Которым мы взываем: “Авва, Отче!”» *Вы*, все сыны Божии, в силу своего сыновства приняли того самого Духа усыновления, Которым *мы* взываем: «Авва, Отче!» *Мы*, апостолы, пророки, учители — ибо слово это вполне допустимо понимать так; *мы*, через которых вы уверовали, «служители Христовы и домостроители тайн Божиих». Как у *нас* и у *вас* один Господь, так и один Дух; как одна вера, так и одна надежда. Мы и вы запечатлены одним «Духом обетования», залогом *вашего* и *нашего* наследия; один и тот же Дух свидетельствует вместе с вашим и с нашим духом, «что мы — дети Божии» (Рим. 8:14–16).

16 5. Так исполняется Писание: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся». Легко поверить, что, хотя скорбь может предшествовать этому свидетельству Духа Божия вместе с нашим духом, — и действительно, в известной мере *должна* предшествовать, пока мы стонем под страхом и чувством пребывающего на нас гнева Божия, — однако, едва человек почувствует это свидетельство в себе, его «печаль обратится в радость». Какой бы ни была его прежняя боль, как только «придёт тот час, он уже не помнит скорби от радости», что рождён от Бога. Возможно, многие из *вас* ныне печалятся, потому что «отчуждены от общества Израильского»; потому что сознают, что не имеют этого Духа, что они «без надежды и без Бога в мире». Но когда придёт Утешитель, «возрадуется сердце ваше»; более того, «радость ваша будет совершенна», и «радости той никто не отнимет у вас» (Иоан. 16:22). «Мы хвалимся Богом, — скажете вы, — через Господа нашего Иисуса Христа, посредством Которого мы получили ныне примирение», «через Которого получили доступ к этой благодати», к состоянию благодати, благоволения или примирения с Богом, «в

которой стоим и радуемся надеждою славы Божией» (Рим. 5:2). «Вы, — говорит святой Пётр, — которых Бог возродил к упованию живому, силою Божиею соблюдаетесь ко спасению. О сём радуйтесь, поскорбев теперь немного, если нужно, от различных искушений, дабы испытанная вера ваша оказалась к похвале, чести и славе в явление Иисуса Христа, Которого, хотя ныне не видя, радуетесь радостью неизреченною и преславною» (1 Пет. 1:5). Поистине неизреченной! Не дано человеческому языку описать эту радость во Святом Духе. Она — «сокровенная манна, которой никто не знает, кроме получающего её». Но мы знаем, что в глубине скорби она не только остаётся, но и переливается через край. Разве «малы утешения Божии» для Его детей, когда исчезают все земные утешения? Нет. Когда страдания особенно умножаются, утешения Его Духа умножаются ещё гораздо больше; настолько, что сыны Божии «смеются над погибелью, когда она приходит», над нуждой, болью, адом и могилой, зная Того, у Кого «ключи ада и смерти», Кто вскоре «ввергнет их в бездну»; словно уже слыша громкий голос с неба: «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло» (Откр. 21:3, 4).

[17] III. 1. Третий библейский признак рождённых от Бога и величайший из всех — любовь, именно «любовь Божия, излитая в сердца их Духом Святым, данным им» (Рим. 5:5). «А как они — сыны, Бог послал в сердца их Духа Сына Своего, вопиющего: “Авва, Отче!”» (Гал. 4:6). Этим Духом, непрестанно взирая на Бога как на примирённого с ними и любящего Отца, они взывают к Нему о хлебе

насущном, обо всём необходимом для души и для тела. Они непрестанно изливают пред Ним сердца, зная, что «получают просимое от Него» (1 Иоан. 5:15). В Нём их наслаждение. Он — радость их сердца, их «щит» и «весьма великая награда». К Нему стремится их душа; «пища и питие их — творить волю Его»; и они «насыщаются, как туком и елеем, когда уста их восхваляют Его радостными устами» (Пс. 63:5).

18 2. И в этом смысле также «всякий, любящий Родившего, любит и Рождённого от Него» (1 Иоан. 5:1). Дух его радуется о Боге, Спасителе его. Он «любит Господа Иисуса Христа искренно». Он так «соединён с Господом», что составляет один дух с Ним. Душа его прилепляется к Нему и избирает Его как всецело прекрасного, «лучшего из десяти тысяч». Он знает, он чувствует смысл слов: «Возлюбленный мой принадлежит мне, а я Ему» (Песн. 2:16). «Ты прекраснее сынов человеческих; уста Твои полны благодати, ибо Бог помазал Тебя навеки!» (Пс. 45:2).

19 3. Необходимый плод этой любви к Богу — любовь к ближнему, ко всякой душе, сотворённой Богом; не исключая наших врагов, не исключая тех, кто ныне «обижает и гонит нас»; любовь, которой мы любим каждого человека, как самих себя, как любим собственные души. Более того, наш Господь выразил это ещё сильнее, уча нас «любить друг друга, как Он возлюбил нас». Соответственно, заповедь, написанная в сердцах всех любящих Бога, есть именно эта: «Как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга». А «любовь Божию познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою» (1 Иоан. 3:16). Поэтому, как справедливо заключает апостол, «и мы должны полагать души свои за

братьев». Если мы чувствуем готовность сделать это, тогда действительно любим ближнего. Тогда «мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что» так «любим братьев» (1 Иоан. 3:14). «Узнаём», что рождены от Бога, что «пребываем в Нём, и Он в нас, из того, что Он дал нам от Своего» любящего «Духа» (1 Иоан. 4:13). Ибо «любовь от Бога, и всякий» так «любящий рождён от Бога и знает Бога» (1 Иоан. 4:7).

[20] 4. Но, возможно, кто-нибудь спросит: «Разве апостол не говорит: “Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его”?» (1 Иоан. 5:3). Да, и это также любовь к ближнему, в том же смысле, в каком это любовь к Богу. Но что вы хотели бы отсюда вывести? Что исполнение внешних заповедей — всё, что заключено в любви к Богу всем сердцем, всем разумением, всей душой и крепостью и в любви к ближнему, как к самому себе? Что любовь к Богу — не чувство души, а лишь *внешнее служение*? И что любовь к ближнему — не расположение сердца, а только ряд *внешних дел*? Достаточно упомянуть столь нелепое толкование апостольских слов, чтобы опровергнуть его. Простой и бесспорный смысл этого текста таков: соблюдение остальных Его заповедей есть признак, или доказательство, любви к Богу, соблюдения первой и величайшей заповеди. Ибо истинная любовь, однажды излившись в наше сердце, побудит нас так поступать, поскольку любящий Бога всем сердцем не может не служить Ему всеми силами.

[21] 5. Итак, второй плод любви к Богу, насколько его можно отличить от неё самой, — всецелое послушание Тому, Кого мы любим, и сообразность с Его волей; послушание всем Божиим повелениям, внутренним и внешним; послушание сердца и жизни, во всяком

расположении души и во всём поведении. И одно из самых очевидно заключённых здесь расположений — быть «ревностным к добрым делам»; алкать и жаждать делать добро всеми возможными способами всем людям; радоваться возможности «издерживать своё и истощать себя за них», за каждого сына человеческого, не ожидая никакой награды в этом мире, но лишь в воскресение праведных.

[22] IV. 1. Так я просто изложил те признаки нового рождения, которые нахожу в Писании. Так Сам Бог отвечает на важный вопрос: что значит быть рождённым от Бога? Таков, если обратиться к изречениям Божиим, «всякий, рождённый от Духа». По суду Духа Божия вот что значит быть сыном, или чадом Божиим: так *веровать* в Бога через Христа, чтобы «не делать греха» и во всякое время и во всяком месте наслаждаться «миром Божиим, который превыше всякого ума». Так *уповать* на Бога через Сына Его любви, чтобы иметь не только «свидетельство доброй совести», но и Духа Божия, «свидетельствующего вместе с вашим духом, что вы — дети Божии», откуда неизбежно рождается радость в Том, через Кого вы «получили примирение». Так *любить* Бога, столь возлюбившего вас, как вы никогда не любили никакого творения, чтобы вы были побуждаемы любить всех людей, как самих себя; любовью, не только непрестанно горящей в ваших сердцах, но и пламенеющей во всех поступках и речах, превращающей всю вашу жизнь в один «труд любви», в одно непрерывное послушание повелениям: «Будьте милосердны, как милосерден Бог»; «Будьте святы, потому что Я, Господь, свят»; «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

[23] 2. Кто же из вас *так* рождён от Бога? Вы «знаете дарованное вам от Бога». Вы хорошо знаете, что вы — дети Божии, и «можете успокаивать пред Ним сердца ваши». И всякий из вас, вникший в эти слова, не может не чувствовать и не знать поистине, является ли он в этот час — отвечайте Богу, а не человеку! — таким чадом Божиим или нет. Вопрос не в том, кем вы стали при крещении, — не уклоняйтесь, — но в том, кто вы теперь. Есть ли ныне в вашем сердце Дух усыновления? Пусть судит ваше собственное сердце. Я не спрашиваю, *были* ли вы рождены от воды и Духа, но являетесь ли вы *ныне* храмом живущего в вас Святого Духа? Я признаю, что вы были «обрезаны обрезанием Христовым», как выразительно называет крещение святой Павел; но почивает ли *ныне* на вас Дух Христов и Дух славы? Иначе «обрезание ваше стало необрезанием».

[24] 3. Поэтому не говори в своём сердце: «Я *некогда был* крещён, следовательно, *теперь я* — чадо Божие». Увы, этот вывод совершенно несостоятелен. Сколько крещёных чревоугодников и пьяниц, крещёных лжецов и привычных сквернословов, крещёных ругателей и злоречивых, крещёных блудников, воров, вымогателей! Как вы думаете: ныне они дети Божии? Истинно говорю вам, кто бы вы ни были, к кому подходит хотя бы одно из предыдущих описаний: «Ваш отец — дьявол, и вы делаете дела отца вашего». К вам взываю именем Того, Кого вы снова распинаете, и Его словами, обращёнными к вашим обрезанным предшественникам: «Змии, порождения ехиднины! Как убежите вы от осуждения в геенну?»

[25] 4. Как, в самом деле, если не родитесь свыше! Ибо ныне вы мертвы по преступлениям и грехам. Поэтому сказать, что вы не можете родиться свыше, что нового рождения

нет вне крещения, — значит окончательно заключить всех вас под осуждение, предать вас аду без помощи и без надежды. И, быть может, некоторые сочтут это справедливым и правильным. В ревности о Господе Саваофе они скажут: «Да, истреби грешников, амаликитян! Пусть эти гаваонитяне будут совершенно уничтожены! Они заслуживают не меньшего». Не меньшего, как и я, как и вы. Мы с вами, как и они, заслуживаем ада; и только милость, свободная, незаслуженная милость, есть причина того, что *мы* ныне не в неугасимом огне. Вы скажете: «Но мы омыты; мы родились свыше от воды и Духа». Так *было* и с ними; следовательно, это нисколько не исключает того, что *ныне* вы можете быть такими же, как они. Разве вы не знаете, что «высокое у людей есть мерзость пред Богом»? Выходите, «святые мира», почитаемые людьми, и посмотрим, кто первым бросит в них камень — в этих несчастных, недостойных жить на земле, в этих обыкновенных блудниц, прелюбодеев, убийц. Только прежде научитесь, что значит: «Ненавидящий брата своего есть человекоубийца» (1 Иоан. 3:15). «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём» (Матф. 5:28). «Прелюбодеи и прелюбодейцы! Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога?» (Иак. 4:4).

[26] 5. «Истинно, истинно говорю вам», и «вам надлежит родиться свыше». «Если» и «вы не родитесь свыше, не можете увидеть Царствия Божия». Не опирайтесь больше на посох этой надломленной трости — на то, что вы *были* рождены свыше при крещении. Кто отрицает, что тогда вы стали детьми Божиими и наследниками Царства Небесного? Но, несмотря на это, ныне вы — дети дьявола. Поэтому вам надлежит родиться свыше. И пусть сатана не

внушает вашему сердцу придираться к слову, когда само дело ясно. Вы слышали, каковы признаки детей Божиих: все вы, кто не имеет их в своей душе, крещёные или некрещёные, должны непременно получить их, иначе несомненно погибнете навеки. И если вы крещены, единственная ваша надежда в том, что ставшие детьми Божиими через крещение, но ныне являющиеся детьми дьявола могут вновь получить «власть быть чадами Божиими»; могут вновь получить утраченное, именно «Духа усыновления, взывающего в их сердцах: “Авва, Отче!”»

27 Аминь, Господи Иисусе! Да получит вновь Духа усыновления всякий, кто снова приготовляет своё сердце взыскать лица Твоего, и да воскликнет: «Авва, Отче!» Даруй ему ныне снова силу так веровать во имя Твоё, чтобы стать чадом Божиим; знать и чувствовать, что он имеет «искупление Кровью Твоей, прощение грехов» и что «не может грешить, потому что рождён от Бога». Да будет он ныне «снова рождён к упованию живому», чтобы «очищать себя, как Ты чист»; и, «поскольку он — сын», да почивает на нём Дух любви и славы, очищая его «от всякой скверны плоти и духа» и уча «совершать святыню в страхе Божием»!

Великое преимущество рождённых от Бога

[1] «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха».

[2] 1 Иоан. 3:9.

[3] 1. Нередко предполагали, что рождение от Бога — то же самое, что оправдание; что новое рождение и оправдание — лишь разные выражения, означающие одно и то же. Ибо, с одной стороны, несомненно, что всякий оправданный также рождён от Бога; с другой — что всякий рождённый от Бога также оправдан; более того, оба эти дара Божия даются каждому верующему в один и тот же миг. В одно мгновение грехи его изглаживаются и он рождается свыше от Бога.

[4] 2. Но хотя следует признать, что оправдание и новое рождение во времени неотделимы друг от друга, их всё же легко различить, поскольку это не одно и то же, а вещи весьма различной природы. Оправдание предполагает лишь перемену отношения, новое рождение — действительную внутреннюю перемену. Оправдывая нас, Бог делает нечто *для* нас; рождая нас свыше, Он совершает дело *в* нас. Первое изменяет наше внешнее отношение к Богу, так что из врагов мы становимся детьми; второе изменяет самую глубину нашей души, так что из грешников мы становимся святыми. Одно возвращает нас в Божие благоволение, другое восстанавливает в нас Божий образ. Одно снимает вину греха, другое — его власть. Поэтому, хотя во времени они соединены, по природе они совершенно различны.

[5] 3. Неразличение этого, невнимание к великой разнице между оправданием и рождением свыше вызвало чрезвычайное смятение мыслей у многих рассуждавших на эту тему; особенно когда они пытались объяснить великое преимущество детей Божиих, показать, каким образом «всякий, рождённый от Бога, не делает греха».

[6] 4. Чтобы ясно понять это, возможно, необходимо, во-первых, рассмотреть точный смысл выражения «всякий, рождённый от Бога»; и, во-вторых, исследовать, в каком смысле он «не делает греха».

[7] I. 1. Прежде всего нам следует рассмотреть точный смысл выражения «всякий, рождённый от Бога». Вообще из всех мест Святого Писания, где встречается выражение «родиться от Бога», можно заключить, что оно означает не одно лишь крещение и не какую-либо внешнюю перемену, но огромную внутреннюю перемену, совершаемую в душе действием Святого Духа; перемену во всём образе нашего существования. Ибо с того мгновения, когда мы рождаемся от Бога, мы живём совершенно иначе, чем прежде; мы словно находимся в другом мире.

[8] 2. Основание и причина такого выражения понятны. Когда мы переживаем эту великую перемену, вполне уместно сказать, что мы рождаемся вновь, поскольку обстоятельства естественного и духовного рождения имеют столь близкое сходство, что рассмотрение обстоятельств естественного рождения — самый лёгкий путь к пониманию духовного.

[9] 3. Ещё не родившийся младенец существует благодаря воздуху, как и всё живое, но не *чувствует* его, как и ничего другого, разве только самым смутным и

несовершенным образом. Он мало *слышит*, если вообще слышит: органы слуха пока закрыты. Он ничего не *видит*: глаза его крепко сомкнуты, а вокруг — совершенная тьма. Быть может, по мере приближения времени рождения в нём возникают слабые начатки жизни и некоторое происходящее от них движение, отличающее его от простой массы вещества; но у него нет *чувств*, все эти пути к душе пока совершенно закрыты. Поэтому у него почти нет общения с видимым миром, нет знания, понятия или представления о том, что в нём происходит.

10 4. Причина того, что ещё не родившийся совершенно чужд видимому миру, не в отдалённости этого мира: он весьма близок, он окружает младенца со всех сторон. Отчасти причина в том, что у него нет тех чувств — они ещё не открылись в его душе, — посредством которых только и возможно общение с вещественным миром; отчасти же в том, что между ними лежит столь плотная завеса, сквозь которую он ничего не может различить.

11 5. Но едва младенец рождается в мир, как начинает существовать совершенно иначе. Теперь он *чувствует* окружающий его воздух, который вливается в него со всех сторон по мере того, как он попеременно выдыхает его обратно, поддерживая пламя жизни. Отсюда возникает непрерывное возрастание силы, движения и ощущения; все телесные чувства теперь пробуждены и получают соответствующие им предметы.

12 Теперь глаза его открыты, чтобы воспринимать свет, который, беззвучно вливаясь в них, обнаруживает не только себя, но и бесконечное разнообразие вещей, прежде совершенно ему неизвестных. Уши его раскрываются, и в них устремляются бесконечно разнообразные звуки. Каждое чувство обращается к

предметам, особенно ему соответствующим; и через эти входы душа, вступив в открытое общение с видимым миром, приобретает всё больше знания о чувственных вещах, обо всём, что под солнцем.

13 6. Так бывает и с рождённым от Бога. До совершения этой великой перемены он хотя и существует благодаря Тому, в Ком всё живущее «живёт, движется и существует», однако не *ощущает* Бога, не *чувствует* Его, не имеет внутреннего сознания Его присутствия. Он не воспринимает божественного дыхания жизни, без которого не может существовать ни мгновения; не ощущает и ничего Божия: оно не производит впечатления на его душу. Бог непрестанно зовёт его свыше, но он не слышит; уши его закрыты, так что «голос заклинателя» пропадает для него, «как бы искусен ни был тот в заклинаниях». Он не видит того, что от Духа Божия: очи его разумения закрыты, совершенная тьма покрывает всю его душу, окружает его со всех сторон. Правда, он может иметь слабые проблески жизни, малые начатки духовного движения; но у него ещё нет духовных чувств, способных различать духовные предметы. Поэтому он «не разумеет того, что от Духа Божия, и не может разуметь, потому что о сём надобно судить духовно».

14 7. Поэтому у него почти нет знания невидимого мира, как почти нет и общения с ним. Не потому, что этот мир далёк: нет, человек находится посреди него, он окружает его отовсюду. *Иной мир*, как мы обычно его называем, недалёк от каждого из нас: он над нами, под нами и со всех сторон. Только душевный человек не различает его: отчасти потому, что не имеет духовных чувств, которыми только и можно различать Божие; отчасти потому, что

между ними лежит столь плотная завеса, сквозь которую он не знает, как проникнуть.

15 8. Но когда он рождается от Бога, рождается от Духа, как меняется образ его существования! Вся его душа теперь ощущает Бога, и он по несомненному опыту может сказать: «Ты окружаешь ложе моё и путь мой»; я чувствую Тебя на всех путях моих; «Сзади и спереди Ты объемлешь меня и полагаешь на мне руку Твою». Дух, или дыхание, Божий непосредственно вдыхается в новорождённую душу; и то же дыхание, которое исходит от Бога, возвращается к Нему. Как оно непрестанно принимается верой, так непрестанно возвращается любовью, молитвой, хвалой и благодарением; ибо любовь, хвала и молитва — дыхание каждой души, истинно рождённой от Бога. Этим новым духовным дыханием духовная жизнь не только поддерживается, но и возрастает день ото дня вместе с духовной силой, движением и ощущением; все чувства души теперь бодрствуют и способны различать духовное добро и зло.

16 9. «Очи его разумения» теперь «открыты», и он «видит Невидимого». Он видит «безмерное величие силы Его» и Его любви к верующим. Он видит, что Бог милостив к нему, грешнику, что примирён с ним через Сына Своей любви. Он ясно воспринимает и прощающую любовь Божию, и все Его «великие и драгоценные обетования». «Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил» и озаряет «его сердце», просвещая его «познанием славы Божией в лице Иисуса Христа». Вся тьма теперь миновала, и он пребывает во свете Божия лица.

17 10. Теперь его уши открыты, и голос Божий больше не зовёт напрасно. Он слышит небесное призвание и повинуется ему; знает голос своего Пастыря. Все его

духовные чувства теперь пробуждены, он имеет ясное общение с невидимым миром и потому всё больше познаёт то, чего прежде «не приходило на сердце» ему представить. Теперь он знает, что такое мир Божий, что такое радость во Святом Духе, что такое любовь Божия, изливаемая в сердца верующих в Него через Иисуса Христа. Так, когда снята завеса, прежде преграждавшая свет и голос, познание и любовь Божию, рождённый от Духа, пребывая в любви, «пребывает в Боге, и Бог в нём».

[18] II. 1. Рассмотрев смысл выражения «всякий, рождённый от Бога», остаётся, во-вторых, исследовать, в каком смысле он «не делает греха».

[19] Тот, кто рождён от Бога так, как описано выше, кто непрестанно принимает в свою душу дыхание жизни от Бога, благодатное воздействие Его Духа, и непрестанно возвращает его; кто так верует и любит, верою воспринимая непрерывные действия Бога на свой дух и своего рода духовным ответным действием возвращая получаемую благодать в непрестанной любви, хвале и молитве, — не только не делает греха, пока так хранит себя, но и, пока это «семя пребывает в нём, не может грешить, потому что рождён от Бога».

[20] 2. Под грехом я понимаю здесь внешний грех, согласно простому, обычному значению слова: действительное, добровольное нарушение закона, открытого и написанного закона Божия; любой Божией заповеди, признаваемой таковой в самый момент её нарушения. Но «всякий, рождённый от Бога», пока пребывает в вере и любви, в духе молитвы и благодарения, не только не делает, но и не может делать такого греха. Пока он так верует в Бога через Христа, любит Его и изливает пред Ним своё сердце, он не может добровольно нарушить

какую-либо Божию заповедь, говоря или делая то, что, как он знает, Бог запретил. Всё это время пребывающее в нём семя, эта любящая, молящаяся, благодарная вера, понуждает его воздерживаться от всего, что, как он знает, есть мерзость в очах Божиих.

21 3. Но здесь тотчас возникает затруднение, которое многим казалось непреодолимым и побуждало их отрицать ясное утверждение апостола и отказываться от преимущества детей Божиих.

22 В самом деле, очевидно, что люди, о которых нельзя отрицать, что они были истинно рождены от Бога, — ибо Дух Божий дал нам о них это непогрешимое свидетельство в Своём слове, — тем не менее не только могли грешить, но и грешили, притом грубым внешним грехом. Они нарушали ясные, известные им законы Божии, говоря или делая то, что, как они знали, Он запретил.

23 4. Так, Давид, несомненно, был рождён от Бога ещё до помазания на царство над Израилем. Он знал, в Кого уверовал; «был твёрд в вере, воздавая славу Богу». «Господь, — говорит он, — Пастырь мой; потому я ни в чём не буду нуждаться. Он будет пасти меня на зелёных пажитях и водить меня к водам утешения. Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной» (Пс. 23:1). Он был исполнен любви, часто побуждавшей его восклицать: «Возлюблю Тебя, Господи, крепость моя! Господь — каменная твердыня моя и защита моя, рог спасения моего и прибежище моё» (Пс. 18:1). Он был человеком молитвы, изливая пред Богом душу при всех обстоятельствах жизни, и был обилен хвалой и благодарением. «Хвала Тебе, — говорит он, — непрестанно будет в устах моих» (Пс. 34:1); «Ты — Бог

мой, и буду благодарить Тебя; Ты — Бог мой, и буду превозносить Тебя» (Пс. 118:28). И всё же такое чадо Божие могло грешить и согрешило, притом ужасными грехами прелюбодеяния и убийства. [14]

[24] 5. Даже после более обильного дарования Святого Духа, после того как «жизнь и нетление явлены через благовестие», у нас нет недостатка в столь же прискорбных примерах, несомненно записанных также для нашего наставления. Так, человек, которого сами апостолы — вероятно, потому, что он продал всё, что имел, и принёс вырученные деньги для помощи бедным братьям, — прозвали Варнавой, то есть сыном утешения (Деян. 4:36, 37); которого в Антиохии почтили тем, что из всех учеников избрали вместе с Савлом отвезти пособие братьям в Иудее (Деян. 11:29, 30); этот Варнава, по возвращении из Иудеи особым повелением Святого Духа торжественно «отделённый от других пророков и учителей на дело, к которому Бог призвал его» (Деян. 13:1–4), именно сопровождать великого апостола среди язычников и повсюду быть его сотрудником, — впоследствии, однако, столь резко спорил со святым Павлом (Деян. 15:35, 39), который при вторичном посещении братьев «не полагал взять с собою Иоанна, отставшего от них в Памфилии и не шедшего с ними на дело», что и сам оставил дело; «взял Иоанна и отплыл на Кипр» (Деян. 15:39), оставив того, с кем был столь непосредственным образом соединён Святым Духом.

[25] 6. Ещё более поразительный, чем оба предыдущих, пример приводит святой Павел в Послании к Галатам. Когда Пётр, престарелый, ревностный, первый из апостолов, один из трёх, особенно облагодетельствованных Господом, «пришёл в Антиохию,

я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо до прибытия некоторых от Иакова он ел с язычниками», обращёнными в христианскую веру, поскольку Бог особо научил его «не почитать ни одного человека скверным или нечистым» (Деян. 10:28). «А когда те пришли, стал отделяться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие иудеи, так что даже Варнава был увлечён их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи иудеем, живёшь по-язычески», не соблюдая обрядового Моисеева закона, «то зачем язычников принуждаешь жить по-иудейски?» (Гал. 2:11). Здесь также явный, неоспоримый грех, совершённый человеком, несомненно рождённым от Бога. Но как согласовать это с утверждением святого Иоанна, если понимать его в очевидном буквальном смысле: «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха»?

[26] 7. Я отвечаю тем, что уже давно было замечено: пока «рождённый от Бога хранит себя», что он способен делать по благодати Божией, «лукавый не прикасается к нему». Но если он не хранит себя, если не пребывает в вере, то может согрешить, как и всякий другой человек.

[27] Поэтому легко понять, как любой из этих детей Божиих мог потерять свою твёрдость, а великая истина Божия, объявленная апостолом, всё же остаться твёрдой и непоколебимой. Он не «хранил себя» той благодатью Божией, которая была для него достаточна. Он падал шаг за шагом: сначала во внутренний грех упущения, не «возгревая дара Божия, бывшего в нём», не «бодрствуя в молитве», не «стремясь к цели, к почести вышнего звания»; затем — во внутренний грех деятельный, склоняя сердце ко злу, уступая какому-либо злому

желанию или расположению; далее он утрачивал веру, видение прощающего Бога, а следовательно, и любовь к Богу; и, став тогда слабым, подобным всякому другому человеку, оказывался способен совершить даже внешний грех.

28 8. Поясним это конкретным примером. Давид был рождён от Бога и верою видел Бога. Он искренне любил Бога. Он мог правдиво сказать: «Кто мне на небе, кроме Тебя? И на земле никого и ничего не желаю в сравнении с Тобою». Однако в его сердце всё ещё оставалась та испорченность природы, которая есть семя всякого зла.

29 «Он прогуливался по кровле своего дома» (2 Цар. 11:2), вероятно, восхваляя Бога, Которого любила его душа, когда взглянул вниз и увидел Вирсавию. Он почувствовал искушение — мысль, склонявшую ко злу. Дух Божий не преминул обличить его в этом. Несомненно, он услышал и узнал предостерегающий голос; но в некоторой мере уступил мысли, и искушение стало брать над ним верх. Через это дух его осквернился; он всё ещё видел Бога, но уже не так ясно, как прежде. Он всё ещё любил Бога, но уже не в той степени, не с прежней силой и пламенностью чувства. И всё же Бог вновь останавливал его, хотя Дух Его был огорчён; голос Его, становясь всё тише, ещё шептал: «Грех лежит у двери; обратись ко Мне, и будешь спасён». Но он не хотел слышать; снова взглянул — не на Бога, а на запретный предмет, пока природа не превозмогла благодать и не разожгла похоть в его душе.

30 Теперь око его ума вновь закрылось, и Бог исчез из его поля зрения. Вера, божественное, сверхъестественное общение с Богом, и любовь к Богу прекратились вместе;

тогда он ринулся вперёд, как конь в сражение, и сознательно совершил внешний грех.

31 9. Вы видите несомненный ход от благодати ко греху. Вот как он совершается шаг за шагом. (1.) Божественное семя любящей, побеждающей веры пребывает в рождённом от Бога. Он «хранит себя» по благодати Божией и «не может делать греха». (2.) Возникает искушение; от мира ли, от плоти или от дьявола — неважно. (3.) Дух Божий предупреждает его, что грех близок, и велит ещё усерднее бодрствовать в молитве. (4.) Он в некоторой мере уступает искушению, которое теперь начинает нравиться ему. (5.) Святой Дух огорчается; вера человека ослабевает, любовь к Богу охладевает. (6.) Дух обличает его строже и говорит: «Вот путь; иди по нему». (7.) Он отворачивается от болезненного для него голоса Божия и слушает приятный голос искусителя. (8.) Злое желание возникает и разрастается в его душе, пока вера и любовь не исчезают; тогда он становится способен совершить внешний грех, ибо сила Господня отошла от него.

32 10. Поясним это другим примером. Апостол Пётр был исполнен веры и Святого Духа и, этим храня себя, имел непорочную совесть пред Богом и людьми.

33 Ходя так в простоте и богоугодной искренности, он «до прибытия некоторых от Иакова ел с язычниками», зная, что очищенное Богом не скверно и не нечисто.

34 Но «когда они пришли», в его сердце возникло искушение «бояться обрезанных» — обращённых иудеев, ревностных к обрезанию и прочим обрядам Моисеева закона — и дорожить расположением и похвалой этих людей больше, чем похвалой Божией.

35 Дух предупредил его, что грех близок; тем не менее он в некоторой мере уступил ему, именно греховному страху перед людьми, и его вера и любовь соответственно ослабели.

36 Бог вновь обличил его за то, что он даёт место дьяволу. Но он не захотел внять голосу своего Пастыря, предался этому рабскому страху и тем угасил Духа.

37 Тогда Бог исчез из его взора, и, когда вера и любовь угасли, он совершил внешний грех. *Поступая непрямо*, не «по истине Евангельской», он «отделился» от своих братьев-христиан и своим дурным примером, если не советом, «принуждал даже язычников жить по-иудейски», снова запутываться в «иге рабства», от которого «Христос освободил их».

38 Итак, несомненно истинно, что рождённый от Бога, храня себя, не делает и не может делать греха; и всё же, если он не хранит себя, то может с жадностью предаваться всякому греху.

39 III. 1. Из предыдущих рассуждений мы можем научиться, во-первых, давать ясный и бесспорный ответ на вопрос, часто смущавший многих искренних сердцем: «Грех предшествует утрате веры или следует за нею? Чадо Божие сначала грешит и через это теряет веру? Или оно прежде теряет веру, чем становится способно согрешить?»

40 Отвечаю: утрате веры необходимо должен предшествовать по меньшей мере какой-либо грех упущения, какой-либо внутренний грех; но утрата веры должна предшествовать совершению внешнего греха.

41 Чем внимательнее верующий исследует собственное сердце, тем твёрже убедится в следующем: вера,

действующая любовью, исключает и внутренний, и внешний грех из души, бодрствующей в молитве; однако даже тогда мы подвержены искушению, особенно тем грехом, который прежде легко опутывал нас. Если любящий взор души неуклонно устремлён к Богу, искушение вскоре исчезает. Но если нет, если мы exelkomenoi, как говорит апостол Иаков (Иак. 1:14), *отвлекаемся* от Бога *собственным желанием* и deleazomenoi, *попадаемся на приманку* настоящего или обещанного удовольствия, тогда это желание, зачав в нас, рождает грех; и, разрушив нашу веру этим внутренним грехом, низвергает нас прямо в сеть дьявола, так что мы можем совершить любой внешний грех.

42 2. Во-вторых, из сказанного мы можем узнать, что такое жизнь Божия в душе верующего, в чём именно она состоит и что непосредственно и необходимо в ней заключено. Она непосредственно и необходимо предполагает непрерывное вдохновение Святого Духа Божия: Бог вдыхает в душу, а душа выдыхает обратно то, что прежде получает от Него; непрерывное действие Бога на душу и ответное действие души к Богу; непрестанное присутствие Бога, любящего, прощающего Бога, являемое сердцу и воспринимаемое верой; и непрестанное возвращение Ему любви, хвалы и молитвы, принесение всех мыслей нашего сердца, всех слов нашего языка, всех дел наших рук, всего тела, души и духа в святую жертву, благоугодную Богу во Христе Иисусе.

43 3. Отсюда, в-третьих, можно заключить о безусловной необходимости этого ответного действия души, как бы его ни называли, для сохранения в ней божественной жизни. Ибо ясно видно, что Бог не продолжает действовать на душу, если душа не отвечает Богу. Правда, Он предваряет

нас благословениями Своей благости. Он первым любит нас и открывается нам. Пока мы ещё далеко, Он зовёт нас к Себе и озаряет наши сердца. Но если тогда мы не любим Того, Кто прежде возлюбил нас; если не желаем внимать Его голосу; если отворачиваем от Него взор и не хотим внимать свету, который Он изливает на нас, — Дух Его не будет бороться вечно. Он постепенно отступит и оставит нас тьме собственных сердец. Он не будет продолжать вдыхать в нашу душу, если она не станет дышать Ему навстречу; если наша любовь, молитва и благодарение не вернутся к Нему как благоугодная Ему жертва.

44 4. Наконец, научимся следовать наставлению великого апостола: «Не гордись, но бойся». Будем бояться греха больше, чем смерти или ада. Будем с ревнивым, хотя и не мучительным, страхом остерегаться полагаться на собственные обманчивые сердца. «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть». Даже ныне твёрдо стоящий в благодати Божией, в вере, побеждающей мир, всё же может впасть во внутренний грех и через него «потерпеть кораблекрушение в вере». И как легко тогда внешний грех снова возьмёт над ним власть! Поэтому ты, человек Божий, всегда бодрствуй, чтобы всегда слышать голос Божий! Бодрствуй, чтобы непрестанно молиться, во всякое время и во всяком месте изливая пред Ним сердце! Так ты будешь всегда веровать, всегда любить и никогда не делать греха.

Господь — оправдание наше

[1] (Произнесено в часовне на Уэст-стрит, Севен-Дайалс, в воскресенье, 24 ноября 1765 года.)

[2] «Вот имя Его, которым будут называть Его: “Господь — оправдание наше”».

[3] Иер. 23:6.

[4] 1. Как ужасны и как бесчисленны споры, возникшие из-за религии! И не только среди детей мира сего, среди тех, кто не знал, что такое истинная религия, но даже среди детей Божиих, испытавших «Царствие Божие внутри себя», вкусивших «праведность, мир и радость во Святом Духе». Сколько из них во все века, вместо того чтобы соединиться против общего врага, обращали оружие друг против друга и тем не только расточали драгоценное время, но и ранили дух друг друга, ослабляли друг другу руки и препятствовали великому делу их общего Учителя! Сколько немощных соблазнилось через это! Сколько хромлющих сбилось с пути! Сколько грешников укрепилось в пренебрежении ко всякой религии и в презрении к исповедующим её! И сколько «славных на земле» были вынуждены «плакать втайне»!

[5] 2. Чего не сделал бы, чего не перенёс бы всякий любящий Бога и ближнего, чтобы исправить это тяжкое зло, удалить распри из среды детей Божиих, восстановить или сохранить мир между ними? С чем, кроме доброй совести, счёл бы он слишком дорогим расстаться ради достижения этой драгоценной цели? И пусть мы не можем «прекратить брани во всём мире», пусть не можем

примирить друг с другом всех детей Божиих, — всё же пусть каждый делает, что может, пусть внесёт в это дело хотя бы две лепты. Счастливы те, кто способен хоть в какой-то мере содействовать «миру и благоволению между людьми», особенно между добрыми людьми, между всеми стоящими под знаменем «Князя мира» и потому особенно обязанными, «если возможно с их стороны», «быть в мире со всеми людьми».

[6] 3. Значительным шагом к этой славной цели было бы помочь добрым людям понять друг друга. Множество споров возникает исключительно от недостатка понимания, от простого недоразумения. Нередко ни одна из спорящих сторон не понимает, что имеет в виду противник; вследствие этого каждый яростно нападает на другого, хотя действительного расхождения между ними нет. И всё же убедить их в этом не всегда легко, особенно когда страсти возбуждены; тогда это сопряжено с величайшей трудностью. Однако это не невозможно, особенно если, предпринимая попытку, мы не надеемся на себя, но всецело полагаемся на Того, для Кого всё возможно. Как скоро Он может рассеять облако, озарить их сердца и дать им понять и друг друга, и «истину, как она во Иисусе»!

[7] 4. Одно весьма существенное положение этой истины содержится в приведённых выше словах: «Вот имя Его, которым будут называть Его: ГОСПОДЬ — ОПРАВДАНИЕ НАШЕ». Эта истина глубоко входит в самую природу христианства и некоторым образом поддерживает всё его здание. О ней, несомненно, можно сказать то, что Лютер утверждает об истине, тесно с ней связанной: она есть articulus stantis vel cadentis ecclesiae; с нею христианская Церковь стоит или падает. Она, безусловно, столп и

основание той веры, от которой одной приходит спасение, той кафолической, или всеобщей, веры, которая обретается во всех детях Божиих и которую «если кто не сохранит целой и неповреждённой, тот, несомненно, погибнет навеки».

[8] 5. Не следовало ли поэтому разумно ожидать, что, как бы ни расходились в других вопросах все именующие имя Христово, в этом они будут согласны? Но как далеко это от действительности! Едва ли найдётся другой вопрос, в котором согласия было бы так мало и в котором все исповедующие следование за Христом казались бы столь глубоко и непримиримо расходящимися. Я говорю *казались*, ибо твёрдо убеждён, что многие из них *лишь кажутся* несогласными. Расхождение больше в словах, нежели в мыслях; в суждениях они гораздо ближе друг к другу, чем в языке. А большое различие в языке действительно существует — не только между протестантами и папистами, но и между одними протестантами и другими; даже между теми, кто верует в оправдание верой и согласен как в этом, так и во всяком другом основном учении Евангелия.

[9] 6. Но если расхождение больше во *мнении*, нежели в действительном *опыте*, и больше в *выражении*, нежели во *мнении*, как же возможно, что даже дети Божии столь горячо спорят друг с другом об этом? Можно назвать несколько причин. Главная — непонимание друг друга, соединённое со слишком сильной привязанностью к собственным мнениям и особым способам выражения.

[10] Чтобы хотя бы в некоторой мере устранить это и чтобы мы могли понять друг друга в данном вопросе, я с Божией помощью постараюсь показать:

[11] I. Что такое праведность Христа.

[12] II. Когда и в каком смысле она вменяется нам.

[13] И закончу кратким и простым применением.

[14] Итак, I. Что такое праведность Христа? Она двояка: Его божественная и Его человеческая праведность.

[15] 1. Его божественная праведность принадлежит Его божественной природе, поскольку Он есть ho on, Сущий; «над всеми Бог, благословенный вовеки»; Всевышний, Вечный, «равный Отцу по Божеству, хотя и меньший Отца по человечеству». Это Его вечная, сущностная, неизменная святость; Его бесконечная справедливость, милость и истина, во всём чём Он и Отец — одно.

[16] Но я не думаю, что божественная праведность Христа непосредственно относится к настоящему вопросу. Полагаю, ныне немногие, если вообще кто-нибудь, отстаивают вменение нам этой праведности. Всякий, верующий в учение о вменении, понимает его главным образом, если не исключительно, применительно к Его человеческой праведности.

[17] 2. Человеческая праведность Христа принадлежит Ему по Его человеческой природе, поскольку Он есть «Посредник между Богом и человеком, Человек Христос Иисус». Она бывает внутренней и внешней. Его внутренняя праведность — образ Божий, запечатлённый во всех силах и способностях Его души. Это подобие Его божественной праведности в той мере, в какой она может быть сообщена человеческому духу. Это отображение божественной чистоты, божественной справедливости, милости и истины. Она включает любовь, благоговение и покорность Отцу, смирение, кротость, мягкость, любовь к погибшему человечеству и всякое другое святое и

небесное расположение; и всё это — в высочайшей степени, без какого-либо недостатка или примеси несвятости.

[18] 3. Наименьшая часть Его внешней праведности состояла в том, что Он не делал ничего неправильного, не знал никакого внешнего греха и «не было лести в устах Его»; никогда не произнёс ни одного неподобающего слова и не совершил ни одного неподобающего поступка. До сих пор это лишь праведность, состоящая в отсутствии зла, хотя такая, какая никогда не принадлежала и не может принадлежать никому из рождённых женщиной, кроме Него одного. Но даже Его внешняя праведность заключалась и в положительном совершении добра: Он всё делал хорошо; в каждом слове Своего языка, в каждом деле Своих рук в точности исполнял «волю Пославшего Его». На протяжении всей жизни Он исполнял волю Божию на земле, как ангелы исполняют её на небесах. Всё, что Он делал и говорил, было совершенно правильным во всех обстоятельствах. Его послушание было совершенным в целом и в каждой части. «Он исполнил всякую правду». [15]

[19] 4. Но Его послушание заключало в себе больше этого: не только действие, но и страдание; перенесение всего, что было волей Божией, с того времени, как Он пришёл в мир, до того, как «грехи наши Сам вознёс Телом Своим на древо»; да, до того, как, совершив полное искупление за них, «преклонил главу и предал дух». Это обыкновенно называют *страдательной* праведностью Христа, а первое — Его *деятельной* праведностью. Но как деятельная и страдательная праведность Христа никогда в действительности не отделялись друг от друга, так и нам незачем разделять их ни в речи, ни даже в мысли. И

именно по отношению к ним обеим вместе Иисус именуется «Господь — оправдание наше».

20 II. Но когда кто-либо из нас может поистине сказать: «Господь — оправдание *наше*»? Иными словами, когда праведность Христа *вменяется* нам и в каком смысле она вменяется?

21 1. Взгляните на весь мир: все живущие в нём люди — либо верующие, либо неверующие. Итак, первое, что не допускает спора между разумными людьми, таково: всем верующим вменяется праведность Христа, неверующим — нет.

22 Но когда она вменяется? Когда они веруют. В тот самый час праведность Христа становится их праведностью. Она вменяется каждому верующему, как только он уверует: вера и праведность Христа неразделимы. Ибо если он верует согласно Писанию, то верует в праведность Христа. Нет истинной, то есть оправдывающей, веры, предметом которой не была бы праведность Христа.

23 2. Правда, верующие могут говорить не одинаково, могут не употреблять одного и того же языка. Этого и не следует ожидать: мы не вправе разумно требовать этого от них. Тысячи обстоятельств могут вызвать различия в их способах выражения; но различие выражений не обязательно означает различие мыслей. Разные люди могут употреблять разные выражения и всё же иметь в виду одно и то же. Нет ничего обычнее, хотя мы редко достаточно учитываем это. Более того, даже одним и тем же людям нелегко употребить совершенно одинаковые выражения, говоря об одном и том же через значительный промежуток времени, хотя бы они и

сохраняли те же мысли. Как же можем мы строго требовать от других употреблять в точности наши выражения?

24 3. Можно пойти ещё дальше: люди могут отличаться от нас не только выражениями, но и мнениями и всё же вместе с нами быть причастниками той же драгоценной веры. Возможно, они не имеют ясного понимания самого благословения, которым пользуются; представления их могут быть менее ясными, а опыт столь же подлинным, как наш. Между природными способностями людей, в особенности их разумением, существует огромное различие, и оно чрезвычайно увеличивается характером их воспитания. Уже одно это может породить невообразимые расхождения во мнениях о самых разных предметах; почему же не об этом, как и о всяком другом? Но всё же, хотя их мнения, равно как и выражения, могут быть спутанными и неточными, сердца их могут прилепляться к Богу через Сына Его любви, и они могут истинно иметь долю в Его праведности.

25 4. Поэтому будем оказывать другим всё то снисхождение, которого, будь мы на их месте, желали бы себе. Кто не знает — коснёмся вновь лишь этого обстоятельства — поразительной силы воспитания? И кто, зная её, может ожидать, что, допустим, член Римской церкви будет ясно мыслить или говорить об этом предмете? И всё же, если бы мы услышали даже от умирающего Беллармина, когда его спросили: «К кому из святых ты обратишься?», восклицание Fidere meritis Christi tutissimum; — «Безопаснее всего уповать на заслуги Христа», — стали бы мы утверждать, что, несмотря на свои ошибочные мнения, он не имел доли в Его праведности?

[26] 5. Но в каком смысле эта праведность вменяется верующим? В таком: все верующие получают прощение и принимаются Богом не ради чего-либо в них самих, не ради чего-либо, что было, есть или когда-либо может быть ими сделано, но всецело и исключительно ради того, что Христос совершил и претерпел за них. Повторяю: не ради чего-либо в них или сделанного ими, не ради собственной праведности или дел. «Не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости Он спас нас». «Благодатью вы спасены через веру, не от дел, чтобы никто не хвалился», — но всецело и исключительно ради того, что Христос совершил и претерпел за нас. Мы «получаем оправдание даром, по благодати Его, искуплением во Иисусе Христе». И это не только средство обретения Божия благоволения, но и пребывания в нём. Так мы впервые приходим к Богу; тем же путём приходим к Нему и впоследствии. Мы идём одним и тем же новым и живым путём, пока наш дух не возвратится к Богу.

[27] 6. Именно в это учение я неизменно веровал и ему учил почти двадцать восемь лет. Его я обнародовал для всего мира в 1738 году и с тех пор ещё десять или двенадцать раз следующими и многими другими подобными словами, взятыми из «Гомилий» нашей Церкви: «В нашем оправдании необходимо соединяются следующие вещи: со стороны Бога — Его великая милость и благодать; со стороны Христа — удовлетворение Божией справедливости; с нашей стороны — вера в заслуги Христа. Поэтому благодать Божия не исключает праведности Божией в нашем оправдании, но исключает лишь человеческую праведность как *заслуживающую* наше оправдание». «Слова, что мы оправдываемся одной верой, сказаны, чтобы решительно устранить всякую заслугу наших дел и всецело приписать *заслугу* и

достоинство, которыми приобретено наше оправдание, одному Христу. Наше оправдание даётся даром, единственно по милости Божией. Ибо, поскольку весь мир не мог уплатить ни малейшей части нашего выкупа, Ему было угодно, без всякой нашей заслуги, приготовить для нас Тело и Кровь Христа, которыми мог бы быть уплачен наш выкуп и удовлетворена Его справедливость. Поэтому Христос ныне есть праведность всех истинно верующих в Него».

[28] 7. Гимны, опубликованные год или два спустя и с тех пор несколько раз переизданные, что ясно свидетельствует о неизменности моего суждения, говорят совершенно то же самое. Привести все соответствующие места значило бы переписать значительную часть этих томов. Возьмите один пример за все, перепечатанный семь лет назад, пять лет назад, два года назад и несколько месяцев назад:

> [29] Иисус, Твоя Кровь и праведность —
> Моя краса, мой славный наряд.
> В них облачённый, среди пылающих миров
> Я с радостью подниму голову.

[30] Весь гимн от начала до конца выражает ту же мысль.

[31] 8. В «Проповеди об оправдании», опубликованной девятнадцать лет назад и снова семь или восемь лет назад, я выражаю то же самое следующими словами (с. 55): «Ввиду того, что Сын Божий “вкусил смерть за каждого человека”, Бог ныне “примирил с Собою мир, не вменяя людям” прежних “преступлений их”. Поэтому ради Своего возлюбленного Сына, ради того, что Он совершил и претерпел за нас, Бог ныне благоволит при одном-единственном условии, которое Сам же даёт нам

силы исполнить, и снять наказание, должное за наши грехи, и вернуть нас в Своё благоволение, и восстановить наши мёртвые души к духовной жизни как залогу жизни вечной».

[32] 9. Ещё подробнее и определённее это выражено в «Трактате об оправдании», который я издал в прошлом году: «Если понимать выражение “вменение праведности Христа” как дарование, так сказать, праведности Христа, включающей Его послушание, как страдательное, так и деятельное, в её плодах, то есть в приобретённых ею преимуществах, благословениях и благах, тогда можно сказать, что верующий оправдывается вменённой ему праведностью Христа. Смысл таков: Бог оправдывает верующего ради праведности Христа, а не ради какой-либо его собственной праведности. Так и Кальвин (“Наставление”, кн. 2, гл. 17): “Христос Своим послушанием приобрёл и заслужил для нас благодать, или благоволение Бога Отца”. И ещё: “Христос Своим послушанием приобрёл, или купил, для нас праведность”. И снова: “Все подобные выражения — что мы оправдываемся благодатью Божией, что Христос есть наша праведность, что праведность приобретена для нас смертью и воскресением Христа — означают одно и то же: праведность Христа, и Его деятельная, и Его страдательная праведность, есть заслуживающая причина нашего оправдания и приобрела нам от Бога то, чтобы, уверовав, мы были признаны Им праведными”» (с. 5).

[33] 10. Но, быть может, кто-нибудь возразит: «Однако вы утверждаете, что вера вменяется нам в праведность». Святой Павел утверждает это снова и снова, потому утверждаю и я. Вера вменяется в праведность каждому

верующему, именно вера в праведность Христа; но это в точности то же самое, что сказано прежде. Ибо под этим выражением я понимаю не больше и не меньше, чем то, что мы оправдываемся верой, а не делами; или что каждый верующий получает прощение и принимается Богом единственно ради того, что Христос совершил и претерпел.

34 11. Но разве верующий не облечён, не одет в праведность Христа? Несомненно. Поэтому приведённые выше слова — язык всякого верующего сердца:

35 Иисус, Твоя Кровь и праведность

36 Моя краса, мой славный наряд. То есть: «Ради Твоей деятельной и страдательной праведности я прощён и принят Богом».

37 Но разве мы не должны снять грязные лохмотья собственной праведности, прежде чем сможем облечься в непорочную праведность Христа? Конечно, должны; то есть, говоря прямо, мы должны покаяться, прежде чем сможем уверовать в Евангелие. Мы должны отрешиться от упования на самих себя, прежде чем сможем истинно положиться на Христа. Мы должны отбросить всякую уверенность в собственной праведности, иначе не сможем иметь истинного упования на Его праведность. Пока мы не избавимся от надежды на что-либо, что делаем сами, мы не можем всецело уповать на совершённое и претерпленное Им. Сначала мы принимаем в самих себе смертный приговор; затем уповаем на Того, Кто жил и умер за нас.

38 12. Но разве вы не верите во внутренне присущую человеку праведность? Да, на её надлежащем месте: как в плод нашего принятия Богом, а не в его основание; как в

следствие вменённой праведности, а не как в её замену. То есть я верую, что Бог насаждает праведность в каждом, кому вменяет её. Я верую, что «Иисус Христос сделался для нас от Бога освящением», как и «праведностью»; или что Бог освящает, равно как и оправдывает, всех верующих в Него. Те, кому вменяется праведность Христа, становятся праведными Духом Христовым, обновляются в образе Божием, «по подобию, в котором были сотворены, в праведности и истинной святости».

[39] 13. Но разве вы не ставите веру на место Христа или Его праведности? Нисколько. Я особенно забочусь о том, чтобы каждому отвести надлежащее место. Праведность Христа — всецелое и единственное основание всей нашей надежды. Именно верою Святой Дух даёт нам способность строить на этом основании. Бог дарует эту веру; в то же мгновение мы принимаемся Богом, однако не ради этой веры, а ради того, что Христос совершил и претерпел за нас. Как видите, каждое занимает надлежащее место и одно не противоречит другому. Мы веруем, любим, стараемся непорочно ходить во всех заповедях Господних; и всё же:

> [40] Так посвящая
> Наши земные мгновения,
> Себя мы оставляем
> И в праведности Иисуса находим прибежище.
> Лишь Его страдания
> Признаём основанием;
> И прощения просим,
> И вечного искупления во имя Иисуса.

[41] 14. Поэтому я столь же мало отрицаю праведность Христа, как и Его Божество; и обвинять меня в отрицании

одного столь же справедливо, как в отрицании другого. Не отрицаю я и вменённой праведности: это ещё одно недоброжелательное и несправедливое обвинение. Я всегда утверждал и доныне непрестанно утверждаю, что праведность Христа вменяется каждому верующему. Кто же отрицает её? Все неверующие, крещёные и некрещёные; все утверждающие, что славное Евангелие Господа нашего Иисуса Христа — хитросплетённая басня; все социниане и ариане; все отрицающие верховное Божество искупившего их Господа. Они, следовательно, отрицают Его божественную праведность, поскольку считают Его простым творением; и отрицают вменение Его человеческой праведности кому бы то ни было, поскольку верят, что каждый принимается за собственную праведность.

[42] 15. Человеческая праведность Христа, по крайней мере её вменение как всецелой и единственной заслуживающей причины оправдания грешника пред Богом, отрицается также членами Римской церкви, всеми из них, кто верен принципам своей церкви. Но, несомненно, среди них немало людей, чей опыт выходит за пределы их принципов; которые, хотя и далеко не точно выражаются, всё же чувствуют то, чего не умеют выразить. Да, хотя их понятия об этой великой истине столь же неотработанны, как и выражения, сердцем они веруют; уповают на одного Христа и для нынешнего, и для вечного спасения.

[43] 16. К ним можно отнести и тех в реформатских церквах, кого обыкновенно называют мистиками. Одним из главных среди них в нынешнем столетии, по крайней мере в Англии, был г-н Лоу. Хорошо известно, что он решительно и ревностно отрицал вменение праведности

Христа, столь же ревностно, как Роберт Баркли, который не стесняется говорить: «Вменённая праведность! Вменённая бессмыслица!» Того же мнения держится основная часть людей, известных под именем квакеров. Более того, большинство называющих себя членами Англиканской церкви либо совершенно не знакомы с вопросом и ничего не знают о вменённой праведности, либо отрицают её вместе с оправданием верою как разрушительные для добрых дел. К ним можно добавить значительное число людей, обыкновенно именуемых анабаптистами, вместе с тысячами пресвитериан и индепендентов, недавно просвещённых сочинениями д-ра Тейлора. О последних мне не поручено выносить какой-либо приговор; я оставляю их Сотворившему их. Но кто осмелится утверждать, что все мистики, в частности такой, как г-н Лоу, все квакеры, все пресвитериане или индепенденты и все члены Англиканской церкви, чьи мнения или выражения не отличаются ясностью, лишены всякого христианского опыта? Что, следовательно, все они находятся под осуждением, «без надежды, без Бога в мире»? Как бы ни были спутанны их представления, как бы ни был неточен их язык, разве не может среди них быть много людей, чьи сердца правы пред Богом и которые на деле знают «Господа — оправдание наше»?

[44] 17. Но, благословен Бог, мы не принадлежим к тем, чьи понятия и выражения столь темны. Мы не отрицаем ни самого выражения, ни того, что оно означает, но не желаем навязывать его другим. Пусть употребляют его или иные выражения, которые считают более точно соответствующими Писанию, лишь бы сердце их в надежде на прощение, благодать и славу опиралось только на то, что Христос совершил и претерпел. Не могу выразить это лучше, чем словами г-на Херви, достойными

быть написанными золотыми буквами: «Мы не заботимся о каком-либо особом наборе выражений. Пусть только люди смиряются, как кающиеся преступники, у ног Христа и полагаются на Его заслуги, как преданные Ему получатели содержания, — и они, несомненно, на пути к блаженному бессмертию».

45 18. Есть ли нужда, есть ли возможность сказать больше? Будем лишь держаться этого заявления — и все распри о том или ином «особом выражении» будут вырваны с корнем. Держитесь этого: «Все смиряющиеся, как кающиеся преступники, у ног Христа и полагающиеся на Его заслуги, как преданные Ему получатели содержания, находятся на пути к блаженному бессмертию». И где тогда место спору? Кто это отрицает? Разве не все мы сходимся на этом основании? О чём же нам препираться? Миролюбивый человек предлагает здесь условия примирения всем спорящим сторонам. Лучших мы не желаем; принимаем эти условия, подписываемся под ними сердцем и рукой. Кто откажется это сделать — заметьте такого человека! Он враг мира, возмутитель Израиля, нарушитель покоя Церкви Божией.

46 19. Между тем мы опасаемся вот чего: как бы кто-нибудь не употребил выражение «праведность Христа» или «праведность Христа вменяется мне» для прикрытия своей неправедности. Мы тысячу раз видели подобное. Человека, допустим, обличали в пьянстве. «О, — говорил он, — я не притязаю на *собственную* праведность; Христос — *моя праведность*». Другому говорили, что «вымогатели и неправедные Царства Божия не наследуют». Он отвечал с полной уверенностью: «Сам по себе я неправеден, но во Христе имею непорочную праведность». И так, хотя человек столь же далёк от

христианских дел, как и от христианских расположений; хотя не имеет чувствований, бывших во Христе, и ни в чём не поступает так, как поступал Он, — всё же обладает непроницаемой для всякого обличения бронёй в том, что называет «праведностью Христа».

[47] 20. Именно множество таких прискорбных примеров заставляет нас сдержанно пользоваться этими выражениями. И я не могу не обратиться ко всем вам, часто употребляющим их, и не умолять вас именем Бога, нашего Спасителя, Которому вы принадлежите и служите, усердно предостерегать всех ваших слушателей от этого проклятого злоупотребления ими. О, предостерегите их — быть может, они услышат *ваш* голос — от того, чтобы «оставаться во грехе, дабы умножилась благодать»! Предостерегите их от превращения «Христа в служителя греха», от упразднения торжественного определения Божия: «Без святости никто не увидит Господа» — пустой мечтой, будто они *святы во Христе*! О, предупредите их: если они остаются неправедными, праведность Христа не принесёт им никакой пользы! Громко возгласите — разве нет причины? — что праведность Христа вменяется нам именно для того, чтобы «праведность закона исполнилась в нас» и чтобы мы «жили целомудренно, праведно и благочестиво в нынешнем веке».

[48] Остаётся лишь краткое и простое применение. Прежде всего я хотел бы обратиться к вам, кто яростно противится этим выражениям и готов осудить всех употребляющих их как антиномистов. Но не значит ли это слишком сильно перегибать лук в противоположную сторону? Зачем осуждать всех, кто говорит не в точности так, как вы? Зачем ссориться с ними за то, что они

пользуются нравящимися им выражениями, более чем им — с вами за такую же свободу? Или, если они и ссорятся с вами по этой причине, не подражайте нетерпимости, которую осуждаете. По крайней мере предоставьте им ту свободу, которую они должны предоставить вам. И зачем сердиться на выражение? «О, им злоупотребляли!» А каким выражением не злоупотребляли? Однако злоупотребление можно устранить, сохранив употребление. Прежде всего непременно удерживайте важный смысл, заключённый в этом выражении: «Все блага, которыми я пользуюсь, всё, на что надеюсь во времени и в вечности, даётся мне всецело и исключительно ради того, что Христос совершил и претерпел за меня».

[49] Во-вторых, я хотел бы добавить несколько слов для вас, кто любит эти выражения. Позвольте спросить: разве я признаю недостаточно? Чего большего может пожелать разумный человек? Я признаю весь смысл, за который вы стоите: всякое благословение мы имеем через праведность Бога, нашего Спасителя. Я позволяю *вам* употреблять любые выражения по вашему выбору, пусть даже тысячу раз, — только ограждая их от страшного злоупотребления, предотвращение которого столь же близко касается вас, как и меня. Я сам часто пользуюсь обсуждаемым выражением — «вменённая праведность» — и часто вкладываю его и подобные ему выражения в уста целого собрания. Но предоставьте мне в этом свободу совести, право личного суждения. Позвольте мне употреблять его всякий раз, когда я считаю его предпочтительнее любого другого, и не сердитесь, если я не нахожу уместным повторять одно выражение каждые две минуты. Вы можете делать это, если желаете, но не осуждайте меня за то, что я так не делаю. Не

изображайте меня из-за этого папистом или «врагом праведности Христа». Терпите меня, как я терплю вас; иначе как нам «исполнить закон Христов»? Не поднимайте трагических воплей, словно я «подрываю самые основания христианства». Кто так поступает, причиняет мне великую несправедливость; да не вменит ему этого Господь! Я полагаю и уже многие годы полагал в точности то же основание, что и вы. И действительно, «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос». На нём я, как и вы, строю внутреннюю и внешнюю святость, именно верою. Поэтому не допускайте в сердце ни неприязни, ни недоброжелательства, ни даже отчуждения или холодности. Если бы и было различие мнений, где наша религия, если мы не умеем сами мыслить и позволять мыслить другим? Что мешает вам простить меня так же легко, как мне — вас? Тем более когда есть лишь различие выражений? Да и едва ли даже это: весь спор лишь о том, следует ли чаще или реже употреблять определённый оборот речи. Поистине нужно сильно желать спорить друг с другом, чтобы сделать это предметом раздора! О, не будем больше ради подобных пустяков давать нашим общим врагам повод к хуле! Лучше наконец лишим повода тех, кто ищет повода! Соединим наконец — о, почему этого не было сделано прежде? — сердца и руки в служении нашему великому Учителю. Имея «одного Господа, одну веру, одну надежду нашего призвания», будем все укреплять друг другу руки в Боге и единым сердцем и едиными устами объявим всему человечеству: «ГОСПОДЬ — ОПРАВДАНИЕ НАШЕ».

О Нагорной проповеди нашего Господа

[1] Беседа 1

[2] «Увидев народ, Он взошёл на гору; и, когда сел, приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои, учил их, говоря: “Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся”».

[3] Матф. 5:1–4.

[4] 1. К тому времени наш Господь уже «обошёл всю Галилею» (Матф. 4:23), начав с того времени, «когда Иоанн был заключён в темницу» (Матф. 4:12), не только «уча в синагогах их и проповедуя Евангелие Царствия», но и «исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в народе». Естественным следствием стало то, что «за Ним следовало множество народа из Галилеи и Десятиградия, и Иерусалима, и Иудеи, и из-за Иордана» (Матф. 4:25). «И, увидев народ», которого не вместила бы никакая синагога, даже будь она поблизости, «Он взошёл на гору», где было место для всех приходящих к Нему отовсюду. «И, когда сел», по обычаю иудеев, «приступили к Нему ученики Его. И Он, отверзши уста Свои», — выражение, обозначающее начало торжественной речи, — «учил их, говоря…»

[5] 2. Заметим, Кто здесь говорит, чтобы внимать тому, как мы слушаем. Это Господь неба и земли, Творец всего,

Который как таковой имеет право распоряжаться всеми Своими творениями; Господь, наш Владыка, Чьё Царство от века и владычество над всем; великий Законодатель, вполне способный обеспечить исполнение всех Своих законов, ибо Он «может спасти и погубить», даже наказать «вечной погибелью от лица Своего и от славы могущества Своего». Это вечная Премудрость Отца, знающая, из чего мы созданы, понимающая самое сокровенное наше устроение; знающая наши отношения к Богу, друг к другу и к каждому сотворённому Богом существу, а следовательно, и то, как приспособить каждый предписываемый Им закон ко всем обстоятельствам, в которые Он нас поставил. Это Тот, Кто «благ ко всякому человеку, Чья милость — на всех делах Его»; Бог любви, Который, умалив Себя и совлекшись вечной славы, исшёл от Отца, чтобы объявить Его волю сынам человеческим, и затем снова идёт к Отцу; Который послан Богом «открыть глаза слепым и просветить сидящих во тьме». Это великий Пророк Господень, о Котором Бог давно торжественно объявил: «Кто не послушает слов Моих, которые Он будет говорить Моим именем, с того Я взыщу» (Втор. 18:19); или, как выражается апостол: «Всякая душа, которая не послушает Пророка того, истребится из народа» (Деян. 3:23).

[6] 3. Чему же Он учит? Сын Божий, пришедший с небес, показывает нам здесь путь на небо, к месту, которое Он приготовил для нас, к славе, которую имел прежде бытия мира. Он учит нас истинному пути в жизнь вечную, царскому пути, ведущему в Царство, единственному истинному пути, ибо другого нет: все прочие пути ведут в погибель. Зная, Кто Говорящий, мы вполне уверены, что Он объявил полную и совершенную волю Божию. Он не

произнёс ни йоты лишней, ничего сверх принятого от Отца; и не сказал меньше необходимого, не уклонился от возвещения всей воли Божией; тем более не сказал ничего неверного, ничего противного воле Пославшего Его. Все Его слова истинны и правы во всём и пребудут твёрдыми во веки веков.

[7] И легко заметить, что, объясняя и подтверждая эти верные и истинные слова, Он заботится об опровержении не только заблуждений книжников и фарисеев, бывших тогда ложными толкованиями, которыми иудейские учители того века искажали слово Божие, но и всех несовместимых со спасением практических заблуждений, какие когда-либо возникнут в христианской Церкви; всех толкований, которыми так называемые христианские учители любого века или народа будут искажать слово Божие и учить неосторожные души искать смерти в заблуждениях своей жизни.

[8] 4. Отсюда мы естественно переходим к вопросу, кого Он здесь учит. Не одних апостолов: иначе Ему не нужно было бы восходить на гору. Комната в доме Матфея или любого из учеников вместила бы двенадцать. Да и ничто не указывает, что приступившие к Нему ученики были только двенадцатью. Выражение hoi mathetai autou без всякой натяжки может означать всех желавших учиться у Него. Но чтобы совершенно устранить сомнение, сделать неоспоримо ясным, что в словах «отверзши уста Свои, учил их» слово *их* включает всё множество народа, взошедшее с Ним на гору, достаточно обратить внимание на заключительные стихи седьмой главы: «И когда Иисус окончил слова сии, народ» (hoi ochloi) «дивился учению Его», или наставлению, «ибо Он учил их», народ, «как власть имеющий, а не как книжники».

9 И не только тому множеству, которое было с Ним на горе, Он ныне преподавал путь спасения, но всем сынам человеческим, всему человеческому роду, ещё не рождённым детям, всем грядущим поколениям до самого конца мира, которым когда-либо доведётся услышать слова этой жизни.

10 5. В отношении некоторых частей последующего поучения это признают все. Например, никто не отрицает, что сказанное о нищете духа относится ко всему человечеству. Но многие предполагали, что другие части касаются лишь апостолов, первых христиан или служителей Христовых и никогда не предназначались для большинства людей, которые, следовательно, не имеют к ним никакого отношения.

11 Однако не вправе ли мы спросить, кто сказал им, будто некоторые части этого поучения касаются лишь апостолов, христиан апостольского века или служителей Христовых? Голых утверждений недостаточно для доказательства столь важного положения. Разве Сам наш Господь научил нас, что некоторые части Его речи не касаются всего человечества? Несомненно, будь это так, Он сказал бы нам; Он не мог упустить столь необходимого разъяснения. Но сказал ли Он? Где? В самом поучении? Нет: здесь нет ни малейшего намёка на это. Сказал ли Он в другом месте, в какой-либо другой Своей речи? Во всём, что Он когда-либо говорил народу или ученикам, мы не находим ни одного слова, хотя бы отдалённо указывающего на это. Оставил ли такое наставление в записи кто-нибудь из апостолов или других богодухновенных писателей? Ничего подобного. Во всех изречениях Божиих не найти утверждения такого рода.

Кто же эти люди, настолько более мудрые, чем Бог, столь далеко мудрствующие сверх написанного?

12 6. Быть может, они скажут, что сам смысл дела требует такого ограничения. Если требует, то по одной из двух причин: без подобного ограничения поучение либо оказалось бы явно нелепым, либо противоречило бы какому-либо другому месту Писания. Но дело обстоит иначе. Когда мы перейдём к исследованию отдельных положений, ясно обнаружится, что нет никакой нелепости в применении ко всему человечеству всего сказанного здесь нашим Господом. Не возникнет и противоречия ни с чем иным, сказанным Им, или с каким-либо другим местом Писания. Более того, выяснится, что к людям вообще следует применять либо все части этого поучения, либо ни одной, ибо все они соединены между собою, связаны, как камни свода, из которого нельзя вынуть ни одного, не разрушив всего сооружения.

13 7. Наконец, можно заметить, как наш Господь здесь учит. Поистине, как всегда, но особенно теперь, Он говорит так, «как никогда человек не говорил». Не так, как древние святые мужи, хотя и они говорили, «будучи движимы Духом Святым». Не так, как Пётр, Иаков, Иоанн или Павел: они действительно были мудрыми строителями в Его Церкви, но всё же и в этом, в степени небесной мудрости, раб не равен своему Господу. Более того, даже не так, как Он Сам в какое-либо другое время или при ином случае. Не видно, чтобы когда-либо в другое время или в другом месте Он намеревался сразу изложить весь замысел Своей религии, дать нам полный обзор христианства, подробно описать природу той святости, без которой никто не увидит Господа. Отдельные её

стороны Он действительно описывал по тысяче разных поводов; но нигде, кроме этого места, не давал намеренно общего обзора целого. Более того, ничего подобного мы не имеем во всей Библии, если только не сделать исключение для краткого очерка святости, данного Богом Моисею на горе Синай в тех Десяти Словах, или Заповедях. Но даже здесь как велико различие между тем и другим! «Прославленное даже не оказалось славным с сей стороны, по причине преимущественной славы» (2 Кор. 3:10).

[14] 8. Прежде всего, с какой поразительной любовью Сын Божий открывает здесь человеку волю Своего Отца! Он не приводит нас снова «к горе, пылающей огнём, ни ко мраку, тьме и буре». Он не говорит, как тогда, когда «возгремел с небес», когда Всевышний «дал гром Свой, град и угли огненные». Теперь Он обращается к нам тихим, кротким голосом: «Блаженны», или счастливы, «нищие духом». Счастливы плачущие, кроткие, алчущие праведности, милостивые, чистые сердцем; счастливы в конце пути и на пути, счастливы в этой жизни и в жизни вечной! Словно Он говорит: «Кто желает жить и хотел бы видеть добрые дни? Вот, Я показываю вам то, чего жаждет ваша душа! Вот путь, который вы так долго напрасно искали: путь приятности, стезя к тихому, радостному миру, к небу здесь, внизу, и к небу горнему!»

[15] 9. И в то же время с какой властью Он учит! По праву могли они сказать: «Не как книжники». Заметьте манеру — хотя словами её не выразить, — облик, с которым Он говорит! Не как Моисей, раб Божий, не как Авраам, друг Его, не как кто-либо из пророков или кто-либо из сынов человеческих. Здесь нечто большее, чем человеческое, большее, чем может принадлежать какому-либо

сотворённому существу. Это речь Творца всего! Бог, Бог является! Да, о oN, Бытие всех существ, ИЕГОВА, Самосущий, Всевышний, Бог над всеми, благословенный вовеки!

[16] 10. Это божественное поучение, изложенное в совершеннейшем порядке, где каждая последующая часть поясняет предыдущие, обыкновенно и вполне уместно делят на три главные части: первую, содержащуюся в пятой главе, вторую — в шестой, третью — в седьмой. В первой вся сущность истинной религии изложена в восьми положениях, которые в следующих частях пятой главы объясняются и ограждаются от ложных человеческих толкований. Во второй даны правила того правильного намерения, которое нам следует сохранять во всех внешних поступках, без примеси мирских желаний или тревожных забот даже о необходимом для жизни. В третьей находятся предостережения против главных препятствий религии, завершаемые применением всего сказанного.

[17] I. 1. Прежде всего наш Господь излагает сущность всей истинной религии в восьми положениях, которые затем до конца пятой главы объясняет и ограждает от ложных человеческих толкований.

[18] Некоторые предполагали, что в них Он намеревался указать последовательные ступени христианского пути, шаги, которые христианин делает один за другим на пути в обетованную землю; другие — что все перечисленные здесь положения во всякое время принадлежат каждому христианину. Почему бы не признать и то и другое? В чём их несовместимость? Несомненно верно, что и нищета духа, и всякое другое упомянутое здесь расположение во всякое время в большей или меньшей степени

присутствуют в каждом истинном христианине. И столь же верно, что подлинное христианство всегда начинается с нищеты духа и идёт далее в указанном здесь порядке, пока «человек Божий не станет совершенным». Мы начинаем с низшего из этих даров Божиих, но так, чтобы не оставлять его, когда Бог призывает нас подняться выше; напротив, «чего уже достигли, того держимся», стремясь к ещё предстоящему, к высшим Божиим благословениям во Христе Иисусе.

19 2. Основание всего — нищета духа; поэтому с неё наш Господь и начинает: «Блаженны, — говорит Он, — нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

20 Не лишено вероятности предположение, что наш Господь взглянул на окружавших Его и, заметив, что среди них мало богатых, но скорее бедняки мира сего, воспользовался этим как поводом перейти от временного к духовному. «Блаженны, — говорит Он, — нищие духом»; или *счастливы*, ибо так следовало бы передать это слово и в этом, и в последующих стихах. Он не говорит о бедных по внешнему положению: возможно, некоторые из них столь же далеки от счастья, как монарх на престоле. Он говорит о «нищих духом», о тех, кто, каковы бы ни были внешние обстоятельства, имеет то расположение сердца, которое есть первый шаг ко всякому истинному, прочному счастью в этом мире или в будущем.

21 3. Некоторые полагали, что под нищими духом здесь понимаются любящие бедность, свободные от корыстолюбия и сребролюбия, скорее боящиеся богатства, нежели желающие его. Быть может, к такому суждению их привело то, что они ограничили свои мысли самим выражением; или размышление над веским замечанием святого Павла, что «корень всех зол есть

сребролюбие». Отсюда многие полностью отказались не только от богатств, но и от всех мирских благ. Отсюда, по-видимому, возникли и обеты добровольной бедности в Римской церкви: предполагалось, что столь высокая степень этой основополагающей благодати должна быть большим шагом к «Царству Небесному».

22 Но эти люди, по-видимому, не заметили, во-первых, что выражение святого Павла следует понимать с некоторым ограничением; иначе оно неверно, ибо сребролюбие — не корень, не единственный корень всякого зла. В мире тысячи других корней зла, как ежедневно показывает печальный опыт. Смысл его слов может быть только в том, что это корень весьма многих зол, быть может, большего числа, чем любой другой отдельный порок. Во-вторых, такое понимание выражения «нищие духом» совершенно не соответствует нынешнему замыслу нашего Господа — заложить общее основание для всего здания христианства; замыслу, которому никак не отвечало бы предостережение против одного частного порока. Поэтому, даже если бы такое понимание и составляло часть Его смысла, оно никак не могло бы быть всем смыслом. В-третьих, его нельзя считать даже частью Его смысла, не обвиняя Господа в явной тавтологии: если нищета духа есть лишь свобода от корыстолюбия, сребролюбия или желания богатства, она совпала бы с тем, что Он упоминает позднее, и была бы только одной стороной чистоты сердца.

23 4. Кто же такие «нищие духом»? Несомненно, смиренные; знающие самих себя; обличённые во грехе; те, кому Бог даровал первое покаяние, предшествующее вере во Христа.

24 Такой человек больше не может сказать: «Я богат, разбогател и ни в чём не имею нужды», ибо теперь знает, что он «несчастен, беден, жалок, слеп и наг». Он убеждён, что действительно духовно нищ, что в нём не пребывает никакого духовного блага. «Во мне, — говорит он, — не живёт доброе», но всякое зло и мерзость. Он глубоко чувствует отвратительную проказу греха, которую принёс с собой из чрева матери, которая покрывает всю его душу и совершенно развращает все её силы и способности. Он всё яснее видит злые расположения, вырастающие из этого злого корня: гордость и надменность духа, постоянную склонность думать о себе выше, чем следует; тщеславие, жажду человеческого уважения или чести; ненависть или зависть, ревность или мстительность, гнев, злобу или горечь; врождённую вражду против Бога и человека, проявляющуюся в десяти тысячах видов; любовь к миру, своеволие, неразумные и вредные желания, прилипшие к самой глубине его души. Он сознаёт, как тяжко согрешал языком: если и не нечестивыми, непристойными, лживыми или злыми словами, то речами, не бывшими «добрыми для назидания», не способными «доставить благодать слушающим» и потому в Божией оценке совершенно гнилыми, огорчавшими Его Святого Духа. И злые дела его теперь также всегда пред ним; если он станет перечислять их, окажется больше, чем он способен выразить. С тем же успехом он мог бы взяться считать капли дождя, песок морской или дни вечности. [16]

25 5. Теперь и вина его пред лицом его. Он знает, какого наказания заслуживает хотя бы за свой плотской ум, за полную, всеобщую испорченность своей природы; тем более за все злые желания и мысли, за все греховные слова и поступки. Ни на миг он не может усомниться, что

малейшее из них заслуживает осуждения в геенну, «червя неумирающего и огня неугасимого». Прежде всего тяжким бременем лежит на нём вина того, что он «не верует во имя Единородного Сына Божия». «Как, — говорит он, — избегну я, пренебрегающий столь великим спасением?» «Неверующий уже осуждён», и «гнев Божий пребывает на нём».

[26] 6. Но что даст он взамен души своей, подпавшей под праведное возмездие Божие? «С чем предстанет пред Господом?» Как заплатит Ему свой долг? Если бы с этого мгновения он стал совершенно повиноваться каждой Божией заповеди, это не загладило бы ни одного греха, ни одного прежнего акта непослушания, ибо с этого мгновения и на всю вечность он и так обязан Богу всем служением, какое только способен нести; даже если бы он отдал всё это, оно никак не возместило бы того, что он должен был сделать прежде. Поэтому он видит свою полную беспомощность в отношении искупления прошлых грехов, полную неспособность чем-либо возместить Богу ущерб, внести какой-либо выкуп за собственную душу.

[27] Но если бы Бог простил ему всё прошлое при одном условии — больше не грешить, в будущем совершенно и постоянно исполнять все Его повеления, — он хорошо знает, что это не принесло бы ему никакой пользы, ибо такого условия он никогда не смог бы исполнить. Он знает и чувствует, что не способен соблюдать даже внешние Божии заповеди, поскольку их невозможно исполнять, пока сердце остаётся в своей природной греховности и испорченности: худое дерево не может приносить добрых плодов. Но очистить грешное сердце он не может; человекам это невозможно. Поэтому он

совершенно не знает даже, как начать ходить путём Божиих заповедей. Он не знает, как сделать на этом пути хотя бы шаг вперёд. Окружённый грехом, скорбью и страхом, не находя выхода, он может лишь воскликнуть: «Господи, спаси, или я погибну!»

[28] 7. Итак, нищета духа, поскольку она означает первый шаг на предлежащем нам поприще, есть верное сознание наших внутренних и внешних грехов, нашей вины и беспомощности. Некоторые чудовищным образом назвали это «добродетелью смирения», тем самым уча нас гордиться знанием того, что мы заслуживаем осуждения! Но выражение нашего Господа совершенно иного рода; оно сообщает слушателю лишь понятие полной нужды, неприкрытого греха, беспомощной вины и бедствия.

[29] 8. Великий апостол, стараясь привести грешников к Богу, говорит совершенно соответственно этому. «Гнев Божий, — говорит он, — открывается с неба на всякое нечестие и неправду человеков» (Рим. 1:18). Это обвинение он немедленно обращает против языческого мира и тем доказывает, что язычники находятся под гневом Божиим. Затем показывает, что иудеи ничем не лучше их и потому находятся под тем же осуждением. И всё это не ради достижения ими «благородной добродетели смирения», но «так что заграждаются всякие уста и весь мир становится виновен пред Богом».

[30] Затем он показывает, что они не только виновны, но и беспомощны; таков ясный смысл всех этих выражений: «Делами закона не оправдается никакая плоть»; «Но ныне, независимо от закона, явилась праведность Божия через веру в Иисуса Христа»; «Мы признаём, что человек оправдывается верою, независимо от дел закона». Все эти выражения направлены к одному: «удалить от человека

гордость», смирить его до праха, не уча его считать собственное смирение добродетелью; внушить ему ту полную, пронзительную убеждённость в своей крайней греховности, вине и беспомощности, которая повергает грешника, всего лишённого, погибшего и разорённого, к его сильному Помощнику — Иисусу Христу, Праведнику.

31 9. Здесь нельзя не заметить, что христианство начинается именно там, где кончается языческая нравственность. Нищета духа, обличение во грехе, отречение от самих себя, отсутствие собственной праведности — самое первое положение в религии Иисуса Христа — оставляют позади всю языческую религию. Это всегда было сокрыто от мудрецов мира сего; настолько, что во всём римском языке, даже при всех усовершенствованиях века Августа, нет и названия для *смирения*: слово, от которого мы заимствуем своё, как известно, имеет в латинском совершенно другой смысл. Да и во всём богатом греческом языке такого слова не было, пока его не создал великий апостол.

32 10. О, да почувствуем мы то, чего они не могли выразить! Грешник, пробудись! Познай себя! Познай и почувствуй, что ты «в беззаконии зачат» и «во грехе родила тебя мать твоя»; что ты сам нагромождал грех на грех с тех пор, как стал различать добро и зло! Склонись под крепкую руку Божию как виновный, достойный вечной смерти; отбрось, отвергни, возненавидь всякую мысль о том, будто когда-нибудь сможешь помочь себе сам! Пусть вся твоя надежда будет в том, чтобы омыться Кровью и обновиться всемогущим Духом Того, Кто Сам «грехи наши вознёс Телом Своим на древо»! Тогда ты засвидетельствуешь: «Счастливы нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

[33] 11. Это то Царство Небесное, или Божие, которое внутри нас, именно «праведность, мир и радость во Святом Духе». А что такое «праведность», как не жизнь Божия в душе, не чувствования, бывшие во Христе Иисусе, не образ Божий, запечатлённый в сердце, ныне обновлённом по подобию Сотворившего его? Что это, как не любовь к Богу, потому что Он прежде возлюбил нас, и любовь ко всему человечеству ради Него?

[34] И что такое этот «мир», мир Божий, как не тихая безмятежность души, сладостный покой в Крови Иисуса, не оставляющий сомнения в том, что мы приняты в Нём; исключающий всякий страх, кроме любящего сыновнего страха оскорбить нашего Небесного Отца?

[35] Это внутреннее Царство включает также «радость во Святом Духе», Который запечатлевает в наших сердцах «искупление во Иисусе», праведность Христа, вменённую нам «для прощения прежде соделанных грехов»; Который ныне даёт нам «залог нашего наследия», венца, который Господь, праведный Судия, даст в тот день. И по праву это можно назвать «Царством Небесным», ибо это уже открывшееся в душе небо, первые струи тех потоков блаженства, которые вовеки текут одесную Бога.

[36] 12. «Их есть Царство Небесное». Кто бы ты ни был, кому Бог даровал стать «нищим духом», почувствовать свою погибель, ты имеешь право на это Царство по милостивому обетованию Того, Кто не может лгать. Оно приобретено для тебя Кровью Агнца. Оно совсем близко: ты на пороге неба! Ещё шаг — и ты войдёшь в Царство праведности, мира и радости! Ты весь — грех? «Вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира!» Весь — нечистота? Взгляни на своего «Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника»! Ты не способен искупить

малейшего из своих грехов? «Он есть умилостивление за» все твои «грехи». Ныне уверуй в Господа Иисуса Христа — и все твои грехи изглажены! Ты совершенно нечист душой и телом? Вот «источник для омытия греха и нечистоты»! «Встань и омой грехи твои!» Не колеблись больше в обетовании через неверие! Воздай славу Богу! Дерзни уверовать! Ныне воскликни из глубины сердца:

[37] Да, я сдаюсь, я наконец сдаюсь,
Внимаю говорящей Крови Твоей;
Себя со всеми грехами вверяю
Моему искупающему Богу.

[38] 13. Тогда ты учишься у Него быть «смиренным сердцем». И это истинное, подлинное христианское смирение, проистекающее из чувства любви Бога, примирённого с нами во Христе Иисусе. Нищета духа в этом смысле начинается там, где кончается чувство вины и гнева Божия; она есть постоянное сознание нашей полной зависимости от Него во всякой доброй мысли, слове и деле; нашей совершенной неспособности ко всякому добру, если Он не «напояет нас каждое мгновение»; и отвращение к человеческой похвале, поскольку мы знаем, что всякая хвала принадлежит одному Богу. С этим соединяется исполненный любви стыд, нежное смирение пред Богом даже за те грехи, которые, как мы знаем, Он нам простил, и за грех, всё ещё остающийся в наших сердцах, хотя мы знаем, что он не вменяется нам в осуждение. Тем не менее испытываемое нами обличение во врождённом грехе становится день ото дня всё глубже. Чем больше мы возрастаем в благодати, тем яснее видим отчаянную испорченность своего сердца. Чем дальше продвигаемся в познании Бога и любви к Нему через Господа нашего

Иисуса Христа, — какой бы великой тайной это ни казалось не знающим Божией силы ко спасению, — тем яснее различаем нашу отчуждённость от Бога, вражду, пребывающую в нашем плотском уме, и необходимость всецело обновиться в праведности и истинной святости.

[39] II. 1. Правда, тот, кто только начинает познавать внутреннее Царство Небесное, едва имеет об этом какое-либо представление. «В благоденствии своём он говорит: не поколеблюсь вовек; Ты, Господи, укрепил гору мою». Грех столь совершенно сокрушён под его ногами, что он едва может поверить, будто тот ещё остаётся в нём. Даже искушение умолкло и больше не подаёт голоса; оно не может приблизиться, но стоит вдали. Его возносят колесницы радости и любви; он парит «словно на орлиных крыльях». Но наш Господь хорошо знал, что это торжествующее состояние редко продолжается долго; поэтому Он тотчас добавляет: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся».

[40] 2. Нельзя вообразить, будто это обетование принадлежит тем, кто плачет лишь по какой-либо мирской причине; кто печалится и скорбит только из-за житейской беды или разочарования, например утраты репутации или друзей, уменьшения состояния. Столь же мало имеют права на него те, кто мучает себя страхом какого-либо временного зла, изнывает от тревожных забот или от того желания земных вещей, которое «томит сердце». Не будем думать, что такие «получат что-либо от Господа»: во всех их помышлениях нет Его. Потому они и «ходят подобно призраку и напрасно суетятся». «Вот что будет вам от руки Моей, — говорит Господь, — вы ляжете в скорби».

[41] 3. Плачущие, о которых здесь говорит наш Господь, плачут совсем по другой причине: они скорбят о Боге, о Том, в Ком «радовались радостью неизреченной», когда Он дал им «вкусить благого», прощающего «слова и сил будущего века». Но ныне Он «скрывает лицо, и они смущаются»; не могут увидеть Его сквозь тёмное облако. Зато видят, как искушение и грех, о которых они неразумно думали, будто те ушли навсегда, снова поднимаются, яростно преследуют их и окружают со всех сторон. Неудивительно, если душа их теперь тревожится внутри них и скорбь и уныние охватывают их. Не упустит случая и их великий враг, спрашивая: «Где теперь твой Бог? Где блаженство, о котором ты говорил? Где начало Царства Небесного? Да и говорил ли Бог: “Прощаются тебе грехи твои”? Конечно, Бог этого не говорил. Это был лишь сон, одно заблуждение, создание твоего собственного воображения. Если твои грехи прощены, почему же ты таков? Может ли прощённый грешник быть столь несвятым?» И если тогда, вместо того чтобы немедленно воззвать к Богу, они вступят в рассуждение с тем, кто мудрее их, то действительно впадут в тяжкую печаль, в сердечную скорбь, в невыразимую муку. Более того, даже когда Бог вновь озарит душу и устранит всякое сомнение в Своей прежней милости, слабый в вере всё ещё может подвергаться искушению и тревожиться о будущем; особенно когда внутренний грех оживает и сильно толкает его, чтобы он упал. Тогда он снова может воскликнуть:

> [42] Есть во мне грех страха: когда допряду
> Последнюю нить, не погибну ли у берега! —
>
> [43] Как бы мне не потерпеть кораблекрушения в вере
> И не стать в конце хуже, чем был вначале; —

[44] Как бы не иссяк весь мой хлеб жизни
И мне не сойти неизменённым в ад!

[45] 4. Несомненно, это «страдание» в настоящее время «кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод». Поэтому блаженны так плачущие, если «ожидают Господа» и не позволяют жалким мирским утешителям сбить себя с пути; если решительно отвергают все утешения греха, глупости и суеты, все праздные развлечения и забавы мира, все удовольствия, которые «истлевают от употребления» и лишь притупляют и оглушают душу, чтобы она не чувствовала ни себя, ни Бога. Блаженны те, кто «стремится познать Господа» и твёрдо отказывается от всякого другого утешения. Они утешатся утешениями Его Духа, новым явлением Его любви, таким свидетельством, что они приняты Им в Возлюбленном, которое уже никогда не будет у них отнято. Эта «полная уверенность веры» поглощает всякое сомнение и всякий мучительный страх: Бог ныне даёт им твёрдую надежду непреходящего достояния и «сильное утешение по благодати». Не споря о том, возможно ли «отпасть тем, кто однажды был просвещён и стал причастником Святого Духа», они довольствуются тем, что силой, ныне почивающей на них, могут сказать: «Кто отлучит нас от любви Христовой? Я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина не могут отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:35–39).

[46] 5. Весь этот путь — и скорбь об отсутствующем Боге, и возвращение радости Его лица — по-видимому, предызображён в словах нашего Господа к апостолам в ночь перед Его страданиями: «О том ли спрашиваете друг

друга, что Я сказал: вскоре не увидите Меня, и опять вскоре увидите Меня? Истинно, истинно говорю вам: вы восплачете и возрыдаете», именно когда не будете видеть Меня, «а мир возрадуется», будет торжествовать над вами, словно надежда ваша пришла к концу. «И вы печальны будете» от сомнения, страха, искушения, пламенного желания; «но печаль ваша в радость будет» через возвращение Того, Кого любит ваша душа. «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришёл час её; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль», плачете и не можете утешиться, «но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше» тихой внутренней радостью, «и радости вашей никто не отнимет у вас» (Иоан. 16:19–22).

[47] 6. Но хотя этот плач кончился, исчез в святой радости с возвращением Утешителя, есть другой, блаженный плач, который пребывает в детях Божиих. Они всё ещё плачут о грехах и бедствиях человечества, «плачут с плачущими». Плачут о тех, кто не плачет о себе, о грешащих против собственных душ. Скорбят о слабости и неверности тех, кто в некоторой мере спасён от своих грехов. «Кто изнемогает, с кем бы они не изнемогали? Кто соблазняется, за кого бы они не воспламенялись?» Они скорбят о бесчестии, непрестанно наносимом Величеству неба и земли. Во всякое время трепетно сознают это, отчего дух их наполняется глубокой серьёзностью; серьёзностью, немало усиливающейся с тех пор, как открылись очи их разумения, от непрестанного созерцания необъятного океана вечности, без дна и берегов, уже поглотившего миллионы миллионов людей и разверзающегося, чтобы поглотить ещё остающихся. Они видят здесь вечный дом Божий на небесах, там — ад и

погибель без покрова; и потому чувствуют важность каждого мгновения, которое едва появляется — и исчезает навсегда!

[48] 7. Но вся эта мудрость Божия для мира — безумие. Всё, что касается плача и нищеты духа, для него — тупость и уныние. Ещё хорошо, если он судит столь благосклонно, если не объявляет всё это простым угрюмством и меланхолией, если не прямым помешательством и безумием. И совсем неудивительно, что так судят не знающие Бога. Предположим, двое идут вместе, и один внезапно останавливается и с явнейшими признаками страха и изумления восклицает: «Над какой пропастью мы стоим! Смотри, мы вот-вот разобьёмся! Ещё шаг — и мы упадём в эту бездонную бездну! Стой! Я ни за что на свете не пойду дальше!» А другой, казавшийся по крайней мере самому себе столь же зорким, смотрит вперёд и ничего подобного не видит. Что он подумает о товарище, кроме того, что тот не в себе, что голова его расстроена, что чрезмерная религиозность — если он не повинен в «большой учёности» — наверняка довела его до безумия?

[49] 8. Но пусть дети Божии, «сетующие на Сионе», не колеблются ни от чего подобного. Вы, чьи глаза просвещены, не тревожьтесь из-за тех, кто продолжает ходить во тьме. Вы не ходите в пустом призраке: Бог и вечность действительны. Небо и ад поистине открыты перед вами, и вы стоите на краю великой пропасти. Она уже поглотила больше, чем могут выразить слова, — племена, колена, народы и языки — и всё ещё разверзается, чтобы поглотить беспечных, жалких сынов человеческих, видят они её или нет. О, взывайте громко! Не удерживайтесь! Возвысьте голос к Тому, Кто объемлет

и время, и вечность, и за себя, и за братьев своих, чтобы вам удостоиться избежать погибели, налетающей, как вихрь; чтобы благополучно пройти через все волны и бури в желанную пристань! Плачьте о себе, пока Он не отрёт слёз с ваших глаз. И даже тогда плачьте о бедствиях, приходящих на землю, пока Господь всего не положит конец бедствию и греху, не отрёт слёз со всех лиц и «познание Господа не покроет землю, как воды покрывают море».

О Нагорной проповеди нашего Господа

[1] Беседа 2

[2] «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие праведности, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

[3] Матф. 5:5–7.

[4] I. 1. Когда «зима прошла», когда «настало время пения и голос горлицы слышен в земле»; когда Утешающий плачущих возвратился, «чтобы пребывать с ними вовек»; когда от сияния Его присутствия рассеиваются облака, тёмные облака сомнения и неуверенности, убегают бури страха, утихают волны скорби и дух их снова радуется о Боге, Спасителе их, — тогда особенно исполняется это слово; тогда утешенные Им могут засвидетельствовать: «Блаженны», или счастливы, «кроткие, ибо они наследуют землю».

[5] 2. Но кто такие «кроткие»? Не те, кто ни о чём не скорбит, потому что ничего не знает; кто не тревожится при встрече со злом, потому что не отличает зла от добра. Не те, кого от ударов жизни защищает тупая бесчувственность; кто по природе или искусственно приобрёл добродетель брёвен и камней и ни на что не негодует, потому что ничего не чувствует. Огрубевшие философы не имеют к этому никакого отношения. Апатия

столь же далека от кротости, как и от человечности. Поэтому трудно понять, как какие-либо христиане более чистых веков, особенно кто-либо из отцов Церкви, могли смешивать их и принимать одно из самых скверных заблуждений язычества за часть истинного христианства.

[6] 3. Христианская кротость предполагает отсутствие ревности о Боге не более, чем невежество или бесчувственность. Нет, она избегает всякой крайности — и избытка, и недостатка. Она не уничтожает чувства, а приводит их в равновесие; Творец природы никогда не предназначал их к искоренению благодатью, но лишь к приведению под надлежащее управление и сохранению в нём. Она правильно уравновешивает душу, держит весы ровно по отношению к гневу, скорби и страху, сохраняя меру при любых обстоятельствах жизни и не уклоняясь ни направо, ни налево.

[7] 4. Поэтому кротость, по-видимому, относится прежде всего к нам самим, но её можно рассматривать и по отношению к Богу или ближнему. Когда это надлежащее спокойствие духа обращено к Богу, его обыкновенно называют покорностью: спокойным согласием со всякой Его волей о нас, хотя бы она была неприятна нашей природе, постоянным произнесением: «Он — Господь; пусть творит, что Ему угодно». Когда мы рассматриваем её более строго по отношению к самим себе, называем её терпением или довольством. Когда она проявляется по отношению к другим людям, это мягкость к добрым и незлобие к злым.

[8] 5. Истинно кроткие умеют ясно различать зло и умеют переносить его. Они чувствуют всё подобное, но кротость всё же держит поводья. Они чрезвычайно «ревностны о Господе Саваофе», но их ревность всегда руководствуется

разумением и в каждой мысли, слове и деле смягчается любовью к человеку, как и любовью к Богу. Они не желают угасить ни одной из страстей, которые Бог с мудрыми целями вложил в их природу, но владеют всеми; держат их в подчинении и употребляют лишь на служение этим целям. Так даже более суровые и неприятные страсти могут служить благороднейшим целям; даже ненависть, гнев и страх, обращённые против греха и управляемые верой и любовью, становятся словно стенами и укреплениями души, так что лукавый не может приблизиться, чтобы повредить ей.

[9] 6. Очевидно, это божественное расположение должно не только пребывать в нас, но и возрастать день ото дня. Пока мы на земле, никогда не будет недостатка в случаях упражнять его и тем умножать. «Терпение нужно нам, чтобы, исполнив» и претерпев «волю Божию, получить обещанное». Нам нужна покорность, чтобы при всех обстоятельствах говорить: «Не как я хочу, но как Ты». И нужна «кротость ко всем человекам», особенно к злым и неблагодарным; иначе зло победит нас, вместо того чтобы мы побеждали зло добром.

[10] 7. Кротость сдерживает не одно лишь внешнее действие, как учили в древности книжники и фарисеи и как во все века неизбежно будут учить жалкие учители, сами не наученные Богом. Наш Господь предостерегает против этого и показывает истинную широту кротости в следующих словах: «Вы слышали, что сказано древним: не убивай; кто же убьёт, подлежит суду» (Матф. 5:21). «А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: “рака”, подлежит синедриону; а кто скажет: “безумный”, подлежит геенне огненной».

11 8. Наш Господь относит здесь к убийству даже тот гнев, который не выходит за пределы сердца, не проявляется во внешней недоброте, даже в одном горячем слове. «Всякий, гневающийся на брата своего», на любого живого человека, ибо все мы братья; всякий, чувствующий в сердце какую-либо недоброту, какое-либо расположение, противное любви; всякий, гневающийся без причины, без достаточной причины или сверх того, что она требует, «подлежит суду»; _enochos estai, в тот самый миг *будет подлежать* праведному суду Божию.

12 Но не склонны ли мы предпочесть чтение тех списков, где отсутствует слово eike, *напрасно*? Не совершенно ли оно излишне? Ибо если *гнев на людей* — расположение, противное любви, как может существовать причина, достаточная причина для него, какая-либо причина, оправдывающая его пред Богом?

13 Гнев против греха мы допускаем. В этом смысле можно гневаться и не грешить. Именно в этом смысле об одном случае записано, что Сам наш Господь гневался: «Воззрев на них с гневом, скорбя об ожесточении сердец их». Он скорбел о грешниках и гневался на грех. И это, несомненно, право пред Богом.

14 9. «И кто скажет брату своему: “рака”» — кто уступит гневу настолько, что произнесёт какое-либо презрительное слово. Толкователи замечают, что «рака» — сирийское слово, собственно означающее *пустой, суетный, глупый*; так что это едва ли не самое безобидное выражение, какое можно употребить к тому, кем мы недовольны. И всё же употребляющий его, как уверяет нас Господь, «подлежит синедриону», вернее — будет ответствен пред ним; подлежит более строгому приговору Судии всей земли.

15 «А кто скажет: “безумный”» — кто настолько даст место дьяволу, что разразится бранью, намеренно оскорбительной и унизительной речью, — «подлежит геенне огненной»; в тот самый миг подлежит высшему осуждению. Следует заметить, что всех их наш Господь описывает как подлежащих смертной казни. Первого — удушению, обычно применявшемуся к осуждённым одним из низших судов; второго — побитию камнями, часто применявшемуся к осуждённым великим советом в Иерусалиме; третьего — сожжению заживо, которому подвергали лишь самых тяжких преступников в «долине сынов Енномовых», Ge Hennon, откуда очевидным образом взято слово, переводимое нами как «ад».

16 10. Поскольку люди по природе воображают, что Бог извинит недостаток исполнения одних обязанностей за точность в других, наш Господь затем заботится об устранении этой пустой, хотя и распространённой мысли. Он показывает, что грешнику невозможно заключить с Богом *сделку о замене*: Он не примет одной обязанности вместо другой и части послушания вместо целого. Он предупреждает нас, что исполнение долга перед Богом не освобождает от долга перед ближним; что так называемые дела благочестия столь далеки от того, чтобы сделать нас угодными Богу при недостатке любви, что, напротив, этот недостаток любви превращает все такие дела в мерзость пред Господом.

17 «Итак, если ты принесёшь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя» из-за твоего недоброго обращения с ним, из-за того, что ты назвал его «рака» или «безумным», — не думай, будто твой дар искупит твой гнев или будет как-либо принят Богом, пока твоя совесть осквернена виной

нераскаянного греха. «Оставь там дар твой пред жертвенником и пойди прежде примирись с братом твоим», по крайней мере сделай для примирения всё от тебя зависящее, «и тогда приди и принеси дар твой» (Матф. 5:23, 24).

[18] 11. И не медли в том, что столь близко касается твоей души. «Мирись с соперником твоим скорее», сейчас, на месте, «пока ты ещё на пути с ним», если возможно, прежде чем он скроется из твоих глаз; «чтобы соперник не отдал тебя судье», чтобы он не воззвал к Богу, Судии всех, «а судья не отдал тебя слуге», сатане, исполнителю Божия гнева, «и не ввергли тебя в темницу», в ад, где будешь содержаться до суда великого дня. «Истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта». Но сделать это тебе невозможно никогда, ибо у тебя нет чем заплатить. Поэтому, если ты однажды окажешься в этой темнице, дым твоего мучения должен «восходить во веки веков».

[19] 12. Между тем «кроткие наследуют землю». Вот каково безумие мирской мудрости! Мудрецы мира снова и снова предупреждали их: если они не станут негодовать на подобное обращение, если позволят безропотно так обижать себя, им не будет жизни на земле; они никогда не сумеют добыть обычного необходимого для жизни и даже сохранить то, что имеют; не смогут ожидать ни мира, ни спокойного владения, ни наслаждения чем-либо. Совершенно верно — если бы в мире не было Бога или если бы Он не заботился о сынах человеческих. Но когда «Бог восстаёт на суд, чтобы помочь всем кротким земли», как Он посрамляет всю эту языческую мудрость и обращает «ярость человеческую в хвалу Себе»! Он с особой заботой снабжает их всем необходимым для жизни

и благочестия; обеспечивает им приготовленное Им вопреки человеческому насилию, обману или злобе; и то, что обеспечивает, обильно даёт им для наслаждения. Много это или мало — им сладостно. Как терпением они владеют своими душами, так и поистине владеют всем, что Бог им дал. Они всегда довольны, всегда радуются имеющемуся; оно угодно им, потому что угодно Богу. Поэтому, хотя сердце, желание и радость их на небесах, о них поистине можно сказать, что они «наследуют землю».

[20] 13. Но, по-видимому, в этих словах есть и дальнейший смысл: им будет принадлежать более высокая доля на «новой земле, на которой обитает праведность», в том наследии, общее описание которого — а подробности мы узнаем впоследствии — святой Иоанн дал в двадцатой главе Откровения: «И увидел я ангела, сходящего с неба; и взял он дракона, змия древнего, и сковал его на тысячу лет. И увидел я души обезглавленных за свидетельство Иисуса и за слово Божие и тех, которые не поклонились зверю, ни образу его, и не приняли начертания на чело своё или на руку свою. Они ожили и царствовали со Христом тысячу лет. Прочие же из умерших не ожили, доколе не окончится тысяча лет. Это — первое воскресение. Блажен и свят имеющий участие в воскресении первом: над ними смерть вторая не имеет власти, но они будут священниками Бога и Христа и будут царствовать с Ним тысячу лет».

[21] II. 1. До сих пор наш Господь преимущественно занимался устранением препятствий истинной религии. Такова гордость, первое и главное препятствие всякой религии, устраняемое нищетой духа; легкомыслие и беспечность, мешающие религии укорениться в душе, пока их не устранит святой плач; таковы гнев,

нетерпение, недовольство, исцеляемые христианской кротостью. И когда устранены эти препятствия, эти злые болезни души, непрестанно возбуждавшие в ней ложные влечения и наполнявшие её болезненными желаниями, возвращается естественное влечение рождённого от неба духа: он алчет и жаждет праведности. И «блаженны алчущие и жаждущие праведности, ибо они насытятся».

22 2. Праведность, как замечено прежде, есть образ Божий, чувствования, бывшие во Христе Иисусе. Это всякое святое и небесное расположение, соединённое в одно, происходящее из любви к Богу как нашему Отцу и Искупителю и любви ко всем людям ради Него и к ним же возвращающееся.

23 3. «Блаженны алчущие и жаждущие» этого. Для полного понимания данного выражения следует заметить, во-первых, что голод и жажда — сильнейшие из всех наших телесных потребностей. Подобным образом этот голод души, эта жажда образа Божия, однажды пробудившись в сердце, становятся сильнейшими из всех наших духовных влечений; более того, поглощают все остальные одним великим желанием — обновиться по подобию Сотворившего нас. Во-вторых, следует заметить, что, начав голодать и жаждать, мы не перестаём испытывать эти потребности: они требуют удовлетворения всё сильнее и настойчивее, пока мы не поедим и не попьём или не умрём. Так и с той поры, как мы начинаем алкать и жаждать всей полноты чувствований, бывших во Христе, эти духовные потребности не прекращаются, но всё настойчивее взывают о своей пище; и, пока остаётся хоть какая-либо духовная жизнь, они никак не могут прекратиться, не получив удовлетворения. В-третьих, можно заметить, что

голод и жажду не удовлетворяет ничто, кроме пищи и питья. Если бы вы дали голодному весь остальной мир, всю изысканность одежды, всю пышность величия, все земные сокровища, тысячи золота и серебра, если бы воздали ему сколь угодно много чести, — он не обратит внимания. Всё это для него тогда ничего не стоит. Он всё равно скажет: «Не этого я хочу; дайте мне пищи, иначе я умру». Точно так же обстоит дело со всякой душой, истинно алчущей и жаждущей праведности. Ни в чём другом она не может найти утешения, ничем другим не может насытиться. Что бы ещё вы ни предложили, оно ценится мало: богатство, честь или удовольствие — человек всё равно говорит: «Не этого я хочу! Дайте мне любви, иначе я умру!»

[24] 4. Такую душу, жаждущую Бога, Бога живого, столь же невозможно удовлетворить тем, что мир считает религией, как и тем, что он считает счастьем. Мирская религия включает три вещи. (1.) Не причинять вреда, воздерживаться от внешнего греха, по крайней мере от скандального: грабежа, воровства, привычного сквернословия, пьянства. (2.) Делать добро, помогать бедным, быть, как говорят, благотворительным. (3.) Пользоваться средствами благодати, по крайней мере ходить в церковь и на Вечерю Господню. В ком найдены эти три признака, того мир называет религиозным человеком. Но удовлетворит ли это алчущего Бога? Нет, это не пища его душе. Ему нужна религия более благородная, более высокая и глубокая. Он столь же мало может питаться этим бедным, поверхностным, формальным делом, как «наполнять своё чрево восточным ветром». Правда, он заботливо воздерживается даже от вида зла, ревностен к добрым делам, соблюдает все Божии установления. Но всего этого недостаточно для

исполнения его желания. Это лишь внешняя сторона той религии, которой он ненасытно алчет. Познание Бога во Христе Иисусе; «жизнь, сокрытая со Христом в Боге»; «соединение с Господом в один дух»; «общение с Отцом и Сыном»; «хождение во свете, как Бог во свете»; «очищение себя, как Он чист», — вот религия, вот праведность, которой он жаждет. И он не может успокоиться, пока так не успокоится в Боге.

[25] 5. «Блаженны» так «алчущие и жаждущие праведности, ибо они насытятся». Они насытятся тем, чего желают, именно праведностью и истинной святостью. Бог насытит их благословениями Своей благости, счастьем Своих избранных. Накормит их хлебом небесным, манной Своей любви. Напоит их Своими блаженствами, словно из реки, пивший из которой не будет жаждать никогда, кроме как всё большего количества воды жизни. Эта жажда пребудет вовеки.

> [26] Мучительную жажду, страстное желание
> Устранит Твоё радостное присутствие;
> Но насыщенная душа моя всё ещё будет просить
> Целую вечность любви.

[27] 6. Итак, кто бы ты ни был, кому Бог даровал «алкать и жаждать праведности», взывай к Нему, чтобы никогда не утратить этого бесценного дара, чтобы это божественное влечение никогда не прекращалось. Если многие бранят тебя и велят молчать, не внимай им; напротив, ещё громче взывай: «Иисусе, Наставник, помилуй меня!» «Дай мне жить лишь для того, чтобы быть святым, как Ты свят!» Больше не «трать серебра на то, что не хлеб, и труда своего на то, что не насыщает». Разве надеешься ты выкопать счастье из земли, найти его в мирских вещах? О, попирай ногами все мирские удовольствия, презирай

мирские почести, считай богатства мира навозом и сором, да и всё, что под солнцем, — «ради превосходства познания Христа Иисуса», ради полного обновления твоей души в том образе Божием, в котором она первоначально сотворена. Остерегайся гасить этот блаженный голод и жажду тем, что мир зовёт религией: религией формы и внешнего вида, оставляющей сердце столь же земным и чувственным, как прежде. Пусть ничто не удовлетворит тебя, кроме силы благочестия, кроме религии, которая есть дух и жизнь; твоего пребывания в Боге и Бога в тебе, обитания в вечности, вхождения через кровь кропления «за завесу» и сидения «на небесах со Христом Иисусом».

[28] III. 1. И чем больше они исполнены жизни Божией, тем нежнее будут заботиться о тех, кто ещё без Бога в мире, ещё мёртв по преступлениям и грехам. И эта забота о других не останется без награды. «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут».

[29] Слово, употреблённое нашим Господом, непосредственно означает сострадательных, мягкосердечных, которые далеки от презрения к не алчущим Бога и глубоко скорбят о них.

[30] Эта важнейшая часть братской любви поставлена здесь, по обычному обороту речи, вместо целого; поэтому «милостивые» в полном смысле слова — те, кто любит ближних, как самих себя.

[31] 2. Из-за огромной важности этой любви, без которой, «хотя бы мы говорили языками человеческими и ангельскими, имели дар пророчества, знали все тайны и имели всякое познание, имели всю веру, так что могли бы и горы переставлять, даже раздали всё своё имение бедным и отдали самые тела свои на сожжение, — не

было бы нам в том никакой пользы», Премудрость Божия через апостола Павла дала нам её полное и подробное описание. Рассмотрев его, мы всего яснее различим, кто такие милостивые, которые будут помилованы.

32 3. «Милосердие», или любовь, — как желательно было бы передать это слово повсюду, поскольку «любовь» гораздо яснее и менее двусмысленна, — любовь к ближнему, как Христос возлюбил нас, «долготерпит», терпелива ко всем людям. Она переносит всю слабость, невежество, ошибки, немощи, всё упрямство и маловерие детей Божиих; всю злобу и нечестие детей мира. И переносит всё это не некоторое время, не краткий срок, но до конца; по-прежнему кормит голодного врага, по-прежнему поит его, если он жаждет, непрестанно «собирая на его голову горящие угли» — угли растопляющей любви.

33 4. И на каждом шагу к этой желанной цели — «побеждать зло добром» — «любовь милосердствует» (chresteuetai, слово, нелегко поддающееся переводу): она *мягка, кротка, благосклонна*. Она предельно далека от угрюмости, от всякой суровости или желчности духа и одновременно наполняет терпящего самой привлекательной мягкостью и самым горячим и нежным чувством.

34 5. Поэтому «любовь не завидует». Завидовать она не может: она прямо противоположна этому пагубному расположению. Невозможно, чтобы питающий ко всем такую нежную любовь, усердно желающий всякой сотворённой Богом душе всех временных и духовных благ, всего доброго в этом и будущем мире, печалился, когда Бог дарует какое-либо благо какому-либо сыну человеческому. Если он сам получил то же самое, он не

скорбит, а радуется, что и другой причастен общему благу. Если же не получил, то благословляет Бога, что хотя бы брат его получил и в этом счастливее его самого. И чем больше его любовь, тем больше он радуется благам всего человечества, тем дальше от всякого вида и всякой степени зависти к какому-либо существу.

35 6. Любовь ou perpereuetai — не «не превозносится», что совпадало бы с непосредственно следующими словами, но скорее, как слово также собственно означает, *не опрометчива* и *не поспешна* в суждениях; она не станет поспешно осуждать кого-либо. Не выносит сурового приговора, лишь мельком и наскоро взглянув на дело; прежде взвешивает все свидетельства, особенно приводимые в пользу обвиняемого. Истинно любящий ближнего не похож на большинство людей, которые даже в самых тонких делах видят мало, предполагают много и потому сразу делают вывод. Нет, он действует осторожно и осмотрительно, следя за каждым шагом; охотно подписывается под правилом древнего язычника — о, где же окажется современный христианин! —: «Я столь далёк от легковерия к тому, что один человек говорит против другого, что не сразу поверю даже тому, что человек говорит против самого себя. Всегда дам ему время вновь обдумать, а нередко и посоветую».

36 7. Далее: любовь «не гордится». Она не склоняет и не позволяет человеку «думать о себе более, нежели должно думать», но побуждает мыслить трезво; да, смиряет душу до праха. Уничтожает все высокие мысли о себе, порождающие гордость, и заставляет нас радоваться тому, чтобы быть ничем, малыми и ничтожными, ниже всех, слугами всех. «Братолюбивые друг к другу с нежностью» не могут не «предупреждать один другого в

почтительности». Имеющие одну любовь и пребывающие в единодушии по смиренномудрию «почитают один другого высшим себя».

37 8. «Не бесчинствует». Она не груба и никого намеренно не оскорбляет. «Отдаёт всем должное: кому страх — страх, кому честь — честь»; всему миру — любезность, вежливость, человечность, «всех почитая», каждого по его положению. Один недавний писатель определяет воспитанность, даже её высшую степень — учтивость, как «непрерывное желание нравиться, проявляющееся во всём поведении». Но если так, никто не воспитан лучше христианина, любящего всё человечество. Ибо он не может не желать «угождать всем во благо, к назиданию», и это желание не может остаться скрытым: оно непременно проявится во всём его общении с людьми. Ведь его «любовь непритворна»; она выразится во всех поступках и речах и даже побудит его, хотя и без лукавства, «для всех сделаться всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».

38 9. И, становясь всем для всех, «любовь не ищет своего». Стремясь угодить всем, любящий человечество вовсе не имеет в виду собственной временной выгоды. Он не желает ничьего серебра, золота или одежды; желает лишь спасения человеческих душ. Да, в некотором смысле можно сказать, что он *не ищет собственной* духовной пользы, как и временной, ибо, напрягая все силы ради спасения их душ от смерти, словно забывает о себе. Он не думает о себе, пока ревность о славе Божией поглощает его. Более того, иногда от избытка любви может казаться, будто он почти отдаёт самого себя, и душу и тело, восклицая с Моисеем: «О, народ сей сделал великий грех! Но прости им грех их; а если нет, то

изгладь меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх. 32:31, 32); или со святым Павлом: «Я желал бы сам быть отлучённым от Христа за братьев моих, родных мне по плоти!» (Рим. 9:3).

[39] 10. Неудивительно, что такая «любовь не раздражается»: ou paroxynetai. Заметим, что слова *легко*, странным образом вставленного в перевод, в подлиннике нет. Слова святого Павла безусловны: «Любовь не раздражается». Она не раздражается до недоброты к кому-либо. Поводы, разумеется, возникают часто, внешние раздражители самого разного рода; но любовь не уступает раздражению, она торжествует над всем. Во всех испытаниях взирает на Иисуса и более чем побеждает Его любовью.

[40] Не лишено вероятности, что наши переводчики вставили это слово, словно желая *оправдать* апостола, которому иначе, по их мнению, могло бы недоставать той самой любви, какую он столь прекрасно описывает. По-видимому, к такому предположению их привело выражение из Деяний апостолов, также переведённое весьма неточно. Когда Павел и Варнава разошлись во мнениях об Иоанне, перевод гласит: «И разногласие между ними было столь острым, что они разлучились» (Деян. 15:39). Это естественно побуждает читателя предположить, что оба были одинаково резки; что святой Павел, несомненно правый в самом вопросе, ибо было совершенно неуместно снова брать с собой Иоанна, прежде их покинувшего, раздражился не меньше Варнавы, который настолько явно выказал гнев, что оставил дело, на которое был отделён Святым Духом. Но подлинник ничего подобного не означает и вообще не утверждает, что святой Павел раздражился. Он просто

говорит: egeneto oun paroxysmos, «произошла резкость», *приступ* гнева; вследствие чего Варнава оставил святого Павла, взял Иоанна и пошёл своим путём. Павел же избрал Силу и отправился, будучи предан братьями благодати Божией, — чего о Варнаве не сказано, — и проходил, как намеревался, Сирию и Киликию, «утверждая церкви». Но вернёмся к нашему предмету.

[41] 11. Любовь предотвращает тысячи поводов к раздражению, которые иначе возникли бы, потому что она «не мыслит зла». Разумеется, милостивый человек не может избежать знания множества дурных вещей, не может не видеть их собственными глазами и не слышать собственными ушами. Любовь не ослепляет его, так что ему невозможно не видеть совершающегося; она не отнимает у него и разум, как не отнимает чувства, так что он не может не знать, что это зло. Например, видя, как человек бьёт ближнего, или слыша, как тот хулит Бога, он не может ни сомневаться в совершённом деле или произнесённых словах, ни отрицать, что они злы. И всё же ou logizetai to kakon. Слово logizetai, «мыслит», относится не к нашему зрению и слуху и не к первым непроизвольным действиям разума, но к нашему *добровольному размышлению* о том, о чём нет нужды думать; к *выведению* зла там, где оно не обнаруживается; к *рассуждению* о том, чего мы не видим; к *предположению* того, чего мы не видели и не слышали. Вот что истинная любовь совершенно уничтожает. Она с корнем вырывает всякое *воображение* того, чего мы не знаем. Изгоняет всякую подозрительность, все злые догадки, всякую готовность поверить дурному. Она искренна, открыта, недоверчивости чужда; и, как не может замышлять зла, так и не страшится его.

[42] 12. «Не радуется неправде», как ни распространено это даже среди носящих имя Христово, которые не стесняются радоваться, когда их враг впадает в бедствие, заблуждение или грех. Да и как трудно избежать этого тем, кто ревностно привязан к какой-либо партии! Как трудно им не радоваться любому недостатку, обнаруженному у противоположной стороны, любому действительному или мнимому изъяну в её принципах или поступках! Какой горячий защитник какого-либо дела чист от этого? Более того, кто настолько спокоен, чтобы быть совершенно свободным от этого? Кто не радуется ложному шагу противника, который, как он думает, послужит успеху собственного дела? Только человек любви. Он один плачет о грехе или безумии врага, не находит удовольствия ни в слушании, ни в пересказе этого и скорее желает, чтобы оно было навеки забыто.

[43] 13. Но он «сорадуется истине», где бы ни находил её, «истине, относящейся к благочестию», приносящей свой надлежащий плод — святость сердца и святость жизни. Он радуется, обнаруживая, что даже противящиеся ему во мнениях или в некоторых практических вопросах всё же любят Бога и в остальном неукоризненны. Он рад слышать о них доброе и говорить всё доброе, что может, согласно истине и справедливости. Вообще добро, где бы оно ни распространялось среди человеческого рода, есть его слава и радость. Как гражданин мира, он считает себя причастным счастью всех его жителей. Поскольку он человек, благополучие любого человека не безразлично ему; он наслаждается всем, что приносит славу Богу и содействует миру и благоволению между людьми.

[44] 14. Эта «любовь всё покрывает». Именно так, вне всякого сомнения, следует переводить panta stegei, ибо

иначе это было бы то же самое, что panta hypomenei, «всё переносит». Поскольку милостивый человек не радуется неправде, он и не упоминает о ней охотно. Какое бы зло он ни видел, ни слышал, ни знал, он всё же скрывает его, насколько может, не делаясь «участником в чужих грехах». Где бы и с кем бы он ни был, если увидит нечто, чего не одобряет, это не выйдет из его уст, разве только в обращении к самому виновнику, чтобы, быть может, приобрести брата. Он столь далёк от превращения чужих недостатков или проступков в предмет разговора, что вообще никогда не говорит об отсутствующих, если не может сказать доброе. Сплетник, клеветник, нашёптыватель, злоречивый для него то же, что убийца. Он скорее перережет ближнему горло, чем так убьёт его доброе имя. Он с такой же готовностью стал бы развлекаться поджогом соседского дома, как таким «разбрасыванием стрел, огня и смерти» со словами: «Разве я не шучу?»

45 Он делает лишь одно исключение. Иногда он убеждён, что для славы Божией или, что то же самое, для блага ближнего зло не следует покрывать. В таком случае ради пользы невиновного он вынужден объявить виновного. Но и здесь: (1.) Он не заговорит, пока любовь, превосходящая любовь, не принудит его. (2.) Он не может делать это из общего и смутного представления о совершении добра или содействии Божией славе, но лишь ясно видя определённую цель, конкретное благо, к которому стремится. (3.) И всё же не может заговорить, пока вполне не убедится, что именно это средство необходимо для данной цели, что её нельзя достичь иным путём, по крайней мере столь же действенно. (4.) Тогда он делает это с величайшей скорбью и неохотой, прибегая к нему как к последнему и худшему лекарству, отчаянному

средству в отчаянном положении, своего рода яду, который нельзя употреблять иначе как для изгнания яда. Следовательно, (5.) он употребляет его как можно меньше. И делает это со страхом и трепетом, чтобы, сказав слишком много, не нарушить закон любви больше, чем нарушил бы полным молчанием.

[46] 15. Любовь «всему верит». Она всегда желает думать лучшее, истолковывать всё самым благоприятным образом. Всегда готова поверить всему, что может послужить в пользу чьего-либо доброго имени. Она легко убеждается в том, чего горячо желает, — в невиновности или честности всякого человека; или, если он однажды уклонился с пути, по крайней мере в искренности его покаяния. Она рада извинить неправильное, как можно меньше осудить виновного и сделать человеческой слабости всякую уступку, возможную без измены Божией истине.

[47] 16. А когда больше не может верить, любовь «всего надеется». Рассказывают о ком-нибудь дурное? Любовь надеется, что рассказ неверен, что описанного никогда не совершали. Несомненно, совершали? «Но, быть может, не при тех обстоятельствах, о которых рассказывают; так что, признавая сам факт, ещё можно надеяться, что дело было не столь дурно, как его представляют». Поступок явно и неоспоримо злой? Любовь надеется, что намерение не было таким. Ясно, что и замысел был злым? «Всё же, быть может, он произошёл не от устойчивого расположения сердца, а от вспышки страсти или сильного искушения, увлёкшего человека за пределы самообладания». И даже когда нельзя сомневаться, что поступки, намерения и расположения одинаково злы, любовь всё же надеется, что Бог наконец обнажит Свою

мышцу и одержит победу; и что будет «на небесах более радости об одном» этом «грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

[48] 17. Наконец, она «всё переносит». Это завершает образ истинно милостивого. Он переносит не только некоторые, не многие вещи и даже не большинство, но совершенно *всё*. Всё, что могут причинить человеческая несправедливость, злоба и жестокость, он способен претерпеть. Ничего не называет невыносимым, ни о чём никогда не говорит: «Этого нельзя снести». Нет, он может не только всё делать, но и всё терпеть во укрепляющем его Христе. И все страдания не уничтожают его любви и нисколько её не ослабляют. Она выдерживает всё. Это пламя, горящее даже посреди великой бездны. «Большие воды не могут потушить» его «любви, и реки не зальют её». Она торжествует над всем, «никогда не перестаёт», ни во времени, ни в вечности.

> [49] По повелению небес
> Прекратится знание, умолкнет пророчество;
> Но широчайшая власть непреходящей любви,
> Ни временем не связанной, ни тлению не подвластной,
> В счастливом торжестве пребудет вечно,
> Без конца даруя благо и принимая бесконечную хвалу.

[50] Так «милостивые будут помилованы»: не только через Божие благословение всех их путей, через то, что Он уже ныне тысячекратно возвращает в их собственное сердце любовь, которую они питают к братьям, но также через «безмерную вечную славу» в «Царстве, уготованном им от создания мира».

[51] 18. Некоторое время вы можете говорить: «Горе мне, что я» вынужден «жить у Мосоха и обитать среди шатров Кидарских!» Можете изливать душу и оплакивать исчезновение истинной, подлинной любви на земле. Поистине исчезновение! По праву можете сказать, хотя и не в древнем смысле: «Смотрите, как *эти христиане* любят друг друга!» Эти христианские царства, вырывающие друг у друга внутренности, опустошающие друг друга огнём и мечом! Эти христианские армии, отправляющие друг друга тысячами, десятками тысяч живыми в ад! Эти христианские народы, пылающие внутренними распрями: партия против партии, группировка против группировки! Эти христианские города, с улиц которых не сходят обман и мошенничество, угнетение и неправда, даже грабёж и убийство! Эти христианские семьи, разрываемые завистью, ревностью, гневом, домашними ссорами без числа и без конца! Да, и самое ужасное, самое достойное плача — эти христианские церкви! Церкви — «не рассказывайте в Гефе», но, увы, как скрыть это от иудеев, турок или язычников? — носящие имя Христа, Князя мира, и непрестанно воюющие друг с другом! Обращающие грешников сожжением заживо! «Упившиеся кровью святых»! Разве эта похвала принадлежит лишь «Вавилону великому, матери блудниц и мерзостей земных»? Нет, поистине; так называемые реформатские церкви хорошо научились идти по её стопам. Протестантские церкви тоже умеют преследовать, когда в их руках власть, даже до пролития крови. И между тем как они анафематствуют друг друга, предают друг друга преисподнему аду! Какой гнев, какие распри, какая злоба и горечь повсюду среди них, даже там, где они согласны в главном и различаются лишь мнениями или второстепенными обстоятельствами

религии! Кто стремится *только* к тому, «что служит к миру и ко взаимному назиданию»? О Боже, доколе? Неужели обетование Твоё не исполнится? Не бойся этого, малое стадо! Верь с надеждой сверх надежды! Отец ваш ещё благоволит обновить лицо земли. Несомненно, всему этому придёт конец, и жители земли научатся праведности. «Не поднимет народ на народ меча, и не будут более учиться войне». «Гора дома Господня будет поставлена во главу гор», и «все царства земли станут царствами Бога нашего». Тогда «не будут делать зла и вреда на всей святой горе Его», но назовут свои «стены спасением и ворота славой». Все будут без пятна и порока, любя друг друга, как Христос возлюбил нас. Будь же начатком, если жатва ещё не настала. Ты люби ближнего своего, как самого себя. Да исполнит Господь Бог твоё сердце такой любовью к каждой душе, чтобы ты был готов положить за неё жизнь! Да переливается твоя душа непрестанно любовью, поглощающей всякое недоброе и несвятое расположение, пока Он не призовёт тебя в область любви, чтобы там царствовать с Ним во веки веков! [17]

О Нагорной проповеди нашего Господа

[1] Беседа 3

[2] «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога.

[3] Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны гонимые за праведность, ибо их есть Царство Небесное.

[4] Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня.

[5] Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас».

[6] Матф. 5:8–12.

[7] I. 1. Какое превосходное говорится о любви к ближнему! Она — «исполнение закона», «цель увещания». Без неё всё, что мы имеем, делаем и терпим, ничего не стоит в очах Божиих. Но речь о той любви к ближнему, которая проистекает из любви к Богу; иначе и она сама ничего не стоит. Поэтому нам надлежит тщательно исследовать, на каком основании стоит наша любовь к ближнему; действительно ли она утверждена на любви к Богу; «любим ли мы Его, потому что Он прежде возлюбил нас»; чисты ли сердцем, ибо это основание никогда не поколеблется. «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога».

[8] 2. «Чистые сердцем» — те, чьи сердца Бог «очистил, как чист Он»; кто через веру в Кровь Иисуса очищен от всякого несвятого чувства; кто, «очистившись от всякой скверны плоти и духа, совершает святыню в» любящем «страхе Божием». Силой Его благодати они очищены от гордости глубочайшей нищетой духа; от гнева, от всякой недоброй или бурной страсти — кротостью и мягкостью; от всякого желания, кроме желания угождать Богу и наслаждаться Им, всё больше познавать и любить Его, — тем голодом и жаждой праведности, которые ныне поглощают всю их душу. Поэтому ныне они любят Господа Бога своего всем сердцем, всей душой, всем разумением и всей крепостью.

[9] 3. Но как мало считались с этой чистотой сердца лжеучители всех веков! Они учили людей лишь воздерживаться от тех внешних нечистот, которые Бог прямо назвал и запретил, но не поражали зло в сердце; и, не предостерегая против внутренней испорченности, тем самым фактически поощряли её.

[10] Замечательный пример этого наш Господь дал в следующих словах: «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй» (Матф. 5:27). Объясняя это, слепые вожди слепых настаивали лишь на воздержании от внешнего поступка. «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём» (Матф. 5:28), ибо Бог требует истины в сокровенном. Он исследует сердце и испытывает внутренности; и если сердцем ты склоняешься к беззаконию, Господь не услышит тебя.

[11] 4. Бог не принимает никаких оправданий за сохранение чего-либо, служащего поводом к нечистоте. Поэтому, «если правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и

брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну» (Матф. 5:29). Если люди, столь дорогие тебе, как правый глаз, становятся поводом к такому оскорблению Бога, средством возбуждения нечистого желания в твоей душе, не медли: решительно отделись от них. «И если правая рука твоя соблазняет тебя, отсеки её и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не всё тело твоё было ввержено в геенну» (Матф. 5:30). Если кто-либо, кажущийся тебе столь же необходимым, как правая рука, становится поводом ко греху, к нечистому желанию, — даже если оно никогда не выйдет за пределы сердца и не проявится в слове или поступке, — принуди себя к полному и окончательному расставанию; отсеки их одним ударом, предай их Богу. Любая утрата — удовольствия, имущества или друзей — предпочтительнее утраты твоей души.

[12] Перед таким полным и окончательным разрывом, возможно, уместно предпринять лишь два шага. Во-первых, испытай, нельзя ли изгнать нечистого духа постом и молитвой, а также тщательным воздержанием от всякого действия, слова и взгляда, которые, как ты обнаружил, служат поводом ко злу. Во-вторых, если этим способом не получишь избавления, посоветуйся о времени и способе разрыва с тем, кто бодрствует о твоей душе, или по крайней мере с кем-либо опытным в путях Божиих. Но не советуйся с плотью и кровью, чтобы не быть «преданным сильному заблуждению и верить лжи».

[13] 5. Даже сам брак, как бы свят и честен он ни был, нельзя использовать как предлог дать волю своим желаниям. Правда, «сказано: если кто разведётся с женою своею, пусть даст ей разводную»; и тогда всё

считалось правильным, хотя бы он не приводил иной причины, кроме того, что она ему не нравится или другая нравится больше. «А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины блуда», то есть прелюбодеяния, ибо слово porneia означает нецеломудрие вообще, в браке или вне брака, «тот подаёт ей повод прелюбодействовать», если она вновь выйдет замуж; «и кто женится на разведённой, тот прелюбодействует» (Матф. 5:31, 32).

14 Этими словами ясно запрещено всякое многобрачие: наш Господь прямо объявляет, что для любой женщины, чей муж жив, вновь выйти замуж — прелюбодеяние. По тому же основанию для любого мужчины вновь жениться, пока жена его жива, — прелюбодеяние, даже если они разведены, кроме случая, когда развод был вызван прелюбодеянием. Только в этом случае нет места Писания, запрещающего повторный брак.

15 6. Такова чистота сердца, которой Бог требует и которую производит в верующих в Сына Его любви. И блаженны столь «чистые сердцем, ибо они узрят Бога». Он «явит Себя им» не только так, «как не являет миру», но и так, как не всегда являет даже Своим детям. Благословит их яснейшим сообщением Своего Духа, теснейшим «общением с Отцом и Сыном»; сделает так, чтобы Его присутствие непрестанно шло впереди них и свет Его лица сиял над ними. Неумолкающая молитва их сердца: «Прошу Тебя, покажи мне славу Твою», — и они получают просимое у Него. Ныне они видят Его верой, словно завеса плоти стала прозрачной, даже в этих низших Его делах, во всём окружающем, во всём, что Бог сотворил и создал. Видят Его в высоте над собой и в глубине под собой; видят Его наполняющим всё во всём.

Чистые сердцем видят всё исполненным Бога. Видят Его в тверди небесной, в луне, шествующей в сиянии, в солнце, когда оно радуется, как исполин, пробежать своё поприще. Видят Его «делающим облака Своею колесницей и шествующим на крыльях ветра». Видят Его «приготовляющим дождь для земли и благословляющим её произрастания, дающим траву скоту и зелень на службу человеку». Видят Творца всего, мудро управляющего всем и «держащего всё словом силы Своей». «Господи, Владыка наш! Как величественно имя Твоё по всей земле!»

16 7. Особенно ясно чистые сердцем видят Бога во всех делах Его промысла, касающихся их самих, их душ или тел. Видят Его руку, всегда простёртую над ними ко благу, дающую им всё весом и мерой, исчисляющую волосы на их голове, ограждающую их и всё их достояние и устраивающую все обстоятельства их жизни согласно глубине Его мудрости и милости.

17 8. Но особенным образом они видят Бога в Его установлениях. Предстают ли в великом собрании, чтобы «воздать честь имени Его» и «поклониться Ему в благолепии святыни»; или «входят в свои комнаты» и там изливают души пред «Отцом, Который втайне»; исследуют ли изречения Божии или слышат посланников Христовых, возвещающих благую весть спасения; или, вкушая хлеб и пия чашу, «возвещают Его смерть, доколе Он придёт» на облаках небесных, — на всех этих установленных Им путях они обретают невыразимую близость к Нему. Видят Его словно лицом к лицу и «говорят с Ним, как человек говорит с другом», — достойное приготовление к горним обителям, где увидят Его, как Он есть.

[18] 9. Но как далеки были от видения Бога те, кто, услышав, «что сказано древним: не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои» (Матф. 5:33), истолковал это так: не преступай клятвы, когда клянёшься Господом Иеговой; эти «клятвы исполняй пред Господом», а прочих клятв Он не принимает во внимание.

[19] Так учили фарисеи. Они не только позволяли всяческие клятвы в повседневной речи, но считали малостью даже клятвопреступление, лишь бы не клялись собственным именем Бога.

[20] Но наш Господь здесь безусловно запрещает все обыденные клятвы, равно как и все ложные, и показывает тяжесть обоих зол одним и тем же внушающим трепет соображением: всякое творение принадлежит Богу, и Он везде присутствует, во всём и над всем. «Я говорю вам: не клянись вовсе; ни небом, потому что оно престол Божий» (Матф. 5:34), а потому это то же, что клясться Сидящим над кругом небесным; «ни землёю, потому что она подножие ног Его» (Матф. 5:35), и Он столь же непосредственно присутствует на земле, как на небе; «ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя», и Бог известен в его чертогах. «Ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или чёрным» (Матф. 5:36), ибо ясно, что и она не твоя, но Божия, принадлежащая единственному Распорядителю всего на небе и земле. «Но да будет слово ваше» (Матф. 5:37), ваше общение, ваши беседы друг с другом, «да, да; нет, нет», простым, серьёзным утверждением или отрицанием; «а что сверх этого, то от лукавого»: ek tou ponerou estin, есть *от злого*, происходит от дьявола и служит признаком его детей.

[21] 10. Что наш Господь не запрещает здесь «клясться в суде и истине», когда этого требует от нас правитель, видно: (1.) Из повода этой части Его речи, из обличаемого злоупотребления — ложных и обыденных клятв; клятва перед правителем вовсе не была предметом обсуждения. (2.) Из самих слов, которыми Он формулирует общий вывод: «Да будет слово ваше», или речь, «да, да; нет, нет». (3.) Из Его собственного примера, ибо Он Сам ответил под клятвой, когда того потребовал правитель. Когда первосвященник сказал Ему: «Заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» — Иисус немедленно ответил утвердительно: «Ты сказал», то есть сказал истину; «но», или, точнее, *более того*, «говорю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных» (Матф. 26:63, 64). (4.) Из примера Самого Бога Отца, Который, «желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву» (Евр. 6:17). (5.) Из примера святого Павла, который, как мы думаем, имел Духа Божия и хорошо понимал мысль своего Учителя. «Свидетель мне Бог, — говорит он римлянам, — что непрестанно воспоминаю о вас всегда в молитвах моих» (Рим. 1:9); коринфянам: «Бога призываю во свидетели на душу мою, что, щадя вас, я доселе не приходил в Коринф» (2 Кор. 1:23); и филиппийцам: «Бог — свидетель, что я люблю всех вас любовью Иисуса Христа» (Флп. 1:8). Отсюда неоспоримо ясно, что если апостол понимал смысл слов своего Господа, то они не запрещают клясться по важным поводам даже друг перед другом; тем менее — перед правителем! Наконец, из утверждения великого апостола о торжественной клятве вообще, которую он никак не мог бы упомянуть без малейшего осуждения, если бы Господь

совершенно запретил её: «Люди клянутся высшим», то есть кем-то выше их самих, «и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их» (Евр. 6:16).

[22] 11. Но великий урок, который наш благословенный Господь здесь внушает и поясняет этим примером, состоит в том, что Бог — во всём и что в зеркале каждого творения нам следует видеть Творца; что ничем не следует пользоваться и ни на что смотреть как на отдельное от Бога, ибо это своего рода практическое безбожие; напротив, с истинным величием мысли следует созерцать небо, землю и всё в них как заключённое в горсти Божией. Своим непосредственным присутствием Он сохраняет всё в бытии, проникает и приводит в действие всё сотворённое здание и в истинном смысле есть душа вселенной.

[23] II. 1. До сих пор наш Господь преимущественно преподавал религию сердца. Он показал, какими должны быть христиане. Теперь переходит к тому, что им также следует делать, как внутренняя святость должна проявляться во внешней жизни. «Блаженны, — говорит Он, — миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими».

[24] 2. «Миротворцы». В подлиннике стоит слово hoi eirenopoioi. Хорошо известно, что eirene в Священных Писаниях включает всякое благо, всякое благословение, касающееся души или тела, времени или вечности. Соответственно, когда святой Павел в приветствиях своих посланий желает римлянам или коринфянам благодати и мира, это всё равно что сказать: «Как плод свободной, незаслуженной любви и благоволения Божия да наслаждаетесь вы всеми духовными и временными

благословениями, всеми благами, которые Бог приготовил любящим Его».

25 3. Отсюда легко понять, в каком широком смысле следует принимать слово «миротворцы». В буквальном значении оно обозначает любящих Бога и человека, которые совершенно ненавидят и отвергают всякие споры и раздоры, разногласия и распри; и потому всеми силами трудятся, чтобы этот адский огонь не зажёгся, или, если зажёгся, не вырвался наружу, или, если вырвался, не распространился дальше. Они стараются успокоить бурные человеческие души, утишить мятежные страсти, смягчить дух спорящих сторон и по возможности примирить их друг с другом. Пользуются всеми невинными приёмами и прилагают все силы, все дарованные Богом способности как для сохранения мира там, где он есть, так и для восстановления там, где его нет. Радость их сердца — содействовать взаимному благоволению людей, укреплять и умножать его, особенно среди детей Божиих, как бы ни различались они в вещах меньшей важности; чтобы, как у всех «один Господь, одна вера» и как все «призваны к одной надежде своего призвания», так и все могли «поступать достойно звания, в которое призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство Духа в союзе мира».

26 4. Но во всей полноте слова миротворец — тот, кто по мере возможности «делает добро всем»; кто, будучи исполнен любви к Богу и всему человечеству, не может ограничить её проявления собственной семьёй, друзьями, знакомыми, партией или единомышленниками; даже теми, кто причастен той же драгоценной вере. Он

переступает все эти тесные границы, чтобы делать добро каждому, чтобы тем или иным образом явить любовь ближним и чужим, друзьям и врагам. Он делает добро всем при всякой возможности, то есть при каждом доступном случае, «дорожа временем» ради этого, выкупая каждую возможность, употребляя каждый час, не упуская ни мгновения, когда можно принести другому пользу. Он делает добро не одного определённого вида, но добро вообще, всеми возможными способами; употребляет для этого все свои дарования всякого рода, все силы и способности тела и души, всё состояние, влияние, доброе имя; желая лишь, чтобы, придя, его Господь мог сказать: «Хорошо, добрый и верный раб!»

[27] 5. По мере всех своих сил он делает добро даже телам всех людей. Радуется возможности «разделить хлеб свой с голодным» и «покрыть нагого одеждой». Есть ли странник? Он принимает его и помогает по его нуждам. Есть ли больные или заключённые? Он посещает их и оказывает именно ту помощь, в которой они более всего нуждаются. И всё это делает не как для человека, но помня Того, Кто сказал: «Так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

[28] 6. Насколько же больше радуется он возможности принести какое-либо благо чьей-либо душе! Эта сила, разумеется, принадлежит Богу. Только Он изменяет сердце, без чего всякая другая перемена легче суеты. Тем не менее Совершающему всё во всех угодно помогать человеку главным образом через человека, передавать Свою силу, благословение и любовь от одного человека другому. Поэтому, хотя несомненно, что «всякую помощь на земле Бог совершает Сам», никому не нужно из-за этого стоять праздно в Его винограднике. Миротворец не

может: он всегда трудится там и как орудие в Божией руке готовит почву для своего Господина, или сеет семя Царства, или поливает уже посеянное, чтобы, быть может, Бог дал возрастание. По мере полученной благодати он прилагает всякое старание: либо обличает грубого грешника, возвращает стремглав бегущих по широкому пути погибели; либо «просвещает сидящих во тьме», готовых «погибнуть от недостатка знания»; либо «поддерживает слабых, укрепляет опустившиеся руки и ослабевшие колени»; либо возвращает и исцеляет хромлющее и свернувшее с пути. Не менее ревностно он утверждает уже подвизающихся войти сквозь тесные врата, укрепляет стоящих, чтобы они могли «с терпением проходить предлежащее им поприще»; назидает в святейшей вере тех, кто знает, в Кого уверовал; увещевает их возгревать дар Божий в себе, чтобы при ежедневном возрастании в благодати им «открылся свободный вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа».

[29] 7. «Блаженны» так непрестанно занятые делом веры и трудом любви, «ибо они будут наречены», то есть *будут*, — обычный еврейский оборот, — «детьми Божиими». Бог сохранит в них Духа усыновления и даже обильнее изольёт Его в их сердца. Благословит их всеми благословениями Своих детей, признает их сынами пред ангелами и людьми; «а если сыны, то и наследники, наследники Божии и сонаследники Христу».

[30] III. 1. Можно было бы подумать, что описанный выше человек, столь исполненный подлинного смирения, столь непритворно серьёзный, столь мягкий и кроткий, столь свободный от всяких своекорыстных замыслов, столь преданный Богу и столь деятельно любящий людей,

должен быть любимцем человечества. Но наш Господь лучше знал человеческую природу в её нынешнем состоянии. Поэтому Он завершает изображение этого человека Божия, показывая, какого обращения тому ожидать в мире. «Блаженны, — говорит Он, — гонимые за праведность, ибо их есть Царство Небесное».

31 2. Чтобы вполне понять это, спросим прежде: кто подвергается гонениям? Ответ легко узнать у святого Павла: «Как прежде рождённый по плоти гнал рождённого по Духу, так и ныне» (Гал. 4:29). «Да, — говорит апостол, — и все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы» (2 Тим. 3:12). Тому же учит святой Иоанн: «Не дивитесь, братья мои, если мир ненавидит вас. Мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев» (1 Иоан. 3:13–14). Как если бы он сказал: братьев, христиан, могут любить лишь перешедшие из смерти в жизнь. И совершенно ясно тому учит наш Господь: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, мир любил бы своё; но как вы не от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас» (Иоан. 15:18).

32 Из всех этих мест Писания ясно видно, кого гонят: именно праведных; «рождённого от Духа»; «всех желающих жить благочестиво во Христе Иисусе»; «перешедших из смерти в жизнь»; тех, кто «не от мира»; всех кротких и смиренных сердцем, скорбящих о Боге, алчущих Его подобия; всех любящих Бога и ближнего и потому по мере возможности делающих добро всем людям.

[33] 3. Если, во-вторых, спросить, почему их гонят, ответ столь же ясен и очевиден: «за праведность», потому что они праведны, потому что рождены по Духу, потому что «желают жить благочестиво во Христе Иисусе», потому что «не от мира». Какие бы предлоги ни приводились, настоящая причина именно эта. Больше или меньше у них немощей, всё равно, если бы не это, их терпели бы и мир любил бы своё. Их гонят, потому что они *нищи духом*; то есть, как говорит мир, «малодушные, низкие, трусливые души, ни на что не годные, недостойные жить на свете». Потому что они *плачут*: «Такие унылые, тяжёлые, неповоротливые существа, что одного взгляда на них довольно, чтобы у кого угодно упал дух! Настоящие мёртвые головы; они убивают невинное веселье и портят любую компанию, где появляются». Потому что они *кротки*: «Смирные, безответные дураки, только и годные, чтобы их топтали». Потому что *алчут и жаждут праведности*: «Сборище горячечных фанатиков, жадно ищущих сами не знают чего, не довольствующихся разумной религией, но безумно гоняющихся за восторгами и внутренними ощущениями». Потому что они *милостивы*, любят всех, любят злых и неблагодарных: «Поощряют всякое нечестие, даже соблазняют людей на злодеяния безнаказанностью; и, надо опасаться, им самим ещё предстоит обрести религию: принципы у них весьма распущенные». Потому что они *чисты сердцем*: «Безлюбовные существа, обрекающие на погибель весь мир, кроме подобных себе! Богохульные негодяи, притязающие сделать Бога лжецом и жить без греха!» Прежде всего потому, что они *миротворцы*, используют всякую возможность делать добро всем. Вот главная причина, почему их гнали во все века и будут гнать до восстановления всего: «Если бы они держали свою

религию при себе, это ещё можно было бы терпеть. Но распространение их заблуждений, заражение стольких других — вот что невыносимо. Они причиняют миру столько вреда, что больше терпеть их нельзя. Правда, кое-что они делают неплохо: помогают некоторым бедным. Но и это лишь затем, чтобы привлечь больше людей в свою партию и тем на деле причинить ещё больше вреда!» Так люди мира искренне думают и говорят. И чем больше распространяется Царство Божие, чем больше миротворцы получают силы распространять смирение, кротость и все прочие божественные расположения, тем больше, по мнению мира, совершается зла; следовательно, тем сильнее мир ярится против виновников этого и тем ожесточённее будет их гнать.

34 4. Спросим, в-третьих: кто их гонит? Святой Павел отвечает: «Рождённый по плоти»; всякий, кто не «рождён от Духа» и по крайней мере не желает родиться; все, кто хотя бы не трудится над тем, чтобы «жить благочестиво во Христе Иисусе»; все, кто не «перешёл из смерти в жизнь» и потому не может «любить братьев»; «мир», то есть, по определению нашего Спасителя, те, кто «не знает Пославшего Меня», кто не знает Бога, именно любящего, прощающего Бога, через научение Его собственного Духа.

35 Причина ясна: дух мира прямо противоположен Духу от Бога. Поэтому неизбежно, что принадлежащие миру будут противиться принадлежащим Богу. Между ними крайняя противоположность во всех мнениях, желаниях, замыслах и расположениях. И пока барс и козлёнок не могут мирно лежать вместе. Гордый, именно потому, что он горд, не может не гнать смиренного; легкомысленный и беспечный — плачущих. И так во всём остальном:

несходство расположений, даже если бы не было ничего другого, служит постоянным основанием вражды. Поэтому хотя бы по одной этой причине все слуги дьявола будут гнать детей Божиих.

[36] 5. Если, в-четвёртых, спросить, как их будут гнать, можно ответить в общем: именно тем способом и в той мере, которые мудрый Распорядитель всего признает наиболее служащими Своей славе, наиболее содействующими возрастанию Его детей в благодати и расширению Его собственного Царства. Нет стороны Божия управления миром, более достойной удивления, чем эта. Его ухо никогда не глухо ни к угрозам гонителя, ни к воплю гонимого. Его глаз всегда открыт, рука простёрта, чтобы направлять каждое, самое малое обстоятельство. Когда начнётся буря, как высоко поднимется, куда направится, когда и как окончится — всё определено Его безошибочной мудростью. Нечестивые — лишь Его меч, орудие, которым Он пользуется по Своему усмотрению и которое, когда милостивые цели Его промысла достигнуты, само бросается в огонь.

[37] В редкие времена, как при первом насаждении христианства и в пору его укоренения на земле, а также когда чистое Христово учение вновь начало насаждаться в нашем народе, Бог позволял буре подниматься высоко и призывал Своих детей противостоять до крови. В отношении апостолов Он допускал это по особой причине: чтобы их свидетельство стало ещё более неопровержимым. Но из церковных летописей мы узнаём другую, совершенно иную причину, по которой Он допустил тяжёлые гонения второго и третьего веков: потому что «тайна беззакония» так сильно «действовала»,

потому что уже тогда в Церкви царили чудовищные пороки. Их Бог наказывал и вместе с тем старался исцелить этими суровыми, но необходимыми посещениями.

[38] Быть может, то же замечание применимо к великому гонению в нашей собственной стране. Бог весьма милостиво обошёлся с нашим народом, излил на нас разнообразные благословения, даровал мир вне страны и внутри её и короля, мудрого и доброго не по летам; а прежде всего — воздвиг среди нас чистый свет Своего Евангелия и заставил его сиять. Но какое воздаяние нашёл? «Ожидал праведности, но вот — вопль!» Вопль угнетения и неправды, честолюбия и несправедливости, злобы, обмана и корыстолюбия. Да, вопль тех, кто уже тогда умирал в пламени, достиг ушей Господа Саваофа. Тогда Бог восстал защищать Своё дело против подавляющих истину неправдой. Тогда Он предал их в руки гонителей судом, смешанным с милостью: бедствием, наказующим, но вместе и лекарством, исцеляющим тяжкое отступничество Его народа.

[39] 6. Однако Бог редко допускает, чтобы буря дошла до пыток, смерти, оков или темницы. Зато Его дети часто призываются терпеть более лёгкие виды гонения: часто страдают от отчуждения родных, от утраты друзей, бывших им как собственная душа. Они познают истину слова Господа о *последствии*, хотя и не о *цели* Его пришествия: «Думаете ли вы, что Я пришёл дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение» (Лук. 12:51). Отсюда естественно следуют потеря дела или занятия, а значит, и имущества. Но и все эти обстоятельства находятся под мудрым управлением Бога, уделяющего каждому то, что для него наиболее полезно.

40 7. Но гонение, сопровождающее *всех* детей Божиих, наш Господь описывает так: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать», гнать поношением, «и всячески неправедно злословить за Меня». Этого не избежать; это самый знак нашего ученичества, одна из печатей нашего призвания, верная доля, назначенная всем детям Божиим. Если её у нас нет, мы незаконные дети, а не сыны. Прямо через худую славу, как и через добрую, пролегает единственный путь в Царство. Кроткие, серьёзные, смиренные, ревностные любители Бога и человека имеют добрую славу среди братьев, но худую — у мира, который считает их «сором и отбросами всего» и соответственно обращается с ними.

41 8. Некоторые, правда, предполагали, что ещё прежде, чем войдёт полнота язычников, соблазн креста прекратится; что Бог сделает христиан почитаемыми и любимыми даже теми, кто пока остаётся во грехах. И действительно, даже ныне Он временами приостанавливает человеческое презрение, как и ярость: на время «примиряет с человеком его врагов» и даёт ему благоволение у самых ожесточённых гонителей. Но, кроме этого исключительного случая, соблазн креста ещё не прекратился, и человек всё ещё может сказать: «Если я угождаю людям, то я не раб Христов». Поэтому пусть никто не внимает приятному внушению — несомненно, приятному плоти и крови, — будто злые люди лишь *притворяются*, что ненавидят и презирают добрых, а в сердце на самом деле любят и уважают их. Нет. Иногда они пользуются их услугами, но ради собственной выгоды. Могут доверять им, ибо знают, что пути их не таковы, как у прочих людей. Но всё же не любят их, разве только в той мере, в какой Дух Божий борется с ними. Слова нашего Спасителя определённы: «Если бы вы были от мира, мир

любил бы своё; но как вы не от мира, потому ненавидит вас мир». Да, за исключениями, какие могут быть сделаны предваряющей благодатью или особым промыслом Божиим, мир ненавидит их столь же сердечно и искренне, как некогда ненавидел их Учителя.

42 9. Остаётся лишь спросить: как детям Божиим вести себя при гонении? Прежде всего им не следует сознательно или намеренно навлекать его на себя. Это противно и примеру, и совету нашего Господа и всех Его апостолов, которые учат нас не только не искать гонения, но избегать его, насколько возможно без ущерба совести, без отказа от какой-либо части той праведности, которую мы должны предпочитать самой жизни. Так прямо говорит Господь: «Когда будут гнать вас в этом городе, бегите в другой»; и это действительно, когда доступно, самый безупречный способ избежать гонения.

43 10. Однако не думайте, будто всегда сможете избежать его этим или каким-либо другим способом. Если такая пустая мечта когда-нибудь прокрадётся в сердце, прогоните её серьёзным предостережением: «Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас». «Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Но оградит ли это вас от гонения? Лишь если у вас больше мудрости, чем у вашего Учителя, или больше невинности, чем у Агнца Божия.

44 Не желайте и совершенно избежать его, вовсе от него уклониться; ибо, желая этого, вы не Его. Избежав гонения, вы избегаете благословения, благословения гонимых за праведность. Если вас не гонят за праведность, вы не можете войти в Царство Небесное.

«Если с Ним терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречёмся, и Он отречётся от нас».

45 11. Напротив, «радуйтесь и веселитесь», когда люди гонят вас ради Него, когда гонят поношением и «всячески неправедно злословят»; они непременно примешают это к любому виду гонения, ибо должны очернить вас, чтобы оправдать себя. «Так гнали и пророков, бывших прежде вас», наиболее выдающихся святостью сердца и жизни; да и всех праведных, какие были от начала мира. Радуйтесь, потому что и по этому знаку знаете, Кому принадлежите; и потому, что «велика ваша награда на небесах», награда, приобретённая кровью завета и даром уделяемая соразмерно вашим страданиям, как и святости сердца и жизни. «Веселитесь», зная, что «эти лёгкие страдания, длящиеся лишь мгновение, производят для вас в безмерном преизбытке вечную славу». [18]

46 12. Между тем пусть никакое гонение не сворачивает вас с пути смирения и кротости, любви и благотворения. Правда, «вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб» (Матф. 5:38), и ваши жалкие учители на этом основании позволяли вам мстить, воздавать злом за зло. «А Я говорю вам: не противьтесь злому» — не так, не воздаянием тем же. Напротив, лучше, чем поступить так, «кто ударит тебя в правую щёку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два».

47 Столь непобедимой пусть будет твоя кротость. И любовь пусть ей соответствует. «Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся». Только не отдавай чужого, того, что не принадлежит тебе. Поэтому: (1.) Заботься о том, чтобы никому ничего не быть

должным, ибо твой долг — не твоё, а чужое. (2.) Обеспечивай своих домашних: этого Бог также требует от тебя, и необходимое для поддержания их жизни и благочестия тоже не твоё. Затем: (3.) Отдавай или одалживай всё остальное день за днём или год за годом. Только прежде всего, поскольку не можешь дать или одолжить всем, помни домашних по вере.

[48] 13. Кротость и любовь, которые мы должны чувствовать, доброту, которую должны являть гонящим нас за праведность, наш благословенный Господь далее описывает в следующих стихах. О, если бы они были начертаны в наших сердцах! «Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего» (Матф. 5:43). Бог сказал лишь первую часть: «Люби ближнего твоего»; дети дьявола прибавили вторую: «И ненавидь врага твоего». «А Я говорю вам: (1.) Любите врагов ваших». Смотрите, чтобы вы питали нежное благоволение к тем, кто наиболее ожесточён против вас, кто желает вам всякого зла. (2.) «Благословляйте проклинающих вас». Есть ли те, чья горечь духа прорывается горькими словами, кто непрестанно проклинает и поносит вас в вашем присутствии и «говорит о вас всякое зло» заочно? Тем усерднее благословляйте их. В разговоре с ними употребляйте всю кротость и мягкость речи. Обличайте их, преподавая перед ними лучший урок, показывая, как следовало говорить. А говоря о них, скажите всё доброе, что можете, не нарушая правил истины и справедливости. (3.) «Благотворите ненавидящим вас». Пусть дела показывают, что вы столь же искренни в любви, как они — в ненависти. Воздавайте добром за зло. «Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром». (4.) Если больше ничего не можете сделать, по крайней мере «молитесь за обижающих вас и гонящих вас». Этого вы

никогда не будете лишены; вся их злоба и насилие не могут вам помешать. Изливайте души пред Богом не только за тех, кто некогда так поступал, но ныне кается: это малое дело. «Если брат твой семь раз в день обратится и скажет тебе: каюсь» (Лук. 17:4), то есть если после сколь угодно многих падений даст основание верить, что действительно и совершенно переменился, тогда прости его так, чтобы доверять ему, принять к сердцу, словно он никогда не грешил против тебя. Но молись, борись с Богом в молитве за тех, кто не кается, кто ныне обижает и гонит тебя. В этом смысле прощай их «не до семи раз только, но до семидесяти раз по семи» (Матф. 18:22). Каются они или нет, даже если кажутся всё дальше и дальше от покаяния, всё же являй им эту доброту: «Да будете сынами», да покажете себя истинными детьми, «Отца вашего Небесного», Который являет Свою благость, даруя даже самым упорным врагам те благословения, которые они способны принять, «повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». «Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари?» (Матф. 5:46), не притязающие ни на какую религию, которых вы сами признаёте живущими без Бога в мире. «И если вы приветствуете», проявляете доброту словом или делом, «только братьев ваших», друзей или родных, «что особенного делаете?» — больше тех, у кого вовсе нет религии? «Не так же ли поступают и мытари?» (Матф. 5:47). Нет, следуйте лучшему образцу. В терпении, долготерпении, милосердии, во всяком благотворении всем, даже самым ожесточённым вашим гонителям, «будьте», христиане, «совершенны» — по роду, хотя и не по степени, — «как совершен Отец ваш Небесный» (Матф. 5:48).

[49] IV. Вот христианство в его первоначальном виде, как преподал его великий Основатель! Вот подлинная религия Иисуса Христа! Такою Он представляет её тому, чьи глаза открыты. Взгляни на образ Бога в той мере, в какой человек может Ему подражать, на образ, начертанный собственной Божией рукой! «Смотрите, презрители, удивляйтесь и исчезните!» Или, лучше, удивляйтесь и поклонитесь! Лучше воскликните: «Неужели это религия Иисуса Назарянина, религия, которую я гнал? Да не окажусь я больше противящимся Богу. Господи, что повелишь мне делать?» Какая красота во всём! Какая стройная симметрия! Какая точная соразмерность каждой части! Как желанно описанное здесь счастье! Как досточтима, как прекрасна святость! Это дух религии, самая её сущность. Вот подлинные основы христианства. О, да не будем мы только слушателями, подобными «человеку, рассматривающему своё лицо в зеркале, который отходит и тотчас забывает, каков он»! Напротив, будем неотступно «вникать в совершенный закон свободы и пребывать в нём». Не успокоимся, пока каждая его черта не будет переписана в наши собственные сердца. Будем бодрствовать, молиться, веровать, любить и «подвизаться», пока каждая его часть не явится в нашей душе, начертанная там перстом Божиим; пока мы не станем «святы, как свят Призвавший нас, совершенны, как совершен Отец наш Небесный»!

О Нагорной проповеди нашего Господа

1 Беседа 4

2 «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон на попрание людям.

3 Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы.

4 И, зажёгши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

5 Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

6 Матф. 5:13–16.

7 1. Красота святости, того сокровенного человека сердца, который обновлён по образу Божию, не может не поражать всякого ока, открытого Богом, всякого просвещённого разумения. Украшение кроткого, смиренного, любящего духа по крайней мере вызовет одобрение у всех, кто хоть в какой-то степени способен различать духовное добро и зло. С того часа, как люди начинают выходить из тьмы, покрывающей беспечный, бездумный мир, они не могут не видеть, как желанно такое преображение в подобие Сотворившего нас. Внутренняя религия несёт столь видимый отпечаток Божия образа, что душа должна быть совершенно

погружена в плоть и кровь, чтобы сомневаться в её божественном происхождении. О ней можно сказать во вторичном смысле то же, что о Самом Сыне Божием: она — «сияние славы Его и образ ипостаси Его»; apaugasma tes doxe autou, излучение Его вечной славы, однако настолько умеренное и смягчённое, что даже сыны человеческие могут в нём видеть Бога и оставаться живыми; charakter tes hupostaseos autou, начертание, печать, живой отпечаток личности Того, Кто есть источник красоты и любви, первоначальный родник всякого достоинства и совершенства.

[8] 2. Поэтому, если бы религия не шла дальше этого, они не сомневались бы в ней, не возражали бы против стремления к ней со всем жаром души. «Но почему, — говорят они, — она обременена другими вещами? Зачем нагружать её действием и *страданием*? Именно они гасят силу души и снова низводят её к земле. Разве недостаточно стремиться к любви, парить на её крыльях? Разве недостаточно поклоняться Богу, Который есть Дух, духом нашего ума, не обременяя себя внешними вещами и даже вовсе не думая о них? Не лучше ли весь простор мысли занять высоким и небесным созерцанием и, вместо того чтобы вообще хлопотать о внешнем, лишь общаться с Богом в своём сердце?»

[9] 3. Так говорили многие выдающиеся люди; советовали нам «прекратить всякую внешнюю деятельность», совершенно удалиться от мира, оставить тело позади, отрешиться от всего чувственного, совсем не заботиться о внешней религии, но *совершать все добродетели в воле*, как о пути несравненно превосходнейшем, более совершенствующем душу и более угодном Богу.

10 4. Не было нужды, чтобы кто-нибудь сообщил нашему Господу об этом шедевре мудрости снизу, об этой прекраснейшей из всех уловок, которыми сатана когда-либо искажал прямые пути Господни! И какие орудия он время от времени находил для этой своей службы, для применения этого великого орудия ада против некоторых важнейших Божиих истин! Людей, способных «прельстить, если возможно, и избранных», людей веры и любви; даже на время действительно прельстивших и увлёкших немалое их число — во все века они попадали в позолоченную сеть и едва спасались.

11 5. Но упустил ли что-нибудь со Своей стороны наш Господь? Разве Он недостаточно предостерёг нас против этого приятного заблуждения? Разве не вооружил здесь непроницаемой бронёй против сатаны, «принявшего вид ангела света»? Да, поистине: Он самым ясным и сильным образом защищает здесь только что описанную религию действия и терпения. Что может быть полнее и яснее слов, которые Он непосредственно прибавляет к сказанному о делании и страдании? «Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон на попрание людям. Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажёгши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

12 Чтобы полно объяснить и убедительно раскрыть эти важные слова, я постараюсь показать, во-первых, что христианство по самой своей сущности есть религия общения и что превращать его в религию одиночества —

значит уничтожать его. Во-вторых, что скрыть эту религию невозможно и что это совершенно противно замыслу её Основателя. В-третьих, я отвечу на некоторые возражения и завершу всё практическим применением.

[13] I. 1. Прежде всего я постараюсь показать, что христианство по самой своей сущности есть религия общения и что превращать его в религию одиночества — действительно значит уничтожать его.

[14] Под христианством я понимаю тот способ поклонения Богу, который здесь открыт человеку Иисусом Христом. Говоря, что это по существу религия общения, я разумею не только то, что без общества она не может существовать столь же хорошо, но что она вообще не может существовать без общества, без совместной жизни и общения с другими людьми. Показывая это, я ограничусь соображениями, вытекающими из рассматриваемого нами поучения. Но если это будет показано, то, несомненно, превращать такую религию в уединённую — значит уничтожать её.

[15] Это не значит, что можно как-либо осудить чередование общения с одиночеством или уединением. Оно не только допустимо, но полезно; более того, как показывает ежедневный опыт, необходимо каждому, кто уже является или желает быть истинным христианином. Едва ли мы можем провести целый день в непрерывном общении с людьми, не потерпев ущерба в душе и в какой-то мере не огорчив Святого Духа Божия. Нам ежедневно нужно удаляться от мира, по крайней мере утром и вечером, чтобы беседовать с Богом, свободнее общаться с нашим Отцом, Который втайне. Да и человек опытный не может осудить даже более продолжительных сроков религиозного уединения, если они не влекут

пренебрежения мирским занятием, на которое поставил нас Божий промысл.

16 2. Однако такое уединение не должно поглощать всё время: это значило бы уничтожать, а не укреплять истинную религию. Ведь описанная нашим Господом в предыдущих словах религия не может существовать без общества, без совместной жизни и общения с другими людьми; это ясно из того, что нескольким наиболее существенным её сторонам вообще нет места, если мы не общаемся с миром.

17 3. Например, нет расположения более существенного для христианства, чем кротость. Хотя, поскольку она включает покорность Богу или терпение в боли и болезни, она может существовать в пустыне, в келье отшельника, в полном одиночестве, однако, поскольку она не менее необходимо включает мягкость, незлобие и долготерпение, она никак не может существовать, ей нет места под небом без общения с другими людьми. Поэтому пытаться сделать её уединённой добродетелью — значит уничтожать её на земле.

18 4. Другая необходимая сторона истинного христианства — миротворчество, или делание добра. В доказательство того, что оно столь же существенно, как любая другая часть религии Иисуса Христа, нельзя привести довода сильнее — и потому было бы нелепо приводить иной, — чем то, что оно включено здесь в первоначальное изложение основ Его религии. Поэтому устранить его — такое же дерзкое оскорбление власти нашего великого Учителя, как устранить милосердие, чистоту сердца или какую-либо другую часть Его установления. Но именно это явно делают все зовущие нас в пустыню, советующие полное одиночество

младенцам, юношам или отцам во Христе. Разве кто-нибудь станет утверждать, что уединённый христианин — так называемый, хотя это почти противоречие в самих словах, — может быть милостивым человеком, то есть пользующимся каждой возможностью делать всё добро всем людям? Что может быть яснее того, что эта основополагающая сторона религии Иисуса Христа никак не может существовать без общества, без совместной жизни и общения с другими людьми?

19 5. «Но всё же, — естественно мог бы спросить кто-нибудь, — не полезно ли общаться только с добрыми людьми, только с теми, кого мы знаем как кротких и милостивых, святых сердцем и жизнью? Не полезно ли воздерживаться от всяких бесед и общения с людьми противоположного характера, не повинующимися Евангелию Господа нашего Иисуса Христа, быть может, и не верующими в него?» Совет святого Павла коринфским христианам, казалось бы, поддерживает это: «Я писал вам в послании не сообщаться с блудниками» (1 Кор. 5:9). И, конечно, не следует так общаться с ними или с какими-либо делателями беззакония, чтобы иметь особую близость или тесную дружбу. Завязывать или поддерживать близость с подобными людьми никак не полезно христианину. Это неизбежно подвергает его множеству опасностей и сетей, из которых у него нет разумной надежды выбраться.

20 Но апостол не запрещает всякого общения даже с людьми, не знающими Бога: «Ибо иначе, — говорит он, — надлежало бы вам выйти из мира», чего он никогда не мог им советовать. Но добавляет: «Если кто, называясь братом», исповедуя себя христианином, «остаётся блудником, или корыстолюбцем, или идолослужителем,

или злоречивым, или пьяницей, или хищником» (1 Кор. 5:11), то я написал вам не сообщаться с ним, «с таким даже и не есть вместе». Это необходимо означает разрыв всякой близости, всякого тесного знакомства с ним. «Однако не считайте его врагом, — говорит апостол в другом месте, — а вразумляйте, как брата» (2 Фес. 3:15), ясно показывая, что даже в таком случае мы не должны отказываться от всякого общения с ним. Поэтому здесь нет совета совершенно отделиться даже от злых людей; напротив, сами эти слова учат прямо противоположному.

[21] 6. Тем более это верно о словах нашего Господа: Он настолько далёк от повеления прервать всякое общение с миром, что без него, согласно Его описанию христианства, мы вообще не можем быть христианами. Нетрудно показать, что некоторое общение даже с нечестивыми и несвятыми людьми совершенно необходимо для полного проявления каждого расположения, описанного Им как путь в Царство; что оно безусловно необходимо для полного упражнения в нищете духа, плаче и всяком другом расположении, занимающем здесь место в подлинной религии Иисуса Христа. Более того, оно необходимо для самого существования некоторых из них: например, той кротости, которая вместо требования «око за око и зуб за зуб» «не противится злому», но, когда нас ударяют «в правую щёку, велит обратить и другую»; того милосердия, которым «мы любим врагов наших, благословляем проклинающих нас, благотворим ненавидящим нас и молимся за обижающих и гонящих нас»; и того соединения любви и всех святых расположений, которое проявляется в страдании за праведность. Ясно, что всё это не могло бы существовать, если бы мы общались только с истинными христианами.

22 7. В самом деле, если бы мы совершенно отделились от грешников, как могли бы соответствовать образу, который Господь даёт нам в этих самых словах? «Вы», христиане, смиренные, серьёзные и кроткие, алчущие праведности, любящие Бога и человека, делающие всем добро и потому терпящие зло, вы — «соль земли». Самой вашей природе свойственно осолять всё вокруг. Божественной соли, пребывающей в вас, свойственно распространяться на всё, чего вы касаетесь, расходиться во все стороны, ко всем, среди кого вы находитесь. Вот великая причина, по которой Божий промысл так тесно смешал вас с другими людьми: чтобы всякая полученная вами от Бога благодать через вас сообщалась другим; чтобы всякое ваше святое расположение, слово и дело оказывало влияние и на них. Таким образом испорченность мира будет в некоторой мере сдерживаться, и хотя бы малая часть будет спасена от всеобщей заразы и станет святой и чистой пред Богом. [19]

23 8. Чтобы мы ещё усерднее трудились, осоляя всех, кого можем, всяким святым и небесным расположением, наш Господь далее показывает безнадёжное состояние тех, кто не передаёт полученной религии, — чего, впрочем, они никак не могут не делать, пока она остаётся в их собственных сердцах. «Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон на попрание людям». Если вы, бывшие святыми, небесно настроенными и потому ревностными к добрым делам, больше не имеете соли в себе и потому больше не осоляете других; если стали пресными, безвкусными, мёртвыми, беспечными о собственной душе и бесполезными для душ других людей, — чем будете осолены? Как восстановитесь? Какая помощь? Какая надежда? Можно ли вернуть вкус соли,

потерявшей его? Нет; «она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон», словно уличную грязь, «на попрание людям», на вечное презрение. Если бы вы никогда не знали Господа, если бы никогда не были «найдены в Нём», могла бы быть надежда. Но что теперь скажете о Его торжественном утверждении, точно соответствующем сказанному здесь? «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он», Отец, «отсекает. Кто пребывает во Мне, и Я в нём, тот приносит много плода». «Кто не пребудет во Мне», или не принесёт плода, «извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают», не чтобы вновь посадить, но «чтобы бросить в огонь» (Иоан. 15:2, 5, 6).

24 9. К тем, кто никогда не вкусил благого слова, Бог действительно сострадателен и милосерден. Но справедливость вступает в силу по отношению к вкусившим, что Господь благ, и затем отступившим «от преданной им святой заповеди». «Ибо невозможно однажды просвещённых» (Евр. 6:4), в чьих сердцах Бог некогда воссиял, чтобы просветить их познанием славы Божией в лице Иисуса Христа; «вкусивших дара небесного» — искупления Кровью Его, прощения грехов; «соделавшихся причастниками Духа Святого» — смирения, кротости, любви к Богу и человеку, излитой в их сердца данным им Святым Духом; и «отпавших», kai parapesontas, — здесь не предположение, а прямое утверждение действительного факта, — «опять обновлять покаянием, когда они снова распинают в себе Сына Божия и ругаются Ему».

25 Но чтобы никто не понял этих грозных слов неверно, следует тщательно заметить: (1.) О ком здесь говорится. Именно о тех и только о тех, кто однажды был так

«просвещён»; только о «вкусивших того дара небесного» и так «соделавшихся причастниками Духа Святого». Поэтому все не испытавшие этого совершенно не затронуты данным местом Писания. (2.) Что представляет собой упомянутое здесь отпадение. Это безусловное, полное отступничество. Верующий может упасть, но не отпасть; может упасть и снова встать. И если он падёт даже в грех, случай этот, как ни страшен, всё же не безнадёжен. Ибо «мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника, и Он есть умилостивление за грехи наши». Но прежде всего пусть он остерегается, чтобы «сердце его не ожесточилось обольщением греха», чтобы он не опускался всё ниже, пока совершенно не отпадёт и не станет как соль, потерявшая силу. Ибо если мы так произвольно грешим после получения опытного «познания истины, то не остаётся более жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и ярости огня, готового пожрать противников».

[26] II. 1. «Но хотя нам нельзя совершенно отделяться от человечества, хотя признано, что мы должны осолять его религией, которую Бог произвёл в наших сердцах, разве нельзя делать это незаметно? Разве нельзя передавать её другим тайно и почти неуловимо, так что едва ли кто сможет заметить, как и когда это происходит? Так ведь и соль сообщает свой вкус осоляемому без шума и без всякого внешне наблюдаемого действия. А если так, то, хотя мы и не выходим из мира, всё же можем скрываться в нём; можем до такой степени держать свою религию при себе и не оскорблять тех, кому не можем помочь».

[27] 2. Наш Господь хорошо знал и это благовидное рассуждение плоти и крови. Он дал на него полный ответ в словах, к рассмотрению которых мы теперь переходим.

Объясняя их, я постараюсь показать то, что намеревался показать во-вторых: пока истинная религия пребывает в наших сердцах, скрывать её невозможно и к тому же совершенно противно замыслу её великого Основателя.

[28] И прежде всего всякому имеющему религию Иисуса Христа невозможно её скрыть. Наш Господь делает это неоспоримо ясным посредством двойного сравнения: «Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы». Вы, христиане, «свет мира» и по расположениям, и по поступкам. Ваша святость делает вас столь же заметными, как солнце посреди неба. Как вы не можете выйти из мира, так не можете и оставаться в нём, не являясь всему человечеству. Вам нельзя бежать от людей; а пока вы среди них, невозможно скрыть смирение, кротость и прочие расположения, которыми вы стремитесь стать совершенными, как совершен Отец ваш Небесный. Любовь можно скрыть не больше, чем свет, особенно когда она сияет в действии, когда вы упражняетесь в труде любви, во всякого рода благотворении. Люди с тем же успехом могут надеяться скрыть город, как и христианина; да, город на вершине горы — как святого, ревностного, деятельного любителя Бога и человека.

[29] 3. Правда, люди, возлюбившие тьму более света, потому что дела их злы, приложат все возможные усилия, чтобы доказать, будто свет в вас есть тьма. О добре, пребывающем в вас, будут ложно говорить злое, всякое зло; вменят вам то, что дальше всего от ваших мыслей и прямо противоположно всему, что вы собой представляете и делаете. А ваше терпеливое постоянство в добрых делах, кроткое перенесение всего ради Господа, тихая смиренная радость среди гонений, неутомимый

труд побеждать зло добром сделают вас ещё более видимыми и заметными, чем прежде.

30 4. Вот насколько невозможно уберечь нашу религию от взглядов, если только не отбросить её; насколько тщетна мысль скрыть свет иначе, чем погасив его! Несомненно, тайная, незамечаемая религия не может быть религией Иисуса Христа. Какая бы религия ни могла быть скрыта, это не христианство. Если бы христианин мог укрыться, его нельзя было бы сравнить с городом на горе, со светом мира, с солнцем, сияющим с небес и видимым всему миру внизу. Поэтому пусть тому, кого Бог обновил духом ума, никогда не придёт на сердце скрывать этот свет, держать свою религию при себе; особенно принимая во внимание, что скрыть истинное христианство не только невозможно, но и совершенно противно замыслу его великого Основателя.

31 5. Это ясно из следующих слов: «И, зажёгши свечу, не ставят её под сосудом». Словно Он говорит: как люди не зажигают свечи лишь затем, чтобы накрыть и скрыть её, так и Бог не просвещает душу Своим славным познанием и любовью затем, чтобы они были покрыты или скрыты ложно называемым благоразумием, стыдом или самовольным смиренномудрием; скрыты в пустыне или в мире, избеганием людей или общением с ними. «Но ставят её на подсвечнике, и светит всем в доме». Так и замысел Божий состоит в том, чтобы каждый христианин был на виду, светил всем вокруг и явно выражал религию Иисуса Христа.

32 6. Так Бог во все века говорил миру не только наставлением, но и примером. Он «не оставлял Себя без свидетельства» ни в одном народе, куда достигал звук Евангелия: без немногих, свидетельствовавших Его

истину и жизнью, и словами. Они были «светильниками, сияющими в тёмном месте». И время от времени через них просвещались некоторые, сохранялся остаток, малое семя, которое «будет называться Господним родом». Они выводили немногих бедных овец из тьмы мира и направляли ноги их на путь мира.

33 7. Можно было бы подумать, что там, где и Писание, и сам смысл вещей говорят столь ясно и определённо, мало что можно выдвинуть в пользу противоположной стороны, по крайней мере с каким-либо видом истины. Но думающие так мало знают глубины сатаны. После всего сказанного Писанием и разумом доводы в пользу уединённой религии, выхода христианина из мира или хотя бы укрытия в нём остаются столь чрезвычайно правдоподобными, что нам нужна вся мудрость Божия, чтобы распознать сеть, и вся сила Божия, чтобы избежать её; так многочисленны и сильны возражения против того, чтобы быть христианами общающимися с людьми, открытыми и деятельными.

34 III. 1. Ответить на эти возражения было третьей моей целью. Прежде всего часто возражали, что религия состоит не во внешних вещах, но в сердце, в глубине души; что она есть единение души с Богом, жизнь Божия в человеческой душе; что внешняя религия ничего не стоит, ибо Бог «не благоволит к всесожжениям», к внешним служениям, но чистое и святое сердце есть «жертва, которую Он не презрит».

35 Отвечаю: совершенно верно, что корень религии находится в сердце, в глубине души, что она есть единение души с Богом, жизнь Божия в человеческой душе. Но если этот корень действительно в сердце, он не может не выпускать ветвей. А эти ветви — различные

проявления внешнего послушания, имеющие ту же природу, что и корень, и потому являющиеся не только отметинами или знаками, но существенными частями религии.

[36] Верно также, что одна лишь внешняя религия, не имеющая корня в сердце, ничего не стоит; что Бог не благоволит к таким внешним служениям, как не благоволит к иудейским всесожжениям; и что чистое и святое сердце — жертва, всегда Ему угодная. Но Ему угодно также всякое внешнее служение, исходящее из сердца: жертва наших молитв, общественных или уединённых, наших хвал и благодарений; жертва нашего имущества, смиренно посвящённого Ему и целиком употребляемого для Его славы; и жертва наших тел, на которые Он предъявляет особое право и которые апостол умоляет нас «милосердием Божиим представить Ему в жертву живую, святую, благоугодную Богу».

[37] 2. Второе, близкое к этому возражение состоит в том, что любовь есть всё во всём, что она — «исполнение закона», «цель увещания», всякого Божия повеления; что всё, что мы делаем и терпим, без милосердия, то есть любви, не приносит нам никакой пользы; и поэтому апостол велит «достигать любви» и называет её «путём превосходнейшим».

[38] Отвечаю: признаётся, что любовь к Богу и человеку, возникающая из нелицемерной веры, есть всё во всём, исполнение закона, цель всякого Божия повеления. Верно, что без неё всё делаемое и переносимое нами не приносит нам пользы. Но отсюда не следует, будто любовь есть всё в таком смысле, что устраняет веру или добрые дела. Она «исполнение закона» тем, что понуждает нас повиноваться ему, а не освобождает от него. Она «цель

увещания», поскольку каждое повеление ведёт к ней и в ней сосредоточивается. Признаётся, что всё делаемое и переносимое без любви не приносит нам пользы. Но вместе с тем всё, что мы делаем или терпим в любви, хотя бы это было лишь перенесение поношения за Христа или подача чаши холодной воды во имя Его, никак не потеряет своей награды.

[39] 3. «Но разве апостол не велит нам “достигать любви”? Разве не называет её “путём превосходнейшим”?» Он действительно велит «достигать любви», но не одной лишь её. Его слова: «Достигайте любви; ревнуйте о дарах духовных» (1 Кор. 14:1). Да, «достигайте любви» и желайте издерживать своё и истощать себя за братьев. «Достигайте любви» и по мере возможности делайте добро всем людям.

[40] В том же стихе, где он называет путь любви «путём превосходнейшим», он велит коринфянам желать и других даров помимо неё, притом желать усердно. «Ревнуйте, — говорит он, — о дарах больших, и я покажу вам путь ещё превосходнейший» (1 Кор. 12:31). Превосходнейший чего? Даров исцеления, говорения языками и истолкования, упомянутых в предыдущем стихе, но не превосходнейший пути послушания. Об этом апостол не говорит; вообще не говорит здесь о внешней религии. Поэтому данный текст совершенно не касается нынешнего вопроса.

[41] Но предположим, что апостол говорил и о внешней, и о внутренней религии и сравнивал их; предположим, в сравнении он сколь угодно сильно предпочёл последнюю; предположим, как он и мог бы по праву, предпочёл любящее сердце всем внешним делам без исключения. Всё равно отсюда не следовало бы, что нам нужно

отвергнуть одно или другое. Нет: Бог соединил их от начала мира, и человек да не разлучает.

42 4. «Но “Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине”. Разве этого недостаточно? Более того, разве не следует употребить на это всю силу ума? Не обременяет ли внимание к внешним вещам душу так, что она не может парить в святом созерцании? Не ослабляет ли оно силу мысли? Не склонно ли естественным образом обременять и рассеивать ум? А святой Павел желает, чтобы мы были “без забот” и “служили Господу без развлечения”».

43 Отвечаю: «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине». Да, этого достаточно; нам следует употреблять на это всю силу ума. Но тогда я спрошу: что значит поклоняться Богу, Который есть Дух, в духе и истине? Это значит поклоняться Ему нашим духом, таким образом, на какой способны лишь духи. Это значит веровать в Него как в Существо мудрое, справедливое, святое, Чьи очи слишком чисты, чтобы взирать на беззаконие, и всё же милостивое, благодатное, долготерпеливое; прощающее беззаконие, преступление и грех, повергающее все наши грехи за хребет Свой и принимающее нас в Возлюбленном. Это значит любить Его, наслаждаться Им, желать Его всем сердцем, умом, душой и крепостью; подражать Тому, Кого любим, очищая себя, как Он чист; повиноваться Тому, Кого любим и в Кого веруем, мыслью, словом и делом. Следовательно, одна из сторон поклонения Богу в духе и истине — соблюдение Его внешних заповедей. Поэтому прославлять Его телами, как и духом; совершать внешние дела с сердцами, вознесёнными к Нему; превращать ежедневное занятие в жертву Богу; покупать и продавать, есть и пить

во славу Его — всё это столь же истинно поклонение Богу в духе и истине, как молитва Ему в пустыне.

44 5. Но если так, созерцание — лишь один из способов поклоняться Богу в духе и истине. Поэтому всецело предаться ему значило бы уничтожить многие стороны духовного поклонения, равно угодные Богу и равно полезные, а не вредные для души. Ибо великое заблуждение — предполагать, будто внимание к тем внешним вещам, к которым призвал нас Божий промысл, является каким-либо бременем для христианина или препятствием к постоянному видению Невидимого. Оно нисколько не гасит жар его мысли, не обременяет и не рассеивает ум, не причиняет тревожной или вредной заботы тому, кто делает всё как для Господа; кто научился всё, что делает словом или делом, совершать во имя Господа Иисуса; у кого лишь одно око души обращается к внешнему, а другое неподвижно устремлено к Богу. Научитесь понимать это, бедные затворники, чтобы ясно увидеть собственное маловерие; да, чтобы больше не судить других по себе, пойдите и научитесь, что значит:

> 45 Ты, Господи, с нежной любовью
> Несёшь все мои бремена;
> Вознеси моё сердце к горнему
> И навеки утверди его там.
> Спокойно сижу на колесе смятения,
> Один среди хлопочущих толп,
> Сладостно ожидая у Твоих ног,
> Пока вся Твоя воля не исполнится.

46 6. Но главное возражение ещё впереди. «Мы, — говорят они, — обращаемся к опыту. Наш свет сиял, мы многие годы пользовались внешними вещами, и всё же они не

принесли пользы. Мы соблюдали все установления, но не стали от этого лучше; да и никто другой. Напротив, стали хуже, ибо воображали себя христианами за то, что делали это, тогда как не знали, что значит христианство».

47 Я признаю этот факт; признаю, что вы и ещё десять тысяч человек так злоупотребляли Божиими установлениями, принимая средства за цель, предполагая, что совершение этих или каких-либо других внешних дел либо само есть религия Иисуса Христа, либо будет принято вместо неё. Но пусть злоупотребление будет устранено, а употребление сохранено. Ныне пользуйтесь всем внешним, но пользуйтесь, постоянно взирая на обновление вашей души в праведности и истинной святости.

48 7. Но это ещё не всё. Они утверждают: «Опыт также показывает, что попытка делать добро — напрасный труд. Какая польза кормить или одевать человеческие тела, если люди вот-вот низринутся в вечный огонь? И какое благо может человек принести их душам? Если они изменяются, Бог совершает это Сам. К тому же все люди либо добры, по крайней мере желают быть таковыми, либо упорно злы. Первые в нас не нуждаются: пусть попросят помощи у Бога, и она будет им дана. Вторые не примут от нас никакой помощи. Более того, наш Господь запрещает “метать жемчуг перед свиньями”».

49 Отвечаю: (1.) Погибнут ли они в конце концов или спасутся, вам прямо повелено накормить голодного и одеть нагого. Если можете, но не делаете, то, что бы ни стало с ними, вы сами пойдёте в вечный огонь. (2.) Хотя только Бог изменяет сердца, Он обыкновенно делает это через человека. Наше дело — делать всё от нас зависящее столь усердно, словно мы могли бы изменить их сами, а

затем оставить исход Ему. (3.) Бог в ответ на молитвы созидает Своих детей друг через друга во всяком благом даре, питая и укрепляя всё «тело посредством всяких взаимно скрепляющих связей». Поэтому «не может глаз сказать руке: ты мне не надобна», ни даже «голова ногам: вы мне не нужны». Наконец, откуда вы знаете, что перед вами псы или свиньи? Не судите, пока не испытаете. «Почему ты знаешь, человек, не приобретёшь ли брата», не спасёшь ли с Божией помощью его душу от смерти? Когда он отвергнет твою любовь и станет хулить благое слово, тогда наступит время предать его Богу.

50 8. «Мы пробовали, трудились над исправлением грешников, и какая польза? На многих мы вообще не могли произвести впечатления. А если некоторые и изменялись на время, их доброта была лишь утренней росой: вскоре они становились столь же дурны, даже хуже прежнего. Так мы лишь вредили им и себе, ибо наш дух тревожился и смущался, быть может, наполнялся гневом вместо любви. Поэтому лучше было бы держать свою религию при себе».

51 Вполне возможно, что и этот факт верен: вы пытались делать добро и не преуспели; более того, казавшиеся исправившимися вновь впали в грех, и последнее их состояние стало хуже первого. И что же удивительного? Разве раб выше своего господина? А как часто Он стремился спасти грешников, и они не желали слышать или, последовав за Ним некоторое время, возвращались, как пёс на свою блевотину! Но Он не переставал из-за этого стремиться делать добро; не должны переставать и вы, каков бы ни был успех. Ваше дело — исполнять повеленное; исход в Божией руке. За него вы не отвечаете. Оставьте его Тому, Кто всё устраивает хорошо.

«Утром сей семя твоё и вечером не давай отдыха руке твоей, потому что ты не знаешь, которое будет удачнее» (Еккл. 11:6).

52 Но попытка тревожит и раздражает вашу собственную душу. Быть может, именно потому, что вы считали себя ответственными за исход, за который никто не отвечает и не может отвечать; или, быть может, потому, что вы не были настороже, не бодрствовали над своим духом. Но это не основание ослушиваться Бога. Пробуйте снова, только осмотрительнее прежнего. Делайте добро, как и прощайте, «не до семи раз только, но до семидесяти раз по семи». Лишь становитесь мудрее от опыта: каждый раз приступайте осторожнее, чем прежде. Глубже смиряйтесь пред Богом, глубже убеждайтесь, что сами по себе ничего не можете. Ревностнее храните собственный дух, будьте кротче и бодрствуйте в молитве. Так «отпускайте хлеб ваш по водам и по прошествии многих дней опять найдёте его».

53 IV. 1. Несмотря на все эти благовидные предлоги скрывать свет, «так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». Таково практическое применение, которое Сам наш Господь делает из предыдущих рассуждений.

54 «Так да светит свет ваш»: ваше смирение сердца, мягкость и мудрая кротость, серьёзная, глубокая забота о вечном и скорбь о грехах и бедствиях людей; горячее желание всецелой святости и полного счастья в Боге; нежное благоволение ко всему человечеству и пламенная любовь к вашему верховному Благодетелю. Не старайтесь скрыть этот свет, которым Бог просветил вашу душу; пусть он сияет перед людьми, перед всеми, с кем вы

находитесь, во всём ходе вашей жизни. Пусть ещё ярче сияет в поступках, в совершении всякого возможного добра всем людям; и в страдании за праведность, когда вы «радуетесь и веселитесь, зная, что велика ваша награда на небесах».

55 2. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела». Вот насколько христианин должен быть далёк от всякого намерения или желания скрыть свою религию! Напротив, пусть вашим желанием будет не скрывать её, не ставить свет под сосудом. Заботьтесь о том, чтобы поместить его «на подсвечнике, да светит всем в доме». Только смотрите, чтобы не искать при этом собственной похвалы, не желать чести себе. Пусть единственной вашей целью будет, чтобы все видящие ваши добрые дела «прославляли Отца вашего Небесного».

56 3. Пусть это будет единственной конечной целью во всём. С этой целью будьте просты, открыты, непритворны. Да будет любовь ваша нелицемерна; зачем скрывать прекрасную, бескорыстную любовь? Пусть не найдётся лукавства в ваших устах; пусть слова будут верным изображением сердца. Пусть в вашем общении не будет ни тьмы, ни скрытности, в поведении — никакой личины. Оставьте это тем, кто имеет иные замыслы, не выносящие света. Будьте безыскусны и просты со всем человечеством, чтобы все видели благодать Божию в вас. И хотя некоторые ожесточат сердца, другие узнают, что вы были с Иисусом, и, возвратившись к великому Блюстителю своих душ, «прославят Отца вашего Небесного».

57 4. С одной этой целью, чтобы люди прославляли Бога в вас, идите вперёд во имя Его и в силе Его могущества. Не

стыдитесь даже остаться одни, лишь бы стоять на Божиих путях. Пусть свет вашего сердца сияет во всех добрых делах, и в делах благочестия, и в делах милосердия. А чтобы расширить свои возможности делать добро, откажитесь от всяких излишеств. Отсеките все ненужные расходы на пищу, обстановку, одежду. Будьте добрыми управителями всякого Божия дара, даже этих низших Его даров. Отсеките всякое ненужное расходование времени, все ненужные или бесполезные занятия; и «всё, что рука твоя найдёт делать, делай по силам твоим». Одним словом, будь исполнен веры и любви, делай добро, терпи зло. И в этом будь «твёрд, непоколебим», да, «всегда преуспевай в деле Господнем, зная, что труд твой не тщетен пред Господом».

О Нагорной проповеди нашего Господа

[1] Беседа 5

[2] *«Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдёт небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном. Ибо истинно говорю вам: если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное».*

[3] Матф. 5:17–20.

[4] 1. Среди множества упрёков, обрушившихся на Того, Кто «был презрен и отвергнут людьми», неизбежно был и такой: Он учитель новшеств, вводящий *новую религию*. Это обвинение могло казаться тем правдоподобнее, что многие употреблённые Им выражения были необычны среди иудеев: либо они вовсе ими не пользовались, либо не в том же смысле, не в столь полном и сильном значении. К тому же поклонение Богу «в духе и истине» всегда должно казаться новой религией тем, кто до сих пор знал лишь внешнее поклонение, лишь «вид благочестия».

[5] 2. Не лишено вероятности и то, что некоторые надеялись на это: будто Он отменяет прежнюю религию и вводит другую, которая, как они могли себя утешать, окажется более лёгким путём на небо. Но этими словами наш Господь опровергает и тщетные надежды одних, и неосновательную клевету других.

[6] Я рассмотрю их в том порядке, в каком они расположены, принимая каждый стих за отдельную часть рассуждения.

[7] I. 1. И прежде всего: «Не думайте, что Я пришёл нарушить закон или пророков: не нарушить пришёл Я, но исполнить».

[8] Обрядовый, или церемониальный, закон, переданный Моисеем сынам Израиля и содержащий все предписания и установления относительно прежних жертв и храмового служения, наш Господь действительно пришёл разрушить, расторгнуть и совершенно упразднить. Об этом свидетельствуют все апостолы: не только Варнава и Павел, решительно противостоявшие учившим, что христиане должны «соблюдать закон Моисеев» (Деян. 15:5); не только святой Пётр, назвавший настойчивое требование соблюдать обрядовый закон «искушением Бога» и «возложением на выю учеников ига, которого, — говорит он, — не могли понести ни отцы наши, ни мы». Все апостолы, пресвитеры и братья, единодушно собравшись (Деян. 15:22), объявили, что повелевать им соблюдать этот закон — значит «колебать их души» и что «угодно Святому Духу» и им не возлагать на них такого бремени (Деян. 15:28). Это «рукописание постановлений» наш Господь изгладил, устранил и пригвоздил к Своему кресту.

9 2. Но нравственного закона, заключённого в Десяти заповедях и утверждаемого пророками, Он не устранил. Отмена какой-либо его части не входила в цель Его пришествия. Этот закон никогда не может быть упразднён, он стоит твёрдо, как верный свидетель на небесах. Нравственный закон покоится на совершенно ином основании, чем церемониальный или обрядовый, предназначенный лишь для временного обуздания непослушного и жестоковыйного народа. Нравственный же закон существовал от начала мира, будучи «написан не на каменных скрижалях», но в сердцах всех сынов человеческих, когда они вышли из рук Творца. И хотя буквы, некогда написанные перстом Божиим, ныне в значительной мере стёрты грехом, они не могут изгладиться совершенно, пока мы хоть сколько-нибудь сознаём добро и зло. Каждая часть этого закона должна оставаться в силе для всего человечества во все века, ибо зависит не от времени, места или иных изменчивых обстоятельств, но от природы Бога и человека и от их неизменного отношения друг к другу.

10 3. «Не нарушить пришёл Я, но исполнить». Некоторые понимали слова нашего Господа так: «Я пришёл исполнить его Своим полным и совершенным послушанием». И нельзя сомневаться, что в этом смысле Он исполнил каждую его часть. Однако, по-видимому, не это Он имеет здесь в виду, поскольку такое понимание чуждо направлению нынешнего поучения. Несомненно, смысл здесь, согласный со всем предыдущим и последующим, таков: «Я пришёл утвердить его во всей полноте вопреки всем человеческим толкованиям; пришёл представить вполне и ясно всё, что было в нём тёмным или неясным; пришёл объявить истинное и полное значение каждой его части, показать длину и

широту, весь объём каждой содержащейся в нём заповеди, высоту и глубину, непостижимую чистоту и духовность его во всех частях».

[11] 4. Это наш Господь в изобилии совершил в предыдущих и последующих частях рассматриваемого поучения, вводя в мир не новую религию, а ту же, которая существовала от начала: религию, сущность которой, несомненно, столь же древняя, как творение, современная самому человеку и исшедшая от Бога в тот самый миг, когда «человек стал душою живою». Я говорю *сущность*, ибо некоторые её обстоятельства ныне относятся к человеку как к падшему существу. Это религия, о которой во всех последующих поколениях свидетельствовали и закон, и пророки. Однако никогда она не была столь полно объяснена и столь глубоко понята, пока Сам великий её Основатель не снизошёл дать человечеству это подлинное толкование всех существенных её сторон, одновременно объявив, что она никогда не изменится, но останется в силе до конца мира.

[12] II. 1. «Ибо истинно говорю вам», — торжественное вступление, обозначающее и важность, и несомненность сказанного, — «доколе не прейдёт небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдёт из закона, пока не исполнится всё».

[13] «Ни одна йота» — буквально *ни одной йоты*, ни самой незначительной гласной; «или ни одна черта», mia keraia, ни одного *уголка* или *штриха* согласной. Это поговорочное выражение означает, что ни одна заповедь нравственного закона и ни малейшая часть какой-либо заповеди, сколь бы незначительной она ни казалась, никогда не будет отменена.

14 «Ни в коем случае не прейдёт из закона»: ou me parelthei apo tou nomou. Употреблённое здесь двойное отрицание усиливает смысл так, что не допускает возражения. Можно заметить и то, что слово parelthei имеет не одно лишь значение *будущего времени*, объявляющее, что будет, но также силу *повеления*, предписывающего, что *должно* быть. Это слово власти, выражающее верховную волю и силу Говорящего, Чьё слово есть закон неба и земли и стоит твёрдо во веки веков.

15 Ни одна йота и ни одна черта не прейдут, пока не прейдут небо и земля; или, как сказано непосредственно далее, hews an panta genetai, *пока всё*, вернее, *всё сущее*, *не исполнится*, до завершения всего. Поэтому здесь нет места жалкой уловке, которой некоторые весьма услаждались: будто ни одна часть закона не должна была исчезнуть, пока *весь закон* не будет исполнен; но Христос его исполнил, и потому он теперь должен исчезнуть, чтобы утвердилось Евангелие. Нет: слово *всё* означает не весь закон, а всё во вселенной; равно как и выражение *исполнится* относится не к закону, но ко всему на небе и на земле.

16 2. Из всего этого можно понять, что между законом и Евангелием нет никакого противоречия, что для утверждения Евангелия нет нужды в исчезновении закона. Ни то ни другое не отменяет другого; они совершенно согласуются между собою. Более того, одни и те же слова, рассматриваемые в разных отношениях, принадлежат и закону, и Евангелию. Если рассматривать их как заповеди, они — части закона; если как обетования — Евангелия. Так, «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим», рассматриваемое как заповедь, есть

часть закона; рассматриваемое как обетование — существенная часть Евангелия, ибо Евангелие есть не что иное, как повеления закона, предложенные в виде обетований. Соответственно, нищета духа, чистота сердца и всё прочее, предписанное святым законом Божиим, в евангельском свете суть не что иное, как великие и драгоценные обетования.

17 3. Поэтому между законом и Евангелием существует теснейшая из мыслимых связей. С одной стороны, закон непрестанно пролагает путь Евангелию и указывает нам на него; с другой — Евангелие непрестанно ведёт нас к более точному исполнению закона. Например, закон требует любить Бога и ближнего, быть кроткими, смиренными, святыми. Мы чувствуем, что не способны на это, что «человекам это невозможно». Но видим Божие обетование даровать нам эту любовь, сделать нас смиренными, кроткими и святыми. Мы хватаемся за это Евангелие, за эту благую весть; нам даётся по вере нашей, и «праведность закона исполняется в нас» через веру во Христа Иисуса.

18 Далее можно заметить, что каждая заповедь Святого Писания есть лишь прикрытое обетование. Ибо торжественным объявлением: «Вот завет, который заключу после тех дней, говорит Господь: вложу законы Мои в мысли ваши и напишу их на сердцах ваших» — Бог обязался даровать всё, что повелевает. Повелевает ли Он «непрестанно молиться», «всегда радоваться», «быть святыми, как свят Он»? Этого достаточно. Он произведёт в нас именно это. Будет нам по Его слову.

19 4. Но если это так, нам нетрудно судить о тех, кто во все века Церкви брался изменять или отменять некоторые Божии повеления, как они утверждали, по особому

указанию Его Духа. Христос дал нам здесь непогрешимое правило для оценки всех подобных притязаний. Если мы хотим слушать Его, то христианство, включающее весь нравственный закон Божий и в виде предписания, и в виде обетования, предназначено Богом быть последним из всех Его устроений. Другого после него не будет. Оно должно пребывать до завершения всего. Следовательно, все подобные новые откровения — от сатаны, а не от Бога, и все притязания на другое, более совершенное устроение сами собой рушатся. «Небо и земля прейдут», но *это* слово «не прейдёт».

[20] III. 1. «Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречётся в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречётся в Царстве Небесном».

[21] Кто они, что за люди, превращающие «проповедь закона» в упрёк? Разве не видят, на кого должно пасть их поношение, на чью голову оно в конце концов обрушится? Презирающий нас по этой причине презирает Пославшего нас. Ибо проповедовал ли кто закон так, как Он, даже когда пришёл не осудить, а спасти мир, когда пришёл именно затем, чтобы «явить жизнь и нетление через благовестие»? Может ли кто проповедовать закон определённее и строже, чем Христос в этих словах? И кто возьмётся их исправить? Кто станет учить Сына Божия проповедовать? Кто покажет Ему лучший способ передать весть, принятую от Отца?

[22] 2. «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших», или одну из наименьших среди этих заповедей. Заметим, что выражение «эти заповеди» наш Господь употребляет как равнозначное закону, или закону и пророкам, что одно и то же, ибо пророки ничего не прибавляли к закону, но

лишь возвещали, объясняли или утверждали его, будучи движимы Святым Духом.

23 «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших», особенно намеренно или дерзко; **одну**, ибо «кто соблюдает весь закон и» таким образом «согрешит в одном, тот становится виновным во всём»: гнев Божий пребывает на нём столь же несомненно, как если бы он нарушил каждую заповедь. Поэтому не допускается ни одна любимая похоть, не делается оговорки ни для одного идола, нет оправдания тому, кто воздерживается от всего прочего, уступая лишь одному заветному греху. Бог требует полного послушания; нам следует взирать на все Его заповеди, иначе мы теряем весь труд, затраченный на соблюдение некоторых, и наши бедные души во веки веков.

24 «Одну из сих малейших», или одну из наименьших среди этих заповедей. Здесь устранено ещё одно оправдание, которым многие, не способные обмануть Бога, жалким образом обманывают собственные души. «Разве этот грех, — говорит грешник, — не мал? Не пощадит ли меня Господь в этом? Наверняка Он не будет строго замечать это, поскольку я не преступаю важнейшего в законе». Напрасная надежда! Говоря по-человечески, мы можем назвать одни заповеди великими, другие малыми, но в действительности это не так. Если выражаться точно, малого греха не существует: всякий грех есть нарушение святого и совершенного закона и оскорбление великого Величества небес.

25 3. «И научит так людей». В некотором смысле можно сказать, что всякий, открыто нарушающий какую-либо заповедь, учит тому же других, ибо пример говорит и нередко громче наставления. В этом смысле очевидно,

что всякий открытый пьяница — учитель пьянства; всякий нарушитель дня покоя постоянно учит ближнего осквернять день Господень. Но это ещё не всё: привычный нарушитель закона редко довольствуется этим; обычно он учит других тому же не только примером, но и словом, особенно когда ожесточает свою выю и ненавидит обличение. Такой грешник вскоре становится защитником греха, защищает то, чего решил не оставлять, извиняет грех, от которого не желает отказаться, и тем прямо учит всякому совершаемому им греху.

[26] «Он малейшим наречётся в Царстве Небесном», то есть не будет иметь в нём никакой доли. Он чужд Царству Небесному на земле, не имеет части в этом наследии, не причастен «праведности, миру и радости во Святом Духе». Следовательно, не может иметь части и в славе, которая откроется.

[27] 4. Но если даже те, кто так нарушает «одну из сих малейших заповедей» и учит других нарушать её, «нарекутся малейшими в Царстве Небесном», не будут иметь доли в Царстве Христа и Бога; если даже они будут выброшены во «тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов», — где же окажутся те, кого наш Господь прежде всего и главным образом имеет в виду в этих словах: носящие звание учителей, посланных от Бога, но сами нарушающие Его заповеди и даже открыто учащие тому других, будучи развращены и в жизни, и в учении?

[28] 5. Их несколько видов. К первому принадлежат живущие в каком-либо намеренном, привычном грехе. Если обыкновенный грешник учит своим примером, то насколько больше — грешащий служитель, даже если не пытается защищать, извинять или уменьшать свой грех!

Если же пытается, он действительно убийца, более того, главный убийца своего собрания! Он населяет области смерти, он — отборное орудие князя тьмы. Когда он уходит отсюда, «ад преисподний приходит в движение ради него, чтобы встретить его при входе». И он не может низринуться в бездну, не увлекая за собой множества.

[29] 6. Следом идут добродушные, порядочные люди, живущие легко и безвредно, не утруждая себя ни внешним грехом, ни внутренней святостью; ничем не примечательные ни в ту, ни в другую сторону, ни религиозностью, ни безрелигиозностью; весьма исправные в общественной и частной жизни, но не притязающие на большую строгость, чем у соседей. Такой служитель нарушает не одну и не несколько малейших Божиих заповедей, но все великие и веские части Его закона, относящиеся к силе благочестия; все, требующие «со страхом проводить время странствования», «со страхом и трепетом совершать своё спасение», всегда иметь «чресла препоясанными и светильники горящими», «подвизаться», бороться изо всех сил, «чтобы войти сквозь тесные врата». И он *учит так людей* всем укладом своей жизни и общим направлением проповеди, неизменно убаюкивающей в приятном сне тех, кто воображает себя христианами, не будучи ими; убеждающей всех внимающих его служению продолжать спать и покоиться. Поэтому неудивительно, если и он, и следующие за ним вместе проснутся в вечном пламени.

[30] 7. Но выше всех этих, в высшем ряду врагов Евангелия Христова, стоят открыто и определённо «судящие закон» и «злословящие закон»; учащие людей нарушать — lysai, *расторгать*, *освобождаться от*, *развязывать* обязательность — не одну лишь заповедь, малую или

великую, но все разом. Они учат без всякого прикрытия, прямо такими словами: «Что сделал наш Господь с законом? Он упразднил его. Есть только одна обязанность — веровать. Все повеления не подходят нашему времени. По какому-либо требованию закона ныне никто не обязан ни пройти одного шага, ни отдать одного фартинга, ни съесть одного куска, ни воздержаться от него». Вот поистине дерзкое своеволие; вот противостояние нашему Господу в лицо, заявление Ему, что Он не умел передать порученную Ему весть! О Господи, не вмени им этого греха! Отче, прости им, ибо не знают, что делают!

31 8. Самое поразительное во всех обстоятельствах этого сильного заблуждения то, что предавшиеся ему действительно верят, будто чтут Христа, ниспровергая Его закон, и возвеличивают Его служение, уничтожая Его учение! Да, они чтут Его точно так же, как Иуда, сказавший: «Радуйся, Учитель!» — и поцеловавший Его. И Он столь же справедливо может сказать каждому: «Целованием ли предаёшь Сына Человеческого?» Говорить о Его Крови и отнимать Его венец, пренебрегать какой-либо частью Его закона под предлогом возвышения Его Евангелия — и есть предавать Его целованием. И никто не может избежать этого обвинения, если проповедует веру так, что это прямо или косвенно ведёт к устранению какой-либо части послушания; если проповедует Христа так, что каким-либо образом упраздняет или ослабляет малейшую Божию заповедь.

32 9. Поистине невозможно слишком высоко ценить «веру избранных Божиих». И все мы должны возвещать: «Благодатью вы спасены через веру, не от дел, чтобы никто не хвалился». Должны громко взывать к каждому кающемуся грешнику: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и

спасёшься». Но вместе с тем должны заботиться, чтобы все знали: мы не признаём никакой веры, кроме действующей любовью, и не спасены верою, если не избавлены и от власти, и от вины греха. Говоря: «Веруй, и спасёшься», мы не разумеем: «Веруй — и шагнёшь прямо из греха на небо, без всякой святости между ними, ибо вера заменит святость». Но разумеем: «Веруй — и будешь свят; веруй в Господа Иисуса — и получишь одновременно мир и силу. Получишь от Того, в Кого веруешь, силу попрать грех ногами; силу любить Господа Бога твоего всем сердцем и служить Ему всеми силами. Получишь силу постоянством в добром деле искать славы, чести и бессмертия; будешь исполнять все Божии заповеди и учить им, от наименьшей до наибольшей; будешь учить им жизнью, как и словами, и потому наречёшься великим в Царстве Небесном».

[33] IV. 1. Какой бы иной путь в Царство Небесное, к славе, чести и бессмертию мы ни преподавали, называя его путём веры или любым другим именем, в действительности это путь погибели. В конце он не принесёт человеку мира. Ибо так говорит Господь: «Говорю вам: если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное».

[34] Книжники, столь часто упоминаемые в Новом Завете как одни из самых постоянных и яростных противников нашего Господа, не были секретарями или людьми, занятыми одним писанием, как можно было бы подумать по названию. Не были они и законниками в нашем обычном смысле, хотя слово nomikoi именно так передано в нашем переводе. Их занятие не имело ничего общего с занятием юриста у нас. Они изучали Божии законы, а не

человеческие. Именно они были предметом их исследования; их собственным, особым делом было читать и истолковывать закон и пророков, особенно в синагогах. Они были обычными постоянными проповедниками среди иудеев. Поэтому, если передавать смысл подлинного слова, можно было бы назвать их богословами: это были люди, сделавшие богословие своим занятием. И, как буквально означает их имя, они обыкновенно были людьми книжными, наиболее прославленными учёностью в тогдашнем иудейском народе.

35 2. Фарисеи были весьма древней сектой, или сообществом, среди иудеев; первоначально их называли так от еврейского слова PRS, означающего *отделять* или *разделять*. Не потому, что они формально отделились от национальной церкви или внесли в неё разделение. Они лишь отличались от других большей строгостью жизни, большей точностью поведения. Ибо ревновали о законе в малейших подробностях, платили десятину с мяты, аниса и тмина; потому весь народ чтил их и обыкновенно считал святейшими из людей.

36 Многие книжники принадлежали к секте фарисеев. Так, сам святой Павел, готовившийся стать книжником сначала в университете Тарса, а затем в Иерусалиме у ног Гамалиила, одного из учёнейших книжников, или учителей закона, в тогдашнем народе, объявляет о себе перед советом: «Я фарисей, сын фарисея» (Деян. 23:6); и перед царём Агриппой: «По строжайшему в нашей религии учению жил я фарисеем» (Деян. 26:5). И всё сословие книжников вообще высоко ценило фарисеев и действовало с ними заодно. Потому Спаситель столь часто соединяет их вместе, как во многом подлежащих одной оценке. Здесь они, по-видимому, упомянуты вместе как

самые видные исповедники религии: первые считались мудрейшими, вторые — святейшими из людей.

37 3. Нетрудно определить, какова в действительности была «праведность книжников и фарисеев». Наш Господь сохранил достоверное свидетельство одного из них о самом себе. Он ясно и полно описывает собственную праведность; нельзя предположить, что он упустил какую-либо её часть. Правда, он вошёл «в храм помолиться», но был так поглощён собственными добродетелями, что забыл, зачем пришёл. Примечательно, что он, собственно, вовсе не молится, а лишь рассказывает Богу, как он мудр и добр. «Боже! Благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди: хищники, неправедные, прелюбодеи, или как этот мытарь. Пощусь два раза в неделю; даю десятую часть из всего, что приобретаю». Поэтому его праведность состояла из трёх частей. Во-первых, говорит он: «Я не таков, как прочие люди»; не хищник, не неправедный, не прелюбодей, не «как этот мытарь». Во-вторых: «Пощусь два раза в неделю». И в-третьих: «Даю десятую часть из всего, что приобретаю».

38 «Я не таков, как прочие люди». Это немало. Не каждый может сказать так. Словно он говорит: «Я не позволяю великому потоку обычая увлекать себя. Живу не по обычаю, а по разуму, не по человеческим примерам, а по слову Божию. Я не хищник, не неправедный, не прелюбодей, как бы ни были распространены эти грехи даже среди называемых народом Божиим; особенно хищничество — своего рода законная несправедливость, не наказуемая никаким человеческим законом, извлечение выгоды из чужого невежества или нужды, — наполнившее все уголки страны. И не таков, как этот

мытарь: не виновен ни в каком открытом или дерзком грехе; не внешний грешник, но справедливый, честный человек непорочной жизни и поведения».

39 4. «Пощусь два раза в неделю». Здесь заключено больше, чем мы, возможно, замечаем сначала. Все более строгие фарисеи соблюдали еженедельные посты, именно каждый понедельник и четверг. В первый день постились в память того, что Моисей, как учило их предание, в этот день получил две каменные скрижали, написанные перстом Божиим; во второй — в память того, как он бросил их из рук, увидев народ, пляшущий вокруг золотого тельца. В эти дни они ничего не вкушали до трёх часов пополудни, когда в храме начинали приносить вечернюю жертву. До того часа обычно оставались в храме, в каком-либо его уголке, помещении или дворе, чтобы быть готовыми присутствовать при всех жертвоприношениях и присоединяться ко всем общественным молитвам. Промежутки привыкли употреблять отчасти на личные обращения к Богу, отчасти на исследование Писаний, чтение закона и пророков и размышление о них. Всё это заключено в словах «пощусь два раза в неделю», во второй части праведности фарисея.

40 5. «Даю десятую часть из всего, что приобретаю». Фарисеи делали это с величайшей точностью. Не исключали самого незначительного, даже мяты, аниса и тмина; не удерживали малейшей части того, что считали по праву принадлежащим Богу, но ежегодно отдавали полную десятину всего имущества и всякого прироста, каким бы он ни был.

41 Более того, более строгие фарисеи, как часто замечали знатоки древних иудейских писаний, не довольствуясь

десятой частью имущества, отдаваемой Богу в лице Его священников и левитов, отдавали другую десятую часть Богу в лице бедных, и делали это постоянно. Они раздавали в милостыню ту же долю всего имевшегося, какую обычно отдавали в десятину. И это также рассчитывали с величайшей точностью, чтобы не удержать никакой части, но полностью воздать Богу Божие, каковым считали это имущество. Так что в целом из года в год отдавали полную пятую часть всего своего достояния. [20]

42 6. Такова была «праведность книжников и фарисеев», во многом далеко превосходившая привычное представление о ней у многих людей. Но, быть может, скажут: «Всё это было ложно и притворно: ведь все они были сборищем лицемеров». Некоторые, несомненно, были: люди вовсе без религии, без страха Божия и желания угодить Ему, заботившиеся не о чести от Бога, а лишь о человеческой похвале. Именно их наш Господь так сурово осуждает, так резко обличает во многих случаях. Но нельзя предполагать, будто раз многие фарисеи были лицемерами, то таковы были все. Да и лицемерие вовсе не составляет необходимой черты фарисея, не служит отличительным признаком их секты. Согласно словам нашего Господа, признак скорее таков: «Они уверены были о себе, что праведны, и уничижали других». Вот их подлинная примета. Но фарисей такого рода не может быть лицемером. Он должен быть искренним в обычном смысле, иначе не мог бы «быть уверен о себе, что праведен». Человек, здесь восхвалявший себя перед Богом, несомненно считал себя праведным. Следовательно, он не был лицемером, не сознавал в себе никакой неискренности. Он говорил Богу именно то, что думал: что он значительно лучше других людей.

[43] Но одного примера святого Павла, даже если бы других не было, достаточно, чтобы устранить всякое сомнение. Он мог сказать не только как христианин: «Я и сам подвизаюсь всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми» (Деян. 24:16), но и о времени, когда был фарисеем: «Мужи братья! Я всею доброю совестью жил пред Богом до сего дня» (Деян. 23:1). Следовательно, он был искренним и как фарисей, и как христианин. Он был лицемером, гоня Церковь, не больше, чем проповедуя веру, которую прежде гнал. Прибавим же к «праведности книжников и фарисеев» искреннюю убеждённость, что они праведны и во всём «служат Богу».

[44] 7. И всё же, говорит наш Господь, «если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное». Торжественное, веское заявление, которое всем именующимся именем Христовым надлежит серьёзно и глубоко обдумать. Но прежде чем спросить, как наша праведность может превзойти их праведность, исследуем, достигаем ли мы её ныне.

[45] Во-первых, фарисей был «не таков, как прочие люди». Во внешнем он отличался особой добротой. Таковы ли мы? Смеем ли вообще отличаться от других? Не плывём ли скорее по течению? Не отказываемся ли многократно и от религии, и от разума, чтобы не *выглядеть особенными*? Не боимся ли часто отстать от моды больше, чем сойти с пути спасения? Есть ли в нас мужество пойти против потока, против мира, «повиноваться Богу более, нежели человекам»? Иначе фарисей оставляет нас позади уже на первом шаге. Хорошо ещё, если мы когда-нибудь его догоним.

[46] Но подойдём ближе. Можем ли мы представить Богу первый его довод, по существу таков: «Я не причиняю вреда, не живу ни в каком внешнем грехе, не делаю ничего, за что осуждает меня собственное сердце»? Не делаете? Уверены? Не держитесь ли какого-либо дела, за которое сердце вас осуждает? Если вы не прелюбодей, если не допускаете нечистоты ни словом, ни делом, не поступаете ли несправедливо? Великое мерило справедливости, как и милосердия: «Поступай с другими так, как желаешь, чтобы поступали с тобою». Ходите ли по этому правилу? Никогда не делаете никому того, чего не желали бы от него себе? Более того, не проявляете ли грубой несправедливости? Не хищник ли вы? Не извлекаете ли выгоды из чьего-либо невежества или нужды ни при покупке, ни при продаже? Предположим, вы занимаетесь торговлей. Не требуете ли и не получаете ли больше действительной стоимости продаваемого? Не требуете ли и не получаете ли с невежды больше, чем со знающего, с маленького ребёнка больше, чем с опытного торговца? Если так, почему сердце не осуждает вас? Вы бесстыдный хищник! Не требуете ли с человека в крайней нужде больше обычной цены товара, если ему необходимо и без промедления получить то, что можете дать только вы? Если требуете, это также прямое хищничество. Поистине вы не достигаете праведности фарисея.

[47] 8. Во-вторых, фарисей, выражая его мысль обычными для нас словами, пользовался всеми средствами благодати. Как он часто и много постился, дважды каждую неделю, так и присутствовал при всех жертвоприношениях. Был постоянен в общественной и уединённой молитве, в чтении и слушании Писаний. Заходите ли вы так далеко? Поститесь ли много и часто, дважды в неделю? Боюсь, что нет! По крайней мере раз,

«во все пятницы года»? Именно так ясно и категорически наша Церковь велит поступать всем своим членам: соблюдать их, равно как кануны праздников и сорок дней Великого поста, как дни поста или воздержания. Поститесь ли дважды в год? Боюсь, некоторые из нас не могут сослаться даже на это! Не упускаете ли ни одной возможности присутствовать при христианской жертве и причащаться ей? Как много называющих себя христианами совершенно пренебрегают ею, месяцами, быть может, годами не едят этого хлеба и не пьют этой чаши! Каждый ли день вы слушаете Писания или читаете и размышляете над ними? Присоединяетесь ли к молитве великого собрания ежедневно, если есть возможность, а если нет — всякий раз, когда можете, особенно в день, который «помните, чтобы святить его»? Стараетесь ли создавать возможности? Радуетесь ли, когда говорят вам: «Пойдём в дом Господень»? Ревностны и усердны ли в уединённой молитве? Не позволяете ли пройти без неё ни одному дню? Или некоторые из вас настолько далеки от того, чтобы, как фарисей, проводить в ней несколько часов за день, что считают один час вполне достаточным, если не чрезмерным? Проводите ли час в день или в неделю, молясь Отцу вашему, Который втайне? Да хотя бы час в месяц? Провели ли вы когда-нибудь с самого рождения один непрерывный час в уединённой молитве? Ах, бедный христианин! Разве фарисей не восстанет на суде против тебя и не осудит тебя? Его праведность столь же выше твоей, как небо выше земли!

[48] 9. В-третьих, фарисей платил десятину и давал милостыню со всего достояния. И в каком изобилии! Так что был, как мы говорим, «человеком, делавшим много добра». Достигаем ли мы его здесь? Кто из нас столь же обилен добрыми делами? Кто отдаёт Богу пятую часть

всего имущества, и самого капитала, и дохода? Кто из нас, имея, допустим, сто фунтов в год, отдаёт двадцать Богу и бедным; из пятидесяти — десять; и так же при большем или меньшем достатке? Когда наша праведность в употреблении всех средств благодати, в соблюдении всех Божиих установлений, в уклонении от зла и делании добра хотя бы сравняется с праведностью книжников и фарисеев?

[49] 10. Впрочем, если бы лишь сравнялась, какая от этого польза? «Ибо истинно говорю вам: если праведность ваша не превзойдёт праведности книжников и фарисеев, то вы не войдёте в Царство Небесное». Но как ей превзойти их? Чем праведность христианина превосходит праведность книжника или фарисея? Прежде всего — своей полнотой. Большинство фарисеев, будучи строго точными во многом, всё же, опираясь на предания старцев, позволяли себе пренебрегать другим, столь же важным. Так, они были чрезвычайно точны в соблюдении четвёртой заповеди: даже колоса не растёрли бы в субботу; но вовсе не в соблюдении третьей, мало придавая значения легкомысленным или даже ложным клятвам. Поэтому их праведность была частичной, тогда как праведность истинного христианина всеобща. Он не соблюдает одну или несколько частей закона Божия, пренебрегая остальным, но хранит все Его заповеди, любит все, ценит их выше золота и драгоценных камней.

[50] 11. Возможно, правда, некоторые книжники и фарисеи старались соблюдать все заповеди и потому по праведности законной, то есть по букве закона, были непорочны. Но и тогда праведность христианина превосходит всю эту праведность книжника или фарисея исполнением не только буквы, но и духа закона,

внутренним, как и внешним, послушанием. В этом, в своей духовности, она не допускает сравнения. Именно это наш Господь столь подробно доказал всем ходом поучения. Их праведность была только внешней; христианская праведность — во внутреннем человеке. Фарисей «очищал внешность чаши и блюда»; христианин чист внутри. Фарисей старался представить Богу добрую жизнь, христианин — святое сердце. Один стряхивал листья, быть может, плоды греха; другой «полагает секиру при корне», не довольствуясь внешним видом благочестия, сколь бы точным он ни был, если в глубине души не ощущаются жизнь, Дух, сила Божия ко спасению.

51 Так, не вредить, делать добро, соблюдать Божии установления — праведность фарисея — всё это внешнее. Напротив, нищета духа, плач, кротость, голод и жажда праведности, любовь к ближнему и чистота сердца — праведность христианина — всё это внутреннее. Даже миротворчество, или делание добра, и страдание за праведность имеют право на связанные с ними благословения лишь постольку, поскольку заключают в себе эти внутренние расположения, происходят из них, упражняют и укрепляют их. Поэтому, тогда как праведность книжников и фарисеев была только внешней, о праведности христианина в некотором смысле можно сказать, что она лишь внутренняя: все его действия и страдания сами по себе — ничто и оцениваются пред Богом только по расположениям, из которых исходят.

52 12. Поэтому кто бы ты ни был, носящий святое и досточтимое имя христианина, смотри прежде всего, чтобы твоя праведность не уступала праведности книжников и фарисеев. Не будь «как прочие люди»!

Дерзни стоять один, быть «вопреки примеру единственным добрым». Если ты вообще «следуешь за большинством», то лишь «на зло». Пусть твоими вождями будут разум и религия, а не обычай или мода. Практика других тебя не касается: «Каждый даст о себе отчёт Богу». Правда, если можешь спасти чужую душу, спасай; но по крайней мере спаси одну — свою. Не ходи путём смерти потому, что он широк и многие идут по нему. Напротив, уже по этому признаку ты можешь его узнать. Широк ли, людный ли, модный ли путь, которым ты теперь идёшь? Тогда он непременно ведёт в погибель. О, не будь «осуждён за компанию»! Перестань делать зло; беги от греха, как от лица змея! По крайней мере не причиняй вреда. «Кто делает грех, тот от дьявола». Не окажись в их числе. Что касается внешних грехов, благодати Божией, несомненно, уже ныне достаточно для тебя. Хотя бы «в этом упражняйся: иметь непорочную совесть пред Богом и людьми».

53 Во-вторых, пусть твоя праведность не уступает их праведности в отношении Божиих установлений. Если труд или телесные силы не позволяют поститься дважды в неделю, всё же будь честен с собственной душой и постись так часто, как позволяют силы. Не упускай ни общественной, ни уединённой возможности излить душу в молитве. Не пренебрегай ни одним случаем вкусить хлеб и испить чашу, составляющие приобщение Тела и Крови Христовых. Будь усерден в исследовании Писаний: читай по возможности и размышляй о них день и ночь. С радостью пользуйся всяким случаем услышать «слово примирения», возвещаемое «посланниками Христовыми», «домостроителями тайн Божиих». В употреблении всех средств благодати, в постоянном и тщательном соблюдении каждого Божия установления достигни, по

крайней мере пока не сможешь превзойти, «праведности книжников и фарисеев».

54 В-третьих, не уступай фарисею в делании добра. Давай милостыню со всего достояния. Голоден кто-нибудь? Накорми его. Жаждет? Напои. Наг? Покрой одеждой. Если имеешь блага этого мира, не ограничивай благотворительность скудной долей. Будь милостив до предела своих сил. Почему бы не так, как этот фарисей? Ныне, пока есть время, «приобретай себе друзей богатством неправедным», чтобы, «когда ты оскудеешь», когда разрушится эта земная хижина, «они приняли тебя в вечные обители».

55 13. Но не останавливайся здесь. Пусть твоя «праведность превзойдёт праведность книжников и фарисеев». Не довольствуйся тем, чтобы «соблюдать весь закон и согрешать в одном». Держись всех Его заповедей и совершенно «возненавидь всякий ложный путь». Делай всё, что Он повелел, и всеми силами. Всё можешь во укрепляющем тебя Христе, хотя без Него не можешь ничего.

56 Прежде всего пусть твоя праведность превосходит их чистотой и духовностью. Что тебе самая точная форма религии, самая совершенная внешняя праведность? Поднимайся выше и иди глубже всего этого! Пусть твоя религия будет религией сердца. Будь нищ духом, мал, низок, незначителен и ничтожен в собственных глазах, поражён и смирён до праха «любовью Божией во Христе Иисусе, Господе твоём»! Будь серьёзен: пусть весь поток твоих мыслей, слов и дел истекает из глубочайшего убеждения, что ты стоишь на краю великой пропасти, ты и все сыны человеческие, готовые вот-вот низринуться либо в вечную славу, либо в вечное пламя. Будь кроток:

пусть душа исполнится мягкости, незлобия, терпения и долготерпения ко всем людям, тогда как всё в тебе жаждет Бога, Бога живого, стремится пробудиться в Его подобии и насытиться им. Люби Бога и всё человечество. В этом духе делай и терпи всё. Так «превзойди праведность книжников и фарисеев» и «наречёшься великим в Царстве Небесном».

О Нагорной проповеди нашего Господа

1 Беседа 6

2 «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в собраниях и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. Ты же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. И, когда молишься, не будь, как лицемеры: они любят молиться, стоя в собраниях и на углах улиц, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не повторяйте напрасно одного и того же, как язычники: ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны. Не уподобляйтесь им: ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё; да придёт Царствие Твоё; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твоё есть Царство, и сила, и слава вовеки. Аминь. Ибо, если вы будете прощать

людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».

[3] Мф. 6:1–15.

[4] 1. В предшествующей главе наш Господь описал внутреннюю религию в её различных проявлениях. Он представил нам те расположения души, которые составляют истинное христианство; те внутренние состояния, которые заключены в «святости, без которой никто не увидит Господа»; те чувства, которые, проистекая из надлежащего источника — живой веры в Бога через Христа Иисуса, — сами по себе и по существу добры и угодны Богу. В этой главе Он далее показывает, как все наши действия, даже сами по себе безразличные, могут стать святыми, добрыми и угодными Богу благодаря чистому и святому намерению. Он подробно разъясняет, что всё совершаемое без такого намерения не имеет перед Богом никакой ценности. Напротив, какие бы внешние дела ни были таким образом посвящены Богу, они драгоценны в Его очах.

[5] 2. Необходимость этой чистоты намерения Он показывает прежде всего применительно к тем действиям, которые обычно считаются религиозными и действительно таковы, когда совершаются с правым намерением. Некоторые из них обыкновенно называют делами благочестия; остальные — делами любви, или милосердия. Из последних Он особо называет подаяние милостыни; из первых — молитву и пост. Но наставления, данные относительно этих дел, одинаково относятся ко всякому делу любви или милосердия.

[6] I. 1. И прежде всего — к делам милосердия. «Смотрите, — говорит Он, — не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного». «Не творите милостыни вашей»: хотя названа одна милостыня, здесь подразумевается всякое дело любви, всё, что мы даём, говорим или делаем на пользу ближнему; всё, от чего другой человек может получить какую-либо пользу для тела или души. Накормить голодного, одеть нагого, принять или поддержать странника, посетить больных или заключённых, утешить скорбящих, наставить незнающих, обличить нечестивых, увещать и ободрить делающего добро — все эти и любые иные дела милосердия одинаково охватываются этим наставлением.

[7] 2. «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас». Здесь запрещается не просто делать добро на глазах у людей: одно то обстоятельство, что другие видят наши поступки, не делает их ни хуже, ни лучше; запрещается делать это пред людьми, «чтобы они видели», с этой целью, лишь по такому намерению. Я говорю: лишь по такому намерению; ибо в некоторых случаях это может составлять часть нашего намерения: мы можем желать, чтобы некоторые наши поступки были видны, и всё же они могут быть угодны Богу. Мы можем желать, чтобы наш свет светил пред людьми, когда совесть наша свидетельствует нам в Духе Святом, что конечная цель, ради которой мы желаем, чтобы они видели наши добрые дела, состоит в том, «чтобы они прославляли Отца нашего Небесного». Но берегитесь сделать хотя бы малейшее дело ради собственной славы. Берегитесь, чтобы стремление к похвале человеческой имело хоть какое-нибудь место в ваших делах милосердия. Если вы ищете собственной

славы, если намереваетесь приобрести честь от людей, то всё сделанное ради этого ничего не стоит: это сделано не для Господа; Он этого не принимает; за это «не будет вам награды от Отца нашего Небесного».

[8] 3. «Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в собраниях и на улицах, чтобы прославляли их люди». Слово «синагога» здесь означает не место богослужения, а всякое место общественного собрания, например рынок или биржу. Среди состоятельных иудеев, особенно фарисеев, было принято велеть трубить перед собою в самых людных частях города, когда они собирались раздать значительную милостыню. Мнимой причиной было желание собрать бедных для её получения; истинной целью — заслужить похвалу людей. Но ты не уподобляйся им. Не вели трубить перед собою. Не выставляй себя напоказ, делая добро. Стремись только к чести, исходящей от Бога. Ищущие похвалы человеческой получают свою награду: похвалы от Бога им не будет.

[9] 4. «Ты же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая». Это поговорочное выражение означает: делай это как можно более тайно; настолько тайно, насколько это совместимо с самим совершением дела (ибо оставлять его несделанным нельзя: не упускай ни одной возможности сделать добро, тайно ли, явно ли) и с тем, чтобы совершить его наилучшим образом. Ибо здесь необходимо допустить исключение: если ты вполне убеждён, что, не скрывая сделанного добра, либо сам получишь возможность сделать больше добра, либо побудишь к тому других, тогда не следует его скрывать. Тогда пусть свет твой явится и «светит всем в доме». Но если слава Божия и

благо людей не обязывают поступить иначе, действуй настолько скрытно и незаметно, насколько допускает само дело, — «чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»: быть может, ещё в нынешнем мире — множество подобных случаев засвидетельствовано во все века, — но непременно в мире грядущем, перед всеобщим собранием людей и ангелов.

[10] II. 1. От дел любви, или милосердия, наш Господь переходит к так называемым делам благочестия. «И, когда молишься, — говорит Он, — не будь, как лицемеры: они любят молиться, стоя в собраниях и на углах улиц, чтобы показаться пред людьми». «Не будь, как лицемеры». Итак, лицемерие, или неискренность, — первое, чего надлежит остерегаться в молитве. Берегись говорить то, чего не думаешь. Молитва есть вознесение сердца к Богу; без этого все молитвенные слова — одно лицемерие. Поэтому всякий раз, приступая к молитве, следи, чтобы единственным твоим намерением было общаться с Богом, вознести к Нему сердце, излить пред Ним душу; не поступай, как лицемеры, которые любят, или имеют обыкновение, «молиться, стоя в собраниях», на биржах или рынках, «и на углах улиц», где больше всего народа, «чтобы показаться пред людьми». Это было единственным намерением, побуждением и целью молитв, которые они там произносили. «Истинно говорю вам: они уже получают награду свою». От Отца вашего Небесного им нечего ожидать.

[11] 2. Но не одно стремление к человеческой похвале лишает нас всякой награды на небесах и не оставляет оснований ожидать Божьего благословения на наши дела, будь то дела благочестия или милосердия. Чистоту намерения в равной степени разрушает стремление к

какой бы то ни было временной награде. Если мы произносим молитвы, посещаем общественное богослужение, помогаем бедным ради прибыли или выгоды, это нисколько не угоднее Богу, чем если бы мы делали то же ради похвалы. Всякий временный расчёт, всякое побуждение, ограниченное пределами этой жизни, всякое намерение, кроме желания содействовать славе Божией и счастью людей ради Бога, делает всякий поступок, как бы прекрасен он ни казался людям, мерзостью пред Господом.

12 3. «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь, помолись Отцу твоему, Который втайне». Есть время, когда тебе надлежит открыто славить Бога, молиться и восхвалять Его в великом собрании. Но когда ты желаешь полнее и подробнее открыть Богу свои прошения, вечером ли, утром или в полдень, «войди в комнату твою и затвори дверь». Уединись, насколько можешь. (Только не оставляй молитвы, есть ли у тебя комната и возможность уединиться или нет. Молись Богу, если возможно, когда никто, кроме Него, тебя не видит; но и если это невозможно, всё равно молись Богу.) Так «помолись Отцу твоему, Который втайне»; излей пред Ним сердце; «и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

13 4. «А молясь», даже втайне, «не повторяйте напрасно одного и того же, как язычники»; me battalogesete. Не произносите множества слов без всякого смысла. Не твердите одно и то же снова и снова; не думайте, подобно язычникам, что плод ваших молитв зависит от их продолжительности; ибо они думают, что будут услышаны за своё многословие.

14 Здесь порицается не сама продолжительность молитв, равно как и не их краткость, но, во-первых, продолжительность без смысла: говорить много, а подразумевать мало или вовсе ничего; употреблять не всякие повторения — ведь Сам наш Господь молился трижды, повторяя одни и те же слова, — но пустые повторения, как делали язычники, снова и снова перечисляя имена своих богов; как поступают среди христиан, обычно так называемых, и притом не у одних папистов, те, кто снова и снова повторяет одну и ту же вереницу молитв, никогда не чувствуя того, что произносит. Во-вторых, порицается мысль, будто нас услышат за наше многословие; будто Бог измеряет молитвы их длиною и больше всего доволен теми, в которых больше слов и которые дольше звучат в Его ушах. Такие проявления суеверия и безумия все, кто именуется именем Христовым, должны оставить язычникам, тем, кому никогда не воссиял славный свет Евангелия.

15 5. Поэтому не уподобляйтесь им. Вы, вкусившие благодати Божией во Христе Иисусе, вполне убеждены, что Отец ваш знает ваши нужды прежде, чем вы попросите Его. Поэтому цель вашей молитвы — не известить Бога, словно Он ещё не знает ваших нужд, а скорее известить самих себя: глубже запечатлеть в своих сердцах сознание этих нужд и своей постоянной зависимости от Того, Кто один способен восполнить их все. Цель её — не столько расположить Бога, всегда более готового дать, чем вы — просить, сколько расположить самих себя, чтобы вы желали и были готовы принять блага, которые Он приготовил для вас.

16 III. 1. Научив нас истинной природе и целям молитвы, наш Господь приводит её образец — ту Божественную

молитву, которая здесь, по-видимому, предлагается прежде всего как образец, как пример и мерило всех наших молитв: «Молитесь же так». В другом же месте Он предписывает употреблять именно эти слова: «Он сказал им: когда молитесь, говорите…» (Лк. 11:2.)

[17] 2. Об этой Божественной молитве можно в целом заметить, во-первых, что она заключает всё, о чём мы можем разумно или безгрешно молиться. Нет ничего, о чём нам нужно просить Бога, ничего, о чём можно просить, не оскорбляя Его, что прямо или косвенно не заключалось бы в этой всеобъемлющей молитве. Во-вторых, она заключает всё, чего мы можем разумно или безгрешно желать: всё, что служит славе Божией, всё необходимое или полезное не только нам самим, но всякому созданию на небе и на земле. И в самом деле, наши молитвы — надлежащее испытание наших желаний: ничему не должно быть места в наших желаниях, чему не должно быть места в наших молитвах. Чего нельзя просить в молитве, того не следует и желать. В-третьих, она заключает весь наш долг перед Богом и людьми: всё чистое и святое, всё, чего Бог требует от сынов человеческих, всё угодное в Его очах, всё, чем мы можем принести пользу ближнему, выражено в ней или подразумевается.

[18] 3. Она состоит из трёх частей: вступления, прошений и славословия, или заключения. Вступление — «Отче наш, сущий на небесах» — полагает общее основание молитвы, заключая то, что нам прежде всего необходимо знать о Боге, чтобы молиться с уверенностью, что мы будем услышаны. Оно также указывает на все те расположения души, с которыми нам следует приступать к Богу и

которые совершенно необходимы, если мы желаем, чтобы наши молитвы или наша жизнь были Ему угодны.

[19] 4. «Отче наш»: если Он Отец, то Он благ, то Он любит Своих детей. И здесь первое и великое основание для молитвы. Бог желает благословить: будем же просить благословения. «Отче наш» — наш Творец, Виновник нашего бытия; Тот, Кто воздвиг нас из праха земного, вдунул в нас дыхание жизни, и мы стали живыми душами. Но если Он создал нас, будем просить, и Он не откажет ни в каком благе делу Своих рук. «Отче наш» — наш Хранитель, Который изо дня в день поддерживает дарованную Им жизнь; Чья непрестанная любовь и ныне, и каждое мгновение даёт нам жизнь, дыхание и всё. Тем смелее будем приходить к Нему, и мы «получим милость и благодать для благовременной помощи». Прежде всего — Отец нашего Господа Иисуса Христа и всех верующих в Него; Тот, Кто оправдывает нас «даром, по благодати Своей, искуплением во Иисусе»; Кто «изгладил все грехи наши и исцелил все немощи наши»; Кто принял нас в число собственных детей усыновлением и благодатью и, «так как» мы «сыны, послал Духа Сына Своего в сердца» наши, «вопиющего: Авва, Отче!»; Кто «возродил нас от нетленного семени» и «вновь сотворил нас во Христе Иисусе». Поэтому мы знаем, что Он всегда слышит нас; поэтому непрестанно молимся Ему. Мы молимся, потому что любим; и «мы любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас».

[20] 5. «Отче наш»: не только *мой*, ныне взывающего к Нему, но *наш* в самом широком смысле. Бог и «Отец духов всякой плоти»; Отец ангелов и людей. Даже язычники признавали Его таковым: Pater andron te theOn te. Отец вселенной, всех семейств на небе и на земле. Поэтому у

Него нет лицеприятия. Он любит всё, что создал. «Он благ ко всякому человеку, и милосердие Его — на всех делах Его». И Господь благоволит к боящимся Его и уповающим на Его милость; к тем, кто уповает на Него через Сына Его любви, зная, что они «облагодатствованы в Возлюбленном». Но «если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга», да и всё человечество; ибо «так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного», даже на смерть, чтобы люди «не погибли, но имели жизнь вечную». [21]

[21] 6. «Сущий на небесах»: высокий и превознесённый; Бог над всем, благословенный вовеки; Тот, Кто, восседая над кругом небес, видит всё на небе и на земле; Чей взор проникает во всю область сотворённого бытия и даже в несотворённую тьму; Кому «ведомы все дела Его» и все дела каждого создания не только «от начала мира» — бедный, низкий, слабый перевод, — но ар aionos, от всей *вечности*, от века и до века; Кто заставляет воинства небесные, как и сынов человеческих, восклицать в изумлении и благоговейном трепете: о глубина! «Глубина богатства и премудрости и ведения Божия!» «Сущий на небесах»: Господь и Владыка всего, всем надзирающий и всем распоряжающийся; Ты — Царь царей и Господь господствующих, блаженный и единый Властитель; Ты крепок и препоясан силою, творишь всё, что Тебе угодно; Ты Всемогущий, ибо всякий раз, когда Ты желаешь, исполнение в Твоей власти. «На небесах»: преимущественно там. Небеса — престол Твой, «место, где обитает слава Твоя» особенным образом. Но не там одном: Ты наполняешь небо и землю, всё необъятное пространство. «Небо и земля исполнены славы Твоей. Слава Тебе, Господи Всевышний!»

[22] Поэтому мы должны «служить Господу со страхом и радоваться Ему с благоговением». Поэтому мы должны думать, говорить и действовать так, словно непрестанно находимся перед очами Господа, Царя, в Его непосредственном присутствии.

[23] 7. «Да святится имя Твоё». Это первое из шести прошений, составляющих саму молитву. Имя Божие — Сам Бог, природа Бога в той мере, в какой она может быть открыта человеку. Следовательно, оно означает вместе с Его бытием все Его свойства, или совершенства: Его вечность, особенно выраженную великим, Ему одному принадлежащим именем ИЕГОВА, как передаёт его апостол Иоанн: To A kai to o, arche kai telos, ho On kai ho en kai ho erchomenos, — «Альфа и Омега, начало и конец; Тот, Который есть, и был, и грядёт»; полноту Его бытия, выраженную другим Его великим именем: *Я ЕСМЬ ТОТ, КТО Я ЕСМЬ!*; Его вездесущие; Его всемогущество, ибо Он поистине единственный Деятель в материальном мире: всякая материя по существу косна и бездеятельна и движется лишь постольку, поскольку её движет перст Божий; и Он — источник действия во всяком создании, видимом и невидимом, которое не могло бы ни действовать, ни существовать без непрерывного притока и действия Его всемогущей силы; Его премудрость, ясно выводимую из видимых вещей, из прекрасного порядка вселенной; Его Троичность в Единстве и Единство в Троичности, открытые нам в самой первой строке Его писаного слова: bara elohim — буквально *Боги сотворил*: существительное во множественном числе соединено с глаголом в единственном; а также во всех частях последующих Его откровений, данных устами всех Его святых пророков и апостолов; Его сущностную чистоту и

святость; и прежде всего — Его любовь, которая есть само сияние Его славы.

24 Молясь о том, чтобы Бог, или Его имя, «святился», то есть прославлялся, мы молимся, чтобы все, кто способен познавать Его, все разумные существа, познали Его таким, каков Он есть, и испытывали чувства, соответствующие этому познанию; чтобы все на небе вверху и на земле внизу должным образом чтили Его, боялись и любили: все ангелы и люди, которых ради этого Он сделал способными познавать и любить Его вечно.

25 8. «Да придёт Царствие Твоё». Это тесно связано с предыдущим прошением. Чтобы имя Божие святилось, мы молимся о пришествии Его Царства, Царства Христова. Это Царство приходит к отдельному человеку тогда, когда он «кается и верует в Евангелие», когда Бог научает его познавать не только самого себя, но и Иисуса Христа, и притом распятого. Как «сия есть жизнь вечная — знать единого истинного Бога и посланного Им Иисуса Христа», так это и есть Царство Божие, начинающееся здесь, внизу, и утверждающееся в сердце верующего. «Господь Бог Вседержитель» тогда «воцаряется», когда Его познают через Христа Иисуса. Он приемлет Свою великую силу, чтобы покорить Себе всё. Он шествует в душе, побеждая и чтобы победить, пока не положит всего под ноги Свои, пока «всякое помышление не будет пленено в послушание Христу».

26 Поэтому, когда Бог «даст Сыну Своему народы в наследие и пределы земли во владение»; когда «все царства преклонятся пред Ним и все народы будут служить Ему»; когда «гора дома Господня», Церковь Христова, «будет поставлена во главе гор»; когда «войдёт полное число язычников и весь Израиль спасётся», —

тогда станет видно, что «Господь царствует и облечён величием», являясь каждой человеческой душе Царём царей и Господом господствующих. И всем любящим Его явление подобает молиться, чтобы Он ускорил это время; чтобы это Его Царство, Царство благодати, пришло скорее и поглотило все царства земли; чтобы всё человечество, принимая Его своим Царём и истинно веруя в Его имя, исполнилось праведности, мира и радости, святости и счастья, — пока люди не будут взяты отсюда в Его небесное Царство, чтобы там царствовать с Ним во веки веков.

[27] Об этом также мы молимся словами: «Да придёт Царствие Твоё». Мы молимся о пришествии Его вечного Царства, Царства славы на небесах, которое есть продолжение и совершенство Царства благодати на земле. Следовательно, это прошение, как и предыдущее, возносится за всё разумное творение: всем ему причастно это великое событие — окончательное обновление всего, когда Бог положит конец бедствию и греху, немощи и смерти, возьмёт всё в Свои руки и утвердит Царство, пребывающее во все века.

[28] Этому в точности соответствуют исполненные благоговейного трепета слова молитвы при погребении умерших: «Моля Тебя, чтобы Ты по благодатной благости Твоей благоволил вскоре исполнить число избранных Твоих и ускорить пришествие Царства Твоего; дабы мы вместе со всеми, отошедшими в истинной вере во святое имя Твоё, достигли полного совершенства и блаженства, и телом и душою, в Твоей вечной славе».

[29] 9. «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе». Это необходимое и непосредственное следствие везде, где

пришло Царство Божие, где Бог обитает в душе верою, а Христос царствует в сердце любовью.

30 Вероятно, многие, быть может большинство людей, впервые взглянув на эти слова, склонны думать, что они лишь выражают покорность или просьбу о ней — о готовности терпеливо принимать волю Божию, какова бы она ни была о нас. И это, несомненно, Божественное и превосходное расположение души, драгоценнейший дар Божий. Но в этом прошении мы молимся не об этом, по крайней мере не в главном и первичном его смысле. Говоря: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе», мы молимся не столько о пассивном, сколько о деятельном согласии с волей Божией.

31 Как исполняют её ангелы Божии на небесах, те, которые ныне с радостью окружают Его престол? Они исполняют её *охотно*: любят Его заповеди и с радостью внимают Его словам. Исполнять Его волю — их пища и питие, их высшая слава и радость. Они исполняют её *непрестанно*: их добровольное служение не прерывается. Они не имеют покоя ни днём ни ночью, но каждый час — говоря по-человечески, ибо наши меры длительности, дни, ночи и часы, не имеют места в вечности — посвящают исполнению Его заповедей, осуществлению Его замыслов, совершению определений Его воли. И они исполняют её *совершенно*. Ни грех, ни недостаток не присущ ангельским умам. Правда, «звёзды нечисты в очах Его», даже утренние звёзды, вместе воспевающие пред Ним. «В очах Его», то есть в сравнении с Ним, даже ангелы нечисты. Но это не означает, что они нечисты *сами по себе*. Несомненно, они чисты, непорочны и безукоризненны. Они всецело преданы Его воле и во всём совершенно послушны.

[32] Если взглянуть на это с другой стороны, мы увидим, что ангелы Божии на небесах исполняют *всю* волю Божию. И ничего другого не делают — ничего, кроме того, в чём совершенно уверены, что это Его воля. Кроме того, они исполняют всю волю Божию *так*, как Он желает: образом, угодным Ему, и никаким другим. И делают это лишь *потому*, что такова Его воля; ради этой цели и ни по какой иной причине.

[33] 10. Поэтому, когда мы молимся, чтобы воля Божия была «и на земле, как на небе», смысл таков: пусть все жители земли, весь род человеческий, исполняют волю своего Отца Небесного столь же *охотно*, как святые ангелы; пусть исполняют её *непрестанно*, подобно им, ни на миг не прерывая своего добровольного служения; да, пусть исполняют её *совершенно*, — чтобы «Бог мира, Кровию завета вечного, усовершил их во всяком добром деле к исполнению воли Его, производя в них всё благоугодное пред Ним».

[34] Иными словами, мы молимся, чтобы мы и всё человечество исполняли всю волю Божию во всём; и ничего другого — ни малейшего дела, кроме того, что составляет святую и благоугодную волю Божию. Мы молимся, чтобы исполнять всю волю Божию так, как Он желает, образом, угодным Ему; и, наконец, чтобы делать это *потому*, что такова Его воля; чтобы это было единственной причиной и основанием, всецелым и единственным побуждением ко всему, что мы думаем, говорим или делаем.

[35] 11. «Хлеб наш насущный дай нам на сей день». В трёх предыдущих прошениях мы молились за всё человечество. Теперь мы переходим к более определённой просьбе о восполнении собственных нужд.

Не то чтобы даже здесь нам предписывалось ограничить молитву исключительно собою: это и каждое из последующих прошений можно возносить за всю Церковь Христову на земле.

[36] Под «хлебом» мы можем понимать всё необходимое и для души, и для тела; ta pros zoen kai eusebeian, *всё относящееся к жизни и благочестию*. Мы разумеем не один внешний хлеб, то, что наш Господь называет пищей тленной, но гораздо более — хлеб духовный, благодать Божию, пищу, пребывающую в жизнь вечную. По мнению многих древних отцов, здесь следует разуметь также хлеб таинства, который вначале вся Церковь Христова принимала ежедневно и высоко чтила, пока во многих не охладела любовь, как великий путь, которым благодать Его Духа сообщалась душам всех детей Божиих.

[37] «Хлеб наш насущный». Слово, передаваемое у нас как *ежедневный*, разные толкователи объясняли по-разному. Но простейшим и естественнейшим кажется тот смысл, который сохранён почти во всех переводах, древних и новых: достаточный на этот день, и так на каждый последующий день.

[38] 12. «Дай нам»: ибо мы ничего не требуем по праву, но просим только по даровой милости. Мы не заслуживаем ни воздуха, которым дышим, ни земли, которая нас носит, ни солнца, которое нам светит. Мы признаём, что заслужили один ад. Но Бог любит нас даром; поэтому мы просим Его дать нам то, чего сами приобрести столь же неспособны, сколь неспособны заслужить от Него.

[39] Не то чтобы благость или могущество Бога служили нам основанием для праздности. Его воля — чтобы мы проявляли во всём всякое усердие и прилагали все силы

так, словно успех был естественным следствием нашей собственной мудрости и силы; а затем, словно ничего не сделали, полагались на Него, Подателя всякого доброго и совершенного дара.

40 «На сей день»: ибо мы не должны заботиться о завтрашнем дне. Именно для этого наш премудрый Творец разделил жизнь на столь малые отрезки времени, так ясно отделённые друг от друга: чтобы каждый день мы могли видеть как новый дар Божий, ещё одну жизнь, которую можем посвятить Его славе; и чтобы каждый вечер был словно завершением жизни, за которым мы должны видеть только вечность.

41 13. «И прости нам согрешения наши, как и мы прощаем согрешающим против нас». Поскольку только грех может препятствовать щедрости Божией изливаться на всякое создание, это прошение естественно следует за предыдущим: чтобы по устранении всех препятствий мы могли с тем большей уверенностью уповать на Бога любви во всяком благе.

42 «Согрешения наши»: собственное значение этого слова — *долги наши*. Так наши грехи часто изображаются в Писании: каждый грех возлагает на нас новый долг перед Богом, Которому мы уже должны словно десять тысяч талантов. Что же мы ответим, когда Он скажет: «Отдай Мне, что должен»? Мы совершенно несостоятельны; нам нечем платить; мы расточили всё своё имущество. Поэтому, если Он поступит с нами по строгости Своего закона, если взыщет то, что вправе взыскать, Он должен повелеть «связать нам руки и ноги и предать нас истязателям».

[43] В действительности мы уже связаны по рукам и ногам цепями собственных грехов. Если смотреть на них по отношению к нам самим, это железные цепи и медные оковы. Это раны, которыми мир, плоть и дьявол изрезали и истерзали нас с головы до ног. Это болезни, которые выпивают нашу кровь и жизненные силы, низводят нас в обители могилы. Но рассматриваемые, как здесь, по отношению к Богу, они — долги, безмерные и бесчисленные. Поэтому, видя, что нам нечем платить, мы вполне можем взывать к Нему, чтобы Он «даром простил» нам всё!

[44] Слово, переведённое как *прости*, означает либо простить долг, либо развязать цепь. И если мы получаем первое, второе следует само собой: если долги прощены, цепи спадают с наших рук. Как только даровою благодатью Божией во Христе мы «получаем прощение грехов», мы получаем также «жребий с освящёнными верою в Него». Грех утратил свою власть; он не господствует над теми, кто «под благодатью», то есть в Божьем благоволении. Как «нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе», так они освобождены не только от вины, но и от греха. «Праведность закона исполняется в них», и они «живут не по плоти, но по Духу».

[45] 14. «Как и мы прощаем согрешающим против нас». В этих словах наш Господь ясно объявляет и условие, и степень, или образ, в которых мы можем ожидать прощения от Бога. Все наши согрешения и грехи прощаются нам, *если* мы прощаем другим, и *так, как* мы прощаем. Это вопрос величайшей важности. И наш благословенный Господь столь ревностно заботится о том, чтобы мы никогда не упускали его из виду, что не только

включает его в саму молитву, но сразу после неё повторяет дважды. «Если, — говорит Он, — вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших». (Мф. 6:14, 15.) Во-вторых, Бог прощает нас *так, как* мы прощаем другим. Поэтому если в нас остаётся какая-либо злоба или горечь, какой-либо след недоброжелательства или гнева, если мы не прощаем всем людям их согрешения безоговорочно, вполне и от сердца, то в той же мере ограничиваем прощение собственных грехов. Бог не может простить нас безоговорочно и вполне: Он может проявить к нам некоторую меру милости, но мы не даём Ему изгладить все наши грехи и простить все наши беззакония.

[46] Между тем, пока мы не прощаем ближнему согрешений от всего сердца, какую молитву мы приносим Богу всякий раз, когда произносим эти слова? В сущности, мы открыто бросаем Богу вызов: дерзко вызываем Его поступить с нами самым суровым образом. «Прости нам согрешения наши, как и мы прощаем согрешающим против нас!» То есть, прямо говоря: «Не прощай нас вовсе; мы не желаем от Тебя благоволения. Мы молим, чтобы Ты помнил наши грехи и чтобы Твой гнев пребывал на нас». Но можешь ли ты всерьёз возносить Богу такую молитву? И Он ещё не низверг тебя живым в ад? О, не искушай Его больше! Ныне, сейчас же, по Его благодати, прости так, как желаешь быть прощённым! Сейчас же сжалься над своим товарищем по рабству, как Бог сжалился и сжалится над тобою!

[47] 15. «И не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого». «И не введи нас в искушение». Слово,

переведённое как *искушение*, означает всякое испытание. И английское слово temptation прежде употреблялось в нейтральном смысле, хотя теперь обычно понимается как побуждение ко греху. Святой Иаков употребляет это слово в обоих смыслах: сперва в общем, затем в ограниченном. В первом смысле он говорит: «Блажен человек, который переносит искушение, потому что, быв испытан», или одобрен Богом, «он получит венец жизни». (Иак. 1:12, 13.) Тут же он добавляет, употребляя слово во втором смысле: «В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого. Но каждый искушается, *увлекаясь* собственною похотью», или *желанием*, exelkomenos, отторгаясь от Бога, в Котором одном он в безопасности, — *«и обольщаясь»*: попадаясь, как рыба на приманку. Именно тогда, когда его так увлекает и обольщает, он, собственно, *«входит в искушение». Тогда искушение окутывает его, как облако, покрывает всю его душу. Как же трудно ему тогда вырваться из сети! Поэтому мы умоляем Бога «не вводить нас в искушение», то есть — поскольку Бог никого не искушает — не допускать, чтобы мы были в него введены. «Но избавь нас от зла»: точнее,* «от лукавого», apo tou ponerou. ho Poneros — несомненно, *лукавый*, называемый так в особенном смысле, князь и бог этого мира, с великой силой действующий в сынах непокорности. Но все, кто верою стал детьми Божиими, избавлены из его рук. Он может сражаться против них и будет сражаться. Но победить не может, если они сами не предадут собственных душ. Он может мучить некоторое время, но погубить не может; ибо Бог на их стороне и в конце непременно «защитит избранных Своих, вопиющих к Нему день и ночь». Господи, когда мы искушаемы, не попусти нам войти в

искушение! Укажи нам выход, чтобы лукавый не коснулся нас!

[48] 16. Заключение этой Божественной молитвы, обычно называемое славословием, есть торжественное благодарение, краткое исповедание свойств и дел Божиих. «Ибо Твоё есть Царство» — верховное право над всем, что существует или когда-либо было сотворено; да, Твоё Царство — Царство вечное, и владычество Твоё пребывает во все века. «И сила» — сила действующая, которой Ты управляешь всем в Своём вечном Царстве, которой творишь всё, что Тебе угодно, во всех местах Твоего владычества. «И слава» — хвала, должная Тебе от каждого создания за Твою силу, за могущество Твоего Царства и за все чудеса, которые Ты творишь от вечности и будешь творить без конца, «во веки веков! Аминь!» Да будет так!

[49] Думаю, благочестивому читателю будет небезынтересно найти здесь также

[50] ПЕРЕЛОЖЕНИЕ МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ

[51] 1 Отец всего, Чей мощный глас
Воззвал к бытию весь этот мир;
Чья милость радуется над всем,
Всё та же в бесконечные века!
Ты словом поддерживаешь всё;
Всем явлена щедрая любовь Твоя;
Ты слышишь зов каждого созданья
И благом наполняешь всякие уста.

[52] 2 На небесах Ты царствуешь, воссев во свете;
Под Тобой простёрт простор природы;
Земля, и воздух, и моря пред взором Твоим,
И мрак глубинный ада — всё открыто.

Премудрость, мощь, любовь принадлежат Тебе;
Мы пред лицом Твоим склоняемся во прах,
Исповедуем Твои Божественные свойства
И славим Тебя, Владыку и Господа всего.

[53] 3 Пусть всё, что движется по суше, в воздухе, на небе,
Признает в Тебе верховного Владыку;
Пусть чтит Твою силу, благословляет благость,
Трепещет пред Твоим пронзающим взором.
Все вы, кто Ему обязан своим рожденьем,
Каждый свой час посвящайте хвале:
Иегова царствует! Радуйся, земля!
И вы, утренние звёзды, ликуйте от радости!

[54] 4 Сын вечной любви Твоего Отца,
Прими Свою великую силу;
Пусть все сыны земли познают милость Твою,
Пусть все поклонятся благодати, дарованной Кровью.
Яви победы Твоей любви;
В каждом сердце царствуй Ты один,
Пока все враги не признают Твоей власти
И слава не завершит начатое благодатью.

[55] 5 Дух благодати, здравия и силы,
Источник света и любви на земле,
Повсюду излей целительное Твоё действье,
Пусть оно течёт среди всех народов.
Воспламени сердца совершенной любовью;
В нас соверши дело веры;
Тогда и небесные воинства не будут проворней нас,
На земле исполняющих волю Твою.

[56] 6 Отец, Тебе принадлежит день ото дня
Вновь восполнять нужды Твоих детей;
Ты одеваешь полевые лилии
И слышишь крики молодых воронов.
На Тебя возлагаем заботу; живём
Тобою, знающим каждую нашу нужду;
Питай нас благодатью Твоею и дай
Душам нашим ныне хлеб живой!

[57] 7 Вечный, непорочный Агнец Божий,
Закланный прежде основания мира,
Всегда окропляй нас Своею Кровью;
Очисти нас и вечно сохраняй в чистоте.
К каждой душе — вся хвала Тебе! —
Пробуди в нас сердечное состраданье;
И пусть по этому всё человечество видит,
Что Бог в нас: ибо Бог есть любовь.

[58] 8 Податель и Господь жизни, Чья сила
И хранящая забота даром открыты всем,
К Тебе в час свирепого искушенья
Дай нам бежать от греха и сатаны.
Мы — Твои, Господь, а Ты — наш;
В нас да явится вся Твоя благость;
Обнови, расширь и наполни наше сердце
Миром, радостью, небом и Богом.

[59] 9 Благословенье и честь, хвала и любовь
Тебе, равночестная, совечная Троица,
На земле внизу, на небесах вверху
Да воздаются всеми делами Твоими.
Трисвятой! Твоё есть Царство,
Твоя — всемогущая сила;

И когда сотворённая природа умрёт,
Неугасающая слава Твоя будет сиять.

О Нагорной проповеди нашего Господа

1 Беседа 7

2 «Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры, ибо они искажают свои лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам: они уже получили свою награду. Ты же, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твоё, чтобы явиться постящимся не перед людьми, но перед Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

3 Матфей 6:16–18.

4 1. От начала мира сатана старался разлучить то, что Бог сочетал: отделить внутреннее благочестие от внешнего, поставить одно в противоречие с другим. И в этом он добился немалого успеха среди тех, кому «неизвестны были его умыслы».

5 Многие во все века, имея ревность по Боге, но не по рассуждению, строго держались «праведности закона», исполнения внешних обязанностей, в то же время совершенно пренебрегая внутренней праведностью, «праведностью от Бога по вере». А многие впали в противоположную крайность, пренебрегая всеми внешними обязанностями, быть может, даже «злословя закон и судя закон» в той мере, в какой он предписывает их исполнение.

[6] 2. Именно этой уловкой сатаны вера и дела столь часто противопоставлялись друг другу. И многие, имевшие истинную ревность по Боге, на время попадались в эту сеть с той или другой стороны. Одни превозносили веру до полного исключения добрых дел — не только как причины нашего оправдания, ибо мы знаем, что человек оправдывается даром через искупление во Иисусе, но и как его необходимого плода; более того, они не оставляли делам никакого места в вере Иисуса Христа. Другие, стремясь избежать этой опасной ошибки, столь же далеко уклонились в противоположную сторону и либо утверждали, что добрые дела — причина или по меньшей мере предварительное условие оправдания, либо говорили о них так, словно они составляют всё, всю веру Иисуса Христа.

[7] 3. Таким же образом цель благочестия и его средства были противопоставлены друг другу. Некоторые благонамеренные люди, казалось, полагали всю веру в присутствии на церковных молитвах, принятии Вечери Господней, слушании проповедей и чтении благочестивых книг, пренебрегая между тем целью всего этого — любовью к Богу и ближнему. И именно это утвердило других в пренебрежении, если не в презрении, к Божиим установлениям, которыми столь плачевно злоупотребляли, подрывая и ниспровергая ту самую цель, для утверждения которой они были предназначены.

[8] 4. Но среди всех средств благодати едва ли есть другое, в отношении которого люди впадали бы в большие крайности, чем то, о котором наш Господь говорит в приведённых словах, — я разумею религиозный пост. Как одни превозносили его вопреки всякой мере Писания и разума, а другие совершенно пренебрегали им, словно

отыгрываясь тем, что принижали его настолько же, насколько первые переоценивали! Первые говорили о нём так, будто он составляет всё: если и не саму цель, то нечто непогрешимо связанное с нею; вторые — словно он ровно ничто, бесплодный труд, вовсе не имеющий отношения к цели. Между тем несомненно, что истина лежит между обеими крайностями. Пост — не всё, но и не ничто. Он не цель, но драгоценное средство к ней; средство, установленное Самим Богом, в котором Он поэтому, если оно употребляется должным образом, непременно даст нам Своё благословение.

9 Чтобы представить это в самом ясном свете, постараюсь показать: во-первых, какова природа поста и каковы различные его виды и степени; во-вторых, каковы его причины, основания и цели; в-третьих, как можно ответить на самые правдоподобные возражения против него; и в-четвёртых, каким образом его следует совершать.

10 I. 1. Постараюсь показать, во-первых, какова природа поста и каковы различные его виды и степени. Что касается его природы, все богодухновенные писатели как Ветхого, так и Нового Завета употребляют слово *поститься* в одном-единственном смысле: не есть, воздерживаться от пищи. Это настолько ясно, что было бы напрасным трудом приводить слова Давида, Неемии, Исаии и последующих пророков или нашего Господа и Его апостолов; все согласны в том, что поститься — значит не есть в течение установленного времени.

11 2. Древние обыкновенно соединяли с этим иные обстоятельства, не имевшие с постом необходимой связи. Таковы были небрежение одеждой, снятие привычных украшений, облачение в траур, посыпание головы пеплом

или ношение вретища на голом теле. Но в Новом Завете мы мало находим упоминаний о подобных несущественных обстоятельствах. Не видно также, чтобы христиане более чистых веков придавали им какое-либо особое значение, хотя некоторые кающиеся могли добровольно употреблять их как внешние знаки внутреннего смирения. Тем менее апостолы или современные им христиане били или терзали собственную плоть. Подобное умерщвление вполне приличествовало жрецам или поклонникам Ваала. Боги язычников были лишь бесами; и их богу-дьяволу, несомненно, было приятно, когда его жрецы «кричали громко и по своему обыкновению делали надрезы, пока кровь не лилась по ним» (3 Царств 18:28). Но это не может быть угодно Тому и приличествовать последователям Того, Кто «пришёл не губить души человеческие, а спасать».

[12] 3. Что касается степеней, или меры, поста, у нас есть примеры людей, постившихся несколько дней подряд. Так, о Моисее, Илии и нашем благословенном Господе, облечённых для этой цели сверхъестественной силой, записано, что они постились без перерыва «сорок дней и сорок ночей». Но чаще в Писании упоминается пост в течение одного дня, с утра до вечера. Именно такой пост обычно соблюдали древние христиане. Кроме того, в течение всего года у них были и полупосты — Semijejunia, как называет их Тертуллиан, — в четвёртый и шестой дни недели, то есть в среду и пятницу; в эти дни они не принимали пищи до трёх часов пополудни, когда возвращались с общественного богослужения.

[13] 4. Близко к этому то, что наша церковь, по-видимому, особо разумеет под словом *воздержание;* к нему можно прибегать, когда из-за болезни или телесной слабости мы

не способны поститься полностью. Это означает есть мало, воздерживаться отчасти, принимать меньше пищи, чем обычно. Я не припоминаю примера этого в Писании. Но и осудить этого не могу, ибо Писание не осуждает. Это может иметь пользу и получить благословение от Бога.

14 5. Низший вид поста, если можно назвать его этим именем, — воздержание от приятной пищи. В Писании у нас есть несколько примеров, кроме Даниила и его братьев, которые по особому соображению — чтобы «не осквернять долей царской пищи и вином, которое пил царь», назначивший им ежедневное содержание, — попросили у начальника евнухов и получили овощи в пищу и воду для питья (Даниил 1:8). Быть может, из ошибочного подражания этому возник очень древний обычай воздерживаться от мяса и вина во времена, выделенные для поста и воздержания; если только он не возник скорее из предположения, что это самая приятная пища, и убеждения, что в такие времена торжественного приближения к Богу подобает употреблять наименее приятное.

15 6. В иудейской церкви были установленные посты. Таков пост седьмого месяца, который Сам Бог повелел соблюдать всему Израилю под угрозой самого сурового наказания. «Господь сказал Моисею: в десятый день этого седьмого месяца будет день очищения; и смиряйте души ваши, чтобы очистить вас перед Господом Богом вашим. Ибо всякая душа, которая не смирит себя в этот день, будет истреблена из народа своего» (Левит 23:26). В последующие века к ним прибавили несколько других установленных постов. Так, пророк Захария упоминает пост не только «седьмого, но и четвёртого, пятого и десятого месяца» (Захария 8:19).

16 В древней христианской церкви также были установленные посты — ежегодные и еженедельные. К первым принадлежал пост перед Пасхой: одни соблюдали его сорок восемь часов, другие — целую неделю, многие — две недели, не принимая пищи до вечера каждого дня. Ко вторым относились посты четвёртого и шестого дней недели, соблюдавшиеся, как пишет Епифаний, отмечая это как неоспоримый факт, en holei tei oikoumenei, *по всей обитаемой земле;* по меньшей мере во всяком месте, где жили какие-либо христиане. Ежегодные посты нашей церкви — сорок дней Великого поста, постные дни четырёх времён года, дни молений и вигилии, или кануны некоторых торжественных праздников; еженедельные — все пятницы года, кроме дня Рождества.

17 Но помимо установленных постов у всякого богобоязненного народа всегда были посты по особым случаям, назначавшиеся время от времени в соответствии с особыми обстоятельствами и нуждами каждого. Так, когда сыны Моава и сыны Аммона пошли войной на Иосафата, Иосафат решил искать Господа и объявил пост по всей Иудее (2 Паралипоменон 20:1, 3). Так же в пятый год Иоакима, сына Иосии, в девятом месяце, когда боялись вавилонского царя, князья «Иудеи объявили пост пред Господом всему народу Иерусалима» (Иеремия 36:9).

18 Подобным образом и отдельные люди, внимающие своим путям и желающие смиренно и близко ходить с Богом, найдут частые поводы особо посвящать время такому смирению своих душ перед Отцом, Который втайне. Именно к этому виду поста прежде всего и преимущественно относятся данные здесь наставления.

[19] II. 1. Перехожу к тому, чтобы показать, во-вторых, каковы основания, причины и цели поста.

[20] Прежде всего, люди, испытывающие сильное душевное волнение, охваченные каким-либо страстным чувством, например печалью или страхом, часто бывают совершенно им поглощены и даже забывают есть свой хлеб. В такие времена они мало думают о пище, даже необходимой для поддержания жизни, тем менее — об изысканной или разнообразной: их занимают совсем иные мысли. Так, когда Саул сказал: «Очень тяжело мне, ибо филистимляне воюют против меня, а Бог отступил от меня», о нём записано: «Он не ел хлеба весь день и всю ночь» (1 Царств 28:15, 20). Так находившиеся на корабле со святым Павлом, когда «свирепствовала немалая буря и исчезла всякая надежда на спасение», «оставались постясь, ничего не вкушая», то есть без обычной трапезы, четырнадцать дней подряд (Деяния 27:33). Так и Давид со всеми бывшими при нём людьми, услышав, что народ бежал с поля боя, многие пали и умерли, а также умерли Саул и сын его Ионафан, «рыдали, плакали и постились до вечера о Сауле и Ионафане и о доме Израилевом» (2 Царств 1:12).

[21] Более того, люди, чей ум глубоко занят, часто не терпят никакого отвлечения и даже гнушаются необходимой пищей, поскольку она отрывает их мысли от того, что, по их желанию, должно поглощать всё внимание. Так и Саул, когда в уже упомянутом случае «пал всем телом на землю и не было в нём силы», всё же говорил: «Не буду есть», пока «слуги его вместе с женщиной не понудили его».

[22] 2. Вот, следовательно, естественное основание поста. Находящийся в глубокой скорби, подавленный печалью о

грехе и сильным сознанием гнева Божия, без всякого правила, не зная и не размышляя, заповедал ли это Бог, «забыл бы есть свой хлеб», воздержался бы не только от приятной, но и от необходимой пищи, подобно святому Павлу, который после того, как его привели в Дамаск, «три дня не видел, не ел и не пил» (Деяния 9:9).

23 Да, когда буря поднималась высоко, когда «ужасный страх охватывал» жившего в мире без Бога, его душа «отвращалась бы от всякой пищи»: она была бы ему неприятна и тягостна; он не терпел бы ничего, прерывающего непрестанный вопль: «Господи, спаси, или погибну».

24 Как сильно выражает это наша церковь в первой части «Поучения о посте»! «Когда люди чувствуют в себе тяжкое бремя греха, видят, что воздаяние за него — осуждение, и оком ума созерцают ужас ада, они дрожат, трепещут, внутренне поражены сердечной печалью и не могут не обвинять себя, не открывать свою скорбь всемогущему Богу и не взывать к Нему о милости. Когда это совершается всерьёз, их ум так занят [поглощён] отчасти печалью и тяжестью, отчасти горячим желанием избавиться от опасности ада и осуждения, что всякое желание еды и питья отлагается, а на его место приходит отвращение [или омерзение] ко всем мирским вещам и удовольствиям. Поэтому тогда ничто не нравится им больше, чем плакать, сетовать, скорбеть и как словами, так и поведением тела являть своё изнеможение от жизни».

25 3. Другая причина, или основание, поста заключается в следующем: многие из ныне боящихся Бога глубоко сознают, как часто грешили против Него, злоупотребляя этими дозволенными вещами. Они знают, как много

согрешили излишеством пищи; как долго нарушали святой закон Божий в отношении умеренности, а может быть, и трезвости; как потворствовали чувственным аппетитам, быть может даже повреждая телесное здоровье, и несомненно причиняя немалый вред душе. Ибо этим они непрестанно питали и усиливали резвое безумие, ветреность ума, легкомыслие нрава, весёлое невнимание к самым важным вещам, головокружительную беспечность духа, которые были не чем иным, как опьянением души и оглушали все её благороднейшие способности не меньше избытка вина или крепкого питья. Поэтому, чтобы устранить следствие, они устраняют причину. Они держатся вдали от всякого излишества. Насколько возможно, воздерживаются от того, что едва не ввергло их в вечную погибель. Часто воздерживаются совсем; всегда заботятся быть сдержанными и умеренными во всём.

[26] 4. Они также хорошо помнят, как пресыщение хлебом усиливало не только беспечность и легкомыслие духа, но и неразумные и несвятые желания, даже нечистые и низменные страсти. Опыт ставит это вне всякого сомнения. Даже благопристойная, размеренная чувственность непрестанно делает душу чувственной и низводит её на уровень погибающих животных. Нельзя выразить, какое действие разнообразие и изысканность пищи оказывают на ум, равно как на тело, делая его вполне готовым к любому чувственному удовольствию, едва представится случай. Поэтому и на этом основании всякий мудрый человек будет сдерживать и смирять свою душу, всё больше отучать её от потворства низшим аппетитам, естественно стремящимся приковать её к земле, осквернить и унизить. Вот ещё одна постоянная причина для поста: отнять пищу у похоти и

чувственности, устранить побуждения к неразумным и вредным желаниям, низменным и суетным привязанностям.

[27] 5. Быть может, не следует совсем опускать, хотя я не знаю, хорошо ли придавать ей большое значение, ещё одну причину поста, на которой подробно настаивали некоторые добрые люди: наказание самих себя за злоупотребление добрыми дарами Божиими посредством временами полного воздержания от них. Тем самым они совершают над собой своего рода святое возмездие за прежнее безумие и неблагодарность, превратившие вещи, должные служить их здравию, в повод к падению. Они предполагают, что это имел в виду Давид, говоря: «Я плакал и смирял», или наказывал, «постом душу мою»; и святой Павел, упоминая, «какое возмездие» произвела в коринфянах печаль ради Бога.

[28] 6. Пятая и более веская причина поста состоит в том, что он помогает молитве, особенно когда мы выделяем более продолжительное время для уединённой молитвы. Именно тогда Богу часто бывает угодно поднять души Своих слуг над всем земным, а порой словно восхитить их до третьего неба. И главным образом как помощь молитве пост столь часто оказывался в руке Божией средством укрепления и умножения не одной добродетели, не одного целомудрия, как некоторые неосновательно воображали, не имея основания ни в Писании, ни в разуме, ни в опыте, но также серьёзности духа, усердия, чуткости и нежности совести, умерщвления для мира, а следовательно — любви к Богу и всякого святого и небесного расположения.

[29] 7. Не потому, что между постом и благословениями, которые Бог сообщает через него, существует

естественная или необходимая связь. Но Он милует, как хочет миловать; Он сообщает то, что Ему угодно, теми средствами, какие благоволит назначить. И во все века Он назначал пост средством отвращения Своего гнева и получения тех благословений, в которых мы время от времени нуждаемся.

30 Насколько сильно это средство для отвращения гнева Божия, мы можем узнать из примечательного случая Ахава. «Не было подобного ему, который продал себя» — всецело предал себя, как купленный за деньги раб, — «чтобы делать зло». Но когда он «разодрал одежды свои, возложил вретище на тело, постился и ходил тихо, было слово Господне к Илии: видишь, как Ахав смирился предо Мною? Поскольку он смирился предо Мною, не наведу бедствия во дни его».

31 Именно ради этой цели — отвращения гнева Божия — Даниил искал Бога «с постом, вретищем и пеплом». Это видно из всего хода его молитвы, особенно из торжественного завершения: «О Господи, по всей правде Твоей», или по милостям Твоим, «да отвратится гнев Твой от святой горы Твоей. Услышь молитву раба Твоего и осияй лицом Твоим опустошённое святилище Твоё. О Господи, услышь; о Господи, прости; о Господи, внемли и соверши ради Тебя Самого» (Даниил 9:3, 16).

32 8. Но не только от народа Божия, даже от язычников мы учимся искать Бога постом и молитвой, когда Его гнев возгорается. Когда Иона возвестил: «Ещё сорок дней — и Ниневия будет разрушена», жители Ниневии объявили пост и облеклись во вретища, от большого до малого. «Ибо царь Ниневии встал с престола, снял свою одежду, покрылся вретищем и сел на пепле. И повелел провозгласить и объявить по Ниневии: ни люди, ни скот,

ни волы, ни овцы пусть ничего не вкушают; пусть не пасутся и воды не пьют». Не потому, что скот согрешил или мог покаяться, а чтобы его пример вразумлял человека, напоминающего себе, что за его грех гнев Божий навис над всеми созданиями. «Кто знает, не обратится ли Бог и не раскается ли, не отвратит ли ярости гнева Своего, чтобы нам не погибнуть?» И их труд не был тщетным. Ярость гнева Божия отвратилась от них. «Бог увидел дела их» — плоды того покаяния и веры, которые произвёл в них через Своего пророка, — «и раскаялся Бог о бедствии, которое сказал навести на них, и не навёл» (Иона 3:4).

[33] 9. И пост служит средством не только отвратить гнев Божий, но и получить всякое благословение, в котором мы нуждаемся. Так, когда другие колена были поражены вениамитянами, «все сыны Израилевы пришли в дом Божий, и плакали, и постились в тот день до вечера»; и тогда Господь сказал: «Идите» снова, «ибо Я завтра предам их в руки твои» (Судей 20:26). Так Самуил собрал весь Израиль, когда они находились в порабощении у филистимлян, «и постились в тот день» пред Господом. А когда «филистимляне подошли сражаться с Израилем, Господь возгремел» над ними «сильным громом, и навёл на них ужас; и они были поражены пред Израилем» (1 Царств 7:6). Так и Ездра: «Я провозгласил пост у реки Агавы, чтобы смириться нам пред Богом нашим, просить у Него благополучного пути для нас и для детей наших; и Он услышал нас» (Ездры 8:21). Так и Неемия: «Я постился и молился пред Богом небесным и сказал: молю Тебя, даруй рабу Твоему успех сегодня и введи его в милость у человека сего». И Бог даровал ему милость в глазах царя (Неемии 1:4–11).

[34] 10. Подобным образом апостолы всегда соединяли пост с молитвой, когда желали получить Божие благословение на какое-либо важное дело. Так мы читаем (Деяния 13): «В Антиохии, в тамошней церкви, были некоторые пророки и учители. Когда они служили Господу и постились», несомненно ища руководства именно в этом деле, «Дух Святой сказал: отделите Мне Варнаву и Савла на дело, к которому Я призвал их. Тогда они», во второй раз, «совершив пост и молитву и возложив на них руки, отпустили их» (Деяния 13:1–3). [22]

[35] Так поступили и сами Павел и Варнава, как мы читаем в следующей главе: когда они «возвратились в Листру, Иконию и Антиохию, утверждая души учеников, и, рукоположив им пресвитеров в каждой церкви, помолившись с постом, предали их Господу» (Деяния 14:23).

[36] Более того, что посредством поста можно получить благословения, иначе недостижимые, Господь наш прямо объявляет в ответе ученикам, спросившим: «Почему мы не могли изгнать его? Иисус сказал им: по неверию вашему; ибо истинно говорю вам: если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, — она перейдёт, и ничего не будет невозможного для вас. Сей же род» бесов «изгоняется только молитвою и постом» (Матфея 17:19). Ибо это установленные средства для приобретения той веры, которой покоряются вам сами бесы.

[37] 11. Это были установленные средства. Ибо не одним лишь светом разума, или так называемой природной совести, народ Божий во все века был побуждаем прибегать к посту как средству достижения этих целей; время от времени Сам Бог учил его этому через ясные и

открытые откровения Своей воли. Таково замечательное откровение через пророка Иоиля: «Потому говорит Господь: обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании. — Кто знает, не обратится ли Он и не умилосердится ли и не оставит ли благословения за Собою? Вострубите трубою на Сионе, освятите пост, созовите торжественное собрание. — Тогда возревнует Господь о земле Своей и пощадит народ Свой. Да, Я пошлю вам хлеб и вино и елей. — И не отдам вас более на поругание язычникам» (Иоиля 2:12).

[38] И не одних лишь временных благословений велит Бог народу Своему ожидать при употреблении этих средств. Ибо, обещая тем, кто будет искать Его с постом, плачем и рыданием: «Я возвращу вам годы, которые пожрали саранча, черви, гусеницы и жуки, великое войско Моё», Он прибавляет: «И будете есть и насыщаться и славить имя Господа Бога вашего. — И узнаете, что Я посреди Израиля, и что Я — Господь Бог ваш». И вслед за этим сразу идёт великое евангельское обетование: «Излию от Духа Моего на всякую плоть; и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцам вашим будут сниться сны, и юноши ваши будут видеть видения. И также на рабов и на рабынь в те дни излию от Духа Моего».

[39] 12. Итак, какие бы основания ни побуждали людей древности ревностно и постоянно исполнять эту обязанность, они и теперь имеют ту же силу, чтобы побуждать нас. Но сверх всего этого у нас есть особое основание пребывать «часто в посте», а именно — повеление Того, Чьим именем мы зовёмся. Правда, в этом месте Он прямо не предписывает ни поста, ни милостыни, ни молитвы; но Его наставления о том, *как* поститься, подавать милостыню и молиться, имеют ту же силу, что и

такие предписания. Ибо повеление делать что-либо *так* есть несомненное повеление делать это вообще, поскольку невозможно исполнить дело *так,* если оно вовсе не исполняется. Следовательно, слова: «Подавай милостыню, молись, постись *таким образом*» — ясно повелевают исполнять все эти обязанности, притом исполнять их так, чтобы ни в коем случае не лишиться награды.

40 И ещё одно побуждение и ободрение к исполнению этой обязанности — обетование, которое Господь наш милостиво присоединил к её должному исполнению: «Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно». Таковы ясные основания, причины и цели поста; таково ободрение нам пребывать в нём, несмотря на множество возражений, которые люди, считающие себя мудрее своего Господа, непрестанно против него выдвигают.

41 III. 1. Теперь я перехожу к рассмотрению наиболее убедительных с виду возражений. Во-первых, часто говорят: «Пусть христианин постится от греха, а не от пищи: вот чего требует от него Бог». Да, этого Он требует; но требует и другого. Поэтому надлежит делать это и того не оставлять.

42 Рассмотрите ваш довод во всём его объёме, и вам легко будет судить о его силе: —

43 Если христианин должен воздерживаться от греха, то он не должен воздерживаться от пищи;

44 Но христианин должен воздерживаться от греха.

45 Следовательно, он не должен воздерживаться от пищи.

46 То, что христианин должен воздерживаться от греха, совершенно верно; но как отсюда следует, что он не

должен воздерживаться от пищи? Пусть же он делает и то и другое. Пусть по благодати Божией всегда воздерживается от греха; и пусть часто воздерживается от пищи по тем основаниям и ради тех целей, которые, как ясно показывают опыт и Писание, этим достигаются.

47 2. «Но не лучше ли, — возражают, во-вторых, — воздерживаться от гордости и тщеславия, от безрассудных и вредных желаний, от раздражительности, гнева и недовольства, нежели от пищи?» Несомненно, лучше. Но здесь снова нужно напомнить вам слова Господа нашего: «Сие надлежало делать, и того не оставлять». И в самом деле, последнее служит только первому; оно есть средство к этой великой цели. Мы воздерживаемся от пищи с тем намерением, чтобы благодать Божия, сообщаемая нашим душам через это внешнее средство в соединении со всеми прочими установленными Им путями благодати, дала нам способность воздерживаться от всякой страсти и всякого расположения, неугодных пред Его очами. Мы отказываемся от одного, чтобы, облекшись силою свыше, быть способными отказаться от другого. Так что ваш довод доказывает прямо противоположное тому, что вы хотели доказать. Он доказывает, что нам следует поститься. Ибо если мы должны воздерживаться от дурных расположений и желаний, то должны таким образом воздерживаться и от пищи, поскольку эти малые дела самоотречения — избранные Богом пути, на которых Он дарует это великое спасение.

48 3. «Но на деле мы этого не видим, — гласит третье возражение. — Мы постились много и часто; но какая была от этого польза? Мы нисколько не стали лучше; никакого благословения в этом не нашли. Более того, мы

нашли в этом скорее препятствие, чем помощь. Вместо того чтобы предупреждать, например, гнев или раздражительность, пост усиливал их до такой степени, что мы не могли терпеть ни других, ни самих себя». Это вполне возможно. Можно и поститься, и молиться так, что станешь гораздо хуже прежнего — несчастнее и нечестивее. Однако вина лежит не в самом средстве, а в способе его употребления. Продолжайте им пользоваться, но пользуйтесь иначе. Делайте то, что повелевает Бог, так, как Он повелевает; и тогда, несомненно, Его обетование не останется без исполнения. Благословения Его более не будут удержаны; но, когда ты постишься втайне, «Видящий тайное воздаст тебе явно».

[49] 4. «Но не чистое ли суеверие, — возражают, в-четвёртых, — воображать, будто Бог обращает внимание на такие мелочи?» Если вы утверждаете это, то осуждаете все поколения детей Божиих. Но скажете ли вы, что все они были людьми слабыми и суеверными? Достанет ли вам смелости утверждать это и о Моисее с Иисусом Навином, и о Самуиле с Давидом, об Иосафате, Ездре, Неемии и всех пророках? Более того — о Том, Кто больше их всех, о Самом Сыне Божием? Несомненно, и наш Учитель, и все эти Его служители считали, что пост — не мелочь и что Тот, Кто выше самых высоких, обращает на него внимание. Очевидно, такого же суждения держались все Его апостолы и после того, как «исполнились Духа Святого и мудрости». Имея «помазание от Святого, учащее их всему», они по-прежнему являли себя служителями Божиими «в постах», равно как «с оружием правды в правой и левой руке». После того как «отнят был у них жених, тогда постились они в те дни». И они не принимались, как мы видели выше, ни за одно дело, близко касавшееся славы Божией, — например, послания

работников на жатву, — без торжественного поста вместе с молитвой.

50 5. «Но если пост действительно столь важен и сопровождается таким благословением, то не лучше ли, — говорят некоторые, в-пятых, — поститься всегда? Не делать этого от случая к случаю, но соблюдать непрерывный пост? Во всякое время упражняться в воздержании настолько, насколько позволяют телесные силы?» Не следует никого от этого отвращать. Во всяком случае, употребляйте как можно меньше пищи и как можно более простой; всегда упражняйтесь в этом самоотречении настолько, насколько позволяют телесные силы. И это, по Божию благословению, может содействовать нескольким из названных выше великих целей. Оно может немало помогать не только целомудрию, но и небесному направлению мыслей: отучать ваши привязанности от земного и устремлять их к горнему. Но это не пост, не пост в смысле Писания; во всей Библии оно ни разу так не называется. Оно до некоторой степени служит некоторым целям поста, но всё-таки представляет собой нечто иное. Непременно упражняйтесь в нём; однако не так, чтобы тем самым устранить заповедь Божию и установленное Им средство отвращать Его суды и получать благословения Его детей.

51 6. Итак, соблюдайте постоянно столько воздержания, сколько пожелаете; в этом смысле оно есть не что иное, как христианская умеренность. Но это вовсе не должно мешать вам соблюдать особые времена поста и молитвы. Например, ваше привычное воздержание, или умеренность, не помешало бы вам поститься втайне, если бы вас внезапно захлестнули глубокая скорбь и раскаяние, ужасный страх и смятение. Подобное

состояние души почти принудило бы вас к посту; вам была бы отвратительна обычная пища; вы едва могли бы заставить себя принимать даже необходимое для тела, пока Бог не «извлёк бы вас из страшного рва, и не поставил ног ваших на камне, и не утвердил стоп ваших». То же было бы, если бы вы мучительно жаждали Его благословения, напряжённо борясь за него с Богом. Вам не понадобился бы наставник, чтобы научить вас не вкушать хлеба, пока не получите просимого вашими устами.

52 7. Далее, если бы вы были в Ниневии, когда по всему городу было провозглашено: «Пусть ни люди, ни скот, ни волы, ни овцы ничего не вкушают; пусть не едят и воды не пьют, но пусть крепко вопиют к Богу», — разве ваш непрерывный пост послужил бы основанием не участвовать в этом всеобщем смирении? Несомненно, нет. Вы были бы не менее всякого другого озабочены тем, чтобы в тот день не вкушать пищи.

53 Равным образом ни воздержание, ни соблюдение непрерывного поста не освобождало бы никого из сынов Израилевых от поста в десятый день седьмого месяца, в великий ежегодный день очищения. В том торжественном постановлении для них не было исключения: «Всякая душа, которая не будет смирять себя», то есть поститься, «в день сей, истребится из народа своего».

54 Наконец, если бы вы находились с братьями в Антиохии, когда они постились и молились перед посланием Варнавы и Савла, можете ли вы представить, будто ваша умеренность или воздержание были бы достаточным основанием не присоединиться к ним? Без сомнения, если бы вы не присоединились, вас вскоре отсекли бы от христианской общины. Вас по

справедливости изгнали бы из их среды как человека, вносящего смятение в Церковь Божию.

[55] IV. 1. В последнюю очередь мне надлежит показать, как нам следует поститься, чтобы пост был служением, угодным Господу. Во-первых, будем совершать его для Господа, устремив взор единственно на Него. Пусть наше намерение будет только одно: прославить нашего Небесного Отца; выразить скорбь и стыд за наши многочисленные преступления против Его святого закона; ожидать умножения очищающей благодати, влекущей наши привязанности к горнему; придать нашим молитвам серьёзность и усердие; отвратить гнев Божий и получить всё великое и драгоценное, что Он обещал нам в Иисусе Христе.

[56] Будем остерегаться насмешки над Богом: не станем превращать наш пост, как и наши молитвы, в мерзость пред Господом, примешивая к нему какую-либо временную цель, особенно стремление к человеческой похвале. Именно от этого наш благословенный Господь особенно предостерегает нас словами рассматриваемого текста: «Также, когда поститесь, не будьте, как лицемеры», — а таковых было слишком много среди называвшихся народом Божиим, — «унылы»: с угрюмым, нарочито печальным лицом, придавая своему виду особое выражение. «Ибо они обезображивают лица свои» не только неестественными гримасами, но и покрывая их прахом и пеплом, «чтобы показаться людям постящимися»: таково их главное, если не единственное, намерение. «Истинно говорю вам: они уже получают награду свою» — восхищение и похвалу людей. «А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лицо твоё»: поступай так, как привык поступать в другое время,

«чтобы явиться постящимся не пред людьми». Пусть это нисколько не входит в твоё намерение; если они узнают о посте без твоего желания, это неважно: ты от этого ни лучше, ни хуже. «Но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно».

[57] 2. Но если мы желаем этой награды, то, во-вторых, будем остерегаться мысли, будто своим постом что-либо *заслуживаем* у Бога. Предостережение об этом никогда не бывает слишком частым, ибо желание «установить собственную праведность», получить спасение как должное, а не по благодати, глубоко укоренено во всех наших сердцах. Пост — лишь установленный Богом путь, на котором мы ожидаем Его незаслуженной милости и на котором Он обещал безвозмездно дать нам Своё благословение, без всякой заслуги с нашей стороны.

[58] 3. Однако мы не должны воображать, будто исполнение одного лишь внешнего действия получит от Бога какое-либо благословение. «Таков ли тот пост, который Я избрал, — говорит Господь, — день, в который человек томит душу свою? Таков ли он, чтобы гнуть голову свою, как тростник, и подстилать под себя рубище и пепел?» Неужели эти внешние действия, как бы строго их ни исполняли, составляют всё, что означает «томить душу свою»? «Это ли назовёшь постом и днём, угодным Господу?» Конечно, нет. Если это всего лишь внешнее служение, весь труд почти напрасен. Подобное исполнение может, пожалуй, изнурить тело; но душе оно не приносит никакой пользы.

[59] 4. Более того, иногда тело можно изнурить чрезмерно, так что оно станет неспособным к трудам нашего призвания. И от этого следует тщательно остерегаться, ибо мы обязаны сохранять здоровье как благой дар

Божий. Поэтому всякий раз, когда постимся, нужно заботиться о том, чтобы соразмерять пост с нашими силами. Мы не вправе приносить Богу убийство вместо жертвы или разрушать тело, чтобы помочь душе.

[60] Но в эти особые дни мы можем и при большой телесной немощи избегать другой крайности, за которую Бог осуждает людей, некогда упрекавших Его в том, что Он не принимает их постов. «Почему мы постимся, — говорят они, — а Ты не видишь? — Вот, в день поста вашего вы находите удовольствие, — говорит Господь». Если мы не можем совершенно воздержаться от пищи, то можем по крайней мере воздержаться от приятной пищи; и тогда не напрасно будем искать лица Его.

[61] 5. Но позаботимся о том, чтобы смирять не только тела, но и души наши. Пусть всякое время поста, общественного или личного, будет временем упражнения во всех тех святых чувствах, которые заключаются в сокрушённом и смиренном сердце. Пусть это будет время благоговейного плача, печали о грехе ради Бога — такой печали, какую имели коринфяне, о которой апостол говорит: «Я радуюсь не потому, что вы опечалились, но что вы опечалились к покаянию; ибо вы опечалились ради Бога, так что нисколько не потерпели от нас вреда. Ибо печаль ради Бога» — he kata Theon lype, печаль, согласная с Богом, драгоценный дар Его Духа, возносящий душу к Богу, от Которого она исходит, — «производит неизменное покаяние ко спасению». Да произведёт и наша печаль ради Бога то же внутреннее и внешнее *покаяние,* ту же полную перемену сердца, обновлённого по образу Божию в праведности и истинной святости, и ту же перемену жизни, пока не станем святы, как Он свят, во всех наших поступках. Пусть она

произведёт в нас то же *усердие,* чтобы оказаться в Нём незапятнанными и непорочными; то же *очищение себя* преимущественно жизнью, а не словами, через удаление от всякого вида зла; то же *негодование,* пламенное отвращение ко всякому греху; тот же *страх* перед собственным лукавым сердцем; то же *желание* во всём сообразоваться со святой и угодной волей Божией; ту же *ревность* обо всём, что может послужить Его славе и нашему возрастанию в познании Господа нашего Иисуса Христа; и то же *возмездие* сатане и всем его делам, всякой скверне плоти и духа (2 Коринфянам 7:9).

62 6. И с постом будем всегда соединять горячую молитву, изливая пред Богом всю душу, исповедуя наши грехи со всем, что усугубляет их вину, смиряясь под Его крепкую руку, открывая пред Ним все нужды наши, всю нашу виновность и беспомощность. Это время расширить наши молитвы и о себе, и о братьях. Будем теперь оплакивать грехи нашего народа и громко взывать за город Бога нашего, чтобы Господь созидал Сион и озарил лицом Своим его опустошённые места. Именно так, как можно заметить, люди Божии в древности всегда соединяли молитву и пост; так поступали апостолы во всех приведённых выше случаях; так соединяет их и Господь наш в рассматриваемой нами беседе.

63 7. Чтобы соблюдать пост, угодный Господу, остаётся лишь присоединить к нему милостыню — дела милосердия по нашим силам и для тел, и для душ человеческих: ибо и «такие жертвы благоугодны Богу». Так ангел возвещает Корнилию, постившемуся и молившемуся в своём доме: «Молитвы твои и милостыни твои пришли на память пред Богом» (Деяния 10:4). И Сам Бог прямо и подробно возвещает это: «Вот пост, который

Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи тяжкие бремена, угнетённых отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо. Раздели с голодным хлеб твой, и скитающихся бедных введи в дом твой; когда увидишь нагого, одень его и от единокровного твоего не укрывайся. Тогда откроется, как заря, свет твой, и исцеление твоё скоро возрастёт; и праведность твоя пойдёт пред тобою, и слава Господня будет охранять тебя сзади. Тогда ты воззовёшь, и Господь ответит; возопиешь, и Он скажет: вот Я. — Если», когда постишься, «ты отдашь голодному душу твою и напитаешь душу страдальца, тогда свет твой взойдёт во мраке, и тьма твоя будет как полдень. И будет Господь водить тебя всегда, и насыщать душу твою во время засухи, и укреплять кости твои; и ты будешь как напоённый водою сад и как источник, воды которого никогда не иссякают» (Исаии 58:6). [23]

О Нагорной проповеди нашего Господа

1 Беседа 8

2 «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржавчина истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржавчина не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, — тьма, то какова же тьма!»

3 Матфея 6:19–23.

4 1. От действий, обычно называемых религиозными и действительно составляющих части истинного благочестия, когда они проистекают из чистого и святого намерения и совершаются сообразным ему образом, Господь наш переходит к действиям повседневной жизни и показывает, что та же чистота намерения столь же необходимо требуется в наших обычных занятиях, как при подаянии милостыни, посте или молитве.

5 И несомненно, та же чистота намерения, «которая делает наши милостыни и молитвенные упражнения угодными, должна сделать и наш труд, или занятие, достойным приношением Богу. Если человек занимается своим делом, чтобы возвыситься до почестей и богатства

в мире, то он уже не служит Богу своим занятием и имеет не больше права на награду от Бога, чем тот, кто подаёт милостыню, чтобы его видели, или молится, чтобы его слышали люди. Ибо суетные и земные замыслы столь же недопустимы в наших занятиях, как в милостынях и молитвенных упражнениях. Они дурны не только тогда, когда примешиваются к нашим добрым делам», к нашим религиозным действиям, «но имеют ту же дурную природу и тогда, когда входят в обычные дела наших занятий. Если бы дозволялось преследовать их в наших мирских занятиях, то дозволялось бы преследовать их и в молитвенных упражнениях. Но как наши милостыни и молитвенные упражнения бывают угодным служением лишь тогда, когда проистекают из чистого намерения, так и наше обычное занятие можно считать служением Ему лишь тогда, когда оно совершается с тем же благочестием сердца».

[6] 2. Это наш благословенный Господь самым живым образом возвещает в тех сильных и всеобъемлющих словах, которые Он объясняет, подкрепляет и развивает на протяжении всей этой главы: «Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно». Око — это намерение: чем око является для тела, тем намерение является для души. Как первое направляет все движения тела, так второе — все движения души. Это око души называется чистым тогда, когда смотрит лишь на одно; когда мы не имеем иной цели, кроме как «познать Бога и посланного Им Иисуса Христа», — познать Его с подобающими чувствами, любя Его, как Он возлюбил нас; угождать Богу во всём; служить Богу, как и любить Его, всем сердцем, всем умом, всей

душой и всей силой; и наслаждаться Богом во всём и превыше всего, во времени и в вечности.

[7] 3. «Если око твоё будет» таким образом «чисто», таким образом устремлено на Бога, «то всё тело твоё будет светло». «Всё тело твоё» — всё, что направляется намерением, как тело направляется оком. Всё, что ты есть, всё, что ты делаешь: твои желания, расположения, привязанности, мысли, слова и поступки. Всё это «будет светло», исполнено истинного божественного познания. Вот первое, что можно понимать здесь под светом. «Во свете Его ты увидишь свет». «Повелевший некогда из тьмы воссиять свету озарит твоё сердце»: Он просветит очи твоего разумения познанием славы Божией. Его Дух откроет тебе глубины Божии. Вдохновение Святого даст тебе разумение и научит тебя мудрости втайне. Да, помазание, которое ты получаешь от Него, «пребудет в тебе и научит тебя всему».

[8] Как сильно подтверждает это опыт! Даже после того как Бог отверз очи нашего разумения, если мы ищем или желаем чего-либо помимо Бога, как скоро омрачается наше неразумное сердце! Тогда тучи снова ложатся на наши души. Сомнения и страхи снова захлёстывают нас. Нас бросает из стороны в сторону, и мы не знаем, что делать и каким путём идти. Но когда мы ничего не желаем и не ищем, кроме Бога, тучи и сомнения исчезают. Мы, «бывшие некогда тьмой, теперь — свет в Господе». Ночь теперь светит, как день, и мы находим, что «путь праведных светел». Бог показывает нам путь, которым следует идти, и выравнивает дорогу пред лицом нашим.

[9] 4. Второе, что можно здесь понимать под светом, — святость. Пока ты ищешь Бога во всём, ты во всём будешь

находить Его — источник всякой святости, непрестанно наполняющий тебя Своим подобием, правдой, милостью и истиной. Пока ты взираешь на Иисуса и только на Него, тебя будут наполнять те чувствования, которые были в Нём. Твоя душа будет день ото дня обновляться по образу Создавшего её. Если око твоего ума не отводится от Него, если ты стоек, «как бы видя Невидимого», и не ищешь ничего иного ни на небе, ни на земле, то, созерцая славу Господню, будешь преображаться «в тот же образ от славы в славу, от Духа Господня».

[10] И повседневный опыт свидетельствует также, что именно так «благодатью мы спасены через веру». Верою око ума открывается, чтобы видеть свет славной любви Божией. И пока оно неуклонно устремлено туда — на Бога во Христе, примиряющего с Собою мир, — мы всё более исполняемся любовью к Богу и человеку, кротостью, мягкостью, долготерпением, всеми плодами святости, которые через Иисуса Христа служат к славе Бога Отца.

[11] 5. Этот свет, наполняющий человека с чистым оком, подразумевает, в-третьих, не только святость, но и счастье. Поистине, «сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце». Но насколько приятнее видеть Солнце Праведности, непрестанно сияющее над душой! И если есть какое утешение во Христе, если какая отрада любви, если какой мир, превосходящий всякое разумение, если какая радость в надежде славы Божией, всё это принадлежит тому, чьё око чисто. Так «всё тело его светло». Он ходит во свете, как Бог во свете, всегда радуясь, непрестанно молясь и за всё благодаря, наслаждаясь всем, что составляет волю Божию о нём во Христе Иисусе.

12 6. «Если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно». «Если око твоё будет худо»: мы видим, что между чистым и худым оком нет середины. Если око не чисто, оно худо. Если во всём, что мы делаем, намерение наше не устремлено единственно к Богу, если мы ищем чего-либо иного, тогда наши «ум и совесть осквернены».

13 Следовательно, наше око худо, если в каком-либо деле мы ставим себе другую цель, кроме Бога; если имеем иной замысел, кроме как знать и любить Бога, угождать и служить Ему во всём; если имеем другое намерение, кроме как наслаждаться Богом, быть счастливыми в Нём и ныне, и вовеки.

14 7. Если око твоё не устремлено единственно на Бога, «всё тело твоё будет темно». Покрывало по-прежнему останется на твоём сердце. «Бог века сего» будет всё более ослеплять твой ум, «чтобы свет славного благовествования Христова не воссиял тебе». Ты будешь исполнен неведения и заблуждения относительно Божиих вещей, будучи неспособным принять или различить их. И даже если у тебя возникнет некоторое желание служить Богу, ты будешь полон неуверенности в том, как Ему служить: со всех сторон станешь встречать сомнения и затруднения и не увидишь никакого выхода.

15 Да, если око твоё не чисто, если ты ищешь чего-либо земного, ты будешь исполнен нечестия и неправды: все твои желания, расположения и привязанности будут расстроены, все будут тёмными, низменными и суетными. И речь твоя будет дурна, как и твоё сердце: не «приправлена солью», не «способна доставлять благодать слушающим», но пуста, бесполезна, гнила, оскорбляющая Святого Духа Божия.

16 8. Разрушение и несчастье на путях твоих, «ибо пути мира ты не познал». Нет мира, нет устойчивого, прочного мира у тех, кто не знает Бога. Нет истинного и длительного довольства ни у кого, кто не ищет Его всем сердцем. Пока ты стремишься к чему-либо преходящему, «всё приходящее — суета»; да, не только суета, но и «томление духа», и в стремлении к нему, и в обладании им. Ты поистине ходишь в призрачной тени и напрасно тревожишься. Ты ходишь во тьме, которую можно осязать. Спи дальше; однако покоя ты не обретёшь. Сновидения жизни могут причинять боль — это ты знаешь, — но дать облегчение не могут. Ни в этом мире, ни в грядущем нет покоя, кроме как в Боге, средоточии духов.

17 «Если свет, который в тебе, — тьма, то какова же тьма!» Если намерение, призванное просветить всю душу, наполнить её познанием, любовью и миром и действительно делающее это, пока оно чисто, пока направлено к одному Богу, — если оно есть тьма; если оно устремляется к чему-либо помимо Бога и потому покрывает душу вместо света тьмою, неведением и заблуждением, грехом и несчастьем, — о, какова же эта тьма! Это тот самый дым, который поднимается из бездонной пропасти! Это сплошная ночь, царящая в самой глубокой бездне, в стране смертной тени!

18 9. Поэтому «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржавчина истребляют и где воры подкапывают и крадут». Если вы делаете это, то очевидно, что ваше око худо: оно не устремлено единственно на Бога.

19 В отношении большей части Божиих заповедей, касающихся сердца или жизни, язычники Африки или Америки находятся примерно на одном уровне с теми, кто называется христианами. Христиане, за немногими

исключениями, соблюдают их почти в такой же мере, как язычники. Например, большинство уроженцев Англии, обыкновенно называемых христианами, столь же трезвы и умеренны, как большинство язычников у мыса Доброй Надежды. Так и голландские или французские христиане столь же смиренны и целомудренны, как индейцы чокто или чероки. Сравнивая основную массу европейских народов с американскими, нелегко сказать, на чьей стороне превосходство. По крайней мере преимущество американца невелико. Но этого нельзя сказать о заповеди, которую мы теперь рассматриваем. Здесь язычник далеко превосходит христианина. Он не желает и не ищет ничего сверх простой пищи, чтобы есть, и простой одежды, чтобы одеваться. И ищет этого лишь на каждый день. Он ничего не запасает, ничего не откладывает, разве только в одно время года столько зерна, сколько понадобится до возвращения той же поры. Поэтому язычники, хотя и не знают этой заповеди, постоянно и в точности соблюдают её. Они «не собирают себе сокровищ на земле», не запасают пурпура или тонкого льна, золота или серебра, которые могут «моль или ржавчина истребить» или «воры подкопать и украсть». А как христиане соблюдают то, что, по их исповеданию, принимают как заповедь Всевышнего Бога? Никак! Ни в какой степени; словно подобная заповедь никогда не была дана человеку. Даже добрые христиане, считающиеся таковыми и у других, и у себя самих, нисколько не обращают на неё внимания. По тому вниманию, какое они ей уделяют, она с тем же успехом могла бы до сих пор оставаться сокрытой в своём греческом подлиннике. В каком христианском городе вы найдёте хоть одного человека из пятисот, которого хоть немного мучает совесть при мысли собрать столько

сокровищ, сколько он сможет, — умножить своё имущество, насколько только возможно? Правда, есть такие, кто не стал бы делать этого несправедливо; многие не станут ни грабить, ни красть; некоторые не станут обманывать ближнего, даже извлекать выгоду из его неведения или нужды. Но это совершенно другой вопрос. Даже их смущает не само дело, а способ его совершения. Их смущает не «собирание сокровищ на земле», а собирание их нечестным путём. Они страшатся не непослушания Христу, а нарушения языческой нравственности. Так что даже эти честные люди повинуются этой заповеди не больше, чем разбойник на большой дороге или взломщик. Более того, они никогда и не собирались повиноваться ей. С юных лет им это даже не приходило в голову. Их воспитывали христианские родители, наставники и друзья, вовсе не наставляя их относительно этой заповеди, разве лишь наставляя нарушать её как можно скорее и как можно больше и продолжать нарушать до конца жизни.

[20] 10. В мире нет более поразительного примера духовного ослепления. Большинство этих самых людей читает Библию или слышит её чтение, многие — каждый день Господень. Они сотню раз читали или слышали эти слова и всё же не подозревают, что сами осуждаются ими, — не больше, чем словами, запрещающими родителям приносить сыновей или дочерей в жертву Молоху. О, если бы Бог заговорил к этим несчастным самообманщикам Своим собственным голосом, Своим могучим голосом! Чтобы они наконец пробудились и вырвались из сети дьявола и чешуя спала с их глаз!

[21] 11. Вы спрашиваете, что значит «собирать сокровища на земле»? Это необходимо тщательно рассмотреть. И

прежде отметим, чего эта заповедь не запрещает, чтобы затем ясно различить, что она запрещает.

22 Во-первых, эта заповедь не запрещает нам «заботиться о добром пред всеми людьми», то есть обеспечивать себе возможность отдавать всем должное — всё, чего они вправе от нас требовать. Напротив, Бог учит нас «не оставаться никому должными ничем». Поэтому мы обязаны употреблять всякое усердие в своём призвании, чтобы никому ничего не быть должными: это не что иное, как ясный закон обыкновенной справедливости, который Господь наш пришёл «не нарушить, но исполнить».

23 Во-вторых, Он не запрещает здесь обеспечивать себя необходимым для тела: достаточным количеством простой, здоровой пищи и чистой одеждой. Да, насколько Бог даёт нам возможность, наш долг — обеспечивать себя и этими вещами, чтобы «есть свой хлеб» и никому не быть в тягость.

24 В-третьих, не запрещается нам заботиться об обеспечении наших детей и домашних. И это наш долг, даже по началам языческой нравственности. Всякий человек должен обеспечивать жену и детей простыми необходимыми для жизни вещами и дать им возможность самим обеспечивать себя ими, когда он уйдёт отсюда и его больше не увидят. Я говорю: обеспечивать себя *этими вещами,* простым и необходимым для жизни, а не лакомствами и излишествами; притом своим усердным трудом. Ибо никто не обязан доставлять им, как и самому себе, средства для роскоши или праздности. Но если кто в такой мере не заботится о собственных детях, равно как о вдовах своего дома, о которых прежде всего говорит святой Павел в известных словах к Тимофею, тот на деле «отрёкся от веры и хуже неверного», или язычника.

[25] Наконец, эти слова не запрещают нам время от времени откладывать необходимое для ведения наших мирских дел в такой мере и степени, каких достаточно для названных целей: во-первых, чтобы никому ничего не быть должными; во-вторых, чтобы приобретать себе необходимое для жизни; и в-третьих, чтобы снабжать этим домашних при нашей жизни и оставить им средства приобретать это, когда мы отойдём к Богу.

[26] 12. Теперь мы можем ясно различить, если только не противимся этому, что именно здесь запрещено. Намеренно приобретать больше благ этого мира, чем требуется для названных целей; трудиться ради большего земного достояния, большего умножения золота и серебра; откладывать что-либо сверх необходимого для этих целей — вот что здесь прямо и безусловно запрещено. Если эти слова вообще имеют какой-либо смысл, он должен быть именно таков, ибо другого они допустить не могут. Следовательно, кто бы ни был человек, если он никому ничего не должен, имеет пищу и одежду для себя и домашних и достаточно средств для ведения мирских дел в пределах этих разумных целей, — кто, говорю я, уже находясь в таких обстоятельствах, ищет ещё большей доли на земле, тот живёт в открытом и привычном отречении от искупившего его Господа. Он на деле «отрёкся от веры и хуже неверного» африканца или американца.

[27] 13. Слушайте это, все живущие в мире и любящие мир, в котором живёте. Вы можете быть «высоко чтимы у людей», но вы — «мерзость пред Богом». Доколе души ваши будут прилепляться к праху? Доколе вы будете обременять себя густой глиной? Когда вы пробудитесь и увидите, что открытые язычники, исповедующие

язычество, ближе к Царству Небесному, чем вы? Когда вы согласитесь избрать благую часть, которая не может быть отнята у вас? Когда станете искать лишь того, чтобы «собирать сокровища на небе», отрекаясь от всех прочих, страшась их и питая к ним отвращение? Если вы стремитесь «собирать сокровища на земле», то не просто теряете время и тратите силы на то, что не есть хлеб: ибо каков плод, если вы преуспеете? Вы убили собственную душу! Вы погасили в ней последнюю искру духовной жизни! Теперь действительно посреди жизни вы пребываете в смерти! Вы — живой человек, но мёртвый христианин. «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше». Ваше сердце погрузилось в прах, ваша душа прилепилась к земле. Ваши привязанности устремлены не к горнему, а к земному, к жалким рожкам, которые способны отравить, но не насытить вечный дух, созданный для Бога. Ваша любовь, ваша радость, ваше желание обращены к вещам, истлевающим от употребления. Вы отбросили небесное сокровище: Бог и Христос потеряны! Вы приобрели богатство — и огонь геенны!

[28] 14. О, «как трудно имеющим богатство войти в Царство Божие»! Когда ученики Господа нашего изумились этим словам, Он вовсе не взял их назад, но повторил ту же важную истину в ещё более сильных выражениях: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Божие». Как трудно тем, чьё каждое слово встречают одобрением, не быть мудрыми в собственных глазах! Как трудно им не считать себя лучше бедной, низкой, необразованной людской толпы! Как трудно не искать счастья в своём богатстве или в том, что от него зависит: в удовлетворении похоти плоти, похоти очей или гордости житейской! О богатые, как вам

избежать осуждения в геенну? Только у Бога всё возможно! [24]

29 15. И даже если вы не преуспеете, каков плод ваших стараний собирать сокровища на земле? «Желающие обогащаться» (hoi boulomenoi ploutein, те, кто *желает,* кто *стремится* к этому, достигает ли успеха или нет) «впадают в искушение и в сеть», в силок, в западню дьявола, «и во многие безрассудные и вредные похоти»: epithymias anoetous, *желания,* к которым *разум не имеет никакого отношения,* подобающие, собственно, не разумным и бессмертным существам, а лишь неразумным животным, «которые погружают людей в бедствие и погибель», в нынешнее и вечное несчастье. Стоит нам открыть глаза, и каждый день мы увидим печальные доказательства этого: людей, которые, желая и решаясь разбогатеть, алкая денег — корня всякого зла, — уже пронзили себя многими скорбями и заранее вкусили того ада, к которому идут!

30 Осторожность, с какой здесь говорит апостол, достойна особенного внимания. Он не утверждает этого безусловно о богатых: ведь человек может оказаться богатым без всякой вины со своей стороны, по распоряжению Промысла, опередившему его собственный выбор. Но он утверждает это о hoi boulomenoi plourein, о *тех, кто желает* или стремится *обогатиться.* Богатство, сколь оно ни опасно, не всегда погружает людей в бедствие и погибель; но *желание богатства* погружает. Те, кто спокойно желает его и обдуманно стремится достичь, независимо от того, приобретут ли они в действительности мир, непременно губят собственные души. Именно они продают за несколько золотых или серебряных монет Того, Кто искупил их Своею кровью.

Они заключают союз со смертью и адом, и союз их устоит. Ибо каждый день они делают себя пригодными к участию в своём наследстве вместе с дьяволом и его ангелами!

31 16. О, кто предупредит это порождение ехидн, чтобы оно бежало от грядущего гнева? Не те, кто лежит у их ворот или пресмыкается у их ног, желая питаться крохами, падающими с их столов. Не те, кто ищет их благосклонности или боится их гнева; никто из помышляющих о земном. Но если есть на земле христианин, если есть человек, победивший мир, который не желает ничего, кроме Бога, и не боится никого, кроме Могущего и душу и тело погубить в геенне, — ты, о человек Божий, говори и не щади; возвысь голос, как трубу! Взывай громко и покажи этим почтенным грешникам отчаянное положение, в котором они находятся! Быть может, один из тысячи будет иметь уши, чтобы слышать, встанет и отряхнёт с себя прах, разорвёт оковы, приковывающие его к земле, и наконец станет собирать сокровища на небе.

32 17. И если бы один из них могучей силой Божией пробудился и спросил: «Что мне делать, чтобы спастись?» — ответ, согласно Божиим изречениям, ясен, полон и определён. Бог не говорит тебе: «Продай всё, что имеешь». Правда, Видящий сердца человеческие счёл необходимым предписать это в одном особом случае — богатому молодому начальнику. Но Он никогда не устанавливал этого как общего правила для всех богатых людей во всех последующих поколениях. Его общее наставление таково: во-первых, «не высокомудрствуй». «Бог смотрит не так, как смотрит человек». Он ценит тебя не за богатство, величие или пышный выезд, не за какое-либо качество или умение, прямо или косвенно

обусловленное твоим состоянием, которое можно купить или приобрести за него. Всё это для Него — навоз и шлак: пусть будет таким и для тебя. Берегись считать себя хоть на йоту мудрее или лучше из-за всего этого. Взвесь себя на других весах: оценивай себя лишь по мере веры и любви, которую дал тебе Бог. Если у тебя больше познания Бога и любви к Нему, чем у человека, находящегося вместе с собаками твоего стада, то по этой, и ни по какой другой, причине ты мудрее и лучше, ценнее и почтеннее его. Но если у тебя нет этого сокровища, ты безумнее, ниже и поистине презреннее, не скажу — самого последнего слуги под твоей кровлей, но нищего, лежащего у твоих ворот и покрытого язвами.

[33] 18. Во-вторых, «не уповай на неверное богатство». Не надейся получить от него помощь и не надейся найти в нём счастье.

[34] Прежде всего, не надейся получить от него помощь. Ты горько ошибаешься, если ищешь её в золоте или серебре. Они не больше способны поставить тебя *выше мира,* чем поставить тебя выше дьявола. Знай, что и мир, и князь мира сего смеются над всеми такими приготовлениями против них. Они мало помогут в день бедствия, даже если останутся у тебя в час испытания. Но и это неизвестно: как часто они «делают себе крылья и улетают»! А если и нет, какую поддержку они дадут хотя бы в обычных житейских скорбях? Услада твоих очей, жена твоей юности, твой сын, единственный сын, или друг, бывший тебе как собственная душа, отнят одним ударом. Разве богатство оживит бездыханный прах или возвратит его недавнего обитателя? Разве оно защитит тебя от недуга, болезни, боли? Разве они посещают только бедных? Напротив, тот, кто пасёт твои стада или возделывает твою

землю, меньше страдает от болезней и боли, чем ты. Эти нежеланные гости посещают его реже; а если всё же приходят, их легче изгнать из маленькой хижины, чем из «дворцов, касающихся облаков». И в то время, когда твоё тело наказуемо болью или чахнет от изнуряющей болезни, чем помогают тебе сокровища? Пусть ответит бедный язычник:

> [35] Ut lippuæ pictae tabulae, fomenta podagram,
> Auriculas citharae collecta sorde dolentes.
>
> [36] [Такую помощь, как картины воспалённым глазам,
> Как ломящийся от яств стол его страдающему
> подагрой хозяину.]

[37] 19. Но близится беда больше всех этих. Тебе предстоит умереть! Тебе предстоит обратиться в прах, возвратиться в землю, из которой ты взят, смешаться с обыкновенной глиной. Твоё тело уйдёт в землю, чем оно и было, а дух возвратится к Богу, Который дал его. И время приближается: годы скользят быстрым, хотя и безмолвным шагом. Быть может, день твой уже клонится к концу: полдень жизни миновал, и вечерние тени начинают ложиться на тебя. Ты чувствуешь в себе несомненное приближение упадка. Жизненные силы быстро истощаются. Какая теперь помощь в твоём богатстве? Делает ли оно смерть сладостнее? Делает ли тот торжественный час желаннее? Совершенно напротив. «О смерть, как горька ты человеку, спокойно живущему среди своего достояния!» Как неприемлем для него грозный приговор: «В эту ночь душу твою потребуют у тебя!» Или богатство отвратит нежеланный удар, отсрочит страшный час? Может ли оно избавить твою душу, чтобы она не увидела смерти? Может ли возвратить прошедшие годы? Может ли прибавить к назначенному

тебе сроку месяц, день, час, мгновение? Или блага, избранные тобою здесь в удел, последуют за тобой через великую пропасть? Нет. Нагим ты пришёл в этот мир; нагим должен возвратиться.

[38] Linquenda tellus, et domus, et placens
Uxor; neque harum quas colis, arborum,
Te, praeter invisam cupressos,
Ulla brevem dominum sequetur!

[39] [Вот перевод этих стихов Горация, сделанный Боскауэном:

[40] Земли твои, твой дом, любимую жену —
Всё должен ты оставить: таков закон природы.
Из деревьев, чей рост услаждает твою жизнь,
Лишь печальный кипарис дождётся твоей могилы. — Ред.]

[41] Поистине, если бы эти истины не оставались незамеченными оттого, что слишком очевидны, чтобы их отрицать, ни один человек, которому предстоит умереть, не мог бы надеяться на помощь неверного богатства.

[42] 20. И не надейся найти в нём счастье, ибо и здесь оно окажется «обманчивым на весах». Впрочем, всякий разумный человек может заключить это уже из сказанного. Если ни тысячи золота и серебра, ни приобретаемые ими выгоды или удовольствия не могут уберечь нас от несчастья, то очевидно, что они не могут сделать нас счастливыми. Какое счастье они способны доставить тому, кто среди всего этого вынужден восклицать:

[43] В мои новые чертоги всё возвращается печальная мысль,
И над золочёными кровлями кружит забота?

[44] И в самом деле, опыт здесь так полон, силён и неоспорим, что делает излишними все прочие доводы. Поэтому обратимся к фактам. Разве только богатые и знатные люди счастливы? И разве каждый из них счастлив больше или меньше соразмерно своему богатству? Да счастливы ли они вообще? Я едва не сказал: они несчастнее всех людей! Богач, хоть раз скажи правду от сердца. Скажи и за себя, и за своих братьев:

[45] Среди изобилия нам всё чего-то —
Мне, тебе, ему — недостаёт!
И это жестокое нечто, нам не доставшееся,
Разъедает и заквашивает всё остальное.

[46] Да, так и будет, пока твои утомительные дни суеты не замкнутся ночью смерти.

[47] Поистине, уповать на богатство ради счастья — величайшее безумие из всех, какие есть под солнцем! Неужели вы в этом не убеждены? Возможно ли, что вы всё ещё надеетесь найти счастье в деньгах или во всём, что на них можно приобрести? Как! Неужели серебро и золото, еда и питьё, лошади и слуги, блестящие одежды, развлечения и так называемые удовольствия могут сделать тебя счастливым? С таким же успехом они сделают тебя бессмертным!

[48] 21. Всё это — мёртвая видимость. Не придавай ей значения. Уповай на живого Бога; тогда будешь безопасен под сенью Всемогущего, и верность Его и истина будут тебе щитом и оградой. Он — скорый помощник в бедах, помощник, который никогда не подведёт. Тогда, если

умрут все прочие друзья твои, ты скажешь: «Жив Господь, и благословен мой крепкий помощник!» Он вспомнит о тебе, когда ты будешь лежать больным на постели, когда помощь человеческая будет тщетна. Когда ничто земное не сможет поддержать тебя, Он «переменит всё ложе твоё в болезни». Он усладит твою боль; утешения Божии заставят тебя рукоплескать среди пламени. И даже когда эта «земная хижина» почти разрушится, когда уже будет готова рассыпаться в прах, Он научит тебя говорить: «Смерть! где твоё жало? Ад! где твоя победа? Благодарение Богу, дарующему» мне «победу через» моего «Господа Иисуса Христа».

[49] О, уповай на Него и ради счастья, и ради помощи. Все источники счастья в Нём. Уповай на Того, «Кто обильно даёт нам всё для наслаждения», parechonti plousiOs panta eis apolausin. Кто по Своей богатой и свободной милости протягивает нам всё как бы в собственной руке, чтобы, принимая это как Его дар и залог Его любви, мы могли наслаждаться всем, чем владеем. Именно Его любовь придаёт вкус всему, что мы вкушаем, влагает во всё жизнь и сладость, когда каждое создание возводит нас к великому Создателю и вся земля становится лестницей к небу. Радости, пребывающие одесную Его, Он вливает во всё, что дарует благодарным детям Своим, которые, имея общение с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом, наслаждаются Им во всём и превыше всего.

[50] 22. В-третьих, не стремись умножать своё имущество. Не собирай себе «сокровищ на земле». Это прямое, определённое повеление, столь же ясное, как «не прелюбодействуй». Как же богатый может становиться ещё богаче, не отрекаясь от искупившего его Господа? Да и как любой человек, уже имеющий необходимое для

жизни, может приобретать больше или стремиться к большему и оставаться невиновным? «Не собирайте, — говорит Господь наш, — сокровищ на земле». Если вопреки этому вы всё же собираете и намерены собирать деньги или имущество, которое «моль или ржавчина могут истребить или воры подкопать и украсть»; если намерены присоединять дом к дому или поле к полю, — почему вы называете себя христианами? Вы не повинуетесь Иисусу Христу. Вы и не намерены повиноваться. Почему же вы называетесь Его именем? «Что вы зовёте Меня: Господи! Господи! — говорит Он Сам, — и не делаете того, что Я говорю?»

51 23. Если вы спросите: «Но что же нам делать с нашим имуществом, раз у нас больше, чем нам нужно для употребления, если нельзя его накапливать? Неужели выбросить?» — я отвечу: если бы вы бросили его в море, если бы бросили в огонь и сожгли, оно было бы употреблено лучше, чем теперь. Вы не найдёте более пагубного способа расточить его, чем накопить для потомства или истратить на себя в безумии и излишествах. Из всех возможных способов расточения эти два — самые худшие, самые противные Евангелию Христову и самые пагубные для вашей души.

52 Насколько пагубен для вашей души последний из этих способов, превосходно показал один недавний писатель: —

53 «Если мы расточаем деньги, то виновны не только в расточении таланта, данного нам Богом, но причиняем себе ещё и другой вред: превращаем этот полезный талант в могущественное средство собственного развращения. Ибо насколько деньги расходуются дурно, настолько они расходуются на поддержание какого-либо

дурного расположения, на удовлетворение какого-либо суетного и неразумного желания, от которого мы, как христиане, обязаны отречься.

54 «Как остроумие и прекрасные дарования невозможно только растратить на пустяки, но они подвергают обладающих ими ещё большему безумию, так и деньги невозможно только растратить на пустяки: если ими не пользоваться согласно разуму и благочестию, они заставят людей вести более глупую и расточительную жизнь, чем без них. Поэтому, если вы не тратите денег на благодеяние другим, вы неизбежно тратите их во вред себе. Вы поступаете как человек, который отказывает больному другу в укрепляющем питье, хотя сам не может выпить его, не распалив свою кровь. Именно так обстоит дело с лишними деньгами: если вы отдаёте их нуждающимся, они — укрепляющее питьё; если тратите на себя, на то, в чём не нуждаетесь, они лишь распаляют и расстраивают ваш ум.

55 «Употребляя богатство там, где от него нет действительной пользы и у нас нет действительной нужды, мы употребляем его лишь к великому своему вреду: создаём неразумные желания, питаем дурные расположения, потворствуем безрассудным страстям и поддерживаем суетное направление ума. Ибо роскошная еда и питьё, нарядная одежда и великолепные дома, пышность и выезды, весёлые удовольствия и развлечения — всё это естественным образом вредит нашему сердцу и расстраивает его. Всё это — пища и питание для всякого безумия и слабости нашей природы. Всё это поддерживает то, чего поддерживать не следует. Всё это противно той трезвости и благочестию сердца, которым сладостны божественные вещи. Всё это — тяжести на

нашем уме, делающие нас менее способными и менее склонными возносить мысли и привязанности к горнему.

56 «Поэтому деньги, потраченные таким образом, не просто растрачены или потеряны: они потрачены на дурные цели и пагубные последствия, на развращение и расстройство наших сердец, на то, чтобы сделать нас неспособными следовать возвышенному учению Евангелия. Это всё равно что удерживать деньги от бедных, чтобы покупать яд для себя».

57 24. Столь же неизвинительны те, кто накапливает то, в чём не нуждается ни для какой разумной цели: —

58 «Если бы у человека были руки, глаза и ноги, которые он мог бы отдать тем, у кого их нет; если бы он запирал их в сундуке, вместо того чтобы отдать своим слепым и хромым братьям, — разве мы не сочли бы его по справедливости бесчеловечным негодяем? Если бы он предпочитал развлекаться их накоплением, вместо того чтобы приобрести право на вечную награду, отдавая их тем, кто нуждается в глазах и руках, — разве мы не сочли бы его по справедливости безумным?

59 «Но деньги во многом подобны глазам и ногам. Поэтому, если мы запираем их в сундуках, тогда как бедные и бедствующие нуждаются в них для необходимых потребностей, мы недалеки от жестокости того, кто предпочитает копить руки и глаза, вместо того чтобы отдавать их нуждающимся. Если мы предпочитаем накапливать их, вместо того чтобы добрым распоряжением деньгами приобрести право на вечную награду, мы повинны в безумии человека, предпочитающего запереть глаза и руки, вместо того

чтобы обрести вечное блаженство, отдав их тем, кто в них нуждается».

60 25. Не может ли это быть ещё одной причиной, почему богатым так трудно войти в Царство Небесное? Подавляющее большинство их находится под проклятием, под особым проклятием Божиим, поскольку по общему направлению своей жизни они не только непрестанно обкрадывают Бога, присваивают и расточают достояние своего Господа и тем самым развращают собственные души, но ещё и обкрадывают бедных, голодных, нагих, обижают вдову и сироту и делают себя ответственными за всякую нужду, скорбь и бедствие, которые могут, но не хотят устранить. Да, разве кровь всех погибающих от недостатка того, что они накапливают или тратят без нужды, не вопиёт против них от земли? О, какой отчёт дадут они Тому, Кто готов судить живых и мёртвых!

61 26. В-четвёртых, верному способу употребления того, в чём вы сами не нуждаетесь, вы можете научиться из слов Господа нашего, составляющих соответствие предыдущим: «Собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржавчина не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут». Отдай всё, без чего можешь обойтись, под более надёжное обеспечение, чем способен предложить этот мир. Положи сокровища свои в небесное хранилище, и Бог возвратит их тебе в тот день. «Благотворящий бедному даёт взаймы Господу; и смотри, сколько он отдаёт, столько будет ему возвращено». «Запиши это, — говорит Он, — на Мой счёт. Впрочем, сверх того ты должен Мне самого себя!»

62 Давай бедным с чистым оком, с правым сердцем и записывай: «Столько-то отдано Богу». Ибо «так как вы

сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне».

63 Таково дело «верного и благоразумного домоправителя»: не продавать ни домов, ни земель, ни основного капитала, велик он или мал, если только особые обстоятельства того не требуют; и не желать и не стараться умножить его, как и не расточать его в суете, но всецело употреблять на те мудрые и разумные цели, ради которых Господь вверил его в его руки. Мудрый домоправитель, обеспечив домашних необходимым для жизни и благочестия, всем остающимся время от времени приобретает себе друзей «богатством неправедным, чтобы, когда его не станет, они приняли его в вечные обители»: чтобы, когда бы ни разрушилась его земная хижина, те, кого прежде отнесли на лоно Авраамово и кто ел его хлеб, одевался шерстью его стада и славил Бога за утешение, могли приветствовать его в раю и в «доме Божием, вечном на небесах».

64 27. Поэтому мы, имея власть от нашего великого Господа и Учителя, «повелеваем» вам, «богатым в нынешнем веке», agathoergein — *непрестанно делать добро,* проводить жизнь в добрых делах. Будьте милосердны, как милосерден ваш Небесный Отец, Который творит добро и не перестаёт. До какой же степени быть милосердными? По вашим силам, со всей способностью, которую даёт Бог. Пусть единственной мерой вашего благотворения будет это, а не какие-либо убогие правила или обычаи мира. Мы повелеваем вам «богатеть добрыми делами»: имея много, щедро давать. «Даром получили — даром давайте», так чтобы собирать сокровища лишь на небе. Будьте «готовы делиться» с каждым по его нужде. Расточайте, раздавайте бедным;

разделяйте хлеб свой с голодными. Покрывайте нагого одеждой, принимайте странника, приносите или посылайте помощь находящимся в темнице. Исцеляйте больных — не чудом, а через Божие благословение на вашу своевременную поддержку. Да придёт на тебя благословение готового погибнуть от изнуряющей нужды. Защищай угнетённого, вступайся за сироту и заставь сердце вдовы петь от радости.

[65] 28. Мы увещеваем вас во имя Господа Иисуса Христа быть «общительными», готовыми делиться: koinonikous einai; иметь тот же дух, хотя и не то же внешнее положение, что древние верующие, пребывавшие непоколебимо en tei koinoniai, в том блаженном и святом *общении,* где «никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее». Будь домоправителем, верным и благоразумным домоправителем Бога и бедных, отличаясь от них лишь в двух отношениях: твои нужды прежде удовлетворяются из той части достояния Господа твоего, которая остаётся в твоих руках, и тебе принадлежит блаженство давать. Так «собирайте себе доброе основание» не в нынешнем мире, но «для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни». Истинное великое основание всех Божиих благословений, временных или вечных, — Господь Иисус Христос, Его праведность и кровь, то, что Он совершил и что претерпел за нас. И в этом смысле «никто не может положить другого основания»: ни апостол, ни даже ангел с неба. Но через Его заслуги всё, что мы делаем во имя Его, становится основанием для доброй награды в тот день, когда «каждый получит свою награду по своему труду». Поэтому «трудись не ради пищи тленной, но ради пребывающей в жизнь вечную». Поэтому «всё, что рука

твоя» теперь «найдёт делать, делай по силам твоим». Поэтому:

> [66] Не пропусти без внимания ни одного благого случая;
> Лови золотые мгновения, пока они летят,
> Немногими быстротечными годами обеспечь себе вечность!

[67] «Постоянством в добром деле ищи славы, чести и бессмертия». Постоянно и ревностно совершая все добрые дела, ожидай того счастливого часа, когда Царь скажет: «Я алкал, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня. Был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. — Придите, благословенные Отца Моего, примите Царство, уготованное вам от создания мира!»

О Нагорной проповеди нашего Господа

1 Беседа 9

2 «Никто не может служить двум господам, ибо или
одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному
станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете
служить Богу и маммоне.

3 «Поэтому говорю вам: не заботьтесь для жизни вашей,
что вам есть или что пить, ни для тела вашего, во что
одеться. Жизнь не больше ли пищи, а тело — одежды?
Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни
собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Вы
не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может
прибавить себе росту хотя на один локоть?

4 «И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые
лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут. Но говорю
вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так,
как одна из них. Если же траву полевую, которая сегодня
есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, то не
гораздо ли более вас, маловеры? Итак, не заботьтесь и не
говорите: что нам есть? или что пить? или во что одеться?
Ибо всего этого ищут язычники; и потому что Отец ваш
Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом.
Ищите же прежде Царства Божия и праведности Его, и
всё это приложится вам.

5 «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний
сам будет заботиться о своём: довольно для каждого дня
своего зла».

6 Матфея 6:24–34.

7 1. О народах, которых ассирийский царь, отведя Израиль в плен, поселил в городах Самарии, записано, что «они боялись Господа и служили своим богам». «Народы сии, — говорит богодухновенный писатель, — боялись Господа»: совершали Ему внешнее служение, явное доказательство того, что у них был страх Божий, хотя и не по познанию, «и истуканам своим служили, и дети их, и дети детей их: как поступали отцы их, так и они поступают до сего дня» (4 Царств 17:33).

8 Как близко образ жизни большинства нынешних христиан напоминает образ жизни этих древних язычников! «Они боятся Господа»; они тоже совершают Ему внешнее служение и тем показывают, что имеют некоторый страх Божий; но вместе с тем «служат своим богам». Есть и такие, кто «учит их», как некогда учили ассирийцев, «обычаям Бога той земли», — Бога, чьим именем эта страна зовётся доныне и Которому некогда поклонялись в ней святым поклонением. «Однако» они не служат Ему одному: для этого они недостаточно Его боятся. Но «каждый народ делает себе своих богов, каждый народ в городах, где живёт». «Народы сии боятся Господа»: они не оставили внешнего образа поклонения Ему; однако «служат своим истуканам» — серебру и золоту, делу человеческих рук. Деньги, удовольствие и похвала, боги этого мира, получают даже большую долю их служения, чем Бог Израилев. Таков образ жизни и «детей их, и детей детей их: как поступали отцы их, так и они поступают до сего дня».

9 2. Но хотя при неточном выражении, по обыкновенному человеческому словоупотреблению, о тех бедных

язычниках сказано, что они «боялись Господа», заметим, что Святой Дух немедленно прибавляет, говоря согласно истине и действительной природе вещей: «Они не боятся Господа и не поступают по закону и заповеди, которые Господь заповедал сынам Иакова, с которыми Господь заключил завет и повелел им, говоря: не бойтесь иных богов и не служите им. — Но Господа Бога вашего бойтесь, и Он избавит вас от руки всех врагов ваших».

10 Тот же суд безошибочный Дух Божий, а вместе с Ним и все, чьи очи разумения Он отверз для различения Божиих вещей, произносит над этими бедными людьми, обыкновенно называемыми христианами. Если говорить согласно истине и действительной природе вещей, «они не боятся Господа и не служат Ему». Ибо они не поступают «по завету, который Господь заключил с ними, ни по закону и заповеди, которые Он заповедал им, говоря: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». «Они служат иным богам до сего дня». А «никто не может служить двум господам».

11 3. Как тщетно человеку стремиться к этому — пытаться служить двум господам! Разве не легко предвидеть неизбежное последствие такой попытки? «Или одного будет ненавидеть, а другого любить, или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть». Обе части этого предложения, хотя и изложены раздельно, следует понимать во взаимной связи, ибо последняя часть есть следствие первой. Человек естественно станет держаться того, кого любит. Он так прилепится к нему, что будет служить ему охотно, верно и усердно. И в то же время он будет презирать ненавистного господина по крайней мере настолько, что станет мало считаться с его приказаниями и, если вообще будет повиноваться, то поверхностно и

небрежно. Поэтому, что бы ни предполагали мудрецы мира, «вы не можете служить Богу и маммоне».

12 4. Маммона была именем одного из языческих богов, которому приписывали власть над богатством. Здесь под этим понимается само богатство, золото и серебро, или вообще деньги, а по обычному образному словоупотреблению — всё, что на них можно купить, например покой, почести и чувственные удовольствия.

13 Но что следует понимать здесь под служением Богу и что — под служением маммоне?

14 Мы не можем служить Богу, если не *веруем* в Него. Это единственное истинное основание служения Ему. Поэтому вера в Бога как «примиряющего с Собою мир через Христа Иисуса», вера в Него как в любящего и прощающего Бога есть первая великая составная часть служения Ему.

15 А веровать в Бога таким образом — значит уповать на Него как на нашу силу, без Которого мы ничего не можем делать, Который каждое мгновение облекает нас силой свыше, без которой невозможно угодить Ему; как на нашу помощь, нашу единственную помощь в беде, окружающего нас песнями избавления; как на наш щит, нашего защитника и поднимающего нашу голову над всеми окружающими нас врагами.

16 Это значит уповать на Бога как на наше счастье, как на средоточие духов, единственный покой наших душ, единственное благо, соответствующее всем нашим способностям и достаточное для удовлетворения всех желаний, которые Он нам дал.

17 Это значит — что тесно связано с предыдущим — уповать на Бога как на нашу цель, во всём взирать на

Него, всем пользоваться лишь как средством наслаждаться Им; где бы мы ни были и что бы ни делали, видеть Невидимого, с благоволением смотрящего на нас, и всё относить к Нему во Христе Иисусе.

18 5. Такая вера есть первое, что следует понимать под служением Богу. Второе — *любить* Его.

19 Любить же Бога так, как описывает Писание, как Сам Бог требует от нас и, требуя, обещает произвести в нас, — значит любить Его как ЕДИНОГО БОГА, то есть «всем сердцем нашим, и всей душою нашей, и всем умом нашим, и всей силою нашей»; желать одного Бога ради Него Самого, а всего остального — только в отношении к Нему; радоваться о Боге, утешаться Господом; не только искать, но и находить в Нём счастье; наслаждаться Богом как превосходящим десять тысяч; покоиться в Нём как в нашем Боге и нашем всём; словом, так обладать Богом, чтобы это делало нас всегда счастливыми.

20 6. Третье, что следует понимать под служением Богу, — *уподобляться* или *подражать* Ему.

21 Так говорит древний отец: Optimus Dei cultus, imitari quem colis: «Лучшее поклонение, или служение Богу, — подражать Тому, Кому поклоняешься».

22 Здесь мы говорим о подражании или уподоблении Ему духом нашего ума, ибо именно отсюда начинается истинное христианское подражание Богу. «Бог есть Дух», и подражающие или уподобляющиеся Ему должны делать это «в духе и истине».

23 Но Бог есть любовь; поэтому уподобляющиеся Ему духом своего ума преображаются в тот же образ. Они милосердны, как милосерден Он. Их душа вся — любовь. Они добры, благожелательны, сострадательны,

мягкосердечны, и не только к добрым и кротким, но и к строптивым. Да, подобно Ему, они любят всякого человека, и милость их простирается на все Его творения.

24 7. Ещё одно следует понимать под служением Богу: *повиновение* Ему; прославление Его телами нашими, как и духами; соблюдение Его внешних заповедей; ревностное исполнение всего, что Он повелел; тщательное избегание всего, что Он запретил; совершение всех обыкновенных житейских действий с чистым оком и чистым сердцем, принося их все в святой, горячей любви как жертвы Богу через Иисуса Христа.

25 8. Рассмотрим теперь, с другой стороны, что следует понимать под служением маммоне. Во-первых, оно подразумевает *упование* на богатство, на деньги или на приобретаемые ими вещи как на нашу силу, то есть средство, которым мы осуществим всякое предпринятое дело; упование на них как на нашу помощь, от которой мы ожидаем утешения в беде или избавления от неё.

26 Оно подразумевает упование на мир ради счастья; предположение, что «жизнь человека», отрада его жизни, «зависит от изобилия его имения»; поиски покоя в видимых вещах, довольства — во внешнем достатке; ожидание от вещей этого мира того удовлетворения, которое никогда нельзя найти вне Бога.

27 И если мы поступаем так, мы неизбежно делаем мир своей целью — конечной целью если не всех, то по крайней мере многих наших начинаний, многих поступков и замыслов, в которых будем стремиться только к умножению богатства, к получению удовольствия или похвалы, к приобретению большей меры временных благ, без всякого отношения к вечным.

[28] 9. Служение маммоне подразумевает, во-вторых, *любовь* к миру; желание его ради него самого; полагание нашей радости в его вещах и привязывание к ним нашего сердца; поиски в нём счастья, которого мы на самом деле никак не можем там найти; опору всей тяжестью нашей души на посох из этой надломленной трости, хотя ежедневный опыт показывает, что она не поддержит, а лишь «войдёт в руку нашу и пронзит её».

[29] 10. *Уподобляться* миру, *сообразоваться* с ним — третье, что следует понимать под служением маммоне: иметь не только замыслы, но и желания, расположения и привязанности, соответствующие мирским; обладать земным, чувственным умом, прикованным к земным вещам; быть своевольными, чрезмерно любить самих себя, высоко думать о собственных достижениях; желать человеческой похвалы и наслаждаться ею; бояться поношения, избегать его и питать к нему отвращение; не терпеть обличения, легко раздражаться и скоро воздавать злом за зло.

[30] 11. Служить маммоне, наконец, значит *повиноваться* миру, внешне сообразуясь с его правилами и обычаями: ходить, как ходят другие, общей дорогой, по широкому, гладкому, проторённому пути; следовать моде, идти за большинством, поступать подобно остальным соседям; то есть исполнять волю плоти и помыслов, удовлетворять свои аппетиты и склонности, приносить жертвы самим себе, стремиться к собственному покою и удовольствию в общем ходе и наших слов, и наших дел.

[31] И что может быть несомненнее и яснее того, что мы не можем таким образом служить Богу и маммоне?

[32] 12. Разве не всякий видит, что он не может служить обоим *с душевным покоем?* Что лавировать между Богом и миром — верный путь разочароваться в обоих и не найти покоя ни в одном, ни в другом? В каком тягостном состоянии должен находиться человек, имеющий страх Божий, но не любовь к Богу, служащий Ему, но не всем сердцем, имеющий лишь труды благочестия без его радостей! У него достаточно религиозности, чтобы быть несчастным, но недостаточно, чтобы быть счастливым. Его религиозность не даёт ему наслаждаться миром, а мир не даёт ему наслаждаться Богом. Так, колеблясь между обоими, он теряет обоих и не имеет мира ни в Боге, ни в мире.

[33] 13. Разве не всякий видит, что нельзя служить обоим, *не противореча* самому себе? Какое более вопиющее противоречие можно представить, чем то, которое непрестанно должно проявляться во всём поведении человека, старающегося повиноваться обоим этим господам, пытающегося «служить Богу и маммоне»? Он поистине «грешник, идущий двумя путями»: один шаг вперёд, другой назад. Одной рукой он непрестанно строит, другой разрушает. Он любит грех и ненавидит его; всегда ищет Бога и в то же время всегда бежит от Него. Он и хочет, и не хочет. Он не остаётся одним и тем же человеком даже один день, даже один час подряд. Он — пёстрая смесь всевозможных противоположностей, груда противоречий, сваленных воедино. О, будь последователен хотя бы в ту или другую сторону! Поверни направо или налево. Если маммона — Бог, служи ей; если Господь — служи Ему. Но и не думай вообще служить кому-либо из них иначе, чем всем сердцем.

[34] 14. Разве всякий разумный, всякий мыслящий человек не видит, что ему *невозможно* служить Богу и маммоне? Ибо между ними самая полная противоположность, самая непримиримая вражда. Противоположность самых противоположных земных вещей — огня и воды, тьмы и света — обращается в ничто по сравнению с противоположностью Бога и маммоны. Поэтому, в каком бы отношении ты ни служил одному, ты неизбежно отрекаешься от другого. Веруешь ли ты в Бога через Христа? Уповаешь ли на Него как на свою силу, помощь, щит и весьма великую награду, как на своё счастье, свою цель во всём и превыше всего? Тогда ты не можешь уповать на богатство. Это совершенно невозможно, пока у тебя есть такая вера в Бога. Уповаешь ли ты таким образом на богатство? Тогда ты отрёкся от веры. Ты не уповаешь на живого Бога. Любишь ли Бога? Ищешь ли и находишь ли в Нём счастье? Тогда ты не можешь любить мира и того, что в мире. Ты распят для мира, и мир распят для тебя. Любишь ли мир? Устремлены ли твои привязанности к земному? Ищешь ли счастья в земных вещах? Тогда невозможно, чтобы ты любил Бога. Тогда любви Отчей нет в тебе. Подобен ли ты Богу? Милосерден ли, как милосерден Отец твой? Преображён ли обновлением ума в образ Создавшего тебя? Тогда ты не можешь сообразоваться с нынешним миром. Ты отрёкся от всех его привязанностей и похотей. Сообразуешься ли ты с миром? Носит ли твоя душа всё ещё образ перстного? Тогда ты не обновлён духом ума своего. Ты не носишь образа небесного. Повинуешься ли Богу? Ревнуешь ли исполнить Его волю на земле, как ангелы исполняют её на небе? Тогда невозможно, чтобы ты повиновался маммоне. Тогда ты открыто бросаешь вызов миру. Ты попираешь ногами его обычаи и правила и не желаешь ни

следовать им, ни руководствоваться ими. Следуешь ли ты миру? Живёшь ли, как другие? Угождаешь ли людям? Угождаешь ли себе? Тогда ты не можешь быть слугой Божиим. Ты — от своего господина и отца, дьявола.

35 15. Поэтому «Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи». Оставь всякую мысль о повиновении двум господам, о служении Богу и маммоне. Не полагай себе иной цели, иной помощи, иного счастья, кроме Бога. Ничего не ищи ни на земле, ни на небе, кроме Него; ни к чему не стремись, кроме познания Его, любви к Нему и наслаждения Им. И поскольку это всё ваше дело здесь, единственная цель, которую вы разумно можете иметь, единственное намерение, которому следует подчинять всё, — «поэтому говорю вам, — продолжает Господь Свою беседу, — не заботьтесь для жизни вашей, что вам есть или что пить, ни для тела вашего, во что одеться». Это глубокое и важное наставление, которое нам необходимо хорошо рассмотреть и основательно понять.

36 16. Господь наш не требует здесь, чтобы мы совершенно не думали даже о житейских делах. Легкомысленный, беспечный нрав бесконечно далёк от всей веры Иисуса Христа. Не требует Он и того, чтобы мы были «ленивы в делах», нерадивы и медлительны в них. Это также противно всему духу и характеру Его веры. Христианин гнушается леностью не меньше, чем пьянством, и бежит от праздности, как от прелюбодеяния. Он хорошо знает, что есть род размышления и заботы, вполне угодный Богу и совершенно необходимый для должного исполнения внешних дел, к которым призвал его Промысл Божий.

37 Воля Божия состоит в том, чтобы всякий человек трудился и ел свой хлеб; да, и чтобы всякий заботился о

своих, о собственных домашних. Его воля также в том, чтобы мы «никому ничего не были должны, но заботились о добром пред всеми людьми». Однако это невозможно без некоторого размышления, без некоторой заботы в уме; более того, часто — без долгого и серьёзного размышления, без большой и усердной заботы. Следовательно, эту заботу об обеспечении себя и своих домашних, это размышление о том, как отдать всем должное, наш благословенный Господь не осуждает. Напротив, это хорошо и угодно пред Богом, Спасителем нашим.

38 Хорошо и угодно Богу, чтобы мы так обдумывали всякое предстоящее дело, чтобы ясно понимать, что собираемся делать, и составлять план прежде, чем приступать к нему. Правильно также время от времени тщательно рассматривать, какие шаги следует в нём предпринять, равно как и заранее всё приготовить для его наиболее успешного исполнения. Эту заботу, называемую некоторыми «заботой головы», Господь наш вовсе не намеревался осуждать.

39 17. Здесь Он осуждает заботу сердца, тревожную, беспокойную заботу, заботу, приносящую мучение, всякую заботу, вредящую душе или телу. Он запрещает ту заботу, которая, как показывает печальный опыт, истощает кровь и иссушает жизненные силы, заранее переживает всё несчастье, которого страшится, и приходит мучить нас прежде времени. Он запрещает только ту заботу, которая отравляет сегодняшние благословения страхом перед возможным завтрашним днём, которая не может наслаждаться нынешним изобилием из-за опасений будущей нужды. Такая забота — не только тяжкая болезнь, мучительный недуг души, но

и тяжкое оскорбление Бога, грех самой глубокой черноты. Это великое бесчестие милостивому Правителю и мудрому Распорядителю всего: она неизбежно подразумевает, что великий Судия поступает несправедливо, что Он не устраивает всего благим образом. Она явно подразумевает недостаток в Нём либо мудрости, если Он не знает, в чём мы нуждаемся, либо благости, если Он не обеспечивает этим всех уповающих на Него. Поэтому остерегайтесь заботиться в таком смысле. Ни о чём не тревожьтесь беспокойно. Не предавайтесь мучительной заботе. Вот ясное, надёжное правило: беспокойная забота — недозволенная забота. С оком, устремлённым единственно на Бога, делай всё, что в твоих силах, чтобы заботиться о добром пред всеми людьми. А затем передай всё в лучшие руки: весь исход предоставь Богу.

[40] 18. «Не заботьтесь» таким образом, не предавайтесь беспокойной заботе даже «для жизни вашей, что вам есть или что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Жизнь не больше ли пищи, а тело — одежды?» Если Бог дал вам жизнь, дар больший, не даст ли Он пищи для её поддержания? Если дал вам тело, как можете вы сомневаться, что Он даст и одежду, чтобы покрыть его? Особенно если вы предаёте себя Ему и служите Ему всем сердцем. «Взгляните», увидьте перед своими глазами «птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы», однако ни в чём не имеют недостатка: «Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?» Вы, существа, способные к общению с Богом, разве не ценнее в Божиих очах, не занимаете более высокой ступени в ряду существ? «Да и кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть?» Какая же вам

польза от этих тревожных мыслей? Они во всех отношениях бесплодны и бесполезны.

41 «И об одежде что заботитесь?» Разве вы не получаете ежедневного обличения, куда ни обратите взгляд? «Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как одна из них. Если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь», скошена, сожжена и более не видна, «Бог так одевает, то не гораздо ли более вас, маловеры?» Вас, которых Он создал пребывать во веки веков, быть образами Его собственной вечности! Вы действительно маловеры; иначе не могли бы ни на мгновение усомниться в Его любви и заботе.

42 19. «Итак, не заботьтесь и не говорите: что нам есть», если мы не собираем сокровищ на земле? «Что пить», если мы служим Богу всей силой и наше око устремлено единственно на Него? «Во что одеться», если мы не сообразуемся с миром, если вызываем неудовольствие тех, от кого могли бы получить выгоду? «Ибо всего этого ищут язычники», не знающие Бога. Но вы сознаёте, что «Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом». И Он указал вам безошибочный путь к тому, чтобы постоянно получать всё это: «Ищите же прежде Царства Божия и праведности Его, и всё это приложится вам».

43 20. «Ищите прежде Царства Божия»: прежде чем дать место какой-либо иной мысли или заботе, позаботьтесь о том, чтобы Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Который «отдал Сына Своего Единородного», дабы, веруя в Него, «вы не погибли, но имели жизнь вечную», воцарился в вашем сердце, явил Себя в вашей душе, обитал и владычествовал в ней; чтобы Он «ниспроверг

всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленил всякое помышление в послушание Христу». Пусть один Бог владычествует над вами; пусть царствует, не имея соперника; пусть владеет всем вашим сердцем и правит один. Пусть Он будет единственным вашим желанием, вашей радостью, вашей любовью, так чтобы всё, что внутри вас, непрестанно восклицало: «Воцарился Господь Бог Вседержитель».

44 «Ищите Царства Божия и праведности Его». Праведность — плод Божия царствования в сердце. А что такое праведность, если не любовь — любовь к Богу и всему человечеству, проистекающая из веры в Иисуса Христа и производящая смиренномудрие, кротость, мягкость, долготерпение, терпение, мёртвость для мира и всякое правое расположение сердца к Богу и к человеку? А через них она производит все святые действия, всё любезное и достославное, все дела веры и труды любви, угодные Богу и полезные человеку.

45 «Праведности Его»: всё это по-прежнему Его праведность. Она — Его собственный безвозмездный дар нам ради Иисуса Христа Праведника, через Которого одного она приобретена для нас. И она — Его дело: Он один производит её в нас вдохновением Святого Духа.

46 21. Быть может, внимательное рассмотрение этого прольёт свет на некоторые другие места Писания, которые мы не всегда понимали столь ясно. Святой Павел, говоря в Послании к Римлянам о неверующих иудеях, пишет: «Они, не разумея праведности Божией и усиливаясь поставить собственную праведность, не покорились праведности Божией». Полагаю, одним из смыслов этих слов может быть следующий. Они «не разумели праведности Божией» — не только праведности

Христовой, вменяемой всякому верующему, посредством которой все его грехи изглаживаются и он примиряется с Богом, возвращаясь в Его благоволение, но, что здесь, по-видимому, подразумевается непосредственнее, не разумели той внутренней праведности, той святости сердца, которая с полнейшим основанием называется праведностью Божией, будучи и Его собственным безвозмездным даром через Христа, и Его собственным делом, совершаемым всемогущим Его Духом. И поскольку они этого «не разумели», они «усиливались поставить собственную праведность». Они трудились над утверждением той внешней праведности, которую вполне справедливо можно назвать их собственной. Ибо она не производилась Духом Божиим, и Он не признавал и не принимал её. Они могли совершить её сами, собственными природными силами; и когда совершали, она была смрадом пред Ним. И всё же, уповая на неё, они «не хотели покориться праведности Божией». Более того, они ожесточились против той веры, посредством которой одной можно было её достичь. «Ибо конец закона — Христос, к праведности всякого верующего». Христос, сказав: «Совершилось!», положил конец тому закону, закону внешних обрядов и церемоний, чтобы Своей кровью, тем единственным приношением Самого Себя, совершённым однажды, внести лучшую праведность — самый образ Божий — в сокровенную глубину души всякого верующего.

[47] 22. Близко связаны с этим слова апостола в Послании к Филиппийцам: «Всё почитаю за сор, чтобы приобрести Христа», вход в Его вечное Царство, «и найтись в Нём», веруя в Него, «не со своею праведностью, которая от закона, но с тою, которая через веру Христову, с праведностью от Бога по вере». «Не со своею

праведностью, которая от закона» — одной лишь внешней праведностью, внешним благочестием, которое было у меня прежде, когда я надеялся быть принятым Богом, потому что был «по праведности законной непорочен», — «но с тою, которая через веру Христову, с праведностью от Бога по вере»: с той святостью сердца, тем обновлением души во всех её желаниях, расположениях и привязанностях, которое «от Бога», ибо это дело Бога, а не человека, «по вере», через веру Христову, через откровение Иисуса Христа в нас и веру в Его кровь, посредством которой одной мы получаем прощение грехов и наследие среди освящённых.

[48] 23. «Ищите прежде» этого «Царства Божия» в ваших сердцах, этой праведности, которая есть дар и дело Божие, образ Божий, обновлённый в ваших душах, — «и всё это приложится вам»: всё необходимое для тела, в такой мере, какую Бог видит наилучшей для распространения Своего Царства. Это будет приложено, дано в придачу, сверх того. Ища мира и любви Божиих, вы найдёте не только то, чего ищете непосредственно, — Царство непоколебимое, — но и то, чего не ищете, то есть вовсе не ради него самого, а лишь в связи с первым. На вашем пути к Царству вы найдёте все внешние блага, насколько они вам полезны. Эту заботу Бог взял на Себя: возложите на Него все ваши заботы. Он знает ваши нужды и не преминет восполнить всё недостающее.

[49] 24. «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне». Не только не заботьтесь о том, как собирать сокровища на земле, как умножать мирское достояние; не заботьтесь, как приобрести больше пищи, чем можете съесть, больше одежды, чем можете носить, или больше денег, чем требуется изо дня в день для простых, разумных

житейских целей; но не предавайтесь беспокойной заботе даже о совершенно необходимом для тела. Не мучьте себя теперь мыслями о том, что будете делать в пору, которая ещё далеко. Быть может, эта пора никогда не наступит или уже не будет иметь к вам отношения: к тому времени вы пройдёте через все волны и достигнете берега вечности. Все эти дальние виды не принадлежат тебе, существу одного дня. Да и, точнее говоря, какое тебе дело до завтрашнего дня? Зачем без нужды тревожить себя? Бог даёт тебе сегодня необходимое для поддержания жизни, которую Он тебе дал. Этого достаточно: предай себя в Его руки. Если проживёшь ещё один день, Он обеспечит и его.

[50] 25. Прежде всего не делайте заботу о будущем предлогом для пренебрежения нынешним долгом. Это самый гибельный способ «заботиться о завтрашнем дне». И как он распространён среди людей! Многие, когда мы увещеваем их сохранять непорочную совесть, воздерживаться от того, в чьей порочности они убеждены, без стеснения отвечают: «Как же нам тогда жить? Разве не нужно заботиться о себе и о своих семьях?» И это они считают достаточным основанием продолжать сознательный, намеренный грех. Они говорят, а быть может и думают, что служили бы Богу уже теперь, если бы не опасение впоследствии лишиться хлеба. Они приготовились бы к вечности, но боятся остаться без необходимого для жизни. Так они служат дьяволу за кусок хлеба, устремляются в ад из страха нужды, губят свои бедные души, чтобы когда-нибудь не лишиться необходимого для тела!

[51] Неудивительно, что те, кто таким образом забирает дело из Божиих рук, так часто не получают именно того,

чего ищут; что, отбрасывая небо ради обеспечения земного, они теряют одно, но не приобретают другого. Бог ревнитель в мудром ходе Своего Промысла часто допускает это. Так те, кто не желает возложить заботу на Бога, кто, заботясь о временном, мало печётся о вечном, теряют тот самый удел, который избрали. На всех их начинаниях видна губительная порча; что бы они ни делали, ничто не удаётся. Так что, оставив Бога ради мира, они теряют и то, чего искали, и то, чего не искали: не достигают Царства Божия и праведности Его, а прочее также не прилагается им.

[52] 26. Есть другой способ «заботиться о завтрашнем дне», также запрещённый этими словами. Можно неправильно заботиться даже о духовных вещах: настолько печься о том, что может случиться впоследствии, что пренебрегать тем, что требуется от нас теперь. Как незаметно мы соскальзываем в это, если не бодрствуем непрестанно в молитве! Как легко нас уносит некое сновидение наяву: мы строим далёкие планы, рисуем прекрасные картины в воображении. Мы думаем, сколько добра сделаем, когда окажемся в таком-то месте или наступит такое-то время; как будем полезны, как обильны добрыми делами, когда обстоятельства станут легче; как ревностно будем служить Богу, когда наконец устранится такое-то препятствие!

[53] Или, быть может, теперь твоя душа скорбит: Бог словно скрывает от тебя лицо. Ты мало видишь света Его лица, не можешь вкусить Его искупительной любви. При таком расположении духа как естественно сказать: «О, как я буду славить Бога, когда свет Его лица снова воссияет над моей душой! Как буду увещевать других славить Его, когда любовь Его снова изольётся в моё сердце! Тогда я

сделаю то и это; буду повсюду говорить за Бога; не стану стыдиться Евангелия Христова. Тогда буду дорожить временем; до конца употреблю каждый полученный талант». Не верь себе. Ты не сделаешь этого тогда, если не делаешь теперь. «Верный в малом», какого бы рода это малое ни было — мирское достояние, страх Божий или любовь к Богу, — «будет верен и во многом». Но если теперь ты прячешь в землю один талант, тогда спрячешь пять, если только они вообще будут даны; а оснований ожидать этого мало. Ведь «имеющему», то есть пользующемуся тем, что имеет, «дано будет и приумножится; а у неимеющего», то есть не употребляющего уже полученную благодать, в большей или меньшей мере, «отнимется и то, что имеет».

[54] 27. И не заботься о завтрашних искушениях. Это тоже опасная сеть. Не думай: «Когда придёт такое искушение, что мне делать? Как устоять? Я чувствую, что у меня нет сил сопротивляться. Я не способен победить того врага». Совершенно верно: сейчас у тебя нет силы, в которой ты сейчас не нуждаешься. В нынешнее время ты не способен победить того врага, но в нынешнее время он и не нападает на тебя. С имеющейся теперь благодатью ты не мог бы выдержать искушений, которых у тебя нет. Но когда придёт искушение, придёт и благодать. В больших испытаниях у тебя будет большая сила. Когда умножатся страдания, в той же мере умножатся и утешения Божии. Поэтому во всяком положении Божией благодати будет достаточно для тебя. Он не допускает, чтобы сегодня ты был «искушаем сверх того, что можешь понести», и «при всяком искушении даст выход». «Каковы дни твои, такова будет сила твоя».

[55] 28. Поэтому «пусть завтрашний день заботится о своём», то есть, когда завтра наступит, тогда о нём и думай. Живи сегодня. Пусть твоей усердной заботой будет плодотворно употребить нынешний час. Он твой, и он — всё, что у тебя есть. Прошлое — ничто, словно его никогда не было. Будущее для тебя — ничто. Оно не твоё и, быть может, никогда твоим не станет. На ещё не пришедшее нельзя полагаться, ибо ты «не знаешь, что принесёт день». Поэтому живи сегодня; не теряй ни часа; используй это мгновение, ибо оно — твой удел. «Кто знает то, что было до него, или то, что будет после него под солнцем?» Поколения, бывшие от начала мира, — где они теперь? Улетели, забыты. Они были, прожили свой день, были стряхнуты с земли, как листья с деревьев; истлели в обыкновенный прах! За ними последовало другое поколение, потом ещё одно; затем и они «пошли к поколению отцов своих и никогда более не увидят света». Теперь твоя очередь на земле. «Веселись, юноша, во дни юности твоей!» Наслаждайся этим самым нынешним мгновением, наслаждаясь Тем, «Чьи лета не кончаются». Сейчас устреми око единственно на Того, в Ком «нет изменения и ни тени перемены»! Сейчас отдай Ему сердце, сейчас обопрись на Него. Сейчас будь свят, как Он свят. Сейчас воспользуйся благословенной возможностью исполнить Его угодную и совершенную волю! Сейчас с радостью «потеряй всё», лишь бы «приобрести Христа»!

[56] 29. Сегодня охотно переноси ради Его имени всё, чему Он позволяет сегодня прийти на тебя. Но не всматривайся в завтрашние страдания. «Довольно для каждого дня своего зла». Злом оно является по человеческому словоупотреблению — будь то поношение или нужда, боль или болезнь; но на Божием языке всё это

благословение: драгоценный бальзам, приготовленный Божией мудростью и по-разному уделяемый Его детям соответственно различным болезням их душ. И в один день Он даёт достаточно для этого дня, соразмерно нужде и силам больного. Поэтому, если ты сегодня хватаешь то, что принадлежит завтрашнему дню, если прибавляешь это к уже данному, окажется больше, чем ты можешь вынести. Это путь не к исцелению, а к разрушению собственной души. Поэтому принимай ровно столько, сколько Он даёт тебе сегодня. Сегодня исполняй Его волю и переноси её! Сегодня предай себя, своё тело, душу и дух Богу через Христа Иисуса, не желая ничего, кроме того, чтобы Бог был прославлен во всём, что ты есть, что делаешь и что переносишь; не ища ничего, кроме познания Бога и Сына Его Иисуса Христа через вечного Духа; не стремясь ни к чему, кроме любви к Нему, служения Ему и наслаждения Им в этот час и во всю вечность!

[57] «Богу Отцу, сотворившему меня и весь мир»; «Богу Сыну, искупившему меня и всё человечество»; «Богу Святому Духу, освящающему меня и весь избранный народ Божий», — честь и хвала, величие и владычество во веки веков! Аминь.

О Нагорной проповеди нашего Господа

1 Беседа 10

2 «Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какой мерой мерите, такой и вам будут мерить. И почему ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревна в собственном глазу не замечаешь? Или как скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего, — а вот, в твоём глазу бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из своего глаза, и тогда ясно увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего.

3 *«Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас.*

4 *«Просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам. Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын попросит у него хлеба, подал бы ему камень? Или, когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете давать детям вашим добрые дары, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Поэтому во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки».*

[5] Матфея 7:1–12.

[6] 1. Наш благословенный Господь, завершив теперь Свой главный замысел, сначала изложив сущность истинного благочестия и тщательно оградив его от человеческих толкований, которыми люди хотели бы устранить силу Слова Божия, затем дав правила относительно правого намерения, которое мы должны сохранять во всех внешних действиях, теперь переходит к указанию главных препятствий этому благочестию и заключает всё подобающим приложением.

[7] 2. В пятой главе наш великий Учитель подробно описал внутреннее благочестие в различных его частях. Он представил нам те расположения души, которые составляют истинное христианство, те свойства, которые заключаются в «святости, без которой никто не увидит Господа», те чувства, которые, проистекая из надлежащего источника — живой веры в Бога через Христа Иисуса, — внутренне и по существу добры и угодны Богу. В шестой главе Он показал, как и все наши действия, даже сами по себе безразличные, могут стать святыми, добрыми и угодными Богу благодаря чистому и святому намерению. Он объявляет, что всё совершаемое без него не имеет никакой ценности пред Богом; тогда как всякие внешние дела, таким образом посвящённые Богу, драгоценны в Его очах.

[8] 3. В первой части этой главы Он указывает наиболее обычные и наиболее гибельные препятствия к такой святости; в последней различными побуждениями увещевает нас преодолеть их все и обеспечить себе награду нашего вышнего призвания.

[9] 4. Первое препятствие, от которого Он нас предостерегает, — осуждение. «Не судите, да не судимы будете». Не судите других, чтобы не быть судимыми Господом, чтобы не навлечь возмездие на собственные головы. «Ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какой мерой мерите, такой и вам будут мерить»: ясное и справедливое правило, которым Бог позволяет вам самим определить, как Он поступит с вами на суде великого дня.

[10] 5. Нет такого положения в жизни и такого времени — от часа нашего первого покаяния и веры в Евангелие до достижения совершенства в любви, — когда это предостережение не было бы необходимо каждому чаду Божию. Ибо поводов к осуждению никогда не недостаёт. Искушения к нему бесчисленны, и многие так искусно замаскированы, что мы впадаем в грех прежде, чем заподозрим опасность. И невыразимы беды, которые отсюда происходят: всегда — для того, кто судит другого, тем самым раня собственную душу и подвергая себя праведному суду Божию; часто — и для осуждаемых, у которых опускаются руки, которые ослабевают и встречают препятствия на своём пути, если не совсем сходят с него и не обращаются вспять, к погибели. Да, как часто, когда «возникает горький корень», «многие оскверняются им», отчего сам путь истины подвергается злословию и хулится достойное имя, которым мы называемся!

[11] 6. Однако не похоже, чтобы Господь предназначал это предостережение только или преимущественно детям Божиим; скорее — детям мира, людям, не знающим Бога. Они не могут не слышать о тех, кто не от мира, кто следует описанному выше благочестию, старается быть смиренным, серьёзным, кротким, милосердным и чистым

сердцем, кто горячо желает такой меры этих святых расположений, которой ещё не достиг, и ожидает её, делая всякое добро всем людям и терпеливо перенося зло. Всякий, кто достиг хотя бы этого, не может укрыться, как и «город, стоящий на вершине горы». Почему же видящие их «добрые дела» не «прославляют Отца их Небесного»? Какое у них оправдание, чтобы не идти по их стопам, не подражать их примеру и не следовать им, как они следуют Христу? Вот они и осуждают тех, кому должны бы подражать, чтобы доставить себе оправдание. Они тратят время на отыскивание недостатков ближнего вместо исправления собственных. Они так заняты чужими уклонениями с пути, что сами вовсе не вступают на него, или по крайней мере никогда не идут вперёд, никогда не выходят за пределы жалкого мёртвого вида благочестия без его силы.

[12] 7. Именно к ним Господь наш прежде всего обращает слова: «Почему ты смотришь на сучок в глазу брата твоего» — на немощи, ошибки, неблагоразумие, слабости детей Божиих, — «а бревна в собственном глазу не замечаешь?» Ты не замечаешь в себе достойной осуждения нераскаянности, сатанинской гордости, проклятого своеволия, идолопоклоннической любви к миру, которые делают всю твою жизнь мерзостью пред Господом. Прежде всего, с какой беспечной небрежностью и равнодушием ты пляшешь над устьем ада! И «как же», с каким правом, с каким приличием или скромностью, «скажешь брату твоему: дай я выну сучок из глаза твоего» — избыток ревности о Боге, крайность самоотречения, слишком большое отрешение от мирских забот и занятий, желание день и ночь пребывать в молитве или слушать слова вечной жизни? «А вот, в твоём глазу бревно!» Не сучок, подобный одному из этих.

«Лицемер!» Ты притворяешься заботящимся о других, а о собственной душе не заботишься; показываешь вид ревности о Божием деле, тогда как в действительности ни любишь Его, ни боишься! «Вынь прежде бревно из своего глаза». Вынь бревно нераскаянности! Познай себя! Увидь и почувствуй, что ты грешник! Почувствуй, что внутренность твоя — само нечестие, что ты весь испорчен и мерзок и что гнев Божий пребывает на тебе! Вынь бревно гордости; возгнушайся собой, склонись словно в прах и пепел, становись всё меньше, ничтожнее, ниже и презреннее в собственных глазах! Вынь бревно своеволия! Узнай, что значит: «Если кто хочет идти за Мною, пусть отречётся от себя». Отвергни себя и ежедневно бери свой крест. Пусть вся душа твоя воскликнет: «Я сошёл с небес», — ибо именно так, бессмертный дух, ты и сошёл, знаешь ты это или нет, — «не для того, чтобы творить Мою волю, но волю Пославшего Меня». Вынь бревно любви к миру! Не люби мира, ни того, что в мире. Будь распят для мира, и мир — для тебя. Миром лишь *пользуйся,* а Богом *наслаждайся.* Ищи в Нём всё своё счастье! Прежде всего вынь огромное бревно — эту беспечную небрежность и равнодушие! Глубоко задумайся, что «одно только нужно», то одно, о чём ты едва когда-либо думал. Познай и почувствуй, что ты бедный, низкий, виновный червь, дрожащий над великой пропастью! Что ты? Грешник, рождённый умереть; лист, гонимый ветром; пар, готовый исчезнуть, только явившийся и уже рассеивающийся в воздухе, чтобы больше не быть видимым! Увидь это! «И тогда ясно увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего». Тогда, если у тебя останется досуг от попечения о собственной душе, ты будешь знать, как исправлять и брата.

13 8. Но каков собственно смысл этих слов: «Не судите»? Что это за осуждение, которое здесь запрещено? Оно не то же самое, что злословие, хотя часто с ним соединяется. Злословие — это рассказ о чём-либо дурном, касающемся отсутствующего человека, тогда как осуждение может одинаково относиться и к отсутствующему, и к присутствующему. Оно даже не обязательно предполагает слова, а лишь дурные мысли о другом. Не всякая, однако, дурная мысль о других есть то осуждение, которое порицает Господь. Если я вижу, как человек совершает грабёж или убийство, или слышу, как он хулит имя Божие, я не могу удержаться от дурного мнения о грабителе или убийце. Но это не злое осуждение: в этом нет греха и нет ничего противного нежной любви.

14 9. Мыслить о другом так, что это противоречит любви, — вот осуждение, которое здесь порицается; и оно бывает разных видов. Во-первых, мы можем считать другого виновным, когда он невиновен. Мы можем вменять ему, хотя бы в собственных мыслях, то, в чём он не виноват: слова, которых он никогда не говорил, или поступки, которых никогда не совершал. Или можем считать его образ действий неправильным, хотя на деле он таким не был. И даже там, где нельзя справедливо обвинить ни само дело, ни способ его совершения, мы можем предположить, что намерение его было недобрым, и осудить его на этом основании, тогда как Испытующий сердца видит его простоту и благочестивую искренность.

15 10. Но мы можем впасть в грех осуждения не только осуждая невинного, но и, во-вторых, осуждая виновного сильнее, чем он заслуживает. Этот вид осуждения также преступает и справедливость, и милосердие; и всё же это такое преступление, от которого ничто не может оградить

нас, кроме самой сильной и нежной любви. Без неё мы легко предполагаем, что человек, чья вина признана, виновен больше, чем на самом деле. Мы недооцениваем всё доброе, что в нём находится. Более того, нас нелегко убедить, что в человеке, в котором мы обнаружили что-либо дурное, может оставаться что-либо доброе.

[16] 11. Всё это обнаруживает явный недостаток той любви, которая ou logizetai kakon, *не мыслит зла,* никогда не выводит несправедливого или недоброго заключения ни из каких предпосылок. Любовь не заключит из того, что человек однажды впал в явный грех, будто он привык так поступать, будто постоянно в нём виновен. И если он некогда постоянно был виновен, любовь не заключит, что он таков и теперь; тем менее — что если он ныне виновен в этом, то виновен и в других грехах. Все эти дурные умозаключения относятся к тому греховному осуждению, от которого Господь наш здесь предостерегает и которого нам чрезвычайно важно избегать, если мы любим Бога или собственные души.

[17] 12. Но предположим, что мы не осуждаем невинных и не осуждаем виновных больше, чем они заслуживают; всё же мы можем ещё не вполне освободиться от этой сети. Ибо есть третий вид греховного осуждения: осуждать кого-либо при недостаточности доказательств. И пусть предполагаемые нами факты совершенно истинны — это нас не оправдывает. Ибо их следовало не предполагать, а доказать; и пока они не были доказаны, нам не следовало составлять никакого суждения. Говорю: пока не были доказаны; ибо нас не оправдывает и то, что факты допускают сколь угодно убедительное доказательство, если оно не представлено до вынесения приговора и не сопоставлено с доказательствами другой стороны. Не

можем мы быть оправданы и тогда, когда выносим окончательный приговор прежде, чем обвиняемый выскажется в свою защиту. Даже иудей мог бы научить нас этому как простому уроку справедливости, независимо от милосердия и братской любви. «Судит ли закон наш человека, — говорит Никодим, — если прежде не выслушают его и не узнают, что он делает?» (Иоанна 7:51). Да и язычник мог ответить, когда начальники иудейского народа просили осуждения его узника: «У римлян нет обыкновения судить какого-либо человека, прежде чем обвиняемый встретится лицом к лицу с обвинителями и получит возможность защищаться против предъявленного обвинения».

18 13. Поистине, нам было бы нелегко впасть в греховное осуждение, если бы мы соблюдали правило, которое другой из этих языческих римлян [Сенека], называет мерой собственного поведения. «Я настолько далёк, — говорит он, — от легковерного принятия свидетельства всякого или какого-либо человека против другого, что даже свидетельству человека против самого себя верю не легко и не сразу. Я всегда даю ему возможность передумать, а нередко и посоветоваться». Иди, называющийся христианином, и поступай так же, чтобы язычник не восстал и не осудил тебя в тот день! [25]

19 14. Но как редко мы стали бы осуждать или судить друг друга, или по крайней мере как скоро исправлялось бы это зло, если бы мы следовали ясному и прямому правилу, которому научил нас Сам Господь! «Если согрешит против тебя брат твой», или если ты услышишь или поверишь, что он согрешил, «пойди и укажи ему его вину между тобою и им одним». Вот первый шаг, который ты должен сделать. «Если же не послушает, возьми с собою

ещё одного или двух, чтобы устами двух или трёх свидетелей подтвердилось всякое слово». Вот второй шаг. «Если пренебрежёт и ими, скажи церкви» — либо её предстоятелям, либо всему собранию. Тогда ты исполнил свой долг. Более не думай об этом, но всё предай Богу.

[20] 15. Но предположим, что по благодати Божией ты «вынул бревно из своего глаза» и теперь «ясно видишь сучок или бревно в глазу брата». Всё же берегись, чтобы, стараясь помочь ему, самому не потерпеть вреда. По-прежнему «не давай святыни псам». Не причисляй к ним никого легкомысленно; но если явно обнаружится, что люди заслуживают этого названия, тогда «не бросайте жемчуга вашего перед свиньями». Берегитесь ревности не по рассуждению. Ибо это ещё одно великое препятствие на пути тех, кто желает быть «совершенным, как совершенен их Небесный Отец». Желающие этого не могут не желать, чтобы всё человечество приобщилось к общему благословению. И когда мы сами впервые приобщаемся к небесному дару, божественной «уверенности в невидимом», мы удивляемся, что все люди не видят того, что мы видим так ясно, и ничуть не сомневаемся, что откроем глаза всем, с кем общаемся. Оттого мы готовы без промедления приступать ко всякому встречному и принуждать его увидеть, хочет он или нет. А из-за неуспеха этой неумеренной ревности мы часто терпим ущерб в собственных душах. Чтобы предупредить это напрасное расточение сил, Господь прибавляет необходимое предостережение — необходимое всем, но особенно тем, кто ныне горяч в первой любви: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас».

21 16. «Не давайте святыни псам». Берегитесь думать, что кто-либо заслуживает этого наименования, пока не будет полного и неоспоримого доказательства, которому вы уже не можете противиться. Но когда ясно и несомненно доказано, что это нечестивые и злые люди, не только чуждые, но и враждебные Богу, всякой праведности и истинной святости, — не давайте им «святыни», to hagion, «святого предмета», называемого так по преимуществу. Святые, особые учения Евангелия, которые некогда «были сокрыты от веков и родов», а теперь открываются нам лишь через откровение Иисуса Христа и вдохновение Его Святого Духа, не следует отдавать на поругание этим людям, не знающим даже, есть ли Дух Святой. Не то чтобы посланники Христовы могли удержаться от возвещения их в великом собрании, где, вероятно, могут находиться некоторые из таких людей: мы должны говорить, будут люди слушать или откажутся. Но с частными христианами дело обстоит иначе. Они не облечены этим грозным званием и нисколько не обязаны навязывать великие и славные истины тем, кто противоречит и богохульствует, кто питает к ним укоренившуюся вражду. Более того, им не следует так поступать; лучше вести их по мере того, что они способны вместить. Не начинайте с ними беседы об отпущении грехов и даре Святого Духа; говорите с ними на их языке и исходя из их собственных начал. С рассудительным, почтенным и несправедливым эпикурейцем рассуждайте «о праведности, воздержании и будущем суде». Это самый верный путь заставить Феликса вострепетать. Более высокие предметы оставляйте для людей, достигших большего.

22 17. «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями». Будьте крайне неохотны произносить такой суд над

человеком. Но если дело ясно и неоспоримо, если оно несомненно очевидно, если свиньи не стараются скрыть себя, а, напротив, хвалятся своим срамом, не притворяются чистыми ни сердцем, ни жизнью, но с ненасытностью предаются всякой нечистоте, — тогда не бросайте перед ними вашего жемчуга. Не говорите им о тайнах Царства, о том, чего не видел глаз и не слышало ухо и что, следовательно, не может прийти им на сердце для постижения, поскольку у них нет иных путей познания, нет духовных чувств. Не рассказывайте им о «великих и драгоценных обетованиях», которые Бог дал нам в Сыне Своей любви. Какое представление о причастии божественной природе могут иметь те, кто даже не желает удалиться от господствующего в мире растления похотью? Насколько свиньи знают жемчуг и насколько он им по вкусу, настолько знают тайны Евангелия и находят вкус в глубинах Божиих погружённые в грязь этого мира, в мирские удовольствия, желания и заботы. О, не бросайте перед ними этого жемчуга, «чтобы они не попрали его ногами», чтобы не стали совершенно презирать то, чего не могут понять, и злословить то, чего не знают. Более того, вероятно, это было бы не единственным последствием. Не было бы удивительно, если бы они, по своей природе, «обратились и растерзали вас», если бы воздавали вам злом за добро, проклятием за благословение, ненавистью за ваше доброжелательство. Такова вражда плотского ума против Бога и всего Божия. Такого обращения и следует ожидать от них, если вы нанесёте им непростительное оскорбление, стараясь спасти их души от смерти, выхватить их, как головни, из огня.

[23] 18. И всё же вам не следует совершенно отчаиваться даже в тех, кто пока «обращается и терзает вас». Ибо

если все доводы и убеждения не действуют, остаётся ещё одно средство, которое часто оказывается действенным, когда никакой иной способ не помогает: молитва. Поэтому чего бы вы ни желали, в чём бы ни нуждались для других или для собственной души, «просите, и дано будет вам; ищите, и найдёте; стучите, и отворят вам». Пренебрежение этим — третье великое препятствие к святости. Мы всё ещё «не имеем, потому что не просим». О, какими кроткими и мягкими, какими смиренными сердцем, исполненными любви к Богу и людям вы могли бы быть сегодня, если бы только просили, если бы пребывали в усердной молитве! Поэтому хотя бы теперь «просите, и дано будет вам». Просите, чтобы вам вполне испытать и совершенно осуществить всё то благочестие, которое Господь наш здесь так прекрасно описал. Тогда вам будет дано быть святыми, как Он свят, и сердцем, и во всех поступках. Ищите установленным Им путём: исследуя Писания, слушая Его слово, размышляя о нём, постясь, приобщаясь Вечери Господней, — и непременно найдёте. Найдёте ту драгоценную жемчужину, ту веру, которая побеждает мир, тот мир, которого мир не может дать, ту любовь, которая служит залогом вашего наследия. Стучите; пребывайте в молитве и во всяком другом пути Господнем. Не уставайте и не ослабевайте душой. Стремитесь к цели, не принимайте отказа, не отпускайте Его, пока Он не благословит вас. И дверь милости, святости, неба отворится вам.

[24] 19. Из сострадания к жестокости наших сердец, столь неготовых верить в Божию благость, Господу угодно подробнее остановиться на этом и повторить и подтвердить сказанное. «Ибо всякий, — говорит Он, — просящий получает», так что никто не должен остаться без благословения; «и ищущий», всякий ищущий,

«находит» любовь и образ Божий; «и стучащему», всякому стучащему, отворятся врата праведности. Поэтому здесь никому нет места для уныния, словно можно просить, искать или стучать напрасно. Только помните: всегда молиться, искать, стучать и не унывать. Тогда обетование непоколебимо. Оно прочно, как столпы неба, даже прочнее: ибо небо и земля прейдут, а слово Его не прейдёт.

25 20. Чтобы отсечь всякий предлог для неверия, наш благословенный Господь в следующих стихах ещё яснее поясняет сказанное, обращаясь к происходящему в нашей собственной груди. «Есть ли, — говорит Он, — между вами такой человек, который, когда сын попросит у него хлеба, подал бы ему камень?» Разве даже естественная любовь позволит вам отказать в разумной просьбе любимому? «Или, когда попросит рыбы, подаст ли ему змею?» Даст ли ему вредное вместо полезного? Поэтому уже из собственных чувств и поступков вы можете получить полнейшую уверенность, с одной стороны, в том, что ваша просьба не может повлечь дурного последствия, а с другой — в том, что она повлечёт благое: полное восполнение всех ваших нужд. Ибо «если вы, будучи злы, умеете давать детям вашим добрые дары, тем более Отец ваш Небесный», Который есть чистая, несмешанная, сущностная благость, «даст блага просящим у Него!» Или, как Он выражается в другом случае, «даст Духа Святого просящим у Него». В Нём заключены все блага: всякая мудрость, мир, радость, любовь, все сокровища святости и счастья, всё, что Бог приготовил любящим Его.

26 21. Но чтобы ваша молитва имела полную силу пред Богом, смотрите, пребываете ли вы в любви ко всем людям; иначе она скорее навлечёт на вашу голову

проклятие, чем благословение. И вы не можете ожидать какого-либо благословения от Бога, пока не имеете любви к ближнему. Поэтому без промедления устраните это препятствие. Утвердите вашу любовь друг к другу и ко всем людям. Любите их не только словом, но делом и истиной. «Поэтому во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки».

[27] 22. Вот тот царский закон, то золотое правило и милосердия, и справедливости, которое даже языческий император приказал начертать над воротами своего дворца; правило, которое, по убеждению многих, от природы начертано в уме всякого человека, приходящего в мир. И несомненно по крайней мере то, что, едва услышав его, совесть и разум каждого признают его правоту, так что никто не может сознательно нарушить его, не неся осуждения в собственной груди.

[28] 23. «В этом закон и пророки». Всё написанное в том законе, который Бог издревле открыл человечеству, и все наставления, данные Богом через Его святых пророков, «бывших от начала мира», — всё сводится к этим немногим словам, всё заключается в этом кратком наставлении. И оно, правильно понятое, охватывает всё благочестие, которое Господь наш пришёл установить на земле.

[29] 24. Его можно понимать как в положительном, так и в отрицательном смысле. В отрицательном смысле оно значит: «Чего вы не хотите, чтобы люди делали вам, того не делайте им». Вот ясное правило, всегда готовое к употреблению, всегда легко применимое. Во всех делах, касающихся ближнего, поставьте себя на его место. Представьте, что обстоятельства переменились и вы

оказались в точности в его нынешнем положении. И тогда берегитесь потворствовать такому расположению или мысли, произнести такое слово, сделать такой шаг, которые вы осудили бы в нём при подобной перемене обстоятельств. В прямом и положительном смысле ясное значение этого правила таково: «Чего вы могли бы разумно желать от него, представляя себя в его обстоятельствах, то, до предела ваших сил, делайте всякому человеку».

[30] 25. Применим это к одному или двум очевидным примерам. Совести каждого ясно: мы не желаем, чтобы другие судили нас, без основания или легкомысленно думали о нас дурно; тем менее желаем, чтобы кто-либо злословил нас, разглашал наши действительные недостатки или немощи. Приложи это к себе. Не делай другому того, чего не хочешь от него для себя, — и ты больше никогда не станешь судить ближнего, никогда не станешь без основания или легкомысленно дурно думать о ком-либо; тем менее будешь злословить. Ты никогда не упомянешь даже действительного недостатка отсутствующего человека, кроме той меры, в которой убеждён в совершенной необходимости этого для блага других душ.

[31] 26. Далее, мы желаем, чтобы все люди любили и уважали нас и поступали с нами по справедливости, милосердию и истине. И мы вправе разумно желать, чтобы они делали нам всё добро, какое могут, не причиняя себе вреда; более того, чтобы во внешних вещах, по известному правилу, их излишества уступали нашим удобствам, их удобства — нашим необходимым потребностям, а их необходимые потребности — нашей крайней нужде. Будем же и мы следовать тому же

правилу, поступать со всеми так, как желаем, чтобы поступали с нами. Будем любить и почитать всех людей. Пусть справедливость, милосердие и истина управляют всеми нашими помышлениями и действиями. Пусть наши излишества уступают удобствам ближнего, — и у кого тогда останутся излишества? — наши удобства — необходимым потребностям ближнего, а наши необходимые потребности — его крайней нужде.

[32] 27. Это чистая и подлинная нравственность. Поступай так — и будешь жить. «Тем, которые поступают по сему правилу, мир и милость», ибо они — «Израиль Божий». Но следует заметить: никто не может поступать по этому правилу, и никто никогда не поступал от начала мира, никто не может любить ближнего, как самого себя, если прежде не любит Бога. А никто не может любить Бога, если не верует во Христа, если не имеет искупления Его кровью и Духа Божия, свидетельствующего его духу, что он — чадо Божие. Поэтому вера остаётся корнем всего, спасения и нынешнего, и будущего. Мы по-прежнему должны говорить каждому грешнику: «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься». Ты спасёшься теперь, чтобы спастись навеки; спасёшься на земле, чтобы спастись на небе. Веруй в Него, и твоя вера будет действовать любовью. Ты возлюбишь Господа Бога твоего, потому что Он возлюбил тебя; возлюбишь ближнего, как самого себя. И тогда твоей славой и радостью будет проявлять и умножать эту любовь: не только воздерживаться от противного ей, от всякой недоброй мысли, слова и дела, но и оказывать каждому человеку всю ту доброту, какой ты желал бы от него для себя.

О Нагорной проповеди нашего Господа

[1] Беседа 11

[2] «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие входят ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его». [26]

[3] Матфея 7:13, 14.

[4] 1. Господь наш, предостерёгши нас от опасностей, легко окружающих нас при первом вступлении в истинное благочестие, от препятствий, естественно возникающих изнутри, от испорченности собственных сердец, теперь переходит к предупреждению о препятствиях извне, особенно о дурном примере и дурном совете. Из-за того или другого тысячи, некогда хорошо бежавшие, отступили к погибели; да, многие из тех, кто уже не был новичком в благочестии и достиг некоторого успеха в праведности. Поэтому Своё предостережение против них Он внушает нам со всей возможной настойчивостью и повторяет снова и снова, в разных выражениях, чтобы мы никак его не упустили. Так, чтобы действенно оградить нас от первого, Он говорит: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие входят ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его». Чтобы уберечь от второго, Он говорит: «Берегитесь лжепророков». Сейчас мы рассмотрим только первое.

[5] 2. «Входите, — говорит наш благословенный Господь, — тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие входят ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его».

[6] 3. В этих словах мы можем заметить, во-первых, неотъемлемые свойства пути в ад: «Широки врата, пространен путь, ведущий в погибель, и многие входят ими»; во-вторых, неотъемлемые свойства пути на небо: «Тесны те врата, и немногие находят их»; в-третьих, основанное на этом серьёзное увещание: «Входите тесными вратами».

[7] I. 1. Во-первых, мы можем заметить неотъемлемые свойства пути в ад: «Широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие входят ими».

[8] 2. Поистине широки врата и пространен путь, ведущий в погибель! Ибо грех — врата ада, а нечестие — путь к погибели. И как широки врата греха! Как пространен путь нечестия! «Заповедь» Божия «безмерно обширна», ибо простирается не только на все наши действия, но и на каждое слово, исходящее из уст, даже на каждую мысль, возникающую в сердце. И грех столь же обширен, как заповедь, поскольку любое нарушение заповеди есть грех. Более того, он в тысячу раз обширнее: ведь существует лишь один способ соблюсти заповедь, ибо мы не соблюдаем её должным образом, если неправы само совершённое дело, способ его совершения или какое-либо иное обстоятельство. Но каждую заповедь можно нарушить тысячью способов, так что эти врата действительно широки.

9 3. Рассмотрим это несколько подробнее. Как широко простираются те грехи-прародители, от которых происходят все остальные: плотской ум, который есть вражда против Бога, гордость сердца, своеволие и любовь к миру! Можем ли мы положить им какие-либо границы? Разве они не распространяются по всем нашим мыслям и не примешиваются ко всем нашим расположениям? Разве они не та закваска, которая в большей или меньшей мере заквашивает всю массу наших чувств? Не можем ли мы при внимательном и честном исследовании себя заметить, как эти горькие корни непрестанно прорастают, заражая все наши слова и оскверняя все наши дела? И какое бесчисленное потомство они производят в каждом веке и народе — достаточное, чтобы покрыть всю землю тьмой и жилищами жестокости!

10 4. О, кто способен перечислить их проклятые плоды, сосчитать все грехи против Бога или ближнего — не те, какие могло бы нарисовать воображение, а те, которые становятся предметом ежедневного печального опыта? И для этого не нужно обходить всю землю. Обозрите одно царство, одну страну, один большой или малый город — как обилен этот урожай! И пусть это будет не одно из мест, ещё покрытых магометанской или языческой тьмой, но одно из тех, где призывают имя Христово, где утверждают, что видят свет Его славного Евангелия. Не ходите дальше царства, к которому мы принадлежим, города, где сейчас находимся. Мы называем себя христианами, притом самого чистого вида: мы — протестанты, реформированные христиане! Но увы! Кто перенесёт реформацию наших мнений в наши сердца и жизнь? Разве нет для этого причины? Ибо как бесчисленны наши грехи, и самые чёрные! Разве изо дня в день не изобилуют среди нас грубейшие мерзости

всякого рода? Разве всевозможные грехи не покрывают землю, как воды покрывают море? Кто может сосчитать их? Лучше пойди и сосчитай капли дождя или песок на морском берегу. Так «широки врата», так «пространен путь, ведущий в погибель»!

11 5. «И многие входят» этими вратами, многие идут этим путём, почти столько же, сколько входит в ворота смерти, сколько сходит в чертоги могилы. Ибо нельзя отрицать, хотя признать это можно лишь со стыдом и сердечной скорбью, что даже в этой так называемой христианской стране большинство людей всякого возраста и пола, всякого звания и занятия, всякого положения и степени, высокие и низкие, богатые и бедные, идут путём погибели. Гораздо большая часть жителей этого города доныне живёт во грехе, в каком-либо явном, привычном, сознательном преступлении закона, который, по их утверждению, они соблюдают; да, в каком-либо внешнем преступлении, грубом, видимом виде нечестия или неправды, открытом нарушении долга перед Богом или человеком. Никто не может отрицать, что все они находятся на пути, ведущем в погибель. Прибавьте к ним тех, кто имеет имя, будто жив, но ещё никогда не был жив для Бога; тех, кто внешне кажется людям прекрасным, а внутри исполнен всякой нечистоты: гордости или тщеславия, гнева или мстительности, честолюбия или корыстолюбия; самолюбцев, любящих мир, сластолюбивых более, нежели боголюбивых. Они действительно могут быть высоко чтимы у людей, но они — мерзость пред Господом. И как сильно эти святые мира увеличат число детей геенны! Да, прибавьте всех, каковы бы они ни были в иных отношениях, имеют ли больше или меньше вида благочестия, кто, «не разумея праведности Божией и стараясь поставить собственную праведность»

основанием примирения с Богом и принятия Им, вследствие этого не «покорился праведности от Бога» по вере. Если соединить всё это, как страшно истинны слова Господа нашего: «Широки врата и пространен путь, ведущий в погибель, и многие входят ими»!

[12] 6. И это касается не одной лишь простой толпы, бедной, низкой, неразумной части человечества. Люди выдающиеся в мире, имеющие много полей и пар волов, не желают просить себе освобождения от этого. Напротив, «многие мудрые по плоти», по человеческим способам суждения, «многие сильные» властью, мужеством, богатством, многие «благородные призваны» — призваны на широкий путь миром, плотью и дьяволом, и они не противятся этому призванию. Да, чем выше поднимаются они богатством и властью, тем глубже погружаются в нечестие. Чем больше благословений получили от Бога, тем больше грехов совершают, употребляя почести или богатство, учёность или мудрость не как средства совершать своё спасение, а скорее для преуспеяния в пороке и тем самым для обеспечения собственной погибели!

[13] II. 1. И именно потому многие из них так беспечно продолжают идти широким путём, что он широк, не помышляя о том, что это неотъемлемое свойство пути к погибели. «Многие, — говорит Господь наш, — входят ими» по той самой причине, по которой следовало бы бежать от них: именно «потому что тесны врата и узок путь, ведущий в жизнь, и немногие находят его».

[14] 2. Это неотъемлемое свойство пути на небо. Так узок путь, ведущий в жизнь, в жизнь вечную, так тесны врата, что ничто нечистое, ничто несвятое не может войти. Ни один грешник не может пройти этими вратами, пока не

спасён от всех своих грехов. Не только от внешних грехов, от дурного «образа жизни, преданного ему от отцов». Недостаточно того, что он «перестал делать зло» и «научился делать добро». Он должен не только спастись от всех греховных действий, от всякой злой и бесполезной речи, но и внутренне измениться, всецело обновиться духом своего ума. Иначе он не может пройти вратами жизни, не может войти в славу.

15 3. Ибо «узок путь, ведущий в жизнь», путь всецелой святости. Поистине узок путь нищеты духа, путь святого плача, путь кротости и путь алкания и жажды праведности. Узок путь милосердия, нелицемерной любви, путь чистоты сердца, благотворения всем людям и радостного перенесения зла, всякого зла ради праведности.

16 4. «И немногие находят его». Увы! Как немногие находят даже путь языческой честности! Как мало тех, кто не делает другому ничего такого, чего не желал бы себе от другого! Как мало тех, кто чист пред Богом от поступков несправедливых или недобрых! Как мало тех, кто не «согрешает языком», не говорит ничего недоброго, ничего ложного! Какая малая доля человечества невинна даже во внешних преступлениях! И насколько меньше доля тех, чьи сердца правы пред Богом, чисты и святы в Его очах! Где те, кого Его всепроницающий взор видит истинно смиренными, гнушающимися собою в прахе и пепле пред Богом, своим Спасителем; глубоко и постоянно серьёзными, чувствующими свои нужды и «со страхом проводящими время странствования»; истинно кроткими и мягкими, никогда не «побеждаемыми злом, но побеждающими зло добром»; всецело жаждущими Бога и непрестанно томящимися желанием обновления

по Его подобию? Как редко рассеяны по земле люди, чьи души расширились любовью ко всему человечеству, которые любят Бога всей силой, отдали Ему сердца и не желают ничего иного ни на земле, ни на небе! Как мало этих любящих Бога и человека, отдающих все силы на добро всем людям и готовых перенести всё, даже саму смерть, чтобы спасти одну душу от вечной смерти!

17 5. Но поскольку так мало людей находится на пути жизни и так много — на пути погибели, велика опасность, что поток примера унесёт нас вместе с ними. Даже один пример, если он постоянно перед глазами, способен сильно подействовать на нас, особенно когда на его стороне природа, когда он совпадает с нашими собственными склонностями. Как велика же должна быть сила столь многочисленных примеров, непрестанно стоящих перед глазами и всех сообща, вместе с нашими сердцами, увлекающих нас вниз по течению природы! Как трудно противостоять этому потоку и сохранить себя «неосквернёнными от мира»!

18 6. Ещё более увеличивает трудность то, что пример нам подают, толпятся на нисходящем пути не грубые и неразумные люди, по крайней мере не они одни, но учтивые, воспитанные, благородные, мудрые, знающие свет, сведущие, обладающие глубокой и разносторонней учёностью, рассудительные, красноречивые! Все они или почти все — против нас. И как нам устоять против них? Разве их языки не источают манну, разве они не изучили все искусства мягкого убеждения? И рассуждения тоже, ибо они искушены во всех спорах и словопрениях. Поэтому им ничего не стоит доказать, что путь *правилен,* потому что *широк;* что идущий за большинством не может делать зла, а делает его лишь тот, кто не хочет за ними

следовать; что ваш путь должен быть *неправильным,* потому что он *узок* и потому что так мало людей находит его. Они с ясностью доказательства установят, что зло есть добро, а добро есть зло, что путь святости — путь погибели, а путь мира — единственный путь на небо.

[19] 7. О, как людям неучёным и несведущим отстоять своё дело против таких противников! Однако это ещё не все, с кем им приходится бороться, как бы ни превышала задача их силы. Ибо на пути, ведущем в погибель, находятся не только мудрые, но и многие сильные, знатные и властные люди; а у них есть более короткий способ опровержения, чем разум и доводы. Они обычно обращаются не к разумению, а к страхам противников: этот способ редко не достигает успеха, даже когда доводы бесполезны, поскольку он доступен способностям всех людей, ведь бояться умеют все, умеют ли рассуждать или нет. И все, у кого нет твёрдого упования на Бога, надёжной опоры на Его силу и любовь, неизбежно боятся вызвать хоть какое-то неудовольствие тех, в чьих руках власть мира. Что же удивительного, если пример таких людей становится законом для всех, кто не знает Бога?

[20] 8. На широком пути также много богатых. Они обращаются к надеждам людей и ко всем их безрассудным желаниям столь же сильно и действенно, как сильные и знатные — к страхам. Поэтому едва ли ты сможешь удержаться на пути Царства, если не умер для всего земного, если не распят для мира и мир — для тебя, если не желаешь ничего, кроме Бога.

[21] 9. Ибо как мрачен, как нерадостен, как непривлекателен вид на противоположной стороне! Тесные врата! Узкий путь! И мало находящих эти врата! Мало идущих этим путём! Кроме того, даже эти немногие

— не мудрецы, не люди учёные или красноречивые. Они не способны рассуждать ни убедительно, ни ясно, не могут представить довод выгодным образом. Они не умеют доказать то, во что, по их словам, веруют, или объяснить даже то, что, как утверждают, переживают на опыте. Конечно, такие защитники никогда не привлекут к избранному ими делу, а скорее навлекут на него недоверие.

22 10. Прибавьте к этому, что они не знатные, не почтенные люди: если бы были такими, вы могли бы терпеть их безумие. У них нет ни влияния, ни власти, ни веса в мире. Они ничтожны и незнатны, низки по положению и, даже если бы захотели, не имеют силы повредить вам. Поэтому от них совершенно нечего бояться и совершенно нечего надеяться получить: ведь большинство может сказать: «Серебра и золота нет у меня», — или есть по крайней мере весьма скромная доля. Более того, у некоторых едва есть пища, чтобы есть, и одежда, чтобы одеться. По этой причине, а также потому, что их пути не похожи на пути других людей, против них повсюду говорят, их презирают, отвергают их имя как злое, всячески преследуют и обращаются с ними как с сором и отбросами мира. Поэтому ваши страхи, надежды и все желания, кроме полученных непосредственно от Бога, да, все ваши природные страсти непрестанно склоняют вас возвратиться на широкий путь.

23 III. 1. Потому Господь наш так настойчиво увещевает: «Входите тесными вратами». Или, как то же увещание выражено в другом месте: «Подвизайтесь войти», Agonizesthe eiselthein, подвизайтесь словно в мучительной борьбе. Ибо многие, говорит Господь, станут искать, как войти, будут стараться вяло «и не смогут».

[24] 2. Правда, в словах, непосредственно следующих за этим, Он указывает на то, что может показаться иной причиной их неспособности войти. Ибо, сказав: «Многие, говорю вам, станут искать, как войти, и не смогут», Он прибавляет: «Когда хозяин дома встанет и затворит дверь, и вы начнёте стоять снаружи», arxesthe exo estanai, вернее, *вы будете стоять снаружи,* ибо arxesthe, по-видимому, служит лишь изящным добавочным оборотом, — «и стучать в дверь, говоря: Господи! Господи! отвори нам, — Он скажет вам в ответ: не знаю вас; отойдите от Меня, все делающие неправду» (Луки 13:24).

[25] 3. При беглом взгляде на эти слова может показаться, что причиной их неспособности войти было промедление с самими поисками, а не способ, каким они искали. Но по существу это одно и то же. Им велено было отойти, потому что они были «делающими неправду», потому что шли широкой дорогой, иными словами, потому что не подвизались мучительно, чтобы «войти тесными вратами». Вероятно, они *искали* прежде, чем дверь затворилась, но этого было недостаточно; и они *подвизались* после того, как дверь затворилась, но тогда было уже поздно.

[26] 4. Поэтому подвизайтесь теперь, в этот ваш день, «войти тесными вратами». Для этого утвердите в сердце и всегда держите прежде всего в мыслях: если вы на широком пути, то на пути, ведущем в погибель. Если с вами идут многие, то, как истинен Бог, и они, и вы идёте в ад! Если вы идёте так, как идёт большинство людей, вы идёте в бездонную пропасть! Идут ли с вами по той же дороге многие мудрые, многие богатые, многие сильные или знатные? По одному этому признаку, не идя дальше, вы знаете, что она не ведёт к жизни. Вот краткое, ясное,

безошибочное правило, прежде чем входить в подробности. Каково бы ни было ваше занятие, вы должны отличаться от других или быть осуждёнными! В пути в ад нет ничего необычного; путь же на небо весь состоит в отличии от других. Если вы сделаете хоть один шаг к Богу, вы уже не таковы, как прочие люди. Но не обращайте на это внимания. Гораздо лучше стоять одному, чем упасть в пропасть. Поэтому с терпением беги предлежащее тебе поприще, хотя спутников на нём немного. Так будет не всегда. Ещё немного, и ты «приступишь к бесчисленному сонму ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев и к духам праведников, достигших совершенства».

27 5. Итак, теперь «подвизайтесь войти тесными вратами», проникнувшись глубочайшим сознанием невыразимой опасности, в которой находится ваша душа, пока вы идёте широким путём, пока лишены нищеты духа и всего того внутреннего благочестия, которое большинство, богатые и мудрые почитают безумием. «Подвизайтесь войти», пронзённые скорбью и стыдом за то, что так долго бежали с бездумной толпой, совершенно пренебрегая, если не презирая, той «святостью, без которой никто не увидит Господа». Подвизайтесь, словно в мучении святого страха, чтобы, «имея обетование войти в Его покой», в тот «покой, который остаётся народу Божию», вы всё же «не опоздали». Подвизайтесь со всем жаром желания, «воздыханиями неизреченными». Подвизайтесь непрестанной молитвой, во всякое время, во всяком месте вознося сердце к Богу и не давая Ему покоя, пока не «пробудитесь в Его подобии» и не «насытитесь им».

[28] 6. В заключение: «подвизайся войти тесными вратами» не только этим мучительным усилием души, обличением, скорбью, стыдом, желанием, страхом и непрестанной молитвой, но и правильным устроением своей жизни, шествием всеми силами по всем путям Божиим, по пути невинности, благочестия и милосердия. Удаляйся от всякого вида зла; делай всем людям всякое возможное добро; во всём отвергай себя, собственную волю и ежедневно бери свой крест. Будь готов отсечь правую руку, вырвать правый глаз и бросить его от себя, потерять имущество, друзей, здоровье, всё земное, лишь бы войти в Царство Небесное!

О Нагорной проповеди нашего Господа

[1] Беседа 12

[2] «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое доброе дерево приносит добрые плоды, а худое дерево приносит худые плоды. Доброе дерево не может приносить худых плодов, ни худое дерево — добрых плодов. Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь. Итак, по плодам их узнаете их».

[3] Матфея 7:15–20.

[4] 1. Едва возможно выразить или представить, какое множество душ устремляется к погибели, потому что не желает поддаться убеждению идти *узким* путём, хотя бы он и был путём вечного спасения. И то же мы по-прежнему можем наблюдать ежедневно. Таковы глупость и безумие человечества, что тысячи людей всё ещё устремляются по пути в ад лишь потому, что это *широкий* путь. Они сами идут им, потому что идут другие; поскольку многие погибают, они желают увеличить их число. Таково поразительное влияние примера на слабых, несчастных сынов человеческих! Он непрестанно заселяет области смерти и погружает бесчисленные души в вечную погибель!

5 2. Чтобы предупредить об этом людей, чтобы оградить как можно большее число от этой распространяющейся заразы, Бог повелел Своим стражам громко взывать и показывать народу опасность, в которой он находится. Ради этого Он посылал Своих служителей, пророков, в сменявшихся поколениях, чтобы указывать узкую тропу и увещевать всех людей не сообразоваться с миром сим. Но что, если сами стражи попадутся в сеть, от которой должны предостерегать других? Что, если «пророки пророчествуют обман», если «заставляют народ уклоняться с пути»? Что делать, если они указывают как путь вечной жизни то, что на самом деле есть путь вечной смерти, и увещевают других идти, как идут сами, широким, а не узким путём?

6 3. Неужели это нечто неслыханное, нечто необычное? Нет, Бог знает, что это не так. Примеры почти бесчисленны. Мы можем найти их в каждом веке и народе. Но как это страшно: когда посланники Бога превращаются в служителей дьявола; когда уполномоченные учить людей пути на небо на деле учат их пути в ад! Они подобны египетской саранче, «поевшей остаток, который уцелел, который оставался после града». Они пожирают даже остаток людей, уцелевших, не погубленных дурным примером. Поэтому не без причины наш мудрый и милостивый Учитель так торжественно предостерегает нас против них: «Берегитесь, — говорит Он, — лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные». [27]

7 4. Это предостережение величайшей важности. Чтобы оно действеннее проникло в наши сердца, исследуем, во-первых, кто эти лжепророки; во-вторых, какой вид они

принимают; и в-третьих, как нам узнать, каковы они в действительности, несмотря на благовидную наружность.

[8] I. 1. Во-первых, нам следует исследовать, кто эти лжепророки. Это необходимо делать тем тщательнее, что именно эти люди так усердно старались «превратить это Писание к собственной», хотя и не одной только собственной, «погибели». Поэтому, чтобы отсечь всякий спор, я не стану, как некоторые, поднимать пыль или пользоваться неопределёнными риторическими восклицаниями для обольщения простодушных сердец, но скажу суровые, ясные истины, которых не может отрицать никто, у кого осталось разумение или скромность, и такие истины, которые самым тесным образом связаны со всем ходом предшествующей беседы. Между тем слишком многие толковали эти слова без всякого внимания к сказанному прежде, словно они не имеют никакого отношения к проповеди, в заключении которой стоят.

[9] 2. Под *пророками* здесь, как и во многих других местах Писания, особенно Нового Завета, разумеются не предсказывающие будущее, а говорящие от имени Бога, люди, которые утверждают, что посланы Богом учить других пути на небо.

[10] *Ложные* пророки — те, кто учит ложному пути на небо, пути, который туда не ведёт, или, что в конце концов сводится к тому же, не учит истинному.

[11] 3. Всякий широкий путь безусловно ложен. Поэтому вот одно ясное, надёжное правило: «Те, кто учит людей идти широким путём, путём, которым идут многие, — лжепророки».

[12] И ещё: истинный путь на небо — узкий. Поэтому вот другое ясное, надёжное правило: «Те, кто не учит людей идти узким путём, отличаться от других, — лжепророки».

[13] 4. Скажем определённее: единственный истинный путь на небо — тот, который указан в предшествующей проповеди. Поэтому лжепророки — те, кто не учит людей идти этим путём.

[14] А путь на небо, указанный в предшествующей проповеди, — путь смирения, плача, кротости и святого желания, любви к Богу и ближнему, делания добра и перенесения зла ради Христа. Поэтому лжепророки — те, кто учит как пути на небо какому-либо иному пути, кроме этого.

[15] 5. Неважно, как они называют тот другой путь. Они могут называть его верой, или добрыми делами, или верой и делами, или покаянием, или покаянием, верой и новым послушанием. Всё это добрые слова. Но если под этими или какими угодно другими названиями они учат людей пути, отличному от этого, то в собственном смысле являются лжепророками.

[16] 6. Тем более подпадают под это осуждение злословящие сей добрый путь, и прежде всего те, кто учит прямо противоположному пути: пути гордости, легкомыслия, вспыльчивости, мирских желаний, любви к удовольствиям больше, чем к Богу, недоброты к ближнему, равнодушия к добрым делам и уклонения от всякого зла, всякого гонения за праведность!

[17] 7. Если спросят: «Кто же когда-либо учил или теперь учит этому как пути на небо?» — я отвечу: десятки тысяч мудрых и почтенных людей; все, какого бы исповедания они ни были, кто поощряет гордеца, пустого человека,

вспыльчивого, любящего мир, любителя удовольствий, несправедливого или недоброго, покойное, беспечное, безвредное и бесполезное создание, человека, не терпящего поношения за праведность, воображать, будто он находится на пути к небу. Это лжепророки в высшем смысле слова. Это предатели и Бога, и человека. Это не кто иные, как первенцы сатаны, старшие сыны Аполлиона, Губителя. Они далеко превосходят обыкновенных головорезов, ибо убивают человеческие души. Они непрестанно заселяют царства ночи; и когда последуют за погубленными ими бедными душами, «ад преисподний придёт в движение, чтобы встретить их при их пришествии»!

18 II. 1. Но приходят ли они в собственном облике? Нисколько. Если бы так, они не могли бы губить. Вы встревожились бы и побежали спасать жизнь. Поэтому они принимают совершенно противоположный вид, что и составляло второй предмет нашего рассмотрения: «Они приходят к вам в овечьей одежде, хотя внутри суть волки хищные».

19 2. «Они приходят к вам в овечьей одежде», то есть под видом безвредности. Они являются самым кротким, необидным образом, без всякого знака или признака вражды. Кто может представить, что эти тихие создания способны причинить кому-либо вред? Быть может, они не столь ревностны и деятельны в добре, как хотелось бы. Однако вы не видите оснований подозревать в них даже желание причинить какое-либо зло. Но это ещё не всё.

20 3. Во-вторых, они приходят под видом полезности. Ведь именно к этому, к деланию добра, они особо призваны. Для этого самого они отделены. Им особо поручено бодрствовать над вашей душой и воспитывать вас для

вечной жизни. Всё их дело — «ходить, благотворя и исцеляя одержимых дьяволом». И вы всегда привыкли смотреть на них именно так: как на Божиих вестников, посланных принести вам благословение.

[21] 4. В-третьих, они приходят под видом благочестия. Всё, что они делают, — ради совести! Они уверяют вас, что исключительно из ревности о Боге выставляют Бога лжецом. Исключительно из заботы о вере они желают уничтожить её с корнем и ветвями. Всё, что они говорят, — лишь из любви к истине и страха, как бы она не потерпела ущерба; а быть может, из почтения к Церкви и желания защитить её от всех врагов.

[22] 5. Прежде всего они приходят под видом любви. Они предпринимают все эти труды только ради *вашего* блага. Они не стали бы тревожиться о вас, если бы не питали к вам добрых чувств. Они будут пространно заверять вас в своём доброжелательстве, в тревоге об опасности, в которой вы находитесь, и в горячем желании уберечь вас от заблуждения, от вовлечения в новые и пагубные учения. Им было бы очень жаль увидеть человека с такими добрыми *намерениями* увлечённым в какую-либо крайность, смущённым странными и непонятными представлениями или обольщённым религиозным исступлением. Вот почему они советуют вам спокойно держаться простого среднего пути и остерегаться «быть слишком праведным», чтобы «не погубить себя».

[23] III. 1. Но как нам узнать, каковы они на самом деле, несмотря на благовидную наружность? Это был третий предмет, предложенный для исследования. Наш благословенный Господь видел, как необходимо всем людям распознавать лжепророков, как бы те ни маскировались. Он видел также, насколько большинство

людей неспособно выводить истину через длинный ряд следствий. Поэтому Он даёт нам краткое и ясное правило, легко понятное людям самых скромных способностей и легко применимое во всех случаях: «По плодам их узнаете их».

24 2. Во всех случаях вы можете легко применить это правило. Чтобы узнать, истинные или ложные пророки те, кто говорит от имени Бога, легко заметить, во-первых, каковы плоды их учения в них самих. Как подействовало оно на их жизнь? Святы и непорочны ли они во всём? Как подействовало оно на их сердца? Видно ли из общего направления их жизни, что расположения их святы, небесны, божественны; что в них те чувствования, какие были во Христе Иисусе; что они кротки, смиренны, терпеливы, любят Бога и человека и ревнуют о добрых делах?

25 3. Во-вторых, вы можете легко заметить, каковы плоды их учения в слушающих их, по крайней мере во многих, хотя и не во всех: ведь и сами апостолы обратили не всех, кто их слышал. Есть ли в этих людях те чувствования, какие были во Христе? Ходят ли они так, как ходил Он? И начали ли они поступать так благодаря слушанию этих учителей? Были ли они нечестивы внутри и снаружи, пока не услышали их? Если да, это явное доказательство, что перед нами истинные пророки, учители, посланные Богом. Но если нет, если они не учат действенно ни самих себя, ни других любить Бога и служить Ему, это явное доказательство, что они — лжепророки, что Бог их не посылал.

26 4. Тяжкое слово! Как немногие могут его вынести! Господь наш знал это и потому снисходит к подробному доказательству посредством нескольких ясных и

убедительных доводов. «Собирают ли, — говорит Он, — с терновника виноград или с репейника смоквы?» (Матфея 7:16). Неужели вы ожидаете, что эти злые люди принесут добрый плод? С таким же успехом можно ожидать, что терновник принесёт виноград или на репейнике вырастут смоквы! «Всякое доброе дерево приносит добрые плоды, а худое дерево приносит худые плоды» (Матфея 7:17). Всякий истинный пророк, всякий посланный Мною учитель приносит добрый плод святости. Но лжепророк, учитель, которого Я не посылал, приносит только грех и нечестие. «Доброе дерево не может приносить худых плодов, ни худое дерево — добрых плодов». Истинный пророк, учитель, посланный Богом, приносит добрый плод не только иногда, но всегда, не случайно, а по своего рода необходимости. Подобным образом лжепророк, которого Бог не посылал, приносит худой плод не случайно и не только иногда, но всегда и по необходимости. «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь» (стих 19). Такова неизбежно будет участь пророков, не приносящих доброго плода, не спасающих души от греха, не приводящих грешников к покаянию. «Итак», пусть это пребудет вечным правилом, «по плодам их узнаете их» (Матфея 7:20). Те, кто на деле приводит гордых, вспыльчивых, немилосердных, любящих мир к смирению, кротости, любви к Богу и человеку, — истинные пророки; они посланы Богом, Который поэтому утверждает их слово. Напротив, те, чьи слушатели, бывшие прежде неправедными, остаются неправедными или по крайней мере лишены какой-либо праведности, «превосходящей праведность книжников и фарисеев», — лжепророки. Они не посланы Богом, поэтому слово их падает на землю; и без чуда благодати они вместе со своими слушателями падут в бездонную пропасть!

[27] 5. О, «берегитесь этих лжепророков»! Ибо хотя они «приходят в овечьей одежде, внутри они — волки хищные». Они только губят и пожирают стадо, разрывают его на части, если некому помочь. Они не будут, не могут вести вас путём на небо. Как им это сделать, если сами его не знают? О, берегитесь, чтобы они не сбили вас с пути и не заставили «потерять то, над чем вы трудились»!

[28] 6. Но, быть может, вы спросите: «Если слушать их так опасно, следует ли вообще их слушать?» Это важный вопрос, заслуживающий глубочайшего рассмотрения; отвечать на него следует лишь после самого спокойного обдумывания, самого осмотрительного размышления. Много лет я почти боялся вообще говорить об этом, будучи не в силах решить в ту или другую сторону или вынести какое-либо суждение. Множество причин легко приходит на ум и склоняет меня сказать: «Не слушайте их». Однако слова Господа нашего о лжепророках Его времени, по-видимому, подразумевают обратное. «Тогда Иисус сказал народу и ученикам Своим: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи», то есть они обычные, установленные учители вашей церкви; «поэтому всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают». Что они были лжепророками в высшем смысле, Господь показал на всём протяжении Своего служения, да и показывает в этих самых словах: «Они говорят и не делают». Поэтому ученики не могли не узнать их по плодам, открытым взору всех людей. Соответственно Он снова и снова предостерегает учеников беречься этих лжепророков. И всё же не запрещает слушать даже их; более того, фактически повелевает это словами: «Поэтому всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте». Ибо, не слушая, ученики не могли бы узнать, а тем более

соблюсти всё, что те велели делать. Итак, здесь Сам Господь прямо наставляет и апостолов, и весь народ в некоторых обстоятельствах слушать даже лжепророков, известных и признанных таковыми.

[29] 7. Но, быть может, скажут: «Он повелел слушать их лишь тогда, когда они читают собранию Писание». Отвечаю: когда они так читали Писание, они обыкновенно и изъясняли его. И здесь нет никакого намёка, что следует слушать одно, но не другое. Напротив, сами слова: «Всё, что они велят вам соблюдать», исключают подобное ограничение.

[30] 8. Далее, им, несомненным лжепророкам, часто поручается — о, как скорбно говорить это, ибо так быть не должно! — также совершение таинства. Поэтому наставлять людей не слушать их значило бы фактически отсечь людей от Божиих установлений. Но на это мы не дерзаем, помня, что действенность установления зависит не от добродетели совершающего, а от верности Установившего его, Который хочет и действительно встречает нас на назначенных Им путях. Поэтому и по этой причине я не решаюсь сказать: «Не слушайте даже лжепророков». Даже через этих людей, самих находящихся под проклятием, Бог может дать и даёт нам Своё благословение. Ибо хлеб, который они преломляют, мы на опыте познали как «приобщение тела Христова»; и чаша, которую Бог благословлял даже через их неосвящённые уста, была для нас приобщением крови Христовой.

[31] 9. Поэтому всё, что я могу сказать, таково: в каждом отдельном случае обращайтесь к Богу со смиренной и усердной молитвой, а затем поступайте согласно лучшему свету, которым располагаете. Поступайте так, как, по

вашему убеждению, в целом будет наиболее полезно вам духовно. Весьма остерегайтесь судить поспешно, легкомысленно считать кого-либо лжепророком; и когда имеете полное доказательство, смотрите, чтобы ни гнев, ни презрение не находили места в сердце. После этого пред лицом Божиим и в страхе Его решайте сами. Могу сказать лишь следующее: если на опыте вы находите, что слушание их вредит вашей душе, тогда не слушайте; спокойно воздержитесь и слушайте тех, кто приносит пользу. Если же вы находите, что душе это не вредит, можете продолжать слушать. Только «смотрите, как вы слушаете»: берегитесь их и их учения. Слушайте со страхом и трепетом, чтобы не быть обманутыми и, подобно им, преданными сильному заблуждению. Поскольку они непрестанно смешивают истину и ложь, как легко вам принять обе вместе! Слушайте с горячей и непрестанной молитвой к Тому, Кто один учит человека мудрости. И смотрите, чтобы всё услышанное приводить «к закону и свидетельству». Ничего не принимайте без испытания, пока оно не взвешено на весах святилища; ничему из сказанного ими не верьте, если это ясно не подтверждается местами Священного Писания. Полностью отвергайте всё несогласное с ним, всё, что им не подтверждается. И особенно с величайшим отвращением отвергайте всякое описание пути спасения, которое отличается от пути, указанного Господом нашим в предшествующей беседе, или не достигает его полноты.

[32] 10. Не могу заключить, не обратив нескольких ясных слов к тем, о ком мы теперь говорили. О лжепророки! О сухие кости! Хоть раз услышьте слово Господне! Доколе будете лгать во имя Бога, говоря: «Бог сказал», тогда как Бог не говорил через вас? Доколе будете извращать прямые пути Господни, называя тьму светом, а свет —

тьмою? Доколе будете учить пути смерти и называть его путём жизни? Доколе будете отдавать сатане души, которые, по вашим уверениям, ведёте к Богу?

33 11. «Горе вам, слепые вожди слепых! Ибо вы затворяете Царство Небесное перед людьми: сами не входите и входящих не пускаете». Желающих «подвизаться войти тесными вратами» вы зовёте назад, на широкий путь. Едва сделавших один шаг на путях Божиих вы по-дьявольски предостерегаете, чтобы не зашли слишком далеко. Только начинающих «алкать и жаждать праведности» вы предупреждаете, чтобы не были «слишком праведны». Так вы заставляете их споткнуться на самом пороге, более того — упасть и уже не подняться. О, зачем вы это делаете? Какая прибыль в их крови, когда они сходят в могилу? Жалкая вам прибыль! «Они погибнут в своём беззаконии, но кровь их Бог взыщет с ваших рук!»

34 12. Где ваши глаза? Где ваше разумение? Неужели вы обманывали других, пока не обманули и самих себя? Кто потребовал от вас учить пути, которого вы никогда не знали? Неужели вы «преданы» такому «сильному заблуждению», что не только учите лжи, но и «верите лжи»? И разве можете вы верить, что Бог послал вас, что вы — Его вестники? Нет: если бы Господь послал вас, дело Господне преуспевало бы в ваших руках. Жив Господь: если бы вы были Божиими вестниками, Он «утверждал бы слово Своих вестников». Но дело Господне не преуспевает в ваших руках. Вы не приводите грешников к покаянию. Господь не утверждает вашего слова, ибо вы не спасаете душ от смерти.

35 13. Как можете вы уклониться от силы слов Господа нашего, столь полных, сильных и прямых? Как можете

избежать узнавания самих себя по своим плодам, худым плодам худых деревьев? Да и как может быть иначе? «Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы?» Примите это к себе, вы, к кому оно относится! О бесплодные деревья, зачем вы занимаете землю? «Всякое доброе дерево приносит добрые плоды». Разве не видите, что здесь нет исключения? Признайте же, что вы не добрые деревья, ибо не приносите доброго плода. «А худое дерево приносит худые плоды», и так вы поступали от начала. Ваша речь, будто от Бога, лишь утверждала слушателей в расположениях, если не в делах, дьявола. О, примите предостережение Того, Чьим именем говорите, прежде чем исполнится произнесённый Им приговор: «Всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

[36] 14. Дорогие мои братья, не ожесточайте сердец! Вы слишком долго закрывали глаза от света. Откройте их теперь, пока не поздно, пока вас не бросили во тьму внешнюю! Пусть никакое временное соображение не имеет для вас веса, ибо на весах — вечность. Вы побежали прежде, чем были посланы. О, не идите дальше! Не упорствуйте в том, чтобы обрекать на осуждение себя и слушающих вас! У ваших трудов нет плода. Почему? Именно потому, что Господь не с вами. Но можете ли вы вести эту войну на собственный счёт? Это невозможно. Поэтому смиритесь пред Ним. Воззовите к Нему из праха, чтобы Он сначала оживотворил *твою* душу, дал *тебе* веру, действующую любовью, смиренную и кроткую, чистую и милосердную, ревностную к добрым делам, радующуюся в скорби, в поношении, в бедствии, в гонении за праведность! Тогда «Дух славы и Христа почиет на тебе», и станет видно, что Бог послал тебя. Тогда ты действительно «совершишь дело благовестника

и вполне исполнишь служение своё». Тогда слово Божие в твоих устах будет «молотом, разбивающим скалы»! Тогда по твоим плодам узнают, что ты пророк Господень, именно по детям, которых Бог дал тебе. И, «обратив многих к праведности», ты «будешь сиять, как звёзды, во веки веков»!

О Нагорной проповеди нашего Господа

1 Беседа 13

2 «Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! — войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали, и не Твоим ли именем изгоняли бесов, и не Твоим ли именем творили многие чудеса? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие.

3 «Итак, всякого, кто слушает эти слова Мои и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, построившему дом свой на камне. И пошёл дождь, и пришли потоки, и подули ветры, и ударили в тот дом; и он не упал, потому что был основан на камне. А всякий, кто слушает эти слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, построившему дом свой на песке. И пошёл дождь, и пришли потоки, и подули ветры, и ударили в тот дом; и он упал, и велико было падение его».

4 Матфея 7:21–27.

5 1. Наш Божественный Учитель, возвестив весь совет Божий о пути спасения и указав главные препятствия для желающих идти им, теперь завершает всё этими вескими словами, словно ставя печать на Своём пророчестве и

утверждая всем Своим авторитетом сказанное, чтобы оно пребывало непоколебимо во всех поколениях.

[6] 2. Ибо так говорит Господь, чтобы никто никогда не вообразил, будто есть иной путь, кроме этого: «Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! — войдёт в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали, и не Твоим ли именем изгоняли бесов, и не Твоим ли именем творили многие чудеса? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие. Поэтому всякий, кто слушает эти слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, построившему дом свой на песке. И пошёл дождь, и пришли потоки, и подули ветры, и ударили в тот дом; и он упал, и велико было падение его».

[7] 3. В следующей беседе я намерен, во-первых, рассмотреть положение человека, так строящего дом на песке; во-вторых, показать мудрость строящего на камне; и в-третьих, заключить практическим применением.

[8] I. 1. Прежде всего мне надлежит рассмотреть положение строящего дом на песке. Именно о нём Господь говорит: «Не всякий, говорящий Мне: Господи! Господи! — войдёт в Царство Небесное». И это определение не может прейти, оно стоит твёрдо во веки веков. Поэтому для нас в высшей степени важно основательно понять силу этих слов. Что же следует разуметь под выражением: «Говорящий Мне: Господи! Господи!»? Несомненно, оно значит: *думающий попасть на небо каким-либо иным путём, кроме того, который Я только что описал.* Поэтому оно включает, если начать с низшей ступени, все добрые слова, всякое словесное

благочестие. Оно включает любые символы веры, какие мы можем произносить, любые исповедания веры, какое угодно число повторяемых молитв, любые благодарения, которые мы читаем или говорим Богу. Мы можем благословлять Его имя и возвещать сынам человеческим Его милость. Можем говорить обо всех Его великих делах и день за днём рассказывать о Его спасении. Сопоставляя духовное с духовным, можем показывать смысл Божиих изречений. Можем объяснять тайны Его Царства, сокрытые от начала мира. Можем говорить о глубинах Божиих скорее ангельским, чем человеческим языком. Можем возвещать грешникам: «Вот Агнец Божий, берущий на Себя грех мира!» Да, можем делать это с такой мерой силы Божией и с таким явлением Его Духа, чтобы спасти многие души от смерти и покрыть множество грехов. И всё же вполне возможно, что всё это будет не более чем словами: «Господи! Господи!» После того как я столь успешно проповедовал другим, сам я могу оказаться отверженным. В руке Божией я могу выхватить многие души из ада, а затем сам упасть туда. Могу привести многих других в Царство Небесное, а сам никогда туда не войти. Читатель, если Бог когда-либо благословил моё слово для твоей души, молись, чтобы Он помиловал меня, грешника!

[9] 2. Слова «Господи! Господи!» могут, во-вторых, включать непричинение вреда. Мы можем воздерживаться от всякого дерзновенного греха, от всякого внешнего нечестия, от всех способов действия или речи, запрещённых Священным Писанием. Можем быть способны сказать всем, среди кого живём: «Кто из вас обличит меня в грехе?» Можем иметь совесть, свободную от всякого внешнего преступления против Бога и человека. Можем быть чисты от всякой нечистоты,

нечестия и неправды во внешних действиях или, как апостол свидетельствует о себе, «по праведности законной», то есть внешней праведности, быть «непорочны». Однако этим мы ещё не оправданы. Всё это по-прежнему не более чем слова «Господи! Господи!», и если мы не пойдём дальше, то никогда не «войдём в Царство Небесное».

10 3. Слова «Господи! Господи!» могут, в-третьих, включать многие из так называемых добрых дел. Человек может участвовать в Вечере Господней, слушать множество превосходных проповедей и не упускать ни одной возможности приобщиться ко всем прочим Божиим установлениям. Я могу благотворить ближнему, делить свой хлеб с голодными и покрывать нагих одеждой. Могу так ревновать о добрых делах, что даже «раздам всё имение своё на пропитание бедных». Да, я могу делать всё это с желанием угодить Богу и с действительной уверенностью, что тем угождаю Ему, что несомненно и было у тех, кого Господь изображает говорящими Ему: «Господи! Господи!»; и всё же могу не иметь никакой доли в славе, которая откроется.

11 4. Если кто дивится этому, пусть признает, что он чужд всей вере Иисуса Христа и особенно её совершенному изображению, которое Господь представил нам в этой беседе. Ибо как далеко всё это не достигает описанных Им праведности и истинной святости! Как далеко от того внутреннего Царства Небесного, которое ныне открывается в верующей душе, сначала сеется в сердце как горчичное зерно, а затем выпускает большие ветви, на которых вырастают все плоды праведности, всякое доброе расположение, слово и дело.

12 5. Но как бы ясно Он ни возвещал это, как бы часто ни повторял, что никто, не имеющий внутри Царства Божия, не войдёт в Царство Небесное, Господь хорошо знал, что многие не примут этого слова, и потому подтверждает его ещё раз. «Многие, — говорит Он, не один и не только немногие; это не редкий и не необычный случай, — скажут Мне в тот день» не только: мы произносили много молитв, возвещали Твою хвалу, воздерживались от зла, упражнялись в делании добра, — но и нечто гораздо большее: «Мы пророчествовали от Твоего имени, Твоим именем изгоняли бесов, Твоим именем творили многие чудеса». «Мы пророчествовали»: возвещали Твою волю человечеству, показывали грешникам путь к миру и славе. И делали это «от Твоего имени», согласно истине Твоего Евангелия, да, и Твоею властью, ибо Ты утверждал слово Духом Святым, посланным с небес. Ведь во имя Твоё или Твоим именем, силой Твоего слова и Духа «мы изгоняли бесов» из душ, на которые они давно заявляли свои права и которыми вполне и спокойно владели. «И Твоим именем», Твоею силой, не собственной, «мы творили многие чудеса», так что «даже мёртвые слышали голос Сына Божия», говорившего через нас, и оживали. «И тогда объявлю» даже «им: Я никогда не знал вас», нет, даже тогда, когда вы «изгоняли бесов Моим именем». Даже тогда Я не знал вас как Моих, ибо сердце ваше не было право пред Богом. Вы сами не были кротки и смиренны, не любили Бога и всё человечество, не были обновлены по образу Божию, не были святы, как Я свят. «Отойдите от Меня, вы», которые, несмотря на всё это, «делаете беззаконие», — anomia, — вы преступники Моего закона, закона святой и совершенной любви.

13 6. Чтобы поставить это вне всякой возможности возражения, Господь подтверждает сказанное

подходящим сравнением: «Всякий, — говорит Он, — кто слушает эти слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, построившему дом свой на песке. И пошёл дождь, и пришли потоки, и подули ветры, и ударили в тот дом», как они несомненно рано или поздно обрушатся на каждую человеческую душу: потоки внешней скорби или внутреннего искушения, бури гордости, гнева, страха или желания. «И он упал, и велико было падение его», так что он погиб во веки веков. Такова должна быть участь всех, кто останавливается на чём-либо, не достигающем описанного выше благочестия. И тем больше будет их падение, что они «слышали эти слова» и всё же «не исполняли их».

[14] II. 1. Во-вторых, мне надлежит показать мудрость исполняющего их, строящего дом на камне. Поистине мудр тот, «кто исполняет волю Отца Моего Небесного». Истинно мудр тот, чья «праведность превосходит праведность книжников и фарисеев». Он нищ духом, знает себя так, как и он познан. Он видит и чувствует весь свой грех и всю свою вину, пока она не омыта искупительной кровью. Он сознаёт своё погибшее состояние, пребывающий на нём гнев Божий и полную неспособность помочь самому себе, пока не исполнится мира и радости во Святом Духе. Он кроток и мягок, терпелив ко всем людям, никогда не «воздаёт злом за зло или ругательством за ругательство, но, напротив, благословляет», пока не победит зло добром. Его душа не жаждет ничего земного, а только Бога, Бога живого. Его сердце исполнено любви ко всему человечеству, и он готов положить жизнь за врагов. Он любит Господа Бога своего всем сердцем, всем умом, всей душой и всей силой. Только тот войдёт в Царство Небесное, кто в этом духе делает добро всем людям и кто, будучи за это презираем

и отвергаем людьми, ненавидим, поносим и гоним, радуется и «веселится», зная, в Кого уверовал, и будучи уверен, что эти лёгкие, кратковременные скорби «произведут для него вечную полноту славы».

15 2. Как истинно мудр этот человек! Он знает себя — вечный дух, исшедший от Бога и посланный в глиняный дом не для исполнения собственной воли, а воли Пославшего его. Он знает мир — место, где ему предстоит провести несколько дней или лет не как постоянному жителю, а как страннику и пришельцу на пути к вечным обителям; соответственно он пользуется миром, не злоупотребляя им и зная, что образ его проходит. Он знает Бога — своего Отца и Друга, родоначальника всякого блага, средоточие духов всякой плоти, единственное счастье всех разумных существ. Яснее полуденного солнечного света он видит, что цель человека — прославить Создавшего его для Себя, любить Его и наслаждаться Им вовеки. И столь же ясно видит средства к этой цели, к наслаждению Богом во славе: уже теперь познавать Бога, любить Его, подражать Ему и веровать в посланного Им Иисуса Христа.

16 3. Он мудр даже по Божией оценке, ибо «строит свой дом на камне», на Скале веков, вечной Скале, Господе Иисусе Христе. По справедливости Он так называется, ибо не изменяется: Он «вчера и сегодня и во веки Тот же». О Нём свидетельствуют и древний человек Божий, и апостол, приводящий его слова: «Ты, Господи, в начале основал землю, и небеса — дело рук Твоих; они погибнут, а Ты пребываешь; и все обветшают, как одежда, и как покрывало свернёшь их, и изменятся; но Ты Тот же, и лета Твои не кончатся» (Евреям 1:10–12). Поэтому мудр человек, строящий на Нём, полагающий Его своим

единственным основанием, строящий лишь на Его крови и праведности, на том, что Он совершил и претерпел за нас. На этом краеугольном камне он утверждает веру и опирается на него всей тяжестью души. Бог научил его говорить: «Господи, я согрешил; я заслуживаю глубочайшего ада, но оправдан даром Твоей благодатью через искупление во Христе Иисусе; и жизнь, которой теперь живу, живу верой в Возлюбившего меня и предавшего Себя за меня. Жизнь, которой теперь живу, — жизнь божественная, небесная, жизнь, сокрытая со Христом в Боге. Теперь даже во плоти я живу жизнью любви, чистой любви к Богу и человеку, жизнью святости и счастья, славя Бога и делая всё к Его славе».

[17] 4. Однако пусть такой человек не думает, что больше не увидит войны, что теперь находится вне досягаемости искушения. Богу ещё предстоит испытать дарованную благодать; человек будет испытан, как золото в огне. Его будут искушать не меньше, чем не знающих Бога, быть может гораздо больше, ибо сатана не преминет до предела испытывать тех, кого не способен погубить. Поэтому «дождь» будет низвергаться стремительно, но лишь в такое время и таким образом, как угодно не князю власти воздушной, а Тому, «Чьё Царство всем обладает». Придут «потоки», бурные воды, поднимут волны и будут страшно бушевать. Но и им Господь, восседающий над потопом, пребывающий Царём вовеки, скажет: «Доселе дойдёте и не перейдёте, здесь положен предел гордым волнам вашим». «Подуют ветры и ударят в тот дом», словно желая вырвать его из самого основания. Но не одолеют: он не падает, потому что основан на камне. Человек строит на Христе верою и любовью, поэтому не будет низринут. Он «не убоится, хотя бы поколебалась земля и горы перенеслись в сердце морей». «Пусть воды

их шумят и волнуются и горы трясутся от их бури», он всё же «живёт под защитой Всевышнего и безопасен под сенью Всемогущего».

[18] III. 1. Как же важно каждому человеку на деле приложить это к себе, старательно исследовать, на каком основании он строит — на камне или на песке! Как глубоко *ты* должен быть озабочен исследованием: «Каково основание *моей* надежды? На чём я строю ожидание войти в Царство Небесное? Не на песке ли? Не на моём *правоверии,* или правильных мнениях, которые, грубо злоупотребляя словами, я назвал *верой?* Не на том ли, что у меня есть набор представлений, пусть даже более разумных или согласных с Писанием, чем у других?» Увы, какое это безумие! Это поистине строительство на песке, вернее — на морской пене! Скажи: «Я убеждён в этом. Но не строю ли я вновь свою надежду на том, что столь же неспособно её поддержать? Быть может, на принадлежности к столь превосходной церкви, реформированной по истинному образцу Писания, благословлённой самым чистым учением, самым древним богослужением, самым апостольским устройством управления?» Всё это, несомненно, основания славить Бога, поскольку всё это может помогать святости; но это не сама святость. Отдельно от неё они не принесут мне пользы; напротив, оставят меня ещё более безответным и подлежащим большему осуждению. Поэтому, если я строю надежду на этом основании, я всё ещё строю на песке.

[19] 2. Ты не можешь, не смеешь остановиться здесь. На чём же далее построишь надежду спасения? На своей невинности? На том, что не делаешь зла, никого не обижаешь и никому не вредишь? Хорошо, допустим, что

это оправдание верно. Ты справедлив во всех делах, совершенно честен, каждому отдаёшь его, не обманываешь и не вымогаешь, со всеми поступаешь честно и имеешь совесть пред Богом, не живёшь ни в каком сознательном грехе. Пока всё хорошо; но это ещё не то, что нужно. Можно дойти до этого и всё же никогда не попасть на небо. Когда вся эта безвредность проистекает из правильного начала, она составляет *самую малую часть* веры Христовой. Но в тебе она не проистекает из правильного начала и потому вовсе не составляет части благочестия. Поэтому, основывая на этом надежду спасения, ты всё ещё строишь на песке.

20 3. Идёшь ли ты ещё дальше? Прибавляешь ли к непричинению зла участие во всех Божиих установлениях? При всякой возможности приобщаешься Вечери Господней? Молишься общественно и наедине? Часто постишься? Слушаешь и исследуешь Писания и размышляешь о них? Это также надлежало делать с того времени, как ты впервые обратил лицо к небу. Но и это само по себе — ничто. Это ничто без «важнейшего в законе». А его ты забыл; по крайней мере не переживаешь на опыте: веры, милости и любви к Богу, святости сердца, неба, открытого в душе. Поэтому ты всё ещё строишь на песке.

21 4. Сверх всего этого ревнуешь ли ты о добрых делах? По мере времени делаешь ли добро всем людям? Кормишь ли голодных, одеваешь ли нагих, посещаешь ли сироту и вдову в их скорби? Посещаешь ли больных, помогаешь ли заключённым? Принимаешь ли странника? Друг, поднимись выше! «Пророчествуешь» ли ты «во имя» Христа? Проповедуешь ли истину, как она есть в Иисусе? Сопровождает ли твоё слово действие Его Духа, делая его

силой Божией ко спасению? Даёт ли Он тебе способность обращать грешников от тьмы к свету, от власти сатаны к Богу? Тогда пойди и научись тому, чему так часто учил: «Благодатью вы спасены через веру»; «не по делам праведности, которые мы сотворили, но по Своей милости Он спасает нас». Научись нагим повисать на кресте Христовом, почитая всё сделанное тобой за сор и шлак. Прибегни к Нему в том же духе, что умирающий разбойник, что блудница с её семью бесами! Иначе ты всё ещё на песке и, спасши других, погубишь собственную душу.

22 5. Господи, умножь мою веру, если я уже верую! А если нет, дай мне веру, хотя бы с горчичное зерно! Но «что пользы, если человек говорит, что имеет веру, а дел не имеет? Может ли» такая «вера спасти его?» О нет! Вера, не имеющая дел, не производящая и внутренней, и внешней святости, не запечатлевающая в сердце всего образа Божия и не очищающая нас, как Он чист; вера, не производящая всей веры и жизни, описанной в предыдущих главах, — не вера Евангелия, не христианская вера, не вера, ведущая к славе. О, больше всех иных сетей дьявола берегись этого — упования на несвятую, неспасающую веру! Если ты полагаешь на неё опору, ты погиб навеки: ты всё ещё строишь дом на песке. Когда «пойдёт дождь и придут потоки, он непременно упадёт, и велико будет падение его».

23 6. Поэтому теперь строй на камне. По благодати Божией познай себя. Познай и почувствуй, что ты зачат в беззаконии и во грехе зачала тебя мать; и что ты сам нагромождал грех на грех с тех пор, как смог отличать добро от зла. Признай себя виновным и достойным вечной смерти и отрекись от всякой надежды когда-либо суметь

спасти себя самому. Пусть вся твоя надежда будет — омыться кровью и очиститься Духом Того, Кто «Сам вознёс» все «грехи твои телом Своим на древо». И если ты знаешь, что Он взял твои грехи, тем более смиряйся пред Ним, непрестанно сознавая полную зависимость от Него в каждой доброй мысли, слове и деле и полную неспособность ко всякому добру, если Он не «орошает тебя каждое мгновение».

24 7. Теперь плачьте о своих грехах и со скорбью ищите Бога, пока Он не обратит вашу печаль в радость. И даже тогда плачьте с плачущими и о тех, кто не плачет о себе. Скорбите о грехах и бедствиях человечества и смотрите: прямо перед вашими глазами безмерный океан вечности, без дна и без берегов, уже поглотивший миллионы миллионов людей и разверзшийся, чтобы пожрать оставшихся! Смотрите: здесь — дом Божий, вечный на небесах; там — ад и погибель без покрова! И из этого познайте важность каждого мгновения, которое только появляется — и уходит навеки!

25 8. Теперь прибавьте к вашей серьёзности мудрую кротость. Держите ровные весы для всех своих страстей, особенно гнева, скорби и страха. Спокойно принимайте всё, что есть воля Божия. Научитесь быть довольными всяким состоянием, в котором находитесь. Будьте мягки к добрым; кротки ко всем людям, особенно к злым и неблагодарным. Берегитесь не только внешних выражений гнева, например назвать брата *рака* или *безумным,* но и всякого внутреннего движения, противного любви, хотя бы оно и не вышло за пределы сердца. Гневайтесь на грех как на оскорбление небесного Величества, но продолжайте любить грешника, подобно Господу нашему, Который «воззрел на фарисеев с гневом,

скорбя об ожесточении их сердец». Он скорбел о грешниках, гневался на грех. Так и ты «гневайся и не согрешай»!

[26] 9. Теперь алкай и жажди не «пищи тленной, но пребывающей в жизнь вечную». Попирай ногами мир и то, что в мире: все эти богатства, почести, удовольствия. Что тебе мир? Пусть мёртвые хоронят своих мертвецов, а ты стремись к образу Божию. И берегись угасить эту благословенную жажду, если она уже пробуждена в душе, тем, что обычно называется религией: жалким, унылым фарсом, религией формы и внешней показности, оставляющей сердце по-прежнему прилепленным к праху, столь же земным и чувственным, как прежде. Пусть ничто не удовлетворяет тебя, кроме силы благочестия, кроме веры, которая есть дух и жизнь, пребывания в Боге и Бога в тебе, жительства в вечности, вхождения кровью кропления «за завесу» и «восседания на небесах со Христом Иисусом»!

[27] 10. Теперь, поскольку ты всё можешь в укрепляющем тебя Христе, будь милосерден, как милосерден твой Небесный Отец! Люби ближнего, как самого себя! Люби друзей и врагов, как собственную душу! Пусть твоя любовь будет долготерпелива и терпелива ко всем людям. Пусть будет добра, мягка, благосклонна, вдохновляя тебя самой привлекательной нежностью и самым горячим и чутким расположением. Пусть радуется истине, где бы та ни находилась, истине по благочестию. Наслаждайся всем, что приносит славу Богу и способствует миру и доброй воле между людьми. В любви всё покрывай, о мёртвых и отсутствующих не говоря ничего, кроме доброго; верь всему, что хоть как-нибудь может оправдать имя ближнего; надейся на всё в его пользу и всё

переноси, торжествуя над всяким сопротивлением, ибо истинная любовь никогда не перестаёт — ни во времени, ни в вечности.

[28] 11. Теперь будь чист сердцем, очищен верою от всякого несвятого чувства, «очищая себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием». Силой Его благодати очистившись от гордости глубокой нищетой духа; от гнева, от всякой недоброй или бурной страсти — кротостью и милосердием; от всякого желания, кроме желания угождать Богу и наслаждаться Им, — алканием и жаждой праведности, теперь «люби Господа Бога твоего всем сердцем и всей силой»!

[29] 12. Словом, пусть твоё благочестие будет благочестием сердца, пусть коренится глубоко в самой сокровенной душе. Будь мал, низок, ничтожен и презрен в собственных глазах, сверх всякого словесного выражения, поражённый и смирённый до праха любовью Божией во Христе Иисусе. Будь серьёзен. Пусть весь поток мыслей, слов и дел проистекает из глубочайшего убеждения, что ты стоишь на краю великой пропасти, ты и все сыны человеческие, готовые вот-вот упасть либо в вечную славу, либо в вечное пламя! Пусть душа твоя исполнится мягкости, кротости, терпения, долготерпения ко всем людям, в то время как всё в тебе жаждет Бога, Бога живого, стремится пробудиться в Его подобии и насытиться им! Люби Бога и всё человечество! В этом духе всё делай и всё переноси! Так показывай веру делами, так «исполняй волю Отца твоего Небесного»! И как несомненно ты теперь ходишь с Богом на земле, так несомненно будешь царствовать с Ним во славе!

Происхождение, природа, свойства и назначение закона

[1] «Поэтому закон свят, и заповедь свята, справедлива и добра».

[2] Римлянам 7:12.

[3] 1. Быть может, среди всех предметов веры мало таких, которые понимаются столь же недостаточно, как этот. Читателю этого Послания обыкновенно говорят, что под законом святой Павел разумеет иудейский закон; и читатель, полагая, что это его не касается, идёт дальше, более не задумываясь. Правда, некоторые не удовлетворяются таким объяснением, но, замечая, что Послание обращено к римлянам, заключают отсюда, что в начале этой главы апостол подразумевает древнее римское право. Однако поскольку оно касается их не больше, чем обрядовый закон Моисея, они мало размышляют о том, что, по их предположению, упомянуто лишь попутно для пояснения другого предмета.

[4] 2. Но внимательный исследователь речи апостола не удовлетворится столь поверхностными объяснениями. И чем больше он взвешивает слова, тем твёрже убеждается, что под законом, упомянутым в этой главе, святой Павел разумеет не древнее римское право и не обрядовый закон Моисея. Это ясно откроется всем, кто внимательно рассмотрит ход его речи. Он начинает главу: «Разве вы не знаете, братья, — ибо говорю знающим закон», тем, кого наставляли в нём от юности, — «что закон имеет власть над человеком, пока тот живёт?» Какой же? Только

римский или обрядовый закон? Конечно нет, но нравственный. «Ибо», чтобы привести ясный пример, «замужняя женщина связана» нравственным «законом с мужем, пока он жив; если же муж умрёт, она освобождена от закона мужа. Поэтому если при живом муже выйдет за другого, назовётся прелюбодейцей; если же муж умрёт, свободна от того закона, так что не будет прелюбодейцей, выйдя за другого». Из этого частного примера апостол выводит общее заключение: «Поэтому, братья мои», по очевидному сходству основания, «и вы умерли для закона», всего Моисеева установления, «телом Христовым», принесённым за вас и вводящим вас в новое домостроительство, «чтобы вам» без всякой вины «вступить в союз с Другим, Воскресшим из мёртвых», Который тем доказал Свою власть произвести эту перемену, «дабы нам приносить плод Богу». Теперь мы можем делать это, тогда как прежде не могли. «Ибо когда мы были во плоти», под властью плоти, то есть испорченной природы, что неизбежно было до познания силы воскресения Христова, «движения грехов, которые были через закон», которые Моисеев закон обнаруживал и воспламенял, но не побеждал, «действовали в членах наших», прорывались разными способами, «чтобы приносить плод смерти». «Но теперь мы освобождены от закона», от всего того нравственного, равно как обрядового, устроения; «умерло то, чем мы были связаны»: всё то установление теперь словно умерло и имеет над нами не больше власти, чем умерший муж над женой, «чтобы нам служить Ему», умершему за нас и воскресшему, «в обновлении духа», в новом духовном домостроительстве, «а не в ветхости буквы», одним лишь внешним служением по букве Моисеева установления (Римлянам 7:1–6).

[5] 3. Апостол, дойдя до этого в доказательстве того, что христианское домостроительство отменило иудейское и что сам нравственный закон, хотя никогда не мог прейти, теперь стоял на ином основании, чем прежде, останавливается, чтобы поставить возражение и ответить на него. «Что же скажем? Неужели закон — грех?» Некоторые могли бы вывести это из неверного понимания слов «движения грехов, которые были через закон». «Да не будет!» — говорит апостол: не станем так утверждать. Напротив, закон — непримиримый враг греха, разыскивающий его, где бы тот ни был. «Я не познал бы греха иначе, как через закон; ибо я не познал бы похоти», злого желания как греха, «если бы закон не говорил: не пожелай» (Римлянам 7:7). Раскрыв это далее в четырёх следующих стихах, он прибавляет общее заключение, относящееся особенно к нравственному закону, из которого взят предшествующий пример: «Поэтому закон свят, и заповедь свята, справедлива и добра».

[6] 4. Чтобы объяснить и подтвердить эти глубокие слова, которым так мало внимают, потому что так мало понимают, постараюсь показать, во-первых, происхождение этого закона; во-вторых, его природу; в-третьих, свойства: что он свят, справедлив и добр; и в-четвёртых, его назначение.

[7] I. 1. Прежде всего постараюсь показать происхождение нравственного закона, часто называемого просто «законом» по преимуществу. Он установлен вовсе не так поздно, как, быть может, некоторые вообразили, — не во времена Моисея. Ной возвещал его людям задолго до того, а Енох — прежде Ноя. Но мы можем проследить его происхождение ещё выше, даже за пределами основания мира, до той поры, людям неизвестной, но несомненно

записанной в летописях вечности, когда «утренние звёзды» впервые «пели вместе», только что призванные к бытию. Великому Творцу было угодно сделать этих Своих первородных сынов разумными существами, чтобы они могли познавать Создавшего их. Для этого Он наделил их разумением, чтобы отличать истину от лжи, добро от зла, и, как необходимым следствием, свободой — способностью избирать одно и отвергать другое. Благодаря этому они получили также возможность приносить Ему свободное и добровольное служение, само по себе достойное награды и вместе с тем весьма угодное их милостивому Господину.

[8] 2. Чтобы привести в действие все дарованные им способности, особенно разумение и свободу, Он дал им закон — полное изображение всякой истины, насколько она постижима конечным существом, и всякого добра, насколько ангельские умы могли его объять. Замыслом их благотворящего Правителя было также открыть этим путь к непрестанному умножению их счастья: ведь каждый случай послушания этому закону и увеличивал совершенство их природы, и давал им право на высшую награду, которую праведный Судия даровал бы в своё время. [28]

[9] 3. Подобным образом, когда Бог в назначенное Им время создал новый разряд разумных существ, когда воздвиг человека из праха земного, вдунул в него дыхание жизни и сделал его живой душой, наделённой силой избирать добро или зло, Он дал этому свободному разумному созданию тот же закон, что Своим первородным детям. Он был написан не на каменных скрижалях или каком-либо тленном веществе, но начертан на сердце перстом Божиим, записан в самой

глубине духа и людей, и ангелов, чтобы никогда не быть далёким, никогда не быть трудным для понимания, но всегда находиться рядом и всегда сиять ясным светом, словно солнце посреди неба.

10 4. Таково было происхождение закона Божия. В отношении человека он был одновременен его природе; но в отношении старших сынов Божиих сиял во всём блеске, «прежде нежели родились горы или были созданы земля и вселенная». Однако вскоре человек восстал против Бога и, нарушив этот славный закон, почти стёр его из своего сердца; очи его разумения помрачались в той же мере, в какой душа «отчуждалась от жизни Божией». И всё же Бог не презрел дело Своих рук; примирившись с человеком через Сына Своей любви, Он в некоторой мере вновь начертал закон на сердце Своего помрачённого, грешного создания. «Он» снова «показал тебе, о человек, что есть добро», хотя и не так, как в начале: «поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом твоим».

11 5. И это Он показал не только прародителям, но и всему их потомству через «тот истинный свет, который просвещает всякого человека, приходящего в мир». Но несмотря на этот свет, всякая плоть со временем «извратила путь свой пред Ним», пока Он не избрал из человечества особый народ, которому дал более совершенное познание Своего закона. А главные положения закона, поскольку они были медлительны разумением, Он написал на двух каменных скрижалях и повелел отцам учить им детей во всех последующих поколениях.

12 6. Именно так закон Божий теперь становится известен не знающим Бога. Слухом ушей они слышат то, что было

написано прежде для нашего наставления. Но этого недостаточно: таким способом они не могут постичь его высоту, глубину, длину и широту. Один Бог может открыть это Своим Духом. И Он открывает всем истинно верующим согласно благодатному обетованию, данному всему Израилю Божию: «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израилевым новый завет. И вот завет, который заключу: вложу закон Мой внутрь их и напишу его на сердцах их; и буду им Богом, а они будут Моим народом» (Иеремии 31:31 и далее).

[13] II. 1. Вторым предметом, который я намеревался показать, была природа того закона, первоначально данного ангелам на небе и человеку в раю, который Бог столь милостиво обещал вновь написать в сердцах всех истинно верующих. Для этого прежде замечу: хотя «закон» и «заповедь» иногда понимаются по-разному, причём заповедь означает лишь часть закона, в рассматриваемом тексте они употреблены как равнозначные слова, подразумевающие одно и то же. Но ни под тем, ни под другим здесь нельзя разуметь обрядовый закон. Не об обрядовом законе говорит апостол в приведённых выше словах: «Я не познал бы греха иначе, как через закон»; это слишком ясно, чтобы нуждаться в доказательстве. И не обрядовый закон говорит непосредственно вслед за этим: «Не пожелай». Поэтому обрядовому закону нет места в нынешнем вопросе.

[14] 2. Нельзя понимать под законом, упомянутым в тексте, и Моисеево домостроительство. Правда, иногда слово понимается именно так, например когда апостол говорит галатам (Галатам 3:17): «Завета, прежде утверждённого», а именно с Авраамом, отцом верующих, «закон», то есть

Моисеево домостроительство, «явившийся через четыреста тридцать лет, не может отменить». Но в нашем тексте понимать его так нельзя, ибо апостол никогда не воздаёт столь высокой хвалы тому несовершенному устроению теней. Нигде не утверждает он, что Моисеев закон духовен или что он свят, справедлив и добр. Неверно также, что именно этот закон Бог напишет в сердцах тех, чьих беззаконий более не воспоминает. Остаётся заключить, что «закон», называемый так по преимуществу, есть не что иное, как нравственный закон.

15 3. Этот закон — нетленное изображение Высокого и Святого, обитающего в вечности. Это Тот, Кого в Его сущности никто из людей не видел и видеть не может, сделавшийся видимым людям и ангелам. Это открытое лицо Божие, Бог, явленный Своим созданиям в той мере, в какой они способны вместить, явленный, чтобы дать, а не уничтожить жизнь, чтобы они могли видеть Бога и жить. Это сердце Божие, раскрытое человеку. Да, в некотором смысле мы можем приложить к этому закону то, что апостол говорит о Его Сыне: он есть apaugasma tes doxes, kai charakter tes hypostaseos autou, *истечение, или сияние, Его славы, точный образ Его ипостаси.*

16 4. Если бы добродетель, говорил древний язычник, могла принять такой вид, чтобы мы увидели её глазами, какую дивную любовь она пробудила бы в нас! Если бы добродетель могла это сделать! Это уже сделано. Закон Божий — все добродетели воедино, в таком виде, что все, чьи глаза Бог просветил, могут созерцать их открытым лицом. Что такое закон, если не божественные добродетель и мудрость, принимающие видимую форму? Что он, если не изначальные идеи истины и добра, от вечности пребывавшие в несотворённом уме, теперь

явленные и облечённые в такую оболочку, что доступны даже человеческому разумению?

17 5. Если посмотреть на закон Божий с другой стороны, он — высший, неизменный разум, неизменная правота, вечное соответствие всего сущего и когда-либо сотворённого надлежащему порядку. Я сознаю недостаточность и даже неточность этих и всех прочих человеческих выражений, когда мы такими бледными образами стараемся очертить глубины Божии. Однако в нынешнем младенческом состоянии нашего существования у нас нет лучшего, да и вообще другого, способа. Как теперь мы знаем лишь «отчасти», так вынуждены и «пророчествовать», то есть говорить о Божиих вещах, также «отчасти». «Мы не можем расположить нашу речь по причине тьмы», пока находимся в этом глиняном доме. Пока я «младенец», должен «говорить как младенец»; но скоро «оставлю младенческое», ибо «когда настанет совершенное, тогда частичное прекратится».

18 6. Но возвратимся. Закон Божий, говоря по-человечески, — снимок вечного ума, воспроизведение божественной природы. Да, он — прекраснейшее порождение вечного Отца, ярчайшее излияние Его сущностной мудрости, видимая красота Всевышнего. Он — услада и изумление херувимов и серафимов и всего небесного сонма, слава и радость каждого мудрого верующего, каждого хорошо наставленного чада Божия на земле.

19 III. 1. Такова природа вечно благословенного закона Божия. В-третьих, мне надлежит показать его свойства; не все, ибо это превзошло бы мудрость ангела, а лишь

названные в тексте. Их три: он свят, справедлив и добр. И прежде всего закон свят.

[20] 2. В этом выражении апостол, по-видимому, говорит не о последствиях закона, а скорее о его природе. Так святой Иаков, говоря о том же под другим именем, утверждает: «Мудрость, сходящая свыше», не что иное, как этот закон, написанный в нашем сердце, «во-первых, чиста» (Иакова 3:17), agne, — *целомудренна, незапятнанна,* вечно и по существу *свята.* И, следовательно, будучи перенесена не только в душу, но и в жизнь, она есть, как называет её тот же апостол (Иакова 1:27), threskeia kathara kai amiantos, *чистое и непорочное благочестие,* или чистое, незапятнанное, неосквернённое поклонение Богу.

[21] 3. Закон поистине в высшей степени чист, целомудрен, незапятнан, свят. Иначе он не мог бы быть непосредственным порождением, а тем более точным подобием Бога, Который есть святость по существу. Он чист от всякого греха, незапятнан и не осквернён никаким прикосновением зла. Он — целомудренная дева, неспособная ни к какому осквернению, ни к какой примеси нечистого или несвятого. Он не имеет общения ни с каким грехом: ибо что общего у света с тьмой? Как грех по самой своей природе есть вражда против Бога, так Его закон — вражда против греха.

[22] 4. Поэтому апостол с таким отвращением отвергает богохульное предположение, будто закон Божий есть либо сам грех, либо причина греха. Да не будет, чтобы мы считали его причиной греха оттого, что он обнаруживает грех, оттого, что выявляет сокрытое во тьме и вытаскивает его на дневной свет. Правда, таким образом, как замечает апостол (Римлянам 7:13), грех является грехом. Все его прикрытия сорваны, и он предстаёт в

природном безобразии. Правда также, что грех через заповедь становится крайне грешным: совершаемый теперь против света и знания, лишённый даже жалкого предлога неведения, он теряет и оправдание, и маску и становится гораздо отвратительнее и Богу, и человеку. Да, верно и то, что «грех производит смерть посредством доброго», самого по себе чистого и святого. Когда его вытаскивают на свет, он ещё более неистовствует; когда сдерживают, прорывается с большей силой. Так апостол говорит от лица человека, обличённого во грехе, но ещё не избавленного от него: «Грех, взяв повод от заповеди», обнаруживающей и старающейся сдержать его, презрел это ограничение и тем более «произвёл во мне всякую похоть» (Римлянам 7:8), всякое безрассудное и вредное желание, которое заповедь стремилась удержать. Так, «когда пришла заповедь, грех ожил» (Римлянам 7:9), стал ещё более раздражаться и неистовствовать. Но это не пятно на заповеди. Хотя ею злоупотребляют, осквернить её невозможно. Это доказывает лишь то, что «сердце человеческое крайне испорчено». А «закон» Божий по-прежнему «свят».

[23] 5. Во-вторых, он справедлив. Он воздаёт всем должное. Он предписывает в точности то, что правильно, именно то, что следует делать, говорить или думать в отношении Творца нашего бытия, нас самих и каждого созданного Им существа. Во всех отношениях он соответствует природе вещей, всей вселенной и каждого отдельного существа. Он сообразен всем обстоятельствам каждого и всем взаимным отношениям — существовавшим от начала или возникшим в какое-либо последующее время. Он точно согласуется с надлежащим порядком вещей, будь этот порядок сущностным или обусловленным обстоятельствами. Он ни в какой мере не противоречит

ему и никогда не бывает с ним не связан. Если понимать слово в этом смысле, в законе Божием нет ничего произвольного. При этом он целиком и в каждой части всецело зависит от Божией воли, так что «да будет воля Твоя» есть высший, всеобщий закон и на земле, и на небе.

[24] 6. «Но является ли воля Божия причиной Его закона? Есть ли Его воля источник правого и неправого? Правильно ли нечто *потому,* что Бог этого хочет? Или Он хочет этого потому, что это правильно?»

[25] Боюсь, этот знаменитый вопрос больше любопытен, чем полезен. И, быть может, обычный способ его обсуждения не вполне согласуется с почтением, которое создание должно Творцу и Правителю всего. Едва ли пристойно человеку призывать Всевышнего Бога к отчёту перед собой. Тем не менее со страхом и благоговением мы можем сказать немногое. Да простит нас Господь, если скажем неверно!

[26] 7. Итак, кажется, вся трудность возникает от рассмотрения воли Божией как чего-то отдельного от Бога; иначе она исчезает. Ибо никто не может сомневаться, что причина закона Божия — Бог. Но воля Божия есть Сам Бог, Бог, рассматриваемый как желающий того или другого. Следовательно, сказать, что причиной закона является воля Божия или Сам Бог, — одно и то же.

[27] 8. Далее, если закон, неизменное правило правого и неправого, зависит от природы вещей, их надлежащего порядка и существенных отношений друг к другу, — не говорю вечных отношений, ибо вечное отношение вещей, существующих во времени, почти противоречие, — если, говорю я, он зависит от природы и отношений вещей, то

должен зависеть от Бога, или воли Божией, поскольку сами эти вещи со всеми их отношениями — дело Его рук. По Его воле, единственно «для Его благоволения», все они «существуют и сотворены». [29]

[28] 9. И всё же можно допустить, и, вероятно, только на этом стал бы настаивать рассудительный человек, что в каждом отдельном случае Бог желает того или другого, например чтобы люди чтили родителей, потому что это правильно, согласно надлежащему порядку вещей и отношениям, в которых они находятся.

[29] 10. Итак, закон во всём правилен и справедлив. И он не только справедлив, но и добр. Это легко вывести из источника, из которого он истёк. Что было этим источником, если не благость Божия? Что, кроме одной лишь благости, склонило Его сообщить святым ангелам этот божественный образ Самого Себя? Чему ещё приписать дарование человеку того же воспроизведения Его природы? И что, кроме нежной любви, побудило Его вновь открыть Свою волю падшему человеку, Адаму или кому-либо из его потомков, которые, подобно ему, «лишились славы Божией»? Не одна ли любовь подвигла Его обнародовать Свой закон после того, как разумение людей помрачилось, и посылать пророков возвещать этот закон слепым, неразумным сынам человеческим? Несомненно, Его благость воздвигла Еноха и Ноя проповедниками праведности, побудила Авраама, Его друга, Исаака и Иакова свидетельствовать о Его истине. Одна Его благость, когда «тьма покрыла землю и густой мрак — народы», дала писаный закон Моисею, а через него — избранному Им народу. Любовь изъясняла эти живые изречения через Давида и всех последующих пророков, пока по исполнении времени Он не послал

Своего Единородного Сына «не нарушить закон, но исполнить», утвердить каждую его йоту и черту, до тех пор, когда, написав его в сердцах всех Своих детей и положив всех врагов под ноги, Он «предаст» Своё посредническое «Царство Отцу, да будет Бог всё во всём».

[30] 11. И этот закон, который благость Божия дала вначале и сохраняла во все века, подобно своему источнику исполнен доброты и благосклонности; он мягок и добр; он, по слову псалмопевца, «слаще мёда и капель сота». Он привлекателен и любезен. Он включает «всё любезное и достославное; если есть какая добродетель, если есть какая похвала» пред Богом и святыми Его ангелами, всё заключено в нём, в котором сокрыты все сокровища божественной мудрости, знания и любви.

[31] 12. Он добр и по своим последствиям, и по природе. Каково дерево, таковы и плоды. Плоды закона Божия, написанного в сердце, — «праведность, мир и уверенность навеки». Вернее, сам закон есть праведность, наполняющая душу миром, превосходящим всякое разумение, и побуждающая всегда радоваться свидетельству доброй совести пред Богом. Его вернее назвать не обеспечением, а «задатком нашего наследия», поскольку он уже часть приобретённого достояния. Это Бог, явленный в нашей плоти и приносящий с Собою вечную жизнь, уверяющий нас этой чистой и совершенной любовью, что мы «запечатлены в день искупления», что Он «пощадит нас, как человек щадит своего служащего ему сына», «в тот день, когда соберёт Свои драгоценности», и что для нас остаётся «неувядающий венец славы».

[32] IV. 1. Остаётся, в-четвёртых и в последнюю очередь, показать назначение закона. И первое его назначение,

несомненно, — обличать мир во грехе. Это, конечно, особое дело Святого Духа, Который может совершить его вовсе без средств или через любые угодные Ему средства, как бы сами по себе они ни были недостаточны или даже непригодны для такого действия. Соответственно есть люди, чьи сердца в мгновение сокрушались, в болезни или здравии, без какой-либо видимой причины или каких-либо внешних средств; а другие, один на целый век, пробуждались к сознанию «гнева Божия, пребывающего на них», слыша, что «Бог во Христе примирял с Собою мир». Но обычный способ Духа Божия — обличать грешников посредством закона. Именно он, приложенный к совести, обыкновенно разбивает скалы на части. Именно эта часть Слова Божия особенно есть zon kai energes, *живая и действенная,* исполненная жизни и силы, «и острее всякого обоюдоострого меча». В руке Божией и тех, кого Он послал, она проникает во все складки лукавого сердца и «разделяет душу и дух», да, словно самые «суставы и мозги». Благодаря этому грешник открывается самому себе. Все смоковные листья сорваны, и он видит, что «несчастен, беден, жалок, слеп и наг». Со всех сторон закон озаряет его обличением. Он чувствует себя одним лишь грешником. Ему нечем платить. Его «уста заграждены», и он стоит «виновным пред Богом».

[33] 2. Итак, первое назначение закона — умертвить грешника, уничтожить жизнь и силу, на которые он уповает, и убедить его, что он мёртв, хотя живёт: не только находится под смертным приговором, но действительно мёртв для Бога, лишён всякой духовной жизни, «мёртв по преступлениям и грехам». Второе назначение — привести его к жизни, ко Христу, чтобы он жил. Правда, исполняя обе эти обязанности, закон

действует как суровый воспитатель. Он скорее гонит нас силой, чем влечёт любовью. И всё же любовь — источник всего. Именно дух любви этим болезненным средством отрывает нашу уверенность от плоти, не оставляет нам ни одной надломленной трости для опоры и так вынуждает лишённого всего грешника воскликнуть в горечи души или простонать из глубины сердца:

[34] От всякого иного оправдания отрекаюсь я:
Господь, я осуждён; но Ты умер за меня.

[35] 3. Третье назначение закона — сохранять в нас жизнь. Он есть великое средство, которым благословенный Дух приготовляет верующего к более обильному приобщению жизни Божией.

[36] Боюсь, эту великую и важную истину мало понимает не только мир, но даже многие из тех, кого Бог взял из мира, кто по вере действительно является чадом Божиим. Многие из них полагают бесспорной истиной, что, придя ко Христу, мы покончили с законом и что в этом смысле «Христос — конец закона для всякого верующего». «Конец закона»: да, Он таков, «к праведности», к оправданию, «всякого верующего». В этом отношении закон пришёл к концу. Он никого не оправдывает, но только приводит ко Христу, Который и в другом отношении есть конец, или цель, закона, та точка, к которой закон непрестанно стремится. Но, приведя нас к Нему, закон имеет ещё одну обязанность — сохранять нас с Ним. Ибо чем больше верующие видят его высоту, глубину, длину и широту, тем сильнее он непрестанно побуждает их увещевать друг друга:

[37] Всё тесней и тесней припадём
К Его возлюбленным объятиям;

Будем ждать, что полноту Его примем
И благодать, отвечающую благодати.

38 4. Итак, допуская, что всякий верующий покончил с законом, если под ним разумеется иудейский обрядовый закон или всё Моисеево домостроительство, ибо Христос устранил их; да, допуская, что мы покончили с нравственным законом как средством приобрести оправдание, ибо мы «оправданы даром Его благодатью через искупление во Иисусе», — всё же в другом смысле с этим законом мы не покончили. Он по-прежнему невыразимо полезен: во-первых, обличая нас во грехе, ещё остающемся в сердцах и жизни, и тем самым удерживая близ Христа, чтобы Его кровь очищала нас каждое мгновение; во-вторых, сообщая силу от нашей Главы Его живым членам, которой Он даёт им способность делать повелеваемое законом; и в-третьих, утверждая нашу надежду на всё, что закон повелевает и чего мы ещё не достигли, на принятие благодати на благодать, пока мы действительно не овладеем полнотой Его обетований.

39 5. Как ясно это согласуется с опытом всякого истинного верующего! Восклицая: «Как люблю я закон Твой! Весь день я изучаю его», он ежедневно видит в этом божественном зеркале всё больше собственной греховности. Всё яснее видит, что по-прежнему во всём грешник, что ни сердце, ни пути его не правы пред Богом; и каждое мгновение это направляет его ко Христу. Так ему открывается смысл написанного: «Сделай дощечку из чистого золота и вырежи на ней: Святыня Господня. И будет она на челе Аарона», прообраза нашего великого Первосвященника, «чтобы Аарон нёс на себе вину

святынь, которые сыны Израилевы посвящают во всех своих святых дарах», — настолько далеки наши молитвы или святыни от искупления прочего нашего греха! — «и будет она всегда на челе его, чтобы они были приняты пред Господом» (Исход 28:36, 38).

40 6. Поясним это одним примером. Закон говорит: «Не убивай», и тем самым, как учит Господь наш, запрещает не только внешние действия, но и всякое недоброе слово или мысль. Чем больше я всматриваюсь в этот совершенный закон, тем сильнее чувствую, как далеко не достигаю его; а чем сильнее это чувствую, тем сильнее ощущаю нужду в Его крови для искупления всего моего греха и в Его Духе для очищения сердца, чтобы сделать меня «совершенным и целостным, без всякого недостатка».

41 7. Поэтому я ни на мгновение не могу обойтись без закона, как не могу обойтись без Христа: теперь закон так же нужен мне для удержания близ Христа, как прежде был нужен для приведения к Нему. Иначе это «лукавое сердце неверия» немедленно «отступило бы от живого Бога». Поистине один непрестанно посылает меня к Другому: закон — ко Христу, а Христос — к закону. С одной стороны, высота и глубина закона понуждают бежать к любви Божией во Христе; с другой — любовь Божия во Христе делает закон дороже мне «золота или драгоценных камней», поскольку я знаю: каждая его часть есть благодатное обетование, которое Господь мой исполнит в своё время.

42 8. Кто же ты, человек, «судящий закон и злословящий закон», ставящий его в один ряд с грехом, сатаной и смертью и отправляющий их всех вместе в ад? Апостол Иаков считал суд над законом или «злословие закона»

столь чудовищным нечестием, что не знал, как сильнее показать тяжесть вины осуждения братьев, кроме как указав, что оно включает и это. «Таким образом, — говорит он, — ты уже не исполнитель закона, а судья!» Судья того, что Бог назначил судить тебя! Так ты сам воссел на судилище Христово и низверг правило, по которому Он будет судить мир! О, осознай, какое преимущество сатана приобрёл над тобой; и впредь никогда не думай и не говори легкомысленно об этом благословенном орудии Божией благодати, тем более не наряжай его пугалом. Напротив, люби и цени его ради Того, от Кого он исходит, и Того, к Кому ведёт. После креста Христова пусть он будет твоей славой и радостью. Возвещай ему хвалу и делай его почтенным пред всеми людьми.

[43] 9. И если ты вполне убеждён, что закон — порождение Бога, воспроизведение всех Его совершенств, которым можно подражать, и что он «свят, справедлив и добр», особенно для верующих, то, вместо того чтобы отбрасывать его как нечто осквернённое, смотри, всё более прилепляйся к нему. Пусть никогда не оставляет тебя закон милости и истины, любви к Богу и человеку, смирения, кротости и чистоты. «Обвяжи им шею твою, напиши его на скрижали сердца твоего». Держись близко закона, если желаешь держаться близко Христа; крепко храни его, не отпускай. Пусть он непрестанно ведёт тебя к искупительной крови, непрестанно утверждает твою надежду, пока вся «праведность закона не исполнится в тебе» и ты не «исполнишься всею полнотою Божией».

[44] 10. И если Господь твой уже исполнил Своё слово, уже «написал Свой закон в твоём сердце», то «стой в свободе, которой Христос освободил тебя». Ты освобождён не

только от иудейских обрядов, вины греха и страха ада: это столь далеко от всей христианской свободы, что составляет лишь наименьшую и низшую её часть. Ты освобождён, что бесконечно больше, от власти греха, от служения дьяволу, от оскорбления Бога. О, стой в этой свободе, по сравнению с которой всё остальное недостойно даже упоминания! Стой в любви к Богу всем сердцем и в служении Ему всей силой! Это совершенная свобода — так хранить Его закон и непорочно ходить во всех Его заповедях. «Не подвергайся опять игу рабства». Я не разумею иудейского рабства или рабства страху ада; надеюсь, они далеки от тебя. Но берегись вновь запутаться в иге греха, какого-либо внутреннего или внешнего нарушения закона. Гнушайся грехом гораздо больше, чем смертью или адом; гнушайся самим грехом гораздо больше, чем его наказанием. Берегись рабства гордости, желанию, гневу, всякому дурному расположению, слову или делу. «Взирай на Иисуса», а для этого всё более вникай в совершенный закон, «закон свободы», и «пребывай в нём»; так будешь ежедневно «возрастать в благодати и познании Господа нашего Иисуса Христа».

Закон, утверждаемый верой

[1] Беседа I

[2] «Итак, уничтожаем ли мы закон верой? Да не будет! Напротив, утверждаем закон».

[3] Римлянам 3:31.

[4] 1. Святой Павел, положив в начале этого Послания своё общее положение, а именно что «Евангелие Христово есть сила Божия ко спасению всякому верующему», могущественное средство, которым Бог делает каждого верующего причастником нынешнего и вечного спасения, далее показывает, что нет под небом иного пути, которым люди могли бы спастись. В особенности он говорит о спасении от вины греха, которое обыкновенно называет оправданием. А что все люди нуждались в нём и никто не мог ссылаться на собственную невинность, он подробно доказывает различными доводами, обращёнными и к иудеям, и к язычникам. Отсюда он выводит, в девятнадцатом стихе этой главы, что «всякие уста», иудея или язычника, должны быть «заграждены», чтобы не извинять и не оправдывать себя, «и весь мир стать виновным пред Богом». «Поэтому, — говорит он, — собственным послушанием, делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть». «Но ныне праведность Божия без закона», без нашего предварительного послушания ему, «явилась», «праведность Божия через веру в Иисуса Христа во всех и на всех верующих». «Ибо нет различия» в их нужде в

оправдании или способе его получения, «потому что все согрешили и лишились славы Божией», славного образа Божия, в котором были созданы. И все, кто получает оправдание, «оправдываются даром Его благодатью через искупление во Христе Иисусе, Которого Бог предложил в умилостивление через веру в Его кровь, чтобы быть Ему праведным и оправдывающим верующего в Иисуса», чтобы без какого-либо ущерба Своей справедливости явить ему милость ради этого умилостивления. «Поэтому заключаем», — таково главное положение, которое он взялся утвердить, — «что человек оправдывается верою, независимо от дел закона» (стихи 20–28). [30]

5 2. Легко было предвидеть возражение, которое могло возникнуть и действительно возникало во все века: утверждать, что мы оправдываемся независимо от дел закона, значит упразднять закон. Апостол, не вступая в формальный спор, просто отрицает обвинение. «Итак, — говорит он, — уничтожаем ли мы закон верой? Да не будет! Напротив, утверждаем закон».

6 3. Странное представление некоторых, будто святой Павел, говоря: «Человек оправдывается независимо от дел закона», разумеет только обрядовый закон, с избытком опровергается этими самыми словами. Ибо разве святой Павел утверждал обрядовый закон? Очевидно, нет. Этот закон он действительно упразднял верой и открыто признавал это. Только о нравственном законе он мог по правде сказать: мы не уничтожаем его, но утверждаем верой.

7 4. Однако не все в этом согласны с ним. Многие не желают принять этого. Многие во все века Церкви, даже среди носивших имя христиан, утверждали, что «вера, однажды преданная святым», предназначена упразднить

весь закон. Они не желали щадить нравственный закон больше, чем обрядовый, но словно стремились «изрубить оба на части пред Господом», горячо настаивая: «Если вы утверждаете какой-либо закон, Христос не принесёт вам пользы; вы остались без Христа, отпали от благодати».

[8] 5. Но по рассуждению ли ревность этих людей? Заметили ли они связь между законом и верой и то, что при такой тесной связи уничтожить одно — значит уничтожить оба? Что упразднить нравственный закон на деле значит упразднить и веру, и закон вместе, не оставляя надлежащего средства ни привести нас к вере, ни возгревать этот Божий дар в нашей душе?

[9] 6. Поэтому всем, кто желает прийти ко Христу или ходить в Нём, приняв Его, надлежит остерегаться «уничтожать закон верой». Чтобы действенно оградить нас от этого, исследуем, во-первых, каковы наиболее обычные способы «уничтожать закон верой», а во-вторых, как нам следовать апостолу и верою «утверждать закон».

[10] I. 1. Прежде исследуем, каковы наиболее обычные способы уничтожать закон верой. Для проповедника способ разом уничтожить его целиком — вовсе его не проповедовать. Это то же самое, что вычеркнуть его из Божиих изречений. Особенно когда это делается намеренно, когда устанавливают правило не проповедовать закон и само выражение «проповедник закона» употребляют как упрёк, словно оно значит почти то же, что враг Евангелия.

[11] 2. Всё это происходит от глубочайшего неведения природы, свойств и назначения закона и доказывает, что поступающие так либо не знают Христа, совершенно

чужды живой вере, либо по крайней мере лишь младенцы во Христе и потому «несведущи в слове правды».

12 3. Их главный довод таков: проповедь Евангелия, то есть, по их суждению, разговор исключительно о страданиях и заслугах Христа, достигает всех целей закона. Но мы это совершенно отрицаем. Она не достигает самой первой цели закона — обличения людей во грехе, пробуждения ещё спящих на краю ада. Тут и там могли быть исключительные случаи. Один из тысячи, возможно, пробудился от Евангелия; но это не общее правило. Обычный Божий способ — обличать грешников законом и только им. Евангелие — не то средство, которое Бог установил или которым Сам Господь пользовался ради этой цели. В Писании у нас нет полномочия применять его таким образом и нет оснований думать, что это окажется действенным. Не больше оснований ожидать этого и по природе самого дела. «Здоровые, — как замечает Сам Господь, — не имеют нужды во враче, но больные». Поэтому нелепо предлагать врача здоровым или тем, кто по крайней мере воображает себя здоровым. Сначала следует убедить их, что они больны; иначе они не поблагодарят за труд. Столь же нелепо предлагать Христа тем, чьё сердце цело и ещё никогда не было сокрушено. Это в собственном смысле «бросать жемчуг перед свиньями». Несомненно, «они попрут его ногами»; и у вас есть все основания ожидать, что они также «обратятся и растерзают вас».

13 4. «Но хотя в Писании нет повеления предлагать Христа беспечному грешнику, разве нет библейских примеров этого?» Думаю, нет; я не знаю ни одного. Полагаю, вы не можете привести ни одного ни из четырёх евангелистов, ни из Деяний апостолов. Ни из какого

места всех апостольских писаний вы также не можете доказать, что кто-либо из апостолов поступал так.

14 5. «Но разве апостол Павел не говорит в Первом послании к Коринфянам: „Мы проповедуем Христа распятого“ (1:23), а во Втором: „Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса Господа“ (4:5)?»

15 Мы согласны поставить исход дела в зависимость от этого: идти по его стопам, следовать его примеру. Только проповедуйте в точности так, как проповедовал Павел, — и спор окончен.

16 Ибо хотя мы уверены, что он проповедовал Христа столь же совершенно, как самые высшие апостолы, кто проповедовал закон больше святого Павла? Следовательно, он не считал, что Евангелие достигает той же цели.

17 6. Самая первая из записанных проповедей святого Павла заканчивается словами: «Им всякий верующий оправдывается во всём, в чём вы не могли оправдаться законом Моисеевым. Берегитесь же, чтобы не пришло на вас сказанное в пророках: смотрите, презирающие, подивитесь и погибните; ибо Я совершаю дело во дни ваши, дело, которому вы никак не поверите, если кто расскажет вам» (Деяния 13:39, 40). Очевидно, всё это — проповедь закона в том смысле, в каком вы понимаете выражение, хотя большая часть слушателей, если не все, были иудеями или благочестивыми прозелитами (стих 43), и потому, вероятно, многие из них хотя бы в некоторой степени уже были обличены во грехе. Он сначала напоминает, что они не могли оправдаться законом Моисеевым, а только верой во Христа, затем

сурово грозит им судами Божиими, что в самом сильном смысле и есть проповедь закона.

18 7. В следующей его речи, к язычникам в Листре (14:15 и далее), мы не находим даже имени Христова: весь смысл её в том, чтобы они «обратились от этих суетных идолов к живому Богу». Теперь признайте правду. Не думаете ли вы, что, окажись вы там, вы могли бы проповедовать гораздо лучше него? Я бы не удивился, если бы вы также подумали, что причиной *столь дурного обращения* с ним стала его *столь дурная проповедь* и что *побиение камнями* было справедливым судом над ним за то, что он не *проповедовал Христа*!

19 8. Правда, темничному стражу, когда тот «вбежал и в трепете пал перед Павлом и Силой и сказал: государи мои, что мне делать, чтобы спастись?», он немедленно ответил: «Веруй в Господа Иисуса Христа» (Деяния 16:29, 30). И кто не сказал бы того же человеку, столь глубоко обличённому во грехе? Но афинянам, как мы видим, он говорит совершенно иначе: обличает их суеверие, неведение и идолопоклонство и сильно побуждает к покаянию, указывая на будущий суд и воскресение мёртвых (17:24–31). Равным образом, когда Феликс послал за Павлом специально, чтобы «послушать его о вере во Христа», тот вместо проповеди Христа в *вашем* смысле, которая, вероятно, вызвала бы у правителя насмешку или противоречия и богохульство, «рассуждал о праведности, воздержании и будущем суде», пока Феликс, при всём своём ожесточении, не «пришёл в страх» (24:24, 25). Иди и ступай по его следам. Проповедуй Христа беспечному грешнику, рассуждая «о праведности, воздержании и будущем суде»!

[20] 9. Если скажете: «Но в Посланиях он проповедовал Христа иначе», — отвечаю: во-первых, там он вообще не проповедовал, не в том смысле, о котором мы говорим, ибо в нынешнем вопросе проповедь означает речь перед собранием. Но, оставляя это, отвечаю, во-вторых: его Послания направлены не неверующим, подобным тем, о ком мы сейчас говорим, а «святым Божиим» в Риме, Коринфе, Филиппах и других местах. Несомненно, им он говорил бы о Христе больше, чем тем, кто был без Бога в мире. И всё же, в-третьих, каждое из этих Посланий исполнено закона, даже Послания к Римлянам и Галатам: в обоих он делает то, что вы называете «проповедью закона», притом и верующим, и неверующим.

[21] 10. Отсюда ясно: вы не знаете, что значит проповедовать Христа в апостольском смысле. Ибо святой Павел, несомненно, считал, что проповедует Христа и Феликсу, и в Антиохии, Листре и Афинах. Из его примера всякий мыслящий человек должен заключить, что не только возвещение любви Христовой к грешникам, но и возвещение того, что Он придёт с неба в пламенеющем огне, есть, по мысли апостола, проповедь Христа, да и в полном библейском смысле этого слова. Проповедовать Христа — значит проповедовать открытое Им в Ветхом или Новом Завете. Поэтому вы так же действительно проповедуете Христа, говоря: «Нечестивые обратятся в ад и все народы, забывающие Бога», как и говоря: «Вот Агнец Божий, берущий на Себя грех мира!»

[22] 11. Хорошо обдумайте это: проповедовать Христа — значит проповедовать всё, что Христос сказал, все Его обетования, все угрозы и повеления, всё написанное в Его книге; и тогда узнаете, как проповедовать Христа, не уничтожая закона.

[23] 12. «Но разве наибольшее благословение не сопровождает беседы, в которых мы особенно проповедуем заслуги и страдание Христа?»

[24] Вероятно, когда мы проповедуем собранию скорбящих или верующих, такие беседы сопровождаются наибольшим благословением, ибо особенно соответствуют их состоянию. По крайней мере обыкновенно они приносят больше всего утешения. Но это не всегда наибольшее благословение. Порой я могу получить гораздо большее от беседы, пронзающей сердце и смиряющей меня до праха. Я не получил бы и того утешения, если бы проповедовал или слушал только беседы о страданиях Христа. От постоянного повторения они теряли бы силу, становились всё более пресными и мёртвыми, пока наконец не превратились бы в унылый круг слов без всякого духа, жизни или действенности. Поэтому такая проповедь Христа со временем должна уничтожить и Евангелие, и закон.

[25] II. 1. Второй способ уничтожать закон верой — учить, что вера устраняет необходимость святости. Он разветвляется на тысячу меньших троп, и многие идут ими. В действительности мало кто совершенно избегает его; мало кто из убеждённых, что мы спасаемся верою, рано или поздно, в большей или меньшей мере не увлекается на этот обходной путь.

[26] 2. На этот обходной путь увлекаются все, кто, даже не будучи твёрдо убеждён, что вера во Христа вполне устраняет необходимость соблюдать Его закон, всё же предполагает одно из следующего: либо, во-первых, что святость теперь менее необходима, чем до пришествия Христа; либо, во-вторых, что необходима меньшая её степень; либо, в-третьих, что верующим она менее

необходима, чем другим. Да, и все те, кто, хотя в общем судит правильно, всё же думает, будто в отдельных случаях может позволить себе больше свободы, чем до уверования. Само употребление слова *свобода* в таком смысле, как свободы от послушания или святости, сразу показывает, что суждение их извращено и что они виновны именно в том, что считали далёким от себя, — в уничтожении закона верой, через предположение, будто вера устраняет святость.

27 3. Первое оправдание тех, кто прямо учит этому, таково: теперь мы под заветом благодати, а не дел, и потому более не обязаны исполнять дела закона.

28 Но кто вообще был под заветом дел? Никто, кроме Адама до падения. Он вполне и в собственном смысле находился под тем заветом, который требовал совершенного, всецелого послушания как единственного условия принятия и не оставлял места для прощения при самом малом преступлении. Но ни один другой человек никогда под ним не находился: ни иудей, ни язычник, ни до Христа, ни после. Все его сыновья были и остаются под заветом благодати. Способ их принятия таков: свободная благодать Божия через заслуги Христовы даёт прощение верующим, верующим той верой, которая, действуя любовью, производит всякое послушание и святость.

29 4. Поэтому дело обстоит не так, как вы полагаете, будто люди *некогда* были больше обязаны повиноваться Богу или творить дела Его закона, чем *теперь.* Этого предположения вы не можете доказать. Но если бы мы были под заветом дел, то обязаны были бы совершить эти дела прежде нашего принятия. Теперь же все добрые дела, хотя и столь же необходимы, как всегда, не предшествуют нашему принятию, а следуют за ним.

Поэтому природа завета благодати не даёт вам никакого основания и никакого поощрения устранять какой-либо вид или степень послушания, какую-либо часть или меру святости.

30 5. «Но разве мы не оправдываемся верой, независимо от дел закона?» Несомненно, оправдываемся, независимо от дел и обрядового, и нравственного закона. О, если бы все люди были убеждены в этом! Это предупредило бы бесчисленные беды, в особенности антиномизм, отрицание закона: ведь, вообще говоря, именно фарисеи порождают антиномистов. Впадая в крайность, столь явно противную Писанию, они подталкивают других к противоположной. Стремясь оправдаться делами, они пугают тех так, что те не хотят оставлять делам никакого места.

31 6. Но истина между обеими крайностями. Мы, несомненно, оправдываемся верой. Это краеугольный камень всего христианского здания. Мы оправдываемся независимо от дел закона как какого-либо предварительного условия оправдания; но они — непосредственный плод той веры, которой мы оправдываемся. Поэтому если за нашей верой не следуют добрые дела, вся внутренняя и внешняя святость, то ясно, что вера наша ничего не стоит: мы всё ещё во грехах. Следовательно, то, что мы оправдываемся верой, именно нашей верой без дел, не даёт основания уничтожать закон верой или воображать, будто вера освобождает от какого-либо вида или степени святости.

32 7. «Но разве святой Павел прямо не говорит: „Не делающему, но верующему в Оправдывающего нечестивого вера его вменяется в праведность“? И разве отсюда не следует, что вера для верующего заменяет

праведность, занимает её место? Но если вера занимает место праведности или святости, зачем нужна ещё и она?»

33 Надо признать, это касается самого существа вопроса и действительно составляет главный столп антиномизма. И всё же ответ не требует длинного или сложного рассуждения. Мы признаём, во-первых, что Бог оправдывает нечестивого, того, кто до того часа совершенно нечестив, исполнен всякого зла и лишён всякого добра; во-вторых, что Он оправдывает нечестивого, не делающего, до того мгновения не совершающего никакого доброго дела, да и не способного его совершить, ибо худое дерево не может приносить добрые плоды; в-третьих, что Он оправдывает его одной верой, без предшествующей добродетели или праведности; и в-четвёртых, что тогда вера вменяется ему в праведность, а именно вместо предшествующей праведности: то есть Бог через заслуги Христа принимает верующего так, словно тот уже исполнил всякую праведность. Но какое отношение всё это имеет к вашему утверждению? Апостол ни здесь, ни где-либо ещё не говорит, что эта вера вменяется ему вместо *последующей праведности.* Он действительно учит, что праведности нет *до* веры, но где учит, что её нет *после* веры? Он утверждает, что святость не может *предшествовать* оправданию, но не то, что она не должна *следовать* за ним. Поэтому святой Павел не даёт вам никакого предлога уничтожать закон, уча, будто вера устраняет необходимость святости.

34 III. 1. Есть ещё один способ уничтожать закон верой, более обычный, чем оба предыдущих. Это делать так на практике: уничтожать закон *на деле,* хотя и не *в учении,*

жить так, словно вера предназначена освободить нас от святости.

[35] Как настойчиво апостол предостерегает нас от этого в известных словах: «Что же? Станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Да не будет!» (Римлянам 6:15). Это предостережение необходимо основательно рассмотреть, ибо оно величайшей важности.

[36] 2. Быть «под законом» здесь может означать: во-первых, быть обязанным соблюдать обрядовый закон; во-вторых, быть обязанным сообразоваться со всем Моисеевым установлением; в-третьих, быть обязанным хранить весь нравственный закон как условие нашего принятия Богом; и в-четвёртых, находиться под гневом и проклятием Божиим, под приговором вечной смерти, под сознанием вины и осуждения, исполненным ужаса и рабского страха.

[37] 3. Хотя верующий «не чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу», с момента уверования он уже не находится «под законом» ни в одном из названных смыслов. Напротив, он «под благодатью», под более благим, милостивым домостроительством. Как он уже не под обрядовым законом и не под Моисеевым установлением, как он не обязан хранить даже нравственный закон в качестве условия принятия, так он избавлен от гнева и проклятия Божиих, от всякого сознания вины и осуждения и от всего того ужаса и страха смерти и ада, которые прежде всю жизнь держали его в рабстве. Теперь он исполняет добровольное и всецелое послушание, чего, находясь «под законом», делать не мог. Он повинуется не из побуждения рабского страха, а на более благородном основании: благодать

Божия правит в его сердце и делает так, что все дела его совершаются в любви.

38 4. Что же? Неужели это евангельское начало действия окажется менее сильным, чем законное? Неужели из сыновней любви мы будем повиноваться Богу меньше, чем из рабского страха?

39 Хорошо, если это не обычный случай, если этот практический антиномизм, этот незамеченный способ уничтожать закон верой не заразил тысячи верующих.

40 Не заразил ли он тебя? Исследуй себя честно и внимательно. Не делаешь ли теперь того, на что не осмелился бы, когда был «под законом» или, как мы обычно говорим, под обличением? Например, тогда ты не смел потворствовать себе в пище, принимал лишь необходимое, притом самое дешёвое. Не позволяешь ли себе теперь большей свободы? Не потворствуешь ли себе *немного* больше прежнего? О, берегись «грешить потому, что ты не под законом, а под благодатью»!

41 5. Когда ты был под обличением, ты не смел ни в какой мере потворствовать похоти очей. Не стал бы делать ничего, большого или малого, лишь для удовлетворения любопытства. И в убранстве дома, и в одежде ты считался только с чистотой и необходимостью или самое большее с очень умеренным удобством; излишества и наряды всякого рода, равно как модная изысканность, были для тебя и ужасом, и мерзостью.

42 Остаются ли они такими? Столь же чутка ли теперь твоя совесть в этих вещах, как тогда? Следуешь ли ты всё ещё тому же правилу и в убранстве, и в одежде, попирая всякую нарядность, всякое излишество, всё бесполезное, всё чисто декоративное, как бы ни было это модно? Не

вернулся ли ты, напротив, к тому, что некогда оставил и чем тогда не мог пользоваться, не раня совести? Не научился ли говорить: «О, теперь я не так щепетилен»? О, если бы ты был таким! Тогда ты не стал бы так *грешить* «потому, что ты не под законом, а под благодатью»!

[43] 6. Когда-то ты был щепетилен и в том, чтобы хвалить кого-либо в лицо, ещё больше — в том, чтобы позволять кому-либо хвалить тебя. Это было ударом в сердце; ты не мог вынести этого, искал чести, исходящей от одного Бога. Ты не мог терпеть таких разговоров и вообще никакой беседы, не служащей назиданию. Всякую праздную речь, всякую пустую беседу ты отвергал, ненавидел и боялся её, глубоко сознавая ценность времени, каждого драгоценного мимолётного мгновения. Подобным образом ты страшился и гнушался напрасных расходов, ценя деньги лишь немногим ниже времени и трепеща, как бы не оказаться неверным домоправителем даже неправедного богатства.

[44] Смотришь ли ты теперь на похвалу как на смертельный яд, который не можешь ни давать, ни принимать без опасности для души? По-прежнему ли страшишься и гнушаешься всякого разговора, не служащего назиданию, и стараешься употребить каждое мгновение так, чтобы оно не ушло, не сделав тебя лучше, чем застало? Не стал ли ты менее внимателен к расходованию и денег, и времени? Не можешь ли теперь тратить и то и другое так, как прежде не мог? Увы! Как «должное служить твоему здравию стало для тебя поводом к падению»! Как ты «согрешал потому, что был не под законом, а под благодатью»!

[45] 7. Да не будет, чтобы ты продолжал так «обращать благодать Божию в распутство»! О, вспомни, какое ясное

и сильное обличение имел некогда относительно всего этого! И в то же время ты был вполне уверен, от Кого оно исходило. Мир говорил, что ты заблуждаешься, но ты знал: это голос Божий. В этих вещах ты тогда не был чрезмерно щепетилен, а теперь недостаточно щепетилен. Бог дольше держал тебя в той болезненной школе, чтобы ты совершеннее усвоил великие уроки. Неужели уже забыл их? О, вспомни, пока не поздно! Столько ли ты претерпел напрасно? Надеюсь, ещё не напрасно. Теперь пользуйся обличением без боли! Исполняй урок без розги! Пусть Божия милость имеет для тебя теперь не меньший вес, чем прежде — Его пламенный гнев. Разве любовь менее сильное побуждение, чем страх? Если нет, пусть неизменным будет правило: «Теперь, будучи „под благодатью“, не стану делать ничего, на что не осмелился бы, находясь „под законом“».

[46] 8. Не могу закончить этот раздел, не увещевая тебя исследовать себя также относительно грехов упущения. Столь же ли свободен ты от них теперь, «под благодатью», как был «под законом»? Как усердно ты тогда слушал слово Божие! Упускал ли хоть одну возможность? Не внимал ли ему день и ночь? Удержало бы тебя малое препятствие, небольшое дело, посетитель, лёгкое недомогание, мягкая постель, тёмное или холодное утро? Не постился ли ты тогда часто или не соблюдал ли воздержание до предела сил? Не пребывал ли много в молитве, хотя был холоден и тяжёл духом, пока висел над устьем ада? Не говорил ли без пощады даже за ещё неведомого Бога? Не защищал ли смело Его дело, не обличал ли грешников, не исповедовал ли истину перед прелюбодейным поколением? И теперь ты верующий во Христа? Имеешь веру, побеждающую мир? Как! И теперь меньше ревнуешь о своём Господине, чем когда не знал

Его? Менее усерден в посте, молитве, слушании Его слова, призывании грешников к Богу? О, покайся! Увидь и почувствуй тяжкую потерю! Вспомни, откуда ты ниспал! Оплачь свою неверность! Теперь будь ревностен и твори прежние дела, чтобы, если продолжишь «уничтожать закон верой», Бог не отсёк тебя и не назначил тебе участь с неверными!

Закон, утверждаемый верой

[1] Беседа 2

[2] «Итак, уничтожаем ли мы закон верой? Да не будет! Напротив, утверждаем закон».

[3] Римлянам 3:31.

[4] 1. В предшествующей беседе было показано, каковы наиболее обычные способы уничтожать закон верой: во-первых, вовсе не проповедовать его, что действенно уничтожает его целиком одним ударом, притом под видом проповеди Христа и возвеличения Евангелия, хотя на деле это уничтожение и того, и другого; во-вторых, учить прямо или косвенно, что вера устраняет необходимость святости, что святость теперь менее необходима или требуется в меньшей степени, чем до пришествия Христа; что нам, поскольку мы веруем, она менее необходима, чем была бы иначе; или что христианская свобода есть свобода от какого-либо вида или степени святости. Так извращаются великие истины: что теперь мы под заветом благодати, а не дел; что человек оправдывается верой, независимо от дел закона; и что «не делающему, но верующему вера его вменяется в праведность». Или, в-третьих, делать это на практике: уничтожать закон в жизни, хотя и не в учении; жить или действовать так, словно вера предназначена освободить нас от святости; позволять себе грех, «потому что мы не под законом, а под благодатью». Остаётся исследовать, как нам следовать лучшему образцу, как быть способными сказать

с апостолом: «Итак, уничтожаем ли мы закон верой? Да не будет! Напротив, утверждаем закон». [31]

5 2. Мы, конечно, не утверждаем древний обрядовый закон: знаем, что он отменён навсегда. Тем менее утверждаем всё Моисеево домостроительство: знаем, что Господь пригвоздил его ко кресту. Не утверждаем мы и нравственный закон так, как, следует опасаться, делают слишком многие, будто исполнение его, соблюдение всех заповедей, есть условие нашего оправдания. Если бы так, несомненно, «не оправдался бы пред Ним никто из живущих». Но, признав всё это, мы всё же в апостольском смысле «утверждаем закон», нравственный закон.

6 I. 1. Во-первых, мы утверждаем закон нашим учением, стараясь проповедовать его во всём объёме, объяснять и подкреплять каждую его часть так же, как наш великий Учитель делал на земле. Мы утверждаем его, следуя совету святого Петра: «Если кто говорит, говори как изречения Божии», как древние святые мужи, движимые Святым Духом, говорили и писали для нашего наставления, и как апостолы нашего благословенного Господа — по руководству того же Духа. Всякий раз, говоря Его именем, мы утверждаем закон, ничего не утаивая от слушателей, возвещая им без ограничения или оговорок весь совет Божий. И чтобы действеннее утвердить его, пользуемся великой ясностью речи. «Мы не как многие, *повреждающие* слово Божие», kapEleuontes, как ловкие люди портят свои дурные вина; мы не *разбавляем его по-трактирному, не смешиваем, не подделываем* и не *смягчаем,* чтобы приспособить ко вкусу слушателей. «Но от искренности, но от Бога, пред Богом говорим во Христе», не имея иной цели, кроме как

«явлением истины представлять себя совести каждого человека пред Богом».

[7] 2. Итак, нашим учением мы утверждаем закон, когда открыто возвещаем его всем людям во всей полноте, в какой он дан нашим благословенным Господом и Его апостолами, когда провозглашаем его высоту, глубину, длину и широту. Мы утверждаем закон, когда возвещаем каждую его часть, каждую содержащуюся в нём заповедь не только в полном буквальном смысле, но и в духовном значении; не только в отношении внешних действий, которые он запрещает или предписывает, но и в отношении внутреннего начала, мыслей, желаний и намерений сердца.

[8] 3. И делаем это тем усерднее не только потому, что это чрезвычайно важно, — ибо весь плод, каждое слово и дело неизбежно будут непрестанно злы, если дерево зло, если расположения и чувства сердца неправы пред Богом, — но и потому, что при всей важности этих вещей их мало рассматривают и понимают, столь мало, что и о законе, взятом во всём духовном смысле, можно по правде сказать: это «тайна, сокрытая от веков и родов, от начала мира». Она была совершенно сокрыта от языческого мира. При всей хвалёной мудрости язычники не познали ни Бога, ни закона Божия — ни по букве, тем менее по духу. «Их неразумные сердца» всё более «омрачались»; «называя себя мудрыми, они обезумели». И почти столь же сокрыт был духовный смысл закона от большей части иудейского народа. Даже те, кто так охотно говорил о других: «Этот народ, не знающий закона, проклят», тем произносили собственный приговор, находясь под тем же проклятием, в том же ужасном неведении. Свидетельство этому — непрестанные обличения Господом мудрейших

из них за грубые искажения закона. Свидетельство — почти всеобщее у них предположение, что достаточно очистить чашу снаружи; что десятина с мяты, аниса и тмина, внешняя точность, искупит внутреннюю нечистоту, полное пренебрежение справедливостью и милосердием, верой и любовью к Богу. Да, духовный смысл закона был настолько сокрыт от мудрейших из них, что один из выдающихся раввинов так толкует слова псалмопевца: «Если я склонюсь сердцем к беззаконию, Господь не услышит меня»: «То есть, — говорит он, — если это только в моём сердце, если я не совершаю внешнего зла, Господь не обратит внимания, не накажет меня, пока я не перейду к внешнему поступку!»

9 4. Но увы! Закон Божий во внутреннем, духовном значении сокрыт не от одних иудеев или язычников, но и от так называемого христианского мира, по крайней мере от его огромного большинства. Духовный смысл Божиих заповедей и для них по-прежнему тайна. Это наблюдается не только в землях, покрытых римской тьмой и невежеством. К сожалению, несомненно, что гораздо большая часть даже так называемых *реформированных христиан* и ныне совершенно чужда закону Христову в его чистоте и духовности.

10 5. Оттого и доныне «книжники и фарисеи», люди, имеющие вид благочестия, но не его силу, обычно мудрые в собственных глазах и праведные в собственном мнении, «слыша это, соблазняются», глубоко соблазняются, когда мы говорим о благочестии сердца, особенно когда показываем, что без него, даже если бы мы «раздали всё имение своё на пропитание бедных», это не принесло бы нам пользы. Но пусть соблазняются, ибо мы не можем не говорить истины, как она есть в Иисусе. Наш долг, станут

они слушать или откажутся, — избавить собственную душу. Всё написанное в Божией книге мы должны возвещать, угождая не людям, а Господу. Должны возвещать не только все обетования, но и все угрозы, которые в ней находим. Провозглашая все благословения и преимущества, приготовленные Богом Своим детям, мы должны также «учить всему, что Он повелел». И мы знаем, что всё это полезно: для пробуждения спящих, наставления неведущих, утешения малодушных или созидания и усовершения святых. Знаем, что «всё Писание, богодухновенное, полезно» либо «для учения», либо «для обличения», либо «для исправления или наставления в праведности» и что «человек Божий» по мере Божией работы в его душе нуждается в каждой его части, чтобы в конце концов «быть совершенным, ко всякому доброму делу приготовленным».

[11] 6. Наш долг — так проповедовать Христа, проповедуя всё открытое Им. Конечно, мы можем без вины, да ещё и с особым Божиим благословением, возвещать любовь Господа нашего Иисуса Христа; можем преимущественно говорить о «Господе — праведности нашей». Можем пространно говорить о благодати Божией во Христе, «примиряющем с Собою мир»; при надлежащем случае можем останавливаться на хвале Ему как «понёсшему беззакония всех нас, изъязвлённому за преступления наши, сокрушённому за беззакония наши, чтобы ранами Его мы исцелились». Но всё же мы не проповедовали бы Христа согласно Его слову, если бы совершенно ограничились этим. Мы сами не чисты пред Богом, если не возвещаем Его во всех Его служениях. Проповедовать Христа как делатель, которому нечего стыдиться, — значит проповедовать Его не только как великого Первосвященника, «взятого из людей и поставленного за

людей на служение Богу», в этом качестве «примиряющего нас с Богом Своею кровью» и «всегда живущего, чтобы ходатайствовать за нас», но и как пророка Господня, «сделавшегося для нас премудростью от Бога», Который Своим словом и Духом всегда с нами, «наставляя нас на всякую истину»; да, и как пребывающего Царём вовеки, дающего законы всем искупленным Его кровью, восстанавливающего в образе Божием тех, кого прежде возвратил в Его благоволение, царствующего во всех верующих сердцах, пока не «покорит всё Себе», пока совершенно не изгонит всякий грех и не введёт вечную праведность.

[12] II. 1. Во-вторых, мы утверждаем закон, когда так проповедуем веру во Христа, что она не устраняет, а производит святость, всякую святость, и в воздержании от зла, и в делании добра, святость сердца и жизни.

[13] Для этого мы непрестанно возвещаем то, о чём всем, «кто не хочет уничтожать закон верой», следует часто и глубоко размышлять: сама вера, даже христианская вера, вера Божиих избранных, вера, произведённая действием Бога, всё же лишь служанка любви. Как бы ни была она славна и почтенна, она не цель заповеди. Эту честь Бог дал одной любви: любовь — цель всех Божиих заповедей. Любовь — цель, единственная цель всякого Божия домостроительства от начала мира до завершения всего. И она пребудет, когда небо и земля исчезнут, ибо одна «любовь никогда не перестаёт». Вера вполне прекратится; её поглотит зрение, вечное созерцание Бога. Но и тогда любовь —

> [14] Всё та же по природе и служенью,
> С неугасимой лампадой, с неиссякающим пламенем
> —

Будет вечно жить в бессмертном торжестве,
Без конца изливать добро и принимать бесконечную хвалу.

15 2. О вере говорится много превосходного, и всякий причастный ей вполне может сказать с апостолом: «Благодарение Богу за Его неизреченный дар». И всё же в сравнении с любовью она теряет всё своё превосходство. Сказанное святым Павлом о превосходящей славе Евангелия перед законом вполне уместно сказать о превосходящей славе любви перед верой: «Прославленное даже не оказывается славным в этом отношении по причине преизбыточествующей славы. Ибо если преходящее славно, тем более пребывающее превосходит славой». Да, вся слава веры, прежде чем она прекратится, проистекает из того, что она служит любви. Она — великое временное средство, установленное Богом для достижения этой вечной цели.

16 3. Пусть те, кто превозносит веру сверх всякой меры, так что она поглощает всё остальное, и настолько неправильно понимает её природу, что воображает, будто она занимает место любви, рассмотрят далее: как любовь будет существовать после веры, так она существовала задолго до неё. Ангелы, с момента создания созерцавшие лицо своего Небесного Отца, не имели нужды в вере в её общем понятии, как уверенности в невидимом. Не нуждались они и в вере в более частном значении, в вере в кровь Иисуса: ибо Он принял не природу ангелов, а только семя Авраамово. Поэтому до основания мира не было места вере ни в общем, ни в частном смысле. Но любви место было. Любовь от вечности существовала в Боге, великом океане любви. Любовь пребывала во всех

чадах Божиих с момента их создания. От милостивого Творца они одновременно получили бытие и способность любить.

17 4. Нет и уверенности, как бы остроумно и правдоподобно многие ни рассуждали об этом, что вера даже в общем смысле слова имела какое-либо место в раю. Из краткого и не содержащего подробностей рассказа Священного Писания весьма вероятно, что Адам, прежде чем восстал против Бога, ходил с Ним видением, а не верой.

> 18 Ибо тогда взор его разума был силён и ясен,
> И, как орёл способен видеть солнце,
> Он мог бы созерцать лицо Творца так близко,
> Как могли бы разумные ангелы.

19 Тогда он был способен говорить лицом к лицу с Тем, Чьего лица мы теперь не можем увидеть и остаться в живых; следовательно, ему не нужна была вера, чьё дело — восполнять отсутствие зрения.

20 5. С другой стороны, совершенно несомненно, что вера в частном смысле тогда не имела места. Ибо в этом смысле она необходимо предполагает грех и гнев Божий, объявленный грешнику; без них нет нужды в искуплении греха ради примирения грешника с Богом. Следовательно, как до падения не было нужды в искуплении, так не было и места вере в него: человек тогда был чист от всякого пятна греха, свят, как свят Бог. Но любовь уже тогда наполняла его сердце и царствовала в нём без соперника. И лишь когда любовь была утрачена через грех, прибавилась вера — не ради неё самой и не с намерением, чтобы она существовала дольше, чем нужно для достижения установленной ей цели: возвратить

человека к любви, от которой он отпал. Поэтому при падении прибавилась эта уверенность в невидимом, прежде совершенно ненужная, это упование на искупительную любовь, которое никак не могло иметь места до обетования, что «Семя жены поразит голову змея».

[21] 6. Итак, вера первоначально предназначена Богом для восстановления закона любви. Поэтому, говоря так, мы не умаляем ее и не лишаем подобающей ей хвалы; напротив, мы показываем ее истинную ценность, возвышаем ее в должной мере и отводим ей именно то место, которое премудрость Божия назначила ей от начала. Она — великое средство восстановления той святой любви, в которой человек был первоначально сотворен. Отсюда следует, что, хотя вера сама по себе не имеет ценности (как и никакое другое средство), однако, поскольку она ведет к этой цели — новому утверждению закона любви в наших сердцах — и поскольку при нынешнем положении вещей она является единственным под небом средством ее осуществления, постольку она есть неизреченное благословение для человека и имеет неизреченную ценность пред Богом.

[22] III. 1. Это естественным образом подводит нас к рассмотрению, в-третьих, самого важного способа утверждения закона: утверждения его в наших собственных сердцах и жизни. И в самом деле, что пользы было бы во всем остальном без этого? Мы могли бы утверждать его своим учением, проповедовать его во всей полноте, объяснять каждую его часть и убеждать исполнять ее. Мы могли бы раскрывать его глубочайший духовный смысл и возвещать тайны Царства; могли бы проповедовать Христа во всех Его служениях и веру во

Христа как открывающую все сокровища Его любви; и все же, если бы при этом проповедуемый нами закон не был утвержден в наших сердцах, мы значили бы пред Богом не больше, чем «медь звенящая или кимвал звучащий». Вся наша проповедь была бы настолько далека от того, чтобы приносить пользу нам самим, что лишь увеличивала бы наше осуждение.

[23] 2. Поэтому главное, что следует рассмотреть, заключается в следующем: как нам утвердить закон в собственных сердцах, чтобы он во всей полноте воздействовал на нашу жизнь? А это возможно только верой.

[24] Лишь вера действительно достигает этой цели, как мы узнаем из повседневного опыта. Ибо, пока мы ходим верою, а не видением, мы быстро продвигаемся по пути святости. Пока мы неуклонно взираем не на видимое, но на невидимое, мы все более распинаемся для мира, а мир — для нас. Пусть только око души будет постоянно устремлено не на временное, но на вечное, и наши привязанности будут все более отрешаться от земли и утверждаться на горнем. Поэтому вера вообще есть самое прямое и действенное средство возрастания во всякой праведности и истинной святости, утверждения святого и духовного закона в сердцах верующих.

[25] 3. А верой в более определенном смысле — как доверием к прощающему Богу — мы утверждаем Его закон в собственных сердцах еще действеннее. Ибо ничто так сильно не побуждает нас любить Бога, как сознание любви Божией во Христе. Ничто так не дает нам силы отдать свои сердца Тому, Кто был отдан за нас, как проникающее в самую глубину убеждение в этом. Из этого начала благодарной любви к Богу рождается и

любовь к брату. Мы не можем не любить ближнего, если истинно верим в любовь, которою Бог возлюбил нас. Эта любовь к человеку, основанная на вере и любви к Богу, «не делает ближнему зла». Следовательно, она, как замечает апостол, есть «исполнение» всего «закона», запрещающего зло. «Ибо заповеди: не прелюбодействуй, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не пожелай — и все другие заключаются в сем слове: люби ближнего твоего, как самого себя». Но любовь не довольствуется одним лишь неделанием зла ближнему. Она непрестанно побуждает нас делать добро, пока у нас есть время и возможность; делать добро всех возможных видов и во всей возможной мере всем людям. Поэтому она есть исполнение закона Божия, как повелевающего добро, так и запрещающего зло.

[26] 4. И вера исполняет закон, запрещающий зло или повелевающий добро, не только во внешнем отношении: она действует внутри любовью, очищая сердце, освобождая его от всех низких страстей. Всякий, имеющий в себе эту веру, «очищает себя так, как Он чист» — очищает себя от всякого земного, чувственного желания, от всех низких и беспорядочных страстей; да, от всего плотского мудрования, которое есть вражда против Бога. В то же время, если вера совершает свое дело вполне, она наполняет человека всякою благостью, праведностью и истиной. Она вносит все небо в его душу и дает ему ходить во свете, подобно как Бог во свете.

[27] 5. Будем же так стараться утвердить закон в себе: не грешить, «потому что мы под благодатью», но, напротив, употреблять всю получаемую через нее силу, чтобы «исполнить всякую правду». Вспоминая, какой свет мы получили от Бога, когда Его Дух обличал нас во грехе,

будем остерегаться погасить этот свет; будем крепко держаться того, чего тогда достигли. Пусть ничто не побудит нас вновь строить разрушенное нами; вновь приниматься за что-либо малое или великое, о чем мы тогда ясно видели, что оно не служит славе Божией или пользе нашей души; или пренебрегать чем-либо малым или великим, чем тогда мы не могли пренебречь без укоризны собственной совести. Чтобы умножить и усовершить прежний свет, прибавим теперь свет веры. Утвердим прежний Божий дар более глубоким осознанием всего, что Он тогда показал нам, большей чуткостью совести и более тонким ощущением греха. Ходя теперь с радостью, а не со страхом, при ясном и неизменном созерцании вечного, мы будем смотреть на удовольствие, богатство, похвалу — на все земное — как на пузыри на воде; не будем считать ничего важным, ничего желанным, ничего достойным обдумывания, кроме того, что находится «за завесою», где Иисус «восседает одесную Бога».

[28] 6. Можешь ли *ты* сказать: «Ты милостив к неправдам моим; грехов моих Ты больше не вспоминаешь»? Тогда впредь смотри: беги от греха, как от лица змеи! Каким безмерно греховным он теперь тебе представляется! Каким невыразимо тяжким! А с другой стороны, в каком привлекательном свете ты теперь видишь святую и совершенную волю Божию! Поэтому теперь трудись, чтобы она исполнилась и в тебе, и через тебя, и над тобою! Теперь бодрствуй и молись, чтобы больше не грешить, чтобы замечать и избегать малейшего преступления Его закона! Когда солнце освещает темное место, ты видишь пылинки, которых прежде не видел. Подобным образом теперь, когда Солнце праведности сияет в твоем сердце, ты видишь грехи, которых прежде

не видел. Итак, теперь прилагай всякое старание, чтобы во всем ходить согласно полученному тобою свету! Теперь ревностно стремись ежедневно получать больше света, больше познания и любви Божией, больше Духа Христова, больше Его жизни и силы Его воскресения! Теперь употребляй все познание, всю любовь, жизнь и силу, которых уже достиг: так ты будешь непрестанно переходить от веры к вере; так будешь ежедневно возрастать в святой любви, пока вера не поглотится видением и закон любви не утвердится на всю вечность!

Природа энтузиазма

[1] «И Фест громким голосом сказал: безумствуешь ты, Павел!»

[2] Деяния 26:24.

[3] 1. Так весь мир, люди, не знающие Бога, говорит обо всех, кто исповедует веру Павла, — о всяком, кто следует за ним так, как он следовал за Христом. Правда, есть такой род религии — и его тоже называют христианством, — который можно исповедовать, не подвергаясь подобному обвинению и который обычно считают вполне совместимым со здравым смыслом: религия формы, круг внешних обязанностей, исполняемых благопристойно и исправно. Вы можете прибавить к ней правоверие, систему правильных мнений, да еще некоторую долю языческой нравственности, и все же немногие объявят, что «чрезмерная религиозность довела вас до безумия». Но если вы стремитесь к религии сердца, если говорите о «праведности, мире и радости во Святом Духе», то вскоре над вами произнесут приговор: «Ты безумствуешь».

[4] 2. И мирские люди отнюдь не делают вам здесь комплимента. На этот раз они говорят именно то, что думают. Они не только утверждают, но и искренне верят, что всякий человек не в своем уме, если говорит, что «любовь Божия излилась» в его «сердце Духом Святым, данным ему» и что Бог даровал ему радоваться во Христе «радостью неизреченною и преславною». Если человек действительно жив для Бога и мертв для всего здешнего, земного; если он постоянно видит Невидимого и соответственно ходит верою, а не видением, — тогда они

считают дело ясным: вне всякого сомнения, «чрезмерная религиозность довела его до безумия».

[5] 3. Легко заметить, что именно мир считает безумием: полное презрение ко всему временному и неуклонное стремление к вечному; божественную убежденность в невидимом; радость о Божием благоволении; счастливую, святую любовь к Богу и свидетельство Его Духа нашему духу, что мы дети Божии, — то есть, поистине, весь дух, всю жизнь и силу религии Иисуса Христа.

[6] 4. Однако в других отношениях они признают, что человек поступает и говорит как находящийся в здравом уме. Во всем прочем он человек разумный; лишь в этих вопросах у него помутился рассудок. Поэтому признается, что безумие, которым он страдает, особого рода; и, соответственно, его обычно обозначают особым именем: «энтузиазм», то есть мнимое боговдохновение.

[7] 5. Это слово употребляется чрезвычайно часто, у некоторых почти не сходит с языка; однако его чрезвычайно редко понимают даже те, кто употребляет его чаще всего. Поэтому серьезным людям, всем, кто желает понимать, что они говорят или слышат, может оказаться небезынтересной моя попытка объяснить значение этого слова — показать, что такое энтузиазм. Это может ободрить тех, кого несправедливо в нем обвиняют; возможно, это принесет пользу и некоторым из тех, кого обвиняют справедливо, — по крайней мере другим, которые могли бы заслужить такое обвинение, если бы их не предостерегли.

[8] 6. Что касается самого слова, общепризнано его греческое происхождение. Но откуда произошло греческое слово enthousiasmos, никто до сих пор не смог

показать. Некоторые пытались вывести его из en theoi, *в Боге*, поскольку всякий энтузиазм имеет отношение к Нему. Но это совершенно натянуто: между производным словом и словами, из которых его стараются произвести, мало сходства. Другие хотели бы вывести его из en thysiai — *в жертвоприношении*, — поскольку многих древних энтузиастов во время жертвоприношений охватывало сильнейшее возбуждение. Возможно, это вымышленное слово, образованное от шума, который издавали некоторые из охваченных таким состоянием.

[9] 7. Весьма вероятно, что одной из причин сохранения этого странного слова во стольких языках было то, что относительно его значения люди соглашались не лучше, чем относительно его происхождения. Поэтому они приняли греческое слово, так как не понимали его; они не перевели его на свои языки, потому что не знали, как перевести: оно всегда имело расплывчатый, неопределенный смысл, и никакого точного значения за ним не закрепилось.

[10] 8. Поэтому нисколько не удивительно, что и сегодня его понимают столь различно: разные люди вкладывают в него разные, совершенно несовместимые между собой смыслы. Некоторые принимают его в хорошем смысле, как божественный порыв или воздействие, превышающее все естественные способности и на время приостанавливающее, вполне или отчасти, деятельность и разума, и внешних чувств. В этом значении слова и древние пророки, и апостолы были подлинными энтузиастами: в разное время они бывали так исполнены Духа и так находились под воздействием Того, Кто обитал в их сердцах, что деятельность их собственного разума, чувств и всех естественных способностей

приостанавливалась, они всецело приводились в действие силой Божией и «изрекали» лишь то, что им внушалось, «будучи движимы Духом Святым».

[11] 9. Другие понимают это слово в безразличном смысле — ни нравственно добром, ни злом: так говорят об энтузиазме поэтов, в особенности Гомера и Вергилия. Один недавний выдающийся писатель расширяет это понятие настолько, что утверждает: нет человека, превосходящего других в своем занятии, каким бы оно ни было, у которого в характере не было бы сильной примеси энтузиазма. Под энтузиазмом они, по-видимому, понимают всякую необыкновенную мощь мысли, особый пыл духа, живость и силу, не встречающиеся у обыкновенных людей и возносящие душу к более великим и высоким предметам, чем те, которых мог бы достичь холодный рассудок.

[12] 10. Но ни один из этих смыслов не является тем, в котором слово «энтузиазм» понимается чаще всего. Большинство людей, если ни в чем другом, согласны относительно него хотя бы в том, что это нечто дурное; и именно так явно думают все, кто называет религию сердца «энтузиазмом». Соответственно, и я на следующих страницах буду понимать его как зло — как несчастье, если и не как вину.

[13] 11. Что касается природы энтузиазма, то он, несомненно, представляет собой расстройство ума, и такое расстройство, которое сильно мешает действию разума. Более того, иногда оно совсем устраняет его: не только затемняет, но закрывает очи разумения. Поэтому его вполне можно считать разновидностью безумия — скорее безумия, чем глупости: ведь глупец, собственно, выводит неверные заключения из верных посылок, тогда

как безумец выводит верные заключения, но из неверных посылок. Так поступает и энтузиаст: допустите истинность его посылок, и его выводы необходимо последуют из них. Но именно здесь и кроется его ошибка: его посылки ложны. Он воображает себя тем, кем не является; поэтому, начав неверно, чем дальше идет, тем больше уклоняется с пути.

[14] 12. Итак, всякий энтузиаст, собственно говоря, безумец. Однако его безумие не обыкновенное, а религиозное. Говоря «религиозное», я не имею в виду, будто оно составляет какую-то часть религии: совсем напротив. Религия есть дух здравого ума и потому прямо противоположна безумию всякого рода. Но я имею в виду, что оно имеет своим предметом религию, занимается религией. Поэтому энтузиаст обычно говорит о религии, о Боге или о Божием, но говорит так, что всякий разумный христианин может распознать расстройство его ума. Следовательно, энтузиазм вообще можно описать примерно так: религиозное безумие, возникающее из ложно воображаемого воздействия или вдохновения Божия; по крайней мере — из приписывания Богу того, чего не следует Ему приписывать, или из ожидания от Бога того, чего не следует от Него ожидать.

[15] 13. Существуют бесчисленные виды энтузиазма. Наиболее распространенные, а потому и наиболее опасные я постараюсь свести к нескольким общим разрядам, чтобы их было легче понять и избегнуть.

[16] Первый вид энтузиазма, который я упомяну, свойствен тем, кто воображает, будто обладает благодатью, которой не имеет. Так, некоторые воображают, что имеют искупление через Христа, «прощение грехов», тогда как это не так. Обычно это люди, которые «не имеют в себе

корня» — ни глубокого покаяния, ни основательного обличения. «Поэтому они принимают слово с радостью». И «поскольку земля неглубока», поскольку в их сердце не совершилось глубокого дела, семя «тотчас всходит». Сразу возникает поверхностная перемена; вместе с этой легкой радостью она соединяется с гордостью их несокрушенного сердца и с их безмерным самолюбием и легко убеждает их, что они уже «вкусили благого глагола Божия и сил будущего века».

[17] 14. Вот подлинный пример энтузиазма первого рода: это своего рода безумие, возникающее из воображения, будто они обладают благодатью, которой в действительности не имеют; поэтому они лишь обманывают собственные души. Его справедливо можно назвать безумием: ведь рассуждения этих бедных людей были бы верны, если бы верны были их посылки; но поскольку те — лишь создание их собственного воображения, все построенное на них рушится. Основание всех их мечтаний вот в чем: они воображают, будто имеют веру во Христа. Если бы они имели ее, то были бы «царями и священниками Богу», обладателями «царства непоколебимого». Но они ее не имеют; следовательно, все их дальнейшее поведение столь же далеко от истины и здравомыслия, как поведение обыкновенного безумца, который, вообразив себя земным царем, говорит и поступает в этой роли.

[18] 15. Есть множество других энтузиастов этого рода. Таков, например, пламенный ревнитель религии — или, точнее, мнений и форм богослужения, которые он удостаивает этого имени. Этот человек также твердо воображает себя верующим в Иисуса, более того — поборником веры, однажды преданной святым.

Соответственно, все его поведение строится на этом пустом воображении. И если допустить справедливость его предположения, у него нашлось бы некоторое сносное оправдание своему поведению; теперь же оно явно представляет собой следствие расстроенного ума, равно как и расстроенного сердца.

[19] 16. Но самые распространенные из всех энтузиастов этого рода — те, кто воображает себя христианами, не будучи ими. Они во множестве встречаются не только во всех частях нашей страны, но и в большинстве областей обитаемой земли. Если мы верим словесам Божиим, ясно и неоспоримо, что они не христиане. Ибо христиане святы, а эти несвяты; христиане любят Бога, а эти любят мир; христиане смиренны, а эти горды; христиане кротки, а эти вспыльчивы; христиане имеют те же мысли, что были во Христе, а эти бесконечно далеки от них. Следовательно, они не более христиане, чем архангелы. Однако они воображают себя христианами и могут привести несколько причин: сколько себя помнят, их *так называли*; много лет назад их *крестили*; они принимают *христианские мнения*, обычно называемые христианской, или кафолической, верой; они пользуются *христианскими* формами богослужения, как прежде их отцы; они ведут то, что называют доброй *христианской жизнью*, как и прочие их соседи. И кто осмелится думать или говорить, что эти люди не христиане, — хотя у них нет ни крупицы истинной веры во Христа или действительной внутренней святости, хотя они никогда не вкусили любви Божией и не были «соделаны причастниками Духа Святого»!

[20] 17. Ах, бедные самообманщики! Вы не христиане. Но вы энтузиасты в высшей степени. Врачи, исцелите самих

себя! Но прежде узнайте свою болезнь: вся ваша жизнь — энтузиазм, поскольку вся она соответствует воображению, будто вы получили ту благодать Божию, которой не имеете. Вследствие этого великого заблуждения вы день за днем идете от ошибки к ошибке, говоря и действуя в качестве, которое вам вовсе не принадлежит. Отсюда возникает та осязаемая, вопиющая несообразность, которая пронизывает все ваше поведение: оно представляет собой неловкую смесь действительного язычества и воображаемого христианства. И все же, поскольку на вашей стороне столь огромное большинство, вы всегда будете одним лишь численным перевесом отстаивать, «что только вы люди в здравом уме, а все, кто не таков, как вы, — лунатики». Но это не меняет природы вещей. В очах Бога и Его святых ангелов, да и всех детей Божиих на земле, все вы — просто безумцы, просто энтузиасты! Разве не так? Разве вы не «ходите подобно призраку» — с тенью религии, с тенью счастья? Разве вы не продолжаете «напрасно суетиться» из-за несчастий столь же воображаемых, как ваше счастье или религия? Разве вы не мните себя великими или добрыми, весьма знающими и весьма мудрыми? До каких пор? Возможно, пока смерть не вернет вас к здравому рассудку — чтобы оплакивать свое безумие во веки веков!

[21] 18. Второй вид энтузиазма свойствен тем, кто воображает, будто имеет от Бога такие дары, которых у него нет. Так, некоторые воображали себя наделенными силой творить чудеса, исцелять больных словом или прикосновением, возвращать зрение слепым, даже воскрешать мертвых; печально известный пример этого еще свеж в нашей собственной истории. Другие брались пророчествовать, предсказывать будущее, притом с

величайшей уверенностью и точностью. Но обычно проходит немного времени, и эти энтузиасты убеждаются в своей ошибке. Когда несомненные факты противоречат их предсказаниям, опыт делает то, чего не смог сделать разум, и возвращает их к здравому рассудку. [32]

[22] 19. К тому же разряду относятся те, кто во время проповеди или молитвы воображает себя под таким воздействием Духа Божия, под каким в действительности не находится. Я, конечно, сознаю, что без Него мы не можем делать ничего, особенно в нашем общественном служении; что вся наша проповедь совершенно тщетна, если ее не сопровождает Его сила, и вся наша молитва — если Его Дух не помогает в ней нашим немощам. Я знаю, что, если мы и проповедуем, и молимся не Духом, все это лишь потерянный труд: ведь помощь, совершаемую на земле, совершает Сам Тот, Кто производит все во всех. Но это не меняет рассматриваемого нами случая. Хотя существует действительное воздействие Духа Божия, существует и воображаемое, и многие принимают одно за другое. Многие полагают, что находятся под этим воздействием, когда это не так, когда оно далеко от них. И многие другие полагают, что находятся под ним в большей мере, чем в действительности. К их числу, боюсь, принадлежат все, кто воображает, что Бог диктует им самые слова, которые они произносят, и что поэтому невозможно, чтобы они сказали что-либо неправильно — по содержанию ли, по способу ли выражения. Хорошо известно, сколько энтузиастов этого рода также появилось в нынешнем столетии; некоторые из них говорят с гораздо большей властностью, чем святой Павел или кто-либо из апостолов.

[23] 20. Тот же вид энтузиазма, хотя и в меньшей степени, часто встречается у людей, не занимающих общественного служения. Они также могут воображать себя под воздействием или водительством Духа, когда это не так. Я признаю, что «если кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» и что, всякий раз когда мы думаем, говорим или действуем правильно, это происходит при помощи этого благословенного Духа. Но сколь многие приписывают Ему нечто или ожидают от Него чего-либо без всякого разумного или библейского основания! Таковы те, кто воображает, будто получает или получит *особые указания* от Бога не только в важных вопросах, но и в незначительных вещах, в самых мелких обстоятельствах жизни. Между тем в этих случаях Бог дал нам в руководители собственный разум, хотя этим никогда не исключается сокровенная помощь Его Духа.

[24] 21. Этому виду энтузиазма особенно подвержены те, кто ожидает Божиего руководства — в духовных делах или в обыкновенной жизни — способом, который справедливо называется *необычайным*: я имею в виду видения или сны, сильные впечатления или внезапные внутренние побуждения. Я не отрицаю, что в древние времена Бог являл Свою волю таким образом или что Он может делать это и теперь; более того, я верю, что в некоторых очень редких случаях Он это делает. Но как часто люди здесь ошибаются! Как гордость и пылкое воображение вводят их в заблуждение, заставляя приписывать Богу такие побуждения или впечатления, сны или видения, которые совершенно Его недостойны! Все это — чистый энтузиазм; все это столь же далеко от религии, как от истины и здравомыслия.

[25] 22. Возможно, кто-нибудь спросит: «Разве не следует нам во всем узнавать, какова воля Божия? И разве Его воля не должна быть правилом наших поступков?» Несомненно, должна. Но как здравомыслящему христианину исследовать это, узнавать волю Божию? Не ожидая сверхъестественных снов; не надеясь, что Бог откроет ее в видениях; не ища каких-либо *особых впечатлений* или внезапных внутренних побуждений. Нет — но обращаясь к словесам Божиим. «К закону и откровению!» Вот общий способ познать, какова «святая и благоугодная воля Божия».

[26] 23. «Но как мне узнать волю Божию в том или ином частном случае? Предлагаемое дело само по себе нравственно безразлично, и потому в Писании не дано о нем определенного решения». Отвечаю: само Писание дает тебе общее правило, применимое ко всем частным случаям: «Воля Божия есть освящение наше». Его воля в том, чтобы мы были святы внутренне и внешне; чтобы мы были добры и делали добро во всех отношениях и в высшей степени, на какую способны. Здесь мы стоим на твердой почве. Это ясно, как солнечный свет. Поэтому, чтобы узнать волю Божию в частном случае, нам нужно лишь применить это общее правило.

[27] 24. Предположим, например, что разумному человеку предложено вступить в брак или заняться новым делом. Чтобы узнать, есть ли на это воля Божия, ему, уверенному, что «воля Божия обо мне состоит в том, чтобы я был настолько свят и делал столько добра, сколько могу», остается лишь спросить: «В каком из этих состояний я могу быть наиболее святым и делать больше всего добра?» А это следует определить отчасти разумом, отчасти опытом. Опыт говорит ему, какие преимущества

дает нынешнее положение для того, чтобы быть добрым или делать добро; разум должен показать, какие преимущества он наверняка или вероятно получит в предлагаемом положении. Сравнив их, он должен судить, какое из двух может больше содействовать его доброте и добрым делам; и насколько он знает это, настолько уверен, какова воля Божия.

[28] 25. При этом на протяжении всего исследования предполагается помощь Его Духа. И в самом деле, нелегко сказать, сколькими путями передается эта помощь. Он может напомнить нам многие обстоятельства, представить другие в более сильном и ясном свете; может незаметно открыть наш ум для убеждения и утвердить это убеждение в нашем сердце. И к совпадению многих таких обстоятельств в пользу того, что угодно в Его очах, Он может прибавить столь неизреченный душевный мир и столь необычную меру Своей любви, что у нас не останется возможности сомневаться: это, именно это и есть Его воля о нас.

[29] 26. Вот простой, библейский и разумный способ узнать волю Божию в частном случае. Но, принимая во внимание, как редко идут этим путем и какой поток энтузиазма неизбежно обрушивается на тех, кто пытается узнать волю Божию небиблейскими, неразумными путями, следовало бы пожелать, чтобы само это выражение употребляли гораздо сдержаннее. Употреблять его, как делают некоторые, по самым ничтожным поводам — явное нарушение третьей заповеди. Это грубый способ произносить имя Божие напрасно, обнаруживающий великое непочтение к Нему. Поэтому не гораздо ли лучше пользоваться другими выражениями, против которых нельзя выдвинуть таких

возражений? Например, вместо того чтобы в каком-либо частном случае говорить: «Я хочу узнать, какова воля Божия», — не лучше ли сказать: «Я хочу узнать, что больше всего послужит моему совершенствованию и сделает меня наиболее полезным»? Такой способ выражения ясен и безупречен: он ставит вопрос на простую библейскую почву, и притом без всякой опасности энтузиазма.

[30] 27. Третий весьма распространенный вид энтузиазма — если он не совпадает с предыдущим — свойствен тем, кто думает достичь цели, не пользуясь средствами, непосредственной силой Божией. Если бы эти средства действительно были отняты Провидением, такие люди не подпадали бы под это обвинение. В подобных обстоятельствах Бог может проявить Свою непосредственную силу и иногда проявляет ее. Но те, кто ожидает этого, имея средства и не желая ими пользоваться, — настоящие энтузиасты. Таковы те, кто надеется понять Священное Писание, не читая его и не размышляя над ним, даже не пользуясь всеми доступными им пособиями, которые могли бы, вероятно, содействовать этой цели. Таковы те, кто намеренно говорит в общественном собрании без всякого предварительного обдумывания. Я говорю «намеренно», потому что иногда обстоятельства могут сделать это неизбежным. Но всякий, кто пренебрегает этим великим средством говорить с пользой, в такой мере является энтузиастом.

[31] 28. Можно ожидать, что я упомяну то, что некоторые считали четвертым видом энтузиазма, а именно: воображение, будто Божиему Провидению обязано то, что ему не обязано. Но я сомневаюсь: я не знаю, какие вещи

не обязаны Божиему Провидению, в устроении или хотя бы в управлении которыми оно не участвовало бы прямо или косвенно. Я исключаю лишь грех; и даже в грехах других я вижу Божие Провидение обо мне. Я не говорю о Его *общем* Провидении: это я считаю громким словом, которое ровно ничего не значит. А если существует *особое* Провидение, оно должно простираться на всех людей и на все вещи. Так понимал его наш Господь; иначе Он никогда не мог бы сказать: «Даже волосы у вас на голове все сочтены» и «ни одна птица не упадет на землю без» воли «Отца вашего» Небесного. Но если это так, если Бог управляет universis tanquam singulis, et singulis tanquam universis — «всей вселенной, как каждым отдельным человеком, и каждым отдельным человеком, как всей вселенной», — то что же, кроме одних наших собственных грехов, мы не должны приписывать Божиему Провидению? Поэтому я не могу понять, где здесь место обвинению в энтузиазме.

[32] 29. Если скажут, что обвинение заключается в следующем: «Когда ты приписываешь это Провидению, ты воображаешь себя особым любимцем неба», — я отвечу: вы забыли кое-что из последних моих слов: Praesidet universis tanquam singulis — «Его Провидение простирается на всех людей во вселенной столько же, сколько на любого отдельного человека». Разве вы не видите, что тот, кто, веря этому, приписывает Провидению все случающееся с ним, этим делает себя любимцем неба ничуть не больше, чем, по его убеждению, является всякий человек под небом? Поэтому на этом основании у вас нет никакого повода обвинять его в энтузиазме.

[33] 30. От всякого его вида нам надлежит охранять себя с величайшим старанием, помня об ужасных последствиях, которые он так часто производил и которые действительно естественным образом из него вытекают. Его непосредственное порождение — гордость; он постоянно усиливает этот источник, из которого сам истекает, и тем все больше отчуждает нас от благоволения и жизни Божией. Он иссушает самые источники веры и любви, праведности и истинной святости: ведь все они истекают из благодати, а «Бог гордым противится и» лишь «смиренным дает благодать».

[34] 31. Вместе с гордостью естественным образом возникает дух, не принимающий советов и не поддающийся убеждению. Поэтому, в какое бы заблуждение или прегрешение ни впал энтузиаст, надежды на его исправление мало. Ведь разум будет иметь мало веса для того, кто воображает себя ведомым высшим руководителем — непосредственной премудростью Божией; это часто и справедливо замечали. И по мере возрастания в гордости он неизбежно будет возрастать также в непокорности советам и в упрямстве. Он будет все менее способен принять доказательства, все менее восприимчив к убеждению; все более привязан к собственному суждению и собственной воле, пока не станет совершенно неподатливым и неподвижным.

[35] 32. Укрепившись таким образом и против благодати Божией, и против всякого человеческого совета и помощи, он всецело остается под руководством собственного сердца и царя сынов гордости. Поэтому неудивительно, что с каждым днем он все больше укореняется и утверждается в презрении ко всему

человечеству, в яростном гневе, во всяком недоброжелательном расположении, во всяком земном и дьявольском нраве. Не можем мы удивляться и страшным внешним последствиям, во все века проистекавшим из таких расположений: всякого рода нечестию, всем делам тьмы, совершенным теми, кто называл себя христианами, между тем как с жадностью предавался тому, о чем едва упоминали даже среди язычников.

[36] Такова природа и таковы страшные последствия этого многоголового чудовища — энтузиазма! Рассмотрев их, мы можем теперь сделать несколько простых выводов относительно собственного поведения.

[37] 33. Во-первых, если «энтузиазм» — слово, которое столь часто употребляют, но столь редко понимают, позаботься не говорить о том, чего сам не знаешь; не употребляй этого слова, пока не поймешь его. Как во всех прочих вопросах, так и в этом учись думать прежде, чем говорить. Сначала узнай значение этого трудного слова, а затем, если потребуется, употребляй его.

[38] 34. Но если так немногие даже среди людей образованных и ученых, а тем более среди простого народа, понимают это темное, двусмысленное слово или имеют какое-нибудь определенное понятие о его значении, то, во-вторых, остерегайся судить о человеке как об энтузиасте или называть его так по одной лишь молве. Она ни в коей мере не является достаточным основанием для того, чтобы дать кому-либо какое бы то ни было позорящее имя, и менее всего — для столь мрачного поношения. Чем больше зла оно заключает в себе, тем осторожнее ты должен применять его к кому-либо: возводить столь тяжкое обвинение без полного

доказательства несовместимо ни со справедливостью, ни с милосердием.

[39] 35. Но если энтузиазм — столь великое зло, остерегайся сам попасть в его сети. Бодрствуй и молись, чтобы не впасть в искушение. Оно легко подступает к тем, кто боится Бога или любит Его. Остерегайся же думать о себе выше, чем должно думать. Не воображай, будто достиг той благодати Божией, которой не достиг. У тебя может быть много радости, может быть некоторая мера любви, и все же может не быть живой веры. Взывай к Богу, чтобы Он не попустил тебе, столь слепому, сбиться с пути; чтобы ты никогда не мнил себя верующим во Христа, пока Христос не откроется в тебе и пока Его Дух не засвидетельствует твоему духу, что ты дитя Божие.

[40] 36. Остерегайся быть пламенным, гонящим других энтузиастом. Не воображай, будто Бог призвал тебя — в прямую противоположность духу Того, Кого ты называешь своим Учителем, — губить человеческие жизни, а не спасать их. Никогда не помышляй насильно вводить людей на пути Божии. Думай сам и позволяй думать другим. Не прибегай ни к какому принуждению в вопросах религии. Даже тех, кто дальше всего уклонился с пути, никогда не понуждай войти никакими иными средствами, кроме разума, истины и любви.

[41] 37. Остерегайся бежать вместе с обычной толпой энтузиастов, воображая себя христианином, когда ты им не являешься. Не дерзай присваивать себе это почтенное имя, если у тебя нет на него ясного, основанного на Писании права; если ты не имеешь тех же мыслей, что были во Христе, и не ходишь так, как Он ходил.

[42] 38. Остерегайся впасть во второй вид энтузиазма — воображать, будто у тебя есть дары от Бога, которых у тебя нет. Не доверяй видениям или снам, внезапным впечатлениям или сильным побуждениям какого бы то ни было рода. Помни: не по ним тебе следует узнавать волю Божию в каком-либо частном случае, но применяя ясное правило Писания с помощью опыта и разума и при обычном содействии Духа Божия. Не произноси имя Божие легкомысленно; не говори о воле Божией по каждому ничтожному поводу, но пусть все твои слова, как и поступки, будут проникнуты благоговением и страхом Божиим.

[43] 39. Наконец, остерегайся воображать, будто достигнешь цели, не пользуясь средствами, ведущими к ней. Бог может дать достижение цели вообще без каких-либо средств; но у тебя нет оснований думать, что Он так сделает. Поэтому постоянно и заботливо пользуйся всеми средствами, которые Он установил как обычные пути сообщения Своей благодати. Пользуйся всяким средством, которое разум или Писание рекомендует как способствующее — через свободную любовь Божию во Христе — приобретению или умножению какого-либо из даров Божиих. Так ожидай ежедневного возрастания в той чистой и святой религии, которую мир всегда называл и всегда будет называть «энтузиазмом», но которая для всех, избавленных от настоящего энтузиазма, от христианства только по имени, есть «премудрость Божия и сила Божия», славный образ Всевышнего, «праведность и мир», «источник воды живой, текущей в жизнь вечную»!

Предостережение против нетерпимости

[1] «При сем Иоанн сказал: Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, а не ходит за нами; и запретили ему, потому что не ходит за нами. Иисус сказал: не запрещайте ему».

[2] Марка 9:38, 39.

[3] 1. В предыдущих стихах мы читаем, что после того, как двенадцать спорили, «кто из них больше», Иисус взял малое дитя, поставил посреди них и, обняв его, сказал им: «Кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не» только «Меня принимает, но Пославшего Меня». Затем «Иоанн отвечал», то есть сказал в связи с только что произнесенными словами нашего Господа: «Учитель! мы видели человека, который именем Твоим изгоняет бесов, и запретили ему, потому что не ходит за нами». Как если бы он сказал: «Следовало ли нам принять его? Приняв его, приняли бы мы Тебя? Не следовало ли, напротив, запретить ему? Разве мы не хорошо поступили?» Но Иисус сказал: «Не запрещайте ему».

[4] 2. То же событие передано святым Лукой почти в тех же словах. Но могут спросить: «Какое это имеет отношение к нам, ведь теперь никто *не изгоняет бесов?* Разве способность делать это не отнята у Церкви уже тысячу двести или тысячу четыреста лет назад? Как же *нас* касается изложенный здесь случай или решение, данное ему нашим Господом?»

[5] 3. Возможно, гораздо ближе, чем обычно воображают: ведь изложенный случай вовсе не редок. Чтобы мы могли извлечь из него всю пользу, я намерен показать, во-первых, в каком смысле люди могут и теперь изгонять бесов и действительно изгоняют их; во-вторых, что мы можем понимать под словами «не ходит за нами». В-третьих, я объясню повеление нашего Господа «не запрещайте ему» и закончу выводом из всего сказанного.

[6] I. 1. Прежде всего мне предстоит показать, в каком смысле люди могут и теперь изгонять бесов и действительно изгоняют их.

[7] Чтобы увидеть это как можно яснее, следует помнить, что, согласно свидетельству Писания, как Бог обитает и действует в детях света, так дьявол обитает и действует в детях тьмы. Как Святой Дух владеет душами добрых людей, так злой дух владеет душами нечестивых. Потому апостол и называет его «богом века сего» — по неограниченной власти, которую тот имеет над мирскими людьми. Потому наш благословенный Господь именует его «князем мира сего» — столь безраздельно его господство над миром. Отсюда и слова святого Иоанна: «Мы знаем, что мы от Бога», а все, кто не от Бога, «весь мир», «en toi poneroi keitai» — не *лежит во зле*, но *«лежит в лукавом»*; живет и движется в нем, как те, кто не от мира, живут и движутся в Боге.

[8] 2. Ибо дьявола следует рассматривать не только как «рыкающего льва, ходящего и ищущего, кого поглотить», и не просто как коварного врага, который неожиданно нападает на бедные души и «держит их в плену своей воли», но как того, кто обитает в них и ходит в них; кто управляет тьмой, или нечестием, этого мира — мирских людей и всех их темных замыслов и поступков, —

удерживая их сердца в своей власти, воздвигая там свой престол и приводя всякое помышление в послушание себе. Так «сильный с оружием охраняет свой дом»; и если этот «нечистый дух» иногда «выходит из человека», то нередко возвращается с «семью духами, злейшими себя, и они входят и живут там». И в своем жилище он не может оставаться праздным. Он непрестанно «действует в» этих «сынах противления». Он действует в них с силой, с могучей энергией, преображая их в собственное подобие, стирая все остатки образа Божия и приготовляя их ко всякому злому слову и делу.

[9] 3. Поэтому несомненная истина заключается в том, что бог и князь мира сего по-прежнему владеет всеми, кто не знает Бога. Только способ, каким он владеет ими теперь, отличается от того, каким он действовал в древности. *Тогда* он часто мучил не только их души, но и тела, притом открыто, без всякого прикрытия; *теперь* же, за исключением немногих редких случаев, он мучит только их души, и притом как можно более скрытно. Причина этой разницы ясна: тогда его целью было ввергнуть человечество в суеверие, поэтому он действовал как можно открытее. Но теперь его цель — ввергнуть нас в неверие, поэтому он действует как можно незаметнее: ведь чем он скрытнее, тем больше преуспевает.

[10] 4. И все же, если верить историкам, даже теперь есть страны, где он действует так же открыто, как в прежние времена. «Но почему только в диких и варварских странах? Почему не в Италии, Франции или Англии?» По очень простой причине: он знает своих людей и знает, как ему поступать с каждым. Лапландцам он является без прикрытия, поскольку должен утвердить их в суеверии и грубом идолопоклонстве. Но с вами он преследует другую

цель. Ему нужно заставить вас обожествлять самих себя, считать себя мудрее Самого Бога и всех словес Божиих. Для этого ему нельзя являться в собственном облике: это сорвало бы его замысел. Нет: он употребляет все свое искусство, чтобы заставить вас отрицать его существование, пока вы не окажетесь надежно у него в обители.

11 5. Поэтому, хотя и разными способами, он царствует в одной стране так же безраздельно, как в другой. Веселящийся итальянский неверующий так же несомненно находится у него в зубах, как дикий татарин. Но тот крепко спит в пасти льва, который слишком мудр, чтобы будить его. Поэтому пока он лишь играет с ним, а когда пожелает, поглощает его!

12 Бог века сего держит своих английских поклонников столь же крепко, как и лапландских. Но ему невыгодно пугать их, чтобы они не убежали к Богу Небесному. Поэтому князь тьмы не показывается, правя этими своими добровольными подданными. Завоеватель тем надежнее держит пленников, что они воображают себя свободными. Так «сильный с оружием охраняет свой дом, и имение его в безопасности»; ни деист, ни христианин по имени не подозревает, что он там: поэтому и он, и они находятся в полном мире друг с другом.

13 6. Между тем он энергично действует в них. Он ослепляет очи их разума, чтобы свет славного Евангелия Христова не мог воссиять им. Он приковывает их души к земле и аду цепями их собственных низких страстей. Он приковывает их к земле любовью к миру, любовью к деньгам, удовольствиям и похвале. А гордостью, завистью, гневом, ненавистью и мщением приближает их души к

аду; он действует тем безопаснее и беспрепятственнее, что они вовсе не знают о его действии.

14 7. Но как легко мы можем узнать причину по ее следствиям! Иногда они грубы и очевидны. Такими они были у самых просвещенных языческих народов. Не ходите дальше прославленных, добродетельных римлян: и вы увидите их на вершине образованности и славы «исполненными всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы; исполненными зависти, убийства, распрей, обмана, злонравия; злоречивыми, клеветниками, обидчиками, гордыми, хвастливыми, непослушными родителям, вероломными, лишенными естественной привязанности, непримиримыми, немилостивыми».

15 8. Самые резкие черты этого описания подтверждает тот, кого некоторые могут счесть более беспристрастным свидетелем. Я имею в виду их собрата-язычника Диона Кассия. Он замечает, что до возвращения Цезаря из Галлии не только чревоугодие и распутство всякого рода были открыты и бесстыдны, не только ложь, несправедливость и немилосердие изобиловали и в судах, и в частных семьях, но самые дерзкие грабежи, разбои и убийства были столь часты во всех частях Рима, что мало кто выходил из дому, не составив завещания, ибо не знал, вернется ли живым!

16 9. Столь же грубы и очевидны дела дьявола среди многих, если не всех, современных язычников. Естественная религия криков, чероки, чикасо и всех других индейцев, соседствующих с нашими южными поселениями, — не нескольких отдельных людей, но целых народов — состоит в том, чтобы мучить всех своих пленников с утра до ночи, пока наконец не изжарят их насмерть, и при малейшем ненамеренном оскорблении

подойти сзади и застрелить любого из своих соплеменников! Более того, среди них обычное дело, чтобы сын, если ему кажется, что отец слишком долго живет, вышиб ему мозги; а мать, если ей надоели дети, привязала им к шеям камни и бросила троих или четверых в реку одного за другим!

17 10. Хотелось бы, чтобы лишь язычники творили столь грубые, очевидные дела дьявола. Но мы не смеем так сказать. Даже в жестокости и кровопролитии как мало отстали от них христиане! И не одни испанцы или португальцы, истреблявшие тысячи в Южной Америке; не одни голландцы в Ост-Индии или французы в Северной Америке, шедшие шаг за шагом вслед за испанцами: наши собственные соотечественники также упивались кровью и уничтожали целые народы, ясно доказывая тем самым, какой дух обитает и действует в сынах противления.

18 11. Из-за этих чудовищ мы могли бы почти упустить из виду дела дьявола, совершаемые в нашей собственной стране. Но, увы, даже здесь мы не можем открыть глаза, не увидев их повсюду. Разве малое доказательство его силы — то, что привычные сквернословы, пьяницы, блудники, прелюбодеи, воры, разбойники, содомиты и убийцы до сих пор встречаются во всех частях нашей страны? Как торжествующе царствует князь мира сего во всех этих сынах противления!

19 12. Менее открыто, но не менее действенно он действует в притворщиках, сплетниках, лжецах, клеветниках; в угнетателях и вымогателях, в клятвопреступниках, в том, кто продает своего друга, свою честь, свою совесть, свою страну. И все же эти люди могут продолжать говорить о религии или совести, о

чести, добродетели и общественном благе! Но обмануть сатану они могут не больше, чем Бога. Он также знает своих; и великое множество их, из всякого племени и народа, находится сегодня в его полной власти.

[20] 13. Если вы рассмотрите это, то не сможете не увидеть, в каком смысле люди и теперь могут изгонять бесов. Да, всякий служитель Христов изгоняет их, если дело его Господа успешно совершается его руками.

[21] Силой Божией, сопровождающей его слово, он приводит этих грешников к покаянию — к полной внутренней и внешней перемене, от всякого зла ко всякому добру. А это и есть, в верном смысле, изгнание бесов из душ, в которых они до тех пор обитали. Сильный уже не может охранять свой дом. Пришел Тот, Кто сильнее его, изгнал его, вступил во владение Сам и сделал этот дом жилищем Бога через Своего Духа. Здесь действие сатаны прекращается, и Сын Божий «разрушает дела дьявола». Разум грешника теперь просвещен, а сердце его сладостно влечется к Богу. Его желания облагораживаются, его чувства очищаются; и, исполняясь Святого Духа, он возрастает в благодати, пока не становится святым не только в сердце, но и во всем поведении.

[22] 14. Все это действительно дело Божие. Один Бог может изгнать сатану. Но обычно Ему угодно делать это через человека как орудие в Своей руке: тогда о человеке говорится, что он изгоняет бесов Его именем, Его силой и властью. На это великое дело Он посылает, кого пожелает; но обычно таких, о ком человек никогда бы не подумал: ибо «Его пути — не наши пути, и Его мысли — не наши мысли». Поэтому Он избирает слабых, чтобы посрамить сильных, немудрых, чтобы посрамить мудрых,

по той простой причине, чтобы сохранить славу за Собою, чтобы «никакая плоть не хвалилась пред Ним».

[23] II. 1. Но не следует ли нам запретить тому, кто так «изгоняет бесов», если «он не ходит за нами»? По-видимому, именно так судил и поступал апостол, пока не передал этот случай на решение своему Учителю. «Мы запретили ему, — говорит он, — потому что не ходит за нами!» Это он считал вполне достаточной причиной. Что мы можем понимать под этим выражением «он не ходит за нами» — следующий вопрос нашего рассмотрения.

[24] Самое малое, что мы можем под этим понимать: у него нет внешней связи с нами. Мы не трудимся совместно. Он не наш сотрудник в благовествовании. И в самом деле, всякий раз, когда нашему Господу угодно послать многих делателей на Свою жатву, все они не могут действовать в подчинении друг другу или в связи друг с другом. Более того, все они не могут быть лично знакомы между собой или хотя бы знать друг о друге. В разных частях жатвы неизбежно будет много таких, которые настолько далеки от какого-либо взаимного общения, что будут совершенно чужими друг другу, словно жили в разные века. И о любом из этих незнакомых нам людей мы, несомненно, можем сказать: «Он не ходит за нами».

[25] 2. Второй смысл этого выражения может быть таким: он не принадлежит к нашей партии. Уже давно для всех, кто молится о мире Иерусалиму, предметом печальных размышлений служит то, что среди людей, именующихся христианами, все еще существует столько разных партий. Это было особенно заметно у наших собственных соотечественников, которые постоянно отделялись друг от друга из-за несущественных вопросов, нередко вовсе не имевших отношения к религии. Самые ничтожные

обстоятельства порождали различные партии, существовавшие затем на протяжении многих поколений; и каждая из них была бы готова возразить против человека с другой стороны: «Он не ходит за нами».

[26] 3. В-третьих, это выражение может означать: он отличается от нас в религиозных мнениях. Было время, когда все христиане имели не только одно сердце, но и одну мысль: столь великая благодать была на всех них, когда они впервые исполнились Святого Духа! Но как недолго продолжалось это благословение! Как скоро было утрачено то единомыслие и вновь возникло различие мнений, даже в Церкви Христовой, — и притом не среди христиан лишь по имени, а среди настоящих; более того, среди самых главных из них, самих апостолов! И не видно, чтобы начавшееся тогда различие было когда-либо полностью устранено. Мы не находим, чтобы даже эти столпы в храме Божием, пока они оставались на земле, когда-либо пришли к одинаковым мыслям, к единомыслию, особенно относительно обрядового закона. Поэтому нисколько не удивительно, что теперь в христианской Церкви обнаруживается бесконечное разнообразие мнений. Весьма вероятным следствием этого будет то, что, всякий раз когда мы увидим кого-либо «изгоняющего бесов», это окажется человек, который в данном смысле «не ходит за нами», — человек, не разделяющий нашего мнения. Едва ли можно представить, что он будет мыслить одинаково с нами во всех вопросах, даже религиозных. Весьма вероятно, что он будет думать иначе, чем мы, даже о нескольких важных предметах, таких как природа и применение нравственного закона, вечные определения Божии, достаточность и действенность Его благодати и пребывание Его детей в вере до конца.

[27] 4. В-четвертых, он может отличаться от нас не только во мнениях, но также в каком-нибудь практическом вопросе. Он может не одобрять способа богопочитания, принятого в нашем собрании, и считать более полезным для своей души тот, что берет начало у Кальвина или Мартина Лютера. У него может быть много возражений против той литургии, которую мы предпочитаем всем прочим, много сомнений относительно того устройства Церкви, которое мы считаем и апостольским, и библейским. Возможно, он отстоит от нас еще дальше: по убеждению совести он может воздерживаться от некоторых действий, которые мы считаем установлениями Христа. Или, если мы оба согласны, что они установлены Богом, между нами все же может оставаться разница относительно способа совершения этих установлений или лиц, над которыми их следует совершать. Неизбежное следствие любого из этих различий будет состоять в том, что человек, так отличающийся от нас, должен в этих вопросах отделиться от нашего общества. Следовательно, в этом отношении «он не ходит за нами»: он, как мы выражаемся, «не из нашей Церкви».

[28] 5. Но в гораздо более сильном смысле «не ходит за нами» тот, кто принадлежит не только к другой Церкви, но к такой, которую мы во многих отношениях считаем противной Писанию и христианству, — к Церкви, которую мы полагаем совершенно ложной и заблуждающейся в учении, а также опаснейшим образом ошибающейся в практике; виновной и в грубом суеверии, и в идолопоклонстве; к Церкви, которая прибавила много положений к вере, однажды преданной святым, отбросила целую заповедь Божию и упразднила своим преданием несколько других и которая, притязая на высочайшее

почтение к древней Церкви и строжайшее соответствие ей, тем не менее ввела бесчисленные новшества, не имея никакого основания ни в древности, ни в Писании. Совершенно несомненно, «не ходит за нами» тот, кто столь далеко от нас отстоит.

[29] 6. Однако различие может быть еще шире. Тот, кто отличается от нас в суждении или практике, может быть еще дальше от нас по чувствам, чем по суждению. И это действительно весьма естественное и весьма обычное следствие первого. Различия, начинающиеся с вопросов мнения, редко на них заканчиваются. Обычно они распространяются на чувства и затем разлучают самых близких друзей. И нет вражды столь глубокой и непримиримой, как возникающая из религиозных разногласий. По этой причине самыми горькими врагами человека становятся его домашние. Потому отец восстает против собственных детей, а дети — против отца; и, возможно, они преследуют друг друга даже до смерти, все время думая, что служат Богу. Поэтому вполне можно ожидать, что те, кто отличается от нас в религиозных мнениях или практике, вскоре приобретут резкость, даже озлобленность против нас; что они будут все более предубеждены против нас, пока не станут думать о нас самих столь же дурно, как о наших принципах. Почти необходимым следствием этого будет то, что они станут говорить о нас так же, как думают. Они выступят против нас и, насколько смогут, будут мешать нашей работе, поскольку она представляется им делом не Бога, а человека или дьявола. Тот, кто так думает, говорит и действует, в самом сильном смысле «не ходит за нами».

[30] 7. Я, впрочем, не думаю, что человек, о котором апостол говорит в нашем тексте, дошел до этого, хотя ни в

ближайшем контексте, ни в какой-либо другой части Священного Писания мы не имеем о нем подробных сведений. У нас нет оснований предполагать, что между ним и апостолами существовало какое-либо существенное различие, и тем более что он был предубежден против них или их Учителя. По-видимому, это мы можем заключить из слов Самого Господа, непосредственно следующих за нашим текстом: «Никто, сотворивший чудо именем Моим, не может вскоре злословить Меня». Но я намеренно представляю случай в самом резком свете, прибавляя все обстоятельства, какие только можно разумно вообразить, чтобы, будучи предупреждены об искушении во всей его силе, мы ни в каком случае ему не уступили и не стали бороться против Бога.

31 III. 1. Итак, предположим, что человек не имеет с нами общения; предположим, что он не принадлежит к нашей партии; предположим, что он отделяется от нашей Церкви, даже весьма отличается от нас и в суждениях, и в практике, и в чувствах; все же, если мы видим даже этого человека «изгоняющим бесов», Иисус говорит: «Не запрещайте ему». В-третьих, мне предстоит объяснить это важное повеление нашего Господа.

32 2. Если мы видим этого человека изгоняющим бесов. Но хорошо еще, если бы в таком случае мы поверили хотя бы собственным глазам, если бы не объявили ложным свидетельство собственных чувств. Мало знаком с человеческой природой тот, кто сразу не замечает, как чрезвычайно неохотно мы поверили бы, что изгоняет бесов человек, который «не ходит за нами» во всех или в большинстве перечисленных смыслов. Я едва не сказал — в любом из них, поскольку даже по происходящему в нашей собственной груди мы легко можем узнать, как

неохотно люди признают что-либо доброе в тех, кто не во всем с ними согласен.

33 3. «Но что является достаточным, разумным доказательством того, что человек действительно изгоняет бесов в указанном выше смысле?» Ответ прост. Есть ли полное доказательство, во-первых, что находящийся перед нами человек был грубым, открытым грешником; во-вторых, что теперь он не таков, что он оставил свои грехи и живет христианской жизнью; и, в-третьих, что эта перемена совершилась благодаря тому, что он слышал проповедь данного человека? Если эти три положения ясны и неоспоримы, то у вас есть достаточное, разумное доказательство, которому нельзя противиться без умышленного греха, что этот человек изгоняет бесов.

34 4. Тогда «не запрещайте ему». Остерегайтесь пытаться помешать ему — своей ли властью, доводами или уговорами. Ни в коем случае не старайтесь воспрепятствовать ему пользоваться всей силой, которую Бог ему дал. Если вы имеете над ним *власть*, не употребляйте эту власть, чтобы остановить дело Божие. Не снабжайте его *доводами*, почему он больше не должен говорить во имя Иисуса. Сатана не преминет снабдить его ими и без вашей помощи. Не *уговаривайте* его оставить дело. Если он уступит дьяволу и вам, многие души могут погибнуть в своем беззаконии, но их кровь Бог взыщет от *ваших* рук.

35 5. «Но что, если изгоняющий бесов — всего лишь мирянин? Не должен ли я тогда запретить ему?»

36 Признан ли сам факт? Есть ли разумное доказательство, что этот человек изгонял или изгоняет бесов? Если есть, не запрещай ему; нет, не подвергай

этим опасности собственную душу. Разве Бог не волен действовать через кого пожелает? Никто не может совершать этих дел, если Бог не с ним, если Бог не послал его именно для этого. Но если Бог послал его, ты ли отзовешь его назад? Ты ли запретишь ему идти?

37 6. «Но я не знаю, что он послан Богом». «Вот это и удивительно, — может сказать любой из тех, кто служит печатью его посланничества, любой, кого он привел от сатаны к Богу, — что вы не знаете, откуда этот человек, а он открыл мне глаза! Если бы этот человек не был от Бога, он не мог бы делать ничего». Если ты сомневаешься в самом факте, позови родителей этого человека; позови его братьев, друзей, знакомых. Но если ты не можешь в нем сомневаться, если поневоле должен признать, «что совершилось явное чудо», тогда с какой совестью, с каким лицом ты можешь велеть тому, кого послал Бог, «больше не говорить во имя Его»?

38 7. Я признаю, что *весьма желательно*, чтобы всякий проповедующий во имя Его имел внешнее призвание, равно как и внутреннее; но что это *безусловно необходимо*, я отрицаю.

39 «Разве Писание не говорит ясно: „Никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон“?» (Евр. 5:4).

40 Бесчисленное множество раз этот текст приводили по такому поводу, словно в нем заключалась вся сила довода; но, право, никогда еще цитата не была столь неудачной. Ибо, во-первых, Аарон вовсе не был призван проповедовать: он был призван «приносить дары и жертвы за грех». Именно это составляло его особое занятие. Во-вторых, эти люди вовсе не приносят жертв, а

только проповедуют, чего Аарон не делал. Поэтому во всей Библии невозможно найти ни одного текста, который был бы дальше от рассматриваемого вопроса, чем этот.

[41] 8. «Но какова была практика апостольского века?» Это легко увидеть в Деяниях апостолов. В восьмой главе мы читаем: «Произошло великое гонение на Церковь в Иерусалиме; и все, кроме апостолов, рассеялись по разным местам Иудеи и Самарии» (стих 1). «Между тем рассеявшиеся ходили и благовествовали слово» (стих 4). Были ли все они внешним образом призваны к проповеди? Ни один человек в здравом уме не может так думать. Итак, вот неоспоримое доказательство того, какова была практика апостольского века. Здесь вы видите не одного, а множество проповедников-мирян, людей, посланных одним лишь Богом.

[42] 9. В самом деле, практика апостольского века настолько далека от того, чтобы склонять нас считать проповедь человека до рукоположения *незаконной*, что у нас есть основание думать: тогда ее считали *необходимой*. Несомненно, и практика, и указание апостола Павла состояли в том, чтобы *испытать* человека прежде всякого рукоположения. «И таких, — говорит он о диаконах, — надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, допускать до служения» (1 Тим. 3:10). *Испытать* — как? Предложить им разобрать греческое предложение и задать несколько обычных вопросов? О, удивительное испытание служителя Христова! Нет, но провести ясную, открытую проверку — как до сих пор поступает большинство протестантских Церквей Европы — не только того, свята и безупречна ли их жизнь, но и того, обладают ли они дарами, совершенно

и непременно необходимыми для созидания Церкви Христовой.

43 10. Но что, если человек имеет эти дары и привел грешников к покаянию, а епископ все-таки не желает его рукополагать? Тогда епископ запрещает ему изгонять бесов. Но я не смею ему запрещать: я обнародовал свои основания перед всем миром. И все же продолжают настаивать, что я должен это сделать. Вы, настаивающие на этом, ответьте на эти основания. Мне неизвестно, чтобы кто-либо до сих пор ответил или хотя бы попытался ответить. Лишь некоторые назвали их весьма слабыми и ничтожными; и это было достаточно благоразумно, ибо гораздо легче презирать довод, по крайней мере казаться презирающим его, чем ответить на него. Но пока это не сделано, я должен сказать: когда у меня есть разумное доказательство, что какой-либо человек изгоняет бесов, что бы ни делали другие, я не смею запрещать ему, чтобы мне не оказаться противником Бога.

44 11. И кто бы ты ни был, боящийся Бога, «не запрещай ему» ни прямо, ни косвенно. Сделать это можно многими способами. Ты косвенно запрещаешь ему, если либо совершенно отрицаешь дело, которое Бог совершил его руками, либо презираешь и умаляешь его. Ты косвенно запрещаешь ему, когда отбиваешь у него охоту к работе, втягивая его в споры о ней, выдвигая против нее возражения или пугая последствиями, которые, вполне возможно, никогда не наступят. Ты запрещаешь ему, когда проявляешь к нему недоброжелательность в словах или поведении, и тем более когда говоришь о нем другим недоброжелательно или презрительно, когда стараешься представить его кому-либо в ненавистном или ничтожном свете. Ты запрещаешь ему все то время, когда злословишь

его или ни во что не ставишь его труды. О, не запрещай ему ни одним из этих способов, ни тем, чтобы запрещать другим слушать его, — отвращать грешников от слушания слова, способного спасти их души!

45 12. Да, если ты желаешь соблюдать повеление нашего Господа во всем его смысле и объеме, то помни Его слово: «Кто не за нас, тот против нас; и кто не собирает со Мною, тот расточает». Кто не собирает людей в Царство Божие, тот, несомненно, рассеивает их прочь от него. Ибо в этой войне нельзя быть нейтральным. Каждый находится либо на стороне Бога, либо на стороне сатаны. Ты на стороне Бога? Тогда ты не только не станешь запрещать никакому человеку, изгоняющему бесов, но всеми силами будешь стараться помочь ему в работе. Ты охотно признаешь дело Божие и исповедуешь его величие. Насколько возможно, ты устранишь с его пути все затруднения и возражения. Ты укрепишь его руки, говоря о нем с уважением перед всеми людьми и открыто свидетельствуя о том, что видел и слышал. Ты будешь побуждать других внимать его слову, слушать того, кого послал Бог. И ты не упустишь ни одного действенного проявления нежной любви, которое Бог дает тебе возможность оказать ему.

46 IV. 1. Если мы добровольно не исполняем чего-либо из этого, если прямо или косвенно запрещаем ему, «потому что он не ходит за нами», то мы повинны в нетерпимости. Таков вывод, который я делаю из сказанного. Но слово «нетерпимость», боюсь, при всей частоте его употребления понимают почти так же мало, как «энтузиазм». Это чрезмерная привязанность или пристрастие к собственной партии, мнению, Церкви и религии. Поэтому нетерпим тот, кто настолько

пристрастен к чему-либо из этого, настолько сильно к нему привязан, что запрещает всякому изгоняющему бесов, поскольку тот отличается от него в одном или во всех этих отношениях.

47 2. *Ты* же остерегайся этого. Смотри, во-первых, чтобы тебе не уличить самого себя в нетерпимости своей неготовностью поверить, что человек, отличающийся от тебя, изгоняет бесов. И если до сих пор ты невиновен, если признаешь сам факт, то, во-вторых, испытай себя: «Не изобличаюсь ли я в нетерпимости тем, что прямо или косвенно запрещаю ему? Не запрещаю ли я ему прямо на том основании, что он не из моей партии, не согласуется с моими мнениями или не поклоняется Богу согласно той системе религии, которую я получил от отцов?»

48 3. Испытай себя: «Не запрещаю ли я ему хотя бы косвенно по одному из этих оснований? Не огорчает ли меня, что Бог так признает и благословляет человека, придерживающегося столь ошибочных мнений? Не отбиваю ли я у него охоту к работе, потому что он не из моей Церкви, споря с ним об этом, выдвигая возражения и смущая его ум отдаленными последствиями? Не проявляю ли я гнева, презрения или какого-либо недоброжелательства в словах или поступках? Не упоминаю ли за его спиной его действительные или мнимые проступки, недостатки или немощи? Не мешаю ли я грешникам слушать его слово?» Если ты делаешь что-либо из этого, ты и поныне нетерпим.

49 4. «Испытай меня, Господи, и искуси меня. Исследуй внутренности мои и сердце мое! Посмотри, нет ли во мне пути» нетерпимости, «и направь меня на путь вечный». Чтобы испытать себя основательно, представим случай в самой резкой форме. Что, если бы я увидел паписта,

арианина, социнианина, изгоняющего бесов? Если бы увидел, то не мог бы запретить даже ему, не уличив себя в нетерпимости. Более того, если бы можно было предположить, что я увижу иудея, деиста или турка, делающего то же самое, то, запретив ему прямо или косвенно, я все равно оказался бы не лучше любого нетерпимого человека.

[50] 5. О, оставайся свободным от этого! Но не довольствуйся тем, что не запрещаешь никому изгонять бесов. Хорошо дойти до этого, но не останавливайся здесь. Если хочешь избежать всякой нетерпимости, иди дальше. В каждом таком случае, каким бы ни было орудие, признавай перст Божий. И не только признавай, но радуйся Его делу и восхваляй Его имя с благодарением. Побуждай всякого, кого Богу угодно употребить, всецело отдаться этому делу. Где бы ты ни был, говори о нем доброе; защищай его доброе имя и его посланничество. Насколько можешь, расширяй круг его деятельности; оказывай ему всяческую доброту словом и делом и не переставай взывать к Богу за него, чтобы он спас и себя, и слушающих его.

[51] 6. Мне остается прибавить лишь одно предостережение: не думай, что чужая нетерпимость хоть сколько-нибудь оправдывает твою собственную. Вполне возможно, что тот, кто сам изгоняет бесов, все же запретит тебе делать это. Ты можешь заметить: именно такой случай упомянут в нашем тексте. Апостолы запрещали другому делать то, что делали сами. Но остерегайся отвечать тем же. Не твое дело воздавать злом за зло. То, что другой не соблюдает повеление нашего Господа, не причина для тебя пренебрегать им. Нет, оставь всю нетерпимость ему одному. Если он запрещает

тебе, ты не запрещай *ему*. Напротив, тем больше трудись, бодрствуй и молись, чтобы утвердить свою любовь к нему. Если он говорит всякое зло о *тебе*, говори всякое добро, какое истинно, о *нем*. Подражай в этом славному изречению великого человека — о, если бы он всегда дышал тем же духом! — «Пусть Лютер называет меня сотней дьяволов; я все равно буду почитать его как посланника Божия».

Кафолический дух

[1] «И поехал оттуда, и встретился с Ионадавом, сыном Рехава, идущим навстречу ему, и приветствовал его, и сказал ему: расположено ли сердце твое так, как мое сердце к твоему сердцу? И Ионадав сказал: да. Если так, подай руку твою».

[2] 4 Царств 10:15.

[3] 1. Даже те, кто не платит этого великого долга, признают, что любовь следует отдавать всему человечеству: царский закон «люби ближнего твоего, как самого себя» сам свидетельствует о своей истинности всякому, кто слышит его. И понимать его надо не в том жалком смысле, который придавали ему ревнители древних времен: «люби ближнего твоего» — родственника, знакомого, друга — «и ненавидь врага твоего». Нет: «Я говорю вам, — сказал наш Господь, — любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами», да явитесь таковыми всему человечеству, «Отца вашего Небесного, Который повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных».

[4] 2. Но несомненно, есть особая любовь, которую мы должны питать к любящим Бога. Так говорит Давид: «Вся радость моя — о святых, которые на земле, и о тех, кто превосходит других добродетелью». И так говорит Тот, Кто больше его: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга; как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга.

По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Иоанна 13:34, 35). Это та любовь, на которой апостол Иоанн так часто и настойчиво настаивает: «Таково, — говорит он, — благовествование, которое вы слышали от начала, чтобы мы любили друг друга» (1 Иоанна 3:11). «Любовь Божию познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою: и мы должны», если любовь призовет нас к этому, «полагать души свои за братьев» (стих 16). И еще: «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (4:7, 8). «Не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилостивление за грехи наши. Возлюбленные! если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга» (стихи 10, 11).

[5] 3. Все одобряют это, но все ли исполняют? Повседневный опыт показывает обратное. Где даже среди христиан те, кто «любит друг друга, как Он заповедал нам»? Сколько препятствий стоит на пути! Два главных, общих препятствия таковы: во-первых, все они не могут мыслить одинаково; и вследствие этого, во-вторых, все они не могут одинаково поступать, но в некоторых менее важных вопросах их практика неизбежно различается сообразно различию их убеждений.

[6] 4. Но хотя различие мнений или форм богослужения может препятствовать полному внешнему единению, должно ли оно препятствовать единению наших чувств? Хотя мы не можем мыслить одинаково, разве не можем мы одинаково любить? Разве не можем иметь одно сердце, хотя и не имеем одного мнения? Без всякого сомнения, можем. В этом все дети Божии могут соединиться, несмотря на эти меньшие различия. При том

что они остаются такими, каковы есть, дети Божии могут помогать друг другу возрастать в любви и добрых делах.

[7] 5. Несомненно, в этом отношении пример самого Ииуя, сколь бы смешанным ни был его характер, вполне достоин и внимания, и подражания всякого серьезного христианина. «И поехал оттуда, и встретился с Ионадавом, сыном Рехава, идущим навстречу ему; и приветствовал его, и сказал ему: расположено ли сердце твое так, как мое сердце к твоему сердцу? И Ионадав сказал: да. Если так, подай руку твою».

[8] Текст естественно разделяется на две части: во-первых, вопрос Ииуя к Ионадаву: «Расположено ли сердце твое так, как мое сердце к твоему сердцу?» Во-вторых, предложение, сделанное после ответа Ионадава «да»: «Если так, подай руку твою».

[9] I. 1. Прежде всего рассмотрим вопрос, предложенный Ииуем Ионадаву: «Расположено ли сердце твое так, как мое сердце к твоему сердцу?»

[10] Первое, что мы можем заметить в этих словах: здесь вовсе не спрашивается о мнениях Ионадава. А между тем несомненно, что он придерживался некоторых весьма необычных мнений, совершенно ему свойственных, и некоторых таких, которые тесно влияли на его поведение; притом он придавал им столь большое значение, что возложил их как обязанность на детей своих детей, на все свое потомство до самых отдаленных поколений. Это ясно из рассказа Иеремии, написанного через много лет после его смерти: «Я взял Иазанию и братьев его, и всех сыновей его, и весь дом Рехавитов… и поставил перед ними чаши, полные вина, и стаканы, и сказал им: пейте вино. Но они сказали: мы вина не пьем, потому что

Ионадав», или Иегонадав, «сын Рехава, отец наш» — было бы менее двусмысленно расположить слова так: «Ионадав, *отец, наш, сын* Рехава», из любви и почтения к которому он, вероятно, пожелал, чтобы его потомки назывались его именем, — «дал нам заповедь, сказав: не пейте вина ни вы, ни дети ваши вовеки; и домов не стройте, и семян не сейте, и виноградников не сажайте, и не имейте их; но во все дни ваши живите в шатрах… И мы послушались и исполнили все, что заповедал нам Ионадав, отец наш» (Иер. 35:3–10).

11 2. И все же Ииуй, хотя его обычаем и в мирских, и в религиозных делах, по-видимому, было *мчаться неистово*, совершенно не занимается ни одним из этих вопросов, но позволяет Ионадаву оставаться вполне убежденным в собственном мнении. И, по-видимому, ни один из них нисколько не тревожил другого из-за взглядов, которых тот придерживался.

12 3. Вполне возможно, что и теперь многие добрые люди придерживаются особых мнений; некоторые из них могут быть в этом столь же своеобразны, как сам Ионадав. И несомненно, что, пока мы знаем лишь *отчасти*, все люди не будут одинаково смотреть на все вещи. Неизбежное следствие нынешней слабости и ограниченности человеческого разумения состоит в том, что разные люди будут иметь разные мысли и в религии, и в обыкновенной жизни. Так было от начала мира, и так будет «до времени восстановления всего».

13 4. Более того: хотя каждый человек необходимо верит, что каждое отдельное мнение, которого он придерживается, истинно, — ибо верить, что мнение неистинно, значит не придерживаться его, — никто не может быть уверен, что все его собственные мнения,

взятые вместе, истинны. Напротив, всякий мыслящий человек уверен, что это не так, поскольку humanum est errare et nescire: «Не знать многого и ошибаться в некотором — необходимое условие человеческого существования». Поэтому он сознает, что и с ним обстоит именно так. Он знает в общем, что сам заблуждается, хотя в каких именно частностях он ошибается, он не знает и, возможно, знать не может.

14 5. Я говорю: «Возможно, знать не может», — ибо кто может сказать, насколько далеко простирается непреодолимое неведение или, что сводится к тому же, непреодолимое предубеждение? Оно часто так прочно закрепляется в юных умах, что впоследствии невозможно вырвать то, что пустило столь глубокие корни. И кто, не зная всех сопутствующих обстоятельств, может сказать, в какой мере какое-либо заблуждение вменяется в вину? Ведь всякая вина должна предполагать некоторое участие воли, о котором может судить лишь Испытующий сердца.

15 6. Поэтому всякий мудрый человек предоставит другим ту же свободу мысли, какую желает получить от них; и будет настаивать на принятии ими его мнений не больше, чем хотел бы, чтобы они настаивали на принятии им их мнений. Он терпелив к тем, кто отличается от него, и тому, с кем желает соединиться в любви, задает лишь один вопрос: «Расположено ли сердце твое так, как мое сердце к твоему сердцу?»

16 7. Во-вторых, мы можем заметить, что здесь не спрашивается о способе богопочитания Ионадава, хотя весьма вероятно, что и в этом отношении между ними существовало очень большое различие. Ведь мы вполне можем полагать, что Ионадав, как и все его потомство, поклонялся Богу в Иерусалиме, тогда как Иуй этого не

делал: он больше заботился о государственной политике, чем о религии. Поэтому, хотя он и умертвил поклонников Ваала и «истребил Ваала из Израиля», все же от удобного для него греха Иеровоама, поклонения «золотым тельцам», он «не отступил» (4 Царств 10:29).

17 8. Но даже среди людей с правым сердцем, желающих «иметь непорочную совесть», неизбежно, пока существуют различные мнения, будут существовать и различные способы поклонения Богу: ведь разнообразие мнений необходимо предполагает разнообразие практики. И как во все века люди ни в чем не расходились больше, чем во мнениях о Верховном Существе, так ни в чем они не отличались друг от друга больше, чем в способе поклонения Ему. Если бы это происходило лишь в языческом мире, оно нисколько не удивляло бы: ведь мы знаем, что они «своею мудростью не познали Бога», а потому не могли знать и как поклоняться Ему. Но разве не странно, что даже в христианском мире, хотя все согласны в общем, что «Бог есть Дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине», отдельные способы поклонения Богу почти столь же разнообразны, как среди язычников?

18 9. И как нам выбирать среди такого разнообразия? Никто не может выбирать за другого или предписывать другому. Но каждый должен следовать велениям собственной совести в простоте и богоугодной искренности. Он должен быть вполне убежден в собственном уме, а затем действовать согласно лучшему свету, какой имеет. И никакое творение не обладает властью принуждать другого ходить по своему правилу. Бог не дал никому из сынов человеческих права так господствовать над совестью своих братьев: каждый

должен судить сам за себя, как каждый должен дать за себя отчет Богу.

19 10. Поэтому, хотя всякий последователь Христа по самой природе христианского установления обязан быть членом какого-либо определенного собрания, какой-либо Церкви, как обычно говорят, — что предполагает определенный способ поклонения Богу, ибо «двое не могут идти вместе, если не согласились», — все же никакая власть на земле, кроме власти собственной совести, не может обязать человека предпочесть одно собрание другому, тот или иной особый способ богопочитания. Я знаю, обычно полагают, что место рождения определяет Церковь, к которой мы должны принадлежать; что, например, родившийся в Англии должен быть членом той, что именуется Англиканской Церковью, а следовательно, поклоняться Богу особым способом, предписанным этой Церковью. Когда-то я ревностно защищал это положение; но нахожу много причин умерить эту ревность. Боюсь, с ним связаны такие трудности, которых ни один разумный человек преодолеть не может. Не последняя из них состоит в том, что, если бы это правило действовало, никакая Реформация с отходом от папизма не была бы возможна, ибо оно совершенно уничтожает право личного суждения, на котором стоит вся эта Реформация.

20 11. Поэтому я не смею дерзать навязывать другому свой способ богопочитания. Я верю, что он подлинно древний и апостольский; но моя вера не является правилом для другого. Потому я не спрашиваю того, с кем хотел бы соединиться в любви: «Ты из моей Церкви, из моего собрания? Принимаешь ли ты ту же форму церковного управления и признаешь ли тех же церковных

служителей, что и я? Присоединяешься ли к той же форме молитвы, в которой я поклоняюсь Богу?» Я не спрашиваю: «Принимаешь ли ты вечерю Господню в том же положении тела и тем же способом, что и я?» Не спрашиваю и о том, согласен ли ты со мной в совершении крещения — в допущении поручителей за крещаемых, в способе его совершения или в возрасте тех, над кем его следует совершать. Более того, при всей ясности моих собственных убеждений я не спрашиваю тебя, признаешь ли ты вообще крещение и вечерю Господню. Оставим все это в стороне: если потребуется, поговорим об этом в более удобное время. Сейчас мой единственный вопрос таков: «Расположено ли сердце твое так, как мое сердце к твоему сердцу?»

[21] 12. Но что, собственно, подразумевается в этом вопросе? Я не спрашиваю, что подразумевал в нем Ииуй, но что должен понимать под ним последователь Христа, когда обращает его к кому-либо из своих братьев.

[22] Прежде всего подразумевается вот что: право ли твое сердце перед Богом? Веришь ли ты в Его существование и совершенства — в Его вечность, безмерность, премудрость, силу, в Его справедливость, милосердие и истину? Веришь ли ты, что Он и теперь «держит все словом силы Своей» и что управляет даже самым малым, даже самым вредоносным к собственной славе и ко благу любящих Его? Имеешь ли ты божественное удостоверение, сверхъестественное убеждение в Божием? Ходишь ли ты «верою, а не видением», взирая не на временное, а на вечное?

[23] 13. Веришь ли ты в Господа Иисуса Христа, «сущего над всем Бога, благословенного вовеки»? Открылся ли Он в твоей душе? Знаешь ли ты Иисуса Христа, и притом

распятого? Обитает ли Он в тебе, а ты в Нем? Изобразился ли Он в твоем сердце верою? Совершенно отрекшись от всех собственных дел, от собственной праведности, «покорился ли ты праведности Божией, которая через веру во Христа Иисуса»? Находишься ли ты «в Нем не со своею праведностью, но с праведностью через веру»? И через Него подвизаешься ли ты «добрым подвигом веры» и держишься ли «вечной жизни»?

[24] 14. Есть ли твоя вера energoumene di agapes — *исполненная действенной силы любви*? Любишь ли ты Бога — я не говорю «превыше всего», ибо это выражение и небиблейское, и двусмысленное, — но «всем сердцем твоим, и всем разумением твоим, и всею душою твоею, и всею крепостью твоею»? Ищешь ли всего своего счастья в Нем одном? И находишь ли то, чего ищешь? Постоянно ли душа твоя «величит Господа» и «дух твой радуется о Боге, Спасителе твоем»? Научившись «за все благодарить», находишь ли ты, что «благодарить — дело радостное и приятное»? Бог ли — средоточие твоей души, совокупность всех твоих желаний? Соответственно, собираешь ли ты свое сокровище на небе, считая все прочее сором и шлаком? Изгнала ли любовь к Богу любовь к миру из твоей души? Тогда ты «распят для мира», ты мертв для всего земного и «жизнь твоя сокрыта со Христом в Боге».

[25] 15. Занят ли ты исполнением «не своей воли, но воли Пославшего тебя» — Того, Кто послал тебя сюда, вниз, ненадолго побыть странником, провести несколько дней на чужбине, пока, окончив данное Им тебе дело, ты не возвратишься в дом Отца твоего? Твоя ли пища и питие — «творить волю Отца твоего Небесного»? Просто ли твое око во всем? Всегда ли оно устремлено на Него, всегда ли

взирает на Иисуса? К Нему ли ты направлен во всем, что делаешь, — во всем своем труде, занятиях, общении? Ищешь ли во всем только славы Божией, «все, что делаешь словом или делом, делая во имя Господа Иисуса и благодаря через Него Бога и Отца»?

[26] 16. Побуждает ли любовь Божия служить Ему со страхом, «радоваться пред Ним с благоговением»? Боишься ли ты не угодить Богу больше, чем смерти или ада? Нет ли для тебя ничего страшнее мысли оскорбить очи Его славы? На этом основании «ненавидишь ли ты всякий путь зла», всякое преступление Его святого и совершенного закона, и стараешься ли «всегда иметь непорочную совесть пред Богом и людьми»?

[27] 17. Право ли твое сердце по отношению к ближнему? Любишь ли ты, как самого себя, все человечество без исключения? «Если любите только любящих вас, какая вам за то благодарность?» Любите ли вы «врагов ваших»? Исполнена ли ваша душа благожелательства, нежной привязанности к ним? Любите ли вы даже врагов Божиих, неблагодарных и нечестивых? Содрогается ли о них ваше сердце от сострадания? Могли бы вы «желать быть» в этой временной жизни «отлученными» ради них? И показываете ли это, «благословляя проклинающих вас и молясь за обижающих вас и гонящих вас»?

[28] 18. Показываете ли вы свою любовь делами? Пока у вас есть время, по мере возможности, действительно ли вы «делаете добро всем» — ближним или чужим, друзьям или врагам, добрым или злым? Делаете ли им все добро, какое можете, стараясь восполнить все их нужды, помогая им и телесно, и душевно, всеми своими силами? Если ты так расположен, может сказать всякий христианин, да, если ты лишь искренне желаешь этого и

стремишься вперед, пока не достигнешь, тогда «сердце твое расположено так, как мое сердце к твоему сердцу».

[29] II. 1. «Если так, подай мне руку твою». Я не имею в виду: «Будь моего мнения». Тебе это не нужно: я не ожидаю и не желаю этого. Не имею я в виду и того, что «я буду твоего мнения». Я не могу: это не зависит от моего выбора; я не более могу думать, как захочу, чем видеть или слышать, как захочу. Сохраняй свое мнение, я — свое, и столь же твердо, как всегда. Тебе даже не нужно пытаться перейти на мою сторону или привлечь меня на твою. Я не желаю, чтобы ты спорил об этих вопросах, слушал или говорил о них хоть слово. Оставим все мнения с обеих сторон в покое: только «подай мне руку твою».

[30] 2. Я не имею в виду: «Прими мои формы богопочитания» или «я приму твои». Это также не зависит ни от твоего выбора, ни от моего. Мы оба должны поступать согласно тому, в чем каждый вполне убежден в собственном уме. Крепко держись того, что считаешь наиболее угодным Богу, и я буду делать то же. Я верю, что епископальная форма церковного управления библейская и апостольская. Если ты думаешь, что пресвитерианская или независимая лучше, продолжай так думать и поступай соответственно. Я верю, что младенцев следует крестить и что это можно совершать либо погружением, либо окроплением. Если ты убежден иначе, оставайся при своем убеждении и следуй ему. Мне представляется, что установленные формы молитвы превосходно полезны, особенно в большом собрании. Если ты считаешь более полезной молитву без заранее установленных слов, поступай согласно собственному суждению. Мое убеждение состоит в том, что я не должен запрещать воду для крещения людей и что должен есть

хлеб и пить вино в воспоминание моего умирающего Учителя; однако, если ты в этом не убежден, поступай согласно тому свету, который имеешь. Я не желаю ни минуты спорить с тобой ни об одном из этих вопросов. Пусть все эти меньшие вопросы отойдут в сторону; пусть они никогда не выступают на первый план. «Если твое сердце таково, как мое», если ты любишь Бога и все человечество, я больше ничего не прошу: «Подай мне руку твою».

31 3. Прежде всего я имею в виду: люби меня. И не только как ты любишь все человечество; не только как любишь своих врагов или врагов Божиих, ненавидящих тебя, «обижающих тебя и гонящих тебя»; не только как чужого, о котором ты не знаешь ни доброго, ни злого. Я не довольствуюсь этим. Нет: «если сердце твое право, как мое к твоему сердцу», тогда люби меня с очень нежной привязанностью, как друга, более близкого, чем брат; как брата во Христе, согражданина Нового Иерусалима, соратника, участвующего в той же войне под началом того же Вождя нашего спасения. Люби меня как сообщника в Царстве и терпении Иисуса и сонаследника Его славы.

32 4. Люби меня — но в большей степени, чем большинство людей, — любовью, которая *долготерпит и милосердствует*, которая терпелива: если я невежествен или сбился с пути, она несет мое бремя, а не увеличивает его, и остается нежной, мягкой и сострадательной; которая *не завидует*, если Богу когда-нибудь угодно дать мне в Своем деле больший успех, чем тебе. Люби меня любовью, которая *не раздражается* ни из-за моих глупостей, ни из-за немощей, ни даже из-за того, что я, как тебе порою может казаться, поступаю не по воле

Божией. Люби меня так, чтобы *не мыслить обо мне зла*, отбросить всякую ревнивую подозрительность и недобрые догадки. Люби меня любовью, которая *все покрывает*, никогда не разглашает ни моих проступков, ни немощей; которая *всему верит*, всегда готова думать лучшее, истолковывать все мои слова и поступки самым благоприятным образом; которая *всего надеется*: либо что рассказанного вовсе не было, либо что оно произошло не при таких обстоятельствах, как рассказывают, либо хотя бы что это было сделано с добрым намерением или под внезапным напором искушения. И надейся до конца, что все неправильное будет исправлено благодатью Божией, а все недостающее восполнено богатством Его милости во Христе Иисусе.

[33] 5. Во-вторых, я имею в виду: поручай меня Богу во всех твоих молитвах; подвизайся перед Ним за меня, чтобы Он скорее исправил то, что видит неправильным, и восполнил то, чего во мне недостает. В самом близком приступании к престолу благодати умоляй Того, Кто тогда особенно близко присутствует с тобою, чтобы мое сердце стало больше похоже на твое, более правым и перед Богом, и перед людьми; чтобы я имел более полную убежденность в невидимом и более ясное видение любви Божией во Христе Иисусе, более неуклонно ходил верою, а не видением и крепче держался вечной жизни. Молись, чтобы любовь к Богу и всему человечеству обильнее излилась в мое сердце; чтобы я был более горяч и деятелен в исполнении воли моего Отца Небесного, более ревностен к добрым делам и более заботлив в воздержании от всякого вида зла.

[34] 6. В-третьих, я имею в виду: побуждай меня к любви и добрым делам. Подкрепляй свою молитву, по мере

возможности говоря мне с любовью все, что считаешь полезным для здоровья моей души. Воодушевляй меня в деле, которое Бог дал мне совершить, и наставляй, как совершать его совершеннее. Да, «по-дружески поражай меня и обличай» во всем, в чем я, по твоему мнению, исполняю скорее собственную волю, чем волю Пославшего меня. О, говори без пощады все, что, как ты веришь, может послужить исправлению моих недостатков, укреплению моей немощи, созиданию меня в любви или тому, чтобы каким-либо образом сделать меня более пригодным для употребления Господином.

35 7. Наконец, я имею в виду: люби меня не только словом, но делом и истиной. Насколько можешь по совести, по-прежнему сохраняя собственные мнения и собственный способ поклонения Богу, соединяйся со мной в деле Божием; и будем идти вперед рука об руку. И несомненно, до этого ты можешь дойти. Где бы ты ни был, говори с уважением о деле Божием, через кого бы Он ни действовал, и с добротой — о Его посланниках. И если это в твоей власти, не только сочувствуй им, когда они находятся в затруднении или скорби, но оказывай им радостную и действенную помощь, чтобы они прославляли Бога за тебя.

36 8. Относительно сказанного в этом последнем пункте следует заметить две вещи. Первая: какую бы любовь, какие бы услуги любви, какую бы духовную или земную помощь я ни просил у того, чье сердце право, как мое сердце к его, то же самое я, по благодати Божией, готов в своей мере дать ему. Вторая: я обращал эту просьбу не только от собственного имени, но от имени всех, чье сердце право перед Богом и людьми, чтобы все мы любили друг друга, как Христос возлюбил нас.

[37] III. 1. Из сказанного мы можем сделать один вывод. Отсюда мы можем узнать, что такое кафолический дух — дух всеобщей христианской любви.

[38] Едва ли какое-либо выражение понимали более грубо ошибочно и применяли более опасно неверно, чем это; но всякому, кто спокойно рассмотрит предыдущие замечания, будет легко исправить подобные недоразумения и предотвратить подобное неправильное употребление.

[39] Ибо отсюда мы можем узнать, во-первых, что кафолический дух не есть *умозрительный* латитудинаризм. Он не есть безразличие ко всем мнениям: это порождение ада, а не дитя неба. Эта неустойчивость мысли, это состояние, когда человек «колеблется и увлекается всяким ветром учения», — великое проклятие, а не благословение, непримиримый враг, а не друг истинной кафоличности. Человеку с подлинно кафолическим духом не приходится еще искать свою религию. В своем суждении о главных частях христианского учения он тверд, как солнце. Правда, он всегда готов выслушать и взвесить все, что может быть выдвинуто против его принципов; но это не обнаруживает колебания в его собственном уме и не вызывает его. Он не хромает на оба колена между двумя мнениями и не пытается тщетно смешать их в одно. Заметьте это вы, не знающие, какого вы духа; вы, называющие себя людьми кафолического духа лишь потому, что у вас мутное разумение, что ваш ум весь в тумане, что у вас нет твердых, последовательных принципов, а вы хотите смешать все мнения в одну кучу. Убедитесь, что вы совсем сбились с пути и не знаете, где находитесь. Вы думаете, что прониклись самым духом Христовым, тогда как в

действительности ближе к духу антихриста. Ступайте, прежде научитесь первым началам Евангелия Христова, а затем научитесь иметь подлинно кафолический дух.

40 2. Из сказанного мы можем узнать, во-вторых, что кафолический дух не есть какой-либо *практический* латитудинаризм. Он не есть безразличие к общественному богослужению или к внешнему способу его совершения. Это также было бы не благословением, а проклятием. Далеко не помогая поклоняться Богу в духе и истине, оно, пока оставалось бы, служило бы этому невыразимым препятствием. Но человек с подлинно кафолическим духом, взвесив все на весах святилища, не имеет ни сомнения, ни малейшего колебания относительно того определенного вида богослужения, в котором участвует. Он ясно убежден, что *этот* способ поклонения Богу и библейский, и разумный. Он не знает в мире более библейского и более разумного. Поэтому, не блуждая туда и сюда, он крепко держится его и славит Бога за возможность это делать.

41 3. Отсюда, в-третьих, мы можем узнать, что кафолический дух не есть безразличие ко всем собраниям. Это другой вид латитудинаризма, не менее нелепый и небиблейский, чем предыдущий. Но он далек от человека с подлинно кафолическим духом. Такой человек тверд в принадлежности к своему собранию, как и в своих принципах. Он соединен с одним собранием не только духом, но и всеми внешними узами христианского общения. Там он участвует во всех установлениях Божиих. Там принимает вечерю Господню. Там изливает свою душу в общей молитве и присоединяется к общему славословию и благодарению. Там радуется, слушая слово примирения, Евангелие благодати Божией. С этими

своими ближайшими, наиболее любимыми братьями он в торжественных случаях ищет Бога постом. О них особенно он с любовью заботится, как они — о его душе; они наставляют, увещевают, утешают, обличают и всячески созидают друг друга в вере. Их он считает своими домашними и потому естественно, по данной ему Богом способности, заботится о них и старается, чтобы они имели все необходимое для жизни и благочестия.

42 4. Но, оставаясь непоколебимо твердым в своих религиозных принципах, в том, что он считает истиной в Иисусе; крепко держась того богопочитания, которое считает наиболее угодным в Божиих очах; будучи соединен нежнейшими и теснейшими узами с одним определенным собранием, — он раскрывает сердце всему человечеству, знакомым и незнакомым; объемлет сильной и сердечной привязанностью ближних и чужих, друзей и врагов. Это кафолическая, то есть всеобщая, любовь. И кто имеет ее, тот обладает кафолическим духом. Ибо одна лишь любовь дает право на это определение: кафолическая любовь и есть кафолический дух.

43 5. Итак, если понимать это слово в самом строгом смысле, человек кафолического духа — тот, кто описанным выше образом подает руку всем, чьи сердца правы, как его сердце; кто умеет ценить все преимущества, которыми пользуется в познании Божиего, в истинном библейском способе поклонения Ему и, превыше всего, в своем единении с собранием, боящимся Бога и творящим правду, и славить за них Бога; кто, сохраняя эти благословения со строжайшей заботой, берегя их как зеницу ока, в то же время любит — как друзей, как братьев в Господе, как членов Христа и детей Божиих, как нынешних соучастников настоящего Царства

Божия и сонаследников Его вечного Царства — всех, какого бы мнения, богослужения или собрания они ни были, кто верит в Господа Иисуса Христа, любит Бога и человека, радуется возможности угодить Богу и боится оскорбить Его, заботливо воздерживается от зла и ревностен к добрым делам. Подлинно кафолическим духом обладает тот, кто непрестанно носит всех их в своем сердце; кто, питая к ним невыразимую нежность и жаждая их благополучия, не перестает поручать их Богу в молитве и защищать их дело перед людьми; кто говорит им утешительное и старается всеми своими словами укреплять их руки в Боге. Он помогает им всеми силами во всем духовном и земном. Он готов «издерживать свое и истощать себя за них», даже положить за них свою жизнь.

[44] 6. Ты же, о человек Божий, размышляй об этом! Если ты уже идешь этим путем, продолжай. Если прежде ты ошибался дорогой, благослови Бога, Который возвратил тебя! И теперь беги предлежащее тебе поприще царским путем всеобщей любви. Берегись и колебания в суждении, и тесноты сердца; но иди ровным шагом, укорененный в вере, однажды преданной святым, и утвержденный в любви, в истинной кафолической любви, пока не будешь поглощен любовью во веки веков!

Христианское совершенство

[1] «Говорю так не потому, чтобы я уже достиг или усовершился».

[2] Филиппийцам 3:12.

[3] 1. Едва ли в Священном Писании найдется выражение, вызвавшее больше возмущения, чем это. Слово *совершенный* многие не могут вынести. Самый звук его им отвратителен. И всякий, кто *проповедует совершенство*, как принято говорить, то есть утверждает, что оно достижимо в этой жизни, весьма рискует прослыть у них хуже язычника или мытаря.

[4] 2. Поэтому некоторые советовали вовсе отказаться от употребления этих выражений, «потому что они вызвали столь великое возмущение». Но разве они не находятся в словесах Божиих? Если так, то по какому праву какой-либо посланник Божий может отказаться от них, хотя бы все люди соблазнились? Не так познали мы Христа, и не можем мы таким образом уступить дьяволу. Все, что сказал Бог, будем говорить и мы, станут ли люди слушать или откажутся, зная, что лишь тогда служитель Христов может быть «чист от крови всех», когда он «не упускал возвещать им всю волю Божию».

[5] 3. Поэтому мы не можем отбросить эти выражения, поскольку это слова Бога, а не человека. Но мы можем и должны объяснить их смысл, чтобы искренние сердцем не уклонились ни направо, ни налево от цели, от награды своего высокого звания. Сделать это тем необходимее, что в уже приведенном стихе апостол говорит о себе как о

несовершенном: «Не потому, — говорит он, — чтобы я уже усовершился». И все же сразу вслед за этим, в пятнадцатом стихе, он говорит о себе и о многих других как о совершенных: «Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить».

[6] 4. Поэтому, чтобы устранить затруднение, возникающее из этого кажущегося противоречия, а также дать свет стремящимся к цели и не допустить, чтобы хромлющие совратились с пути, я постараюсь показать:

[7] во-первых, в каком смысле христиане *не являются* совершенными; и

[8] во-вторых, в каком смысле они *являются совершенными*.

[9] I. 1. Прежде всего я постараюсь показать, в каком смысле христиане *не совершенны*. И опыт, и Писание показывают, во-первых, что они не совершенны в познании: в этой жизни они не *настолько* совершенны, чтобы быть свободными от неведения. Возможно, вместе с другими людьми они знают многое, относящееся к нынешнему миру; и в отношении будущего мира знают общие истины, которые открыл Бог. Знают они также то, чего душевный человек не принимает, поскольку об этом судят духовно: «какую любовь» даровал им «Отец, чтобы им называться детьми Божиими». Они знают могущественное действие Его Духа в своих сердцах и премудрость Его Провидения, направляющего все их пути и обращающего все им ко благу. Да, они знают в каждом обстоятельстве жизни, чего Господь требует от них и как сохранять непорочную совесть и перед Богом, и перед людьми.

10 2. Но бесчисленны вещи, которых они не знают. Что касается Самого Вседержителя, они не могут исследованием познать Его до совершенства. «Вот, это лишь части путей Его; но гром могущества Его кто может уразуметь?» Они не могут понять — не говорю уже, как «три свидетельствуют на небе: Отец, Сын и Святой Дух, и сии три суть едино», или как вечный Сын Божий «принял образ раба», — ни одного свойства, ни одной особенности божественной природы. Не им также знать времена и сроки, когда Бог совершит Свои великие дела на земле, даже те, которые Он отчасти открыл через Своих рабов и пророков от начала мира. Тем менее знают они, когда Бог, «исполнив число Своих избранных, приблизит Свое Царство», когда «небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся».

11 3. Они не знают причин даже многих Его нынешних действий по отношению к сынам человеческим, но вынуждены остановиться на следующем: хотя «облако и мрак окрест Его, правда и суд — основание престола Его». Да, нередко и о Своих действиях с ними самими Господь говорит им: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». И как мало они знают о том, что всегда перед ними, даже о видимых делах Его рук! Как «Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем»? Как Он соединяет все части этой огромной машины тайной цепью, которую невозможно разорвать? Столь велико неведение, столь ничтожно познание даже лучших из людей!

12 4. Итак, никто в этой жизни не совершен настолько, чтобы быть свободным от неведения. Во-вторых, никто не свободен и от ошибок, которые, в сущности, являются почти неизбежным его следствием: ведь те, кто «знает

отчасти», всегда могут заблуждаться относительно неизвестного им. Правда, дети Божии не ошибаются в необходимом для спасения: они не «считают тьму светом, а свет тьмою» и не «ищут смерти заблуждениями своей жизни». Ибо они «научены Богом», а путь, которому Он учит их, путь святости, столь ясен, что «идущий по нему, даже и неопытный, не заблудится». Но в несущественном для спасения они ошибаются, и притом часто. Лучшие и мудрейшие люди часто ошибаются даже в отношении фактов: верят, что не было того, что действительно было, или что было сделано то, чего не совершали. Или, предположим, они не ошибаются в самом факте, но могут ошибаться в его обстоятельствах, считая их или многие из них совершенно иными, чем они были в действительности. Отсюда неизбежно возникают многие дальнейшие ошибки. Поэтому они могут считать добрыми прошлые или настоящие поступки, которые были или являются злыми, а добрые — злыми. Поэтому же они могут судить не по истине о характере людей: не только считать добрых лучше, а злых хуже, чем они есть, но и верить, что были или являются добрыми те, кто был или является весьма нечестивым; или, возможно, считать злыми тех, кто был или является святым и безупречным.

[13] 5. Более того, даже относительно самого Священного Писания лучшие люди, как бы старательно они ни избегали этого, могут ошибаться и ошибаются изо дня в день, особенно в отношении тех его частей, которые менее непосредственно связаны с практикой. Поэтому даже дети Божии не согласны в толковании многих мест Священного Писания. И различие их мнений не доказывает, что та или другая сторона не является детьми Божиими; оно доказывает лишь, что ожидать от

какого-либо живого человека непогрешимости следует не больше, чем всеведения.

14 6. Если против сказанного в этом и предыдущем пунктах возразят, что святой Иоанн, обращаясь к братьям по вере, говорит: «Вы имеете помазание от Святого и знаете все» (1 Иоанна 2:20), — ответ ясен: «Вы знаете все необходимое для здоровья ваших душ». Что апостол никогда не намеревался простирать это дальше, что он не мог говорить в безусловном смысле, ясно, во-первых, из того, что иначе он представил бы ученика «выше его Учителя», ибо Сам Христос как человек знал не все: «О часе том, — говорит Он, — не знает никто, ни Сын, но только Отец». Это ясно, во-вторых, из следующих слов самого апостола: «Это я написал вам об обольщающих вас», — а также из его неоднократно повторяемого предостережения: «Пусть никто не обольщает вас». Оно было бы совершенно излишним, если бы именно те люди, которые имели помазание от Святого, не были подвержены не только неведению, но и ошибкам.

15 7. Итак, даже христиане не *настолько* совершенны, чтобы быть свободными от неведения или заблуждения. В-третьих, можно прибавить: и от немощей. Только позаботимся правильно понять это слово; только не будем, как некоторые, давать это мягкое имя сознательным грехам. Так, один говорит нам: «У всякого человека своя немощь, а моя — пьянство»; другой имеет немощь нечистоты, третий — напрасного произнесения святого имени Божия, а еще один — называть брата «безумным» или воздавать «ругательством за ругательство». Ясно, что все вы, так говорящие, если не покаетесь, со своими немощами живыми сойдете в ад! Но здесь я подразумеваю не только то, что собственно

называют *телесными немощами*, но и все внутренние или внешние несовершенства, не имеющие нравственной природы. Таковы слабость или медлительность разумения, тупость или спутанность восприятия, несвязность мысли, беспорядочная стремительность или тяжеловесность воображения. Такова, чтобы больше не перечислять этого рода недостатки, нехватка быстроты или прочности памяти. К другому роду относятся те, которые обычно в некоторой мере следуют из перечисленных: медленность речи, неправильность языка, неблагозвучность произношения; к ним можно прибавить тысячу безымянных недостатков в общении или поведении. Вот немощи, которые в большей или меньшей мере встречаются у лучших людей. И никто не может надеяться вполне освободиться от них, пока дух не возвратится к Богу, Который дал его.

[16] 8. До тех пор мы не можем ожидать и полного освобождения от искушения. Такое совершенство не принадлежит этой жизни. Правда, есть люди, предавшиеся всякой нечистоте с ненасытностью, которые едва замечают искушения, поскольку не противятся им, и потому кажутся свободными от искушений. Есть также многие, которых мудрый враг душ, видя крепко спящими в мертвой форме благочестия, не станет искушать грубым грехом, чтобы они не проснулись прежде, чем упадут в вечное пламя. Я знаю, есть и дети Божии, которые, ныне получив оправдание даром и обретя искупление в крови Христовой, в настоящее время не чувствуют искушения. Бог сказал их врагам: «Не прикасайтесь к помазанным Моим и не делайте зла детям Моим». И на это время, быть может на недели или месяцы, Он дает им «восходить на высоты», несет их словно на орлиных крыльях выше всех раскаленных стрел лукавого. Но это состояние не будет

длиться всегда; мы можем узнать это из одного соображения: Сам Сын Божий во дни Своей плоти был искушаем до самого конца жизни. Поэтому и Его слуга пусть ожидает того же, ибо «довольно, чтобы он был, как Учитель его».

[17] 9. Итак, христианское совершенство не означает, как, по-видимому, воображали некоторые, освобождения ни от неведения, ни от ошибок, ни от немощей, ни от искушений. В сущности, это лишь другое название святости. Это два имени одного и того же. Поэтому всякий совершенный свят, и всякий святой в смысле Писания совершен. Однако, наконец, можно заметить, что и в этом отношении на земле нет никакого абсолютного совершенства. Нет так называемого *совершенства степени*, нет такого, которое не допускало бы непрестанного возрастания. Поэтому, чего бы человек ни достиг и в какой бы высокой степени ни был совершен, он все еще нуждается в том, чтобы «возрастать в благодати» и ежедневно преуспевать в познании и любви Бога, своего Спасителя.

[18] II. 1. В каком же смысле христиане совершенны? Это я постараюсь показать во второй части. Но предварительно следует сказать, что в христианской жизни, как и в естественной, существуют разные ступени: некоторые дети Божии — лишь новорожденные младенцы, другие достигли большей зрелости. Соответственно, святой Иоанн в своем первом послании (1 Иоанна 2:12) обращается отдельно к тем, кого называет детьми, к тем, кого именует юношами, и к тем, кого зовет отцами. «Пишу вам, дети, — говорит апостол, — потому что прощены вам грехи». Ибо вы достигли этого: «оправдавшись даром», вы «имеете мир с Богом через

Иисуса Христа». «Пишу вам, юноши, потому что вы победили лукавого», или, как он после прибавляет, «потому что вы сильны и слово Божие пребывает в вас». Вы угасили раскаленные стрелы лукавого — сомнения и страхи, которыми он тревожил ваш первоначальный мир; и свидетельство Божие о том, что грехи вам прощены, теперь пребывает в вашем сердце. «Пишу вам, отцы, потому что вы познали Сущего от начала». Вы познали и Отца, и Сына, и Духа Христова в самой глубине души. Вы — «мужи совершенные, достигшие меры полного возраста Христова».

19 2. Именно о них я главным образом говорю в последней части этой беседы: ибо только они, собственно, являются христианами. Но даже младенцы во Христе совершенны, или рождены от Бога, — выражение, также употребляемое в разных смыслах, — в том смысле, что, во-первых, не совершают греха. Если кто-нибудь сомневается в этой привилегии сынов Божиих, вопрос нельзя решить отвлеченными рассуждениями, которые можно растянуть до бесконечности и оставить дело там же, где оно было прежде. Нельзя решить его и опытом того или иного отдельного человека. Многие могут полагать, что не совершают греха, тогда как совершают; но это не доказывает ничего ни в ту, ни в другую сторону. Мы обращаемся к закону и откровению. «Бог верен, а всякий человек лжив». Мы будем держаться Его Слова, и только его. По нему надлежит судить о нас.

20 3. Слово Божие ясно объявляет, что даже оправданные, рожденные свыше в самом начальном смысле, «не остаются во грехе», что они не могут «жить в нем» впредь (Рим. 6:1, 2); что они «соединены с Ним подобием смерти» Христовой (Рим. 6:5); что их «ветхий человек распят с

Ним», тело греховное упразднено, так что отныне они не служат греху; что, умерев со Христом, они свободны от греха (Рим. 6:6, 7); что они «мертвы для греха, живы же для Бога» (Рим. 6:11); что «грех уже не господствует над ними», находящимися «не под законом, но под благодатью»; но что они, «освободившись от греха, стали рабами праведности» (Рим. 6:14, 18).

[21] 4. Самое малое, что может подразумеваться в этих словах, — то, что люди, о которых здесь говорится, а именно все настоящие христиане, или верующие во Христа, освобождены от внешнего греха. И ту же свободу, которую святой Павел выражает здесь столь разнообразными словами, святой Петр выражает одной фразой (1 Петра 4:1, 2): «Пострадавший плотию перестал грешить, чтобы уже жить не по человеческим похотям, но по воле Божией». Ибо это *прекращение греха*, если истолковывать его в самом узком смысле, относя лишь к внешнему поведению, должно означать прекращение внешнего действия, всякого внешнего нарушения закона.

[22] 5. Но наиболее ясны известные слова святого Иоанна в третьей главе его первого послания, в восьмом стихе: «Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха, потому что семя Его пребывает в нем; и он не может грешить, потому что рожден от Бога». И слова пятой главы (1 Иоанна 5:18): «Мы знаем, что всякий, рожденный от Бога, не грешит; но рожденный от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему».

[23] 6. Правда, говорят, что это означает лишь: он не грешит *умышленно*; или не совершает греха *по привычке*; или *не так, как другие люди*; или *не так, как грешил*

прежде. Но кто это говорит? Святой Иоанн? Нет. Такого слова нет ни в тексте, ни во всей главе, ни во всем его послании, ни в какой бы то ни было части его писаний. Поэтому лучший ответ на смелое утверждение — просто отвергнуть его. А если кто-нибудь может доказать его Словом Божиим, пусть приведет свои веские доводы.

24 7. И один род доводов действительно часто приводили в поддержку этих странных утверждений: их извлекали из примеров, записанных в Слове Божием. «Как! — говорят они. — Разве сам Авраам не согрешил, когда кривил душой и отрекался от своей жены? Разве Моисей не согрешил, когда прогневал Бога при водах пререкания? Да и, чтобы привести один пример за всех, разве даже Давид, „муж по сердцу Божию“, не согрешил в деле Урии Хеттеянина, совершив и убийство, и прелюбодеяние?» Совершенно несомненно, согрешил. Все это правда. Но какой вывод вы хотите отсюда сделать? Можно признать, во-первых, что Давид в общем ходе своей жизни был одним из святейших людей среди иудеев; и, во-вторых, что святейшие люди среди иудеев иногда совершали грех. Но если вы хотите вывести отсюда, что все христиане грешат и должны грешить, пока живы, — такое заключение мы совершенно отвергаем: оно никогда не последует из этих посылок.

25 8. Рассуждающие так, по-видимому, никогда не рассматривали этого изречения нашего Господа (Матф. 11:11): «Истинно говорю вам: из рожденных женами не восставал больший Иоанна Крестителя; но меньший в Царстве Небесном больше его». Я, впрочем, боюсь, есть такие, кто вообразил, будто «Царство Небесное» здесь означает Царство славы, словно Сын Божий только что открыл нам, что самый малый прославленный святой на

небе больше любого человека на земле! Достаточно упомянуть это толкование, чтобы опровергнуть его. Поэтому нет сомнения, что «Царство Небесное» здесь, как и в следующем стихе, где говорится, что оно силою берется, или «Царство Божие», как выражается святой Лука, — это то Царство Божие на земле, к которому принадлежат все истинно верующие во Христа, все настоящие христиане. Итак, этими словами наш Господь объявляет две вещи. Во-первых, до Его пришествия во плоти среди всех сынов человеческих не было никого больше Иоанна Крестителя; отсюда явно следует, что ни Авраам, ни Давид, ни какой-либо иудей не был больше Иоанна. Во-вторых, наш Господь объявляет, что меньший в Царстве Божием, в том Царстве, которое Он пришел установить на земле и которое употребляющие усилие уже начали силою брать, больше его — не больший пророк, как некоторые истолковали это слово, ибо это явно противоречит действительности, но больший в благодати Божией и в познании нашего Господа Иисуса Христа. Поэтому мы не можем измерять преимущества настоящих христиан теми, которые прежде были даны иудеям. Их «служение», или домостроительство, признаем мы, «было славно», но наше «преизбыточествует славою». Поэтому всякий, кто хотел бы низвести христианское домостроительство до иудейской меры, кто собирает примеры слабости, записанные в Законе и пророках, и выводит из них, что «облекшиеся во Христа» не наделены большей силой, глубоко заблуждается, «не зная ни Писаний, ни силы Божией».

[26] 9. «Но разве в Писании нет утверждений, доказывающих то же самое, если этого нельзя вывести из тех примеров? Разве Писание прямо не говорит: „Даже

праведник грешит семь раз в день“?» Отвечаю: нет. Писание ничего подобного не говорит. Во всей Библии нет такого текста. По-видимому, имеется в виду шестнадцатый стих двадцать четвертой главы Притчей, где сказано: «Праведник семь раз упадет и встанет». Но это совсем другое дело. Ибо, во-первых, слов «в день» в тексте нет. Поэтому, если праведник падает семь раз за свою жизнь, это и есть все, что здесь утверждается. Во-вторых, здесь вообще не упоминается *падение в грех*; говорится о *падении в земное бедствие*. Это ясно из предыдущего стиха, который гласит: «Не злоумышляй, нечестивый, против жилища праведника, не опустошай места покоя его». Затем следует: «Ибо праведник семь раз упадет и встанет, а нечестивые впадут в погибель». Как если бы было сказано: «Бог избавит его от беды; но когда упадешь ты, некому будет избавить тебя».

[27] 10. «Однако в других местах, — продолжают возражающие, — Соломон ясно утверждает: „Нет человека, который не грешил бы“ (3 Царств 8:46; 2 Паралипоменон 6:36); да, „нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы“ (Еккл. 7:20)». Отвечаю: несомненно, так было во дни Соломона. Да, так было от Адама до Моисея, от Моисея до Соломона и от Соломона до Христа. Тогда не было человека, который не грешил бы. С того самого дня, когда грех вошел в мир, не было праведного на земле, который делал бы добро и не грешил, пока Сын Божий не явился, чтобы взять наши грехи. Неоспоримо истинно, что «наследник, доколе в детстве, ничем не отличается от раба». И точно так же они — все святые древности, находившиеся под иудейским домостроительством, — в том младенческом состоянии Церкви были «в порабощении вещественным началам мира». «Но когда пришла полнота времени, Бог

послал Сына Своего, Который подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы они получили усыновление», — чтобы получили ту «благодать, которая ныне открылась явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие» (2 Тим. 1:10). Поэтому теперь они «уже не рабы, но сыны». Итак, каково бы ни было положение подзаконных, мы можем уверенно утверждать вместе со святым Иоанном, что со времени дарования Евангелия «рожденный от Бога не грешит».

[28] 11. Весьма важно замечать, и притом внимательнее, чем обычно делают, огромное различие между иудейским и христианским домостроительством, а также его основание, которое тот же апостол указывает в седьмой главе своего Евангелия (Иоанна 7:38). Передав там слова нашего благословенного Господа «Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут реки воды живой», он сразу прибавляет: «Сие сказал Он о Духе», ou emellon lambanein hoi pisteuontes eis auton, *Которого впоследствии должны были принять уверующие в Него*. Ибо Дух Святой еще не был дан, потому что Иисус еще не был прославлен. Здесь апостол не может иметь в виду, как учили некоторые, что еще не была дана чудотворная сила Святого Духа. Ибо она была дана: наш Господь дал ее всем апостолам, когда впервые послал их проповедовать Евангелие. Тогда Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их, власть исцелять больных и даже воскрешать мертвых. Но Святой Дух еще не был дан в Своих освящающих дарах благодати так, как был дан после прославления Иисуса. Именно тогда, когда Он восшел на высоту и пленил плен, Он принял те дары для людей, даже для противящихся, чтобы Господь Бог мог обитать среди них. И когда наступил день

Пятидесятницы, тогда впервые те, кто «ожидал обещанного от Отца», стали более чем победителями над грехом через данного им Святого Духа.

[29] 12. Что это великое спасение от греха не было дано до прославления Иисуса, ясно свидетельствует и святой Петр. Говоря о своих братьях по плоти как о ныне «достигающих цели своей веры, спасения душ», он прибавляет (1 Петра 1:9, 10): «К сему-то спасению относились изыскания и исследования пророков, которые предсказывали о назначенной вам благодати», то есть благодатном домостроительстве, «исследуя, на которое и на какое время указывал сущий в них Дух Христов, когда Он предвозвещал Христовы страдания и последующую славу», славное спасение. «Им открыто было, что не им самим, а нам служило то, что ныне проповедано вам благовествовавшими Духом Святым, посланным с небес», — именно в день Пятидесятницы, а затем во все поколения, в сердца всех истинно верующих. На этом основании, на «благодати, принесенной им откровением Иисуса Христа», апостол вполне мог построить то сильное увещание: «Посему, препоясав чресла ума вашего, по примеру призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках».

[30] 13. Должным образом рассмотревшие это должны признать, что преимущества христиан ни в коей мере нельзя измерять тем, что Ветхий Завет сообщает о находившихся под иудейским домостроительством: ведь ныне пришла полнота времен, ныне дан Святой Дух, великое спасение Божие принесено людям откровением Иисуса Христа. Царство Небесное теперь установлено на земле; о нем Дух Божий издревле объявил — настолько Давид далек от того, чтобы быть образцом или мерой

христианского совершенства: «Самый слабый между ними в тот день будет как Давид, а дом Давида будет как Бог, как Ангел Господень перед ними» (Зах. 12:8).

[31] 14. Поэтому, если вы хотите доказать, что слова апостола «рожденный от Бога не грешит» не следует понимать в их простом, естественном, очевидном смысле, доказательства надо приводить из Нового Завета; иначе вы будете сражаться как бьющий воздух. Первое из доказательств, которые обычно приводят, берется из записанных в Новом Завете примеров. «Сами апостолы, — говорят, — совершали грех, даже величайшие из них, Петр и Павел: святой Павел — в резком разногласии с Варнавой, а святой Петр — в лицемерии в Антиохии». Хорошо: предположим, что и Петр, и Павел тогда согрешили; что вы хотите отсюда вывести? Что все остальные апостолы иногда грешили? Здесь нет и тени доказательства. Или хотите вывести, что все остальные христиане апостольского века совершали грех? Все хуже и хуже: это такой вывод, о котором, казалось бы, человек в здравом уме никогда не мог и помыслить. Или вы рассуждаете так: «Если двое апостолов однажды согрешили, то все остальные христиане во все века грешат и будут грешить, пока живы»? Увы, брат мой! Ребенок с обычным разумением постыдился бы такого рассуждения. И менее всего вы можете с хоть каким-то подобием доказательства заключить, что какой-либо человек вообще *должен* грешить. Нет: сохрани нас Бог так говорить! На них не была возложена никакая необходимость грешить. Благодати Божией несомненно было достаточно для них. И сегодня ее достаточно для нас. Вместе с постигшим их искушением был дан и выход, как он дается всякой человеческой душе во всяком искушении. Поэтому всякому искушаемому каким-либо

грехом вовсе не обязательно уступать: ведь никто не искушается сверх того, что может перенести.

[32] 15. «Но святой Павел трижды молил Господа и все-таки не мог избавиться от своего искушения». Рассмотрим его собственные слова в буквальном переводе: «Дано мне жало в плоть, ангел», или посланник, «сатаны, чтобы удручать меня. Об этом я трижды молил Господа, чтобы оно», или он, «отступило от меня. И Он сказал мне: довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи. И потому я гораздо охотнее буду хвалиться» этими «моими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова. Посему я благодушествую в немощах: ибо, когда я немощен, тогда силен».

[33] 16. Поскольку это место Писания — одна из твердынь защитников греха, уместно тщательно его взвесить. Итак, заметим, во-первых: совершенно не видно, чтобы это жало, чем бы оно ни было, заставляло святого Павла совершать грех, и тем более налагало на него необходимость грешить. Поэтому отсюда никогда нельзя доказать, что какой-либо христианин должен грешить. Во-вторых, древние отцы сообщают, что это была телесная боль: «сильная головная боль», говорит Тертуллиан (De Pudic.); с ним согласны и Златоуст, и святой Иероним. Святой Киприан [De Mortalitate] выражается несколько шире: «Многие и тяжкие мучения плоти и тела» [Carnis et corporis multa ac gravia tormenta]. В-третьих, с этим совершенно согласны слова самого апостола: «Жало в плоть, чтобы поражать, бить или удручать меня». «Сила Моя совершается в немощи» — это же слово встречается не менее четырех раз лишь в этих двух стихах. Но, в-четвертых, чем бы оно ни было, оно не могло быть ни внутренним, ни внешним грехом. Оно не могло быть

внутренними движениями гордости, гнева или похоти, как не могло быть их внешними выражениями. Это ясно вне всякого возможного возражения из непосредственно следующих слов: «Охотнее буду хвалиться» этими «моими немощами, чтобы обитала во мне сила Христова». Как! Он хвалился гордостью, гневом, похотью? Через эти ли *немощи* обитала в нем сила Христова? Он продолжает: «Посему я благодушествую в немощах; ибо, когда я немощен, тогда силен», — то есть, когда я немощен *телом*, тогда силен *духом*. Но осмелится ли кто-нибудь сказать: «Когда я немощен гордостью или похотью, тогда силен духом»? Призываю вас всех сегодня в свидетели, вас, чувствующих, что сила Христова обитает в вас: можете ли вы хвалиться гневом, гордостью или похотью? Можете ли находить удовольствие в этих немощах? Делают ли эти слабости вас сильными? Разве вы не бросились бы в ад, если бы это было возможно, чтобы избавиться от них? Судите же даже по самим себе, мог ли апостол хвалиться ими и находить в них удовольствие! Наконец, заметим, что это жало было дано святому Павлу более чем за четырнадцать лет до написания этого послания, которое, в свою очередь, было написано за несколько лет до окончания его поприща. Поэтому после этого ему предстоял еще долгий путь, многие битвы, многие победы и великое возрастание во всех дарах Божиих и в познании Иисуса Христа. Следовательно, из какой-либо духовной немощи, если бы она была таковой, которую он тогда ощущал, мы никак не могли бы заключить, что он никогда не стал сильным; что престарелый Павел, отец во Христе, все еще страдал теми же слабостями; что до дня смерти он не достиг более высокого состояния. Из всего этого видно, что данный случай святого Павла совершенно не относится к вопросу

и никак не противоречит утверждению святого Иоанна: «Рожденный от Бога не грешит».

[34] 17. «Но разве святой Иаков прямо не противоречит этому? Его слова: „Все мы много согрешаем“ (Иак. 3:2). А разве согрешать — не то же самое, что совершать грех?» В этом месте, признаю, то же самое; признаю, что люди, о которых здесь говорится, совершали грех, да, что все они совершали многие грехи. Но кто эти люди? Те многие наставники, или учители, которых Бог не посылал, — вероятно, те же суетные люди, которые учили вере без дел, столь резко обличенной в предыдущей главе, — а не сам апостол и не какой-либо настоящий христианин. Что словом *мы*, употребленным как оборот речи, обычный и во всех прочих, и в богодухновенных писаниях, апостол никак не мог включать себя или другого истинно верующего, ясно, во-первых, из того же слова в девятом стихе: «Им, — говорит он, — благословляем Бога и им проклинаем людей. Из тех же уст исходит благословение и проклятие». Правда, но не из уст апостола и не из уст того, кто во Христе новая тварь. Во-вторых, это видно из стиха, непосредственно предшествующего нашему тексту и явно связанного с ним: «Братья мои! не многие делайтесь наставниками», или учителями, «зная, что мы подвергнемся большему осуждению. Ибо все мы много согрешаем». *Мы* — кто? Не апостолы, не истинно верующие, но те, кто знает, что должен *подвергнуться большему осуждению* за эти многие согрешения. Но это не могло быть сказано о самом апостоле или о ком-либо, идущем по его стопам, поскольку «нет осуждения тем, кто живет не по плоти, но по духу». Более того, в-третьих, сам этот стих доказывает, что «все мы согрешаем» не может быть сказано ни обо всех людях, ни обо всех христианах: ибо в нем сразу следует упоминание человека, который *не*

согрешает, как согрешали сначала названные *мы*; от них он поэтому прямо отличен и назван *совершенным человеком*.

35 18. Столь ясно святой Иаков объясняет себя и устанавливает смысл собственных слов. Но, чтобы никто не оставался в сомнении, святой Иоанн, писавший через много лет после святого Иакова, приведенными выше прямыми утверждениями совершенно исключает спор. Однако здесь может возникнуть новое затруднение: как согласовать святого Иоанна с ним самим? В одном месте он объявляет: «Всякий, рожденный от Бога, не делает греха», и еще: «Мы знаем, что рожденный от Бога не грешит». А в другом говорит: «Если говорим, что не имеем греха, обманываем самих себя, и истины нет в нас»; и еще: «Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас».

36 19. Каким бы большим ни казалось поначалу это затруднение, оно исчезает, если заметить, во-первых, что десятый стих определяет смысл восьмого: слова первого «если говорим, что не имеем греха» объясняются словами последнего «если говорим, что мы не согрешили». Во-вторых, ныне рассматриваемый вопрос состоит не в том, *грешили ли мы прежде или не грешили*; и ни один из этих стихов не утверждает, что мы *грешим, или совершаем грех теперь*. В-третьих, девятый стих объясняет и восьмой, и десятый: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды». Как если бы он сказал: «Я прежде утверждал: кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха. Но пусть никто не говорит: мне это не нужно; у меня нет греха, от которого нужно очищаться. Если мы говорим, что не имеем греха, что не

согрешили, то обманываем себя и представляем Бога лживым. Но если исповедуем грехи наши, Он верен и праведен не только в том, чтобы простить наши грехи, но и в том, чтобы очистить нас от всякой неправды, дабы мы могли идти и больше не грешить».

[37] 20. Итак, святой Иоанн вполне согласен и с самим собой, и с другими святыми писателями; это станет еще очевиднее, если мы соберем вместе все его утверждения об этом предмете. Он объявляет, во-первых, что кровь Иисуса Христа очищает нас от всякого греха. Во-вторых, никто не может сказать: «Я не согрешил, у меня нет греха, от которого нужно очищаться». В-третьих, Бог готов и простить наши прошлые грехи, и спасти нас от них на будущее время. В-четвертых, «это пишу вам, — говорит апостол, — чтобы вы не согрешали. А если бы кто» все же «согрешил», или *совершил грех прежде*, как можно передать это слово, ему нет необходимости продолжать грешить, поскольку «мы имеем Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа, Праведника». До сих пор все ясно. Но, чтобы не осталось никакого сомнения в столь чрезвычайно важном вопросе, апостол возвращается к этому предмету в третьей главе и пространно объясняет собственный смысл. «Дети! — говорит он, — пусть никто не обольщает вас», словно я дал какое-либо поощрение продолжающим жить во грехе. «Кто делает правду, тот праведен, подобно как Он праведен. Кто делает грех, тот от дьявола, потому что сначала дьявол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола. Всякий, рожденный от Бога, не делает греха: потому что семя Его пребывает в нем, и он не может грешить, потому что рожден от Бога. Дети Божии и дети дьявола узнаются так» (1 Иоанна 3:7–10). Здесь вопрос, который до тех пор, возможно, допускал некоторое

сомнение в слабых умах, намеренно разрешен последним из богодухновенных писателей и решен самым ясным образом. Поэтому в согласии и с учением святого Иоанна, и со всем смыслом Нового Завета мы устанавливаем следующий вывод: *христианин совершен в той мере, что не совершает греха*.

[38] 21. Это славная привилегия всякого христианина, даже если он лишь *младенец во Христе*. Но только о тех, кто *силен* в Господе и «победил лукавого», или, скорее, о тех, кто «познал Сущего от начала», можно утверждать, что они совершенны в таком смысле, что, во-вторых, свободны от злых мыслей и злых расположений. Прежде всего — от злых, или греховных, мыслей. Но здесь следует заметить, что мысли о зле не всегда являются злыми мыслями; мысль о грехе и греховная мысль весьма различны. Например, человек может думать об убийстве, совершенном другим, и все же это не злая и не греховная мысль. Так и Сам наш благословенный Господь, несомненно, думал о сказанном дьяволом или понимал его, когда тот говорил: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне». Однако у Него не было ни злой, ни греховной мысли; и Он даже не был способен иметь такую. И уже отсюда следует, что настоящие христиане также их не имеют, ибо «всякий совершенный — как Учитель его» (Луки 6:40). Поэтому, если Он был свободен от злых, или греховных, мыслей, то и они также.

[39] 22. И в самом деле, откуда могли бы произойти злые мысли у слуги, который *таков, как его Учитель*? «Из сердца человеческого», если вообще откуда-либо, «исходят злые помыслы» (Марка 7:21). Поэтому, если его сердце уже не злое, злые мысли больше не могут исходить из него. Если бы дерево было худым, таким был бы и плод;

но дерево доброе, следовательно, и плод добрый (Матф. 12:33). Сам наш Господь свидетельствует: «Всякое дерево доброе приносит плоды добрые. Не может дерево доброе приносить плоды худые», как и «дерево худое не может приносить плоды добрые» (Матф. 7:17, 18). [33]

[40] 23. Ту же счастливую привилегию настоящих христиан святой Павел подтверждает собственным опытом. «Оружия воинствования нашего, — говорит он, — не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем воображения», или, скорее, *рассуждения*, ибо именно это означает слово logismous: все рассуждения гордости и неверия против объявлений, обещаний или даров Божиих, «и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу» (2 Кор. 10:4).

[41] 24. И как настоящие христиане свободны от злых мыслей, так, во-вторых, они свободны и от злых расположений. Это ясно из уже упомянутого изречения Самого нашего Господа: «Ученик не выше учителя своего; но, усовершенствовавшись, всякий будет, как учитель его». Непосредственно перед этим Он излагал некоторые из возвышеннейших учений христианства и некоторые из самых тяжких для плоти и крови: «Говорю вам: любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас; и ударившему тебя по щеке подставь и другую». Он хорошо знал, что мир не примет этого, и потому сразу прибавляет: «Может ли слепой водить слепого? Не оба ли упадут в яму?» Как если бы сказал: «Не советуйтесь об этом с плотью и кровью, с людьми, лишенными духовного рассуждения, чьих очей разума Бог не открыл, чтобы вам не погибнуть вместе с ними». В следующем стихе Он устраняет два главных возражения, с которыми эти

мудрые глупцы встречают нас на каждом шагу: «Это слишком тяжело, чтобы вынести» или «Это слишком высоко, чтобы достичь». Он говорит: «Ученик не выше учителя своего; поэтому, если Я страдал, довольствуйтесь тем, чтобы идти по Моим стопам. И тогда не сомневайтесь, что Я исполню Свое слово: ибо всякий совершенный будет, как его учитель». Но его Учитель был свободен от всех греховных расположений. Поэтому свободен и Его ученик, то есть всякий настоящий христианин.

42 25. Каждый из них может сказать со святым Павлом: «Я сораспялся Христу; и уже не я живу, но живет во мне Христос». Эти слова явно описывают избавление и от внутреннего, и от внешнего греха. Оно выражено и отрицательно: *не я живу* — моя злая природа, тело греха, уничтожена, — и положительно: *Христос живет во мне*, а следовательно, все святое, праведное и доброе. В самом деле, оба эти положения, *Христос живет во мне* и *не я живу*, неразрывно связаны: ибо «что общего у света с тьмою или у Христа с Велиаром»?

43 26. Поэтому Тот, Кто живет в истинно верующих, «очистил верою их сердца», так что всякий, имеющий в себе Христа, упование славы, «очищает себя так, как Он чист» (1 Иоанна 3:3). Он очищен от гордости, ибо Христос был смирен сердцем. Он чист от своеволия или собственного желания, ибо Христос желал лишь творить волю Отца и совершить Его дело. И он чист от гнева в обычном смысле слова, ибо Христос был кроток и мягок, терпелив и долготерпелив. Я говорю: в обычном смысле слова, ибо не всякий гнев зол. О Самом нашем Господе мы читаем (Марка 3:5), что однажды Он «воззрел вокруг с гневом». Но с каким гневом? Следующее слово

показывает: syllypoumenos, одновременно «скорбя об ожесточении их сердец». Итак, Он гневался на грех и в то же мгновение скорбел о грешниках; гневался, или был недоволен, преступлением, но сожалел о преступивших. С гневом, даже с ненавистью Он смотрел на дело, со скорбью и любовью — на людей. Иди, совершенный, и поступай так же. Гневайся таким образом, и ты не грешишь: ощущай негодование при всяком преступлении против Бога, но только любовь и нежное сострадание к преступившему.

[44] 27. Так Иисус «спасает людей Своих от грехов их» — не только от внешних грехов, но и от грехов сердца, от злых мыслей и злых расположений. «Верно, — говорят некоторые, — мы будем так спасены от грехов, но лишь при смерти, не в этом мире». Но как согласовать это с прямыми словами святого Иоанна: «Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он»? Здесь апостол, вне всякого спора, говорит о себе и других живущих христианах и, словно предвидя именно эту уловку и намереваясь разрушить ее до основания, прямо утверждает, что они подобны своему Учителю не только при смерти или после нее, но *в этом мире* (1 Иоанна 4:17).

[45] 28. С этим совершенно согласны его слова в первой главе того же послания (1 Иоанна 1:5): «Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы. Если же ходим во свете, то имеем общение друг с другом, и кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха». И еще: «Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи наши и очистит нас от всякой неправды». Очевидно, что и здесь апостол говорит об

избавлении, совершаемом *в этом мире*. Ибо он не говорит, что кровь Христова очистит в час смерти или в день суда, но что она «очищает» в настоящее время «нас», живущих христиан, «от всякого греха». И столь же очевидно, что, если остается *хоть какой-нибудь грех*, мы не очищены от *всякого греха*; если в душе остается *хоть какая-нибудь* неправда, она не очищена от *всякой* неправды. Пусть никто, согрешая против собственной души, не говорит, что это относится лишь к оправданию, или очищению нас от вины греха. Во-первых, потому что это смешивает то, что апостол ясно различает, упоминая сначала *прощение нам грехов*, а затем *очищение нас от всякой неправды*. Во-вторых, потому что это утверждает оправдание делами в самом сильном из возможных смыслов, делает всю внутреннюю и внешнюю святость необходимо предшествующей оправданию. Ибо, если очищение, о котором здесь говорится, — не что иное, как очищение от вины греха, тогда мы не очищены от вины, то есть не оправданы, иначе как при условии «хождения во свете, как Он во свете». Следовательно, остается признать, что христиане спасены в этом мире от всякого греха, от всякой неправды; что они уже теперь совершенны в том смысле, что не совершают греха и свободны от злых мыслей и злых расположений.

[46] 29. Так Господь исполнил то, что говорил устами Своих святых пророков от начала мира, в особенности через Моисея: «Обрежу сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего от всего сердца твоего и от всей души твоей» (Втор. 30:6); через Давида, восклицавшего: «Сердце чистое сотвори во мне и дух правый обнови внутри меня»; и самым замечательным образом через Иезекииля в следующих словах: «Окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь; от всех скверн ваших

и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам… И сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих, и уставы Мои будете соблюдать и выполнять… И будете Моим народом, и Я буду вашим Богом. И освобожу вас от всех нечистот ваших… Так говорит Господь Бог ваш: в тот день, когда очищу вас от всех беззаконий ваших… узнают народы, что Я, Господь, вновь созидаю разрушенное… Я, Господь, сказал это и сделаю» (Иез. 36:25).

[47] 30. «Итак, возлюбленные, имея такие обетования» и в Законе, и в пророках и имея пророческое слово, подтвержденное нам в Евангелии нашим благословенным Господом и Его апостолами, «очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божием». «Будем опасаться, чтобы», при стольких «данных нам обетованиях войти в покой Его», в который вошедший успокоился от собственных дел, «не оказался кто из нас опоздавшим». «Одно будем делать: забывая заднее и простираясь вперед, будем стремиться к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе», взывая к Нему день и ночь, пока и мы не будем «освобождены от рабства тлению в свободу славы детей Божиих»!

[48] **Обетование освящения**
(Иезекииль 36:25.)
Преподобный Чарльз Уэсли.

> [49] 1 Бог всякой силы, истины и благодати,
> Который пребудет из века в век;
> Чье слово, когда небо и земля прейдут,
> Останется и вовеки будет твердо:

[50] 2 Спокойно душа моя взирает к Тебе
И ждет исполнения Твоих обещаний —
Предмета моей неизменной надежды,
Печати Твоей вечной любви.

[51] 3 Чтобы я мог возвещать Твою милость,
Чтобы все человечество видело Твою истину,
Освяти Свое великое и славное имя
И соверши во мне святость.

[52] 4 Если ныне я, избранный из мира, стою,
Облеченный божественной праведностью;
Если, приведенный в землю обетованную,
По праву называю Спасителя моим,

[53] 5 Соверши начатое Тобой дело,
Обрати к Себе самую глубину моей души;
Люби меня, вечно люби принадлежащего Тебе,
И окропи Своей кровью мое сердце.

[54] 6 Излей Своего освящающего Духа,
Чтобы утолить мою жажду и омыть меня дочиста;
Ныне, Отец, да сойдет благодатный дождь
И очистит меня от греха.

[55] 7 Очисти меня от всякого греховного пятна;
Да будут отброшены все мои идолы;
Очисти меня от всякой злой мысли,
От всей скверны себялюбия и гордости.

[56] 8 Дай мне новое, совершенное сердце,
Свободное от сомнения, страха и скорби;
Даруй мне те мысли, что были во Христе,
И да прилепится к Тебе мой дух.

[57] 9 О, удали это каменное сердце!
Оно не признает и не может признать Твою власть;
Не дай ему больше оставаться во мне:
О, удали это каменное сердце!

[58] 10 Ненависть моего плотского ума
Сразу удали из моей плоти;
Дай мне нежное, покорное сердце,
Чистое и исполненное веры и любви.

[59] 11 Посели во мне Своего благого Духа,
Духа здравия, любви и силы;
Насади во мне Свою победоносную благодать,
И грех никогда больше не войдет.

[60] 12 Дай мне ходить во Христе, моем Пути,
И я исполню Твои уставы,
Во всем буду послушен Твоему закону
И в совершенстве исполню Твою волю.

[61] 13 Разве Ты, Кто не может солгать, не сказал,
Что я буду хранить и исполнять Твой закон?
Господи, я верю, хотя люди отрицают;
Все они лживы, но Ты истинен.

[62] 14 О, если бы теперь, избавленный от греха,
Я до конца испытал истинность Твоего слова!
Вошел в обещанный покой,
В Ханаан Твоей совершенной любви!

[63] 15 Дай мне там обитать вечно, вечно;
Будь моим Богом, и я буду
Твоим слугой: о, приложи Свою печать!
Дай мне вечную жизнь в Тебе.

[64] 16 От всей оставшейся внутренней скверны
Дай мне обрести спасение в Тебе;
От содеянного и от врожденного греха
Не переставай спасать мою искупленную душу.

[65] 17 Омой мое древнее первородное пятно;
Не говорите мне больше: «Это невозможно»,
Демоны или люди! Агнец был заклан,
Вся Его кровь была пролита за меня!

[66] 18 Иисусе, окропи ею мое сердце;
Одна капля Твоей всеочищающей крови
Заставит мою греховность уйти
И наполнит меня жизнью Божией.

[67] 19 Отец, восполни всякую мою нужду,
Поддержи жизнь, которую Сам даровал;
Призови хлеб, живой хлеб,
Манну, сходящую с небес.

[68] 20 Благодатные плоды праведности,
Неисчерпаемое сокровище Твоих благословений,
Обильно умножь во мне
И не дай мне больше никогда алкать.

[69] 21 Не дай мне больше в глубокой скорби
Кричать: «Скудость моя, о скудость моя!» —
Чтобы я один из всех детей моего Отца
Истощался мучительной нуждой!

[70] 22 Мучительную жажду, страстное желание
Устранит Твое радостное присутствие;
А моя исполненная душа все же будет нуждаться
Во всей вечности Твоей любви.

[71] 23 Святой, истинный и праведный Господь,
Я жду, чтобы испытать Твою совершенную волю;
Вспомни Свое благодатное слово
И запечатлей меня печатью Твоего Духа!

[72] 24 Дай мне обрести Твои верные милости,
На которые Ты даешь мне уповать;
Дай мне кроткий и смиренный ум
И повергни мой дух во прах.

[73] 25 Покажи мне, как скверно было мое сердце,
Когда я весь буду обновлен благодатью;
Когда Ты освободишь меня от греха,
Покажи мне всю полноту моего позора.

[74] 26 Открой внутреннее око моей веры,
Яви Свою славу свыше;
И все, что я есть, погрузится и умрет,
Теряясь в изумлении и любви.

[75] 27 Порази, одолей меня Своей благодатью:
Я хотел бы стать отвратительным самому себе;
Вся сила, все величие, вся хвала,
Вся слава да будет Христу, моему Господу!

[76] 28 Ныне дай мне достичь высоты совершенства!
Ныне дай мне ниспасть в ничто!
Быть меньше, чем ничто, пред Твоими очами
И чувствовать, что Христос — все во всем!

Блуждающие мысли

[1] «Пленяем всякое помышление в послушание Христу».

[2] 2 Коринфянам 10:5.

[3] 1. Но так ли Бог «пленит всякое помышление в послушание Христу», что ни одна блуждающая мысль не найдет места в уме, даже пока мы остаемся в теле? Некоторые горячо это отстаивали; более того, утверждали, что никто не совершен в любви, если не достиг такого совершенства разумения, при котором исчезают все блуждающие мысли; если не только всякое чувство и расположение свято, праведно и добро, но и каждая отдельная мысль, возникающая в уме, мудра и упорядочена.

[4] 2. Это вопрос немалой важности. Ведь сколько людей, боящихся Бога и любящих Его, быть может всем сердцем, сильно страдали из-за этого! Сколько, неправильно понимая его, не только испытывали скорбь, но и терпели великий вред в своих душах, впадали в бесполезные, даже пагубные рассуждения, которые замедляли их движение к Богу и ослабляли их в беге на предлежащем поприще! Более того, многие из-за неверного понимания именно этого вопроса отвергли драгоценный дар Божий. Их побудили сначала усомниться, а затем и отрицать дело, которое Бог совершил в их душах; этим они огорчали Духа Божия, пока Он не удалился и не оставил их в совершенной тьме!

[5] 3. Как же получается, что среди изобилия книг, недавно изданных почти обо всем, у нас нет ни одной о

блуждающих мыслях — по крайней мере ни одной, которая могла бы сколько-нибудь удовлетворить спокойный и серьезный ум? Чтобы сделать это в некоторой мере, я намерен исследовать:

[6] I. Каковы различные виды блуждающих мыслей?

[7] II. Каковы общие причины их возникновения?

[8] III. Какие из них греховны, а какие нет?

[9] IV. От каких из них мы можем ожидать избавления и молиться о нем?

[10] I. 1. Во-первых, я намерен исследовать, каковы различные виды блуждающих мыслей. Частных видов бесчисленное множество; но в общем они бывают двух родов: мысли, удаляющиеся от Бога, и мысли, отклоняющиеся от определенного предмета, которым мы занимаемся.

[11] 2. Что касается первых, все наши мысли по природе именно таковы: они непрестанно удаляются от Бога. Мы вовсе о Нем не думаем; во всех наших мыслях нет Бога; все мы без исключения, как замечает апостол, «без Бога в мире». Мы думаем о том, что любим; но Бога мы не любим, потому и не думаем о Нем. Или, если время от времени мы вынуждены ненадолго подумать о Нем, все же, поскольку не находим в этом удовольствия, более того, поскольку эти мысли не только безвкусны, но неприятны и тягостны нам, мы изгоняем их, как только можем, и возвращаемся к тому, о чем любим думать. Поэтому мир и мирское — что нам есть, что пить, во что одеться, что увидеть, что услышать, что приобрести, как угодить нашим чувствам или воображению — занимают все наше время и поглощают все наши мысли. Итак, пока мы любим мир, то есть пока пребываем в своем

естественном состоянии, все наши мысли с утра до вечера и с вечера до утра — не что иное, как блуждающие мысли.

[12] 3. Но часто мы не только «без Бога в мире», но и боремся против Него, поскольку в каждом человеке по природе есть «плотское мудрование, которое есть вражда против Бога». Поэтому неудивительно, что люди изобилуют неверующими мыслями, либо говоря в сердце: «Нет Бога», либо ставя под сомнение, если не отрицая, Его силу или премудрость, Его милосердие, справедливость или святость. Неудивительно, что они так часто сомневаются в Его Провидении, по крайней мере в том, что оно простирается на все события, или что, даже признавая его, все же питают мысли ропота и недовольства. Близки к ним и часто с ними соединены гордые и суетные мечтания. Далее, иногда они заняты гневными, злобными или мстительными мыслями; в другие времена — воздушными картинами удовольствия, чувственного или воображаемого, от которых земной, чувственный ум становится еще более земным и чувственным. Всем этим они ведут открытую войну с Богом: это блуждающие мысли высшей степени.

[13] 4. Совершенно иной характер имеет второй род блуждающих мыслей, при котором сердце не удаляется от Бога, но разум отклоняется от определенного предмета, который тогда имел в виду. Например, я сажусь обдумать слова стиха, предшествующего нашему тексту: «Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом». Я думаю: «Так должно быть со всеми, кто называется христианами. Но насколько иначе обстоит дело! Посмотри почти на любую часть так называемого христианского мира. Каким оружием они пользуются? В какой войне участвуют,

[14] Когда люди, словно бесы, терзают друг друга
Во всей адской ярости войны?

[15] Посмотри, как *эти* христиане любят друг друга! Чем они лучше турок и язычников? Какая мерзость найдется среди магометан или язычников, которой не было бы и среди христиан?» Так мой ум, прежде чем я замечу, переходит от одного обстоятельства к другому. Все это в некотором смысле блуждающие мысли: хотя они не удаляются от Бога и тем менее не борются против Него, однако отклоняются от определенного предмета, который я имел в виду.

[16] II. Такова природа, таковы виды блуждающих мыслей, если говорить скорее ради пользы, чем философски. Но каковы общие причины их возникновения? Это нам предстоит рассмотреть во второй части.

[17] 1. Легко заметить, что причиной первого рода мыслей, противящихся Богу или удаляющихся от Него, в общем являются греховные расположения. Например, почему Бога нет ни во всех мыслях естественного человека, ни в какой-либо из них? По простой причине: богат он или беден, учен или неучен, он безбожник, хотя обычно его так не называют; он не знает и не любит Бога. Почему его мысли непрестанно блуждают вслед за миром? Потому что он идолопоклонник. Правда, он не поклоняется изображению и не кланяется деревянному обрубку, однако погружен в столь же достойное осуждения идолопоклонство: он любит, то есть обожает, мир. Он ищет счастья в видимом, в удовольствиях, которые исчезают от самого употребления. Почему его мысли постоянно отклоняются от самой цели его бытия, познания Бога во Христе? Потому что он неверующий, потому что у него нет веры, или по крайней мере ее не

больше, чем у дьявола. Так все эти блуждающие мысли легко и естественно произрастают из злого корня неверия.

[18] 2. То же происходит и в других случаях: гордость, гнев, мщение, тщеславие, похоть, корыстолюбие — каждое вызывает мысли, соответствующие его собственной природе. Так действует и всякое греховное расположение, на которое способен человеческий ум. Перечислить частности едва ли возможно, да и не нужно. Достаточно заметить: сколько злых расположений находит место в душе, столькими путями эта душа будет удаляться от Бога посредством худшего рода блуждающих мыслей.

[19] 3. Причины второго рода блуждающих мыслей чрезвычайно разнообразны. Множество их возникает из естественного единства души и тела. Как непосредственно и как глубоко больное тело воздействует на разум! Пусть только кровь начнет двигаться в мозгу неправильно, и всякому упорядоченному мышлению конец. Наступает буйное безумие, и тогда прощай всякая стройность мысли. Да, пусть лишь жизненные духи придут в спешное движение или возбуждение до известной степени — и временное безумие, бред, препятствует всякой устойчивой мысли. И разве всякое нервное расстройство не вызывает в некоторой мере такого же беспорядка мысли? Так «тленное тело отягощает душу и заставляет ее размышлять о многом».

[20] 4. Но вызывает ли оно это лишь во время болезни или противоестественного расстройства? Нет, в большей или меньшей мере — во всякое время, даже в состоянии полного здоровья. Как бы здоров ни был человек, каждые двадцать четыре часа он будет в большей или меньшей мере бредить. Ведь он спит? А во сне разве не может

видеть сновидений? И кто тогда хозяин собственных мыслей, кто способен сохранять их порядок и связность? Кто может тогда удержать их на одном предмете или воспрепятствовать их блужданию от полюса до полюса?

[21] 5. Но предположим, мы бодрствуем: всегда ли мы бодрствуем настолько, чтобы устойчиво управлять мыслями? Разве самой природой этой машины, тела, мы не подвергаемся неизбежно противоположным крайностям? Иногда мы слишком тяжелы, вялы и утомлены, чтобы следовать какой-либо цепи мыслей. Иногда же, напротив, слишком оживлены. Воображение без разрешения мечется туда и сюда и уносит нас в разные стороны, хотим мы того или нет; и все это — от чисто естественного движения жизненных духов или колебания нервов.

[22] 6. Далее, сколько блужданий мысли может возникать из различных сочетаний наших представлений, образующихся совершенно без нашего ведома и независимо от нашего выбора! Как складываются эти связи, мы сказать не можем, но складываются они тысячью различных способов. И не во власти даже мудрейших или святейших людей разорвать эти сочетания или предотвратить их необходимое следствие, которое мы ежедневно наблюдаем. Стоит огню коснуться одного конца пороховой дорожки — и он тотчас пробегает до другого. [34]

[23] 7. Еще: пусть мы как можно старательнее сосредоточим внимание на каком-либо предмете; но возникнут удовольствие или боль, особенно сильные, — и они потребуют немедленного внимания, привлекут мысль к себе. Они прервут самое устойчивое созерцание и отвлекут ум от его любимого предмета.

[24] 8. Эти причины блуждающих мыслей лежат внутри, вплетены в самую нашу природу. Но такие мысли также естественно и неизбежно возникают от различных воздействий внешних предметов. Все, что затрагивает орган чувства, глаз или ухо, вызывает восприятие в уме. Соответственно, все, что мы видим или слышим, вторгается в прежний ход нашей мысли. Поэтому всякий, кто что-либо делает у нас на глазах или произносит в пределах нашего слуха, заставляет наш ум в большей или меньшей мере отклоняться от предмета, о котором он думал прежде.

[25] 9. И нет сомнения, что злые духи, постоянно ищущие, кого поглотить, пользуются всеми перечисленными случаями, чтобы торопить и рассеивать наш ум. То одним, то другим из этих средств они будут тревожить и смущать нас и, насколько позволяет Бог, прерывать наши мысли, особенно когда они заняты наилучшими предметами. В этом нет ничего странного: они хорошо понимают самые источники мысли и знают, от каких телесных органов наиболее непосредственно зависят воображение, разумение и всякая другая способность ума. Поэтому они знают, как, воздействуя на эти органы, повлиять на зависящие от них действия. Прибавьте к этому, что они могут внушить тысячу мыслей без всякого из названных средств: ведь духу воздействовать на дух столь же естественно, как материи — на материю. Учитывая это, мы не можем удивляться тому, что наша мысль так часто отклоняется от любого предмета, который мы имеем в виду.

[26] III. 1. Какие блуждающие мысли греховны, а какие нет — третий вопрос, который следует исследовать. Во-первых, все мысли, удаляющиеся от Бога, не

оставляющие Ему места в нашем уме, несомненно греховны. Ибо все они заключают в себе практическое безбожие, и через них мы остаемся без Бога в мире. Тем более греховны все противные Богу мысли, заключающие в себе противление или вражду к Нему. Таковы все мысли ропота и недовольства, которые, по сути, говорят: «Мы не хотим, чтобы Ты царствовал над нами»; все мысли неверия, касающиеся Его существования, Его свойств или Его Провидения. Я имею в виду Его особое Провидение обо всех вещах, как и обо всех людях во вселенной, то, без которого «ни одна птица не падает на землю», которым «все волосы у нас на голове сочтены»; ибо так называемое общее Провидение, противопоставляемое особому, — лишь благопристойное, благозвучное слово, ровно ничего не означающее.

27 2. Далее, все мысли, проистекающие из греховных расположений, несомненно греховны. Таковы, например, возникающие из мстительного нрава, гордости, похоти или тщеславия. «Худое дерево не может приносить добрых плодов»; поэтому, если дерево худо, таким же должен быть и плод.

28 3. Такими же должны быть мысли, которые производят или питают какое-либо греховное расположение: либо порождают гордость или тщеславие, гнев или любовь к миру, либо утверждают и усиливают эти или иные нечистые расположения, страсти или привязанности. Ибо зло не только все, что проистекает из зла, но также все, что к нему ведет, что способствует отчуждению души от Бога и делает или сохраняет ее земной, чувственной и дьявольской.

29 4. Поэтому даже мысли, вызванные слабостью или болезнью, естественным механизмом тела или законами

жизненного единства души и тела, как бы невинны они ни были сами по себе, все же становятся греховными, когда производят, питают или усиливают в нас какое-либо греховное расположение, например похоть плоти, похоть очей или гордость житейскую. Подобным образом блуждающие мысли, вызванные словами или поступками других людей, становятся греховными, если порождают или питают какое-либо дурное расположение. То же можно заметить о мыслях, внушаемых или влагаемых дьяволом. Когда они служат какому-либо земному или дьявольскому расположению, что происходит всякий раз, когда мы даем им место и тем самым делаем их своими, тогда они столь же греховны, как расположения, которым служат.

[30] 5. Но, отвлекаясь от этих случаев, блуждающие мысли во втором смысле слова, то есть мысли, при которых разум отклоняется от намеченного предмета, не более греховны, чем движение крови в наших жилах или жизненных духов в мозгу. Если они возникают от слабого телосложения или от какой-либо случайной слабости или болезни, они столь же невинны, как невинно иметь слабое телосложение или больное тело. И, конечно, никто не сомневается, что дурное состояние нервов, лихорадка любого рода и временный или длительный бред могут сочетаться с полною невинностью. А если они возникают в душе, соединенной со здоровым телом, вследствие естественного единства тела и души или любого из десяти тысяч изменений, возможных в тех телесных органах, которые служат мышлению, — во всех этих случаях они столь же совершенно невинны, как причины, из которых происходят. Таковы они и тогда, когда возникают из случайных, непроизвольных сочетаний наших представлений.

31 6. Если наши мысли отклоняются от намеченного предмета из-за того, что другие люди различным образом воздействуют на наши чувства, они остаются столь же невинны: ведь понимать увиденное и услышанное, чего во многих случаях мы не можем не видеть, не слышать и не понимать, — не больший грех, чем иметь глаза и уши. «Но если блуждающие мысли внушает дьявол, разве эти мысли не злы?» Они причиняют беспокойство и в этом смысле злы, но не греховны. Я не знаю, говорил ли он нашему Господу слышимым голосом; возможно, он обращался лишь к Его сердцу, когда сказал: «Все это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне». Но говорил ли он внутренне или внешне, наш Господь, несомненно, понял сказанное. Следовательно, у Него была мысль, соответствующая этим словам. Но была ли она греховной? Мы знаем, что нет. В Нем не было греха ни в действии, ни в слове, ни в мысли. Нет греха и в тысяче мыслей того же рода, которые сатана может внушить любому из последователей нашего Господа.

32 7. Отсюда следует, что ни одна из этих блуждающих мыслей, что бы ни утверждали неосторожные люди, огорчая тем тех, кого Господь не огорчал, не противоречит совершенной любви. В самом деле, если бы они ей противоречили, тогда не только острая боль, но и сам сон был бы с ней несовместим. Острая боль — потому что, всякий раз когда она наступает, о чем бы мы ни думали прежде, она прерывает мышление и естественно направляет мысли в другое русло. Да и сам сон — поскольку это состояние бесчувствия и оцепенения, обычно смешанное с мыслями, блуждающими по земле, свободными, дикими и несвязными. Однако, несомненно, все это совместимо с совершенной любовью;

следовательно, совместимы с нею и все блуждающие мысли такого рода.

[33] IV. 1. Из сказанного легко дать ясный ответ на последний вопрос: от каких блуждающих мыслей мы можем ожидать избавления и молиться о нем.

[34] От первого рода блуждающих мыслей, при которых сердце удаляется от Бога, от всех мыслей, противных Его воле или оставляющих нас без Бога в мире, всякий совершенный в любви несомненно избавлен. Поэтому такого избавления мы можем ожидать, о нем можем и должны молиться. Блуждающие мысли этого рода заключают в себе неверие, если не вражду против Бога; но и то и другое Он уничтожит, совершенно положит им конец. И действительно, мы будем полностью избавлены от всех греховных блуждающих мыслей. Все совершенные в любви избавлены от них; иначе они не были бы спасены от греха. Люди и дьяволы будут искушать их всевозможными путями, но не смогут одолеть их.

[35] 2. В отношении второго рода блуждающих мыслей дело обстоит совершенно иначе. Пока не устранена причина, мы не можем разумно ожидать прекращения следствия. Но причины, или поводы, этих мыслей останутся, пока мы пребываем в теле. Поэтому у нас есть все основания верить, что до тех пор останутся и следствия.

[36] 3. Скажем определеннее. Предположим, что душа, сколь угодно святая, обитает в больном теле; предположим, мозг настолько расстроен, что наступает буйное безумие: разве все мысли не будут дикими и несвязными, пока продолжается это расстройство? Предположим, лихорадка вызывает временное безумие, называемое бредом: может ли существовать правильная

связь мыслей, пока бред не устранен? Да, предположим, так называемое нервное расстройство достигает такой степени, что вызывает хотя бы частичное безумие: разве не возникнет тысяча блуждающих мыслей? И разве эти беспорядочные мысли не должны продолжаться, пока длится вызывающее их расстройство?

37 4. Не так ли будет и с мыслями, неизбежно возникающими от сильной боли? По ненарушимому порядку природы они в большей или меньшей мере будут продолжаться, пока продолжается боль. Этот порядок будет действовать и тогда, когда мысли расстраиваются, обрываются или прерываются из-за какого-либо недостатка восприятия, суждения или воображения, вытекающего из естественного устройства тела. И сколько перерывов может возникнуть из необъяснимого и непроизвольного сочетания наших представлений! Все это прямо или косвенно вызывается тленным телом, отягощающим ум. Поэтому мы не можем ожидать устранения этого, пока «тленное сие не облечется в нетление».

38 5. И лишь тогда, когда мы ляжем во прах, мы избавимся от блуждающих мыслей, вызванных тем, что видим и слышим среди окружающих нас теперь людей. Чтобы избежать их, надо выйти из мира: ведь пока мы остаемся в нем, пока вокруг нас есть мужчины и женщины и у нас есть глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать, ежедневно видимое и слышимое непременно будет воздействовать на наш ум, в большей или меньшей мере вторгаться в прежние мысли и прерывать их.

39 6. И пока злые духи бродят туда и сюда в несчастном, расстроенном мире, они будут нападать, смогут ли победить или нет, на всякого обитателя плоти и крови.

Они будут тревожить даже тех, кого не могут погубить; будут нападать, даже если не могут завоевать. И полного избавления от этих нападений наших беспокойных, неутомимых врагов нам не следует ожидать, пока мы не поселимся там, «где нечестивые перестают тревожить и где отдыхают утомленные».

[40] 7. Подведем все сказанное к одному. Ожидать избавления от блуждающих мыслей, вызываемых злыми духами, — значит ожидать, что дьявол умрет или уснет либо по крайней мере перестанет ходить как рыкающий лев. Ожидать избавления от мыслей, вызываемых другими людьми, — значит ожидать либо исчезновения людей с земли, либо нашего полного отделения от них, без всякого общения, либо того, что, имея глаза, мы не будем видеть и не будем слышать ушами, но станем бесчувственны, как бревна или камни. А молиться об избавлении от мыслей, вызываемых телом, — в сущности, молиться о том, чтобы оставить тело. Иначе это молитва о невозможном и нелепом, просьба к Богу согласовать противоречия, продолжая наше единение с тленным телом без естественных, необходимых следствий этого единения. Это все равно что молиться о том, чтобы одновременно быть ангелами и людьми, смертными и бессмертными. Нет: когда придет бессмертное, смертность прекратится.

[41] 8. Лучше будем молиться и духом, и умом, чтобы все это содействовало нашему благу; чтобы мы перенесли все немощи нашей природы, все помехи со стороны людей, все нападения и внушения злых духов и во всем были «более чем победителями». Будем молиться об избавлении от всякого греха, чтобы и корень, и ветви были уничтожены; чтобы мы «очистились от всякой

скверны плоти и духа», от всякого злого расположения, слова и дела; чтобы мы «любили Господа Бога нашего всем сердцем нашим, всем разумением нашим, всею душою нашею и всею крепостью нашею»; чтобы в нас находился весь плод Духа — не только любовь, радость, мир, но и «долготерпение, благость, доброта, верность, кротость, воздержание». Молитесь, чтобы все это цвело и изобиловало, все более возрастало в вас, пока не откроется вам свободный вход в вечное Царство нашего Господа Иисуса Христа!

Козни сатаны

[1] «Нам не безызвестны его умыслы».

[2] 2 Коринфянам 2:11.

[3] 1. Козни, которыми коварный бог века сего старается погубить детей Божиих или хотя бы мучить тех, кого не может погубить, смущать их и мешать им бежать предлежащее поприще, бесчисленны, как звезды небесные или песок на морском берегу. Но теперь я намерен говорить лишь об одной из них, хотя и применяемой разными способами: ею он пытается разделить Евангелие против самого себя и одной его частью ниспровергнуть другую.

[4] 2. Внутреннее Царство Небесное, устанавливаемое в сердце всех кающихся и верующих Евангелию, есть не что иное, как «праведность, мир и радость во Святом Духе». Всякий младенец во Христе знает, что мы становимся их причастниками в самый час, когда веруем в Иисуса. Но это лишь начатки Его Духа; жатва еще не наступила. Хотя эти благословения непостижимо велики, мы надеемся увидеть большее. Мы надеемся любить Господа Бога нашего не только, как теперь, слабой, хотя и искренней привязанностью, но «всем сердцем нашим, всем разумением нашим, всею душою нашею и всею крепостью нашею». Мы ожидаем силы «всегда радоваться, непрестанно молиться и за все благодарить», зная, что «такова о нас воля Божия во Христе Иисусе».

[5] 3. Мы ожидаем «совершенства в любви», в той любви, которая изгоняет всякий мучительный страх и всякое

желание, кроме желания прославлять Того, Кого любим, все больше любить Его и служить Ему. Мы ожидаем такого возрастания в опытном познании и любви Бога, нашего Спасителя, которое даст нам всегда «ходить во свете, как Он во свете». Мы верим, что во всей полноте будут в нас те же мысли, «какие и во Христе Иисусе»; что мы будем любить каждого человека так, чтобы быть готовыми положить за него жизнь, так, чтобы этой любовью освободиться от гнева, гордости и всякого недоброго чувства. Мы ожидаем, что будем «очищены от всех наших идолов», «от всякой скверны» и «плоти», и «духа», «спасены от всех наших нечистот», внутренних или внешних, «очищены так, как Он чист».

[6] 4. Мы доверяем обетованию Того, Кто не может солгать: непременно придет время, когда в каждом слове и деле мы будем исполнять Его благословенную волю на земле, как она исполняется на небе; когда вся наша речь будет приправлена солью и вполне пригодна для сообщения благодати слушающим; когда, едим ли мы, пьем ли, делаем ли что иное, все будет совершаться во славу Божию; когда все наши слова и дела будут «во имя Господа Иисуса, с благодарением через Него Богу и Отцу».

[7] 5. Вот великая козни сатаны: посредством нашего ожидания этого большего дела уничтожить первое дело Божие в душе или хотя бы воспрепятствовать его возрастанию. Поэтому ныне я намерен, во-первых, указать различные способы, которыми он пытается это сделать, а во-вторых, рассмотреть, как мы можем обратить вспять эти раскаленные стрелы лукавого, как можем подняться выше благодаря тому, что он предназначает стать поводом к нашему падению.

[8] I. 1. Во-первых, мне предстоит указать различные способы, которыми сатана пытается уничтожить первое дело Божие в душе или хотя бы помешать его возрастанию посредством нашего ожидания большего дела. И прежде всего он старается погасить нашу радость в Господе размышлением о нашей собственной низости, греховности, недостоинстве, прибавляя, что должна произойти гораздо большая перемена, чем нынешняя, иначе мы не сможем увидеть Господа. Если бы мы знали, что должны оставаться такими, каковы есть, до самого дня смерти, то, возможно, извлекли бы из этой необходимости какое-то утешение, пусть и жалкое. Но поскольку мы знаем, что не обязаны оставаться в таком состоянии, поскольку уверены, что предстоит большая перемена и что, если весь грех не будет устранен в этой жизни, мы не сможем увидеть Бога во славе, — этот коварный противник часто гасит радость, которую мы иначе ощущали бы о достигнутом, превратно представляя недостигнутое и абсолютную необходимость его достичь. Поэтому мы не можем радоваться имеющемуся, поскольку есть большее, чего у нас нет. Мы не можем должным образом вкусить благость Бога, совершившего для нас столь великое, потому что существует столь гораздо более великое, чего Он еще не совершил. Подобным образом чем глубже Бог обличает нас в нашей нынешней несвятости и чем горячее наше сердечное желание обещанной Им полной святости, тем сильнее искушение мало ценить нынешние дары Божии и умалять уже полученное из-за того, чего мы еще не получили.

[9] 2. Если он преуспеет до такой степени, если сможет погасить нашу радость, вскоре он нападет и на наш мир. Он будет внушать: «Готов ли ты увидеть Бога? Очи Его слишком чисты, чтобы смотреть на беззаконие. Как же ты

можешь льстить себе, воображая, будто Он смотрит на тебя с одобрением? Бог свят, а ты несвят. Какое общение света с тьмою? Как возможно, чтобы ты, столь нечистый, находился в благоволении у Бога? Ты, правда, видишь цель, награду своего высокого звания; но разве не видишь, что она далеко? Как же ты смеешь думать, что все твои грехи уже изглажены? Как это возможно, пока ты не приблизишься к Богу, пока не станешь больше подобен Ему?» Так он будет пытаться не только поколебать твой мир, но и ниспровергнуть само его основание: незаметными шагами вернуть тебя к исходной точке, к поиску оправдания делами или собственной праведностью, побудить сделать что-либо в тебе основанием твоего принятия Богом или хотя бы необходимым предварительным условием этого принятия.

10 3. Или, если мы крепко держимся того, что «никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос», и что «я оправдан даром, благодатью Божией, через искупление во Иисусе», — он все же не перестанет настаивать: «Но дерево узнается по плодам. А есть ли у тебя плоды оправдания? Есть ли в тебе те мысли, какие были во Христе Иисусе? Мертв ли ты для греха и жив ли для праведности? Сообразовался ли смерти Христовой и знаешь ли силу Его воскресения?» И тогда, сравнивая скудные плоды, которые ощущаем в своих душах, с полнотой обетований, мы будем готовы заключить: «Наверно, Бог не сказал, что мои грехи прощены! Наверно, я не получил отпущения грехов: ведь какая у меня доля среди освященных?»

11 4. Особенно во время болезни и боли он будет настаивать на этом изо всех сил: «Разве не слово Того, Кто не может солгать: „Без святости никто не увидит

Господа“? Но ты несвят. Ты хорошо это знаешь; ты знаешь, что святость — полный образ Божий, а как высоко она над тобою, вне пределов твоего взора! Ты не можешь ее достичь. Поэтому весь твой труд был напрасен. Все это ты претерпел напрасно. Ты истратил свои силы ни на что. Ты все еще в своих грехах и потому в конце должен погибнуть». И так, если твое око не устремлено неуклонно на Того, Кто понес все твои грехи, он снова подчинит тебя тому «страху смерти», из-за которого ты так долго был «подвержен рабству», и этим ослабит, если не совершенно уничтожит, и твой мир, и радость в Господе.

[12] 5. Но высшее творение его коварства еще впереди. Не довольствуясь ударом по твоему миру и радости, он продвинется дальше: направит нападение и против твоей праведности. Он постарается поколебать, а если возможно, и уничтожить уже полученную тобою святость посредством самого твоего ожидания получить большее, достичь полного образа Божия.

[13] 6. Способ, каким он пытается это сделать, отчасти виден из уже сказанного. Ибо, во-первых, поражая нашу радость в Господе, он поражает также нашу святость: ведь радость во Святом Духе — драгоценное средство возрастания во всяком святом расположении, избранное орудие Божие, которым Он совершает многое из Своего дела в верующей душе. И это значительная помощь не только внутренней, но и внешней святости. Она укрепляет наши руки для продолжения дела веры и труда любви, для мужественного «доброго подвига веры» и достижения «вечной жизни». Бог особо предназначил ее быть противовесом и внутренним, и внешним страданиям, «поднимать опустившиеся руки и укреплять ослабевшие

колени». Следовательно, все, что гасит нашу радость в Господе, соразмерно препятствует нашей святости. Поэтому, насколько сатана колеблет нашу радость, настолько мешает и нашей святости.

14 7. То же последствие наступит, если ему удастся каким-либо способом уничтожить или поколебать наш мир. Ибо мир Божий — другое драгоценное средство возрастания образа Божия в нас. Едва ли есть большая помощь святости, чем это постоянное спокойствие духа, ровность ума, утвержденного на Боге, тихий покой в крови Иисуса. А без этого едва ли возможно «возрастать в благодати» и в живом «познании нашего Господа Иисуса Христа». Ибо всякий страх, кроме нежного сыновнего страха, замораживает и сковывает душу. Он связывает все источники духовной жизни и останавливает всякое движение сердца к Богу. А сомнение словно погружает душу в грязь, так что она вязнет в глубокой глине. Поэтому, по мере того как одно или другое берет верх, наше возрастание в святости задерживается.

15 8. В то самое время, когда наш мудрый противник старается сделать убежденность в необходимости совершенной любви поводом поколебать наш мир сомнениями и страхами, он пытается ослабить, если не уничтожить, нашу веру. В сущности, они неразрывно связаны, так что должны стоять или падать вместе. Пока сохраняется вера, мы пребываем в мире; сердце наше стоит твердо, пока верует в Господа. Но если мы отпускаем нашу веру, наше сыновнее доверие любящему, прощающему Богу, нашему миру приходит конец, поскольку разрушено самое основание, на котором он стоял. А это — единственное основание не только мира, но и святости; следовательно, все, что поражает его,

поражает самый корень всякой святости. Ибо без этой веры, без постоянного сознания, что Христос возлюбил меня и предал Себя за меня, без непрерывного убеждения, что Бог ради Христа милостив ко мне, грешнику, невозможно, чтобы я любил Бога. «Мы любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас», — и любим соразмерно силе и ясности нашего убеждения, что Он возлюбил нас и принял в Своем Сыне. А если мы не любим Бога, невозможно любить ближнего как самого себя; следовательно, невозможно иметь какие-либо правые чувства ни к Богу, ни к человеку. Явно следует, что все ослабляющее нашу веру должно в той же степени препятствовать нашей святости. И это не только самый действенный, но и самый короткий путь уничтожения всякой святости: ведь он затрагивает не одно какое-либо христианское расположение, не отдельный дар благодати или плод Духа, но, насколько преуспевает, вырывает самый корень всего дела Божия.

16 9. Поэтому неудивительно, что властитель тьмы мира сего именно здесь употребляет всю свою силу. Так мы и узнаем на опыте. Ибо гораздо легче представить, чем выразить ту неизреченную ярость, с которой это искушение часто обрушивается на алчущих и жаждущих праведности. Когда они видят в сильном и ясном свете, с одной стороны, отчаянную испорченность собственных сердец, а с другой — непорочную святость, к которой призваны во Христе Иисусе; с одной стороны, глубину собственного растления, полного отчуждения от Бога, а с другой — высоту славы Божией, тот образ Святого, в котором им предстоит обновиться, — в них нередко не остается духа; они готовы почти воскликнуть: «И Богу это невозможно!» Они готовы отказаться и от веры, и от надежды, отбросить то самое упование, которым должны

все преодолеть и все совершить через укрепляющего их Христа и благодаря которому, «исполнив волю Божию», должны «получить обещанное».

[17] 10. И если они «начатую уверенность твердо сохранят до конца», то, несомненно, получат обетование Божие, простирающееся через время и вечность. Но здесь нашим ногам поставлена другая сеть: пока мы горячо жаждем той части обетования, которая должна исполниться здесь, «свободы славы детей Божиих», нас могут незаметно отвести от размышления о славе, которая откроется впоследствии. Наше око может незаметно отвернуться от венца, который праведный Судия обещал дать в тот день «всем возлюбившим явление Его», и нас могут отвлечь от созерцания нетленного наследия, хранящегося для нас на небесах. Но и это было бы потерей для наших душ и препятствием нашей святости. Ибо идти, постоянно видя цель, — необходимая помощь в беге на предлежащем нам поприще. Именно это, взирание «на воздаяние», в древности побудило Моисея предпочесть «страдать с народом Божиим, нежели иметь временное греховное наслаждение, почитая поношение Христово большим для себя богатством, нежели египетские сокровища». Более того, о Том, Кто больше его, прямо сказано, что «ради предлежавшей Ему радости Он претерпел крест, пренебрегши посрамление», пока не «воссел одесную престола Божия». Отсюда легко заключить, насколько нужнее нам созерцание предлежащей радости, чтобы мы могли вынести любой крест, который возлагает на нас премудрость Божия, и через святость стремиться вперед к славе.

[18] 11. Но, стремясь к этому, как и к той славной свободе, которая к этому приготовляет, мы можем подвергнуться

опасности попасть в другую сеть дьявола, которой он старается опутать детей Божиих. Мы можем слишком заботиться о завтрашнем дне, пренебрегая добрым употреблением сегодняшнего. Можем так ожидать совершенной любви, что не будем пользоваться уже излитой в наших сердцах. Было немало примеров людей, сильно от этого пострадавших. Они были настолько поглощены тем, что должны получить впоследствии, что совершенно пренебрегали уже полученным. В ожидании еще пяти талантов они зарыли свой один талант в землю. По крайней мере, они не употребили его с той пользой, с какой могли бы, во славу Божию и ко благу собственных душ.

[19] 12. Так коварный противник Бога и человека старается упразднить Божий замысел, разделяя Евангелие против самого себя и заставляя одну его часть ниспровергать другую, когда первое дело Божие в душе уничтожается ожиданием Его совершенного дела. Мы видели несколько способов, которыми он пытается сделать это, словно перерезая источники святости. Но он делает это и более прямо, превращая эту благословенную надежду в повод к нечистым расположениям.

[20] 13. Так, всякий раз когда наше сердце пылко жаждет всех великих и драгоценных обетований, когда мы стремимся к полноте Божией, как олень к потокам воды, когда душа вырывается в горячем желании: «Отчего так долго не едут колеса Его колесницы?» — он не упустит возможности искушать нас ропотом против Бога. Он употребит всю свою мудрость и всю силу, чтобы, если удастся, в час беспечности побудить нас негодовать на нашего Господа за то, что Он так медлит с пришествием. По крайней мере, он будет стараться вызвать некоторую

раздражительность или нетерпение, а возможно, и зависть к тем, кто, как мы полагаем, уже достиг награды нашего высокого звания. Он хорошо знает, что, уступая любому из этих расположений, мы разрушаем именно то, что хотели бы построить. *Так* стремясь к совершенной святости, мы становимся менее святыми, чем прежде. Более того, велика опасность, что последнее состояние окажется хуже первого, подобно тем, о ком апостол говорит страшные слова: «Лучше бы им было вовсе не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди».

[21] 14. И отсюда он надеется извлечь еще одну выгоду — распространить дурную молву о добром пути. Он знает, как мало людей способно различать случайное злоупотребление учением и его естественное направление, а слишком многие и не желают этого различать. Поэтому он будет постоянно смешивать их применительно к учению о христианском совершенстве, чтобы настроить умы неосторожных людей против славных обетований Божиих. И как часто, как широко, я едва не сказал — как повсеместно, он в этом преуспевал! Ведь кто, заметив какое-либо из этих случайных дурных последствий данного учения, не заключает тотчас, что таково его естественное направление, и не восклицает охотно: «Вот, смотрите, плоды такого учения», — подразумевая естественные, необходимые плоды? Это не так. Это плоды, которые могут случайно вырасти из злоупотребления великой и драгоценной истиной; но злоупотребление этим или любым другим библейским учением никак не уничтожает его пользы. Не может и неверность человека, извращающего Его правый путь, лишить силы Божие обетование. Нет: Бог верен, а всякий человек лжив. Слово Господне устоит. «Верен

Обещавший: Он и совершит это». Поэтому да не будем мы «отпадать от надежды благовествования». Лучше рассмотрим то, что было предложено вторым: как мы можем обратить вспять эти раскаленные стрелы лукавого, как можем подняться выше посредством того, что он намеревается сделать поводом к нашему падению.

[22] II. 1. Итак, во-первых, старается ли сатана погасить твою радость в Господе размышлением о твоей греховности, прибавляя, что без полной, всеобъемлющей святости никто не может увидеть Господа? Ты можешь обратить эту стрелу на его собственную голову, если по благодати Божией чем больше ощущаешь собственную низость, тем больше радуешься в уверенной надежде, что все это будет устранено. Пока ты крепко держишься этой надежды, всякое злое расположение, которое ощущаешь, хотя и ненавидишь его совершенною ненавистью, может стать средством не уменьшения твоей смиренной радости, а скорее ее умножения. «И это, и это, — можешь ты сказать, — также погибнет от присутствия Господа. Как тает воск от огня, так и это растает пред лицом Его». Таким образом, чем больше перемена, которую еще предстоит совершить в твоей душе, тем больше можешь ты торжествовать в Господе и радоваться о Боге твоего спасения, Который уже сотворил для тебя столь великое и сотворит гораздо большее.

[23] 2. Во-вторых, чем яростнее он нападает на твой мир внушением: «Бог свят, ты несвят; ты безмерно далек от той святости, без которой не можешь увидеть Бога. Как же ты можешь находиться в Божием благоволении? Как можешь воображать, что оправдан?» — тем старательнее заботься крепко держаться следующего: «Не делами праведности, которые я совершил, я нахожусь в Нем; я

принят в Возлюбленном, не имея своей праведности как полной или частичной причины нашего оправдания пред Богом, но праведность через веру во Христа, праведность от Бога по вере». О, обвяжи это вокруг шеи, напиши на скрижали сердца твоего. Носи это как браслет на руке, как повязку между глазами: «Я оправдан даром, по Его благодати, через искупление во Христе Иисусе». Все больше цени и почитай драгоценную истину: «Благодатью мы спасены через веру». Все больше изумляйся свободной благодати Бога, так возлюбившего мир, что Он дал «Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Так и сознание ощущаемой тобою греховности, с одной стороны, и ожидаемой святости — с другой, будут содействовать утверждению твоего мира и сделают его текущим, как река. Так этот мир будет течь ровным потоком, несмотря на все горы нечестия, которые станут равниной в день, когда Господь придет вполне овладеть твоим сердцем. Ни болезнь, ни боль, ни приближение смерти не вызовут тогда сомнения или страха. Ты знаешь, что день, час, мгновение у Бога — как тысяча лет. Его не может стеснить недостаток времени для совершения всего, что еще остается сделать в твоей душе. И Божие время всегда наилучшее. Поэтому ни о чем не тревожься: только открывай Ему свою просьбу, и притом не с сомнением или страхом, но с благодарением, заранее уверенный, что Он не может отказать тебе ни в каком благе.

[24] 3. В-третьих, чем сильнее искушение выпустить свой щит, отбросить веру, доверие Его любви, тем больше заботься о том, чтобы крепко держаться достигнутого; тем больше старайся возгревать дар Божий, который в тебе. Никогда не выпускай следующего: «У меня есть Ходатай пред Отцом, Иисус Христос, Праведник», и:

«Нынешнюю мою жизнь я живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Пусть это будет твоей славой и венцом радости. И смотри, чтобы никто не взял твоего венца. Крепко держись этого: «Я знаю, Искупитель мой жив, и в последний день Он восстанет на земле», и: «Теперь я имею искупление в Его крови, прощение грехов». Так, исполняясь всяким миром и радостью в вере, стремись вперед, в мире и радости веры, к обновлению всей твоей души по образу Сотворившего тебя! Между тем непрестанно взывай к Богу, чтобы видеть награду твоего высокого звания не такой, какой представляет ее сатана, в ужасном, пугающем облике, но в ее подлинной, природной красоте; не как то, что непременно должно быть, иначе ты пойдешь в ад, но как то, что может быть и приведет тебя на небо. Смотри на нее как на самый желанный дар среди всех сокровищ богатого милосердия Божия. Видя ее в этом истинном свете, ты будешь все сильнее алкать ее; вся твоя душа будет жаждать Бога и этого славного сообразования с Его подобием; и, получив благую надежду на это и сильное утешение через благодать, ты больше не будешь утомляться и изнемогать душой, но будешь стремиться вперед, пока не достигнешь.

25 4. В той же силе веры стремись вперед к славе. В сущности, перед тобой по-прежнему та же перспектива. Бог от начала соединил прощение, святость и небо. Зачем же человеку разлучать их? Остерегайся этого! Пусть ни одно звено золотой цепи не будет разорвано. «Бог ради Христа простил меня. Он теперь обновляет меня по Своему образу. Вскоре Он сделает меня пригодным для Себя и возьмет, чтобы я предстал пред Его лицом. Я, оправданный Им через кровь Его Сына, вполне освященный Его Духом, скоро взойду в Новый Иерусалим,

город живого Бога. Еще немного, и я приступлю к торжествующему собору и Церкви первенцев, и к Судии всех Богу, и к Ходатаю Нового Завета Иисусу. Как скоро убегут эти тени и надо мною взойдет день вечности! Как скоро я буду пить из реки воды жизни, исходящей от престола Бога и Агнца! Там все Его рабы будут восхвалять Его и увидят лицо Его, и имя Его будет на челах их. И ночи там не будет; и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнца. Ибо Господь Бог освещает их, и они будут царствовать во веки веков».

[26] 5. И если ты так «вкушаешь благого слова и сил будущего века», ты не станешь роптать на Бога из-за того, что еще не «способен участвовать в наследии святых во свете». Вместо недовольства тем, что ты еще не вполне избавлен, ты будешь славить Бога за то, насколько Он уже избавил тебя. Ты будешь величать Бога за сделанное Им и принимать это как залог того, что Он сделает. Ты не станешь раздражаться против Него за то, что еще не обновлен, но будешь благословлять Его за то, что будешь обновлен, и за то, что «ныне спасение твое» от всякого греха «ближе, нежели когда ты» впервые «уверовал». Вместо того чтобы бесполезно мучить себя, поскольку время еще не вполне пришло, ты будешь спокойно и тихо ждать его, зная, что оно «придет и не замедлит». Поэтому ты можешь тем радостнее пока переносить бремя греха, еще остающегося в тебе, что он не останется навсегда. Еще немного, и он совершенно исчезнет. Только «ожидай назначенного Господом времени»: будь мужествен, и «Он утешит сердце твое»; и уповай на Господа!

[27] 6. А если ты видишь кого-либо, кто, по всей видимости, насколько может судить человек, хотя сердца исследует один Бог, уже причастен тому, на что надеется, уже

«совершен в любви», — вместо зависти к Божией благодати в нем пусть это радует и утешает твое сердце. Прославляй Бога за таких людей! «Если славится один член», разве «все члены не радуются с ним»? Вместо ревности или недобрых подозрений о них славь Бога за утешение! Радуйся новому доказательству верности Бога в исполнении всех Его обетований и тем сильнее побуждай себя «достигнуть того, ради чего и ты достигнут Христом Иисусом»!

28 7. Ради этого дорожи временем. Употребляй с пользой настоящее мгновение. Приобретай каждую возможность возрастать в благодати или делать добро. Пусть мысль о получении большей благодати завтра не делает тебя нерадивым сегодня. Теперь у тебя один талант: если ожидаешь еще пяти, тем более употребляй с пользой имеющийся. И чем больше ожидаешь получить впоследствии, тем больше трудись для Бога теперь. Довольно для дня благодати его. Бог теперь изливает на тебя Свои благодеяния: теперь прояви себя верным управителем нынешней благодати Божией. Что бы ни было завтра, сегодня приложи все старание, чтобы «дополнить свою веру мужеством, воздержанием, терпением, братолюбием» и страхом Божиим, пока не достигнешь той чистой и совершенной любви! Пусть это теперь «в тебе будет и умножается»! Не будь теперь праздным или бесплодным: «Так откроется тебе вход в вечное Царство нашего Господа Иисуса Христа!»

29 8. Наконец, если прежде ты злоупотреблял благословенной надеждой быть святым, как Он свят, все же не отбрасывай ее поэтому. Пусть злоупотребление прекратится, а употребление останется. Теперь пользуйся ею для еще большей славы Божией и пользы собственной

души. В твердой вере, в спокойной тишине духа, в полной уверенности надежды, всегда радуясь тому, что Бог совершил, стремитесь к совершенству! Ежедневно возрастая в познании нашего Господа Иисуса Христа и переходя от силы к силе, в покорности, терпении, смиренной благодарности за достигнутое и за то, чего еще достигнете, бегите предлежащее вам поприще, «взирая на Иисуса», пока через совершенную любовь не войдете в Его славу!

Путь спасения согласно Писанию

[1] «Вы спасены через веру».

[2] Ефесянам 2:8.

[3] 1. Ничто не может быть запутаннее, сложнее и труднее для понимания, чем религия в том виде, в каком её часто описывали. И это верно не только о религии язычников, даже многих из самых мудрых среди них, но и о религии тех, кто в некотором смысле был христианином, даже о людях, пользовавшихся великим именем в христианском мире и казавшихся его столпами. И всё же как легко понять подлинную религию Иисуса Христа, как она ясна и проста, если только принять её в первоначальном виде, именно так, как она описана в Божиих изречениях! Мудрый Творец и Правитель мира в точности приспособил её к слабому разуму и ограниченным способностям человека в его нынешнем состоянии. Как заметно это и в отношении предлагаемой цели, и в отношении средств к её достижению! Цель, одним словом, — спасение; средство её достижения — вера.

[4] 2. Легко увидеть, что эти два коротких слова — вера и спасение — заключают в себе содержание всей Библии, самую суть всего Писания. Тем более следует нам со всей возможной тщательностью избегать всякого заблуждения относительно них и составить истинное и точное суждение об одном и другом.

[5] 3. Итак, серьёзно исследуем:

[6] I. Что такое спасение?

[7] II. Что такое вера, через которую мы спасаемся? И

[8] III. Как мы ею спасаемся?

[9] 1. I. Прежде всего исследуем: что такое спасение? Спасение, о котором здесь говорится, не есть то, что часто понимают под этим словом: уход на небо, вечное счастье. Оно не есть переход души в рай, названный нашим Господом «лоном Авраамовым». Это не благословение, находящееся по ту сторону смерти, или, как мы обычно говорим, в ином мире. Сами слова текста исключают всякое сомнение: «Вы *спасены*». Речь не о чём-то отдалённом; это настоящее благо, благословение, которым по свободной Божией милости вы уже теперь обладаете. Более того, эти слова можно с той же точностью передать: «Вы *были* спасены», — так что спасение, о котором здесь говорится, можно распространить на всё дело Божие, от первого рассвета благодати в душе до его завершения во славе.

[10] 2. Если взять это в самом широком смысле, сюда войдёт всё совершаемое в душе тем, что часто именуется «естественной совестью», а точнее — «предваряющей благодатью»: все влечения Отца, желания Бога, которые, если мы им уступаем, всё более возрастают; весь тот свет, которым Сын Божий «просвещает всякого человека, приходящего в мир», показывая каждому, как «поступать справедливо, любить милосердие и смиренномудренно ходить пред Богом своим»; все обличения, которые Его Дух время от времени производит в каждом сыне человеческом, хотя, правда, большинство людей как можно скорее заглушает их, а спустя некоторое время забывает или по крайней мере отрицает, что когда-либо вообще их испытывало.

11 3. Но сейчас нас касается только то спасение, о котором непосредственно говорит апостол. Оно состоит из двух главных частей: оправдания и освящения.

12 Оправдание — другое слово для помилования. Это прощение всех наших грехов и, что необходимо в нём подразумевается, принятие нас Богом. Цена, которой это приобретено для нас, обычно называемая «заслуживающей причиной нашего оправдания», — Кровь и праведность Христа; или, чтобы выразиться несколько яснее, всё, что Христос сделал и претерпел за нас, пока не «излил душу Свою за преступников». Непосредственные следствия оправдания — мир Божий, «мир, превосходящий всякое разумение», и «радость надеждою славы Божией», «радостью неизреченною и преславною».

13 4. И в то же время, когда мы оправданы, в самую эту минуту, начинается освящение. В это мгновение мы рождаемся вновь, рождаемся свыше, рождаемся от Духа: происходит перемена не только *в самом нашем существе*, но и *в нашем отношении к Богу*. Мы внутренне обновляемся силой Божией. Ощущаем «любовь Божию, излившуюся в наши сердца Духом Святым, данным нам»; она рождает любовь ко всему человечеству и особенно к детям Божиим, изгоняет любовь к миру, к удовольствиям, покою, почестям, деньгам вместе с гордостью, гневом, своеволием и всяким другим злым расположением; словом, изменяет земной, душевный, бесовский образ мыслей на «тот, который был во Христе Иисусе».

14 5. Как естественно тем, кто переживает такую перемену, вообразить, будто весь грех ушёл, будто он совершенно искоренён из их сердца и больше не имеет в

нём места! Как легко они делают вывод: «Я не *чувствую* греха, следовательно, у меня его не *осталось*; он не *шевелится*, следовательно, не *существует*; он не *движется*, следовательно, не имеет *бытия*!»

15 6. Но обычно вскоре они освобождаются от этого заблуждения, обнаруживая, что грех был лишь приостановлен, а не уничтожен. Искушения возвращаются, и грех оживает, показывая, что прежде он был только оглушён, а не мёртв. Теперь они чувствуют в себе два начала, явно противные друг другу: «плоть желает противного духу», природа противится Божией благодати. Они не могут отрицать, что, хотя по-прежнему ощущают силу веровать во Христа и любить Бога и хотя Его «Дух» всё ещё «свидетельствует духу их, что они — дети Божии», всё же чувствуют в себе то гордость или своеволие, то гнев или неверие. Они обнаруживают, что одно или несколько из этих расположений часто *шевелятся* в сердце, хотя и не *побеждают*; более того, быть может, «сильно толкают их, чтобы они упали», но Господь — их помощь.

16 7. Как точно четырнадцать столетий назад Макарий описал нынешний опыт детей Божиих: «Неискусные», то есть неопытные, «когда действует благодать, тотчас воображают, что у них больше нет греха. Но обладающие рассудительностью не могут отрицать, что даже мы, имеющие благодать Божию, можем вновь подвергнуться нападению. Ибо мы часто видели примеры некоторых братьев, испытавших такую благодать, что они утверждали: в них нет греха; и всё же после этого, когда они считали себя совершенно от него свободными, таившаяся внутри испорченность пробуждалась вновь, и они едва не сгорали».

17 8. Со времени нашего нового рождения совершается постепенное дело освящения. Мы получаем способность «Духом умерщвлять дела тела», нашей злой природы; и по мере того как всё более умираем для греха, всё более оживаем для Бога. Мы идём от благодати к благодати, заботясь «удерживаться от всякого вида зла» и будучи «ревностны к добрым делам», по возможности делая добро всем людям; безукоризненно соблюдая все Его установления и в них поклоняясь Ему в духе и истине; беря свой крест и отказывая себе во всяком удовольствии, которое не ведёт нас к Богу. [35]

18 9. Именно так мы ожидаем полного освящения — полного спасения от всех наших грехов: гордости, своеволия, гнева, неверия; или, как выражается апостол, «идём к совершенству». Но что такое совершенство? Это слово имеет различные значения; здесь оно означает совершенную любовь. Это любовь, исключающая грех; любовь, наполняющая сердце, занимающая всю вместимость души. Это любовь, которая «всегда радуется, непрестанно молится, за всё благодарит».

19 II. Но что такое вера, через которую мы спасаемся? Это второй вопрос, подлежащий рассмотрению.

20 1. Веру вообще апостол определяет так: pragmaton elegchos ou blepomenon. *Свидетельство*, Божественное *свидетельство и убеждённость* — слово означает и то и другое — *в невидимом*, в том, что не видимо и не воспринимается ни зрением, ни каким-либо иным внешним чувством. Она предполагает и сверхъестественное *свидетельство* о Боге и Божиих делах, своего рода духовный *свет*, являемый душе, и сверхъестественное *зрение*, или восприятие этого света. Соответственно, Писание говорит, что Бог даёт то свет, то

способность его различать. Так святой Павел говорит: Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, чтобы дать нам свет познания славы Божией в лице Иисуса Христа. В другом месте тот же апостол говорит об открытии очей нашего разума. Благодаря этому двойному действию Святого Духа, когда очи нашей души и *открыты*, и *просвещены*, мы видим то, чего естественный «глаз не видел и ухо не слышало». Нам открывается вид невидимых Божиих дел; мы видим *духовный мир*, окружающий нас со всех сторон, но столь же неразличимый для наших природных способностей, как если бы его вовсе не было. И видим *вечный мир*, проникая сквозь завесу между временем и вечностью. Тучи и мрак больше не покоятся на нём, но мы уже видим славу, которая откроется.

[21] 2. Если взять это слово в более определённом смысле, вера есть Божественное *свидетельство* и *убеждённость* не только в том, что «Бог во Христе примирил с Собою мир», но и в том, что Христос возлюбил *меня* и предал Себя за *меня*. Именно этой верой — назовём ли мы это её *сущностью* или, скорее, *свойством* — мы *принимаем Христа*, принимаем Его во всех Его служениях как нашего Пророка, Священника и Царя. Именно через неё Он становится «для нас от Бога премудростью, праведностью, освящением и искуплением».

[22] 3. «Но это *вера уверенности* или *вера прилепления*?» Писание не упоминает такого различия. Апостол говорит: «Одна вера и одна надежда нашего звания»; одна христианская, спасающая вера, как «один Господь», в Которого мы веруем, и «один Бог и Отец всех нас». И несомненно, эта вера необходимо предполагает *уверенность* — здесь это лишь другое слово для

свидетельства, ибо трудно указать различие между ними, — что Христос возлюбил меня и предал Себя за меня. Ибо «верующий» истинной живой верой «имеет свидетельство в самом себе»: «Дух свидетельствует духу его, что он — чадо Божие». «А как он сын, то Бог послал Духа Сына Своего в сердце его, взывающего: Авва, Отче!» — давая ему уверенность, что он действительно сын, и сыновнее доверие к Нему. Но заметим, что по самой природе дела уверенность предшествует доверию. Ибо человек не может иметь сыновнего доверия к Богу, пока не знает, что он — чадо Божие. Поэтому доверие, упование, надежда, прилепление или как бы ещё это ни называлось есть не первая, как полагали некоторые, а вторая сторона или действие веры.

[23] 4. Этой верой мы спасаемся, оправдываемся и освящаемся, если брать последнее слово в высшем смысле. Но как мы оправдываемся и освящаемся верой? Это третий предмет нашего исследования. И поскольку это главный вопрос, причём необыкновенно важный, уместно рассмотреть его более отчётливо и подробно.

[24] III. 1. Прежде всего: как мы оправдываемся верой? В каком смысле это следует понимать? Отвечаю: вера есть условие, и единственное условие, оправдания. Она — *условие*: никто не оправдывается, кроме верующего; без веры ни один человек не оправдан. И она — *единственное условие*: одной её достаточно для оправдания. Каждый верующий оправдан, что бы ещё он ни имел или чего бы ни был лишён. Иными словами, никто не оправдывается, пока не уверует; каждый человек, когда уверует, оправдывается.

[25] 2. «Но разве Бог не повелевает нам также каяться и приносить плоды, достойные покаяния, например

перестать делать зло и научиться делать добро? И разве то и другое не совершенно необходимо, так что, если мы намеренно пренебрегаем одним из них, у нас вообще нет разумного основания ожидать оправдания? Но если это так, как можно говорить, что вера — единственное условие оправдания?» Бог, несомненно, повелевает нам и каяться, и приносить плоды, достойные покаяния; если мы намеренно пренебрегаем этим, то вообще не можем разумно ожидать оправдания. Следовательно, и покаяние, и достойные его плоды в некотором смысле необходимы для оправдания. Но они необходимы не в *том же смысле*, что вера, и не в *той же степени*. Не в *той же степени*, ибо эти плоды необходимы лишь *условно*, если для них есть время и возможность. Иначе человек может быть оправдан без них, как *разбойник* на кресте, если можно его так назвать: один недавний писатель открыл, что это был вовсе не разбойник, а весьма честный и почтенный человек! Но без веры он оправдан быть не может: это невозможно. Равным образом, сколько бы ни было у человека покаяния или достойных покаяния плодов, всё это совершенно не помогает: он не оправдан, пока не уверует. Но в ту минуту, когда уверует, с этими плодами или без них, с большим или меньшим покаянием, он оправдан. Не в *том же смысле*, ибо покаяние и его плоды необходимы лишь *отдалённым образом*, необходимы для веры; тогда как вера *непосредственно* необходима для оправдания. Итак, вера остаётся единственным условием, *непосредственно* и *ближайшим образом* необходимым для оправдания.

[26] 3. «Но верите ли вы, что мы освящаемся верой? Мы знаем: вы верите, что мы оправдываемся верой; но разве вы не верите и соответственно не учите, что освящаемся мы своими делами?» Вот уже двадцать пять лет это

решительно и горячо утверждают; но я постоянно заявлял прямо противоположное, причём всевозможными способами. Я непрестанно свидетельствовал и наедине, и публично, что мы освящаемся, как и оправдываемся, верой. И в самом деле, одна из этих великих истин чрезвычайно проясняет другую. Точно так же, как мы оправдываемся верой, мы освящаемся верой. Вера есть условие, и единственное условие, освящения, точно так же как оправдания. Она — *условие*: никто не освящается, кроме верующего; без веры ни один человек не освящён. И она — *единственное условие*: одной её достаточно для освящения. Каждый верующий освящён, что бы ещё он ни имел или чего бы ни был лишён. Иными словами, никто не освящается, пока не уверует; каждый человек, когда уверует, освящается.

[27] 4. «Но разве не существует покаяния после оправдания, как существует покаяние до него? И разве все оправданные не обязаны быть „ревностны к добрым делам“? Более того, разве это не настолько необходимо, что человек, намеренно пренебрегающий им, не может разумно ожидать, что когда-либо будет освящён в полном смысле, то есть усовершенствован в любви? Может ли он вообще возрастать в благодати, в исполненном любви познании нашего Господа Иисуса Христа? Может ли даже сохранить благодать, которую Бог уже дал ему? Может ли пребывать в полученной вере или в Божием благоволении? Разве вы сами не признаёте всего этого и не утверждаете постоянно? Но если это так, как можно говорить, что вера — единственное условие освящения?»

[28] 5. Я признаю всё это и постоянно утверждаю как Божию истину. Признаю, что существует покаяние после оправдания, как и до него. Все оправданные обязаны быть

ревностны к добрым делам. И это столь необходимо, что человек, намеренно пренебрегающий ими, не может разумно ожидать, что когда-либо будет освящён; он не может возрастать в благодати, в образе Божием, в тех чувствованиях, которые были во Христе Иисусе; более того, не может сохранить полученную благодать, не может пребывать в вере или в Божием благоволении. Какой вывод следует отсюда сделать? Тот, что и правильно понятое покаяние, и совершение всех добрых дел — как дел благочестия, так и дел милосердия, теперь по праву так называемых, поскольку они исходят из веры, — в некотором смысле необходимы для освящения.

[29] 6. Я говорю: «правильно понятое покаяние», ибо его нельзя смешивать с прежним покаянием. Покаяние после оправдания сильно отличается от предшествующего ему. Оно не предполагает ни вины, ни чувства осуждения, ни сознания Божия гнева. Не предполагает сомнения в Божием благоволении или какого-либо «страха, в котором есть мучение». Собственно, это производимое Святым Духом убеждение в том *грехе*, который всё ещё *остаётся* в нашем сердце, в существовании phronema sarkos, *плотского ума*, который «всё ещё *остаётся*», как выражается наша Церковь, «даже в возрождённых», хотя уже не *царствует*, уже не имеет над ними господства. Это убеждение в нашей склонности ко злу, в склонном к отступлению сердце, в продолжающемся влечении плоти желать противного духу. Если мы не бодрствуем и не молимся непрестанно, она порой влечётся к гордости, порой — к гневу, порой — к любви к миру, к покою, к почестям или к удовольствиям более, чем к Богу. Это убеждение в склонности нашего сердца к своеволию, атеизму или идолопоклонству, и прежде всего к неверию, посредством которого тысячью способов и под тысячью

предлогов мы постоянно, в большей или меньшей степени, отходим от живого Бога.

[30] 7. С этим убеждением в остающемся в наших сердцах грехе соединяется ясное убеждение в грехе, остающемся в нашей жизни, всё ещё *пристающем* ко всем нашим словам и поступкам. Даже в лучших из них мы теперь различаем примесь зла — в духе, содержании или способе их совершения; нечто, что не выдержало бы праведного Божия суда, если бы Он строго отмечал всякий проступок. Там, где мы меньше всего это подозревали, мы находим примесь гордости или своеволия, неверия или идолопоклонства; так что теперь больше стыдимся лучших исполнений своего долга, чем прежде — худших грехов. И потому не можем не чувствовать, что в них не только нет ничего заслуживающего награды, но они настолько далеки от способности устоять перед Божией справедливостью, что и за них мы были бы виновны перед Богом, если бы не Кровь завета.

[31] 8. Опыт показывает, что вместе с этим убеждением в грехе, *остающемся* в наших сердцах и *пристающем* ко всем нашим словам и поступкам, а также в вине, которую мы вследствие этого навлекали бы на себя, если бы непрестанно не окроплялись искупительной Кровью, это покаяние включает ещё нечто: убеждение в нашей беспомощности, в полной неспособности помыслить хотя бы одну добрую мысль или породить хотя бы одно доброе желание, а тем более правильно произнести одно слово или совершить одно доброе дело иначе, как через Его свободную всемогущую благодать, сначала предваряющую нас, а затем каждое мгновение сопровождающую.

[32] 9. «Но какие же добрые дела, по вашему утверждению, необходимо совершать для освящения?» Во-первых, все дела благочестия: общая молитва, семейная молитва и молитва в уединении; участие в Вечере Господней; исследование Писания через слушание, чтение и размышление; соблюдение поста или воздержания в той мере, какую допускает здоровье тела.

[33] 10. Во-вторых, все дела милосердия, касаются ли они тел или душ человеческих: кормить голодных, одевать нагих, принимать странников, посещать находящихся в темнице, больных или терпящих различные бедствия; стараться наставлять невежественных, пробуждать бесчувственного грешника, оживлять теплохладного, утверждать колеблющегося, утешать малодушного, помогать искушаемому или каким бы то ни было образом содействовать спасению душ от смерти. Таково покаяние и таковы «плоды, достойные покаяния», необходимые для полного освящения. Таков путь, на котором Бог определил Своим детям ожидать полного спасения.

[34] 11. Отсюда видна крайняя пагубность кажущегося невинным мнения, будто в верующем нет греха, будто весь грех с корнем и ветвями уничтожен в ту минуту, когда человек оправдан. Совершенно препятствуя такому покаянию, это мнение наглухо преграждает путь к освящению. В том, кто верит, будто ни в его жизни, ни в сердце нет греха, не остаётся места для покаяния; следовательно, не остаётся места и для усовершенствования в любви, для которого это покаяние безусловно необходимо.

[35] 12. Отсюда также видно, что в *таком* ожидании полного спасения не может быть никакой опасности. Ибо предположим, что мы ошибаемся, что подобное

благословение никогда не было и не может быть достигнуто: всё же мы ничего не теряем. Напротив, само это ожидание оживляет нас в употреблении всех талантов, данных нам Богом, и в умножении их всех, так что, когда придёт наш Господь, Он получит Своё с прибылью.

[36] 13. Но вернёмся. Хотя признаётся, что и это покаяние, и его плоды необходимы для полного спасения, всё же они необходимы не в том же смысле, что вера, и не в той же степени. Не в *той же степени*, ибо эти плоды необходимы лишь *условно*, если для них есть время и возможность; иначе человек может быть освящён без них. Но без веры он не может быть освящён. Равным образом, сколько бы ни было у человека этого покаяния или добрых дел, всё это совершенно не помогает: он не освящён, пока не уверует. Но в ту минуту, когда уверует, с этими плодами или без них, с большим или меньшим таким покаянием, он освящён. Не в *том же смысле*, ибо это покаяние и эти плоды необходимы лишь *отдалённым образом*, необходимы для сохранения и возрастания его веры; тогда как вера *непосредственно* и *прямо* необходима для освящения. Итак, вера остаётся единственным условием, *непосредственно* и *ближайшим образом* необходимым для освящения.

[37] 14. «Но что такое вера, через которую мы освящаемся, спасаемся от греха и усовершаемся в любви?» Во-первых, это Божественное свидетельство и убеждённость в том, что Бог обещал это в Святом Писании. Пока мы не вполне уверены в этом, нельзя продвинуться ни на шаг. И, казалось бы, для убеждения разумного человека не нужно больше ни одного слова сверх древнего обетования: «Тогда обрежу сердце твоё и сердце потомства твоего,

чтобы ты любил Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумом твоим». Как ясно выражено здесь усовершенствование в любви! Как решительно подразумевается спасение от всякого греха! Ибо пока любовь занимает всё сердце, какое место остаётся в нём для греха?

[38] 15. Во-вторых, это Божественное свидетельство и убеждённость в том, что Бог силен исполнить обещанное. Поэтому, признавая, что «человекам невозможно» «произвести чистое из нечистого», очистить сердце от всякого греха и наполнить его всею святостью, мы всё же не находим здесь трудности, поскольку «Богу всё возможно». И, конечно, никто никогда не воображал, будто это возможно какой-либо силе, меньшей силы Всемогущего! Но если Бог скажет, будет сделано. Бог говорит: «Да будет свет!» — и свет есть!

[39] 16. В-третьих, это Божественное свидетельство и убеждённость, что Он может и желает сделать это теперь. И почему нет? Разве мгновение для Него не то же, что тысяча лет? Ему не может требоваться больше времени, чтобы исполнить что-либо угодное Ему. И Он не может нуждаться в большей *достойности* или *приготовленности* тех, кого благоволит почтить, или дожидаться их. Поэтому в любую минуту мы можем смело сказать: «Вот, ныне день спасения!» «Сегодня, если услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших!» «Вот, всё уже готово; приходите на брачный пир!»

[40] 17. К этой уверенности, что Бог и может, и желает освятить нас теперь, нужно прибавить ещё одно: Божественное свидетельство и убеждённость, что Он это совершает. В тот час это совершается: Бог говорит в глубине души: «По вере твоей да будет тебе!» Тогда душа

чиста от всякого пятна греха, очищена «от всякой неправды». Тогда верующий испытывает глубокий смысл торжественных слов: «Если мы ходим во свете, подобно как Он во свете, то имеем общение друг с другом, и Кровь Иисуса Христа, Сына Его, очищает нас от всякого греха».[41] 18. «Но совершает ли Бог это великое дело в душе постепенно или мгновенно?» Быть может, в некоторых оно совершается постепенно — я разумею в том смысле, что они не замечают определённого мгновения, когда грех перестаёт существовать. Но бесконечно желательно, если такова Божия воля, чтобы это совершилось мгновенно, чтобы Господь уничтожил грех «духом уст Своих», в одно мгновение, во мгновение ока. Так Он обычно и делает: это очевидный факт, для которого достаточно свидетельств, чтобы убедить всякого непредубеждённого человека. Поэтому *ты* ожидай этого каждое мгновение! Ожидай на вышеописанном пути, во всех тех *добрых делах*, для которых ты «создан заново во Христе Иисусе». Тогда опасности нет: от этого ожидания ты не станешь хуже, даже если не станешь лучше. Ибо если бы твоя надежда не исполнилась, ты всё равно ничего не потеряешь. Но твоя надежда исполнится: оно придёт и не замедлит. Итак, ожидай каждый день, каждый час, каждое мгновение! Почему не в этот час, не в это мгновение? Конечно, ты можешь ожидать этого *теперь*, если веришь, что оно совершается верой. И по этому признаку можешь безошибочно узнать, ищешь ли ты его верой или делами. Если делами, то тебе нужно, чтобы что-то было сделано *сперва*, *прежде* твоего освящения. Ты думаешь: прежде я должен *стать* таким-то или *сделать* то-то. Значит, до сих пор ты ищешь его делами. Если ищешь верой, то можешь ожидать его *таким, каков ты есть*; а если таким, каков ты есть, то

ожидай *теперь*. Важно заметить, что между этими тремя положениями есть неразрывная связь: ожидай *верой*; ожидай *таким, каков ты есть*; ожидай *теперь*! Отрицать одно из них — значит отрицать все; признавать одно — значит признавать все. Веришь ли *ты*, что мы освящаемся верой? Тогда будь верен своему началу и ожидай этого благословения таким, каков ты есть, не лучше и не хуже, как бедный грешник, которому всё ещё нечем заплатить и нечего привести в свою защиту, кроме того, что «Христос *умер*». А если ожидаешь таким, каков ты есть, то ожидай *теперь*. Ничего не жди: зачем тебе ждать? Христос готов; и Он — всё, что тебе нужно. Он ждёт тебя; Он у двери! Пусть из самой глубины твоей души вырвется:

> [42] Войди, войди, небесный Гость!
> И больше не уходи;
> Но вечеряй со мной, и пусть наш пир
> Станет вечной любовью.

Первородный грех

[1] «И увидел Бог, что велико развращение человеков на земле и что все помышления сердца их были только зло во всякое время».

[2] Быт. 6:5.

[3] 1. Как далеко это от прекрасных картин человеческой природы, которые люди рисовали во все века! Сочинения многих древних авторов изобилуют радужными описаниями достоинства человека; некоторые изображают его так, будто вся добродетель и всё счастье заключены в самом его составе или по крайней мере находятся вполне в его власти, без всякой зависимости от какого-либо другого существа; более того, будто он самодостаточен, способен жить собственными средствами и мало уступает Самому Богу.

[4] 2. И не одни язычники, люди, руководствующиеся в своих исследованиях почти исключительно тусклым светом разума, но и многие из носящих имя Христа, кому вверены Божии изречения, столь же возвышенно говорили о природе человека, словно она вся — невинность и совершенство. Подобные описания особенно умножились в нынешнем столетии и, быть может, нигде в мире не встречались чаще, чем в нашей собственной стране. Здесь немало людей сильного ума и обширной учёности приложили все свои способности, чтобы показать, как они выражались, «светлую сторону человеческой природы». И следует признать: если их описание справедливо, человек по-прежнему лишь

«немного умалён пред ангелами», или, как можно передать эти слова буквальнее, «немного ниже Бога».

5 3. Удивительно ли, что большинство людей весьма охотно принимает такие описания? Кого нелегко убедить хорошо думать о себе? Соответственно, писателей такого рода повсеместно читают, ими восхищаются, им рукоплещут. Бесчисленны обращённые ими последователи не только в светском, но и в учёном мире. Так что теперь совершенно не в моде говорить иначе, высказывать что-либо к умалению человеческой природы, которую, несмотря на некоторые слабости, принято считать весьма невинной, мудрой и добродетельной!

6 4. Но что же нам между тем делать со своими Библиями? Ведь они никогда не согласятся с этим. Эти описания, как бы ни были приятны плоти и крови, совершенно непримиримы с описанием Писания. Писание утверждает, что «непослушанием одного человека все люди сделались грешными», что «в Адаме все умерли», умерли духовно, утратили жизнь и образ Божий; что затем падший, грешный Адам «родил сына по своему подобию», — да и не мог родить по иному, ибо «кто может произвести чистое из нечистого?»; что, следовательно, мы, как и прочие люди, по природе были «мертвы по преступлениям и грехам», «без надежды, без Бога в мире» и потому «чадами гнева»; что каждый человек может сказать: «Я зачат в беззаконии, и во грехе зачала меня мать моя»; что «нет различия», ибо «все согрешили и лишены славы Божией», того славного образа Божия, по которому человек был первоначально сотворён. Поэтому, когда «Господь с небес призрел на сынов человеческих», Он увидел, что «все уклонились, все вместе стали мерзкими; нет праведного ни одного», нет

никого, кто истинно искал бы Бога. Это совершенно согласно с тем, что Святой Дух возвещает в приведённых выше словах: «Бог увидел», когда прежде призрел с небес, «что велико развращение человеков на земле» — столь велико, что «все помышления сердца их были только зло во всякое время».

[7] Таково Божие описание человека. Опираясь на него, я намерен, во-первых, показать, какими были люди до потопа; во-вторых, исследовать, не таковы ли они и теперь; в-третьих, добавить некоторые выводы.

[8] I. 1. Во-первых, раскрывая слова текста, я должен показать, какими были люди до потопа. Мы можем вполне положиться на данное здесь описание: ибо это видел Бог, а Он не может ошибаться. Он «увидел, что велико развращение человека» — не того или другого человека, не только немногих, не просто большей части, но человека вообще, всех людей. Это слово охватывает весь человеческий род, каждого причастного человеческой природе. И нам нелегко исчислить их количество, сказать, сколько тысяч и миллионов их было. Тогда земля ещё сохраняла многое от своей первозданной красоты и первоначального плодородия. Поверхность земного шара не была изломана и изорвана, как теперь, и весна с летом шли рука об руку. Поэтому вероятно, что земля доставляла пропитание гораздо большему числу жителей, чем способна прокормить ныне; а их количество должно было неизмеримо возрастать, когда люди рождали сынов и дочерей на протяжении семисот или восьмисот лет. И всё же среди всего этого немыслимого множества лишь «Ной обрёл благодать у Бога». Он один, быть может вместе с частью своих домашних, составлял исключение из всеобщего нечестия, которое вскоре затем по

праведному Божию суду навлекло всеобщее истребление. Все остальные участвовали в одной и той же вине, как и в одном и том же наказании.

9 2. «Бог увидел все помышления сердца его» — его души, внутреннего человека, духа в нём, начала всех его внутренних и внешних движений. Он «увидел все помышления». Невозможно найти слово с более широким значением. Оно включает всё, что складывается, создаётся, вырабатывается внутри; всё, что есть или происходит в душе; всякую склонность, привязанность, страсть, влечение; всякое расположение, намерение, мысль. Следовательно, оно должно включать всякое слово и действие, естественно проистекающие из этих источников и являющиеся добрыми или злыми соответственно тому источнику, из которого каждое исходит.

10 3. И Бог увидел, что всё это, всё целиком, было зло: противно нравственной правоте; противно природе Бога, необходимо включающей всякое добро; противно Божественной воле, вечному мерилу добра и зла; противно чистому, святому образу Божию, по которому человек был первоначально сотворён и в котором пребывал, когда Бог, обозревая дела Своих рук, увидел, что всё весьма хорошо; противно справедливости, милосердию и истине и тем существенным отношениям, в которых каждый человек находится к своему Творцу и к собратьям по творению.

11 4. Но разве добро не было смешано со злом? Разве свет не примешивался ко тьме? Нет, нисколько: «Бог увидел, что все помышления сердца человека были только зло». Нельзя, правда, отрицать, что многим, быть может всем, вкладывались в сердце добрые побуждения; ибо Дух

Божий и тогда «боролся с человеком», не покается ли он, особенно в течение той милостивой отсрочки — ста двадцати лет, пока строился ковчег. Но всё же «в его плоти не жило доброе»; вся его природа была чистым злом: она была совершенно согласна сама с собой и не смешана ни с чем противоположным.

[12] 5. Всё же можно спросить: «Не было ли перерывов в этом зле? Не бывало ли светлых промежутков, когда в человеческом сердце можно было найти что-либо доброе?» Здесь мы рассматриваем не то, что Божия благодать могла время от времени совершать в душе; а если отвлечься от этого, у нас нет оснований верить, что в том зле были какие-либо перерывы. Ибо Бог, Который «увидел, что все помышления сердца его были *только* зло», увидел также, что оно всегда оставалось одним и тем же, что оно «было только зло *непрестанно*» — каждый год, каждый день, каждый час, каждое мгновение. Человек никогда не уклонялся к добру.

[13] II. Таково достоверное описание всего человеческого рода, которое Тот, Кто знает, что в человеке, Кто испытывает сердца и внутренности, оставил записанным для нашего наставления. Таковы были все люди прежде, чем Бог навёл на землю потоп. Во-вторых, мы должны исследовать, таковы ли они и теперь.

[14] 1. Несомненно, Писание не даёт нам оснований думать о них иначе. Напротив, все приведённые выше места Писания относятся к жившим после потопа. Более чем тысячу лет спустя Бог через Давида возвестил о сынах человеческих: «Все они уклонились с пути» истины и святости; «нет праведного ни одного». Об этом свидетельствуют и все пророки, каждый в своём поколении. Так Исаия говорит об особом Божием народе,

а язычники, конечно, находились не в лучшем положении: «Вся голова в язвах, и всё сердце исчахло. От подошвы ноги до темени головы нет здорового места, но раны, пятна и гноящиеся язвы». То же описание дают все апостолы, более того — весь строй Божиих изречений. Из всего этого мы узнаём о человеке в его природном состоянии, не поддержанном Божией благодатью, что «все помышления сердца его» по-прежнему «зло, только зло» и притом «непрестанно».

15 2. Это описание нынешнего состояния человека подтверждается повседневным опытом. Правда, природный человек этого не различает, и удивляться тут нечему. Пока слепорождённый остаётся слепым, он едва сознаёт свой недостаток; ещё менее сознавали бы его люди в месте, где, предположим, все рождались без зрения. Так же, пока люди остаются в природной слепоте разума, они не сознают своих духовных недостатков и этого в особенности. Но как только Бог открывает очи их разума, они видят своё прежнее состояние; тогда глубоко убеждаются, что «всякий живущий человек», особенно они сами, по природе есть «совершенная суета», то есть глупость и невежество, грех и нечестие.

16 3. Когда Бог открывает нам глаза, мы видим, что прежде были atheoi en toi kosmoi — без Бога, или, точнее, *атеистами в мире*. По природе мы не имели знания Бога, не были знакомы с Ним. Правда, как только начали пользоваться разумом, мы познали невидимое Божие, Его вечную силу и Божество, через сотворённое. Из видимого заключали о существовании невидимого вечного могущественного Существа. Но всё же, признавая Его бытие, мы не знали Его Самого. Как мы знаем, что есть китайский император, которого, однако, не знаем лично,

так мы знали о Царе всей земли, но Его Самого не знали. Да и не могли познать никакой из своих природных способностей. Ни одной из них нельзя было достичь познания Бога. Своим естественным разумом мы могли воспринимать Его не более, чем видеть глазами. Ибо никто не знает Отца, кроме Сына, и того, кому Сын хочет открыть; и никто не знает Сына, кроме Отца, и того, кому Отец открывает Его.

17 4. Мы читаем об одном древнем царе, который, желая узнать, каков *природный язык* людей, предпринял следующий опыт, чтобы решить вопрос окончательно: он повелел двух младенцев сразу после рождения отнести в приготовленное для них место, где их растили совершенно без обучения и где они никогда не слышали человеческого голоса. Что же вышло? Когда наконец их вывели из заточения, они не говорили ни на каком языке, а издавали лишь нечленораздельные звуки, подобные звукам других животных. Если бы двух младенцев так же с самого рождения растили без наставления в какой-либо религии, едва ли можно сомневаться, что, если бы не вмешалась Божия благодать, результат был бы совершенно таким же. У них вовсе не было бы религии; о Боге они знали бы не больше полевых зверей, не больше дикого ослёнка. Такова естественная религия, если отделить её от предания и от действия Божия Духа! [36]

18 5. Не имея знания Бога, мы не можем иметь и любви к Нему: нельзя любить Того, Кого не знаешь. Большинство людей, правда, *говорит* о любви к Богу и, быть может, воображает, что любит Его; по крайней мере немногие признаются, что не любят. Но факт слишком ясен, чтобы его отрицать. Ни один человек по природе не любит Бога больше, чем камень или землю, по которой ходит. Тем,

что любим, мы наслаждаемся; но по природе никто не наслаждается Богом. В своём природном состоянии мы не можем понять, как кто-либо может наслаждаться Им. Мы вовсе не находим в Нём удовольствия; Он совершенно безвкусен для нас. Любить Бога! Это слишком высоко, вне нашего взора. Природными силами мы не можем этого достичь.

[19] 6. По природе у нас нет не только любви, но и страха Божия. Правда, признаётся, что у большинства людей рано или поздно возникает своего рода бессмысленный, неразумный страх, по праву называемый суеверием, хотя заблуждавшиеся эпикурейцы дали ему имя религии. Но даже он не природный, а приобретённый — главным образом через общение или пример. По природе Бога нет во всех наших помыслах: мы предоставляем Ему управлять Своими делами, спокойно сидеть, как мы воображаем, на небе и оставлять нас на земле управлять своими; так что страха Божия перед нашими глазами не больше, чем любви к Богу в наших сердцах.

[20] 7. Так все люди — «атеисты в мире». Но сам атеизм не ограждает нас от идолопоклонства. В своём природном состоянии всякий человек, рождающийся в мир, — отъявленный идолопоклонник. Возможно, мы не таковы в обычном смысле этого слова. Мы не поклоняемся литым или резным изображениям, как язычники-идолопоклонники. Не преклоняемся перед древесным пнём, делом собственных рук. Не молимся ангелам или святым на небе, как не молимся святым на земле. Но что из того? Мы воздвигли идолов в своих сердцах; перед ними преклоняемся и им поклоняемся. Мы поклоняемся себе, когда воздаём себе честь, принадлежащую одному Богу. Поэтому всякая гордость

есть идолопоклонство: это приписывание себе того, что принадлежит только Богу. И хотя гордость не создана для человека, где тот человек, который рождается без неё? Но этим мы лишаем Бога Его неотъемлемого права и идолопоклоннически присваиваем Его славу.

[21] 8. Но гордость — не единственный вид идолопоклонства, в котором все мы виновны по природе. Сатана запечатлел свой образ в нашем сердце также своеволием. «Я хочу, — сказал он, прежде чем был низвержен с неба, — сяду на краю севера»; буду исполнять собственную волю и удовольствие независимо от воли моего Творца. То же говорит всякий человек, рождающийся в мир, и притом в тысяче случаев; более того, открыто признаётся в этом, нисколько не краснея, без страха и стыда. Спросите человека: «Почему ты сделал это?» — он ответит: «Потому что мне захотелось». Что это, как не: «Потому что такова была моя воля», — то есть, в сущности, потому что диавол и я согласны, потому что сатана и я руководствуемся в своих поступках одним и тем же началом? Между тем Божия воля не приходит ему на ум и нисколько не принимается в расчёт, хотя она — высшее правило для всякого разумного создания на небе или на земле, вытекающее из существенного, неизменного отношения всех созданий к своему Творцу.

[22] 9. До сих пор мы носим образ диавола и идём по его следам. Но на следующем шаге оставляем сатану позади: впадаем в идолопоклонство, в котором он не виновен. Я разумею любовь к миру, теперь столь же естественную для каждого человека, как любовь к собственной воле. Что для нас естественнее, чем искать счастья в творении вместо Творца, искать в делах Его рук удовлетворения, которое можно найти только в Боге? Что естественнее

«похоти плоти», то есть чувственных удовольствий всякого рода? Люди, особенно учёные и образованные, правда, возвышенно рассуждают о презрении к этим низким удовольствиям. Они делают вид, будто мало привязаны к удовлетворению тех влечений, в которых стоят на одном уровне с погибающими животными. Но это одно притворство: каждый сознаёт в себе, что в этом отношении по природе он — настоящий зверь. Чувственные влечения, даже самого низкого рода, в большей или меньшей мере властвуют над ним. Они берут его в плен, тащат то туда, то сюда вопреки его хвалёному разуму. Человек со всей своей воспитанностью и прочими достоинствами не имеет преимущества перед козлом; более того, весьма сомнительно, не имеет ли зверь преимущества перед ним. Несомненно имеет, если прислушаться к одному из современных их оракулов, который весьма благопристойно сообщает нам:

> [23] И звери раз в свой срок вкушают любовь;
> Лишь зверь разумный остаётся её рабом
> И в этой глупости трудится круглый год.

[24] Следует, правда, признать, что между людьми есть значительное различие, происходящее, помимо действия предваряющей благодати, от различий телесного склада и воспитания. Но, несмотря на это, кто, не будучи совершенно невежественным о самом себе, может здесь первым бросить камень в другого? Кто выдержит испытание толкованием седьмой заповеди, данным нашим благословенным Господом: «Кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём»? Поэтому не знаешь, чему больше удивляться — невежеству или дерзости людей, которые с таким презрением говорят о побеждённых желаниями,

какие каждый человек испытывал в собственной груди; ибо желание всякого чувственного удовольствия, невинного или нет, природно каждому сыну человеческому.

[25] 10. Такова же и «похоть очей» — желание удовольствий воображения. Они возникают от величественных, прекрасных или необычных предметов, если только первые два вида не совпадают с последним; ибо, быть может, при внимательном исследовании выяснилось бы, что ни величественные, ни прекрасные предметы не радуют дольше, чем остаются новыми; что с окончанием их новизны заканчивается по крайней мере большая часть доставляемого ими удовольствия и что по мере привычности они делаются пресными и безвкусными. Но как часто бы мы ни испытывали это, то же желание остаётся. Врождённая жажда прочно держится в душе; более того, чем больше ей потакают, тем сильнее она становится и побуждает нас гнаться за новым предметом, а затем ещё за новым, хотя каждый мы оставляем с несбывшейся надеждой и обманутым ожиданием. Да,

> [26] Седой глупец, который много дней
> Боролся с непрестанной скорбью,
> Вновь оживляет надежду и безумно
> Ставит всё на завтрашний день!
>
> [27] Приходит завтра! Вот полдень! Вот ночь!
> Этот день, как все прежние, улетает;
> Но он всё ищет наслаждения
> Завтра — пока сегодня ночью не умрёт!

[28] 11. Третий признак этой смертельной болезни, любви к миру, так глубоко укоренённой в нашей природе, — «гордость житейская», желание похвалы, чести от людей.

Величайшие поклонники человеческой природы признают это вполне естественным, столь же естественным, как зрение, слух или любое другое внешнее чувство. И стыдятся ли они этого, даже литераторы, люди утончённого и развитого ума? Напротив, они этим хвалятся! Рукоплещут себе за любовь к рукоплесканиям! Даже выдающиеся так называемые христиане без затруднения усваивают изречение древнего тщеславного язычника: Animi dissoluti est et nequam negligere quid de se homines sentiant — «Не заботиться о том, что люди о нас думают, есть признак порочного и распущенного духа». Поэтому спокойно и невозмутимо проходить через честь и бесчестие, через дурную и добрую славу — для них признак человека, который и в самом деле недостоин жить: «Истреби с земли такого!» Но можно ли подумать, что эти люди когда-либо слышали об Иисусе Христе или Его апостолах, что знают, Кто сказал: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?» Но если это действительно так, если невозможно веровать, а следовательно, угождать Богу, пока мы принимаем или ищем честь друг от друга и не ищем чести от Единого Бога, то в каком же состоянии находится всё человечество — и христиане, и язычники! Ведь все они ищут чести друг от друга! Ведь, по их собственному суждению, это для них столь же естественно, как видеть свет, падающий на глаз, или слышать звук, входящий в ухо! Более того, они считают стремление к людской похвале признаком добродетельного духа, а довольство честью от одного Бога — признаком порочного!

[29] III. 1. Перехожу к нескольким выводам из сказанного. Во-первых, отсюда мы узнаём одно великое основное

различие между христианством, рассматриваемым как система учений, и самым утончённым язычеством. Многие древние язычники подробно описывали пороки отдельных людей. Много говорили против их корыстолюбия или жестокости, роскоши или расточительности. Некоторые осмеливались сказать, что «ни один человек не рождается без тех или иных пороков». Но как никто из них не был осведомлён о падении человека, так никто не знал и о его всецелой испорченности. Они не знали, что все люди лишены всякого добра и исполнены всякого зла. Они совершенно не ведали о полной порче всей человеческой природы, каждого рождающегося в мир человека, каждой способности его души — не столько отдельными пороками, господствующими в отдельных людях, сколько общим потоком атеизма и идолопоклонства, гордости, своеволия и любви к миру. Итак, это первый великий отличительный пункт между язычеством и христианством. Первое признаёт, что многие люди заражены многими пороками и даже рождаются со склонностью к ним, но вместе с тем предполагает, что в некоторых природное добро намного перевешивает зло. Второе утверждает, что все люди «зачаты во грехе» и «рождены в беззаконии»; что поэтому в каждом человеке есть «плотский ум, который есть вражда против Бога, ибо закону Его не покоряется, да и не может»; и что он настолько заражает всю душу, что «не живёт в нём, то есть в плоти его», в его природном состоянии, «доброе», но «все помышления сердца его зло», только зло и притом «непрестанно».

[30] 2. Во-вторых, отсюда мы узнаём, что все отрицающие это, называть ли это первородным грехом или каким-либо другим именем, по-прежнему остаются язычниками в том

основном пункте, который отличает язычество от христианства. Они могут признавать, что у людей много пороков, что некоторые рождаются вместе с нами и что, следовательно, мы рождаемся не вполне столь мудрыми или добродетельными, какими должны быть; ибо немногие решительно утверждают: «Мы рождаемся с такой же склонностью к добру, как ко злу, и каждый человек по природе столь же добродетелен и мудр, каким был Адам при сотворении». Но вот *шибболет*, отличительный признак: исполнен ли человек по природе всякого зла? Лишён ли всякого добра? Вполне ли он пал? Всецело ли испорчена его душа? Или, возвращаясь к тексту, «все ли помышления сердца его только зло во всякое время»? Признайте это — и в этом отношении вы христианин. Отрицайте — и вы всё ещё всего лишь язычник.

[31] 3. В-третьих, отсюда мы узнаём, какова собственная природа религии, религии Иисуса Христа. Это therapeia psyches, Божий способ *исцеления души*, поражённой такой болезнью. Здесь великий Врач душ применяет лекарства, чтобы исцелить эту болезнь, восстановить человеческую природу, всецело испорченную во всех своих способностях. Бог исцеляет весь наш атеизм познанием Себя и посланного Им Иисуса Христа, даруя нам веру — Божественное свидетельство и убеждённость в Боге и Божиих делах, в особенности в той важной истине, что «Христос возлюбил *меня* и предал Себя за *меня*». Смертельная болезнь гордости исцеляется покаянием и смирением сердца; болезнь своеволия — покорностью, кротким и благодарным подчинением Божией воле; а от любви к миру во всех её видах верховное лекарство — любовь к Богу. Это и есть, собственно, религия: «вера, действующая любовью»,

производящая подлинное кроткое смирение, полную мёртвость для мира вместе с любящим, благодарным согласием со всей Божией волей и словом и сообразованием с ними.

32 4. В самом деле, если бы человек не был так падшим, во всём этом не было бы нужды. Не требовалось бы этого дела в сердце, этого обновления духом нашего ума. Тогда «избыток благочестия» было бы более уместным выражением, чем «избыток злобы». Ибо внешней религии, вовсе без благочестия, было бы достаточно для всех разумных целей. Она и достаточна по суждению тех, кто отрицает испорченность нашей природы. Они вкладывают в религию немногим больше, чем знаменитый господин Гоббс вкладывал в разум. По его мнению, разум — лишь «упорядоченная цепь слов»; по их мнению, религия — лишь упорядоченная цепь слов и действий. И они последовательны: если внутри не полно нечестия, если там уже чисто, что остаётся, кроме как «очистить внешность чаши»? Если их предположение справедливо, внешнее исправление действительно есть единственное необходимое.

33 5. Но вы не так научились Божиим изречениям. Вы знаете, что Тот, Кто видит, что в человеке, совсем иначе описывает и природу, и благодать, и наше падение, и наше восстановление. Вы знаете: великая цель религии — обновить наши сердца по образу Божию, возместить ту полную утрату праведности и истинной святости, которую мы понесли через грех нашего прародителя. Вы знаете, что всякая религия, не достигающая этой цели, всякая религия, останавливающаяся раньше обновления нашей души по образу Божию, по подобию Сотворившего её, есть лишь жалкий фарс и простое глумление над Богом к

погибели собственной души. О, берегитесь всех учителей лжи, которые пытаются выдать это вам за христианство! Не внимайте им, хотя бы они пришли со всем обольщением неправды, со всей плавностью речи, всей благопристойностью, даже красотой и изяществом выражений, со всевозможными заверениями в горячем доброжелательстве к вам и почтении к Священному Писанию. Держитесь простой, древней веры, «однажды преданной святым» и переданной Духом Божиим нашим сердцам. Познайте свою болезнь! Познайте своё исцеление! Вы родились во грехе; поэтому «вам должно родиться свыше», родиться от Бога. По природе вы всецело испорчены; благодатью будете всецело обновлены. В Адаме все вы умерли; во втором Адаме, во Христе, все оживотворяетесь. «Вас, мёртвых во грехах, Он оживотворил»; Он уже дал вам начало жизни — веру в Того, Кто возлюбил вас и предал Себя за вас! Теперь «идите от веры к вере», пока вся ваша болезнь не будет исцелена и пока «в вас не будут те же чувствования, какие и во Христе Иисусе»!

Новое рождение

[1] «Вам должно родиться свыше».

[2] Ин. 3:7.

[3] 1. Если какие-либо учения во всём христианстве можно по праву назвать основополагающими, то, несомненно, эти два: учение об оправдании и учение о новом рождении. Первое относится к великому делу, которое Бог совершает для нас, прощая наши грехи; второе — к великому делу, которое Бог совершает *в нас*, обновляя нашу падшую природу. По порядку *времени* ни одно не предшествует другому: в тот миг, когда мы оправдываемся благодатью Божией через искупление во Иисусе, мы также «рождаемся от Духа». Но в так называемом порядке *мысли* оправдание предшествует новому рождению. Сначала мы мыслим Его гнев отвращённым, а затем — Его Дух действующим в наших сердцах.

[4] 2. Как же важно каждому сыну человеческому основательно понимать эти основополагающие учения! Вполне убеждённые в этом, многие превосходные мужи весьма пространно писали об оправдании, разъясняя всё относящееся к нему и раскрывая говорящие о нём места Писания. Многие писали и о новом рождении, некоторые достаточно подробно, однако не так ясно, как можно было желать, и не столь глубоко и точно: они давали либо тёмное, труднопостижимое описание, либо лёгкое и поверхностное. Поэтому, по-видимому, всё ещё недостаёт полного и вместе с тем ясного объяснения нового рождения, которое позволило бы удовлетворительно

ответить на три вопроса. Во-первых: почему мы должны родиться свыше? Каково основание этого учения о новом рождении? Во-вторых: как мы должны родиться свыше? Какова природа нового рождения? В-третьих: для чего мы должны родиться свыше? Для какой цели оно необходимо? С Божией помощью я кратко и ясно отвечу на эти вопросы, а затем добавлю несколько естественно следующих из них выводов.

[5] I. 1. Итак, во-первых: почему мы должны родиться свыше? Каково основание этого учения? Оно залегает почти так же глубоко, как сотворение мира; в повествовании Писания о нём мы читаем: «И сказал Бог», триединый Бог, «сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1:26, 27). Не только по Своему *природному образу*, отображением Своего бессмертия, духовным существом, наделённым разумом, свободой воли и различными чувствами; не только по Своему *образу властителя*, правителем этого нижнего мира, имеющим «владычество над рыбами морскими и над всею землёю»; но прежде всего по Своему *нравственному образу*, который, согласно апостолу, есть «праведность и истинная святость» (Еф. 4:24). По этому образу Божию был создан человек. «Бог есть любовь»; соответственно, человек при сотворении был исполнен любви, единственного начала всех его расположений, мыслей, слов и поступков. Бог исполнен справедливости, милосердия и истины; таков был и человек, вышедший из рук Творца. Бог — непорочная чистота; так и человек вначале был чист от всякого греховного пятна, иначе Бог не мог бы назвать его, как и все прочие дела Своих рук, «весьма хорошим» (Быт. 1:31). Таким он не мог бы быть, если бы не был чист от греха и

исполнен праведности и истинной святости. Ибо середины нет: если предположить, что разумное создание не любит Бога, не праведно и не свято, то необходимо предположить, что оно вообще не добро, а тем более не «весьма хорошо». [37]

6 2. Но хотя человек был создан по образу Божию, он не был создан неизменным. Это было бы несовместимо с состоянием испытания, в которое Бог благоволил его поставить. Поэтому он был сотворён способным устоять и всё же подверженным падению. Сам Бог сообщил ему об этом и торжественно предостерёг от падения. Однако человек не пребыл в чести: он пал со своей высоты. Он «ел от дерева, о котором Господь заповедал ему: не ешь от него». Этим сознательным актом непослушания Творцу, этим прямым мятежом против своего Владыки он открыто объявил, что больше не желает иметь Бога своим Правителем; что будет управляться собственной волей, а не волей Сотворившего его; что будет искать счастья не в Боге, а в мире, в делах Его рук. Между тем Бог прежде сказал ему: «В день, в который ты вкусишь» этого плода, «смертью умрёшь». А слово Господне не может нарушиться. Соответственно, в тот день он действительно умер: умер для Бога — самой страшной из всех смертей. Он утратил жизнь Божию, отделился от Того, в единении с Кем состояла его духовная жизнь. Тело умирает, когда отделяется от души; душа — когда отделяется от Бога. Это отделение от Бога Адам претерпел в тот день, в тот час, когда вкусил запретный плод. И он тотчас дал тому доказательство, сразу показав своим поведением, что любовь к Богу угасла в его душе, теперь «отчуждённой от жизни Божией». Вместо неё он оказался во власти рабского страха и потому бежал от лица Господа. Более того, он так мало сохранил даже знания Того, Кто

наполняет небо и землю, что пытался «скрыться от лица Господа Бога между деревьями рая» (Быт. 3:8). Так он утратил и знание, и любовь к Богу, без которых образ Божий не мог сохраниться. Поэтому одновременно он лишился и этого образа, став не только несчастным, но и несвятым. Вместо него он погрузился в гордость и своеволие — самый образ диавола, — и в чувственные влечения и желания — образ погибающих животных.

[7] 3. Если скажут: «Но угроза „в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь“ относится лишь к временной смерти, только к смерти тела», — ответ ясен: утверждать это значит прямо и очевидно делать Бога лжецом, заявлять, будто Бог истины решительно утверждал нечто противное истине. Ибо ясно, что Адам не *умер* в этом смысле «в день, в который вкусил». После этого он прожил, в смысле, противоположном такой смерти, более девятисот лет. Следовательно, понять это как смерть тела совершенно невозможно, не посягая на Божию правдивость. Поэтому понимать это следует как духовную смерть, утрату жизни и образа Божия.

[8] 4. И в Адаме все умерли: весь человеческий род, все сыны человеческие, тогда находившиеся в чреслах Адама. Естественное следствие этого состоит в том, что каждый его потомок приходит в мир духовно мёртвым, мёртвым для Бога, совершенно мёртвым во грехе; всецело лишённым жизни Божией, лишённым образа Божия, всей той праведности и святости, в которых был сотворён Адам. Вместо этого всякий рождающийся в мир человек теперь носит образ диавола в гордости и своеволии и образ зверя в чувственных влечениях и желаниях. Вот основание нового рождения — всецелая испорченность нашей природы. Поэтому, родившись во грехе, мы должны

«родиться вновь». Поэтому всякий рождённый женщиной должен родиться от Духа Божия.

9 II. 1. Но как человеку родиться свыше? Какова природа нового рождения? Это второй вопрос, вопрос величайшей мыслимой важности. Поэтому в столь веском деле нам не следует довольствоваться поверхностным исследованием; нужно рассмотреть его со всей возможной тщательностью и обдумывать в сердце, пока мы вполне не поймём этого важного предмета и ясно не увидим, как нам родиться свыше.

10 2. Это не означает, что следует ожидать подробного философского объяснения того, каким образом это совершается. Наш Господь достаточно ограждает нас от такого ожидания словами, непосредственно следующими за нашим текстом: Он напоминает Никодиму факт, столь же несомненный, как любой другой во всей природе, и всё же мудрейший человек под солнцем не способен вполне его объяснить. «Ветер дует, где хочет», — не твоей силой или мудростью, — «и голос его слышишь», — ты совершенно, вне всякого сомнения уверен, что он дует, — «а не знаешь, откуда приходит и куда уходит»: точного способа, каким он начинается и заканчивается, поднимается и стихает, никто не может объяснить. «Так бывает со всяким, рождённым от Духа». В самом факте ты можешь быть столь же совершенно уверен, как в дуновении ветра; но точного способа, каким это совершается, каким Святой Дух производит это в душе, ни ты, ни мудрейший из сынов человеческих объяснить не способен.

11 3. Однако для всякой разумной и христианской цели достаточно того, что, не углубляясь в любопытствующие разборы и изыскания, мы можем дать простое библейское

описание природы нового рождения. Это удовлетворит всякого разумного человека, желающего лишь спасения своей души. Выражение «родиться вновь» не впервые было употреблено нашим Господом в беседе с Никодимом: оно было хорошо известно прежде и общеупотребительно у иудеев, когда среди них явился наш Спаситель. Когда взрослый язычник убеждался, что иудейская религия от Бога, и желал присоединиться к ней, существовал обычай сперва крестить его, прежде чем допускать к обрезанию. И когда он был крещён, о нём говорили, что он родился вновь, разумея, что прежде бывший чадом диавола теперь усыновлён в Божию семью и причислен к Его детям. Это выражение, которое Никодим как «учитель Израилев» должен был хорошо понимать, наш Господь и употребляет в беседе с ним, только в более сильном смысле, чем тот привык. Быть может, поэтому он и спросил: «Как это может быть?» Буквально это быть не может: человек не может «в другой раз войти в утробу матери своей и родиться». Но духовно может: человек может родиться свыше, родиться от Бога, родиться от Духа способом, весьма близко сходным с естественным рождением.

[12] 4. Прежде чем ребёнок рождается в мир, у него есть глаза, но он не видит; есть уши, но он не слышит. Всяким другим чувством он пользуется весьма несовершенно. У него нет знания ни о каких вещах мира, нет естественного понимания. Тому способу существования, которым он тогда обладает, мы даже не даём имени жизни. Лишь когда человек рождается, мы говорим, что он начинает жить. Ибо, едва родившись, он начинает видеть свет и различные окружающие предметы. Тогда открываются его уши, и он слышит звуки, последовательно достигающие их. Одновременно все прочие органы чувств

начинают действовать по отношению к своим предметам. Он также дышит и живёт совершенно иначе, чем прежде. Как точно соблюдается параллель во всех этих случаях! Пока человек находится в одном лишь природном состоянии, прежде рождения от Бога, у него в духовном смысле есть глаза, но он не видит: на них лежит густая, непроницаемая завеса; есть уши, но он не слышит: он совершенно глух к тому, что ему важнее всего услышать. Все прочие духовные чувства заперты; он в таком же состоянии, как если бы их не имел. Поэтому у него нет знания Бога, нет общения с Ним; он вовсе с Ним не знаком. У него нет истинного знания Божиих дел, ни духовных, ни вечных; поэтому, хотя он живой человек, он мёртвый христианин. Но как только он рождается от Бога, во всём этом происходит полная перемена. «Очи его разума открываются», как говорит великий апостол; и поскольку Тот, Кто некогда «повелел из тьмы воссиять свету», сияет в его сердце, он видит «свет славы Божией», Его славной любви, «в лице Иисуса Христа». Когда его уши открыты, он теперь способен слышать внутренний голос Бога: «Дерзай; прощаются тебе грехи твои», «иди и впредь не греши». Таков смысл того, что Бог говорит его сердцу, хотя, быть может, и не в этих самых словах. Теперь он готов слышать всё, что «Учащий человека разумению» благоволит время от времени открывать ему. Он «чувствует в своём сердце», выражаясь языком нашей Церкви, «могущественное действие Духа Божия» — не в грубом, плотском смысле, как тупо и намеренно истолковывают это выражение люди мира, хотя им снова и снова объясняли, что мы разумеем не больше и не меньше следующего: он чувствует, внутренне сознаёт благодатные дары, которые Дух Божий производит в его сердце. Он чувствует, сознаёт «мир, превосходящий

всякое разумение». Часто чувствует такую радость в Боге, которая «неизреченна и преславна». Чувствует «любовь Божию, излившуюся в его сердце Духом Святым, данным ему»; и все его духовные чувства тогда упражняются в различении духовного добра и зла. Пользуясь ими, он ежедневно возрастает в познании Бога, посланного Им Иисуса Христа и всего относящегося к Его внутреннему Царству. И теперь можно по праву сказать, что он живёт: Бог оживотворил его Своим Духом, и он жив для Бога через Иисуса Христа. Он живёт жизнью, которой мир не знает, «жизнью, сокрытой со Христом в Боге». Бог как бы непрестанно дышит на душу, а душа его дышит к Богу. Благодать нисходит в сердце, молитва и хвала восходят к небу; и этим общением Бога и человека, этим общением с Отцом и Сыном, словно своего рода духовным дыханием, поддерживается Божия жизнь в душе; и чадо Божие возрастает, пока не достигнет «полной меры возраста Христова».

[13] 5. Отсюда с очевидностью видна природа нового рождения. Это великая перемена, которую Бог производит в душе, приводя её к жизни, воскрешая от смерти греха к жизни праведности. Это перемена, совершаемая во всей душе всемогущим Духом Божиим, когда она «вновь созидается во Христе Иисусе», когда «обновляется по образу Божию в праведности и истинной святости»; когда любовь к миру сменяется любовью к Богу, гордость — смирением, гневливость — кротостью, ненависть, зависть и злоба — искренней, нежной, бескорыстной любовью ко всему человечеству. Одним словом, это перемена, через которую земной, душевный, бесовский образ мыслей превращается в «тот, который был во Христе Иисусе». Такова природа нового рождения: «Так бывает со всяким, рождённым от Духа».

14 III. 1. Всякому, кто обдумал эти вещи, нетрудно увидеть необходимость нового рождения и ответить на третий вопрос: для чего, для какой цели нам необходимо родиться свыше? Очень легко понять, что прежде всего это необходимо для святости. Ибо что такое святость согласно Божиим изречениям? Не одна лишь внешняя религия, не круг внешних обязанностей, сколь бы многочисленны они ни были и сколь бы точно ни исполнялись. Нет: евангельская святость есть не что иное, как образ Божий, запечатлённый в сердце; не что иное, как весь тот образ мыслей, который был во Христе Иисусе; она состоит из всех небесных чувств и расположений, соединённых воедино. Она предполагает такую постоянную, благодарную любовь к Тому, Кто не удержал от нас Сына Своего, единственного Сына, которая делает для нас естественным и в некотором смысле необходимым любить каждого сына человеческого; наполняет нас «милосердием, благостью, кротостью, долготерпением». Это такая любовь к Богу, которая учит нас быть безупречными во всём образе жизни, даёт нам способность приносить наши души и тела, всё, что мы есть и имеем, все мысли, слова и дела как непрестанную жертву Богу, благоприятную через Христа Иисуса. Эта святость не может существовать, пока мы не обновимся в самом строе нашего ума. Она не может начаться в душе, пока не совершится эта перемена, пока осеняющая нас сила Всевышнего не «переведёт нас от тьмы к свету, от власти сатаны к Богу», то есть пока мы не родимся свыше; следовательно, новое рождение совершенно необходимо для святости.

15 2. Но «без святости никто не увидит Господа», не увидит Божия лица во славе. Следовательно, новое рождение совершенно необходимо для вечного спасения.

Люди, правда, могут льстить себе — настолько отчаянно порочно и лукаво человеческое сердце! — будто способны жить во грехах до последнего вздоха, а потом всё же жить с Богом; и тысячи действительно верят, что нашли широкий путь, который не ведёт к погибели. «Какая опасность, — говорят они, — может угрожать женщине, столь *безвредной* и столь *добродетельной*? С чего бояться, что такой *честный* человек, такой строгой *нравственности*, не попадёт на небо, особенно если сверх всего этого они постоянно посещают церковь и причащаются?» Кто-нибудь из них с полной уверенностью спросит: «Что же! Разве моя участь будет хуже участи моих соседей?» Нет, такой же, как у ваших несвятых соседей, как у соседей, умирающих во грехах! Ибо все вы вместе низвергнетесь в бездну, в преисподний ад! Все вместе окажетесь в огненном озере, «озере огненном, горящем серою». Тогда наконец вы увидите — но дай Бог увидеть прежде! — необходимость святости для славы и, следовательно, нового рождения, ибо никто не может быть свят, если не родится свыше.

16 3. По той же причине никто, если не родится свыше, не может быть счастлив даже в этом мире. Ибо по самой природе вещей невозможно, чтобы был счастлив человек, который не свят. Даже бедный нечестивый поэт мог сказать нам: Nemo malus felix — «Ни один злой человек не счастлив». Причина ясна: все несвятые расположения мучительны. Не только злоба, ненависть, зависть, ревность и мстительность создают в груди уже настоящий ад, но даже более мягкие страсти, если их не удерживать в должных пределах, причиняют в тысячу раз больше боли, чем удовольствия. Даже «надежда», когда «долго не сбывается», а как часто это должно происходить, «томит сердце»; и всякое желание, несогласное с Божией волей,

способно «пронзить» нас «многими скорбями». А все общие источники греха — гордость, своеволие и идолопоклонство — в той же мере, в какой господствуют, являются общими источниками несчастья. Поэтому, пока они царствуют в душе, счастью там нет места. Но они неизбежно царствуют, пока не изменится склонность нашей природы, то есть пока мы не родимся свыше. Следовательно, новое рождение совершенно необходимо для счастья как в этом мире, так и в будущем.

[17] IV. Наконец, я намеревался добавить несколько выводов, естественно следующих из предыдущих замечаний.

[18] 1. Во-первых, отсюда следует, что крещение не есть новое рождение: это не одно и то же. Многие, правда, по-видимому, воображают, что это совершенно одно и то же; по крайней мере говорят так, словно думают именно это. Но я не знаю ни одного христианского исповедания, которое открыто заявляло бы подобное мнение. Несомненно, его не заявляет ни одно в пределах этих королевств — ни принадлежащее к государственной Церкви, ни отделяющееся от неё. Суждение последних ясно выражено в Большом катехизисе [вопросы 163, 165. — Прим. ред.]: «Вопрос: Каковы части таинства? Ответ: Частей таинства две: одна — внешний и чувственно воспринимаемый знак; другая — внутренняя и духовная благодать, им обозначаемая. Вопрос: Что такое крещение? Ответ: Крещение есть таинство, в котором Христос установил омовение водой как знак и печать возрождения Его Духом». Здесь очевидно говорится о крещении, знаке, как об отличном от возрождения, обозначаемого им.

[19] В церковном катехизисе суждение нашей Церкви также выражено с величайшей ясностью: «Что ты разумеешь под словом „таинство“? Ответ: Я разумею внешний и видимый знак внутренней и духовной благодати. Вопрос: Какова внешняя часть или форма крещения? Ответ: Вода, в которой человек крестится во имя Отца, Сына и Святого Духа. Вопрос: Какова внутренняя часть, или обозначаемое? Ответ: Смерть для греха и новое рождение для праведности». Поэтому нет ничего яснее того, что согласно Англиканской церкви крещение не есть новое рождение.

[20] Но сама суть дела столь ясна и очевидна, что не нуждается в каком-либо другом авторитете. Ибо что может быть понятнее: одно есть дело внешнее, другое — внутреннее; одно видимо, другое невидимо, и потому они совершенно различны? Одно — человеческое действие, очищающее тело; другое — перемена, произведённая Богом в душе. Поэтому первое столь же отлично от второго, как душа от тела или вода от Святого Духа.

[21] 2. Во-вторых, из предыдущих размышлений можно заключить: как новое рождение не тождественно крещению, так оно и не всегда сопровождает крещение; они не неизменно совершаются вместе. Человек может быть «рождён от воды» и всё же не быть «рождён от Духа». Иногда внешний знак может присутствовать там, где нет внутренней благодати. Сейчас я не говорю о младенцах. Несомненно, наша Церковь предполагает, что все крещённые в младенчестве одновременно рождаются свыше; и признаётся, что всё чинопоследование крещения младенцев исходит из этого предположения. Неспособность понять, как это дело может совершаться в младенцах, не составляет сколько-нибудь веского

возражения: ведь мы не можем понять и того, как оно совершается в человеке более зрелого возраста. Но как бы ни обстояло дело с младенцами, несомненно, не все крещённые в более зрелом возрасте одновременно рождаются свыше. «Дерево познаётся по плодам»; и по этому признаку слишком ясно, чтобы отрицать, что многие бывшие детьми диавола до крещения остаются такими и после него, ибо «дела отца своего делают». Они остаются рабами греха, вовсе не притязая ни на внутреннюю, ни на внешнюю святость.

[22] 3. Третий вывод из сказанного состоит в том, что новое рождение не тождественно освящению. Многие, правда, принимают такое тождество за несомненное, в особенности один выдающийся писатель в своём недавнем трактате «Природа и основания христианского возрождения». Оставив в стороне другие веские возражения против этого трактата, укажем очевидное: на всём его протяжении возрождение описывается как постепенное дело, медленно совершающееся в душе со времени нашего первого обращения к Богу. Об освящении это бесспорно верно, но о возрождении, новом рождении, — неверно. Оно есть часть освящения, а не всё освящение; его врата, вход в него. Когда мы рождаемся свыше, тогда начинается наше освящение, наша внутренняя и внешняя святость; и с того времени мы должны постепенно «возрастать в Того, Кто есть наша Глава». Это выражение апостола прекрасно проясняет различие между одним и другим и вместе указывает на точное соответствие природного и духовного. Ребёнок рождается от женщины в одно мгновение или по крайней мере за весьма короткое время; затем постепенно и медленно растёт, пока не достигнет взрослого возраста. Так же и чадо Божие рождается от Бога за короткое

время, если не в одно мгновение. Но затем оно медленно, постепенно возрастает до меры полного возраста Христова. Следовательно, между новым рождением и освящением существует то же отношение, что между естественным рождением и ростом.

23 4. Из предшествующих замечаний можно узнать ещё одно. Но это настолько важно, что оправдывает более тщательное и несколько подробное рассмотрение. Что должен сказать человек, любящий человеческие души и скорбящий о погибели любой из них, тому, кого видит живущим в нарушении субботы, пьянстве или каком-либо другом сознательном грехе? Если предыдущие замечания верны, что может он сказать, кроме: «Вам должно родиться свыше»? «Нет, — говорит ревностный человек, — это невозможно. Как можете вы так немилосердно говорить этому человеку? Разве он уже не крещён? Теперь он не может родиться вновь». Не может родиться вновь? Вы утверждаете это? Тогда он не может спастись. Даже если он так же стар, как был Никодим, всё же «если не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Поэтому, говоря: «Он не может родиться вновь», вы фактически предаёте его осуждению. На чьей же стороне теперь немилосердие — на моей или на вашей? Я говорю: он может родиться вновь и стать наследником спасения. Вы говорите: «Он не может родиться вновь», — а если так, он неизбежно должен погибнуть! Так вы совершенно преграждаете ему путь к спасению и из одного милосердия посылаете его в ад!

24 Но, быть может, сам грешник, которому мы из истинного милосердия говорим: «Вам должно родиться свыше», научен отвечать: «Я отвергаю ваше новое учение; мне незачем рождаться вновь: я родился вновь

при крещении. Что же, вы хотите, чтобы я отрёкся от своего крещения?» Отвечаю, во-первых: ничто под небом не может оправдать ложь; иначе я сказал бы явному грешнику: «Если вы крещены, не признавайтесь в этом». Ибо как сильно это отягчает вашу вину! Как усилит ваше осуждение! В восемь дней от роду вы были посвящены Богу, а все эти годы посвящали себя диаволу? Ещё прежде, чем начали пользоваться разумом, вы были посвящены Богу Отцу, Сыну и Святому Духу? И с тех пор, как обрели разум, всё время противились Богу и посвящали себя сатане? Стоит ли мерзость запустения — любовь к миру, гордость, гнев, похоть, безрассудное желание и целая вереница низких чувств — там, где не должно? Вы водворили все эти проклятые вещи в душе, некогда бывшей храмом Святого Духа, отделённой «для жилища Божия Духом», торжественно отданной Ему? И хвалитесь тем, что некогда принадлежали Богу? О, постыдитесь! Покраснейте! Скройтесь в земле! Не хвалитесь больше тем, что должно исполнить вас смущения, заставить стыдиться перед Богом и людьми! Отвечаю, во-вторых: вы уже отреклись от своего крещения, и самым действенным образом. Отреклись тысячу и тысячу раз и продолжаете делать это день за днём. Ибо в крещении вы отреклись от диавола и всех его дел. Поэтому всякий раз, когда снова даёте ему место, когда совершаете какое-либо дело диавола, вы отрекаетесь от своего крещения. Вы отрекаетесь от него всяким сознательным грехом, всяким поступком нечистоты, пьянства или мести, всяким непристойным или нечестивым словом, всякой клятвой, исходящей из ваших уст. Всякий раз, когда оскверняете день Господень, вы тем самым отрекаетесь от своего крещения; да и всякий раз, когда делаете другому то, чего не хотели бы

от него себе. Отвечаю, в-третьих: крещены вы или не крещены, «вам должно родиться свыше»; иначе невозможно быть внутренне святым, а без внутренней, как и внешней, святости невозможно быть счастливым даже в этом мире, тем более в будущем. Вы говорите: «Но я никому не причиняю вреда; честен и справедлив во всех делах; не проклинаю и не произношу имени Господа напрасно; не оскверняю Господня дня; я не пьяница; не клевещу на ближнего и не живу в каком-либо сознательном грехе»? Если так, весьма желательно, чтобы все люди достигли того же, что и вы. Но вы должны идти ещё дальше, иначе не можете спастись: по-прежнему «вам должно родиться свыше». Вы добавляете: «Я иду ещё дальше: не только никому не причиняю вреда, но делаю всё добро, какое могу»? Я сомневаюсь в этом; боюсь, у вас были тысячи возможностей делать добро, которые вы упустили, не воспользовавшись ими, и за которые потому отвечаете перед Богом. Но даже если бы вы воспользовались всеми, если бы действительно сделали всем людям всё добро, какое только могли, это нисколько не меняет дела: по-прежнему «вам должно родиться свыше». Без этого ничто не принесёт пользы вашей бедной, грешной, осквернённой душе. «Но я постоянно соблюдаю все Божии установления: хожу в свою церковь и причащаюсь». Хорошо, что вы это делаете; но всё это не убережёт вас от ада, если не родитесь свыше. Ходите в церковь дважды в день, приступайте к трапезе Господней каждую неделю, сколько угодно молитесь наедине, слушайте сколько угодно добрых проповедей, читайте сколько угодно добрых книг — всё же «вам должно родиться свыше». Ничто из этого не заменит нового рождения, как и ничто иное под небом. Поэтому, если вы ещё не испытали этого внутреннего

Божия дела, пусть вашей непрестанной молитвой будет: «Господи, прибавь ко всем Твоим благословениям и это: дай мне родиться вновь! Откажи в чём угодно, но не откажи в этом: дай мне родиться свыше! Отними всё, что сочтёшь добрым, — доброе имя, состояние, друзей, здоровье, — только даруй мне родиться от Духа, быть принятым в число детей Божиих! Дай мне родиться „не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живого и пребывающего вовек“, а затем дай ежедневно „возрастать в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа“!»

Состояние пустыни

[1] «Теперь вы имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас».

[2] Иоанна 16:22.

[3] 1. После того как Бог совершил великое избавление для Израиля, выведя его из дома рабства, израильтяне не сразу вошли в землю, которую Он обещал их отцам, но «блуждали по бездорожью в пустыне» и подвергались различным искушениям и скорбям. Подобным образом после того, как Бог избавил боящихся Его от рабства греху и сатане, после того, как они «оправданы даром, Его благодатью, через искупление во Иисусе», лишь немногие из них сразу входят в «покой, остающийся для народа Божия». Большая часть более или менее уклоняется от доброго пути, на который Он вывел их. Они словно попадают в «пустую и воющую пустыню», где подвергаются различным искушениям и мучениям; и это некоторые, по аналогии с положением израильтян, назвали «состоянием пустыни».

[4] 2. Несомненно, положение, в котором находятся эти люди, заслуживает нежнейшего сострадания. Они страдают злой и тяжкой болезнью, притом обычно непонятой, и именно поэтому им тем труднее найти лекарство. Поскольку они сами во тьме, нельзя предполагать, что они понимают природу собственного недуга; и немногие из их братьев, да, возможно, и учителей, знают, какова их болезнь или как ее исцелить. Тем необходимее исследовать, во-первых, какова природа

этой болезни; во-вторых, какова ее причина; и, в-третьих, каково ее лечение. [38]

[5] I. 1. Итак, прежде всего: какова природа этой болезни, в которую столь многие впадают после того, как уверовали? В чем, собственно, она состоит и каковы ее подлинные признаки? Собственно, она состоит в утрате той веры, которую Бог некогда произвел в их сердце. У находящихся *в пустыне* теперь нет того божественного «удостоверения», той удовлетворяющей душу убежденности «в невидимом», которой они прежде наслаждались. Теперь у них нет того внутреннего доказательства Духа, которое прежде позволяло каждому сказать: «Жизнь, которую живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Небесный свет теперь не «сияет в их сердцах», и они не «видят Невидимого»; тьма снова лежит на поверхности их душ, и слепота — на очах разумения. Дух больше не «свидетельствует их духу, что они дети Божии», и не пребывает как Дух усыновления, «взывающий» в их сердцах: «Авва, Отче!» Теперь у них нет твердого доверия Его любви и свободы приближаться к Нему со святым дерзновением. «Хотя бы Он умертвил меня, я буду уповать на Него» — уже не язык их сердца; они лишены своей силы и стали слабыми и малодушными, как прочие люди.

[6] 2. Отсюда, во-вторых, происходит утрата любви, которая неизбежно возрастает или убывает одновременно и соразмерно с истинной, живой верой. Поэтому лишившиеся веры лишены и любви к Богу. Они уже не могут сказать: «Господи, Ты знаешь все; Ты знаешь, что я люблю Тебя». Теперь они не счастливы в Боге, как всякий, кто истинно любит Его. Они не услаждаются Им, как прежде, и не «обоняют благоухания Его мастей».

Когда-то все их «желание было к Нему и к воспоминанию имени Его»; теперь же даже их желания холодны и мертвы, если не совершенно угасли. И как охладела их любовь к Богу, так охладела и любовь к ближнему. Теперь нет у них той ревности о человеческих душах, той жажды их благополучия, того горячего, неутомимого, деятельного желания их примирения с Богом. Они не чувствуют того «сердечного милосердия» к погибшим овцам, того нежного «сострадания к невежественным и заблуждающимся». Когда-то они были «приветливы ко всем», с кротостью наставляя противящихся истине, и, «если кто впадал в какое-либо согрешение, исправляли такого в духе кротости». Но после перерыва, быть может многодневного, гнев вновь начинает обретать власть; более того, раздражительность и нетерпение сильно толкают их к падению; и хорошо, если они иногда не доходят даже до того, чтобы «воздавать злом за зло и ругательством за ругательство».

[7] 3. Вслед за утратой веры и любви следует, в-третьих, утрата радости во Святом Духе. Ибо, если больше нет исполненного любви сознания прощения, проистекающая из него радость не может остаться. Если Дух не свидетельствует нашему духу, что мы дети Божии, радости, истекавшей из этого внутреннего свидетельства, также должен прийти конец. Подобным образом те, кто прежде «радовался радостью неизреченною», «в надежде славы Божией», теперь, лишившись той «надежды, полной бессмертия», лишены и рожденной ею радости, равно как и радости от сознания «любви Божией», тогда «излитой в их сердцах». Ибо с устранением причины устраняется и следствие: источник загражден, и те живые воды уже не текут, чтобы освежать жаждущую душу.

[8] 4. С утратой веры, любви и радости соединяется, в-четвертых, утрата того мира, который прежде превосходил всякий ум. То сладостное спокойствие ума, то умиротворение духа исчезло. Возвращается мучительное сомнение: веровали ли мы когда-нибудь и, возможно, будем ли когда-нибудь веровать. Мы начинаем сомневаться, находили ли когда-либо в своих сердцах подлинное свидетельство Духа; не обманывали ли, скорее, собственные души, принимая голос природы за голос Божий. Более того, возможно, мы сомневаемся, услышим ли когда-нибудь Его голос и найдем ли благоволение в Его очах. А с этими сомнениями вновь соединяется рабский страх, страх, в котором есть мучение. Мы боимся гнева Божия, как до того, как уверовали; боимся, чтобы нас не изгнали от Его лица, и потому снова погружаемся в тот страх смерти, от которого прежде были совершенно избавлены.

[9] 5. Но и это еще не все: утрата мира сопровождается утратой силы. Мы знаем, что всякий, имеющий мир с Богом через Иисуса Христа, имеет власть над всяким грехом. Но всякий раз, когда он теряет мир Божий, он теряет и власть над грехом. Пока сохранялся тот мир, сохранялась и сила даже над господствующим грехом, был ли это грех его природы, телесного склада, воспитания или занятия; да, и над теми злыми расположениями и желаниями, которых до тех пор он не мог победить. Грех тогда больше не господствовал над ним; теперь же он больше не господствует над грехом. Он может бороться, но не может победить; венец упал с его головы. Враги снова одолевают его и в большей или меньшей мере порабощают. Слава отошла от него — то Царство Божие, которое было в его сердце. Он лишен праведности, равно как мира и радости во Святом Духе.

[10] II. 1. Такова природа того, что многие, и не без основания, назвали «состоянием пустыни». Но ее можно понять полнее, исследовав, во-вторых, каковы его причины. Они действительно различны. Но я не смею причислить к ним одну лишь произвольную, верховную волю Божию. Он «радуется благополучию Своих рабов», Ему «не в усладу мучить и огорчать сынов человеческих». Его неизменная воля — наше освящение, сопровождаемое «миром и радостью во Святом Духе». Это Его собственные свободные дары, и мы уверены, что «дары Божии», с Его стороны, «непреложны». Он никогда не раскаивается в том, что дал, и не желает отнять это у нас. Поэтому Он никогда не *оставляет* нас, как говорят некоторые; только мы оставляем Его.

[11] (I.) 2. Самая обычная причина внутренней тьмы — *грех* того или иного рода. Именно он обычно вызывает то, что часто представляет собой сочетание греха и несчастья. Во-первых, грех, совершаемый действием. Часто можно наблюдать, как он в одно мгновение омрачает душу, особенно если это грех сознательный, умышленный или дерзкий. Если, например, человек, ныне ходящий в ясном свете Божиего лица, каким-либо образом будет склонен к одному поступку пьянства или нечистоты, неудивительно, если в тот же час он впадет в совершенную тьму. Правда, случались весьма редкие случаи, когда Бог предотвращал это необычайным проявлением Своей прощающей милости почти в то же мгновение. Но в общем такое злоупотребление благостью Божией, столь грубое оскорбление Его любви вызывает немедленное отчуждение от Бога и «тьму, которую можно осязать».

[12] 3. Но можно надеяться, что этот случай не слишком част, что немногие настолько презирают богатство Его

благости, чтобы, ходя в Его свете, столь грубо и дерзко восставать против Него. Этот свет гораздо чаще теряют, уступая грехам неисполнения должного. Это, правда, угашает Духа не сразу, а постепенно и медленно. Первое можно сравнить с тем, чтобы лить воду на огонь, второе — с тем, чтобы убирать из него топливо. И много раз этот любящий Дух обличит наше нерадение, прежде чем удалится от нас. Много внутренних укоров, тайных предостережений Он дает, прежде чем Его воздействия будут отняты. Поэтому лишь целая череда упущений, в которых мы умышленно упорствуем, может привести нас в совершенную тьму.

[13] 4. Возможно, ни один грех неисполнения должного не вызывает этого чаще, чем пренебрежение уединенной молитвой, недостаток которой не может восполнить никакое другое установление. Нет ничего яснее того, что жизнь Божия в душе не сохраняется, тем менее не возрастает, если мы не пользуемся всякой возможностью общаться с Богом и изливать перед Ним свои сердца. Поэтому, если мы нерадим об этом, если позволяем делам, обществу или любому отвлечению препятствовать этим тайным упражнениям души — или, что то же самое, заставлять нас совершать их наспех, поверхностно и небрежно, — эта жизнь непременно ослабеет. А если мы надолго или часто прерываем их, она постепенно угаснет.

[14] 5. Другой грех неисполнения должного, часто погружающий душу верующего во тьму, — пренебрежение тем, что столь строго заповедано даже при иудейском домостроительстве: «Всячески обличай ближнего твоего и не оставляй на нем греха; не ненавидь брата твоего в сердце твоем». Если же мы действительно ненавидим брата в своем сердце, если не обличаем его,

видя в нем проступок, но оставляем на нем грех, это скоро принесет истощение нашей собственной душе, поскольку тем самым мы становимся причастниками его греха. Пренебрегая обличением ближнего, мы делаем его грех своим; становимся ответственными за него перед Богом. Мы видели его опасность и не предупредили его; поэтому, «если он погибнет в своем беззаконии», Бог может справедливо взыскать «его кровь от наших рук». Неудивительно же, если, так огорчая Духа, мы теряем свет Его лица.

15 6. Третья причина утраты этого света — уступка какому-либо внутреннему греху. Например, мы знаем, что всякий «надменный сердцем — мерзость пред Господом», даже если эта сердечная гордость не проявляется во внешнем поведении. Как легко душа, исполненная мира и радости, может попасть в эту сеть дьявола! Как естественно человеку воображать, будто у него больше благодати, мудрости или силы, чем на самом деле; «думать о себе выше, чем должно думать»! Как естественно хвалиться полученным, словно он не получил этого! Но поскольку Бог непрестанно «гордым противится и дает благодать» лишь «смиренным», это непременно омрачит, если не совершенно уничтожит, свет, прежде сиявший в его сердце.

16 7. То же последствие может возникнуть от уступки гневу, каким бы ни было раздражение или повод, даже если его прикрывают именем ревности об истине или славе Божией. В самом деле, всякая ревность, которая не есть пламя любви, «земная, душевная, дьявольская». Это пламя ярости, просто греховный гнев, ни лучше ни хуже. И нет большего врага мягкой, нежной любви к Богу, чем он: они никогда не существовали и никогда не смогут

существовать вместе в одной груди. В той же мере, в какой он берет верх, любовь и радость во Святом Духе убывают. Это особенно заметно в случае *обиды*; я имею в виду гнев на кого-либо из братьев, на кого-либо из соединенных с нами гражданскими или религиозными узами. Если мы уступаем духу обиды хотя бы на один час, то теряем сладостные воздействия Святого Духа; и вместо того, чтобы исправить их, разрушаем себя и становимся легкой добычей любого нападающего врага.

[17] 8. Но предположим, мы знаем об этой дьявольской сети; нападение может прийти с другой стороны. Когда свирепость и гнев спят, а бодрствует одна любовь, не меньшую опасность может представлять желание, которое также ведет к омрачению души. Таково неизбежное действие всякого неразумного желания, всякой суетной или неумеренной привязанности. Если мы привязываемся к земному, к какому-либо человеку или предмету под солнцем; если желаем чего-либо, кроме Бога и того, что ведет к Богу; если ищем счастья в каком-либо творении, — ревнивый Бог непременно вступит с нами в борьбу, ибо не может допустить соперника. А если мы не послушаем Его предостерегающего голоса и не возвратимся к Нему всей душой, если продолжим огорчать Его своими идолами и погоней за иными богами, то скоро станем холодными, бесплодными и сухими; и бог века сего ослепит и омрачит наши сердца.

[18] 9. Но он часто делает это даже тогда, когда мы не уступаем какому-либо явному греху. Достаточно, и это дает ему достаточное преимущество, если мы не «возгреваем дар Божий, который в нас», если не подвизаемся непрестанно, чтобы «войти тесными

вратами», если не «стремимся ревностно к победе» и не «берем Царство Небесное силою». Достаточно лишь не сражаться, и мы непременно будем побеждены. Пусть мы только станем беспечны или «ослабеем душой», будем беззаботны и ленивы, — и наша естественная тьма вскоре возвратится и покроет душу. Поэтому достаточно уступить духовной лености: она действенно омрачит душу; она столь же верно уничтожит свет Божий, хотя и не так быстро, как убийство или прелюбодеяние.

[19] 10. Но следует хорошо заметить, что причина нашей тьмы — какова бы она ни была, неисполнение должного или совершенное дело, внутренний или внешний грех — не всегда находится близко. Иногда грех, вызвавший нынешнюю скорбь, может быть весьма отдален. Он мог быть совершен за дни, недели или месяцы до этого. И то, что Бог теперь отнимает Свой свет и мир из-за столь давно сделанного, — не пример Его суровости, как можно было бы сначала подумать, но скорее доказательство Его долготерпения и нежного милосердия. Все это время Он ожидал, не увидим ли мы, не признаем ли и не исправим ли дурное. А когда этого не происходит, Он наконец показывает Свое неудовольствие, чтобы хотя бы так в конце концов привести нас к покаянию.

[20] (II). 1. Другая общая причина этой тьмы — *неведение*, которое также бывает разных видов. Если люди не знают Писаний, если воображают, будто в Ветхом или Новом Завете есть места, утверждающие, что все верующие без исключения *должны* иногда быть во тьме, — это неведение естественно навлечет на них ту тьму, которой они ожидают. И как часто это происходило среди нас! Как мало тех, кто не ожидает ее! И неудивительно, поскольку их учат ожидать, поскольку их наставники ведут их этим

путем. Не только мистические писатели Римской Церкви, но и многие из самых духовных и опытных в нашей собственной, за весьма немногими исключениями прошлого столетия, со всей уверенностью излагают это как ясное, несомненное учение Писания и приводят для его доказательства множество текстов.

[21] 2. Незнание дела Божия в душе также часто вызывает эту тьму. Люди воображают — потому что так их учили, особенно писатели римского исповедания, чьи правдоподобные утверждения слишком многие протестанты приняли без должного исследования, — что им не следует всегда ходить в *озаренной светом вере*; что это лишь *низшая ступень домостроительства*; что, восходя выше, они должны оставлять те *ощутимые утешения* и жить *обнаженной верой* — поистине *обнаженной*, если она лишена и любви, и мира, и радости во Святом Духе! — что состояние света и радости хорошо, но состояние тьмы и сухости лучше; что лишь посредством последних мы можем очиститься от гордости, любви к миру и неумеренного самолюбия и что поэтому не следует ни ожидать, ни желать всегда ходить во свете. Отсюда происходит, хотя могут присоединяться и другие причины, что основная масса благочестивых людей в Римской Церкви обычно ходит темным, безутешным путем и, если когда-либо получает свет Божий, вскоре его теряет.

[22] (III). 1. Третья общая причина этой тьмы — *искушение*. Когда светильник Господень впервые сияет над нашей головой, искушение часто бежит и совершенно исчезает. Внутри все спокойно; возможно, и снаружи, пока Бог примиряет с нами наших врагов. Тогда весьма естественно предположить, что войны мы больше не

увидим. И бывают случаи, когда это спокойствие длится не только недели, но месяцы или годы. Однако обычно бывает иначе: вскоре вновь «дуют ветры, нисходят дожди и поднимаются потоки». Не знающие ни Сына, ни Отца, а потому ненавидящие Его детей, когда Бог ослабит узду у них в зубах, проявят эту ненависть различными способами. Как в древности, «рожденный по плоти гнал рожденного по духу, так и ныне»: одна и та же причина по-прежнему производит одно и то же следствие. Тогда вновь зашевелится и зло, еще остающееся в сердце; гнев и многие другие корни горечи попытаются прорасти. В то же время сатана не преминет бросать свои раскаленные стрелы; и душе придется бороться не только с миром, не только «с плотью и кровью, но с начальствами и властями, с мироправителями тьмы века сего, с духами злобы в поднебесной». Когда столь разнообразные нападения совершаются разом и, возможно, с предельной яростью, неудивительно, если они вызывают в слабом верующем не только печаль, но даже тьму; особенно если он не бодрствовал, если нападения происходят в час, когда он их не ожидал, если именно их ожидал меньше всего, но неразумно внушил себе, что день бедствия уже не вернется.

[23] 2. Сила искушений, возникающих изнутри, чрезвычайно возрастет, если прежде мы думали о себе слишком высоко, словно уже очищены от всякого греха. А как естественно воображать это в теплоте первой любви! Как готовы мы верить, что Бог «совершил в нас» все «дело веры в силе»; что, поскольку мы *не чувствуем* греха, его в нас и *нет*, но душа вся — любовь! И резкое нападение врага, которого мы считали не только побежденным, но и убитым, вполне может повергнуть нас в великую душевную печаль, а иногда и в совершенную тьму;

особенно когда мы *рассуждаем* с этим врагом вместо того, чтобы сразу воззвать к Богу и простой верой броситься в объятия Того, Кто «один знает, как избавлять» Своих «от искушения».

[24] III. Таковы обычные причины этой вторичной тьмы. Исследуем, в-третьих, каково ее лечение.

[25] 1. Полагать, что лечение во всех случаях одно и то же, — великая и роковая ошибка, и все же чрезвычайно распространенная даже среди многих, кто слывет опытным христианином, более того, возможно, берется быть учителем в Израиле, руководителем других душ. Соответственно, они знают и применяют только одно лекарство, какова бы ни была причина недуга. Они сразу начинают прилагать обетования, *проповедовать Евангелие*, как они это называют. Дать утешение — единственная их цель; ради этого они говорят много мягкого и нежного о любви Божией к бедным беспомощным грешникам и о действенности крови Христовой. Это поистине *знахарство*, и притом худшего рода, поскольку оно ведет если не к умерщвлению человеческих тел, то, без особой милости Божией, к тому, чтобы «погубить и тело, и душу в геенне». Трудно говорить об этих «обмазывающих стену негодным раствором», этих торговцах обетованиями, так, как они заслуживают. Они вполне заслуживают звания, которое по неведению давали другим: они — *духовные шарлатаны*. В сущности, они делают «кровь завета несвятой вещью». Они низко поругают обетования Божии, прилагая их таким образом ко всем без различия. Между тем лечение духовных, как и телесных, болезней должно быть столь же различным, как их причины. Поэтому

прежде всего нужно выяснить причину, а она естественно укажет лечение.

[26] 2. Например, вызывает ли тьму грех? Какой грех? Какой-либо внешний грех? Обвиняет ли тебя совесть в совершении греха, которым ты огорчаешь Святого Духа Божия? По этой ли причине Он удалился от тебя, а вместе с Ним ушли радость и мир? И как ты можешь ожидать их возвращения, пока не устранишь проклятое? «Да оставит нечестивый путь свой»; «очистите руки, грешники»; «удалите зло ваших деяний» — и тогда «свет твой взойдет во тьме», Господь возвратится и «многомилостиво простит».

[27] 3. Если при самом тщательном исследовании ты не можешь найти совершенного тобою греха, вызывающего облако над душой, затем исследуй, нет ли греха неисполнения должного, разделяющего тебя и Бога. Не «оставляешь ли ты грех на брате»? Обличаешь ли согрешающих у тебя на глазах? Соблюдаешь ли все установления Божии — общественную, семейную, уединенную молитву? Если нет, если ты привычно пренебрегаешь хотя бы одной из этих известных обязанностей, как можешь ожидать, что свет Его лица продолжит сиять над тобою? Поспеши «утвердить прочее, оставшееся», и тогда душа твоя будет жить. «Ныне, если услышите голос Его», по Его благодати восполни недостающее. Когда услышишь позади себя голос: «Вот путь, иди по нему», — не ожесточай своего сердца, не будь больше «непокорным небесному призванию». Пока грех, будь то неисполнение должного или совершенное дело, не устранен, всякое утешение ложно и обманчиво. Оно лишь покрывает рану кожей, тогда как под нею она продолжает гноиться и воспаляться. Не ищи внутреннего

мира, пока не будешь в мире с Богом, а это невозможно без «плодов, достойных покаяния».

[28] 4. Но, возможно, ты не сознаешь даже никакого греха неисполнения должного, который ослабляет твой мир и радость во Святом Духе. Нет ли тогда какого-либо внутреннего греха, который, словно корень горечи, вырастает в сердце и тревожит тебя? Не вызваны ли сухость и бесплодие души тем, что твое сердце «отступило от Бога живого»? Не «наступила ли на тебя нога гордыни»? Не думал ли ты о себе «выше, чем должно думать»? Не «приносил ли жертвы своей сети и не кадил ли своему неводу» в каком-либо отношении? Не приписывал ли успех в каком-либо деле собственному мужеству, силе или мудрости? Не хвалился ли тем, что «получил, как будто не получил»? Не хвалился ли чем-либо, «кроме креста Господа нашего Иисуса Христа»? Не искал ли и не желал ли человеческой похвалы? Не находил ли в ней удовольствия? Если так, ты видишь путь, которым должен пойти. Если ты пал через гордость, «смирись под крепкую руку Божию, и Он вознесет тебя в свое время». Не вынудил ли ты Его удалиться от тебя, уступая гневу? Не «раздражался ли из-за нечестивых» и не «завидовал ли делающим беззаконие»? Не обижался ли на кого-либо из братьев, глядя на их действительный или воображаемый грех так, что сам согрешал против великого закона любви, отчуждая от них свое сердце? Тогда воззри на Господа, чтобы обновить свою силу; чтобы вся эта резкость и холодность исчезли, чтобы любовь, мир и радость возвратились вместе и вы были неизменно добры друг ко другу, «сострадательны, прощая друг друга, как и Бог во Христе простил вас». Не уступил ли ты какому-либо неразумному желанию, какому-либо виду или степени неумеренной привязанности? Как же

любовь Божия может иметь место в твоем сердце, пока ты не уберешь своих идолов? «Не обманывайтесь: Бог поругаем не бывает». Он не станет обитать в разделенном сердце. Поэтому, пока ты лелеешь Далилу у себя на груди, Ему там нет места. Напрасно надеяться на возвращение Его света, пока ты не вырвешь правый глаз и не отбросишь его от себя. О, пусть больше не будет промедления! Взывай к Нему, чтобы Он дал тебе силу сделать это! Оплакивай свое бессилие и беспомощность; и, с Господом как твоим помощником, входи тесными вратами, бери Царство Небесное силою! Изгони всякого идола из Его святилища, и слава Господня скоро явится.

[29] 5. Возможно, именно это — недостаток усилия, духовная леность — и держит твою душу во тьме. Ты беззаботно живешь в своей земле, в пределах твоих нет войны, и потому ты спокоен и беспечен. Идешь по одной и той же ровной колее внешних обязанностей и доволен тем, что остаешься в ней. И при этом удивляешься, что душа твоя мертва? О, пробудись пред Господом! Встань и отряхни с себя прах; борись с Богом за великое благословение; изливай свою душу Богу в молитве и пребывай в ней со всяким постоянством! Бодрствуй! Пробудись от сна и оставайся бодрствующим! Иначе нельзя ожидать ничего, кроме все большего отчуждения от света и жизни Божией.

[30] 6. Если при самом полном и беспристрастном исследовании себя ты не можешь обнаружить, что ныне уступаешь духовной лености или какому-либо другому внутреннему или внешнему греху, тогда вспомни прошедшее время. Рассмотри свои прежние расположения, слова и поступки. Были ли они правы пред Господом? «Беседуй с Ним в своей комнате и утихни»;

проси Его испытать глубину твоего сердца и напомнить все, что когда-либо оскорбляло очи Его славы. Если вина какого-либо нераскаянного греха остается на твоей душе, ты неизбежно будешь оставаться во тьме, пока, обновившись покаянием, вновь не омоешься верою в «источнике, открытом для омытия греха и нечистоты».

[31] 7. Совершенно иным будет способ лечения, если причиной болезни служит не грех, а неведение. Это может быть незнание смысла Писания, вызванное, возможно, невежественными толкователями, невежественными хотя бы в этом отношении, сколь бы знающими и учеными они ни были в других вопросах. В таком случае это неведение необходимо устранить, прежде чем мы сможем устранить возникающую из него тьму. Нужно показать истинный смысл неправильно понятых текстов. Мой замысел не позволяет рассмотреть все места Писания, которые принуждали служить этой цели. Я упомяну лишь два или три, часто приводимых для доказательства того, что все верующие рано или поздно должны «ходить во тьме».

[32] 8. Один из них — Исаия 50:10: «Кто из вас боится Господа и слушает голос раба Его, кто ходит во мраке и не имеет света? Да уповает на имя Господа и да утверждается в Боге своем». Но откуда видно, из самого текста или контекста, что человек, о котором здесь говорится, когда-либо имел свет? Тот, кто обличен во грехе, «боится Господа и слушает голос раба Его». И именно ему мы должны советовать, хотя душа его еще во тьме и он никогда не видел света Божиего лица, все же «уповать на имя Господа и утверждаться в Боге своем». Следовательно, этот текст менее всего доказывает, что верующий во Христа «должен иногда *ходить во тьме*».

[33] 9. Другой текст, который, как полагали, излагает то же учение, — Осия 2:14: «Я увлеку ее, приведу ее в пустыню и буду говорить к сердцу ее». Отсюда заключали, что Бог приведет каждого верующего *в пустыню*, в состояние омертвения и тьмы. Но несомненно, текст ничего такого не говорит, ибо не видно, чтобы он вообще говорил об отдельных верующих; он явно относится к иудейскому народу и, возможно, только к нему. Но если он применим к отдельным людям, его ясный смысл таков: «Я привлеку его любовью; затем обличу во грехе; а потом утешу прощающей милостью».

[34] 10. Третье место Писания, из которого делали тот же вывод, — уже приведенное выше: «Теперь вы имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас». Полагали, что это означает: спустя некоторое время Бог удалится от всех верующих и лишь после такой скорби они смогут иметь радость, которой никто не отнимет. Но весь контекст показывает, что наш Господь здесь обращается лично к апостолам и ни к кому другому и говорит об определенных событиях — Своей смерти и воскресении. «Еще немного, — говорит Он, — и вы не увидите Меня», а именно пока Я буду во гробе; «и опять немного, и увидите Меня», когда Я воскресну из мертвых. «Вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется; но печаль ваша в радость будет». «Теперь вы имеете печаль», потому что Я вскоре буду взят от вас; «но Я увижу вас опять» после Моего воскресения, «и возрадуется сердце ваше, и радости вашей», которую Я тогда дам вам, «никто не отнимет у вас». Мы знаем, что все это буквально исполнилось в особом случае апостолов. Но отсюда нельзя сделать никакого вывода относительно Божиих действий с верующими вообще.

35 11. Четвертый текст, чтобы больше не перечислять, часто приводимый в доказательство того же учения, — 1 Петра 4:12: «Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь». Но он столь же не относится к вопросу, как предыдущие. Буквально переданный текст гласит: «Возлюбленные! не удивляйтесь горению, которое среди вас и которое служит вашему испытанию». Хотя во вторичном смысле это можно применить к внутренним испытаниям, в первичном смысле оно, несомненно, относится к мученичеству и связанным с ним страданиям. Поэтому и этот текст совершенно не служит той цели, ради которой его приводят. И мы можем предложить всем людям указать хотя бы одно место из Ветхого или Нового Завета, которое относилось бы к этой цели больше, чем оно.

36 12. «Но разве тьма не гораздо полезнее душе, чем свет? Разве дело Божие в сердце не совершается быстрее и действеннее всего во время внутренних страданий? Разве верующий не очищается быстрее и основательнее скорбью, чем радостью, — тоской, болью, бедствием и духовными мученичествами, чем постоянным миром?» Так учат мистики, так написано в их книгах, но не в словесах Божиих. Писание нигде не говорит, будто отсутствие Бога лучше всего совершенствует Его дело в сердце! Напротив, Его присутствие и ясное общение с Отцом и Сыном: сильное сознание этого совершит за час больше, чем Его отсутствие за целый век. Радость во Святом Духе очистит душу гораздо действеннее, чем отсутствие этой радости; и мир Божий — лучшее средство очистить душу от примеси земных привязанностей. Прочь же пустой вымысел, будто Царство Божие разделилось против самого себя; будто мир Божий и радость во Святом

Духе препятствуют праведности и будто мы спасаемся не верой, а неверием, не надеждой, а отчаянием!

37 13. Пока люди так мечтают, они вполне могут «ходить во тьме»; и следствие не может прекратиться, пока не устранена причина. Однако не следует воображать, что оно сразу прекратится даже тогда, когда причины уже нет. Когда тьму вызвало неведение или грех, то или другое может быть устранено, а задержанный ими свет все же может возвратиться не сразу. Поскольку это свободный дар Божий, Он может восстановить его раньше или позже, как Ему угодно. В случае греха мы не можем разумно ожидать немедленного возвращения. Грех начался прежде наказания, которое поэтому справедливо может оставаться и после прекращения греха. Даже в естественном ходе вещей, хотя рана не может зажить, пока стрела торчит в плоти, она не заживает и сразу после извлечения стрелы; болезненность и боль могут сохраняться еще долго.

38 14. Наконец, если тьма вызвана многообразными, тяжкими и неожиданными искушениями, лучший способ устранить и предотвратить ее — учить верующих всегда ожидать искушения, поскольку они живут в злом мире, среди нечестивых, коварных, злобных духов и имеют сердце, способное на всякое зло. Убедите их, что все дело освящения не совершается сразу, как они воображали; что, когда они впервые веруют, они лишь новорожденные младенцы, которым предстоит постепенно возрастать и которые могут ожидать многих бурь, прежде чем достигнут полного возраста Христова. Превыше всего пусть будут научены, когда обрушивается буря, не рассуждать с дьяволом, но молиться, изливать свои души перед Богом и открывать Ему свою скорбь. И именно к

этим людям преимущественно следует прилагать великие и драгоценные обетования, а не к неведущим, пока не устранено неведение, и тем менее — к нераскаянному грешнику. Им мы можем пространно и с любовью возвещать милосердную доброту Бога, нашего Спасителя, подробно говорить о Его нежных милостях, сущих от века. Здесь можно останавливаться на верности Бога, Чье «слово испытано до конца», и на силе крови, пролитой за нас, чтобы «очистить нас от всякого греха». И тогда Бог засвидетельствует Свое слово и выведет их души из скорби. Он скажет: «Восстань, светись, ибо пришел свет твой и слава Господня взошла над тобою». Да, и этот свет, если ты будешь смиренно и близко ходить с Богом, будет «светить все более и более до полного дня».

Скорбь среди многообразных искушений

[1] «Теперь, если нужно, поскорбев немного от различных искушений».

[2] 1 Петра 1:6.

[3] 1. В предшествующей беседе я подробно говорил о том помрачении ума, в которое, как нередко замечают, впадают люди, некогда ходившие во свете лица Божия. Близка к этому скорбь души, ещё более распространённая даже среди верующих. В самом деле, почти все дети Божии испытывают её в большей или меньшей степени. И сходство между одним и другим столь велико, что их часто смешивают; мы склонны без различия говорить: «Такой-то во мраке» или «Такой-то в скорби», — словно это равнозначные выражения, одно из которых означает не больше другого. Но это далеко, очень далеко не так. Мрак — одно, скорбь — другое. Между первым и вторым есть различие, и притом широкое и существенное. Всем детям Божиим чрезвычайно важно понимать это различие; иначе им будет легче всего незаметно перейти от скорби к мраку. Чтобы предотвратить это, я постараюсь показать:

[4] I. Каковы были люди, которым апостол говорит: «Вы скорбите».

[5] II. Какого рода была их скорбь.

[6] III. Каковы были её причины; и

[7] IV. Каковы были её цели. В заключение я сделаю несколько выводов.

[8] I. 1. Прежде всего мне надлежит показать, каковы были люди, которым апостол говорит: «Вы скорбите». Во-первых, совершенно бесспорно, что в то время, когда апостол так обращался к ним, они были верующими. Ибо он прямо говорит это в 1 Петра 1:5: «Вы, силою Божиею через веру соблюдаемые ко спасению». Далее, в 1 Петра 1:7 он упоминает «испытание их веры, гораздо драгоценнейшее испытания гибнущего золота». И ещё, в 1 Петра 1:9, говорит о том, что они «достигают цели своей веры — спасения душ». Следовательно, в то самое время, когда они «скорбели», они обладали живой верой. Их скорбь не уничтожила их веры: они по-прежнему «были тверды, как бы видя Невидимого».

[9] 2. Их скорбь не уничтожила и их мира — «мира, превосходящего всякое разумение», неотделимого от истинной живой веры. Это легко заключить из второго стиха, где апостол молится не о том, чтобы благодать и *мир* были им *даны*, но лишь о том, чтобы они «*умножились* им», то есть чтобы уже полученное ими благословение было даровано ещё обильнее.

[10] 3. Люди, к которым здесь обращается апостол, были также исполнены живой надежды. Ибо он говорит, 1 Петра 1:3: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас», — меня и вас, всех нас, «освящённых Духом» и приобщившихся «окроплению Кровию Иисуса Христа», — «к живой надежде, к наследству», — то есть к живой надежде на наследство «нетленное, чистое, неувядаемое». Так что, несмотря на свою скорбь, они сохраняли надежду, исполненную бессмертия.

[11] 4. И они по-прежнему «хвалились надеждою славы Божией». Они были исполнены радости во Святом Духе. Так, в 1 Петра 1:8 апостол, только что упомянув последнее «явление Иисуса Христа», то есть когда Он придёт судить мир, немедленно прибавляет: «В Которого, не видя Его ныне», — не видя телесными глазами, — «но веруя, радуетесь радостью неизреченною и преславною». Поэтому их скорбь была совместима не только с живой надеждой, но и с неизреченной радостью: в то самое время, когда они так скорбели, они всё же радовались радостью, исполненной славы.

[12] 5. Среди своей скорби они также по-прежнему наслаждались любовью Божией, излившейся в их сердца: «Которого, — говорит апостол, — не видев, любите». Хотя вы ещё не видели Его лицом к лицу, всё же, познав Его верой, вы повиновались Его слову: «Сын Мой! Отдай сердце твоё Мне». Он ваш Бог и ваша любовь, желание ваших очей и ваша «весьма великая награда». Вы искали и нашли счастье в Нём; вы «утешаетесь Господом», и Он исполнил «желание ваших сердец».

[13] 6. Ещё одно: хотя они скорбели, они оставались святыми, сохраняли ту же власть над грехом. Они по-прежнему были «соблюдаемы» от него «силою Божиею»; были «послушными детьми, не сообразующимися с прежними похотями», но, «как призвавший их свят», так и они были «святы во всех поступках». Зная, что они «искуплены драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца», они через веру и надежду на Бога «очистили свои души Духом». Таким образом, в целом их скорбь вполне сочеталась с верой, надеждой, любовью к Богу и человеку, с миром Божиим, радостью во Святом Духе, с

внутренней и внешней святостью. Она ни в чём не ослабляла, тем менее не уничтожала никакой части Божиего дела в их сердцах. Она вовсе не препятствовала тому «освящению Духа», которое служит корнем всякого истинного послушания, ни счастью, неизбежно происходящему от царствования благодати и мира в сердце.

[14] II. 1. Отсюда мы легко можем узнать, какого рода была их скорбь, — второе, что я постараюсь показать. Слово подлинника — lupethentes, *опечаленные, огорчённые*, от lupe, *печаль* или *скорбь*. Таково постоянное, буквальное значение этого слова; если это учтено, в выражении нет ни двусмысленности, ни трудности для понимания. Люди, о которых здесь говорится, были *опечалены*; их тягота была не чем иным, как *печалью* или *скорбью*, — чувством, хорошо известным всякому человеческому существу.

[15] 2. Вероятно, наши переводчики передали это словом *тягота*, хотя оно менее обычно, чтобы обозначить две вещи: во-первых, степень этого чувства, а во-вторых, его продолжительность. В самом деле, по-видимому, здесь говорится не о лёгкой или незначительной степени печали, но о такой, которая сильно воздействует на душу и глубоко в неё проникает. Не представляется она и мимолётной скорбью, проходящей за час; скорее, крепко овладев сердцем, она не сразу стряхивается, но продолжается некоторое время как устойчивое состояние, а не как краткое чувство, — даже у тех, кто имеет живую веру во Христа и подлинную любовь к Богу в сердце.

[16] 3. Даже у них эта скорбь иногда может быть столь глубокой, что омрачает всю душу, словно окрашивает все чувства и проявляется во всём поведении. Она может

влиять и на тело, особенно у людей слабого от природы сложения или ослабленных какой-либо случайной болезнью, в особенности нервной. Во многих случаях мы видим, что тленное тело угнетает душу; здесь же, напротив, душа угнетает тело и всё более ослабляет его. Более того, я не стану утверждать, что глубокая и продолжительная сердечная печаль не может иногда ослабить и крепкое сложение, положив начало телесным расстройствам, от которых нелегко избавиться. И всё же всё это может сочетаться с некоторой мерой той веры, которая по-прежнему действует любовью.

[17] 4. Это вполне можно назвать огненным испытанием. И хотя оно не тождественно тому, о котором апостол говорит в четвёртой главе, многие употреблённые там выражения о внешних страданиях могут быть отнесены к этой внутренней скорби. Правда, их никак нельзя с полным основанием применить к пребывающим во мраке: те не радуются и не могут радоваться; неверно и то, что Дух славы, Дух Божий почивает на них. Но Он часто почивает на скорбящих, так что, хотя они печальны, они всегда радуются.

[18] III. 1. Но перейдём к третьему пункту: каковы причины такой печали или скорби у истинного верующего? Апостол говорит нам ясно: «Вы скорбите от различных искушений», poikilois, *различных*, не только многочисленных, но и многообразных. Они могут меняться и разнообразиться тысячью способов вследствие изменения или прибавления бесчисленных обстоятельств. И само это многообразие и разнообразие делает защиту от них труднее. К ним мы можем причислить все телесные недуги, особенно острые болезни и всякую сильную боль, поражающую всё тело или малейшую его

часть. Правда, некоторые люди, всегда наслаждавшиеся здоровьем и ничего такого не испытывавшие, могут считать это пустяками и удивляться тому, что болезнь или телесная боль причиняют душе скорбь. И, быть может, один из тысячи обладает столь особенным сложением, что не чувствует боли так, как другие. Богу угодно было явить Своё всемогущество, произведя некоторые из подобных чудес природы: такие люди, казалось, вовсе не замечали боли, даже самой жестокой, — если только это пренебрежение болью не объяснялось отчасти силой воспитания, отчасти сверхъестественной причиной, силой добрых или злых духов, возносивших этих людей над состоянием одной лишь природы. Но, отвлекаясь от таких особых случаев, в общем следует признать справедливым замечание:

[19] Боль — совершенное страданье, а в пределе
Она всякое терпенье сокрушает.

[20] И даже там, где благодать Божия предотвращает это и люди «терпением спасают свои души», боль всё же может вызвать глубокую внутреннюю скорбь: душа сострадает телу.

[21] 2. Все продолжительные болезни, хотя и менее болезненные, способны произвести то же действие. Когда Бог назначает нам чахотку или лихорадку с ознобом и жаром, если она не будет скоро устранена, она не только «истомит глаза», но и «причинит сердечную скорбь». Особенно это относится ко всему, что называют *нервными расстройствами*. И вера не нарушает хода природы: естественные причины по-прежнему производят естественные действия. Вера препятствует *упадку духа*, как его называют, при истерической болезни не больше, чем учащению пульса при горячке.

[22] 3. Далее, когда «бедствие приходит как вихрь и нужда — как вооружённый человек», разве это малое искушение? Удивительно ли, если оно причиняет печаль и скорбь? Хотя и это может казаться пустяком тем, кто стоит вдалеке или смотрит и «проходит по другой стороне», для тех, кто испытывает это, всё иначе. «Имея пропитание и одежду», — в действительности последнее слово, skepasmata, означает как *жилище*, так и *одежду*, — мы можем, если любовь Божия в наших сердцах, «быть довольны тем». Но что делать тем, у кого нет ничего этого, кто словно «обнимает скалу, ища убежища»; кому лишь земля служит ложем, а небо — покровом; у кого нет сухого или тёплого, тем более чистого жилья для себя и своих малых детей, нет даже одежды, чтобы защитить себя и самых дорогих людей от пронизывающего холода днём или ночью? Я смеюсь над неразумным язычником, восклицающим:

> [23] Nil habet infelix paupertas durius in se,
> Quàm quod ridiculos homines facit! [39]

[24] Разве в бедности нет ничего хуже того, что она *делает людей предметом насмешек*? Это знак, что праздный поэт повторял заученные слова о вещах, которых не знал. Разве недостаток пищи не хуже этого? Бог произнёс как проклятие человеку, что тот будет добывать её «в поте лица». Но сколько людей в этой христианской стране тяжело работают, трудятся и обливаются потом и всё-таки не имеют её, борясь одновременно с изнеможением и голодом! Не хуже ли человеку после тяжёлого рабочего дня вернуться в убогое, холодное, грязное, неуютное жилище и не найти там даже пищи, необходимой для восстановления истраченных сил? Вы, живущие на земле в довольстве, которым не хватает лишь

глаз, чтобы видеть, ушей, чтобы слышать, и сердец, чтобы понять, как благ Господь к вам, — разве не хуже день за днём искать хлеба и не находить? И, быть может, в утешение найти ещё пятерых или шестерых детей, плачущих о том, чего он не может им дать! Если бы невидимая рука не удерживала его, разве он не поспешил бы «проклясть Бога и умереть»? О нехватка хлеба! Нехватка хлеба! Кто может сказать, что это значит, не испытав сам? Я изумляюсь, что даже у верующих она вызывает не более чем скорбь!

[25] 4. Пожалуй, вслед за этим можно поставить смерть тех, кто был нам близок и дорог: любящего родителя, ещё не слишком глубоко сошедшего в долину лет; любимого ребёнка, только вступавшего в жизнь и крепко обвившего наше сердце; друга, бывшего как наша собственная душа, — после Божией благодати последнего и лучшего дара Неба. И тысячи обстоятельств могут усилить страдание. Быть может, ребёнок, друг умер в наших объятиях! Быть может, был вырван у нас, когда мы этого не ожидали! Цветущий, срезанный как цветок! Во всех таких случаях мы не только можем, но и должны быть тронуты: таково намерение Божие. Он не желает видеть нас чурбанами и камнями; Он желает, чтобы наши чувства были упорядочены, а не погашены. Поэтому «природа без упрёка может уронить слезу». Скорбь может быть без греха.

[26] 5. Ещё глубже мы можем скорбеть о тех, кто мёртв при жизни: из-за жестокости, неблагодарности, отступничества людей, связанных с нами самыми тесными узами. Кто выразит, что чувствует любящий души о друге, о брате, мёртвом для Бога; о муже, жене, родителе, ребёнке, устремляющемся ко греху, как конь в

сражение, и вопреки всем доводам и увещаниям спешащем совершить собственное осуждение? И эта мука духа может усилиться до непостижимой степени от мысли, что тот, кто ныне мчится к погибели, некогда успешно бежал по пути жизни. Всё, чем он был прежде, теперь служит лишь тому, чтобы сделать размышления о том, чем он стал, более пронзительными и мучительными.

[27] 6. Во всех этих обстоятельствах, можем быть уверены, наш великий противник не упустит возможности воспользоваться случаем. Тот, кто всегда «ходит, ища, кого поглотить», тогда особенно употребит всю силу, всё искусство, чтобы, если возможно, получить какое-либо преимущество над уже унывающей душой. Он не пожалеет огненных стрел, наиболее способных проникнуть в сердце и глубже всего вонзиться в него благодаря своему соответствию осаждающему душу искушению. Он постарается внушить неверующие, богохульные или ропотливые мысли. Будет внушать, что Бог не заботится о земле и не управляет ею или по крайней мере управляет ею неправильно, не по правилам справедливости и милосердия. Будет стараться возмутить сердце против Бога, возродить нашу природную вражду к Нему. И если мы попытаемся бороться с ним его собственным оружием, если начнём рассуждать с ним, несомненно, последует всё большая скорбь, если не полный мрак.

[28] 7. Часто предполагали, что есть ещё одна причина, если не мрака, то по крайней мере скорби: Бог удаляется от души, потому что такова Его верховная воля. Конечно, Он сделает это, если мы огорчим Его Святого Духа внешним или внутренним грехом: совершением зла или небрежением о добре, уступкой гордости или гневу,

духовной лености, неразумному желанию или неумеренной привязанности. Но что Он когда-либо удаляется *потому, что хочет*, лишь потому, что Ему так угодно, — это я решительно отрицаю. Во всей Библии нет текста, который давал бы хоть какое-то основание такому предположению. Более того, оно противоречит не только многим отдельным текстам, но и всему строю Писания. Оно противно самой природе Божией: совершенно недостойно Его величия и мудрости, как выразительно говорит один выдающийся автор, «играть со Своими созданиями в прятки». Это несовместимо ни с Его справедливостью и милосердием, ни с достоверным опытом всех Его детей.

[29] 8. Ещё одну причину скорби упоминают многие из так называемых мистических писателей. И это представление, не знаю как, проникло даже среди простых людей, не знакомых с ними. Лучше всего я могу объяснить его словами одной недавней писательницы, которая рассказывает об этом как о собственном опыте: «Я оставалась так счастлива в моём Возлюбленном, что, даже если бы меня принудили жить скиталицей в пустыне, я не нашла бы в этом никакой трудности. Это состояние продолжалось недолго, когда я действительно оказалась введённой в пустыню. Я нашла себя в состоянии оставленности, совершенно бедной, жалкой и несчастной. Истинный источник этой скорби — познание самих себя, через которое мы обнаруживаем крайнее несходство между Богом и нами. Мы видим себя совершенно противоположными Ему и видим, что самая глубина нашей души полностью испорчена, развращена и полна всякого зла и злобы, мира и плоти и всевозможных мерзостей». Отсюда сделали вывод, что познание самих себя, без которого мы погибли бы навеки, должно даже

после обретения оправдывающей веры причинять глубочайшую скорбь.

[30] 9. Но по этому поводу я хотел бы заметить: (1.) В предшествующем абзаце эта писательница говорит: «Услышав, что у меня нет истинной веры во Христа, я предала себя Богу и тотчас почувствовала Его любовь». Возможно, так и было; однако не видно, что это было оправданием. Вероятнее, это было не более чем то, что обычно называют «привлечением Отца». А если так, последовавшие скорбь и мрак были не чем иным, как обличением во грехе, которое по самой природе вещей должно предшествовать той вере, которой мы оправдываемся. (2.) Предположим, она была оправдана почти в ту самую минуту, когда убедилась в недостатке веры; тогда не оставалось времени для того постепенно возрастающего самопознания, которое обычно предшествует оправданию. Поэтому в данном случае оно пришло после и, вероятно, оказалось тем болезненнее, чем меньше его ожидали. (3.) Допускается, что после оправдания познание врождённого нам греха, нашей всецелой природной испорченности станет гораздо глубже, яснее и полнее, чем когда-либо прежде. Но это не обязательно должно причинять душе мрак; я не стану говорить, что оно *непременно* должно ввергать нас в скорбь. Если бы это было так, апостол не употребил бы выражения *если нужно*, ибо в этом существовала бы абсолютная, непременная необходимость для всех желающих познать себя, то есть, по существу, для всех желающих познать совершенную любовь Божию и тем стать «способными к участию в наследии святых во свете». Но дело обстоит вовсе не так. Напротив, Бог может до любой степени умножить познание нами самих себя и в той же мере умножить познание Его Самого и

опыт Его любви. И в таком случае не было бы «пустыни, несчастья, оставленности», но любовь, мир и радость, постепенно возрастающие в жизнь вечную.

[31] IV. 1. Для каких же целей, — а это четвёртый предмет нашего рассмотрения, — Бог допускает скорбь столь многим Своим детям? Апостол даёт ясный и прямой ответ на этот важный вопрос: «Дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнём испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа» (1 Петра 1:7). На это, возможно, указывает и известное место четвёртой главы, хотя прежде всего оно относится, как уже замечено, к совершенно иному: «Огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь; но радуйтесь, что вы участвуете в Христовых страданиях, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете» (1 Петра 4:12).

[32] 2. Отсюда мы узнаём, что первая и главная цель, ради которой Бог допускает искушения, приносящие скорбь Его детям, — испытание их веры: ими она испытывается, как золото огнём. Мы знаем, что золото, испытываемое в огне, тем очищается, отделяется от примесей. Так и вера в огне искушения: чем больше испытывается, тем больше очищается; и не только очищается, но укрепляется, утверждается и обильно возрастает благодаря всё новым доказательствам мудрости и силы, любви и верности Бога. Итак, умножение нашей веры — одна из благодатных целей, ради которых Бог допускает эти многообразные искушения.

[33] 3. Они служат также испытанию, очищению, утверждению и умножению той живой надежды, к которой «Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа

возродил нас по великой Своей милости». В самом деле, наша надежда не может не возрастать в той же мере, что и вера. На этом основании она стоит: веруя во имя Его, живя верой в Сына Божия, мы надеемся, с уверенностью ожидаем славы, которая откроется; следовательно, всё укрепляющее веру умножает и надежду. Одновременно оно умножает нашу радость в Господе, которая неизбежно сопровождает надежду, исполненную бессмертия. Именно с этой точки зрения апостол увещевает верующих в другой главе: «Радуйтесь, что вы участвуете в Христовых страданиях». По этой самой причине «вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас»; и благодаря этому вам дано даже среди страданий «радоваться радостью неизреченною и преславною».

[34] 4. Они радуются тем больше, что испытания, умножающие их веру и надежду, умножают также любовь: и благодарность Богу за все Его милости, и благоволение ко всему человечеству. Поэтому чем глубже они сознают человеколюбие Бога, своего Спасителя, тем сильнее их сердца воспламеняются любовью к Тому, Кто «первый возлюбил нас». Чем яснее и крепче свидетельство о славе, которая откроется, тем больше они любят Того, Кто приобрёл её для них и «дал её залог в их сердца». И это умножение любви — ещё одна цель искушений, которым позволено постигнуть их.

[35] 5. Ещё одна цель — их возрастание в святости: в святости сердца и святости поведения, причём вторая естественно вытекает из первой, ибо доброе дерево принесёт добрый плод. А вся внутренняя святость — непосредственный плод веры, действующей любовью. Через неё благословенный Дух очищает сердце от

гордости, своеволия, гнева, от любви к миру, от неразумных и вредных желаний, от низких и суетных привязанностей. Кроме того, освящённые страдания через благодать Божию сами прямо и непосредственно содействуют святости. Действием Его Духа они всё более смиряют и уничижают душу перед Богом; успокаивают и укрощают наш мятежный дух, обуздывают свирепость нашей природы, смягчают упрямство и своеволие, распинают нас для мира и приводят к тому, чтобы ожидать всей силы от Бога и искать всё счастье в Нём.

[36] 6. И всё это направлено к великой цели: чтобы наши вера, надежда, любовь и святость «оказались», если это ещё не обнаружилось, «к похвале» от Самого Бога, «и чести» от людей и ангелов, «и славе», назначенной великим Судьёй всем претерпевшим до конца. В тот страшный день она будет назначена каждому «по делам его», сообразно делу, которое Бог совершил в его сердце, и внешним делам, которые он совершил для Бога, а также сообразно тому, что он претерпел. Поэтому все эти испытания — неизреченное приобретение. Столь многими путями эти «лёгкие кратковременные страдания производят для нас в безмерном преизбытке вечную славу»!

[37] 7. Прибавьте к этому пользу, которую могут получить другие, видя наше поведение в страдании. По опыту мы знаем, что пример часто производит на нас более глубокое впечатление, чем наставление. И какой пример сильнее воздействует не только на причастников столь же драгоценной веры, но даже на не познавших Бога, чем пример души спокойной и ясной среди бурь, печальной, но всегда радующейся; кротко принимающей всё, что есть воля Божия, как бы тяжело это ни было для природы;

говорящей в болезни и боли: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» — а в утрате или нужде: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно»?

[38] V. 1. Мне остаётся закончить несколькими выводами. Во-первых, как велико различие между мраком души и скорбью, которые, однако, так часто смешивают даже опытные христиане! Мрак, или состояние пустыни, предполагает полную утрату радости во Святом Духе; скорбь — нет: посреди неё мы можем «радоваться радостью неизреченной». Пребывающие во мраке утратили мир Божий; пребывающие в скорби не утратили его. Напротив, в это самое время и «мир», и «благодать» могут «умножаться» им. У первых любовь Божия охладела, если не совсем угасла; у вторых она сохраняет всю силу или, скорее, возрастает ежедневно. У пребывающих во мраке сама вера, если и не полностью утрачена, всё же тяжело ослаблена: их свидетельство и убеждённость в невидимом, особенно в прощающей любви Божией, уже не столь ясны и крепки, как прежде, и упование на Него соответственно ослабело. Другие же, хотя не видят Его, имеют ясную, непоколебимую уверенность в Боге и постоянное свидетельство той любви, которой изглажены все их грехи. Поэтому, пока мы способны различать веру и неверие, надежду и отчаяние, мир и войну, любовь Божию и любовь к миру, мы можем безошибочно различать скорбь и мрак!

[39] 2. Во-вторых, отсюда мы можем узнать, что в скорби может быть необходимость, но во мраке необходимости быть не может. Нам может быть нужно «некоторое время поскорбеть» ради перечисленных выше целей, по крайней мере в том смысле, что скорбь — естественное следствие

тех «многообразных искушений», которые нужны для испытания и умножения веры, для утверждения и расширения надежды, для очищения сердца от всех несвятых расположений и для совершенствования нас в любви. И, следовательно, они нужны, чтобы сделать наш венец ярче и умножить вечную полноту славы. Но мы не можем сказать, что для какой-либо из этих целей необходим мрак: он никак им не способствует. Утрата веры, надежды и любви, конечно, не способствует ни святости, ни возрастанию той небесной награды, которая будет соразмерна нашей святости на земле.

40 3. В-третьих, из способа выражения апостола можно заключить, что даже скорбь нужна не *всегда*. «Теперь, на некоторое время, если нужно»; значит, она не нужна *всем людям* и никому не нужна *во всякое время*. Бог может, у Него есть и сила, и мудрость, когда Ему угодно, совершить то же дело благодати в любой душе иными средствами. И в некоторых случаях Он так поступает: даёт тем, кому благоволит, идти от силы в силу, пока они не «совершат святыню в страхе Его», почти вовсе без скорби, ибо Он обладает полной властью над человеческим сердцем и движет всеми его побуждениями по Своему благоволению. Но такие случаи редки: Бог обыкновенно считает благом испытывать «угодных Ему в горниле страдания». Поэтому многообразные искушения и скорбь в большей или меньшей мере обычно составляют удел Его самых дорогих детей.

41 4. Поэтому, наконец, нам надлежит бодрствовать и молиться и употреблять все усилия, чтобы не впасть во мрак. Но о скорби следует заботиться не столько как о том, чего избежать, сколько как о том, из чего извлечь пользу. Главная наша забота должна быть в том, чтобы

так вести себя под нею, так ожидать в ней Господа, чтобы она вполне исполнила все намерения Его любви, допустившей её постигнуть нас; чтобы она послужила средством умножения веры, утверждения надежды и совершенствования во всякой святости. Когда бы она ни пришла, будем взирать на те благодатные цели, ради которых она допущена, и со всем усердием стараться не отвергнуть совет Божий о себе. Будем усердно содействовать Ему непрестанно даруемой нам благодатью, «очищая себя от всякой скверны плоти и духа» и ежедневно возрастая в благодати нашего Господа Иисуса Христа, пока не будем приняты в Его вечное Царство!

Самоотречение

1 «Ко всем же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой на каждый день, и следуй за Мною».

2 Луки 9:23.

3 1. Часто воображали, что данное здесь наставление относится преимущественно, если не исключительно, к апостолам или по крайней мере к христианам первых веков либо к находящимся под гонением. Но это серьёзная ошибка. Хотя наш благословенный Господь здесь обращает речь непосредственно к Своим апостолам и другим ученикам, сопровождавшим Его во дни Его плоти, всё же в их лице Он говорит нам и всему человечеству без всякого исключения или ограничения. Само существо дела делает бесспорным то, что заповеданная здесь обязанность свойственна не только им или христианам первых веков. Она относится к какому-либо определённому разряду людей или времени не больше, чем к определённой стране. Нет, она имеет самый всеобщий характер, касается всех времён, всех людей и, более того, всех вещей, а не только пищи, питья и того, что относится к чувствам. Смысл таков: «Если кто», какого бы он ни был звания, положения и обстоятельств, в любом народе, в любую эпоху мира, действительно «хочет идти за Мною, отвергнись себя» во всём; пусть «возьмёт крест свой», каким бы он ни был, и притом «на каждый день, и следует за Мною».

4 2. *Отвергнуть себя* и *взять свой крест* во всей полноте значения этих слов — дело немаловажное. Это не только

полезно, как некоторые сопутствующие стороны религиозной жизни, но безусловно и непременно необходимо как для того, чтобы стать Его учениками, так и для того, чтобы ими оставаться. Это безусловно необходимо по самой природе дела, чтобы идти за Ним и следовать Ему; настолько, что, насколько мы этого не исполняем, настолько не являемся Его учениками. Если мы не отвергаем себя непрестанно, мы учимся не у Него, а у других учителей. Если мы ежедневно не берём свой крест, то идём не за Ним, но за миром, князем мира или собственным плотским умом. Если мы не идём путём креста, то не следуем Ему, не ступаем по Его следам, но отступаем от Него или по крайней мере уклоняемся в сторону.

5 3. Именно поэтому столь многие служители Христовы почти во всякий век и во всяком народе, особенно со времени Реформации Церкви, освободившей её от постепенно проникших в неё новшеств и искажений, так много писали и говорили об этой важной обязанности как в публичных беседах, так и в частных увещаниях. Это побуждало их распространять множество сочинений на эту тему, в том числе в нашей собственной стране. Они знали и из речений Божиих, и из свидетельства собственного опыта, насколько невозможно не отречься от нашего Учителя, если мы не желаем отречься от себя, и насколько тщетны попытки следовать за Распятым, если мы ежедневно не берём свой крест.

6 4. Но не делает ли само это соображение разумным вопрос: если об этом уже много сказано и написано, зачем говорить или писать ещё? Отвечаю: существует немалое число даже богобоязненных людей, которые не имели возможности ни услышать сказанного, ни

прочитать написанного об этом. И, возможно, если бы они прочитали многое из написанного, то получили бы не слишком большую пользу. Многие авторы, некоторые из которых написали объёмистые тома, по-видимому, вовсе не понимали предмета. Либо у них было несовершенное представление о самой его природе, и тогда они никогда не могли объяснить его другим; либо они не знали должного его объёма, не видели, насколько безмерно обширна эта заповедь; либо не сознавали её абсолютной, непременной необходимости. Другие говорят о ней так темно, так путано, так сложно и мистически, словно намерены скорее скрыть её от простого народа, чем объяснить обычным читателям. Иные говорят превосходно, с большой ясностью и силой, о необходимости самоотречения; но ограничиваются общими положениями, не переходя к частным примерам, и потому мало полезны большинству людей, людям обычных способностей и образования. А если некоторые из них и обращаются к частностям, то только к таким, которые не затрагивают большинство, поскольку редко, если вообще когда-либо, встречаются в обычной жизни: к перенесению заключения или пыток, к оставлению в буквальном смысле домов или земель, мужей или жён, детей или самой жизни. Ни к чему из этого мы не призваны и едва ли будем призваны, если только Бог не допустит возвращения времён всеобщих гонений. Между тем я не знаю ни одного писателя на английском языке, который описал бы природу самоотречения простыми и понятными словами, доступными обычному разумению, и применил бы её к тем малым обстоятельствам, которые ежедневно встречаются в обычной жизни. Беседа такого рода всё ещё нужна; и тем более нужна потому, что на всякой ступени духовной жизни, хотя существует

множество частных препятствий к получению благодати или возрастанию в ней, все они сводятся к двум общим: либо мы не отвергаем себя, либо не берём свой крест.

[7] Чтобы в некоторой степени восполнить этот недостаток, я постараюсь показать, во-первых, что значит для человека отвергнуть себя и что значит взять свой крест; во-вторых, что если человек не вполне ученик Христов, то это всегда происходит от недостатка именно этого.

[8] I. 1. Прежде всего я постараюсь показать, что значит человеку «отвергнуть себя и ежедневно брать свой крест». Этот вопрос более всех других необходимо рассмотреть и основательно понять уже потому, что ему более всех противятся многочисленные и могущественные враги. Вся наша природа непременно восстанет против него даже ради собственной защиты; соответственно и мир, люди, руководствующиеся природой, а не благодатью, ненавидят самый звук этих слов. И великий враг наших душ, хорошо зная важность этого, неизбежно употребит все средства против него. Но это ещё не всё: даже люди, до некоторой степени сбросившие иго дьявола и испытавшие, особенно за последние годы, подлинное действие благодати в сердце, не являются друзьями этого великого христианского учения, хотя их Учитель так особенно на нём настаивает. Некоторые из них пребывают в столь глубоком и полном неведении о нём, словно в Библии нет о нём ни слова. Другие стоят ещё дальше, незаметно для себя впитав сильные предубеждения против него. Отчасти они получили их от внешних христиан, людей приятной речи и поведения, которым для благочестия недостаёт лишь силы, а для веры — лишь духа; отчасти — от тех, кто некогда, если не ныне, «вкусил сил будущего века». Но

разве есть среди таких люди, которые сами не практикуют самоотречения и не рекомендуют его другим? Вы мало знакомы с человечеством, если сомневаетесь в этом. Есть целые сообщества, которые разве что открыто не объявляют ему войны. Не будем ходить дальше Лондона: взгляните на весь круг сторонников предопределения, которых свободное милосердие Божие недавно призвало из природной тьмы к свету веры. Являются ли они образцами самоотречения? Как немногие из них даже заявляют, что вообще практикуют его! Как немногие сами рекомендуют его или довольны теми, кто это делает! Напротив, разве они не представляют его постоянно в самых отвратительных красках, словно оно есть поиск «спасения делами» или стремление «утвердить собственную праведность»? И как охотно антиномисты всех видов, от вкрадчивого моравского брата до буйного, сквернословящего рантера, присоединяются к этому крику со своей глупой, бессмысленной трескотнёй о *законничестве* и *проповеди закона*! Поэтому, если вы не утвердились глубоко в этом важном евангельском учении, вам постоянно грозит опасность быть отвращёнными от него лестью, запугиванием или насмешкой со стороны лжеучителей или лжебратьев, более или менее увлечённых от простоты Евангелия. Пусть же пламенная молитва предшествует тому, что вы сейчас будете читать, сопровождает и завершает его, чтобы это было написано в вашем сердце перстом Божиим и никогда не изгладилось.

[9] 2. Но что такое самоотречение? В чём нам следует отрекаться от себя? И откуда возникает необходимость этого? Отвечаю: воля Божия — высшее, неизменное правило для всякого разумного создания, равно обязательное для каждого ангела на небе и каждого

человека на земле. Иначе и быть не может: это естественное, необходимое следствие отношения между творениями и их Создателем. Но если воля Божия — единственное правило наших действий во всём, великом и малом, то отсюда с несомненностью следует, что мы ни в чём не должны исполнять собственной воли. Здесь мы сразу видим природу самоотречения вместе с его основанием и причиной. Его природа — отвержение собственной воли, отказ следовать ей из убеждения, что воля Божия есть единственное для нас правило действия. И мы видим причину: мы творения, «Он сотворил нас, а не мы сами».

10 3. Это основание для самоотречения сохраняет силу даже в отношении ангелов Божиих на небе и в отношении человека невинного и святого, каким он вышел из рук своего Создателя. Но ещё одно основание возникает из того состояния, в котором все люди находятся после падения. Все мы теперь «в беззаконии зачаты, и во грехе родила нас мать наша». Наша природа совершенно испорчена, во всех своих силах и способностях. И наша воля, развращённая наравне со всем остальным, всецело склонна потворствовать природной испорченности. С другой стороны, воля Божия состоит в том, чтобы мы сопротивлялись этой испорченности и противодействовали ей не иногда и не только в чём-то, но всегда и во всём. Итак, вот ещё одно основание для постоянного и всеобщего самоотречения.

11 4. Поясним это ещё немного. Воля Божия — путь, ведущий прямо к Богу. Воля человека, некогда шедшая параллельно ему, теперь представляет собой другой путь, не только отличный, но в нашем нынешнем состоянии прямо противоположный ему: он ведёт от Бога. Поэтому,

если мы идём одним путём, нам необходимо оставить другой. Мы не можем идти обоими. Правда, человек *с робким сердцем и слабыми руками* может *ходить двумя путями*, одним вслед за другим. Но он не может идти двумя путями одновременно; не может в одно и то же время следовать собственной воле и воле Божией. Он должен избрать одно или другое: отвергнуть волю Божию, чтобы следовать своей, либо отвергнуть себя, чтобы следовать воле Божией.

[12] 5. Несомненно, следовать собственной воле, потворствуя при каждом удобном случае испорченности нашей природы, на время приятно. Но, следуя ей в чём бы то ни было, мы тем самым укрепляем превратность своей воли; и, потворствуя ей, непрестанно умножаем испорченность природы. Так мы нередко усиливаем телесную болезнь пищей, приятной вкусу: она услаждает нёбо, но разжигает недуг; приносит удовольствие, но приносит и смерть.

[13] 6. Итак, в целом отвергнуть себя — значит отвергнуть собственную волю там, где она не совпадает с волей Божией, как бы приятна она ни была. Это значит отказать себе в любом удовольствии, которое не исходит от Бога и не ведёт к Нему; то есть, по существу, отказаться сойти со своего пути, хотя бы на приятную, цветущую тропу, отказаться от того, что, как мы знаем, является смертельным ядом, хотя и приятным на вкус.

[14] 7. И всякий, кто желает следовать за Христом и быть Его подлинным учеником, должен не только отвергнуть себя, но и взять свой крест. Крест — всё противное нашей воле, всё неприятное нашей природе. Поэтому взять свой крест — нечто немного большее, чем отвергнуть себя: это

выше и труднее для плоти и крови, ибо легче отказаться от удовольствия, чем переносить боль.

15 8. Когда мы по воле Божией бежим «предлежащее нам поприще», на пути часто лежит крест, то есть нечто не только нерадостное, но и скорбное, нечто противное нашей воле и неприятное природе. Что же тогда делать? Выбор ясен: либо взять свой крест, либо уклониться от пути Божия, «от преданной нам святой заповеди», если не остановиться вовсе или не повернуть назад к вечной погибели!

16 9. Для исцеления той испорченности, той злой болезни, которую каждый человек приносит с собою в мир, часто необходимо словно вырвать правый глаз или отсечь правую руку: столь болезненно либо само то, что надлежит сделать, либо единственное средство это совершить. Например, расстаться с неразумным желанием, с неумеренной привязанностью или отделиться от её предмета, без чего она никогда не угаснет. В первом случае исторжение такого желания или привязанности, глубоко укоренившейся в душе, часто подобно удару меча, даже «разделению души и духа, составов и мозгов». Тогда Господь восседает над душой, словно огонь плавильщика, чтобы выжечь все её примеси. И это действительно крест: он по существу болезнен, он должен быть таким по самой природе дела. Душа не может так разрываться, не может проходить через огонь без боли.

17 10. Во втором случае средства исцеления души, больной грехом, средства врачевания неразумного желания или неумеренной привязанности часто болезненны не по собственной природе, но из-за природы болезни. Так, когда наш Господь сказал богатому юноше:

«Пойди, продай имение твоё и раздай нищим», — прекрасно зная, что это единственный способ исцелить его сребролюбие, — сама мысль об этом причинила ему такую боль, что «он отошёл с печалью», предпочтя расстаться с надеждой на небо, нежели с земным достоянием. Это было бремя, которое он не мог согласиться поднять, крест, который он не захотел взять. И в том или ином виде всякому последователю Христа непременно придётся «брать крест свой ежедневно».

[18] 11. «Взять» крест несколько отличается от того, чтобы «нести» его. О нас собственно говорится, что мы «несём крест», когда кротко и покорно терпим возложенное на нас не по нашему выбору. Но мы в точном смысле «берём свой крест» лишь тогда, когда добровольно терпим то, чего можем избежать; когда охотно принимаем волю Божию, хотя она противна нашей собственной; когда избираем болезненное, потому что такова воля нашего премудрого и милостивого Создателя.

[19] 12. И так всякому ученику Христову надлежит не только нести, но и брать свой крест. Правда, в одном смысле он не только *его*: он общий ему и многим другим, поскольку ни одного человека не постигает искушение, ei me anthropinos, — «кроме человеческого», то есть свойственного общей человеческой природе и соответствующего ей и нашему положению в нынешнем мире. Но в другом смысле, если рассматривать крест со всеми его обстоятельствами, он его собственный, свойственный лично ему: Бог приготовил его для него; Бог дал ему его как знак Своей любви. И если человек принимает его именно так и, употребив для облегчения гнёта средства, указанные христианской мудростью, лежит как глина в руке горшечника, то Бог устраивает и

направляет этот крест к его благу и в отношении его характера, и в отношении величины и степени, продолжительности и всякого другого обстоятельства.

[20] 13. Во всём этом легко представить нашего благословенного Господа действующим как Врач наших душ, не просто «по Своему произволу, но для нашей пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его». Если, исследуя наши раны, Он причиняет нам боль, то лишь ради их исцеления. Он отсекает загнившее или больное, чтобы сохранить здоровую часть. И если мы добровольно избираем потерю члена, лишь бы не погибло всё тело, насколько же охотнее должны избрать, образно говоря, отсечение правой руки, лишь бы вся душа не была ввержена в ад!

[21] 14. Итак, мы ясно видим и природу, и основание принятия своего креста. Оно не означает *самобичевания*, как выражаются некоторые, буквального истязания собственной плоти, ношения власяницы, железных поясов или чего-либо иного, вредящего телесному здоровью, хотя мы не знаем, какое снисхождение Бог может оказать поступающим так по невольному неведению. Оно означает принятие воли Божией, хотя бы противной нашей, избрание целительных, хотя и горьких лекарств, добровольное принятие временной боли любого рода и любой степени, когда она необходима для вечной радости — либо по самой природе дела, либо по особым обстоятельствам.

[22] II. 1. Во-вторых, мне надлежит показать, что, если человек не следует Ему всецело, если не вполне является учеником Христа, это всегда происходит от недостатка либо самоотречения, либо принятия своего креста.

[23] Правда, в некоторых случаях это отчасти может происходить от недостатка средств благодати: слышания истинного слова Божия, произносимого с силой, таинств или христианского общения. Но там, где нет недостатка ни в чём из этого, главным препятствием к получению Божией благодати или возрастанию в ней всегда является недостаток самоотречения или принятия креста.

[24] 2. Несколько примеров сделают это ясным. Человек слышит слово, способное спасти его душу; услышанное ему весьма нравится, он признаёт истину и немного ею тронут, но остаётся «мёртвым по преступлениям и грехам», бесчувственным и непробуждённым. Почему? Потому что не желает расстаться со своим любимым грехом, хотя теперь знает, что тот мерзость пред Господом. Он пришёл слушать, исполненный похоти и несвятых желаний, и не хочет с ними расстаться. Поэтому глубокого впечатления на него не производится, его неразумное сердце остаётся ожесточённым: то есть он остаётся бесчувственным и непробуждённым, потому что не хочет отвергнуть себя.

[25] 3. Предположим, он начинает пробуждаться ото сна и его глаза немного открываются; почему они так скоро закрываются вновь? Почему он снова погружается в смертный сон? Потому что снова уступает любимому греху, снова пьёт приятный яд. Поэтому никакое прочное впечатление не может запечатлеться в его сердце; то есть он вновь впадает в гибельную бесчувственность, потому что не хочет отвергнуть себя.

[26] 4. Но так бывает не со всеми. У нас много примеров людей, которые, однажды пробудившись, больше не засыпают. Однажды полученные впечатления не стираются: они не только глубоки, но и прочны. И всё же

многие из таких людей не нашли того, что ищут: они плачут, но не утешены. Почему? Потому что не «приносят плодов, достойных покаяния»; потому что сообразно полученной благодати не «перестают делать зло и не делают добра». Они не оставляют легко опутывающего их греха, греха своего склада, воспитания или занятия; либо упускают добро, которое могут и, как знают, должны делать, из-за какого-нибудь сопутствующего неприятного обстоятельства. То есть они не достигают веры, потому что не желают «отвергнуть себя» или «взять свой крест».

[27] 5. Но вот человек действительно принял «дар небесный», действительно «вкусил сил будущего века», увидел «свет славы Божией в лице Иисуса Христа»; «мир, превосходящий всякое разумение», действительно «управлял его сердцем и умом», и «любовь Божия излилась» в них «Духом Святым, данным ему». Однако ныне он слаб, как любой другой человек; снова находит вкус в земном и большее удовольствие в видимом, чем в невидимом; око его разума вновь закрылось, так что он не может «видеть Невидимого»; его любовь охладела, и мир Божий больше не царствует в сердце. И неудивительно: он вновь дал место дьяволу и огорчил Святого Духа Божия. Он снова обратился к безумию, к какому-нибудь приятному греху, если не внешним поступком, то сердцем. Дал место гордости, гневу, желанию, своеволию или упрямству. Либо не возгревал бывшего в нём дара Божия, уступил духовной лености и не пожелал потрудиться «всегда молиться и бодрствовать о сём со всяким постоянством». То есть он потерпел кораблекрушение в вере из-за недостатка самоотречения и ежедневного принятия своего креста.

[28] 6. Но, быть может, он не потерпел кораблекрушения в вере: у него ещё есть некоторая мера Духа усыновления, продолжающего свидетельствовать его духу, что он дитя Божие. Однако он не «поспешает к совершенству»; уже не алчет и не жаждет праведности, как прежде, не стремится ко всему образу Божию и полному наслаждению Богом, как лань к водным потокам. Скорее, он изнемогает и ослабевает душой, словно колеблется между жизнью и смертью. И почему он таков, как не потому, что забыл слово Божие: «Делами вера достигает совершенства»? Он не употребляет всего усердия на совершение Божиих дел. Не «пребывает постоянно в молитве», как частной, так и общественной, в причащении, слушании, размышлении, посте и духовной беседе. Если он и не пренебрегает совершенно некоторыми из этих средств, то по крайней мере пользуется ими не изо всех сил. Или он не ревнует о делах милосердия наравне с делами благочестия. Он не милосерден по мере своих сил, со всей способностью, какую даёт Бог. Не служит Господу пламенно, делая людям добро всякого рода и во всякой доступной ему мере, их душам так же, как телам. Но почему он не пребывает в молитве? Потому что во время сухости она причиняет ему боль и скорбь. Он не продолжает слушать при всякой возможности, потому что сон сладок, или потому что холодно, темно, дождливо. Но почему не продолжает дел милосердия? Потому что не может накормить голодного или одеть нагого, не сократив расходов на собственную одежду или не перейдя к более дешёвой и менее приятной пище. Кроме того, посещение больных или заключённых сопряжено со многими неприятными обстоятельствами. Таковы и большинство дел духовного милосердия, в особенности обличение. Он

хотел бы обличить ближнего, но то стыд, то страх становится на пути: ведь он может подвергнуть себя не только насмешке, но и более тяжёлым неудобствам. Из-за этих и подобных соображений он упускает одно или несколько, если не все дела милосердия и благочестия. Поэтому его вера не достигает совершенства, и он не может возрастать в благодати, а именно потому, что не желает отвергнуть себя и взять свой ежедневный крест.

[29] 7. Отсюда с очевидностью следует: если человек не следует всецело своему Господу, если не вполне является учеником Христа, это всегда происходит от недостатка либо самоотречения, либо принятия креста. Из-за этого мёртвый во грехе не пробуждается, хотя звучит труба; начинающий пробуждаться ото сна не получает глубокого или прочного обличения; глубоко и прочно обличённый во грехе не достигает отпущения грехов; некоторые, принявшие этот небесный дар, не сохраняют его, но терпят кораблекрушение в вере; другие же, если и не отступают к погибели, всё-таки изнемогают и ослабевают душой и не достигают цели — почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе.

[30] III. 1. Как легко отсюда узнать, что люди, прямо или косвенно, публично или частным образом противящиеся учению о самоотречении и ежедневном кресте, не знают ни Писания, ни силы Божией! Как совершенно неведомы им сотни отдельных текстов, равно как и общее содержание всех Божиих речений! И как полностью они должны быть незнакомы с истинным, подлинным христианским опытом, с тем, как Святой Дух всегда действовал и действует ныне в человеческих душах! Правда, они могут говорить весьма громко и уверенно, что естественно для невежества, словно лишь они

понимают слово Божие или опыт Его детей. Но их слова во всех смыслах — *пустые слова*: они взвешены на весах и найдены слишком лёгкими.

31 2. Во-вторых, отсюда мы можем узнать подлинную причину, почему не только многие отдельные люди, но даже целые сообщества, некогда бывшие горящими и светящими светильниками, ныне утратили и свет, и тепло. Если они и не ненавидели это драгоценное евангельское учение и не противились ему, то по крайней мере мало его ценили. Если и не говорили дерзко: «*Abnegationem omnem proculcamus, internecioni damus;*» «Мы попираем всякое самоотречение ногами, мы предаём его уничтожению», — всё же они не ценили его сообразно его великой важности и не прилагали труда к его исполнению. «*Hanc mystici docent,*» — сказал тот великий, дурной человек: «Самоотречению учат *мистические* писатели». Нет, *богодухновенные* писатели! И Бог учит ему всякую душу, желающую слышать Его голос! [40]

32 3. В-третьих, отсюда мы узнаём, что служителю Евангелия недостаточно не противиться учению о самоотречении, умалчивая о нём. Более того, он не исполнит своего долга, сказав немного в его пользу. Если он действительно желает быть чистым от крови всех, ему надлежит говорить об этом часто и подробно, внушать его необходимость самым ясным и сильным образом, со всей силой настаивать на нём перед всеми людьми, во всякое время и во всяком месте, полагая «правило на правило, правило на правило, заповедь на заповедь, заповедь на заповедь». Так он будет иметь непорочную совесть; так спасёт свою душу и души слушающих его.

33 4. Наконец, смотрите, чтобы каждый из вас применил это к собственной душе. Размышляйте об этом в

уединении, обдумывайте в сердце! Позаботьтесь не только основательно понять, но и помнить до конца жизни! Взывайте к Сильному о силе, чтобы, едва поняв, вы сразу приступили к исполнению. Не откладывайте, но исполняйте немедленно, с этого самого часа! Исполняйте повсюду, в каждом из тысяч случаев, возникающих при всех обстоятельствах жизни! Исполняйте ежедневно, без перерыва, с того часа, как впервые положили руку на плуг, и пребывайте в этом до конца, пока ваш дух не возвратится к Богу!

Исцеление от злословия

[1] «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрёл ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собою ещё одного или двух, дабы устами двух или трёх свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи Церкви. А если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь».

[2] Матфея 18:15–17.

[3] 1. «Никого не злословьте», — говорит великий апостол. Заповедь столь же ясная, как «Не убивай». Но кто, даже среди христиан, считается с этой заповедью? Более того, как немногие хотя бы понимают её! Что такое злословие? Это не то же самое, что ложь или клевета, как некоторые полагают. Всё сказанное человеком может быть столь же истинно, как Библия, и всё же само произнесение этого будет злословием. Ибо злословие — не что иное, как дурные речи об отсутствующем: рассказ о чём-нибудь дурном, действительно сделанном или сказанном человеком, которого нет рядом во время рассказа. Допустим, я видел человека пьяным или слышал, как он проклинал или божился, и рассказываю об этом в его отсутствие: это злословие. В нашем языке его также весьма метко называют «злоречием за спиной». Нет и существенного различия между ним и тем, что мы обыкновенно именуем сплетнями. Если рассказ передаётся мягко и тихо, быть может с выражениями доброжелательства к человеку и надежды, что всё не настолько плохо, тогда мы называем это нашёптыванием.

Но как бы это ни совершалось, дело остаётся тем же по существу, если не по обстоятельствам. Это по-прежнему злословие; заповедь «Никого не злословьте» по-прежнему попирается, если мы сообщаем одному человеку о проступке третьего, которого нет рядом, чтобы ответить за себя.

[4] 2. И как чрезвычайно распространён этот грех среди людей всех сословий и степеней! Как постоянно впадают в него знатные и простые, богатые и бедные, мудрые и глупые, учёные и неучёные! Люди, различающиеся во всём остальном, всё же сходятся в этом. Как немногие могут засвидетельствовать перед Богом: «В этом я чист; я всегда поставлял стражу устам моим и охранял двери губ моих»! Какой сколько-нибудь долгий разговор вы слышите, в котором злословие не составляло бы одной из частей? И это даже среди людей, в целом имеющих страх Божий перед глазами и действительно желающих иметь непорочную совесть перед Богом и людьми.

[5] 3. Сама распространённость этого греха затрудняет его избегание. Он окружает нас со всех сторон, и потому, если мы глубоко не сознаём опасности и постоянно не охраняемся от него, нас легко увлечёт поток. В этом отношении почти всё человечество словно вступило в заговор против нас. И его пример проникает в нас неведомым образом, так что мы незаметно начинаем ему подражать. Кроме того, к нему побуждает не только внешнее, но и внутреннее. Едва ли найдётся в человеческой душе дурное расположение, которое при случае не могло бы получить в нём удовлетворения и потому не склоняло бы нас к нему. Наша гордость удовлетворяется рассказом о чужих недостатках, в которых мы не считаем виновными себя. Гнев, обида и все

недобрые расположения получают пищу, когда мы говорим против тех, кем недовольны; и во многих случаях, перечисляя грехи ближних, люди потворствуют собственным неразумным и вредным желаниям.

[6] 4. Избежать злословия тем труднее, что оно часто нападает на нас под маской. Мы говорим так из благородного, великодушного, — хорошо ещё, если не скажем: святого, — негодования против этих низких созданий! Мы совершаем грех из одной ненависти ко греху! Служим дьяволу из чистой ревности по Богу! Лишь ради наказания нечестивых мы впадаем в это нечестие. «Так все страсти, — по выражению одного автора, — оправдывают сами себя» и подсовывают нам грех под покровом святости!

[7] 5. Но разве нет способа избежать сети? Несомненно, есть. В приведённых выше словах наш благословенный Господь указал Своим последователям ясный путь. Никто, осторожно и неуклонно идущий по нему, никогда не впадёт в злословие. Это правило либо безошибочно предупреждает его, либо верно исцеляет от него. В предшествующих стихах наш Господь сказал: «Горе миру от соблазнов», — из этого пагубного источника произойдёт в мире неизреченное бедствие. *Соблазны* — всё то, что совращает кого-либо с путей Божиих или препятствует идти по ним. «Ибо надобно прийти соблазнам», — такова природа вещей, таковы нечестие, неразумие и слабость человечества. «Но горе тому человеку», — несчастен тот человек, — «через которого соблазн приходит». «Итак, если рука твоя, нога твоя, глаз твой соблазняют тебя», — если самое дорогое удовольствие, самый любимый и полезный человек совращает тебя с пути или препятствует тебе, —

«исторгни его», отсеки их и брось от себя. Но как избежать того, чтобы соблазнять одних и соблазняться другими? Особенно если они совершенно неправы и мы видим это собственными глазами? Здесь Господь учит нас как: Он указывает верный способ избежать одновременно и соблазнов, и злословия. «Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрёл ты брата твоего. Если же не послушает, возьми с собою ещё одного или двух, дабы устами двух или трёх свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи Церкви; а если и Церкви не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь».

[8] I. 1. Во-первых: «Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним». Самый буквальный способ исполнить это первое правило, где он осуществим, — наилучший. Поэтому, если ты собственными глазами видишь, как брат, собрат-христианин, совершает несомненный грех, или собственными ушами слышишь его, так что невозможно сомневаться в факте, твоя обязанность ясна: воспользуйся первой же возможностью пойти к нему и, если можешь получить доступ, «обличи его между тобою и им одним». Конечно, нужно тщательно позаботиться о том, чтобы это было сделано в правильном духе и правильным образом. Успех обличения во многом зависит от духа, в котором оно произносится. Поэтому не пренебрегай усердной молитвой к Богу, чтобы обличение было дано в смиренном духе, с глубоким, пронизывающим убеждением, что только Бог отличает тебя от другого и что, если нынешние слова принесут какое-либо добро, это сделает Сам Бог. Молись, чтобы Он охранил твоё сердце, просветил ум и направил язык к таким словам, которые

Ему угодно будет благословить. Смотри, чтобы ты говорил не только в смиренном, но и в кротком духе, ибо «гнев человека не творит правды Божией». Если он «впал в прегрешение», его нельзя исправить иначе, как «в духе кротости». Если он противится истине, его всё же нельзя привести к её познанию иначе, как мягкостью. И всегда говори в духе нежной любви, «которой большие воды не могут потушить». Если любовь не побеждена, она побеждает всё. Кто может выразить силу любви?

[9] Любовь согнёт упорную выю,
Камень обратит в плоть;
Смягчит, растопит, пронзит и сокрушит
Сердце, твёрдое, как алмаз.

[10] Итак, подтвердите вашу любовь к нему, и тем самым вы «соберёте ему на голову горящие уголья».

[11] 2. Но смотрите, чтобы и самый образ вашей речи соответствовал Евангелию Христову. Избегайте во взгляде, жестах, словах и звуке голоса всего, что отдаёт гордостью или самодовольством. С особенным тщанием избегайте всего повелительного и безапелляционного, всего, что похоже на высокомерие или притязательность. Остерегайтесь даже самого отдалённого подобия презрения, властного нажима или пренебрежения. С таким же тщанием избегайте всякого проявления гнева; и хотя бы вы говорили совершенно прямо, пусть в ваших словах не будет ни упрёков, ни бранных обвинений, ни признака какой-либо горячности, кроме горячности любви. Прежде всего пусть не будет и тени ненависти или недоброжелательства, ни горечи, ни язвительности в выражениях; но пусть и ваше обращение, и ваша речь будут исполнены приветливости и кротости, так чтобы всё явно исходило из любви в сердце. Однако эта

приветливость нисколько не должна мешать вам говорить с величайшей серьёзностью и торжественностью; по возможности — самими словами Божиих речений, ибо нет слов, подобных им, и как перед очами Того, Кто грядёт судить живых и мёртвых.

12 3. Если у вас нет возможности поговорить с ним лично или к нему нельзя получить доступ, вы можете сделать это через посредника — общего друга, в чьём благоразумии, равно как и честности, вполне уверены. Такой человек, говоря от вашего имени, в том духе и тем образом, которые описаны выше, может достичь той же цели и в значительной мере восполнить ваше отсутствие. Только берегитесь выдумывать отсутствие возможности, чтобы уклониться от креста; и не считайте доступ невозможным, ни разу не попытавшись его получить. Когда вы можете поговорить сами, это гораздо лучше. Но лучше сделать это через другого, нежели вовсе не делать: такой способ лучше, чем никакого.

13 4. Но что, если вы не можете ни поговорить сами, ни найти посредника, которому могли бы довериться? Если дело действительно обстоит так, остаётся только написать. Бывают и такие обстоятельства, при которых именно этот способ беседы наиболее целесообразен. Одно из них — когда человек, с которым нам приходится иметь дело, настолько горяч и порывист, что с трудом переносит обличение, особенно от равного себе или от того, кто ниже его. Но в письме можно так подвести к обличению и так его смягчить, что оно станет гораздо легче переносимым. Кроме того, многие прочтут те самые слова, которых не вынесли бы на слух. Это не так сильно задевает их гордость и не столь ощутимо уязвляет их честь. И даже если сначала письмо произведёт мало

впечатления, они, быть может, прочтут его вторично и, поразмыслив ещё, примут к сердцу то, чем прежде пренебрегли. Если вы подпишете своё имя, это почти то же самое, что пойти к нему и поговорить лично. Так и следует поступать всегда, если только какая-нибудь совершенно особая причина не делает этого неуместным.

14 5. Следует хорошо заметить не только то, что Господь безусловно велит нам сделать этот шаг, но и то, что Он велит сделать его первым, прежде чем мы предпримем что-либо другое. Никакого иного пути, никакого выбора другого средства не допускается: вот путь — иди по нему. Правда, Он повелевает нам, если понадобится, сделать ещё два шага; но их надлежит делать последовательно после этого, и ни один из них — прежде него. Тем менее мы вправе сделать какой-либо другой шаг прежде этого или помимо него. Поэтому и сделать что-либо иное, и не сделать этого — одинаково непростительно.

15 6. Не думайте оправдать себя за то, что вы пошли совершенно другим путём, говоря: «Ведь я никому не рассказывал, пока не стало так тяжело, что я уже не мог удержаться». Вам стало тяжело! Неудивительно, что вам было тяжело, если только совесть ваша не сожжена: ведь на вас лежала вина греха — неповиновения ясной заповеди Божией! Вам следовало немедленно пойти и «обличить брата твоего между тобою и им одним». Если вы этого не сделали, как могло вам не быть тяжело — разве только сердце ваше совсем ожесточилось, — когда вы попирали заповедь Божию и «враждовали на брата твоего в сердце твоём»? И какой же способ вы нашли, чтобы снять с себя тяжесть? Бог обличает вас в грехе упущения — в том, что вы не сказали брату о его вине; а вы утешаете себя под Его обличением греховным

поступком — рассказываете о вине брата другому человеку! Облегчение, купленное грехом, обходится дорого! Уповаю на Бога, что вы не получите облегчения и тяжесть ваша будет лишь возрастать, пока вы не «пойдёте к брату вашему и не скажете ему», а не кому-либо другому.

16 7. Я знаю лишь одно исключение из этого правила. Может встретиться особый случай, когда для защиты невинного необходимо обвинить виновного, хотя бы и в его отсутствие. Например, вам известен замысел какого-нибудь человека против имущества или жизни его ближнего. Обстоятельства могут быть таковы, что помешать исполнению этого замысла нельзя иначе, как без промедления сообщив о нём тому, против кого он направлен. Поэтому в таком случае данное правило отступает, как и правило апостола «никого не злословить»; и говорить дурное об отсутствующем человеке, чтобы помешать ему причинить зло другим и вместе с тем самому себе, дозволено, более того — это наш непременный долг. Но при этом помните: всякое злословие по своей природе — смертельный яд. Поэтому, если порой вы вынуждены употребить его как лекарство, употребляйте его со страхом и трепетом; ибо это столь опасное лекарство, что только крайняя необходимость может оправдать самое его употребление. Сообразно этому прибегайте к нему как можно реже, никогда — без такой необходимости; и даже тогда употребляйте его как можно меньше, лишь столько, сколько необходимо для поставленной цели. Во всякое другое время «пойди и обличи его между тобою и им одним».

17 II. 1. Но что, «если он не послушает»? Если воздаст злом за добро? Если вместо убеждения придёт в ярость?

Что, если он выслушает без всякой пользы и продолжит идти своим злым путём? Следует ожидать, что так будет часто: самое мягкое и нежное обличение не подействует; но благословение, которого мы желали другому, возвратится в наше собственное лоно. Что же нам тогда делать? Господь дал нам ясное и полное наставление. Тогда «возьми с собою ещё одного или двух»: это второй шаг. Возьмите одного или двух, о которых знаете, что в них живёт дух любви, что они любят Бога и ближнего. Смотрите также, чтобы они были смиренны духом и «облеклись в смиренномудрие». Пусть это будут люди кроткие и мягкие, терпеливые и долготерпеливые, не склонные «воздавать злом за зло или ругательством за ругательство, но, напротив, благословляющие». Пусть это будут люди рассудительные, наделённые мудростью свыше; люди беспристрастные, свободные от пристрастий и всякого рода предубеждений. Следует позаботиться также о том, чтобы и сами эти люди, и их характер были ему хорошо известны; причём предпочтите всем прочим тех, кто ему приятен.

[18] 2. Любовь подскажет им, как действовать, сообразуясь с существом дела. Невозможно предписать один определённый способ для всех случаев. Но, пожалуй, вообще можно посоветовать следующее: прежде чем приступить к самому делу, пусть они кротко и с любовью заявят, что не питают к нему ни гнева, ни предубеждения и что прийти теперь и вообще вмешаться в его дела их побудило только доброжелательство. Чтобы это стало ещё яснее, затем они могли бы спокойно выслушать, как вы повторяете прежнюю беседу с ним и то, что он сказал в своё оправдание, прежде чем пытаться вынести какое-либо решение. После этого им будет легче рассудить, как действовать, «дабы устами двух или трёх

свидетелей подтвердилось всякое слово»; чтобы всё сказанное вами приобрело полную силу благодаря дополнительному весу их авторитета.

19 3. Для этого не могут ли они: (1) кратко повторить, что сказали вы и что ответил он? (2) Развить, раскрыть и подтвердить приведённые вами доводы? (3) Придать вес вашему обличению, показав, насколько оно было справедливым, добрым и своевременным? И наконец — подкрепить советы и увещания, которыми вы его сопровождали? Впоследствии, если понадобится, они смогут также засвидетельствовать, что было сказано.

20 4. Относительно этого правила, как и предыдущего, можно заметить, что Господь не предоставляет нам выбора и не оставляет иного пути, но прямо повелевает сделать именно это, а не что-либо другое вместо него. Он также указывает, когда следует это сделать: ни раньше, ни позже, а именно *после* первого шага и *прежде* третьего. Только тогда мы имеем право рассказать о зле, совершённом другим, тем, кого желаем привлечь к участию вместе с нами в этом великом деле братской любви. Но будем осторожны и не станем рассказывать об этом никакому другому человеку, пока не сделаны оба эти шага. Если мы пренебрегаем ими или предпринимаем какие-либо другие шаги, удивительно ли, что нам по-прежнему тяжело? Ведь мы грешим против Бога и против ближнего; и как бы красиво мы это ни приукрашивали, если в нас есть хоть какая-нибудь совесть, наш грех обнаружит нас и ляжет тяжестью на нашу душу.

21 III. 1. Чтобы мы были вполне наставлены в этом важном деле, Господь дал нам ещё одно указание: «Если же не послушает их», тогда и только тогда «скажи церкви». Это

третий шаг. Весь вопрос в том, как здесь следует понимать слово «церковь». Но сама природа дела определяет это так, что разумных сомнений не остаётся. Вы не можете сказать об этом национальной Церкви, всему сообществу людей, именуемому «Церковью Англии». И если бы могли, это не послужило бы никакой христианской цели; следовательно, слово означает не это. Не можете вы сказать об этом и всему сообществу людей в Англии, с которым состоите в более непосредственной связи. Да и это не принесло бы никакой пользы; следовательно, и в таком смысле слово понимать нельзя. Никакой достойной цели не послужило бы и то, если бы о проступках каждого отдельного члена сообщали церкви — если угодно так её называть, — собранию или обществу, соединённому воедино в Лондоне. Остаётся сказать об этом пресвитеру или пресвитерам церкви, тем, кто поставлен блюсти то стадо Христово, к которому принадлежите вы оба, кто печётся о вашей и его душе, «как обязанный дать отчёт». И это следует сделать, если есть удобная возможность, в присутствии того, кого касается дело; сделать прямо, но со всей нежностью и любовью, какую допускает его существо. Именно к их служению относится выносить суждение о поведении вверенных их попечению и, сообразно тяжести проступка, обличать «со всякою властью». Поэтому, сделав это, вы сделали всё, чего требуют от вас Слово Божие или закон любви. Теперь вы не соучастник его греха; и если он погибнет, кровь его — на его собственной голове.

22 2. И здесь следует заметить: именно этот, а не какой-либо иной шаг мы должны сделать третьим; и сделать его в положенном порядке, после двух других — не прежде второго, а тем более первого, если только нет совершенно особых обстоятельств. Впрочем, в одном

случае второй шаг может совпасть с этим: они могут в некотором смысле оказаться одним и тем же. Пресвитер или пресвитеры церкви могут быть так связаны с согрешившим братом, что отпадёт необходимость в одном или двух свидетелях и пресвитеры займут их место; тогда достаточно будет сказать им после того, как вы сказали брату «между тобою и им одним».

23 3. Сделав это, вы избавили собственную душу. «А если и церкви не послушает», если будет упорствовать в грехе, «то да будет он тебе, как язычник и мытарь». Вы более не обязаны думать о нём — разве лишь тогда, когда в молитве поручаете его Богу. Вам незачем более говорить о нём: оставьте его собственному Господину. Правда, вы по-прежнему обязаны относиться к нему, как и ко всем прочим язычникам, с искренним и нежным доброжелательством. Вы обязаны быть с ним учтивы и, когда представится случай, оказывать ему всякую человеческую помощь. Но не поддерживайте с ним ни дружбы, ни близости; не имейте иного общения, чем с явным язычником.

24 4. Но если таково правило, по которому живут христиане, то где же страна, в которой живут христиане? Быть может, вы найдёте немногих, рассеянных тут и там, которые почитают соблюдение этого правила делом совести. Но как их мало! Как редко они рассеяны по лицу земли! И где есть какое-либо сообщество людей, все члены которого живут по этому правилу? Найдём ли мы их в Европе? Или, не заходя так далеко, в Великобритании или Ирландии? Боюсь, что нет; боюсь, мы можем обыскать эти королевства вдоль и поперёк и всё же искать напрасно. Увы христианскому миру! Увы протестантам, христианам Реформации! О, «кто восстанет со мною

против нечестивых»? «Кто станет на сторону Бога» против злословящих? Ты ли этот человек? Станешь ли ты, по благодати Божией, одним из тех, кого не унесёт поток? Твёрдо ли ты решил, с Божией помощью, с этого самого часа поставить стражу, постоянную «стражу устам твоим и охрану дверям уст твоих»? С этого ли часа будешь жить по правилу «никого не злословить»? Если увидишь, что брат твой делает зло, «обличишь ли его между тобою и им одним»? После этого «возьмёшь ли одного или двух свидетелей» и только затем «скажешь ли церкви»? Если таково твёрдое намерение твоего сердца, хорошо усвой ещё один урок: «Ни о ком не слушай злого». Если бы не было слушателей злословия, не было бы и злословящих. И разве, по народной пословице, тот, кто принимает краденое, не так же плох, как вор? Поэтому, если кто начнёт злословить при тебе, немедленно останови его. Откажись слушать голос заклинателя, как бы сладко тот ни заклинал; пусть он обращается как угодно мягко, говорит как угодно кротко, сколько угодно заверяет в доброжелательстве к тому, кого тайно пронзает, кого поражает под пятое ребро! Решительно откажись слушать, хотя бы нашёптывающий жаловался, что ему «тяжело, пока не выскажется». *Тяжело!* Безумец! Неужели ты мучишься этим проклятым секретом, как женщина родовыми муками? Тогда пойди и разрешись от своего бремени тем способом, который установил Господь! Сначала «пойди и обличи брата твоего между тобою и им одним»; затем «возьми с собою одного или двух» общих друзей и скажи ему в их присутствии. Если ни один из этих шагов не подействует, тогда «скажи церкви». Но, под угрозой погибели собственной души, никому другому не рассказывай об этом ни прежде, ни после, кроме того единственного исключительного

случая, когда это безусловно необходимо для защиты невинного! Зачем обременять ещё и другого, помимо самого себя, делая его соучастником твоего греха?

25 5. О, если бы все вы, несущие поношение Христово, которых в насмешку называют методистами, подали так называемому христианскому миру пример хотя бы в этом одном! Удалите от себя злословие, пересуды, нашёптывания: пусть ничто из этого не исходит из ваших уст! Смотрите, чтобы вы «никого не злословили»; об отсутствующих говорите только доброе. Если уж вам поневоле приходится отличаться от других, пусть отличительным признаком методиста станет вот что: «Он никого не осуждает за спиной; по этому плоду узнаете его». Какое благословенное действие такого самоотречения мы скоро ощутили бы в наших сердцах! Как потёк бы «мир наш рекою», если бы мы так «старались иметь мир со всеми»! Как преизобиловала бы в наших душах любовь Божия, если бы мы так утверждали нашу любовь к братьям! И какое действие это оказало бы на всех соединённых во имя Господа Иисуса! Как непрестанно возрастала бы братская любовь, когда было бы устранено это великое препятствие! Все члены таинственного Тела Христова тогда естественно заботились бы друг о друге. «Страдал бы один член — страдали бы с ним все; славился бы один — радовались бы с ним все»; и каждый «постоянно любил бы брата от чистого сердца». И это ещё не всё: какое действие это могло бы оказать даже на дикий, беспечный мир! Как скоро люди разглядели бы в нас то, чего не могли найти среди всех тысяч своих собратьев, и воскликнули бы — как Юлиан Отступник своим придворным язычникам: «Посмотрите, как эти христиане любят друг друга!» Прежде всего этим Бог убедил бы мир и приготовил

также и его к Своему Царству, как легко можно заключить из тех знаменательных слов в последней торжественной молитве нашего Господа: «Молю о тех, которые уверуют в Меня, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, — да уверует мир, что Ты послал Меня!» Да ускорит Господь это время! Да даст Господь нам так любить друг друга, не только «словом или языком, но делом и истиною», как и Христос возлюбил нас.

Употребление денег

[1] «Я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда вас не станет, приняли вас в вечные обители».

[2] Луки 16:9.

[3] 1. Закончив прекрасную притчу о блудном сыне, обращённую прежде всего к тем, кто роптал на Него за то, что Он принимает мытарей и грешников, наш Господь добавляет другой рассказ, иного рода, обращённый скорее к детям Божиим. «Он сказал ученикам Своим» — уже не столько книжникам и фарисеям, с которыми говорил прежде: «У одного богатого человека был управитель, на которого донесено было ему, что расточает имение его. И, призвав его, сказал ему: дай отчёт в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять» (Луки 16:1, 2). Рассказав о способе, к которому прибег дурной управитель, чтобы обеспечить себя на день нужды, Спаситель добавляет: «Господин похвалил неверного управителя», — именно в том отношении, что тот своевременно принял меры предосторожности; и присоединяет это веское замечание: «Сыны века сего догадливее сынов света в своём роде» (Луки 16:8). Те, кто не ищет никакого иного удела, кроме этого мира, «догадливее» — не вообще, ибо все они до единого величайшие глупцы и самые отъявленные безумцы под небом, но «в своём роде», на своём пути: они последовательнее, вернее признаваемым ими началам, настойчивее преследуют свою цель, — чем «сыны света», то есть те, кто видит «свет славы Божией в лице Иисуса

Христа». Затем следуют приведённые выше слова: «И Я» — Единородный Сын Божий, Творец, Господь и Владыка неба, земли и всего, что в них; Судия всех, Которому вы должны «дать отчёт в управлении вашем», когда «не сможете более управлять», — «Я говорю вам»: научитесь в этом отношении даже у неверного управителя; посредством мудрой, своевременной предусмотрительности «приобретайте себе друзей богатством неправедным». «Маммона» означает богатство или деньги. Оно называется «неправедным богатством» из-за неправедного способа, каким его часто приобретают и каким обычно употребляют даже то, что приобретено честно. «Приобретайте себе друзей» этим богатством, делая всякое возможное добро, особенно детям Божиим, «чтобы, когда вас не станет», — когда вы возвратитесь в прах, когда вам уже не будет места под солнцем, — те из них, кто ушёл прежде вас, «приняли вас», приветствовали вас «в вечных обителях».

[4] 2. Здесь Господь преподаёт всем Своим последователям превосходный урок христианской мудрости, а именно — о правильном употреблении денег. Люди мира много рассуждают об этом предмете на свой лад; но те, кого Бог избрал из мира, размышляют о нём недостаточно. Как правило, они не обдумывают употребление этого превосходного таланта со вниманием, соответствующим важности предмета. Не понимают они и того, как употребить его с наибольшей пользой; между тем само появление его в мире — дивный пример мудрого и благого Промысла Божия. Правда, поэты, ораторы и философы почти всех времён и народов привыкли порицать деньги как главного развратителя мира, погибель добродетели и язву человеческого общества. Отсюда столь часто слышится:

[5] Nocens ferrum, ferroque nocentius aurum:

[6] И золото, что пагубнее самой острой стали.

[7] Отсюда и горестная жалоба:

[8] Effodiuntur opes, irritamenta malorum.

[9] Из недр извлекают богатство — побуждение ко всякому злу.

[10] Более того, один прославленный писатель серьёзно увещевает своих соотечественников, желая разом изгнать всякий порок, «бросить все свои деньги в море»:

[11] In mare proximum,
Summi materiem mali!

[12] Но разве всё это не пустое красноречие? Есть ли в нём какое-нибудь твёрдое основание? Никакого. Пусть мир развращён как угодно: разве виноваты в этом золото или серебро? Мы знаем, что «любовь к деньгам есть корень всех зол»; но не сами деньги. Вина лежит не на деньгах, а на тех, кто ими пользуется. Их можно употребить во зло; а что нельзя? Но их можно употребить и во благо: они в равной мере пригодны и для наилучших, и для наихудших целей. Они оказывают неизреченную пользу всем цивилизованным народам во всех обыкновенных житейских делах. Это весьма удобное средство для ведения всякого рода дел и — если мы пользуемся ими согласно христианской мудрости — для совершения всякого рода добра. Правда, если бы человек пребывал в состоянии невинности или если бы все люди были «исполнены Духа Святого», так что, подобно первоначальной Иерусалимской церкви, «никто ничего из имения своего не называл своим», но «каждому давалось, в чём кто имел нужду», то употребление денег стало бы

излишним; ведь мы не можем представить себе ничего подобного среди обитателей неба. Но в нынешнем состоянии человечества это превосходный дар Божий, служащий самым благородным целям. В руках Его детей деньги — пища голодному, питьё жаждущему, одежда нагому; они дают путнику и страннику место, где преклонить голову. С их помощью мы можем заменить вдове мужа, а сироте — отца. Мы можем стать защитой угнетённому, средством исцеления больному, облегчением страждущему; они могут быть глазами слепому, ногами хромому, более того — силой, поднимающей от врат смерти!

[13] 3. Поэтому в высшей степени важно, чтобы все боящиеся Бога знали, как употреблять этот драгоценный талант; чтобы они были научены, как он может послужить этим славным целям, притом в наивысшей мере. И, быть может, все необходимые для этого наставления можно свести к трём простым правилам: точно соблюдая их, мы можем явить себя верными управителями «богатства неправедного».

[14] I. 1. Первое из них — слышащий да разумеет! — «Приобретайте всё, что можете». Здесь мы можем говорить подобно сынам мира; мы встречаем их на их собственной почве. И поступать так — наш непременный долг: мы должны приобретать всё, что можем приобрести, не покупая золота слишком дорого, не платя за него больше, чем оно стоит. Но совершенно несомненно, что этого последнего делать нельзя: нельзя приобретать деньги ценой жизни или — что, по существу, то же самое — ценой здоровья. Поэтому никакой заработок не должен побуждать нас вступать или оставаться в занятии, которое по самой своей природе либо вследствие столь тяжёлого

или столь продолжительного труда подрывает наши телесные силы. Нельзя также начинать или продолжать дело, которое неизбежно лишает нас надлежащего времени для еды и сна в той мере, какая требуется нашей природе. Впрочем, здесь есть большая разница. Некоторые занятия безусловно и целиком вредны для здоровья: например, связанные с частым обращением с мышьяком или другими столь же вредными минералами либо с вдыханием воздуха, заражённого испарениями плавящегося свинца, которые в конце концов должны разрушить самое крепкое здоровье. Другие могут быть вредны не вообще, а только для людей слабого телосложения. Таковы занятия, требующие многих часов письма, особенно если человек пишет сидя, сдавливая живот, или долго остаётся в неудобном положении. Но чему бы разум или опыт ни свидетельствовали как о разрушительном для здоровья или сил, этому мы не должны подвергаться, ибо «жизнь» дороже «пищи, и тело — одежды». А если мы уже заняты подобным делом, то следует как можно скорее сменить его на такое, которое, хотя и уменьшит наш заработок, не уменьшит нашего здоровья.

15 2. Во-вторых, мы должны приобретать всё, что можем, не причиняя вреда душе, как и телу. Ибо и ей нельзя вредить. При любых обстоятельствах необходимо сохранять дух здравого ума. Поэтому мы не вправе вступать или оставаться в каком-либо греховном промысле, противном закону Божию или закону нашей страны. Таковы все занятия, неизбежно предполагающие похищение у короля законных пошлин или обманное уклонение от их уплаты. Ибо лишать короля того, что принадлежит ему по праву, по меньшей мере столь же грешно, как грабить наших соотечественников. И король

имеет не меньше права на свои пошлины, чем мы — на наши дома и одежду. Есть и другие занятия, которые, хотя сами по себе невинны, теперь не могут вестись без греха, по крайней мере в Англии; например, те, что не обеспечивают достаточного пропитания без обмана, лжи или подчинения какому-либо обычаю, несовместимому с доброй совестью. Их также надлежит свято избегать, каков бы ни был доход при следовании обычаям этого промысла; ибо, приобретая деньги, нельзя терять душу. Есть ещё занятия, которым многие предаются совершенно невинно, не причиняя вреда ни телу, ни душе; но вы, возможно, не можете этого делать. Либо они вовлекут вас в такое общество, которое погубит вашу душу, и повторный опыт покажет, что отделить одно от другого вы не можете; либо в вашем душевном устроении есть особая склонность — своеобразие, как бывает своеобразие в телесном устроении многих, — из-за которой занятие, безопасное для другого, для вас смертельно. Так, я на основании многократного опыта убеждён, что не мог бы до сколько-нибудь высокой степени изучить ни математику, ни арифметику, ни алгебру, не став деистом, если не атеистом; между тем другие могут изучать их всю жизнь, не терпя никакого ущерба. Поэтому здесь никто не может решать за другого: каждый должен судить за себя и воздерживаться от того, что лично для своей души находит вредным.

16 3. В-третьих, мы должны приобретать всё, что можем, не причиняя вреда ближнему. Но причинять ему вред мы не вправе и не можем, если любим ближнего, как самого себя. Если мы любим каждого, как самих себя, то не можем вредить кому-либо *в его имуществе*. Мы не можем пожирать доход от его земель, а возможно, и сами земли и дома посредством азартных игр, чрезмерных счетов —

за врачебные ли услуги, судебные или какие-либо другие — либо посредством требования или взимания таких процентов, которые запрещены даже законами нашей страны. Тем самым исключается всякий ссудный промысел под залог: ибо какую бы пользу мы ни могли им принести, все беспристрастные люди с горечью видят, что зло несравненно её перевешивает. А если бы даже было иначе, нам всё равно не позволено «делать зло, чтобы вышло добро». Братская любовь не позволяет нам продавать свои товары ниже рыночной цены; нельзя стараться разорить дело ближнего, чтобы возвысить собственное; тем менее можно переманивать или принимать к себе кого-либо из его слуг или работников, в которых он нуждается. Никто не может наживаться, поглощая имущество ближнего, не приобретая вместе с тем осуждения в ад!

[17] 4. Нельзя также приобретать доход, причиняя ближнему вред *в его теле*. Поэтому мы не вправе продавать ничего, что подрывает здоровье. Таков в особенности весь этот жидкий огонь, обычно называемый крепкими напитками или спиртным. Правда, им может найтись место в медицине: они могут быть полезны при некоторых телесных недугах, хотя нужда в них возникала бы редко, если бы не неумелость врача. Поэтому те, кто изготовляет и продаёт их *только для этой цели*, могут сохранять чистую совесть. Но кто они? Кто изготовляет и продаёт их только с этой целью? Знаете ли вы хотя бы десять таких винокуров в Англии? Тогда оправдайте их. Но все, кто продаёт спиртное обычным порядком, всякому покупателю, — всеобщие отравители. Они оптом убивают подданных Его Величества, и глаз их не жалеет и не щадит. Они гонят их в ад, как овец. А каков их доход? Разве это не кровь этих людей? Кто же станет завидовать

их обширным поместьям и великолепным дворцам? Проклятие среди них; проклятие Божие прилепилось к их камням, брёвнам, обстановке. Проклятие Божие в их садах, аллеях, рощах — огонь, горящий до преисподнейшего ада! Кровь, кровь там: основание, пол, стены, кровля запятнаны кровью! И можешь ли ты надеяться, о человек крови, хотя ты «одеваешься в порфиру и виссон и каждый день пиршествуешь блистательно», можешь ли надеяться передать свои *поля крови* третьему поколению? Нет; ибо есть Бог на небесах, и потому имя твоё скоро будет искоренено. Подобно тем, кого ты погубил телом и душой, «память о тебе погибнет вместе с тобою»!

[18] 5. И разве не причастны к той же вине, хотя и в меньшей степени, те хирурги, аптекари или врачи, которые играют жизнью или здоровьем людей ради увеличения собственного дохода? Которые намеренно продлевают боль или болезнь, хотя могут быстро её устранить; которые затягивают исцеление тела больного, чтобы расхитить его имущество? Может ли быть чист перед Богом человек, который не сокращает всякий недуг «настолько, насколько может», и не устраняет всякую болезнь и боль «так скоро, как может»? Не может: ибо ничего нет яснее того, что он не «любит ближнего, как самого себя», что он не «поступает с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали с ним».

[19] 6. Такой доход куплен дорого. Столь же дорог и всякий доход, приобретённый причинением вреда ближнему *в его душе*: например, прямым или косвенным содействием его нечистоте или невоздержанию, чего, безусловно, не может делать никто, имеющий хоть какой-нибудь страх Божий или настоящее желание угодить Ему. Над этим

особенно надлежит задуматься всем, кто имеет отношение к тавернам, харчевням, оперным театрам, театрам драматическим или иным местам общественных, модных увеселений. Если они приносят пользу душам людей, вы чисты: занятие ваше добро, доход невинен. Но если они либо греховны сами по себе, либо естественно открывают путь ко грехам разного рода, тогда, боюсь, вам предстоит печальный отчёт. О, берегитесь, чтобы Бог не сказал в тот день: «Они погибли в своём беззаконии, но кровь их взыщу от руки твоей!»

[20] 7. При соблюдении этих предостережений и ограничений все занятые мирскими делами непременно обязаны исполнять первое и великое правило христианской мудрости относительно денег: «Приобретайте всё, что можете». Приобретайте всё, что можете, честным трудом. Проявляйте всякое возможное усердие в своём призвании. Не теряйте времени. Если вы понимаете себя и своё отношение к Богу и людям, то знаете, что лишнего времени у вас нет. Если вы должным образом понимаете своё особое призвание, у вас не останется времени, которое нечем занять. Всякое дело даст достаточно работы на каждый день и каждый час. То дело, к которому вы поставлены, если вы занимаетесь им всерьёз, не оставит вам досуга для глупых, бесполезных развлечений. У вас всегда есть занятие получше, такое, которое принесёт вам большую или меньшую пользу. И «всё, что может рука твоя делать, по силам делай». Делайте это как можно скорее: никакой отсрочки! Никакого откладывания со дня на день или с часа на час! Никогда не оставляйте на завтра того, что можете сделать сегодня. И делайте как можно лучше. Не дремлите и не зевайте над работой: вложите в неё все свои силы. Не жалейте труда. Пусть ничто не делается

наполовину, поверхностно или небрежно. Пусть в вашем деле не остаётся несделанным ничего, что можно сделать трудом или терпением.

[21] 8. Приобретайте всё, что можете, руководствуясь здравым смыслом и употребляя в своём деле весь разум, данный вам Богом. Поразительно видеть, как немногие так поступают; как люди продолжают идти той же унылой колеёй, какой шли их предки. Но что бы ни делали не знающие Бога, для вас это не правило. Христианину стыдно не превзойти *их* в том, за что он берётся. Вам следует постоянно учиться — на чужом или собственном опыте, посредством чтения и размышления — делать сегодня всё, что вам надлежит, лучше, чем вы делали вчера. И смотрите, чтобы применять на деле всё усвоенное, дабы извлекать наибольшую пользу из всего, что находится в ваших руках.

[22] II. 1. После того как вы приобрели всё, что могли, честной мудростью и неутомимым усердием, второе правило христианского благоразумия гласит: «Сберегайте всё, что можете». Не бросайте драгоценный талант в море: предоставьте это безумие языческим философам. Не растрачивайте его на пустые издержки — это то же самое, что бросить его в море. Не расходуйте никакой его части только ради удовлетворения похоти плоти, похоти очей или гордости житейской.

[23] 2. Не расточайте никакой части столь драгоценного таланта лишь на удовлетворение плотских желаний, на приобретение чувственных удовольствий какого бы то ни было рода, в особенности на усиление удовольствия вкуса. Я не имею в виду только воздержание от обжорства и пьянства: их осудил бы и порядочный язычник. Но есть упорядоченный, почтенный вид чувственности, изящное

эпикурейство, которое не расстраивает желудок непосредственно и не вредит рассудку — по крайней мере, ощутимым образом. И всё же, не говоря сейчас о других его последствиях, его невозможно поддерживать без значительных расходов. Пресеките все эти расходы! Презрите изысканность и разнообразие и довольствуйтесь тем, чего требует простая природа.

24 3. Не расточайте никакой части столь драгоценного таланта лишь на удовлетворение похоти очей излишними или дорогими одеждами либо ненужными украшениями. Не расточайте ничего на затейливое убранство домов, на излишнюю или дорогостоящую мебель, на дорогие картины, росписи, позолоту, книги, на сады, скорее изящные, чем полезные. Пусть это делают ваши соседи, не знающие ничего лучшего: «Предоставь мёртвым погребать своих мертвецов». Но «что тебе до того? — говорит Господь. — Ты иди за Мною». Хотите ли вы этого? Тогда вы способны так поступить.

25 4. Ничего не расходуйте ради удовлетворения гордости житейской, ради людского восхищения или похвалы. Этот побудительный мотив расходов часто переплетается с одним или обоими прежними. Люди расточительны в пище, одежде или обстановке не только ради удовольствия аппетита, глаз или воображения, но и ради своего тщеславия. «Пока ты угождаешь себе, люди будут хвалить тебя». Пока ты «одеваешься в порфиру и виссон и каждый день пиршествуешь блистательно», многие, без сомнения, будут восхвалять изящество твоего вкуса, твою щедрость и гостеприимство. Но не покупайте их одобрения столь дорого. Лучше довольствуйтесь честью, которая приходит от Бога.

[26] 5. Кто стал бы тратить что-либо на удовлетворение этих желаний, если бы задумался, что удовлетворять их — значит усиливать? Ничего нет несомненнее: повседневный опыт показывает, что чем больше им потакают, тем больше они возрастают. Поэтому всякий раз, когда вы тратите что-нибудь ради услаждения вкуса или других чувств, вы платите столько-то за чувственность. Когда расходуете деньги ради удовольствия глаз, вы отдаёте столько-то за усиление пристрастия к изысканному — за более крепкую привязанность к удовольствиям, исчезающим от употребления. Покупая то, что люди обычно хвалят, вы покупаете себе больше тщеславия. Разве прежде вам недоставало тщеславия, чувственности, пристрастия к изысканному? Разве требовалось что-то прибавить? И вы ещё хотите за это платить? Что это за мудрость? Разве буквально бросить деньги в море не было бы менее пагубным безумием?

[27] 6. И зачем расточать деньги на детей, как и на самого себя, — на изысканную пищу, яркую или дорогую одежду, на всякого рода излишества? Зачем приобретать для них больше гордости или похоти, больше тщеславия либо безрассудных и вредных желаний? Им не нужно больше: у них уже достаточно; природа щедро снабдила их этим. Зачем нести новые расходы, чтобы умножить их искушения и сети и пронзить их новыми скорбями?

[28] 7. Не оставляйте им денег для расточения. Если у вас есть веское основание полагать, что они растратят нынешнее ваше имущество на удовлетворение и тем самым усиление похоти плоти, похоти очей или гордости житейской, подвергая опасности и свои души, и вашу, — не расставляйте перед ними этих ловушек. Не приносите

сыновей и дочерей своих Велиалу, как и Молоху. Сжальтесь над ними и уберите с их пути то, что, как вы легко можете предвидеть, умножит их грехи и, следовательно, ещё глубже погрузит их в вечную погибель! Как поразительно ослепление родителей, которым кажется, что они никогда не смогут оставить детям достаточно! Что! Неужели вы не можете оставить им достаточно стрел, горящих головней и смерти? Недостаточно безрассудных и вредных желаний? Недостаточно гордости, похоти, честолюбия, тщеславия? Недостаточно вечного пламени? Бедный несчастный! Ты боишься там, где нет причины для страха. Уж, конечно, и тебе, и им, когда вы поднимете глаза в аду, будет достаточно и «червя неумирающего», и «огня неугасающего»!

[29] 8. «Что же вы сделали бы на моём месте? Если бы вам предстояло оставить значительное состояние?» *Сделал* бы я это или нет, я знаю, что *должен* сделать; в этом не может быть разумного сомнения. Если бы у меня был один ребёнок, старший или младший, который знал бы цену деньгам и, по моему убеждению, употребил бы их правильно, я счёл бы своим безусловным, непременным долгом оставить этому ребёнку основную часть состояния, а остальным — ровно столько, чтобы они могли жить привычным для них образом. «Но что, если бы все ваши дети одинаково не знали истинного употребления денег?» Тогда мне следовало бы — жестоко это слово! кто может его слушать? — дать каждому столько, чтобы избавить его от нужды, а всё остальное употребить таким образом, который, по моему суждению, более всего послужил бы славе Божией.

[30] III. 1. Но пусть никто не воображает, что сделал что-либо, дойдя лишь досюда, «приобретя и сберёгши всё, что мог», если на этом остановится. Всё это — ничто, если человек не идёт дальше, если не направляет всё к последующей цели. Да и, собственно, нельзя сказать, что человек что-нибудь сберегает, если только складывает про запас. С тем же успехом можно бросить деньги в море, как и закопать их в землю. И с тем же успехом закопать в землю, как и спрятать в сундук или в Банк Англии. Не употреблять их — по существу значит выбрасывать. Поэтому, если вы действительно хотите «приобретать себе друзей богатством неправедным», присоедините к двум прежним третье правило. Сначала приобретя всё, что можете, и затем сберёгши всё, что можете, «отдавайте всё, что можете».

[31] 2. Чтобы увидеть основание и смысл этого, подумайте: когда Владыка неба и земли дал вам бытие и поместил в этом мире, Он поместил вас здесь не собственником, а управителем. Как управителю Он на время вверил вам блага различного рода; но исключительное право собственности на них остаётся у Него и не может быть от Него отчуждено. Как вы сами принадлежите не себе, а Ему, так принадлежит Ему и всё, чем вы пользуетесь. Таковы ваша душа и ваше тело: они не ваши, а Божии. Таково, в частности, и ваше имущество. И Он самым ясным и недвусмысленным образом сказал вам, как употреблять его для Него, чтобы всё оно стало святой жертвой, благоугодной через Иисуса Христа. А за это лёгкое, нетрудное служение Он обещал воздать вечным весом славы.

[32] 3. Наставления, которые Бог дал нам относительно употребления нашего земного имущества, можно свести к

следующим положениям. Если вы желаете быть верным и мудрым управителем, из той части благ вашего Господина, которую Он пока вручил вам, сохраняя право взять её обратно, когда Ему угодно, прежде всего обеспечьте необходимое себе: пищу для еды, одежду, чтобы одеться, всё, чего умеренно требует природа для сохранения здоровья и сил тела. Во-вторых, обеспечьте этим жену, детей, слуг и всех прочих домашних. Если после этого останется избыток, «делайте добро своим по вере». Если избыток останется и затем, «доколе есть время, делайте добро всем». Поступая так, вы отдаёте всё, что можете; более того, в истинном смысле — всё, что имеете, ибо всё израсходованное таким образом в действительности отдано Богу. Вы «отдаёте Божие Богу» не только тем, что даёте бедным, но и тем, что расходуете на необходимое для себя и своих домашних.

[33] 4. Поэтому, если когда-нибудь у вас возникнет сомнение относительно предстоящего расхода на себя или на кого-либо из семьи, есть простой способ его разрешить. Спокойно и серьёзно спросите себя: «(1) Расходуя это, поступаю ли я согласно своему положению? Действую ли я здесь не как собственник, а как управитель благ моего Господина? (2) Делаю ли я это в послушании Его Слову? В каком месте Писания Он требует от меня так поступать? (3) Могу ли я принести этот поступок, этот расход как жертву Богу через Иисуса Христа? (4) Есть ли у меня основание верить, что за это самое дело я получу награду при воскресении праведных?» Редко понадобится что-либо ещё для устранения сомнений в этом отношении; такое рассмотрение с четырёх сторон даст вам ясный свет относительно пути, которым следует идти.

34 5. Если же какое-нибудь сомнение всё-таки останется, вы можете ещё испытать себя молитвой, следуя этим вопросам. Попытайтесь сказать Испытующему сердца так, чтобы совесть не осуждала вас: «Господи, Ты видишь: я собираюсь израсходовать эту сумму на такую-то пищу, одежду, обстановку. И Ты знаешь, что я поступаю здесь с единым устремлением, как управитель Твоих благ, расходуя эту их часть согласно той цели, ради которой Ты вверил их мне. Ты знаешь, что я делаю это в послушании Господу, как Ты повелеваешь и потому, что Ты повелеваешь. Да будет это, молю Тебя, святой жертвой, благоугодной через Иисуса Христа! И дай мне внутреннее свидетельство, что за этот труд любви я получу воздаяние, когда Ты воздашь каждому по делам его». Если теперь ваша совесть свидетельствует вам в Духе Святом, что эта молитва благоугодна Богу, то у вас нет причины сомневаться, что такой расход правилен и добр и никогда не приведёт вас к стыду.

35 6. Итак, вы видите, что значит «приобретать себе друзей богатством неправедным» и каким способом добиться того, «чтобы, когда вас не станет, они приняли вас в вечные обители». Вы видите сущность и пределы истинно христианского благоразумия в отношении употребления этого великого таланта — денег. Приобретайте всё, что можете, не причиняя ни себе, ни ближнему вреда в душе или в теле, прилагая к этому неослабное усердие и весь разум, данный вам Богом; сберегайте всё, что можете, отсекая каждый расход, который служит лишь потворству безрассудным желаниям, удовлетворению похоти плоти, похоти очей или гордости житейской; ни при жизни, ни умирая не расточайте ничего на грех или безумие — ни ради себя, ни ради детей; и затем отдавайте всё, что можете, или,

иначе говоря, отдавайте Богу всё, что имеете. Не ограничивайте себя, скорее как иудей, нежели как христианин, той или иной долей. «Отдавайте Богу» не десятую часть, не треть, не половину, но всё Божие, много ли его или мало; употребляйте всё на себя, своих домашних, своих по вере и всё человечество таким образом, чтобы дать добрый отчёт в своём управлении, когда уже не сможете быть управителями; таким образом, как велят Божии речения в общих и частных предписаниях; таким образом, чтобы всё сделанное вами было «жертвой Богу в благоухание приятное» и каждый поступок получил награду в тот день, когда Господь придёт со всеми святыми Своими.

[36] 7. Братья, можем ли мы быть мудрыми или верными управителями, если не так распоряжаемся благами нашего Господина? Не можем: об этом свидетельствуют не только Божии речения, но и наша собственная совесть. Тогда зачем медлить? Зачем ещё советоваться с плотью и кровью или с людьми мира? Наше царство, наша мудрость — не от мира сего; языческий обычай для нас ничего не значит. Мы следуем за людьми лишь в той мере, в какой они следуют за Христом. Его слушайте! Да, сегодня, пока ещё говорится «ныне», услышьте Его голос и повинуйтесь! В этот час и с этого часа творите Его волю: исполните Его слово в этом и во всём! Умоляю вас во имя Господа Иисуса: поступайте достойно вашего призвания! Довольно лености! Всё, что может рука ваша делать, делайте по силам! Довольно расточительства! Отсеките всякий расход, которого требуют мода, прихоть или плоть и кровь! Довольно любостяжания! Но употребляйте всё вверенное вам Богом на добро, на всякое возможное добро, во всяком возможном виде и мере — своим по вере и всем людям! Это немалая часть «мудрости праведных».

Отдайте всё, что имеете, как и всё, что вы есть, в духовную жертву Тому, Кто не удержал от вас Сына Своего, Своего Единственного Сына; так «собирая себе сокровище, доброе основание для будущего, чтобы достигнуть вечной жизни»!

Добрый управитель

[1] «Дай отчёт в управлении твоём, ибо ты не можешь более управлять».

[2] Луки 16:2.

[3] 1. Отношение человека к Богу, творения к своему Творцу, представлено нам в Божиих речениях под различными образами. Рассматриваемый как грешник, как падшее создание, человек изображается там должником своего Творца. Он также часто изображается слугой, что, в самом деле, существенно присуще ему как творению; настолько, что это наименование даётся даже Сыну Божию, когда в состоянии Своего уничижения Он «принял образ раба, сделавшись подобным человекам».

[4] 2. Но никакое определение не соответствует нынешнему состоянию человека точнее, чем определение управителя. Наш благословенный Господь часто представляет человека именно так; и в этом образе есть особенная уместность. Должником человек именуется лишь в одном особом отношении, а именно поскольку он грешник; а когда его именуют слугой, это наименование общее и неопределённое. Но управитель — слуга особого рода, и именно таков человек во всех отношениях. Это наименование точно выражает его положение в нынешнем мире, указывая, какого рода слугой он является Богу и какого служения ожидает от него его Божественный Господин.

[5] Итак, может быть полезно основательно рассмотреть этот предмет и извлечь из него всю пользу. Для этого

исследуем, во-первых, в каких отношениях мы теперь являемся Божиими управителями. Во-вторых, заметим, что, когда Он потребует у нас наши души, мы «не сможем более управлять». Тогда останется лишь — и это можно рассмотреть в-третьих — «дать отчёт в нашем управлении».

[6] I. 1. Прежде всего нам надлежит исследовать, в каких отношениях мы теперь являемся Божиими управителями. Теперь мы обязаны Ему всем, что имеем; однако должник, хотя и обязан возвратить полученное, до наступления срока уплаты волен пользоваться им так, как *ему* угодно. С управителем дело обстоит иначе: он не волен пользоваться вверенным ему так, как ему угодно, но должен делать это так, как угодно его господину. Он не вправе распоряжаться ничем из находящегося в его руках иначе, как по воле своего господина. Ибо он не собственник всего этого: оно лишь вверено ему другим, притом на том определённом условии, что он будет распоряжаться всем по приказанию господина. Именно таково положение каждого человека по отношению к Богу. Мы не вольны пользоваться тем, что Он вручил нам, как нам угодно; мы должны пользоваться им так, как угодно Ему, единственному Владыке неба и земли и Господу всякого творения. Мы не вправе распоряжаться чем-либо из имеющегося у нас иначе, как по Его воле, поскольку мы ничему этому не собственники. Всё это, по слову Господа, allotria, *принадлежит другому*; и ничто в собственном смысле не является *нашим* в земле нашего странствия. Мы не получим ta idia, *своего*, пока не придём в собственное отечество. Только вечное — наше; всё же временное лишь вверено нам другим, Распорядителем и Господом всего. И Он вверяет его нам на том определённом условии, что мы будем пользоваться им

только как благами нашего Господина и согласно особым указаниям, данным нам в Его Слове.

[7] 2. На этом условии Он вверил нам души, тела, имущество и все прочие полученные нами таланты. Но чтобы запечатлеть эту важную истину в наших сердцах, необходимо перейти к подробностям.

[8] И прежде всего Бог вверил нам душу — бессмертный дух, сотворённый по образу Божию, — со всеми её силами и способностями: разумом, воображением, памятью, волей и рядом чувств, либо заключённых в воле, либо тесно от неё зависящих. Это любовь и ненависть, радость и печаль по отношению к настоящему добру и злу; желание и отвращение, надежда и страх по отношению к будущему. Всё это святой Павел, по-видимому, заключает в двух словах, когда говорит: «Мир Божий соблюдёт сердца ваши и умы ваши». Впрочем, последнее слово, noemata, пожалуй, лучше перевести как *помышления*, если только понимать это слово в самом широком смысле — как всякое восприятие ума, деятельное или страдательное.

[9] 3. Во всём этом мы, несомненно, лишь управители. Бог вверил нам эти силы и способности не для того, чтобы мы употребляли их по собственной воле, а для того, чтобы следовали определённым повелениям, данным Им; хотя верно и то, что, творя Его волю, мы самым действенным образом обеспечиваем своё счастье, ибо лишь в этом можем быть счастливы — и во времени, и в вечности. Так, разум, воображение и память мы должны всецело употреблять во славу Давшего их. Так, наша воля должна быть всецело предана Ему, а все чувства — устроены по Его указанию. Мы должны любить и ненавидеть, радоваться и скорбеть, желать и избегать, надеяться и

бояться согласно правилу, которое предписывает Тот, Кому мы принадлежим и Кому обязаны служить во всём. В этом смысле даже мысли наши не принадлежат нам: они не находятся в нашем собственном распоряжении; но за каждое сознательное движение ума мы отвечаем перед нашим великим Господином.

10 4. Во-вторых, Бог вверил нам тела — эти искусно устроенные механизмы, столь страшно и дивно созданные, — со всеми их силами и членами. Он вверил нам органы чувств: зрение, слух и прочие; но ничто из этого не дано нам в собственность, чтобы употреблять по своей воле. Ничто не предоставлено нам взаймы в таком смысле, будто мы на время вольны пользоваться им как нам вздумается. Нет: мы получили всё это именно на том условии, чтобы, пока оно остаётся с нами, употреблять его всё тем самым и никаким иным образом, какой назначает Он.

11 5. На тех же условиях Он сообщил нам и превосходнейший дар речи. «Ты дал мне язык, — говорит древний писатель, — чтобы им я восхвалял Тебя». Для этой цели язык дан всем сынам человеческим: чтобы они употребляли его на прославление Бога. Поэтому нет ничего неблагодарнее и нелепее, чем думать или говорить: «Язык наш с нами». Это невозможно, если только мы не создали самих себя и потому не зависим от Всевышнего. Но нет: «Он сотворил нас, а не мы сами»; отсюда явно следует, что Он остаётся нашим Господом в этом отношении, как и во всех других. Следовательно, нет ни одного слова на нашем языке, за которое мы не отвечали бы перед Ним.

12 6. Перед Ним мы в равной мере отвечаем за употребление рук и ног и всех членов тела. Всё это —

таланты, вверенные нашему попечению до времени, назначенного Отцом. До тех пор мы пользуемся всем этим, но как управители, а не как собственники, с тем чтобы «представить их не греху в орудия неправды, но Богу в орудия праведности».

13 7. В-третьих, Бог вверил нам некоторую долю земных благ: пищу для еды, одежду, чтобы одеться, и место, где преклонить голову; не только необходимое для жизни, но и её удобства. Прежде всего Он поручил нашему попечению тот драгоценный талант, который заключает в себе все остальные, — деньги. Они, в самом деле, неизреченно драгоценны, если мы мудрые и верные их управители, если каждую их часть употребляем на те цели, которые заповедал нам наш благословенный Господь.

14 8. В-четвёртых, Бог вверил нам несколько талантов, которые, собственно, не относятся ни к одной из этих категорий. Такова телесная сила; таковы здоровье, приятная наружность, обходительность; таковы учёность и знания в различных степенях вместе со всеми прочими преимуществами образования. Таково влияние на других, которым мы обладаем либо благодаря их любви и уважению к нам, либо благодаря власти — власти делать им добро или причинять вред, помогать им или мешать в житейских обстоятельствах. Прибавьте к этому бесценный талант времени, который Бог вверяет нам от мгновения к мгновению. Прибавьте, наконец, то, от чего зависит всё остальное и без чего всё это было бы проклятиями, а не благословениями, — благодать Божию, силу Его Святого Духа, которая одна производит в нас всё благоугодное пред Его очами.

[15] II. 1. В столь многих отношениях сыны человеческие — управители Господа, Владыки неба и земли; столь большую долю Своих разнообразных благ Он поручил их попечению. Но не навсегда и даже не на сколько-нибудь продолжительный срок. Это доверие оказывается нам лишь на короткое, неопределённое время нашего пребывания здесь, внизу; лишь пока мы остаёмся на земле, пока это мимолётное дыхание ещё в наших ноздрях. Стремительно приближается час — он уже совсем близок, — когда мы «не сможем более управлять»! В то мгновение, когда тело «возвратится в землю, чем оно и было, а дух — к Богу, Который дал его», мы перестанем быть управителями: время нашего управления окончится. Часть благ, прежде вверенных нам, теперь прекратилась — по крайней мере, для нас, — и больше нам не вверяется; а оставшуюся часть уже нельзя употреблять или развивать так, как прежде.

[16] 2. Часть того, что прежде было вверено нам, прекратилась — по крайней мере, для нас. Какое дело нам после этой жизни до пищи, одежды, домов и земных владений? Пища мёртвых — земной прах; одеты они лишь червями и тлением. Они живут в доме, приготовленном для всякой плоти; их земли более не знают их. Все их земные блага переданы в другие руки, и у них «более нет доли под солнцем».

[17] 3. То же самое относится к телу. В то мгновение, когда дух возвращается к Богу, мы перестаём быть управителями этого механизма, который тогда сеется в тлении и уничижении. Все части и члены, из которых он состоял, лежат, разлагаясь в земле. Руки уже не имеют силы двигаться; ноги забыли своё назначение; плоть,

жилы и кости — всё спешит распасться в обыкновенный прах.

18 4. Здесь оканчиваются и таланты смешанной природы: наша сила, здоровье, красота, красноречие и обходительность, наша способность нравиться другим, склонять их или убеждать. Здесь оканчиваются также все почести, которыми мы некогда пользовались, вся власть, вручённая нам, всё влияние на других, которым мы некогда обладали благодаря их любви или уважению к нам. Наша любовь, наша ненависть, наше желание исчезли; никого не заботит, какие чувства мы некогда к ним питали. На мёртвых смотрят как на неспособных ни помочь, ни повредить; так что «псу живому лучше, нежели мёртвому льву».

19 5. Относительно некоторых других вверенных нам теперь талантов, пожалуй, остаётся сомнение: перестанут ли они существовать, когда тело возвратится в прах, или только перестанут поддаваться развитию? Несомненно, тот вид речи, которым мы теперь пользуемся посредством телесных органов, совершенно прекратится, когда эти органы разрушатся. Язык, безусловно, уже не будет вызывать колебаний воздуха, а ухо — передавать эти дрожательные движения в общий центр ощущений. Даже sonus exilis, тихий, тонкий голос, которым поэт наделяет отделившийся дух, мы не можем признать реально существующим: это лишь взлёт воображения. Конечно, не подлежит сомнению, что отделившиеся духи имеют какой-то способ сообщать друг другу свои мысли и чувства; но кто из обитающих в плоти и крови может объяснить этот способ? Того, что мы называем «речью», у них быть не может; так что, причислившись к мёртвым, мы уже не сможем быть управителями этого таланта.

[20] 6. Можно также усомниться в том, будут ли существовать наши чувства, когда органы чувств разрушатся. Не вероятно ли, что чувства низшего рода — осязание, обоняние, вкус — прекратятся, поскольку они непосредственнее связаны с телом и предназначены главным образом, если не исключительно, для его сохранения? Но разве не останется какого-либо зрения, хотя глаза закроются смертью? И разве в душе не будет чего-то равнозначного нынешнему чувству слуха? Более того, не вероятно ли, что эти чувства в состоянии отделения от тела не только будут существовать, но будут существовать в гораздо большей степени и гораздо совершеннее, чем теперь, когда душа, освободившись от своей глины, уже не будет «угасающей искрой в облачном месте», уже не будет «смотреть сквозь окна глаза и уха», но скорее станет вся — глаз, вся — ухо, вся — чувство, таким образом, какого мы пока не можем постичь? И разве у нас нет ясного доказательства возможности этого — видеть без помощи глаза и слышать без помощи уха? Более того, разве мы не имеем постоянного залога этого? Ведь разве душа не видит самым ясным образом, когда глаз не действует, а именно — во сне? Разве она не обладает тогда способностью слышать без всякой помощи уха? Но как бы то ни было, несомненно одно: когда тело будет лежать в безмолвной могиле, ни чувства, ни речь уже не будут вверены нам так, как теперь.

[21] 7. В какой мере сохранятся тогда знания или учёность, приобретённые образованием, мы сказать не можем. Правда, Соломон говорит: «В могиле, куда ты пойдёшь, нет ни работы, ни размышления, ни знания, ни мудрости». Но очевидно, что эти слова нельзя понимать в безусловном смысле. Ведь утверждение, будто после оставления тела нет знания, настолько далеко от истины,

что сомнение лежит как раз на другой стороне: есть ли вообще до той поры что-либо подобное истинному знанию; не простая ли это трезвая истина, а не одно поэтическое вымышленное представление, что

[22] Все эти тени, что за вещи мы считаем,
Лишь пустые сны, которые во сне смерти видим;

[23] за исключением лишь того, что Сам Бог благоволил открыть человеку. Скажу за себя. Полвека искав истину с некоторым усердием, я ныне едва ли уверен в чём-либо, кроме того, чему учусь из Библии. Более того, я решительно утверждаю: ничто иное мне не известно с такой достоверностью, чтобы я осмелился поставить на это своё спасение.

[24] Однако из слов Соломона мы можем узнать хотя бы то, что «в могиле нет» такого «знания или мудрости», которые принесли бы пользу несчастному духу; там «нет размышления», посредством которого он мог бы теперь развить таланты, некогда ему вверенные. Ибо времени больше нет: время нашего испытания ради вечного счастья или вечного несчастья прошло. Наш день, день человека, завершён; день спасения окончился! Остаётся лишь «день Господень», открывающий беспредельную, неизменную вечность!

[25] 8. И всё же наши души, будучи нетленными и бессмертными, по природе «немного ниже ангелов» — даже если понимать это выражение о нашей первоначальной природе, в чём вполне можно усомниться, — когда тела истлеют в земле, сохранятся со всеми своими способностями. Наша память, наш разум не только не уничтожатся и даже не ослабнут от распада тела, но, напротив, у нас есть основание верить, что они

непостижимо усилятся. Разве нет у нас самого ясного основания верить, что тогда они вполне освободятся от тех недостатков, которые теперь естественно вытекают из соединения души с тленным телом? Весьма вероятно, что с момента их разлучения наша память уже ничего не упустит; более того, она верно представит нашему взору всё, что когда-либо было ей вверено. Правда, невидимый мир в Писании называется «землёю забвения», или, как ещё сильнее выражается старый перевод, «землёю, где всё забыто». Всё забыто; но кем? Не обитателями той земли, а обитателями земли здешней. Именно по отношению к ним невидимый мир — «земля забвения». Они слишком часто забывают всё, что там; но бесплотные духи не забывают. Едва ли можно думать, что, совлекшись земной скинии, они забывают хоть что-нибудь.

[26] 9. Подобным же образом разум, несомненно, освободится от недостатков, теперь с ним неразлучных. Многие века неоспоримой считалась истина: Humanum est errare et nescire; — неведение и заблуждение неотделимы от человеческой природы. Но целиком это утверждение верно лишь относительно живущих людей и сохраняет силу лишь до тех пор, пока «тленное тело отягощает душу». Неведение, конечно, присуще всякому конечному разуму, ибо никто, кроме Бога, не знает всего; но не заблуждение. Когда тело будет оставлено, вместе с ним навсегда будет оставлено и заблуждение.

[27] 10. Что же сказать нам человеку изобретательного ума, недавно открывшему, будто бесплотные духи не имеют не только чувств — даже зрения или слуха, — но и памяти, и разума; ни мысли, ни восприятия, даже сознания собственного существования! Будто от смерти до воскресения они пребывают в мёртвом сне! Поистине

Consanguineus lethi sopor! Такой сон можно назвать «близким сродником смерти», если он не сама смерть. Что же нам сказать, кроме того, что людям изобретательного ума снятся странные сны и эти сны они иногда принимают за действительность?

[28] 11. Но вернёмся. Как душа сохранит разум и память, несмотря на распад тела, так, несомненно, сохранится во всей силе и воля со всеми чувствами. Если наша любовь или гнев, наша надежда или желание исчезают, то лишь по отношению к тем, кого мы оставляем позади. Для них уже неважно, были ли они предметом нашей любви или ненависти, нашего желания или отвращения. Но у нас нет основания верить, что в самих отделившихся духах что-либо из этого угасает. Вероятнее, что всё это действует с гораздо большей силой, чем когда душа была обременена плотью и кровью.

[29] 12. Но хотя всё это — и знания, и чувства, память и разум вместе с волей, любовью, ненавистью и всеми душевными движениями — сохраняется после отпадения тела, в одном отношении всё это словно перестаёт существовать: мы уже не являемся его управителями. Сами дары остаются, но наше управление ими — нет: в этом качестве мы больше не действуем. Даже благодать, прежде вверенная нам для того, чтобы мы могли быть верными и мудрыми управителями, теперь уже не вверяется для этой цели. Дни нашего управления окончены.

[30] III. 1. Теперь остаётся, перестав быть управителями, дать отчёт в своём управлении. Некоторые полагали, что это должно произойти немедленно после смерти, как только мы войдём в мир духов. Более того, Римская церковь безусловно утверждает это и даже делает

догматом веры. И вот что мы можем допустить: в то мгновение, когда душа оставляет тело и предстаёт обнажённой перед Богом, она не может не узнать, каким будет её удел во всю вечность. Перед нею вполне откроется либо вечная радость, либо вечное мучение, поскольку обманываться в суждении о самих себе уже невозможно. Но Писание не даёт нам основания верить, что Бог тогда будет судить нас. Во всех Божиих речениях нет ни одного места, утверждающего что-либо подобное. То место, на которое часто ссылаются с этой целью, скорее, по-видимому, доказывает противоположное, а именно: «Человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евреям 9:27). Ибо, по всякому разумному суждению, слово «однажды» следует здесь относить к суду, как и к смерти. Поэтому правильный вывод из этого самого текста состоит не в том, что есть два суда — частный и всеобщий, — а в том, что нас будут судить, как и умирать нам, лишь однажды: не один раз непосредственно после смерти и ещё раз после всеобщего воскресения, но лишь тогда, «когда придёт Сын Человеческий во славе Своей и все святые ангелы с Ним». Поэтому представлению об одном суде при смерти и другом при конце мира не может быть места у тех, кто делает письменное Слово Божие полной и единственной мерой своей веры.

[31] 2. Итак, время, когда нам надлежит дать этот отчёт, наступит, когда «великий белый престол сойдёт с неба и Сидящий на нём, от лица Которого побегут небо и земля и не найдётся им места». Тогда «мёртвые, малые и великие, станут пред Богом, и книги будут раскрыты»: книга Писания — для тех, кому она была вверена; книга совести — для всего человечества. Также и «памятная книга», если употребить другое выражение Писания, которая писалась от основания мира, тогда будет открыта взору

всех сынов человеческих. Перед всеми ими, перед всем человеческим родом, перед дьяволом и его ангелами, перед бесчисленным сонмом святых ангелов и перед Богом, Судией всех, ты предстанешь без всякого убежища или покрова, без малейшей возможности притворства, чтобы дать подробный отчёт в том, как ты употребил все блага твоего Господина!

32 3. Судия всех тогда спросит: «Как ты употребил свою душу? Я вверил тебе бессмертный дух, наделённый различными силами и способностями: разумом, воображением, памятью, волей, чувствами. Вместе с тем Я дал тебе полные и определённые указания, как всё это употреблять. Употреблял ли ты свой разум, насколько он был способен, согласно этим указаниям: на познание себя и Меня — Моей природы, Моих свойств? Моих дел — творения, Промысла или благодати? На знакомство с Моим Словом? На использование всякого средства для умножения познания его? На размышление о нём день и ночь? Употреблял ли ты память, согласно Моей воле, для сохранения всякого приобретённого тобою знания, которое могло послужить Моей славе, твоему спасению или пользе других? Собирал ли ты в ней не никчёмные вещи, а всякое наставление, усвоенное из Моего Слова, и весь обретённый тобою опыт Моей мудрости, истины, силы и милости? Занималось ли твоё воображение не рисованием пустых образов, а тем более не таких, которые питают “безрассудные и вредные желания”, но представлением всего, что приносило бы пользу твоей душе и пробуждало стремление к мудрости и святости? Следовал ли ты Моим указаниям относительно воли? Была ли она всецело предана Мне? Была ли она поглощена Моею, так чтобы никогда не противиться ей, но всегда идти с нею в одном направлении? Были ли твои

чувства направлены и устроены так, как Я назначил в Своём Слове? Отдал ли ты Мне своё сердце? Не любил ли ты мира и того, что в мире? Был ли Я предметом твоей любви? Всё ли твоё желание устремлялось ко Мне и к воспоминанию имени Моего? Был ли Я радостью твоего сердца, услаждением твоей души, первым среди десяти тысяч? Скорбел ли ты только о том, что огорчало Мой Дух? Боялся ли и ненавидел только грех? Возвращался ли весь поток твоих чувств в океан, из которого они изошли? Были ли мысли твои заняты согласно Моей воле — не блужданием до краёв земли, не безумием или грехом, но всем чистым, всем святым; всем, что содействовало Моей славе, миру и благоволению между людьми?»

33 4. Тогда твой Господь спросит: «Как ты употребил тело, вверенное Мною тебе? Я дал тебе язык, чтобы ты восхвалял Меня: употреблял ли ты его для той цели, ради которой он был дан? Употреблял ли ты его не на злословие или пустословие, не на немилосердные или бесполезные разговоры, а на добрые, необходимые или полезные тебе либо другим, на такие, которые всегда прямо или косвенно служили тому, чтобы “доставлять благодать слушающим”? Вместе с прочими чувствами Я дал тебе великие пути к познанию — зрение и слух: употреблялись ли они для тех превосходных целей, ради которых были дарованы? Чтобы приносить тебе всё больше наставления в праведности и истинной святости? Я дал тебе руки и ноги и разные члены, чтобы исполнять приготовленные для тебя дела: употреблялись ли они не на исполнение “воли плоти”, твоей злой природы, или воли ума — того, к чему влекли тебя рассудок или воображение, — а “воли Пославшего” тебя в мир исключительно для совершения твоего спасения? Представлял ли ты все свои члены не греху в орудия

неправды, но Мне одному, через Сына Моей любви, “в орудия праведности”?»

34 5. Затем Господь всего спросит: «Как ты употребил земные блага, которые Я вручил тебе? Пользовался ли ты пищей не для того, чтобы искать или полагать в ней своё счастье, а для того, чтобы сохранять тело здоровым, сильным и бодрым — пригодным орудием души? Пользовался ли ты одеждой не для питания гордости или тщеславия, тем более не для искушения других ко греху, а для удобной и пристойной защиты от вредного воздействия погоды? Устраивал ли ты дом и все прочие удобства и пользовался ли ими с единым устремлением к Моей славе, во всём ища не своей чести, а Моей, стараясь угодить не себе, а Мне? И ещё: как ты употребил тот всеобъемлющий талант — деньги? Не для удовлетворения похоти плоти, похоти очей или гордости житейской; не расточая их на пустые расходы, что равносильно бросанию их в море; не накапливая, чтобы оставить после себя, что равносильно зарыванию их в землю; но прежде удовлетворяя разумные потребности свои и своей семьи, а затем возвращая остаток Мне через бедных, которых Я назначил его принять? Смотрел ли ты на себя только как на одного из этих бедных, чьи нужды должны были удовлетворяться из той части Моего имущества, которую Я для этой цели вручил тебе, оставив тебе право получить необходимое первым и блаженство больше давать, нежели принимать? Был ли ты поэтому всеобщим благодетелем человечества, питая голодных, одевая нагих, утешая больных, помогая странникам, облегчая участь бедствующих сообразно их различным нуждам? Был ли ты глазами слепому и ногами хромому, отцом сироте и мужем вдове? И старался ли ты обратить все

внешние дела милосердия в средства спасения душ от смерти?»

35 6. Далее твой Господь спросит: «Был ли ты мудрым и верным управителем талантов смешанной природы, которые Я предоставил тебе? Употреблял ли ты здоровье и силу не на безумие или грех, не на удовольствия, исчезавшие от употребления, “не обращая попечение о плоти в похоти”, но на деятельное стремление к той лучшей части, которой никто не мог у тебя отнять? Употреблял ли ты всё привлекательное в своей наружности и обращении, все преимущества образования, всю вверенную тебе меру учёности, все знания о вещах или людях на распространение добродетели в мире, на расширение Моего Царства? Употреблял ли ты всякую имевшуюся у тебя долю власти, всякое влияние на других благодаря возникшей в них любви или уважению к тебе на умножение их мудрости и святости? Употреблял ли ты бесценный талант времени с осторожностью и осмотрительностью, должным образом взвешивая цену каждого мгновения и зная, что все они исчислены в вечности? Прежде всего, был ли ты добрым управителем Моей благодати, предварявшей, сопровождавшей и следовавшей за тобою? Замечал ли ты должным образом и заботливо ли обращал на пользу все действия Моего Духа — каждое доброе желание, каждую меру света, все Его строгие или кроткие обличения? Какую пользу ты извлёк из “духа рабства и страха”, который предшествовал “Духу усыновления”? И когда ты стал причастником этого Духа, вопиющего в сердце твоём: “Авва, Отче!”, стоял ли ты твёрдо в славной свободе, которою Я освободил тебя? С той поры приносил ли ты душу и тело, все мысли, слова и поступки в едином пламени любви, как святую жертву, прославляя Меня

телом и духом? Тогда “хорошо, добрый и верный раб! войди в радость господина твоего!”»

36 И что останется верному или неверному управителю? Только исполнение приговора, произнесённого праведным Судией и утверждающего тебя в состоянии, которое не допускает перемены во веки вечные! Останется лишь получить на всю вечность воздаяние по делам твоим.

37 IV. 1. Из этих простых соображений мы можем узнать, во-первых, как важен этот краткий, ненадёжный день жизни! Как драгоценна, превыше всякого слова, превыше всякого представления, каждая его частица!

> 38 Малейшая из них заботы требует серьёзной:
> Хоть малы они — песчинки золотые!

39 Как глубоко касается каждого сына человеческого необходимость не дать ни одной из них пропасть даром, но все употребить на самые благородные цели, пока дыхание Божие в его ноздрях!

40 2. Во-вторых, отсюда мы узнаём, что никакое употребление времени, никакой поступок или разговор не бывает совершенно безразличным. Всё либо добро, либо зло, потому что всё наше время, как и всё, что мы имеем, принадлежит не нам. Всё это, по слову нашего Господа, ta allotria — *собственность другого*, Бога, нашего Творца. И употребляется оно либо согласно Его воле, либо нет. Если согласно Его воле — всё добро; если нет — всё зло. Далее: Его воля в том, чтобы мы непрестанно возрастали в благодати и в живом познании нашего Господа Иисуса Христа. Следовательно, всякая мысль, слово и дело, которыми это познание умножается, которыми мы

возрастаем в благодати, — добро; а всё, чем это познание не умножается, есть истинно и в собственном смысле зло.

41 3. В-третьих, отсюда мы узнаём, что нет сверхдолжных дел; что мы никогда не можем сделать больше нашего долга, поскольку всё, что имеем, не наше, а Божие, и всё, что можем сделать, причитается Ему. Не то или другое, не только многое, но всё мы получили от Него; поэтому всё и причитается Ему. Дающий нам всё неизбежно имеет право на всё; так что, если мы отдаём Ему меньше, чем всё, мы не можем быть верными управителями. И, помня, что «каждый получит свою награду по своему труду», мы не можем быть мудрыми управителями, если не трудимся до предела своих сил, не оставляя несделанным ничего, что только возможно сделать, но напрягая все силы.

42 4. Братья, «мудр ли и разумен кто из вас»? Пусть явит мудрость свыше жизнью, соответствующей своему положению. Если он считает себя управителем многоразличных даров Божиих, пусть смотрит, чтобы все мысли, слова и дела согласовывались с местом, назначенным ему Богом. Немалое дело — употребить для Бога всё, что вы получили от Бога. Оно требует всей вашей мудрости, всей решимости, всего терпения и постоянства — гораздо больше, чем вы когда-либо имели от природы, но не больше того, что можете иметь по благодати. Ибо довольно для вас Его благодати; и вы знаете, что «всё возможно верующему». Итак, верою «облекитесь в Господа Иисуса Христа», «облекитесь во всеоружие Божие», и вы получите силу прославлять Его во всех словах и делах, более того — пленять всякое помышление в послушание Христу!

43 Эдинбург, 14 мая 1768 года.

Исправление нравов

[1] Проповедь, произнесённая перед Обществом исправления нравов в воскресенье, 30 января 1763 года, в часовне на Уэст-стрит, Севен-Дайалс.

[2] «Кто восстанет со мною против нечестивых?»

[3] Псалом 94:16.

[4] 1. Во все века люди, не боявшиеся Бога и не стыдившиеся людей, соединялись и образовывали союзы для совершения дел тьмы. В этом они оказывались мудрыми в своём роде: таким способом они успешнее распространяли царство своего отца — дьявола, чем могли бы иначе. С другой стороны, люди, боявшиеся Бога и желавшие счастья своим собратьям, во все века находили необходимым объединяться, чтобы противостоять делам тьмы, распространять познание Бога, своего Спасителя, и утверждать Его Царство на земле. Сам Он, в самом деле, наставил их поступать так. С тех пор как люди появились на земле, Он учил их соединяться в служении Ему и объединил их в одно тело единым Духом. Именно для того Он и соединил их, «чтобы разрушить дела дьявола»: сначала в тех, кто уже соединён, а через них — во всех окружающих. [41]

[5] 2. Таков первоначальный замысел Церкви Христовой. Это сообщество людей, тесно соединённых друг с другом, чтобы прежде всего каждому спасти собственную душу, затем помогать друг другу в совершении своего спасения и после того, насколько это от них зависит, спасать всех людей от нынешнего и будущего несчастья,

ниспровергать царство сатаны и утверждать Царство Христово. Это должно быть постоянной заботой и стремлением каждого члена Его Церкви; иначе он недостоин называться её членом, поскольку не является живым членом Христа.

[6] 3. Поэтому это должно быть постоянной заботой и стремлением всех, кто соединён в этих королевствах и обычно именуется *Церковью Англии*. Именно для того они и соединены, чтобы противостоять дьяволу и всем его делам, вести войну против мира и плоти — его постоянных и верных союзников. Но достигают ли они на деле цели своего единения? Все ли именующие себя «членами Церкви Англии» всем сердцем противостоят делам дьявола и сражаются против мира и плоти? Увы! Этого сказать нельзя. До того далеко: значительная, боюсь, бóльшая часть их сама есть *мир* — люди, не знающие Бога спасительным образом; они день за днём потакают плоти вместо того, чтобы «умерщвлять плоть со страстями и похотями», и сами совершают те дела дьявола, которые особенно обязались разрушать.

[7] 4. Поэтому даже в этой христианской стране, как мы *учтиво* называем Великобританию, более того, в этой христианской церкви, если можно дать такое имя основной массе нашего народа, всё ещё нужны люди, которые «восстанут против нечестивых» и соединятся «против делающих беззаконие». Более того, никогда не было большей нужды, чем ныне, в том, чтобы «боящиеся Господа часто говорили друг с другом» именно о том, как «поднять знамя против беззакония», затопляющего страну. Есть более чем достаточно причин всем слугам Божиим соединиться против дел дьявола, единым сердцем, общими советами и трудами стать за Бога и,

насколько это от них зависит, сдержать эти «потоки нечестия».

[8] 5. Ради этой цели несколько человек в Лондоне в конце прошлого века объединились и спустя некоторое время стали именоваться *Обществом исправления нравов*; почти сорок лет они совершали невероятно много добра. Но затем, когда большинство первоначальных членов отошло к своей награде, сменившие их упали духом и оставили дело; так что несколько лет назад Общество прекратило существование и ничего подобного в королевстве не осталось.

[9] 6. Недавно образовано общество того же рода. Я намерен показать, во-первых, сущность его замысла и шаги, предпринятые до сих пор; во-вторых, превосходство этого замысла вместе с различными выдвинутыми против него возражениями; в-третьих, какими людьми должны быть те, кто берётся за такое дело; и в-четвёртых, с каким духом и каким образом им следует действовать при его осуществлении. В заключение я обращу наставление и к ним, и ко всем боящимся Бога.

[10] I. 1. Прежде всего мне надлежит показать сущность их замысла и шаги, предпринятые до сих пор.

[11] В один день Господень, в августе 1757 года, в небольшой компании, собравшейся для молитвы и благочестивой беседы, заговорили о грубом и открытом осквернении этого священного дня: люди покупают и продают, держат лавки открытыми, пьют в пивных, стоят или сидят на улицах, дорогах и полях, торгуя своим товаром, как в будни. Особенно это происходило в Мурфилдсе, который тогда каждое воскресенье был полон ими из конца в конец. Обсудили, каким способом можно

устранить эти беспорядки, и решили, что шестеро из собравшихся утром посетят сэра Джона Филдинга, чтобы получить наставление. Они так и сделали; он одобрил замысел и указал, как осуществить его.

12 2. Сначала они подали прошения высокопочтенному лорду-мэру и суду олдерменов, судьям, заседавшим в Хикс-холле, и судьям Вестминстера; и от всех этих почтенных судебных собраний получили большое ободрение продолжать дело.

13 3. Затем сочли уместным сообщить о своём замысле многим высокопоставленным лицам и духовенству, а также служителям других исповеданий, принадлежавшим к различным церквам и собраниям в Лондоне и Вестминстере и их окрестностях. К своему удовлетворению, они встретили с их стороны сердечное согласие и всеобщее одобрение.

14 4. Затем они за свой счёт напечатали и распространили несколько тысяч наставлений для констеблей и других приходских должностных лиц, разъяснявших и подкреплявших их обязанности. А чтобы по возможности избежать необходимости прибегать к действительному применению законов, они также напечатали и распространили по всему городу увещания против нарушения субботнего покоя, выдержки из парламентских законов, направленных против него, и предупреждения нарушителям.

15 5. После того как этими предосторожностями был подготовлен путь, в начале 1758 года, вслед за неоднократными предупреждениями, всякий раз оставлявшимися без внимания, стали подавать судьям настоящие заявления против лиц, осквернявших день

Господень. Таким способом они сначала очистили улицы и поля от явных нарушителей, которые, не считаясь ни с Богом, ни с королём, продавали свои товары с утра до ночи. Затем они приступили к более трудному делу: предупреждению пьянства в день Господень, проведению в пивных того времени, которое следовало проводить в непосредственном поклонении Богу. Здесь им пришлось испытать множество поношений, оскорблений и всякого рода ругани. Бороться приходилось не только с пьющими и принимавшими их содержателями пивных, но и с богатыми, почтенными людьми: отчасти с домовладельцами, сдававшими помещения содержателям пивных, отчасти с поставщиками напитков и вообще со всеми, кто наживался на их грехах. Некоторые из этих людей были не только состоятельными, но и облечёнными властью; более того, не в одном случае они оказывались именно теми лицами, к которым приводили нарушителей. И их обращение с подававшими заявления естественно ободряло «зверей из народа» следовать их примеру и обращаться с ними как с людьми, недостойными жить на земле. Поэтому они не стеснялись не только осыпать их самой низкой бранью, не только бросать в них грязь, камни и всё, что попадалось под руку, но нередко безжалостно избивали их, волокли по камням или по сточным канавам. И если они их не убили, то не от недостатка желания: но в зубах их была узда.

[16] 6. Итак, получив помощь от Бога, они продолжили дело и стали удерживать также пекарей от того, чтобы столь большую часть дня Господня посвящать труду своего ремесла. Но многие из них оказались благороднее содержателей питейных заведений. Они были настолько далеки от негодования или от восприятия этого как оскорбления, что некоторые, прежде увлечённые потоком

обычая к поступкам против собственной совести, искренне благодарили их за труд и признавали его подлинным благодеянием.

17 7. Очищая улицы, поля и пивные от нарушителей субботнего покоя, они столкнулись с другим родом нарушителей, не менее всяких иных вредным для общества, — игроками различных видов. Некоторые принадлежали к самому низкому и подлому разряду, обыкновенно называемому шулерами: их промысел состоит в том, чтобы завладеть молодыми, неопытными людьми и обманом отнять у них все деньги; а доведя их до нищеты, они часто обучают их той же тайне беззакония. Несколько таких гнёзд они искоренили и немалое число этих людей заставили честно добывать хлеб в поте лица и трудом своих рук.

18 8. Возрастая числом и силой, они расширили свои намерения и начали не только пресекать нечестивое сквернословие, но и удалять с наших улиц другую общественную язву и позор христианского имени — публичных блудниц. Многие из них были остановлены на самом ходу дерзкого нечестия. А чтобы добраться до корня болезни, многие дома, принимавшие их, были выявлены, подвергнуты законному преследованию и совершенно закрыты. И некоторые из самих этих бедных, покинутых женщин, хотя и опустились

19 До самой низшей черты человеческого бесчестия,

20 признали благой Промысл Божий и оставили свои грехи через длительное покаяние. Нескольких из них устроили на службу, а нескольких приняли в приют Магдалины.

21 9. Если позволено небольшое отступление: кто может достаточно восхититься мудростью Божественного Промысла, располагающего времена и сроки так, чтобы одно событие соответствовало другому? Вот пример. Именно тогда, когда многие из этих бедных созданий, остановленные на греховном пути, ощутили желание вести лучшую жизнь, словно в ответ на горестный вопрос: «Но если я оставлю нынешний путь, чем я смогу жить? Ведь я не владею никаким ремеслом, и у меня нет друзей, которые приняли бы меня», — именно тогда, говорю я, Бог приготовил приют Магдалины. Здесь тех, кто не имеет ни ремесла, ни друзей, готовых их принять, встречают со всей нежностью; здесь они могут жить, притом с удобством, обеспеченные всем необходимым «для жизни и благочестия».

22 10. Но вернёмся. Число лиц, привлечённых к суду с августа 1757 года по август 1762 года, составляет.....9,596

23 С того времени до настоящего дня: —

24

За незаконную азартную игру и нечестивое сквернословие	40
За нарушение субботнего покоя	400
Распутные женщины и содержатели дурных домов	550
За предложение к продаже непристойных гравюр	2
Всего	10,588

25 11. При приёме членов в Общество не принимают во внимание принадлежность к какой-либо особой секте или партии. Всякого, кто после наведения справок оказывается добрым человеком, охотно принимают. И никто, имеющий корыстные или денежные виды, долго в нём не останется: не только потому, что ничего не приобретёт, но и потому, что вскоре окажется в убытке, поскольку, став членом, должен немедленно начать платить взносы. Правда, в народе кричат: «Это всё уайтфилдисты!» Но это большая ошибка. Лишь около двадцати членов, постоянно вносящих пожертвования, связаны с мистером Уайтфилдом; около пятидесяти связаны с мистером Уэсли; около двадцати, принадлежащих к государственной Церкви, не связаны ни с тем, ни с другим; и около семидесяти — диссентеры. Всего получается сто шестьдесят. Впрочем, гораздо больше людей помогают делу случайными пожертвованиями.

26 II. 1. Таковы шаги, предпринятые до сих пор для осуществления этого замысла. Во-вторых, мне надлежит

показать его превосходство, несмотря на выдвинутые против него возражения. Это может стать ясным из нескольких соображений. И прежде всего из следующего: открыто выступить против всякого нечестия и неправды, подобно потопу покрывающих нашу землю, — один из благороднейших способов исповедать Христа перед лицом Его врагов. Это значит воздать славу Богу и показать человечеству, что даже в эти последние, испорченные времена

> [27] Есть те, кто, хоть их мало, предпочтут
> Верность и благочестие пред Богом.

[28] И что может быть превосходнее, чем воздать Богу честь, подобающую Его имени? Чем доказательством сильнее слов — самим страданием и готовностью подвергнуться всякой опасности — объявить: «Воистину есть награда праведнику; несомненно, есть Бог, судящий землю».

[29] 2. Как превосходен замысел хотя бы отчасти предотвратить бесчестие, наносимое Его славному имени, презрение, изливаемое на Его власть, и поругание нашей святой веры грубым, вопиющим нечестием тех, кто всё ещё называется именем Христа! Хоть сколько-нибудь остановить поток порока, сдержать наводнение нечестия, в какой-либо мере устранить поводы хулить достойное имя, которым мы названы, — один из благороднейших замыслов, какие только могут родиться в человеческом сердце.

[30] 3. И как этот замысел столь явно способствует возданию «славы в вышних Богу», так не менее явно он содействует утверждению «на земле мира». Ведь всякий грех прямо направлен и к разрушению нашего мира с

Богом, открыто бросая Ему вызов, и к изгнанию мира из нашей груди, и к обращению меча каждого против его ближнего; поэтому всё, что предупреждает или устраняет грех, в той же мере содействует миру — миру в нашей душе, миру с Богом и миру друг с другом. Таковы подлинные плоды этого замысла даже в нынешнем мире. Но зачем ограничивать свой взор узкими пределами времени и пространства? Лучше перейдём за них, в вечность. И какой плод его найдём там? Пусть скажет апостол: «Братья, если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его» — не к тому или другому мнению, но к Богу! — «пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасёт душу от смерти и покроет множество грехов» (Иакова 5:19, 20).

[31] 4. И польза этого замысла распространяется не только на отдельных людей — тех ли, кто вовлекает других во грех, или тех, кто может быть ими вовлечён и погублен, — но и на всё общество, членами которого мы являемся. Ибо разве не верно наблюдение: «Праведность возвышает народ»? И разве не столь же верно, с другой стороны, что «грех — бесчестие народов»? Более того, он навлекает на них проклятие Божие. Поэтому, насколько содействуют праведности в какой-либо её области, настолько содействуют благу страны. Насколько сдерживается грех, особенно открытый, настолько удаляются от нас проклятие и бесчестие. Поэтому все трудящиеся в этом деле — общие благодетели. Они — самые верные друзья своего короля и страны. И в той мере, в какой осуществляется их замысел, Бог, без сомнения, даст народу благоденствие, исполняя Своё верное слово: «Я прославлю прославляющих Меня».

32 5. Но возражают: «Как бы превосходен ни был этот замысел, он не касается *вас*. Разве нет лиц, которым по должности принадлежат пресечение этих нарушений и наказание нарушителей? Разве нет констеблей и других приходских должностных лиц, обязанных к этому самой присягой?» Есть. Констебли и церковные старосты, в частности, торжественной присягой обязались подавать надлежащие заявления против оскверняющих день Господень и всех прочих явных грешников. Но если они этого не делают, если, несмотря на присягу, не утруждают себя этим делом, то всем боящимся Бога, любящим человечество и желающим блага своему королю и стране надлежит осуществлять этот замысел с той же энергией, как если бы таких должностных лиц вовсе не существовало: ибо если от них нет пользы, это всё равно что их не было бы.

33 6. «Но это лишь предлог: их настоящее намерение — получать деньги за доносы». Так нередко и без обиняков утверждали, но без малейшей тени истины. Противное можно доказать тысячью примеров: ни один член Общества не берёт никакой части денег, которые закон назначает заявителю. Они не делали этого с самого начала; никто из них также никогда не получает ничего за сокрытие или отзыв своего заявления. Это ещё одна ошибка, если не умышленная клевета, для которой нет ни малейшего основания.

34 7. «Но замысел неисполним. Порок достиг такой силы, что подавить его невозможно, особенно такими средствами. Что может горстка бедных людей против всего мира?» «Человекам это невозможно, но не Богу». И они уповают не на себя, а на Него. Пусть же покровители порока будут как угодно сильны — для Него они не более

саранчи. И все средства для Него равны: для Бога одно и то же — «спасти через многих или через немногих». Поэтому малочисленность тех, кто на стороне Господа, ничего не значит, как и многочисленность тех, кто против Него. Он по-прежнему творит всё, что Ему угодно, и «нет ни совета, ни силы против Господа».

35 8. «Но если ваша цель действительно исправить грешников, то вы выбираете неверные средства. Это должно совершать Слово Божие, а не человеческие законы; это дело служителей Церкви, а не судей. Поэтому обращение к последним может произвести лишь внешнее исправление; сердце оно не изменяет».

36 Верно, что Слово Божие — главное, обычное средство, которым Он изменяет сердца и жизнь грешников, и делает Он это преимущественно через служителей Евангелия. Но верно также, что судья — «Божий слуга» и что он предназначен Богом «быть страшным для злодеев», применяя к ним человеческие законы. Если это и не изменяет сердца, то предотвращение внешнего греха всё же составляет ценное достижение. Настолько меньше бесчестия наносится Богу, меньше поругания — нашей святой вере; меньше проклятия и позора ложится на народ; меньше искушений встаёт на пути других; более того, сами грешники меньше накапливают себе гнева на день гнева.

37 9. «Нет, скорее больше: многих это делает лицемерами, притворяющимися тем, чем они не являются. Других, подвергая позору и расходам, это делает наглыми и отчаянными в нечестии; так что на деле никто из них не становится лучше, если только не становится хуже прежнего».

[38] Это сплошное заблуждение. Ибо, во-первых, где эти лицемеры? Мы не знаем никого, кто притворялся бы тем, чем не является. Во-вторых, подвергать упорных нарушителей позору и расходам — значит не делать их отчаянными в нарушениях, а внушать им страх перед ними. В-третьих, некоторые вовсе не стали хуже, а существенно улучшились: весь строй их жизни переменился. Более того, в-четвёртых, некоторые изменились внутренне, обратившись «от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу».

[39] 10. «Но многие не убеждены, что покупать или продавать в день Господень — грех».

[40] Если они не убеждены, то должны быть убеждены; давно пора. Дело ясно как день. Ведь если открытое, сознательное нарушение и закона Божия, и закона страны не грех, то скажите, что же тогда грех? А если такое нарушение Божественных и человеческих законов нельзя наказывать потому, что человек не убеждён в его греховности, тогда всякому отправлению правосудия конец и все могут жить, как им вздумается.

[41] 11. «Но прежде следует испробовать *мягкие* способы». Следует; и их действительно испробуют. Каждому нарушителю дают мягкое увещание, прежде чем применить к нему закон; и никого не преследуют по суду, пока он не получит прямого предупреждения, что это произойдёт, если он не предотвратит преследование, устранив его причину. Во всяком случае употребляется самый мягкий способ, допускаемый существом дела; к более суровым средствам никогда не прибегают, кроме случаев, когда они безусловно необходимы для достижения цели.

42 12. «Ну а после всего этого шума об исправлении какое настоящее добро сделано?» Неизреченно большое добро; гораздо больше, чем кто-либо мог ожидать за столь короткое время, учитывая малое число деятелей и трудности, с которыми им пришлось столкнуться. Много зла уже предотвращено и много устранено. Многие грешники исправились внешне, некоторые изменились внутренне. Честь Того, Чьё имя мы носим, столь открыто оскорбляемая, была открыто защищена. И нелегко определить, как много великих благословений уже могло привлечь на весь наш народ даже это небольшое выступление за Бога и Его дело против Его дерзких врагов. Итак, в целом, после всех возможных возражений, разумные люди всё же могут заключить: едва ли когда-либо в человеческом сердце мог возникнуть более превосходный замысел.

43 III. 1. Но какими людьми должны быть те, кто берётся за такое дело? Некоторые могут вообразить, что всякого желающего помочь следует охотно принимать и что чем больше членов, тем больше будет их влияние. Но это совершенно неверно: факты неопровержимо доказывают обратное. Пока прежнее Общество исправления нравов состояло только из отобранных членов, пусть немногочисленных, небогатых и невлиятельных, они преодолевали всякое сопротивление и достигали выдающегося успеха во всех областях своего дела. Но когда в Общество приняли некоторое число людей, отобранных менее тщательно, оно становилось всё менее полезным, пока постепенно, незаметными шагами, не сошло на нет.

44 2. Поэтому численности членов не следует придавать больше значения, чем их богатству или высокому

положению. Это дело Божие. Оно предпринимается во имя Бога и ради Него. Следовательно, люди, которые не любят Бога и не боятся Его, не имеют в нём ни части, ни жребия. «Для чего берёшь завет Мой в уста твои? — может Бог сказать любому из них, — тогда как ты сам ненавидишь исправление и слова Мои бросаешь за себя?» Поэтому всякий, живущий в каком-либо заведомом грехе, не годится для исправления грешников; особенно если он в чём-либо или хотя бы в малейшей степени виновен в осквернении имени Божия, в покупке, продаже или исполнении ненужной работы в день Господень либо в каком-нибудь другом нарушении из тех, ради исправления которых прежде всего и предназначено это Общество. Нет: пусть никто, кто сам нуждается в таком исправлении, не дерзает вмешиваться в подобное дело. Сначала пусть «вынет бревно из своего глаза»; пусть сам будет *безупречен* во всём.

45 3. Однако и этого недостаточно. Каждый участвующий в деле должен быть больше, чем просто безвредным человеком. Он должен быть человеком веры, имеющим хотя бы такую меру «уверенности в невидимом», чтобы «устремляться не к видимому, которое временно, но к невидимому, которое вечно»; такой веры, которая рождает устойчивый страх Божий и постоянную решимость, по Его благодати, воздерживаться от всего, что Он запретил, и делать всё, что повелел. Особенно ему понадобится та особая сторона веры, которая есть упование на Бога. Именно эта вера «двигает горы», «угашает силу огня», преодолевает всякое сопротивление и позволяет одному устоять против тысячи и «обратить тысячу в бегство», зная, в Ком его сила, и даже «имея в себе самом приговор к смерти, уповая на Того, Кто воскрешает мёртвых».

[46] 4. Имеющий веру и упование на Бога вследствие этого будет человеком мужественным. А таким крайне необходимо быть каждому, кто вступает в это дело; ибо при его осуществлении встретится многое, страшное для человеческой природы, столь страшное, что все «советующиеся с плотью и кровью» побоятся с этим столкнуться. Поэтому здесь истинное мужество на своём месте и необходимо в высшей степени. И дать его может только вера. Верующий может сказать:

> [47] Мне отказ не страшен, не страшна мне беда;
> Не отступлю от испытанья — ведь Иисус всегда вблизи.

[48] 5. С мужеством тесно связано терпение: первое относится к будущим, второе — к настоящим бедствиям. И всякий, кто участвует в осуществлении такого замысла, будет весьма нуждаться в терпении. Ибо, несмотря на всю свою безупречность, он окажется как раз в положении Измаила: «Руки его на всех, и руки всех на него». И неудивительно. Если верно, что «все желающие жить благочестиво будут гонимы», то насколько полнее это должно исполниться на тех, кто, не довольствуясь собственной благочестивой жизнью, принуждает к ней и нечестивых или, по крайней мере, принуждает их воздерживаться от явного нечестия! Разве это не объявление войны всему миру? Не вызов всем детям дьявола? И разве сам сатана, «князь мира сего, властитель его тьмы», не напряжёт всего коварства и всех сил в поддержку своего колеблющегося царства? Кто может ожидать, что рыкающий лев смирно покорится, когда добычу вырывают из его зубов? Поэтому «терпение нужно вам, чтобы, исполнив волю Божию, получить обещанное».

[49] 6. И вам нужна твёрдость, чтобы «неуклонно держаться исповедания вашей веры». Она также должна быть во всех, кто соединяется в этом Обществе: это не дело для «человека с двоящимися мыслями», который «не твёрд во всех путях своих». Тот, кто подобен трости, колеблемой ветром, не годится для этой войны; она требует твёрдой цели души, постоянной, решительной воли. Не имеющий её может «возложить руку на плуг», но как скоро он «оглянется назад»! Он может «продержаться некоторое время; но когда из-за дела возникает гонение или скорбь», общественные или личные бедствия, «тотчас соблазняется».

[50] 7. В самом деле, трудно кому-либо упорно продолжать столь неприятное дело, если любовь не пересиливает и боль, и страх. Поэтому в высшей степени желательно, чтобы у всех занятых им «любовь Божия излилась в сердца», чтобы все могли сказать: «Мы любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас». Присутствие Того, Кого любит их душа, тогда сделает их труд лёгким. Тогда они смогут сказать — не от необузданности разгорячённого воображения, а с полной правдивостью и трезвостью:

> [51] С Тобою беседуя, забываю
> Всё время, труд и заботы;
> Труд — отдых, и боль сладка,
> Пока Ты, мой Бог, здесь.

[52] 8. Ещё большую сладость даже труду и боли придаёт христианская «любовь к ближнему». Когда они «любят ближнего», то есть всякую человеческую душу, «как самих себя», как собственную душу; когда «любовь Христова объемлет» их и побуждает любить друг друга, «как Он возлюбил нас»; когда, как Он «вкусил смерть за

каждого», так и они «готовы положить жизнь за братьев», включая в это число каждого человека, каждую душу, за которую умер Христос, — какая перспектива опасности сможет тогда отвращать их страхом от «труда любви»? Какого страдания они не будут готовы претерпеть, чтобы спасти одну душу от вечного пламени? Какая продолжительность труда, неудач и боли одолеет их твёрдую решимость? Разве не будут они

> [53] Закалены против всех отпоров, никогда не утомляясь
> Ни тягостным днём, ни бесплодной ночью?

[54] Так любовь и «всего надеется», и «всё переносит»; так «любовь никогда не перестаёт».

[55] 9. Любовь необходима всем членам такого Общества ещё и по другой причине: потому что она «не превозносится». Она рождает не только мужество и терпение, но и смирение. О, как оно нужно всем, кто занят таким делом! Что может быть важнее, чем оставаться малыми, ничтожными, низкими и презренными в собственных глазах? Иначе, если они станут считать себя чем-то, приписывать себе что-либо, допускать в себе хотя бы частицу фарисейского духа, «будучи уверены о себе, что они праведны, и уничижая других», ничто не будет столь прямо способствовать крушению всего замысла. Тогда им придётся бороться не только со всем миром, но и с Самим Богом, ибо Он «гордым противится, а благодать даёт» только «смиренным». Поэтому каждый член этого Общества должен глубоко сознавать собственное неразумие, слабость и беспомощность, непрестанно всей душой опираясь на Того, Кто один обладает мудростью и силой, с неизреченной убеждённостью, что «помощь,

совершаемую на земле, Бог совершает Сам» и что Он один «производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению».

[56] 10. Ещё одно положение всякий, кто берётся за этот замысел, должен глубоко запечатлеть в сердце: «Гнев человека не творит правды Божией». Поэтому пусть учится у Того, Кто был кроток, равно как и смирен; пусть пребывает и в кротости, и в смирении: «Со всяким смиренномудрием и кротостью» пусть «поступает достойно звания, в которое призван». Пусть будет «приветлив ко всем» — добрым и злым — ради себя, ради них, ради Христа. Есть ли «невежествующие и заблуждающиеся»? Пусть «снисходит» к ним. Противятся ли они даже Слову и делу Божию, более того — выстраиваются против него на битву? Тем больше ему нужно «с кротостью наставлять противников», не освободятся ли они «из сети дьявола», чтобы уже не быть «уловляемыми им в его волю».

[57] IV. 1. От качеств тех, кому подобает участвовать в таком начинании, я перехожу, в-четвёртых, к тому, с каким духом и каким образом его следует осуществлять. Прежде всего — с каким духом. Здесь в первую очередь имеется в виду *побуждение*, которое должно сохраняться при каждом шаге: ибо если когда-либо «свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма! Но если око твоё чисто, всё тело твоё будет светло». Об этом надлежит постоянно помнить и вносить это в каждое слово и поступок. Ничего, ни великого, ни малого, нельзя говорить или делать ради какого-либо временного преимущества; ничего — ради благосклонности или уважения, любви или похвалы людей. Но намерение, око ума, всегда должно быть устремлено к славе Божией и благу человека.

[58] 2. Однако дух, в котором всё должно делаться, касается не только побуждения, но и *душевного расположения*. А оно — именно то, что было описано выше. Ибо те же мужество, терпение и твёрдость, которые делают человека пригодным к делу, должны проявляться и в самом деле. Прежде всего пусть он «возьмёт щит веры»: им погасит тысячу раскалённых стрел. Пусть в каждый час испытания употребляет всю веру, какую дал ему Бог. И пусть все его дела совершаются в любви: никогда не позволяйте отнять её у него. Пусть ни большие воды не погасят этой любви, ни потоки неблагодарности не потопят её. Пусть будет в нём и то смиренное расположение духа, которое было во Христе Иисусе; более того, пусть он «облечётся в смиренномудрие», наполняющее сердце и украшающее всё поведение. Вместе с тем пусть «облечётся в милосердие, кротость, долготерпение», избегая малейшего проявления злобы, горечи, гнева или обиды, зная, что мы призваны не «быть побеждёнными злом, но побеждать зло добром». Для сохранения этой смиренной, кроткой любви необходимо делать всё с собранным духом, остерегаясь всякой торопливости или рассеянности мысли так же, как гордости, ярости или угрюмой неприветливости. Но сохранить это можно только «постоянством в молитве» — и до выхода на поприще, и после него, и во всё время действия — и совершением всего в духе жертвы, принося всё Богу через Сына Его любви.

[59] 3. Что касается внешнего образа действий, общее правило таково: пусть он выражает эти внутренние расположения. А подробнее: (1) пусть каждый остерегается «делать зло, чтобы вышло добро». Поэтому, «отвергнув всякую ложь, говорите истину каждый ближнему своему». Не употребляйте ни обмана, ни

коварства ни для изобличения, ни для наказания кого-либо, но «в простоте и богоугодной искренности» «представляйте себя совести людей пред Богом». Вероятно, из-за соблюдения этих правил будет осуждено меньше нарушителей; но тем больше благословение Божие будет сопровождать всё начинание.

60 4. Но пусть невинность соединяется с благоразумием в собственном смысле слова — не с тем исчадием ада, которое мир называет благоразумием и которое есть лишь хитрость, лукавство и притворство, а с той «мудростью свыше», которую Господь особенно рекомендует всем желающим содействовать Его Царству на земле. «Будьте мудры, как змеи», оставаясь «простыми, как голуби». Эта мудрость научит вас сообразовывать слова и всё поведение с людьми, с которыми имеете дело, со временем, местом и всеми прочими обстоятельствами. Она научит отсекать повод к преткновению даже у ищущих повод и делать самые неприятные по своей природе вещи наименее неприятным из возможных способов.

61 5. Ваш образ речи, особенно с нарушителями, всегда должен быть глубоко серьёзным, чтобы не казалось, будто вы оскорбляете их или торжествуете над ними, и скорее склоняться к печали, показывая, что вы жалеете их из-за того, что они делают, и сочувствуете им в том, что они терпят. Пусть ваше обращение и тон голоса, как и слова, будут бесстрастны, спокойны, мягки; более того, там, где это не покажется притворством, — даже добры и дружелюбны. В некоторых случаях, когда это, вероятно, будет принято в том смысле, в каком сказано, вы можете выразить своё доброжелательство к ним; но вместе с тем, чтобы не подумали, будто оно исходит из страха или

какого-либо дурного побуждения, выражайте и своё бесстрашие, и непреклонную решимость всеми силами противостоять пороку и наказывать его.

[62] V. 1. Остаётся лишь применить сказанное отчасти к вам, уже участвующим в этом деле, отчасти ко всем боящимся Бога и особенно к тем, кто не только боится, но и любит Его.

[63] Вам, уже участвующим в этом деле, я прежде всего посоветовал бы спокойно и глубоко обдумать природу вашего начинания. Знайте, чем вы занимаетесь; основательно ознакомьтесь с делом, которое держите в руках; рассмотрите возражения против всего вашего начинания и, прежде чем продолжать, убедитесь, что эти возражения не имеют действительного веса. Тогда каждый сможет действовать согласно полному убеждению собственного ума.

[64] 2. Во-вторых, советую вам не спешить увеличивать своё число; а принимая новых членов, не смотрите на богатство, положение или какие-либо внешние обстоятельства — смотрите только на описанные выше качества. Тщательно выясняйте, безупречно ли поведение предлагаемого человека, обладает ли он верой, мужеством, терпением, твёрдостью, любит ли Бога и людей. Если да, он прибавит вам и силы, и численности; если нет, вы потеряете через него больше, чем приобретёте, ибо вызовете неудовольствие Божие. И не бойтесь удалять из своей среды всех, кто не соответствует описанному облику. Уменьшая так свою численность, вы увеличите силу: вы будете «сосудами, годными на употребление Господину».

65 3. В-третьих, я посоветовал бы вам внимательно наблюдать, из какого побуждения вы всякий раз действуете или говорите. Берегитесь, чтобы намерение не запятналось какой-либо оглядкой на выгоду или похвалу. Всё, что делаете, «делайте для Господа, как слуги Христовы». Ни в чём не стремитесь угодить себе, но угождайте Тому, Кому принадлежите и Кому служите. Пусть око ваше будет чисто от начала до конца; в каждом слове и деле взирайте на одного Бога.

66 4. В-четвёртых, советую вам смотреть, чтобы всё делать в правильном расположении духа, со смирением и кротостью, с терпением и мягкостью, достойными Евангелия Христова. Каждый шаг делайте с упованием на Бога и в самом нежном, исполненном любви духе, на какой способны. Между тем всегда бодрствуйте против всякой торопливости и рассеянности духа и всегда молитесь со всем усердием и постоянством, чтобы не оскудела ваша вера. И пусть ничто не прерывает того духа жертвы, в котором вы приносите всё, что имеете и что вы есть, всё, что терпите и делаете, дабы это было приношением в благоухание приятное Богу через Иисуса Христа!

67 5. Что касается образа действий и речи, советую вам соблюдать полную невинность и простоту, благоразумие и серьёзность. Присоедините к ним всё возможное спокойствие и мягкость, более того — всю нежность, какую допускает дело. Вам не следует вести себя как мясники или палачи, но скорее как хирурги, причиняющие больному не больше боли, чем необходимо для исцеления. Для этой цели каждому из вас также нужны «рука дамы и сердце льва». Тогда многие, даже из

тех, кого вы вынуждены наказывать, «прославят Бога в день посещения».

[68] 6. Всех вас, боящихся Бога, я увещеваю: если вы когда-либо надеетесь обрести милость от Его руки, если страшитесь оказаться, хотя бы и не зная того, «даже богопротивниками», — ни по какой причине, ни под каким предлогом, ни прямо, ни косвенно не противьтесь и не препятствуйте столь милосердному замыслу, столь содействующему Его славе. Но это ещё не всё. Если вы любите человечество, если жаждете уменьшить грехи и несчастья своих собратьев, можете ли довольствоваться одним непротивлением, можете ли благодаря лишь этому быть чисты перед Богом? Разве и вы не связаны священнейшей обязанностью «доколе есть время, делать добро всем»? И разве здесь нет возможности сделать добро многим, притом добро высшего рода? Итак, во имя Бога воспользуйтесь возможностью! Помогите совершать это добро, если не иначе, то хотя бы усердными молитвами о тех, кто непосредственно им занят. Помогите им по мере сил покрывать расходы, неизбежно связанные с делом и без содействия благотворителей составившие бы непосильное для них бремя. Если можете без затруднения, помогайте ежеквартальными или ежегодными взносами. По крайней мере, помогите *теперь*; употребите нынешний час, сделав то, что Бог положит вам на сердце. Пусть не скажут, что вы видели братьев, трудящихся для Бога, и не пожелали помочь им даже одним пальцем. Хоть таким способом «придите на помощь Господу, на помощь Господу против сильных»!

[69] 7. К вам, не только боящимся, но и любящим Бога, у меня более высокое требование. Тот, Кого вы боитесь и Кого любите, сделал вас способными содействовать Его

делу более превосходным образом. Поскольку вы любите Бога, вы любите и брата; любите не только друзей, но и врагов, не только друзей, но даже врагов Божиих. Вы «облеклись, как избранные Божии, в смиренномудрие, кротость, долготерпение». Вы имеете веру в Бога и в Иисуса Христа, Которого Он послал, — веру, побеждающую мир; ею вы побеждаете и дурной стыд, и тот «страх перед человеком, который ставит сеть», так что можете смело стоять перед презирающими вас и ни во что не ставящими ваши труды. Итак, будучи так приготовлены и вооружены к битве, станете ли вы подобны сынам Ефремовым, «вооружённым, стрелявшим из луков, но обратившимся назад в день брани»? Неужели *вы* оставите немногих ваших братьев в одиночку противостоять всем полчищам чужеземцев? О, не говорите: «Этот крест слишком тяжёл; у меня нет ни силы, ни мужества нести его!» Правда, от себя — нет; но вы, верующие, «всё можете в укрепляющем вас Христе». «Если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему». Нет креста слишком тяжёлого, чтобы *он* мог его понести, зная, что «страдающие с Ним будут с Ним и царствовать». Не говорите: «Нет, я не могу вынести того, чтобы быть *не как все*». Тогда вы не можете войти в Царство Небесное. Никто не входит туда иначе, как тесным путём; и все идущие им — не как все. Не говорите: «Но я не могу вынести поношения, ненавистного имени доносчика». Разве кто-нибудь когда-нибудь спас свою душу, не сделавшись притчей во языцех и предметом поношения? И ты не спасёшь свою, если не готов к тому, что люди будут говорить о тебе всякое зло. Не говорите: «Но если я буду деятельно участвовать в этом труде, то потеряю не только репутацию, но и друзей, покупателей, дело, средства к жизни и окажусь в нищете». Не

окажешься, не можешь оказаться: это совершенно невозможно, если только Сам Бог того не изберёт; ибо Его «Царство всем обладает» и «у тебя и волосы на голове все сочтены». Но если мудрый и благой Бог изберёт это для тебя, станешь ли роптать или жаловаться? Не скажешь ли лучше: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» Если вы «страдаете за Христа, то блаженны: Дух славы и Божий» будет «почивать на вас». Не говорите: «Я претерпел бы всё, но жена не согласится; а ведь человек, несомненно, должен оставить отца, мать и всё прочее и прилепиться к жене». Верно — всё, кроме Бога, всё, кроме Христа; но Его ради жены оставлять нельзя! Ради самого дорогого родственника нельзя оставлять неисполненным никакой долг. Сам Господь именно в этом смысле сказал: «Кто любит отца, или мать, или жену, или детей более, нежели Меня, недостоин Меня!» Не говорите: «Да, я оставил бы всё ради Христа, но один долг не должен мешать другому, а это часто мешало бы мне посещать общественное богослужение». Иногда, вероятно, мешало бы. «Итак, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы». И всё потерянное из-за оказания этой милости Бог воздаст всемеро в лоно твоё. Не говорите: «Но я повредю своей душе. Я молодой человек, и, задерживая распутных женщин, подвергнусь искушению». Да, если бы вы делали это собственными силами или ради собственного удовольствия. Но дело обстоит иначе: вы уповаете на Бога и стремитесь угодить только Ему. И если бы Он призвал вас даже в самую середину раскалённой огненной печи, то «когда пойдёшь через огонь, не обожжёшься, и пламя не опалит тебя». «Верно, если бы Он призвал меня в печь; но я не вижу, чтобы был призван к этому». Возможно, ты не желаешь увидеть. Как бы то ни было, если прежде ты не был

призван, я призываю тебя теперь во имя Христа: возьми крест свой и следуй за Ним! Не советуйся более с плотью и кровью, но теперь решись соединить свой жребий с самыми презираемыми, самыми опозоренными из Его последователей, с сором и прахом мира! Особенно призываю тебя, некогда укреплявшего их руки, но затем отступившего. Мужайся! Будь крепок! Исполни их радость, вернувшись к ним сердцем и делом! Пусть станет видно, что ты «отлучился на время, чтобы они приняли тебя навсегда». О, «не противься небесному призванию»! А все вы, знающие, к чему призваны, почитайте всё за потерю, лишь бы спасти одну душу, за которую умер Христос! И в этом «не заботьтесь о завтрашнем дне», но «все заботы возложите на Него, ибо Он печётся о вас»! Поручите Ему души, тела, имущество — всё, «как милосердному и верному Создателю»!

[70] [После того как это Общество просуществовало несколько лет и совершило неизреченно много добра, оно было совершенно уничтожено вынесенным против него решением суда Королевской скамьи с присуждением трёхсот фунтов возмещения убытков. Боюсь, свидетелям, присяжным и всем причастным к этому ужасному делу ещё предстоит суровый отчёт!]

На смерть священника Джорджа Уайтфилда

[1] Проповедь, произнесённая в часовне на Тоттенхэм-Корт-роуд и в Табернакле, близ Мурфилдса, в воскресенье, 18 ноября 1770 года.

[2] «Да умрёт душа моя смертью праведников, и да будет кончина моя, как его!»

[3] Числа 23:10.

[4] 1. «Да будет кончина моя, как его!» Сколько из вас присоединяются к этому желанию? Быть может, даже в этом многолюдном собрании мало кто к нему не присоединится! О, если бы это желание осталось в ваших умах и не угасало, пока и ваши души не будут водворены там, «где нечестивые перестают наводить страх и где отдыхают истощившиеся в силах»!

[5] 2. По такому случаю вы не будете ожидать пространного толкования текста. Оно слишком надолго удержало бы вас вдали от скорбной и вместе отрадной мысли о возлюбленном брате, друге и пастыре, более того — и отце: ибо сколь многих из присутствующих он «родил в Господе»! Поэтому не будет ли более согласно и с вашими чувствами, и с торжественностью этого часа прямо говорить об этом человеке Божием, которого вы так часто слышали говорящим на этом месте, исход жизни которого

вы знаете: «Иисус Христос вчера и сегодня и вовеки Тот же»? И не можем ли мы

[6] I. Отметить некоторые обстоятельства его жизни и смерти?

[7] II. Рассмотреть некоторые черты его характера? И

[8] III. Исследовать, какую пользу извлечь нам из этого грозного действия Промысла — его внезапного отнятия у нас?

[9] 1. Прежде всего мы можем отметить некоторые обстоятельства его жизни и смерти. Он родился в Глостере в декабре 1714 года; примерно двенадцати лет его отдали в местную классическую школу. В семнадцать лет он начал серьёзно относиться к вере и служил Богу по мере своего разумения. Около восемнадцати лет он перешёл в университет и был принят в Пемброк-колледж в Оксфорде; примерно год спустя познакомился с так называемыми методистами, которых с той поры любил, как собственную душу.

[10] 2. Через них он убедился, что нам «должно родиться свыше», иначе внешняя религиозность не принесёт никакой пользы. Вместе с ними он постился по средам и пятницам, посещал больных и заключённых, собирал даже мельчайшие обрывки времени, чтобы не потерялось ни мгновения. Он изменил и направление своих занятий: главным образом читал книги, проникавшие в самое сердце веры и прямо ведшие к опытному познанию Иисуса Христа, и притом распятого.

[11] 3. Вскоре он был испытан словно огнём. Он не только потерял доброе имя и был оставлен некоторыми из самых дорогих друзей, но и подвергся внутренним испытаниям самого тяжёлого рода. Много ночей лежал он без сна на

постели, много дней — простёршись на земле. Но после нескольких месяцев стенаний под «духом рабства» Богу было угодно снять тяжкое бремя, дав ему «Духа усыновления» и сделав способным живой верой ухватиться за «Сына Его любви».

12 4. Однако для восстановления сильно расстроенного здоровья сочли необходимым, чтобы он уехал в провинцию. Поэтому он отправился в Глостер, где Бог дал ему пробудить нескольких молодых людей. Вскоре они составили небольшое общество и стали одними из начатков его труда. Немного спустя он начал два или три раза в неделю читать некоторым беднякам города, а каждый день — читать заключённым в тюрьме графства и молиться вместе с ними.

13 5. Когда ему было около двадцати одного года, его стали убеждать принять священный сан. Он весьма этого страшился, глубоко сознавая собственную непригодность. Но сам епископ послал за ним и сказал: «Хотя я намеревался никого не рукополагать моложе двадцати трёх лет, вас я рукоположу, когда бы вы ни пришли»; и поскольку к этому присоединились другие обстоятельства Промысла, он покорился и был рукоположен в Троицын день 1736 года. В следующее воскресенье он проповедовал перед многолюдным собранием в церкви, где был крещён. На следующей неделе вернулся в Оксфорд и получил степень бакалавра. Теперь он был всецело занят: забота о заключённых и бедных лежала главным образом на нём.

14 6. Но вскоре его пригласили в Лондон замещать в приходе друга, уезжавшего в провинцию. Он оставался там два месяца, жил в Тауэре, дважды в неделю читал молитвы в часовне, один раз наставлял в катехизисе и

проповедовал, а кроме того, посещал солдат в казармах и лазарете. Каждый вечер он также читал молитвы в часовне Уоппинга, а каждый вторник проповедовал в Ладгейтской тюрьме. Во время его пребывания здесь пришли письма от друзей в Джорджии, пробудившие в нём желание отправиться им на помощь. Но, не видя ясно своего призвания, в назначенное время он возвратился к своей небольшой пастве в Оксфорде, где несколько юношей ежедневно собирались в его комнате, чтобы назидать друг друга в святейшей вере.

15 7. Однако вскоре его снова призвали оттуда — замещать священнослужителя в Даммере, в Гэмпшире. Здесь он читал молитвы дважды в день: рано утром и вечером, когда люди возвращались с работы. Он также ежедневно наставлял детей в катехизисе и обходил дома с посещениями. Теперь он разделил сутки на три части: восемь часов отвёл сну и пище, восемь — занятиям и уединению, восемь — чтению молитв, преподаванию катехизиса и посещению людей. Есть ли более превосходный путь для слуги Христа и Его Церкви? Если нет, кто «пойдёт и поступит так же»?

16 8. Однако мысль о поездке за море не оставляла его. Теперь, вполне убедившись, что к этому призывает Бог, он привёл всё в порядок и в январе 1737 года отправился проститься с друзьями в Глостере. Именно во время этого путешествия Бог начал необыкновенным образом благословлять его служение. Где бы он ни проповедовал — в Глостере, Стоунхаусе, Бате, Бристоле, — стекались поразительные множества слушателей, так что жара в церквах становилась едва выносимой; и впечатление, производимое на умы многих, было не менее необычайным. После возвращения в Лондон, где генерал

Оглторп задерживал его неделю за неделей, месяц за месяцем, Богу было угодно ещё больше благословлять его слово. И он был неутомим в труде: обычно по воскресеньям проповедовал четыре раза перед чрезвычайно многолюдными собраниями, кроме того дважды или трижды читал молитвы и нередко проходил взад и вперёд десять или двенадцать миль.

[17] 9. 28 декабря он покинул Лондон. Именно 29-го он впервые проповедовал без записей. 30 декабря поднялся на корабль, но прошло больше месяца, прежде чем они окончательно отошли от берега. Об одном счастливом следствии столь медленного плавания он упоминает в следующем апреле: «Благословен Бог, теперь мы живём весьма отрадно в большой каюте. Почти ни о чём не говорим, кроме Бога и Христа; и когда мы вместе, между нами едва ли слышно слово, не относящееся к нашему падению в первом Адаме и новому рождению — во Втором». По-видимому, особым действием Промысла было и то, что ему пришлось провести немного времени в Гибралтаре, где и горожане, и солдаты, высокие и низкие, молодые и старые узнали день своего посещения.

[18] 10. С воскресенья 7 мая 1738 года до конца августа того же года он «совершал служение своё» в Джорджии, особенно в Саванне: дважды в день читал молитвы и толковал Писание, ежедневно посещал больных. По воскресеньям он толковал Писание в пять утра; в десять читал молитвы и проповедовал, затем ещё раз в три часа пополудни; а в семь вечера разъяснял церковный катехизис. Насколько легче нашим братьям по служению — в Англии, Шотландии или Ирландии — порицать такого труженика в винограднике Господа, чем идти по его стопам!

[19] 11. Именно тогда он увидел бедственное положение многих здешних детей, и Бог впервые вложил ему в сердце мысль об основании сиротского дома, на который он решил собирать пожертвования в Англии, если Бог даст ему благополучно туда вернуться. В следующем декабре он действительно вернулся в Лондон; а в воскресенье 14 января 1739 года был рукоположен в пресвитеры в Крайст-Чёрч в Оксфорде. На следующий день он снова приехал в Лондон и в воскресенье, 21-го, дважды проповедовал. Но хотя церкви были большими и чрезвычайно переполненными, многие сотни стояли на церковном дворе, а ещё сотни возвращались домой. Это впервые навело его на мысль проповедовать под открытым небом. Но когда он упомянул об этом некоторым друзьям, они сочли это чистым безумием, и потому он не осуществлял намерения до отъезда из Лондона. В среду 21 февраля, найдя все церковные двери в Бристоле закрытыми для себя, — к тому же никакая церковь не могла вместить и половины собрания, — в три часа пополудни он отправился в Кингсвуд и проповедовал под открытым небом почти двум тысячам человек. В пятницу он проповедовал там четырём или пяти тысячам, а в воскресенье, как полагали, — десяти тысячам! Всё время его пребывания в Бристоле число слушателей непрестанно возрастало; разгорелось пламя святой любви, которое нелегко будет погасить. Затем такое же пламя разгорелось в разных частях Уэльса, Глостершира и Вустершира. Поистине, куда бы он ни шёл, Бог обильно подтверждал слово Своего вестника.

[20] 12. В воскресенье 29 апреля он впервые проповедовал в Мурфилдсе и на Кеннингтонском лугу; тысячи слушателей держались столь же тихо, как могли бы держаться в церкви. Снова задерживаемый в Англии

месяц за месяцем, он совершал небольшие поездки по нескольким графствам и принимал пожертвования от множества охотных жертвователей на сиротский дом в Джорджии. Наложенный в то время запрет на выход судов дал ему возможность совершить ещё больше поездок по разным частям Англии, за что многие будут иметь основание благословлять Бога во всю вечность. Наконец, 14 августа он взошёл на корабль, но высадился в Пенсильвании лишь 30 октября. Затем прошёл через Пенсильванию, Джерси, Нью-Йорк, Мэриленд, Виргинию, Северную и Южную Каролину, повсюду проповедуя огромным собраниям с совершенно таким же большим успехом, как в Англии. 10 января 1740 года он прибыл в Саванну.

[21] 13. 29 января к почти двадцати сиротам, уже находившимся у него в доме, он прибавил ещё троих покинутых детей. На следующий день разметил участок под дом примерно в десяти милях от Саванны. 11 февраля принял ещё четырёх сирот и отправился во Фредерику, чтобы привезти сирот из южных частей колонии. На обратном пути он устроил в Дариене школу для детей и взрослых и взял оттуда четырёх сирот. 25 марта заложил первый камень сиротского дома, которому весьма уместно дал имя Вифезда; это дело, за которое ещё не рождённые дети будут хвалить Господа. Теперь у него было около сорока сирот, так что ежедневно требовалось кормить почти сто ртов. Но он «не заботился ни о чём», возлагая заботу на Того, Кто кормит птенцов ворона, взывающих к Нему.

[22] 14. В апреле он совершил ещё одно путешествие через Пенсильванию, Джерси и Нью-Йорк. Слушать его стекались невероятные множества людей, среди которых

было много негров. Во всех местах большая часть слушателей была потрясена до изумительной степени. Многие глубоко сознавали своё погибшее состояние, многие истинно обращались к Богу. В некоторых местах тысячи громко взывали; многие — словно в предсмертных муках; большинство обливалось слезами; одни бледнели как смерть, другие ломали руки, третьи лежали на земле, иные падали в объятия друзей; почти все поднимали глаза и молили о милости.

[23] 15. 5 июня он вернулся в Саванну. На следующий вечер, во время общественного богослужения, всё собрание, от мала до велика, залилось слезами. После службы несколько прихожан и все его домашние, особенно маленькие дети, возвращались домой, плача по дороге, а некоторые не могли удержаться от громкой молитвы. Стоны и вопли детей продолжались всю ночь и значительную часть следующего дня.

[24] 16. В августе он снова отправился в путь и через различные провинции прибыл в Бостон. Пока он находился здесь и в окрестных местах, тело его было крайне слабо; однако множества слушателей были так велики, а действие на них так изумительно, что ничего подобного прежде не видели даже самые старые жители города. Та же сила сопровождала его проповедь в Нью-Йорке, особенно в воскресенье 2 ноября: едва он начал, как со всех сторон послышались крики, плач и рыдания. Многие падали на землю, поражённые в сердце, а многие исполнялись Божественного утешения. Ближе к концу путешествия он заметил: «Сегодня семьдесят пятый день с моего прибытия в Род-Айленд, когда я был чрезвычайно слаб телом; и всё же Бог дал мне за это время проповедовать сто семьдесят пять раз публично,

помимо частых частных увещаний! Никогда Бог не удостаивал меня больших утешений; никогда я не совершал путешествий с меньшим утомлением и не видел такого непрерывного Божественного присутствия в собраниях, которым проповедовал». В декабре он вернулся в Саванну, а в следующем марте прибыл в Англию.

[25] 17. Вы легко заметите, что предшествующий рассказ извлечён главным образом из его собственных дневников, которые своей безыскусной, непритворной простотой могут соперничать с любыми сочинениями такого рода. И насколько точный образец они дают как его трудов в Европе и Америке ради чести возлюбленного Господина на протяжении последующих тридцати лет, так и непрерывного дождя благословений, которым Богу было угодно увенчивать эти труды! Разве не достойно глубокого сожаления, что что-то помешало ему продолжать этот рассказ хотя бы почти до того времени, когда Господь призвал его вкусить плоды труда? Если он оставил какие-либо записи такого рода и друзья сочтут меня достойным этой чести, для меня было бы славой и радостью привести их в порядок, переписать и подготовить к опубликованию.

[26] 18. Подробный рассказ о последней сцене его жизни один господин из Бостона передаёт следующим образом:

[27] «Проведя с нами в Бостоне и его окрестностях около месяца и проповедуя каждый день, он отправился в Олд-Йорк; проповедовал там в четверг 27 сентября; затем поехал в Портсмут и проповедовал там в пятницу. В субботу утром он выехал в Бостон; но прежде чем добрался до Ньюбери, где обещал проповедовать на следующее утро, его настойчиво попросили

проповедовать по дороге. Поскольку дом не мог вместить людей, он проповедовал в открытом поле. Но уже несколько недель он был нездоров, и это так истощило его силы, что по прибытии в Ньюбери он не мог выйти из паромной лодки без помощи двух мужчин. Однако вечером бодрость духа вернулась, и он выглядел по обыкновению жизнерадостным. В девять он удалился в свою комнату — в установленное им время, от которого никакое общество не могло его отвлечь, — и спал лучше, чем в течение нескольких предшествующих недель. В четыре часа утра 30 сентября он встал и ушёл в уединённую комнату; спутник заметил, что в уединении он оставался необычайно долго. Выйдя оттуда, он возвратился к спутнику, бросился на постель и пролежал минут десять. Затем опустился на колени и с величайшим жаром молился Богу, чтобы, если это согласно с Его волей, ему было дано в тот день окончить дело своего Господина. Потом попросил слугу позвать мистера Парсонса, священника, в доме которого находился; но через минуту, прежде чем мистер Парсонс успел подойти, умер без вздоха и стона. Получив весть о смерти, шестеро господ отправились в Ньюбери, чтобы привезти его останки сюда; однако перевезти его оказалось невозможно, так что его драгоценный прах должен остаться в Ньюбери. Сотни людей из этого города поехали бы на его похороны, если бы не ожидали, что его похоронят здесь... Да будет этот удар освящён на благо Церкви Божией вообще и этой провинции в особенности!»

[28] II. 1. Во-вторых, нам надлежит рассмотреть некоторые черты его характера. Небольшой очерк о них вскоре появился в «Бостонской газете»; вот выдержка из него:

29 «Своими публичными трудами он многие годы поражал мир красноречием и благочестием. С каким Божественным воодушевлением убеждал он нераскаянного грешника обратиться к делам благочестия и добродетели! Он говорил от сердца и с жаром ревности, которому, быть может, не было равного со времён апостолов. На кафедре он не знал соперников в умении владеть неизменно переполненным собранием. Не менее приятен и поучителен он был и в частной беседе: одарён замечательной непринуждённостью обращения, охотно делился своими мыслями, стремился назидать. Да подхватит подрастающее поколение искру того пламени, которое столь отличительным блеском сияло в духе и жизни этого верного слуги Всевышнего Бога!» [42]

30 2. Более подробная и столь же справедливая характеристика появилась в одной из английских газет. Возможно, вам будет приятно, если я добавлю и её основное содержание:

31 «Облик этого истинно благочестивого человека должен запечатлеться в сердце каждого друга живой веры. Несмотря на слабое телосложение, до последнего дня жизни он продолжал проповедовать с частотой и жаром, которые, казалось, превосходили природные силы самого крепкого человека. Призванный к исполнению своего служения в том возрасте, когда большинство молодых людей лишь начинает готовиться к нему, он не успел достичь весьма значительных успехов в учёных языках. Но этот недостаток с избытком восполнялся живым и плодотворным дарованием, пламенной ревностью, сильной и чрезвычайно убедительной манерой говорить. И хотя на кафедре он часто находил необходимым “убеждать людей страхом Господним”, в его нраве не

было ничего мрачного: он отличался особенной жизнерадостностью, равно как милосердием и мягкосердечием. Он столь же охотно облегчал телесные, как и духовные нужды обращавшихся к нему. Следует также отметить, что он постоянно внушал слушателям исполнение всякого нравственного долга, особенно усердие в своих занятиях и послушание начальствующим. Посредством чрезвычайных проповеднических трудов в разных местах и даже в открытых полях он старался пробудить низшие слои народа из крайнего невнимания и невежества к сознанию веры. За это и другие его труды имя ДЖОРДЖА УАЙТФИЛДА надолго сохранится в памяти с уважением и почтением».

32 3. Что оба эти описания справедливы и беспристрастны, охотно признают — то есть в тех пределах, которых они касаются. Но они едва выходят за внешнюю сторону его характера. Они показывают вам проповедника, но не человека, христианина, святого Божия. Позволят ли мне немного добавить об этом на основании личного знакомства, длившегося почти сорок лет? Я, конечно, вполне сознаю, как трудно говорить о столь деликатном предмете, какое благоразумие требуется, чтобы избежать обеих крайностей — не сказать ни слишком мало, ни слишком много! Более того, знаю: невозможно вообще говорить, сказать меньше или больше, не навлекая от одних первого упрёка, от других — второго. Одни искренне подумают, что сказано слишком мало, другие — что слишком много. Но, не обращая на это внимания, я скажу лишь то, что знаю, пред Тем, Кому всем нам предстоит дать отчёт.

33 4. Уже упомянуты его несравненная ревность, неутомимая деятельность, мягкосердечие к страждущим

и милосердие к бедным. Но не следует ли упомянуть и глубокую *благодарность* ко всем, кого Бог употребил как орудия добра для него? О них он не переставал говорить с величайшим уважением до самого дня смерти. Не следует ли упомянуть, что сердце его было способно к самой великодушной и нежной *дружбе*? Мне часто казалось, что именно это среди всего прочего было отличительной чертой его характера. Как мало знали мы людей столь доброго нрава, с такими широкими и изливающимися чувствами! Не главным ли образом этим сердца других столь удивительно привлекались и привязывались к нему? Может ли что-нибудь, кроме любви, породить любовь? Она сияла в самом его лице и непрестанно дышала во всех словах, произносил ли он их публично или в частной беседе. Не она ли, быстрая и проникающая, как молния, летела от сердца к сердцу? Не она ли сообщала такую жизнь его проповедям, беседам, письмам? Вы свидетели!

[34] 5. Но прочь подлое истолкование людей развращённого ума, не знающих никакой любви, кроме земной и чувственной! Вместе с тем следует помнить, что он был наделён самой щепетильной и незапятнанной *скромностью*. Его служение призывало его очень часто и много беседовать и с женщинами, и с мужчинами, притом всякого возраста и положения. Но всё его поведение с ними было живым толкованием совета святого Павла Тимофею: «Со старицами обращайся как с матерями, с молодыми — как с сёстрами, со всякою чистотою».

[35] 6. Между тем как соответствовали дружелюбию его духа *прямота* и *открытость* его беседы! При этом она была одинаково далека и от грубости, и от лукавства. Не была ли эта прямота одновременно плодом и доказательством его *мужества* и *бесстрашия*?

Вооружённый ими, он не боялся человеческих лиц, но «действовал с великим дерзновением» в речи перед людьми всякого звания и положения, высокими и низкими, богатыми и бедными, стараясь лишь «открывая истину, представлять себя совести всякого человека пред Богом».

[36] 7. Он не боялся труда или боли, как не боялся и того, «что сделает ему человек», будучи одинаково

[37] *Терпелив* в перенесении зла и совершении добра.

[38] Это проявлялось в *твёрдости*, с какой он продолжал всё предпринятое ради своего Господина. Один пример вместо всех — сиротский дом в Джорджии, который он начал и довёл до завершения вопреки всем обескураживающим обстоятельствам. Правда, во всём, что касалось его самого, он был уступчив и гибок. Здесь его «легко было уговорить», легко убедить или склонить. Но в делах Божиих и во всём, что касалось совести, он оставался неподвижен. Никто не мог ни уговорить, ни устрашить его настолько, чтобы он хоть в малейшем отступил от той *непорочности*, которая была неотделима от всего его характера и направляла каждое слово и поступок. В этом он

[39] Стоял, как крепкий железный столп,
И был непоколебим, как медная стена.

[40] 8. Если спросить, что лежало в основании этой непорочности, его искренности, мужества, терпения и всякого другого драгоценного и привлекательного качества, ответить легко. Не превосходство природного нрава, не сила разума, не действие воспитания, нет, и не советы друзей; ничто иное, как вера в истекающего кровью Господа, «вера от действия Божия». То было

«живое упование на наследство нетленное, чистое, неувядаемое». То была «любовь Божия, излившаяся в сердце его Духом Святым, данным ему», наполнявшая душу нежной, бескорыстной любовью к каждому сыну человеческому. Из этого источника возникал поток красноречия, часто сметавший всё перед собой; из него — та изумительная сила убеждения, которой не могли противостоять самые закоренелые грешники. Именно это часто делало его «голову водою, а глаза — источником слёз». Именно это позволяло ему изливать душу в молитве своим особенным образом, соединяя такую полноту с такой непринуждённостью, такую силу и такое разнообразие чувств и выражений.

[41] 9. Я могу завершить этот раздел замечанием о том, какой чести Богу было угодно удостоить Своего верного слугу, позволив ему возвещать вечное Евангелие в столь многих разных странах, стольким множествам людей и с таким великим действием на столь многие драгоценные души! Читали ли мы или слышали о ком-либо после апостолов, кто свидетельствовал о Евангелии благодати Божией на столь обширном пространстве, в столь большой части обитаемого мира? Читали ли мы или слышали о ком-либо, кто призвал к покаянию столько тысяч, столько мириад грешников? Прежде всего — читали ли мы или слышали о ком-либо, кто был благословенным орудием в Его руке для обращения стольких грешников «от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу»? Правда, если бы мы так заговорили с веселящимся светским миром, нашу речь сочли бы варварской. Но *вы* понимаете язык той страны, куда идёте и куда наш дорогой друг ушёл немного раньше нас.

[42] III. Но как нам извлечь пользу из этого грозного действия Промысла? Это третье, что предстоит рассмотреть. И ответ на этот важный вопрос прост — да напишет его Бог во всех наших сердцах! — крепко держаться великих учений, которые он возвещал, и проникаться его духом.

[43] 1. Прежде всего будем крепко держаться великих библейских учений, которые он возвещал повсюду. Есть много учений менее существенного характера, относительно которых даже искренние дети Божии — такова нынешняя слабость человеческого разумения — разделены и были разделены в течение многих веков. В них мы можем думать сами и позволять думать другим, можем «согласиться оставаться в несогласии». Но вместе с тем будем твёрдо держаться основ «веры, однажды преданной святым», на которых этот Божий поборник так сильно настаивал во всякое время и во всяком месте!

[44] 2. Его основополагающее положение было таково: «За всё доброе в человеке отдавайте всю славу Богу»; и ещё: «В деле спасения возвышайте Христа как можно выше, а человека ставьте как можно ниже». С этим положением начинали он и его оксфордские друзья, первые так называемые методисты. Их великий принцип состоял в том, что в человеке от природы нет *никакой силы* и *никакой заслуги*. Они настаивали: всякая сила правильно мыслить, говорить или поступать пребывает в Духе Христовом и исходит от Него; а всякая заслуга — не в человеке, как бы высоко он ни поднялся в благодати, но единственно в крови Христа. Так учили и он, и они: в человеке нет силы совершить хоть одно доброе дело, сказать хоть одно доброе слово или породить хоть одно доброе желание, пока эта сила не дана ему свыше. Ибо

недостаточно сказать, что все люди *больны грехом*; нет, все мы «*мертвы* по преступлениям и грехам». Следовательно, все сыны человеческие — «по природе чада гнева». Все мы «виновны пред Богом», подлежим смерти временной и вечной.

45 3. И все мы беспомощны как перед властью греха, так и перед виной за него. «Кто может произвести чистое из нечистого?» Совершить это может лишь Всемогущий. Кто может воскресить *мёртвых*, духовно мёртвых во грехе? Только Тот, Кто поднял нас из праха земного. Но на каком основании Он это сделает? «Не по делам праведности, которые бы мы сотворили». «Не мёртвые восхвалят Тебя, Господи»; не могут они и сделать ничего, ради чего следовало бы воздвигнуть их к жизни. Поэтому всё, что Бог делает, Он делает единственно ради Своего возлюбленного Сына: «Он изъязвлён был за грехи наши, мучим за беззакония наши». Он Сам «вознёс» все «грехи наши телом Своим на древо». Он «предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего». Итак, только Его заслуга служит основанием всякого благословения, которым мы пользуемся или можем пользоваться, в особенности нашего прощения и принятия у Бога, нашего полного и дарового оправдания. Но каким средством мы становимся причастны тому, что Христос совершил и претерпел? «Не от дел, чтобы никто не хвалился», но одной верой. «Мы признаём, — говорит апостол, — что человек оправдывается верою, независимо от дел закона». И «тем, которые» таким образом «приняли Его, Он дал власть быть чадами Божиими, верующим во имя Его, которые родились не от хотения мужа, но от Бога».

46 4. И «если кто» таким образом «не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия». Но все, кто так «рождён

от Духа», имеют «Царствие Божие внутри себя». Христос утверждает Своё Царство в их сердцах — «праведность, мир и радость во Святом Духе». В них «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе», дающие им «поступать так, как Он поступал». Обитающий в них Дух делает их и святыми сердцем, и «святыми во всех поступках». Но поскольку всё это — свободный дар через праведность и кровь Христа, вечно остаётся та же причина помнить: «Хвалящийся хвались Господом».

47 5. Вы знаете, что именно на этих основополагающих учениях он повсюду настаивал. И разве нельзя свести их, так сказать, к двум положениям: новому рождению и оправданию верой? Будем настаивать на них со всем дерзновением, во всякое время и во всяком месте: публично — те из нас, кто к этому призван, — и при всяком случае в частной беседе. Крепко держитесь этих добрых, старых, немодных учений, сколько бы людей ни противоречило и ни хулило. Идите вперёд, братья мои, «во имя Господа и могуществом силы Его». Со всяким тщанием и усердием «храните преданное вам», зная, что «небо и земля прейдут, но эта истина не прейдёт».

48 6. Но достаточно ли крепко держаться его учений, как бы чисты они ни были? Нет ли чего-то ещё более важного — а именно проникнуться его духом, в этом стать его подражателем, как он был подражателем Христа? Без этого чистота наших учений лишь увеличит наше осуждение. Поэтому главное — следовать образцу его духа. И хотя в некоторых отношениях нам придётся довольствоваться восхищением тем, чему подражать не можем, во многих других мы по той же свободной благодати можем стать причастниками того же благословения. Итак, сознавая свою нужду и щедрую

любовь Того, Кто «даёт всем просто и без упрёков», взывайте к Производящему всё во всех о мере той же драгоценной веры, той же ревности и деятельности, того же мягкосердечия, милосердия и сострадания. Боритесь с Богом за некоторую меру того же благодарного, дружелюбного, любящего нрава, той же открытости, простоты и богоугодной искренности, «нелицемерной любви». Продолжайте бороться, пока сила свыше не произведёт в вас то же стойкое мужество и терпение, а прежде всего — ибо это венец всего — ту же неизменную непорочность!

[49] 7. Есть ли ещё какой-нибудь плод благодати Божией, которым он был особенно наделён и о недостатке которого среди детей Божиих часто и горячо скорбел? Есть один: вселенская любовь — та искренняя и нежная привязанность, которой достойны все, кого мы имеем основание считать детьми Божиими по вере; иначе говоря, все в любом исповедании, кто «боится Бога и поступает по правде». Он жаждал увидеть во всех «вкусивших благого слова» истинно вселенский дух — выражение, мало понимаемое и ещё менее испытанное многими, у кого оно часто на устах. Кто соответствует этому образу? Кто человек вселенского духа? Тот, кто любит как друзей, как братьев в Господе, как сопричастников нынешнего Царства Небесного и сонаследников Его вечного Царства всех, какого бы они ни были мнения, способа богослужения или общины, кто верует в Господа Иисуса, любит Бога и человека и, радуясь возможности угодить Богу и боясь оскорбить Его, заботливо воздерживается от зла и ревнует о добрых делах. Истинно вселенским духом обладает тот, кто постоянно носит всех этих людей в сердце; кто, питая к ним неизреченную нежность и горячо желая им блага, не

перестаёт поручать их Богу в молитве и защищать их перед людьми; кто говорит им утешение и всеми словами старается укрепить их руки в Боге. Он помогает им до предела своих сил во всём духовном и временном; готов «издерживать своё и истощать себя» ради них, более того — «положить жизнь за братьев».

[50] 8. Как привлекателен такой характер! Как желанен для каждого чада Божия! Почему же он встречается так редко? Почему так мало его примеров? В самом деле, если мы вкусили любви Божией, как кто-нибудь из нас может успокоиться, пока не приобретёт его? Но есть тонкая уловка, которой сатана убеждает тысячи, что они могут остановиться, не достигнув этого, и всё же остаться невиновными. Хорошо, если многие из присутствующих не находятся в этой «сети дьявола, уловленные им в его волю». «О да, — говорит кто-то, — всю эту любовь я питаю к тем, кого считаю детьми Божиими; но я никогда не поверю, что чадо Божие может принадлежать к той мерзкой общине! Неужели, по-вашему, может быть чадом Божиим тот, кто держится столь отвратительных мнений, или тот, кто участвует в столь бессмысленном и суеверном, если не идолопоклонническом, богослужении?» Так мы можем оправдывать себя в одном грехе, прибавляя к нему второй! Мы извиняем отсутствие любви в себе, возлагая вину на других! Чтобы прикрыть собственный дьявольский нрав, объявляем братьев детьми дьявола! О, берегитесь этого; а если уже попали в сеть, как можно скорее освободитесь! Идите и научитесь той истинно вселенской любви, которая «не безрассудна», не поспешна в суждении; той любви, которая «не мыслит зла», «всему верит, всего надеется», которая оказывает другим всё снисхождение, какого мы желаем от них для себя! Тогда мы узнаем благодать Божию в каждом

человеке, каковы бы ни были его мнение или образ богослужения; тогда все боящиеся Бога станут нам близки и дороги «в любви Иисуса Христа».

[51] 9. Не таков ли был дух нашего дорогого друга? Почему бы ему не стать нашим? О Боже любви, доколе народ Твой будет притчей во языцех? Доколе язычники будут смеяться над нами и говорить: «Посмотрите, как *эти* христиане любят друг друга!» Когда Ты снимешь с нас поношение? Неужели меч будет пожирать вечно? Доколе Ты не велишь Своему народу вернуться от «преследования друг друга»? Хоть теперь «пусть весь народ остановится и не преследует более братьев своих»! Но как бы ни поступали другие, будем все мы, братья мои, слушать голос того, кто, умерев, ещё говорит. Представьте, что вы слышите от него: «Хоть теперь будьте моими подражателями, как я был подражателем Христа! Пусть брат “не поднимает более меча на брата, и не учитесь более воевать”! Лучше облекитесь, как избранные Божии, в милосердие, смиренномудрие, братолюбие, кротость, долготерпение, снисходя друг ко другу любовью. Довольно того, что прошедшее время было отдано распрям, зависти, раздорам, взаимному уязвлению и пожиранию. Благословен Бог, что вы давно уже не истреблены друг другом! Отныне храните единство Духа в союзе мира». [43]

[52] 10. О Боже, у Тебя никакое слово не бессильно! Ты творишь всё, что Тебе угодно! О, если бы Ты повелел мантии Твоего пророка, которого Ты взял к Себе, теперь ниспасть на нас, оставшихся! «Где Господь, Бог Илии?» Да почиет его дух на этих Твоих слугах! Покажи, что Ты — Бог, отвечающий огнём! Пусть огонь Твоей любви падёт на каждое сердце! И поскольку мы любим Тебя, дай нам

любить друг друга любовью «крепче смерти»! Удали от нас «всякий гнев, ярость и горечь, всякий крик и злоречие»! Да почиет на нас Твой Дух так, чтобы с этого часа мы были «добры друг ко другу, сострадательны, прощали друг друга, как и Бог во Христе простил нас»!

[53] Гимн

[54] 1 Раб Божий, хорошо!
Окончена твоя славная война;
Битва завершена, забег выигран,
И наконец ты увенчан;
Всем желанным твоему сердцу
Ты торжественно обладаешь,
Сонмом служебных духов водворён
На груди твоего Искупителя.

[55] 2 В снисходящей любви
Он услышал твою непрестанную молитву
И повелел тебе внезапно отойти
К полной твоей награде;
В готовность нести мир
Были обуты прекрасные ноги твои,
Когда милость подписала освобождение души
И восхитила тебя к Богу.

[56] 3 Со святыми на престолах в вышине
Ты возвещаешь твоего Господа
И всё взываешь: *«Спасение Богу,*
Спасение Агнцу!»
О счастливая, счастливая душа!
В восторгах хвалы,
Пока текут вечные веки,
Ты видишь лицо твоего Спасителя!

57 4 Искупленные от земли и боли,
О, когда же мы взойдём
И все во присутствии Иисуса воцаримся
С нашим вознесённым другом?
Приди, Господи, и приди скорее!
И когда мы в Тебе станем совершенны,
Прими домой Твоих жаждущих слуг,
Чтобы торжествовать у Твоих ног!

Вторая серия — предисловие и описание

[1] Вторая серия

[2] Состоящая из пятидесяти пяти бесед,

[3] большинство которых впервые было помещено в «Арминианском журнале», а затем пересмотрено и опубликовано в четырёх томах форматом в двенадцатую долю листа в 1788 году.

[4] 1. Несколько дней назад один господин с запада Англии сообщил мне, что живущий по соседству священнослужитель намерен напечатать в двух или трёх томах проповеди, вышедшие в десяти томах «Арминианского журнала». Меня неоднократно просили сделать это самому, и я всякий раз отвечал: «Оставляю это моим душеприказчикам». Но если это должно быть сделано ещё до моего ухода из здешней жизни, то, полагаю, я больше других подхожу для такого дела.

[5] 2. Поэтому я намерен приняться за него без промедления; и если Богу будет угодно ещё ненадолго сохранить мне способность пользоваться разумом и памятью, то я не знаю, как мог бы употребить их лучше. И, возможно, я смогу лучше другого пересмотреть собственные сочинения: убрать избыточное, восполнить недостающее или внести иные изменения, которые окажутся нужными.

[6] 3. Чтобы эти простые беседы приносили больше пользы, я намерен теперь расположить их в надлежащем порядке: сначала поставить те, которые призваны разъяснить некоторые важные христианские учения, а после них — те, которые более непосредственно касаются той или иной стороны христианской жизни. Я постараюсь расположить их так, чтобы одна беседа поясняла и подтверждала другую. Это тем более необходимо, что они писались по разным поводам в течение ряда лет, вовсе без какого-либо порядка или связи между собой, — в зависимости от того, какой предмет приходил мне на ум или предлагался в разное время тем или иным другом.

[7] 4. Чтобы довести число проповедей в каждом томе до двенадцати, я прибавил шесть проповедей к тем, что были напечатаны в журналах; и сделал это тем охотнее, что их темы важны и невозможно слишком настойчиво о них говорить.

[8] 5. Нужно ли оправдываться перед разумными людьми за простоту моего слога? Один господин, которого я очень люблю и уважаю, недавно с большой деликатностью и учтивостью сообщил мне, что непредвзятые люди весьма снисходительно относятся к ослаблению моих способностей и не ожидают, что теперь я буду писать — как по мысли, так и по языку — так же, как тридцать или сорок лет назад. Возможно, способности мои и ослабели, хотя я этого не сознаю. Но не подходящий ли это случай объяснить, что я пользуюсь своим слогом по собственному выбору, а не по необходимости? Я и теперь мог бы писать столь же цветисто и красноречиво, как прославленный доктор Б—; но не смею, ибо ищу лишь славы, исходящей от Бога. Что *мне* людская похвала, когда одной ногой я уже в могиле и ступаю в страну, откуда не возвращаются?

Поэтому я не смею писать *щегольским слогом*, как не смею носить щегольской одежды. Но даже если бы дело обстояло иначе и у меня было достаточно свободного времени, я всё равно писал бы так же, как пишу. Я сознательно избегал бы чрезмерно украшенного слога, которым многие восхищаются. Я не могу восхищаться французским красноречием: от всего сердца его презираю. Пусть те, кому это нравится, восторгаются красивыми, изящными фразами Массийона или Бурдалу; мне же дайте простой, сильный слог доктора Саута, доктора Бейтса или господина Джона Хау. А что касается изящества, покажите мне французского писателя, превосходящего декана Янга или господина Сида. Кто хочет, пусть любуется французской мишурой; я по-прежнему стою за простой, добротный английский язык.

[9] 6. Думаю, что проповедник или автор проповедей сбился с пути, если подражает кому-либо из французских ораторов — даже самым знаменитым, даже Массийону или Бурдалу. Пусть его язык будет простым, уместным и ясным — этого достаточно. Сам Бог указал нам, как говорить, и по содержанию, и по способу изложения: «Если кто говорит» от имени Бога, «пусть говорит как слова Божии». И если он хочет больше всего подражать какой-либо части этих слов, пусть это будет Первое послание святого Иоанна. Вот слог, наилучший слог для всякого проповедника Евангелия. И пусть он не стремится к большему украшению речи, чем то, которое найдёт в изречении, заключающем в себе всё Евангелие: «Мы любим Его, потому что Он первым возлюбил нас».

[10] Лондон,

[11] 1 января 1788 года.

О вечности

[1] «От века и до века Ты — Бог».

[2] Псалом 90:2.

[3] 1. Мне хотелось бы говорить об этом грозном предмете — вечности. Но как охватить её мыслью? Она столь необъятна, что ограниченный человеческий ум совершенно не способен её вместить. Но нет ли у неё некоторого родства с другой непостижимой вещью — безмерностью? Нельзя ли сравнить пространство, хотя оно невещественно, с другой невещественной вещью — длительностью? Но что такое безмерность? Это безграничное пространство. А что такое вечность? Это безграничная длительность.

[4] 2. Обычно вечность рассматривали как делимую на две части, которые именовали вечностью a parte ante и вечностью a parte post, то есть, говоря простым языком, вечностью прошедшей и вечностью грядущей. И не содержится ли, по-видимому, указание на это различие в нашем тексте? «От века Ты — Бог»: здесь выражена прошедшая вечность. «И до века»: здесь выражена вечность грядущая. Впрочем, некоторым может показаться не вполне точным говорить о вечности, которая прошла. Но смысл понять легко: этим мы обозначаем длительность, не имевшую начала, как грядущей вечностью обозначаем длительность, которая не будет иметь конца.

[5] 3. Один Бог, если употребить возвышенный язык Писания, «живёт в вечности» в обоих этих смыслах. Один

великий Творец, а не какое-либо из Его творений, существует «от века и до века»; только Его длительность, как не имела начала, так не может иметь и конца. Именно исходя из этого один автор говорит так, обращаясь к Иммануилу — Богу с нами:

> [6] Привет Тебе, Бог Сын, славой увенчанный
> Прежде, чем время начало быть;
> На престоле с Твоим Отцом в продолжение половины круга
> Безбрежной вечности!

[7] И ещё:

> [8] Привет Тебе, Бог Сын, славой увенчанный
> Прежде, чем время перестанет быть;
> На престоле с Отцом на всём протяжении круга
> Всецелой вечности!

[9] 4. «Прежде, чем время начало быть». Но что такое время? Сказать нелегко, как бы часто это слово ни было у нас на устах. Мы не знаем, что оно такое в собственном смысле. Нам трудно сказать, как его определить. Но разве оно не является в некотором смысле обломком вечности, отсечённым с обоих концов, — той частью длительности, которая началась с возникновением мира, будет продолжаться, пока стоит этот мир, а затем истечёт навсегда; той частью, которая теперь измеряется обращением солнца и планет и лежит, так сказать, между двумя вечностями — прошедшей и грядущей? Но как только небо и земля побегут от лица Сидящего на великом белом престоле, времени уже не будет: оно навеки погрузится в океан вечности!

[10] 5. Но каким способом смертный человек, создание одного дня, может составить какое-либо представление о

вечности? Что найдём мы в пределах природы, чтобы пояснить её? Каким сравнением сравним её? Что хоть сколько-нибудь ей подобно? Не кажется ли, что между безграничной длительностью и безграничным пространством есть некоторое соответствие? Великий Творец, бесконечный Дух, обитает и в том, и в другом. Это одно из Его особенных прав: «Не наполняю ли Я небо и землю? — говорит Господь». Да, и не только самые отдалённые области творения, но и всю ширь безграничного пространства! Между тем сколько сынов человеческих могут сказать:

> [11] Вот на узком перешейке суши
> Меж двух безбрежных морей стою я,
> Беспечный, бесчувственный!
> Точка времени, одно мгновение
> Переносит меня в небесную обитель
> Или заточает в аду!

[12] 6. Но, оставив одно из этих безбрежных морей Отцу вечности, Которому одному принадлежит длительность без начала, обратим мысли к длительности без конца. Это не такое свойство великого Творца, которым невозможно наделить других: Он милостиво благоволил сделать причастными ему бесчисленные множества Своих творений. Он сообщил его не только ангелам, архангелам и всем воинствам небесным, которым предназначено не умереть, а прославлять Его и вечно жить в Его присутствии, но и обитателям земли, живущим в глиняных домах. Их тела, правда, «разрушаются скорее моли», но души никогда не умрут. Бог создал их, как говорит древний писатель, «образами Своей собственной вечности». В самом деле, у нас есть основание верить, что все духи облечены бессмертием: в них нет внутреннего

начала тления, и они не подвержены никакому внешнему насилию. [44]

13 7. Быть может, мы можем сделать ещё один шаг: не является ли в некотором смысле вечной и сама материя, как и дух? Конечно, не a parte ante, как мечтали некоторые неразумные философы, древние и новые. Не в том смысле, будто что-либо существовало от вечности: ведь в таком случае оно должно было бы быть Богом, более того — единым Богом, ибо невозможно существование двух богов или двух вечных существ. Но хотя ничто, кроме великого Бога, не могло существовать от века и ничто иное не может быть вечным a parte ante, нет ничего нелепого в предположении, что все творения вечны a parte post. Вся материя, правда, непрестанно изменяется, принимая десять тысяч форм; но изменчивость никак не подразумевает уничтожимости. Вещество может оставаться одним и тем же, хотя и под бесчисленными различными формами. Вполне возможно, что любая частица материи разложится на атомы, из которых первоначально состояла; но какое у нас основание верить, что хотя бы один из этих атомов когда-либо был или когда-либо будет уничтожен? Это возможно лишь неодолимой силой его всемогущего Творца. И вероятно ли, чтобы Он когда-либо употребил эту силу, обращая в небытие что-либо из созданного Им? И в этом Бог не «сын человеческий, чтобы Ему изменяться». Правда, всякое творение под небом непрестанно изменяет и должно изменять форму; теперь это легко объяснить, поскольку из недавних открытий ясно, что эфирный огонь входит в состав каждой части творения. Он же по существу есть edax rerum: это универсальный растворитель, discohere всего под солнцем. Его силой разлагаются даже самые крепкие,

самые твёрдые тела. Из опыта, неоднократно проделанного великим лордом Бэконом, видно, что даже алмазы при высокой степени жара можно обратить в пыль, а при ещё более высокой — как ни странно это может показаться — они целиком сгорят пламенем. Более того, этим распадутся сами небеса: «стихии, разгоревшись, растают». Но они лишь распадутся, а не уничтожатся; растают, но не погибнут. Хотя они потеряют нынешнюю форму, ни одна частица не утратит существования: каждый их атом останется в той или иной форме во всю вечность.

[14] 8. Но всё же следует спросить: что такое эта вечность? Как пролить свет на столь труднопостижимый предмет? Он не может быть объят нашим разумом. И каким сравнением сравним его? Как бесконечно он превосходит все сравнения! Что такое любые временные вещи рядом с вечными? Что такое долговечность дуба, древнего замка, колонны Траяна, амфитеатра Помпея? Что такое древность тосканских урн, хотя они, вероятно, старше основания Рима; более того — египетских пирамид, пусть простоявших свыше трёх тысяч лет, если положить всё это на весы рядом с вечностью? Оно исчезает в ничто. Что такое даже длительность «вечных холмов», называемых так образно, которые стоят со всеобщего потопа, если не от основания мира, по сравнению с вечностью? Не больше чем незначащий нуль. Пойдём ещё дальше: рассмотрите длительность от сотворения первородных сынов Божиих, в особенности архангела Михаила, до часа, когда ему будет поручено вострубить в трубу и провозгласить могучим голосом по небесному своду: «Восстаньте, мёртвые, и придите на суд!» Разве это не мгновение, не точка, не ничто по сравнению с неизмеримой вечностью? Прибавьте к этому тысячу, миллион лет, прибавьте

миллион миллионов веков, «прежде нежели родились горы и были созданы земля и круг мира». Что всё это перед прошедшей вечностью? Разве не меньше, бесконечно меньше, чем одна капля воды перед целым океаном, неизмеримо меньше, чем день, час, мгновение перед миллионом веков! Отступите назад ещё на тысячу миллионов — и вы всё ещё ничуть не ближе к началу вечности.

[15] 9. Способны ли мы составить более соразмерное представление о грядущей вечности? Для этого сравним её с различными мерами длительности, которые нам известны. Муха-подёнка живёт шесть часов — с шести вечера до двенадцати. Это короткая жизнь по сравнению с человеческой, продолжающейся шестьдесят или восемьдесят лет; но и человеческая коротка рядом с девятьюстами шестьюдесятью девятью годами Мафусала. И всё же что значат эти годы, более того — все годы, последовательно сменившиеся от времени создания неба и земли до времени, когда небеса прейдут, а земля и дела на ней сгорят, если сравнить их с той длительностью, которая никогда не будет иметь конца?

[16] 10. Чтобы пояснить это, один недавний автор повторил поразительную мысль святого Киприана: «Предположим, что есть песчаный шар величиной с земной шар. Предположим, что каждые тысячу лет одна песчинка этого шара уничтожается, обращается в ничто. И всё же весь срок, за который шар уничтожался бы со скоростью одной песчинки в тысячу лет, находился бы в бесконечно меньшем отношении к вечности, длительности без конца, чем одна песчинка ко всей этой массе!»

[17] 11. Чтобы ещё глубже запечатлеть этот важный предмет в вашем уме, рассмотрите другое сравнение.

Предположим, океан расширен настолько, что занимает всё пространство между землёй и звёздными небесами. Предположим, каждые тысячу лет одна его капля уничтожается; и всё же весь срок, за который этот океан уничтожался бы со скоростью одной капли в тысячу лет, был бы бесконечно меньше по отношению к вечности, чем одна капля воды по отношению ко всему этому океану.

[18] Взгляните же на бессмертных духов, находятся ли они в этом или в ином мире. Когда они проживут тысячи тысяч лет, более того — миллионы миллионов веков, их длительность лишь только начнётся: они будут лишь на пороге вечности!

[19] 12. Но помимо деления вечности на прошедшую и грядущую есть другое её деление, имеющее неизреченную важность: грядущая вечность по отношению к бессмертным духам есть либо счастливая, либо несчастная вечность.

[20] 13. Взгляните на духов праведников, уже восхваляющих Бога в счастливой вечности! Мы готовы сказать: как коротка она покажется тем, кто пьёт из потоков блаженства одесную Бога! Мы готовы воскликнуть:

> [21] В день, не знающий ночи,
> Они пребывают пред Ним,
> И вечность кажется днём!

[22] Но это лишь речь по-человечески: ведь меры долгого и короткого применимы только ко времени, имеющему пределы, а не к безграничной длительности. Она течёт, согласно нашим низким представлениям, с неизреченной, непостижимой быстротой; если не лучше сказать, что она вовсе не течёт и не движется, но есть единый тихий,

неподвижный океан. Ибо обитатели небес «не имеют покоя ни днём, ни ночью», но непрестанно взывают: «Свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, Который есть и Который грядёт!» И когда минуют миллионы миллионов веков, их вечность лишь только начнётся.

[23] 14. С другой стороны, в каком положении находятся те бессмертные духи, которые избрали несчастную вечность! Я говорю: избрали, ибо невозможно, чтобы таков был удел какого-либо создания иначе, как вследствие его собственного действия и поступка. Приходит день, когда всякая душа будет вынуждена признать перед людьми и ангелами:

> [24] Не грозный Твой указ запечатлел
> Иль утвердил неизменный приговор,
> Отдал ещё не рождённую душу мою аду
> Или осудил меня от материнской утробы.

[25] В каком состоянии будет такой дух после исполнения приговора: «Идите, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его!» Представьте, что его только что ввергли «в озеро огненное, горящее серою», где «не имеют покоя ни днём, ни ночью, но дым мучения их восходит во веки веков». «Во веки веков!» Ведь если бы нас приковали в огненном озере всего на один день, даже на один час, каким поразительно долгим показался бы этот день или час! Не знаю, не показался ли бы он тысячей лет. Но — потрясающая мысль! — после тысяч тысяч он лишь только пригубил свою горькую чашу! После миллионов до конца будет ничуть не ближе, чем в то мгновение, когда всё началось!

[26] 15. Кто же тогда тот человек — как глуп, как безумен, до какой неизреченной степени помешан, — который, словно обладая человеческим разумом, сознательно предпочитает временное вечному? Который, если допустить нелепое, невозможное предположение, будто нечестие есть счастье, — предположение, совершенно противное и всякому разуму, и действительности, — предпочитает счастье одного года, пусть тысячи лет, счастью вечности, в сравнении с которой тысяча веков бесконечно меньше года, дня, мгновения? Особенно если принять во внимание — а этого, в самом деле, никогда не следует забывать, — что отказ от счастливой вечности означает избрание несчастной: ибо между вечной радостью и вечной болью нет и не может быть середины. Напрасно некоторые думали, будто смерть положит конец душе, как и телу: она не положит конца ни тому, ни другому, а лишь изменит способ их существования. Но когда тело «возвратится в землю, чем оно и было, дух возвратится к Богу, Который дал его». Поэтому в самое мгновение смерти он должен стать либо неизреченно счастливым, либо неизреченно несчастным; и это несчастье *никогда* не окончится.

[27] *Никогда!* Куда падает душа при этом страшном звуке?
В какую тёмную и глубокую бездну!

[28] Как часто тот, кто сделал несчастный выбор, желал бы смерти и души, и тела! Вполне возможно, он молился бы примерно так, как предполагает доктор Юнг:

[29] Когда я десять тысяч лет прокорчусь в огне,
Десять тысяч тысяч — дай мне тогда угаснуть!

[30] 16. Однако это неизреченное безумие, эта невыразимая помрачённость — предпочитать настоящее вечному — есть болезнь всякого человека, рождающегося в мир, пока он пребывает в природном состоянии. Ибо так устроена наша природа: как глаз одновременно видит лишь определённую часть пространства, так ум одновременно видит лишь определённую часть времени. И как всё пространство за этим пределом невидимо для глаза, так всё время за этим пределом невидимо для ума. Поэтому мы не воспринимаем ни пространства, ни времени, удалённых от нас. Глаз отчётливо видит близкое пространство и содержащиеся в нём предметы; подобно этому ум отчётливо видит те предметы, которые находятся в пределах определённой временной удалённости. Глаз не видит красот Китая: они слишком далеко, между нами и ими слишком великое пространство; поэтому они нас не трогают. Для нас они словно ничто — всё равно как если бы их не было. По той же причине ум не видит ни красот, ни ужасов вечности. Они совсем не действуют на нас, потому что столь далеки. Именно поэтому они кажутся нам ничем, словно вовсе не существуют. Между тем нас всецело занимают вещи близкие — во времени или пространстве; и чем дальше вещи от нас в том или другом отношении, тем меньшими они кажутся. И так должно быть: таково устройство нашей природы, пока всемогущая благодать не изменит её. Но это нисколько не извиняет остающихся в природной слепоте к будущему: от неё приготовлено лекарство, которое находит всякий ищущий; более того, оно свободно даётся всем искренне просящим.

[31] 17. Это лекарство — вера. Я имею в виду не веру язычника, который верит, что Бог есть и ищущим Его воздаёт, а ту, которую апостол определяет как

«свидетельство», или уверенность, «в невидимом», — Божественное свидетельство и убеждение в невидимом и вечном мире. Одна она открывает очи разума, чтобы видеть Бога и Божие. Она словно снимает или делает прозрачной непроницаемую завесу,

[32] Что висит меж смертным и бессмертным бытием.

[33] Когда

[34] Вера даёт свой свет, являющий действительность,
Облака расходятся, тени улетают;
Невидимое предстаёт перед взором,
И смертное око видит Бога.

[35] Поэтому верующий в библейском смысле живёт в вечности и ходит в вечности. Его кругозор расширен; его взгляд больше не ограничен настоящим, ни даже земным полушарием, хотя бы оно, как говорит Мильтон, «вдесятеро превосходило протяжённостью этот земной мир». Вера непрестанно ставит перед его лицом невидимый, вечный мир. Поэтому он смотрит не «на видимое» —

[36] Богатство, честь, удовольствие и всё иное,
Что может дать этот недолговечный мир;

[37] не в них его цель, не они предмет его стремления, желания или счастья, — но на «невидимое»: на благоволение, образ и славу Божию; он хорошо знает, что «видимое временно» — пар, тень, исчезающий сон, — тогда как «невидимое вечно»: действительно, прочно, неизменно.

[38] 18. Какое же занятие может быть более подобающим мудрому человеку, чем размышление об этом? Чем часто простирать мысли «за пределы этого дневного круга» и

свободно странствовать выше самих звёздных небес, в области вечности? Какое это могло бы быть средство укрепить презрение к бедным, мелким земным вещам! Когда человек огромных владений хвастался перед другом обширностью поместья, Сократ попросил его принести карту земли и показать на ней Аттику. Когда это было сделано, хотя и не без труда, поскольку страна была мала, он затем попросил Алкивиада показать на карте собственное поместье. Когда тот не смог этого сделать, легко было заметить, как ничтожны по сравнению со всей землёй владения, которыми он так гордился. Как это применимо к нашему предмету! Высоко ли кто-нибудь ставит себя из-за земных владений? Увы, что весь земной шар перед бесконечностью пространства? Лишь точка творения. И что жизнь человека, более того — длительность самой земли, как не точка времени по сравнению с протяжённостью вечности! Думайте об этом; пусть мысль глубоко войдёт в ваше сознание, пока не составится хоть какое-нибудь, пусть несовершенное, представление о той

[39] Безграничной, неизмеримой бездне,
У которой нет ни дна, ни берега.

[40] 19. Но если сама по себе вечность, так сказать, обнажённая, есть предмет столь огромный, столь поразительный, что подавляет вашу мысль, насколько ещё расширяется представление о ней, когда вы видите её облечённой в счастье или несчастье! Вечное блаженство или боль! Вечное счастье или вечное несчастье! Казалось бы, это должно поглотить всякую другую мысль в любом разумном существе. Допустите для меня только вот что: «Ты стоишь на краю либо счастливой, либо несчастной вечности; твой Творец велит

тебе теперь протянуть руку к той или другой», — и, кажется, никакое разумное создание не могло бы думать о чём-либо ещё. Можно было бы ожидать, что один этот предмет займёт всё его внимание. Несомненно, так и должно быть; несомненно, если всё обстоит так, необходимо лишь одно. О, пусть хотя бы мы с тобой, что бы ни делали другие, изберём ту лучшую часть, которая никогда у нас не отнимется!

[41] 20. Прежде чем завершить этот предмет, позвольте коснуться двух знаменательных мест в Псалмах — одного в восьмом, другого в сто сорок четвёртом, — тесно с ним связанных. Первое таково: «Когда взираю я на небеса Твои, дело Твоих перстов, на луну и звёзды, которые Ты поставил, — что есть человек, что Ты помнишь его, или сын человеческий, что Ты посещаешь его?» Здесь человек рассматривается как нуль, как точка по сравнению с безмерностью. Второе таково: «Господи, что есть человек, что Ты столько заботишься о нём? Человек подобен ничтожеству; время его проходит, как тень!» В новом переводе слова ещё сильнее: «Что есть человек, что Ты знаешь о нём, или сын человеческий, что Ты считаешься с ним!» Здесь псалмопевец, по-видимому, рассматривает человеческую жизнь как мгновение, как ничто по сравнению с вечностью. Не таков ли смысл первого места: «Как Наполняющий небо и землю может знать о таком атоме, как человек? Как человек не теряется совершенно в необъятности дел Божиих?» Не таков ли смысл второго: «Как Обитающий в вечности может снизойти до внимания к созданию одного дня, к тому, чья жизнь проходит, как тень?» Разве эта мысль не поражала многие серьёзные умы, как и ум Давида, вызывая своего рода страх, что они окажутся забыты пред Тем, Кто объемлет всё пространство и всю вечность? Но не возникает ли этот

страх из некоторого предположения, будто Бог — такой же, как мы? Когда мы созерцаем безграничное пространство или безграничную длительность, мы сжимаемся перед ними в ничто. Но Бог не человек. День и миллион веков для Него одно и то же. Поэтому несоизмеримость между Ним и любым конечным существом такая же, как между Ним и созданием одного дня. Итак, всякий раз, когда эта мысль возвращается, когда вас искушает страх оказаться забытыми перед безмерным, вечным Богом, помните: перед Ним ничто не мало и не велико, никакая длительность не долга и не коротка. Помните, что Бог ita praesidet singulis sicut universis, et universis sicut singulis: что Он «управляет каждым отдельным существом так же, как вселенной, и вселенной — как каждым отдельным существом». Поэтому вы можете смело сказать:

> [42] Отец, как широко сияет слава Твоя,
> Господь вселенной — и мой Господь!
> Твоя благость хранит всё целое,
> Словно весь мир — одна душа;
> И всё же сочтён каждый мой священный волос,
> Словно я остаюсь единственной Твоей заботой!

О Троице

[1] Предуведомление

[2] Несколько дней назад меня попросили проповедовать на этот текст. Я сделал это вчера утром. После полудня меня настойчиво просили записать и напечатать проповедь, если возможно, прежде отъезда из Корка. Я написал её сегодня утром, но должен попросить читателя снисходительно учесть неблагоприятные условия моей работы: здесь у меня нет книг, с которыми можно было бы свериться, да, в сущности, нет и времени сверяться с ними. — Корк, 8 мая 1775 года.

[3] *«Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино».*

[4] 1 Иоанна 5:7.

[5] 1. Что бы ни думало большинство людей, несомненно, что мнение — не благочестие; нет, даже правильное мнение, согласие с одной или десятью тысячами истин. Между ними огромная разница: даже правильное мнение так далеко от благочестия, как восток от запада. Люди могут быть совершенно правы в своих мнениях и вовсе не иметь благочестия; с другой стороны, люди, придерживающиеся многих неверных мнений, могут быть истинно благочестивы. Может ли кто-нибудь сомневаться в этом, пока в мире есть римские католики? Кто станет отрицать не только то, что многие из них прежде были истинно благочестивы — как Фома Кемпийский, Грегорио Лопес и маркиз де Ренти, — но и то, что многие из них

даже ныне являются настоящими внутренними христианами? И всё же какой груды ошибочных мнений, переданных преданием от отцов, они держатся! Более того, кто может в этом сомневаться, пока в мире есть кальвинисты — приверженцы безусловного предопределения? Кто осмелится утверждать, что среди них нет истинно благочестивых людей? Не только многие из них в прошлом столетии были горящими и светящими светильниками, но и многие теперь — настоящие христиане, любящие Бога и всё человечество. И всё же что такое все нелепые мнения всех римских католиков в мире по сравнению с одним этим мнением: будто Бог любви, мудрый, справедливый, милосердный Отец духов всякой плоти, от вечности установил безусловный, неизменный, непреодолимый приговор, по которому одна часть всего человечества будет спасена, что бы ни делала, а остальные — осуждены, что бы ни предпринимали!

[6] 2. Отсюда мы не можем не заключить, что есть десять тысяч заблуждений, совместимых с истинным благочестием, относительно которых всякий беспристрастный, вдумчивый человек будет думать сам и позволять думать другим. Но одни истины важнее других. По-видимому, некоторые имеют глубокую важность. Я не называю их *основополагающими* истинами, потому что это слово неоднозначно; отсюда столько горячих споров о числе *основ веры*. Но несомненно, некоторые истины нам крайне важно знать, поскольку они тесно связаны с живым благочестием. И без сомнения, к ним можно отнести ту, которая

[7] содержится в приведённых выше словах: три свидетельствуют на небе — Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино.

[8] 3. Я не имею в виду, что важно верить тому или другому *истолкованию* этих слов. Не знаю, стал бы вообще здравомыслящий человек пытаться их объяснить. Одно из лучших сочинений, когда-либо написанных великим человеком, деканом Свифтом, — его проповедь о Троице. В ней он показывает, что все пытавшиеся хоть как-нибудь её объяснить совершенно сбивались с пути, больше всех других вредили делу, которому намеревались содействовать, и только, по словам Иова, «помрачали смысл словами без знания». В недобрый час эти истолкователи начали свой бесплодный труд. Я не настаиваю ни на каком объяснении, даже на лучшем из всех, какие видел, — на том, которое дано в символе веры, обычно приписываемом Афанасию. Я далёк от утверждения, будто «не согласившийся с этим, без сомнения, погибнет навеки». Из-за этого и ещё одного положения я некоторое время не решался подписывать этот символ, пока не принял во внимание: (1) эти изречения относятся лишь к *сознательно*, а не невольно неверующим — к тем, кто, имея все средства узнать истину, всё же упорно отвергает её; (2) они относятся лишь к *сути* изложенного там учения, а не к его философским *пояснениям*.

[9] 4. Я не смею настаивать, чтобы кто-либо употреблял слова «Троица» или «Лицо». Сам я употребляю их без всякого сомнения, потому что не знаю лучших; но если кто-нибудь сомневается в их допустимости, кто принудит его ими пользоваться? Я не могу; тем менее я стал бы сжигать человека живым, притом на сырых, зелёных дровах, за слова: «Хотя я верую, что Отец есть Бог, Сын есть Бог и Святой Дух есть Бог, я всё же не решаюсь употреблять слова *Троица* и *Лица*, потому что не нахожу этих выражений в Библии». Именно эти слова

милосердный Жан Кальвин приводит как написанные Серветом в письме к нему. Я настаивал бы лишь на самих словах, без объяснений, именно так, как они стоят в тексте: «Три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино». [45]

[10] 5. «Так, как они стоят в тексте». Но здесь возникает вопрос: подлинен ли этот текст? Был ли он первоначально написан апостолом или вставлен в последующие века? Многие сомневались в этом, в особенности великий светильник христианской Церкви, недавно перешедший в Церковь горнюю, Бенгель — самый благочестивый, самый рассудительный и самый трудолюбивый из всех новых толкователей Нового Завета. Некоторое время он сомневался в подлинности текста, поскольку его нет во многих древних списках. Но его сомнения были устранены тремя соображениями. (1) Хотя текста нет во многих списках, он содержится в ещё большем числе, причём в списках наибольшего авторитета. (2) Его цитирует целый ряд древних писателей от времени святого Иоанна до времени Константина. Этот довод решающий: они не могли бы цитировать его, если бы его не было в священном каноне. (3) Мы легко можем объяснить отсутствие текста во многих списках после того времени, вспомнив, что преемник Константина был ревностным арианином, который употреблял все средства для продвижения своего дурного дела, для распространения арианства по всей империи; в частности — стирал этот текст во всех списках, попадавших ему в руки. И он настолько преуспел, что век, в котором он жил, обычно называют Seculum Arianum — «арианским веком»; тогда был лишь один выдающийся человек, противостоявший ему с опасностью для жизни. Поэтому

вошло в пословицу: Athanasius contra mundum — «Афанасий против мира».

11 6. Но возражают: «Что бы ни стало с текстом, мы не можем верить тому, чего не можем постичь. Поэтому, когда вы требуете от нас верить тайнам, просим нас извинить».

12 Здесь двойная ошибка. (1) Мы не требуем от вас верить в этом какой-либо тайне, тогда как вы предполагаете обратное. Но, кроме того, (2) вы уже верите многому, чего не можете постичь.

13 7. Начнём со второго: вы уже верите многому, чего не можете постичь. Вы верите, что над вашей головой есть *солнце*. Но стоит ли оно неподвижно посреди своей системы или не только вращается вокруг собственной оси, но и «радуется, как исполин, пробежать поприще», вы не можете постичь ни того, ни другого: ни *как* оно движется, ни *как* покоится. Какой силой, какой природной, механической силой оно поддерживается в текучем эфире? Вы не можете отрицать факт, но не можете и объяснить его так, чтобы удовлетворить всякого разумного исследователя. Правда, вы можете изложить нам гипотезы Птолемея, Тихо Браге, Коперника и ещё двадцати других. Я читал их снова и снова; они мне опротивели; все вместе они для меня не стоят и трёх соломинок.

> 14 Каждое новое решение вновь даёт лишь
> Новую смену терминов и словесные подпорки;
> В ином наряде я получаю свой вопрос
> И беру назад то же сомнение, какое отдал.

15 Всё же я настаиваю: в *факт* вы верите, его отрицать не можете, но *образ его осуществления* постичь не можете.

16 8. Вы верите, что существует *свет*, исходящий от солнца или какого-нибудь другого светящегося тела, но не можете постичь ни его природу, ни способ, каким он распространяется. Как он проходит от Юпитера до земли за восемь минут — двести тысяч миль в мгновение? Как лучи свечи, внесённой в комнату, мгновенно расходятся по всем углам? И ещё: вот три свечи, а свет один. Объясните это, и я объясню Триединого Бога.

17 9. Вы верите, что существует *воздух*. Он и покрывает вас, словно одежда, и,

> 18 Широко разлившись,
> Объемлет кругом эту цветущую землю.

19 Но можете ли вы постичь, как? Можете ли удовлетворительно объяснить его природу или причину его свойств? Подумайте хотя бы об одном — упругости: можете ли вы её объяснить? Она может происходить от электрического огня, связанного с каждой частицей воздуха, а может и не происходить; ни вы, ни я не можем этого сказать. Но если мы не станем дышать им, пока не постигнем его, жизнь наша очень близка к концу.

20 10. Вы верите, что существует земля. Вот вы ставите на неё ногу, и она вас поддерживает. Но понимаете ли, что поддерживает саму землю? «О, слон, — говорит малабарский философ, — а его поддерживает бык». Но что поддерживает быка? И индиец, и британец одинаково затрудняются с ответом. Мы знаем, что именно Бог «распростёр север над пустотою, повесил землю ни на чём». Таков факт. Но как? Кто может это объяснить? Быть может, ангельские, но не человеческие создания.

21 Я знаю, какие правдоподобные вещи говорят о силах поступательного движения и притяжения. Но как бы

тонко мы ни пряли, действительность сметает нашу паутинную гипотезу. Как угодно соединяйте силу поступательного движения и притяжения — кругового движения они никогда не произведут. В то мгновение, когда брошенный кусок стали оказывается под действием притяжения магнита, он не описывает кривую, а падает вниз.

[22] 11. Вы верите, что у вас есть *душа*. «Постойте, — говорит доктор, — я ни во что подобное не верю. Если у *вас* есть нематериальная душа, то есть она и у животных». Я не стану ссориться с тем, кто думает, что у них есть душа; более того, хотел бы, чтобы он мог это доказать. И уж, конечно, я скорее признаю души за *ними*, чем откажусь от собственной. В этом я всем сердцем присоединяюсь к чувству добродетельного язычника: Si erro, libenter erro; et me redargui valde recusem. «Если я заблуждаюсь, то заблуждаюсь охотно и решительно отказываюсь быть убеждённым в своём заблуждении». И надеюсь, что большинство не верующих в Троицу придерживается того же мнения. Итак, позвольте продолжить. Вы верите, что у вас есть душа, соединённая с этим глиняным домом. Но можете ли постичь, как? Какие узы соединяют небесное пламя с земным комом? В этом деле вы ровно ничего не понимаете. Это так; но как — никто сказать не может. [46]

[23] 12. Вы, конечно, верите, что вместе с душой у вас есть *тело* и что каждое из них зависит от другого. Стоит вонзить в руку колючку — и душа немедленно ощущает боль. И наоборот: почувствует ли душа стыд — мгновенно румянец заливает щёки. Ощутит ли душа страх или сильный гнев — тотчас дрожит тело. Это также факты,

которых вы не можете отрицать и которых не можете объяснить.

[24] 13. Приведу лишь ещё один пример: по велению души поднимается ваша рука. Но кто способен это объяснить — связь между действием ума и внешними действиями? Более того, кто вообще может объяснить *мышечное движение*, в каком бы то ни было его проявлении? Один из самых одарённых врачей Англии, окончив лекцию на эту тему, добавил: «Теперь, господа, я сообщил вам все открытия нашего просвещённого века; и если теперь вы понимаете в этом хоть йоту, то понимаете больше меня». Коротко дело сводится к следующему: те, кто не желает верить ничему, кроме постижимого, не должны верить ни в солнце на небосводе, ни в свет, сияющий вокруг, ни в воздух, хотя он окружает их со всех сторон, ни в какую землю, хотя они стоят на ней. Они не должны верить, что у них есть душа, нет, даже что у них есть тело.

[25] 14. Но, во-вторых, как ни странно это может показаться, требуя от вас верить, что «три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино», от вас не требуют верить какой-либо тайне. Более того, великий и добрый человек, доктор Питер Браун, некогда епископ Коркский, пространно доказал, что Библия вообще не требует от вас верить никакой тайне. Библия требует лишь верить таким фактам, а не способу их осуществления. Тайна же заключается не в *факте*, а целиком в способе.

[26] Например: «Бог сказал: да будет свет. И стал свет». Я верю этому; верю простому *факту*, и в этом нет никакой тайны. Тайна — в *способе* его осуществления. Но относительно этого я ни во что не верю, и Бог этого от меня не требует.

[27] И ещё: «Слово стало плотью». Я верю и этому факту. В нём нет тайны; но о *способе, каким* Оно стало плотью, — в чём и заключается тайна, — я ничего не знаю и ни во что относительно него не верю. Он не более предмет моей веры, чем моего понимания.

[28] 15. Применим это к рассматриваемому случаю: три свидетельствуют на небе, и Сии три суть едино. Я верю и этому *факту*, если позволено так выразиться: Бог троичен и един. Но *каким образом* — этого я не постигаю и в это не верю. Именно здесь, в *образе*, лежит тайна; пусть лежит — я ею не занимаюсь, она не предмет моей веры. Я верю ровно настолько, насколько Бог открыл, и не больше. Но этого, *образа*, Он не открыл; поэтому я ничего относительно него не утверждаю верой. Однако не было бы с моей стороны нелепо отрицать факт потому, что я не понимаю способа, то есть отвергать *открытое Богом*, потому что я не постигаю *того, чего Он не открыл*?

[29] 16. Это положение заслуживает особенного внимания. Есть многое, «чего не видел глаз, не слышало ухо и что не приходило на сердце человеку». Часть этого Бог «открыл нам Духом Своим». «*Открыл*» — то есть снял покров, обнажил; именно в эту часть Он требует от нас верить. Части Он не открыл; в неё нам не нужно, да и невозможно верить: она далеко вверху, за пределами нашего взора.

[30] В чём же мудрость отвергать открытое потому, что мы не понимаем неоткрытого; отрицать *факт*, с которого Бог снял покров, потому что мы не видим *способа*, всё ещё сокрытого?

[31] 17. Особенно если принять во внимание, что угодное Богу откровение об этом предмете далеко не безразлично: это истина величайшей важности. Она

входит в самое сердце христианства, лежит в самой основе всякого живого благочестия.

32 Если Эти Три не едино, как могут «все чтить Сына, как чтут Отца»? «Не знаю, что делать, — говорит Социн в письме другу, — с моими непокорными последователями: они не хотят поклоняться Иисусу Христу. Я говорю им, что написано: “И да поклонятся Ему все ангелы Божии”. Они отвечают: как бы то ни было, если Он не Бог, мы не смеем Ему поклоняться. Ибо “написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи”».

33 Но вот что я здесь имею в виду в особенности: познание Триединого Бога вплетено во всякую истинную христианскую веру, во всякое живое благочестие.

34 Я не говорю, что каждый настоящий христианин может сказать с маркизом де Ренти: «Я непрестанно ношу с собою опытную достоверность и полноту присутствия вечно благословенной Троицы». Полагаю, это опыт не «младенцев», а скорее «отцов во Христе».

35 Но не знаю, как кто-либо может быть верующим христианином, пока, по слову святого Иоанна, не «имеет свидетельства в себе самом», пока «Дух Божий не свидетельствует духу его, что он — чадо Божие», то есть, по существу, пока Бог Святой Дух не засвидетельствует, что Бог Отец принял его через заслуги Бога Сына. Имея это свидетельство, он чтит Сына и благословенного Духа, «как чтит Отца».

36 18. Не каждый верующий христианин *сознаёт* это; поначалу, быть может, и один из двадцати не сознаёт. Но если задать любому из них несколько вопросов, легко обнаружится, что это подразумевается в его вере. Поэтому я не вижу, как может обладать живым

благочестием тот, кто отрицает, что Эти Три суть едино. И вся моя надежда о таких людях состоит не в том, что они спасутся, оставаясь в неверии, — разве лишь на том же основании, что добродетельные язычники, ссылаясь на непреодолимое неведение, — а в том, что Бог, прежде чем они уйдут отсюда, «приведёт их к познанию истины».

Бог одобряет Свои творения

[1] «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма».

[2] Бытие 1:31.

[3] 1. Когда Бог сотворил небо и землю и всё, что в них, в завершение труда каждого дня говорится: «И увидел Бог, что это хорошо». Всё сотворённое было хорошо в своём роде, соответствовало цели, ради которой предназначалось, было приспособлено содействовать благу целого и славе великого Творца. Такое суждение Богу было угодно произнести о каждом отдельном создании. Но в отношении всех частей вселенной, рассматриваемых во взаимной связи и составляющих единую систему, выражение знаменательно меняется: «И увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма».

[4] 2. Как малую часть этого великого дела Божия способен понять человек! Но наш долг — созерцать сотворённое Им и понимать столько, сколько можем. Ибо «милостивый Господь», как замечает псалмопевец, так совершил Свои дивные дела творения и Промысла, «чтобы они были памятны» всем боящимся Его; а это едва возможно, если дела не поняты. Поэтому с помощью Духа, дающего человеку разумение, попытаемся составить общий обзор дел, которые Бог совершил в этом нижнем мире, какими они были прежде, чем вследствие человеческого греха пришли в расстройство и повредились. Тогда легко увидим: как каждое создание в первоначальном состоянии было *хорошо*, так, когда все они были соединены в одну общую систему, «вот, хорошо весьма». Не припомню, чтобы встречал подобную попытку, кроме

поистине превосходной поэмы Мильтона «Потерянный рай», которую мистер Хатчинсон назвал «этим нечестивым фарсом»!

[5] I. 1. «В начале Бог сотворил вещество небес и земли». Так, по замечанию одного великого человека, эти слова можно правильно перевести. Прежде всего Он сотворил четыре стихии, из которых составилась вся вселенная: землю, воду, воздух и огонь, смешанные в одной общей массе. Самые грубые её части, земля и вода, были совершенно бесформенны, пока Бог не вложил начало движения, повелев воздуху двигаться «над поверхностью вод». Затем «сказал Господь Бог: да будет свет. И стал свет». Вот четыре составные части вселенной, истинные, первоначальные, простые стихии. Все они по существу отличны друг от друга, но так тесно смешаны во всех сложных телах, что мы не можем найти ни одного, как бы мало оно ни было, которое не содержало бы их всех.

[6] 2. «И увидел Бог», что каждая из этих стихий «хороша», совершенна в своём роде. Земля была хороша. Вся её поверхность была в высшей степени прекрасна. Чтобы сделать её ещё приятнее,

> [7] Он облёк
> Всё её лицо в отрадную зелень.

[8] Он украсил её цветами всякого оттенка, кустарниками и деревьями всякого рода. И каждая её часть была не только прекрасна, но и плодородна; её вовсе не уродовали грубые или рваные скалы; она не поражала взор страшными обрывами, огромными расселинами или мрачными пещерами, глубокими непроходимыми болотами или пустынями бесплодного песка. Но у нас нет никакого основания утверждать вместе с некоторыми

учёными и одарёнными авторами, что на первоначальной земле не было гор и неровностей поверхности. Эту гипотезу нелегко согласовать со словами Моисея: «Усилилась вода, и покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом. На пятнадцать локтей вверх», выше самых высоких, «поднялась над ними вода, и покрылись горы» (Бытие 7:19, 20). У нас нет основания верить, что эти горы возникли от самого потопа; на это не дано ни малейшего намёка, поэтому мы не можем сомневаться, что они существовали прежде него. Они, в самом деле, служили многим превосходным целям, помимо того что весьма увеличивали красоту творения разнообразием видов, которого вовсе не было бы, будь земля одной протяжённой равниной. Однако незачем предполагать, что их склоны были обрывисты или трудны для подъёма. Весьма вероятно, что подъёмы и спуски совершались почти незаметными ступенями.

[9] 3. Что касается внутренности земли, то даже доныне мы почти ничего о ней не знаем. Многие предполагали, что центр земного шара окружён огненной бездной. Многие другие воображали его окружённым водяной бездной, которую, по их предположению, Писание называет «великой бездной» (Бытие 7:11), все источники которой разверзлись для всеобщего потопа. Но как бы то ни было, мы уверены, что всё внутри было расположено в совершеннейшем порядке и согласии. Поэтому в недрах земного шара не было волнений, бурных содроганий, сотрясений земли, землетрясений: всё было неподвижно, как столпы небес! Не было тогда огненных извержений, вулканов, горящих гор. Ни Везувий, ни Этна, ни Гекла, если они вообще существовали, не изливали тогда дыма и пламени, но от вершины до подножия были покрыты зелёной мантией.

[10] 4. Стихия воды, вероятно, тогда преимущественно заключалась в великой бездне. На новой земле, как сообщает нам апостол в Откровении 21:1, «моря уже не будет» — моря, покрывающего, как ныне, лицо земли и делающего столь большую её часть непригодной для обитания человека. Отсюда вероятно, что на райской земле не было внешнего моря, пока великая бездна не прорвала первоначально назначенных ей преград. В самом деле, тогда не было такой нужды в океане для мореплавания, как теперь: ибо либо, как предполагает поэт,

[11] Omnis tulit omnia tellus; [47]

[12] каждая страна производила всё потребное для нужд или удобства своих жителей; либо человек, будучи тогда, как снова будет при воскресении, равен ангелам, мог по своему желанию переноситься на любое расстояние; к тому же эти пламенные вестники всегда были готовы служить наследникам спасения. Но было ли море или нет, рек хватало, чтобы орошать землю и делать её весьма плодородной. Они служили всем целям удобства и удовольствия

[13] Плавным течением журчащего потока;

[14] к этому прибавлялись мягкие, животворные дожди, благотворные туманы и испарения. Но не было ни гнилых озёр, ни мутных или застойных вод, а только такие, которые

[15] Несли запечатлённый
Образ прекрасной природы на спокойной груди.

[16] 5. Стихия воздуха тогда была всегда ясной и всегда благоприятной человеку. Она не содержала ни страшных

небесных явлений, ни нездоровых паров, ни ядовитых испарений. Не было бурь, а лишь прохладные, нежные ветерки —

[17] genitabilis aura Favoni,—

[18] овевавшие и человека, и зверя и несшие благоуханные запахи на безмолвных крыльях.

[19] 6. Солнце, источник огня, «этого великого мира и глаз, и душа», находилось на самом точном расстоянии от земли, чтобы сообщать каждой её части достаточное количество тепла, ни слишком мало, ни слишком много. Бог ещё не

[20] Повелел Своим ангелам наклонить
Этот косой земной шар.

[21] Поэтому тогда не было страны, стонущей под

[22] Яростью Арктоса и вечным морозом.

[23] Не было ни суровой зимы, ни знойного лета, никакой крайности жары или холода. Никакая почва не была выжжена солнечным жаром, никакая не была необитаема из-за его недостатка. Так земля, вода, воздух и огонь вместе содействовали благополучию и удовольствию человека!

[24] 7. Той же цели служило отрадное чередование света и тьмы — дня и ночи. Ибо как человеческое тело, хотя и не подверженное смерти или боли, всё же нуждалось в постоянном поддержании пищей, так, хотя оно и не было подвержено утомлению, ему требовалось постоянное восстановление сном. Благодаря этому пружины живого механизма время от времени заводились и всегда оставались пригодными для приятного труда, к которому

Творец предназначил человека. Поэтому «был вечер, и было утро: день первый» ещё прежде, чем в мире появились грех или боль. В первых естественных сутках одна часть была тёмной — для отдыха, другая светлой — для труда. И даже в раю «Адам спал» прежде, чем согрешил (Бытие 2:21); следовательно, сон был присущ невинной человеческой природе. Однако не думаю, что отсюда можно заключить, будто на небе есть тьма или сон. Конечно, в том граде Божием нет тьмы. Разве не сказано прямо: «Ночи не будет там» (Откровение 22:5)? Им действительно не нужен солнечный свет, но «Господь освещает их». Поэтому на небе всегда день, как в аду всегда ночь! На земле у нас смесь того и другого. День и ночь сменяются, пока земля не превратится в небо. Нельзя также нисколько доверять рассказу древнего поэта о сне на небесах, хотя он и оставляет «собирающего тучи Юпитера» бодрствующим, пока низшие боги спят. Поэтому жаль, что наш великий поэт столь рабски следует древнему язычнику, говоря:

> [25] Сон запечатал
> Все очи, кроме недремлющих очей Самого Бога.

[26] Нет, это не так: стоящие «пред престолом Бога служат Ему день и ночь», говоря по-человечески, «в храме Его» (Откровение 7:15), то есть без всякого перерыва. Как злые духи мучаются день и ночь без всякого перерыва в несчастье, так святые духи наслаждаются Богом день и ночь без всякого перерыва в счастье.

[27] 8. Во второй день Бог окружил земноводный шар тем благородным дополнением, которое есть атмосфера, состоящая главным образом из воздуха, но наполненная земными частицами разных родов и огромными массами воды — иногда невидимыми, иногда видимыми,

поддерживаемыми тем эфирным огнём, частица которого прилеплена к каждой частице воздуха. Благодаря этому вода разделялась на бесчисленные капли, которые, нисходя, орошали землю и делали её весьма плодородной, не причиняя неудобства никому из её обитателей. Ибо тогда не было стремительных воздушных потоков, бурных ветров, свирепого града, потоков ливня, раскатистого грома или ветвящихся молний. Одна непреходящая весна непрестанно улыбалась над всей поверхностью земли.

[28] 9. В третий день Бог повелел произрасти из земли растениям всякого рода, а затем прибавил к ним бесчисленные травы, перемежающиеся цветами всех оттенков. К ним были присоединены кустарники всякого вида, а также высокие, величественные деревья — для тени, для древесины или для плодов, в бесконечном разнообразии. Некоторые были приспособлены к особому климату или особому положению относительно света; растения же более общего употребления, в особенности пшеница, не ограничивались одной страной, а могли процветать почти во всяком климате. Но среди них не было ни сорняков, ни бесполезных растений, ни таких, которые напрасно занимали землю; тем менее было что-либо ядовитое, способное повредить хоть одному созданию. Всё было благотворно в своём роде и соответствовало благому замыслу великого Творца.

[29] 10. Теперь Господь сотворил «солнце для управления днём и луну для управления ночью». Солнце было

[30] Этого великого мира и глазом, и душою:

[31] *Глазом* — делая всё видимым, распределяя свет по каждой части системы и тем радуя и землю, и небо; и *душою* — началом всякой жизни, растительной или

животной. Некоторые назначения луны нам известны: она вызывает морские приливы и отливы и в большей или меньшей степени влияет на все жидкости земноводного шара. У неё может быть много и других назначений, неведомых нам, но ведомых мудрому Творцу. Однако несомненно, она не оказывала ни вредного, ни нездорового влияния ни на одно живое создание. «Он создал также звёзды» — и те, которые движутся вокруг солнца, первого ли они или второго порядка, и те, которые из-за гораздо большей удалённости кажутся нам неподвижными на небесном своде. Следует ли причислять к звёздам кометы и были ли они частью первоначального творения, определить, пожалуй, не так легко, во всяком случае с достоверностью: и об их природе, и об их назначении у нас есть лишь вероятные догадки. Мы не знаем, являются ли они, как воображали некоторые остроумные люди, разрушенными мирами, мирами, пережившими всеобщий пожар, или же, как не без вероятия предполагают другие, огромными вместилищами жидкостей, назначенными обращаться в определённые сроки и восполнять непрестанно убывающую влагу земли. Но мы уверены, что они не производили и не предвещали никакого зла. Вопреки позднейшим представлениям многих, они не

[32] Со своих страшных волос
Стряхивали мор и войну,

[33] 11. Затем Господь Бог населил землю животными всякого рода. Сначала Он повелел водам произвести их во множестве — произвести существ, которые, обитая в более грубой стихии, в общем были и более тупы по природе, наделены меньшим числом чувств и меньшим разумением, чем другие животные. В частности,

двустворчатые моллюски, по-видимому, не имеют никакого чувства, кроме осязания, разве что ещё слабую меру вкуса; так что они лишь на одну ступень выше растений. Даже царь вод — титул, который некоторые дают киту за его огромную величину, — хотя к вкусу и осязанию у него прибавлено зрение, по-видимому, не обладает разумением, соразмерным своему объёму. Скорее, в этом он уступает не только большинству птиц и зверей, но и большей части даже пресмыкающихся и насекомых. Однако ни одно из этих существ тогда не пыталось пожирать другое или как-либо ему вредить. Все были мирны и спокойны, как водные поля, по которым они свободно странствовали.

[34] 12. По-видимому, насекомые стояли по меньшей мере на одну ступень выше обитателей вод. Почти все они тоже пожирают друг друга и всякое иное создание, которое могут одолеть. В самом деле, нынешнее состояние мира до того бедственно расстроено, что бесчисленные создания могут сохранить собственную жизнь только уничтожением других. Но в начале было не так. Райская земля давала достаточно пищи всем своим обитателям, поэтому ни у кого не было ни нужды, ни соблазна охотиться на других. Паук тогда был так же безвреден, как муха, и не подстерегал крови. Слабейшие из них безопасно ползали по земле или раскрывали в воздухе золотистые крылья, трепетавшие на ветру и блестевшие на солнце, и никто их не пугал. Между тем пресмыкающиеся всякого рода были столь же безвредны и разумнее их; более того, один из их видов был «хитрее», или смышлёнее, «всех» бессловесных созданий, «которых создал Бог».

[35] 13. Но в общем птицы, созданные летать по открытому небесному своду, по-видимому, принадлежали к порядку гораздо выше насекомых и пресмыкающихся, хотя всё ещё значительно уступали зверям. Этим словом мы теперь обозначаем лишь четвероногих животных, тогда как двести лет назад оно охватывало всякий род живых созданий. Многие их виды не только наделены большой мерой природного разумения, но и способны к такому значительному развитию посредством обучения, какое нелегко было бы представить. Но среди всех них не было ни хищных птиц, ни хищных зверей, ни одного существа, которое уничтожало бы или тревожило другое; все создания, каждое в своём роде, дышали благостью своего великого Творца.

[36] 14. Таково было состояние творения, насколько мы теперь можем составить о нём скудное представление, когда его великий Создатель, единым взором обозрев всю систему, объявил её «весьма хорошей». Она была хороша в высшей доступной ей степени и без всякой примеси зла. Каждая часть точно соответствовала другим и содействовала благу целого. «С престола Божия была спущена золотая цепь», если употребить выражение Платона, — точно связанная последовательность существ, от высшего до низшего: от мёртвой земли через ископаемые, растения и животных к человеку, сотворённому по образу Божию и предназначенному познавать, любить своего Творца и наслаждаться Им во всю вечность.

[37] II. 1. Вот твёрдое основание, на котором мы можем стоять и отвечать на все придирки мелких философов, на все возражения против благости или мудрости Бога в творении, выдвигаемые «пустыми людьми», которые

«хотят казаться мудрыми». Все они основаны на полном заблуждении — а именно на том, будто мир теперь находится в том же состоянии, что и в начале. На этом предположении они правдоподобно строят множество возражений. Но все эти возражения рушатся, как только мы замечаем, что само предположение допустить нельзя. В начале мир находился в совершенно ином состоянии, нежели то, в котором мы видим его теперь. Поэтому возражайте сколько угодно против нынешнего состояния одушевлённого или неодушевлённого творения, вообще ли или в отдельных случаях; ответ готов: теперь оно не таково, каким было в начале. Поэтому, если бы вы услышали, как тот тщеславный король Кастилии с изысканным самомнением восклицает: «Если бы я создавал мир, я создал бы его лучше, чем создал Всемогущий Бог», — вы могли бы ответить: «Нет. Всемогущий Бог, знаете вы это или нет, не создавал мир таким, каков он теперь. Он Сам создал его лучше, неизреченно лучше нынешнего. Он создал его без всякого пятна, более того — без всякого недостатка. В неодушевлённом творении Он не создал ни порчи, ни разрушения. В животном творении Он не создал смерти, ни её предвестников — греха и боли. Если вы не верите Его собственному рассказу, поверьте вашему собрату-язычнику: лишь

[38] Post ignem aetherea domo
Subductum,

[39] то есть, говоря простым языком, лишь после того, как человек в полном неповиновении своему Создателю вкусил от дерева познания,

[40] — Macies, et nova febrium
Terris incubuit cohors; —

[41] целое воинство бедствий, совершенно новых, совершенно неведомых до той поры, обрушилось на мятежного человека и все прочие создания и покрыло лицо земли».

[42] 2. «Нет, — говорит один дерзкий человек [г-н С—-Дж—-с], который с тех пор стал разыгрывать христианина, притом так хорошо, что многие и считают его христианином, — Бога нельзя винить ни в природном, ни в нравственном зле, существующем в мире: Он создал его настолько хорошо, насколько мог, поскольку зло неизбежно заключено в самой природе вещей». Да, в *нынешней природе* вещей, если предположить, что человек восстал против Бога. Но в первоначальной природе вещей зла вовсе не было. Оно было не более необходимым следствием материи, чем необходимым следствием духа. Тогда всё без исключения было весьма хорошо. И как могло быть иначе? В силе Бога не было ни малейшего недостатка, как и в Его благости или мудрости. Благость склоняла Его сделать всё добрым, а сила и мудрость осуществили это. Поэтому пусть всякий разумный неверующий устыдится столь жалких *извинений* за своего Творца. Он не нуждается в том, чтобы кто-либо из нас придумывал *оправдания* Ему или Его творению. «Бог — непорочен путь Его»; такими первоначально были все Его дела и такими снова станут, когда «Сын Божий разрушит» все «дела дьявола».

[43] 3. Итак, исходя из того, что «Бог сотворил человека правым» и каждое создание совершенным в своём роде, но человек «пустился во многие помыслы» о счастье независимо от Бога и своим отпадением от Него вверг не только себя, но и всё тесно связанное с ним творение в

расстройство, несчастье и смерть, — исходя из этого, говорю я, нам нетрудно

[44] Оправдать пути Божии перед людьми.

[45] Ибо, хотя Он оставил человека в руке собственного решения — выбирать добро или зло, жизнь или смерть, — хотя не отнял данной ему свободы, но попустил избрать смерть, вследствие чего всё творение теперь совокупно стенает, всё же, когда мы размышляем, что все вошедшие в творение бедствия могут вместе послужить нашему благу, более того — «произвести для нас в безмерном преизбытке вечную славу», мы по праву можем хвалить Бога за попущение этих временных бедствий ради нашего вечного блага. Более того, мы по праву можем воскликнуть: «О, бездна мудрости» и благости Божией! «Всё хорошо делает». «Слава Богу и Агнцу во веки веков!»

О грехопадении человека

[1] «Прах ты, и в прах возвратишься». [48]

[2] Бытие 3:19.

[3] 1. Почему в мире есть *боль*, если Бог «благ ко всем и щедроты Его на всех делах Его»? Потому что есть грех: если бы не было греха, не было бы и боли. Но боль, если Бог справедлив, есть необходимое следствие греха. А почему в мире есть грех? Потому что человек сотворён по образу Божию; потому что он не просто материя, ком земли, кусок глины, лишённый чувства и разумения, но дух, подобный своему Творцу, существо, наделённое не только чувством и разумением, но и волей, действующей в различных душевных движениях. В довершение всего он был наделён свободой — силой направлять собственные чувства и поступки, способностью определять себя, или избирать добро либо зло. В самом деле, без этого всё прочее не принесло бы пользы: не будь человек не только разумным, но и свободным существом, его разум был бы столь же неспособен к святости или какой-либо добродетели, как дерево или глыба мрамора. И, обладая этой силой — силой избирать добро или зло, — он избрал последнее: избрал зло. Так «грех вошёл в мир», а с ним всякого рода боль, приготовляющая смерть.

[4] 2. Но этого ясного, простого объяснения происхождения зла — природного или нравственного — вся человеческая мудрость не могла открыть, пока Богу не было угодно явить его миру. До той поры человек был для самого себя одной загадкой, загадкой, разрешить которую мог только Бог. И как полно и удовлетворительно Он разрешил её в

этой главе! Так, что это, правда, не удовлетворяет суетного любопытства, но с избытком достигает более благородной цели:

[5] Оправдать пути Божии перед людьми.

[6] Ради этой великой цели я хотел бы сначала кратко рассмотреть предшествующую часть главы, а затем, во-вторых, подробнее взвесить уже приведённые торжественные слова.

[7] I. 1. Прежде всего кратко рассмотрим предшествующую часть главы. «Змей был хитрее», или разумнее, «всех зверей полевых, которых создал Господь Бог» (Бытие 3:1), то есть наделён большим разумением, чем любое другое животное среди бессловесных созданий. В самом деле, нет ничего невероятного в догадке одного одарённого человека [покойного доктора Николаса Робинсона], что змей был наделён разумом, который теперь составляет свойство человека. Это объясняет обстоятельство, совершенно непонятное при любом другом предположении. Почему Ева не удивилась, более того — не поразилась и не испугалась, услышав, как змей *говорит* и *рассуждает*, если только не знала, что разум и следующая из него речь были первоначальными свойствами змея? Поэтому, не выказывая никакого удивления, она немедленно вступает с ним в разговор. «И сказал он жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в саду?» Посмотрите, как бывший лжецом от начала смешивает истину с ложью! Быть может, намеренно, чтобы ещё больше склонить её к разговору ради оправдания Бога от несправедливого обвинения. И действительно, женщина сказала змею: «Плоды с деревьев в саду мы можем есть, но о дереве посреди сада Бог сказал: не ешьте от него и не прикасайтесь к нему,

чтобы вам не умереть» (Бытие 3:2). До сих пор она, по-видимому, была без вины. Но как долго оставалась такой? «И сказал змей жене: нет, не умрёте; но знает Бог, что в день, в который вы вкусите от него, откроются глаза ваши и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Бытие 3:4, 5). Здесь начался грех, а именно неверие. «Жена была прельщена», — говорит апостол. Она поверила лжи; больше доверилась слову дьявола, чем Слову Божию. И неверие породило действительный грех: «Когда женщина увидела, что дерево хорошо для пищи, приятно для глаз и вожделенно, потому что даёт мудрость, она взяла от плодов и ела», — и так завершила свой грех. Но «муж», как замечает апостол, «не был прельщён». Как же он присоединился к преступлению? «Она дала мужу своему, и он ел». Он согрешил с открытыми глазами. Он восстал против Творца, весьма вероятно,

> [8] Не более сильным доводом побуждённый,
> Но слабодушно побеждённый женскими чарами.

[9] И если дело обстояло так, нет ничего нелепого в утверждении одного великого человека: «Адам согрешил в сердце прежде, чем согрешил внешне, прежде, чем вкусил запретного плода», — а именно внутренним идолопоклонством, возлюбив творение больше Творца.

[10] 2. Немедленно за грехом последовала боль. Потеряв невинность, он потерял счастье. Он мучительно убоялся того Бога, в любви к Которому прежде состояло его высшее счастье. «Он сказал: голос Твой я услышал в саду и убоялся» (Бытие 3:10). Он бежал от Того, Кто до той поры был его желанием, славой и радостью. Он «скрылся от лица Господа Бога между деревьями сада». Скрылся! От всевидящего ока? От ока, которое одним взглядом пронизывает небо и землю? Посмотрите, как повредился

также его разум! Какое поразительное безумие — такое, в какое, можно было бы подумать, впали бы весьма немногие даже из его потомков! Столь страшно «омрачилось его несмысленное сердце» грехом, виной, скорбью и страхом. Невинность была потеряна, а вместе с ней — счастье и мудрость. Вот ясный, понятный ответ на вопрос: «Как зло пришло в мир?»

11 3. Во всём этом повествовании нельзя не заметить неизреченной нежности и снисходительности всемогущего Творца, от Которого они отпали, Владыки, против Которого восстали. «И воззвал Господь Бог к Адаму и сказал ему: где ты?» — так милостиво призывая возвратиться того, кто иначе вечно убегал бы от Бога. «И сказал он: голос Твой я услышал в саду и убоялся, потому что я наг». Всё ещё нет ни признания вины, ни смирения из-за неё. Но с какой изумительной нежностью Бог приводит его к этому признанию! «И сказал: кто сказал тебе, что ты наг?» Как ты пришёл к этому открытию? «Не ел ли ты от дерева, с которого Я запретил тебе есть?» «И сказал человек», всё ещё не смирившийся, более того — косвенно возлагающий вину на Самого Бога: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». «И сказал Господь Бог жене», по-прежнему желая привести их к покаянию: «Что это ты сделала?» (Бытие 3:13). «И сказала жена», прямо изложив всё, как было: «Змей обольстил меня, и я ела». «И сказал Господь Бог змею», чтобы засвидетельствовать полное отвращение ко греху долговечным памятником Своего недовольства, наказав создание, бывшее лишь орудием греха: «Проклят ты пред всем скотом и пред всеми зверями полевыми… И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем её: оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту». Так от начала

мира среди суда Бог вспоминал о милости, соединяя великое обетование спасения с самим приговором осуждения!

[12] 4. «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою и», или при, «беременности твоей; в скорби», или боли, «будешь рождать детей» — более всякого другого создания под небом. Мы видим, что это первоначальное проклятие наследуется и самыми поздними её потомками. «И к мужу твоему влечение твоё, и он будет господствовать над тобою». По-видимому, последняя часть этого приговора объясняет первую. Было ли до той поры какое-либо иное подчинённое положение женщины относительно мужчины, кроме того, какое можно представить между одним ангелом и другим? «Адаму же сказал: за то, что ты послушал голоса жены твоей и ел от дерева, о котором Я заповедал тебе, сказав: не ешь от него, — проклята земля за тебя... Терние и волчцы произрастит она тебе», — бесполезные и даже вредные произрастания, тогда как первоначально в творении ничто не было рассчитано причинять вред или боль. «И будешь питаться полевою травою» — грубой и низкой в сравнении с восхитительными плодами рая! «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься».

[13] II. 1. Теперь, во-вторых, подробнее взвесим эти торжественные слова. «Прах ты». Но как страшно и дивно этот прах сплетён в бесчисленные волокна, нервы, оболочки, мышцы, артерии, вены, сосуды разных родов! И как изумительно он соединён с водой, с заключёнными внутри и циркулирующими жидкостями, тысячью способов преобразуемыми в тысячах трубок и фильтров! Более того, как дивно воздух заключён в каждой части,

твёрдой или жидкой, живого механизма; воздух не упругий, который разорвал бы механизм на части, но неподвижный, как вода у полюса! Однако всё это не помогло бы, если бы эфирный огонь не был тесно смешан и с этой землёй, и с воздухом, и с водой. И все эти стихии смешаны в точнейшем соотношении, так что, пока тело здорово, ни одна ни в малейшей степени не преобладает над другими.

[14] II. 2. Таков был человек в своей телесной части, когда вышел из рук Создателя. Но после греха он не только прах, а смертный, тленный прах. И на горьком опыте мы узнаём, что это «тленное тело отягощает душу». Оно весьма часто препятствует её действиям и в лучшем случае служит ей очень несовершенно. Но душа не может обойтись без его служения, как бы несовершенно оно ни было: ведь воплощённый дух не может образовать ни одной мысли иначе, как через посредство телесных органов. Мышление — не действие чистого духа, как многие полагают, а действие духа, соединённого с телом и играющего на ряде вещественных клавиш. Поэтому он никак не может произвести музыку лучше той, какую позволяют природа и состояние его инструментов. Отсюда всякое расстройство тела, особенно частей, непосредственно служащих мышлению, ставит почти непреодолимую преграду правильной мысли. Отсюда общепринятое во все века изречение: Humanum est errare et nescire, — «Не одно неведение», которое в большей или меньшей мере присуще всякому созданию на небе и на земле, ибо никто не всеведущ, никто не знает всего, кроме Творца, «но и заблуждение достаётся в наследство каждому сыну человеческому». Ошибка, как и неведение, в нынешнем нашем состоянии неотделима от человечества. Каждый сын человеческий пребывает в

тысяче ошибок и каждое мгновение подвержен новым. А ошибка суждения может повлечь ошибку в поступке, более того — естественно ведёт к ней. Я ошибаюсь и, возможно, не могу избежать ошибки в оценке характера того или другого человека. Считаю его тем, кем он не является, — лучше или хуже, чем он есть на самом деле. Из-за этого неверного предположения поступаю с ним неправильно, то есть с большей или меньшей любовью, чем он заслуживает. И ошибка, вызванная недостатком моих телесных органов, естественно приводит меня к такому поступку. Таково нынешнее состояние человеческой природы, ума, зависящего от смертного тела. Таково состояние, наследуемое всеми человеческими духами, пока они соединены с плотью и кровью!

15 3. «И в прах возвратишься». Как дивно мудрый Творец обеспечил исполнение этого приговора над всем потомством Адама! Правда, Ему было угодно сделать одно исключение из общего правила в самом раннем возрасте мира, в пользу человека выдающейся праведности. Так, в Бытии 5:23, 24 читаем, что после того, как Енох «ходил пред Богом» триста шестьдесят пять лет, «не стало его, потому что Бог взял его»: Он освободил его от приговора, вынесенного всякой плоти, и взял живым на небо. Много веков спустя Ему было угодно сделать второе исключение, повелев взять пророка Илию на небо в огненной колеснице, весьма вероятно — в сопровождении ангелов, принявших такой вид. И не лишено вероятия, что Он счёл благим сделать третье исключение в лице возлюбленного ученика. Нам передан подробный рассказ о старости апостола Иоанна, но нет ни рассказа о его смерти, ни малейшего указания на неё. Поэтому мы можем разумно предположить, что он не умер, а после

того, как окончил свой путь и около ста лет «ходил пред Богом», Господь взял его, как Еноха, но не столь открытым и заметным образом, как пророка Илию.

16 4. Но если оставить в стороне эти два или три случая, кто за почти шесть тысяч лет сумел избежать исполнения приговора, вынесенного Адаму и всему его потомству? Пусть люди будут как угодно велики в искусстве врачевания — могут ли они предотвратить или исцелить постепенный упадок природы? Может ли всё их хвалёное искусство исцелить старость или помешать праху возвратиться в прах? Более того, кто из величайших мастеров медицины смог прибавить век к собственным годам или хотя бы продлить собственную жизнь на сколько-нибудь значительный срок сверх обычного? Уже более трёх тысяч лет, по крайней мере со времени Моисея, дни человека установлены, по среднему счёту, в семьдесят лет. Как мало достигают восьмидесяти! Быть может, едва один из пятисот. Столь мало помогает человеческое искусство против установления Божия!

17 5. В самом деле, Бог предусмотрел исполнение Своего приговора в самих началах нашей природы. Хорошо известно, что человеческое тело при появлении на свет состоит из бесчисленных, чрезвычайно тонких оболочек, наполненных циркулирующей жидкостью, в сравнении с которой твёрдые части составляют весьма малую долю. В трубки, образованные этими оболочками, должно непрестанно поступать питание, иначе жизнь не сможет продолжаться и окончится почти сразу после начала. И пусть это питание жидкое и, протекая по тонким каналам, непрестанно расширяет их во всех измерениях, оно всё же содержит бесчисленные твёрдые частицы, постоянно прилипающие к внутренней поверхности сосудов, по

которым движутся; поэтому по мере расширения каждого сосуда он также становится твёрже. Так тело крепнет по мере роста, от младенчества до зрелости. В двадцать, двадцать пять или тридцать лет оно достигает полной меры твёрдости. Каждая часть тела тогда укреплена вполне: к сосудам прилепилось столько земли, сколько даёт нервам, артериям, венам и мышцам необходимую им плотность для совершеннейшего исполнения своих функций. В последующие двадцать или, быть может, тридцать лет, хотя всё новые частицы земли непрестанно прилипают к внутренней поверхности каждого сосуда тела, вызванное этим отвердение едва заметно и причиняет мало неудобства. Но после шестидесяти лет, раньше или позже в зависимости от природного сложения и тысячи случайных обстоятельств, перемена легко замечается даже на поверхности тела. Морщины показывают уменьшение доли жидкостей; об этом же говорит сухость кожи вследствие уменьшения крови и соков, прежде увлажнявших её и сохранявших гладкой и мягкой. Конечности холодеют не только из-за удалённости от центра движения, но и потому, что мелкие сосуды заполняются и уже не могут пропускать циркулирующую жидкость. С возрастом всё меньше сосудов остаётся проницаемыми и способными передавать жизненный поток, кроме самых крупных, большая часть которых расположена в туловище. В глубокой старости сами артерии, главные орудия кровообращения, вследствие непрестанного наслоения земли становятся твёрдыми, словно костяными, пока, потеряв способность сокращаться, уже не могут проталкивать кровь даже по самым большим каналам; вследствие этого естественно наступает смерть. Так семена смерти посеяны в самой нашей природе! Так с

самого часа появления на сцене жизни мы движемся к смерти; хотим того или нет, готовимся возвратиться в прах, из которого вышли!

[18] 6. Теперь кратко обозрим всё целиком, как оно изложено с неподражаемой простотой, из которой одной беспристрастный человек мог бы заключить, что перед ним Слово Божие. В тот период длительности, который Он счёл наиболее подходящим, — а судить об этом мог лишь Тот, Чей взор объемлет всю возможность вещей от века и до века, — Всемогущий, восстав в величии Своей силы, вышел сотворить вселенную. «В начале Он сотворил», произвёл из ничего, «вещество небес и земли»: именно это, как замечает мистер Хатчинсон, собственно означают первоначальные слова. Затем «Дух», или дыхание, «от Господа», то есть воздух, «носился над поверхностью вод». Вот земля, вода, воздух — три стихии, или составные части нижнего мира. «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». По Его всетворящему слову возник свет, то есть огонь, четвёртая стихия. Из них, различно изменённых и соразмеренных друг с другом, Он составил целое. «Земля произвела траву, зелень, сеющую семя, и дерево плодовитое по роду своему», а затем различные племена животных для обитания в водах, воздухе и на земле. Но даже язычник мог заметить:

> [19] Sanctius his animal, mentisque capacius altae Deerat adhuc!

[20] Всё ещё недоставало создания высшего порядка, способного к мудрости и святости. Natus homo est. Так «Бог сотворил человека по образу Своему; по образу Божию сотворил его»! Заметьте это выразительное повторение. Бог создал его не просто материей, куском бесчувственной, неразумной глины, а духом, подобным

Себе, хотя и облечённым в вещественную оболочку. Как таковой, он был наделён разумением, волей, включающей различные чувства, и свободой — силой пользоваться ими правильно или неправильно, избирать добро или зло. Иначе ни разумение, ни воля не имели бы никакого назначения: он был бы так же неспособен к добродетели или святости, как древесный пень. Адам, в котором тогда заключалось всё человечество, свободно предпочёл зло добру. Он избрал исполнение собственной воли вместо воли Творца. Он «не был прельщён», но сознательно и намеренно восстал против своего Отца и Царя. В то мгновение он потерял нравственный образ Божий и отчасти естественный; стал нечестив, неразумен и несчастен. И «в Адаме все умерли»: он передал всему потомству в наследство заблуждение, вину, скорбь, страх, боль, болезни и смерть.

21 7. Как точно с этим рассказом согласуются действительность, всё окружающее нас, самое лицо целого мира! Откройте глаза! Оглянитесь! Увидьте осязаемую тьму, неведение и заблуждение, порок в десяти тысячах обличий; увидьте сознание вины, страх, скорбь, стыд, угрызения совести, покрывающие лицо земли! Увидьте несчастье, дочь греха. Увидьте со всех сторон болезнь и боль, обитающие среди каждого народа под небом и во всякий век гонящие бедных, беспомощных сынов человеческих к вратам смерти! Так они поступают почти от начала мира и будут поступать до завершения всего.

22 8. Но может ли Творец презреть дело Своих рук? Конечно, это невозможно! Не приготовил ли Он тогда, поскольку только Он способен, лекарства от всех этих зол? Да, поистине приготовил, притом достаточное

лекарство, во всём соответствующее болезни. Он исполнил Своё слово: дал «семя жены поразить голову змея». «Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Вот средство от всей нашей вины: Он «вознёс все грехи наши телом Своим на древо». И «если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцом — Иисуса Христа, праведника». Здесь же лекарство от всей нашей болезни, от всей испорченности нашей природы. Ибо Бог по ходатайству Сына дал нам также Святого Духа, чтобы обновить нас и «в познании», в Своём естественном образе, открывая очи разума и просвещая всяким знанием, необходимым для угождения Богу, и в Своём нравственном образе, а именно в «праведности и истинной святости». И если это совершается, мы знаем, что «всё» будет «содействовать нашему благу». Мы знаем по счастливому опыту, что все природные бедствия изменяют свою природу и обращаются во благо; что скорбь, болезнь, боль окажутся лекарствами для исцеления нашего духовного недуга. Всё это будет полезно нам, всё послужит неизреченной выгоде, делая нас в большей мере «причастниками Его святости», пока остаёмся на земле, и прибавляя столько же звёзд к венцу, хранимому для нас на небе.

[23] 9. Итак, узрите и справедливость, и милость Бога! Его *справедливость* — в наказании греха того, в чреслах кого тогда заключались все мы, наказании Адама и всего его потомства; Его *милость* — в приготовлении всеобщего лекарства от всеобщего зла, в назначении Второго Адама умереть за всех умерших в первом, чтобы, «как в Адаме все умерли, так во Христе все» могли «ожить»; чтобы, «как преступлением одного всем человекам осуждение, так праведностью одного дар» мог прийти «ко всем для

оправдания к жизни» — «оправдания к *жизни*», поскольку оно связано с новым рождением, началом духовной жизни, ведущей нас через жизнь святости к жизни вечной, ко славе.

[24] 10. И особенно следует заметить: «Где умножился грех, стала ещё гораздо более преизобиловать благодать». Ибо дар не таков, как осуждение: мы можем приобрести бесконечно больше, чем потеряли. Теперь мы можем достичь и высших степеней святости, и высших степеней славы, чем было бы для нас возможно прежде. Если бы Адам не согрешил, Сын Божий не умер бы; следовательно, никогда не существовало бы того поразительного явления любви Бога к человеку, которое во все века возбуждало высочайшую радость, любовь и благодарность Его детей. Мы могли бы любить Бога Творца, Бога Хранителя, Бога Правителя, но для любви к Богу Искупителю не было бы места: она не могла бы существовать. Недоставало бы высшей славы и радости святых на земле и святых на небе — Христа распятого. Тогда мы не могли бы восхвалять Того, Кто, не почитая хищением быть равным Богу, всё же уничижил Себя, принял образ раба и был послушен до смерти, и смерти крестной! Теперь это благороднейшая тема всех детей Божиих на земле; более того, можем без колебания утверждать — даже ангелов, архангелов и всего небесного сонма.

[25] «Аллилуия, — взывают они, —
Царю небес,
Великому, вечному СУЩЕМУ;
Агнцу, Который был заклан
И снова живёт,
Аллилуия Богу и Агнцу!»

О предопределении

[1] «Кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего; а кого предопределил, тех и призвал; а кого призвал, тех и оправдал; а кого оправдал, тех и прославил».

[2] Римлянам 8:29, 30.

[3] 1. «Возлюбленный брат наш Павел, — говорит святой Пётр, — по данной ему премудрости написал вам, как и во всех посланиях, говоря в них об этом; в них есть нечто трудное для понимания, что невежды и неутверждённые, как и прочие Писания, превращают к собственной своей погибели» (2 Пет. 3:15, 16). [49]

[4] 2. Вполне вероятно, что к тем трудным для понимания словам святого Павла апостол Пётр мог относить и сказанное им об этом предмете в восьмой и девятой главах Послания к Римлянам. И несомненно, что на протяжении нескольких столетий не только невежды, но и многие из самых учёных людей мира, не только «неутверждённые», но и многие из тех, кто казался твёрдо утверждённым в истинах Евангелия, «превращали» эти места «к собственной своей погибели».

[5] 3. Мы вполне можем признать их «трудными для понимания», если вспомним, как постоянно расходились во мнениях о них люди сильнейшего ума, развитого всеми преимуществами образования. И уже само это обстоятельство — столь широкое расхождение между людьми величайшей учёности, рассудительности и благочестия — должно было бы, казалось, сделать всех,

кто теперь говорит об этом предмете, чрезвычайно осторожными и недоверчивыми к собственному суждению. Но не знаю, почему во всех частях христианского мира наблюдается как раз обратное. Никакие писатели на земле не кажутся более уверенными в себе, чем те, кто пишет об этом трудном предмете. Более того, те самые люди, которые, рассуждая о чём-либо другом, отличаются замечательной скромностью и смирением, здесь одном отбрасывают всякое сомнение в себе

[6] И вещают *ex cathedrá* непогрешимо.

[7] Это особенно заметно почти у всех, кто утверждает безусловные определения. Но ведь этого, несомненно, можно избежать: всё, что мы предлагаем, можно предлагать скромно, с почтением к мудрым и добрым людям, придерживающимся противоположного мнения. Тем более что о каждой стороне вопроса уже столько сказано, столько томов написано, что едва ли возможно сказать что-нибудь ещё не сказанное. Всё, что я хотел бы теперь предложить — не любителям споров, а людям благочестивым и беспристрастным, — это несколько кратких замечаний, которые, быть может, прольют некоторый свет на приведённый выше текст.

[8] 4. Чем чаще и внимательнее я его рассматривал, тем больше склонялся к мысли, что апостол здесь не описывает, как многие предполагали, цепь причин и следствий — кажется, это и не приходило ему на сердце, — а просто показывает *способ Божиего действия, порядок,* в котором различные стороны спасения неизменно следуют одна за другой. И это, полагаю я, станет ясно всякому серьёзному и беспристрастному

исследователю, рассматривающему дело Божие вперёд или назад: от начала к концу либо от конца к началу.

9 5. Во-первых, рассмотрим всё дело Божие в спасении человека в прямом порядке: от начала, от первого шага, до завершения во славе. Этот первый шаг — предведение Божие. Бог *предузнал* во всяком народе тех, кто уверует, от начала мира до завершения всего. Но чтобы пролить свет на этот тёмный вопрос, следует хорошо заметить: когда мы говорим о Божием предведении, то говорим не согласно природе вещей, а по-человечески. Ибо, строго говоря, в Боге нет ни предведения, ни последующего знания. Всё время, или, вернее, вся вечность — ибо время есть лишь тот малый отрезок вечности, который уделён сынам человеческим, — присутствует перед Ним сразу; Он не знает одно прежде другого или одно после другого, но видит всё единым взором от вечности до вечности. Как всё время со всем, что в нём существует, разом присутствует перед Ним, так Он разом видит всё, что было, есть или будет до конца времён. Но заметьте: мы не должны думать, будто всё это существует потому, что Он знает об этом. Нет, Он знает потому, что оно существует. Так и я — если позволено сравнивать человеческие вещи с глубинами Божиими — теперь знаю, что солнце светит. Но солнце светит не потому, что я это знаю; я знаю это потому, что оно светит. Моё знание предполагает солнечный свет, но никак не вызывает его. Подобным образом Бог знает, что человек грешит, ибо Он знает всё; однако мы грешим не потому, что Он это знает: Он знает потому, что мы грешим. Его знание предполагает наш грех, но никак не причиняет его. Одним словом, Бог, взирая на все века, от сотворения до завершения, как на единое мгновение, и разом видя всё, что есть в сердцах всех сынов человеческих, знает каждого верующего и

неверующего во всяком веке и народе. Но то, что Он знает, будь то вера или неверие, никоим образом не вызывается Его знанием. Люди столь же свободны верить или не верить, как если бы Он вовсе не знал этого.

[10] 6. В самом деле, если бы человек не был свободен, он не мог бы отвечать ни за свои мысли, ни за слова, ни за поступки. Если бы он не был свободен, то не мог бы ни заслужить награды, ни подлежать наказанию; был бы неспособен ни к добродетели, ни к пороку, ни к нравственному добру, ни к нравственному злу. Если бы свободы в нём было не больше, чем в солнце, луне или звёздах, то и ответственности было бы не больше, чем в них. При предположении, что он свободен не более их, земные камни были бы столь же способны заслуживать награду и подлежать наказанию, как человек: одни отвечали бы за себя столь же, сколь другой. Да и приписывать ему добродетель или порок было бы столь же нелепо, как приписывать их древесному стволу.

[11] 7. Но продолжим: «Кого Он предузнал, тем и предопределил быть подобными образу Сына Своего». Это второй шаг — если говорить по-человечески, ибо в действительности в Боге нет ничего *прежде* или *после*. Иными словами, Бог от вечности до вечности определяет, чтобы все верующие в Сына Его любви были уподоблены Его образу, были спасены от всякого внутреннего и внешнего греха к полноте внутренней и внешней святости. Поэтому совершенно ясно и неоспоримо, что все истинно верующие во имя Сына Божия уже теперь «получают завершение своей веры — спасение душ». И это совершается в силу неизменного, неотменимого, непреодолимого определения Божия: «Верующий будет спасён»; «неверующий будет осуждён».

[12] 8. «Кого предопределил, тех и призвал». Это третий шаг — всё ещё помня, что мы говорим по-человечески. Выразим это несколько подробнее: согласно Своему неизменному определению, что верующие будут спасены, Он призывает тех, кого предузнаёт как верующих, и внешне, и внутренне — *внешне* словом Своей благодати, *внутренне* Своим Духом. Это внутреннее приложение Его слова к сердцу, по-видимому, и есть то, что некоторые называют «действенным призванием». Оно заключает в себе наименование их детьми Божиими, принятие их «в Возлюбленном», оправдание их «даром, по Его благодати, искуплением во Иисусе Христе».

[13] 9. «Кого призвал, тех и оправдал». Это четвёртый шаг. Обычно признают, что слово «оправдал» употреблено здесь в особом смысле: Он сделал их праведными. Он исполнил Своё определение, «уподобив их образу Сына Своего», или, как мы обычно говорим, освятил их.

[14] 10. Остаётся: «Кого оправдал, тех и прославил». Это последний шаг. Сделав их «достойными участия в наследии святых во свете», Он даёт им «Царство, приготовленное для них прежде начала мира». Таков порядок, в котором Он, «по совету Своей воли», согласно начертанному Им от вечности замыслу, спасает тех, кого предузнал, — истинно верующих во всяком месте и поколении.

[15] 11. Это же великое дело спасения верою, согласно предведению и определению Божию, может предстать ещё яснее, если мы рассмотрим его в обратном порядке, от конца к началу. Итак, предположим, вы стоите среди «великого множества, которого никто не может исчислить, из всякого народа, языка, племени и рода», воздающего «хвалу Сидящему на престоле и Агнцу во

веки веков». Среди всех вошедших во славу вы не найдёте ни одного, кто не свидетельствовал бы о великой истине: «Без святости никто не увидит Господа»; ни одного во всём этом неисчислимом сонме, кто не был бы освящён прежде, чем прославлен. Святостью он был приготовлен к славе, согласно неизменной воле Господа, чтобы венец, приобретённый кровью Его Сына, был дан лишь обновлённым Его Духом. Он стал «виновником вечного спасения» только «для послушных Ему» — послушных и внутренне, и внешне, святых сердцем и святых во всяком своём поведении.

[16] 12. И если бы вы могли обозреть всех ныне освящённых на земле, то не нашли бы среди них ни одного, кто был бы освящён прежде призвания. Сначала он был призван — не только внешним призывом через слово и посланников Божиих, но также внутренним: Дух Божий приложил к нему Своё слово, дал ему способность уверовать в Единородного Сына Божия и засвидетельствовал его духу, что он — дитя Божие. И именно этим путём все они были освящены. Через ощущение любви Божией, излитой в его сердце, каждый из них получил способность любить Бога. Любя Бога, он возлюбил ближнего как самого себя и получил силу непорочно ходить во всех Его заповедях. Это правило не допускает исключений. Бог называет грешника Своим, то есть оправдывает его, прежде чем освящает. И именно этим — сознанием Своего благоволения — Он производит в нём ту благодарную сыновнюю любовь, из которой возникают всякое доброе расположение, слово и дело.

[17] 13. А кто эти призванные Богом, если не те, кого Он прежде предопределил, или постановил, «уподобить образу Сына Своего»? Это определение — всё ещё говоря

по-человечески — предшествует призванию каждого человека: всякий верующий был предопределён прежде, чем призван. Ибо Бог призывает лишь «по совету Своей воли», согласно тому prothesis, или плану действия, который Он установил прежде основания мира.

[18] 14. Ещё раз: как все призванные были предопределены, так всех предопределённых Бог предузнал. Он знал их, видел их верующими и, как таковых, предопределил ко спасению согласно Своему вечному определению: «Верующий будет спасён». Так мы видим весь ход дела Божия от конца к началу. Кто прославлен? Только те, кто прежде был освящён. Кто освящён? Только те, кто прежде был оправдан. Кто оправдан? Только те, кто прежде был предопределён. Кто предопределён? Только те, кого Бог предузнал как верующих. Так замысел и слово Божие стоят непоколебимо, как столпы небесные: «Верующий будет спасён; неверующий будет осуждён». И потому Бог чист от крови всех людей, поскольку всякий погибающий погибает вследствие собственного поступка и дела. «Они не хотят прийти ко Мне», — говорит Спаситель людей; а «нет ни в ком ином спасения». Они «не хотят верить», а другого пути ни к нынешнему, ни к вечному спасению нет. Поэтому кровь их на их собственной голове; Бог же остаётся «праведен в Своём слове», что Он «хочет, чтобы все люди спаслись и пришли к познанию Его истины».

[19] 15. Суть всего такова: всемогущий, премудрый Бог от вечности до вечности видит и знает всё, что есть, было и будет, в одном вечном *ныне*. Для Него нет ничего ни прошедшего, ни будущего: всё одинаково настоящее. Поэтому, если говорить согласно истине вещей, у Него нет ни предведения, ни последующего знания. Это плохо согласовалось бы со словами апостола: «У Него нет

изменения и ни тени перемены», — и с тем, что Он говорит о Себе через пророка: «Я Господь, Я не изменяюсь». Но, говоря с нами, зная наш состав, зная скудость нашего разумения, Он снисходит до нашей способности понимать и говорит о Себе по-человечески. Так, снисходя к нашей немощи, Он говорит о Своём намерении, совете, замысле, предведении. Не потому, что Богу нужно совещаться, намереваться или заранее планировать Своё дело. Да будем мы далеки от того, чтобы приписывать это Всевышнему, измерять Его самими собой! Лишь из сострадания к нам Он говорит так о Себе — как предузнающем небесные и земные вещи и как предопределяющем или заранее устанавливающем их. Но можем ли мы вообразить, будто эти выражения следует понимать буквально? Тому, чьи представления столь грубы, не мог бы Он сказать: «Ты подумал, что Я такой же, как ты?» Нет: как небо выше земли, так Мои пути выше твоих путей. Я знаю, определяю и действую так, как ты не способен представить; но чтобы дать тебе хоть слабое, мерцающее познание Моих путей, Я пользуюсь человеческим языком и приспосабливаюсь к твоему пониманию на этой младенческой ступени твоего существования.

[20] 16. Итак, чему мы учимся из всего этого объяснения? Вот чему, и не более: 1) Бог знает всех верующих; 2) желает, чтобы они были спасены от греха; 3) для этого оправдывает их; 4) освящает и 5) принимает во славу.

[21] О, если бы люди прославляли Господа за эту Его благость, довольствовались этим простым её объяснением и не пытались проникать в тайны, слишком глубокие даже для ангелов!

Божия любовь к падшему человеку

[1] «Дар благодати не таков, как преступление».

[2] Римлянам 5:15.

[3] 1. Как чрезвычайно распространён и как горек ропот против нашего прародителя за бедствие, которое он не только навлёк на себя, но и передал по наследству самым отдалённым потомкам! Именно через его сознательное восстание против Бога «грех вошёл в мир». «Непослушанием одного человека», как замечает апостол, многие, hoi polloi, — все, кто тогда заключался в чреслах праотца, — сделались, или были поставлены, грешниками: не только лишились благоволения Божия, но и Его образа, всякой добродетели, праведности и истинной святости; отчасти низошли до образа дьявола в гордости, злобе и всех прочих дьявольских расположениях, отчасти — до образа зверя, подпав под власть звериных страстей и низких вожделений. Отсюда вошла в мир и смерть со всеми своими предвестниками и спутниками: болью, болезнью и целым рядом мучительных, равно как и нечестивых страстей и расположений. [50]

[4] 2. «За всё это можем благодарить Адама», — раздаётся из поколения в поколение. То же самое обвинение повторяется во всякий век и у всякого народа, где известны Божии речения, единственные, в которых это великое и важное событие было открыто сынам человеческим. Разве *ваше* сердце, а вероятно, и *ваши*

уста не присоединялись к общему обвинению? Как мало среди верящих библейскому рассказу о грехопадении человека тех, кто не питал той же мысли о прародителе, сурово осуждая его за то, что сознательным неповиновением единственной заповеди Творца он

[5] Ввёл в мир смерть и всё наше горе!

[6] 3. Хорошо бы ещё, если бы обвинение на этом останавливалось; но несомненно, это не так. Нельзя отрицать, что оно часто переходит от Адама к его Творцу. Разве тысячи даже из называемых христианами не позволяли себе именно из-за этого ставить под сомнение Его милость, если не справедливость? Правда, некоторые делали это немного скромнее, окольным и косвенным путём; другие же сбрасывали маску и спрашивали: «Разве Бог не предвидел, что Адам злоупотребит свободой? Разве не знал гибельных последствий, которые это естественно должно иметь для всего его потомства? Почему же Он допустил неповиновение? Разве Всемогущему не было легко его предотвратить?» Конечно, Он предвидел всё. Это нельзя отрицать, ибо «ведомы Богу все дела Его от начала мира», вернее — от всей вечности, как собственно означают слова ap aionos. И, без сомнения, в Его власти было предотвратить это: Ему принадлежит всякая власть на небе и на земле. Но вместе с тем Он знал, что в целом лучше этого не предотвращать. Он знал, что «дар благодати не таков, как преступление», что зло, проистекающее из первого преступления, не равно добру, проистекающему из дара, и недостойно с ним сравнения. Он видел, что попустить падение первого человека было несравненно лучше для человечества в целом; что падение Адама принесёт его потомству гораздо больше добра, чем зла; что, если через него по всей земле

«умножился грех», благодать «будет гораздо более преизобиловать», причём для каждого отдельного человека, если только он сам не изберёт иного.

[7] 4. Чрезвычайно странно, что на эту тему почти ничего не написано или, по крайней мере, не опубликовано; более того, что большинство христиан так мало обдумывало и понимало её, особенно если учесть, что это не предмет простого любопытства, а истина глубочайшей важности, ибо на каком-либо ином основании невозможно

[8] Утвердить благой Промысл
И оправдать пути Божии перед людьми;

[9] а также если учесть, насколько ясна эта важная истина всем разумным и беспристрастным исследователям. Да откроет Человеколюбец очи нашего разумения, чтобы ясно увидеть: через падение Адама человечество в целом получило возможность

[10] во-первых, быть более святым и более счастливым на земле и,

[11] во-вторых, более счастливым на небе, чем могло бы быть иначе!

[12] 1. Во-первых, человечество в целом через падение Адама получило возможность достичь большей святости и счастья на земле, чем могло бы достичь, если бы Адам не пал. Ибо, если бы Адам не пал, Христос не умер бы. Ничего нет яснее, ничего бесспорнее; чем основательнее мы рассматриваем этот предмет, тем глубже убеждаемся в нём. Если бы все причастные человеческой природе не получили в Адаме той смертельной раны, Сыну Божию незачем было бы принимать нашу природу. Разве вы не видите, что именно это стало основанием Его пришествия

в мир? «Одним человеком грех вошёл в мир, и грехом смерть; и так смерть перешла во всех» через того, в ком все люди согрешили (Римлянам 5:12). Не ради исцеления именно этого «Слово стало плотью», чтобы, «как в Адаме все умерли, так во Христе все» могли «ожить»? Поэтому, если бы непослушанием одного многие не сделались грешниками, послушанием Одного многие не сделались бы праведными (Римлянам 5:19). Тогда не было бы места тому поразительному явлению любви Сына Божия к человечеству; не было бы повода для Его «послушания до смерти, и смерти крестной». Тогда нельзя было бы сказать к изумлению всех небесных воинств: «Бог так возлюбил мир», да, нечестивый мир, не имевший ни мысли, ни желания возвратиться к Нему, «что отдал Сына Своего» из Своего лона, Единородного Сына, «дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Не могли бы мы тогда сказать и того, что «Бог во Христе примирил с Собою мир» или что Он «сделал за нас грехом», то есть жертвой за грех, «Не знавшего греха, чтобы мы в Нём сделались праведными пред Богом». Не было бы такого повода иметь такого «Ходатая пред Отцом», как «Иисус Христос, праведник», ни для Его явления «одесную Бога, чтобы ходатайствовать за нас».

13 2. Каково необходимое следствие этого? Вот какое: тогда не могло бы существовать веры в Бога, так возлюбившего мир и отдавшего Своего Единственного Сына за нас, людей, и ради нашего спасения. Не могло бы быть веры в Сына Божия как «возлюбившего нас и предавшего Себя за нас». Не могло бы быть веры в Духа Божия как обновляющего образ Божий в наших сердцах, воздвигающего нас от смерти греха к жизни праведности. В самом деле, всё преимущество оправдания верой не могло бы существовать; не было бы искупления кровью

Христа; и Христос не мог бы «сделаться для нас от Бога» ни «премудростью, праведностью, освящением», ни «искуплением».

14 3. И тот же огромный пробел, который был бы в нашей вере, неизбежно был бы и в любви. Мы могли бы любить Виновника нашего бытия, Отца ангелов и людей, как нашего Творца и Хранителя; могли бы говорить: «Господи, Владыка наш, как величественно имя Твоё по всей земле!» Но не могли бы любить Его в самом близком и дорогом отношении — как Предавшего Сына за всех нас. Мы могли бы любить Сына Божия как «сияние славы Отца и образ Его ипостаси», хотя это основание, по-видимому, относится скорее к обитателям небес, чем земли; но не могли бы любить Его как «вознёсшего грехи наши телом Своим на древо» и «единократным приношением Самого Себя совершившего полную жертву, приношение и удовлетворение за грехи всего мира». Мы не могли бы «сообразоваться смерти Его» и познать «силу воскресения Его». Мы не могли бы любить Святого Духа как открывающего нам Отца и Сына, отверзающего очи разума, выводящего из тьмы в Свой чудный свет, обновляющего образ Божий в нашей душе и запечатлевающего нас ко дню искупления. Поэтому то, что теперь «пред Богом и Отцом», а не пред подверженными ошибке людьми, есть «чистое и непорочное благочестие», в действительности тогда не существовало бы, поскольку оно всецело зависит от великих начал: «Благодатью вы спасены через веру» и «Иисус Христос сделался для нас от Бога премудростью, праведностью, освящением и искуплением».

15 4. Итак, мы видим неизреченное преимущество, которое получаем от падения прародителя в отношении

веры: веры и в Бога Отца, не пощадившего Своего Сына, Своего Единственного Сына, но «изъязвившего Его за грехи наши» и «мучившего за беззакония наши», и в Бога Сына, излившего душу за нас, преступников, и омывшего нас собственной кровью. Мы видим преимущество, которое получаем отсюда в отношении любви к Богу — и к Богу Отцу, и к Богу Сыну. Главное основание этой любви, пока мы остаёмся в теле, ясно объявлено апостолом: «Мы любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас». Но величайшее явление Его любви никогда не было бы дано, если бы Адам не пал.

16 5. И как наша вера и в Бога Отца, и в Сына получает от этого великого события неизреченное возрастание, если не самое своё бытие, и так же наша любовь к Отцу и Сыну, — так получает его и любовь к ближнему, наше благожелательство ко всему человечеству, которое не может не возрастать соразмерно вере и любви к Богу. Ибо кто не понимает силы вывода любящего апостола: «Возлюбленные, если Бог так возлюбил нас, то и мы должны любить друг друга»? Если Бог *ТАК* возлюбил нас — заметьте, вся сила довода лежит именно здесь: *ТАК возлюбил нас*, что предал Единственного Сына на проклятую смерть ради нашего спасения. Возлюбленные, что это за любовь, которой Бог возлюбил нас, отдав *Единственного Сына*, равного Отцу славою и совечного величием? Что это за любовь, которой Единородный Сын Божий возлюбил нас, так что, насколько возможно, *совлёк с Себя* Своё вечное Божество, отложил славу, которую имел у Отца прежде начала мира, принял образ раба, сделавшись по виду человеком, а затем ещё глубже смирил Себя, «быв послушным до смерти, и смерти крестной»! Если Бог ТАК возлюбил нас, как же должны мы любить друг друга! Но этого побуждения к братской

любви вовсе не было бы, если бы Адам не пал. Следовательно, тогда мы не могли бы любить друг друга в такой высокой степени, как можем теперь. Не было бы и той высоты и глубины в заповеди благословенного Господа: «Как Я возлюбил вас, так и вы любите друг друга».

17 6. Так много можем мы приобрести через падение Адама в отношении и любви к Богу, и любви к ближнему. Но есть ещё одно великое положение, которое, хотя на него мало обращают внимания, заслуживает глубочайшего размышления. Через один поступок нашего прародителя в мир вошёл не только грех, но и боль, также переданная в наследство всему потомству. И в этом явились не только справедливость, но и неизреченная благость Божия. Ибо сколько добра Он непрестанно выводит из этого зла! Сколько святости и счастья — из боли!

18 7. Как бесчисленны блага, которые Бог сообщает сынам человеческим через страдания! Поэтому вполне можно сказать: «То, что на языке людей называется скорбями, на языке Бога именуется благословениями». В самом деле, если бы в мире не было страдания, значительная часть благочестия, более того — в некоторых отношениях превосходнейшая его часть, не могла бы иметь в нём места, поскольку самое её существование зависит от нашего страдания; так что без боли её не было бы. На этом основании, на нашем страдании, очевидно, строятся все добродетели терпеливого перенесения, в том числе благороднейшая из христианских добродетелей — любовь, всё переносящая. Вот основание покорности Богу, позволяющей от сердца говорить в каждый час испытания: «Он — Господь; что Ему угодно, то да

сотворит»; «Неужели доброе мы будем принимать от Господа, а злого не будем принимать?» И какое это славное зрелище! Не вынудило ли оно даже язычника воскликнуть: Ecce spectaculum Deo dignum! — «Вот зрелище, достойное Бога»: добрый человек борется с бедствием и стоит выше него. Здесь основание упования на Бога и относительно того, что мы чувствуем, и относительно того, чего боялись бы, если бы душа не покоилась на Нём спокойно. Какое место оставалось бы доверию Богу, если бы не было ни боли, ни опасности? Кто тогда не мог бы сказать: «Неужели Мне не пить чаши, которую дал Мне Отец?» Страданиями испытывается наша вера и потому делается более благоугодной Богу. Именно в день бедствия у нас появляется случай сказать: «Хотя бы Он убил меня, всё же буду уповать на Него». И Богу благоугодно, чтобы мы признавали Его перед лицом опасности, наперекор скорби, болезни, боли или смерти.

[19] 8. Далее: если бы в мире не было ни природного, ни нравственного зла, что стало бы с терпением, кротостью, мягкостью, долготерпением? Очевидно, они не могли бы существовать, поскольку все имеют своим предметом зло. Поэтому, если бы зло никогда не вошло в мир, им тоже не было бы в нём места. Кто мог бы воздать добром за зло, если бы во вселенной не было злодея? Как при таком предположении можно было бы «побеждать зло добром»? Скажете ли вы: «Но все эти добродетели могли бы быть Божественно влиты в сердца людей»? Несомненно, могли бы; однако тогда им не было бы ни применения, ни упражнения. При нынешнем же положении вещей мы никогда надолго не остаёмся без случая упражнять их; и чем больше упражняем, тем более укрепляются и возрастают все наши добродетели. И в той же мере, в какой возрастают покорность, упование на Бога, терпение

и стойкость, кротость, мягкость и долготерпение вместе с верой и любовью к Богу и человеку, должно возрастать и наше счастье даже в нынешнем мире.

[20] 9. И ещё: как Божие попущение падения Адама дало всему его потомству тысячу возможностей страдать и тем упражнять все добродетели терпеливого перенесения, умножающие и святость, и счастье, так оно даёт бесчисленные возможности делать добро, упражняться в различных добрых делах, которые иначе не могли бы существовать. И какие проявления благожелательства, сострадания, богоподобного милосердия тогда были бы совершенно исключены! Кто мог бы тогда сказать Человеколюбцу:

> [21] Пусть Твой дух во всей моей жизни явится,
> Когда, услышав крик несчастного,
> Стон вдовы или сироты,
> На крыльях милосердия я быстро лечу
> Облегчить нужду бедных и неимущих,
> Себя и всё своё отдать за них?

[22] Один благожелательный человек справедливо заметил:

> [23] Все мирские радости меньше
> Единой радости благодеяния.

[24] Несомненно, в «соблюдении этой заповеди», если уж не какой-либо другой, «великая награда». «Доколе есть время, будем делать добро всем» — добро всякого рода и во всякой мере. Поэтому чем больше добра мы делаем, тем счастливее будем, при прочих равных обстоятельствах. Чем щедрее мы делимся хлебом с голодными и одеваем нагих; чем больше помогаем странникам и посещаем больных и заключённых; чем больше оказываем услуг тем, кто стонет под бременем

разнообразных бед человеческой жизни, — тем больше утешения получаем уже в нынешнем мире, тем обильнее воздаяние в нашем собственном сердце.

25 10. Подведём итог сказанному по этому поводу. Чем святее мы на земле, тем счастливее должны быть, ибо между святостью и счастьем существует неразрывная связь; чем больше добра мы делаем другим, тем обильнее уже теперь воздаяние, возвращающееся в наше сердце; и сами наши страдания ради Бога приводят нас к тому, чтобы радоваться в Нём «радостью неизреченною и преславною». Поэтому грехопадение Адама — во-первых, дав нам возможность стать гораздо святее; во-вторых, предоставив нам поводы совершить бесчисленные добрые дела, которые иначе не могли бы быть совершены; и, в-третьих, дав нам возможность страдать ради Бога, отчего «Дух славы, Дух Божий почивает на нас», — может принести сынам человеческим даже в нынешней жизни такие блага, которых они вполне не постигнут, пока не достигнут жизни вечной.

26 11. Тогда мы сможем вполне постигнуть не только те блага, которые уже в настоящее время получают сыны человеческие вследствие падения своего прародителя, но и несравненно большие блага, которые они могут извлечь из него в вечности. Чтобы составить некоторое понятие об этом, вспомним замечание апостола: как «звезда от звезды разнится в славе», «так и при воскресении мёртвых». Самыми славными звёздами, несомненно, будут те, кто наиболее свят, кто более других носит в себе тот образ Божий, по которому был создан; следующими по славе будут наиболее богатые добрыми делами; а за ними — те, кто более всего пострадал по воле Божией. Но какие преимущества во всех этих отношениях получат на

небесах дети Божии благодаря тому, что Бог допустил появление страдания на земле как следствия греха! По этому случаю они приобрели многие святые расположения души, которые иначе вовсе не могли бы возникнуть: покорность Богу; упование на Него во времена бедствий и опасностей; терпение, кротость, мягкость, долготерпение и весь ряд добродетелей, проявляющихся в перенесении страданий. И благодаря этой большей святости они тогда будут наслаждаться большим счастьем. Далее: каждый тогда «получит свою награду по своему труду»; каждому будет «воздано по делам его». Но грехопадение дало начало бесчисленным добрым делам, которые иначе никогда не могли бы существовать, — таким, как служение нуждам святых и вообще помощь бедствующим всякого рода; и благодаря этому к их вечному венцу прибавятся бесчисленные звёзды. И ещё: на небесах будет обильная награда как за *страдание* по воле Божией, так и за *исполнение* её: «Кратковременное лёгкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу». Поэтому событие, вследствие которого страдание вошло в мир, тем самым принесло всем детям Божиим возрастание славы на всю вечность. Ибо хотя сами страдания окончатся, хотя

> [27] Тогда пройдёт вся боль земная,
> Душевная мука и гнетущая забота;
> Там больше скорбь не будет плакать и вздыхать,
> И грех туда вовек не войдёт, —

[28] однако радости, которым они послужили поводом, никогда не окончатся, но будут вечно изливаться одесную Бога.

[29] 12. Есть ещё одно благо, которое мы извлекаем из падения Адама и которое заслуживает нашего внимания.

Если бы все не умерли в Адаме, пребывая в чреслах своего прародителя, то каждый потомок Адама, каждый сын человеческий должен был бы лично отвечать за себя перед Богом. Отсюда, по-видимому, с необходимостью следует, что, однажды пав, однажды нарушив какую-либо Божию заповедь, он уже не имел бы никакой возможности восстать: помощи не было бы, и он должен был бы погибнуть безвозвратно. Ибо тот завет не знал милости; слово его было: «Душа согрешающая, она умрёт». Но кто не предпочёл бы нынешнего своего положения — под заветом милости? Кто пожелал бы поставить на одну ставку целую вечность? Не бесконечно ли желательнее находиться в таком состоянии, где, хотя мы и окружены немощами, нам всё же не угрожает столь безнадёжная опасность, и, если мы падаем, можем снова восстать? — где мы можем сказать:

[30] Моё преступление возросло до небес;
Но далеко превыше небес,
Во Христе обильно прощённый,
Я вижу, как возвышается Твоё милосердие!

[31] 13. *Во Христе!* Позвольте мне ещё раз умолять каждого серьёзного человека сосредоточить здесь своё внимание. Всё, что было сказано, всё, что может быть сказано об этих предметах, сходится в одной точке: падение Адама привело к смерти Христа. Слушайте, небеса, и внимай, земля! Да,

[32] Пусть согласятся земля и небо,
Пусть соединятся ангелы и люди,
Чтобы вместе со мной прославлять
Спасителя человеческого рода;
Поклоняться Агнцу, искупившему всех,
И благословлять звучание имени Иисуса!

[33] Если бы Бог предотвратил падение человека, «Слово» никогда не «стало» бы «плотию»; и мы никогда не «видели» бы «славы Его, славы, как Единородного от Отца». Никогда не были бы открыты те тайны, «в которые желают проникнуть» сами «ангелы». Мне кажется, это соображение поглощает все остальные и никогда не должно уходить из наших мыслей. Если бы «преступлением одного» не пришло «всем человекам осуждение», ни ангелы, ни люди никогда не могли бы познать «неисследимое богатство Христово».

[34] 14. Итак, посмотрите, как мало у нас, в конечном счёте, оснований роптать на падение нашего прародителя, поскольку из него мы можем извлечь столь неизреченные блага и во времени, и в вечности. Посмотрите, как мало оснований ставить под сомнение милость Бога, допустившего это событие: ведь в нём милость бесконечно превозносится над судом. Где же человек, который дерзает порицать Бога за то, что Он не предотвратил греха Адама? Не следует ли нам скорее благословлять Его от глубины сердца за то, что Он тем самым положил начало великому замыслу искупления человека и открыл путь к столь славному проявлению Своей мудрости, святости, правосудия и милосердия? Если бы Бог действительно определил прежде основания мира, что миллионы людей должны обитать в вечном пламени за то, что Адам согрешил за сотни или тысячи лет до их появления на свет, — я не знаю, кто мог бы благодарить Его за это, кроме дьявола и его ангелов. Ведь при таком предположении все эти миллионы несчастных духов были бы низвергнуты в ад вследствие греха Адама, не получив от него никакого возможного блага. Но, благословен Бог, дело обстоит иначе. Такого определения никогда не существовало. Напротив, всякий рождённый

женщиной может получить от этого неизреченную пользу; и никто никогда не потерпел и не может потерпеть ущерба иначе как по собственному выбору.

35 15. Здесь мы видим полный ответ на то правдоподобное объяснение происхождения зла, которое несколько лет назад было обнародовано и считалось неопровержимым: будто зло «с необходимостью вытекало из природы материи, которую Бог не в силах был изменить». Очень любезно со стороны этого сладкоречивого оратора придумывать оправдание Богу! Но в нём совершенно нет нужды: Бог ответил за Себя Сам. Он создал человека по Своему образу — духом, наделённым разумом и свободой. Человек, злоупотребив этой свободой, произвёл зло, внёс в мир грех и страдание. Бог допустил это ради более полного проявления Своей мудрости, правосудия и милосердия, даровав всем желающим принять его бесконечно большее счастье, чем то, которого они могли бы когда-либо достичь, если бы Адам не пал.

36 16. «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!» Хотя тысяча подробностей «судеб Его» и «путей Его» для нас «непостижимы» и неисследимы, мы всё же можем различить общий замысел, проходящий через время в вечность. «По изволению воли Своей», согласно замыслу, положенному Им прежде основания мира, Он создал прародителя всего человечества по Своему образу; и Он допустил, чтобы непослушанием одного человека все стали грешниками, дабы послушанием Одного все, принимающие дар благодати, стали бесконечно святее и счастливее на всю вечность.

Всеобщее избавление

[1] «Ибо тварь с нетерпением ожидает откровения сынов Божиих. Потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего её, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в славную свободу детей Божиих. Ибо знаем, что всё творение совокупно стенает и мучится доныне».

[2] Рим. 8:19–22.

[3] 1. Нет ничего достовернее того, что, как «Господь благ ко всякому человеку», так «милосердие Его — на всех делах Его»: на всех существах, наделённых чувством, способных испытывать удовольствие или боль, счастье или страдание. Поэтому «Он отверзает руку Свою и насыщает всё живущее изобилием. Он произращает траву для скота», как и «зелень на пользу человека». Он заботится о птицах небесных, «питая птенцов ворона, взывающих к Нему». «Он посылает источники в потоки, текущие между горами, чтобы поить всех зверей полевых» и чтобы даже «дикие ослы утоляли жажду свою». Сообразно этому Он и нам повелевает бережно относиться даже к низшим созданиям, оказывать милосердие и им. «Не заграждай рта у вола молотящего» — обычай этот соблюдается в восточных странах доныне. И этому нисколько не противоречит вопрос святого Павла: «О волах ли печётся Бог?» Несомненно, печётся. Отрицать это — значит прямо противоречить Его слову. Ясный смысл слов апостола таков: разве только это подразумевается в данном изречении? Не имеет ли оно дальнейшего смысла? Не учит ли оно нас питать тела тех,

от кого мы желаем получить пищу для своих душ? Между тем несомненно, что Бог «даёт траву для скота», как и «зелень на пользу человека».

4 2. Но как согласовать эти места Писания с нынешним положением вещей? Как совместить их с тем, что мы ежедневно видим вокруг, во всех областях творения? Если Творец и Отец всего живущего богат милостью ко всем; если Он не пренебрегает никаким делом Своих рук и не презирает его; если Он желает даже самым ничтожным созданиям счастья, сообразного их степени бытия, — как случилось, что такое множество зол угнетает и даже подавляет их? Отчего всевозможные страдания покрывают лицо земли? Этот вопрос ставил в тупик мудрейших философов всех веков, и ответить на него невозможно, не обратившись к изречениям Божиим. Но, взяв их себе в руководство, мы можем исследовать:

5 I. Каково было первоначальное состояние животного мира?

6 II. В каком состоянии он находится ныне? И

7 III. В каком состоянии он будет при откровении детей Божиих?

8 I. 1. Итак, прежде всего мы можем спросить: каково было первоначальное состояние животного мира? И не можем ли узнать это даже по назначенному ему месту — саду Божию? Все звери полевые и все птицы небесные были с Адамом в раю. И нет сомнения, что их состояние соответствовало их месту: оно было райским, совершенно счастливым. Несомненно, оно близко уподоблялось состоянию самого человека. Поэтому, кратко рассмотрев одно, мы можем представить себе другое. «Человек был создан по образу Божию». Но «Бог есть Дух»;

следовательно, и человек был духом. Только этот дух, предназначенный жить на земле, был заключён в земной скинии. Как дух, он обладал врождённым началом самодвижения. И, по-видимому, им обладает всякий дух во вселенной: именно это отличает дух от материи, которая всецело и по существу пассивна и бездеятельна, как показывают тысячи опытов. По подобию своего Творца он был наделён разумением — способностью постигать любые представленные ему предметы и судить о них. Он был наделён волей, проявлявшейся в различных чувствах и страстях; и, наконец, свободой, или свободой выбора, без которой всё остальное было бы напрасно: он был бы не более способен служить своему Творцу, чем ком земли или кусок мрамора, и столь же неспособен к пороку или добродетели, как любая часть неодушевлённого творения. В этом — в способности к самодвижению, разумении, воле и свободе — состоял естественный образ Божий.

[9] 2. Как далеко простиралась тогда его способность к самодвижению, нам определить невозможно. Вероятно, быстротой и силой он далеко превосходил всех своих потомков, а тем более — любых низших созданий. Несомненно, он обладал такой силой разумения, какой с тех пор не имел ни один человек. Его разумение было совершенным в своём роде, способным ясно постигать всё и судить обо всём по истине, без всякой примеси заблуждения. Его воля не имела никакого ложного уклона: все его страсти и чувства были упорядочены, постоянно и неизменно направляемы указаниями безошибочного разумения; они устремлялись только к добру и к каждому благу — соразмерно его внутреннему достоинству. Его свобода также всецело направлялась разумением: по его указанию он выбирал или отвергал.

Прежде всего — и это было его высшим совершенством, гораздо драгоценнее всех прочих вместе взятых, — он был существом, способным к общению с Богом, способным познавать, любить своего Творца и повиноваться Ему. И в действительности он знал Бога, нелицемерно любил Его и неизменно Ему повиновался. Это и было высшим совершенством человека, как и всех разумных существ: непрестанно созерцать, любить и слушаться Отца духов всякой плоти. Из этого правильного состояния и правильного употребления всех его способностей естественно проистекало его счастье. В этом заключалась сущность его счастья, но всё окружавшее его умножало его. С неизреченным наслаждением он видел порядок, красоту и согласие всех созданий, всей одушевлённой и неодушевлённой природы: ясность небес, солнце, шествующее в сиянии, дивно пёстрый наряд земли, деревья, плоды, цветы

[10] И плавный бег журчащих вод.

[11] И это наслаждение не нарушалось никаким злом. В нём не было примеси скорби или боли, телесной или душевной. Ибо, пока он был невинен, он был неподвластен страданию, неспособен страдать. Ничто не могло омрачить чистоту его радости. И, в довершение всего, он был бессмертен.

[12] 3. Этому существу, наделённому всеми столь превосходными способностями и тем приготовленному к своему высокому служению, Бог сказал: «Владычествуй над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким живым существом, движущимся по земле». (Быт. 1:28.) Так же говорит псалмопевец: «Поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его: всех овец и волов, а также зверей полевых, птиц

небесных и рыб морских, всё, проходящее морскими стезями». (Пс. 8:6.) Таким образом, человек был наместником Бога на земле, князем и правителем этого нижнего мира; и все благословения Божии через него изливались на низших созданий. Человек был проводником между своим Творцом и всем животным миром.

[13] 4. Но какие именно благословения сообщались тогда через человека низшим созданиям? Каково было первоначальное состояние животных, когда они только были сотворены? Это заслуживает более внимательного рассмотрения, чем ему обычно уделяли. Несомненно, они, как и человек, имели врождённое начало самодвижения, по крайней мере в той же высокой степени, в какой обладают им ныне. Далее, они были наделены некоторой мерой разумения, не меньшей, чем имеют теперь. У них была также воля, заключавшая различные страсти, которые и теперь у них есть; и они обладали свободой, способностью выбора, некоторая степень которой доныне обнаруживается в каждом живом существе. Нельзя сомневаться и в том, что вначале их разумение также было совершенным в своём роде. Их страсти и чувства были упорядочены, а выбор всегда направлялся разумением.

[14] 5. Что же составляет преграду между людьми и животными, черту, которую животные не могут перейти? Это не разум. Отложим это двусмысленное слово и заменим его ясным словом «разумение»: кто может отрицать, что животные обладают им? С таким же основанием можно отрицать, что у них есть зрение или слух. Различие вот в чём: человек способен к общению с Богом, а низшие создания — нет. У нас нет оснований

полагать, что они хоть в какой-либо мере способны познавать Бога, любить Его или повиноваться Ему. Это видовое различие между человеком и животным, великая пропасть, которой они не могут перейти. И как исполненное любви послушание Богу составляло совершенство человека, так исполненное любви послушание человеку составляло совершенство животных. Пока они пребывали в нём, они были счастливы сообразно своей природе, счастливы правильным состоянием и правильным употреблением свойственных им способностей. Да, до тех пор в них было даже некоторое смутное подобие нравственного добра: они испытывали благодарность к человеку за полученные блага и почитали его. Они также питали друг к другу своего рода доброжелательство, не смешанное ни с каким противным чувством. Как прекрасны были многие из них, можно судить по тому, что сохранилось доныне, и не только у благороднейших созданий, но и у самых низших. Все они были окружены не только обильной пищей, но и всем, что могло доставить им удовольствие, не смешанное с болью: ибо боли ещё не было, она ещё не вошла в рай. И они также были бессмертны: ибо «Бог не создал смерти и не радуется смерти никакого живого существа».

15 6. Как же истинны слова: «Увидел Бог всё, что Он создал, и вот, хорошо весьма»! Но как далеко от этого нынешнее положение! В каком состоянии находится весь нижний мир! Не говоря уже о неодушевлённой природе, где все стихии, кажется, вышли из порядка и поочерёдно воюют против человека. В каком состоянии находится вся живая природа с тех пор, как человек восстал против своего Создателя! Поистине апостол мог сказать о ней: «Всё творение совокупно стенает и мучится доныне». Это

прямо относится к животному миру. В каком состоянии он находится ныне, нам теперь и предстоит рассмотреть.

[16] II. 1. Как в раю все благословения Божии через человека изливались на низших созданий, как человек был великим проводником общения между Творцом и всем животным миром, так, когда человек сделал себя неспособным передавать эти благословения, это общение неизбежно прервалось. Связь Бога с низшими созданиями остановилась, и благословения более не могли на них изливаться. Тогда-то «тварь», всякая тварь, «покорилась суете», скорби, всевозможной боли, всяческим бедствиям: конечно, «не добровольно», не по собственному выбору, не вследствие какого-либо собственного действия или поступка, «но по воле покорившего её», по премудрому попущению Бога, решившего из этого временного зла извлечь вечное благо.

[17] 2. Но в каком отношении «тварь», всякая тварь, тогда «покорилась суете»? Что претерпели низшие создания, когда человек восстал против Бога? Вероятно, они понесли немалую потерю даже в низших способностях: в бодрости, силе и быстроте. Но несомненно, гораздо больше пострадало их разумение — больше, чем нам легко представить. Возможно, насекомые и черви обладали тогда таким разумением, каким ныне обладают самые понятливые животные; теперь же миллионы созданий имеют разумения немногим больше, чем земля, по которой ползают, или камень, к которому прикреплены. Ещё больше пострадали их воля и страсти, которые тогда всевозможно исказились и нередко стали прямо противиться тому малому разумению, какое у них осталось. Их свобода также была сильно повреждена, а во многих случаях совершенно уничтожена. Они и ныне

всецело порабощены неразумным влечениям, полностью над ними господствующим. Самые основы их природы пришли в расстройство, перевернулись. Как человек лишён *своего* совершенства — исполненного любви послушания Богу, так животные лишены *своего* совершенства — исполненного любви послушания человеку. Подавляющее большинство бежит от него, всячески избегает его ненавистного присутствия. Большая часть остальных открыто ему противится и даже уничтожает его, если может. Лишь немногие, которых мы обычно называем домашними животными, по милости Божией в большей или меньшей мере сохраняют своё первоначальное расположение: всё ещё любят человека и ему повинуются.

[18] 3. Если оставить в стороне этих немногих, как мало даже тени добра, благодарности, доброжелательства или какого-либо правого чувства можно ныне найти в любой части животного мира! Напротив, какая дикая свирепость, какая неумолимая жестокость неизменно наблюдаются у тысяч созданий и даже неотделимы от их природы! Разве только лев, тигр и волк среди обитателей лесов и равнин, акула и ещё немногие прожорливые чудовища среди обитателей вод или орёл среди птиц рвут плоть, сосут кровь и дробят кости своих беспомощных собратьев? Нет: безобидную муху, трудолюбивого муравья, пёструю бабочку столь же беспощадно терзают даже невинные певцы рощи! Они непрестанно пожирают бесчисленные племена несчастных насекомых. И если на земле хищных зверей сравнительно мало, то в водной стихии дело обстоит совсем иначе. Немногие обитатели вод, морских или речных, не пожирают всё, что способны одолеть; да, они превосходят в этом всех лесных зверей и

всех хищных птиц. Ибо никогда не наблюдалось, чтобы кто-либо из последних пожирал собственных сородичей:

[19] Saevis inter se convenit ursis:

[20] И дикие медведи друг друга не терзают.

[21] Но водные хищники глотают всех, даже собственных сородичей, которые меньше и слабее их. Да, столь бедственно ныне устройство мира, такой суете он покорён, что громадное большинство созданий, быть может миллион на одно, не может сохранить собственную жизнь иначе, как уничтожая других созданий!

[22] 4. И не столь же ужасен сам облик, наружный вид многих созданий, как и их нрав? Где красота, запечатлённая на них, когда они впервые вышли из рук своего Творца? От неё не осталось ни малейшего следа; напротив, на них страшно смотреть! Более того, они не только страшны и жутки на вид, но и уродливы, и притом в высшей степени. Однако их черты, безобразные и в лучшем состоянии, нередко становятся ещё уродливее, когда их искажает боль, которой они не могут избежать, как и несчастные сыны человеческие. На них обрушиваются всевозможная боль, слабость, недуги, бесчисленные болезни — быть может, изнутри, быть может, друг от друга, быть может, от суровости времён года, от огня, града, снега или бури либо от тысячи причин, которые они не могут ни предвидеть, ни предотвратить.

[23] 5. Таким образом, «как одним человеком грех вошёл в мир, и грехом смерть, так и смерть перешла во всех человеков»; и не в одного человека, но также в тех созданий, которые «не согрешили подобно преступлению Адама». И не одна смерть пришла на них, но весь ряд

предваряющих её бедствий — боль и тысячи страданий. И не только они, но также все беспорядочные страсти, все недобрые расположения, которые в людях являются грехами, а даже в животных служат источниками страдания, «перешли во всех» обитателей земли и остаются во всех, кроме детей Божиих.

[24] 6. В это время суеты не только более слабые создания непрестанно истребляются сильнейшими, не только сильные нередко гибнут от равных им по силе, но и те и другие подвергаются насилию и жестокости того, кто ныне стал их общим врагом, — человека. И если быстротою или силой он не равен им, то его искусство с избытком восполняет этот недостаток. Им он обходит всю их силу, как бы велика она ни была; им одолевает всю их быстроту и, несмотря на всевозможные уловки и хитрости, обнаруживает все их убежища. Он преследует их по широчайшим равнинам и сквозь густейшие леса. Настигает в воздушных просторах, отыскивает в морских глубинах. Даже кроткие и дружелюбные создания, которые ещё признают его власть и послушно исполняют его приказания, тем самым не избавлены от насилия, превосходящего зверское, от всевозможных надругательств и дурного обращения. Разве благородный конь, с неутомимым усердием служащий нужде или удовольствию своего господина, разве верный пёс, ожидающий движения его руки или глаз, избавлены от этого? Какую награду за долгую и верную службу получают многие из этих бедных созданий? И какая страшная разница между тем, что они терпят от других животных, и тем, что терпят от человека-тирана! Лев, тигр или акула причиняют им боль лишь по необходимости, чтобы продлить собственную жизнь, и тотчас кладут конец их мучениям. Но человек-акула без

всякой подобной необходимости, по свободному выбору мучит их и, быть может, растягивает их боль до тех пор, пока спустя месяцы или годы смерть не подпишет им освобождение.

[25] III. 1. Но неужели «тварь», даже животный мир, навсегда останется в таком плачевном состоянии? Не дай Бог нам утверждать это или даже допускать подобную мысль! Пока «всё творение совокупно стенает», обращают ли на это внимание люди или нет, его стенания не рассеиваются напрасно в воздухе, но достигают ушей Того, Кто его создал. Пока Его создания «совокупно мучатся», Он знает всю их боль и всё ближе подводит их к рождению, которое совершится в своё время. Он видит то «нетерпеливое ожидание», с которым всё живое творение «ожидает» окончательного «откровения сынов Божиих», когда «и сами они освобождены будут» — не уничтожением: уничтожение не есть освобождение — «от» нынешнего «рабства тлению» к некоторой мере «славной свободы детей Божиих».

[26] 2. Ничто не может быть выражено яснее. Прочь с расхожими предрассудками; пусть ясное слово Божие получит своё место! Они «освобождены будут от рабства тлению в славную свободу», именно — в ту меру «свободы детей Божиих», к которой способны.

[27] Общая картина этого дана нам в двадцать первой главе Откровения. Когда Сидящий «на великом белом престоле» провозгласит: «Се, творю всё новое»; когда исполнится слово: «Скиния Бога с человеками, и они будут Его народом, и Сам Бог будет с ними и будет их Богом», — тогда следующее благословение исполнится не только над сынами человеческими, ибо в тексте нет такого ограничения, но над каждым созданием сообразно

его способности: «Отрёт Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет; ибо прежнее прошло».

[28] 3. Обратимся к некоторым подробностям. Весь животный мир тогда, несомненно, будет восстановлен не только в той бодрости, силе и быстроте, которые имел при сотворении, но в гораздо большей степени каждой из них, чем когда-либо обладал. Ему будет возвращена не только та мера разумения, какую он имел в раю, но такая, которая будет выше прежней настолько, насколько разумение слона превосходит разумение червя. И все чувства, какими животные обладали в саду Божием, будут восстановлены и безмерно умножены, возвышены и очищены таким образом, которого мы сами ныне не способны постичь. Их тогдашняя свобода будет совершенно восстановлена, и они станут свободны во всех своих движениях. Они избавятся от всех беспорядочных влечений, всех необузданных страстей, всякого расположения, злого самого по себе или хоть сколько-нибудь склоняющего ко злу. Ни в одном создании не будет ярости, свирепости, жестокости или жажды крови. Напротив, «волк будет жить вместе с ягнёнком, и барс будет лежать вместе с козлёнком; телёнок и молодой лев будут вместе, и малое дитя будет водить их. Корова и медведь будут пастись вместе, и лев будет есть солому, как вол. Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей». (Ис. 11:6.)

[29] 4. Так в тот день будет упразднена вся суета, которой они ныне беспомощно подчинены; они более не будут страдать ни изнутри, ни извне; дни их стенаний окончатся. В то же время нет разумного основания сомневаться, что вся ужасность их вида и всё безобразие

облика исчезнут и сменятся первозданной красотой. Вместе с красотой вернётся их счастье, которому тогда ничто не сможет препятствовать. Как внутри, так и снаружи не будет ничего, что могло бы причинить им беспокойство: ни зноя, ни холода, ни бури, ни ненастья — одна непрестанная весна. На новой земле, как и на новых небесах, не будет ничего причиняющего боль, но будет всё, что премудрость и благость Бога могут сотворить для счастья. В возмещение того, что они некогда претерпели под «рабством тлению», когда Бог «обновит лицо земли» и их тленное тело облечётся в нетление, они будут наслаждаться счастьем, соответствующим их состоянию, — без примеси, без перерыва и без конца.

30 5. Но хотя я не сомневаюсь, что Отец всего с нежной заботой относится даже к самым низшим Своим созданиям и потому щедро возместит им всё, что они терпят под нынешним рабством, всё же не дерзаю утверждать, что Он *одинаково заботится* о них и о сынах человеческих. Я не верю, будто

> 31 Он, Господь всего, *равным взором* смотрит,
> Как гибнет герой или падает воробей.

32 Ни в коем случае. Это чрезвычайно красиво, но совершенно ложно. Ибо хотя

> 33 Милость с истиной и бесконечной благодатью
> Над всеми делами Его царят,
> Но более всего Он рад благословить
> Своё любимое создание — человека.

34 Бог много заботится о самых низших Своих созданиях, но о человеке заботится гораздо больше. Он не *одинаково* относится к герою и воробью, к лучшему из людей и низшему из животных. «Насколько же *больше* Отец ваш

Небесный заботится о вас!» — говорит Тот, Кто «в недре Отчем». Тех, кто так преувеличивает эту мысль, ясно опровергает Его вопрос: «Не *гораздо ли лучше* вы их?» Довольно того, что Бог заботится обо всём сотворённом Им сообразно его месту и пропорционально той мере Своего образа, которую Он на нём запечатлел.

[35] 6. Позволительно ли мне высказать здесь предположение о животном мире? Что, если всепремудрому, всеблагому Творцу будет тогда угодно поднять животных выше на лестнице существ? Что, если Ему будет угодно, делая нас «равными ангелам», сделать их тем, чем мы являемся ныне, — существами, способными к общению с Богом, способными познавать и любить Виновника своего бытия и наслаждаться Им? Если это будет так, должно ли наше око быть завистливым оттого, что Он добр? Как бы то ни было, Он несомненно сделает то, что более всего послужит Его славе.

[36] 7. Если против всего этого возразят — что весьма вероятно: «Но какая польза будет от этих созданий в будущем состоянии?» — я отвечу другим вопросом: какая польза от них теперь? Если существует, как обычно полагают, восемь тысяч видов насекомых, кто способен объяснить нам, для чего нужны семь тысяч из них? Если существует четыре тысячи видов рыб, кто скажет, для чего нужны более трёх тысяч из них? Если есть шестьсот видов птиц, кто скажет, для чего нужны пятьсот из этих видов? Если есть четыреста видов зверей, для чего служат триста из них? Подумайте об этом; подумайте, как мало мы знаем даже о нынешних замыслах Бога, и тогда не удивитесь, что ещё меньше знаем о том, что Он намерен совершить на новых небесах и новой земле.

[37] 8. «Но зачем останавливаться на предмете, который мы понимаем столь несовершенно?» Рассмотреть то, что мы всё же понимаем, то, что Богу было угодно нам открыть, может послужить прекрасной цели — показать милосердие Божие, которое «на всех делах Его». И это может чрезвычайно укрепить нашу веру в то, что тем более Он «благ ко всякому человеку». Как же уместно здесь применить слова нашего Господа: «Не гораздо ли лучше вы их?» Если Господь так заботится о птицах небесных и зверях полевых, не гораздо ли более позаботится о *вас*, созданиях более благородного порядка? Если «Господь спасёт», как утверждает богодухновенный писатель, «и человека и скот», каждого в своей мере, то несомненно «сыны человеческие могут покоиться под сенью крыл Его»!

[38] 9. Не может ли это послужить ещё одной цели — дать полный ответ на правдоподобное возражение против справедливости Бога, допускающего столь суровое наказание бесчисленных созданий, которые никогда не грешили? Они и не могли грешить, ибо не были существами, ответственными за нравственный выбор. Но как жестоко они страдают! Многие из них, особенно вьючные животные, — почти всё время своего пребывания на земле, так что здесь, внизу, воздаяния им быть не может. Однако возражение исчезает, если мы примем во внимание, что и для этих бедных созданий после смерти остаётся нечто лучшее; что и они однажды освободятся от этого рабства тлению и тогда получат щедрое возмещение всех нынешних страданий.

[39] 10. Несомненно, предшествующие размышления могут послужить ещё одной прекрасной цели. Они могут побудить нас подражать Тому, Чьё милосердие — на всех

делах Его. Они могут смягчить наши сердца к низшим созданиям, поскольку мы знаем, что Господь печётся о них. Наши сердца могут раскрыться навстречу этим бедным созданиям при мысли, что, какими бы ничтожными они ни казались нашим глазам, ни одно из них не забыто пред Отцом нашим Небесным. Сквозь всю суету, которой они ныне подчинены, будем взирать на то, что Бог приготовил для них. Да, приучим себя смотреть вперёд, за пределы нынешней картины рабства, на счастливое время, когда они освободятся от него в свободу детей Божиих.

[40] 11. Из сказанного я не могу не сделать одного вывода, которого не отвергнет ни один разумный человек. Если именно это отличает людей от животных — то, что они существа, способные к общению с Богом, способные познавать и любить Его и наслаждаться Им, — то всякий, кто «без Бога в мире», кто не знает, не любит Бога, не наслаждается Им и не заботится об этом, на деле отрекается от человеческой природы и низводит себя до животного. Пусть такие люди удостоят некоторого внимания замечательные слова Соломона: «Сказал я в сердце моём о состоянии сынов человеческих: пусть увидят они, что сами по себе они животные». (Еккл. 3:18.) Эти сыны человеческие, несомненно, животные, и сделали себя такими собственными поступками, ибо сознательно и добровольно отрекаются от единственного отличительного свойства человеческой природы. Правда, они могут иметь некоторую долю разума; обладают речью и ходят прямо; но у них нет признака — единственного признака, — который вполне отделяет человека от животного мира. «Что постигает животных, то постигает и их». И те и другие без Бога в мире, «так что человек» такого рода «не имеет преимущества перед животным».

[41] 12. Тем более пусть все люди более благородного склада утверждают отличительное достоинство своей природы. Пусть все с более возвышенным духом сознают и сохраняют своё место на лестнице существ. Не успокаивайтесь, пока не обретёте преимущество человеческого бытия — познание и любовь Бога. Поднимите головы, создания, способные к общению с Богом! Возвысьте сердца к Источнику своего бытия!

> [42] Познайте Бога и научите души познавать
> Те радости, что вера нам даёт.

[43] Отдайте сердца Тому, Кто вместе с тысячами благословений дал вам Своего Сына, Своего единственного Сына! Пусть ваше непрестанное «общение будет с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом»! Пусть Бог будет во всех ваших мыслях, и вы станете людьми поистине. Пусть Он будет вашим Богом и вашим всем — желанием ваших очей, радостью сердца и уделом навеки.

Тайна беззакония

[1] «Тайна беззакония уже в действии».

[2] 2 Фес. 2:7.

[3] 1. Не исследуя, в какой мере эти слова относятся к какому-либо определённому событию в христианской Церкви, я хотел бы ныне воспользоваться ими как поводом рассмотреть важный вопрос: каким образом тайна беззакония действовала среди нас, пока не покрыла почти всю землю.

[4] 2. Несомненно, «Бог сотворил человека правым», совершенно святым и совершенно счастливым. Но, восстав против Бога, человек погубил себя, утратил Божие благоволение и Божий образ и навлёк грех с его спутником — страданием — на себя и на всех своих потомков. Однако милосердный Творец не оставил его в этом беспомощном, безнадёжном состоянии. Он тотчас назначил Своего Сына, Своего возлюбленного Сына, «сияние славы и образ ипостаси Его», Спасителем людей, «умилостивлением за грехи всего мира», великим Врачом, Который Своим всемогущим Духом исцелит болезнь их душ и возвратит им не только Божие благоволение, но и «образ Божий, по которому они были сотворены».

[5] 3. Эта великая тайна благочестия начала действовать с самого первого обетования. Поскольку Агнец в замысле Бога был «заклан от начала мира», с той же поры Его освящающий Дух начал обновлять человеческие души. Бесспорный пример тому мы имеем в Авеле, который «получил свидетельство» от Бога, «что он праведен».

(Евр. 11:4.) И с того самого времени все причастники той же веры были причастниками того же спасения: им возвращалось не только Божие благоволение, но также и образ Божий.

[6] 4. Но как чрезвычайно мало было таких людей даже с древнейших времён! Едва «сыны человеческие начали умножаться на лице земли», как Бог, взглянув с небес, «увидел, что велико развращение человеков на земле», столь велико, что «все мысли и помышления сердца их были зло», одно лишь зло, и притом «во всякое время». (Быт. 6:1–5.) И так продолжалось без всякого перерыва, пока Бог не исполнил страшного приговора: «Истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил». (Быт. 6:7.)

[7] 5. Только «Ной обрёл благодать пред очами Господа», будучи «человеком праведным и непорочным в роде своём». Поэтому Бог сохранил его с женой, сыновьями и жёнами сыновей от всеобщего истребления. Можно было бы ожидать, что и этот малый остаток будет «непорочным в роде своём». Но как далеко это было от действительности! Вскоре после столь знаменательного избавления мы видим одного из них, Хама, впавшим в грех и оказавшимся под отцовским проклятием. И как же затем действовала «тайна беззакония» не только в потомстве Хама, но и в потомстве Иафета, да и Сима — за исключением одного Авраама и его семейства!

[8] 6. Более того, как действовала она даже в потомстве Авраама, в избранном народе Божием! Разве и они, вплоть до Моисея, Давида, Малахии, Ирода Великого, не были неверным и упрямым родом, «народом грешным, народом, обременённым беззакониями», непрестанно оставлявшим Господа и «раздражавшим Святого Израилева»? И всё же у нас нет оснований думать, что

они были хуже окружавших их народов, всецело погрязших во всяческом нечестии, а также в пагубном идолопоклонстве: «во всех помышлениях их» не было Бога небесного, но они с ненасытностью делали всякую нечистоту.

[9] 7. В полноту времени, когда беззаконие всякого рода, нечестие и неправда распространились среди всех народов и покрыли землю подобно потопу, Богу было угодно поднять против них знамя, «вводя Первородного во вселенную». Тогда, казалось бы, следовало ожидать, что «тайна благочестия» совершенно одолеет «тайну беззакония», что Сын Божий станет «светом к просвещению язычников», а также «спасением народу Своему Израилю». Весь Израиль и, более того, вся земля, можно было думать, вскоре исполнятся славы Господней. Но нет: «тайна беззакония» по-прежнему господствовала почти по всей земле. Как чрезвычайно мало было тех, чьи души исцелил Сам Сын Божий! «Когда Пётр встал посреди них, было имён человек около ста двадцати». (Деян. 1:15.) И даже они были исцелены лишь несовершенно: главные среди них незадолго до того были столь слабы в вере, что, хотя и не отреклись от Учителя с клятвою, подобно Петру, всё же «все оставили Его и бежали». Это ясно доказывает, что освящающий «Дух» тогда ещё «не был дан, потому что Иисус ещё не был прославлен».

[10] 8. Лишь тогда, когда Он «восшёл на высоту и пленил плен», исполнилось «обетование Отца», о котором они слышали от Него. Тогда Он начал действовать сообразно Самому Себе, показывая, что «дана Ему всякая власть на небе и на земле». «Когда наступил день Пятидесятницы, внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося

сильного ветра, и явились языки, как бы огненные; и исполнились все Духа Святого». (Деян. 2:1.) Вследствие этого три тысячи душ получили лекарство для исцеления своей болезни; через одну проповедь святого Петра им были возвращены Божие благоволение и Божий образ. (Деян. 2:41.) «И Господь ежедневно прилагал к ним» — не *тех, кому предстояло спастись*, что явно искажает текст, но «тех, кто был спасён». Выражение необычно; необычен и порядок слов, которые гласят: «И Господь ежедневно прилагал спасённых к Церкви». Сначала они «были спасены» от власти греха, затем «приложены» к собранию верных.

[11] 9. Чтобы ясно увидеть, каким образом они уже были спасены, достаточно рассмотреть краткое описание их жизни в конце второй и в четвёртой главе. «Они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении, в преломлении хлеба и в молитвах», то есть ежедневно получали наставления от апостолов, имели всё общее, принимали вечерю Господню и присутствовали на всех общих богослужениях. (Деян. 2:42.) «Все верующие были вместе и имели всё общее; и продавали имения свои и разделяли всем, смотря по нужде каждого». (Деян. 2:44, 45.) И ещё: «У множества уверовавших», теперь значительно возросшего, «было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее». (Деян. 4:32.) И опять: «Великая благодать была на всех них. Не было между ними никого нуждающегося; ибо все, владевшие землями или домами, продавая их, приносили цену проданного и полагали к ногам апостолов; и каждому давалось, в чём кто имел нужду». (Деян. 4:33–35.)

[12] 10. Но здесь естественно возникает вопрос: «Отчего они поступали так и имели всё общее, если мы не читаем ни о каком прямом повелении это делать?» Отвечаю: внешнее повеление было не нужно; оно было написано в их сердцах. Это естественно и необходимо вытекало из той меры любви, которой они обладали. Заметьте: «У них было одно сердце и одна душа». И ни один — именно так гласят слова — не говорил, да и не мог говорить, пока сердца их столь преизобиловали любовью, «что что-либо из принадлежавшего ему было его собственным». И где бы ни возобладала та же причина, за ней естественно последует то же действие.

[13] 11. Это была заря подлинного евангельского дня. Это была подлинная христианская Церковь. Теперь «Солнце праведности» взошло над землёй, «и исцеление в лучах Его». Теперь Он «спасал людей Своих от грехов их», «исцелял все болезни их». Он не только учил той религии, которая есть истинное «исцеление души», но действенно насадил её на земле, наполняя души всех веровавших в Него *праведностью* — благодарностью к Богу и доброжелательством к людям, — сопровождаемой *миром*, превосходящим всякое разумение, и радостью неизреченной и исполненной славы.

[14] 12. Но как скоро «тайна беззакония» вновь пришла в действие и омрачила эту славную картину! Она начала действовать, правда не открыто, а скрытно, в двух христианах — Анании и Сапфире. «Они продали имение», подобно прочим и, вероятно, по тому же побуждению; но потом, дав место дьяволу и советуясь с плотью и кровью, «утаили часть цены». Вот первые христиане, «потерпевшие кораблекрушение в вере и доброй совести», первые, кто «отступил к погибели», вместо того

чтобы продолжать «веровать к» окончательному «спасению души»! Заметьте первую язву, поразившую христианскую Церковь, — сребролюбие! И не будет ли оно главной язвой во все поколения, всякий раз, когда Бог станет возобновлять то же дело? О верующие во Христа, примите предостережение! Будь вы ещё малыми детьми или юношами, крепкими в вере, смотрите на эту сеть — особенно вашу сеть, ту, которой вы будете особенно подвержены после избавления от грубой скверны. «Не любите мира, ни того, что в мире! Кто любит мир», кем бы он ни был прежде, «в том» ныне «нет любви Отчей»!

15 13. Однако в первой христианской Церкви эта язва была остановлена немедленным отсечением заражённых. От этого знаменательного суда Божия над первыми согрешившими «великий страх напал на всех» (Деян. 5:11), так что по крайней мере тогда никто не дерзнул последовать их примеру. Между тем верующие, исполненные веры и любви и радовавшиеся тому, что всё у них общее, «всё более присоединялись к Господу, множество мужчин и женщин». (Деян. 5:14.)

16 14. Если мы спросим, каким образом «тайна беззакония», действие сатаны, вновь начала работать в христианской Церкви, то увидим, что она действовала совсем иначе, приняв совершенно другой облик: среди верующих христиан прокралось пристрастие. Те, кто распределял помощь каждому, проявляли лицеприятие, щедро снабжая людей своего народа, тогда как другие вдовы, не еврейки, «были пренебрегаемы в ежедневном раздаянии». (Деян. 6:1.) Им не давали по нужде каждой. Здесь было явное нарушение братской любви со стороны евреев, грех и против справедливости, и против милосердия, поскольку эллинисты, как и евреи, «продали

всё, что имели, и положили цену к ногам апостолов». Вот вторая язва, проникшая в христианскую Церковь: пристрастие, лицеприятие, чрезмерная забота о своих и недостаточная — о других, хотя столь же достойных.

[17] 15. Зараза этим не ограничилась: одно зло породило множество других. Из-за пристрастия евреев «возник у эллинистов ропот против них»: не только недовольство и обиженные мысли, но естественно последовали и соответствующие слова — недобрые выражения, жёсткие речи, злословие и пересуды. И этим «возникшим горьким корнем», несомненно, «осквернились многие». Правда, апостолы вскоре нашли средство устранить повод для ропота; однако злого корня осталось столько, что Бог счёл нужным употребить более суровое лекарство. Он развязал миру руки против всех них, дабы, быть может, страданиями, разграблением имущества, болью, темницей и самой смертью одновременно наказать и исправить их. И гонение, последнее Божие лекарство для отступающего народа, имело благотворное действие, ради которого Он его предназначил. Прекратилось и пристрастие евреев, и ропот эллинистов. И «тогда церкви имели покой и назидались» — укреплялись в любви к Богу и друг другу — «и, ходя в страхе Господнем, при утешении от Святого Духа, умножались». (Деян. 9:31.)

[18] 16. По-видимому, через некоторое время после этого «тайна беззакония» начала действовать в облике ревности. Великие смуты возникли из-за людей, ревностно отстаивавших обрезание и прочие предписания обрядового закона, пока апостолы и пресвитеры не положили конец распространявшемуся злу окончательным решением: «Угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего

необходимого: воздерживаться от идоложертвенного, и крови, и удавленины, и блуда». (Деян. 15:28, 29.) Однако зло не было подавлено настолько полно, чтобы не вспыхивать часто вновь, как мы узнаём из разных мест посланий святого Павла, особенно из Послания к Галатам.

[19] 17. С этим было тесно связано другое тяжкое зло, одновременно возникшее в Церкви: недостаток взаимного снисхождения, а вследствие него — гнев, распри, споры, раздоры. Один особенно примечательный случай мы находим в той же главе. Когда «Павел сказал Варнаве: пойдём, посетим братьев там, где проповедовали слово, — Варнава решил взять с собою Иоанна», потому что тот был «сыном его сестры». «Но Павел полагал не брать того, кто прежде отступил от них». И, несомненно, разумное основание было на его стороне. Но Варнава решил настоять на своём. egeneto oun paroxysmos — *и произошла вспышка гнева*. Не сказано, что со стороны святого Павла: только Варнава прибег к страсти, чтобы восполнить отсутствие разумных доводов. Поэтому он оставил дело и отправился домой, тогда как святой Павел пошёл далее «по Сирии и Киликии, утверждая церкви». (Деян. 15:41.)

[20] 18. Самое первое общество христиан в Риме не было вполне свободно от этой злой закваски. И среди них были «разделения и соблазны» (Рим. 16:17), хотя в целом они, по-видимому, «ходили в любви». Но как рано и как могущественно стала действовать «тайна беззакония» в Коринфской церкви! Среди них были не только расколы и ереси, вражда, яростные и горькие распри, но и явные греховные дела, даже «такой блуд, какого не было слышно у язычников». (1 Кор. 5:1.) Более того,

приходилось напоминать им, что «ни прелюбодеи, ни воры, ни пьяницы» не могут «войти в Царство Небесное». (1 Кор. 6:9, 10.) Во всех посланиях святого Павла мы встречаем обильные доказательства того, что во всех церквах вместе с пшеницей росли плевелы и повсюду «тайна беззакония» тысячью способов противодействовала «тайне благочестия».

21 19. Когда святой Иаков писал своё послание, обращённое прежде всего «к двенадцати коленам, находящимся в рассеянии», к обращённым иудеям, плевелы, посеянные среди его пшеницы, уже дали обильную жатву. Великая язва христианства — вера без дел — распространилась повсюду, наполняя Церковь «мудростью снизу», «земною, душевною, бесовскою», которая порождала не только опрометчивое осуждение и злословие, но «зависть, распри, неустройство и всё худое». В самом деле, всякий, кто серьёзно и внимательно прочтёт четвёртую и пятую главы этого послания, будет склонен думать, что уже в столь раннее время плевелы почти заглушили пшеницу и у большинства тех, кому писал святой Иаков, остался лишь вид благочестия, если осталось хотя бы это.

22 20. Приблизительно в то же время святой Пётр писал «пришельцам», христианам, «рассеянным» по обширным областям «Понта, Галатии, Каппадокии, Асии», то есть Малой Азии, «и Вифинии». Вероятно, это были одни из самых выдающихся христиан тогдашнего мира. Но как бесконечно далеки даже они были от того, чтобы быть «непорочными и незапятнанными»! И какие пагубные плевелы росли и здесь вместе с пшеницей! Некоторые из них «вводили пагубные ереси, отвергаясь искупившего их Господа». (2 Пет. 2:1.) И «многие следовали их пагубным

путям»; апостол даёт им страшную характеристику: «Они идут вслед плоти» в «нечистых похотях, как бессловесные животные, предназначенные на уловление и истребление. Они — срам и осквернители, пирующие с вами» — на «вечерях любви», тогда совершавшихся по всей Церкви, — «глаза у них исполнены прелюбодеяния и непрестанного греха. Это безводные источники, облака, гонимые бурею, для которых приготовлен мрак тьмы навеки». И всё же эти самые люди назывались христианами и даже тогда пребывали в лоне Церкви! Притом апостол упоминает их не как бедствие одной отдельной церкви, а как всеобщую язву, уже тогда широко распространившуюся среди всех христиан, которым он писал!

[23] 21. Вот достоверное свидетельство о «тайне беззакония», действовавшей даже в апостольских церквах! Свидетельство, данное не иудеями или язычниками, а самими апостолами. К нему можно добавить свидетельство Главы и Основателя Церкви, Того, «Кто держит звёзды в деснице Своей», Кто есть «свидетель верный и истинный». По состоянию семи церквей в Асии мы легко можем заключить о состоянии Церкви вообще. Одна из них, Филадельфийская, действительно «сохранила слово Его и не отреклась имени Его» (Откр. 3:8); Смирнская церковь также процветала. Но все остальные были в большей или меньшей мере развращены, так что многие из них были ничуть не лучше нынешнего рода христиан; и наш Господь тогда угрожал им тем, что давно уже исполнил: «сдвинуть светильник» их.

[24] 22. Таково было действительное состояние христианской Церкви даже в первом веке, когда не только

святой Иоанн, но и большинство апостолов ещё пребывали с нею и управляли ею. Но какая это тайна: Всепремудрый, Всеблагой, Всемогущий допустил такое не в одном только, а, насколько нам известно, в каждом христианском обществе, за исключением Смирны и Филадельфии! И почему именно они стали исключением? Почему они были менее развращены — ограничимся этим выражением, — чем другие церкви Асии? По-видимому, потому, что были менее богаты. Христиане Филадельфии не были буквально «разбогатевшими», как христиане Ефеса или Лаодикии; а если смирнские христиане приобрели больше богатства, гонение смело его. Поэтому, имея меньше благ этого мира, они сохранили больше простоты и чистоты Евангелия.

[25] 23. Но как противоречит это библейское описание древних христиан обычным человеческим представлениям! Мы склонны воображать, будто первоначальная Церковь была сплошным совершенством и превосходством, соответствуя сильным словам, которые святой Пётр приводит из Моисея: «Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел». И такова, без всякого сомнения, была первая христианская Церковь, начавшаяся в день Пятидесятницы. Но как скоро потускнело чистое золото! Как скоро вино смешалось с водою! Как мало времени прошло, прежде чем «бог века сего» настолько вернул себе власть, что христиан в целом едва можно было отличить от язычников иначе, как по убеждениям и формам богослужения!

[26] 24. И если состояние Церкви уже в первом веке было столь дурно, нельзя предполагать, что во втором оно стало лучше. Несомненно, оно ухудшалось всё более.

Тертуллиан, один из выдающихся христиан той эпохи, описал его в разных частях своих сочинений, из которых мы узнаём, что подлинную внутреннюю религию едва можно было найти; более того, не только расположения христиан были в точности такими же, как у их соседей-язычников, — гордость, гневливость, любовь к миру одинаково царили в тех и других, — но такими же были их жизнь и нравы. По-видимому, именно верное свидетельство против всеобщего развращения христиан вызвало негодование против Монтана, а также против самого Тертуллиана, когда тот убедился, что свидетельство Монтана истинно. Что касается ересей, приписываемых Монтану, нелегко установить, в чём они состояли. Полагаю, главная его ересь заключалась в утверждении, что «без» внутренней и внешней «святости никто не увидит Господа».

[27] 25. Киприан, епископ Карфагенский, во всех отношениях безупречный свидетель, живший около середины третьего века, оставил нам множество писем с обширным и подробным описанием состояния религии в его время. Читая их, легко вообразить, что читаешь описание нынешнего века: большинство и мирян, и духовенства было столь совершенно лишено истинной религии, столь погружено в честолюбие, зависть, корыстолюбие, роскошь и все прочие пороки, что тогдашние христиане Африки были в точности такими же, как нынешние христиане Англии.

[28] 26. Правда, на протяжении всего этого периода, первых трёх столетий, встречались более или менее продолжительные времена возрождения истинного христианства. В эти времена справедливость и милосердие Божие развязывали язычникам руки против

христиан. Многие из христиан были тогда призваны противостоять до крови. И «кровь мучеников была семенем Церкви». Возвращался апостольский дух, и многие «не дорожили своею жизнью, лишь бы с радостью совершить поприще своё». Многие другие были приведены к счастливой бедности и, лишившись того, что слишком сильно любили, «вспомнили, откуда ниспали, и покаялись, и творили прежние дела».

[29] 27. Гонение никогда не наносило и не могло нанести подлинному христианству продолжительной раны. Но величайшую из когда-либо полученных им ран, главный удар в самый корень той смиренной, кроткой, терпеливой любви, которая есть исполнение христианского закона и вся сущность истинной религии, нанёс в четвёртом веке Константин Великий, когда назвал себя христианином и излил поток богатств, почестей и власти на христиан, особенно на духовенство. Тогда в христианской Церкви исполнилось сказанное Саллюстием о римском народе: Sublata imperii aemula, non sensim, sed praecipiti cursu, a virtutibus descitum, ad vitia transcursum. [Г-н Уэсли, несомненно, цитировал по памяти; этим объясняется допущенная здесь небольшая ошибка. Указанное место находится не у Саллюстия, а у Веллея Патеркула и читается так: Remoto Carthaginis metu, sublataque imperii aemula, non gradu, sed praecipiti cursu, a virtute descitum, ad vitia transcursum. Кн. II, гл. 1. — Ред.] Точно так же, когда исчез страх гонений и христианское исповедание стали сопровождать богатство и почёт, христиане «не постепенно опустились, но стремглав ринулись во всевозможные пороки». Тогда «тайна беззакония» более не таилась, но расхаживала открыто при свете солнца. Тогда начался не золотой, а железный век Церкви. Тогда поистине можно было сказать: [51]

[30] Protinus irrupit venae pejoris in aevum
Omne nefas; fugere pudor, verumque fidesque,
In quorum subiere locum fraudesque, dolique,
Insidiaeque, et vis, et amor sceleratus habendi.

[31] В тот несчастный век разом ворвались
Всякое нечестие и каждый смертный грех;
Истина, стыдливость и любовь бежали прочь,
А сила и жажда золота присвоили власть над всем.

[32] 28. И вот о каком событии большинство христианских толкователей говорит с таким торжеством! Да, некоторые даже предполагают, что оно прообразовано в Откровении «новым Иерусалимом, сходящим с небес»! Скажите лучше: это было пришествие сатаны со всеми его легионами из бездны, ибо с той самой поры он утвердил свой престол по всей земле и царствовал над христианским миром, как и над языческим, почти беспрепятственно. Правда, историки с большой серьёзностью рассказывают о народах, которые в каждом столетии такие-то люди — несомненно, *святые*! — обращали в христианство. Но обращённые продолжали творить всевозможные мерзости точно так же, как прежде, ничем не отличаясь ни расположениями души, ни жизнью от народов, всё ещё называвшихся язычниками. Таково было плачевное состояние христианской Церкви от времени Константина до Реформации. Нигде нельзя было увидеть христианского народа или христианского города по библейскому образцу; каждый город и каждая страна, за исключением немногих отдельных людей, были погружены во всяческое нечестие.

[33] 29. Изменилось ли положение после Реформации? Перестала ли «тайна беззакония» действовать в Церкви?

Нет. Сама Реформация распространилась не более чем на треть Западной церкви; следовательно, две трети её остались прежними, как и церкви Восточная, Южная и Северная. Они столь же исполнены языческих, или ещё худших, чем языческие, мерзостей, как и прежде. А каково состояние церквей Реформации? Несомненно, они были преобразованы в своих убеждениях, равно как и в формах богослужения. Но не это ли и всё? Были ли преобразованы их расположения души или жизнь? Нисколько. Правда, многие из самих реформаторов жаловались, что «Реформация не зашла достаточно далеко». Но что они имели в виду? То, что недостаточно преобразовали церковные *обряды* и *церемонии*. Безумные и слепые! Всё внимание своё сосредоточить на второстепенных обстоятельствах религии! Вам следовало жаловаться на то, что недостаточно далеко продвинулись в её сущности! Вам следовало со всей силой настаивать на полном изменении человеческих *расположений* и *жизни*, чтобы люди показывали, что имеют «чувствования, какие были во Христе», «поступая, как Он поступал». Без этого как поразительно ничтожно было преобразование мнений, обрядов и церемоний! Теперь пусть кто-нибудь обозрит состояние христианства в охваченных Реформацией частях Швейцарии, в Германии или Франции, в Швеции, Дании, Голландии, Великобритании и Ирландии. Как мало кто-либо из этих христиан Реформации лучше языческих народов! Есть ли у них больше — не скажу общения с Богом, хотя без него нет христианства, — но есть ли у них больше справедливости, милосердия или правдивости, чем у жителей Китая или Индостана? О нет! Со скорбью и стыдом мы должны признать, что стоим гораздо ниже их!

[34] Что мы, Твоим именем именуемые,
Грешим сильней некрещёных язычников!

[35] 30. Не это ли *отпадение*, или *отступничество* от Бога, предсказанное святым Павлом во Втором послании к Фессалоникийцам? (2 Фес. 2:3.) Правда, я не осмелился бы сказать вместе с Джорджем Фоксом, что это отступничество было всеобщим, что от дней апостолов до его времени в мире совсем не было истинных христиан. Но мы смело можем сказать: всюду, где распространилось христианство, распространилось и отступничество; так что, хотя ныне есть и всегда были отдельные истинные христиане, весь мир никогда не мог и сегодня не может показать христианской страны или города.

[36] 31. Теперь я предлагаю каждому мыслящему человеку, верующему, что Писания — от Бога, рассудить, не предполагает ли это всеобщее отступничество необходимости всеобщего преобразования? Не признавая этого, как можем мы оправдать премудрость или благость Бога? Согласно Писанию, христианская религия предназначена для «исцеления народов», для спасения от греха посредством Второго Адама всех, кто первым был «сделан грешным». Но она не достигает этой цели и никогда не достигала, кроме краткого времени в Иерусалиме. Что можем мы сказать, кроме того, что, если она ещё не достигла её, то непременно достигнет? Грядёт время, когда не только «весь Израиль спасётся», но и «войдёт полное число язычников». Грядёт время, когда «не слышно будет более насилия на земле, опустошения и разорения в пределах наших», но каждый город назовёт «стены свои Спасением и ворота свои Славою»; когда народ, говорит Господь, «весь будет праведный, навеки

наследует землю, — отрасль насаждения Моего, дело рук Моих, к прославлению Моему». (Ис. 60:18, 21.)

[37] 32. Из предшествующих размышлений мы можем получить полный ответ на одно из главных возражений неверующих против христианства — на *жизнь христиан*. Христиан, говорите вы? Сомневаюсь, знали ли вы хоть одного *христианина* за всю свою жизнь. Когда индейский вождь Томо-Чачи язвительно ответил тем, кто говорил ему о принятии христианства: «Как же, *вот* христиане в Саванне! Вот христиане во Фредерике!» — надлежащий ответ был бы: «Нет, они не христиане; они не больше христиане, чем ты и Синауки». «Но разве те, кто в Кентербери, Лондоне, Вестминстере, — не христиане?» Нет, не более, чем ангелы. Христиане лишь те, кто имеет чувствования, какие были во Христе, и поступает, как Он поступал. «Если только такие люди христиане, — сказал один известный острослов, — то я ещё никогда не видел христианина». Верю: вы никогда не видели и, быть может, никогда не увидите; ибо вы никогда не найдёте их в высшем свете или в мире увеселений. Немногих христиан, живущих на земле, можно найти только там, где *вы* никогда их не ищете. Поэтому больше не приводите этого возражения: никогда не обращайте против христианства жизнь или нрав язычников. Хотя их называют христианами, название ещё не означает сущности: от неё они так же далеки, как ад от неба!

[38] 33. Отсюда мы можем узнать, во-вторых, глубину падения — поразительную распространённость первородного повреждения. Как, среди стольких тысяч, стольких миллионов «нет праведного ни одного»? По природе — нет. Но, принимая во внимание благодать Божию, я не скажу вместе с языческим поэтом:

[39] Rari quippe boni: numero vix sunt totidem, quot Thebarum portae, vel divitis ostia Nili.

[40] [Вот перевод Гиффорда этой цитаты из Ювенала:

[41] Добрых мало! Их «драгоценный перечень»
Едва превышает число врат Фив или устьев Нила.
— Ред.]

[42] Словно он допустил слишком много, предположив, что в Римской империи было сто добрых людей, он одумывается и утверждает, что их едва ли семь. Нет, несомненно, их было семь тысяч! Столько их было ещё давным-давно в одном малом народе, где Илия полагал, будто их нет вовсе. Но с немногими исключениями мы вправе сказать: «Весь мир лежит во зле», даже «во лукавом», как, собственно, означают эти слова. «Да, весь языческий мир». Да, и христианский тоже, так называемый; ибо в чём разница, кроме немногих внешних признаков? Посмотрите собственными глазами! Взгляните на великую страну Индостан. Там есть и христиане, и язычники. У кого больше справедливости, милосердия и правдивости — у христиан или у язычников? Кто более развращён, адски и дьявольски настроен и действует — англичане или индийцы? Кто опустошал целые страны и запруживал реки мёртвыми телами?

[43] О святое имя христианина! Как ты поругано!

[44] О земля, земля, земля! Как ты стонешь под злодеяниями своих *христианских* обитателей!

[45] 34. Из многих предшествующих обстоятельств мы можем узнать, в-третьих, подлинное действие богатства: какое пагубное влияние оказывало оно во все века на

чистое и непорочное благочестие. Не то чтобы деньги сами по себе были злом: они пригодны и для добрых, и для злых целей. Но всё же несомненно истинно, что «сребролюбие есть корень всех зол», а также что обладание богатством естественно порождает любовь к нему. Поэтому давно замечено:

[46] Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit:

[47] «По мере умножения денег умножается и любовь к ним»; так будет всегда, если не совершится чудо благодати. Поэтому, хотя могли содействовать и другие причины, именно это во все века было главной причиной упадка истинной религии в каждом христианском обществе. Пока христиане какого-либо места были бедны, они были преданы Богу. Пока им мало принадлежало от мира, они не любили мира; но чем больше им принадлежало, тем больше они его любили. Это вынуждало Любящего их души в разные времена снимать цепи с их гонителей, которые, возвращая их к прежней бедности, возвращали их и к прежней чистоте. Но всегда помните: богатство во все века было погибелью подлинного христианства!

[48] 35. Отсюда мы можем узнать, в-четвёртых, сколь великая бдительность нужна желающим быть истинными христианами, если учесть состояние мира! Разве не вправе каждый из них сказать:

[49] Посланный в мир разбойников,
Я иду по враждебной земле;
Дикие люди-медведи, жаждущие бойни,
И хищные волки окружают меня?

[50] Они тем опаснее, что обычно являются в овечьей одежде. Даже те, кто не притязает на религиозность, всё

же красиво заверяют в доброжелательстве, готовности служить нам и, быть может, в правдивости и честности. Но берегитесь верить им на слово! Не доверяйте никакому человеку, пока он не боится Бога! Великая истина такова:

[51] Кто Бога не боится, тот и друга любить не может.

[52] Поэтому будьте настороже перед каждым, кто не стремится усердно спасти свою душу. Нам нужно обуздывать и сердце, и уста, словно «уздою, доколе нечестивый пред нами». Их общение, их дух заразительны и незаметно проникают в нас — мы сами не знаем как. «Блажен человек, который всегда пребывает в страхе», и в этом смысле тоже — чтобы не стать причастником чужих грехов. О, «храни себя чистым»! «Бодрствуй и молись, чтобы не впасть в искушение»!

[53] 36. Наконец, отсюда мы можем узнать, какая благодарность подобает тем, кто избежал растления, существующего в мире, кого Бог избрал из мира, чтобы они были святы и непорочны. «Кто отличает тебя?» «И что ты имеешь, чего бы не получил?» Не один ли «Бог производит в тебе и хотение и действие по Своему благоволению»? «Да благодарят те, кого Господь искупил и избавил от руки врага». Будем славить Его за то, что Он дал нам видеть плачевное состояние всех окружающих, видеть нечестие, затопляющее землю, и всё же не быть унесёнными потоком! Мы видим всеобщую, почти повсеместную заразу, и всё же она не может приблизиться, чтобы повредить нам! Благодарение Тому, «Кто избавил нас от столь великой смерти и доныне избавляет»! И разве нет у нас ещё одного основания для благодарности, более того — для сильного утешения, в блаженной надежде, данной нам Богом: близко время,

когда праведность станет столь же всеобщей, как ныне неправда? Пусть «всё творение ныне совокупно стенает» под грехом человека — наше утешение в том, что оно не всегда будет стенать: Бог восстанет и защитит Своё дело, и всё творение тогда освободится и от нравственного, и от природного повреждения. Греха и его следствия — страдания — более не будет: святость и счастье покроют землю. Тогда все концы мира увидят спасение нашего Бога, и весь род человеческий будет знать, любить Бога, служить Ему и царствовать с Ним во веки веков!

Цель пришествия Христа

[1] «Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола».

[2] 1 Ин. 3:8.

[3] 1. Многие выдающиеся писатели, как языческие, так и христианские, древних и позднейших времён, употребляли все свои труды и всё искусство, чтобы изобразить красоту добродетели. Столько же усилий они прилагали, чтобы самыми живыми красками описать безобразие порока — как порока вообще, так и отдельных пороков, наиболее распространённых в их времена и странах. С равным усердием они ярко показывали счастье, сопутствующее добродетели, и страдание, обычно сопровождающее порок и всегда следующее за ним. Можно признать, что сочинения такого рода не вовсе бесполезны. Вероятно, благодаря им одни были побуждены желать добродетели и стремиться к ней, а другие — остановлены на пути порока и, быть может, отвлечены от него, хотя бы на время. Но перемена, достигаемая этими средствами в людях, редко бывает глубокой или всесторонней, а ещё реже — прочной: вскоре она исчезает, как утреннее облако. Такие побуждения слишком слабы, чтобы преодолеть бесчисленные искушения, окружающие нас. Всё, что можно сказать о красоте и пользе добродетели, о безобразии и дурных последствиях порока, не способно противостоять, а тем более победить и исцелить хотя бы одно беспорядочное влечение или страсть.

[4] Все эти ограды, весь их строй
Один лукавый, сердцу милый грех сметает.

[5] 2. Поэтому, если мы желаем когда-либо победить порок или твёрдо пребывать в добродетельной жизни, нам совершенно необходимо оружие лучшего рода; иначе мы можем *видеть*, что правильно, но не можем этого достигнуть. Многие мыслящие люди даже среди язычников глубоко сознавали это. Их сердца говорили словами Медеи:

[6] Video meliora, proboque;
Deteriora sequor: [52]

[7] Как точно это согласуется со словами апостола, говорящего от лица человека, обличённого в грехе, но ещё не побеждающего его: «Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю»! Бессилие человеческого духа мог увидеть даже римский философ. «В каждом человеке, — говорит он, — есть эта слабость» — он мог бы сказать: эта тяжкая болезнь, — «gloriae sitis, жажда славы. Природа указывает на болезнь, но природа не показывает нам лекарства».

[8] 3. Неудивительно, что, хотя они искали лекарства, всё же не нашли его. Ибо искали там, где оно никогда не находилось и никогда не найдётся: в самих себе, в разуме, в философии — в надломленных тростях, пузырях, дыме! Они не искали его в Боге, в Котором одном его можно найти. В Боге! Нет, они вполне отвергали это и притом в самых решительных выражениях. Ибо хотя Цицерон, один из их оракулов, однажды натолкнулся на странную истину: Nemo unquam vir magnus sine afflatu divino fuit — «Никогда не было великого человека без Божественного вдохновения», — всё же в том самом сочинении он

противоречит себе и совершенно опровергает собственное утверждение, спрашивая: Quis pro virtute aut sapientia gratias dedit Deis unquam? — «Кто когда-либо благодарил Бога за свою добродетель или мудрость?» Римский поэт выражается, если возможно, ещё определённее: упомянув несколько внешних благ, он откровенно добавляет:

> [9] Haec satis est orare Jovem, qui donat et aufert;
> Det vitam, det opes: aequum mi animum ipse parabo.
>
> [10] У Бога просим то, что может дать или отнять, —
> Жизнь, богатство; добродетельным же сам себя сделаю.

[11] 4. Лучшие из них либо искали добродетели отчасти у Бога, отчасти в самих себе, либо искали её у тех богов, которые в действительности были лишь бесами и потому едва ли могли сделать своих почитателей лучше себя. Столь тусклым был свет мудрейших людей, пока «жизнь и нетление не были явлены через Евангелие», пока «не явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола»!

[12] Но что такое упомянутые здесь «дела дьявола»? Как «явился Сын Божий», чтобы разрушить их? И как, каким образом и какими последовательными действиями Он действительно «разрушает» их? Эти три чрезвычайно важных вопроса мы можем рассмотреть по порядку.

[13] I. 1. Во-первых, о том, что такое эти дела дьявола, мы узнаём из слов, предшествующих нашему тексту и следующих за ним: «Мы знаем, что Он явился для того, чтобы взять грехи наши». (1 Ин. 3:5.) «Всякий, пребывающий в Нём, не согрешает; всякий согрешающий не видел Его и не познал Его». (1 Ин. 3:6.) «Кто делает грех, тот от дьявола, потому что дьявол сначала согрешил.

Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела дьявола». (1 Ин. 3:8.) «Всякий, рождённый от Бога, не делает греха». (1 Ин. 3:9.) Из всего этого видно, что «дела дьявола», о которых здесь говорится, — грех и плоды греха.

14 2. Но поскольку премудрость Божия ныне рассеяла облака, столь долго покрывавшие землю, и положила конец детским догадкам людей об этих предметах, полезно будет яснее рассмотреть эти «дела дьявола» настолько, насколько наставляют нас изречения Божии. Правда, замыслом Святого Духа было укрепить нашу веру, а не удовлетворить любопытство; поэтому повествование, данное Им в первых главах Бытия, чрезвычайно кратко. Однако оно столь ясно, что мы можем узнать из него всё, что нам необходимо знать.

15 3. Начнём с самого начала: «Господь Бог» — буквально ИЕГОВА, БОГИ, то есть Единый и Троичный, — «сотворил человека по образу Своему»: по Своему *естественному* образу в отношении лучшей его части, то есть духом, как Бог есть Дух, наделённым разумением, которое, если и не составляет сущности духа, представляется самым существенным его свойством. И, вероятно, человеческий дух, подобно ангельскому, тогда постигал истину непосредственным созерцанием. Поэтому он называл каждое создание, едва увидев его, согласно его сокровеннейшей природе. Но его знание было ограниченно, поскольку он был созданием: незнание, следовательно, было от него неотделимо, а заблуждение — нет; ничто не указывает, что он в чём-либо ошибался. Однако он был способен ошибиться, быть обманутым, хотя и не был к этому вынужден.

[16] 4. Он был наделён также волей, различными чувствами, которые суть лишь различные проявления воли, чтобы любить, желать добро и наслаждаться им; иначе его разумение было бы бесцельно. Он был также наделён свободой — способностью выбирать доброе и отвергать недоброе. Без неё и воля, и разумение были бы совершенно бесполезны. В самом деле, без свободы человек не только не мог бы быть *свободно действующим существом*, но вообще не мог бы *действовать*. Ибо всякое *несвободное существо* совершенно пассивно и ни в какой мере не деятельно. Держите ли вы в руке меч? Хватает ли вашу руку человек сильнее вас и силой заставляет ранить третьего? В этом вы действуете не более, чем меч: рука столь же пассивна, как сталь. Так и во всяком возможном случае: кто несвободен, тот не действует, а претерпевает действие.

[17] 5. Поэтому, по-видимому, всякий дух во вселенной как таковой наделён *разумением* и, вследствие этого, *волей* и некоторой мерой *свободы*; и эти три свойства нераздельно соединены в каждой разумной природе. И заметьте: *вынужденная свобода*, свобода, подавленная внешней силой, в действительности вовсе не свобода. Это противоречие в самих словах. Это то же самое, что *несвободная свобода*, то есть полная бессмыслица.

[18] 6. Можно заметить далее — и это важное замечание, — что там, где нет свободы, не может быть нравственного добра или зла, добродетели или порока. Огонь согревает нас, но не способен к добродетели; он обжигает нас, но это не порок. Добродетель есть лишь там, где разумное существо знает, любит и выбирает добро; и порок есть лишь там, где такое существо знает, любит и выбирает зло.

[19] 7. И Бог сотворил человека не только по Своему естественному, но также по Своему *нравственному* образу. Он сотворил его не только «в познании», но и в праведности и истинной святости. Как его разумение было неповреждённым, совершенным в своём роде, таковы были и все его чувства. Все они были правильно направлены и надлежащим образом обращены к соответствующим предметам. Как свободно действующее существо он неизменно выбирал добро по указанию своего разумения. Поступая так, он был неизреченно счастлив: пребывал в Боге, и Бог в нём; имел непрерывное общение с Отцом и Сыном через вечного Духа и постоянное свидетельство своей совести, что все пути его добры и угодны Богу.

[20] 8. Однако его свобода, как уже было замечено, необходимо включала способность выбирать или отвергать и добро, и зло. Правда, высказывались сомнения, мог ли человек тогда выбрать зло, зная, что это зло. Но невозможно сомневаться в том, что он мог принять зло за добро. Он не был безошибочен, а потому не был и неспособен согрешить. Это разрешает всю трудность великого вопроса Unde malum? — «Откуда зло вошло в мир?» Оно пришло от «Денницы, сына зари». Это было дело дьявола. «Ибо дьявол, — говорит апостол, — согрешил от начала», то есть был первым грешником во вселенной, зачинателем греха, первым существом, которое злоупотреблением своей свободой внесло зло в творение. Он,

[21] Один из первых,
Если не первый архангел,

[22] сам собою был искушён думать о себе слишком высоко. Он свободно поддался искушению и уступил сначала

гордости, затем своеволию. Он сказал: «Воссяду на краю севера; буду подобен Всевышнему». Он пал не один, но вскоре увлёк за собой треть небесных звёзд; вследствие этого они утратили славу и счастье и были изгнаны из прежнего обиталища.

[23] 9. «Имея великую ярость» и, быть может, зависть к счастью существ, которых Бог только что сотворил, неудивительно, что он пожелал и постарался лишить их этого счастья. Для этого он скрылся в змее, который был самым хитрым, или понятливым, из всех животных и потому менее всего мог вызвать подозрение. Некоторые даже предполагали — и не без вероятия, — что змей тогда был наделён разумом и речью. Если бы Ева не знала об этом, разве вступила бы она с ним в разговор? Не испугалась ли бы она вместо того, чтобы быть обманутой, как, по замечанию апостола, и случилось? Чтобы обмануть её, сатана смешал истину с ложью: «Разве сказал Бог, что вам нельзя есть от всякого дерева в саду?» Вскоре он убедил её не верить Богу, предположить, что Его угроза не исполнится. Тогда она стала открыта для всего искушения: для «похоти плоти», ибо дерево было «хорошо для пищи»; для «похоти очей», ибо оно было «приятно для глаз»; и для «гордости житейской», ибо было «вожделенно для приобретения мудрости», а следовательно, и почёта. Так неверие породило гордость: она сочла себя мудрее Бога, способной найти лучший путь к счастью, чем тот, которому научил её Бог. Оно породило своеволие: она решила исполнить собственную волю, а не волю Сотворившего её. Оно породило неразумные желания и завершило всё внешним грехом: «Взяла от плодов его и ела».

[24] 10. Затем она «дала также мужу своему, и он ел». И в тот день, даже в то самое мгновение, он *умер*! Жизнь Божия погасла в его душе. Слава отошла от него. Он утратил весь нравственный образ Божий — праведность и истинную святость. Он стал несвят, несчастен, полон греха, полон вины и мучительных страхов. Отделившись от Бога и видя в Нём теперь гневного Судию, он «убоялся». Но как помрачилось его разумение, если он думал, что может «скрыться от лица Господа между деревьями сада»! Так душа его стала совершенно мертва для Бога. И в тот день тело его также начало умирать: стало подвержено слабости, болезни, боли — всему, что готовит телесную смерть, которая естественно вела к смерти вечной.

[25] II. Таковы «дела дьявола» — грех и его плоды, рассмотренные в их порядке и связи. Во-вторых, нам предстоит рассмотреть, как явился Сын Божий, чтобы разрушить их.

[26] 1. Он явился обитателям небес прежде основания мира и при его основании как Единородный Сын Божий, равный славою Отцу. Эти «утренние звёзды вместе воспевали», все эти «сыны Божии восклицали от радости», когда слышали, как Он изрёк: «Да будет свет, и стал свет»; когда Он «распростёр север над пустотою» и «простёр небеса, как завесу». Действительно, вся древняя Церковь веровала, что Бога Отца никто не видел и видеть не может, что от вечности Он обитает в неприступном свете и только в Сыне Своей любви и через Него когда-либо открывал Себя Своим созданиям.

[27] 2. Как Сын Божий являлся нашим прародителям в раю, определить нелегко. Обычно предполагают, и не без вероятия, что Он являлся им в образе человека и

беседовал с ними лицом к лицу. Это не значит, что я хоть сколько-нибудь могу верить остроумному мечтанию доктора Уоттса о «славном человечестве Христа», которое, по его предположению, существовало прежде начала мира и было наделено неведомо какими изумительными силами. Напротив, я считаю эту гипотезу чрезвычайно опасной, даже вредоносной, поскольку она совершенно лишает силы множество мест Писания, которые доныне считались доказательствами Божества Сына. И я опасаюсь, что именно она более всего отвратила этого великого человека от веры, однажды преданной святым, — если он действительно от неё отвратился; если подлинно то прекрасное уединённое размышление, которое напечатано среди его посмертных сочинений и в котором он столь усердно умоляет Сына Божия не гневаться на него за неспособность поверить, что Он равен и совечен Отцу.

[28] 3. Не можем ли мы разумно полагать, что подобными явлениями Он открывался в последующие века Еноху, когда тот «ходил пред Богом»; Ною до и после потопа; Аврааму, Исааку и Иакову в различных случаях; и, не говоря о других, Моисею? Таков, по-видимому, естественный смысл слов: «Раб Мой Моисей верен во всём доме Моём; устами к устам говорю Я с ним, и явно, а не в гаданиях, и образ Иеговы он видит», — именно Сына Божия.

[29] 4. Но всё это было лишь прообразами Его великого явления. В полноту времени — в самую середину века мира, как обстоятельно доказывает один великий человек, — Бог «ввёл Первородного Своего во вселенную, рождённого от женщины», осенённой силой Всевышнего. Затем Он был явлен пастухам, благочестивому Симеону,

Анне-пророчице и «всем ожидавшим избавления в Иерусалиме».

30 5. Достигнув возраста, надлежащего для исполнения священнического служения, Он явился Израилю, проповедуя Евангелие Царства Божия в каждом городе и городке. Некоторое время все прославляли Его, признавая, что Он «говорил так, как никогда не говорил человек», что «Он говорил как власть имеющий», со всей премудростью Божией и силой Божией. Он являл Себя бесчисленными «знамениями, чудесами и силами, которые совершал», а также всей Своей жизнью: единственный из рождённых женщиной, «не знавший греха», Он от рождения до смерти «всё делал хорошо», непрестанно исполняя «не Свою волю, но волю Пославшего Его».

31 6. Наконец, «вот Агнец Божий, берущий на Себя грех мира»! Это было более славным явлением Его, чем все предшествовавшие. Как дивно Он явил Себя ангелам и людям, когда «был изъязвлён за грехи наши», когда «вознёс все грехи наши телом Своим на древо», когда, «единожды принеся Себя в том едином приношении как полную, совершенную и достаточную жертву, приношение и удовлетворение за грехи всего мира», возгласил: «Совершилось!» — и, склонив голову, предал дух! Нам достаточно лишь упомянуть дальнейшие явления: Его воскресение из мёртвых, вознесение на небеса, в славу, которую Он имел прежде бытия мира, и излияние Им Святого Духа в день Пятидесятницы; два последних прекрасно описаны в известных словах псалмопевца: «Ты восшёл на высоту, пленил плен и принял дары для человеков, даже для врагов Твоих, чтобы Господь Бог обитал среди них», или «в них».

[32] 7. «Чтобы Господь Бог обитал в них»: это относится к ещё одному явлению Сына Божия — к Его внутреннему явлению Самого Себя. Когда незадолго до смерти Он говорил об этом апостолам, один из них тотчас спросил: «Господи, что это, что Ты хочешь явить Себя нам, а не миру?» — Давая нам способность веровать в Его имя. Ибо Он внутренне является нам тогда, когда мы получаем способность с уверенностью сказать: «Господь мой и Бог мой!» Тогда каждый из нас может смело сказать: «Жизнь, которою ныне живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». И именно таким явлением Себя в наших сердцах Он действенно «разрушает дела дьявола».

[33] III. 1. Теперь нам предстоит рассмотреть, как Он это делает, каким образом и какими последовательными действиями действительно разрушает их. Прежде всего, как сатана начал своё дело в Еве, заразив её неверием, так Сын Божий начинает Своё дело в человеке, давая нам способность веровать в Него. Он и отверзает, и просвещает очи нашего разумения. Из тьмы повелевает воссиять свету и снимает покрывало, которым «бог века сего» покрыл наши сердца. И тогда мы видим не посредством цепи *рассуждений*, но своего рода *непосредственным постижением*, прямым созерцанием, что «Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям прежних преступлений их», не вменяя их мне. В тот день «мы знаем, что мы от Бога», дети Божии по вере, «имея искупление Кровию Христа, прощение греха». «Оправдавшись верою, мы имеем мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа» — тот мир, который позволяет нам быть довольными во всяком положении, избавляет от всех смущающих сомнений, от всех

мучительных страхов и особенно от того «страха смерти, через который мы всю жизнь были подвержены рабству».

[34] 2. В то же время Сын Божий поражает корень великого дела дьявола — гордости: побуждает грешника смириться пред Господом, возгнушаться собою, словно во прахе и пепле. Он поражает корень своеволия, давая смирённому грешнику способность во всём говорить: «Не как я хочу, но как Ты». Он разрушает любовь к миру, избавляя верующих в Него от «всякого безрассудного и вредного желания», от «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской». Он спасает их от поисков счастья в каком-либо создании и от надежды найти его там. Как сатана отвратил человеческое сердце от Творца к творению, так Сын Божий вновь обращает сердце от творения к Творцу. Так, являя Себя, Он разрушает дела дьявола: возвращает виновному, изгнанному от Бога, Его благоволение, прощение и мир; грешнику, в котором не обитает добро, — любовь и святость; обременённому, несчастному грешнику — радость неизреченную, истинное, существенное счастье.

[35] 3. Однако следует заметить, что Сын Божий не уничтожает всего дела дьявола в человеке, пока тот остаётся в этой жизни. Он ещё не уничтожает телесной слабости, болезни, боли и тысячи немощей, свойственных плоти и крови. Он не уничтожает всей слабости разумения, которая естественно следует из пребывания души в тленном теле, так что по-прежнему

[36] Humanum est errare et nescire:

[37] «Человеку свойственны и незнание, и заблуждение». В нашем нынешнем состоянии Он доверяет нам лишь чрезвычайно малую долю знания, чтобы знание не

помешало нашему смирению и мы вновь не возмечтали быть как боги. Чтобы устранить от нас всякое искушение гордостью и всякую мысль о независимости — именно её люди вообще столь усердно жаждут под именем *свободы*, — Он оставляет нас окружёнными всеми этими немощами, особенно слабостью разумения, пока не исполнится приговор: «Прах ты и в прах возвратишься»!

[38] 4. Тогда заблуждение, боль и все телесные немощи прекратятся: всё это уничтожается смертью. А сама смерть, «последний враг» человека, будет уничтожена при воскресении. В то мгновение, когда мы услышим глас архангела и трубу Божию, «тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть победою». «Это тленное» тело «облечётся в нетление, это смертное» тело «облечётся в бессмертие»; и Сын Божий, явившийся на облаках небесных, разрушит это последнее дело дьявола!

[39] 5. Итак, здесь мы видим в самом ясном и ярком свете, что такое истинная религия: возвращение человеку Тем, Кто сокрушает голову змея, всего того, чего древний змей его лишил; возвращение не только Божьего благоволения, но и Божьего образа, включающее не одно избавление от греха, но исполнение всей полнотой Божией. Если мы вникнем в предшествующие размышления, станет ясно, что ничто меньшее не является христианской религией. Всё остальное — будь то отказ от дурного или внешнее исполнение — совершенно не достигает цели. Но какой это парадокс! Как мало понимают его в христианском мире, даже в нынешний просвещённый век, когда считается само собой разумеющимся, что мир стал мудрее, чем когда-либо от начала! Среди всех наших открытий кто открыл это? Как немногие и среди учёных, и среди неучёных! И всё же, если мы верим Библии, кто

может это отрицать? Кто может сомневаться? Эта истина проходит через Библию от начала до конца одной связной цепью, и согласие каждой её части со всякой другой, собственно, и есть аналогия веры. Берегитесь принимать за религию что-либо другое или что-либо меньшее! Не *что-либо другое*: не воображайте, что внешняя форма, круг обязанностей, общественных и частных, есть религия! Не полагайте, что честность, справедливость и всё называемое *нравственностью*, хотя и превосходное на своём месте, есть религия! И менее всего мечтайте, будто правоверие, правильное мнение, обычно называемое *верой*, есть религия. Из всех религиозных мечтаний это самое суетное: оно принимает сено и солому за золото, испытанное огнём!

40 6. О, не принимайте *ничего меньшего* за религию Иисуса Христа! Не принимайте части за целое! Что Бог соединил, не разлучайте! Не считайте Его религией ничего меньшего, чем «вера, действующая любовью», вся внутренняя и внешняя святость. Не довольствуйтесь никакой религией, которая не предполагает разрушения всех дел дьявола, то есть всякого греха. Мы знаем, что слабость разумения и тысячи немощей останутся, пока остаётся это тленное тело; но грех оставаться не должен. Именно грех есть дело дьявола в особенном смысле, которое Сын Божий явился разрушить в этой нынешней жизни. Он может и желает уничтожить его теперь во всех верующих в Него. Только не стесняйте самих себя в собственных сердцах! Не сомневайтесь в Его силе или любви! Испытайте Его обетование! Он сказал: разве не готов Он также исполнить? Только «приступайте с дерзновением к престолу благодати», уповая на Его милость, и вы увидите: «Он совершенно спасает всех приходящих через Него к Богу»!

Всеобщее распространение Евангелия

[1] «Земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море». [53]

[2] Ис. 11:9.

[3] 1. В каком состоянии находится ныне мир! Как тьма — тьма разума, невежество с сопутствующими ему пороком и страданием — покрывает лицо земли! Согласно тщательному исследованию, предпринятому с неутомимым усердием нашим даровитым соотечественником г-ном Брервудом, который сам объехал значительную часть известного мира, чтобы составить более точное суждение, если разделить мир на тридцать частей, девятнадцать из них составляют исповедующие язычество, столь же совершенно не знающие Христа, как если бы Он никогда не приходил в мир. Шесть из оставшихся частей составляют исповедующие магометанство. Так что лишь пять частей из тридцати являются христианами хотя бы по имени!

[4] 2. И следует помнить: с тех пор, как был произведён этот подсчёт, открыто множество новых народов и бесчисленные острова, особенно в Южном море, большие и густонаселённые. Но кем населённые? Язычниками самого низкого рода, многие из которых стоят ниже полевых зверей. Едят ли они людей или нет — достаточных оснований верить этому я, впрочем, не нахожу, — они несомненно убивают всех, кто попадает им в руки. Поэтому они свирепее львов, которые убивают

лишь столько существ, сколько нужно, чтобы утолить нынешний голод. Вот истинное достоинство человеческой природы! Здесь она предстаёт в своей подлинной чистоте, не осквернённая ни «всеобщими развратителями — королями», ни малейшей примесью религии! Что скажет об этом аббат Рейналь, этот решительный враг монархии и откровения?

[5] 3. Немного, и лишь немного, выше язычников в религии стоят магометане. Но как далеко и широко распространилось это жалкое заблуждение по лицу земли! Настолько, что магометан значительно больше, чем христиан, — в отношении шести к пяти. И по всем сообщениям, имеющим хоть какое-либо основание считаться достоверными, они в целом столь же совершенно чужды всякой истинной религии, как их четвероногие собратья; столь же лишены милосердия, как львы и тигры; столь же преданы скотским похотям, как быки или козлы. Поэтому они поистине позор человеческой природы и бедствие для всех, кто находится под их железным игом.

[6] 4. Правда, одна прославленная писательница, леди Мэри Уортли Монтегю, даёт им совершенно иную характеристику. С прекраснейшим потоком слов, на изящнейшем языке она старается отмыть эфиопа добела. Она изображает их стоящими на много ступеней выше христиан, одними из самых любезных людей в мире, обладающими всеми общественными добродетелями, одними из наиболее совершенных людей. Но я никак не могу принять её свидетельство, не могу положиться на её авторитет. Полагаю, у окружавших её было ровно столько же религии, сколько у их почитательницы, когда её допустили во внутренние покои султанского сераля.

Поэтому, несмотря на всё, что такая свидетельница говорит или может сказать в их пользу, я полагаю, что турки в целом мало лучше большинства язычников, если вообще лучше.

[7] 5. И мало лучше турок, если вообще лучше, христиане турецких владений, даже лучшие из них — живущие в Морее или рассеянные по Азии. Более многочисленные общины грузинских, черкесских, мингрельских христиан стали притчей позора для самих турок — не только из-за своего плачевного невежества, но и из-за полного, тупого, варварского безбожия.

[8] 6. По самым достоверным сведениям, какие мы можем получить о южных христианах, живущих в Абиссинии, и о северных церквах, подчинённых Московскому патриарху, есть основание опасаться, что и по знаниям, и по религии они находятся почти в том же состоянии, что христиане Турции. А если жители Абиссинии более цивилизованны и обладают большей долей знаний, то всё же, по-видимому, религии у них не больше, чем у магометан или язычников.

[9] 7. Западные церкви, кажется, во многих отношениях превосходят их всех. У них несравненно больше знаний; формы их богослужения более согласны с Писанием и разумом. Однако две трети их всё ещё погружены в искажения Римской церкви, и большинство из них совершенно незнакомо ни с учением религии, ни с её практикой. А насколько знакомы с нею те, кого называют протестантами или реформатами? Возьмите вместе папистов и протестантов, французов и англичан, основную массу того и другого народа: что это за христиане? «Святы» ли они, «как свят Призвавший их»? Исполнены ли «праведности, мира и радости во Святом

Духе»? Есть ли в них «те же чувствования, какие и во Христе Иисусе»? И «поступают» ли они, «как Христос поступал»? Нет, они так же далеки от этого, как ад от неба!

10 8. Таково нынешнее состояние человечества во всех частях мира! Но как это поразительно, если есть Бог на небесах и очи Его обозревают всю землю! Может ли Он презирать дело собственных рук? Поистине это одна из величайших тайн под небесами! Как возможно согласовать это с премудростью или благостью Бога? И что может успокоить мыслящий ум перед столь печальной картиной? Только мысль о том, что так будет не всегда, что вскоре откроется иная картина. Бог возревнует о Своей чести; Он восстанет и защитит Своё дело. Он осудит князя этого мира и лишит его захваченной власти. Он даст Сыну Своему «народы в наследие и пределы земли во владение». «Земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море». Исполненное любви познание Бога, производящее неизменную, непрерывную святость и счастье, покроет землю и наполнит каждую человеческую душу.

11 9. «Невозможно, — скажут некоторые, — более того, это самая великая из всех невозможностей: увидеть христианский мир, даже христианский народ или город! Как это может быть?» При одном предположении действительно исчезает не только всякая невозможность, но и всякая трудность. Предположите лишь, что Всемогущий действует *непреодолимо*, и дело сделано, притом с той же лёгкостью, как когда «сказал Бог: да будет свет, и стал свет». Но тогда человек перестал бы быть человеком: изменилась бы сама его сокровенная природа. Он был бы нравственно действующим существом

не более, чем солнце или ветер, поскольку больше не обладал бы свободой — способностью выбирать, или самоопределяться. Следовательно, он больше не был бы способен ни к добродетели, ни к пороку, ни к награде, ни к наказанию.

[12] 10. Но если оставить в стороне этот неуклюжий способ разрубить узел, которого мы не умеем развязать, как сделать всех людей святыми и счастливыми, пока они остаются людьми, пока сохраняют и разумение, и чувства, и свободу, существенные для нравственно действующего существа? По-видимому, есть ясный, простой способ устранить эту трудность, не запутываясь в тонких метафизических исследованиях. Как Бог един, так и дело Божие единообразно во все века. Не можем ли мы представить себе, как Он *будет* действовать в человеческих душах в грядущие времена, рассмотрев, как Он *действует ныне* и как *действовал* прежде?

[13] 11. Возьмите один пример, и притом такой, в котором вам нелегко обмануться. Вы знаете, как Бог действовал в *вашей собственной* душе, когда впервые дал вам способность сказать: «Жизнь, которою ныне живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Он не отнял вашего разумения, но просветил и укрепил его. Он не уничтожил ни одного вашего чувства; напротив, они стали сильнее прежнего. Менее всего Он отнял вашу свободу, способность выбирать добро или зло. Он не *принудил* вас; но при *помощи* Его благодати вы, подобно Марии, *избрали* лучшую часть. Точно так же Он *помог* пятерым в одном доме сделать этот счастливый *выбор*; пятидесяти или пятистам в одном городе; многим тысячам в одном

народе, — не лишая ни одного той свободы, которая существенна для нравственно действующего существа.

[14] 12. Не то чтобы я отрицал существование исключительных случаев, когда

[15] Всепокоряющая сила спасительной благодати

[16] на некоторое время действует столь же непреодолимо, как молния, падающая с небес. Но я говорю об обычном образе Божьего действия, бесчисленные примеры которого мне известны, — быть может, за последние пятьдесят лет я знал их больше, чем кто-либо в Англии или Европе. И даже в этих исключительных случаях, хотя Бог *на время* действует непреодолимо, я всё же не верю, что существует человеческая душа, в которой Он действует непреодолимо *во всякое время*. Напротив, я вполне убеждён, что такой души нет. Я убеждён, что нет на свете человека, который много раз не «противился Святому Духу» и не отвергал «совета Божия о себе». Да, я убеждён, что перед каждым дитятей Божиим некогда были «положены жизнь и смерть», вечная жизнь и вечная смерть, и решающий голос находится в нём самом. Столь истинно известное изречение святого Августина, одно из благороднейших, когда-либо им высказанных: Qui fecit nos sine nobis, non salvabit nos sine nobis — «Сотворивший нас без нас не спасёт нас без нас». Итак, тем же образом, каким Бог обратил к Себе столь многих, не уничтожив их свободы, Он, несомненно, *может* обратить целые народы или весь мир; и обратить мир для Него столь же легко, как одну отдельную душу.

[17] 13. Посмотрим, что Бог уже совершил. Между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами назад Бог воздвиг нескольких юношей в Оксфордском университете, чтобы

свидетельствовать великие истины, на которые тогда мало обращали внимания: без святости никто не увидит Господа; эта святость есть дело Бога, производящего в нас и хотение и действие; Он совершает её по Своему благоволению, исключительно ради заслуг Христа; эта святость есть те чувствования, которые были во Христе, дающие нам способность поступать, как Он поступал; никто не может быть так освящён, пока не оправдан; и мы оправдываемся одной верой. Эти великие истины они возвещали при всяком случае, наедине и публично, не имея иной цели, кроме славы Божией, и иного желания, кроме спасения душ от смерти.

18 14. Из Оксфорда, где она впервые появилась, малая закваска распространялась всё шире. Всё больше людей видели истину, какова она в Иисусе, и принимали её с любовью. Всё больше находили «искупление Кровию Иисуса, прощение грехов». Они рождались свыше от Его Духа и исполнялись праведности, мира и радости во Святом Духе. Затем это дело распространилось по всем частям страны, и малый стал тысячей. Потом оно проникло в Северную Британию и Ирландию, а несколько лет спустя — в Нью-Йорк, Пенсильванию и многие другие провинции Америки, вплоть до Ньюфаундленда и Новой Шотландии на севере. Поэтому, хотя вначале это «горчичное зерно» было «меньше всех семян», за несколько лет оно выросло в «большое дерево и пустило большие ветви».

19 15. Обычно, когда эти истины, особенно оправдание верой, возвещались в каком-либо большом городе, через несколько дней или недель на великое собрание внезапно сходила — не где-нибудь в углу, а, в частности, в Лондоне,

Бристоле, Ньюкасле-на-Тайне — мощная и стремительная сила, которая,

> [20] Как могучий ветер или яростный поток,
> Тогда сметала всех противящихся.

[21] И это нередко продолжалось с более или менее долгими перерывами несколько недель или месяцев. Но постепенно утихало, и затем дело Божие продвигалось мягко и постепенно, тогда как Дух, поливая посеянное семя, утверждая и укрепляя уверовавших,

> [22] Благоволил вливать Своё воздействие,
> Тайное, освежающее, как безмолвная роса.

[23] И это различие в обычном образе Его действия наблюдалось не только в Великобритании и Ирландии, но и во всех частях Америки, с юга до севера, везде, куда слово Божие приходило с силой.

[24] 16. Не весьма ли вероятно поэтому, что Бог будет продолжать Своё дело так же, как начал? Что Он *будет* его продолжать, я не могу сомневаться, как бы ни утверждал Лютер, будто религиозное возрождение никогда не длится дольше одного поколения, то есть тридцати лет, тогда как нынешнее возрождение продолжается уже более пятидесяти; и что бы ни говорили пророки беды: «Всё кончится, когда будут взяты первые орудия этого дела». Тогда, весьма вероятно, произойдёт великое потрясение; но я не могу заставить себя думать, что Бог совершил столь славное дело, чтобы через несколько лет дать ему угаснуть и умереть. Нет: я уповаю, что это лишь начало гораздо более великого дела, заря «славы последних дней».

[25] 17. И не вероятно ли, повторяю, что Он будет продолжать его так же, как начал? При первой вспышке этого дела в том или ином месте может пролиться ливень, поток благодати; так же и в некоторые другие особенные времена, которые «Отец положил в Своей власти». Но в целом, по-видимому, Царство Божие не будет «приходить приметным образом», а станет безмолвно возрастать там, где утвердилось, и распространяться от сердца к сердцу, от дома к дому, от города к городу, из одного царства в другое. Не может ли оно распространиться сначала по оставшимся провинциям, затем по островам Северной Америки и в то же время — из Англии в Голландию, где уже совершается благословенное дело в Утрехте, Харлеме и многих других городах? Вероятно, оттуда оно распространится к протестантам Франции, Германии и Швейцарии; затем — в Швецию, Данию, Россию и ко всем прочим протестантским народам Европы.

[26] 18. Не можем ли мы предположить, что та же закваска чистого и непорочного благочестия, опытного познания Бога и любви к Нему, внутренней и внешней святости затем распространится среди римских католиков Великобритании, Ирландии, Голландии, Германии, Франции, Швейцарии и всех других стран, где римские католики и протестанты живут вперемешку и постоянно общаются друг с другом? Не легко ли тогда будет премудрости Божией проложить путь религии в её жизни и силе в страны исключительно папистские, такие как Италия, Испания, Португалия? И не может ли она постепенно распространиться оттуда ко всем, кто именуется именем Христовым, в различных провинциях Турции, в Абиссинии и даже в самых отдалённых частях не только Европы, но и Азии, Африки и Америки?

27 19. И во всяком народе под небесами, как мы вправе полагать, Бог будет соблюдать тот же порядок, какого придерживался от начала христианства. «Все будут знать Меня, говорит Господь», — не от большего до меньшего, ибо это та мудрость мира, которая есть безумие пред Богом, но «от меньшего до большего», чтобы хвала была не от людей, а от Бога. Прежде конца даже богатые войдут в Царство Божие. Вместе с ними войдут великие, благородные, почётные, да, правители, князья, цари земли. Последними из всех мудрые и учёные, люди гения, философы убедятся, что они безумны, «обратятся и станут как малые дети» и «войдут в Царство Божие».

28 20. Тогда для дома Израилева, духовного Израиля, какого бы народа или племени он ни был, вполне исполнится благодатное обетование: «Вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их; и буду их Богом, а они будут Моим народом. И не будет учить каждый ближнего своего и каждый брата своего, говоря: познай Господа, — потому что все будут знать Меня, от меньшего до большего. Ибо Я буду милостив к неправдам их и грехов их и беззаконий их не воспомяну более». Тогда «придут времена» всеобщей «отрады от лица Господа». Великая «Пятидесятница» «наступит вполне», и «благочестивые люди во всяком народе под небесами», как бы далеко ни находились друг от друга, «все исполнятся Духа Святого». Они «будут постоянно пребывать в учении апостолов, в общении, в преломлении хлеба и в молитвах»; будут «принимать пищу» и делать всё, что им надлежит делать, «в веселье и простоте сердца. Великая благодать будет на всех них», и у всех будет «одно сердце и одна душа». Естественным, необходимым следствием станет то же, что было в начале христианской Церкви: «Никто ничего из имения своего не

будет называть своим, но всё у них будет общее. Не будет среди них никого нуждающегося: ибо все, владеющие землями или домами, продадут их, и каждому будет даваться по его нужде». Между тем все их желания, страсти и расположения будут отлиты по одному образцу, когда все будут исполнять волю Божию на земле, как она исполняется на небе. Вся их «речь будет приправлена солью» и «будет доставлять благодать слушающим», ибо будут говорить не столько они, сколько «Дух Отца их, говорящий в них». И никакой «горький корень» не возникнет, чтобы осквернить или смутить их. Не будет Анании или Сапфиры, чтобы вернуть к ним проклятое сребролюбие. Не будет лицеприятия, не будет «вдов, пренебрегаемых в ежедневном раздаянии». Следовательно, не будет соблазна ни к какой ропотливой мысли или недоброму слову друг против друга, пока

[29] У всех одно сердце и одна душа,
И лишь любовь одушевляет всех.

[30] 21. Когда великое препятствие — жизнь христиан — будет так благополучно убрано с пути, магометане взглянут на них другими глазами и начнут внимать их словам. А поскольку их слова будут облечены Божественной силой и сопровождаться явлением Духа и силы, богобоязненные среди магометан вскоре распознают Духа, Которым говорят христиане. Они «с кротостью примут насаждаемое слово» и принесут плод в терпении. От них закваска вскоре распространится к тем, у кого до той поры не было страха Божия перед глазами. Замечая, что *христианские псы*, как они прежде их называли, изменились в самой своей природе, стали трезвыми, воздержными, справедливыми, доброжелательными, и притом вопреки всем

побуждениям к обратному, они от восхищения их жизнью непременно придут к рассмотрению и принятию их учения. И тогда Спаситель грешников скажет: «Час настал; Я прославлю Отца Моего. Я взыщу и спасу овец, блуждавших по тёмным горам. Теперь отмщу Моему врагу и вырву добычу из львиных зубов. Я возвращу Своё, веками утраченное; потребую приобретённое Моей Кровью». Так Он выступит в величии Своей силы, и все враги побегут перед Ним. Все пророки лжи исчезнут, и все народы, следовавшие им, признают великого Пророка Господня, «сильного в деле и слове», и «будут чтить Сына, как чтут Отца».

[31] 22. И тогда, когда великое препятствие будет убрано также для языческих народов, на них изольётся тот же Дух, даже на пребывающих в самых отдалённых частях моря. Бедный американский дикарь больше не спросит: «Чем христиане лучше нас?» — когда увидит их неизменное исполнение всеобщего воздержания, справедливости, милосердия и правдивости. Малабарский язычник больше не сможет сказать: «Христианин брать мою жену; христианин много пьян; христианин убивать человека! *Дьявол-христианин*! Я не христианин». Напротив, видя, насколько христиане превосходят его соотечественников во всём любезном и достославном, язычники заговорят совсем иначе и скажут: *ангел-христианин*! Святая жизнь христиан станет доводом, которому они не будут знать, как противиться. Видя, что христиане постоянно и неизменно исполняют то, что согласно с законом, написанным в их собственных сердцах, они скоро утратят предрассудки и с радостью примут «истину, какова она в Иисусе».

[32] 23. Мы можем разумно полагать, что языческие народы, смешанные с христианами, и те, которые, соседствуя с христианскими народами, постоянно и близко общаются с ними, будут среди первых, научившихся поклоняться Богу в духе и истине: например, живущие на Американском материке или на островах, принявших европейские колонии. Таковы же все жители Ост-Индии, соседствующие с христианскими поселениями. К ним можно прибавить многочисленные татарские племена, языческие области российских земель и жителей Норвегии, Финляндии и Лапландии. Вероятно, за ними последуют более отдалённые народы, с которыми христиане торгуют и которым они передадут нечто бесконечно более драгоценное, чем земной жемчуг, золото или серебро. Бог любви тогда приготовит Своих посланников и проложит путь в полярные области, в глубочайшие уголки Америки, во внутренние области Африки, даже в самое сердце Китая и Японии и в прилегающие страны. И тогда «по всей земле пройдёт звук их, и до пределов вселенной слова их»!

[33] 24. Но остаётся одна значительная трудность: в мире есть множество языческих народов, не имеющих никакого общения — ни через торговлю, ни иным способом — с какими бы то ни было христианами. Таковы жители бесчисленных островов Южного моря и, вероятно, всех больших частей океана. Что же сделать для этих несчастных отверженных человечества? «Как будут веровать, — говорит апостол, — в Того, о Ком не слышали? И как услышат без проповедующего?» Можно добавить: «И как проповедовать, если не будут посланы?» Да, но разве Бог не способен послать их? Не может ли Он воздвигнуть их словно из камней? И может ли Ему когда-нибудь недоставать средств, чтобы послать их? Нет.

Если бы не было иных средств, Он может «взять их Духом Своим», как взял Иезекииля (Иез. 3:12), или Своим ангелом, как Филиппа (Деян. 8), и поставить их там, где Ему угодно. Да, Он может найти тысячу путей, неведомых неразумному человеку. И Он непременно это сделает: ибо небо и земля могут прейти, но слово Его не прейдёт; Он даст Сыну Своему «пределы земли во владение».

[34] 25. Так и весь Израиль спасётся. Ибо «ослепление постигло Израиль», как замечает великий апостол (Рим. 11:25), «пока не войдёт полное число язычников». Тогда «Избавитель, грядущий от Сиона, отвратит беззаконие от Иакова». «Бог ныне заключил всех их в неверии, чтобы всех помиловать». Да, Он так помилует весь Израиль, что даст ему все временные блага вместе со всеми духовными. Ибо таково обетование: «Господь, Бог твой, соберёт тебя от всех народов, среди которых рассеял тебя Господь, Бог твой. И приведёт тебя Господь, Бог твой, в землю, которою владели отцы твои, и будешь владеть ею. И обрежет Господь, Бог твой, сердце твоё и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и всею душою твоею». (Втор. 30:3.) И ещё: «Соберу их из всех стран, в которые изгнал их, и возвращу их на место сие, и дам им жить безопасно; и дам им одно сердце и один путь, чтобы боялись Меня во все дни. Страх Мой вложу в сердца их, чтобы они не отступали от Меня. И насажду их на земле сей твёрдо, от всего сердца Моего и от всей души Моей». (Иер. 32:37.) И снова: «Возьму вас из народов и соберу вас из всех стран и приведу вас в землю вашу. И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь; от всех скверн ваших и от всех идолов ваших очищу вас. И будете жить на земле, которую Я дал отцам вашим, и будете Моим народом, и Я буду вашим Богом». (Иез. 36:24.)

35 26. В то время исполнятся все славные обетования, данные христианской Церкви, которая тогда уже не будет ограничена тем или иным народом, но включит всех жителей земли. «Не будут делать зла и вреда на всей святой горе Моей». (Ис. 11:9.) «Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения в пределах твоих; и будешь называть стены твои Спасением и ворота твои Славою». Со всех сторон тебя окружит спасение, и все входящие в твои ворота будут славить Бога. «Не будет уже солнце служить тебе светом дневным, и сияние луны — светить тебе; но Господь будет тебе вечным светом, и Бог твой — славою твоею». Свет солнца и луны поглотится светом Его лица, сияющего над тобою. «И народ твой весь будет праведный… дело рук Моих, к прославлению Моему». «Как земля производит растения свои и как сад произращает посеянное в нём, так Господь Бог произрастит праведность и славу пред всеми народами». (Ис. 60:18; 61:11.)

36 27. Это, как я полагаю, и есть ответ, более того — единственный полный и удовлетворительный ответ, который можно дать на возражение против премудрости и благости Бога, основанное на нынешнем состоянии мира. Так будет не всегда: великий Владыка мира лишь на время допускает всё это, чтобы из временного зла извлечь безмерное, вечное благо. Именно такой ключ даёт нам сам апостол в уже приведённых словах: «Бог заключил всех в неверии, чтобы всех помиловать». Взирая на это славное событие, как уместно воскликнуть: «О бездна богатства и премудрости и ведения Божия!» — хотя на время «суды Его были непостижимы и пути Его неисследимы». (Рим. 11:32, 33.) Довольно того, что мы уверены в одном: все эти преходящие бедствия завершатся благом, придут к счастливому исходу и

«милость будет царствовать от начала до конца». Все непредубеждённые люди могут видеть собственными глазами, что Он уже обновляет лицо земли. И у нас есть веские основания надеяться, что начатое дело Он будет продолжать до дня Господа Иисуса; что никогда не прервёт этого благословенного дела Своего Духа, пока не исполнит всех обетований, не положит конец греху, страданию, немощи и смерти, не восстановит всеобщую святость и счастье и не побудит всех жителей земли вместе воспевать: «Аллилуия! Воцарился Господь Бог Вседержитель!» «Благословение, и слава, и премудрость, и честь, и сила, и крепость Богу нашему во веки веков!» (Откр. 7:12.)

Новое творение

[1] Вот, творю всё новое.

[2] Откр. 21:5.

[3] 1. Какое необычайное зрелище открывается здесь нашему взору! Как далеко оно от всех наших естественных представлений! В языческом мире никогда не видели даже проблеска того, что здесь открывается. Не только нынешние варварские, непросвещённые язычники не имеют об этом ни малейшего понятия: это было столь же неведомо утончённым, образованным язычникам древней Греции и Рима. Да и большинство христиан почти столь же мало размышляет об этом и понимает это. Я имею в виду не одних лишь тех, кто христианин только по имени, кто имеет вид благочестия без его силы, но даже тех, кто в некоторой мере боится Бога и старается поступать праведно.

[4] 2. Следует признать, что и после всех исследований, какие мы можем предпринять, наше познание великой истины, сообщённой нам в этих словах, остаётся чрезвычайно скудным и несовершенным. Поскольку это предмет одного лишь откровения, лежащий за пределами всех наших естественных способностей, мы не можем глубоко проникнуть в него или составить о нём вполне соответствующее представление. Но для тех, кто хотя бы в некоторой мере вкусил сил будущего века, может быть ободрением, если мы пойдём настолько далеко, насколько можем, истолковывая Писание Писанием в согласии с целостным учением веры.

[5] 3. Апостол, восхищенный в Божии видения, говорит нам в первом стихе этой главы: «Я увидел новое небо и новую землю»; и добавляет (Откр. 21:5): «Сидящий на престоле сказал» — кажется, это единственные слова, которые, как сообщается, Он произносит во всей книге, — «Вот, творю всё новое».

[6] 4. Очень многие толкователи держатся странного мнения, будто это относится лишь к нынешнему порядку вещей, и с важностью уверяют нас, что эти слова следует относить к процветанию Церкви, наступившему после языческих гонений. Более того, некоторые из них открыли, что всё сказанное апостолом о «новом небе и новой земле» исполнилось, когда Константин Великий осыпал христиан богатствами и почестями. Какой жалкий способ упразднить весь совет Божий о всей той величественной цепи событий, которые касаются Его Церкви, да и всего человечества, от времени пребывания Иоанна на Патмосе до конца мира! Но нить этого пророчества простирается ещё дальше: оно не заканчивается нынешним миром, а показывает нам то, что произойдёт, когда этого мира уже не будет. Ибо

[7] 5. так говорит Творец и Владыка вселенной: «Вот, творю всё новое» — всё, что заключено в словах апостола: «Новое небо и новую землю». *Новое небо:* слово, употреблённое в подлиннике книги Бытия (Быт. 1), стоит во множественном числе. И таков постоянный язык Писания: не *небо,* а *небеса.* Поэтому древние иудейские писатели обычно насчитывают три неба; согласно с этим апостол Павел говорит о том, что был «восхищен до третьего неба». Именно это, третье небо, обычно считают местом более непосредственного пребывания Бога — насколько вообще можно приписывать какое-либо

местопребывание Его вездесущему Духу, проникающему и наполняющему всю вселенную. Здесь, если говорить по-человечески, Господь восседает на Своём престоле, окружённый ангелами, архангелами и всеми Своими пламенеющими служителями.

[8] 6. Мы не можем думать, что это небо подвергнется какому-либо изменению, как не можем думать этого о его Великом Обитателе. Несомненно, этот дворец Всевышнего был тем же самым от вечности и пребудет таким во веки веков. Изменению подвержены лишь низшие небеса; высшее из них мы обычно называем звёздным небом. Оно, как сообщает нам святой Пётр, «сберегается огню на день суда и погибели нечестивых человеков». В тот день, «воспламенившись», оно сперва «свернётся, как пергаментный свиток»; затем «разрушится и с шумом прейдёт»; наконец, «убежит от лица Сидящего на престоле, и не найдётся ему места».

[9] 7. В то же время «звёзды спадут с неба»: разорвётся та сокровенная цепь, которая от основания мира удерживала каждую из них на её орбите. Между тем низшее, или подлунное, небо вместе со стихиями, то есть началами, из которых оно состоит, «растает от сильного жара», а «земля и все дела на ней сгорят». Так будет положено начало несравненно более славному порядку вещей, какого ещё не приходило на сердце человеку представить, — всеобщему восстановлению, которое последует за всеобщим разрушением. Ибо «мы, — говорит апостол, — ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2 Пет. 3:7 и далее). [54]

[10] 8. Когда звёздное небо будет сотворено заново, в нём, несомненно, произойдёт одна существенная перемена: там не будет пылающих звёзд, не будет комет. Будь эти

страшные светила с неправильными орбитами ещё не вполне образовавшимися планетами в хаотическом состоянии — я говорю, предполагая множественность миров, — или же мирами, уже претерпевшими всеобщее сожжение, им, несомненно, не будет места на новом небе, где всё будет совершенным порядком и гармонией. Между нынешним небом и тем, которое будет после обновления, могут быть и многие другие различия, но они выше нашего разумения. Мы должны предоставить вечности объяснить их.

[11] 9. Нам легче представить перемены, которые произойдут в низшем небе, в воздушной области. Её уже не будут раздирать ураганы, волновать яростные бури или опустошительные вихри. В ней больше не будет губительных или устрашающих небесных явлений. Нам уже не придётся говорить:

> [12] Там, словно громкая могучая труба,
> Твой гром потрясает наши берега;
> А багряные молнии реют вдали —
> Знамёна Твоего воинства!

[13] Нет, тогда всё будет светлым, прекрасным, безмятежным — живым образом вечного дня.

[14] 10. Все стихии — если понимать это слово в обычном смысле, как начала, из которых состоят все природные существа, — действительно станут новыми: совершенно изменятся их свойства, хотя и не их природа. Ныне огонь — всеобщий разрушитель всего под солнцем: он разлагает всё, что попадает в сферу его действия, и обращает в первоначальные атомы. Но едва он исполнит своё последнее великое служение — уничтожение небес и земли, понимаем ли мы под этим одну лишь систему или

всё строение вселенной, ибо для великого Творца различие между одним миром и миллионами миров ничтожно, — когда, говорю я, он совершит это, разрушения, производимые огнём, навеки прекратятся. Он больше не будет ни разрушать, ни пожирать; забудет свою способность жечь, которой обладает лишь при нынешнем порядке вещей, и станет на новых небесах и новой земле столь же безвредным, каков теперь в телах людей и других животных, в веществе деревьев и цветов. Во всём этом, как показывают недавние опыты, заключено большое количество эфирного огня — если только он не составляет существенную часть всякого материального существа под солнцем. Но, лишившись силы разрушать, он, вероятно, сохранит свою животворящую силу.

15 11. Уже было замечено, что спокойный, тихий воздух более не будут тревожить бури и вихри. Уже не будет небесных явлений, своим ужасным блеском пугающих бедных сынов человеческих. Не можем ли мы добавить, хотя поначалу это и прозвучит как парадокс, что больше не будет и дождя? Примечательно, что в раю его не было; Моисей особо упоминает это обстоятельство (Быт. 2:5, 6): «Господь Бог не посылал дождя на землю. Но поднимался пар с земли», которая тогда покрывала водную бездну, «и орошал всё лицо земли» влагой, достаточной для всех потребностей растительности. У нас есть все основания верить, что так будет и после восстановления рая. Следовательно, больше не будет ни облаков, ни туманов, но один светлый, сияющий день. Тем более не будет никаких ядовитых испарений или моровых поветрий. Не будет сирокко в Италии, иссушающих или удушливых ветров в Аравии, резких северо-восточных ветров в нашей стране,

[16] Терзающих изящные кудри тех прекрасных деревьев;

[17] но только приятные, здоровые ветерки,

[18] Овевающие землю благоуханными крыльями.

[19] 12. Но какую перемену претерпит водная стихия, когда всё будет сотворено заново! Во всех частях света вода станет ясной и прозрачной, чистой от всякой неприятной или вредной для здоровья примеси; здесь и там она будет бить хрустальными источниками, освежая и украшая землю «струистым бегом журчащего потока». Ибо, несомненно, как в раю, там будут плавно текущие реки — на пользу и радость и человеку, и зверю. Но богодухновенный писатель прямо объявил: «Моря уже не будет» (Откр. 21:1). У нас есть все основания верить, что в начале мира, когда Бог сказал: «Да соберётся вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша» (Быт. 1:9), суша распростёрлась над поверхностью воды и покрыла её со всех сторон. И так, по-видимому, было до тех пор, пока ради всеобщего потопа, который Бог определил разом навести на землю, «не открылись окна небесные и не разверзлись источники великой бездны». Но тогда море отступит в свои первоначальные пределы и более не появится на поверхности земли. Да и нужды в море больше не будет. Ибо либо, как полагает древний поэт,

[20] Omnis feret omnia tellus,

[21] — всякая часть земли будет сама производить всё, что нужно её обитателям, — либо всё человечество будет получать произведения всей земли посредством гораздо более лёгкого и быстрого сообщения. Ибо все обитатели земли, как сообщает нам наш Господь, будут тогда

isaggeloi — *равны ангелам;* равны им и быстротой, и силой; так что смогут с быстротой мысли переносить себя или всё, что им понадобится, с одного края земного шара на другой.

[22] 13. Но, кажется, ещё большая перемена, чем в воздухе и воде, произойдёт в самой земле. Не то чтобы я мог поверить в чудесное открытие Якоба Бёме, которое многие столь ревностно отстаивают: будто сама земля со всем, что её наполняет, и со всеми обитателями станет прозрачной, как стекло. По-видимому, для этого нет ни малейшего основания ни в Писании, ни в разуме. Уж конечно, не в Писании: я не знаю ни одного места в Ветхом или Новом Завете, где утверждалось бы что-либо подобное. Безусловно, этого нельзя вывести из слов Откровения (Откр. 4:6): «И перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу». Между тем, если я не ошибаюсь, именно это главное, если не единственное, место Писания приводили в пользу такого мнения! Не могу я понять и того, на чём оно могло бы основываться с точки зрения разума. Правда, горячо утверждали, что всё было бы гораздо прекраснее, если бы стало совершенно прозрачным. Но я этого не понимаю; более того, думаю прямо противоположное. Предположим, каждая часть человеческого тела стала бы прозрачной, как кристалл: разве оно казалось бы прекраснее, чем теперь? Напротив, это скорее потрясло бы нас сверх всякой меры. Поверхность тела, и в особенности «божественный человеческий лик», несомненно, принадлежит к прекраснейшим предметам под небом. Но если бы вы могли смотреть сквозь румяную щёку, гладкий прекрасный лоб или вздымающуюся грудь и ясно видеть всё, что находится внутри, то отвернулись бы с отвращением и ужасом!

[23] 14. Рассмотрим теперь те перемены, которые, как мы можем разумно предполагать, тогда произойдут на земле. Её больше не будет сковывать сильный холод или иссушать крайний зной: температура станет наиболее благоприятной для её плодородия. Если некогда, чтобы наказать её обитателей, Бог

[24] Повелел Своим ангелам наклонить
Этот косо стоящий шар,

[25] вызвав тем самым сильный холод в одной его части и сильный жар в другой, то, несомненно, тогда Он повелит им вернуть его в первоначальное положение. Так навсегда прекратится, с одной стороны, палящий зной, делающий некоторые её части почти необитаемыми, а с другой —

[26] Ярость Арктоса и вечный мороз.

[27] 15. И тогда в её собственном лоне уже не будет враждующих или разрушительных начал. В её недрах больше не будет этих неистовых содроганий. Её больше не будет сотрясать или разрывать неудержимая сила землетрясений; поэтому ей не понадобятся ни Везувий, ни Этна, ни какие-либо огнедышащие горы, чтобы их предотвращать. Больше не будет ни страшных скал, ни ужасающих обрывов, ни диких пустынь, ни бесплодных песков, ни непроходимых топей или предательских болот, поглощающих неосторожного путника. На поверхности земли, несомненно, останутся неровности, которые будут её красотой, а не изъяном. Ибо, хотя я не стану утверждать, что

[28] Земля от неба получила это разнообразие —
Усладу, размещённую среди холмов и долин,

[29] я всё же не могу считать пологие холмы недостатком: они будут украшением вновь сотворённой земли. И, несомненно, у нас тогда будет повод сказать также:

> [30] Вот дивное Его искусство облекает
> Поля в весёлую зелень!
> Тысячу трав являет Его рука,
> И тысячу цветов среди них!

[31] 16. А каковы будут плоды земли вообще? Не терние, колючки или чертополох, не какие-либо бесполезные или зловонные сорняки, не ядовитые, вредные или неприятные растения, но всё, что хоть в чём-нибудь может служить нашей пользе или радости. Насколько это превосходит всё, что ныне может представить самое живое воображение! Мы больше не будем сожалеть об утрате земного рая или вздыхать над искусным описанием нашего великого поэта:

> [32] Тогда гора
> Эдемская могучею волною сдвинется
> Со своего места, рогатым потопом вытеснена,
> Вся зелень разорена, деревья плывут по течению,
> Вниз по великой реке к разверстому заливу,
> И там укоренится она — солёный, голый остров!

[33] Ибо вся земля станет тогда раем более прекрасным, чем когда-либо видел Адам.

[34] 17. Таково будет состояние новой земли в отношении её низших, неодушевлённых частей. Но как ни велика будет эта перемена, она мала, она ничтожна в сравнении с той, которая произойдёт во всей одушевлённой природе. Именно в живой части творения обнаружились самые плачевные последствия отступничества Адама. Всё одушевлённое творение, всё, что обладает жизнью, от

левиафана до мельчайшего клеща, вследствие этого было подчинено такой суете, какой не могли подвергнуться неодушевлённые создания. Оно стало подвластно тому свирепому чудовищу — СМЕРТИ, победительнице всего дышащего. Оно стало подвластно её предтече — боли в десяти тысячах её обличий, хотя «Бог не сотворил смерти и не радуется смерти ни одного живого существа». Сколько миллионов созданий в море, в воздухе и во всех частях земли могут ныне сохранять собственную жизнь лишь отнимая жизнь у других, разрывая на части и пожирая своих бедных, невинных, не сопротивляющихся собратьев! Несчастная участь этих неисчислимых множеств, которые, сколь бы ничтожными они ни казались, суть порождения одного общего Отца, создания одного и того же Бога любви! Вероятно, не только две трети животного творения, но девяносто девять сотых его вынуждены уничтожать других, чтобы сохранить собственную жизнь! Но так будет не всегда. Сидящий на престоле скоро изменит облик всего и даст всем Своим созданиям наглядное доказательство того, что «милость Его — над всеми делами Его». Ужасный порядок вещей, ныне господствующий, скоро прекратится. На новой земле ни одно создание не будет убивать другого, причинять ему вред или боль. У скорпиона не будет ядовитого жала, у змеи — ядовитых зубов. У льва не будет когтей, чтобы терзать ягнёнка, и зубов, чтобы дробить его плоть и кости. Более того, ни одно создание — ни зверь, ни птица, ни рыба — не будет иметь склонности причинять вред другому; ибо жестокость будет далеко, а свирепость и ярость забудутся. И тогда больше не будет слышно о насилии, и не будет видно разорения или гибели на лице земли. «Волк будет жить вместе с ягнёнком» — эти слова можно понимать и буквально, и

иносказательно, — «и барс будет лежать вместе с козлёнком: не будут делать зла и губить» от восхода солнца до его захода.

35 18. Но славнее всего будет перемена, которая тогда произойдёт с бедными, грешными, несчастными сынами человеческими. Во многих отношениях они пали с большей высоты и в более глубокую бездну, чем любая другая часть творения. Но они «услышат громкий голос с неба, говорящий: вот, скиния Бога с человеками; и Он будет обитать с ними, и они будут Его народом, и Сам Бог будет их Богом» (Откр. 21:3, 4). Отсюда возникнет состояние ничем не омрачённых святости и счастья, далеко превосходящих то, чем Адам наслаждался в раю. Как прекрасно описывает это апостол: «Бог отрёт всякую слезу с очей их, и смерти уже не будет; ни печали, ни вопля, ни боли уже не будет, ибо прежнее прошло!» Как не будет более смерти и предшествующих ей боли или болезни, как не будет более скорби по друзьям или разлуки с ними, так не будет более ни печали, ни плача. Но будет и избавление более великое, чем всё это: ибо больше не будет греха. И, в довершение всего, будет глубокое, тесное, непрерывное единение с Богом; постоянное общение с Отцом и Его Сыном Иисусом Христом через Духа; непрестанное наслаждение Триединым Богом и всеми творениями в Нём!

Обязанность обличать ближнего

[1] «Не ненавидь брата твоего в сердце твоём; непременно обличи ближнего твоего и не допускай на нём греха».

[2] Лев. 19:17.

[3] Значительная часть книги Исход и почти вся книга Левит относятся к обрядовому, или церемониальному, закону Моисееву, данному преимущественно сынам Израиля, но бывшему таким «игом», говорит апостол Пётр, «которого не могли понести ни отцы наши, ни мы». Поэтому мы освобождены от него; и это одна из сторон «свободы, которою Христос освободил нас». Однако легко заметить, что среди этих обрядовых законов рассеяно множество превосходных нравственных заповедей. Некоторые из них мы находим в этой самой главе: «Не обирай всех ягод в винограднике твоём; оставь их бедному и пришельцу. Я Господь, Бог ваш» (Лев. 19:10). «Не крадите и не лгите друг другу» (Лев. 19:11). «Не обманывай ближнего твоего и не грабь его; плата наёмнику не должна оставаться у тебя до утра» (Лев. 19:13). «Не злословь глухого и перед слепым не клади преграды; бойся Бога твоего: Я Господь» (Лев. 19:14). Как если бы Он сказал: Я Тот, Чьи очи — над всей землёй и Чьи уши открыты к их воплю. «Не делайте неправды на суде; не будь пристрастен к бедному», — к чему могут склоняться сострадательные люди, — «и не угождай лицу сильного», — к чему существует тысяча искушений (Лев. 19:15). «Не ходи переносчиком среди народа твоего» (Лев. 19:16), хотя это грех, которого человеческие законы до сих пор не могли предотвратить. Затем следует: «Не

ненавидь брата твоего в сердце твоём; непременно обличи ближнего твоего и не допускай на нём греха». [55]

4 Чтобы правильно понять это важное наставление и с пользой применить его к собственным душам, рассмотрим:

5 I. Что мы должны обличать или порицать? Что именно здесь повелевается?

6 II. Кого нам заповедано обличать? И

7 III. Как мы должны их обличать?

8 I. 1. Рассмотрим, во-первых, какая обязанность здесь возлагается на нас. Что мы должны обличать или порицать? И что значит обличать? Указывать человеку на его проступки, как ясно из следующих слов: «Не допускай на нём греха». Следовательно, обличать нам надлежит грех, или, вернее, того, кто совершает грех. Мы должны сделать всё, что в наших силах, чтобы убедить его в его вине и направить на правый путь.

9 2. Любовь требует предостерегать его не только от греха — хотя прежде всего от него, — но и от всякого заблуждения, которое, если в нём упорствовать, естественным образом приведёт ко греху. Если мы не «ненавидим его в сердце своём», если любим ближнего как самого себя, то постоянным нашим стремлением будет предостерегать его от всякого злого пути и всякой ошибки, ведущей ко злу.

10 3. Но если мы не хотим трудиться напрасно, то должны редко обличать кого-либо за что-нибудь спорное, о чём можно многое сказать с обеих сторон. Нечто может казаться злом мне; поэтому я сомневаюсь, дозволительно ли это делать; и если сделаю, пока сомнение остаётся, то

буду грешником перед Богом. Но другого нельзя судить по моей совести: перед своим Господином стоит он или падает. Поэтому я стал бы обличать его лишь за несомненное и явное зло. Таковы, например, нечестивые проклятия и божба: даже самые привычные к ним люди редко решатся их защищать, если кротко увещевать их. Таково пьянство, которое и закоренелый пьяница осудит, когда трезв. Таково же, по мнению большинства людей, осквернение дня Господня. И если кто-нибудь из виновных в этих грехах некоторое время попытается их защищать, очень немногие станут упорствовать, если вы твёрдо посмотрите им в лицо и перед Богом обратитесь к их собственной совести.

[11] II. 1. Рассмотрим, во-вторых, кого мы призваны обличать. Это тем необходимее, что многие серьёзные люди утверждают, будто есть грешники, которых само Писание запрещает обличать. Такой смысл придавали торжественному предостережению нашего Господа в Нагорной проповеди: «Не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами и, обратившись, не растерзали вас». Но простой смысл этих слов таков: не предлагайте жемчужин — возвышенных учений или тайн Евангелия — тем, кого вы знаете как людей скотских, погрязших во грехах и не имеющих страха Божия перед своими глазами. Это подвергло бы драгоценные сокровища презрению, а вас самих — оскорблениям. Но даже если мы знаем, что кто-либо, в смысле Господних слов, — пёс или свинья, и видим, что он делает, или слышим, что он говорит то, что и сам признаёт злом, мы должны непременно обличить его; иначе мы «ненавидим брата своего в сердце своём».

[12] 2. Под «нашим ближним» подразумевается всякое человеческое дитя, всякий, кто дышит жизненным воздухом, всякий, чья душа нуждается в спасении. И если мы отказываемся исполнить перед кем-либо это служение любви потому, что он грешнее других людей, то он может упорствовать в своём беззаконии, но его кровь Бог взыщет с наших рук.

[13] 3. Как поразительно размышление господина Бакстера об этом в его «Вечном покое святых»! «Представь, что в нижнем мире ты встретил того, кому отказал в этом служении любви, когда вы оба были вместе под солнцем. Что мог бы ты ответить на его упрёк? “В такое-то время и в таком-то месте, когда мы были под солнцем, Бог отдал меня в твои руки. Я тогда не знал пути спасения, но искал смерти в заблуждении своей жизни; и ты позволил мне оставаться в нём, ни разу не попытавшись пробудить меня от сна! Если бы ты поделился со мной своим знанием и предостерёг меня бежать от грядущего гнева, ни мне, ни тебе не пришлось бы попасть в это место мучения”».

[14] 4. Итак, всякий, чья душа нуждается в спасении, вправе ожидать от тебя этого доброго служения. Однако это не означает, что оказывать его следует всем в одинаковой мере. Нельзя отрицать, что перед некоторыми людьми мы особенно обязаны к нему. В первую очередь это наши родители, если они в нём нуждаются, — разве что наших супругов и детей мы поставим с ними на одну ступень. Следом можно поставить наших братьев и сестёр, затем родственников, в зависимости от близости родства по крови или браку. Непосредственно за ними идут наши слуги, нанятые к нам на несколько лет или на более короткий срок. Наконец, в соответствующей мере — наши соотечественники, сограждане и члены того же

общества, гражданского или религиозного. Последние имеют особое право на наше служение, ибо такие общества и образованы ради того, чтобы наблюдать друг за другом с этой самой целью: не допускать греха на брате. Если мы пренебрегаем обличением кого-либо из них, когда представляется удобный случай, то, несомненно, должны быть причислены к тем, кто «ненавидит брата своего в сердце своём». И как суров приговор апостола тем, кто подпадает под это осуждение! «Ненавидящий брата своего», хотя ненависть и не прорывается в словах или поступках, «есть человекоубийца». «А вы знаете, — продолжает апостол, — что никакой человекоубийца не имеет жизни вечной, пребывающей в нём». В его душе не посеяно того семени, которое возрастает в жизнь вечную. Иными словами, он находится в таком состоянии, что, если умрёт в нём, не увидит жизни. Отсюда ясно следует, что пренебрегать этим — не мелочь: это чрезвычайно угрожает нашему окончательному спасению.

15 III. Мы увидели, что значит обличать брата и кого нам следует обличать. Но остаётся рассмотреть главное: как, каким образом мы должны их обличать?

16 1. Надо признать, что правильно исполнять эту обязанность довольно трудно, хотя для некоторых это гораздо менее трудно, чем для других. Есть люди, особенно подготовленные к этому природой, опытом или благодатью. Их не стесняют ни ложный стыд, ни тяжкое бремя страха перед человеком; они и готовы взяться за этот труд любви, и умеют его исполнять. Поэтому для них это почти не крест или вовсе не крест; более того, они находят в нём своего рода вкус и удовлетворение помимо того, которое даёт сознание исполненного долга. Но

каков бы ни был для нас этот крест, велик или мал, мы знаем, что к этому призваны. И как бы ни было нам трудно, мы знаем, в Кого уверовали, и знаем, что Он непременно исполнит Своё слово: «Каков твой день, такова будет и твоя сила».

17 2. Как же нам обличать брата, чтобы наше обличение было наиболее действенным? Прежде всего позаботимся, чтобы всё, что мы делаем, совершалось в «духе *любви*» — в духе нежного благоволения к ближнему как к сыну нашего общего Отца и как к тому, за кого умер Христос, чтобы он стал причастником спасения. Тогда, по благодати Божией, любовь породит любовь. Чувство говорящего передастся сердцу слушателя, и в своё время вы увидите, что труд ваш не был тщетен перед Господом.

18 3. Вместе с тем надлежит тщательно заботиться, чтобы вы говорили в духе *смирения.* Берегитесь думать о себе больше, чем должно. Если вы слишком высокого мнения о себе, вам едва ли удастся избежать презрения к брату. А если вы проявите или даже почувствуете малейшее презрение к обличаемым, это погубит всё ваше дело и сделает весь ваш труд напрасным. Чтобы избежать даже видимости гордости, часто необходимо прямо высказаться об этом: отказаться от всякого предпочтения себя ему и, обличая в нём зло, в то же время признавать его добро и благодарить за него Бога.

19 4. В-третьих, следует тщательно заботиться, чтобы говорить не только в духе смирения, но и в духе *кротости.* Апостол уверяет нас, что «гнев человека не творит правды Божией». Гнев, хотя бы и украшенный именем ревности, рождает гнев, а не любовь или святость. Поэтому нам следует со всевозможным тщанием избегать даже его видимости. Пусть ни в глазах, ни в жесте, ни в

тоне голоса не будет и следа его: пусть всё согласно обнаруживает любящий, смиренный и невозмутимый дух.

[20] 5. Но всё это время следите, чтобы не полагаться на себя. Не доверяйте собственной мудрости, ловкости или каким-либо своим способностям. В успехе всего, что говорите или делаете, надейтесь не на себя, а на великого Подателя всякого доброго и совершенного дара. Поэтому, говоря, непрестанно возносите сердце к Тому, Кто производит всё во всех. И всё, что сказано в духе *молитвы,* не падёт на землю.

[21] 6. Таков *дух,* в котором следует говорить, обличая ближнего. Теперь перехожу к *внешнему* образу действий. Часто обнаруживалось, что откровенное уверение в доброжелательности, предваряющее обличение, заставляло сказанное глубоко проникать в сердце. Обычно это производит гораздо лучшее действие, чем великое модное орудие — лесть, посредством которой люди мира нередко совершали удивительные вещи. Но то же самое, и даже гораздо большее, ещё чаще достигалось простым и безыскусным выражением бескорыстной любви. Если вы чувствуете, что Бог зажёг этот огонь в вашем сердце, не скрывайте его: дайте ему полный выход! Он пронзит, как молния. Упрямые и жестокосердые растают перед вами и узнают, что Бог воистину с вами.

[22] 7. Хотя несомненно, что главное в обличении — совершать его в правильном духе, всё же надо признать: во внешней манере есть несколько малых обстоятельств, отнюдь не бесполезных, а потому не заслуживающих пренебрежения. Одно из них — всегда обличать с большой *серьёзностью,* чтобы вы не только действительно были серьёзны, но и казались такими. Шутливое обличение производит слабое впечатление и

скоро забывается; кроме того, его часто принимают дурно, будто вы высмеиваете обличаемого. И действительно, люди, не привыкшие шутить, не любят, когда шутят над ними. Один из способов придать словам серьёзность — как можно чаще пользоваться самими словами Писания. Нередко мы обнаруживаем, что слово Божие даже в частной беседе обладает особой силой, и грешник, когда менее всего этого ожидает, чувствует, что оно «острее меча обоюдоострого».

[23] 8. Однако из общего правила обличать серьёзно есть исключения. Бывают особые случаи, когда, как замечает хороший знаток человеческой природы,

[24] Ridiculum acri fortius—

[25] небольшая уместная насмешка проникает глубже основательного довода. Но это уместно главным образом тогда, когда мы имеем дело с людьми, чуждыми вере. И когда мы снисходим до шутливого обличения такого человека, кажется, нас уполномочивает на это совет Соломона: «Отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал мудрецом в собственных глазах».

[26] 9. Образ обличения и в других отношениях можно менять сообразно обстоятельствам. Иногда вы сочтёте нужным говорить много, пространно выражая свою мысль. В другое время признаете более полезным сказать немного слов, быть может, одно предложение; а иногда будет лучше вовсе обойтись без слов — ограничиться жестом, вздохом или взглядом, особенно если тот, кого вы хотите обличить, значительно выше вас по положению. И нередко такое безмолвное обличение сопровождается силой Божией и потому производит гораздо лучшее действие, чем долгая и тщательно подготовленная речь.

[27] 10. Ещё одно: помните замечание Соломона: «Как хорошо слово, сказанное вовремя!» Правда, если Провидение призывает вас обличить человека, которого вы, вероятно, больше не увидите, надо воспользоваться нынешней возможностью и говорить «вовремя» или «не вовремя». Но с теми, кого вы часто видите, можно подождать удобного случая. Здесь уместен совет поэта. Можно говорить

[28] Si validus, si laetus erit, si denique poscet:

[29] когда он в добром расположении духа или когда сам попросит вас. Здесь можно уловить

[30] Mollia tempora fandi,—

[31] время, когда ум его находится в мягком, кротком состоянии; и тогда Бог и научит вас, как говорить, и благословит сказанное.

[32] 11. Но здесь позвольте предостеречь вас от одной ошибки. За бесспорное правило принимают слова: «Никогда не пытайся обличать пьяного человека». Говорят, что обличение тогда пропадает даром и не может произвести доброго действия. Я не решаюсь утверждать это. Я видел немало ясных примеров обратного. Вот один: много лет назад, проходя в Мурфилдс мимо человека, столь пьяного, что он едва держался на ногах, я вложил ему в руку листок. Он посмотрел на него и сказал: «Слово... Слово к пьянице... это я... Сударь, сударь! Я неправ... Я знаю, что неправ... Прошу, позвольте немного поговорить с вами». Он держал меня за руку целых полчаса, и, полагаю, больше уже не напивался.

33 12. Умоляю вас, братья, милосердием Божиим: не презирайте бедных пьяниц! Сжальтесь над ними! Настойчиво обращайтесь к ним вовремя и не вовремя! Пусть ни стыд, ни страх перед людьми не мешают вам выхватывать эти головни из огня. Многие из них сами себя осуждают:

> 34 Не то чтобы не видели они бедственного положения,
> В котором пребывают;

35 но они отчаиваются, не надеются выбраться из него и погружаются ещё глубже, потому что никто другой тоже не возлагает на них надежды! «Я часто видел, — сказал один почтенный старый священник, — как грешники всякого другого рода обращались к Богу. Но чтобы обратился закоренелый пьяница, я не видел никогда». А я знал пятьсот, быть может, пять тысяч таких. Эй! Не ты ли один из них, читающий эти слова? Тогда услышь слова Господа! У меня есть весть к тебе от Бога, о грешник! Так говорит Господь: не оставляй надежды. Я не забыл тебя. Тот, кто говорит тебе, что помощи нет, — лжец от начала. Подними взор! Вот Агнец Божий, берущий на Себя грех мира! Ныне пришло спасение твоей душе: только смотри, не отвергни Говорящего! Именно теперь Он говорит тебе: «Чадо, дерзай! Прощаются тебе грехи твои!»

36 13. Наконец, вы, усердные в этом труде любви, смотрите, не падайте духом, даже если, употребив все усилия, не увидите немедленного плода. Вам нужно терпение; и тогда, «исполнив волю Божию» в этом деле, вы дождётесь жатвы. Никогда «не унывайте, делая добро: в своё время пожнёте, если не ослабеете». Подражайте Аврааму, который «сверх надежды всё же верил с

надеждою». «Отпускай хлеб твой по водам, ибо по прошествии многих дней опять найдёшь его».

[37] 14. Мне остаётся добавить лишь несколько слов к вам, братья мои, которых обычно называют «методистами». Я никогда не слышал и не читал о значительном возрождении веры, которое не сопровождалось бы духом обличения. Верю, что иначе и быть не может: ибо что есть вера, если она не действует любовью? Так было во всех частях Англии, когда около пятидесяти лет назад началось нынешнее возрождение веры: все, кого оно охватило, — все так называемые методисты повсюду — обличали внешний грех. И действительно, таковы все, кто, «оправдавшись верою, имеет мир с Богом через Иисуса Христа». Таковы они вначале; и если они пользуются этим драгоценным даром, он никогда не будет у них отнят. Придите, братья, во имя Божие начнём снова! Богаты мы или бедны, восстанем все как один человек; и пусть каждый непременно «обличит ближнего своего и не допустит на нём греха»! Тогда вся Великобритания и Ирландия узнают, что мы не «воюем на собственном содержании». Да, «Бог благословит нас, и да убоятся Его все концы мира».

[38] Манчестер, 28 июля 1787 года.

Знамения времён

[1] «Различать лице неба вы умеете, а знамений времён не можете?»

[2] Матфея 16:3.

[3] 1. Всё это место читается так: «И приступили фарисеи и саддукеи и, искушая Его, просили показать им знамение с неба. Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово. Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времён не можете?»

[4] 2. «И приступили фарисеи и саддукеи». Обычно они были непримиримыми противниками друг друга; однако нередко дети мира сего оставляют свою взаимную вражду — хотя бы на время — и дружно соединяются, чтобы противодействовать детям Божиим. «И, искушая», то есть испытывая, действительно ли Он послан от Бога, «просили показать им знамение с неба», которого, по их убеждению, никакой лжепророк совершить не мог. Весьма возможно, они воображали, что это убедит их в том, что Он действительно послан от Бога. «Он же сказал им в ответ: вечером вы говорите: будет вёдро, потому что небо красно; и поутру: сегодня ненастье, потому что небо багрово». Вероятно, в их климате существовали более верные признаки ясной и ненастной погоды, чем в нашем. «Лицемеры!» — вы исповедуете любовь, но в сердцах питаете вражду; «различать лице неба вы умеете» и по нему судите о будущей погоде; «а знамений времён не можете?» — времён, когда Бог вводит в мир Своего Первородного Сына.

[5] 3. Рассмотрим подробнее, во-первых, что это были за времена, о которых здесь говорит наш Господь, и какими знамениями они должны были отличаться от всех других. Затем мы можем рассмотреть, во-вторых, что это за времена, которые, как у нас есть основания полагать, *ныне* близки, и отчего не все именующиеся христианами различают знамения *этих* времён.

[6] I. 1. Прежде всего рассмотрим, что это были за времена, о которых здесь говорит наш Господь. Ответить нетрудно: времена Мессии; времена, определённые прежде основания мира, когда Богу было угодно отдать Своего Единородного Сына, чтобы Он принял нашу природу, стал «по виду как человек», прожил жизнь в скорбях и страданиях и наконец был «послушным даже до смерти, и смерти крестной», дабы «всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Вот то великое время, знамений которого фарисеи и саддукеи не могли различить. Как ни ясны были они сами по себе, на сердце этих людей лежало столь плотное покрывало, что они не различали признаков Его пришествия, хотя они были предсказаны задолго до того.

[7] 2. Но что это были за знамения пришествия Праведника, столь давно и столь ясно предсказанные, по которым они легко могли бы распознать эти времена, если бы на сердце их не лежало покрывало? Их много; однако достаточно упомянуть лишь некоторые. Одно из первых указано в торжественных словах, сказанных Иаковом незадолго до смерти (Быт. 49:10): «Не отойдёт скипетр от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не придёт Шило». Все иудеи, и древние, и нынешние, согласны, что под Шило следует понимать Мессию; следовательно, согласно пророчеству, Он должен был прийти прежде,

чем «скипетр», то есть верховная власть, «отойдёт от Иуды». Но он, бесспорно, отошёл от Иуды именно в это время — верный признак того, что именно тогда пришёл Шило, то есть Мессия.

[8] 3. Второе выдающееся знамение тех времён — времён пришествия Мессии — дано нам в третьей главе пророчества Малахии: «Вот, Я посылаю Ангела Моего, и он приготовит путь предо Мною, и внезапно придёт в храм Свой Господь, Которого вы ищете» (Мал. 3:1). Как явно исполнилось это, сначала в пришествии Иоанна Крестителя, а затем — Самого нашего благословенного Господа, «внезапно пришедшего в храм Свой»! И какое знамение могло быть яснее для тех, кто беспристрастно рассматривал слова пророка Исаии (Ис. 40:3): «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь Господу, прямыми сделайте стези Ему»!

[9] 4. Но ещё более ясными знамениями — если только могли быть более ясные — были совершённые Им великие дела. Поэтому Он Сам говорит: «Дела, которые Я творю, свидетельствуют о Мне». И к ним Он прямо обращается, отвечая на вопрос Иоанна Крестителя, заданный не потому, что сам Иоанн сомневался, как некоторые странным образом воображали, но из желания утвердить своих учеников, которые могли поколебаться, когда их учитель был отнят у них: «Ты ли Тот, Который должен прийти», Мессия, «или ожидать нам другого?» Никакой ответ, состоявший лишь из слов, не мог быть столь убедителен, как то, что они увидели собственными глазами. Поэтому Иисус указал им на это свидетельство: «Он же сказал им в ответ: пойдите, скажите Иоанну, что слышите и видите: слепые прозревают и хромые ходят,

прокажённые очищаются и глухие слышат, мёртвые воскресают и нищие благовествуют» (Матф. 11:4, 5).

[10] 5. Но как же случилось, что столь проницательные в других вещах, умевшие «различать лице неба», не могли различить знамений, указывавших на пришествие Мессии? Они не могли различить их не из-за недостатка свидетельств — те были полными и ясными, — но из-за недостатка прямоты в них самих; потому что были «родом лукавым и прелюбодейным»; потому что испорченность их сердец затуманила их разум. Поэтому, хотя Солнце праведности сияло ярко, они оставались нечувствительны к Его свету. Они не желали убеждаться, потому и оставались в неведении. Света было достаточно, но они закрывали глаза, чтобы не видеть его; так что не имели оправдания, пока возмездие не постигло их до конца.

[11] II. 1. Во-вторых, нам надлежит рассмотреть, что это за времена, которые, как у нас есть основания полагать, *ныне* близки. И отчего не все именующиеся христианами различают знамения *этих* времён?

[12] Времена, которые, как у нас есть основания полагать, близки, если уже не начались, — это то, что многие благочестивые люди называли временем «славы последних дней», подразумевая время, когда Бог славно явит Свою силу и любовь, исполнив милостивое обещание, что «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море».

[13] 2. «Но есть ли в Англии или в какой-либо другой части мира какие-нибудь *признаки* приближения такого времени?» Не так много лет назад один человек, отличавшийся и большой учёностью, и высоким положением в Церкви, — тогдашний епископ Лондонский

— сделал в своём пастырском послании такое замечание: «Не могу представить, что имеют в виду люди, говоря о *великом деле Божием* в нынешнее время. Я не вижу теперь никакого дела Божия более того, что бывало во всякое другое время». Верю: верю, что этот великий человек не видел никакого необычайного дела Божия. Ни он, ни большинство так называемых христиан не видели никаких знамений приближающегося славного дня. Но как это объяснить? Отчего те, кто ныне умеет «различать лице неба», кто является не только великими философами, но и великими богословами, столь же выдающимися, какими когда-либо были саддукеи или даже фарисеи, не различают знамений тех славных времён, которые, если ещё не начались, то близки, при дверях? [56]

14 3. Мы, конечно, признаём, что во всякий век Церкви «Царствие Божие приходило не приметным образом», не с блеском и пышностью и не с теми внешними обстоятельствами, которые обычно сопутствуют царствам мира сего. Мы признаём, что это «Царствие Божие внутрь нас есть» и что поэтому, когда оно начинается в отдельном человеке или в народе, оно «подобно зерну горчичному», которое сначала «меньше всех семян», но всё же постепенно растёт, пока «не становится большим деревом». Или, пользуясь другим сравнением нашего Господа, оно подобно «малой закваске, которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё».

15 4. Но нельзя ли спросить: «Есть ли ныне какие-нибудь признаки того, что приближается день Божией силы?» Я обращаюсь ко всякому искреннему, непредубеждённому человеку: разве не можем мы сегодня различить все те

знамения, понимая эти слова в духовном смысле, на которые наш Господь указал ученикам Иоанна? «Слепые прозревают»: те, кто был слеп от рождения, не мог видеть собственного плачевного состояния и тем более — Бога и приготовленного Им для них врачевания в Сыне Его любви, теперь видят самих себя и, более того, «свет славы Божией в лице Иисуса Христа». Теперь, когда очи их разумения открыты, они видят всё ясно. «Глухие слышат»: прежде совершенно глухие ко всем внешним и внутренним призывам Бога теперь слышат не только Его призывы через события Провидения, но и тихий голос Его благодати. «Хромые ходят»: никогда прежде не поднимавшиеся от земли и не сделавшие ни шага к небу теперь ходят всеми путями Божиими и даже «бегут предлежащее им поприще». «Прокажённые очищаются»: смертоносная проказа греха, с которой они пришли в мир и которую никакое человеческое искусство никогда не могло исцелить, теперь совершенно сошла с них. И, несомненно, ни в какой век и ни в каком народе со времён апостолов слова «нищие благовествуют» не исполнялись столь явственно, как исполняются сегодня. Ныне евангельская закваска — вера, действующая любовью, внутренняя и внешняя святость, или, по выражению святого Павла, «праведность и мир и радость во Святом Духе» — так распространилась в различных частях Европы, особенно в Англии, Шотландии, Ирландии, на островах, на севере и на юге, от Джорджии до Новой Англии и Ньюфаундленда, что грешники истинно обратились к Богу, совершенно изменились и сердцем, и жизнью — не только десятками или сотнями, но тысячами, даже десятками тысяч! Этот факт нельзя отрицать: мы можем указать самих людей, назвать их имена и места жительства. И всё же мудрецы мира сего,

люди высокого положения, учёные и прославленные, «не могут представить, что мы имеем в виду, говоря о каком-то необычайном деле Божием»! Они не могут различить знамений *этих времён!* Они не видят ни одного признака того, что Бог восстаёт, чтобы защитить Своё дело и установить Своё Царство над землёй!

16 5. Но как это объяснить? Отчего они не могут различить знамений этих времён? Мы можем объяснить их неспособность различать тем же, чем объясняли её у фарисеев и саддукеев: а именно тем, что они тоже являются, как были те, «родом прелюбодейным и грешным». Если бы их око было чисто, всё их тело было бы светло; но если их око худо, всё тело неизбежно будет темно. Всякое злое расположение омрачает душу; всякая злая страсть затуманивает разум. Как же ожидать, что смогут различать знамения времён люди, полные неупорядоченных страстей и порабощённые всякому злому расположению? А дело обстоит именно так. Они полны гордыни: думают о себе гораздо выше, чем должно думать. Они тщеславны: «принимают славу друг от друга, а славы, которая от Единого Бога, не ищут». Они питают в своих сердцах ненависть и злобу, дают место гневу, зависти и мстительности; воздают злом за зло и ругательством за ругательство. Вместо того чтобы побеждать зло добром, они без всякого стеснения требуют ока за око и зуба за зуб. Они «думают не о том, что Божие, но что человеческое». Они обращают свои желания к земному, а не к горнему. Они «любят тварь больше Творца»; они «более сластолюбивы, нежели боголюбивы». Как же им различить знамения времён? Бог века сего, которому они служат, ослепил их сердца и покрыл их умы завесой густого мрака. Увы, что общего у

этих «душ из плоти и крови», как выразился один человек, с Богом или с тем, что Божие?

[17] 6. Святой Иоанн указывает именно эту причину того, что иудеи не разумели вещей Божиих: вследствие прежних грехов и сознательного отвержения света Бог теперь предал их сатане, который безвозвратно ослепил их. Снова и снова, когда они могли видеть, они не хотели; они закрывали глаза от света. Теперь же они не могут видеть, ибо Бог предал их нерассуждающему уму. Поэтому они не веруют, потому что сказал Исаия — то есть по причине, указанной в этом изречении Исаии: «Ослепил глаза их и окаменил сердца их, да не видят глазами и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их». Ясный смысл этих слов не в том, будто Бог сделал это Своей непосредственной силой: утверждать, что Бог в таком смысле ожесточает какого-либо человека, было бы прямым богохульством. Но Его Дух более не борется с ними, и тогда сатана действенно ожесточает их.

[18] 7. И как было с ними в древние времена, так обстоит дело и с нынешним поколением. Тысячи людей, носящих имя Христа, ныне преданы нерассуждающему уму. Бог века сего так ослепил их глаза, что свет не может воссиять им; поэтому они способны различать знамения времён не более, чем некогда фарисеи и саддукеи. Поразительный пример этой духовной слепоты, этой полной неспособности различать знамения времён, о которых говорит Писание, дан нам в весьма прославленном труде недавно скончавшегося выдающегося писателя: он полагает, что Новый Иерусалим сошёл с небес, когда Константин Великий назвал себя христианином. Я говорю: *назвал себя христианином*, ибо не решаюсь утверждать, что он *был*

им, — как не решаюсь утверждать этого и о Петре Великом. Не могу не думать, что этот писатель был бы ближе к истине, если бы сказал, что тогда из бездонной пропасти поднялась огромная туча адской серы и дыма! Ибо, несомненно, никогда сатана не получал столь гибельного преимущества над Церковью Христовой, как тогда, когда на неё, и особенно на духовенство, обрушился такой поток богатства, почестей и власти!

19 8. Руководствуясь тем же правилом, каких знамений приближающегося обращения язычников ожидал бы этот писатель? Он, без сомнения, ожидал бы героя вроде Карла Шведского или Фридриха Прусского, который пронёс бы огонь, меч и христианство сразу через целые народы! И нельзя отрицать, что со времени Константина многие народы были обращены именно таким образом. Но можно ли сказать о подобных обращениях: «Царствие Небесное приходит не приметным образом»? Несомненно, всякий заметит воина, проносящегося по стране во главе пятидесяти или шестидесяти тысяч человек! Однако такой ли путь распространения христианства избрал его Основатель, Князь мира? Нет, не так горчичное зерно вырастает в большое дерево. Не так малая закваска заквашивает всё тесто. Она постепенно проникает всё дальше и дальше, пока не заквасится всё. По тому, что мы уже видели, мы можем судить о том, что будет впоследствии. Именно таким образом истинная христианская религия — вера, действующая любовью, — распространялась на протяжении полувека, особенно в Великобритании и её владениях.

20 9. Таким же образом она продолжает распространяться и ныне, что легко заметить всем, чьи глаза не ослеплены. Все, кто в собственном сердце испытывает силу Божию ко

спасению, без труда различат, как та самая религия, которой они обладают, по-прежнему передаётся от сердца к сердцу. Они узнают ту же Божию благодать, сильно и сладостно действующую повсюду, и радуются, встречая одного грешника за другим, которые сначала спрашивают: «Что мне делать, чтобы спастись?» — а затем свидетельствуют: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасителе моём». При честном и беспристрастном исследовании они обнаруживают всё больше людей — не только имевших некоторый внешний вид религии, но и вовсе его не имевших, распутных, закоренелых грешников, — ныне совершенно изменившихся, истинно боящихся Бога и творящих правду. Они замечают всё больше людей даже среди этих несчастных отверженных общества, изменившихся и внутренне, и внешне: любящих Бога и ближнего, постоянно живущих в правде, милосердии и истине; делающих добро всем, пока есть время; мирных и счастливых в жизни и торжествующих в смерти.

[21] 10. Какое же оправдание остаётся у тех, кто верит, что Писания суть Слово Божие, но не различает знамений этих времён как приготовления ко всеобщему призванию язычников? Что мог сделать Бог такого, чего Он не сделал, чтобы убедить вас, что день грядёт, что близко время, когда Он исполнит Свои славные обетования, восстанет защитить Своё дело и установить Своё Царство над всей землёй? Что же ещё — разве что *принудить* вас поверить? Но этого Он не мог бы сделать, не разрушив природы, которую Сам вам дал. Ибо Он создал вас свободно действующими существами, обладающими внутренней способностью самоопределения, неотъемлемой от вашей природы. И от начала до конца Он обращается с вами как со свободно действующими

существами. Поэтому вы можете закрывать или открывать глаза по своему желанию. Вокруг вас сияет достаточно света; и всё же вы можете не видеть его, если не захотите. Но будьте уверены: Богу не угодно, когда вы закрываете глаза, а потом говорите: «Не могу видеть». Советую вам беспристрастно рассмотреть всё это дело. Честно исследовав факты, глубоко задумайтесь: «Вот что творит Бог!» «Кто видел подобное этому? Кто слыхал такое?» Разве не был народ как бы «рождён в один день»? Как быстро, как глубоко и как широко совершилось это дело в нынешний век! И, несомненно, «не воинством и не силою, но Духом Господа». Ибо как совершенно несоразмерны были средства! Как недостаточны орудия для достижения подобного результата — по крайней мере те, которыми Богу угодно было воспользоваться в британских владениях и в Америке! Как маловероятны были орудия, через которые Богу было угодно действовать с самого начала! «Несколько молодых неопытных голов, — сказал епископ Лондонский, — на что они могут претендовать?» Они притязали быть в руке Бога *тем*, чем перо бывает в руке человека. Они притязали — и притязают поныне — исполнять дело, на которое посланы, делать именно то, что угодно Господу. И если Ему угодно разрушить стены Иерихона, твердыни сатаны, не военными машинами, а звуками бараньих рогов, кто скажет Ему: «Что Ты делаешь?»

[22] 11. Между тем «блаженны ваши очи, что видят: многие пророки и праведники желали видеть то, что вы видите, и не видели, и слышать то, что вы слышите, и не слышали». Вы видите и узнаёте день вашего посещения — такого посещения, какого не знали ни вы, ни отцы ваши. Вы вправе сказать: «Сей день сотворил Господь: возрадуемся и возвеселимся в оный!» Вы видите зарю того славного

дня, о котором говорили все пророки. Как же вам с наибольшей пользой употребить этот день вашего посещения?

[23] 12. Прежде всего смотрите, чтобы вы сами не приняли Божие благословение тщетно. Начните с корня, если ещё не начали. Ныне покайтесь и веруйте в Евангелие! Если вы уверовали, «наблюдайте за собою, чтобы не потерять того, над чем вы трудились, но чтобы получить полную награду». Возгревайте дар Божий, который в вас! Ходите во свете, как Он во свете. И, «крепко держась того, чего достигли, поспешим к совершенству». Да, и когда вы «совершенны в любви», всё же, «забывая заднее, стремитесь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе».

[24] 13. Затем вам надлежит помогать ближним. «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного». Пока есть время, делайте добро всем, а особенно своим по вере. Возвещайте благую весть о спасении, готовом открыться, не только домашним, не только родственникам, друзьям и знакомым, но всем, кого Бог по Своему Провидению вверяет вашим рукам! «Вы», уже знающие, в Кого уверовали, «соль земли». Трудитесь, чтобы осолить познанием и любовью Божией всех, с кем имеете какое-либо общение! «Вы — как город, стоящий на верху горы»; вам невозможно и не должно скрываться. «Вы — свет мира: люди не зажигают свечу, чтобы поставить её под сосудом»; тем менее делает это премудрый Бог! Нет: пусть она светит всем в доме, всем свидетелям вашей жизни и поведения. Прежде всего пребывайте неотступно в молитве за самих себя, за всю Церковь Божию и за всех сынов человеческих, чтобы они

пришли в себя и обратились к нашему Богу, чтобы и они наслаждались евангельским благословением на земле и славой Божией на небесах!

О Божием Провидении

[1] «Даже и волосы на голове вашей все сочтены».

[2] Луки 12:7.

[3] 1. Учение о Божием Провидении принималось мудрыми людьми во все века. В него верили многие выдающиеся язычники — не только философы, но и ораторы и поэты. Бесчисленны свидетельства о нём, рассеянные в их сочинениях и согласные с известным изречением Цицерона: Deorum moderamine cuncta geri, — «Всё, все события в этом мире находятся под управлением Бога». Мы могли бы привести облако свидетелей в подтверждение этого, если бы кто-либо осмелился это отрицать. [57]

[4] 2. Та же истина признаётся ныне в большинстве частей мира, даже теми народами, которые столь нецивилизованны, что не знают письменности. Так, когда Паустуби, индейского вождя народа чикасо в Северной Америке, спросили: «Почему ты думаешь, что Возлюбленные — так они называют Бога — заботятся о *тебе*?» — он без всякого колебания ответил: «Я был в битве с французами; и пуля пролетела с этой стороны, и пуля пролетела с той стороны; и этот человек умер, и тот человек умер; а я всё ещё жив; и по этому я знаю, что Возлюбленные заботятся обо мне».

[5] 3. Но хотя и древние, и нынешние язычники имели некоторое представление о Божием Провидении, понятия большинства из них о нём были тёмными, смутными и несовершенными. Более того, объяснения, которые

давали даже самые просвещённые из них, обычно противоречили друг другу. Прибавьте к этому, что они вовсе не были уверены в истинности этих самых объяснений: едва решались что-либо утверждать, а говорили с величайшей осторожностью и неуверенностью. Поэтому то, что сам Цицерон, автор приведённого благородного изречения, решается хладнокровно утверждать в конце своего долгого рассуждения об этом предмете, сводится лишь к такому слабому и беспомощному выводу: Mihi verisimilior videbatur Cottæ oratio, — «Сказанное Коттой» — тем, кто выступал в защиту бытия и Провидения Божия, — «*показалось* мне *более вероятным*, чем то, что его противник выдвинул в опровержение».

[6] 4. И это неудивительно: ибо лишь Сам Бог может дать ясное, непротиворечивое и совершенное объяснение Своего способа управления миром — совершенное настолько, насколько способен вместить наш слабый разум на этой младенческой ступени существования или, по крайней мере, насколько это согласуется с целями Его правления. И Он сделал это в Своём письменном Слове: все изречения Божии, все Писания Ветхого и Нового Заветов описывают различные картины Божия Провидения. Прекрасно замечает один замечательный писатель: «Те, кто возражает в особенности против Ветхого Завета, что он представляет не связную историю народов, а лишь скопление разрозненных, несвязанных событий, не понимают природы и назначения этих писаний. Они не видят, что Писание есть история Бога». Те, кто хранит это в уме, легко заметят, что богодухновенные писатели никогда не упускают этого из виду, но сохраняют от начала до конца единую непрерывную, связную цепь. Во всей этой дивной книге

по мере того, как постепенно «являются жизнь и нетление», то есть бессмертная жизнь, открывается и Еммануил — Бог с нами, — и Его Царство, всем обладающее.

[7] 5. В стихах, предшествующих нашему тексту, Господь вооружал Своих учеников против страха перед человеком. «Не бойтесь, — говорит Он в стихе 4, — убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать». Прежде всего Он ограждает их от этого страха, напоминая о том, что бесконечно ужаснее всего, что способен причинить человек: «Бойтесь Того, Кто по убиении может ввергнуть в геенну». Далее Он ограждает их от страха мыслью о всевластном Провидении: «Не пять ли малых птиц продаются за два ассария? и ни одна из них не забыта у Бога». Или, как те же слова повторяет с очень небольшим различием святой Матфей (10:29, 30): «Ни одна из них не упадёт на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы на голове все сочтены».

[8] 6. Впрочем, следует заметить, что это сильное выражение, хотя его повторяют оба евангелиста, необязательно означает, будто Бог буквально пересчитывает все волосы на головах всех Своих созданий; впрочем, если кто думает, что означает, в таком мнении нет никакой вины. Это образное реченье, означающее, что ничто, как бы мало и незначительно оно ни казалось людям, не остаётся вне заботы и Провидения Божия: перед Ним ничто не мало, если касается счастья какого-либо из Его созданий.

[9] 7. Едва ли во всём объёме откровения найдётся учение более глубокого значения, чем это. И в то же время едва ли найдётся другое, которому уделялось бы так мало внимания и которое, пожалуй, так мало понимали бы.

Постараемся же с помощью Божией исследовать его до основания: увидеть, на чём оно зиждется и что именно заключает в себе.

10 8. Вечный, всемогущий, премудрый и всеблагой Бог есть Творец неба и земли. Своим всемогущим словом Он вызвал из небытия всю вселенную, всё существующее. «Так сотворены были небо и земля и всё воинство их». И после того как Он расположил по порядку всё прочее — растения по родам их, рыб и птиц, зверей и пресмыкающихся по родам их, — «Он сотворил человека по образу Своему». И Господь увидел, что каждая отдельная часть вселенной хороша. Но когда Он увидел всё Им созданное во взаимной связи, «вот, хорошо весьма».

11 9. И как это премудрое, всеблагое Существо всё сотворило, так Оно всё и поддерживает. Бог не только Творец, но и Хранитель всего существующего. «Он держит всё словом силы Своей», то есть Своим могущественным словом. Следовательно, Он непременно знает всё Им созданное и всё Им сохраняемое в каждое мгновение; иначе Он не мог бы сохранять его, не мог бы продолжать дарованное ему бытие. И нет ничего удивительного в том, что Тот, Кто вездесущ, Кто «наполняет небо и землю», Кто находится во всяком месте, видит всё в каждом месте, где Он непосредственно присутствует. Если глаз человека различает предметы на небольшом расстоянии, глаз орла — на большем, а глаз ангела — на расстоянии в тысячу раз большем, быть может, охватывая одним взглядом всю поверхность земли, — как же око Божие не увидит всего во всём пространстве творения? Особенно если учесть, что ничто не отдалено от Того, в Ком мы все «живём и движемся и существуем».

[12] 10. Правда, наш ограниченный разум постигает это лишь несовершенно. Но, постигаем мы это или нет, мы уверены, что это так. Насколько несомненно, что Он всё сотворил и доныне поддерживает всё сотворённое, настолько же несомненно, что Он присутствует во все времена во всех местах; что Он вверху и внизу; что Он «объемлет нас сзади и спереди» и как бы «полагает на нас руку Свою». Мы признаём, что «ведение это слишком высоко» и дивно для нас, мы «не можем постигнуть его». Образ Его присутствия не может объяснить ни один человек и, вероятно, ни один ангел на небесах. Возможно, то, что древний философ говорит о душе относительно её пребывания в теле, — что она tota in toto, et, tota in qualibet parte, — в некотором смысле можно было бы сказать и о вездесущем Духе относительно вселенной: что Он не только «весь в целом», но и «весь в каждой части». Как бы то ни было, нельзя сомневаться, что Он видит каждый атом Своего творения, причём в тысячу раз яснее, чем мы видим предметы возле нас: даже в них мы видим лишь поверхность, тогда как Он видит самую внутреннюю сущность каждой вещи.

[13] 11. Вездесущий Бог видит и знает все свойства созданных Им существ. Он знает все связи, зависимости и отношения и все способы, которыми одно из них может воздействовать на другое. В частности, Он видит все неодушевлённые части творения — вверху на небе и внизу на земле. Он знает, как звёзды, кометы и планеты вверху влияют на обитателей земли внизу; какое влияние оказывают на нашу планету нижние небеса с их запасами огня, града, снега и паров, ветров и бурь; какие действия могут производить в недрах земли огонь, воздух или вода; какие испарения могут оттуда подниматься и какие изменения вызывать; какое действие каждый минерал

или растение могут оказывать на сынов человеческих: всё это обнажено и открыто перед оком Творца и Хранителя вселенной.

[14] 12. Он знает всех животных нижнего мира — зверей, птиц, рыб, пресмыкающихся и насекомых; знает все свойства и силы, которыми наделил их, от высших до низших. Он знает каждого доброго и каждого злого ангела во всякой части Своих владений и взирает с небес на сынов человеческих по всему лицу земли. Он знает все сердца сынов человеческих и разумеет все их помышления. Он видит всё, что любой ангел, любой дьявол, любой человек думает, говорит или делает, и даже всё, что они чувствуют. Он видит все их страдания со всеми обстоятельствами каждого.

[15] 13. И неужели Творцу и Хранителю мира безразлично то, что Он в нём видит? Неужели Он смотрит на это злорадным или невнимательным взором? Разве Он эпикурейский бог? Разве Он беззаботно восседает на небесах, не замечая несчастных обитателей земли? Этого быть не может. Он создал нас, а не мы сами, и Он не может презирать дела собственных рук. Мы Его дети; а может ли мать забыть детей своего чрева? Да, она может забыть, но Бог нас не забудет! Напротив, Он прямо объявил: как «очи Его обозревают всю землю», так Он «благ ко всем, и щедроты Его на всех делах Его». Следовательно, Он каждое мгновение заботится о том, что происходит с каждым созданием на земле, и особенно обо всём, что случается с любым из сынов человеческих. Действительно, трудно постигнуть это; более того, трудно в это поверить, видя со всех сторон столь многообразное нечестие и столь многообразное бедствие. Но верить мы обязаны, если не хотим представить Бога лжецом, хотя

несомненно, что ни один человек не может этого постигнуть. Поэтому нам надлежит смириться перед Богом и признать своё неведение. В самом деле, как можно ожидать, что человек сумеет постигнуть пути Божии? Может ли червь постигнуть червя? Тем менее можно предположить, что человек способен постигнуть Бога!

16 Ибо как конечное может измерить бесконечное?

17 14. Он бесконечен в мудрости, как и в силе, и вся Его мудрость непрестанно занята управлением всеми делами Его творения ко благу всех Его созданий. Ибо Его мудрость и благость идут рука об руку: они неразрывно соединены и непрестанно действуют в согласии со всемогущей силой ради истинного блага всех Его созданий. Его сила, равная Его мудрости и благости, непрестанно содействует им. И для Него всё возможно: Он творит всё, что Ему угодно, на небесах и на земле, на морях и во всех безднах. И мы не можем сомневаться, что Он употребляет всю Свою силу как для поддержания, так и для управления всем, что сотворил.

18 15. Только Тот, Кто может всё прочее, не может отречься от Себя: Он не может действовать вопреки Себе или противиться собственному делу. Если бы не это, Он в одно мгновение уничтожил бы всякий грех со всеми сопутствующими ему страданиями. Он истребил бы нечестие во всём Своём творении, не оставив от него и следа. Но, поступив так, Он действовал бы вопреки Себе, совершенно разрушил бы собственное дело и уничтожил всё, что делал с тех пор, как создал человека на земле. Ибо Он создал человека по Своему образу: духом, подобным Себе; духом, наделённым разумом, волей, или чувствованиями, и свободой, без которой ни разум, ни

чувствования не могли бы принести никакой пользы и без которой человек не был бы способен ни к пороку, ни к добродетели. Он мог бы быть нравственно действующим существом не более, чем дерево или камень. Поэтому, если бы Бог таким образом применил Свою силу, порока, конечно, больше не было бы, но столь же несомненно, что в мире не могло бы быть и добродетели. Если отнять человеческую свободу, люди будут столь же неспособны к добродетели, как камни. Поэтому — да будет сказано с благоговением — Сам Всемогущий не может сделать этого. Он не может так противоречить Себе или разрушать сделанное Им. Он не может уничтожить в душе человека Свой образ, по которому создал его; а не сделав этого, Он не может истребить из мира грех и страдание. Но если бы это было сделано, здесь вовсе не было бы проявления мудрости, а лишь один удар всемогущества. Напротив, вся многоразличная премудрость Божия, как и вся Его сила и благость, проявляется в том, что Он управляет человеком как человеком — не как бревном или камнем, но как разумным и свободным духом, способным выбирать добро или зло. В этом обнаруживается глубина мудрости Божией в Его достопоклоняемом Провидении: Он управляет людьми, не уничтожая ни их разума, ни воли, ни свободы. Он повелевает всему на небе и на земле помогать человеку достигнуть цели его бытия, совершать своё спасение, насколько это возможно без принуждения, без подавления его свободы. Внимательный исследователь легко различит, что всё устройство Божия Провидения устроено так, чтобы давать человеку всякую возможную помощь в делании добра и уклонении от зла — какую только можно дать, не превращая человека в

машину, не делая его неспособным к добродетели или пороку, награде или наказанию.

19 16. Между тем один благочестивый писатель заметил, что, сверх Провидения, управляющего всей вселенной, существует, по его выражению, тройной круг Божия Провидения. Сейчас мы говорим не о той всевластной руке, которая управляет неодушевлённым творением, поддерживает солнце, луну и звёзды на их местах и направляет их движения; не о Его заботе о животном мире, каждая часть которого, как мы знаем, находится под управлением Того, Кто «даёт скоту пищу его и птенцам ворона, взывающим к Нему». Здесь мы говорим о надзирающем Провидении, обращённом к сынам человеческим. Те, кто внимательно наблюдает пути Божии, легко отличают каждый из этих кругов от остальных. Внешний круг охватывает весь человеческий род, всех потомков Адама, всех людей, рассеянных по лицу земли. Он включает не только христианский мир, тех, кто именует имя Христа, но и магометан, которые значительно превосходят числом даже христиан по имени; а также язычников, которые гораздо многочисленнее магометан и христиан, вместе взятых. «Неужели Бог есть Бог Иудеев только, — говорит апостол, — а не и язычников?» Так и мы можем сказать: неужели Он Бог христиан, а не магометан и язычников? Несомненно, и магометан и язычников тоже. Его любовь не ограничена: «Господь благ ко всем, и щедроты Его на всех делах Его». Он заботится даже об отверженных среди людей. Поистине можно сказать:

20 Свободно, словно воздух, льётся щедрость Твоя

21 На все Твои дела; лучи Твоего милосердия

[22] Восходят, разливаясь всюду, как лучи Твоего солнца.

[23] 17. И всё же можно допустить, что Он более непосредственно заботится о тех, кто заключён во втором, меньшем круге, который включает всех именующихся христианами, всех исповедующих веру во Христа. Мы вправе полагать, что они в некоторой степени чтут Его, по крайней мере больше, чем язычники; поэтому и Бог в некоторой мере чтит их и ближе принимает их дела к сердцу. Из многих примеров видно, что князь мира сего не имеет над ними столь полной власти, как над язычниками. Бог, Которому они хотя бы исповедуют служение, в некоторой мере защищает Своё дело; поэтому духи тьмы не властвуют над ними столь безудержно, как над языческим миром.

[24] 18. В третьем, самом внутреннем круге находятся только настоящие христиане — те, кто поклоняется Богу не лишь по внешней форме, но в духе и истине. Сюда входят все любящие Бога или, по крайней мере, истинно боящиеся Бога и поступающие по правде; все, в ком пребывают те же чувствования, какие во Христе, и кто поступает так, как поступал Христос. Именно к ним особенно относятся приведённые выше слова нашего Господа. Именно им Он в особенности говорит: «Даже и волосы на голове вашей все сочтены». Он видит их души и тела; обращает особое внимание на все их расположения, желания и мысли, на все их слова и поступки. Он замечает все их внутренние и внешние страдания и источник, откуда они возникают, так что мы вправе сказать:

> [25] Ты знаешь боли, что терпят Твои слуги,
> Ты слышишь вопль Своих детей;

И, чтобы лучшие желанья их исполнить,
Твоя благодать всегда близка.

[26] Ничто относящееся к ним не слишком велико и не слишком мало для Его внимания. Его взор непрестанно обращён и на каждого отдельного человека, принадлежащего к этой Его семье, и на всякое обстоятельство, относящееся к их душе или телу, к внутреннему или внешнему состоянию, в котором хоть сколько-нибудь затрагивается их нынешнее или вечное счастье.

[27] 19. Но что говорят на это мудрецы мира сего? Они с полной готовностью отвечают: «Кто в этом сомневается? Мы не атеисты. Все мы признаём Провидение — то есть общее Провидение. Что же касается частного Провидения, о котором толкуют некоторые, мы, признаться, не знаем, как его понимать: несомненно, мелкие дела людей слишком низки для внимания великого Творца и Правителя вселенной! Потому

[28] „Равным взором смотрит Он, Владыка всех,

[29] На гибель героя и на паденье воробья“». Неужели? Я не могу так думать, потому что, как бы ни думали этот прекрасный поэт или его покровитель, которого он так глубоко презирал и которому всё же грубо льстил, я верю Библии, где Сам Творец и Правитель мира говорит мне совершенно обратное. Я знаю, что Он с нежной заботой относится к бессловесным созданиям. В некоторой мере Он «печётся о волах»; Он «даёт скоту пищу», а также «зелень на пользу человека». «Львы рыкают о добыче и просят у Бога пищу себе». «Он открывает руку Свою и насыщает всё живущее изобилием».

30 Все сонмы суши и морей
Едины в чувстве общей нужды;
Все ждут Твоей дающей руки
И ежедневно получают от Тебя подаяние.
Они собирают то, что рассыпают Твои хранилища,
Не трудясь над его заготовкой;
Ты открываешь руку — и вселенная,
Весь жаждущий мир, насыщена.

31 Наш Небесный Отец питает птиц небесных. Но заметьте: «Вы не гораздо ли лучше их?» Разве не будет Он тогда «тем более питать вас», столь превосходящих их? Он не в этом смысле смотрит на *вас* и на *них* «*равным* взором», не ставит вас на одну ступень с *ними*; менее всего Он уравнивает вас с бессловесными в отношении жизни и смерти: «Дорога в очах Господних смерть святых Его». Неужели вы думаете, что смерть воробья столь же дорога в Его очах? Правда, Он говорит нам, что «ни один воробей не падает на землю без воли Отца нашего», но в то же время спрашивает: «Не лучше ли вы многих воробьёв?»

32 20. Однако в поддержку общего Провидения, в противоположность частному, тот же изящный поэт выставляет как неоспоримую истину:

33 Всеобщая Причина
Действует не по частным, но по общим законам, —

34 явно подразумевая, что Бог никогда не отступает от этих общих законов в пользу какого-либо отдельного человека. Это распространённое предположение, но оно совершенно несовместимо со всем содержанием Писания: ведь если Бог никогда не отступает от общих законов, значит, в мире никогда не было чуда, поскольку всякое

чудо есть отступление от общих законов природы. Ограничивал ли Себя Всемогущий этими общими законами, когда разделил Красное море, когда повелел водам встать стеной и проложил путь для перехода Своих искупленных? Действовал ли Он по общим законам, когда заставил солнце стоять неподвижно целый день? Нет; как и ни в одном из чудес, записанных в Ветхом или Новом Завете.

35 21. Но именно на предположении, что Правитель мира никогда не отступает от этих общих законов, господин Поуп с полным торжеством, словно уже бесспорно одержав победу, прибавляет прекрасные строки:

> 36 Ужель пылающая Этна по желанью мудреца
> Забудет грохотать, обуздывая пламя?
> Иль воздух и моря изменят свой ход,
> О непорочный Бетел, чтобы облегчить твою грудь?
> Когда обвал готов сорваться с высоты,
> Ужель притяженье прекратится, если мимо идёшь ты?
> Иль древний храм, уже готовый рухнуть,
> Удержит нависшую стену ради головы Чартриса?

37 Мы отвечаем: если Богу угодно продлить жизнь какого-либо из Своих слуг, Он приостановит этот или любой другой закон природы. Камень не упадёт, огонь не обожжёт, потоки не потекут; или Он даст повеление Своим ангелам, и на руках они понесут его сквозь все опасности и выше их!

38 22. Итак, допуская, что при обычном ходе природы Бог действует по общим законам, Он никогда не лишал Себя возможности делать исключения из них, когда Ему угодно: либо приостанавливая действие закона в пользу

любящих Его, либо посылая Своих могущественных ангелов. Любым из этих способов Он может избавить от всякой опасности уповающих на Него.

39 «Как! Значит, вы ожидаете чудес?» Конечно ожидаю, если верю Библии. Ибо Библия учит меня, что Бог слышит молитву и отвечает на неё; но всякий ответ на молитву, собственно, и есть чудо. Ведь если естественные причины действуют своим чередом, если события идут естественным путём, это вовсе не ответ. Следовательно, притяжение прекратится — то есть перестанет действовать — всякий раз, когда этого захочет его Создатель. Люди мира сего не могут понять этого? Неудивительно: давно замечено, что «человек несмысленный не знает, и невежда не разумеет того».

40 23. Однако с этим самым общим Провидением я ещё не покончил. По благодати Божией я разберу его до основания и, надеюсь, покажу, что это такая вопиющая нелепость, которой всякий разумный человек должен совершенно стыдиться.

41 Вы говорите: «Мы допускаем *общее* Провидение, но отрицаем ч*астное*». А что такое общее, какого бы рода оно ни было, если оно не включает ничего частного? Разве всякое общее не состоит с необходимостью из отдельных частностей? Можете ли вы привести хоть один пример общего, которое не состоит из них? Назовите, если можете, какой-нибудь род, не содержащий видов. Что составляет род, как не совокупность некоторого числа видов? Что, позвольте спросить, такое целое, не содержащее частей? Чистая бессмыслица и противоречие! Всякое целое по самой природе вещей должно состоять из отдельных частей, так что, если нет частей, не может быть и целого.

[42] 24. Поскольку этот вопрос имеет первостепенное значение, рассмотрим его ещё немного. Что вы разумеете под общим Провидением в отличие от частного? Провидение, надзирающее лишь за более крупными частями вселенной — допустим, солнцем, луной и звёздами? Разве оно не заботится и о земле? Вы признаёте, что заботится. Но разве оно не заботится также о её жителях? Иначе какое значение имеет земля — неодушевлённая глыба материи? Разве один дух, один наследник бессмертия не ценнее всей земли, даже если прибавить к ней солнце, луну и звёзды, и даже всё неодушевлённое творение? Не можем ли мы сказать: «Они погибнут, но» этот «пребудет; они все, как риза, обветшают»; а этот — в низшем смысле это можно сказать и о творении — «тот же, и лета» его «не кончатся»?

[43] 25. Или, утверждая общее Провидение, отличное от частного, вы хотите сказать, что Бог заботится лишь о некоторых частях мира, а о других не заботится? О каких частях Он заботится — о тех, что вне Солнечной системы, или о тех, что внутри неё? Или Он заботится об одних частях земли, а о других нет? О каких именно? Только о тех, что находятся в умеренных поясах? Какие же части находятся под попечением Его Провидения? Где проведёте вы границу? Исключите ли живущих в жарком поясе или обитающих за полярными кругами? Нет, лучше скажите: «Господь благ ко всем», и забота Его «на всех делах Его».

[44] 26. Или вы имеете в виду — ибо нам хотелось бы понять ваш смысл, если вы вообще вкладываете какой-либо смысл в свои слова, — что Божие Провидение действительно распространяется на все части земли, когда речь идёт о великих и необычайных событиях,

например о возвышении и падении империй, но что мелкие дела того или иного человека ниже внимания Всемогущего? Тогда вы не учитываете, что *великое* и *малое* — лишь относительные понятия, имеющие место только по отношению к людям. Перед Всевышним человек и все человеческие дела — ничто, меньше ничтожества. И ничто не мало в Его очах, если хоть сколько-нибудь затрагивает благополучие кого-либо из боящихся Бога и поступающих по правде. Что же остаётся от вашего общего Провидения, исключающего частное? Пусть все разумные люди навеки отвергнут его как нелепую, противоречащую самой себе бессмыслицу. Всё библейское учение о Провидении можно подытожить прекрасным изречением святого Августина: Ita praesidet singulis sicut universis, et universis sicut singulis!

> [45] Отец, как широко сияет Твоя слава,
> Владыка вселенной — и мой!
> Твоя благость хранит всё целое,
> Как если бы весь мир был одной душой;
> И всё же хранит каждый мой священный волос,
> Как если бы я один оставался предметом Твоей заботы!

[46] 27. Из этого краткого рассмотрения Божия Провидения мы можем научиться, во-первых, возлагать всё наше упование на Того, Кто никогда не оставлял ищущих Его. Именно так применяет наш благословенный Господь эту великую истину, которую мы сейчас рассматриваем. «Итак, не бойтесь»: если вы истинно боитесь Бога, вам не нужно бояться никого другого. Он будет крепкой башней для всех уповающих на Него пред лицом врагов ваших. Что на небе или на земле может повредить вам, пока вы под попечением Творца и Правителя неба и земли? Пусть

вся земля и весь ад соединятся против вас, пусть соединится всё одушевлённое и неодушевлённое творение: они не могут повредить, пока Бог на вашей стороне. Его благоволение покрывает вас, словно щит.

[47] 28. С этим упованием на Бога тесно связана благодарность, которую мы обязаны приносить за Его милостивую защиту. Да благодарят те, кого Господь так избавляет от руки всех врагов! Какое неизреченное благо — быть предметом особой заботы Того, Кто имеет всякую власть на небе и на земле! Как можем мы достаточно восхвалить Его, пребывая под Его крыльями, когда Его верность и истина — наш щит и ограждение!

[48] 29. Но вместе с тем мы должны со всем тщанием заботиться о том, чтобы ходить перед нашим Богом смиренно и в тесном единении с Ним. Ходите *смиренно*: ибо если вы хоть в чём-либо похищаете у Бога Его честь, если приписываете что-либо самим себе, то вещи, которые должны были служить вашему благополучию, станут для вас «поводом к падению». И ходите *в тесном единении с Ним*: смотрите, чтобы ваша совесть была непорочна перед Богом и людьми. Пока вы так поступаете, вы остаётесь предметом особой заботы вашего Небесного Отца. Но пусть сознание Его заботы о вас не делает вас беспечными, нерадивыми или ленивыми. Напротив, проникаясь глубокой истиной: «Всю помощь, совершаемую на земле, Он совершает Сам», — будьте столь же усердны и прилежны в употреблении всех средств, как если бы вы сами были своими защитниками.

[49] Наконец, в каком печальном положении находятся те, кто не верит в существование Провидения или, что сводится ровно к тому же, не верит в частное Провидение! Каково бы ни было их положение, пока они

живут в мире, они подвержены бесчисленным опасностям, которых никакая человеческая мудрость не может предвидеть и которым никакая человеческая сила не может противостоять. И помощи нет! Если они надеются на людей, то находят их «обманчивыми на весах». Во многих случаях те не могут помочь, в других — не хотят. Но, как бы они ни желали помочь, они умрут: поэтому тщетна помощь человеческая. А Бог далеко вверху, вне их поля зрения; от Него они помощи не ожидают. Эти нынешние, как и древние, эпикурейцы усвоили, что

[50] Всеобщая Причина
Действует не по частным, но по общим законам.

[51] Он заботится лишь о самом великом земном шаре, а не о его ничтожных обитателях. Ему нет дела до того, как эти

[52] Бродячие муравьи ползают
Наугад по шару, подвешенному в воздухе.

[53] Как безотрадно положение человека, у которого нет никакой дальнейшей надежды! Но, с другой стороны, как неизреченно *«блажен* тот, кому помощник — Господь, у кого надежда на Господа, Бога своего»! Кто может сказать: «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь!» Поэтому, «если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной; Твой жезл и Твой посох — они успокаивают меня».

Премудрость Божиих замыслов

[1] «О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия!»

[2] Рим. 11:33.

[3] 1. Некоторые полагают, что премудрость и ведение Божие означают одно и то же. Другие считают, что премудрость Божия относится преимущественно к установлению целей всех вещей, а Его ведение — к средствам, которые Он приготовил и направил к достижению этих целей. Первое объяснение представляется наиболее естественным, поскольку премудрость Божия в самом широком смысле должна заключать и то и другое, как средства, так и цели.

[4] 2. И премудрость, и сила Божия обильно явлены в Его творении: в образовании и расположении всех Его дел, на небе вверху и на земле внизу; в приспособлении их всех к различным целям, для которых они предназначены. Поэтому каждое из них, взятое отдельно от остальных, хорошо, а все вместе — *хороши весьма*: все действуют сообща, в единой связной системе, ко славе Божией через счастье Его разумных созданий.

[5] 3. Как эта премудрость видна даже недальновидным людям, а тем более духам высшего порядка, в сотворении и устройстве всей вселенной и каждой её части, так же она видна и в их сохранении, в том, что Он «держит всё словом силы Своей». И не менее явственно она обнаруживается в непрестанном управлении всем Им созданным. Как дивно Его премудрость направляет движения небесных тел! Всех звёзд на тверди — и

неподвижных, и блуждающих, хотя никогда не выходящих из своих орбит! Солнца посреди неба! Тех удивительных тел, комет, которые несутся во всех направлениях по неизмеримым пространствам эфира! Как Он надзирает над всеми частями этого нижнего мира, этой «пылинки творения» — земли! Поэтому всё и ныне, как в начале, «прекрасно в своё время»; лето и зима, сеяние и жатва неизменно следуют друг за другом. Да, всё служит своему Творцу: «Огонь и град, снег и туман, ветер и буря исполняют слово Его»; так что мы вправе сказать: «Господи, Боже наш! как величественно имя Твоё по всей земле!»

[6] 4. Столь же очевидна премудрость Божия в управлении народами, государствами и царствами; вернее, ещё очевиднее, если можно допустить в бесконечном какие-либо степени. Ибо всё неодушевлённое творение, совершенно пассивное и инертное, не может противиться Его воле. Поэтому в мире природы всё движется ровным, непрерывным ходом. Но в нравственном мире дело обстоит совсем иначе. Здесь злые люди и злые духи непрестанно противятся Божией воле и производят бесчисленные беспорядки. Поэтому здесь открывается полный простор для проявления всего богатства премудрости и ведения Божия: противодействуя всему человеческому нечестию и безумию и всей хитрости сатаны, Он осуществляет Свой славный замысел — спасение погибшего человечества. В самом деле, если бы Он делал это посредством безусловного определения и Своей непреодолимой силы, здесь вовсе не проявлялась бы мудрость. Но Его премудрость открывается в том, что Он спасает человека, не разрушая его природы, не отнимая данной ему свободы.

[7] 5. Но богатство премудрости и ведения Божия наиболее явственно открывается в Его Церкви: в том, что Он насадил её, как горчичное зерно, самое малое из всех семян; сохранял и непрестанно взращивал её, пока она не стала большим деревом, несмотря на непрерывное противодействие всех сил тьмы. Апостол справедливо называет это *многоразличной премудростью* (polypoikilos sophia) *Божией*. Это необычайно выразительное слово указывает, что способы действия этой премудрости многообразны тысячью образов и что она проявляется в бесконечном разнообразии. В это высшие «ангелы желают проникнуть», но никогда не могут вполне постигнуть. По-видимому, преимущественно по поводу этого апостол восклицает с такой силой: «Как непостижимы судьбы Его!» — Его советы, замыслы, глубины которых невозможно измерить; «и неисследимы пути Его», которыми Он осуществляет их, — невозможно проследить их! По словам псалмопевца, «пути Его в водах великих, и следы Его неведомы».

[8] 6. Но малую часть этого Ему было угодно открыть нам; и, твёрдо держась открытого Им, сопоставляя притом Божие слово с Божиим делом, мы можем понять часть Его путей. Мы можем в некоторой мере проследить эту многоразличную премудрость от начала мира: от Адама до Ноя, от Ноя до Моисея и от Моисея до Христа. Но теперь, лишь слегка коснувшись истории Церкви в прошлые века, я хотел бы рассмотреть её только в отношении того, что Он совершил в нынешний век, за последние полстолетия, и притом лишь в этом маленьком уголке мира — на Британских островах.

[9] 7. В полноту времени, именно тогда, когда это показалось наилучшим Его бесконечной премудрости,

Бог ввёл в мир Своего Первородного. Тогда Он положил основание Своей Церкви, хотя она почти не была видна до дня Пятидесятницы. И тогда это была славная Церковь: все её члены были «исполнены Духа Святого», имели «одно сердце и одну душу» и «постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах». В *общении* — то есть имели всё общее, и никто ничего из своего имущества не называл своим.

> [10] Кроткие, простые последователи Агнца,
> Они одинаково жили, мыслили и говорили;
> У всех было одно сердце и одна душа,
> И лишь любовь вдохновляла всех.

[11] 8. Но это счастливое состояние продолжалось недолго. Взгляните на Ананию и Сапфиру, которые через сребролюбие, «корень всех зол», первыми пробили брешь в общности имуществ! Взгляните на пристрастие, несправедливое лицеприятие с одной стороны и на обиду и ропот — с другой, даже когда сами апостолы ещё возглавляли Иерусалимскую церковь! Взгляните на тяжкие пятна и пороки, обнаружившиеся во всякой части Церкви, о которых записано не только в Деяниях, но и в посланиях святых Павла, Иакова, Петра и Иоанна. Ещё более полное описание дано в Откровении. И, судя по нему, в каком состоянии находилась христианская Церковь уже в первом веке, ещё прежде, чем святой Иоанн был взят от земли, — если можно, а несомненно, можно, судить о состоянии Церкви вообще по состоянию тех отдельных церквей — всех, кроме Смирнской и Филадельфийской, — к которым Господь направил Свои послания! И с того времени на протяжении четырнадцати столетий она всё более развращалась, как показывает вся

история, пока почти ничего не осталось ни от силы, ни от вида религии.

12 9. И всё же несомненно, что врата ада никогда не одолевали её совершенно. Бог всегда сохранял Себе семя — немногих, поклонявшихся Ему в духе и истине. Я часто задавался вопросом: не были ли это именно те люди, которых богатые и почтенные христиане, на чьей стороне всегда будет и большинство, и власть, время от времени клеймили именем еретиков? Возможно, главным образом эта уловка дьявола и его детей — когда доброе, бывшее в них, подвергалось злословию — мешала им приносить столь обширную пользу, какую они могли бы принести иначе. Более того, я задавался вопросом: не был ли этот великий ересиарх Монтан одним из самых святых людей второго века? И я не стал бы утверждать, что ересиарх пятого века, как бы обильно ни обливали его грязью на протяжении многих столетий, не был одним из самых святых людей своего времени, не исключая самого святого Августина. Чудесный святой! Столь же исполненный гордости, вспыльчивости, желчи и осуждения, столь же бранчливый со всеми, кто ему противоречил, как сам Джордж Фокс. Я поистине верю, что настоящая ересь Пелагия заключалась ни больше ни меньше как в следующем: он полагал, что христиане могут по благодати Божией — не без неё, ибо это я считаю чистой клеветой — «идти к совершенству», или, иными словами, «исполнять закон Христов».

13 «Но святой Августин говорит…» Когда страсти Августина были разгорячены, слово его не стоило и тростинки. А секрет вот в чём: святой Августин гневался на Пелагия; потому он по своему обыкновению клеветал на него и поносил его без страха и стыда. И святой

Августин был тогда для христианского мира тем, чем впоследствии стал Аристотель: для доказательства любого утверждения не требовалось ничего, кроме Ipse dixit — «Святой Августин *сказал это*».

[14] 10. Но вернёмся к нашему предмету. Когда беззаконие, словно потоп, залило Церковь, Дух Господень поднял против него знамя. Он воздвиг бедного монаха, не имевшего ни богатства, ни власти, а в ту пору и друзей, чтобы тот как бы объявил войну всему миру — епископу Римскому и всем его приверженцам. Но этот малый камень, избранный Богом, вскоре стал великой горой и всё увеличивался, пока не покрыл значительную часть Европы. Однако ещё прежде, чем Лютер был призван домой, любовь многих охладела. Многие, некогда хорошо бежавшие, отвернулись от преданной им святой заповеди; более того, большая часть тех, кто некогда испытал силу веры, потерпела кораблекрушение в вере и доброй совести. Предполагали, что наблюдение этого и послужило причиной болезни — приступа каменной болезни, — от которой умер Лютер, произнеся перед смертью печальные слова: «Напрасно я истощал силы! Те, кто именуется моим именем, правда, преобразованы в мнениях и формах богослужения; но в сердцах и жизни, в расположениях и поступках они ни на йоту не лучше папистов!»

[15] 11. Примерно в то же время Богу было угодно посетить Великобританию. Немногие в царствование короля Генриха Восьмого и гораздо большее число при трёх последующих царствованиях были настоящими свидетелями истинного, библейского христианства. В начале следующего столетия их число чрезвычайно возросло. А в 1627 году произошло дивное излияние Духа

в нескольких частях Англии, а также в Шотландии и на севере Ирландии. Но с тех пор как богатство и почести стали изливаться на боявшихся и любивших Бога, их сердца начали отчуждаться от Него и прилепляться к нынешнему миру. Едва прекратились гонения и бедные, презираемые, гонимые христиане облеклись властью и оказались в покое и достатке, перемена обстоятельств повлекла за собой перемену духа. Богатство и почести вскоре произвели свои обычные последствия. Обладая миром, они быстро полюбили мир: более не стремились к небесам, но всё сильнее привязывались к земному. Поэтому через несколько лет человек, который хорошо их знал и любил и был безупречным судьёй людей и нравов, — доктор Оуэн, — глубоко скорбел о них, считая, что они потеряли всю жизнь и силу религии и стали в точности того же духа, что и те, кого они презирали, как грязь уличную.

16 12. Та малая доля религии, которая ещё оставалась в стране, получила новую смертельную рану при Реставрации — от одного из худших государей, когда-либо сидевших на английском престоле, и от самого распущенного двора в Европе. Теперь неверие хлынуло с неудержимой силой и залило страну, словно потоп. Разумеется, с ним пришла всякого рода безнравственность и возрастала до конца столетия. В царствование королевы Анны предпринимались слабые попытки остановить поток; но он продолжал усиливаться примерно до 1725 года, когда господин Лоу опубликовал свой «Практический трактат о христианском совершенстве», а вскоре затем — «Серьёзный призыв к благочестивой и святой жизни». Здесь было посеяно семя, которое вскоре взошло и распространилось на Оксфорд,

Лондон, Бристоль, Лидс, Йорк, а за немногие годы — на большую часть Англии, Шотландии и Ирландии.

17 13. Но какими средствами воспользовалась премудрость Божия для совершения этого великого дела? Он выслал на Свою жатву таких делателей, о каких человеческая мудрость никогда бы не подумала. Он избрал немощное, чтобы посрамить сильное, и немудрое, чтобы посрамить мудрое. Он избрал немногих молодых, бедных, несведущих людей, без опыта, учёности и искусства, но простых сердцем, преданных Богу, исполненных веры и ревности; искавших не почестей, не выгоды, не удовольствий, не покоя, а только спасения душ; не боявшихся ни нужды, ни боли, ни гонений, ни чего-либо, что мог причинить им человек, и даже не дороживших собственной жизнью, лишь бы с радостью совершить своё поприще. Того же духа были люди, которых Бог через их слово призвал из тьмы в Свой чудный свет и многие из которых вскоре согласились соединиться, чтобы укреплять руки друг друга в Боге. Они тоже были просты сердцем, преданы Богу, ревностны к добрым делам; не желали ни почестей, ни богатства, ни удовольствий, ни покоя, ни чего-либо под солнцем, но лишь достигнуть полноты образа Божия и обитать с Ним во славе.

18 14. Но, возрастая в летах, не все эти молодые проповедники возрастали в благодати. Некоторые действительно умножили другие знания, но не возросли соразмерно в познании Бога. Они стали менее простыми, менее живыми для Бога, менее преданными Ему. Они меньше ревновали о Боге и, следовательно, стали менее деятельными, менее прилежными в Его служении. Одни начали желать похвалы людей, а не одной только похвалы

Божией; другие — уставать от страннической жизни и потому искать удобства и покоя. Некоторые вновь начали бояться лиц человеческих, стыдиться своего призвания, не желать отвергаться себя, ежедневно брать свой крест и «переносить страдания, как добрые воины Иисуса Христа». Где бы эти проповедники ни трудились, плодов их труда было немного. Их слово более не было, как прежде, облечено силой; оно не несло с собой явления Духа. Та же немощь духа проявлялась в их частных беседах. Они более не «настаивали во время и не во время», «вразумляя всякого человека и увещевая всякого человека», «чтобы спасти хотя некоторых».

19 15. Но как некоторые проповедники отступили от своей первой любви, так произошло и со многими из народа. На них также нападали со всех сторон, их окружали многообразные искушения. И пока многие торжествовали над всем и были «более чем победителями силою Возлюбившего их», другие давали место миру, плоти или дьяволу и так «входили в искушение». Одни «потерпели кораблекрушение в вере» сразу, другие — постепенно, медленно и незаметно. Немало людей, нуждаясь в необходимом для жизни, были подавлены мирскими заботами; многие вновь предались «желаниям других вещей», которые «заглушили доброе семя, и оно осталось бесплодным».

20 16. Но из всех искушений ничто не нанесло всему делу Божию такого удара, как «обольщение богатством»; тысячу печальных доказательств этого я видел за последние пятьдесят лет. Поистине оно обольстительно! Ибо кто поверит, что оно причиняет ему хоть малейший вред? И всё же за шестьдесят лет я не знал и шестидесяти богатых людей, пожалуй, даже половины этого числа,

которые, насколько я могу судить, не были бы менее святы, чем были бы, оставаясь бедными. Под богатством я разумею не тысячи фунтов, а всё, что превышает сумму, достаточную для обеспечения житейских удобств. Поэтому богатым я считаю человека, который имеет пищу и одежду для себя и своей семьи, не влезая в долги, и ещё что-либо сверх того. И как мало среди находящихся в таких обстоятельствах тех, кому это не вредит, если не губит их! Но кто принимает предостережение? Кто серьёзно внимает грозному изречению апостола, что даже «желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу»? Сколько печальных примеров видели мы в Лондоне, Бристоле, Ньюкасле, во всех больших торговых городах королевства, где Бог недавно явил Свою силу! Взгляните, сколько тех, кто некогда был прост сердцем и ничего не желал, кроме Бога, теперь удовлетворяют «похоть плоти», стараются угодить своим чувствам, особенно вкусу, стремясь как можно больше расширить вкусовые удовольствия. Не из их ли числа *вы*? Конечно, вы не пьяница и не обжора; но не предаётесь ли вы своего рода упорядоченной чувственности? Разве еда и питьё — не величайшие удовольствия вашей жизни, не самая значительная часть вашего счастья? Если так, боюсь, святой Павел поместил бы вас среди тех, «чей бог — чрево»! Сколько из них ныне вновь потворствуют «похоти очей», всеми доступными средствами расширяя удовольствия своего воображения! Если не в великолепии, пока ещё им недоступном, то в новых или красивых вещах! Не ищете ли вы счастья в красивой или изящной одежде и обстановке, в новых нарядах или книгах, картинах или садах? «Но что же в этом дурного?» Дурно то, что эти вещи удовлетворяют

«похоть очей» и тем самым усиливают и умножают её, делая вас всё более мёртвыми для Бога и всё более живыми для мира. Сколько людей потворствуют «гордости житейской», ищут чести от людей или «собирают сокровища на земле»! Они *зарабатывают всё, что могут*, честно и добросовестно. Они *сберегают всё, что могут*, отсекая все ненужные расходы, соединяя бережливость с трудолюбием. И до этого места всё правильно: это долг каждого боящегося Бога. Но они не *отдают всего, что могут*, а без этого неизбежно становятся всё более привязанными к земному. Их привязанности всё больше прилепляются к праху, и общения с Богом становится всё меньше. Не таково ли и *ваше* положение? Не ищете ли вы похвалы людей больше, чем похвалы Бога? Не собираете ли *вы* или по крайней мере не желаете и не стараетесь «собирать сокровища на земле»? Тогда не становитесь ли вы — поступайте честно с собственной душой! — всё более живыми для мира и, следовательно, всё более мёртвыми для Бога? Иначе быть не может. Это *неизбежно*, если вы не отдаёте всего, что можете, как зарабатываете и сберегаете всё, что можете. Под небом нет иного пути, чтобы ваши деньги не погрузили вас ниже могилы! Ибо «кто любит мир, в том нет любви Отчей». И если она *была* в нём в самой высокой степени, но он скользит в любовь к миру, то по мере того, как эта любовь входит, любовь к Богу будет выходить из его сердца. [58]

[21] 17. И, возможно, в словах «не любите мира, ни того, что в мире» заключено ещё нечто большее. Здесь нас прямо предостерегают как от любви к *миру*, так и от любви к «тому, что в мире». *Мир* — это люди, не знающие Бога, не любящие Его и не боящиеся Его. Любить их любовью удовольствия и одобрения, привязываться к ним здесь

безусловно запрещается; и по той же причине — беседовать или общаться с ними сверх того, чего требуют необходимые дела. Дружбу или близость с ними святой Иаков без колебания называет прелюбодеянием: «Прелюбодеи и прелюбодейцы! не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога? Итак, кто хочет быть другом миру, тот становится врагом Богу». Не пытайтесь ухищрениями устранить или обойти смысл этих сильных слов. Они ясно требуют, чтобы мы держались от них в стороне и не имели ненужного общения с нечестивыми людьми. Иначе мы непременно начнём сообразовываться с миром, с его правилами, духом и обычаями. Ибо не только их слова, как бы безобидно они ни звучали, распространяются, словно гангрена, но заразно и само их дыхание: их дух незаметно влияет на наш. Он проникает «как вода во внутренность нашу и как елей в кости наши». [22] 18. Но все богатые люди постоянно подвергаются искушению знакомиться и общаться с мирскими людьми. Они также непрестанно искушаются гордостью, побуждением думать о себе выше, чем должно думать. Их сильно искушает месть, когда им нанесена даже самая малая обида; и, имея средства в собственных руках, как немногие противостоят этому искушению! Их постоянно искушают лень, праздность, любовь к удобствам, изнеженность, привередливость; отвращение к самоотречению и несению креста, даже к такому кресту, как пост и раннее вставание, без которых невозможно возрастать в благодати. Если *вы* разбогатели, разве вы не знаете, что всё это так? Разве вы не заводите близости с мирскими людьми? Не общаетесь с ними больше, чем требует долг? Разве вам не угрожает гордыня — мысль, что вы лучше своих бедных, грязных соседей? Никогда не обижаетесь и даже не мстите за оскорбление? Никогда не

воздаёте злом за зло? Не уступаете лености или любви к покою? Отвергаетесь ли вы себя и ежедневно ли берёте свой крест? Постоянно ли встаёте так же рано, как прежде? Если нет, то почему? Разве ваша душа теперь менее драгоценна, чем тогда? Как часто вы поститесь? Разве для вас это не такой же долг, как для подёнщика? Но если вы не исполняете его или какой-либо иной долг, кто скажет вам об этом? Кто осмелится сказать вам простую правду, кроме тех, кто ничего от вас не надеется получить и ничего не боится? А если кто-нибудь решится говорить с вами прямо, как трудно вам это вынести! Не гораздо ли меньше вы теперь готовы принимать обличение и совет, чем когда были бедны? Хорошо ещё, если вы можете перенести обличение даже от *меня*; а через несколько дней вы меня уже не увидите.

23 Поэтому ещё раз спрашиваю: заработав и сберёгши всё, что можете, отдаёте ли вы всё, что можете? Иначе ваши деньги съедят вашу плоть, как огонь, и низвергнут вас в преисподний ад! О, берегитесь «собирать сокровища на земле»! Не значит ли это собирать себе гнев на день гнева?

24 Господи, я предостерёг их! Но если они не хотят внять, что ещё могу я сделать? Мне остаётся лишь «предать их похотям сердца их и позволить им ходить по своим помыслам»!

25 19. Несомненно, из-за того, что они не вняли этому предостережению, многие методисты уже пали; многие падают в эту самую минуту; и есть веские основания опасаться, что падут ещё многие, из которых большинство уже не восстанет!

[26] Но каким способом, как можно надеяться, премудрый Бог восстановит упадок Своего дела? Если Он не удалит светильник от этого народа и не воздвигнет другой народ, который будет вернее Его благодати, то, вероятно, станет действовать так же, как действовал прежде. А до сих пор Его способ был таков: когда кто-либо из прежних проповедников оставлял первую любовь, утрачивал простоту и ревность и отходил от дела, Он воздвигал молодых людей, которые *теперь таковы*, какими прежние *были*, и посылал их на жатву вместо них. То же Он делал, когда Ему угодно было переносить кого-либо из верных Своих делателей на лоно Авраамово. Так, когда Генри Миллард, Эдвард Данстон, Джон Мэннерс, Томас Уолш или другие упокаивались от своих трудов, Он время от времени воздвигал других молодых людей, желавших и способных исполнять то же служение. Весьма вероятно, что и впредь Он будет следовать тому же способу. Место проповедников, которые либо умирают в Господе, либо теряют дарованную им Богом духовную жизнь, Он заполнит другими, живыми для Бога и желающими только тратить себя и истощаться ради Него.

[27] 20. Услышьте это, все проповедники, у которых уже нет прежней жизни, прежнего общения с Богом, прежней ревности о Его деле, прежней пламенной любви к душам! «Наблюдайте за собою, чтобы не потерять того, над чем вы трудились, но чтобы получить полную награду». Берегитесь, как бы Бог не поклялся во гневе Своём, что вы больше не будете нести Его знамя! Как бы вы не побудили Его совершенно отнять от ваших уст слово Своей благодати! Будьте уверены: Господь не нуждается в *вас*; *Его* дело не зависит от *вашей* помощи. Как Он может «из камней воздвигнуть детей Аврааму», так может из тех же камней воздвигнуть и проповедников по Своему

сердцу! О, поспешите! Вспомните, откуда вы ниспали, и покайтесь, и творите прежние дела!

[28] 21. Не побудит ли это Господина жатвы совершенно отстранить вас, если вы будете *презирать* воздвигнутых Им делателей лишь за их *молодость*? Так обычно поступали с нами, когда *нас* впервые послали, сорок или пятьдесят лет назад. Старые мудрецы спрашивали: «Что сделают эти *молодые* головы?» Так говорил, в частности, тогдашний епископ Лондонский. Но неужели мы перенимем их язык? Да не будет! Неужели станем учить Его, кого Ему посылать и кого употреблять в Своём деле? Неужели только мы люди, и с нами умрёт мудрость? Неужели дело Божие держится на нас? О, смиритесь перед Богом, чтобы Он не исторг вас и не оказалось избавителя!

[29] 22. Рассмотрим теперь, каким способом действовала премудрость Божия на протяжении этих сорока пяти лет, когда тысячи людей, некогда хорошо бежавших, один за другим «отступали к погибели». Всякий раз, когда кого-либо из бедных подавляли мирские заботы, так что принятое ими семя становилось бесплодным, и всякий раз, когда кто-либо из богатых отступал к погибели, уступая любви к миру, безрассудным и вредным желаниям или любому другому из бесчисленных искушений, неразлучных с богатством, Бог постоянно, время от времени воздвигал людей, наделённых тем духом, который те утратили. Более того, обычно эта перемена приносила значительное преимущество: последние большей частью не только превосходили первых числом, но были и более бдительны, извлекая пользу из их примера; более духовны, более устремлены к

небесному, более ревностны, более живы для Бога и более мертвы для всего здешнего, земного.

[30] 23. И, благословен Бог, мы видим, что ныне Он делает то же в различных частях королевства. Вместо тех, кто отпал от своей твёрдости или отпадает сегодня, Он непрестанно воздвигает из камней других детей Аврааму. Он делает это в том или ином месте по Своей воле, изливая Свой животворящий Дух на тот или иной народ, как Ему угодно. Он воздвигает людей всякого возраста и положения — юношей и девиц, старцев и детей, — чтобы они были «родом избранным, царственным священством, народом святым, людьми, взятыми в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего их из тьмы в чудный Свой свет». И у нас нет причин сомневаться, что Он будет продолжать это, пока не исполнится великое обетование, пока «земля не наполнится познанием славы Господа, как воды наполняют море; пока весь Израиль не спасётся и не войдёт полнота язычников».

[31] 24. Но все ли, уступившие многообразным искушениям, пали так, что уже не могут восстать? Неужели Господь отверг их всех навеки и более не склонится к мольбе? Неужели Его обетование навсегда прекратилось? Да не будет, чтобы мы утверждали это! Несомненно, Он силён исцелить все их отступления, ибо у Бога не останется бессильным никакое слово. И разве Он не желает этого? Он «Бог, а не человек; потому не истощается Его сострадание». Пусть ни один отступник не отчаивается. «Возвратитесь к Господу, и Он помилует вас; к Богу нашему, ибо Он многомилостив».

[32] Между тем так говорит Господь вам, ныне занявшим их место: «Не гордись, но бойся!» Если «Господь не пощадил» твоих старших братьев, «смотри, пощадит ли и

тебя». Бойся, хотя не рабским, мучительным страхом, чтобы не пасть от тех же искушений: от мирских забот, обольщения богатством или желания других вещей. Вас будут искушать десятью тысячами различных способов, возможно, всё время, пока вы остаётесь в теле; но, пока вы продолжаете бодрствовать и молиться, вы не «войдёте в искушения». До сих пор Его благодати было достаточно для вас, и так будет до конца.

[33] 25. Здесь, братья, вы видите краткий общий очерк того, как Бог действует на земле, восстанавливая Своё дело благодати всюду, где оно пришло в упадок из-за хитрости сатаны и неверности людей, уступающих обману и злобе дьявола. Так Он ныне совершает Своё дело, и так будет совершать его до конца времён. И как дивно ясен и прост Его способ действия и в духовном, и в природном мире — то есть общий замысел Его действия, восстановления всего пришедшего в упадок! Но относительно бесчисленных подробностей мы по-прежнему должны восклицать: «О, бездна! Как непостижимы Его замыслы и неисследимы пути Его!»

Несовершенство человеческого знания

[1] «Мы отчасти знаем».

[2] 1 Кор. 13:9.

[3] 1. Стремление к знанию — всеобщее начало в человеке, укоренённое в самой глубине его природы. Оно не изменчиво, но постоянно присутствует во всяком разумном существе, кроме тех случаев, когда его приостанавливает какое-либо более сильное желание. И оно ненасытно: «Не насытится око зрением, не наполнится ухо слушанием», а ум — никакой мерой знания, которую можно ему сообщить. Оно вложено в каждую человеческую душу ради превосходных целей. Оно предназначено не давать нам успокоиться на чём-либо здешнем, земном; возводить наши мысли ко всё более высоким предметам, всё более достойным рассмотрения, пока мы не восходим к Источнику всякого знания и всякого совершенства — премудрому и всеблагому Творцу.

[4] 2. Но хотя наше стремление к знанию безгранично, само наше знание имеет пределы. Оно, в самом деле, заключено в очень тесные границы — гораздо более тесные, чем воображают простые люди или готовы признать учёные. Это убедительное указание на то, что, поскольку Творец ничего не делает напрасно, будет некоторое будущее состояние бытия, в котором это ныне ненасытное желание удовлетворится и между

стремлением и его предметом уже не будет столь огромного расстояния.

[5] 3. Нынешнее знание человека точно приспособлено к его нынешним нуждам. Его достаточно, чтобы предупреждать нас о большинстве зол, которым мы теперь подвержены, и оберегать от них, а также доставлять всё необходимое на этой младенческой ступени нашего существования. Мы достаточно знаем природу и чувственно воспринимаемые свойства окружающих вещей, поскольку они служат здоровью и силе нашего тела; умеем добывать и приготовлять пищу; знаем, какая одежда пригодна, чтобы покрывать нас; умеем строить дома и снабжать их всем необходимым и удобным. Мы знаем ровно столько, сколько способствует благополучной жизни в этом мире. Но о бесчисленных вещах над нами, под нами и вокруг нас мы знаем немногим больше того, что они существуют. И в этом глубоком нашем неведении видны и благость, и премудрость Бога, Который со всех сторон ограничил знание человека именно для того, чтобы «отвратить от человека гордость». [59]

[6] 4. Поэтому по самому устройству своей природы мудрейшие из людей «знают» лишь «отчасти». И как поразительно мала та часть, которую они знают о Творце или о Его делах! Это тема весьма необходимая, но весьма неприятная, ибо «пустой человек желает мудрствовать». Поразмыслим об этом некоторое время. И да откроет Бог премудрости и любви наши глаза, чтобы мы различили собственное невежество!

[7] I. 1. Начнём с Самого великого Творца. Как поразительно мало мы знаем о Боге! Какую малую часть Его природы мы знаем, Его существенных свойств! Какое

представление можем составить о Его вездесущии? Кто способен постигнуть, как Бог находится в этом месте и во всяком другом, как Он наполняет необъятность пространства? Если бы философы, отрицая существование пустоты, имели в виду лишь то, что нет места, пустого от Бога, что каждая точка бесконечного пространства исполнена Бога, несомненно, никто не мог бы оспаривать этого. Но всё же, даже признав сам факт, что такое вездесущие, или пребывание повсюду? Человек способен постигнуть это не более, чем обнять вселенную.

[8] 2. Сэр Исаак Ньютон старается пояснить вездесущие, или безмерность, Бога сильным выражением, называя бесконечное пространство «чувствилищем Божества». И сами язычники не колебались говорить: «Всё исполнено Бога», — что вполне равнозначно Его собственному изречению: «Не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь». Как прекрасно поясняет это псалмопевец! «Куда от лица Твоего убегу? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в преисподнюю — и там Ты. Возьму ли крылья зари и переселюсь на край моря — и там найдёт меня рука Твоя, и удержит меня десница Твоя». Но между тем какое представление можем мы составить о Его вечности или безмерности? Такое ведение слишком дивно для нас; мы не можем постигнуть его.

[9] 3. Второе существенное свойство Бога — вечность. Он существовал прежде всякого времени. Возможно, правильнее было бы сказать: Он *существует* от века и до века. Но что такое вечность? Один знаменитый автор говорит, что Божия вечность есть vitae interminabilis tota simul et perfecta possessio, — «полное и совершенное обладание нескончаемой жизнью, всё сразу». Но насколько мудрее делает нас это определение? Мы знаем

об этом ровно столько же, сколько знали прежде. «Полное и совершенное обладание, всё сразу»! Кто может представить, что это значит?

10 4. Если бы Бог действительно запечатлел, как утверждали некоторые, представление о Себе в каждой человеческой душе, мы непременно должны были бы что-то понимать и об этих, и о других Его свойствах: ведь нельзя предположить, что Он впечатал бы в нас ложное или несовершенное представление о Себе. Но истина в том, что никто никогда не находил и ныне не находит такого представления, запечатлённого в душе. То малое, что мы знаем о Боге, кроме получаемого по вдохновению Святого, мы не извлекаем из какого-либо внутреннего отпечатка, но постепенно приобретаем извне. «Невидимое Божие», если вообще познаётся, «познаётся через рассматривание творений»: не из того, что Бог написал в наших сердцах, но из того, что Он написал во всех Своих делах.

11 5. Итак, из Его дел, в особенности из дел творения, мы должны учиться познанию Бога. Но нелегко представить, как мало мы знаем даже о них. Начнём с удалённых от нас: кто знает, как далеко простирается вселенная? Каковы её пределы? Об этом могут сказать утренние звёзды, которые вместе воспевали, когда её пределы были очерчены, когда Бог сказал: «Вот твоя точная окружность, о мир!» Но всё за пределами неподвижных звёзд совершенно скрыто от сынов человеческих. И что мы знаем о самих неподвижных звёздах? Кто исчислит их — хотя бы ту малую их часть, которая своим смешанным светом образует то, что мы называем Млечным Путём? И кто знает их назначение? Неужели все они — солнца, освещающие каждое свои планеты? Или они служат лишь

нашему миру, как предполагает господин Хатчинсон, и каким-то неизвестным образом содействуют непрерывному обращению света и духа? Кто знает, что такое кометы? Не вполне сформировавшиеся планеты? Или планеты, разрушенные пожаром? Или тела совершенно иной природы, о которой мы не можем составить никакого понятия? Кто скажет, что такое Солнце? Его пользу мы знаем, но кто знает, из какого вещества оно состоит? Более того, мы ещё не можем определить, жидкое оно или твёрдое! Кто знает точное расстояние от Солнца до Земли? Многие астрономы убеждены, что оно составляет сто миллионов миль; другие — что лишь восемьдесят шесть миллионов, хотя обычно принимают девяносто. Но столь же великие мужи говорят, что оно не более пятидесяти миллионов; некоторые — что всего двенадцать. Последним выступает доктор Роджерс и доказывает, что оно равно ровно двум миллионам девятистам тысячам миль! Так мало мы знаем даже об этом славном светиле, оке и душе нижнего мира! И ровно столько же — об окружающих его планетах, даже о нашей собственной планете, Луне. Правда, некоторые открыли

[12] Реки и горы на её пятнистом шаре;

[13] и даже нанесли на карту все её моря и материки! Но после всего этого мы ровно ничего не знаем о деле. Относительно ближайшего из всех небесных тел у нас нет ничего, кроме одних недостоверных догадок.

[14] 6. Но обратимся к вещам, которые ещё ближе к нам, и исследуем, что мы знаем о них. Много ли мы знаем об этом удивительном теле — свете? Как он передаётся нам? Течёт ли он непрерывным потоком от Солнца? Или Солнце толкает ближайшие к его шару частицы, и так

далее и далее, до края своей системы? И ещё: обладает ли свет тяготением? Притягивает ли он другие тела или отталкивает их? Подчиняется ли он общим законам, действующим во всей прочей материи? Или это тело sui generis, совершенно отличное от всякой другой материи? Одно ли это и то же с электрической жидкостью или нет? Кто может объяснить явления электричества? Кто знает, почему одни тела проводят электрическую жидкость, а другие останавливают её движение? Почему сосуд способен зарядиться до определённой степени и не более? Можно было бы задать ещё тысячу вопросов об этом предмете, на которые ни один живущий человек не способен ответить.

15 7. Но уж конечно, мы понимаем воздух, которым дышим и который окружает нас со всех сторон. Благодаря удивительному свойству упругости он служит всеобщей пружиной природы. Но существенна ли упругость для воздуха и неотделима ли от него? Нет: недавно бесчисленными опытами было доказано, что воздух может быть связан, то есть лишён упругости, а затем вновь произведён или восстановлен в этом состоянии. Следовательно, он упруг лишь постольку, поскольку связан с электрическим огнём. И не есть ли этот электрический, или эфирный, огонь единственное в природе истинно и по существу упругое начало? Кто знает, какой силой роса, дождь и все прочие пары поднимаются и опускаются в воздухе? Можем ли мы объяснить их явления обычными началами? Или должны признать вместе с одним недавним остроумным автором, что эти начала совершенно недостаточны и что разумное объяснение возможно лишь на основе электричества?

16 8. Спустимся теперь на землю, которую мы попираем ногами и которую Бог особо дал сынам человеческим. Понимают ли её сыны человеческие? Если предположить, что земноводный шар имеет семь или восемь тысяч миль в поперечнике, какую его часть мы знаем? Быть может, одну или две мили от поверхности: так далеко проникло человеческое искусство. Но кто сообщит нам, что лежит ниже области камней, металлов, минералов и прочих ископаемых? Это лишь тонкая кора, составляющая чрезвычайно малую долю целого. Кто познакомит нас с внутренними частями земного шара? Из чего они состоят? Есть ли там центральный огонь, великий запас, который не только питает огнедышащие горы, но также, хотя мы не знаем как, содействует созреванию драгоценных камней и металлов, а возможно, и произрастанию растений и благополучию животных? Или в недрах земли всё ещё заключена великая бездна, центральная пучина вод? Кто видел? Кто может сказать? Кто способен дать сколько-нибудь основательный ответ разумному исследователю?

17 9. Как много даже на самой поверхности земного шара остаётся нам совершенно неизвестным! Как мало мы знаем о полярных областях, северных или южных, в Европе или в Азии! Как мало — об этих обширных странах, внутренних частях Африки и Америки! Ещё меньше мы знаем о том, что заключено в широком море, в великой бездне, покрывающей столь значительную часть земного шара. Большинство её покоев недоступно человеку, поэтому мы не можем сказать, чем они наполнены. Как мало мы знаем и о тех вещах на суше, которые находятся прямо перед нашими глазами! Возьмите даже самые простые металлы или камни: как несовершенно мы знакомы с их природой и свойствами!

Кто знает, что отличает металлы от всех прочих ископаемых? Отвечают: «Они тяжелее». Совершенно верно, но в чём причина того, что они тяжелее? В чём видовое отличие металлов от камней или одного металла от другого — золота от серебра, олова от свинца? Всё это тайна для сынов человеческих.

18 10. Перейдём к растительному царству. Кто может доказать, что сок в каком-либо растении совершает правильное обращение по его сосудам, или доказать, что не совершает? Кто может указать видовое отличие одного рода растений от другого или особенное внутреннее строение и расположение их составных частей? Да и какой живущий человек вполне понимает природу и свойства хотя бы одного растения под небом?

19 11. Что касается животных: являются ли так называемые микроскопические животные *настоящими* животными? Если да, не отличаются ли они по существу от всех прочих животных во вселенной тем, что не нуждаются в пище, не производят потомства и сами не рождаются? Или это вовсе не животные, а лишь неодушевлённые частицы материи в состоянии брожения? Как совершенно невежественны самые проницательные люди во всём, что касается рождения, даже рождения человека! Правда, в книге Творца были записаны все наши члены, «день за днём образуемые, когда ещё ни одного из них не было». Но по какому правилу они образовывались? Каким образом? Каким средством было сообщено первое движение punctum saliens? Когда и как бессмертный дух был присоединён к бесчувственной глине? Всё это тайна, и мы можем лишь сказать: «Я дивно устроен, так что это внушает трепет».

[20] 12. Относительно насекомых в последнее время сделано немало открытий. Но как мало всё уже открытое в сравнении с ещё не открытым! Сколько миллионов их из-за чрезвычайной малости совершенно ускользает от всех наших исследований! Да и мельчайшие части самых крупных животных ускользают от самого усердного изучения. Имеем ли мы более полное знание о рыбах, чем о насекомых? Значительная часть, если не большая часть, обитателей вод совершенно скрыта от нас. Вероятно, виды морских животных столь же многочисленны, как виды наземных. Но как немногие из них нам известны! И как мало мы знаем об этих немногих. С птицами мы знакомы несколько лучше — и действительно, лишь несколько. Ибо об очень многих нам почти ничего не известно, кроме внешнего вида. У других, преимущественно у тех, которые бывают возле наших домов, мы знаем несколько очевидных свойств. Но даже о них у нас нет полного, соразмерного предмету знания. Как мало мы знаем о зверях! Мы не знаем, откуда происходят различия нравов и качеств не только между разными их видами, но и между отдельными животными одного вида, а нередко даже между происходящими от одних и тех же родителей, от той же самки и того же самца. Неужели они лишь машины? Тогда они неспособны ни к удовольствию, ни к боли. Более того, у них не может быть чувств: они не видят и не слышат, не ощущают вкуса и запаха. Тем менее они способны знать, помнить или двигаться иначе как от внешнего толчка. Но всё это, как показывают ежедневные опыты, совершенно противно фактам.

[21] 13. Хорошо; но если мы не знаем ничего другого, разве не знаем самих себя — свои тела и души? Что такое наша душа? Мы знаем, что она дух. Но что такое дух? Здесь мы

совершенно останавливаемся. И где помещается душа — в шишковидной железе, во всём мозгу, в сердце, в крови, в какой-нибудь отдельной части тела или, если кто способен понять эти выражения, «вся во всём и вся в каждой части»? Как душа соединена с телом, дух — с глыбой земли? Что это за тайная, неощутимая цепь, которая связывает их вместе? Может ли мудрейший из людей дать удовлетворительный ответ хотя бы на один из этих простых вопросов?

[22] А о самом нашем теле как мало мы знаем! Во время ночного сна здоровый человек теряет через испарение на четверть меньше, когда потеет, чем когда не потеет. Кто может объяснить это? Что такое плоть, в особенности мышечная? Имеют ли составляющие её волокна определённую величину, так что их можно делить лишь до известного предела? Или они делимы in infinitum? Как действует мышца — раздуваясь и вследствие этого укорачиваясь? Но чем она раздувается? Если кровью, то как и откуда поступает эта кровь? И куда она уходит в то мгновение, когда мышца расслабляется? Проходимы ли нервы внутри или сплошные? Как они действуют — посредством колебаний или передачи животных духов? Кто знает, что такое животные духи? Не электрический ли это огонь? Что такое сон? В чём он состоит? Что такое сновидение? Как отличить сновидения от мыслей наяву? Боюсь, никто этого не знает. О, как мало мы знаем даже о самих себе! Чего же тогда можем ожидать от нашего знания всего Божия творения?

[23] II. 1. Но не лучше ли мы знакомы с Его делами Провидения, чем с делами творения? Одно из первых начал религии заключается в том, что Его Царство всем обладает; поэтому мы можем уверенно сказать: «Господи,

Боже наш! как величественно имя Твоё по всей земле!» Детское измышление — предполагать, будто миром правит случай или будто ему принадлежит какая-либо доля в управлении миром; нет, даже в тех вещах, которые обыденному взору кажутся совершенно случайными. «В полу бросается жребий, но всё решение его — от Господа». Сам наш благословенный Учитель поставил это вне всякого возможного сомнения. «Ни один воробей, — говорит Он, — не падает на землю без воли Отца вашего Небесного; да», — чтобы выразить это ещё сильнее, — «даже и волосы на голове вашей все сочтены».

24 2. Но хотя нам хорошо известна общая истина, что всё управляется Божиим Провидением, выраженная и самим языческим оратором — Deorum moderamine cuncta geri, — как поразительно мало мы знаем о частностях, заключённых в этом общем! Как мало понимаем Его промыслительные действия в отношении народов, семей или отдельных людей! Во всём этом есть высоты и глубины, которых наш разум никак не может измерить. Теперь мы можем постигнуть лишь малую часть Его путей; остальное узнаем впоследствии.

25 3. Даже относительно целых народов как мало мы понимаем промыслительные действия Божии! Какие бесчисленные народы Востока некогда процветали на страх всем соседям, а ныне сметены с лица земли, и память о них погибла вместе с ними! Не иначе было и на Западе. В Европе мы также читаем о многих великих и могущественных царствах, от которых остались одни имена; народы исчезли, словно их никогда не было. Но почему всемогущему Правителю мира было угодно вымести их метлой истребления, мы сказать не можем;

ведь пришедшие им на смену нередко были немногим лучше их.

26 4. Но не только в отношении древних народов промыслительные определения Божии совершенно непонятны нам: те же трудности встречаются и ныне. Мы не можем объяснить Его нынешние действия с жителями земли. Мы знаем, что «Господь благ ко всем, и щедроты Его на всех делах Его». Но мы не знаем, как согласовать это с нынешними распоряжениями Его Провидения. Разве сегодня почти каждая часть земли не полна тьмы и жилищ жестокости? В каком состоянии находится, в частности, обширная и многолюдная империя Индостана! Сколько сотен тысяч бедных, мирных людей истреблено, а их трупы оставлены, как навоз на земле! В каком состоянии, хотя английских разбойников там нет, находятся бесчисленные острова Тихого океана! Как мало их состояние выше состояния волков и медведей! И кто заботится об их душах или телах? Но разве Отец людей не заботится о них? О, тайна Провидения!

27 5. И кто заботится о тысячах, десятках тысяч, если не миллионах несчастных африканцев? Разве целые стада этих бедных овец — человеческих, если даже не разумных существ! — не гонят непрестанно на рынок и не продают, как скот, в самое низкое рабство, без всякой надежды на избавление, кроме смерти? Кто заботится об этих отверженных среди людей, всем известных готтентотах? Правда, один недавний писатель приложил немало усилий, чтобы представить их достойным уважения народом; но по каким побуждениям — сказать нелегко. Ведь он сам признаёт, приводя образец изящества их нравов, что сырые кишки овец и прочего скота служат у них не только одним из отборнейших кушаний, но и

украшением рук и ног; и, приводя образец их религии, — что сына не считают мужчиной, пока он не изобьёт мать почти до смерти, а когда отец состарится, он запирает его в маленькой хижине и оставляет там умирать от голода! Отец милосердия! Неужели это дела Твоих собственных рук, приобретённые кровью Твоего Сына?

[28] 6. Как ненамного лучше гражданское или религиозное состояние бедных американских индейцев — то есть их жалких остатков! Ведь в некоторых областях не осталось ни одного из них, кто ещё дышал бы. На Эспаньоле, когда христиане впервые пришли туда, было три миллиона жителей; ныне из них едва уцелело двенадцать тысяч. И в каком состоянии находятся они или другие индейцы, ещё рассеянные по огромному материку Южной или Северной Америки? Религии у них нет, никакого общественного богослужения! Во всех их помышлениях нет Бога. И у большинства совсем нет гражданского правления, ни законов, ни властей; каждый делает то, что справедливо в его собственных глазах. Поэтому их число ежедневно сокращается, и весьма вероятно, что через одно или два столетия не останется ни одного.

[29] 7. Впрочем, жители Европы не находятся в столь плачевном состоянии. Они цивилизованны; имеют полезные законы и управляются властями; имеют религию; они христиане. Боюсь, однако, что, называют ли их христианами или нет, у многих из них религии немного. Что скажете вы о тысячах лапландцев, финляндцев, самоедов и гренландцев, да и обо всех живущих в высоких северных широтах? Столь ли они цивилизованны, как овцы или волы? Сравнить их с лошадьми или любым из наших домашних животных значило бы оказать им слишком много чести. Прибавьте к

ним десятки тысяч людей-дикарей, мёрзнущих среди снегов Сибири, и столько же, если не больше, скитающихся по пустыням Татарии. Прибавьте тысячи и тысячи поляков и московитов, а также так называемых христиан европейской Турции. И неужели «Бог так возлюбил» их, «что отдал Сына Своего Единородного, дабы они не погибли, но имели жизнь вечную»? Тогда почему они таковы? О, диво превыше всех див!

30 8. Нет ли столь же таинственного в Божием устроении относительно самого христианства? Кто объяснит, почему христианство не распространено столь же широко, как грех? Почему лекарство не послано в каждое место, где есть болезнь? Но, увы, это не так: «звук его» ныне не «прошёл по всей земле». Яд разлит по всему земному шару; противоядие неизвестно даже в шестой его части. И как премудрость и благость Божия допускают, чтобы само противоядие было столь тяжко испорчено — не только в римско-католических странах, но почти в каждой части христианского мира? Столь испорчено примесью то бесполезных, то ядовитых веществ, что не сохраняет совсем или сохраняет лишь весьма малую долю своей первоначальной силы. Более того, многие из тех самых людей, которых Он послал давать это лекарство, так основательно исказили его, что оно вдесятеро усиливает злокачественность болезни, которую предназначалось лечить! Поэтому среди христиан найдётся немногим больше милосердия и правды, чем среди язычников. Более того, утверждали — и, боюсь, справедливо, — что многие именуемые христианами гораздо хуже окружающих их язычников: более распутны, более преданы всякого рода нечестию, не боятся Бога и не стыдятся людей! О, кто может постигнуть это! Неужели Тот, Кто выше самых высоких, не замечает этого?

31 9. Столь же непонятны нам многие Божии распоряжения относительно отдельных семей. Мы вовсе не можем понять, почему одних Он возвышает к богатству, почестям и власти, а других в то же время угнетает бедностью и разными скорбями. Одни дивно преуспевают во всём, за что берутся, и мирские блага изливаются на них, тогда как другие при всех своих трудах и усилиях едва могут добыть насущный хлеб. И, возможно, благополучие и одобрение сопутствуют первым до смерти, а последние до конца жизни пьют чашу бедствий, хотя мы не видим причины ни благоденствия одних, ни несчастья других.

32 10. Столь же мало мы можем объяснить Божии распоряжения относительно отдельных людей. Мы не знаем, почему удел одного человека — Европа, а другого — дебри Америки; почему один рождается от богатых или знатных родителей, другой — от бедных; почему отец и мать одного крепки и здоровы, а другого — слабы и больны, отчего он влачит жалкое существование все дни жизни, подвергаясь нужде, боли и тысяче искушений, из которых не находит выхода. Сколько людей с самого младенчества окружены такими родственниками, что, кажется, у них нет ни шанса, как выражаются некоторые, ни возможности быть полезными себе или другим! Почему ещё до собственного выбора они опутаны такими связями? Почему вредные люди так поставлены на их пути, что они не знают, как от них избавиться? И почему полезные люди скрыты от их взора или отнимаются у них в минуту крайней нужды? О Боже, как непостижимы Твои суды, или замыслы! Слишком глубоки, чтобы наш разум мог измерить их; и пути исполнения этих замыслов невозможно проследить нашей мудростью!

[33] III. 1. Более ли способны мы исследовать Его дела благодати, чем Его дела Провидения? Ничто не достовернее того, что «без святости никто не увидит Господа». Почему же столь огромное большинство людей, насколько мы можем судить, отрезано от всех средств, от всякой возможности святости ещё от материнского чрева? Например, какая возможность есть у готтентота, новозеландца или жителя Новой Земли, если он там живёт и умирает, когда-либо узнать, что значит святость, и, следовательно, когда-либо достигнуть её? Но кто-нибудь скажет: «Он согрешил до рождения, в предшествующем состоянии бытия. Поэтому он поставлен здесь в столь неблагоприятное положение. И уже то, что ему дано второе испытание, есть чистая милость». Отвечаю: если даже допустить такое предшествующее состояние, то, что вы называете вторым испытанием, в действительности вовсе не испытание. Едва родившись в мир, он оказывается всецело во власти своих диких родителей и родственников, которые с первой зари разума воспитывают его в том же невежестве, безбожии и варварстве, в каких живут сами. У него, так сказать, нет шанса, нет возможности получить лучшее воспитание. В чём же тогда состоит его испытание? От прихода в мир и до ухода из него он, по-видимому, находится под страшной необходимостью жить во всяком нечестии и неправде. Но как это? Как может так обстоять дело с миллионами душ, созданных Богом? Разве Ты не Бог «всех концов земли и находящихся в море далеко»?

[34] 2. Прошу заметить: если превратить это в возражение против откровения, оно будет направлено в полной мере и против естественной религии, не только против религии откровения. Если бы оно было окончательным, оно привело бы нас не к деизму, а к прямому атеизму. Оно

свидетельствовало бы не только против христианского откровения, но и против существования Бога. И всё же я не вижу, как избежать его силы, кроме как отнести всё к неисследимой премудрости Божией, глубоко сознавая наше невежество и неспособность постигнуть Его замыслы.

35 3. Даже среди нас, гораздо более облагодетельствованных, чем они, — нас, которым вверены изречения Божии, чьё Слово есть светильник ногам нашим и свет на всех наших стезях, — всё ещё много обстоятельств в Его устроении, превосходящих наше понимание. Мы не знаем, почему Он так долго позволял нам ходить собственными путями, прежде чем мы были обличены во грехе; почему употребил то или иное орудие и тот или иной способ. И тысяча непонятных нам обстоятельств сопровождала наше обличение. Мы не знаем, почему Он позволил нам так долго ждать, прежде чем открыл Своего Сына в наших сердцах, или почему переход от тьмы к свету сопровождался именно такими особыми обстоятельствами.

36 4. Несомненно, исключительно Богу принадлежит право оставлять «времена и сроки в Своей власти». И мы не можем объяснить, почему из двух одинаково жаждущих спасения один тотчас принимается в Божие благоволение, а другой оставлен скорбеть месяцы или годы. Один, едва призвав Бога, получает ответ и исполняется миром и радостью в вере; другой ищет Его, по-видимому, с той же искренностью и усердием, но всё же не может найти Его или ощутить Его благоволения неделями, месяцами или годами. Мы хорошо знаем, что это никак не может быть следствием какого-либо безусловного определения, предназначившего одного ещё

до рождения к вечной славе, а другого — к вечному огню; но мы не знаем, в чём причина. Достаточно того, что Бог знает.

37 5. Столь же велико разнообразие способов и времени, когда Бог дарует Свою освящающую благодать, благодаря которой Его дети могут отдать Ему всё сердце, и этого мы также никак не можем объяснить. Мы не знаем, почему одним Он дарует её ещё до того, как они попросят, — а мы видели некоторые несомненные примеры этого; другим — после того, как они искали её лишь несколько дней; и при этом допускает, чтобы иные верующие ждали её, быть может, двадцать, тридцать или сорок лет, а иные — до нескольких часов или даже минут перед возвращением их духа к Нему. У Бога несомненно есть причины и для разнообразных обстоятельств, сопровождающих исполнение великого обещания: «Обрежу сердце твоё, чтобы ты любил Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим и всею душою твоею»; но эти причины обычно скрыты от сынов человеческих. И ещё: некоторые из получивших способность любить Бога всем сердцем и всею душою сохраняют это благословение без всякого перерыва, пока не будут отнесены на лоно Авраамово; другие не сохраняют, хотя и не сознают, что огорчили Святого Духа Божия. И этого мы не понимаем; здесь мы не «знаем мысль Духа».

38 IV. Из глубокого сознания этого собственного невежества мы можем извлечь несколько ценных уроков. Во-первых, урок смирения: «не думать о себе», особенно о своём разуме, «более, нежели должно думать», но «думать скромно», будучи вполне убеждены, что сами по себе мы неспособны помыслить ни одной доброй мысли; что могли бы спотыкаться на каждом шагу, ошибаться в

каждое мгновение жизни, если бы не имели «помазания от Святого», пребывающего «с нами»; если бы Знающий, что в человеке, не помогал нашим немощам; если бы не было «духа в человеке», дающего мудрость, и вдохновения Святого, которое «даёт разумение».

39 Отсюда, во-вторых, мы можем научиться вере, упованию на Бога. Полная убеждённость в собственном невежестве может научить нас полному доверию к Его премудрости. Она может научить нас тому, что не всегда так легко, как кажется, — доверять невидимому Богу дальше того, что мы способны видеть! Она может помочь усвоить трудный урок: «ниспровергать» собственные «воображения», или, вернее, *рассуждения*, каково собственное значение этого слова; «ниспровергать всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленять всякое помышление в послушание Христу». Ныне есть два великих препятствия к правильному суждению о действиях Бога в отношении людей. Первое: существует бесчисленное множество *фактов*, касающихся каждого человека, которых мы не знаем и не можем знать. Теперь они скрыты от нас и покрыты непроницаемой тьмой, недоступной нашему исследованию. Второе: мы не можем видеть *мыслей* людей, даже когда знаем их поступки. Мы всё же не знаем их *намерений*, а без этого плохо можем судить о внешних действиях. Сознавая это, «не судите никак прежде времени» о Его промыслительных распоряжениях, пока Он не осветит «скрытое во мраке» и не обнаружит «помышления и намерения сердечные».

40 Из сознания собственного невежества мы можем извлечь, в-третьих, урок покорности. Мы можем научиться во всякое время и во всех обстоятельствах говорить: «Отче, не как я хочу, но как Ты». Это был

последний урок, который наш благословенный Господь, как человек, усвоил во время земной жизни. Он не мог подняться выше слов «не как Я хочу, но как Ты», пока, преклонив голову, не испустил дух. Уподобимся же и мы в этом Его смерти, чтобы познать всю «силу воскресения Его»!

Беспристрастное рассмотрение разума

[1] «Братья! Не будьте детьми в разумении: на злое будьте младенцы, а в разумении будьте совершеннолетни».

[2] 1 Кор. 14:20.

[3] 1. Справедливо замечание выдающегося человека, много наблюдавшего человеческую природу: «Если разум против человека, человек всегда будет против разума». Опыт всех веков подтверждает это. Очень многие примеры встречались и в христианском, и в языческом мире, притом уже в самые ранние времена. Даже тогда не было недостатка в благонамеренных людях, которые, сами не обладая большим разумом, воображали, будто разум бесполезен в религии, более того — скорее служит ей помехой. И с тех пор не прекращалась череда людей, веривших и утверждавших то же самое. Но никогда ещё в христианской Церкви, по крайней мере в Британии, их не было больше, чем в наши дни.

[4] 2. Среди презирающих и поносящих разум всегда можно ожидать тех энтузиастов, которые принимают мечтания собственного воображения за откровения Божии. Нельзя ожидать, чтобы люди такого склада высоко ценили разум. Имея непогрешимого руководителя, они мало поддаются рассуждениям людей, способных ошибаться. В первых рядах их мы обыкновенно находим всё стадо антиномистов: всех, кто, как бы ни различался в других отношениях, согласен в том, чтобы «уничтожать закон верою». Если вы противопоставите им разум, когда они

высказывают положения, сколь угодно исполненные нелепости и богохульства, они, вероятно, сочтут достаточным ответом: «О, это ваш разум», или: «Ваш плотской разум». Поэтому все доводы для них пропадают: они ценят их не больше соломы или гнилого дерева.

5 3. Как естественно для тех, кто видит эту крайность, впасть в противоположную! Сильно поражённые нелепостью недооценки разума, как легко они переоценивают его! Настолько легче перебежать с востока на запад, чем остановиться посередине. Поэтому нас окружают люди — мы встречаем их со всех сторон, — полагающие несомненным началом, что разум — высший дар Божий. Они изображают его в прекраснейших красках, превозносят до небес; охотно распространяются о его достоинствах и придают ему почти Божественный характер. Они привыкли описывать его как почти, если не вполне, непогрешимый. Они видят в нём вседостаточного руководителя всех сынов человеческих, способного собственным природным светом наставить их на всякую истину и привести ко всякой добродетели.

6 4. Почти все предубеждённые против христианского откровения, не принимающие Писаний как слов Божиих, впадают в эту крайность; я едва ли знал хоть одно исключение. Таковы и все, как бы они ни назывались, кто отрицает Божество Христа. Правда, некоторые из них говорят, что не отрицают Его Божества, а лишь Его верховного Божества. Но это одно и то же: отрицая, что Он — верховный Бог, они отрицают, что Он вообще Бог, если только не станут утверждать существование двух богов — большого и малого! Все они горячо восхваляют разум как великого, безошибочного руководителя. К этим чрезмерным почитателям разума обыкновенно можно

прибавить людей с необычайно сильным умом, которые, поскольку действительно знают больше большинства других, предполагают, будто могут знать всё. Но сюда можно прибавить и многих из противоположной крайности — людей с необычайно слабым умом, людей, у которых гордость, что весьма обычно, восполняет пустоту рассудка; они не подозревают своей слепоты, потому что всегда были слепы.

[7] 5. Неужели же нет середины между этими крайностями — недооценкой и переоценкой разума? Конечно, есть. Но кто укажет её, кто обозначит средний путь? Великий мастер разума, господин Локк, сделал нечто подобное, нечто применимое к этому вопросу, в одной главе своего «Опыта о человеческом разумении». Но применимо это лишь отдалённо: он не подходит к самой сути. Добрый и великий доктор Уоттс превосходно писал и о разуме, и о вере. Однако и в его трудах ничто не указывает середины между слишком низкой и слишком высокой оценкой разума.

[8] 6. Я охотно постарался бы в некоторой мере восполнить этот большой недостаток: сперва показать недооценивающим разум, что он может, а затем переоценивающим — чего он не может. Но прежде, чем сделать то или другое, совершенно необходимо определить термин, установить точное значение рассматриваемого слова. Без этого люди могут спорить до конца мира, не приходя ни к какому полезному заключению. Это одна из главных причин бесчисленных пререканий по данному предмету. Очень немногие спорщики думали об этом — об определении слова, из-за которого спорили. Естественным следствием было то, что

в конце они оставались столь же далеки от согласия, как и в начале.

[9] I. 1. Итак, во-первых, слово *reason* иногда понимается как *довод*. Например: «Приведи мне *основание* своего утверждения». Так и у Исаии: «Представьте ваши сильные *основания*», то есть сильные доводы. Почти в том же смысле мы употребляем это слово, говоря: «У него есть веские *основания* для его поступков». Здесь оно, по-видимому, означает: у него есть достаточные *побуждения*, такие, которые должны влиять на мудрого человека. Но как понимать это слово в знаменитом вопросе об «основаниях вещей», особенно когда спрашивают: An rationes rerum sint aeternae? — «Вечны ли основания вещей?» Не означают ли здесь «основания вещей» их *отношения* друг к другу? Но что такое *вечные отношения временных* вещей, вещей, которых ещё вчера не существовало? Могли ли отношения этих вещей существовать прежде, чем сами вещи получили какое-либо бытие? Не является ли тогда речь о подобных отношениях прямым противоречием — да, столь очевидным, какое только можно выразить словами?

[10] 2. В другом значении слово «разум» почти равнозначно *рассудку*. Оно означает способность человеческой души, проявляющуюся трояким образом: через простое постижение, суждение и рассуждение. *Простое постижение* — это лишь представление вещи в уме, первый и самый простой акт разумения. *Суждение* — определение того, согласуются ли прежде представленные вещи друг с другом или различаются. *Рассуждение*, строго говоря, есть движение, или переход, ума от одного суждения к другому. Способность души,

заключающую в себе эти три действия, я здесь и разумею под словом *разум*.

11 3. Принимая слово в этом смысле, рассмотрим теперь беспристрастно, во-первых, что разум может делать. Кто станет отрицать, что в делах обычной жизни он может многое, очень многое? Начнём с самого низкого: он может указывать слугам, как исполнять разнообразные работы, которыми они заняты, как выполнять свой долг и в самых низких службах, и в службах более высокого рода. Он может указывать земледельцу, в какое время и каким образом возделывать землю, пахать, сеять, жать, убирать хлеб, разводить скот и ухаживать за ним, благоразумно и надлежащим образом действовать в каждой части своего труда. Он может указывать ремесленникам, как изготовлять различные виды одежды и тысячи необходимых и удобных для жизни вещей не только для себя и своих домашних, но и для ближних — живущих близко или далеко. Он может указывать людям более высоких способностей, как замышлять и исполнять произведения более изящного рода. Он может направлять живописца, скульптора, музыканта к совершенству в тех занятиях, к которым поставил их Промысл. Он может указывать мореходу, как держать путь по лону великой бездны. Он даёт изучающим законы своей страны способность защищать имущество или жизнь сограждан, а изучающим врачебное искусство — исцелять большинство болезней, которым мы подвержены в нынешнем состоянии.

12 4. Поднимемся ещё выше: несомненно, разум может помогать нам пройти весь круг искусств и наук — грамматику, риторику, логику, натуральную и нравственную философию, математику, алгебру,

метафизику. Он может научить всему, что человеческое умение или трудолюбие изобрели за несколько тысяч лет. Он совершенно необходим для надлежащего исполнения важнейших должностей: например, должностей судей и должностных лиц низшего или высшего ранга, подчинённых или верховных правителей государств, областей и царств.

13 5. Всё это немногие люди в здравом уме станут отрицать. Ни один мыслящий человек не может сомневаться, что разум приносит значительную пользу во всём относящемся к нынешнему миру. Но предположим, что мы говорим о более высоком — о делах иного мира: что разум может здесь? Помогает ли он религии или препятствует ей? В человеческих делах он может многое; но что он может в делах Божиих?

14 6. Это вопрос, заслуживающий глубокого размышления. Если вы спросите: что разум может в религии? — я отвечу: чрезвычайно многое, как в отношении её основания, так и в отношении воздвигаемого на нём здания.

15 Основание истинной религии покоится на словах Божиих. Она воздвигнута на пророках и апостолах, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем. Как же превосходно служит разум, если мы желаем сами понять или объяснить другим эти живые слова! И как возможно без него понять заключённые в них существенные истины, прекрасное краткое изложение которых мы имеем в так называемом Апостольском Символе веры? Разве не разум, при содействии Святого Духа, даёт нам понять, что Священное Писание возвещает о бытии и свойствах Бога — о Его вечности и безмерности, Его силе, премудрости и святости? Посредством разума Бог даёт

нам в некоторой мере постигать Свои пути в отношении сынов человеческих, природу различных Своих установлений, Ветхого и Нового Завета, закона и Евангелия. Через него мы понимаем — когда Его Дух открывает и просвещает очи нашего разумения, — что такое покаяние, в котором не нужно каяться; что такое вера, которой мы спасаемся; каковы природа и условие оправдания; каковы его непосредственные и последующие плоды. Посредством разума мы узнаём, что такое новое рождение, без которого невозможно войти в Царство Небесное, и что такое святость, без которой никто не увидит Господа. Правильно употребляя разум, мы познаём, какие расположения заключаются во внутренней святости и что значит быть святым внешне — святым во всяком поступке; иначе говоря, каковы чувствования, бывшие во Христе, и что значит ходить, как ходил Христос.

16 7. В отношении нескольких из вышеназванных положений встретится немало частных случаев, где нам понадобится весь наш ум, если мы хотим сохранить непорочную совесть. Многие вопросы совести невозможно разрешить без величайшего напряжения разума. То же требуется для понимания и исполнения обычных обязанностей, вытекающих из наших отношений: обязанностей родителей и детей, мужей и жён и, чтобы не перечислять далее, господ и слуг. Во всех этих отношениях и во всех обязанностях обычной жизни Бог дал нам разум как руководителя. И лишь поступая по его указаниям, употребляя весь ум, дарованный нам Богом, мы можем иметь непорочную совесть перед Богом и людьми.

17 8. Итак, здесь поистине широкое поле, на котором разум может свободно действовать и упражнять все свои силы. И если разум может всё это и в общественных, и в религиозных делах, чего же он не может?

18 До сих пор мы старались отложить всякое предубеждение и спокойно, беспристрастно взвешивать вопрос. Будем держаться того же пути: теперь хладнокровно рассмотрим, без пристрастия к какой-либо стороне, чего, согласно лучшему доступному нам свету, разум сделать не может.

19 II. 1. Прежде всего разум не может произвести веру. Хотя вера всегда согласна с разумом, разум не может произвести веру в библейском смысле слова. Согласно Писанию, вера — «доказательство», или убеждённость, «в невидимом». Это Божественное свидетельство, приносящее полное убеждение в существовании невидимого вечного мира. Правда, некоторое смутное убеждение в этом существовало даже у более мудрых язычников, вероятно, из предания или от отдельных лучей света, отражённых от израильтян. Поэтому за много сотен лет до рождения нашего Господа греческий поэт высказал великую истину:

> 20 Миллионы духовных существ ходят по земле
> Незримо, бодрствуем мы или спим.

21 Но это было немногим больше смутной догадки; до твёрдого убеждения было далеко, а такого убеждения разум даже в высшей степени своего развития никогда не мог произвести ни в одном сыне человеческом.

22 2. Много лет назад я познал истинность этого на горьком опыте. Тщательно собрав самые сильные доводы, какие мог найти у древних и новых авторов, в пользу

самого бытия Бога и, что тесно с этим связано, существования невидимого мира, я бродил туда и сюда, размышляя про себя: «Что, если всё, что я вижу вокруг, эта земля и небо, всё мироздание, существует от вечности? Что, если печальное предположение древнего поэта верно:

[23] oie per phullon genee, toiede kai andron;

[24] Что, если «поколение людей в точности подобно поколению листьев»? Если земля роняет сменяющих друг друга обитателей, как дерево роняет листья? Что, если изречение великого человека действительно истинно:

[25] Post mortem nihil est; ipsaque mors nihil?
Смерть — ничто, и после смерти нет ничего?

[26] Откуда у меня уверенность, что дело обстоит иначе, что я не последовал хитросплетённым басням?» И я развивал эту мысль до тех пор, пока во мне не оставалось духа и я был готов предпочесть удавление жизни.

[27] 3. Но в вопросе такой неизреченной важности не полагайтесь на чужое слово: удалитесь ненадолго от суетного мира и проделайте опыт сами. Испытайте, даст ли *ваш* разум ясное, удовлетворительное доказательство невидимого мира. Отложив предубеждения воспитания, представьте сильные доводы в пользу его существования. Выстройте их все в ряд; заставьте умолкнуть все возражения; обратите в бегство все сомнения. Увы! Вы не сможете этого сделать всем своим умом. На время вы можете подавить их; но как быстро они соберутся вновь и нападут на вас с удвоенной яростью! И что может сделать бедный разум для вашего избавления? Чем сильнее вы бьётесь, тем глубже запутываетесь в сетях и не находите выхода.

28 4. Как же обстояло дело с тем великим почитателем разума, автором приведённого выше изречения? Я имею в виду знаменитого господина Гоббса. Никто не станет отрицать, что он обладал сильным умом. Но произвёл ли этот ум в нём полное, удовлетворительное убеждение в существовании невидимого мира? Открыл ли очи его разумения, чтобы увидеть

29 За пределами этой земной сферы? О нет, далеко не так! Никогда не следует забывать его предсмертных слов. «Куда вы идёте, сударь?» — спросил один из друзей. Он ответил: «Я совершаю прыжок во тьму!» — и умер. Вот какое свидетельство о невидимом мире может дать один лишь разум мудрейшему из людей!

30 5. Во-вторых, один разум не может произвести надежду ни в одном сыне человеческом; я имею в виду библейскую надежду, которой мы «хвалимся надеждою славы Божией»: ту надежду, которую святой Павел в одном месте называет «вкушением сил будущего века», а в другом — «восседанием на небесах во Христе Иисусе»; ту, что даёт нам сказать: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, возродивший нас к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядаемому, хранящемуся для нас на небесах». Эта надежда может проистекать только из христианской веры; поэтому, где нет веры, нет и надежды. Следовательно, разум, неспособный произвести веру, столь же неспособен произвести надежду. Опыт подтверждает и это. Как часто я трудился, притом всеми силами, чтобы породить эту надежду в себе! Но труд был напрасен: я не мог приобрести эту надежду на небо, как не мог коснуться неба рукой. И всякий из вас, кто предпримет ту же попытку, обнаружит тот же результат.

Я не отрицаю, что обманывающий себя энтузиаст может произвести в себе некоторый род надежды: он может разжечь яркое воображение, погрузиться в приятную грёзу; может, как говорит пророк, «окружить себя искрами собственного огня». Но это не может длиться долго; вскоре пузырь непременно лопнет. И что последует? «Вот что будет вам от руки Моей, говорит Господь: в мучении ляжете».

31 6. Если бы разум мог произвести надежду, исполненную бессмертия, в каком-либо сыне человеческом, он мог бы произвести её в том великом человеке, которого Иустин Мученик не колеблется называть «христианином до Христа». Ибо кто из не удостоившихся писаного слова Божия когда-либо превзошёл или хотя бы сравнялся с Сократом? В каком другом язычнике мы найдём столь сильный ум, соединённый со столь совершенной добродетелью? Но была ли у него действительно эта надежда? Пусть он ответит сам. Чем заканчивается благородная защитительная речь, произнесённая им перед неправедными судьями? «И теперь, о судьи, вы уходите отсюда жить, а я — умереть; что из этого лучше, знают боги, но, полагаю, не знает ни один человек». *Ни один человек не знает!* Как далеко это от слов малого вениамитянина: «Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше»! И сколько тысяч людей ныне, даже в нашем собственном народе, юношей и девиц, старцев и детей, способны засвидетельствовать то же доброе исповедание!

32 7. Но кто способен сделать это силой разума, сколь бы высоко он ни был развит? Одним из самых рассудительных и привлекательных язычников, живших

после смерти нашего Господа, несмотря на то что он управлял величайшей империей мира, был император Адриан. Известно его изречение: «Государь должен походить на солнце: сиять над каждой частью своих владений и распространять благотворные лучи повсюду, куда приходит». Его жизнь служила толкованием этих слов: всюду, куда он приходил, он творил правосудие и оказывал милость. Неужели же в конце долгой жизни он не был исполнен бессмертной надежды? Мы можем ответить на это по несомненному свидетельству — по его собственным предсмертным словам. Как неподражаемо трогательны они!

[33] ADRIANI MORIENTIS AD ANIMAM SUAM.
«УМИРАЮЩИЙ АДРИАН — СВОЕЙ ДУШЕ». [60]

> [34] Animula, vagula, blandula,
> Hospes, comesque corporis,
> Quae nunc abibis in loca,
> Pallidula, rigida, nudula,
> Nec, ut soles, dabis jocos!

[35] Это английский читатель может увидеть переведённым на наш язык со всем духом подлинника: [61]

> [36] Бедное, малое, милое, трепетное создание,
> Неужели нам больше не жить вместе?
> И ты ли расправляешь дрожащее крыло,
> Чтобы улететь, сама не зная куда?
>
> [37] Твой приятный нрав, твои шаловливые причуды
> Совсем заброшены, совсем забыты!
> Задумчивая, колеблющаяся, печальная,
> Ты надеешься и страшишься, сама не зная чего.

[38] 8. В-третьих, разум, сколь бы образован и развит он ни был, не может произвести любовь к Богу. Это ясно из того, что он не может произвести ни веру, ни надежду, от которых одних эта любовь может проистекать. Только когда мы верою «видим, какую любовь дал нам Отец», отдав Своего единственного Сына, чтобы мы не погибли, но имели жизнь вечную, «любовь Божия изливается в наши сердца Духом Святым, данным нам». Только когда мы «хвалимся надеждою славы Божией», мы «любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас». Но что может сделать в этом холодный разум? Он может представить прекрасные идеи, нарисовать красивую картину любви; однако это лишь нарисованный огонь. Дальше разум идти не может. Я испытывал это много лет: собирал лучшие гимны, молитвы и размышления, какие мог найти на любом языке, и вновь и вновь произносил, пел или читал их со всей возможной серьёзностью и вниманием. Но всё же я был подобен костям в видении Иезекииля: «Кожа покрыла их сверху, а духа не было в них».

[39] 9. Как разум не может произвести любовь к Богу, так он не может произвести и любовь к ближнему: спокойное, великодушное, бескорыстное благоволение к каждому сыну человеческому. Это усердное, постоянное доброжелательство к нашим ближним никогда не текло из иного источника, кроме благодарности нашему Творцу. И если это, как полагает один весьма проницательный человек, составляет самую сущность добродетели, отсюда следует, что добродетель не может существовать, если не происходит из любви к Богу. Поэтому, как разум не может произвести эту любовь, так он не может произвести и добродетель.

[40] 10. И как он не может дать ни веры, ни надежды, ни любви, ни добродетели, так он не может дать счастья, ибо отдельно от них никакое разумное создание не может быть счастливым. Правда, люди, лишённые всякой добродетели, могут иметь удовольствия, какие бы они ни были; но счастья у них нет и быть не может. Нет:

> [41] Вся их радость — печаль; всё веселье — пустое;
> Смех их — безумие; наслаждение — боль!

[42] Удовольствия? Тени! Грёзы! Мимолётные, как ветер, бесплотные, как радуга, столь же неспособные насытить бедную, задыхающуюся душу,

> [43] Как яркие краски восточного облака.

[44] Ничто из этого не выдержит испытания размышлением: придёт мысль — и пузырь лопнет!

[45] Позвольте теперь прибавить несколько простых слов сперва вам, недооценивающим разум. Никогда более не обличайте этот драгоценный дар Божий столь необузданно, расплывчато и напыщенно. Признайте «светильник Господень», который Он поместил в наши души ради превосходных целей. Вы видите, сколь многим замечательным целям он служит хотя бы в делах этой жизни: какую неизреченную пользу приносит даже умеренная доля разума во всех наших мирских занятиях — от самых низких и скромных жизненных обязанностей, через все промежуточные отрасли труда, вплоть до дел высочайшей важности и величайшей трудности! Поэтому, презирая или умаляя разум, не воображайте, что служите Богу; и менее всего вы содействуете делу Божию, пытаясь исключить разум из религии. Если вы намеренно не закрываете глаза, то не можете не видеть, как он полезен и при закладке основания истинной религии под

руководством Духа Божия, и при возведении здания на этом основании. Вы видите: он направляет нас в каждом вопросе и веры, и жизни, руководит нами во всех сторонах и внутренней, и внешней святости. Разве мы не хвалимся тем, что вся наша религия — «разумное служение»? Более того, что каждая её часть, когда исполняется должным образом, есть высочайшее упражнение нашего ума?

[46] Позвольте прибавить несколько слов и вам, переоценивающим разум. Зачем вам бежать из одной крайности в другую? Разве средний путь не лучше? Пусть разум делает всё, что может: употребляйте его до самых его пределов. Но одновременно признайте: он совершенно неспособен дать ни веру, ни надежду, ни любовь и потому произвести ни истинную добродетель, ни прочное счастье. Ожидайте их из высшего источника — от Отца духов всякой плоти. Ищите и принимайте их как дары Божии, а не как собственное приобретение. Вознесите сердца к Тому, Кто «даёт всем просто и без упрёков». Он один может дать ту веру, которая есть «доказательство» и убеждённость «в невидимом». Он один может «возродить вас к упованию живому» на вечное наследство на небесах; и Он один может «излить Свою любовь в ваше сердце Духом Святым, данным вам». Поэтому просите, и дано будет вам! Взывайте к Нему, и не напрасно воззовёте! Как можете вы сомневаться? «Если вы, будучи злы, умеете давать добрые даяния детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст Духа Святого просящим у Него». Так вы станете живыми свидетелями того, что мудрость, святость и счастье едины, неразрывно соединены и действительно составляют начало той вечной жизни, которую Бог дал нам в Своём Сыне.

О добрых ангелах

1 «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?»

2 Евр. 1:14.

3 1. Многие древние язычники имели, вероятно по преданию, некоторое представление о добрых и злых ангелах. Они мыслили о высшем разряде существ между людьми и Богом, которых греки обыкновенно называли демонами, *то есть знающими*, а римляне — гениями. Одних из них они считали добрыми и благожелательными, находящими удовольствие в благотворении; других — злобными и жестокими, находящими удовольствие в причинении зла. Но представления и о тех, и о других были грубы, несовершенны и спутанны: это были лишь обломки истины, частью переданные предками, частью заимствованные из богодухновенных писаний.

4 2. К первым, к благожелательному роду, по-видимому, принадлежал знаменитый демон Сократа, о котором в последующие века высказывалось столько разнообразных догадок. «Он каждое утро предупреждает меня, — говорил Сократ, — о всяком зле, которое постигнет меня в тот день». Правда, один недавний писатель — полагаю, человек, едва ли верящий в существование ангела или духа, — опубликовал рассуждение, в котором старается доказать, что демон Сократа был лишь его разумом. Но Сократ не имел обыкновения выражаться столь тёмно и двусмысленно. Если бы он подразумевал разум, он, несомненно, так бы и сказал. Однако этого он

подразумевать не мог: невозможно, чтобы разум каждое утро предупреждал его о всяком зле, которое случится с ним в тот день. Такое предуведомление о будущих случайных событиях не входит в область разума. Это странное толкование никак не согласуется и с выводом, который сам Сократ делает отсюда: «Мой демон, — говорит он, — сегодня утром не предупредил меня ни о каком зле, которое должно постигнуть меня сегодня; поэтому я не могу считать злом осуждение на смерть». Несомненно, это было духовное существо, вероятно, один из этих служебных духов.

[5] 3. Древний поэт, живший за несколько веков до Сократа, говорит об этом определённее. Гесиод не колеблется сказать:

> [6] Миллионы духовных существ незримо ходят по земле.

[7] Отсюда, вероятно, возникли многочисленные рассказы о подвигах их полубогов: *Minorum Gentium*. Отсюда их сатиры, фавны, нимфы всякого рода, которыми, как они предполагали, наполнены море и суша. Но какие пустые, ребяческие и неудовлетворительные повествования они дают о них! Да и рассказы, зависящие от обрывочного, ненадёжного предания, едва ли могут быть иными.

[8] 4. Только откровение способно восполнить этот недостаток; оно одно даёт ясное, разумное и последовательное знание о тех, кого не видели наши глаза и не слышали наши уши, — и о добрых, и о злых ангелах. Сейчас я намерен говорить только о первых, о которых нам даётся полное, хотя и краткое описание в этих словах: «Не все ли они суть служебные духи,

посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?»

9 I. 1. Вопрос, по обычному способу речи апостола, равнозначен сильному утверждению. Отсюда мы узнаём прежде всего, что по своей сущности, или природе, все они — духи, а не вещественные существа; они не обременены плотью и кровью, как мы. Если у них и есть тела, то не грубые и земные, подобные нашим, а состоящие из более тонкого вещества, похожего скорее на огонь или пламя, чем на какую-либо другую из низших стихий. Не указывается ли нечто подобное и в словах псалмопевца: «Ты творишь ангелов Твоих духами, служителей Твоих — пламенем огня» (Пс. 104:4)? Как духов Он наделил их разумением, волей, или чувствованиями, что в действительности одно и то же, поскольку чувствования — лишь воля, действующая различными способами, а также свободой. И разве разумение, воля и свобода не существенны для духа, если не составляют самую его сущность?

10 2. Но кто из сынов человеческих может постичь, каково *разумение* ангела? Кто может постичь, как далеко простирается их *зрение*? Оно сходно с человеческим зрением, хотя и не тождественно ему; но так мы вынуждены говорить по бедности человеческого языка. Вероятно, оно охватывает не только одно полушарие земли и даже не

11 Вдесятеро больший простор, чем земной;

12 и даже не только Солнечную систему, но простирается так далеко, что одним взором обнимает всё творение! Мы не можем представить никакого недостатка в их восприятии или ошибки в их разумении. Но каким

образом они пользуются разумом? Ни в коем случае не следует воображать, будто они ползут от одной истины к другой тем медленным способом, который мы называем рассуждением. Несомненно, они единым взглядом видят всякую истину, представленную их разуму, притом с той достоверностью и ясностью, с какой мы, смертные, видим самую самоочевидную аксиому. Кто же может постичь объём их *знания* — не только о природе, свойствах и делах Бога, творческих или промыслительных, но и об обстоятельствах, поступках, словах, нравах и даже мыслях людей? Ибо хотя только «Бог знает сердца всех людей» и «Ему ведомы все Его дела от начала мира», вместе с происходящими в них переменами, всё же мы не можем сомневаться, что Его ангелы знают сердца тех, кому служат более непосредственно. Тем менее можно сомневаться в их знании мыслей, находящихся в наших сердцах в какое-либо определённое время. Что мешало бы им видеть эти мысли при самом их возникновении? Не тонкая завеса плоти и крови. Могут ли они преградить взор духа? Нет:

> [13] И стены за стенами не преграждают ему путь
> Более, чем беспрепятственный простор текучего воздуха.

[14] Поэтому гораздо легче и гораздо совершеннее, чем мы читаем мысли человека по его лицу, эти проницательные существа читают наши мысли при самом их возникновении в сердцах, поскольку родственный им дух они видят яснее, чем мы — тело. Если это кажется странным тому, кто прежде об этом не задумывался, пусть лишь рассмотрит следующее: предположим, мой дух находится вне тела; разве ангел не мог бы видеть мои мысли, даже если я не произнёс бы ни слова, — если

слова вообще употребляются в мире духов? И разве этот служебный дух не может столь же хорошо видеть их теперь, когда я в теле? Поэтому, по-видимому, несомненная истина, хотя, быть может, обычно не замечаемая, состоит в том, что ангелы знают не только слова и поступки, но и мысли тех, кому служат. И действительно, без этого знания они были бы весьма плохо пригодны к исполнению различных частей своего служения.

15 3. Какую непостижимую степень *мудрости* они должны были приобрести, пользуясь своими удивительными способностями более шести тысяч лет, сверх той, которой были первоначально наделены! Что они существуют столь долго, мы уверены: ибо они «ликовали вместе, когда полагались основания земли». Как безмерно должна была возрасти их мудрость за столь продолжительное время — не только от наблюдения за сердцами и путями людей в сменяющихся поколениях, но и от созерцания дел Божиих, Его дел творения, Промысла и благодати, а прежде всего — от «непрестанного созерцания лица Отца своего Небесного»!

16 4. Какую меру *святости*, равно как и мудрости, почерпнули они из этого неисчерпаемого океана!

> 17 Безграничная, неизмеримая бездна,
> Без дна и без берега!

18 Не потому ли их преимущественно именуют *святыми ангелами*? Какую благость, какое человеколюбие, какую любовь к людям почерпнули они из потоков одесную Его! Такую, какую, по нашему разумению, может превзойти лишь любовь Бога, нашего Спасителя. И они всё ещё пьют новую любовь из этого «Источника живой воды».

[19] 5. Таковы знание и мудрость ангелов Божиих, как мы узнаём из Его собственных слов. Таковы их святость и благость. И как изумительна их *сила*! Даже падший ангел назван богодухновенным писателем «князем, господствующим в воздухе». Какое страшное доказательство этой силы он дал, внезапно подняв вихрь, который «ударил в четыре угла дома» и сразу погубил всех детей Иова (Иов 1)! Что это было его делом, мы легко можем узнать из повеления «сберечь его жизнь». Но он дал гораздо более страшное доказательство силы, если предположить, что тот «вестник Господень» был злым ангелом, что вовсе не невероятно, когда в одну ночь поразил смертью сто восемьдесят пять тысяч ассирийцев; быть может, в один час, если не в одно мгновение. Однако неизмеримо большая сила должна была действовать в том ангеле — был ли он ангелом света или тьмы, текст не определяет, — который в один час поразил «всех первенцев Египта, от человека до скота». Ибо, принимая во внимание пространство Египетской земли, громадную численность её населения и бесчисленный скот, питавшийся в домах и пасшийся на плодоносных полях, число людей и животных, убитых в ту ночь, должно было достигать нескольких миллионов! И если предположить, что это был злой ангел, разве добрый ангел не должен быть столь же силён, более того — сильнее его? Ибо, несомненно, всякий добрый ангел должен иметь больше силы, чем даже *падший архангел*. А какой силой должны обладать «четыре ангела» в Откровении, которым поручено «держать четыре ветра небесных»! Поэтому, по-видимому, нет преувеличения в предположении, что, если бы Богу было угодно позволить, любой ангел света мог бы сдвинуть землю и все планеты с их орбит; более того, мог бы вооружиться всеми этими стихиями и

сокрушить всё строение природы. Поистине, мы не знаем, как положить какие-либо пределы силе этих первородных детей Божиих.

[20] 6. И хотя вездесущ только их великий Творец, хотя никто, кроме Него, не может спросить: «Не наполняю ли Я небо и землю?» — несомненно, сотворённым духам Он предоставил необъятную, хотя и не беспредельную, область действия. «Князь царства Персидского», упомянутый в Дан. 10:13, хотя, вероятно, был злым ангелом, по-видимому, обладал областью действия — как знания, так и силы, — столь же обширной, как эта огромная империя; и такую же, если не большую, мы вправе приписать доброму ангелу, которому он противостоял двадцать один день.

[21] 7. Ангелы Божии обладают великой властью, в частности, над человеческим телом: властью причинять или устранять боль и болезни, умерщвлять или исцелять. Они превосходно понимают, из чего мы состоим; им известны все пружины этого удивительного механизма, и, несомненно, с Божьего позволения они могут коснуться любой из них, чтобы остановить или восстановить его движение. Ясный пример такой власти даже у злого ангела мы видим в случае Иова, которого он всего «поразил проказою лютою» — «от темени до подошвы ноги». И в тот же миг он, несомненно, умертвил бы его, если бы Бог не сохранил ему жизнь. С другой стороны, замечательный пример власти ангелов исцелять дан нам в случае Даниила. «Во мне не осталось силы, — сказал пророк, — и дыхание замерло во мне». «Тогда некто подошёл и коснулся меня и сказал: мир тебе; мужайся, мужайся! И когда он говорил со мною, я укрепился» (Дан. 10:17). С другой стороны, когда им поручено это свыше,

разве они не могут положить предел человеческой жизни? Нет ничего невероятного в тех словах о смерти ребёнка, которые доктор Парнелл вкладывает в уста ангела, обращающегося к отшельнику:

> [22] Всем, кроме тебя, казалось: он умер в припадке;
> Но мне было поручено нанести этот удар.

[23] Из этой великой истины языческие поэты, вероятно, и почерпнули своё представление о том, что Ириду посылают с неба освобождать души из тел. И, возможно, внезапная смерть многих детей Божиих происходит благодаря служению ангела.

[24] II. Столь совершенным образом ангелы Божии подготовлены к своему высокому служению. Остаётся рассмотреть, как они его исполняют. Как служат они наследникам спасения?

[25] 1. Я не стану утверждать, будто они вовсе не служат тем, кто своим упорным нераскаянием и неверием лишает себя наследия Царства. Этот мир — мир милости, в котором Бог изливает многие милости даже на злых и неблагодарных. И многие из этих милостей, вероятно, передаются даже им через служение ангелов — особенно до тех пор, пока у них ещё есть какая-либо мысль о Боге или какой-либо страх Божий перед глазами. Но их излюбленное занятие, их особенное дело — служить наследникам спасения: тем, кто ныне «спасён верою» или, по крайней мере, искренне ищет Бога.

[26] 2. Не о наших ли душах они заботятся прежде всего? Однако нам не следует ожидать, что это будет совершаться *приметным образом* — так, чтобы мы могли ясно отличить их действие от действий собственного ума. Ожидать этого у нас не больше оснований, чем ожидать

их явления в видимом облике. И без этого они тысячью способов могут воздействовать на наш разум. Они могут помогать нам в поиске истины, устранять многие сомнения и затруднения, проливать свет на то, что прежде было тёмным и неясным, и утверждать нас в истине, согласной с благочестием. Они могут предостерегать нас от зла под обманчивой личиной и выставлять добро в ясном, ярком свете. Они могут кротко побуждать нашу волю принимать добро и бежать от зла. Они могут многократно оживлять наши вялые чувства, укреплять святую надежду или сыновний страх и помогать нам горячее любить Того, Кто прежде возлюбил нас. Более того, Бог может послать их, чтобы исполнить всю ту молитву, которую благочестивый епископ Кен вложил в наши уста:

> [27] Пусть ангелы Твои, пока я сплю,
> Вокруг постели бодрствуют моей;
> Свою любовь ангельскую во мне зажгут,
> Все подступы для зла закроют!
> Пусть о небесных радостях расскажут,
> И мысль с их мыслью ведёт беседу!

[28] Хотя объяснить, каким образом это происходит, мы не сможем, пока живём в теле.

[29] 3. Разве не могут они также служить нам в отношении наших тел тысячью способов, которых мы теперь не понимаем? Они могут удерживать нас от многих опасностей, которых мы не сознаём, и избавлять от многих других, хотя мы не знаем, откуда приходит избавление. Как часто при внезапных и опасных падениях мы бывали сохранены странным, необъяснимым образом! И хорошо, если мы не приписали это сохранение случаю, собственной мудрости или силе. Нет: это Бог повелел

Своим ангелам охранять нас, и они понесли нас на руках. Правда, люди мира всегда будут приписывать подобные избавления случайности или вторичным причинам. Возможно, им же некоторые из них приписали бы и сохранение Даниила во рву со львами. Но сам он указывает на истинную причину: «Бог мой послал Ангела Своего и заградил пасть львам» (Дан. 6:22).

[30] 4. Когда тяжёлая болезнь, которую считали неизлечимой, совершенно и внезапно исчезает, вовсе не невероятно, что это совершается через служение ангела. И, возможно, той же причиной объясняется то, что самому больному или кому-либо из ухаживающих за ним необъяснимым образом приходит на мысль средство, благодаря которому он полностью исцеляется.

[31] 5. По-видимому, то, что обычно называют божественными сновидениями, нередко можно приписать ангелам. Замечательный пример такого рода рассказал человек, которого едва ли сочтут религиозным мечтателем: ведь он был язычником, философом и императором. Я говорю о Марке Антонине. «В своих “Размышлениях” он торжественно благодарит Бога за то, что, когда он находился в Кайете, Бог во сне открыл ему средство, совершенно исцелившее его от кровавого поноса, которого не мог вылечить ни один из его врачей». Почему же нам не предположить, что Бог сообщил ему это через служение ангела?

[32] 6. И как часто Бог избавляет нас от злых людей через служение Своих ангелов, разрушая всё, что замыслили против нас их ярость, злоба или коварство! Ангелы находятся возле их постели и на их пути, и им ведомы все их тёмные замыслы; несомненно, многие из этих замыслов они расстроили средствами, о которых мы не

помышляем. Иногда они губят их излюбленные планы в самом начале, иногда — когда те уже готовы к исполнению. И это они могут совершить тысячью способов, о которых мы не подозреваем. Они могут остановить их на полпути, лишив мужества или силы, поразив их чресла немощью или обратив их мудрость в безумие. Иногда они выводят на свет скрытое во тьме и показывают нам западни, расставленные для наших ног. Этими и разными другими способами они рассекают сети нечестивых.

[33] 7. Другая великая область их служения — противодействовать злым ангелам, которые постоянно ходят вокруг, не только как рыкающие львы, ища, кого поглотить, но, что ещё опаснее, как ангелы света, ища, кого обольстить. И как велико их число! Не столь ли они многочисленны, как звёзды небесные? Как велика их хитрость, созревшая в опыте более чем шести тысяч лет! Как велика их сила, уступающая только силе ангелов Божиих! Самые сильные из сынов человеческих перед ними — словно саранча. И какое преимущество даёт им перед нами уже одно то обстоятельство, что они невидимы! Как у нас нет силы отразить их мощь, так нет и умения уклониться от неё. Но милосердный Господь не отдал нас на волю врагов: «Очи Его», то есть Его святые ангелы, «обозревают всю землю». И если бы наши глаза открылись, мы увидели бы, что «тех, которые с нами, больше, нежели тех, которые против нас». Мы увидели бы:

> [34] Нас сопровождает стража —
> Служащее воинство невидимых друзей.

[35] И всякий раз, когда те нападают на нашу душу или тело, эти способны, желают и готовы защищать нас, ибо

они по меньшей мере столь же сильны, столь же мудры и столь же бдительны. И кто может повредить нам, когда на нашей стороне воинства ангелов и Бог ангелов?

[36] 8. Можно сделать одно общее замечание: какую бы помощь Бог ни оказывал людям через людей, ту же помощь — и часто в большей мере — Он оказывает им через ангелов. Подаёт ли Он нам через людей свет, когда мы во тьме; радость, когда мы в печали; избавление, когда мы в опасности; облегчение и здоровье, когда мы больны или страдаем? Нельзя сомневаться, что те же благословения Он часто передаёт нам через служение ангелов: не столь ощутимо, правда, но столь же действенно, хотя посланники невидимы. Часто ли Он избавляет нас посредством людей от насилия и коварства наших врагов? Многократно то же избавление Он совершает через этих невидимых служителей. Они заграждают пасти львам в человеческом облике, так что те не в силах повредить нам. И часто они присоединяются к нашим друзьям из людей, хотя ни те, ни мы этого не сознаём, даруя им мудрость, мужество или силу, без которых весь их труд ради нас был бы безуспешен. Так они тайно служат наследникам спасения в бесчисленных случаях, тогда как мы слышим лишь человеческие голоса и видим вокруг себя одних людей. [62]

[37] 9. Но разве Писание не учит: «Помощь, совершаемую на земле, Бог совершает Сам»? Несомненно, Он совершает её. И Он способен сделать это Своей непосредственной силой. Ему вовсе не нужно пользоваться какими-либо орудиями ни на небе, ни на земле. Он не нуждается ни в ангелах, ни в людях, чтобы исполнить весь совет Своей воли. Но Ему не угодно действовать таким образом. Он никогда так не

действовал, и мы вправе предположить, что никогда не будет. Он всегда действовал посредством тех орудий, какие Ему угодны; однако дело всё равно совершает Сам Бог. Поэтому любая помощь, которую мы получаем через ангелов или через людей, есть дело Божие в той же мере, как если бы Он простёр Свою всемогущую руку и действовал вовсе без посредствующих средств. Но Он пользуется ими от начала мира: во все века Он пользуется служением и людей, и ангелов. И именно в этом особенно видна «многоразличная премудрость Божия в Церкви». При этом Ему воздаётся та же слава, как если бы Он вовсе не пользовался никакими орудиями.

[38] 10. Главная причина, по которой Богу угодно помогать людям через людей, а не непосредственно Самому, несомненно, состоит в том, чтобы взаимными добрыми услугами сделать нас дороже друг другу и тем умножить наше счастье как во времени, так и в вечности. И не по той ли самой причине Богу угодно поручать Своим ангелам заботу о нас? Именно затем, чтобы сделать нас и их дороже друг другу, чтобы с возрастанием нашей любви и благодарности к ним мы обрели соразмерное возрастание счастья, когда встретимся в Царстве нашего Отца. Пока же, хотя мы не вправе поклоняться им — поклонение принадлежит одному нашему общему Творцу, — мы можем «почитать их преимущественно с любовью за дело их». И мы можем подражать им во всякой святости, сообразуя свою жизнь с молитвой, которой научил нас Сам Господь, и стараясь исполнять Его волю на земле так, как ангелы исполняют её на небе.

[39] Я не могу лучше закончить эту проповедь, чем словами той превосходной соборной молитвы нашей Церкви:

40 «О вечный Боже, дивным образом установивший и устроивший служения ангелов и людей! Даруй, чтобы, как Твои святые ангелы непрестанно служат Тебе на небе, так по Твоему повелению они помогали нам и защищали нас на земле, через Иисуса Христа, Господа нашего».

О злых ангелах

[1] «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против злых духов в небесных местах».

[2] Еф. 6:12.

[3] 1. Часто замечали, что в Божьем творении нет пробелов или разрывов, но все его части дивным образом связаны между собой, составляя единое всеобщее целое. Поэтому существует одна цепь существ от самой низкой до самой высокой ступени, от неорганизованной частицы земли или воды до архангела Михаила. И лестница творений восходит не per saltum, не скачками, но плавными, постепенными переходами, хотя, правда, часто они неощутимы для наших несовершенных способностей. Мы не можем точно проследить многие промежуточные звенья этой удивительной цепи: они слишком тонки, чтобы различить их нашими чувствами или разумом.

[4] 2. Мы можем лишь в общих, грубых чертах видеть, как одно над другим возвышаются сперва неорганическая земля, затем минералы и растения в различных их разрядах, после них — насекомые, пресмыкающиеся, рыбы, звери, люди и ангелы. Об ангелах, впрочем, мы ничего не знаем с достоверностью иначе как через откровение. Рассказы, оставленные мудрейшими из древних или сообщаемые современными язычниками, — не более чем нелепые, противоречащие самим себе басни, слишком грубые, чтобы навязать их даже детям. Но божественное откровение учит нас, что все они были сотворены святыми и счастливыми; однако не все

остались такими, какими были сотворены: одни сохранили, а другие оставили своё первоначальное состояние. Первые теперь — добрые ангелы, последние — злые. О первых я говорил в предыдущей проповеди; теперь намерен говорить о последних. И нам в высшей степени необходимо хорошо понимать, что Бог открыл о них, чтобы они не получили преимущества над нами из-за нашего невежества и чтобы мы знали, как успешно бороться с ними. Ибо «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против злых духов в небесных местах».

[5] 3. По-видимому, в одном этом месте заключено всё учение Писания о злых ангелах. Я полагаю, что его простой смысл в буквальном переводе таков: «Наша борьба», борьба истинных христиан, «не» только или преимущественно «против крови и плоти», слабых людей либо плотских влечений и страстей, «но против начальств, против властей» — могущественных князей всех преисподних областей с их объединёнными силами; и велика их мощь, как и мощь легионов, которыми они повелевают, — «против правителей мира». Таково буквальное значение слова. Возможно, эти начальства и власти пребывают главным образом в твердыне своего царства. Но есть и другие злые духи, которые странствуют повсюду и которым вверены области мира, — правители «тьмы», главным образом духовной тьмы, «века сего», преобладающей при нынешнем порядке вещей, — «против злых духов», злых в исключительной степени, смертельно ненавидящих святость, постоянно противящихся ей и старающихся внушить неверие, гордость, злое желание, злобу, гнев, ненависть, зависть или мстительность, — «в небесных местах», которые

некогда были их обителью и к которым они всё ещё стремятся.

[6] Развивая эту важную тему, я постараюсь объяснить:

[7] I. Природу и свойства злых ангелов; и

[8] II. Их занятие.

[9] I. 1. Что касается первого, мы не можем сомневаться, что все ангелы Божии первоначально обладали одной и той же природой. Несомненно, они были высшим разрядом сотворённых существ. Они были духами, чистыми эфирными существами, простыми и нетленными; если не совершенно нематериальными, то, безусловно, не обременёнными грубой земной плотью и кровью. Как духи они были наделены разумением, чувствованиями и свободой, то есть способностью к самоопределению; так что от них самих зависело — остаться ли верными Богу или восстать против Него.

[10] 2. И первоначальные их свойства, несомненно, были теми же, что и свойства святых ангелов. Нет ничего нелепого в предположении, что сатана, их глава, иначе именуемый «Люцифером, сыном зари», был по меньшей мере одним «из первых, если не первым архангелом». Подобно другим сынам зари, они обладали совершенно непостижимыми для нас высотой и глубиной разумения. Поэтому они имели такое знание и мудрость, что мудрейшие из детей человеческих, если бы тогда существовали люди, были бы в сравнении с ними полными невеждами. Их сила равнялась их знанию: она была такова, что нам и на сердце не может прийти её представить; не можем мы представить и того, сколь широка была область действия их силы или знания. Их число может назвать один Бог: несомненно, оно лишь

уступало бесконечности. И третью часть этих звёзд небесных увлёк за собой главный мятежник.

11 3. Мы не знаем точно, поскольку это не открыто в слове Божием, ни того, что послужило поводом к их отступничеству, ни того, какое непосредственное действие оно на них произвело. Некоторые не без основания предполагали, что, когда Бог обнародовал «определение», упомянутое в Пс. 2:6–7, о царствовании Своего единородного Сына над всеми творениями, эти первородные творения дали место гордости, сравнивая себя с Ним; возможно, на это указывает само имя сатаны — Люцифер или Михаил, означающее: *кто подобен Богу?* Может быть, сатана, впервые уступая искушению, сказал в сердце своём: «И у меня будет престол. “Сяду на краю севера! Буду подобен Всевышнему”». Но как пали тогда сильные! Какую поразительную утрату понесли они! Если отнести ко всем им то, что наш поэт говорит в особенности об их главе:

> 12 Его облик ещё не утратил
> Всего первоначального сияния, и в нём ещё был виден
> Низвергнутый архангел — и безмерная
> Померкшая слава;

13 если предположить, что их внешний облик изменился не вполне, хотя и должен был измениться в значительной степени, поскольку злое расположение духа неизбежно омрачает сияние лица, — то какая поразительная перемена совершилась внутри, когда ангелы стали дьяволами! Когда самые святые из всех Божиих творений стали самыми нечестивыми!

14 4. С той поры как они отвергли верность Богу, они отвергли всякую благость и приобрели все те расположения, которые наиболее ненавистны Ему и наиболее противны Его природе. И с тех пор они полны гордости, надменности и высокомерия, безмерно превозносят себя и, хотя развращены до глубины своего существа, всё же восхищаются собственными совершенствами. Они полны зависти — если не к Самому Богу, что также не невозможно, поскольку прежде они посягали на Его престол, — то ко всем другим творениям: к ангелам Божиим, ныне наслаждающимся небесами, откуда те пали; и ещё более — к этим червям земным, которые ныне призваны «наследовать Царство». Они полны жестокости, ярости против всех детей человеческих, которым жаждут внушить такое же нечестие, какое живёт в них самих, и вовлечь их в то же бедствие.

15 5. В осуществлении этого адского замысла они усердны в высочайшей степени. Чтобы найти самые действенные средства его исполнения, они направляют к этой цели всю мощь своего ангельского разумения и подкрепляют её всей своей силой, насколько Богу угодно это дозволить. Но благо для человечества, что Бог положил им пределы, которых они не могут перейти. Самому свирепому и сильному из отступивших духов Он сказал: «Доселе дойдёшь и не перейдёшь». Иначе как легко и быстро один из них мог бы разрушить весь строй природы! Как скоро они ввергли бы всё в одну всеобщую гибель или по меньшей мере истребили бы человека с лица земли! И они неутомимы в своём злом деле: никогда не изнемогают и не устают. По-видимому, вообще никакие духи не способны утомляться, кроме тех, которые обитают в плоти и крови.

[16] 6. Ещё одно обстоятельство относительно злых ангелов мы можем узнать из Писания: они не странствуют каждый сам по себе, но все объединены под одним общим главой. Именно его наш благословенный Господь именует «князем мира сего»; более того, апостол не колеблется назвать его «богом века сего». Его часто называют сатаной, противником, ибо он великий противник и Бога, и человека. Его преимущественно именуют «дьяволом»; «Аполлионом», или губителем; «древним змеем», поскольку в этом облике он обольстил Еву; и «ангелом бездны». У нас есть основания верить, что остальные злые ангелы находятся под его начальством, что он распределяет их по различным чинам, назначает каждому его место и время от времени поручает каждому особые дела и обязанности. И, несомненно, они связаны — хотя мы не знаем как; уж конечно, не любовью — и с ним, и друг с другом.

[17] II. Но чем заняты злые ангелы? Это второй вопрос, который надлежит рассмотреть.

[18] 1. Они — помните: лишь настолько, насколько дозволяет Бог! — kosmokratores, *правители мира!* Поэтому в странных словах сатаны, когда он показал нашему Господу «все царства мира и славу их»: «Всё это дам Тебе, если, пав, поклонишься мне» (Мф. 4:8–9), может быть больше основания, чем мы склонны воображать. Несколько подробнее это выражено в четвёртой главе святого Луки: «Дьявол показал Ему все царства вселенной во мгновение времени». Какая изумительная мера силы всё ещё оставлена князю тьмы! «И сказал Ему дьявол: Тебе дам всю эту власть и славу их, ибо она предана мне, и я кому хочу, даю её» (Лк. 4:5, 6). Они — «правители тьмы этого века», как буквально переводятся эти слова,

нынешнего порядка вещей, при котором «весь мир лежит во злом». Он — стихия, в которой живут дети человеческие, за исключением только тех, кто боится Бога. Он и его ангелы, действуя совместно с ним и подчиняясь ему, распоряжаются всем невежеством, всеми заблуждениями, всем безумием и особенно всем нечестием людей так, чтобы как можно больше препятствовать Царству Божию и как можно больше содействовать царству тьмы. [63]

19 2. «Но приставлен ли к каждому человеку особый злой ангел, как и добрый?» Такое мнение существовало с чрезвычайно давних времён и среди христиан, и среди иудеев до них; однако весьма сомнительно, можно ли достаточно доказать его Писанием. В самом деле, было бы не невероятно, что при каждом человеке есть особый злой ангел, если бы мы были уверены, что есть добрый. Но этого нельзя вывести из слов нашего Господа о малых детях: «Ангелы их на небесах всегда видят лицо Отца своего Небесного». Это доказывает лишь, что существуют ангелы, которым поручена забота о малых детях; но не доказывает, что каждому ребёнку назначен особый ангел. Не доказывают этого и слова Роды, которая, услышав голос Петра, сказала: «Это *его ангел*». Даже допустив, что «его ангел» означает его ангела-хранителя, из этих слов можно заключить лишь то, что Рода верила в учение об ангелах-хранителях, тогда распространённое среди иудеев. Но всё же, поскольку откровение ничего не определяет об этом, останется спорным вопрос, сопровождает ли каждого человека особый добрый или особый злой ангел.

20 3. Но сопровождают ли отдельных людей отдельные злые духи или нет, мы знаем, что сатана и все его ангелы

непрестанно воюют против нас и следят за каждым ребёнком человеческим. Они постоянно высматривают, чьи внешние или внутренние обстоятельства, чьё благополучие или несчастье, здоровье или болезнь, друзья или враги, молодость или старость, знание или невежество, занятость или праздность, радость или печаль могут сделать человека уязвимым для искушения. И они непрерывно готовы воспользоваться всяким обстоятельством с наибольшей выгодой. Эти искусные борцы замечают малейшую нашу оплошность и тотчас обращают её себе на пользу; ведь и они «около нашей постели и на нашем пути и наблюдают все стези наши». В самом деле, каждый из них «ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить», или кого «обольстить своим лукавством, как змей обольстил Еву». Более того, чтобы делать это успешнее, они принимают вид ангелов света. Так,

> [21] В ярости, которой нет конца,
> Они испытывают адское искусство —
> Легионы страшных, злобных бесов
> И духи, восседающие в вышине.

[22] 4. Преимущественно через эти орудия «омрачаются несмысленные сердца» тех, кто не знает Бога; более того, они нередко в некоторой мере омрачают сердца и тех, кто знает Бога. «Бог века сего» умеет ослеплять наши сердца, набрасывать облако на наш разум и затемнять свет истин, которые в другое время сияют так ярко, как полуденное солнце. Этим он нападает на нашу веру, наше удостоверение в невидимом. Он старается ослабить ту полную бессмертия надежду, к которой Бог возродил нас, и тем самым уменьшить, если не уничтожить, нашу радость в Боге, нашем Спасителе. Но прежде всего он

стремится погасить нашу любовь к Богу, ибо знает, что она — источник всей нашей религии и что по мере её возрастания или убывания дело Божие расцветает или увядает в душе.

[23] 5. После любви к Богу нет ничего, что сатана ненавидел бы столь глубоко, как любовь к ближнему. Поэтому он пользуется всеми возможными средствами, чтобы воспрепятствовать ей или уничтожить её; чтобы возбуждать частные или общественные подозрения, неприязнь, озлобление, ссоры; чтобы разрушать мир в семьях или народах и изгонять с земли единство и согласие. И это поистине торжество его искусства — ожесточить несчастных, жалких детей человеческих друг против друга и в конце концов побудить их делать его собственное дело: низвергать друг друга в бездну погибели.

[24] 6. Этот враг всякой праведности столь же усердно препятствует всякому доброму слову и делу. Если он не может склонить нас ко злу, то по возможности не даст нам делать добро. Особенно усердно он препятствует распространению дела Божия в человеческих сердцах. Сколько усилий он прилагает, чтобы не допустить или затруднить общее дело Божие! И сколько у него уловок, чтобы остановить его продвижение в отдельных душах! Чтобы помешать им пребывать и возрастать в благодати, в познании Господа нашего Иисуса Христа! Чтобы уменьшить, если не уничтожить, ту любовь, радость, мир, то долготерпение, кротость, благость, ту верность, смирение, воздержание, которые наш Господь производит Своим любящим Духом в верующих и в которых состоит самая сущность религии.

[25] 7. Для достижения этих целей он непрерывно трудится, употребляя всё своё искусство и силу, чтобы внушать человеческим сердцам всевозможные злые мысли. И, несомненно, духу так же легко говорить нашему сердцу, как человеку — нашим ушам. Но иногда чрезвычайно трудно отличить эти мысли от собственных: внушаемые им так точно похожи на те, которые естественно возникают в нашем уме. Впрочем, иногда мы можем отличить одни от других по следующему признаку: мысли, естественно возникающие в нашем уме, обыкновенно, если не всегда, вызваны каким-либо предшествующим внутренним или внешним обстоятельством или по крайней мере с ним связаны. Но мысли, внушаемые сверхъестественным образом, часто не имеют отношения или связи — по крайней мере такой, какую мы можем различить, — ни с чем предшествовавшим. Напротив, они как бы вторгаются поперёк течения мыслей и тем показывают, что происходят из иного корня.

[26] 8. Он также старается пробудить в наших душах злые страсти или расположения. Он пытается внушать те страсти и расположения, которые прямо противоположны «плоду Духа». Он стремится вселить неверие, безбожие, недоброжелательство, горечь, ненависть, злобу, зависть — противоположные вере и любви; страх, печаль, тревогу, житейскую заботу — противоположные миру и радости; нетерпение, дурной нрав, гнев, озлобление — противоположные долготерпению, мягкости, кротости; обман, лукавство, притворство — противоположные верности; любовь к миру, неумеренную привязанность, безумные желания — противоположные любви к Богу. Один род злых желаний он, вероятно, может возбуждать или разжигать, касаясь пружин этого животного

механизма и стараясь таким образом посредством тела смутить или запятнать душу.

27 9. Вообще можно заметить: как никто из людей не делает, не говорит и не мыслит ничего доброго без помощи Бога, действующего одновременно *в* верующих в Него и *вместе с* ними, так никто не делает, не говорит и не мыслит ничего злого без содействия дьявола, «действующего с энергией», с великой, хотя и тайной силой, «в сынах неверия». Так он «вошёл в Иуду» и утвердил его в намерении предать своего Учителя; так «вложил в сердце» Анании и Сапфиры «солгать Духу Святому»; и подобным же образом он участвует во всех действиях, словах и замыслах злых людей. Как дети Божии «соработники у Бога» во всякой доброй мысли, слове или деле, так дети дьявола — соработники ему во всякой злой мысли, слове или деле. Поэтому, как все добрые расположения, а через них и все добрые слова и поступки являются плодом доброго Духа, так все злые расположения со всеми происходящими из них словами и делами являются плодом злого духа; так что все «дела плоти», нашей злой природы, вместе с тем суть «дела дьявола».

28 10. По этой причине, поскольку он непрерывно подстрекает людей ко злу, его преимущественно называют «искусителем». И не только в отношении собственных детей он занят этим: он постоянно искушает также детей Божиих и тех, кто старается ими стать.

> 29 Он непрестанно держит стражу,
> Следит за ними ночью и днём;
> Не дремлет никогда, не спит,
> Чтоб не утратить добычу.

30 В самом деле, даже самые святые люди, пока остаются на земле, не избавлены от его искушений. Они не могут этого ожидать, ибо «довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его»; и мы знаем, что Его искушали ко злу до тех пор, пока Он не сказал: «Отче! в руки Твои предаю дух Мой».

31 11. Ибо такова злоба лукавого, что он станет мучить того, кого не может погубить. Если он не может соблазнить людей на грех, то, насколько ему дозволено, станет причинять им боль. Несомненно, он прямо или косвенно бывает причиной многих человеческих страданий, которые люди, не умеющие объяснить их иначе, легкомысленно объявляют нервными и оставляют без внимания. И бесчисленные так называемые несчастные случаи, несомненно, происходят от его действия: необъяснимый испуг или падение лошадей, опрокидывание экипажей, переломы или вывихи костей, вред от обрушения или пожара домов, от бурь, снега, дождя или града, от молний или землетрясений. Но всему этому и тысяче других бед этот хитрый дух умеет придавать вид случайности, опасаясь, как бы пострадавшие, узнав истинного виновника, не призвали на помощь Того, Кто сильнее его.

32 12. Мало оснований сомневаться и в том, что многие болезни, как острые, так и хронические, либо вызываются, либо усиливаются дьявольским действием; особенно те, которые начинаются в одно мгновение без какой-либо различимой причины, а также те, которые продолжаются и, быть может, постепенно усиливаются вопреки всей силе врачебного искусства. Здесь, правда, «пустые люди», которые «хотят казаться мудрыми», опять призывают себе на помощь нервы. Но не значит ли это

объяснять ignotum per ignotius, «неизвестное посредством ещё более неизвестного»? Ибо что мы знаем о самих нервах? Даже того не знаем, сплошные они или полые!

[33] 13. Много лет назад я спросил опытного врача, особенно славившегося лечением безумия: «Сударь, не находили ли вы оснований полагать, что некоторые безумные в действительности одержимы бесами?» Он ответил: «Сударь, я часто склонялся к мысли, что большинство безумных одержимы бесами. И возражение, что их нередко вылечивают лекарствами, не имеет никакого веса: ведь так же можно было бы вылечить любую другую болезнь, вызванную злым духом, если бы Бог не попустил ему повторить удар, которым эта болезнь вызывается».

[34] 14. Эта мысль открывает перед нами более широкую картину. Кто может сказать, сколько болезней, которые мы целиком приписываем естественным причинам, в действительности могут быть сверхъестественными? Какого расстройства в человеческом организме не может причинить злой ангел? Разве он не может поразить нас, как поразил Иова, и притом в одно мгновение, язвами от темени до подошвы ноги? Разве не может с такой же лёгкостью причинить любую другую болезнь, наружную или внутреннюю? Разве не может он в одно мгновение, по Божьему попущению, повергнуть самого сильного человека на землю и заставить его «валяться, испуская пену», со всеми признаками эпилепсии или апоплексии? Точно так же ему легко поразить любого человека или всех жителей города или страны злокачественной горячкой или самой чумой, так что тщетна будет помощь человеческая.

35 15. Если бы злоба не ослепляла глаз мудрых, можно было бы подумать, что столь разумное существо не станет опускаться так низко, как, по-видимому, иногда опускается дьявол, чтобы мучить несчастных детей человеческих! Ибо ему мы вправе приписать многие мелкие неприятности, которые терпим. «Я думаю, — сказал тот превосходный человек, маркиз де Ранти, когда скамья, на которой он сидел, без всякой видимой причины переломилась, — что здесь приложил руку сатана, заставив меня так неловко упасть». Не знаю, не причастен ли он и к тому необъяснимому ужасу, который многих охватывал глубокой ночью, даже до такой степени, что все кости их сотрясались. Возможно, он причастен и к тем страшным сновидениям, которые многие видят, даже будучи совершенно здоровы.

36 Можно заметить, что во всех этих случаях мы обычно говорим «дьявол», словно он только один, потому что эти духи, как бы ни были они бесчисленны, действуют сообща и потому что мы не знаем, один или несколько участвуют в том или ином деле тьмы.

37 Остаётся лишь сделать несколько простых выводов из изложенного учения.

38 1. И прежде всего, как всеобщее ограждение от всей ярости, силы и хитрости вашего великого противника, облекитесь во всеоружие, «во всеоружие Божие», во всецелую святость. Смотрите, чтобы «в вас были те же чувствования, какие и во Христе Иисусе», и чтобы вы «поступали так, как Он поступал»; чтобы вы имели «непорочную совесть перед Богом и людьми». Тогда вы будете «способны противостать» всей силе и всем ухищрениям врага; тогда будете способны «противостать в день злой», в день тяжкого искушения, и, «всё

преодолев, устоять», остаться в положении победы и торжества.

39 2. Его «раскалённым стрелам» — всевозможным злым внушениям, богохульным или нечистым, хотя бы они были бесчисленны, как звёзды небесные, — противопоставьте «щит веры». Сознание любви Христа Иисуса действенно угасит их все.

40 Иисус умер за *вас!*
Что устоит против вашей веры?
Верьте, крепко держите щит! И кто
Похитит вас из Его руки?

41 3. Если он внушает сомнения, дитя ли вы Божие, или страх, что вы не устоите до конца, «возьмите шлем надежды спасения». Крепко держитесь этого радостного слова: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас к живому упованию на наследство нетленное, чистое, неувядающее». Ваш противник никогда не низвергнет вас, никогда не поколеблет, если вы «начатую уверенность» эту «твёрдо сохраните до конца».

42 4. Всякий раз, когда «рыкающий лев, ходящий и ищущий, кого поглотить», нападает на вас со всей своей злобой, яростью и силой, «противостойте ему твёрдою верою». Тогда время, воззвав к Сильному о силе, «возгревать дар Божий, который в вас»; собрать всю свою веру, надежду и любовь; отразить нападение во имя Господа и могуществом Его силы; и «он» вскоре «убежит от вас».

43 5. Но, как сказал некто, «нет большего искушения, чем быть без искушения». Поэтому, когда дело обстоит так и кажется, что сатана удалился, берегитесь, чтобы как

извивающийся змей он не повредил вам больше, чем мог бы как рыкающий лев. Тогда смотрите, чтобы вас не убаюкали приятной дремотой, чтобы он не обольстил вас, как обольстил Еву даже в её невинности, и незаметно не отвлёк от вашей простоты во Христе, от искания всего своего счастья в Нём.

[44] 6. Наконец, если он «принимает вид ангела света», вы находитесь в самой великой опасности. Тогда вам нужно беречься, чтобы и вам не пасть там, где были сражены многие более сильные; тогда вам особенно необходимо «бодрствовать и молиться, чтобы не впасть в искушение». И если вы будете продолжать так поступать, Бог, Которого вы любите и Которому служите, избавит вас. «Помазание от Святого пребудет с вами и научит вас всему». Ваш взор проникнет сквозь сети, вы «познаете, что есть святая, благоугодная и совершенная воля Божия», и продолжите свой путь, пока не «возрастёте во всём в Того, Который есть глава наша, Христос Иисус».

Об аде

[1] «Где червь их не умирает и огонь не угасает».

[2] Мк. 9:48.

[3] 1. Каждая истина, открытая в слове Божием, несомненно, имеет великое значение. И всё же можно признать, что некоторые из открытых в нём истин важнее других, поскольку более непосредственно служат великой цели всего — вечному спасению людей. Об их важности мы можем судить даже по тому обстоятельству, что в священных писаниях они упоминаются не однажды, но повторяются снова и снова. Замечательный пример тому — грозная истина, которую мы сейчас рассматриваем. Наш благословенный Господь, Который не употребляет лишних слов и не делает «пустых повторений», повторяет её снова и снова в одной главе, словно на одном дыхании. Так, в Мк. 9:43, 44: «Если соблазняет тебя рука твоя», — если вещь или человек, столь же полезные, как рука, становятся поводом ко греху и нет иного способа избежать этого греха, — «отсеки её: лучше тебе увечному войти в жизнь, нежели с двумя руками идти в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает». И опять, в Мк. 9:45, 46: «Если нога твоя соблазняет тебя, отсеки её: лучше тебе хромому войти в жизнь, нежели с двумя ногами быть ввержену в геенну, в огонь неугасимый, где червь их не умирает и огонь не угасает». И ещё раз, в Мк. 9:47, 48: «Если глаз твой», — человек или вещь, столь же дорогие, как твой глаз, — «соблазняет тебя», — мешает тебе совершать предлежащее тебе поприще, — «вырви его: лучше тебе с

одним глазом войти в Царствие Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную, где червь их не умирает и огонь не угасает».

4 2. И пусть никто не думает, будто размышлять об этих страшных истинах подобает только великим грешникам. Как такое предположение согласуется с тем, что наш Господь говорит людям, которые тогда, несомненно, были самыми святыми на земле? «Когда собрались бесчисленные толпы народа, Он сказал прежде всего ученикам Своим», апостолам: «Говорю вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать. Но говорю вам: бойтесь Того, Кто, по убиении, имеет власть ввергнуть в геенну; ей, говорю вам, Того бойтесь» (Лк. 12:1–5). Да, бойтесь Его именно в этом отношении — как имеющего власть ввергнуть в геенну; то есть, в сущности, бойтесь, чтобы Он не вверг вас в место мучения. И этот самый страх, даже в детях Божиих, является превосходным средством уберечь их от него.

5 3. Поэтому не только отверженным среди людей, но даже *вам, Его друзьям*, вам, боящимся и любящим Бога, надлежит глубоко размышлять о том, что открыто в слове Божием относительно будущего состояния наказания. Как далеко это от самых тщательно разработанных описаний языческих авторов! Их рассказы — по крайней мере во многих подробностях — ребяческие, фантастические и противоречивые. Поэтому неудивительно, что они и сами им не верили, а лишь пересказывали народные сказки. На это ясно намекает Вергилий, когда после своего подробного рассказа о подземных тенях выводит того, кто его передал, через врата из слоновой кости, которыми, по его словам,

проходят только *сновидения*, давая тем понять, что всё предыдущее повествование — не более чем сон. Он лишь намекает на это; но его собрат-поэт Ювенал говорит прямо и открыто:

[6] Esse aliquos manes, et subterranea regna,
Nec pueri credunt, nisi qui nondum aere lavantur:

[7] «Даже наши дети не верят ни единому слову рассказов об ином мире».

[8] 4. Здесь же, напротив, всё достойно Бога, Творца и Правителя человечества. Всё грозно и торжественно, согласно мудрости и правосудию Того, Кем «Тофет издавна устроен», хотя первоначально приготовлен он был не для детей человеческих, но «для дьявола и ангелов его».

[9] Наказание тех, кто вопреки всем Божьим предостережениям решает разделить участь дьявола и его ангелов, по древнему и вполне уместному делению будет либо paena damni — «тем, что они теряют», либо paena sensus — «тем, что они ощущают». Рассмотрев каждое отдельно, я коснусь ещё нескольких обстоятельств и закончу двумя или тремя выводами.

[10] I. 1. Прежде всего рассмотрим paena damni, «наказание утратой». Оно начинается в то самое мгновение, когда душа отделяется от тела; в этот миг душа теряет все удовольствия, наслаждение которыми зависит от внешних чувств. Обоняние, вкус, осязание больше не радуют: органы, служившие им, разрушены, а предметы, прежде услаждавшие их, удалены далеко. В мрачных областях мёртвых всё это забыто; а если вспоминается, то вспоминается лишь с болью, ибо всё это ушло навсегда. Всем удовольствиям воображения приходит конец. В

преисподних областях нет величия; нет ничего прекрасного в этих тёмных обителях; нет света, кроме света бледного пламени. И нет ничего нового, но одно неизменное зрелище ужаса поверх ужаса! Нет иной музыки, кроме стонов и воплей, плача, рыданий и скрежета зубов, проклятий и хулы на Бога или едких взаимных попрёков. Нет и ничего, что удовлетворяло бы чувство чести: нет, они — наследники позора и вечного презрения.

11 2. Так они совершенно отлучены от всего, что любили в нынешнем мире. В то же мгновение начнётся другая утрата — утрата всех *людей*, которых они любили. Их оторвут от самых близких и дорогих родных: жён, мужей, родителей, детей и, что для некоторых будет хуже всего этого, от друга, который был им как собственная душа. Вся радость, какую они когда-либо находили в них, потеряна, ушла, исчезла: ибо в аду нет дружбы. Даже поэт, утверждающий, хотя я не знаю на каком основании:

> 12 Дьявол с дьяволом, оба осуждённые,
> Крепкое согласие хранят,

13 не утверждает, что существует какое-либо согласие между бесами из людей, населяющими великую бездну.

14 3. Но тогда они сознают утрату большую, чем утрата всего, чем наслаждались на земле. Они потеряли своё место на лоне Авраамовом, в раю Божием. До той поры им, правда, и на сердце не приходило представить, чем наслаждаются святые души в саду Божием, в обществе ангелов и мудрейших и лучших людей, живших от начала мира, — не говоря об огромном приращении знания, которое они тогда, несомненно, получат; но тогда они вполне поймут ценность того, что так подло отвергли.

[15] 4. Однако, как ни счастливы души в раю, они готовятся к гораздо большему счастью. Ибо рай — лишь преддверие небес, и там духи праведников достигают совершенства. Только на небесах — полнота радости и блаженство одесную Бога навек. Утрата этого несчастными духами довершит их бедствие. Тогда они узнают и почувствуют, что один Бог — средоточие всех сотворённых духов и что, следовательно, дух, созданный для Бога, вне Его не может иметь покоя. По-видимому, это имел в виду апостол, говоря о тех, кто «подвергнется наказанию, вечной погибели от лица Господа». Изгнание от лица Господа — самая сущность погибели для духа, созданного для Бога. И если это изгнание длится вечно, то это «вечная погибель».

[16] Такова утрата, которую терпят эти несчастные существа, над которыми будет произнесён страшный приговор: «Отойдите от Меня, проклятые!» Какое невыразимое проклятие, даже если бы никакого другого не было! Но, увы, этим далеко не всё исчерпывается, ибо к наказанию утратой прибавится наказание ощущением. То, что они теряют, означает невыразимое страдание, которое, однако, уступает тому, что они ощущают. Именно это наш Господь выражает в таких сильных словах: «Где червь их не умирает и огонь не угасает».

[17] II. 1. С того времени, как над человеком был произнесён приговор: «Прах ты и в прах возвратишься», у всех народов, насколько мы можем узнать, существовал обычай предавать прах праху: казалось естественным возвращать тела умерших общей матери — земле. Но со временем вошёл в употребление другой способ, главным образом среди богатых и знатных: сжигать тела своих родственников, часто с большой пышностью и

великолепием; для этого с огромным трудом и затратами воздвигали громадные погребальные костры. При любом из этих способов человеческое тело вскоре возвращалось в родной прах. Либо червь, либо огонь скоро поглощал искусно устроенное тело; после этого и сам червь быстро умирал, и огонь совершенно угасал. Но существует также червь, принадлежащий будущему состоянию, — и этот червь никогда не умирает! И существует огонь, более жаркий, чем огонь погребального костра, — и этот огонь никогда не угаснет!

[18] 2. Первое, что, по-видимому, подразумевается под неумирающим червём, — виновная совесть, включающая самоосуждение, скорбь, стыд, угрызения и ощущение Божьего гнева. Не можем ли мы составить некоторое представление об этом по тому, что иногда испытывается даже в нынешнем мире? Не об этом ли преимущественно говорит Соломон: «Дух человека переносит его немощи», немощи или скорби любого другого рода, «а поражённый дух — кто может вынести его?» Кто может вынести муку пробудившейся совести, пронзённой сознанием вины, когда стрелы Всемогущего вонзаются в душу и иссушают дух? Сколько мужественных сердцем пали под этим бременем и предпочли удавление жизни! И всё же что эти раны, что вся эта душевная мука в нынешнем мире в сравнении с тем, что им придётся претерпеть, когда их души вполне пробудятся к ощущению гнева оскорблённого Бога! Прибавьте к этому все нечестивые страсти: страх, ужас, ярость, злые желания — желания, которые никогда не могут быть удовлетворены. Прибавьте все нечестивые расположения: зависть, ревность, злобу и мстительность; всё это будет непрестанно грызть душу, как, по преданию, коршун терзал печень Тития. Если прибавить к этому ненависть к Богу и ко всем Его

творениям, то всё вместе может дать нам некоторое малое, несовершенное представление о черве, который не умирает.

19 3. Можно заметить примечательное различие в том, как наш Господь говорит о двух частях будущего наказания. Об одной Он говорит: «Где *их* червь не умирает», о другой: «Где *огонь* не угасает». Это не может быть случайным. В чём же причина такого различия выражений?

20 Не кажется ли, что причина в следующем? *Огонь* будет одним и тем же, по существу одним и тем же для всех мучимых в нём, лишь, быть может, более сильным для одних, чем для других, сообразно степени их вины; но *их червь* не будет, не может быть одним и тем же. Он будет бесконечно различаться сообразно не только степени, но и различным видам нечестия. Это разнообразие отчасти будет происходить от праведного суда Бога, «воздающего каждому по делам его», ибо мы не можем сомневаться, что это правило будет действовать в аду не меньше, чем на небесах. Как на небесах «каждый получит свою награду», исключительно ему принадлежащую, согласно собственным трудам, то есть всему ходу его расположений, мыслей, слов и поступков, так, несомненно, каждый в действительности получит и своё злое воздаяние согласно собственному злому труду. И это воздаяние также будет исключительно его собственным, как собственным был его труд. Разнообразие наказаний будет происходить и из самой природы вещей. Как принёсшие на небеса больше святости найдут там больше счастья, так, с другой стороны, верно не только то, что чем больше нечестия человек принесёт в ад, тем больше страдания найдёт там, но и то, что это страдание будет

бесконечно различаться сообразно различным видам его нечестия. Поэтому уместно было сказать об *огне* вообще, но об *их черве* в частности.

21 4. Однако некоторые ставили под вопрос, есть ли в аду какой-либо огонь, то есть вещественный огонь. Но если там есть огонь, то он, несомненно, вещественен. Ибо что такое невещественный огонь? То же самое, что невещественная вода или земля! И то и другое — полная бессмыслица, противоречие в самих словах. Поэтому либо мы должны утверждать его вещественность, либо отрицать его существование. Но если бы мы уступили им, что там вовсе нет огня, что они этим выиграли бы? Ведь все признают, что там либо огонь, либо нечто худшее. И подумайте вот о чём: разве наш Господь не говорит так, словно это настоящий огонь? Никто не может этого отрицать или в этом сомневаться. Можно ли тогда предположить, что Бог истины говорил бы так, если бы это было не так? Неужели Он намерен пугать Свои бедные создания? Чем — пугалами? Пустыми тенями несуществующих вещей? О, пусть никто не думает так! Не приписывайте такого безумия Всевышнему!

22 5. Но другие утверждают: «Невозможно, чтобы огонь горел вечно. Ибо по неизменному закону природы он поглощает всё, что в него бросают. И по тому же закону, как только он поглотит своё топливо, исчезает и он сам: он гаснет».

23 Совершенно верно, что при нынешнем устройстве вещей, пока действуют нынешние законы природы, стихия огня разрушает и поглощает всё, что в неё бросают. Но ошибка вот в чём: нынешние законы природы не неизменны. Когда небо и земля убегут, нынешняя картина совершенно изменится; и вместе с нынешним

устройством вещей прекратятся нынешние законы природы. После этой великой перемены ничто больше не будет разрушаться, ничто не будет поглощаться. Поэтому, даже если бы было верно, что теперь огонь поглощает всё, из этого не следовало бы, что он станет делать то же самое после того, как весь строй природы претерпит эту огромную, всеобщую перемену.

[24] 6. Я говорю: если бы было верно, что «теперь огонь поглощает всё». Но на самом деле это неверно. Разве Богу не угодно было уже дать нам некоторое свидетельство о том, что будет впоследствии? Разве Linum Asbestum, несгораемый лён, не известен в большинстве частей Европы? Если взять изготовленное из него полотенце или носовой платок — один из них теперь можно увидеть в Британском музее, — его можно бросить в самый жаркий огонь; и когда его снова вынут, самое тщательное испытание покажет, что он не утратил ни единого грана своего веса. Итак, перед нашими глазами находится вещество, которое даже при нынешнем устройстве вещей, словно образ грядущего, может оставаться в огне, не сгорая.

[25] 7. Многие писатели говорили о других телесных мучениях, прибавляемых к ввержению в огненное озеро. Один из них, даже благочестивый Кемпийский, предполагает, например, что скупцам льют в горло расплавленное золото; и он предполагает множество других особых мучений, соответствующих особым грехам людей. Более того, сам наш великий поэт воображает, что обитатели ада подвергаются разнообразным пыткам, не остаются постоянно в огненном озере, но часто бывают

[26] Фуриями с когтями гарпий влекомы

[27] в ледяные области, а затем обратно, через крайности, ещё более жестокие из-за перемены; но я не нахожу об этом ни слова, ни черты, ни малейшего намёка во всей Библии. И, несомненно, предмет этот слишком страшен, чтобы допускать такую игру воображения. Будем держаться написанного слова. Довольно мучения уже в том, чтобы жить при вечном пламени.

[28] 8. Это ярко поясняет баснословный рассказ одного восточного писателя о турецком царе, который, совершив всевозможные злодеяния, однажды сделал доброе дело: увидев бедняка, падающего в яму, где он неизбежно погиб бы, он пинком оттолкнул его от неё и спас ему жизнь. Далее рассказ говорит, что, когда за огромное нечестие царя ввергли в ад, той ноге, которой он спас человеку жизнь, было позволено оставаться вне пламени. Но если даже допустить, что это произошло в действительности, каким жалким утешением это было бы! Если бы обеим ногам позволили оставаться вне пламени, да ещё и обеим рукам, как мало пользы это принесло бы! Более того, если бы всё тело извлекли и поместили туда, где его не касается огонь, а лишь одну руку или одну ногу держали в раскалённой огненной печи, разве человеку при этом было бы очень спокойно? Напротив. Разве не принято говорить ребёнку: «Поднеси палец к пламени этой свечи: можешь ли ты вынести это хоть одну минуту? Как же ты вынесешь адский огонь?» Несомненно, достаточным мучением было бы уже то, чтобы плоть сгорела на одном пальце. Что же будет, когда всё тело погрузится в озеро огня, горящего серою!

[29] III. Остаётся теперь лишь рассмотреть два или три обстоятельства, сопровождающих неумирающего червя и неугасимый огонь.

[30] 1. Во-первых, подумайте об обществе, окружающем каждого в том месте мучения. Нередко даже от осуждённых преступников в наших общественных тюрьмах можно услышать: «О, лучше бы меня повесили и убрали отсюда, чем мучиться с этими негодяями вокруг!» Но что самые отпетые негодяи на земле в сравнении с обитателями ада? Никто из них ещё не совершенно зол, не лишён всякой искры добра; наверняка не до конца этой жизни, а вероятно, и не до дня суда. И никто из них не может беспрепятственно проявлять всю свою злобу по отношению к другим творениям. Иногда их сдерживают добрые люди, иногда — даже злые. Так и пытки римской инквизиции ограничиваются теми, кто их применяет, когда они полагают, что страдалец больше не выдержит. Тогда они велят палачам остановиться, ибо смерть человека на дыбе противоречит правилам этого учреждения. И очень часто, когда нет человеческой помощи, их сдерживает Бог, положивший им пределы, которых они не могут перейти, и говорящий: «Доселе дойдёте и не далее». Более того, Бог милостиво устроил так, что сама крайность боли вызывает её прекращение. Страдалец теряет сознание и потому хотя бы на время погружается в бесчувствие. Но обитатели ада совершенно злы: в них не остаётся ни искры добра. И никто не удерживает их от проявления всей их злобы до последней крайности. Не *люди*: никого не удержат от зла его товарищи по осуждению. И не *Бог*: ибо Он забыл их, предал мучителям. И бесам не нужно опасаться, как их орудиям на земле, что люди испустят дух под пыткой. Они больше не могут умереть: у них есть сила выдержать всё, что могут причинить им соединённые злоба, искусство и мощь ангелов. И их ангельским мучителям достаточно времени, чтобы разнообразить их мучения тысячью

способов. Как бесконечно могут они разнообразить одно-единственное мучение — ужасные явления! Ими злой дух, если ему дозволено, несомненно, мог бы до смерти устрашить самого мужественного человека на земле.

31 2. Во-вторых, подумайте о том, что все эти мучения тела и души непрерывны. У них нет передышки от боли, но «дым мучения их восходит день и ночь». *День и ночь!* Это говорится сообразно устройству нынешнего мира, в котором Бог мудро и милостиво определил, чтобы день и ночь сменяли друг друга; так что в каждые двадцать четыре часа наступает

> 32 Ежедневная суббота, данная для отдыха
> Трудящемуся человеку и усталому животному.

33 Поэтому мы редко успеваем перенести много труда или претерпеть много боли, прежде чем

> 34 Сладкий восстановитель утомлённой природы,
> целительный сон,

35 незаметно, постепенно подкрадывается к нам и приносит время облегчения. Но хотя для осуждённых ночь непрерывна, она не прерывает их боли. Эту тьму не сопровождает сон: что бы ни воображали древние или новые поэты, Гомер или Мильтон, нет сна ни в аду, ни на небесах. И как бы ни были крайни их страдания, как бы ни была сильна их боль, нет никакой возможности, чтобы они лишились сознания, — нет, ни на мгновение.

36 Далее, жителей земли часто отвлекают от внимания к тому, что их мучит, радостный свет солнца, смена времён года, «деятельный гул людей» и тысяча предметов, проносящихся вокруг них в бесконечном разнообразии.

Но у обитателей ада нет ничего, что отвлекло бы их от мучений хотя бы на мгновение:

[37] Полное затмение: ни солнца, ни луны!

[38] Нет смены времён года или товарищей. Нет занятий, но одно непрерывное зрелище ужаса, к которому должно быть приковано всё их внимание. У них нет ни мгновения рассеянности или оцепенения: они — сплошь зрение, сплошь слух, сплошь чувство. В каждое мгновение их существования обо всём их существе можно сказать, что они

[39] Трепетно чувствуют жизнь во всём теле
И каждой порой страдают и мучатся!

[40] 3. И этому существованию нет конца! Какая мысль! Только вечность — срок их мучения! И кто может сосчитать капли дождя, или песчинки моря, или дни вечности? Всякое страдание смягчается, если есть хоть какая-то, пусть далёкая, надежда избавления от него. Но сюда никогда не приходит надежда, которая приходит ко всем обитателям верхнего мира! Что! Страдания, которым *никогда* не будет конца!

[41] НИКОГДА! Куда низвергается душа при этом страшном звуке?
В какую тёмную, какую глубокую бездну!

[42] Предположим, прошли миллионы дней, лет, веков, — мы всё ещё лишь у порога вечности! Ни телесная, ни душевная боль ничуть не ближе к концу, чем была миллионы веков назад. Когда их бросают в to pyr, to asbeston — как выразительно: *«огонь, неугасимый»!* — всё решено: «Червь их не умирает и огонь не угасает!»

[43] Таково описание, которое Судья всех даёт наказанию, назначенному Им нераскаянным грешникам. И каким противовесом силе всякого искушения может стать размышление об этом! В особенности — страху перед человеком: именно так применяет его Сам наш Господь. «Не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать. Но бойтесь Того, Кто, по убиении, имеет власть ввергнуть в геенну» (Лк. 12:4, 5).

[44] Какой защитой от всякого искушения удовольствием могут стать эти размышления! Неужели ради каких-нибудь жалких земных удовольствий, исчезающих при употреблении, вы потеряете — не говоря уже о нынешних действительных радостях религии — райские радости, которых «не видел глаз, не слышало ухо и которые не приходили нам на сердце»? Да, небесные радости, общество ангелов и духов праведников, достигших совершенства; общение лицом к лицу с Богом, вашим Отцом, вашим Спасителем, вашим Освятителем; и питие из тех потоков блаженства, которые одесную Бога навеки?

[45] Искушает ли вас боль — телесная или душевная? О, сравните настоящее с будущим! Что телесная боль, которую вы терпите или можете терпеть, в сравнении с пребыванием в озере огня, горящего серою? Что любая душевная боль, любой страх, мука, печаль в сравнении с «червём, который никогда не умирает»? *Никогда не умирает!* Вот жало всего! Что касается наших земных страданий, благословен Бог, они не вечны. Бывают промежутки, приносящие облегчение, и бывает срок, полагающий им конец. Когда мы спрашиваем больного друга, как он себя чувствует, он говорит: «Сейчас мне больно, но я надеюсь, что скоро станет легче». Это

сладостно смягчает нынешнюю тяготу. Но как страшно было бы его положение, если бы он ответил: «Я весь — боль, и никогда мне не будет облегчения. Я лежу в жесточайшей телесной муке и душевном ужасе, и буду чувствовать это *вечно!*» Таково положение осуждённых грешников в аду. Лучше же претерпите любую боль, чем попасть в это место мучения!

[46] Я закончу ещё одним размышлением, взятым у доктора Уоттса: «Высочайшей благодарности достойно то, что мы, давно заслужившие это бедствие, ещё не ввергнуты в него. Тогда как тысячи были приговорены к этому месту наказания прежде, чем пробыли во грехе так долго, как многие из нас, — каким проявлением божественной благости является то, что мы не подверглись этому огненному возмездию! Разве мы не видели, как многие грешники справа и слева от нас были сражены в своих грехах? И что, кроме нежного Божьего милосердия, щадило нас неделю за неделей, месяц за месяцем и давало нам время для покаяния? Что воздадим Господу за всё Его терпение и долготерпение до нынешнего дня? Как часто своими повторными восстаниями против Бога мы навлекали на себя осуждающий приговор! И всё же мы ещё живы перед Его лицом и слышим слова надежды и спасения. О, оглянемся назад и содрогнёмся при мысли о страшной пропасти, на краю которой мы так долго блуждали! Поспешим найти убежище в предлежащей нам надежде и тысячекратно возблагодарим божественную милость за то, что мы не ввергнуты в эту погибель!»

О Церкви

1 «Умоляю вас поступать достойно звания, в которое вы призваны, со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью, стараясь сохранять единство Духа в союзе мира. Одно тело и один Дух, как вы и призваны к одной надежде вашего звания; один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми, и через всех, и во всех вас».

2 Ефесянам 4:1–6.

3 1. Как много мы почти непрерывно слышим о Церкви! У многих это предмет ежедневных разговоров. И всё же как немногие понимают, о чём говорят! Как немногие знают, что означает этот термин! Едва ли можно найти в английском языке более двусмысленное слово, чем «церковь». Иногда под ним понимают здание, предназначенное для общественного богослужения; иногда — собрание, или совокупность людей, соединённых в служении Богу. В последующем рассуждении оно употребляется только в последнем смысле.

4 2. Оно может одинаково относиться к любому числу людей, сколь бы мало или велико оно ни было. Как «где двое или трое собраны во имя Его», там Христос, так, говоря словами святого Киприана, «где двое или трое верующих собраны вместе, там Церковь». Именно так святой Павел, обращаясь к Филимону, упоминает «церковь в его доме», ясно показывая, что даже христианская семья может называться церковью.

[5] 3. Несколько человек из тех, кого Бог *вызвал* из мира, — именно это собственно означает исходное слово, — соединяясь в одно собрание, образовали более многочисленную церковь, как церковь в Иерусалиме, то есть все находившиеся в Иерусалиме, кого Бог так призвал. Но, принимая во внимание, как быстро они умножались после дня Пятидесятницы, нельзя предположить, что они могли продолжать собираться в одном месте; особенно потому, что тогда у них не было никакого большого помещения, да и построить его им бы не позволили. Следовательно, даже в Иерусалиме они должны были разделиться на несколько отдельных собраний. Подобным образом, когда святой Павел несколькими годами позже писал церкви в Риме, адресуя своё послание «всем находящимся в Риме, призванным святым», нельзя предположить, что у них было одно здание, способное вместить их всех: они были разделены на несколько общин, собиравшихся в разных частях города.

[6] 4. Впервые апостол употребляет слово «церковь» в предисловии к первому Посланию к Коринфянам: «Павел, призванный апостол Иисуса Христа, — церкви Божией, находящейся в Коринфе». Значение этого выражения определяют следующие слова: «Освящённым во Христе Иисусе, со всеми, во всяком месте», — не в одном Коринфе, так что это было своего рода окружное послание, — «призывающими имя Господа нашего Иисуса Христа, их Господа и нашего». В обращении второго послания к Коринфянам он говорит ещё яснее: «Церкви Божией, находящейся в Коринфе, со всеми святыми по всей Ахаии». Здесь он явно включает все церкви, или христианские собрания, находившиеся во всей этой области.

[7] 5. Он часто употребляет это слово во множественном числе. Так, в Гал. 1:2: «Павел, апостол, — церквам Галатийским», то есть христианским собраниям, рассеянным по всей той стране. Во всех этих местах, а можно было бы привести ещё множество, слово «церковь» или «церкви» означает не здания, где собирались христиане, как оно часто означает в английском языке, но людей, которые там собирались, — одно или несколько христианских собраний. Но иногда слово «Церковь» употребляется в Писании в ещё более обширном значении, включающем все христианские собрания на лице земли. И в этом смысле мы понимаем его в нашей литургии, когда говорим: «Помолимся обо всей Церкви Христовой, воинствующей здесь, на земле». В этом смысле, несомненно, употребляет его святой Павел в увещании к ефесским пресвитерам (Деян. 20:28): «Внимайте церкви Бога, которую Он приобрёл Себе собственною Кровию». Здесь Церковь, несомненно, означает кафолическую, или вселенскую, Церковь, то есть всех христиан под небом.

[8] 6. Кто именно составляет «Церковь Божию», апостол пространно показывает самым ясным и решительным образом в приведённом выше отрывке; в нём он также наставляет всех членов Церкви, как «поступать достойно звания, в которое они призваны».

[9] 7. Рассмотрим прежде всего, кто именно составляет Церковь Божию. Каков истинный смысл этого названия? «Церковь в Ефесе», как поясняет сам апостол, означает «святых», святых людей, «находящихся в Ефесе», которые там собираются вместе для поклонения Богу Отцу и Его Сыну Иисусу Христу, — делали ли они это в одном месте или, как мы можем с вероятностью предположить, в

нескольких. Но здесь апостол рассматривает как одно тело Церковь вообще, кафолическую, или вселенскую, Церковь, охватывающую не только христиан в доме Филимона или в какой-либо одной семье, не только христиан одного собрания, одного города, одной области или страны, но всех людей на лице земли, которые соответствуют данному здесь описанию. Теперь мы можем подробнее рассмотреть отдельные заключённые в нём черты.

10 8. «Один Дух» оживляет всех их, всех живых членов Церкви Божией. Одни понимают здесь Самого Святого Духа, Источник всякой духовной жизни; и несомненно: «Если кто Духа Христова не имеет, тот и не Его». Другие понимают под этим те духовные дары и святые расположения, которые упоминаются далее.

11 9. У всех принявших этого Духа «одна надежда», надежда, полная бессмертия. Они знают, что умереть — не значит исчезнуть; их взор простирается за могилу. Они могут радостно сказать: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродивший нас воскресением Иисуса Христа из мёртвых к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядающему».

12 10. «Один Господь», Который ныне владычествует над ними, Который установил Своё Царство в их сердцах и царствует над всеми причастниками этой надежды. Повиноваться Ему, бежать путём Его заповедей — их слава и радость. И пока они делают это с готовностью, они словно «восседают на небесах во Христе Иисусе».

13 11. «Одна вера», которая есть дар Божией благодати и основание их надежды. Это не просто вера язычника, то

есть убеждение, что «есть Бог», что Он милостив и праведен и, следовательно, «ищущим Его воздаёт». И не просто вера беса, хотя она простирается гораздо дальше первой: ибо бес верит и не может не верить в истинность всего написанного и в Ветхом, и в Новом Завете. Но это вера святого Фомы, научающая его со святым дерзновением говорить: «Господь мой и Бог мой!» Это вера, позволяющая всякому истинно верующему христианину свидетельствовать вместе со святым Павлом: «Ныне живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня».

14 12. «Одно крещение» — внешний знак, который наш единый Господь благоволил установить для всей той внутренней и духовной благодати, которую Он непрестанно дарует Своей Церкви. Оно также драгоценное средство, через которое эта вера и надежда даются усердно ищущим Его. Некоторые, правда, склонялись к образному толкованию, будто здесь имеется в виду то крещение Святым Духом, которое апостолы получили в день Пятидесятницы и которое в меньшей мере даётся всем верующим. Но твёрдое правило толкования Писания — никогда не отступать от простого, буквального смысла, если он не влечёт за собой нелепости. Кроме того, если бы мы так понимали это место, оно было бы ненужным повторением, поскольку уже заключалось бы в словах: «Один Дух».

15 13. «Один Бог и Отец всех», имеющих Духа усыновления, Который «взывает в сердцах их: “Авва, Отче!”», Который непрестанно «свидетельствует духу их», что они — дети Божии; «Который над всеми» — Всевышний, Творец, Хранитель, Правитель всей

вселенной; «и через всех» — проникающий всё пространство, наполняющий небо и землю:

[16] Totam
Mens agitans molem, et magno se corpore miscens: —

[17] [Ниже приводится перевод этой цитаты из Вергилия, сделанный Уортоном:

[18] «Всеобщая душа
Живёт в частях и движет целым». — Ред.]

[19] «И во всех вас» — особенным образом живущий в вас, составляющих одно тело одним Духом:

[20] Делая ваши души Своей любимой обителью,
Храмами пребывающего в них Бога.

[21] 14. Итак, вот ясный, не допускающий возражений ответ на вопрос: «Что такое Церковь?» Кафолическая, или вселенская, Церковь — это все люди во вселенной, которых Бог так вызвал из мира, что к ним приложимо предыдущее описание: что они — «одно тело», соединённое «одним Духом», имеющее «одну веру, одну надежду, одно крещение, одного Бога и Отца всех, Который над всеми, и через всех, и во всех них».

[22] 15. Ту часть этого великого тела, вселенской Церкви, которая обитает в каком-либо одном царстве или народе, мы вправе назвать национальной Церковью: например, Церковью Франции, Церковью Англии, Церковью Шотландии. Меньшую часть вселенской Церкви составляют христиане, обитающие в одном городе или местечке, как церковь Ефесская и остальные из семи церквей, упомянутых в Откровении. Двое или трое верующих христиан, соединившихся вместе, — церковь в самом узком смысле слова. Такова была церковь в доме

Филимона и церковь в доме Нимфана, упомянутая в Кол. 4:15. Поэтому отдельная церковь может состоять из любого числа членов — из двух или трёх либо из двух или трёх миллионов. Но всё же, больше ли они или меньше, следует сохранять одно и то же понятие: они — одно тело и имеют одного Духа, одного Господа, одну надежду, одну веру, одно крещение, одного Бога и Отца всех.

[23] 16. Это описание вполне согласно с девятнадцатой статьёй нашей Церкви, Церкви Англии, — только статья включает несколько больше, чем выразил апостол:

[24] «О ЦЕРКВИ.

[25] «Видимая Церковь Христова есть собрание верных людей, в котором проповедуется чистое слово Божие и должным образом совершаются таинства».

[26] Можно заметить, что одновременно с составлением и обнародованием наших тридцати девяти статей той же властью был опубликован их латинский перевод. В нём стояли слова coetus credentium, «собрание верующих», ясно показывающие, что под *верными людьми* составители понимали людей, наделённых *живой верой*. Это ещё более сближает статью с описанием, данным апостолом.

[27] Однако можно усомниться, говорит ли статья об отдельной церкви или о Церкви вселенской. Заглавие «О Церкви», по-видимому, относится к кафолической Церкви; но вторая часть статьи упоминает отдельные церкви Иерусалима, Антиохии, Александрии и Рима. Возможно, она была задумана так, чтобы охватить и то и другое: определить вселенскую Церковь, не упуская из виду различные отдельные церкви, из которых она состоит.

[28] 17. Принимая это во внимание, легко ответить на вопрос: «Что такое Церковь Англии?» Это та часть, те члены вселенской Церкви, которые являются жителями Англии. Церковь Англии — это совокупность людей в Англии, у которых «один Дух, одна надежда, один Господь, одна вера», которые имеют «одно крещение» и «одного Бога и Отца всех». Это и только это есть Церковь Англии согласно учению апостола.

[29] 18. Но определение Церкви, данное в статье, включает не только это, но и гораздо больше посредством замечательного дополнения: «В котором проповедуется чистое слово Божие и должным образом совершаются таинства». Согласно этому определению, собрания, в которых не проповедуется чистое слово Божие, — сильное выражение! — не являются частями ни Церкви Англии, ни кафолической Церкви; как не являются ими и те, в которых таинства не совершаются должным образом.

[30] 19. Я не берусь защищать точность этого определения. Я не дерзаю исключать из кафолической Церкви все те собрания, в которых иногда, да и часто, проповедуются какие-либо несогласные с Писанием учения, о которых нельзя утверждать, что они — «чистое слово Божие»; равно как и все те собрания, в которых таинства совершаются не «должным образом». Конечно, если дело обстоит так, то Римская церковь даже не является частью кафолической Церкви, поскольку в ней не проповедуется «чистое слово Божие» и таинства не совершаются «должным образом». Кто бы ни были люди, имеющие «одного Духа, одну надежду, одного Господа, одну веру, одного Бога и Отца всех», я легко могу терпеть их ошибочные мнения и даже суеверные формы богослужения. И по этим причинам я не стал бы

колебаться, по-прежнему включая их в пределы кафолической Церкви; не имел бы я и никакого возражения против того, чтобы принять их, если бы они того пожелали, в число членов Церкви Англии.

[31] II. 20. Теперь перейдём ко второму вопросу. Что значит «поступать достойно звания, в которое мы призваны»?

[32] Всегда следует помнить, что слово *поступать* на языке апостола имеет весьма широкое значение. Оно включает все наши внутренние и внешние движения, все наши мысли, слова и действия. Оно охватывает не только всё, что мы делаем, но и всё, что говорим или думаем. Поэтому немалое дело — «поступать», в таком смысле слова, «достойно звания, в которое мы призваны»: мыслить, говорить и действовать во всяком случае так, как достойно нашего христианского призвания.

[33] 21. Мы призваны поступать прежде всего «со всяким смиренномудрием»: иметь в себе те же чувствования, какие были и во Христе Иисусе; не думать о себе более, нежели должно думать; быть малыми, нищими, ничтожными и недостойными в собственных глазах; знать себя так, как мы познаны Тем, перед Кем открыты все сердца; глубоко сознавать собственное недостоинство, всецелую испорченность нашей природы, в которой не живёт доброе, — природы, склонной ко всякому злу, чуждающейся всякого добра; так что мы не только больны, но мертвы по преступлениям и грехам, пока Бог не дохнёт на сухие кости и не сотворит жизнь плодом Своих уст. И допустим, это совершилось; допустим, Он теперь оживил нас, влив жизнь в наши мёртвые души, — но сколько ещё остаётся плотского мудрования! Как склонно наше сердце всё ещё отступать от живого Бога! Какая наклонность ко греху остаётся в сердце, хотя мы

знаем, что наши прежние грехи прощены! И сколько греха вопреки всем нашим усилиям прилипает и к нашим словам, и к поступкам! Кто может в должной мере сознавать, сколько ещё остаётся в нём природной вражды к Богу или насколько он ещё отчуждён от Бога пребывающим в нём невежеством?

[34] 22. Более того, допустим, Бог теперь совершенно очистил наше сердце и рассеял последние остатки греха; но как можем мы достаточно сознавать собственную беспомощность, нашу полную неспособность к какому-либо добру без того, чтобы каждый час, да каждое мгновение, облекаться силой свыше? Кто способен помыслить одну добрую мысль или породить одно доброе желание иначе как той всемогущей силой, которая производит в нас и хотение, и действие по Своему благоволению? Даже в этом состоянии благодати нам необходимо быть глубоко и непрерывно проникнутыми сознанием этого. Иначе мы будем постоянно подвергаться опасности похищать у Бога Его честь, хвалясь чем-либо полученным так, словно мы этого не получили.

[35] 23. Когда этим вполне проникнется глубина нашей души, остаётся нам «облечься в смирение». Слово, употреблённое святым Петром, по-видимому, означает, что мы должны быть покрыты им как верхней одеждой; что мы должны быть всецело смиренны и внутри, и снаружи, так чтобы смирение окрашивало всё, что мы думаем, говорим и делаем. Пусть все наши поступки исходят из этого источника; пусть все наши слова дышат этим духом, чтобы все люди могли узнать, что мы были с Иисусом и научились от Него смирению сердца.

[36] 24. И, наученные Тем, Кто был не только смирен, но и кроток сердцем, мы тогда получим способность «поступать со всякой кротостью», наученные Тем, Кто учит, как никогда не учил человек, быть кроткими и смиренными сердцем. Это подразумевает власть не только над гневом, но и над всеми бурными и мятежными страстями. Это подразумевает, что все наши страсти находятся в должной мере: ни одна не слишком сильна и не слишком слаба, но все правильно уравновешены друг с другом, все подчинены разуму, а разум направляется Духом Божиим. Пусть это душевное равновесие управляет всей вашей душой, чтобы все ваши мысли текли ровным потоком, а постоянный строй ваших слов и поступков соответствовал ему. Тогда в этом «терпении» вы будете «владеть душами вашими», которые не принадлежат нам, пока нас мечут необузданные страсти. И по этому все люди смогут узнать, что мы действительно последователи кроткого и смиренного Иисуса.

[37] 25. Поступайте со всяким «долготерпением». Оно близко сродни кротости, но подразумевает нечто большее. Оно продолжает уже одержанную победу над всеми вашими мятежными страстями, несмотря на все силы тьмы, все нападения злых людей или злых духов. Оно терпеливо торжествует над всяким сопротивлением и остаётся непоколебимым, хотя бы все его волны и бури прошли над вами. Как бы часто его ни раздражали, оно всё то же — спокойное и непоколебимое, никогда не будучи «побеждено злом», но побеждая зло добром.

[38] 26. «Снисходя друг ко другу любовью», по-видимому, означает не только не негодовать ни на что и не мстить за себя; не только не наносить друг другу вреда, боли или огорчения ни словом, ни делом; но также носить бремена

друг друга и даже облегчать их всеми доступными нам средствами. Это подразумевает сочувствие людям в их скорбях, бедствиях и немощах; поддержку их тогда, когда без нашей помощи они могли бы пасть под бременем; старание поднять их поникшие головы и укрепить их ослабевшие колени.

[39] 27. Наконец, истинные члены Церкви Христовой «стараются» со всем возможным усердием, со всей заботой и трудом, с неутомимым терпением — и всего этого едва ли будет достаточно — «сохранять единство Духа в союзе мира»: хранить ненарушенным один и тот же дух смиренномудрия и кротости, долготерпения, взаимной снисходительности и любви; и всё это скреплено и связано тем священным узлом — миром Божиим, наполняющим сердце. Только так мы можем быть и оставаться живыми членами той Церкви, которая есть тело Христово.

[40] 28. Не становится ли из всего этого описания ясно, почему в древнем Символе веры, обычно называемом Апостольским, мы называем вселенскую, или кафолическую, Церковь «святой кафолической Церковью»? Сколько удивительных причин придумано для этого наименования! Один учёный сообщает нам: «Церковь называется святой, потому что свят Христос, её Глава». Другой знаменитый автор утверждает: «Она так называется потому, что все её установления предназначены содействовать святости»; а ещё один — «потому что наш Господь *намеревался* сделать всех членов Церкви святыми». Но кратчайшая, простейшая и единственно истинная причина, какую можно привести, такова: Церковь называется *святой*, потому что она *свята*, потому что каждый её член свят, хотя и в разной

степени, как свят Призвавший их. Как это ясно! Если Церковь по самой своей сущности есть совокупность верующих, то никакой человек, не являющийся верующим христианином, не может быть её членом. Если всё это тело одушевлено одним Духом и наделено одной верой и одной надеждой своего призвания, то тот, кто не имеет этого Духа, этой веры и надежды, не является членом этого тела. Следовательно, не только привычный сквернослов, нарушитель дня покоя, пьяница, блудник, вор, лжец, никто из живущих в каком-либо внешнем грехе, но и никто находящийся под властью гнева или гордости, ни один любитель мира, словом, никто мёртвый для Бога не может быть членом Его Церкви.

[41] 29. Может ли тогда быть что-либо нелепее того, как люди восклицают: *«Церковь! Церковь!»* — и делают вид, будто крайне ревностны о ней и яростно её защищают, тогда как сами не имеют в ней ни части, ни жребия и даже не знают, что такое Церковь? И всё же рука Божия действует и в этом самом! Даже здесь является Его дивная мудрость, обращающая их заблуждение к Его славе и побуждающая «землю помочь жене». Воображая, что они сами — её члены, люди мира часто защищают Церковь; иначе волки, окружающие малое стадо со всех сторон, в короткое время растерзали бы его. И по этой самой причине неразумно раздражать их больше, чем неизбежно. Даже на этом основании будем, если возможно с нашей стороны, «в мире со всеми людьми». Тем более что мы не знаем, как скоро Бог может призвать и их из царства сатаны в Царство Своего возлюбленного Сына.

[42] 30. Между тем пусть все истинные члены Церкви заботятся о том, чтобы во всём поступать свято и

непорочно. «Вы — свет мира!» Вы — «город, стоящий на верху горы», и «не можете укрыться». О, «пусть свет ваш светит перед людьми»! Покажите им свою веру своими делами. Пусть по всему строю вашей жизни они видят, что вся ваша надежда сокрыта горе! Пусть все ваши слова и поступки свидетельствуют о Духе, Которым вы одушевлены! Прежде всего пусть изобилует ваша любовь. Пусть она простирается на каждого ребёнка человеческого; пусть переливается через край к каждому ребёнку Божию. По тому пусть все люди узнают, чьи вы ученики, что вы «любите друг друга».

О расколе

[1] *«Дабы не было разделения в теле».*

[2] 1 Кор. 12:25.

[3] 1. Если в английском языке есть слово, столь же двусмысленное и неопределённое по значению, как слово «Церковь», то это тесно связанное с ним слово «раскол». Уже несколько сотен лет оно служит предметом бесчисленных споров; и почти бесчисленные книги написаны о нём во всех частях христианского мира. Очень большая доля их издана в нашей стране, особенно в прошлом столетии и в начале нынешнего; и люди сильнейшего ума и совершеннейшей учёности истощали все свои силы на этот вопрос — и в беседах, и в сочинениях. Это стало казаться нужнее, чем когда-либо, после великого отделения реформированных христиан от Римской церкви. Раскол — обвинение, которое члены этой церкви неизменно предъявляют всем отделяющимся от неё и которое вследствие этого занимало мысли и перья искуснейших спорщиков обеих сторон. И представители каждой стороны, вступая на поле сражения, обыкновенно были уверены в победе, полагая свои доводы столь сильными, что разумные люди не смогут им противиться. [64]

[4] 2. Но примечательно, что все эти споры принесли чрезвычайно мало добра. Очень немногим из самых горячих и способных спорщиков удалось убедить противников. После всего, что можно было сказать, паписты остались папистами, а протестанты — протестантами. И такой же успех сопровождал тех, кто

столь ожесточённо спорил об отделении от Церкви Англии. Отделившихся от неё с жаром обвиняли в расколе; они столь же горячо отвергали обвинение; и почти никто ни с той, ни с другой стороны не мог убедить своих противников.

5 3. Одна из главных причин, почему этот спор был так бесплоден и почему удалось убедить столь немногих с обеих сторон, такова: спорящие редко соглашались относительно значения слова, о котором спорили. А если они не устанавливали его смысл, если не определяли термин, прежде чем начинать спор о нём, то могли продолжать спор до конца жизни, не продвинувшись ни на шаг и не став друг к другу ни на йоту ближе, чем в самом начале.

6 4. Однако это должно быть делом немалой важности, иначе святой Павел не говорил бы о нём так серьёзно. Поэтому нам в высшей степени необходимо рассмотреть:

7 I. Природу раскола; и

8 II. Его зло.

9 I. 1. Сделать это тем нужнее, что среди бесчисленных книг, написанных об этом предмете и римскими католиками, и протестантами, трудно найти хотя бы одну, определяющую его согласно Писанию. Все римские католики определяют раскол как отделение от Римской церкви; почти все наши собственные писатели определяют его как отделение от Церкви Англии. Таким образом, и те и другие с самого начала идут неверно и спотыкаются у самого порога. Это легко увидит всякий, кто спокойно рассмотрит различные места, в которых встречается слово «раскол»: из общего их смысла ясно, что это не отделение *от* какой-либо Церкви — всеобщей

или отдельной, кафолической или какой-либо национальной, — но разделение *внутри* Церкви.

10 2. Начнём с первого стиха, где святой Павел употребляет это слово. Это десятый стих первой главы его Первого послания к Коринфянам. Вот эти слова: «Умоляю вас, братия, именем Господа Иисуса, чтобы все вы говорили одно и то же и чтобы не было расколов», — слово подлинника schismata, — «между вами». Что может быть яснее того, что упомянутые здесь расколы были не отделениями *от* Коринфской церкви, но разделениями *внутри* неё? Поэтому далее сказано: «Но чтобы вы были совершенно соединены в одном духе и в одних мыслях». Вы видите здесь, что единство духа и суждения было прямой противоположностью коринфскому расколу. Следовательно, это было не отделение от церкви, или христианского общества, в Коринфе, но разделение внутри церкви: разъединение в духе и суждении, возможно, и в любви, между теми, кто, несмотря на это, внешне оставался соединённым по-прежнему.

11 3. Какова была природа этого раскола в Коринфе, ещё яснее определяется, если что-либо может быть яснее, непосредственно следующими словами: «Я разумею то», — вот раскол, о котором я говорю: вы разделились на отдельные партии, одни из вас выступают за одного проповедника, другие за другого, — «что у вас говорят», стих 12: «Я Павлов, я Аполлосов, а я Кифин», то есть Петров. Кто же не видит, что раскол, за который апостол здесь укоряет коринфян, есть не более и не менее как распадение на несколько партий, поскольку они предпочитали одного проповедника другому? И от такого вида раскола будет необходимо оберегаться во всяком религиозном обществе.

12 4. Второе место, где апостол употребляет это слово, — восемнадцатый стих одиннадцатой главы этого послания: «Когда вы сходитесь в церкви», в христианском собрании, «слышу, что между вами бывают разделения», — здесь слово подлинника также schismata, *расколы*. Но что это были за расколы? Апостол тотчас говорит вам, стих 20: «Когда вы собираетесь», заявляя о намерении «вкушать Вечерю Господню, каждый из вас поспешает прежде других есть свою вечерю», словно это обычная трапеза. В чём же состоял раскол? По-видимому, поступая так, они разделялись на небольшие группы, питавшие гнев и неприязнь друг к другу даже в это священное время.

13 5. Нельзя ли здесь заметить — сделаем небольшое отступление ради тех, кого в этом отношении тревожат ненужные сомнения совести, — что грех, в котором апостол в этой главе обвиняет коринфских причастников, обычно понимают совершенно неверно? Он состоял именно в следующем и ни в чём ином: «каждый поспешал прежде других есть свою вечерю», и притом столь возмутительным образом, что «один был голоден, а другой упивался». Делая это, говорит он, «вы едите и пьёте» не «*вечное осуждение*» — это отвратительно неверный перевод слова, — но *суд*, суд в этой жизни, «себе», который иногда сокращал их жизнь. «Оттого», — за то, что вы грешите таким отвратительным образом, — «многие из вас немощны и больны». Заметьте здесь две вещи. Во-первых, в чём состоял грех коринфян? Хорошо отметьте это и запомните: в том, что *каждый поспешал прежде других есть свою вечерю*, так что *один был голоден, а другой упивался*. Во-вторых, каким было наказание? Телесная слабость и болезнь, которые без покаяния могли окончиться смертью. Но какое

отношение это имеет к *вам*? Вы не можете совершить *их* греха; поэтому не можете навлечь на себя их наказание.

14 6. Но вернёмся к нашему предмету. Следует серьёзно отметить, что в этой главе апостол употребляет слово «ереси» как совершенно равнозначное слову «расколы». «Слышу, — говорит он, стих 18, — что между вами бывают расколы, чему отчасти и верю». Затем прибавляет, стих 19: «Ибо надлежит быть и ересям», — другое слово для того же самого, — «между вами, дабы открылись между вами искусные». Как если бы он сказал: «Божья мудрость допускает это с той целью, чтобы ясно обнаружились те, чьё сердце право перед Ним». Поэтому это слово, *ересь*, которое в течение стольких столетий столь странно искажали, будто оно означает ошибочные мнения, мнения, противные вере, преданной святым, и которое сделалось предлогом для разрушения городов, опустошения стран и пролития морей невинной крови, не имеет ни малейшего отношения к мнениям, верным или неверным. Повсюду, где оно встречается в Писании, оно означает просто разделения, или партии, в религиозном обществе.

15 7. Третье и последнее место в этом послании, где апостол употребляет это слово, — двадцать пятый стих двенадцатой главы. Говоря здесь о Церкви — по-видимому, он подразумевает вселенскую Церковь, всё тело Христово, — он замечает: «Бог соразмерил тело, внушив о менее совершенном большее попечение, дабы не было разделения в теле», стихи 24, 25. Он тотчас определяет смысл собственных слов: «А все члены одинаково заботились друг о друге. И страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены». Легко заметить, что слово

«раскол» здесь означает отсутствие этой нежной заботы друг о друге. Несомненно, оно означает отчуждение любви кого-либо из них от братьев; разделение сердца и возникающие от него партии, хотя внешне они ещё были соединены, хотя оставались членами одного и того же внешнего общества.

16 8. Но, по-видимому, существует одно серьёзное возражение против предположения, что ересь и раскол означают одно и то же. Говорят, что святой Пётр во второй главе своего Второго послания употребляет слово «ереси» в совсем ином смысле. Его слова, стих 1: «У вас будут лжеучители, которые введут пагубные», или разрушительные, «ереси, отрекаясь от искупившего их Господа». Отнюдь не очевидно, что святой Пётр употребляет здесь слово «ереси» в каком-либо ином смысле, чем святой Павел. Даже в этом месте оно, по-видимому, не имеет отношения к мнениям, хорошим или дурным. Скорее оно означает: они «введут», или вызовут к существованию, губительные партии или секты, — так передано в общепринятом французском переводе, — которые «отрекаются от искупившего их Господа». Подобные секты теперь кишат во всём христианском мире.

17 9. Я буду благодарен всякому, кто укажет мне какое-либо другое место в богодухновенных писаниях, где встречается это слово — «раскол». Я помню только эти три. И всякому беспристрастному читателю очевидно, что ни в одном из них оно не означает отделения от какой-либо церкви или совокупности христиан, с причиной или без причины. Поэтому огромные усилия, которые и паписты, и протестанты приложили, написав целые тома против раскола как отделения от Римской

церкви или от Церкви Англии, употребив всю свою силу и привлекая всю учёность, были потрачены с весьма малой пользой. Они сражались с тенями, ими самими вызванными; яростно боролись с грехом, существовавшим лишь в их воображении, который ни разу не запрещён и даже ни разу не упомянут ни в Ветхом, ни в Новом Завете.

[18] 10. «Но разве нет греха, похожего на то, что столь многие учёные и благочестивые писатели называли расколом и от чего всем членам религиозных обществ необходимо тщательно оберегаться?» Я не сомневаюсь, что есть; и не берусь сказать, нельзя ли и его в отдалённом смысле назвать расколом. Я имею в виду «беспричинное отделение от сообщества живых христиан». Нет ничего нелепого в употреблении этого слова в таком смысле, хотя он и не является строго библейским. И несомненно, все члены христианских обществ должны тщательно от этого оберегаться. Ибо каким бы малым делом это ни казалось и каким бы невинным ни считалось, раскол даже в этом смысле и сам по себе зол, и производит злые последствия.

[19] 11. Он зол сам по себе. Отделяться от сообщества живых христиан, с которыми мы прежде были соединены, — тяжкое нарушение закона любви. Природа любви — соединять нас друг с другом; и чем больше любовь, тем теснее единство. Пока она пребывает в своей силе, ничто не может разделить тех, кого любовь соединила. Лишь когда наша любовь холодеет, мы можем помыслить об отделении от братьев. И именно так, несомненно, обстоит дело со всяким, кто добровольно отделяется от своих братьев-христиан. Предлоги для отделения могут быть бесчисленны, но истинная причина всегда — недостаток любви; иначе они по-прежнему сохраняли бы единство

Духа в союзе мира. Поэтому это противно всем тем заповедям Божиим, которые повелевают братскую любовь: заповеди святого Павла «Братолюбие между вами да пребывает»; святого Иоанна «Возлюбленные дети мои, любите друг друга»; и особенно заповеди нашего благословенного Учителя «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас». Да, «по тому, — говорит Он, — узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою».

[20] 12. И как такое отделение само по себе зло, будучи нарушением братской любви, так оно приносит злой плод: естественным образом порождает самые пагубные последствия. Оно открывает дверь всем недобрым расположениям и в нас самих, и в других. Оно прямо ведёт к целой череде дурных подозрений, к суровому, лишённому любви осуждению друг друга. Оно даёт повод к обиде, гневу и озлоблению, быть может, и в нас самих, и в наших братьях; а они, если не остановить их немедленно, могут обратиться в горечь, злобу и устойчивую ненависть, создавая настоящий ад повсюду, где встречаются, как преддверие ада вечного.

[21] 13. Но дурные последствия даже этого вида раскола не ограничиваются сердцем. Злые расположения не могут долго оставаться внутри, не принося внешнего плода. От избытка сердца говорят уста. Как тот, чьё сердце полно любви, открывает уста с мудростью и на языке его закон доброты, так тот, чьё сердце полно предубеждения, гнева, подозрительности или какого-либо недоброго расположения, непременно откроет уста сообразно состоянию своего духа. И отсюда возникнут, если не ложь и клевета, которых, впрочем, едва ли удастся избежать, то

горькие слова, сплетни, злословие за спиной и всевозможные дурные речи.

[22] 14. Из злых слов, из сплетен, злословия и недобрых речей сколько злых дел естественно произойдёт! Гнев, ревность, зависть, всевозможные дурные расположения изливаются не только в словах, но постоянно толкают людей ко всякого рода нечестивым и неправедным поступкам. Из этого источника можно ожидать обильного урожая всех дел тьмы, через которые в конце концов тысячи душ, и немало среди них тех, кто некогда ходил во свете лица Божия, могут быть совращены с пути мира и наконец погружены в вечную погибель.

[23] 15. Поистине мог сказать наш благословенный Господь: «Горе миру от соблазнов!» И всё же «надобно прийти соблазнам». Да, множество их неизбежно возникает, когда подобный разрыв происходит в каком-либо религиозном обществе: уходящие из него стараются оправдать себя, порицая тех, от кого отделяются, а те, в свою очередь, возвращают обвинение и стараются возложить вину на ушедших. Но как сильно вся эта перебранка огорчает Святого Духа Божия! Как препятствует Его тихим и кротким действиям в душах и тех, и других! Рано или поздно следствием станут ереси и расколы в библейском смысле этих слов: с той и с другой стороны образуются партии, из-за которых любовь многих охладеет. Голод и жажда праведности, Божьего благоволения или полноты образа Божия, вместе с горячими желаниями содействовать делу Божию в душах братьев, которыми столь многие были исполнены, ослабеют и по мере умножения соблазнов постепенно угаснут. И по мере увядания «плода Духа» снова возобладают «дела плоти» — к полному уничтожению

сперва силы, а потом и самого вида религии. Эти последствия не вымышлены, они основаны не на одних догадках, но на очевидных фактах. Именно так бывало снова и снова в течение последних тридцати или сорока лет: именно такие плоды, как мы неоднократно видели, следовали за подобным отделением.

[24] 16. И каким тяжким камнем преткновения должно всё это стать для внешних, чуждых религии, не имеющих ни вида, ни силы благочестия! Как они будут торжествовать над этими некогда выдающимися христианами! Как дерзко спрашивать: «Чем они лучше нас?» Как всё больше ожесточать сердца против истины и поздравлять себя со своим нечестием, от которого, возможно, пример христиан мог бы их отвратить, если бы те оставались непорочными в поведении! Таков многосложный вред, который люди, отделяющиеся от христианской церкви или общества, причиняют не только самим себе, но всему этому обществу и вообще всему миру.

[25] 17. Но, быть может, такие люди скажут: «Мы сделали это не добровольно; мы были вынуждены отделиться от того общества, потому что не могли оставаться в нём с чистой совестью; не могли оставаться без греха. Мне не позволяли оставаться в нём, не нарушая заповеди Божией». Если дело обстояло так, вас нельзя было бы обвинять в отделении от этого общества. Предположим, например, что вы были членом Римской церкви и не могли оставаться в ней, не совершая идолопоклонства, не поклоняясь идолам — изображениям, святым или ангелам; тогда вашим непременным долгом было бы покинуть это общество, совершенно отделиться от него. Предположим, вы не могли бы оставаться в Церкви Англии, не делая чего-либо запрещённого словом Божиим

или не упуская чего-либо прямо им заповеданного; если бы так обстояло дело, но, благословен Бог, это не так, вам следовало бы отделиться от Церкви Англии. Применю этот случай к себе: я ныне являюсь и с юности являлся членом и служителем Церкви Англии; и у меня нет ни желания, ни намерения отделиться от неё до тех пор, пока душа моя не отделится от тела. Однако если бы мне не позволили оставаться в ней, не оставляя того, что Бог требует от меня делать, тогда было бы подобающим, правым и непременным моим долгом отделиться от неё без промедления. Скажу точнее: я знаю, что Бог вверил мне служение благовестия; более того, моё собственное спасение зависит от его проповеди: «Горе мне, если не благовествую». Если бы поэтому я не мог оставаться в Церкви, не оставляя этого, не прекращая проповеди Евангелия, я был бы вынужден либо отделиться от неё, либо погубить собственную душу. Подобным образом, если бы я не мог оставаться в единстве с каким-либо меньшим обществом, церковью или сообществом христиан, не совершая греха, не прибегая ко лжи и лицемерию, не проповедуя другим учений, в которые сам не верю, я был бы безусловно вынужден отделиться от этого общества. И во всех таких случаях грех отделения со всеми следующими за ним бедствиями лежал бы не на мне, но на тех, кто принудил меня к отделению, требуя от меня таких условий общения, которых я по совести не мог принять. Но, оставляя этот случай в стороне, предположим, что церковь или общество, с которыми я ныне соединён, не требует от меня делать ничего, что запрещает Писание, или оставлять что-либо, что Писание повелевает; тогда оставаться в нём — мой непременный долг. И если я отделяюсь от него без такой необходимости, на меня справедливо возлагается

ответственность, предвидел я это или нет, за все бедствия, последующие этому отделению.

[26] 18. Я говорил об этом столь определённо потому, что это так мало понимают; потому, что столь многие, кто исповедует великую религиозность и даже действительно обладает некоторой её мерой, не имеют ни малейшего понятия об этом предмете и вовсе не считают подобное отделение грехом. Они покидают христианское общество с такой же беспечностью, с какой переходят из одной комнаты в другую. Они дают повод всему этому многосложному злу, отирают уста и говорят, что не сделали ничего дурного! Между тем перед Богом и людьми на них справедливо возлагается вина и за поступок, злой сам по себе, и за все злые последствия, которых можно ожидать от него для них самих, для их братьев и для мира.

[27] 19. Поэтому умоляю вас, братья мои, всех боящихся Бога и желающих угодить Ему, всех желающих иметь непорочную совесть перед Богом и людьми: не относитесь к этому так легкомысленно, но спокойно обдумайте. Не разрывайте опрометчиво священных уз, соединяющих вас с каким-либо христианским обществом. Правда, это не столь важно для *вас*, кто является христианином лишь *по имени*: ведь теперь вы не соединены живым единством ни с одним членом Христовым. Хотя вас называют христианином, в действительности вы не член никакой христианской церкви. Но если вы живой член, если живёте жизнью, сокрытой со Христом в Боге, тогда берегитесь раздирать тело Христово отделением от своих братьев. Это дело зло само по себе. Это тяжкое зло по своим последствиям. О, пожалейте себя! Пожалейте своих братьев. Пожалейте даже мир нечестивых! Не

кладите больше камней преткновения на пути тех, за кого умер Христос.

[28] 20. Но если вы боитесь, и не без основания, раскола, неправильно так называемого, то насколько больше, если ваша совесть чутка, будете бояться раскола в собственном библейском смысле! О, берегитесь, не скажу — *создавать*, но даже *одобрять* или *поддерживать* какие-либо *партии* в христианском обществе! Никогда не поощряйте, тем более не вызывайте ни словом, ни действием какого-либо разделения в нём. По природе вещей «надлежит быть ересям», разделениям, «между вами»; но себя храни чистым. Оставь спор, прежде чем он разгорится; избегай самого начала распри. Не связывайся с теми, кто склонен спорить, кто любит пререкания. Я никогда не знал случая, чтобы оказалось неверным замечание: «Кто любит спорить, тот не любит Бога». Стремись к миру со всеми людьми, без которого невозможно действенно стремиться к святости. Не только «ищи мира», но «следуй за ним»: если кажется, что он убегает от тебя, всё же преследуй его. «Не будь побеждён злом, но побеждай зло добром».

[29] 21. Счастлив тот, кто достигает звания миротворца в Церкви Божией. Почему бы и вам не трудиться ради этого? Не довольствуйтесь тем, что не возбуждаете распри, но делайте всё от вас зависящее, чтобы предотвратить или погасить самую первую её искру. В самом деле, гораздо легче не дать пламени вспыхнуть, чем потом погасить его. Однако не бойтесь попытаться сделать даже это: Бог мира на вашей стороне. Он даст вам благоприятные слова и направит их в сердца слушающих. Noli diffidere: Noli discedere, говорит один благочестивый человек; Fac quod in te est; et Deus aderit bonæ tuæ

voluntati: «Не сомневайся в Том, Кто обладает всей силой, Кто держит сердца всех людей в Своей руке. Делай то, что в твоих силах, и Бог будет рядом и приведёт твои добрые желания к доброму исполнению». Никогда не унывай, делая добро. В своё время пожнёшь, если не ослабеешь.

О совершенстве

[1] «Поспешим к совершенству».

[2] Евр. 6:1.

[3] Всё предложение звучит так: «Посему, оставив начатки учения Христова, поспешим к совершенству, не полагая снова основания обращению от мёртвых дел и вере в Бога»; незадолго перед тем он назвал это «первыми началами слова Божия» и «пищей для младенцев», для тех, кто лишь недавно вкусил, что благ Господь.

[4] На то, что совершать это — дело величайшей важности, апостол указывает следующими словами: «И это сделаем, если Бог позволит. Ибо невозможно — однажды просвещённых, и вкусивших благого слова Божия и сил будущего века, и отпадших — опять обновлять покаянием». Как если бы он сказал: если мы не «поспешим к совершенству», мы подвергаемся величайшей опасности «отпасть»; а если отпадём, «невозможно», то есть чрезвычайно трудно, «опять обновлять их покаянием».

[5] Чтобы сделать это столь важное место Писания как можно более понятным, я постараюсь:

[6] I. Показать, что такое совершенство;

[7] II. Ответить на некоторые возражения против него; и

[8] III. Немного увещать его противников.

[9] I. Я постараюсь показать, что такое совершенство.

10 1. Прежде всего я не считаю, что совершенство, о котором здесь говорится, есть совершенство ангелов. Поскольку эти славные существа никогда «не оставляли своего первоначального состояния», никогда не уклонялись от своего первоначального совершенства, все их природные способности остаются неповреждёнными. В частности, их разумение всё ещё — светильник света, их восприятие всего ясно и отчётливо, а суждение всегда истинно. Поэтому, хотя их знание ограниченно, ибо они сотворённые существа, хотя им неведомы бесчисленные вещи, они всё же не подвержены ошибке: их знание совершенно в своём роде. И поскольку все их чувства постоянно направляются безошибочным разумением, все их действия соответствуют ему; так они каждое мгновение исполняют не свою волю, но благую и благоугодную волю Божию. Поэтому для человека, чей разум помрачён, кому ошибка столь же естественна, как незнание, кто вообще не может мыслить иначе как посредством органов, ослабленных и повреждённых, подобно остальным частям его тленного тела, — для человека, говорю я, невозможно всегда мыслить правильно, ясно воспринимать вещи и верно о них судить. Вследствие этого его чувства, зависящие от разумения, многообразно расстроены. И на его слова и поступки в большей или меньшей мере влияет расстройство и разумения, и чувств. Отсюда следует, что никакой человек, пока находится в теле, не может достичь ангельского совершенства.

11 2. Не может никакой человек, пока он в тленном теле, достичь и совершенства Адама. До падения Адам, несомненно, был столь же чист, столь же свободен от греха, как и сами святые ангелы. Подобным образом его разумение было столь же ясно, как их разумение, а

чувства столь же упорядоченны. Благодаря этому, как он всегда судил правильно, так был способен всегда правильно говорить и действовать. Но с тех пор как человек восстал против Бога, его положение совершенно иное. Он больше не способен избежать бесчисленных ошибок; следовательно, не всегда может избежать неверных чувств и не всегда может правильно мыслить, говорить и действовать. Поэтому человек в нынешнем состоянии столь же неспособен достичь совершенства Адама, как и ангельского совершенства.

12 3. Высочайшее совершенство, какого может достичь человек, пока душа обитает в теле, не исключает незнания, ошибки и тысячи других немощей. Из ошибочных суждений часто неизбежно происходят неверные слова и поступки, а в некоторых случаях из того же источника могут возникнуть и неверные чувства. Я могу ошибочно судить о вас; могу думать о вас выше или ниже, чем следует; и эта ошибка моего суждения может не только вызвать нечто неверное в моём поведении, но и иметь ещё более глубокое действие — вызвать нечто неверное в моём чувстве. Из-за неверного представления я могу любить и уважать вас больше или меньше, чем должен. И я не могу освободиться от возможности такой ошибки, пока остаюсь в тленном теле. Вследствие этого тысяча немощей будет сопровождать мой дух, пока он не возвратится к Богу, давшему его. И в бесчисленных случаях он не достигает исполнения воли Божией так, как исполнял её Адам в раю. Поэтому лучшие из людей могут от сердца сказать: [65]

13 «Каждое мгновение, Господи, мне нужна
Заслуга Твоей смерти

[14] за бесчисленные нарушения закона Адамова, равно как и ангельского». Поэтому благо для нас, что теперь мы не под этими законами, но под законом любви. «Любовь» теперь — «исполнение закона», данного падшему человеку. Ныне именно это для нас — «закон совершенный». Но даже его мы постоянно подвержены нарушать из-за нынешней слабости нашего разумения. Поэтому всякий живущий человек нуждается в крови искупления, иначе он не мог бы устоять перед Богом.

[15] 4. Каково же то совершенство, на которое способен человек, пока обитает в тленном теле? Оно состоит в исполнении милостивой заповеди: «Сын мой, отдай Мне сердце твоё». Оно состоит в том, чтобы «любить Господа Бога своего всем сердцем своим, и всею душою своею, и всем разумением своим». Такова сущность христианского совершенства; оно всё заключено в одном слове — любовь. Первая его часть — любовь к Богу; а поскольку любящий Бога любит также и брата своего, она неразрывно связана со второй: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя». Люби всякого человека как собственную душу, как Христос возлюбил нас. «На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки»: они содержат всё христианское совершенство.

[16] 5. Другой взгляд на это дан нам в словах великого апостола: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе». Хотя непосредственно и прямо это относится к смирению нашего Господа, слова можно понимать в гораздо более широком смысле, охватывающем весь строй Его души, все Его чувства и расположения и к Богу, и к человеку. Несомненно, как в Нём не было никакого злого чувства, так не недоставало никакого доброго чувства или расположения. Поэтому

«всё, что свято, всё, что любезно», всё заключено в «чувствованиях, которые были во Христе Иисусе».

17 6. Святой Павел, обращаясь к галатам, показывает совершенство ещё с одной стороны. Это единый, нераздельный *плод Духа*, который он описывает так: «Плод Духа есть любовь, радость, мир, долготерпение, мягкость, благость, верность», — именно так следует переводить здесь это слово, — «кротость, воздержание». Какое славное созвездие благодатных даров! Предположим теперь, что всё это сплетено в одно, соединено вместе в душе верующего: это и есть христианское совершенство.

18 7. Далее, он пишет христианам в Ефесе об «облечении в нового человека, созданного по Богу, в праведности и истинной святости», а колоссянам — о «новом человеке, обновлённом по образу Создавшего его», ясно отсылая к словам книги Бытия (Быт. 1:27): «И сотворил Бог человека по образу Своему». Нравственный образ Божий состоит, как замечает апостол, «в праведности и истинной святости». Грех совершенно уничтожил его. И мы никогда не можем восстановить его, пока не будем «вновь сотворены во Христе Иисусе». Это и есть совершенство.

19 8. Святой Пётр выражает это ещё иначе, хотя и в том же смысле: «По примеру Призвавшего вас Святого, и сами будьте святы во всех поступках» (1 Пет. 1:15). Следовательно, по этому апостолу, совершенство — другое имя всецелой святости: внутренней и внешней праведности, святости жизни, происходящей из святости сердца.

[20] 9. Если какие-либо выражения могут быть сильнее этих, то это слова святого Павла к фессалоникийцам (1 Фес. 5:23): «Сам же Бог мира да освятит вас всецело, и всё ваше существо — дух, душа и тело», — таков буквальный перевод, — «да сохранится непорочным в пришествие Господа нашего Иисуса Христа».

[21] 10. Мы не можем явить это освящение более превосходным образом, чем исполняя увещание апостола: «Умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши», — самих себя, свои души и тела; часть употреблена вместо целого, по обычному обороту речи, — «в жертву живую Богу», Которому вы были посвящены много лет назад в крещении. Когда то, что было тогда посвящено, действительно приносится Богу, тогда человек Божий совершен.

[22] 11. В том же смысле святой Пётр говорит (1 Пет. 2:5): «Вы — священство святое, чтобы приносить духовные жертвы, благоприятные Богу Иисусом Христом». Но какие жертвы приносить нам теперь, когда иудейское установление окончилось? Если вы истинно предали себя Богу, вы непрерывно приносите Ему все свои мысли, слова и дела через Сына Его любви как жертву хвалы и благодарения.

[23] 12. Так вы на опыте познаёте, что Тот, Чьё имя — Иисус, не напрасно носит это имя: что Он действительно «спасает людей Своих от грехов их», от корня, равно как и от ветвей. И это спасение от греха, от всякого греха, — ещё одно описание совершенства, хотя, в сущности, оно выражает лишь наименьшую, низшую его часть, лишь отрицательную сторону великого спасения.

[24] II. Во-вторых, я предположил ответить на некоторые возражения против этого библейского описания совершенства.

[25] 1. Одно распространённое возражение заключается в том, что в слове Божием нет обетования о нём. Если бы это было так, нам пришлось бы отказаться от него; у нас не было бы основания, на котором можно строить, ибо обетования Божии — единственное надёжное основание нашей надежды. Но, несомненно, есть совершенно ясное и полное обетование, что все мы будем любить Господа Бога нашего всем сердцем. Так мы читаем (Втор. 30:6): «Тогда обрежу сердце твоё и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею». Столь же определённо слово нашего Господа, которое, хотя и имеет форму заповеди, является не менее истинным обетованием: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим» (Мф. 22:37). Никакие слова не могут быть сильнее этих; никакое обетование не может быть определённее. Подобным образом «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» — столь же ясное обетование, как и заповедь.

[26] 2. И действительно, то общее и неограниченное обетование, которое проходит через всё евангельское домостроительство, — «Вложу законы Мои в мысли их и напишу их на сердцах их», — обращает все заповеди в обетования, а следовательно, среди прочих и эту: «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе». Здесь заповедь равнозначна обетованию и даёт нам полное основание ожидать, что Он совершит в нас то, чего требует от нас.

[27] 3. Что касается плода Духа, апостол, утверждая, что «плод Духа есть любовь, радость, мир, долготерпение, мягкость, благость, верность, кротость, воздержание», тем самым утверждает, что Святой Дух действительно производит любовь и эти другие расположения в тех, кто водим Им. Так что и здесь у нас есть твёрдая почва под ногами: это место Писания также равнозначно обетованию и удостоверяет нас, что всё это совершится в нас, если мы будем водимы Духом.

[28] 4. И когда апостол говорит ефесянам (Еф. 4:21–24): «Вы научились, как истина во Иисусе», — «обновляться духом ума вашего» и «облечься в нового человека, созданного по Богу», то есть по образу Божию, «в праведности и истинной святости», — он не оставляет нам возможности сомневаться, что Бог так «обновит нас духом ума нашего» и «вновь сотворит нас» по образу Божию, по которому мы первоначально были созданы. Иначе нельзя было бы сказать, что это — «истина во Иисусе».

[29] 5. Заповедь Божия, данная через святого Петра: «Будьте святы, как свят Призвавший вас, во всех поступках», — подразумевает обетование, что мы будем так святы, если сами не окажемся нерадивыми. Со стороны Бога ни в чём не может быть недостатка: поскольку Он призвал нас к святости, Он, несомненно, не только способен, но и желает произвести эту святость в нас. Ибо Он не может насмехаться над Своими беспомощными созданиями, призывая нас получить то, чего вовсе не намерен дать. Что Он призывает нас к этому, неоспоримо; следовательно, Он даст это, если мы не будем противиться небесному призванию.

[30] 6. Молитва святого Павла о фессалоникийцах, чтобы Бог «освятил» их всецело и чтобы «всё их существо — дух,

душа и тело — сохранилось непорочным», несомненно, будет услышана в пользу всех детей Божиих, равно как и фессалоникийцев. Поэтому она ободряет всех христиан ожидать того же благословения от «Бога мира»: что и они будут «освящены всецело, духом, душой и телом» и что «всё их существо сохранится непорочным в пришествие Господа нашего Иисуса Христа».

[31] 7. Но главный вопрос — есть ли в Писании какое-либо обетование, что мы будем *спасены от греха*. Несомненно, есть. Таково обетование (Пс. 130:8): «Он избавит Израиля от всех грехов его», в точности соответствующее словам ангела: «Он спасёт людей Своих от грехов их». И, несомненно, «Он может совершенно спасать приходящих через Него к Богу». Таково славное обетование, данное через пророка Иезекииля (Иез. 36:25–27): «И окроплю вас чистою водою, и вы очиститесь от всех скверн ваших, и от всех идолов ваших очищу вас. И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное. И вложу внутрь вас Дух Мой и сделаю то, что вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и выполнять». Таково, чтобы не приводить больше примеров, и обетование, произнесённое Захарией (Лк. 1:73–75): «Клятва, которою клялся Он Аврааму, отцу нашему, дать нам, избавившись от руки врагов наших», — а к ним, несомненно, относятся все наши грехи, — «небоязненно служить Ему в святости и праведности перед Ним во все дни жизни нашей». Последняя часть этого обетования особенно заслуживает внимания. Чтобы кто-либо не сказал: «Верно, мы спасёмся от грехов, когда умрём», — примечательно прибавлены, словно нарочно для устранения такого предлога, слова: *во все дни жизни*

нашей. С какой же скромностью может кто-либо утверждать, что никто не вкусит этой свободы *до смерти*?

32 8. «Но, — говорят некоторые, — смысл слов не может быть таким, потому что само дело невозможно». Оно невозможно людям, но невозможное людям возможно Богу. «Нет, это невозможно по самой своей природе: ведь утверждение, будто человек спасён от всякого греха, пока находится в греховном теле, содержит противоречие».

33 В этом возражении немалая сила. И, быть может, мы признаём большую часть того, на чём вы настаиваете. Мы уже признали, что, пока находимся в теле, не можем быть совершенно свободны от ошибки. Несмотря на всю нашу осторожность, во многих случаях мы всё ещё будем подвержены неверному суждению. А ошибка в суждении весьма часто вызывает ошибку на деле. Более того, неверное суждение может вызвать в расположении духа или страстях нечто не вполне правильное. Оно может вызвать ненужный страх или необоснованную надежду, неразумную любовь или неразумное отвращение. Но всё это никоим образом не противоречит описанному выше совершенству.

34 9. Вы говорите: «Да, это противоречит последнему пункту: не может согласоваться со спасением от греха». Я отвечаю: это вполне согласуется со спасением от греха согласно тому определению греха, которое я считаю библейским: *добровольное нарушение известного закона*. «Но все нарушения закона Божия, добровольные или недобровольные, — грех, ибо святой Иоанн говорит: “Всякий *грех есть нарушение закона*”». Верно, но он не говорит: *всякое нарушение закона есть грех*. Это я отрицаю; пусть докажет, кто может.

35 По правде говоря, это просто спор о словах. Вы говорите, что никто не спасён от греха в *вашем* смысле слова; но я не принимаю этого смысла, потому что в Писании это слово никогда так не употребляется. А вы не можете отрицать возможности спасения от греха в *моём* смысле слова. И именно в этом смысле слово «грех» снова и снова употребляется в Писании.

36 «Но, конечно, мы не можем спастись от греха, пока обитаем в *греховном теле». Греховное тело?* Прошу заметить, как глубоко двусмысленно, как неопределённо это выражение! Однако в Писании нет для него основания: выражение *греховное тело* там никогда не встречается. И как оно совершенно чуждо Писанию, так оно и явно нелепо. Ибо никакое *тело*, никакая материя не может быть греховной: только духи способны грешить. Скажите, в какой части тела должен обитать грех? Он не может обитать ни в коже, ни в мышцах, ни в нервах, ни в венах, ни в артериях; не может он находиться в костях, как и в волосах или ногтях. Только душа может быть вместилищем греха.

37 10. «Но разве сам святой Павел не говорит: “Живущие по плоти Богу угодить не могут”?» Боюсь, само звучание этих слов обмануло многие неосторожные души, которым говорили, что слова *находящиеся во плоти* означают то же, что *находящиеся в теле*. Нет, нисколько. *Плоть* в этом месте означает *тело* не больше, чем *душу*. Авель, Енох, Авраам, да и всё облако свидетелей, перечисленных святым Павлом в одиннадцатой главе Послания к Евреям, действительно угождали Богу, пока находились в теле, как он сам свидетельствует. Поэтому здесь выражение означает не более и не менее как неверующих,

находящихся в своём природном состоянии, живущих без Бога в мире.

[38] 11. Но обратимся к существу дела. Почему Всемогущий не может освятить душу, пока она в теле? Разве Он не может освятить *вас* в этом доме так же, как под открытым небом? Могут ли помешать Ему кирпичные или каменные стены? Не больше могут и эти стены из плоти и крови хоть на мгновение помешать Ему освятить вас всецело. Он столь же легко может спасти вас от всякого греха в теле, как и вне тела.

[39] «Но обещал ли Он так спасти нас от греха, пока мы в теле?» Несомненно, обещал, ибо всякая заповедь Божия подразумевает обетование; следовательно, и эта: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Ведь эта и всякая другая заповедь даны не мёртвым, но живым. Это выражено и в приведённых выше словах: чтобы нам ходить «в святости перед Ним во все дни жизни нашей».

[40] Я остановился на этом подробнее потому, что это главный довод противников спасения от греха, а также потому, что на него отвечали не столь часто и не столь полно, тогда как на доводы из Писания отвечали сотни раз.

[41] 12. Но остаётся ещё более правдоподобное возражение, взятое из опыта: будто нет живых свидетелей этого спасения от греха. В ответ я признаю:

[42] (1.) Что их немного. Даже в этом смысле *отцов немного*. Таково наше жестокосердие, такова наша медлительность верить всему, что говорили и пророки, и апостолы, что мало, чрезвычайно мало истинных свидетелей великого спасения.

[43] (2.) Я признаю, что есть ложные свидетели, которые либо обманывают собственную душу и говорят о том, чего не знают, либо «в лицемерии говорят ложь». И я часто удивлялся, что у нас не больше людей обоего рода. Нет ничего странного, если люди с пылким воображением обманывают себя в этом деле. Многие делают то же в отношении оправдания: воображают, что оправданы, хотя это не так. Но, хотя многие ложно воображают это, есть всё же и действительно оправданные. И так же, хотя многие воображают себя освящёнными, не будучи таковыми, есть и действительно освящённые.

[44] (3.) Я признаю, что некоторые, некогда наслаждавшиеся полным спасением, ныне совершенно его утратили. Некогда они ходили в славной свободе, отдавая Богу всё сердце, «всегда радуясь, непрестанно молясь и за всё благодаря». Но это прошло. Теперь их сила сострижена, и они стали как прочие люди. Возможно, они не оставили своей уверенности; всё ещё имеют чувство Его прощающей любви. Но даже оно часто подвергается нападению сомнений и страхов, так что они держат его дрожащей рукой.

[45] 13. «Именно это, — говорят некоторые благочестивые и разумные люди, — и есть то, на чём мы настаиваем. Мы признаём, что Богу может быть угодно на время сделать некоторых Своих детей невыразимо святыми и счастливыми. Мы не станем отрицать, что они могут наслаждаться всей той святостью и счастьем, о которых вы говорите. Но лишь *на время*: Бог никогда не намеревался, чтобы это продолжалось до конца их жизни. Следовательно, грех только приостановлен, а не уничтожен».

[46] Это вы утверждаете. Но предмет столь великой важности нельзя признать без ясного и убедительного доказательства. Где же доказательство? Мы знаем, что вообще «дары и призвание Божие непреложны». Он не раскаивается ни в каких дарах, которыми одарил детей человеческих. И как обнаруживается противоположное в отношении именно этого дара Божия? Почему следует воображать, будто Он сделает исключение для самого драгоценного из всех Своих даров по эту сторону небес? Разве Он не столь же способен давать его нам всегда, как дать однажды; давать на пятьдесят лет, как на один день? И как можно доказать, что Он не желает продолжать эту Свою милость? Как предположение, будто Он не желает этого, согласуется с прямым утверждением апостола, который, увещевая христиан в Фессалонике, а в их лице всех христиан всех веков, «всегда радоваться, непрестанно молиться и за всё благодарить», тотчас прибавляет, словно нарочно отвечая тем, кто отрицает не *силу*, а *волю* Бога произвести это в них: «Ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе»? Более того, примечательно, что, изрёкши славное обетование — именно таковым оно и является — в двадцать третьем стихе: «Сам Бог мира освятит вас всецело, и всё ваше существо», — так в подлиннике, — «дух, душа и тело, сохранится непорочным в пришествие Господа Иисуса Христа», — он вновь прибавляет: «Верен Призвавший вас, Который и сотворит сие». Он не только *освятит* вас всецело, но и сохранит вас в этом состоянии, пока не придёт принять вас к Себе.

[47] 14. Этому соответствуют и явные факты. Несколько человек многие годы наслаждались этим благословением без всякого перерыва. Некоторые наслаждаются им и поныне. И немало людей обладали им до самой смерти,

как они объявляли с последним дыханием, спокойно свидетельствуя, что Бог сохранял их свободными от всякого греха, пока их дух не возвратился к Богу.

[48] 15. Относительно всего разряда возражений из опыта прошу заметить ещё следующее: люди, против которых возражают, либо достигли христианского совершенства, либо нет. Если не достигли, то любые возражения против них бьют мимо цели. Ведь мы говорим не об этих людях; поэтому, каковы бы они ни были и что бы ни делали, это не относится к вопросу. Но если они достигли его, если соответствуют описанию, данному в девяти предшествующих пунктах, против них не может быть никакого разумного возражения. Они выше всякого порицания, и «всякий язык, восстающий против них, они совершенно осудят».

[49] 16. «Но я никогда не видел никого, — продолжает возражающий, — кто соответствовал бы моему представлению о совершенстве». Может быть. И вероятно, как я замечал в другом месте, вы никогда и не увидите. Ибо ваше представление включает слишком многое, вплоть до свободы от тех немощей, которые неотделимы от духа, связанного с плотью и кровью. Но если вы будете держаться данного выше описания и учитывать слабость человеческого разумения, то уже ныне сможете увидеть несомненные примеры подлинного библейского совершенства.

[50] III. 1. Остаётся лишь, в-третьих, немного увещать противников этого совершенства.

[51] Позвольте теперь спросить: почему вы так гневаетесь на тех, кто заявляет, что достиг его, и так неистовствуете — я не могу дать этому более мягкого названия — против

христианского совершенства, против самого славного дара, какой Бог когда-либо давал детям человеческим на земле? Рассмотрите его с каждой из приведённых выше сторон и посмотрите, что в нём есть ненавистного или страшного, способного возбудить ненависть или страх в каком-либо разумном существе.

[52] Какое разумное возражение можете вы иметь против того, чтобы любить Господа Бога вашего всем сердцем? Почему это должно вызывать у вас отвращение? Почему следует бояться этого? Разве это причинило бы вам какой-либо вред? Уменьшило бы ваше счастье в этом мире или в будущем? И почему вы не должны желать, чтобы другие отдавали Ему всё сердце или любили ближних как самих себя, да, «как Христос возлюбил нас»? Разве это отвратительно? Достойно ненависти? Или это самое привлекательное под солнцем? Должно ли оно вызывать ужас? Не в высшей ли степени оно, напротив, желательно?

[53] 2. Почему вы так противитесь тому, чтобы иметь в себе все «чувствования, какие были во Христе Иисусе», все чувства, все расположения и состояния души, какие были в Нём, пока Он обитал среди людей? Почему вы должны бояться этого? Стало бы вам хуже, если бы Бог в этот самый час произвёл в вас все Его чувствования? Если нет, то почему вы должны мешать другим искать этого благословения или быть недовольными теми, кто полагает, что достиг его? Есть ли что-либо прекраснее? Что-либо более желательное для каждого ребёнка человеческого?

[54] 3. Почему вы противитесь обладанию всем «плодом Духа»: «любовью, радостью, миром, долготерпением, кротостью, мягкостью, верностью, благостью,

воздержанием»? Почему вы должны бояться того, чтобы всё это было насаждено в глубине вашей души? Как «на таковых нет закона», так не может быть и никакого разумного возражения. Несомненно, нет ничего желательнее того, чтобы все эти расположения глубоко укоренились в вашем сердце, да и в сердцах всех, кто именует имя Христово, более того — всех обитателей земли.

[55] 4. Какое основание имеете вы бояться или испытывать отвращение к тому, чтобы «обновиться» во всём «образе Создавшего вас»? Разве это не желательнее всего под небом? Разве это не в высшей степени прекрасно? Чего можно пожелать в сравнении с этим для собственной души или для тех, к кому вы питаете самую сильную и нежную любовь? И когда вы наслаждаетесь этим, что остаётся, кроме как «преображаться от славы в славу Духом Господним»?

[56] 5. Почему вы должны противиться всецелой святости — тому же самому под другим названием? Почему должны питать предубеждение против неё или смотреть на неё с опаской, понимаете ли вы под этим внутреннее соответствие всему образу и воле Божией или внешнее поведение, во всём согласное с таким соответствием? Можете ли представить что-либо прекраснее, что-либо желательнее? Отложите предубеждение, и, несомненно, вы пожелаете увидеть её распространённой по всей земле.

[57] 6. Есть ли совершенство, если выразиться иначе, «всецелое освящение духа, души и тела»? Кто из любящих Бога и человека может противиться этому или питать страшные опасения относительно него? Разве в лучшие свои минуты вы не желаете быть цельными, во всём

согласными с собой, всецело верой, всецело кротостью, всецело любовью? И предположим, вы однажды обрели эту славную свободу: разве не пожелаете пребывать в ней, сохраниться «непорочными в пришествие Господа нашего Иисуса Христа»?

[58] 7. По какой причине вы, дети Божии, должны противиться или бояться принести себя, свои души и тела, в жертву живую, святую, благоугодную Богу — Богу, вашему Творцу, Искупителю, Освятителю? Может ли что-либо быть желательнее этого полного посвящения себя Ему? И разве вы не желаете, чтобы всё человечество соединилось в этом «разумном служении»? Несомненно, никто не может противиться этому, не будучи врагом всего человечества.

[59] 8. И почему вы должны бояться или противиться тому, что естественно в этом подразумевается, а именно принесению всех наших мыслей, слов и дел в духовную жертву Богу, благоприятную Ему через кровь и ходатайство Его возлюбленного Сына? Вы, несомненно, не можете отрицать, что это хорошо и полезно для людей, равно как и угодно Богу. Не следует ли тогда вам благоговейно молиться, чтобы и вы, и всё человечество могли так поклоняться Ему в духе и истине?

[60] 9. Позвольте задать ещё один вопрос. Почему какой-либо разумный и благочестивый человек должен бояться или противиться спасению от всякого греха? Разве грех — не величайшее зло по эту сторону ада? И если так, разве отсюда естественно не следует, что полное избавление от него — одно из величайших благословений по эту сторону небес? Как же усердно должны молиться об этом все дети Божии! Под грехом я понимаю *добровольное нарушение известного закона*. Вы

противитесь избавлению от этого? Вы боитесь такого избавления? Неужели вы любите грех, что так не хотите расстаться с ним? Конечно, нет. Вы не любите ни дьявола, ни дел его. Напротив, желаете совершенно избавиться от них, чтобы грех был искоренён и из вашей жизни, и из вашего сердца.

[61] 10. Я часто замечал, и не без удивления, что противники совершенства выступают против него гораздо яростнее, когда оно представлено в этом свете, чем при каком-либо другом его описании. Они согласятся со всем, что вы говорите о любви к Богу и человеку, о чувствованиях Христовых, о плоде Духа, об образе Божием, о всецелой святости, о полном посвящении себя, об освящении духа, души и тела и даже о принесении всех наших мыслей, слов и действий в жертву Богу; со всем этим они согласятся, если только мы согласимся оставить в себе грех, немного греха, до смерти.

[62] 11. Прошу сравнить это с замечательным местом из «Священной войны» Джона Беньяна. «Когда Эммануил, — говорит он, — изгнал Диавола и все его силы из города Человеческой Души, Диавол подал Эммануилу прошение, чтобы ему оставили лишь малую часть города. Когда это было отвергнуто, он просил лишь маленькую комнату внутри стен. Но Эммануил ответил: “Ему не будет дано вовсе никакого места, даже чтобы поставить подошву ноги”».

[63] Разве добрый старец не позабыл себя? Разве сила истины не возобладала здесь над ним настолько, что он совершенно опроверг собственную систему и самым ясным образом утвердил совершенство? Ибо, если это не спасение от греха, я не знаю, что им является.

[64] 12. «Нет, — говорит один великий человек, — это заблуждение из заблуждений; я ненавижу его всем сердцем. Я преследую его по всему миру огнём и мечом». Но к чему такая ярость? Неужели вы всерьёз думаете, что под небом нет равного ему заблуждения? Здесь есть нечто, чего я не могу понять. Почему противники спасения от греха, за немногими исключениями, так пылки, я едва не сказал — так неистовы? Сражаетесь ли вы pro aris et focis? — «за Бога и свою страну»? За всё, что имеете в мире? За всё близкое и дорогое? За свою свободу, за жизнь? Ради Бога, почему вы так привязаны ко греху? Какое добро он когда-либо сделал вам? Какое добро он когда-либо может сделать вам в этом мире или в грядущем? И почему вы столь ожесточены против тех, кто надеется на избавление от него? Потерпите нас, если мы заблуждаемся; да, позвольте нам наслаждаться нашим заблуждением. Даже если мы не достигнем избавления, само его ожидание приносит нам нынешнее утешение и даже даёт силу противиться тем врагам, которых мы надеемся победить. Если бы вы смогли убедить нас отчаяться в этой победе, мы оставили бы борьбу. Теперь же «мы спасены в надежде»: из этой самой надежды произрастает некоторая мера спасения. Не гневайтесь на тех, кто felices errore suo, — «счастлив в своём заблуждении». Иначе, верно их мнение или ошибочно, ваше расположение духа несомненно греховно. Итак, терпите *нас*, как мы терпим *вас*, и посмотрим, не избавит ли нас Господь, не способен ли Он и не желает ли «совершенно спасать приходящих через Него к Богу»!

Духовное поклонение

[1] «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная».

[2] 1 Ин. 5:20.

[3] 1. В этом послании святой Иоанн обращается не к какой-либо отдельной церкви, но ко всем христианам того времени, хотя особенно — к тем, среди кого он тогда жил. И в их лице он обращается ко всей христианской Церкви всех последующих веков.

[4] 2. В этом письме, или скорее трактате, — ибо он находился среди тех, кому оно было непосредственно предназначено, вероятно, уже не будучи способен проповедовать им из-за глубокой старости, — он говорит не прямо о вере, как делал святой Павел, и не о внутренней и внешней святости, о которой говорили и святой Павел, и святой Иаков, и святой Пётр, но об основании всего: о блаженном и святом общении верных с Богом Отцом, Сыном и Святым Духом.

[5] 3. В предисловии он описывает власть, которой писал и говорил (1 Ин. 1:1–4), и прямо указывает цель нынешнего сочинения. Предисловию в точности соответствует заключение послания, которое подробнее объясняет ту же цель и повторяет признаки нашего общения с Богом посредством троекратного *«мы знаем»* (1 Ин. 5:18–20).

[6] 4. Сам трактат говорит, во-первых, по отдельности об общении с Отцом (1 Ин. 1:5–10), об общении с Сыном (1 Ин. 2 и 3), об общении с Духом (1 Ин. 4).

[7] Во-вторых, совместно — о свидетельстве Отца, Сына и Святого Духа, на котором основаны вера во Христа,

рождение от Бога, любовь к Богу и Его детям, соблюдение Его заповедей и победа над миром (1 Ин. 5:1–12).

[8] 5. Повторение начинается так (1 Ин. 5:18): «Мы знаем, что рождённый от Бога», видящий и любящий Бога, «не грешит», пока эта любящая вера пребывает в нём. «Мы знаем, что мы от Бога», дети Божии по свидетельству и плоду Духа, «и весь мир», все не имеющие Духа, «лежит во злом». Они существуют, живут и пребывают в нём, как дети Божии — во Святом. «Мы знаем, что Сын Божий пришёл и дал нам» духовное «разумение, да познаем Истинного», верного и истинного Свидетеля. «И мы в Истинном», как ветви в лозе. «Сей есть истинный Бог и жизнь вечная».

[9] Рассматривая эти важные слова, мы можем спросить:

[10] I. Каким образом Он — истинный Бог?

[11] II. Каким образом Он — жизнь вечная? Затем я

[12] III. Прибавлю несколько выводов.

[13] I. 1. Прежде всего мы можем спросить: каким образом Он — истинный Бог? Он — «сущий над всем Бог, благословенный вовеки». «Он был у Бога», у Бога Отца, «в начале», от вечности, «и был Богом». «Он и Отец — одно»; следовательно, «Он не почитал хищением быть равным Богу». Поэтому богодухновенные писатели прилагают к Нему все именования Всевышнего Бога. Они снова и снова называют Его несообщимым именем ИЕГОВА, никогда не данным ни одному творению. Они приписывают Ему все свойства и все дела Бога. Поэтому нам не нужно колебаться, исповедуя Его «Богом от Бога, Светом от Света, истинным Богом от истинного Бога; равным Отцу по славе, совечным по величию».

14 2. Он — истинный Бог, единственная Причина, единственный Творец всего. «Им, — говорит апостол Павел, — создано всё, что на небесах и что на земле», — да, и сами земля и небо; но названы их обитатели, потому что они благороднее дома, — «видимое и невидимое». Далее перечислены их различные разряды: «Престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли». Так и святой Иоанн: «Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». И соответственно святой Павел прилагает к Нему сильные слова псалмопевца: «В начале Ты, Господи, основал землю, и небеса — дело рук Твоих».

15 3. И как истинный Бог Он также Поддерживающий всё, что сотворил. Он несёт, держит, сохраняет все сотворённые вещи словом Своей силы, тем самым могущественным словом, которое вызвало их из небытия. Как оно было совершенно необходимо для начала их существования, так же необходимо и для его продолжения: если бы Его всемогущее действие прекратилось, они не смогли бы просуществовать ни мгновения дольше. Подержите камень в воздухе: в тот миг, когда вы уберёте руку, он естественно упадёт на землю. Подобным образом, если бы Он хоть на мгновение убрал Свою руку, творение обратилось бы в ничто.

16 4. Как истинный Бог Он также Хранитель всего. Он не только поддерживает существование вещей, но и сохраняет их в той степени благополучия, которая соответствует различным их природам. Он сохраняет их в различных отношениях, связях и зависимостях, так чтобы они составляли одну систему существ, образовывали одну целую вселенную по совету Его воли. Как сильно и прекрасно это выражено: Та panta en autoi synesteke. Им

всё стоит; или, буквальнее: Им и в Нём всё соединено в одну систему. Он не только опора, но и скрепа всей вселенной.

[17] 5. Я хотел бы особенно отметить то, что, быть может, замечали недостаточно: Он — истинный Источник всякого *движения* во вселенной. Духам Он, правда, дал некоторую малую меру способности двигаться самим, но материи — нет. Всякая материя, какого бы рода она ни была, абсолютно и совершенно инертна. Она не движет и ни в каком случае не может двигать саму себя; и всякий раз, когда какая-либо её часть кажется движущейся, в действительности её движет нечто другое. Посмотрите на это бревно, которое, говоря обыденным языком, *движется* по морю! В действительности оно *движимо* водой. Вода движется ветром, то есть потоком воздуха. А сам воздух всем своим движением обязан эфирному огню, частица которого присоединена к каждой его частице. Лишите его этого огня, и он больше не движется; он закреплён, он столь же инертен, как песок. Отнимите у воды текучесть, происходящую от примешанного к ней эфирного огня, и движения в ней будет не больше, чем в бревне. Вбейте огонь в железо, проковывая его раскалённым докрасна, и движения в нём будет не больше, чем в закреплённом воздухе или замёрзшей воде. Но когда огонь освобождён, когда находится в своём наиболее деятельном состоянии, что сообщает ему движение? Сам язычник скажет вам. Это

[18] Totam
Mens agitans molem, et magno se corpore miscens.

[19] [Всеобщая душа
Живёт в частях и движет целым. Ред.]

20 6. Продолжим это немного дальше. Мы говорим: Луна движется вокруг Земли, Земля и другие планеты движутся вокруг Солнца, Солнце движется вокруг собственной оси. Но это лишь обыденные выражения, ибо, если говорить истину, ни Солнце, ни Луна, ни звёзды не *движутся*. Ничто из них не движет себя: все они каждое мгновение *движимы* всемогущей рукой, создавшей их.

21 «Да, — говорит сэр Исаак, — Солнце, Луна и все небесные тела действительно движутся, действительно тяготеют друг к другу». *Тяготеют* — что это такое? «Ведь все они *притягивают* друг друга соразмерно количеству содержащейся в них материи». «Сплошная бессмыслица, — говорит господин Гатчинсон, — жаргон, противоречие самому себе! Может ли что-либо *действовать* там, где его нет? Нет: их постоянно *толкают* друг к другу». *Толкают*! Чем? «Тонкой материей, эфиром или электрическим огнём». Но помните: какой бы тонкой она ни была, она всё ещё материя; следовательно, сама по себе столь же инертна, как песок или мрамор. Поэтому она не может двигать саму себя; но, вероятно, является первым вещественным двигателем, главной пружиной, посредством которой Творцу и Хранителю всего угодно приводить вселенную в движение.

22 7. Истинный Бог также Искупитель всех детей человеческих. Отцу было угодно возложить на Него беззакония всех нас, чтобы одним приношением Себя, однажды совершённым, когда Он вкусил смерть за каждого человека, Он принёс полную и достаточную жертву, приношение и удовлетворение за грехи всего мира.

[23] 8. Далее, истинный Бог — Правитель всего: «Царство Его всем обладает». Владычество покоится на Его плечах во все века. Он — Господь и Распорядитель всего творения и каждой его части. И каким изумительным образом Он управляет миром! Как далеко Его пути превосходят человеческую мысль! Как мало мы знаем о Его способах управления! Одно лишь знаем: Ita praesides singulis sicut universis, et universis sicut singulis! «Ты управляешь каждым творением, словно оно — вселенная, и вселенной — словно каждым отдельным творением». Задержитесь немного на этой мысли: какую славную тайну она содержит! Она переложена в приведённых выше словах:

> [24] ОТЧЕ, как широко сияет Твоя слава!
> Господь вселенной — и мой Господь!
> Твоя благость над всем бодрствует,
> Словно весь мир — одна душа;
> И всё же хранит каждый священный волос мой,
> Словно я один остался Твоей заботой! [66]

[25] 9. И всё же, как было сказано прежде, в Его промыслительном управлении детьми человеческими есть различие. Один благочестивый писатель замечает, что у божественного Промысла есть тройной круг. *Самый внешний круг* включает всех сынов человеческих: язычников, магометан, иудеев и христиан. Он повелевает Своему солнцу восходить над всеми. Он даёт им дождь и времена плодоносные. Он изливает на них десять тысяч благодеяний и наполняет их сердца пищей и веселием. *Внутренним кругом* Он охватывает всю видимую христианскую Церковь, всех именующих имя Христово. К ним у Него особое внимание и более близкая забота об их благе. Но *самый внутренний круг* Его Промысла

заключает в себе только невидимую Церковь Христову: всех истинных христиан, где бы они ни были рассеяны по всем уголкам земли, всех поклоняющихся Богу в духе и истине, к какому бы исповеданию они ни принадлежали. Их Он хранит как зеницу ока, укрывает под тенью Своих крыл. И именно им наш Господь говорит: «У вас и волосы на голове все сочтены».

[26] 10. Наконец, будучи истинным Богом, Он — цель всего, согласно торжественному утверждению апостола (Рим. 11:36): «Всё из Него, через Него и к Нему»: *из Него* — как из Творца, *через Него* — как через Поддерживающего и Хранящего, и *к Нему* — как к окончательной цели всего.

[27] II. Во всех этих смыслах Иисус Христос — истинный Бог. Но каким образом Он — жизнь вечная?

[28] 1. Непосредственный смысл этого выражения не в том, что Он *будет* вечной жизнью, хотя это великая и важная истина, которую никогда не следует забывать. «Он — виновник вечного спасения для всех послушных Ему». Он приобрёл тот «венец жизни», который будет дан всем «верным до смерти», и Он будет душой всех радостей всех святых во славе.

[29] Пламя ангельской любви
Зажигается пред лицом Иисуса;
И всё блаженство в вышине
Заключено в восторженном созерцании!

[30] 2. Непосредственный смысл не в том, что Он — воскресение, хотя и это истинно, согласно Его собственному слову: «Я есмь воскресение и жизнь»; с этим согласны слова святого Павла: «Как в Адаме все умерли, так во Христе все оживут». Поэтому мы вправе сказать: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса

Христа, ... возродивший нас воскресением Христа из мёртвых к упованию живому, к наследству нетленному, чистому, неувядающему».

31 3. Но, оставляя в стороне то, чем Он *будет* впоследствии, здесь мы призваны рассмотреть, что Он *есть теперь*. Ныне Он — жизнь всего живущего, любого рода и степени. Он — Источник низшего вида жизни, жизни *растений*, поскольку является Источником всякого движения, от которого зависит их рост. Он — Источник жизни *животных*, Сила, благодаря которой бьётся сердце и текут обращающиеся в теле соки. Он — Источник всякой жизни, которой человек обладает наравне с другими животными. А если мы отличаем *разумную* жизнь от животной, Он — Источник и её.

32 4. Но как бесконечно далеко всё это от той жизни, которая непосредственно подразумевается здесь и о которой апостол столь определённо говорит в предшествующих стихах (1 Ин. 5:11, 12): «Свидетельство сие состоит в том, что Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его. Имеющий Сына имеет жизнь», — ту вечную жизнь, о которой здесь говорится, — «не имеющий Сына» Божия «не имеет» этой «жизни». Как если бы он сказал: «Вот сущность свидетельства, которым Бог свидетельствовал о Сыне Своём: Бог дал нам не только право на вечную жизнь, но и действительное её начало; и эта жизнь приобретена Его Сыном и сокрыта в Нём, Который имеет в Себе все её источники и полноту, чтобы сообщать её Своему телу — Церкви».

33 5. Эта вечная жизнь начинается тогда, когда Отцу угодно открыть Своего Сына в наших сердцах; когда мы впервые познаём Христа, получая способность «назвать Его Господом Духом Святым»; когда можем

засвидетельствовать, при свидетельстве нашей совести в Духе Святом: «Ныне живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Именно тогда начинается счастье — действительное, прочное, существенное счастье. Именно тогда в душе открываются небеса, начинается подлинное небесное состояние, когда любовь к Богу как любящему нас изливается в сердце и тотчас производит любовь ко всему человечеству — всеобщее, чистое благожелательство вместе с его подлинными плодами: смирением, кротостью, терпением, довольством во всяком состоянии; полное, ясное и всецелое согласие со всей волей Божией, позволяющее нам «всегда радоваться и за всё благодарить».

[34] 6. По мере возрастания нашего познания Его и любви к Нему в той же степени и в той же мере необходимо возрастает и царство небес внутри нас, пока мы «во всём возрастаем в Того, Кто есть наша Глава». И когда мы en autoi peplerOmenoi, *совершенны в Нём*, как передают наши переводчики, или, точнее, когда мы *исполнены Им*; когда «Христос в нас, упование славы» — наш Бог и наше Всё; когда Он полностью овладел нашим сердцем; когда царствует в нём без соперника, Господь всякого его движения; когда мы пребываем во Христе и Христос в нас, мы едины со Христом и Христос с нами, — тогда мы совершенно счастливы; тогда живём «всей жизнью, сокрытой со Христом в Боге»; тогда, и не прежде, мы по-настоящему испытываем, что значат слова: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

[35] III. Теперь мне остаётся лишь добавить несколько выводов из предшествующих замечаний.

[36] 1. Отсюда мы можем узнать, во-первых, что как есть лишь один Бог на небе вверху и на земле внизу, так существует лишь одно счастье для сотворённых духов, на небесах или на земле. Этот единый Бог создал наше сердце для Себя, и оно не может успокоиться, пока не успокоится в Нём. Правда, пока мы в силе молодости и здоровья, пока кровь играет в жилах, пока мир улыбается нам и у нас есть все удобства и даже излишества жизни, мы часто видим приятные сны и наслаждаемся некоторым подобием счастья. Но оно не может продолжаться, улетает, словно тень; и даже пока оно длится, оно непрочно и несущественно, оно не удовлетворяет душу. Мы всё ещё жаждем чего-то иного, чего-то, чего у нас нет. Дайте человеку всё, что этот мир может дать, и всё же, как заметил Гораций почти две тысячи лет назад,

> [37] Curtae nescio quid semper abest rei.

[38] Всё же

> [39] Среди нашего изобилия чего-то всё ещё
> Мне, тебе, ему недостаёт!

[40] Это *что-то* есть не более и не менее как познание Бога и любовь к Нему, без которых никакой дух не может быть счастлив ни на небесах, ни на земле.

[41] 2. Позвольте мне в подтверждение этого рассказать о собственном опыте. Я отчётливо помню, что даже в детстве, ещё в школе, часто говорил: «Говорят, жизнь школьника — самая счастливая на свете; но я уверен, что не счастлив, ибо не доволен и потому не могу быть счастлив». Когда я прожил ещё несколько лет, находясь в силе юности, не зная боли и болезни, а особенно уныния, которого, сколько помню, не испытывал и четверти часа

со дня рождения; имея всё в изобилии, среди разумных и милых друзей, которые любили меня и которых любил я; ведя тот образ жизни, который более всякого другого соответствовал моим склонностям, — я всё же не был счастлив. Я удивлялся, почему это так, и не мог представить себе причины. Причина, несомненно, состояла в том, что я не знал Бога — Источника как нынешнего, так и вечного счастья. Ясное доказательство того, что тогда я не был счастлив, вот в чём: после самого спокойного размышления я не знал ни одной недели, которую счёл бы стоящей того, чтобы прожить её снова, со всеми внутренними и внешними ощущениями, без всякой перемены.

[42] 3. Но один благочестивый человек утверждает: «Когда я был молод, я был счастлив, хотя жил в мире совершенно без Бога». Я вам не верю, хотя не сомневаюсь, что вы верите себе. Но вы обманываетесь, как и я обманывался снова и снова. Таково состояние человеческой жизни!

> [43] Кажется, всходят цветы и благоухают мирты;
> Вдали всё прекрасно, но вблизи
> Яркий обман дразнит жаждущие глаза
> Тернием, пустынным вереском и бесплодным песком.

[44] Взгляните вперёд на какой-нибудь далёкий вид: как прекрасен он кажется! Подойдите к нему — красота исчезает, и он оказывается грубым и неприятным. Такова и жизнь. Но когда эта картина уходит в прошлое, она вновь принимает прежний облик; и мы всерьёз верим, будто были тогда очень счастливы, хотя на деле всё было совсем иначе. Ибо как ныне никто не счастлив, так никто никогда не был счастлив без исполненного любви познания истинного Бога.

[45] 4. Отсюда мы можем узнать, во-вторых, что это блаженное познание истинного Бога — лишь другое имя религии; я имею в виду христианскую религию, которая одна, в сущности, и заслуживает этого имени. Религия по своей природе, или сущности, заключается не в том или ином наборе представлений, обыкновенно называемом *верой*, и не в круге обязанностей, сколь бы тщательно он ни был *очищен* от заблуждения и суеверия. Она не состоит в каком-либо числе внешних действий. Нет: собственно и непосредственно она состоит в познании Бога и любви к Нему, явленному в Сыне Его любви через вечного Духа. И это естественно ведёт ко всякому небесному расположению души и ко всякому доброму слову и делу.

[46] 5. Отсюда мы узнаём, в-третьих, что никто, кроме христианина, не счастлив — никто, кроме истинного, внутреннего христианина. Чревоугодник, пьяница, игрок могут быть *веселы*, но счастливы быть не могут. Щёголь и красавица могут есть и пить, а затем вставать играть, но всё же чувствуют, что не счастливы. Мужчины и женщины могут украшать свои драгоценные особы всеми цветами радуги. Могут танцевать, петь, спешить взад и вперёд и порхать туда и сюда. Могут разъезжать в великолепных экипажах и вести друг с другом пресные разговоры. Могут торопиться от одного развлечения к другому, но счастья там нет. Они всё ещё «ходят подобно призраку и напрасно суетятся». Один из их собственных поэтов верно сказал обо всей жизни этих сынов наслаждения:

> [47] То скучный фарс и пустое зрелище:
> Пудра, карманное зеркальце и щёголь.

[48] Об этом прекрасном писателе не могу не заметить, что он подошёл к цели близко, но всё же не достиг её. В своём «Соломоне», одном из благороднейших стихотворных произведений английского языка, он ясно показывает, где счастья *нет*: что его нельзя найти ни в естественном знании, ни во власти, ни в удовольствиях чувств или воображения. Но он не показывает, где его найти. Он и не мог, ибо сам этого не знал. Однако подошёл близко, когда сказал:

> [49] Восстанови, великий Отче, Твоего вразумлённого сына;
> И да исполнится Твоя великая воля в моём деле!

[50] 6. Отсюда мы узнаём, в-четвёртых, что всякий христианин счастлив и что несчастливый не является христианином. Если, как замечено выше, религия есть счастье, всякий обладающий ею должен быть счастлив. Это следует из самой природы вещей: ведь если религия и счастье в действительности одно и то же, невозможно, чтобы человек обладал первой, не обладая также вторым. Он не может иметь религию, не имея счастья, поскольку они совершенно неразделимы.

[51] И столь же несомненно, с другой стороны, что несчастливый не является христианином: ведь если бы он был истинным христианином, он не мог бы не быть счастлив. Но здесь я допускаю исключение в пользу тех, кто находится под сильным искушением, а также тех, кто страдает тяжёлыми нервными расстройствами, которые, в сущности, являются видом безумия. Облака и тьма, покрывающие тогда душу, приостанавливают её счастье, особенно если сатане дозволено подкреплять эти расстройства, осыпая душу своими раскалёнными стрелами. Но за исключением этих случаев замечание

остаётся верным, и к нему следует хорошо прислушаться: кто не счастлив, да, не счастлив в Боге, тот не христианин.

52 7. Не являетесь ли *вы* живым тому доказательством? Не блуждаете ли до сих пор туда и сюда, ища покоя и не находя, преследуя счастье и никогда его не настигая? И кто может обвинить вас в его искании? Это и есть цель вашего существования. Великий Творец ничего не создал для несчастья, но каждое творение — для счастья в своём роде. И при общем обозрении дел Своих рук Он объявил всё *весьма хорошим*; оно не было бы таким, если бы каждое разумное существо, да и всякое существо, способное к удовольствию и боли, не было счастливо, исполняя цель своего сотворения. Если *вы* ныне несчастливы, то потому, что находитесь в неестественном состоянии; и разве вам не вздыхать об избавлении от него? «Всё творение», ныне «подчинённое суете», «совокупно стенает и мучится». Я обвиняю вас, или, скорее, жалею лишь за то, что вы идёте неверным путём к верной цели, ищете счастья там, где его никогда не было и никогда нельзя найти. Вы ищете счастья в других творениях вместо своего Творца. Но они могут сделать вас счастливыми не больше, чем бессмертными. Если у вас есть уши слышать, каждое творение громко взывает: «Счастья во мне нет». Поистине, все они — «разбитые водоёмы, которые не могут держать воды». О, обратитесь к своему покою! Обратитесь к Тому, в Ком сокрыты все сокровища счастья! Обратитесь к Тому, Кто «даёт всем щедро», и Он даст вам «даром пить воду жизни».

53 8. Вы не можете найти давно искомого счастья во всех удовольствиях мира. Разве они не «обманчивы на весах»? Разве не легче самой суеты? Долго ли вам «питаться тем,

что не хлеб», тем, что может развлечь, но не насытить? Вы не можете найти его и в религии мира — ни во мнениях, ни в простом круге внешних обязанностей. Напрасный труд! Разве Бог не Дух и потому не надлежит «поклоняться Ему в духе и истине»? Только в этом вы можете найти искомое счастье: в соединении вашего духа с Отцом духов, в познании и любви к Тому, Кто есть источник счастья, достаточный для всех созданных Им душ.

[54] 9. Но где найти Его? Взойти ли нам на небо или сойти в ад, чтобы искать Его? Взять ли «крылья зари» и искать Его «на краю моря»? Нет: quod petis, hic est! Какие удивительные слова вышли из-под пера язычника! «То, чего ты ищешь, здесь!» Он — «около твоей постели». Он — «на твоём пути». Он «окружает тебя сзади и спереди», «полагает на тебе руку Свою». Вот, Бог здесь, не вдали! Теперь поверь и почувствуй Его близость! Да откроет Он Себя в твоём сердце ныне! Познай Его, возлюби Его — и ты счастлив!

[55] 10. Ты уже счастлив в Нём? Тогда смотри, чтобы «твёрдо держаться достигнутого»! «Бодрствуй и молись», чтобы никогда не быть «совращённым со своей твёрдости». «Наблюдайте за собою, чтобы не потерять приобретённого, но получить полную награду». Поступая так, ожидай непрестанного возрастания в благодати, в исполненном любви познании Господа нашего Иисуса Христа. Ожидай, что сила Всевышнего внезапно осенит тебя, чтобы весь грех был уничтожен и в сердце твоём не осталось ничего, кроме святости Господу. И в это мгновение и каждое мгновение «представляйте себя в жертву живую, святую, благоугодную Богу» и

«прославляйте Его в теле вашем и в духе вашем, которые суть Божии»!

Духовное идолопоклонство

[1] «Дети! храните себя от идолов».

[2] 1 Ин. 5:21.

[3] 1. В этом послании несколько раз встречаются два слова — paidia и teknia, — которые наши переводчики передают одним выражением: *малые дети*. Но значения их весьма различны. Первое совершенно правильно передаётся словами *малые дети*, ибо означает *младенцев во Христе*, недавно вкусивших Его любви и пока ещё слабых и неутверждённых в ней. Второе уместнее было бы перевести как *возлюбленные дети*, поскольку оно означает лишь любовь говорящего к тем, кого он родил в Господе.

[4] 2. Один древний историк рассказывает, что, когда апостол настолько ослабел от старости, что уже не мог проповедовать, его часто приносили в собрание в кресле, и он произносил лишь: «Возлюбленные дети, любите друг друга». Более важного совета он дать не мог. И столь же важен тот, который теперь перед нами, столь же необходим всякой части Церкви Христовой: «Возлюбленные дети, храните себя от идолов».

[5] 3. Между ними, в сущности, тесная связь: одно не может существовать без другого. Как нет твёрдого основания любви к братьям, кроме любви к Богу, так нет возможности любить Бога, если мы не храним себя от идолов. Но каковы идолы, о которых говорит апостол? Это первое, что надлежит рассмотреть. Затем, во-вторых, мы можем спросить: как хранить себя от них?

[6] I. 1. Прежде всего нам следует рассмотреть, каковы идолы, о которых говорит апостол. Я не полагаю, что он имеет в виду, по крайней мере главным образом, идолов, которым поклонялись язычники. Для тех, кому он писал, были ли они прежде иудеями или язычниками, опасность с их стороны была невелика. Невероятно, чтобы ныне обращённые иудеи когда-либо были виновны в поклонении им: сколь бы глубоко ни предавались израильтяне этому грубому идолопоклонству на протяжении многих веков, после возвращения из вавилонского плена они почти никогда больше в него не впадали. С той поры весь иудейский народ проявлял постоянное, глубокое отвращение к нему. А язычники, однажды обратившись к живому Богу, относились к прежним идолам с величайшим омерзением. Им претило даже касаться нечистого; более того, они предпочитали отдать жизнь, чем вернуться к поклонению тем богам, о которых теперь знали, что это бесы.

[7] 2. Нельзя также разумно предположить, что он говорит о тех идолах, которым ныне поклоняются в Римской церкви: об ангелах, о душах усопших святых или об изображениях из золота, серебра, дерева или камня. Ни один из этих идолов не был известен в христианской Церкви до тех пор, пока после времени апостолов не прошло несколько столетий. Правда, однажды сам святой Иоанн пал, чтобы поклониться перед ангелом, говорившим с ним, вероятно, приняв его из-за славного облика за великого Ангела Завета; но последовавший немедленно строгий укор ангела уберёг христиан от подражания этому дурному примеру: «Смотри, не делай сего. Как бы славно я ни выглядел, я не твой Господь. Я сослужитель тебе и братьям твоим пророкам; Богу поклонись» (Откр. 22:9).

[8] 3. Итак, оставляя в стороне языческих и римских идолов, спросим: от каких идолов здесь предостерегает нас апостол? Предшествующие слова показывают их смысл. «Сей есть истинный Бог» — цель всех созданных Им душ, средоточие всех сотворённых духов — «и жизнь вечная», единственное основание как нынешнего, так и вечного счастья. Поэтому Ему одному принадлежит наше сердце. И Он не может, не желает отказаться от Своего права или согласиться, чтобы сердце было отдано кому-либо другому. Каждому ребёнку человеческому Он непрерывно говорит: «Сын мой, отдай Мне сердце твоё!» Отдать сердце кому-либо другому — явное идолопоклонство. Поэтому всё, что отнимает наше сердце у Него или делит его с Ним, — идол; иначе говоря, всё, в чём мы ищем счастья независимо от Бога.

[9] 4. Возьмём пример, встречающийся почти каждый день. Человек, долго погружённый в мир, окружённый и утомлённый множеством дел, наконец приобретает достаточное состояние, освобождается от всех занятий и удаляется в деревню — чтобы быть счастливым. Счастливым в чём? В том, чтобы наслаждаться покоем. Ведь теперь он намерен

> [10] Somno et inertibus horis
> Ducere solicitae jucunda oblivia vitae:
>
> [11] Спать и проводить
> День в кроткой бездеятельности!

[12] Счастливым в том, чтобы есть и пить всё, чего пожелает сердце; быть может, блюда более изысканные, чем у древнего римлянина, который пировал в воображении ещё до того, как подали угощение, и,

прежде чем покинуть город, утешался мыслью о «жирном сале, да ещё и капусте»!

[13] Uncta satis pingui ponentur oluscula lardo!

[14] Счастливым в том, чтобы переделывать, расширять, перестраивать или по крайней мере украшать приобретённый старый господский дом, а также улучшать всё вокруг него: конюшни, хозяйственные строения, угодья. Но где же между тем место Богу? Нигде. О Нём человек не думал. О Царе Небесном он думал не больше, чем о короле Франции. Бога нет в его плане. Познание Бога и любовь к Нему совершенно не принимаются в расчёт. Поэтому весь этот замысел счастья в уединении — идолопоклонство от начала до конца.

[15] 5. Если перейти к частностям, первый вид этого идолопоклонства — то, что святой Иоанн называет *похотью плоти*. Мы склонны понимать это слишком узко, словно речь идёт лишь об одном чувстве. Нет: это выражение в равной мере относится ко всем внешним чувствам. Оно означает искание счастья в удовлетворении какого-либо или всех внешних чувств, хотя особенно трёх низших — вкуса, обоняния и осязания. Оно означает искание счастья в этом если не грубым, непристойным образом — через явную невоздержанность, чревоугодие, пьянство или бесстыдный разврат, — то в упорядоченном своего рода эпикурействе, в благовоспитанной чувственности, в таком изящном образе потворства себе, который не расстраивает ни голову, ни желудок, нисколько не подрывает здоровья и не пятнает репутации.

[16] 6. Но не следует воображать, будто этот вид идолопоклонства ограничивается богатыми и знатными.

И здесь «носок крестьянина», как говорит наш поэт, «наступает на пятку придворного». Тысячи людей и низкого, и высокого положения приносят жертвы этому идолу, ища счастья, хотя и более скромным образом, в удовлетворении внешних чувств. Правда, их пища, питьё и предметы, услаждающие другие чувства, более грубого рода. Но всё же они составляют всё счастье, которым эти люди обладают или которого ищут, и захватывают сердца, принадлежащие Богу.

[17] 7. Второй упомянутый апостолом вид идолопоклонства — *похоть очей*, то есть искание счастья в услаждении воображения, главным образом посредством глаз, — того внутреннего чувства, которое столь же естественно человеку, как зрение или слух. Оно услаждается предметами величественными, прекрасными или необычными. Но величественные предметы, по-видимому, доставляют удовольствие лишь до тех пор, пока новы. Если бы мы ежедневно в течение года обозревали египетские пирамиды, какое удовольствие они доставляли бы нам затем? Да и какое удовольствие предмет гораздо более величественный, чем они, —

> [18] Океан, катящий волны на ракушечный берег,

[19] доставляет тому, кто давно к нему привык? Более того, какое удовольствие мы обычно получаем от самого величественного предмета во вселенной —

> [20] Того просторного лазурного неба,
> Ужасающе огромного и дивно яркого,
> С несчётными звёздами и безмерным светом? [67]

[21] 8. Прекрасные предметы — следующий общий источник удовольствий воображения; в особенности произведения природы. Так во все века люди восхищались

[22] Лесными видами, холмами и долинами,
И плавным бегом журчащих ручьёв.

[23] Другим доставляет удовольствие соединять искусство с природой, как в садах с их разнообразными украшениями; третьим — одни произведения искусства, такие как здания и изображения природы в статуях или картинах. Многие находят удовольствие также в красивой одежде или разнообразной обстановке. Но к красоте, как и к величию, должна прибавляться новизна, иначе она вскоре пресыщает чувство.

[24] 9. Следует ли отнести к красоте удовольствие, которое многие находят в любимом животном — например, в воробье, попугае, кошке или комнатной собачке? Иногда оно может быть вызвано ею. В других случаях никто, кроме самого любителя, не видит в любимце вообще никакой красоты. Более того, быть может, в глазах всех остальных он чрезвычайно уродлив. В таком случае удовольствие, по-видимому, происходит от простой прихоти или каприза, то есть безумия.

[25] 10. Не следует ли отнести преимущественно к новизне удовольствие от большинства развлечений и забав, которые, если бы мы повторяли их ежедневно хотя бы несколько месяцев, стали бы совершенно пресными и безвкусными? К тому же разряду можно отнести удовольствие от собирания редкостей — природных или искусственных, старых или новых. Это услаждает труд знатока и делает все его труды лёгкими.

[26] 11. Но удовольствие, получаемое от музыки, следует приписывать главным образом не новизне. Несомненно, музыка обладает собственной красотой, а часто и собственным величием. Это красота и величие особого

рода, нелегко выразимые словами, близко сродные возвышенному и прекрасному в поэзии, которые доставляют изысканное удовольствие. И всё же можно признать, что новизна усиливает удовольствие, происходящее из любого из этих источников.

[27] 12. От изучения языков, критики и истории мы получаем удовольствие смешанной природы. Во всём этом всегда есть нечто новое, нередко — нечто прекрасное или возвышенное. И история не только услаждает воображение во всех этих отношениях, но также радует нас, затрагивая наши страсти: любовь, желание, радость, сострадание. Последнее доставляет нам сильное удовольствие, хотя странным образом смешанное со своего рода болью. Поэтому не стоит удивляться восклицанию прекрасного поэта:

> [28] Что всякая весёлость, как не нечестивое смятение,
> В сравнении с очарованием небесной меланхолии?

[29] 13. Любовь к новизне безмерно удовлетворяется опытной философией и вообще всякой отраслью естественной философии, открывающей необъятное поле для всё новых открытий. Но разве в ней, как и в математических и метафизических занятиях, нет также удовольствия, происходящего не от воображения, а от упражнения разума? Разве только мы скажем, что новизна открытий, совершаемых математическими или метафизическими исследованиями, является по крайней мере одной из причин, если не главной, получаемого от них удовольствия.

[30] 14. Я останавливаюсь на этом дольше, потому что лишь очень немногие видят эти вещи в истинном свете.

Большинство людей, и особенно люди разумные и учёные, так далеки от подозрения, что в них есть или может быть малейший вред, что всерьёз считают весьма похвальным *всецело предаваться им*. Кто из них, например, не восхитился бы и не похвалил неутомимое усердие того великого философа, который говорит: «Вот уже тридцать восемь лет я в своём приходе Апминстера и установил, что здесь не менее пятидесяти трёх видов бабочек; но если Бог сохранит мне жизнь ещё на несколько лет, не сомневаюсь, что докажу: их пятьдесят пять!» Я признаю, что большинство этих занятий полезно и что возможно *пользоваться* ими, не *злоупотребляя*. Но если мы ищем счастья в чём-либо из этого, оно становится *идолом*. И наслаждение им, как бы мир ни восхищался им и ни рукоплескал, осуждается Богом как нечто не лучше и не хуже пагубного *идолопоклонства*.

31 15. О третьем виде любви к миру апостол говорит необычным выражением he alazoneia tou biou. Наши переводчики передают его как *гордость житейская*. Обычно полагают, что оно означает пышность и блеск людей высокого положения. Но не имеет ли оно более обширного смысла? Не означает ли скорее искание счастья в людской похвале, которая более всего порождает гордость? Когда к ней более пышным образом стремятся цари или прославленные люди, мы называем это «жаждой славы»; когда её более скромным образом ищут обыкновенные люди, это именуется «заботой о своей репутации». Проще говоря, это искание чести от людей вместо той, которая исходит от единого Бога.

32 16. Но затруднение здесь создаёт следующее: от нас требуется не только «не подавать никому соблазна» и «пещись о добром перед всеми людьми», но и «угождать

всем во благо, к назиданию». Однако как трудно делать это, устремив взор на одного Бога! Мы должны делать всё от нас зависящее, чтобы «доброе в нас не подвергалось злословию». Более того, чистую репутацию, если она нам дана, следует ценить лишь немногим ниже доброй совести. Но всё же, если мы ищем в ней своего счастья, мы рискуем погибнуть в своём идолопоклонстве.

[33] 17. К какому из предыдущих разрядов следует отнести *любовь к деньгам*? Возможно, иногда к одному, иногда к другому, поскольку деньги — средство приобрести удовлетворение либо для «похоти плоти», либо для «похоти очей», либо для «гордости житейской». В любом из этих случаев к деньгам стремятся ради дальнейшей цели. Но иногда к ним стремятся ради них самих, не имея в виду ничего больше. Собственно скупец любит и ищет деньги ради самих денег. Он не смотрит дальше, но полагает своё счастье в приобретении или обладании ими. И это особый вид идолопоклонства, отличный от всех предыдущих, и, в сущности, самое низкое, самое подлое идолопоклонство, на какое способна человеческая душа. Искать счастья в удовлетворении этого или любого другого из упомянутых выше желаний — значит фактически отречься от истинного Бога и поставить на Его место идола. Словом, сколько в мире предметов, в которых люди ищут счастья вместо того, чтобы искать его в Боге, столько *идолов* они воздвигают в сердцах, столько видов *идолопоклонства* совершают.

[34] 18. Я отмечу только ещё один вид, который, хотя в некоторой мере совпадает с несколькими предыдущими, во многих отношениях отличается от них всех: я имею в виду обожествление человека. Несомненно, воля Божия в том, чтобы все мы любили друг друга. Его воля в том,

чтобы мы любили родных и братьев-христиан особенной любовью, и в особенности тех, кого Он сделал особенно полезными нашим душам. Их нам заповедано «любить горячо», но всё же «от чистого сердца». Однако не «невозможно» ли это «человеку»: сохранять силу и нежность любви и вместе с тем не запятнать душу, сохранить незапятнанную чистоту? Я имею в виду не только незапятнанность похотью. Я знаю, что это возможно. Знаю, что человек может питать к другому невыразимую любовь без всякого желания такого рода. Но свободна ли она от идолопоклонства? Не значит ли это любить творение больше Творца? Не значит ли ставить мужчину или женщину на место Бога, отдавать им своё сердце? Пусть об этом тщательно подумают даже те, кого Бог соединил: мужья и жёны, родители и дети. Нельзя отрицать, что им следует нежно любить друг друга: так им заповедано. Но им не заповедано и не дозволено любить друг друга идолопоклоннически. И всё же как это распространено! Как часто муж, жена или ребёнок ставятся на место Бога! Сколько людей, считающихся добрыми христианами, так сосредоточивают свою любовь друг на друге, что Богу не остаётся места! Они ищут счастья в творении, а не в Творце. Один может с полным основанием сказать другому:

[35] В тебе я вижу господина и цель моих желаний.

[36] То есть: «Я ничего больше не желаю, кроме тебя! Ты — то, к чему я стремлюсь! Всё моё желание — к тебе и к воспоминанию имени твоего». Если это не явное идолопоклонство, то я не знаю, что им является.

[37] II. Подробно рассмотрев, каковы идолы, о которых говорит апостол, теперь я перейду к вопросу, который можно разобрать короче: как нам хранить себя от них?

[38] 1. Для этого я советую вам прежде всего глубоко убедиться, что ни один из них не приносит счастья; что никакая вещь, никакой человек под солнцем, да и всё вместе собранное, не может дать никакому ребёнку человеческому прочного, удовлетворяющего счастья. Сам мир, легкомысленный, бездумный мир, невольно признаёт это, соглашаясь и даже горячо утверждая: «Ни один человек на земле не доволен». То же самое наблюдение было сделано почти две тысячи лет назад:

> [39] Nemo quam sibi sortem
> Seu ratio dederit, seu fors objecerit, illa
> Contentus vivat.
>
> [40] Пусть жребий или выбор даст человеку его место —
> Всё же никто на земле не живёт довольным.

[41] И если ни один человек на земле не доволен, то несомненно, что ни один человек не счастлив. Ибо в каком бы положении мы ни находились, недовольство несовместимо со счастьем.

[42] 2. Впрочем, не только легкомысленная, но и мыслящая часть мира признаёт, что ни один человек не доволен; печальные доказательства этого мы повсюду видим среди высоких и низких, богатых и бедных. И обыкновенно, чем больше у них разумения, тем более они недовольны. Ибо

> [43] Они умеют тоньше жаловаться
> И обладают большей чуткостью к боли.

[44] Правда, у каждого есть, если употребить модное словцо нашего времени, и превосходное словцо, *свой конёк*: нечто, что радует большого мальчика несколько часов или дней и в чём он *надеется* быть счастливым! Но хотя

[45] Надежда вечно цветёт в человеческой груди,
Человек никогда не *счастлив*, но всегда лишь *будет* счастлив.

[46] Он всё ещё ходит среди пустых теней, которые вскоре исчезнут! Так что всеобщий опыт — и наш собственный, и опыт всех друзей и знакомых — ясно доказывает: как Бог создал наши сердца для Себя, так они не могут успокоиться, пока не успокоятся в Нём; пока мы не сблизимся с Ним, мы не можем быть в мире. Как «насмешник», презирающий премудрость Божию, «ищет мудрости и не находит», так насмехающийся над счастьем в Боге ищет счастья, но не находит его.

[47] 3. Когда вы вполне убедитесь в этом, я советую вам, во-вторых, остановиться и подумать, что вы делаете. Неужели будете глупцом и безумцем во все дни свои? Не давно ли пора прийти в разум? Проснитесь наконец от сна и отряхнитесь от праха! Вырвитесь из этого жалкого идолопоклонства и «изберите лучшую часть»! Твёрдо решите искать счастья там, где его можно найти, где его невозможно искать напрасно. Решите искать его в истинном Боге, источнике всякого блаженства, и положите конец промедлению! Немедленно приведите в исполнение принятое решение! Поскольку «всё готово», «сблизься ныне с Ним и будь в мире».

[48] 4. Но ни принимайте решения, ни пытайтесь его исполнить, полагаясь на собственную силу. Если поступите так, потерпите полное поражение. Вы не способны бороться со злым миром, тем менее — с собственным злым сердцем, а менее всего — с силами тьмы. Поэтому взывайте к Сильному о силе. Глубоко сознавая собственную слабость и беспомощность, уповай на Господа Иегову, в Котором вечная сила. Советую вам

особенно взывать к Нему о покаянии: не только о полном сознании собственного бессилия, но и о пронзительном ощущении безмерной вины, низости и безумия идолопоклонства, давно поглотившего вас. Взывайте о глубоком познании себя, всей своей греховности и виновности. Молитесь, чтобы вы вполне открылись самим себе, чтобы познали себя так, как и вы познаны. Когда вами овладеет это подлинное обличение, все ваши идолы потеряют своё обаяние. И вы удивитесь, как могли столь долго опираться на эти надломленные трости, которые так часто подламывались под вами.

[49] 5. О чём просить затем?

> [50] «Иисус, теперь, когда я всё утратил,
> Позволь припасть к Твоей груди!

[51] Дай мне теперь увидеть Тебя в ризе, обагрённой кровью!

> [52] Явись теперь во всех Своих ранах
> И облеки меня в Свою багряную ризу!

[53] Разве Ты не сказал: “Если можешь веровать, увидишь славу Божию”? Господи, *я хочу* веровать! Помоги моему неверию. И помоги мне *теперь!* Помоги теперь войти в покой, остающийся для народа Божия, для тех, кто отдаёт Тебе сердце, всё сердце, кто принимает Тебя как своего Бога и своё Всё. О Ты, прекраснейший сынов человеческих, уста Твои исполнены благодати! Проговори, чтобы я мог увидеть Тебя! И как тени бегут перед солнцем, так пусть все мои идолы исчезнут перед Твоим лицом!»

[54] 6. С того мгновения, как вы начнёте испытывать это, подвизайтесь добрым подвигом веры, силою берите

Царство Небесное! Берите его словно приступом! Отказывайте себе во всяком удовольствии, о котором не имеете данного Богом удостоверения, что оно приближает вас к Нему. Ежедневно берите свой крест; не считайтесь ни с какой болью, если она лежит на вашем пути к Нему. Если будете к этому призваны, не колеблясь вырвите правый глаз и бросьте от себя. Нет ничего невозможного верующему: вы всё можете через укрепляющего вас Христа. Действуйте мужественно и стойте в свободе, которою освободил вас Христос. Да, идите вперёд во имя Его и могуществом Его силы, пока не «познаете всю превосходящую разумение любовь Божию»; а тогда вам останется лишь ждать, пока Он призовёт вас в Своё вечное Царство!

О рассеянности

[1] «Говорю это, ... чтобы вы могли служить Господу без развлечения».

[2] 1 Кор. 7:35.

[3] 1. Почти во всех частях нашей страны, особенно в больших и многолюдных городах, среди разумных людей слышна общая жалоба на всё возрастающую *рассеянность*. Замечают, что она всё шире распространяется при дворе, в городе и в деревне. По постоянным упоминаниям о ней и непрерывным обличениям можно было бы естественно предположить, что столь употребительное слово совершенно понятно. И всё же можно усомниться, так ли это. Более того, мы вполне уверенно можем утверждать, что лишь немногие из часто употребляющих этот термин понимают его значение. Одна из причин состоит в том, что, хотя само явление давно существует среди нас, особенно со времени короля Карла Второго, одного из самых рассеянных смертных, когда-либо дышавших, само слово вошло в употребление недавно. Пятьдесят лет назад его едва ли слышали, да и до нынешнего царствования — нечасто. Так недавно оно было заимствовано; и всё же оно у всех на устах, так что уже истёрлось от употребления, сделавшись одним из модных словечек нашего времени.

[4] 2. Другая причина того, что его так мало понимают, может быть в следующем: среди бесчисленных писателей, кишащих вокруг нас, нет ни одного, по крайней мере из виденных мной, кто опубликовал бы об этом хотя бы брошюру ценой в шесть пенсов. Правда, у нас есть один

короткий очерк на эту тему, но видели его крайне немногие, поскольку он помещён в середине тома очерков автора, мало известного в мире. И даже он столь далёк от проникновения в самую суть предмета, что лишь слегка касается его и от начала до конца не даёт нам даже одного определения рассеянности, которого я тщательно искал.

[5] 3. Мы привыкли говорить о рассеянности как относящейся преимущественно, если не всецело, к внешнему поведению, к образу жизни. Но она находится внутри, прежде чем проявляется снаружи: она есть в сердце, прежде чем становится видна во внешнем поведении. Прежде рассеянного образа жизни должен существовать рассеянный дух. Но что такое рассеянность духа? Вот первый и главный вопрос.

[6] 4. Бог сотворил всё для Себя, особенно всех разумных духов. И действительно, по-видимому, разумение в каком-либо роде или степени неотделимо от духовных существ; разумение столь же существенно для духов, как протяжённость для материи. Их Он создал более непосредственно для Себя, чтобы они знали, любили Его и наслаждались Им. Как Солнце — средоточие Солнечной системы, так, насколько допустимо сравнивать вещественное с духовным, мы можем без колебаний утверждать, что Бог — средоточие духов. И пока сотворённые духи соединены с Ним, они покоятся; они покоятся лишь до тех пор, и не дольше, пока «служат Господу без развлечения».

[7] 5. Это выражение апостола — не будем сейчас обременять себя рассмотрением особого повода, по которому он его произнёс, — весьма своеобразно: Pros to euprosedron toi Kyrioi. Слово, которое мы переводим как

служить, буквально означает сидеть в положении, удобном для слушания. Здесь святой Павел, несомненно, намекал на Марию, сидевшую у ног Учителя (Лк. 10:39). Между тем Марфа была *обременена* многим служением, была *отвлечена, рассеяна* — periespato. Именно от этого выражения святой Павел берёт слово, которое мы переводим как *без развлечения*. [68]

[8] 6. И как многое служение рассеивало мысли Марфы и отвлекало её от внимания к словам Господа, так тысяча ежедневно встречающихся вещей склонна рассеивать наши мысли и отвлекать нас от внимания к голосу Того, Кто непрестанно говорит нашим сердцам, — я имею в виду сердца всех, кто прислушивается к Его голосу. Со всех сторон мы окружены людьми и вещами, способными увести нас от нашего средоточия. В сущности, всякое творение, если мы непрестанно не стоим на страже, увлечёт нас от Творца. Весь видимый мир, всё, что мы видим, слышим или осязаем, все предметы чувств или разумения склонны отвлекать наши мысли от невидимого мира и рассеивать наш ум, мешая ему внимать Тому, Кто есть и Источник, и цель нашего бытия.

[9] 7. Это совершается тем легче, что по природе все мы atheoi, *безбожники*, в мире, и притом в столь высокой степени, что требуется не меньше чем всемогущая сила, чтобы противодействовать склонности к рассеянию, присущей всякому человеческому духу, и восстановить способность внимать Богу и утверждаться в Нём. Ибо это невозможно, пока мы не станем новыми творениями, пока не будем вновь сотворены во Христе Иисусе, пока та же сила, что создала мир, не сотворит в нас «сердце чистое и не обновит внутри нас дух правый».

[10] 8. Но кто обновлён таким образом? Тот, кто верует во имя Сына Божия. Только верующий в Господа Иисуса Христа так «рождён от Бога». Одной этой верой он «вновь сотворён во Христе Иисусе», или через Него, восстановлен по образу Божию, в котором был создан, и снова обрёл средоточие в Боге; или, как выражается апостол, «соединён с Господом в один дух». Но даже тогда верующий может обнаружить в себе остатки плотского мудрования, естественной склонности искать покоя в сотворённом благе, довольствоваться видимыми вещами; без непрерывной заботы она будет тяготить его душу и увлекать от Творца. В этом неизменно присоединится к ней мир, люди, не знающие Бога: иногда намеренно, а иногда, быть может, без намерения, ибо самый их дух заразителен и незаметно изменяет наш по своему подобию. И мы можем быть вполне уверены, что князь этого мира, дьявол, поможет им всей своей мощью. Он будет трудиться всей силой и, что гораздо опаснее, всем коварством, пытаясь каким-либо образом отвлечь нас от нашей простоты во Христе, от простой приверженности Ему, от единства с Ним, через Кого мы также соединены в одном духе с Отцом.

[11] 9. Но ничто не достовернее следующего: хотя он может искушать самого сильного верующего отказаться от своей простоты во Христе и рассеять мысли и желания среди мирских предметов, он не способен принудить даже самого слабого, ибо благодати Божией всё ещё достаточно для него. Та же благодать, которая вначале соединила его с Богом, способна продолжать это счастливое единство вопреки всей ярости, всей силе и всей хитрости врага. Бог никогда не оставлял Себя без свидетельства, что имеет силу избавлять уповающих на Него как от всякого искушения, которое может на них

напасть, так и от этого в особенности. У Него всё ещё есть малое стадо, которое действительно «служит Ему без развлечения», которое, прилепившись к Нему всем сердцем, не отвлекается от Него ни на мгновение, но «всегда радуется, непрестанно молится и за всё благодарит».

[12] 10. Но насколько человек уступает этому искушению, настолько он *рассеян*. Исходное слово собственно означает *разбрасывать* или *рассыпать*. Так солнце рассеивает, то есть разгоняет, облака; ветер рассеивает, или разбрасывает, пыль; а в простом переносном смысле наши мысли называются рассеянными, когда они беспорядочно разбрасываются туда и сюда. Подобным образом наши желания рассеяны, когда оторваны от Бога, своего истинного средоточия, и разбрасываются среди жалких, гибнущих, не насыщающих душу вещей мира. И действительно, о всяком человеке, чуждом благодати Божией, можно сказать, что все его страсти рассеяны —

> [13] Разбросаны повсюду по земле,
> Безмерно далеко от БОГА.

[14] 11. Отвлечение в смысле святого Павла близко сродни рассеянности или, скорее, тождественно ей; следовательно, служить Господу без отвлечения — то же самое, что служить Господу без рассеянности. Но всякий раз, когда ум отрывается от Бога, он в этой мере рассеян или отвлечён. Поэтому рассеянность вообще можно определить как «утрату душой своего средоточия в Боге». И всё, что лишает ум его средоточия в Боге, собственно и рассеивает нас.

[15] 12. Отсюда мы легко можем узнать собственный, прямой смысл распространённого выражения *рассеянный*

человек. Это человек, отделённый от Бога, разъединённый со своим средоточием, — вызвано ли это суетой дел, исканием почестей или возвышения, пристрастием к развлечениям, к так называемым глупым удовольствиям либо к какому-либо пустяку под солнцем. Простые люди, правда, обычно прилагают это определение лишь к тем, кто неудержимо привязан к женщинам, игре, питью, танцам, балам, скачкам или жалкой ребяческой забаве «загонять лисиц и зайцев до изнеможения». Но оно в равной мере относится к серьёзному глупцу, который забывает Бога, всецело погрузившись в какое-либо мирское занятие, пусть даже самое изящное или самое важное. Изучение математики или астрономии может рассеять человека и отвлечь от Бога не меньше, чем любовь к картам или гончим. Кто привычно невнимателен к присутствию и воле своего Творца, тот рассеянный человек.

[16] 13. Отсюда мы также можем узнать, что рассеянная жизнь — не только жизнь напудренного щёголя, петиметра, игрока, охотника за женщинами, завсегдатая театров, охотника на лисиц или любого другого ветрогона, но и жизнь почтенного государственного деятеля, дворянина или купца, живущего «без Бога в мире». Соответственно, *рассеянный век*, каков нынешний, быть может, превосходящий в этом все прежние, по крайней мере известные истории, — это век, в котором Бог повсеместно забыт. А *рассеянный народ*, каким Англия ныне является в высочайшей степени, — народ, подавляющее большинство которого не имеет Бога «во всех своих помыслах».

[17] 14. Ясное следствие этих наблюдений, которое некоторые могут счесть парадоксом, состоит в том, что

рассеянность в полном, общем смысле слова — совершенно то же самое, что *нечестие*. Название ново, но само явление, несомненно, почти столь же древнее, как творение. И ныне это особенная слава Англии, в которой с ней не сравнится ни один народ под небом. Поэтому мы говорим несомненную истину, утверждая, что нет на лице земли другого народа, по крайней мере среди известных нам, столь совершенно *рассеянного* и *нечестивого*, не только столь совершенно живущего «без Бога в мире», но и столь открыто бросающего Ему вызов. Никогда среди веков, о которых мы читаем в истории, со времени Юлия Цезаря, со времени Ноя, со времени Адама не было такого, когда рассеянность или нечестие столь повсеместно преобладали бы и среди высоких, и среди низких, богатых и бедных.

[18] 15. Но всё же, благословен Бог,

> [19] Не все погибли: есть те, кто веру
> И благочестие к Богу предпочитают!

[20] В Англии есть некоторые — надеюсь, более семи тысяч, да и в десять раз больше, — кто ещё не преклонил ни колена, ни сердца перед богом этого мира, кто, тесно прилепившись к Богу небесному, не увлечён потоком, общим, почти всеобщим потоком рассеянности или нечестия. Они не разделяют настроения кроткого Криспа:

> [21] Qui nunquam direxit brachia contra
> Torrentem, —

[22] «Который никогда не пытался плыть против течения». Они дерзают плыть против течения. Каждый из них может поистине сказать:

[23] Nec me, qui caetera, vincit
Impetus, et rapido contrarius evehor orbi.

[24] [Ниже приводится перевод этой цитаты из Овидия, сделанный Аддисоном:

[25] «Я правлю против их движенья; и меня
Не относит назад весь поток небес». — Ред.]

[26] Если они не могут обратить поток вспять, то по крайней мере способны открыто свидетельствовать против него. Поэтому они невиновны в крови своих нечестивых соотечественников: она должна быть на их собственных головах.

[27] 16. Но каким образом нам избежать того, чтобы нас унёс разлившийся поток рассеянности? Верующим Писанию нетрудно ответить на этот вопрос. Я действительно верю, что Библия — слово Божие, и на этом основании отвечаю: коренное исцеление всякой рассеянности — «вера, действующая любовью». Поэтому, если желаете освободиться от этой злой болезни, прежде всего «пребывайте твёрдыми в вере», в той вере, которая приносит «Духа усыновления, взывающего в сердце вашем: “Авва, Отче!”», через которую вы получаете способность свидетельствовать: «Ныне живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Этой верой вы «видите Невидимого и всегда представляете перед собой Господа». Затем, «назидая себя на святейшей вере вашей, сохраняйте себя в любви Божией, ожидая милости Господа нашего Иисуса Христа для вечной жизни». И пока вы поступаете по этому правилу, вы будете выше всякой рассеянности.

[28] 17. Как точно это, хотя и при различии выражений, согласуется с замечанием благочестивого Кемпийского!

«Простота и чистота — два крыла, поднимающие душу к небесам. Простота — в намерении, чистота — в любви». Ведь что это, на языке апостола, как не простая «вера, действующая любовью»? Через эту простоту вы всегда видите Бога, а через чистоту любите Его. Что это, как не, по словам одного из древних, «любящий взор души, устремлённый на Бога»? И пока ваша душа пребывает в таком положении, рассеянности нет места.

[29] 18. Поэтому с великим рассуждением великий и добрый епископ Тейлор в своих «Правилах святой жизни и смерти» предваряет все прочие правила наставлениями о чистоте намерения. О нём епископ Уорбертон, человек не очень склонный хвалить, обыкновенно говорил: «Я не могу представить на земле большего гения, чем доктор Джереми Тейлор». И разве сам наш Господь не даёт ему основания поступать так, полагая как всеобщую истину: «Если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло»? Стремись к одному Богу. На каждом своём шаге взирай только на Него. Ищи одного: счастья в познании Бога, в любви к Нему, в служении Ему. Тогда душа твоя будет полна света, полна света славы Божией, Его славной любви, сияющей на тебя с лица Иисуса Христа.

[30] 19. Может ли что-либо больше помогать всецелой святости, чем непрерывное созерцание света Его славы? Поэтому неудивительно, что столь многие мудрые и добрые люди рекомендовали всем желающим быть истинно религиозными упражнение в присутствии Божием. Но в этом некоторые из этих святых людей, по-видимому, впали в одну ошибку, в частности, превосходный писатель нашей страны в своих письмах о «Духе молитвы»: они назначают это упражнение людям совершенно непробуждённым, необличённым во грехе,

при самом их вступлении в религию, тогда как это, несомненно, должно быть не первым, а скорее одним из последних дел. Им следует начинать с покаяния, с познания себя, своей греховности, вины и беспомощности. Затем их следует наставить искать мира с Богом через Господа нашего Иисуса Христа. После пусть их научат сохранять полученное, «ходить во свете лица Его», да, «ходить во свете, как Он во свете», вовсе без тьмы, пока «кровь Иисуса Христа» не «очистит» их «от всякого греха».

[31] 20. Именно из полного убеждения в безусловной необходимости для христианина всегда представлять перед собой Господа группа молодых джентльменов в Оксфорде, которые много лет назад обыкновенно проводили вместе большинство вечеров, чтобы помогать друг другу совершать своё спасение, поставила первым в своём порядке ежедневного самоиспытания вопрос: «Был ли я *прост* и *собран* во всём, что говорил или делал?» Был ли я *прост*, то есть всегда представлял перед собой Господа и делал всё с единственной целью угодить Ему? Был ли я *собран*, то есть быстро собирал свои рассеянные мысли, восстанавливал простоту, если каким-либо образом был отвлечён от неё людьми, бесами или собственным злым сердцем? Этим средством они сохранялись от рассеянности и каждый получал возможность сказать: «По благодати Божией *одно делаю*, по крайней мере к этому постоянно стремлюсь: я вижу Бога, люблю Бога, служу Богу. Я прославляю Его телом моим и духом моим».

[32] 21. То же самое, по-видимому, подразумевают два необычных слова, часто встречающиеся в сочинениях тех благочестивых людей, которых обычно называют

мистиками. Я имею в виду *интроверсию* и *экстраверсию*. «Испытывайте самих себя, — говорит святой Павел коринфянам, а в их лице христианам всех веков, — разве вы не знаете, что Христос в вас, если только вы не отвержены?» — то есть не неверующие, не выдерживающие испытания пробным камнем слова Божия. Внимание к голосу Христа внутри вас они называют *интроверсией*. Обращение взора ума от Него к внешним вещам называют *экстраверсией*. Через это ваши мысли блуждают вдали от Бога и вы становитесь собственно рассеянными; тогда как через обращение внутрь можете всегда сознавать Его любящее присутствие, непрерывно прислушиваться ко всему, что Господу угодно сказать вашему сердцу. И если вы непрестанно слушаете Его внутренний голос, то будете сохранены от всякой рассеянности.

[33] 22. Наконец, отсюда мы можем узнать, как судить о часто приводимом оправдании английского народа и нынешнего века, а именно: в других отношениях Англия стоит на одном уровне с прочими народами, а нынешний век — на одном уровне с любым из предшествующих; лишь признаётся, что мы более *рассеянны*, чем наши соседи, и нынешний век более рассеян, чем предыдущие. Но если признано это, признано всё. Признано, что этот народ хуже любого из соседних народов и этот век хуже, по существу хуже, любого из предшествующих веков. Ибо как рассеянность, или нечестие, — родитель всякого греха, всякой неправедности, немилосердия, несправедливости, обмана, вероломства, всякого возможного злого расположения, злого слова или злого поступка, так оно фактически заключает в себе их все. Всё нечистое, всё дурнославное, всё нечестивое, всякий порок — всё это содержится в нечестии, обычно

называемом рассеянностью. Поэтому пусть ни один любитель добродетели и истины не скажет ни слова в защиту этого чудовища; пусть ни один любитель человечества ни разу не откроет уст, чтобы умалить его вину. Питай к нему отвращение, как питал бы к дьяволу, чьё оно порождение и подобие! Питай к нему отвращение, как питал бы к исчезновению всякой добродетели и всеобщему торжеству земного, душевного, бесовского духа; и беги от него, как бежал бы, если бы увидел его разверзшимся перед тобой, от озера огня, горящего серою!

О дружбе с миром

1 «Прелюбодеи и прелюбодейцы! Не знаете ли, что дружба с этим миром есть вражда с Богом? Поэтому кто желает быть другом миру, тот враг Богу».

2 Иак. 4:4.

3 1. В Послании святого Павла к Римлянам есть место, которое часто считали равнозначным этим словам: «Не сообразуйтесь с миром сим» (Рим. 12:2). Но оно имеет к ним мало отношения или вовсе никакого: оно говорит совсем о другом. В сущности, предполагаемое сходство возникает лишь из употребления слова *мир* в обоих местах. Это естественно побуждает думать, будто под *сообразованием с миром* святой Павел понимает то же, что святой Иаков — под *дружбой с миром*, тогда как это совершенно разные вещи, поскольку в подлиннике и слова совершенно различны: у святого Павла — aion, у святого Иакова — kosmos. Однако слова святого Павла содержат важное наставление детям Божиим. Как если бы он сказал: «Не сообразуйтесь ни с мудростью, ни с духом, ни с обычаями *века*, ни с необращёнными иудеями, ни с язычниками, среди которых живёте. Вы призваны всем строем своей жизни и поведения показывать, что “обновлены духом ума вашего по образу Создавшего вас” и что ваше правило — не пример или воля человека, но “благая, благоугодная и совершенная воля Божия”». [69]

4 2. Но неудивительно, что предостережение святого Иакова против дружбы с миром столь мало понимают даже среди христиан. Ибо мне не удалось узнать, чтобы какой-либо древний или новый автор писал об этом, —

нет, насколько я мог заметить, за шестнадцать или семнадцать столетий. Даже превосходный писатель господин Лоу, столь хорошо разобравший многие другие темы, во всех своих практических трактатах не написал об этом ни одной главы, более того, насколько помню, не сказал ни слова и не дал ни одного предостережения против этого. Я никогда не слышал проповеди об этом ни перед университетом, ни где-либо ещё. Я никогда не бывал в обществе, где разговор прямо обращался бы к этому хотя бы на один час.

5 3. И всё же весьма мало предметов столь глубокой важности; мало таких, которые столь близко касаются самой сущности религии, жизни Божией в душе, её сохранения и возрастания или упадка и даже угасания. От недостатка наставления в этом отношении произошли самые печальные последствия. Правда, они не затронули тех, кто всё ещё был мёртв по преступлениям и грехам, но тяжело обрушились на многих истинно живых для Бога. Особенно они коснулись многих называемых методистами, быть может, более, чем любых других людей. Из-за непонимания этого совета апостола, надеюсь, скорее, чем из-за презрения к нему, многие среди них больны, духовно больны, и многие спят, некогда бывшие вполне пробуждёнными. И хорошо, если они пробудятся ещё раз, прежде чем у них потребуют душу. Мне казалось трудным объяснить часто наблюдаемое: многие, некогда весьма живые для Бога, чьё жительство было на небесах, кто направлял любовь к горнему, а не к земному, хотя они исполняли все Божии установления, по-прежнему изобиловали добрыми делами и воздерживались от всякого известного греха и даже от вида зла, — всё же постепенно и незаметно увядали, подобно растению Ионы, когда червь подточил его

корень, так что теперь они менее живы для Бога, чем десять, двадцать или тридцать лет назад. Но это легко объяснить, если заметить: по мере увеличения имущества у них возрастала и *дружба с миром*, что действительно всегда должно происходить, если не вмешается могущественная сила Божия. Но в той же мере, в какой возрастало это, убывала жизнь Божия в их душе.

[6] 4. Удивительно ли, что она убывает, если в слове Божием действительно находятся слова: «Прелюбодеи и прелюбодейцы! Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда с Богом?» Что означают эти слова? Рассмотрим их серьёзно. И да откроет Бог очи нашего разумения, чтобы, вопреки всему туману, которым мудрость мира желает нас покрыть, мы различили благую и благоугодную волю Божию!

[7] 5. Прежде всего рассмотрим, что апостол понимает здесь под *миром*. Он имеет в виду не этот внешний строй вещей, называемый в Писании небом и землёй, но жителей земли, детей человеческих или по крайней мере большую их часть. Но какую часть? Это вполне определено и Самим нашим Господом, и Его возлюбленным учеником. Прежде всего — Самим Господом. Вот Его слова: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, мир любил бы своё; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Если Меня гнали, будут гнать и вас. И всё то сделают вам, потому что не знают Пославшего Меня» (Ин. 15:18). Вы видите, что здесь с одной стороны поставлен *«мир»*, с другой — *те, кто «не от мира»*. Те, кого Бог «избрал от мира», а именно «через освящение Духа и веру истине», прямо противопоставлены тем, кого Он так не избрал. И

ещё: те, «кто не знает Пославшего Меня», как говорит наш Господь, кто не знает Бога, — это и есть *«мир»*.

[8] 6. Столь же определённы слова возлюбленного ученика: «Не дивитесь, братия мои, если мир ненавидит вас. Мы знаем, что перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев» (1 Ин. 3:13, 14). Как если бы он сказал: «Не ожидайте, чтобы вас любил кто-либо, кроме “перешедших из смерти в жизнь”». Следовательно, те, кто не перешёл из смерти в жизнь, кто не жив для Бога, — *«мир»*. То же можно узнать из слов пятой главы, стиха 19: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во злом». Здесь *«мир»* ясно означает тех, кто не от Бога и кто потому «лежит во злом».

[9] 7. Напротив, *от Бога* те, кто любит Бога или по крайней мере «боится Его и соблюдает Его заповеди». Это низшая характеристика тех, кто «от Бога», кто собственно ещё не сыны, но слуги, кто удаляется от зла, старается делать добро и исполняет все Его установления, потому что имеет в сердце страх Божий и искреннее желание угодить Ему. Утвердите в сердце этот простой смысл выражения *«мир»*: те, кто не имеет такого страха Божия. Пусть никто не обольщает вас пустыми словами: оно означает именно это, не больше и не меньше.

[10] 8. Но, понимая этот термин в таком смысле, какую дружбу мы можем иметь с миром? Мы можем и должны любить их, как самих себя, ибо и они включены в слово *ближний*; питать к ним истинное благожелательство, желать им счастья столь же искренне, как желаем счастья собственным душам; более того, в некотором смысле мы должны почитать их, поскольку апостол велит нам «почитать всех людей», как создания Божии, да, как бессмертных духов, способных знать, любить Его и

наслаждаться Им во всю вечность. Мы должны почитать их как искупленных кровью Того, Кто «вкусил смерть за каждого человека». Мы должны питать к ним нежное сострадание, видя, как они оставляют дарованные им милости, блуждают вдали от пути жизни и спешат к вечной погибели. Мы никогда не должны намеренно огорчать их дух или причинять им какую-либо боль, но, напротив, доставлять им всякое удовольствие, какое можем доставить без греха, ибо должны «угождать всем во благо». Никогда не следует преувеличивать их недостатки, но охотно признавать всё доброе, что в них есть.

11 9. Мы можем и должны при всяком случае говорить с ними как можно добрее и любезнее. Мы не должны говорить о них дурного в их отсутствие, если это не безусловно необходимо, если это не единственное известное нам средство воспрепятствовать им причинять вред. В противном случае следует говорить о них со всем уважением, какое возможно без нарушения пределов истины. В их присутствии мы должны обращаться с ними со всей учтивостью, оказывая всё внимание, какое можем оказать, не потворствуя им во грехе. Следует делать им всё добро, которое в нашей власти, всё, что они готовы от нас принять, следуя в этом примеру всеобщего Друга, Отца нашего Небесного, Который, пока они не снизойдут до принятия больших благословений, даёт им те, которые они готовы принять, «повелевая солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылая дождь на праведных и неправедных».

12 10. «Но какую дружбу мы не вправе иметь с миром? Неужели нам вообще нельзя общаться с нечестивыми? Не следует ли совершенно избегать их общества?» Отнюдь

нет. Противоположное уже признано. Если бы мы вовсе не общались с ними, «надлежало бы нам выйти из мира». Тогда мы не смогли бы оказывать им упомянутые выше добрые услуги. Несомненно, мы можем общаться с ними, во-первых, по делам, ради различных целей этой жизни, сообразно тому положению, в которое поместил нас Божий Промысл; во-вторых, когда того требует учтивость, только следует весьма остерегаться заходить слишком далеко; в-третьих, когда есть разумная надежда сделать им добро. Но и здесь нам особенно нужны осторожность и многая молитва; иначе, стараясь выхватить другие головни из огня, мы легко можем обжечься сами.

[13] 11. Мы легко можем повредить собственным душам, незаметно вступив в тесную привязанность с кем-либо из не знающих Бога. Это та *дружба*, которая есть «вражда с Богом». Невозможно быть слишком бдительными над собой, чтобы не попасть в эту смертоносную сеть, чтобы прежде, чем мы сознаем это, не приобрести любовь, состоящую в *услаждении* ими или *наслаждении* их обществом. Только тогда мы стоим на надёжной почве, когда можем сказать с псалмопевцем: «Всё услаждение моё — в святых, которые на земле, и в превосходящих добродетелью». У нас не должно быть с ними *ненужных* бесед. Наш долг и наша мудрость — бывать с ними не чаще и не дольше, чем строго необходимо. И во всё это время нам нужно помнить пример и следовать примеру того, кто сказал: «Я словно уздой обуздывал уста мои, когда нечестивый был передо мною». Мы не должны вступать с ними ни в какие связи сверх безусловно необходимого. Когда Иосафат забыл это и вступил в союз с Ахавом, каково было следствие? Сперва он потерял имущество: «Корабли», которые они отправили, «разбились в Ецион-Гавере». А когда он не

удовольствовался этим предостережением, равно как и предостережением пророка Михея, но решил идти с ним в Рамоф Галаадский, то едва не лишился жизни.

14 12. Прежде всего мы должны трепетать при самой мысли о вступлении в брачный союз, самый тесный из всех, с человеком, который не любит или по крайней мере не боится Бога. Это самое ужасное безумие, самая прискорбная неразумность, в какие может погрузиться дитя Божие, ибо оно включает всякого рода связи с нечестивыми, которых христианин по совести обязан избегать. Поэтому неудивительно, что Бог столь прямо запрещает это, что запрет столь безусловен и решителен: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверующим». Ничто не может быть определённее. Особенно если под словом *неверующий* мы понимаем того, кто столь далёк от веры в евангельском смысле, от способности сказать: «Ныне живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня», — что не имеет даже веры слуги: он не «боится Бога и не поступает по правде».

15 13. Но по каким причинам дружба с миром так безусловно запрещена? Почему от нас столь строго требуется воздерживаться от неё? По двум общим причинам: во-первых, потому что она сама по себе грех; во-вторых, потому что её сопровождают самые страшные последствия. Во-первых, это грех сам по себе, и притом грех отнюдь не обычной тяжести. Согласно слову Божию, дружба с миром — не что иное, как духовное прелюбодеяние. Ко всем виновным в ней Святой Дух обращается со словами: «Прелюбодеи и прелюбодейцы!» Это явное нарушение нашего брачного завета с Богом, когда мы любим творение больше Творца, в прямом

противоречии с милостивой заповедью: «Сын мой, отдай Мне сердце твоё».

[16] 14. Это грех самой тяжкой природы, поскольку он подразумевает не только незнание Бога и забвение о Нём или невнимание к Нему, но и прямую «вражду против Бога». Он явно, очевидно таков. «Не знаете ли, — говорит апостол, — что дружба с миром есть вражда против Бога?» Неужели вы можете не знать этой столь ясной, столь неоспоримой истины? И как страшен вывод, который он отсюда делает! «Поэтому кто будет другом миру», — при точном переводе слова означают: *кто желает быть другом миру*, людям, не знающим Бога, достигнет ли он этого или нет, — тот *ipso facto*, самим этим фактом, становится врагом Богу. Одно это *желание*, исполненное или нет, даёт ему право на такое название.

[17] 15. И как это грех, весьма тяжкий грех, сам по себе, так его сопровождают самые страшные последствия. Он часто снова вовлекает людей в совершение тех грехов, от которых они «совершенно избавились». Обычно делает их «участниками чужих грехов», даже тех, которых они сами не совершают. Постепенно уменьшает их отвращение и страх перед грехом вообще и тем готовит их стать лёгкой добычей любого сильного искушения. Делает их открытыми всем тем грехам неисполненного долга, в которых виновны их мирские знакомые. Незаметно ослабляет их тщательность в личной молитве, семейных обязанностях, посте, посещении общего богослужения и участии в Вечере Господней. Равнодушие близких им людей ко всему этому постепенно будет влиять на них. Даже если те не скажут ни слова, что едва ли возможно предположить, рекомендуя собственную практику, всё же их пример говорит и зачастую сильнее всякого другого

языка. Этим примером они неизбежно и почти непрерывно вовлекаются в бесполезные и даже лишённые любви разговоры, пока уже не «поставляют стражи устам своим и не охраняют двери уст своих»; пока не смогут участвовать в злословии за спиной, сплетнях и дурных речах без всякого укора совести, столь часто огорчая Святого Духа Божия, что Он больше не обличает их в этом. Так что их речь теперь уже не «приправлена солью» и не «способна доставлять благодать слушающим», как прежде.

[18] 16. Но это не все смертоносные последствия близкого общения с несвятыми людьми. Оно не только мешает им правильно устраивать своё поведение, но прямо ведёт к порче сердца. Оно склонно порождать или усиливать в нас всю ту гордость и самонадеянность, всю ту обидчивую раздражительность, да и всякую неупорядоченную страсть и неверное расположение, которым потворствуют их товарищи. Оно незаметно ведёт к привычному потворству себе и нежеланию отказывать себе, к неготовности нести или брать на себя какой-либо крест, к изнеженности и прихотливости, к дурной стыдливости и страху перед человеком, приносящему бесчисленные сети. Оно влечёт их обратно к любви к миру, к безрассудным и вредным желаниям, к похоти плоти, похоти очей и гордости житейской, пока они не окажутся поглощены ими. Так что в конце концов последнее состояние этих людей становится гораздо хуже первого.

[19] 17. Если дети Божии соединятся с людьми мира, то, хотя бы последние и не старались сделать их подобными себе, чего отнюдь нельзя предполагать, хотя бы даже не намеревались и не желали этого, — всё же они действительно сделают это, намереваются ли, стараются

ли или нет. Я не знаю, как объяснить это, но несомненный факт: самый их дух заразителен. Находясь рядом с ними, вы склонны перенимать их дух, желают они того или нет. Многие врачи замечали, что не только чума, гнилостные или злокачественные горячки, но почти всякая болезнь, которой подвержены люди, в большей или меньшей степени заразительна. И, несомненно, таковы все духовные болезни, лишь с большим разнообразием: одни передают заразу не так быстро, как другие. В обоих случаях уже больной человек не желает и не намеревается заразить другого. Больной чумой не желает и не намеревается передать вам свою болезнь. Но от этого вы не в безопасности: поэтому держитесь на расстоянии, иначе непременно заразитесь. Не показывает ли опыт, что так же обстоит дело с болезнями духа? Предположим, гордый, тщеславный, гневливый, распутный не желает и не намеревается заразить *вас* собственными недугами; всё же лучше держаться от него на расстоянии. Если вы подойдёте слишком близко, вы не в безопасности. Вы поймёте, и хорошо, если не слишком поздно, что заразительно само их дыхание. Недавно было открыто, что вокруг каждого человеческого тела существует атмосфера, естественным образом действующая на каждого, кто вступает в её пределы. Нет ли чего-либо подобного в отношении человеческого духа? Если долго оставаться, так сказать, в их атмосфере, едва ли удастся избежать заражения. Зараза передаётся от души к душе, как и от тела к телу, даже если больные того не намереваются и не желают. Но можно ли разумно предполагать это? Разве не общеизвестная истина, что люди мира, за крайне немногими исключениями, горячо желают сделать товарищей подобными себе и употребляют все средства, всё своё искусство и усердие,

чтобы исполнить это желание? Поэтому бегите, спасая жизнь! Не играйте с огнём, но ускользните прежде, чем пламя охватит вас.

[20] 18. Но сколько оправданий дружбы с миром! И как сильны искушения к ней! Рассмотрим те из них, которые наиболее опасны и вместе с тем наиболее распространены.

[21] Начнём с одного, самого опасного из всех и при этом отнюдь не редкого. «Я признаю, — говорит некто, — что особа, на которой я намерен жениться, нерелигиозна. Она и не притязает на это. Она мало об этом думает. Но она прекрасное создание. Она чрезвычайно приятна и, думаю, будет мне прелестной спутницей».

[22] Вот поистине сеть! Быть может, одна из величайших, каким подвержена человеческая природа. Это искушение таково, что никакая человеческая сила не способна его преодолеть. Только могущественная сила Божия может открыть вам выход из него. И она способна совершить полное избавление: Его благодати достаточно для вас. Но лишь если вы будете соработником Ему, если отвергнете себя и возьмёте свой крест. И что вы делаете, должны сделать сразу! Постепенно здесь ничего не сделать. Что бы вы ни делали в этом важном случае, это должно быть сделано одним ударом. Если это вообще будет сделано, вы должны сразу отсечь правую руку и бросить её от себя! Здесь нет времени советоваться с плотью и кровью! Немедленно — победи или погибни!

[23] 19. Обратим положение. Предположим, за женщиной, любящей Бога, ухаживает приятный мужчина: благовоспитанный, живой, занимательный, подходящий ей во всех других отношениях, хотя и нерелигиозный. Что

ей делать в таком случае? Что ей *следует* делать, если она верит Библии, достаточно ясно. Но что она *может* сделать? Не есть ли это

> [24] Слишком суровое испытание для человеческой немощи?

[25] Кто способен устоять в таком испытании? Кто может противиться такому искушению? Только та, кто крепко держит щит веры и усердно взывает к Сильному о силе. Только та, кто предаётся бодрствованию и молитве и пребывает в них со всяким постоянством. Если она так поступает, то станет счастливой свидетельницей среди неверующего мира: как «всё возможно Богу», так «всё возможно верующей».

[26] 20. Но мужчина или женщина могут спросить: «А если человек, ищущий знакомства со мной, обладает сильным природным разумом, развитым разнообразной учёностью? Разве я не могу приобрести много полезных знаний благодаря близкому общению с ним? Разве не могу многому научиться у него и значительно усовершенствовать собственный разум?» Несомненно, вы можете усовершенствовать свой разум и приобрести много знаний. Но всё же, если у него нет по крайней мере страха Божия, ваша потеря будет гораздо больше приобретения. Ибо вам едва ли удастся избежать того, чтобы убывать в святости настолько же, насколько возрастаете в знании. А если вы утратите одну степень внутренней или внешней святости, всё приобретённое знание не будет ей равноценной заменой.

[27] 21. «Но его тонкий и сильный разум, усовершенствованный воспитанием, — не главное его достоинство. У него есть более ценные качества: он

необыкновенно добродушен, исполнен сострадания и человеколюбия и весьма великодушен по нраву». Именно по этим причинам, если он не боится Бога, он бесконечно опаснее. Если будете близко общаться с человеком такого характера, то непременно впитаете его дух. Почти невозможно будет не остановиться именно там, где останавливается он. Во всей жизни я не находил ничего труднее, чем общаться с людьми этого рода — *добрыми людьми*, как их обычно называют, — не терпя от них вреда. О, берегитесь их! Общайтесь с ними ровно настолько, насколько требуют дела, и не больше. Иначе, хотя вы и не почувствуете никакого непосредственного вреда, медленно и незаметно они снова привяжут вас к земному и погасят жизнь Божию в вашей душе.

[28] 22. Быть может, люди, желающие познакомиться с вами, хотя и не имеют опыта религии, хорошо её понимают, так что вы часто извлекаете пользу из беседы с ними. Если это действительно так, а мне известны немногие подобные примеры, по-видимому, вы можете общаться с ними, но лишь весьма умеренно и весьма осторожно; иначе потеряете больше духовной жизни, чем стоит всё приобретённое знание.

[29] 23. «Но эти люди полезны мне в ведении моих житейских дел. Более того, во многих случаях необходимы, так что без них я едва ли смог бы вести дела». Такие случаи встречаются часто. И это, несомненно, достаточное основание иметь некоторое, быть может, частое общение с людьми, не боящимися Бога. Но даже это отнюдь не причина завязывать с ними тесное знакомство. И здесь вам нужно быть крайне осторожными, «чтобы даже через необходимое общение с

ними, по мере возрастания вашего состояния в мире, благодать Божия не убывала в вашей душе».

[30] 24. Можно привести ещё одну правдоподобную причину некоторой близости с несвятым человеком. Вы можете сказать: «Я был ему полезен, помог ему, когда он был в беде. И он помнит это с благодарностью. Он уважает и любит *меня*, хотя не любит Бога. Не должен ли тогда я любить *его*? Не должен ли отвечать любовью на любовь? Разве не так поступают даже язычники и мытари?» Я отвечаю: вы, несомненно, должны отвечать любовью на любовь, но отсюда не следует, что вам следует иметь с ним близость. Это было бы опасно для вашей души. Пусть ваша любовь изливается в постоянной и горячей молитве; боритесь с Богом за него. Но пусть любовь к нему не увлекает вас так далеко, чтобы ослабить, если не погубить, собственную душу.

[31] 25. «Но разве мне не следует быть близким с родственниками, боятся они Бога или нет? Разве Его Промысл не вверил мне заботу о них?» Несомненно, вверил. Но бывают родственники более близкие и более дальние. Ближе всего — мужья и жёны. Поскольку они приняли друг друга и в добром, и в худом, им следует как можно лучше обходиться друг с другом, ибо, раз Бог соединил их, никто не может разлучить их, кроме случая прелюбодеяния или непосредственной опасности для жизни одного из супругов. Родители почти столь же тесно связаны с детьми. Вы не можете расстаться с ними, пока они малы: ваш долг со всякой заботой «наставлять их на путь, которым им следует идти». Как часто общаться с ними, когда они вырастут, должно определять христианское благоразумие. Оно же определит, как долго детям подобает оставаться с родителями, если выбор

зависит от них самих. Вообще, если родители не боятся Бога, следует оставить их, как только это станет возможно. Но где бы вы ни находились, заботьтесь, если это в ваших силах, чтобы они не нуждались в необходимом и в удобствах жизни. Что касается всех прочих родственников, даже братьев или сестёр, если они от мира, вы не обязаны быть с ними близки: можете оставаться учтивыми и дружелюбными на расстоянии.

[32] 26. Но если признать, что «дружба с миром есть вражда против Бога» и, следовательно, избегать всякой близости с мирскими людьми — самый превосходный путь, в сущности, единственный путь к небесам, то у кого есть решимость идти по нему? Даже у кого из любящих или боящихся Бога? Ведь нынешний вопрос касается только их. Я знал немногих, кто и в этом отношении был светочем в объятой ночью стране, кто не вступал и не желал вступать или оставаться в знакомстве с людьми самого утончённого и развитого ума и самого привлекательного нрава лишь потому, что те были от мира, не были живы для Бога; даже если они могли усовершенствовать их знания или помочь в делах, даже если восхищались ими и уважали за самую ту религию, которой сами не испытывали, — случай, который едва ли покажется возможным, но которому ныне есть множество примеров. Даже от близкого общения с такими людьми они твёрдо и решительно воздерживаются ради совести.

[33] 27. Иди и ты поступай так же, кто бы ты ни был, дитя Божие по вере! Чего бы это ни стоило, беги духовного прелюбодеяния. Не имей дружбы с миром. Как бы ни искушали тебя выгода или удовольствие, не вступай в близость с людьми, мыслящими по-мирски. И если уже вступил в неё, разорви её без промедления. Да, если

нечестивый друг дорог тебе как правый глаз или полезен как правая рука, всё же не советуйся с плотью и кровью, но вырви правый глаз, отсеки правую руку и брось их от себя! Это не безразличное дело. На карту поставлена твоя жизнь — вечная жизнь или вечная смерть. И разве не лучше войти в жизнь с одним глазом или одной рукой, чем с двумя быть ввергнутым в огонь геенны? Когда ты не знал лучшего, Бог оставлял без внимания времена неведения. Но теперь твои глаза открыты, теперь пришёл свет — ходи во свете! Не касайся смолы, чтобы не запачкаться. Во всяком случае «храни себя чистым»!

[34] 28. Но что бы ни делали другие, будут ли слушать или откажутся, услышьте это, все называемые методистами! Как бы ни уговаривали вас и ни искушали к тому, не имейте дружбы с миром. Посмотрите вокруг и увидьте печальные последствия, которые она произвела среди ваших братьев! Как много сильных пало! Как много пало именно через это! Они не желали принимать предостережений: они *непременно хотели* общаться, и притом близко, с людьми, мыслящими о земном, пока не «обратили шаги свои снова к земле»! О, «выйдите из среды их», из среды всех несвятых людей, какими бы безвредными они ни казались, «и отделитесь», по крайней мере настолько, чтобы не иметь с ними близости. Как ваше «общение — с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом», так пусть оно будет с теми и только с теми, кто по крайней мере искренне ищет Господа Иисуса Христа. Тогда «будете», в особенном смысле, «Моими сынами и дочерями, говорит Господь Вседержитель».

В каком смысле нам следует оставить мир

[1] «Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому; и Я приму вас, и буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерями, говорит Господь Вседержитель».

[2] 2 Кор. 6:17, 18.

[3] 1. Как чрезвычайно немногие в религиозном мире должным образом обдумали эти торжественные слова! Мы читали их снова и снова, но никогда не принимали к сердцу и не замечали, что они содержат заповедь столь же ясную и определённую, как любая во всей Библии. И следует опасаться, что ещё меньше тех, кто понимает подлинный смысл этого наставления. Бесчисленные люди в Англии истолковали его как повеление выйти из государственной Церкви. В том же смысле понимали его тысячи в соседних королевствах. На этом предположении основано множество произнесённых проповедей и написанных книг. И действительно, многие благочестивые люди главным образом на этом месте основывали своё отделение от Церкви. «Сам Бог, — говорят они, — повелевает нам: “Выйдите из среды их и отделитесь”. И лишь при этом условии Он *примет* нас, и мы будем “сынами и дочерями Господа Вседержителя”».

[4] 2. Но это толкование совершенно чуждо намерению апостола, который говорит здесь не о той или иной церкви, а о совсем другом предмете. И ни сам апостол, ни кто-либо из его братьев не делал из этих слов такого

вывода. Если бы они сделали это, то прямо противоречили бы и примеру, и повелению своего Учителя. Ибо, хотя иудейская церковь тогда была столь же *нечиста*, столь же несвята и внутренне, и внешне, как любая христианская Церковь ныне на земле, наш Господь всё же постоянно посещал её богослужение. И Он велел последователям в этом, как и во всяком другом отношении, идти по Его стопам. Это ясно подразумевается в замечательном месте: «На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте, по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают» (Мф. 23:2, 3). Даже если *сами они говорят и не делают*, если их жизнь противоречит их учению, если они нечестивы, наш Господь здесь не только позволяет, но требует, чтобы ученики слушали их. Ибо Он требует «соблюдать и делать то, что они говорят». Но это было бы невозможно, если бы ученики не слушали их. Поэтому апостолы, пока находились в Иерусалиме, постоянно посещали общее богослужение. Следовательно, несомненно, что эти слова не относятся к отделению от государственной Церкви.

[5] 3. Не относятся они и к наставлению, которое апостол даёт в Первом послании к Коринфянам. Весь отрывок гласит: «Я писал вам в послании — не сообщаться с блудниками; впрочем, не вообще с блудниками мира сего, или лихоимцами, или хищниками, или идолослужителями, ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира. Но я писал вам не сообщаться с тем, кто, называясь братом, остаётся блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницей, или хищником; с таким даже и не есть вместе» (1 Кор. 5:9–11). Это всецело относится к членам одного христианского общества. Апостол прямо говорит, что не

даёт этого наставления — не общаться с такими-то людьми — в отношении язычников или людей вообще, и добавляет простую причину: «Ибо иначе надлежало бы вам выйти из мира», вы не могли бы вести в нём никаких дел. «Но если кто, называясь братом», — соединённый с вами в одном религиозном обществе, — «остаётся блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницей, или хищником, с таким даже и не есть вместе». Как важно это предостережение! Но как мало его соблюдают даже те, кто в других отношениях является добросовестным христианином! Впрочем, некоторые его части нелегко соблюдать по простой причине: их нелегко понять. Я имею в виду, что нелегко понять, к кому относятся эти определения. Например, очень трудно узнать, кроме некоторых вопиющих случаев, к кому приложимо определение *хищника* или *лихоимца*. Едва ли можно узнать того или другого, не показавшись по крайней мере «вмешивающимся в чужие дела». И всё же запрет общения с ними столь же строг, как с блудниками или прелюбодеями. Мы можем лишь поступать в простоте сердца, согласно наилучшему доступному нам свету, не выдавая себя за непогрешимых судей и всегда оставаясь готовыми получить более верное знание.

[6] 4. Но хотя это наставление относится только к нашим братьям-христианам, по крайней мере по внешнему исповеданию, наставление в нашем тексте гораздо шире: оно, несомненно, относится ко всему человечеству. Оно ясно требует держаться, насколько возможно, вдали от всех нечестивых людей. В сущности, слово, которое мы переводим как *нечистое*, — tou akathartou, — по-видимому, правильнее было бы передать как *нечистый человек*; вероятно, здесь имеется в виду обрядовый закон,

запрещавший *касаться* того, кто был нечист по закону. Но даже здесь, если бы мы понимали выражение буквально, принимали слова в самом строгом смысле, получилось бы то же нелепое следствие: нам пришлось бы, как говорит апостол, «выйти из мира»; мы не могли бы оставаться в тех занятиях, которые назначил нам Божий Промысл. Если бы мы вовсе не общались с людьми такого характера, было бы невозможно вести наши житейские дела. Так что всякому добросовестному христианину оставалось бы только бежать в пустыню. Недостаточно было бы стать затворниками, запереться в мужских или женских монастырях: ведь даже тогда нам пришлось бы иметь некоторое общение с нечестивыми людьми, чтобы приобретать необходимое для жизни.

[7] 5. Поэтому эти слова необходимо понимать со значительным ограничением. Они не запрещают общения с каким-либо человеком, добрым или злым, по мирским делам. Возникнет тысяча случаев, когда придётся общаться с ними, чтобы совершить дела, которые без них совершить невозможно. И некоторые из них могут потребовать частого общения с пьяницами или блудниками; более того, иногда необходимо будет проводить в их обществе немалое время, иначе мы не смогли бы исполнить обязанности своего призвания. Поэтому такое общение с людьми, святыми или несвятыми, нисколько не противоречит совету апостола.

[8] 6. Что же апостол запрещает? Во-первых, общаться с нечестивыми людьми, когда нет необходимости, призвания Промысла или дела, которое этого требует; во-вторых, общаться с ними чаще, чем обязательно требуют дела; в-третьих, проводить в их обществе больше времени, чем необходимо для окончания дела; и прежде

всего, в-четвёртых, избирать нечестивых людей, как бы ни были они умны или приятны, своими постоянными товарищами или близкими друзьями. Если какой-либо случай такого рода менее оправдан, чем другие, то это случай, который апостол прямо запрещает в другом месте: «преклоняться под чужое ярмо с неверующим» в браке, с человеком, не имеющим любви Божией в сердце или по крайней мере страха Божия перед глазами. Я не знаю ничего, что могло бы это оправдать: ни разум, остроумие или красота человека, ни житейская выгода, ни страх нужды, ни даже приказ родителя. Ибо если родитель повелевает что-либо противное слову Божию, ребёнку следует повиноваться Богу более, чем человеку.

[9] 7. Основание этого запрета подробно изложено в предшествующих стихах: «Какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое согласие между Христом и Велиаром? Или какое соучастие верного с неверным?» Слово это берётся в широком смысле — о том, кто не имеет ни любви, ни страха Божия. «Вы — храм Бога живого, как сказал Бог: вселюсь в них и буду ходить в них; и буду их Богом, и они будут Моим народом». Отсюда следует: «И потому выйдите из среды их», неправедных, детей тьмы, сынов Велиара, неверующих, «и отделитесь, и не прикасайтесь к нечистому», предмету или человеку, «и Я приму вас».

[10] 8. Вот сущность этого запрета: не иметь с несвятыми людьми большего общения, чем безусловно необходимо. Между праведным и неправедным не может быть полезного *сообщества*, как не может быть *общности* между светом и тьмой, понимаете ли вы тьму естественную или духовную. Как у Христа не может быть *согласия* с *Велиаром*, так у верующего в Него не может

быть согласия с неверующим. Нелепо воображать, будто между двумя людьми может быть истинное единство или согласие, пока один остаётся во тьме, а другой ходит во свете. Они — подданные не только двух отдельных, но двух противоположных царств. Они действуют по совершенно различным началам, стремятся к совершенно различным целям. Необходимо следует, что часто, если не всегда, они будут идти разными путями. Как могут они идти вместе, пока не согласились, пока оба не станут служить либо Христу, либо Велиару?

[11] 9. И каковы последствия непослушания этому наставлению, того, что мы не выходим из среды несвятых людей, не отделяемся от них, но завязываем или продолжаем близкое общение с ними? Вероятно, сразу не будет никаких явных, видимых дурных последствий. Едва ли следует ожидать, что это немедленно приведёт нас к какому-либо внешнему греху. Быть может, не сразу вызовет пренебрежение какой-либо внешней обязанностью. Сперва оно подточит основания нашей религии: мало-помалу угасит ревность о Боге, незаметно охладит тот пыл духа, который сопровождал нашу первую любовь. Если даже они открыто не противятся ничему из сказанного или сделанного нами, самый их дух незаметно будет действовать на наш дух и переливать в него ту же теплохладность и равнодушие к Богу и Божьим делам. Оно ослабит все движущие силы души, уничтожит бодрость духа и заставит нас всё больше замедлять бег на предлежащем поприще.

[12] 10. В той же мере всякое ненужное общение с несвятыми людьми будет ослаблять данное Богом удостоверение и уверенность в невидимом: помрачать очи души, которыми мы видим Невидимого, и ослаблять наше

упование на Него. Оно постепенно ослабит наше «вкушение сил будущего века» и омертвит надежду, которая прежде позволяла нам «восседать на небесах со Христом Иисусом». Незаметно охладит то пламя любви, которое прежде давало нам говорить: «Кто мне на небе, кроме Тебя? И на земле ничего не желаю, кроме Тебя!» Так оно поражает корень всякой живой религии, нашего общения с Отцом и с Сыном.

[13] 11. В той же мере и тем же тайным, незаметным образом оно приготовит нас «обратить шаги свои снова к земле». Оно тихо приведёт нас к возвращению в любовь к миру, от которой мы совершенно избавились, к постепенному впадению в *похоть плоти* — искание счастья в удовольствиях чувств; в *похоть очей* — искание счастья в удовольствиях воображения; *и в гордость житейскую* — искание его в пышности, богатстве или людской похвале. И всё это может совершиться при содействии духа, который «обольстил Еву своим лукавством», прежде чем мы почувствуем его нападение или сознаем какую-либо потерю.

[14] 12. И не только любовь к миру во всех её видах неизбежно подкрадывается к нам, когда мы общаемся с людьми мирского духа сверх того, что требует долг, но и всякая другая злая страсть и расположение, на какие способна человеческая душа, в особенности гордость, тщеславие, осуждение, злые подозрения, склонность к мести; тогда как, с другой стороны, легкомыслие, бездумное веселье и рассеянность незаметно овладевают нами и непрерывно возрастают. Мы знаем, как изобилует всем этим жизнь людей, не знающих Бога. И не может быть, чтобы всё это не проникло в тех, кто часто и свободно с ними общается. Глубже всего оно проникает в

тех, кто не подозревает никакой опасности; и более всего — если они питают особую привязанность, если любят больше, чем требует долг, тех не любящих Бога людей, с которыми близко общаются.

[15] 13. До сих пор я предполагал, что люди, с которыми вы общаетесь, относятся к тем, кого мы обыкновенно называем *добрыми людьми*, кого модным словечком нашего времени именуют людьми *достойного* характера, — одно из самых глупых, ничего не значащих слов, когда-либо входивших в моду. Я предполагал, что они свободны от проклятий, божбы, кощунства, от нарушения дня покоя и пьянства, от непристойности в словах или поступках, от нечестности, лжи и клеветы, словом — совершенно свободны от явного порока всякого рода. Иначе всякий, имеющий хотя бы страх Божий, непременно должен держаться от них вдали. Но боюсь, я сделал предположение, которое едва ли допустимо. Боюсь, некоторые люди, с которыми вы общаетесь больше, чем необходимо требуют дела, не заслуживают даже названия *добрых людей* и не *достойны* ничего, кроме стыда и презрения. Разве некоторые из них не живут в явном грехе: в проклятиях и божбе, пьянстве или нечистоте? Вы не можете долго этого не знать, ибо они мало стараются скрывать это. А разве не несомненно, что всякий порок заразителен? Кто может коснуться смолы и не запачкаться? Поэтому от таких вам, несомненно, следует бежать, как от лица змеи. Иначе как скоро «худые сообщества развратят добрые нравы»!

[16] 14. Я также предполагал, что те несвятые люди, с которыми вы часто общаетесь, не желают сообщить свой дух *вам* или побудить *вас* последовать их примеру. Но и это предположение едва ли допустимо. Во многих случаях

участие в их грехах может послужить их выгоде. Но, даже оставляя выгоду в стороне, разве каждый человек не желает естественным образом и не старается в большей или меньшей мере привлечь знакомых к своему мнению или своей партии? Так что, как все добрые люди желают и стараются сделать других добрыми, подобными себе, так и все злые люди желают и стараются сделать товарищей такими же злыми, как они сами.

[17] 15. Но если они этого не делают, если допустить почти невозможное предположение, что они не желают и не предпринимают никаких усилий, чтобы склонить вас к собственному расположению и образу действий, общаться с ними всё же опасно. Я говорю не только о явно порочных, но обо всех, кто не любит Бога или по крайней мере не боится Его и искренне не «ищет Царства Божия и правды Его». Допустим, такие товарищи не стараются сделать вас подобными себе; доказывает ли это, что с их стороны вам не грозит опасность? Посмотрите на этого несчастного больного чумой! Он не желает и не прилагает ни малейшего усилия, чтобы передать вам свою болезнь. Но берегитесь! Не касайтесь его! Даже не подходите близко, иначе не знаете, как скоро сами можете оказаться в таком же состоянии. Проведём сравнение: хотя бы мы предположили, что мирской человек не желает, не намеревается и не старается передать вам свой недуг, всё же не касайтесь его! Не приближайтесь слишком: вашу душу способны заразить не только его рассуждения или уговоры, заразительно само его дыхание, особенно для тех, кто не подозревает никакой опасности.

[18] 16. Если свободное общение с людьми мирского склада не окажет на вас никакого другого дурного действия, оно

непременно незаметно уменьшит вашу устремлённость к небесному. Оно придаст уму наклонность, которая будет непрерывно влечь душу к земле. Без вашего ведома оно склонит вас, вместо полного преображения обновлением ума, снова сообразоваться с этим миром — с его духом, его правилами и его суетным образом жизни. Вы вновь впадёте в то легкомыслие и рассеяние духа, от которых прежде совершенно избавились, в ту избыточность нарядов и в те глупые, пустые, бесполезные разговоры, которые были вам отвратительны, когда ваша душа была жива для Бога. И вы будете с каждым днём удаляться от простоты и речи, и поведения, которой некогда украшали учение Бога, нашего Спасителя.

19 17. И если вы зайдёте так далеко в сообразовании с миром, едва ли можно ожидать, что остановитесь здесь. Вскоре вы пойдёте дальше: однажды потеряв опору и начав скользить вниз, вы, тысяча против одного, не остановитесь, пока не окажетесь у подножия холма, пока сами не впадёте в некоторые из тех внешних грехов, которые товарищи совершают перед вашими глазами или при вас вслух. От этого страх и ужас, поразившие вас вначале, постепенно ослабеют, пока наконец вас не склонят последовать их примеру. Но допустим, они не приведут вас к внешнему греху: если заразят ваш дух гордостью, гневом или любовью к миру, этого достаточно. Без глубокого покаяния этого достаточно, чтобы погрузить душу в вечную погибель, ибо, даже независимо от всякого внешнего греха, «помышления плотские суть смерть».

20 18. Но как ни опасно близко общаться с людьми, не знающими Бога, для мужчин ещё опаснее общаться с женщинами такого характера: они обычно более

вкрадчивы, чем мужчины, и обладают гораздо большей силой убеждения, особенно если приятны внешностью или привлекательны в разговоре. Нужно быть больше чем человеком, чтобы общаться с такими и не понести никакой потери. Если вы и не почувствуете никакого безрассудного или нечистого желания, а кто может обещать, что не почувствуете, — всё же почти невозможно не ощутить в большей или меньшей мере неуместной изнеженности, которая ослабит желание и способность сохранять привычку отвергать себя и ежедневно брать свой крест, отличающую доброго воина Иисуса Христа. И мы знаем, что не только блудники и прелюбодеи, но даже «мягкие и изнеженные», избалованные последователи самоотверженного Учителя, «не будут иметь части в Царстве Христа и Бога».

[21] 19. Таковы последствия, которые неизбежно, хотя, быть может, медленно, последуют за смешением детей Божиих с людьми мира. И именно этим путём, более чем каким-либо другим, более чем всеми другими вместе, люди, называемые методистами, могут потерять силу и стать как прочие люди. Правда, с добрым намерением и из истинного желания содействовать славе Божией многие из них допускают близкие беседы с людьми, не знающими Бога. Вы надеетесь пробудить их от сна и убедить искать того, что служит их миру. Но если после достаточного времени испытания вы не можете произвести на них никакого впечатления, мудро будет предать их Богу; иначе скорее получите от них вред, чем сделаете им какое-либо добро. Ибо если вы не поднимете их сердца к небесам, они увлекут ваши к земле. Поэтому отступите вовремя, «и выйдите из среды их, и отделитесь».

[22] 20. Но как это сделать? Каков самый лёгкий и действенный способ отделиться от несвятых людей? Быть может, несколько советов прояснят это для желающих знать и исполнять волю Божию.

[23] Во-первых, не приглашайте в свой дом ни одного несвятого человека, кроме какого-либо совершенно особого случая. Вы можете сказать: «Но учтивость требует этого, а религия, несомненно, не враг учтивости. Более того, сам апостол велит нам быть *любезными*, равно как и *сострадательными*». Я отвечаю: можно быть учтивым, вполне учтивым, и всё же держать их на должном расстоянии. Можно быть любезным в тысяче случаев и всё же оставаться в стороне от них. И апостол никогда не намеревался рекомендовать такую учтивость, которая неизбежно окажется сетью для души.

[24] 21. Во-вторых, ни в коем случае не принимайте приглашения от несвятого человека. Никогда не позволяйте уговорить себя нанести визит, если не желаете ответного. Возможно, человек, стремящийся к знакомству с вами, повторит свой визит дважды или трижды. Но если вы неизменно воздержитесь от ответного посещения, посетитель скоро устанет. Весьма вероятно, он будет недоволен и, быть может, проявит обиду. Рассчитывайте на это заранее, чтобы при подобном случае не удивляться и не падать духом. Лучше угодить Богу и не угодить человеку, чем угодить человеку и не угодить Богу.

[25] 22. В-третьих, вероятно, вы были знакомы с людьми мира прежде, чем сами познали Бога. Как лучше поступить с ними? Как легче всего прекратить знакомство? Сперва уделите достаточно времени испытанию: не сможете ли вы доводами и убеждением,

применяемыми в подходящие для мягкого обращения минуты, побудить их избрать лучшую часть. Не жалейте трудов! Употребите всю свою веру и любовь и боритесь с Богом за них. Если после всего вы не можете заметить, что на них произведено какое-либо впечатление, ваш долг — кротко удалиться от них, чтобы не запутаться вместе с ними. Это можно сделать в короткое время, легко и тихо, не отвечая на их визиты. Но следует ожидать, что они станут упрекать вас в высокомерии и недоброте — если не в лицо, то за спиной. И это вы можете претерпеть ради доброй совести. Собственно, это и есть поношение Христово.

[26] 23. Когда Богу угодно было дать *мне* твёрдую решимость стать христианином не *по имени*, но *на деле*, — мне тогда было около двадцати двух лет, — мои знакомые столь же мало знали Бога, как я. Но было различие: я знал о собственном невежестве, а они о своём не знали. Я слабо пытался помочь им, но тщетно. Между тем горький опыт показал мне, что даже их так называемые *безвредные* разговоры охлаждали все мои добрые намерения. Но как освободиться от них — вот вопрос, который я снова и снова пытался разрешить в уме. Я не видел никакого возможного пути, разве только Богу было бы угодно перевести меня в другой колледж. Он сделал это совершенно вопреки всякой человеческой вероятности. Меня избрали членом колледжа, где я не знал ни одного человека. Я предвидел, что множество людей придёт повидаться со мной — по дружбе, из учтивости или любопытства — и что мне будут предлагать знакомства, новые и старые; но теперь мой план был определён. Вступая словно в новый мир, я решил иметь знакомства не случайные, а избранные, и избирать лишь тех, о ком имел основания думать, что они помогут мне на

пути к небесам. Поэтому я внимательно наблюдал за нравом и поведением всех посещавших меня. В большинстве из них я не видел оснований предполагать истинную любовь к Богу или страх перед Ним. Поэтому таких знакомств я не избирал: я не мог ожидать от них пользы. Когда кто-либо из них приходил ко мне, я обращался с ним как можно учтивее. Но на вопрос: «Когда вы придёте повидать меня?» — не отвечал. Посетив меня несколько раз и обнаружив, что я по-прежнему уклоняюсь от ответного визита, они больше не появлялись. И я благословляю Бога: вот уже около шестидесяти лет это моё неизменное правило. Я знал, что последует множество порицаний, но это меня не колебало, ибо прекрасно знал: моё призвание — проходить «при худой молве и доброй».

[27] 24. Усиленно советую всем вам, кто решает быть *не почти, но вполне христианами*, принять тот же план, как бы он ни противоречил плоти и крови. Внимательно наблюдайте, кто из встречающихся вам единомыслен с вами; о ком из них у вас есть основания думать, что он боится Бога и поступает по правде. Сочтите их достойными знакомства; радостно и свободно общайтесь с ними при всякой возможности. Что касается всех не соответствующих этому описанию, кротко и тихо прекращайте знакомство с ними. Какими бы добродушными и разумными они ни были, они не окажут вам истинной услуги. Даже если бы они не привели вас к внешнему греху, всё же были бы постоянной обузой душе и мешали бы бодро и радостно бежать по предлежащему поприщу. А если кто-либо из друзей, некогда хорошо подвизавшихся, «отвращается от преданной ему святой заповеди», сначала употребите всякий способ, который подсказывает благоразумие, чтобы возвратить его на

добрый путь. Но если не можете добиться этого, отпустите его, лишь продолжая поручать Богу в молитве. Прекратите всякое близкое общение с ним и спасайте собственную душу.

[28] 25. В-четвёртых, советую вам осторожно поступать в отношении родственников. С родителями, религиозны они или нет, вы, несомненно, должны общаться, если они того желают, равно как и с братьями и сёстрами, особенно если им нужна ваша помощь. Не знаю, лежит ли на вас такая же обязанность в отношении более дальних родственников. Правда, учтивость и естественная любовь могут требовать иногда навещать их. Но если они не знают и не ищут Бога, это, несомненно, следует делать как можно реже. И, находясь у них, не оставайтесь ни на день дольше, чем требуют приличия. Кроме того, с кем бы из них вы ни были в какое-либо время, помните торжественное предостережение апостола: «Никакое гнилое слово», разговор, «да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания, чтобы оно доставляло благодать слушающим». У вас нет права отступать от этого правила; иначе вы «огорчаете Святого Духа Божия». А если будете строго его держаться, люди без религии скоро обойдутся без вашего общества.

[29] 26. Вот каким образом боящимся или любящим Бога следует «выйти из среды» всех не боящихся Его. Вот в каком простом библейском смысле следует «отделиться» от них — от всякого ненужного общения с ними. Да, «не прикасайтесь, — говорит Господь, — к нечистому», предмету или человеку, сверх того, чего требует необходимость; «и Я приму вас» в семью и дом Божий. «И буду вам Отцом», обниму вас отеческой любовью, «и вы будете Моими сынами и дочерями, говорит Господь

Вседержитель». Обетование прямо относится ко всем отказывающимся от общества нечестивых людей, при условии, что их дух и поведение и в других отношениях соответствуют долгу. Здесь Бог безусловно обязуется дать им все благословения, приготовленные для Своих возлюбленных детей и во времени, и в вечности. Поэтому пусть все, кому дороги благоволение и благословение Божии, во-первых, остерегаются завязывать какое-либо знакомство или вступать в какую-либо связь с нечестивыми людьми сверх того, чего требуют необходимые дела или иное призвание Промысла; и, во-вторых, со всей возможной быстротой, допускаемой природой дела, прекращают все уже завязанные такие знакомства и все уже образовавшиеся связи. Пусть никакое удовольствие от такого знакомства, никакая полученная или ожидаемая выгода от таких связей не имеют веса на весах против ясной, прямой заповеди Божией. В таком случае «вырви правый глаз», оторви от себя самое приятное знакомство, «и брось от себя»: откажись от всякой мысли, всякого намерения искать его снова. «Отсеки правую руку», совершенно откажись от самой выгодной связи, «и брось от себя». «Лучше тебе войти в жизнь с одним глазом» или одной рукой, «нежели с двумя быть ввергнутым в огонь геенны».

Об искушении

[1] «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; и верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и выход, чтобы вы могли перенести».

[2] 1 Кор. 10:13.

[3] 1. В предшествующей части главы апостол перечисляет, с одной стороны, несравненные милости Божии к израильтянам, а с другой — несравненную неблагодарность этого непокорного и противоречащего народа. И всё это, как замечает апостол, «написано нам в наставление», чтобы мы извлекли из этих примеров предостережение, избежали их тяжких грехов и не подверглись их страшному наказанию. Затем он прибавляет это торжественное и важное предостережение: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть».

[4] 2. Но если внимательно рассмотреть эти слова, не обнаружится ли в них немалая трудность? «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть». Если человек только *думает, что стоит,* ему не грозит падение. Невозможно упасть тому, кто лишь *думает, что стоит.* Та же трудность возникает, согласно нашему переводу, в известных словах Господа нашего, о важности которых легко судить по тому, что в Евангелии они повторяются не менее восьми раз: «Кто имеет, тому дано будет; а у того, кто не имеет, отнимется и то, что он, по-видимому, имеет». То, что он *«по-видимому, имеет»!* Нет, если он только *по-видимому имеет это,* отнять это невозможно.

Никто не может отнять у другого то, что тот лишь *по-видимому имеет.* То, чем человек только кажется обладающим, он никак не может потерять. Поначалу эта трудность может показаться непреодолимой. Так оно и есть: её нельзя преодолеть, если принять общепринятый перевод. Но стоит обратить внимание на подлинный смысл слова в оригинале — и трудность исчезает. Можно допустить, что слово dokei — по крайней мере иногда, у некоторых авторов — означает лишь *«казаться».* Но я весьма сомневаюсь, чтобы хоть где-нибудь в богодухновенных писаниях оно имело этот смысл. Внимательно рассмотрев каждое место Нового Завета, где встречается это слово, я вполне убедился, что оно нигде не ослабляет, а повсюду усиливает смысл того слова, к которому присоединено. Соответственно, ho dokei echein означает не *«то, что он, по-видимому, имеет»,* а, напротив, *«то, что он несомненно имеет».* Так и ho dokon estanai означает не *«тот, кто, по-видимому, стоит»,* и не тот, кто *«думает, что стоит»,* но *«тот, кто несомненно стоит»;* кто стоит так твёрдо, что, по-видимому, ему вовсе не грозит падение; кто говорит, подобно Давиду: «Не поколеблюсь вовек: Ты, Господи, укрепил гору мою». Однако именно тогда Господь говорит ему: «Не превозносись, но бойся. Иначе и ты будешь отсечён; иначе и ты утратишь свою твёрдость». Сила, которой ты несомненно обладаешь, будет отнята. Как бы твёрдо ты ни стоял в действительности, ты падёшь в грех, если не в ад. [70]

[5] 3. Но чтобы никто не пал духом, вспоминая тех, кто некогда хорошо бежал, а впоследствии был побеждён искушением; чтобы робкие сердцем не впали в полное уныние, считая для себя невозможным устоять, — апостол вслед за этим серьёзным увещанием прибавляет

утешительные слова: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое; но верен Бог, Который не попустит вам быть искушаемыми сверх сил, но при искушении даст и выход, чтобы вы могли перенести».

[6] I. 1. Начнём с замечания, предваряющего это утешительное обетование: «Вас постигло искушение не иное, как человеческое». Наши переводчики, по-видимому, сознавали, что выражение *«свойственное человеку»* совершенно не передаёт силы слова в оригинале. Поэтому на полях они предлагают другое: *«умеренное».* Но оно, кажется, ещё менее выразительно и ещё дальше от истинного смысла. В самом деле, в английском языке нелегко найти слово, соответствующее слову anthropinos. Полагаю, его смысл можно передать лишь приблизительно таким описательным выражением: «Соответствующее природе и обстоятельствам человека; такое, какого всякий человек вправе ожидать, если примет во внимание природу своего тела и своей души и своё положение в нынешнем мире». Если мы как следует рассмотрим всё это, то не удивимся никакому постигшему нас искушению, ибо оно — именно то, чего такое существо в таком положении имеет все основания ожидать.

[7] 2. Рассмотрите, во-первых, природу того тела, с которым соединена ваша душа. Скольким бедам оно подвержено ежедневно, ежечасно! Слабость, болезнь и расстройства тысячи видов — его естественные спутники. Подумайте о непостижимо тонких волокнах, нитях, несравненно тоньше волоса, из которых состоит каждая его часть и которые потому и называются волосными, или капиллярными, сосудами; подумайте о бесчисленном множестве столь же тонких трубочек и фильтров,

наполненных циркулирующей жидкостью! Разве разрыв нескольких таких волокон или закупорка нескольких таких трубочек, особенно в мозге, сердце или лёгких, не лишит нас покоя, здоровья и сил, если не самой жизни? Если же всякая боль, как мы замечаем, заключает в себе искушение, то как бесчисленны должны быть искушения, которые в большей или меньшей мере, раньше или позже, будут окружать каждого человека, пока он обитает в этом тленном теле!

[8] 3. Рассмотрите, во-вторых, нынешнее состояние души, пока она живёт в этом доме из праха. Я говорю не о её невозрождённом состоянии, когда она пребывает во тьме и тени смертной, под властью князя тьмы, без надежды и без Бога в мире. Нет; взгляните на людей, поднятых из этого плачевного состояния. Посмотрите на тех, кто вкусил, что Господь благ. И всё же как слаб их разум! Как ограничен его кругозор! Как смутны и неточны наши представления даже о вещах, которые нас окружают! Как склонны ошибаться самые мудрые люди: составлять ложные суждения, принимать ложь за истину и истину за ложь, зло за добро и добро за зло! Каким порывам и блужданиям воображения мы постоянно подвержены! И скольких искушений следует ожидать даже от этих безвинных немощей!

[9] 4. Рассмотрите, в-третьих, нынешнее положение даже тех, кто боится Бога. Они живут среди развалин расстроенного мира, среди людей, не знающих Бога, не заботящихся о Нём и всем сердцем преданных злодеянию. Сколь многие вынуждены восклицать: «Горе мне, что я должен жить у Мосоха, обитать среди шатров Кидара!» — среди врагов Бога и человека. Как неизмеримо превосходят числом желающих делать добро те, кто ни

Бога не боится, ни людей не стыдится! И как поразительно замечание Каули: «Если человека, вооружённого с головы до ног, окружит тысяча нагих индейцев, их многочисленность даст им такое преимущество над ним, что спастись ему будет едва ли возможно. Какая же надежда спастись останется у нагого, безоружного человека, которого окружит тысяча вооружённых?» Именно таково положение каждого доброго человека. Он не вооружён ни силой, ни обманом и, как есть нагой, выброшен среди тысяч людей, облечённых во всеоружие сатаны и снабжённых всем оружием, какое князь мира сего может доставить из адского арсенала. Если добрый человек и не погибнет, то каким же искушениям он должен подвергаться посреди этого злого мира!

[10] 5. Но разве только от злых людей приходят искушения к боящимся Бога? Так думать очень естественно, и почти всякий так и думает. Потому многие из нас говорили в сердце: «О, если бы мне выпало жить среди добрых людей, среди тех, кто любит Бога или хотя бы боится Его, я был бы свободен от всех этих искушений!» Возможно, так и было бы: вероятно, вы не встретили бы тех же искушений, с какими вынуждены бороться теперь. Но вы непременно столкнулись бы с искушениями другого рода, переносить которые оказалось бы столь же трудно. Ведь даже добрые люди, вообще говоря, хотя грех и не властвует над ними, ещё не освобождены от его остатков. В них остаётся нечто от злого сердца, всегда склонного «отступить от Бога живого». В них есть семена гордости, гнева, неразумных желаний — словом, всякого нечестивого расположения. И любое из них, если они не будут непрестанно бодрствовать и молиться, может, а естественным образом и будет, прорастать и причинять

беспокойство не только им самим, но и всем окружающим. Поэтому не следует рассчитывать, что от тех, кто боится Бога и даже в некоторой мере любит Его, нам не придёт никаких искушений. Тем более не следует удивляться, если некоторые из некогда искренне любивших Бога будут ставить на нашем пути более сильные искушения, чем многие из никогда Его не знавших.

[11] 6. «Но можно ли ожидать какого-либо искушения от тех, кто *усовершенствован в любви?»* Это важный вопрос, заслуживающий особого рассмотрения. Отвечаю: во-первых, вы можете встретить всякого рода искушения от тех, кто *полагает,* что достиг совершенства, хотя в действительности это не так. Во-вторых, то же может быть со стороны тех, кто некогда действительно был таков, но теперь утратил свою твёрдость. И если вы не сознаёте этого, если считаете, что они по-прежнему таковы, какими были прежде, искушение будет переносить ещё труднее. Более того, в-третьих, даже те, кто «твёрдо стоит в свободе, которую даровал им Христос», кто и теперь действительно совершен в любви, могут всё же стать поводом к искушению для *вас,* ибо они по-прежнему обложены немощами. Они могут быть непонятливы; им может быть свойственна природная невнимательность или ненадёжная память; у них может быть слишком живое воображение. Всё это способно вызывать небольшие оплошности в речи или поведении, которые, сами по себе не будучи греховными, могут испытать всю имеющуюся у вас благодать; особенно если вы припишете извращённой воле — что весьма естественно — то, что в действительности происходит от недостатка памяти или слабости разума; если непроизвольные ошибки покажутся вам намеренными. Как уместен был ответ

одной святой Божией, ныне пребывающей на лоне Авраамовом, который она дала мне несколько лет назад, когда я сказал: «Дженни, уж теперь-то ни вы, ни ваша госпожа, верно, не можете быть друг для друга испытанием, раз Бог спас вас обеих от греха!» — «О, сэр, — ответила она, — если мы и спасены от греха, то у нас всё ещё достаточно немощей, чтобы испытать всю благодать, какую дал нам Бог!»

[12] 7. Но, помимо злых людей, разве не окружают нас непрестанно со всех сторон и злые духи? Разве сатана и его ангелы не ходят постоянно, ища, кого поглотить? Кто недосягаем для их злобы и коварства? Не самые мудрые и не самые добрые из сынов человеческих. «Раб не выше господина своего». Если они искушали Его, не будут ли искушать и нас? Да, возможно, если Богу угодно будет допустить это, в той или иной мере до конца нашей жизни. Поэтому нас «не постигло искушение», которого мы не имели бы основания ожидать — от тела или души, от злых духов или злых людей и даже от добрых людей, — пока дух наш не возвратится к Богу, Который дал его.

[13] II. 1. Между тем какое утешение — с полной уверенностью знать, что «верен Бог, Который не попустит нам быть искушаемыми сверх сил»! Он знает, каковы наши силы, и не может ошибиться. «Он знает» в точности «состав наш: помнит, что мы — прах». И Он не попустит нам никакого искушения, кроме соразмерного нашим силам. Этого требует не только Его справедливость, которая не могла бы наказать нас за то, что мы не устояли против искушения, если бы оно настолько превосходило наши силы, что сопротивление ему было невозможно; не только Его милосердие — то нежное милосердие, которое простирается и над нами, и над

всеми делами Его, — но прежде всего Его верность. Ибо все слова Его верны и истинны, и весь смысл Его обетований вполне согласуется с этим изречением: «Как дни твои, так будет и сила твоя».

[14] 2. В той проклятой бойне, римской инквизиции, которую крайне неудачно называют Домом милосердия, у святых палачей принято, растягивая человеческие жилы на дыбе, держать рядом врача этого учреждения. Его дело — время от времени наблюдать за глазами, пульсом и прочими признаками состояния страдальца и предупреждать, когда пытка продолжалась уже столько, сколько возможно без умерщвления, чтобы сохранить человеку жизнь достаточно надолго для остальных истязаний. Но, несмотря на всю заботливость врача, он иногда ошибается, и смерть прекращает страдания мученика прежде, чем палачи успевают это заметить. Нечто подобное можно усмотреть и в нашем собственном положении. В каких бы страданиях или искушениях мы ни находились, наш великий Врач никогда не отходит от нас. Он у постели нашей и на пути нашем. Он замечает каждый признак нашего бедствия, чтобы оно не превысило наших сил. И Он не может ошибиться относительно нас. Он знает души и тела, которые дал нам. Он точно видит, сколько мы способны вынести при нынешней мере наших сил. А если их недостаточно, Он может увеличить их до любой угодной Ему степени. Поэтому несомненно, что по Своей мудрости, а также справедливости, милосердию и верности Он никогда не попустит и никогда не может попустить нам быть искушаемыми сверх того, что мы способны вынести: сверх той силы, которую Он уже дал или даст, как только она нам понадобится.

[15] III. 1. «Он при искушении даст и выход, чтобы мы могли перенести» — вот третий предмет нашего рассмотрения.

[16] Слово ekbasin, которое мы переводим как *«путь к избавлению»,* чрезвычайно выразительно. Его смысл приблизительно передаётся английским словом *out-let,* но ещё точнее — старинным словом *out-gate,* до сих пор часто употребляемым шотландскими писателями. Буквально оно означает *«путь наружу».* И Бог либо найдёт, либо проложит этот путь; Тот, Кому принадлежит вся мудрость, равно как и вся власть на небе и на земле, никогда не затруднится в том, как это сделать.

[17] 2. Либо Он *даёт путь к избавлению* из искушения, устраняя его причину, либо даёт избавление *в самом искушении:* то есть причина остаётся прежней, но искушением уже не является. Во-первых, Он даёт выход из искушения, устраняя его причину. История человечества, и особенно история Церкви, доставляет нам бесчисленные примеры этого. Немало их произошло и на нашей памяти, в тесном кругу наших знакомых. Один из многих, думаю, стоит рассказать как памятный пример верности Божией, открывающей выход из искушения. Элизабет Чадси, жившей тогда в Лондоне, чья дочь жива и поныне и достойна своей матери, посоветовали принять управление наследством мужа, который, как предполагали, оставил после себя значительное имущество. Но когда его обстоятельства были тщательно исследованы, оказалось, что это предположение совершенно беспочвенно: он не только ничего не оставил, но и задолжал весьма крупную сумму. Вскоре после его похорон к ней домой пришёл человек и сказал: «Миссис Чадси, вы много задолжали вашему домовладельцу, и он послал меня потребовать причитающуюся ему плату».

Она ответила: «Сэр, у меня нет таких денег на всём свете; право, у меня вовсе нет денег!» — «Но разве у вас нет ничего, что можно было бы продать?» — спросил он. Она ответила: «Сэр, всё, что у меня есть, перед вами. В доме у меня нет ничего, кроме этих шестерых маленьких детей». — «Тогда, — сказал он, — я должен исполнить предписание и отвести вас в Ньюгейтскую тюрьму. Но случай тяжёлый. Я оставлю вас здесь до завтра и пойду попробую уговорить вашего домовладельца дать вам отсрочку». На следующее утро он вернулся и сказал: «Я сделал всё, что мог, привёл все доводы, какие сумел придумать, но вашего домовладельца не тронуть. Он клянётся, что если я немедленно не отведу вас в тюрьму, то сам туда попаду». Она ответила: «Вы сделали *своё* дело. Да будет воля Господня!» Он сказал: «Я рискну сделать ещё одну попытку и приду снова утром». Утром он пришёл и сказал: «Миссис Чадси, Бог взял ваше дело на Себя. Теперь никто не может причинить вам беспокойства, потому что ваш домовладелец умер этой ночью. Завещания он не оставил, и никто не знает, кто наследует его имущество».

[18] 3. Так Бог способен избавлять от искушений, устраняя их причину. Но разве нет искушений, причины которых невозможно устранить? Не встречаем ли мы поразительный пример такого рода в одном недавнем издании? «Я гулял, — говорит автор письма, — по Дуврским утёсам тихим, приятным вечером с той, кого нежно любил и на ком должен был жениться через несколько дней. Пока мы были поглощены серьёзным разговором, нога её скользнула, она сорвалась, и я увидел её разбитой вдребезги на берегу. Я поднял руки и воскликнул: „Этому горю нет исцеления. Теперь мне придётся скорбеть до конца моих дней! Моя рана

неисцелима. Невозможно, чтобы я когда-нибудь нашёл другую такую женщину, столь во всём мне подходящую!“ В отчаянии я прибавил: „Это такое несчастье, которого даже Сам Бог не может исправить!“ И едва я произнёс эти слова, как проснулся: это был сон!» Точно так Бог может устранить любое мыслимое искушение, сделав его подобным сну, исчезающему при пробуждении!

[19] 4. Так Бог способен избавить от искушения, уничтожив самую его причину. И Он столь же способен избавить в самом искушении, что, пожалуй, есть величайшее избавление из всех. Я хочу сказать: оставляя причину прежней, Он отнимет её горечь, так что она вовсе перестанет быть искушением и станет лишь поводом для благодарения. Сколько доказательств этого имеют дети Божии даже в своём повседневном опыте! Как часто их окружают беды или посещают боль и болезнь! И когда они взывают к Господу, иногда Он отнимает у них чашу: устраняет беду, болезнь или боль, и они словно вовсе не бывали. В другое время Он ничего не меняет внешним образом: внешнее бедствие, боль или болезнь остаются, но утешения Святого так умножаются, что перевешивают всё это, и тогда они могут смело сказать:

> [20] Труд — покой, и боль сладка,
> Когда Ты, Боже мой, со мною.

[21] 5. Выдающийся пример такого избавления встречается в жизнеописании того превосходного человека, маркиза де Ранти. Когда он страдал от жестокого приступа ревматизма, друг спросил его: «Сударь, сильна ли ваша боль?» Он ответил: «Боли мои чрезвычайны; но по милости Божией я отдаюсь не им, а Ему». В том же духе ответил мой собственный отец, хотя был изнурён тяжёлой болезнью — язвой в кишечнике, более семи месяцев

почти не дававшей ему покоя ни днём, ни ночью. Когда я спросил: «Отец, вам сейчас больно?» — он сильным и громким голосом ответил: «Бог действительно наказывает меня болью, и все кости мои — сильной болью. Но я благодарю Его за всё; благословляю Его за всё; люблю Его за всё».

[22] 6. В жизнеописании маркиза де Ранти можно найти ещё один пример несколько сходного рода. Когда его жена, которую он очень нежно любил, тяжело заболела и её считали близкой к смерти, друг позволил себе спросить, что он чувствует в этих обстоятельствах. Тот ответил: «Не могу не признаться, что это испытание касается самого нежного места в моём сердце. Я чрезвычайно остро чувствую свою потерю. То, что я испытываю, невозможно выразить. И всё же я так доволен тем, что совершается воля Божия, а не воля презренного грешника, что, если бы не опасался соблазнить других, мог бы плясать и петь!» Так милосердный, справедливый и верный Бог тем или иным образом «при всяком искушении даст выход, чтобы мы могли перенести».

[23] 7. Весь этот отрывок исполнен наставлений. Вот некоторые уроки, которые мы можем из него извлечь.

[24] Во-первых: «Кто стоит с полной уверенностью, берегись, чтобы не впасть» в *ропот;* чтобы не сказать в сердце: «Наверно, ничьё положение не похоже на моё; никто никогда не был испытываем так, как *я».* Напротив, десятки тысяч людей! «Вас постигло искушение не иное, как человеческое», — такое, какого вы вполне могли ожидать, если бы подумали, *кто вы:* грешник, рождённый, чтобы умереть; грешный обитатель смертного тела, подверженного бесчисленным внутренним и внешним страданиям; и *где вы:* в

разрушенном, расстроенном мире, среди злых людей и злых духов. Подумайте об этом, и вы не станете сетовать на общий удел, на всеобщее состояние человечества.

25 8. Во-вторых: «Кто стоит, берегись, чтобы не упасть»; чтобы не *искушать* Бога, думая или говоря: «Это невыносимо; это слишком тяжело; мне никогда через это не пройти; моё бремя тяжелее, чем я могу вынести». Нет, если только что-нибудь не окажется слишком трудным для Бога. Он не попустит вам «быть искушаемыми сверх сил». Он соразмеряет бремя с вашей силой. Если вам нужно больше сил, «просите, и дано будет вам».

26 9. В-третьих: «Кто стоит, берегись, чтобы не упасть»; чтобы не искушать Бога *неверием,* не доверяя Его верности. Разве Он не сказал, что «при всяком искушении даст выход»? И разве не исполнит? Да, воистину:

> 27 Твоих помышлений превыше
> Откроется замысел Его,
> Когда Он завершит всё дело,
> Тебя напрасно устрашавшее.

28 10. Будем же принимать всякое испытание со спокойной покорностью и смиренным упованием на то, что Тот, Кому принадлежат вся сила, вся мудрость, всё милосердие и вся верность, сначала поддержит нас в каждом искушении, а потом избавит от всех, так что в конце концов всё будет содействовать нашему благу и мы радостно узнаем на опыте, что всё это было нам на пользу, дабы мы «имели участие в святости Его».

О терпении

[1] «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка».

[2] Иак. 1:4.

[3] 1. «Братья мои, — говорит апостол в предыдущем стихе, — с великой радостью принимайте, когда впадаете в различные искушения». На первый взгляд это наставление может показаться странным, ибо большинство искушений «в настоящее время кажутся не радостью, а печалью». Тем не менее вы из собственного опыта знаете, что «испытание вашей веры производит терпение»; а если «терпение будет иметь совершенное действие», то вы будете «совершенны во всей полноте, без всякого недостатка».

[4] 2. Апостол даёт это наставление не отдельному человеку или отдельной Церкви, но всем, кто получил ту же драгоценную веру и ищет общего для всех спасения. Ибо, пока кто-либо из нас остаётся на земле, он пребывает в области искушений. Тот, Кто пришёл в мир спасти Свой народ от его грехов, не пришёл избавить его от искушений. Сам Он «не знал греха», но, пребывая в этой долине слёз, «пострадал, быв искушён» и в этом также «оставил нам пример, дабы мы шли по следам Его». Мы подвержены тысяче искушений со стороны тленного тела, разнообразно воздействующего на душу. Сама душа, обложенная немощами, подвергает нас ещё десяткам тысяч. А сколько искушений встречаем мы даже со стороны добрых людей — по крайней мере, отчасти

добрых, по общему складу их жизни, — с которыми нам приходится общаться ежедневно! Но что всё это в сравнении с искушениями, каких следует ожидать от злого мира? Ведь в сущности все мы «живём у Мосоха и обитаем в шатрах Кидара». Прибавьте к этому, что опаснейшие наши враги — не те, кто нападает открыто. Нет:

> [5] Нам путь преграждают ангелы,
> Всё так же могучие силой:
> Тайные, вечные наши враги,
> Несметные и незримые!

[6] Ибо разве наш «противник диавол», вместе со всеми своими адскими легионами, не ходит по-прежнему, «как рыкающий лев, ища, кого поглотить»? Таково положение всех детей человеческих — да, и всех детей Божиих, — пока они странствуют в этой чужой стране. Поэтому, хотя бы мы не бросались в искушения своевольно и беспечно, мы всё же непременно будем «впадать в различные искушения»: бесчисленные, как звёзды небесные, и тысячью способов разнообразные и переплетённые. Но вместо того чтобы считать это потерей, как поступили бы неверующие, «принимайте с великой радостью, зная, что испытание вашей веры», даже когда она испытывается «как бы огнём», «производит терпение». И «терпение пусть имеет совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка».

[7] 3. Но что такое *терпение?* Мы говорим сейчас не о языческой добродетели и не о природной бесчувственной невозмутимости, но о благодатном расположении, которое сила Святого Духа производит в сердце верующего. Это готовность переносить всё, что угодно Богу, таким образом и столько времени, как Ему угодно.

Благодаря ему мы держимся среднего пути: с одной стороны, не holigorountes, то есть не *пренебрегаем* своими страданиями, не *считаем их маловажными,* не относимся к ним легкомысленно, словно они происходят от случая или вторичных причин; с другой — не ekloumenoi, то есть не *поражаемся ими сверх меры, не теряем силы, не расслабляемся и не падаем под их тяжестью.* Заметим, что собственный предмет терпения — страдание, телесное или душевное. Терпение не предполагает, что мы его не *чувствуем:* оно не есть апатия или бесчувствие. Оно бесконечно далеко от стоического оцепенения и столь же далеко от раздражительности и уныния. Терпеливый верующий ограждён от обеих крайностей размышлением о том, Кто посылает все его страдания: Сам Бог, его Отец; каково *побуждение,* по которому Он *даёт нам* страдать: не столько Его справедливость, сколько любовь; и какова *цель:* наша польза, чтобы мы имели участие в Его святости.

[8] 4. Очень близка к терпению *кротость,* если не следует скорее считать её одним из его видов. Ибо не можно ли определить её как терпеливое перенесение обид, особенно оскорблений, поношений или несправедливого осуждения? Она учит не воздавать злом за зло и бранью за брань, а, напротив, благословлять. Сам наш благословенный Господь, по-видимому, особенно высоко ценит это расположение. Именно ему Он особо призывает нас научиться у Него, если мы хотим обрести покой нашим душам.

[9] 5. Но что следует понимать под *действием терпения?* «Терпение пусть имеет совершенное действие». По-видимому, это значит: пусть оно принесёт свой полный

плод, достигнет всего своего результата. А какой плод Дух Божий обычно производит посредством него в сердце верующего? Один из непосредственных плодов терпения — мир: сладостный покой ума, ясная тишина духа, которых никогда не бывает там, где не царствует терпение. И этот мир нередко возвышается до радости. Даже посреди различных искушений те, кому дано терпением владеть своими душами, могут свидетельствовать не только о спокойствии духа, но и о торжестве и ликовании. Оно одновременно

[10] Строптивой природы неровные тропы ровняет
И в каждой груди малый рай открывает.

[11] 6. Как живо описывает апостол Пётр не только мир и радость, но также надежду и любовь, которые Бог производит в терпеливых страдальцах, «силою Божиею через веру соблюдаемых ко спасению»! Кажется даже, что он имеет здесь в виду именно это место у Иакова: «Поскорбев теперь немного от различных искушений» — те самые слова poikilois peirasmois, — «дабы испытанная вера ваша» — то же выражение, какое употребил Иаков, — «оказалась к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа, Которого, не видев, любите и Которого, доселе не видя, но веруя, радуетесь радостью неизреченной и преславной». Вот мир, радость и любовь, которые благодаря могучей силе Божией составляют плод, или «действие терпения»!

[12] 7. И как мир, надежда, радость и любовь — плоды терпения, рождающиеся из него и им же укрепляемые, таков же и плод разумного, подлинного *мужества,* которое без терпения вообще не может существовать. Звериная отвага, или, скорее, ярость льва, пожалуй, может происходить из нетерпеливости; но истинная

стойкость, человеческое мужество, рождается из прямо противоположного расположения. Терпение также утверждает и умножает христианскую *ревность* и *деятельность* во всяком добром деле; тот же Дух побуждает нас быть

> [13] Терпеливыми в перенесении зла и в делании добра;

[14] делая нас одинаково готовыми исполнять и претерпевать всё, чего хочет Бог.

[15] 8. Но что такое *совершенное действие* терпения? Разве это что-либо меньшее, нежели «совершенная любовь к Богу», побуждающая нас любить всякую человеческую душу, «как и Христос возлюбил нас»? Разве это не вся религия, не весь тот «образ мыслей, какой был и во Христе Иисусе»? Не есть ли это «обновление нашей души по образу Божию, по подобию Создавшего нас»? И разве плод этого — не постоянное предание себя Богу, телом и духом; полное отдание всего, чем мы являемся, всего, чем обладаем, и всего, что любим, в святую жертву, благоугодную Богу через Сына Его любви? По-видимому, именно это и есть «совершенное действие терпения», следующее за испытанием нашей веры.

[16] 9. Но чем это действие отличается от того благодатного дела, которое совершается в каждом верующем, когда он впервые обретает искупление Кровью Иисуса, то есть прощение своих грехов? Многие люди, не только правые сердцем, но и боящиеся Бога, и даже любящие Его, говорили об этом неосмотрительно, не согласно слову Божию. Они говорили об освящении, понимая это слово во всей его полноте, так, словно оно представляет собой нечто совершенно иного рода и вполне отличается от

совершающегося при оправдании. Но это великая и опасная ошибка, естественно склоняющая нас недооценивать славное дело Божие, совершившееся в нас, когда мы были оправданы. Между тем в тот самый миг, когда мы даром оправдываемся Его благодатью, когда принимаемся через Возлюбленного, мы рождаемся вновь, рождаемся свыше, рождаемся от Духа. И при рождении от Духа в наших душах совершается столь же великая перемена, какая совершилась в наших телах, когда мы родились от женщины. В тот час происходит всеобщий переход от внутренней греховности к внутренней святости. Любовь к творению сменяется любовью к Творцу; любовь к миру — любовью к Богу. Земные желания, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская в одно мгновение могущественной силой Божией превращаются в небесные желания. Вихрь нашей воли останавливается на полном ходу и стихает, покоряясь воле Божией. Гордость и надменность уступают место смирению сердца, а гнев и все бурные, неуправляемые страсти — спокойствию, кротости и мягкости. Одним словом, земной, душевный, бесовский образ мыслей уступает место «тому образу мыслей, какой был во Христе Иисусе».

[17] 10. «Хорошо, но что сверх этого может подразумевать полное освящение?» Оно не предполагает никакого нового *вида* святости: пусть никто этого не воображает. От мгновения, когда мы оправданы, до того, как предадим дух Богу, любовь есть исполнение закона — всего евангельского закона, который занял место закона Адамова, когда было дано первое обетование о «семени жены». Любовь — всё содержание христианского освящения; это единственный *вид* святости, который встречается лишь в различных *степенях* у верующих,

разделяемых Иоанном на «детей, юношей и отцов». Собственно, различие между ними состоит в степени любви. И здесь в духовном смысле между отцами, юношами и младенцами существует столь же великое различие, как в естественном.

[18] Каждый рождённый от Бога, хотя бы он был ещё лишь «младенцем во Христе», имеет в сердце любовь к Богу, любовь к ближнему, а также смирение, кротость и покорность. Но всё это пока находится в малой степени, соразмерной степени его веры. Вера младенца во Христе слаба и обыкновенно смешана с сомнениями или страхами: с сомнением, не обманул ли он самого себя, или со страхом, что не устоит до конца. И если, желая предотвратить эти мучительные сомнения или удалить эти терзающие страхи, он ухватится за мнение, будто истинный верующий не может потерпеть кораблекрушения в вере, опыт рано или поздно покажет, что это всего лишь опора из надломленной трости: она не только не поддержит его, но войдёт ему в руку и пронзит её. Но вернёмся к предмету: в той же мере, в какой он возрастает в вере, он возрастает и в святости; умножается в любви, смирении, кротости, в каждой черте образа Божия, пока Богу не угодно будет — после того как человек вполне убедится во врождённом грехе, в полной испорченности своей природы — отнять всё это, очистить его сердце и омыть его от всякой неправедности; исполнить обетование, данное сначала древнему Своему народу, а в нём — Израилю Божию всех времён: «Обрежу сердце твоё и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею». [71]

19 Нелегко представить, как велико различие между тем, что он переживает теперь, и тем, что переживал прежде. Пока эта всеобъемлющая перемена не совершилась в его душе, вся его святость была *с примесью.* Он был смирен, но не вполне: к смирению примешивалась гордость. Он был кроток, но его кротость часто нарушалась гневом или какой-нибудь беспокойной, бурной страстью. Любовь к Богу нередко охлаждалась любовью к какому-либо творению, любовь к ближнему — злыми подозрениями или какой-нибудь мыслью, если не расположением, противным любви. Его воля не вполне растворилась в воле Божией. Хотя в целом он мог сказать: «Я пришёл не для того, чтобы творить волю Мою, но волю Пославшего Меня», — временами природа всё же восставала, и он не мог безоговорочно произнести: «Господи, не как я хочу, но как Ты». Теперь вся его душа согласна сама с собой; нет ни одной фальшивящей струны. Все её чувства непрестанным, ровным потоком устремляются к Богу. Тому, кто вошёл в этот покой, можно поистине сказать:

> 20 Внутри тебя всегда покой,
> Всё безмятежно, всё спокойно!

21 Нет никакой примеси противоположных чувств: отныне всё — мир и согласие. Наполненный любовью, он не знает в ней больших перерывов, чем в биении своего сердца; и поскольку непрестанная любовь приносит непрестанную радость о Господе, он радуется всегда. Он непрерывно общается с Богом, Которого любит и Которого благодарит за всё. И поскольку теперь он любит Бога всем сердцем, всею душою, всем разумением и всею крепостью, то Иисус один царствует в его сердце, господствуя над каждым его движением.

[22] 11. Но могут спросить: каким образом Бог производит эту полную, эту всеобъемлющую перемену в душе верующего — это необычайное дело, которому столь многие не хотят верить, хотя мы возвещаем его им? Совершает ли Он его постепенно, медленно, ступень за ступенью, или мгновенно, в один миг? Сколько споров об этом даже среди детей Божиих! И они будут продолжаться после всего, что когда-либо было или может быть сказано об этом. Ибо многие всё равно будут говорить вместе со знаменитым евреем: Non persuadebis, etiamsi persuaseris, — то есть: «Ты меня не убедишь, хотя бы и убедил». Они будут тем упорнее, что Писание об этом молчит: ни в одной части слова Божия этот вопрос не решён, по крайней мере прямо. Поэтому каждый может оставаться при своём убеждении, лишь бы предоставлял ту же свободу ближнему, не гневался на несогласных с его мнением и не помышлял о них сурово. Позвольте добавить ещё одно: будь перемена мгновенной или постепенной, смотрите, не успокаивайтесь, пока она не совершится в вашей собственной душе, если желаете пребывать с Богом во славе.

[23] 12. Предварив это замечание, я, чтобы пролить сколько-нибудь света на этот важный вопрос, просто расскажу о том, что сам наблюдал на протяжении многих лет. Сорок четыре или сорок пять лет назад, когда у меня ещё не было ясного представления о том, что подразумевал апостол, увещевая нас «оставить начатки учения Христова и поспешить к совершенству», два или три человека в Лондоне, которых я знал как подлинно искренних людей, пожелали рассказать мне о своём опыте. Он показался чрезвычайно необычным, отличаясь от всего, что я слышал прежде, но в точности соответствовал приведённому выше описанию полного

освящения. В следующем году ещё два или три человека в Бристоле и два или три в Кингсвуде, приходя ко мне порознь, рассказывали о своём опыте совершенно то же самое. Несколько лет спустя я попросил всех лондонцев, заявлявших о таком же состоянии, прийти ко мне вместе в Фаундери, чтобы я мог вполне удостовериться. Я попросил человека Божия Томаса Уолша встретиться там с нами. Когда мы собрались, сначала один из нас, затем другой задавали им самые испытующие вопросы, какие мы только могли придумать. На каждый они отвечали без колебаний и с величайшей простотой, так что мы вполне убедились: они не обманывали самих себя. В 1759, 1760, 1761 и 1762 годах их число чрезвычайно умножилось не только в Лондоне и Бристоле, но и в различных частях Ирландии, равно как и Англии. Не полагаясь на чужие свидетельства, я тщательно расспросил большинство из них сам; и в одном Лондоне нашёл шестьсот пятьдесят двух членов нашего общества, которые чрезвычайно ясно описывали свой опыт и в чьих свидетельствах я не видел оснований сомневаться. Думаю, с тех пор не прошло ни одного года, когда Бог не совершил бы того же дела во многих других — то в одной части Англии или Ирландии, то в другой, ибо «ветер дует, где хочет». И каждый из них — после самого тщательного исследования я не обнаружил ни одного исключения ни в Великобритании, ни в Ирландии — заявлял, что избавление от греха было *мгновенным,* что перемена совершилась в один миг. Если бы половина из них, или треть, или хотя бы один из двадцати заявили, что в *них* это произошло *постепенно,* я поверил бы этому относительно *них* и считал бы, что *одни* освящаются постепенно, а другие мгновенно. Но поскольку за столь долгое время я не встретил ни одного человека, говорившего так, поскольку все считающие

себя освящёнными в один голос утверждают, что перемена совершилась в один миг, я не могу не верить, что освящение обыкновенно, если не всегда, есть *мгновенное* дело.

[24] 13. Но как бы ни был решён вопрос о том, совершается ли освящение в полном смысле слова мгновенно или постепенно, как нам его достичь? «Что *нам* делать, — спросили иудеи Господа нашего, — чтобы творить дела Божии?» Его ответ подойдёт и тем, кто спрашивает: что нам делать, чтобы это Божие дело совершилось в нас? «Вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал». От этого единственного дела зависят все остальные. Веруй в Господа Иисуса Христа, и вся Его мудрость, сила и верность будут действовать на твоей стороне. Здесь, как и во всех прочих случаях, «благодатью мы спасены через веру». Освящение тоже «не от дел, чтобы никто не хвалился». Это «дар Божий», и принимать его следует простой, бесхитростной верой. Предположим, вы уже стараетесь «воздерживаться от всякого вида зла», «ревнуете о добрых делах» и старательно, осмотрительно соблюдаете все Божии установления; тогда остаётся лишь одно: голос Божий говорит вашей душе: «Веруй и спасайся». [См. проповедь «Путь спасения по Писанию».] Во-первых, верьте, что Бог *обещал* спасти вас от всякого греха и наполнить всей святостью. Во-вторых, верьте, что Он *может* так «спасать до конца всех приходящих через Него к Богу». В-третьих, верьте, что Он не только может, но и *хочет* спасти до конца именно *вас,* очистить от всякого греха и наполнить всё ваше сердце любовью. В-четвёртых, верьте, что Он не только может, но и хочет сделать это *теперь:* не когда вы будете умирать, не в отдалённом будущем, не завтра, а *сегодня*. Тогда Он даст вам веру в то, что *это совершилось* по Его слову. И тогда

«терпение будет иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка».

25 14. Тогда вы будете совершенны. Этим выражением, teleioi, апостол, по-видимому, хочет сказать: вы будете всецело избавлены от всякого злого дела, всякого злого слова, всякой греховной мысли, да, от всякого злого желания, страсти и расположения; от всей врождённой испорченности, от всех остатков плотского ума, от тела греха; и обновитесь духом ума вашего во всяком правом расположении, по образу Создавшего вас, в праведности и истинной святости. Вы будете *целостны,* holokleroi, — то самое слово, которое апостол употребляет, обращаясь к христианам в Фессалонике. По-видимому, это относится не столько к виду, сколько к степени святости, как если бы он сказал: «Вы достигнете столь высокой степени святости, какая совместима с вашим нынешним состоянием странников». И у вас *не будет ни в чём недостатка:* Господь, ваш Пастырь, ваш Отец, ваш Искупитель, ваш Освятитель, ваш Бог и ваше всё, будет питать вас хлебом небесным и даст вам пищи вдоволь. Он поведёт вас к водам утешения и будет хранить ежеминутно, так что, любя Его всем сердцем — в чём и состоит всё совершенство, — вы будете «всегда радоваться, непрестанно молиться и за всё благодарить», пока «не откроется вам свободный вход в Его вечное Царство»!

Важный вопрос

[1] «Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?»

[2] Матфея 16:26.

[3] 1. Есть известное замечание — кажется, в сочинениях господина Паскаля, — что человеку низкого положения, если он пожелает говорить о высоком, например о царях и царствах, нелегко подобрать подходящие выражения, поскольку он столь мало знаком с подобными предметами; но если человек царского происхождения говорит о царственных делах, о том, что касается его собственного царства или царства его отца, речь его будет свободной и непринуждённой, потому что эти вещи привычны его мыслям. Подобным образом, если простой обитатель этого дольнего мира говорит о великих вещах Царства Божия, он едва способен найти выражения, отвечающие величию предмета. Но когда Сын Божий говорит о высочайшем, относящемся к Его небесному Царству, вся Его речь легка и свободна от усилий, слова естественны и непритворны, ибо всё это известно Ему от вечности.

[4] 2. Как ярко подтверждается это замечание в рассматриваемом нами месте! Сын Божий, великий Царь неба и земли, употребляет здесь самые простые и понятные слова. Но как высоко и глубоко то, что Он ими выражает! Никто из детей человеческих не может вполне постичь этого, пока, выйдя из тьмы нынешнего мира, не станет обитателем вечности.

[5] 3. Однако мы можем несколько постичь эти глубины, если рассмотрим, во-первых, что означает выражение «человек *приобретёт* весь мир»; во-вторых — что значит *погубить* свою душу. Тогда, в-третьих, мы с величайшей ясностью увидим, какую *пользу* получает тот, кто приобретает весь мир, а собственную душу губит.

[6] I. 1. Прежде всего нам следует рассмотреть, что значит человеку *приобрести* весь мир. Быть может, при первом впечатлении кому-то это покажется равнозначным завоеванию всего мира. Но к этому выражение не имеет никакого отношения; да и сама такая мысль заключает в себе явную нелепость. Ибо невозможно, чтобы кто-либо, рождённый женщиной, когда-нибудь завоевал весь мир, хотя бы потому, что краткой человеческой жизни недостаточно для столь безрассудного предприятия. И действительно, никто никогда не завоевал и половины, нет, даже десятой части мира. Но что бы ни замышляли другие, не было опасности, что подобная мысль возникнет у кого-нибудь из слушателей Господа нашего. Среди всех грехов иудейского народа не было стремления к всемирной империи. Даже во времена своего величайшего расцвета они никогда не стремились распространить завоевания за реку Евфрат. А во времена Господа нашего всякому их честолюбию пришёл конец: «Скипетр отошёл от Иуды», и Иудеей как частью Римской империи управлял римский прокуратор.

[7] 2. Оставив это, мы можем найти гораздо более простой и естественный смысл выражения. Приобрести весь мир вполне может означать приобрести все удовольствия, какие способен дать мир. Поэтому можно предположить, что человек, о котором мы говорим, приобрёл всё, что услаждает его чувства: в частности, всё, что умножает

удовольствие вкуса, все изысканные яства и напитки; также всё, что услаждает обоняние и осязание, всё, чем он может наслаждаться наравне с подобными ему животными. Он может обладать всем обилием и всем разнообразием этих предметов, какое способен предоставить мир.

[8] 3. Далее можно предположить, что он приобрёл всё, что удовлетворяет «похоть очей»: всё, что доставляет воображению удовольствие преимущественно посредством зрения. Удовольствия воображения происходят из трёх источников: величия, красоты и новизны. Соответственно, опыт показывает, что наше воображение услаждается созерцанием предметов величественных, прекрасных или необычных. Пусть же его окружают самые величественные, самые прекрасные и самые новые вещи, какие только можно где-либо найти. Ибо всё это очевидным образом входит в понятие приобретения всего мира.

[9] 4. Но здесь подразумевается и ещё нечто, что люди самого возвышенного духа предпочитали всем удовольствиям чувств и воображения, вместе взятым, а именно честь, слава, известность:

> [10] Virum volitare per ora.

[11] [Ниже приводится перевод Драйдена этой цитаты из Вергилия и связанных с нею слов:

> [12] «Я новые пути испробовать обязан,
> Чтоб имя скромное возвысить и к славе
> устремиться». — Ред.]

[13] Кажется, едва ли какое-либо побуждение в человеческой душе обладает большей силой. Оно

торжествует над сильнейшими природными склонностями, над всеми нашими влечениями и привязанностями. Если Брут проливает кровь собственных детей; если мы видим другого Брута, который, вопреки всем возможным обязательствам, попирая справедливость и благодарность,

[14] Лебезит, вонзая нож в своего друга;

[15] если человек, гораздо более великий, чем оба они, Паскаль Паоли, отказался от покоя, удовольствий, от всего ради жизни в непрестанных трудах, страданиях и тревогах, — какое побуждение могло поддерживать их? Они могли говорить об amor patriae, любви к отечеству, но она никогда не провела бы их через всё это, если бы не было также

[16] Laudum immensa cupido;

[17] «неизмеримой жажды *похвалы».* И вот человек, о котором мы говорим, приобрёл её в изобилии: все окружающие его хвалят, если не восхищаются им. Более того, имя его дошло до дальних стран, словно до пределов земли.

[18] 5. Прибавьте к этому, что он приобрёл великое богатство; что сокровищам его нет конца; что он накопил серебро, словно прах, и золото, словно морской песок. Когда человек обрёл все эти удовольствия, всё, что услаждает чувства или воображение; когда приобрёл почётное имя и запас множество сокровищ на многие годы, — тогда можно в простом, естественном смысле слова сказать, что он «приобрёл весь мир».

[19] II. 1. Следующий предмет нашего рассмотрения — что значит человеку *погубить* собственную душу. Но здесь

перед нами открывается более глубокая картина, и нам требуется более сосредоточенное внимание. Ибо легко перечислить всё, что входит в понятие «*приобрести* весь мир», но нелегко понять всё, что заключено в словах «погубить свою душу». В самом деле, никто не может вполне постичь этого, пока не перейдёт из времени в вечность.

[20] 2. Прежде всего это, несомненно, означает утрату всех нынешних радостей религии, всех радостей, которые она доставляет поистине религиозным людям уже в настоящей жизни. «Если есть какое утешение во Христе, если есть какая отрада любви» — любви к Богу и ко всему человечеству; если есть «радость во Святом Духе»; если есть мир Божий, превосходящий всякое разумение; если есть радость от свидетельства доброй совести пред Богом, — очевидно, всё это полностью утрачивает человек, губящий свою душу. [72]

[21] 3. Но нынешняя жизнь скоро окончится: мы знаем, что она проходит, как тень. Близок час, когда дух будет призван возвратиться к Богу, Который дал его. В это грозное мгновение

> [22] Покинув прежний мир, два мира сразу видят
> Те, кто стоит на пороге нового.

[23] И взглянет ли назад или вперёд тот, кто спасает свою душу, — как отрадна открывающаяся ему картина! Если он оглянется назад, его ждёт «спокойное воспоминание о жизни, прожитой достойно». Если посмотрит вперёд, там — наследство нетленное, чистое и неувядаемое, и он видит сонм ангелов, готовых отнести его на лоно Авраамово. Но каково в этот торжественный час человеку, губящему свою душу? Оглядывается ли он

назад? Какое утешение найдётся там? Он видит лишь картины ужаса, поводы к стыду, угрызениям и самоосуждению, предвкушение «червя неумирающего». Если же он взглянет вперёд, что увидит? Ни радости, ни мира! Ни проблеска надежды ни с одной стороны небес! Несколько лет назад одного человека, возвратившегося, как пёс, на свою блевотину, настигла болезнь в самом разгаре греховного пути. Навестивший его друг молился: «Господи, помилуй тех, кто вот-вот выйдет из тела и не знает, кто встретит их у входа в иной мир — ангел или бес!» Больной вскрикнул пронзительным голосом: «Бес! Бес!» — и умер. Подобного конца, если только не умрёт как вол, может ожидать всякий, кто губит собственную душу.

[24] 4. Но в каком положении оказывается дух доброго человека при вступлении в вечность? Взгляните:

> [25] Сопровождающий сонм ожидает —
> Служащее воинство незримых друзей.

[26] Они принимают новорождённый дух и безопасно приводят его на лоно Авраамово, в наслаждения рая, в сад Божий, где свет лица Его сияет непрестанно. Слова «там беззаконные перестают тревожить, там отдыхают утомлённые» — лишь одна из тысячи похвал этому преддверию небес. Ибо там у них бесчисленные источники счастья, которых они не могли иметь на земле. Там они встречают «славных умерших древних дней». Они беседуют с Адамом, первым из людей; с Ноем, первым человеком нового мира; с Авраамом, другом Божиим; с Моисеем и пророками; с апостолами Агнца; со святыми всех веков; и, превыше всего, они — со Христом.

[27] 5. Как, увы, отличается положение того, кто губит собственную душу! В тот миг, когда он вступает в вечность, он встречается с диаволом и его ангелами. Печальная свита на пути в мир духов! Печальный залог грядущего! И либо его связывают узами тьмы и сохраняют до суда великого дня, либо, в лучшем случае, он скитается повсюду, ища покоя и не находя. Возможно, подобно нечистому духу, изгнанному из человека, он ищет его в безводных, унылых, пустынных местах; возможно —

> [28] Там, где природа вся лежит в руинах
> И признаёт свою владычицу — смерть!

[29] И мало утешения может он найти там, ибо всё способствует тому, чтобы усиливать, а не устранять страшное ожидание огненного гнева, который пожрёт нечестивых.

[30] 6. Ибо даже это для него — лишь начало скорбей. Ещё немного, и он увидит «великий белый престол, сходящий с неба, и Сидящего на нём, от лица Которого бегут небо и земля, и не находится им места». И «мёртвые, малые и великие, стоят пред Богом, и судим каждый по делам своим». «Тогда скажет Царь тем, кто по правую руку Его» — дай Бог, чтобы Он сказал это ВАМ! — «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». И ангелы настроят свои арфы и воспоют: «Поднимите головы ваши, врата, и поднимитесь, двери вечные, да войдут наследники славы». И тогда они «будут сиять, как светила на тверди, и как звёзды во веки и веки».

[31] 7. Как иной будет участь погубившего собственную душу! Над ним произнесут не радостный приговор, но

такой, который пронзит его невыразимым ужасом: «Идите, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его!» Да не допустит Бог, чтобы это когда-либо было сказано кому-нибудь из вас, стоящих здесь пред Ним! И кто усомнится, что адские духи немедленно исполнят приговор, тотчас увлекут оставленных Богом в собственное место мучения! В те

[32] Области скорби, печальные тени, где миру
И покою не быть! Надежда туда не приходит,
Хотя приходит ко всем, —

[33] ко всем детям человеческим по эту сторону вечности. Но не к ним: пропасть уже утвердилась, и перейти её они не могут. С того мгновения, как их однажды ввергли в озеро огня, горящего серой, их мучения не знают не только перерыва, но и конца. Ибо «нет им покоя ни днём ни ночью, и дым мучения их восходит во веки веков»!

[34] III. Даже при самом беглом взгляде на всё это кто не изумится тому, что человек, существо, наделённое разумом, добровольно может избрать — я говорю *избрать,* ибо Бог никого не принуждает к неизбежному осуждению; Он никогда ещё

[35] Не обрекал нерождённую душу на ад
И не проклинал её от материнской утробы, —

[36] может избрать такую погибель своей души, хотя бы ради приобретения всего мира! Ибо какую пользу получит человек, когда будет подведён окончательный итог?

[37] Но чтобы несколько умерить наше изумление, рассмотрим предположения, которые человек

обыкновенно принимает, прежде чем примирится с этим гибельным выбором.

[38] 1. Во-первых, он предполагает, что «религиозная жизнь — жизнь несчастная». *Религия — несчастье!* Как возможно, чтобы кто-нибудь питал столь странную мысль? Есть ли среди *вас* те, кто так думает? Если есть, причина очевидна: вы не знаете, что такое религия. «Нет, знаю не хуже вас». — Что же это такое? «Ну, не причинять никому вреда». Не так: многие птицы и звери никому не вредят, однако к религии они неспособны. «Тогда это посещение церкви и причастие». Нет, вовсе не это. Они могут быть превосходным подспорьем для религии, и всякий желающий спасти душу должен прибегать к ним при каждой возможности; однако можно делать это всю жизнь и при этом совсем не иметь религии. Религия — нечто более высокое и глубокое, чем любое внешнее установление.

[39] 2. Что же такое религия? Ответить легко, если обратиться к слову Божию. Согласно ему, она заключается в одном-единственном: это не больше и не меньше чем любовь, любовь, которая есть «исполнение закона, цель заповеди». Религия — любовь к Богу и к ближнему, то есть к каждому человеку под небом. Эта любовь, управляющая всей жизнью, оживляющая все наши расположения и чувства, направляющая все мысли, слова и поступки, и есть «чистое и непорочное благочестие».

[40] 3. Теперь найдётся ли кто-нибудь настолько дерзкий, чтобы сказать, будто любовь — несчастье? Разве несчастье — любить Бога, отдать сердце Тому, Кто один его достоин? Напротив, это подлиннейшее счастье, более того, единственное истинное счастье, какое можно найти

под солнцем. Весь опыт подтверждает справедливость давно высказанной мысли: «Ты создал нас для Себя, и сердце наше не может успокоиться, пока не успокоится в Тебе». Или кто-нибудь воображает, что любовь к ближнему — несчастье, что несчастье — любить каждого человека, как собственную душу? Напротив, после любви к Богу она доставляет величайшее счастье, на какое мы способны. Поэтому

> [41] Пусть не гордится стоик невозмутимостью ума,
> Тот зверь-философ, никогда не испытавший
> Радости любить и быть любимым.

[42] 4. Всё это должен признать каждый разумный человек. Но он может возразить: «Религия заключает в себе нечто большее. Она предполагает не только любовь к Богу и человеку, против которой я ничего не имею, но и множество трудов и страданий. Как же это совместимо со счастьем?»

[43] В этом возражении, несомненно, есть доля истины. Религия действительно предполагает и дела, и страдания. Рассмотрим же спокойно, умаляет ли это наше счастье или увеличивает его.

[44] Религия предполагает, во-первых, совершение многих дел. Ибо любовь к Богу естественно побуждает нас при всякой возможности общаться с Тем, Кого любим: говорить с Ним в общей или уединённой молитве и слушать слова уст Его, которые «дороже нам тысяч золота и серебра». Она склонит нас не упускать ни одной возможности принимать

> [45] Драгоценные знаки памяти об умирающем
> Господе;

[46] непрестанно пребывать в благодарении, хвалить Его утром, вечером и в полдень. Но если мы будем делать всё это, уменьшится ли наше счастье? Совсем наоборот. Очевидно, все эти плоды любви служат средствами умножения той любви, из которой произрастают, а следовательно, в той же мере умножают и наше счастье. Кто же не присоединится к такому желанию?

[47] Вставая, чтобы петь хвалу Спасителю,
Да возвещаю я Тебя весь день;
Пусть драгоценное Твоё слово благодати
Из сердца льётся и наполняет речь;
Всю жизнь мою наполни чистой любовью
И к Церкви горней приобщи меня!

[48] 5. Следует также признать: как любовь к Богу естественно ведёт к делам благочестия, так любовь к ближнему естественно ведёт всех, кто её ощущает, к делам милосердия. Она склоняет нас кормить голодных, одевать нагих, посещать больных и заключённых, быть глазами слепому и ногами хромому, мужем вдове и отцом сироте. Но можете ли вы предположить, что всё это помешает вашему счастью или уменьшит его, даже если вы сделаете столько, что станете словно ангелом-хранителем для всех окружающих? Напротив, несомненная истина в том, что

[49] Все радости земные меньше,
Чем радость делать добрые дела.

[50] Несколько лет назад одного любителя удовольствий спросили: «Капитан, какое самое большое удовольствие вы испытали?» Немного помолчав, он ответил: «Когда мы шли походом по Ирландии в очень жаркий день, я зашёл в придорожную хижину и попросил немного воды.

Женщина принесла мне чашку молока. Я дал ей серебряную монету, и радость этой бедняжки доставила мне самое большое удовольствие за всю мою жизнь». Если же добрый поступок доставил столько удовольствия человеку, действовавшему лишь по природной щедрости, сколько больше он должен доставить тому, кто действует из более благородного побуждения — соединённой любви к Богу и ближнему! Итак, исполнение всего, чего требует религия, не уменьшит, а неизмеримо увеличит наше счастье.

[51] 6. «Быть может, и это можно допустить. Но согласно христианскому пониманию религия предполагает не только дела, но и *страдания.* Как же страдание может быть совместимо со счастьем?» Вполне совместимо. Много столетий назад святой Златоуст заметил: «У христианина есть свои скорби, как и свои радости; но его скорбь слаще радости». Его могут постичь потери, бедность, боль, но во всём этом он более чем победитель. Он может свидетельствовать:

> [52] Труд — покой, и боль сладка,
> Пока Ты, Боже мой, со мною.

[53] Он может сказать: «Господь дал, Господь взял: да будет имя Господне благословенно!» Ему приходится в большей или меньшей мере терпеть поношение, ибо «раб не выше господина своего»; но тем обильнее «Дух славы и Божий почивает на нём». Да, и сама любовь в разных случаях становится источником страдания. Любовь к Богу часто производит

> [54] Отрадную боль,
> Умиление сокрушённого сердца.

[55] А любовь к ближнему рождает сострадательную скорбь: она побуждает нас посещать сирот и вдов в их бедствии, нежно заботиться о страждущих и «смешивать слезу сострадания со слезами плачущих». Но разве не вправе мы назвать их «слезами, которые услаждают, и вздохами, которые возносят к небу»? Итак, все эти страдания столь далеки от того, чтобы препятствовать нашему счастью или уменьшать его, что весьма ему содействуют и даже составляют немалую его часть. Поэтому в целом не может быть более ложного предположения, чем то, будто религиозная жизнь — жизнь несчастная: ведь истинная религия, рассматриваемая и по своей природе, и по своим плодам, есть истинное и прочное счастье.

[56] 7. Человек, предпочитающий приобрести мир ценой своей души, предполагает, во-вторых, что «жизнь в нечестии — счастливая жизнь»! *Нечестие — счастье!* Даже древний языческий поэт мог бы научить его лучшему. Даже Ювенал понял: Nemo malus felix, — «ни один злой человек не счастлив». А как ясно Сам Бог объявляет: «Нет мира нечестивым!» Нет душевного мира; а без него не может быть счастья.

[57] Но, не прибегая к авторитетам, взвесим дело на весах разума. Спрашиваю: что может сделать нечестивого человека счастливым? Вы отвечаете: «Он приобрёл весь мир». Допустим. И что это означает? Он приобрёл всё, что услаждает чувства, в частности всё, что может угодить вкусу, все изысканные яства и напитки. Верно; но могут ли еда и питьё сделать человека счастливым? Никогда ещё не делали и, несомненно, никогда не сделают. Для бессмертного духа это слишком грубая пища. Но допустим, она даёт ему убогое подобие счастья в те мгновения, когда он глотает; что же он станет делать

в остальное время? Разве оно не будет тяготить его? Разве он не станет стонать под бременем долгих, скучных часов и думать, что быстрокрылое время летит слишком медленно? Если он не вполне занят, разве не будет часто жаловаться на упадок духа? Бессодержательное выражение, которого несчастный врач обыкновенно понимает не больше, чем его несчастный пациент. Мы знаем, что существуют *нервные расстройства.* Но знаем также, что обычно называемое нервным упадком есть тайный укор Божий, своего рода сознание, что мы не на своём месте, что мы не таковы, какими Бог желает нас видеть: мы оторваны от своего подлинного средоточия.

[58] 8. Чтобы устранить или хотя бы смягчить это странное беспокойство, пусть он прибавит удовольствия воображения. Пусть разукрасит себя серебром и золотом, нарядится во все цвета радуги. Пусть возведёт великолепные дворцы и обставит их как можно изящнее и дороже. Пусть проложит аллеи и разобьёт сады, украшенные всем, что могут дать природа и искусство. И долго ли они будут доставлять удовольствие? Лишь пока новы. Как только новизна исчезает, исчезает и удовольствие. После нескольких месяцев или лет созерцания они уже не доставляют удовлетворения. Человек, спасающий свою душу, имеет преимущество перед ним даже в этом отношении, ибо может сказать:

> [59] В усладах, что являют владенья богача,
> Я требую свой удел, не вызывая зависти;
> И каждый прекрасный предмет перед моим взором
> Приносит сердцу радость.

[60] 9. «Однако у него есть ещё одно средство: *похвала, слава.* Разве это не сделает его счастливым?» Не сделает, ибо все люди не могут его хвалить: никого никогда не

хвалили все. Одни будут хвалить, возможно многие, но не все. Несомненно, некоторые будут порицать; а любитель похвалы испытает больше боли от порицания одного, чем удовольствия от похвалы многих. Поэтому всякий ищущий счастья в похвале непременно разочаруется и в общем итоге найдёт несравненно больше боли, чем удовольствия.

[61] 10. Но чтобы кратко решить вопрос, возьмём пример человека, приобретшего больше земных благ, чем, вероятно, кто-либо из ныне живущих, за исключением владетельного государя. Но сделало ли его счастливым всё приобретённое? Ответь за себя сам! И сказал Аман: «Всё это ничего не значит для меня, пока я вижу Мардохея, сидящего у ворот». Бедный Аман! Одно нечестивое расположение — будь то гордость, зависть, ревность или мстительность — доставляло ему больше боли и томления духа, чем весь мир мог дать удовольствия. По самой природе вещей иначе и быть не может, ибо все нечестивые расположения — расположения несчастные. Честолюбие, сребролюбие, тщеславие, неумеренная привязанность, злоба, мстительность несут в себе собственную кару и мстят душе, в которой обитают. В самом деле, что они такое, особенно в соединении с пробудившейся совестью, как не адские псы, уже грызущие душу и не допускающие к ней счастья? Разве даже язычники не видели этого? Что ещё означает их предание о Титии, прикованном к скале, с коршуном, который непрестанно разрывает ему грудь и пожирает печень? Quid rides? «Чему ты улыбаешься?» — говорит поэт:

> [62] Mutato nomine, de te
> Fabula narratur.

[63] «Имя другое, но человек этот — ты!» Похоть, неразумное желание, зависть, злоба или гнев уже терзают твою грудь; любовь к деньгам или похвале, ненависть или мстительность уже пожирают твой бедный дух. Вот какое счастье в пороке! Так тщетно предположение, что жизнь в нечестии — счастливая жизнь!

[64] 11. Но он делает третье предположение: что непременно проживёт сорок, пятьдесят или шестьдесят лет. А *вы* рассчитываете на это? На то, что проживёте шестьдесят лет? Кто вам сказал, что проживёте? Не кто иной, как враг Бога и человека, убийца душ. Не верьте ему: он лжец от начала, от самого начала своего восстания против Бога. И в этом он особенно лжив, ибо не дал бы вам жизни, даже если бы мог. Если бы Бог позволил, он верно завершил бы своё дело и тотчас увлёк вас в собственное место. А если бы и захотел, дать вам жизнь он не может: дыхание человека не в его руках. Он не распоряжается жизнью и смертью: эта власть принадлежит Всевышнему. Правда, возможно, Бог иногда позволяет ему причинять смерть. Не знаю, не злой ли ангел поразил за одну ночь сто восемьдесят пять тысяч ассирийцев; и прекрасные строки нашего поэта столь же применимы к злому духу, как и к доброму:

> [65] Так ангел по божественному повелению
> Несёт смерть и ужас виновной земле;
> Радуясь исполнить приказ Всемогущего,
> Он мчится на вихре и бурей правит.

[66] Но хотя сатана порой может причинить смерть, я не знаю, чтобы он когда-либо мог дать жизнь. Один из самых верных его слуг несколько лет назад кричал: «Неделю жизни! Неделю жизни! Тридцать тысяч фунтов за неделю

жизни!» Но он не смог купить и одного дня. В ту ночь Бог потребовал его душу! А как скоро Он может потребовать её у вас? Уверены ли вы, что проживёте шестьдесят лет? Уверены ли, что проживёте год, месяц, неделю, день? О, спешите жить! Поистине, тот, кто может умереть сегодня ночью, должен жить сегодня.

[67] 12. Так нелепы все предположения человека, приобретающего мир и губящего свою душу. Но представим на мгновение, что нечестие — счастье и что он непременно проживёт шестьдесят лет; я всё же спросил бы: какая ему польза, если он приобретёт весь мир на шестьдесят лет, а затем навеки погубит душу?

[68] Может ли сделать такой выбор кто-нибудь, кто размышляет о том, что такое вечность? Филипп Меланхтон, самый учёный из всех немецких реформаторов, приводит следующий рассказ. Я не сужу о нём, а передаю почти его собственными словами: «Когда я был в Виртемберге, то однажды летним вечером гулял с несколькими товарищами по учёбе. Мы услышали необычное пение и, пойдя на звук, увидели птицу необычного вида. Один подошёл и спросил: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа, кто ты?“ Она ответила: „Я — осуждённый дух“ — и, исчезая, произнесла: „О вечность, вечность! Кто может измерить долготу вечности?“» И как скоро это станет речью того, кто продал душу за шестьдесят лет удовольствий! Как скоро он воскликнет: «О вечность, вечность! Кто может измерить долготу вечности?»

[69] 13. Как поразительно поясняет это один из древних отцов! «Предположим, существует шар из песка величиной со всю землю. Предположим, каждые тысячу лет одна песчинка в нём исчезает. Что предпочтительнее:

быть счастливым, пока этот шар убывает по песчинке в тысячу лет, и несчастным вовеки после этого — или быть несчастным, пока он убывает с такой скоростью, а после этого счастливым вовеки?» Несомненно, мудрый человек не поколебался бы в выборе ни мгновения: ведь всё время, за которое исчезнет этот шар, составляет по отношению к вечности бесконечно меньшую долю, чем капля воды по отношению ко всему океану или песчинка по отношению ко всей массе шара. Итак, даже если допустить, что религиозная жизнь — жизнь несчастная, жизнь в нечестии — счастливая и человек уверен, что будет наслаждаться этим счастьем шестьдесят лет, какая ему польза, если затем он будет несчастен всю вечность?

[70] 14. Но доказано, что всё обстоит прямо противоположным образом: религия есть счастье, нечестие — несчастье, и никто не уверен, что проживёт хотя бы шестьдесят дней. Если так, найдётся ли под небом глупец или безумец, которого можно сравнить с человеком, отбрасывающим собственную душу, хотя бы ради приобретения всего мира? Ибо каково истинное положение дел? Какой выбор Бог предлагает Своим созданиям? Не такой: «Хочешь ли быть счастливым шестьдесят лет, а потом несчастным вечно, или несчастным шестьдесят лет, а потом счастливым вечно?» Не такой: «Хочешь ли сначала временного рая, а затем вечного ада или сначала временного ада, а затем вечного рая?» Но просто такой: «Хочешь ли быть несчастным шестьдесят лет и несчастным вовеки после этого или счастливым шестьдесят лет и счастливым вовеки после этого? Хочешь ли теперь предвкушать рай, а затем обрести рай навеки или теперь предвкушать ад, а затем обрести ад навеки? Хочешь ли двух адов или двух небес?»

[71] 15. Казалось бы, чтобы ответить на этот вопрос, не требуется большой проницательности. И именно этот вопрос я теперь предлагаю вам во имя Божие. Хотите ли вы быть счастливы здесь и после, в нынешнем мире и в будущем? Или хотите быть несчастны здесь и после, во времени и в вечности? Что вы выбираете? Не медлите: сейчас же примите одно или другое! Призываю сегодня небо и землю во свидетели: я предложил вам жизнь и смерть, благословение и проклятие. О, изберите жизнь! Жизнь мира и любви теперь, жизнь славы навеки! По благодати Божией изберите ныне ту благую часть, которая никогда у вас не отнимется! И однажды утвердившись в выборе, никогда не отступайте: держитесь его при любых обстоятельствах. Идите вперёд во имя Господа, Которого избрали, и в могуществе силы Его! Несмотря на всякое сопротивление природы, мира и всех сил тьмы, продолжайте подвизаться добрым подвигом веры и держитесь вечной жизни! И тогда вам уготован венец, который Господь, праведный Судия, даст вам в тот день!

О совершении нашего спасения

[1] «Со страхом и трепетом совершайте своё спасение; потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению».

[2] Флп. 2:12–13.

[3] 1. Некоторые великие истины, такие как бытие и свойства Бога и различие между нравственным добром и злом, были в известной мере известны языческому миру. Их следы обнаруживаются у всех народов, так что в некотором смысле всякому сыну человеческому можно сказать: «Он показал тебе, человек, что есть добро: поступать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить перед Богом твоим». Этой истиной Он в некоторой мере «просветил всякого приходящего в мир». И потому те, кто «не имеет закона», то есть не имеет писаного закона, «сами себе закон». Они показывают «дело закона» — его сущность, хотя и не букву, — «написанное в их сердцах» той же рукой, которая начертала заповеди на каменных скрижалях; «совесть их также свидетельствует им», сообразно ли они поступают с ним или нет.

[4] 2. Но есть две великие области учения, заключающие в себе множество важнейших истин, которых совершенно не знали даже самые просвещённые язычники древнего мира, как не знают их и самые разумные язычники, ныне живущие на земле. Я имею в виду истины о вечном Сыне Божием и о Духе Божием: о Сыне, отдавшем Себя в «умилостивление за грехи мира», и о Духе Божием, обновляющем людей по образу Божию, в котором они были сотворены. Ибо после всех усилий, предпринятых

остроумными и учёными людьми, в особенности великим человеком, шевалье Рамсеем, чтобы отыскать некоторое подобие этих истин в необъятной груде сочинений языческих авторов, это подобие оказалось столь слабым, что различить его может лишь очень живое воображение. Кроме того, даже такое слабое подобие встречается лишь в рассуждениях весьма немногих — наиболее образованных и глубокомысленных людей своих поколений. Неисчислимые же множества, окружавшие их, почти ничего не выигрывали от знания философов и оставались столь же совершенно невежественными даже в этих главных истинах, как погибающие животные.

5 3. Несомненно, эти истины никогда не были известны простому народу, основной массе человечества, большинству людей ни в одном народе, пока Евангелие не вывело их на свет. Несмотря на искру знания, мерцавшую здесь и там, вся земля была покрыта тьмой, пока не взошло Солнце правды и не рассеяло ночные тени. С тех пор как явился этот Восток свыше, великий свет воссиял тем, кто прежде сидел во тьме и тени смертной. И тысячи их в каждом веке познали, «что Бог так возлюбил мир, что отдал Своего Единственного Сына, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». И, получив вверенные им словеса Божии, они узнали, что Бог дал нам также Своего Святого Духа, Который «производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению».

6 4. Как замечательны предшествующие этому слова апостола! «Пусть в вас будет то же расположение, какое было и во Христе Иисусе, Который, пребывая в образе Божием», — в непередаваемом естестве Бога от вечности, — «не считал хищением», — таков точный смысл слова:

не посягательством на чужое преимущество, а собственным бесспорным правом, — «быть равным Богу». Это слово заключает в себе и *полноту,* и высочайшую *высоту* Божества; им противопоставлены два выражения: Он *опустошил* и Он *смирил Себя*. Он «опустошил Себя» от той Божественной полноты, сокрыл Свою полноту от взоров людей и ангелов, «приняв» — и самим этим действием опустошив Себя — «образ раба, сделавшись подобным человеку», истинным человеком, как другие люди. «И по виду став как человек» — обыкновенный человек, без особенной красоты или превосходства, — «смирил Себя» ещё больше, «став послушным» Богу, хотя и равным Ему, «даже до смерти, и смерти крестной» — высочайший пример и смирения, и послушания.

[7] Представив пример Христа, апостол увещевает их утвердиться в спасении, которое Христос приобрёл для них: «Итак, со страхом и трепетом совершайте своё спасение; потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению».

[8] В этих всеобъемлющих словах мы можем заметить:

[9] I. Великую истину, которую никогда не следует выпускать из памяти: «Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению». [73]

[10] II. Применение, которое мы должны ей дать: «Со страхом и трепетом совершайте своё спасение».

[11] III. Связь между ними: «Бог производит в вас», поэтому «совершайте своё спасение».

[12] I. 1. Во-первых, мы должны обратить внимание на великую и важную истину, которую никогда не следует выпускать из памяти: «Бог производит в нас и хотение и действие по Своему благоволению». Смысл этих слов

станет яснее, если немного переставить их: «Бог по Своему благоволению производит в вас и хотение и действие». Такое расположение слов, связывающее выражение *по Своему благоволению* со словом *производит,* устраняет всякую мысль о человеческой заслуге и отдаёт Богу всю славу Его собственного дела. Иначе у нас мог бы оставаться некоторый повод похваляться, будто наша заслуга, какое-то добро в нас или совершённое нами доброе дело первыми побудили Бога действовать. Но это выражение отсекает все подобные суетные мнения и ясно показывает: побуждение к действию находилось всецело в Нём Самом — в одной Его благодати, в Его незаслуженной нами милости.

[13] 2. Только она побуждает Его производить в человеке и хотение и действие. Это выражение допускает два истолкования, оба несомненно истинные. Во-первых, *хотение* может заключать в себе всё внутреннее благочестие, а *действие* — всё внешнее. При таком понимании оно означает, что Бог производит и внутреннюю, и внешнюю святость. Во-вторых, *хотение* может означать всякое доброе желание, а *действие* — всё, что из него следует. Тогда смысл таков: Бог вдыхает в нас всякое доброе желание и приводит всякое доброе желание к доброму исполнению.

[14] 3. Слова подлинника to thelein и to energein, по-видимому, благоприятствуют последнему истолкованию. to thelein, которое мы передаём как *хотение,* явно включает всякое доброе желание, касается ли оно наших расположений, слов или поступков, внутренней или внешней святости. А to energein, которое мы передаём как *действие,* явно заключает в себе всю ту силу свыше, всю ту энергию, которая производит в нас

всякое правое расположение, а затем снаряжает нас ко всякому доброму слову и делу.

15 4. Ничто не может так прямо содействовать удалению гордости из человека, как глубокая и прочная убеждённость в этом. Ведь если мы вполне сознаём, что у нас нет ничего, чего бы мы не получили, как можем хвалиться, будто не получили? Если мы знаем и чувствуем, что и самое первое движение добра приходит свыше, и сила, доводящая его до конца; если Бог не только внушает всякое доброе желание, но и сопровождает его, и следует за ним, иначе оно исчезнет, — тогда очевидно, что хвалящийся должен хвалиться Господом.

16 II. 1. Перейдём теперь ко второму пункту: если Бог производит в вас, то совершайте своё спасение. Слово подлинника, переданное как *совершайте,* означает полное исполнение дела. *Своё:* ибо вы сами должны сделать это, иначе оно навсегда останется несделанным. *Своё спасение:* спасение начинается с того, что обычно и весьма справедливо называют *предваряющей благодатью.* Она включает первое желание угодить Богу, первый проблеск света о Его воле и первое слабое, мимолётное убеждение в том, что мы согрешили против Него. Всё это заключает в себе некоторое устремление к жизни, некоторую степень спасения, начало избавления от слепого, бесчувственного сердца, совершенно нечувствительного к Богу и Божиим вещам. Спасение продолжается через *обличающую благодать,* обычно называемую в Писании *покаянием;* она приносит большую меру самопознания и дальнейшее избавление от каменного сердца. Затем мы переживаем собственно христианское спасение, через которое по благодати

«спасаемся верою»; оно состоит из двух великих частей — оправдания и освящения. Через оправдание мы спасаемся от вины греха и возвращаемся в Божие благоволение; через освящение спасаемся от власти и корня греха и восстанавливаемся в образе Божием. Весь опыт, как и Писание, показывает, что это спасение и мгновенно, и постепенно. Оно начинается в тот миг, когда мы оправданы, — в святой, смиренной, кроткой, терпеливой любви к Богу и человеку. С этого момента оно постепенно возрастает, как «горчичное зерно, сперва меньшее всех семян», но затем выпускающее большие ветви и становящееся великим деревом, пока в другой миг сердце не очистится от всякого греха и не наполнится чистой любовью к Богу и человеку. Но даже эта любовь возрастает всё более, пока мы «во всём не возрастём в Того, Кто есть глава наша», пока не достигнем «меры возраста полноты Христовой».

[17] 2. Но как нам *совершать* это спасение? Апостол отвечает: «Со страхом и трепетом». У святого Павла есть другое место с тем же выражением, которое может пролить свет на это: «Слуги, повинуйтесь господам своим по плоти», то есть согласно нынешнему порядку вещей, хотя и сознавая, что через недолгое время слуга освободится от своего господина, «со страхом и трепетом». Это выражение вошло в поговорку, и его нельзя понимать буквально. Какой господин мог бы терпеть, а тем более требовать, чтобы слуга стоял перед ним, дрожа и трясясь? Да и следующие слова совершенно исключают такой смысл: «В простоте сердца», с единым устремлением к воле и промыслу Божию; «не с видимой только услужливостью, как человекоугодники, но как слуги Христовы, от сердца исполняя волю Божию», делая всё, что делают, как волю Божию и потому всеми силами

(Еф. 6:5 и далее). Легко увидеть, что эти сильные выражения апостола явно означают две вещи: во-первых, всё должно совершаться с величайшей серьёзностью духа, со всей заботливостью и осторожностью — возможно, это ближе относится к первому выражению meta phobou, *со страхом;* во-вторых, всё должно делаться с величайшим усердием, быстротой, своевременностью и точностью — что, вероятно, относится ко второму выражению meta tromou, *с трепетом.*

18 3. Как легко перенести это на главное дело жизни — совершение нашего собственного спасения! С тем же расположением и тем же образом, каким слуги-христиане служат своим земным господам, пусть и прочие христиане трудятся, служа своему Небесному Господину: во-первых, с величайшей серьёзностью духа, со всей возможной заботливостью и осторожностью; во-вторых, с величайшим усердием, быстротой, своевременностью и точностью.

19 4. Но какие шаги Писание указывает нам предпринять для совершения собственного спасения? Пророк Исаия даёт общий ответ о первых шагах: «Перестаньте делать зло; научитесь делать добро». Если вы желаете, чтобы Бог произвёл в вас ту веру, от которой приходят и нынешнее, и вечное спасение, то по уже данной благодати бегите от всякого греха, как от лица змеи; тщательно избегайте всякого злого слова и дела; да, воздерживайтесь от всякого вида зла. И «научитесь делать добро»: ревнуйте о добрых делах, о делах благочестия, как и о делах милосердия. Молитесь в семье и взывайте к Богу втайне. Поститесь втайне, и «Отец ваш, видящий тайное, воздаст вам явно». «Исследуйте Писания»: слушайте их в общем собрании, читайте наедине и размышляйте над ними. При

всякой возможности участвуйте в Вечере Господней. «Делайте это в воспоминание» о Нём, и Он встретит вас за Своей трапезой. Общайтесь с детьми Божиими и смотрите, чтобы ваша речь была «с благодатью, приправлена солью». Пока есть время, делайте добро всем людям — их душам и их телам. И в этом «будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевая в деле Господнем». Остаётся лишь отрекаться от себя и ежедневно брать свой крест. Отказывайте себе во всяком удовольствии, которое не готовит вас находить радость в Боге, и охотно принимайте всякое средство приблизиться к Богу, хотя бы оно было крестом, хотя бы было тягостно плоти и крови. Тогда, имея искупление в крови Христовой, вы будете «идти к совершенству», пока, «ходя во свете, как Он во свете», не сможете засвидетельствовать, что «Он верен и праведен», чтобы не только «простить» ваши «грехи», но и «очистить» вас «от всякой неправды».

[20] III. 1. «Но, — говорят некоторые, — какая связь между первой и последней частью этого изречения? Не являются ли они, скорее, прямыми противоположностями? Если Бог производит в нас и хотение и действие, какая нужда действовать нам? Разве Его действие не устраняет всякую необходимость нашего действия? Более того, разве оно не делает наше действие не только ненужным, но и невозможным? Ведь если признать, что Бог делает всё, что остаётся делать нам?»

[21] 2. Так рассуждают плоть и кровь. И при первом впечатлении это чрезвычайно правдоподобно. Но рассуждение неосновательно, что станет очевидно, если мы глубже рассмотрим предмет. Тогда мы увидим, что между словами «Бог действует, поэтому действуем и мы»

нет противоречия; напротив, между ними теснейшая связь, и притом в двух отношениях. Во-первых, Бог действует, поэтому вы *можете* действовать. Во-вторых, Бог действует, поэтому вы *должны* действовать.

[22] 3. Во-первых, Бог производит в вас, поэтому вы *можете* действовать; иначе это было бы невозможно. Если бы Он не действовал, вы не могли бы совершать своё спасение. «Человекам это невозможно», — говорит наш Господь о том, чтобы «богатому войти в Царство Небесное». Да, это невозможно никакому человеку, никому рождённому женщиной, если Бог не действует в нём. Поскольку все люди по природе не только больны, но «мертвы по преступлениям и грехам», они не могут сделать ничего доброго, пока Бог не воскресит их из мёртвых. Лазарю было невозможно выйти, пока Господь не дал ему жизнь. И нам столь же невозможно *выйти* из своих грехов, даже сделать к этому малейшее движение, пока Тот, Кому принадлежит всякая власть на небе и на земле, не призовёт наши мёртвые души к жизни.

[23] 4. Но это не оправдывает тех, кто продолжает грешить и возлагает вину на своего Творца, говоря: «Только Бог должен оживить нас, ибо мы не можем оживить собственные души». Ведь хотя все человеческие души мертвы во грехе по *природе,* это никого не извиняет: нет человека, пребывающего в состоянии одной лишь природы; нет человека, который, если только он не угасил Духа, был бы совершенно лишён благодати Божией. Ни один живущий человек не лишён вполне того, что обычно называют *естественной совестью.* Но она не естественна: правильнее назвать её *предваряющей благодатью.* В каждом человеке есть большая или меньшая мера её, и она не ждёт человеческого призыва. У

каждого рано или поздно бывают добрые желания, хотя большинство людей подавляет их, прежде чем они успеют глубоко укорениться или принести сколько-нибудь значительный плод. У каждого есть некоторая мера света, какой-то слабый мерцающий луч, который рано или поздно, в большей или меньшей степени, просвещает всякого приходящего в мир. И каждый, если только он не принадлежит к тому малому числу, чья совесть словно выжжена калёным железом, чувствует большее или меньшее беспокойство, поступая против света собственной совести. Поэтому никто не грешит из-за отсутствия благодати: человек грешит потому, что не пользуется имеющейся у него благодатью.

24 5. Итак, поскольку Бог действует в вас, вы теперь способны совершать своё спасение. Поскольку Он по Своему благоволению, без всякой вашей заслуги производит в вас и хотение и действие, вы можете исполнить всякую правду. Вы можете «любить Бога, потому что Он прежде возлюбил нас», и «ходить в любви» по примеру нашего великого Учителя. Мы, конечно, знаем, что Его слово совершенно истинно: «Без Меня не можете делать ничего». Но, с другой стороны, мы знаем, что всякий верующий может сказать: «Всё могу во Христе, укрепляющем меня».

25 6. Вместе с тем будем помнить, что Бог соединил эти истины в опыте каждого верующего; поэтому надо остерегаться мысли, будто их когда-либо следует разделить. Надо беречься того притворного смирения, которое учит нас оправдывать намеренное непослушание словами: «О, я ничего не могу!» — и на этом останавливается, ни разу не упомянув благодати Божией. Прошу, подумайте ещё раз. Вдумайтесь в свои слова.

Надеюсь, вы несправедливы к себе: ведь если вы действительно ничего не можете, то у вас нет веры. А если нет веры, вы в жалком положении: вы не пребываете в состоянии спасения. Конечно же, это не так. Вы можете кое-что через укрепляющего вас Христа. Возгрейте искру благодати, которая теперь в вас, и Он даст вам больше благодати.

[26] 7. Во-вторых, Бог производит в вас, поэтому вы *должны* действовать: вы должны быть «соработниками Его» — это собственные слова апостола, — иначе Он перестанет действовать. Общее правило, которому неизменно следует Его благодатное домостроительство, таково: «Имеющему дано будет, а у неимеющего» — у того, кто не употребляет уже данную благодать, — «отнимется и то, что он несомненно имеет». Именно так следует передавать эти слова. Даже святой Августин, которого обычно считают сторонником противоположного учения, делает справедливое замечание: Qui fecit nos sine nobis, non salvabit nos sine nobis — «Тот, Кто создал нас без нас, не спасёт нас без нас». Он не спасёт нас, если мы не «спасём себя от этого развращённого поколения», если сами не будем «подвизаться добрым подвигом веры и держаться вечной жизни», если не будем «усиленно стремиться войти тесными вратами», «отрекаться от себя и ежедневно брать свой крест» и всеми возможными средствами трудиться, «делая твёрдыми своё призвание и избрание».

[27] 8. Итак, братья, «трудитесь не ради пищи тленной, но ради пребывающей в жизнь вечную». Скажите вместе с нашим благословенным Господом, хотя и в несколько ином смысле: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Помня, что Он по-прежнему действует в вас, никогда «не

унывайте, делая добро». Продолжайте силой благодати Божией, предваряющей, сопровождающей и следующей за вами, «дело веры, терпение надежды и труд любви». «Будьте тверды и непоколебимы, всегда преуспевая в деле Господнем». И «Бог мира, воскресивший из мёртвых великого Пастыря овец», Иисуса, «да сделает вас совершенными во всяком добром деле к исполнению Его воли, производя в вас благоугодное Ему через Иисуса Христа, Которому слава во веки веков!»

Призыв к отступившим

1 «Неужели Господь навеки удалится? И уже не преклонится к мольбам? Неужели навсегда иссякла Его милость? И обетование Его навеки прекратилось?»

2 Пс. 77:7, 8.

3 1. Самонадеянность — одна из великих сетей диавола, в которую попадают многие дети человеческие. Они столь дерзко полагаются на милость Божию, что совершенно забывают о Его справедливости. Хотя Он ясно объявил: «Без святости никто не увидит Господа», — они льстят себе надеждой, что в конце концов Бог окажется милостивее, чем обещает Его слово. Они воображают, будто могут жить и умереть в своих грехах и всё же «избежать осуждения в геенну».

4 2. Но хотя многие гибнут от самонадеянности, ещё больше людей гибнет от отчаяния. Я имею в виду отсутствие надежды, мысль о том, что избежать погибели невозможно. Много раз вступив в борьбу со своими духовными врагами и всякий раз потерпев поражение, они складывают оружие; они больше не сражаются, потому что не надеются на победу. Зная по печальному опыту, что собственными силами не могут себе помочь, и не ожидая помощи от Бога, они падают под своим бременем. Они уже не стремятся к цели, ибо полагают, что достичь её невозможно.

5 3. В этом случае, как и в тысяче других, «сердце знает горечь души своей, и посторонний не разделит его скорби». Нелегко понять это тому, кто никогда этого не

чувствовал, ибо «кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нём»? Кто, разве лишь по собственному опыту, знает, что означает такой *сокрушённый дух?* Поэтому немногие умеют сострадать находящимся в столь тяжком искушении. Немногие как следует рассмотрели их положение; немногие не обманываются внешним видом. Они видят людей, продолжающих греховную жизнь, и принимают за несомненное, что те поступают так из одной самонадеянности, тогда как в действительности причина прямо противоположна: одно лишь отчаяние. Либо у них вовсе нет надежды — и тогда они совсем не борются, — либо временами надежда появляется, и пока она держится, они «подвизаются ради победы». Но вскоре надежда угасает; тогда они прекращают борьбу и «попадают в плен к сатане, чтобы исполнять его волю».

[6] 4. Так нередко бывает с теми, кто начал хорошо бежать, но вскоре утомился на небесной дороге; особенно с теми, кто некогда «увидел славу Божию в лице Иисуса Христа», а затем опечалил Его Святого Духа и потерпел кораблекрушение в вере. Многие из них действительно устремляются в грех, как конь в сражение. Они грешат с такой дерзостью, что совершенно угашают Святого Духа Божия, и Он предаёт их похотям собственного сердца, позволяет следовать собственным помышлениям. Преданные таким образом могут стать совершенно бесчувственными, без страха, скорби или заботы; вполне спокойными и равнодушными к Богу, небу и аду. Немало содействует этому бог мира сего, ослепляя и ожесточая их сердца. Но даже они не были бы столь беспечны, если бы не отчаяние. Главная причина отсутствия скорби и заботы в том, что у них нет надежды. Они действительно

верят, что настолько прогневали Бога, что «Он уже не преклонится к мольбам».

[7] 5. И всё же даже в отношении таких людей не следует совершенно терять надежду. Мы знали некоторых из этих беспечных, которых Бог вновь посетил и возвратил к первой любви. Но гораздо больше надежды можно иметь на тех отступивших, которые не беспечны, которым всё ещё нет покоя; на тех, кто охотно вырвался бы из диавольской сети, но считает это невозможным. Они вполне убеждены, что сами себя спасти не могут, и верят, что Бог *не захочет* их спасти. Они верят, что Он бесповоротно «во гневе затворил Своё милосердие». В этом убеждении они укрепляют себя множеством доводов; и пока эти доводы не будут ясно опровергнуты, надеяться на избавление они не могут.

[8] Именно ради помощи этим беспомощным душам, утратившим надежду, я намерен, с Божией помощью:

[9] I. Исследовать главные из тех доводов, тот или иной из которых побуждает столь многих отступивших отбросить надежду и предположить, что Бог забыл миловать; и

[10] II. Дать ясный и полный ответ на каждый из этих доводов.

[11] I. Прежде всего мне надлежит исследовать главные доводы, побуждающие столь многих отступивших думать, будто Бог забыл миловать. Я говорю не о *всех* доводах, ибо бесчисленно то, что подскажут им собственные злые сердца или древний змий, но о главных — наиболее правдоподобных и потому наиболее распространённых.

[12] 1. Первый довод, побуждающий многих отступивших верить, что «Господь уже не преклонится к мольбам», выводится из самой природы дела. «Если, — говорят они,

— человек восстаёт против земного государя, он часто умирает уже за первое преступление, платит жизнью за первое нарушение. Возможно, однако, что если преступление смягчается каким-нибудь благоприятным обстоятельством или за виновного усиленно ходатайствуют, ему даруют жизнь. Но если после полного и безусловного прощения он вновь совершит мятеж, кто осмелится за него ходатайствовать? Ему уже нечего ожидать дальнейшей милости. Итак, если человек, однажды даром прощённый, вновь восстаёт против земного царя и не может ни с каким подобием основания надеяться на второе прощение, то каково должно быть положение того, кто, получив даровое прощение за восстание против великого Царя неба и земли, снова восстаёт против Него? Чего можно ожидать, кроме того, что „возмездие постигнет его до конца“?»

13 2. (1.) Этот довод разума они подкрепляют несколькими местами Писания. Одно из сильнейших находится в Первом послании Иоанна: «Если кто видит брата своего согрешающего грехом не к смерти, пусть просит, и Бог даст ему жизнь для согрешающих не к смерти. Есть грех к смерти: не о том говорю, чтобы он молился» (1 Ин. 5:16).

14 Отсюда они заключают: «Несомненно, *„не говорю, чтобы он молился“* равнозначно *„говорю, чтобы он не молился“.* Значит, апостол считает положение совершившего этот грех поистине безнадёжным! Настолько безнадёжным, что мы не можем даже молиться о его прощении, не можем просить ему жизни! И что же разумнее считать грехом к смерти, как не намеренное восстание после полного и безусловного прощения?»

15 (2.) «Рассмотрите, во-вторых, — говорят они, — те страшные места в Послании к Евреям, одно из которых

находится в шестой главе, а другое — в десятой. Начнём с последнего: „Если мы произвольно грешим после получения познания истины, то не остаётся иной жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и огненного негодования, готового пожрать противников. Отвергший закон Моисеев умирал без милосердия. Насколько же более тяжкому наказанию, думаете, повинен будет тот, кто попрал Сына Божия, не почёл святынею Кровь завета, которою освящён, и оскорбил Духа благодати? Ибо мы знаем Того, Кто сказал: «Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». Страшно впасть в руки Бога живого!“ (Евр. 10:26–31). Разве Святой Дух здесь не объявляет прямо, что наше положение безнадёжно? Разве не сказано, что, „если после получения познания истины“, после того как мы познали её на опыте, „мы произвольно грешим“ — а мы, несомненно, делали это, и неоднократно, — „не остаётся иной жертвы за грех, но некое ожидание суда и огненного негодования, готового пожрать противников“?»

16 (3.) «И разве место в шестой главе не вполне соответствует этому? „Невозможно однажды просвещённых, вкусивших дара небесного и соделавшихся причастниками Святого Духа, если они отпадут“ — буквально: *„и отпавших“* — „опять обновлять покаянием, когда они снова распинают для себя Сына Божия и предают Его поруганию“ (Евр. 6:4–6).»

17 (4.) «Правда, некоторые полагают, что слова *„это невозможно“* следует понимать не буквально, как обозначение абсолютной невозможности, а лишь как указание на чрезвычайную трудность. Но, по-видимому, у нас нет достаточного основания отходить от буквального смысла, поскольку он не содержит ничего нелепого и не

противоречит другим местам Писания. Разве это, — говорят они, — не отсекает всякую надежду? Ведь мы, несомненно, „вкусили дара небесного и сделались причастниками Святого Духа“. Как же возможно „снова обновить нас покаянием“, привести к полной перемене сердца и жизни, когда мы вновь распяли для себя „Сына Божия и предали Его поруганию“?»

[18] (5.) «Ещё более страшное место, если это возможно, находится в двенадцатой главе Матфея: „Всякий грех и хула простятся человекам; но хула на Святого Духа не простится человекам. И если кто скажет слово против Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет против Святого Духа, не простится ему ни в этом веке, ни в будущем“ (Мф. 12:31, 32). В точности соответствуют этому слова Господа нашего, приведённые Марком: „Истинно говорю вам: простятся сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Святого Духа, тому никогда не будет прощения, но он повинен вечному осуждению“ (Мк. 3:28, 29).»

[19] (6.) Некоторые считали, что все эти места указывают на один и тот же грех: не только слова Господа нашего, но и слова Иоанна о „грехе к смерти“, и слова Павла о том, чтобы „снова распинать для себя Сына Божия, попирать Сына Божия и оскорблять Духа благодати“, — всё это относится к хуле на Святого Духа, единственному греху, который никогда не простится. Так ли это или нет, следует признать, что эта хула совершенно непростительна и, следовательно, за виновных в ней Бог „уже не преклонится к мольбам“».

[20] 3. Чтобы подтвердить эти доводы, почерпнутые из разума и Писания, они обращаются к фактам. Они спрашивают: «Разве не факт, что отпавшие от

оправдывающей благодати, потерпевшие „кораблекрушение в вере“, той вере, от которой происходит нынешнее спасение, погибают без милости? Тем менее могут избежать погибели те, кто отпадает от освящающей благодати, кто терпит кораблекрушение в той вере, которою очищен от всякой скверны плоти и духа! Был ли когда-нибудь хоть один случай, чтобы кто-либо из тех или других вновь обновился покаянием? Если такие случаи есть, можно было бы склониться к мысли, что слова нашего поэта не чрезмерны»:

[21] «Даже Иуда силится подавить отчаяние,
Надежда чуть не расцветает в тенях ада».

[22] II. Таковы главные доводы, взятые из разума, Писания и фактов, которыми отступившие обыкновенно оправдывают отказ от надежды и убеждение, что Бог совершенно «во гневе затворил Своё милосердие». Я изложил их во всей силе, чтобы мы могли лучше судить о них и испытать, нельзя ли на каждый дать ясный, полный и удовлетворительный ответ.

[23] 1. Начну с довода, взятого из природы дела: «Если человек восстаёт против земного государя, в первый раз его, возможно, простят. Но если после полного и безусловного прощения он восстанет снова, надежды на второе прощение нет: ему остаётся ожидать смерти без милости. Итак, если повторно восставший против земного царя не может рассчитывать на второе прощение, как может надеяться на милость тот, кто во второй раз восстаёт против великого Царя неба и земли?»

[24] 2. Отвечаю: этот довод, основанный на сходстве земного и небесного, правдоподобен, но несостоятелен по той простой причине, что аналогия здесь неуместна. Не

может быть ни сходства, ни соизмеримости между милосердием кого-либо из детей человеческих и милосердием Всевышнего Бога. «Кому уподобите Меня? — говорит Господь». Кому на небе или на земле? «Кто из богов сравнится с Господом?» — «Я сказал: вы — боги», — говорит псалмопевец, обращаясь к верховным правителям. Таковы ваши достоинство и власть в сравнении с обычными людьми. Но что они перед Богом небесным? Как пузырёк на волне. Что их власть перед Его властью? Что их милость перед Его милостью? Отсюда утешительное слово: «Я — Бог, а не человек, потому дом Израилев не истреблён». Поскольку Он — Бог, а не человек, «милосердие Его не истощается». Поэтому никто не может заключать, будто, раз земной царь не простит восставшего против него во второй раз, не простит и Царь небесный. Да, Он простит, и не только до семи раз или до семидесяти раз по семь. Более того, пусть ваши восстания умножатся, как звёзды небесные, пусть их будет больше, чем волос на вашей голове, — всё же «возвратитесь к Господу, и Он помилует вас, и к Богу нашему, ибо Он многомилостив».

25 3. «Но разве Иоанн не отсекает нас от этой надежды своими словами о „грехе к смерти“? Разве „не говорю, чтобы он молился“ не равнозначно „говорю, чтобы он не молился“? И разве это не означает, что Бог решил не слышать такой молитвы, что Он не даст жизни такому грешнику, нет, даже по молитве праведника?»

26 4. Отвечаю: «Не говорю, чтобы он молился» несомненно означает, что он не должен об этом молиться. И это, без сомнения, подразумевает, что Бог не даст жизни согрешившим таким грехом, что приговор им уже вынесен и Бог определил не отменять его. Его не может

изменить даже та «усиленная молитва», которая в других случаях «много может».

27 5. Но я спрашиваю: во-первых, что такое грех к смерти? И во-вторых, какая смерть с ним связана?

28 (1.) Итак, во-первых, что такое грех к смерти? Много лет назад, находясь среди людей, более опытных в делах Божиих, чем все когда-либо встречавшиеся мне, я спросил некоторых из них: что вы понимаете под «грехом к смерти», упомянутым в Первом послании Иоанна? Они ответили: «Если кто-нибудь из нас болен, он посылает за пресвитерами Церкви; они молятся над ним, и молитва веры спасает болящего, и Господь восставляет его. А если он совершил грехи, за которые Бог наказывал его болезнью, они прощаются ему. Но иногда никто из нас не может молиться о том, чтобы Бог восставил его. Тогда мы вынуждены сказать: „Боимся, что вы совершили грех к смерти, грех, который Бог определил наказать смертью; мы не можем молиться о вашем выздоровлении“. И мы ещё не знали случая, чтобы такой человек выздоровел».

29 (2.) Я не вижу в этом истолковании слов ничего нелепого. По-видимому, это по крайней мере одно из значений выражения «грех к смерти»: грех, который Бог определил наказать смертью грешника. Поэтому если вы совершили такой грех и он настиг вас, если Бог наказывает вас тяжёлой болезнью, молитва о вашей жизни не поможет: вы бесповоротно приговорены к смерти. Но заметьте: это никак не относится к вечной смерти. Это вовсе не означает, что вы осуждены умереть второй смертью. Нет, скорее предполагается обратное: тело разрушается, чтобы душа избежала погибели. Я сам на протяжении многих лет видел многочисленные примеры этого. Я знал многих грешников —

преимущественно явных отступников, прежде достигавших высоких степеней святости, а затем давших врагам религии великий повод к хуле, — которых Бог пресёк на середине пути, да, прежде, чем они прожили половину своих дней. Полагаю, они совершили «грех к смерти» и вследствие этого были сражены неожиданным ударом, одни быстрее, другие медленнее. Но в большинстве этих случаев было видно, что «милость превозносится над судом». И сами эти люди были вполне убеждены как в благости, так и в справедливости Божией. Они признавали, что Он разрушал тело, чтобы спасти душу. Прежде их ухода отсюда Он исцелял их отступление. Так они умирали, чтобы жить вечно.

30 (3.) Очень примечательный случай произошёл много лет назад. Молодой углекоп в Кингсвуде, близ Бристоля, был выдающимся грешником, а затем выдающимся святым. Но мало-помалу он возобновил знакомство со старыми товарищами, которые постепенно повлияли на него так, что он отбросил всю свою религию и стал вдвое большим сыном геенны, чем прежде. Однажды он работал в шахте с серьёзным молодым человеком, который вдруг остановился и воскликнул: «О Томми, каким человеком ты некогда был! Как твои слова и пример побуждали многих к любви и добрым делам! А кто ты теперь? Что было бы с тобой, если бы ты умер таким, каков сейчас?» — «О, Боже упаси! — сказал Томас. — Тогда я стремглав полетел бы в ад! Давай же воззовём к Богу!» Они делали это довольно долго, сперва один, потом другой. С сильным воплем и слезами призывали Бога, борясь с Ним в могучей молитве. Спустя некоторое время Томас воскликнул: «Теперь я знаю, что Бог исцелил моё отступление. Я вновь знаю, что Искупитель мой жив и что Он омыл меня от грехов Своей собственной Кровью. Я

готов идти к Нему». Тотчас часть шахты обрушилась и в одно мгновение раздавила его насмерть. Кто бы ты ни был, совершивший «грех к смерти», прими это к сердцу! Быть может, Бог потребует твою душу в час, когда ты этого не ожидаешь. Но если и потребует, среди суда есть милость: ты не умрёшь навеки. [74]

31 6. «Но что скажете вы о другом месте Писания, а именно о десятой главе Послания к Евреям? Оставляет ли оно явным отступникам хоть какую-нибудь надежду, что они не умрут вечной смертью, что когда-нибудь смогут вновь обрести Божие благоволение или избежать осуждения в геенну? „Если мы произвольно грешим после получения познания истины, то не остаётся иной жертвы за грехи, но некое страшное ожидание суда и огненного негодования, готового пожрать противников. Отвергший закон Моисеев умирал без милосердия. Насколько же более тяжкому наказанию, думаете, повинен будет тот, кто попрал Сына Божия и не почёл святынею Кровь завета, которою освящён, и оскорбил Духа благодати?“»

32 7. «И разве то же самое — безнадёжное, неисцелимое состояние сознательных отступников — не подтверждается вполне соответствующим местом в шестой главе? „Невозможно однажды просвещённых и соделавшихся причастниками Святого Духа — и отпавших“, — так сказано в оригинале, — „опять обновлять покаянием, когда они вновь распинают для себя Сына Божия и предают Его поруганию“».

33 8. Эти места действительно представляются мне соответствующими друг другу и заслуживают самого глубокого рассмотрения. Чтобы понять их, необходимо узнать: (1) о каких людях здесь говорится и (2) какой грех

они совершили, сделавший их положение почти, если не вполне, безнадёжным.

[34] (1.) Что касается первого, всякому, кто беспристрастно рассмотрит и сопоставит оба места, станет ясно: здесь говорится о тех, и только о тех, кто был оправдан, чьи очи разумения были открыты и «просвещены», чтобы увидеть свет славы Божией в лице Иисуса Христа. Только такие люди «вкусили дара небесного» — прощения грехов, по преимуществу заслуживающего этого названия. Они «соделались причастниками Святого Духа» — и свидетельства, и плода Духа. Это описание нельзя с должным основанием применить ни к кому, кроме оправданных.

[35] И они были также освящены — по крайней мере в первой степени, настолько, насколько освящены все получающие прощение грехов. Во втором отрывке прямо сказано: «Кто не почёл святынею Кровь завета, которою был освящён».

[36] Отсюда следует, что это место Писания касается только тех, кто был оправдан и хотя бы отчасти освящён. Поэтому все вы, кто никогда не был так «просвещён» светом славы Божией; все, кто никогда не «вкусил дара небесного», никогда не получил прощения грехов; все, кто никогда не «соделался причастником Святого Духа», Его свидетельства и плода; одним словом, все вы, кто никогда не был освящён Кровью вечного завета, — здесь речь не о вас. Какие бы другие места Писания ни осуждали вас, несомненно, что ни шестая, ни десятая глава Послания к Евреям вас не осуждает. Оба отрывка говорят целиком и исключительно об отступниках от веры, которой у вас никогда не было. Поэтому вы и не могли её утратить: нельзя потерять то, чего не имел.

Следовательно, какие бы суды ни возвещались в этих местах Писания, они возвещаются не против *вас.* Вы не те описанные здесь люди, против которых одних они направлены.

37 (2.) Теперь спросим: в каком грехе были виновны описанные здесь люди? Чтобы понять это, следует помнить: всякий раз, когда иудеи склоняли христианина к отступничеству, они требовали от него прямо, притом в публичном собрании, объявить, что Иисус из Назарета был обманщиком народа и понёс не большее наказание, чем справедливо заслуживали Его преступления. Вот грех, который Павел в первом отрывке выразительно называет «отпадением», «повторным распятием Сына Божия и преданием Его открытому поруганию». Это он во втором отрывке называет «непочитанием Крови завета за святыню, попранием Сына Божия и оскорблением Духа благодати». Кто же из вас отпал таким образом? Кто из вас так «снова распял Сына Божия»? Ни один; ни один из вас не «предал Его открытому поруганию» таким образом. Если бы вы так явно отреклись от той «единственной жертвы за грех», иной жертвы уже не осталось бы, и вам пришлось бы погибнуть без милости. Но ваше положение иное. Никто из вас не отрёкся таким образом от жертвы, которою Сын Божий принёс полное и совершенное удовлетворение за грехи всего мира. Как бы вы ни были дурны, вы содрогаетесь при этой мысли; поэтому та жертва остаётся и для вас. Придите же, отбросьте ненужные страхи! «Приступайте с дерзновением к престолу благодати». Путь всё ещё открыт. Вы вновь «получите милость и обретёте благодать для благовременной помощи».

[38] 9. «Но разве известные слова Самого Господа нашего не отсекают нас от всякой надежды на милость? Разве Он не говорит: „Всякий грех и хула простятся человекам; но хула на Святого Духа не простится человекам. И если кто скажет слово против Сына Человеческого, простится ему; если же кто скажет против Святого Духа, никогда не простится ему ни в этом веке, ни в будущем“? Следовательно, ясно: если мы виновны в этом грехе, места для милости нет. И разве то же самое не повторено Марком почти в тех же словах: „Истинно говорю вам“, — торжественное вступление, всегда указывающее на великую важность последующего, — „простятся сынам человеческим все грехи и хуления, какими бы ни хулили; но кто будет хулить Святого Духа, тому никогда нет прощения, но он подлежит приговору вечного осуждения“?»

[39] (1.) Как огромно в каждом народе всего христианского мира число тех, кто в большей или меньшей мере тревожился из-за этого места Писания! Какие множества людей в нашем королевстве были из-за него безмерно смущены! Да и мало кто из истинно обличённых во грехе и серьёзно стремящихся спасти душу не испытывал беспокойства от страха, что уже совершил или ещё совершит этот непростительный грех. Нередко беспокойство усиливалось тем, что они почти не могли найти утешителя. Их знакомые, даже самые религиозные, понимали в этом не больше их самих, и они не находили писателя, который опубликовал бы что-либо удовлетворительное по данному предмету. Правда, в распространённых у нас «Семи проповедях» господина Рассела есть одна, специально посвящённая ему, но смущённому духу она даст мало удовлетворения. Он говорит *вокруг да около,* но ничего не проясняет;

прилагает много усилий, а в конце всё-таки не попадает в цель.

40 (2.) Но было ли когда-нибудь более плачевное доказательство ограниченности человеческого разумения, даже у людей с честным сердцем, желающих знать истину? Как возможно, чтобы читающий свою Библию хотя бы час оставался в сомнении относительно этого, когда Сам Господь наш в приведённом выше месте так ясно сказал нам, в чём состоит эта хула? «Кто будет хулить Святого Духа, тому никогда нет прощения. Потому что говорили: в Нём нечистый дух» (Мк. 3:29–30). Следовательно, это, и только это, если мы признаём за Господом понимание смысла Его собственных слов, есть хула на Святого Духа: *сказать, что в Нём был нечистый дух;* утверждать, что Христос совершал чудеса силой злого духа, или, точнее, что «Он изгонял бесов силою веельзевула, князя бесовского». Виновны ли в этом *вы?* Утверждали ли *вы,* что Он изгонял бесов силою князя бесовского? Не больше, чем перерезали горло своему соседу и подожгли его дом. Как же поразительно вы страшились там, где нет страха! Отбросьте этот пустой ужас; впредь пусть ваш страх будет разумнее. Бойтесь уступать гордости; бойтесь поддаваться гневу; бойтесь любить мир или то, что в мире; бойтесь неразумных и вредных желаний; но больше никогда не бойтесь совершить хулу на Святого Духа! Вам грозит это не больше, чем сорвать солнце с небесного свода.

41 10. Итак, в Писании у вас нет основания воображать, будто «Господь забыл миловать». Как видите, почерпнутые оттуда доводы не имеют силы, совершенно ничего не доказывают. Больше ли силы у довода, взятого из опыта или фактов?

42 (1.) Этот вопрос можно решить точно и с полной уверенностью. Если спросят: «Обретают ли какие-нибудь настоящие отступники милость у Бога? Возвращает ли кто-либо из „потерпевших кораблекрушение в вере и доброй совести“ утраченное? Знаете ли вы, видели ли хоть один пример людей, которые обрели искупление Кровью Иисуса, затем отпали и всё-таки были восстановлены, „вновь обновлены покаянием“?» — отвечу: да, воистину, и не один, не сто, а, убеждён, несколько тысяч. Всюду, где открылась мышца Господня и многие грешники обратились к Богу, находятся и такие, кто «возвращается назад от преданной им святой заповеди». Для значительной части из них «лучше было бы вовсе не познать пути праведности»: это только усиливает их осуждение, потому что они умирают во грехах. Но есть и другие, которые «взирают на Того, Кого пронзили, и рыдают», отказываясь от утешения. И рано или поздно Он непременно озаряет их светом Своего лица; укрепляет опустившиеся руки и утверждает ослабевшие колени; вновь учит говорить: «Величит душа моя Господа, и радуется дух мой о Боге, Спасителе моём». Бесчисленны такие примеры людей, которые падали, а теперь стоят прямо. Действительно, падение и восстановление верующего настолько обыкновенны, что скорее необычно встретить верующих, не сознающих, что до утверждения в вере они в большей или меньшей степени отступали от Бога, возможно не раз.

43 (2.) «Но восстанавливался ли кто-нибудь из отпавших от освящающей благодати в утраченном благословении?» Это тоже вопрос опыта; и у нас была возможность повторять наблюдения на протяжении многих лет, от одного конца королевства до другого.

44 (3.) Во-первых, мы знали множество людей обоего пола и всякого возраста, от раннего детства до глубокой старости, которые представили все возможные по природе дела доказательства того, что были «освящены во всей полноте», «очищены от всякой скверны плоти и духа»; что «любили Господа Бога своего всем сердцем, разумением, душою и крепостью»; что непрестанно «представляли» свои души и тела «в жертву живую, святую, благоугодную Богу» и вследствие этого «всегда радовались, непрестанно молились и за всё благодарили». Именно это, и ничто иное, мы считаем истинным, соответствующим Писанию освящением.

45 (4.) Во-вторых, для освящённых таким образом обычно верить, что они не могут пасть, считать себя «столпами в храме Божием, которые уже не выйдут вон». Тем не менее мы видели, как некоторые из самых крепких среди них со временем утрачивали свою твёрдость. Иногда внезапно, но чаще постепенно они уступали искушению, и в их сердцах вновь возникали гордость, гнев или неразумные желания. Более того, иногда они совершенно теряли жизнь Божию, и грех вновь обретал над ними власть.

46 (5.) Однако, в-третьих, некоторые из них, вполне осознав своё падение и глубоко устыдившись перед Богом, вновь исполнялись Его любовью и не только достигали совершенства в ней, но утверждались, укреплялись и обретали прочное основание. Они получали прежнее благословение с обильным приращением. Примечательно даже, что многие отпавшие от оправдывающей или освящающей благодати, притом столь глубоко, что их едва можно было причислить к слугам Божиим, возвращали всё утраченное — правда, редко прежде, чем их словно потрясали над

самым отверстием ада, — и весьма часто в одно мгновение. Они разом вновь обретали и сознание Его благоволения, и опыт чистой любви к Богу. В один миг они снова получали и прощение грехов, и удел среди освящённых.

47 (6.) Но пусть никто не заключает из этого Божиего долготерпения, будто Он кому-либо дал позволение грешить. Пусть никто не дерзает оставаться во грехе из-за этих необычайных примеров Божиего милосердия. Это самая безумная, самая неразумная самонадеянность, ведущая к полной, невозвратной погибели. Во всём моём опыте я не знал ни одного человека, который укреплялся бы во грехе самонадеянной уверенностью, что Бог спасёт его под конец, и не оказался бы горько обманутым и оставленным умереть в своих грехах. Превращать благодать Божию в поощрение ко греху — верный путь в глубочайший ад!

48 (7.) Предшествующие рассуждения предназначены не для этих безнадёжных сынов погибели, а для тех, кто чувствует, что «воспоминание о грехах тягостно им, а бремя их невыносимо». Перед такими мы открываем дверь надежды: пусть войдут и воздадут благодарение Господу; пусть знают, что «Господь благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив». «Посмотрите, как высоко небо над землёй! Так далеко Он удалит от них их грехи». «Не до конца будет обличать и не вечно держит гнев». Только утвердите в сердце: *«Я отдам всё за всё»,* — и жертва будет принята. Отдайте Ему всё своё сердце! Пусть всё внутри вас непрестанно взывает: «Ты — мой Бог, и я буду благодарить Тебя; Ты — мой Бог, и я буду славить Тебя». «Сей Бог — Бог мой во веки веков! Он будет моим вождём даже до смерти».

Опасность богатства

1 «Желающие обогащаться впадают в искушение и сеть и во многие безрассудные и вредные желания, которые погружают людей в разрушение и погибель».

2 1 Тим. 6:9.

3 1. Как бесчисленны дурные последствия того, что люди не знают или не обдумывают эту великую истину! И как мало даже в христианском мире тех, кто знает её или должным образом о ней размышляет! Да, как немного даже среди настоящих христиан тех, кто понимает её и принимает к сердцу! Большинство и из них скользит по ней весьма легко, едва помня, что в Библии есть такое место. А многие толкуют его так, что оно вовсе лишается силы. «Желающие обогащаться, — говорят они, — то есть желающие разбогатеть во что бы то ни стало, правдой или неправдой, решившие настоять на своём и достичь этой цели любыми средствами, — вот такие „впадают в искушение“ и во все беды, перечисленные апостолом». Но право, если бы смысл этого текста заключался только в этом, его с таким же успехом могло бы вовсе не быть в Библии.

4 2. Это столь далеко от полного смысла текста, что вообще не составляет никакой части его смысла. Апостол говорит здесь не о неправедном приобретении богатства, а совсем о другом: его слова следует понимать в прямом и очевидном смысле, без каких-либо ограничений и оговорок. Павел не говорит: «Желающие обогащаться *дурными средствами,* воровством, разбоем, притеснением или вымогательством; желающие

разбогатеть обманом или нечестной хитростью», — а просто: «Желающие обогащаться». Именно они, даже если допустить, что употребляемые ими средства совершенно невинны, «впадают в искушение и сеть и во многие безрассудные и вредные желания, которые погружают людей в разрушение и погибель».

5 3. Но кто верит этому? Кто принимает это как истину Божию? Кто глубоко в этом убеждён? Кто проповедует это? Велико ныне множество проповедников, как принадлежащих к установленному церковному порядку, так и стоящих вне его; но кто из них открыто и ясно проповедует это странное учение? Один великий человек метко заметил: «Кафедра — крепость робкого проповедника». Но у кого даже в своей крепости достанет мужества провозгласить столь немодную истину? Не припомню, чтобы за шестьдесят лет я слышал хотя бы одну проповедь на эту тему. И какой автор за то же время возвестил её печатно, по крайней мере на английском языке? Я не знаю ни одного. Ни видел, ни слышал о таком авторе. Я видел двух или трёх, которые лишь касаются этого, но никого, кто рассматривал бы предмет специально. Сам я часто касался его в проповедях и дважды в опубликованных сочинениях: однажды при объяснении Нагорной проповеди Господа нашего, а другой раз в рассуждении о «маммоне неправедности». Но до сих пор я ни издал, ни произнёс ни одной проповеди, прямо посвящённой этому предмету. Мне давно пора это сделать — наконец высказаться со всей возможной силой и ясностью, чтобы оставить после себя полное и ясное свидетельство, когда бы Богу ни угодно было призвать меня отсюда.

[6] 4. О, если бы Бог дал мне говорить верные и сильные слова, а вам — принимать их честными и смиренными сердцами! Да не будет сказано: «Они сидят пред тобою, как народ Мой, и слушают слова твои, но не исполняют их. Ты для них как человек с приятным голосом, умеющий хорошо играть на инструменте: они слушают слова твои, но не исполняют!» О, если бы вы были «не слушателями забывчивыми, но исполнителями слова», чтобы быть «блаженными в своём делании»! В этой надежде я постараюсь:

[7] I. Объяснить слова апостола; и

[8] II. Применить их к жизни.

[9] Но, о, «кто способен к сему»? Кто в силах остановить общий поток, вступить в борьбу со всеми предрассудками не только простонародья, но и учёного и религиозного мира? Однако для Бога нет ничего слишком трудного! Его благодати по-прежнему достаточно для нас. Итак, во имя Его и Его силою я постараюсь

[10] I. Объяснить слова апостола.

[11] 1. И прежде всего рассмотрим, что значит быть богатым. Что апостол подразумевает под этим выражением?

[12] Предшествующий стих определяет его смысл: «Имея пищу и одежду», — буквально *«покровы»,* ибо это слово включает и жильё, и одежду, — «будем довольны тем». «А желающие обогащаться», то есть желающие иметь больше этого, больше пищи и покрова. Отсюда ясно следует: всё, что превышает это, по мысли апостола есть *богатство;* всё, что сверх простых потребностей или, самое большее, удобств жизни. Всякий, у кого достаточно

пищи, чтобы есть, одежды, чтобы одеться, места, где приклонить голову, и ещё что-либо сверх того, — *богат.*

13 2. Рассмотрим, во-вторых, что означает выражение «желающие обогащаться». Разве оно не включает прежде всего тех, кто желает быть богатым, иметь больше *пищи* и *покрова;* кто серьёзно и обдуманно желает большего, чем пища, одежда и место, где приклонить голову, большего, чем простые потребности и удобства жизни? По крайней мере все, кто дозволяет себе это желание и не видит в нём ничего дурного, желают обогащаться.

14 3. Во-вторых, того же желают все, кто спокойно, обдуманно и намеренно *стремится* к большему, чем пища и покров; кто ставит целью и старается приобрести не только столько земного имущества, сколько обеспечит потребности и удобства жизни, но больше — чтобы накопить его или истратить на излишества. Все они своими усилиями неопровержимо доказывают, что «желают обогащаться».

15 4. Не должны ли мы, в-третьих, причислить к желающим обогащаться всех, кто на деле «собирает себе сокровища на земле»? Это запрещено Господом нашим столь же прямо и ясно, как прелюбодеяние или убийство. Допускается: (1) что мы должны обеспечивать необходимое и удобства своим домашним; (2) что занимающиеся делом должны откладывать столько, сколько необходимо для его ведения; (3) что детям следует оставить то, что обеспечит их потребности и удобства после нашего ухода из мира; (4) что мы должны заботиться о добром перед всеми людьми, так чтобы «не быть никому ничем должными». Но когда всё это исполнено, откладывать ещё больше — именно то, что Господь прямо запретил. Когда это делается спокойно и

намеренно, перед нами ясное доказательство желания обогащаться. И такое накопление денег не более совместимо с доброй совестью, чем бросание их в море.

[16] 5. В-четвёртых, к ним нужно причислить всех, кто *владеет* большим количеством земных благ, чем употребляет по воле Дарителя — вернее сказать, Владельца, ибо Он лишь *одалживает* их нам как распорядителям, оставляя за Собою *право собственности.* В самом деле, иначе и быть не может: они — дело Его рук, Он есть и должен быть Владыкой неба и земли. Это Его неотъемлемое право, которого Он не может лишить Самого Себя. И вместе с той долей Своих благ, которую Он вручил нам, Он дал нам письменное указание, определяющее цели, ради которых доверил их. Поэтому если мы удерживаем больше, чем необходимо для названных целей, то, несомненно, подлежим обвинению в «желании обогащаться». Кроме того, мы виновны в том, что зарываем талант нашего Господа в землю, и за это можем быть объявлены злыми, поскольку бесполезными, слугами.

[17] 6. Под это обвинение в «желании обогащаться» подпадают, в-пятых, все «сребролюбцы». Собственный смысл слова — те, кто *услаждается деньгами,* находит в них удовольствие, ищет в них счастье, сидит над своим золотом и серебром, векселями или долговыми обязательствами. Таков был человек, изображённый прекрасным римским живописцем, который разразился столь естественным монологом:

> [18] … Populus me sibilat, at mihi plaudo
> Ipse domi simul ac nummos contemplor in arca.

[19] [Ниже приводится перевод Фрэнсиса этих строк Горация:

> [20] «Пусть продолжают шипеть,
> А я, по собственному мнению вполне блаженный,
> Считаю деньги и наслаждаюсь сундуком». — Ред.]
> [75]

[21] Если есть пороки, не свойственные человеку от природы, я считал бы этот одним из них. Ведь деньги сами по себе, по-видимому, не удовлетворяют никакого естественного желания или влечения человеческой души; и за шестьдесят лет наблюдений я не припомню ни одного случая, чтобы человек предался сребролюбию, прежде чем пренебрёг употреблением этого драгоценного таланта по воле своего Господина. После этого грех наказывался грехом и этому злому духу позволялось войти в него.

[22] 7. Но кроме этого грубого вида корыстолюбия, любви к деньгам, есть более утончённый вид, упоминаемый великим апостолом, — pleonexia, что буквально означает *«желание иметь больше»,* больше, чем у нас уже есть. Такие люди тоже подпадают под название желающих обогащаться. Правда, в надлежащих пределах это желание невинно, даже похвально. Но когда оно переходит границы — а как трудно их не перейти! — тогда подлежит рассматриваемому здесь осуждению.

[23] 8. Но кто способен принять эти тяжёлые слова? Кто может поверить, что это великие истины Божии? Не многие мудрые, не многие знатные, не многие славящиеся учёностью; в действительности никто, кроме наученных Богом. А кого учит Бог? Пусть ответит Господь наш: «Если кто хочет творить волю Его, тот узнает об

учении, от Бога ли оно». Люди иного расположения не только не примут его, но даже не смогут понять. Некоторое время назад два человека, столь же здравомыслящих, как большинство людей в Англии, сели вместе прочесть и рассмотреть то простое рассуждение о словах: «Не собирайте себе сокровищ на земле». После долгих и глубоких размышлений один воскликнул: «Решительно не могу понять. Скажите, *вы* это понимаете, господин Л.?» Господин Л. честно ответил: «Право, нет. Я не могу постичь, что имеет в виду господин У. Совсем ничего не могу из этого вынести». Так совершенно слепо наше природное разумение к истине Божией!

24 9. Объяснив первую часть текста — «желающие обогащаться» — и как можно яснее указав, о каких людях говорится, я теперь с Божией помощью постараюсь объяснить сказанное о них: «Они впадают в искушение и сеть и во многие безрассудные и вредные желания, которые погружают людей в разрушение и погибель».

25 «Они впадают в искушение». По-видимому, это значит гораздо больше, чем просто «они подвергаются искушению». Они *входят в искушение,* прямо проваливаются в него. Его волны окружают их и целиком покрывают. Из вошедших таким образом в искушение весьма немногие выбираются. И те немногие, кто выбирается, бывают жестоко опалены, хотя и не сгорают вовсе. Если они вообще спасаются, то едва-едва, с глубокими ранами, которые нелегко исцелить.

26 10. Во-вторых, они впадают «в сеть», в диавольскую ловушку, которую он нарочно поставил на их пути. Полагаю, греческое слово собственно означает западню, стальной капкан, в котором ничто не выдаёт опасности. Но как только живое существо касается пружины, он

внезапно захлопывается и либо дробит ему кости, либо обрекает на неминуемую гибель.

27 11. В-третьих, они впадают «во многие безрассудные и вредные желания»: anoetous, *глупые, бессмысленные, причудливые,* столь же противные разуму и здравому пониманию, как и религии; *вредные* для тела и души, ослабляющие и даже разрушающие всякое благодатное и небесное расположение; губительные для веры, производимой Богом, для надежды, исполненной бессмертия, для любви к Богу и ближнему, для всякого доброго слова и дела.

28 12. Но что это за желания? Вопрос чрезвычайно важный и заслуживает глубочайшего рассмотрения.

29 В целом все они могут быть сведены к одному: желанию счастья вне Бога. Прямо или косвенно оно включает всякое безрассудное и вредное желание. Павел выражает это словами «любить творение больше Творца» и быть «более сластолюбивыми, нежели боголюбивыми». В частности же, если воспользоваться точным и прекрасным перечислением Иоанна, это «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская» — всё то, что желание богатства естественным образом и рождает, и умножает.

30 13. «Похоть плоти» обыкновенно понимают слишком узко. Она относится не к одному чувству, как принято полагать, но охватывает все чувственные удовольствия, удовлетворение любого из внешних чувств. В частности, она касается *вкуса.* Сколько тысяч людей мы видим ныне, у которых главное побуждение — желание расширять вкусовое наслаждение! Возможно, они удовлетворяют его не грубо, не так, чтобы заслужить обвинение в невоздержании, тем более не так, чтобы вредить

здоровью или ослаблять разум обжорством и пьянством. Но они живут в благопристойной, упорядоченной чувственности, в изящном эпикурействе, которое не вредит телу, а лишь губит душу, удерживая её вдали от всякой истинной религии.

[31] 14. Опыт показывает, что воображение услаждается преимущественно посредством зрения. Поэтому «похоть очей» в естественном смысле есть желание и искание счастья в удовлетворении воображения. А воображение удовлетворяется величием, красотой или новизной, преимущественно последней: ведь ни величественные, ни прекрасные предметы не радуют дольше, чем остаются новыми.

[32] 15. Искание счастья в *учёности* любого рода подпадает под «похоть очей», касается ли оно истории, языков, поэзии или какой-нибудь отрасли естественной либо опытной философии. Да, сюда следует включить и такие виды знания, как геометрия, алгебра и метафизика. Ибо если в любом из них заключается наше высшее наслаждение, мы тем самым удовлетворяем «похоть очей».

[33] 16. «Гордость житейская», какие бы ещё значения ни имело это весьма необычное выражение he alazoneia tou biou, по-видимому, подразумевает главным образом *желание почёта,* уважения, восхищения и похвал людей, ибо ничто так непосредственно не рождает и не питает гордость, как человеческий почёт. А поскольку богатство привлекает много восхищения и вызывает много похвал, оно в той же мере питает гордость и потому также может быть отнесено к этому разряду.

[34] 17. *Желание покоя* — ещё одно из этих безрассудных и вредных желаний: желание избегать всякого креста, всякой степени тяготы, опасности и трудности; желание проспать жизнь и отправиться на небо, как говорят в народе, на перине. Каждый может заметить, как богатство сначала рождает, а потом укрепляет и умножает это желание, делая людей всё более изнеженными и чувствительными, всё менее желающими и, в самом деле, всё менее способными «ежедневно брать свой крест», «переносить тяготы, как добрые воины Иисуса Христа», и «силою овладевать Царством Небесным».

[35] 18. Богатство, желаемое или уже имеющееся, естественным образом ведёт к тому или иному из этих безрассудных и вредных желаний; а доставляя средства для удовлетворения всех их, столь же естественно способствует их усилению. Между нечестивыми желаниями и всякой другой нечестивой страстью или расположением существует тесная связь. От них мы легко переходим к гордости, гневу, ожесточению, зависти, злобе, мстительности, к упрямому духу, не принимающему ни советов, ни обличения, — словом, ко всякому расположению земному, душевному или бесовскому. Всё это желание богатства или обладание им естественно стремится породить, укрепить и умножить.

[36] 19. И тем самым, по мере своего господства, они «пронзают людей многими скорбями»: скорбями от угрызений и виновной совести; скорбями, проистекающими из всех злых расположений, которые они внушают или усиливают; скорбями, неотделимыми от самих этих желаний, ибо каждое нечестивое желание есть желание беспокойное; и скорбями от противоречия

этих желаний друг другу, вследствие чего удовлетворить их все невозможно. А в конце они «погружают» тело в боль, болезни и «разрушение», а душу — в вечную «погибель».

37 II. 1. Во-вторых, мне предстоит применить сказанное к жизни. И это главное. Ибо какая польза от самого ясного знания даже превосходнейших предметов, даже Божиих вещей, если оно остаётся лишь умозрением и не воплощается в деле? Имеющий уши слышать да слышит! И услышанное пусть немедленно исполняет. О, если бы Бог дал мне то, чего я жажду! Если бы прежде, чем я уйду отсюда и меня больше не увидят, мне увидеть народ, всецело преданный Богу, распятый для мира, как и мир распят для него; народ, поистине отдавший себя Богу телом, душою и имуществом! С какой радостью я тогда сказал бы: «Ныне отпускаешь раба Твоего с миром»!

38 2. Итак, во имя Божие спрашиваю: кто из вас «желает обогащаться»? Кто из *вас* — спросите собственные сердца пред лицом Божиим — серьёзно и намеренно желает, возможно даже хваля себя за это как за немалое доказательство своей *благоразумности,* иметь больше, чем пищу, одежду и дом для укрытия? Кто из вас желает большего, чем простые потребности и удобства жизни? Остановитесь! Подумайте! Что вы делаете? Перед вами зло! Неужели вы броситесь на остриё меча? По благодати Божией обратитесь и живите!

39 3. Той же властью спрашиваю: кто из вас *старается* разбогатеть, приобрести себе больше, чем простые потребности и удобства жизни? Пусть каждый положит руку на сердце и серьёзно спросит себя: «Не принадлежу ли я к их числу? Не тружусь ли я не только ради нужного,

но и ради того, что сверх нужды?» Да скажет Дух Божий каждому, кого это касается: «Ты — тот человек!»

40 4. В-третьих, спрашиваю: кто из вас на деле «собирает себе сокровища на земле», умножает имущество, как можно скорее прибавляет дом к дому и поле к полю? Пока *ты* так «угождаешь себе, люди будут хвалить тебя». Они назовут тебя мудрым, благоразумным человеком, человеком, который *помнит о собственной выгоде.* Такова и всегда была мудрость мира. Но Бог говорит тебе: «Безумный! Не „собираешь ли ты себе гнев на день гнева и откровения праведного суда Божия“?»

41 5. Возможно, вы спросите: «Но разве вы сами не советуете приобретать всё, что можем, и сберегать всё, что можем? И разве возможно делать это, не *желая* и не *стараясь разбогатеть?* Более того, если старания увенчаются успехом, разве можно не собирать сокровищ на земле?» Отвечаю: возможно. Вы можете приобретать всё, что можете, не причиняя вреда ни душе, ни телу; можете сберегать всё, что можете, тщательно избегая каждого ненужного расхода, и всё же никогда не собирать сокровищ на земле, не желать и не стараться делать это.

42 6. Позвольте мне говорить о себе столь же свободно, как о другом человеке. Я *приобретаю всё, что могу,* а именно писательским трудом, не причиняя вреда ни душе, ни телу. Я *сберегаю всё, что могу,* не расточая сознательно ничего: ни листа бумаги, ни чашки воды. Я ничего не трачу, ни шиллинга, иначе как в жертву Богу. Однако, *отдавая всё, что могу,* я надёжно ограждён от «собирания сокровищ на земле». Да, и от желания и стремления к этому я ограждён, пока отдаю всё, что могу. А что я действительно так поступаю, призываю

засвидетельствовать всех знающих меня — и друзей, и врагов.

43 7. Но некоторые могут сказать: «Стремитесь вы к этому или нет, вы несомненно *богаты:* у вас больше необходимого для жизни». Да, больше. Но апостол обвиняет не просто в *обладании* каким-либо количеством благ, а в обладании большим, чем мы употребляем по воле Дарителя.

44 Сорок два года назад, желая снабдить бедных людей книгами дешевле, короче и понятнее всех виденных мною, я написал много небольших брошюр, обыкновенно по одному пенни за штуку, а затем несколько более крупных сочинений. Некоторые из них продавались в количестве, какого я и представить не мог; таким образом я неожиданно стал богат. Но я никогда не желал этого и к этому не стремился. И теперь, когда богатство пришло ко мне нежданно, я не собираю сокровищ на земле, вообще ничего не накапливаю. Моё желание и старание в этом отношении — «полностью расходовать свой запас за год». Я не могу не оставить после себя свои книги, когда бы Бог ни призвал меня отсюда; но во всём остальном мои собственные руки будут моими душеприказчиками.

45 8. В этом, братья мои, пусть богатые среди вас будут такими же, как я. Вы, имеющие больше пищи и одежды, спрашиваете: «Что нам делать? Бросить в море то, что дал нам Бог?» Да не будет! Это превосходный талант: его можно употребить весьма во славу Божию. Ваш путь ясно лежит перед вами; если есть мужество, идите по нему. В правильном смысле *приобретя* всё, *что можете,* и *сберегая всё, что можете,* вопреки природе, обычаю и мирскому благоразумию *отдавайте всё, что можете.* Я не говорю: «Будь добрым иудеем, отдавай десятую часть

всего, чем владеешь». Не говорю: «Будь добрым фарисеем, отдавай пятую часть всего имущества». Я не дерзаю советовать вам отдать половину того, что имеете, нет, даже три четверти: отдайте всё! Вознесите сердца, и вы ясно увидите, в каком смысле это следует сделать. Если желаете быть «верным и мудрым управителем», из той доли благ вашего Господа, которую Он пока вручил вам, сохранив право взять её обратно, когда Ему угодно, (1) обеспечьте необходимое себе: пищу, одежду, всё, чего умеренно требует природа для сохранения здоровья и сил; (2) обеспечьте то же жене, детям, слугам и всем прочим членам вашего дома. Если после этого останется избыток, делайте добро «своим по вере». Если избыток остаётся и тогда, «по мере возможности делайте добро всем». Поступая так, вы *отдаёте всё, что можете,* и даже, в правильном смысле, всё, что имеете. Ибо всё, истраченное таким образом, действительно отдано Богу. Вы воздаёте Богу Божие не только тем, что даёте бедным, но и тем, что тратите на необходимое себе и своему дому.

[46] 9. О методисты, услышьте слово Господне! У меня есть весть от Бога ко всем людям, но прежде всего к *вам.* Ибо более сорока лет я служил вам и вашим отцам. И не был тростью, колеблемой ветром: не изменял своего свидетельства. С первого дня и доныне я свидетельствовал вам одно и то же. Но «кто поверил слышанному от нас»? Боюсь, не многие богатые; боюсь, к некоторым из *вас* нужно применить страшные слова апостола: «Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях, которые придут на вас. Золото ваше и серебро изъедены, и ржавчина их будет свидетельствовать против вас и съест плоть вашу, как огонь». Несомненно съест, если вы не будете и сберегать всё возможное, и отдавать всё возможное. Но кто из вас обдумал это с тех пор, как

впервые услышал волю Господню об этом? Кто теперь решился обдумать и исполнить её? По благодати Божией начните сегодня!

47 10. О любители денег, услышьте слово Господне! Неужели вы полагаете, что деньги, даже умноженные, как песок морской, могут дать счастье? Тогда вы «преданы сильному заблуждению, чтобы верить лжи» — явной лжи, ежедневно опровергаемой тысячью опытов. Откройте глаза! Оглядитесь вокруг! Самые богатые люди — самые счастливые? Больше ли всех довольны те, у кого больше всего владений? Разве не верно прямо противоположное? Разве не общеизвестно, что богатейшие люди обыкновенно самые недовольные, самые несчастные? Не было ли подавляющее большинство из них более довольным, когда денег было меньше? Загляните в собственную грудь. Если имущество ваше умножилось, умножилось ли в той же мере ваше счастье? У вас больше средств, но больше ли довольства? Вы знаете: ища счастья в богатстве, вы лишь пытаетесь пить из пустых чаш. Как бы прекрасно они ни были расписаны и позолочены, они всё равно пусты.

48 11. О вы, кто *желает* или *старается разбогатеть,* услышьте слово Господне! Зачем вам подвергаться новым ударам? Неужели даже опыт не научит вас мудрости? Неужели вы с открытыми глазами прыгнете в яму? Зачем вам вновь «впадать в искушение»? Пока вы в теле, искушения неизбежно будут окружать вас. Но хотя бы они обступали со всех сторон, зачем вам *входить* в них? В этом нет необходимости: это ваш собственный добровольный поступок. Зачем вам снова бросаться *в сеть,* в расставленный сатаною капкан, готовый раздробить ваши кости, насмерть раздавить вашу душу?

После ясного предостережения зачем вновь погружаться в «безрассудные и вредные желания», столь же несовместимые с разумом, как и с самой религией; желания, уже причинившие вам больше вреда, чем могут возместить все сокровища земли?

[49] 12. Разве они уже не повредили вам, не ранили в самое нежное место, ослабив, если не вовсе уничтожив, ваш «голод и жажду праведности»? Есть ли у вас теперь прежнее стремление к полному образу Божию? То же пламенное желание «идти к совершенству», какое было раньше? Разве они не повредили вам, ослабив вашу *веру?* Есть ли у вас теперь присущая вере «неизгладимая уверенность, делающая грядущее действительным»? Устаиваете ли вы во всех искушениях, от удовольствия или боли, «видя Невидимого»? Есть ли у вас ежедневно и ежечасно непрерывное ощущение Его присутствия? Не повредили ли они вашей *надежде?* Полна ли теперь ваша надежда бессмертия? Исполнены ли вы по-прежнему горячего ожидания всех великих и драгоценных обетований? Вкушаете ли ныне «силы будущего века»? Пребываете ли «на небесах со Христом Иисусом»?

[50] 13. Не повредили ли они вам настолько, что пронзили вашу религию в самое сердце? Не охладили ли, если не угасили, вашу *любовь к Богу?* Это легко определить. Есть ли у вас прежнее наслаждение Богом? Можете ли вы теперь сказать:

> [51] Ничего не желаю ни внизу, ни вверху;
> Счастлив, счастлив я в любви Твоей!

[52] Боюсь, что нет. А если ваша любовь к Богу хоть сколько-нибудь ослабла, то ослабла и любовь к ближнему.

Значит, повреждены сама жизнь и самый дух вашей религии! Теряя любовь, вы теряете всё.

[53] 14. Не повреждено ли ваше *смирение?* Если имущество ваше возросло, едва ли может быть иначе. Многие будут считать вас лучшим человеком потому, что вы богаче; и как вам самим не начать думать так же? Особенно если учесть похвалы, которые одни будут воздавать простодушно, а многие — с намерением извлечь из вас пользу для себя.

[54] Если ваше смирение повреждено, это обнаружится по следующему признаку: вы уже не так способны принимать наставление, как прежде, не так прислушиваетесь к советам; вас не так легко убедить, не так легко склонить к иному мнению; вы гораздо выше ставите собственное суждение и сильнее привязаны к своей воле. Прежде вас можно было вести на ниточке, теперь не повернёшь и тележной верёвкой. Вы радовались наставлению и обличению, но это время прошло. И теперь вы считаете человека врагом за то, что он говорит вам правду. О, пусть каждый спокойно обдумает это и посмотрит, не его ли это портрет!

[55] 15. Не так же ли повреждена ваша *кротость?* Некогда вы усвоили превосходный урок у Того, Кто кроток и смирен сердцем. Когда вас злословили, вы не злословили в ответ; не воздавали бранью за брань, а, напротив, благословляли. Ваша любовь *не раздражалась,* но во всех обстоятельствах давала вам побеждать зло добром. Таково ли ваше состояние теперь? Боюсь, что нет. Боюсь, вы не можете «всё переносить». Увы, скорее можно сказать, что вы ничего не можете перенести: ни несправедливости, ни даже оскорбления! Как быстро вас выводят из равновесия! Как легко возникает мысль: «Что! Со *мной*

так обращаться! Какая наглость! Как он посмел! Я уже не тот, что прежде. Пусть знает: теперь я способен себя защитить». Вы хотите сказать: отомстить за себя. И хорошо ещё, если при такой возможности у вас нет также желания мстить, если вы не хватаете своего товарища по служению за горло.

56 16. Не повреждено ли также ваше *терпение?* «Всё ли переносит» теперь ваша любовь? По-прежнему ли вы «терпением владеете своей душой», как при первом обращении к вере? О, какая перемена! Вы снова научились часто бывать не в духе. Вы нередко раздражены, чувствуете досаду и даже уступаете ей. Вы находите, что множество вещей идёт настолько наперекор вам, что не знаете, как это вынести.

57 Много лет назад я сидел с одним господином в Лондоне, который весьма боялся Бога и обыкновенно год за годом раздавал девять десятых годового дохода. Вошёл слуга и подбросил угля в огонь. Вырвалось облачко дыма. Баронет откинулся в кресле и воскликнул: «О, господин Уэсли, вот с какими крестами я встречаюсь ежедневно!» Не был бы он менее нетерпелив, если бы имел пятьдесят фунтов в год вместо пяти тысяч?

58 17. Но вернёмся к предмету. Не погрузились ли вы, преуспевшие в умножении имущества, незаметно в изнеженность души, если не тела тоже? Вы уже не радуетесь тому, чтобы «переносить тяготы, как добрые воины Иисуса Христа». Вы уже не «устремляетесь в Царство Небесное, беря его словно приступом». Вы не охотно и радостно «отвергаетесь себя и ежедневно берёте свой крест». Вы не можете отказать себе в жалком удовольствии ещё немного поспать или полежать в мягкой постели ради слушания слова, способного спасти

ваши души! В самом деле, вы «не можете выйти так рано утром; к тому же темно, да ещё холодно, возможно и дождливо. Холод, темнота, дождь, всё вместе — даже подумать об этом не могу». Когда вы были бедным человеком, вы так не говорили. Тогда вы не обращали внимания ни на что подобное. Именно перемена обстоятельств вызвала эту печальную перемену в вашем теле и душе. Вы — лишь тень того, кем были! Что сделало для вас богатство?

59 «Но нельзя ожидать, что я буду делать всё то же, что прежде: ведь теперь я состарился». Разве я не состарился, как и вы? Разве мне не идёт семьдесят восьмой год? И всё же по благодати Божией я пока не замедляю шага. Не замедляли бы и *вы,* останься вы бедным человеком.

60 18. Вы так глубоко повреждены, что почти утратили ревность к делам милосердия, как и к делам благочестия. Некогда вы пробирались сквозь холод и дождь, через любой крест на пути, чтобы увидеть бедных, больных, страждущих. Вы ходили, делая добро, и отыскивали тех, кто не мог отыскать вас. Вы охотно спускались в их подвалы и взбирались на их чердаки,

> 61 Чтобы восполнить все их нужды,
> Тратить своё и себя, помогая Его святым.

62 Вы находили каждое место человеческого бедствия и помогали по мере сил:

> 63 Всякая скорбь пробуждала ваше щедрое сострадание;
> Вы видели лицо Спасителя и, видя, любили.

[64] Идёте ли теперь теми же следами? Что мешает? Боитесь испортить шёлковый кафтан? Или на пути другой лев? Боитесь нахвататься паразитов? А не боитесь, что рыкающий лев схватит вас? Не боитесь Того, Кто сказал: «Так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне»? Что последует? «Идите, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его!»

[65] 19. Как внимательны были вы прежде к слову: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; непременно обличи брата твоего и не допускай на нём греха!» Вы действительно *обличали,* прямо или косвенно, всех согрешавших на ваших глазах, и вскоре наступали благие последствия. Как хорошо было слово, сказанное вовремя! Оно часто было словно стрела в руке исполина. Многие сердца оказывались пронзены. Многие упрямцы, презиравшие слушание проповеди,

> [66] Падали покорёнными перед Его крестом
> И чувствовали Его стрелы, омоченные Кровью.

[67] Но кто из вас теперь имеет такое сострадание к невежественным и заблуждающимся? Что до *вас,* пусть они продолжают блуждать и без всякого препятствия погружаются в огненное озеро. Золото сделало ваши сердца стальными. У вас другие дела.

> [68] Без помощи, без жалости пусть гибнут несчастные.

[69] 20. Итак, о приобретатели, любители и обладатели богатства, я дал вам ещё одно, быть может последнее, предостережение. О, если бы оно не оказалось напрасным! Да напишет его Бог на всех ваших сердцах! Хотя «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное», однако

«невозможное человекам возможно Богу». Господи, скажи слово — и даже богатые, слушающие эти слова, войдут в Твоё Царство, будут «силою брать Царство Небесное», «продадут всё ради драгоценной жемчужины», будут «распяты для мира и всё почтут за сор, чтобы приобрести Христа»!

Об одежде

[1] «Да будет украшением вашим не внешнее украшение — ношение золота или наряд в одеждах, — но сокровенный человек сердца в нетленной красоте кроткого и тихого духа, что драгоценно пред Богом».

[2] 1 Пет. 3:3, 4.

[3] 1. Павел увещевает всех, желающих «преобразиться обновлением ума» и «познать, что есть воля Божия, благая, угодная и совершенная», не «сообразовываться с этим миром». Правда, увещание это непосредственно относится к *мудрости* мира, совершенно противоположной Его «благой, угодной и совершенной воле». Но оно касается также *нравов* и *обычаев* мира, естественно вытекающих из его мудрости и духа и в точности им соответствующих. И мудрость Божия не сочла ниже Своего достоинства дать нам точные указания и в этом отношении.

[4] 2. Некоторые из них, в частности приведённое в нашем тексте, нисходят даже до одежды христиан. И этот текст, и соответствующее место у Павла высказаны как нельзя яснее. Вот слова Павла: «Желаю, чтобы женщины украшали себя скромным одеянием, не золотом, не жемчугом, не многоценной одеждой, но добрыми делами, как прилично женщинам, посвящающим себя благочестию» (1 Тим. 2:9, 10).

[5] 3. «Но не странно ли, — говорят некоторые, — что премудрый Дух Божий снисходит до внимания к таким мелочам, к столь ничтожным пустякам, вещам столь

маловажным или, скорее, вовсе не имеющим значения? Ибо что за разница, если мы заботимся о душе, чем покрыто тело — шёлком или вретищем? Какой вред может быть в ношении золота, серебра, драгоценных камней или иных прекрасных вещей, которыми Бог так щедро нас снабдил? Не можем ли мы применить здесь то, что Павел заметил по другому поводу: „Всякое творение Божие хорошо, и ничто не должно отвергаться“?»

[6] 4. Несомненно, многие искренне боящиеся Бога сердечно приняли это мнение. Соответствует ему и их поведение: они без всяких угрызений сообразуются с миром, надевая при каждом удобном случае золото, жемчуг или дорогую одежду. И, в самом деле, они не особенно довольны теми, кто считает своим долгом отвергать эти вещи, пользование которыми они полагают одной из сторон христианской свободы. Более того, некоторые пошли гораздо дальше, вплоть до того, что поставили себе задачей вернуть к их употреблению людей, некоторое время от них воздерживавшихся, уверяя, что видеть в них какой-либо вред — чистое суеверие. И даже ещё дальше: один весьма уважаемый человек прямо сказал: «Я не желаю, чтобы в нашем обществе были люди, которые *одеваются просто».* Поэтому, несомненно, стоит тщательно рассмотреть этот вопрос и серьёзно исследовать, есть ли какой-нибудь вред в ношении золота, драгоценностей или дорогой одежды.

[7] 5. Но прежде чем приступить к предмету, заметим, что неряшливость не является частью религии; ни этот, ни какой-либо иной текст Писания не осуждает опрятности в одежде. Несомненно, это обязанность, а не грех. «Чистота и вправду соседствует с благочестием». Согласно этому

добрый господин Герберт советует всякому боящемуся Бога:

[8] Пусть кроткая прелесть твоей души
Проявится в тебе, одежде и жилище.

[9] И, конечно, всякому следует прислушаться к этому, если он не хочет, чтобы доброе в нём подвергалось злословию.

[10] 6. В религиозном мире было распространено и другое заблуждение об одежде. Некоторые предполагали, будто в одежде христиан вообще не должно быть никакого различия. Но ни эти тексты, ни другие места в книге Божией ничему подобному не учат и не предписывают, чтобы одежда хозяина или хозяйки ничем не отличалась от одежды слуг. Между людьми разного положения несомненно может быть умеренное различие в одежде. И там, где око чисто, это легко устроить по правилам христианского благоразумия.

[11] 7. Более того, сомнительно, запрещает ли какое-либо место Писания — по крайней мере, я такого не знаю — облечённым верховной властью в любой стране носить золото и дорогую одежду или так же украшать своих непосредственных придворных, правителей либо должностных лиц. Вполне возможно, что наш благословенный Господь намеревался одобрить этот обычай, когда без малейшего признака порицания или неодобрения сказал: «Вот, носящие роскошные», то есть великолепные, «одежды находятся при царских дворах» (Лк. 7:25).

[12] 8. Каков же смысл этих мест Писания? Что они запрещают? Очевидно, они запрещают обычным христианам, принадлежащим к низшим или средним общественным слоям, украшаться золотом, жемчугом или

дорогой одеждой. Но почему? Какой в этом вред? Это заслуживает серьёзного рассмотрения. Однако всем, кто желает рассмотреть вопрос с пользой, весьма желательно, точнее, совершенно необходимо по возможности освободиться от всякого предубеждения и быть открытыми убеждению. Не столь же ли необходимо им усердно просить Отца светов, чтобы «по Его святому вдохновению мыслить правое и под Его милостивым водительством исполнять то же»? Тогда они не скажут, даже в сердце, как, боюсь, уже сделали слишком многие, того, что знаменитый еврей сказал христианину: «Ты меня не убедишь, хотя и убедил».

[13] 9. Вопрос состоит в том, какой вред причиняет украшение себя золотом, жемчугом или дорогими нарядами, если предположить, что вы можете себе это позволить, то есть что это не вредит вашей семье и не разоряет её. Первый вред — оно рождает гордость и усиливает её там, где она уже есть. Всякий внимательно наблюдающий за происходящим в собственном сердце легко это различит. Нет ничего естественнее, чем считать себя лучше потому, что мы лучше одеты; и человеку едва ли возможно носить дорогую одежду, не ставя себе этого в какую-то заслугу. Один древний язычник настолько хорошо знал это, что, когда злился на бедняка и хотел вскружить ему голову, дарил ему прекрасный наряд.

[14] Eutrapelus, cuicunque nocere volebat,
Vestimenta dabat pretiosa. [76]

[15] [Ниже приводится перевод Боскауэна этой цитаты из Горация:

[16] «Эвтрапел, кого желал погубить,
Того облачал в дорогие одежды». — Ред.]

[17] Получивший подарок уже не мог не вообразить себя настолько же лучше соседа, насколько был наряднее его. И сколько тысяч в Англии, не только лордов и джентльменов, но и честных торговцев, рассуждает точно так же, выводя превосходную ценность собственной особы из стоимости своей одежды!

[18] 10. «Но разве человек, одетый во вретище, не может быть столь же горд, как другой, одетый в золотую парчу?» Поскольку этот довод встречается на каждом шагу и считается неопровержимым, стоит ответить на него раз навсегда и показать его полную пустоту. «Разве одетый во вретище, — спрашиваете вы, — не может быть столь же горд, как одетый в золотую парчу?» Отвечаю: конечно, может; полагаю, никто в этом не сомневается. Но какой вывод можно отсюда сделать? Возьмите сходный случай. Человек, выпивший чашу доброкачественного вина, может быть столь же болен, как выпивший яд. Но доказывает ли это, что яд склонен вредить человеку не больше вина? Или оправдывает принятие того, что по своей природе вызывает болезнь? Теперь применим пример: опыт показывает, что нарядная одежда естественно располагает человека к болезни гордости, а простая одежда — нет. Хотя, правда, и в ней можно быть больным гордостью, сама она не имеет естественного свойства вызывать или усиливать эту болезнь. Поэтому все желающие облечься в смирение воздерживаются от этого яда.

[19] 11. Во-вторых, ношение нарядной или дорогой одежды естественным образом порождает и усиливает тщеславие. Под тщеславием я здесь понимаю любовь к восхищению и похвале и желание получать их. Каждый из вас, кто любит наряды, имеет свидетельство этому в собственной груди.

Признаетесь вы перед людьми или нет, пред Богом вы в этом убеждены. В сердце вы знаете, что украшаете себя именно ради восхищения и не стали бы трудиться над этим, если бы вас никто не видел, кроме Бога и Его святых ангелов. А чем больше вы потворствуете этому глупому желанию, тем сильнее оно овладевает вами. Тщеславия у вас и от природы достаточно; но, потворствуя ему, вы увеличиваете его стократно. О, остановитесь! Стремитесь угождать одному Богу, и все эти украшения отпадут.

[20] 12. В-третьих, ношение нарядной и дорогой одежды естественно рождает гнев и всякую бурную, беспокойную страсть. Именно поэтому апостол прямо противопоставляет «внешнее украшение» «украшению кроткого и тихого духа». Как замечательно он добавляет: «Что драгоценно пред Богом»!

> [21] Дороже золота и жемчуга несравненно
> И ярче утренней звезды.

[22] Нелегко постичь, если самому не провести печального опыта, какая противоположность существует между «внешним украшением» и этой внутренней «тишиной духа». Вы никогда не сможете вполне наслаждаться ею, пока любите первое. Лишь пока вы не привязаны к этому «внешнему украшению», вы можете «терпением владеть своей душой». Только когда отбросите пристрастие к нарядам, мир Божий будет царствовать в ваших сердцах.

[23] 13. В-четвёртых, нарядная и дорогая одежда прямо способствует возникновению и разжиганию похоти. Я сомневался, назвать ли это скотское влечение прямо или, щадя нежный слух, выразить его каким-нибудь мягким иносказанием. Подобно тому декану, который несколько

лет назад сказал слушателям в Уайтхолле: «Если вы не покаетесь, то попадёте в место, которое я слишком воспитан, чтобы называть перед столь почтенным собранием». Но я считаю лучшим говорить открыто: чем сильнее слово поражает ваш слух, тем лучше оно может вооружить сердце. Факт ясен и неоспорим: одежда оказывает такое действие и на носящего её, и на смотрящего. К первому наш изящный поэт Каули обращает прекрасные строки:

[24] Украшать тебя столь искусно —
Лишь варварское уменье;
Всё равно что отравлять стрелу,
И без того слишком способную убивать.

[25] То есть, выражаясь прямо, без прикрас: «Вы отравляете смотрящего гораздо большей долей этого низкого влечения, чем он чувствовал бы иначе». Разве вы не *знали,* что это будет естественным следствием вашего изящного убранства? Поставим вопрос до конца: разве вы не *желали,* не *намеревались* вызвать именно это? И всё же как вы в то же самое время

[26] Выставляли напоказ
Благовидную личину невинности и добродетели!

[27] Между тем вы сами не избегаете сети, которую расставляете другим. Стрела обращается назад, и вы заражаетесь тем же ядом, каким заразили их. Вы разжигаете пламя, одновременно пожирающее и вас, и ваших поклонников. И хорошо ещё, если оно не ввергнет и вас, и их в адский огонь!

[28] 14. В-пятых, ношение дорогих нарядов прямо противоположно украшению себя добрыми делами. Ничто не может быть очевиднее: чем больше вы тратите на

собственную одежду, тем меньше остаётся, чтобы одевать нагих, кормить голодных, давать приют странникам, помогать больным и заключённым и облегчать бесчисленные бедствия, которым мы подвержены в этой долине слёз. И здесь нет места прежней уловке: «Я могу быть столь же *смиренным* в золотой парче, как во вретище». Даже если бы вы могли быть столь же смиренными, выбирая дорогую одежду, как выбирая простую, — что я решительно отрицаю, — вы всё же не могли бы быть столь же благотворительными, столь же богатыми добрыми делами. Каждый шиллинг, сбережённый на собственной одежде, вы можете истратить на одежду нагим и на восполнение различных нужд бедных, которых «всегда имеете с собой». Поэтому каждый шиллинг, без нужды истраченный на одежду, в сущности украден у Бога и у бедных! А скольких драгоценных возможностей делать добро вы лишили себя! Как часто, покупая ненужное, вы сами делали себя неспособными помочь! Ради чего вы купили эти украшения? Чтобы угодить Богу? Нет, чтобы угодить собственной прихоти или заслужить восхищение и похвалу людей, не более мудрых, чем вы. Сколько добра можно было сделать на эти деньги! И какую невосполнимую потерю вы понесли, не сделав его, если верно, что близок день, когда «каждый получит свою награду по своему труду»!

[29] 15. Прошу, хорошенько обдумайте это. Возможно, вы прежде не видели дела в таком свете. Тратя на дорогую одежду деньги, которые могли бы сберечь для бедных, вы тем самым лишаете их того, что Бог, Владелец всего, вручил вам для их пользы. Если так, то, что вы надеваете на себя, вы в сущности срываете со спины нагого, как дорогую и изысканную пищу, которую едите, вы

вырываете изо рта голодного. Ради милосердия, ради жалости, ради Христа и чести Его Евангелия удержите руку! Не выбрасывайте этих денег! Не тратьте на ничто, более того, на худшее, чем ничто, то, что может одеть бедного, нагого, дрожащего от холода собрата!

30 16. Много лет назад, когда я был в Оксфорде, холодным зимним днём ко мне пришла молодая девушка, одна из тех, чьё обучение мы оплачивали. Я сказал: «Вы, кажется, полузамёрзли. Разве вам нечем укрыться, кроме этого тонкого льняного платья?» Она ответила: «Сэр, это всё, что у меня есть!» Я сунул руку в карман, но обнаружил, что денег почти не осталось: я только что истратил всё имевшееся. Меня немедленно поразила мысль: «Скажет ли твой Господин: „Хорошо, добрый и верный управитель“? Ты украсил стены деньгами, которые могли бы защитить эту бедняжку от холода! О справедливость! О милосердие! Разве эти картины — не кровь бедной девушки?» Увидьте в том же свете свою дорогую одежду: платье, шляпу, головной убор! Всё на вас, что стоило больше, чем христианский долг требовал истратить, — кровь бедных! О, будьте впредь мудры! Будьте милосерднее, вернее Богу и людям, обильнее *украшены* — как подобает мужчинам и женщинам, посвящающим себя благочестию, — *добрыми делами!*

31 17. Правда, снисхождения заслуживают те, кого никогда об этом не предупреждали и кто, возможно, не знает, что в Библии есть слово, запрещающее дорогую одежду. Но *какое это имеет отношение к вам?* Вас предупреждали снова и снова, да ещё самым ясным образом. И какую пользу вы из этого извлекли? Разве не продолжаете одеваться, как другие люди с тем же достатком? Не так же ли нарядна и дорога ваша одежда,

как у тех, кого никогда так не предупреждали, как была бы она, если бы вы ни слова об этом не слышали? О, что вы ответите за это, когда мы с вами вместе предстанем перед судилищем Христовым? Более того, разве многие из вас не становились нарядней по мере того, как богатели? Разве с увеличением имущества не увеличивалось и великолепие одежды? Свидетельство тому — обилие лент, газа и полотна на ваших головах! Какую же пользу вы получили от несения поношения Христова, от имени методистов? Разве вы не так же модно одеты, как люди вашего положения, не являющиеся методистами? Вы спрашиваете: «Но разве нельзя покупать модные вещи так же, как немодные?» Отвечаю: нельзя, если они придают вам дерзкий, нескромный вид, как эти огромные шляпы, чепцы и головные уборы. И нельзя, если они стоят дороже. «Но я могу себе это *позволить».* О, навсегда отбросьте это пустое, бессмысленное слово! Ни один христианин не может *позволить* себе расточать какую-либо часть имущества, вверенного ему Богом. Долго ли вам ещё здесь оставаться? Разве не могут завтра, а быть может, сегодня ночью призвать вас встать и уйти отсюда, чтобы дать Судии живых и мёртвых отчёт об этом и обо всех ваших талантах?

[32] 18. Как же после стольких предупреждений вы упорствуете в том же безумии? Не потому ли, что среди вас всё ещё есть люди, которые ни сами не извлекают пользы из всего слышанного, ни другим не желают дать её извлечь? И если кто-либо из вас почти убеждён одеваться по-христиански, они своими доводами, насмешками и смехом отговаривают его. О миловидные любители пустяков, умоляю вас: перестаньте делать дело диавола! Как бы ни поступали сами, не ожесточайте сердца других. А вы, расположенные лучше, со всей

возможной осторожностью избегайте этих искусителей; если окажетесь там, где кто-нибудь из них есть, либо попросите их молчать об этом, либо покиньте комнату.

[33] 19. В-шестых, ношение дорогой одежды прямо противоположно тому, что апостол называет «сокровенным человеком сердца», то есть всему «образу Божию», в котором мы были созданы и который вновь запечатлевается в сердце каждого верующего христианина; противоположно «образу мыслей, какой был во Христе Иисусе», и всей природе внутренней святости. Всё время, пока вы заняты этим внешним украшением, всё внутреннее дело Духа стоит на месте или, скорее, отступает назад, хотя очень медленно и почти незаметно. Вместо того чтобы всё больше мыслить о небесном, вы всё больше мыслите о земном. Если вы некогда имели общение с Отцом и Сыном, оно теперь постепенно ослабевает, и вы незаметно всё глубже погружаетесь в дух мира — в безрассудные и вредные желания, в низменные влечения. Все эти беды и тысяча других произрастают из одного корня — потворства себе в дорогой одежде.

[34] 20. Почему же всякий любящий Бога или боящийся Его не бежит от этого, как от змеи? Почему *вы* по-прежнему так сообразуетесь с неразумными, греховными обычаями обезумевшего мира? Почему всё ещё презираете прямую заповедь Божию, высказанную самыми ясными словами? Вы видите свет: почему же не следуете свету собственного ума? Ваша совесть говорит вам правду: почему не повинуетесь велениям собственной совести?

[35] 21. Вы отвечаете: «Всеобщий обычай против меня, и я не знаю, как остановить могучий поток». Не только нечестивый, но и религиозный мир стремительно

движется в противоположную сторону. Загляните не в театры, а в церкви, да и в собрания всех исповеданий, за исключением немногих старомодных квакеров или так называемых моравских братьев; загляните в лондонские или иные собрания тех, кого именуют евангельскими служителями; загляните в Нортгемптонскую часовню, в Табернакль или часовню на Тоттенхэм-Корт-роуд; даже в часовню на Уэст-стрит или на Сити-роуд; посмотрите на самых близких к кафедре людей, сидящих перед ней или сбоку: разве *те, кто может себе это позволить,* — я едва удерживаюсь, чтобы не почтить их, назвав поимённо, — не так же модно разукрашены, как люди того же положения в других местах?

[36] 22. Это печальная истина. Мне стыдно за неё, но я не знаю, как помочь делу. Сегодня призываю небо и землю во свидетели: это не моя вина! На протяжении почти пятидесяти лет труба не «издавала неопределённого звука». О Боже! Ты знаешь, что я свидетельствовал ясно и верно. В печати, в проповеди, на собраниях общества я не уклонялся от возвещения всей воли Божией. Поэтому я чист от крови тех, кто не желает слушать. Она — на их собственных головах.

[37] 23. Ещё раз предупреждаю вас во имя Божие и перед Его лицом: многочисленность восстающих против Бога не оправдывает их восстания. Он ясно сказал нам: «Не следуй за большинством на зло». Об одном великом, добром человеке было сказано, что он

> [38] Не побоялся бы, когда бы небо повелело,
> Противостать всему миру и добрым остаться один.

[39] Кто из вас желает разделить эту славную участь — стоять против всего мира? Если миллионы осудят вас,

довольно будет того, что вас оправдают Бог и собственная совесть.

40 24. «Нет, — говорят некоторые, — думаю, я мог бы вынести презрение и поношение всего остального мира. Я считаюсь только со своими родными, особенно с домашними. Отец, мать, братья и сёстры, а возможно, и тот, кто ближе всех их, непрестанно меня изводят». Это и впрямь испытание, о котором мало кто способен судить, кроме переносящих его. «У меня нет сил это вынести». Да, собственных сил у вас, несомненно, нет. Но сила для вас положена на «Могущественном»! Его благодати достаточно для вас; и Он сейчас видит ваше положение и готов даровать её. Между тем помните Его грозное изречение о тех, кто считается с человеком больше, чем с Богом: «Кто любит отца или мать, брата или сестру, мужа или жену больше Меня, недостоин Меня».

41 25. Но нет ли среди вас тех, кто некогда отказался от сообразования с миром и одевался во всём опрятно и просто, согласно своему исповеданию? Почему же вы в этом не устояли? Почему свернули с доброго пути? Завели знакомство, а может быть, и дружбу с теми, кто по-прежнему любил наряды? Тогда неудивительно, что рано или поздно вас побудили «обратить шаги опять к земле». Ничего иного и нельзя было ожидать: один грех повёл к другому. Уже заключить дружбу с не знающими Бога было грехом, ибо «разве не знаете, что дружба с миром есть вражда против Бога»? И это возвратило вас к другому греху — к тому сообразованию с миром, от которого вы вполне избавились. Но что теперь делать? Если вы мудры, спасайте жизнь: не медлите, не оглядывайтесь! Не теряя времени, откажитесь вместе и от причины, и от следствия. Теперь, сегодня, прежде чем

сердце ожесточится обольщением греха, одним ударом отсеките и греховную дружбу с нечестивыми, и греховное сообразование с миром! Решитесь сегодня! Не откладывайте до завтра, чтобы не отложить навсегда. Ради Бога, ради собственной души утвердитесь в решении сейчас!

[42] 26. Заклинаю всех, кто хоть сколько-нибудь считается со *мной:* покажите мне прежде моего ухода отсюда, что я почти полстолетия трудился не напрасно даже в этом отношении. Дайте мне увидеть перед смертью методистское собрание, одетое столь же просто, как собрание квакеров. Только будьте последовательнее. Пусть ваша одежда будет не только простой, но и *дешёвой;* иначе вы лишь играете с Богом, со мною и со своими душами. Прошу, пусть среди вас не будет дорогих шелков, сколь бы строгого вида они ни были. Пусть не будет квакерского полотна, вошедшего в поговорку своей изысканной тонкостью; брюссельских кружев; громадных, как слоны, шляп и чепцов — этого позора женской скромности. Будьте цельны, с головы до ног одевайтесь как люди, *посвящающие себя благочестию,* исповедующие намерение делать всё, малое и великое, с единственной целью угодить Богу.

[43] 27. Пусть никто из богатых в этом мире не пытается освободиться от этого требования пустыми речами. Это явная, вопиющая бессмыслица — говорить: «О, я могу себе *позволить* то или другое». Если вы уважаете здравый смысл, пусть такое глупое слово никогда не выходит из ваших уст. Ни один живущий человек не может *позволить* себе растратить хоть часть того, что Бог вверил его попечению. Никто не может *позволить* себе бросить в море хоть часть той пищи и одежды, которая

вручена ему именно для питания голодных и одевания нагих. А тратить что-нибудь из этого на пышные или дорогие наряды гораздо хуже простого расточительства. Это не что иное, как превращение здоровой пищи в смертельный яд. Это плата за то, чтобы отравлять и себя, и других, насколько распространяется ваш пример, гордостью, тщеславием, гневом, похотью, любовью к миру и тысячей «безрассудных и вредных желаний», способных «пронзить их многими скорбями». И во всём этом нет вреда? О Боже, восстань и защити Своё дело! Да не ослепляют нас больше ни люди, ни бесы и не ведут с завязанными глазами в яму погибели!

[44] 28. Умоляю каждого мужчину, присутствующего здесь перед Богом, каждую женщину, молодую или старую, замужнюю или незамужнюю, и даже каждого ребёнка, отличающего добро от зла: примите это к себе. Пусть каждый из вас за себя примет совет апостола; по крайней мере не мешайте другим принять его. Умоляю вас, родители: не мешайте детям следовать собственным убеждениям, хотя бы вы думали, что они *выглядели бы красивее,* разукрашенные такими же побрякушками, какие носят другие дети! Умоляю вас, мужья: не мешайте жёнам! А вы, жёны, не мешайте мужьям ни словом, ни делом поступать согласно убеждению своего ума! Прежде всего заклинаю вас, полуметодисты, колеблющиеся между нами и миром, часто, быть может постоянно, слушающие нашу проповедь, но не имеющие с нами дальнейшей связи; да и всех вас, кто некогда был в полном общении с нами, а теперь не состоит в нём: как бы ни поступали сами, не произносите ни слова, препятствующего другим принять и исполнить данный ныне совет! Ещё немного — и нам не понадобятся эти жалкие покровы, ибо тленное тело облечётся в нетление.

Ещё несколько дней — и это смертное тело облечётся в бессмертие. Пока же пусть единственной заботой нашей будет «совлечься ветхого человека», нашей старой природы, «истлевающей», то есть всецело злой, и «облечься в нового человека, созданного по Богу в праведности и истинной святости». В частности, «облекитесь, как избранные Божии, в сердечное милосердие, благость, мягкость, долготерпение». Да, чтобы выразить всё одним словом, «облекитесь во Христа», дабы «при явлении Его и вы явились с Ним во славе».

Путь ещё превосходнейший

[1] «Ревнуйте о лучших дарах; и я покажу вам путь ещё превосходнейший».

[2] 1 Кор. 12:31.

[3] 1. В предшествующих стихах Павел говорил о необычайных дарах Святого Духа: об исцелении больных, пророчествовании в собственном смысле слова, то есть предсказании будущего, говорении на чужих языках, которых говорящий никогда не изучал, и чудесном истолковании языков. Апостол признаёт эти дары желательными; более того, увещевает коринфян, по крайней мере учителей среди них, которым преимущественно, если не исключительно, они давались в первые века Церкви, *усердно* о них *ревновать,* чтобы благодаря им стать полезнее христианам или язычникам. «И всё же, — говорит он, — я покажу вам путь ещё превосходнейший», гораздо более желательный, чем все эти дары, вместе взятые, потому что он непременно приведёт вас к счастью и в этом мире, и в будущем. Между тем вы могли бы обладать всеми теми дарами, притом в высочайшей степени, и всё же быть несчастными и во времени, и в вечности.

[4] 2. По-видимому, эти необычайные дары Святого Духа были обычны в Церкви не дольше двух или трёх столетий. Мы редко слышим о них после той роковой поры, когда император Константин назвал себя христианином и, тщетно воображая, будто этим помогает христианскому делу, осыпал богатством, властью и почестями христиан вообще, а особенно христианское духовенство. С того

времени они почти совершенно прекратились; встречались лишь очень немногие подобные случаи. Причина заключалась не в том, как обычно полагали, что «они больше не были нужны», поскольку весь мир стал христианским. Это жалкая ошибка: тогда и двадцатая часть мира не была христианской даже по имени. Подлинная причина была в том, что «любовь многих», почти всех так называемых христиан, «охладела». В христианах было не больше Духа Христова, чем в прочих язычниках. Сын Человеческий, придя испытать Свою Церковь, едва мог «найти веру на земле». Вот истинная причина, почему необычайные дары Святого Духа больше не встречались в христианской Церкви: христиане снова обратились в язычников, и у них осталась лишь мёртвая форма.

[5] 3. Однако сейчас я хотел бы говорить не об этих необычайных дарах Святого Духа, а об обычных; о них мы также можем «усердно ревновать», чтобы быть полезнее своему поколению. Ради этого можно желать дара *убедительной речи,* чтобы «проникнуть в неверующее сердце», и дара *убеждения,* чтобы не только просвещать разум, но и двигать чувства. Можно желать *знания* и слова Божия, и Его дел — промысла или благодати. Можно желать меры той *веры,* которая в особых обстоятельствах, тесно касающихся славы Божией или счастья людей, далеко превосходит силу естественных причин. Можно желать свободной речи, приятного обращения, покоряясь воле Господа нашего, — словом, всего, что позволит нам, при возможности, быть полезными везде, где мы находимся. Этих даров можно желать без греха; но есть «путь ещё превосходнейший».

[6] 4. Путь любви — любви ко всем людям ради Бога, любви смиренной, мягкой, терпеливой — вот что апостол столь прекрасно описывает в следующей главе. И без неё, уверяет он, всё красноречие, всё знание, вся вера, все дела и все страдания имеют пред Богом не больше цены, чем звучащая медь или грохочущий кимвал, и нисколько не содействуют нашему вечному спасению. Без неё всё, что мы знаем, во что верим, что делаем и что переносим, не принесёт нам никакой пользы в великий день отчёта.

[7] 5. Но сейчас я хотел бы взглянуть на текст иначе и указать «путь ещё превосходнейший» в другом смысле. Один древний писатель замечает, что с самого начала существовало два разряда христиан. Одни вели невинную жизнь, во всём негреховном сообразуясь с обычаями и модами мира, совершая много добрых дел, воздерживаясь от грубых пороков и соблюдая Божии установления. В целом они старались иметь непорочную совесть относительно внешнего поведения, но к особенной строгости не стремились, в большинстве вещей походя на соседей. Другой разряд христиан не только воздерживался от всякого вида зла, ревновал о всякого рода добрых делах и соблюдал все Божии установления, но и прилагал всякое усердие к приобретению всего образа мыслей Христова, трудился над тем, чтобы во всём поступать как возлюбленный Учитель. Ради этого они непрестанно упражнялись во всеобъемлющем самоотречении, попирая всякое удовольствие, относительно которого не имели удостоверения от Бога, что оно готовит их к наслаждению Им. Они ежедневно брали свой крест. Непрестанно стремились, подвизались изо всех сил, чтобы войти тесными вратами. Они делали одно: не щадили труда, чтобы достичь вершины христианской святости, «оставив начатки учения

Христова, идти к совершенству», «познать всю превосходящую познание любовь Божию и исполниться всей полнотой Божией».

[8] 6. Долгий опыт и наблюдение склоняют меня думать, что всякий обретающий искупление Кровью Иисуса, всякий оправданный получает тогда выбор: идти высшим или низшим путём. Я верю, что Святой Дух в это время ставит перед ним «путь ещё превосходнейший» и побуждает идти по нему, выбрать самую тесную тропу на узком пути, стремиться к высотам и глубинам святости, ко всему образу Божию. Но если он не принимает предложения, то незаметно спускается в низший разряд христиан. Он всё же продолжает идти тем, что можно назвать добрым путём, служит Богу в своей мере и в конце жизни обретает милость через Кровь завета.

[9] 7. Я весьма далёк от того, чтобы угашать курящийся лён, обескураживать служащих Богу в малой мере. Но я не желал бы, чтобы они на этом остановились: я хотел бы ободрить их подняться выше. Не гремя им в уши адом и осуждением, не осуждая путь, на котором они находятся, и не объявляя его путём к погибели, я постараюсь указать им то, что во всех отношениях есть «путь ещё превосходнейший».

[10] 8. Хорошо запомните: я не утверждаю, что все, кто не идёт этим путём, находятся на большой дороге в ад. Но вот что должен утверждать: у них не будет столь высокого места на небе, какое было бы, избери они благую часть. И разве мала эта потеря — иметь настолько меньше звёзд в венце славы? Разве мало значит занять в Царстве вашего Отца место ниже того, которое могли бы иметь? Конечно, на небе не будет скорби: там всякая слеза будет отёрта с наших глаз. Но если бы туда могла проникнуть печаль, мы

оплакивали бы эту невосполнимую потерю. Тогда невосполнимую, но не теперь. Теперь по благодати Божией мы можем избрать «путь ещё превосходнейший». Сравним же его в некоторых частностях с путём, которым идёт большинство христиан.

11 I. Начнём с начала дня. Большинство христиан, если они не обязаны трудом зарабатывать на жизнь, имеют обыкновение вставать, особенно зимой, в восемь или девять утра, пролежав в постели восемь или девять, если не больше, часов. Я не говорю сейчас, как весьма склонен был бы сказать пятьдесят лет назад, что все так потворствующие себе находятся на пути в ад. Но не могу сказать и того, что они идут путём к небу, отвергаясь себя и ежедневно беря свой крест. В одном я уверен: для укрепления здоровья тела и души есть «путь ещё превосходнейший». Из наблюдений более чем шестидесяти лет я узнал, что здоровым мужчинам требуется в среднем от шести до семи часов сна, а здоровым женщинам немного больше, от семи до восьми часов в сутки. Я знаю, что такое количество сна наиболее благоприятно и телу, и душе. Для предотвращения и устранения нервных расстройств оно предпочтительнее любого известного мне лекарства. Поэтому, несомненно, превосходнейший путь — вопреки моде и обычаю спать ровно столько, сколько, как показывает опыт, требует наша природа, ибо это бесспорно больше всего содействует и телесному, и духовному здоровью. Почему бы вам не идти этим путём? Потому что трудно? Более того, для людей невозможно. Но Богу всё возможно, и по Его благодати всё будет возможно и *вам.* Только пребывайте в усердной молитве, и вы найдёте это не только возможным, но и лёгким; да и постоянно вставать рано будет гораздо легче, чем делать это изредка. Но

начинать нужно с правильного конца: если встаёте рано, нужно и ложиться рано. Возложите на себя обязанность ложиться в установленный час, кроме случаев чего-либо чрезвычайного. Тогда трудность скоро пройдёт, а польза останется навсегда.

[12] II. Большинство христиан, едва встав, имеют обыкновение читать какую-нибудь *молитву,* вероятно всё ту же, которую выучили в восемь или десять лет. Я не осуждаю так поступающих, как многие осуждают, за насмешку над Богом, хотя они и пользуются одной формой без всякой перемены двадцать или тридцать лет подряд. Но, несомненно, есть «путь ещё превосходнейший» для устроения личной молитвы. Что, если последовать совету того великого и доброго человека, господина Лоу? Рассматривайте и внешнее, и внутреннее своё состояние и сообразно им изменяйте молитвы. Например, предположим, что внешние обстоятельства благополучны: вы здоровы, спокойны, живёте в достатке, среди добрых родных, хороших соседей и приятных друзей, которые любят вас и которых любите вы. Тогда ваше внешнее положение явно призывает к хвале и благодарению Богу. Напротив, если вы в бедствии, если Бог возложил тяготу на ваши чресла; если вы в бедности, нужде, внешнем стеснении; если вам грозит близкая опасность; если вы в боли и болезни, — вы ясно призваны изливать душу пред Богом в молитве, соответствующей обстоятельствам. Подобным образом можно сообразовать молитвы с внутренним состоянием, с нынешним расположением души. Тяжела ли душа от сознания греха или от многообразных искушений? Тогда пусть молитва состоит из исповедания, прошений и молений, отвечающих вашему скорбному состоянию. Напротив, пребывает ли душа в мире? Радуетесь ли вы о

Боге? Велики ли Его утешения для вас? Тогда скажите с псалмопевцем: «Ты — мой Бог, и я буду любить Тебя; Ты — мой Бог, и я буду славить Тебя». Когда есть время, можно также прибавить к другим молитвенным занятиям немного чтения и размышления и, возможно, псалом хвалы — естественное излияние благодарного сердца. Вы, конечно, должны видеть, что это «путь ещё превосходнейший», чем прежняя бедная, сухая форма.

[13] III. 1. Большинство христиан, помолившись, обычно приступают к *делам* своего призвания. Всякий, кто хоть сколько-нибудь претендует на имя христианина, непременно так поступает, ибо праздный человек не может быть добрым: леность несовместима с религией. Но с каким намерением? Ради какой цели вы берётесь за мирское дело и ведёте его? «Чтобы обеспечить необходимым себя и семью». Ответ хорош, насколько он простирается, но простирается недостаточно далеко. Ведь до этого доходит и турок, и язычник: они трудятся ради тех же целей. Но христианин может пойти несравненно дальше: цель всех его трудов — угодить Богу, творить не свою волю, а волю Пославшего его в мир именно ради того, чтобы исполнять волю Божию на земле, как ангелы исполняют её на небе. Он трудится для вечности. Он «старается не о пище тленной» — это наименьшая часть его побуждения, — «но о пребывающей в жизнь вечную». Разве это не «путь ещё превосходнейший»?

[14] 2. Далее: каким *образом* вы ведёте своё мирское дело? Надеюсь, усердно, делая изо всех сил всё, что найдёт рука; справедливо, во всех обстоятельствах жизни воздавая каждому должное; да и милосердно, поступая с каждым так, как хотели бы, чтобы он поступал с вами. Это хорошо. Но христианин призван идти ещё дальше:

прибавлять благочестие к справедливости, соединять молитву, особенно сердечную, со всеми трудами рук. Без этого всё его усердие и справедливость показывают лишь, что он честный язычник; и многие исповедующие христианскую религию дальше честного язычества не идут. [77]

15 3. Ещё вопрос: в каком *духе* вы ведёте своё дело — в духе мира или в Духе Христовом? Боюсь, тысячи так называемых добрых христиан не понимают самого вопроса. Если вы действуете в Духе Христовом, то проводите первоначально поставленную цель через весь труд, от начала до конца. Вы делаете всё в духе жертвы, предавая свою волю воле Божией и непрестанно стремясь не к покою, удовольствию или богатству, не к чему-либо, что «может дать этот недолговечный мир», но единственно к славе Божией. Может ли кто-нибудь отрицать, что это превосходнейший способ вести мирские дела?

16 IV. 1. Но эти глиняные жилища, которые мы носим на себе, нуждаются в постоянном восстановлении, иначе они возвратятся в землю, из которой взяты, ещё раньше, чем требует природа. Чтобы предотвратить это и восполнять непрестанное убывание природных сил, необходима ежедневная пища. В языческом мире перед едой или даже питьём было принято libare pateram Jovi, «отливать немного в честь своего бога», хотя языческие боги, как справедливо замечает апостол, были лишь бесами. «Кажется, — говорит один недавний писатель, — нечто подобное некогда было принято и в нашей стране. Ибо мы всё ещё нередко видим, как господин, прежде чем сесть обедать у себя дома, держит шляпу перед лицом и, возможно, словно что-то говорит, хотя обычно делает это

так, что никто не может понять его слов». А что, если вместо этого каждый глава семьи, прежде чем сесть за еду и питьё утром, в полдень или вечером, — основание для этого одинаково в любой час дня, — серьёзно попросит у Бога благословения на то, что собирается вкусить? И потом серьёзно поблагодарит Подателя всех благ? Разве это не будет «путём ещё превосходнейшим», чем унылый фарс, который хуже, чем ничто, поскольку в действительности представляет собой лишь насмешку и над Богом, и над людьми?

17 2. Что касается *количества* пищи, порядочные люди обычно не едят чрезмерно, по крайней мере не настолько, чтобы заболеть от еды или опьянеть от питья. Сам же способ принятия пищи обычно невинен, смешан с некоторым весельем, которое, как говорят, способствует пищеварению. До сих пор всё хорошо. И если они принимают лишь ту меру простой, дешёвой, здоровой пищи, которая лучше всего поддерживает здоровье тела и души, оснований для порицания не будет. Не могу я также требовать, чтобы вы следовали совету господина Герберта, хотя он был добрым человеком:

> 18 Возьми еду, сочти её прахом, отведай немного
> И вместе с тем скажи: «Землю земле предаю».

19 Это слишком мрачно и не соответствует той радостности, которая весьма прилична христианской трапезе. Позвольте пояснить предмет небольшим рассказом. Французский король однажды на охоте обогнал всю свою свиту; после недолгих поисков его нашли в хижине, где он сидел и ел хлеб с сыром. Увидев их, он воскликнул: «Где же я жил всё это время? Никогда в жизни не пробовал такой вкусной пищи!» — «Государь, — ответил один из них, — прежде у вас никогда не было

такой хорошей приправы: вы никогда не бывали голодны». Правда, голод — хорошая приправа, но есть ещё лучше: благодарность. Несомненно, приятнее всего пища, приправленная ею. Почему же вашей пище не быть такой при каждой трапезе? Тогда вам не нужно устремлять взор на смерть: принимайте каждый кусочек как залог вечной жизни. Творец вашего бытия даёт вам в этой пище не только отсрочку смерти, но и уверение в том, что вскоре «смерть будет поглощена победою».

20 3. Время принятия пищи обычно бывает и временем *беседы,* ибо естественно освежать душу, освежая тело. Рассмотрим немного, как большинство христиан обычно беседуют друг с другом. Каковы обыкновенные предметы их разговоров? Если разговор безвреден, как хотелось бы надеяться, если в нём нет ничего нечестивого, нескромного, неправдивого или недоброго, нет сплетен, злословия или клеветы, они имеют основание хвалить Бога за Его удерживающую благодать. Но «правильно устроять свою беседу» означает больше. Для этого необходимо, во-первых, чтобы «слово ваше», то есть речь или беседа, «было добрым» — добрым по самому содержанию, о добрых предметах, а не порхало вокруг всего, что подвернётся. Ибо какое вам дело до дворов и царей? Не ваше дело —

21 Заново вести войны, переустраивать государство,

22 если только какое-либо примечательное событие не призывает признать справедливость или милость Божию. Правда, мы иногда *должны* говорить о мирских вещах, иначе пришлось бы совсем выйти из мира. Но лишь насколько это необходимо; затем следует возвратиться к лучшему предмету. Во-вторых, пусть беседа служит «к назиданию», будет направлена на назидание говорящего,

слушателей или тех и других, на укрепление их, согласно особой нужде каждого, в вере, любви или святости. В-третьих, смотрите, чтобы она не только развлекала, но тем или иным образом «доставляла благодать слушающим». Разве это не «путь ещё превосходнейший» в беседе, чем упомянутый выше безвредный способ?

[23] V. 1. Мы увидели, каков «путь ещё превосходнейший» в устроении и беседы, и дел. Но невозможно постоянно быть сосредоточенными на делах: и телу, и душе требуется некоторый отдых. Нам нужны промежутки отвлечения от занятий. Об этом необходимо высказаться весьма ясно, поскольку данный вопрос часто понимают неверно.

[24] 2. Развлечения бывают разных видов. Некоторые почти исключительно мужские: полевые забавы — охота, стрельба, рыбная ловля, — в которых участвует немного женщин, следовало бы сказать дам. Другие в равной мере распространены среди обоих полов; одни из них более публичны: скачки, маскарады, спектакли, собрания, балы. Другие преимущественно устраиваются в частных домах: карты, танцы, музыка; сюда можно добавить чтение пьес, романов, романтических повестей, газет и модной поэзии.

[25] 3. Некоторые развлечения, прежде весьма популярные, теперь потеряли уважение. Знать и дворянство, по крайней мере в Англии, кажется, совершенно оставили некогда модную соколиную охоту; да и простонародье больше не развлекается зрелищем людей, рубящих и кромсающих друг друга палашами. Благородное искусство боя на длинных шестах тоже упражняют ныне весьма немногие. Даже бой дубинками утратил почёт в самом Уэльсе. Травлю медведя также видят теперь весьма редко, а травлю быка — не очень часто. И, кажется,

петушиные бои совершенно прекратились бы в Англии, если бы не два или три высокопочтенных покровителя.

[26] 4. Об этих мерзких *остатках готского варварства* нет нужды говорить больше того, что они позорят не только всякую религию, но и саму человеческую природу. Не хотелось бы столь сурово осуждать полевые забавы. Пусть те, у кого нет лучшего занятия, по-прежнему загоняют лисиц и зайцев до изнеможения. О скачках тоже не нужно много говорить, пока какой-нибудь здравомыслящий человек не возьмётся их защищать. Кажется, гораздо больше можно сказать в защиту посещения серьёзной трагедии. Сам я не мог бы делать этого с чистой совестью, по крайней мере в английском театре, этом стоке всякого нечестия и разврата, но, возможно, другие могут. О балах и светских собраниях я не могу сказать вполне того же: они почтеннее маскарадов, но всякий беспристрастный человек должен признать за ними в точности ту же направленность. Несомненно, таковы и все публичные танцы. И они неизбежно останутся такими, если среди современных христиан не будет той осторожности, которую соблюдали древние язычники. У них мужчины и женщины никогда не танцевали вместе, но всегда в отдельных помещениях. Так было всегда в Древней Греции и в течение нескольких веков в Риме, где женщину, танцующую в обществе мужчин, тотчас сочли бы блудницей. Об игре в карты я говорю то же, что о посещении спектаклей: сам я не мог бы делать этого с чистой совестью. Но я не обязан выносить приговор людям иного убеждения. Я оставляю их собственному Господину: перед Ним пусть стоят или падают.

[27] 5. Но предположим, что всё это, как и чтение пьес, романов, газет и тому подобного, — вполне невинные развлечения; разве для любящих Бога или боящихся Его нет более превосходных способов отдыха? Желают ли состоятельные люди развлечься на свежем воздухе? Пусть возделывают и улучшают свои земли, засаживают участки, закладывают, ведут и совершенствуют сады и плодовые посадки. В другое время можно навещать самых серьёзных и рассудительных соседей и беседовать с ними; или посещать больных, бедных, вдов и сирот в их бедствии. Желают ли они развлечься дома? Можно читать полезную историю, благочестивую и изящную поэзию, изучать разные отрасли естественной философии. Если есть время, можно отдыхать за музыкой и, возможно, научными опытами. Но прежде всего, научившись пользоваться молитвой, вы обнаружите: как

> [28] То, что отступает или заполняет
> Всё пространство, — воздух, всюду разлитый,
> Объемлет эту цветущую землю,

[29] так и молитва будет распространяться, пока на всём протяжении жизни не проникнет во все ваши занятия, и, где бы вы ни находились и что бы ни делали, будет окружать вас со всех сторон. Тогда вы сможете смело сказать:

> [30] Со мной нет унылой пустоты,
> Ни миг не тянется без дела
> Иль без пользы здесь, внизу;
> Прошла моя усталость от жизни:
> Я живу, чтоб служить лишь Богу,
> И знаю одного Иисуса.

31 VI. Остаётся рассмотреть лишь один вопрос — употребление денег. Как большинство христиан ими пользуются? И нет ли «пути ещё превосходнейшего»?

32 1. Большинство христиан обычно ежегодно отделяют что-нибудь на благотворительные цели, возможно десятую или даже восьмую часть дохода, происходит ли он от ежегодных поступлений или торговли. Немногих я знал, кто говорил, как Закхей: «Господи, половину имущества моего отдаю нищим». О, если бы Богу угодно было умножить этих друзей человечества, этих всеобщих благодетелей! Но

33 2. Кроме людей, придерживающихся постоянного правила, тысячи дают бедным крупные суммы, особенно когда какой-нибудь поразительный случай бедствия представляют им в живых красках.

34 3. Я славлю Бога за всех вас, поступающих так. Да не устанете вы делать добро! Да возвратит Бог отданное вами семикратно в ваше лоно! И всё же я покажу вам путь ещё превосходнейший.

35 4. Вы можете смотреть на себя как на человека, в руки которого Владыка неба, земли и всего, что в них, вручил часть Своих благ, чтобы распоряжаться ими по Его указанию. А указание Его таково: считайте себя одним из некоторого числа нуждающихся, которых следует обеспечивать из вверенной вам доли Его благ. Перед остальными у вас два преимущества: первое — «блаженнее давать, нежели принимать»; второе — сначала вам следует обеспечить себя, а затем других. Вот в каком свете нужно видеть и себя, и их. Скажем определённее: во-первых, если у вас нет семьи, обеспечив себя, раздавайте весь остаток, так чтобы

[36] К каждому Рождеству счета расчистить
И за год весь свой запас израсходовать.

[37] Так поступали все молодые люди в Оксфорде, которых называли методистами. Например, один из них имел тридцать фунтов в год. Он жил на двадцать восемь и отдавал сорок шиллингов. На следующий год, получив шестьдесят фунтов, он по-прежнему жил на двадцать восемь и отдал тридцать два. На третий год получил девяносто фунтов и отдал шестьдесят два. На четвёртый получил сто двадцать. По-прежнему жил на двадцать восемь, а девяносто два отдал бедным. Разве это не был путь ещё превосходнейший? Во-вторых, если у вас есть семья, серьёзно рассмотрите пред Богом, сколько нужно каждому её члену, чтобы иметь необходимое для жизни и благочестия. И вообще не предоставляйте им меньше, но и не намного больше, чем себе. В-третьих, сделав это, твёрдо решите «не приобретать больше». Во имя Божие повелеваю вам: не увеличивайте своё имущество! Как оно приходит ежедневно или ежегодно, так пусть и уходит; иначе вы «собираете сокровища на земле». А это Господь запрещает столь же прямо, как убийство и прелюбодеяние. Следовательно, поступая так, вы «собирали бы себе гнев на день гнева и откровения праведного суда Божия».

[38] 5. Но допустим, это не было бы запрещено: как, исходя из разума, можно тратить деньги способом, который Бог, *возможно, простит,* вместо того чтобы тратить их так, как Он *непременно вознаградит?* На небе вы не получите награды за то, что *откладываете,* но получите за то, что *расходуете.* Каждый фунт, положенный в земной банк, пропал: он не приносит процентов в вышине. Но каждый фунт, отданный бедным, положен в небесный банк. И он

принесёт славные проценты, притом такие, которые будут нарастать всю вечность.

[39] 6. Кто же среди вас мудр и наделён знанием? Пусть решит сегодня, в этот час, в это мгновение, при помощи Господней, избрать во всех перечисленных частностях «путь ещё превосходнейший». И пусть твёрдо держится его в отношении сна, молитвы, труда, пищи, беседы и развлечений, а особенно в употреблении важного таланта — денег. Пусть *ваше* сердце ответит на Божий призыв: «С этой минуты, с Божией помощью, я больше не буду собирать сокровищ на земле. Одно я буду делать: собирать сокровища на небе; воздавать Богу Божие; отдавать Ему всё своё имущество и всё своё сердце».

Истинный израильтянин

[1] «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства».

[2] Иоанна 1:47.

[3] 1. Несколько лет назад весьма одарённый человек, профессор Хатчесон из Глазго, опубликовал два трактата «О происхождении наших идей красоты и добродетели». Во втором он утверждает, что самая сущность добродетели — любовь к нашим собратьям. Он старается доказать, что добродетель и благожелательность — одно и то же; что всякое расположение добродетельно лишь настолько, насколько причастно природе благожелательности; и что все наши слова и поступки добродетельны лишь тогда, когда исходят из того же начала. «Но разве он не предполагает, что основание этой благожелательности — благодарность или любовь к Богу?» Вовсе нет: подобная мысль никогда не приходила ему в голову. Напротив, он полагает прямо противоположное. Он нимало не стесняется утверждать, что если какое-либо расположение или действие вызвано вниманием к Богу или ожиданием награды от Него, оно вовсе не добродетельно; а если действие происходит отчасти из благожелательности, отчасти из обращения к Богу, то чем больше в нём обращения к Богу, тем меньше добродетели.

[4] 2. Я не могу смотреть на это прекрасное сочинение господина Хатчесона иначе как на благопристойное и потому более опасное нападение на всё христианское Откровение. Ведь оно утверждает, что любовь к Богу есть истинное основание и любви к ближнему, и всех

остальных добродетелей; соответственно, ставит как «первую и великую заповедь», от которой зависят все прочие: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всем разумением твоим, всею душою твоею и всею крепостью твоею». Таким образом, согласно Библии, благожелательность, или любовь к ближнему, — лишь *вторая* заповедь. И если Писание от Бога, то утверждение, будто одна благожелательность составляет и основание, и сущность всякой добродетели, столь далеко от истины, что сама благожелательность вовсе не является добродетелью, если не происходит из любви к Богу. [78]

[5] 3. Однако нельзя отрицать, что сам этот писатель поместил на полях примечание в пользу христианства. «Кто не пожелал бы, — говорит он, — чтобы можно было доказать божественное происхождение христианского Откровения? Ведь оно, несомненно, самое благожелательное установление из когда-либо появлявшихся в мире!» Но если тщательно обдумать это, не наносит ли оно ещё один удар по самому корню Откровения? Не означает ли оно просто: «Хотел бы я, чтобы это было возможно, но в действительности доказать этого нельзя»?

[6] 4. Другой одарённый писатель выдвигает совершенно иную гипотезу. Господин Уолластон в книге, озаглавленной им «Очерк религии природы», старается доказать, что сущность добродетели — истина, или соответствие истине. Но, кажется, господин Уолластон отходит от Библии ещё дальше самого господина Хатчесона. Ибо система Хатчесона устраняет лишь одну из двух великих заповедей, а именно: «Возлюби Господа Бога твоего», — тогда как Уолластон устраняет обе: его

гипотеза не полагает сущности добродетели ни в любви к Богу, ни в любви к ближнему.

[7] 5. Однако оба автора, хотя и разными способами, сходятся в том, что разъединяют соединённое Богом. Павел же соединяет их вместе, уча нас «говорить истину в любви». И, несомненно, истина и любовь были соединены в том, кому Знающий сердца всех людей даёт столь прекрасную характеристику: «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства!»

[8] 6. Но о ком наш благословенный Господь даёт это славное свидетельство? Кто этот Нафанаил, о котором столь замечательно рассказано в последней части рассматриваемой главы? Не странно ли, что больше он нигде в Новом Завете не упоминается? Под этим именем он больше не назван, но, вероятно, у него было другое, которым его чаще называли. Среди древних обычно считалось, что это тот же человек, которого в других местах называют Варфоломеем, один из апостолов Господа нашего, причём и Матфей, и Марк, перечисляя апостолов, ставят его сразу после Филиппа, первым приведшего его к Учителю. Весьма вероятно, что собственным его именем было Нафанаил — имя, распространённое у иудеев, — а другое имя, Варфоломей, означающее лишь «сын Птолемея», происходило от отца, по обычаю, тогда весьма распространённому и среди иудеев, и среди язычников.

[9] 7. Из немногого сказанного о нём в этом отрывке видно, что он был человеком прекрасного духа: не поспешным в доверии, но открытым убеждению и готовым принять истину, откуда бы она ни пришла. Так, мы читаем: «Филипп находит Нафанаила» — вероятно, по тому, что мы называем случайностью, — «и говорит ему: мы нашли

Того, о Ком писали Моисей в законе и пророки, Иисуса из Назарета» (Ин. 1:45). «Нафанаил говорит ему: из Назарета может ли быть что доброе?» Говорил ли Моисей или писали ли пророки о пророке, который должен прийти оттуда? «Филипп говорит ему: пойди и посмотри», — и вскоре сможешь судить сам. Нафанаил последовал совету, не останавливаясь для совета с плотью и кровью. «Иисус увидел идущего Нафанаила и сказал: вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства!» «Нафанаил говорит», несомненно весьма удивлённый: «Откуда Ты знаешь меня?» Иисус говорит: «Прежде чем Филипп позвал тебя, когда ты был под смоковницей, Я видел тебя». «Нафанаил отвечал и сказал Ему» — так быстро исчезло всякое предубеждение! — «Равви! Ты — Сын Божий, Ты — Царь Израилев».

[10] Но что подразумевает данная Господом характеристика: «В котором нет лукавства»? Она может включать всё, что содержится в таком совете:

> [11] Пусть сердце всегда будет верно Богу,
> Слова — ему, дела — и тем и другому.

[12] I. 1. Прежде всего рассмотрим, что значит иметь сердце, верное Богу. Означает ли это что-либо меньшее, чем заключено в благодатной заповеди: «Сын мой, отдай Мне сердце твоё»? Только тогда наше сердце *верно Богу,* когда мы отдаём его Ему. В низшей степени мы отдаём Ему сердце, когда ищем в Нём счастья; когда не ищем его в удовлетворении «похоти плоти», в каких-либо чувственных удовольствиях; ни в удовлетворении «похоти очей», в удовольствиях воображения, возникающих от величественных, новых или прекрасных предметов природы или искусства; ни в «гордости житейской», в «чести от людей», в их любви, уважении и похвалах; ни

даже в том, что некоторые с равной дерзостью и невежеством называют *главной выгодой,* в «собирании сокровищ на земле». Когда мы не ищем счастья ни в чём из этого, но в одном Боге, тогда в некотором смысле отдаём Ему сердце.

[13] 2. Но в более собственном смысле мы отдаём Богу сердце, когда не только ищем, но и находим в Нём счастье. Это счастье, несомненно, начинается тогда, когда мы начинаем познавать Его по научению Его собственного Духа; когда Отцу угодно открыть Своего Сына в наших сердцах, так что мы можем смиренно сказать: «Господь мой и Бог мой»; и когда Сыну угодно открыть в нас Отца посредством «Духа усыновления, взывающего в наших сердцах: Авва, Отче» и «свидетельствующего духу нашему, что мы — дети Божии». Тогда и «любовь Божия изливается в сердца наши». И мере нашей любви соответствует мера нашего счастья.

[14] 3. Однако ставился вопрос: намерен ли Бог, чтобы счастье, первоначально испытываемое всеми знающими и любящими Его, продолжалось дольше, чем, так сказать, день их обручения? Нужно признать, что у очень многих оно не продолжается: через несколько месяцев, возможно недель или даже дней, радость и мир либо исчезают разом, либо постепенно ослабевают. Если же Бог желает, чтобы их счастье продолжалось, как это объяснить?

[15] 4. Думаю, весьма легко. Увещание Иуды «сохраняйте себя в любви Божией» несомненно подразумевает, что ради её продолжения нужно что-то делать с нашей стороны. И разве это не согласуется с общим изречением Господа нашего об этом и о всяком Божием даре: «Кто имеет, тому дано будет, и будет иметь в изобилии; а у

того, кто не имеет», то есть не пользуется даром, не умножает его, «отнимется и то, что имеет» (Лк. 8:18)?

[16] 5. Правда, часть этого стиха в нашем переводе передана как «то, что он, по-видимому, имеет». Но трудно понять, какой в этом смысл. Ведь если он только *по-видимому* имеет этот или какой-либо другой Божий дар, то в действительности его не имеет. А если так, отнять его нельзя, ибо никто не может потерять того, чего никогда не имел. Поэтому ясно, что ho dokei echein следует переводить как *«то, что он несомненно имеет».* И можно заметить, что слово dokeo в разных местах Нового Завета не ослабляет, а усиливает смысл слова, с которым соединено. Соответственно, всякий, кто умножает уже полученную благодать, кто возрастает в любви к Богу, непременно сохранит её. Бог продолжит давать её и даже даст обильнее. Напротив, тот, кто не умножает этот талант, никак не может его сохранить. Что бы он ни делал, талант непременно будет у него отнят.

[17] II. 1. Между тем, как сердце «подлинного израильтянина» верно Богу, так и слова его соответствуют сердцу; и как в сердце не обитает лукавство, так и на устах его нет. Первое, что здесь подразумевается, — *правдивость:* говорить истину от сердца, отвергать всякую намеренную ложь, любого рода и степени. Согласно известному определению, ложь есть falsum testimonium, cum intentione fallendi: «Неправда, которую говорящий сознаёт как таковую и произносит с намерением обмануть». Но даже произнесение неправды не является ложью, если нет намерения обмануть.

[18] 2. Большинство казуистов, особенно принадлежащих к Римской церкви, различают три рода лжи: первый — злонамеренная ложь, второй — безвредная, третий —

услужливая. И о каждом они судят весьма по-разному. Я не знаю никого, кто осмелился бы хотя бы извинять, тем более защищать, *злонамеренную* ложь, то есть высказанную с целью причинить кому-нибудь вред: её осуждают все стороны. Больше разногласий вызывает *безвредная* ложь, о которой предполагают, что она не приносит ни пользы, ни вреда. Большинство людей, даже в христианском мире, произносит её без всяких угрызений и открыто утверждает: если она не вредит другому, то не вредит и говорящему. Вредит она или нет, в устах «подлинного израильтянина» ей, несомненно, нет места. Он не может лгать ни в шутку, ни всерьёз. Из его уст слышна лишь истина. Он помнит прямую Божию заповедь ефесским христианам: «Отвергнув ложь, говорите истину каждый своему ближнему» (Еф. 4:25).

[19] 3. Об *услужливой* лжи, произносимой с намерением сделать добро, в христианской Церкви велись многочисленные споры. Множество писателей, притом известных и благочестием, и учёностью, издавали по этому предмету целые тома и вопреки всем противникам не только объявляли её невинной, но и хвалили как заслуживающую награды. Но что говорит Писание? Одно место столь ясно, что иного не требуется. Оно находится в третьей главе Послания к Римлянам; вот собственные слова апостола: «Если истина Божия возвысилась через мою ложь к славе Его, за что ещё меня судить как грешника?» — разве благой результат лжи не избавляет её от осуждения? — «И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро, как некоторые злословят нас и утверждают, будто мы так говорим? Праведен суд на таковых» (Рим. 3:7, 8). Здесь апостол ясно объявляет: (1) добрый результат лжи её не оправдывает; (2) утверждение «христиане учат делать зло, чтобы вышло добро» есть

чистая клевета; (3) если кто-нибудь действительно так поступает, учит людей делать зло ради добра или сам делает это, его осуждение справедливо. Это особенно применимо к тем, кто лжёт, чтобы тем самым сделать добро. Следовательно, услужливая ложь, как и всякая другая, есть мерзость перед Богом истины. Поэтому нет ничего нелепого, как бы странно это ни звучало, в изречении древнего отца: «Я не сказал бы намеренной лжи ради спасения душ всего мира».

[20] 4. Второе, что входит в образ «подлинного израильтянина», — *искренность.* Как правдивость противоположна лжи, так искренность — хитрости. Но она не противоположна мудрости или рассудительности, вполне с нею совместимым. «Но какая разница между мудростью и хитростью? Разве это не почти, если не совершенно, одно и то же?» Вовсе нет. Разница между ними чрезвычайно велика. Мудрость — способность различать наилучшие цели и самые подходящие средства их достижения. Цель всякого разумного создания — Бог, наслаждение Им во времени и в вечности. Наилучшее, более того, единственное средство достичь этой цели — «вера, действующая любовью». Истинное *благоразумие* в общем смысле слова есть то же, что мудрость. *Рассудительность* — лишь другое название благоразумия, если не скорее его часть, поскольку иногда она относится к нашему внешнему поведению и означает правильное устроение слов и поступков. Напротив, хитрость, как её обычно называют среди простых людей, или политика, как зовут её среди великих, говоря прямо, есть не что иное, как искусство обманывать. Поэтому если она и является какой-либо мудростью, то «мудростью снизу», исходящей из бездны и ведущей туда, откуда пришла.

[21] 5. Два главных средства, которыми хитрость пользуется для обмана, — *притворство* и *сокрытие*. Притворство — казаться тем, чем мы не являемся; сокрытие — казаться не тем, чем являемся, согласно старому стиху: Quod non est simulo: Dissimuloque quod est. И то и другое мы обычно называем «вывешиванием ложного флага». Бесчисленны обличья, принимаемые притворством ради обмана; почти столько же использует для той же цели сокрытие. Но искренний человек избегает обоих и всегда выглядит именно тем, кто он есть.

[22] 6. «Но если приходится иметь дело с хитрыми людьми, особенно когда они задают коварные вопросы, нельзя ли молчать или отвечать сдержанно, не заслуживая обвинения в хитрости?» Несомненно, можно. Более того, во многих случаях мы должны либо совсем молчать, либо говорить с большей или меньшей сдержанностью, как требуют обстоятельства. Во многих случаях полное молчание совместимо с высочайшей искренностью. Так же совместимо с ней говорить сдержанно, сообщать лишь часть, возможно малую часть, известного нам. Но если бы мы выдавали это за всё, это противоречило бы искренности.

[23] 7. Более труден другой вопрос: «Не можем ли мы говорить правду, чтобы обмануть, подобно тому древнему, который воскликнул, восхищаясь собственной изобретательностью: Hoc ego mihi puto palmarium, ut vera dicendo eos ambos fallam. — „Вот что я считаю своим шедевром: обмануть их обоих, говоря правду!“?» Отвечаю: язычник мог бы этим гордиться, но христианин не мог бы. Ибо, хотя это не противоречит правдивости, оно несомненно противоречит искренности. Поэтому превосходнейший путь, если мы вообще считаем

уместным говорить, — отвергнуть и притворство, и сокрытие и говорить чистую истину от сердца.

[24] 8. Возможно, это правильно называется *простотой.* Она идёт немного дальше самой искренности. Она предполагает не только, во-первых, не говорить заведомой неправды и, во-вторых, никого намеренно не обманывать, но и, в-третьих, говорить со всяким прямо и безыскусно, когда вообще говорим; говорить как малые дети — по-детски просто, но не ребячески. Не исключает ли это совершенно употребление каких-либо *комплиментов?* Низкое слово, сам звук которого мне отвратителен; я вполне согласен с нашим поэтом:

> [25] Не стало добрых дней с тех пор,
> Как низкое угодничество назвали комплиментом.

[26] Советую людям искренности и простоты никогда не брать этого глупого слова в уста, но стараться держаться как можно дальше и от названия, и от самого дела.

[27] 9. Незадолго до той примечательной поры,

> [28] Когда государственные мужи отправили прелата за море
> По давно прославленному Акту о карах и наказаниях,

[29] несколько епископов разом напали на епископа Аттербери, тогда епископа Рочестерского, с вопросом: «Милорд, почему вы не позволяете слугам отказывать посетителям, когда не хотите принимать общество? Если они скажут, что ваша светлость не дома, это не ложь, ведь никого не обманывает: всякий знает, что это значит лишь „его светлость занят“». Он ответил: «Милорды, если это и совместимо с искренностью, в чём я сомневаюсь, то, я

уверен, несовместимо с простотой, подобающей христианскому епископу».

30 10. Но вернёмся к предмету. Искренность и простота человека, в котором нет лукавства, влияют и на всё его поведение: придают свой оттенок всему внешнему образу жизни, который, будучи весьма далёк от неотёсанности и невоспитанности, грубости и угрюмости, всё же прост, безыскусен и свободен от всякой личины, являясь точным изображением сердца. Непрестанно царствующие в нём истина и любовь рождают открытый облик и спокойное лицо, не оставляя повода сказать вместе с тем надменным королём Кастилии: «Создав человека, Бог оставил один важнейший недостаток: следовало устроить окно у него в груди». Ведь такой человек всем строем своих слов и поступков сам открывает окно в собственной груди.

31 11. Вот настоящая, подлинная, прочная добродетель. Не одна истина и не соответствие истине: это свойство настоящей добродетели, а не её сущность. Не одна любовь, хотя это ближе к цели, ибо *любовь* в одном смысле «есть исполнение закона». Нет: истина и любовь, соединённые вместе, составляют сущность добродетели, или святости. Бог неотступно требует «истины во внутреннем человеке», влияющей на все наши слова и дела. Но сама истина, отделённая от любви, ничто пред Ним. Пусть, однако, смиренная, мягкая, терпеливая любовь ко всему человечеству утвердится на своём правильном основании — на любви к Богу, проистекающей из веры, из полного убеждения, что Бог отдал Своего Единородного Сына на смерть за *мои* грехи; и тогда всё сведётся к великому заключению, достойному принятия всеми людьми: «Ни обрезание ничего не значит, ни необрезание, но вера, действующая любовью».

О христианской любви

1 «Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею дар пророчества, знаю все тайны и обладаю всяким познанием, если имею всю веру, так что могу и горы переставлять, а любви не имею, то я ничто. И если раздам всё имение моё на пропитание бедным и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».

2 1 Коринфянам 13:1–3.

3 Мы знаем: «Всё Писание богодухновенно», а потому истинно и право во всём. Но знаем также, что некоторые места Писания непосредственнее других находят отклик в совести каждого человека. К этому разряду можно отнести рассматриваемое место: едва ли кто-нибудь возражает против него. Напротив, большинство людей весьма охотно к нему обращается. Нет ничего обычнее, чем встретить даже отрицающих авторитет Священного Писания и всё же утверждающих: «Вот моя религия — та, которая описана в тринадцатой главе Послания к коринфянам». Более того, даже иудей, доктор Нунес, испанский врач, живший тогда в Саванне, в Джорджии, часто говорил с великим усердием: «Этот Павел из Тарса — один из лучших писателей, каких я когда-либо читал. Я хотел бы, чтобы тринадцатая глава его первого письма к коринфянам была написана золотыми буквами. И хотел бы, чтобы каждый иудей носил её с собой, куда бы ни шёл». Он полагал, и здесь, несомненно, судил правильно, что одна эта глава заключает всю истинную религию. Она

содержит «всё справедливое, всё чистое, всё любезное; если есть какая добродетель, если есть что похвальное» — всё это содержится в ней.

4 Чтобы увидеть это в самом ясном свете, мы можем рассмотреть:

5 I. Что такое любовь, о которой здесь говорится;

6 II. Что обычно ставят на её место. Затем можем

7 III. Заметить, что ни что-либо из этого по отдельности, ни всё вместе не может восполнить её отсутствия.

8 I. 1. Во-первых, нам предстоит рассмотреть, что такое эта любовь. Какова её природа и каковы свойства?

9 Святой Павел употребляет слово agape, в точности соответствующее простому английскому слову *love* — любовь. Соответственно, так оно передаётся во всех старых переводах Библии. Так было в Библии Уильяма Тиндейла, которая, полагаю, была первым английским переводом всей Библии. Так было и в Библии, изданной властью короля Генриха VIII; так же — во всех последовательно выходивших в Англии изданиях Библии при короле Эдуарде VI, королеве Елизавете и короле Иакове I. Более того, так оно встречается в Библиях времени правления Карла I, как полагаю, до самого конца его царствования. Первые Библии, виденные мною с заменённым словом, были напечатаны Роджером Дэниелом и Джоном Филдом, парламентскими печатниками, в 1649 году. Отсюда кажется вероятным, что замена была сделана во время заседаний Долгого парламента; вероятно, именно тогда слово латинского происхождения *charity* было поставлено на место английского *love*. В несчастный час совершили эту замену; её дурные последствия остаются доныне и

заметны не только среди бедных и неграмотных. Не только тысячи простых мужчин и женщин понимают слово charity не больше, чем греческий подлинник: то же плачевное заблуждение распространилось среди образованных и учёных. Тысячи из них введены им в заблуждение и воображают, что charity, о которой говорится в этой главе, относится главным образом, если не целиком, к внешним действиям и означает почти только раздачу милостыни! Я слышал много проповедей по этой главе, особенно перед Оксфордским университетом, и лишь одну, в которой её смысл не был совершенно искажён. Но если бы сохранили старое и правильное слово *love* — любовь, для искажения не осталось бы места.

[10] 2. Но о какой любви апостол говорит на протяжении всей главы? Многие люди выдающейся учёности и благочестия полагают, что это любовь к Богу. Однако, прочитав всю главу бесчисленное множество раз и рассмотрев со всех сторон, я вполне убеждён, что непосредственно святой Павел говорит здесь о любви к ближнему. Думаю, всякий, кто внимательно взвесит весь ход его рассуждения, вполне убедится в этом. Но следует признать: это такая любовь к ближнему, которая может проистекать лишь из любви к Богу. А откуда проистекает любовь к Богу? Только из веры, производимой Богом; имеющий её обладает непосредственным свидетельством, что «Бог во Христе примирил с Собою мир». Когда это особо прилагается к его сердцу, так что он может со смиренным дерзновением сказать: «Жизнь, которой ныне живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня», — тогда и только тогда любовь Божья изливается в его сердце. Эта любовь сладостно побуждает любить каждого сына человеческого той

любовью, о которой здесь говорится: не любовью уважения или благосклонного одобрения, ибо она неуместна в отношении тех, кто, если и не его личный враг, всё же враг Богу и собственной душе, но любовью благожелательности, нежного благоволения ко всем душам, созданным Богом.

11 3. Но могут спросить: «Если нет истинной любви к ближнему, кроме проистекающей из любви к Богу, а любовь к Богу не имеет иного источника, кроме веры в Сына Божия, не следует ли, что весь языческий мир лишён всякой возможности спасения? Ведь он отрезан от веры: вера от слышания, а как услышат без проповедующего?» Отвечаю: сюда приложимы слова святого Павла, сказанные по другому поводу: «Что говорит закон, говорит к состоящим под законом». Соответственно, изречение «неверующий будет осуждён» сказано о тех, кому проповедуется Евангелие. Других оно не касается, и от нас не требуется решать что-либо об их окончательном состоянии. Как Богу, Судии всех, будет угодно поступить с *ними*, можем предоставить Самому Богу. Но вот что мы знаем: Он Бог не только христиан, но и язычников; Он «богат милостью ко всем, призывающим Его» по данному им свету; и «во всяком народе боящийся Бога и поступающий по правде приятен Ему».

12 4. Но вернёмся. Такова природа любви, о которой здесь говорит апостол. Каковы же её свойства, неотделимые от неё плоды? Апостол перечисляет многие; главные из них следующие.

13 Во-первых, «любовь не гордится». Какова мера любви, такова мера смирения. Ничто не смиряет душу столь глубоко, как любовь: она изгоняет все «высокие мнения, порождающие гордость», всю надменность и самомнение,

делает нас малыми, бедными, низкими и ничтожными в собственных глазах. Она уничижает и перед Богом, и перед людьми, делает готовыми быть меньшими всех и слугами всех и учит говорить: «Пылинка в солнечном луче мала, но я бесконечно меньше в присутствии Бога».

[14] 5. Во-вторых, «любовь не раздражается». Нынешний английский перевод передаёт: «не легко раздражается». Но откуда взялось слово *легко*? В подлиннике нет и следа его: слова апостола просто таковы — ou paraxynetai. Не вероятно ли, что переводчики вставили его, желая оправдать святого Павла, из страха, что его поведение покажется противоречащим учению? Ибо читаем в Деяниях 15:36, et seq., то есть и далее: «Через несколько дней Павел сказал Варнаве: пойдём опять, посетим братьев наших во всех городах, где мы проповедали слово Господне, как они живут. Варнава намеревался взять с собою Иоанна, называемого Марком. Но Павел полагал не брать с собою отставшего от дела. И произошло столь острое разногласие, что они разлучились друг с другом; Варнава, взяв Марка, отплыл на Кипр, а Павел, избрав Силу, отправился, быв поручен братьями благодати Божией, и проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви».

[15] 6. Не подумает ли всякий, читая эти слова, что оба были одинаково резки, что Павел был столь же горяч, как Варнава, и так же лишён любви? Но текст не говорит ничего подобного, что станет ясно, если сперва рассмотрим повод. Когда святой Павел предложил «снова посетить братьев в каждом городе, где они проповедовали слово», оба были согласны. «Варнава намеревался взять с собою Иоанна», потому что тот был сыном его сестры, не получив и не попросив совета святого Павла. «Но Павел

полагал не брать с собою того, кто отстал от них в Памфилии», по лености ли, по трусости, «и не пошёл с ними на дело». Несомненно, он рассуждал правильно, основание было на его стороне. Следующие слова — egento oun paroxysmos, буквально: «и произошёл приступ гнева». Не сказано, что у святого Павла; вероятно, у одного Варнавы, заменившего недостаток доводов страстью, «так что они разлучились». Варнава, решив настоять на своём, поступил так, как прежде его племянник: «отошёл от дела», «взял с собой Марка и отплыл на Кипр». Павел же продолжил дело, «быв поручен братьями благодати Божией», чего Варнава, по-видимому, не дождался. «И проходил Сирию и Киликию, утверждая церкви». Из всего рассказа не видно никакой вины святого Павла: ни чувства, ни слова, противного закону любви. Поэтому, не будучи виновным, он не нуждается в оправдании.

16 7. Несомненно, исполненный любви «кроток ко всем людям». Он «с кротостью наставляет противников», противящихся тому, что ему всего дороже, — самой истине Божьей или той святости, без которой никто не увидит Господа; ибо не знает, не «даст ли им Бог познание истины». Как бы ни раздражали его, он «не воздаёт злом за зло или ругательством за ругательство». Более того, «благословляет проклинающих и благотворит обижающим и гонящим его». Он «не бывает побеждён злом», но всегда «побеждает зло добром».

17 8. В-третьих, «любовь долготерпит». Она переносит не немногие оскорбления, поношения и обиды, но *всё*, что Богу угодно попустить людям или бесам причинить. Она вооружает душу непоколебимым терпением: не суровым стоическим терпением, а податливым, как воздух,

который, не сопротивляясь удару, не получает от него вреда. Любящий человечество помнит Пострадавшего за нас, «оставив нам пример, чтобы мы шли по следам Его». Поэтому, «если враг голоден, кормит его; если жаждет, поит»; и этим «собирает горящие уголья» растопляющей любви на его голову. «И большие воды не могут потушить эту любовь, и реки» неблагодарности «не зальют её».

[18] II. 1. Во-вторых, надлежит исследовать, что, по обыкновенному предположению, может заменить любовь. Первое — красноречие, способность хорошо говорить, особенно о религиозных предметах. Люди обычно склонны хорошо думать о том, кто хорошо говорит. Если он правильно и свободно говорит о Боге и Божьем, кто усомнится, что он пользуется Божьим благоволением? Ему также весьма естественно хорошо думать о себе, иметь о себе столь же благоприятное мнение, как другие.

[19] 2. Но размышляющие люди этим не удовлетворяются; им недостаточно потока слов. Они предпочитают мысль речи и судят, что много знающий гораздо превосходит много говорящего. Несомненно, знание — превосходный Божий дар, особенно знание Священного Писания, содержащего все глубины Божественного познания и мудрости. Поэтому обычно думают, что человек обширных познаний, особенно познаний в Писании, должен не только пользоваться Божьим благоволением, но и наслаждаться им в высокой степени.

[20] 3. Но размышляющие глубже склонны говорить: «Я не придаю веса никакому знанию, кроме познания Бога верою. Вера — единственное знание, драгоценное пред Богом. „Мы спасаемся верою“, одною верою: это единственно необходимое. Верующий, и только он, спасётся навеки». В этом много истины. Несомненно

верно, что «мы спасаемся верою», а следовательно, «верующий спасён будет, а неверующий осуждён будет».

21 4. Но некоторые скажут вместе с апостолом Иаковом: «Покажи мне веру твою без дел твоих», если можешь, хотя на деле это невозможно, «а я покажу тебе веру мою из дел моих». Многие склоняются к мысли, что добрые дела, дела благочестия и милосердия, гораздо важнее самой веры и восполнят отсутствие всякого другого качества, необходимого для неба. По-видимому, таково общее мнение не только членов Римской церкви, но и протестантов, не легкомысленных и беспечных, но серьёзных членов нашей собственной Церкви.

22 5. И нельзя отрицать, что Сам наш Господь сказал: «По плодам их узнаете их»: по делам узнаёте верующих и неверующих. Но всё же можно спросить, нет ли ещё более верного доказательства искренности веры, чем сами дела, — добровольного страдания за правду. Особенно если, претерпев поношение, боль, утрату друзей и имущества, человек отдаёт саму жизнь, притом позорной и мучительной смертью, отдавая тело на сожжение, лишь бы не отказаться от веры и доброй совести, пренебрегая известным ему долгом.

23 6. Здесь уместно заметить, во-первых, прекрасную последовательность, в которой каждая ступень выше предыдущей, при перечислении вещей, которыми те или иные люди, называемые и обычно считаемые христианами, действительно надеются восполнить отсутствие любви. Святой Павел начинает с низшей ступени — *умения хорошо говорить* — и поднимается шаг за шагом, каждый раз выше предыдущего, пока не достигает высшей. Выше красноречия стоит знание; выше него — вера; добрые дела выше такой веры; а выше и

этого — страдание за правду. Ничего выше нет, кроме христианской любви, любви к ближнему, проистекающей из любви к Богу.

24 7. Во-вторых, уместно заметить, что всё принимаемое за религию в какой-либо части христианского мира — составляет ли оно часть религии или вовсе не относится к ней, будучи безумием, суеверием или нечестием, — без особого труда можно отнести к тому или иному из этих разрядов. Всё, что протестанты или римские католики считают религией и что ею не является, содержится под одним из пяти названных пунктов. Испытывайте это сколько угодно на всём, что называется религией неправильно, и найдёте, что правило действует без исключений.

25 III. 1. Теперь, в-третьих, я должен доказать всем имеющим уши слышать, не ожесточающимся против убеждения, что ни одно из этих пяти качеств, ни все вместе ничего не значат пред Богом без описанной выше любви.

26 Чтобы сделать это яснее всего, рассмотрим их по отдельности. Во-первых, «если я говорю языками человеческими и ангельскими», с красноречием, какого никогда не встречалось у людей, о природе, свойствах и делах Бога, творения ли, Провидения ли; если нисколько не уступаю в этом первейшим апостолам, проповедуя как святой Пётр и молясь как святой Иоанн, — но если смиренная, кроткая, терпеливая любовь не господствует в моей душе, я по Божьему суду не лучше «меди звенящей или кимвала гремящего». Поэтому высшее красноречие в частной беседе или общественном служении, самые блестящие дарования проповеди или молитвы, если не соединены со смиренным, кротким и терпеливым

преданием воле Божьей, могут низвергнуть меня глубже в ад, но ни на шаг не приблизят к небу.

27 2. Это можно пояснить простым примером. Между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами назад я знал молодого человека, который в течение нескольких лет никогда не пытался убедить кого-нибудь в религиозной истине, чтобы тот не *убеждался*, и никогда не пытался склонить к религиозному делу, чтобы тот не соглашался. Что же из этого? Вся сила убеждающей речи, вся мощь увещания, если не соединена с кротостью и смирением, покорностью и терпеливой любовью, сделала бы его способным наслаждаться Богом не более, чем чистый голос или прекрасный цвет лица. Напротив, скорее уготовила бы ему более жаркое место в вечном пламени!

28 3. Во-вторых, «если имею дар пророчества», предсказания будущих событий, которых никакое творение не может предвидеть; «знаю все тайны» природы, Провидения и слова Божьего; «обладаю всяким познанием» Божественного и человеческого, какого когда-либо достигал смертный; если могу объяснить самые таинственные места Даниила, Иезекииля и Откровения, — но не имею смирения, кротости и покорности, «я ничто» в Божьих очах.

29 Незадолго до окончания недавней войны во Фландрии один прибывший оттуда человек рассказал нам весьма странную историю. Я не знал, как о ней судить, и ждал приезда Джона Хейма, в правдивости которого мог сомневаться не больше, чем в разумении. Вот его рассказ: «Джонатан Пайра был членом нашего общества во Фландрии. Я знал его несколько лет и знал как человека безупречного поведения. Однажды его вызвали пред совет генералов. Один сказал: „Что это мы слышим о

тебе? Слышим, ты стал пророком и предсказываешь падение кровавого дома Бурбонов и надменного дома Австрии. Мы были бы рады, если бы ты оказался настоящим пророком и пророчества сбылись. Но какое знамение дашь, чтобы убедить нас, что ты таков и предсказания исполнятся?“ Он тотчас ответил: „Господа, даю вам знамение: завтра в двенадцать часов будет такая гроза с громом и молнией, какой вы не видели с тех пор, как пришли во Фландрию. Даю второе знамение: как бы мало кто из вас ни ожидал ничего подобного и как бы мало признаков этого ни было сейчас, в течение трёх дней у вас будет генеральное сражение с французами. Даю третье знамение: мне прикажут наступать в первой линии. Если я лжепророк, при первом залпе буду убит; если истинный пророк, получу лишь мушкетную пулю в икру левой ноги“. На следующий день в двенадцать разразились такие гром и молния, каких прежде во Фландрии не бывало. На третий день, вопреки всем ожиданиям, произошло генеральное сражение при Фонтенуа. Ему приказали наступать в первой линии, и при самом первом залпе он действительно получил мушкетную пулю в икру левой ноги».

[30] 4. И всё же всё это не принесло ему никакой пользы ни для временного, ни для вечного счастья. Когда война закончилась, он вернулся в Англию, но рассказ опередил его. Поэтому за ним послали графиня Сент—с и несколько других знатных особ, желавших услышать столь удивительное повествование из его собственных уст. Он не вынес такой чести: она совершенно помрачила его рассудок. Вскоре он впал в полное безумие и остаётся таким доныне, живя, насколько мне известно, в Уибси-Мурсайде, в нескольких милях от Лидса. [На время написания этой проповеди. С тех пор он умер.]

31 5. И какая польза человеку «иметь всякое познание», даже бесконечно превосходящее прочие — знание Священного Писания? Около двадцати лет назад я знал молодого человека, так основательно знакомого с Библией, что, если его спрашивали о каком-либо еврейском слове Ветхого или греческом слове Нового Завета, он после небольшой паузы говорил не только, сколько раз оно встречается в Библии, но и что означает в каждом месте. Его звали Томас Уолш. [Сохранился написанный им самим дневник.] Такого знатока библейского знания я прежде не видел и не ожидаю увидеть вновь. Но если бы при всём знании он был лишён любви, если бы был горд, вспыльчив или нетерпелив, он и всё его знание погибли бы вместе — так же несомненно, как то, что он родился.

32 6. «Если имею всю веру, так что могу и горы переставлять». Вера, способная на это, не может быть плодом пустого воображения, простой грёзой безумца, системой мнений, но должна быть действительным Божьим делом, иначе не имела бы такого действия. Однако если эта вера не действует любовью, не производит всецелой святости, не приносит смирения, кротости и покорности, она не принесёт мне никакой пользы. Это столь же несомненная истина, как любая, возвещённая во всех словесах Божьих. Всякая вера, которая существует, существовала или может существовать отдельно от нежной благожелательности к каждому сыну человеческому — другу или врагу, христианину, иудею, еретику или язычнику, — отдельно от кротости ко всем, от покорности при любых событиях и довольства в любых обстоятельствах, не есть вера христианина и не поможет нам пред лицом Бога.

33 7. Услышьте это, все называемые методистами! Вас это касается больше всех живущих. Вы постоянно говорите о спасении верою и правы, говоря так. Все вы утверждаете, что человек оправдывается верою без дел закона, и не можете иначе, не отказавшись от Библии и не предав собственных душ. Вы настаиваете, что мы спасаемся верою, и несомненно, это так. Но вместе с тем подумайте: сколько бы веры ни было и как бы сильна она ни была, она никогда не спасёт нас от ада, если уже теперь не спасает от всех нечистых расположений — гордости, вспыльчивости, нетерпения; от всякой надменности духа, высокомерия и властности; от ярости, гнева, горечи; от недовольства, ропота, раздражительности и брюзгливости. Мы менее всех людей имеем оправдание, если после столь частых предостережений от этого сильного обольщения всё ещё, потворствуя какому-либо из этих расположений, благословляем себя и мечтаем, будто идём к небу!

34 8. В-четвёртых, «если я раздам всё имение бедным», разделю всё недвижимое и движимое имущество на малые доли — именно таково значение исходного слова — и усердно раздам тем, кого имею основание считать наиболее подходящими получателями; но если я горд, вспыльчив или недоволен, если даю волю какому-либо из этих расположений, то, сколько бы добра ни сделал другим, собственной душе не делаю ничего. О, какое жалкое положение! Кто не опечалился бы, что эти благодетели теряют все свои труды! Правда, многие получают награду в этом мире, если не раньше, то после смерти: дорогие пышные похороны, мраморные памятники тончайшей работы, эпитафии в самом изящном слоге, превозносящие добродетели до небес. Быть может, ежегодно над ними произносят речи,

передающие память всем поколениям. Так бывает со многими основателями религиозных домов, колледжей, богаделен и большинства благотворительных учреждений. Признано правило: невозможно чрезмерно хвалить основателя своего дома, колледжа или госпиталя. Но всё же как бедна такая награда! Прибавит ли она утешения или страдания, если предположить, что они в руках дьявола и его ангелов, как и должно быть, если умерли не в вере? Какие оскорбления, какие язвительные упрёки вызвало бы всё это у их адских товарищей! О, если бы они были мудры! Если бы все ревностные к добрым делам отвели им надлежащее место, не воображали, что ими можно восполнить отсутствие святых расположений, но заботились, чтобы дела из них проистекали!

35 9. Как необычайно странно должно это звучать для большинства тех, кого по английской учтивости называют христианами! Но ещё страннее последнее утверждение апостола: «Если отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы». Хотя бы я добровольно покорился жестокой смерти, «отдал тело на сожжение», лишь бы не отречься от веры, не совершить известного греха и не опустить известного долга, — но если нахожусь под властью гордости, гнева или раздражительности, «нет мне в том никакой пользы».

36 10. Быть может, это пояснит пример. В трактатах доктора Геддеса, правоведа, который в последние годы правления королевы Анны был её посланником при португальском дворе, есть замечательный рассказ. Он присутствовал на одном из тех аутодафе, «актов веры», на которых римские инквизиторы сжигали еретиков живыми. Один из выведенных тогда на казнь, заключённый в темницы инквизиции, много лет не видел

солнца. День выдался ярким и солнечным. Взглянув вверх, он удивлённо воскликнул: «О, как может видящий это славное светило поклоняться кому-либо, кроме создавшего его Бога!» Стоявший рядом монах приказал проткнуть ему губы железным кляпом, чтобы он более не говорил. Что же почувствовал этот бедный человек внутри, когда приказ исполнили? Если он сказал в сердце, хотя не мог произнести устами: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают», — несомненно, ангелы Божьи были готовы перенести его душу на лоно Авраамово. Но если вместо этого он лелеял в сердце негодование, которого не мог выразить языком, то, хотя тело и было поглощено пламенем, я не скажу, что душа пошла в рай.

37 11. Всё сказанное сводится к следующему: что бы я ни говорил, ни знал, во что бы ни верил, что бы ни делал, ни терпел, если не имею веры, действующей любовью и производящей любовь к Богу и всему человечеству, я нахожусь не на узком пути к жизни, но на широкой дороге к погибели. Иными словами: каким бы красноречием, каким природным или сверхъестественным знанием я ни обладал; какую бы веру ни получил от Бога; какие бы дела ни совершал, благочестия ли, милосердия ли; какие бы страдания ни переносил ради совести, даже противостоя до крови, — всё это вместе, как бы ни восхвалялось людьми, ничего не значит пред Богом, если я не кроток и смирен сердцем и не могу во всём сказать: «Не как я хочу, но как Ты!»

38 12. Из всего заключаем — и это никогда нельзя внушать слишком настойчиво, потому что весь мир голосует за противоположное, — что истинная религия в самой своей сущности не есть нечто меньшее, чем святые расположения души. Следовательно, всякая иная

религия, какое бы имя ни носила — языческая, магометанская, иудейская или христианская; папистская или протестантская, лютеранская или реформатская, — без них легче самой суеты.

[39] 13. Поэтому всякий имеющий душу, которую надлежит спасти, пусть позаботится обеспечить это одно. При всём красноречии, знании, вере, делах и страданиях пусть крепко держит это «единственно необходимое». Кто силою веры устоит до конца в смиренной, кроткой, терпеливой любви, тот, и только тот, через заслуги Христа «наследует Царство, уготованное от создания мира».

О ревности

[1] «Хорошо всегда ревновать о добром».

[2] Галатам 4:18.

[3] 1. Во всей области религии немного предметов более важных, чем этот. Ибо без ревности невозможно ни самим сколько-нибудь значительно преуспеть в религии, ни оказать значительную услугу ближнему в делах временных или духовных. И всё же ничто не принесло религии большего вреда, а человечеству — больших бедствий, чем тот род ревности, который несколько веков господствовал среди языческих, магометанских и христианских народов. Поэтому можно с полным основанием сказать: гордость, любостяжание, честолюбие и мщение во всех частях мира убили тысячи, а ревность — десятки тысяч. Страшные примеры встречались в древности у самых просвещённых языческих народов. Главным образом ей были обязаны бесчеловечные гонения на первых христиан, а в позднейшие века — не менее бесчеловечные гонения Римской церкви на протестантов. Ревность разжигала костры в нашей стране в правление кровавой королевы Марии. Ревность вскоре превратила столько французских провинций в поле крови. Ревность убила многие тысячи не сопротивлявшихся протестантов в незабываемой парижской резне. Ревность вызвала ещё более ужасную резню в Ирландии, подобной которой — и по числу убитых, и по страшным обстоятельствам многих убийств — я твёрдо верю, не было со времени сотворения мира. Что касается других частей Европы, один выдающийся немецкий писатель

положил огромный труд на изучение документов в разных местах и самых достоверных историй, чтобы получить хоть сколько-нибудь основательное знание о крови, пролитой после Реформации; по его подсчёту, отчасти через отдельные гонения, отчасти через религиозные войны за сорок лет, считая с 1520 года, было уничтожено более сорока миллионов человек!

4 2. Но разве нельзя отличить правильную ревность от неправильной? Несомненно, можно. Но трудно: таково коварство человеческого сердца, так искусно страсти оправдывают себя. К тому же сочинений об этом чрезвычайно мало, по крайней мере на английском языке. До сего дня я видел или слышал лишь об одной проповеди, написанной более ста лет назад доктором Спрэтом, тогда епископом Рочестерским; теперь она чрезвычайно редка.

5 3. С Божьей помощью я охотно внёс бы свою лепту в разъяснение этого важного вопроса, чтобы дать благонамеренным людям, желающим угодить Богу, возможность отличать истинную христианскую ревность от различных подделок. Ныне это нужнее, чем было многие годы. Шестьдесят лет назад казалось, что в народе почти не осталось религиозной ревности. Люди вообще были удивительно холодны и спокойны относительно *такого пустяка, как религия*. Но с тех пор легко заметить весьма значительную перемену. Многие тысячи почти во всех частях страны ощутили действительное желание спасти души. И я убеждён, что сегодня в Англии больше религиозной ревности, чем было за прошедшее столетие.

6 4. Но правильного или неправильного рода была эта ревность? Вероятно, и того и другого. Посмотрим, не можем ли разделить их, чтобы избегать последней и

держаться первой. Ради этого я хотел бы сперва исследовать:

7 I. Какова природа истинной христианской ревности;

8 II. Каковы её свойства; и

9 III. Сделать некоторые практические выводы.

10 I. И во-первых: какова природа ревности вообще и истинной христианской ревности в частности?

11 1. Исходное слово в первоначальном значении означает *жар*, например жар кипящей воды. Переносно, применительно к уму, оно означает любое горячее волнение или чувство. Иногда оно употребляется в смысле зависти. Так мы передаём его в Деяниях 5:17, где читаем: «Первосвященник и все бывшие с ним исполнились зависти» — eplEsthEsan zElou_, хотя столь же хорошо можно было бы передать: *исполнились ревности*. Иногда оно означает гнев и негодование, иногда — сильное желание. Когда какие-либо наши страсти сильно возбуждены по религиозной причине, будь то ради чего-либо доброго или против того, что мы считаем злом, мы называем это *религиозной ревностью*.

12 2. Но не всё называемое религиозной ревностью достойно этого имени. Если она не соединена с любовью, это не религиозная и не христианская ревность в собственном смысле. Прекрасный писатель, епископ Спрэт, идёт ещё дальше. «Утверждали, — говорит этот великий человек, — что никакая ревность не правильна, если не милосердна, притом по большей части. Милосердие, или любовь, — не просто одна составная часть, а главная часть её состава». Не можем ли мы пойти ещё дальше? Не можем ли сказать, что истинная ревность исполнена любви не по большей части, а целиком?

Разумеется, если под милосердием понимать, как святой Павел, любовь к Богу и ближнему. Ибо несомненная, хотя мало понимаемая в мире истина состоит в том, что христианская ревность — вся любовь. Она ничто иное. Любовь к Богу и человеку наполняет всю её природу.

[13] 3. Однако не всякая степень такой любви носит это имя. Некоторая любовь, малая её степень, может быть и там, где нет ревности. Но ревность в собственном смысле — любовь в высшей степени, *пламенная любовь*. Истинная христианская ревность есть не что иное, как пламя любви. Такова её природа, сокровеннейшая сущность.

[14] II. 1. Отсюда следует, что свойства любви суть также свойства ревности. Одно из главных свойств любви — смирение: «Любовь не гордится». Соответственно, это свойство истинной ревности, неотделимое от неё. Какова степень ревности, такова степень смирения: они должны вместе возрастать и убывать. Та же любовь, которая наполняет человека ревностью о Боге, делает его малым, бедным и ничтожным в собственных глазах.

[15] 2. Другое свойство любви — кротость, следовательно, оно принадлежит и ревности. Она учит быть не только смиренными, но и кроткими, равно возвышаться над гневом и гордостью. Как воск тает перед огнём, так перед этим священным пламенем тают все бурные страсти, оставляя душу невозмутимой и ясной.

[16] 3. Ещё одно свойство любви, а следовательно, ревности, — неутомимое терпение, ибо «любовь всё переносит». Она вооружает душу полною покорностью всем распоряжениям Божественного Провидения и учит при всяком событии говорить: «Это Господь; что Ему угодно,

то да сотворит». Она даёт способность быть довольными в любом состоянии, ни на что не сетовать, ни на что не роптать, но «за всё благодарить».

17 4. Есть четвёртое свойство христианской ревности, заслуживающее более подробного рассмотрения. Мы узнаём его из самих слов апостола: «Хорошо ревновать всегда» — не иметь преходящих прикосновений ревности, но устойчивое, укоренённое расположение — «о добром», о том, что хорошо. Ибо надлежащий предмет ревности — добро вообще, то есть всё действительно доброе в Божьих очах.

18 5. Но что добро в Божьих очах? Какова религия, которой Бог всегда доволен? Как её части возвышаются одна над другой и какова их сравнительная ценность?

19 Этот вопрос чрезвычайно мало рассматривается и потому мало понимается. Многие имеют некоторое знание положительного богословия; но немногие что-либо знают о сравнительном богословии. Я видел лишь один трактат об этом; его краткий очерк, быть может, полезно привести.

20 В верующем христианине на престоле, воздвигнутом в глубине души, восседает *любовь* — любовь к Богу и человеку, наполняющая всё сердце и царствующая без соперника. В круге близ престола находятся все святые расположения: долготерпение, доброта, кротость, верность, воздержание и всё прочее, заключённое в «чувствованиях, какие были во Христе Иисусе». Во внешнем круге — все *дела милосердия*, обращённые к душам или телам людей. Ими мы упражняем все святые расположения, ими непрестанно совершенствуем их; поэтому все они — действительные средства благодати,

хотя обычно на это не обращают внимания. За ними следуют обычно называемые делами благочестия: чтение и слушание слова, общественная, семейная и уединённая молитва, принятие Вечери Господней, пост или воздержание. Наконец, чтобы последователи действеннее побуждали друг друга к любви, святым расположениям и добрым делам, наш благословенный Господь соединил их в одно тело — Церковь, рассеянную по всей земле; малый образ этой вселенской Церкви мы имеем в каждой отдельной христианской общине.

[21] 6. Такова религия, установленная нашим Господом на земле со времени сошествия Святого Духа в день Пятидесятницы. Такова полная, связная система христианства; так отдельные части возвышаются одна над другой, от низшей ступени — совместных собраний — до высшей: любви, царствующей в сердце. Отсюда легко узнать сравнительную ценность каждой отрасли религии. Отсюда узнаём и пятое свойство истинной ревности: как она всегда осуществляется en kaloi, *в том, что хорошо*, так всегда *соразмерна* этому добру, степени благости её предмета.

[22] 7. Например, каждый христианин, несомненно, должен ревновать о Церкви, питая к ней сильную привязанность и горячо желая её процветания и возрастания. Так следует ревновать и о вселенской Церкви, непрестанно молясь о ней, и особенно о той отдельной церкви или христианском обществе, членом которого он является. За неё надлежит бороться с Богом в молитве, одновременно употребляя все доступные средства для расширения её пределов и укрепления братьев, чтобы они украшали учение Бога, нашего Спасителя.

[23] 8. Но об установлениях Христа ему следует ревновать больше, чем о самой Церкви: об общественной и уединённой молитве, о Вечере Господней, чтении, слушании и размышлении над Его словом, о столь пренебрегаемой обязанности поста. Их надлежит усердно рекомендовать сперва примером, затем советом, доводами, убеждением и увещанием всякий раз, когда представляется случай.

[24] 9. Так следует проявлять ревность о делах благочестия, но гораздо больше — о делах милосердия, поскольку «Бог милости хочет, а не жертвы», то есть милости предпочтительно перед жертвой. Поэтому всякий раз, когда одно препятствует другому, следует предпочитать дела милосердия. Даже чтение, слушание и молитву надлежит опустить или отложить «по всемогущему зову любви», когда мы призваны облегчить бедствие ближнего, телесное или душевное.

[25] 10. Но как бы ни ревновали мы обо всех добрых делах, ещё больше следует ревновать о святых расположениях: насаждать и умножать и в собственных душах, и во всех, с кем общаемся, смиренномудрие, кротость, доброту, долготерпение, довольство, покорность Божьей воле, мёртвость для мира и мирского как единственное средство истинно жить для Бога. О таких свидетельствах и плодах живой веры невозможно ревновать чрезмерно. Следует «говорить о них, сидя в доме», «идя дорогою», «ложась» и «вставая»; непрестанно делать их предметом молитвы как несравненно превосходящие любые внешние дела: последние прекратятся с отпадением тела, первые же последуют с нами в вечность.

[26] 11. Но самую избранную ревность следует сохранить для самой любви — цели заповеди, исполнения закона.

Церковь, установления, всякого рода внешние дела, даже все другие святые расположения ниже её и возрастают в ценности лишь по мере приближения к ней. Вот великий предмет христианской ревности. Пусть каждый истинно верующий во Христа со всем пламенем духа обращается к Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа, чтобы сердце всё более расширялось в любви к Богу и всему человечеству. Пусть делает это одно: «стремится к этой почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе».

[27] III. Остаётся лишь сделать некоторые практические выводы из предшествующих замечаний.

[28] 1. Во-первых, если ревность, истинная христианская ревность, есть лишь пламя любви, тогда *ненависть* всякого вида и степени, всякая *горечь* против противящихся нам настолько далеки от права называться ревностью, что прямо противоположны ей. Если ревность — лишь пламенная любовь, она бесконечно далека от *предубеждения*, подозрительности, злых догадок, ибо «любовь не мыслит зла». Тогда всякая *узкая нетерпимость*, особенно дух *гонения*, совершенно несовместимы с нею. Пусть поэтому никакие из этих нечистых расположений не укрываются под священным именем. Поскольку все они — дела дьявола, пусть явятся в собственном облике и более не обманывают неосторожных детей Божьих благовидной личиной.

[29] 2. Во-вторых, если смирение — свойство ревности, гордость с ней несовместима. Правда, некоторая степень гордости может оставаться после излияния любви Божьей в сердце: это одно из последних зол, искореняемых, когда Бог творит всё новое. Но гордость не может царствовать или сохранять сколько-нибудь значительную власть там, где найдена пламенная любовь. Если бы мы дали ей волю

хотя бы немного, она ослабила бы святой жар, а если бы мы немедленно не прибегли обратно ко Христу, совершенно угасила бы Духа.

30 3. В-третьих, если кротость — неотделимое свойство ревности, что скажем о называющих этим именем свой гнев? Что они совершенно ошибаются относительно истины, в полном смысле принимают тьму за свет и свет за тьму. Невозможно быть слишком бдительными против такого обмана, ибо он распространён во всём христианском мире. Почти повсюду ревность и гнев считаются равнозначными словами, и чрезвычайно немногие убеждены, что между ними есть различие. Как часто слышим: «Посмотрите, как ревностен этот человек!» Нет, он не может быть ревностным, это невозможно, ибо он в гневе; гнев же столь несовместим с ревностью, как свет с тьмою или небо с адом!

31 Хорошо бы это положение было вполне понято. Рассмотрим его ещё немного. Часто мы видим человека, слывущего религиозным, который яростно гневается на ближнего. Быть может, называет брата *рака* или *безумным*, выдвигает против него поносительное обвинение. Вы мягко указываете на горячность. Он отвечает: «Это моя ревность!» Нет, это твой грех; если не покаешься, он низвергнет тебя глубже могилы. Такой ревности много в бездонной пропасти. Оттуда вся ревность этого рода приходит и туда уйдёт, а с нею и ты, если не будешь спасён от неё прежде ухода отсюда!

32 4. В-четвёртых, если терпение, довольство и покорность — свойства ревности, то ропот, раздражение, недовольство и нетерпение с нею совершенно несовместимы. И всё же как мало люди это знают! Как часто видим раздражающихся на нечестивых или

говорящих, что у них *нет терпения* сносить то или другое, и называющих всё это своей ревностью! О, не жалейте трудов избавить их от заблуждения! Если возможно, покажите, что есть ревность, и убедите, что всякий ропот или раздражение из-за греха сами являются видом греха и не имеют ни сходства, ни связи с истинной евангельской ревностью.

[33] 5. В-пятых, если предмет ревности — добро, то пыл ради какого-либо *злого дела* не есть христианская ревность. Пример — *идолопоклонство*, поклонение ангелам, святым, изображениям, кресту. Поэтому, хотя бы человек был так горячо привязан к какому-либо виду идольского поклонения, что скорее «отдал бы тело на сожжение», чем отказался от него, называйте это, если угодно, фанатизмом или суеверием, но не ревностью: ревность — совсем иное.

[34] Из тех же оснований следует, что пыл ради *безразличных вещей* не есть христианская ревность. Но как чрезвычайно распространена и эта ошибка! Казалось бы, разумные люди не способны на такую слабость. Увы, история всех веков доказывает обратное. Кто обладал более сильным умом, чем епископ Ридли и епископ Хупер? А как горячо они и другие великие люди того века спорили о *священнических облачениях*! Как пылко почти сто лет шла борьба за и против ношения *стихаря*! О, стыд человеку! Я с тем же успехом стал бы спорить о соломинке или ячменном зерне. И это, оказывается, должно называться ревностью! Почему же не назвать это скорее мудростью или святостью?

[35] 6. Из тех же оснований следует также, что пыл ради *мнений* не есть христианская ревность. Но как немногие сознают это! И как неисчислимы бедствия, причинённые

даже этой разновидностью ложной ревности в христианском мире! Сколько тысяч жизней погубили ревнители римских мнений! Сколько превосходнейших людей земли истребили ревнители бессмысленного мнения о пресуществлении! Но разве всякий беспристрастный человек не видит, что эта ревность «земная, душевная, бесовская» и в высшей степени противоположна ревности, которую здесь рекомендует апостол?

[36] Какую же чрезмерную снисходительность выражает наш великий поэт в «Поэме о последнем дне», говоря о встрече на небе с теми,

[37] Кто умер от взаимно нанесённых ран,

[38] *Ревностью* о разных убеждениях воспламенённый! Вот уж ревность! Что за ревность заставляла их перерезать друг другу горло? Те, кто *горел* этим духом и умер в нём, несомненно, получат долю не на небе, где одна любовь, а в «огне, который никогда не угаснет».

[39] 7. Наконец, если истинная ревность всегда соразмерна степени добра в своём предмете, она должна восходить всё выше согласно упомянутой лестнице, сравнительной ценности различных частей религии. Например, все истинно боящиеся Бога должны ревновать о *Церкви*, и о кафолической, то есть вселенской, и о той её части, членами которой являются. Это установление не людей, а Бога. Он увидел, что даже в таком смысле «нехорошо человеку быть одному», но всё тело Его детей должно «сочленяться и укрепляться посредством всяких взаимно скрепляющих связей». В то же время им следует больше ревновать о Божьих *установлениях*: об общественной и уединённой молитве, слушании и чтении Божьего слова,

посте и Вечере Господней. Но о *делах милосердия* надлежит ревновать больше, чем даже о делах благочестия. Ещё больше — обо всех *святых расположениях*, смирении, кротости, покорности; а более всего — о совокупности и совершенстве религии, *любви* к Богу и человеку.

[40] 8. Остаётся лишь близко и честно приложить всё это к собственным душам. Все мы знаем общую истину: «Хорошо всегда ревновать о добром». Теперь каждый приложим её особо к своей душе.

[41] 9. Правда, всё ещё мёртвые по преступлениям и грехам не имеют в этом деле ни части, ни жребия, как и живущие в каком-либо открытом грехе — пьянстве, нарушении субботы или нечестивом сквернословии. Они не имеют отношения к ревности и не вправе даже брать это слово в уста. Полное безумие и неуместность — говорить о ревности по Богу, совершая дела дьявола. Но если ты отрёкся от дьявола и всех его дел и утвердил в сердце: «Буду поклоняться Господу Богу моему и Ему одному служить», — тогда берегись быть ни холодным, ни горячим; тогда ревнуй о Боге. Можешь начать с низшей ступени. Ревнуй о *Церкви*, особенно о той её ветви, где выпал твой жребий. Заботься о её благополучии и тщательно соблюдай все правила ради совести. Но одновременно смотри, не пренебрегай никакими Божьими *установлениями*, ради которых в значительной мере учреждена сама Церковь; поэтому было бы крайне нелепо говорить о ревности к Церкви, не ревнуя о них больше. Но больше ли ты ревнуешь о *делах милосердия*, чем даже о делах благочестия? Следуешь ли *ты* примеру Господа и предпочитаешь милость даже жертве? Употребляешь ли всё усердие, питая голодных, одевая

нагих, посещая больных и заключённых? А прежде всего употребляешь ли все доступные средства для спасения душ от смерти? Если, пока есть время, «делаешь добро всем людям», хотя «особенно своим по вере», твоя ревность о Церкви угодна Богу. Но если нет, если не «стараешься быть прилежным к добрым делам», какое у тебя отношение к Церкви? Если не «имеешь сострадания к товарищам», Господь не помилует и *тебя*. «Не носите больше даров тщетных». Всё твоё служение — «мерзость пред Господом».

[42] 10. Научен ли ты лучше, чем разлучать соединённое Богом, отделять дела благочестия от дел милосердия? Ровно ли ревнуешь о тех и других? Пока так, ты ходишь угодно Богу, если непрестанно помнишь, что Бог «испытывает сердца и внутренности», что «Он есть Дух, и поклоняющиеся должны поклоняться в духе и истине»; следовательно, никакие внешние дела не угодны Ему, если не проистекают из *святых расположений*, без которых никто не может иметь места в Царстве Христа и Бога.

[43] 11. Но среди всех святых расположений, выше всех прочих, смотри, чтобы более всего ревновать о *любви*. Почитай всё потерей в сравнении с нею — любовью к Богу и всему человечеству. Несомненно, если раздашь всё имущество на пропитание бедным и даже отдашь тело на сожжение, а смиренной, кроткой, терпеливой любви не имеешь, не будет никакой пользы. О, пусть глубоко начертается в сердце: «Всё — ничто без любви!»

[44] 12. Прими же всю религию целиком, как Бог открыл её в Своём слове, и последовательно ревнуй о каждой части соразмерно её превосходству. Основывая всю ревность на едином основании, «Иисусе Христе, и притом распятом»,

крепко держась одного начала: «Жизнь, которой ныне живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего МЕНЯ и предавшего Себя за МЕНЯ», — соразмеряй ревность с ценностью предмета. Итак, спокойно ревнуй прежде о *Церкви*, «о всём состоянии Христовой Церкви, воинствующей здесь, на земле», и особенно о той ветви, с которой непосредственно связан. Больше ревнуй обо всех *установлениях*, которые благословенный Господь назначил сохранять в ней до конца мира. Больше ревнуй о *делах милосердия*, о «жертвах, благоугодных Богу», о признаках, по которым Пастырь Израилев узнает Своих овец в последний день. Ещё больше ревнуй о *святых расположениях*: долготерпении, доброте, кротости, смирении и покорности; но более всего — о *любви*, царице всех благодатных даров, высшем совершенстве земли и неба, самом образе невидимого Бога и в людях внизу, и в ангелах вверху. Ибо «Бог есть любовь; и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

О выкупании времени

[1] «Дорожа временем».

[2] Еф. 5:16.

[3] 1. «Итак, смотрите, поступайте осторожно, — говорит апостол в предыдущем стихе, — не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем»; сберегайте всё время, какое можете, для наилучших целей; выкупайте каждое улетающее мгновение из рук греха и сатаны, из рук лености, праздности, удовольствий, мирских занятий, и делайте это тем усерднее, что нынешние «дни лукавы» — дни грубейшего невежества, безнравственности и нечестия.

[4] 2. Таков, по-видимому, общий смысл этих слов. Но теперь я намерен рассмотреть лишь один особый способ «выкупать время», а именно — у сна.

[5] 3. По-видимому, об этом чрезвычайно мало размышляли даже благочестивые люди. Многие, отличавшиеся особой добросовестностью в других отношениях, не были таковыми в этом. Они словно считали безразличным, спят ли больше или меньше, и никогда не смотрели на это с верной точки зрения — как на важную часть христианского воздержания.

[6] Чтобы составить об этом более верное понятие, я постараюсь показать:

[7] I. Что значит «выкупать время» у сна.

[8] II. Какое зло заключается в том, чтобы не выкупать его. И

[9] III. Как делать это наиболее действенным образом.

[10] I. 1. И во-первых, что значит «выкупать время» у сна? Вообще — каждую ночь спать столько, сколько требует природа, и не больше; столько, сколько наиболее способствует здоровью и бодрости и тела, и ума.

[11] 2. Но возражают: «Одна мера не подойдёт всем людям: некоторым требуется значительно больше сна, чем другим. Да и одному и тому же человеку в разное время недостаточно одинаковой меры. Когда человек болен или хотя и не болен в настоящее время, но ослаблен прежней болезнью, ему, несомненно, нужно больше этого природного восстановительного средства, нежели при совершенном здоровье. То же бывает, когда силы и бодрость истощены тяжёлым или продолжительным трудом».

[12] 3. Всё это несомненно верно и подтверждено тысячью опытов. Поэтому всякий, кто пытался установить одну меру сна для всех, не понимал природы человеческого тела, столь различной у разных людей; как не понимали её и те, кто воображал, будто одна и та же мера всегда подойдёт даже одному человеку. Потому удивительно, что столь великий человек, как епископ Тейлор, мог прийти к этому странному представлению; ещё удивительнее, что за общую норму он назначил всего три часа в сутки. Добрый и рассудительный господин Бакстер был ненамного ближе к истине, полагая, что всякому человеку достаточно четырёх часов из двадцати четырёх. Я знал чрезвычайно разумного человека, твёрдо убеждённого, что никому из живущих не нужно спать более пяти часов в сутки. Но, испытав это на себе, он вскоре отказался от своего мнения. А я на основании наблюдений, продолжавшихся более пятидесяти лет,

вполне убеждён: чего бы ни могли достичь необыкновенные люди или что бы ни случалось в исключительных обстоятельствах, когда люди неделями или даже месяцами обходились весьма малым сном, человеческое тело едва ли может оставаться здоровым и бодрым без по меньшей мере шести часов сна в сутки. Во всяком случае, я никогда не встречал такого примера: я не находил ни мужчины, ни женщины, которые целый год сохраняли бы крепкое здоровье при меньшем количестве сна.

[13] 4. Я давно замечаю также, что женщинам вообще требуется немного больше сна, чем мужчинам, быть может потому, что телесное сложение у них обычно не только слабее, но и влажнее. Поэтому, если позволительно назвать одну норму, хотя и допускающую много исключений и изменений по обстоятельствам, я склонен думать, что следующая будет близка к истине: здоровым мужчинам вообще требуется чуть больше шести часов сна в сутки, здоровым женщинам — чуть больше семи. Мне самому нужно шесть с половиной часов, и при меньшем количестве мне трудно обходиться.

[14] 5. Если кто желает точно узнать, сколько сна требует его собственное сложение, он может весьма легко проделать опыт, который я предпринял около шестидесяти лет назад. Тогда я каждую ночь просыпался около двенадцати или часа и некоторое время лежал без сна. Я без труда заключил, что причина — в более долгом пребывании в постели, чем требует природа. Для проверки я раздобыл будильник, который на следующее утро разбудил меня в семь, почти на час раньше, чем я встал накануне; однако ночью я опять лежал без сна. На второе утро я встал в шесть, но, несмотря на это, и во

вторую ночь не спал некоторое время. На третье утро я встал в пять, но и третьей ночью лежал без сна. На четвёртое утро я встал в четыре — как, по благодати Божией, делаю с тех пор — и больше не лежал без сна. Теперь же, если брать весь год, за месяц у меня не бывает и четверти часа непрерывного бодрствования в постели. Тем же опытом, вставая каждое утро всё раньше, всякий может узнать, сколько сна ему действительно нужно.

[15] II. 1. «Но зачем кому-либо прилагать столько усилий? К чему такая щепетильность? Зачем нам так отличаться от других? Какое зло в том, чтобы поступать, как наши соседи: например, лежать с десяти до шести или семи летом и до восьми или девяти зимой?»

[16] 2. Если вы хотите справедливо рассмотреть этот вопрос, вам понадобятся немалые открытость и беспристрастие, поскольку то, что я намерен сказать, вероятно, будет для вас совершенно новым, отличным от всего, что вы когда-либо слышали, отличным от суждения или по меньшей мере примера ваших родителей и ближайших родных, более того — быть может, самых благочестивых людей, с которыми вы были знакомы. Поэтому вознесите сердце к Духу истины и попросите Его озарить его, чтобы, не взирая на лица, вы могли увидеть истину, как она есть в Иисусе, и последовать ей.

[17] 3. Вы действительно желаете знать, какой вред в том, чтобы не выкупать у сна всё возможное время — допустим, ежедневно проводить во сне на час больше, чем требует природа? Во-первых, *это вредит вашему достатку*: вы попусту теряете шесть часов в неделю, которые могли бы принести некоторую земную пользу. Если вы способны к какому-либо труду, за это время вы могли бы что-нибудь заработать, пусть самую малость. И

нет нужды выбрасывать даже это. Если оно не нужно вам самим, отдайте нуждающимся: вы знаете некоторых из них неподалёку. Даже если у вас нет ремесла, всё же можно употребить время так, чтобы оно принесло вам или другим деньги либо что-то равноценное деньгам.

[18] 4. То, что вы не выкупаете у сна всё возможное время и проводите в нём больше, чем необходимо вашему сложению, во-вторых, *вредит здоровью*. Ничего не может быть достовернее, хотя обыкновенно этого не замечают, поскольку зло подкрадывается медленно и незаметно. Таким постепенным и почти неощутимым путём оно закладывает основание многих болезней. В особенности это главная действительная, хотя и не подозреваемая, причина всех нервных болезней. Много раз исследовали, почему нервные расстройства гораздо чаще встречаются у нас, чем у предков. Нередко могут содействовать и другие причины, но главная — мы дольше лежим в постели. Вместо того чтобы вставать в четыре, большинство из нас, не вынужденных трудом добывать хлеб, лежат до семи, восьми или девяти. Дальше искать незачем. Этого вполне достаточно для объяснения значительного умножения этих мучительных расстройств.

[19] 5. Можно заметить, что большинство их возникает не только от слишком долгого сна, но даже от того, что мы считаем совершенно безвредным, — слишком долгого лежания в постели. От столь долгого *«отмокания»*, как выразительно это называют, между тёплыми простынями плоть словно отваривается и становится мягкой и дряблой. Между тем нервы совершенно расслабляются, и наступает вся череда печальных симптомов — слабость, дрожь, так называемый упадок духа, — пока сама жизнь не делается бременем.

[20] 6. Одно из обычных последствий слишком долгого сна или лежания в постели — *ослабление зрения*, особенно слабость нервного происхождения. В молодости зрение у меня было замечательно слабым. Почему теперь оно сильнее, чем сорок лет назад? Я приписываю это главным образом благословению Бога, Который делает нас способными ко всему, к чему призывает. Но, несомненно, внешним средством, которое Ему угодно было благословить, стало раннее вставание по утрам.

[21] 7. Ещё более серьёзное возражение против позднего вставания и невыкупания у сна всего возможного времени состоит в том, что *это вредит душе*, как и телу: это грех против Бога. И действительно, оно необходимо должно быть грехом по обеим предыдущим причинам. Ведь мы не можем расточать или, что то же самое, не употреблять с пользой какую-либо часть земного достояния, равно как не можем повреждать собственное здоровье, не согрешая против Него.

[22] 8. Но эта модная невоздержанность вредит душе и более непосредственно. Она сеет семена безрассудных и пагубных желаний, опасно распаляет наши естественные влечения, удовлетворять которые человек, потягивающийся и зевающий в постели, как раз готов. Она порождает и непрестанно умножает леность, в которой так часто упрекают английский народ. Она открывает путь и готовит душу ко всем прочим видам невоздержанности. Она рождает всеобщую изнеженность и малодушие, заставляя бояться всякого малого неудобства, не желать отказать себе в каком-либо удовольствии, взять или нести какой-либо крест. Как же тогда мы сможем — а без этого нам придётся низринуться в ад — «силой взять Царство Небесное»? Она делает нас

совершенно неспособными «переносить страдания как добрые воины Иисуса Христа» и, следовательно, «подвизаться добрым подвигом веры и держаться вечной жизни».

[23] 9. Как прекрасно рассматривает этот важный предмет великий человек, господин Лоу! [А именно — выкупание времени у сна.] Не могу не привести здесь часть его слов на пользу всякому разумному читателю.

[24] «Я считаю само собой разумеющимся, что всякий здоровый христианин рано встаёт поутру. Ведь гораздо разумнее предполагать, что человек рано встаёт потому, что он христианин, нежели потому, что он работник, торговец или слуга.

[25] Мы испытываем отвращение к человеку, который лежит в постели, когда должен трудиться. Мы не можем хорошо думать о том, кто настолько порабощён сонливости, что ради неё пренебрегает своим делом.

[26] Пусть это научит нас понимать, сколь ненавистными должны мы казаться Богу, если лежим в постели, погружённые в сон, когда должны хвалить Его, и настолько порабощены сонливости, что ради неё пренебрегаем молитвами.

[27] Сон — настолько тупое, бесчувственное состояние существования, что даже среди бессловесных животных мы более всего презираем самых сонливых. Поэтому тот, кто предпочитает продлевать ленивую бездеятельность сна, вместо того чтобы рано приступить к молитве, предпочитает самое тупое отдохновение тела благороднейшим наслаждениям души. Он избирает состояние, позорное даже для животных, вместо занятия, составляющего славу ангелов.

[28] 10. Кроме того, тот, кто не может отказать себе в этой сонной неге, встав, приготовлен к молитве не больше, чем к посту или какому-либо другому самоотречению. Правда, ему легче прочесть готовую молитву, чем исполнить эти обязанности; но к духу молитвы он расположен не больше, чем к посту. Ибо такое потворство сну изнеживает все наши расположения и делает нас неспособными находить удовольствие в чём-либо, кроме того, что, подобно сну, соответствует праздному состоянию ума. Поэтому порабощённый этой праздности сохраняет то же расположение, и встав с постели. Всё праздное и чувственное нравится ему, а всё требующее усилия или самоотречения ненавистно по той же причине, по какой он ненавидит вставать.

[29] 11. Невозможно сластолюбцу быть истинно благочестивым. Он должен отречься от своей чувственности, прежде чем сможет вкусить блаженство благочестия. Тот же, кто обращает сон в праздное наслаждение, делает для развращения души, для её порабощения телесным влечениям столько же, сколько сластолюбец. Это не расстраивает его жизнь так, как явные поступки невоздержанности; но, подобно всякому более умеренному потворству себе, тихо и постепенно истончает дух религии и погружает душу в тупость и чувственность.

[30] Всякого рода самоотречение есть самая жизнь и душа благочестия; но тот, у кого нет его даже настолько, чтобы рано приступить к молитве, не может считать, что взял свой крест и следует за Христом.

[31] Какую победу он одержал над собой? Какую правую руку отсёк? К каким испытаниям приготовлен? Какую жертву готов принести Богу тот, кто не может проявить к

себе такой суровости, чтобы вставать для молитвы в час, когда труженики мира с готовностью поднимаются на работу?

[32] 12. Некоторые без стеснения скажут вам, что позволяют себе долго спать, потому что им нечего делать, и что, будь у них дело, ради которого надо вставать, они не теряли бы столько времени во сне. Но им следует сказать, что они ошибаются: дел у них очень много; им нужно изменить ожесточённое сердце, приобрести весь дух религии. Ибо, несомненно, о том, кто считает, что ему нечего делать, поскольку ничто, кроме молитвы, его не ждёт, справедливо сказать, что ему ещё предстоит искать весь дух религии.

[33] Поэтому вам нужно размышлять не о том, сколь мала вина позднего вставания, но о том, сколь велико несчастье быть лишённым духа религии и жить в такой изнеженности и праздности, которые делают вас неспособными к основным обязанностям христианства.

[34] Если бы я попросил вас не заботиться об услаждении вкуса, то не стал бы настаивать на грехе расточения денег, хотя он и велик; я попросил бы вас отказаться от такого образа жизни потому, что он поддерживает вас в состоянии чувственности, лишающем способности находить сладость в самых существенных учениях религии.

[35] По той же причине я не слишком настаиваю на грехе расточения времени во сне, хотя он и велик; но прошу вас отказаться от этого потворства себе, поскольку оно придаёт душе изнеженность и праздность и столь противно живому, ревностному, бодрствующему, самоотверженному духу, который был не только духом

Христа и Его апостолов, духом всех святых и мучеников, когда-либо живших среди людей, но должен быть духом всех, кто не хочет погрузиться во всеобщее развращение мира.

[36] 13. Поэтому именно здесь следует поставить основание нашего обвинения против этого обычая. Мы должны порицать его не за тот или иной отдельный вред, но как всеобщую привычку, распространяющуюся на весь наш дух и поддерживающую совершенно неверное расположение ума.

[37] Он противен благочестию не так, как противны ему случайные проступки или жизненные ошибки, но так, как болезненное состояние тела противно здоровью.

[38] Напротив, если бы вы каждое утро рано вставали в знак самоотречения, как способ отказаться от потворства себе, как средство выкупить своё время и приготовить дух к молитве, вы скоро увидели бы пользу. Этот обычай, хотя и кажется малой подробностью, мог бы стать средством великого благочестия. Он постоянно напоминал бы, что изнеженность и праздность — погибель религии. Он учил бы владеть собой и отказываться от других удовольствий и расположений, воюющих против души. А насаждённому и политому таким образом Бог непременно даст возрастание».

[39] III. 1. Теперь остаётся лишь рассмотреть, в-третьих, как мы можем выкупать время, как поступать в этом важном деле. Каким образом наиболее действенно исполнять эту важную часть воздержания?

[40] Я советую всем вам, твёрдо убеждённым в её неизреченной важности, не давать этому убеждению угаснуть, но тотчас начать действовать согласно ему.

Только не полагайтесь на собственные силы: иначе вас постигнет полная неудача. Глубоко сознайте: как сами по себе вы не способны сделать ничего доброго, так и здесь, в особенности, все ваши силы, вся решимость ничего не принесут. Кто надеется на себя, будет посрамлён. Я никогда не видел исключения. Я не знал ни одного человека, надеявшегося на собственные силы, который смог бы соблюдать это решение двенадцать месяцев.

41 2. Во-вторых, советую вам взывать о силе к Сильному. Призывайте Того, Кто имеет всякую власть на небе и на земле, и верьте, что Он ответит на молитву, исходящую не из лживых уст. Как нельзя иметь слишком мало доверия к себе, так нельзя иметь слишком много доверия к Нему. Тогда отправляйтесь с верой, и несомненно Его сила совершится в вашей немощи.

42 3. В-третьих, советую вам присоединить к вере благоразумие: употребляйте самые разумные средства для достижения цели. Особенно начинайте с верного конца, иначе труд пропадёт. Если желаете рано вставать, рано ложитесь; обеспечьте это во что бы то ни стало. Наперекор самым дорогим и приятным собеседникам, их самым усердным уговорам, наперекор просьбам, насмешкам и упрёкам строго соблюдайте свой час. Вставайте из-за беседы точно в назначенное время и без церемоний удаляйтесь. Соблюдайте свой час несмотря на самые неотложные дела; всё отложите до утра. Пусть это будет как угодно тяжёлым крестом и великим самоотречением — соблюдайте свой час, иначе всему конец.

43 4. В-четвёртых, советую вам быть постоянными. Неуклонно соблюдайте час подъёма. Не вставайте два утра подряд, чтобы на третье остаться в постели;

сделанное однажды делайте всегда. «Но у меня болит голова». Не обращайте внимания: это скоро пройдёт. «Но меня необычайно клонит в сон, глаза совсем отяжелели». Тогда нельзя вступать в переговоры, иначе дело проиграно: немедленно поднимайтесь. А если сонливость не проходит, через час или два ненадолго прилягте. Но пусть ничто не нарушает правила: вставайте и одевайтесь в свой час.

44 5. Возможно, вы скажете: «Совет хорош, но слишком поздний! Я уже нарушил правило. Я вставал постоянно, и некоторое время ничто не мешало мне. Но понемногу уступил, а теперь уже довольно давно оставил этот обычай». Тогда во имя Бога начните снова! Начните завтра или, вернее, сегодня вечером, рано ложась несмотря на общество или дела. Начните с большим недоверием к себе, чем прежде, но с большим упованием на Бога. Только соблюдайте эти немногие правила — и, ручаюсь своей душой за вашу, Бог даст вам победу. Вскоре трудность пройдёт, а польза останется навеки.

45 6. Если вы скажете: «Но теперь я не могу поступать, как тогда, потому что я уже не тот, что прежде; у меня много недугов, дух упал, руки дрожат, я совершенно расслаблен», — я отвечу: всё это нервные симптомы, и все они отчасти происходят от чрезмерного сна; едва ли они когда-либо исчезнут, если вы не устраните причину. Поэтому именно ради этого — не только чтобы наказать себя за безрассудство и неверность, но чтобы вернуть здоровье и силы — возобновите раннее вставание. Другого пути у вас нет; ничего иного вам не остаётся делать. У вас нет другого возможного средства вернуть хотя бы в сколько-нибудь сносной мере здоровье и тела, и ума. Не убивайте себя окончательно. Не продолжайте

идти путём, ведущим к вратам смерти! Как сказал прежде, так повторяю: во имя Бога сегодня же начните снова. Правда, будет труднее, чем вначале. Но перенесите трудность, которую сами на себя навлекли, и она продлится недолго. Солнце праведности вскоре снова взойдёт и исцелит и вашу душу, и ваше тело. [79]

[46] 7. Но не воображайте, будто одного этого — раннего вставания — достаточно, чтобы сделать вас христианином. Нет: хотя одно лишь позднее вставание может оставить вас язычником, лишённым всего христианского духа; хотя оно одно, особенно если вы некогда уже победили его, будет держать вас холодными, внешне религиозными, бессердечными, мёртвыми и не позволит сделать ни шага вперёд в живой святости, всё же одно раннее вставание лишь немного приблизит вас к тому, чтобы стать настоящим христианином. Это лишь один шаг из многих, но всё же шаг. Сделав его, идите дальше. Идите к всецелому самоотречению, к воздержанию во всём, к твёрдому решению ежедневно брать всякий крест, к которому вы призваны. Идите, всецело стремясь ко всем чувствованиям, какие были во Христе, к внутренней, а затем и внешней святости; так вы станете не почти, но вполне христианином; так с радостью завершите своё поприще; пробудитесь по Его подобию и насытитесь.

О семейном благочестии

[1] «А я и дом мой будем служить Господу».

[2] Нав. 24:15.

[3] 1. В предшествующих стихах мы читаем, что Иисус Навин, уже состарившись, «собрал колена Израилевы в Сихем и призвал старейшин Израиля, начальников, судей и надзирателей, и предстали они пред Господом» (стих 1). И Иисус Навин пересказал им великие дела, которые Бог совершил для их отцов (стихи 2–13), заключив сильным увещанием: «Итак, бойтесь Господа и служите Ему в чистоте и искренности; и отвергните богов, которым служили отцы ваши за рекою», то есть Иорданом, «и в Египте» (стих 14). Может ли быть что-либо удивительнее того, что даже в Египте, да и в пустыне, где они ежедневно получали пищу и днём и ночью были водимы чудом, израильтяне вообще поклонялись идолам, прямо противясь Господу Богу своему? Он продолжает: «Если же не угодно вам служить Господу, то изберите себе ныне, кому служить: богам ли, которым служили отцы ваши за рекою, или богам аморреев, в земле которых живёте; а я и дом мой будем служить Господу». [80]

[4] 2. Решение, достойное седовласого святого, с юности получившего богатый опыт благости Господина, Которому посвятил себя, и преимуществ служения Ему. Как желательно, чтобы все вкусившие, что благ Господь, все, кого Он вывел из земли Египетской, из рабства греха, и особенно соединённые в христианском общении приняли это мудрое решение! Тогда дело Господне преуспевало бы в нашей земле, тогда Его слово распространялось бы и

прославлялось. Тогда повсюду множества грешников простирали бы руки к Богу, пока «слава Господня не покрыла бы землю, как воды покрывают море».

5 3. Напротив, каковы будут последствия, если они не примут этого решения, если семейным благочестием пренебрегут, если не позаботятся о подрастающем поколении? Не угаснет ли вскоре нынешнее пробуждение веры? Не станет ли оно, как говорит историк о римском государстве в младенчестве, res unius aetatis? — «событием, начало и конец которого заключены в пределах одного поколения»? Не подтвердит ли оно печального замечания Лютера, что «религиозное пробуждение никогда не продолжается дольше одного поколения»? Под поколением, как он поясняет, он понимает тридцать лет. Но, благословен Бог, это замечание не относится к нынешнему случаю, поскольку это пробуждение, начавшись в 1729 году, продолжается уже более пятидесяти лет.

6 4. Разве мы уже не видели некоторых несчастных последствий того, что добрые люди не приняли этого решения? Разве даже за это время не выросло поколение, притом от благочестивых родителей, которое не знает Господа, не имеет ни Его любви в сердце, ни страха перед Ним пред глазами? Сколько из них уже «презирают отцов и насмехаются над наставлением матерей»! Сколько совершенно чужды истинному благочестию, его жизни и силе! И немало таких, кто сбросил с себя всякую религию и предался всякому нечестию. Хотя подобное иногда может случаться даже с детьми, воспитанными благочестиво, такой случай весьма редок: я встречал несколько примеров, но немного. Нечестие детей обыкновенно происходит от вины или небрежения

родителей. Ибо существует общее, хотя и не всеобщее, правило, допускающее некоторые исключения: «Наставь ребёнка при начале пути его; он не уклонится от него, когда и состарится».

7 5. Но каков смысл решения: «Я и дом мой будем служить Господу»? Чтобы понять и исполнить его, исследуем, во-первых, что значит «служить Господу»; во-вторых, кто включён в выражение «дом мой»; и, в-третьих, что мы можем сделать, чтобы и мы, и наш дом служили Господу.

8 I. 1. Во-первых, исследуем, что значит «служить Господу» не как иудей, но как христианин; не одним внешним служением, хотя некоторые иудеи, несомненно, шли дальше, но внутренним, служением сердца, «поклоняясь Ему в духе и истине». Первое, что предполагает это служение, — вера, вера во имя Сына Божия. Мы не можем служить Богу угодным Ему образом, пока не уверуем в Иисуса Христа, Которого Он послал. Здесь начинается духовное поклонение Богу. Как только человек имеет свидетельство в себе, как только может сказать: «Жизнь, которой ныне живу, живу верой в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня», — он способен истинно «служить Господу».

9 2. Как только человек уверовал, он любит Бога — и это ещё одно, заключённое в «служении Господу». «Мы любим Его, потому что Он прежде возлюбил нас»; вера служит свидетельством этого. Любовь прощающего Бога «излилась в сердца наши Духом Святым, данным нам». Правда, эта любовь допускает тысячу степеней; однако всякий, пока верует, может истинно объявить пред Богом: «Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты знаешь, что к

Тебе и к воспоминанию имени Твоего стремится моя душа».

10 3. И если кто истинно любит Бога, он не может не любить и брата своего. Благодарность Творцу непременно произведёт доброжелательство к нашим собратьям по творению. Если мы любим Его, то не можем не любить друг друга, как Христос возлюбил нас. Мы чувствуем, как души наши расширяются любовью ко всякому сыну человеческому. А ко всем детям Божиим облекаемся в «милосердие, благость, кротость, долготерпение, прощая друг друга», если имеем жалобу на кого-либо, «как и Бог во Христе простил нас».

11 4. Ещё одно подразумевается в «служении Господу»: послушание Ему, неизменное хождение всеми Его путями, исполнение Его воли от сердца. Подобно Его вышним «служителям, исполняющим Его волю, соблюдающим Его заповеди и внимающим гласу слова Его», эти Его служители здесь, долу, слушают Его голос, усердно соблюдают Его заповеди, тщательно избегают всего запрещённого Им и ревностно делают всё повеленное, всегда стараясь иметь непорочную совесть пред Богом и людьми.

12 II. «Я и дом мой будем служить Господу», — скажет всякий истинный христианин. Но кто включён в выражение «дом мой»? Это следующий предмет рассмотрения.

13 1. Человек в вашем доме, требующий первого и самого близкого внимания, несомненно, ваша жена; ведь вы должны любить её так, как Христос возлюбил Церковь, положив за неё жизнь, чтобы «очистить её для Себя, не имеющую пятна, или порока, или чего-либо подобного».

Эту же цель всякий муж должен преследовать во всём общении с женой: употреблять все возможные средства, чтобы она освободилась от всякого пятна и непорочно ходила в любви.

[14] 2. После жены — ваши дети, бессмертные духи, которых Бог на время вверил вашему попечению, чтобы вы воспитали их во всякой святости и приготовили к вечному блаженству в Боге. Это славное и важное доверие, ведь одна душа ценнее всего остального мира. Поэтому за каждым ребёнком вы должны наблюдать с величайшей заботой, чтобы, когда будете призваны дать отчёт о каждом Отцу духов, отчитаться с радостью, а не с печалью. [81]

[15] 3. На своих слуг, какого бы они ни были рода, вы должны смотреть как на своего рода вторых детей: их Бог также поручил вам как человеку, обязанному дать отчёт. Ибо всякий под вашей крышей, чья душа нуждается в спасении, находится под вашим попечением: не только слуги, связанные договором и по закону обязанные оставаться у вас определённое число лет; не только наёмные слуги, добровольно заключившие договор на более долгий или короткий срок; но и те, кто служит вам понедельно или подённо, — ведь и они в некоторой мере преданы в ваши руки. И воля *вашего* Господина, Сущего на небесах, не в том, чтобы кто-нибудь из них вышел из ваших рук, не получив от вас чего-либо более ценного, чем золото или серебро. Более того, вы в известной степени отвечаете даже за «пришельца, который в жилищах твоих». Как вам особо повелено следить, чтобы он не делал «никакого дела» в день Господень, пока находится в вашем доме, так по тому же основанию вы

обязаны сделать всё возможное, чтобы удержать его от всякого иного греха против Бога. [82]

16 III. Рассмотрим, в-третьих, что мы можем сделать, чтобы все они «служили Господу».

17 1. Не можем ли мы прежде всего стараться *удерживать* их от всякого внешнего греха: от нечестивой брани, от произнесения имени Божия всуе, от ненужной работы или развлечений в день Господень? Этот труд любви вы обязаны нести даже ради гостей, тем более ради жены, детей и слуг. Первых, на кого имеете наименьшее влияние, можно удерживать доводами или кротким убеждением. Если после повторных попыток вы обнаружите, что они не уступают ни тому ни другому, ваш прямой долг — отбросить церемонии и удалить их из дома. Слуг также, подённых или нанятых на более долгий срок, если вы не можете исправить их ни рассуждением, подкреплённым примером, ни мягкими или строгими обличениями, хотя бы многократными, вы непременно должны удалить из своего дома, как бы неудобно это ни было.

18 2. Но жену нельзя отпустить, кроме вины блуда, то есть прелюбодеяния. Что же делать, если она привыкла к какому-либо иному явному греху? Я не нахожу в Библии, чтобы муж имел право бить жену по какой-либо причине, даже если она ударила первой, кроме случая непосредственной опасности для его жизни. Я до сих пор не знал ни одного случая, когда жена исправилась бы от этого. Правда, слышал о таких случаях, но, поскольку сам не видел, не верю им. Мне кажется, всё, что можно сделать здесь, должно делаться отчасти примером, отчасти доводами или убеждением, применяя каждое средство так, как подсказывает христианское

благоразумие. Если зло вообще может быть побеждено, его должно победить добром. Злом победить его нельзя: мы не можем одолеть дьявола его собственным оружием. Поэтому, если это зло невозможно победить добром, мы призваны терпеть его. Тогда мы призваны сказать: «Вот крест, который Бог избрал для меня. Он, несомненно, допускает его ради мудрых целей; да творит Он, что Ему благоугодно. Когда увидит, что так лучше, Он отнимет от меня эту чашу». Между тем продолжайте усердно молиться, зная, что у Бога никакое слово не бессильно и что в должное время Он либо отнимет испытание, либо обратит его в благословение вашей душе.

19 3. Детей, пока они малы, вы можете удерживать от зла не только советом, убеждением и обличением, но и *наказанием*, помня лишь, что к этому средству следует прибегать последним, после того как все остальные испробованы и оказались недейственными. И даже тогда нужно с величайшей тщательностью избегать самой видимости гнева. Всё должно совершаться кротко, более того — с добротой. Иначе ваш собственный дух потерпит ущерб, а ребёнок получит мало пользы.

20 4. Но некоторые скажут вам: «Всё это напрасный труд: ребёнка вообще не нужно наказывать. Наставления, убеждения и совета достаточно для любого ребёнка без наказания, особенно если по мере надобности присоединять мягкое обличение». Я отвечаю: могут быть отдельные случаи, в которых этот способ окажется успешным. Но ни в коем случае нельзя возводить его во всеобщее правило, если только вы не считаете себя мудрее Соломона или, вернее говоря, мудрее Бога. Ибо Сам Бог, лучше всех знающий Свои творения, ясно сказал нам: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто

любит, тот с детства наказывает его» (Притч. 13:24). На этом основана ясная заповедь, обращённая ко всем боящимся Бога: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и пусть душа твоя не щадит его из-за крика» (Притч. 19:18).

[21] 5. Не можем ли мы, во-вторых, стараться *наставлять* их, заботиться, чтобы всякий под нашей крышей имел всё знание, необходимое для спасения, чтобы жена, слуги и дети были научены всему, что служит их вечному миру? Ради этого следует устроить так, чтобы не только жена, но и слуги могли пользоваться всеми общими средствами наставления. Особенно в день Господень нужно заранее распорядиться всем необходимым по дому так, чтобы они имели возможность участвовать во всех установлениях Божиих. Более того, позаботьтесь, чтобы у них ежедневно было время для чтения, размышления и молитвы, и узнавайте, действительно ли они употребляют его на те занятия, ради которых оно предоставлено. Ни один день также не должен проходить без семейной молитвы, совершаемой серьёзно и благоговейно.

[22] 6. Особенно старайтесь наставлять своих детей рано, ясно, часто и терпеливо. Наставляйте их *рано*, с первого часа, когда замечаете пробуждение разума. Истина может начать озарять ум гораздо раньше, чем мы склонны предполагать. Кто наблюдает первые проблески понимания, может понемногу давать ему подходящий материал для деятельности и направлять взор сына на доброе так же, как его можно направить на дурное или пустое. Как только ребёнок начинает говорить, будьте уверены: разум уже действует. Я не знаю причины, почему бы родителю не начать именно тогда говорить о самом лучшем — о Божием. И с этого времени не следует

упускать ни одной возможности внушать все истины, какие дети способны воспринять.

[23] 7. Но ранний разговор с ними не принесёт пользы, если вы не говорите также ясно. Употребляйте слова, понятные малым детям, именно те, которыми они пользуются сами. Внимательно наблюдайте немногие понятия, уже имеющиеся у них, и старайтесь прививать к ним то, что говорите. Возьмём небольшой пример: велите ребёнку посмотреть вверх и спросите: «Что ты там видишь?» — «Солнце». — «Посмотри, какое оно яркое! Почувствуй, как тепло оно светит тебе на руку! Смотри, как благодаря ему растут трава и цветы, как зеленеют деревья и всё вокруг! Но Бог, хотя ты Его не видишь, выше неба и гораздо ярче солнца. Это Он, Бог, создал солнце, и тебя, и меня, и всё. Это Он даёт расти траве и цветам, делает деревья зелёными, а на них — плоды. Подумай, что Он может сделать! Он может всё, что пожелает. Он может в одно мгновение поразить нас с тобой смертью. Но Он любит тебя, любит делать тебе добро, любит делать тебя счастливым. Разве не должен ты тогда любить *Его*? А Он научит тебя, как любить Его».

[24] 8. Пока вы говорите так или подобным образом, непрестанно возносите сердце к Богу, умоляя Его открыть очи их разумения и излить на них Свой свет. Он, и только Он, способен сделать их в этом отношении отличными от погибающих животных. Он один может приложить ваши слова к их сердцам; без этого весь труд напрасен. Но когда учит Святой Дух, в учении нет промедления.

[25] 9. Если вы желаете увидеть плод труда, учите детей не только рано и ясно, но также *часто*. Заниматься этим лишь раз или два в неделю принесло бы мало пользы или не принесло вовсе. Как часто вы питаете их тела? Не

менее трёх раз в день. А душа разве менее ценна, чем тело? Не станете ли вы и её питать столь же часто? Если находите это утомительным делом, значит, в вашем собственном расположении несомненно что-то неладно. Вы недостаточно любите их или недостаточно любите Того, Кто ваш Отец и их Отец. Смиритесь пред Ним! Просите дать вам больше любви, и любовь сделает труд лёгким.

[26] 10. Но не поможет и то, что вы учите их рано, ясно и часто, если вы не *пребываете в этом постоянно*. Никогда не прекращайте, не прерывайте своего труда любви, пока не увидите его плода. Однако для этого, как вы обнаружите, совершенно необходимо облечься силой свыше; без неё, я убеждён, никто никогда не имел и не будет иметь достаточного терпения для этого дела. Иначе непостижимая тупость одних детей, легкомыслие или упрямство других заставили бы оставить тягостную задачу и позволить им следовать собственному воображению.

[27] 11. И допустим, сделав это, наставляя детей с младенчества как можно яснее, не упуская ни одной возможности и пребывая в этом постоянно, вы не сразу увидите плод труда: не следует заключать, что его не будет вовсе. Возможно, «хлеб», который вы «пустили по водам», будет «найден по прошествии многих дней». Семя, долго остававшееся в земле, наконец может взойти обильной жатвой, особенно если вы не сдерживаете молитвы пред Богом, если непрестанно пребываете в ней со всяким прошением. Между тем, каково бы ни было действие вашего труда на других, награда ваша у Всевышнего.

[28] 12. Многие родители, напротив, вскоре видят плод посеянного семени и утешаются, замечая, что дети возрастают в благодати по мере возрастания в летах. Но ещё не всё сделано. Перед ними остаётся другая задача, иногда весьма трудная. Дети уже достаточно взрослые, чтобы идти в школу. Но в какую школу следует их послать?

[29] 13. Помните: я говорю не к необузданному, легкомысленному, бездумному миру, но к боящимся Бога. Итак, спрашиваю: с какой целью вы посылаете детей в школу? «Чтобы они были приготовлены жить в мире». Какой мир вы имеете в виду — нынешний или будущий? Возможно, вы думали лишь об этом мире и забыли, что есть мир грядущий, и притом такой, который продлится вечно! Прошу, примите это в расчёт и отправляйте их к наставникам, которые будут всегда держать это перед их глазами. Иначе послать их в школу, позвольте сказать прямо, немногим лучше, чем послать к дьяволу. Поэтому во всяком случае, если вы заботитесь о душах сыновей, отдавайте их не в большие публичные школы — ибо это рассадники всякого нечестия, — а в частную школу, которую содержит какой-нибудь благочестивый человек, старающийся наставить небольшое число детей одновременно в вере и в учёности.

[30] 14. «Но что мне делать с дочерьми?» Ни в коем случае не отдавайте их в большой пансион. И в этих заведениях дети учат друг друга гордости, тщеславию, жеманству, интригам, хитрости — словом, всему, чему христианке учиться не должно. Допустим, девочка хорошо расположена; но что ей делать в толпе детей, из которых ни одна не думает о спасении души в таком обществе, особенно когда все их разговоры направлены в иную

сторону и вращаются вокруг того, о чём хотелось бы ей никогда не думать? Я ещё не знал ни одной благочестивой, разумной женщины, воспитанной в большом пансионе, которая не утверждала бы, что с тем же успехом можно послать юную девушку воспитываться на Друри-Лейн.

31 15. «Куда же тогда посылать дочерей?» Если вы не можете воспитать их сами, как сделала моя мать, воспитавшая семерых дочерей до совершеннолетия, отдайте их наставнице, истинно боящейся Бога, чья жизнь служит образцом ученицам и у которой их ровно столько, чтобы она могла наблюдать за каждой, как обязанная дать отчёт Богу. Сорок лет назад я не знал в Англии такой наставницы, но теперь можно найти нескольких: такую наставницу и такую школу вы найдёте в Хайгейте, Дептфорде, близ Бристоля, в Честере или близ Лидса.

32 16. Предположим, сыновья уже достаточно долго учились и вы думаете о каком-либо занятии для них. Прежде чем что-либо решить, смотрите, чтобы око ваше было чисто. Так ли это? Желаете ли вы угодить в этом Богу? Хорошо, если вы вообще принимаете Его в расчёт! Но, несомненно, если вы сами любите Бога или боитесь Его, первым соображением будет: «При каком занятии сын скорее всего будет любить Бога и служить Ему? Какая работа даст ему наибольшие преимущества для собирания сокровища на небесах?» Меня безмерно поражало, как мало даже благочестивые родители уделяют этому внимания! Даже они думают только о том, как ему приобрести больше денег, а не больше святости. Даже они, руководствуясь этим славным побуждением, отдают его к хозяину-язычнику и в семью, где нет даже

вида, тем более силы благочестия. По этому побуждению они определяют его к занятию, которое неизбежно подвергнет таким искушениям, что не оставит даже вероятности, если вообще возможности, служить Богу. О жестокие родители! Противоестественная, дьявольская жестокость — если вы верите, что есть иной мир.

33 «Но что мне делать?» Поставьте Бога перед глазами и всё делайте с намерением угодить Ему. Тогда вы найдёте хозяина, какого бы ремесла он ни был, который любит или по меньшей мере боится Бога, и семью, в которой есть вид благочестия, если не также его сила. Сын всё же может служить дьяволу, если пожелает, но, вероятно, не станет. И не заботьтесь, если он приобретёт меньше денег, лишь бы приобрёл больше святости. Достаточно, если при меньшем количестве земных благ он обеспечит себе обладание небом.

34 17. Есть ещё одно обстоятельство, в котором вам особенно понадобится премудрость свыше. Сын или дочь достигли брачного возраста и желают вашего совета. Вы знаете, что мир называет *хорошей партией*, — брак, приносящий много денег. Несомненно, это так, если верно, что деньги всегда приносят счастье. Но боюсь, это неверно: деньги редко приносят счастье и в нынешнем, и в грядущем мире. Пусть же никто не обольщает вас пустыми словами: богатство и счастье редко живут вместе. Поэтому, если вы мудры, не ищите для детей богатства через брак. Смотрите, чтобы и в этом око ваше было чисто: стремитесь единственно к славе Божией и истинному счастью детей во времени и вечности. Печально видеть, как родители-христиане радуются, продавая сына или дочь богатому язычнику! И вы всерьёз называете это *хорошей партией*? Безумец, по тому же

основанию можешь назвать ад *хорошим жилищем*, а дьявола *хорошим господином*. О, усвой лучший урок у лучшего Учителя! «Ищите прежде Царства Божия и правды Его» и для себя, и для детей, «и всё остальное приложится вам».

35 18. Несомненно, если вы твёрдо решились идти этим путём, всеми возможными средствами стараться, чтобы вы и ваш дом так служили Господу, чтобы каждый член семьи поклонялся Ему не только внешне, но в духе и истине, вам потребуется употребить всю благодать, всё мужество, всю мудрость, данные Богом. Ибо вы встретите препятствия, преодолеть которые позволит лишь могучая сила Божия. Вам придётся бороться со всеми *святыми мира сего*, которые решат, что вы заходите слишком далеко. Против вас будут все силы тьмы, употребляющие и насилие, и обман; а прежде всего — лукавство собственного сердца, которое, если станете его слушать, предложит множество причин, почему следует *ещё немного* сообразоваться с миром. Но как начали, так продолжайте во имя Господа и могуществом силы Его! Бросьте вызов и улыбающемуся, и хмурящемуся миру вместе с его князем. Следуйте разуму и словесам Божиим, а не людским модам и обычаям. «Храни себя чистым». Что бы ни делали другие, пусть вы и ваш дом «украшаете учение Бога, Спасителя нашего». Будьте вы, ваша супруга, дети и слуги все на стороне Господа, согласно неся одно иго, ходя во всех Его заповедях и постановлениях, пока каждый из вас «не получит свою награду по своему труду»!

О воспитании детей

[1] «Наставь ребёнка при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится».

[2] Притч. 22:6.

[3] 1. Не следует воображать, будто эти слова нужно понимать безусловно, словно ни один ребёнок, наставленный на должный путь, никогда с него не сходил. Факты никак с этим не согласуются; напротив, обычным стало замечание: «У некоторых из лучших родителей — самые худшие дети». Правда, иногда это могло происходить потому, что добрые люди не всегда обладают здравым разумением, а без него едва ли следует ожидать, что они будут знать, как воспитывать детей. Кроме того, люди, добрые в других отношениях, нередко имеют слишком уступчивый нрав и потому в удержании детей от зла не идут дальше старого Илия, который мягко говорил: «Нет, дети мои, нехорошая молва, которую я слышу о вас». Здесь нет противоречия нашему утверждению: ведь их дети не «наставлены на путь, по которому должны идти». Но нужно признать, что некоторые были наставлены на него со всей возможной заботой и усердием и всё же, ещё не состарившись, даже в расцвете лет, совершенно с него сошли.

[4] 2. Следовательно, слова следует понимать с некоторым ограничением, и тогда они содержат несомненную истину. Это общее, хотя и не всеобщее обетование, и многие увидели его счастливое исполнение. Поскольку это самый вероятный способ, каким родители могут сделать детей благочестивыми, он обычно, хотя и не

всегда, достигает желанного успеха. Бог отцов пребывает с детьми, благословляет старания родителей, и те имеют утешение оставить потомкам не только земное имущество, но и свою веру.

5 3. Но что это за «путь, по которому ребёнок должен идти», и как нам «наставить его» на него? Основание этому превосходно положено господином Лоу в его «Серьёзном призыве к благочестивой жизни». Вот часть его слов:

6 «Если бы мы оставались совершенными, какими Бог создал первого человека, возможно, совершенство нашей природы было бы для каждого достаточным наставником. Но как недуги и болезни породили необходимость лекарств и врачей, так расстройства нашей разумной природы вызвали необходимость воспитания и наставников.

7 И как единственная цель врача — вернуть природе её собственное состояние, так единственная цель воспитания — вернуть нашей разумной природе надлежащее состояние. Поэтому воспитание следует рассматривать как разум, заимствованный у другого, который должен, насколько возможно, восполнить утрату первоначального совершенства. И как врачевание справедливо называют искусством возвращать здоровье, так на воспитание следует смотреть исключительно как на искусство возвращать человеку его разумное совершенство.

8 Эту цель преследовали юноши, учившиеся у Пифагора, Сократа и Платона. Их повседневные уроки и наставления были беседами о природе человека, его истинной цели и верном употреблении способностей; о

бессмертии души, её отношении к Богу, согласии добродетели с божественной природой; о необходимости воздержания, справедливости, милосердия и истины и о безрассудстве потворства страстям.

9 Итак, поскольку христианство словно вновь сотворило нравственный и религиозный мир и представило всё разумное, мудрое, святое и желанное в истинном свете, можно было бы ожидать, что воспитание детей будет исправлено христианством в той же мере, что и религиозные учения.

10 Поскольку оно ввело новый порядок вещей и столь полно открыло нам природу человека и цель его сотворения; поскольку определило всё наше добро и зло, научило средствам очищать души, угождать Богу и быть вечно счастливыми, — естественно было бы предположить, что всякая христианская страна изобилует школами не только для заучивания нескольких вопросов и ответов катехизиса, но и для формирования, воспитания и упражнения детей в таком образе жизни, какого требуют высочайшие учения христианства.

11 Воспитание у Пифагора или Сократа не имело иной цели, кроме как научить детей мыслить и действовать так, как мыслили и действовали Пифагор и Сократ.

12 И разве не разумно предположить, что христианское воспитание должно иметь лишь одну цель: учить их мыслить, судить и поступать по самым строгим правилам христианства?

13 По меньшей мере можно было бы предположить, что во всех христианских школах обучению детей с самого начала жить в христианском духе — в воздержании, смирении, трезвении и благочестии, требуемых

христианством, — будут уделять не просто больше, но во сто крат больше внимания, чем чему-либо одному или всему остальному.

14 Ибо воспитывающие нас должны подражать нашим ангелам-хранителям: внушать уму лишь мудрое и святое, помогать обнаружить всякое ложное суждение разума и покорить всякую дурную страсть сердца.

15 И ожидать и требовать всей этой пользы от христианского воспитания столь же разумно, как требовать от врачевания укреплять всё правильное в нашей природе и удалять все болезни».

16 4. Всё это время нужно тщательно помнить, что врач душ — Бог, а не человек; что именно Он, и никто иной, даёт лекарство для исцеления нашей природной болезни; что всякую «помощь, совершаемую на земле, Он совершает Сам»; что никто из сынов человеческих не способен «вывести чистое из нечистого»; словом, что «Бог производит в нас и хотение, и действие по Своему благоволению». Но обычно Ему угодно действовать через Свои творения, помогать человеку через человека. Он удостаивает людей быть в некотором смысле «соработниками у Него». Таким образом награда принадлежит нам, а слава возвращается к Нему.

17 5. Предварив этим, чтобы ясно увидеть путь, на который следует наставить ребёнка, рассмотрим: каковы болезни его природы? Каковы духовные болезни, которые всякий рождённый женщиной приносит с собой в мир?

18 Не первая ли из них — *безбожие*? После всего, что столь убедительно написано о «врождённой идее Бога», после всего сказанного о том, что она обща всем людям, во все века и у всех народов, не видно, чтобы человек от

природы имел о Боге больше понятия, чем какой-либо полевой зверь. У него вовсе нет ни познания Бога, ни страха Божия; Бога нет ни в одной его мысли. Какая бы перемена ни совершилась впоследствии — по благодати Божией, через собственное размышление или воспитание, — по природе он совершенный безбожник.

[19] 6. Можно даже сказать, что всякий человек по природе словно сам себе бог. Он поклоняется себе. В собственном представлении он безусловный господин самому себе. Герой Драйдена говорит лишь согласно природе, когда заявляет: «Я сам царь над *собой*». Во всём человек ищет себя, угождает себе. И почему бы нет? Кто господствует над ним? *Его собственная воля* — единственный закон; он делает то или другое потому, что ему так угодно. В том же духе, в каком «сын зари» некогда сказал: «Воссяду на краю севера», он говорит: «*Я хочу* сделать так или так». И разве мы не встречаем повсюду разумных людей того же самого духа, которые на вопрос: «Почему ты сделал это?» — с готовностью отвечают: «Потому что мне захотелось»?

[20] 7. Ещё одна злая болезнь, которую всякая человеческая душа приносит с собой в мир, — *гордость*, постоянная склонность думать о себе выше, чем должно. Всякий более или менее различает эту болезнь в каждом — кроме себя. И действительно, если бы он мог различить её в себе, она больше не существовала бы, ибо вследствие этого он думал бы о себе именно так, как должно.

[21] 8. Следующая болезнь, естественная всякой человеческой душе и рождающаяся вместе с каждым человеком, — *любовь к миру*. Всякий по природе любит творение вместо Творца, «любит удовольствия» всякого рода «более, нежели Бога». Он раб тех или иных безрассудных и пагубных желаний: «похоти плоти, похоти

очей или гордости житейской». «Похоть плоти» — склонность искать счастье в том, что удовлетворяет одно или несколько внешних чувств. «Похоть очей» — склонность искать счастье в том, что удовлетворяет внутреннее чувство, воображение, будь то величественное, новое или прекрасное. «Гордость житейская», по-видимому, означает склонность искать счастье в том, что удовлетворяет чувство чести. К этому обычно относят «любовь к деньгам», одну из самых низких страстей, способных поселиться в человеческом сердце. Однако можно сомневаться, не приобретённая ли это скорее болезнь, чем природная.

[22] 9. Природна ли эта болезнь или нет, несомненно, что *гнев* природен. Древний философ определяет его как «сознание полученной обиды с желанием мести». Был ли когда-либо рождённый женщиной, который не страдал этим недугом? Правда, подобно другим болезням ума, у одних он гораздо сильнее, чем у других. Но это *furor brevis*, как говорит поэт, — подлинное, хотя и краткое безумие везде, где оно есть.

[23] 10. *Уклонение от истины* столь же естественно всем сынам человеческим. Один человек сказал в опрометчивости: «Всякий человек — ложь»; но и по спокойном размышлении можно сказать: всякий природный человек под сильным искушением отступит от истины или прикроет её. Если люди и не нарушают правдивости, если не говорят ложного, всё же часто погрешают против *простоты*. Они прибегают к ухищрениям, выставляют ложные знаки, притворяются или скрытничают. Поэтому ни об одном живущем, пока благодать не изменила природу, нельзя истинно сказать: «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства!»

[24] 11. Всякий также по природе склонен говорить или поступать *против справедливости*. Это ещё одна болезнь, которую мы приносим с собой в мир. Все человеческие существа по природе пристрастны к себе и при удобном случае больше заботятся о собственной выгоде или удовольствии, чем допускает строгая справедливость. Ни один человек по природе не бывает и *милосердным*, как милосерден наш Небесный Отец; но все в большей или меньшей мере нарушают славное правило и милосердия, и справедливости: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними».

[25] 12. Итак, если таковы общие болезни человеческой природы, не составляет ли их исцеление великой цели воспитания? И не обязаны ли все, кому Бог доверил воспитание детей, приложить всевозможную заботу, во-первых, чтобы не усиливать, не питать ни одной из этих болезней, как постоянно делает большинство родителей, а затем — употреблять все возможные средства для их исцеления?

[26] 13. Обратимся к частностям. Что могут сделать родители, особенно матери, заботе которых дети неизбежно поручены в нежном возрасте, в отношении *безбожия*, естественного всем сынам человеческим? Как питает его большинство родителей, даже любящих или по меньшей мере боящихся Бога, когда, проводя с детьми часы, быть может дни, едва называют имя Божие! Между тем они говорят о тысяче других вещей окружающего мира. Не займут ли тогда вещи нынешнего мира, со всех сторон окружающие детей, естественным образом их мысли и не отдалят ли Бога от них ещё дальше, если это возможно, чем прежде? Не питают ли родители безбожие

детей и далее, приписывая дела творения *природе*? Разве обычный способ говорить о природе не оставляет Бога совершенно в стороне? Не питают ли они эту болезнь всякий раз, когда при детях говорят, будто что-либо так или иначе *случилось*, будто события приходят по *случаю*, от доброй или дурной *удачи*? А также когда приписывают то или иное событие человеческой мудрости или силе либо вообще каким-то иным вторичным причинам, словно они управляют миром? Более того, не питают ли они её незаметно для себя, говоря о собственной мудрости, доброте или способности сделать то или другое, не упоминая ясно, что всё это дар Божий? Всё это способствует утверждению безбожия детей и удалению Бога из их мыслей.

[27] 14. Но мы отнюдь не свободны от ответственности за их кровь, если идём лишь до этого, если только не питаем их болезнь. Что можно сделать для исцеления? С первых проблесков разума непрестанно внушайте: Бог здесь и во всяком месте. Бог создал тебя, и меня, и землю, и солнце, и луну, и всё. И всё принадлежит Ему: небо, земля и всё, что в них. Бог распоряжается всем: Он даёт солнцу светить, ветру дуть, деревьям приносить плоды. Ничто не приходит случайно; это глупое слово, случая не существует. Как Бог создал мир, так Он управляет миром и всем, что в нём. Даже воробей не падает на землю без воли Божией. И как Он управляет всем, так управляет и всеми людьми, добрыми и злыми, малыми и великими. Он даёт им всю силу и мудрость, какую они имеют, и владычествует над всем. Он даёт нам всё доброе, что у нас есть; всякая добрая мысль, слово и дело — от Него. Без Него мы не можем ни подумать, ни сделать ничего правильного. Так мы должны внушать детям, что Бог есть всё во всём.

[28] 15. Так мы можем противодействовать природному безбожию детей и при содействии благодати Божией постепенно исцелять его. Но что можем сделать для исцеления их *своеволия*? Оно столь же укоренено в их природе и в самом деле есть первоначальное идолопоклонство, не ограниченное одним веком или страной, но общее всем народам под небом. И как мало родителей даже среди христиан, даже среди истинно боящихся Бога, которые не виновны в этом, которые не питают и не усиливают постоянно эту тяжкую болезнь детей! Позволять им осуществлять собственную волю — самый действенный способ делать это. Позволять идти своим путём — верный способ усилить своеволие всемеро. Но у кого хватает решимости поступать иначе? У одного родителя из ста! Кто может быть столь необычным, столь жестоким, чтобы не *потакать* своему ребёнку в большей или меньшей мере? «Почему бы и нет? Какой вред в том, что делают все?» Вред в том, что это всё более укрепляет их волю, пока она не перестанет склоняться и перед Богом, и перед человеком. Потакать детям — значит, насколько от нас зависит, делать болезнь неизлечимой. Мудрый родитель, напротив, должен начинать сокрушать их волю в первый же миг, когда она проявляется. Во всём искусстве христианского воспитания нет ничего важнее. Воля родителя для малого ребёнка занимает место воли Божией. Поэтому тщательно учите детей подчиняться ей, пока они малы, чтобы, став взрослыми, были готовы подчиниться Его воле. Но для достижения этой цели вам понадобятся невероятная твёрдость и решимость, ибо, однажды начав, вы уже не должны уступать. Нужно неизменно держать ровный курс, не ослаблять внимания ни на час, иначе труд пропадёт.

[29] 16. Если вы не хотите потерять весь труд, приложенный к тому, чтобы сломить волю ребёнка, подчинить её своей, дабы впоследствии она подчинилась воле Божией, есть один совет, хотя малоизвестный, заслуживающий особого внимания. Он может показаться маловажной подробностью, но значит больше, чем легко вообразить. Вот он: никогда, ни при каких обстоятельствах не давайте ребёнку того, чего он добивается плачем. Ибо верно наблюдение, которое можно проверять сколько угодно: если вы даёте ребёнку то, о чём он плачет, вы платите ему за плач; тогда он непременно станет плакать снова. «Но если я не дам, когда он плачет, он будет кричать целый день». Если так, виноваты вы сами: в вашей власти действенно предотвратить это; ведь ни одна мать не обязана терпеть громкий плач ребёнка после того, как ему исполнится год. «Но помешать этому невозможно». Так полагают многие, но это полная ошибка. Я свидетель прямо противоположного, как и многие другие. У моей матери было десять детей, и у каждого хватало нрава, однако ни одного из них никогда не слышали громко плачущим после годовалого возраста. Одна дама из Шеффилда, несколько детей которой, полагаю, ещё живы, заверяла меня, что добилась такого же успеха со своими восемью детьми. Когда некоторые возражали, что это невозможно, пастор Гринвуд, хорошо известный на севере Англии, ответил: «Это не может быть невозможно: я имел доказательство в собственной семье. Более того, даже большего. От первой жены у меня было шестеро детей, и она ни одному не позволяла громко плакать после десятимесячного возраста. И всё же ни у кого из них дух не был сломлен настолько, чтобы сделать неспособным к каким-либо жизненным обязанностям». Следовательно, это может сделать любая разумная женщина, тем самым

избавив себя от множества хлопот и не допустив, чтобы под её крышей слышался неприятный шум — визг малых детей. Но признаю, что добиться этого сможет только разумная женщина, притом обладающая терпением и решимостью, какие может дать лишь благодать Божия. Однако это, несомненно, более превосходный путь; и кто может вместить, да вместит!

30 17. Трудно сказать, какая болезнь гибельнее — своеволие или *гордость*. Именно гордость прежде всего низвергла столько небесных звёзд и превратила ангелов в бесов. Но что могут сделать родители, чтобы сдерживать её, пока не станет возможно исцелить в корне?

31 Во-первых, остерегайтесь подливать масла в огонь, питать болезнь, которую должны исцелять. Почти все родители виновны в этом, хваля детей в лицо. Если вы сознаёте безрассудство и жестокость такого поступка, свято воздерживайтесь от него. И, несмотря ни на страх, ни на желание угодить, сделайте ещё шаг: не только не поощряйте, но и не позволяйте другим делать то, чего сами не смеете. Как мало родителей достаточно сознают это или по меньшей мере достаточно решительны, чтобы исполнить, — остановить на первом же слове всякого, кто станет хвалить детей у них на глазах! Даже те, кто ни за что не стал бы *сидеть, внимая похвалам себе*, всё же без стеснения внимают похвалам детям, притом в их присутствии! О, подумайте: не расставляете ли вы тем сеть их ногам? Не сильное ли это побуждение к гордости, даже если хвалят за действительно похвальное? И не вдвойне ли вредно, если хвалят за то, что не заслуживает истинной похвалы, за вещи нравственно безразличные — ум, хорошие манеры, красоту, изящество одежды? Это может повредить не только сердцу, но и разуму. Оно явно

и прямо способствует одновременному внушению гордости и безрассудства, извращает и вкус, и суждение, приучая ценить то, что в очах Божиих есть сор и отбросы.

32 18. Если же вы, напротив, желаете без промедления поразить самый корень гордости, как можно раньше учите детей, что они падшие духи, что они лишились славного образа Божия, в котором первоначально были сотворены; что теперь они уже не те нетленные изображения Бога славы, какими были некогда, носившие точное подобие мудрого, благого, святого Отца духов, но гораздо невежественнее, безрассуднее и нечестивее, чем способны представить. Показывайте им, что гордостью, гневом и мстительностью они ныне подобны дьяволу, а безрассудными желаниями и низменными влечениями — полевым зверям. Тщательно наблюдайте за ними в этом отношении, чтобы при всяком случае «находить гордость в самых первых её движениях» и останавливать первое же её проявление.

33 Если вы спросите: «Но как ободрять детей, когда они поступают хорошо, если никогда нельзя похвалить?» — я отвечу: я этого не утверждал. Я не говорил: «Никогда не хвалите их». Знаю, что многие авторы так утверждают, притом авторы выдающегося благочестия. Они говорят, что хвалить человека — значит обкрадывать Бога, и потому совершенно осуждают похвалу. Но что говорит Писание? Я читаю там, что Сам Господь часто хвалил учеников, а великий апостол без колебаний хвалит коринфян, филиппийцев и разных других, к кому пишет. Поэтому мы не можем осуждать это совершенно. Но я говорю: прибегайте к похвале чрезвычайно скупо. А прибегая, соблюдайте величайшую осторожность и в тот же миг направляйте детей смотреть на всё своё как на

свободный дар Божий и с глубочайшим самоуничижением говорить: «Не нам! Не нам! Но имени Твоему воздай хвалу!»

[34] 19. После своеволия и гордости самая гибельная болезнь, с которой мы рождаемся, — «любовь к миру». Но как старательно большинство родителей взращивают её во всех разновидностях! Они питают «похоть плоти», то есть склонность искать счастье в удовлетворении внешних чувств, стараясь до предела расширить вкусовые удовольствия детей: не только дают им ещё до отнятия от груди другую пищу помимо молока, естественной детской пищи, но и до, и после предлагают всякую еду и питьё, какие те возьмут. Более того, задолго до того, как этого потребует природа, побуждают пить вино или крепкие напитки, снабжают конфетами, пряниками, изюмом и любыми фруктами по желанию. Они питают «похоть очей», склонность искать счастье в услаждении воображения, давая детям красивые безделушки, блестящие игрушки, сияющие пряжки или пуговицы, нарядную одежду, красные башмачки, шляпы с галуном, ненужные украшения — ленты, ожерелья, оборки; более того, предлагая всё это в награду за исполнение долга, чем придают ему высокую ценность. С равной заботой и вниманием они взращивают третью ветвь любви к миру — «гордость житейскую», склонность искать счастье в «славе, приходящей от людей». Не забыта и любовь к деньгам: сколько увещаний слышат дети о *том, как обеспечить главную выгоду*, сколько наставлений, вполне согласных с речью древнего язычника: _____ «Наживай деньги — честно, если можешь; а если нет, всё равно наживай деньги». И их тщательно учат смотреть на богатство и почести как на награду за все труды.

[35] 20. Прямо противоположно всему этому мудрая и поистине добрая мать с величайшей заботой будет избегать взращивания в детях похоти плоти, естественной склонности искать счастье в удовлетворении внешних чувств. С этой целью до отнятия от груди она не даст им пробовать ничего, кроме молока; а тысяча опытов показывает, что безопаснее и легче всего отнимать от груди в конце седьмого месяца. Затем она приучит их к самой простой пище, преимущественно растительной. Она может приучить их за обедом есть лишь один вид пищи помимо хлеба, а на завтрак и ужин постоянно употреблять молоко, холодное или подогретое, но не кипячёное. Она может приучить их во время еды сидеть рядом с ней, ничего не просить, но брать то, что дают. По меньшей мере до девяти или десяти лет ей незачем знакомить их со вкусом чая; во время еды пусть они пьют только воду или слабое пиво. И они никогда не захотят есть или пить между приёмами пищи, если не будут к этому приучены. Если им дают фрукты, конфеты или что-либо подобное, пусть они не прикасаются к этому, кроме как за едой. И никогда не предлагайте ничего такого в награду; учите смотреть выше.

[36] Но здесь возникнет трудность, для преодоления которой понадобится большая решимость. Слуги, не понимая вашего замысла, будут постоянно давать детям лакомые мелочи и тем разрушать всю работу. По возможности это нужно предупредить, предостерегая слуг при первом появлении в доме и повторяя предупреждение время от времени. Если же они всё равно *будут упорствовать*, придётся их отпустить. Лучше лишиться хорошего слуги, чем испортить хорошего ребёнка.

[37] Возможно, вам встретится другая, ещё более тяжёлая трудность. С вами может жить ваша мать или мать мужа, и правильно будет оказывать ей всевозможное уважение. Но ни в коем случае не позволяйте ей ни в малейшей мере участвовать в управлении детьми. Она разрушит всё сделанное вами, даст им во всём собственную волю, будет потакать им к погибели душ, если не также тел. За восемьдесят лет я не встретил ни одной женщины, которая знала бы, как управляться с внуками. Моя собственная мать, так хорошо управлявшая детьми, никогда не могла управиться ни с одним внуком. Во всём остальном повинуйтесь матери, уступайте свою волю её воле; но в воспитании детей твёрдо держите бразды в собственных руках.

[38] 21. Мудрая и добрая мать столь же тщательно будет остерегаться питать в детях «похоть очей». Она не даст им красивых безделушек, блестящих игрушек, сияющих пряжек или пуговиц, дорогой или яркой одежды, никаких ненужных украшений, ничего, что могло бы привлекать глаз. И не позволит другим давать то, чего не даёт сама. От всего предлагаемого в этом роде можно либо вежливо отказаться, либо принять и отложить. Если это вызовет недовольство, ничего не поделаешь. Желание угодить и даже временная выгода должны отступить, когда на карту поставлено вечное благо детей.

[39] Ваши старания будут щедро вознаграждены, если вы сможете рано внушить им презрение ко всякой пышности наряда и, напротив, любовь и уважение к опрятной простоте одежды, приучая связывать представления о простоте и скромности, а также о нарядной и распущенной женщине. Равным образом как можно раньше внушайте им страх и презрение к пышности и

величию, отвращение и ужас перед сребролюбием и глубокое убеждение, что богатство не может дать счастья. Поэтому отучайте их от всех этих ложных целей, приучайте во всём делать Бога своей целью и во всяком деле стремиться познавать, любить Бога и служить Ему.

[40] 22. Далее, большинство родителей питают в детях *гнев*, притом худшую его часть — мстительность. Глупая мать говорит: «Как, обидели моего ребёнка? Ударь меня за это». Какое ужасное дело! Разве древний человекоубийца недостаточно быстро научит их этому уроку? Пусть родитель-христианин не жалеет сил, чтобы учить прямо противоположному. Напоминайте им слова благословенного Господа: «Сказано древним: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противьтесь злому», — не противьтесь воздаянием злом за зло. Лучше, «если кто возьмёт у тебя верхнюю одежду, пусть возьмёт и рубашку». Напоминайте слова великого апостола: «Не мстите за себя, возлюбленные, ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь».

[41] 23. Большинство родителей питают и усиливают природную *лживость* детей. Как часто слышится бессмысленное слово: «Нет, это не *ты*, не мой ребёнок сделал; скажи, что это кошка». Какое поразительное безрассудство! Неужели вы не чувствуете угрызений совести, вкладывая ложь в уста ребёнка, ещё не умеющего ясно говорить? И не думаете ли, что он хорошо преуспеет в ней, достигнув сознательного возраста? Другие учат притворству и лжи неразумной суровостью, а иные — восхищением и похвалами искусной лжи и хитрым уловкам детей. Мудрый родитель, напротив, пусть учит их «отложить всякую ложь» и в малом и великом, в шутку и всерьёз говорить от сердца чистую правду. Учите,

что виновник всякой лжи — дьявол, который «лжец и отец лжи». Учите ненавидеть и презирать не только всякую ложь, но и всякую двусмысленность, хитрость и притворство. Употребляйте все средства, чтобы привить любовь к истине — к правдивости, искренности и простоте, к открытости и духа, и поведения.

[42] 24. Большинство родителей усиливают природную склонность детей к *несправедливости*, попустительствуя тому, как они обижают друг друга, если не смеясь над остроумными уловками взаимного обмана или даже не одобряя их. Остерегайтесь всего подобного; с самого младенчества сейте в их сердцах семена справедливости и приучайте к самому точному её исполнению. Если возможно, учите любви к справедливости и в самых малых вещах, и в величайших. Запечатлейте в их уме старую пословицу: «Кто украдёт пенни, украдёт и фунт». Приучайте отдавать всякому должное, до последнего фартинга.

[43] 25. Многие родители также потакают *злонравию* детей и тем укрепляют его. Но поистине любящие родители не станут позволять никакого вида или степени *немилосердия*. Они не допустят, чтобы дети досаждали братьям или сёстрам словом или делом. Не позволят вредить или причинять боль ничему живому. Не разрешат разорять птичьи гнёзда, тем более без нужды убивать что-либо — даже змей, столь же невинных, как черви, или жаб, которые, несмотря на уродство и дурную славу, многократно доказаны столь же безвредными, как мухи. Пусть дети в должной мере распространяют на всякое животное правило поступать так, как хотели бы, чтобы поступали с ними. Вы, поистине добрые родители, утром, вечером и весь остальной день внушайте всем детям

«жить в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас», помнить одно: «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём».

О послушании родителям

[1] «*Дети, будьте послушны родителям вашим во всём.*»

[2] Кол. 3:20.

[3] 1. Много лет предметом спора было то, существуют ли в человеческом уме врождённые начала. Но все стороны признают: если в душе естественно насаждены какие-либо практические принципы, то правило «мы должны почитать родителей» почти прежде всякого другого будет притязать на это звание. Древнейшие авторы причисляют его к всеобщим началам, и оно несомненно встречается даже у дикарей самых варварских народов. Мы можем проследить его по всей Европе и Азии, по пустынным местам Африки и лесам Америки. И в наиболее цивилизованных народах оно не менее, а более заметно. Так было сперва в восточных частях мира, столько веков бывших средоточием державной власти, учёности, утончённости и религии. Так было впоследствии во всех греческих государствах и по всей Римской империи. В этом отношении ясно, что «не имеющие закона», то есть письменного, «сами себе закон», показывая, что «дело», сущность «закона», «написано у них в сердцах».

[4] 2. И где бы Бог ни открывал человеку Свою волю, этот закон составлял часть откровения. В нём он был заново раскрыт, значительно расширен и самым сильным образом подтверждён. В иудейском откровении явные его нарушители подлежали смерти. И это был один из законов, которые наш благословенный Господь пришёл не нарушить, но исполнить. Поэтому Он строго обличал

книжников и фарисеев за то, что они устраняли его своими преданиями, ясно показывая, что его обязательность распространяется на все века. Сущность этого закона святой Павел передаёт ефесянам: «Дети, повинуйтесь своим родителям в Господе» (Еф. 6:1), — и вновь в словах к колоссянам: «Дети, будьте послушны родителям вашим во всём».

[5] 3. Примечательно, что апостол подкрепляет эту обязанность тройным поощрением. Во-первых, к ефесянам он добавляет: «Ибо сего требует справедливость». Это проявление не только милосердия, но и справедливости; не более того, что им причитается, что мы должны им за самое существование, полученное от них. Во-вторых: «Это благоугодно Господу»; великому Отцу людей и ангелов особенно угодно, чтобы мы оказывали честь и послушание отцам нашей плоти. В-третьих, это «первая заповедь с обетованием», первая, к исполнению которой присоединено особое обещание: «Да благо тебе будет и да долголетен будешь на земле, которую Господь Бог твой даёт тебе». Обычно это обетование понимают как включающее здоровье и земные благословения наряду с долголетием. И мы видели бесчисленные доказательства того, что оно относится и к христианскому, и к иудейскому домостроительству: много замечательных примеров его исполнения встречается даже ныне.

[6] Но что означают слова: «Дети, будьте послушны родителям вашим во всём»? С помощью Божией я постараюсь, во-первых, объяснить их, а затем применить.

[7] I. 1. Во-первых, я постараюсь объяснить эти слова, тем более что, по-видимому, столь немногие понимают их. Взгляните вокруг на мир — не языческий, а

христианский, более того, на реформированную его часть; посмотрите на тех, кто имеет Писание на родном языке: кто из них, судя по всему, хотя бы слышал об этом? Кое-где ребёнок слушается родителя из страха или, быть может, из естественной привязанности. Но сколько вы найдёте детей, повинующихся отцу и матери из сознания долга перед Богом? И сколько родителей, надлежащим образом внушающих детям эту обязанность? Боюсь, подавляющее большинство и родителей, и детей совершенно невежественны в этом вопросе. Ради них я изложу его как можно яснее. Однако вполне сознаю: те, кто не желает быть убеждённым, поймут мои слова не больше, чем если бы я говорил по-гречески или по-еврейски.

[8] 2. Вы легко заметите, что под *родителями* апостол подразумевает и отцов, и матерей, поскольку отсылает нас к пятой заповеди, называющей тех и других. И как бы ни различались в этом человеческие законы, закон Божий не делает различия, но возлагает на нас одинаковую обязанность повиноваться и тем, и другим.

[9] 3. Но прежде чем рассмотреть, как повиноваться родителям, можно спросить, как долго мы обязаны им повиноваться. Только ли до тех пор, пока дети не начнут самостоятельно ходить, не пойдут в школу, не научатся читать и писать, не сравняются ростом с родителями или не достигнут сознательного возраста? Более того, если они повинуются лишь потому, что боятся побоев, или потому, что иначе не могут получить пищу и одежду, что пользы в таком послушании? Лишь те, кто повинуется родителям, уже имея возможность жить без них и не надеясь ничего от них получить и ничего не боясь, получат похвалу от Бога.

10 4. «Но разве совершеннолетний мужчина или замужняя женщина ещё обязаны повиноваться родителям?» Что касается брака, хотя верно, что человек должен оставить отца и мать и прилепиться к жене, а по тому же основанию жена должна оставить отца и мать и прилепиться к мужу, вследствие чего в отдельных случаях супружеский долг может иметь преимущество перед сыновним, всё же ни из Писания, ни из разума я не могу заключить, что брак отменяет или уменьшает общую обязанность сыновнего долга. Тем менее видно, чтобы она отменялась или уменьшалась оттого, что мы прожили двадцать один год. Я никогда не понимал этого так применительно к себе. Прожив более тридцати лет, я считал, что нахожусь к отцу точно в том же отношении, что и в десять лет. А между сорока и пятьюдесятью годами я почитал себя столь же обязанным повиноваться матери во всём дозволенном, как тогда, когда меня ещё водили на помочах.

11 5. Но что заключено в словах: «Дети, будьте послушны родителям вашим во всём»? Несомненно, первое правило послушания — не делать ничего, что запрещают отец или мать, велико оно или мало. Нет ничего яснее того, что родительский запрет обязателен для всякого совестливого ребёнка, кроме случая, когда запрещённое прямо повелено Богом. И даже это не всё; можно пойти немного дальше. Любящий родитель может совершенно не одобрять то, чего не желает прямо запрещать. Каков долг ребёнка в таком случае? Насколько следует считаться с неодобрением? Равносильно оно запрету или нет, человек, желающий сохранить непорочную совесть, несомненно, должен избрать безопасную сторону и избегать того, что, возможно, окажется злом. Поистине более превосходный путь — не делать ничего, о чём вы

знаете, что родители не одобряют этого. Поступать иначе, по-видимому, значит проявлять некоторую степень непослушания, которой человек с чуткой совестью пожелал бы избежать.

12 6. Второе, заключённое в этом наставлении: делайте всё, что велят отец или мать, велико оно или мало, если только это не противоречит какой-либо заповеди Божией. Здесь Бог дал родителям власть, которой не имеют даже самодержавные государи. Например, король Англии — верховный государь; однако он не властен приказать мне сделать даже самое малое, если закон страны не требует от меня этого, ибо власть его состоит лишь в исполнении закона. Воля короля не закон для подданного. Но воля родителя — закон для ребёнка, который по совести обязан подчиниться ей, если только она не противна закону Божию.

13 7. С дивной мудростью Отец духов дал это повеление: как сила родителей восполняет недостаток силы, а разумение родителей — недостаток разумения у детей, пока те не приобретут собственной силы и разумения, так воля родителей должна направлять волю детей, пока у них не появятся мудрость и опыт, чтобы направлять себя самостоятельно. Поэтому самое первое, чему должны научиться дети, — во всём повиноваться родителям, подчиняться их воле. К этому можно приучить их задолго до того, как они поймут причину, и даже задолго до способности понимать какие-либо начала религии. Соответственно святой Павел велит всем родителям воспитывать детей «в учении и наставлении Господнем». Ибо надлежащей дисциплиной их волю можно сломить ещё в раннем младенчестве, тогда как до способности воспринимать наставление должно пройти значительное

время. Поэтому вот самое первое правило: склоняйте их волю с первых проблесков разума и, приучая подчиняться вашей воле, готовьте к подчинению воле их Небесного Отца.

[14] 8. Но как мало даже шести- или восьмилетних детей понимают что-либо в этом! Да и как им понять, если некому научить? Разве родители — отец, как и мать, — не столь же невежественны в этом вопросе, как сами дети? Кого вы найдёте даже среди религиозных людей, кто имел бы о нём хоть малейшее понятие? Разве вы не видели доказательства собственными глазами? Разве не присутствовали, когда отец или мать говорили: «Дитя моё, сделай то или это», — а ребёнок без всяких церемоний решительно отвечал: «Не хочу»? И родитель спокойно пропускает это, больше не обращая внимания. Неужели он или она не видят, что таким жестоким потворством воспитывают ребёнка через прямой бунт против родителей к бунту против Бога? Следовательно, готовят его к вечному огню, уготованному дьяволу и его ангелам! Если бы они надлежащим образом обдумали это, то не стали бы ни есть, ни пить, ни спать, пока не преподали бы ему лучший урок и не внушили бы твёрдый страх когда-либо повторить этот дьявольский ответ.

[15] 9. Позвольте ещё немного рассудить об этом с вами, родители, боящиеся Бога. Если вы боитесь Бога, как смеете позволять ребёнку старше года говорить «я буду делать» то, что вы запрещаете, или «не буду делать» то, что велите, и оставлять его без наказания? Почему не останавливаете сразу, чтобы он никогда не смел повторять это? Неужели у вас нет сердца, нет сострадания к ребёнку? Нет заботы о его спасении или погибели? Позволили бы вы ему проклинать или божиться

в вашем присутствии, не обращая внимания? Но непослушание — столь же верный путь к осуждению, как проклятия и клятвы. Остановите его, остановите в самом начале во имя Бога. Не «щадите розги, портя ребёнка». Если у вас не сердце тигра, не отдавайте дитя его собственной воле, то есть дьяволу. Пусть вам самим будет больно, всё же вырвите своё потомство из львиных зубов. Принудите их покориться, чтобы не погибли. Сломите их волю, чтобы спасти душу.

[16] 10. Не знаю, как достаточно настойчиво внушить это. Чтобы сильнее запечатлеть мысль в ваших умах, позвольте прибавить часть письма на эту тему, напечатанного несколько лет назад:

[17] «Чтобы сформировать ум детей, прежде всего нужно покорить их волю. Просвещение разума требует времени и должно продвигаться медленно; но подчинение воли — дело, которое надлежит совершить сразу, и чем раньше, тем лучше. Ибо, пренебрегая своевременным исправлением, мы даём им приобрести упрямство, которое едва ли когда удаётся победить и никогда — без суровости, столь же мучительной для нас, как для детей. Поэтому я называю жестокими тех родителей, которые слывут добрыми и снисходительными и позволяют детям усваивать привычки, которые, как им известно, позднее придётся ломать.

[18] Я настаиваю на раннем покорении детской воли, потому что это единственное основание религиозного воспитания. Когда оно вполне совершено, ребёнок становится способен руководствоваться разумом родителя до зрелости собственного разумения.

19 Я ещё не могу оставить этот предмет. Как своеволие есть корень всякого греха и несчастья, так всё питающее его в детях обеспечивает их будущее бедствие и безбожие, а всё сдерживающее и умерщвляющее — содействует будущему счастью и благочестию. Это ещё очевиднее, если помнить, что религия есть не что иное, как исполнение воли Божией, а не собственной, и что, поскольку своеволие — главное препятствие временному и вечному счастью, никакое потворство ему не может быть маловажным, никакое отречение от него — бесполезным. От этого одного зависят небо или ад. Поэтому родитель, старающийся подчинить его в детях, соработает Богу в спасении души. Потворствующий же ему совершает дело дьявола, делает религию неисполнимой, спасение недостижимым и делает всё, что в его силах, чтобы навеки предать осуждению ребёнка, душу и тело!

20 Поэтому не могу не повторить усердно: ломайте их волю рано; начинайте это великое дело прежде, чем они смогут самостоятельно ходить, ясно говорить или, быть может, вообще говорить. Каких бы трудов это ни стоило, побеждайте упрямство; сломите волю, если не хотите погубить ребёнка. Заклинаю вас не пренебрегать этим, не откладывать! Итак: (1) С годовалого возраста приучайте ребёнка бояться розги и плакать тихо. Для этого (2) пусть он не получает ничего, чего добивается плачем, совершенно ничего, большого или малого; иначе вы разрушаете собственный труд. (3) Во всяком случае, с этого возраста заставляйте его исполнять приказанное, хотя бы для этого пришлось высечь его десять раз подряд. Пусть никто не убеждает вас, будто поступать так жестоко: жестоко этого не делать. Сломите его волю

теперь — и душа его будет жить, и, вероятно, он станет благословлять вас всю вечность».

[21] 11. Напротив, как ужасны последствия той проклятой доброты, которая даёт детям собственную волю и не склоняет их выю с младенчества! Главным образом поэтому столько религиозных родителей воспитывают совершенно нерелигиозных детей, которые, выросши, не уважают родителей, быть может ни во что не ставят их и готовы выколоть им глаза. Почему, как не потому, что воля их не была сломлена вначале? Потому что с раннего младенчества их не приучали повиноваться родителям во всём и подчиняться их воле, как воле Божией? Потому что с первых проблесков разума их не учили: воля родителей для них — воля Божия, противление ей — бунт против Бога и вход ко всякому нечестию?

[22] II. 1. Этого достаточно для объяснения текста; перехожу к его применению. И прежде всего позвольте обратиться к вам, родителям, как к тем, кому надлежит наставлять детей. Знаете ли вы сами всё это? Вполне ли *вы* убеждены в этих важных истинах? Приняли ли их к сердцу и исполнили ли по отношению к собственным детям? Приучили ли к дисциплине прежде, чем они стали способны воспринимать наставление? Сломили ли их волю с раннего младенчества и продолжаете ли это делать, противясь и природе, и обычаю? Объяснили ли им, как только начало раскрываться разумение, причины такого поведения? Указали ли на волю Божию как единственный закон всякого разумного существа и показали ли, что по воле Божией они должны повиноваться вам во всём? Повторяете ли это вновь и вновь, пока они вполне не поймут? О, никогда не

уставайте от этого труда любви — и труд ваш не останется навсегда тщетным.

[23] 2. По меньшей мере не учите детей непослушанию, награждая за него. Помните: вы делаете это всякий раз, когда даёте что-либо потому, что они плачут. А в этом они способные ученики: если награждать за плач, они непременно заплачут вновь. И этому не будет конца, если вы не сделаете священным правилом не давать ничего, чего они добиваются плачем. Кратчайший путь к этому — никогда не допускать громкого плача. Приучите их к послушанию в одном этом случае, и легко приведёте к послушанию в других. Почему бы не начать сегодня? Несомненно, вы видите более превосходный путь, лучший для ребёнка и лучший для собственной души. Почему же сами не слушаетесь? Потому что вы трусливы, потому что вам недостаёт решимости. И несомненно, здесь требуется немалое терпение, большее, чем когда-либо давала природа. Но благодати Божией довольно для вас; вы всё можете в укрепляющем вас Христе. Этой благодати достаточно, чтобы дать вам и усердие, и решимость; иначе леность станет таким же великим препятствием, как трусость. Без больших усилий вы не победите; ослабевшей рукой ничего не сделать. Трудитесь, не уставайте, полагайте правило на правило, пока терпение не совершит своего дела.

[24] 3. Но есть другое препятствие, которое столь же трудно победить, как леность или трусость. Оно называется слепой нежностью и обычно принимается за любовь; но о, как далеко оно от любви! Это настоящая ненависть, притом самого губительного рода, ведущая к погублению и души, и тела в геенне. О, не уступайте ей больше, ни на мгновение. Всеми силами боритесь против неё ради

любви к Богу, ради любви к детям, ради любви к собственной душе!

[25] 4. Ещё одно слово хочу сказать родителям, особенно матерям. Если вопреки всему сказанному апостолом вы своим примером побуждаете детей «украшать себя золотом, или жемчугом, или многоценной одеждой», вам вместе с ними предстоит низринуться в ров. Но если они делают это, хотя вы подаёте лучший пример, вина всё же и ваша, и их. Ведь даже если вы не надевали на малого ребёнка украшений, которых сами не стали бы носить, — что было бы полным безумием, гораздо менее извинительным, чем надевать их на собственные руки или голову, — вы всё же не приучили его повиноваться с младенчества и не научили этому долгу по меньшей мере с двух лет. Иначе дети не посмели бы сделать ничего, великого или малого, против вашей воли. Поэтому, увидев нарядную дочь просто одетой матери, я сразу вижу, что матери недостаёт либо знания, либо благочестия. Она либо не знает своего долга или долга ребёнка, либо не исполнила того, что знает.

[26] 5. Я ещё не могу оставить эту тему. Мне постоянно больно видеть, как религиозные родители позволяют детям впадать в то же безрассудство нарядов, словно у них совсем нет религии. Во имя Бога, почему вы позволяете им хоть на волос отступать от *вашего* примера? «Но они всё равно так делают». Делают! Чья это вина? Почему вы не сломили их волю с младенчества? Сделайте хотя бы теперь: лучше поздно, чем никогда. Это следовало сделать до двухлетнего возраста; можно сделать в восемь или десять, хотя гораздо труднее. Всё же сделайте теперь и примите трудность как справедливое воздаяние за прежнее небрежение. Теперь по крайней

мере добейтесь своего, чего бы это ни стоило. Не мягкотельничайте; вместо того чтобы удерживать детей крепкой рукой, не говорите, как неразумный Илий: «Нет, дети мои, нехорошая молва, которую я слышу о вас». Но говорите, хотя как можно спокойнее, всё же твёрдо и решительно: «Я хочу, чтобы было так», — и исполняйте сказанное. Усердно внушайте любовь к простой одежде и ненависть к нарядам. Показывайте причину собственной простоты в одежде и объясняйте, что она столь же разумна для них. Бросьте вызов праздности, трусости, неразумной нежности и во что бы то ни стало добейтесь своего; если любите их души, сделайте их столь же простыми, как вы сами, и сохраняйте такими. И заклинаю вас, бабушки, пред Богом: не мешайте дочерям в этом. Не смейте давать ребёнку то, в чём мать отказывает. Никогда не становитесь на сторону детей против родительницы, никогда не порицайте её при них. Если не укрепляете её власть, как должны, хотя бы не ослабляйте; но, если у вас остались разум или благочестие, помогайте ей в деле истинной доброты.

[27] 6. Теперь позвольте обратиться к вам, дети, особенно к детям религиозных родителей. Если у вас нет страха Божия перед глазами, ныне я говорю не о вас; но если он есть, если вы действительно боитесь Бога и желаете угодить Ему, то желаете понять все Его заповеди, особенно пятую. Понимали ли вы её когда-нибудь? Понимаете ли теперь свой долг перед отцом и матерью? Знаете ли, по меньшей мере размышляете ли, что по божественному установлению *их* воля есть закон для *вас*? Рассматривали ли когда-нибудь пределы того послушания родителям, которого требует Бог? «Дети, будьте послушны родителям вашим во всём». Исключение лишь

для недозволенного. Исполняли ли вы долг в таком объёме? Хотели ли когда-нибудь хотя бы исполнить?

[28] 7. Будьте честны с собственными душами. Чиста ли ныне ваша совесть в этом деле? Не делаете ли ничего, о чём знаете, что оно противно воле отца или матери? Никогда ли не делаете ничего, хотя бы сильно к тому склонялись, что он или она запрещают? Воздерживаетесь ли от всего, что им не нравится, насколько позволяет совесть? С другой стороны, заботитесь ли исполнить всё, что велит родитель? Стараетесь ли, изыскиваете ли способы угодить им, сделать их жизнь как можно легче и приятнее? Кто бы ты ни был, присоединяющий это к общему попечению во всём угождать Богу, благословен ты у Господа! «Долги будут дни твои на земле, которую Господь Бог твой даёт тебе».

[29] 8. Но вы, мало заботящиеся об этом, не считающие делом совести повиноваться родителям во всём, а слушающиеся иногда, как случится, иногда же нет; часто делающие то, что они запрещают или не одобряют, и пренебрегающие повеленным, — допустим, вы пробудились от сна, начали чувствовать себя грешниками и взывать к Богу о милости: удивительно ли, что не находите ответа, пока на вас лежит вина нераскаянного греха? Как можете ожидать милости от Бога, пока не повинуетесь родителям? Но допустим, по необыкновенному чуду милосердия вы вкусили прощающей любви Божией: можно ли ожидать, что, хотя вы алчете и жаждете праведности, совершенной любви к Богу, вы когда-либо достигнете её, когда-либо насытитесь ею, пока живёте во внешнем грехе, в сознательном нарушении известного закона Божия, в непослушании родителям? Не удивительно ли скорее то, что Он не отнял

у вас Святого Духа, что всё ещё продолжает бороться с вами, хотя вы непрестанно огорчаете Его Духа? О, больше не огорчайте Его! По благодати Божией с этой минуты повинуйтесь им во всём! Как только придёте домой, как только переступите порог, начните совершенно новый путь. Посмотрите на отца и мать новыми глазами; увидьте в них представителей вашего Небесного Отца. Старайтесь, ищите и радуйтесь возможности угождать им, помогать и во всём повиноваться. Ведите себя не просто как их ребёнок, но как их слуга ради Христа. О, как тогда вы будете любить друг друга — так, как прежде не знали! Бог благословит вас для них и их для вас; все вокруг почувствуют, что Бог поистине с вами. Многие увидят это и прославят Бога, и плод останется, когда и вы, и они упокоитесь на лоне Авраамовом.

О послушании пастырям

[1] «Повинуйтесь начальствующим над вами и будьте покорны: ибо они пекутся о душах ваших как обязанные дать отчёт; чтобы они делали это с радостью, а не со стенанием, ибо это для вас неполезно».

[2] Евр. 13:17.

[3] 1. Чрезвычайно немногие, не только среди христиан по имени, но и среди истинно религиозных людей, имеют ясное представление о важном учении, изложенном здесь апостолом. Очень многие почти не думают о нём и едва знают, что в Библии есть такое наставление. А большинство знающих о нём и воображающих, что следуют ему, не понимают его, но слишком уклоняются либо вправо, либо влево, к той или иной крайности. Хорошо известно, до какой чрезмерной высоты римские католики вообще возводят это предписание. Многие из них считают, что учению, которое передают начальствующие над ними, надлежит безоговорочно верить, а любым их приказаниям — безоговорочно повиноваться. Немногим меньшего требовали некоторые выдающиеся люди Английской церкви. Правда, большинство протестантов склонны впадать в другую крайность, вовсе не признавая за пастырями власти, но делая их и ставленниками, и слугами своих общин. И весьма многие в нашей собственной Церкви согласны с ними в этом, полагая пастырей совершенно зависимыми от народа, который, по их суждению, имеет право не только выбирать, но и направлять своих служителей.

[4] 2. Но разве нельзя найти середину между двумя крайностями? Есть ли необходимость впадать в одну из них? Если оставить человеческие законы в стороне и просто внимать словесам Божиим, мы несомненно обнаружим средний путь в этом важном деле. Для этого тщательно исследуем приведённые выше слова апостола. Рассмотрим:

[5] I. Кто упомянутые в тексте лица, «начальствующие» над нами?

[6] II. Кто те, кому апостол велит «повиноваться и покоряться» им?

[7] III. Что означает это наставление? В каком смысле они должны «повиноваться и покоряться»? Затем я постараюсь надлежащим образом применить всё сказанное.

[8] I. 1. Рассмотрим прежде всего, кто упомянутые в тексте люди, «начальствующие над вами». Я не думаю, что слова апостола переведены верно, поскольку такой перевод делает фразу почти тавтологией. Если они «начальствуют над вами», вы, конечно, подчинены им; следовательно, по этому переводу вам лишь велят делать то, что уже делаете, — повиноваться тем, кому повину́тесь. Но у греческого слова есть другое значение, кажущееся гораздо более подходящим: оно означает не только править, но и *направлять*. По-видимому, именно так его следует понимать здесь. Тогда наставление, применённое к нашим духовным руководителям, становится ясным и уместным.

[9] 2. Это толкование, по-видимому, подтверждается седьмым стихом, который определяет смысл нынешнего: «Поминайте начальствовавших над вами, которые

проповедовали вам слово Божие». Здесь последней частью предложения апостол показывает, кого имел в виду в первой. «Стоявшие над ними» — те же люди, которые «говорили им слово Божие», то есть их пастыри, направлявшие и питавшие эту часть стада Христова.

10 3. Но кем должны назначаться эти руководители? И что, как предполагается, они должны делать, чтобы иметь право на предписанное здесь послушание?

11 Тома за томами написаны по трудному вопросу: *кем должны назначаться руководители душ?* Я не намерен здесь вовсе вступать в спор о церковном устройстве или обсуждать, полезно либо вредно для истинной религии соединение Церкви и государства, существующее со времён Константина во всякой части Римской империи, где было принято христианство. Оставляя эти вопросы, способные доставить достаточно занятия людям с избытком досуга, под «направляющими вас» я понимаю тех, кто делает это если не по вашему выбору, то хотя бы с вашего согласия, кого вы добровольно принимаете как руководителей на пути к небу.

12 4. Но что, как предполагается, они должны делать, чтобы иметь право на предписанное здесь послушание?

13 Предполагается, что они идут впереди стада, как доныне принято у восточных пастухов, и направляют его всеми путями истины и святости; должны «питать его словами вечной жизни», кормить «чистым словесным молоком», непрестанно прилагая слово «для научения», преподавая все содержащиеся в нём существенные учения; «для обличения», предостерегая при уклонении с пути вправо или влево; «для исправления», показывая, как исправить дурное, и возвращая на путь мира; и «для

наставления в праведности», воспитывая во внутренней и внешней святости, «доколе не придут в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова».

14 5. Предполагается, что они «пекутся о душах ваших как обязанные дать отчёт». «Как обязанные дать отчёт!» Как неизреченно торжественны и страшны эти слова! Да напишет их Бог на сердце каждого руководителя душ!

15 Они «бдят», бодрствуют, пока другие спят, над стадом Христовым, над душами, которые Он купил дорогою ценой, приобрёл Своей кровью. Они держат их в сердце и днём и ночью, не ставя в сравнение с ними ни сон, ни пищу. Даже во сне сердце их бодрствует, исполненное заботы о возлюбленных детях. Они «бдят» с глубоким усердием, непрерывной серьёзностью, неутомимой заботой, терпением и прилежанием, как готовящиеся дать отчёт о каждой отдельной душе Тому, Кто стоит у дверей, — Судии живых и мёртвых.

16 II. 1. Во-вторых, нам следует рассмотреть, кто те, кому апостол велит повиноваться начальствующим над ними. Чтобы определить это достоверно и ясно, будем обращаться не к человеческим установлениям, но просто, как при ответе на предыдущий вопрос, к решению, которое находим в словесах Божиих. В самом деле, едва ли есть нужда идти хоть на шаг дальше самого текста. Только прежде уместно убрать с пути некоторые распространённые мнения, почти повсюду принимаемые за несомненные, но никак не доказуемые.

17 2. Обычно, во-первых, полагают, что здесь апостол велит прихожанам повиноваться и покоряться служителю своего прихода. Но может ли кто-нибудь привести из Священного Писания хоть тень доказательства этому? Где

написано, что мы обязаны повиноваться какому-либо служителю потому, что живём в так называемом его приходе? «Да, — скажете вы, — мы обязаны повиноваться всякому человеческому установлению ради Господа». Верно — во всём нравственно безразличном; но это не таково, отнюдь не таково. Кто руководит моей душой — вопрос для меня далеко не безразличный. Я не смею принять руководителем к небу того, кто сам идёт прямой дорогой в ад. Я не смею взять себе пастырем волка, не имеющего даже овечьей одежды, — обычного сквернослова, явного пьяницу, известного нарушителя субботнего покоя. А таковы — тем больший стыд и тем большая жалость! — многие приходские служители в наши дни.

18 3. «Но разве вы не принадлежите по праву к тому собранию, к которому принадлежат родители?» Не думаю, что принадлежу; я не знаю места Писания, обязывающего меня к этому. Я должен со всем почтением относиться к родительским повелениям и охотно повинуюсь им во всём дозволенном. Но недозволенно называть их равви, то есть безусловно верить им или повиноваться. Всякий должен дать Богу отчёт о себе. Поэтому всякий должен судить сам, особенно в столь глубоко важном деле, как выбор руководителя для души.

19 4. Но можно кратко решить вопрос, вернувшись к самим словам текста. Те, кто добровольно связали себя с пастырем, отвечающим данному там описанию, с теми, кто действительно «печётся об их душах как обязанный дать отчёт», кто «питает их словами вечной жизни», кормит «чистым словесным молоком» и постоянно прилагает слово «для научения, обличения, исправления и наставления в праведности», — все нашедшие и

избравшие руководителей такого характера, духа и поведения несомненно призваны апостолом «повиноваться и покоряться» им.

[20] III. 1. Но что означает это наставление? Это и остаётся рассмотреть. В каком смысле и до какой степени апостол велит «повиноваться и покоряться» духовным руководителям?

[21] Если обратить внимание на точное значение двух слов, употреблённых здесь апостолом, заметим, что первое, peithesthe, от peitho, *убеждать*, относится к разумению, а второе, hypeikete, — к воле и внешнему поведению. Начнём с первого. Какое влияние должны иметь духовные руководители на наш разум? Мы не смеем называть духовных отцов равви так же, как не смеем называть этим именем отцов по плоти. Не смеем оказывать первым безусловную веру более, чем последним. В этом смысле один у нас Наставник, или, вернее, Учитель, Сущий на небесах. Но всякое подчинение, даже разумения, не достигающее этой границы, мы можем, более того — должны, оказывать им.

[22] 2. Поясним несколько подробнее. Святой Иаков употребляет слово, близко родственное первому из них: «Мудрость, сходящая свыше, есть eupeithes», то есть *легко поддающаяся убеждению* или увещанию. Если мы должны иметь и проявлять эту мудрость ко всем людям, то в более высокой степени должны иметь её и при всяком случае проявлять к тем, кто «печётся о наших душах». К ним преимущественно перед всеми другими следует быть «уступчивыми», легко убеждаться во всякой истине и легко склоняться ко всему, что не греховно.

[23] 3. Почти равнозначное слово часто употребляет святой Павел: epieikes. В нашем переводе оно не раз передано как *кроткий*. Но, быть может, точнее было бы перевести, если такое слово допустимо, *уступчивый*, готовый *уступить*, отказаться от собственной воли во всём, что не является обязанностью. Этим любезным нравом обладает всякий истинный христианин и проявляет его в общении со всеми людьми. Но особенно — по отношению к пекущимся о его душе. Он не только готов принять от них всякое наставление, убедиться в том, чего прежде не знал, оставаясь открытым их совету и с радостью принимая увещание или обличение, но и готов отречься от собственной воли, когда может сделать это с чистой совестью. Всё, что они желают, чтобы он сделал, он делает, если это не запрещено Словом Божиим. От всего, от чего они желают, чтобы он воздержался, он воздерживается, если это не предписано Словом Божиим. Это заключено в словах апостола: «Покоряйтесь им»; уступайте им, отказывайтесь от собственной воли. Это подобает, справедливо и составляет ваш непременный долг, если они действительно пекутся о душах ваших как обязанные дать отчёт. Если вы таким образом «повинуетесь и покоряетесь» им, они дадут о вас отчёт «с радостью, а не со стенанием», как иначе вынуждены были бы сделать; ибо, хотя бы они были чисты от вашей крови, всё же «это было бы для вас неполезно», более того — преддверием вечного осуждения.

[24] 4. Как угоден Богу был отчасти подобный пример послушания! Подробное и обстоятельное повествование о нём содержится в тридцать пятой главе Иеремии. «Было слово Господне к Иеремии: пойди в дом рехавитов и дай им пить вина. Тогда взял я весь дом рехавитов», всех глав их семейств, «и поставил перед ними чаши, полные вина,

и сказал: пейте вино. Но они сказали: мы вина не пьём, ибо Ионадав», великий человек времён царствования Иуя, «сын Рехава», от которого мы носим имя, поскольку он отец нашего рода, «заповедал нам: не пейте вина ни вы, ни дети ваши вовек. И мы послушались голоса Ионадава, отца нашего, во всём, что он заповедал». Мы не знаем особой причины, по которой Ионадав дал потомкам такое повеление. Но, поскольку оно не было греховным, они явили сильное свидетельство благодарности великому благодетелю. А насколько это было угодно Отцу их духов, мы узнаём из следующих слов: «И сказал Иеремия рехавитам: за то, что вы послушались голоса Ионадава, отца вашего, так говорит Господь Саваоф: не отнимется у Ионадава муж, предстоящий пред лицом Моим во все дни».

25 5. Несомненно, христиане должны не меньшие благодарность и послушание пекущимся об их душах, чем дом рехавитов когда-либо был должен Ионадаву, сыну Рехава. И мы не можем сомневаться, что Богу столь же угодно наше послушание им, как некогда послушание рехавитов Ионадаву. Если Ему столь угодны были благодарность и послушание этого народа земному благодетелю, не имеем ли мы всякого основания верить, что Ему не менее угодны благодарность и послушание христиан тем, через кого они получают гораздо большие благословения, нежели Ионадав когда-либо передал потомкам?

26 6. Полезно ещё раз рассмотреть, в каких случаях христиане обязаны повиноваться и покоряться пекущимся о душах. То, что они предписывают, должно быть либо предписано Богом, либо запрещено Им, либо нравственно безразлично. В запрещённом Богом мы не

смеем им повиноваться, ибо должны повиноваться Богу более, нежели человеку. В предписанном Богом мы, собственно, повинуемся не *им*, а нашему общему Отцу. Поэтому, если вообще должны повиноваться им, то именно в безразличных вещах. Суть такова: всякий частный христианин обязан повиноваться своему духовному пастырю, делая или не делая что-либо безразличное по природе, что-либо никак не определённое в слове Божием.

[27] 7. Но как мало это понимают в протестантском мире, по меньшей мере в Англии и Ирландии! Кто даже среди почитаемых добрыми христианами помышляет о существовании такой обязанности? Между тем ни в Ветхом, ни в Новом Завете нет более ясного повеления. Никакие слова не могут быть яснее и проще, никакая заповедь — прямее и определённее. Поэтому несомненно: никто, принимающий Писание как слово Божие, не может постоянно нарушать её и утверждать свою невиновность. Такое умышленное или по меньшей мере небрежное непослушание должно огорчать Святого Духа Божия. Оно не может не препятствовать полному действию благодати Божией на сердце. Весьма возможно, именно это непослушание служит одной из причин омертвения многих душ, одной из причин, почему они не получают благословений, которых ищут с некоторой степенью искренности.

[28] 8. Остаётся лишь кратко применить изложенное.

[29] Вы, читающий это, применяете ли сказанное к себе? Испытываете ли себя по нему? Не *вы* ли сами останавливаете своё возрастание в благодати — если не сознательным непослушанием этой заповеди, то небрежным невниманием к ней, отказом размышлять о

ней так, как заслуживает её важность? Если так, вы лишаете себя многих благословений, которыми могли бы наслаждаться. Или ваши мысли лучше, дух превосходнее? Твёрдо ли вы решились и постоянно ли стараетесь «повиноваться начальствующим над вами в Господе», так же охотно покоряться духовным родителям, как природным? Спрашиваете: «В чём следует им покоряться?» Ответ уже дан: не в предписанном Богом, не в запрещённом Им, но в безразличном — во всём, что словеса Божии не определили ни так, ни иначе. Правда, в некоторых случаях это невозможно без значительного самоотречения, когда вам советуют воздержаться от приятного плоти и крови. В других случаях повиноваться невозможно без взятия креста, без перенесения некоторой боли или неудобства, неприятных плоти и крови. Ибо здесь, как и в тысяче других случаев, действует торжественное изречение Господа: «Если человек не отвергнется себя и не возьмёт ежедневно свой крест, не может быть Моим учеником». Но это не устрашит вас, если решились быть не почти, а вполне христианином, если намерены подвизаться добрым подвигом веры и держаться вечной жизни.

30 9. Теперь особенно хотел бы обратиться к *вам*, желающим, чтобы *я* пёкся о ваших душах. Считаете ли *вы* делом совести повиноваться мне ради моего Учителя, покоряться *мне* в безразличном, не определённом Словом Божиим, во всём, что Писанием ни предписано, ни запрещено? «Легко ли вы поддаётесь увещанию» — как со стороны людей вообще, так с моей стороны в особенности? Легко ли убеждаетесь во всякой истине, как бы ни противоречила прежним предубеждениям? Легко ли склоняетесь по *моему* желанию делать или оставлять какую-либо безразличную вещь? Вы не можете не видеть,

что всё это ясно заключено в самих словах текста. И не можете не признать, что для вас это весьма разумно, если я действительно употребляю всё время, всё достояние, все силы тела и души не на поиски собственной славы или удовольствия, но на содействие вашему нынешнему и вечному спасению, если действительно «пекусь о душах ваших как обязанный дать отчёт».

[31] 10. Принимаете ли вы тогда мой совет — спрашиваю в присутствии Бога и всего мира — относительно *одежды*? Я опубликовал его более тридцати лет назад и с тех пор повторял тысячу раз. Я советовал вам не сообразоваться в этом с миром, отложить все ненужные украшения, избегать всех ненужных расходов, быть образцом простоты для окружающих. Приняли ли совет? Все ли вы, мужчины и женщины, молодые и старые, богатые и бедные, отложили ненужные украшения, против которых я особо возражал? Все ли образцово просты в одежде, столь же просты, как так называемые квакеры или моравские братья? Если нет, если вы всё ещё одеты, как большинство людей вашего положения и достатка, вы тем заявляете всему миру, что не желаете повиноваться стоящим над вами в Господе. Вы открыто бросаете вызов Богу и человеку, заявляя, что не желаете *покоряться* им. Многие носят грехи на челе, открыто, при свете солнца. Вы ожесточаете сердца против наставления и убеждения. Вы ожесточаете друг друга, особенно те, кто некогда был убеждён, а теперь заглушил убеждение. Вы поощряете друг друга закрывать уши от истины и глаза от света, чтобы случайно не увидеть, что воюете против Бога и собственных душ. Если бы ныне я был призван дать о вас отчёт, это было бы «со стенанием, а не с радостью». И конечно, это было бы «неполезно для вас»: утрата пала бы на ваши головы.

32 11. Всё это я говорю при предположении, хотя предполагать так и нельзя, будто Библия молчит об этом, будто Писание ничего не говорит об *одежде* и оставляет её на усмотрение каждого. Но если бы все другие тексты молчали, довольно этого: «Покоряйтесь стоящим над вами в Господе». Я возлагаю это на вашу совесть пред лицом Бога. Пусть даже только в послушание этому наставлению, вы не можете быть чисты пред Богом, если не отбросите ненужных украшений, решительно бросив вызов тирании глупцов — *моде*, если не станете искать украшения лишь в добрых делах, как подобает мужчинам и женщинам, исповедующим благочестие.

33 12. Быть может, вы скажете: «Это лишь малая вещь, простой пустяк». Отвечаю: если так, тем менее вы извинительны пред Богом и человеком. Как! Ради *простого пустяка* вы не повинуетесь ясной заповеди Божией? Да не будет! Разве пустяк — грешить против Бога, ни во что ставить Его власть? Разве это малая вещь? Нет, помните: малого греха быть не может, пока мы не найдём малого Бога! Между тем будьте уверены в одном: чем добросовестнее вы повинуетесь духовным руководителям, тем могущественнее Бог приложит к сердцу слово, которое они говорят во имя Его. Тем обильнее оросит сказанное росой благословения и тем больше доказательств вы получите, что говорят не только они, но Дух вашего Отца, говорящий в них.

О посещении больных

[1] «Был болен, и вы посетили Меня».

[2] Мф. 25:36.

[3] 1. Обычно полагают, что средства благодати и установления Божии — равнозначные выражения. Под этим выражением мы обыкновенно понимаем то, что принято называть делами благочестия: слушание и чтение Писания, участие в Вечере Господней, общую и личную молитву и пост. Несомненно, это обычные пути, по которым благодать Божия сообщается человеческим душам. Но единственные ли это средства благодати? Нет ли иных средств, через которые Богу угодно часто, даже обыкновенно, сообщать благодать любящим или боящимся Его? Несомненно, существуют дела милосердия, как и дела благочестия, являющиеся подлинными средствами благодати. Особенно они таковы для совершающих их с чистым оком. А пренебрегающие ими не получают той благодати, какую иначе могли бы получить. Более того, продолжительным пренебрежением они утрачивают и уже полученную благодать. Не поэтому ли многие, некогда крепкие в вере, ныне слабы и малодушны? И всё же не сознают, откуда эта слабость, поскольку не пренебрегают ни одним установлением Божиим. Но они могли бы увидеть её источник, если бы серьёзно обдумали описание всех истинных верующих у святого Павла: «Мы — Его творение, вновь созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять» (Еф. 2:10).

[4] 2. Хождение в этих делах существенно необходимо и для сохранения веры, посредством которой мы уже спасены благодатью, и для достижения вечного спасения. В этом нельзя сомневаться, если серьёзно помнить, что это слова Самого великого Судии: «Придите, благословенные дети Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира. Ибо Я был голоден, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; наг, и вы одели Меня; болен, и вы посетили Меня; был в темнице, и вы пришли ко Мне» (Мф. 25:34). «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из меньших сих братьев Моих, то сделали Мне». Если это не убеждает вас, что постоянство в делах милосердия необходимо для спасения, рассмотрите, что Судия всех говорит стоящим слева: «Идите, проклятые, в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его; ибо Я был голоден, и вы не дали Мне есть; жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и вы не приняли Меня; наг, и вы не одели Меня; болен и в темнице, и вы не посетили Меня. Так как вы не сделали этого одному из меньших сих, то не сделали Мне». Вы видите: даже за одно это они должны «отойти» от Бога «в муку вечную».

[5] 3. Не странно ли, что эту важную истину столь мало понимают или по меньшей мере она столь мало влияет на поведение боящихся Бога? Если это изображение верно, если Судия всей земли говорит правду, то лишь те, кто по своим силам и возможностям кормит голодных, поит жаждущих, одевает нагих, помогает странникам, посещает заключённых, «наследуют вечное Царство». А не делающие этого «пойдут в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его».

[6] 4. Ныне я намерен ограничить беседу одним из этих дел — посещением больных: ясной обязанностью, которую все здоровые люди могут исполнять в большей или меньшей мере, но которой, однако, почти повсеместно пренебрегают даже исповедующие любовь к Богу. В отношении этого я хотел бы исследовать:

[7] I. Что заключено в посещении больных?

[8] II. Как его следует совершать? И

[9] III. Кому?

[10] I. Во-первых, я хотел бы исследовать природу этой обязанности: что заключено в «посещении больных»?

[11] 1. Под больными я понимаю не только прикованных к постели или больных в самом строгом смысле. Скорее хотел бы включить всех находящихся в скорби, душевной или телесной, добрых или злых, боящихся Бога или нет.

[12] 2. «Но нужно ли посещать их лично? Разве нельзя помогать издали? Разве послать помощь не достигает той же цели, что принести самому?» Многие находятся в обстоятельствах, не позволяющих лично ухаживать за больными; и когда это действительно так, несомненно, достаточно посылать помощь, поскольку иного средства у них нет. Но это, собственно, не посещение больных, а другое дело. Слово, которое мы передаём как *посещать*, в буквальном смысле означает *взглянуть*. А этого, как вы хорошо знаете, нельзя сделать, не находясь рядом. Поэтому послать помощь — совершенно не то же самое, что посетить. Первое надлежит делать, но и второго не оставлять.

[13] «Но я посылаю к больным врача, а он может принести им больше пользы, чем я». В одном отношении может:

больше пользы телесному здоровью. Но он не может принести больше пользы душам, имеющим бесконечно большее значение. А если бы и мог, это не оправдывает *вас*: его посещение не исполнит *вашего* долга. И *вам* оно не принесёт той же пользы, если вы не увидите больных собственными глазами. Не делая этого, вы теряете средство благодати, превосходное средство умножить благодарность Богу, избавляющему вас от этой боли и болезни и сохраняющему здоровье и силы, а также умножить сочувствие страждущим, доброжелательство и все чувства к ближним.

14 3. Одна из главных причин, почему богатые вообще так мало сочувствуют бедным, заключается в том, что они так редко их посещают. Потому и выходит, по общему замечанию, что одна часть мира не знает, что терпит другая. Многие не знают, потому что не желают знать: избегают возможности узнать, а затем оправдывают добровольным неведением жестокосердие. «В самом деле, сударь, — сказал один весьма состоятельный человек, — я очень сострадателен. Но, признаться, не знаю никого на свете, кто терпел бы нужду». Как это получилось? Он тщательно старался не встречаться с такими людьми, а если случайно наталкивался на кого-нибудь из них, «проходил по другой стороне».

15 4. Как противоположны этому дух и поведение даже самых высокопоставленных людей соседней страны! В Париже дамы высшего круга, даже принцессы королевской крови, члены царствующего дома, постоянно посещают больных, особенно пациентов Большой больницы. И они не только заботятся облегчить нужды, если требуется что-нибудь сверх предоставленного, но прислуживают у постелей, перевязывают язвы,

выполняют самые низкие услуги. Вот образец для англичан — бедных и богатых, незнатных и почётных! Много лет мы обильно подражали французскому безрассудству; давайте хоть раз последуем их мудрости и добродетели, достойным подражания всего христианского мира. Пусть английские дамы, даже графини, не стыдятся подражать этим принцессам королевской крови! Вот мода, делающая честь человеческой природе. Она началась во Франции; но не дай Бог ей там и закончиться!

[16] 5. И если ваша щепетильность не позволяет подражать этим поистине достойным дамам, уничижаясь подобно им и исполняя для больных самые низкие услуги, вы всё же можете, не смиряясь настолько, снабжать их всем нужным. И можете оказать помощь более превосходного рода, восполняя духовные нужды: наставляя, если им нужно такое наставление, в первых началах религии; стараясь показать опасное состояние, в котором они находятся через грех под гневом и проклятием Божиим; указывая на «Агнца Божия, берущего на Себя грехи мира». Помимо этого общего наставления у вас будет много возможностей утешить терпящих телесную боль и душевную скорбь, укрепить малодушных, оживить ослабевших и утомлённых, назидать уверовавших и ободрять их «идти к совершенству». Но всё это следует делать лично: как видите, поручить такое другому нельзя. Или допустим, через другого вы могли бы оказать больному то же облегчение; всё же сами не получили бы той же пользы, не приобрели бы такого возрастания в смирении, терпении, нежности духа, сочувствии страждущим, какое получили бы, помогая лично. И не получили бы равного воздаяния в воскресение праведных, когда «каждый получит свою награду по своему труду».

17 II. 1. Перехожу, во-вторых, к вопросу: как посещать больных? Каким образом этот труд любви можно совершать наиболее действенно? Как сделать это к наибольшей славе Божией и пользе ближнего? Но ещё прежде, чем приступите к делу, следует глубоко убедиться, что вы сами совершенно недостаточны для него: у вас нет ни достаточной благодати, ни достаточного разумения, чтобы исполнить его наилучшим образом. Это убедит в необходимости обращаться за силой к Сильному и за мудростью прибегать к Отцу светов, Подателю всякого доброго дара, всегда помня: «Есть в человеке дух, дающий мудрость, и вдохновение Святого, дающее разумение». Поэтому всякий раз, собираясь приступить к делу, усердной молитвой ищите Его помощи. Взывайте о всецелом духе смирения, чтобы, если гордость украдкой проникнет в сердце и вы припишете что-либо себе, стараясь спасти других, не погубить собственную душу. Перед делом и во время него, от начала до конца, пусть сердце ожидает от Него непрерывного дарования кротости и мягкости, терпения и долготерпения, чтобы вы никогда не гневались и не унывали, какое бы обращение ни встретили — грубое или мягкое, доброе или недоброе. Не смущайтесь глубоким невежеством одних, тупостью и поразительной непонятливостью других; не удивляйтесь раздражительности или упрямству, отсутствию улучшения после всех ваших стараний, даже тому, что некоторые возвращаются к погибели и становятся хуже прежнего. Всё же свидетельство о вас у Господа, и награда ваша у Всевышнего. [83]

18 2. Что касается особого способа обращения с больными, не нужно связывать себя каким-либо одним: можно постоянно менять подход согласно

обстоятельствам. Но обычно полезно начинать с расспросов о внешнем положении. Можно узнать, есть ли необходимое для жизни, достаточно ли пищи и одежды; если холодно, есть ли топливо; получают ли нужный уход и надлежащие советы относительно телесного недуга, особенно если он опасен. В некоторых отношениях вы сами сможете помочь, а тех, кто может больше, побудить восполнить недостаток вашего служения. Применительно к себе вы могли бы справедливо сказать: «Просить стыжусь»; но никогда не стыдитесь просить для бедных, более того — будьте здесь неотступным просителем, не легко принимайте отказ. Употребляйте всё своё искусство, разумение и влияние, одновременно уповая на Того, в Чьих руках сердца всех людей.

19 3. Тогда вы легко различите, какую добрую услугу можете оказать собственными руками. Правда, большинство необходимых дел окружающие больного могут сделать лучше вас. Но в чём-то у вас может быть больше умения или опыта; если так, пусть щепетильность или чувство достоинства не становятся преградой. Помните Его слово: «Так как вы сделали это одному из меньших сих, то сделали Мне», — и не считайте ничего слишком низким для служения Ему. Радуйтесь возможности уничижиться ради Него!

20 4. Эти малые труды любви проложат путь к делам большей важности. Показав заботу о теле, можно перейти к расспросам о душе. Здесь перед вами широкое поле, простор для употребления всех дарований, данных Богом. Нельзя ли начать вопросом: «Думали ли вы когда-нибудь, что Бог управляет миром, что Его промысл над всем и над *вами* в особенности? Может ли тогда что-либо случиться с вами без Его ведома или без Его намерения обратить это

вам во благо? Он знает все ваши страдания, всю боль, видит все нужды. Видит не только скорбь вообще, но каждое отдельное её обстоятельство. Разве Он не взирает с небес и не располагает всё это к вашей пользе?» Затем можно узнать, знаком ли человек с общими началами религии. После этого с любовью и кротостью исследовать, была ли жизнь согласна с ними: был ли он явным, бесстыдным грешником или имел вид благочестия. Далее посмотрите, знает ли он что-либо о его силе, о поклонении Богу «в духе и истине». Если нет, старайтесь объяснить: «Без святости никто не увидит Господа», — и: «Если человек не родится свыше, не может увидеть Царства Божия». Когда он начнёт понимать природу святости и необходимость нового рождения, тогда можно настойчиво призывать к «покаянию перед Богом и вере в Господа нашего Иисуса Христа».

[21] 5. Когда обнаружите, что кто-либо начинает бояться Бога, уместно дать ему одну за другой несколько простых книжиц, например «Наставления христианам», «Пробудись, спящий» и «Природа и цель христианства». При следующем посещении можно спросить, что он прочёл, что запомнил и что понял. Тогда придёт время усилить понятое и, если возможно, запечатлеть в сердце. Каждую встречу непременно заканчивайте молитвой. Если вы пока не можете молиться без готового текста, пользуйтесь молитвами, составленными господином Спинксом или другим благочестивым автором. Но чем раньше преодолеете эту робость, тем лучше. Просите Бога, и Он отверзет ваши уста.

[22] 6. Наряду с более важными уроками, которым вы стараетесь учить всех посещаемых бедных, делом милосердия было бы научить их ещё двум вещам, обычно

мало им знакомым: трудолюбию и чистоте. Один благочестивый человек сказал: «Чистота — рядом с благочестием». Действительно, её недостаток позорит всякую религию, давая повод злословить путь истины. А без трудолюбия мы непригодны ни для нынешнего, ни для грядущего мира. В отношении обоих: «Всё, что может рука твоя делать, по силам делай».

[23] III. 1. Третий вопрос: кто должен исполнять эту обязанность? Ответ готов: все желающие «наследовать Царство» своего Отца, «уготованное от создания мира». Ибо так говорит Господь: «Придите, благословенные, наследуйте Царство, ибо Я был болен, и вы посетили Меня». А стоящим слева: «Идите, проклятые, ибо Я был болен, и вы не посетили Меня». Не означает ли это ясно, что как все исполняющие это «благословенны» и «наследуют Царство», так все не исполняющие «прокляты» и «пойдут в огонь вечный»?

[24] 2. Поэтому все желающие избежать вечного огня и наследовать вечное Царство одинаково обязаны по мере сил исполнять этот важный долг. Он равно лежит на молодых и старых, богатых и бедных, мужчинах и женщинах сообразно их способности. Никто, если желает спасти собственную душу, не настолько юн, чтобы быть освобождённым от помощи ближним. Никто, если только не лишён самого необходимого, не настолько беден, чтобы не быть призванным сделать большее или меньшее, в любое свободное время, ради облегчения и утешения страждущих собратьев.

[25] 3. Но «богатые в нынешнем веке», имеющие больше жизненных удобств, особенно призваны Богом к этому благословенному делу и направлены к нему Его милостивым Промыслом. Поскольку вам не нужно

трудиться ради хлеба, время находится в вашем распоряжении. Поэтому можно ежедневно отводить часть его этому труду любви. Если возможно, гораздо лучше назначить определённый час, ибо, как мы говорим, *«в любое время»* значит *«ни в какое время»*, и без настоятельной необходимости не занимать его другим делом. Также общественное положение даёт вам особое преимущество перед многими. Будучи выше их по рангу, вы уже поэтому имеете больше влияния. Нижестоящие естественно смотрят на вас с некоторым почтением. А снисхождение, проявляемое посещением, заранее располагает их в вашу пользу, склоняет внимательно слушать и охотно принимать сказанное. В полной мере употребляйте эту расположенность на благо и душ, и тел. Будучи глазами слепому, ногами хромому, мужем вдове и отцом сироте, смотрите, чтобы постоянно держать в виду высшую цель — спасение душ от смерти — и старайтесь подчинить этой великой цели всё сказанное и сделанное.

[26] 4. «Но имеют ли сами бедные какую-либо часть и жребий в этом деле? Обязаны ли и они посещать больных? Что могут они дать другим, когда им самим едва хватает удобств, а может быть, и самого необходимого для жизни?» Но даже если так, им вовсе не следует лишать себя благословения, сопутствующего исполнению этой обязанности. И они могут помнить прекрасное правило: «Пусть наши удобства уступают нуждам ближнего, а наши нужды — его крайней беде». Немногие настолько бедны, что не могут иногда подать «две лепты»; но если и этого они не могут, если им нечего дать деньгами, разве не могут они дать нечто более ценное? Да, более ценное, чем тысячи золота и серебра. Если вы говорите «во имя Иисуса Христа Назорея», разве слова ваши не могут стать здравием для души и туком для костей? Неужели вам

нечего им дать? Нет, преподавая им благодать Божию, вы даёте больше, чем стоит весь этот мир. Продолжай, продолжай, бедный ученик бедного Учителя! Поступай, как Он поступал во дни плоти Своей! При всякой возможности ходи, благотворя и исцеляя всех, угнетаемых диаволом, ободряя их сбросить его цепи и немедленно прибегнуть к Тому,

27 Кто узников на волю отпускает
И с шеи их железный гнёт снимает.

28 Прежде всего дарите им ваши молитвы. Молитесь вместе с ними; молитесь за них; и кто знает, не спасёте ли вы души их от смерти?

29 5. Вы, *старики,* чьи ноги готовы споткнуться на тёмных горах, разве не можете сделать ещё немного добра, прежде чем отойдёте и вас уже не увидят? О, помните:

30 Коль старость наступила, жить пора:
Остаток жизни обратить во благо,
Последним достояньем мудро распорядиться!

31 Поскольку вы прожили много лет, можно надеяться, что вы приобрели знания, полезные другим. Вы, несомненно, лучше знаете людей, а это знание обычно покупается дорогою ценой опыта. С теми силами, которые у вас остались, употребите немногие свободные мгновения на служение тем, кто слабее вас. Ваши седины непременно придадут вам авторитет и вес вашим словам. Чтобы привлечь их внимание, вы нередко можете сказать:

32 Поверь мне, юноша: я сведущ в скорбях
И под бременем более шестидесяти лет стенаю.

33 Вы и сами часто страдали; быть может, страдаете и теперь. Тем более окажите им всякую помощь, какую

можете, и для души, и для тела, прежде чем они и вы уйдёте туда, откуда уже не возвратитесь.

[34] 6. С другой стороны, вы, *молодые,* обладаете несколькими преимуществами, почти исключительно свойственными вам. Обычно у вас есть бодрость духа и живость нрава, благодаря которым вы, по благодати Божией, охотно берётесь за многие добрые дела и способны совершить их, тогда как другие пали бы духом. Есть у вас и телесное здоровье и сила, делающие вас особенно пригодными помогать больным и немощным. Вы способны поднять и понести кресты, которых следует ожидать на этом пути. Итак, употребите всю крепость тела и ума на служение страждущим братьям вашим. Благословляйте Бога за то, что можете отдать эти силы столь почётному служению, подобно тем небесным «служителям Его, исполняющим волю Его», которые непрестанно служат наследникам спасения.

[35] 7. «Но разве *женщины,* как и мужчины, не могут участвовать в этом почётном служении?» Несомненно, могут; более того, должны: это подобает им, это справедливо и составляет их непременный долг. Здесь нет различия: «нет мужеского пола, ни женского во Христе Иисусе». Правда, многие издавна принимают за правило, что «женщин следует только видеть, а не слышать». Соответственно, многих из них воспитывают так, словно они предназначены лишь быть приятными игрушками! Но разве этим оказывают честь женскому полу? Разве это подлинная доброта к ним? Нет, это величайшая недоброта, ужасная жестокость, чистое турецкое варварство. И я не знаю, как хоть одна разумная и мужественная женщина может этому покориться. Все вы, у кого есть такая возможность, отстаивайте право, данное

вам Богом природы. Не подчиняйтесь больше этому низкому рабству. Вы, как и мужчины, — разумные создания. Вы, как и они, сотворены по образу Божию; вам в равной мере предстоит бессмертие; и вас Бог призывает, пока есть время, «делать добро всем». Не будьте «непокорны небесному призванию». При всякой возможности делайте всё добро, какое можете, особенно вашему бедному, больному ближнему. И каждая из *вас* также «получит *свою* награду по *своему* труду».

[36] 8. Хорошо известно, что в первенствующей Церкви были

[37] женщины, особо поставленные на это дело. И действительно, одна или несколько таких женщин были в каждой христианской общине под небом. Их тогда называли диаконисами, то есть служительницами: служительницами Церкви и её великого Господина. Такова была Фива, о которой упоминает святой Павел в Рим. 16:1, «диакониса церкви Кенхрейской». Правда, большинство из них составляли женщины в летах, весьма опытные в деле Божием. Но были ли молодые совершенно отстранены от этого служения? Нет; нет нужды отстранять их и теперь, если только они знают, в Кого уверовали, и святостью во всех поступках показывают святость своего сердца. Такою диаконисой, если она соответствовала своему изображению, была Миранда господина Лоу. Разве кто-нибудь стал бы возражать против того, чтобы она посещала больных и бедных и помогала им, потому что она женщина, притом молодая? Желает ли кто-нибудь из вас, молодых, идти по её стопам? Есть ли у вас приятная наружность, обходительность? Тем лучше, если вы всецело преданы Богу. Если око ваше чисто, Он употребит и это, чтобы слова ваши проникали

глубже. И сколько благословений может возвратиться в ваше собственное сердце, пока вы служите другим! Благодаря этому может исчезнуть ваша природная легкомысленность; вы можете исцелиться от пристрастия к пустякам; дурные расположения исправятся; злые привычки ослабеют и наконец будут искоренены; и вы приготовитесь украшать учение Бога, Спасителя нашего, во всех будущих обстоятельствах жизни. Только будьте очень осмотрительны, посещая людей другого пола или беседуя с ними, чтобы с той или другой стороны не возникла сердечная привязанность и вы не обрели проклятие вместо благословения.

[38] 9. Итак, поскольку к этому долгу призваны все мы — богатые и бедные, молодые и старые, мужчины и женщины (и хорошо было бы родителям приучать к нему детей, как приучают их молиться и ходить в церковь), довольно того, что в прошлом почти все мы, словно по общему согласию, пренебрегали им. О, как необходимо каждому из нас сказать: «Господи, прости мои грехи неисполненного долга!» Что ж, во имя Божие, с нынешнего дня по общему согласию примемся за него. И прошу вас, никогда не забывайте: этот долг нельзя исполнить через посредника, за одним лишь исключением — если собственная боль или немощь лишают вас такой возможности. Только в этом случае довольно послать ту помощь, которую иначе вы оказали бы сами. Начните, дорогие братья мои, начните сейчас; иначе нынешнее впечатление изгладится, и, возможно, никогда уже не возвратится! Каков же будет исход? Вместо слов: «Приидите, благословенные! — Ибо Я был болен, и вы посетили Меня», — вам придётся услышать страшный приговор: «Идите, проклятые! — Ибо Я был болен, и вы не посетили Меня!»

Награда праведных

[1] Произнесена перед Обществом спасения утопающих

[2] «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира».

[3] Мф. 25:34.

[4] 1. Одного разума довольно, чтобы убедить всякого беспристрастного исследователя, что Бог «ищущим Его воздаёт». Уже один разум учит его говорить: «Подлинно есть награда праведнику»; «есть Бог, судящий на земле». Но как мало собственными силами разум сообщает нам о подробностях, заключённых в этой общей истине! Как не видел глаз и не слышало ухо, так и сердцу нашему невозможно было своими естественными силами представить обстоятельства того страшного дня, когда Бог будет судить мир. Такое знание мог дать лишь Сам великий Судия. И какое изумительное снисхождение — то, что Творец, Правитель, Господь, Судия всех благоволил столь ясно и подробно рассказать нам об этом торжественном событии! Если учёный язычник признал возвышенность Моисеева повествования о творении, что сказал бы он, услышав этот рассказ о Сыне Человеческом, грядущем во славе Своей? Здесь действительно нет ни вымученной пышности слов, ни украшений речи. Они не приличествовали бы ни Говорящему, ни предмету. Но какое невыразимое величие мысли! Взгляните: Он «грядёт на облаках небесных, и все ангелы с Ним»!

Взгляните: Он «сидит на престоле славы Своей, и все народы собраны пред Ним»! И разве не отделит Он их, поставив добрых по правую руку, а злых — по левую? «Тогда скажет Царь». — С какой поразительной точностью меняется здесь наименование! «Сын Человеческий» нисходит судить сынов человеческих. «Царь» раздаёт награды и наказания послушным или мятежным Своим подданным. — «Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира».

[5] 2. «Уготованное вам от создания мира». — Но согласуется ли это с распространённым предположением, будто Бог сотворил человека лишь затем, чтобы заполнить престолы, оставленные восставшими ангелами? Не указывает ли это скорее на то, что Он сотворил бы человека, даже если бы ангелы никогда не пали? Ведь Царство для Своих человеческих детей Он приготовил тогда, когда полагал основание земли.

[6] 3. «Наследуйте Царство» — как «наследники Божии и сонаследники» Его возлюбленного Сына. Оно принадлежит вам по праву, ибо Я приобрёл вечное искупление для всех, кто послушен Мне; и вы были послушны Мне во дни плоти вашей. Вы «веровали в Отца и в Меня». Вы любили Господа Бога вашего, и эта любовь побуждала вас любить весь человеческий род. Вы пребывали в вере, действующей любовью. Вы показали свою веру делами. «Ибо Я алкал, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; наг, и вы одели Меня; был болен и в темнице, и вы пришли ко Мне».

[7] 4. Но в каком смысле следует понимать дальнейшие слова: «Господи, когда мы видели Тебя алчущим и накормили или жаждущим и напоили?» Их нельзя понимать буквально; они не могут ответить именно этими словами, ибо невозможно, чтобы им было неизвестно, что Бог действительно действовал через них. Не ясно ли тогда, что эти слова следует понимать иносказательно? И могут ли они означать что-либо иное, кроме того, что всё ими сделанное покажется им ничем, словно исчезнет при взгляде на то, что Бог, их Спаситель, сделал и претерпел ради них?

[8] 5. Но «Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Какое изречение! Оно достойно вечной памяти. Да напишет его перст живого Бога на всех наших сердцах! Исходя из него, я хотел бы, во-первых, высказать несколько размышлений о добрых делах вообще; во-вторых, особо рассмотреть то учреждение, для поддержки которого мы теперь собрались; и, в-третьих, сделать краткое приложение к нам самим.

[9] I. 1. И прежде всего я хотел бы высказать несколько размышлений о добрых делах вообще.

[10] Я знаю, что многие, даже серьёзные люди, с подозрением относятся ко всему сказанному на эту тему; более того, когда кто-либо настойчиво подчёркивает необходимость добрых дел, они принимают за несомненное, что говорящий так находится лишь в одном шаге от папизма. Но должны ли мы из страха перед этим или иным упрёком воздерживаться от проповеди «истины, какова она в Иисусе»? Должны ли мы по каким-либо соображениям уклоняться от возвещения «всей воли Божией»? Нет; если даже лжепророк мог произнести

торжественное слово, тем более могут служители Христовы сказать: «Не можем преступить слова Господня, чтобы сказать что-либо большее или меньшее!»

11 2. Не достойно ли сожаления, что кто-либо из боящихся Бога желает, чтобы мы поступали иначе, и что, сами говоря иначе, они дают повод злословить путь истины? Я разумею, в особенности, путь спасения верой, который именно по этой причине многие разумные люди презирают и даже считают отвратительным. Уже более сорока лет прошло с тех пор, как несколько священнослужителей Церкви Англии начали открыто возвещать великое библейское учение: «Благодатью вы спасены через веру». Вскоре некоторые, услышавшие, но не понявшие его, попытались проповедовать то же учение, однако жалким образом исказили его, превратно толкуя Писание и «уничтожая закон верою».

12 3. Некоторые из них, желая возвысить ценность веры, совершенно отвергли добрые дела. Они говорят о них как о чём-то не только ненужном для спасения, но и весьма ему препятствующем. Они изображают их гораздо более опасными, чем злые дела, для тех, кто ищет спасения своей души. Один громко восклицает: «Молитвой больше людей попадает в ад, чем воровством». Другой кричит: «Прочь ваши дела! Покончите с вашими делами, иначе не сможете прийти ко Христу!» И эта противная Писанию, неразумная, языческая тирада называется *проповедью Евангелия!*

13 4. Но разве «Судия всей земли» не будет справедливо говорить, как и «поступать»? Разве не будет Он «оправдан в словах Своих и чист, когда судим»? Несомненно, будет. И, опираясь на Его власть, мы должны продолжать возвещать: всякий раз, когда ради Него вы делаете

кому-либо добро — кормите голодного, поите жаждущего, помогаете страннику, одеваете нагого, посещаете больных или заключённых, — это не *блистательные грехи,* как поразительным образом назвал их один человек, а «жертвы, благоугодные Богу».

14 5. Это не значит, будто наш Господь хотел, чтобы мы ограничивали благотворительность заботой о человеческих телах. Несомненно, Он желал, чтобы мы столь же изобиловали делами духовного милосердия. Он умер, «чтобы очистить Себе народ особенный, ревностный» ко *всем* «добрым делам»; ревностный прежде всего к тому, чтобы «спасать души от смерти» и тем самым «покрывать множество грехов». И это, без сомнения, входит в увещание святого Павла: «Пока есть время, будем делать добро всем» — добро всякого возможного рода и во всякой возможной мере. Но почему наш благословенный Господь не упоминает дел духовного милосердия? Здесь это не могло бы прозвучать подобающим образом. Не Ему было говорить: «Я заблуждался, и вы убедили Меня; Я пребывал во грехе, и вы возвратили Меня к Богу». Да и не было нужды: упомянув *некоторые* дела милосердия, Он включил в них *все.*

15 6. Но не позволено ли мне прибавить ещё одно? Только слышащий да разумеет. Добрые дела столь далеки от того, чтобы препятствовать нашему спасению, столь далеки от незначительности и ничтожности в христианстве, что, если исходят из верного начала, составляют совершенство религии. Это высшая часть духовного здания, основание которого — Иисус Христос. Внимательно рассматривающим тринадцатую главу Первого послания к Коринфянам будет неоспоримо ясно:

то, что святой Павел описывает там как высшую из всех христианских добродетелей, есть, собственно и непосредственно, любовь к ближнему. А внимательно рассматривающему весь строй Ветхого и Нового Заветов будет столь же ясно, что дела, исходящие из этой любви, составляют высшую часть открытой в них религии. О них Сам наш Господь говорит: «Тем прославится Отец Мой, если вы принесёте много плода». Много *плода!* Не указывает ли само это выражение на превосходство того, что так названо? Разве не ради плода существует само дерево? Принося плод, и только этим, оно достигает доступного ему высшего совершенства и исполняет цель, ради которой было посажено. Кто же он, что он за человек — тот, кто зовётся христианином и способен пренебрежительно говорить о добрых делах?

16 II. 1. От этих общих размышлений я перехожу к рассмотрению того учреждения, для поддержки которого мы теперь собрались. При этом я рассмотрю, во-первых, возникновение этого учреждения; во-вторых, его успех; в-третьих, его достоинство. Затем позвольте мне сделать краткое приложение к нам самим.

17 (I.) О первом предмете, возникновении этого учреждения, я могу сказать очень кратко, поскольку большинство из вас уже знает его историю.

18 1. Можно удивляться, как заметил один остроумный писатель, что учреждение, столь существенно важное для человечества, появилось в мире так поздно. Есть ли у нас что-либо написанное об этом раньше трактата, изданного в Риме в 1637 году? И разве затем это предложение не оставалось забытым многие годы? Было ли до 1700 года более одной или двух попыток, которые к тому же не получили действенного продолжения? Теперь нам

предстоит рассмотреть, какими шагами оно было впоследствии возрождено и осуществлено.

19 2. Я не могу яснее представить вам это, чем приведя краткую выдержку из введения к «Плану и отчётам Общества», опубликованным два года назад:

20 «Многочисленны и несомненны случаи, показывающие возможность возвращения к жизни людей, по видимости поражённых внезапной смертью — от апоплексического удара, судорожных припадков, вредных испарений, удушения или утопления. Случаи такого рода происходили во всех странах. Но на них смотрели как на необычайные явления, из которых невозможно извлечь полезных последствий, и *оставляли их без внимания.*

21 3. Наконец, несколько человеколюбивых господ в Голландии предположили, что по крайней мере некоторых можно было бы спасти, если бы надлежащие средства применялись вовремя, и объединились в Общество, чтобы испытать это. Успех их попыток далеко превзошёл ожидания. Многие были возвращены к жизни, хотя иначе непременно погибли бы. В конце концов они смогли распространить свой замысел на все Семь провинций.

22 Их успех побудил другие страны последовать примеру. В 1768 году должностные лица, ведавшие здравоохранением в Милане и Венеции, издали распоряжения о помощи утонувшим. В Гамбурге было приказано читать сходное постановление во всех церквах. В 1769 году германская императрица обнародовала указ, распространявший эти предписания и поощрения на всякий случай, допускавший возможность помощи. В

1771 году парижские власти основали учреждение для помощи утонувшим.

[23] 4. В 1773 году доктор Коган перевёл „Записки Амстердамского общества“, чтобы сообщить нашим соотечественникам о возможности возвращения к жизни людей, по видимости утонувших. Господин Хоуз присоединился к нему, и эти господа предложили план сходного учреждения в наших королевствах. Вскоре они смогли учредить Общество ради этой прекрасной цели. План таков:

[24] I. Общество будет как можно шире распространять сведения о надлежащих способах помощи людям, оказавшимся в подобных обстоятельствах.

[25] II. Оно будет распределять премию в две гинеи между первыми, кто попытается вернуть к жизни человека, извлечённого из воды мёртвым. Эта награда будет выдана и при неудаче, если попытки продолжались два часа по способу, установленному Обществом.

[26] III. Оно будет распределять премию в четыре гинеи, когда человек возвращён к жизни.

[27] IV. Оно будет давать одну гинею всякому, кто без промедления примет тело в свой дом и предоставит необходимые удобства.

[28] V. Несколько врачей, живущих поблизости от мест, где обычно происходят подобные несчастья, будут оказывать помощь безвозмездно».

[29] (II.) Так возникло это замечательное учреждение. Каким успехом оно сопровождалось — вот предмет, который я намерен теперь очень кратко рассмотреть.

[30] Нужно признать, что успех оказался гораздо больше не только того, что представляли себе презиравшие это дело, но и самых горячих ожиданий тех господ, которые непосредственно им занимались.

[31] За короткое время от самого учреждения Общества в мае 1774 года до конца декабря восемь человек, по видимости умерших, были возвращены к жизни.

[32] В 1775 году к жизни вернулись сорок семь человек: тридцать два — благодаря непосредственному поощрению и помощи членов этого Общества, а остальные — благодаря врачам и другим людям, поскольку предложенный Обществом способ помощи стал широко известен.

[33] В 1776 году при содействии Общества к жизни был возвращён сорок один человек. Ему также сообщили об одиннадцати случаях возвращения к жизни в других местах.

[34] Таким образом, за два с половиной года с первого учреждения Общества число спасённых и возвращённых к жизни достигло ста семи! Прибавьте тех, кого вернули к жизни с тех пор: из двухсот восьмидесяти четырёх человек, по всем признакам мёртвых, к жизни возвратилось не менее ста пятидесяти семи. Вот каким *успехом* сопровождались их труды за столь короткое время! Вот какое благословение даровало милостивое Провидение Божие этому едва начавшемуся предприятию!

[35] (III.) 1. Остаётся лишь показать его достоинство. И оно может стать ясным из одного соображения: это учреждение соединяет воедино все разнообразные дела милосердия. Все упомянутые выше благотворительные

дела заключены в нём. Оно охватывает все телесные, если можно так выразиться, и все духовные благодеяния — все виды доброты, которые можно оказать человеческим телам или душам. Чтобы показать это неопровержимо, не нужны ни искусное красноречие, ни риторические краски; достаточно просто, без прикрас рассказать о деле, каково оно есть.

[36] 2. То, что здесь предпринято — и не только предпринято, но действительно совершено, ибо так благость Божия благословила труды этих человеколюбцев, — есть в определённом смысле не что иное, как возвращение мёртвых к жизни. Удивительно ли тогда, что большинство людей поначалу осмеяло такое предприятие, полагая, что ставящие себе подобную цель совершенно лишились рассудка? Правда, некто в древности сказал: «Неужели вы невероятным почитаете, что Бог воскрешает мёртвых?» Разве Тот, Кто первоначально даровал жизнь, не может с той же лёгкостью даровать её снова? Но вполне можно счесть невероятным, чтобы мёртвых воскрешал *человек,* ибо никакая человеческая сила не может сотворить жизнь. И какая человеческая сила может её восстановить? Потому, когда наш Господь, Которого иудеи тогда считали простым человеком, пришёл в дом Иаира, чтобы воскресить его дочь из мёртвых, при первом указании на Его намерение «смеялись над Ним». «Девица, — сказал Он, — не умерла, но спит». «Это скорее следует назвать сном, чем смертью, ибо её жизнь не окончена; Я скоро пробужу её от этого сна».

[37] 3. Однако несомненно, что она действительно умерла и потому находилась вне досягаемости всякой силы, кроме силы Всемогущего. Но посмотрите, какую власть Бог

теперь дал человеку! Имени Его да будет вся хвала! Посмотрите, какой мудростью Он наделил этих сынов милосердия, научив их останавливать отлетающую душу, удерживать дух, уже покидающий бездыханный прах и расправляющий крылья для вечности! Кто видел подобное? Кто слышал такое? Кто читал об этом в летописях древности? Сыны человеческие, «оживут ли эти сухие кости»? Может ли вновь забиться это неподвижное сердце? Может ли снова потечь эта свернувшаяся кровь? Могут ли эти сухие, застывшие сосуды открыться, чтобы дать ей путь? Может ли эта холодная плоть вернуть своё природное тепло или эти глаза снова увидеть солнце? Поистине, таких вещей — не сказать ли почти: таких чудес? — не знали ни мы, нынешнее поколение, ни наши отцы!

[38] 4. Подумайте, прошу вас, сколько чудес милосердия, так сказать, заключено в одном! Бедняк, ещё недавно причисленный к мёртвым, благодаря заботе и трудам этих Божиих посланников вновь дышит живительным воздухом, открывает глаза и встаёт на ноги. Он возвращён радующейся семье, жене, своим ещё недавно беспомощным детям, чтобы снова честным трудом обеспечивать их всем необходимым для жизни. Теперь посмотрите, что вы совершили, служители милосердия! Взгляните на плод вашего труда любви! Вы стали мужем вдове, отцом сиротам. Тем самым вы дали пищу голодным, питьё жаждущим, одежду нагим: ведь эти малые непременно были бы голодны, мучились жаждой и оставались наги, если бы вы не возвратили того, кто не допускает этого. Вы не только облегчили, но и предотвратили болезнь, которая естественно могла возникнуть из-за недостатка пищи или одежды. Вы не дали этим сиротам скитаться, не имея, где преклонить

голову. Более того, весьма возможно, что некоторых из них вы уберегли от мрачной, безотрадной темницы.

[39] 5. Столь велико, столь всеобъемлюще милосердие, оказанное вами телам ваших ближних! Но почему же не принять в расчёт и их души? Как велики благодеяния, оказанные вами также и им! Муж теперь вновь имеет возможность помогать жене в делах величайшей важности. Он может снова укреплять её руки в Боге и помогать ей с терпением проходить предлежащее ей поприще. Он может снова вместе с ней наставлять детей и воспитывать их на должном пути; и дети могут дожить до того, чтобы стать утешением престарелых родителей и полезными членами общества.

[40] 6. Более того, быть может, вы вырвали самого бедняка не только из пасти смерти, но и из гибели глубже вод — из пасти вечной погибели. Не приходится сомневаться: некоторые из тех, кому вы возвратили жизнь, хотя прежде жили в мире без Бога, опомнятся и не только устами, но и жизнью возвестят Ему хвалу. Весьма вероятно, что некоторые из них, как *один* из *десяти прокажённых,* «возвратятся и возблагодарят Бога» — истинной, непреходящей благодарностью, посвятив себя почётному служению Ему.

[41] 7. Примечательно, что некоторые из тех, кого вы возвратили от края могилы, были пьяны в то самое время, когда упали в воду. И в это самое мгновение, как часто бывает, они совершенно лишились чувств. Здесь не осталось ни места, ни возможности для покаяния. У них не было ни времени, ни сознания даже на возглас: «Господи, помилуй!» Так сквозь могучие воды они погружались в бездну погибели! И эти орудия Божественного милосердия одновременно вырвали их из

воды и из огня; одним и тем же действием избавили их от временной и от вечной смерти!

[42] 8. Более того, одна бедная грешница — да не забудется это никогда! — как раз сходила с корабля, когда, настигнутая правосудием и милосердием Божиим, поскользнулась и упала в реку. Она тотчас лишилась чувств и потому не могла воззвать к Богу. Но Он не забыл её. Он послал тех, кто избавил её от смерти — по крайней мере, от смерти телесной. И кто знает, не примет ли она это к сердцу и не обратится ли от заблуждения путей своих? Кто знает, не будет ли она спасена от второй смерти и не «унаследует ли Царство» вместе со своими избавителями?

[43] 9. Ещё одно обстоятельство заслуживает особого внимания. Многие из возвращённых к жизни — не менее одиннадцати из четырнадцати, спасённых за несколько месяцев, — принадлежали к числу тех, кто служит позором нашей нации: они намеренно покушались на собственную жизнь. Поскольку многие из отчаявшихся людей, совершающих покушение на это ужасное преступление, получили хорошее образование, жаль, что они не задумаются над прекрасными словами — не какого-нибудь бедного, узкого душой христианина, а великодушного язычника, более того, римлянина! Пусть спокойно обдумают этот прекрасный отрывок:

> [44] Proxima deinde tenent maesti loca, qui sibi letum
> Insontes peperere manu, lucemque perosi
> Projecere animas. Quam vellent aethere in alto
> Nunc et pauperiem, et duros perferre labores!
> Fata obstant, tristique palus inamabilis unda
> Alligat, et novies Styx interfusa coercet.

[45] [За ними толпы тех, кто, расточая жизнь,
Сам предварил назначенный смертный час;
Безвинные, они отбросили свою жизнь
И в мрачной скорби возненавидели золотой день.
О, с какой радостью несчастные теперь терпели б
Боль, труд и горе, лишь бы воздухом живым дышать!
Напрасно! Рок навек их заключил
У страшного Аверна, у глубокого озера;
И Стикс девятью широкими руслами гремит вокруг!
«Вергилий» в переводе господина Питта.]

[46] Fata obstant! Но мы видим, что ради многих Бог превозмог рок. Они возвращены через непроходимую реку. Они снова видят небеса над землёй. Они видят солнечный свет. О, дай им увидеть свет лица Твоего! И дай им так прожить немногие оставшиеся земные дни, чтобы вовеки жить с Тобою!

[47] III. 1. Позвольте теперь сделать краткое приложение к нам самим. Но к кому мне обратиться? Есть ли здесь те, кто, к несчастью, предубеждён против Откровения, дышащего одной лишь благожелательностью, содержащего самое богатое явление Божией любви к человеку от создания мира? И всё же даже к *вам* я хотел бы обратиться с несколькими словами: ведь если вы не христиане, то вы люди. И вы способны откликаться на доброту; и вам присущи человеческие чувства. Разве и ваше сердце не воспламенялось от благородного изречения, достойного сердца и уст самого возвышенного христианина:

[48] Homo sum: Humani nihil a me alienum puto!

[49] [Колман переводит эту цитату из Теренция следующим образом:

«Я человек, и всякое несчастье,
Касающееся людей, мне близко». — Ред.]

50 Разве и вы не сочувствовали страждущим? Сколько раз человеческое несчастье причиняло вам боль! Когда вы видели тяжкое бедствие, разве душа ваша не таяла внутри вас?

51 И вздох украдкой вырывался вновь,
И начинали слёзы литься.

52 Но легко ли представить кому-нибудь более глубокое горе, чем такое? Предположим, вы стоите рядом в ту минуту, когда входит посланник и передаёт весть: «Мне жаль говорить вам это, но вы должны знать: вашего мужа больше нет! Он торопился сойти с судна, и нога его поскользнулась. Правда, спустя некоторое время тело нашли; но вот оно лежит без всяких признаков жизни». В каком состоянии теперь мать и дети! Возможно, некоторое время они оцепенели, подавленные горем, молчат и смотрят друг на друга; затем разражаются громкими и горькими рыданиями! Вот время помочь им, содействуя тем, кто посвятил себя этому делу. Пусть ничто теперь не мешает вам воспользоваться славной возможностью! Возвратите мужа безутешной жене, отца — плачущим детям! Правда, вы не можете сделать это лично, не можете оказаться на месте. Но можете действенно совершить это, помогая тем, кто там находится. Теперь щедрым пожертвованием вы можете *послать* им ту помощь, которой не в силах оказать лично. О, не затворяйте от них своего милосердия! Теперь откройте сердца и руки! Если у вас много, давайте щедро; если нет, дайте немного с охотным сердцем.

[53] 2. К вам, верующим в христианское Откровение, я могу обратиться ещё настойчивее. Вы верите, что ваш благословенный Учитель «оставил вам пример, дабы вы шли по следам Его». Вы знаете, что вся Его жизнь была единым трудом любви. Вы знаете, «как Он ходил, благотворя», и притом непрестанно, говоря всем: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Не таков ли тогда и голос вашего сердца:

> [54] Твой образ мыслей жизнью всей явлю:
> Услышав страждущих рыданье,
> Вдовиц и сирот горестный стон,
> На крыльях милосердия помчусь,
> Чтоб бедным и беспомощным помочь,
> Им жизнь мою и всё моё отдать.

[55] Случаев поступать так никогда не будет недоставать, ибо «нищих всегда имеете с собою». Но какую особенную возможность даёт вам торжество нынешнего дня — «идти по следам Его» способом, которого вы прежде не представляли! Разве не сказал Он бедной скорбящей матери, несомненно к удивлению многих: «Не плачь»? И разве не удивил их ещё больше, остановив поток её слёз тем, что возвратил жизнь умершему сыну и «отдал его матери его»? Разве, вопреки всем, кто «смеялся над Ним», Он не возвратил к жизни дочь Иаира? Сколько весьма сходных дел, «если человеческое позволительно уподобить Божественному», уже совершили и ежедневно продолжают совершать эти человеколюбцы! Пусть же каждый стремится участвовать в этом славном труде! Пусть каждый — в более сильном смысле, чем подразумевал господин Герберт, —

> [56] Соединит руки с Богом, чтоб бедняк был жив!

[57] Щедрой помощью станьте соучастниками их труда и соучастниками их радости.

[58] 3. Вам мне остаётся прибавить лишь одно слово. Вспомните сказанное вначале — торжественное изречение Того, Кому вы принадлежите и Кому служите, грядущего на облаках небесных! Содействуя этому всеобъемлющему милосердию, в котором заключены и насыщение голодного, и облачение нагого, и приют страннику — поистине все добрые дела в одном, — храните написанными на сердце и звучащими в ушах эти вдохновляющие слова: «Так как вы сделали это одному из сих меньших, то сделали МНЕ».

О том, как угождать всем людям

[1] «Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию».

[2] Рим. 15:2.

[3] 1. Несомненно, предписанная здесь обязанность лежит на всём человечестве, по крайней мере на каждом, кому вверены слова Божии. Ведь здесь она заповедана без исключения каждому, кто именует имя Христово. А тот, кому каждый должен угождать, есть *его ближний,* то есть всякий сын человеческий. Только следует помнить, что тот же апостол говорит по сходному поводу: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми». Подобным образом мы должны угождать всем людям, если возможно и насколько это от нас зависит. Но, строго говоря, это невозможно: никто никогда этого не сделал и никогда не сделает. Однако если мы приложим всё старание, то, каков бы ни был результат, исполним свой долг.

[4] 2. Можно далее заметить, как замечательно апостол ограничивает это наставление; ведь если следовать ему без всяких ограничений, оно могло бы привести к самым пагубным последствиям. Нам предписано угождать людям *во благо им,* не просто ради того, чтобы угодить им или себе, и тем более не затем, чтобы угодить им во вред, как весьма часто, поистине постоянно, поступают те, кто не любит ближнего своего, как самого себя. Угождая ближнему, мы должны стремиться не только к его временному благу; гораздо важнее, бесконечно важнее делать это *к его назиданию,* так, чтобы содействовать его

духовному и вечному благу. Мы должны угождать ему так, чтобы удовольствие не исчезало с употреблением, но обращалось ему в непреходящую пользу, делало его мудрее и лучше, святее и счастливее и во времени, и в вечности.

5 3. На эту важную тему опубликовано множество трактатов и рассуждений. Но все, какие я видел или о каких слышал, были плачевно несовершенны. Едва ли хоть одно из них ставило верную цель: все до единого, стремясь угождать людям, имели намерение ниже спасения их душ, ниже созидания их в любви и святости. Следовательно, маловероятно, чтобы они предлагали верные средства для достижения этой цели. Один знаменитый трактат такого рода, под названием «Придворный», был издан в Испании около двухсот лет назад и переведён на разные языки. Но он не имеет отношения к назиданию и потому совершенно не попадает в цель. Другой трактат, «Совершенный придворный», был опубликован в нашей стране при короле Карле Втором, по-видимому, одним из служивших при его дворе. В нём есть несколько весьма разумных советов относительно нашего внешнего поведения; отмечены и многие мелкие неуместности в словах или поступках, которыми люди невольно вызывают неудовольствие других. Но и этот автор вовсе не имеет в виду духовного или вечного блага своего ближнего. Семьдесят или восемьдесят лет назад в Лондоне напечатали ещё одну книгу — «Искусство нравиться». Но написанная вяло и содержащая лишь обычные, избитые замечания, она едва ли могла принести пользу разумным людям, а благочестивым — ещё менее.

[6] 4. Но могут спросить: разве позднее этот предмет не был рассмотрен писателем совсем иного достоинства? Разве не исчерпал его человек, сам в совершенстве владевший искусством нравиться? Притом он писал тому, кого нежно любил, любимому сыну, и давал ему все советы, какие могли подсказать его великий ум, обогащённый разнообразными знаниями, многолетний опыт и обширное общение с людьми всякого рода. Я имею в виду покойного лорда Честерфилда, всеобщего любимца как ирландского, так и английского народа.

[7] 5. Средства нравиться, которые этот мудрый и снисходительный родитель постоянно и настойчиво рекомендовал любимому чаду и по которым тот, несомненно, формировал и свой нрав, и внешнее поведение,

> [8] Пока безвременная смерть не заставила умолкнуть его певучий голос, —

[9] состояли, во-первых, в том, чтобы *заниматься любовью* в самом грубом смысле со всеми замужними женщинами, с которыми удавалось без затруднений. От незамужних он советует воздерживаться из страха неприятных последствий. Во-вторых — в постоянном и тщательном *притворстве:* всегда носить маску; не доверять ни одному человеку на земле настолько, чтобы открыть ему действительные мысли, но непрестанно делать вид, будто подразумеваешь то, чего не подразумеваешь, и будто являешься тем, кем не являешься. В-третьих — в продуманной *лжи* всякого рода людям, в словах, наиболее далёких от сердца, и, особенно, в *лести* мужчинам, женщинам и детям как безошибочном способе понравиться им.

[10] Не требуется большого искусства, чтобы показать: это не способ угождать ближнему *во благо* или *к назиданию.* Я постараюсь показать, что есть лучший способ, и притом прямо противоположный этому. Он состоит

[11] I. В устранении препятствий с пути;

[12] II. В употреблении средств, прямо ведущих к этой цели.

[13] I. 1. Всем, кто желает «угождать ближнему во благо, к назиданию», я советую прежде всего устранить с пути все препятствия; иными словами, избегать всего, что вызывает неудовольствие мудрых и добрых людей, людей здравого ума и истинного благочестия. «Жестокость, злоба, зависть, ненависть и мстительность» неприятны всем добрым людям, всем, кто наделён здравым разумением и подлинным благочестием. Есть и ещё одно сродное им расположение, только меньшей степени, которое обычно встречается в повседневной жизни и людям вообще не нравится. Мы обычно называем его *злонравием.* Со всем возможным тщанием избегайте этого, да и всего на него похожего: с одной стороны, угрюмости, суровости, мрачности, с другой — раздражительности и сварливости, если хоть когда-нибудь надеетесь «угождать ближнему во благо, к назиданию».

[14] 2. После жестокости, злобы и сходных расположений, вместе с естественно вытекающими из них словами и действиями, ничто не вызывает большего отвращения — не только у разумных и религиозных людей, но и у большинства вообще, — чем гордость, высокомерие духа и его закономерный плод: *самонадеянное, надменное, властное* поведение. Даже необыкновенная учёность, соединённая с блестящими дарованиями, не возместит этого недостатка: человека выдающихся способностей,

если он выдающимся образом высокомерен, многие будут презирать, а недолюбливать будут все. Замечательным примером служил знаменитый глава Тринити-колледжа в Кембридже. Как мало современников обладало более сильным умом или более глубокой учёностью, чем доктор Бентли! И всё же как мало было людей, которых любили ещё меньше! Разве что один, едва ли уступавший ему, если вообще уступавший, в уме или учёности и столь же далёкий от смирения, — автор «Божественного посланничества Моисея». Поэтому всякий, кто желает угождать ближнему во благо, должен остерегаться разбиться об эту скалу. Иначе та самая гордость, которая побуждает его искать уважения ближнего, непременно помешает его обрести.

15 3. Почти столь же неприятны большинству людей, как само высокомерие, вспыльчивый нрав и поведение. Люди мягкого склада боятся даже разговаривать с человеком такого духа. И другие не стремятся к знакомству с ним, поскольку часто, быть может, когда менее всего этого ожидают, испытывают удары, которые, хотя пока и сносят, впредь не желают испытывать снова. Поэтому у вспыльчивых людей редко бывает много друзей, по крайней мере надолго. Правда, на время их могут окружать толпы, особенно если это выгодно. Но обычно люди один за другим испытывают отвращение и отпадают, как осенние листья. Поэтому, если желаете постоянно угождать ближнему во благо, всеми возможными средствами избегайте бурной вспыльчивости.

16 4. Да, и если желаете нравиться, то хотя бы уже по этой причине примите апостольский совет: «Отвергните всякую ложь». Один остроумный автор замечает, что из

всех пороков *ложь* ещё никогда не находила защитника, который открыто выступил бы в её пользу, каковы бы ни были его тайные мнения. Но следует помнить: господин Аддисон отошёл в лучший мир до опубликования писем лорда Честерфилда. Возможно, приведённая в них защита лжи была лучшей из всех, какие когда-либо существовали или могут существовать для столь дурного дела. Но после всего труда, который он на неё потратил, она обладает лишь «видимостью достоинства, а не его существом». В ней нет ничего основательного; это не более чем блестящий призрак. А поскольку ложь никогда не может быть ни похвальной, ни невинной, она также не может быть приятной, по крайней мере когда с неё сорвана личина и она является в собственном облике. Следовательно, всем желающим угождать ближнему во благо, к назиданию, следует тщательно её избегать.

[17] 5. «Но разве лесть, — может сказать кто-нибудь, — не является одним из видов лжи? И разве во все века её не признавали верным средством нравиться? Разве многочисленные опыты не подтвердили наблюдение:

[18] Obsequium amicos, veritas odium parat?

[19] Лесть приобретает друзей, прямота — врагов?

[20] Разве один недавний остроумный писатель не привёл в своём „Сентиментальном дневнике“ несколько разительных примеров этого?» Отвечаю: это правда, лесть некоторое время приятна, и не только слабым умам, поскольку желание похвалы, заслуженной или незаслуженной, вложено во всякого сына человеческого. Но она приятна лишь некоторое время. Как только маска спадает, как только обнаруживается, что говорящий ничего не подразумевал под своими ласковыми словами,

удовольствие кончается. Каждого учит этому собственный опыт. И все мы знаем: если человек продолжает льстить после того, как его неискренность раскрыта, это вызывает отвращение, а не удовольствие. Поэтому даже этого модного вида лжи должны избегать все, кто желает угождать ближнему к его непреходящей пользе.

[21] 6. Более того, желающему этого следует помнить: не только ложь во всех её видах, но даже притворство, которое не тождественно лести, хотя и близко к ней, неприятно разумным людям, даже если они нерелигиозны. Теренций изображает даже старого язычника, который на подобное обвинение с негодованием отвечает: Simulare non est meum — «Притворство не в моём характере». Лукавство, хитрость, коварство, всё искусство обмана, какими бы словами его ни обозначали, мудрые люди не считают достоинством; напротив, оно им отвратительно. И даже те, кто более всех прибегает к нему, кто искуснее всех в мошенничестве, не любят его в других и неохотно общаются с теми, кто применяет его к ним самим. Да, величайшие обманщики весьма недовольны теми, кто обращает против них их же собственные приёмы.

[22] II. Итак, если жестокость, злоба, зависть, ненависть, мстительность, злонравие, гордость и высокомерие, неразумный гнев, ложь и притворство, вместе с лукавством, хитростью и коварством, — всё это, каждое в отдельности, неприятно всем людям, особенно мудрым и добрым, то отсюда легко заключить, каков верный способ угождать им во благо, к назиданию. Только следует помнить: во всякое время и во всяком месте есть люди, которым мы не должны рассчитывать угодить. Поэтому не

надо удивляться, встречая тех, кому невозможно угодить никаким образом. Теперь бывает так же, как в древности, когда Сам наш Господь сетовал: «Кому уподоблю людей рода сего? Они подобны детям, сидящим на площади и говорящим друг другу: мы играли вам на свирели, и вы не плясали; мы пели вам плачевные песни, и вы не плакали». Но, оставив этих строптивцев самим себе, мы вправе надеяться угодить другим, тщательно и постоянно соблюдая следующие немногие наставления.

23 1. Во-первых, пусть *любовь* посещает вас не как мимолётная гостья, но будет постоянным, господствующим расположением вашей души. Смотрите, чтобы сердце ваше во всякое время и во всех обстоятельствах было исполнено подлинной, непритворной благожелательности — не только к любящим *вас,* но к каждой человеческой душе. Пусть она бьётся в вашем сердце, сверкает в глазах, сияет во всех делах. Всякий раз, открывая уста, делайте это с любовью; пусть на языке вашем будет закон доброты. Тогда слово ваше будет сходить, как дождь и как роса на нежную траву. Не стесняйте и не ограничивайте своего расположения, но пусть оно обнимает всякого сына человеческого. Всякий рождённый женщиной вправе ожидать вашей доброй воли. Вы обязаны ею не некоторым, а всем. Пусть все люди знают, что вы желаете им и временного, и вечного счастья столь же искренне, как себе.

24 2. Во-вторых, если желаете угождать ближнему во благо, старайтесь быть *смиренными* сердцем. Будьте малы и ничтожны в собственных глазах, в почтительности предпочитая себе других. Глубоко сознавайте собственные слабости, безрассудства и несовершенства,

как и грех, остающийся в вашем сердце и пристающий ко всем вашим словам и делам. Пусть этот дух проявляется во всём, что вы говорите или делаете: «Облекитесь смиренномудрием». С ужасом отвергайте любимое изречение древнего язычника, восходящее из бездны: Tanti eris aliis, quanti tibi fueris — «Чем выше ты ценишь себя, тем выше будут ценить тебя другие». Нет, это не так. Напротив, и Бог, и человек «противятся гордым»; и как «Бог смиренным даёт благодать», так смирение, а не гордость доставляет нам уважение и расположение людей, особенно боящихся Бога.

[25] 3. Если желаете угождать ближнему во благо, к назиданию, то, в-третьих, трудитесь и молитесь, чтобы быть *кроткими,* как и смиренными сердцем. Стремитесь к спокойному, невозмутимому нраву; будьте мягки со всеми людьми, и пусть мягкость вашего расположения проявляется во всём строе жизни. Пусть она управляет всеми вашими словами и поступками. Помните также совет святого Петра: в дополнение к кротости будьте милосердны, «будьте любезны», сострадательны; нежно сочувствуйте всем бедствующим, всем, кого постигло какое-либо несчастье в душе, теле или имуществе. Пусть

> [26] Различные картины людского горя
> Пробудят в вас нежнейшее сочувствие!

[27] Плачьте с плачущими. Если не можете большего, хотя бы смешайте свои слёзы с их слезами и дайте им целительные слова, способные успокоить их умы и облегчить скорби. Но если можете, если в силах оказать действительную помощь, пусть в ней не будет недостатка. Будьте глазами слепому, ногами хромому, мужем вдове и отцом сироте. Это весьма поможет снискать расположение и доставить благотворную радость не

только тем, кто непосредственно получает ваше сострадание, но и другим, которые «видят ваши добрые дела и прославляют Отца вашего Небесного».

[28] 4. Сострадая страждущим, смотрите, чтобы ко всем людям вы были *любезны.* В этом отношении неважно, знатны они или незнатны, богаты или бедны, выше или ниже вас. Более того, неважно даже, добры они или злы, боятся Бога или нет. Правда, *способ* проявления любезности может различаться по указанию христианского благоразумия; но сама она причитается всем: самые низкие и худшие вправе ожидать нашей любезности. Она может быть внутренней или внешней — расположением либо манерой поведения, естественно вытекающей из сердечной любезности. То же ли это, что воспитанность или учтивость, которая, по-видимому, есть лишь высокая степень воспитанности? Нет: воспитанность главным образом является плодом воспитания, но воспитание не может дать сердечной любезности. Известное определение учтивости, данное господином Аддисоном, скорее кажется определением именно её: «Постоянное желание нравиться всем людям, проявляющееся во всём поведении». Оно может существовать, и даже в высокой степени, там, где не было преимуществ воспитания. Я видел в ирландской хижине столь же подлинную любезность, какую можно найти в Сент-Джеймсском дворце или в Лувре.

[29] 5. Не попытаемся ли пойти немного глубже, исследовать основание этого дела? Откуда происходит желание нравиться, которое мы называем любезностью? Внимательно заглянем в собственное сердце, и вскоре найдём ответ. Тот же апостол, который учит нас *быть любезными,* учит *почитать всех людей,* а его Учитель

учит меня любить всех людей. Соединим это вместе: что получится? Бедный несчастный просит у меня милостыни; я смотрю и вижу его в грязи и лохмотьях. Но сквозь них вижу того, кто обладает бессмертным духом, сотворённым для познания и любви к Богу и для вечного пребывания с Ним. Я почитаю его ради его Творца. Вот, сквозь все эти лохмотья я вижу, что он облечён багряницей крови Христовой. Я люблю его ради его Искупителя. Поэтому любезность, которую я питаю и проявляю к нему, есть сочетание почтения и любви к Божию созданию, искупленному кровью Его Сына и предназначенному к бессмертию. Такую любезность будем питать и проявлять ко всем людям, и будем угождать всем к их назиданию.

30 6. Ещё одно. Пользуйтесь всяким подходящим случаем *выразить* другим ту *любовь,* которую действительно к ним питаете. Это можно сделать с таким видом и таким образом, что никто не сможет обвинить вас в лести; и опыт показывает: честным людям это приятно нисколько не меньше, чем плутам — лесть. Те, кто убеждён, что выражения вашей доброжелательности исходят из сердца, будут довольны ими столь же, как самыми высокими похвалами, какие вы могли бы им воздать. Судите о них по себе, по тому, что чувствуете в собственной груди. Вам приятно, когда вас почитают; но разве вы не предпочли бы быть любимыми?

31 7. Позвольте прибавить ещё один совет. Если желаете угождать всем людям во благо, при любых обстоятельствах говорите всем сущую правду от сердца. Когда говорите, открывайте окно своей груди: пусть слова будут точным изображением сердца. Во всяком обществе и при всяком случае будьте человеком правдивым. Более

того, не довольствуйтесь одной правдивостью, но «в простоте и богоугодной искренности проводите всю жизнь в мире», как «подлинный израильтянин, в котором нет лукавства».

32 8. Сведём всё к одному слову: если желаете угождать людям, угождайте Богу! Пусть истина и любовь овладеют всей вашей душой. Пусть они станут источниками всех привязанностей, страстей и расположений, правилом всех мыслей. Пусть они вдохновляют всю вашу речь, непрестанно приправленную этой солью и пригодную к «доставлению благодати слушающим». Пусть все ваши дела совершаются в любви. Никогда «милость и истина да не оставляют тебя: обвяжи ими шею твою». Пусть они будут открыты и видны всем; и «напиши их на скрижали сердца твоего». «И обретёшь милость и благоволение в очах Бога и людей».

Об обязанности постоянно причащаться. Дж. У.

[1] Следующее рассуждение было написано более пятидесяти пяти лет назад для моих учеников в Оксфорде. Я добавил очень немного, но многое сократил, ибо тогда употреблял больше слов, чем теперь. Однако, благодарение Богу, до сих пор я не нашёл причины изменить свои убеждения ни в одном из изложенных здесь положений. — 1788

[2] «Сие творите в Моё воспоминание».

[3] Лк. 22:19.

[4] Неудивительно, что люди, не имеющие страха Божия, никогда не думают исполнять это. Но странно, когда этим пренебрегают те, кто боится Бога и желает спасти свою душу; а между тем нет ничего обычнее. Одна из причин, по которым многие пренебрегают этим, состоит в том, что они настолько боятся «есть и пить недостойно», что никогда не задумываются, насколько больше опасность, когда они вовсе не едят и не пьют. Чтобы сделать всё, что я могу, и привести этих благонамеренных людей к более верному образу мыслей, я

[5] I. покажу, что долг каждого христианина — причащаться Вечери Господней так часто, как только возможно;

[6] II. отвечу на некоторые возражения.

[7] I. Я должен показать, что долг каждого христианина — причащаться Вечери Господней так часто, как только возможно.

[8] 1. Первое основание, по которому каждый христианин обязан поступать так, заключается в том, что это ясная заповедь Христова. То, что это Его заповедь, видно из слов нашего текста: «Сие творите в Моё воспоминание». Как этими словами апостолы обязывались благословлять, преломлять и подавать хлеб всем, кто соединялся с ними в святынях, так все христиане обязывались принимать эти знаки тела и крови Христовых. Итак, здесь заповедано принимать хлеб и вино в воспоминание Его смерти до конца мира. Заметьте также: эту заповедь наш Господь дал, когда уже предавал Свою жизнь за нас. Поэтому это как бы Его предсмертные слова ко всем Его последователям.

[9] 2. Второе основание, по которому всякий христианин должен делать это так часто, как только может, состоит в том, что для всех, исполняющих это в послушании Ему, благодеяния столь велики: прощение прежних грехов и нынешнее укрепление и оживление наших душ. В этом мире мы никогда не свободны от искушений. Какой бы образ жизни мы ни вели, каково бы ни было наше положение, больны мы или здоровы, в бедствии или покое, враги наших душ подстерегают нас, чтобы ввести в грех. И слишком часто берут над нами верх. Когда же мы убеждены, что согрешили против Бога, какое более верное средство получить от Него прощение имеем мы, чем «возвещать смерть Господню» и умолять Его ради страданий Сына Своего изгладить все наши грехи?

[10] 3. Даруемая здесь благодать Божия утверждает нас в прощении грехов, давая силу оставить их. Как тела наши

укрепляются хлебом и вином, так души — этими знаками тела и крови Христовых. Это пища наших душ; она даёт силу исполнять долг и ведёт нас к совершенству. Поэтому, если мы хоть сколько-нибудь чтим ясную заповедь Христову, если желаем прощения грехов, если ищем силы веровать, любить Бога и повиноваться Ему, мы не должны пренебрегать никакой возможностью причащаться Вечери Господней; мы никогда не должны отворачиваться от трапезы, приготовленной для нас Господом. Мы не должны упускать ни одного случая, который благое Провидение Божие даёт нам для этого. Вот истинное правило: мы должны причащаться столь часто, сколь часто Бог даёт возможность. Поэтому всякий, кто не причащается, но отходит от святой трапезы, когда всё приготовлено, либо не понимает своего долга, либо не заботится о предсмертной заповеди Спасителя, о прощении собственных грехов, об укреплении своей души и об оживлении её надеждой славы.

[11] 4. Итак, пусть всякий, кто хоть сколько-нибудь желает угодить Богу или любит собственную душу, повинуется Богу и заботится о благе своей души, причащаясь всякий раз, когда может, подобно первым христианам, у которых христианская жертва составляла постоянную часть богослужения в день Господень. В течение нескольких столетий они принимали её почти ежедневно: неизменно четыре раза в неделю и, кроме того, в каждый день памяти святого. Поэтому те, кто участвовал в молитвах верных, никогда не упускали участия в благословенном таинстве. Как они смотрели на отвернувшегося от него, можно узнать из древнего правила: «Если какой-либо верующий участвует в молитвах верных, но уходит, не причастившись Вечери Господней, да будет отлучён как вносящий смятение в Церковь Божию».

[12] 5. Чтобы понять природу Вечери Господней, полезно внимательно прочесть места Евангелия и Первого послания к Коринфянам, говорящие о её установлении. Из них мы узнаём: цель этого таинства — непрестанное воспоминание смерти Христовой через вкушение хлеба и питьё вина, внешних знаков внутренней благодати, тела и крови Христовых.

[13] 6. Тем, кто намерен причащаться, весьма полезно, всякий раз когда позволяет время, готовить себя к этому торжественному установлению самоиспытанием и молитвой. Но это не безусловно необходимо. Когда у нас нет для этого времени, следует позаботиться о постоянной внутренней готовности, которая безусловно необходима и которой нельзя пренебречь ни по какой причине и ни при каких обстоятельствах. Она состоит, во-первых, в полном сердечном *намерении* соблюдать все заповеди Божии; во-вторых, в искреннем *желании* принять все Его обетования.

[14] II. Во-вторых, я должен ответить на обычные возражения против постоянного причащения Вечери Господней.

[15] 1. Я говорю о *постоянном* причащении, ибо выражение *частое* причащение нелепо до крайности. Если оно означает что-либо меньшее, чем постоянное, оно означает больше, чем можно доказать как обязанность человека. Ведь если мы не обязаны причащаться постоянно, каким доводом можно доказать, что мы обязаны причащаться часто — да и вообще чаще, чем раз в год, раз в семь лет или один раз перед смертью? Всякий приводимый в пользу этого довод либо доказывает, что мы должны делать это постоянно, либо не доказывает ничего. Поэтому всем разумным людям следует отказаться от

такого неопределённого, бессмысленного способа выражаться.

16 2. Чтобы доказать, что наш долг — причащаться постоянно, можно заметить: святое причащение следует рассматривать либо, во-первых, как заповедь Божию, либо, во-вторых, как милость к человеку.

17 Во-первых, как заповедь Божию. Бог, наш Посредник и Правитель, от Которого мы получили жизнь и всё прочее, от воли Которого зависит, будем ли мы совершенно счастливы или совершенно несчастны от этой минуты до вечности, объявляет нам: все повинующиеся Его заповедям будут вечно счастливы; все неповинующиеся — вечно несчастны. Одна из этих заповедей: «Сие творите в Моё воспоминание». Итак, я спрашиваю: почему вы не делаете этого, когда можете сделать, если захотите? Когда перед вами есть возможность, почему не повинуетесь Божией заповеди?

18 3. Быть может, вы скажете: «Бог не повелевает мне делать это *так часто, как я могу*», — то есть слова «так часто, как можете» не добавлены в этом конкретном месте. Что же из того? Разве мы не должны исполнять всякую заповедь Божию так часто, как можем? Разве все обетования Божии даны не тем, и только тем, кто «прилагает всё старание», то есть делает всё возможное для исполнения Его заповедей? Наши возможности — единственное мерило нашего долга. Что можем сделать, то и должны. Относительно этой или любой другой заповеди: кто может исполнить её, если захочет, но не исполняет, не будет иметь места в Царстве Небесном.

19 4. И эта великая истина — что мы обязаны соблюдать всякую заповедь, насколько можем, — ясно доказывается

нелепостью противоположного мнения. Если допустить, что мы не обязаны повиноваться каждой заповеди Божией так часто, как можем, у нас не останется довода, чтобы доказать, что хоть какой-либо человек обязан исполнить хоть какую-либо заповедь хоть когда-нибудь. Например, если я спрошу человека, почему он не исполняет одной из яснейших заповедей Божиих, почему, скажем, не помогает родителям, он может ответить: «Теперь не стану, сделаю это в другое время». Когда это время наступит, снова напомните ему Божию заповедь, и он скажет: «Когда-нибудь исполню». Никогда нельзя доказать, что он должен сделать это сейчас, иначе как доказав, что он должен делать это так часто, как может; следовательно, должен сделать сейчас, потому что сейчас может, если пожелает.

[20] 5. Во-вторых, рассмотрим Вечерю Господню как милость Бога к человеку. Бог, Чьё милосердие простирается на все Его дела и особенно на сынов человеческих, знал: для человека есть только один путь к счастью, подобному Его счастью, — стать подобным Ему в святости. Зная, что сами по себе мы ничего не можем сделать для этого, Он дал нам определённые средства получения Его помощи. Одно из них — Вечеря Господня, которую по бесконечному милосердию Он даровал именно затем, чтобы через неё мы получили помощь в достижении приготовленных для нас благословений, обрели святость на земле и вечную славу на небесах.

[21] Итак, я спрашиваю: почему вы не принимаете Его милость так часто, как только можете? Бог теперь предлагает вам Своё благословение — почему вы отвергаете его? Теперь у вас есть возможность принять Его милость — почему не принимаете? Вы слабы —

почему не пользуетесь всякой возможностью умножить силу? Одним словом: если рассматривать это как заповедь Божию, то у не причащающегося так часто, как может, нет благочестия; если рассматривать как милость — у не причащающегося так часто, как может, нет мудрости.

22 6. Эти два соображения дают полный ответ на все обычные возражения, выдвигаемые против постоянного причащения, — поистине на все, какие когда-либо выдвигались или могут быть выдвинуты. В сущности, против него нельзя возразить ничего, кроме предположения, что именно в этот раз причащение либо не будет милостью, либо мне не заповедано принять его. Но даже если допустить, что оно не будет милостью, этого недостаточно, ибо второе основание остаётся в силе: приносит ли оно вам пользу или нет, вы должны повиноваться заповеди Божией.

23 7. Однако рассмотрим отдельные оправдания, которые люди обычно приводят, чтобы не повиноваться. Самое обычное таково: «Я недостоин, а „кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе“. Поэтому я не смею причащаться, чтобы не есть и не пить себе в осуждение».

24 Дело обстоит так: Бог предлагает вам одну из величайших милостей, доступных по эту сторону небес, и повелевает принять её. Почему вы не принимаете эту милость, повинуясь Его заповеди? Вы говорите: «Я недостоин её принять». И что же? Вы недостойны принять от Бога какую бы то ни было милость. Но разве это основание отвергать всякую милость? Бог предлагает вам прощение всех грехов. Вы, несомненно, недостойны его, и Он это знает; но если Ему угодно всё же предложить его, неужели вы не примете? Он предлагает избавить вашу

душу от смерти. Вы недостойны жить; но неужели поэтому отвергнете жизнь? Он предлагает наделить душу новою силой; неужели вы откажетесь принять её, потому что недостойны? Что ещё может сделать для нас Сам Бог, если мы отвергаем Его милость из-за того, что недостойны её?

25 8. Но предположим, что для нас это не милость, хотя предполагать такое — значит в действительности обвинять Бога во лжи, утверждая, будто то, что Он намеренно установил человеку во благо, не есть благо. И всё же я спрашиваю: почему вы не повинуетесь Божией заповеди? Он говорит: «Сие творите». Почему не творите? Вы отвечаете: «Я недостоин делать это». Как! Недостоин повиноваться Богу? Недостоин делать то, что Бог велит вам делать? Недостоин исполнить Божию заповедь? Что вы этим хотите сказать? Что недостойные повиноваться Богу не должны Ему повиноваться? Кто сказал вам это? Если бы даже «ангел с неба — да будет анафема». Если вы думаете, что Сам Бог сказал вам это через святого Павла, выслушаем его слова. Они таковы: «Кто ест и пьёт недостойно, тот ест и пьёт осуждение себе».

26 Но это совсем другое дело. Здесь ни слова не сказано о том, что человек недостоин есть и пить. Правда, апостол говорит о том, чтобы есть и пить недостойным образом; но это совершенно иное, как он сам нам объяснил. В этой самой главе говорится: есть и пить недостойно — значит принимать святое таинство столь грубо и беспорядочно, что один был «голоден, а другой упивался». Но какое это имеет отношение к *вам?* Есть ли опасность, что *вы* поступите так, что будете есть и пить *столь недостойным образом?* Как бы недостойны причастия вы ни были, нет опасности, что вы причаститесь таким

образом. Поэтому, каково бы ни было наказание за столь недостойное причащение, оно не касается *вас.* Из этого текста у вас не больше оснований не повиноваться Богу, чем если бы такого текста в Библии вовсе не было. Если вы говорите о том, чтобы «есть и пить недостойно», в том смысле, в каком святой Павел употребляет эти слова, то с тем же успехом могли бы сказать: «Не смею причащаться *из страха, что рухнет церковь»,* как и: «Из страха, что буду *есть и пить недостойно».*

[27] 9. Итак, если вы боитесь этим навлечь на себя *осуждение,* вы страшитесь там, где нет страха. Не бойтесь его за недостойное вкушение и питьё, ибо в смысле святого Павла вы этого сделать не можете. Но я скажу, за что вам следует бояться осуждения: за то, что вовсе не едите и не пьёте; за неповиновение своему Творцу и Искупителю; за нарушение Его ясной заповеди; за такое презрение к Его милосердию и власти. Вот этого бойтесь, ибо послушайте, что говорит Его апостол: «Кто соблюдает весь закон и согрешит в одном чём-нибудь, тот становится виновным во всём» (Иак. 2:10).

[28] 10. Итак, мы видим, насколько слабо возражение: «Я не смею принимать [Вечерю Господню], потому что недостоин». Оно нисколько не сильнее, даже если вы считаете себя недостойным потому, что недавно впали в грех. Правда, наша Церковь запрещает тем, «кто совершил какое-либо тяжкое преступление», причащаться без покаяния. Но отсюда следует лишь то, что нужно покаяться прежде, чем приступить, а не то, что следует вовсе не приступать.

[29] Поэтому говорить, будто «человек может отвернуться от алтаря, потому что недавно впал в грех, и наложить на себя такую епитимью», — значит говорить без всякого

основания в Писании. Где Библия учит искупать нарушение одной Божией заповеди нарушением другой? Что это за совет: «Соверши новый поступок неповиновения, и Бог легче простит прежний»!

30 11. Другие, оправдывая непослушание, утверждают, что недостойны в ином смысле: они «не могут жить соответственно этому, не могут надеяться вести столь святую жизнь, к какой обязывало бы постоянное причащение». Выразим это простыми словами. Я спрашиваю: почему вы не принимаете милости, которую Бог повелевает принять? Вы отвечаете: «Потому что не могу жить согласно исповеданию, которое должен произнести, принимая её». Тогда очевидно, что вам вообще никогда не следует принимать её. Ведь обещать один раз то, чего, как вы знаете, не можете исполнить, столь же недозволительно, как обещать тысячу раз. Вы знаете также, что обещание остаётся одним и тем же, даёте ли вы его каждый год или каждый день. Вы обещаете ровно столько же, как бы часто или редко ни обещали.

31 Поэтому если вы не можете жить согласно исповеданию тех, кто причащается раз в неделю, то не можете жить и согласно собственному исповеданию, причащаясь раз в год. Но неужели действительно не можете? Тогда лучше было бы вам вовсе не родиться. Ибо всё, что вы исповедуете у Господней трапезы, вы должны и исповедовать, и исполнять, иначе не можете спастись. Там вы исповедуете лишь одно: что будете прилежно соблюдать Его заповеди. И не можете жить согласно этому исповеданию? Тогда не можете войти в жизнь.

32 12. Подумайте же, что говорите, прежде чем утверждать, будто не можете жить согласно требованиям,

предъявляемым к постоянно причащающимся. От них требуется не больше, чем от любых причащающихся, да и от всякого, кто имеет душу, нуждающуюся в спасении. Поэтому сказать, что вы не можете жить так, — не больше и не меньше, чем отречься от христианства. Это, в сущности, отречение от вашего крещения, при котором вы торжественно обещали соблюдать все Его заповеди. Теперь вы отступаете от этого исповедания. Вы намеренно нарушаете одну из Его заповедей и, оправдываясь, говорите, что не можете соблюдать Его заповеди. Тогда вы не можете ожидать исполнения обетований, данных лишь соблюдающим их.

[33] 13. Сказанное об этом предлоге против постоянного причащения относится и к тем, кто выражает то же другими словами: «Мы не смеем этого делать, потому что после этого требуется столь совершенное послушание, какого мы не можем обещать». Нет: требуется послушание не более и не менее совершенное, чем то, которое вы обещали при крещении. Тогда вы обязались с Божией помощью соблюдать Его заповеди; причащаясь, вы не обещаете ничего большего.

[34] 14. Второе возражение, часто выдвигаемое против постоянного причащения, состоит в том, что множество дел не оставляет времени для необходимой подготовки. Отвечаю: вся безусловно необходимая подготовка заключена в словах: «Истинно покайтесь в прежних грехах; имейте веру во Христа, Спасителя нашего» — заметьте, здесь это слово употреблено не в высшем смысле; «исправьте вашу жизнь и пребывайте в любви ко всем людям; тогда будете достойными участниками этих святых тайн». Все так подготовленные могут без страха приблизиться и принять таинство себе в утешение. Какие

же дела могут помешать вам подготовиться таким образом — покаяться в прежних грехах, веровать, что Христос умер ради спасения грешников, исправить жизнь и пребывать в любви ко всем людям? Никакие дела не могут этому помешать, кроме таких, которые мешают вам находиться в состоянии спасения. Если вы решились и намерены следовать Христу, вы готовы приблизиться к Господней трапезе. Если не намерены, вы годны лишь для трапезы и общества бесов.

[35] 15. Поэтому никакие дела не могут помешать человеку иметь ту подготовку, которая одна необходима, кроме дел, делающих его неготовым к небесам, выводящих из состояния спасения. Конечно, всякий благоразумный человек, имея время, перед принятием Вечери Господней испытает себя: истинно ли он кается в прежних грехах; верует ли обетованиям Божиим; вполне ли намерен ходить Его путями и пребывать в любви ко всем людям. На это и на уединённую молитву он, несомненно, употребит всё время, какое может без затруднения выделить. Но какое это имеет отношение к вам, у кого нет времени? Как это оправдывает непослушание Богу? Он велит вам прийти и, если есть время, приготовить себя молитвой; если времени нет, всё равно прийти. Не делайте почтения к Божией заповеди предлогом для её нарушения. Не восставайте против Него из страха Его оскорбить. Что бы вы ни делали или ни оставляли несделанным помимо этого, непременно делайте то, что Бог вам повелевает. Испытывать себя и молиться наедине, особенно перед Вечерей Господней, хорошо; но вот: «послушание лучше» самоиспытания, «и повиновение» — лучше молитвы ангела.

[36] 16. Третье возражение против постоянного причащения: оно ослабляет наше благоговение перед таинством. Допустим, ослабляет. Что же из этого? Сделаете ли вы вывод, что не следует причащаться постоянно? Он отсюда не следует. Бог повелевает: «Сие творите». Вы можете исполнить это сейчас, но не хотите и в оправдание говорите: «Если буду делать это так часто, ослабнет благоговение, с которым делаю теперь». Допустим; но говорил ли вам Бог, что, если исполнение заповеди ослабляет благоговение перед нею, вы можете её нарушить? Если говорил, вы невиновны; если нет, ваши слова совершенно не относятся к делу. Закон ясен. Либо покажите, что Законодатель делает это исключение, либо вы виновны перед Ним.

[37] 17. Благоговение перед таинством бывает двух родов: либо вызванное одной лишь новизной предмета, какое люди естественно испытывают перед всем непривычным, либо происходящее от нашей веры, любви к Богу или страха Божия. Первое, собственно, не является религиозным благоговением, а есть нечто чисто естественное. Такое благоговение перед Вечерей Господней постоянное причащение неизбежно уменьшит. Но истинного религиозного благоговения оно не уменьшит, а, напротив, укрепит и умножит.

[38] 18. Четвёртое возражение: «Я уже так долго постоянно причащаюсь, но не нашёл ожидаемой пользы». Это случалось со многими благонамеренными людьми и потому заслуживает особого рассмотрения. Подумайте прежде всего о следующем: всё, что Бог велит нам делать, мы должны делать потому, что Он повелевает, чувствуем ли мы от этого пользу или нет. Бог повелевает: «Сие творите в Моё воспоминание». Следовательно, мы

должны делать это потому, что Он повелевает, находим ли непосредственную пользу или нет. Но несомненно, рано или поздно польза обнаружится, хотя, возможно, и незаметным образом. Мы будем незаметно укрепляться, становиться способнее к Божию служению и постояннее в нём. По крайней мере, нас удерживают от отступления и сохраняют от многих грехов и искушений. Этого, конечно, должно быть достаточно, чтобы принимать эту пищу так часто, как можем, хотя мы и не чувствуем сразу её благотворных последствий, как чувствовали некоторые и как можем почувствовать сами, когда Бог сочтёт наилучшим.

[39] 19. Но допустим, человек часто приступал к таинству и всё же не получил пользы. Разве не сам он виноват? Либо он не был надлежаще приготовлен, не желая повиноваться всем заповедям и принять все Божии обетования, либо принимал таинство не как должно, без упования на Бога. Только позаботьтесь о должной подготовке, и чем чаще будете приступать к Господней трапезе, тем большую пользу найдёте.

[40] 20. Пятое возражение, которое некоторые выдвигают против постоянного причащения, состоит в том, что «Церковь предписывает его лишь три раза в год». Слова Церкви таковы: «Следует заметить, что каждый прихожанин должен причащаться по меньшей мере три раза в год». На это отвечаю, во-первых: что, если бы Церковь вообще не предписывала его? Разве недостаточно того, что предписывает Бог? Мы повинуемся Церкви только ради Бога. И разве не будем повиноваться Самому Богу? Поэтому, если вы причащаетесь трижды в год, потому что это повелевает Церковь, причащайтесь всякий раз, когда можете, потому

что это повелевает Бог. Иначе исполнение одного настолько не оправдает неисполнение другого, что ваше собственное поведение докажет ваше безумие и грех и оставит вас без оправдания.

41 Во-вторых, из этих слов нельзя заключить, будто Церковь оправдывает причащающегося лишь трижды в год. Их ясный смысл таков: тот, кто не причащается хотя бы три раза, должен быть исключён из Церкви. Но они никоим образом не оправдывают того, кто причащается не чаще. Наша Церковь никогда так не судила; напротив, она прилагает все возможные старания, чтобы таинство должным образом совершалось всюду, где читают общую молитву, в каждое воскресенье и каждый праздник года.

42 Церковь даёт особое указание о находящихся в священном сане: «Во всех соборных и коллегиальных церквах и колледжах, где имеется много священников и диаконов, все они должны причащаться вместе со священником по меньшей мере каждое воскресенье».

43 21. Было показано, во-первых: если рассматривать Вечерю Господню как заповедь Христову, то никто не может притязать на христианское благочестие, если не принимает её не раз в месяц, а так часто, как может. Во-вторых: если рассматривать её установление как милость к нам, никто не может притязать на христианское благоразумие, если не принимает её так часто, как может. В-третьих: ни одно из обычных возражений не может служить оправданием человеку, который не пользуется всякой возможностью исполнить эту заповедь и принять эту милость.

44 22. В частности, было показано, во-первых, что недостоинство не оправдание: хотя в одном смысле все

мы недостойны, никому из нас не нужно бояться недостоинства в смысле святого Павла — «есть и пить недостойно». Во-вторых, недостаток времени для подготовки не может быть оправданием, поскольку единственная безусловно необходимая подготовка такова, что ей не могут помешать никакие дела, да и вообще ничто на земле, кроме того, что мешает нам пребывать в состоянии спасения. В-третьих, ослабление благоговения не оправдание, ибо Давший заповедь «Сие творите» нигде не добавляет: «Если только это не ослабляет вашего благоговения». В-четвёртых, отсутствие пользы не оправдание, ибо это наша собственная вина: мы пренебрегаем необходимой подготовкой, которая в наших силах. Наконец, суждение нашей Церкви всецело поддерживает постоянное причащение. Если те, кто до сих пор пренебрегал им под каким-либо из этих предлогов, примут сказанное к сердцу, они по благодати Божией придут к лучшему образу мыслей и никогда не будут отказываться от дарованных им милостей.

О прежних временах

[1] «Не говори: отчего это прежние дни были лучше нынешних? потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом».

[2] Еккл. 7:10.

[3] 1. Нелегко усмотреть связь этого текста с окружающими словами — ни с предшествующими, ни с последующими. Он кажется отдельным, самостоятельным изречением, подобно весьма многим в Притчах Соломоновых; и, подобно им, содержит вескую истину, достойную серьёзного рассмотрения. Не таков ли смысл вопроса? Неразумно исследовать причину предполагаемого положения, пока само положение не признано истинным и притом ясно доказанным. Поэтому неразумно исследовать причину предположения, что «прежние дни были лучше нынешних»: как ни распространено оно, его ещё никогда не доказали и, в сущности, никогда не смогут доказать.

[4] 2. Быть может, немногие предположения пользовались в мире столь широким признанием, как это: прежние дни были лучше нынешних, и притом в нескольких отношениях. Обычно полагают, что теперь мы живём на исходе времён, когда мир как бы состарился и, следовательно, всё в нём приходит в упадок. В частности, предполагают, что несколько веков назад люди были гораздо выше ростом, чем теперь; что способности их были значительно больше, а разумение — глубже и сильнее; вследствие этого всякого рода их сочинения намного предпочтительнее позднейших. Прежде всего

предполагают, что прежние поколения превосходили нынешнее добродетелью, что человеческий род с каждым веком и в каждой стране всё более вырождался и наконец пал из золотого века в железный, так что ныне справедливость покинула землю.

[5] 3. Прежде чем рассматривать истинность этих предположений, исследуем их происхождение. Что касается общего предположения, будто некогда мир находился в гораздо более превосходном состоянии, чем теперь, не легко ли поверить, что оно возникло, как и все баснословные рассказы о золотом веке, из смутных преданий о наших прародителях и их райском состоянии? К этому относятся многие обломки древних сочинений, собранные учёными людьми. Поэтому мы можем признать в таком предположении некоторую истину: несомненно, дни, проведённые Адамом и Евой в раю, были гораздо лучше любых дней, прожитых их потомками или когда-либо предстоящих им до возвращения Христа, чтобы царствовать на земле. [84]

[6] 4. Но откуда могло возникнуть предположение, будто прежде люди были выше ростом, чем теперь? Это мнение широко господствовало почти у всех народов и во все века. Отсюда почти две тысячи лет назад появилась известная строка Вергилия:

> [7] Qualia nunc hominum producit corpora tellus.

[8] [Питт переводит её следующим образом:

> [9] «Едва двенадцать силачей могли б поднять громаду —
> Таких, что позорят сии тёмные, выродившиеся дни». — Ред.]

10 Отсюда же почти за тысячу лет до него Гомер рассказывает, как один из его героев бросил камень, который едва подняли бы десять человек — hoioi nyn brotoi, — таких, каковы люди ныне. Мы признаём, что во все века и в разных частях мира встречались исполины. Были ли таковыми упомянутые в Книге Бытия допотопные люди или нет — многие это оспаривали, — мы не можем сомневаться, что таким был Ог, царь Васанский, как и Голиаф из Гефа. Такими были и многие дети, то есть потомки, Енака. Но нет свидетельств, что в каком-либо веке или народе люди вообще были крупнее нынешних. Мы совершенно уверены, что на протяжении многих прошедших столетий это было не так, судя по обнаруженным гробницам и гробам, размер которых в точности совпадает с употребляемыми теперь. А в римских катакомбах ни одна ниша для мёртвых тел, высеченная в скале тысячу шестьсот лет назад, не превышает шести футов в длину, некоторые же немного короче. Более всего показательны египетские пирамиды, в частности пирамида царя Хеопса, существующие, вне всякого разумного сомнения, по меньшей мере три тысячи лет. И всё же ни одна извлечённая из них мумия, то есть набальзамированное тело, не превышает пяти футов десяти дюймов в длину.

11 5. Но как же это предположение так долго и так широко господствовало в мире? Возможно, его можно объяснить следующим образом. Большое и малое — понятия относительные, и все люди судят о величине, сравнивая вещи с самими собой. Поэтому неудивительно, если нам кажется, что теперь люди меньше, чем были в нашем детстве. Помню замечательный случай из собственной жизни. Через семь лет после ухода из школы мне очень захотелось увидеть место, где я воспитывался.

Оказавшись там, я удивился, что мальчики гораздо меньше, чем были, когда я сам учился: «Десять лет назад многие школьные товарищи были на голову выше меня, а теперь немногие из учеников достигают моего плеча». Совершенно верно. Но в чём причина? Она, в сущности, очень проста: не они стали меньше, а я вырос по сравнению с тем, каким был десять лет назад. Я твёрдо верю, что именно поэтому люди вообще полагают, будто человеческий род уменьшается ростом. Они помнят время, когда большинство окружающих было и выше, и крупнее их самих. Да и все люди в сменяющих друг друга поколениях испытывали то же. Удивительно ли тогда, что все впали в одну ошибку, незаметно передаваемую от отца к сыну и, вероятно, передающуюся до конца времён?

[12] 6. Но есть и другое общее предположение: будто разум человека и все его душевные способности в древности были обширнее нынешних, а древние обитатели земли обладали гораздо большими дарованиями, чем нынешние. Люди выдающейся учёности держались такого мнения и отстаивали его с величайшим жаром. Признаю, что многих древних писателей — философов, поэтов и историков — позднейшим векам нелегко превзойти или даже сравняться с ними. Можно назвать Гомера и Вергилия среди поэтов, Фукидида и Ливия среди историков. Но при этом о большинстве таких писателей следует заметить: каждый всю жизнь составлял и отделывал одну книгу. Удивительно ли тогда, что книги были доведены до высочайшего совершенства, если на них потрачено столько труда? Сомневаюсь, чтобы кто-либо в Европе или в целом мире приложил столько усилий к отделке какого-нибудь сочинения; иначе оно, возможно, сравнялось бы с любым предшествующим, если бы не превзошло его.

[13] 7. Но что большинство людей в древности ни на йоту не было мудрее нынешних, легко заключить из наиболее достоверных свидетельств. Один из древнейших народов, о которых у нас есть определённые сведения, — египтяне. Какое представление можем мы составить об их разумении и учёности, подумав о предметах их поклонения? Это были не только самые презренные животные, вроде собак и кошек, но даже порей и лук, росшие в их собственных огородах. Правда, я знал одного великого человека, имевшего обыкновение самой грязной бранью осыпать всех, кто смел с ним расходиться; я разумею не доктора Джонсона — по сравнению с господином Хатчинсоном он был настоящим придворным. Этот человек грубо поносил всех, кто настолько лишён здравого смысла, чтобы верить подобному об египтянах. Он безапелляционно утверждает, хотя и не снисходит до каких-либо доказательств, что древние обитатели Египта вкладывали во всё это глубокий, сокровенный смысл. Пусть верит, кто может. Я не могу поверить одному голословному утверждению какого бы то ни было человека. Я полагаю, что, поклоняясь кошкам, они вкладывали в это не более глубокий смысл, чем наши школьники, травя их. И думаю, что простые египтяне три тысячи лет назад были ровно столь же мудры, как простые пахари Англии и Уэльса сегодня. Полагаю, что их природное разумение, как и рост, было на одном уровне с нашим, а учёность, приобретённые знания, намного уступала знаниям людей того же положения во Франции, Голландии или Германии.

[14] 8. Но разве люди прежних времён не намного превосходили нас добродетелью? Это самый важный вопрос; остальное по сравнению с ним — пустяки. Разве не общепризнано, что каждый век становится всё хуже?

Разве древний языческий поэт не заметил почти две тысячи лет назад:

[15] Aetas parentum pejor avis tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosiorem?

[16] То есть, простой прозой: «Век наших родителей был порочнее века дедов; наш век порочнее века отцов; мы хуже, чем были наши отцы, а наши дети будут хуже нас».

[17] 9. Несомненно, таково общее сетование из поколения в поколение. Но если это неправда, откуда оно возникло? Как его объяснить? Возможно, другое замечание того же поэта поможет ответить. Нельзя ли извлечь ответ из общей характеристики, которую он даёт старикам?

[18] Difficilis, querulus, laudator temporis acti
Se puero, censor, castigatorque minorum.

[19] [Следующий перевод этой цитаты из Горация принадлежит Боскауэну:

[20] «Привередливы, ворчливы, склонны восхвалять
Всё, что случалось в юности у них,
И строгим, осуждающим языком
Исправлять безумства молодых». — Ред.]

[21] Разве старикам не свойственно хвалить прошлое и осуждать настоящее? И влияние этого, вероятно, простирается гораздо дальше, чем кажется на первый взгляд. Когда люди, более опытные, чем мы, и потому, как нам кажется, более мудрые, почти непрестанно твердят о вырождении мира, то у привыкших с детства слышать, насколько лучше мир был прежде, чем теперь, мысль о том, что он становится всё хуже, естественно растёт вместе с ними. Прежде мир действительно казался им

лучше: они были молоды, только вступали в жизнь, и жизнерадостность юности придавала приятный вид всему вокруг. Так будет продолжаться, пока и мы в свою очередь не станем ворчливы, раздражительны, недовольны, полны унылых жалоб: «До чего же мир стал нечестив! Как много лучше он был в нашей молодости, в те золотые дни, какие ещё помним!»

[22] 10. Но постараемся без предубеждения и пристрастия взглянуть на дело целиком. При спокойном и беспристрастном рассмотрении окажется, что прежние дни не были лучше нынешних; напротив, нынешние во многих отношениях несравненно лучше прежних. Станет ясно: как рост людей почти не менялся от начала мира, так и разумение людей при сходных обстоятельствах оставалось примерно одинаковым от времени, когда Бог навёл на землю потоп, до настоящего часа. У нас нет основания полагать, будто нецивилизованные народы Африки, Америки или островов Южного моря когда-либо обладали лучшим разумением или находились в менее варварском состоянии, чем ныне. С другой стороны, у нас нет и достаточного доказательства, будто природный ум людей в самых цивилизованных странах — Вавилонии, Персии, Греции или Италии — был сильнее или развитее, чем у ныне живущих немцев, французов или англичан. Более того, разве нет оснований полагать, что благодаря более совершенным приборам мы достигли такого познания природы, какого достигали немногие из древних, если вообще кто-либо? Поэтому в этом отношении преимущество, и немалое, явно на нашей стороне. И мы должны с глубокой благодарностью Подателю всякого благого дара признать, что прежние дни не идут в сравнение с теми, в какие живём мы.

[23] 11. Но главный вопрос остаётся: не были ли «прежние дни лучше нынешних» в отношении добродетели или, точнее говоря, религии? Это заслуживает полного рассмотрения.

[24] Под религией я разумею любовь к Богу и человеку, наполняющую сердце и управляющую жизнью. Её несомненный плод — постоянное осуществление справедливости, милосердия и истины. Это самая её сущность, высота и глубина религии, независимо от того или иного мнения и от всех особых форм богослужения. И я хотел бы спокойно спросить: «Какие прежние времена были лучше нынешних в этом отношении — в отношении религии, которую переживали и осуществляли архиепископ Фенелон во Франции, епископ Кен в Англии и епископ Беделл в Ирландии?»

[25] 12. Нам нет нужды распространять исследование далее того времени, когда жизнь и бессмертие были явлены через Евангелие. И мы признаём: дни непосредственно после излияния Святого Духа в день Пятидесятницы были лучше всех последующих даже в этом отношении, именно в отношении религии.

[26] Но, оставив в стороне этот краткий век золотых дней, я должен повторить вопрос: какие из прежних дней были лучше нынешних в какой-либо известной части обитаемого мира?

[27] 13. Была ли лучше первая часть нынешнего столетия — на наших островах или в какой-либо части материка? Я вовсе не знаю оснований это утверждать. Полагаю, что всякая часть Европы во время царствования королевы Анны была столь же лишена религии, как и сегодня. Правда, роскошь весьма возрастает во всех частях

Европы; возрастает по всему королевству и нечестие, этот позор Англии. Но столь же верно и то, что самый адский из всех пороков — жестокость — столь же быстро убывает. И такие её примеры, которые прежде встречались постоянно, ныне слышатся весьма редко. Даже на войне то дикое варварство, которое практиковалось повсюду, уже много лет как прекратилось.

[28] 14. Был ли прошлый век религиознее нынешнего? В первой его части было много внешнего благочестия, и некоторые, несомненно, испытали его силу. Но как скоро потускнело чистое золото! Как скоро оно смешалось с мирскими замыслами и совершенным презрением к истине, справедливости и милосердию, навлекшим на всякую религию позор, едва устранённый и поныне! Было ли больше истинной религии в предшествующем столетии, в веке Реформации? Несомненно, во многих странах произошло значительное преобразование религиозных мнений, да и форм богослужения, которые весьма изменились к лучшему как в Германии, так и в ряде других мест. Но хорошо известно, что сам Лютер до последнего вздоха жаловался: «Люди, называющиеся моим именем, хотя я желал бы, чтобы они назывались лишь именем Христа, преобразились в мнениях и формах богослужения; но нравы и жизнь их остались прежними». Даже тогда и справедливость, и милосердие столь бесстыдно попирались, что один выдающийся писатель исчисляет число убитых во время тех религиозных распрей не менее чем в сорок миллионов за сорок лет!

[29] 15. Отсюда можно отступить более чем на тысячу лет назад, не найдя лучшего времени. Ни один историк не даёт ни малейшего указания на такое время, пока мы не дойдём до эпохи Константина Великого. Некоторые

писатели оставили о ней самые великолепные описания. Более того, один выдающийся автор, не кто иной, как доктор Ньютон, покойный епископ Бристольский, приложил немало усилий, чтобы показать: обращение Константина в христианство и блага, которыми он нещадно осыпал Церковь, и были событием, обозначенным в Откровении как «нисхождение с небес нового Иерусалима»!

[30] 16. Но я никак не могу согласиться с мнением епископа по этому вопросу. Напротив, весь ход древней истории давно убедил меня: именно это событие — то, что Константин назвал себя христианином и излил поток богатства и почестей на христианскую Церковь, особенно на духовенство, — принесло Церкви больше зла, чем все десять гонений вместе. С того времени, когда христиане были осыпаны властью, богатством и всевозможными почестями, всякого рода пороки хлынули потоком и в духовенство, и в мирян. С того времени, как Церковь и государство, царства Христа и мира, столь странно и неестественно смешались, христианство и язычество настолько слились друг с другом, что едва ли когда-либо разделятся до пришествия Христа царствовать на земле. Поэтому вместо мечты, будто в ту эпоху землю покрыла слава нового Иерусалима, мы имеем страшное доказательство, что тогда и с тех пор она покрыта дымом бездны.

[31] 17. «Однако разве предшествовавшие этому дни, дни третьего столетия, не были несравненно лучше всех последующих?» В это верили почти повсеместно. Немногие сомневаются, что за век до Константина христианская Церковь пребывала во славе, поклоняясь Богу в благолепии святости. Но так ли было в

действительности? Что говорит святой Киприан, живший в середине этого века, свидетель вне всякого подозрения, запечатлевший истину собственной кровью? Как он описывает то, что видел своими глазами и слышал собственными ушами? Так, что можно почти вообразить, будто он живо изображает не древнюю Карфагенскую церковь, а современную Римскую. По его свидетельству, уже тогда во всех сословиях господствовали такие мерзости, что неудивительно, если Бог излил на них ярость Свою кровью через последовавшие жестокие гонения.

[32] 18. Да и до этого, даже в первом столетии, даже в апостольский век, какое описание даёт святой Иоанн некоторым церквам, которые сам насадил в Асии? Как мало те общины превосходили многие нынешние европейские! Более того, за сорок или пятьдесят лет до того, в пределах тридцати лет после сошествия Святого Духа, разве не было в Коринфской церкви таких мерзостей, какие «не именуются даже у язычников»? Так рано «тайна беззакония» начала действовать в христианской Церкви! Так мало у нас оснований ссылаться на «прежние дни», словно они были «лучше нынешних»!

[33] 19. Поэтому утверждать это, как бы часто ни утверждали, — не только противоречить истине, но и проявлять чёрную неблагодарность Богу, тяжко оскорблять Его благословенного Духа. Всякий, кто исследует беспристрастно и честно, легко заметит, что истинная религия в нынешнем столетии нисколько не убыла, а весьма возросла. Возьмём одну главную её отрасль — любовь к ближнему. Разве гонения почти не исчезли с лица земли? В каком веке христиане разных

исповеданий проявляли такую терпимость друг к другу? Когда прежде правители были столь снисходительны к своим подданным — не только в Великобритании и Ирландии, но во Франции и Германии, да и во всей Европе? Ничего подобного не видели со времён Константина, нет, со времён апостолов.

[34] 20. Если скажут: «Но ведь это плод всеобщего неверия, деизма, распространившегося по всей Европе», — я отвечу: какова бы ни была причина, у нас есть основание весьма радоваться следствию. И если всепремудрый Бог извлёк из этого страшного зла столь великое и всеобщее благо, тем более нам следует величать явленные здесь Его дивную силу, мудрость и благость. Насколько мы можем судить, это действительно был самый прямой путь подготовить *номинальных* христиан сначала к терпимости, а затем к принятию *подлинного* христианства. Пока правители сами не были с ним знакомы, ничто иное не могло побудить их терпеть его. О глубина премудрости и ведения Божиих, когда полное пренебрежение всякой религией прокладывает путь возрождению единственной религии, достойной Бога! Я не уверен, так ли обстоит дело во Франции и Германии; но в Северной Америке это неоспоримо: полное безразличие тамошней власти к тому, существует ли какая-либо религия или нет, оставляет простор для распространения истинной, библейской религии без малейшего препятствия или помехи.

[35] 21. Но сверх того, тогда как, с одной стороны, росли роскошь и нечестие, с другой — благожелательность и сострадание ко всем видам человеческого горя возросли в мере, неведомой прежде, от древнейших веков мира. В доказательство мы видим, что в нынешнем столетии, по

крайней мере в Лондоне и его окрестностях, построено больше больниц, лечебниц и других учреждений общественной благотворительности, чем за пятьсот предшествующих лет. И пусть это отчасти было вызвано тщеславием, желанием похвалы; всё же у нас есть причина благословлять Бога за то, что столько добра произошло даже из этого несовершенного побуждения.

[36] 22. Не могу не упомянуть ещё одного примера Божией благости к нам в нынешнем веке. Он воздвиг на наших островах Своё знамя против роскоши, нечестия и всякого рода порока. Почти пятьдесят лет назад Он как бы посеял близ Лондона горчичное зерно; теперь оно выросло и пустило большие ветви, простирающиеся от моря до моря. Два или три бедных человека собрались, чтобы помогать друг другу становиться подлинными христианами. Число их возросло до сотен, тысяч, десятков тысяч, а они по-прежнему стремились к одной цели: к истинной религии, к любви к Богу и человеку, управляющей всеми их расположениями, словами и поступками. И теперь я осмелюсь сказать: подобного события, рассматриваемого во всех его обстоятельствах, не было на земле с тех пор, как святой Иоанн отошёл на лоно Авраамово.

[37] 23. Скажем ли теперь: «Прежние дни были лучше нынешних»? Да не допустит Бог, чтобы мы оказались столь неразумны и неблагодарны! Напротив, будем хвалить Его весь день, ибо Он щедро облагодетельствовал нас. Ни одно «прежнее время» с тех пор, как апостолы покинули землю, не было лучше нынешнего. Во многих отношениях ни одно не может с ним сравниться. Мы родились не в неподходящее время, а в день Его силы — в день славного спасения, когда Он спешит обновить весь человеческий род в праведности и истинной святости. Как

ярко уже воссияло Солнце правды над различными частями земли! Сколько благодатных дождей Он уже излил на Своё наследие! Сколько драгоценных душ уже собрал в Свою житницу, словно зрелые снопы! Да будем мы всегда готовы следовать за ними, взывая в сердцах: «Гряди, Господи Иисусе! Гряди скоро!»

Что есть человек?

1 «Когда взираю я на Твои небеса, дело Твоих перстов, на луну и звёзды, которые Ты поставил, то что есть человек?»

2 Пс. 8:3, 4.

3 Как часто замечали, что Книга Псалмов — богатая сокровищница благочестия, приготовленная премудростью Божией для восполнения нужд Его детей во всех поколениях! Во все века псалмы приносили особую пользу любящим Бога или боящимся Его — не только благочестивым израильтянам, но детям Божиим во всех народах. Эта книга была чрезвычайно полезна Церкви Божией не только в её младенчестве, столь прекрасно описанном святым Павлом в начале четвёртой главы Послания к Галатам, но и после того, как в полноту времён «жизнь и бессмертие были явлены через Евангелие». Христиане всякого века и народа пользовались этим Божественным сокровищем, обильно восполнявшим нужды не только «младенцев во Христе», лишь начинавших идти Божиими путями, но и значительно преуспевших на них, даже тех, кто быстро приближался к «мере полного возраста Христова».

4 Предмет этого псалма прекрасно выражен в самом начале: «Господи, Владыка наш! Как величественно имя Твоё по всей земле! Слава Твоя простирается превыше небес!» Он воспевает славную премудрость и любовь Бога, Творца и Правителя всего. Вполне вероятно предположение, что Давид написал этот псалом ясной

звёздной ночью, наблюдая также луну, «шествующую в сиянии своём»; что, созерцая

[5] Прекрасный полукруг, простор небес лазурных,
Ужасающе огромных и прекрасно светлых,
С несчётными звёздами, с неизмеримым светом, —

[6] он от полноты сердца излил естественный восторг: «Когда взираю я на Твои небеса, дело Твоих перстов, на луну и звёзды, которые Ты поставил, то что есть человек?» Как возможно, чтобы Творец этих бесчисленных воинств неба и земли хоть сколько-нибудь заботился об этой пылинке творения, чьё время «проходит, как тень»?

[7] Твоё тело — прах, твой рост — лишь пядь,
Твоя жизнь — мгновенье, неразумный человек!

[8] «Что есть человек?» Я хотел бы рассмотреть это, во-первых, в отношении его величины и, во-вторых, в отношении продолжительности его существования.

[9] I. 1. Рассмотрим прежде всего: что есть человек в отношении своей величины? И в этом отношении что представляет собой отдельный человек в сравнении со всеми обитателями Великобритании? В таком сравнении он обращается в ничто. Как непостижимо мал один человек в сравнении с восемью или десятью миллионами! Разве он не

[10] Теряется, как капля в безбрежном море?

[11] 2. Но что такое все обитатели Великобритании в сравнении со всеми обитателями земли? Число последних часто полагали около четырёхсот миллионов. Но признают ли этот подсчёт верным те, кто утверждает, что в одном Китае живёт пятьдесят восемь миллионов? Если

правда, что одна эта империя содержит немногим менее шестидесяти миллионов, можно легко предположить, что число жителей всего земного шара, состоящего из суши и воды, достигает скорее четырёх тысяч миллионов, чем четырёхсот. И что такое один человек в сравнении с этим числом?

12 3. Но какова величина самой земли в сравнении с величиной Солнечной системы, включающей, помимо огромного тела солнца, неизмеримо большего земли, весь ряд главных и второстепенных планет, некоторые из которых — я разумею второстепенные планеты, например спутники, или луны, Юпитера и Сатурна — намного больше всей земли?

13 4. И всё же каково всё количество вещества, заключённого в солнце и во всех этих главных и второстепенных планетах, вместе со всеми пространствами Солнечной системы, в сравнении с пространством, которое пересекают удивительные тела — кометы? Кто, кроме Самого Творца, может «исчислить их и назвать все по имени»? Но что такое даже орбита кометы и заключённое в ней пространство по сравнению с пространством неподвижных звёзд, столь безмерно удалённых от земли, что и в самый большой телескоп они выглядят так же, как невооружённым глазом?

14 5. Простираются ли пределы творения за область неподвижных звёзд или нет — кто может сказать? Только утренние звёзды, певшие вместе, когда полагались его основания. Но что оно конечно, что пределы его установлены, в этом у нас нет основания сомневаться. Мы не можем сомневаться: когда Сын Божий завершил всё дело, которое сотворил и создал, Он сказал:

15 Вот границы твои,
Вот твоя должная окружность, о мир!

16 Но что перед этим человек?

17 6. Мы можем сделать ещё один шаг, и только один. Что такое пространство всего творения, всё конечное пространство, существующее или мыслимое, в сравнении с бесконечным? Разве не точка, не нуль оно перед тем пространством, которое наполняет Тот, Кто есть всё во всём? Подумайте об этом и тогда спросите: «Что есть человек?»

18 7. Что есть человек, чтобы великий Бог, наполняющий небо и землю, «Высокий и Превознесённый, вечно Живущий», снисходил столь непостижимо низко, чтобы «помнить о нём»? Разве разум не внушил бы нам, что столь малое существо останется незамеченным среди необъятности Его дел? Особенно если рассмотрим

19 II. во-вторых: что есть человек в отношении продолжительности своего существования?

20 1. Дни человека с последнего сокращения человеческой жизни, которое, по-видимому, произошло во времена Моисея и, весьма вероятно, было открыто человеку Божию тогда, когда он произнёс эти слова, — «семьдесят лет». Такова общая мера, ныне назначенная Богом. «А если кто настолько крепок», быть может, один из ста, «что достигает восьмидесяти лет, то и тогда крепость его — труд и болезнь: так скоро всё проходит, и мы исчезаем!»

21 2. Какая же жалкая доля времени это в сравнении с жизнью Мафусала! «И жил Мафусал девятьсот шестьдесят девять лет». Но что эти девятьсот шестьдесят

девять лет перед длительностью существования ангела, начавшегося «прежде, нежели родились горы» или были положены основания земли? И что такое время, прошедшее от сотворения ангелов, перед тем, которое прошло до их сотворения, перед безначальной вечностью — перед той половиной вечности, если можно так выразиться, которая к тому времени уже миновала? И что перед нею семьдесят лет?

[22] 3. В самом деле, какое возможно соотношение между какой-либо конечной длительностью и бесконечной? Каково соотношение между тысячью или десятью тысячами лет, между десятью тысячами по десять тысяч веков и вечностью? Не знаю, можно ли выразительнее показать невыразимую несоразмерность между любой мыслимой частью времени и вечностью, чем в известном месте святого Киприана: «Предположим, существует песчаный шар величиной с земной шар, и предположим, что раз в тысячу лет уничтожается одна его песчинка; всё то время, в течение которого шар исчезал бы, теряя по песчинке за тысячу лет, имело бы к вечности меньшее, да, несказанно, бесконечно меньшее отношение, чем одна песчинка ко всей этой массе». Что же тогда семьдесят лет человеческой жизни в сравнении с вечностью? Какими словами выразить их соотношение? Это ничто, да, бесконечно меньше, чем ничто!

[23] 4. Если к малости человека прибавить невыразимую краткость его существования, удивительно ли, что мыслящий человек иногда испытывает своего рода страх: не оставит ли великий, вечный, бесконечный Правитель вселенной без внимания столь малое существо, как человек, во всех отношениях столь незначительное перед необъятностью или вечностью? Не мелькнули ли оба эти

размышления — если и не задержались — в уме царственного псалмопевца? Так, созерцая первое, он восклицает сильными словами нашего текста: «Когда взираю на небеса, дело Твоих перстов, на луну и звёзды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, или сын человеческий, что Ты заботишься о нём?» Он действительно, говоря словами святого Августина, *aliqua portio creaturæ tuæ*, «некоторая часть Твоего творения»; но quantula portio — «какая изумительно малая часть»! Как совершенно недостоин он Твоего внимания! Размышляя, по-видимому, о втором, псалмопевец взывает в сто сорок четвёртом псалме: «Господи! Что есть человек, что Ты столь чтишь его, или сын человеческий, что Ты столь заботишься о нём?» «Человек подобен ничтожеству». Почему? «Время его проходит, как тень». Здесь, хотя вообще такое бывает весьма редко, новый перевод псалмов, включённый в наши Библии, возможно, точнее старого, находящегося в Книге общей молитвы. Он звучит так: «Господи! Что есть человек, что Ты знаешь о нём, или сын человеческий, что Ты принимаешь его в расчёт?» Согласно первому переводу, Давид как будто поражается тому, что вечный Бог, несмотря на малость человека, оказывает ему столь большое уважение и столь заботится о нём. Во втором же он словно удивляется тому, что при человеческой жизни, «проходящей, как тень», Бог вообще знает о человеке или хоть сколько-нибудь принимает его в расчёт. [85]

[24] 5. И нам естественно приходить к тому же размышлению и испытывать тот же страх. Но как предупредить эту тревожную мысль и действенно исцелиться от страха? Во-первых, подумав о том, чего Давид, по-видимому, вовсе не принял в расчёт: тело — ещё не человек; человек — не только глиняная хижина,

но бессмертный дух, сотворённый по образу Божию, нетленное отображение Бога славы; дух, бесконечно более ценный, чем вся земля, более ценный, чем солнце, луна и звёзды вместе, более того — чем всё вещественное творение. Подумайте: дух человека не только принадлежит к высшему порядку и обладает более превосходной природой, чем любая часть видимого мира, но также долговечнее её, не подвержен ни распаду, ни разрушению. Мы знаем: всё «видимое временно», имеет изменчивую, преходящую природу, а «невидимое», в частности человеческая душа, «вечно». «Они погибнут», но душа останется. «Все обветшают, как риза»; но когда небо и земля прейдут, душа не прейдёт.

25 6. Во-вторых, подумайте о том, что Отец духов объявил нам через пророка Осию: «Я Бог, а не человек; поэтому милосердие Моё не истощается». Как если бы Он сказал: «Будь Я лишь человеком, ангелом или любым конечным существом, знание Моё могло бы иметь пределы, а милость — ограничения. Но „Мои мысли — не ваши мысли“, и милость Моя — не ваша милость. „Как небо выше земли, так мысли Мои выше мыслей ваших“, и „милость Моя“, сострадание Моё, способы его проявления „выше путей ваших“».

26 7. Чтобы не осталось ни тени страха, ни возможности сомнения, чтобы показать, как великое вечное Божество относится к малому, недолговечному человеку, особенно к его бессмертной части, Бог отдал Сына Своего, «Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную». Посмотрите, как Бог возлюбил мир! Сын Божий, «Бог от Бога, Свет от Света, Бог истинный от Бога истинного», равный Отцу во славе, совечный в величии, «уничижил Себя Самого, приняв

образ раба, и, по виду став как человек, был послушен даже до смерти, и смерти крестной». Всё это Он претерпел не ради Себя, а «ради нас, людей, и ради нашего спасения». Он «понёс» все «грехи наши телом Своим на древе», чтобы «ранами Его мы исцелились». После такого доказательства Его любви возможно ли ещё сомневаться в нежной заботе Бога о человеке, хотя бы тот был «мёртв по преступлениям и грехам»? Даже увидев нас во грехах и в крови, Он сказал нам: «Живи!» Не будем же больше бояться! Не будем больше сомневаться! «Тот, Кто Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как с Ним не дарует нам и всего?»

[27] 8. «Но, — говорит философ, — если Бог так возлюбил мир, разве Он не любил тысячу других миров так же, как этот? Теперь признают, что кроме нашего мира существуют тысячи, если не миллионы других. И может ли разумный человек поверить, будто Творец всех этих миров, многие из которых, вероятно, столь же велики, как наш, а то и намного больше, проявил к одному такую поразительно большую заботу, чем ко всем остальным?» Отвечаю: допустим, существуют миллионы миров; всё же Бог в бездне бесконечной премудрости может видеть неведомые нам причины, по которым Ему было угодно явить эту милость нашему миру предпочтительно перед тысячами или миллионами других.

[28] 9. Я говорю это, даже принимая распространённое предположение о множественности миров — любимое представление всех отрицающих христианское Откровение, и любимое именно потому, что оно даёт основание для столь правдоподобного возражения против него. Но чем больше я рассматриваю это предположение, тем сильнее сомневаюсь в нём: настолько, что, даже если

бы его признали все философы Европы, я всё же не мог бы признать его без доказательства более сильного, чем любое из встреченных мною до сих пор.

[29] 10. «Но разве довода великого Гюйгенса недостаточно, чтобы сделать это несомненным? „Когда мы смотрим, — говорит этот искусный астроном, — на луну в хороший телескоп, ясно различаем реки и горы на её пятнистом шаре. Там же, где есть реки, несомненно, есть разного рода растения и растительность; а где есть растения, там, несомненно, есть животные, даже разумные, как на земле. Следовательно, луна имеет своих обитателей, вероятно, близких нашим. Но если наша луна обитаема, легко предположить то же обо всех второстепенных планетах, в частности обо всех спутниках, или лунах, Юпитера и Сатурна. А если второстепенные планеты обитаемы, почему не главные? Почему сомневаться в этом относительно самих Юпитера и Сатурна, равно как Марса, Венеры и Меркурия?“»

[30] 11. Но разве вы не знаете, что сам господин Гюйгенс перед смертью усомнился во всей этой гипотезе? При дальнейших наблюдениях он нашёл основание полагать, что у луны нет атмосферы. Он заметил: при полном солнечном затмении, как только тень отходит от какого-либо участка земли, солнце сразу ярко его освещает; если же у луны была бы атмосфера, солнечный свет, проходя сквозь неё, казался бы тусклым и сумрачным. Так, после лунного затмения на той части луны, откуда уходит земная тень, сперва появляется тусклый свет, поскольку он проходит сквозь атмосферу земли. Отсюда видно, что у луны нет атмосферы. Следовательно, нет облаков, дождя, источников, рек, а потому нет ни растений, ни животных. Но нет ни

доказательства, ни вероятности, что луна обитаема; нет у нас и доказательства, что обитаемы другие планеты. Следовательно, когда основание устранено, всё здание рушится.

[31] 12. Но вы скажете: «Даже если этот довод несостоятелен, мы можем вывести то же заключение — множественность миров — из безграничной мудрости, силы и благости Творца. Ему было столь же легко сотворить тысячи или миллионы миров, как один. Может ли тогда кто-нибудь поверить, что Он употребил всю Свою силу и мудрость на создание единственного мира? Какая соразмерность между этой пылинкой творения и великим Богом, наполняющим небо и землю, когда

> [32] „Мы знаем: сила всемогущей Его руки
> Могла бы из каждой песчинки создать ещё один мир“?»

[33] 13. На это превозносимое доказательство, на этот argumentum palmarium учёных неверующих я отвечаю: разве вы рассчитываете найти какую-либо соразмерность между конечным и бесконечным? Предположим, Бог создал на тысячу больше миров, чем песчинок во вселенной; какое отношение имели бы все они вместе к бесконечному Творцу? Всё равно перед Ним они были бы не в тысячу раз, а бесконечно меньше пылинки перед вселенной. Покончите же с этим детским лепетом о соразмерности созданий Творцу и предоставьте всепремудрому Богу творить что и когда Ему угодно. Ибо кто, кроме Него Самого, «познал ум Господень? Или кто был советником Ему?»

[34] 14. Итак, довольно нам знать простую и утешительную истину: всемогущий Творец явил этому бедному, малому,

однодневному существу такую заботу, какой не явил даже небесным обитателям, «не сохранившим первоначального своего состояния». Он дал нам Сына, Своего Единственного Сына, чтобы и жить, и умереть за нас! О, будем жить для Него, чтобы и умереть для Него и вечно жить с Ним!

Об участии в церковном богослужении

[1] «Грех этих молодых людей был весьма велик».

[2] 1 Цар. 2:17.

[3] 1. Развращение не только языческого мира, но и тех, кто именовался христианами, почти со времён апостолов было предметом скорби и плача благочестивых людей. Поэтому уже во втором столетии, в пределах ста лет после отшествия святого Иоанна с земли, люди, боявшиеся стать причастниками чужих грехов, считали своим долгом отделиться от них. Отсюда во все века многие удалялись от мира, чтобы не запятнаться его скверной. В третьем столетии многие заходили столь далеко, что убегали в пустыни и становились отшельниками. Но в следующем веке это приняло иной оборот: вместо отшельников они становились монахами. Во всех христианских странах начали строить монастыри и учреждать религиозные общины мужчин и женщин, совершенно отгороженных от остального человечества. Они не общались ни с ближайшими родственниками, ни с кем-либо ещё, кроме тех, кто обычно до конца жизни был заключён в тех же стенах.

[4] 2. После Реформации этот дух буквального отречения от мира через удаление в монастыри уже не господствовал так широко. Более того, в протестантских странах такие дома были совершенно упразднены. И всё же слишком многие серьёзные люди, главным образом побуждаемые теми, кого обычно называют «мистическими

писателями», стремились отгородиться от мира и уйти в уединение, считая это лучшим, если не единственным, способом избежать царящей в мире скверны.

5 3. Одним из обстоятельств, сильно склонявших их отделяться от тех церквей или религиозных обществ, к которым они принадлежали с младенчества, было убеждение, что от служения несвятых людей нельзя ожидать добра. «Как! — говорили они. — Неужели можно думать, что святой Бог благословит служение нечестивцев? Можно ли вообразить, что сами чуждые Божией благодати явят её другим? Допустимо ли предполагать, что Бог когда-либо действовал или будет действовать через детей диавола? А если предположить этого нельзя, не должны ли мы „выйти из среды их и отделиться“?»

6 4. Более двадцати лет подобное никогда не приходило на ум тем, кого называли методистами. Но по мере того как к ним присоединялось всё больше воспитанных среди диссентеров, они вносили всё больше предубеждения против Церкви. Со временем различные обстоятельства способствовали его усилению и утверждению. Многие забыли, что в самом начале мы все были убеждёнными членами установленной Церкви. Более того, одним из наших первоначальных правил было: каждый член нашего Общества должен посещать церковь и причащаться, если только он не был воспитан среди христиан какого-либо другого исповедания.

7 5. Поэтому, чтобы другие не впали в такое же замешательство и недоумение, в каком уже оказались многие, крайне необходимо основательно рассмотреть этот вопрос; спокойно исследовать, благословлял ли Бог когда-либо служение нечестивых людей и благословляет

ли в настоящий час. Перед нами простой вопрос о факте. Если Бог никогда не благословлял его, мы должны отделиться от Церкви, по крайней мере там, где есть основание считать служителя несвятым человеком. Если когда-либо благословлял и продолжает благословлять, мы должны оставаться в ней.

[8] 6. Девятнадцать лет назад на нашей открытой конференции в Лидсе мы рассматривали вопрос, следует ли методистам отделиться от Церкви; после долгого и беспристрастного исследования было решено, nemine contradicente, без единого возражения, что отделяться им нецелесообразно. Основания подробно изложены и сохраняют ту же силу поныне.

[9] 7. Чтобы поставить этот вопрос вне всякого возможного спора, я избрал для проповеди слова, дающие удобный случай рассмотреть, как Бог поступал в Своей Церкви уже с столь раннего времени. Ведь обычно признают, что Илий жил по меньшей мере за тысячу лет до пришествия нашего Господа в мир. В стихах, предшествующих нашему тексту, читаем: «Сыновья же Илия были сынами Велиара; они не знали Господа» (1 Цар. 2:12). Они были нечестивы в необычайной степени. В следующих стихах со всеми ужасающими обстоятельствами рассказано об их кощунственном насилии над жертвоприношениями. Но, что было ещё большей мерзостью, «они спали с женщинами, собиравшимися у входа в скинию собрания» (1 Цар. 2:22). По обеим этим причинам «грех этих молодых людей был весьма велик», и люди «стали отвращаться от приношения Господу».

[10] 8. Позволено ли мне сделать небольшое отступление, чтобы исправить неверный перевод двадцать пятого стиха? В нашем переводе он звучит так: «Они не слушали

голоса отца своего, ибо Господь хотел умертвить их». Не следует ли скорее передать: «Поэтому Господь намеревался умертвить их»? Как если бы было сказано: «Господь не допустил, чтобы их ужасное и упорное нечестие осталось без наказания, но за это нечестие умертвил обоих в один день рукой филистимлян». Они согрешили не потому, что Бог решил умертвить их, как можно подумать из обычного перевода; напротив, Бог решил умертвить их потому, что они так согрешили.

11 9. Но возвратимся. Их грех был тем непростительнее, что они не могли не знать его страшного последствия: из-за их чудовищного нечестия «люди стали отвращаться от приношения Господу». Многие из народа были столь глубоко соблазнены, что, если и не совсем уклонялись от общественного богослужения, всё же посещали его с болью, питая отвращение к священникам и вместе с тем почитая жертву.

12 10. И есть ли у нас доказательство, что преемники этих священников были святее Офни и Финееса — не только до того времени, когда Бог допустил отделение десяти колен от братьев и от установленного Им богослужения, но даже до того, когда Иуда, как и Израиль, за нечестие священников, равно как народа, был уведён в плен?

13 11. Какими людьми они были около времени Вавилонского плена, мы узнаём из различных мест пророчества Иеремии, явно показывающих, что и народ, и священники погрязли во всевозможных пороках. А насколько мало они исправились после возвращения в свою землю, можно заключить из страшных слов пророчества Малахии: «Итак, для вас, священники, эта заповедь. Если вы не послушаетесь и если не примете к сердцу, чтобы воздавать славу имени Моему, говорит

Господь Саваоф, то Я пошлю на вас проклятие и прокляну ваши благословения; да, уже проклял их, потому что вы не принимаете этого к сердцу. Вот, Я прокляну ваше семя и разбросаю по лицам вашим помёт, помёт праздничных жертв ваших, и удалят вас вместе с ним» (Мал. 2:1–3).

[14] 12. Таковы были Божии священники в сменявшихся поколениях, пока Он не ввёл в мир великого Первосвященника! И какими они были в то время, когда Он служил на земле? Обширное и подробное описание их характера находится в двадцать третьей главе святого Матфея; худшее описание трудно найти во всех словах Божиих. Но не возразят ли: «Там наш Господь обращается не к священникам, а к книжникам и фарисеям»? Да; но это одно и то же. Книжники были теми, кого мы теперь называем богословами, — общественными учителями народа. И многие, если не большинство, священников, особенно все наиболее строгие из них, были фарисеями; поэтому, изображая книжников и фарисеев, Он изображает и священников.

[15] 13. Вскоре после излияния Святого Духа в день Пятидесятницы, во младенчестве христианской Церкви, действительно произошла славная перемена. «Великая благодать была тогда на всех их», и на служителях, и на народе. «У множества уверовавших было одно сердце и одна душа». Но как недолго это продолжалось! Как скоро потускнело чистое золото! Задолго до окончания даже апостольского века сам святой Павел уже имел основание жаловаться, что некоторые соработники оставили его, «возлюбив нынешний век». А немного позднее святой Иоанн обличал нескольких ангелов, то есть служителей, церквей Асии, потому что уже в те ранние дни «дела их не были найдены совершенными пред Богом».

[16] 14. Так «тайна беззакония» начала «действовать» и в служителях, и в народе ещё до конца апостольского века. Но насколько могущественнее она действовала, едва эти мудрые строители, апостолы, были удалены! И служители, и народ всё дальше отходили от надежды Евангелия. Поэтому, когда святой Киприан примерно через сто пятьдесят лет после смерти святого Иоанна описывает дух и поведение окружавших его мирян и духовенства, можно подумать, будто он даёт описание нынешнего европейского духовенства и мирян. Но развращение, просачивавшееся по капле во втором и третьем столетиях, в начале четвёртого, когда Константин назвал себя христианином, хлынуло на Церковь полным потоком. И всякий, кто читает церковную историю от Константина до Реформации, легко заметит, что все мерзости языческого мира, а в последующие века и магометан, залили каждую её часть. Во всяком народе и городе духовенство было нисколько не невиннее мирян.

[17] 15. «Но разве во время славной Реформации, освободившей от папизма, не произошла весьма значительная перемена и в духовенстве, и в мирянах?» Несомненно, произошла. Они не только освободились от весьма многих ошибочных мнений и бесчисленных суеверных и идолопоклоннических форм богослужения, до тех пор господствовавших в Западной Церкви, но и в жизни и нравах чрезвычайно исправились. Почти во всех частях Европы можно было найти больше древнего, библейского христианства. И всё же, несмотря на это, все дела диавола, всякое нечестие и неправда, грехи всякого рода продолжали господствовать и в духовенстве, и в мирянах во всех частях христианского мира. Даже те священнослужители, которые наиболее горячо спорили о

внешних сторонах религии, весьма мало заботились о её жизни и силе — о благочестии, справедливости, милосердии и истине.

[18] 16. Однако следует признать: со времени Реформации, особенно в нынешнем столетии, поведение духовенства в целом весьма изменилось к лучшему. И даже если допустить, что во многих частях Римской церкви оно почти таково, каким было прежде, следует также признать: большая часть протестантского духовенства очень отличается от прежнего. У него не только больше учёности самого ценного рода, но и намного больше религии. Поэтому обычно признают, что английское и ирландское духовенство не уступает никакому другому в Европе как благочестием, так и знаниями.

[19] 17. Если всё это признать, чего им ещё недостаёт? Можно ли в чём-либо их обвинить? Я желаю спокойно и беспристрастно рассмотреть этот вопрос в страхе Божием и в присутствии Бога. Я далёк от желания преувеличивать недостатки братьев или изображать их самыми резкими красками. Да не будет со мной, чтобы я обращался с другими так, как обращались со мной, воздавал злом за зло или ругательством за ругательство. Но, говоря чистую правду, без гнева и презрения, как поступали слишком многие, я признаю: многие, если не большинство, из поставленных служить святыням, с которыми мне довелось общаться почти во всех частях Англии и Ирландии за последние сорок или пятьдесят лет, не отличались ни познаниями, ни благочестием. Громко утверждали, будто большинство ныне связанных со *мной* людей, считающих своим долгом призывать грешников к покаянию и взятых прямо из низких ремёсел — портных, сапожников и тому подобных, — представляет собой

сборище бедных, тупых, неучёных людей, едва отличающих правую руку от левой. И всё же не могу не сказать: я скорее отсёк бы правую руку, чем позволил хоть одному из них произнести слово в любой нашей часовне, если бы не имел разумного доказательства, что он лучше знает Священное Писание, самого себя, Бога и Божии предметы, чем девять из десяти священнослужителей, с которыми я беседовал в университетах или где-либо ещё.

[20] 18. Между тем я охотно признаю, что это обвинение не касается всего духовенства. Несомненно, в наших королевствах много священнослужителей не только свободных от внешнего греха, но и выдающейся учёности, а что бесконечно важнее — глубоко знающих Бога. И всё же я вынужден признать: гораздо большая часть служителей, с которыми я общался более полувека, не были святыми людьми, не были преданы Богу, не обладали глубоким знанием ни Бога, ни самих себя. Нельзя было сказать, что они обращают «помышления к горнему, а не к земному» или что желанием и делом их жизни было спасение собственных душ и душ слушающих их.

[21] 19. Я предпринял этот неприятный обзор печальной картины — характера тех, кого Бог на протяжении стольких веков назначал пастырями душ, — чтобы решить вопрос: «Должны ли дети Божии воздерживаться от Его установлений, потому что совершающие их — несвятые люди?» Этот вопрос чрезвычайно смущал многих серьёзных людей. «Не должны ли мы, — говорят они, — воздерживаться от служения нечестивцев? Возможно ли получить какое-либо добро из рук тех, кто не знает Бога?

Можно ли предположить, что благодать Божия когда-нибудь передавалась людям через слуг диавола?»

[22] Что говорит Писание? Будем тесно держаться его и не собьёмся с пути. Мы видели там, какими людьми было большинство служивших святыням на протяжении многих веков. О времени двух- или трёхтысячелетней давности читаем: «Сыновья Илия были сынами Велиара; они не знали Господа». Но было ли это достаточным основанием израильтянам уклоняться от их служения? Правда, из-за них люди «отвращались от приношений Господу», и всё же постоянно присутствовали при них. И думаете ли вы, что Самуил, при всей своей святости, когда-нибудь советовал поступать иначе? Разве от этого времени до Вавилонского плена священники и общественные учителя не были столь же чужды Богу? Несомненно, были. Но разве Исаия или кто-либо из пророков по этой причине призывал оставить Божии установления? Разве от Вавилонского плена до пришествия Христа они не были столь же нечестивы? Как ясно это видно, даже если бы не было иных доказательств, из пророчеств Иеремии и Малахии! Но призывал ли Малахия, Иеремия или какой-нибудь другой пророк народ отделиться от этих нечестивых людей?

[23] 20. Но приблизим вопрос к нам самим. Никогда не было священников или общественных учителей более развращённых, более совершенно отчуждённых от Бога, чем во дни нашего благословенного Господа. Разве они не были просто побелёнными стенами? Разве лучшие из них не были окрашенными гробами, полными гордости, похоти, зависти, корыстолюбия, всякого нечестия и неправды? Разве не так описывает их Сам наш Господь, знавший, что в человеке? Но воздерживался ли Он

поэтому от общественного богослужения, совершаемого именно этими людьми, или повелевал ли так поступать апостолам? Нет, прямо наоборот. Потому, как Он Сам постоянно посещал эти служения, так поступали и Его ученики.

[24] 21. Есть ещё одно обстоятельство в поведении нашего Господа, достойное особого внимания. Он призывает двенадцать и посылает их по двое проповедовать Евангелие (Мк. 6:7). И поскольку они не отправлялись на служение за собственный счёт, им подчинялись даже «бесы». Одним из них был Иуда Искариот. Знал ли наш Господь, что «в нём бес»? Святой Иоанн прямо говорит, что знал. И всё же Иуда был соединён с другим апостолом и пребывал со всеми в одном общении; нет у нас и основания сомневаться, что Бог благословил труд всех двенадцати Своих посланников. Но почему Господь послал его вместе с ними? Несомненно, для нашего наставления: как постоянное, неопровержимое доказательство того, что Он «посылает через кого хочет послать»; что Он может посылать и посылает людям спасение даже через тех, кто сам не желает его принять.

[25] 22. Господь даёт нам и дальнейшее наставление об этом. В Мф. 23:1–3 находятся весьма примечательные слова: «Тогда Иисус обратился к народу и к ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак, всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте, но по делам их не поступайте, ибо они говорят и не делают». Именно этим людям в следующих стихах Он даёт самую мрачную характеристику. И всё же Он настолько далёк от запрещения народу или собственным ученикам посещать их служение, что прямо повелевает это словами: «Всё, что

они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте». Эти слова заключают повеление слушать их: как иначе можно «соблюдать и делать» то, что они велят, если не слышать этого? Прошу вас, обдумайте это, вы, говорящие о преемниках этих нечестивых людей: «Они говорят и не делают, следовательно, не должно их слушать». Видите, ваш Учитель не делает такого вывода; напротив, Он делает прямо противоположный. О, не будьте мудрее своего Учителя! Последуйте Его совету и не возражайте против него!

[26] 23. Но как согласовать это с наставлением святого Павла коринфянам: «Если кто, называясь братом, остаётся блудником, или любостяжателем, или идолослужителем, или злоречивым, с таким даже и не есть» (1 Кор. 5:11)? Как согласовать это с наставлением во Втором послании: «Выйдите из среды их и отделитесь, говорит Господь, и не прикасайтесь к нечистому» (2 Кор. 6:17)? Отвечаю: первое место вовсе не относится к нынешнему вопросу. Оно не касается служителей — ни добрых, ни дурных. Ясный смысл таков: не имейте близкого общения ни с кем, кто называется христианином и живёт в каком-либо явном грехе. Это важное увещание, на которое всем детям Божиим следует обратить большое внимание. Столь же мало другое место относится к служителям или учителям какого-либо рода. Здесь апостол призывает детей Божиих прекратить всякое общение с детьми диавола. Буквальные слова таковы: «Выйдите из среды их и отделитесь и не прикасайтесь к нечистому»; этим даётся понять, что они не могут оставаться соединёнными с ними, не становясь в большей или меньшей мере причастниками их грехов. Поэтому мы можем смело утверждать: ни святой Павел, ни какой-либо другой богодухновенный писатель никогда не советовал

святым людям отделяться от Церкви, в которой они находились, потому что служители были несвяты.

[27] 24. Тем не менее верно, что многие благочестивые христиане, как уже было замечено, отделялись от Церкви: некоторые ещё во втором, а гораздо больше — в третьем столетии. Одни уходили в пустыню и жили совершенно одни; другие строили себе дома, позднее названные монастырями, и лишь отгораживались от остального мира. Но каков был плод этого отделения? Тот, который легко можно было предвидеть: оно в поразительной степени умножило и утвердило всеобщее развращение Церкви. Соль, собранная таким образом в углу, на деле утратила силу. Свет, поставленный под сосуд, уже не сиял перед людьми. Поэтому нечестие и неправда царствовали безудержно. Мир, отданный в руки диавола, с жадностью творил все его дела, и густая тьма вместе со всевозможным нечестием покрыла всю землю.

[28] 25. «Но если всё это нечестие не было достаточным основанием отделиться от развращённой церкви, почему Кальвин и Лютер со своими последователями отделились от Римской?» Отвечаю: собственно, они не отделились от неё, а были насильно извергнуты. Им не позволяли оставаться иначе как подписавшись под всеми её заблуждениями и участвуя во всём её суеверии и идолопоклонстве. Поэтому ответственность за отделение лежала на *них.* Для нас это было делом не выбора, а необходимости. И если бы такая необходимость была возложена на нас теперь, мы должны были бы отделиться от любой церкви под небом.

[29] 26. У различных групп, позднее отделявшихся от Церкви Англии, таких оснований не было. Им не навязывали греховных условий общения; не навязывают и

сегодня. Большинство отделилось либо из-за некоторых мнений, либо из-за некоторых форм богослужения, которых они не одобряли. Немногие называли причиной отделения несвятость духовенства или мирян. А если кто-нибудь и называл, не было видно, чтобы сами они были хоть на йоту лучше тех, от кого отделялись.

30 27. Но главное основание, которое многие приводят для отделения от Церкви, а именно что служители — несвятые люди, покоится на следующем утверждении: служение злых людей не может принести добра; мы можем называть таинства средствами благодати, однако люди, сами не принимающие Божией благодати, не могут передавать её другим. Поэтому никогда нельзя ожидать Божия благословения через слуг диавола.

31 Этот довод чрезвычайно правдоподобен и действительно является самым сильным из возможных. Но прежде чем признать его решающим, следует обдумать несколько обстоятельств.

32 28. Подумайте прежде всего: неужели иудейские таинства не сообщали слушающим спасительной благодати, потому что совершались несвятыми людьми? Если так, от времён Илия до пришествия Христа ни один израильтянин не спасся. Ведь их священники были нисколько не лучше наших, если не значительно хуже. Но кто осмелится утверждать такое? Это, в сущности, не что иное, как утверждать, будто все сыны Израилевы на протяжении одиннадцати или двенадцати столетий подряд шли в ад!

33 29. Разве установления, совершавшиеся во дни нашего благословенного Господа, не сообщали благодати участвовавшим в них? Тогда Святой Дух, конечно, не

похвалил бы Захарию и Елисавету за хождение в этих установлениях! Если служение нечестивых людей не приносило добра, разве наш Господь повелел бы Своим последователям, вместо того чтобы запрещать, посещать служения книжников и фарисеев? Снова заметьте примечательные слова: «Тогда Иисус обратился к народу и к ученикам Своим и сказал: на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи», то есть они назначены вашими учителями; «итак, всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте» (Мф. 23:1). Но что представляли собой эти книжники и фарисеи? Разве не были они самыми низкими людьми? И всё же именно их Он повелевает слушать. Такое повеление явно заключено в словах: «Всё, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте». Ибо, не слыша сказанного ими, исполнить его было невозможно.

[34] 30. Подумайте ещё немного о страшных последствиях утверждения, будто нечестивые служители не приносят добра и совершаемые ими установления не сообщают спасительной благодати участвующим. Если так, то почти все христиане от апостолов до Реформации погибли! Ибо какими людьми было почти всё духовенство на протяжении этих веков? Обратитесь к истории Церкви в каждом столетии, и вы найдёте всё новые доказательства его развращения. Правда, с тех пор оно не предавалось порокам столь открыто; напротив, после того счастливого времени и в духовенстве, и в мирянах произошла значительная перемена к лучшему. Но всё ещё есть основание опасаться, что даже ныне служащие святыням, внешне посвящённые для этого Богу, и в протестантских странах, и в римских, всё же гораздо больше преданы миру, богатству, почестям или удовольствиям, чем Богу, за сравнительно немногими исключениями. Так что в

действительности они столь же далеки от христианской святости, как земля от неба. Если же через служение нечестивцев никакой благодати не сообщается, в каком положении находится христианский мир! Как забыл Бог миловать! Как оставил Он Своё наследие! О, не думайте так! Лучше скажите вместе с нашей Церковью, хотя и прямо вопреки Римской, утверждающей: «Если священник совершает служение без *чистого намерения»,* невозможного для нечестивца, «таинство вовсе не является таинством»: недостоинство служителя не препятствует действенности Божия установления. Причина ясна: действенность исходит не от совершающего, а от Установившего. Он не допускает и не допустит, чтобы путь Его благодати был преграждён, хотя сам посланник её не принимает.

35 31. Из предположения, что через нечестивых служителей не сообщается благодать, следовало бы и другое: добросовестный человек не может быть членом ни одной национальной Церкви в мире. Ведь где бы он ни находился, весьма сомнительно, что там окажется святой служитель; если же такого нет, участие в богослужении этой общины — совершенно напрасный труд. Но, благодарение Богу, дело обстоит иначе. Из собственного счастливого опыта и опыта тысяч людей мы знаем: слово Господне не связано, хотя бы его произносил несвятой служитель, и таинства — не иссохшие сосцы, свят ли совершающий их или несвят.

36 32. Подумайте ещё об одном следствии этого предположения, если бы оно когда-нибудь было принято повсеместно. Если бы все люди стали отделяться от церквей, где служитель несвят, как и должны были бы, если Божия благодать никогда не сопутствовала и не

могла сопутствовать его служению, какое смятение, какие волнения и потрясения это вызвало бы во всём христианском мире! Какие подозрения, обиды, ревность, зависть возникли бы повсюду! Какое осуждение, пересуды, ссоры, распри! И на этом дело не остановилось бы: от злых слов враждующие стороны скоро перешли бы к злым делам, и вскоре потекли бы реки крови, к величайшему соблазну магометан и язычников.

[37] 33. Не будем же тревожить и вовлекать себя и ближних в бесполезные споры, но все согласимся распространять по мере сил тихое и мирное Евангелие Христово. Будем извлекать наибольшую пользу из того служения, какое назначило нам Божие Провидение. Почти пятьдесят лет назад великий и добрый человек, доктор Поттер, тогдашний архиепископ Кентерберийский, дал мне совет, за который я с тех пор всегда имел повод благословлять Бога: «Если желаете приносить широкую пользу, тратьте время и силы не на споры за или против сомнительных предметов, а на свидетельство против явного, общеизвестного порока и на содействие подлинной, существенной святости». Будем держаться этого. Оставив тысячу спорных вопросов тем, у кого нет лучшего занятия, чем перебрасывать мяч прений, будем твёрдо держаться своего дела. Будем, каждый на своём месте, верно свидетельствовать против всякого нечестия и неправды и всеми силами побуждать к той внутренней и внешней святости, «без которой никто не увидит Господа»!

«О совести»

[1] «Ибо похвала наша сия есть свидетельство совести нашей».

[2] 2 Кор. 1:12.

[3] 1. Как мало в мире слов, более обычных, чем это: совесть! Оно почти у каждого на устах. Отсюда легко заключить, что едва ли найдётся слово, смысл которого понимают столь повсеместно. Но можно усомниться, так ли это, хотя о совести написано бесчисленное множество трактатов. Несомненно, значительная часть этих авторов скорее запутала дело, чем прояснила, обычно «помрачая совет словами без знания».

[4] 2. Лучший трактат об этом, какой мне доводилось видеть, переведён с французского сочинения господина Пласетта; он ясно и разумно описывает природу и обязанности совести. Но, хотя его издали почти сто лет назад, он есть у немногих; да и значительная часть читавших жалуется на его пространность. Том в восьмую долю листа, в несколько сот страниц, о столь простом предмете вполне мог оказаться испытанием терпения для большинства разумных людей. Поэтому, кажется, всё ещё недостаёт рассуждения на эту тему, которое было бы и кратким, и ясным. С Божией помощью я постараюсь восполнить этот недостаток, показав сначала природу совести, затем различные её виды, после чего закончу несколькими важными наставлениями.

[5] I. 1. Прежде всего я должен показать природу совести. Один весьма благочестивый человек прошлого столетия в

проповеди о всеобъемлющей добросовестности описывает её так: «Это слово, буквально означающее *знание вместе с другим,* превосходно выражает библейское представление о ней. Так говорит Иов: „Свидетель мой на небесах“ (16:19). Так и апостол: „Истину говорю; совесть моя свидетельствует мне в Духе Святом“ (Рим. 9:1). В обоих местах смысл как будто таков: „Бог свидетельствует вместе с моей совестью“. Совесть поставлена посредине: ниже Бога и выше человека. Это своего рода безмолвное рассуждение ума, которым признаваемое правым одобряется с удовольствием, а признаваемое злым осуждается с беспокойством». Это судилище в человеческой груди, обвиняющее грешников и оправдывающее поступающих хорошо.

6 2. Взглянем несколько иначе. Слово «совесть», как латинское слово, от которого происходит соответствующее английское название, и греческое syneideseos, необходимо подразумевает *совместное знание двух или более вещей:* например, знание наших слов и поступков и вместе с тем их доброты или дурноты. Или, скорее, это способность одновременно знать наши действия и их качество.

7 3. Итак, совесть — та способность, благодаря которой мы одновременно сознаём собственные мысли, слова и действия и их достоинство или недостоинство, то, добры они или злы и, следовательно, заслуживают похвалы или порицания. Первому приговору обычно сопутствует некоторое удовольствие, второму — некоторое беспокойство; но это чрезвычайно различается в зависимости от воспитания и тысячи других обстоятельств.

[8] 4. Можно ли отрицать, что нечто подобное встречается у всякого человека, рождающегося в мир? И разве оно не проявляется, как только раскрывается понимание, как только начинает брезжить разум? Разве тогда не начинает каждый понимать, что между добром и злом есть различие, сколь бы несовершенны ни были отдельные стороны этого чувства добра и зла? Разве, например, каждый человек, если он не ослеплён предрассудками воспитания, как жители мыса Доброй Надежды, не знает, что почитать родителей — добро? Разве все люди, как бы необразованны или дики ни были, не признают справедливым поступать с другими так, как желали бы, чтобы другие поступали с ними? И разве все знающие это не осуждаются в собственном уме, когда делают что-либо противное этому, а с другой стороны, поступая согласно этому, не получают одобрения собственной совести?

[9] 5. По-видимому, именно эту способность обычно имеют в виду говорящие о естественной совести — выражение, часто встречающееся у некоторых наших лучших авторов, но всё же не вполне точное. Хотя в одном смысле её можно назвать естественной, потому что она есть у всех людей, строго говоря, это не естественный, а сверхъестественный Божий дар, превышающий все естественные дарования. Нет, не природа, а Сын Божий есть «Свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мир». Поэтому каждому человеческому существу мы можем сказать: «Он», а не природа, «показал тебе, человек, что есть добро». И Его Дух останавливает тебя внутренним предостережением, заставляет чувствовать беспокойство, когда в каком-либо отношении ты поступаешь против данного Им света.

[10] 6. Этот прекрасный отрывок может приобрести особую силу, если подумать, кем и по какому поводу были произнесены слова. Говорящие — Валак, царь Моавитский, и Валаам, находившийся тогда под Божественным воздействием: по-видимому, тогда «недалеко от Царства Божия», хотя впоследствии так постыдно отступил. Вероятно, и Валак в то время испытывал нечто подобное. Это побудило его советоваться с Валаамом, просить его совета, поставить вопрос, на который Валаам даёт столь полный ответ. «Народ Мой, — говорит пророк от имени Бога, — вспомни, о чём совещался Валак, царь Моавитский», по-видимому, от полноты сердца, «и что отвечал ему Валаам, сын Веоров» (Мих. 6:5 и далее). «С чем, — говорит он, — предстать мне пред Господом и склониться пред Богом Всевышним? Предстать ли пред Ним с годовалыми тельцами? Угодны ли Господу тысячи овнов или десять тысяч потоков елея? Дать ли первенца моего за преступление моё, плод чрева моего за грех души моей?» Моавитские цари действительно делали это в тяжких бедствиях; замечательный рассказ об этом записан в третьей главе Четвёртой книги Царств. На это Валаам даёт благородный ответ, несомненно, наученный тогда Богом: «Он показал тебе, человек, что есть добро и чего Господь требует от тебя: действовать справедливо, любить милосердие и смиренно ходить пред Богом твоим».

[11] 7. Если рассмотреть совесть подробнее, у неё обнаруживается тройное служение. Во-первых, она свидетель, удостоверяющий, что мы сделали мыслью, словом или поступком. Во-вторых, она судья, выносящий приговор сделанному: добро оно или зло. В-третьих, она в некотором роде исполняет приговор, вызывая известную

меру удовлетворения в поступающем хорошо и известную меру беспокойства в поступающем дурно.

[12] 8. Профессор Хатчесон, недавно преподававший в Глазго, рассматривает совесть иначе. В «Очерке о страстях» он замечает, что кроме пяти внешних чувств у нас есть несколько *чувств,* или естественных путей, по которым приходят удовольствие и боль. Одно из них он называет *общественным чувством:* благодаря ему мы естественно испытываем боль от несчастья ближнего и радуемся его избавлению. И у каждого человека, говорит он, есть *нравственное чувство,* благодаря которому он одобряет благожелательность и осуждает жестокость. Более того, совершив жестокий поступок, он испытывает беспокойство, а совершив великодушный — удовольствие.

[13] 9. Всё это в некотором смысле, несомненно, истинно. Но неверно, будто *общественное* или *нравственное чувство,* оба заключённые в понятии совести, теперь естественны для человека. Как бы ни обстояло дело вначале, когда человек находился в состоянии невинности, ныне и то и другое — отрасль сверхъестественного Божия дара, который мы обычно называем предваряющей благодатью. Но профессор совершенно с этим не согласен. Он совсем устраняет Бога из рассмотрения. От начала до конца Бог никак не участвует в его системе добродетели. Поэтому, по правде говоря, его система добродетели насквозь атеистична. Вот уж изощрение! Многие исключили Бога из мира; он исключает Его даже из религии!

[14] 10. Но не ошибаемся ли мы относительно него? Верно ли понимаем его мысль? Чтобы всё было совершенно ясно и никто не мог ошибиться, он ставит вопрос: «Что, если человек, совершая добродетельный, то есть

великодушный поступок, помогая ближнему, имеет в виду Бога — либо повелевающего это, либо обещающего награду? Тогда, — говорит он, — в той мере, в какой он имеет в виду Бога, добродетель поступка утрачивается. В поступках, исходящих из мысли о воздаянии награды, нет ни добродетели, ни нравственного добра». Увы! И этого человека называли христианином? Как несправедливо оклеветали его таким утверждением! Даже доктор Тейлор, хотя не признаёт Христа Богом, всё же не колеблется называть Его «личностью совершенной *добродетели».* Но профессор не может признать в Нём никакой добродетели!

15 11. Но возвратимся. Что есть совесть в христианском смысле? Это способность души, которая с помощью Божией благодати видит одновременно: во-первых, наши расположения и жизнь, истинную природу и качество мыслей, слов и действий; во-вторых, правило, которым мы должны руководствоваться; в-третьих, согласие или несогласие с ним. Выразим это немного подробнее. Совесть предполагает, прежде всего, способность человека знать самого себя, различать в целом и в подробностях собственные расположения, мысли, слова и поступки. Но без помощи Духа Божия он не может этого сделать. Иначе самолюбие, да и всякая другая неупорядоченная страсть, исказили бы его образ и совершенно скрыли его от самого себя. Во-вторых, она предполагает знание правила, которым следует руководствоваться во всём; это не что иное, как письменное слово Божие. В-третьих, совесть предполагает знание того, что все мысли, слова и поступки согласуются с этим правилом. Во всяком действии совести совершенно необходимо «помазание от Святого». Без него мы не могли бы ни ясно различать собственную жизнь и

расположения, ни судить о правиле, по которому должны ходить, ни о своём согласии или несогласии с ним.

16 12. Собственно, это описание доброй совести, которое можно выразить иначе: данное Богом сознание того, что во всём ходишь согласно письменному слову Божию. Поистине, кажется, не может быть совести, не обращённой к Богу. Если вы скажете: «Да, конечно, может быть сознание, что поступил правильно или неправильно, без всякого отношения к Нему», — я отвечу: не могу с этим согласиться. Я сомневаюсь, не заключают ли самые слова «правильно» и «неправильно», согласно христианскому учению, в собственном своём понятии согласие или несогласие с волей и словом Божиим. Если так, у христианина не существует совести, когда Бог устранён из рассмотрения.

17 13. Для самого существования доброй совести, как и для её сохранения, безусловно необходимо непрестанное действие Духа Божия. Поэтому апостол Иоанн объявляет верующим всех веков: «Вы имеете помазание от Святого и знаете всё» — всё необходимое для «непорочной совести пред Богом и людьми». Потому он добавляет: «Вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас» иначе, «как учит вас само это помазание». Помазание ясно учит трём вещам: во-первых, истинному смыслу Божия слова; во-вторых, нашим собственным расположениям и жизни, приводя на память все мысли, слова и поступки; в-третьих, согласию всего этого с Божиими заповедями.

18 14. Перейдём теперь, во-вторых, к рассмотрению различных видов совести. О доброй совести уже говорилось. Святой Павел описывает её разными выражениями. В одном месте он просто называет её «доброй совестью пред Богом», в другом — «непорочной

совестью пред Богом и людьми». Но в нашем тексте говорит подробнее: «Похвала наша сия есть свидетельство совести нашей, что в простоте», с единым оком, «и богоугодной искренности мы жили в мире». При этом он замечает, что это совершалось «не по плотской мудрости», обычно называемой благоразумием, которая никогда не производила и не может произвести такого действия, «но по благодати Божией», единственно способной совершить это в каком-либо сыне человеческом.

[19] 15. Близка к ней чуткая совесть, если это не та же самая, рассмотренная иначе, или отдельная её сторона. Человек с чуткой совестью точно замечает всякое отклонение от слова Божия — в мысли, слове или деле — и тотчас испытывает за него раскаяние и самоосуждение. Постоянный вопль его души таков:

> [20] О, пусть моя чуткая душа бежит
> От первого ненавистного приближенья зла
> И, словно зеница ока, мгновенно ощутит
> Малейшее прикосновение греха!

[21] 16. Но иногда это превосходное свойство, чуткость совести, доводится до крайности. Встречаются люди, боящиеся там, где нет страха, непрестанно осуждающие себя без причины; они воображают греховным то, чего Писание нигде не осуждает, и считают своим долгом то, чего Писание нигде не предписывает. Это по праву называется мнительной совестью и есть тяжкое зло. Весьма полезно уступать ей как можно меньше; вернее, следует усердно молиться об избавлении от этого тяжкого зла и о возвращении здравого ума. Ничто не содействовало бы этому больше, чем общение с благочестивым и рассудительным другом.

[22] 17. Но противоположная крайность гораздо опаснее. Ожесточённая совесть в тысячу раз опаснее мнительной: она способна нарушить ясную Божию заповедь без всякого самоосуждения — сделать то, что Он прямо запретил, или пренебречь тем, что прямо повелел, — и всё же не испытывать раскаяния, а быть может, даже хвалиться этой самой жестокостью сердца! Множество примеров такой плачевной бесчувственности мы встречаем сегодня, даже среди людей, считающих себя немало причастными религии. Человек делает нечто, ясно запрещённое Писанием. Вы спрашиваете: «Как вы смеете это делать?» — и получаете совершенно беспечный ответ: «О, моё сердце меня не осуждает». Я отвечаю: «Тем хуже. Дай Бог, чтобы осуждало! Тогда вы были бы в более безопасном состоянии, чем теперь. Страшно быть осуждённым Божиим словом и всё же не быть осуждённым собственным сердцем!» Если мы можем нарушить малейшую из известных Божиих заповедей без всякого самоосуждения, ясно, что бог этого мира ожесточил наши сердца. Если скоро не оправимся от этого, мы станем «бесчувственны», и совесть наша, как говорит святой Павел, будет «сожжена, словно раскалённым железом».

[23] 18. Теперь остаётся прибавить лишь несколько важных наставлений. Первый главный вопрос таков: допустим, у нас есть чуткая совесть; как её сохранить? Полагаю, существует лишь один возможный способ — повиноваться ей. Каждый поступок непослушания стремится ослепить и умертвить её, погасить её глаза, чтобы она не видела благой и угодной воли Божией, и омертвить сердце, чтобы оно не чувствовало самоосуждения, когда мы поступаем вопреки этой воле. Напротив, каждый поступок послушания делает зрение совести острее и сильнее, а

ощущение всего оскорбляющего славное величие Божие — живее. Поэтому, если желаете, чтобы совесть всегда быстро различала и верно обвиняла или оправдывала вас, если хотите сохранять её чувствительной и чуткой, непременно повинуйтесь ей во всех обстоятельствах: постоянно слушайте её увещания и неуклонно следуйте им. Что бы она ни велела делать согласно слову Божию, делайте, сколь бы тяжело это ни было плоти и крови. Что бы ни запрещала, если запрещение основано на слове Божием, смотрите, не делайте, сколь бы приятно это ни было плоти и крови. И то и другое может встречаться часто. Запрещённое Богом может быть приятно нашей злой природе: здесь вы призваны отречься от себя, иначе отречётесь от своего Учителя. Предписанное Им может быть болезненно для природы: здесь возьмите свой крест. Столь истинно слово Господа: «Если человек не отречётся от себя и не возьмёт ежедневно креста своего, не может быть Моим учеником».

[24] 19. Я не могу лучше закончить это рассуждение, чем выдержкой из проповеди доктора Эннесли о «Всеобъемлющей добросовестности». [Доктор Эннесли, отец моей матери, был настоятелем прихода Крипплгейт.]

[25] «Позвольте убедить вас исполнять следующие наставления, и ваша совесть останется правой.

[26] 1. Остерегайтесь всякого греха; не считайте никакой грех малым и исполняйте каждую заповедь изо всех сил. Бодрствуйте против первых движений греха и берегитесь его границ. Избегайте самой видимости зла. Не отваживайтесь вступать в искушение или в обстоятельства, дающие повод ко греху.

27 2. Считайте, что живёте под Божиим взором; живите, ощутимо сознавая присутствие ревнивого Бога. Помните: всё обнажено и открыто перед Ним! Вы не можете Его обмануть, ибо Он — бесконечная премудрость; не можете убежать, ибо Он везде; не можете подкупить, ибо Он — сама праведность. Говорите, зная, что Бог слышит; ходите, зная, что Бог окружает со всех сторон. Господь с вами, пока вы с Ним; то есть вы будете наслаждаться Его благосклонным присутствием, пока живёте в Его грозном присутствии.

28 3. Серьёзно и часто исследуйте сердце и жизнь. Есть обязанности, подобные тем частям тела, недостаток которых может быть восполнен другими частями; но недостатка этих обязанностей ничто восполнить не может. Каждый вечер пересматривайте своё поведение за день: что вы сделали или подумали неподобающего вашему званию; было ли сердце ревностно в религии и равнодушно к миру. Особо заботьтесь о двух частях времени — об утре и вечере: утром заранее обдумывайте предстоящие дела, вечером проверяйте, сделали ли должное.

29 4. Пусть каждый поступок относится ко всей вашей жизни, а не только к её части. Пусть все подчинённые цели соответствуют великой цели жизни. „Упражняй себя в благочестии“. Будьте столь же прилежны в религии, сколь прилежными в учении желали бы видеть своих школьников-детей. Пусть вся ваша жизнь будет приготовлением к небесам, подобно подготовке борцов к состязанию.

30 5. Не отваживайтесь на грех потому, что Христос приобрёл прощение: это самое ужасное злоупотребление Христом. Именно поэтому в законе не было жертвы за

какой-либо намеренный грех, чтобы люди не думали, будто знают цену грехов, как думают торгующие папскими индульгенциями.

31 6. Будьте ничем в собственных глазах: ибо чем, увы, нам гордиться? Само наше зачатие было греховным, рождение — болезненным, жизнь — трудной, а какова будет смерть — мы не знаем! Но всё это ничто перед состоянием души. Если мы знаем его, какое у нас оправдание гордости?

32 7. Сообразуйтесь с долгом, а не с исходом событий. Нам нечего делать, кроме как заботиться о своём долге. Все умозрения, не ведущие к святости, относятся к излишествам; но тревожные предчувствия того, что может постигнуть вас при исполнении долга, могут быть причислены к грехам. А решиться на грех, чтобы избежать опасности, — значит потопить корабль из страха перед пиратами. О, как спокойна, а вместе и свята была бы наша жизнь, если бы мы усвоили один урок: ни о чём не заботиться, кроме исполнения долга, а все последствия оставлять Богу! Какое безумие неразумному праху предписывать что-либо бесконечной премудрости! Оставлять собственное дело и вмешиваться в Божие! Более пяти тысяч лет Он управлял делами мира и каждого отдельного человека в нём, никому не давая причины жаловаться. И неужели теперь Ему нужен ваш совет? Нет, ваше дело — заботиться о собственном долге.

33 8. Какой совет вы дали бы другому, примите сами. Худшие люди весьма склонны возлагать на других бремена, которые, если бы они приняли на себя, сделали бы их редкими христианами.

34 9. Не делайте ничего, на что не можете испросить благословения. Всякое доброе действие христианина освящается словом и молитвой. Христианину не подобает делать ничего столь пустого, что над этим невозможно помолиться. Если бы он только сопровождал каждое встречающееся дело серьёзным молитвенным возгласом, такая молитва отсекала бы всё греховное и ободряла ко всему дозволенному.

35 10. Думайте, говорите и делайте то, что, по вашему убеждению, думал бы, говорил и делал Сам Христос на вашем месте, будь Он на земле. Христианину подобает скорее служить примером, чем следовать чужому. Но, подражая Христу, вы становитесь примером для всех, ибо Он был, есть и всегда будет нашим совершенным образцом. О христиане, как Христос молился и как искупал время для молитвы! Как проповедовал Христос, из уст Которого исходили лишь благодатные слова! Сколько времени Он тратил на пустые разговоры? Как Он ходил повсюду, делая добро людям и угодное Богу! Возлюбленные, предлагаю вам четыре напоминания: первое — заботьтесь о долге; второе — то, что было бы долгом другого в ваших обстоятельствах, есть и ваш долг; третье — не беритесь ни за что, о чём не можете сказать: „Да будет на этом благословение Господне“; четвёртое, и главное, — скорее забудьте своё христианское имя, чем забудьте взирать на Христа! Как бы мир ни обращался с вами, помните Его и идите по следам Того, „Кто не сделал никакого греха, и не было лести в устах Его; Кто, будучи злословим, не злословил взаимно, но предавал Себя Судящему праведно“».

О вере

[1] «Без веры угодить Ему невозможно».

[2] Евр. 11:6.

[3] 1. Но что есть вера? Это данное Богом «свидетельство и убеждение в невидимом» — в том, чего теперь не видно, видимо ли оно или невидимо по собственной природе. В особенности это данное Богом свидетельство о Боге и Божиих предметах и убеждённость в них. Это самое всеобъемлющее определение веры, какое когда-либо было или может быть дано, ибо включает все её виды, от низшего до высшего. И всё же среди всех многословных и утомительных трактатов, опубликованных на эту тему, я не припомню выдающегося автора, давшего полное и ясное описание различных её видов.

[4] 2. Правда, нечто подобное написано тем великим и добрым человеком, господином Флетчером, в его «Трактате о различных домостроительствах Божией благодати». В нём он замечает, что есть четыре домостроительства, различающиеся степенью света, которым Бог удостаивает живущих при каждом из них. Небольшая мера света дана живущим при языческом домостроительстве. Обычно они верили, «что есть Бог и что Он воздаёт усердно ищущим Его». Но гораздо большей мерой света был удостоен иудейский народ, поскольку ему «вверены» великие средства просвещения, «слова Божии». Поэтому многие из них имели ясные и возвышенные представления о природе и свойствах Бога, о долге перед Богом и человеком и даже о великом

обетовании, данном прародителям и переданном ими потомству: «Семя жены поразит змея в голову».

5 3. Но выше и языческого, и иудейского домостроительства было домостроительство Иоанна Крестителя. Ему был дан ещё более ясный свет; он сам был «светильником, горящим и светящим». Ему дано было «увидеть Агнца Божия, берущего на Себя грех мира». Поэтому Сам наш Господь утверждает, что «из рождённых женщинами» до того времени не восставал «больший Иоанна Крестителя». Но всё же Он сообщает нам: «Меньший в Царстве Божием», в христианском домостроительстве, «больше его». Под живущим при христианском домостроительстве господин Флетчер разумеет получившего Духа усыновления, того, кому Дух Божий свидетельствует «вместе с его духом, что он дитя Божие».

6 Чтобы объяснить это ещё подробнее, я постараюсь, с помощью Божией,

7 во-первых, указать различные виды веры; во-вторых, сделать некоторые практические выводы.

8 I. Прежде всего я постараюсь указать различные виды веры. Было бы легко либо свести их к меньшему числу, либо разделить на большее. Но не видно, какой существенной цели это послужило бы.

9 1. Низший вид веры, если это вообще вера, — вера материалиста, человека, который, подобно покойному лорду Кеймсу, верит, что во вселенной нет ничего, кроме материи. Говорю: если это вообще вера, ибо, строго говоря, это не она. Это не «свидетельство о Боге или убеждённость в Нём», поскольку материалисты не верят, что Он есть; и не «убеждённость в невидимом», ибо они

отрицают существование такового. Если же ради приличия они допускают, что Бог существует, то полагают, что даже Он материален. Ибо одно из их правил таково: Jupiter est quodcunque vides — «Всё, что видишь, есть Бог». *Всё, что видишь!* Видимый, осязаемый бог! Превосходное богословие! Изысканная бессмыслица!

[10] 2. Второй вид веры, если допустить хоть какую-нибудь веру у материалиста, — вера деиста. Я имею в виду того, кто верит в существование Бога, отличного от материи, но не верит Библии. Среди них можно различить два рода. Одни — просто звери в человеческом облике, всецело во власти низменнейших страстей, имеющие «прямую охоту смешаться с грязью». Другие деисты в большинстве отношений — разумные существа, к несчастью предубеждённые против христианства. Большинство из них верит в бытие и свойства Бога, верит, что Бог сотворил мир и управляет им и что душа не умирает вместе с телом, но вечно остаётся в состоянии счастья или несчастья.

[11] 3. Следующий вид — вера язычников, к которой я присоединяю веру магометан. Я не могу не предпочесть её вере деистов: хотя она охватывает почти те же предметы, за ограниченность веры их следует скорее жалеть, чем порицать. То, что они не верят всей истине, происходит не от недостатка искренности, а лишь от недостатка света. Когда некто спросил Чикали, старого индейского вождя: «Почему вы, краснокожие, не знаете столько же, сколько мы, белые?» — тот сразу ответил: «Потому что у вас есть великое Слово, а у нас нет».

[12] 4. Не приходится сомневаться, что это оправдание будет принято для миллионов нынешних язычников. Поскольку им мало дано, мало и потребуется. Что же

касается древних язычников, миллионы их также были дикарями. Поэтому от них будет ожидаться лишь жизнь согласно имевшемуся свету. Но у нас есть большое основание надеяться, что многие, особенно в цивилизованных народах, хотя жили среди язычников, были совсем иного духа, наученные Богом через Его внутренний голос всему существенному в истинной религии. Таков был и тот магометанин, араб, который сто или двести лет назад написал «Жизнь Хайя ибн Якзана». Рассказ, по-видимому, вымышлен, но содержит все начала чистой и непорочной религии.

13 5. Однако в целом мы, несомненно, можем поставить веру иудея выше веры язычника или магометанина. Под иудейской верой я разумею веру живших между дарованием закона и пришествием Христа. Они, то есть серьёзные и искренние среди них, верили всему написанному в Ветхом Завете. В частности, верили, что в полноту времён явится Мессия, чтобы «покрыть преступление, положить конец греху и привести вечную праведность».

14 6. Не так легко вынести какое-либо суждение о вере современных нам иудеев. Ясно, что «покрывало ещё лежит на их сердцах», когда читают Моисея и пророков. Бог этого мира по-прежнему ожесточает их сердца и ослепляет глаза, «дабы свет славного Евангелия» не воссиял им. Поэтому об этом народе можно сказать, как Святой Дух сказал его предкам: «Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули; да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (Деян. 28:27). И всё же не наше дело произносить над ними приговор; предоставим их собственному Господину.

[15] 7. Мне нет нужды останавливаться на вере Иоанна Крестителя, как и на том домостроительстве, под которым он находился, ибо, как хорошо описывает господин Флетчер, то и другое было исключительно его уделом. Оставив его в стороне, скажем: вера римских католиков в целом, по-видимому, выше веры древних иудеев. Если большинство добровольно заходит в вере дальше положенного, веруя более того, что Бог открыл, всё же нельзя отрицать: они верят всему открытому Богом как необходимому для спасения. В этом мы радуемся за них. Мы рады, что ни один из новых догматов, добавленных ими на Тридентском соборе к «вере, однажды преданной святым», не противоречит какому-либо древнему догмату столь существенно, чтобы лишить его силы.

[16] 8. Вера протестантов в целом принимает как необходимые для спасения лишь те истины, которые ясно открыты в словах Божиих. Всё ясно объявленное в Ветхом и Новом Заветах составляет предмет их веры. Они верят не более и не менее того, что явно содержится в Священном Писании и может быть им доказано. Слово Божие — «светильник ноге их и свет на всех путях». Ни под каким предлогом они не смеют отступить от него ни направо, ни налево. Письменное слово — полное и единственное правило их веры, как и поведения. Они верят всему, что Бог объявил, и исповедуют готовность делать всё, что Он повелел. Такова собственно протестантская вера; её, и никакой иной, они будут держаться.

[17] 9. До сих пор вера рассматривалась главным образом как свидетельство о тех или иных истинах и убеждённость в них. Именно в таком смысле её ныне понимают во всех частях христианского мира. Но при этом тщательно

заметьте, ибо от этого зависит вечность: ни вера римского католика, ни вера протестанта, если заключает лишь это, лишь принятие тех или иных истин, не будет иметь перед Богом большей силы, чем вера магометанина или язычника, даже деиста или материалиста. Разве такая «вера может спасти его»? Может ли она спасти какого-либо человека от греха или от ада? Нисколько не больше, чем могла спасти Иуду Искариота; нисколько не больше, чем могла спасти диавола и его ангелов, каждый из которых убеждён, что всякая черта Священного Писания истинна.

[18] 10. Но что такое собственно спасительная вера, приносящая вечное спасение всем, кто сохраняет её до конца? Это такая дарованная Богом убеждённость в Боге и Божиих предметах, которая даже в младенческом состоянии даёт всякому обладающему ею способность «бояться Бога и поступать по правде». И всякий из любого народа, кто верует в этой мере, по объявлению апостола, «приятен Ему». Действительно, в ту самую минуту он находится в состоянии принятия Богом. Но пока он лишь *раб* Божий, а не *сын* в собственном смысле. Между тем следует хорошо заметить: «гнев Божий» уже не «пребывает на нём».

[19] 11. Правда, почти пятьдесят лет назад, когда проповедники, обычно называемые методистами, начали возвещать великое библейское учение о спасении верой, они недостаточно понимали различие между рабом и дитятей Божиим. Они не вполне ясно понимали, что уже тот, «кто боится Бога и поступает по правде, приятен Ему». Поэтому они были склонны опечаливать сердца тех, кого Бог не опечаливал. Они часто спрашивали боящихся Бога: «Знаете ли вы, что ваши грехи прощены?» — и на

ответ «Нет» тотчас говорили: «Тогда вы дитя диавола». Нет, это отсюда не следует. Можно было сказать — и только это было бы уместно: «Пока вы лишь *раб,* ещё не *дитя* Божие. У вас уже есть великое основание хвалить Бога за то, что Он призвал вас к почётному служению Ему. Не бойтесь. Продолжайте взывать к Нему, „и увидите больше сего“».

[20] 12. И действительно, если рабы Божии не остановятся на пути, они получат усыновление. Они получат *веру* детей Божиих, когда Он *откроет* в их сердцах Своего Единородного Сына. Таким образом, вера дитяти есть в собственном и прямом смысле данное Богом убеждение, благодаря которому каждое дитя Божие может свидетельствовать: «Жизнь, которой ныне живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». И всякому имеющему эту веру Дух Божий свидетельствует вместе с его духом, что он дитя Божие. Так апостол пишет галатам: «Вы сыны Божии по вере. А как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!» — то есть дающего вам детское доверие к Нему вместе с любовной привязанностью. Именно это, если святой Павел был научен Богом и писал по движению Святого Духа, и составляет собственно различие между рабом Божиим и дитятей Божиим. «Верующий», как дитя Божие, «имеет свидетельство в себе самом». Раб его не имеет. Но пусть никто не обескураживает его; напротив, с любовью увещевайте его ожидать этого свидетельства каждое мгновение.

[21] 13. Легко заметить, что все мыслимые виды веры сводятся к одному из перечисленных. Но будем ревновать о лучших дарах и следовать превосходнейшим путём. Нет

причины довольствоваться верой материалиста, язычника или деиста, да и верой раба. Я не знаю, чтобы Бог требовал от вас этого. Правда, если вы получили её, не следует отбрасывать или хоть сколько-нибудь умалять её; следует искренне благодарить за неё. Но вместе с тем берегитесь остановиться здесь: стремитесь вперёд, пока не получите Духа усыновления. Не успокаивайтесь, пока этот Дух ясно не засвидетельствует вместе с вашим духом, что вы дитя Божие.

[22] II. Во-вторых, я перехожу к нескольким выводам из предшествующих замечаний.

[23] 1. Прежде всего я хотел бы сделать вывод о том, в каком страшном состоянии, если Бог существует, находится материалист — человек, отрицающий не только «искупившего его Господа», но и Господа, сотворившего его. «Без веры угодить Богу невозможно». Но *ему* невозможно иметь хоть какую-нибудь веру: какое-либо убеждение в невидимом мире, ибо он верит, что такого мира нет; какое-либо убеждение в бытии Бога, ибо материальный бог вовсе не Бог. Ведь вы столь же мало можете считать Богом солнце или небо, сколь деревянного или каменного бога. Далее, верящий, что всё есть лишь материя, неизбежно должен верить, что всем правит жестокая необходимость — неумолимая, как ветры, безжалостная, как скалы, немилосердная, как волны, разбивающиеся о них или обрушивающиеся на бедных потерпевших кораблекрушение моряков. Кто же поможет тебе, бедный, одинокий несчастный, когда помощь нужнее всего? Ветры, моря, скалы и бури! Вот лучшие помощники, на которых могут надеяться материалисты!

24 2. Почти столь же безотрадно положение бедного деиста, как бы учён и даже нравствен он ни был. Ибо и вы, хотя, быть может, не замечаете этого, в действительности «без Бога в мире». Посмотрите на свою религию, на «Изложение религии природы» остроумного господина Волластона, которого я помню ещё со школьных лет: я видел, как он посещал общественное богослужение в часовне Чартерхауса. Основывает ли он свою религию на Боге? Ничуть. Он основывает её на истине, отвлечённой истине. Но не разумеет ли под этим выражением Бога? Нет, он устраняет Его из рассмотрения и строит прекрасный воздушный замок, ничем не обязанный ни Ему, ни Его слову. Посмотрите на своего сладкоречивого глазговского оратора, одного из самых приятных писателей века! Имеет ли в его системе Бог больше значения, чем у господина Волластона? Выводит ли он свою «Идею добродетели» из Него, Отца светов, Источника всякого блага? Прямо наоборот. Он не только строит всю теорию, вовсе не принимая Бога в расчёт, но к концу ставит вопрос: «Увеличивает ли добродетель поступка то, что человек имеет в виду Бога?» И отвечает: «Нет; настолько нет, что если, совершая добродетельный, то есть благожелательный, поступок, человек примешивает желание угодить Богу, то чем больше этого желания, тем меньше в поступке добродетели». Никогда прежде я не встречал ни иудея, ни турка, ни язычника, столь прямо отрекавшегося от Бога, как этот христианский профессор!

25 3. Но язычники, магометане и иудеи сейчас нас не занимают; можно лишь пожелать, чтобы их жизнь не посрамляла многих из нас, именующихся христианами. Немногим больше касается нас и вопрос о членах Римской церкви. Но мы не можем сомневаться, что

многие из них, подобно превосходному архиепископу Камбрейскому, всё ещё сохраняют, несмотря на многие ошибки, веру, действующую любовью. А сколько протестантов обладает ею — членов Церкви Англии или других общин? У нас есть основание верить, что немалое число и тех и других, и, благодарение Богу, число растущее, во всех частях страны.

26 4. Ещё раз увещеваю вас, боящиеся Бога и поступающие по правде, вас, *рабы* Божии: во-первых, бегите всякого греха, как от лица змеи, будучи

27 Скорым, как зеница ока,
Чувствовать малейшее касание греха;

28 и творите правду всеми силами, какими ныне обладаете, изобилуйте делами и благочестия, и милосердия. Во-вторых, непрестанно взывайте к Богу, чтобы Он открыл Сына Своего в ваших сердцах, дабы вы были уже не *рабами,* а *сынами,* имея любовь Его, излитую в сердца, и ходя в «славной свободе детей Божиих».

29 5. Наконец, увещеваю вас, уже чувствующие, как Дух Божий свидетельствует вместе с вашим духом, что вы дети Божии: следуйте совету апостола. Ходите во всех добрых делах, для которых вы созданы во Христе Иисусе. И затем, «оставив начатки учения Христова и не полагая снова основания покаянию от мёртвых дел и вере в Бога», идите к совершенству. Да, даже достигнув некоторой меры совершенной любви, когда Бог обрезал ваши сердца и дал вам способность любить Его всем сердцем и всей душой, не думайте остановиться. Это невозможно. Вы не можете стоять неподвижно: должны либо подниматься, либо падать, подниматься выше или падать ниже. Поэтому голос Божий к сынам Израилевым, к детям

Божиим, говорит: «Идите вперёд!» «Забывая заднее и простираясь вперёд, стремитесь к цели, к награде вышнего звания Божия во Христе Иисусе!»

О Божием винограднике

1 «Что ещё надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесёт добрые грозды, он принёс дикие ягоды?»

2 Ис. 5:4.

3 Виноградник Господень, если понимать это выражение в самом широком смысле, может включать весь мир. Всех обитателей земли в некотором смысле можно назвать «виноградником Господа», Который «произвёл все народы человеческие для обитания по всему лицу земли, дабы они искали Господа, не ощутят ли Его и не найдут ли». Но в более узком смысле виноградник Господень может означать христианский мир, то есть всех именующих имя Христово и исповедующих послушание Его слову. Ещё уже его можно понимать как то, что называют реформированной частью христианской Церкви. В самом узком смысле выражение «виноградник Господень» может означать совокупность людей, обычно называемых методистами. В этом смысле я понимаю его теперь, имея в виду лишь то общество, которое возникло в Оксфорде в 1729 году и остаётся единым поныне. Понимая слово так, повторяю вопрос, который Бог предлагает пророку: «Что ещё надлежало бы сделать для винограднika Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесёт добрые грозды, он принёс дикие ягоды?»

4 Что ещё Бог мог сделать для этого Своего винограднika, предполагая, что Он предназначил ему пустить большие ветви и распространиться по земле, чего Он не сделал

[5] I. относительно учения?

[6] II. относительно духовных вспоможений?

[7] III. относительно дисциплины?

[8] IV. относительно внешней защиты?

[9] Рассмотрев это, я хотел бы затем кратко исследовать: «Почему, когда Он ожидал добрых гроздей, виноградник принёс дикие ягоды?»

[10] I. 1. Во-первых, что можно было сделать для этого Его виноградника, чего Бог не сделал? Что ещё можно было сделать относительно учения? С самого начала, с того времени, как четверо молодых людей объединились, каждый был *homo unius libri,* «человеком одной книги». Бог научил всех их сделать Его «слово светильником ноге и светом на всех путях». У них было одно, и только одно, правило суждения обо всех расположениях, словах и поступках — слова Божии. Все до единого решились быть библейскими христианами. Именно за это их постоянно упрекали: одни насмешливо называли их библейскими фанатиками, другие — библейской молью, которая, говорили они, питается Библией, как моль — тканью. И действительно, доныне они неизменно стремятся мыслить и говорить согласно словам Божиим.

[11] 2. Правда, один учёный человек, доктор Трапп, вскоре после их появления дал о них совсем иной отзыв. «Когда я увидел, — сказал доктор, — эти две книги, „Трактат о христианском совершенстве“ и „Серьёзный призыв к святой жизни“, я подумал: эти книги непременно принесут вред. Так и вышло: вскоре после них возникли методисты. Стало быть, он, господин Лоу, был их родителем». Хотя это не вполне верно, доля истины здесь была. Все методисты внимательно читали эти книги и

получили от них большую пользу. И всё же они произошли вовсе не от них, а от Священного Писания, будучи «возрождены», как говорит святой Пётр, «словом Божиим, живым и пребывающим вовек».

12 3. Другой учёный человек, покойный епископ Уорбертон, решительно утверждает, будто «они были совместным порождением господина Лоу и графа Цинцендорфа». Но это ещё большая ошибка. Они собирались вместе уже несколько лет прежде, чем хоть сколько-нибудь познакомились с графом Цинцендорфом или даже узнали, что такой человек существует. Когда же узнали его, то, хотя весьма высоко ценили с любовью, не осмеливались следовать за ним ни на шаг дальше того, что позволяло Писание.

13 4. Книгой, которая после Священного Писания более всего помогла им утвердиться в суждении о великом вопросе оправдания верой, была Книга гомилий. Они никогда не были вполне ясно убеждены, что мы оправдываемся одной верой, пока внимательно не исследовали её и не сравнили со священными писаниями, особенно с Посланием святого Павла к Римлянам. И ни один служитель Церкви не может пристойно выступать против этих гомилий, поскольку при рукоположении подписался под ними, подписав тридцать шестую статью Церкви.

14 5. Часто замечали, что немногие обладают ясным суждением и об оправдании, и об освящении. Многие, превосходно говорившие и писавшие об оправдании, не имели ясного понятия об учении об освящении, даже совершенно не знали его. Кто писал об оправдании одной верой искуснее Мартина Лютера? И кто был невежественнее в учении об освящении или более

путался в представлениях о нём? Чтобы вполне убедиться в этом, в его полном неведении об освящении, достаточно без предубеждения прочесть знаменитый комментарий к Посланию к Галатам. С другой стороны, сколько писателей Римской церкви, особенно Франциск Сальский и Хуан де Кастаниса, писали сильно и согласно Писанию об освящении, оставаясь совершенно незнакомыми с природой оправдания! Поэтому все их богословы на Тридентском соборе в своём Catechismus ad Parochos, катехизисе, которому каждый приходской священник должен учить народ, совершенно смешивают освящение и оправдание. Но Богу было угодно дать методистам полное и ясное знание каждого из них и огромного различия между ними.

[15] 6. Они знают, что освящение, собственно, начинается в то самое время, когда человек оправдывается. Ибо, оправдавшись, он «возрождается», «рождается свыше», «рождается от Духа»; это, хотя и не составляет всего процесса освящения, как некоторые полагают, несомненно, есть врата в него. И это Бог дал им увидеть вполне. Они знают: новое рождение означает в душе «рождённого от Духа» столь же великую перемену, какая произошла в теле, когда он родился от женщины. Не только внешнюю перемену — от пьянства к трезвости, от разбоя или кражи к честности: таково бедное, сухое, жалкое представление тех, кто ничего не знает об истинной религии. Но внутреннюю перемену от всех несвятых расположений ко всем святым: от гордости к смирению, от вспыльчивости к кротости, от раздражительности и недовольства к терпению и покорности; одним словом, от земного, чувственного, бесовского ума к тому образу мыслей, какой был во Христе Иисусе.

16 7. Правда, один недавний весьма выдающийся автор в своём странном «Трактате о возрождении» всецело исходит из предположения, что оно и есть весь постепенный ход освящения. Нет, это лишь порог освящения, первый вход в него. И как при естественном рождении человек рождается сразу, а затем постепенно растёт и крепнет, так и при духовном рождении он рождается сразу, а затем постепенно возрастает в духовном росте и силе. Поэтому новое рождение — начало освящения, которое может всё более возрастать до полного дня.

17 8. Итак, великое благословение дано этому народу: как они не думают и не говорят об оправдании так, чтобы отменить освящение, так не думают и не говорят об освящении так, чтобы отменить оправдание. Они заботятся о том, чтобы каждое оставалось на своём месте, придавая обоим одинаковый вес. Они знают: Бог соединил их, и не человеку разлучать. Поэтому с одинаковым усердием и прилежанием отстаивают, с одной стороны, учение о даровом, полном, нынешнем оправдании, а с другой — о всецелом освящении сердца и жизни, столь же неотступно держась внутренней святости, как любой мистик, и внешней — как любой фарисей.

18 9. Кто же христианин согласно свету, которым Бог удостоил этот народ? Тот, кто, «оправдавшись верою, имеет мир с Богом через Господа нашего Иисуса Христа» и в то же время «возрождён», «рождён свыше», «рождён от Духа», внутренне изменён из образа диавола в тот «образ Божий, по которому был сотворён». Тот, кто находит любовь Божию излитой в сердце данным ему Святым Духом и кого эта любовь сладостно побуждает любить ближнего, всякого человека, как самого себя. Тот,

кто научился у Господа быть кротким и смиренным сердцем и во всяком состоянии довольным. Тот, в ком весь образ мыслей и все расположения, какие были во Христе Иисусе. Тот, кто воздерживается в поступках от всякого вида зла и не согрешает языком; кто беспорочно ходит во всех Божиих заповедях и установлениях; кто во всём общении с людьми поступает с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с ним, и во всей жизни и поведении — ест ли, пьёт ли, что-либо иное делает — всё делает во славу Божию.

19 Что же ещё Бог мог сделать для этого Своего виноградника относительно учения, чего Он не сделал? Теперь мы должны исследовать

20 II. во-вторых, что ещё можно было сделать относительно духовных вспоможений, чего Он не сделал?

21 1. Рассмотрим дело с самого начала. Двое молодых священнослужителей, ничем особенно не замечательных, люди среднего возраста, с довольно сносным здоровьем, хотя скорее слабые, чем крепкие, около пятидесяти лет назад начали призывать грешников к покаянию. Некоторое время они делали это во многих церквах Лондона и окрестностей. Но возникли две трудности. Во-первых, церкви были так переполнены, что многие прихожане не могли войти. Во-вторых, они проповедовали новые учения: что мы спасаемся верой и что «без святости никто не может увидеть Господа». По одной или другой причине им недолго позволяли проповедовать в церквах. Тогда они стали проповедовать в Мурфилдсе, на Кеннингтонском выгоне и во многих других общественных местах. Плод проповеди быстро обнаружился: многие грешники переменились и сердцем, и жизнью. Но казалось, это не может продолжаться

долго: всякий ясно видел, что проповедники скоро истощат себя, а ни один священнослужитель не осмеливался помочь. Однако вскоре один, потом другой, хотя и не рукоположённые, предложили помощь. Бог дал явное благословение их слову. Многие грешники глубоко убедились в своей греховности, многие поистине обратились к Богу. Число помощников росло, как и успех их трудов. Одни были учёны, другие неучёны; большинство — молоды, некоторые — среднего возраста; одни слабы умом, другие, напротив, обладали замечательно сильным разумом. Но Богу было угодно признать всех их, так что всё больше головней извлекалось из огня.

22 2. Можно заметить, что всё это время у этих священнослужителей вовсе не было плана. Они лишь ходили туда и сюда, куда бы ни открывалась возможность спасать души от смерти. Но когда всё больше людей спрашивало: «Что мне делать, чтобы спастись?» — их попросили собираться вместе. В первый четверг вечером пришли двенадцать; в следующий — сорок; вскоре — сто. Число продолжало расти, пока двадцать три или двадцать четыре года назад Лондонское общество не достигло примерно двух тысяч восьмисот человек.

23 3. «Но как удержать это множество вместе? И как узнать, достойно ли они живут своего исповедания?» Провидение привело их к решению, когда они думали о другом, именно об уплате общего долга: разделить всех на небольшие группы, или классы, согласно месту жительства и назначить в каждом одного человека, который еженедельно будет встречаться со всеми остальными. Таким образом быстро обнаруживалось, если кто-либо жил в каком-нибудь известном грехе. Сначала

его увещевали, а если признавали неисправимым, исключали из общества.

24 4. Такое разделение людей и исключение поступавших беспорядочно, без всякого лицеприятия, были вспоможениями, какими располагали немногие другие сообщества. По мере роста обществ к ним вскоре добавилось ещё одно. Распорядителей обществ в каждом округе попросили раз в квартал встречаться с проповедниками в каком-либо центральном месте и давать отчёт о духовном и материальном состоянии своих обществ. Вскоре выяснилось, что польза этих квартальных собраний чрезвычайно велика; потому их постепенно распространили на все общества королевства.

25 5. Чтобы укрепить единство между проповедниками, как и между людьми, их попросили собираться всех вместе в Лондоне; некоторое время спустя — собирать избранное число из них. Позднее для удобства встречи проходили попеременно в Лондоне, Бристоле и Лидсе. Несколько дней они проводили вместе на этой общей конференции, рассматривая, что более всего может содействовать общему благу. Итог немедленно сообщался всем братьям. И вскоре они обнаружили: сказанное святым Павлом обо всей Церкви в известной мере можно отнести к каждой её части: «Всё тело, стройно соединённое и скреплённое посредством того, что подаёт каждый сустав, получает приращение для созидания самого себя в любви» (Еф. 4:16). [86]

26 6. Для более действенного осуществления этого у них есть ещё одно превосходное вспоможение — постоянная смена проповедников. Их правило таково: ни один проповедник не остаётся в одном округе более двух лет подряд, и лишь немногие — более года. Некоторые,

правда, полагали, что это препятствует Божиему делу. Но долгий опыт во всех частях королевства доказывает обратное. Он неизменно показывал: от одного человека люди получают меньше пользы, чем от разных проповедников, когда те

27 Употребляли данные каждому дары,
Соразмеренные Божиим искусством.

28 7. Вместе с этими вспоможениями, свойственными именно их обществу, у них есть все те, которыми пользуются прочие члены Церкви Англии. Правда, их давно настойчиво склоняют отделиться от неё; для этого у них были искушения всякого рода. Но они не могут, не смеют и не будут отделяться, пока могут оставаться в ней с чистой совестью. Правда, если бы им навязали греховные условия общения, они были бы вынуждены отделиться. Но, поскольку теперь этого нет, мы с радостью продолжаем оставаться в ней.

29 8. Что же ещё Бог мог сделать для этого Своего виноградника относительно духовных вспоможений, чего Он не сделал? Едва ли Он так поступил с каким-либо другим народом в христианском мире. Если скажут: «Он мог сделать их отдельным народом, подобным Моравским братьям», — я отвечу: это прямо противоречило бы всему Его замыслу при их воздвижении, а именно распространению библейской религии по всей стране среди людей всех исповеданий, с предоставлением каждому держаться собственных мнений и следовать собственному образу богослужения. Действенно осуществить это можно было лишь оставив такие вещи как есть и стараясь заквасить весь народ той «верой, которая действует любовью».

[30] III. 1. Таковы духовные вспоможения, щедро дарованные Богом этому Своему винограднику. К ним можно было бы причислить дисциплину, но столь же уместно рассмотреть её отдельно. Несомненно, в этом отношении методисты — весьма облагодетельствованный народ. Ничто не может быть проще и разумнее методистской дисциплины: она целиком основана на здравом смысле и состоит в частном применении общих правил Писания. Всякий человек, решившийся спасти душу, может соединиться с ними — это единственное требуемое условие. Но желание должно быть засвидетельствовано тремя признаками: избеганием всякого известного греха; совершением добра по силам; участием во всех Божиих установлениях. Затем его помещают в удобный для него класс, где он проводит примерно час в неделю. В следующем квартале, если против него нет возражений, его принимают в общество, и он может оставаться в нём, пока продолжает встречаться с братьями и жить согласно своему исповеданию.

[31] 2. Их общественное богослужение совершается в пять утра и в шесть или семь вечера, чтобы не мешать мирским занятиям. Лишь по воскресеньям оно начинается между девятью и десятью и завершается Вечерей Господней. В воскресенье вечером собирается общество; однако заботятся отпустить людей пораньше, чтобы все главы семейств успели наставить домашних. Раз в квартал главный проповедник каждого округа испытывает всех членов находящихся в нём обществ. Так, если поведение кого-либо заслуживает порицания, чего нередко следует ожидать в столь многочисленном сообществе, это легко обнаруживается и вовремя устраняется либо проступок, либо его виновник.

[32] 3. Когда необходимо исключить из общества какого-нибудь беспорядочно поступающего члена, это делается самым тихим и наименее обидным способом: при квартальном посещении ему просто не возобновляют билет. Но в некоторых случаях, когда проступок велик и есть опасность публичного соблазна, считают нужным объявить в присутствии всех членов: «Такой-то больше не состоит в нашем обществе». Что может быть разумнее или более согласно Писанию, чем эта простая дисциплина, от начала до конца не сопряжённая ни с хлопотами, ни с расходами, ни с промедлением?

[33] IV. 1. Но могло ли всё это совершиться без потока противодействия? Князь мира сего не умер и не спал; неужели не стал бы он сражаться, чтобы не отдать своё царство? Если слово апостола истинно во все века и у всех народов — «все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы», — если оно истинно относительно каждого отдельного христианина, то насколько более относительно сообществ людей, явно объединившихся с открыто объявленной целью ниспровергнуть его царство! И что могло устоять против гонения, которое он непременно воздвиг бы на бедный, беззащитный, презираемый народ, лишённый всякой видимой помощи, денег, власти и друзей?

[34] 2. Поистине, бог этого мира не спал. И не бездействовал. Он *сражался,* и притом всеми силами, чтобы не отдать своё царство. Он «вывел на войну все свои воинства». Прежде всего возбудил зверскую толпу. Она ревела, как львы, со всех сторон окружая малых и беззащитных. Буря всё усиливалась, пока избавление не пришло способом, которого никто не ожидал. Бог подвиг сердце нашего покойного милостивого государя дать

властям такие распоряжения, исполнение которых действенно укротило безумие народа. Примерно в то же время один знатный человек лично обратился к Его Величеству, прося «принять меры, чтобы остановить этих бродячих проповедников». Его Величество, сурово взглянув на него, ответил без церемоний, как король: «Говорю вам: пока я сижу на престоле, никто не будет гоним за совесть».

35 3. Но вопреки этому некоторые, облечённые полномочиями Его Величества, время от времени преследовали их, притом под видом законности, пользуясь так называемым Актом о молитвенных собраниях. Один из них в Кенте несколько лет назад взял на себя смелость оштрафовать одного проповедника и нескольких слушателей. Но они сочли долгом обратиться в Суд королевской скамьи Его Величества. Дело было решено в пользу истцов, которым с тех пор позволили поклоняться Богу согласно собственной совести.

36 4. Полагаю, это совершенно беспрецедентно. Я не нахожу другого примера ни в каком веке Церкви, от дня Пятидесятницы доныне. Почти во всякий век и у всякого народа терпели различные мнения, верные и неверные. Терпели всякий образ богослужения, сколь бы суеверен или нелеп он ни был. Но я не знаю, чтобы прежде когда-либо терпели истинную, живую, библейскую религию. За это у народа, называемого методистами, есть обильное основание хвалить Бога. Ради них Он совершил новое дело на земле: заставил умолкнуть врага и мстителя. Это они должны приписывать Ему, Источнику их внешнего и внутреннего мира.

37 V. 1. Что же в действительности Бог мог ещё сделать для этого Своего виноградника, чего Он не сделал?

Подробно показав это, мы можем теперь перейти к сильному и нежному укору: «После всего, что Я сделал, не вправе ли Я был ожидать превосходнейших гроздей? Почему же он принёс дикие ягоды? Разве не мог Я ожидать общего возрастания веры и любви, праведности и истинной святости, да и плода Духа — любви, радости, мира, долготерпения, кротости, мягкости, верности, благости, воздержания?» Разве не разумно было ожидать, что эти плоды распространятся по всей Его Церкви? Поистине, когда я видел, что Бог совершал среди Своего народа сорок или пятьдесят лет назад, когда видел их пыл первой любви, их величание Господа и радость о Боге, Спасителе своём, я не мог ожидать меньшего, чем то, что все они будут жить здесь, внизу, как ангелы; будут ходить, постоянно видя Невидимого, имея непрестанное общение с Отцом и Сыном, живя в вечности и ходя в вечности. Я ожидал увидеть «род избранный, царственное священство, святой народ, людей особенных» во всём строе их жизни, «возвещающих хвалу Призвавшего их в чудный Свой свет».

[38] 2. Но вместо этого виноградник принёс дикие ягоды, плод совершенно иной природы. Он породил заблуждение в десяти тысячах обличий, сбившее с пути многих простых людей. Породил исступлённую мечтательность, мнимое вдохновение, приписывающее всепремудрому Богу все дикие, нелепые, противоречивые сны разгорячённого воображения. Породил гордость, похищающую у Подателя всякого благого дара честь, подобающую Его имени. Породил предубеждение, злые подозрения, порицание, взаимный суд и осуждение — всё, что совершенно разрушает братскую любовь, самый отличительный знак христианского исповедания, без которой всякий живущий считается мёртвым пред Богом.

Он породил гнев, ненависть, злобу, мщение, всякое злое слово и дело — страшные плоды не Святого Духа, а бездны!

39 3. Во многих, особенно умноживших имущество, он породил и великий яд душ — любовь к миру, со всеми её ветвями: «похотью плоти», то есть поиском счастья в чувственных удовольствиях; «похотью очей», то есть поиском счастья в нарядах или любых удовольствиях воображения; «гордостью житейской», то есть поиском счастья в людской похвале, или в том, что служит всему этому, — накоплении земных сокровищ. Он породил всякого рода потворство себе, изнеженность, женоподобную слабость, мягкость, но не ту добрую мягкость, что тает перед человеческим горем. Он породил такие низкие, пресмыкающиеся привязанности, такую глубокую приверженность земному, как у бедных язычников, вызвавшую плач их собственного поэта: O curvae in terras animae et coelestium inanes! — «О души, согбенные к земле и пустые от Бога!»

40 4. О вы, владеющие богатством, ещё раз услышьте слово Господне! Вы, богатые в нынешнем мире, имеющие пищу, одежду и сверх того ещё что-нибудь, свободны ли от проклятия любви к миру? Сознаёте ли опасность? Чувствуете ли, «как трудно имеющим богатство войти в Царство Небесное»? Остаётесь ли неопалёнными посреди огня? Не коснулась ли вас любовь к миру? Свободны ли вы от похоти плоти, похоти очей и гордости житейской? «Приставляете ли нож к горлу», садясь за пищу, чтобы трапеза не стала сетью? Не чрево ли ваш бог? Не составляют ли еда и питьё или иное чувственное удовольствие величайшего из ваших наслаждений? Не ищете ли счастья в одежде, мебели, картинах, садах или

чём-нибудь другом, радующем глаз? Не становитесь ли мягкими и изнеженными, неспособными переносить холод, жару, ветер или дождь, как переносили в бедности? Не умножаете ли имущество, не собираете ли сокровищ на земле, вместо того чтобы возвращать Богу в лице бедных не столько-то или столько-то, а всё, что можете уделить? Поистине, «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное»!

41 5. Но почему вы всё ещё хотите приносить дикие ягоды? Какое можете привести оправдание? Упустил ли Бог что-либо со *Своей* стороны? Разве вас не предостерегали снова и снова? Разве не питали «чистым словесным молоком»? Разве не преподали всё слово Божие без всякой примеси заблуждения? Разве не преподали вам основополагающие учения о даровом, полном, нынешнем оправдании, как и об освящении — постепенном и мгновенном? Разве не раскрывали ясно каждую отрасль внутренней и внешней святости и не прилагали её к вам с усердием, притом через проповедников всякого рода — молодых и старых, учёных и неучёных? Но хорошо, если некоторые из вас не презирали приготовленных Богом вспоможений. Быть может, вы хотели слушать только священнослужителей или хотя бы только учёных людей. Неужели не позволите Богу выбирать собственных посланников, посылать через кого Он хочет послать? Хорошо, если эта дурная мудрость не была одной из причин ваших диких ягод!

42 6. Не было ли другой причиной ваше пренебрежение превосходным вспоможением — единением с христианским обществом? Разве вы не читали: «Как согреться одному?» — и: «Горе одному, когда упадёт»? Но

у вас довольно товарищей. Возможно, более чем довольно, более чем полезно вашей душе. Однако достаточно ли тех, кто жаждет Бога и трудится, чтобы и вы жаждали? Достаточно ли товарищей, бодрствующих над вашей душой как обязанных дать отчёт, свободно и верно предостерегающих, если вы делаете неверный шаг или рискуете его сделать? Боюсь, таких товарищей у вас мало; иначе вы приносили бы лучший плод!

[43] 7. Если вы член общества, вполне ли пользуетесь своим преимуществом? Никогда ли не пропускаете собрания своего класса, притом участвуете не ради формы, а ожидая, что, когда вы соберётесь во имя Его, Господь будет среди вас? Истинно ли вы благодарны за удивительную свободу совести, дарованную вам и вашим братьям, какой прежде никогда не пользовались люди в ваших обстоятельствах? И благодарны ли Подателю всякого благого дара за всеобщее распространение истинной религии? Поистине, вы никогда не сможете достаточно восхвалить Бога за все эти благословения, столь обильно излитые на вас, пока не восхвалите Его с ангелами, архангелами и всем небесным воинством!

О богатстве

[1] «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие».

[2] Мф. 19:24.

[3] 1. В предшествующих стихах рассказано о молодом человеке, подбежавшем к нашему Господу и преклонившем колени не лицемерно, а с глубокой сердечной серьёзностью. Он сказал: «Учитель благий! Что доброго сделать мне, чтобы иметь жизнь вечную?» «Все заповеди, — говорит он, — я соблюдал от юности; чего ещё недостаёт мне?» Вероятно, он соблюдал их в буквальном смысле, однако всё ещё любил мир. И Тот, Кто знал, что в человеке, знал также, что в этом особом случае, который вовсе не составляет общего правила, от тяжкой болезни его можно исцелить лишь крайним средством. Поэтому Он ответил: «Пойди, продай всё, что имеешь, и раздай бедным; и приходи, следуй за Мною». Но тот, услышав это, отошёл с печалью, потому что имел большое имение. Так увяли все прекрасные цветы! Ибо он не хотел собирать сокровища на небесах столь высокой ценой. Иисус, заметив это, «посмотрел вокруг и сказал ученикам Своим» (Мк. 10:23): «Как трудно имеющим богатство войти в Царство Божие! Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие!» И они чрезвычайно изумлялись, говоря между собою: «Кто же может спастись?» — если столь трудно спастись богатым, имеющим столько великих преимуществ, свободным от мирских забот и тысячи затруднений, которым постоянно подвергаются бедные.

4 2. Правда, полагали, будто Он отчасти берёт назад сказанное о трудности спасения богатых тем, что добавлено в десятой главе святого Марка. После слов: «Как трудно имеющим богатство войти в Царство Божие!» (стих 23), когда «ученики ужаснулись от слов Его, Иисус опять сказал им в ответ: как трудно надеющимся на богатство войти в Царство Божие!» (стих 24). Но заметьте, во-первых: Господь не намеревался этим отречься от сказанного прежде. Напротив, Он тотчас подтверждает его страшным изречением: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие». Во-вторых, оба изречения утверждают совершенно одно и то же. Ибо легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем имеющим богатство не *надеяться* на него.

5 3. Видя их изумление от этого тяжкого слова, «Иисус, взглянув на них», несомненно с выражением неописуемой нежности, чтобы они не сочли положение богатых безнадёжным, «говорит: человекам это невозможно, но не Богу; ибо всё возможно Богу».

6 4. Полагаю, под богатым здесь разумеется не только владелец огромных сокровищ, нагромоздивший золото, как пыль, и серебро, как морской песок, но всякий, имеющий больше необходимого и удобного для жизни. Кто имеет достаточно пищи и одежды для себя и семьи и что-нибудь сверх того — богат. Под Царством Божиим, или Небесным, что совершенно равнозначно, я разумею не Царство славы, хотя оно, несомненно, последует, но Царство Небесное, то есть истинную религию, на земле. Поэтому смысл утверждения нашего Господа таков: совершенно невозможно, кроме как силой, которой всё возможно, чтобы богатый стал христианином, имел образ

мыслей Христов и ходил, как ходил Христос. Таковы препятствия святости, как и искушения ко греху, окружающие его со всех сторон.

[7] I. Во-первых, таковы окружающие его со всех сторон препятствия святости. Для перечисления всех понадобился бы большой том; я коснусь лишь немногих.

[8] 1. Корень всей религии — вера, без которой невозможно угодить Богу. Если понимать её в общем смысле, как «свидетельство о невидимом», о невидимом и вечном мире, о Боге и Божиих предметах, насколько естественно богатству затемнять это свидетельство, мешать вашему вниманию к Богу, Божиим предметам и всему невидимому и вечному! Если же понимать её в другом смысле — как упование, насколько богатство склонно разрушать его, побуждать вас в поисках счастья или защиты надеяться на него, а не «на Бога живого»! Или если взять веру в собственном христианском смысле, как данное Богом упование на прощающего Бога, какое гибельное, почти непреодолимое препятствие этой вере — богатство! Как! Может ли состоятельный и потому почтенный человек прийти к Богу как не имеющий, чем заплатить? Может ли отложить всё своё величие и прийти грешником, просто грешником, самым низким из грешников, наравне с теми, кто кормит собак при его стаде, с тем «нищим, который лежит у ворот его в струпьях»? Невозможно, иначе как той силой, которая сотворила небо и землю. Но без этого он ни в каком смысле не может «войти в Царство Божие».

[9] 2. Какое препятствие богатство уже первому плоду веры — любви к Богу! «Кто любит мир, — говорит апостол, — в том нет любви Отчей». Но как возможно не любить мир человеку, окружённому всеми его соблазнами? Как может

он тогда услышать тихий, нежный голос: «Сын Мой, отдай Мне сердце твоё»? Какая сила, кроме всемогущей, может дать богатому ответ на молитву:

[10] Сохрани меня мёртвым ко всему земному,
Решившим знать лишь одного Христа,
Твёрдым, непривязанным и свободным,
Ищущим всё блаженство лишь в Тебе!

[11] 3. Богатство столь же препятствует любви к ближнему, как к самому себе, то есть любви ко всему человечеству, как Христос возлюбил нас. Богатый, правда, может любить принадлежащих к своей партии или разделяющих его мнение. Может любить любящих его: «Не так же ли поступают и язычники», крещёные или некрещёные? Но он не может иметь чистой, бескорыстной благожелательности ко всякому сыну человеческому. Она может происходить лишь от любви к Богу, которую большое имение изгнало из его души.

[12] 4. Из любви к Богу, и ни из какого другого источника, происходит также истинное смирение. Поэтому, насколько богатство препятствует любви к Богу, настолько же оно должно препятствовать смирению. Богатым оно препятствует ещё и тем, что отрезает их от свободного общения, благодаря которому они могли бы осознать недостатки и прийти к истинному самопознанию. Но как редко встречают они верного друга, способного и желающего говорить с ними прямо! Без этого мы, вероятно, поседеем в своих недостатках, да и умрём, «неся на главе все наши несовершенства».

[13] 5. И кротость не может существовать без смирения, ибо «от гордости» естественно «происходит раздор». Потому Господь велит одновременно учиться у Него «быть

кроткими и смиренными сердцем». Следовательно, богатство — столь же великое препятствие кротости, как и смирению. Препятствуя смиренномудрию, оно тем самым препятствует кротости, возрастающей по мере того, как мы понижаемся в собственной оценке, и, напротив, неизбежно убывающей, когда думаем о себе выше.

[14] 6. Есть ещё одно христианское расположение, близкое кротости и смирению, но едва имеющее название. Святой Павел называет его epieikeia. Возможно, пока мы не нашли лучшего названия, его можно назвать *уступчивостью:* готовностью подчиниться другим, отказаться от собственной воли. По-видимому, это качество святой Иаков приписывает «мудрости свыше», называя её ευπειθης, что мы передаём как *уступчивую, легко убеждаемую* в истине, *легко поддающуюся увещанию.* Но как редко это привлекательное расположение встречается у богатого! Не знаю, встречал ли я такое чудо хотя бы десять раз за более чем семьдесят лет! [87]

[15] 7. И как необычно встретить терпение у владельцев большого имения, если только ему не служит противовесом долгая и тяжкая скорбь, которой Бог нередко благоволит посещать любимых как противоядием их богатству! Это не редкость: имеющим большое имение Он часто посылает боль, болезнь и тяжкие кресты. Через эти средства «терпение имеет совершенное действие», пока они не станут «совершенны во всей полноте, без всякого недостатка».

[16] II. Таковы некоторые препятствия святости, со всех сторон окружающие богатого. Теперь рассмотрим другую

сторону: каким искушением ко всем несвятым расположениям служит богатство.

17 1. Прежде всего, как велико естественно проистекающее из богатства искушение к безбожию, даже к полному забвению Бога, словно такого Существа вовсе нет во вселенной! Ныне это обычно называют рассеянной жизнью — красивое имя, которым знатная чернь обозначает полное пренебрежение Богом и вообще всем невидимым миром. И как богатый окружён всевозможными искушениями к непрестанной рассеянности! Да, как изучают богатые и знатные искусство рассеиваться! Как метко говорит Прайор:

> 18 Раздают карты, приносят кости —
> Счастливые плоды людского остроумия,
> Чтобы Альма могла забыть себя.

19 Скажите лучше: чтобы смертные могли забыть своего Бога, совершенно удалить из мыслей Того, Кто, хотя восседает над кругом небес, всё же «у постели их и на пути их и видит все их дороги». Называйте это остроумием, если угодно; но мудрость ли это? О нет! Это далеко, очень далеко от неё. Безумец! Неужели воображаешь: раз ты не видишь Бога, то и Бог тебя не видит? Смейся, играй, пой, пляши; но «за всё это Бог приведёт тебя на суд»!

20 2. От безбожия легко перейти к идолопоклонству, от отсутствия поклонения Богу — к поклонению ложным богам. И в действительности тот, кто не любит Бога, что есть подобающее Ему и единственно подобающее поклонение, непременно будет любить какое-нибудь дело Его рук, тварь, если не Творца. Но скольким видам идолопоклонства подвержен всякий богатый! Какие

постоянные, почти непреодолимые искушения «любить мир» во всех его ветвях — «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской»! Какие бесчисленные искушения удовлетворять «похоть плоти» встретит он! Поймите это верно: речь не об одном лишь внешнем чувстве, а обо всех. Искать счастья в удовлетворении любого или всех их — одинаково идолопоклонство. Но величайшая опасность состоит в том, что люди станут искать его в удовлетворении вкуса, в умеренной чувственности, в упорядоченном эпикурействе, а не в обжорстве или пьянстве — да будет это далеко от них! Они не расстраивают тело, лишь сохраняют душу мёртвой, мёртвой для Бога и всякой истинной религии.

21 3. Богатые столь же окружены искушениями от «похоти очей», то есть поиска счастья в удовлетворении воображения, которому удовольствия доставляют главным образом глаза. Предметы, услаждающие воображение, бывают величественными, прекрасными или новыми. Правда, не у всех богатых есть вкус к величественному; но есть к новому и прекрасному, особенно к новому: желание новизны столь же естественно людям, как желание пищи и питья. Как многочисленны искушения к этому виду идолопоклонства, естественно возникающие из богатства! Как сильно и непрестанно побуждают их искать счастья если не в величественных, то в красивых домах, изящной мебели, редких картинах, восхитительных садах! Быть может, даже в пустяке из пустяков — богатом или ярком наряде! Да, во всякой новой вещи, малой или большой, которую рекомендует мода, госпожа глупцов. Как искушаются богатые с более возвышенным складом ума искать счастья, согласно разнообразным вкусам, в поэзии, истории, музыке, философии, в любопытных

искусствах и науках! Хотя всё это, несомненно, имеет пользу и потому может быть предметом невинных занятий, искать счастья в чём-либо из этого вместо Бога — явное идолопоклонство. Поэтому уже по одной причине — что богатство предоставляет средства удовлетворять все эти желания — вполне можно спросить: «Разве жизнь богатого, более всякой другой, не есть искушение на земле?»

22 4. Какому же искушению должен подвергаться всякий богатый, чтобы искать счастья и в «гордости житейской»! Полагаю, апостол разумеет здесь не столько пышность, великолепие или экипажи, сколько «честь, исходящую от людей», заслуженную или нет. Богатый непременно встретится с нею: этой сети ему не избежать. Весь лондонский Сити употребляет слова «богатый» и «хороший» как равнозначные. «Да, — говорят, — он хороший человек: у него сто тысяч фунтов». И действительно, повсюду, «если ты устраиваешь себе добро», если умножаешь имущество, «люди будут хорошо говорить о тебе». Весь мир согласен:

> 23 Тысяча фунтов восполняет
> Недостаток двадцати тысяч достоинств.

24 И кто может вынести всеобщую хвалу, не возгордившись, не став незаметно «думать о себе более, нежели должно думать»?

25 5. Как возможно богатому избежать гордости хотя бы уже по той причине, что его положение неизбежно вызывает поток похвал со всех сторон? Ведь похвала обычно — яд для души, и чем приятнее, тем смертоноснее, особенно незаслуженная. Поэтому наш поэт справедливо мог сказать:

[26] Родительница зла, погибель честных дел,
Пагубная лесть! Твои губительные семена,
В недобрый час, роковою рукой,
Печально рассеянные по ниве добродетели,
Всходят с гордостью среди хлебов
И губят надежду, обещание урожая!

[27] И не только похвала, заслуженная или незаслуженная, но всё окружающее стремится внушить и умножить гордость. Его великолепный дом, изящная мебель, хорошо подобранные картины, прекрасные лошади, экипаж, сама одежда, даже «вышивка, налепленная на его фалды», — всё это станет предметом похвалы для кого-либо из гостей и потому почти неудержимо побуждает его считать себя лучшим человеком, чем те, кто лишён подобных преимуществ.

[28] 6. Как естественно богатство питает и умножает своеволие, рождённое в каждом сыне человеческом! Ведь не только домашние слуги и непосредственно зависимые от него люди безоговорочно управляются его волей, находя в этом свою выгоду, но и большинство соседей и знакомых старается во всём ему угодить. Поэтому его воля, непрерывно получая удовлетворение, будет, конечно, непрерывно укрепляться, пока он наконец не станет едва способен подчиниться воле Бога или людей.

[29] 7. Так богатство склонно порождать и питать всякое расположение, противное любви к Богу. Столь же склонно оно питать всякую страсть и всякое расположение, противные любви к ближнему: например, презрение, особенно к низшим, а ничто не противнее любви; обиду на действительное или мнимое оскорбление, быть может, даже месть, хотя Бог объявляет её Своим исключительным правом; по крайней мере — гнев, ибо в

уме богатого тотчас возникает мысль: «Как! Так поступить со *мной!* Нет, он скоро узнает, как следовало поступить: теперь я способен сам добиться себе справедливости!»

30 8. К гневу близки, если не являются его разновидностью, досада и раздражительность. Но больше ли подвержены им богатые, чем бедные? Весь опыт показывает, что да. Много лет назад я был свидетелем одного примечательного случая. Господин большого состояния, пока мы серьёзно беседовали, приказал слуге подбросить угля в огонь. Вырвался клуб дыма. Он откинулся в кресле и воскликнул: «О, господин Уэсли, вот кресты, которые я встречаю ежедневно!» Я не удержался от вопроса: «Скажите, сэр Джон, неужели это самые тяжёлые кресты в вашей жизни?» Конечно, эти кресты не досаждали бы ему столь сильно, если бы у него было пятьдесят, а не пять тысяч фунтов в год!

31 9. Но было бы неудивительно, если бы богатые в целом оказались лишены всех добрых расположений и легко доставались всем злым: столь немногие из них обращают внимание на торжественное изречение Господа, без соблюдения которого мы не можем быть Его учениками. «И сказал всем», всему множеству, не одним апостолам: «Если кто хочет идти за Мною», хочет быть настоящим христианином, «отвергнись себя, и возьми крест свой ежедневно, и следуй за Мною» (Лк. 9:23). О, какое тяжкое слово для «покоящихся среди своего имущества»! И всё же Писание не может быть нарушено. Поэтому если человек не «отвергает себя», отказываясь от всякого удовольствия, не готовящего его к наслаждению Богом, и не «берёт ежедневно свой крест», то есть не повинуется всякой Божией заповеди, сколь бы тяжела она ни была

плоти и крови, он не может быть учеником Христа, не может «войти в Царство Божие».

32 10. Об этом важном деле, самоотречении и ежедневном несении креста, обратимся к фактам; обратимся перед лицом Бога к совести каждого. Сколько среди методистов богатых — заметьте, когда они впервые объединились, не было ни одного, — действительно «отрекаются от себя и ежедневно берут свой крест»? Сколько решительно воздерживаются от всякого удовольствия чувств или воображения, если не знают по опыту, что оно готовит их к наслаждению Богом? Кто не уклоняется ни от какого креста, труда или боли, лежащих на пути долга? Кто из вас, ныне богатых, отрекается от себя точно так же, как в бедности? Кто теперь столь же охотно переносит труд и боль, как тогда, когда не имел и пяти фунтов? Перейдём к подробностям. Поститесь ли теперь так часто, как тогда? Встаёте ли столь же рано утром? Переносите ли холод и жару, ветер и дождь столь же бодро, как прежде? Вот одна из многих причин, почему столь немногие умножают имущество, не убывая в благодати: они больше не отрекаются от себя и не берут ежедневного креста. Увы, они уже не переносят тягот, как добрые воины Иисуса Христа!

33 11. «Послушайте, богатые! Плачьте и рыдайте о бедствиях, грядущих на вас», которые должны постигнуть вас через немногие дни, если их не предотвратит глубокая и полная перемена! «Ржавчина вашего золота и серебра» будет «свидетельством против вас» и «съест плоть вашу, как огонь»! О, как жалко ваше состояние! И кто способен помочь? Вы нуждаетесь в прямой речи больше всех людей в мире, а встречаете её меньше всех. Ибо как немногие осмелятся говорить с *вами* столь же

прямо, как с одним из ваших слуг! Ни один человек, надеющийся что-нибудь получить вашей милостью или боящийся чего-нибудь лишиться из-за вашего неудовольствия. О, да даст мне Бог слова, которые будут приняты, и да поможет им глубоко проникнуть в ваши сердца! Многие из вас давно знают меня, почти с младенчества; вы часто помогали мне, когда я нуждался. Не могу ли сказать: вы любили меня? Но теперь близок час разлуки. Ноги мои уже спотыкаются на тёмных горах. Прежде чем отойти, я хотел бы оставить вам одно слово; вы сможете вспомнить его, когда меня уже не будет видно.

34 12. О, пусть ваше сердце всецело принадлежит Богу! Ищите счастья в Нём, и только в Нём. Берегитесь прилепиться к праху! «Эта земля — не ваше место». Смотрите, пользуйтесь этим миром, не злоупотребляя им: *пользуйтесь* миром, а *наслаждайтесь* Богом. Будьте столь же непривязаны ко всему здешнему, как если бы были бедным нищим. Будьте добрым управителем многообразных даров Божиих, чтобы, когда вас призовут дать отчёт в управлении, Он мог сказать: «Хорошо, добрый и верный раб; войди в радость Господа твоего!»

Третья серия — описание

[1] Третья серия

[2] Состоящая из восемнадцати бесед, написанных для помещения в «Арминианском журнале», но после публикации уже не пересматривавшихся господином Уэсли.

Что есть человек?

[1] «Что есть человек?»

[2] Пс. 8:4.

[3] 1. Более того, что есмь я? С Божией помощью я хотел бы рассмотреть самого себя. Вот удивительная машина, «страшно и дивно устроенная». Это малая доля *земли,* частицы которой, соединяясь неведомым мне образом, вытягиваются в бесчисленные волокна, в тысячу раз тоньше волоса. Пересекаясь во всех направлениях, они удивительным образом сплетаются в оболочки; а оболочки столь же удивительно образуют артерии, вены, нервы и железы, содержащие различные жидкости, непрестанно обращающиеся во всей машине.

[4] 2. Для продолжения этого обращения необходимо значительное количество воздуха. Он постоянно принимается в тело устройством, приспособленным именно для этой цели. Но поскольку с каждой частицей воздуха соединена частица эфирного *огня,* а также частица воды, воздух, вода и огонь вместе поступают в лёгкие. Там огонь отделяется от воздуха и воды, которые непрестанно выбрасываются наружу, а извлечённый из них огонь принимается кровью и смешивается с нею. Так человеческое тело состоит из всех четырёх стихий, соединённых и смешанных в должной пропорции; последняя составляет жизненное пламя, от которого происходит животная теплота.

[5] 3. Рассмотрим это немного дальше. Не состоит ли главное назначение лёгких в снабжении тела огнём,

который непрестанно извлекается из воздуха этим удивительным огненным насосом? При вдохе он принимает воздух, воду и огонь вместе. В многочисленных ячейках, обычно называемых воздушными сосудами, он отделяет огонь от воздуха и воды. Затем огонь смешивается с кровью, поскольку с каждым воздушным сосудом соединён кровеносный; как только огонь извлечён, воздух и вода выбрасываются при выдохе.

[6] 4. Без этого источника жизни, этого жизненного огня не могло бы быть обращения крови, а следовательно, движения каких бы то ни было жидкостей, в частности нервной, если только она сама не есть этот огонь, о котором мы говорим, что весьма вероятно. Поэтому не могло бы быть ни ощущений, ни мышечного движения. Я говорю: не было бы обращения крови, ибо обычно приписываемая ему причина, сила сердца, совершенно недостаточна для предполагаемого действия. Никто не считает, что сила сердца крепкого человека превышает тяжесть трёх тысяч фунтов, тогда как для продвижения крови от сердца через все артерии потребовалась бы сила, равная тяжести ста тысяч фунтов. Это может осуществить лишь эфирный огонь, содержащийся в самой крови, при содействии упругой силы артерий, по которым она обращается.

[7] 5. Но помимо странного соединения четырёх стихий — земли, воды, воздуха и огня — я нахожу в себе нечто совершенно иной природы, ничем не сродное ни одной из них. Нахожу нечто *мыслящее,* чего не могут делать ни земля, ни вода, ни воздух, ни огонь, ни какая-либо их смесь; нечто видящее, слышащее, обоняющее, вкушающее, осязающее, а всё это — различные виды мышления. Оно идёт дальше: восприняв предметы

каким-либо из этих чувств, образует внутренние представления о них. Оно *судит* о них, видит, согласуются ли они друг с другом. Оно *рассуждает* о них, то есть выводит одно положение из другого. Оно размышляет о собственных действиях, наделено воображением и памятью; и всякое его действие, особенно суждение, может быть подразделено на множество других.

[8] 6. Но каким способом узнать, в какой части тела помещается это мыслящее начало? Некоторые выдающиеся люди утверждали, что оно «всё во всём и всё в каждой части». Но из этого я ничего не узнаю: кажется, это слова без определённого смысла. Обратимся же, как только можем, к собственному опыту. Из него я узнаю, что мыслящее начало не помещается в моих кистях, ступнях, ногах или руках. Не помещается оно и в туловище; всякий может убедиться в этом, немного поразмыслив. Я не могу представить его находящимся в костях или в какой-либо части плоти. Насколько могу судить, оно, кажется, находится в какой-то части головы; но в шишковидной железе ли или в какой-нибудь части мозга — определить не способен.

[9] 7. Далее, это внутреннее начало, где бы оно ни помещалось, способно не только мыслить, но и любить, ненавидеть, радоваться, скорбеть, желать, бояться, надеяться — испытывать целый ряд иных внутренних движений, обычно называемых страстями или чувствами. Общим именем их называют волей; они смешиваются и видоизменяются тысячью способов. И, по-видимому, именно они составляют единственный источник действия того внутреннего начала, которое я называю душой.

[10] 8. Но что такое моя душа? Вопрос важный и нелегко разрешимый.

> [11] Смиренно ль слушаешь, что ты — лишь низкий плод,
> Лишь несколько особых частиц более тонкой земли,
> Простой итог, который природа должна породить,
> Как велит движение и как встречаются атомы?

[12] Я никак не могу поверить в это. Разум мой отступает перед такой мыслью. Не могу примириться с тем, что душа есть земля, вода или огонь либо их соединение, хотя бы уже по простой причине: все они, раздельно или соединённые любым возможным образом, остаются совершенно *пассивными.* Ни у одного нет малейшей силы самодвижения; ни одно не может двигать себя. «Но, — скажет кто-нибудь, — разве этот корабль не движется?» Да, но не сам собой: его движет вода, по которой он плывёт. «Но тогда движется вода». Верно, но воду движет ветер, поток воздуха. «Но воздух движется». Его движет эфирный огонь, прикреплённый к каждой его частице; сам же огонь движется всемогущим Духом, Источником всякого движения во вселенной. Но моя душа получила от Него внутреннее начало движения, благодаря которому по желанию управляет всякой частью тела.

[13] 9. Она управляет всяким движением тела лишь с одним исключением — чудесным примером мудрого и милостивого Провидения великого Творца. Некоторые телесные движения безусловно необходимы для продолжения жизни: расширение и сокращение лёгких, систола и диастола сердца, пульсация артерий и обращение крови. Ими я не управляю по желанию; они не ждут указаний моей воли. И хорошо, что не ждут. Весьма подобает всем жизненным движениям быть

непроизвольными, продолжаться, обращаем мы на них внимание или нет. Иначе могли бы последовать тяжкие неудобства. Человек мог бы положить конец жизни, когда захочет, остановив движение сердца или лёгких, или лишиться жизни по одному невниманию, не вспомнив, не обратив внимания на обращение крови. Но за исключением этих жизненных движений я направляю движение всего тела. Одним действием воли привожу в движение голову, глаза, руки или любую часть тела, хотя понимаю, как это делаю, не больше, чем способен понять, как «ТРОЕ, свидетельствующие на небе, суть ЕДИНО».

14 10. Но что есмь *я?* Несомненно, нечто отличное от моего тела. По-видимому, ясно, что тело не составляет необходимой части этого «я»: когда тело умрёт, я не умру, а буду существовать столь же действительно, как прежде. И я не могу не верить, что это самодвижущееся, мыслящее начало, со всеми страстями и чувствами, продолжит существование, хотя тело истлеет в прах. Правда, ныне тело столь тесно связано с душой, что я, кажется, состою из обоих. В нынешнем состоянии существования я, несомненно, состою и из души, и из тела; и таким снова буду после воскресения во всю вечность.

15 11. Я сознаю в себе ещё одно свойство, обычно называемое свободой. Его весьма часто смешивают с волей, но природа его совершенно иная. Это не свойство воли, а отдельное свойство души, способное проявляться относительно всех её способностей, как и всех телесных движений. Это сила самоопределения; хотя она не распространяется на все мысли и образы воображения, она распространяется на слова и поступки вообще, с немногими исключениями. В том, что относительно них я

свободен — говорить или не говорить, действовать или не действовать, сделать это или противоположное, — я столь же уверен, как в собственном существовании. У меня есть не только так называемая «свобода противоречия», способность делать или не делать, но и «свобода противоположности», способность действовать одним или противоположным образом. Отрицать это значило бы отрицать постоянный опыт всего человечества. Каждый чувствует, что обладает внутренней силой двигать ту или иную часть тела, двигать или не двигать её, направлять сюда или в противоположную сторону, как пожелает. По собственному выбору я могу, как и всякий рождённый женщиной, открыть или закрыть глаза, говорить или молчать, встать или сесть, протянуть руку или отдёрнуть, пользоваться любым членом и всем телом по желанию. И хотя вследствие испорченности собственной природы я не имею безусловной власти над собственным умом, всё же, с помощью благодати Божией, имею силу выбирать и делать добро, как и зло. Я свободен выбирать, кому служить; и, избрав лучшую часть, могу оставаться в ней до смерти.

16 12. Но скажи мне, устрашённая природа, что такое смерть?

> 17 Лишь остановленная кровь, прервавшееся дыханье?
> Последняя граница краткого срока?
> И даже предел движенья, начавшегося с жизнью?

18 Смерть, собственно, есть отделение души от тела. В этом мы уверены; но мы не уверены, по крайней мере во многих случаях, когда совершается отделение. В тот ли миг, когда прекращается дыхание, согласно известному правилу Nullus spiritus, nulla vita — «Нет дыхания — нет

жизни»? Нет, безусловно утверждать это нельзя: известны многие случаи, когда дыхание совершенно исчезало, а жизнь всё же возвращалась. Когда сердце перестаёт биться или прекращается обращение крови? Нет: сердце может забиться вновь, а обращение крови после полного прекращения может снова начаться. Отделяется ли душа от тела, когда всё оно неподвижно и холодно, как кусок льда? Но в последнее время было несколько случаев, когда столь же холодные и неподвижные люди, без всяких оставшихся признаков жизни, при надлежащем воздействии всё же возвращались и к жизни, и к здоровью. Поэтому мы можем сказать лишь, что смерть есть разделение души и тела; но во многих случаях только Бог может назвать миг этого разделения.

[19] 13. Но нам чрезвычайно важно знать и глубоко обдумать цель жизни. Ради чего жизнь дарована сынам человеческим? Зачем мы посланы в мир? Ради одной-единственной цели, и ни для какой другой: приготовиться к вечности. Только для этого мы живём. Для этого, и ни для чего иного, наша жизнь либо даётся, либо продолжается. Всепремудрому Богу было угодно в избранное Им наилучшее время восстать в величии Своей силы и сотворить небо и землю и всё, что в них. Приготовив всё для человека, Он «сотворил человека по образу Своему и подобию Своему». Какова была цель его сотворения? Одна, и никакая иная: чтобы он знал, любил своего великого Творца, наслаждался Им и служил Ему во всю вечность.

[20] 14. Но «человек, будучи в чести, не пребыл», а стал ниже даже погибающих животных. Он сознательно и открыто восстал против Бога и отверг верность небесному

Величеству. Тем самым он мгновенно утратил и Божие благоволение, и образ Божий, по которому был сотворён. Поскольку он уже не мог достичь счастья по прежнему завету, Бог установил с человеком новый, условия которого были уже не «исполни это и живи», а «веруй, и спасёшься». И всё же цель человека остаётся той же, лишь стоит на ином основании. Ясный смысл завета таков: «Веруй в Господа Иисуса Христа, Которого Бог дал в умилостивление за твои грехи, и спасёшься» — прежде от вины греха, имея искупление кровью Его; затем от власти греха, который уже не будет господствовать над тобою; затем от его корня, с восстановлением полного образа Божия. Возвращённый и к благоволению, и к образу Божию, ты будешь знать, любить Его и служить Ему во всю вечность. Поэтому цель жизни человека, всякого рождённого в мир, по-прежнему состоит в познании, любви и служении великому Творцу.

[21] 15. И заметьте: это не просто цель, а полная и единственная цель, ради которой всякий человек на земле, каждый из *вас,* был приведён в мир и наделён живой душой. Помните: вы родились ни для чего иного. Вы живёте ни для чего иного. Ваша жизнь продолжается на земле лишь затем, чтобы вы знали, любили Бога и служили Ему здесь и наслаждались Им во всю вечность. Подумайте: вы созданы не для услаждения чувств, удовлетворения воображения, приобретения денег или людской похвалы, не для поисков счастья в каком-либо сотворённом благе, в чём-либо под солнцем. Всё это — «хождение в суетной тени», беспокойная, несчастная жизнь, ведущая к несчастной вечности. Напротив, вы созданы для одной цели, и ни для какой другой: ища и находя счастье в Боге на земле, обрести славу Божию на небесах. Поэтому пусть сердце ваше постоянно говорит:

«Одно только делаю», имея в виду одно, помня, зачем родился и зачем продолжается моя жизнь, — «стремлюсь к цели». Я стремлюсь к единственной цели своего бытия, Богу, именно к «Богу во Христе, примиряющему с Собою мир». Он будет моим Богом во веки веков и моим вождём до самой смерти!

[22] Брэдфорд, 2 мая 1788 года.

О том, что открывает вера

[1] «Вера же есть свидетельство о невидимом».

[2] Евр. 11:1.

[3] 1. На протяжении многих веков разумные люди признавали: Nihil est in intellectu quod non fuit prius in sensu, то есть: «В разумении нет ничего, что прежде не было воспринято каким-либо чувством». Всё знание, которое мы имеем по природе, первоначально происходит от чувств. Поэтому лишённые какого-либо чувства не могут иметь ни малейшего знания или представления о его предметах: никогда не имевшие зрения не имеют ни малейшего знания или понятия о свете и цветах. Правда, в последние годы некоторые пытались доказать, что у нас есть врождённые идеи, не происходящие ни от одного чувства, но возникающие вместе с разумением. Однако теперь этот вопрос основательно рассмотрен людьми выдающегося ума и учёности. Все беспристрастные люди согласны: хотя некоторые вещи столь ясны и очевидны, что едва ли возможно не узнать их, как только начинаем пользоваться разумом, даже знание о них не врождённо, а получено через какое-либо чувство.

[4] 2. Но между нашими чувствами как путями познания есть большая разница. Одни имеют весьма узкую область действия, другие — более широкую. Посредством *осязания* мы различаем лишь предметы, касающиеся какой-либо части тела; следовательно, это чувство охватывает только небольшое число предметов. Чувства *вкуса* и *обоняния,* которые некоторые считают разновидностями *осязания,* охватывают ещё меньше. С

другой стороны, более благородное чувство *слуха* имеет чрезвычайно широкую область действия, особенно для громких звуков: грома, морского рёва или пушечного выстрела, который нередко слышали на расстоянии почти ста миль. Однако пространство, доступное самому *слуху,* мало в сравнении с тем, куда простирается *зрение. Зрение* одним взглядом охватывает не только самые безграничные земные виды, но и луну, другие планеты, солнце, даже неподвижные звёзды, хотя они столь неизмеримо далеки, что в лучшие телескопы кажутся не больше, чем невооружённому глазу.

[5] 3. Но всё же ни одно из наших чувств, даже само зрение, не может выйти за пределы видимого мира. Они сообщают нам такое знание о вещественном мире, какого достаточно для всех жизненных целей. Но поскольку ради этого они даны, далее идти не могут. О невидимом мире они не сообщают совершенно ничего.

[6] 4. Но мудрый и милостивый Правитель миров, видимого и невидимого, приготовил средство против этого недостатка. Он назначил *веру* восполнять недостаточность чувств, подхватывать нас там, где чувства оставляют, и помогать перейти великую пропасть. Её служение начинается там, где кончается служение чувств. Чувство есть свидетельство о видимом, о видимом вещественном мире и отдельных его частях. Вера, напротив, — «свидетельство о невидимом», о невидимом мире, обо всех невидимых вещах, открытых в словах Божиих. Но в действительности слова ничего не открывают и остаются лишь мёртвой буквой, если «не растворены верою слышавших».

[7] 5. В частности, вера свидетельствует мне о существовании невидимого — моей собственной души.

Без неё я пребывал бы в полной неизвестности о душе, был бы вынужден задавать печальный вопрос:

> [8] Смиренно ль слушаешь, что ты — лишь низкий плод,
> Лишь несколько особых частиц более тонкой земли?

[9] Но верой я знаю: она бессмертный дух, созданный по образу Божию — естественному и нравственному, «нетленное отображение Бога славы». Тем же свидетельством я знаю, что ныне лишён славного образа Божия; более того, что я, как и всё человечество, «мёртв по преступлениям и грехам», столь совершенно мёртв, что «во мне не живёт доброе»; что я склонен ко всякому злу и совершенно не способен оживотворить собственную душу.

[10] 6. Верой я знаю: кроме человеческих душ существуют и другие чины духов. Да, я верю, что

> [11] Миллионы созданий ходят по земле
> Незримыми, бодрствуем мы или спим.

[12] Их я называю ангелами и верю, что часть из них свята и счастлива, другая же — зла и несчастна. Верю, что первые, добрые ангелы, непрестанно посылаются Богом «на служение наследникам спасения», которые вскоре будут «равны ангелам», хотя теперь немного ниже их. Верю, что последние, злые ангелы, названные в Писании бесами и объединённые под одним главой, которого Писание именует сатаной, то есть прежде всего врагом, противником Бога и человека, либо странствуют в верхних областях, отчего названы «князьями власти воздушной», либо, как их глава, ходят по земле, словно «рыкающие львы, ища, кого поглотить».

[13] 7. Но верой я знаю: выше всех их Господь Иегова, Сущий, Бывший и Грядущий, Бог от вечности и во веки веков; Наполняющий небо и землю; Бесконечный в силе, премудрости, правосудии, милосердии и святости; Сотворивший всё видимое и невидимое дыханием уст Своих и доныне всё «содержащий», сохраняющий в бытии «словом силы Своей»; Управляющий всем, что на небе вверху, на земле внизу и под землёй. Верой я знаю, что «трое свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух» и что «сии Трое суть Едино»; что Слово, Бог Сын, «стало плотью», жило и умерло для нашего спасения, воскресло, вознеслось на небеса и ныне сидит по правую руку Отца. Верой я знаю: Святой Дух — Податель всякой духовной жизни, праведности, мира и радости в Святом Духе, святости и счастья через восстановление образа Божия, по которому мы созданы. Обо всём этом вера — свидетельство, единственное свидетельство для сынов человеческих.

[14] 8. Как сведения, получаемые от чувств, не простираются на невидимый мир, так не простираются и на тесно связанный с ним мир вечный. Несмотря на всё, чему может научить зрение или какое-либо другое чувство,

> [15] Огромная, безбрежная даль лежит пред нами;
> Но облака, увы, и мрак её покрыли.

[16] Чувство не пропускает ни единого луча света, чтобы открыть

[17] «тайны беспредельной глубины». Этот вечный мир начинается со смерти, со смерти каждого отдельного человека. В миг, когда дыхание человека выходит, он становится обитателем вечности. Тогда время исчезает,

«как сон по пробуждении». И здесь вера вновь занимает место чувства, давая видение грядущего: она тотчас отодвигает завесу между смертным и бессмертным бытием. Вера открывает нам души праведных, немедленно принятые святыми ангелами и перенесённые этими служебными духами на лоно Авраамово, в наслаждения рая, сада Божия, где непрестанно сияет свет Его лица. Там праведник общается не только с прежними родными, друзьями и соратниками, но и со святыми всех народов и веков, со славными усопшими древности, с благородным воинством мучеников, апостолами, пророками, патриархами, Авраамом, Исааком и Иаковом. Да, и сверх всего этого он будет со Христом так, как невозможно было, пока он оставался в теле.

[18] 9. Она открывает также души несвятых людей, которые в тот миг, как покидают трепещущие уста, схватываются служителями возмездия, злыми ангелами, и уносятся в собственное место. Правда, это ещё не глубочайший ад: там их не станут мучить «прежде времени», до конца мира, когда каждый получит справедливое воздаяние. До тех пор злой господин, вероятно, будет употреблять их на распространение своего адского царства и на всякое возможное зло бедным, немощным сынам человеческим. Но где бы они ни искали покоя, не найдут. Они носят собственный ад с собой — в неумирающем черве, в сознании вины и Божия гнева, непрестанно иссушающего их дух; в бесовских, адских расположениях, составляющих самое несчастье; и в том, чего они не могут стряхнуть ни на час, как не могут стряхнуть собственное бытие, — в «страшном ожидании огненной ярости, которая пожрёт противников Божиих».

[19] 10. Более того, вера открывает ещё одну картину вечного мира — пришествие нашего Господа на облаках небесных, чтобы «судить живых и мёртвых». Она даёт увидеть «великий белый престол, сходящий с неба, и Сидящего на нём, от лица Которого бегут небо и земля, и не находится им места». Мы видим «мёртвых, малых и великих, стоящих пред Богом». Видим «раскрытые книги и мёртвых, судимых согласно написанному в книгах». Видим землю и море, отдающие мертвецов, и ад, то есть невидимый мир, «отдающий мёртвых, бывших в нём, и каждого судимого по делам его».

[20] 11. Верой нам показаны и непосредственные последствия всеобщего суда. Мы видим исполнение блаженного приговора над стоящими по правую руку: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира!» Затем святые ангелы настраивают арфы и поют: «Поднимите, врата, главы ваши, и поднимитесь, двери вечные, да войдут наследники славы!» Тогда они будут пить из потоков наслаждения, пребывающих по правую руку Бога вовеки. Мы видим также исполнение страшного приговора над стоящими слева: «Идите, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его». И служители Божия возмездия погрузят их в «озеро огня, горящего серою, где нет им покоя ни днём, ни ночью, но дым мучения их восходит во веки веков».

[21] 12. Но кроме невидимого и вечного миров, которых не видно и которые открываются лишь верой, существует целый строй невидимых вещей, неразличимых ни одним внешним чувством. Я имею в виду духовный мир, понимая под ним Царство Божие в человеческой душе. «Глаз не видел и ухо не слышало» этого, и человеческому сердцу

невозможно представить принадлежащее этому внутреннему Царству, если Бог не откроет Своим Духом. Святой Дух готовит нас к внутреннему Царству, снимая покрывало с сердца и давая познать себя, как мы познаны Им; «обличая нас о грехе», о нашей злой природе, злых расположениях, злых словах и поступках, которые неизбежно причастны испорченности сердца, откуда исходят. Затем Он убеждает нас, чего заслуживают наши грехи, так что уста замыкаются и мы вынуждены признать вину перед Богом. Одновременно мы «принимаем духа рабства к страху»: страх Божия гнева, заслуженного наказания и прежде всего смерти, чтобы она не предала нас смерти вечной. Так обличённые души чувствуют, что заключены в темницу столь крепко, что не могут выйти. Они одновременно сознают себя совершенно греховными, совершенно виновными и совершенно беспомощными. Но всё это убеждение предполагает некоторый вид веры, будучи «свидетельством о невидимом», чего и нельзя увидеть или узнать, пока Бог не откроет.

[22] 13. Но всё же тщательно заметьте, ибо это весьма важный вопрос: такая вера — лишь вера раба, а не вера сына. Поскольку многие понимают это неясно, я постараюсь немного пояснить. Вера раба предполагает данное Богом свидетельство о невидимом и вечном мире, даже о духовном мире, насколько такое свидетельство может существовать без живого опыта. Всякий достигший веры раба «боится Бога и удаляется от зла» или, по выражению святого Петра, «боится Бога и поступает по правде». Вследствие этого он в известной мере, как замечает апостол, «приятен Ему». В другом месте он описан словами: «Боящийся Бога и соблюдающий заповеди Его». Даже достигшего лишь такой степени

религии, повинующегося Богу из страха, никоим образом не следует презирать, ибо «страх Господень — начало мудрости». И всё же следует увещевать его не останавливаться, не успокаиваться, пока не получит усыновления, пока не будет повиноваться из любви, что составляет преимущество всех детей Божиих.

[23] 14. Увещевайте его всеми возможными средствами идти вперёд, пока не перейдёт «от веры в веру», от веры *раба* к вере *сына,* от духа рабства к страху — к духу детской любви. Тогда «Христос откроется в его сердце», давая ему свидетельствовать: «Жизнь, которой ныне живу во плоти, живу верою в Сына Божия, возлюбившего *меня* и предавшего Себя за *меня».* Вот собственный голос дитяти Божия. Тогда он будет «рождён от Бога», внутренне изменён могущественной Божией силой из «земного, чувственного, бесовского» ума в «образ мыслей, который был во Христе Иисусе». Он на опыте узнает, что разумеет святой Павел в примечательных словах к галатам: «Вы сыны Божии по вере; а как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: Авва, Отче!» «Верующий», как сын, по замечанию святого Иоанна, «имеет свидетельство в себе самом». «Сам Дух свидетельствует вместе с духом его, что он дитя Божие». «Любовь Божия излита в сердце его Духом Святым, данным ему».

[24] 15. Но даже в дитяти Божием могут ещё оставаться многие сомнения и страхи, пока оно слабо в вере, пока принадлежит к тем, кого святой Павел называет «младенцами во Христе». Когда же вера укрепляется, когда он получает пребывающее действие веры, делающее грядущее действительным, когда получает постоянное свидетельство Духа, сомнения и страхи

исчезают. Тогда он наслаждается плерофорией, или «полной уверенностью веры», исключающей всякое сомнение и всякий «страх, имеющий мучение». Тем, кого он именует *юношами,* святой Иоанн говорит: «Я написал вам, юноши, потому что вы сильны, и слово Божие пребывает в вас, и вы победили лукавого». Эти люди, как замечает апостол в другом стихе, имели «слово Божие, пребывающее в них». Весьма вероятно, что имеется в виду «слово прощения», объявившее все их грехи прощёнными. Вследствие этого они непрерывно сознают Божие благоволение.

[25] 16. К ним особенно можно приложить увещание апостола Павла: «Оставив начатки учения Христова», то есть покаяние и веру, «поспешим к совершенству». Но в каком смысле мы должны «оставить» эти начала? Не безусловно: и то и другое, знание себя и знание Бога, надлежит сохранять до конца жизни. Лишь относительно — уже не сосредоточивая на них, как вначале, всё внимание, не думая и не говоря непрестанно только о покаянии или вере. Что же за «совершенство» здесь имеется в виду? Не только избавление от сомнений и страхов, но от греха, от всякого внутреннего и внешнего греха, от злых желаний и расположений, как и от злых слов и дел. Более того, это не только отрицательное благословение, избавление от всех злых расположений, заключённое в словах «Я обрежу сердце твоё», но также положительное: насаждение вместо них всех добрых расположений, ясно заключённое в другом выражении — «любить Господа Бога вашего всем сердцем и всей душою».

[26] 17. Это те, кому апостол Иоанн даёт почтенное имя *отцов,* которые «познали Сущего от начала», вечного

Триединого Бога. Один из них говорит так: «Я ношу в себе опытно познанную истину и полноту присутствия вечно благословенной Троицы». Отцы во Христе обычно, хотя, думаю, не всегда, наслаждаются плерофорией, или «полной уверенностью надежды», не сомневаясь в будущем царствовании с Ним во славе больше, чем если бы уже видели Его грядущим на облаках небесных. Но это не мешает непрестанно возрастать в познании Бога и любви к Нему. «Всегда радуясь, непрестанно молясь и за всё благодаря», они особенно молятся, чтобы никогда не переставать бодрствовать, отрекаться от себя, ежедневно брать крест, подвизаться добрым подвигом веры против мира, диавола и собственных многообразных немощей, пока не смогут «постигнуть со всеми святыми, что́ широта и долгота, и высота и глубина, и познать превосходящую разумение любовь Христову», да, «исполниться всей полнотой Божией». Ярм, 11 июня 1788 года.

О вездеприсутствии Бога

[1] «Не наполняю ли Я небо и землю? — говорит Господь».

[2] Иер. 23:24.

[3] 1. Как сильно и прекрасно эти слова выражают вездеприсутствие Бога! Может ли во всей природе быть предмет возвышеннее? Может ли быть что-либо более достойное размышления всякого разумного существа? Есть ли что-нибудь необходимее для рассмотрения и понимания, насколько допускают наши бедные способности? Скольким превосходным целям это может послужить! Какое глубокое наставление сообщить всем сынам человеческим, и ещё непосредственнее — детям Божиим!

[4] 2. Почему же о столь возвышенном и полезном предмете написано так мало? Правда, некоторые из наших самых выдающихся писателей временами касались его и высказали несколько сильных и прекрасных мыслей, естественно им внушённых. Но кто из них опубликовал последовательный трактат или хотя бы проповедь на эту тему? Быть может, многие сознавали неспособность достойно раскрыть столь обширный предмет. Возможно, нечто подобное скрывается в многотомных сочинениях прошлого столетия. Но если они скрыты даже в собственной стране, уже погребены в забвении, то по приносимой пользе это всё равно как если бы их никогда не писали.

[5] 3. Для общего употребления, по-видимому, всё ещё недостаёт простого рассуждения о вездеприсутствии, или

вездесущии, Бога, которое сначала некоторым образом объясняло бы и доказывало славную истину: «Бог здесь и во всяком месте», а затем обращало её к совести всех мыслящих людей посредством нескольких практических выводов.

[6] I. 1. Поэтому я постараюсь, с помощью Его Духа, прежде немного объяснить вездеприсутствие Бога, показать, как понимать славную истину: «Бог здесь и во всяком месте». Как вы, возможно, помните, псалмопевец сильно и прекрасно говорит об этом в сто тридцать девятом псалме, замечая в точнейшем порядке сначала: «Бог здесь», затем: «Бог во всяком месте». Сперва он говорит: «Ты у постели моей и на пути моём и видишь все дороги мои» (Пс. 139:3); «Ты образовал меня сзади и спереди и положил на меня руку Твою» (Пс. 139:5). Однако *образ* этого он объяснить не мог, не мог сказать, *как* это совершается. «Такое ведение, — говорит он, — слишком дивно для меня: не могу постигнуть его» (Пс. 139:6). Затем он самым живым и трогательным образом замечает, что Бог во всяком месте: «Куда пойду от Духа Твоего, и куда убегу от лица Твоего? Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в ад — и там Ты» (Пс. 139:7, 8). Если бы я мог, говоря по-человечески, подняться до высшей части вселенной или спуститься до самой нижней точки, Ты одинаково присутствуешь и там и здесь. «Возьму ли крылья зари и останусь на краю моря — и там рука Твоя поведёт меня», сила и присутствие Твои будут предо мной, «и десница Твоя удержит меня», ибо Ты одинаково пребываешь в длине и ширине, высоте и глубине вселенной. Поистине, Твоё присутствие и ведение не только достигают крайних пределов творения, но

[7] Твой вездеприсутствующий взор
Даже в бездорожные области
Несотворённой ночи простирается.

[8] Одним словом, нет такой точки пространства, внутри или вне границ творения, где не было бы Бога.

[9] 2. Поистине, предмет этот слишком обширен для тесных пределов человеческого разумения. Мы можем лишь сказать: великий Бог, вечный, всемогущий Дух, столь же безграничен в присутствии, как в длительности бытия и силе. Снисходя к слабому разумению, о Нём говорят, что Он обитает на небе; но, строго говоря, небо небес не может вместить Его, и Он находится во всякой части Своего владычества. Бог всего сущего обитает во всём пространстве, так что мы можем сказать:

[10] Слава Тебе, Отче, Чьему творящему зову
Внимают бесчисленные миры!
Иегова, всё вмещающий,
Которого ничто вместить не может!

[11] 3. Если осмелиться ещё немного пояснить это, что такое пространство, занимаемое песчинкой, в сравнении с пространством звёздного неба? Оно словно нуль, ничто, исчезает в сравнении. Что же оно перед всей необъятностью пространства, по отношению к которой всё творение бесконечно меньше песчинки? И всё же это пространство, с которым всё творение совершенно несоразмерно, перед великим Богом бесконечно меньше, чем песчинка, даже миллионная её доля, перед всем этим пространством.

[12] II. 1. Таков, по-видимому, ясный смысл торжественных слов, которыми Бог говорит о Себе: «Не наполняю ли Я небо и землю?» Их достаточно, чтобы доказать Его

вездеприсутствие. Дополнительным доказательством служит соображение: Бог действует везде и, следовательно, везде пребывает, ибо совершенно невозможно, чтобы какое-либо существо, сотворённое или несотворённое, действовало там, где его нет. Бог действует на небе, на земле и под землёй, во всём объёме Своего творения, поддерживая всё, без чего всё в одно мгновение погрузилось бы в первоначальное ничто; управляя всем, каждое мгновение надзирая над всем созданным, сильно и кротко воздействуя на всё и всё же не уничтожая свободы разумных созданий. Даже язычники признавали, что великий Бог управляет крупными и заметными частями вселенной, направляет движения небесных тел — солнца, луны и звёзд, — что Он есть

[13] Totam
Mens agitans molem, et magno se corpore miscens:

[14] Всё одушевляющая душа,
Наполняющая, проникающая и движущая целое.

[15] Но они не имели понятия о Его заботе о малейшем, как и о величайшем, о Его надзоре над всем созданным, об управлении атомами, как и мирами. Мы не могли бы знать этого, если бы Самому Богу не было угодно открыть нам. Если бы Он Сам не сказал, мы не осмелились бы подумать, что «ни один воробей не падает на землю без воли Отца нашего Небесного», и ещё менее — утверждать, что «даже все волосы на нашей голове сочтены»!

[16] 2. Эту утешительную истину — «Бог наполняет небо и землю» — мы узнаём также из приведённого выше псалма: «Взойду ли на небо — Ты там; сойду ли в ад — и

там Ты. Возьму ли крылья зари и останусь на краю моря — и там рука Твоя поведёт меня». Ясный смысл таков: на какое бы расстояние я ни удалился, Ты там; Ты по-прежнему окружаешь меня и полагаешь на меня руку. Пусть я убегу на любое мыслимое или немыслимое расстояние, вверх, вниз или в сторону — это ничего не меняет: Ты одинаково пребываешь там, и в Тебе я по-прежнему «живу, движусь и существую».

17 3. И там, где нет никакого создания, всё же есть Бог. Присутствие или отсутствие какого-либо или всех созданий ничего не меняет в отношении Него. Он одинаково пребывает во всём или вне всего. Много спорили философы, существует ли во вселенной пустое пространство; теперь обычно предполагают, что всё пространство заполнено. Возможно, нельзя доказать, что оно всё заполнено материей. Но сам язычник свидетельствует за нас: *Jovis omnia plena:* «Всё полно Богом». Да, и какое бы пространство ни существовало за пределами творения — а творение должно иметь пределы, поскольку ничто не безгранично и не может быть безграничным, кроме великого Творца, — даже такое пространство не может исключить Того, Кто наполняет небо и землю. [88]

18 4. Этому в точности равнозначно выражение апостола — Еф. 1:23, не о Церкви, как некоторые странным образом предполагали, а о её Главе: «Полнота Наполняющего всё во всём»; ta panta en pasin, в буквальном переводе — «всё во всём», самое сильное выражение всеобщности, какое только можно представить. Оно необходимо включает самое малое и самое великое из всего существующего. Поэтому, если какое-либо выражение может быть сильнее

другого, это сильнее даже слов «наполняющий небо и землю».

19 5. Поистине, само выражение «Не наполняю ли Я небо и землю?», где вопрос равносилен сильнейшему утверждению, содержит яснейшее утверждение Божия присутствия везде и наполнения всего пространства. Ведь хорошо известно, что еврейское выражение «небо и земля» включает всю вселенную, всё протяжение пространства, сотворённого или несотворённого, и всё в нём находящееся.

20 6. Более того, невозможно верить во всемогущество Бога, если не верить в Его вездеприсутствие. Как уже было замечено, ничто не может действовать там, где его нет; поэтому, если бы существовало пространство, в котором Бог не присутствует, Он не мог бы там ничего сделать. Следовательно, отрицание Божия вездеприсутствия влечёт также отрицание Его всемогущества. Устанавливать пределы одному — несомненно, устанавливать пределы и другому.

21 7. В самом деле, где бы мы ни предположили Его отсутствие, там мы предполагаем и бессилие всех Его свойств. Он не может проявить там ни правосудия, ни милосердия, ни силы, ни мудрости. В пространстве вне мира, если можно так выразиться, где мы предполагаем отсутствие Бога, неизбежно приходится предположить, что Он не имеет и продолжительности бытия; как такое пространство мыслится за пределами творения, так оно оказывается за пределами силы Творца. Вот какая богохульная нелепость заключена в этом предположении.

22 8. Но на всё, что говорится или может быть сказано о Божием вездеприсутствии, у мира есть одно главное

возражение: Бога не видно. И это в действительности лежит в корне всех прочих возражений. Наш благословенный Господь давно заметил: «Которого мир не может принять, потому что не видит Его». Но разве не легко ответить: «Можете ли вы видеть ветер?» Не можете. Разве поэтому отрицаете его существование или присутствие? Вы говорите: «Нет, ведь я воспринимаю его другими чувствами». Но каким чувством воспринимаете собственную душу? Наверно, не отрицаете ни её существования, ни присутствия! И всё же она не предмет ни зрения, ни какого-либо другого чувства. Довольно же подумать: Бог есть Дух, как и наша душа. Следовательно, «Его никто из человеков не видел и видеть не может» глазами плоти и крови.

[23] III. 1. Но если признать, что Бог здесь, как и во всяком месте, что Он «у постели нашей и на пути нашем», что «объемлет нас сзади и спереди и полагает на нас руку», какой вывод следует сделать? Какую пользу извлечь из этого грозного размышления? Не подобает ли, не справедливо ли смириться перед очами Его Величества? Не должны ли мы постоянно стараться признавать Его присутствие «с благоговением и страхом Божиим» — не страхом бесов, верующих и трепещущих, а страхом ангелов, чем-то подобным чувству небесных жителей, когда

> [24] От чрезмерного блеска края Его риз кажутся тёмными,
> Но ослепляют небо, так что светлейшие серафимы
> Не приближаются, а обоими крыльями закрывают глаза.

[25] 2. Во-вторых, если верите, что Бог у постели вашей и на пути вашем и видит все дороги, берегитесь сделать

малейшее дело, сказать малейшее слово, допустить малейшую мысль, которые, по разумному вашему суждению, оскорбили бы Его. Предположим, посланник Божий, ангел, сейчас стоит справа от вас и устремляет на вас взгляд: разве не постарались бы вы воздержаться от всякого слова или поступка, способного, как вы знаете, оскорбить его? Более того, допустим, рядом стоит один из смертных сослужителей, всего лишь святой человек: разве не были бы вы чрезвычайно осторожны в словах и действиях? Насколько же осторожнее следует быть, зная, что не святой человек, не ангел Божий, а Сам Бог, Святой, «обитающий в вечности», каждое мгновение рассматривает сердце, язык и руку и Сам непременно приведёт вас на суд за всё, что вы думаете, говорите и делаете под солнцем!

[26] 3. В частности, если нет ни слова на вашем языке, ни произносимого слога, которого Он не «знает совершенно», как тщательно следует «поставить стражу устам и охранять дверь губ»! Как осмотрительны должны быть вы во всех разговорах, заранее предупреждённые Судией: «От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься»! Как осторожны, чтобы из уст не «исходило никакое гнилое слово», никакая речь без любви или даже бесполезная, вместо слова, «доброго для назидания и способного доставить благодать слушающим»!

[27] 4. Да, если Бог видит наши сердца, как и руки, и притом во всех местах, если понимает мысли задолго до того, как они облекутся словами, с каким усердием нужно повторять моление: «Испытай меня, Господи, и проверь; исследуй внутренности мои и сердце; тщательно посмотри, нет ли во мне пути нечестия, и веди меня путём вечным!» Как необходимо сотрудничать с Ним, «со

всяким тщанием храня сердца», пока Он не «ниспровергнет замыслы», злые рассуждения, «и всё, превозносящееся против познания Бога, и не пленит всякую мысль в послушание Христу»!

[28] 5. С другой стороны, если вы уже зачислены под начало великого Вождя вашего спасения и непрестанно пребываете под Его взором, с каким усердием и деятельностью следует «подвизаться добрым подвигом веры и держаться вечной жизни», «переносить тяготы, как добрые воины Иисуса Христа», прилагать всё старание, чтобы «воинствовать добрым воинством» и делать всё благоугодное Ему! Как тщательно следует стараться, чтобы все ваши пути заслуживали одобрения Его всевидящих очей, дабы Он сказал сердцам вашим то, что громко провозгласит в великом собрании людей и ангелов: «Хорошо, добрые и верные рабы!»

[29] 6. Чтобы достичь этих славных целей, не щадите усилий, всегда сохраняя глубокое, постоянное, живое и радостное сознание Его милостивого присутствия. Никогда не забывайте всеобъемлющего слова к великому отцу верующих: «Я Бог Всемогущий», точнее — Вседостаточный; «ходи предо Мною и будь совершен». Радостно ожидайте, что Тот, перед Кем вы стоите, всегда будет руководить вами Своим взором, поддерживать охраняющей рукой, хранить от всякого зла и, «после кратковременного страдания, усовершит вас, утвердит, укрепит и сделает непоколебимыми», а затем «сохранит непорочными к пришествию Господа нашего Иисуса Христа»!

[30] Портсмут, 12 августа 1788 года.

Богач и Лазарь

[1] «Если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мёртвых воскрес, не убедятся».

[2] Лк. 16:31.

[3] 1. Какой странный парадокс! Как он противоречит обычным человеческим представлениям! Кто столь утвердился в неверии, что не думает: «Если бы ко мне пришёл кто-нибудь из мёртвых, я был бы действительно убеждён покаяться»? Но в этом отрывке есть ещё более странное изречение: «Не можете служить Богу и маммоне» (Лк. 16:13). «Нет? Почему? Почему нельзя служить обоим?» — скажет истинный слуга маммоны. Поэтому фарисеи, воображавшие, что служат Богу, а маммоне служившие от всего сердца, *насмехались над Ним:* exemykterizon — слово, выражающее глубочайшее презрение. Но Он сказал: «Вы выказываете себя праведными перед людьми, но Бог знает ваши сердца; и то, что высоко у людей, весьма часто мерзость перед Богом» (Лк. 16:15). Страшное доказательство этому наш Господь присоединяет в оставшейся части главы.

[4] 2. Но последующий рассказ — всего лишь притча или действительная история? Многие считали и решительно утверждали, что это лишь притча, из-за одного-двух обстоятельств, которые нелегко объяснить. В частности, трудно представить, как находящийся в аду мог разговаривать с пребывающим в раю. Но если и допустить, что мы не можем объяснить этого, перевесит ли такое затруднение прямое утверждение Господа? «Был, — говорит Он, — некоторый богатый человек».

Разве не был? Разве такой человек никогда не существовал? «И был некоторый нищий по имени Лазарь». Был или не был? Не достаточно ли дерзко прямо отрицать то, что наш благословенный Господь прямо утверждает? Поэтому нет разумного основания сомневаться: всё повествование, со всеми обстоятельствами, совершенно истинно. И Феофилакт, один из древних толкователей Писания, замечает об этом месте, что «по иудейскому преданию Лазарь жил в Иерусалиме».

[5] С Божией помощью я намерен, во-первых, объяснить эту историю; во-вторых, приложить её к нам; в-третьих, доказать истину важного изречения, которым она заканчивается: «Если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мёртвых воскрес, не убедятся».

[6] I. 1. Прежде всего я постараюсь, с Божией помощью, объяснить эту историю. «Был некоторый богатый человек» — несомненно, уже по этой причине высоко почитаемый людьми, — «одевавшийся в порфиру и виссон», а следовательно, почитаемый ещё выше и за соответствующий состоянию вид, и за поощрение торговли, — «и каждый день пиршествовавший роскошно». Вот ещё причина высокого почитания — гостеприимство и щедрость, которые ценили как часто сидевшие за его столом, так и торговцы, снабжавшие стол.

[7] 2. «И был некоторый нищий», человек на самой низкой ступени человеческого бесчестия, «по имени Лазарь» с греческим окончанием, по-еврейски — Елеазар. Из имени можно заключить, что он происходил из не последнего рода, хотя эта его ветвь теперь столь обеднела. Вероятно, его хорошо знали в городе, и назвать его имя не было для

него позором. Он «лежал у ворот» богача; зрелище было неприятное, так что можно удивиться, почему ему позволяли там лежать, «в струпьях», в гноящихся язвах, «и желал напитаться крошками, падавшими со стола богатого». Так на нём одновременно лежало сложное бремя бедности, боли и недостатка хлеба! Но не видно, чтобы хоть какое-либо создание обращало малейшее внимание на презренного несчастного. Только «псы приходили и лизали его язвы» — всё утешение, которое давал ему мир!

[8] 3. Но взгляните на перемену! «Нищий умер»: здесь кончились бедность и боль. «И отнесён был ангелами», слугами благороднее всех служивших богачу, «на лоно Авраамово». Так иудеи обычно называли то, что наш благословенный Господь именует раем, место, «где нечестивые перестают тревожить и где утомлённые находят покой», вместилище святых душ от смерти до воскресения. Правда, весьма распространено мнение, будто души добрых людей, едва освободившись от тела, идут прямо на небо; но это мнение не имеет ни малейшего основания в словах Божиих. Напротив, после воскресения Господь говорит Марии: «Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему» на небеса. Однако Он был в раю, согласно обещанию покаявшемуся разбойнику: «Ныне же будешь со Мною в раю». Отсюда ясно, что рай — не небо. Это, если позволено так выразиться, преддверие небес, где души праведных пребывают, пока после всеобщего суда не будут приняты в славу.

[9] 4. Но вот картина меняется снова! «Умер и богатый». Как! Неужели и богатые должны умирать? Неужели должны падать, «как один из простых людей»? Нет ли

помощи? Несколько лет назад один лондонский богач, когда врач сказал ему, что он должен умереть, заскрежетал зубами, сжал кулак и яростно закричал: «Боже, Боже, я не буду умирать!» Но умер с этими самыми словами на устах. «И был похоронен» — несомненно, достаточно пышно, согласно положению. Хотя мы не находим, чтобы тогда где-нибудь в мире существовал тот изысканный образец человеческой глупости, та бессмысленная, жестокая насмешка над бедным разлагающимся трупом, которую называем *торжественным выставлением тела для прощания!*

[10] 5. «И в аду он поднял глаза». О, какая перемена! Как пал сильный! Но слово, переведённое здесь как «ад», не всегда означает место осуждённых. Буквально это *невидимый мир,* весьма широкое понятие, включающее вместилище отделившихся от тела духов, добрых или злых. Здесь, однако, оно явно означает ту область ада, где пребывают души нечестивых, как видно из следующих слов: «будучи в мучениях». «Чтобы, — говорят некоторые, — искупить грехи, совершённые в теле, а также очистить душу от всякого присущего ей греха». Именно так писал выдающийся языческий поэт почти две тысячи лет назад:

> [11] Necesse est
> Multa diu concreta modis inolescere miris,
> Ergo exercentur poenis —
> — Aliae panduntur inanes
> Suspensae ad ventos: Aliis sub gurgite vasto
> Infectum eluitur scelus, aut exuritur igni.

[12] [Эту цитату из Вергилия («Энеида», VI, 737–742) Питт переводит так:

[13] «И даже когда эти тела предаются смерти,
В душе остаются давние, въевшиеся пятна;
Оскверняющий налёт телесной нечистоты
Глубоко проникает в самое её существо.
Так тускнеет её сияние, покрываясь корою
Тех мрачных пороков, которые она знала прежде.
За это души терпят различные наказания,
Чтобы смыть скверну прежних преступлений.
Одни очищаются в *проносящихся ветрах*
И подвешены в вышине, чтобы *ветер их убелил;*
Другие смывают пятна под льющимися потоками,
А иные восстают во славе из *испытующего пламени».* — Прим. ред.]

[14] Посмотрите, как близко сходство между древним и современным чистилищем! Только в древнем, языческом чистилище для искупления греха и очищения души употреблялись и огонь, и вода, и воздух; тогда как в мистическом чистилище одного огня считают достаточным и для очищения, и для искупления. Тщетная надежда! Никакое страдание, кроме страдания Христа, не имеет силы искупить грех; и никакой огонь, кроме огня любви, не может очистить душу — ни во времени, ни в вечности.

[15] 6. «Он видит вдали Авраама». — Поистине вдали! Так далеко, как ад от рая! Быть может, «в десять раз дальше, чем простирается эта земля». Но как это могло быть? Не знаю; однако в этом нет ничего невероятного. Ибо кто знает, «как далеко простирается взор ангела» или духа, освободившегося от плоти и крови? — «И Лазаря на лоне его». Хорошо известно, что на древних пирах у иудеев, как и у римлян, гости не сидели за столом, как принято теперь, а возлежали на ложах; у каждого слева была

подушка, на которую он опирался локтем, и о том, кто находился рядом с ним справа, говорили, что он возлежит на его груди. В этом смысле апостол Иоанн возлежал на груди своего Учителя. Поэтому слова о Лазаре, возлежащем на лоне Авраама, означают, что он занимал высшее место чести и блаженства.

16 7. «И, возопив, сказал: отче Аврааме! Умилосердись надо мною». — Безумец! Что может сделать Авраам? Что может сделать какое-либо творение, да и всё творение, чтобы сокрушить затворы бездны? Кто хочет избежать места мучений, пусть взывает к Богу, Отцу милосердия! Но нет, время уже миновало! Теперь вступает в свои права правосудие и превозносится над милостью! — «И пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем!» Как чрезвычайно скромна эта просьба! Он не говорит: «Пусть выведет меня из этого пламени». Не просит: «Пусть принесёт мне чашу воды или столько, сколько уместится у него на ладони»; но лишь: «Пусть омочит» хотя бы «конец своего пальца в воде и прохладит мой язык». Нет! Это невозможно! Никакая милость не может проникнуть во мрак ада!

17 8. «Но Авраам сказал: чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твоё в жизни твоей, а Лазарь — злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь». Быть может, эти слова дадут нам ответ на важный вопрос: как этот богач оказался в аду? Из рассказа не видно, чтобы он был нечестивцем в обычном смысле слова: пьяницей, привычным богохульником, нарушителем субботы или человеком, живущим в каком-либо заведомом грехе. Вероятно, он был фарисеем и, как таковой, был безупречен во всех внешних проявлениях религии. Как

же он попал «в место мучений»? Даже если никакой иной причины указать нельзя, в этих словах заключена достаточная причина («имеющий уши слышать, да слышит!»): «Ты получил уже доброе твоё в жизни твоей», — то, что ты избрал своим счастьем. Ты прилепился сердцем к земному и получил свою награду; ты получил удел, который избрал, и не можешь иметь удела в вышине. «А Лазарь — злое». Не *своё* злое: он его не избирал. Оно было избрано для него мудрым Божиим промыслом, и «ныне он утешается, а ты страдаешь».

[18] 9. «И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть», — глубокая бездна, безмерная пустота. Может ли кто сказать нам, что это такое? Какова её природа, где её пределы? Нет, никто из сынов человеческих; никто, кроме обитателя невидимого мира. — «Так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Несомненно, дух, освободившийся от тела, мог бы пересечь любое пространство. Но воля Божия, определившая, чтобы никто не переходил эту пропасть, есть предел, которого никакое творение перейти не может.

[19] 10. Тогда он сказал: «Так прошу тебя, отче, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения» (Лк. 16:27, 28). Для этой необычайной просьбы указывали два совершенно различных побуждения. Одни приписывают её всецело себялюбию — страху перед горькими упрёками, которыми, как он легко мог предположить, осыплют его братья, если вследствие его примера и, быть может, советов окажутся в том же месте мучений. Другие приписывают её более благородному побуждению. Они полагают, что как несчастье

нечестивых не достигнет своей полноты до дня суда, так не достигнет её и их нечестие. Следовательно, они считают, что до того времени в них могут сохраняться некоторые искры естественной привязанности; и не без основания предполагают, что именно это могло вызвать его желание уберечь братьев от участия в собственных муках.

[20] 11. «Авраам сказал ему: у них есть Моисей и пророки; пусть слушают их» (Лк. 16:29). «Он же сказал: нет, отче Аврааме, но если кто из мёртвых придёт к ним, покаются». Кто не разделил бы этого мнения? Разве не вправе всякий предположить, что весть, торжественно возвещённая пришедшим от мёртвых, должна обладать непреодолимой силой? Кто не подумал бы: «Я сам никак не мог бы противиться такому проповеднику покаяния»?

[21] II. Таков, по моему разумению, смысл этих слов. Теперь я постараюсь, с Божией помощью, применить их к нам. И прошу вас, братья, пока я это делаю, «примите слово увещания». Чем ближе эти истины будут приложены к вашим душам, тем больше пользы вы сможете от них получить.

[22] 1. «Некоторый человек был богат». — Быть богатым не более грешно, чем быть бедным. Но это невыразимо опасно. Поэтому всем вам, кто принадлежит к числу богатых, кто имеет удобства жизни и ещё что-либо сверх того, я напоминаю: вы ходите по скользкой земле. Вы непрестанно ступаете среди сетей и смертельных опасностей. Каждое мгновение вы стоите на краю ада! «Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели вам войти в Царство Небесное». — «Он одевался в порфиру и виссон». Для некоторых это может иметь оправдание. Наш Господь говорит о людях, «живущих в

царских чертогах», что они носят пышную, то есть великолепную, одежду, и не порицает их за это. Но для тех, кто не живёт в царских чертогах, это, конечно, не оправдание. Поэтому пусть все они остерегаются следовать примеру того, кто «поднимает глаза свои в аду»! Последуем совету апостола, украшаясь «добрыми делами» и «кротким и молчаливым духом».

[23] 2. «Каждый день пиршествовал блистательно». — Пусть кто может примирит это с религией. Я знаю, как правдоподобно умеют пророки приятных речей рассуждать в защиту гостеприимства, радушного приёма друзей, обильного стола ради чести религии, содействия торговле и тому подобного. Но Бог поругаем не бывает: от Него не отговориться такими предлогами. Кто бы ты ни был, если ты разделяешь грех этого богача, хотя бы он заключался только в том, чтобы «каждый день пиршествовать блистательно», то, если не покаешься, столь же несомненно разделишь его наказание, как если бы уже взывал о капле воды, чтобы прохладить свой язык!

[24] 3. «Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача» (Лк. 16:20, 21). Но, по-видимому, и богач, и его гости были слишком религиозны, чтобы помогать *обыкновенным нищим!* Именно от этого греха благочестивый господин Х. так усердно предостерегает своих читателей; подобное же наставление я прочёл на воротах доброго города Винчестера! Я хотел бы, чтобы господа, поместившие его там, видели маленькое происшествие, случившееся несколько лет назад. В Эпворте, в Линкольншире, городе, где я родился, нищенка подошла к дому на рыночной площади и попросила кусок хлеба, сказав, что очень

голодна. Хозяин велел ей *убираться прочь, ленивой негоднице.* Она постучалась в другой дом и попросила немного слабого пива, сказав, что её мучит жажда. Ответ был почти тот же. У третьей двери она попросила немного воды, сказав, что совсем обессилела. Но и этот человек был слишком совестлив, чтобы поощрять обыкновенных нищих. Мальчишки, видя, как оборванное существо гонят от двери к двери, стали забрасывать её снежками. Она подняла глаза, легла и умерла! Хотели бы вы оказаться тем человеком, который отказал этой несчастной в куске хлеба или чаше воды? — «И псы, приходя, лизали струпья его», оказываясь сострадательнее своего хозяина. — «Умер нищий и отнесён был Ангелами на лоно Авраамово». Услышьте это, все бедные в этом мире! Вы, у кого часто нет ни пищи, чтобы есть, ни одежды, чтобы одеться; вы, кому негде преклонить голову, кроме холодного чердака или грязного сырого подвала! Теперь вы вынуждены «взывать к холодной руке благотворительности». И всё же поднимите свою ношу: так будет не всегда. Я люблю вас, жалею вас, восхищаюсь вами, когда вы «терпением спасаете души ваши». Но помочь вам я не могу. Однако есть Тот, Кто может, — Отец сирот и Муж вдовы. «Нищий воззвал к Господу, и Он услышал его и избавил его от всех бед его». Ещё немного, и, если вы истинно обратитесь к Нему, Его ангелы отнесут вас на лоно Авраамово. Там вы «не будете уже ни алкать, ни жаждать»; не будете более испытывать ни скорби, ни боли; но «Агнец отрёт всякую слезу с очей ваших и поведёт вас к источникам живых вод».

25 4. Но вот картина меняется! «Умер и богач». Как? Несмотря на своё богатство? Вероятно, раньше, чем ему хотелось. Ибо как справедливы слова: «О смерть! Как горько воспоминание о тебе для человека, спокойно

живущего среди своих владений!» Впрочем, если это могло послужить утешением, он «был погребён». Но как мало значило, положили ли его под высоким памятником или среди

[26] Могил, обвитых склонённым ивняком,
Безымянно вздымающих рыхлую землю!

[27] А что последовало затем? «В аду он поднял глаза свои». Этого, несомненно, вам делать незачем. Бог этого от вас не требует: «Он не хочет, чтобы кто погиб». Вы и не можете оказаться там иначе, как по собственному упорному выбору, вторгнувшись в те области скорби, которые Бог приготовил не для *вас*, а для «диавола и ангелов его».

[28] 5. Вот картина меняется снова! «Он видит вдали Авраама и Лазаря на лоне его». И он узнал его, хотя, быть может, лишь мельком взглянул на него, когда тот «лежал у ворот его». Сомневается ли кто-нибудь из вас, будем ли мы узнавать друг друга в ином мире? Здесь ваши сомнения могут получить полное разрешение. Если душа в аду узнала Лазаря в раю, несмотря на такую даль, то, конечно, находящиеся вместе в раю будут в совершенстве знать друг друга.

[29] 6. «И, возопив, сказал: отче Аврааме! Умилосердись надо мною!» — Во всей Библии я не припоминаю иной молитвы к святому, кроме этой. А если мы заметим, кто её произнёс — человек в аду — и с каким успехом, то едва ли захотим последовать этому примеру. О, будем взывать о милости к Богу, а не к человеку! И мудрость велит нам взывать теперь, пока мы находимся в стране милости; иначе будет слишком поздно! — «Я мучаюсь в пламени сем!» Заметьте: мучаюсь, а не очищаюсь. Тщетна

надежда, что огонь может очистить дух! С таким же успехом можно ожидать, что душу очистит вода. Да не попустит Бог, чтобы вы или я испытали это на себе!

30 7. «Но Авраам сказал: чадо! Вспомни». — Заметьте, как Авраам обращается к осуждённому духу; неужели же мы будем обходиться менее кротко с кем-либо из детей Божиих «потому, что они не разделяют нашего мнения»? — «Ты получил уже доброе твоё в жизни твоей». О, берегитесь, чтобы это не оказалось и вашим уделом! Не являются ли блага мира «твоим добром» — главными предметами твоих желаний и стремлений? Не они ли составляют твою главную радость? Если так, то ты в весьма опасном состоянии — в том самом, в каком находился богач на земле! Поэтому не воображай, будто всё благополучно, потому что ты «высоко ценим среди людей», потому что никому не причиняешь зла, делаешь много добра или соблюдаешь все Божии установления. Что всё это значит, если душа твоя прилепилась к праху, если сердце твоё в мире, если ты любишь творение больше Творца?

31 8. Как поразительны следующие слова! «И сверх всего того между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти от нас к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят». Этот текст послужил поводом к эпитафии одному высокопочтенному безбожнику и игроку:

> 32 Здесь прах игрока: он долго не знал,
> Смертна душа или нет;
> Сомненью конец, убеждён он теперь,
> Но, ах! Уже брошен жребий!

33 Но, благословен Бог, *ваш* жребий ещё не брошен. Вы ещё не перешли великую пропасть и ещё властны выбирать, кто будет сопровождать вас — ангелы или бесы, когда душа ваша покинет земную обитель. Теперь прострите руку к вечной жизни или к вечной смерти! И Бог говорит: «Да будет тебе по желанию твоему!»

34 9. Получив отказ в этом, богач обращается с другой просьбой: «Прошу тебя, пошли его в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им». Не исключено, что и другие несчастные духи желают добра родственникам, которых оставили после себя. Но ныне время благоприятное и для них, и для нас. Поэтому обратимся к ним сами; попросим наших живых друзей оказать нам всю помощь, какую они могут, не дожидаясь помощи от обитателей иного мира. Будем усердно увещевать их пользоваться теми средствами помощи, которые у них есть, — «слушать Моисея и пророков». Мы, правда, склонны думать, подобно тому несчастному духу: «Если кто из мёртвых придёт к ним, покаются». «Но Авраам сказал: если Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мёртвых воскрес, не поверят».

35 III. 1. В-третьих, мне надлежит доказать истинность этого веского изречения; сначала я сделаю это кратко, а затем подробнее.

36 Сначала скажем кратко: несомненно, никакой человеческий дух, пока он находится в теле, не может *убедить* другого *покаяться*; не может произвести в нём полную перемену и сердца, и жизни, перемену от всеобъемлющего нечестия к всеобъемлющей святости. И если представить себе этот дух освободившимся от тела, он будет способен сделать это не более, чем прежде: никакая сила, меньшая той, что первоначально сотворила

душу, не может сотворить её заново. Ни ангел, ни тем более человеческий дух, в теле или вне тела, не может обратить ни одной души «от тьмы к свету и от власти сатаны к Богу». Он, весьма возможно, мог бы напугать её до смерти или страхом принудить поверить какой-либо отвлечённой истине; но пробудить её страхом к духовной жизни он не мог бы. Один Бог может воскресить «мёртвых по преступлениям и грехам».

37 2. Чтобы подробнее доказать, что, если люди «Моисея и пророков не слушают, то если бы кто и из мёртвых воскрес», это не убедит их истинно покаяться, я предложу подобный случай со всеми благоприятными обстоятельствами, какие только можно вообразить. Итак, предположим, что человек, который «не слушает Моисея и пророков», не верит, что Писание от Бога, крепко спит в своей постели и вдруг просыпается, когда часы бьют час. Он с удивлением замечает, что в комнате светло, как в полдень. Подняв глаза, он видит у своей постели человека, которого прекрасно знал. Сначала он немного поражён, но быстро овладевает собой и набирается смелости спросить: «Не мой ли вы друг, умерший тогда-то?» Тот отвечает: «Я. Я пришёл от Бога с вестью к *тебе*. Ты часто желал увидеть кого-нибудь воскресшим из мёртвых и говорил, что тогда *непременно* покаешься. Твоё желание исполнилось; и мне повелено сообщить тебе, что заблуждениями своей жизни ты ищешь смерти. Если умрёшь в нынешнем состоянии, ты умрёшь навеки. Его именем предостерегаю тебя: Писание есть подлинное слово Божие; с той минуты, когда ты умрёшь, ты будешь либо необычайно блажен, либо невыразимо несчастен; ты не можешь быть счастлив в будущей жизни, если здесь не будешь свят, а это невозможно, если не родишься свыше. Прими этот Божий призыв! Вечность близка. Покайся и

веруй в Евангелие!» Произнеся эти слова, он исчезает, и комната становится тёмной, как прежде.

38 3. Легко поверить, что в ту минуту человек не мог бы не убедиться. В эту ночь он уже не заснул бы и при первой возможности рассказал бы своим домашним всё, что видел и слышал. Не довольствуясь этим, он с нетерпением желал бы рассказать об этом прежним товарищам. И, вероятно, видя, с какой горячностью он говорит, они сначала не стали бы ему противоречить, а сказали бы друг другу: «Дайте ему время остыть; тогда он снова станет рассудительным человеком».

39 4. Между тем постоянно наблюдается, что впечатления, оставленные в памяти, постепенно угасают: со временем они делаются всё слабее, а следы их — всё бледнее. Так должно произойти и в этом случае; и товарищи, заметив это, не преминут воспользоваться удобным случаем. Они станут говорить примерно так: «Ты рассказал нам недавно странную историю; тем более странную, что мы знаем *тебя* как человека здравомыслящего и не склонного к мечтательному восторгу. Но, быть может, ты не вполне обдумал, как трудно иногда отличить сновидения от мыслей наяву. Удалось ли кому-нибудь найти безошибочный признак, который различал бы их? Не возможно ли тогда, что ты спал, когда это живое впечатление запечатлелось в твоём уме?» Когда его доведут до мысли, что это *возможно* было сновидением, его вскоре убедят, что *вероятно* так оно и было; а немного позднее — что это *несомненно* был сон. Вот как мало пользы принесло бы явление человека из мёртвых!

40 5. Иного и ожидать нельзя. Ибо какое действие было на него произведено? (1) Он чрезвычайно испугался. (2) Этот

испуг подготовил путь к более глубокому убеждению в возвещённой тогда истине. Но (3) сердце его не изменилось. Сделать это мог только Всемогущий. Поэтому (4) душа его по-прежнему была склонна к ложному пути; он всё ещё любил мир и потому желал, чтобы Писание оказалось неправдой. Как легко тогда, по мере того как проходил испуг, он снова поверил бы тому, чего желал! Следовательно, вывод ясен и неопровержим. Если люди «Моисея и пророков не слушают», они не убедятся покаяться и уверовать в Евангелие, «если бы кто и из мёртвых воскрес».

41 6. Можно прибавить ещё одно соображение, окончательно решающее дело. Прежде чем Лазарь был отнесён на лоно Авраамово или приблизительно в то же время другой Лазарь, брат Марфы и Марии, действительно воскрес из мёртвых. Но убедило ли это покаяться даже тех, кто верил самому этому событию? Так далеко от этого, что они «положили убить и Лазаря», как и его Учителя! Прочь же с пустым воображением, будто тех, кто «не слушает Моисея и пророков», можно было бы убедить, «если бы кто и из мёртвых воскрес»! [89]

42 7. Из всего сказанного можно вывести общее заключение: постоянно данное нам откровение есть лучшее средство разумного убеждения; оно несравненно предпочтительнее любых чрезвычайных средств, которые некоторые воображают более действенными. Поэтому мудрость велит нам воспользоваться им во всей полноте, чтобы оно стало светильником нашей ноге и светом на всех наших путях. Позаботимся о том, чтобы всё наше сердце и вся наша жизнь сообразовывались с ним, чтобы оно было неизменным правилом всех наших расположений, всех слов и всех поступков. Тогда мы во

всём сохраним перед Богом свидетельство доброй совести; и, когда наше поприще завершится, мы тоже будем «отнесены Ангелами на лоно Авраамово».
Бирмингем, 25 марта 1788 года.

Различие между хождением видением и хождением верою

[1] «Мы ходим верою, а не видением».

[2] 2 Кор. 5:7.

[3] 1. Как кратко это описание истинных христиан! И всё же как необычайно полно! Оно объемлет, подытоживает весь опыт тех, кто истинно таков, с того времени, когда они рождаются от Бога, и до переселения на лоно Авраамово. Ибо кто такие эти *мы*, о которых здесь говорится? Все истинно верующие христиане. Я говорю о *христианских*, а не об *иудейских верующих*. Все, кто не только *рабы*, но и *дети* Божии. Все, кто имеет «Духа усыновления, взывающего в сердцах их: Авва, Отче!» Все, у кого «Дух Божий свидетельствует духу их, что они — сыны Божии».

[4] 2. Все они, и только они, могут сказать: «Мы ходим верою, а не видением». Но прежде чем мы сможем «ходить верою», мы должны *жить* верою, а не видением. И всем истинным христианам наш Господь говорит: «Ибо Я живу, и вы будете жить». Вы живёте жизнью, которой мир — как учёный, так и неучёный — «не знает». «Вас, которые», подобно миру, «были мертвы по преступлениям и грехам, Он оживотворил», сделал живыми; дал вам новые чувства — духовные чувства, «чувства, навыком приученные к различению духовного добра и зла».

[5] 3. Чтобы основательно понять эту важную истину, полезно рассмотреть всё дело целиком. Все сыны человеческие, не рождённые от Бога, «ходят видением»,

не имея более высокого начала. *Видением*, то есть *чувством*: здесь часть поставлена вместо целого, зрение — вместо всех чувств, тем более что оно благороднее и обширнее любого из остальных чувств и даже всех их вместе. Лишь немногие предметы мы можем различать тремя низшими чувствами — вкусом, обонянием и осязанием; и ни одно из них не может узнать свой предмет, если не придёт с ним в непосредственное соприкосновение. Правда, слух имеет более широкую область действия и даёт нам некоторое знание об отдалённых вещах. Но как мало это расстояние, пусть даже пятьдесят или сто миль, по сравнению с расстоянием между землёй и солнцем! И что значит даже оно в сравнении с расстоянием от солнца и луны до неподвижных звёзд! Между тем зрение постоянно познаёт предметы даже на этом изумительном расстоянии.

[6] 4. Зрением мы познаём видимый мир — от поверхности земли до области неподвижных звёзд. Но что такое видимый нам мир, как не «пылинка творения» в сравнении со всей вселенной, с невидимым миром — той частью творения, которую мы вовсе не можем увидеть из-за её удалённости и вместо которой вследствие несовершенства наших чувств нам представляется сплошная пустота? 5. Но кроме этих бесчисленных предметов, невидимых нам из-за удалённости, разве нет у нас достаточного основания верить, что существуют бесчисленные другие, столь тонкой природы, что никакое из наших чувств не может их различить? Разве не признают все люди с непредубеждённым разумом — немногих материалистов, или атеистов, я не могу назвать *разумными людьми* — существования невидимого по самой природе своей мира наряду с миром видимым? Но

какое из наших чувств достаточно тонко, чтобы получить о нём хотя бы малейшее знание? Зрением мы можем воспринять какую-либо его часть не более, чем осязанием. Даже если мы согласимся с древним поэтом, что

> [7] Миллионы духовных существ ходят по земле
> Незримо, и когда мы бодрствуем, и когда спим;

[8] если согласимся, что великий Дух, Отец всех, наполняет и небо, и землю, то всё же самое тонкое из наших чувств совершенно неспособно воспринимать ни Его, ни их.

[9] 6. Все наши внешние чувства явно приспособлены к этому внешнему, видимому миру. Они предназначены служить нам лишь во время нашего здешнего странствия, пока мы обитаем в этих глиняных храминах. С невидимым миром у них нет ничего общего; они к нему не приспособлены. И вечный мир они могут познавать не более, чем невидимый, хотя мы так же вполне уверены в его существовании, как в существовании чего-либо в нынешнем мире. Мы не можем думать, что смерть кладёт конец нашему бытию. Тело, правда, возвращается в прах, но душа, будучи благороднейшей природы, от этого не страдает. Следовательно, вечный мир существует, каков бы он ни был. Но как нам достичь знания о нём? Что научит нас отодвинуть завесу, «висящую между смертным и бессмертным бытием»? Все мы знаем: «Перед нами лежит необъятная, безграничная даль»; однако мы не вынуждены добавлять: «Но, увы, облака и мрак покоятся на ней».

[10] 7. Несомненно ясно, что самое превосходное из наших чувств здесь ничем не может нам помочь. А что может сделать наш хвалёный разум? Ныне общепризнано: Nihil

est in intellectu quod non fuit prius in sensu — «Нет ничего в разуме, что прежде не было бы воспринято каким-либо из чувств». Следовательно, разум, не имея здесь материала для работы, вовсе не может оказать нам помощи. Так что, несмотря на все сведения, которые мы можем приобрести чувствами или разумом, и невидимый, и вечный мир остаются неизвестными всем «ходящим видением».

[11] 8. Но неужели помощи нет? Должны ли они оставаться в совершенном мраке относительно невидимого и вечного мира? Мы не можем этого утверждать: даже язычники не все оставались в совершенном мраке относительно них. Во все века и у всех народов сквозь тьму пробивались немногие лучи света. Из различных источников они получали некоторый свет о невидимом мире. «Небеса проповедовали славу Божию», хотя и не внешнему их зрению; «твердь возвещала» очам их разума существование своего Создателя. Из творения они заключали о бытии Творца — могущественного и мудрого, справедливого и милосердного. А отсюда заключали, что должен существовать вечный мир, будущее состояние, наступающее после нынешнего, где Божия справедливость в наказании нечестивых и Его милость в воздаянии праведным будут открыто и неопровержимо явлены пред всеми разумными созданиями.

[12] 9. Мы также можем с основанием предполагать, что некоторые следы знания и о невидимом, и о вечном мире были переданы от Ноя и его детей их ближайшим и отдалённым потомкам. И как бы ни затемнялись и ни искажались эти знания примесью бесчисленных басен, нечто истинное всё же оставалось среди них, и эти полосы света не давали воцариться полной тьме. Добавим, что

Бог ни в какой век и ни у какого народа не оставлял Себя совершенно «без свидетельства» в сердцах людей, но, «подавая им дожди и времена плодоносные», сообщал некоторое несовершенное знание о Подателе. «Он — Свет истинный», Который и ныне в некоторой мере «просвещает всякого человека, приходящего в мир».

[13] 10. Но все эти светила вместе давали лишь слабые сумерки. Даже самым просвещённым людям они не давали никакого elegchos, никакого *доказательства*, никакой *доказательной убеждённости* ни в невидимом, ни в вечном мире. Наш философствующий поэт справедливо называет Сократа «мудрейшим из всех нравственных людей», то есть всех, кто не был удостоен Божественного откровения. Однако какое свидетельство об ином мире имел он, обращаясь к осудившим его на смерть? «А теперь, о судьи, вы идёте жить, а я иду умирать. Что из этого лучше, знает Бог; но, полагаю, не знает ни один человек». Увы! Что за признание! Неужели это и есть всё свидетельство о невидимом или вечном мире, которым обладал бедный умирающий Сократ? И всё же даже это предпочтительнее света великого и доброго императора Адриана. Вспомните, современные язычники, и возьмите за образец его трогательное обращение к отлетающей душе. Боясь затруднить вас латынью, я привожу его в прекрасном переводе Прайора:

> [14] Бедная, милая, малая трепетная душа,
> Ужели нам больше не жить вместе?
> Ужели ты расправляешь дрожащее крыло,
> Чтобы улететь — сама не знаешь куда?
> Твоя весёлая склонность, твоя шаловливая прихоть
> Заброшены все и забыты!

И в задумчивости, колебании, печали
Ты надеешься и страшишься — сама не знаешь чего.

15 11. «Сама не знаешь чего!» Верно: не было знания, чего надеяться или страшиться после смерти, пока не взошло «Солнце правды», чтобы рассеять все их тщетные догадки, и не «явило жизнь и нетление», то есть бессмертную жизнь, «через благовестие». Тогда, и не прежде, кроме некоторых редких случаев, Бог открыл, снял покров с невидимого мира. Тогда Он открыл Себя сынам человеческим. «Отец открыл Сына» в их сердцах, а Сын открыл Отца. Тот, Кто некогда «повелел из тьмы воссиять свету, озарил их сердца, чтобы просветить их познанием славы Божией в лице Иисуса Христа».

16 12. Именно там, где чувства уже ничем не могут служить, нам на помощь приходит вера; она — великое desideratum, то, чего нам недостаёт. Она совершает то, чего не может ни одно чувство, даже со всеми вспомогательными средствами, изобретёнными искусством. Все наши приборы, как бы ни совершенствовались они умением и трудом многих сменявшихся веков, не позволяют нам сделать ни малейшего открытия в этих неведомых областях. Они служат лишь тем нуждам нынешнего видимого мира, ради которых были созданы.

17 13. Как иначе обстоит дело, как неизмеримо превосходство тех, кто «ходит верою»! Бог, «открыв очи их разума», изливает в их душу Божественный свет, благодаря которому они могут «видеть Невидимого», видеть Бога и Божии дела. То, чего «глаз их не видел, ухо не слышало и что не приходило им на сердце», Бог время от времени открывает им через «помазание от Святого,

которое учит их всему». «Войдя во святилище посредством крови Иисуса» этим «путём новым и живым» и присоединившись к «торжествующему собору и церкви первенцев, и к Судии всех Богу, и к Ходатаю нового завета Иисусу», каждый из них может сказать: «Уже не я живу, но живёт во мне Христос»; теперь я живу той жизнью, которая «сокрыта со Христом в Боге»; «когда же явится Христос, жизнь *моя*, тогда и *я* явлюсь с Ним во славе».

[18] 14. Те, кто *живёт* верою, *ходят верою*. Но что это означает? Во всех суждениях о добре и зле они руководствуются отношением к вещам невидимым и вечным, а не к видимым и временным. Видимые вещи они считают малоценными, потому что те проходят, словно сон; напротив, невидимые они почитают весьма драгоценными, потому что те не пройдут никогда. Всё невидимое вечно; невидимое не погибает. Так говорит апостол: «Видимое временно, а невидимое вечно». Поэтому «ходящие верою» не желают «видимого»; оно не составляет предмета их стремлений. Они «помышляют о горнем, а не о земном». Ищут только того, что находится «там, где Иисус сидит одесную Бога». Зная, что «видимое временно» и проходит, словно тень, они «не смотрят на него», не желают его, почитают его за ничто; но «смотрят на невидимое, которое вечно», которое никогда не пройдёт. По нему они судят обо всём. Они признают вещи добрыми или злыми по тому, содействуют ли те их благу или препятствуют ему — не во времени, а в вечности. На этих весах они взвешивают всё происходящее: «Какое влияние это имеет на моё вечное состояние?» Этим мерилом они направляют все свои расположения и страсти, все желания, радости и страхи. Все мысли и намерения, все слова и дела они направляют так, чтобы подготовиться к невидимому и вечному миру, в который

скоро отправятся. Они здесь не *живут постоянно*, а лишь *странствуют*; смотрят на землю как на место, где они не дома, а только

[19] Проходят по земле Еммануила
К прекраснейшим мирам в вышине.

[20] 15. Братья, стоящие сейчас здесь пред Богом, принадлежите ли *вы* к их числу? Видите ли *вы* «Невидимого»? Есть ли у вас вера, живая вера, вера Божия чада? Можете ли вы сказать: «Жизнь, которой теперь живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня»? «Ходите» ли вы «верою»? Обратите внимание на вопрос. Я не спрашиваю, проклинаете ли вы, богохульствуете ли, оскверняете ли субботу или живёте в каком-нибудь внешнем грехе. Не спрашиваю, делаете ли вы больше или меньше добра, соблюдаете ли все Божии установления. Но, допустив, что во всех этих отношениях вы безупречны, спрашиваю именем Божиим: каким мерилом вы определяете ценность вещей — видимым или невидимым миром? Решите дело на одном примере. Что вы считаете лучшим: чтобы ваш сын был благочестивым сапожником или нечестивым лордом? Что представляется вам предпочтительнее: чтобы ваша дочь была чадом Божиим и ходила пешком или чадом диавола и ездила в карете, запряжённой шестёркой? Если, выдавая дочь замуж, вы больше заботитесь о её теле, чем о душе, узнайте себя: вы на пути в ад, а не на небо, ибо ходите видением, а не верою. Я не спрашиваю, живёте ли вы в каком-либо внешнем грехе или небрежении; но *ищете* ли вы всем направлением своей жизни «горнего» или земного? «Помышляете» ли вы «о горнем» или «о земном»? Если о последнем, то вы столь же несомненно на пути погибели,

как вор или закоренелый пьяница. Дорогие друзья, пусть каждый мужчина и каждая женщина среди вас будут честны с собой. Спросите своё сердце: «Чего я ищу день за днём? Чего желаю? К чему стремлюсь — к земле или к небу, к видимому или к невидимому?» Что составляет вашу цель — Бог или мир? Жив Господь: если ваша цель — мир, вся ваша религия по-прежнему тщетна.

[21] 16. Итак, дорогие братья, позаботьтесь, чтобы хотя бы отныне избрать лучшую часть. Судите обо всём окружающем по истинной ценности вещей, соотнося их с невидимым и вечным миром. Старайтесь признавать каждую вещь достойной стремления или избегания по тому влиянию, какое она окажет на ваше вечное состояние. Пусть ваши привязанности, желания, радость и надежда будут обращены не к преходящим предметам, не к тому, что ускользает, словно тень, и проходит, словно сон, но к тому, что неизменно, нетленно и неувядаемо; к тому, что остаётся тем же, когда небо и земля «бегут, и не находится им места». Заботьтесь, чтобы во всём, что вы думаете, говорите или делаете, око вашей души было едино устремлено к «Невидимому» и к «славе, которая откроется». Тогда «всё тело ваше будет светло»; вся ваша душа будет наслаждаться светом Божия лица, и вы непрестанно будете видеть свет славной любви Божией «в лице Иисуса Христа».

[22] 17. В особенности заботьтесь о том, чтобы всё ваше «желание было к Нему и к памятованию имени Его». Берегитесь «безрассудных и вредных желаний», возникающих из чего-либо видимого или временного. От всех них святой Иоанн предостерегает нас под общим названием «любви к миру». Не столько людям мира, сколько детям Божиим он даёт это важное наставление:

«Не любите мира, ни того, что в мире». Не давайте места «похоти плоти» — услаждению внешних чувств, будь то вкус или какое-либо другое чувство. Не давайте места «похоти очей» — внутреннего чувства, или воображения, — услаждая его величественным, прекрасным или необычным. Не давайте места «гордости житейской» — желанию богатства, пышности или чести от людей. Святой Иоанн подкрепляет этот совет соображением, сходным с замечанием святого Павла к коринфянам: «Ибо мир и образ его проходят». «Образ его» — все мирские предметы, занятия, удовольствия, заботы, всё, что сейчас привлекает наши взоры или внимание, — «проходит», уже теперь находится в самом движении ухода и больше не вернётся. Поэтому не желайте ничего из этих ускользающих вещей, но желайте той славы, которая «пребывает вовек».

[23] 18. Хорошо заметьте: это и только это есть религия; только это есть истинная христианская религия, а не то или иное мнение или система мнений, как бы ни были они истинны и согласны с Писанием. Правда, это обыкновенно называют верой. Но те, кто считает это религией, преданы сильному заблуждению — верить лжи; а если они считают это верным пропуском на небо, то идут большой дорогой в ад. Хорошо заметьте: религия не есть безвредность, которую внимательный наблюдатель человеческой природы справедливо называет *адской безвредностью*, ибо она посылает тысячи в бездну. Она не есть *нравственность*; та превосходна, когда построена на верном основании — любящей вере, но в ином случае не имеет цены в Божиих очах. Она не есть *обрядность* — самое точное соблюдение всех Божиих установлений. И это, если не основано на верном основании, угодно Богу не более, чем «переломление шеи псу». Нет: религия есть

не что иное, как жизнь в вечности и хождение в вечности, а через это — хождение в любви к Богу и человеку, в смирении, кротости и покорности. Это, и только это, есть «жизнь, сокрытая со Христом в Боге». Только испытывающий её «пребывает в Боге, и Бог в нём». Только это означает возлагать венец на главу Христа и исполнять Его «волю на земле, как она исполняется на небе».

[24] 19. Легко заметить, что именно это люди мира называют энтузиазмом — словом, как нельзя лучше подходящим для их цели, поскольку никто не может сказать ни точного его значения, ни даже происхождения. Если оно имеет какой-либо определённый смысл, то означает разновидность религиозного безумия. Поэтому, когда вы рассказываете о своём опыте, они тотчас восклицают: «Чрезмерная религиозность довела тебя до безумия!» И всё, что вы испытываете относительно невидимого или вечного мира, они считают лишь снами наяву, порождёнными разгорячённым воображением. Иначе и быть не может, когда слепорождённые берутся рассуждать о свете и цветах. Они охотно объявляют безумными тех, кто утверждает существование вещей, о которых они не имеют никакого представления.

[25] 20. Из всего сказанного можно с совершенной ясностью увидеть природу того модного явления, которое зовётся *рассеянной жизнью*. Имеющий уши слышать, да слышит! Это самая сущность атеизма; это искусственное безбожие, прибавленное к естественному. Это искусство забывать Бога, быть совершенно «без Бога в мире»; искусство изгонять Его если не из сотворённого Им мира, то из мыслей всех Его разумных созданий. Это полное,

намеренное невнимание ко всему невидимому и вечному миру, особенно к смерти — вратам вечности — и к великим последствиям смерти: небу и аду!

[26] 21. Такова истинная природа *рассеянной жизни*. И так ли она безвредна, как обычно полагают? Это одно из самых отборных орудий погубления бессмертных духов, когда-либо выкованных в арсеналах ада. Через неё мириады душ, которые могли бы наслаждаться славой Божией, были низвергнуты в вечный огонь, уготованный диаволу и его ангелам. Одним ударом она уничтожает всякую религию и уравнивает человека с погибающими животными. Все боящиеся Бога, бегите от рассеянной жизни! Страшитесь и гнушайтесь самого её имени! Старайтесь иметь Бога во всех своих мыслях, а вечность — всегда перед глазами! Непрестанно «смотрите не на видимое, но на невидимое». Пусть сердца ваши утвердятся там, где «Христос сидит одесную Бога», чтобы, когда бы Он ни призвал вас, «открылся вам свободный вход в Его вечное Царство»!

[27] Лондон, 30 декабря 1788 года.

Единство Божества

[1] *«Есть единый Бог».*

[2] Мк. 12:32.

[3] 1. И как есть один Бог, так есть одна религия и одно счастье для всех людей. Бог никогда не предназначал, чтобы их было больше, и это невозможно. Правда, в другом смысле, как замечает апостол, «есть много богов и господ много». У всех языческих народов были свои боги, и много — целые сонмы. И обычно чем просвещённее были эти народы, тем больше богов они нагромождали себе. Но у нас, у всех удостоенных христианского откровения, «один Бог», Который Сам возвещает: «Есть ли Бог, кроме Меня? Нет; Я не знаю никакого».

[4] 2. Но кто может до совершенства постичь этого Бога? Никто из сотворённых Им созданий. Лишь некоторые Свои свойства Он благоволил открыть нам в Своём слове. Из него мы узнаём, что Бог есть вечное Существо. «Происхождение Его из вечности», и Он пребудет вечно. Как Он всегда был, так всегда и будет; как не было начала Его существованию, так не будет ему конца. Общепризнано, что это содержится в самом Его имени — Иегова, которое апостол Иоанн соответственно передаёт словами: «Тот, Который был, и есть, и грядёт». Быть может, столь же уместно было бы сказать: «Он от века и до века».

[5] 3. С вечностью Бога тесно связано Его вездеприсутствие. Как Он существует во всей бесконечной длительности, так не может не существовать

во всём бесконечном пространстве, согласно Его собственному вопросу, равносильному самому решительному утверждению: «Не наполняю ли Я небо и землю? — говорит Господь». На еврейском языке небо и земля означают всю вселенную, которая, следовательно, по Его собственному свидетельству, наполнена Его присутствием.

[6] 4. Это единое, вечное, вездеприсутствующее Существо также всесовершенно. От вечности до вечности Ему принадлежат все совершенства — бесконечно больше, чем когда-либо приходило или может прийти человеку на сердце, более того, бесконечно больше, чем могут постичь ангелы на небесах. Эти совершенства мы обычно называем свойствами Бога.

[7] 5. Он всемогущ, как и вездеприсущ; Его могущество не может иметь пределов, как не имеет их Его присутствие. «У Него мышца сильная; крепка рука Его, высока десница Его». Он творит всё, что Ему угодно, на небесах, на земле, в море и во всех безднах. Для людей, как мы знаем, многое невозможно, но не для Бога: у Него «всё возможно». Когда бы Он ни пожелал, сила исполнить всегда при Нём.

[8] 6. Всеведение Бога — ясное и необходимое следствие Его вездеприсутствия. Если Он присутствует в каждой части вселенной, то не может не знать всего, что там существует или совершается, согласно слову святого Иакова: «Ведомы Богу все дела Его» и дела всякого создания «от начала» мира, или, точнее, как буквально означает выражение, «от вечности». Его очи не только «на всяком месте земли видят злых и добрых», но обозревают и всё творение, и даже пути несотворённой ночи. Есть ли различие между Его знанием и Его

мудростью? Если есть, то не является ли знание более общим понятием — по крайней мере, по нашим слабым представлениям, — а мудрость особой его отраслью, именно знанием цели всего существующего и средств направить его к этой цели?

[9] 7. Святость — ещё одно свойство всемогущего, премудрого Бога. Он бесконечно далёк от всякого прикосновения зла. Он «есть свет, и нет в Нём никакой тьмы». Он Бог незапятнанной справедливости и истины; но превыше всего — Его милосердие. Это мы легко узнаём из прекрасного места в тридцать третьей и тридцать четвёртой главах Исхода: «И сказал Моисей: прошу Тебя, покажи мне славу Твою. И сошёл Господь в облаке и провозгласил имя Господа: Господь, Господь Бог, человеколюбивый и милосердый, долготерпеливый и многомилостивый и истинный, сохраняющий милость в тысячи родов, прощающий вину, преступление и грех».

[10] 8. Этот Бог есть Дух; у Него нет такого тела, таких частей или страстей, какие есть у людей. И древние иудеи, и древние христиане полагали, что Он один — чистый Дух, совершенно отделённый от всякой материи; все же прочие духи, даже высших ангелов, даже херувимов и серафимов они считали обитающими в материальных оболочках, хотя и состоящих из вещества необычайно лёгкого и тонкого. В ту точку длительности, которую бесконечная Божия мудрость признала наилучшей по причинам, сокрытым в бездне Его собственного разума и непостижимым для всякого конечного ума, Бог «призвал к бытию всё сущее»: сотворил небо и землю со всем, что в них. «Всё чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». В особенности Он сотворил человека по Своему

образу, чтобы тот был «образом Его вечности». Воздвигнув человека из праха земного, Он вдунул в него бессмертный дух. Поэтому Он особенным образом именуется «Отцом наших духов», даже «Отцом духов всякой плоти».

[11] 9. Он «сотворил всё», как замечает мудрец, «для Себя»; «для Его славы всё сотворено». Не потому, «будто Он в чём-либо нуждается», ибо «Сам даёт всему жизнь, и дыхание, и всё». Он сотворил всё для счастья. Человека Он сотворил для счастья в Себе. Он есть истинное средоточие духов, ради Которого сотворён всякий созданный дух. Как верно поэтому известное изречение древних отцов: Fecisti nos ad te: et irrequietum est cor nostrum, donec requiescat in te — «Ты сотворил нас для Себя, и сердце наше не может успокоиться, пока не успокоится в Тебе».

[12] 10. Это замечание даёт нам ясный ответ на вопрос Вестминстерского катехизиса: «Для какой цели Бог сотворил человека?» Ответ таков: «Чтобы прославлять Его и наслаждаться Им вечно». Это, несомненно, верно; но вполне ли понятно, особенно людям обыкновенных способностей? Понимает ли большинство простых людей выражение «прославлять Бога»? Нет, не больше, чем греческую речь. А детям, с которыми едва ли когда можно говорить слишком просто, оно и вовсе непонятно. Не это ли самое начало следует внушать каждому человеческому существу, как только в нём забрезжит разум: «Ты создан для счастья в Боге»? Не следует ли каждому родителю, едва ребёнок начнёт говорить или бегать без помощи, сказать ему примерно так: «Посмотри! Что это так светит у тебя над головой? Мы называем это солнцем. Смотри, какое оно яркое! Почувствуй, как оно греет тебя!

Благодаря ему прорастает трава и всё растёт. Но солнце создал Бог. Без Него солнце не могло бы ни светить, ни греть, ни делать ничего доброго». Таким простым, привычным языком мудрый родитель мог бы много раз за день говорить что-нибудь о Боге, особенно подчёркивая: «Он создал *тебя*; создал, чтобы ты был счастлив в Нём, и ничто другое не может сделать тебя счастливым». Начать внушать это слишком рано невозможно. Если вы скажете: «Но они не могут понять вас в таком раннем возрасте», — я отвечу: нет, не смогут и в пятьдесят лет, если Бог не откроет их разум; а разве Он не может сделать это в любом возрасте?

[13] 11. И в самом деле, это следует тем настойчивее и усерднее внушать каждому человеку, молодому и старому, что, по-видимому, чрезвычайно немногие даже среди именуемых христианами что-либо об этом знают. Многие, правда, думают о том, чтобы быть счастливыми с Богом на небе; но быть счастливыми в Боге на земле им никогда и в голову не приходило. Тем менее — потому что с самого появления на свет их окружают идолы. Ими поочерёдно становится всё «видимое», тогда как Бог невидим; и всё это обещает счастье, независимое от Бога. Поистине верно, что

> [14] И сердцем, и волей правыми
> Мы были Богом созданы;
> Но от добра ко злу уклонились
> И стали блуждать среди творений;
>
> [15] Умножили блуждающие помыслы,
> Прежде устремлённые лишь к Богу;
> В десяти тысячах предметов искали
> Блаженство, утраченное в Одном.

[16] 12. Эти идолы, эти соперники Бога бесчисленны; однако их можно приблизительно разделить на три разряда. Во-первых, предметы чувств — то, что услаждает одно или несколько наших внешних чувств. Они возбуждают первую разновидность «любви к миру», которую святой Иоанн называет «похотью плоти». Во-вторых, предметы воображения — вещи, услаждающие нашу фантазию своим величием, красотой или новизной. Всё это сулит нам счастье и тем самым мешает искать его в Боге. Это апостол называет «похотью очей», через которые главным образом услаждается воображение. В-третьих, это то, что святой Иоанн именует «гордостью житейской». По-видимому, он разумеет честь, богатство и всё, что прямо способствует зарождению гордости.

[17] 13. Но предположим, что от всего этого мы ограждены: разве нет других идолов, которых нам следует опасаться, — идолов тем более опасных, что мы не подозреваем от них никакой опасности? Ибо какой опасности страшиться от друзей и родных, от взаимных нежностей мужей и жён или родителей и детей? Не должны ли мы питать к ним самую нежную привязанность? Не должны ли любить их меньше одного только Бога? И разве не полагается нежная привязанность к тем, кого Бог сделал полезными для наших душ? Разве не заповедано нам «почитать их преимущественно с любовью за дело их»? Всё это несомненно верно; и именно в этом заключается трудность. Кто способен на это — зайти здесь достаточно далеко, но не дальше? Любить их достаточно, но не чрезмерно? Можем ли мы достаточно любить жену, ребёнка, друга, не любя творение больше Творца? Кто способен следовать предостережению, которое святой Павел даёт христианам в Фессалонике? (1 Фес. 4:5.)

[18] 14. Я хотел бы, чтобы это веское место, так странно затемнённое в нашем переводе, было должным образом обдумано: «Пусть каждый из вас умеет соблюдать свой сосуд», то есть свою жену, «в святости и чести», так, чтобы не бесчестить ни Бога, ни самого себя, чтобы не препятствовать святости, а содействовать ей. Святой Павел продолжает: me en pathei epithymias, что мы передаём словами: «не в похоти вожделения». Что это значит? Английскому читателю эти слова не дают никакого понятия. pathos означает любое *сильное* или *неудержимое чувство*; epithymia — *желание*. Этими двумя словами апостол, несомненно, разумеет неистовые и неудержимые привязанности: «как язычники, не знающие Бога» и потому естественно могущие искать счастья в творении.

[19] 15. Если по благодати Божией мы избежали всех этих идолов или оставили их, остаётся ещё один, опаснее всех прочих: религия. Легко понять, что я разумею ложную религию, то есть всякую религию, которая не предполагает отдания сердца Богу. Такова, во-первых, религия мнений, или так называемое правоверие. В эту сеть попадают тысячи исповедующих «спасение верою» — собственно, все, кто под верой разумеет только систему арминианских или кальвинистских мнений. Такова, во-вторых, религия форм, одного лишь внешнего богопочитания, как бы постоянно оно ни совершалось, пусть даже мы каждый день посещаем церковную службу и каждое воскресенье — Вечерю Господню. Такова, в-третьих, религия дел, ищущая Божия благоволения через делание добра людям. Наконец, такова религия атеизма, то есть всякая религия, в основание которой не положен Бог. Одним словом, религия, в которой «Бог во

Христе, примиряющий с Собою мир», не есть Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний пункт.

[20] 16. Истинная религия — это правильные расположения к Богу и человеку. В двух словах, это благодарность и благожелательность: благодарность нашему Творцу и высшему Благодетелю и благожелательность к нашим собратьям по творению. Иными словами, это любовь к Богу всем сердцем и к ближнему, как к самому себе.

[21] 17. Именно вследствие познания того, что Бог любит нас, мы любим Его и любим ближнего, как самих себя. Благодарность к Творцу не может не порождать благожелательности к нашим собратьям по творению. Любовь Христова побуждает нас не только быть безвредными, не делать зла ближнему, но и быть полезными, «ревностными к добрым делам», «доколе есть время, делать добро всем» и служить для всех образцами истинной, подлинной нравственности — справедливости, милосердия и правды. Это и есть религия, и это есть счастье — счастье, для которого мы созданы. Оно начинается тогда, когда мы начинаем познавать Бога через научение Его собственным Духом. Как только Отец духов открывает Сына Своего в наших сердцах, а Сын открывает Своего Отца, любовь Божия изливается в наши сердца; тогда, и не прежде, мы счастливы. Счастливы, во-первых, сознанием Его благоволения, которое поистине лучше самой жизни; затем — постоянным общением с Отцом и Сыном Его Иисусом Христом; далее — всеми небесными расположениями, которые Он произвёл в нас Своим Духом; также — свидетельством Его Духа, что все наши дела угодны Ему; наконец — свидетельством нашего собственного духа, что «в простоте и богоугодной искренности мы жили в мире».

Твёрдо стоя в этой свободе от греха и скорби, которую даровал им Христос, истинные христиане «всегда радуются, непрестанно молятся и за всё благодарят». И счастье их всё возрастает по мере того, как они «возрастают в меру полного возраста Христова».

[22] 18. Но как мало христианский мир испытывает эту религию или хотя бы думает о ней! Напротив, сколько у нас оснований присоединиться к сетованию умирающего святого — господина Халибёртона из Сент-Эндрюса в Шотландии: «О господа, боюсь, среди нас всё более распространяется своего рода *рациональная* религия — религия, в которой нет ничего от Христа; более того, в ней нет не только ничего от Христа, но и ничего от Бога!» И в самом деле, как широко она господствует не только среди открытых неверующих, но и среди тех, кто именует себя христианами и исповедует веру в Библию как слово Божие! Так, наш соотечественник господин Волластон в своём обстоятельном труде «Очерк естественной религии» представляет полную систему религии, в которой нет ничего от Бога и которая ни в малейшей степени не обязана ни иудейскому, ни христианскому откровению. Так, господин Бурламаки из Женевы в своём примечательном «Трактате о естественном законе» пользуется Библией не больше, чем если бы никогда её не видел. И так же покойный профессор Хатчесон из Глазго — ещё более странный писатель, чем оба предыдущих, — настолько далёк от того, чтобы основывать добродетель на страхе Божием или любви к Богу, что совершенно устраняет Бога из рассмотрения, не стесняясь прямо заявлять, что обращённость к Богу *несовместима с* добродетелью; до такой степени, что если, совершая благодеяние, вы ожидаете за него Божией награды,

добродетель поступка утрачена: тогда это уже не добродетельный, а своекорыстный поступок.

[23] 19. Возможно, не многие заходят так далеко. Но как велико число тех, кто, признавая в религии две части — наш долг перед Богом и наш долг перед ближним, — совершенно забывает первую и ставит вторую на место целого, на место всей обязанности человека! Так почти все литераторы Англии, Франции, Германии, да и всех цивилизованных стран Европы, превозносят *человеколюбие* до небес как самую сущность религии. Этому великий триумвират — Руссо, Вольтер и Давид Юм — посвятил все свои труды, не щадя сил, чтобы утвердить религию, стоящую на собственном основании, независимую от какого бы то ни было откровения и даже не предполагающую бытия Бога. Итак, оставив Его, если Он существует, Самому Себе, они нашли и религию, и счастье, вовсе не относящиеся к Богу и ничем от Него не зависящие.

[24] 20. Неудивительно, что эта религия входит в моду и широко распространяется по миру. Но называйте её *человеколюбием, добродетелью, нравственностью* или как вам угодно — она ничем не лучше и не хуже атеизма. Люди здесь намеренно и сознательно разлучают то, что Бог соединил, — обязанности первой и второй скрижали. Это отделение любви к ближнему от любви к Богу. Это благовидный способ вытеснить Бога из сотворённого Им мира. Они могут обойтись без Него и потому либо вовсе оставляют Его в стороне, никак не принимая в расчёт, либо предполагают, что, поскольку

[25] Он дал всему начало

[26] И завертел эту юлу, — с тех пор Он не заботится об этих мелочах, а предоставляет всему идти своим чередом.

[27] 21. Напротив, у нас есть полнейшее свидетельство того, что вечный, вездеприсущий, всемогущий, премудрый Дух, сотворив всё, постоянно надзирает за всем сотворённым. Он управляет всем — не только до границ творения, но и во всей крайней протяжённости пространства; и не только в течение краткого времени, измеряемого землёй и солнцем, но от вечности до вечности. Мы знаем, что, как вся природа, так и вся религия и всё счастье зависят от Него; и знаем, что всякий, кто учит искать счастья без Него, — чудовище и язва общества.

[28] 22. Но после всех тщетных попыток учёных или неучёных людей обнаружится, что, как есть лишь один Бог, так есть лишь одно счастье и одна религия. И то и другая сосредоточены в Боге. И из Писания, и из опыта мы знаем, что несвятой и потому несчастный человек, ищущий покоя и не находящий его, рано или поздно убеждается: причина его несчастья — грех; и взывает из глубины к Тому, Кто способен спасти: «Боже, будь милостив ко мне, грешнику!» Вскоре он обретает «искупление Кровию Иисуса, прощение грехов». Тогда «Отец открывает Сына Своего» в его сердце, и он «называет Иисуса Господом Духом Святым». И тогда любовь Божия «изливается в его сердце Духом Святым, данным ему». Из этого начала возникает истинная, бескорыстная благожелательность ко всему человечеству, делающая его смиренным, кротким, ласковым ко всем людям, уступчивым — готовым убедиться в том, что правильно, и склониться к добру; неизменно терпеливым, с благодарным согласием принимающим каждый шаг достопоклоняемого Божия промысла. Это и есть религия

— весь тот образ мыслей, который был во Христе Иисусе. И найдётся ли человек столь дерзкий или столь глупый, чтобы отрицать, что это счастье, более того, что оно

29 Даёт здесь, на земле, больше счастья,

30 Чем знают победители в торжестве?

31 23. Нет сомнения, что из этой любви к Богу и человеку последует и соответствующая жизнь. Его «слово», то есть речь, будет «всегда с благодатью, приправлено солью» и способно «доставлять благодать слушающим». Он всегда будет «открывать уста свои с мудростью, и закон милости будет на языке его». Потому его любящие слова будут «струиться, как роса и как дождь на нежную траву». И люди узнают, что говорит не он один, но Дух Отца говорит в нём. Его дела будут исходить из того же источника, что и слова, — из изобилия любящего сердца. И поскольку все они направлены к славе Божией и сходятся к этой единой цели, что бы он ни делал, он сможет искренне сказать:

32 Ты — цель каждого моего дела,

33 Во всём я вижу Тебя;

34 Прими же мой освящённый труд:

35 Я совершаю его для Тебя!

36 24. Тот, кому принадлежит этот облик, и только он — христианин. Для него единый, вечный, вездеприсущий, всесовершенный Дух есть «Альфа и Омега, Первый и Последний»; не только его Творец, но и Поддерживающий его, Хранитель и Владыка; более того — его Отец, Спаситель, Освятитель и Утешитель. Этот Бог есть его Бог и его Всё во времени и в вечности. Именно благожелательность, произрастающая из этого корня, есть чистая и непорочная религия. Но если она построена

на каком-либо другом основании, то, как не имеет она цены в Божиих очах, так не приносит человеку истинного, прочного, постоянного счастья, а оставляет его всё тем же бедным, иссохшим, нуждающимся и неудовлетворённым существом.

[37] 25. Поэтому пусть все желающие угодить Богу снизойдут до того, чтобы учиться у Бога, и заботятся идти путём, который Сам Бог определил. Берегитесь принимать половину этой религии за целое; примите обе её части вместе. И смотрите, чтобы начать там, где начинает Сам Бог: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Разве это не первая, по суду Самого нашего Господа, и вместе с тем великая заповедь? Итак, прежде всего заботьтесь любить Бога; затем — ближнего, каждого сына человеческого. Пусть из этого источника проистекает всякое расположение, всякая привязанность, всякая страсть. Тогда «в вас будут те же чувствования, какие и во Христе Иисусе». Пусть отсюда происходят все ваши мысли, слова и дела! Тогда вы «наследуете Царство, уготованное вам от создания мира». Произнесено в Дублине 9 апреля 1789 года.

Служение в Церкви

[1] [Об этой проповеди господин Мур сообщает в своём «Жизнеописании господина Уэсли», том II, с. 339, следующее: «Я находился с господином Уэсли в Лондоне, когда он опубликовал эту проповедь. Он побуждал меня быть человеком *одной книги* и неоднократно приглашал высказывать без утайки все возражения, какие у меня появятся против чего-либо из опубликованного им. Мне казалось, что некоторых вещей в этой проповеди нельзя найти в КНИГЕ, и я решил сказать ему об этом при первой возможности. Она вскоре представилась. Я почтительно заметил, что согласен с ним: Господь всегда посылал людям наставление, обличение и исправление в праведности через тех, через кого Ему было угодно; и что между пророческим и священническим служением в Ветхом Завете, как и между пророческим и пастырским в Новом, есть действительное различие — причём в Новом Завете не упоминается иного священства, кроме священства нашего Господа. Но я не мог признать согласным с тем, что мы там читаем, его утверждение о благовестниках и пастырях, или епископах: будто последние имели право совершать таинства, которым первые не обладали. Я заметил: „Сэр, вы знаете, что *благовестникам* Тимофею и Титу апостол повелел поставлять *епископов* во всяком месте; и, конечно, они не могли передавать им власть, которой сами не обладали“. Некоторое время он пристально смотрел на меня, но без неудовольствия. Он ничего не ответил и вскоре заговорил о другом. Я больше ничего не сказал. Человек *одной книги* не стал спорить против неё. Думаю, он увидел, что любовь к Церкви, от которой он никогда не отступал без

необходимости, в этом случае завела его немного слишком далеко». — Прим. ред.]

[2] «И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон».

[3] Евреям 5:4.

[4] 1. Очень немногие тексты Священного Писания чаще, чем этот, приводились против мирян, которые, не будучи ни священниками, ни диаконами, всё же берутся проповедовать. Многие спрашивали: «Как кто-либо смеет „сам принимать эту честь, если не призван Богом, как Аарон“?» И один благочестивый и рассудительный священнослужитель несколько лет назад опубликовал проповедь на эти слова, в которой старается показать, что недостаточно иметь внутреннее призвание от Бога к проповеди, как многие воображают о себе: необходимо также внешнее призвание через людей, посланных Богом для этой цели, подобно тому как Аарон был призван Богом через Моисея.

[5] 2. Но в этом доводе, как часто бы его ни повторяли, есть один серьёзный изъян. «Призван Богом, как Аарон»! Но Аарон вовсе не проповедовал: к этому его не призывал ни Бог, ни человек. Аарон был призван служить при святыне — возносить молитвы и жертвы, исполнять обязанности священника. Но быть проповедником он никогда не был призван.

[6] 3. В древности служение священника и служение проповедника признавались совершенно различными. И в этом убедится всякий, кто беспристрастно проследит дело с самого начала. Все признают, что от Адама до Ноя

первенец в каждой семье в силу своего первородства был её священником. Но это не давало ему никакого права быть проповедником или, на языке Писания, пророком. Это служение нередко принадлежало самому младшему члену семьи. Ибо в этом отношении Бог всегда утверждал Своё *право* посылать через того, через кого Ему *угодно* послать.

[7] 4. То же можно сказать и о времени от Ноя до Моисея. Старший в семье был священником, но пророком мог быть любой другой. Как мы видим, именно это служение священника Исав унаследовал по праву первородства, пока нечестиво не продал его Иакову за кушанье из чечевицы. И именно его он никогда не мог вернуть, «хотя искал со слезами».

[8] 5. Правда, во времена Моисея в отношении священства произошла весьма значительная перемена. Тогда Бог постановил, чтобы вместо первенца в каждом доме Ему было посвящено целое колено и чтобы все впоследствии служившие Ему священниками происходили из этого колена. Так, Аарон был из колена Левия. Из него же был и Моисей. Но он не был священником, хотя был величайшим пророком из всех живших прежде, чем Бог ввёл Своего Первородного во вселенную. Между тем немногие левиты были пророками; и если кто-либо был, это было простым совпадением. Пророками они были не в силу принадлежности к этому колену. Многие, если не большинство пророков, как сообщают древние иудейские писатели, происходили из колена Симеона. Некоторые — из колен Вениамина или Иуды и, вероятно, также из других колен.

[9] 6. Но есть основания полагать, что во всякий век существовало два рода пророков. Чрезвычайные — такие,

как Нафан, Исаия, Иеремия и многие другие, на которых Святой Дух сходил чрезвычайным образом. Таков был, в частности, Амос, который говорит о себе: «Я не был пророком и сыном пророка, но был пастухом; и сказал мне Господь: иди, пророчествуй к народу Моему Израилю». Обычные же пророки воспитывались в «школах пророков», одна из которых находилась в Раме, под руководством Самуила (1 Цар. 19:18). Их готовили наставлять народ, и они были постоянными проповедниками в его синагогах. В Новом Завете они обычно называются книжниками, или nomikoi, «истолкователями закона». Но лишь немногие из них, если вообще кто-либо, были священниками. Священники на всём протяжении составляли особый чин.

[10] 7. Многие учёные мужи подробно показали, что Сам наш Господь и все Его апостолы устроили христианскую Церковь по образцу иудейской, насколько это было возможно. Так, великий Первосвященник нашего исповедания послал апостолов и благовестников возвещать радостную весть всему миру; затем — пастырей, проповедников и учителей, чтобы назидать в вере возникающие общины. Но я не нахожу, чтобы служение благовестника когда-либо совпадало со служением пастыря, часто называемого епископом. Последний предстоял стаду и совершал таинства; первый помогал ему и проповедовал Слово в одной или нескольких общинах. Ни из какой части Нового Завета и ни у какого автора первых трёх веков я не могу доказать, что служение благовестника давало человеку право действовать как пастырь или епископ. Полагаю, что до времени Константина эти служения считались совершенно различными.

11 8. Правда, в тот злосчастный час, когда Константин Великий назвал себя христианином и излил на христиан почести и богатство, положение сильно изменилось. Вскоре стало обычным, чтобы один человек брал на себя всё попечение об общине, желая получить всё содержание. Так один и тот же человек действовал как священник и пророк, как пастырь и благовестник. И постепенно это всё шире распространялось по всей христианской Церкви. Но даже ныне, хотя обычно один человек исполняет оба служения, служение благовестника или учителя не подразумевает служения пастыря, которому особо принадлежит совершение таинств, — ни у пресвитериан, ни в Англиканской церкви, ни даже у римских католиков. Хорошо известно, что все пресвитерианские церкви, и в особенности Шотландская, дают людям разрешение проповедовать по всему королевству ещё до их рукоположения. И никогда не считается, что это назначение к проповеди даёт им какое-либо право совершать таинства. Так же и в нашей Церкви люди могут иметь полномочие проповедовать, даже быть докторами богословия, как доктор Олвуд в Оксфорде, когда я там жил, и при этом вовсе не быть рукоположёнными, а следовательно, не иметь права совершать Вечерю Господню. Даже в самой Римской церкви, если брат-мирянин считает себя призванным отправиться на так называемую миссию, его посылают, хотя он ни священник, ни диакон, исполнять именно это, а не другое служение.

12 9. Но нельзя ли подумать, что рассматриваемый нами случай отличается от всех этих? Несомненно, во многих отношениях отличается. Теперь явилось такое явление, какого прежде не было в христианском мире, по крайней мере на протяжении многих веков. Двое молодых людей

сеяли слово Божие не только в церквах, но и буквально «при дороге», вообще везде, где видели открытую дверь, где у грешников были уши, чтобы слышать. Они были членами Англиканской церкви и не намеревались отделяться от неё. И всем принадлежавшим к ней они советовали оставаться в ней, даже вступая в методистское общество; ибо это означало не оставление прежней общины, а только оставление своих грехов. Члены Церкви могли по-прежнему ходить в церковь; пресвитерианин, анабаптист, квакер могли сохранять свои мнения и посещать свои собрания. Единственным условием было действительное желание бежать от грядущего гнева. Поэтому всякий, кто «боялся Бога и поступал по правде», был пригоден для этого общества.

[13] 10. Немного позднее молодой человек, Томас Максфилд, предложил служить им как сын в благовествовании. Затем другой — Томас Ричардс, и вскоре третий — Томас Уэстелл. Хорошо заметьте, на каких основаниях мы приняли их: как пророков, а не как священников. Мы приняли их единственно и исключительно для проповеди, а не для совершения таинств. И те, кто воображает, будто эти служения нераздельно связаны, совершенно не знают устройства всей иудейской и христианской Церкви. Ни Римская, ни Англиканская, ни пресвитерианские церкви никогда не считали их таковыми. Иначе мы никогда не приняли бы служения ни господина Максфилда, ни Ричардса, ни Уэстелла.

[14] 11. В 1744 году все методистские проповедники собрались на свою первую Конференцию. Но никто из них и не помышлял, будто призвание проповедовать даёт какое-либо право совершать таинства. И когда был

поставлен вопрос: «Кем мы должны себя считать?» — ответ был: «*Чрезвычайными посланниками*, воздвигнутыми, чтобы возбудить ревность в *обычных*». Для этого одно из первых правил, данных каждому проповеднику, гласило: «Вы должны исполнять *ту часть* труда, которую мы поручаем». Но *что это был за труд*? Поручали ли мы когда-либо вам совершать таинства, исполнять священническое служение? Подобное намерение никогда не приходило нам на ум; оно было дальше всего от наших мыслей. И если бы какой-нибудь проповедник сделал такой шаг, мы сочли бы его явным нарушением этого правила и, следовательно, отречением от нашего объединения.

15 12. Ибо даже если предположить — что я совершенно отрицаю, — будто принятие вас в качестве проповедника одновременно давало власть совершать таинства, всё же оно давало вам право делать это или что-либо другое только *там, где я назначу*. Но где я назначил вам это делать? Нигде. Следовательно, именно это правило запрещает вам делать это. И, делая это, вы отрекаетесь от первого начала методизма, которое состояло единственно и исключительно в проповеди Евангелия.

16 13. После образования нашего общества прошло несколько лет, прежде чем была предпринята первая подобная попытка. Первая, насколько я понимаю, произошла в Нориджe. Один из наших проповедников уступил настойчивым просьбам нескольких человек и крестил их детей. Но как только об этом стало известно, ему сообщили, что этого быть не должно, если только он не намерен покинуть наше объединение. Он обещал больше этого не делать и, полагаю, сдержал обещание.

[17] 14. Пока методисты придерживаются этого устройства, они не могут отделиться от Церкви. И в этом наша особая слава. Это нечто новое на земле. Перелистайте все истории Церкви с древнейших времён, и вы обнаружите: всякий раз, когда в каком-либо городе или народе совершалось великое Божие дело, его участники вскоре говорили соседям: «Держитесь отдельно, ибо мы святее вас!» Как только они отделялись, то либо удалялись в пустыни, либо строили монастыри, либо по крайней мере образовывали партии, куда не принимали никого, кроме согласных и с их взглядами, и с их образом жизни. У методистов всё совершенно иначе: они не секта и не партия; они не отделяются от религиозного сообщества, к которому принадлежали первоначально. Они остаются членами Церкви и желают такими жить и умереть. И я верю, что одна из причин, по которой Бог благоволит так долго продлевать мою жизнь, состоит в том, чтобы утвердить их в нынешнем намерении не отделяться от Церкви.

[18] 15. Но, несмотря на это, многие горячие люди говорят: «Нет, вы всё-таки *отделяетесь* от Церкви». Другие не менее горячи, потому что, по их словам, я *не отделяюсь*. Я изложу дело прямо, как оно есть.

[19] Я придерживаюсь всех учений Англиканской церкви. Люблю её литургию. Одобряю её устройство церковной дисциплины и желаю только, чтобы его можно было осуществить. Я не отступаю сознательно ни от одного церковного правила, кроме немногих случаев, когда и поскольку, по моему суждению, это совершенно необходимо.

[20] Например: (1) поскольку лишь немногие священнослужители открывают мне свои церкви, я вынужден *проповедовать вне их*.

[21] (2) Поскольку я не знаю молитвенных форм, подходящих для всех случаев, мне нередко приходится *молиться без заранее составленного текста*.

[22] (3) Чтобы созидать стадо Христово в вере и любви, я вынужден соединять его членов между собой и разделять их на небольшие общества, чтобы они поощряли друг друга к любви и добрым делам.

[23] (4) Чтобы мои сотрудники и я могли действеннее помогать друг другу спасать собственные души и души слушающих нас, я считаю необходимым встречаться с проповедниками или по крайней мере с большей их частью раз в год.

[24] (5) На этих Конференциях мы определяем места служения всех проповедников на следующий год.

[25] Но всё это не есть отделение от Церкви. Совсем напротив: при всякой возможности я сам присутствую на церковной службе и советую всем нашим обществам поступать так же.

[26] 16. Однако большинство даже религиозных людей, не понимающих побуждений моих поступков и слышащих, с одной стороны, моё заявление, что я не отделюсь от Церкви, а с другой — что в этих случаях я отступаю от её порядка, естественно сочтёт, что я противоречу сам себе. Они и не могут думать иначе, если не обратят внимания на два моих начала: первое — я не смею отделяться от Церкви, полагая такое отделение грехом; второе — я считаю грехом не отступать от её порядка в вышеуказанных случаях. Повторяю: соедините эти два

начала — во-первых, я не отделюсь от Церкви; во-вторых, в случаях необходимости я отступлю от её порядка, — оба из которых я постоянно и открыто исповедую уже более пятидесяти лет, и противоречие исчезнет. С 1730 года и до сего дня я верен своему исповеданию.

[27] 17. «Но разве не противоречит вашему исповеданию разрешение проводить службу в Дублине в часы церковного богослужения? Какая в этом необходимость? Какой доброй цели это служит?» Я полагаю, что это служит нескольким добрым целям, которых иным способом нельзя достичь столь же хорошо. Первая — как бы странно это ни звучало — *предотвратить отделение* от Церкви. Многие из нашего общества были совершенно отделены от неё: они вообще никогда её не посещали. Теперь же они исправно посещают церковь в первое воскресенье каждого месяца. «Но разве не лучше им ходить туда каждую неделю?» Да; но кто убедит их в этом? Я не могу. Двадцать или тридцать лет я старался, но напрасно. Вторая цель — отучить их посещать собрания диссентеров, куда многие прежде ходили постоянно, а теперь совсем перестали. Третья — постоянно слышать здравое учение, способное спасти их души.

[28] 18. Я хотел бы, чтобы все вы, кого обычно называют методистами, серьёзно обдумали сказанное, особенно вы, кому Бог поручил призывать грешников к покаянию. Из этого вовсе не следует, что вам поручено крестить или совершать Вечерю Господню. Вы и не помышляли об этом десять или двадцать лет после того, как начали проповедовать. Вы тогда не «домогались ещё и священства», подобно Корею, Дафану и Авирону. Вы знали: «Никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон». О, оставайтесь в своих

пределах; довольствуйтесь проповедью Евангелия; «совершайте дело благовестников»; возвещайте всему миру человеколюбие Бога, Спасителя нашего; объявляйте всем: «Приблизилось Царство Небесное: покайтесь и веруйте в Евангелие!» Настойчиво советую вам: оставайтесь на своём месте, храните своё служение. Пятьдесят лет назад те из вас, кто уже был тогда методистскими проповедниками, были *чрезвычайными посланниками* Бога, шедшими не по собственной воле, но *высланными* не для того, чтобы заменить обычных посланников, а чтобы «возбудить в них ревность». Именем Божиим — на этом остановитесь! И проповедью, и примером побуждайте их к любви и добрым делам. Вы — новое явление на земле: сообщество людей, не принадлежащее ни к какой секте или партии, дружественное всем партиям и стремящееся содействовать всем в религии сердца, в познании и любви к Богу и человеку. Вы сами первоначально были призваны в Англиканской церкви; и хотя у вас есть и будут тысячи искушений оставить её и основаться самостоятельно, не внимайте им. Оставайтесь людьми Англиканской церкви; не отбрасывайте особую славу, которой Бог облек вас, и не разрушайте замысла Провидения — самой цели, ради которой Бог воздвиг вас.

[29] 19. Добавлю несколько слов к тем серьёзным людям, которые не связаны с методистами и многие из которых принадлежат к нашей собственной Церкви — Англиканской. Почему *вы* должны быть недовольны нами? Мы не причиняем вам зла; не намерены и не желаем ни в чём оскорбить вас; придерживаемся ваших учений; соблюдаем ваши правила усерднее, чем большинство жителей королевства. Некоторые из вас — священнослужители. И почему именно *вы* должны быть

недовольны нами больше других? Мы не посягаем ни на ваше доброе имя, ни на ваш доход; мы почитаем вас «за дело ваше»! Если видим что-либо, чего не одобряем, то не разглашаем этого; скорее покрываем и скрываем то, чего не можем похвалить. Когда вы обращаетесь с нами недобро или несправедливо, мы терпим. «Злословят нас — мы благословляем»; не отвечаем ругательством на ругательство. О, пусть *ваша* рука не поднимается на нас!

30 20. Вы, богатые в этом мире, не считайте нас врагами за то, что мы говорим вам истину, быть может, полнее и решительнее, чем кто-либо другой захочет или осмелится. Именно поэтому мы нужны вам — невыразимо нужны. Таких друзей не купить ни за какую цену. Всё ваше золото и серебро не может приобрести подобных. Пользуйтесь нами, пока можете. Если возможно, никогда не оставайтесь без кого-нибудь из тех, кто будет говорить истину от сердца. Иначе вы можете поседеть в своих грехах, можете говорить своим душам: «Мир, мир!» — когда мира нет! Можете продолжать спать и видеть во сне, будто идёте на небо, пока не пробудитесь в вечном огне.

31 21. Но станете ли вы слушать или откажетесь, мы по благодати Божией продолжим свой путь, сами по-прежнему оставаясь членами Англиканской церкви, как были с самого начала, но принимая всех любящих Бога во всякой Церкви как брата, сестру и мать. И для соединения с нами мы не требуем единства мнений или форм богослужения, а лишь того, чтобы они, как уже было сказано, «боялись Бога и поступали по правде». Это совершенно новое дело, неслыханное ни в каком другом христианском сообществе. В какую ещё Церковь или общину во всём христианском мире можно быть

принятым на этих основаниях, без каких-либо иных условий? Кто может, пусть укажет такую. Я не знаю ни одной ни в Европе, ни в Азии, ни в Африке, ни в Америке! Это слава методистов, и только их! Они сами не особая секта или партия, но принимают людей всех партий, которые «стараются поступать справедливо, любить милосердие и смиренномудренно ходить пред Богом своим». Корк, 4 мая 1789 года.

Причины малой действенности христианства

1 «Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача? Отчего же нет исцеления дщери народа моего?»

2 Иер. 8:22.

3 1. Этот вопрос, как его здесь ставит пророк, относится только к одному народу — сынам Израилевым. Но я хотел бы рассмотреть его в общем смысле, применительно ко всему человечеству. Я хотел бы серьёзно исследовать: почему христианство принесло миру так мало добра? Разве оно не бальзам, не внешнее средство, которое великий Врач дал людям для восстановления их духовного здоровья? Почему же оно не восстановлено? Вы скажете: из-за глубокой и всеобщей испорченности человеческой природы. Совершенно верно; но именно в этом и заключается трудность. Разве наш премудрый и всемогущий Творец не предназначил его быть лекарством от этой испорченности — всеобщим лекарством от всеобщего зла? Но оно не исполнило этого назначения; никогда не исполняло и не исполняет поныне. Болезнь остаётся во всей своей силе: всякого рода нечестие, внутренний и внешний порок во всех видах по-прежнему покрывают лицо земли.

4 2. О Господи Боже, «праведен Ты! Но позволь нам говорить с Тобою о правосудии». Как это возможно? Неужели Ты забыл созданный Тобою мир, который сотворил для Своей славы? Можешь ли Ты презреть дело Своих рук, приобретение Крови Твоего Сына? Ты дал

лекарство, чтобы исцелить нашу болезнь, но болезнь наша не исцелена. По-прежнему тьма покрывает землю и густой мрак — народы; да,

[5] Тьма, какую чувствуют бесы,
Исходящая из бездны ада.

[6] 3. Какая тайна — что христианство принесло миру так мало добра! Можно ли дать этому объяснение? Можно ли указать причины? Не кажется ли, что одна из причин столь малой пользы в том, что его так мало знают? Конечно, оно не может принести добра там, где неизвестно. Но и поныне оно неизвестно гораздо большей части жителей земли. В прошлом столетии наш даровитый и трудолюбивый соотечественник господин Брервуд объехал значительную часть известного мира с особой целью узнать, насколько возможно, численное соотношение христиан, язычников и магометан. И по его вычислению — вероятно, самому точному из доныне сделанных, — если представить человечество разделённым на тридцать частей, девятнадцать из них всё ещё открытые язычники, знающие о христианстве не более погибающих животных. К ним можно прибавить многочисленные народы, открытые в нынешнем столетии. Прибавьте исповедующих магометанскую религию и совершенно презирающих христианство — и двадцать пять частей человечества из тридцати не будут христианами даже по имени. Таким образом, пять шестых человечества совершенно не знают христианства. Поэтому неудивительно, что пять из шести, а быть может, девять из десяти людей не получают от него пользы. [90]

[7] 4. Но почему оно приносит так мало пользы христианскому миру? Лучше ли христиане других людей? Лучше ли магометан или язычников? По правде говоря,

хорошо ещё, если они не хуже — не хуже и магометан, и язычников. Во многих отношениях они намного хуже; но тогда они, собственно, и не христиане. Большинство из них, хотя и носит христианское имя, не знает, что такое христианство. Они понимают его не больше, чем греческий или еврейский язык, и потому не могут стать от него лучше. Что знают о подлинном христианстве так называемые христиане Восточной церкви, рассеянные по турецким владениям: жители Мореи, Черкесии, Мингрелии, Грузии? Разве они не самые подонки человечества? И есть ли у нас основания думать, что принадлежащие к Южной церкви, жители Абиссинии, больше них понимают, что значит «поклоняться Богу в духе и истине»? Посмотрим ближе к дому. Взгляните на Северные церкви, находящиеся под властью Московского патриарха. Как чрезвычайно мало знают они о внешнем или внутреннем христианстве! Сколько тысяч, сколько мириад этих бедных дикарей ничего не знают о христианстве, кроме имени! Как немногим больше знают они, чем язычники-татары с одной стороны или язычники-китайцы с другой!

[8] 5. Но разве христианство не известно по крайней мере всем жителям западного мира, значительная часть которого преимущественно именуется христианским миром, или страной христиан? Часть из них по-прежнему принадлежит к Римской церкви; другие называются протестантами. Что касается первых — португальцев, испанцев, итальянцев, французов, немцев, — что знает большинство из них о христианстве Писания? Неоднократно имея возможность беседовать со многими из них и у себя на родине, и за границей, я смело утверждаю, что в целом они совершенно невежественны и в учении, и в практике христианства; так что тысячами

«погибают от недостатка знания», от незнания самых первых начал христианства.

[9] 6. «Но ведь этого не может быть у протестантов Франции, Швейцарии, Германии и Голландии, тем более Дании и Швеции». Я действительно надеюсь, что дело обстоит не вполне так. Убеждён, среди них много знающих христиан; но боюсь, нам не следует думать, будто к их числу относится один из десяти, если даже один из пятидесяти; во всяком случае, если судить о них по тем, кого мы находим в Великобритании и Ирландии. Посмотрим, как обстоят дела у нашего собственного порога. Понимают ли вообще жители Англии христианство — не высшие и не низшие слои, ибо те обычно ничего об этом не знают, но люди среднего сословия? Представляют ли они, что это такое? Могут ли вразумительно изложить его теоретическую или практическую сторону? Что знают они о самых первых его началах — о природных и нравственных свойствах Бога, о Его частном промысле, об искуплении человека, о служениях Христа, о действиях Святого Духа, об оправдании, о новом рождении, о внутреннем и внешнем освящении? Заговорите о чём-либо из этого с первыми десятью людьми, в обществе которых окажетесь: не обнаружите ли вы, что девять из десяти совершенно не знают всего этого? И разве большинство жителей Шотландского нагорья не столь же невежественны, как они, да и простые люди Ирландии? Я разумею протестантов, о которых одних теперь идёт речь. Проведите добросовестное исследование не только в деревенских хижинах, но и в городах — Корке, Уотерфорде, Лимерике, даже в самом Дублине. Как немногие знают, что означает христианство! Как мало найдёте вы людей, имеющих какое-либо представление об

аналогии веры, о связной цепи истин Писания и их отношении друг к другу: природной испорченности человека, оправдании верою, новом рождении, внутренней и внешней святости. Все способные судить об этом, кто свободно общается со своими ближними в этих королевствах, должны признать, что подавляющее их большинство знает об этих вещах не больше, чем о еврейском или арабском языке. И какое добро может принести христианство тем, кто так совершенно его не знает?

10 7. Однако в некоторых частях и Англии, и Ирландии христианство Писания хорошо известно, особенно в Лондоне, Бристоле, Дублине и почти во всех больших и многолюдных городах обоих королевств. Там всякая сторона христианства открыто и подробно возвещается, и тысячи за тысячами непрестанно слышат и принимают «истину, какова она в Иисусе». Почему же даже в этих местах христианство оказало так мало действия? Почему большинство людей во всех этих местах по-прежнему остаётся язычниками, ничем не лучше язычников Африки или Америки ни по своим расположениям, ни по жизни? Чем это объяснить? Полагаю, следующим. Среди христиан древней Церкви было распространено изречение: «Душа и тело составляют человека; дух и дисциплина составляют христианина». Оно означает, что никто не может быть истинным христианином без помощи христианской дисциплины. Но если так, то удивительно ли, что мы находим столь мало христиан? Ибо где христианская дисциплина? В какой части Англии, чтобы не идти дальше, к христианскому учению присоединена христианская дисциплина? Между тем какое бы учение ни проповедовалось, там, где нет дисциплины, оно не может оказать полного действия на слушателей.

[11] 8. Подойдём к делу ещё ближе. Разве среди людей, обычно называемых методистами, не проповедуется и не известно повсеместно христианство Писания? Беспристрастные люди признают, что это так. И разве у них нет также христианской дисциплины во всех существенных её частях, осуществляемой правильно и постоянно? Пусть считающие, что какой-либо существенной части недостаёт, укажут её, и недостаток вскоре будет восполнен. Почему же не являются всецело христианами те, кто имеет и христианское учение, и христианскую дисциплину? Почему не восстановлено духовное здоровье людей, называемых методистами? Почему нет в нас всех тех «чувствований, какие и во Христе Иисусе»? Почему мы не усвоили у Него самого первого урока — быть кроткими и смиренными сердцем, во всех обстоятельствах жизни говорить вместе с Ним: «Не как я хочу, но как Ты. Я пришёл не творить волю Мою, но волю Пославшего Меня»? Почему мы не «распяты миру, и мир не распят нам», не мертвы для «похоти плоти, похоти очей и гордости житейской»? Почему не все мы живём «жизнью, сокрытой со Христом в Боге»? О, почему *мы*, имеющие всякую возможную помощь, не «ходим, как ходил Христос»? Разве Он не оставил нам пример, чтобы мы шли по Его следам? Но обращаем ли мы внимание на Его пример или заповедь? Возьмём лишь одно: кто внимает торжественным словам «Не собирайте себе сокровищ на земле»? Из трёх правил, изложенных об этом в проповеди «О неправедной маммоне», многие соблюдают первое: «Зарабатывайте всё, что можете». Можно найти немногих, соблюдающих второе: «Сберегайте всё, что можете». Но многих ли вы нашли соблюдающих третье: «Отдавайте всё, что можете»? Есть ли у вас основания верить, что среди

пятидесяти тысяч методистов найдётся пятьсот таких? И всё же нет ничего яснее того, что все соблюдающие первые два правила без третьего станут вдвое более сынами геенны, чем были прежде.

[12] 9. О, если бы Бог даровал мне ещё раз, прежде чем я уйду и меня больше не увидят, возвысить голос, как трубу, к тем, кто *зарабатывает* и *сберегает* всё, что может, но не *отдаёт* всего, что может! Именно вы — одни из главных среди тех, кто постоянно огорчает Святого Духа Божия и в значительной мере препятствует нисхождению Его благодатного действия на наши собрания. Многие ваши братья, возлюбленные Богом, не имеют пищи, чтобы есть, одежды, чтобы одеться, места, где преклонить голову. Почему они терпят такое бедствие? Потому что *вы* нечестиво, несправедливо и жестоко удерживаете у себя то, что ваш и их Господин вверяет *вашим* рукам именно для удовлетворения *их* нужд! Посмотрите на этого бедного члена Христова: истощён голодом, дрожит от холода, полунаг! Между тем у вас изобилие благ этого мира — еды, питья и одежды. Именем Божиим, что вы делаете? Неужели ни Бога не боитесь, ни людей не стыдитесь? Почему не разделяете хлеб с голодным и не покрываете нагого одеждой? Не истратили ли вы на собственное дорогое платье то, чего хватило бы на обе эти цели? Бог ли повелел вам так поступать? Хвалит ли Он вас за это? Для этого ли Он вверил вам *Свои*, а не *ваши*, блага? И говорит ли Он теперь: «Хорошо, раб Божий»? Вы отлично знаете, что нет. Этот праздный расход не одобряет ни Бог, ни ваша собственная совесть. Но вы говорите, что можете *позволить* себе это! О, постыдитесь произносить такой жалкий вздор! Не повторяйте больше этой глупой пустой фразы, этой явной нелепости! Может ли какой-либо управитель *позволить* себе быть

отъявленным плутом, расточать имущество господина? Может ли какой-либо слуга *позволить* себе тратить деньги хозяина иначе, чем тот ему поручил? Напротив, всякого поступающего так следует исключить из христианского общества.

13 10. «Но возможно ли обеспечить всех бедных в нашем обществе необходимым для жизни?» Когда-то это *было* возможно в обществе более многочисленном, чем наше. В первой Церкви в Иерусалиме «не было между ними никого нуждающегося, но каждому давалось, в чём кто имел нужду». И у нас есть полное доказательство того, что это возможно и теперь. Так обстоит дело у людей, называемых квакерами, а также у так называемых моравских братьев. Почему же этого не должно быть у *нас*? «Потому что они в десять раз богаче нас». Быть может, в пятьдесят; и всё же у нас вполне достаточно возможностей сделать это, если бы было столько же желания.

14 Один господин, методист, несколько лет назад сказал мне: «Я оставлю своим детям сорок тысяч фунтов». Предположим, он оставил бы им лишь двадцать тысяч, а другие двадцать тысяч отдал Богу и бедным: разве Бог сказал бы ему «Безумец»? А это избавило бы всё общество от нужды с большим запасом.

15 11. Но я не стану говорить о том, чтобы отдать Богу или завещать половину вашего состояния. Вы могли бы счесть это слишком высокой ценой за небо. Я предложу условия скромнее. Разве нет среди вас нескольких человек, способных отдать сто фунтов, а быть может, и таких, кто мог бы отдать тысячу, всё же оставив детям столько, сколько поможет им совершать собственное спасение? За две тысячи фунтов, и ненамного меньше, мы могли бы

удовлетворить нынешние нужды всех наших бедных и дать им возможность впредь обеспечивать себя самим. Итак, если это возможно, чисты ли мы перед Богом, пока этого не делаем? Не является ли пренебрежение этим одной из причин, почему среди вас всё ещё так много больных и немощных и душой, и телом, почему они по-прежнему огорчают Святого Духа, предпочитая моды мира Божиим заповедям? И я часто сомневаюсь, не становимся ли мы, проповедники, в какой-то мере соучастниками их греха. Сомневаюсь, не есть ли это своего рода лицеприятие. Сомневаюсь, не великий ли грех — сохранять их в нашем обществе. Не может ли это вредить их душам, поощряя их упорствовать в жизни вопреки Библии? И не может ли это в некоторой мере преграждать спасительное действие благословенного Духа на всё сообщество?

[16] 12. Я в скорби. Не знаю, что делать. Вижу, что некогда мог бы сделать. Я мог бы решительно и прямо сказать: «Вот я — я и моя Библия. Я не стану, не смею отступать от этой книги ни в великом, ни в малом. У меня нет власти отменить ни одной йоты или черты из того, что в ней содержится. Я решился быть библейским христианином — не почти, а всецело. Кто встретится со мной на этой почве? Соединяйтесь со мной на ней или не соединяйтесь вовсе». В особенности относительно одежды я мог бы быть столь же твёрд, как люди, называемые квакерами, или моравские братья, и теперь вижу, что это было бы гораздо лучше. Я мог бы сказать: «Так мы одеваемся, и знаем, что это согласно и с Писанием, и с разумом. Если вы соединяетесь с нами, вам следует одеваться так же; но вы вовсе не обязаны присоединяться, если не хотите». Однако, увы, то время прошло; а что могу сделать теперь, не знаю.

[17] 13. Но вернёмся к главному вопросу. Почему христианство принесло так мало добра даже среди нас, среди методистов — тех, кто слышит и принимает всё христианское учение и у кого к нему присоединена христианская дисциплина в самых существенных её частях? Очевидно, потому, что мы забыли или по крайней мере не уделили должного внимания торжественным словам нашего Господа: «Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой ежедневно, и следуй за Мною». Несколько лет назад один святой человек заметил: «Никогда прежде в христианской Церкви не было народа, среди которого было бы так много Божией силы при столь малом самоотречении». Дело Божие действительно продолжается, и продолжается удивительным образом, несмотря на этот коренной недостаток; но оно не может идти в той же мере, как шло бы без него, и слово Божие не может оказать полного действия, если слушающие его не «отвергаются себя и не берут свой крест ежедневно».

[18] 14. Легко было бы показать, во скольких отношениях методисты в целом прискорбно недостаточны в практике христианского самоотречения, от которого их и в самом деле непрестанно отпугивали нелепыми криками антиномисты. Возьмём лишь один пример. Пока мы находились в Оксфорде, правилом каждого методиста было, кроме случаев болезни, *поститься* каждую среду и пятницу в течение года, подражая древней Церкви, к которой они питали глубочайшее почтение. Что таков был обычай древней Церкви, признаётся всеми. «Кто не знает, — говорит древний писатель Епифаний, — что посты в четвёртый и шестой дни недели», то есть в среду и пятницу, «соблюдаются христианами по всему миру?» Так их соблюдали и методисты на протяжении нескольких лет

— все без исключения. Но позднее некоторые в Лондоне довели это до крайности и постились во вред здоровью. Вскоре другие воспользовались этим как предлогом совсем не поститься. И я боюсь, что теперь тысячи так называемых методистов и в Англии, и в Ирландии, следуя тому же дурному примеру, совершенно оставили пост; они настолько далеки от поста дважды в неделю, как делали все более строгие фарисеи, что не постятся и дважды в месяц. Более того, разве нет среди вас таких, кто не постится ни одного дня от начала года до конца? Но какое тому может быть оправдание? Не говорю уже о тех, кто называет себя членом Англиканской церкви, — но для любого, кто исповедует Библию словом Божиим. Ибо, согласно ей, человек, никогда не постящийся, не больше находится на пути к небу, чем человек, который никогда не молится.

[19] 15. Но может ли кто отрицать, что члены Шотландской церкви постятся постоянно, особенно по случаю совершения таинства? В некоторых приходах это бывает лишь раз в год, в других, например в больших городах, — дважды или даже трижды в год. Хорошо известно, что на неделе, предшествующей совершению Вечери Господней, всегда бывает постный день. Но, однажды заглянув в счётную книгу одной из их ризниц, я заметил сумму, записанную *на обеды* служителей в постный день; и мне сообщили, что та же статья есть во всех таких книгах. И можно ли сомневаться, что народ постится точно так же, как его служители? Но что это за фарс! Какое жалкое глумление над ясным христианским долгом! О, если бы Генеральная ассамблея позаботилась о чести своего народа! Пусть снимет с него этот позорный упрёк, либо обеспечив исполнение долга, либо убрав эту статью из

своих книг. Пусть она больше никогда в них не появляется! Пусть исчезнет навсегда!

[20] 16. Но почему теперь среди методистов так мало практикуется самоотречение вообще? Почему его столь чрезвычайно мало даже в старейших и крупнейших обществах? Чем больше я наблюдаю и обдумываю положение дел, тем яснее вижу причину этого в Лондоне, Бристоле, Бирмингеме, Манчестере, Лидсе, Дублине, Корке. Методисты всё больше потворствуют себе, потому что *богатеют*. Хотя многие из них всё ещё прискорбно бедны — «не рассказывайте об этом в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона!» — многие другие за двадцать, тридцать или сорок лет стали в двадцать, тридцать, даже сто раз богаче, чем при вступлении в общество. И наблюдение, допускающее лишь немногие исключения, таково: девять из десяти этих людей убывали в благодати в той же мере, в какой возрастали в богатстве. В самом деле, при естественной склонности богатства мы не можем ожидать иного.

[21] 17. Но как это поразительно! Как нам это понять? Не кажется ли, хотя этого быть не может, что христианство, истинное христианство Писания, имеет склонность со временем подрывать и уничтожать само себя? Ибо всюду, где распространяется истинное христианство, оно должно порождать трудолюбие и бережливость, которые при естественном ходе вещей должны порождать богатство; а богатство естественным образом порождает гордость, любовь к миру и всякое расположение, губительное для христианства. Если нет способа этому воспрепятствовать, то христианство противоречит самому себе и, следовательно, не может устоять, не может долго сохраняться ни в каком народе, поскольку везде, где

становится общераспространённым, подтачивает собственное основание.

[22] 18. Но неужели нет способа воспрепятствовать этому, сохранить христианство среди народа? Допустим, что трудолюбие и бережливость должны производить богатство; разве нет средства помешать богатству разрушать религию его обладателей? Я вижу лишь один возможный путь; кто может, пусть найдёт другой. Вы зарабатываете всё, что можете, и сберегаете всё, что можете? Тогда по природе вещей вы должны богатеть. И если у вас есть хоть какое-либо желание избежать осуждения геенны, *отдавайте* всё, что можете; иначе я могу надеяться на ваше спасение не больше, чем на спасение Иуды Искариота.

[23] 19. Призываю Бога во свидетели на душу мою: я советую не больше того, что исполняю сам. Благословен Бог, я действительно зарабатываю, сберегаю и отдаю всё, что могу. И, уповая на Бога, буду делать так, пока дыхание Божие в моих ноздрях. Но что из того? Всё почитаю тщетою ради превосходства познания Иисуса, Господа моего! По-прежнему

> [24] От всякой иной защиты отрекаюсь:
> Господи, я осуждён! Но Ты умер!

[25] Дублин, 2 июля 1789 года.

О познании Христа по плоти

[1] «Отныне мы никого не знаем по плоти; если же и знали Христа по плоти, то ныне уже не знаем».

[2] 2 Кор. 5:16.

[3] 1. Я давно желал увидеть что-либо ясно и вразумительно написанное об этих словах. Несомненно, это вопрос немалой важности: он глубоко затрагивает самую природу религии; но какое сочинение на английском языке у нас есть о нём? Возможно, такие сочинения существуют, но ни одно мне не попадалось — нет, даже ни одной проповеди.

[4] 2. Апостол вводит эту мысль здесь весьма торжественно. В буквальном переводе слова гласят: «Он умер за всех, чтобы живущие» — все живущие на земле — «уже не» — с того мгновения, как познали Его, — «для себя жили», ища собственной чести, выгоды или удовольствия, «но для Него», в праведности и истинной святости. (2 Кор. 5:15.) «Поэтому мы отныне» — мы, познавшие Его верою, — «никого не знаем» — ни остальных апостолов, ни вас, ни какого-либо другого человека — «по плоти». Это необычное выражение, от которого зависит всё учение, по-видимому, означает: мы не судим ни о ком по его прежнему положению — его стране, богатству, власти или мудрости. Мы рассматриваем всех людей лишь в их духовном состоянии и в их отношении к лучшему миру. «Да, если мы и знали самого Христа по плоти» — что они, несомненно, делали, видя и любя Его как человека естественной привязанностью, — «то ныне уже так не знаем». Мы больше не знаем Его как человека по лицу,

облику, голосу или манере общения. Мы больше не мыслим о Нём как о человеке и не любим Его в этом качестве. [91]

[5] 3. Итак, смысл этого весьма образного выражения, по-видимому, состоит лишь в следующем. С того времени, как мы вновь сотворены во Христе Иисусе, мы не мыслим, не говорим и не поступаем по отношению к нашему благословенному Господу как к простому человеку. Мы уже не употребляем о Христе никакого выражения, которое нельзя было бы применить к Нему не только как к человеку, но и как к «сущему над всем Богу, благословенному вовеки».

[6] 4. Быть может, чтобы яснее представить это и в то же время предостеречь от опасных заблуждений, полезно привести в пример некоторых из тех, кто самым очевидным и осязаемым образом «знает Христа по плоти». Среди первых мы можем поставить социниан — тех, кто прямо «отвергает искупившего их Господа», не только не признаёт Его верховным Богом, но отрицает, что Он вообще Бог. Думаю, самым выдающимся из появившихся в Англии, по крайней мере в нынешнем столетии, был человек большой учёности и необыкновенных способностей — доктор Джон Тейлор, много лет служивший пастором в Нориджe, а затем возглавлявший академию в Уоррингтоне. И всё же нельзя отрицать, что он обращается с нашим Господом весьма учтиво: говорит о Нём очень хорошие слова, называет Его «весьма достойной личностью», даже «человеком совершенной добродетели».

[7] 5. Следом идут ариане. Но я не хотел бы, чтобы подумали, будто я ставлю их на одну ступень с социнианами. Между ними есть значительное различие.

Тогда как первые отрицают, что Христос вообще Бог, последние этого не делают; они отрицают лишь то, что Он великий Бог. Они охотно допускают и даже утверждают, что Он — малый бог. Но это сопряжено с особым затруднением: такое утверждение совершенно уничтожает единство Божества. Ибо если есть великий Бог и малый бог, то богов должно быть двое. Однако, оставив это и держась предмета нашего рассуждения, скажем: все, кто говорит о Христе как об уступающем Отцу, пусть даже в самой малой степени, несомненно, «знают Его по плоти», а не как «сияние славы Отчей и образ ипостаси Его», как «держащего», поддерживающего, «всё» на небе и на земле «словом силы Своей» — тем самым могущественным словом, которым в древности Он вызвал всё к бытию.

[8] 6. Некоторые из них дерзнули причислить к сторонникам своего мнения того великого и доброго человека, доктора Уоттса; и в доказательство цитировали прекрасную беседу с самим собою, опубликованную в его посмертных сочинениях. Однако беспристрастные люди не признают их притязаний без более сильных доказательств, чем представленные до сих пор. Но если он чист от этого обвинения, то не в равной мере чист от «познания Христа по плоти» в другом смысле. Я не замечал этого и читал все его произведения почти с одинаковым восхищением, пока один человек глубокой набожности и рассудительности не заметил однажды, что некоторые гимны, посвящённые Божественной любви и напечатанные в его Horae Lyricae, были, по его выражению, «слишком *влюблёнными* и больше подходили для обращения влюблённого к другому смертному, чем грешника к Всевышнему Богу». Я сомневаюсь, нет ли и

других писателей, которые, хотя и веруют в Божество Христа, говорят столь же неосторожно.

[9] 7. Можем ли мы утверждать, что от этого недостатка свободны гимны, опубликованные недавно скончавшимся великим человеком, память которого я люблю и чту? Не полны ли они выражений, сильно отдающих «познанием Христа по плоти», причём более грубым образом, чем что-либо прежде опубликованное на английском языке? Как жаль, что эти грубые выражения появляются во многих истинно духовных гимнах! Как часто среди превосходных стихов вставлены строки, бесчестящие предшествующие и последующие! Почему все произведения в этой книге не должны быть не только столь же поэтичны, но и столь же разумны и согласны с Писанием, какими признаны многие из них?

[10] 8. Между пятьюдесятью и шестьюдесятью годами назад милостивый Промысл Божий свёл меня и моего брата во время плавания в Америку с так называемыми моравскими братьями. Мы вскоре узнали, какого они духа, поскольку двадцать шесть человек плыли с нами на одном корабле. Мы не только прониклись к ним большим уважением, но и крепко полюбили их. Каждый день мы беседовали с ними и во всех случаях советовались. Многие их гимны я перевёл для наших общин. Правда, поскольку я не смел слепо следовать каким-либо людям, я брал не всё попадавшееся мне, но выбирал то, что считал наиболее согласным с Писанием и наиболее соответствующим здравому духовному опыту. И всё же я не уверен, достаточно ли позаботился об устранении каждого неуместного слова или выражения, всякого оборота, который может показаться граничащим с фамильярностью, не вполне подобающей устам земного

червя, обращающегося к Богу небес. Во всех гимнах, обращённых к нашему благословенному Господу, я действительно особенно старался избегать всякого *ласкательного* выражения и говорить как со Всевышним Богом, с Тем, Кто «равен Отцу во славе и совечен в величии».

[11] 9. Некоторые, вероятно, подумают, что я проявлял чрезмерную щепетильность относительно одного слова, которого сам никогда не употребляю ни в стихах, ни в прозе, ни в молитве, ни в проповеди, хотя современные богословы как Римской, так и Реформатских церквей употребляют его очень часто. Это слово — *дорогой*. Многие из них часто говорят и в проповеди, и в молитве, и в благодарении: «Дорогой Господь» или «Дорогой Спаситель»; мой брат также употреблял это слово во многих своих гимнах до конца жизни. Но разве не вправе я спросить: не слишком ли это фамильярное обращение с великим Господом неба и земли? Есть ли какое-либо место Писания, в Ветхом или Новом Завете, которое оправдывает такую речь? Употребляет ли её кто-нибудь из богодухновенных писателей, даже в поэтических книгах Писания? Быть может, кто-то ответит: «Да, апостол Павел употребляет её. Он говорит: “Дорогой Сын Божий”». Отвечаю, во-первых: это не относится к нашему случаю, ибо слово, которое мы переводим как *дорогой*, здесь вовсе не обращено *ко Христу*, а лишь сказано *о Нём*. Поэтому оно не даёт ни примера, ни оправдания для обращения к Нему с этим словом. Во-вторых, отвечаю: это не то же самое слово. В буквальном переводе фраза гласит не «Его дорогой Сын», но *«Сын Его любви»* или *«Его возлюбленный Сын»*. Поэтому я по-прежнему сомневаюсь, обращает ли кто-нибудь из богодухновенных писателей это слово к Отцу или Сыну. Оттого я не могу не

посоветовать всем любящим Библию, если они вообще употребляют такое выражение, употреблять его весьма редко, поскольку Писание не даёт для него ни повеления, ни примера. И, несомненно, «если кто говорит», будь то в проповеди или молитве, он «должен говорить как слова Божии».

[12] 10. Разве мы не употребляем часто это не согласное с Писанием выражение о нашем благословенном Господе и в частных беседах? И разве именно тогда мы не особенно склонны говорить о Нём как о простом человеке? Особенно легко мы соскальзываем к этому, описывая Его страдания. Хорошо нам быть осторожными в этом вопросе. Здесь не место давать волю пылкому воображению. Иногда я почти не решался петь даже посреди превосходного гимна моего брата: «Тот дорогой, обезображенный лик» или пылкое выражение: «Пролей Твою тёплую кровь на моё сердце», — опасаясь, как бы это не подразумевало забвения, что я говорю о «Муже, Который есть ближний Мой, говорит Господь Саваоф». Хотя Он так «смирил Себя, приняв образ раба и по виду став как человек», хотя даже «был послушным до смерти, и смерти крестной», всё же будем всегда помнить, что Он «не почитал хищением быть равным Богу». И пусть наши сердца по-прежнему взывают: «Ты дивно велик; Ты облечён величием и славою».

[13] 11. Быть может, некоторые опасаются, что воздержание от этих пылких выражений или даже мягкое сдерживание их охладит пыл нашего благочестия. Весьма возможно, что оно сдержит или даже предотвратит некоторый пыл, выдававшийся за благочестие. Возможно, оно предотвратит громкие выкрики, ужасные, неестественные вопли, повторение одних и тех же слов

двадцать или тридцать раз, прыжки на два-три фута в высоту и размахивание руками и ногами как у мужчин, так и у женщин, оскорбительное не только для религии, но и для обычной благопристойности. Однако оно никогда не сдержит и тем более не предотвратит истинного благочестия, согласного с Писанием. Скорее оно оживит молитву, надлежащим образом обращённую к Тому, Кто, будучи истинным человеком, был и истинным Богом; Кто, хотя и родился от женщины ради искупления человека, всё же был «Богом от вечности и во веки веков».

[14] 12. И пусть не думают, будто знать Христа по плоти, рассматривать Его как простого человека и вследствие этого употреблять и в публичной, и в частной речи язык, соответствующий таким представлениям о Нём, — дело совершенно безразличное или, во всяком случае, маловажное. Напротив, эта неуместная фамильярность с Богом, нашим Творцом, Искупителем и Правителем, естественным образом приносит весьма дурные плоды, причём не только в говорящих, но и в слушающих их. Она прямо ведёт к ослаблению нежного благоговения, подобающего Господу, их Правителю. Она незаметно угашает

> [15] Тот безмолвный трепет, что не смеет шелохнуться,
> И всё тихое небо любви.

[16] Невозможно привыкнуть к этой отвратительной и непристойной фамильярности с нашим Создателем и при этом сохранить в уме живое чувство того, что так сильно изображено в этих торжественных строках:

> [17] От чрезмерного блеска края Его риз кажутся тёмными,

Но слепят небеса, так что ярчайшие серафимы
Не приближаются, а обоими крылами закрывают глаза.

18 13. Разве всякий здравомыслящий христианин не желал бы искренне постоянно испытывать такую любовь к своему Искупителю — поскольку Он Бог и человек, — которая соединена с ангельским страхом? Не это ли самое расположение так хорошо выражает добрый доктор Уоттс в следующих строках:

19 Твоя милость никогда не отступит
От людей с искренним сердцем;
Ты спасаешь души, чья смиренная любовь
Соединена со святым страхом?

20 14. Не то чтобы я рекомендовал холодную, мёртвую, формальную молитву, из которой исключены любовь и желание, надежда и страх. Таков, по-видимому, был «спокойный и невозмутимый способ молитвы», столь настойчиво рекомендованный покойным епископом Хоудли и на несколько лет вызвавший столь ожесточённую полемику в религиозном мире. Не вероятно ли, что благожелательный епископ познакомился с кем-либо из мистиков или квиетистов, например с мадам Гюйон или архиепископом Камбрейским, и, не имея собственного опыта этих вещей, составил свою теорию, насколько мог похожую на их теории? Но несомненно, ничто не дальше от бесстрастного равнодушия, чем действительное благочестие, согласное с Писанием. Оно возбуждает, упражняет и даёт полный простор всем нашим благороднейшим чувствам и исключает лишь те, которые

необузданны, неразумны и ниже человеческого достоинства.

21 15. Но как тогда объяснить, что столь многие святые люди, люди истинно возвышенных чувств, не исключая самого благочестивого Кемпийского, так часто употребляли этот способ речи, эти *ласкательные* выражения, ведь мы не можем сомневаться в их истинном благочестии? Мы признаём, что они были благочестивы, но не признаём, что их рассудительность равнялась их благочестию. Отсюда и произошло, что их действительно добрые чувства несколько вышли за пределы разума и привели их к способу речи, не подтверждённому словами Божиими. А именно они, несомненно, являются истинным мерилом и наших чувств, и нашего языка. Но говорил ли когда-нибудь так кто-либо из древних святых, в Ветхом или Новом Завете? Выражался ли так перед Богом Даниил, «муж весьма возлюбленный»? Или «ученик, которого любил Иисус» и который, несомненно, любил своего Учителя самою крепкою любовью, оставил нам пример такого обращения к Нему, даже находясь на пороге славы? И тогда его заключительные слова были не *ласкательными*, а торжественными: «Приди, Господи Иисусе!»

22 16. Суть всего сказанного такова: мы должны «чтить Сына, как чтим Отца». Мы должны воздавать Ему то же поклонение, что и Отцу. Мы должны любить Его всем сердцем и всею душою и посвящать всё, что имеем и чем являемся, всё, что мыслим, говорим и делаем, ТРИЕДИНОМУ БОГУ — Отцу, Сыну и Духу — во веки веков!

23 ПЛИМУТ-ДОК, 15 августа 1789 года.

О едином оке

[1] «Если око твоё будет едино, то всё тело твоё будет светло. Если же око твоё будет худо, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма!»

[2] Мф. 6:22–23.

[3] 1. «Простота и чистота, — говорит один благочестивый человек, — два крыла, возносящие душу к небу: простота намерения и чистота чувств». Первую из них великий и добрый человек, епископ Тейлор, весьма настойчиво рекомендует в начале своей превосходной книги «Правила святой жизни и смерти». Он начинает с того, что настаивает на ней как на самом первом условии истинной религии и предупреждает нас: без неё все наши усилия обрести религию будут напрасны и бесплодны. Ту же истину усердно внушает сильный и изящный писатель, господин Лоу, в своём «Серьёзном призыве к благочестивой жизни» — сочинении, которое на английском языке едва ли будет превзойдено, если вообще найдёт себе равное, по красоте выражения или по точности и глубине мысли. И кто может порицать последователя Христа за то, что он придаёт этому вопросу сколь угодно большое значение, если примет во внимание, каким образом наш Учитель рекомендует его в приведённых выше словах?

[4] 2. Рассмотрим внимательно всё это место в буквальном переводе. «Око есть светильник тела»; и чем око является для тела, тем намерение — для души. Можно заметить, с какой точностью и уместностью наш Господь помещает

простоту намерения между мирскими желаниями и мирскими заботами: и те и другие прямо ведут к её разрушению. Далее следует: «Если око твоё будет едино», устремлено единственно к Богу, «всё тело твоё», то есть вся душа твоя, «будет светло» — исполнится святости и счастья. «Если же око твоё будет худо», то есть не едино, направлено на какой-либо иной предмет, ищет чего-либо под солнцем, «всё тело твоё будет темно. И если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма!» Как далека она не только от всякого истинного знания, но и от всякой истинной святости и счастья!

[5] 3. Размышляя об этом, мы вполне можем воскликнуть: «Как велико дело — быть христианином, настоящим, внутренним христианином по Писанию, сердцем и жизнью согласным с волей Божией! Кто способен к этому?» Никто, если не рождён от Бога. Меня не удивляет, что один из самых рассудительных деистов сказал: «Я считаю Библию лучшей книгой, какую когда-либо читал; и всё же у меня есть против неё непреодолимое возражение: она *слишком хороша*. Она предлагает такой план жизни, такое устройство учения и поведения, которые слишком превосходны, чтобы слабые, неразумные люди могли стремиться к ним или пытаться им подражать». Всё это совершенно верно при любом исходном предположении, кроме того, которое даёт Писание. Но если признать последнее, все затруднения рассеиваются, как воздух. Ибо если «всё возможно Богу», то «всё возможно верующему».

[6] 4. Однако рассмотрим, во-первых, первую часть изречения нашего Господа: «Если око твоё будет едино, всё тело твоё будет светло»; во-вторых, вторую часть: «Если око твоё будет худо, всё тело твоё будет темно»; и,

в-третьих, страшное состояние тех, чьё око не едино: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма!»

[7] I. 1. Итак, во-первых: «Если око твоё будет едино, всё тело твоё будет светло». Если твоё око едино; если Бог во всех твоих мыслях; если ты постоянно устремлён к Невидимому; если во всём, малом и великом, во всей своей жизни ты намерен угождать Богу, исполнять не собственную волю, но волю Пославшего тебя в мир; если можешь сказать не какому-либо творению, а Тому, Кто создал тебя для Себя: «На Тебя взираю, Господь и цель моих желаний», — тогда обетование непременно исполнится: «Всё тело твоё будет светло». Вся душа твоя наполнится небесным светом — славой Господней, почивающей на тебе. Во всех поступках и во всей жизни ты будешь иметь не только свидетельство доброй совести пред Богом, но и свидетельство Его Духа, свидетельствующего вместе с твоим духом, что все твои пути угодны Ему.

[8] 2. Когда вся твоя душа наполнится этим светом, ты сможешь, согласно наставлению святого Павла фессалоникийцам, «всегда радоваться, непрестанно молиться и за всё благодарить». Ибо кто может постоянно чувствовать любящее присутствие Бога и не «радоваться всегда»? Кто может непрерывно держать любящий взор души устремлённым к Богу и не «молиться непрестанно»? Ибо его «сердце обращено к Богу без голоса, и его молчание говорит с Ним». Кто может ощущать, что этот любящий Отец благоволит ко всему, что он делает и переносит, и не быть побуждённым «за всё благодарить», зная, что всё «содействует ко благу»?

[9] 3. Так «всё тело его будет светло». Свет знания, несомненно, составляет одну из подразумеваемых здесь

вещей; он исходит от «помазания Святого, пребывающего с ним и учащего его всему» — всему, что ему ныне необходимо знать, чтобы угождать Богу. Благодаря этому он будет ясно знать Божественную волю при всяком жизненном обстоятельстве. Не без средств, но употребляя все средства, которыми снабдил его Бог. И, ходя в этом свете, он неизбежно будет «возрастать в благодати и познании Господа нашего Иисуса Христа». Он будет непрерывно преуспевать во всякой святости и во всём образе Божием.

[10] II. 1. Во-вторых, наш Господь замечает: «Если око твоё будет худо, всё тело твоё будет темно». Если оно худо, то есть не едино, ибо око, которое не едино, худо, «всё тело твоё будет темно». Несомненно, между единым и худым оком нет середины; ибо всякий раз, когда мы не устремлены к Богу, мы ищем счастья в каком-нибудь творении, и это, каким бы ни было творение, есть не что иное, как идолопоклонство. Всё равно, стремимся ли мы к чувственным удовольствиям, удовольствиям воображения, людской похвале или богатству: всё это святой Иоанн объединяет общим выражением «любовь к миру». Око худо, если мы стремимся к чему-либо из этого или вообще к чему-либо под солнцем. В той мере, в какой вы стремитесь к чему-либо из этого, да и вообще к чему-либо ниже Бога, вся ваша душа и весь ход вашей жизни будут исполнены тьмы. Незнание себя, незнание собственного истинного блага, незнание своего отношения к Богу окружат вас непроницаемыми облаками, тьмой осязаемой. И пока око вашей души покоится на всём этом или на чём-либо одном, эти облака будут продолжать окружать вашу душу и покрывать её сплошной тьмой.

11 2. Сколькими примерами этой печальной истины — что люди, чьё око не едино, совершенно не знают природы истинной религии, — мы окружены со всех сторон! Как много даже порядочных людей, ведущих невинную жизнь, столь же не знают себя, Бога и поклонения Ему в духе и истине, как магометане или язычники! И всё же они ничуть не лишены природного разумения; некоторые из них развили свои природные способности хорошим образованием и приобрели значительный запас глубоких и разнообразных знаний. Однако как совершенно не знают они Бога и Божиих вещей! Как чужд им невидимый и вечный мир! О, почему они остаются в этом плачевном неведении? Это прямое следствие того, что их око не едино. Они не устремлены к Богу; Он не во всех их мыслях. Они не желают неба и не думают о нём; потому и погружаются глубоко, до самого ада.

12 3. Поэтому они столь же далеки от действительной святости, как от ценного знания. Именно потому, что их око не едино, они так чужды живой религии. Пусть они сколь угодно совершенны в других отношениях, сколь угодно учёны, сколь угодно сведущи во всех отраслях изящной словесности, более того, сколь угодно обходительны и человеколюбивы, — если их око не устремлено единственно к Богу, они ничего не могут знать о религии Писания. Они даже не знают, что означает христианская святость и что служит входом в неё — *рождение свыше* со всеми сопутствующими ему обстоятельствами. Об этом они знают не больше полевых зверей. Каются ли они и веруют ли Евангелию? Тем менее они «обновлены духом ума своего» по образу Создавшего их! Как нет у них ни малейшего опыта этого, так нет и ни малейшего представления об этом. Заговорите вы о подобном, и можно ожидать ответа: «От многой религии

ты сошёл с ума». Настолько они, при всех прочих достоинствах, лишены единственной религии, имеющей силу пред Богом.

13 4. И пока их око не едино, они столь же далеки от счастья, как от святости. Время от времени им могут сниться приятные сны, навеянные

> 14 Богатством, почестями, наслаждением и всем,
> Что может дать недолговечный этот мир.

15 Но ничто из этого не может насытить желания бессмертной души. Более того, всё это вместе не может дать покоя, этой наименьшей составляющей счастья, бессмертному духу, которого Бог создал для наслаждения Им Самим. Голодная душа, словно хлопотливая пчела, странствует от цветка к цветку; но от каждого улетает с неосуществившейся надеждой и обманутым ожиданием. Всякое творение восклицает — одно громко, другое тайным голосом: «Счастье не во *мне*». Высота и глубина возвещают внимательному слуху: «Творец не вложил в меня способности давать счастье; поэтому при всём умении и усердии ты не извлечёшь его из меня». И действительно, чем больше усилий прилагает кто-либо из сынов человеческих, чтобы извлечь его из какого-либо земного предмета, тем сильнее будет его досада и тем неизбежнее разочарование.

16 5. «Но хотя обычная толпа людей не находит счастья, хотя его нельзя найти в пустых удовольствиях мира, разве не может найти его в учёности даже человек, чьё око не едино? Ведь, несомненно,

> 17 Душевное довольство должно проистекать из знания,
> Ведь знать — свойство, уподобляющее Богу».

[18] Ничуть. Напротив, во все века замечали, что люди, обладавшие наибольшей учёностью, были самыми неудовлетворёнными из всех. Это побудило одного выдающегося учёного заявить: «Глупец может найти на земле некое подобие рая» — хотя это великое заблуждение, — «но мудрый не найдёт никакого». Именно они — самые недовольные и нетерпеливые люди. И действительно, учёность естественным образом производит это: «Знание, — как замечает апостол, — надмевает». А где гордость, там нет счастья; они совершенно несовместимы. Поэтому там, где нет истинной религии, есть немало оснований для такого печального размышления:

> [19] Так что за польза, разум, быть премудрым,
> Острее видеть это скорбное зрелище,
> Уметь отчётливее выражать жалобы
> И тоньше ощущать страдание?

[20] III. 1. Остаётся рассмотреть, в-третьих, важный вопрос нашего Господа: «Если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма!» Простой смысл таков: если то начало, которое должно освещать всю твою душу, как глаз освещает тело, должно направлять твой разум, страсти, привязанности, расположения — все твои мысли, слова и поступки, — если само это начало помрачено, обращено не туда и принимает тьму за свет, то как велика должна быть эта тьма! Как страшны её последствия!

[21] 2. Чтобы увидеть это ещё яснее, рассмотрим несколько частных примеров. Начнём с немаловажного. Вот отец выбирает занятие для своего сына. Если его око не едино; если он не стремится единственно к славе Божией в спасении души сына; если его единственное соображение не состоит в том, какое призвание скорее обеспечит сыну

высшее место на небе, а не наибольшую долю земных сокровищ или самое высокое церковное положение, — тогда свет, который в нём, очевидно, тьма. И о, как велика эта тьма! Заблуждение, в котором он находится, не мало, а невыразимо велико. Как! Неужели ты не предпочитаешь, чтобы твой сын был на земле сапожником, а на небе славным святым, нежели на земле — лордом, а в аду — осуждённым духом? Если нет, как велика, невыразимо велика тьма, покрывающая твою душу! Какой глупец, какой тупица, какой безумец, сколь несказанно неразумен тот, кто считает земной дворец предпочтительнее небесного престола! Как невыразимо помрачён разум человека, который, приобретая для ребёнка честь от людей, оставляет ему в наследство вечный позор в обществе дьявола и его ангелов!

22 3. Я ещё не могу оставить этот предмет: он чрезвычайно важен. Как велика тьма того мерзкого негодяя — лучшего имени я не могу ему дать, богат он или беден, — который продаёт собственного ребёнка дьяволу, выменивает вечное счастье дочери на какое бы то ни было количество золота или серебра! Каким чудовищем сочли бы человека, пожирающего плоть собственного потомства! И разве не такое же чудовище тот, кто собственным действием отдаёт дочь на съедение рыкающему льву? А именно это, насколько от него зависит, несомненно, делает тот, кто выдаёт её за нечестивого человека. «Но он богат! Но у него десять тысяч фунтов!» А если бы и сто тысяч? Чем больше, тем хуже: тем меньше вероятности, что она избежит осуждения в ад. С каким лицом ты посмотришь на неё, когда в преисподней она скажет тебе: «Ты вверг меня в это место мучения. Если бы ты отдал меня доброму человеку, как бы беден он ни был, я могла бы ныне быть

на лоне Авраамовом. Но, о, какую пользу принесло мне богатство? Оно низринуло и меня, и тебя в ад!»

23 4. Есть ли среди вас, называющихся методистами, столь милосердные к собственным детям? Стремящиеся *выгодно выдать их замуж или женить*, как гласит *избитое* выражение, то есть продать какому-нибудь покупателю, у которого много денег, но мало религии или вовсе нет её? Неужели и свет, который в *вас*, — тьма? Неужели и вы менее считаетесь с Богом, чем с маммоной? Неужели и вы лишены разумения? Неужели всё услышанное не принесло вам большей пользы? Мужчина, женщина, подумай, что ты делаешь! Неужели и *ты* смеешь продавать своего ребёнка дьяволу? Ты, несомненно, делаешь это, насколько от тебя зависит, когда женишь сына или выдаёшь дочь за чадо дьявола, пусть даже купающееся в золоте и серебре. О, опомнитесь вовремя! Берегитесь позолоченной приманки! Под ней скрываются смерть и ад. Предпочитайте благодать золоту и драгоценным камням, небесную славу — земному богатству! Если не делаете этого, вы хуже самих хананеев. Они лишь проводили своих детей «через огонь» Молоху. Вы заставляете своих *войти в огонь*, который никогда не угаснет, и остаться в нём навеки! О, как велика тьма, позволяющая вам после этого «вытереть рот и сказать, что вы не сделали ничего худого»!

24 5. Рассмотрим другой случай, недалёкий от этого. Предположим, молодой человек, окончив университет, желает священнослужения и потому принимает рукоположение. Каково его намерение? Какую цель он себе ставит? Если его око едино, единственная его цель — спасти собственную душу и слушающих его, вывести как можно больше грешников из тьмы в чудный свет. Если же

его око не едино, если он стремится к покою, почестям, деньгам или продвижению, мир может считать его мудрым, но Бог говорит ему: «Безумный!» И пока свет, который в нём, таким образом является тьмой, «как велика эта тьма»! Какое безумие сравнится с его безумием: человеку, особо посвящённому Богу небес, «помышлять о земном»! Мирской священнослужитель — глупец над всеми глупцами, безумец над всеми безумцами! Именно такие низкие, бесчестные негодяи — настоящая «причина презрения к духовенству». Ленивые священнослужители, священнослужители, предающиеся удовольствиям, любящие деньги, любящие похвалу, ищущие повышения, — вот негодяи, из-за которых презирают всё сословие. Они — язва христианского мира, великое бедствие человечества, зловоние в ноздрях Божиих! Именно такие люди заставили святого Златоуста сказать: «Ад вымощен душами христианских священников».

[25] 6. Возьмём ещё один случай. Предположим, к молодой женщине, обладающей независимым состоянием, одновременно сватаются богатый человек без религии и религиозный человек без богатства — иначе говоря, богатое чадо дьявола и бедное чадо Божие. Что скажем мы, если при прочих равных обстоятельствах она предпочтёт богатого доброму? Очевидно, её око не едино; поэтому её неразумное сердце помрачено. И как велика тьма, заставляющая её считать золото и серебро лучшей рекомендацией, чем святость, и видеть чадо дьявола с деньгами более привлекательным, чем чадо Божие без них! Какие слова могут достаточно выразить непростительное безумие такого выбора? Каким посмешищем станет она для всех бесов ада, если глубоко

не раскается, когда богатый спутник увлечёт её в собственное место мучения!

[26] 7. Есть ли среди вас, стоящих ныне пред Богом, те, кого касается какой-либо из этих случаев? Позвольте мне «с великим дерзновением в речи» обратиться к вашей совести «пред лицом Божиим». Вы, кому Бог вверил сыновей или дочерей, едино ли ваше око, когда вы выбираете им супругов? Какие качества вы ищете в зятьях и невестках — религию или богатство? Что стоит для вас на первом месте? Не разделяете ли вы мнение древнего язычника:

> [27] Quaerenda pecunia primum,
> Virtus post nummos?
>
> [28] Сначала ищи денег, а затем уже добродетели.

[29] Поставьте вопрос прямо. Кого вы предпочтёте: богатого язычника или благочестивого христианина? Чадо дьявола с поместьем или чадо Божие без него? Лорда или дворянина с дьяволом в сердце, чего он и не скрывает, ибо речь выдаёт его, или торговца, в сердце которого, как у вас есть основания верить, обитает Христос? О, как велика тьма, заставляющая вас предпочитать чадо дьявола чаду Божию! Заставляющая предпочитать жалкий мусор мирского богатства, улетающего, как тень, богатствам вечной славы!

[30] 8. Я особенно обращаюсь к вам, называющимся методистами. Пред лицом великого Бога более пятидесяти лет я служил вам, был вашим слугой ради Христа. За это время я дал вам

[31] много торжественных предостережений об этом. Теперь даю ещё одно, быть может последнее. Смеет ли

кто-либо из вас, выбирая призвание или положение в жизни, смотреть на земное более, нежели на горнее? Выбирая занятие или спутника жизни своему ребёнку, на землю вы смотрите или на небо? И можете ли сознательно предпочесть, для себя или своих детей, чадо дьявола с деньгами чаду Божию без них? Ведь даже язычники восклицают:

[32] O curvae in terras animae, et caelestium inanes! [92]

[33] О души, склонённые к земле и чуждые небесам!

[34] Покайтесь, покайтесь в вашей низкой привязанности к земному! Откажитесь от имени христиан или предпочтите и для себя, и для своих детей благодать деньгам, а небо — земле! Хотя бы впредь «пусть ваше око будет едино», дабы «всё ваше тело было светло»!

О мирском безумии

[1] «Но Бог сказал ему: безумный!»

[2] Лк. 12:20.

[3] Но один из этих безумцев обыкновенно мудрее в собственных глазах, чем «семеро, отвечающие обдуманно». Если бы христианин, человек с теми же чувствованиями, какие были во Христе, мог кого-нибудь презирать, он от всей души презирал бы тех, кто полагает, что «только они люди и вместе с ними умрёт мудрость». Одного из таких вы можете увидеть, как живого, в стихах, предшествующих нашему тексту. «У одного богатого человека, — говорит наш благословенный Господь, — был хороший урожай в поле». (Лк. 12:16.) «И он рассуждал сам с собою: что мне делать? Некуда мне собрать плодов моих. И сказал: вот что сделаю: сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда весь хлеб мой и всё добро моё. И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы; покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный!» С помощью Божией я намерен:

[4] I. Раскрыть и объяснить эти немногие, но содержательные слова; и

[5] II. Применить их к вашей совести.

[6] I. 1. Раскрыть и объяснить их. Незадолго перед этим наш Господь дал торжественное предостережение человеку, заговорившему с Ним о разделе наследства: «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека», то есть её счастье, «не зависит от изобилия его имения». Чтобы доказать и пояснить эту важную истину, наш Господь рассказывает

эту примечательную историю. Вполне возможно, она произошла недавно и была свежа в памяти некоторых присутствовавших. «У одного богатого человека был хороший урожай в поле». Богатство древних состояло главным образом в плодах земли. «И сказал он сам себе: что мне делать?» Это самый язык нужды и бедствия, голос человека, подавленного и стонущего под своим бременем. Что тебе делать? Разве у дверей нет тех, кому Бог назначил получить то, что ты можешь уделить? Что тебе делать? *Расточай* и раздавай бедным. Накорми голодных. Одень нагих. Будь отцом сиротам и мужем вдове. Даром получил — даром давай. О нет! Он слишком мудр для этого; он знает, как поступить лучше.

[7] 2. «И сказал: вот что сделаю», — не испрашивая Божия позволения и думая о Нём не больше, чем если бы Бога вовсе не было ни на небе, ни на земле, — «сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда всё добро моё и все плоды мои». *Мои* плоды! Они настолько же твои, насколько твои облака, пролетающие над твоей головой; настолько же, насколько твои ветры, дующие вокруг тебя, которые ты, несомненно, можешь удержать в кулаках! «И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы!» «Душа! много добра у тебя!» Неужели хлеб, вино и елей — блага бессмертного духа? «Лежит на многие годы!» Кто тебе это сказал? Не верь ему: он лжец от начала. Даже если бы хотел, он не мог бы продлить твою жизнь: только Бог даёт жизнь и смерть. А если бы мог, то не захотел бы, но немедленно увлёк бы тебя в собственное печальное жилище. «Душа! покойся, ешь, пей, веселись!» Как исполнена глупости и безумия каждая часть этого удивительного разговора с самим собою! «Ешь и пей?» Неужели твой дух будет есть и пить? Да, но не земную пищу. Ты скоро будешь есть

мертвенно-бледное пламя и пить из огненного озера, горящего серою. Но станешь ли тогда пить и веселиться? Нет, в тех ужасных тенях не будет веселья; те пещеры огласятся не музыкой, а «плачем, рыданием и скрежетом зубов»!

8 3. Но пока он восхищался собственной мудростью, «Бог сказал ему: безумный! В эту ночь душу твою потребуют у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?»

9 4. Рассмотрим его слова немного внимательнее. Он сказал сам себе: «Что мне делать?» Разве ответ не готов? Делай добро. Делай всё добро, какое можешь. Пусть твоё изобилие восполняет нужду ближнего, и у тебя никогда не будет недостатка в делах. Разве ты не можешь найти ни одного человека, нуждающегося в самом необходимом для жизни, страдающего от холода или голода; ни одного, кому нечего надеть или негде преклонить голову; ни одного, изнурённого томительной болезнью; ни одного, томящегося в темнице? Если бы ты как следует размышлял о словах нашего Господа: «Нищих всегда имеете с собою», — ты больше не спрашивал бы: «Что мне делать?»

10 5. Как иным было намерение этого бедного безумца! «Сломаю житницы мои и построю большие, и соберу туда всё добро моё». С таким же успехом ты можешь зарыть его в землю или бросить в море. Это точно так же послужит цели, ради которой Бог вверил тебе его.

11 6. Но рассмотрим немного подробнее оставшуюся часть его решения. «Скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы; покойся, ешь, пей, веселись». Неужели это блага бессмертного духа? С таким же успехом твоё тело может питаться мимолётным

ветерком, как твоя душа — земными плодами. Какой же превосходный совет такому духу — есть и пить! Духу, созданному равным ангелам, созданному нетленным образом Бога славы, чтобы питаться не тленным, но плодом древа жизни, растущего посреди рая Божия!

12 7. Поэтому неудивительно, что Бог сказал ему: «Безумный!» Хотя бы только по этой страшной причине: «В эту ночь душу твою потребуют у тебя!»

13 Неужели ты рождён, чтобы умереть,
Чтобы сложить это тело?
И должен трепещущий дух твой улететь
В неведомую страну?

14 В страну глубочайшей тени,
Непроницаемой для человеческой мысли,
В унылые области мёртвых,
Где всё предано забвению?

15 «И кому же тогда достанется всё, что ты приготовил?»

16 II. 1. Второе, что я намеревался сделать, — применить эти размышления, несомненно, принадлежащие к самым важным из тех, какие могут войти в человеческое сердце. Правда, в некотором смысле они уже были применены, ибо всё сказанное было применением. Но я желаю, чтобы каждый читающий или слышащий эти слова прямо приложил их к собственной душе.

17 2. Не касается ли каждого, кто слышит: «У одного богатого человека был хороший урожай в поле», — необходимость спросить себя: «Бывало ли так со *мною*? Дано ли мне теперь или давалось ли прежде больше мирских благ, чем мне было нужно? И какие мысли возникали у меня по этому поводу? Говорил ли я в сердце:

что мне делать? Тяготило ли меня собственное изобилие? Думал ли я: “У меня много добра лежит на многие годы”?» На многие годы! Увы, что такое твоя жизнь, даже если она продлится до крайнего срока? Разве не пар, ненадолго являющийся и исчезающий? Поэтому не говори: «Сломаю житницы мои», но в тайне сердца говори Богу: «Господи, спаси, иначе погибаю! Вот, богатство моё умножается; не дай мне приложить к нему сердце! Ты видишь, что я стою на скользком месте; вступись за меня!

[18] Поддержи, Спаситель, иначе я паду!
О, протяни мне милостивую руку!
Лишь Тебя я призываю на помощь,
Лишь верою в Тебя я стою.

[19] Смотри, Господи, как сильно умножается моё состояние! Только Твоя всемогущая сила может удержать меня от того, чтобы прилепиться к нему сердцем и быть низверженным ниже могилы!»

[20] 3. «Спрашиваю Тебя, Господи: что мне делать?» Прежде всего старайся глубоко сознавать свою опасность и сделай предметом усердной и постоянной молитвы то, чтобы никогда не утратить этого сознания. Молись, чтобы всегда ощущать себя стоящим на краю пропасти. Между тем пусть язык твоего сердца будет таков: «Имея больше средств, я по благодати Божией стану делать больше добра, чем когда-либо прежде. Всё добавочное имущество, которое Богу угодно было вложить в мои руки, я решил со всем усердием израсходовать на добавочные дела милосердия. И этим “соберу себе сокровище, доброе основание, чтобы достигнуть вечной жизни”».

[21] 4. Ты больше не говоришь о *своём* добре или о *своих* плодах, зная, что они не твои, а Божии. Господня земля и

что наполняет её: Он Владелец неба и земли. Он не может отказаться от Своей славы; Он неизменно Господь, обладатель всего сущего. Лишь часть Своего имущества Он оставил в твоих руках для тех употреблений, которые Сам указал. Как долго Ему будет угодно хранить его у тебя, ты ещё не знаешь: возможно, только до завтра или до сегодняшней ночи. Поэтому не говори и не думай о многих годах. Разве ты не знаешь, что ты создание одного дня, сокрушаемое прежде моли; что дыхание в твоих ноздрях может быть отнято в одно мгновение; что Давший его может взять его обратно в час, когда ты об этом не думаешь? Откуда ты знаешь, не услышишь ли, когда в следующий раз ляжешь в постель: «В эту ночь душу твою потребуют у тебя»?

[22] 5. Разве твоя жизнь не так непостоянна, как облако, не так колеблется, как пузырь на воде? Она убегает, словно тень, и никогда не остаётся в одном положении. «Многие годы!» Кто уверен хотя бы в одном дне? И разве не являет Бог Свою премудрость и благость тем, что держит твоё дыхание в собственной руке и выдаёт его миг за мигом, чтобы ты всегда помнил: «Живи каждый день, словно он последний»? И после немногих дней, которые ты проведёшь под солнцем, как скоро скажут:

> [23] Лишь горсть праха — всё, что от тебя осталось;
> Вот всё, что ты есть и чем станут все гордецы!

[24] 6. Вновь подумай о необычайной глупости слов: «Душа! у тебя много добра». Неужели произведения земли — пища духа небесного происхождения? Есть ли такое сочетание земли и воды, пусть даже к ним добавлены воздух и огонь, которое могло бы питать эти существа высшего порядка? Какое сходство между теми эфирными духами и этими низкими комьями земли? Исследуй

остальную часть этого мудрого разговора с самим собою и посмотри, как она применима к тебе. «Душа! покойся!» О тщетная надежда! Может ли покой духа вырасти из земли? Пусть почва улучшена как угодно — может ли она принести такой урожай? «Ешь, пей, веселись!» Как! Может ли твоя душа есть и пить? Да,

> [25] Манну, которой питаются ангелы,
> Чистые услады, достойные духов.

[26] Но они не растут на земной почве; их можно найти лишь в раю Божием.

[27] 7. Но предположим, что голос, повелевающий жизнью и смертью, произнесёт: «В эту ночь душу твою потребуют у тебя; кому же достанется всё, что ты приготовил?» Увы, не тебе! У тебя больше нет ни части, ни доли в том, что под солнцем. Ты уже не причастен ни к чему земному, как если бы земля и все дела на ней сгорели. Нагим ты вышел из чрева матери, нагим и возвратишься. Ты нагромоздил многое; но для чего? Чтобы всё оставить позади! Бедная тень! Теперь ты лишён всего: даже надежды не осталось.

[28] 8. Заметь заключение, которое наш Господь сделал из всего этого случая: «*Так бывает* со всяким, кто собирает сокровища для себя и не в Бога богатеет»: такой он глупец, такой вопиющий безумец, что язык не в силах выразить! Каким бы мудрым ни был он в собственных глазах и, возможно, в глазах соседа, в действительности величайший глупец под небом — тот, кто накапливает вещи, с которыми вскоре должен расстаться навеки. И всякий, кто ищет счастья в преходящем, собирает сокровища для себя. Это совершенно несовместимо с тем, чтобы *быть* «богатым» — или, точнее, *богатеть* — «в

Бога», с послушанием заповеди Писания: «Сын мой! отдай Мне сердце твоё». Чадо Божие может истинно сказать:

[29] Все мои богатства — в вышине;
Всё моё сокровище — Твоя любовь.

[30] Он может засвидетельствовать: «Всё моё желание — к Тебе и к воспоминанию об имени Твоём!»

[31] 9. Пусть каждый читающий эти слова тщательно исследует собственное сердце. Где до сих пор ты собирал своё сокровище? Где собираешь его теперь? Трудишься ли, чтобы богатеть в Бога, или чтобы накопить земное добро? Что занимает большую часть твоих мыслей? Ты, заботящийся о внешних делах, усердный в добрых поступках и точный в исполнении внешних обязанностей, — берегись любостяжания, благопристойной, почтенной любви к деньгам и желания собирать сокровища на земле. Собирай сокровище на небе! Через несколько дней ты шагнёшь в страну тьмы, где земные плоды не принесут пользы, где ты не сможешь ни есть, ни пить, ни удовлетворять какое-либо из своих чувств. Какую пользу принесёт тебе тогда всё собранное в этом мире? Какое удовлетворение найдёшь во всём накопленном — во всём оставленном позади? Оставленном позади! Как! Неужели ты ничего не мог взять с собою в вечные обители? Тогда прежде, чем уйти отсюда, собирай сокровище, которое не увядает. Произнесено в Балеме 19 февраля 1790 года.

О брачной одежде

[1] «Как ты вошёл сюда не в брачной одежде?»

[2] Мф. 22:12.

[3] 1. В стихах, предшествующих нашему тексту, мы читаем: «После этого Иисус снова говорил им притчами и сказал: некоторый царь устроил вечерю для своего сына. И когда царь вошёл посмотреть на возлежащих, он увидел человека, одетого не в брачную одежду, и говорит ему: друг! как ты вошёл сюда не в брачной одежде? Он же молчал. Тогда царь сказал слугам: свяжите ему руки и ноги и бросьте во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов».

[4] 2. Один из самых прославленных наших толкователей объясняет эту притчу следующим образом: «Цель притчи — представить то благодатное обеспечение, которое Бог даёт людям в проповеди Евангелия и через неё. Чтобы пригласить их к этому, Бог послал Своих слуг, пророков и апостолов». А о словах «Почему ты вошёл сюда не в брачной одежде?» он продолжает так: «Его наказание не должно обескураживать нас или заставлять отвернуться от святых установлений». Конечно, не должно; однако ничего подобного нельзя вывести из этой притчи, которая относится к этим установлениям не более, чем к крещению или бракосочетанию. Вероятно, мы никогда и не вообразили бы этого, если бы в ней не встречалось слово *вечеря*.

[5] 3. Однако большинство английских комментаторов впало в ту же ошибку, что и господин Бёркитт, а вместе с

ними — тысячи читателей. И всё же это несомненная ошибка, не имеющая в тексте ни тени основания. Правда, никто не должен приступать к трапезе Господней без подготовки — если не непосредственной, то хотя бы постоянной, то есть без твёрдого намерения соблюдать все заповеди Божии и искреннего желания принять все Его обетования. Но эту обязанность нельзя вывести из данного текста, хотя можно из многих других мест Писания. Однако незачем умножать тексты: один столь же хорош, как тысяча. Чтобы побудить всякого человека с чуткой совестью причащаться при каждой возможности, достаточно одной заповеди нашего Господа: «Сие творите в Моё воспоминание».

[6] 4. Но какая бы подготовка ни была необходима для достойного участия в вечере Господней, она вовсе не относится к «брачной одежде», упомянутой в этой притче. И не может относиться, ибо это воспоминание Его смерти ещё не было установлено. Притча всецело касается действий нашего Господа, когда Он придёт на облаках небесных судить живых и мёртвых, и тех качеств, которые тогда будут необходимы людям, чтобы наследовать «Царство, уготованное им от создания мира».

[7] 5. Многие превосходные люди, вполне понимающие это и убеждённые, что упомянутая брачная одежда означает не готовность к вечере Господней, а готовность к славе, толкуют её как праведность Христову, «которая, — говорят они, — есть единственное условие вхождения в небо, ибо это единственная праведность, в которой человек может устоять в день Господень. Ведь кто, — спрашивают они, — осмелится тогда предстать перед великим Богом иначе, как в праведности Его возлюбленного Сына? Разве хотя бы тогда, если не

раньше, не обнаружим мы нужды в праведности лучшей, чем наша собственная? И что это может быть, кроме праведности Бога, нашего Спасителя?» Покойный благочестивый и даровитый господин Херви пространно рассуждает об этом, особенно в своих тщательно разработанных «Беседах Терона и Аспасио».

[8] 6. Другой изящный писатель, ныне, надеюсь, пребывающий с Богом, столь же решительно говорит об этом в предисловии к своему комментарию на Послание святого Павла к Римлянам: «Нам, несомненно, — говорит он, — понадобится лучшая праведность, чем наша собственная, чтобы в ней предстать пред судом Божиим в день суда». Я не понимаю этого выражения. Согласно ли оно с Писанием? Читаем ли мы его в Библии, в Ветхом или Новом Завете? Боюсь, это не библейская, неловкая фраза без определённого смысла. Если странным, нескладным вопросом «В чьей праведности вы предстанете в последний день?» вы хотите сказать: *«Ради кого»* или *«по чьей заслуге»* вы ожидаете войти в славу Божию? — я отвечаю без малейшего колебания: ради Иисуса Христа Праведника. Только благодаря Его заслугам все верующие спасаются, то есть оправдываются — спасаются от вины греха; освящаются — спасаются от природы греха; и прославляются — принимаются на небо.

[9] 7. Возможно, нам стоит посвятить ещё несколько слов этому важному вопросу. Можно ли придумать выражение непонятнее следующего: «В какой праведности мы предстанем пред Богом в последний день?» Почему не сказать просто: *«Ради кого* вы надеетесь спастись?» Тогда любой простой крестьянин без труда ответил бы: «Ради Иисуса Христа». Но все эти тёмные, двусмысленные

фразы лишь запутывают дело и открывают неосторожным слушателям путь к соскальзыванию в антиномианство.

10 8. Есть ли в Священном Писании какое-либо выражение, подобное «брачной одежде»? В Откровении упоминается «виссон чистый и светлый, который есть праведность святых». И многие решительно настаивают, что это тоже означает праведность Христову. Но как тогда согласовать это с местом в седьмой главе: «Они омыли одежды свои и убелили их кровью Агнца»? Скажут ли они: «Праведность Христова была омыта и убелена кровью Христовой»? Прочь такой антиномианский жаргон! Разве простой смысл не таков: именно от искупительной крови самая праведность святых получила свою ценность и благоугодность Богу?

11 9. В девятом стихе девятнадцатой главы Откровения есть выражение, гораздо более близкое к этому: «Брачная вечеря Агнца». Между нею и брачной вечерей, упомянутой в притче, есть большое сходство. Однако это не вполне одно и то же; между ними существует ясное различие. Вечеря из притчи относится к Церкви воинствующей, а вечеря из Откровения — к Церкви торжествующей; одна — к Царству Божию на земле, другая — к Царству Божию на небе. Соответственно, на первой могут оказаться люди без «брачной одежды». Но на второй таких не будет: нет, ни одного «среди великого множества, которого никто не может перечесть, из всякого племени, языка, народа и страны». Все они будут «царями и священниками Богу и будут царствовать с Ним во веки веков».

12 10. Не указывает ли выражение «праведность святых», что такое «брачная одежда» в притче? Это «святость, без которой никто не увидит Господа». Праведность Христова,

несомненно, необходима всякой душе, входящей во славу; но каждому сыну человеческому необходима и личная святость. Однако чрезвычайно важно заметить, что они необходимы в разных отношениях. Первая необходима, чтобы дать нам *право* на небо, вторая — чтобы сделать нас *пригодными* для него. Без праведности Христовой мы не могли бы *притязать* на славу; без святости не могли бы быть *способны* к ней. Благодаря первой мы становимся членами Христовыми, детьми Божиими и наследниками Царства Небесного; благодаря второй «делаемся способными участвовать в наследии святых во свете».

[13] 11. С того самого времени, как Сын Божий возвестил сынам человеческим эту важную истину — что все, не имеющие «брачной одежды», будут «брошены во тьму внешнюю, где плач и скрежет зубов», — враг душ трудится, чтобы затемнить её, дабы они продолжали искать смерти в заблуждении своей жизни. Многими способами он пытался скрыть сущность святости, без которой мы не можем спастись. Сколько вещей выдавалось вместо неё даже христианскому миру! Некоторые были прямо противоположны ей и разрушали её. Другие никак не были связаны с нею и не относились к ней, но были бесполезными и ничтожными мелочами. Третьи можно было считать частью её, но никак не целым. Полезно перечислить некоторые из них, чтобы вам не оставаться в неведении относительно козней сатаны.

[14] 12. К первому роду вещей, предписываемых как христианская святость, хотя они прямо ей противоположны, относится идолопоклонство. Как часто его в разных видах преподавали и доныне преподают как необходимое для святости! Как усердно его ныне

распространяют в значительной части христианской Церкви! Одни их идолы — серебро и золото, дерево и камень, «получившие образ от искусства и вымысла человеческого»; другие — подобные им люди, подверженные тем же страстям, особенно апостолы нашего Господа и Дева Мария. К ним добавляют бесчисленных святых собственного изготовления и немалое множество ангелов.

15 13. Столь же прямо противоречит всему строю истинной религии и другое, чему усердно учат во многих частях христианской Церкви: я разумею дух гонения, преследование собственных братьев даже до смерти. Так что земля часто покрывалась кровью от рук называвшихся христианами ради того, чтобы «сделать твёрдым своё звание и избрание». Правда, многие даже в Римской церкви, которых учили этой ужасной доктрине, теперь, по-видимому, стыдятся её. Но отреклись ли главы этого сообщества от этого главного бесовского учения столь же открыто и определённо, как исповедали его на Констанцском соборе и осуществляли многие века? Пока они этого не сделали, и пред Богом, и пред людьми на них будет вина за кровь подло убитого Иеронима Пражского и многих тысяч других.

16 14. Пусть не говорят: «Нас, протестантов, это не касается. Мы думаем сами и позволяем думать другим. Мы ненавидим дух гонения и утверждаем как бесспорную истину, что всякое разумное создание имеет право поклоняться Богу согласно убеждению собственного ума». Но верны ли мы своим принципам? В той мере, что не прибегаем к огню и кострам. Мы не преследуем до крови тех, кто не разделяет наших мнений. Благословен Бог, законы нашей страны этого не позволяют. Но разве в

Англии не встречается домашнего гонения? Сказать или сделать другому что-либо недоброе за то, что он следует собственной совести, — это разновидность гонения. Все ли мы свободны от этого? Нет ли мужа, который в таком смысле преследует жену, дурно обращается с нею словом или делом за поклонение Богу по её совести? Не преследуют ли так родители своих детей, а хозяева или хозяйки — слуг? Если они так поступают и думают, что этим служат Богу, пусть не бросают первого камня в римских католиков.

[17] 15. Когда вещи по природе безразличные представляют необходимыми для спасения, это безумие того же рода, хотя и не той же величины. Поистине, немалый грех — представлять необходимыми для спасения такие мелочи, как хождение в паломничества или что-либо, прямо не предписанное Священным Писанием. К их числу мы, несомненно, можем отнести правоверие, или правильные мнения. Мы действительно знаем, что ошибочные религиозные мнения естественным образом ведут к дурным расположениям или дурным поступкам и что потому наш непременный долг — молиться о правильном суждении во всём. Но всё же человек может судить столь же точно, как дьявол, и при этом быть столь же нечестивым.

[18] 16. Несколько более извинительны те, кто воображает, будто святость состоит в вещах, являющихся лишь её частью, — то есть когда они связаны с остальным; иначе они вовсе не принадлежат к ней. Например, в том, чтобы не причинять вреда. И как чрезвычайно распространено это мнение! Как многие считают святость и безвредность одним и тем же! Между тем человек, будь он столь же безвреден, как столб, мог бы быть столь же далёк от

святости, как небо от земли. Поэтому предположим, что человек безукоризненно честен, отдаёт каждому должное, никого не обманывает, не обижает, не ранит и справедлив во всех своих делах; предположим, что женщина неизменно скромна и добродетельна во всех словах и поступках; предположим, что и тот и другая постоянно исполняют нравственные обязанности, то есть справедливость, милосердие и истину, — всё это, хотя и хорошо в своих пределах, составляет лишь часть христианской святости. Более того, предположим, что человек такого привлекательного характера повсюду делает много добра: кормит голодных, одевает нагих, помогает страннику, больному, узнику и даже спасает многие души от смерти; возможно, и тогда он ещё очень далёк от той святости, без которой не может увидеть Господа.

[19] 17. Что же такое святость, эта истинная «брачная одежда», единственная готовность ко славе? «Во Христе Иисусе», то есть согласно христианскому установлению, как бы ни обстояло дело с языческим миром, «ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, но новое творение», — обновление души «по образу Божию, в котором она была создана». «Во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью». Сначала она действием Божиим производит любовь к Богу и ко всему человечеству, а этой любовью — всякое святое и небесное расположение, в особенности смирение, кротость, мягкость, воздержание и долготерпение. «Ничего не значит ни обрезание», то есть соблюдение всех христианских установлений, «ни необрезание», то есть исполнение всей языческой нравственности, «но соблюдение заповедей Божиих», особенно этих: «Возлюби Господа Бога твоего всем

сердцем твоим и ближнего твоего, как самого себя». Одним словом, святость — это иметь «те же чувствования, какие были во Христе», и «поступать, как поступал Христос».

[20] 18. Таково было моё суждение на протяжении этих шестидесяти лет без какого-либо существенного изменения. Только около пятидесяти лет назад я получил более ясное, чем прежде, понимание оправдания верою; и с того самого часа в этом я не изменился ни на волос. Тем не менее один остроумный человек публично обвинил меня в тысяче перемен. Молю Бога не вменить ему этого! Я ныне на краю могилы, но по благодати Божией по-прежнему свидетельствую то же исповедание. Правда, некоторые предположили, будто, начав провозглашать: «Благодатью вы спасены через веру», — я отрёкся от прежнего утверждения: «Без святости никто не увидит Господа». Но это полное заблуждение: эти места Писания вполне согласны друг с другом; первое явно означает следующее: верою мы спасаемся от греха и становимся святыми. Представление, будто вера *устраняет необходимость* святости, — самая сущность антиномианства.

[21] 19. Суть всего такова: Бог любви желает спасти все души, которые сотворил. Он возвестил им это в Своём слове вместе с условиями спасения, открытыми Сыном Его любви, отдавшим Свою жизнь, чтобы верующие в Него имели жизнь вечную. И для них Он приготовил Царство от создания мира. Но Он не принуждает их принять его; оставляет их в руках собственного решения и говорит: «Вот, Я предлагаю вам жизнь и смерть, благословение и проклятие; избери жизнь, дабы ты жил». Избери по Моей благодати святость, которая есть путь,

единственный путь к вечной жизни. Он громко взывает: «Будь свят и будь счастлив — счастлив в этом мире и счастлив в мире грядущем». «Дому Его принадлежит святость навеки!» Вот брачная одежда всех призванных «на брак Агнца». Облечённые в неё не окажутся нагими: «Они омыли одежды свои и убелили их кровью Агнца». А о всех, кто в последний день явится без брачной одежды, Судия скажет: «Бросьте их во тьму внешнюю; там будет плач и скрежет зубов». МЕЙДЛИ, 26 марта 1790 года.

Человеческая жизнь — сон

[1] «Как сон при пробуждении, так Ты заставишь исчезнуть их образ из города».

[2] Пс. 73:20.

[3] 1. Всякий, кто рассмотрит предшествующие стихи, легко заметит, что псалмопевец говорит прямо о нечестивых, благоденствующих в своём нечестии. Для них весьма обычно совершенно забывать, что они создания одного дня, жить так, будто никогда не умрут, будто их нынешнее состояние продлится вечно или, по крайней мере, будто они бесспорно уверены, что у них «много добра лежит на многие годы», так что можно спокойно сказать: «Душа! покойся, ешь, пей, веселись». Но какое жалкое заблуждение! Как часто Бог говорит такому человеку: «Безумный! В эту ночь душу твою потребуют у тебя!» Поэтому справедливо можно сказать о них: «О, как внезапно они исчезают!» — погибают и приходят к страшному концу. Да, «как сон при пробуждении, так Ты заставишь исчезнуть их образ из города».

[4] 2. Но теперь я хотел бы развить эту мысль дальше, рассмотреть её в общем смысле и показать, какое близкое сходство существует между человеческой жизнью и сновидением. Древний поэт идёт в сравнении ещё дальше, называя жизнь «сном тени». То же делает и Каули, восклицая:

> [5] О жизнь, ты младшая сестра ничто!
> Так вы похожи, что одно принимаем за другое!

[6] Но, оставив эти и все прочие полёты поэзии, я хотел бы серьёзно исследовать, в чём заключается это сходство, в чём собственно состоит аналогия между одним и другим.

[7] 3. Для этого я хотел бы прежде всего спросить: что такое сновидение? Вы скажете: «Кто этого не знает?» Не лучше ли сказать: кто *знает*? Есть ли в природе что-либо более таинственное? Кто не испытывал этого, кому не снились сны тысячу раз? И всё же объяснить природу сновидения он способен не более, чем обхватить небеса. Кто может дать ясное, удовлетворительное объяснение родителя сновидений — сна? Правда, многие врачи пытались, но пытались напрасно. Они учёно рассуждали об этом, но в конце концов оставили предмет столь же тёмным, как прежде. Они сообщают нам некоторые его свойства и последствия, но никто не может сказать, в чём его сущность.

[8] 4. Однако происхождение сновидений мы знаем, и с некоторой степенью уверенности. Несомненно, часть их возникает из нынешнего состояния тела, тогда как другие, вероятно, вызываются душевными страстями. Далее, Писание ясно сообщает нам, что некоторые вызваны действием добрых ангелов, тогда как другие, несомненно, происходят от силы и злобы злых ангелов, — если мы смеем предположить, что такие существуют и ныне или, по крайней мере, что они имеют какое-либо дело в мире. Из той же Божественной сокровищницы знания мы узнаём, что в некоторых необыкновенных случаях великий Отец духов являл Себя человеческим духам «во снах и ночных видениях». Но какие из всех этих снов возникают от естественного, а какие — от сверхъестественного воздействия, мы часто определить не можем.

[9] 5. И как можем мы с уверенностью отличить сновидения от мыслей наяву? Какой существует признак, по которому можно достоверно узнать, бодрствуем мы или спим? Правда, проснувшись, мы сразу знаем, что видели сон, а теперь бодрствуем. Но как узнать, что сон есть сон, пока мы ещё пребываем в нём? Что такое сновидение? Если дать грубое и поверхностное, а не философское объяснение, это ряд лиц и вещей, представляемых нашему уму во сне и не существующих нигде, кроме нашего воображения. Поэтому сновидение — своего рода отступление от действительной жизни. Оно представляется неким отголоском сказанного или сделанного незадолго прежде, когда мы бодрствовали. Или можно ли сказать, что сон — отрывок жизни, оборванный с обоих концов, не связанный ни с предшествующей, ни с последующей частью? И есть ли лучший способ отличать сновидения от мыслей наяву, чем именно по этому обстоятельству? Это своего рода вставка в жизнь, подобная вставке в рассуждение, которое одинаково хорошо продолжается и с нею, и без неё. Поэтому вот как мы можем безошибочно распознать сон: по его оборванности с обоих концов, по отсутствию надлежащей связи с действительными событиями, предшествующими ему или следующими за ним.

[10] 6. Нет нужды *доказывать* близкое сходство между этими мимолётными снами и сном жизни. Полезнее, быть может, *пояснить* эту важную истину и представить её как можно нагляднее. Поэтому серьёзно рассмотрим в нескольких очевидных подробностях положение человека, который только что пробуждается от жизни и открывает глаза в вечности.

11 7. Представим же такой случай. Допустим, что перед нами ныне человек, только что перешедший в мир духов. Разве нельзя обратиться к такой новорождённой душе примерно так? Ты был обитателем земли сорок, быть может пятьдесят или шестьдесят лет. Но теперь Бог изменил Свой голос: «Встань, спящий!» Ты просыпаешься, встаёшь; у тебя больше нет дела с этими жалкими преходящими тенями. Встань и отряси с себя прах! Смотри: здесь всё *действительно*, всё прочно, всё вечно! Гораздо устойчивее оснований земли, даже столпов того нижнего неба. Теперь, когда глаза твои открыты, посмотри, как невыразимо отличается всё окружающее тебя! Какую перемену замечаешь ты в себе! Где твоё тело, твой глиняный дом? Где твои члены, руки, ноги, голова? Вот они лежат — холодные, бесчувственные!

12 Отныне ни гнев, ни стыд
Не окрасят невинную глину румянцем;
Угас огонь телесной жизни,
И страсть исчезла прочь.

13 Какая перемена в бессмертном духе! Ты видишь всё вокруг — но как? Не глазами из плоти и крови! Ты слышишь, но не посредством потока колеблющегося воздуха, ударяющего в натянутую перепонку. Ты чувствуешь — но каким дивным образом! У тебя нет нервов, передающих эфирный огонь в общее вместилище ощущений; скорее, разве ты теперь не весь — зрение, весь — слух, весь — чувство, весь — восприятие? Как отличается теперь, когда ты вполне пробудился, всё вокруг! Где дома, сады, поля и города, которые ты ещё недавно видел? Где реки, моря и вечные холмы? Неужели лишь во сне наш поэт увидел, что

[14] Земля от неба получила столько разных
Услад, рассеянных по долам и холмам?

[15] Боюсь, всё это исчезло, как дым, в то мгновение, когда ты пробудился вне тела.

[16] 8. Каким странным должен казаться не только способ существования и место, где ты находишься, — если это можно назвать местом, хотя кто может определить или описать место духов? — но и обитатели той неведомой области! Принадлежат ли они к числу несчастных духов, «не сохранивших своего первоначального состояния», или к святым, по-прежнему «служащим наследникам спасения». Как странны занятия духов, которыми ты теперь окружён! Как горьки они на вкус тем, кто всё ещё видит сны на земле! «Не по мне, — сказал один из них, прославленный острослов, недавно оставивший тело, — целыми днями сидеть на облаке и петь хвалу Богу». Мы легко можем ему поверить, и ему не грозит быть принуждённым к такому труду. Однако это вовсе не труд для тех, кто не умолкает ни днём, ни ночью, непрестанно воспевая: «Свят, свят, свят Господь Бог Саваоф!»

[17] 9. Предположим, это произошло с кем-либо из вас, ныне стоящих пред Богом. Так может случиться завтра, быть может сегодня ночью; возможно, уже в эту ночь «потребуют у тебя душу твою», сон жизни окончится и *ты* пробудишься в необозримой вечности! Смотри: вот лежит бедное безжизненное тело, которое вскоре будет посеяно в тлении и бесчестии. Но где бессмертный, нетленный дух? Вот он стоит, нагой пред очами Божиими! Между тем что стало со всеми делами, которыми ты так усердно занимался под солнцем? Какую пользу извлёк ты из всех трудов и забот? Следуют ли за тобой деньги? Нет, ты оставил их позади; для тебя это всё равно, как если бы

они растворились в воздухе! Следуют ли за тобою нарядные или дорогие одежды? Твоё тело облечено прахом и гниением. Правда, твоя душа облечена бессмертием. Но, о, каким бессмертием? Бессмертием счастья и славы или позора и вечного презрения? Где почёт и пышность богатых и великих, окружавшие тебя рукоплескания? Всё ушло, всё исчезло, «как уклоняющаяся тень». «Представление окончено», — сказал господин Мультре, увидев, как пуля пробила висок умирающего господина. [Карла XII, короля Швеции, при осаде Фредриксхальда.] И что было до этого придворному? Не больше, чем до окончания фарса или танца. Но пока шут продолжал спать и покоиться, с монархом дело обстояло иначе. Хотя ничто на земле не страшило его, у самых врат ада он устрашился бы. Тщетная храбрость! В самый миг смерти он сжимал рукоять шпаги! Но где был он в следующее мгновение, когда шпага выпала из руки, а душа — из тела? Тогда окончился великолепный сон королевского величия, славы, разрушения городов и покорения царств!

[18] 10. «Как пали сильные и погибло оружие бранное!» Что значит оружие, столь страшное среди *нас*, для обитателей вечности? Как пали мудрый, учёный, поэт, критик и исчезла их слава! Как пала красавица, недавний идол глазевшей толпы! В каком полном смысле «умолкли дочери пения» и забыты все его орудия! Неужели теперь ты не убеждён, что, по еврейской пословице, «живому псу лучше, нежели мёртвому льву»? Ибо *живые знают*, да, *должны* знать, если только упорно не отказываются, «что умрут; а мёртвые ничего не знают», что могло бы облегчить их боль или уменьшить несчастье. Также «их надежда, и страх, и желание» — всё погибло, всё улетело; «нет им более части в том, что делается под солнцем»!

19 11. Где же теперь *надежда* тех, кто недавно строил далеко идущие планы и говорил: «Сегодня или завтра пойдём в такой-то город и проживём там год, будем торговать и получать прибыль»? Как совершенно забыли они мудрое предостережение: «Вы не знаете, что случится завтра! Ибо что такое ваша жизнь? Это пар, являющийся на короткое время, а потом исчезающий!» Где все твои дела, где мирские заботы, тревоги и обязательства? Всё это улетело, как дым, а душа твоя осталась. И насколько она способна наслаждаться этим новым миром? Имеет ли она вкус к предметам и радостям невидимого мира? Отрешены ли твои привязанности от дольнего и устремлены ли к горнему, к месту, где Иисус сидит одесную Бога? Тогда блажен ты; и когда явится Тот, Кого ты любишь, «ты также явишься с Ним во славе».

20 12. Но каково тебе окружающее тебя общество? Прежние спутники ушли; большая часть их, вероятно, отделена от тебя, чтобы никогда не возвратиться. Нынешние твои спутники — ангелы света, служебные духи, только что шепнувшие: «Родная душа, иди с нами! Мы посланы провести тебя через эту пропасть на лоно Авраамово»? А кто те? Некоторые из душ праведников, которым прежде ты помогал «неправедным богатством» и которых теперь ваш общий Господь уполномочил принять, приветствовать тебя «в вечных обителях». Тогда ангелы тьмы быстро поймут, что не имеют в тебе никакой части. Поэтому им придётся либо кружить вдали, либо бежать в отчаянии. Не те ли некоторые из счастливых духов, узнающих тебя, что странствовали с тобою внизу и разделяли твои искушения, вместе с тобою подвизались добрым подвигом веры и держались вечной жизни? Как тогда вы плакали вместе, так теперь можете вместе радоваться — вы и, быть может, ваши ангелы-хранители.

Чтобы умножить твою благодарность за избавление «от столь великой смерти», они могут показать тебе преисподнюю, те

[21] Области скорби, печальные тени, где мир
И покой никогда не обитают.

[22] Взгляни, с другой стороны, на обители, «уготованные тебе от создания мира»! О, какое различие между прошедшим сном и действительной картиной, ныне перед тобою! Взгляни вверх! Смотри!

[23] Нет нужды в солнце в том дне,
За которым никогда не следует ночь,
Где красота Иисуса изливает
Чистый и неизменный свет!

[24] Взгляни вниз! Какая там темница, «меж верхним, нижним и окружающим огнём»! И какие обитатели! Какие ужасные, страшные образы, выражения укоренившихся внутри ярости против Бога и человека, зависти, бешенства, отчаяния, заставляющих их скрежетать зубами на Того, Кого они так долго презирали! Утешает ли их между тем вид через великую пропасть праведников на лоне Авраамовом? Какое это место! Какой «дом Божий, вечный на небесах»! Земля — лишь Его подножие; да, и

[25] Просторный небосвод вверху,
И всё лазурное эфирное небо.

[26] Поэтому мы вполне можем сказать его обитателям:

[27] Возвещайте славу нашего Господа,
Рассеянную по всем небесным стогнам;
Его безграничные сокровища могут дать
Столь богатый помост для Его стоп.

[28] И всё же как незначительна слава этого дома в сравнении со славой его великого Обитателя! Пред Ним все первородные сыны света, ангелы, архангелы и всё небесное воинство, исполненные света, как исполнены они любви,

> [29] Не приближаются, а обоими крылами закрывают глаза.

[30] 13. Итак, как дивно представляются все эти картины теперь, когда сон жизни окончен и ты совершенно пробудился! Это зрелище никогда не приходило и не могло прийти тебе на сердце, чтобы ты вообразил его. Как насыщены ныне Его подобием все «пробудившиеся по образу Его»! Теперь у них есть удел действительный, прочный, нетленный, «неувядающий». Между тем как изощрённо несчастны те, кто, оставляя в стороне все прочие соображения, избрал своим уделом преходящие тени, которые ныне исчезли и оставили их в бездне действительного несчастья, пребывающего во всю вечность!

[31] 14. Теперь, поскольку всякий сын человеческий, ещё находящийся на земле, рано или поздно должен пробудиться от этого сна и вступить в действительную жизнь, насколько бесконечно важно каждому из нас обратить на это внимание прежде наступления великой перемены! Как важно постоянно сознавать состояние, в котором мы находимся! Как полезно всеми возможными средствами связывать представления о времени и вечности, так соединять их, чтобы мысль об одном никогда не приходила на ум без мысли о другом! Наша высшая мудрость — сочетать представления о видимом и невидимом мире, связывать временное и духовное, смертное и бессмертное бытие. Правда, в обычных

сновидениях мы, как правило, не знаем, что спим, пока остаёмся посреди сна. Не знаем этого и посреди сна, который называем жизнью. Но ты можешь осознать это теперь! Дай Бог, чтобы ты осознал, прежде чем пробудишься в огненном саване!

[32] 15. Какое превосходное основание для такого соединения представлений о времени и вечности, о видимом и невидимом мире заложено в самой природе религии! Ибо что такое религия — я разумею религию Писания, ведь всякая иная есть самый тщетный из снов? Каков самый корень этой религии? Еммануил — с нами Бог! Бог в человеке! Небо, соединённое с землёй! Неизреченное единение смертного с бессмертным. Ибо «поистине наше общение, — могут сказать все христиане, — с Отцом и Сыном Его, Иисусом Христом. Бог даровал нам жизнь вечную, и сия жизнь в Сыне Его». Что следует далее? «Имеющий Сына имеет жизнь; не имеющий Сына Божия не имеет жизни».

[33] 16. Но как сохранить постоянное сознание этого? Бодрствуя, я часто думал: «Теперь, когда усну и увижу то-то и то-то, вспомню, что это лишь сон». Однако, пока сон длился, я не мог этого сделать, и, вероятно, никто другой не может. Но иначе обстоит дело со сном жизни: мы можем помнить, что он сон, даже пока он продолжается. А если забываем, к чему мы действительно склонны, друг может напомнить нам об этом. Очень желательно, чтобы такой друг всегда был рядом и часто повторял нам: «Встань, спящий, и воскресни из мёртвых!» Скоро ты пробудишься в действительной жизни. Ты предстанешь нагим духом в мире духов пред лицом великого Бога! Позаботься ныне крепко держаться той «вечной жизни, которую Он дал тебе в Сыне Своём»!

[34] 17. Как чудесно эта жизнь Божия разветвляется во всей религии — я разумею религию Писания! Как только Бог открывает Своего Сына в сердце грешника, тот получает возможность сказать: «Жизнь, которою ныне живу, живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Тогда он «радуется надеждою славы Божией», и притом радостью неизреченной. И вследствие этой веры и надежды любовь Божия изливается в его сердце и, наполняя душу любовью ко всему человечеству, «есть исполнение закона».

[35] 18. И как дивно вера, надежда и любовь соединяют Бога с человеком, а время — с вечностью! Помышляя об этом, мы можем смело сказать:

> [36] Исчезни же, мир теней;
> Пусть прежнее пройдёт!
> Господь, явись, явись обрадовать нас
> Зарёю бесконечного дня!
> Окончи эту смертную повесть,
> Отринь эту вселенную!
> Приди, вечный Царь славы,
> Сойди ныне и прими Свою невесту!

О вере

[1] «Вера же есть уверенность в невидимом».

[2] Евр. 11:1.

[3] 1. Много раз я размышлял, много раз говорил, много раз писал об этих словах; и всё же в них, по-видимому, есть глубина, которой я никак не могу измерить. В одном смысле этого слова вера есть даруемая Богом убеждённость в Боге и Божиих вещах; в другом, близком к первому, но не вполне тождественном, — даруемая Богом убеждённость в невидимом и вечном мире. В этом смысле я и хотел бы теперь рассмотреть её.

[4] 2. Ныне я бессмертный дух, странным образом соединённый с малою частицей земли; но это лишь на время. Вскоре мне предстоит покинуть это глиняное жилище и перейти в иное состояние,

> [5] Которого живые не знают,
> А мёртвые не могут или не вправе о нём рассказать!

[6] В какое существование я тогда вступлю, когда мой дух выйдет из тела? Как буду чувствовать себя, воспринимать собственное бытие? Как стану различать окружающее, будь то материальные или духовные предметы? Когда глаза больше не будут передавать лучи света, как обнажённый дух будет *видеть*? Когда органы слуха рассыплются в прах, каким образом я буду слышать? Когда мозг уже не послужит мне, какие средства мышления у меня останутся? Когда всё тело обратится в бесчувственную землю, какими средствами я стану приобретать знание?

[7] 3. Как странны, как непостижимы средства, которыми я тогда буду познавать даже материальный мир! Будут ли вещи выглядеть так же, как теперь, — того же размера, формы и цвета? Или изменятся в каком-либо из этих отношений либо во всех? Как будут выглядеть солнце, луна и звёзды, подлунное небо, планетные небеса, область неподвижных звёзд? Каковы будут поля эфира, которые мы можем представить простирающимися на миллионы миль за ними? Обо всём этом мы пока ничего не знаем. Да и не имеем нужды знать.

[8] 4. Что же можем мы знать о бесчисленных предметах, собственно принадлежащих невидимому миру, которых смертный «глаз не видел, ухо не слышало и которые не приходили нам на сердце»? Какое зрелище откроется тогда, когда области гадеса предстанут без покрова! Наши английские переводчики, по-видимому, весьма затруднялись подобрать слово для его передачи. Правда, двести лет назад его сносно выражало слово *ад*, означавшее тогда примерно то же, что *гадес*, а именно невидимый мир. Соответственно, под сошествием Христа во ад они понимали, что от смерти до воскресения Его тело оставалось в гробу, а душа — в гадесе, вместилище отделённых от тел духов. Здесь мы не можем сомневаться, что духи праведников неизреченно счастливы. Они, по выражению святого Павла, «с Господом», удостоены столь тесного общения с Ним, что это «несравненно лучше» всего, испытанного первым из апостолов в этом мире. С другой стороны, из собственного рассказа нашего Господа о богаче и Лазаре мы узнаём, что богач с того мгновения, как оставил мир, вступил в состояние мучения. И в гадесе между местом святых и местом нечестивых духов «утверждена великая пропасть», которую невозможно перейти ни тем, ни другим. Правда,

весьма учёный человек, достопочтенный господин Кэмпбелл, в своём рассуждении о промежуточном состоянии, опубликованном несколько лет назад, по-видимому, предполагает, что нечестивые души могут исправиться в гадесе, а затем перейти в более счастливую обитель. Он возлагает большие надежды на то, что, в частности, «богач», упомянутый нашим Господом, мог очиститься этим карательным огнём, пока со временем не стал бы способен к лучшему жилищу. Но кто может согласовать это с утверждением Авраама, что никто не может перейти «великой пропасти»?

9 5. Поэтому я не могу не думать, что все находящиеся вместе с богачом в несчастной части гадеса останутся там, воя, богохульствуя, проклиная Бога и глядя вверх, пока не будут брошены «в вечный огонь, уготованный дьяволу и ангелам его». А с другой стороны, можем ли мы разумно сомневаться, что находящиеся ныне в раю, на лоне Авраамовом, — все святые души, освобождённые от тела от начала мира до сего дня, — будут непрерывно созревать для неба, становиться всё святее и счастливее, пока не будут приняты в «Царство, уготованное им от создания мира»?

10 6. Но кто может сообщить нам, в какой части вселенной находится гадес, эта обитель счастливых и несчастных духов до их воссоединения с телами? Богу не угодно было открыть что-либо об этом в Священном Писании; следовательно, нам невозможно составить об этом какое-либо суждение или даже предположение. Не сообщено нам также, чем заняты те и другие во время пребывания там. И всё же разве нельзя с вероятностью предположить, что Правитель мира иногда позволяет нечестивым душам «исполнять Его мрачные поручения в

бездне» или, быть может, вместе со злыми ангелами вершить возмездие над нечестивыми людьми? Или многие из них будут заключены в узах тьмы до великого суда великого дня? Между тем разве нельзя с вероятностью предположить, что духи праведных, хотя обычно пребывают в раю, могут иногда вместе со святыми ангелами служить наследникам спасения? Не могут ли они

> [11] Порою, по поручению любви,
> Вновь навещать своих братьев внизу?

[12] Отрадна мысль, что некоторые из этих человеческих духов, сопровождающих нас вместе с ангелами или вместо них, принадлежат к числу тех, кто был дорог нам, когда пребывал в теле. Поэтому нет ничего нелепого в вопросе:

> [13] Неужели вы забыли собственную плоть,
> Искупленную общей ценою?
> Может ли вставший между нами поток смерти
> Разделить духов, единых во Христе?

[14] Но как бы то ни было, несомненно, человеческие духи быстро возрастают в знании, святости и счастье, общаясь со всеми мудрыми и святыми душами, жившими во все века и во всех народах от начала мира; с ангелами и архангелами, по сравнению с которыми сыны человеческие — лишь младенцы; и прежде всего — с вечным Сыном Божиим, «в Котором сокрыты все сокровища премудрости и знания». И особенно следует помнить: всё, что они узнают, они сохранят навсегда, ибо ничего не забывают. Забывание свойственно лишь духам, облечённым плотью и кровью.

15 7. Но как предстанет эта материальная вселенная перед бестелесным духом? Кто может сказать, будет ли какой-либо из окружающих нас предметов выглядеть так же, как теперь? И если мы так мало знаем о них, то что ныне можем знать о предметах совершенно иной природы, о духовном мире? По-видимому, мы вовсе не сможем различать их, пока не получим чувств иного рода, ещё не раскрытых в наших душах. Они могут дать нам возможность и проникать в сокровенную сущность вещей, в которых мы ныне различаем лишь поверхность, и различать бесчисленные вещи, о самом существовании которых теперь не имеем ни малейшего ощущения. Какие изумительные картины откроются тогда нашим вновь раскрывающимся чувствам! Вероятно, поля эфира не в десять, а в десять тысяч раз превышающие «протяжённость этого земного мира». И каким разнообразным будет их наполнение, одушевлённое и неодушевлённое! Сколько разрядов существ, недоступных органам из плоти и крови! Быть может, престолы, господства, начальства, силы, власти — будь то сохранившие свои первоначальные обители и первозданную силу или восставшие против Творца и изгнанные с неба! И разве не обозрим мы тогда, насколько простирается ангельское ведение, пределы творения и не увидим всякое место, где Всемогущий

> 16 Остановил Свои стремительные колёса и сказал:
> «Вот твоя точная окружность, о мир»?

17 Более того, разве не сможем мы двигаться быстро, как мысль, через обширные области несотворённой ночи? А главное, в самое мгновение вступления в вечность разве не почувствуем себя поглощёнными Тем, Кто находится здесь и везде, Кто наполняет небо и землю? Только завеса

плоти и крови ныне мешает нам воспринимать, что великий Творец не может не наполнять всей безмерности пространства. В каждое мгновение Он над нами, под нами и со всех сторон. Правда, в этом мрачном жилище, этой стране теней, этой области греха и смерти густое облако, вставшее между нами, скрывает Его от нашего взора. Но завеса исчезнет, и Он явится в незатемнённом величии, «сущий над всем Бог, благословенный вовеки»!

[18] 8. Как разнообразны занятия сынов человеческих в этом мире, ступающих «по тропам, которыми они ходили шесть тысяч лет назад»! Но кто знает, чем мы будем заняты, войдя в тот невидимый мир? Кое-что можем представить, и притом без всякого сомнения, если будем держаться того, что сам Бог открыл в Своём слове и что совершает в сердцах Своих детей. Рассмотрим сначала, чем могут заниматься нечестивые духи от смерти до воскресения. Мы не можем сомневаться, что, едва оставив тело, они оказываются окружены духами своего рода, вероятно как человеческими, так и дьявольскими. Какую власть над ними Бог может позволить этим духам, мы определённо не знаем. Но вполне возможно, Он позволит сатане употреблять их, как тот употребляет собственных ангелов, чтобы причинять смерть или различные бедствия людям, не знающим Бога. Для этого они могут поднимать бури на море и на суше, метать метеоры по воздуху, вызывать землетрясения и бесчисленными способами мучить тех, кого им не дозволено уничтожить. Там, где им не позволено отнять жизнь, они могут причинять разные болезни; и многие из тех, которые мы считаем естественными, несомненно, дьявольские. Я полагаю, так часто бывает с умалишёнными. Примечательно, что многие упомянутые в Писании люди, которых один евангелист называет

умалишёнными, у другого названы бесноватыми. Один из самых выдающихся врачей, каких я знал, особенно в лечении безумия, покойный доктор Дикон, определённо считал, что так обстоит дело со многими, если не с большинством, умалишёнными. И то, что эти болезни так часто излечиваются естественными средствами, не служит убедительным возражением: рану, нанесённую злым духом, можно было бы вылечить, как всякую другую, если только тому духу не позволено повторить удар. [93]

[19] 9. Не могут ли некоторые из этих злых духов также употребляться вместе со злыми ангелами, чтобы искушать нечестивых людей ко греху и доставлять им случаи для него? Более того, чтобы искушать ко греху добрых людей, даже после того как те избежали господствующего в мире растления? В этом они, несомненно, напрягают все свои силы и чрезвычайно торжествуют, если побеждают. Одно место у древнего автора может хорошо пояснить это, хотя, полагаю, он не намеревался, чтобы мы понимали его буквально: «Сатана созвал свои силы и расспрашивал, какое зло каждый совершил. Один сказал: “Я поджёг дом и погубил всех его обитателей”. Другой сказал: “Я поднял бурю на море и потопил корабль; все находившиеся на нём погибли в волнах”. Сатана ответил: “Быть может, сгоревшие и утонувшие спаслись”. Третий сказал: “Сорок лет я искушал святого человека совершить прелюбодеяние и оставил его спящим во грехе”. Услышав это, сатана встал, чтобы оказать ему почёт, и весь ад огласился его хвалой». Услышьте это все, кто воображает, будто не может отпасть от благодати!

[20] 10. Не должны ли мы тогда постоянно остерегаться этих коварных врагов? Хотя мы их не видим,

[21] Они неусыпно стоят на страже,
Следят за нами ночью и днём,
Никогда не дремлют, никогда не спят,
Чтобы не упустить добычу.

[22] В этом они соединяются с «мироправителями тьмы» — умственной тьмы — «века сего», то есть разлитых в нём невежества, нечестия и несчастья, чтобы препятствовать всякому добру и содействовать всякому злу. Для этого они непрерывно «с силою действуют в сынах противления». Более того, иногда через них они совершают те *ложные чудеса*, которые могли бы почти обмануть даже детей Божиих.

[23] 11. Но чем между тем, как мы можем предположить, заняты обитатели другой части гадеса, души праведников? Некоторые философствующие люди решительно утверждали, что духи не имеют места. Но они не замечают: если бы это было так, духи должны были бы быть вездесущими, а этого свойства нельзя приписывать никому, кроме Всемогущего Духа. Обитель этих блаженных духов древние иудеи обыкновенно называли раем — тем самым именем, которое дал ей наш Господь, сказав раскаявшемуся разбойнику: «Ныне же будешь со Мною в раю». Но кто может сказать или даже предположить, в какой части вселенной он находится, если Богу не угодно было ничего открыть об этом? Однако у нас нет оснований думать, что они ограничены этим местом или вообще каким-либо иным. Не лучше ли сказать, что они, «служители Его», подобно святым ангелам, «исполняют волю Его», будь то среди обитателей земли или в какой-либо другой части Его владений? И поскольку мы легко верим, что они быстрее света, даже быстры, как мысль, они вполне способны в мгновение ока

пересечь всю вселенную, чтобы исполнить Божественные повеления или созерцать дела Божии. Какое поприще открыто перед ними! И как безмерно могут они возрастать в знании, обозревая Его дела творения и промысла или Его многоразличную премудрость в Церкви! Какую глубину премудрости, силы и благости открывают они в Его способах «приведения многих сынов во славу»! Особенно когда беседуют обо всём этом со славными умершими древних дней: с Адамом, первым человеком; с Ноем, видевшим и первозданный, и разрушенный мир; с Авраамом, другом Божиим; с Моисеем, удостоенным говорить с Богом как бы «лицом к лицу»; с Иовом, усовершённым страданиями; с Самуилом, Давидом, Соломоном, Исаией, Даниилом и всеми пророками; с апостолами, благородным воинством мучеников и всеми святыми, жившими и умершими до сего дня; с нашими старшими братьями, святыми ангелами, херувимами, серафимами и всеми небесными сонмами; а превыше всех, носящих имя творения, — с Иисусом, Посредником нового завета! Между тем как они будут преуспевать в святости, во всём образе Божием, в котором были созданы, в любви к Богу и человеку, в благодарности своему Творцу и благожелательности ко всем другим созданиям! Однако отсюда не следует, как усердно утверждают некоторые, что эта всеобщая благожелательность сколько-нибудь помешает той особой привязанности, которую сам Бог вкладывает к нашим родным, друзьям и благодетелям. О нет! Если бы вы стояли у постели того умирающего святого, который восклицал: «У меня отец и мать ушли на небо», — в рай, вместилище счастливых духов, — «у меня десять братьев и сестёр ушли на небо, и теперь к ним иду я, одиннадцатый! Благословен Бог, что я родился!» —

неужели вы ответили бы: «Ну и что, что ты идёшь к ним? Они будут для тебя не более других людей, ибо ты их не узнаешь»? *Не узнаешь их!* Разве всё в вас не отшатывается от этой мысли? Правда, скептики могут спросить: «Как бестелесные духи узнают друг друга?» Отвечаю прямо: не могу сказать; но уверен, что узнают. Это так же ясно доказывается одним местом Писания, как могло бы доказываться тысячей. Разве богач и Лазарь не узнали друг друга в гадесе, даже издали, хотя находились по разные стороны «великой пропасти»? Можем ли тогда сомневаться, что души, пребывающие вместе в раю, будут знать друг друга? Итак, Писание ясно решает этот вопрос. То же делает и сам разумный смысл дела: ведь мы знаем, что всякое святое расположение, которое мы принесём с собою в рай, останется в нас навсегда. А благодарность благодетелям именно такова; поэтому она останется навсегда. Это подразумевает, что останется и знание наших благодетелей, без которого благодарность существовать не может.

[24] 12. И как умножит счастье духов, уже освобождённых от тела, то, что им дозволено служить оставленным позади! Бесспорное доказательство этому мы имеем в двадцать второй главе Откровения. Когда апостол пал ниц, чтобы поклониться славному духу, которого, по-видимому, принял за Христа, тот прямо сказал ему: «Я из твоих сослужителей, пророков», — не Бог, не ангел, а человеческий дух. И сколькими способами могут они «служить наследникам спасения»! Иногда противодействуя злым духам, которым мы не можем противостоять, потому что не видим их; иногда предотвращая вред от людей, зверей или неодушевлённых созданий. Как часто Богу может быть угодно ответить на молитву доброго епископа Кена:

[25] Пусть ангелы Твои, пока я сплю,
Вокруг постели бодрствуют моей;
Свою любовь ангельскую вольют,
Закроют злу все подступы!
Пусть возвещают небесные радости
И беседуют со мною мысль к мысли;
Или вместо меня всю ночь напролёт
Поют моему Богу благодарную песнь!

[26] И разве Отец духов не может поручить это служение совместно ангелам и человеческим духам, ожидающим достижения совершенства?

[27] 13. Правда, можно возразить, что Богу не нужны никакие подчинённые деятели, ни ангельские, ни человеческие духи, для охраны Своих детей во время бодрствования или сна, поскольку «Хранящий Израиля не дремлет и не спит». И, несомненно, Он способен сохранить их непосредственно Своею силою; более того, Он способен непосредственно Своею силою, совсем без каких-либо орудий, восполнить нужды всех Своих созданий и на небе, и на земле. Но Ему угодно и от начала мира всегда было угодно действовать не только непосредственно Своею силою, но главным образом посредством подчинённых средств. И как дивно проявляется Его премудрость в согласовании всех их между собою! Поэтому мы вполне можем воскликнуть: «Как многочисленны дела Твои, Господи! Всё соделал Ты премудро».

[28] 14. Это мы знаем обо всём устройстве и расположении видимого мира. Но как чрезвычайно мало мы ныне знаем о невидимом! И знали бы ещё меньше, если бы Творцу обоих миров не угодно было дать нам свет, превышающий естественный, дать нам «Своё слово как светильник ноге

и свет на всех наших путях». И древние святые люди при содействии Его Духа открыли многие подробности, о которых иначе у нас не было бы никакого представления.

[29] 15. А без откровения как мало достоверного о невидимом обрели мудрейшие люди! Слабые проблески света, которыми они обладали, были лишь предположениями. В лучшем случае это были слабые, тусклые сумерки, переданные ненадёжным преданием и столь затемнённые языческими баснями, что они всего на одну ступень превосходили полную тьму.

[30] 16. Насколько недостоверны были лучшие из этих догадок, легко понять из их собственных рассказов. Самый совершенный из них принадлежит великому римскому поэту. Заметьте, как осторожно он начинает с извинительного предисловия: Sit mihi fas audita loqui? — «Дозволено ли мне рассказать услышанное?» А в заключение, чтобы никто не вообразил, будто он верил этим рассказам, он выводит их рассказчика из гадеса через *врата слоновой кости*, сквозь которые, как он только что сообщил, проходят лишь сны и тени, — вполне ясный намёк, что всё предшествующее следует считать сновидением!

[31] 17. Как мало значения придавали они всем этим догадкам о невидимом мире, ясно видно из слов его собрата-поэта, который без всякого колебания утверждает:

> [32] Esse aliquos manes, et subterranea regna
> Nec pueri credunt.

[33] «В то, что есть призраки или подземные царства, теперь не верит ни один человек из них».

[34] Вот как мало мог открыть о невидимом и вечном мире даже самый развитый разум! Тем больше у нас причин славить Отца светов, открывшего очи нашего разумения для различения того, чего нельзя увидеть глазами из плоти и крови, за то, что Тот, Кто некогда воссиял из тьмы, воссиял в наших сердцах и озарил нас светом славы Божией в лице Иисуса Христа, «начальника и совершителя нашей веры», «Которым сотворил миры», Которым ныне поддерживает всё сотворённое Им. Ибо

> [35] Пока природа не узрит своего Судию,
> Царь Мессия царствует.

[36] Во всё это мы уверовали по свидетельству Бога, Творца всего видимого и невидимого; благодаря этому свидетельству мы уже знаем то, что существует ныне, хотя ещё не видно, а также то, что будет существовать в свой срок, пока этот видимый мир не пройдёт и Сын Человеческий не придёт во славе Своей.

[37] 18. Итак, какую благодарность должны мы воздать Богу, удостоившему бедных обитателей земли этой «уверенности в невидимом», без которой они оставались бы в полной тьме относительно него! Как бесценен даже этот несовершенный свет для объятых ночью сынов человеческих! Какую помощь оказывает он недостаткам наших чувств и, следовательно, нашего разумения, которое не может сообщить нам ничего, что прежде не было представлено чувствами! Но этим в наших душах открывается, так сказать, новый ряд чувств, и благодаря ему

> [38] То, что неведомо слабому чувству,
> Невидимо в мерцающем луче разума,
> С мощною, властною очевидностью

Являет своё небесное происхождение.
Вера даёт свой свет, делающий всё действительным:
Облака расходятся, тени бегут;
Невидимый предстаёт взору,
И БОГ видим смертному оку!

[39] Лондон, 17 января 1791 года.

Лукавство человеческого сердца

[1] «Сердце человеческое лукаво более всего и крайне испорчено; кто узнает его?»

[2] Иер. 17:9.

[3] 1. Самые выдающиеся из древних язычников оставили нам много свидетельств об этом. Действительно, общим их мнением было, что существовало время, когда люди в целом были добродетельны и счастливы; они называли его «золотым веком». Рассказ о нём распространился почти среди всех народов. Но столь же общим было убеждение, что этот счастливый век давно миновал и люди ныне живут посреди «железного века». При его наступлении, говорит поэт,

> [4] Irumpit venae pejoris in aeuum
> Omne nefas: fugere pudor, verumque, fidesque
> In quorum subiere locum, fraudesque, dolique
> Insidiaeque, et vis, et amor sceleratus habendi.
>
> [5] Тотчас полным потоком хлынули
> Всякое нечестие и грех;
> Стыд, истина и верность поспешно бежали,
> И проклятая жажда золота царила безраздельно.

[6] 2. Но насколько больше этих древних язычников знает нынешнее поколение христиан! Как много пространных панегириков достоинству человеческой природы мы ныне читаем и слышим! Один выдающийся проповедник в проповеди, произнесённой и напечатанной несколько лет назад, не колеблется утверждать, во-первых, что люди вообще, если не каждый в отдельности, весьма мудры;

во-вторых, что люди вообще весьма добродетельны; и, в-третьих, что они весьма счастливы. И я не знаю никого, кто до сих пор оказался бы достаточно смел, чтобы оспорить это утверждение.

[7] 3. Близки к этому были суждения одного остроумного господина, который на вопрос: «Милорд, что вы думаете о Библии?» — ответил: «Я считаю её лучшей книгой, какую когда-либо читал в жизни. Не понимаю лишь той части, которая говорит об устройстве посредничества, ибо не вижу никакой нужды в Посреднике между Богом и человеком. Правда, — продолжил он, — если бы я был грешником, тогда мне был бы нужен Посредник; но я не считаю себя таковым. Верно, я часто поступаю неправильно по недостатку разумения; и часто ч*увствую* дурные расположения, особенно склонность к гневу; но я не могу признать это грехом, потому что оно зависит от движения моей крови и жизненных духов, которому я не могу воспрепятствовать. Поэтому это не может быть грехом; а если и грех, то вина должна пасть не на *меня*, а на Того, Кто меня создал». Вот подлинные суждения благочестивого лорда Кеймса и скромного господина Юма!

[8] 4. Несколько лет назад одна милосердная женщина открыла, что в мире нет грешника, кроме дьявола. «Ибо, — говорила она, — он *принуждает* людей поступать так, как они поступают; следовательно, они не отвечают за это: вина падает на сатану». Но эти более просвещённые господа открыли, что «в мире нет грешника, кроме Бога! Ведь Он *принуждает* людей мыслить, говорить и действовать так, как они делают; поэтому вина падает только на Бога». Прочь, сатана! Можно усомниться,

произносил ли даже он сам когда-нибудь столь нелепое богохульство!

[9] 5. Но что бы ни говорили некрещёные или крещёные неверующие о невинности человечества, Тот, Кто создал человека и лучше всех знает Своё создание, даёт совершенно иное описание. Он сообщает нам, что «сердце человека», всего человечества, каждого рождающегося в мир человека, «крайне испорчено» и что оно «лукаво более всего». Поэтому мы вполне можем спросить: «Кто узнает его?»

[10] I. 1. Начнём с этого: «Сердце человеческое крайне испорчено». Рассматривая это, нам незачем обращаться к каким-либо отдельным грехам: они лишь листья или, самое большее, плоды, произрастающие на дурном дереве. Лучше обратиться к общему корню всего. Посмотрите, как впервые он был посажен на самом небе «Люцифером, сыном зари», до того, несомненно, «одним из первых, если не первым архангелом»: «Ты сказал: сяду на краю севера». Вот своеволие, первенец сатаны! «Буду подобен Всевышнему». Вот гордость, сестра-близнец своеволия. Таково истинное происхождение зла. Отсюда неиссякаемый поток бедствий хлынул на нижний мир. Когда сатана однажды влил собственное своеволие и гордость в прародителей человечества вместе с новым видом греха — любовью к миру, любовью к творению более Творца, — вскоре ворвалось всяческое нечестие, всякое безбожие и неправедность, разрастаясь в преступления всех видов и покрывая всё лицо земли всевозможными мерзостями. Перечислять все вырвавшиеся наружу злодеяния было бы бесконечным трудом. Теперь разверзлись источники великой бездны. Земля вскоре сделалась полем крови: месть, жестокость,

честолюбие со всякой несправедливостью, всякого рода общественными и частными обидами распространились по всей земле. Несправедливость в десяти тысячах обличий, ненависть, зависть, злоба, кровожадность и всяческий обман торжествовали, пока Творец, взглянув с неба, не отказался более внимать мольбам за неисправимый род и не смёл его с лица земли. Но как мало последующие поколения исправились от этого сурового суда! Жившие после потопа, по-видимому, ничуть не были лучше живших до него. В короткое время, вероятно ещё до ухода Ноя с земли, всякая неправедность воцарилась, как прежде.

11 2. Но разве в мире нет Бога? Несомненно, есть; и «Он сотворил нас, а не мы сами». Он сотворил нас даром, по одной лишь Своей милости, ибо до обретения бытия мы ничего не могли у Него заслужить. По Его милости мы вообще созданы, созданы чувствующими, разумными существами и, прежде всего, существами, способными воспринимать Бога. Это, и только это, составляет существенное различие между людьми и животными. Но если Он сотворил нас и дал нам всё, что у нас есть, если всем, что мы есть и имеем, мы обязаны Ему, то, несомненно, Он имеет право на всё, что мы есть и имеем, на всю нашу любовь и всё послушание. Это признавали почти все, кто считал себя Его созданием, во все века и во всех народах. Но несколько лет назад один учёный человек откровенно признался: «Я никогда не мог понять, почему то, что Бог нас создал, даёт Ему право управлять нами или почему наше сотворение возлагает на нас обязанность повиноваться Ему». Думаю, доктор Хатчесон был первым человеком, когда-либо усомнившимся в этом, первым, кто усомнился, а тем более отрицал, что творение обязано повиноваться своему Творцу. Если

сатана когда-нибудь питал эту мысль, хотя едва ли он это делал, неудивительно, что он восстал против Бога и начал войну на небе. Отсюда и в сердцах людей возникла бы вражда против Бога вместе со всеми ветвями безбожия, которые и ныне в них изобилуют. Отсюда естественно возникло бы пренебрежение всяким долгом перед Ним как нашим Творцом и все страсти и надежды, прямо противоположные каждому такому долгу.

[12] 3. От дьявола дух независимости, своеволия и гордости, порождающий всякое безбожие и неправедность, быстро проник в сердца наших прародителей в раю. После того как они вкусили от древа познания, всевозможные нечестие и бедствия полным потоком хлынули на землю, отчуждили нас от Бога и проложили путь всему остальному. Безбожие, ныне модно называемое рассеянностью, и идолопоклонство, любовь к миру, поиски счастья в том или ином творении покрыли всю землю.

> [13] Правыми и сердцем, и волей
> Создал нас наш Бог;
> Но мы от добра обратились ко злу
> И заблудились среди творений;
> Умножили блуждающие мысли,
> Прежде устремлённые лишь к Богу,
> В десяти тысячах предметов искали
> Блаженство, утраченное в Одном.

[14] 4. Бесконечно было бы перечислять все виды нечестия в мыслях, словах и делах, ныне разлившиеся по земле, в каждом народе, городе и семействе. Все они сходятся в следующем: безбожие или идолопоклонство; гордость — либо мысли о себе выше должного, либо похвальба чем-либо полученным, будто оно не получено;

независимость и своеволие — исполнение собственной воли, а не воли Сотворившего их. Прибавьте к этому поиски счастья вне Бога, в удовлетворении похоти плоти, похоти очей и гордости житейской. Отсюда печальная истина: всё человечество ныне, как и четыре тысячи лет назад, если только Дух Божий не произвёл перемены, «извратило пути свои пред Господом, и всякое помышление мыслей человеческого сердца — зло, только зло, и притом постоянно». Поэтому как бы ни различались люди по внешним путям, в которых, несомненно, есть тысяча различий, всё же относительно внутреннего корня — вражды против Бога, безбожия, гордости, своеволия и идолопоклонства — обо всех верно, что «сердце человека», всякого природного человека, «крайне испорчено».

[15] 5. Но если так, почему не каждый это сознаёт? Ибо кто должен «знать, что в человеке, как не дух человеческий, живущий в нём»? Почему так немногие знают себя? По простой причине: сердце не только «крайне испорчено», но и «лукаво более всего». Столь лукаво, что мы вполне можем спросить: «Кто узнает его?» Кто же, кроме создавшего его Бога? С Его помощью мы можем, во-вторых, рассмотреть это — лукавство человеческого сердца.

[16] II. 1. «Оно лукаво более всего», то есть в высочайшей степени, превосходящей всё, что мы можем представить. Столь лукаво, что большинство людей непрерывно обманывает и себя, и других. Как странно они обманывают себя, не зная ни собственных расположений, ни собственного характера, воображая себя гораздо лучше и мудрее, чем они есть! Древний поэт полагает, что нет исключения из правила: «Никто не желает знать

собственное сердце». Ut nemo in sese tentat descendere, nemo! Никто, кроме наученных Богом!

17 2. И если люди так обманывают себя, удивительно ли, что они обманывают и других и что мы так редко находим «истинного израильтянина, в котором нет лукавства»? Перебирая несколько лет назад свои книги, я нашёл следующую заметку: «Сегодня мне тридцать лет; и до этого дня я не знаю, встречал ли, кроме как в доме моего отца, хоть одного человека этого возраста, который не прибегал бы к лукавству в большей или меньшей мере».

18 3. Это один из видов крайней испорченности, прилипшей к природе всякого человека и происходящей от тех плодовитых корней — своеволия, гордости и независимости от Бога. Отсюда проистекает всякий вид порока и нечестия, всякий грех против Бога, ближнего и самого себя. Против Бога — забвение и презрение Бога, Его имени, Его дня, Его слова, Его установлений; безбожие, с одной стороны, и идолопоклонство — с другой; в частности, любовь к миру, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская; любовь к деньгам, власти, покою, «славе от людей»; любовь к творению более Творца; сластолюбие более, нежели боголюбие. Против ближнего — неблагодарность, мстительность, ненависть, зависть, злоба, немилосердие.

19 4. Поэтому в сердце всякого сына человеческого есть неиссякаемый запас безбожия и неправедности, столь глубоко и прочно укоренённый в душе, что исцелить её может только всемогущая благодать. Отсюда естественно вырастает обильная жатва всяких злых слов и дел, а в довершение всего — совокупность всех зол:

[20] То гнусное чудовище, Война, что нам встречается,
Повергает в прах благороднейшее дело творения,
Напрасно носящее славный образ Создателя,
Не защищённое от тебя!

[21] В свите этого жестокого чудовища — убийство, прелюбодеяние, изнасилование, насилие и жестокость всякого рода. И все эти мерзости встречаются не только в магометанских или языческих странах, где страшная практика может казаться естественным результатом столь же страшных принципов, но и в странах, называемых христианскими, даже в самых просвещённых и цивилизованных государствах и царствах. И пусть не говорят: «Так бывает только в римско-католических странах». Нет, мы, называющиеся реформатами, ничуть не уступаем им во всяческом нечестии. Поистине, ни одно преступление, когда-либо господствовавшее среди турок или татар, не остаётся без подобия в любой части христианского мира. Более того, ни один грех, когда-либо являвшийся в языческом или папском Риме, не отсутствует ныне в Германии, Франции, Голландии, Англии и всякой другой протестантской, равно как и папистской, стране. Так что ныне о всяком европейском дворе можно было бы сказать с той же истинностью и столь же немногими исключениями, как некогда о дворе Саула: «Нет праведного ни одного; все стали мерзки; нет разумеющего и ищущего Бога».

[22] 5. Но разве нет исключения из испорченности человеческого сердца? Есть — в рождённых от Бога. «Рождённый от Бога хранит себя, и лукавый не прикасается к нему». Бог «очистил его сердце верою», так что нечестие отступило от него. «Древнее прошло, и всё» в нём «стало новым». Поэтому его сердце уже не

крайне испорчено, но «обновлено в праведности и истинной святости». Только следует помнить, что сердце даже верующего не вполне очищено в момент оправдания. Грех тогда побеждён, но не искоренён; покорён, но не уничтожен. Опыт показывает ему, во-первых, что корни греха — своеволие, гордость и идолопоклонство — всё ещё остаются в его сердце. Но пока он продолжает бодрствовать и молиться, ни один из них не может одолеть его. Во-вторых, опыт учит его, что грех, обыкновенно гордость или своеволие, прилепляется к самым лучшим его поступкам; поэтому даже в отношении их он обнаруживает безусловную необходимость искупительной крови.

[23] 6. Но как искусно это скрывается не только от других, но и от нас самих! Кто может обнаружить его под всеми принимаемыми им личинами или проследить через все его тайные лабиринты? И если так трудно познать сердце доброго человека, кто может познать сердце нечестивого, гораздо более лукавое? Ни один невозрождённый человек, как бы рассудителен, опытен и мудр в своём роде он ни был. А между тем именно эти люди кичатся «знанием света» и воображают, что видят всех насквозь. Суетные люди! О них можно смело сказать: они «ещё ничего не знают, как должно знать». Даже тот государственный деятель прошлого царствования не знал ни своего, ни чужого сердца, хотя любил повторять: «Не говорите мне о вашей добродетели или религии; говорю вам, у каждого человека есть своя цена». Да, сэр Р., у каждого подобного вам, у каждого, кто продаёт себя дьяволу.

[24] 7. Знал ли человеческое сердце тот достопочтенный негодяй, по сравнению с которым сэр Р. был святым,

который так настойчиво советовал собственному сыну «никогда не говорить правду, лгать или притворяться всякий раз, когда говорит, постоянно носить маску»? Который усердно наставлял его «соблазнять не *незамужних женщин*», поскольку за этим могли последовать некоторые неудобства, «а всегда замужних»? Можно ли представить, чтобы у этого ползающего животного когда-нибудь были собственная жена или замужняя дочь? О редкостный лорд Ч.! Заслуживал ли когда-нибудь человек, хотя и пэр королевства, настолько же смерти у Ньюгейта? Или заслуживала ли когда-нибудь книга сожжения рукою публичного палача столь же сильно, как его «Письма»? Знал ли человеческое сердце господин Дэвид Юм, если возможно, ещё ниже обоих предыдущих? Не более червя или жука. Поиграв «так праздно со стрелами смерти», находишь ли ты теперь это поводом для смеха? Что думаешь ныне о Хароне? Переправил ли он тебя через Стикс? Наконец он научил тебя немного знать собственное сердце! Наконец ты знаешь, что страшно впасть в руки Бога живого!

[25] 8. Один из самых способных защитников неверия, быть может самый изящный и самый благопристойный писатель из всех, когда-либо создавших систему религии, ничем не обязанную Библии, от полноты сердца восклицает: «Кто не пожелал бы, чтобы существовало полное доказательство христианского откровения, поскольку это, несомненно, самая человеколюбивая система, когда-либо явившаяся в мире!» Не мог ли он добавить иного рода основание: потому что без него человек должен остаться совершенною загадкой для самого себя? Даже с помощью Откровения он знает чрезвычайно мало; без него знал бы гораздо меньше и ничего достоверно. Без света, даруемого нам словами

Божиими, как могли бы мы согласовать его величие с его ничтожеством, признавая вместе с сэром Джоном Дэвисом:

[26] Я знаю: душе моей дана сила познавать всё,
И всё же она слепа и ничего не знает;
Я знаю: я один из малых царей природы,
Но в рабстве у ничтожнейших и низких вещей.

[27] 9. Кто же знает сердца всех людей? Несомненно, никто, кроме Сотворившего их. Кто знает собственное сердце? Кто может сказать, как глубока его вражда против Бога? Кто знает, насколько глубоко оно погрузилось в природу сатаны?

[28] III. 1. Не можем ли мы из предшествующих размышлений усвоить, во-первых: «Кто надеется на собственное сердце, тот глуп»? Ведь кто из мудрых доверится тому, кого знает как «крайне испорченного», особенно тому, о ком из тысячи опытов узнал, что он «лукав более всего»? Чего нам ожидать, если мы по-прежнему доверяем известному лжецу и обманщику, кроме того, что будем обмануты и проведены до конца?

[29] 2. Во-вторых, отсюда мы можем заключить об истинности другого размышления Соломона: «Видел ли ты человека, мудрого в собственных глазах? На глупого больше надежды, нежели на него». Ибо как далёк должен быть от мудрости человек, никогда не подозревавший, что ему её недостаёт! И не помешает ли высокое мнение о себе принимать наставления от других? Не будет ли он склонен сердиться на увещание и принимать обличение за оскорбление? Поэтому не окажется ли он менее готов принимать наставление, чем даже тот, у кого мало природного разумения? Несомненно, ни один глупец не

так неспособен к исправлению, как воображающий себя мудрым. Считающий, что ему не нужен врач, едва ли извлечёт пользу из его совета.

[30] 3. В-третьих, не можем ли мы отсюда усвоить мудрость предостережения: «Кто думает, что стоит, берегись, чтобы не упасть»? Или, точнее передавая текст: «Кто несомненно стоит, берегись, чтобы не упасть». Как бы твёрдо он ни стоял, сердце у него всё ещё лукаво. Во скольких случаях он уже был обманут! И может быть обманут снова. Допустим, теперь он не обманывается; следует ли отсюда, что никогда не будет? Разве он не стоит на скользком месте? И разве не окружён сетями, в которые может упасть и более не подняться?

[31] 4. Разве не мудро тому, кто ныне стоит, непрестанно взывать к Богу: «Испытай меня, Господи, и проверь меня; исследуй внутренности мои и сердце моё! Посмотри, нет ли во мне какого пути нечестия, и веди меня путём вечным»? Ты один, Боже, «знаешь сердца всех сынов человеческих». О, покажи мне, какого я духа, и не дай обманывать собственную душу! Не дай мне «думать о себе более, нежели должно думать», но дай всегда «мыслить скромно, по мере веры, какую Ты уделил мне»!

[32] Галифакс, 21 апреля 1790 года.

Небесное сокровище в глиняных сосудах

[1] «Мы носим это сокровище в глиняных сосудах».

[2] 2 Кор. 4:7.

[3] 1. Как долго человек был для самого себя сплошною загадкой! Сколько веков мудрейшие люди были совершенно неспособны раскрыть тайну, примирить его странные противоречия — удивительную смесь добра и зла, величия и малости, благородства и низости! Чем глубже они размышляли об этом, тем больше запутывались. Чем больше усилий прилагали, чтобы прояснить предмет, тем сильнее терялись в тщетных, ненадёжных догадках.

[4] 2. Но то, чего не могла совершить вся человеческая мудрость, в надлежащее время совершила премудрость Божия. Когда Богу угодно было дать рассказ о происхождении вещей и в особенности человека, вся тьма исчезла и воссиял ясный свет. «Бог сказал: сотворим человека по образу Нашему». И это было совершено: человек создан по образу Божию. Поэтому мы можем дать ясное, удовлетворительное объяснение величию, превосходству и достоинству человека. Но «человек, бывший в чести», не остался в ней, а восстал против своего верховного Господа. Тем самым он совершенно утратил не только благоволение, но и образ Божий. И «в Адаме все умерли», ибо падший «Адам родил сына по своему подобию». Так мы научаемся давать ясное, вразумительное объяснение малости и низости человека.

Он опустился даже ниже погибающих животных. Человеческая природа ныне не только чувственна, но и бесовская. В каждом рождающемся в мир человеке есть то, чего нет ни в одной части животного творения, — ни один зверь не пал так низко: «плотский ум, который есть вражда», прямая вражда, «против Бога».

[5] 3. Поэтому, рассматривая вместе эти события — сотворение и падение человека, — можно легко и вполне понять все противоречия его природы. Величие и малость, достоинство и низость, счастье и несчастье его нынешнего состояния уже не тайна, а ясные последствия его первоначального состояния и его восстания против Бога. Вот ключ, раскрывающий всю тайну и устраняющий все затруднения: он показывает, каким Бог создал человека вначале и каким человек сделал себя сам. Правда, человек может вновь обрести значительную меру «образа Божия, в котором был создан». Но всё же, что бы мы ни обрели вновь, «это сокровище мы будем носить в глиняных сосудах».

[6] Чтобы иметь об этом ясное представление, мы можем исследовать, во-первых, что такое «сокровище», которым ныне обладаем, и, во-вторых, рассмотреть, как «мы носим это сокровище в глиняных сосудах».

[7] I. 1. Итак, во-первых, исследуем, что за сокровище имеют верующие христиане. Я говорю: верующие, ибо непосредственно о них говорит здесь апостол. Частью этого сокровища они обладают вместе с прочими людьми — остатками образа Божия. Не можем ли мы включить сюда, во-первых, нематериальное начало, духовную природу, наделённую разумением, чувствами и некоторой мерой свободы, способности самостоятельно двигаться и даже управлять собою? Иначе мы были бы простыми

машинами, чурбанами и камнями. А во-вторых, всё то, что обыкновенно называют естественною совестью, подразумевающей некоторое различение нравственного добра и зла, с одобрением одного и неодобрением другого внутренним наставником, оправдывающим или обвиняющим. Несомненно, естественна ли она или добавлена благодатью Божией, она присутствует, хотя бы в малой степени, в каждом сыне человеческом. Нечто от неё находится во всяком человеческом сердце, выносящем суд о добре и зле, — не только у всех христиан, но и у всех магометан, всех язычников, даже самых низких дикарей.

[8] 2. Не можем ли мы верить, что у всех христиан, хотя бы лишь по имени, по крайней мере иногда бывает некоторое желание угодить Богу, некоторый свет относительно того, что действительно Ему угодно, и некоторое обличение совести, когда они сознают, что не угождают Ему? Такое сокровище имеют все сыны человеческие в большей или меньшей мере, даже когда ещё не знают Бога.

[9] 3. Но апостол говорит здесь не о них, и предмет его рассуждения — не это сокровище. Люди, о которых он здесь говорит, — рождённые от Бога, «оправдавшиеся верою» и ныне имеющие искупление кровью Иисуса, то есть прощение грехов; наслаждающиеся миром Божиим, превосходящим всякое разумение; те, чья душа величит Господа и радуется в Нём радостью неизреченной и кто чувствует «любовь Божию, излитую в сердца их Духом Святым, данным им». Вот сокровище, которое они получили: вера, произведённая Богом; мир, возносящий их выше страха смерти и позволяющий быть довольными во всём; надежда, исполненная бессмертия, благодаря которой они уже «вкушают сил будущего века»; любовь

Божия, излитая в их сердца вместе с любовью к каждому сыну человеческому, и обновление во всём образе Божием, во всякой праведности и истинной святости. Именно и непосредственно об этом сокровище говорит здесь апостол.

[10] II. 1. Но его, как оно ни бесценно, «мы носим в глиняных сосудах». Это чрезвычайно точное слово, обозначающее и хрупкость сосудов, и низкую ценность материала, из которого они сделаны. Оно прямо означает то, что мы называем глиняной посудой, фарфором и подобным. Как непрочны такие вещи, как легко разбиваются! Именно так обстоит дело со святым христианином. Небесное сокровище мы носим в земных, смертных, тленных телах. «Прах ты, — сказал праведный Судия Своему мятежному созданию, до того нетленному и бессмертному, — и в прах возвратишься». Как прекрасно, но с какой смесью света и тьмы касается этой перемены языческий поэт! Post ignem etherea domo subduxerat — «После того как человек похитил огонь с неба», какой образ запретного знания! — macies et nova febrium — то неведомое воинство чахоток, лихорадок, болезней и всевозможных болей разбило свой стан на земле, куда до тех пор им было столь же невозможно проникнуть, как взобраться на небо; и всё это служило введению и подготовке пути последнему врагу — смерти. С того мгновения, как был произнесён этот страшный приговор, тело восприняло в себя смертный приговор, если не с самого мгновения, когда наши прародители довершили восстание вкушением запретного плода. Не можем ли мы с вероятностью предположить, что в нём было некое природное свойство, посеявшее семена смерти в человеческом теле, до тех пор нетленном и бессмертном? Как бы то ни было, несомненно, с этого времени «тленное

тело стало отягощать душу». И неудивительно, поскольку душа во время жизненного союза с телом не может совершать никаких действий иначе, как в соединении с телом, с его телесными органами. Но все они вследствие человеческого падения унижены и повреждены больше, чем мы можем представить, а мозг, от которого душа зависит более непосредственно, — не меньше остального тела. Следовательно, если эти орудия, которыми действует душа, расстроены, самой душе неизбежно чинятся препятствия в её действиях. Как бы искусен ни был музыкант, музыка будет плоха, если его инструмент расстроен. От расстроенного мозга, каковым в большей или меньшей мере обладает каждый сын человеческий, неизбежно возникает спутанность восприятия, проявляющаяся в тысяче случаев, а естественным её следствием — ложное суждение и неверные выводы; из них же последуют бесчисленные ошибки вопреки всей возможной осторожности. Но ошибки суждения часто дают повод к ошибкам в поступках: естественно приводят к тому, что в одних случаях мы неверно говорим, в других неверно действуем; более того, они могут вызвать не только неверные слова и действия, но и неверные расположения. Если я считаю человека лучше, чем он есть, то вследствие этого действительно люблю его больше, чем он заслуживает. Если другого считаю хуже, чем он есть, то вследствие этого буду любить его меньше, чем он заслуживает. Оба эти расположения неверны. Однако, возможно, избежать того или другого не в моей власти.

11 2. Таковы неизбежные последствия того, что «мы носим эти сокровища в глиняных сосудах». Не только смерть и её предвестники — болезнь, слабость, боль и тысяча немощей, — но и заблуждение в десяти тысячах обличий

всегда будут готовы напасть на нас. Таково нынешнее состояние человечества! Таково состояние самых мудрых людей! Господи, «что есть человек, что Ты всё ещё помнишь его, или сын человеческий, что Ты обращаешь на него внимание»?

[12] 3. Нечто от этой великой истины, что «тленное тело отягощает душу», сильно выражено в знаменитых строках древнего поэта. Говоря о человеческих душах, он произносит:

> [13] Igneus est ollis vigor, et coelestis origo
> Semnibus; quantum non noxia corpora tardant,
> Terrenique hebetant artus, moribundaque membra.
>
> [14] Эти семена небесного огня
> Врождённой силой устремились бы к истоку,
> Но земные члены преграждают им полёт
> И удерживают взлёт к равнинам света.

[15] 4. Но допустим, премудрому Творцу угодно было за человеческий грех позволить душам людей вообще столь бедственно отягощаться тленным телом; почему же Он позволяет превосходному сокровищу, вверенному Своим детям, по-прежнему храниться в этих бедных глиняных сосудах? Разве такой вопрос не возник бы естественно у всякого размышляющего человека? Возможно, возник бы; поэтому апостол немедленно даёт нам полный ответ: Бог сделал это, чтобы «преизбыточная сила была Божия, а не наша», чтобы стало неоспоримо ясно, Кому принадлежит эта превосходная сила, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Ним, но все, получившие это сокровище, непрерывно взывали: «Не нам, но Тебе, Господи, да будет хвала ради имени Твоего и истины Твоей».

16 5. Несомненно, таков был главный замысел Бога в этом дивном устроении: смирить человека, сделать и сохранить его малым, бедным, низким и ничтожным в собственных глазах. И что бы мы от этого ни претерпевали, мы вполне вознаграждены, если это служит средством «удалить гордость от человека», повергнуть нас низко в прах даже тогда, когда мы особенно рискуем превознестись превосходными дарами Божиими!

17 6. Более того, если мы страдаем от этого, от низкого жилища бессмертного духа; если боль, болезнь и бесчисленные другие скорби, которым иначе мы не подвергались бы, нападают на нас со всех сторон и наконец повергают в прах смерти, — что мы от этого теряем? Теряем? Нет: «Во всём этом мы более чем победители чрез Возлюбившего нас». Приходите же, болезнь, слабость, боль — скорби, по человеческому выражению. Разве не приобретём мы через них бесконечно многое? Не приобретём ли во веки веков? Ведь «эти лёгкие, кратковременные страдания производят в нас в безмерном преизбытке вечную тяжесть славы»!

18 7. И разве сознание нынешней слабости не учит нас действенно тому, в чём заключена наша сила? Как громко оно возвещает: «Уповай на Господа Иегову, ибо в Нём вечная сила!» Уповай на Того, Кто пострадал в тысячу раз больше, чем ты когда-либо сможешь! Разве не имеет Он всякой власти на небе и на земле? Тогда что с того, что

> 19 Небесное сокровище мы ныне носим
> В убогом глиняном доме!
> Он всё же спасёт совершенно
> И сохранит его до того дня.

[20] Потто, 17 июня 1790 года.

О жизни без Бога

[1] «Без Бога в мире».

[2] Еф. 2:12.

[3] 1. Быть может, точнее было бы перевести эти слова: *«Безбожники в мире»*. Это представляется несколько более сильным выражением, чем «без Бога в мире», которое звучит почти отрицательно и не обязательно подразумевает больше, чем отсутствие общения или связи с Богом. Напротив, под словом «безбожник» обыкновенно понимают нечто положительно утверждаемое: не только отказ от всякого общения с Ним, но и отрицание самого Его бытия.

[4] 2. Положение этих несчастных людей можно хорошо пояснить недавним случаем, в истинности которого нельзя разумно сомневаться, поскольку свидетелей было весьма много. Старый дуб срубили и раскололи посередине; из самой сердцевины дерева выползла большая жаба и удалилась со всею доступной ей быстротой. Сколько же времени, как мы можем с вероятностью предположить, это создание провело там? Вполне возможно, оно оставалось в своём гнезде более ста лет. Возможно, оно было почти, если не совершенно, ровесником дуба, каким-то образом оказавшись заключённым в нём при его посадке. Поэтому небезрассудно предположить, что оно прожило этой странной жизнью по меньшей мере столетие. Мы говорим: *прожило*. Но какая жизнь! Какая желанная! Какая завидная! Как говорит Каули:

[5] О жизнь, драгоценнейшая и дражайшая!
О жизнь, которой пожелали бы эпикурейцы!

[6] Посвятим несколько размышлений столь необычному случаю и извлечём из него некоторую пользу.

[7] 3. У этого бедного животного были органы чувств, но не было никаких ощущений. У него были глаза, однако ни один луч света никогда не проникал в его чёрное жилище. С самого первого мгновения своего существования там оно было заключено в непроницаемой тьме. Оно было отрезано от солнца, луны и звёзд, от прекрасного лика природы, от всего видимого мира так, словно тот вовсе не существовал.

[8] 4. Поскольку воздух не мог проникнуть в его мрачное убежище, оно, следовательно, не могло *слышать*. Какими бы органами оно ни было снабжено, они не могли принести пользы, ибо колеблющийся воздух не мог найти пути через окружавшие его стены. Нет также оснований полагать, что у него было какое-либо чувство, подобное *обонянию* или *вкусу*. Для существа, не нуждавшегося в пище, они не могли иметь никакого применения. Не было и пути, которым предметы обоняния или вкуса могли бы к нему приблизиться. Даже с общим чувством — *осязанием* — оно должно было быть знакомо весьма мало, если вообще было знакомо: всегда оставаясь в одном неизменном положении среди окружавших его частей, оно не могло получить от них новых впечатлений, поскольку все они были неподвижно закреплены. Поэтому час за часом, день за днём, всё время своего существования оно имело лишь одно ощущение.

[9] 5. И поскольку это бедное животное было лишено *ощущений*, оно должно было быть столь же лишено

размышления. Его голова, какова бы она ни была, не имея материала для работы, никаких представлений, доставляемых ощущением, не могла породить никакой степени *размышления*. Поэтому у него едва ли могли быть какая-либо *память* или *воображение*. Не могло оно иметь и *способности* менять место, будучи так тесно стеснено со всех сторон. Даже если в нём были какие-либо источники движения, эта сила не могла проявиться, потому что теснота полости не допускала перемены места.

[10] 6. Какую точную параллель можно провести между этим существом, которое едва ли можно назвать животным, и человеком, пребывающим «без Бога в мире»! А таково подавляющее большинство даже называющихся христианами. Я не имею в виду, что они безбожники в обычном смысле слова. Не думаю, что таковых столь много, как многие воображали. Более пятидесяти лет расспрашивая и наблюдая, насколько мог, я не нашёл и двадцати человек, которые всерьёз не верили бы в существование Бога; более того, на Британских островах нашёл, насколько могу судить, лишь двоих. Оба тогда жили в Лондоне и много лет держались этого убеждения. Но за несколько лет до того, как их призвали предстать пред Богом, и Джон С—, и Джон Б— вполне убедились, что Бог существует; и, что ещё примечательнее, сначала они убедились, что Он страшный Бог, а затем — что Он милосердный Бог. Упоминаю эти два случая, чтобы показать не только то, что в мире есть действительные безбожники в буквальном смысле, но и то, что даже они, если снисходят до просьбы, могут обрести «благодать для благовременной помощи».

[11] 7. Но, говоря об атеистах, или пребывающих «без Бога в мире», я имею в виду не таких людей, а лишь практических безбожников, у которых не Бог во всех помыслах; которые не познакомились с Ним и не имеют с Ним общения; у которых не больше связи с Богом или невидимым миром, чем у того животного было с видимым. Я постараюсь провести параллель между ними. И да приложит её Бог к их сердцам!

[12] 8. Каждый из них находится по отношению к невидимому миру в точности в таком положении, в каком жаба находилась по отношению к видимому. У того создания, несомненно, была некая жизнь, какова бы она ни была. У него, конечно, были все внутренние и внешние части, необходимые для животной жизни, и, без сомнения, соответствующие соки, поддерживавшие своего рода круговращение. Вот уж поистине жизнь! И точно такова жизнь безбожника, человека «без Бога в мире». Какая толстая завеса отделяет его от невидимого мира, который для него словно не существует! У него нет ни малейшего восприятия этого мира, ни самого отдалённого представления. Он нисколько не видит Бога, духовное Солнце, не имеет ни малейшего влечения к Нему или желания хоть как-нибудь познать Его пути. Хотя Его свет распространился по всем землям, а Его звук — до края мира, человек *слышит* его не больше, чем баснословную музыку сфер. Он ничего не *вкушает* от благости Божией или сил будущего века. Он не *чувствует*, как выражается наша Церковь, действия Святого Духа в своём сердце. Одним словом, у него не больше общения с духовным миром и знания о нём, чем у этого бедного создания было с естественным миром, пока оно находилось в своём тёмном заточении.

[13] 9. Но в то мгновение, когда Дух Всемогущего касается сердца человека, до тех пор бывшего без Бога в мире, Он сокрушает сердечную твёрдость и творит всё новым. Является Солнце праведности и сияет в его душе, показывая свет славы Божией в лице Иисуса Христа. Человек находится в новом мире. Всё вокруг стало новым, таким, какого прежде ему и на сердце не приходило представить. Он видит, насколько только что открывшиеся глаза могут вынести это зрелище:

> [14] Раскрытые небеса сияют вокруг него
> Лучами святого блаженства.

[15] Он видит, что имеет «Ходатая пред Отцом, Иисуса Христа Праведника» и «искупление кровью Его, прощение своих грехов». Видит «новый путь, открытый во святилище кровью Иисуса»; и его «свет сияет всё более до полного дня».

[16] 10. Тем же милостивым прикосновением тот, кто прежде имел уши, но не слышал, ныне получает способность *слышать*. Он слышит голос, воскрешающий мёртвых, голос Того, Кто есть «воскресение и жизнь». Он больше не глух к Его приглашениям и повелениям, обетованиям и угрозам, но с радостью слышит каждое слово, исходящее из Его уст, и направляет им все свои мысли, слова и поступки.

[17] 11. В то же время он получает другие духовные чувства, способные различать духовное добро и зло. Он может не только видеть, но и *вкусить*, как благ Господь. Входит во святилище кровью Иисуса и вкушает сил будущего века. Находит любовь Иисуса гораздо лучше вина, слаще мёда и медовых сотов. Знает, что означают слова: «Все одежды Твои благоухают смирною, алоем и

кассией». Он ч*увствует* любовь Божию, излитую в его сердце Святым Духом, данным ему, или, как выражается наша Церковь, «чувствует действия Духа Божия в своём сердце». Между тем легко заметить, что сущность всех этих образных выражений заключена в одном слове — *вера*, взятом в самом широком смысле; этим в большей или меньшей мере наслаждается всякий верующий во имя Сына Божия. Эта перемена от духовной смерти к духовной жизни и есть, собственно, рождение свыше; все его подробности превосходно выражены доктором Уоттсом в одной строфе:

[18] Обнови мои глаза, открой мои уши
И душу мою сотвори заново;
Дай мне новые чувства, радости и страхи
И обрати камень в плоть!

[19] 12. Но прежде этой всеобъемлющей перемены в природном человеке могут произойти многие частичные перемены, которые часто принимают за неё, отчего многие говорят своим душам: «Мир, мир!» — когда мира нет. Может произойти не только значительная перемена жизни, так что человек воздерживается от явного греха, даже от греха, легко его опутывающего, но и значительная перемена расположений, обличение во грехе, сильные желания и добрые решения. И здесь нам нужно тщательно беречься, чтобы, с одной стороны, не презирать дня малых начинаний, а с другой — не принимать какую-либо из этих частичных перемен за полную, всеобщую перемену, рождение свыше: совершенную перемену образа земного Адама на образ небесного, земного, чувственного, бесовского ума — на ум Христов.

[20] 13. Поэтому утвердите в своих сердцах: как бы вы ни изменились во многих иных отношениях, во Христе Иисусе, то есть согласно христианскому установлению, ничто не принесёт пользы без всей полноты Христовых чувствований, позволяющей вам поступать, как поступал Христос. Нет ничего вернее следующего: «Если кто во Христе», истинно верующий в Него, «он новое творение; древнее» в нём «прошло, всё стало новым».

[21] 14. Отсюда мы можем ясно увидеть огромное различие между христианством и нравственностью. Поистине, несомненно, что истинное христианство не может существовать без внутреннего опыта и внешнего осуществления справедливости, милосердия и истины; только это и даёт нравственность. Но столь же несомненно, что вся нравственность, вся справедливость, милосердие и истина, какие могут существовать без христианства, не приносят никакой пользы и не имеют ценности пред Богом для находящихся под христианским устроением. Заметьте, я намеренно добавляю: «Для находящихся под христианским устроением», — потому что слово Божие не даёт мне власти «судить внешних». Не считаю я также, что какой-либо живущий человек имеет право приговорить весь языческий и магометанский мир к вечному осуждению. Гораздо лучше оставить их Тому, Кто их сотворил, Кто есть «Отец духов всякой плоти», Кто Бог и язычников, и христиан и не ненавидит ничего из созданного Им. Но всё это не относится к именующим имя Христово: все они, находясь под законом, христианским законом, несомненно, будут судимы им; следовательно, если они не изменились, как вышеупомянутое животное, если не получили новых чувств, представлений, страстей и расположений, они не

христиане. Как бы справедливы, правдивы или милосердны они ни были, они всё ещё лишь безбожники!

[22] 15. Быть может, найдутся благожелательные люди, идущие ещё дальше и утверждающие: какая бы перемена ни произошла в людях, в их сердцах или жизни, если у них нет ясного понимания этих главных учений — падения человека, оправдания верою, искупления, совершённого смертью Христа, и передачи им Его праведности, — они не могут получить пользы от Его смерти. Я никоим образом не смею утверждать это. Поистине, я этому не верю. Я верю, что милосердный Бог более смотрит на жизнь и расположения людей, нежели на их представления. Верю, что Он более ценит доброту сердца, нежели ясность головы; и если сердце человека благодатью Божией и силой Его Духа исполнено смиренной, кроткой, терпеливой любви к Богу и человеку, Бог не бросит его в вечный огонь, уготованный дьяволу и ангелам его, потому что его представления неясны или понятия спутанны. Признаю, «без святости никто не увидит Господа»; но не смею добавить: «или без ясных представлений».

[23] 16. Но вернёмся к тексту. Позвольте мне умолять всех вас, всё ещё пребывающих «без Бога в мире», подумать: при всей вашей человечности, благожелательности и добродетели вы всё ещё

> [24] Inclusi tenebris, et carcere caeco:
> Заключены во тьме и преисподней тени. [94]

[25] Дорогие друзья! Вы не видите Бога. Не видите Солнца праведности. Не имеете общения ни с Отцом, ни с Его Сыном, Иисусом Христом. Вы никогда не слышали голоса, воскрешающего мёртвых. Не знаете голоса своего

Пастыря. Не приняли Святого Духа. Не имеете духовных чувств. У вас прежние, природные представления, страсти, радости и страхи; вы не новые творения. О, взывайте к Богу, чтобы Он разорвал завесу, всё ещё лежащую на ваших сердцах и дающую вам повод жаловаться:

> [26] О тьма, тьма, тьма — всё ещё должен я говорить
> Среди сияния евангельского дня!

[27] О, если бы вы сегодня услышали голос Того, Кто говорит так, как никогда не говорил человек: «Восстань, светись, ибо пришёл свет твой, и слава Господня взошла над тобою!» Не *Его* ли голос громко взывает: «Обратитесь ко Мне и спаситесь»? Он говорит: «Вот, иду!» Ей, Господи Иисусе! Приди скорее!

[28] Ротерем, 6 июля 1790 года.

Об опасности умножения богатства

[1] «Когда богатство умножается, не прилагай к нему сердца».

[2] Пс. 62:10.

[3] 1. Из прямого изречения нашего Господа: «Удобнее верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Небесное», — мы легко можем усвоить, что никто не может *иметь* богатство, не подвергаясь от него великой опасности. Но если опасность простого обладания им так велика, насколько больше опасность его *умножения*! Она велика даже для тех, кто получает переданное им предками, но гораздо больше для тех, кто приобретает его своим умением и трудолюбием. Поэтому нет ничего благоразумнее предостережения: «Когда богатство умножается, не прилагай к нему сердца».

[4] 2. Правда, богатство и его умножение — дар Божий. Однако нужно весьма заботиться о том, чтобы предназначенное быть благословением не обратилось в проклятие. Для предупреждения этого чрезвычайно полезно серьёзно рассмотреть:

[5] I. Что понимается под богатством и когда можно сказать, что оно умножается.

[6] II. Что значит прилагать к нему сердце и как нам этого избежать.

[7] I. Рассмотрим сначала, что здесь понимается под богатством. Некоторые, конечно, могут вообразить, что

едва ли возможно ошибиться в значении столь обычного слова. Но в действительности тысячи пребывают в этой ошибке, и многие — вполне невинно. Один видный человек, слушавший несколько лет назад проповедь об этом, в смеси удивления и негодования громко воскликнул: «Зачем он говорит здесь о богатстве? В Уайтхейвене нет богатого человека, кроме сэра Джеймса Л—р». И правда, никто, кроме него, не имел сорока тысяч фунтов годового дохода и нескольких миллионов наличными. Но богатым может быть и человек, не имеющий ни ста фунтов в год, ни даже тысячи фунтов наличными. Всякий, у кого есть пища и одежда и ещё что-то остаётся, богат. Всякий, у кого есть необходимое и удобства жизни для себя и семьи, а также немного лишнего для неимущих, по праву богат, если только он не скряга, не любитель денег, не человек, копящий то, что может и должен отдать бедным. Ибо в таком случае он всё ещё беден, хотя бы имел миллионы в банке; более того, он беднейший из людей, ибо

> [8] Нищие оплакивают лишь общую участь;
> Богатый бедняк беден в особенной степени.

[9] 2. Но здесь можно сделать исключение. Человек может иметь больше необходимого и удобного для семьи и всё же не быть богатым. Ведь он может быть в долгах, превышающих стоимость его имущества. Если так, он не богат, сколько бы денег ни находилось у него в руках. Более того, деловой человек может опасаться, что дела его действительно обстоят таким образом, так ли это на самом деле или нет; и тогда он не может быть столь благотворителен, как желал бы, из страха оказаться несправедливым. Сколько занимающихся торговлей находится именно в таком положении, особенно ведущих

её в очень больших размерах! Их дела часто настолько запутаны, что невозможно сколько-нибудь точно определить величину состояния или вообще понять, есть ли у них что-либо или ничего. Не следует ли нам отнестись к ним с должным снисхождением?

10 3. И берегитесь поспешно судить о чужом состоянии. В положении человека могут быть тайны, которые, кроме Бога, известны немногим. Несколько лет назад я сказал одному господину: «Сэр, боюсь, вы корыстолюбивы». Он спросил: «Что вызывает ваше опасение?» Я ответил: «Год назад, когда я собирал средства на ремонт Фаундери, вы подписались на пять гиней. При сборе этого года вы подписались лишь на половину гинеи». Он ничего не ответил, но спустя некоторое время спросил: «Прошу вас, сэр, ответьте мне на вопрос: почему вы живёте на картофеле?» Я питался им от трёх до четырёх лет. Я ответил: «Это весьма помогло моему здоровью». Он сказал: «Верю, что так. Но разве вы делали это не для сбережения денег тоже?» Я сказал: «Да, ибо сбережённое на собственной пище накормит другого, у которого иначе пищи не было бы». «Но, сэр, — сказал он, — если таков ваш мотив, вы можете сберегать гораздо больше. Я знаю человека, который в начале каждой недели идёт на рынок и покупает на один пенни пастернака, затем варит его в большом количестве воды. В течение следующей недели пастернак служит ему пищей, а вода — питьём. Так что еда и питьё вместе обходятся ему всего в пенни в неделю». Так он постоянно поступал, хотя имел тогда двести фунтов годового дохода, чтобы уплатить долги, сделанные до познания Бога! И именно этого человека я записал в корыстолюбцы!

11 4. Но есть те, кто сознаёт пред Богом, что богат. И, несомненно, некоторые из *вас* принадлежат к их числу. У вас больше благ этого мира, чем нужно вам или вашей семье. Пусть каждый рассудит о себе. Умножается ли *ваше* богатство? Разве вы не понимаете этого простого выражения? Нет ли у вас больше денег или имущества денежной стоимости, чем было десять или двадцать лет назад либо в это же время прошлого года? Если вы ведёте какой-либо учёт, это легко узнать. Более того, вы должны знать; иначе вы даже в этом отношении не являетесь добрым распорядителем неправедного богатства. И всякий человек, занимается он торговлей или нет, должен знать, уменьшается его имущество или увеличивается.

12 5. Но многие нашли способ никогда не быть богатыми, как бы ни умножалось их состояние. Он состоит вот в чём: едва поступают деньги, их вкладывают либо в землю, либо в расширение дела. Так каждый из них, сохраняя отсутствие наличных, может по-прежнему говорить: «Я не богат», — хотя бы имущества у него стало в десять, двадцать, сто раз больше, чем несколько лет назад. Это можно пояснить недавним случаем. Несколько лет назад один господин пришёл к лондонскому купцу и сказал: «Сэр, прошу вас дать мне гинею для достойной семьи, находящейся в великой нужде». Тот ответил: «Право, господин М., я сейчас едва ли могу себе это позволить; но если вы придёте ко мне, когда моё состояние достигнет десяти тысяч фунтов, в подобном случае я дам вам десять гиней». Спустя некоторое время господин М. снова пришёл и сказал: «Сэр, требую исполнения вашего обещания: теперь у вас десять тысяч фунтов». Тот ответил: «Это совершенно верно; но уверяю вас, теперь мне труднее расстаться с одной гинеей, чем было тогда».

13 6. Человек может обмануть себя этим искусным приёмом. Может обмануть и других: ведь пока «ты делаешь добро себе, люди будут хорошо говорить о тебе». «По-настоящему *добрый человек*, — говорит лондонец, — у него целая сотня тысяч». Но, увы, Бога он обмануть не может, как не может обмануть и дьявола. Ах, нет! Проклятие Божие уже на тебе и на всём, что имеешь. И завтра, когда дьявол завладеет твоей душой, разве он не скажет: «Какая польза тебе от всего богатства?» Купит ли оно подушку под твою голову в огненном озере, горящем серою? Или добудет чашу «воды, чтобы прохладить твой язык», когда ты мучаешься в том пламени? О, последуй данному здесь мудрому наставлению, чтобы Бог не сказал тебе: «Безумный!»

14 7. Итак, эта уловка не поможет. Она не защитит ни от гнева Божия, ни от злобы и власти дьявола. Ты уже обличён в том, что «приложил сердце» к богатству, если всё, что у тебя остаётся сверх жизненных удобств, употребляешь на прибавление денег к деньгам, дома к дому или поля к полю, не отдавая бедным хотя бы десятой части дохода, иудейской доли. Каким бы способом ни умножалось твоё богатство, с трудом или без труда, торговлей, наследством или иным путём, если твоя благотворительность не возрастает в той же мере, если ты не отдаёшь полной десятой части своего достояния, своего постоянного и случайного дохода, — ты, несомненно, прилагаешь сердце к золоту, и оно «съест плоть твою, как огонь»!

15 8. Но, о, кто может убедить богатого, что тот прилагает сердце к богатству? Значительно больше полувека я говорил об этом со всей доступной мне прямотой. Но с каким малым успехом! Сомневаюсь, убедил ли я за всё это

время хотя бы пятьдесят скряг в их корыстолюбии. Когда любитель денег был описан сколь угодно ясно и изображён самыми сильными красками, кто применял это к себе? Кому Бог и все знавшие его говорили: «Ты этот человек!»? Если Он говорит это кому-либо из присутствующих, о, не затыкайте ушей! Лучше скажите вместе с Закхеем: «Вот, Господи, половину имения моего я отдам нищим, и если кого чем обидел, воздам вчетверо». Он не имел в виду, что делал так прежде, но решил так поступать впредь. Пред Богом заклинаю тебя, любитель денег: «Иди и поступай так же!»

16 9. У меня слово от Бога к тебе, о богач, станешь ты слушать или откажешься. Твоё богатство умножилось; под угрозой гибели души «не прилагай к нему сердца»! Благодари Того, Кто дал тебе такой талант, такую силу делать добро. Но не смей радоваться богатству иначе, как со страхом и трепетом. Cave ne inhaereas, — говорит благочестивый Кемпийский, — ne capiaris et pereas: «Берегись прилепиться к нему, чтобы не запутаться и не погибнуть». Не делай его своей целью, главной усладой, счастьем, богом! Смотри, не ожидай счастья от денег или от чего-либо, что можно за них купить, от удовлетворения похоти плоти, похоти очей или гордости житейской.

17 10. Но перейдём к подробностям, и пусть каждый из вас честно обойдётся с собственной душой. Если у кого-либо ныне вдвое, втрое или вчетверо больше имущества, чем когда вы впервые увидели меня, добросовестно исследуйте себя: не прилагаете ли вы сердца если не прямо к самим деньгам или богатству, то к чему-либо приобретаемому за них, что, в сущности, одно и то же? Всё это апостол Иоанн включает в общее название *«мир»*, а желание этих вещей или поиски

счастья в них — в выражение «любовь к миру». Её он разделяет на три ветви: «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую». Честно исследуйте себя относительно них. И прежде всего — относительно «похоти плоти». Полагаю, это означает поиски счастья в том, что услаждает чувства. Возьмём один пример: не ищете ли вы счастья в усилении удовольствия *вкуса*? Ещё точнее: не *едите* ли обильнее или изысканнее, чем десять или двадцать лет назад? Не употребляете ли больше *питья* или напитков более *дорогого* сорта, чем тогда? Спите ли на столь же жёсткой постели, как прежде, если здоровье позволяет? Коснусь ещё одного: став богатыми, *поститесь* ли вы столь же часто, как в бедности? Не должны ли по всякому разумному соображению делать это скорее чаще, чем реже? Боюсь, собственное сердце вас осуждает. Вы не невиновны в этом деле.

[18] 11. Вторая ветвь любви к миру, «похоть очей», имеет более широкий охват. Под нею можно понимать поиски счастья в услаждении воображения, которое совершается главным образом через глаза, величественными, новыми или прекрасными предметами, — если только всё это нельзя свести к одному, поскольку ни величественные, ни прекрасные предметы не доставляют удовольствия, когда исчезает их новизна. Но разве самые пустяки не приятны, пока новы? Не ищут ли некоторые из вас ради новизны немалую часть счастья в пустяке из пустяков — нарядах? Не тратите ли на них больше денег или, что то же самое, больше времени и усилий, чем прежде? Сомневаюсь, что это делается для угождения Богу. Значит, это угодно дьяволу. Если несколько лет назад вы отложили ненужные украшения — оборки, ожерелья, чепцы-паутинки, уродливые, неподобающие шляпки,

дорогое бельё, дорогие кружева, — не вернулись ли теперь к ним наперекор религии и разуму?

19 12. Быть может, вы говорите, что теперь можете *позволить себе* эти расходы. Это самая сущность бессмыслицы. Кто дал вам прибавление к состоянию или, точнее, *одолжил* его? Ещё точнее: кто на время вложил его в ваши руки как в руки своих распорядителей, одновременно сообщив, для каких целей вверяет его вам? И можете ли вы *позволить себе* расточать имущество вашего Господина, за каждую часть которого должны будете дать отчёт, или расходовать его иначе, чем Он прямо назначил? Прочь эту низкую, дьявольскую болтовню! Пусть она больше никогда не исходит из ваших уст. Это *«могу позволить себе»* обкрадывать Бога — настоящий язык ада. Разве вы не знаете, что Бог вверил вам эти деньги, всё сверх необходимого для семей, чтобы накормить голодных, одеть нагих, помочь страннику, вдове и сироте и вообще, насколько средств хватит, облегчить нужды всего человечества? Как можете, как смеете вы обманывать своего Господина, употребляя их на другую цель? Когда Он вверил вам немного, разве не для того, чтобы всё это немногое вы употребили на добро? И когда Он вверил вам больше, разве не затем дал добавочные деньги, чтобы вы сделали настолько больше добра, насколько больше получили возможностей? Стало ли у вас больше права растратить фунт, шиллинг или пенни, чем прежде? Следовательно, теперь у вас не больше права удовлетворять похоть плоти или похоть очей, чем когда вы были нищими. О нет! Не платите столь дурно вашему благотворящему Господу! Напротив, чем больше Он вам вверяет, тем тщательнее заботьтесь употреблять каждую лепту по Его назначению.

[20] 13. Ангелы Божии, служители Его, непрестанно исполняющие Его волю! Наш общий Господь вверил и вам таланты гораздо драгоценнее золота и серебра, чтобы в разных ваших служениях вы помогали наследникам спасения. Разве вы не употребляете каждую лепту полученного на ту цель, для которой оно дано? И разве Он не повелел нам исполнять Его волю на земле, как вы исполняете её на небе? Братья, что же мы делаем! Пробудимся! Восстанем! Будем подражать этим пламенеющим служителям! Употребим всю душу, тело и достояние согласно воле нашего Господа! Воздадим Богу Божие — всё, что мы есть, и всё, что имеем!

[21] 14. Большинство тех, кто при умножении богатства прилагает к нему сердце, делают это косвенно, одним из описанных способов. Но другие делают это более прямо, будучи, собственно, «любителями денег», любящими их ради них самих, а не только ради приобретаемого. Однако этот порок очень редко встречается у детей или молодых людей, но лишь или главным образом у старых, у тех, кто менее всего нуждается в деньгах и имеет меньше всего времени наслаждаться ими. Не может ли это побудить нас думать, что во многих случаях такое зло — наказание, зло, карающее грех; что, когда человек многие годы скрывал свой драгоценный талант в земле, Бог предаёт его сатане, чтобы наказать неумеренною любовью к нему? Тогда он всё более мучится той auri sacra fames, «проклятой жаждой золота», которую невозможно насытить. Нет! Совершенно верно замечание самого язычника: Crescit amor nummi, quantum ipsa pecunia crescit, — «С ростом денег растёт и любовь к деньгам, возрастает в той же мере». Как при водянке: чем больше пьёшь, тем сильнее жаждешь, пока неутолимая жажда не ввергнет тебя в огонь, который никогда не угаснет! [95]

[22] 15. «Но разве нет способа, — спросите вы, — предотвратить или вылечить эту страшную болезнь?» Есть одно средство, которое и предупреждает, и лечит её; и я полагаю, иного под небом нет. Вот оно. После того как вы *приобрели*, соблюдая данные выше предостережения, *всё, что можете*, и *сберегли всё, что можете*, ни в чём не нуждаясь, не тратьте ни фунта, ни шиллинга, ни пенни на удовлетворение похоти плоти, похоти очей или гордости житейской, да и вообще ни на какую цель, кроме угождения Богу и Его прославления. Избежав этой скалы справа, берегитесь скалы слева. Во-вторых: *ничего не копите*. Не собирайте сокровищ на земле, но *отдавайте всё, что можете*, то есть всё, что имеете. Вызываю всех людей земли, даже всех ангелов неба, найти какой-либо иной способ извлечь яд из богатства.

[23] 16. Позвольте добавить ещё одно слово. Прослужив вам от шестидесяти до семидесяти лет, с тусклыми глазами, дрожащими руками и нетвёрдыми ногами, я дам вам ещё один совет, прежде чем сойду в прах. Заметьте слова святого Павла: «Желающие», или старающиеся, «обогатиться» в тот же миг «впадают в искушение», да, в глубокую бездну искушения, откуда их может избавить лишь всемогущая сила. «Попадают в сеть» — слово собственно означает *стальной капкан*, мгновенно раздробляющий попавшее в него животное *на части*, — «и во многие безрассудные и вредные желания, погружающие людей в разрушение и погибель». Вы, ныне преуспевающие в мире, более всех никогда не забывайте этих страшных слов! Как несказанно скользок ваш путь! Как опасен каждый шаг! Да даст Господь Бог вам увидеть опасность и глубоко её осознать! О, да «пробудитесь вы по образу Его и насытитесь им»!

[24] 17. Позвольте мне подойти ещё ближе. Быть может, я больше не побеспокою вас об этом. Я страдаю за вас, «богатых в нынешнем веке». Отдаёте ли вы всё, что можете? Ты, получающий пятьсот фунтов в год и расходующий лишь двести, возвращаешь ли Богу триста? Если нет, ты, несомненно, обкрадываешь Бога на эти триста. Ты, получающий двести и расходующий лишь сто, отдаёшь ли Богу другую сотню? Если нет, ровно на столько ты Его и обкрадываешь. «Но разве я не могу делать что хочу со *своим*?» Здесь и лежит корень твоей ошибки. Это не *твоё*. Не может быть твоим, если ты не Господь неба и земли. «Но я должен обеспечить своих детей». Несомненно. Но как? Сделав их богатыми? Тогда ты, вероятно, сделаешь их язычниками, как некоторые из вас уже сделали. «Что же мне делать?» Господи, говори к их сердцам, иначе проповедник говорит напрасно! Оставь им достаточно, чтобы жить, но не в праздности и роскоши, а честным трудом. А если у тебя нет детей, на каком основании Писания или разума ты можешь оставить после себя хоть грош сверх необходимого для погребения? Прошу, подумай: что тебе лучше от того, что ты оставляешь позади? Какое значение имеет, оставишь ты десять тысяч фунтов или десять тысяч башмаков и сапог? О, не оставляй ничего позади! Отправь всё, что имеешь, впереди себя в лучший мир! Одолжи это, одолжи всё Господу, и тебе будет возвращено! Есть ли опасность, что *Его* верность подведёт? Она тверда, как столпы неба. Спешите, спешите, братья мои, спешите, чтобы вас не отозвали прежде, чем вы поместите всё, что имеете, под это обеспечение! Когда это сделано, можете смело сказать: «Теперь мне остаётся только умереть! Отче, в руки Твои предаю дух мой! Приди, Господи Иисусе! Приди скорее!»

[25] *Бристоль, 21 сентября* 1790 года.

Четвёртая серия — описание

[1] Четвёртая серия

[2] Состоящая из семи бесед, которые господин Уэсли публиковал только отдельно и никогда не включал ни в одно собрание своих проповедей.

Скорби и покой добрых людей

[1] Произнесено в церкви Святой Марии в Оксфорде в воскресенье, 21 сентября 1735 года.

[2] Опубликовано по просьбе нескольких слушателей.

[3] [По-видимому, это первая проповедь, которую господин Уэсли когда-либо отдал в печать. Она была произнесена примерно за месяц до его отплытия в Джорджию и опубликована в том же году К. Ривингтоном у собора Святого Павла. После более чем девяностолетнего отсутствия в печати она здесь переиздаётся как достоверный и небезынтересный образец его проповедования в ту пору, когда он оставил родину, чтобы обращать язычников, и, по собственному признанию, на краю земли узнал то, о чём меньше всего подозревал: что сам никогда не был обращён. Читатель заметит, что при всей серьёзности и ревности эта проповедь обнаруживает весьма недостаточное представление об истинном христианстве. Проповедник в значительной мере приписывает освящение человеческой природы личным страданиям; предполагает, что тело служит вместилищем нравственного зла и что грех существует в лучших христианах, пока они не получат избавления рукою смерти. С каким умением и успехом он впоследствии противостоял этим неевангельским положениям и преподавал учение о нынешнем спасении от всякого греха верою в Иисуса Христа, хорошо известно всем знакомым с его сочинениями, особенно с дневником и проповедями. В связи с последующими трудами эта проповедь имеет немалое значение, поскольку весьма ярко показывает перемену его религиозных взглядов до вступления на тот удивительный путь служительских

трудов и полезной деятельности, которым он так выдающимся образом отличился. В качестве совершенного противоядия против содержащихся в ней вероучительных ошибок читатель отсылается к превосходной проповеди «Путь спасения по Писанию» («Проповеди», т. 2, с. 43). — Ред.]

[4] «Там беззаконные перестают тревожить, и там утомлённые находят покой».

[5] Иов 3:17.

[6] Когда Бог впервые обозрел все созданные Им дела, «вот, они были весьма хороши». Всё было совершенно в красоте, а человек, владыка всего, — совершенен в святости. И какова была его святость, таково было и счастье. Не зная греха, он не знал боли. Но когда грех зачался, он вскоре родил боль; вся картина изменилась в одно мгновение. Теперь человек стонал под тяжестью смертного тела и, что гораздо хуже, испорченной души. Тот «дух», который мог бы снести все прочие его «немощи», сам был «поражён» и болен к смерти. Так «в день, когда согрешил», он начал «умирать»; так «посреди жизни мы во смерти»; да, «всё творение совокупно стенает», «находясь в рабстве греху», а потому и несчастью.

[7] Весь мир в нынешнем состоянии действительно есть лишь одна великая лечебница. Все находящиеся в нём больны грехом, и единственное их дело здесь — исцелиться. Именно ради этого великий Врач душ непрерывно присутствует с ними, замечая все болезни каждой души и «давая лекарства для исцеления её недуга». Эти лекарства также нередко болезненны: не

потому, что Бог охотно причиняет страдания Своим созданиям, но Он назначает им ровно столько боли, сколько необходимо для здоровья, и именно по этой причине — потому что она необходима.

8 Поэтому всякому человеку предстоит перенести не только боль болезни, но и боль лечения. И в том проявляется бесконечная премудрость Пекущегося о нас, что сама болезнь тех, с кем человек общается, может стать важным средством его исцеления. Самое нечестие других тысячами способов способствует святости доброго человека. Правда, они тревожат его; но и это беспокойство есть «здравие для души его и питание для костей его». Он многое от них претерпевает, но с той целью, чтобы «через» эти «страдания стать совершенным».

9 Но как на земле не находится совершенная святость, так не находится и совершенное счастье. [В этой жизни зрелые христиане спасаются от всякого греха и достигают совершенства в любви. См. «Простое изложение христианского совершенства» господина Уэсли. — Ред.] Некоторые остатки нашей болезни будут ощущаться всегда, и некоторое лекарство будет необходимо для её исцеления. Поэтому мы должны в большей или меньшей мере подвергаться боли лечения, равно как и боли болезни. Соответственно, здесь ни «беззаконные» не «перестают тревожить», ни «утомлённые» не могут «найти покоя».

10 Кто же «избавит» нас «от сего тела смерти»? Смерть избавит нас. Смерть в одно мгновение освободит тех, кто «всю жизнь был подвержен рабству». Смерть разом уничтожит всё тело греха [Это учение о спасении от греха посредством смерти нигде не преподаётся в Священном

Писании, как господин Уэсли впоследствии осознал и доказал в только что упомянутом сочинении и в нескольких своих проповедях. — Ред.], а вместе с ним и его спутницу — боль. Поэтому «там беззаконные перестают тревожить, и там утомлённые находят покой».

11 Писание не сообщает нам о *месте*, где души праведных пребывают от смерти до воскресения; но в этих словах дано описание их *состояния*. Объясняя их, я рассмотрю:

12 I. Как беззаконные здесь тревожат добрых людей; и

13 II. Как утомлённые там находят покой.

14 Рассмотрим сначала, как «беззаконные» здесь «тревожат» добрых людей. Это обширное поле. Оглядите мир, посмотрите на все его бедствия: как мало среди них таких, причиной которых не были бы нечестивые! «Откуда у вас войны и распри?» Откуда все беды, отравляющие общежитие, часто превращающие это высшее благословение в проклятие и делающие так, что «хорошо человеку быть одному»? «Не отсюда ли» — от своеволия, гордости, неумеренных привязанностей, одним словом, от нечестия? И может ли быть иначе, пока оно остаётся на земле? Нечестивый столь же способен перестать тревожить себя и ближнего, особенно добрых людей, как «эфиоп переменить свою кожу»: ибо, пока он нечестив, он непрерывно причиняет зло либо им, либо себе, либо Богу.

15 Во-первых, нечестивые тревожат служащих Богу обидами, которые им наносят. Как вначале «рождённый по плоти гнал рождённого по Духу, так и ныне». И так должно быть, пока всё не исполнится: «пока не пройдут небо и земля», «все желающие жить благочестиво во Христе Иисусе будут гонимы». Ибо между Духом

Христовым и духом мира существует непримиримая вражда. Если бы последователи Христа «были от мира, мир любил бы своё; но поскольку они не от мира, мир ненавидит их». И эту ненависть он непременно обнаружит словами: будут «всячески неправедно злословить их», «находить многие вымыслы», которыми даже «доброе в них подвергнется хуле», и в тысяче случаев вменять им зло, которого те не знают. От слов со временем переходят к делам, обращаясь со слугами так, как их предки обращались с Господином: обижая и оскорбляя их столькими способами, сколько обман может изобрести, а сила — осуществить.

16 Правда, эти бедствия тяжелее всего ложатся на тех, кто ещё слаб в вере; чем больше Духа Христова обретает человек, тем легче они ему кажутся. Поэтому для истинно обновлённого в Нём, исполненного познания и любви Божией, все обиды нечестивых не только не зло, но предмет действительной, прочной радости. И всё же, радуясь за себя, он не может не скорбеть о них. «Великая печаль и непрестанное мучение» в его «сердце за братьев по плоти», которые таким образом «собирают себе гнев на день гнева и откровения праведного суда Божия». Глаза его плачут о них в тайных местах; он страшно боится за них; даже «желал бы сам быть отлучённым», лишь бы они наследовали благословение. Так те, кто способен не только пренебречь, но и радоваться величайшей обиде, нанесённой *им*, всё же тревожатся о зле, которое нечестивые причиняют самим себе, и о сопровождающем их тяжком несчастье.

17 Насколько же более они тревожатся об оскорблениях, которые нечестивые непрерывно наносят Богу! Именно это делало противодействие грешников таким тяжёлым

испытанием для Самого нашего Господа: «Отвергающий Меня отвергает Пославшего Меня». И как умножились ныне на земле эти презирающие, не боящиеся ни Сына, ни Отца! Как мы окружены хулящими Господа и Помазанника Его: одни поносят всё Его славное Евангелие, другие делают Его лжецом относительно некоторых благословенных истин, милостиво открытых Им в нём! Как многие исповедуют веру во всё Евангелие, но на деле проповедуют другое, так искажая своими новыми толкованиями его важнейшие учения, что сохраняют лишь слова и ничего от «веры, однажды преданной святым»! Как многие, ещё не потерпевшие кораблекрушения в вере, чужды её плодам! Она не очистила их сердца, не победила мира; они всё ещё «в горькой желчи и узах неправды». Всё ещё «себялюбивы», «любят мир», «любят удовольствия», а не «любят Бога». Любят Бога? Нет. «Не Бог во всех их помыслах!» Они не услаждаются Им, не жаждут Его, не радуются исполнению Его воли и не хвалятся Его хвалою. О вера, действующая любовью, куда ты бежала? Ведь Сын Человеческий некогда насадил тебя на земле. Где же ты теперь? Среди богатых? Нет, там «обольщение богатства заглушает слово, и оно бывает бесплодно». Среди бедных? Нет, там «заботы мира», так что оно не приносит зрелого плода. «Однако ничто не мешает её росту среди тех, у кого нет ни бедности, ни богатства». Мешает: «желание прочего». И опыт тысячами печальных примеров показывает, что допускаемое желание чего угодно, великого или малого, иначе как средства к единому на потребу постепенно изгоняет из души заботу о нём и делает её неспособной ко всякому доброму слову и делу.

18 Таково беспокойство, которое, не входя в бесконечные подробности, нечестивые причиняют добрым. Таково

состояние всех добрых людей, пока они на земле; но не таково состояние их душ в раю. В мгновение освобождения от тела они больше не знают боли. Хотя они ещё не обладают «полнотою радости», всякая скорбь уже устранена. Ибо «там беззаконные перестают тревожить, и там утомлённые находят покой».

[19] II. 1. «Там утомлённые находят покой» — это второй предмет нашего рассмотрения — не только от тех зол, которые благоразумие могло предотвратить или благочестие устранить ещё в этой жизни, но и от неотделимых от неё, от тех, что составляли их неизбежную долю на земле. Теперь покоятся те, кому прежде нечестивые не давали покоя, ибо в обитель духов праведных никто, кроме духов праведных, войти не может. Наконец они укрыты от бича языка; имя их здесь не отвергается как злое. Авраам, Исаак, Иаков и пророки не поносят их и не изгоняют из своего общества. Их больше не оскорбляют и не преследуют, они не стонут под рукою угнетателя. Там нет несправедливости, злобы, обмана; все — «истинные израильтяне, в которых нет лукавства». Там нет грешащих против собственных душ, поэтому нет мучительной жалости и страха за них. Нет хулителей Бога или Его слова, оскверняющих Его имя или субботы, отвергающих искупившего их Господа, попирающих кровь Его вечного завета. Одним словом, нет духа земного, чувственного или бесовского; нет никого, кто не любил бы Господа Бога своего всем сердцем.

[20] 2. Поэтому там «утомлённые находят покой» от всех тревог, причинённых нечестивыми, и вообще от всех прочих зол, необходимых в этом мире либо как следствие греха, либо как средство его исцеления. Прежде всего они отдыхают от телесной боли. Чтобы судить о величии этого

избавления, пусть не испытавшие боли посмотрят на лежащего на одре болезни или смерти. Тот ли это, кто был «немного умалён пред ангелами»? Как отступила от него слава! Глаз его тускл и тяжёл, щека бледна и бескровна, язык запинается, грудь вздымается и задыхается; всё тело то искажено и корчится из стороны в сторону, то влажно, холодно и неподвижно, подобно земле, в которую направляется. И всё же видимое вами — лишь тень того, что он чувствует. Вы не видите боли, раздирающей сердце, пронизывающей все жилы и преследующей убегающую душу по каждой части её некогда любимого жилища. Если бы мы видели и это, как горячо воскликнули бы: «О грех, что ты сделал! До чего довёл благороднейшую часть видимого творения! Для этого ли благой Бог создал человека?» О нет! И Он не позволит этому длиться долго. Ещё немного — и все бури жизни закончатся, тебя соберут в хранилище мёртвых, а «там утомлённые находят покой».

21 3. Они «находят покой» от всех немощей и заблуждений, которых не могли избежать в этой жизни. Больше не подвержены обманам чувств или мечтаниям воображения. Невнимательность не мешает им видеть благороднейшие истины, и по рассеянности они никогда не теряют однажды приобретённого видения. Их не опутывают предубеждения, не вводят в заблуждение поспешные или односторонние взгляды на предмет; следовательно, там нет ошибки. О блаженное место, куда может войти лишь истина! Истина без примеси и без личины, просвещающая всякого человека, приходящего в мир! Где нет различия мнений, но все мыслят одинаково, у всех одно сердце и один ум; куда никогда не может войти это порождение ада — спор, переворачивающий здешний мир; где разрываемые им и часто восклицавшие

в горечи души: «Мир, мир!» — найдут то, чего тогда искали напрасно: мир, которого никто у них не отнимет.

22 4. И всё это, как ни непостижимо велико, — наименьшая часть их избавления. Ибо в то мгновение, когда они сбрасывают плоть, они избавляются не только от тревог нечестивых, не только от боли и болезни, от заблуждения и немощи, но и от всякого греха. Перед этим избавлением всё остальное исчезает. Вот торжественная песнь, которую каждый слышит при входе во врата рая: «Ты, умерев, больше не грешишь. Грех более не властвует над тобою. Ибо, что ты умер, ты однажды умер для греха; а что живёшь, живёшь для Бога». [Вновь выраженная здесь мысль, что именно смерть уничтожает грех в человеческом сердце, хотя и облечена в язык апостола, представляет собой ветвь философского мистицизма, которого господин Уэсли придерживался в эту раннюю пору жизни и от которого впоследствии отказался ради библейского учения о спасении верою. Согласно Новому Завету, каждый верующий уже избавлен от господства греха; и Библия никогда не изображает полное освящение нашей природы как совершаемое смертью. Это дело Святого Духа; оно зависит не от распада тела, а от осуществления твёрдой веры во всемогущего Спасителя. — Ред.]

23 5. Итак, там «утомлённые находят покой». Кровь Агнца исцелила все их болезни, совершенно омыла от нечестия и очистила от греха. Недуг их природы исцелён; наконец они сделались здравыми и восстановлены в совершенном здоровье. Они больше не скорбят о «плоти, желающей противного Духу»; «закон в их членах» ныне прекратился и больше не «противоборствует закону их ума и не делает их пленниками закона греховного». Не осталось ни корня

горечи, ни даже остатков греха, который «так легко опутывал их»; нет забвения «Того, Кем они живут, движутся и существуют»; нет неблагодарности их милостивому Искупителю, предавшему душу Свою на смерть ради них; нет неверности благословенному Духу, так долго терпевшему их немощи. Одним словом, там нет гордости и своеволия; поэтому таким образом «освободившиеся от рабства тлению» могут действительно и с особой силой сказать друг другу: «Возлюбленные! мы теперь дети Божии, но ещё не открылось, что будем; однако будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть».

[24] 6. Посмотрим несколько ближе на состояние христианина при вступлении в иной мир. Представим, что «серебряная цепочка» жизни только что «разорвалась» и «колесо сломалось над колодезем»; сердце больше не может биться, кровь перестаёт двигаться, последнее дыхание слетает с дрожащих губ, и душа устремляется в вечность. Каковы мысли души, только что победившей последнего врага, смерть, видящей тело греха лежащим под нею и вновь рождённой в мир духов? Как поёт она: «“Смерть! где твоё жало? Могила! где твоя победа? Благодарение Богу”, давшему мне “победу через Господа нашего Иисуса Христа”! О счастливый день, когда я начну жить, когда вкушу свою родную свободу! Когда я “родилась от женщины”, мне было дано “мало дней”, и те были “полны печалей”; тленное тело отягощало меня и порабощало греху и боли. Но сеть разорвалась, и я избавлена. Отныне я их больше не знаю. Эта голова больше не будет болеть; эти глаза больше не будут струить слёзы; это сердце больше не будет трепетать от муки или страха, отягощаться скорбью или заботой; эти члены больше не будет терзать боль. Да, “грех более не

властвует” надо мною. Наконец я рассталась с тобою, мой враг, и больше не увижу твоего лица! Я никогда более не буду неверна моему Господу и не оскорблю очей Его славы; я больше не то колеблющееся, непостоянное, противоречащее себе создание, которое грешит, кается и вновь грешит. Нет, ни днём, ни ночью не перестану любить и славить Господа Бога моего всем сердцем и всеми силами. Но кто вы? Неужели “все эти служебные духи посланы служить” одному “наследнику спасения”? Тогда прощайте, прах и пепел! Я слышу голос с неба: “Иди и упокойся от трудов. Борьба твоя совершилась, грех твой прощён, и дни плача твоего окончились”».

25 7. Братья мои, эти истины едва ли нуждаются в применении. Верите ли вы, что всё это так? Что же тогда остаётся каждому из вас, кроме как «свергнуть с себя всякое бремя и с терпением проходить предлежащее поприще»? Всё прочее «почитать сором» и отбросами, особенно великих идолов — учёность и доброе имя, если к ним стремятся в иной мере или с иной целью, нежели их содействие познанию и любви Божией. Постоянно иметь это «единое» в сердце, «сидишь ли в доме, идёшь ли дорогою, ложишься ли и встаёшь»; всегда держать «чресла препоясанными» и «светильник горящим»; служить Господу Богу твоему изо всех сил, чтобы, если возможно, когда Он потребует у тебя душу, быть может в час, когда ты Его не ждёшь, ты мог войти туда, «где беззаконные перестают тревожить и где утомлённые находят покой».

Даровая благодать

[1] Произнесено в Бристоле в 1740 году.

[2] К читателю.

[3] Лишь самое твёрдое убеждение не только в том, что излагаемое здесь есть «истина, как она есть в Иисусе», но и в моей непременной обязанности возвещать эту истину всему миру могло побудить меня открыто выступить против мнений тех, кого я почитаю ради их труда. Да окажусь я у их ног в день Господа Иисуса!

[4] Если кто-либо сочтёт своим долгом ответить на это, у меня лишь одна просьба: всё, что вы делаете, делайте в милосердии, любви и духе кротости. Пусть сам ваш спор показывает, что вы «облеклись, как избранные Божии, в сердечное милосердие, кротость, долготерпение», чтобы и о нынешнем времени можно было сказать: «Посмотрите, как эти христиане любят друг друга!»

[5] *Поскольку против этой проповеди выпущен памфлет под названием «Поистине даровая благодать», уведомляю его издателя, что не могу ответить на его сочинение, пока он не проявит большей серьёзности. Ибо не смею говорить о «глубинах Божиих» в духе кулачного бойца или сценического актёра.*

[6] «Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, как

[7] с Ним не дарует нам и всего?»

[8] Рим. 8:32.

[9] 1. Как даром любит Бог мир! Когда мы были ещё грешниками, «Христос умер за нечестивых». Когда мы были «мертвы во грехе», Бог «не пощадил Сына Своего, но предал Его за всех нас». И как даром с Ним «дарует нам всё»! Поистине, ДАРОВАЯ БЛАГОДАТЬ есть всё во всём!

[10] 2. Благодать, или любовь Божия, от которой происходит наше спасение, ДАРОВА ВО ВСЕХ и ДАРОВА ДЛЯ ВСЕХ.

[11] 3. Во-первых, она дарова во всех, кому дана. Она не

[12] зависит ни от какой силы или заслуги человека — нет, ни в какой мере, ни всецело, ни отчасти. Никоим образом не зависит ни от добрых дел, ни от праведности получающего её, ни от того, что он сделал, ни от того, каков он есть. Не зависит от его усилий. Не зависит от добрых расположений, добрых желаний, добрых решений и намерений, ибо всё это проистекает из даровой благодати Божией; это лишь потоки, а не источник. Это плоды даровой благодати, а не её корень. Они не причина её, а следствия. Какое бы добро ни было в человеке или ни совершалось человеком, его источник и совершитель — Бог. Так Его благодать дарова во всех, то есть никак не зависит от силы или заслуги человека, но лишь от Бога, Который даром дал нам Своего Сына и «с Ним даром даёт нам всё».

[13] 4. Но она дарова ДЛЯ ВСЕХ, равно как и ВО ВСЕХ. На это некоторые отвечали: «Нет, она дарова лишь для тех, кого Бог предопределил к жизни, а они — лишь малое стадо. Большую часть Бог предопределил к смерти, и для них она не дарова. Их Бог ненавидит и потому ещё до рождения постановил, чтобы они умерли навеки. И это Он

постановил безусловно, потому что таково было Его благоволение, потому что такова была Его верховная воля. Соответственно, они рождаются для того, чтобы погибнуть телом и душою в аду. И возрастают под неотменимым проклятием Божиим, без всякой возможности искупления; ибо какую бы благодать Бог им ни давал, Он даёт её лишь затем, чтобы увеличить, а не предотвратить их осуждение».

14 5. Вот это постановление о предопределении. Но мне словно слышится возражение: «Я держусь не такого предопределения. Я держусь лишь избрания благодати. Я верую только в следующее: Бог прежде создания мира избрал определённое число людей для оправдания, освящения и прославления. Все они спасутся, и никто другой, ибо прочее человечество Бог оставляет самим себе. Поэтому они следуют воображениям собственных сердец, которые непрестанно лишь злы, и, становясь всё хуже, наконец справедливо наказываются вечной погибелью».

15 6. И это всё предопределение, которого вы держитесь? Подумайте: возможно, не всё. Разве вы не верите, что Бог предопределил их именно к этому? Если да, то вы верите во всё постановление, держитесь предопределения в полном смысле, описанном выше. Но, быть может, думаете, что не держитесь. Разве тогда вы не верите, что Бог ожесточает сердца погибающих? Разве не верите, что Он буквально ожесточил сердце фараона и именно для этого воздвиг, или сотворил, его? Так это означает ровно то же самое. Если вы верите, что фараон или какой-либо один человек на земле был создан с целью быть осуждённым, вы держитесь всего сказанного о предопределении. И вам незачем добавлять, что Бог

подкрепляет Своё постановление, предполагаемое неизменным и непреодолимым, ожесточением сердец тех сосудов гнева, которых это постановление прежде приготовило к погибели.

16 7. Хорошо, но, быть может, вы не верите даже в это; не держитесь никакого постановления об отвержении, не думаете, что Бог предопределяет какого-либо человека к осуждению или ожесточает, непреодолимо приготовляет его к нему. Вы говорите лишь: «Бог извечно постановил, что, поскольку все мертвы во грехе, одним сухим костям Он скажет: живите, — а другим не скажет; следовательно, одни оживут, а другие останутся в смерти, одни прославят Бога своим спасением, другие — своей погибелью».

17 8. Не это ли вы понимаете под избранием благодати? Если так, я хотел бы задать один-два вопроса. Спасается ли кто-нибудь из не избранных таким образом? Или спасся ли кто-нибудь от создания мира? Может ли какой-либо человек спастись, если он не избран таким образом? Если вы отвечаете «нет», вы остались на прежнем месте, не продвинулись ни на волос; вы по-прежнему верите, что вследствие неизменного, непреодолимого постановления Божия большая часть человечества пребывает в смерти без всякой возможности искупления, поскольку спасти их может только Бог, а Он не желает их спасти. Вы верите, что Он безусловно постановил не спасать их; а что это, как не постановление осудить их? На деле это ни больше ни меньше, смысл один и тот же. Ведь если вы мертвы и совершенно неспособны оживить себя и Бог безусловно постановил оживить лишь других, а не вас, то Он безусловно постановил вашу вечную смерть; вы безусловно преданы осуждению. Итак, хотя вы пользуетесь более мягкими

словами, чем некоторые, вы имеете в виду совершенно то же; и Божие постановление об избрании благодати в вашем изложении означает ни больше ни меньше, чем то, что другие называют Божиим постановлением об отвержении.

[18] 9. Поэтому называйте это как угодно — избранием, оставлением, предопределением или отвержением, — в конце концов всё сводится к одному. Смысл всего явно таков: в силу вечного, неизменного, непреодолимого постановления Божия одна часть человечества неизбежно спасается, а остальные неизбежно осуждаются, причём невозможно, чтобы кто-нибудь из первых был осуждён или кто-нибудь из последних спасся.

[19] 10. Но если это так, то всякая проповедь тщетна. Избранным она не нужна: с проповедью или без неё они неизбежно спасутся. Поэтому цель проповеди — спасать души — в отношении их лишается смысла. Для неизбранных она бесполезна, ибо они никак не могут спастись: с проповедью или без неё они неизбежно будут осуждены. Следовательно, цель проповеди лишается смысла и в отношении их; так что в обоих случаях тщетна наша проповедь, равно как тщетно и ваше слушание. [96]

[20] 11. Итак, вот ясное доказательство, что учение о предопределении не есть учение Божие: оно упраздняет Божие установление, а Бог не разделяется против Самого Себя. Второе доказательство состоит в том, что оно прямо ведёт к уничтожению святости, цели всех Божиих установлений. Я не говорю, что никто из держащихся его не свят, ибо Бог нежно милосерден к тем, кто неизбежно запутался в каких-либо заблуждениях. Но само учение, будто каждый человек извечно либо избран, либо не избран и первый неизбежно должен спастись, а второй

неизбежно быть осуждён, явно ведёт к уничтожению святости вообще. Ибо оно совершенно отнимает первые побуждения стремиться к ней, столь часто предлагаемые Писанием: надежду будущей награды и страх наказания, надежду неба и страх ада. То, что одни пойдут в вечное мучение, а другие в жизнь вечную, не побуждает бороться за жизнь человека, верящего, что его жребий уже решён; для него неразумно так поступать, если он считает себя неизменно присуждённым либо к жизни, либо к смерти. Вы скажете: «Но он не знает, к жизни ли или к смерти». Что же из этого? Это не помогает делу. Если больной знает, что неизбежно умрёт или неизбежно выздоровеет, хотя и не знает, что именно произойдёт, ему неразумно вообще принимать лекарства. Он вправе сказать — и я слышал, как некоторые говорили это и в телесной, и в духовной болезни: «Если я предопределён к жизни, буду жить; если к смерти — умру; поэтому мне незачем заботиться об этом». Настолько прямо это учение ведёт к закрытию самих врат святости вообще, мешая несвятым людям когда-либо приблизиться к ним или стремиться войти.

[21] 12. Столь же прямо это учение ведёт к уничтожению отдельных ветвей святости. Таковы кротость и любовь, я разумею любовь к врагам, к злым и неблагодарным. Не говорю, что никто из держащихся его не имеет кротости и любви, ибо какова сила Божия, таково и Его милосердие. Но оно естественно внушает или усиливает резкость и горячность нрава, совершенно противоположные кротости Христовой; это особенно обнаруживается, когда им возражают в данном вопросе. И столь же естественно оно внушает презрение или холодность к тем, кого мы считаем отверженными Богом. «Но, — говорите вы, — я не считаю никакого определённого человека

отверженным». Вы хотите сказать, что не считали бы, если бы могли этого избежать. Однако вы не можете удержаться от того, чтобы иногда применять своё общее учение к отдельным людям: враг душ применит его за вас. Вы знаете, как часто он это делал. Но вы отвергали эту мысль с отвращением. Правда, как только могли; однако как она тем временем ожесточала и делала резким ваш дух! Вы хорошо знаете: не дух любви чувствовали вы тогда к тому бедному грешнику, которого, хотите вы того или нет, предполагали или подозревали ненавистным Богу от вечности.

[22] 13. В-третьих, это учение ведёт к уничтожению утешения религии, счастья христианства. Это очевидно в отношении всех, кто считает себя отверженным или хотя бы подозревает и боится этого. Все великие и драгоценные обетования для них потеряны, не дают ни луча утешения: они не избранники Божии, а потому не имеют в них ни доли, ни части. Это действенная преграда обретению какого-либо утешения или счастья даже в той религии, чьи пути предназначены быть «путями приятности, и все стези её — мир».

[23] 14. А вы, считающие себя избранниками Божиими, в чём ваше счастье? Надеюсь, не в понятии, не в умозрительной вере, не в каком-либо голом мнении, но в ощутимом обладании Богом в вашем сердце, произведённом в вас Святым Духом, или в свидетельстве Духа Божия вашему духу, что вы — чадо Божие. Это, иначе называемое «полной уверенностью веры», есть истинное основание христианского счастья. Оно действительно подразумевает полную уверенность, что все прежние грехи прощены и что *ныне* вы — чадо Божие. Но оно не обязательно подразумевает полную

уверенность в будущем постоянстве. Я не говорю, что она никогда с ним не соединяется, но что не обязательно в нём заключена: многие имеют первое, не имея второго.

[24] 15. Между тем опыт показывает, что это учение сильно препятствует свидетельству Духа — не только у тех, кто, считая себя отверженным, этой верой отталкивает его далеко от себя, но даже у вкусивших доброго дара, которые вскоре вновь утратили его и возвратились к сомнениям, страхам и тьме, ужасной, осязаемой тьме! Обращаюсь к каждому из вас, держащихся этого учения: скажите между Богом и собственным сердцем, не возвращаются ли к вам часто сомнения и страхи относительно вашего избрания или постоянства? Если вы спросите: «А к кому не возвращаются?» — отвечаю: таких очень мало среди держащихся этого учения, но много, очень много среди не держащихся его во всех частях земли. Многие из них наслаждались непрерывным свидетельством Его Духа, постоянным светом Его лица с мгновения первой веры на протяжении многих месяцев или лет до сего дня.

[25] 16. Полная уверенность веры, которой они наслаждаются, исключает всякое сомнение и страх. Она исключает всякие сомнения и страхи относительно будущего постоянства, хотя, как уже сказано, собственно является уверенностью не в будущем, а лишь в том, что есть *ныне*. И для поддержки ей не нужна умозрительная вера в то, что всякий однажды предопределённый к жизни должен жить; ибо час за часом она производится могущественной силой Божией, «Святым Духом, данным им». Поэтому то учение не от Бога: оно ведёт к тому, чтобы затруднить, если не уничтожить, это великое дело

Святого Духа, от которого проистекают главное утешение религии и счастье христианства.

[26] 17. Далее, как безутешна мысль, что тысячи и миллионы людей без какого-либо предшествующего проступка или вины с их стороны были неизменно обречены вечному пламени! Как особенно безутешна она должна быть для облекшихся во Христа, для исполненных сердечного милосердия, нежности и сострадания, готовых даже «пожелать себе отлучения ради братьев»!

[27] 18. В-четвёртых, это безутешное учение прямо ведёт к уничтожению нашей ревности к добрым делам. Во-первых, оно делает это потому, что естественно, как уже замечено, ведёт к уничтожению любви к большей части человечества, именно к злым и неблагодарным. Ибо всё уменьшающее нашу любовь должно соответственно уменьшать желание делать им добро. Во-вторых, оно устраняет одно из сильнейших побуждений ко всем делам телесного милосердия, таким как кормление голодных, одевание нагих и подобные, — надежду спасти их души от смерти. Ведь что пользы облегчать временные нужды тех, кто вот-вот низринется в вечный огонь? «Но беги и выхвати их, как головни из огня». Нет, вы считаете это невозможным. Вы говорите, что они назначены к этому от вечности, прежде чем сделали доброе или злое. Вы верите, что Богу угодно, чтобы они умерли. А «кто противостанет Его воле»? Но вы говорите, что не знаете, избраны они или нет. Что же из этого? Если знаете, что они либо те, либо другие, что либо избраны, либо не избраны, — весь ваш труд бесплоден и тщетен. В обоих случаях ваш совет, обличение или увещание столь же ненужны и бесполезны, как наша проповедь. Избранным они не нужны, ибо те неизбежно спасутся и без них.

Неизбранным бесполезны, ибо с ними или без них те неизбежно будут осуждены; поэтому, оставаясь последовательными в своих принципах, вы не можете предпринимать никаких усилий ради их спасения. Следовательно, эти принципы прямо ведут к уничтожению вашей ревности к добрым делам, ко всем добрым делам, но особенно к величайшему из всех — спасению душ от смерти.

[28] 19. Но, в-пятых, это учение не только ведёт к уничтожению христианской святости, счастья и добрых дел, но и прямо и явно направлено на ниспровержение всего христианского Откровения. Положение, которое мудрейшие из нынешних неверующих наиболее усердно стараются доказать, состоит в том, что христианское Откровение не необходимо. Они прекрасно знают: докажи они это, вывод был бы слишком очевиден, чтобы его отрицать: «Если оно не необходимо, оно не истинно». А вы уступаете именно это основное положение. Ибо, если предположить вечное, неизменное постановление, одна часть человечества должна спастись, хотя бы христианского Откровения не существовало, а другая должна быть осуждена вопреки этому Откровению. Чего ещё может желать неверующий? Вы уступаете ему всё, чего он просит. Делая таким образом Евангелие ненужным для всех разрядов людей, вы сдаёте всё дело христианства. «О, не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона, чтобы не радовались дочери необрезанных», чтобы не торжествовали сыны неверия!

[29] 20. И как это учение явно и прямо ведёт к ниспровержению всего христианского Откровения, так оно по очевидному следствию делает то же самое,

заставляя Откровение противоречить самому себе. Ибо оно основано на таком толковании некоторых мест — сколь многих, неважно, — которое прямо противоречит всем остальным и вообще всему смыслу и строю Писания. Например, защитники этого учения понимают слова Писания «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел» как означающие, что Бог в буквальном смысле от вечности ненавидел Исава и всех отверженных. Но что может быть более прямым противоречием не только всему смыслу и строю Писания, но и всем отдельным местам, прямо объявляющим: «Бог есть любовь»? Далее, из слов «Кого миловать, помилую» (Рим. 9:15) они выводят, что Бог есть любовь лишь для некоторых людей, именно избранных, и что милость у Него только для них. Этому прямо противоречит весь строй Писания, в особенности ясное изречение: «Господь благ ко всем, и милость Его на всех делах Его». (Пс. 145:9.) Далее, из этого и подобных мест — «не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» — они выводят, что Он милует лишь тех, кого предпочёл от вечности. Но кто же теперь пререкается с Богом? Теперь вы противоречите всем словам Божиим, которые повсюду объявляют: «Бог нелицеприятен» (Деян. 10:34), «нет лицеприятия у Него». (Рим. 2:11.) Далее, из текста «Когда дети ещё не родились и не сделали ничего доброго или злого, чтобы изволение Божие в избрании происходило не от дел, но от Призывающего, сказано было ей», Ревекке, «больший будет служить меньшему» вы заключаете, что наше предопределение или избрание никак не зависит от Божия предведения. Этому прямо противоречат все Писания, особенно следующие: «Избранные по предведению Бога» (1 Пет. 1:2); «Кого Он предузнал, тех и предопределил». (Рим. 8:29.) [97]

[30] 21. И «один Господь у всех, богатый» милостью «для всех призывающих Его». (Рим. 10:12.) Но вы говорите: «Нет, Он таков лишь для тех, за кого умер Христос. А это не все, но лишь немногие, которых Бог избрал из мира; ибо Он умер не за всех, а лишь за “избранных в Нём прежде создания мира”». (Еф. 1:4.) Вашему толкованию этих мест также прямо противоречит весь строй Нового Завета, в особенности такие слова: «Не губи пищею твоею того, за кого Христос умер» (Рим. 14:15), — ясное доказательство, что Христос умер не только за спасаемых, но и за погибающих. Он — «Спаситель мира» (Ин. 4:42); Он — «Агнец Божий, берущий грехи мира» (Ин. 1:29); «Он есть умилостивление не только за наши грехи, но и за грехи всего мира» (1 Ин. 2:2); «Он», живой Бог, «есть Спаситель всех людей» (1 Тим. 4:10); «Он предал Себя для искупления всех» (1 Тим. 2:6); «Он вкусил смерть за каждого человека». (Евр. 2:9.)

[31] 22. Если спросите: «Почему же не все люди спасаются?» — весь закон и откровение отвечают, во-первых: не из-за какого-либо постановления Божия, не потому, что Ему угодно, чтобы они умерли. Ибо «живу Я, говорит Господь Бог», «Я не желаю смерти умирающего». (Иез. 18:3, 32.) Какова бы ни была причина их погибели, ею не может быть Его воля, если слова Божии истинны; ибо они объявляют: «Он не желает, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию» (2 Пет. 3:9); «Он хочет, чтобы все люди спаслись». Во-вторых, они объявляют причину, почему не все спасаются: они не хотят спастись. Так прямо говорит наш Господь: «Вы не хотите прийти ко Мне, чтобы иметь жизнь». (Ин. 5:40.) «Сила Господня присутствует для исцеления» их, но они не хотят исцелиться. Они «отвергают совет», милосердный совет, «Божий о себе», как делали их жестоковыйные предки.

Поэтому они безответны: Бог желает спасти их, но они не хотят спастись. Вот осуждение: «Сколько раз хотел Я собрать вас, и вы не захотели!» (Мф. 23:37.)

[32] 23. Вот насколько явно это учение ведёт к ниспровержению всего христианского Откровения, заставляя его противоречить самому себе, истолковывая некоторые места так, что они прямо противоречат всем остальным и вообще всему смыслу и строю Писания. Это более чем достаточное доказательство, что оно не от Бога. Но и это ещё не всё: ибо, в-седьмых, это учение исполнено богохульства, такого богохульства, о котором я страшился бы упомянуть, если бы честь нашего милостивого Бога и дело Его истины позволяли молчать. Поэтому ради дела Божия и из искренней заботы о славе Его великого имени я назову некоторые ужасные богохульства, заключённые в этом ужасном учении. Но прежде должен предостеречь каждого из слушающих, как вам предстоит ответить в великий день: не обвиняйте меня, как некоторые делали, в богохульстве за то, что упоминаю богохульство других. И чем больше вы скорбите о так богохульствующих, тем больше старайтесь «утвердить любовь к ним», чтобы желанием вашего сердца и непрестанной молитвой к Богу было: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают!»

[33] 24. После этого предварительного замечания обратите внимание: это учение представляет нашего благословенного Господа, «Иисуса Христа Праведника», «Единородного от Отца, полного благодати и истины», лицемером, обманщиком народа, человеком, лишённым обыкновенной искренности. Ибо невозможно отрицать, что повсюду Он говорит так, словно желает спасения всех людей. Поэтому утверждать, будто Он не желал спасения

всех, — значит представлять Его простым лицемером и притворщиком. Невозможно отрицать, что благодатные слова, исходившие из Его уст, полны приглашений ко всем грешникам. Следовательно, говорить, что Он не намеревался спасать всех грешников, — значит представлять Его грубым обманщиком народа. Вы не можете отрицать, что Он говорит: «Придите ко Мне, все труждающиеся и обременённые». Если же вы говорите, что Он призывает тех, кто не может прийти, чью неспособность прийти Он знает, кому может дать способность прийти, но не желает, — возможно ли изобразить большую неискренность? Вы представляете Его насмехающимся над Своими беспомощными созданиями, предлагающим то, чего никогда не намерен дать. Изображаете говорящим одно и подразумевающим другое, притворяющимся в любви, которой у Него не было. Того, «в Чьих устах не было лукавства», вы делаете исполненным обмана, лишённым обыкновенной искренности, — особенно когда, приближаясь к городу, Он плакал о нём и говорил: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз *хотел Я* собрать детей твоих, и *вы не захотели*»; ethelesakai ouk ethelesate. Если теперь вы говорите, что *они хотели*, но *Он не хотел*, вы представляете Его — кто мог бы выслушать такое? — проливающим крокодиловы слёзы, плачущим над добычей, которую Сам обрёк уничтожению!

[34] 25. Какое богохульство! Казалось бы, от него должны содрогнуться уши христианина! Но это ещё не всё: как это учение чтит Сына, так оно чтит и Отца. Оно разом уничтожает все Его свойства: ниспровергает и Его справедливость, и милосердие, и истину; да, оно представляет святейшего Бога худшим, чем дьявол, —

более лживым, более жестоким и более несправедливым. Более *лживым*, ибо дьявол, хотя он и лжец, никогда не говорил, что «желает, чтобы все люди спаслись». Более *несправедливым*, ибо дьявол, даже если бы захотел, не мог бы совершить той несправедливости, которую вы приписываете Богу, говоря, что Бог осудил миллионы душ на вечный огонь, уготованный дьяволу и его ангелам, за пребывание в грехе, которого они не могут избежать, поскольку лишены благодати, а Бог *не хочет* им её дать. И более *жестоким*, ибо тот несчастный дух «ищет покоя и не находит», так что его собственное беспокойное страдание в некотором смысле искушает его искушать других. Но Бог покоится в Своём высоком и святом жилище; поэтому предполагать, будто Он, будучи блаженным, по собственному почину, единственно по Своей воле и Своему изволению обрекает Свои творения — хотят они того или нет — на бесконечное страдание, значит приписывать Ему такую жестокость, какой мы не можем приписать даже великому врагу Бога и человека. Это значит представлять Всевышнего Бога — имеющий уши слышать да слышит! — более жестоким, лживым и несправедливым, чем дьявол!

[35] 26. Вот богохульство, явно заключённое в *ужасном определении* предопределения! И здесь я стою твёрдо. На этом основании я вступаю в спор с каждым его защитником. Вы представляете Бога худшим, чем дьявол: более лживым, более жестоким, более несправедливым. Но вы говорите, что докажете это Писанием. Остановитесь! Что вы докажете Писанием? Что Бог хуже дьявола? Этого быть не может. Что бы ни доказывало это место Писания, этого оно никогда доказать не может; каков бы ни был его истинный смысл, таким его истинный смысл быть не может. Вы спрашиваете: «Каков же тогда

его истинный смысл?» Если я отвечу: «Я не знаю», вы ничего не выиграли: ведь есть многие места Писания, истинного смысла которых ни вы, ни я не узнаем, пока смерть не будет поглощена победою. Но вот что я знаю: лучше было бы сказать, что в нём вовсе нет смысла, чем приписать ему такой смысл. Что бы ещё оно ни означало, оно не может означать, что Бог истины — лжец. Пусть оно означает что угодно, но оно не может означать, что Судия всей земли несправедлив. Ни одно место Писания не может означать, что Бог не есть любовь или что Его милосердие не простирается на все Его дела; то есть, что бы ещё оно ни доказывало, ни одно место Писания не может доказать предопределения.

[36] 27. Именно за это богохульство — как бы я ни любил людей, которые его утверждают, — я ненавижу учение о предопределении. Если бы можно было хоть на миг допустить это учение — назовите его избранием, отвержением или как вам угодно, ибо всё сводится к одному, — тогда можно было бы сказать противнику нашему, дьяволу: «Безумец, зачем ты всё ещё ходишь вокруг с рёвом? Твоё подстерегание душ так же ненужно и бесполезно, как наша проповедь. Разве ты не слышишь, что Бог взял твоё дело из твоих рук и исполняет его гораздо успешнее? Ты со всеми своими начальствами и властями можешь нападать лишь так, что мы способны противостать тебе; Он же может неодолимо погубить и тело, и душу в геенне! Ты можешь лишь соблазнять; но Его неизменные определения — оставить тысячи душ в смерти — вынуждают их пребывать в грехе, пока они не низринутся в вечное пламя. Ты искушаешь; Он принуждает нас быть осуждёнными, ибо мы не можем противиться Его воле. Безумец, зачем ты всё ещё ходишь, ища, кого поглотить? Разве ты не слышишь, что Бог —

пожирающий лев, губитель душ, убийца людей? Молох заставлял лишь детей проходить через огонь, и этот огонь скоро угасал; или же, когда тленное тело сгорало, мучение его кончалось. Но Бог, как тебе говорят, Своим вечным определением, установленным прежде, чем они сделали доброе или злое, заставляет не только младенцев длиною в пядь, но и их родителей проходить через огонь геенны, через „огонь, который никогда не угаснет“; а тело, брошенное в него, сделавшись теперь нетленным и бессмертным, будет вечно сгорать и никогда не сгорит, и „дым мучения их“, потому что таково Божье благоволение, „восходит во веки веков“».

[37] 28. О, как возрадовался бы враг Бога и человека, услышав, что всё обстоит так! Как он воскликнул бы громко, не удерживая голоса! Как возвысил бы голос и сказал: «По шатрам твоим, Израиль! Бегите от лица этого Бога, иначе вы погибнете окончательно! Но куда вы убежите? На небо? Он там. В преисподнюю? Он и там. Вы не можете убежать от вездесущего, всемогущего тирана. И побежите ли вы или останетесь, призываю небо, престол Его, и землю, подножие ног Его, во свидетельство против вас: вы погибнете, вы умрёте навеки. Пой, о преисподняя, и радуйтесь, живущие под землёю! Ибо Бог, Бог могущественный, изрёк и обрёк смерти тысячи душ от восхода солнца до запада! Вот, смерть, твоё жало! Они не избавятся, не могут избавиться, ибо уста Господни изрекли это. Вот, могила, твоя победа! Народы, ещё не родившиеся, прежде, чем они сделали доброе или злое, обречены никогда не увидеть света жизни, но ты будешь пожирать их во веки веков! Пусть ликуют все утренние звёзды, павшие вместе с Люцифером, сыном зари! Пусть все сыны ада восклицают от радости! Ибо определение состоялось, и кто отменит его?»

[38] 29. Да, определение состоялось; и было оно прежде основания мира. Но какое определение? Вот какое: «Предложу сынам человеческим „жизнь и смерть, благословение и проклятие“. И душа, избирающая жизнь, будет жить, как душа, избирающая смерть, умрёт». Это определение, по которому «кого Бог предузнал, тем и предопределил», воистину было от вечности; это определение, по которому все, кто позволяет Христу оживотворить их, «избраны по предведению Божию», стоит ныне твёрдо, как луна, как верный свидетель на небесах; и когда небо и земля прейдут, оно не прейдёт, ибо оно так же неизменно и вечно, как бытие давшего его Бога. Это определение сильнейшим образом побуждает преуспевать во всяком добром деле и во всякой святости; оно также источник радости и счастья, приносящий нам великое и нескончаемое утешение. Оно достойно Бога; оно во всём согласуется со всеми совершенствами Его естества. Оно даёт нам самое возвышенное представление о Его справедливости, милосердии и истине. С ним согласуется весь замысел христианского Откровения, как и все его части. О нём свидетельствуют Моисей и все пророки, наш благословенный Господь и все Его апостолы. Так говорит Моисей во имя своего Господа: «Во свидетели пред вами призываю сегодня небо и землю: жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие; избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё». Так Иезекииль — приведём одного пророка вместо всех: «Душа согрешающая, та умрёт. Сын не понесёт» в вечности «вины отца. Праведность праведного при нём и остаётся, и беззаконие беззаконного при нём и остаётся» (18:20). Так наш благословенный Господь: «Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Иоанна 7:37). Так Его великий апостол, святой Павел (Деяния 17:30): «Бог повелевает

всем людям повсюду покаяться» — «всем людям повсюду», каждому человеку в каждом месте, без всякого исключения по месту или по лицу. Так святой Иаков: «Если же у кого из вас недостаёт мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упрёков, — и дастся ему» (Иакова 1:5). Так святой Пётр (2 Петра 3:9): «Господь не желает, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию». И так святой Иоанн: «Если бы кто согрешил, то мы имеем Ходатая пред Отцом; и Он есть умилостивление за грехи наши, и не только за наши, но и за грехи всего мира» (1 Иоанна 2:1, 2). [98]

[39] 30. О, услышьте это, забывающие Бога! Вы не можете возложить на Него вину за вашу смерть! «Разве Я хочу смерти беззаконника? — говорит Господь Бог» (Иезекииля 18:23 и далее). «Покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам преткновением. Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, — ибо зачем вам умирать, дом Израилев? Ибо Я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог. Посему обратитесь — и живите». «Живу Я, — говорит Господь Бог, — не хочу смерти грешника. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших; зачем умирать вам, дом Израилев?» (Иезекииля 33:11).

Причина землетрясений и средство против них

[1] [Впервые опубликовано в 1750 году.] [99]

[2] «Придите и воззрите на дела Господа: какое разорение произвёл Он на земле!»

[3] Псалом 46:8.

[4] Из всех судов, которыми праведный Бог поражает грешников здесь, самый страшный и разрушительный — землетрясение. Недавно Он навёл его на нашу часть земли и тем пробудил наши страхи и повелел нам: «Приготовьтесь к сретению Бога вашего!» Толчки, которые ощущались в разных местах после того, что заставил содрогнуться этот город, могут убедить нас, что опасность ещё не миновала, и должны по-прежнему держать нас в страхе, ибо «гнев Его не отвратился, и рука Его ещё простёрта» (Исаии 10:4).

[5] Чтобы содействовать замыслу Провидения в эту страшную пору, я воспользуюсь словами избранного текста,

[6] I. Чтобы показать, что землетрясения — дела Господа и Он один производит это разорение на земле;

[7] II. Призвать вас воззреть на дела Господа в двух или трёх ужасных примерах; и

[8] III. Дать вам некоторые наставления, соответствующие обстоятельствам.

[9] I. Я должен показать вам, что землетрясения — дела Господа и Он один производит это разорение на земле. Никто из верующих Писанию не может отрицать, что Сам Бог есть Совершитель землетрясений, а грех — их *нравственная* причина, какова бы ни была причина естественная; ибо именно Писания свидетельствуют о Нём, что это Бог «передвигает горы и превращает их в гневе Своём; сдвигает землю с места её, и столбы её дрожат» (Иова 9:5, 6). «Призирает на землю, и она трясётся; прикасается к горам, и дымятся» (Псалом 104:32). «Горы, как воск, таяли от лица Господа, от лица Господа всей земли» (Псалом 97:5). «Горы трясутся пред Ним, и холмы тают. Кто устоит пред негодованием Его? И кто стерпит пламя гнева Его? Ярость Его разливается, как огонь, и скалы распадаются пред Ним» (Наума 1:5, 6).

[10] Богодухновенные писатели представляют землетрясения как собственное действие Божьего суда, как наказание за грех: грех есть причина Его гнева, землетрясения — его следствие. Так говорит псалмопевец: «Потряслась и всколебалась земля; дрогнули и подвиглись основания гор, ибо Он разгневался» (Псалом 18:7). Так пророк Исаия: «Я накажу мир за зло его… и уничижу надменность притеснителей… Для сего потрясу небо, и земля сдвинется с места своего от ярости Господа Саваофа, в день пылающего гнева Его» (Исаии 13:11, 13). И ещё: «Вот, Господь опустошает землю и делает её бесплодною, переворачивает её» — в подлиннике: *искажает лицо её* — «и рассеивает живущих на ней. Ибо окна с высоты отворятся, и основания земли потрясутся. Земля сокрушается, земля распадается, земля сильно потрясена. Земля шатается, как пьяный, и качается, как хижина; и беззаконие её тяготеет на ней; она упадёт и уже не встанет» (Исаии 24:1, 18–20).

«Трепещи, земля, пред лицом Бога Иакова» (Псалом 114:7). «Ты будешь посещён Господом Саваофом с громом и землетрясением и великим гласом» (Исаии 29:6).

11 Ничто не может быть яснее этих свидетельств Писания, указывающих и причину, и Совершителя этого страшного бедствия. Но и разум, наряду с верой, достаточно убеждает нас, что оно должно быть наказанием за грех и следствием проклятия, навлечённого на землю первым преступлением. С тех пор как невинность изгнана из мира, нечего более искать в нём устойчивости; но мы не можем представить, чтобы эти неистовые потрясения нарушали мироздание в состоянии первоначальной праведности. Для чего гнев Божий вооружал бы стихии против Его верных подданных? Для чего Он ниспровергал бы все Свои дела, чтобы погубить невинных людей? Или зачем заваливал бы жителей земли её развалинами, если бы они не были грешны? Зачем погребал бы в недрах земли тех, кому не надлежало умирать? Итак, заключим на основании и Писания, и разума, что землетрясения — *необычайные дела* Божьего суда, прямое следствие греха и наказание за него. Я перехожу к тому,

12 II. Чтобы представить вам эти дела Господа в двух или трёх ужасных примерах.

13 В 1692 году на Сицилии произошло одно из самых страшных землетрясений за всю историю. Оно потрясло весь остров, и не только его: Неаполь и Мальта также ощутили удар. Никто не мог устоять на ногах на пляшущей земле; даже лежавших на земле бросало из стороны в сторону, как на вздымающейся волне. Высокие стены отскакивали от своих оснований на несколько шагов.

14 Причинённое им разорение поразительно: пятьдесят четыре больших и малых города, помимо невероятного множества деревень, были почти полностью разрушены. Катания, один из самых знаменитых, древних и процветающих городов королевства, резиденция нескольких монархов и университетский город, больше всех пострадала от этого суда. Отец Ант. Серрвойта, направляясь туда, в нескольких милях от города заметил повисшую над ним чёрную, как ночь, тучу; из жерла Этны поднимались громадные столбы пламени, расходившегося во все стороны. Море внезапно начало реветь и вздымать валы; птицы в испуге метались; скот с криками бежал по полям; и раздался удар, словно разом выстрелила вся артиллерия мира!

15 Его лошадь и лошади спутников внезапно остановились, дрожа, так что путникам пришлось спешиться. Едва они сошли, как их подбросило над землёю более чем на две ладони; взглянув тогда в сторону Катании, он был поражён, увидев лишь густое облако пыли в воздухе. Так выглядело место их бедствия: от великолепной Катании нельзя было различить ни малейшего следа. Из восемнадцати тысяч девятисот четырнадцати жителей в ней погибло восемнадцать тысяч; в разных больших и малых городах из двухсот пятидесяти четырёх тысяч девятисот человек погибло шестьдесят тысяч!

16 В том же 1692 году, 7 июня, произошло землетрясение на Ямайке. Оно разрушило большинство домов, церквей, сахарных заводов, мельниц и мостов на всём острове; раскололо скалы и горы, некоторые из них превратив в равнины; уничтожило целые плантации и бросило их в море; и за две минуты обрушило и уничтожило девять

десятых города Порт-Ройял: дома целиком проваливались на глубину тридцати или сорока морских саженей!

17 Разверзшаяся земля поглощала людей, а они появлялись вновь на других улицах; некоторые — посреди гавани, вытолкнутые обратно морем, поднявшимся в этих расселинах, и таким чудесным образом спасались.

18 Из всех колодцев глубиною от одной до шести или семи морских саженей вода с великою силою вырывалась наверх. Пока дома на одной стороне улицы поглощала земля, на другой они превращались в груды развалин. Песок на улице поднимался, как морские волны, подбрасывая каждого, кто на нём стоял, и тотчас проваливался в ямы; в то же мгновение врывавшийся поток воды перекатывал людей снова и снова, пока они хватались за балки и стропила, пытаясь спастись.

19 Корабли и шлюпы в гавани опрокидывались и гибли. Одно судно движением моря и провалом пристани было пронесено над крышами многих домов и там затонуло.

20 Землетрясение сопровождалось глухим грохотом, подобным грому. Менее чем за минуту три четверти домов вместе с землёю под ними и с жителями совершенно ушли под воду, а небольшая оставшаяся часть представляла собою лишь груду обломков!

21 Удар был так силён, что сбивал людей на колени или лицом наземь, когда они метались в поисках укрытия; земля вздымалась и вспучивалась, как волнующееся море; несколько ещё стоявших домов сдвинулись и переместились на несколько ярдов; говорят, одна целая улица стала вдвое шире прежнего.

22 Во многих местах земля трескалась, быстро и непрерывно раскрываясь и смыкаясь; одновременно

можно было видеть двести или триста таких разрывов. В некоторых людей поглощала земля; других смыкавшиеся края схватывали поперёк туловища и раздавливали насмерть; так они и оставались погребёнными, лишь головы торчали над землёю; некоторые головы съели собаки!

23 Местный священнослужитель в своём рассказе говорит, что нечестие жителей было столь безнадёжным, что он боялся оставаться среди них; в день землетрясения некоторые матросы и другие люди принялись взламывать и грабить склады и покинутые дома, хотя земля дрожала под ними и дома падали на них во время грабежа; ему встречались многие, кто ругался и богохульствовал; а публичные блудницы, остававшиеся на месте, были так же пьяны и бесстыдны, как всегда.

24 Бежав к форту, на широкое открытое место, чтобы спастись, он увидел, как земля разверзлась и поглотила множество людей, а море хлынуло на них поверх укреплений. Оно также уничтожило большое кладбище, вымыло тела из могил и разбило надгробия. Вся гавань была покрыта мёртвыми телами, которые носились по воде без погребения!

25 Как только сильный толчок прекратился, он попросил всех присоединиться к нему в молитве. Среди них было несколько евреев, которые преклонили колени и отвечали, как остальные; слышали даже, как они призывали Иисуса Христа. После того как он провёл с ними полтора часа в молитве и увещаниях к покаянию, ему предложили укрыться на одном из кораблей в гавани; пройдя по крышам домов, оказавшимся вровень с водою, он сел сначала в каноэ, потом в баркас, который доставил его на корабль.

26 Более широкие расселины поглощали дома; из некоторых целыми реками извергалась вода, взлетая высоко в воздух и угрожая затопить ту часть земли, которую пощадило землетрясение. Всё это сопровождалось зловонием и грохотом обрушивавшихся гор. За минуту небо стало тусклым и красным, как раскалённая печь. На всей Ямайке едва уцелел хотя бы один дом плантатора или сахарный завод. Большая их часть была поглощена одним разверзанием земли — дома, деревья, люди, всё вместе; на их месте затем появились большие водоёмы, после высыхания которых остался один песок, без всякого признака, что там когда-либо росло дерево или иное растение.

27 Примерно в двенадцати милях от моря земля разверзлась и с чудовищной силою выбросила в воздух огромное количество воды. Но всего сильнее разорение было среди гор и скал. Большинство рек на двадцать четыре часа было запружено обвалившимися горами, пока поднявшаяся вода не проложила новые русла, вырывая деревья и всё встречавшееся на пути.

28 Большая гора раскололась, рухнула на равнину, засыпала несколько поселений и погубила их жителей. Другая гора, несколько раз подпрыгнув или сдвинувшись, погребла большую часть плантации, находившейся в миле от неё. Ещё одна большая высокая гора, на переход через которую требовался почти день пути, была совершенно поглощена; на её месте теперь большое озеро шириною в несколько лиг.

29 После великого потрясения спасшиеся укрылись на кораблях в гавани, где многие оставались более двух месяцев. Всё это время толчки были столь сильны и следовали так часто — порою два или три в час,

сопровождаясь страшными звуками, подобными порывистому ветру или глухому рокоту грома, и веянием серы, — что люди не смели сойти на берег. Последствием землетрясения стала повальная болезнь от зловонных испарений, унёсшая более трёх тысяч человек.

30 28 октября 1746 года, в половине одиннадцатого вечера, Лима, столица Перу, была разрушена землетрясением, распространившимся на сто лиг к северу и столько же к югу вдоль всего морского берега. Разрушение не оставило времени даже испугаться: шум, удар и гибель ощутились в одно и то же мгновение. За четыре минуты, в течение которых землетрясение действовало с наибольшей силою, одни оказались погребены под обломками рушившихся домов, другие были насмерть раздавлены на улицах падавшими стенами, обрушивавшимися на них, пока они метались туда и сюда.

31 Тем не менее бóльшая часть жителей, которых насчитывали около шестидесяти тысяч, была сохранена Провидением: одни — в пустотах среди развалин, другие — на вершине самих развалин, не зная, как туда попали. В такую минуту ни у кого не было времени размышлять; а если бы и было, отступать было некуда. Части зданий, казавшиеся самыми прочными, иногда оказывались самыми слабыми; напротив, самые слабые порою выдерживали лучше всех. Смятение было таково, что никто не считал себя в безопасности, пока не выбирался из города.

32 Земля ударяла по зданиям с такой силою, что каждый толчок обрушивал бóльшую их часть; а они, увлекая при падении огромные тяжести, — особенно церкви и высокие дома, — довершали гибель всего, на что падали, даже

того, что пощадило землетрясение. Хотя каждый толчок был мгновенным, они следовали один за другим; в промежутках людей перебрасывало с места на место, что для одних послужило спасением, тогда как других сохранила полная невозможность двигаться.

33 Там было семьдесят четыре церкви, не считая часовен, и четырнадцать монастырей, а также столько же больниц и лазаретов; в одно мгновение всё обратилось в груду развалин, а несметные богатства оказались погребены в земле! Но хотя едва ли осталось стоять двадцать домов, число погибших, по имеющимся сведениям, ненамного превысило тысячу сто сорок одного человека; семьдесят из них были больными в госпитале, которых крыша погребла в постелях, и никто не мог оказать им никакой помощи.

34 Кальяо, портовый город в двух лигах от Лимы, во время того же землетрясения был поглощён морем. Он исчез из виду в одно мгновение, так что теперь от него не видно ни малейшего следа.

35 Правда, несколько башен и крепкие стены некоторое время выдерживали всю силу землетрясения. Но едва его несчастные жители начали оправляться от первого ужаса, вызванного страшным разрушением, как море внезапно стало подниматься и, достигнув необычайной высоты, яростно ринулось вперёд. Столь огромный поток воды перехлестнул его прежние пределы, что большинство стоявших в порту на якоре кораблей затонуло; остальные волна подняла выше стен и башен, понесла дальше и оставила на суше далеко за городом. В то же время она вырвала до основания все дома и здания, кроме двух ворот и кое-где небольших обломков самих

стен, которые и поныне, словно летопись бедствия, видны среди развалин и вод — страшный памятник былого!

36 В этом неистовом потоке утонули все жители города, около пяти тысяч человек. Те, кому удалось ухватиться за обломки дерева, довольно долго носились по воде; но из-за тесноты обломки постоянно сталкивались и сбивали тех, кто за них держался.

37 Спаслось около двухсот человек, преимущественно рыбаки и матросы. Они рассказывали, что отступавшие волны окружили весь город, не оставив никаких средств спасения; и что в промежутках, когда ярость наводнения немного утихала, они слышали самые скорбные вопли и крики погибавших. Возможность спастись получили также люди на кораблях, которые поднявшееся море перенесло через весь город. Из двадцати трёх кораблей, находившихся в порту во время землетрясения, четыре были выброшены на берег, а все остальные затонули. Немногих людей, спасавшихся на досках, несколько раз уносило до самого острова Святого Лаврентия, более чем в двух лигах от форта. Наконец одних выбросило на морской берег, других — на остров, и так они уцелели.

38 В этих примерах мы можем узреть дела Господа и увидеть, как «страшен Он в делах над сынами человеческими» (Псалом 66:5). Поистине ничто не может так потрясти, как этот суд землетрясений, когда он приходит неожиданно, словно тать ночью; когда «преисподняя расширяется и без меры раскрывает пасть свою, и сходит в неё слава их, и богатство их, и шум их, и всё, что веселится у них» (Исаии 5:14); когда нет времени бежать, нет пути спасения, нет возможности сопротивляться; когда не остаётся ни святилища, ни убежища, когда укрытия не найти ни в самых высоких

башнях, ни в самых глубоких пещерах; когда земля внезапно разверзается и становится могилою целых семей, улиц и городов, совершая это быстрее, чем вы успеете рассказать, — то извергая потоки воды, чтобы утопить их, то выбрасывая пламя, чтобы пожрать их, то смыкаясь над ними вновь, так что они умирают от удушья или голода, если не от обломков собственного жилища; когда родители и дети, мужья и жёны, хозяева и слуги, правители, священнослужители и народ без различия, среди здоровья, мира и трудов, погребаются общей гибелью и все вместе переходят в вечный мир; когда лишь несколько часов или минут отделяют знаменитый город от полного небытия!

39 Если война — страшное зло, то насколько страшнее землетрясение, приносящее посреди мира бедствие худшее, чем крайние ужасы войны! Если ужасна свирепая моровая язва, уносящая тысячи днём и десятки тысяч ночью; если пожирающий огонь — потрясающий суд, то насколько поразительнее тот, которым дома и жители, малые и большие города и целые страны уничтожаются одним ударом за несколько минут! Единственным предвестником такого суда становится сама смерть, не дающая ни времени приготовиться к иному миру, ни возможности найти убежище в этом.

40 Когда человек чувствует, как под ним колеблется земля, висящая ни на чём, словно огромный шар среди тонкого и податливого воздуха, это должно наполнить его тайным ужасом и смятением. История повествует о страшных последствиях землетрясений во все века: здесь вы видите разорванные на части скалы; горы не только обрушенные, но и перемещённые; холмы, поднявшиеся не только из долин, но и из морей; огонь, вырывающийся из

воды; извергающиеся камни и золу; реки, изменившие течение; моря, вытесненные со своего места; разверзающуюся землю; поглощённые города и множество подобных ужасов!

41 Из всех Божьих кар нет более ужасной и более неотвратимой, чем эта. Ибо где можем мы надеяться избежать опасности, если колеблется самое твёрдое из всего, что есть в мире? Если то, что поддерживает всё остальное, грозит провалиться под нашими ногами, какое убежище найдём мы от зла, окружающего нас со всех сторон? И куда можем отступить, если раскрывающиеся пропасти повсюду отрезают нам пути?

42 Какой ужас охватывает людей, когда они слышат стон земли; когда за её жалобами следует дрожь; когда дома отрываются от своих оснований; когда кровли рушатся им на головы, а мостовая уходит из-под ног! Какая остаётся надежда, когда от страха нельзя оградиться бегством! При других бедствиях есть какой-нибудь путь спасения; но землетрясение заключает в себе то, что ниспровергает, ведёт войну с целыми областями и порою не оставляет ничего, что могло бы поведать потомкам о его неистовстве. Более дерзкое, чем огонь, который щадит скалы; более жестокое, чем завоеватель, который оставляет стены; более алчное, чем море, которое выбрасывает обломки кораблекрушений, — оно поглощает и пожирает всё, что опрокидывает. Само море подвластно ему, и самые опасные бури — те, которые вызваны землетрясениями.

43 Перехожу к третьему и последнему: дать вам некоторые наставления, соответствующие обстоятельствам. Это тем нужнее, что вы не знаете, как скоро может повториться недавнее землетрясение,

которым Бог посетил нас, и не расширит ли Он его поручения, посылая его вновь. Однажды и дважды Господь предупредил нас, что восстал страшно потрясти землю. Поэтому, 1. Бойтесь Бога — того Бога, Который может в одно мгновение ввергнуть и тело, и душу в геенну! «Войди в скалу и сокройся в прах от страха Господа и от славы величия Его» (Исаии 1:10). Не должны ли все мы воскликнуть: «Велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! Кто не убоится Тебя, Господи, и не прославит имени Твоего? Ибо суды Твои открылись!» (Откровение 15:3, 4).

44 Бог говорит вашим сердцам словно подземным громом: «Глас Господа взывает к городу… Слушайте жезл и Того, Кто назначил его» (Михея 6:9). Он повелевает вам внимать Его могуществу и справедливости. «Иди и смотри!» (Откровение 6:5) — когда снимается новая печать; да, «придите и воззрите на дела Бога; страшен Он в делах над сынами человеческими» (Псалом 66:5).

45 Когда Он заставляет горы трепетать, а землю сотрясаться, неужели наши сердца не придут в движение? «Меня ли вы не боитесь? — говорит Господь; — предо Мною ли не трепещете?» (Иеремии 5:22). Неужели вы не убоитесь Меня, Кто может отворить окна небесные вверху или разверзнуть источники бездны внизу и излить целые потоки мщения, когда Мне угодно? Кто может «дождём пролить на нечестивых сети, огонь и серу и страшную бурю» (Псалом 11:6); или воспламенить те потоки и испарения в недрах и пещерах земли и заставить их пробить себе путь, губя селения, города и страны? Кто может так внезапно превратить плодородную землю в бесплодную пустыню, в потрясающее зрелище запустения и разорения?

46 «Трубит ли труба в городе, и народ не испугался бы? Бывает ли бедствие в городе, которое не Господь попустил?» «Лев возревел — кто не устрашится? У Бога страшное величие; потому благоговеют пред Ним люди». Некоторые *благоговеют*, и все *должны* благоговеть. О, если бы страх Его в эту минуту напал на всех вас, слышащих эти слова, и вынудил каждого воскликнуть: «Трепещет от страха Твоего плоть моя, и судов Твоих я боюсь!» (Псалом 109:10). О, если бы все увидели, что рука Его ныне поднята, словно готовая поразить, всё ещё простёрта и потрясает жезлом над виновной землёю, над народом, созревшим для погибели! Ибо не этот ли народ надлежит посетить? «Неужели Я не взыщу за это? — говорит Господь; — и не отмстит ли душа Моя такому народу, как этот?» (Иеремии 5:9). Что, кроме всенародного покаяния, может отвратить всенародную гибель?

47 «О, уразумейте это, забывающие Бога, дабы Он не похитил вас и не оказалось избавляющего!» (Псалом 50:22). Чтобы беззаконие не стало вашей погибелью, покайтесь! Вот второй совет, который я хотел бы вам предложить; или, вернее, первый, ещё сильнее внушаемый и разъясняемый. Бойтесь Бога и удаляйтесь от зла; покайтесь и сотворите плоды, достойные покаяния; оставьте ваши грехи в эту же минуту. «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро», — говорит Господь (Исаии :16, 17).

48 «Если не покаетесь, все так же погибнете» (Луки 13:3). «Но и ныне, — говорит Господь», не желающий ничьей погибели, — «обратитесь ко Мне всем сердцем своим в посте, плаче и рыдании; раздирайте сердца ваши, а не

одежды ваши, и обратитесь к Господу Богу вашему, ибо Он благ и милосерд, долготерпелив и многомилостив и сожалеет о бедствии. Кто знает, не обратится ли Он и не сжалится ли и не оставит ли благословения позади Себя?» (Иоиля 2:12–14).

[49] «Кто знает?» Вопрос, от которого вам следовало бы трепетать. Бог взвешивает вас на весах и как бы раздумывает, спасти или уничтожить! «Скажи сынам Израилевым: вы народ жестоковыйный; если Я пойду среди вас, то в одно мгновение истреблю вас; итак, снимите с себя украшения ваши; Я посмотрю, что Мне делать с вами» (Исход 33:5).

[50] Бог ожидает увидеть, какое действие окажут на вас Его предостережения. Он медлит на пороге совершения суда и взывает: «Как поступлю с тобою?» (Осии 11:8). Или: «Во что вас бить ещё?» (Исаии 1:5). Он не хочет смерти умирающего. Он не совершил бы Своего необычайного дела, если бы ваше упорное нераскаяние не вынуждало Его.

[51] «Зачем вам умирать, дом Израилев?» (Иезекииля 18:31). Бог предупреждает вас о приближающемся суде, чтобы вы вняли предостережению и избежали его своевременным покаянием. Он поднимает руку и потрясает ею над вами, чтобы вы увидели её и отвратили удар. Он говорит вам: «Уже секира при корне дерев лежит» (Матфея 3:10). Поэтому покайтесь, принесите добрый плод, и вас не срубят и не бросят в огонь. О, не пренебрегайте богатством Его милосердия, но пусть оно ведёт вас к покаянию! «Долготерпение Господа почитайте спасением» (2 Петра 3:15). Не ожесточайте сердец ваших, но обратитесь к Тому, Кто поражает вас,

или, вернее, грозит поразить, чтобы вы обратились и были пощажены!

52 Как медлен Господь на гнев! Как неохотно наказывает! Какими неспешными шагами приходит Он совершить возмездие! Сколько более лёгких скорбей предшествует последнему удару!

53 Если Он велит всаднику на рыжем коне возвратиться и скажет: «Меч, пройди по этой земле», — можем ли мы жаловаться, что Он не предупредил нас? Разве меч не начал лишать нас близких за пределами страны, а затем разве не увидели мы его внутри наших границ? Но милосердный Бог сказал: «Доселе дойдёшь и не перейдёшь»; Он остановил захватчиков посреди нашей земли, обратил их назад и уничтожил.

54 Если Он пошлёт всадника на бледном коне, имя которому Смерть, и мор погубит тысячи и десятки тысяч из нас, — можем ли мы отрицать, что Он прежде предупредил нас свирепой гибелью нашего скота?

55 Так и если мы вынудим Его опустошить нашу землю, перевернуть её и ниспровергнуть нас, как Он ниспроверг Содом и Гоморру, — не сами ли мы навлечём на себя это? Разве у нас не было причин ожидать такого бедствия, не было предварительного предупреждения, не дрожала земля, прежде чем рассесться, не сотрясалась, прежде чем раскрыть пасть? Разве Он не поставил перед нашими глазами примеров столь страшного суда? Разве мы никогда не слышали о гибели Ямайки, или Катании, или Лимы, случившейся лишь вчера? Если мы наконец погибнем, то погибнем без оправдания: ибо что ещё можно было сделать для нашего спасения?

[56] Да, ты ныне получаешь ещё один призыв к покаянию, ещё одно предложение милости, кто бы ты ни был, слышащий эти слова. Во имя Господа Иисуса я ещё раз предупреждаю тебя, как страж дома Израилева: беги от грядущего гнева! Я напоминаю тебе, если ты так скоро забыл, недавний страшный суд, которым Бог потряс тебя над самою пастью ада! Твоё тело Он, вероятно, пробудил им; но пробудил ли Он твою душу? Господь был в землетрясении и обратил к твоей совести торжественный вопрос: «Готов ли ты умереть? Примирился ли ты с Богом?» Если бы земля сейчас раскрыла пасть и поглотила тебя, что стало бы с тобою? Где бы ты оказался — на лоне Авраамовом или поднял бы глаза, находясь в мучениях? Если бы ты погиб при недавнем землетрясении, не умер бы ты во грехах своих — или, вернее, не сошёл бы живым в ад? Кто предотвратил твоё осуждение? Сын Божий! О, пади пред Ним и поклонись Ему! Воздай Ему славу за своё избавление и посвяти остаток дней своих Его служению!

[57] Вот третий совет, который я хотел бы вам дать: покайтесь и веруйте в Евангелие. Уверуйте в Господа Иисуса, и вы ещё будете спасены. Почтите Сына, чтобы Он не прогневался и чтобы вы не погибли. *Одно* покаяние не принесёт вам никакой пользы; да вы и не каетесь, если не исповедуете сокрушённым сердцем самый достойный осуждения из всех ваших грехов — неверие, то, что вы отвергли или не приняли Иисуса Христа как единственного вашего Спасителя. Вы и не можете покаяться, если Он Сам не даст силы, если Его Дух не обличит вас о грехе, что вы не веруете в Него.

[58] Пока вы не покаетесь в своём неверии, все ваши добрые желания и обещания тщетны и пройдут, как утреннее

облако. Обеты, которые вы даёте во время бедствия, вы забудете и нарушите, как только бедствие кончится и опасность минует.

59 Но избежите ли вы наказания за нечестие, даже если землетрясение не повторится? У Бога никогда не будет недостатка в путях и средствах наказать нераскаянных грешников. У Него в запасе тысяча иных судов; и если земля не раскроет своей пасти, то в конце концов вас непременно поглотит бездонная пропасть ада!

60 Хочешь ли ты ещё избежать этой вечной смерти? Тогда прими в самом себе приговор к смерти, жалкий грешник, сам себя погубивший! Познай, что у тебя нет живой, спасающей, Божественной веры! Стенай под бременем своего неверия и отказывайся от утешения, пока не услышишь из Его собственных уст: «Дерзай, прощаются тебе грехи твои».

61 Я не могу считать само собою разумеющимся, что все люди имеют веру, или говорить с грешниками этой страны как с верующими в Иисуса Христа. Ибо где плоды веры? Вера действует любовью; вера побеждает мир; вера очищает сердце; вера даже в самой малой мере передвигает горы. Если можешь веровать, всё возможно тебе. Если ты оправдан верою, ты имеешь мир с Богом и радуешься в надежде Его славного явления.

62 Верующий имеет свидетельство в самом себе, имеет залог неба в своём сердце, имеет любовь, которая сильнее смерти. Для верующего смерть утратила жало; «потому он не убоится, хотя бы поколебалась земля и горы подвиглись в сердце морей» (Псалом 46:2). Ибо он знает, в Кого уверовал, и что «ни жизнь, ни смерть не смогут

отлучить его от любви Божией во Христе Иисусе, Господе его».

63 *Так* ли ты веруешь? Испытай себя самого непогрешимым словом Божьим. Если у тебя нет плодов, действий или неотделимых свойств веры, у тебя нет веры. Приди же к Начальнику и Совершителю веры, исповедуя свои грехи и корень всех их — неверие, пока Он не простит тебе грехов и не очистит тебя от всякой неправды. Приди к Другу грешников, усталый и обременённый, и Он даст тебе прощение! Вверь свою бедную, безнадёжную душу Его любви, явленной в смерти! Войди в скалу, в ковчег, в город убежища! Проси — и получишь веру вместе с прощением. Он ждал, чтобы помиловать. Он пощадил тебя именно для того, чтобы глаза твои увидели Его спасение. Какие бы суды ни пришли в эти последние дни, всякий, кто призовёт имя Господа Иисуса, будет избавлен.

64 Призови Его ныне, грешник, и неотступно пребывай в молитве, пока Он не ответит тебе миром и силою! Борись за благословение! На карту поставлены твоя жизнь, твоя душа! Взывай к Нему изо всех сил: «Иисус, Сын Давидов, помилуй меня! Боже, будь милостив ко мне, грешнику! Господи, помоги мне! Помоги моему неверию! Спаси, иначе я погибну! Окропи моё смятённое сердце! Омой меня совершенно в источнике Твоей крови; веди меня Твоим Духом; освяти меня всецело и прими в славу!»

65 «Ныне Богу Отцу…»

Грехи и бедствия народа

[1] Произнесено в церкви Святого Матфея в Бетнал-Грин в воскресенье 12 ноября 1775 года в пользу вдов и сирот солдат, недавно павших близ Бостона в Новой Англии

[2] «Вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы что сделали?»

[3] 2 Царств 24:17.

[4] 1. Глава начинается так: «Гнев Господень опять возгорелся на Израиль, и возбудил он в них Давида сказать: пойди, исчисли Израиля и Иуду». *«Опять»* — он возгорался на них лишь за несколько лет до того; вследствие этого «был голод на земле три года, год за годом» (2 Царств 21:1), пока Давид не вопросил Господа и не узнал, как отвратить этот гнев. Нам не сообщается, каким именно образом Израиль теперь оскорбил Бога и по какой именно причине возгорелся Его гнев; сообщается лишь следствие. «Возбудил он в них Давида сказать: пойди, исчисли Израиля и Иуду». *«Он»* — не Бог! Остерегитесь приписывать это Источнику любви и святости! Не Бог, а сатана так возбудил Давида. Это прямо сказано в параллельном месте Писания: «И восстал сатана на Израиля и возбудил Давида сделать счисление Израильтян» (1 Паралипоменон 21:1). Сатана предстал пред Богом, чтобы обвинить Давида и Израиль и испросить у Бога позволение искушать Давида. Стоять — положение обвинителя перед человеческим судом; поэтому Писание, имеющее обыкновение говорить о Божьих делах по-человечески, изображает сатану предстающим в этом положении перед Божьим судом. «И

сказал Давид Иоаву и начальникам народа: пойдите, исчислите Израиля от Вирсавии до Дана и представьте мне, чтобы я знал число их» (2 Царств 23:2).

[5] 2. Не вполне ясно, в чём состоял грех такого исчисления народа. Ни в одном из существовавших тогда Писаний нет прямого запрета на это. Однако мы читаем: «Слово царево было противно Иоаву» (2 Царств 23:6), человеку отнюдь не самой чуткой совести; поэтому, прежде чем повиноваться, он стал возражать Давиду. «Иоав отвечал: для чего господин мой требует этого? Для чего должно вмениться это в вину» — стать наказанием или бедствием — «Израилю?» Бог нередко наказывает народ за грехи его правителей, потому что люди обычно так или иначе участвуют в этих грехах. И праведный Судия пользуется этим случаем, чтобы наказать их за все их грехи. В этом Иоав был прав, ибо после исчисления сказано: «И не угодно было в очах Божиих дело сие». Да, «вздрогнуло сердце Давида, и сказал Давид Господу: тяжко согрешил я, поступив так; и ныне молю Тебя, Господи, прости грех раба Твоего» (2 Царств 24:10). Не заключался ли грех в побуждении, по которому это было сделано? Не сделал ли он этого по гордости своего сердца? Вероятно, из тщеславия и желания похвалиться, славясь не Богом, а многочисленностью своего народа.

[6] 3. Далее мы видим, что даже Иоав однажды оказался истинным пророком: Давид стал причиной вины, причиной наказания для Израиля. Его грех, присоединившись ко всем грехам народа, наполнил меру их беззаконий. И «послал Господь язву на Израиля от утра», когда пророк Гад предложил Давиду выбрать войну, голод или мор, «до вечера третьего дня. И умерло из народа, от Дана до Вирсавии, семьдесят тысяч

человек» (2 Царств 24:15). «И когда Давид увидел ангела, поражавшего народ», — явившегося в образе человека с обнажённым мечом в руке, чтобы ещё полнее убедить его, что эта язва непосредственно от Бога, — «он сказал: вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы что сделали?»

[7] 4. Не существует ли в нескольких отношениях поразительного сходства между положением Израиля и нашим? Всеобщее нечестие вызвало тогда всеобщее посещение, и не производит ли теперь та же причина того же следствия? Мы также согрешили, и нас наказывают; и, быть может, это лишь начало скорбей. Быть может, ангел ныне простирает руку над Англией, чтобы уничтожить её. О, если бы Господь наконец сказал губителю: «Довольно, теперь опусти руку твою!»

[8] 5. Мало кто отрицает, что порок порождает страдание: это подтверждается общим свидетельством всех веков. Но мы редко относим это к самим себе; говоря о грехе как причине страдания, мы обыкновенно подразумеваем грех других людей и полагаем, что *мы* страдаем, потому что *они* грешат. Но нужно ли ходить так далеко? Разве наших собственных пороков недостаточно, чтобы объяснить все наши страдания? Рассмотрим это честно и беспристрастно; испытаем собственные сердца и жизнь. Мы все страдаем и все согрешили. Но не полезнее ли будет каждому из нас рассмотреть собственные грехи как навлекающие страдания и на него самого, и на других; сказать: «Вот, я согрешил, я поступил беззаконно; а эти овцы что сделали?»

[9] I. 1. Исследуем сначала, что они терпят, а затем — какова причина этих страданий. Никто не может отрицать, что народ страдает, причём страдает

необычайно тяжело. Тысячи и десятки тысяч ныне глубоко бедствуют от недостатка работы. Правда, в некоторых больших и богатых городах этот недостаток в известной мере устранён. Но верно и то, что таково положение далеко, очень далеко не всего королевства. Ничто не достовернее того, что тысячи людей на западе Англии, особенно по всему Корнуоллу, на севере и даже в центральных графствах совершенно лишены работы. Поэтому те, кто прежде ни в чём не нуждался, теперь нуждаются во всём. Они так далеки от былого достатка, что находятся в самом жалком бедствии, лишённые не только удобств, но и большей части необходимого для жизни. Я видел немало этих несчастных чуть более чем в ста милях от Лондона: они стояли на улицах с бледными лицами, впалыми глазами и исхудалыми членами или бродили, словно ходячие тени. Я знал семьи, ещё несколько лет назад жившие в достатке и благопристойности, у которых осталось лишь то платье, что было на них, и лишь та пища, которую они могли собрать в поле. Кто-нибудь из них раз в день ходил туда подбирать репу, оставленную скотом; если удавалось достать несколько прутьев, её варили, а иначе ели сырою. Вот до какого недостатка пищи доведены ныне многие из наших соотечественников недостатком работы!

10 2. Довольно тяжело это бедствие, ежедневно испытываемое множеством людей. Но я не знаю, не страдает ли ещё большее число от бедствия более тяжкого. Великое горе — лишиться хлеба; но ещё большее — лишиться рассудка. А именно таково ныне положение тысяч и тысяч наших соотечественников. Повсеместную бедность, хотя и не в такой степени, я видел несколько лет назад. Но столь повсеместного безумия не видел никогда — и, думаю, не видел самый старый из живущих

людей. Тысячи простых, честных людей по всей стране совершенно лишаются рассудка от яда, который так старательно распространяют по всем большим и малым городам королевства. Они кричат о свободе, тогда как держат её в руках, действительно обладают ею, притом в такой степени, какой не знает ни один другой народ под небом: будь то гражданская свобода — свобода пользоваться всей законно принадлежащей нам собственностью — или религиозная свобода, свобода поклоняться Богу согласно велениям собственной совести. Поэтому все, кто страстно или жалобно вопит: «Неволя! Рабство!» — когда опасности того и другого не больше, чем опасности падения неба им на голову, — совершенно обезумели: их разум утрачен, их ум вполне помрачён. Правда, многие из них недавно пришли в себя; но всё ещё остаётся множество людей, в этом отношении столь же совершенно безумных, как любой обитатель Бедлама.

11 3. Пусть никто не думает, будто нашу землю постигло лишь небольшое бедствие. Если бы вы видели, как видел я, в каждом графстве, большом и малом городе людей, прежде спокойных, кротких, дружелюбных, а ныне обезумевших от партийного рвения, пенящихся от ярости против мирных соседей, готовых перегрызть друг другу горло и вонзить мечи друг другу в утробу; если бы вы слышали, как люди, прежде боявшиеся Бога и чтившие короля, ныне извергают против него самые горькие поношения, вполне созрев для измены и мятежа, лишь бы представился случай, — вы не сочли бы это малым злом, делом маловажным, но одним из самых тяжких судов, какие Бог может попустить виновной земле.

[12] 4. Таково положение англичан на родине. А за её пределами оно лучше? Боюсь, что нет. От тех, кто теперь находится там, я узнаю, что и в наших колониях многие заставляют народ обильно пить то же смертоносное вино; от него тысячи всё сильнее распаляются, пока головы их не приходят в полное расстройство и они не становятся безумными во всех отношениях. Разум теряется в ярости; его тихий, кроткий голос тонет в народном крике. Мудрость пала на улицах. И где место разума? В этих провинциях его едва ли найдёшь. Здесь *рабство* — настоящее рабство, вполне заслуживающее этого имени. Ибо правильного, законного, конституционного образа правления более не существует. Здесь настоящая, а не воображаемая неволя: не осталось и тени английской свободы. Не только не допускается никакой *свободы печати* — никто не смеет напечатать ни страницы, ни строки, если она в точности не соответствует взглядам наших господ, народа, — но нет и *свободы слова*. Их *язык* не *принадлежит им*. Никто не должен сметь произнести ни слова ни в пользу короля Георга, ни против воздвигнутого ими идола — нового, незаконного, неконституционного правительства, совершенно неизвестного ни нам, ни нашим предкам. Здесь нет *религиозной свободы*, нет свободы совести для тех, кто «чтит короля» и кого поэтому чувство долга побуждает защищать его от гнусной клеветы, непрестанно на него изливаемой. Здесь нет *гражданской свободы*, нет права пользоваться плодом своего труда дальше того, что угодно толпе. Ни промысел человека, ни его дом, ни собственность не обеспечены, если он не желает плыть по течению. Более того, не обеспечена сама его жизнь, если сосед, пользующийся расположением толпы, вздумает перерезать ему горло: ибо нет закона и нет законного

судьи, чтобы разбирать преступления. Здесь пропасть тирании — произвола с одной стороны и безвластия с другой. И словно всего этого страдания ещё недостаточно, взгляните также на свирепое чудовище войны! Но кто опишет сложившееся из стольких бед страдание, которое она несёт? Слушайте: пушки ревут! Чёрная, как смола, туча закрывает лицо неба. Шум, смятение и ужас властвуют повсюду! Со всех сторон предсмертные стоны. Тела людей пронзают, разрывают, рубят на части; их кровь льётся на землю, как вода! Их души улетают в вечный мир, быть может, в вечное мучение. Служители благодати отворачиваются от ужасного зрелища; служители мщения торжествуют. Такова уже была картина в той некогда счастливой стране, где мир и изобилие улыбались почти сто лет, даже когда были изгнаны из большей части Европы.

13 5. И что же влечёт этих бедных жертв на поле крови? Огромный призрак, шагающий перед ними, который их научили называть *свободой!* Именно он

> 14 Вдыхает в их сердца суровую любовь к войне,
> И жажду мщения, и к смерти презренье.

15 Между тем подлинную свободу попирают ногами, и она теряется в безвластии и смятении.

16 6. Но кто из этих воинов всё это время подумал о жене своей юности, ныне оставшейся безутешной вдовой, быть может, без единого человека, который позаботился бы о ней; быть может, лишённой единственного утешения и опоры и не имеющей, где преклонить голову? Кто подумал о своих беспомощных детях, ныне покинутых сиротах, быть может, плачущих и просящих хлеба, тогда

как у матери не осталось для них ничего, кроме скорби и слёз?

17 II. 1. И всё же «эти овцы что сделали», хотя всё это постигло их? «Думаете ли вы, что они были грешнее других людей, потому что так пострадали? Нет, говорю вам, но если не покаетесь, все так же погибнете». Поэтому нам надлежит рассмотреть собственные грехи — причину всех наших страданий. Каждому из нас надлежит сказать: «Вот, я согрешил; я поступил беззаконно».

18 2. Недостало бы времени, если бы я попытался перечислить все пути, на которых мы грешили; но в общем несомненно вот что:

> 19 Богатый, бедный, знатный и простой
> От кроткой заповеди отошли;
> Потоки зла выходят из границ
> И затопляют всю виновную страну.
> Народ и пастырь тонут во грехе,
> И Тофет разверзается принять их.

20 Как неисчислимы нарушения справедливости среди нас! Кто не усвоил древнего правила: Si possis, recte; si non, quocunque modo rem: «Если можешь нажить деньги честно, делай так; но во всяком случае наживай деньги»?

21 Где найти милосердие, если оно противоречит выгоде? Как немногие побоятся за хорошую плату притеснить вдову или сироту! И где найдём мы истину? Обман и мошенничество не покидают наших улиц. Кто говорит истину от сердца? Чьи слова — изображение его мыслей? Где тот, кто «отверг всякую ложь», кто никогда не говорит того, чего не думает? Кто этого стыдится? Правда, однажды было сказано, притом государственным

мужем: «У всех прочих пороков были свои защитники; но ложь — порок столь низкий, столь отвратительный, что ещё никогда не нашлось человека, который осмелился бы открыто выступить в её защиту». Можно ли подумать, что этот писатель жил при дворе, да ещё в нынешнем столетии? Разве он сам, как и все его собратья по государственной службе, не защищал ремесла обдуманной лжи? Разве не защищал он безвинность, более того, необходимость использования *шпионов* — самой гнусной породы лжецов под солнцем? И всё же кто, кроме лорда Кларендона, когда-либо считал зазорным пользоваться ими?

[22] 3. О истина, куда ты бежала? Как немногие хоть сколько-нибудь знакомы с тобою! Разве мы не лжём непрестанно просто по случаю, не приобретая этим ни выгоды, ни удовольствия? Разве даже наш обыкновенный язык не полон лжи? Более ста лет назад поэт жаловался:

> [23] Не стало добрых дней с тех пор,
> Как низкую лесть назвали любезностью.

[24] Что сказал бы он, проживи он столетием позднее, когда это искусство довели до совершенства?

[25] 4. Быть может, есть одно явное доказательство этого, на которое обыкновенно не обращают внимания. Если вы порицаете человека во многих других отношениях, он не слишком оскорбляется. Но если назовёте его лжецом, он этого не стерпит, сразу вспыхнет. Почему? Потому что человек способен переносить порицание, когда сознаёт свою невиновность. Но, назвав его лжецом, вы задеваете больное место: он виновен и потому не может этого снести.

[26] 5. Есть ли человек ещё более презренный, чем лжец? Быть может, есть — сластолюбец. И разве мы не поколение сластолюбцев? Разве наше *чрево* — не наш *бог?* Разве еда и питьё — не главное наше наслаждение, не высшее счастье? Разве не главная забота, боюсь, единственная забота многих почтенных людей — увеличить удовольствие вкуса? Когда в Великобритании, с тех пор как она стала народом, роскошь — не только в пище, но и в одежде, обстановке, экипажах — достигала такой высоты? Недавно мы распространили Британскую империю почти по всему земному шару. Мы несли свои лавры в Африку, в Азию, в знойные и ледяные края Америки. И что же принесли оттуда? Всю утончённость порока, какую могли предоставить и восточный, и западный мир.

[27] 6. Роскошь неизменно порождает леность. Всякий чревоугодник со временем станет трутнем. Чем больше пищи и питья он поглощает, тем меньше будет у него охоты трудиться. Это вырождение британцев сравнительно с их воздержными, деятельными предками было замечено ещё в прошлом столетии. Но если мистер Герберт уже тогда сказал:

> [28] О Англия, ты вся во грехе, а более всего — в лености!

[29] что сказал бы он теперь? Заметьте разницу между прошлым и нынешним столетием хотя бы на одном примере: в прошлом парламент обыкновенно собирался hora quinta, ante meridiem, «в пять часов утра»! Если бы те британцы могли взглянуть из своих могил, что подумали бы они о нынешнем поколении?

[30] 7. Позвольте коснуться ещё одного пункта, в котором мы действительно превосходим все народы земли. Ни один народ под небесным сводом не может соперничать с англичанами в нечестии. Такого полного пренебрежения Богом, такого совершенного презрения к Нему больше нигде не найти. Ни на каких иных улицах, кроме ирландских, не услышите вы со всех сторон

> [31] Ужасной клятвы, страшного проклятья —
> Последнего оружия в борьбе несчастного,
> И богохульства, скорбного товарища отчаянья!

[32] 8. Пусть теперь каждый из нас положит руку на сердце и скажет: «„Не я ли, Господи?“ Не прибавил ли я к этому потоку неправды и безбожия, а тем самым — к страданиям моих соотечественников? Не виновен ли я в каком-нибудь из перечисленных отношений? И не потому ли *они* страдают, что *я* согрешил?» Если в нас есть хоть какая-нибудь сердечная чуткость, хоть какое-нибудь милосердие, хоть какое-нибудь сочувствие бедствующим, будем следовать этой мысли, пока глубоко не ощутим, что *наши* грехи — одна из великих причин *их* страданий.

[33] 9. Но теперь, когда язва началась и уже произвела такое опустошение и в Англии, и в Америке, что можем сделать *мы*, чтобы она прекратилась? Как нам стать «между живыми и мёртвыми»? Есть ли лучший путь отвратить гнев Божий, чем предписанный святым Иаковом: «Очистите руки, грешники, исправьте сердца, двоедушные»? Во-первых, «очистите руки». Немедленно удалите зло ваших деяний. Тотчас бегите от греха, от всякого злого слова и дела, как от лица змеи. «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших»; никакой немилосердной, никакой бесполезной речи. Пусть в устах ваших не найдётся обмана: говорите каждому истину от

сердца. Откажитесь от всякого образа действий, как бы выгоден он ни был, если он противен справедливости или милосердию. Поступайте с каждым так, как в подобных обстоятельствах вы желали бы, чтобы он поступил с вами. Будьте трезвы, воздержны, деятельны; во всяком слове и деле старайтесь иметь непорочную совесть пред Богом и людьми. Затем всемогущею благодатью Возлюбившего вас и предавшего Себя за вас «очистите сердца ваши верою». Не будьте более двоедушны, хромая между землёю и небом, стараясь служить Богу и маммоне. Очистите сердца от гордости, смирившись под крепкою рукою Божией; от всякого партийного рвения, гнева, обиды, горечи, которые особенно теперь легко опутывают вас; от всякого предубеждения, нетерпимости, узости духа; от порывистости и нетерпения к возражениям; от любви к спорам и от всякой степени немилосердного или непримиримого нрава. Вместо этой *земной, бесовской мудрости* пусть глубоко войдёт в ваши сердца «мудрость свыше», которая «во-первых, чиста», затем «мирна, уступчива» — доступна убеждению, увещанию или примирению, — «полна милосердия и добрых плодов; беспристрастна», то есть объемлет всех людей; «нелицемерна», подлинна и непритворна. Именно ныне, как никогда, «отложив со всякою злобою всякий крик» — брань — «и злоречие, будьте друг ко другу добры», ко всем братьям и соотечественникам, «сострадательны» ко всем бедствующим; «прощайте друг друга, как и Бог во Христе простил вас».

[34] 10. И «ныне да будет благоугоден вам мой совет», каждому из вас, предстоящих пред Богом. «Искупи грехи твои покаянием и беззакония твои милосердием к бедным: вот чем может продлиться мир твой» — та мера его, которая ещё остаётся среди нас. Окажите

милосердие особенно бедным вдовам и беспомощным сиротам ваших соотечественников, ныне причисленных к мёртвым, павших среди убитых в далёкой стране. Кто знает, не умолится ли ещё Господь, не успокоит ли безумие народа, не угасит ли пламя раздора и не вдохнёт ли во всех дух любви, единства и согласия? Тогда брат не поднимет меча на брата и войны более не узнают. Тогда изобилие и мир расцветут в нашей земле, и все её жители будут благодарны за бесчисленные благословения, которыми пользуются, и будут «бояться Бога и чтить короля».

[35] Лондон, 7 ноября 1775 года

Недавнее дело Божье в Северной Америке

[1] «По виду своему это было как бы колесо в колесе».

[2] Иезекииля 1:16.

[3] 1. Каков бы ни был первоначальный смысл этого таинственного места Писания, многие благочестивые христиане во все века прилагали его во вторичном смысле к тому образу, каким достопоклоняемое Божье Провидение обычно действует, управляя миром. Они полагали, что это выражение явно указывает на сложное сочетание колёс Его Провидения, приспособляющего одно событие к другому и совершающего одно посредством другого. Во всём ходе этого действия существует бесконечное разнообразие колёс внутри колёс. Но часто они так расположены и так переплетены, что мы не можем понять их с первого взгляда; более того, мы редко можем вполне постичь их, пока исход событий не даст им объяснения.

[4] 2. Быть может, ни один век не давал более поразительного примера такого рода, чем нынешний в устроениях Божественного Провидения относительно наших колоний в Северной Америке. Чтобы ясно увидеть это, постараемся, по мере нашего слабого разумения,

[5] Во-первых, проследить каждое колесо отдельно; и,

[6] Во-вторых, рассмотреть оба в их взаимном отношении и соответствии.

[7] I. И прежде всего нам предстоит проследить каждое колесо отдельно.

[8] Я вовсе не намерен подробно излагать недавние события в Америке; хочу лишь просто и без прикрас представить последовательность нескольких общеизвестных фактов.

[9] Я знаю, что это весьма щекотливый предмет и что трудно, если не невозможно, рассмотреть его так, чтобы никого не задеть, особенно тех, кто горячо привязан к той или другой стороне. Но я не желаю никого оскорблять и потому буду старательно избегать всякого резкого и укоризненного слова и пользоваться самыми мягкими выражениями, какие смогу найти, не предавая и не скрывая истины.

[10] 1. В 1736 году Богу угодно было начать дело благодати в недавно основанной колонии Джорджия, тогда самом южном из наших поселений на американском материке. К англичанам, поселившимся там годом прежде, тогда присоединилась группа так называемых моравских братьев и ещё более многочисленная группа людей, изгнанных из Германии зальцбургским архиепископом. Это были люди, воистину боявшиеся Бога и творившие правду. В то же время началось пробуждение среди англичан и в Саванне, и во Фредерике: многие спрашивали, что им делать, чтобы спастись, и «приносили плоды, достойные покаяния».

[11] 2. В том же году в нескольких частях Новой Англии началось чудесное Божье дело. Оно началось в Нортгемптоне и вскоре обнаружилось в соседних городах. Подробный и прекрасный рассказ об этом опубликовал мистер Эдвардс, нортгемптонский священнослужитель.

Многие грешники были глубоко обличены во грехе, многие истинно обратились к Богу. Полагаю, что за сто предшествовавших лет в Америке не было примера столь быстрого и глубокого действия благодати; пожалуй, и с самого поселения там англичан.

[12] 3. В следующем году Божье дело постепенно распространялось из Новой Англии к югу. В то же время оно медленно продвигалось из Джорджии к северу. В некоторых душах оно также углублялось, и некоторые засвидетельствовали доброе исповедание и жизнью, и смертью.

[13] 4. В 1738 году мистер Уайтфилд прибыл в Джорджию, намереваясь помогать мне проповедовать либо англичанам, либо индейцам. Но поскольку я отплыл в Англию ещё до его приезда, он проповедовал исключительно англичанам: сначала в Джорджии, которой прежде всего был обязан своим служением, затем в Южной и Северной Каролине, а потом в промежуточных провинциях, пока не дошёл до Новой Англии. И все признавали, что Бог был с ним, куда бы он ни шёл, обращая ко всем — высоким и низким, богатым и бедным — призыв «покаяться и веровать в Евангелие». Многие не воспротивились небесному призыву: они действительно покаялись и уверовали в Евангелие. И его служением установилась связь на всём пространстве от Джорджии до Новой Англии.

[14] 5. За несколько лет он ещё несколько раз переплывал в Америку и ещё несколько раз путешествовал по провинциям. И в каждом путешествии находил новые причины благословлять Бога, Который по-прежнему давал успех делу его рук: во всех провинциях всё больше людей познавали в его слове «силу Божию ко спасению».

15 6. Но во время последнего путешествия он признался некоторым друзьям, что сердце его исполнено великой печали и тяжести из-за множества людей, которые некоторое время бежали хорошо, но потом «отступили к погибели». В самом деле, за несколько лет подавляющее большинство тех, кто некогда «принял слово с радостью», более того, «избежал господствующего в мире растления», снова «запутались и были побеждены». Одни были подобны принявшим семя на каменистой почве, которое «во время искушения увяло». Другие — тем, кто «принял его в тернии»: терние вскоре «выросло и заглушило его». Поэтому он нашёл крайне немногих, кто «приносил зрелый плод». Огромное большинство совершенно «отвратилось от преданной им святой заповеди».

16 7. И чему удивляться! Ибо верно изречение, распространённое в древней Церкви: «Душа и тело составляют человека, а дух и дисциплина составляют христианина». Но у тех, кого в большей или меньшей мере затронула проповедь мистера Уайтфилда, не было никакой дисциплины. Не было даже её тени, ничего подобного. Их не объединяли в общества; у них не было христианской связи друг с другом, их никогда не учили заботиться о душах друг друга. Поэтому если кто впадал в теплохладность или даже в грех, некому было поднять его; он мог падать всё ниже и ниже, даже в ад, если хотел, — ибо кому было до этого дело?

17 8. Таково было положение, когда около одиннадцати лет назад я получил несколько писем из Америки, печально описывавших состояние религии в большинстве колоний и настойчиво просивших, чтобы кто-нибудь из наших проповедников приехал и помог им. Полагали, что

они смогут утвердить многих слабых или колеблющихся и поднять многих павших; более того, что в Америке они увидят больше плодов своих трудов, чем видели в Англии или Ирландии.

[18] 9. Это подробно обсуждалось на нашей ежегодной конференции в Бристоле в 1769 году; двое наших проповедников добровольно вызвались ехать — Ричард Бордман и Джозеф Пилмор. Это были люди, о которых все хорошо отзывались и которые, как мы верили, были вполне пригодны для этого дела. Проведя несколько дней в Лондоне, они с радостью отплыли. Сначала они трудились в Филадельфии и Нью-Йорке, затем во многих других местах; и повсюду Бог особенным образом был с ними и давал им видеть обильный плод труда. Теперь было восполнено то, чего прежде недоставало: желавшие спасти свои души более не были верёвкою из песка, но прилеплялись друг к другу и начинали заботиться друг о друге в любви. Образовывались общества, вводилась христианская дисциплина во всех её частях. В течение следующих нескольких лет ещё несколько проповедников пожелали отправиться им на помощь. И Бог воздвиг многих уроженцев самой страны, которые охотно действовали с ними в союзе; так что в Америке стало двадцать два разъездных проповедника, столь же исправно обходивших свои округа, как проповедники в Англии.

[19] 10. Тогда Божье дело не только распространилось шире, особенно в Северной Каролине, Мэриленде, Виргинии, Пенсильвании и Джерси, но и проникло гораздо глубже, чем когда-либо прежде. Поэтому к началу недавних смут три тысячи душ были соединены в религиозных обществах, и многие из них

свидетельствовали, что Сын Божий имеет власть на земле прощать грехи.

[20] 11. Но именно теперь на пути возникла преграда, великое препятствие успеху религии. Огромная торговля Америки, относительно ещё бóльшая, чем торговля самой метрополии, принесла огромный и непрестанно возраставший приток богатства. Поэтому и купцы, и люди разных промыслов без конца накапливали деньги и поднимались от бедности к громадным состояниям быстрее, чем кто-либо мог в Европе. Богатства изливались на них потоком, сокровища громоздились, как песок морской. Отсюда естественно возникло безмерное изобилие всего необходимого для жизни, всех удобств и даже всех излишеств.

[21] 12. Одним из общих следствий этого была гордость. Чем больше богатств они приобретали, тем больше соседи считали их людьми весомыми и важными; и сами они естественно должны были видеть себя по меньшей мере в столь же благоприятном свете, как соседи. Соответственно, по мере того как они возвышались в мире, они возвышались и в собственном мнении. Поскольку общепризнано, что

> [22] Тысяча фунтов возместит
> Недостаток двадцати тысяч достоинств,

[23] то чем богаче они становились, тем больше вызывали восхищения и получали похвал. Богатство, принося больше похвал, естественно приносило и больше гордости, пока они не стали действительно считать себя настолько же мудрее соседей, насколько были богаче их.

[24] 13. Другим естественным следствием богатства была роскошь, особенно в пище. Мы склонны воображать, что

ничто не может превзойти роскошной жизни, ныне господствующей в Великобритании и Ирландии. Но увы! Что она по сравнению с той, что недавно господствовала в Филадельфии и других частях Северной Америки? Там купец или торговец среднего достатка держал стол не хуже английского вельможи, угощая гостей десятью, двенадцатью, а иногда двадцатью мясными блюдами за одну трапезу! И это не только никто не порицал, но, напротив, восхваляли как щедрость и гостеприимство.

[25] 14. И разве праздность не соединяется естественно с «сытостью хлеба»? Разве леность не легко вырастает из роскоши? Здесь это произошло в особенно высокой степени: такая леность в Англии едва ли известна даже по имени. Люди в цвете молодости и в совершенном здоровье едва могли заставить себя самостоятельно одеться. Нужно позвать раба сделать то, другое и всё остальное: для хозяина или хозяйки это слишком большой труд. Удивительно, что они ещё соглашались потрудиться положить пищу себе в рот. Почему бы им не подражать знатным бездельникам в Китае, которых кормят два раба, стоящие по обеим сторонам?

[26] 15. Кто удивится, если одна уже леность порождает распутство? Разве она не всегда имела такое действие? Не было ли сказано почти две тысячи лет назад:

> [27] Quaeritur, Aegisthus quare sit factus adulter?
> In promptu causa est; Desidiosus erat.

[28] [Ниже приводится перевод этой цитаты из Овидия, сделанный Тейтом:

> [29] «Прелюбодейная страсть, что овладела Эгисфом
> И привела к убийству, родилась от праздной неги».
> — Ред.]

30 А когда леность и роскошь соединены, не произведут ли они обильного потомства? Несомненно, в этих краях они его произвели. Несколько лет назад меня поразило письмо, полученное из Филадельфии, в котором были примерно такие слова: «Вы полагаете, что женщины в Англии — я имею в виду многих из них — не отличаются целомудрием. Но всё же большинство ваших женщин в сравнении с нашими могло бы почти сойти за девственных весталок». Именно это сочетание гордости, роскоши, лености и распутства, естественно возникшее из огромного богатства и изобилия, было главным препятствием распространению истинной религии по городам Северной Америки.

31 II. Рассмотрим теперь другое колесо Божественного Провидения.

32 1. Можно с основанием предположить, что колонии Новой Англии с самого начала тяготели к независимости. Другого трудно было ожидать, если принять во внимание их семьи, воспитание, родство и связи, сложившиеся прежде, чем они покинули родную страну. Ещё сильнее их склоняло к этому суровое и несправедливое обращение, которое многие из них испытали в Англии. Оно вполне могло породить в них страх вновь встретиться с подобным, подозрительность к своим правителям и желание сбросить зависимость, с которой они никогда до конца не примирялись. Тот же дух они передали детям, от которых он перешёл к нынешнему поколению. И его не смогли изгладить все милости и благодеяния, которые они непрестанно получали от английского правительства.

33 2. Этот дух был широко распространён, особенно в Бостоне, уже в 1737 году. В том году мой брат, задержавшийся там на некоторое время, был весьма

удивлён, слыша почти в каждом обществе — священнослужителей, джентльменов, купцов или простых людей, — едва заходила речь о чём-нибудь подобном: «Мы должны быть независимы! Мы будем независимы! Мы больше не станем терпеть английское иго! Мы сами будем своими правителями!» Это, по-видимому, уже тогда было общим желанием народа, хотя маловероятно, чтобы в то время существовал какой-либо определённый замысел. Нет, они не могли быть столь тщеславны, чтобы считать себя способными в одиночку противостоять могуществу Великобритании.

[34] 3. Один джентльмен, побывавший там в следующем году, заметил тот же дух в каждом уголке города: «Почему эти *английские* болваны должны править нами?» — так тогда говорили обычно. И поскольку люди подбадривали в этом друг друга, дух независимости всё более возрастал, пока не начал распространяться в другие колонии, граничащие с Новой Англией. Однако страх перед беспокойными соседями, владевшими тогда Канадой, удерживал их в границах и на время препятствовал пламени вырваться наружу. Но когда англичане избавили их от этого страха, когда Канада была уступлена королю Великобритании, желание созрело в определённый замысел: недоставало лишь удобного случая.

[35] 4. Такой случай вскоре представился. Был принят Закон о гербовом сборе и отправлен в Америку. Недовольные увидели своё преимущество и воспользовались им; представили дело общим и через подходящих посланцев распространили свой дух из одной колонии в другую. Подстрекательскими сочинениями всех видов они возбуждали умы народа. Сначала они поносили

английских министров, изображая их всех без исключения самыми отъявленными негодяями, лишёнными всякой честности, чести и человечности. Теми же приёмами они затем возбудили народ против британского парламента, представляя его членов самыми бесчестными злодеями на земле, сборищем низких, беспринципных наёмников. Но ещё притворялись, будто благоговеют перед королём, и говорили о нём весьма почтительно. Недолго: через несколько месяцев они стали обращаться с ним так же, как с его министрами и парламентом.

[36] 5. Когда сочли, что дело достаточно продвинулось, северные и южные колонии заключили союз; те и другие взялись за оружие и учредили верховную власть, которую назвали Конгрессом. Но по-прежнему утверждали, что единственная их цель — обеспечить свою свободу; даже намекать, будто они стремятся к чему-нибудь большему, объявлялось совершенно жестоким и несправедливым. Однако вскоре они сбросили маску и смело провозгласили свою независимость. Так, доктор Уизерспун, президент колледжа в Нью-Джерси, в обращении к Конгрессу, приложенном к проповеди на день поста, опубликованной им 3 августа 1776 года, употребляет следующие слова: «Теперь совершенно ясно видно, что до самого последнего времени те, кто, по-видимому, принимал сторону Америки в британском парламенте, никогда не делали этого на американских основаниях. Они либо не понимали, либо не желали признавать объёма наших требований. Даже законопроект великого лорда Чатема о примирении не был бы здесь принят и существенно не отличался от того, на что согласились бы министры». Здесь открыто признаётся, что их требованием была

независимость и что ни на что меньшее они не согласились бы.

[37] 6. Этим открытым и явным отпадением от метрополии и вызовом ей — можно ли было его оправдать, это другой вопрос — по меньшей мере девять десятых их огромной торговли с Европой, Азией, Африкой и другими частями Америки были отсечены одним ударом. Взамен они вначале получали, быть может, сто тысяч фунтов в год благодаря своим многочисленным каперам. Но даже тогда в целом это вовсе не было прибылью, ибо они теряли столько же судов, сколько захватывали. Впоследствии они захватывали всё меньше, а между тем теряли ежегодно четыре или пять миллионов, быть может шесть или семь, которые приносила им торговля. Каково было неизбежное следствие? Поскольку источник их богатства был перекрыт, его потоки должны были всё более мелеть, пока не иссякли совершенно; так что ныне эти провинции не богаче беднейших частей Шотландии или Ирландии.

[38] 7. Изобилие убывало в той же мере, что и богатство, пока не наступила всеобщая скудость. Вскоре повсюду стал ощущаться острый недостаток не только излишеств, не только обыкновенных удобств, но даже необходимого для жизни. Здоровую пищу нельзя было достать иначе как по чрезвычайно высокой цене. Приличной одежды было не достать даже в больших городах. Не только бархат, шёлк и модные украшения, без которых вполне можно было обойтись, но даже льняную и шерстяную одежду нельзя было купить ни за какую цену.

[39] 8. Так мы рассмотрели каждое из этих колёс отдельно: с одной стороны — торговлю, богатство, гордость, роскошь, леность и распутство, широко

распространившиеся по американским провинциям; с другой — дух независимости, распространявшийся с севера на юг.

40 Посмотрим теперь, как каждое из этих колёс соотносится с другим и отвечает ему; как мудрое и благостное Божье Провидение употребляет одно, чтобы остановить ход другого, и даже пользуется сатаною, чтобы изгнать сатану, если позволительно столь сильное выражение. Вероятно, этот коварный дух надеялся, присоединив ко всем прочим порокам дух независимости, ниспровергнуть в Северной Америке всё дело Божье вместе с британским правлением. Но Живущий на небесах посмеялся над ним и уловил мудреца его собственным лукавством. Есть основание верить, что посредством этого самого духа Бог ниспровергнет всякое препятствие Своему делу.

41 9. Мы видели, как, когда этот дух вырвался наружу в открытом неповиновении британскому правительству, торговле этих колоний было поставлено действенное препятствие. Сами они поразительным политическим ходом отказались от всей торговли со своей метрополией и всеми её владениями: издали закон, запрещающий любому британскому кораблю заходить в какую-либо из их гаваней; более того, снарядили бесчисленных каперов, которые захватывали все британские суда, какие могли найти. Королевские корабли захватили столько же их судов. Так и внешняя их торговля была почти сведена на нет. Вместе с торговлей угасли богатства, особенно потому, что у них не было внутренних источников: цвет их молодёжи, прежде занятый земледелием, теперь был отвлечён в армии, так что самые плодородные земли не приносили пользы, ибо не осталось никого, кто бы их

возделывал. А когда исчезло богатство, исчезло, как уже замечено, и изобилие: обилие всего сменилось недостатком всего.

42 10. Теперь колесо начало двигаться внутри колеса. Когда торговля и богатство американцев иссякли, иссякли и главные побудители гордости, ибо немногие восхищаются бедными или льстят им. И, покинутые большинством своих почитателей, они уже не столь сильно восхищались самими собою, особенно когда на опыте обнаружили, что тяжко ошиблись в расчёте собственных сил, которые, как они ничуть не сомневались, должны были всё сокрушить перед собою. Правда, многие из них по-прежнему превозносились; но другие были истинно и глубоко смирены.

43 11. Бедность и последовавшая за нею скудость ещё прямее ударили по корню их роскоши. Теперь уже не было места неумеренному избытку ни пищи, ни одежды. Они не искали большего, да и редко могли добыть даже простую пищу в количестве, достаточном для поддержания жизни. Они довольствовались тем, что могли достать грубую одежду, сохранявшую чистоту и тепло. Так они были приведены к тому же состоянию, в каком находились их предки, когда Божье Провидение привело их в эту страну. Внешние обстоятельства были почти те же. Счастливы они, если и дух их стал таким же!

44 12. Бедность и нужда ударили также по корню лености. Теперь было не время говорить: «Немного поспишь, немного подремлешь, немного, сложив руки, полежишь». Если человек теперь не хотел трудиться, было ясно, что и есть он не мог. Всех возможных усилий едва хватало, чтобы добыть самое необходимое для жизни: с одной стороны, его оставалось так мало, поскольку собственные

армии смели всё на своём пути; с другой — оставшееся стоило так дорого, что купить его могли крайне немногие.

[45] 13. Так достопоклоняемым Божьим Провидением устраняются главные препятствия Его делу. И каким чудесным образом — таким, какого человеческое сердце никогда не могло бы и помыслить! Эти препятствия росли и непрестанно увеличивались многие годы. То, что, как Бог предвидел, должно было стать лекарством, росло вместе с болезнью и начало действовать лишь тогда, когда болезнь достигла высшей точки. Огромная торговля, богатство и изобилие породили и питали соразмерные им гордость, роскошь, леность и распутство. Между тем те же торговля, богатство и изобилие породили или питали дух независимости. Кто мог вообразить, что этот пагубный недуг положит основание исцелению всех остальных? И всё же так случилось. Ибо этот дух, ныне достигший зрелости и презирающий всякое ограничение, быстро уничтожает торговлю, богатство и изобилие, которыми питался, и тем открывает путь счастливому возвращению смирения, воздержания, трудолюбия и целомудрия. Такое неизреченное добро извлекает премудрый Бог из всего этого зла! Так «ярость человека», ярость американцев, «обращается в славу Ему» — в смысле весьма отличном от того, какой предполагает доктор Уизерспун!

[46] 14. Не можем ли мы заметить, как точно в этой великой картине Провидения одно колесо отвечает другому? Дух независимости, который наш поэт так справедливо называет

[47] Славным пороком ангелов и богов,

[48] то есть, говоря прямо, бесов, — тот самый дух, который столь многие называют свободой, — направляется справедливостью и милосердием Бога сперва на наказание этих вопиющих грехов, а затем на их исцеление. Он наказывает их бедностью, приходящей, словно вооружённый человек, и захватывающей страну; скудостью, какой там почти не знали за последние сто лет; нуждою всякого рода, даже недостатком необходимой одежды, даже хлеба для пропитания. Но с каким намерением Он это делает? Несомненно, чтобы милость превознеслась над судом. Он наказывает, чтобы исправить: сперва дать им почувствовать свои грехи, которые всякий имеющий глаза может прочесть в их наказании, а затем вернуть их к духу предков — духу смирения, воздержания, трудолюбия, целомудрия; более того, к общей готовности слушать и принимать слово, могущее спасти их души. «О бездна премудрости и ведения Божия! Как непостижимы суды Его и неисследимы пути Его!» — разве лишь настолько, насколько они открыты в Его слове и разъяснены Его Провидением.

[49] 15. Отсюда мы узнаём, что именно духовные благословения составляют главную Божью цель во всех этих суровых устроениях. Он намерен, чтобы все они вместе содействовали разрушению царства сатаны и утверждению Царства Его возлюбленного Сына; чтобы все служили всеобщему распространению «праведности, мира и радости во Святом Духе». Но когда жители этих провинций вновь будут приведены к тому, чтобы «искать Царства Божия и правды Его», не может быть сомнения, что всё прочее, все временные благословения приложатся им. Он пошлёт по всей счастливой стране, вместе со всем необходимым и удобным для жизни, не независимость,

которая была бы не благословением, а тяжким проклятием и им, и их детям, но свободу, подлинную законную свободу — неизреченное благословение. К христианской свободе, свободе от греха, Он прибавит истинную гражданскую свободу: свободу от всякого угнетения, от незаконного насилия; свободу пользоваться своей жизнью, своей личностью и своей собственностью; одним словом, свободу во всём управляться законами своей страны. Они вновь будут пользоваться истинной британской свободой, какою пользовались до этих смут: ни меньшей, ни большей, чем обладали с самого первого поселения в Америке; ни меньшей, ни большей, чем ныне обладают жители их метрополии. Если бы метрополия когда-либо намеревалась лишить их этой свободы, она могла бы давно это сделать; и то, что этого никогда не было сделано, доказывает, что это никогда и не замышлялось. Но Бог попустил этому странному страху перед воображаемыми бедствиями распространиться на весь народ, чтобы помиловать всех, чтобы всем сотворить добро, спасая их от рабства греху и вводя в «славную свободу детей Божиих»!

На закладку новой часовни близ Сити-роуд в Лондоне

[1] Произнесено в понедельник 21 апреля 1777 года

[2] «В своё время скажут: вот что сотворил Бог!»

[3] Числа 23:23.

[4] 1. Нам нет нужды теперь исследовать, в каком смысле это относилось к сынам Израилевым. Полезнее, быть может, рассмотреть, в каком смысле эти слова относятся к нам самим: насколько народ Англии имеет основание сказать: «В это время — вот что сотворил Бог!»

[5] 2. Правда, великий человек, который, надеюсь, теперь в лучшем мире, доктор Гибсон, покойный епископ Лондонский, в одном из своих наставлений духовенству прямо отрицает, что Бог совершил какое-либо «чрезвычайное дело» в нашем народе; более того, утверждает, что воображать нечто подобное — не что иное, как настоящее религиозное мечтательство. Это так, если предположение его преосвященства верно, если Бог не совершил никакого чрезвычайного дела; но если Он действительно совершил его, то мы можем верить в это и утверждать это, не навлекая на себя такого обвинения.

[6] 3. Однако ещё более великий человек из соседнего народа, светильник горящий и светящий, равно выдающийся в благочестии и учёности, отчасти подтвердил предположение епископа. Бенгель, когда его

спросили, почему он относит великое возрождение религии к столь позднему времени, как 1836 год, ответил: «Признаю, что все пророчества склоняли бы меня отнести его на столетие раньше; но на пути стоит непреодолимое затруднение: я не могу согласовать это с действительностью, ибо не знаю ни о каком замечательном Божьем деле, совершившемся на земле между 1730 и 1740 годами». Это поистине удивительно. Странно, что разумные люди так мало знают о происходящем на столь малом расстоянии. Как мог столь великий человек не знать того, что совершалось не далее как в Англии? Особенно если принять во внимание рассказы, опубликованные тогда в Германии, некоторые из которых были довольно беспристрастны; более того, если учесть подробный рассказ, который я ещё в 1742 году послал известному по всей империи пастору, впоследствии суперинтенденту, Штейнмецу.

[7] 4. Но действительно ли в нынешнем столетии совершилось в Англии какое-либо чрезвычайное Божье дело? Это важный вопрос; он, несомненно, достоин серьёзного рассмотрения, и на него можно ответить к полному удовлетворению всякого беспристрастного исследователя. Ему легко можно сообщить, что это за дело и каким образом оно совершилось. Правда, в одном отношении я неподходящий человек, чтобы давать эти сведения: мне придётся часто говорить о себе самом, что может показаться хвастовством. Но здесь я могу лишь положиться на доброжелательность слушателей, будучи уверен, что они истолкуют самым благоприятным образом то, к чему меня ведёт не выбор, а необходимость. Ибо если я откажусь от этой задачи, нет другого человека, который мог бы занять моё место и вполне знал бы дело, о котором идёт речь, от самого его начала до

сего дня. Мы можем рассмотреть, во-первых, возникновение и развитие этого дела; во-вторых, его природу.

[8] I. 1. Что касается его возникновения. В 1725 году один молодой оксфордский студент был глубоко затронут чтением «Подражания Христу» Кемпийского и «Правил святой жизни и смерти» епископа Тейлора. В нём возникло горячее желание жить по этим правилам и бежать от грядущего гнева. Он искал тех, кто стал бы его спутником на этом пути, но никого не находил; поэтому несколько лет был вынужден идти один, не имея никого, кто мог бы направить его или помочь. Но в 1729 году он нашёл одного человека с таким же желанием. Тогда они стали помогать друг другу, а к концу года к ним присоединились ещё двое. Вскоре они согласились проводить вместе по два или три часа каждое воскресенье вечером. Потом они собирались вместе два вечера, а через некоторое время — шесть вечеров в неделю, посвящая это время чтению Писания и побуждая друг друга к любви и добрым делам.

[9] 2. Правильность их поведения дала одному молодому джентльмену из колледжа повод сказать: «Думаю, у нас появилась новая группа *методистов*», — намекая на школу врачей, которая начала процветать в Риме примерно во времена Нерона и просуществовала несколько веков. Название было новым и причудливым; оно сразу пристало к ним, и с тех пор и этих четырёх молодых джентльменов, и всех, кто имел с ними какую-либо религиозную связь, отличали именем *методистов*.

[10] 3. В последующие четыре или пять лет к ним присоединялся то один, то другой, пока в 1735 году не

стало четырнадцать человек, постоянно собиравшихся вместе. Трое были наставниками в своих колледжах; остальные — бакалаврами искусств или студентами. Все были совершенно единодушны и единомысленны; все до крайности держались порядка и по совести соблюдали каждое правило Церкви, каждый устав университета и своих колледжей. Все были правоверны во всяком пункте, твёрдо веруя не только в три Символа веры, но и во всё, что считали учением Англиканской церкви, изложенным в её Статьях и Гомилиях. Что касается обычая апостольской Церкви — иметь всё общее, сохранявшегося по меньшей мере во многих церквах до времён Тертуллиана, — у них не было ни правила, ни определённого намерения относительно этого; но на деле было именно так. Иначе и быть не могло: никто не мог нуждаться в том, чем другой мог поделиться. Таково было младенчество этого дела. Они не представляли себе ничего из того, что последует. Поистине они «не заботились о завтрашнем дне», желая лишь жить сегодня.

[11] 4. Многие воображали, что это маленькое общество рассеется и так называемому методизму придёт конец, когда в октябре 1735 года мой брат, мистер Ингэм и я были побуждены необычайной цепью событий Провидения отправиться в новую колонию Джорджию. Мы намеревались проповедовать индейским народам, жившим по соседству с этой провинцией; но нас удержали в Саванне и Фредерике настойчивые просьбы жителей, которые, не имея других священнослужителей, усердно просили нас не оставлять их. Через некоторое время я предложил самым серьёзным из них встречаться со мною раз или два в неделю у меня дома. Здесь были зачатки методистского общества; но, несмотря на это, и мой брат, и я по-прежнему были горячо привязаны к Церкви и

каждому предписанию её богослужебного устава, настолько, что я никогда не допускал диссентера к Вечере Господней, если он не соглашался креститься заново. Более того, когда лютеранский священнослужитель зальцбургских переселенцев в Эбенезере, находясь в Саванне, пожелал причаститься, я сказал ему, что не смею преподать ему причастие, поскольку считаю его некрещёным: я полагал крещение, совершённое мирянами, недействительным, а мирянами считал всех, кто не был рукоположен епископом.

12 5. Исполненный этих убеждений, этой ревности о Церкви, от которой, благословляю Бога, Он ныне избавил меня, я вернулся в Англию в начале февраля 1738 года. Теперь я торопился удалиться в Оксфорд и укрыться в любимой безвестности; но попечители колонии Джорджии удерживали меня в Лондоне неделю за неделей. Между тем меня непрестанно упрашивали проповедовать то в одной, то в другой церкви, и не только утром, днём и вечером по воскресеньям, но также в будни. Поскольку я недавно прибыл из далёкой страны, собирались огромные толпы; но вскоре, отчасти из-за этих неуправляемых толп, отчасти из-за моего немодного учения, меня стали исключать из одной церкви за другой и наконец закрыли передо мною все! Не смея молчать, после краткой борьбы между честью и совестью я обратил необходимость в добродетель и стал проповедовать посреди Мурфилдс. Там были тысячи и тысячи людей, гораздо больше, чем могла вместить любая церковь; и многие из них вообще никогда не ходили ни в церковь, ни в иное место общественного богослужения. Всё больше людей сокрушалось сердцем и приходило ко мне в слезах, с величайшей настойчивостью спрашивая, что им делать, чтобы спастись. Я сказал: «Если вы все соберётесь в

четверг вечером, я дам вам совет, насколько смогу». В первый вечер пришло около двенадцати человек, на следующей неделе — тридцать или сорок. Когда их стало около ста, я записал их имена и места жительства, намереваясь посещать их дома всякий раз, когда будет удобно. Так, без всякого предварительного плана или замысла, началось методистское общество в Англии — сообщество людей, объединившихся, чтобы помогать друг другу совершать собственное спасение.

[13] 6. Следующей весной нас пригласили в Бристоль и Кингсвуд, где также вскоре образовались общества. Год спустя мы отправились в Ньюкасл-апон-Тайн и проповедовали всем окрестным углекопам и рабочим угольных барж. В 1744 году мы прошли Корнуолл до самого Сеннена, близ мыса Лендс-Энд; а за следующие два или три года — почти все части Англии. Несколько позже нас попросили переправиться в Ирландию и со временем посетить каждое её графство. Последними нас пригласили в Масселборо, Глазго и несколько других мест Шотландии. Но наибольший плод нашего труда мы увидели в Эдинбурге, Глазго, Данди, Арброте и Абердине.

[14] II. 1. Таково было возникновение и таково развитие методизма от начала до настоящего времени. Но вы естественно спросите: «Что такое методизм? Что означает это новое слово? Не новая ли это религия?» Это очень распространённое, более того, почти всеобщее предположение; но ничто не может быть дальше от истины. Это сплошная ошибка. Так называемый методизм есть древняя религия, религия Библии, религия первоначальной Церкви, религия Англиканской церкви. Эта древняя религия, как я заметил в «Настойчивом обращении к людям разума и религии», есть «не что иное,

как любовь — любовь к Богу и ко всему человечеству; любовь к Богу всем сердцем, всею душою и всею крепостью, потому что Он первый возлюбил нас, потому что Он — источник всего блага, которое мы получили и которым когда-либо надеемся наслаждаться; и любовь к каждой душе, созданной Богом, к каждому человеку на земле, как к собственной душе. Эта любовь — великое врачевство жизни, неизменно действенное средство от всех зол расстроенного мира, от всех страданий и пороков людей. Где она есть, там добродетель и счастье идут рука об руку; там смиренномудрие, кротость, долготерпение, весь образ Божий; и в то же время „мир, превосходящий всякое разумение“, с „радостью неизреченною и преславною“. Эта религия любви, радости и мира пребывает в самой глубине души, но всегда обнаруживает себя в плодах, непрестанно произрастая не только во всякой невинности — ибо любовь не делает ближнему зла, — но и во всякого рода благотворении, распространяя вокруг себя добродетель и счастье».

[15] 2. Это религия Библии, чего не может отрицать ни один человек, читающий её хоть сколько-нибудь внимательно. Это религия, которую она непрестанно внушает, которая пронизывает и Ветхий, и Новый Завет. Моисей и пророки, наш благословенный Господь и Его апостолы единогласно провозглашают: «Возлюби Господа Бога твоего всею душою твоею и ближнего твоего, как самого себя». Библия объявляет: «Любовь есть исполнение закона», «цель заповеди» — всех заповедей, содержащихся в словесах Божиих. Внутренние и внешние плоды этой любви также подробно описаны богодухновенными писателями; так что всякий, кто признаёт Писание словом Божьим, должен признать это истинной религией.

16 3. Это религия первоначальной Церкви, всей Церкви в её чистейшие века. Она ясно выражена даже в немногих сохранившихся сочинениях Климента Римского, Игнатия и Поликарпа; шире видна в трудах Тертуллиана, Оригена, Климента Александрийского и Киприана; даже в четвёртом столетии она находилась в сочинениях Златоуста, Василия, Ефрема Сирина и Макария. Легко было бы привести «облако свидетелей», подтверждающих то же самое, если бы речь не шла о положении, которое не станет оспаривать никто, хоть немного знакомый с христианской древностью.

17 4. И это религия Англиканской церкви, как видно из всех её подлинных документов, из неизменного духа её литургии и из бесчисленных мест её Гомилий. Библейская, первоначальная религия любви, ныне возрождающаяся во всех трёх королевствах, содержится в её утренней и вечерней службе, в её повседневных молитвах и молитвах на особые случаи; вся она прекрасно сведена воедино в одном всеобъемлющем прошении: «Очисти помышления сердец наших вдохновением Твоего Святого Духа, чтобы мы могли совершенно любить Тебя и достойно величать святое имя Твоё».

18 5. Позвольте дать несколько более полное описание и развития, и природы этой религии посредством отрывка из сочинения, опубликованного много лет назад. [«Дальнейшее обращение», часть III.]

19 «Как раз тогда, когда нам недоставало совсем немного, чтобы наполнить меру наших беззаконий, два или три священнослужителя Англиканской церкви начали горячо призывать грешников к покаянию. Многие тысячи собирались слушать их; и в каждом месте, куда они приходили, многие начинали проявлять такую заботу о

религии, какой прежде никогда не проявляли. Многие за короткое время глубоко осознали многочисленность и тяжесть своих грехов, свои злые расположения, неспособность помочь самим себе и ничтожность своей внешней религии. Из этого покаяния произросли достойные его плоды: весь строй их жизни изменился. Они „перестали делать зло и научились делать добро“. Но и это было не всё: сверх этой внешней перемены они начали испытывать внутреннюю религию; любовь Божия излилась в сердца их, и они наслаждаются ею до сего дня. Они „любят Его, потому что Он прежде возлюбил нас“; эта любовь побуждает их любить всё человечество и вдохновляет всякое святое и небесное расположение, те чувствования, которые были во Христе. Отсюда их нынешняя последовательность в поведении, безукоризненность во всяком образе жизни; и в каком бы состоянии они ни находились, они научились быть довольными. Так они спокойно идут по жизни, никогда не сетуя, не ропща и не испытывая недовольства, пока не придёт час сбросить эту земную оболочку и возвратиться к Отцу духов».

[20] 6. Это возрождение религии распространилось в такой степени, какой не знали ни мы, ни наши отцы. Как *широко* оно охватило страну! Едва ли есть значительный город в королевстве, где не нашлось бы людей, ставших его свидетелями. Оно распространилось на всякий возраст и пол, на большинство сословий и состояний, даже на множество тех, кого прежде считали чудовищами нечестия.

[21] Рассмотрите не только его размах, но и *быстроту*. «В какой век столь многие грешники за столь краткое время были возвращены с ложных путей? Когда истинная

религия — не скажу со времён Реформации, но со времён Константина Великого — совершала столь великие успехи в каком-нибудь народе за столь малый срок? Полагаю, что едва ли древняя или новая история найдёт подобный пример.

22 7. Можно также заметить *глубину* дела, совершённого так широко и быстро. Множество людей было вполне обличено во грехе, а вскоре столь исполнилось радости и любви, что они едва могли сказать, в теле ли они или вне тела; и силою этой любви они попрали ногами всё, что мир считает страшным или желанным, проявляя в самых суровых испытаниях неизменное и нежное благоволение к человечеству и все плоды святости. Столь глубокого покаяния, столь крепкой веры, столь пламенной любви и столь незапятнанной святости, произведённых в стольких людях за столь короткое время, мир не видел многие века.

23 8. Не менее замечательна *чистота* религии, распространившейся так глубоко и быстро: я говорю особенно об учениях, которых придерживаются люди, охваченные ею. По крайней мере члены Англиканской церкви должны это признать: ибо где ещё есть сообщество людей, которое, при равном числе, так крепко держалось бы учений Церкви?

24 Их религия не менее свободна от *суеверия*, чем от ереси. В прежние времена, где бы ни появлялась необычная религиозная забота, вместе с нею возникала ревность о вещах, вовсе не составлявших части религии. Но в нынешнем случае этого не произошло: ничему не придавали значения как необходимому для спасения, кроме того, что ясно содержится в слове Божьем. И среди содержащегося в нём каждой вещи придавали вес соразмерно её близости к тому, что там представлено как

итог всего, — любви к Богу и ближнему. Так чиста и от суеверия, и от заблуждения религия, недавно распространившаяся в этом народе.

[25] 9. Она также *разумна*. Она столь же чиста от религиозного мечтательства, как от суеверия. Правда, постоянно утверждали обратное; но утверждать — одно, доказывать — другое. Кто докажет, что любить Бога, да, любить Его всем сердцем, — это мечтательство? Кто способен обосновать такое обвинение против любви ко всему человечеству? Я лишь вкратце касаюсь общих положений. Но если вы не можете его обосновать, признайте эту религию трезвой, мужественной, разумной, Божественной.

[26] 10. Она также свободна от *узкой нетерпимости*. Исповедующие её не пристрастны слепо к мнениям. Они желали бы иметь правильные мнения, но особенно остерегаются возлагать на них всю тяжесть христианства. У них нет такой чрезмерной привязанности к каким-либо мнениям, чтобы полагать, будто одни они сделают их христианами, или ограничивать свою любовь и уважение лишь теми, кто с ними согласен. Они не пристрастны и к какой-либо отдельной части практической религии: не привязаны к одному пункту более, чем к другому, но стремятся к ровному, всеобщему послушанию. Они не отстаивают ничего второстепенного, словно оно составляет сущность религии, но каждой вещи отдают её место.

[27] 11. Они страшатся той *горькой ревности*, того духа *гонения*, который столь часто сопровождал дух преобразования. Они не одобряют никакого насилия ни под каким предлогом в делах религии. Они не допускают никаких способов приводить людей к познанию истины,

кроме доводов разума и убеждения; и их дела согласуются с их исповеданием. На деле они не препятствуют зависимым от них людям поклоняться Богу во всех отношениях по собственной совести».

[28] Но если всё это так, не вправе ли мы сказать: «Вот что сотворил Бог!» Ибо, если учесть *размах* этого дела, *быстроту* его распространения, *глубину* столь быстро распространившейся религии и её *чистоту* от всяких растлевающих примесей, мы должны признать, что делу с таким сочетанием обстоятельств нелегко найти подобие во всей английской истории с первого утверждения христианства на этом острове.

[29] 12. Значительный свет на природу этого дела может пролить упоминание ещё одного обстоятельства, сопровождающего нынешнее возрождение религии и, как мне представляется, совершенно ему свойственного. Не припомню, чтобы я когда-либо видел, слышал или читал о чём-нибудь подобном. Нельзя отрицать, что со времён Реформации в Англии было несколько значительных религиозных возрождений. Но большинство английского народа мало воспользовалось ими, потому что люди, ими охваченные, и проповедники, и народ, вскоре отделялись от установленной Церкви и образовывали особую секту. Так сперва поступили пресвитериане, затем индепенденты, анабаптисты и квакеры; после этого они почти не приносили добра никому, кроме собственного малого сообщества. Поскольку они предпочли отделиться от Церкви, оставшийся в ней народ также отделился от них и обычно проникся к ним предубеждением. Но эти люди составляли неизмеримо бóльшую часть народа; поэтому несчастное разделение совершенно отсекло надежду на всеобщее, общенародное преобразование.

[30] 13. Но в нынешнем возрождении религии дело обстоит иначе. Так называемые методисты знают своё призвание. Они взвесили это дело вначале и по зрелом размышлении решили оставаться в Церкви. С тех пор у них не было недостатка во всевозможных искушениях изменить решение. Они выслушали много сказанного об этом предмете, пожалуй, всё, что можно сказать; прочли сочинения самых выдающихся защитников отделения и прошлого, и нынешнего столетия; провели несколько дней на общей конференции над самим этим вопросом: «*Целесообразно* ли — предположив, но не признав, что это *дозволительно*, — отделяться от установленной Церкви?» Но всё же не увидели достаточной причины отступить от первоначального решения. Поэтому их твёрдое намерение — хорошо или дурно будут обращаться с ними духовенство и миряне — Божьей благодатью всё переносить, продолжать свой ровный путь и оставаться в Церкви, вопреки людям и бесам, если только Бог не попустит изгнать их.

[31] 14. Почти двадцать лет назад, сразу после их торжественного совещания об этом предмете, один священнослужитель, слышавший всё, сказал с великим усердием: «Во имя Бога, пусть ничто не побудит вас отступить от этого решения. Бог поистине с вами и будет с вами, пока вы остаётесь в Церкви; но когда методисты оставят Церковь, Бог оставит их». Господи, что такое человек! Несколько месяцев спустя сам мистер Ингэм оставил Церковь и превратил все общества, находившиеся под его попечением, в общины индепендентов. И каков был исход? Тот самый, который он предсказал: они быстро распались и исчезли.

32 Несколько лет спустя один знатный человек сказал мне: «Вот особая слава методистов: как бы удобно это ни было, они ни по какой причине и ни под каким предлогом не станут образовывать отдельную секту или партию. Пусть никто не отнимет у вас этой похвалы». Надеюсь, никто и не отнимет, пока я жив. Но давший этот совет очень скоро совершенно забыл его и почти с тех пор трудился над созданием общин индепендентов.

33 15. Это побудило многих спрашивать: «Почему вы говорите, что методисты не составляют особой партии, что они не оставляют Церковь? Разве нет тысяч методистов, которые на деле оставили Церковь, никогда не посещают церковного богослужения, никогда не принимают там Вечери Господней; более того, говорят против Церкви, даже с горечью, и публично, и наедине; даже назначают и посещают богослужебные собрания в те же часы? Как же вы можете утверждать, что методисты не оставляют Церковь?»

34 Я рад столь публичной возможности объяснить это; для такого объяснения необходимо оглянуться на несколько лет назад. Методисты в Оксфорде были все одним телом и как бы одною душою, ревностными о религии Библии, первоначальной Церкви и, следовательно, Англиканской церкви, поскольку считали её более близкой к библейскому и первоначальному образцу, чем любую другую национальную Церковь на земле.

35 Когда мой брат и я вернулись из Джорджии, мы оставались при тех же убеждениях. В то время мы и наши друзья были единственными людьми, за которыми закрепилось это невинное название. Итак, до той поры все методисты твёрдо держались Англиканской церкви.

36 16. Но один добрый человек, собиравшийся с нами, когда мы были в Оксфорде, в разлуке с нами много общался с диссентерами и проникся сильными предубеждениями против Церкви; я имею в виду мистера Уайтфилда. Вскоре после этого он совершенно отделился от нас. Через несколько лет Уильям Кадворт и некоторые другие отделились от него и стали индепендентами; так же поступили мистер Максфилд и ещё несколько человек, отделившись от нас. Наконец близ Тревекки в Уэльсе была основана школа; почти все получившие там образование, кроме рукоположённых, да и некоторые из них, отвергали всякую связь с методистами и вместе с тем отвергали Церковь; более того, при всяком случае говорили о ней с крайней горечью и презрением.

37 Пусть теперь каждый беспристрастный человек рассудит, отвечаем ли мы за кого-нибудь из них. Ни один из них не имеет никакой связи с первоначальными методистами. Это ветви, отломившиеся от дерева: если они отделяются также от Церкви, мы за это не отвечаем.

38 Поэтому они не могут лишить силы нашу похвалу: мы не образуем и не станем образовывать никакой отдельной секты, но по убеждению остаёмся тем, чем всегда были, — истинными членами Англиканской церкви.

39 17. Братья, полагаю, что и большинство из вас — члены Англиканской церкви. По крайней мере так вас называют; но в действительности вы не таковы, если не свидетельствуете собственным опытом о религии, описанной выше. И действительно ли вы таковы? Не судите друг друга; пусть каждый заглянет в собственную грудь. Как обстоит дело в вашем сердце? Испытайте совесть пред Богом. Являетесь ли вы счастливыми причастниками этой библейской, этой истинно

первоначальной религии? Свидетельствуете ли о религии любви? Любите ли Бога и всё человечество? Горит ли ваше сердце благодарностью к Подателю всякого благого и совершенного дара, Отцу духов всякой плоти, Который даёт вам жизнь, дыхание и всё; Который дал вам Своего Сына, единственного Сына, чтобы вы «не погибли, но имели жизнь вечную»? Согрета ли ваша душа благоволением ко всему человечеству? Желаете ли вы, чтобы все люди были добродетельны и счастливы? И свидетельствует ли об этом постоянный строй вашей жизни и поведения? Любите ли вы не только «словом», но «делом и истиною»? Пребываете ли в «деле веры и труде любви»? «Живёте ли в любви, как и Христос возлюбил нас и предал Себя за нас»? По мере времени, которое вам дано, «делаете ли добро всем людям», притом в наибольшей доступной вам степени? «*Кто* исполняет волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и матерь». Кто бы ты ни был, если в этом твоё сердце таково же, как моё, дай мне руку! Приди, будем вместе величать Господа и трудиться для распространения Его Царства на земле! Соединим сердца и руки в этом благословенном деле, стремясь воздать славу Богу в вышних, утверждая мир и благоволение между людьми всеми нашими силами! Во-первых, пусть в этом соединятся наши сердца; соединим желания и молитвы; пусть вся наша душа жаждет всеобщего возрождения чистой и непорочной религии, восстановления образа Божия, чистой любви, в каждом сыне человеческом! Затем постараемся, каждый на своём месте, содействовать этой библейской, первоначальной религии; со всем усердием будем распространять религию любви среди всех, с кем имеем какое-либо общение; будем побуждать всех людей не ко вражде и раздорам, но к любви и добрым делам, всегда

помня эти глубокие слова — да начертает их Бог во всех наших сердцах! — «Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нём»! [100]

На смерть преподобного Джона Флетчера, викария Мейдли в Шропшире

[1] К читателю. Одной из главных причин, по которым я не написал этого раньше, было сознание собственной неспособности описать такого человека, как мистер Флетчер, достойным его образом. Я полагал, что лишь Апеллесу подобает писать Александра. Но наконец уступил настойчивым просьбам и поспешно собрал некоторые воспоминания об этом великом человеке, намереваясь, если Бог позволит, когда у меня будет больше досуга и материалов, составить более полное жизнеописание. Лондон, 9 ноября 1785 года. Джон Уэсли.

[2] «Наблюдай за совершенным и смотри на праведного, ибо конец такого человека — мир».

[3] Псалом 37:37.

[4] В предшествующих стихах вместе с этим прекрасно противопоставлены смерть нечестивого и смерть доброго человека. «Я сам, — говорит псалмопевец, — видел нечестивого в великой силе, процветающего, как зеленеющий лавр. Я прошёл, и вот, его нет; искал его, и нигде не нашлось места его». Желаешь ли быть счастливым и в жизни, и в смерти? Тогда «храни невинность и держись правого, ибо это принесёт человеку мир напоследок». В новом переводе эти слова переданы с гораздо большей силой и красотой: «Наблюдай за совершенным и смотри на праведного, ибо конец такого человека — мир». Вполне возможно, что, произнося их,

Давид имел перед глазами какой-нибудь определённый пример. Таким примером был великий и добрый человек, которого Бог недавно взял к Себе.

[5] Рассуждая об этих словах, я намерен, во-первых, кратко исследовать, кто тот человек, о котором здесь говорится, — «совершенный, праведный человек». Во-вторых, постараюсь объяснить обетование: «Это принесёт человеку мир напоследок», или, как выражено в другом переводе: «Конец такого человека — мир». Затем с Божьей помощью несколько подробнее покажу, каким славным образом оно исполнилось при кончине того «совершенного и праведного человека», который недавно был взят от нас.

[6] I. 1. Во-первых, мне предстоит кратко исследовать, кто тот человек, о котором здесь говорится, — «праведный и совершенный человек». Говоря об этом, я не стану описывать характер праведного иудея, каким был сам Давид или кто-либо из святых мужей, живших при Моисеевом устроении. Для нас ближе и важнее рассмотреть праведного человека, живущего при христианском устроении, — одного из тех, кто жил и умер с тех пор, как «жизнь и нетление» были «явлены через Евангелие».

[7] 2. В этом смысле совершенный и праведный человек — тот, кто верует во имя Сына Божия; тот, в ком Отцу угодно было открыть Сына любви Своей и кто потому может сказать: «Жизнь, которой я ныне живу, я живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня». Это тот, кто находит, что «Дух Божий свидетельствует духу его, что он — чадо Божие», и кому Иисус Христос сделался от Бога «премудростью, праведностью, освящением и искуплением».

[8] 3. Такая вера, несомненно, будет действовать любовью. Соответственно, у каждого верующего христианина «любовь Божия излита в сердце Духом Святым, данным ему». Любя Бога, он любит и брата своего: его благоволение простирается на каждого сына человеческого. Этим, а также плодами любви — смирением, кротостью и покорностью — он показывает, что в нём те же «чувствования, какие и во Христе Иисусе».

[9] 4. Что касается внешнего поведения, праведный верующий христианин беспорочен и неукоризнен. Во всяком образе жизни он свят, как свят призвавший его Христос; всегда старается «иметь непорочную совесть пред Богом и людьми». Он не только избегает всякого внешнего греха, но и «воздерживается от всякого вида зла». Он неуклонно и беспорочно соблюдает все общественные и частные установления Господа. Он ревнитель добрых дел: по мере имеющегося времени творит добро всякого рода и во всякой степени всем людям. И во всём течении жизни следует одному неизменному правилу: «Ест ли он, пьёт ли или что иное делает — всё делать во славу Божию».

[10] II. И несомненно, «конец этого человека — мир»; смысл этих слов нам теперь предстоит рассмотреть во-вторых.

[11] Я не думаю, что это непосредственно относится к славному миру, уготованному ему в присутствии Божием на всю вечность; скорее — к миру, которым он будет наслаждаться в нынешнем мире, прежде чем дух его возвратится к Богу, давшему его. Не представляется также, чтобы речь прямо шла о внешнем мире или избавлении от внешних скорбей; хотя верно, что многие добрые люди, долго теснимые несчастьями и отовсюду

окружённые бедствиями, испытали полное избавление от них и наслаждались замечательным затишьем перед уходом отсюда. Но главным образом это, по-видимому, относится к внутреннему миру, к тому «миру Божию, который превосходит всякое разумение». Потому неудивительно, что его невозможно вполне и соразмерно выразить человеческим языком. Мы можем лишь сказать: это неизреченное спокойствие и ясность духа, покой в крови Христовой, хранящий души верующих в последний их час, как гарнизон хранит город; хранящий во Христе Иисусе не только их сердца, все страсти и привязанности, но и умы, все движения разумения и воображения, все действия рассудка. Этот мир они испытывали в большей или меньшей степени, если пребывали в вере, с того времени, когда впервые обрели искупление кровью Иисуса, то есть прощение грехов. Но когда поприще их почти завершено, он обычно течёт, как река, в такой мере, какой они прежде и представить себе не могли. Замечательный пример этого, один из тысячи, был много лет назад: Енох Уильямс, один из первых наших проповедников, назначенных в Корк, который получил этот мир в одиннадцать лет и ни на час не терял его, на протяжении всей болезни радовался о Боге радостью неизреченною; наконец, слишком ослабев, чтобы говорить много, он лишь сказал: «Мир! Мир!» — и умер.

[12] III. Так исполнилось Писание. Но гораздо славнее исполнилось оно в том недавно почившем выдающемся служителе Божьем, что ясно станет видно, если мы рассмотрим некоторые обстоятельства, во-первых, его жизни и, во-вторых, его торжествующей смерти.

[13] 1. Впрочем, пока мы обладаем лишь весьма неполным знанием его жизни. О его ранних годах мы знаем

немногим больше того, что с младенчества он был столь необычайно равнодушен к пище, что едва принимал достаточно для поддержания жизни; и что в нём всегда было много страха Божия и подлинное чувство религии. Он родился 12 сентября 1729 года в Ньоне, в Швейцарии, в весьма почтенной семье. Прошёл обычный курс академических занятий в Женевском университете. Затем один из его дядей, бывший в то время генералом на императорской службе, пригласил его на ту же службу, обещая выхлопотать ему офицерский чин. Но как раз к его прибытию в Германию война закончилась. Поскольку он уже проделал такой путь, другой дядя пригласил его в Голландию; незадолго до этого один корреспондент из Англии просил этого дядю найти наставника для сыновей некоего джентльмена. Он спросил мистера Флетчера, желает ли тот поехать в Англию и принять эту должность. Флетчер согласился, переправился в Англию и взял на себя попечение о двух сыновьях мистера Хилла в Терне, в Шропшире; оставался на этой должности, пока молодые джентльмены не поступили в университет.

[14] 2. Когда мистер Хилл отправился в Лондон для участия в парламенте, он взял с собой супругу и мистера Флетчера. Пока они обедали в Сент-Олбансе, тот вышел прогуляться по городу и вернулся лишь после того, как карета отправилась в Лондон. Однако для него оставили верховую лошадь; он последовал за ними и догнал их в тот же вечер. Когда миссис Хилл спросила, почему он задержался, он ответил: «Я шёл через рыночную площадь и услышал, как одна бедная старушка так сладостно говорила об Иисусе Христе, что не заметил, как прошло время». «Пусть меня повесят, — сказала миссис Хилл, — если наш наставник вскоре не сделается методистом!» «Методистом, сударыня? — спросил он. — Прошу вас, что

это такое?» Она ответила: «Методисты — это люди, которые ничего не делают, только молятся. Они молятся весь день и всю ночь». «Неужели? — сказал он. — Тогда с Божьей помощью я их разыщу, если они есть на свете». Вскоре он действительно нашёл их и получил желаемое, будучи принят в общество. Пока он жил в городе, он посещал класс мистера Ричарда Эдвардса и не пропускал ни одной возможности собраться с ним. Особое уважение к мистеру Эдвардсу он сохранял до самого дня смерти.

15 3. Вскоре дух побудил его призывать грешников к покаянию. Видя вокруг себя мир, лежащий во зле, он почувствовал горячее желание

> 16 Из пламени выхватить бедные головни,
> От самой грани ада их исторгнуть.

17 И хотя он ещё далеко не в совершенстве владел английским языком, особенно его произношением, однако горячность его речи, редко встречающаяся в Англии, и неизреченно нежная любовь к бедным погибшим грешникам, дышавшая в каждом слове и движении, производили столь глубокое впечатление на всех слушателей, что очень немногие уходили ни с чем.

18 4. Около 1753 года, достигнув необходимого возраста, он был рукоположен в диакона и священника, а вскоре представлен к небольшому приходу Мейдли в Шропшире. Как он часто говорил, это был единственный приход, который он когда-либо желал получить. Рукоположение совершилось в Уайтхолле; в тот же день, узнав, что мне некому помогать в часовне на Уэст-стрит, он пришёл сразу по окончании рукоположения и помог мне совершить Вечерю Господню. Теперь он с удвоенным усердием проповедовал не только в часовнях Уэст-стрит и

Спиталфилдс, но везде, где Божье Провидение открывало дверь для возвещения вечного Евангелия. Часто он делал это на французском, как и на английском; все знатоки признавали, что французским он владеет в совершенстве.

[19] 5. Отсюда он переселился в дом викария в Мейдли. Здесь он был всецело занят своими прихожанами и в самом городке, и в Мейдли-Вуде, в миле или двух от него, — месте, весьма похожем на Кингсвуд, почти сплошь населённом бедными углекопами и их многочисленными семьями. Много трудов положил он, исправляя и наставляя этих заброшенных людей, немногим разумнее погибающих животных. Ныне же они столь же рассудительны и благонравны, как большинство людей их положения в трёх королевствах.

[20] 6. Но через некоторое время графиня Хантингдон убедила его оставить любимое уединение и переселиться в Уэльс, чтобы руководить её школой в Тревекке. Он трудился там всеми силами, наставляя молодых людей и в учёности, и в философии, пока не получил письмо от графини вместе с циркулярным письмом за подписью мистера Ширли, призывавшим всех боящихся Бога в Англии собраться в Бристоле во время методистской конференции, «чтобы засвидетельствовать против ужасной ереси, содержащейся в протоколах предшествующей конференции». Её светлость объявляла, что всякий, кто не отречётся безусловно от восьми положений, содержавшихся в протоколах той конференции, должен немедленно оставить её дом. Мистера Флетчера чрезвычайно удивило это категорическое заявление. Следующий день он провёл в посте и молитве, а вечером написал её светлости, что не только не может совершенно отречься, но должен вполне

одобрить все восемь положений; поэтому он исполнил её приказание, оставив её дом и возвратившись в собственный дом в Мейдли.

21 7. Это циркулярное письмо стало счастливым поводом к написанию его превосходных «Возражений против антиномизма», в которых не знаешь, чем восхищаться больше: чистотой языка, каким иностранец едва ли когда-либо писал прежде; силой и ясностью доводов; или кротостью и сладостью духа, которым дышит всё сочинение. Поэтому меня нисколько не удивляет священнослужитель, решивший никогда не расставаться со своими дорогими определениями предопределения: когда его настойчиво просили прочесть эти сочинения, он ответил: «Нет, я никогда не стану читать трудов мистера Флетчера, ибо, если прочту, буду одного с ним мнения». Тогда же он написал и несколько других ценных трактатов. Между тем ещё обильнее стали его пастырские труды, общественные и частные: он посещал весь свой приход, рано и поздно, в любую погоду, невзирая ни на жару, ни на холод, ни на дождь, ни на снег, верхом или пешком. Но это незаметно ослабляло его телесные силы и подтачивало основы здоровья; ещё сильнее действовали напряжённые и непрерывные занятия, за которыми он часто проводил почти без перерыва четырнадцать, пятнадцать или шестнадцать часов в день. При этом он не позволял себе необходимой пищи. Он редко ел в установленное время, если не было гостей; два или три раза в сутки съедал немного хлеба с сыром или фруктов, а иногда вместо этого выпивал немного молока и снова писал. Когда кто-то упрекнул его, что он не даёт себе достаточно необходимой пищи, он удивлённо ответил: «Не даю себе пищи? Да ведь еда на меня и мою экономку редко обходится менее чем в два шиллинга в неделю!»

[22] 8. Узнав, что здоровье его сильно расстроилось, я решил, что ничто не поможет его восстановить лучше долгого путешествия, и предложил ему поехать со мною в Шотландию; он охотно согласился. Мы отправились весною и, проехав тысячу сто или тысячу двести миль, осенью вернулись в Лондон. Я твёрдо верю, что, попутешествуй он со мною ещё несколько месяцев, он совершенно восстановил бы здоровье; но друзья удержали его, он вскоре снова заболел, и у него развилась настоящая лёгочная чахотка.

[23] 9. Но эта болезнь была не к смерти: она была послана лишь для того, чтобы явилась слава Господня. Во всё время болезни он оставался в Ньюингтоне; его посещали люди всякого звания, и все дивились бывшей в нём Божьей благодати. При всех страданиях из уст его не исходило ни одной жалобы; каждое дыхание было посвящено либо хвале Богу, либо увещанию и утешению ближнего.

[24] 10. Когда ничто другое не помогало, ему посоветовали предпринять морское и сухопутное путешествие на родину. Он отправился вместе с мистером Айрлендом, испытанным и верным другом, любившим его как брата и не считавшим напрасными никакие труды, если ими можно было сохранить столь драгоценную жизнь. На родине он прожил около года и был благословением для всех окружающих. Значительно оправившись, он провёл несколько месяцев во Франции, а затем в совершенном здоровье вернулся в Мейдли.

[25] 11. В 1781 году с полным одобрением всех друзей он женился на мисс Бозанкет; поскольку она ещё жива, я теперь скажу о ней лишь то, что она была единственным человеком в Англии, которого я считал достойным

мистера Флетчера. Благодаря её нежной и разумной заботе его здоровье всё более укреплялось; и я твёрдо убеждён, что, употреби он это здоровье на путешествия по всему королевству пять, шесть или семь месяцев ежегодно, — а для этого никогда не было человека более пригодного, даже сам мистер Уайтфилд не был таков, — он принёс бы больше добра, чем любой другой человек в Англии. Не сомневаюсь, что это был бы превосходнейший путь. Однако, хотя он не принял этой чести, он сотворил множество добра в избранном им более тесном круге деятельности и был образцом, весьма достойным подражания всех приходских священнослужителей королевства.

[26] 12. О его образе жизни в то время, когда он жил вместе с женой, лучше всего рассказать её собственными словами:

[27] «Немалую скорбь причиняет мне то, что мой горячо любимый муж не оставил о себе письменного рассказа; я же не в состоянии сообщить многие подробности самой ангельской жизни, какую когда-либо знала.

[28] Он родился в Ньоне, в кантоне Берн, в Швейцарии. В детстве обнаруживал живой ум и великую нежность сердца. Однажды, рассердив отца, который пригрозил наказать его, он держался поодаль в саду; увидев приближающегося отца и боясь, что при виде сына его гнев возобновится, он убежал. Но тотчас его поразило глубокое раскаяние: „Как! Я убегаю от отца? Какой я негодяй! Быть может, я доживу до зрелых лет, и у меня будет сын, который станет убегать от меня!“ Прошло несколько лет, прежде чем изгладилось оставшееся тогда в нём впечатление скорби.

[29] Когда ему было около семи лет, нянька упрекнула его: „Ты дурной мальчик, а дьявол забирает всех таких“. Лёжа в постели, он стал размышлять над её словами; сердце его укорило его, и он сказал: „Я дурной мальчик; быть может, Бог позволит дьяволу забрать меня“. Он поднялся на постели и довольно долго боролся с Богом в молитве, пока не ощутил такой любви Божьей, которая совершенно успокоила его».

[30] Часть следующего абзаца я опускаю, поскольку она почти совпадает с тем, что уже привёл выше.

[31] «Когда он вошёл в семью мистера Хилла, он ещё не знал Христа в своём сердце. Однажды воскресным вечером, когда он писал музыку, служанка вошла поправить огонь и, взглянув на него, сказала: „Сэр, мне очень жаль видеть вас за таким занятием в день Господень“. Он тотчас отложил музыку и с того часа стал строго соблюдать этот святой день.

[32] Вскоре он встретил одну женщину, которая предложила пойти вместе с нею послушать методистов. Он охотно согласился. Чем больше он слушал, тем беспокойнее становился; удваивая усердие, он надеялся *многими делами* сделать себя угодным Богу, пока однажды, слушая мистера Грина, не убедился, что не знает, что такое истинная вера. Это вызвало в нём много размышлений. „Возможно ли, — говорил он, — чтобы я, изучавший богословие и получивший от университета так называемую *награду за благочестие* за свои сочинения о Божественном, был всё ещё столь невежествен, что не знаю, что такое вера?“ Но чем больше он исследовал, тем больше убеждался в этом. Тогда грех ожил, а надежда умерла. Теперь он пытался самыми суровыми подвигами победить злую природу и ввести в душу рождённый на

небесах мир. Но чем больше боролся, тем больше убеждался, что вся его падшая душа — грех и что лишь откровение любви Иисуса может сделать его христианином. Об этом он стенал с неутомимой настойчивостью, пока однажды, после долгой борьбы с Богом, лёжа ниц перед престолом, не почувствовал, что кровь Иисуса приложена к нему. Теперь оковы были разбиты, и свободная душа начала дышать чистым воздухом. Грех был у него под ногами, и он мог торжествовать в Господе, Боге своего спасения.

33 С тех пор он мужественно ходил путями Божьими и, полагая, что днём ему недостаёт досуга, установил себе постоянное правило две ночи в неделю бодрствовать за чтением, молитвой и размышлением, чтобы глубже погрузиться» в то общение с Богом, которое стало наслаждением его души. При этом он принимал лишь растительную пищу и более шести месяцев питался одним хлебом с молоком, разбавленным водою.

34 «Несмотря на ночные бдения, он взял за правило никогда не спать, пока хоть сколько-нибудь способен бодрствовать. Для этого всегда брал в постель свечу и книгу; но однажды ночью сон одолел его раньше, чем он погасил свечу, и ему приснилось, что занавеси, подушка и колпак горят, не причиняя ему никакого вреда. Так и было: утром часть занавесей, подушка и колпак оказались обгоревшими. Но ни один волос на его голове не был опалён. Так Бог заповедал Своим ангелам охранять его!

35 Через некоторое время он был удостоен особого явления любви Божьей, столь сильного, что ему казалось, будто тело и душа вот-вот разделятся. Теперь все его желания сосредоточились в одном — посвятить себя служению своему драгоценному Учителю. Он считал, что

лучше всего сможет сделать это, приняв священный сан. Бог сделал его путь ясным, и вскоре он поселился в Мейдли. Этот приход он принял словно непосредственно из руки Божьей и неутомимо трудился в нём и в окрестных местах, пока не истощил себя в служении своему Господину и не стал быстро созревать для славы. Много лет он встречал сильное сопротивление, и часто жизнь его была в опасности. Иногда внутреннее побуждение заставляло его предупреждать упорных грешников, что, если они не покаются, рука Божья истребит их. И событие подтверждало истинность предсказания. Но, несмотря на всё сопротивление, многие стали печатью его служения.

36 Он горячо желал, чтобы чистое Евангелие оставалось среди его народа и после того, как он будет взят. Ради этого он преодолел великие трудности при строительстве дома в Мейдли-Вуде. Он не только сберегал для него последний имевшийся у него фартинг, но, находясь за границей, предлагал сдать дом викария внаём; по возвращении намеревался поселиться в маленьком коттедже неподалёку, а плату за наём употребить на погашение долга за тот дом.

37 С тех пор как я получила честь и счастье жить с ним, каждый день всё яснее открывал мне могущественное действие Духа в нём. Его плоды были явны во всей его жизни и поведении, но более всего — в кротости и смирении. Это была кротость, которую не могло поколебать никакое оскорбление; смирение, любившее оставаться неизвестным, забытым и презираемым. [Думаю, здесь он доходил до крайности.] Как трудно найти выдающегося человека, который любит равного себе! Но его наслаждением было предпочитать других

себе. Это казалось столь естественным для него, что словно пищею ему было ставить каждого выше себя. О недостатке отсутствующего он говорил лишь при необходимости и тогда — с величайшей осторожностью. Он ни во что не ставил собственные труды и, быть может, до крайности не любил слышать упоминание о них.

[38] Терпение — дочь смирения. В нём оно обнаруживалось так, что я желала бы уметь либо описать его, либо ему подражать. Оно производило в нём готовность принять всякий крест бодро и с радостью. А ради блага ближнего, особенно бедного, ничто не казалось ему трудным, ничто — утомительным. Когда мне было жаль отзывать его из кабинета, от уединённых занятий, два или три раза в час, он отвечал: „О, дорогая, никогда не думай об этом; неважно, что мы делаем, лишь бы всегда были готовы встретить волю Божью: только соответствие ей делает всякое занятие превосходным“.

[39] Особенную любовь питал он к агнцам стада — детям; с величайшим усердием занимался их наставлением, к которому имел особый дар, и этот многолюдный приход давал ему полное применение. Самые бедные встречали у него то же внимание, что и богатые. Ради них он почти отказывал себе в необходимом и часто говорил, как ему больно пользоваться им, пока кому-нибудь в его приходе его недостаёт.

[40] Но, упоминая его кротость и любовь, не забуду особой милости его Господина, давшего ему самое твёрдое и решительное *мужество*. В обличении греха и дерзких грешников он был „сыном грома“ и не считался ни со страхом, ни с благосклонностью людей, когда должен был передать весть от Бога.

[41] Что касается его общения с Богом, весьма прискорбно, что у нас нет рассказа о нём, вышедшего из-под его пера. Но вот что я могу сказать: его постоянной заботой было сохранять непрерывное чувство Божественного присутствия. Ради этого он был медлен на слова и самым строгим образом управлял своей речью. Внутренне он был так внимателен к этому, что порою казался тупым людям, его не знавшим, хотя немногие беседовали живее, когда он считал, что это послужит славе Божьей. Он непрестанно стремился возносить свой дух и дух каждого другого человека к непосредственному общению с Богом; всё его общение со мною было так перемешано с молитвой и хвалой, что всякое занятие и всякая трапеза были словно напоены их благоуханием. Он часто говорил: „Очень мало — так держаться Бога верою, чтобы не ощущать удаления от Него. Но я желаю исполниться полнотою Его Духа“. „Иногда, — говорил он, — я чувствую такие проблески света, словно веяния небесного воздуха, которые, кажется, готовы унести мою душу с собою в славу“. Незадолго до последней болезни, когда среди нас начала свирепствовать горячка, он проповедовал об обязанности посещать больных и сказал: „Чего вы боитесь? Боитесь заразиться и умереть? О, не бойтесь больше! Какая честь — умереть за делом своего Господина! Если бы мне было позволено это, я счёл бы это особенной милостью“. Во время прежней болезни он писал так: „Я спокойно ожидаю в непоколебимой покорности полного спасения Божия, готовый вериться Его верной любви и непреложным милостям Давидовым. Его время — наилучшее, и оно же моё время. Смерть утратила своё жало; и, благословляю Бога, я не знаю ни душевной тревоги, ни страхов неверия“.

42 В последние месяцы он почти никогда не ложился и не вставал без этих слов на устах:

> 43 Нет ничего во мне, и сам я — ничто;
> Сокровище моё — в Агнце, истекающем кровью,
> Ныне и во веки веков.

44 В одном из писем, написанных некоторое время назад дорогим ему жителям Мейдли, есть такие слова: „Я оставляю на время этот благословенный остров, но надеюсь никогда не оставить Царства Божия, тени Христова креста, расселин Скалы, поражённой и пронзённой за нас. Там я встречаюсь с вами духом; оттуда, надеюсь, с радостью устремлюсь в океан вечности, чтобы присоединиться к служебным духам, прислуживающим наследникам спасения. И если мне более не будет позволено служить вам на земле, радуюсь мысли, что, быть может, мне будет позволено сопровождать ангелов, которым, если вы пребудете в вере, будет поручено перенести вас на лоно Авраамово“.

45 Эта мысль оживляет мою веру! Господи, дай мне идти по его стопам! Тогда я снова увижу его, и возрадуется сердце моё, и мы вечно будем вместе созерцать Агнца. Вера приближает желанный миг! И вот он уже зовёт меня отсюда, и Иисус велит мне прийти!»

46 Не знаю, можно ли и нужно ли что-нибудь добавить к этому, кроме рассказа миссис Флетчер о его смерти, который также следует в её собственных словах:

47 «За некоторое время до последней болезни он особенно глубоко чувствовал близость вечности. Едва проходил час, чтобы он не призывал нас отбросить всякую мысль и заботу и не заниматься ничем, кроме всё более глубокого приобщения Богу. Много времени мы проводили в борьбе

с Богом и особенным образом были ведены к тому, чтобы всецело предать себя в Божьи руки, делать или терпеть всё, что Ему угодно.

48 В четверг 4 августа он был занят Божьим делом с трёх часов дня до девяти вечера. Вернувшись домой, сказал: „Я простудился“. В пятницу и субботу он был нездоров, но, казалось, необычайно устремлялся к молитве. В субботу вечером горячка была, по-видимому, очень сильной. Я умоляла его не идти утром в церковь; но он сказал мне: „Такова воля Господа“, — а в таком случае я никогда не смела уговаривать. Читая молитвы, он едва не лишился чувств. Я пробралась через толпу и умоляла его отойти от аналоя. Но он своим кротким образом дал понять мне и другим, что мы не должны нарушать Божий порядок. Тогда я вернулась на свою скамью, где все вокруг меня были в слезах. Когда открытые окна немного освежили его, он продолжил; затем проповедовал с такой силой и собранностью, что удивил нас всех.

49 После проповеди он подошёл к столу причастия со словами: „Я иду повергнуться под крылья херувимов перед престолом милости“. Служба продолжалась почти до двух. Порою он едва мог стоять и часто вынужден был останавливаться. Народ был глубоко тронут; со всех сторон слышался плач. Милостивый Господи! Как сохранялась моя душа столь спокойной среди самых нежных чувств? Несмотря на крайнюю слабость, он предложил спеть несколько строф гимнов и произнёс живые слова увещания. По окончании службы мы поспешно уложили его в постель, где он тотчас лишился чувств. Затем на некоторое время заснул и, проснувшись, воскликнул с приятной улыбкой: „Теперь, дорогая, видишь, что мне не стало хуже от исполнения дела

Господня: Он никогда не оставляет меня, когда я уповаю на Него“. Немного пообедав, он дремал большую часть вечера, время от времени просыпаясь, исполненный хвалы Богу. Ночью горячка возвратилась, хотя и не сильная, но силы его поразительно убыли. В понедельник и вторник у нас был маленький рай вдвоём: он лежал на кушетке в кабинете и, хотя часто менял положение, оставался ласково радостным и нередко подолгу спал. Проснувшись, с наслаждением слушал, как я читаю гимны и трактаты о вере и любви. Все его слова ободряли, а терпение было невыразимо. Когда приходилось принимать отвратительные лекарства, он словно наслаждался крестом, согласно слову, которое часто повторял: нам следует искать совершенного согласия с волей Божьей, а Ему предоставить давать нам то утешение, какое Он сочтёт благим. Я спросила, есть ли у него совет, который он хотел бы оставить мне, если будет взят от меня. Он ответил: „Мне нечего сказать особо: Господь всё откроет перед тобою“. Я сказала: „Есть ли у тебя убеждение, что Бог собирается взять тебя?“ Он ответил: „Нет, особенного убеждения нет; только я всегда вижу смерть столь неизреченно близкой, что мы оба, кажется, стоим у самого края вечности“. Пока он немного спал, я умоляла Господа, если Ему угодно, оставить его мне ещё ненадолго; но молитва моя словно не имела крыльев, и я не могла не примешивать к ней непрестанно: „Господи, дай мне совершенную покорность“. Эта неизвестность заставляла меня трепетать: не собирается ли Бог вложить в мою руку ту горькую чашу, которой недавно грозил моему мужу? За несколько недель до того я сама болела горячкой. Тогда муж ощутил всю картину разлуки и боролся за совершенную покорность. Он говорил: „О Полли, неужели я увижу день, когда тебя

понесут хоронить? Как все мелочи, приготовленные твоей нежной заботой для меня во всех уголках дома, будут ранить и мучить меня! Что это? Кажется, я чувствую ревность! Я ревную к червям. Я словно содрогаюсь от мысли отдать мою дорогую Полли червям!“

50 Теперь все эти размышления возвратились в моё сердце с тяжестью мельничного жернова. Я воззвала к Господу, и эти слова глубоко запечатлелись в моём духе: „Где Я, там будут и слуги Мои, да видят славу Мою“. Это обетование было полно утешения для моей души. Я увидела, что наш дом — в непосредственном присутствии Христа и что наше воссоединение найдётся в глубокой сосредоточенности в Нём. Я приняла это как новое бракосочетание на вечность и надеюсь навеки сохранять его таким. Весь тот день, когда я вспоминала выражение „видеть славу Мою“, оно словно отирало каждую слезу и было кольцом, которым мы вновь соединены.

51 Проснувшись некоторое время спустя, он сказал: „Полли, я размышлял, что вина Израиля состояла в том, что он просил *знамений*. Мы не станем этого делать, но, всецело предав себя в Божьи руки, будем терпеливо лежать перед Ним, уверенные, что Он всё совершит благо“.

52 „Любимый мой, — сказала я, — если я когда-либо сделала или сказала что-нибудь, что огорчило тебя, как будет ранить моё сердце воспоминание об этом, если ты будешь взят от меня!“

53 Он умолял меня и с невыразимой нежностью повелевал не допускать этой мысли, выражая благодарность за наш союз различными словами, написанными на моём сердце

словно алмазным пером дружбы, глубоко погружённым в кровь.

54 В среду, простонав весь день под тяжестью силы Божьей, он сказал мне, что получил такое откровение полного смысла слов „Бог есть любовь“, какого никогда не сможет выразить. „Оно наполняет меня, — говорил он, — каждое мгновение. О Полли, дорогая моя Полли, Бог есть любовь! Восклицай, восклицай громко! Я хочу, чтобы порыв хвалы достиг краёв земли! Но, кажется, я уже недолго смогу говорить. Давай условимся о знаке между нами“, — он дважды коснулся меня пальцами, — „теперь это значит: Бог есть любовь; и мы будем влечь друг друга в Бога. Заметь: этим мы будем влечь друг друга в Бога!“

55 Когда вошла Салли, он воскликнул: „О Салли, Бог есть любовь! Восклицайте обе. Я хочу слышать, как вы громко воздаёте Ему хвалу“. Всё это время друг-врач, усердно ухаживавший за ним, надеялся, что опасности нет: у него не было сильной головной боли, он много спал без малейшего бреда, а пульс был почти правильным. Так болезнь, хотя ей и было поручено отнять его жизнь, удерживалась силою Божьей!

56 В четверг речь начала ему отказывать. Пока мог, он говорил со всеми, кто оказывался рядом. Услышав, что в доме есть незнакомая женщина, он велел позвать её наверх, хотя произнести две фразы стоило ему едва не обморока. Перед своим добрым врачом он не желал молчать, пока оставалась хоть какая-нибудь способность говорить: „О сэр, вы так заботитесь о моём теле; позвольте мне позаботиться о вашей душе“. Когда я уже почти ничего не могла разобрать в его словах, я произнесла: „Бог есть любовь“. Тотчас, словно все его силы пробудились, он в восторге воскликнул: „Бог есть

любовь! Любовь! Любовь! О, если бы прозвучал тот порыв хвалы, которого я жажду!“ Тут голос снова отказал ему. Он страдал многими способами, но с таким терпением, какое могут представить лишь присутствовавшие тогда. Если я упоминала его страдания, он улыбался и делал условленный знак.

[57] В пятницу, обнаружив, что тело его покрыто пятнами, я почувствовала, как меч пронзил мою душу. Я стояла на коленях рядом, держа его за руку и умоляя Господа быть с нами в этот страшный час; он пытался сказать многое, но не мог, сжимал мою руку и часто повторял знак. Наконец он выдохнул: „Глава Церкви, будь Главою моей жене!“ Когда я была вынуждена на несколько мгновений оставить его, Салли спросила: „Дорогой мой господин, вы узнаёте меня?“ Он ответил: „Салли, Бог подложит под тебя Свою десницу“. Она добавила: „О дорогой мой господин, если вас возьмут, каким безутешным существом станет моя бедная дорогая госпожа!“ Он ответил: „Бог будет для неё всем во всём“. Ему всегда особенно нравились эти слова:

> [58] Кровь Иисуса сквозь землю и небеса
> Взывает: „Милость, даровая, безграничная милость!“

[59] Всякий раз, когда я повторяла их ему, он отвечал: „Безграничная! Безграничная! Безграничная!“ Теперь он добавил, хотя и с большим трудом:

> [60] Всю силу милости я *скоро* испытаю,
> Любовью вечною возлюбленный.

[61] В субботу после полудня горячка словно совершенно оставила его; нескольким друзьям, стоявшим возле кровати, он протянул руку по очереди и, взглянув на одного священнослужителя, сказал: „Готовы ли вы

помочь завтра?“ Его ясная память удивила нас, поскольку день недели в комнате не называли. Многие полагали, что он выздоровеет; один спросил: „Как вы думаете, поднимет ли вас Господь?“ Он попытался ответить: „Поднимет меня в воскре…“, — имея в виду воскресение. Другому, задавшему тот же вопрос, он сказал: „Всё оставляю Богу“.

62 Вечером горячка вернулась с силою, а слизь, стекавшая в горло, почти душила его. Предполагали, что этот мучительный приступ будет усиливаться всё более до конца. Глубоко страдая от этого, я воззвала к Господу, чтобы Он удалил его; и, слава имени Его, Он удалил. С той поры приступ не возвращался. С наступлением ночи я поняла, что он умирает очень быстро. Пальцы едва могли делать знак, о котором он почти никогда не забывал, а речь, казалось, исчезла совсем. Я сказала: „Дорогой мой, я спрашиваю не для себя, *я знаю твою душу*, но ради других: если Иисус особенно близок к тебе, подними правую руку“. Он поднял. „Если видение славы сладостно открывается перед тобою, повтори знак“. Он немедленно вновь поднял руку, а через полминуты — ещё раз; затем вскинул её, словно хотел достичь верха кровати. После этого дорогие его руки уже не двигались; но на мой вопрос: „Сильно ли тебе больно?“ — он ответил: „Нет“. С того времени он лежал словно во сне, хотя глаза были открыты и неподвижны. Бóльшую часть времени он сидел прямо, опершись на подушки, слегка склонив голову набок; лицо его было так необычайно спокойно и торжествующе, что в нём едва различался малейший след смерти.

63 Двадцать четыре часа он оставался в этом состоянии, дыша, как человек в обычном сне. Около десяти часов тридцати пяти минут воскресного вечера 14 августа его

драгоценная душа вошла в радость своего Господа без единого борения или стона, на пятьдесят шестом году жизни.

64 Здесь я прерываю свой скорбный рассказ. Но прекрасный образ его небесного совершенства навеки останется начертан на моём кровоточащем сердце. Когда я вспоминаю его пламенную ревность, его неустанные усилия взыскать и спасти погибшее, его усердие в использовании времени, его подобную Христовой снисходительность ко мне и непрерывное общение с небом, мне вполне позволительно добавить: моя утрата выше силы слов. Я прошла через глубокие воды, но все мои скорби были ничто в сравнении с этой. Что ж: я не хочу никакой отрадной перспективы, кроме небесной, никакой опоры для надежды, кроме бессмертия.

65 17-го числа его дорогие останки были погребены на церковном кладбище Мейдли среди слёз и плача тысяч людей. Службу совершил преподобный мистер Хаттон, настоятель прихода Уотерс-Аптон, которому Бог дал говорить трогательно к плачущему стаду Флетчера. В заключение, по моей просьбе, он прочёл следующее письмо:

66 Поскольку мой возлюбленный муж желал быть погребённым столь простым образом, он также из нежной заботы просил, чтобы я не присутствовала; а я хотела бы повиноваться ему во всём.

67 Позвольте же мне устами друга открыто засвидетельствовать во славу Божью: я, знавшая его самым совершенным образом, вынуждена объявить, что никогда не знала никого, кто бы так близко следовал путями Божьими. Господь дал ему совесть, нежную, как

зеница ока. Он буквально предпочитал пользу каждого своей собственной.

[68] Он был строго справедлив, но совершенно свободен от всякой привязанности к миру. *Всё своё* он делил с бедными, которые были столь близки его сердцу, что при приближении смерти, уже с трудом говоря, он воскликнул: „О мои бедные! Что станет с моими бедными?“ Он был благословлён такой степенью смирения, какую едва ли можно найти. Я свидетельница того, как часто он радовался, когда с ним обращались презрительно. Поистине быть малым и неизвестным казалось самой пищей его души. Когда он попросил меня, в случае его смерти, написать несколько строк его брату, я ответила: „Я напишу ему обо всём, что Господь совершил с тобою“. „Нет, нет, — сказал он, — ничего не пиши обо мне. Я желаю только быть забытым. *Бог есть всё*“.

[69] О его ревности о душах мне незачем рассказывать *вам*. Пусть труды двадцати пяти лет и мученическая смерть в заключение запечатлеют её в ваших сердцах. Его усердное посещение больных стало причиной горячки, которая по Божьему поручению отняла его у вас и у меня. А его горячее желание в последний раз проститься с вами умирающими устами и руками, как полагают, нанесло последний удар, приготовив его кровь к гниению. Так он жил и умер вашим служителем; и неужели кто-нибудь из вас откажется встретить его одесную Бога в тот день?

[70] Он ходил, всегда видя перед собою смерть. Около двух месяцев назад он подошёл ко мне и сказал: „Любимая моя, я не знаю, отчего это, но у меня странное чувство, что смерть совсем близко к нам, словно она внезапно поразит кого-нибудь из нас. И это устремляет всю мою

душу в молитве, чтобы мы были готовы“. Затем он воскликнул: „Господи, приготовь душу, которую призовёшь! И, о, будь рядом с бедным безутешным существом, которое останется!“

71 За несколько дней до ухода он был необыкновенно исполнен любви и говорил мне: „Мне так открылась глубина этих слов, *Бог есть любовь*, что я не могу рассказать тебе и половины. О, восклицай Ему хвалу!“ То же он свидетельствовал, пока имел голос, и до конца продолжал свидетельствовать самым агнчим терпением, в котором улыбался смерти и положил последнюю печать на славные истины, так долго проповеданные им среди вас.

72 Три года, девять месяцев и два дня я обладала своим небесно настроенным мужем; но теперь солнце моей земной радости закатилось навсегда, и душа полна муки, находящей утешение лишь в полном предании воле Божьей. Когда я просила Господа, если Ему угодно, оставить его мне ещё ненадолго, следующее обетование с великой силой запечатлелось в моём уме — в его исполнении я ожидаю нашего воссоединения: „Где Я, там будут и слуги Мои, да видят славу Мою“. Господи, приблизь этот час.

73 Едва ли нужно добавлять ещё какую-нибудь характеристику этого Божьего человека к предыдущему рассказу, написанному из полноты сердца. Замечу лишь, что много лет я отчаивался найти какого-либо жителя Великобритании, который хоть в какой-то мере мог бы выдержать сравнение с Григорием Лопесом или месье де Ранти. Но пусть каждый беспристрастный человек рассудит, уступал ли им в чём-нибудь мистер Флетчер. Разве не испытывал он столь же глубокого общения с

Богом и столь же высокой меры внутренней святости, как тот или другой из этих горящих и светящих светильников? И несомненно, внешняя его святость сияла перед людьми столь же ярко, как их святость. Но если кто-нибудь попытается провести между ними параллель, есть два обстоятельства, заслуживающих внимания. Во-первых, мы не уверены, что авторы *их* жизнеописаний не смягчили, если не скрыли, то, что было в них неправильного; а что некоторые неправильности были, мы знаем: многие следы суеверия и некоторые — идолопоклонства в почитании святых, особенно Девы Марии. Но я ничего не скрыл и не смягчил в характере мистера Флетчера, ибо, действительно, не знал ничего неправильного, ничего, что нуждалось бы в смягчении, тем более в сокрытии. Во-вторых, авторы *их* жизнеописаний не могли знать их столь полно, как и миссис Флетчер, и я знали мистера Флетчера, будучи очевидцами и слушателями всего его поведения. Следовательно, мы знаем, что его жизнь не была запятнана никакой примесью ни идолопоклонства, ни суеверия. Я близко знал его более тридцати лет; во время путешествия на многие сотни миль беседовал с ним утром, днём и ночью без малейшей сдержанности. И за всё это время ни разу не слышал от него ни одного неподобающего слова и не видел ни одного неподобающего поступка. В заключение: за восемьдесят лет я знал многих образцовых людей, святых сердцем и жизнью, но равного ему не знал — никого столь преданного Богу внутренне и внешне. Столь безупречного во всех отношениях характера я не встречал ни в Европе, ни в Америке и едва ли ожидаю встретить другого такого по эту сторону вечности.

[74] Но все мы можем стать такими, каким был он. Постараемся же следовать ему, как он следовал Христу!

[75] Норидж, 24 октября 1785 года

Пятая серия — описание и замечание редактора

[1] Пятая серия

[2] Состоящая из восьми бесед, опубликованных по рукописям господина Уэсли после его смерти, хотя сам он никогда не предназначал их для печати.

[3] [Следует заметить, что большинство этих бесед было написано прежде, чем господин Уэсли обрёл правильное понимание пути спасения; и поскольку они были опубликованы не с его ведома и не по его распоряжению, его не следует считать ответственным за содержащиеся в них суждения. Беседу о воскресении тела он лишь пересмотрел и сократил; вероятно, и некоторые другие из них были сочинены не им.

[4] Однако первая проповедь этой серии, озаглавленная «Защита истинного христианства», во всех отношениях достойна своего автора. По-видимому, она предназначалась как своего рода Concio ad Clerum; она содержит правдивое обличение отступления от чистого учения протестантизма, которое тогда господствовало в Англиканской церкви, а также той расшатанности дисциплины и нравов, которая столь ужасающим образом проявлялась в Оксфордском университете, как и в обществе вообще. Чтобы произнести такую проповедь перед этим учёным собранием, требовалась немалая благочестивая решимость; и это яркое свидетельство того духа жертвенности, которым руководствовался господин Уэсли. — Редактор.]

В защиту истинного христианства

[1] [Следующая проповедь была найдена среди бумаг мистера Уэсли в повреждённой рукописи. Она датирована 24 июня 1741 года. Найден также латинский текст того же рассуждения. Мистер Поусон с большим тщанием переписал первую рукопись, а я восполнил её пробелы по второй. Сличив обе проповеди, я обнаружил несколько различий; хотя они и не очень значительны, их, по моему суждению, достаточно, чтобы оправдать перевод и публикацию латинской проповеди не просто ради любопытства, но ради пользы. Несомненно, проповедь была написана с намерением произнести её перед Оксфордским университетом; но была ли она когда-либо там произнесена, установить нельзя. А. Кларк.]

[2] «Как сделалась блудницею верная столица!»

[3] Исаии 1:21.

[4] 1. «Если Я наведу на какую-нибудь землю меч, — говорит Господь, — и страж затрубит в трубу и предостережёт народ, и кто услышит голос трубы, но не остережётся, — если меч придёт и захватит его, кровь его будет на его голове. Но если страж увидит идущий меч и не затрубит в трубу, и народ не будет предостережён, — то, когда меч придёт и отнимет у кого из них жизнь, тот захвачен будет за грех свой, но кровь его взыщу от руки стража» (Иезекииля 33:2–6).

[5] 2. Нельзя сомневаться, что это слово Господне обращено также к каждому служителю Христову: «И тебя, сын

человеческий, Я поставил стражем дому Израилеву; и ты будешь слышать из уст Моих слово и предостерегать их от Меня. Когда Я скажу беззаконнику: „Беззаконник, ты смертью умрёшь“, а ты не будешь говорить, чтобы предостеречь беззаконника от пути его, — то беззаконник тот умрёт за грех свой, но кровь его взыщу от руки твоей».

6 3. Поэтому никто не должен считаться нашим врагом за то, что говорит нам истину: поступать так — действительно проявлять любовь к ближнему и вместе с тем послушание Богу. Иначе немногие взялись бы за столь неблагодарный труд, ибо воздаяние, которое получат, им заранее известно. Писание должно исполниться: «Меня мир ненавидит, — говорит наш Господь, — потому что Я свидетельствую о нём, что дела его злы».

7 4. Из полного, твёрдого убеждения, что я обязан этим трудом любви своим братьям и нежной матери [Оксфордскому университету], которая питает меня уже более двадцати лет и от которой, после Бога, я получил преимущества, за которые, надеюсь, сохраню благодарность, пока дух мой не возвратится к Богу, давшему его; из полного, говорю, убеждения, что любовь и благодарность, как и вверенное мне служение Евангелия, требуют этого от меня, даже я взялся говорить о предмете необходимом, хотя и неприятном. Я, конечно, предпочёл бы, чтобы это сделал человек более желанный. Но если бы все молчали, сами камни возопили бы: «Как сделалась блудницею верная столица!»

8 5. Как верна она была некогда своему Господу, Которому была обручена чистой девою, пусть скажут не только сочинения её сыновей, которым будут воздавать честь во всех поколениях, но и кровь её мучеников —

свидетельство её верности более сильное, чем могли бы дать слова, даже

[9] Все речи многословной земли.

[10] Но как она ныне сделалась блудницею! Как отступила от своего Господа! Как отреклась от Него и вняла голосу чужих! И

[11] I. В отношении учения, и

[12] II. В отношении дел.

[13] I. В отношении учения.

[14] 1. Нельзя сказать, что все наши писатели возвещают чуждые учения. Есть такие, кто толкует словеса Божии тем же Духом, Которым они были написаны, и верно держится твёрдого основания, положенного нашей Церковью в согласии с ними; об этом основании у нас есть слово Того, Кто не может лгать: «Врата ада не одолеют его». Есть также — благословен Податель всякого благого дара! — те, кто, как мудрые строители, возводит на нём не сено и солому, а золото и драгоценные камни, ту любовь, которая никогда не перестаёт.

[15] 2. Есть у нас также причина благодарить Отца светов за то, что Он не оставил Себя без свидетелей: есть и ныне проповедующие Евангелие мира, истину, как она есть в Иисусе. Но как мало их в сравнении с теми (hoi kapeleuontes), кто *искажает* слово Божье! Как мало здоровой пищи для наших душ и какое изобилие яда! Как немногие письменно или в проповеди возвещают подлинное Евангелие Христово в той простоте и чистоте, с какими оно изложено в досточтимых документах нашей собственной Церкви! И как со всех сторон окружают нас те, кто, не зная ни учений нашей Церкви, ни Писаний, ни

силы Божьей, изобрёл для себя вымыслы, которыми непрестанно развращает и других!

16 3. Сейчас я говорю не о тех (prototokoi tou Satana_) *первенцах сатаны* — деистах, арианах или социнианах. Они слишком обесчещены среди нас, чтобы оказать большую услугу делу своего господина. Но что сказать о тех, кого считают столпами нашей Церкви и защитниками нашей веры, а кто на деле предаёт эту Церковь и подрывает самые основания веры, которой она нас учит?

17 4. Но сколько неприязни вызывает попытка это показать! Кто способен вынести тяжесть предубеждения, неизбежно следующего за одним лишь упоминанием такого обвинения против людей со столь прочно установленной репутацией, притом действительно оказавших во многих иных отношениях большие услуги Церкви Божьей? И всё же каждый верный служитель должен сказать: да не будет, чтобы я лицеприятствовал кому-либо! Я не смею давать никому льстивых титулов или щадить тех, кто искажает Евангелие. Иначе мой Создатель вскоре взял бы меня. [101]

18 5. Однако буду по возможности краток в этом пункте и приведу в пример лишь двух или трёх именитых мужей, которые пытались подорвать самое основание нашей Церкви, нападая на её основополагающее учение, в действительности основополагающее учение всех реформированных церквей, — оправдание одною верою.

19 Один из них, занимавший одно из высших положений в нашей Церкви, написал и напечатал до своей смерти несколько проповедей специально для доказательства того, что для оправдания необходима не *одна вера*, но и *добрые дела*. От неприятной задачи цитировать

отдельные места избавляет само их заглавие: «Необходимость возрождения для оправдания», — причём он подробно доказывает, что возрождение включает святость и сердца, и жизни. [Проповеди Тиллотсона, том I.]

[20] 6. Некоторым может показаться странным, что ангел Церкви Божьей — так великий Пастырь именует её надзирателей — и притом столь высоко почитаемый в нашем и во многих других народах, мог хладнокровно и спокойно говорить подобное. Но что он в сравнении с великим епископом Буллом! Кто сможет устоять, если этот выдающийся учёный, христианин и прелат в юности написал и обнародовал, а в зрелые годы защищал следующие положения?

[21] «О человеке говорится (ex ergon dikaioutai), что он *оправдывается делами*, потому что добрые дела суть, по Божественному установлению в евангельском завете, условие, требуемое и необходимое для оправдания человека, то есть для получения им отпущения грехов через Христа». BULLI *Harm. Apost.*, с. 4.

[22] Несколько далее, собираясь привести свидетельства в доказательство этого положения, он говорит: «Первый разряд их составят те, которые говорят о добрых делах в общем смысле как о требуемом и необходимом условии оправдания». Затем следуют некоторые места Писания, после которых он добавляет: «Кто не верит, что в этих местах Писания требуется множество добрых дел, и если человек не совершает их, он совершенно лишён надежды на прощение и отпущение грехов?» — Там же, с. 6.

[23] Приведя ещё некоторые соображения, он добавляет: «Всякий может видеть, что, кроме *веры*, для оправдания

необходимо *покаяние*. Но покаяние — не одно лишь дело, а как бы собрание многих других; ибо оно заключает в себе следующие дела: (1) скорбь о грехе; (2) смирение под рукою Божьей; (3) ненависть к греху; (4) исповедание греха; (5) горячую мольбу о Божественной милости; (6) любовь к Богу; (7) прекращение греха; (8) твёрдое намерение нового послушания; (9) возвращение неправедно приобретённого имущества; (10) прощение ближнему его прегрешений против нас; (11) дела благотворительности, или раздачу милостыни. Насколько всё это способствует получению от Бога отпущения грехов, достаточно ясно из Даниила 4:27, где пророк даёт Навуходоносору, в то время державшемуся своих грехов, такой спасительный совет: „Искупи [Епископ переводит *PRQ — peruk* — согласно Вульгате: *искупи*, или *выкупи*; но прямое и буквальное значение — *прекрати*. А. К.] грехи твои милостынями и беззакония твои милосердием к бедным“». — Там же, с. 10.

[24] 7. Приведём ещё один пункт. Вся литургия Церкви полна прошений о той святости, без которой, как повсюду объявляет Писание, никто не увидит Господа. Все они сведены в тех всеобъемлющих словах, которые мы должны так часто повторять: «Очисти помышления сердец наших вдохновением Твоего Святого Духа, чтобы мы могли совершенно любить Тебя и достойно величать святое имя Твоё». Очевидно, последняя часть этого прошения заключает всю внешнюю святость: её нельзя ни возвести выше, ни выразить сильнее. А слова «очисти помышления сердец наших» содержат отрицательную сторону внутренней святости, вся высота и глубина которой — чистота сердца через вдохновение Божьего Святого Духа. Остальные слова, «чтобы мы могли совершенно любить Тебя», содержат положительную

часть святости, поскольку эта любовь, исполнение закона, заключает в себе все чувствования, которые были во Христе.

[25] 8. Но насколько общее течение писателей и проповедников — пусть меня избавят от неприятной задачи указывать отдельных лиц — согласуется с этим учением? В действительности нисколько. Очень немногих мы найдём, кто просто и горячо его внушает; но очень многих, кто пишет и проповедует так, словно христианская святость, или религия, есть нечто чисто отрицательное; словно не проклинать и не сквернословить, не лгать и не клеветать, не быть пьяницей, вором или блудником, не говорить и не делать зла — уже достаточно религии, чтобы дать человеку право на небо! Как многие, если и идут несколько дальше, описывают её лишь как нечто внешнее, словно она состоит главным образом, если не исключительно, в так называемом делании добра и употреблении средств благодати! А если заходят ещё немного дальше, то что прибавляют к этому бедному описанию религии? Быть может, что человеку следует иметь правоверные мнения и ревность о церковном и государственном устройстве. И это всё: вся религия, которую они могут допустить, не вырождаясь в мечтательство! Столь верно, что вера беса и жизнь язычника составляют то, что большинство людей называет *добрым христианином!*

[26] 9. Но зачем искать дальнейших свидетелей этому? Разве среди присутствующих нет многих того же мнения: полагающих, что добрый нравственный человек и добрый христианин означают одно и то же; что человеку незачем утруждать себя чем-нибудь ещё, если он исполняет столько христианства, сколько было написано над

воротами языческого императора: «Поступай так, как желал бы, чтобы поступали с тобою», — особенно если он не неверующий и не еретик, но верит, что всё сказанное Библией и Церковью истинно?

27 10. Я не желал бы быть понятым так, словно презираю эти вещи, недооцениваю правильные мнения, истинную нравственность или ревностное уважение к устройству, полученному от наших отцов. Но что такое эти вещи сами по себе? Какую пользу принесут они нам в тот день? Что пользы будет сказать Судии всех: «Господи, я не был таким, как другие люди: не был несправедливым, прелюбодеем, лжецом, безнравственным человеком»? Более того, что пользы, если мы не только не причинили вреда, но сделали всякое добро, раздали всё имущество на пропитание бедным, а любви не имеем? Как посмотрим мы тогда на тех, кто учил нас спать и почивать, хотя «любви Отчей не было в нас»; или кто, научая искать спасения делами, лишил нас возможности даром принять ту веру, через которую одну любовь Божья могла излиться в наши сердца?

28 Именно этим несчастным исказителям Евангелия Христова и яду, который они распространили, преимущественно обязано своим возникновением

29 II. Во-вторых, то всеобщее растление в делах, как и в учении. Едва ли можно найти — о, не рассказывайте в Гефе, не возвещайте на улицах Аскалона! — ни вида благочестия, ни силы его! Так «сделалась блудницею верная столица»!

30 1. Со скорбью сердца, а не с радостью говорю я, что среди нас едва виден даже вид благочестия. Все мы, правда, призваны быть святыми, и само имя христиан

означает не меньше. Но у кого есть хотя бы внешность святого? Возьмите любого встречного, второго, третьего, четвёртого или двадцатого. Ни у одного из них нет даже вида святого, как нет вида ангела. Посмотрите на его взгляд, осанку, жесты! Дышат ли они одним Богом? Свидетельствуют ли о храме Святого Духа? Понаблюдайте за его поведением не один час, но день за днём. Можете ли вы заключить из какого-нибудь внешнего признака, что Бог обитает в его сердце, что это вечный дух, идущий к Богу? Пришло ли бы вам в голову, что за эту душу пролита кровь Христова и приобретено ей вечное спасение, а Бог теперь ожидает, пока это спасение будет совершено со страхом и трепетом?

31 2. Если скажут: «Но что значит вид благочестия?» — мы охотно ответим: сам по себе — ничего. Но отсутствие этого вида значит многое. Оно безошибочно доказывает отсутствие силы. Ибо хотя вид может быть без силы, сила не может быть без вида. Внешняя религия может существовать там, где нет внутренней; но если её нет снаружи, её не может быть внутри.

32 3. Но могут сказать: «Во всех наших колледжах есть общественные молитвы и утром, и вечером». Верно; и хотелось бы, чтобы все их члены, особенно старшие, известные и уважаемые, постоянным присутствием показывали, насколько сознают эту неоценимую привилегию. Но у всех ли присутствующих есть вид благочестия? Прежде чем начнутся эти торжественные обращения к Богу, показывает ли поведение всех собравшихся, что они знают, перед Кем стоят? Какое впечатление, по-видимому, остаётся в их умах по окончании этих святых служб? И даже во время их совершения можно ли разумно заключить из общего

внешнего поведения, что сердца их усердно устремлены к Тому, Кто стоит посреди них? Очень боюсь, что, если бы язычник, не понимающий нашего языка, вошёл в одно из таких собраний, он меньше всего заподозрил бы, что мы изливаем сердца перед Величеством неба и земли. Что же нам сказать, если действительно «Бог поругаем не бывает», кроме того, что «посеет человек, то и пожнёт»?

33 4. «Однако по воскресеньям, — говорят некоторые, — нельзя отрицать, что у нас есть вид благочестия: кроме утренней и вечерней службы, у нас произносятся проповеди и утром, и после полудня». Но сохраняем ли мы святость остальной части субботнего дня? Нет ли тогда ненужных посещений? Нет ли пустословия и праздных разговоров? Ни вы сами не делаете ли в этот день ненужной работы, ни другим, над кем имеете какую-либо власть, не позволяете ли нарушать здесь законы Божьи и человеческие? Если позволяете, даже в этом вам нечем хвалиться: и здесь вы виновны пред Богом.

34 5. Но если один день в неделю у нас есть вид благочестия, нет ли в другие дни чего-то совершенно ему противоположного? Не лучшие ли часы нашего общения уходят на пустые разговоры и шутовство, которые неприличны? Более того, быть может, и на распутные речи, которых скромные уши не могли бы слушать? Не многие ли среди нас едят и пьют с пьяницами? И если так, то что удивительного, что наше нечестие также восходит до небес, а клятвы и проклятия — до ушей Господа Саваофа?

35 6. И даже часы, отведённые учению, посвящаются ли обычно лучшей цели? Не тогда, когда они употребляются, как слишком часто бывает, на чтение пьес, романов или

праздных историй, которые естественно усиливают врождённое растление и раскаляют печь нечистых желаний в семь раз сильнее прежнего. Насколько немногим лучше трудолюбивая праздность тех, кто день за днём проводит в играх или развлечениях, низко растрачивая время, ценности которого не узнает, пока не пройдёт через него в вечность!

[36] 7. Неужели вы, именуемые нравственными людьми, не знаете даже того, что всякая праздность безнравственна; что нет более грубой нечестности, чем леность; что всякий добровольный неуч — плут? Он обманывает своих благодетелей, родителей и мир, обкрадывает и Бога, и собственную душу. И всё же как много таких среди нас! Сколько ленивых трутней, словно только *fruges consumere nati!* — «рождённых поедать плоды земли». Сколько людей обязаны своим невежеством не неспособности, а одной лишь лени! Как немногие — пусть не покажется нескромным, что даже такой человек, как я, касается этого чувствительного места, — из огромного числа тех, кто имеет такую возможность, являются истинно учёными! Не говоря о других восточных языках, о ком можно сказать, что он понимает древнееврейский? Не мог ли бы я сказать: даже греческий? Немного Гомера или Ксенофонта мы ещё, быть может, помним; но как немногие способны свободно прочесть или понять хотя бы страницу Климента Александрийского, Златоуста или Ефрема Сирина! А что до философии — не упоминая математики или более трудных её отраслей, — как немногие, по нашему наблюдению, заложили основание, владеют хотя бы логикой, вполне понимают хотя бы правила построения силлогизмов, само учение о модусах и фигурах! О, что столь же редко, как учёность, кроме религии!

37 8. И действительно, учёность редко встретится без религии, ибо, как показывает опыт, земные соображения весьма редко оказываются достаточными, чтобы провести человека через труд, необходимый для настоящего учёного. Можно ли тогда скрыть, что слишком часто недостаток обнаруживается у тех, кому вверено попечение о юношестве? Достаточно ли обдумывается торжественное предписание — Устав, с. 7: «Пусть наставник усердно учит порученных ему учеников строгой нравственности, особенно первоначалам религии и положениям вероучения»?

38 И трудятся ли те, кому поручена эта важная обязанность, усердно над тем, чтобы положить это доброе основание; своими лекциями утвердить истинные начала религии в умах вверенного им юношества; рекомендовать её исполнение сильным и привлекательным влиянием собственного примера; подкреплять это частыми личными советами, горячо и настойчиво внушаемыми; наблюдать успехи и внимательно исследовать поведение каждого? Одним словом, бодрствуют ли они над душами, как обязанные дать отчёт?

39 9. Позвольте мне, раз уж я начал говорить об этом, пойти немного дальше. Достаточно ли заботятся о том, чтобы они знали и соблюдали уставы, которые все мы обязались исполнять? Как же получается, что каждый день они столь явно нарушаются? Приведу лишь несколько примеров.

40 Относительно богослужений и проповеди установлено: «ВСЕ должны присутствовать на общественном богослужении; выпускники и учащиеся должны приходить вовремя и оставаться до полного окончания, с должным благоговением от начала до конца» (с. 181).

[41] Установлено: «Учащиеся всякого звания должны воздерживаться от всех видов игры, где состязаются за деньги, каковы карты, кости и шары; также не должны они присутствовать при публичных играх такого рода» (с. 157).

[42] Установлено: «Все, кроме сыновей знатных особ, должны приучить себя к чёрной или тёмной одежде и держаться как можно дальше от пышности и расточительности» (с. 157).

[43] Установлено: «Учащиеся всякого звания должны воздерживаться от посещения пивных, постоялых дворов, таверн и всякого места в пределах города, где обычно продают вино или какие-либо иные напитки» (с. 164).

[44] 10. Быть может, возразят: «Это всего лишь мелочи». Нет, клятвопреступление — не мелочь, а следовательно, и умышленное нарушение любого правила, которое мы торжественно поклялись соблюдать. Несомненно, говорящие так забыли слова: «Ты обещаешь верностью соблюдать все уставы этого университета. Да помогут тебе Бог и святые богодухновенные Евангелия Христовы!» (с. 229).

[45] 11. Но достаточно ли обдумывают принимающие эту клятву её смысл или смысл других клятв, предписанных государственной властью? Не обращаются ли обычно с этим торжественным актом религии, призыванием Бога во свидетели над нашими душами, как с пустяком? Особенно те, кто клянётся живым Богом, что «ни просьбы, ни награда, ни ненависть, ни дружба, ни надежда, ни страх не побуждают их давать свидетельство о каком-либо недостойном лице» (с. 88); и те, кто клянётся: «Я знаю, что этот человек достоин и пригоден

по нравам и знаниям к той высокой степени, к которой его представляют» (с. 114).

[46] 12. Ещё одно. Все мы засвидетельствовали пред Богом, «что все и каждая из Статей нашей Церкви, а также Книга общих молитв и чины рукоположения епископов, священников и диаконов согласны со словом Божьим». Поступая так, мы засвидетельствовали также, «что и Первая, и Вторая книга Гомилий содержат благочестивое и здравое учение». Но на каком основании многие из нас это объявили? Не утверждали ли мы того, чего не знаем? Если так, какими бы истинными эти положения ни оказались, мы — ложные свидетели пред Богом. Употребляло ли большинство из нас когда-либо какие-нибудь средства, чтобы узнать, так ли это? Размышляли ли мы когда-либо серьёзно хотя бы один час над Статьями, под которыми подписались? Если нет, как постыдно мы уклоняемся от намерения самих составителей, составивших их, «чтобы устранить различие мнений и установить единодушие в истинной религии»!

[47] 13. Прочла ли хотя бы половина из нас Книгу общих молитв и чины рукоположения епископов, священников и диаконов? Если нет, что же мы столь торжественно подтвердили? Говоря прямо, мы не можем сказать. А что до двух книг Гомилий, хорошо, если десятая часть подписавшихся под ними — не скажу, обдумала их прежде этого, — хотя бы прочла их до сего дня! Увы, братья мои! Как согласуем мы всё это даже с обыкновенной честностью, с простой языческой нравственностью? Столь далеки совершающие это, а возможно, ещё и защищающие, даже от вида христианского благочестия!

[48] 14. Но, оставив всё это, где сила? Кто её живые свидетели? Кто среди нас — да засвидетельствует Бог нашим сердцам — на опыте знает силу внутренней святости? Кто ощущает в себе действие Духа Христова, возводящего ум к высокому и небесному? Кто может засвидетельствовать: «Помышления сердца моего Бог очистил вдохновением Своего Святого Духа»? Кто знает «мир Божий, превосходящий всякое разумение»? Кто «радуется радостью неизреченною и преславною»? Чьи «стремления обращены к горнему, а не к земному»? Чья «жизнь сокрыта со Христом в Боге»? Кто может сказать: «Я сораспялся Христу; и всё же живу, но уже не я, а живёт во мне Христос; а что ныне живу в теле, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня»? В чьё сердце «любовь Божия излита Духом Святым, данным ему»?

[49] 15. Не утрачено ли почти само понятие об этой религии? Не господствует ли грубое, всеобщее неведение о ней? Более того, не презирают ли её совершенно? Не отвергают ли целиком и не попирают ли ногами? Если бы кто-нибудь засвидетельствовал об этом пред Богом, не сочли бы его безумцем, мечтателем? Не кажусь ли и я вам варваром, говоря так? Братья мои, сердце моё обливается кровью за вас. О, если бы вы наконец признали и поняли, что это слова истины и здравомыслия! О, если бы вы хотя в этот ваш день узнали то, что служит к вашему миру!

[50] 16. Сегодня я был вестником тяжёлых известий. Но любовь Христова побуждает меня; и для меня это было тем менее прискорбно, что для вас — безопасно. Я не желаю обвинять детей моего народа. Потому и не говорю так в уши сидящих на стене, но вам стараюсь сказать истину в любви, как верный служитель Иисуса Христа. И

теперь могу «засвидетельствовать вам в сей день, что я чист от крови всех, ибо не упускал возвещать вам всю волю Божию».

51 17. Да утвердит Бог всякой благодати, долготерпеливый, нежно милосердный и сожалеющий о бедствии, эти истины в ваших сердцах и да оросит небесной росою посеянное Им семя! Да исправит Он всё, что видит в нас неправильного! Да восполнит всё недостающее! Да усовершит то, что согласно Его воле, и так да утвердит, укрепит и укоренит нас, чтобы это место вновь стало верным городом своему Господу, более того, хвалою всей земли!

О скорби об умерших

[1] Произнесено в Эпворте 11 января 1726 года на погребении Джона Гриффита, молодого человека, подававшего большие надежды.

[2] «А теперь он умер; зачем же мне поститься? Разве могу я возвратить его? Я пойду к нему, а он не возвратится ко мне».

[3] 2 Цар. 12:23.

[4] В этих немногих, но сильных словах заключено решение мудрого и доброго человека, который лишь вновь обрёл власть разума и добродетели после той душевной горечи, какую вкусил, с часу на час ожидая смерти любимого сына. Пока ребёнок был жив, он постился и плакал, всю ночь лежал на земле и отказывался не только от утешения, но даже от необходимой пищи, надеясь, что Бог и здесь, как в других случаях, явит милость и отменит произнесённый Им справедливый приговор. Когда же приговор исполнился и ребёнок умер, он встал и переменил одежды; прежде он воздал поклонение своему великому Владыке, несомненно признавая милосердие Его строгости и с благодарностью и смирением сознавая свой долг перед Ним за то, что Его тяжкая рука наказала его, но не погубила. Затем он вошёл в свой дом и держался с обычным спокойствием и бодростью. Причину этой странной перемены в своём поведении — странной для тех, кто не знал, какими началами он руководствуется, — он объясняет здесь весьма кратко, но с удивительной красотой языка, силой мысли и выразительностью: «А теперь он умер; зачем же мне

поститься? Разве могу я возвратить его? Я пойду к нему, а он не возвратится ко мне».

5 «К чему, — говорит смирившийся скорбящий, — мне поститься теперь, когда ребёнок умер? Зачем прибавлять горе к горю, добровольно увеличивая уже постигшее меня страдание? Разве это не одинаково бесполезно и ему, и мне? Есть ли у моих слёз и жалоб сила вновь поселить его душу в её разрушенном и покинутом жилище? Да и пожелал ли бы он, даже если бы мог это сделать, сменить счастливые обители, которыми теперь владеет, на эту страну забот, боли и бедствий? О тщетная мысль! Никогда он не сможет, никогда не захочет возвратиться ко мне. Пусть же моим утешением, постоянным утешением, когда скорбь тяжело давит на меня, будет то, что я скоро, очень скоро пойду к нему! Что я скоро пробужусь от этого утомительного сна жизни, которому вскоре настанет конец; и тогда буду смотреть на него, тогда снова увижу его — увижу с той совершенной любовью, с той искренней и возвышенной нежностью, которая здесь неведома даже родительскому сердцу! Когда Господь Бог отрёт все слёзы с моих глаз, и даже наименьшей частью моего счастья будет то, что печаль разлуки исчезнет!» [102]

6 Бесплодность и дурные последствия, греховность чрезмерной скорби об умерших легко вывести из первой части этого размышления; в последней же мы находим самые сильные побуждения бороться с нею — лекарство, в точности соответствующее болезни, — мысль, которая при должном применении непременно либо предупредит эту скорбь, либо избавит нас от этого подлинного несчастья.

7 Скорбь вообще порождает столько зла и приносит человечеству так мало добра, что можно по

справедливости удивляться, как она нашла место в нашей природе. В действительности её создал сам человек, а не Бог, Который может попускать зло, но никогда не был его создателем. Один и тот же час породил скорбь и грех, как один и тот же миг избавит нас от обоих. Ибо ни того, ни другого не было прежде повреждения человеческой природы; и ни то, ни другое не останется, когда она будет восстановлена в своём первоначальном совершенстве.

8 Правда, при нынешнем положении вещей премудрое Существо, умеющее извлекать добро из зла, указало нам один способ обратить эту всеобщую немощь в великое содействие нашей добродетели и счастью. Даже о скорби, если она ведёт нас к покаянию и происходит от серьёзного сознания наших проступков, не следует сожалеть: ибо сеющие так со слезами пожнут с радостью. Если мы ограничим её этим единственным случаем, она не повредит нашему несовершенному разуму, но окажет ему большую помощь: ведь боль, телесная или душевная, действует быстрее размышления и глубже запечатлевает в памяти всякое обстоятельство, которому сопутствует.

9 Из самой природы скорби — душевного беспокойства при сознании какого-либо наличного зла — видно, что её возникновение в нас по всякому иному поводу, кроме греха, целиком объясняется недостатком рассудительности. Разве те события, которые на человеческом языке именуются несчастьями, — бесчестие, бедность, утрата жизни или даже друзей, — действительно являются злом? Напротив: если мы осмелимся поверить нашему Творцу, они нередко оказываются настоящими благословениями. Все они содействуют нашему благу. Поэтому Господь повелевает нам, даже когда нас постигает самая тяжёлая потеря —

потеря доброго имени, — если это случается за доброе дело, а в противном случае вина непременно лежит на нас самих, «радоваться и веселиться».

10 Но полную нелепость почти всякой нашей скорби, кроме скорби о собственных недостатках, доказывает то, что её причина всегда уже миновала прежде, чем она началась. Вернуть совершившееся совершенно невозможно; это лежит за пределами даже самого всемогущества. Пусть те, кто любит несчастье, если такие найдутся, предают свой ум этому бесплодному беспокойству. Желающие счастья остерегутся питать страсть, которая и сама по себе нежелательна, и не служит никакой доброй цели ни в настоящем, ни в будущем.

11 Если среди проявлений этой бесплодной страсти одно особенно бесполезно в сравнении с прочими, то это скорбь об умерших. Мы разрушаем здоровье тела и ослабляем силы ума, ничего не получая взамен этих бесценных благ; отказываемся от нынешнего блага без всякой надежды на будущее, без какой-либо вероятности возвратить умерших сюда или принести им пользу там, где они находятся.

12 Если это весьма сомнительное доказательство нашей мудрости, то ещё худшее доказательство нашей любви к умершим. Роптать на чужое счастье, плакать потому, что с чужих глаз отёрты все слёзы, — свойство зависти, а не любви. Неужели нас, называющих себя его друзьями, должно тревожить то, что усталый странник наконец достиг желанного дома? Нет, лучше будем плакать о себе, ещё не достигших этого счастья, — о нас, которым этот покой виден пока лишь вдали.

13 Благ и милостив наш Бог: зная, что в человеке, зная, что *страсть*, победив разум, всегда принимает его облик, Он, чтобы мы не обманулись этой видимостью, подкрепляет естественные веления нашего разумения властью Своих непогрешимых заповедей. Страсть могла бы настолько омрачить суждение, что чрезмерная скорбь при расставании с любимым существом показалась бы разумной; но Откровение говорит нам, что все события жизни следует переносить с терпением и умеренностью — иначе мы сами возлагаем на свою душу более тяжёлое бремя, чем внешние обстоятельства могли бы возложить без нашего участия; со смирением — ибо от оскорблённого правосудия Божия мы вполне могли бы ожидать гораздо более тяжёлого наказания; и с покорностью — ибо знаем, что всё происходящее служит нашему благу. А если бы даже это было не так, мы не в силах бороться с Тем, Кто сильнее нас, и потому не должны раздражать Его.

14 Против этого порока, несовместимого с названными добродетелями и потому уже молчаливо запрещённого заповедями, которые их предписывают, святой Павел предостерегает нас прямо: «Не хочу оставить вас, братья, в неведении об усопших, чтобы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды. Ибо если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и усопших в Иисусе Бог приведёт с Ним. — Итак, утешайте друг друга этими словами» (1 Фес. 4:13, 14, 18). И действительно, лишь эти слова могут дать прочное утешение душе, раненной такой утратой. Зачем мне быть настолько неразумным и нелюбящим, чтобы желать возвращения души, ныне пребывающей в блаженстве, ко мне — в это жилище греха и бедствий, — когда я знаю, что придёт время, и оно уже

близко, когда, несмотря на великую пропасть между нами, я сброшу эти цепи и пойду к нему?

15 Каким он был, я не способен изобразить достойными красками и не желаю пытаться. Хотя главное или, по крайней мере, самое обычное оправдание тех тщательно составленных похвальных речей об умерших, которые столько лет столь распространены у нас, состоит в том, что здесь якобы невозможно заподозрить лесть, все мы знаем: в подобных случаях кафедру так часто отдавали на служение этим раболепным целям, что теперь она уже не способна им служить. Люди принимают как само собой разумеющееся, что произносимое там — лишь общепринятые слова; что задача оратора — показать красоту портрета, а не его сходство с оригиналом, и лишь бы портрет был хорошо написан, ему всё равно, на кого он похож. Словом, что его дело — показать собственное остроумие, а не великодушие друга, приписав ему все добродетели, какие только придут на ум.

16 Именно этой цели такие несвоевременные похвалы, несомненно, служат; какая ещё от них польза, сказать трудно. Прославление поступков умершего ничем не помогает ему: ведь он уже имеет одобрение Бога и Его святых ангелов, а также собственной совести. И живым от этого очень мало пользы: тот, кто ищет образец для подражания, найдёт достаточно таких образцов в Священном Писании. Что же! Неужели для его наставления кто-то должен воскреснуть из мёртвых, когда Моисей, пророки и благословенный Иисус всё ещё предстают его взору на этих вечных скрижалях? Несомненно, тот, кто не хочет подражать им, не обратился бы, даже если бы кто-нибудь действительно воскрес из мёртвых.

17 Пусть будет достаточно того, что я исполню свой последний долг перед ним — витает ли он ныне над этими нижними пределами или уже удалился в обители вечной славы, — сказав немногими простыми словами, какими говорил он сам и какие всегда были ему по душе: для родителей он был любящим и послушным сыном; для знакомых — прямодушным, весёлым и добросердечным товарищем; а для меня — испытанным, искренним другом.

18 При такой потере, если рассматривать её без смягчающих обстоятельств, кто осудит того, кто прольёт слезу? Нежное умиление сердца, тающего от любви при воспоминании о многих счастливых мгновениях, которые теперь улетели безвозвратно, даёт право на некоторую меру скорби. Да и человеческая немощь не позволит даже обычному знакомому проститься с ними в последний раз без неё. Кто же тогда может понять, тем более описать сильное волнение и сокровенные движения души, какие испытывает в подобном случае родитель? Конечно, никто, кроме тех, кто сам является родителем, — разве лишь те немногие, кто испытал силу дружбы, теснее, нежнее и крепче которой человеческая природа по эту сторону могилы не знает никаких уз!

19 Когда разрываются эти священные узы, мы вправе, никого не обвиняя, допустить некоторую боль разлуки; но трудно положить ей конец столь скоро, как повелевают разум и вера. Что может достаточно утешить нас после разрыва, оставившего в груди такую мучительную пустоту? Что же, если не уже упомянутая мысль, которую невозможно повторять слишком часто: мы и сами спешим к нему; пройдут лишь немногие годы, быть может, часы, которые скоро минуют, — и удовлетворится не только это

желание, но и все прочие, когда яркую тень удовольствия, которым мы наслаждались, мы обменяем на подлинное, существенное, непреходящее счастье?

20 Если эта мысль прочно запечатлена в нашем уме, то, как замечает Соломон, гораздо лучше идти в дом плача, чем в дом пира. Один обволакивает душу, обезоруживает нашу решимость и делает нас открытыми для нападения; другой предостерегает нас, побуждает собраться с разумом и быть настороже, внушает ту благородную стойкость и серьёзность нрава, которую не в силах поколебать обычный удар. Такие зрелища естественно побуждают нас принять к сердцу, что следующий призыв может быть обращён к нам самим; и поскольку смерть есть конец всех людей без исключения, живым давно пора принять это к сердцу.

21 Если же мы когда-либо рискуем поддаться унынию оттого, что слишком долго останавливаемся на мрачной стороне этой картины, причиняя себе боль, делая себя неспособными исполнять жизненные обязанности и служение, ослабляя телесные или душевные силы, — а подобное поведение, как уже показано, и нелепо, и бесполезно, и греховно, — тотчас обратимся к светлой стороне. С благодарностью и смирением поразмыслим о том, что наше время проходит как тень; что, пробудившись от этого мгновенного сна, мы яснее увидим тот последний день, когда наш Искупитель восстанет на земле; когда это тленное облечётся в нетление и это смертное будет облечено в бессмертие; и когда вместе с соединёнными хорами людей и ангелов мы воспоём: «Смерть! где твоё жало? Могила! где твоя победа?»

Об искажении слова Божия

[1] Произнесено около 1728 года.

[2] «Ибо мы не таковы, как многие, которые искажают слово Божие; но говорим искренне, как от Бога, пред Богом, во Христе».

[3] 2 Кор. 2:17.

[4] Многие замечали, что ничто так не способствует успеху проповедника у слушателей, как общее убеждение в его искренности. Ничто не придаёт ему большей убедительности; ничто не вызывает в слушателях ни большего внимания, ни большей готовности к исправлению. Когда они действительно верят, что, говоря, он не преследует никакой иной цели, кроме той, которую открыто ставит перед ними, и что он желает показать им все шаги, предпринимаемые ради её достижения, это непременно даёт им веское основание предполагать, что и цель его добра, и способ, каким он к ней стремится, также добр.

[5] Но вопрос в том, как внушить им это убеждение. Как заставить их заметить нашу искренность, если сами они не обращают на неё внимания? Один хороший способ, сколь бы обычным он ни был, — откровенно и открыто заявить о ней. В таких признаниях, когда они исходят от сердца, есть нечто, властно проникающее в чужие сердца. Слышащие их люди, в которых есть хоть какое-то великодушие, чувствуют себя почти вынужденными им верить; и даже неверующие им по благоразумию обязаны не обнаруживать своего недоверия, ибо известно правило:

чем человек честнее, тем менее он склонен подозревать другого. Следствие ясно: всякий, кто без доказательств подозревает ближнего в неискренности, даёт веское основание думать, что судит о *его* сердце по лживости собственного.

6 Разве не возникло бы у любого человека искушение усомниться в честности того, кто без доказательств подозревал в её отсутствии другого, открыто и прямо объявившего, какими началами он руководствуется? Несомненно, лишь тот, кто сам искажает слово Божие или желает его искажения, мог бы легкомысленно подозревать в этом святого Павла или кого-либо, кто вслед за ним повторяет его великодушное признание: «Ибо мы не таковы, как многие, которые искажают слово Божие; но говорим искренне, как от Бога, пред Богом, во Христе».

7 Не потому, что апостол, как и следующие за ним проповедники Евангелия, желает, чтобы слушатели вполне полагались на его слова: впоследствии он обращается к своим поступкам, чтобы подтвердить их. И тем, кто может подражать ему в этом, незачем упрашивать людей поверить в их искренность. Если и дела, и слова наши несут её печать, то вместе они будут говорить столь громко и ясно, что всякий непредубеждённый человек непременно поймёт: мы говорим во Христе искренне и, делая это, сознаём, что стоим пред Богом, Чьё поручение исполняем.

8 Те, кого апостол обвиняет в противоположном — в искажении слова Божия, — по-видимому, были иудеями, которые признавали Иисуса Христом и Его Евангелие божественным, но всё же портили его, примешивая к нему закон Моисеев и собственные предания. При этом

главной их целью было извлекать выгоду из Христа, что, следовательно, вынуждало их скрывать и поставленную цель, и средства её достижения. Напротив, намеревающиеся принести благо человечеству нисколько не заинтересованы скрывать свои намерения. Если пользу от нашей речи мы предназначаем себе, нам часто выгодно утаить это. Если же пользу мы предназначаем другим, нам всегда выгодно объявить об этом открыто; и в наших собственных интересах, как и в интересах других, обнародовать те отличительные признаки, по которым можно ясно узнать, кто искажает слово Божие, а кто проповедует его искренне.

9 Первый и главный признак того, кто искажает слово Божие, — внесение в него человеческих примесей: чужих заблуждений или вымыслов собственного ума. Делать это — значит искажать его в высшей степени, смешивать речения Божии с нечистыми бреднями, которым место лишь в устах дьявола! Между тем это делалось так часто, что едва ли когда-нибудь было придумано или принято ложное мнение, для защиты которого не приводили бы Писания. А когда обман становился слишком явным и приводимый текст слишком очевидно либо противоречил этому мнению, либо вовсе не относился к делу, обычно прибегали ко второму способу искажения — примешивали ложные толкования. Иногда это делается посредством неверного повторения слов, а иногда слова повторяются верно, но им придают неверный смысл: натянутый и неестественный или чуждый намерению писателя в том месте, откуда они взяты; быть может, противоречащий либо его намерению в этом самом месте, либо сказанному им в другой части его сочинений. Добиться этого нетрудно: любой отрывок легко извратить, цитируя его отдельно, без предшествующих и

последующих стихов. Таким образом он часто может казаться имеющим один смысл, тогда как внимание к тому, что стоит до него и после него, ясно показывает, что в действительности смысл прямо противоположен. Не замечая этого, неосторожные души могут колебаться от всякого ветра учения, когда попадают в руки людей, в которых достаточно нечестия и хитрости, чтобы таким образом портить свою проповедь и время от времени добавлять правдоподобное пояснение, помогающее легче её проглотить.

10 Третий род людей, искажающих слово Божие, хотя и в меньшей степени, чем оба предыдущих, составляют те, кто делает это не прибавлением, а отнятием; кто отнимает его дух или содержание, стараясь пророчествовать лишь приятное и потому смягчая и приукрашивая проповедь, чтобы приспособить её ко вкусу слушателей. Чтобы лучше добиться этого, они обычно опускают те части, которые не поддаются приукрашиванию. Они умывают руки перед упрямыми текстами, не желающими гнуться под их замысел или слишком явно задевающими пороки, господствующие там, где они находятся. Их заменяют более мягкими и податливыми местами, не столь способными вызвать обиду. Нельзя сказать ни слова о скорби и тесноте, которыми угрожают грешникам вообще; тем менее — о неугасимом огне, который, если Бог истинен, ожидает за некоторые из тех отдельных преступлений, что оказались у них на виду. Тому, кто старается заслужить людское расположение, опасно касаться этих чувствительных мест; если же и касаться, то с крайней осторожностью и держа наготове тонкую уловку. Зато можно без опасения громить тех, кто вне досягаемости, и те грехи, в которых, как предполагается, никто из слушающих не виновен.

Никто не принимает близко к сердцу разоблачение поступков, к которым сам непричастен. Но когда удар попадает в цель, касается собственного положения человека, тогда, если тот не обличён в совести, он недоволен, сердится и выходит из терпения.

11 Таковы способы тех исказителей слова, которые действуют пред людьми, а не пред Богом. Он испытывает сердца и не примет служения, в котором участвуют одни уста. Но их слова никак не связаны с их мыслями. Да им и невыгодно, чтобы такая связь существовала: ведь если бы однажды обнаружилось их подлинное намерение, оно само лишило бы себя успеха. Они действительно намерены принести благо посредством Евангелия Христова, но себе, а не другим. Напротив, искренние в проповеди Евангелия ищут собственного блага в благе других. А что они искренни и говорят как уполномоченные посланники, пред лицом Того, Чьё поручение несут, ясно видно из прямой противоположности между их поведением и поведением описанных выше притворщиков.

12 Во-первых, заметьте: они проповедуют не собственное слово, а слово Пославшего их. Проповедуют его подлинным и без примеси. Поскольку они не только исповедуют, но действительно веруют, что «если кто прибавит к слову Божию, Бог наложит на него все язвы, о которых написано в нём», они боятся сделать это даже в самом малом. От них вы получаете Евангелие, пусть изложенное менее изящно, но верно и таким, каково оно есть: без примеси заблуждений, которые осквернили бы его, и без ложных толкований, которые его затемнили бы. Оно объясняется самым естественным и очевидным образом, посредством того, что предшествует

рассматриваемому месту и следует за ним; поясняется самым надёжным способом, наименее подверженным ошибке или искажению, — приведением параллельных мест, яснее выражающих ту же мысль.

13 Далее, они столь же осторожны в отнятии от проповедуемого слова, как и в прибавлении к нему. Помня, пред Чьим лицом стоят, они не смеют сказать ни меньше, ни больше того, что Он им поручил. При подходящих обстоятельствах они обязаны возвещать всё, что содержится в речениях Божиих; приятно ли это или нет — не имеет значения, поскольку оно несомненно истинно и вместе с тем полезно: «Ибо всё Писание богодухновенно и полезно для учения, или для обличения, или для исправления, или для наставления в праведности», — чтобы научить нас, во что веровать и как поступать, либо убедить в заблуждении и исправить порок. Они знают, что в нём нет ничего лишнего ни для веры, ни для поведения, и потому проповедуют все его части, хотя чаще и подробнее те, в которых особенно нуждаются там, где они находятся. Они вовсе не уклоняются от обличения какого-либо порока потому, что он моден и почитаем в месте, назначенном им Провидением; напротив, именно поэтому они ещё ревностнее свидетельствуют против него. Они вовсе не воздерживаются от защиты какой-либо добродетели потому, что она немодна и не в чести там, куда они поставлены; напротив, именно поэтому они ещё настойчивее её рекомендуют.

14 Наконец, говорящие искренне, словно пред лицом Пославшего их, показывают это самой манерой речи. Они говорят прямо и смело и не заботятся о том, чтобы смягчить своё учение и приспособить его к людским

вкусам. Они стремятся всегда представлять его в истинном свете, приятен этот свет или нет. Они не захотят, не посмеют смягчить угрозу так, чтобы ослабить её силу, или изобразить грех столь мягкими красками, чтобы убавить присущую ему черноту. Не потому, что они не предпочитают кротость, когда та обещает быть действенной. Хотя они знают «страх Господень», они предпочитают «убеждать людей». Этим способом они пользуются — и любят пользоваться — с теми, кто способен поддаться убеждению. С теми же, кто не способен, они обязаны, если хотят остаться верными, поступить строже. Пусть хулители сами позаботятся о последствиях: проповедникам это не повредит. Пусть слушатели приспосабливаются к слову; слово не должно в этом смысле приспосабливаться к слушателям. Проповедник его был бы одинаково виновен и в раболепной угодливости, с одной стороны, и в непреклонной суровости — с другой.

15 Итак, если мы говорили слово Божие, подлинное, ничем не смешанное слово Божие, и только его; если не придавали ему неестественного толкования, но понимали известные выражения в их обычном, очевидном смысле, а менее известные объясняли Писанием из Писания; если по мере представления случая говорили всё слово, хотя преимущественно те его части, которые казались наиболее подходящими, чтобы обуздать какой-либо модный порок или поощрить какую-либо немодную добродетель; и если делали это прямо и смело, но со всей кротостью и мягкостью, какие допускает природа предмета, — тогда верьте нашим делам, если не словам; а лучше верьте и тем и другим вместе. Вот всё, что может сделать проповедник, всё свидетельство о доброте своих намерений, какое он способен и обязан дать. Нет иного

способа показать, что он говорит искренне, по поручению Господа и пред Его лицом. Если же и после всего этого кто-нибудь не поверит, что мы трудимся ради его блага, а не ради собственного; что главное наше намерение в речи — указать ему путь к счастью и увести его с широкой дороги к бедствию, — мы чисты от крови этого человека: она остаётся на его голове. Ибо так говорит Господь, поставивший нас стражами над душами наших соотечественников и братьев: «Если ты предостережёшь нечестивого о пути его, чтобы он обратился от него», — тем более если мы употребим все возможные способы убедить его, что предостережение исходит от Бога, — «а он не обратится от пути своего», — чего он, несомненно, не сделает, если не поверит в нашу серьёзность, — «то он умрёт в беззаконии своём, а ты спас свою душу».

О воскресении мёртвых

[1] Написано в 1732 году [103]

[2] [Первоначально эта проповедь была написана Бенджамином Калами, доктором богословия, викарием церкви Святого Лаврентия в Джуэри, Лондон. Она помещена на с. 275 тома проповедей, носящего его имя и опубликованного в 1704 году; здесь приводится в сокращении и переработке мистера Уэсли. — Ред.]

[3] «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мёртвые? И в каком теле придут?»

[4] 1 Коринфянам 15:35.

[5] Апостол, в начале этой главы твёрдо установив истину воскресения нашего Спасителя, добавляет: «Если же о Христе проповедуется, что Он воскрес из мёртвых, то как некоторые из вас говорят, что нет воскресения мёртвых?» Теперь вам уже не может казаться невозможным, чтобы Бог воскрешал мёртвых, поскольку вы имеете столь ясный пример в нашем Господе, Который был мёртв и жив; та же сила, которая воскресила Христа, должна быть способна оживотворить и наши смертные тела.

[6] «Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мёртвые? И в каком теле придут?» Как это может быть? Как возможно, чтобы вновь воскресли и соединились каждое со своей душою те тела, которые многие тысячи лет назад были либо погребены в земле, либо поглощены морем, либо пожраны огнём; которые истлели в тончайшую пыль, а пыль рассеялась по лицу земли, разлетелась так далеко, как широко небо; более того, претерпела десять тысяч

изменений, удобрила землю, стала пищей других существ, а те, в свою очередь, — пищей других людей? Как возможно, чтобы все мельчайшие частицы, составлявшие тело Авраама, вновь соединились и, не смешавшись с прахом других тел, заняли прежний порядок и положение, составив то самое тело, которое душа его оставила при смерти? Правда, Иезекииль в видении был поставлен в долине, полной сухих костей, «и услышал шум, и вот движение, и стали сближаться кости, кость с костью своею; жилы и плоть явились на них, и кожа покрыла их сверху, и вошёл в них дух, и они ожили и стали на ноги свои». Это могло быть в видении. Но чтобы всё это и гораздо большее со временем произошло в действительности; чтобы наши кости, рассыпавшись в прах, действительно стали живыми людьми; чтобы все мельчайшие частицы, из которых состояли наши тела, немедленно, по общему призыву, снова собрались и каждая потребовала и заняла своё место, пока целое не будет вполне восстановлено, — чтобы это, говорю я, совершилось, кажется столь невероятным, что мы не можем даже составить о нём никакого понятия. И можно заметить, что язычники более всего были недовольны именно этим положением христианской веры: это было одно из последних, во что они верили; и доныне главное возражение против христианства таково: «Как воскреснут мёртвые? В каком теле придут?» Рассуждая об этих словах, я сделаю три вещи.

[7] I. Покажу, что воскресение того самого тела, которое умерло и было погребено, не содержит в себе ничего невероятного или невозможного.

[8] II. Опишу различие, которое Писание проводит между свойствами прославленного и смертного тела.

[9] III.

[10] Сделаю некоторые выводы из всего сказанного.

[11] I. Покажу, что воскресение того самого тела, которое умерло, не содержит в себе ничего невероятного или невозможного.

[12] Но прежде уместно, быть может, упомянуть некоторые основания, на которых покоится это положение нашей веры.

[13] И 1. Само понятие воскресения требует, чтобы вновь восстало то самое тело, которое умерло. Воскресшим нельзя назвать ничего, кроме именно умершего тела. Если в последний день Бог даст нашим душам новое тело, это не может называться воскресением нашего тела, потому что это слово явно подразумевает новое появление того, что существовало прежде.

[14] 2. Многие места Писания прямо утверждают это. Святой Павел в 53-м стихе этой главы говорит нам: «Тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в бессмертие». Под этим смертным и этим тленным можно разуметь лишь то тело, которое мы теперь носим с собою и однажды положим в прах.

[15] Упоминание в Писании мест, откуда восстанут мёртвые, также показывает, что воскреснет то же тело, которое умерло. Так мы читаем у Даниила: «Спящие в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление». Можно также заметить, что сами слова *сон* и *пробуждение* подразумевают: когда мы воскреснем из мёртвых, наши тела будут настолько же теми самыми, насколько остаются теми же при пробуждении ото сна. И ещё наш

Господь утверждает (Иоанна 5:28, 29): «Наступает время, в которое все находящиеся в гробах услышат голос Его и изыдут: творившие добро — в воскресение жизни, а делавшие зло — в воскресение осуждения». Если же не восстанет то самое тело, какая нужда открывать гробы при конце мира? Гробы могут отдать лишь те тела, которые были в них положены. Если бы нам не предстояло воскреснуть с теми самыми телами, которые умерли, они могли бы покоиться вечно. К этому достаточно добавить слова святого Павла: «Господь преобразит это уничижённое тело, так что оно будет сообразно славному телу Его». Это уничижённое тело не может быть ничем иным, как тем, в которое мы ныне облечены и которое должно вновь возвратиться к жизни.

16 Что во всём этом нет ничего невероятного или невозможного, я покажу, доказав три положения: 1. Бог может сохранить и уберечь от смешения со всеми другими телами тот определённый прах, в который распадается каждое из наших тел, и вновь собрать и соединить его, как бы далеко он ни был рассеян. 2. Бог может из этого собранного праха образовать то же самое тело, каким оно было прежде. 3. Сформировав это тело, Он может оживить его той же душою, которая прежде в нём обитала.

17 1. Бог может отличить и сохранить несмешанным со всеми другими телами тот определённый прах, в который распадается каждое из наших тел, и вновь собрать и соединить его, как бы далеко он ни был рассеян. Бог бесконечен и в знании, и в могуществе. Он знает число звёзд и всех их называет по именам; может исчислить песчинки на морском берегу. И разве невероятно, чтобы Он отчётливо знал отдельные частицы праха, в который

истлели тела людей, ясно различал, кому они принадлежат и какие изменения претерпели? Почему следует считать странным, что Тот, Кто первоначально создал нас, Чьи очи видели наше ещё несовершенное вещество, от Кого мы не были сокрыты, когда создавались втайне и искусно образовывались в глубинах земли, знает каждую часть наших тел и каждую частицу праха, из которого мы составлены? Мастер знает каждую часть часов, которые создаёт; если бы они рассыпались и различные части лежали в величайшем беспорядке и смешении, он всё же мог бы быстро собрать их и столь же легко отличить одну от другой, как если бы у каждой была особая метка. Он знает назначение каждой, без труда может дать ей надлежащее место и расположить все в точности в прежнем виде и порядке. И можем ли мы думать, что всемогущий Строитель мира, творениями Которого мы являемся, не знает, из чего мы сделаны, или не знаком с отдельными частями, составляющими эту земную хижину? При творении все они лежали одной огромной массой, пока Он не отделил их друг от друга и не образовал из них отдельные тела, из которых состоит этот прекрасный мир. Почему же та же Сила не может собрать останки наших истлевших тел и вернуть их в прежнее состояние? Все части, на которые распадаются человеческие тела, как бы беспорядочно рассеянными по лицу земли они нам ни казались, мудрым Божьим распоряжением бережно хранятся до дня восстановления всего. Они сохраняются в водах и огне, в птицах и зверях, пока последняя труба не призовёт их к прежнему жилищу.

18 «Но, — говорят они, — иногда может случиться, что тела нескольких людей состоят из одного и того же вещества. Ведь человеческие тела часто пожирают другие

животные, которых съедают другие люди. Более того, существуют народы, питающиеся человеческой плотью; следовательно, они заимствуют значительную часть своих тел у других людей. И если то, что было частью тела одного человека, затем становится частью другого, как могут оба в последний день воскреснуть с теми же телами, какие имели прежде?» На это легко ответить: в питание обращается лишь очень малая часть съеденного, гораздо бóльшая уходит по порядку природы. Поэтому Богу, Который наблюдает и управляет всем этим, вовсе не невозможно устроить так, чтобы бывшее частью тела одного человека, даже будучи съедено другим, никогда не обратилось в его питание; или, если обратится, чтобы снова износилось и за некоторое время до смерти отделилось от него, оставаясь пригодным к возвращению в последний день прежнему владельцу.

19 2. Бог может образовать из этого собранного праха то же тело, каким оно было прежде. Что это возможно, должны признать все верующие, что Бог создал Адама из праха земного. Поэтому человеческие тела после смерти становятся прахом, то есть тем же, чем были прежде; и та же сила, которая первоначально создала тело из праха, столь же легко может создать его вновь, когда оно опять обратилось в прах. Более того, это не удивительнее образования человеческого тела в утробе, что мы наблюдаем ежедневно и что, несомненно, столь же необычайное проявление Божественной силы, каким только может быть его воскресение. Если бы это не было столь обыкновенным явлением, нам было бы так же трудно поверить, что столь прекрасное сооружение, как человеческое тело, с нервами и костями, плотью и венами, кровью и различными прочими частями, может образоваться известным нам образом, как теперь трудно

поверить, что впоследствии оно будет вновь воздвигнуто, рассыпавшись в прах. Если бы мы лишь слышали о чудесном возникновении человеческих тел, то так же охотно спрашивали бы: «Как создаются люди и с какими телами рождаются?» — как теперь, слыша о воскресении, спрашиваем: «Как воскреснут мёртвые и в каких телах придут?»

[20] 3. Когда Бог воскресит это тело, Он может оживить его той же душою, которая обитала в нём прежде. И мы не вправе утверждать, что это невозможно, ибо это уже было совершено. Сам наш Спаситель был мёртв, воскрес и явился живым ученикам и другим людям, прожившим с Ним многие годы; тогда они вполне убедились, что это тот самый человек, Которого они видели умирающим на кресте.

[21] Так я показал, что воскресение того же самого тела отнюдь не невозможно для Бога; что обещанное Он способен и исполнить тою «могущественною силою, которою может покорять Себе всё». Поэтому, хотя мы не можем точно сказать, каким образом это совершится, это нисколько не должно ослаблять веры в столь важное положение нашего вероисповедания. Достаточно того, что Тот, Кому всё возможно, дал слово вновь воскресить нас. Пусть те, кто осмеливается насмехаться над славной надеждой всех добрых людей и непрестанно воздвигает против неё возражения, сперва испытают своё искусство на различных явлениях природы. Пусть объяснят всё, что видят совершающимся в этом мире, прежде чем говорить о трудностях объяснения воскресения. Могут ли они сказать мне, как были образованы и искусно устроены их собственные тела? Могут ли ясно объяснить, какими последовательными ступенями впервые создавалось это

славное, величественное сооружение, обнаруживающее столько мастерства и необычайного замысла? Как возникла первая капля крови и как появились сердце, вены и артерии, чтобы принять её? Из чего и какими средствами созданы нервы и волокна? Что закрепило малые пружины на надлежащих местах и приспособило их к разным назначениям, которым они теперь служат? Как мозг был отделён от прочих частей тела и наполнен жизненными духами, движущими и оживляющими целое? Как тело оказалось ограждено костями и жилами, облечено кожей и плотью, разделённой на различные мышцы? Пусть они только ответят на эти немногие вопросы об устройстве наших тел, и я отвечу на все затруднения относительно их воскресения. Но если они не могут сделать этого без обращения к бесконечной силе и мудрости ПЕРВОПРИЧИНЫ, пусть знают: та же сила и мудрость может вновь оживить тело, после того как оно обратилось в прах; и нет основания сомневаться в самом событии лишь потому, что некоторые его обстоятельства мы не можем вполне постичь или ясно объяснить.

22 II. Перехожу ко второму из намеченных пунктов: описать различие, которое Писание проводит между свойствами смертного и прославленного тела.

23 Перемена, которая, согласно Писанию, произойдёт в наших телах при воскресении, будет состоять главным образом в четырёх вещах: 1. Наши тела воскреснут бессмертными и нетленными. 2. Они воскреснут в славе. 3. Они воскреснут в силе. 4. Они воскреснут телами духовными.

24 1. Тело, которое мы получим при воскресении, будет бессмертным и нетленным: «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему — в

бессмертие». Слова *бессмертное* и *нетленное* означают не только то, что мы более не умрём, ибо в таком смысле и осуждённые бессмертны и нетленны, но и то, что мы будем совершенно свободны от всех телесных зол, введённых грехом в мир; что наши тела не будут подвержены болезни, боли или иным неудобствам, которым мы ежедневно открыты. Это Писание называет «искуплением наших тел», освобождением их от всех недугов. Если бы мы должны были получить их вновь подверженными всем слабостям и страданиям, с которыми вынуждены бороться, я весьма сомневаюсь, захотел бы мудрый человек, предоставленный собственному выбору, снова взять своё тело; не предпочёл бы он оставить его гнить в могиле, чем вновь быть прикованным к столь обременительной глыбе земли. Такое воскресение было бы, как называет его один мудрый язычник, «воскресением к новому сну». Оно больше походило бы на искупление вновь к смерти, чем на воскресение к жизни. [104]

[25] Лучшее, что мы можем сказать об этом земном доме, — то, что он ветхое строение и вскоре рассыплется в прах; что он не наш дом, ибо мы ожидаем другого, «вечного дома на небесах»; что мы не всегда будем заключены здесь, но вскоре освободимся от рабства тлению, от этого бремени плоти, в славную свободу сынов Божиих. Как хрупки наши тела! Как скоро приходят в расстройство! Какому множеству болезней, болей и других немощей они постоянно подвержены! И как малейшее недомогание тревожит ум и делает бременем саму жизнь! Из скольких частей состоят наши тела! И если одна из них повреждена, страдает весь человек. Если хотя бы одна из тонких нитей, составляющих нашу плоть, растянута сверх должной меры, раздражена какой-нибудь едкой влагой

или порвана, какое мучение это производит! Даже когда наши тела в наилучшем состоянии, сколько усилий мы тратим, чтобы удовлетворить их нужды, обеспечить пропитание, сохранить здоровье и поддерживать их пригодными для обитания, в сколько-нибудь сносном состоянии для пользования душою! А время, которое удаётся освободить от труда, уходит на отдых, восстановление измученных тел и подготовку их к новой работе. Как сама природа вынуждает нас входить в пределы смерти, даже прекращать бытие — по крайней мере проводить столько часов без полезных или разумных мыслей лишь ради поддержания тел! Но наша надежда и утешение в том, что вскоре мы избавимся от этого бремени плоти, когда «отрёт Бог всякую слезу с очей наших, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло». О, когда достигнем той счастливой страны, где никогда не слышали жалоб, где все мы будем наслаждаться непрерывным здоровьем и тела, и ума и более не подвергнемся никаким неудобствам, тревожащим нынешнее странствие! Однажды перейдя от смерти к жизни, мы будем избавлены от всей тягостной заботы о телах, ныне поглощающей столько времени и мыслей. Освободимся от всех низких и утомительных трудов, которые теперь должны нести ради поддержания жизни. Те ризы света, в которые мы облечёмся при воскресении праведных, не потребуют заботливого снабжения, которое здесь столь трудно и добывать, и не иметь. Тогда, как говорит наш Господь, удостоенные достигнуть того мира «ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо равны ангелам». Их тела не подвержены болезни и не нуждаются в повседневном питании, без которого не могут обходиться эти смертные тела. «Пища

для чрева, и чрево для пищи; но Бог уничтожит и то и другое». Таково совершенное счастье, которым все добрые люди будут наслаждаться в ином мире: ум, свободный от всякой тревоги и вины, в теле, свободном от всякой боли и болезни. Так наши смертные тела воскреснут бессмертными. Они не только будут всегда сохраняться от смерти — ибо и нынешние могли бы сохраняться, если бы Богу было угодно, — но вся их природа изменится, и они не удержат прежних семян смертности: умереть они более не смогут.

[26] 2.

[27] Наши тела воскреснут в славе. «Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их». Подобие этого мы видим в сиянии лица Моисея после беседы с Богом на горе. Лицо его светилось так ярко, что сыны Израилевы боялись приблизиться, пока он не покрыл его покрывалом. И необычайное величие лица Стефана казалось залогом его славы. «Все сидящие в синедрионе, смотря на него, видели лицо его, как лицо ангела». Если же оно столь славно сияло ещё на земле, как засияет в ином мире, когда его тело и тела всех святых сделаются подобными славному телу Христа! Насколько славно тело Христово, мы можем судить по Его преображению. Святой Пётр, увидев, как лицо нашего Господа засияло, как солнце, а одежды стали блистающими и белыми, как снег, был так восхищён радостью и удивлением, что не знал, что говорил. Наш Спаситель открыл лишь малую часть славы, которой ныне обладает и которой в своё время наделит последователей; но даже эта малая часть превратила место словно в рай, и ученики думали, что нельзя желать ничего лучшего, чем всегда жить в таком чистом свете и наслаждаться столь прекрасным

зрелищем. «Хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи», — здесь утвердим своё жилище навеки. Если они считали таким счастьем лишь находиться рядом с подобными небесными телами и созерцать их глазами, насколько счастливее должно быть обитать в таких славных жилищах и самим быть облечёнными столь великим сиянием!

[28] Это превосходство наших небесных тел, вероятно, в значительной мере будет проистекать из счастья душ. Неизреченная радость, которую мы тогда ощутим, пробьётся сквозь тела и засияет в лицах; как и в нынешней жизни радость души несколько влияет на лицо, делая его более открытым и весёлым. Так Соломон говорит: «Мудрость человека просветляет лицо его». Добродетель, очищая сердце, делает и самый облик человека более радостным и живым.

[29] 3. Наши тела воскреснут в силе. Это выражает живость небесных тел, быстроту их движения, благодаря которой они станут послушными и способными орудиями души. В нынешнем состоянии наши тела не лучше грузов и оков, стесняющих и ограничивающих свободу души. Тленное тело отягощает душу, и земная хижина обременяет ум. Наши тупые, вялые, бездеятельные тела часто неспособны или неохочи повиноваться повелениям души. Но в иной жизни «надеющиеся на Господа обновятся в силе: поднимут крылья, как орлы, потекут — и не устанут, пойдут — и не утомятся»; или, как выражается другой, «будут носиться, как искры по стеблю». Быстрота их движения будет подобна пожирающему огню в соломе, а высота превысит полёт орла: они встретят Господа в воздухе, когда Он придёт на суд, и вознесутся с Ним на высочайшие небеса. Это земное тело медленно и тяжело

во всех движениях, вяло и быстро утомляется действием. Но небесные наши тела будут как огонь — столь же деятельны и быстры, как наши мысли.

30 4. Наши тела воскреснут духовными телами. Теперь дух вынужден служить телу, ждать, когда оно будет готово, и в большинстве своих действий сильно зависит от него. Но тогда наши тела будут всецело служить духу, прислуживать ему и зависеть от него. Поэтому, как под «телом душевным» мы понимаем тело, приспособленное к этому нижнему, чувственному миру, к земному состоянию, так «тело духовное» приспособлено к духовному состоянию, к невидимому миру, к жизни ангелов. И именно в этом — главное различие между смертным и прославленным телом. Эта плоть — самый опасный наш враг: поэтому мы отвергаем её и отрекаемся от неё при крещении. Она непрестанно искушает нас ко злу. Каждое чувство — сеть для нас. Все её похоти и влечения неумеренны. Она неуправляема и часто восстаёт против разума. Закон в членах наших воюет против закона ума. Когда дух бодр, плоть немощна; поэтому лучшие из людей вынуждены усмирять её и обращаться с нею сурово, чтобы она не предала их безумию и страданию. И как она препятствует всем нашим благочестивым занятиям! Как скоро утомляет ум, обращённый к святому! Как легко своими чарующими удовольствиями отвлекает его от этих благородных упражнений! Но когда мы достигнем воскресения жизни, наши тела будут одухотворены, очищены и освобождены от земной грубости; тогда они станут пригодными орудиями души во всех её Божественных и небесных занятиях: мы не устанем петь хвалу Богу в бесконечные века.

31 Итак, после того немногого, что мы смогли об этом постичь, достаточно ясно, что прославленное тело бесконечно превосходнее и желаннее этого уничижённого тела. Остаётся лишь

32 III. Сделать некоторые выводы из всего сказанного. Во-первых, мы можем узнать наилучший способ приготовиться к жизни в этих небесных телах: всё более очищаться от земных привязанностей и отучать себя от этого тела и всех свойственных ему удовольствий. Уже в нынешней жизни следует начать ослаблять узел, связывающий душу со смертной плотью; очищать стремления и возводить их от нижнего к горнему; отвлекать мысли и освобождать их от настоящего и чувственного, приучая себя размышлять о будущем и невидимом и пребывать с ним в общении. Тогда души, оставив земное тело, будут приготовлены к духовному, заранее вкусив духовных наслаждений и в некоторой степени ознакомившись с тем, что встретят тогда. Душа, всецело поглощённая этим земным телом, не пригодна для славных горних обителей. Чувственный ум так сроднился с телесными удовольствиями, что без них не может наслаждаться собой и не способен находить вкус в иных, хотя бы бесконечно превосходящих их. Более того, следующие влечениям плотских желаний столь непригодны к небесным радостям, что сочли бы величайшим несчастьем облечься в духовное тело. Это было бы словно одеть нищего в царские ризы. Такие славные тела были бы им неудобны; они не знали бы, что в них делать, и с радостью удалились бы, чтобы вновь надеть свои лохмотья. Но когда верою в Господа Иисуса Христа мы омыты от вины грехов и очищены от всякой скверны плоти и духа, тогда будем желать разрешиться и быть с нашим вознесённым Спасителем; будем всегда

готовы взлететь в иной мир, где наконец получим тело, соответствующее духовным стремлениям.

[33] 2. Отсюда мы видим объяснение различных степеней славы в небесном мире. Хотя все дети Божьи получат славные тела, слава их не будет равной. «Как звезда от звезды разнится в славе, так и при воскресении мёртвых». Все будут сиять, как звёзды; но достигшие постоянным усердием в доброделании более высокой меры чистоты будут сиять ярче других. Они явятся более славными звёздами. Несомненно, самым небесным душам будут даны самые небесные тела; и это немало побуждает нас как можно больше преуспевать в познании и любви к Богу, ибо чем более мы теперь отрешаемся от земного, тем славнее будут наши тела при воскресении.

[34] 3. Пусть эта мысль побуждает нас терпеливо переносить любые бедствия, которыми мы испытываемся в нынешней жизни. Приближается время нашего вечного искупления. Потерпим ещё немного — и все слёзы будут отёрты с очей, и мы уже никогда не вздохнём и не опечалимся. Как скоро забудем всё перенесённое в этой земной хижине, едва облечёмся в жилище свыше! Теперь мы ещё в пути домой и потому должны ожидать борьбы со многими трудностями; но недолго осталось до конца путешествия, и он вознаградит за всё. Тогда мы будем в тихой и безопасной гавани, недосягаемой для всяких бурь и опасностей. Будем дома, в доме нашего Отца, более не подверженные неудобствам, которым подвергаемся, пока странствуем в этих шатрах. Не лишимся же всего этого счастья из-за недостатка ещё немного терпения. Только устоим до конца — и получим обильное воздаяние за все тревоги и неудобства перехода: нескончаемый покой и мир.

35 Особенно пусть это укрепит нас против страха смерти: ныне она обезоружена и не может причинить нам вреда. Правда, на время она разлучает нас с этим телом, но лишь для того, чтобы мы получили его вновь более славным. Поэтому, как Бог некогда сказал Иакову: «Не бойся идти в Египет, ибо Я пойду с тобою и непременно выведу тебя обратно», так и я могу сказать всем рождённым от Бога: «Не бойтесь сойти в могилу, положите головы в прах, ибо Бог непременно поднимет вас вновь, притом гораздо более славным образом». Только «будьте тверды, непоколебимы, всегда преуспевайте в деле Господнем»; тогда пусть смерть одолеет и разрушит этот глиняный дом, поскольку Бог обязался вновь воздвигнуть его бесконечно более прекрасным, крепким и полезным.

Об оскорблении Святого Духа

[1] (Написано в 1733 году) [105]

[2] «Не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления».

[3] Ефесянам 4:30.

[4] Для знающего, что именно Святой Дух ведёт нас ко всякой истине и всякой святости, нет предмета важнее размышления о том, с каким расположением души следует принимать Его Божественное присутствие, чтобы не изгнать Его от себя и не воспрепятствовать благодатным целям, ради которых предназначено Его пребывание с нами. Цель эта — не развлечение нашего ума, но обращение и полное освящение наших сердец и жизни.

[5] Слова апостола содержат самое серьёзное и любящее увещание к этому: «Не оскорбляйте Святого Духа Божия, Которым вы запечатлены в день искупления».

[6] Имя «Святой», прилагаемое к Духу Божьему, означает не только то, что Он свят по собственной природе, но и то, что Он делает святыми нас; что Он — великий источник святости для Своей Церкви, Дух, от Которого истекают вся благодать и добродетель, очищающие пятна вины, обновляющие нас во всех святых расположениях, так что мы вновь носим образ нашего Создателя. Поэтому апостол имел великое основание дать это торжественное повеление, а на всех нас лежит высочайшая обязанность рассмотреть его с глубочайшим вниманием. Чтобы мы могли сделать это действеннее, я исследую:

[7] I. В каком смысле говорится, что Дух Божий огорчается грехами людей;

[8] II. Какими грехами Он огорчается особенно;

[9] III. Постараюсь показать силу апостольского довода против оскорбления Святого Духа — «Которым мы запечатлены в день искупления».

[10] I. Во-первых, мне предстоит исследовать, в каком смысле можно говорить, что Дух Божий огорчается грехами людей. В Боге нет ничего из того, что мы в собственном смысле называем страстью. Но есть нечто бесконечно высшего рода: движения Его воли, более сильные и действенные, чем способен представить человек; хотя они не имеют природы человеческих страстей, они отвечают их целям. Поэтому под огорчением мы должны понимать расположение Божьей воли, одновременно проистекающее из Его безграничной любви к самим людям и бесконечного отвращения к их грехам. В этом ограниченном смысле оно и прилагается здесь к Духу Божьему в словах апостола.

[11] Особенно же прилагается оно к Нему по следующим причинам: во-первых, потому что Он непосредственно присутствует с нами; во-вторых, потому что наши грехи — многократное презрение к этому высочайшему выражению Его любви, делающее безуспешным последнее врачевство Святого Духа; и, в-третьих, потому что таким неблагодарным обращением мы побуждаем Его удалиться от нас.

[12] 1. Говорится, что мы огорчаем Святого Духа своими грехами, потому что Он непосредственно присутствует с нами. Они совершаются прямо у Него на глазах и потому ещё более оскорбительны для Него. Ему угодно смотреть

на исповедующих христианство как на особенно отделённых к Его чести; более того, мы столь тесно соединены с Ним, что о нас сказано: мы «один дух с Ним»; поэтому каждый совершаемый теперь грех, помимо собственной вины, содержит новое и бесконечно тяжкое оскорбление. «Разве вы не знаете самих себя, — говорит святой Павел, — что тела ваши суть храмы Святого Духа?» И как они становятся ими, если не через Его обитание и близкое присутствие с нашими душами? Поэтому, когда мы воздвигаем идолов земных склонностей в сердцах, по праву являющихся Его алтарём, и преклоняемся, чтобы служить порочным страстям, которые должны приносить в жертву Его воле, это неизбежно в высшей степени оскорбляет и огорчает Его. Ибо «какое согласие» между Святым Духом «и Велиаром? Какая совместность храма Божия с идолами?»

13 2. Мы огорчаем Святого Духа грехами, потому что они — многократное презрение к высочайшему выражению Его любви и срывают действие последнего средства, которым Ему угодно добиваться нашего исцеления. Поэтому каждый совершаемый теперь грех делается вопреки всем Его могущественным вспоможениям, наперекор Его обличениям — неблагодарное воздаяние за бесконечное любвеобилие!

14 Поскольку Святой Дух — непосредственный Исполнитель Божьей воли на земле, совершающий все великие дела Христовой Церкви, неудивительно, если, изливая на нас богатства Своей благодати и видя их совершенно безуспешными, Он обращается ко всему миру словами пророка против нашей неблагодарности: «И ныне, мужи Иудеи, рассудите Меня с виноградником Моим. Что ещё надлежало бы сделать для виноградника

Моего, чего Я не сделал ему? Почему, когда Я ожидал, что он принесёт добрые гроздья, он принёс дикие ягоды?» Эти и многие подобные слова, встречающиеся в Священном Писании, — высочайшие выражения глубочайшей заботы; они свидетельствуют о крайнем нежелании поступать сурово даже с теми, кого Он всё же не смог исправить всеми мудрыми способами Своей благодати. Здесь Святой Дух представляет Себя Тем, Кто рад был бы пощадить грешников, если бы мог; потому можем быть уверены, что Ему прискорбно, когда своими грехами они не позволяют Ему этого.

15 Когда люди так препятствуют Святому Духу любви — ибо и это Его особое имя, — заставляют Его ждать, чтобы помиловать, сопровождать нас на всём пути безумия и суеты, стоять рядом и быть свидетелем нашего упрямства, держа в руках настойчивые предложения бесконечной благости, — это поведение такого рода, что никакой облагодатствованный ум не может вынести даже мысли о нём. О безграничном Божьем милосердии свидетельствует то, что Ему угодно выразить лишь Свою скорбь об этом, что негодование Его не вспыхивает против столь низко неблагодарных и не истребляет их в одно мгновение.

16 Именно подобная неблагодарность иудеев, после бесчисленных испытанных ими проявлений Его необычайной милости, заставила бесконечную любовь наконец обратиться в горечь и воздать им по делам, как о том с величайшей трогательностью и живостью рассказывают пророки. И, конечно, учитывая гораздо большие обязательства, возложенные Им на нас, пользующихся высочайшими преимуществами, мы можем быть уверены, что наше греховное и строптивое

поведение в конце концов будет столь же велико, как милости, которыми мы злоупотребили. [106]

17 Несомненно, Бог наблюдает за всеми сынами человеческими и гнев Его пребывает на всяком делателе беззакония. Но Святого Духа огорчает неверный исповедник, знавший Его прощающую любовь; это указывает на особую низость наших грехов. Человека могут разгневать несправедливости врага, но в собственном смысле огорчают его проступки друга. Поэтому, помимо прочих обязанностей, сама наша близкая связь с Богом как Его друзей и детей, будь в душе хотя бы искра благодарности, стала бы могущественной уздой, удерживающей нас от зла.

18 3. Но если доводы такого рода недостаточно сильны, чтобы удержать нас от огорчения нашего лучшего Друга, Святого Духа Божия, подумаем о том, что этим неблагодарным поведением мы побудим Его удалиться от нас.

19 Истинность этого должны были испытать почти все, кто когда-либо вкусил благих даров Святого Духа. Надеюсь, что в то или иное время мы столь живо ощущали Его святое воздействие, что, когда имели несчастье оскорбить Его, легко замечали перемену в душе — ту тьму, скорбь и уныние, которые особенно следуют за совершением умышленных и дерзких грехов. В такие времена благословенный Дух отступал и скрывал от нас Своё присутствие; нас справедливо оставляли ощущать собственное убожество и бедствие, пока мы не смирялись пред Господом и глубоким покаянием и деятельной верой не обретали вновь Божественную милость и мир.

[20] И чем чаще мы оскорбляем Его, тем более ослабляем Его воздействие в наших душах. Ибо частые нарушения неизбежно вызывают отчуждение между нами, и невозможно, чтобы общение с Ним было сердечным, когда его нарушают повторные разрывы. Так человек простит другу множество неосторожностей и некоторые умышленные проступки; но, видя, что друг часто оскорбляет его, он постепенно утратит всю доброту к нему, и теплота привязанности даже к тому, кто пользовался ею больше всех, угаснет: он не может не подумать, что такой человек больше не желает и не заслуживает сохранять с ним дружбу.

[21] II. Теперь рассмотрю, какими видами греха Святой Дух огорчается особенно. В общем это грехи, которые либо с самого начала совершенно лишают Его благодать должного действия на души, либо впоследствии прямо противоречат Его благодатной и милосердной помощи. Из первого рода сейчас упомяну лишь нерассудительность; из второго — дерзкие грехи.

[22] Первое, что назову как особенно огорчающее Святого Духа, — нерассудительность и невнимание к Его святым побуждениям внутри нас. Есть особое состояние и расположение души, трезвость ума, без которой Дух Божий не будет содействовать очищению наших сердец. Через Его предваряющую и помогающую благодать в нашей власти приготовить это в себе; Он и ожидает этого, поскольку это основание всех последующих Его дел. Оно состоит в сохранении ума в спокойном и серьёзном расположении, в упорядочении и успокоении чувств, в обуздании и удержании неумеренных устремлений страстей к суетам и удовольствиям этого мира. Это настолько важно, что сама причина столь малого успеха

людей при самых сильных средствах заключается в недостаточном обращении внутрь себя: они не замечают и не наблюдают разладов и несовершенств собственного духа, не внимают тщательно указаниям и врачевствам, которые Святой Дух всегда готов предложить. Люди обычно теряются в жизненной суете, её делах или удовольствиях и, кажется, думают, что возрождение, новая природа возникнет и вырастет в них с такой же малой заботой и размышлением с их стороны, с какой их тела были зачаты и достигли полной силы и роста. Между тем несомненно, что Святой Дух не очистит нашу природу, если мы не будем тщательно внимать Его побуждениям; они пропадают для нас, пока мы, по выражению пророка, «расточаем наше время», пока рассеиваем мысли на ненужное, а духовное возрастание, единственно необходимое, оставляем совершенно без внимания и заботы.

[23] Многие люди в основном ведут правильную жизнь, пользуются средствами совершенствования и исправно приступают к святому таинству, но в промежутках между обязанностями дают слишком большую свободу мыслям, чувствам и речам. Они словно откладывают великое дело спасения до следующего часа благочестивых занятий. Если эти исповедники столько теряют в своём духовном состоянии из-за того, что не приводят в порядок и не сверяют свои счета, то что думать о тех, кто почти никогда не посвящает серьёзной мысли вечному благополучию? Несомненно, нет расположения ума, менее дружественного духу религии, чем беспечность и нерассудительность, которые естественной чередой сильных и суетных чувств изгоняют из души всё полезное, пока наконец человека не охватывает гибельная спячка. Люди теряют из виду всякую опасность, становятся

нечувствительными к Божественным обличениям и в результате совершенно лишают успеха все благословенные средства восстановления. Поэтому, если измерять огорчение Святого Духа грехами людей степенью препятствия Его делу, можно заключить, что никакое душевное состояние не огорчает Его сильнее, кроме разве действительного нечестия.

24 Дерзкие грехи действительно в высшей степени оскорбительны для Святого Духа Божия. Они представляют открытую вражду против Него и несут всю вину открытого мятежа. Умышленный грешник не неведущ и не застигнут врасплох: он сознательно борется против прямой Божьей заповеди и против живого, полного и наличного убеждения собственного ума и совести; поэтому такой грех — сама мера беззакония. Все прочие грехи более или менее тяжки по мере близости или удалённости от грехов этого страшного рода, поскольку те заключают величайшее сопротивление Божьей воле, презрение к Его милосердию и вызов Его справедливости. Это, несомненно, если что-либо вообще может, должно огорчить Его настолько, чтобы Он совершенно удалил Своё благодатное присутствие.

25 III. Теперь покажу силу апостольского довода против оскорбления Святого Духа: потому что мы «запечатлены в день искупления».

26 Под «днём искупления» можно понимать либо время, когда при смерти мы оставим эти тела, либо время, когда получим их вновь при всеобщем воскресении. Однако здесь, вероятно, имеется в виду последнее; в этом смысле апостол употребляет слово в другом месте: «Ожидая усыновления, искупления тела нашего». К этому дню

искупления мы запечатлены Святым Духом трояким образом:

27 1. Получая действительный Его отпечаток в душах, становясь причастниками Божественной природы.

28 2. Принимая Его как знак Божьего права на нас, как свидетельство, что мы принадлежим Христу. И

29 3. Как залог и удостоверение для собственного духа, что мы имеем право на вечное счастье.

30 И во-первых, мы запечатлены Святым Духом Божьим через получение действительного Его отпечатка в душах, становясь причастниками Божественной природы и «способными к участию в наследии святых во свете». Именно такова цель Его обитания в нас: исцелить расстроенные души и восстановить в нашей природе Его образ, столь искажённый первородным и личным растлением. Пока наш дух хотя бы в некоторой мере не обновлён таким образом, мы не можем иметь общения с Ним. Ибо «если говорим, что имеем общение с Ним, а ходим во тьме, то лжём и не поступаем по истине». Но через обновление ума по образу Создавшего нас мы становимся всё более способными принимать Его воздействие и через ежедневное общение с Ним всё более преображаемся в Его подобие, пока не насытимся им.

31 Это подобие Богу, это соответствие нашей воли и чувств Его воле и есть, собственно говоря, святость; произвести её в нас — непосредственная цель и намерение всех воздействий Святого Духа. Благодаря Его присутствию с нами мы получаем от Него великое обилие святых добродетелей; в нашем духе появляются черты подобия, соответствующие Его изначальным

совершенствам. Так мы запечатлены Им в первом смысле — в приготовление ко дню нашего искупления.

32 Поскольку это так и наша новая природа растёт под могуществом Его рук, что же мы делаем, огорчая Его грехами, если не разрушаем и уничтожаем Его дело? Мы расстраиваем Его замыслы, ломая ограды, которые Он пытался воздвигнуть против разливов растления; так что в конце концов совершенно лишаем успеха все Его благодатные меры для нашего спасения.

33 2. Мы запечатлены Святым Духом ко дню искупления в знак Божьего права на нас и как отметиной принадлежности Христу. По Его установлению это условие и обеспечение будущего счастья, к которому Он не допустит никого, кроме принявших Духа Его Сына в свои сердца. Но в ком Он найдёт этот знак и отпечаток, когда придёт судить мир, тех возьмёт к Себе и не позволит губителю повредить им. Именно об этом пророк Малахия, говоря о боящихся Бога, свидетельствует: «Они будут Моими, говорит Господь, в тот день, когда Я соберу Мои драгоценности», — то есть когда положу на них Свою печать и знак, — «и помилую их, как милует человек собственного сына, служащего ему».

34 Если же Святой Дух есть знак, печать и обеспечение нашего спасения, тогда, огорчая Его грехами, мы своими руками срываем эту печать, уничтожаем самое твёрдое обеспечение и, насколько от нас зависит, отменяем собственное право на вечную жизнь.

35 Помимо того что Святой Дух внутри нас — обеспечение нашего спасения, Он также его залог и удостоверяет наш дух, что мы имеем право на вечное счастье. «Дух Божий свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии». А

чтобы это внутреннее свидетельство было живым и постоянным, совершенно необходимо тщательно внимать тайному действию Святого Духа в нас. Изливая святые утешения в наши души, оживляя поникший дух и давая живо вкусить Его обетований, Он возбуждает в нас светлые и радостные чувства и заранее даёт человеку вкусить блаженство, к которому тот идёт. В этом смысле апостол говорит коринфянам, что Бог «запечатлел нас и дал залог Духа Своего в сердца наши»; и этот залог служит не только подтверждением нашего права на счастье, но уже ныне действительной частью той награды, полноты которой мы ожидаем впоследствии.

О любви

[1] Произнесено в Саванне 20 февраля 1736 года

[2] «Если я раздам всё имение моё на пропитание бедным и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».

[3] 1 Коринфянам 13:3.

[4] Есть великое основание опасаться, что впоследствии о большинстве присутствующих здесь скажут: это место Писания, как и все слышанные прежде, не принесло им никакой пользы. Некоторые, быть может, недостаточно серьёзны, чтобы внимать ему; некоторые из внимающих не поверят; некоторые из поверивших сочтут его тяжёлым словом и потому забудут как можно скорее; а из немногих, которые на время примут его с радостью, некоторые, не имея корня смирения или самоотречения, при гонении за слово предпочтут отпасть, чем пострадать. Более того, даже среди тех, кто внимает, верит, помнит и принимает его так глубоко в сердце, что оно пускает корень, переносит зной искушения и начинает приносить плод, *не все* принесут зрелый плод. Заботы или удовольствия мира и желания прочего, быть может до тех пор не ощущавшиеся, вырастут вместе со словом и заглушат его.

[5] И я, говорящий слово Божье, защищён от этих опасностей не больше вас, слушающих. Мне также приходится оплакивать «злое сердце неверия». И когда Бог попустит возникнуть гонению, пусть даже столь лёгкому, как поношение, я могу первым соблазниться.

Или, если мне будет дано выдержать это, но Он отпустит на меня заботы мира или перестанет охранять от удовольствий, не ведущих к Нему, и от желания прочего, я несомненно буду побеждён и, проповедовав другим, сам окажусь негодным.

6 Зачем же я вообще говорю это слово? Зачем? Потому что мне вверено служение Евангелия; и хотя не знаю, что буду делать завтра, сегодня буду проповедовать Евангелие. А относительно вас моё поручение таково: «Сын человеческий, Я посылаю тебя к ним, и ты скажешь им: „Так говорит Господь Бог“, — будут ли они слушать или не будут».

7 Так говорит Господь Бог: «Кто бы ты ни был, желающий войти в жизнь, соблюди заповеди». Для этого «веруй в Господа Иисуса Христа, и спасёшься». «Не оставляй собрания своего, как есть у некоторых обычай». Также втайне «молись Отцу твоему, видящему тайное», и «изливай перед Ним сердце твоё». Сделай Моё слово «светильником ноге твоей и светом стезям твоим». Храни его «в сердце твоём и в устах твоих, когда сидишь в доме, когда идёшь дорогою, когда ложишься и когда встаёшь». «Обратись ко Мне с постом», как и с молитвой; и, повинуясь умирающему Искупителю, вкушая этот хлеб и пия эту чашу, «возвещайте смерть Господню, доколе Он придёт». Силой, которую через эти средства получишь свыше, исполняй всё предписанное Законом и избегай всего им запрещённого, зная, что, «согрешив в одном, становитесь виновными во всём». «Не забывайте также благотворения и общительности»; да, пока есть время, делайте всем людям всё добро, какое можете. Затем «отвергни себя, ежедневно бери крест свой» и, если будешь к тому призван, «противостань до крови». И когда

каждый сможет сказать: «Всё это я исполнил», пусть затем скажет себе слова, от которых мог бы содрогнуться не один только подобный Феликсу человек, но и самая святая душа на земле: «Если я раздам всё имение моё на пропитание бедным и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».

[8] Поэтому всем нам в высшей степени важно знать:

[9] I. Полный смысл слов: «Если я раздам всё имение моё на пропитание бедным и отдам тело моё на сожжение»;

[10] II. Истинное значение слова *любовь*; и

[11] III. В каком смысле можно сказать, что без любви всё это не приносит нам никакой пользы.

[12] I. Относительно первого нужно заметить, что слово, употреблённое святым Павлом, в собственном смысле означает *разделить на малые части, а затем раздать разделённое*. Следовательно, оно подразумевает не только однократное лишение себя всех земных благ, которыми мы пользуемся, в порыве отвращения к миру или внезапного благочестия, но сознательный выбор, спокойно и неуклонно исполняемый. Оно может подразумевать также, что это делается не из тщеславия, а отчасти из правильного побуждения: из намерения исполнить Божью заповедь и желания получить Его Царство. Далее следует заметить, что слово *отдать* означает действительно передать что-либо согласно соглашению; потому, подобно предшествующему слову, оно подразумевает не поспешное, необдуманное действие, а действие с открытыми глазами и решительным сердцем, согласно ранее принятому решению. Поэтому полный смысл слов таков — имеющий уши слышать да слышит: «Хотя бы я отдал всё достояние

моего дома на пропитание бедным; хотя бы сделал это по зрелому выбору и размышлении; хотя бы провёл жизнь, собственными руками раздавая им его, притом из послушания; хотя бы ради той же цели претерпел не только поношение и стыд, не только узы и темницу, и всё это по собственному непрестанному решению и действию, не принимая освобождения, но сверх того саму смерть, даже смерть, причинённую самым страшным для природы образом, — всё это, если у меня нет любви, любви к Богу и ко всему человечеству, „излитой в сердце Духом Святым, данным мне“, не приносит мне никакой пользы».

13 II. Исследуем, что это за любовь, каково истинное значение слова. Мы можем рассмотреть её либо по свойствам, либо по действиям; и чтобы исключить всякую возможность ошибки, вовсе не станем считаться с человеческими суждениями, но за описанием природы любви обратимся к Самому нашему Господу, а за описанием её действий — к Его богодухновенному апостолу.

14 Любовь, которой наш Господь требует от всех Своих последователей, есть любовь к Богу и человеку: к Богу ради Него Самого, к человеку ради Бога. Что же значит любить Бога, если не наслаждаться Им, радоваться Его воле, непрестанно желать угождать Ему, искать и находить в Нём счастье и день и ночь жаждать более полного наслаждения Им?

15 О мере этой любви наш Господь ясно сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим». Это не значит, что мы должны любить или наслаждаться только Им: ведь Он повелел не только любить ближнего, то есть всех людей, как самих себя, желать и искать их счастья столь

же искренно и неуклонно, как собственного, но также любить многие Его творения в самом строгом смысле — находить в них удовольствие, наслаждаться ими; только таким образом и в такой мере, чтобы, как мы знаем и чувствуем, это не препятствовало, а приготовляло нас к наслаждению Им. Вот как мы призваны любить Бога всем сердцем.

16 Действия или свойства этой любви апостол описывает в рассматриваемой главе. Поскольку все они — безошибочные признаки, по которым каждый может судить о себе, имеет ли он эту любовь, они заслуживают нашего глубочайшего внимания.

17 «Любовь долготерпит», то есть долготерпелива. Если ты любишь ближнего ради Бога, будешь долго сносить его немощи; если ему недостаёт мудрости, пожалеешь, а не презришь; если он в заблуждении, мягко постараешься вернуть его, без резкости и укоризны; если он впал в проступок, будешь стараться восстановить его в духе кротости. И если это не удастся скоро, будешь терпелив к нему: не приведёт ли его Бог наконец к познанию и любви к истине. При всех раздражениях, исходят ли они от человеческой слабости или злобы, ты покажешь образец мягкости и кротости; как бы часто они ни повторялись, не будешь побеждён злом, но победишь зло добром. Пусть никто не обманывает вас пустыми словами: кто не имеет такого долготерпения, не имеет любви.

18 Далее: «Любовь милосердствует». Всякий, кто чувствует любовь к Богу и человеку, излитую в сердце, ощущает пламенную и непрерывную жажду счастья всех собратьев. Его душа тает от горячего и постоянного желания содействовать этому счастью; и от избытка сердца говорят уста. На языке его закон доброты; тот же

закон запечатлён во всех поступках. Внутреннее пламя непрестанно выходит наружу и всё шире распространяется в каждом проявлении благоволения ко всем, с кем он имеет дело. Так что думает ли он, говорит ли, что бы ни делал, всё направлено к одной цели: всеми возможными способами умножать счастье всех собратьев. Поэтому не обманывайте собственных душ: кто не имеет такой доброты, не имеет любви.

19 Далее: «Любовь не завидует». Это уже заключено в словах «любовь милосердствует», ибо доброта и зависть несовместимы: они могут пребывать вместе не более, чем свет и тьма. Если мы горячо желаем *всякого* счастья *всем*, не можем огорчаться счастью кого бы то ни было. Исполнение желания будет сладостно душе — настолько далеки мы будем от боли из-за него. Если всегда делаем ближнему всё возможное добро и желаем сделать больше, невозможно, чтобы мы досадовали на какое-либо полученное им благо: напротив, оно будет самой радостью нашего сердца. Поэтому, как бы мы ни льстили себе или друг другу, завидующий не имеет любви.

20 Затем следует: «Любовь не превозносится», или, вернее, не безрассудна и не поспешна в суждении, ибо именно таково истинное значение слова. Любящие ближнего ради Бога не легко примут дурное мнение о ком-либо, кому желают всякого добра, и духовного, и временного. Они не могут осудить его даже в сердце без доказательств, да и по слабым доказательствам тоже; более того, ни по каким, не поставив сначала, если возможно, его и обвинителя лицом к лицу или по меньшей мере не ознакомив его с обвинением и не дав высказаться в свою защиту. Каждый из вас чувствует, что не может не

поступать так с тем, кого нежно любит. Следовательно, кто так не поступает, не имеет любви.

21 Упомяну ещё лишь одно свойство этой любви: «Любовь не гордится». Ты не можешь поступить несправедливо с тем, кого любишь. Поэтому, если любишь Бога всем сердцем, не можешь так оскорбить Его, чтобы похитить Его славу, присвоив себе принадлежащее Ему одному. Ты признаешь: всё, что ты есть, и всё, что имеешь, — Его; без Него ты не можешь ничего; Он — твой свет, жизнь, сила и всё; а ты перед Ним — ничто, даже менее чем ничто. И если любишь ближнего, как самого себя, не сможешь предпочитать себя ему. Более того, не сможешь презирать кого-либо, как не сможешь ненавидеть. Как воск тает перед огнём, так гордость тает перед любовью. Всякая надменность сердца, речи или поведения исчезает там, где господствует любовь. Она опускает гордые взоры хвалившегося силою и делает его малым ребёнком: не доверяющим себе, готовым слушать, радующимся учению, легко принимающим убеждение и увещание. А кто мыслит иначе, пусть оставит всякую тщетную надежду: он надменен и потому не имеет любви.

22 III. Остаётся исследовать, в каком смысле можно сказать: «Если я раздам всё имение моё на пропитание бедным, даже отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы».

23 Главный смысл слов, несомненно, таков: что бы мы ни делали и что бы ни терпели, если не обновлены духом ума через «любовь Божию, излитую в сердца наши Духом Святым, данным нам», мы не можем войти в вечную жизнь. Никто не войдёт туда иначе как в силу завета, данного Богом человеку в Сыне Его любви.

24 Но поскольку общие истины менее способны затронуть нас, рассмотрим один или два частных случая, в которых всё, что мы можем сделать или претерпеть без любви, не приносит никакой пользы. Во-первых, всё без неё бесполезно для того, чтобы сделать жизнь счастливой; во-вторых, для того, чтобы сделать смерть утешительной.

25 Во-первых, без любви ничто не может принести нам столько пользы, чтобы сделать жизнь счастливой. Под счастьем я понимаю не лёгкое, пустяковое удовольствие, которое, быть может, начинается и кончается в один час, но такое благополучие, которое удовлетворяет душу и даёт ей устойчивое, продолжительное довольство. Что без любви ничто не полезно для нынешнего счастья, видно уже из одного соображения: нельзя лишиться её ни в одном случае без боли; и чем более отходишь от неё, тем больше боль. Недостаёт тебе долготерпения? Тогда в той мере, в какой недостаёт его, недостаёт и счастья. Чем сильнее противоположные расположения — гнев, раздражительность, мстительность, — тем ты несчастнее. Ты знаешь и чувствуешь это; буря не может утихнуть, и мир не вернётся в душу, если ею не овладеют кротость, мягкость, терпение — одним словом, любовь. Находит ли кто в себе недоброжелательство, злобу, зависть или иное расположение, противоположное доброте? Тогда там страдание; и чем сильнее расположение, тем несчастнее человек. Если о ленивом можно сказать, что он ест собственную плоть, то тем более о злобном или завистливом. Его душа — сам образ ада, полная мучения, как и нечестия. В нём уже есть червь неумирающий, и он спешит к огню, который никогда не угаснет. Только пока ещё между ним и небом не утверждена великая пропасть. Пока ещё есть Дух, готовый помочь его немощам, всё ещё желающий, если человек прострёт руки к небу и оплачет

неведение и бедствие, очистить сердце от гнусных страстей и обновить его в любви Божьей, а затем через нынешнее счастье возвести к вечному.

[26] Во-вторых, без любви ничто не может сделать смерть утешительной.

[27] Под утешительной я не разумею отупелую или бесчувственную смерть. Я не сказал бы, что утешительно умер скончавшийся от апоплексического удара или пушечного выстрела, как не сказал бы этого о том, кто с сожжённой совестью умер столь же беззаботно, как погибающие животные. Не думаю также, что вы позавидовали бы кому-нибудь утешением умереть в буйном безумии. Под утешительной смертью я понимаю спокойный переход из жизни, полный ровного, разумного мира и радости. Такой смерти все дела и все страдания в мире не могут дать без любви. [107]

[28] Чтобы сделать это ещё очевиднее, я не могу обратиться к вашему собственному опыту, но могу — к тому, что мы видели, и к опыту других. Я сам видел двух людей, уходивших из этой жизни тем образом, который называю утешительным, хотя утешение было неравным. У одного оно явно было больше, чем у другого, потому что в нём было больше любви.

[29] Я находился при первом в течение значительной части его последнего испытания, а также когда он предал душу Богу. Он восклицал: «Бог наказывает меня сильной болью; но за всё благодарю Его, за всё благословляю, за всё люблю!» Когда незадолго до освобождения его спросили: «Не малы ли для тебя утешения Божьи?» — он громко ответил: «Нет, нет, нет!» Называя всех стоявших рядом по именам, он говорил: «Думайте о небе, говорите о

небе: всё время потеряно, когда мы не думаем о небе». Это был голос любви, и насколько она господствовала, всё было утешением, миром и радостью. Но поскольку любовь его не была совершенна, несовершенным было и утешение. Случались промежутки раздражительности, а в них — страдания; и то и другое давало бесспорное доказательство, что любовь может усладить и жизнь, и смерть. Когда же она отсутствует в душе или помрачена, там нет ни мира, ни утешения.

30 Именно здесь я видел другого доброго воина Иисуса Христа, сражавшегося с последним врагом, смертью. Это было поистине зрелище, достойное взора Бога, ангелов и людей. Часть последних дыханий он отдал псалму хвалы Тому, Кто тогда давал ему победу; в уверенности в ней он начал торжествовать ещё в самом жару битвы. Когда его спросили: «Есть ли любовь Божья в твоём сердце?» — он поднял глаза и руки и ответил всеми оставшимися силами: «Да, да!» Тому, кто спросил, не боится ли он дьявола, о последнем нападении которого он только что упомянул, он ответил: «Нет, нет: мой любящий Спаситель победил всякого врага; Он со мною. Я ничего не боюсь». Вскоре он сказал: «Путь к нашему любящему Спасителю остёр, но короток». Немного спустя он погрузился в подобие дремоты, в которой душа его сладостно возвратилась к Богу, давшему её.

31 Здесь, заметим, не было примеси никакой страсти или расположения, противных любви; потому не было и страдания: совершенная любовь изгоняла всё, что могло причинить мучение. И кто бы ты ни был, если имеешь такую же меру любви, твой последний конец будет подобен его концу.

Об общественных развлечениях

[1] «Трубит ли труба в городе, и народ не испугался бы? Бывает ли бедствие в городе, которое не Господь попустил?»

[2] Амоса 3:6.

[3] Хорошо, если здесь не слишком много тех, кого эти слова пророка касаются слишком близко. Их ясный смысл, по-видимому, таков: неужели в мире есть люди столь тупые и бесчувственные, столь совершенно лишённые обыкновенного разума, столь равнодушные к спасению или гибели своей и ближних, что, услышав тревогу о приближающихся судах, не проявляют никакого страха, не заботятся об их предотвращении, но продолжают жить так же безмятежно, словно тревоги не было? Разве все не знают, что всякое постигающее их бедствие случается либо по Божьему попущению, либо по Его определению; и что всякое зло этой жизни Он предназначает предупредить людей, чтобы они избежали ещё больших зол? Что Он допускает эти более лёгкие знаки Своего неудовольствия, чтобы пробудить человечество, дать ему уклониться от вечного возмездия и, почувствовав его часть, вовремя вразумиться, изменив пути так, чтобы не восстал весь Его гнев? [108]

[4] Говоря об этом предмете, я намерен показать, во-первых, что нигде не бывает бедствия, в котором не участвовала бы рука Господня.

5 Во-вторых, что всякое необычайное бедствие — Божья труба, звучащая в том месте, чтобы народ внял предупреждению.

6 В-третьих, рассмотреть, испугались ли мы должным образом после того, как Бог протрубил в этом месте.

7 Во-первых, я должен в немногих словах показать, что нигде не бывает бедствия, в котором не участвовала бы рука Господня. Никакого зла, то есть никакой скорби или бедствия — общественного или частного, касающегося одного, немногих, многих или всех жителей места, куда оно приходит. Всякое обстоятельство, причиняющее утрату или боль одному человеку или нескольким, в этом отношении может называться злом; именно о таких бедствиях говорит пророк в этих словах.

8 О таких бедствиях мы должны верить, что они никогда не случаются иначе как с ведома и позволения Бога. О каждом из них можно сказать, что Господь совершил его либо непосредственно Своей силой, крепостью Своей десницы, либо повелев или попустив совершить его тем Своим служителям, которые исполняют Его волю. Ибо Господь — Царь, как бы нетерпелив ни был народ; да, великий Царь всей земли. Поэтому всё совершаемое на земле, кроме одного лишь греха, совершает Он Сам. Господь Бог Вседержитель по-прежнему царствует; всё настолько Ему подчинено, что воля Его должна исполниться, согласны мы или нет, как на небе, так и на земле. Не только благословенные ангелы, но всё служит Ему во всех местах Его владычества. Злых духов, управляющих тьмой этого мира, и подобных им людей Он направляет принуждением; бесчувственные и неразумные части творения — природой; людей же, подобных Богу, — их собственным выбором. Но так или

иначе, по своей воле или без неё, все действуют в повиновении Его воле, особенно когда среди суда Он вспоминает милость и попускает меньшее бедствие, чтобы предотвратить большее. По крайней мере тогда мы должны признавать Божью руку, какие бы орудия Он ни употреблял. Мало различия в том, исполняет ли Он Свой замысел силами неба или ада, ошибками, небрежностью или злобой людей. Если ангел-губитель выступает против города или страны, власть губить даёт ему Бог. Если злые люди угнетают одного или нескольких собратьев, нечестивые — Его меч. Если огонь, град, ветер или буря отпущены на землю, они лишь исполняют Его слово. Настолько несомненно, что нигде нет бедствия, которого Господь в этом смысле не совершил.

9 Во-вторых, я должен доказать, что всякое необычайное бедствие — Божья труба, звучащая в том месте, куда оно приходит, чтобы народ внял предупреждению.

10 Всякая личная скорбь, несомненно, — голос Бога, которым Он призывает человека прибегнуть к Нему за помощью. Но если случается необычайная скорбь, особенно затрагивающая многих, мы можем сказать не только, что Бог говорит с нами, но и что Бог славы гремит. Этот глас Господа силён! Этот глас Господа величествен! Он требует глубочайшего внимания всех, к кому приходит; громко требует самого серьёзного размышления не только от тех, кому специально послан, но и от всех окружающих. Словно глас с небес, он повелевает всему народу бояться, трепетать перед Божьим присутствием; каждому чувствовать и проявлять религиозный страх, священное благоговение перед Божьим величием — начало и совершенство мудрости; тот страх, который должен побуждать спешить исполнить

всё повелеваемое Господом Богом и тщательно не уклоняться ни направо, ни налево.

11 Нет нужды доказывать это многословно после уже доказанного. Ибо если нигде нет бедствия, которого не совершил Господь, и если Он неохотно посылает бедствие куда-либо, а лишь для предостережения от больших зол, то ясно: где бы ни было бедствие, там звучит Божья труба, чтобы народ устрашился и не продолжал ничего Ему неугодного. Тогда ясно, что в каждом таком милосердном бедствии Бог говорит как бы следующее: «О, если бы сердце этого народа было таково, чтобы они боялись Меня и всегда соблюдали Мои заповеди, дабы хорошо было им и детям их после них!»

12 В-третьих, теперь подробнее рассмотрю, какие признаки этого мудрого и благодарного страха мы проявили.

13 Рассмотрим, во-первых, как Бог протрубил в этом месте, и, во-вторых, испугались ли мы должным образом.

14 Рассмотрим сперва, как Бог протрубил среди нас, жителей этого места. И чтобы это никогда не забылось, весьма желательно не только, чтобы родители рассказали детям, дабы знало потомство и ещё не родившиеся дети, но и чтобы это было занесено в общественную летопись как постоянный памятник всем поколениям: в ту самую неделю и в тот самый день, когда и сюда собирались ввести развлечение, немало послужившее переворачиванию христианского мира вверх дном, вспыхнул такой пожар, какого ни мы, ни наши отцы в этом месте не видели. Огонь быстро распространился не на один, а на несколько жилых домов; шёл с такой неистовой силою, что вскоре преодолел слабое

сопротивление и оставил стоять от большинства захваченных зданий лишь столько, сколько могло оживлять память о нём. Пусть расскажут, что пришедшие в ожидании иного зрелища получили *зрелище* пожирающего пламени! Оно продолжалось всё время предполагавшегося развлечения и вместе с огненными столбами дыма, усиливавшими ужас, было слишком ясно видно с того самого места, которое избрали для увеселения.

15 Таковы простые факты. Пусть уже по ним всякий, в ком есть человеческий дух, рассудит, не достаточно ли прозвучала Божья труба среди нас, жителей этого места! И разве она издаёт неясный звук? Каким образом вы хотели бы, чтобы Бог говорил яснее? Желаете ли, чтобы Господь также возгремел с небес и послал град и горящие угли? Нет, лучше скажем: «Довольно! Не говори более, Господи, ибо слуги Твои слышат! Те, к кому Ты говорил суровее всего, боятся и ищут Тебя всем сердцем. Они решают не медлить, но уже *теперь*, с Твоей благодатной помощью, внимательно посмотреть, нет ли в них пути беззакония, и обратить стопы к пути вечному; отказаться от всего злого в очах Твоих, даже от греха, легче всего опутывающего их, и впредь со всем усердием делать твёрдым своё звание и избрание. Те, к кому Ты говорил через несчастье соседей, также страшатся Твоих знамений и признают, что лишь по Твоей благости они сами и их достояние не были истреблены. Они также твёрдо намерены истинно воспользоваться Твоим милосердным предупреждением: день за днём всё больше трудиться над очищением от всякого греха, от всякой земной привязанности, чтобы быть способными предстать пред тем Богом, Который Сам есть „огонь поядающий“!»

16 Но действительно ли мы устрашились так, как должно? Это теперь предстоит рассмотреть. Поскольку мы не можем видеть чужих сердец, составим суждение по поступкам; лучше всего послужит простой рассказ, о котором каждый слушающий легко скажет, истинен он или ложен.

17 На следующий день после того, как Божий голос столь страшно повелел нам сменить веселье на печаль, прерванное им развлечение с прежней жадностью начали вновь. Толпы людей устремились из того самого города, где накануне произошло разорение, и мчались мимо места опустошения к месту увеселения! Здесь можно было видеть землю, покрытую грудами развалин вперемешку с ещё не угасшим огнём; немного дальше она была столь же густо покрыта лошадьми и людьми, спешившими увидеть другое новое зрелище. С одной стороны скорбящие оплакивали утрату имущества и нужды семей, с другой — пирующие наслаждались полученным развлечением. Несомненно, такого смешения веселья и печали, пира и плача, смеха и слёз не видели со дня, когда наши предки впервые пришли в эту землю, до вчерашнего дня.

18 Вот какой страх перед Божьим гневом мы проявили! Вот как испугались после того, как Он протрубил среди нас! Вот признаки нашей решимости избегать всего неугодного Его очам! Этим мы доказали, как намерены избегать именно того развлечения, о котором Он дал нам столь страшное основание думать, что оно далеко не угодно Ему. Не то чтобы это было единственной причиной так думать. Помимо этого последнего печального довода против него, у нас столько других, что всякий серьёзный христианин счёл бы трудной задачей ответить на них. Но

у меня есть время лишь бегло упомянуть некоторые последствия, никогда ещё от него неотделимые.

19 Прежде чем назвать их, мне нет необходимости решать, греховно ли это развлечение само по себе, рассматриваемое отдельно. Если кто-нибудь найдёт скачки без этих последствий, пусть идёт на них во имя Бога. Только пока он не найдёт таких, которые не дают повода к этим или подобным злодеяниям, пусть именующий имя Христово остерегается каким бы то ни было образом поощрять их.

20 Замечу ещё одно: предостерегать благонамеренных людей о том, к чему ведут эти развлечения, настолько далеко от немилосердия, что чем яснее и сильнее кто-нибудь им это показывает, тем больше проявляет к ним любви. Это можно пояснить очень простым сравнением. Ты видишь вино, сверкающее в чаше, и собираешься выпить. Я говорю: в нём яд! — и потому прошу вылить его. Ты отвечаешь: «Вино само по себе безвредно». Я говорю: быть может, но если к нему примешано нечто вредное, ни один здравомыслящий человек, по крайней мере зная об этом и не умея отделить доброе от дурного, и не подумает пить. Если добавишь: «Для меня это не яд, хотя для других яд», — тогда я скажу: вылей ради брата, чтобы не придать и ему смелости пить. Зачем твоей силе губить немощного брата, за которого умер Христос? Пусть теперь каждый рассудит, кто немилосерден: тот, кто ради брата выступает против вина или развлечения, или тот, кто ради вина или развлечений выступает против жизни брата.

21 Всё возможное сомнение сводится к вопросу: «Есть ли яд в этом развлечении, которое предполагают

безвредным само по себе?» Чтобы выяснить это, заметим сперва явную ложь, всегда с ним соединённую, различные виды обмана и мошенничества, ужасные клятвы и проклятия, постоянно ему сопутствующие и хулящие имя Господа Бога нашего, благословенного вовеки. Когда или где было известно это развлечение без таких страшных последствий? Кто хоть один день присутствовал на одном из этих увеселений, не став свидетелем чего-нибудь подобного? Несомненно, одного этого, даже если бы мы не могли поставить ему в вину иных дурных последствий, достаточно, чтобы и Бог, и все мудрые люди гнушались им, пока не найден способ очистить его от них.

22 Но сверх того, во-вторых, мы обвиняем его в том, что оно предоставляет превосходные средства упражнять и умножать любостяжание. Оно даёт каждому желающему случай держать пари с другим, что обычно рождает столь сильное желание обладать чужим, что оно едва ли прекратится после решения одного спора; скорее всего, оставит в уме такую жажду, какой не удовлетворят все выигрыши мира. И чем пустяковое развлечение тысячи людей может возместить одну так растлённую и погубленную душу? Поэтому и по этой причине, пока не известен способ оградить всех посещающих его от такой опасности, само это развлечение вполне может быть мерзостью для Того, Кто ценит одну душу больше целого мира.

23 Не вправе ли мы опасаться, что оно мерзость пред Господом и из-за третьего последствия: оно так легко воспламеняет страсти, которые Он столь настойчиво повелевает угашать; многие люди в таких случаях распаляются так, как никогда ни в каком случае не должны? Допустим, человек может гневаться и не

грешить; однако едва ли при подобных обстоятельствах или в той степени, в какой обыкновенно гневаются тогда люди. Кто хочет, чтобы такое развлечение перестало быть неугодным Богу, пусть устранит и такое его последствие.

[24] Пока это не сделано, пусть никто не говорит: «Что дурного в скачках?» Но если кто всё же задаст такой вопрос, мы можем ответить ещё определённее. Ты молод и желаешь пойти? Тогда, вероятно, идёшь либо посмотреть, либо показать себя: восхищаться другими прекрасными зрелищами или самому вызывать восхищение. Вред в том, что это питает дружбу, являющуюся враждой с Богом. Усиливает и без того слишком сильные привязанности — похоть очей и гордость житейскую. Все подобные развлечения — лучшие орудия дьявола, чтобы наполнить ум земными, чувственными, бесовскими страстями, сделать дух легкомысленным и пустым; одним словом, сделать тебя более любящим удовольствия, нежели Бога. Ты, желающий пойти, уже в летах и потому менее подвержен таким искушениям? Берегись, чтобы сердце не обмануло тебя. Но пусть всё так, как ты полагаешь: разве вреда недостаточно, если это помешало кому-либо из вас приобщиться благословенного таинства; если, воспрепятствовав серьёзному самоиспытанию или уединённой молитве, которые вы мудро совершаете перед ним, развлечение заставило пренебречь приходом к святому столу и тем не только ослушаться ясной Божьей заповеди, но и потерять все неоценимые преимущества, предлагаемые там послушным? Ты богат и желаешь пойти? Тогда, вероятно, ты что-нибудь пожертвовал на это. То есть выбросил семя, которое могло принести плод для вечности; растратил часть таланта, правильное употребление которого принесло бы тебе вечную

прибыль; совершенно потерял то, что Сам Бог щедро воздал бы, если бы ты дал Ему взаймы. Ибо ты отдал тем, кто не нуждается и, быть может, не благодарит; если бы отдал беспомощным братьям, благословенный Искупитель счёл бы это сделанным Ему Самому и соответственно поступил бы с тобою в великий день. Ты беден и посетил это развлечение или дал на него что-либо? Тогда тебе оно причинило больше вреда, чем всем. Оно заставило тебя растратить на праздную забаву вне дома то, в чём дома нуждались жена и семья. Если так, ты отрёкся от веры и гораздо хуже неверного. Но предположим, денег это не стоило: разве недостаточно вреда, если стоило хоть сколько-нибудь времени? Зачем тебе было бегать за пустыми развлечениями, когда следовало заниматься честным трудом? Конечно, богатые могут думать, что Бог дал им больше необходимого, хотя хорошо бы им однажды не подумать иначе; но у *тебя* нет искушения так думать. Довольно для твоего дня его труда.

25 Остаётся прибавить немного слов, и я обращаю их не к тем, кто не желает слушать, чьи привязанности обращены к этому миру и чьи глаза потому им ослеплены, но к имеющим разумное сердце и рассудительный дух; к тем, кто, если прежде заблуждался, теперь решился Божьей благодатью не возвращаться к ложным путям, а впредь не только избегать, но и усердно противиться всему противному Божьей воле. Им я говорю: вы молоды? Тем более презирайте всякие бесполезные занятия, особенно греховные, ибо ваша мудрость и слава — помнить Создателя в дни юности. Вы старше? Тем более посвящайте всё время, свободное от необходимых дел этой жизни, приготовлению себя и окружающих ко входу в лучшую жизнь. Ибо день ваш склонился, ночь близка; искупайте же оставшееся малое время. Вы богаты? Тогда

у вас особая причина трудиться, чтобы быть богатыми добрыми делами, ибо вам много дано — не расточать, а употреблять хорошо и мудро, — и с вас много взыщется. Вы бедны? Тогда у вас особая причина работать собственными руками, чтобы обеспечивать домашних. Но, сделав это, вы ещё не сделали всего: затем надлежит трудиться, чтобы подать нуждающемуся, не нуждающемуся в развлечениях, а нуждающемуся в необходимом для природы — в одежде, чтобы прикрыться, в пище, чтобы поддержать жизнь, в доме, где преклонить голову.

[26] Что остаётся, кроме того, чтобы всем нам, молодым и старым, богатым и бедным, трудиться над снятием прошлого позора с нашего города и народа? Во-первых, впредь всеми силами, словом и делом, среди друзей и всех, с кем имеем дело, противиться этому несчастному развлечению со столь страшно пагубными последствиями, делая всё возможное, чтобы оно более не приходило к нам. Во-вторых, оказывать всё доступное милосердие пострадавшим соседям сообразно данному Богом достатку и этой своевременной помощью полагать себе доброе основание ко дню нужды. В-третьих, постоянно участвовать в общественном богослужении и благословенном таинстве, вести бдительную, милосердную и благочестивую жизнь. Так мы дадим перед людьми и ангелами самое благородное доказательство, что хотя даже после постигшей нас тревоги мы пошли неверно, однако, глубже обдумав, как Бог протрубил среди нас, устрашились. Тогда скажем пробуждённым сердцем: вот, Господь Бог наш явил нам славу и величие, и мы слышали голос Его из среды огня. Теперь же, пока есть время, удалим от себя всё заклятое:

«Ибо если ещё услышим этот голос Господа Бога нашего, то умрём».

О Святом Духе

[1] Произнесено в церкви Святой Марии в Оксфорде в день Пятидесятницы 1736 года.

[2] «Господь есть Дух».

[3] 2 Коринфянам 3:17.

[4] Апостол показывал, насколько служение Евангелия превосходит служение Закона: пришло время отложить прообразы и тени и призывать нас к исполнению долга зрелыми и благородными побуждениями ясного и полного откровения, открытого и свободного со стороны Бога и ничем не скрытого Его посланниками. Но главным образом он настаивает не на *способе*, а на *предмете* их служения: «Он дал нам способность, — говорит апостол, — быть служителями Нового Завета, не буквы, но Духа; потому что буква убивает, а Дух животворит». Здесь великое различие двух устроений: Закон был действительно *духовен* в требованиях, предписывая посвящённую Богу жизнь в соблюдении многих правил; но, не сообщая духовной помощи, он лишь убивал и умерщвлял человека, давая ему понять, что тот непременно находится в состоянии великого растления, раз ему столь трудно повиноваться Богу; и что, как это установление налагало отдельные смертные казни за отдельные грехи, так смерть вообще есть лишь следствие всеобщей его греховности. Но служение Нового Завета было служением «Духа животворящего» — Духа не только обещанного, но действительно дарованного, Который должен и ныне дать христианам силу жить для Бога и исполнять предписания ещё более духовные, чем

прежние, и впоследствии восстановить их к совершенной жизни после разорения грехом и смертью. Воплощение, проповедь и смерть Иисуса Христа предназначались для того, чтобы представить, возвестить и приобрести нам этот дар Духа; потому апостол говорит: «Господь есть тот Дух», или Дух.

5 Такое описание Христа было подходящим побуждением для иудеев уверовать в Него; и для христиан оно остаётся необходимым наставлением, направляющим их ожидания от Него. Но, думаю, нынешний век сделал особенно необходимым твёрдо знать, что есть для нас Христос: этот вопрос так по-разному разрешают, с одной стороны, благочестивые, но слабые объяснения некоторых притязающих на *веру*, а с другой — более ясные, но не вполне христианские объяснения некоторых притязающих на *разум*. Одни выводят из Него «праведность Божию», но в несколько неточном и переносном смысле; другие — не более чем грамоту о прощении и нравственную систему. Одни так истолковывают Евангелие, что полагают святость, через которую должны спастись, в чём-то Божественном, но внешнем по отношению к себе; другие — в том, что действительно внутри них, но не выше человеческого. Надлежащее врачевство против неясности с одной стороны и неверия с другой, по-видимому, содержится в учении моего текста: «Господь есть Дух».

6 Рассуждая об этих словах, я рассмотрю:

7 I. Природу нашего падения в Адаме; отсюда станет видно, что если бы «Господь» не был «Духом», нельзя было бы сказать, что Он спасает или искупает нас от падшего состояния.

[8] II. Рассмотрю Личность Иисуса Христа; отсюда станет видно, что «Господь есть Дух». И

[9] III. Исследую природу и действия Святого Духа, даруемого христианам.

[10] I. Мне предстоит рассмотреть природу нашего падения в Адаме.

[11] Наши прародители наслаждались присутствием Святого Духа, ибо были сотворены по образу и подобию Божьему, которое было не чем иным, как Его Духом. Им Он сообщает Себя творениям, и лишь через Него они могут носить какое-либо подобие Ему. В самом деле, это Его жизнь в них, и она столь подлинно Божественна, что на этом основании ангелы и возрождённые люди называются Его детьми.

[12] Но когда человек не пожелал быть водим Святым Духом, Дух оставил его. Когда он пожелал быть мудрым собственным путём и собственной силою и не зависел в простоте от Небесного Отца, семя высшей жизни было отнято у него. Он уже не был пригоден к образованию в небесное состояние, раз испытывал столь недостойное влечение, или, вернее, зависимость от земного плода, который, как он знал, Бог не благословит ему; не был пригоден принимать сверхъестественную помощь, раз не мог довольствоваться своим счастливым положением перед Богом без чрезмерно любопытного исследования его.

[13] Тогда он обнаружил себя оставленным Богом и предоставленным бедности, слабости и страданию собственной природы. Теперь он был всего лишь животным, подобным другим существам из плоти и крови, но обладавшим более обширным разумением.

Посредством его он либо впадал в большие нелепости, чем те могли совершить, либо приходил к сознанию утраченного счастья и становился на верный путь его возвращения. То есть, оставаясь беспечным отступником, он любил и восхищался благами мира, составляющими достаточное счастье лишь животных, и, чтобы возвысить их и скрыть недостатки, прибавлял все украшения, какие мог изобрести превосходящий их ум. Или же — что действительно выше животных, но не ближе, чем первое, к совершенству человека как причастника Бога — создавал себе новый мир в теории: то пылкими воображениями, то холодными рассуждениями пытался возвеличить своё положение и оправдать поведение или по крайней мере отвлечься от ощущения собственной низости и расстройства.

14 Если же, напротив, он желал познать бедствия своего падения, разум мог дать основания к постоянному плачу, презрению к себе и самоотречению; мог указать печальные последствия отпадения от Бога и утраты Его Духа — в стыде и муке природы, несогласной с самою собой: жаждущей бессмертия, но подверженной смерти; одобряющей праведность, но находящей удовольствие в несовместимом с нею; ощущающей безмерную нужду в чём-то, что усовершило бы и удовлетворило все её способности, но неспособной узнать, что это за великое благо, иначе как из нынешних недостатков, и как достичь его, иначе как идя против нынешних склонностей.

15 Неудивительно, что Адам теперь обнаружил себя *нагим*: не кто иной, как Сам Бог, удалился от него. До тех пор он испытывал лишь благость и сладость Бога; небесная жизнь разливалась по всему его существу, словно он был создан не из праха; ум был исполнен

ангельской мудрости; руководство свыше вело его за руку; он ходил и мыслил праведно и не казался ребёнком или новичком в Божественном. Но теперь предстояло испытать другое: нечто в душе, чего он не находил и не должен был бояться, пока нежное веяние Божественной благодати несло его прямо вперёд; нечто в теле, чего он не мог видеть и на что не мог жаловаться, пока тело было покрыто славой. В душе он ощущает недовольство собою, смятение и разлад, обычные для других духов, утративших Бога; в теле видит причины нынешнего стыда и будущего распада, а также сильную привязанность к низменной жизни, общей с животными, никогда не причащавшимися Божественной природы.

[16] Поэтому общий характер нынешнего состояния человека — смерть: смерть в отлучении от Бога, вследствие которой мы более не имеем общения с Ним и счастья в Нём, более не сияем Его славой и не действуем Его силами. Правда, пока мы существуем, мы должны *«Им* жить, двигаться и существовать»; но ныне это происходит не *сыновним*, а лишь *рабским* образом, как в Нём существуют все, даже самые низшие творения. Одно дело — получать от Бога способность ходить и говорить, есть и переваривать пищу, поддерживаться Его рукой как часть земного творения и на одинаковых с ним условиях, для дальнейшего испытания или возмездия; другое — получать от Него жизнь, являющуюся Его собственным подобием, иметь в себе нечто не от этого творения, питаемое непосредственно Его словом и силою.

[17] Но это ещё не всё, что заключено в человеческом грехе. Человек не только сам склонен ко всей тупости влечений и всей гордости разума, но и попал под наставничество *лукавого*, который могущественно

содействует ему в обоих. Первоначальное его состояние было состоянием самого простого подчинения Богу, дававшего право пить от Его Духа. Но когда, не довольствуясь действительным пребыванием в раю под столь полным светом Божьего лица, какой мог вместить, он непременно захотел знать добро и зло и на разумных основаниях убедиться, лучше ли ему быть таким, как он есть; когда, презрев руководство, подобающее ребёнку, пожелал сам взвешивать всё и искать лучшего доказательства, чем голос Создателя и печать Духа в сердце, — тогда он не только послушался старшего сына гордости, но и уподобился ему, получив несчастное право на частые посещения, или, вернее, постоянное влияние с его стороны. Как жизнь была соединена с соблюдением заповеди и потому в теле обитал тот Дух, Который один мог образовать его к истинной жизни, так, осуждённый на смерть за преступление, человек теперь был предан «имеющему державу смерти, то есть дьяволу», чьи враждебные и пагубные воздействия одновременно умножают смерть и грех.

18 Если таково состояние человека и Бог посылает ему Искупителя, что Искупитель должен для него сделать? Достаточно ли быть провозвестником нового закона, дать ряд превосходных предписаний? Нет: даже если бы мы могли исполнить их, одно это не сделало бы нас счастливыми. Добрая совесть приносит счастье согласия с самим собою, но не счастье возвышения над собою в Бога, а именно в этом, как каждый в конце концов обнаружит, он нуждается. Должен ли Искупитель быть источником *вменённой* праведности и приобрести нежнейшее благоволение всем последователям? И этого недостаточно. Хотя бы человек был признан праведным и освобождён от всякого наказания, если он столь же

действительно порабощён растлению природы, сколь наделён этими преимуществами искупления, едва ли сможет успокоиться. И какое бы благоволение ни получил он от Бога здесь или впоследствии, без сообщения Самого Бога оно не станет ни исцелением падшего духа, ни счастьем примирённого. Поэтому не должен ли наш Искупитель быть, согласно описанию Его предтечи святого Иоанна, Тем, Кто «крестит Духом Святым», Источником и Восстановителем для человечества того, чем оно возвращается к первоначальному состоянию и наслаждению Богом? Это даёт предварительное основание заключить, что «Господь есть Дух».

19 II. Но яснее это станет из второго предложенного предмета — рассмотрения Личности Иисуса Христа.

20 Он был Тем, Кому «Бог дал Духа не мерою», но «в Нём обитала вся полнота Божества телесно», и «от полноты Его все мы приняли и благодать на благодать». Действительно, всякое сообщение Божества, какое могли принять творения, всегда исходило от Него как от Слова Божия; но всё, что человечество должно было теперь получить в земном состоянии, должно было исходить от Него посредством того тела, которое Он принял ради людей: сначала смертного, подобного их телам, затем славного «в подобии Божием».

21 В начале небесное Слово, будучи Духом, исходившим от Отца, и Словом Его силы, создало человека образом бессмертия, по подобию Отца; но созданный по образу Божьему впоследствии стал смертным, когда более могущественный Дух отделился от него. Чтобы исцелить это, Слово стало Человеком, дабы человек, получив усыновление, вновь стал сыном Божьим; чтобы свет Отца

почил на плоти нашего Господа и оттуда ярко пришёл к нам, и чтобы человек, окружённый светом Божества, был введён в бессмертие. Воплотившись и став человеком, Он возглавил в Себе все поколения человечества, сделав Себя средоточием нашего спасения, чтобы утраченное в Адаме — сам образ и подобие Бога — мы получили во Христе Иисусе. Нисхождением Святого Духа на Марию и осенением её силой Всевышнего совершилось воплощение Христа и явлено было новое рождение, которым человек должен родиться от Бога, чтобы, как первым рождением мы унаследовали смерть, этим рождением унаследовать жизнь.

22 Именно этому учит святой Павел: «Первый человек Адам стал душою живущею, а второй Адам — духом животворящим». Всё, чем первый человек обладал сам по себе, всё переданное им нам — «живая душа»: природа, наделённая животной жизнью и способная принять духовную. Но второй Адам есть и стал для нас «духом животворящим»; силою от Него как нашего Создателя мы первоначально были подняты выше самих себя; силою от Него как нашего Искупителя снова будем жить для Бога.

23 В Нём сохранено для нас то восполнение природы, нужду в котором мы рано или поздно обнаружим, как обнаружим и то, что его нельзя заменить никакой помощью творений или усовершенствованием собственных способностей. Ибо мы созданы быть счастливыми лишь в Боге; и все труды и надежды, пока мы не жаждем обоженного состояния — причащаться Богу столь же истинно, как причащаемся плоти и крови, прославиться в Его природе, как были обесчещены в собственной, — суть труды и надежды людей, совершенно не понимающих самих себя.

[24] Божественная мудрость знала наше истинное утешение, хотя мы его не знали. Что явственнее всего открывается в Спасителе мира, как не соединение человека с Богом? Соединение, сопровождаемое всей правильностью поведения, к которой призваны *мы*, стремящиеся получить Духа: хождение с Богом в простоте сердца, совершенное самоотречение и жизнь страданий. Соединение, подчинившееся необходимым ступеням нашего восхождения: до смерти Божественная жизнь большей частью была сокрыта в тайне души; в состоянии разлучения утешала душу, но не возносила выше промежуточной области рая; при воскресении облекла тело небесными свойствами и силами бессмертия; наконец вознесла его к непосредственному присутствию и деснице Отца.

[25] Христос — не только Бог над нами, что может держать нас в благоговении, но не может спасти; Он — Эммануил, Бог с нами и в нас. Поскольку Он Сын Божий, Бог должен быть там, где Он; поскольку Он Сын человеческий, Он будет с человечеством. Отсюда следует, что в будущем веке «скиния Бога будет с людьми» и Он явит им Свою славу; а ныне Он будет *обитать* в их сердцах через веру в Сына Своего.

[26] Надеюсь, достаточно ясно показано, что «Господь есть Дух». Принимая во внимание то, чем мы являемся и чем были, ничто меньшее, чем вновь принять этого Духа, не было бы для нас искуплением; принимая во внимание, Кто та небесная Личность, которая послана быть нашим Искупителем, мы не можем ожидать от Него меньшего.

[27] III. Теперь перехожу к третьему предложенному предмету — исследованию природы и действий Святого Духа, даруемого христианам.

[28] Здесь я оставлю в стороне особые чрезвычайные дары, дарованные в первые века для созидания Церкви, и рассмотрю лишь, что есть Святой Дух для каждого верующего в его личном освящении и спасении. Не каждому дано воскрешать мёртвых и исцелять больных. Самое необходимое — быть уверенными относительно себя, что мы «перешли от смерти к жизни»; хранить тела чистыми и непорочными и давать им пожинать здоровье, проистекающее из великодушного терпения и ясных радостей благочестия. Святой Дух давал людям способность говорить языками и пророчествовать; но наиболее необходимый сопутствующий Ему свет — это свет для различения обманов плоти и крови, отвержения безбожных правил мира и осуществления тех степеней упования на Бога и любви к людям, основание которых лежит не столько в нынешнем виде вещей, сколько в ещё грядущем. Предмет, к познанию которого этот свет непосредственно приводит нас, — мы сами. Благодаря этому рождённый от Бога и имеющий живую надежду может действительно далеко видеть в путях Провидения и ещё дальше — в Священном Писании; ибо Священное Писание, за исключением некоторых случайных и менее необходимых частей, есть лишь история того нового человека, которым он сам является; а Провидение — лишь мудрое расположение событий ради пробуждения отдельных людей и созревания мира вообще к пришествию Царства Христова.

[29] Но, думаю, истинное понятие о Духе таково: Он есть некоторая доля, а вместе и приготовление к жизни в Боге, которой мы будем наслаждаться впоследствии. Дар Святого Духа всецело обращён к воскресению, ибо тогда Божья жизнь в нас получает завершение.

30 Тогда, когда человек пройдёт через все *наказания* за грех — изнурительный труд и суету человеческой жизни, мучительные размышления пробуждённого ума, немощи и распад тела, все страдания и умерщвления, которые праведный Бог положит на его пути, — когда таким образом придёт к познанию Бога и себя, ему можно будет безопасно вверить истинную жизнь, свободу и украшения чада Божия: он более ничего не присвоит себе. Тогда Святой Дух будет дарован в полной мере, когда плоть уже не станет противиться Ему, но сама изменится в ангельское состояние, облекшись в нетление Святого Духа; когда тело, которое, родившись вместе с душой и живя через неё, могло называться лишь душевным, теперь станет духовным, через Духа восставая в вечность.

31 Всё в христианстве есть некоторое предвкушение того, что совершится в конце мира. Если апостолы по повелению Учителя должны были проповедовать, что «приблизилось Царство Божие», смысл заключался в том, чтобы отныне все люди устремили глаза к счастливому времени, предсказанному пророками, когда Мессия придёт и восстановит всё; чтобы, отрёкшись от мирского образа жизни и подчинившись евангельскому установлению, они приготовили себя к этому благословению и приблизили его. «Теперь мы дети Божии», — говорит святой Иоанн; однако даруемое Им ныне едва ли оправдает это имя, если не принять в расчёт полноту Его образа, которая тогда откроется в нас, когда будем «сынами Божиими, будучи сынами воскресения».

32 Итак, истинные верующие вступили в жизнь, *продолжения* которой не знают, ибо это «жизнь, сокрытая со Христом в Боге». Он, Предтеча, достиг её завершения, уйдя к Отцу; но мы не можем знать о ней

больше того, что явилось в Нём, пока Он был на земле. Даже этого не узнаем иначе, как следуя Его стопам; если будем следовать, то день за днём настолько укрепимся и обновимся во внутреннем человеке, что, ощущая «предлежащую нам радость», не станем желать утешения от нынешнего мира, хотя внешним человеком будем подвержены скорбям и разрушению и с нами станут обращаться как с отребьем всего.

33 Человеку вполне уместно спросить собственное сердце, способно ли оно принять Духа Божьего. Ибо там, куда входит этот Божественный Гость, должны соблюдаться законы иного мира. Тело надлежит отдать мученичеству или истощить в христианском воинствовании столь же беззаботно, словно душа уже обеспечена домом с небес; с благами мира надлежит расставаться столь же свободно, словно последний огонь захватит их завтра; ближнего любить столь же сердечно, словно он омыт от всех грехов и воскресением из мёртвых явлен чадом Божьим. Плоды этого Духа должны быть не просто нравственными добродетелями, рассчитанными на удобство и благопристойность нынешней жизни, но святыми расположениями, соответствующими побуждениям уже начавшейся высшей жизни.

34 Так стремиться вперёд, куда зовёт обетование жизни, отвернуться от мира и утешаться в Боге — всякий имеющий веру признаёт это справедливым и необходимым и принуждает себя делать это. Всякий имеющий надежду делает это охотно и горячо, хотя и не без труда; имеющий же любовь делает легко и в простоте сердца.

35 Состояние любви, сопровождаемое «радостью неизреченною и преславною», покоем от человеческих

страстей и сует, цельностью неизменного суждения и неразделённой воли, в значительной мере само себе награда; но не настолько, чтобы устранить желание иного мира. Хотя человек, имеющий свободную и ненасытную любовь к добру, редко нуждается в том, чтобы намеренно ставить перед собою надежды воздаяния ради преодоления неохоты к долгу, он несомненно должен жаждать наилучшего из всего, ощущать явное влечение к той стране, где ему уже назначены место и положение, и присоединяться к усердному ожиданию всех творений, ожидающих откровения сынов Божиих. Ибо ныне мы получаем лишь некоторую долю Его Духа, чтобы образовать и приготовить нас к нетлению, постепенно приучая принимать и носить Бога внутри себя; потому апостол называет это «залогом Духа», то есть частью той чести, которая обещана Господом. Если же залог, пребывающий в нас, делает нас духовными уже теперь, а смертное словно поглощается бессмертием, каково будет, когда, воскреснув, увидим Его лицом к лицу? Когда все наши члены разразятся песнями торжества и прославят Воскресившего их из мёртвых и даровавшего вечную жизнь? Ибо если этот залог, объемля человека в себе, уже теперь заставляет его воскликнуть: «Авва, Отче», — что совершит вся благодать Духа, когда, наконец данная верующим, она уподобит нас Богу и усовершит волею Отца?

[36] Так я исполнил первоначальный замысел: рассмотрел природу нашего падения в Адаме, Личность Иисуса Христа и действия Святого Духа в христианах.

[37] Единственный вывод, который я сделаю из сказанного, главным образом из описания человеческого падения, — разумность заповедей самоотречения, ежедневного

страдания и отречения от мира, столь свойственных христианству и составляющих единственное основание, на котором можно осуществить или приобрести другие добродетели, рекомендуемые Новым Заветом, в подразумеваемом там смысле.

[38] Этот вывод столь естествен, что на всём протяжении рассуждения я не мог не предвосхищать его в некоторой мере. Казалось бы, нетрудно убедить творение гнушаться знаками собственного бедствия; не любить состояние или жилище, назначенные ему лишь изгнанием и бесчестием; попрать величие, отказаться от утешений и усомниться в мудрости жизни, сама природа которой — отделять его от Бога.

[39] Твой Спаситель повелевает «возненавидеть собственную жизнь». Если спрашиваешь о причине, войди в сердце и посмотри, свято ли оно и исполнено Бога, или, напротив, в нём совершается многое противное Ему и оно стало насаждением врага. Если это исследование слишком тонко, взгляни на тело. Находишь ли там ангельское сияние, всю силу бессмертия? Если нет, будь уверен, что душа находится в той же степени бедности, наготы и отлучённости от Бога. Правда, душа может раньше тела быть вновь допущена к некоторым лучам света Божьего лица; но если желаешь сделать хотя бы шаг к этому, первым должно стать недовольство нынешним собою.

[40] Ты хочешь знать причину, по которой должен отречься от мира. Правда, ты не видишь его князя, ходящего повсюду,

[41] «ища, кого поглотить»; и можешь настолько не знать его козней, что не замечаешь их и в самых благовидных

деловых и учёных занятиях, как и в самых неистовых погонях за удовольствием. Но одного ты не можешь не видеть: мир более не есть Божий рай, охраняемый и облагороженный светом славы. Это место, где Бог определил в лучшем случае не являться тебе, но оставить в состоянии надежды, что ты увидишь Его лицо, когда этот мир распадётся.

42 Однако есть путь в значительной мере избавить себя от дурных последствий нашего плена, и наш Спаситель научил ему. Этот путь — страдание. Мы должны не только, подобно Ему, «много пострадать» и так войти в славу, но также много пострадать, чтобы уже ныне подняться над своим растлением и наслаждаться Святым Духом.

43 Мир имеет власть над нами лишь до тех пор, пока мы живо вкушаем его утешения; страдание ослабляет этот вкус. Страдание — действительно прямое опровержение притязаний, которыми льстивый искуситель завоёвывает нас. Ибо я нахожусь в человеческой жизни; если она содержит такую мягкую негу, восхитительное удовольствие, славное величие, какие ты обещаешь, почему со мною так? Потому ли, что я ещё не приобрёл богатства для покоя или общепринятых достоинств для значительности? Тогда я вижу, что всё предлагаемое тобою утешение состоит в уведении меня от себя самого; но я лучше глубоко войду в собственное состояние, как бы дурно оно ни было. Быть может, ощущая личные и действительные скорби и бедствия, я буду ближе к Богу, вечной Истине, чем ощущая утешения, которые не таковы. Я уже начинаю замечать, что все мои тяготы сходятся в одной точке: в основании всегда лежит одна великая утрата или нехватка — не друзей или золота, не

здоровья или философии. Постоянное ощущение её, возможно, станет молитвой в ушах Всевышнего: молитвой, исходящей не из набора отвлечённых понятий, но из подлинного, неприкрытого состояния всего моего внутреннего существа; не настолько определённой, чтобы описать недостающее, но, учитывая странность моей нужды, настолько определённой, насколько я могу её сделать. Поэтому, раз страдание открывает мне дверь надежды, я не отвергну его, пока жив. Оно помогает истинно узнать один период моего существования, хотя и низкий, и скорее обещает некоторую связь с более славным периодом, который может последовать, чем искусства самоуслаждения, забавы гордости и лености и вся тёмная хитрость мира, воюющая против всей истины, которую человек должен узнать и почувствовать, прежде чем сможет обратить взор к Богу. Быть может, оставаясь на кресте, я, подобно Спасителю, совлеку «начальства и власти», всё более освобожусь от действительного подчинения этим злым властителям, в котором Он лишь казался пребывающим, и «восторжествую над ними в нём». По крайней мере в день Божьего посещения станет видно, что моё сердце, хотя и сделалось недостойным Его обитания, было слишком велико, чтобы утешиться каким-либо Его творением, и сохранялось для Него как место изначально священное, хотя ныне нечистое.

[44] Но предположим, наше состояние действительно требует «ежедневно умирать», приносить в жертву всё, чем нынешняя жизнь может хвалиться или наслаждаться, прежде чем отдать саму жизнь. Предположим также, что в тот час, когда мы делаем что-нибудь подобное, получаем от Бога свет и силу, чтобы стать выше немощей, и плавно несёмся к Нему в радости Святого Духа. Но как человек может иметь столь частые случаи страдать?

Действительно, мученичества бывают не в каждый век, и некоторые дни могут проходить без людских поношений; мы можем быть здоровы, не нуждаться в пище и одежде, хотя сами здоровье и питание обязывают к труду постоянного их исправления. И всё же любовь к Богу и небесная надежда не останутся в этом мире без чего-либо их теснящего.

45 Пусть человек спокойно сойдёт в своё сердце и посмотрит, не произрастает ли какой корень горечи; не устремляются ли хотя бы мысли, всегда находящиеся в движении, порою к замыслам, внушённым гордостью, не погружаются ли в ленивую пустоту, не запутываются ли в низких тревогах. Не находит ли он движения гнева или весёлости, мгновенно заквашивающего всё существо, лишающего кротости и устойчивого разумения, к которым он стремился? Или пусть когда-нибудь представит то непритворное послушание, бдительную ревность и достоинство поведения, которые подобают, не говорю ангелу, но грешнику, имеющему «добрую надежду по благодати», и постарается подняться к ним. Если не найдёт внутри никакого препятствия, тогда у него действительно нет случая страдать. Но если он столь низкое творение, что, если благодать не станет непрестанно принуждать его, будет часто возвращаться к образу мысли и действия совершенно без Бога, — тогда никогда не останется без случаев страдать. Он найдёт собственную природу таким же бременем для себя, каким для Спасителя был «род неверный и развращённый», о котором Он сказал: «Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?»

46 Завершу всё превосходной соборной молитвой нашей Церкви: «Боже, во все века наставлявший сердца верного

народа Твоего посланием света Святого Духа, дай нам тем же Духом право судить обо всём и всегда радоваться Его святому утешению, через заслуги Иисуса Христа, Спасителя нашего, Который живёт и царствует с Тобою в единстве того же Духа, единый Бог, во веки веков. Аминь».

Примечания

1. Редакционное примечание Life for God. Автор этой проповеди — Чарльз Уэсли, брат Джона Уэсли. Историческое примечание к заглавию указывает, что она произнесена в Оксфорде 4 апреля 1742 года. Порядковый номер 3 сохранён по общему собранию. ↑

2. Редакционное примечание Life for God. В электронной транскрипции ссылка дана как Деян. 27:22. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 40, восстановлена ссылка Деян. 28:22. ↑

3. Редакционное примечание Life for God. Вместо ошибочной ссылки Быт. 12:15, 18 в электронной транскрипции восстановлено Быт. 22:16, 18 по печатному изданию 1846 года, том I, с. 62. ↑

4. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 91, восстановлено without fear or love («без страха или любви») вместо ошибочного without fear of love в электронной транскрипции. ↑

5. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 95, восстановлены sees («видит») вместо sets и пропущенное в электронной транскрипции греческое слово τετραχηλισμενον; следующее за ним пояснение сохранено в обоих языках. ↑

6. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 101, восстановлено sons or servants («сыны или слуги») вместо ошибочного sons of servants в электронной транскрипции. ↑

7. Редакционное примечание Life for God. Восстановлено seared conscience («прижжённая совесть») вместо ошибочного sacred conscience в электронной транскрипции. Свидетель: печатное издание 1846 года, том 1, с. 134. ↑

8. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 138, восстановлена ссылка 1 Кор. 3:1, 3 вместо 1 Кор. 3:13; в электронной транскрипции номера стихов ошибочно соединены. ↑

9. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 138, восстановлена ссылка Откр. 2:2–4 вместо Откр. 2:24; в электронной транскрипции номера стихов ошибочно соединены. ↑

10. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 161, 167, 170, исправлены ссылки Лк. 21:11 и Откр. 22:3–4 и восстановлена фраза «to their disadvantage; that» вместо повреждённого электронного чтения. ↑

11. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 179, 185, 187, удалены служебные знаки, разрывавшие слова works, shall, his soul и all that, и восстановлено чтение «I shall keep». ↑

12. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 191–199, исправлены 23 ошибки электронной транскрипции, в том числе «his power», «his hand», «not subject» и «seeing Him that is invisible». Историческая сноска N.B. сохранена один раз после соответствующего абзаца; её техническое повторение удалено. ↑

13. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 201, 203, восстановлены «fulfilled the law in his life» и ссылка на 1 Ин. 5:18; электронная транскрипция ошибочно указывала третью главу. ↑

14. Редакционное примечание Life for God. Ссылка Пс. 18:1 восстановлена по печатному изданию 1846 года, том I, с. 215; электронная транскрипция ошибочно указывала Пс. 28:1. ↑

15. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 223, 226, 228, 230, устранены повреждения was, not necessarily, purchased by it, with their hearts they believe и righteously. В ссылке на Кальвина l.2 обозначает вторую книгу, а не число 1.2. ↑

16. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 238, восстановлено he («он») вместо ошибочного be. ↑

17. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 260, восстановлены sending each other («отправляя друг друга») и единственное число mountain («гора»). ↑

18. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 273, восстановлено by this mark («по этому признаку») вместо ошибочного by his mark. ↑

19. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 281–283, 288, удалены два посторонних lo,

восстановлены пропущенные judgment and («суда и») и be done вместо ошибочного he done. ↑

20. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 301–302, исправлены ajusted на adjusted и пропущенное as в сравнении as well as. ↑

21. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 313–314, 318–319, 321–322, исправлены шесть повреждений транскрипции: восстановлено andron в греческой фразе, удалено лишнее oon kai, удалено постороннее I, восстановлены so и обращение And hail thee Sovereign, a more исправлено на move. ↑

22. Редакционное примечание Life for God. Ссылка Деян. 13:1–3 восстановлена вместо ошибочного Деян. 13:13. Свидетель: печатное издание 1846 года, том 1, с. 331. ↑

23. Редакционное примечание Life for God. Восстановлено rereward («защита позади») вместо ошибочного reward («награда»). Свидетель: печатное издание 1846 года, том 1, с. 338. ↑

24. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 346, 348, исправлены повреждённые фразы «Only with God all things» и «this treasure, thou art», а в латинской цитате восстановлены печатные чтения lippuæ и podagram. Необычная печатная форма lippuæ сохранена без исправления по классическому источнику. ↑

25. Редакционное примечание Life for God. Удалены два ошибочно вставленных знака I в электронной транскрипции фраз «second thoughts» и «being evil, know how»; печатное издание 1846 года, том I, с. 374, 378. ↑

26. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 380, 384, восстановлены чтения «go in thereat» и «continually panting after» вместо ошибок электронной транскрипции. ↑

27. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 389, 393, исправлено «an unheard-of» и восстановлена ссылка на Матфея 7:17: печать даёт «Verse 17» в контексте седьмой главы, тогда как электронное расширение ошибочно указывает пятую. ↑

28. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 409, 413, исправлены «he gave them a law», «man from the dust» и «existed from the beginning». ↑

29. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 414–415, 419, исправлены things, tittle, not so properly, thou art, write it и imitable perfections («совершенства, которым можно подражать»). Последнее чтение существенно: электронная транскрипция ошибочно даёт inimitable («неподражаемые»). ↑

30. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 420, 423, 425, восстановлены in the beginning, works of the law («дела закона»), Apostles и their settled judgment; устранён повтор фразы sets aside the necessity of keeping his law, отсутствующий в печати. Дополнительно по с. 428, 430 восстановлены than, finery («наряды»), your conscience («ваша совесть») и an unknown God («неведомый Бог»). ↑

31. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 430–431, восстановлены at a stroke, directly or indirectly и this is less necessary; у транслитерации kapEleuontes удалены посторонние знаки электронной разметки. ↑

32. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том I, с. 443, восстановлено fresh in вместо ошибочного fresh un. ↑

33. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 15, 20–21, ссылка исправлена на Мф. 12:33, греческая транслитерация logimous — на logismous, начало строки By thou my God — на Be thou my God; восстановлен пробел после номера строфы 26. ↑

34. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 25, 29, исправлены consequence и well understand, а в having eyes we should not see восстановлено пропущенное отрицание not. ↑

35. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 43–44, 46, 49–50, исправлены одиннадцать повреждённых мест электронной транскрипции, включая греческую транслитерацию pragmaton и пропущенную часть рассуждения and if

as you are, then expect it now («а если таким, каков ты есть, то ожидай этого теперь»). ↑

36. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 51, 55–56, 58–59, исправлены девять ошибок транскрипции: be, They, ass’s, God’s, not, creatures, fellow, but и посторонний знак подчёркивания перед латинской цитатой. ↑

37. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 62, 65–66, 69–72, исправлены восемь ошибок электронной транскрипции. В частности, восстановлено the love of the world («любовь к миру») вместо the love of the word; исправлены повреждённые артикли, местоимения и предлог. ↑

38. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 73, 78–80, 82–85, исправлены десять ошибок электронной транскрипции, включая пропущенные служебные слова, условное if и определение great; исправлены местоимение they и форма frequently. ↑

39. Редакционное примечание Life for God. Повреждённая латинская цитата в электронной транскрипции восстановлена по печатному изданию 1846 года, том II, с. 90: «Nil habet infelix paupertas durius in se, / Quàm quod ridiculos homines facit!» Авторский пересказ следует в следующем абзаце. ↑

40. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 106, восстановлены границы курсива в двух латинских цитатах и удалены служебные остатки электронной конвертации. Слова цитат и авторских пояснений сохранены. ↑

41. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 140–142, 146, 149, исправлены ошибки распознавания слов и восстановлен курсив courteously («учтиво»). В обороте «in all that are round about them» исправлено только care на are; отличие электронной редакции in all сохранено. ↑

42. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 164, в цитате восстановлены пропущенное Не и чтения «days of the Apostles. From» и «over-crowded auditory». ↑

43. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 171, восстановлено humbleness of mind («смиренномудрие») вместо ошибочного humbleness of mild. ↑

44. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 179, 181–183, 185, исправлены тринадцать повреждений электронной транскрипции. В частности, восстановлены пропущенные части рассуждения о смерти души и тела и сопоставления ограниченности пространственного зрения с ограниченностью представления о времени. Также восстановлены пропущенные части рассуждения о страхе быть забытым Богом и цитаты Пс. 144. Необычное слово discohere подтверждено печатью и сохранено. ↑

45. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 188–193, исправлены одиннадцать повреждений электронной транскрипции, в том числе Servetus, Seculum Arianum, fluid ether и be saved. Исторические физические утверждения автора сохранены. Чтение heart в пункте 17 оставлено как вариант электронной основы; печать даёт root («корень»). ↑

46. Редакционное примечание Life for God. В печатном издании 1846 года, том II, с. 190, при слове «доктор» имеется примечание, выпавшее из электронной основы: «Доктор Бл—р, в своём недавнем трактате». Сокращённое имя сохранено без раскрытия. ↑

47. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 195, 197, восстановлены латинское tulit, пропущенное that в They that are и divided вместо ошибочного divided ed. ↑

48. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 201, 206–208, восстановлены thou art, what he, greatest masters и латинское altae вместо ошибок электронной транскрипции. ↑

49. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 211–215, исправлены двенадцать повреждений электронной транскрипции: номер первого пункта и кавычки, ex cathedrá, повтор those, пропуски и пунктуация, words, sitteth («сидящий») и транслитерация prothesis («замысел»). Особое авторское толкование «оправдал» как «освятил» в пункте 9 сохранено без согласования с другими местами. ↑

50. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 217, 222, 226, исправлены три ошибки: his image вместо this image, if no other вместо if to no other и finding out вместо finding our. ↑

51. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 246, исправлено imperri на imperii в латинской цитате исторического редакторского примечания. ↑

52. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 252, исправлено Detertiora на Deteriora в латинском стихе. ↑

53. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 261, исправлено waters covers на waters cover. ↑

54. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 273, 275–277, восстановлены продолжение ссылки «2 Пет. 3:7 и далее» и чтения Neither («и не»), globe («земной шар»), unfaithful bogs («предательские болота»), flowers («цветы») вместо повреждений электронной транскрипции. Исторические представления автора о природе сохранены. ↑

55. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 279–283, устранён повтор вопроса «Что значит обличать?», восстановлены office, your labour, man, it is taken ill и границы трёх цитат. Дата в конце сохранена по электронной основе; в печатном томе 1846 года она здесь не приведена. ↑

56. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 289, 294, восстановлены it после I believe и things после forgetting the; удалено лишнее to перед John’s disciples. ↑

57. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 295–306, исправлены тридцать пять повреждений электронной транскрипции. Восстановлены выпавшая часть рассказа о полёте пули, рассуждение о Божием присутствии повсюду и вопрос «Может ли червь постичь червя?»; удалён ошибочный повтор цитаты о неразумном человеке. Латинское чтение Cottæ oratio восстановлено по печати; историческое утверждение автора о Котте сохранено. ↑

58. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 314, 317, исправлены by that same degrees на by the same degrees и this work of grace на his work of grace. ↑

59. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 319–330, исправлены тридцать четыре повреждения электронной транскрипции. Восстановлены выпавшие вопросы о природе электричества и переход от незнания себя к незнанию всего творения; исправлены латинские sui generis и in

infinitum, пропуски слов и искажённые формы. Исторические научные представления и оценки автора сохранены. ↑

60. Редакционное примечание Life for God. Имя в латинском заголовке восстановлено как ADRIANI вместо ADRANI. Свидетель: печатное издание 1846 года, том 2, с. 338. ↑

61. Редакционное примечание Life for God. Удалено ошибочное to в электронной транскрипции перед словами the English reader. Свидетель: печатное издание 1846 года, том 2, с. 338. ↑

62. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 348, восстановлено пропущенное в электронной транскрипции without («без»): без даруемой силы труды ангелов о нас были бы безуспешны. ↑

63. Редакционное примечание Life for God. Электронное расширение ссылки ошибочно называет Матфея 4:5–6. В печатном издании 1846 года, том II, с. 353–354, прямо указана четвёртая глава Евангелия от Луки и далее стихи 5–6; восстановлено Лк. 4:5–6. ↑

64. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 379–388, исправлены 25 ошибок электронной транскрипции этой проповеди, включая утраченные отрицания «not once forbidden» и «without breaking», «our love grows cold», «rend the body» и латинское «bonæ tuæ voluntati». Удалено ошибочное удвоение слов «would not lie upon». Авторский довод и историческая полемика сохранены. ↑

65. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 390, 394, 399, исправлены четыре ошибки транскрипции: liableness, «this is a», apprehensions и «an enemy». ↑

66. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 405–406, восстановлены утраченные апострофы в remain’d, Jesus’s и Paul’s. ↑

67. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 414, 416, восстановлен апостроф unnumber’d и исправлена греческая транслитерация he alazoneia tou biou («гордость житейская»); электронное ta ошибочно передавало τoυ. ↑

68. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 421, восстановлены утраченные апострофы в Master’s и Lord’s. ↑

69. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 428, 431, 433, 437, восстановлены James’s, willing to receive, fretfulness of resentment («раздражительность обиды»), граница предложений после prayer и joined them together («соединил их»). ↑

70. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 450–458, исправлены ошибки транскрипции и пропуски в 21 месте. В частности, восстановлены отрицание by no means («никоим образом») и выпавшее предложение: «Он знает души и тела, которые дал нам». ↑

71. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 463, 465, восстановлены made, then, may и his вместо ошибок электронной транскрипции. ↑

72. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 469, 476, восстановлено in в consolation in Christ, а ошибочное имя Human исправлено на Haman (Аман). ↑

73. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 481, 483–484, 486, исправлены десять повреждений электронной транскрипции. В частности, восстановлены повеление Use family prayer, and cry to God in secret («Молитесь в семье и взывайте к Богу втайне»), продолжение ссылки Еф. 6:5 и далее и границы цитат; удалены повтор of, лишние запятые и посторонний знак +. ↑

74. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том II, с. 493, 496, восстановлен артикль A перед young collier, а ошибочно разделённое there fore соединено в therefore. ↑

75. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 4, 11, исправлено Let them his on на Let them hiss on («Пусть они шипят») и удалено ошибочное easy to be в not so teachable. ↑

76. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 17, латинское voiebat исправлено на volebat. ↑

77. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 29, исправлено doing it with all our might на doing it with your might. ↑

78. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 36, 39–40, исправлены will all thy heart на with all

thy heart, повреждённая латинская фраза на falsum testimonium и am more than in earnest на any more than in earnest. ↑

79. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 71, восстановлены пропущенные в электронной транскрипции слова: «Другого пути у вас нет; ничего иного вам не остаётся делать». ↑

80. Редакционное примечание Life for God. В печатном издании 1846 года, том III, с. 72, стоят ссылки «стих 1», «стихи 2–13» и «стих 14», относящиеся к 24-й главе Книги Иисуса Навина, указанной в заглавии. Они восстановлены вместо ошибочных развёрнутых ссылок на главу 15 в электронной транскрипции. ↑

81. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 75, восстановлено one soul («одна душа») вместо ошибочного on soul в электронной транскрипции. ↑

82. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 75, удалён ошибочный повтор фразы о человеке под вашим кровом и исправлены longer of shorter, week of day и into you hands на longer or shorter, week or day и into your hands. Историческое indented servants сохранено. ↑

83. Редакционное примечание Life for God. Восстановлено пропущенное no в by no means sufficient («ни в коей мере не достаточны»). Свидетель: печатное издание 1846 года, том 3, с. 115. ↑

84. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 150–151, восстановлены many, Adam, antediluvians, пропущенное above и «men are smaller now», вместо larger, переворачивавшего смысл авторского сравнения. ↑

85. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 162, восстановлена повреждённая латинская цитата Августина «aliqua portio creaturæ tuæ»; исправлены несколько опечаток и пропущенные слова «of him» в библейской цитате. ↑

86. Редакционное примечание Life for God. Ссылка Еф. 4:16 восстановлена по печатному изданию 1846 года, том III, с. 198; в электронной транскрипции пропущена цифра 1. ↑

87. Редакционное примечание Life for God. Греческое слово ευπειθης, пропущенное в электронной транскрипции, восстановлено по

печатному изданию 1846 года, том III, с. 207. Следующее за ним авторское объяснение переведено полностью. ↑

88. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 230–231, восстановлены whatever space и least («наименьшее»), устранён посторонний знак перед all things и исправлено ошибочное обозначение языка латинской фразы Jovis omnia plena. ↑

89. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 244, восстановлено though one rose from the dead («хотя бы кто воскрес из мёртвых») вместо повреждённого though on from the dead. ↑

90. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 270, восстановлено of в part of the inhabitants, a hear the Christian name исправлено на bear the Christian name. ↑

91. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 278, восстановлены they («те, кто»), know («знают») и границы цитат, повреждённые в электронной транскрипции. ↑

92. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 291, восстановлено латинское curvae («склонившиеся») вместо ошибочного cunae. Лигатура æ передана сочетанием ae, как в остальном электронном латинском тексте. ↑

93. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 315, 317–318, восстановлены три смысловых чтения: invisible world, Dives and Lazarus (богач и Лазарь) и «not God, not an angel, but a human spirit». Электронные visible, Abraham и not искажали ход рассуждения. ↑

94. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 338, восстановлена прописная I в латинском Inclusi («заключённые»), ошибочно переданная строчной l. ↑

95. Редакционное примечание Life for God. Восстановлено never в словах об огне, который никогда не угаснет: печатное издание 1846 года, том III, с. 345. Электронное ever меняло смысл на противоположный. ↑

96. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 359–360, восстановлены «to save souls» и «if to

death, I shall die». Ошибочное live вместо die нарушало противопоставление жизни и смерти. ↑

97. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 363, восстановлена ссылка Рим. 9:15 вместо ошибочного Рим. 4:15. ↑

98. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 367–368, восстановлен союз в blessing and cursing («благословение и проклятие») и устранён ошибочный повтор конца цитаты Моисея и перехода к Иезекиилю. ↑

99. Редакционное примечание Life for God. Автор проповеди «Причина землетрясений и средство против них» — Чарльз Уэсли. Атрибуцию подтверждают титульный лист второго издания 1756 года (запись Wellcome Collection nz4e6f3s) и библиография первоисточников Чарльза Уэсли университета Дьюка. Номер 129 сохранён по общему собранию. ↑

100. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 410, восстановлено повреждённое выражение the Father of the spirits of all flesh («Отец духов всякой плоти»). ↑

101. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 433, ошибочное flattering tithes исправлено на flattering titles («льстивые титулы»). ↑

102. Редакционное примечание Life for God. В электронной транскрипции стоит lie вместо he («он»). Чтение he восстановлено по печатному изданию 1846 года, том III, с. 442. ↑

103. Редакционное примечание Life for God. Основной текст принадлежит Бенджамину Калами; Джон Уэсли сократил и переработал его. Историческое примечание в собрании указывает на издание проповедей Калами 1704 года, с. 275. ↑

104. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 457, ошибочное sheep исправлено на sleep: «воскресение к новому сну». ↑

105. Редакционное примечание Life for God. Основной текст принадлежит Уильяму Тилли; Джон Уэсли сократил и переработал его. Такая атрибуция указана в публикации Wesley Center. Этот текст сохранён на своём месте в историческом собрании. ↑

106. Редакционное примечание Life for God. Необычное сравнение «наше греховное и непокорное поведение… будет столь же велико, сколь велики милости, которыми мы злоупотребили» сохранено по основному тексту и печатному изданию 1846 года, том III, с. 464–465. Слова о наказании, которых нет в обоих свидетельствах, не добавлены. ↑

107. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 475, удалён случайный повтор beasts that в электронной транскрипции. ↑

108. Редакционное примечание Life for God. По печатному изданию 1846 года, том III, с. 476, восстановлены выпавшие слова в either by God’s permission, or by his appointment («либо по Божию попущению, либо по Его определению»). ↑

LIFE FOR GOD

ХРИСТИАНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книги на русском и английском, аудиозаписи, духовные беседы и мастерская проповедника.

Веб-сайт

lifeforgod.church

Нажмите на адрес или отсканируйте QR-код камерой телефона.

Читать эту книгу онлайн